

**ЗАПИСКИ**  
ВОСТОЧНОГО  
ОТДЕЛЕНИЯ  
РОССИЙСКОГО  
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО  
ОБЩЕСТВА

НОВАЯ СЕРИЯ  
ТОМ III (XXVIII)

**АКАДЕМИЧЕСКОЕ  
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ  
В РОССИИ И СТРАНАХ  
БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ  
(2007–2015)**

АРХЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА



Коллективная фотография участников V совещания по проблемам археологии Средней Азии, сделанная 6 апреля 1968 г. в Дубовом зале Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР. Слева направо: сидят — Н. В. Дьяконова, Г. Н. Балашова, М. А. Итина, Г. Н. Лисицина, А. А. Гаврилова, Т. А. Трофимова, В. М. Массон, Х. Ю. Мухитдинов, Ю. А. Заднепровский, А. А. Аскаров, М. П. Грязнов, Н. Г. Горбунова, Т. И. Зеймаль, Э. В. Сайко, Н. И. Крашенинникова, Т. А. Жданко, И. Б. Бентович; стоят — О. Бердыев, А. Я. Щетенко, А. В. Виноградов, Т. Ходжаниязов, А. Д. Грач, Е. Е. Кузьмина, К. А. Акишев, А. М. Беленицкий, И. Н. Хлопин, П. Н. Кожемяко, А. В. Гудкова, С. Г. Кляшгорный, Н. А. Аванесова, А. Д. Бабаев, Н. Н. Негматов, С. С. Черников, А. Д. Джалилов, О. Оразов, И. Н. Медведская, Б. З. Гамбург, В. И. Располова, А. К. Абетеков, Г. А. Брыкина

[фотография предоставлена Л. М. Всевиовым]

**ЗАПИСКИ ВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ  
РОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА  
(ЗВОРАО)**

**НОВАЯ СЕРИЯ**

Редакционная коллегия:

В. А. Алёкшин, Ю. А. Виноградов, М. А. Дандамаев, А. А. Иванов, Дж. Я. Ильясов,  
А. И. Колесников, Т. К. Мкртычев, Р. Г. Мурадов, В. П. Никоноров, А. Н. Подушкин,  
И. Ф. Попова, Э. В. Ртвеладзе, И. В. Пьянков, А. А. Синицын, Ю. С. Худяков

**MEMOIRS OF THE ORIENTAL DEPARTMENT  
OF THE RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL SOCIETY**

**NEW SERIES**

Editorial Board:

Vadim A. Alyokshin, Muhammad A. Dandamayev, Jangar Ya. Ilyasov, Anatolii A. Ivanov,  
Yulii S. Khudjakov, Alii I. Kolesnikov, Tigran K. Mkrtychev, Ruslan G. Muradov,  
Valerii P. Nikonorov, Aleksandr N. Podushkin, Irina F. Popova, Edvard V. Rtveldadze,  
Igor' V. Piankov, Aleksandr A. Sinitsyn, Yurii A. Vinogradov



ORIENTAL DEPARTMENT OF THE RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL SOCIETY  
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES  
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE  
PROCEEDINGS OF THE INSTITUTE FOR THE HISTORY  
OF MATERIAL CULTURE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Volume XLV

MEMOIRS  
OF THE ORIENTAL DEPARTMENT  
OF THE RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL SOCIETY

*The Edition was founded by Academician Viktor R. Rosen in 1886*

New Series  
Volume III (XXVIII)

**ACADEMIC ORIENTAL STUDIES  
IN RUSSIA AND THE NEAR ABROAD  
COUNTRIES (2007–2015)**

**ARCHAEOLOGY, HISTORY, CULTURE**

Edited by  
Valerii P. Nikonorov and Vadim A. Alyokshin

Contrast  
St. Petersburg  
2015





ВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА  
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН  
ТРУДЫ ИНСТИТУТА  
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

Том XLV

ЗАПИСКИ

ВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА  
(ЗВОРАО)

*Издание основано академиком В. Р. Розеном в 1886 г.*

Новая серия  
Том III (XXVIII)

# **АКАДЕМИЧЕСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В РОССИИ И СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ (2007–2015)**

## **АРХЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА**

Под редакцией  
В. П. Никонорова и В. А. Алёхина

Контраст  
Санкт-Петербург  
2015

*Утверждено к печати Ученым советом  
Института истории материальной культуры РАН*

- 332 Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015): Археология, история, культура / Под ред. В. П. Никонорова и В. А. Алёкшина. — СПб.: Контраст, 2015. — 1112 с., ил. — (Записки Восточного Отделения Российского Археологического Общества. Нов. сер. Т. III [XXVIII]; Труды Института истории материальной культуры РАН. Т. XLV).

ISBN 978-5-4380-0096-9

Настоящее издание включает в себя научные разработки ведущих российских ученых и их коллег из ближнего зарубежья в различных областях востоковедения — археологии, истории, нумизматике, филологии и эпиграфике, позволяющие существенно дополнить наши представления о цивилизациях древнего и средневекового Востока. Кроме того, в нем содержатся разнообразные материалы мемориального, информационного и справочного характера. Эта книга выходит как третий том новой серии «Записок Восточного Отделения Российского Археологического Общества» (первые два увидели свет в 2002 и 2006 гг.), продолжающей замечательные традиции этого авторитетнейшего органа отечественного востоковедения, основанного в 1886 г.

**ББК 63.3**

Academic Oriental Studies in Russia and the Near Abroad Countries (2007–2015): Archaeology, History, Culture / Ed. by Valerii P. Nikonorov and Vadim A. Alyokshin. — St. Petersburg: Contrast, 2015. — 1112 p., ill. — (Memoirs of the Oriental Department of the Russian Archaeological Society. New Ser. Vol. III [XXVIII]; Proceedings of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Vol. XLV).

The publication includes scientific works of the leading Russian scholars and their colleagues from the near abroad countries in various fields of Oriental studies, viz. archaeology, history, numismatics, philology, and epigraphy, which substantially supplement our knowledge about civilizations of the ancient and medieval East. Besides, it contains manifold materials of memorial, informational and reference natures. This book comes out as the third volume of the new series of the Memoirs of the Oriental Department of the Russian Archaeological Society (two first volumes were published in 2002 and 2006) continuing outstanding traditions of this most authoritative organ of Russian Oriental studies, which was founded in 1886.

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати  
и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы  
«Культура России (2012–2018 годы)»*



## СОДЕРЖАНИЕ

*В. П. Никоноров, В. А. Алёкишин.* От научных редакторов . . . . . 13

### Раздел I

#### Статьи по проблемам археологии, истории и культуры Востока

<i>Д. Абдуллоев.</i> Раскопки некрополя городища Шуробкурбан на юге Узбекистана . . .	15
<i>В. А. Алёкишин.</i> Черешковые листовидные ножи и дротики Южного Туркменистана в археологическом контексте энеолита и бронзового века Центральной Азии и Среднего Востока . . . . .	27
<i>А. С. Балахванцев.</i> Кочевники Южного Урала VI–IV вв. до н. э. в античной нарративной традиции . . . . .	53
<i>А. Ю. Борисенко, Ю. С. Худяков.</i> Изучение изображений оружия на каменных изваяниях древних тюрок в Минусинской котловине (по материалам работ европейских исследователей XVIII — начала XX вв.) . . . . .	60
<i>Ю. А. Виноградов.</i> Два великих пролива Индийского океана в древности: Баб-эль-Мандеб и Ормуз . . . . .	65
<i>Ю. Е. Вострецов.</i> Культуры железного века Приморья в меняющейся природной обстановке . . . . .	146
<i>Е. И. Гельман.</i> Роль глазурованной керамики и фарфора в изучении процессов обмена в Бохае, Цзинь и Дун Ся . . . . .	167
<i>В. А. Горончаровский.</i> Сырцовые склепы боспорских курганов V в. до н. э. (о восточном влиянии на формирование погребальной традиции) . . . . .	180
<i>М. А. Дандамаев.</i> Выходцы из среднеазиатских сатрапий Ахеменидской державы в Месопотамии . . . . .	192
<i>Н. Д. Двуреченская.</i> К вопросу о раннеэллинистической керамике Бактрии (по материалам закрытого комплекса из террасного дома на Кампыртепа) . . .	197
<i>В. А. Дмитриев.</i> «Ночное» сражение под Сингарой (340-е гг. н. э.) . . . . .	228
<i>Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова.</i> О происхождении глазурованной чаши из коллекции Галереи искусства Фрир (Вашингтон) . . . . .	260
<i>Ю. А. Иоаннесян.</i> Ранний шейхизм, его учение и концепция Бабов — «Врат» . . .	265
<i>С. Г. Кляшторный.</i> Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии . . . . .	310
<i>А. И. Колесников.</i> Деяния Хосрова I Ануширвана (531–579) в освещении средневековых источников . . . . .	314
<i>В. А. Лившиц, В. И. Распопова.</i> Согдийская эпиграфика Пенджикента . . . . .	327
<i>Б. А. Литвинский.</i> Проблемы культуры античной Бактрии в свете раскопок храма Окса на городище Тахти-Сангин в Южном Таджикистане . . . . .	344
<i>П. Б. Лурье.</i> Муравьи Согда и Хорезма . . . . .	359
<i>Б. И. Маршак, В. И. Распопова.</i> Пенджикент и арабское завоевание . . . . .	361
<i>В. М. Массон.</i> Пути развития зоны степных культур Евразии . . . . .	381
<i>С. С. Миняев.</i> Исследование Ван Говзя о ранней истории сюнну . . . . .	390
<i>В. П. Никоноров.</i> Культ боевых топоров у древних ираноязычных народов: скифы Северного Причерноморья . . . . .	395

<i>М. Я. Ольбрыхт.</i> Поселенцы в колониях Александра Македонского в Иране и Средней Азии: происхождение и статус . . . . .	425
<i>С. В. Панкова.</i> Ярусные наконечники стрел в таштыкских гравировках . . . . .	439
<i>В. Н. Пилипко.</i> Об одном медальоне эпохи бронзы из Маргианы . . . . .	456
<i>Н. В. Полосьмак.</i> Вышивки на одежде из двадцатого ноин-улинского кургана . . . . .	475
<i>Е. В. Поторочина, К. А. Шейко.</i> К находке христианского креста на городище Каршаултепа в Ташкентской области . . . . .	487
<i>И. В. Пьянков.</i> Северо-восток ойкумены в представлении Гекатея Милетского . . . . .	492
<i>Э. В. Ртвеладзе.</i> Поход Александра Македонского из Мараканды к Танаису (Яксарту–Сырдарье) . . . . .	504
<i>З. Самашев.</i> Некоторые вопросы изучения пазырыкской культуры Казахского Алтая . . . . .	515
<i>В. И. Сарияниди, Н. А. Дубова.</i> Культ животных в Маргиане . . . . .	521
<i>В. Свентославский.</i> Топор с изображением тура из могильника в Олень-Колодезе на Дону — военный трофей из Центральной Европы . . . . .	559
<i>Л. М. Сверчков, Н. Бороффка.</i> Период Яз II: этапы и хронология . . . . .	567
<i>Р. В. Тихонов.</i> Греческие традиции в эллинистической керамике Бактрии . . . . .	583
<i>С. А. Французов.</i> Хадрамаутский эпонимат и его место среди древнейеменских систем эпонимных датировок . . . . .	591

## Раздел II

### Археология в странах СНГ: открытия и перспективы

<i>Ю. Г. Кутимов.</i> Южно-Таджикистанская международная археологическая экспедиция: основные итоги работ (2007–2013) . . . . .	603
<i>А. В. Омельченко.</i> Археология в Узбекистане на рубеже столетий . . . . .	608
<i>А. Н. Подушкин.</i> Археология Казахстана и современность: основные открытия и перспективы . . . . .	639

## Раздел III

### Письменные памятники Востока

<i>Фахр ад-Дин Рази.</i> Главы об инструменте <i>табл</i> из раздела «Наука об орудиях войны» энциклопедии наук «Джами‘ ал-‘улум» («Собрание наук») / Вводная статья, перевод с персидского и примечания А. Б. Джумаева . . . . .	654
---	-----

## Раздел IV

### Научная жизнь

<i>В. А. Алёкишин.</i> Научные конференции по восточной археологии в России и странах ближнего зарубежья (2008–2015) . . . . .	674
--	-----

## Раздел V

### Из истории изучения культурного наследия Востока в России и странах СНГ

<i>В. А. Алёкишин.</i> Вадим Михайлович Массон и его вклад в развитие первобытной археологии Средней Азии . . . . .	679
<i>А. Б. Джумаев.</i> Абдулхамид Пулоди — краевед, собиратель рукописей и работник культуры . . . . .	691

<i>А. Ю. Заднепровская.</i> «Как лопатой делается история» (о Юрии Александровиче и Татьяне Николаевне Заднепровских) . . . . .	728
<i>Л. Б. Кирчо.</i> Вклад Бориса Анатольевича Литвинского в археологию эпохи бронзы Южного Туркменистана . . . . .	790
<i>В. В. Митин.</i> Несостоявшаяся экспедиция Петра Кузьмича Козлова . . . . .	807
<i>В. Н. Парфёнов, А. А. Синицын.</i> Владимир Григорьевич Борухович, древние греки и Египет (памяти Учителя) . . . . .	813
<i>Э. В. Ртвеладзе.</i> Профессор Михаил Евгеньевич Массон (воспоминания ученика) . . . . .	827
<i>А. А. Синицын.</i> О начале археологического пути Сергея Григорьевича Кляшторного . . . . .	840

## Раздел VI In Memoriam (2007–2015)

<i>Э. В. Ртвеладзе.</i> Галина Анатольевна Пугаченкова (07.02.1915 — 18.02.2007) . . . . .	880
<u><i>В. Г. Шкода</i></u> , <i>Д. К. Мирзаахмедов, А. И. Торгоев, П. Б. Лурье, Л. Ю. Кулакова, А. В. Омельченко.</i> Памяти Григория Львовича Семенова (20.10.1950 — 24.04.2007) . . . . .	882
<i>Н. Н. Скакун.</i> Памяти Галины Федоровны Коробковой (09.03.1933 — 27.08.2007) . . . . .	887
<i>А. И. Иванчик.</i> Памяти Григория Максимовича Бонгард-Левина (26.08.1933 — 30.09.2008) . . . . .	892
<i>Дж. Р. Расселл.</i> Светлой памяти Карена Никитича Юзбашяна (06.01.1927 — 05.03.2009) . . . . .	898
<i>В. С. Соловьев.</i> Памяти Тамары Ивановны Зеймаль (30.12.1929 — 18.03.2009) . . . . .	901
<i>В. С. Бочкарёв, Л. Б. Кирчо.</i> Вадим Михайлович Массон (03.05.1929 — 19.02.2010) . . . . .	903
<i>З. И. Усманова.</i> В память о Вадиме Михайловиче Массоне . . . . .	906
<i>Л. М. Мосолова, А. В. Бондарев.</i> Светлой памяти Вадима Михайловича Массона . . . . .	909
<i>В. Ю. Шелестин.</i> Владислав Григорьевич Ардзинба (14.05.1945 — 04.03.2010) . . . . .	914
<i>В. А. Алёкишин.</i> Памяти Анатолия Абрамовича Ляпина (27.03.1933 — 20.05.2010) . . . . .	920
<i>В. А. Алёкишин.</i> Памяти Анатолия Яковлевича Щетенко (01.08.1937 — 30.06.2010) . . . . .	922
<i>Т. К. Мкртычев.</i> Последний энциклопедист. Памяти Бориса Анатольевича Литвинского (17.04.1923 — 20.08.2010) . . . . .	924
<i>Ю. А. Иоаннесян.</i> Памяти Олега Федоровича Акимовича . . . . .	927
<i>Ф. И. Мелвилл.</i> Беспокойный дух гения. Памяти Олега Грабара (03.11.1929 — 08.01.2011) . . . . .	930
<i>В. П. Никоноров.</i> Вспоминая Олега Андреевича Грабара . . . . .	940
<i>В. А. Алёкишин.</i> Памяти Нумана Негматовича Негматова (05.03.1927 — 15.02.2011) . . . . .	944
<i>В. И. Распопова.</i> Памяти Галины Анатольевны Брыкиной (16.01.1929 — 09.04.2011) . . . . .	947
<i>А. И. Торгоев, П. Б. Лурье.</i> Памяти Валентина Германовича Шкоды (27.06.1951 — 14.04.2012) . . . . .	951
<i>Н. Ф. Саввониди.</i> Вспоминая Григория Львовича Семенова и Валентина Германовича Шкоду . . . . .	956
<i>И. Ф. Попова.</i> Памяти Евгения Ивановича Кычанова (22.06.1932 — 24.05.2013) . . . . .	960
<i>В. А. Алёкишин.</i> Памяти Елены Ефимовны Кузьминой (13.04.1931 — 17.10.2013) . . . . .	967
<i>В. Н. Настич.</i> Памяти Елены Абрамовны Давидович (24.12.1922 — 05.12.2013) . . . . .	971
<i>Н. А. Дубова.</i> Блистательная Маргиана. Памяти Виктора Ивановича Сарианиди (23.09.1929 — 22.12.2013) . . . . .	975
<i>М. А. Дандамаев.</i> Памяти Ричарда Нельсона Фрая (10.01.1920 — 27.03.2014) . . . . .	981



<i>Е. В. Бобровская, М. В. Медведева.</i> Памяти Галины Вацлавны Длужневской (10.03.1946 — 01.07.2014) . . . . .	983
<i>Т. И. Султанов.</i> Жил-был тюрколог... Памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (04.02.1928 — 21.09.2014) . . . . .	987
<i>В. П. Никоноров, Ю. С. Худяков.</i> Михаил Викторович Горелик (02.10.1946 — 12.01.2015). Памяти замечательного исследователя военного дела древности . . . . .	995
<i>Н. О. Чехович.</i> Владимир Аронович Якобсон (26.10.1930 — 05.03.2015) . . . . .	1002
<i>А. С. Анохин.</i> Сергей Викторович Новиков (31.07.1950 — 19.03.2015) . . . . .	1004
<i>В. А. Алёкин, В. П. Никоноров.</i> Вадим Николаевич Ягодин (05.02.1932 — 31.05.2015) . . . . .	1007
<i>Л. Г. Левтеева.</i> Дорогами открытий древних миров. Памяти Юрия Федоровича Бурякова (15.03.1934 — 27.06.2015) . . . . .	1010
<i>С. В. Смирнов.</i> Геннадий Андреевич Кошеленко (21.01.1935 — 05.08.2015) . . . . .	1017
<i>Мария Николаевна Погребова</i> (24.04.1931 — 12.11.2015) . . . . .	1021
<i>Э. В. Ртвеладзе.</i> Памяти Поля Бернара (13.06.1929 — 01.12.2015) . . . . .	1023

## Раздел VII Congratulationes

<i>В. А. Горончаровский, А. А. Сеницын.</i> Ad LXV diem natalis Iurii Vinogradov Alexii f.: К юбилею Юрия Алексеевича Виноградова . . . . .	1027
<i>В. П. Никоноров, А. А. Сеницын.</i> Ad LXXX diem natalis Alii Kolesnikov Ioannis f.: Алию Ивановичу Колесникову — 80 лет! . . . . .	1034

## Раздел VIII Новые книги (рецензии и аннотации)

<i>В. А. Алёкин.</i> Новая литература по археологии энеолита и бронзового века Центральной Азии . . . . .	1046
<i>И. В. Пьянков.</i> О новых публикациях по истории Ирана доэллинистической эпохи . . . . .	1052
<i>Е. О. Стоянов.</i> Новые книги по истории и культуре древних народов Центральной Азии и Ирана . . . . .	1055
<i>А. А. Амбарцумян.</i> Важнейшие труды по среднеиранским языкам . . . . .	1066
<i>А. И. Колесников.</i> Два обобщающих труда по истории Сасанидской державы . . . . .	1072
<i>В. А. Дмитриев.</i> Некоторые новые публикации по истории и культуре сасанидского Ирана . . . . .	1079
<i>Р. Г. Мурадов.</i> Первая монография о степной резиденции Караханидов . . . . .	1085
<i>Ю. А. Иоаннесян.</i> Второе издание «Хроники» Шах-Махмуда Чураса . . . . .	1094
Список сокращений . . . . .	1095
Адреса авторов . . . . .	1104

## CONTENTS

*V. P. Nikonorov, V. A. Alyokshin.* From the editors-in-chief . . . . . 13

### Part I

#### Articles on the problems of archaeology, history and culture of the East

<i>D. Abdulloev.</i> Excavations at the necropolis of the Shurobkurgan town-site in the south of Uzbekistan . . . . .	15
<i>V. A. Alyokshin.</i> Tanged leaf-shaped knives and javelins of Southern Turkmenistan in an archaeological context of the Eneolithic and Bronze ages of Central Asia and the Middle East. . . . .	27
<i>A. S. Balakhvantsev.</i> Nomads of the Southern Ural area of the 6th — 4th centuries BC in the Classical narrative tradition . . . . .	53
<i>A. Yu. Borisenko, Yu. S. Khudjakov.</i> The study of weaponry representations on stone sculptures of the ancient Turks in the Minusinsk Hollow (on the materials of European researchers' works of the 18th — early 20th centuries). . . . .	60
<i>Yu. A. Vinogradov.</i> Two great straits of the Indian Ocean in Antiquity: the Bab-el-Mandeb and the Strait of Hormuz . . . . .	65
<i>Yu. E. Vostretsov.</i> Iron-age cultures of the Primorye in varying natural conditions . . . . .	146
<i>E. I. Gel'man.</i> A role of glazed pottery and porcelain in the study of exchange processes in Balhae, Jin and Dongxia. . . . .	167
<i>V. A. Goroncharovskii.</i> Adobe-brick tombs of Bosporan barrows of the 5th century BC (on the Eastern influence upon the forming of Bosporan funeral tradition) . . . . .	180
<i>M. A. Dandamayev.</i> Natives from the Middle Asian satrapies of the Achaemenid empire in Mesopotamia . . . . .	192
<i>N. D. Dvurechenskaya.</i> On the early Hellenistic pottery of Bactria (on the basis of a closed complex from the terrace house at Kampyrtepa) . . . . .	197
<i>V. A. Dmitriev.</i> The «night» battle at Singara (340s AD) . . . . .	228
<i>J. Ya. Ilyasov, S. R. Ilyasova.</i> On the origin of the glazed bowl from the collection of the Freer Gallery of Art (Washington, DC) . . . . .	260
<i>Yu. A. Ioannesyán.</i> Early Shaykhism, its doctrine and concept of the Bâb — «Gates» . . . . .	265
<u>S. G. Klyashornyĭ.</u> The main stages of the political genesis among the ancient nomads of Central Asia . . . . .	310
<i>A. I. Kolesnikov.</i> The deeds of Khusro I Anūdag-ruwân (531–579) in the light of medieval sources . . . . .	314
<i>V. A. Livshits, V. I. Raspopova.</i> Sogdian epigraphy of Panjikent . . . . .	327
<u>B. A. Litvinskii.</u> Problems of the culture of antique Bactria in the light of excavations of the Oxus Temple at the ancient town site of Takhti-Sangin in Southern Tajikistan . . . . .	344
<i>P. B. Lurje.</i> Ants of Sogdia and Chorasmia. . . . .	359
<u>B. I. Marshak,</u> <i>V. I. Raspopova.</i> Panjikent and the Arab conquest . . . . .	361
<u>V. M. Masson.</u> Ways of the development of the Eurasian zone of steppe cultures . . . . .	381
<i>S. S. Minyaev.</i> An exploration of Wang Guowei about the early history of the Xiongnu . . . . .	390
<i>V. P. Nikonorov.</i> The cult of combat hatchets among the ancient Iranian-speaking peoples: the Scythians of the Northern Pontic area. . . . .	395

<i>M. J. Olbrycht</i> . Settlers in the colonies of Alexander the Great in Iran and Middle Asia: their origins and status . . . . .	425
<i>S. V. Pankova</i> . Tiered arrowheads in Tashtyk engravings. . . . .	439
<i>V. N. Pilipko</i> . On one Bronze-age medallion from Margiana . . . . .	456
<i>N. V. Polos'mak</i> . Embroideries on garments from the 20th barrow at Noin-Ula . . . . .	475
<i>E. V. Potorochina, K. A. Sheiko</i> . On the finding a Christian cross at the site of Karshaul-tepa in the Tashkent region. . . . .	487
<i>I. V. Piankov</i> . The north-west of the Oecumene according to Hecataeus of Miletus' conception . . . . .	492
<i>E. V. Rtveldze</i> . Alexander the Great's march from Maracanda to the Tanais (Jaxartes–Syr Darya). . . . .	504
<i>Z. Samashev</i> . Some problems of the study of the Pazyryk culture in the Kazakh Altai . . . . .	515
<i>V. I. Sarianidi, N. A. Dubova</i> . The cult of animals in Margiana. . . . .	521
<i>W. Świątosławski</i> . An axe with the representation of a wild goat from the burial ground in Olen'-Kolodez' on the Don — a military trophy from Central Europe. . . . .	559
<i>L. M. Sverchkov, N. Boroffka</i> . The period Yaz-II: stages and chronology . . . . .	567
<i>R. V. Tikhonov</i> . Greek traditions in Hellenistic pottery of Bactria . . . . .	583
<i>S. A. Frantsouzoff</i> . The Hadhramaut eponymate and its place among the ancient Yemen systems of eponymous dating. . . . .	591

## Part II

### Archaeology in the CIS countries: discoveries and perspectives

<i>Yu. G. Kutimov</i> . The Southern Tajikistan International Expedition: the main results of works (2007–2013) . . . . .	603
<i>A. V. Omel'chenko</i> . Archaeology in Uzbekistan at the turn of the centuries. . . . .	608
<i>A. N. Podushkin</i> . Archaeology of Kazakhstan and modern times: the main discoveries, perspectives . . . . .	639

## Part III

### Written monuments of the East

<i>Fakhr ad-Din ar-Razi</i> . Chapters on the instrument <i>tabl</i> from the section «Science on the war tools» of the scientific encyclopedia «Jami' al-ulum» («The Compendium of sciences») / Introduction, translation from the Persian and notes by A. B. Djumaev. . . . .	654
---	-----

## Part IV

### Scientific life

<i>V. A. Alyokshin</i> . Scientific conferences devoted to Oriental archaeology in Russia and the near abroad countries (2008–2015) . . . . .	674
---	-----

## Part V

### From the history of the study of Oriental cultural heritage in Russia and the CIS countries

<i>V. A. Alyokshin</i> . Vadim Mikhailovich Masson and his contribution to the development of the prehistoric archaeology of Middle Asia. . . . .	679
---	-----

<i>A. B. Djumaev.</i> Abdulkhamid Pulodi — a local historian, collector of manuscripts and cultural worker . . . . .	691
<i>A. Yu. Zadneprovskaya.</i> «How the history is made by a spade» (about Yurii Aleksandrovich Zadneprovskii and Tat'yana Nikolaevna Zadneprovskaya) . . . . .	728
<i>L. B. Kircho.</i> Boris Anatol'evich Litvinskii's contribution to the Bronze-age archaeology of Southern Turkmenistan . . . . .	790
<i>V. V. Mitin.</i> An abandoned expedition of Pyotr Kuz'mich Kozlov . . . . .	807
<i>V. N. Parfyonov, A. A. Sinitsyn.</i> Vladimir Grigor'evich Borukhovich, the ancient Greeks and Egypt (in memory of the Teacher). . . . .	813
<i>E. V. Rtveladze.</i> Professor Mikhail Evgenievich Masson (his pupil's recollections) . . . .	827
<i>A. A. Sinitsyn.</i> On the beginning of Sergei Grigor'evich Klyashtornyi's archaeological way . . . . .	840

## Part VI In Memoriam (2007–2015)

<i>E. V. Rtveladze.</i> Galina Anatolievna Pugachenkova (07.02.1915 — 18.02.2007) . . . . .	880
<u>V. G. Shkoda</u> <i>D. K. Mirzaakhmedov, A. I. Torgoev, P. B. Lurje, L. Yu. Kulakova, A. V. Omel'chenko.</i> In memory of Grigorii L'vovich Semyonov (20.10.1950 — 24.04.2007). . . . .	882
<i>N. N. Sakun.</i> In memory of Galina Fyodorovna Korobkova (09.03.1933 — 27.08.2007)	887
<i>A. I. Ivantchik.</i> In memory of Grigorii Maksimovich Bongard-Levin (26.08.1933 — 30.09.2008). . . . .	892
<i>J. Russell.</i> In blessed memory of Karen Nikitich Yuzbashyan (06.01.1927 — 05.03.2009)	898
<i>V. S. Solov'yov.</i> In memory of Tamara Ivanovna Zeimal' (30.12.1929 — 18.03.2009)	901
<i>V. S. Bochkaryov, L. B. Kircho.</i> Vadim Mikhailovich Masson (03.05.1929 — 19.02.2010)	903
<i>Z. I. Usmanova.</i> In memory of Vadim Mikhailovich Masson . . . . .	906
<i>L. M. Mosolova, A. V. Bondarev.</i> In blessed memory of Vadim Mikhailovich Masson	909
<i>V. Yu. Shelestin.</i> Vladislav Grigor'evich Ardzinba (14.05.1945 — 04.03.2010) . . . . .	914
<i>V. A. Alyokshin.</i> In memory of Anatolii Abramovich Lyapin (27.03.1933 — 20.05.2010). . . . .	920
<i>V. A. Alyokshin.</i> In memory of Anatolii Yakovlevich Shchetenko (01.08.1937 — 30.06.2010). . . . .	922
<i>T. K. Mkrtichev.</i> The last person of encyclopedic knowledge. In memory of Boris Anatol'evich Litvinskii (17.04.1923 — 20.08.2010). . . . .	924
<i>Yu. A. Ioannesyan.</i> In memory of Oleg Fyodorovich Akimushkin (17.02.1929 — 31.10.2010). . . . .	927
<i>F. I. Melville.</i> The genius' restless spirit. In memory of Oleg Grabar (03.11.1929 — 08.01.2011). . . . .	930
<i>V. P. Nikonorov.</i> Remembering Oleg Andreevich Grabar . . . . .	940
<i>V. A. Alyokshin.</i> In memory of Numan Negmatovich Negmatov (05.03.1927 — 15.02.2011). . . . .	944
<i>V. I. Raspopova.</i> In memory of Galina Anatol'evna Brykina (16.01.1929 — 09.04.2011) . . . . .	947
<i>A. I. Torgoev, P. B. Lurje.</i> In memory of Valentin Germanovich Shkoda (27.06.1951 — 14.04.2012). . . . .	951
<i>N. F. Savvonidi.</i> Remembering Grigorii L'vovich Semyonov and Valentin Germanovich Shkoda . . . . .	956
<i>I. F. Popova.</i> In memory of Evgenii Ivanovich Kychanov (22.06.1932 — 24.05.2013)	960
<i>V. A. Alyokshin.</i> In memory of Elena Efimovna Kuz'mina (13.04.1931 — 17.10.2013)	967

<i>V. N. Nastich</i> . In memory of Elena Abramovna Davidovich (24.12.1922 — 05.12.2013)	971
<i>N. A. Dubova</i> . Brilliant Margiana. In memory of Viktor Ivanovich Sarianidi (23.09.1929 — 22.12.2013)	975
<i>M. A. Dandamayev</i> . In memory of Richard Nelson Frye (10.01.1920 — 27.03.2014)	981
<i>E. V. Bobrovskaya, M. V. Medvedeva</i> . In memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (10.03.1946 — 01.07.2014)	983
<i>T. I. Sultanov</i> . Once there was a Turkologist... In memory of Sergei Grigor'evich Klyashornyi (04.02.1928 — 21.09.2014)	987
<i>V. P. Nikonorov, Yu. S. Khudjakov</i> . Mikhail Viktorovich Gorelik (02.10.1946 — 12.01.2015). In memory of the outstanding researcher of the ancient art of warfare	995
<i>N. O. Chekhovich</i> . Vladimir Aronovich Jakobson (26.10.1930 — 05.03.2015)	1002
<i>A. S. Anokhin</i> . Sergei Viktorovich Novikov (31.07.1950 — 19.03.2015)	1004
<i>V. A. Alyokshin, V. P. Nikonorov</i> . Vadim Nikolaevich Yagodin (05.02.1932 — 31.05.2015)	1007
<i>L. G. Levteeva</i> . By the roads of discovering ancient worlds. In memory of Yurii Fyodorovich Buryakov (15.03.1934 — 27.06.2015)	1010
<i>S. V. Smirnov</i> . Gennadii Andreevich Koshelenko (21.01.1935 — 05.08.2015)	1017
Mariya Nikolaevna Pogrebova (24.04.1931 — 12.11.2015)	1021
<i>E. V. Rtveladze</i> . In memory of Paul Bernard (13.06.1929 — 01.12.2015)	1023

## Part VII Congratulationes

<i>V. A. Goroncharovskii, A. A. Sinitsyn</i> . Ad LXV diem natalis Iurii Vinogradov Alexii f.: to the jubilee of Yurii Alekseevich Vinogradov	1027
<i>V. P. Nikonorov, A. A. Sinitsyn</i> . Ad LXXX diem natalis Alii Kolesnikov Ioannis f.: Alii Ivanovich Kolesnikov is 80 years old!	1034

## Part VIII New books (reviews and annotations)

<i>V. A. Alyokshin</i> . New literature on the archaeology of the Eneolithic and Bronze ages of Central Asia	1046
<i>I. V. Piankov</i> . About new publications on the history of pre-Hellenistic Iran	1052
<i>E. O. Stoyanov</i> . New books on the history and culture of ancient peoples of Central Asia and Iran	1055
<i>A. A. Ambartsumyan</i> . The most important works on Middle Iranian languages	1066
<i>A. I. Kolesnikov</i> . Two generalizing works on the history of the Sasanian state	1072
<i>V. A. Dmitriev</i> . Some new publications on the history and culture of Sasanian Iran	1079
<i>R. G. Muradov</i> . A first monograph on the steppe residence of the Kara-Khanids	1085
<i>Yu. A. Ioannesyan</i> . A second edition of the «Chronicle» by Shah-Mahmud Churas	1094
List of abbreviations	1095
Addresses of authors	1104



## ОТ НАУЧНЫХ РЕДАКТОРОВ

Эта книга была задумана как сборник разного рода публикаций, демонстрирующих достижения в области изучения древнего и средневекового Востока в России и странах ближнего зарубежья за время после 2006 г. Материалы для нее начали собираться еще в 2010 г., и за время поисков финансирования их количество постепенно возрастало. Поэтому, когда, наконец, деньги на издание были найдены — в форме гранта от Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)», книга оказалась весьма и весьма объемной. Важно подчеркнуть, что она выходит как третий том новой серии «Записок Восточного Отделения Российского Археологического Общества» (ЗВОРАО) — авторитетнейшего органа отечественного востоковедения, который был основан выдающимся арабистом Виктором Романовичем Розеном в 1886 г. и прекратил свое существование в 1921 г., когда свет увидел последний, двадцать пятый том оригинальной серии. Новая серия ЗВОРАО была возобновлена по инициативе одного из крупнейших мировых специалистов в области археологии Центральной Азии и Среднего Востока Вадима Михайловича Массона (1929–2010) — академика Российской Академии естественных наук, Туркменистана и Народной Академии наук Кыргызстана, многолетнего директора Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Института истории материальной культуры РАН и председателя Восточного Отделения Российского Археологического Общества (ВОРАО), заново образованного в сентябре 1998 г. по его же предложению на общем собрании сотрудников Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (ныне — Институт восточных рукописей РАН) и Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Первые два тома новой серии ЗВОРАО вышли в 2002 и 2006 гг.

ЗВОРАО изначально являются специализированным изданием, ориентированным на изучение древних и средневековых цивилизаций Востока и знакомящим читателей с результатами новейших исследований в различных областях востоковедения — археологии, истории, духовной и материальной культуре, филологии, эпиграфике, нумизматике. Третий том новой серии строго следует этой традиции. Опубликованные в нем материалы сгруппированы в восемь разделов и включают в себя научные статьи; обзоры некоторых итогов изучения археологических памятников на территории современных центральноазиатских государств, входящих в состав СНГ; первый комментированный перевод на русский язык части средневекового персидского источника «Джами‘ ал-‘улум» («Собрание наук»); информацию о конференциях по археологии Центральной Азии и Центральной Евразии; очерки о крупнейших советских и российских ориенталистах; поздравления коллегам-юбилерам; рецензии и аннотации недавно опубликованных книг по археологии, истории и культуре древнего и средневекового Востока. Особое место в книге



В. М. Массон проводит экскурсию для туркменских школьников по городищу Алтын-депе (1974 г.) [фотография из личного фотоархива Л. Б. Кирчо]

занимает шестой раздел, посвященный памяти выдающихся ученых-востоковедов, которые ушли из жизни за период с 2007 по 2015 г. Их скорбный список насчитывает тридцать одно имя, а ведь это была элита отечественной и мировой ориенталистики! По этой причине третий том новой серии ЗВОРАО мы рассматриваем, в том числе и как дань самого искреннего уважения, глубочайшей благодарности и безграничной признательности всем им — нашим дорогим учителям и коллегам.

В этой связи хочется обратить внимание читателей, особенно тех из молодого поколения, кто решил посвятить себя археологической науке, на фронтиспис настоящего издания, где воспроизведена коллективная фотография участников V совещания по проблемам археологии Средней Азии, состоявшегося в начале апреля 1968 г. в ЛОИА АН СССР. На ней запечатлены многие известные советские археологи, в большинстве своем уже отсутствующие среди нас, которые успешно и плодотворно трудились на благо отечественной восточной археологии и принесли ей заслуженную мировую славу.

Мы надеемся, что вошедшие в представляемую книгу публикации не только являются существенным вкладом в изучение цивилизаций древнего и средневекового Востока, но и будут содействовать улучшению обмена информацией между ориенталистами разных стран и установлению контактов между ними, что должно поспособствовать успешному решению актуальных проблем востоковедения в будущем. Несмотря на все трудности, которые переживает в настоящее время наука в России и странах ближнего зарубежья, живущие и работающие там ученые-востоковеды упорно и с достоинством продолжают свои изыскания, что наглядно демонстрирует данное издание.

В заключение хотим поблагодарить Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)» за финансовую поддержку публикации этой книги. Кроме того, выражаем сердечную благодарность В. И. Распоповой, А. В. Омельченко, С. В. Панковой и другим коллегам за предоставление в наше распоряжение уникальных фотографий, а также А. А. Синицыну за помощь в ходе технической подготовки некоторых текстовых материалов.

*В. П. Никоноров, В. А. Алёшкин*

Раздел I  
СТАТЬИ ПО ПРОБЛЕМАМ  
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ВОСТОКА

---

**РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ ГОРОДИЩА ШУРОБКУРГАН  
НА ЮГЕ УЗБЕКИСТАНА**

*Д. Абдуллоев (Санкт-Петербург)*

Городище Шуробкурган находится на юге Республики Узбекистан, у современного села Шуроб в Гагаринском районе Сурхандарьинской области. Существовавший на его месте город располагался на правом берегу Амударьи и являлся одним из торгово-перевалочных пунктов на Великом шелковом пути. Здесь можно было встретить купцов с Ближнего и Среднего Востока и Индии. Отсюда они держали путь в крупнейшие города Средней Азии — Бухару, Самарканд, Хаджент, Ахсикет, Куву, Узгенд и далее в Китай. Сейчас трудно установить общую площадь этого города, так как значительная его часть погребена под земляными отвалами, возникшими уже в наши дни при строительстве оросительного канала. От него уцелели цитадель, некоторые участки застройки и некрополя.

Некрополь находится в западной части Шуробкургана, за городской стеной. Он представляет собой цепочку холмов, каждый из которых являлся наземным склепом. Раскопки некрополя Шуробкургана производились Бактрийской экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством В. М. Массона. Всего было раскопано пять склепов. Еще до нас три склепа были исследованы археологическим отрядом Института искусствоведения Академии наук Узбекской ССР, под руководством Э. В. Ртвеладзе [Ртвеладзе 1989: 60–65]. Нумерацию склепов даем сквозную, включая тех трех, которые были раскопаны узбекскими археологами. Однако их описание начнем со склепов, исследованных нами.

Склеп № 4 до раскопок представлял собой плоский холм прямоугольной формы. Он был воздвигнут на естественном холме, на пахсовой платформе и состоял из двух погребальных камер (рис. 1). Первая погребальная камера находится в восточной части склепа. Она имеет прямоугольную форму и вытянута с севера на юг (рис. 2).

Северная стена камеры сохранилась на высоту 0,65 м от поверхности пола камеры. Она сложена из сырцового кирпича размером 50 × 25 × 10 см и обмазана слоем саманной штукатурки. Восточная стена камеры также была построена из сырцового кирпича того же формата и обмазана слоем саманной штукатурки. Восточная стена камеры в ее северо-восточной части имеет высоту 0,55 м, а в юго-восточной части 10–25 см. В отличие от северной и восточной, западная стена камеры была построена комбинированной кладкой из блоков пахсы и сырцового кирпича.

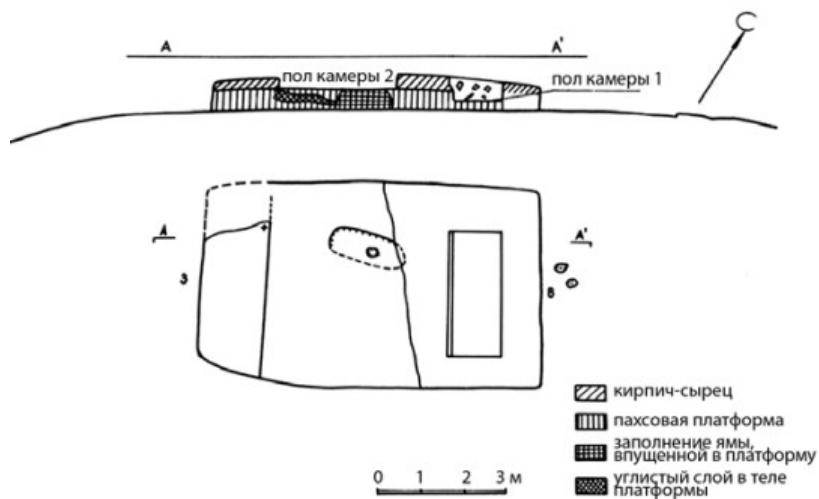


Рис. 1. Склеп № 4. План, разрез

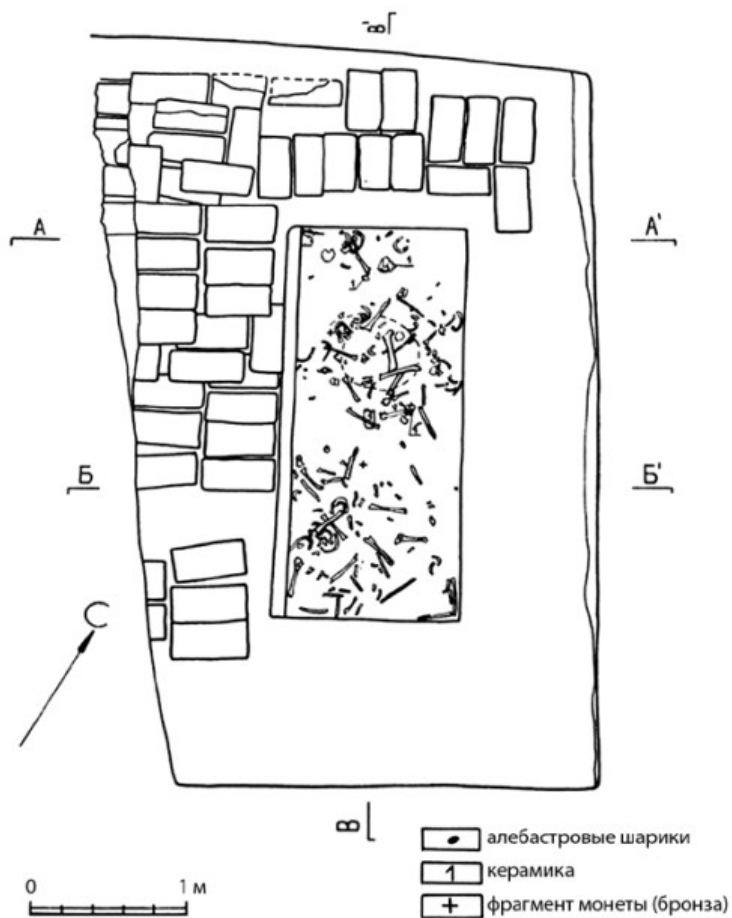


Рис. 2. Склеп № 4. Погребальная камера 1

Максимальная высота западной стены от поверхности пола 0,55 м, минимальная — 35 см. Пол погребальной камеры понижался с севера на юг и была посыпана песком. На полу были расчищены человеческие кости, черепа отсутствуют. Обнаружены четыре нижних челюсти, две из них в южной части камеры и две в северной, несколько ребер, две ключицы, лучевая кость, самые мелкие фаланги пальцев, а также четыре пары бедренных костей взрослых людей (рис. 3).

В целом можно предположить, что в камере были захоронены костные останки не менее шести человек, из них пяти взрослых и одного ребенка. У северной стены камеры, на полу были обнаружены три алебастровых шарика, видимо, ритуального характера, несколько фрагментов стенок керамики с розовым ангобом, а также фрагмент бронзовой монеты плохой сохранности.

Проход в погребальную камеру находился в ее южной стене. Его ширина 0,5 м и был заложен сырцовыми кирпичами.

Вторая погребальная камера находится к западу от первой (см. рис. 1). К сожалению, она была разрушена при земляных работах. Удалось расчистить небольшой участок пола камеры в юго-западной и северо-восточной частях камеры.

Склеп № 5 находится в западной оконечности некрополя Шуробкурбана у обрыва. Общую площадь склепа не удалось установить, так как южная его половина утрачена полностью. В результате раскопок здесь были вскрыты остатки двухкамерного склепа (рис. 4). Склеп был воздвигнут на пахсовой платформе. Первая погребальная камера находилась в восточной части склепа. Она в свое время имела прямоугольную форму и была вытянута с севера на юг. Сохранилась лишь северная часть камеры. Западная стена была воздвигнута из сырцовых кирпичей размером  $50 \times 25 \times 10$  см. На ней небольшими участками сохранилась саманная штукатурка. Восточная стена сохранилась гораздо хуже. От нее остался один ряд кирпичей размером  $50 \times 25 \times 10$  см. В отличие от западной и восточной стен северная стена была построена комбинированной кладкой из блоков пахсы и сырцового кирпича размером  $50 \times 25 \times 10$  см. Северная стена являлась фасадной, и ее толщина достигала 3 м. Она также была обмазана саманной штукатуркой.

В этой камере имеются два погребальных горизонта. На верхнем погребальном горизонте были обнаружены в двух местах незначительные скопления костей. Первое скопление состояло из тазовой кости взрослого человека, ключицы, двух позвонков, четырех ребер и четырех фаланг пальцев рук. Во втором скоплении костей находились фрагменты тазовых костей, несколько берцовых костей, трех ребер



Рис. 3. Склеп № 4. Погребальная камера 1 (вид с востока)



и один позвонок. Оба скопления костей располагались на полу погребальной камеры. Пол камеры ровный и вымощен одним слоем сырцовых кирпичей. Он был обмазан поверху кирпичей слоем саманной штукатурки и посыпан тонким слоем песка с примесью мелкой речной гальки. На полу, возле второго скопления костей была найдена розовая сердоликовая бусина круглой формы со сквозным отверстием.

В нижнем погребальном горизонте были обнаружены два черепа хорошей сохранности. Судя по определению антрополога Т. К. Ходжайова, один принадлежал человеку около 30–40 лет, другой череп пожилого возраста, около 70–80 лет, возможно, женского пола. В этом большом скоплении также находились четыре нижних челюсти, две из них с хорошо сохранившимися зубами, пять пар берцовых костей взрослых людей, несколько фрагментов тазовых костей, ребер и позвонков. Пол камеры глиняный и ровный. Он был посыпан тонким слоем песка. На этом полу были обнаружены две бусы. Одна из них стеклянная, белого цвета круглой формы со сквозным отверстием, вторая — сердоликовая, розового цвета, плоская, имеет овальную форму со сквозным отверстием сбоку. На ней на плоских сторонах имеется орнамент в виде шестиконечных лепестков, с боковой стороны — орнамент в виде насечек. На полу камеры также были найдены: бронзовый петушок, видимо, от наверхия заколки и медная монета из числа подражаний монетам Пероза<sup>1</sup> (рис. 5).

Вторая погребальная камера находилась в западной части склепа (рис. 5). Она также, видимо, имела прямоугольную форму и была вытянута с севера на юг. От камеры сохранилась лишь ее северная часть. Гораздо хуже сохранились стены камеры. Северная и восточная стены камеры сохранились из одного ряда сырцовых кирпичей, западная и южная стены утрачены.

Пол погребальной камеры был облицован одним рядом сырцовых кирпичей и обмазан слоем саманной штукатурки после чего был посыпан песком. Во второй камере наблюдается один погребальный горизонт. На полу камеры были обнаружены одна нижняя челюсть плохой сохранности, несколько фрагментов ребер детских и взрослых, четырех костей рук, пяти костей ног, большое количество фаланг от пальцев, в том числе детских, а также несколько фрагментов позвонка и тазовых костей. В целом судя по количеству костей ног и рук, можно предположить, что во второй камере были захоронены костные останки трех или четырех человек (рис. 5).

В южной части некрополя были раскопаны склепы № 6, 7 и 8. Склеп № 6 был воздвигнут на пахсовой платформе высотой около 0,95 м общей площадью 5 × 6,5 м. Над платформой находился двухкамерный склеп. Хорошо сохранилась западная половина склепа, где располагалась первая погребальная камера. Она в плане прямоугольной формы и вытянута с севера на юг. Ее размеры 1,75 × 3,3 м. Погребальная камера была воздвигнута из сырцового кирпича (50 × 25 × 10 см). Она имела сводчатое перекрытие. Об этом свидетельствуют сохранившиеся на восточной и западной стенах камеры карнизы свода. Они находились на высоте 1,65 м от поверхности пола камеры и выступали от поверхности восточной и западной стен на 5 см (рис. 6).

Стены камеры были оштукатурены плотной саманной штукатуркой толщиной в 3 см. Почти в середине южной стены находился вход в камеру. Он имел ширину 0,50 м. Вход был заложен двумя рядами сырцовых кирпичей размером 50 × 25 × 10 см, поставленных плашмя. Пол камеры был выложен одним слоем сырцовых кирпичей размером 50 × 25 × 10 см и обмазан толстым (около 5 см) слоем плотной

<sup>1</sup> Здесь и далее определение монет производил Э. В. Ртвеладзе.



Рис. 4. Склеп № 5. Остатки погребальной камеры 2

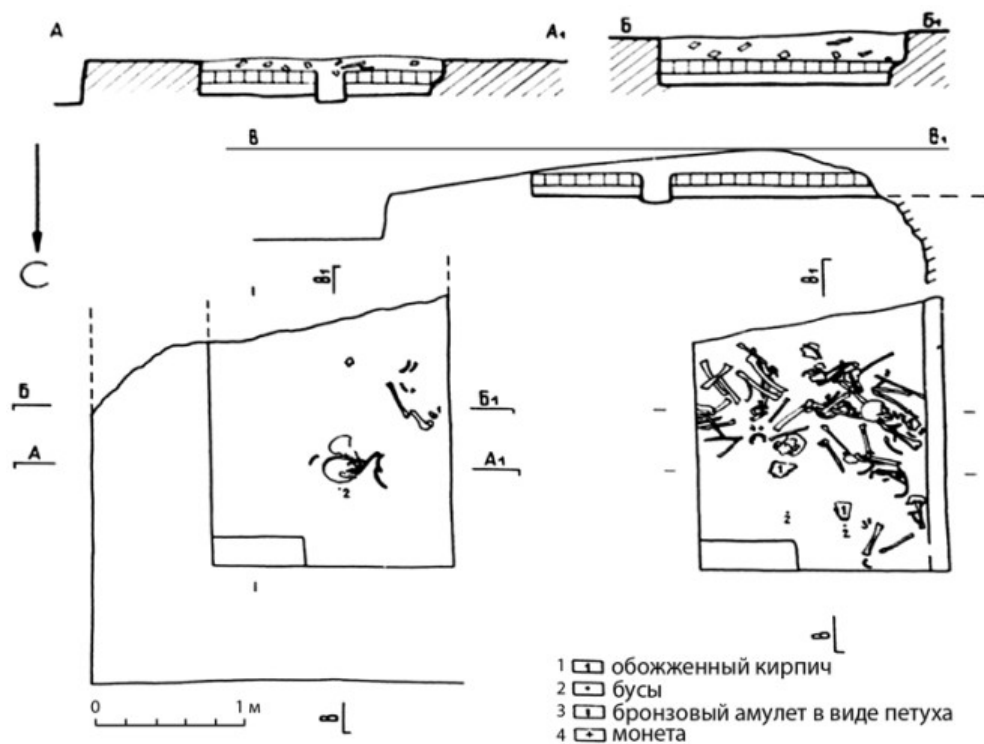


Рис. 5. Склеп № 5. Общий план и разрез погребальных камер

саманной штукатурки. Затем он был покрыт тонким (1 см) слоем песка. Пол неровный, понижается с севера на юг. В камере наблюдается один погребальный горизонт. Кости лежали не разрозненно, а группами. Особенно большое скопление костей наблюдается в южной части камеры, вдоль западной стены и в северной части камеры. В скопление северной части камеры были обнаружены нижняя челюсть, несколько фрагментов ребер, ключицы, а также два фрагмента кости рук и два фрагмента кости ног. В скоплении южной части камеры находилась еще одна нижняя челюсть, несколько детских ребер, лобная часть детского черепа очень плохой сохранности, около шести фрагментов костей ног, а также девяти фрагментов костей рук, несколько позвонков, ключица, фрагмент берцовой и тазовой костей, несколько фаланг от пальцев. В целом, судя по останкам костей в первой погребальной камере склепа № 6 были захоронены остатки пяти человек, из них одного ребенка.

Погребальный инвентарь почти отсутствует. В северо-восточной части камеры, на полу были обнаружены два фрагмента толстостенного сосуда, возможно, хума. Здесь же были найдены медная монета типа подражаний монетам Пероза и перламутровая бусина круглой формы со сквозным отверстием в середине.

Вторая камера расположена к востоку от первой погребальной камеры. В отличие от первой вторая камера сохранилась гораздо хуже. Она тоже в плане прямоугольной формы и вытянута с севера на юг. Ее размеры 2,5 × 3,5 м. Западная стена камеры сохранилась целиком. Восточная утрачена полностью. На уровне одного-двух кирпичей (около 15–20 см) сохранилась стена в северо-западном и юго-западном углах камеры. Западная стена была воздвигнута из сырцового кирпича (50 × 25 × 19 см) и обмазана саманной штукатуркой толщиной около 3,5 см. Толщина западной стены достигала 1,6 м. Она одновременно являлась восточной стеной первой камеры. На западной стене второй камеры карниз от свода не был обнаружен, хотя



**Рис. 6.** Склеп № 6. Погребальная камера 1, западная стена с карнизом свода (вид с востока)

сохранность стены по высоте соответствует восточной стене первой камеры. Возможно, вторая камера имела плоское балочное перекрытие. Вход в камеру находился в ее юго-восточной части. Его ширина 0,5 м. Проход во вторую камеру также был заложен сырцовыми кирпичами размером  $50 \times 25 \times 10$  см. Пол в камере имеет небольшой подъем с юга на север. Он также покрыт одним слоем сырцовых кирпичей различного размера ( $25 \times 10 \times 15$ ,  $25 \times 19$ ,  $50 \times 25 \times 10$  см). Возможно, здесь пользовались стандартным сырцовым кирпичом ( $50 \times 25 \times 10$  см) и его обломками. Пол был обмазан толстым (около 6 см) слоем саманной штукатурки и посыпан слоем песка толщиной около 1 см. В камере наблюдается один погребальный горизонт. Кости лежали на полу отдельными группами. Особенно большое скопление костей находилось в северо-восточной части и юго-восточной части камеры. В скопление северо-восточной части камеры были обнаружены нижняя челюсть, тазовая кость, фрагмент трех костей рук, шести костей ног, восьми ребер, три из которых детские, большое количество фаланг детских пальцев, фрагменты четырех позвонков (один из них детский), лучевая кость и несколько детских зубов. В скопление юго-восточной части камеры лежали таз, одна ключица, нижняя часть позвоночника, несколько ребер, большая берцовая кость, нижняя челюсть, несколько фрагментов костей рук и ног. К сожалению, погребальный инвентарь отсутствует.

Склеп № 7. Расположен к западу от склепа № 6. Он также был воздвигнут на паховой платформе и имел прямоугольную форму в плане. Его размеры  $6 \times 9$  м и вытянут с востока на запад. Склеп № 7 также состоит из двух погребальных камер.

Первая погребальная камера находится в восточной части склепа. Она имеет квадратную ( $3,5 \times 3,5$  м) форму. Сохранность стен хорошая. Все четыре стены погребальной камеры были построены из сырцового кирпича размером  $50 \times 25 \times 10$  см. Максимальная высота сохранившейся части восточной стены камеры 1,05 м. Он был обмазан саманной штукатуркой толщиной 2 см. Толщина самой восточной стены погребальной камеры 1 м. Западная стена камеры сохранилась гораздо ниже, около 0,8 м. На ней были обнаружены два слоя саманной штукатурки. Толщина верхнего слоя 1 см, нижнего 2 см. Ширина западной стены камеры 0,9 м. Высота северной стены камеры 0,8 м. Она также была оштукатурена саманной штукатуркой толщиной 3 см. Ширина северной стены камеры 1 м. Максимальная высота сохранившейся части южной стены погребальной камеры достигает около 30–40 см. На ней имеются два слоя саманной штукатурки. Толщина верхнего слоя 3 см, нижнего 2 см. Ширина южной стены камеры 1 м. Почти в середине этой стены находился проход шириной 50 см. Он был заложен двумя рядами сырцовых кирпичей ( $50 \times 25 \times 10$  см), поставленных плашмя. Пол в камере повышается с юга на север. Он не был покрыт сырцовыми кирпичами. Пол был оштукатурен саманной штукатуркой толщиной 4 см. Здесь отсутствует посыпка пола камеры песком. В камере наблюдается один погребальный горизонт. Кости лежали на подстилке из грубой ткани. Особенно большое скопление костей наблюдалось в северо-восточной, центральной и юго-западной частях погребальной камеры. В северо-восточной части были обнаружены две нижних челюсти, на одной из них сохранились шестнадцать зубов, два позвонка, несколько детских ребер, одна ключица, берцовая кость, фаланги детских пальцев. В центральной части погребальной камеры лежали таз и в правильном положении кости обеих ног, несколько ребер, большое скопление детских зубов, лобная часть детского черепа, три пары костей рук и ног, а также несколько лопаток, в том числе детских. В юго-западной части погребальной камеры были обнаружены остатки шести костей ног, одна ключица, несколько ребер, среди них и детские,

шести костей рук, шести позвонков, большая берцовая кость, несколько фаланг пальцев стоп. Черепов в камере не обнаружено. По определению А. Субботина, в первой погребальной камере были захоронены костяные останки восьми человек: одной женщины, двух детей, пяти людей зрелого и пожилого возраста. К сожалению, погребальный инвентарь очень незначителен. В центральной части камеры были обнаружены фрагменты черепков тонкостенных сосудов, донце и несколько стенок хума. Также в проходе камеры была обнаружена медная монета типа подражаний монетам Пероза.

Вторая погребальная камера находится к западу от первой. Она прямоугольной ( $1,8 \times 3$  м) в плане формы и вытянута с севера на юг. Все стены камеры, за исключением западной, были построены из сырцового кирпича размером  $50 \times 25 \times 10$  см, западная же — из блоков пахсы. Сохранность стен хорошая. Максимальная высота восточной стены около 0,9 м. На ней сохранились три слоя саманной штукатурки. Толщина верхнего слоя 1,5 см, среднего 1,5 см, нижнего 3 см. Ширина восточной стены камеры 1,1 м. Западная стена сохранилась до высоты 40–50 см. На ней были обнаружены два слоя саманной штукатурки. Толщина верхнего слоя 3 см, нижнего 1,5 см. Ширина западной стены камеры 1 м. Гораздо ниже сохранилась северная стена камеры. Ее высота 30–40 см. На ней небольшими участками сохранились два слоя саманной штукатурки. Толщина верхнего слоя 2 см, нижнего 1,5 см. Толщина северной стены 1 м. Сохранность южной стены 29–30 см. На этой стене штукатурка не сохранилась. Толщина южной стены 1 м. Вход в камеру находился в середине восточной стены. Ширина прохода 0,5 м, он был заложен сырцовыми кирпичами. Пол камеры ровный и не был вымощен сырцовыми кирпичами. Он был обмазан саманной штукатуркой толщиной 3 см, посыпка песком над ним отсутствует.

В камере наблюдается один погребальный горизонт. Кости лежали на подстилке из грубой ткани. Особенно большое скопление костей наблюдается в северной половине и в юго-западном углу камеры. В камере были обнаружены восемь черепов. Все они в хорошей сохранности, но без нижних челюстей. Три черепа находились в восточной части камеры. Один из них принадлежал пожилому мужчине 60–70 лет, другой — молодой женщине около 25 лет, третий череп молодого мужчины 20 лет. Рядом с черепом находился небольшой фрагмент детского черепа, несколько фрагментов ребер, ключицы, позвонки, а также нижняя челюсть пожилой женщины. Около 0,9 м к западу от этой группы находятся десять детских ребер и фрагмент кости детской руки. Здесь же в скоплении детских ребер лежали две медные монеты типа подражаний монетам Хосрова. Два черепа находились в южной половине камеры, которые лежали у восточной стены. Один из них принадлежал мужчине в возрасте примерно 70 лет, другой — женщине 40–45 лет. Рядом с женским черепом, в разбитой керамической миске находились несколько овечьих ребер. Поблизости от этих черепов лежало несколько костей ног и рук, фаланги от пальцев рук и одна ключица. Три остальных черепа находились в юго-западной части камеры. Один из них, который лежал почти у прохода камеры, принадлежал женщине около 50 лет. Другой череп располагался параллельно первому и принадлежал мужчине 60–70 лет. Третий череп мужчины пожилого возраста, около 70 лет, лежал поблизости западной стены камеры. Помимо черепов, в этой части камеры находились шесть костей ног, восемь костей рук, большое количество ребер, в том числе детских, несколько фрагментов позвонков, фаланги от пальцев рук, два фрагмента лопаток, две нижние челюсти, ключицы, большое количество зубов, в том числе детских. В центральной части погребальной камеры были обнаружены нижняя

челюсть и рядом с ней лежали три зуба, фрагмент позвонка и ребра. Севернее этого скопления лежало большое количество позвонков, обломки и целые ребра, среди них и детские, несколько фаланг пальцев стоп, четыре фрагмента лопаток, несколько костей рук и ног, в том числе детских, несколько ключиц и большое скопление зубов, среди них и детских. В целом, судя по черепам и нижним челюстям, а также костяным останкам, в погребальной камере склепа № 7 были захоронены не менее 10–15 человек, и среди них двое детей. Из восьми черепов один принадлежал мужчине 60–70 лет, второй — женщине 25 лет, третий — мужчине 20 лет, четвертый — мужчине 70 лет, пятый — женщине 40–45 лет, шестой — женщине 50 лет, седьмой — мужчине 60–70 лет, восьмой — мужчине 70 лет. Определение костей производилось Т. К. Ходжайовым.

Склеп № 8 расположен в 10 м к западу от склепа № 7. Он был воздвигнут на паховой платформе высотой 1 м от дневной поверхности. Склеп в плане имеет квадратную форму размерами 7 × 7 м и состоит из двух погребальных камер.

Первая камера находится в западной части склепа. Она имеет в плане прямоугольную (2,5 × 3,5 м) форму и вытянута с севера на юг. Сохранность стен хорошая. Все стены камеры были построены из сырцового кирпича размером 50 × 25 × 10 см. Гораздо лучше сохранилась восточная стена камеры. Ее максимальная высота 1,2 м. Она была оштукатурена саманной штукатуркой толщиной 2 см. Ширина восточной стены камеры 1 м. Высота западной стены 0,9 м. На ней были обнаружены три слоя саманной штукатурки. Толщина верхнего слоя 1,5 см, среднего 2 см, нижнего 1,5 см. Ширина западной стены 0,6 м. Максимальная высота сохранившейся части северной стены камеры 0,4–0,5 м. Она была обмазана двумя слоями саманной штукатурки. Толщина верхнего слоя 1,5 см, нижнего 2 см. Ширина северной стены погребальной камеры 1,5 м. Южная стена камеры сохранилась на высоту 0,5–0,6 м. На ней также имеется два слоя саманной штукатурки. Толщина верхнего слоя 2 см, нижнего 1 см. Ширина южной стены камеры 0,6 м. В середине южной стены камеры находится проход шириной 0,5 м. Он был заложен двумя рядами сырцовых кирпичей. Пол камеры ровный, был покрыт одним слоем сырцовых кирпичей и обмазан слоем саманной штукатурки толщиной 3 см. В камере наблюдается один погребальный горизонт. Особенно большое скопление костей наблюдается в центральной части камеры. В погребальной камере были обнаружены восемь черепов без нижних челюстей. Три черепа лежали в центральной части камеры, ближе к восточной стене. Один из них принадлежал пожилой женщине около 70 лет. Сохранность черепа очень плохая. Другой череп находился к юго-востоку от первого и принадлежал женщине около 40 лет, сохранность хорошая. Третий череп лежал между этими двумя черепами и был сильно раздавлен. Он принадлежал пожилому мужчине 75 лет. Еще один череп находился в центральной части камеры. Сохранность его очень плохая. Он принадлежал пожилой женщине около 70 лет. Четыре остальных черепа лежали в западной половине погребальной камеры. Один из них, который располагался у западной стены, принадлежал мужчине 50–60 лет и был сильно раздавлен. Другой череп, шестой по счету лежал рядом. Он принадлежал женщине 60 лет. Седьмой череп находился недалеко от шестого и принадлежал мужчине 55–60 лет. Восьмой череп лежал почти в середине камеры, его сохранность хорошая. Он принадлежал молодой женщине 25–30 лет. Помимо черепов, в погребальной камере находились три нижних челюсти, около десяти пар костей рук, в том числе две детские, большое количество ребер, включая детские, несколько позвонков, четыре фрагмента лопаток,

большое количество ключиц, фаланги от пальцев рук, значительное скопление зубов, в том числе детских. Судя по обнаруженным черепам и костяным останкам, в первой погребальной камере были захоронены около 15–16 человек. Среди них трое детей и тринадцать взрослых мужчин и женщин. Антропологическое определение костей принадлежит Т. К. Ходжайову.

Вторая погребальная камера расположена к востоку от первой. Сохранность ее очень плохая. Здесь удалось обнаружить лишь остатки западной, частично северной и южной стен. Максимальная высота сохранившейся части западной стены около 40–50 см. Она была построена из сырцовых кирпичей размером  $50 \times 25 \times 10$  см и была обмазана слоем саманной штукатурки толщиной 1 см. Толщина западной стены 1 м. Высота сохранности северной стены около 15–30 см. Она также была построена из сырцового кирпича размером  $50 \times 25 \times 10$  см. На ней не сохранилась штукатурка и не удалось установить ее ширину. Южная стена сохранилась до высоты 10–15 см. Ее ширина 0,6 м. Восточная стена камеры не сохранилась. Пол сохранился на небольшом участке вдоль западной стены камеры. На этом участке пола были обнаружены несколько фрагментов детских ребер.

Почти все склепы оказались ограбленными, однако в некоторых погребальных камерах все же были обнаружены украшения и монеты. Весьма ценны находки монет, благодаря которым удалось установить время существования некрополя Шуробкурмана. Найденные монеты были чеканены местными правителями в подражание монетам Пероза и Хосрова и находились в обращении до середины VIII в. н. э. Определение этих монет сделал Э. В. Ртвеладзе.

Таким образом, завершая описания склепов некрополя городища Шуробкурман, можно выделить в них общие признаки: 1) все склепы были воздвигнуты на пахсовой платформе; 2) они были двухкамерными; 3) они являлись родовыми или семейными; 4) в них помещали костные остатки расчлененных трупов, уложенные на подстилке из ткани или на тонком слое песка; 5) после очередной погребальной процедуры вход в склеп закладывали кирпичами, и доступ в него был закрыт до следующих похорон.

Основываясь на материалах, добытых на шуробкурманском некрополе, попытаемся определить их отличительные черты и общие признаки по сравнению с другими памятниками Северного Тохаристана VI–VIII вв. н. э. Характерная особенность склепов некрополя Шуробкурмана заключается в том, что они были построены на искусственной платформе из пахсовых блоков и являлись двухкамерными наземными погребальными постройками. Все ранее известные погребальные сооружения Северного Тохаристана этого времени имели иную конструкцию и планировку. Так, могильник Биттепа представлял собой погребальные склепы, вырубленные в скальных породах, на определенной высоте. Каждый склеп состоял из квадратной, прямоугольной, либо прямоугольной с нишей в задней торцовой стене или крестовидной в плане камеры [Ртвеладзе 1986: 194–210]. На городище Дальверзинтепа некрополь занимал северо-восточный отрезок городской стены, где на высоте 2–3 м от ее подошвы в три яруса были расположены вырубленные в кладке стены погребальные склепы. Они состояли из прямоугольной или овальной камеры и узкого входа [Билялов 1984: 70–71]. Другой отличительный признак некрополя Шуробкурмана заключался в том, что в склепах помещали остатки костей расчлененных трупов, в то время как в склепах Биттепа и Дальверзинтепа наблюдается другой способ захоронения — труположение на спине. [Ртвеладзе 1986: 194–210; Билялов 1984: 70–71]. Вместе с тем прослеживается и много

общего в погребальном обряде могильников Шуробкургана, Биттепа и Дальверзинтепа. В склепах этих некрополей, как и в шуробкурганских склепах, были захоронены от десяти до двадцати погребенных — мужчин, женщин и детей. В некоторых камерах были обнаружены остатки плетеной камышовой подстилки и шерстяных кошм, на которых лежали костяки [Ртвеладзе 1986: 194–210; Билялов 1984: 70–71]. В склепах Шуробкургана костяки лежали на подстилке из грубой ткани, либо на подсыпке пола из песка. Входы в погребальные камеры как на некрополе Шуробкургана, так и на некрополях Биттепа и Дальверзинтепа, были заложены сырцовыми кирпичами [Ртвеладзе 1986: 194–210; Билялов 1984: 70–71].

Таким образом, можно сказать, что для Северного Тохаристана VI–VIII вв. н. э. были характерны два способа захоронения. Первый — захоронение человеческих костей в наземных склепах, второй — трупоположение на спине. Теперь попытаемся разобраться, адептам какой религии относятся два вышеупомянутых способа захоронения. Известно, что незначительная часть населения Средней Азии в VI–VII вв. н. э. приняла буддизм и христианство, но основное ираноязычное население до привнесения арабами ислама исповедовало зороастризм. Приверженцы разных религий хоронили умерших в строгом соответствии со своими обрядами: буддисты сжигали труп и захоранивали пепел; у христиан покойники, положенные в гроб, предавались земле.

А как хоронили зороастрийцы? Согласно учению пророка Зороастра, смерть — это зло, деяние злого духа Ахримана, и считалось, что труп принадлежит нечистой силе. Зороастрийцы почитали четыре сакрально чистые природные стихии: огонь, воздух, воду и землю. Полагали, что труп, соприкасаясь с одной из этих стихий, может осквернить ее. Ответ на вопрос, как и где хоронили покойников зороастрийцы, содержится в «Видевдате» — одной из дошедших до нас частей Авесты (собрания священных книг зороастрийцев). Судя по этому источнику, существовало несколько специальных построек, отражавших соответствующий этап погребального обряда. Первой упоминается *ката* — довольно обширная погребальная постройка, сооружаемая как для отдельных лиц, так и для семьи, рода и всего селения. Однако ее сооружение было необязательным: она предназначалась лишь для того, чтобы оставить в ней труп, когда нет возможности сразу перенести его на дахму [Иностранцев 1909: 97–98; Хисматулин, Крюкова 1997: 169–235]. *Дахма* — следующая из упоминаемых в священной книге погребальных построек. Ее называли еще башней молчания, и сюда выставляли труп на растерзание птицам и хищникам. Дахму могли заменить горы и холмы с песчаной и каменистой почвой. Так, в одной из глав «Видевдата» говорится, что тело можно оставить на возвышенном месте, укрепив его, чтобы хищники и птицы не разнесли останки на воду и растения [Иностранцев 1909: 100; Хисматулин, Крюкова 1997: 207–210].

Ценные сведения по этому поводу приводит византийский историк VI в. н. э. Агафий Миринейский, описывая погребальные обычаи современных ему персов (Agath. II, 22–23; ср.: II, 31). В частности, он утверждает следующее: «Тогда бездыханное и обнаженное тело Мермероя (сасанидского полководца. — Д. А.) его близкие вынесли за город и оставили, по отцовскому обычаю, на растерзание нечистым псам и птицам. Такой способ погребения соблюдают персы, и в результате этого после исчезновения мяса остаются голые кости, беспорядочно разбросанные по полям. Класть же умерших в какой-нибудь гроб или урну или погребать в землю совершенно запрещается. А если птицы или собаки быстро не растерзают его,



то считается, что такой человек был порочных нравов, несправедлив и обречен на гибель, почему находится во власти злого божества. Тогда родственники еще больше оплакивают умершего, как совершенно погибшего и не имеющего надежды на лучшую долю. Кого же быстрее всех съедят, того величают, как самого счастливого, а его душу восхваляют, как наилучшую богоподобную и отправляющуюся в места блаженства» [Левченко 1953: 57–58; Cameron 1969–1970: 78–79, 90–91].

Аналогичные сведения имеются и в данных китайской письменной традиции. Так, в истории династии Вей есть описание того, что в Бо-си (Персии) труп выставляли на холмах, а траур носили месяц. Китайские источники также свидетельствуют о том, что в Самарканде (Согд) за городскими стенами проживала группа людей, державших собак, специально обученных отделять мягкие ткани от костей покойников [Бартольд 1966: 162–163]. Для интересующей нас территории Бактрии-Тохаристана сведения о собаках-«могильщиках», поедавших плоть умерших, зафиксированы у античных авторов и в археологических материалах [см.: Литвинский, Седов 1983: 107–116; Пьянков 2013: 353–360].

Как родственники должны были поступать с костями умершего? В «Видевдате» говорится, что для этих целей строили *астадан* (в переводе с персидского — «костехранилище»), куда и помещали кости [Иностранцев 1909: 102; Хисматулин, Крюкова 1997: 207–210]. Таким образом, сравнивая сведения письменных источников с данными археологии, можно объяснить, почему кости в склепах некрополя городища Шуробкурган лежали не в анатомическом порядке. Сами же склепы с помещенными в них человеческими костями являлись костехранилищами-*астаданами*. Подстилка же из грубой ткани или специально насыпанный тонким слоем песок свидетельствуют, что кости пытались отделить от земли, дабы не осквернить ее. Склепы Биттепа и Дальверзинтепа, возможно, одновременно выполняли функции *дахмы* и *астадана*.

## Литература

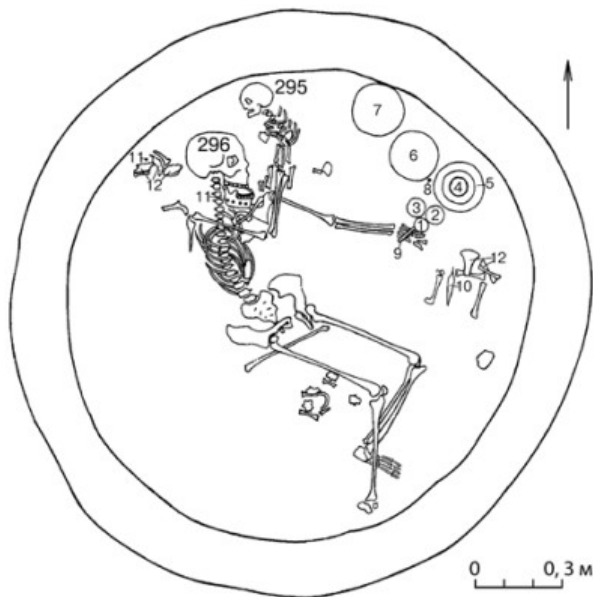
- Левченко 1953: *Агафий*. О царствовании Юстиниана. История / Пер. М. В. Левченко. М.; Л.
- Бартольд 1966: *Бартольд В. В.* К вопросу об оссуариях Туркестанского края // Бартольд В. В. Сочинения. Т. IV. М.
- Билялов 1984: *Билялов С. В.* Раннесредневековый могильник на городской стене Дальверзин-тепе // Первая конференция молодых историков Средней Азии и Казахстана. Душанбе.
- Иностранцев 1909: *Иностранцев А. О.* О древнеиранских погребальных обычаях и постройках // ЖМНП. НС. Ч. XX.
- Литвинский, Седов 1983: *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Тепаи-шах (Культура и связи кушанской Бактрии). М.
- Пьянков 2013: *Пьянков И. В.* Средняя Азия и Евразийская степь в древности. СПб.
- Ртвеладзе 1986: *Ртвеладзе Э. В.* Средневековый могильник Бит-тепе в Чаганиане // СА. № 4.
- Ртвеладзе 1989: *Ртвеладзе Э. В.* Погребальные сооружения и обряд в Северном Тохаристане // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент.
- Хисматулин, Крюкова 1997: *Хисматулин А. А., Крюкова В. Ю.* Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПб.
- Cameron 1969–1970: *Cameron Av.* Agathias on the Sassanians // DOP. No. 23.

# ЧЕРЕШКОВЫЕ ЛИСТОВИДНЫЕ НОЖИ И ДРОТИКИ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

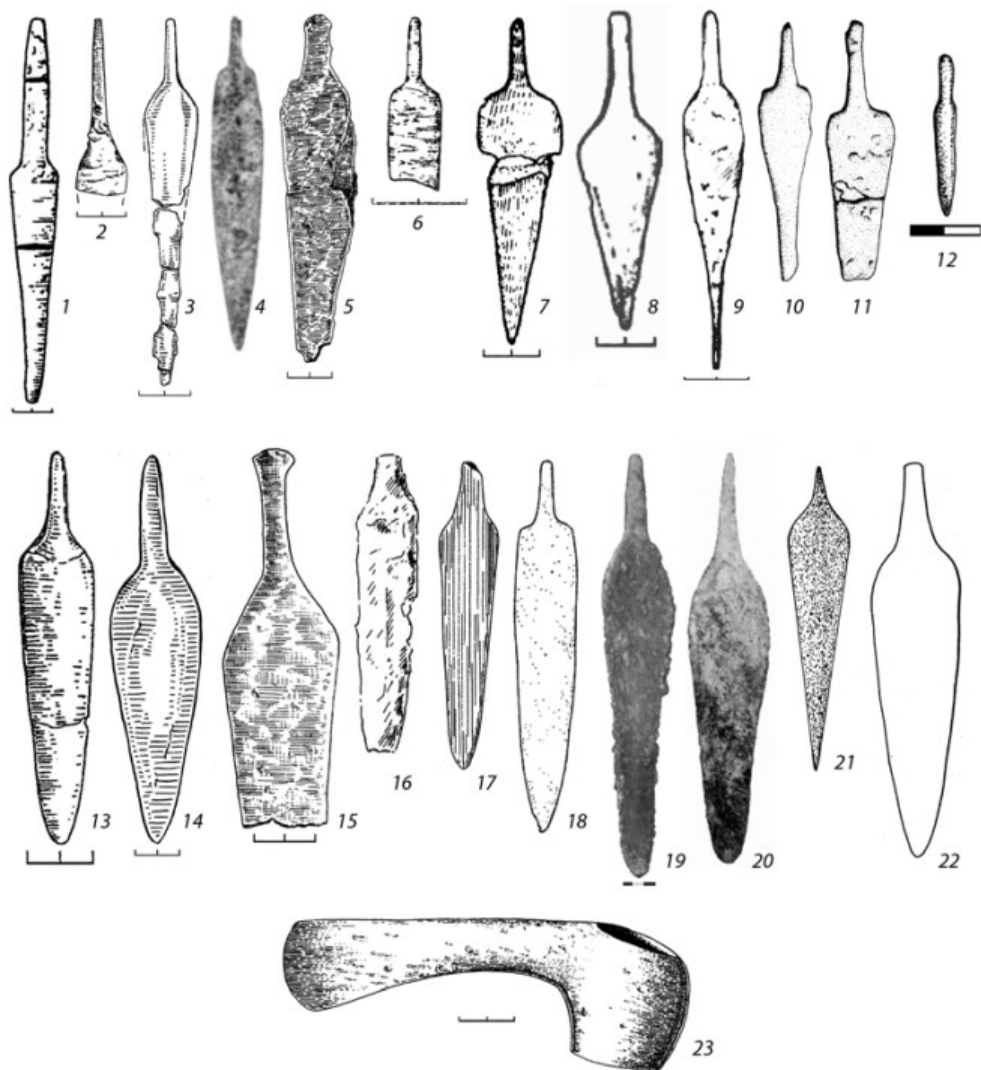
В. А. Алёшкин (Санкт-Петербург)

При исследовании Алтын-депе, одного из крупнейших городищ эпохи энеолита и бронзового века Центральной Азии, на раскопе 1 в позднем энеолитическом горизонте Алтын 10 была обнаружена круглая погребальная камера, построенная из сырцового кирпича, в которой покоились останки семи человек, в том числе и женщины 18–19 лет (рис. 1). Возле ее скелета (погребение № 296) лежал металлический черешковый двулезвийный нож листовидной формы с округлыми плечиками (рис. 2, 3). Его плоская режущая часть, лишенная ребра жесткости, имеет длину около 12 см [Алёшкин, Кирчо 2005: 37; Кирчо 1980: 160–161, рис. 1, 1; 2001: 63, 73, рис. 2, 3; 2005а: 348, рис. 3, 2, 383; 2005б: табл. 59, 10; Массон 1977: 169–170; 1981: 12, табл. XXVII, 10; 1982: 47–48, 92, табл. XXV, 2].

Хотя Е. Е. Кузьмина считала, что двулезвийные ножи могли использовать и в качестве черешковых копий [Кузьмина 1966: 37], находка данного артефакта на полу погребальной камеры, среди костей барашка, положенного неподалеку от левой кисти и левого колена умершей, позволяет утверждать, что этот предмет являлся ножом для резки мяса. Следует отметить, что сейчас исследователи причисляют к ножам такие листовидные колюще-режущие орудия, длина рабочей части которых варьирует от 10 до 16 см [Тутаева 2014: 25]. Изделия же с меньшей длиной лезвия являются, видимо, наконечниками дротиков.



**Рис. 1.** Алтын-депе. Раскоп 1. Горизонт 10. Погребение молодой женщины (№ 296) в круглой погребальной камере. Металлический черешковый двулезвийный нож листовидной формы помечен цифрой 10 [по: Кирчо 2005а]



**Рис. 2.** Черешковые листовидные наконечники дротиков (7, 8, 18) и ножи эпохи энеолита и бронзового века Центральной Азии и Среднего Востока:

1 — Илгынлы-депе, горизонт IV; 2 — Геоксюр 7; 3 — Алтын-депе, горизонт 10, погребение № 296; 4 — Гонур-депе, могильник; 5 — Намазга-депе; 6 — Тоголок 21, кроющий слой; 7–9 — Саразм (периоды II, IV, III); 10 — Сапалли-тепе, погребение № 115; 11 — Джаркутан, здание на холме 5; 12 — могильник Бустон VI, погребение № 256; 13 — могильник Пархай II, погребальная камера № 70; 14 — могильник Пархай I, погребение № 6; 15, 23 — Чимбайлыкский клад; 16 — Сялк III 2; 17 — Мундигах III 1, III 3, III 6, IV 1–3, V 2; 18 — Шахри-Соخته III, фаза 3, погребение № 712; 19 — Тепе Яхья IV B; 20, 21 — Шахдад (могильник А, погребение № 232; могильник С, погребение № 049); 22 — Чанху-даро I b; 4 — длина 11 см; 16, 22 — М 1:2; 10, 11, 17 — М 1:3; 18 — длина лезвия 11,9 см; 20 — длина лезвия 12,5 см; 21 — длина изделия 11 см [1 — по: Solovyova et al. 1994; 2 — по: Хлопин 1969; 3 — по: Кирчо 2005а; 4 — по: Сарияниди 2001; 5, 15, 23 — по: Кузьмина 1966; 6 — по: Сарияниди 1990; 7 — по: Кирчо 2007; 8 — по: Исаков 1991; 9 — по: Исаков и др. 2000; 10, 11 — по: Kaniuth 2006; 12 — по: Аванесова 2013; 13 — по: Хлопин 2002; 14 — по: Хлопин 1983; 16 — по: Ghirshman 1938; 17 — по: Casal 1961b; 18 — по: Piperno, Salvatori 2007; 19 — по: Lamberg-Karlovsky, Tosi 1973; 20, 21 — по: Hakemi 1997; 22 — по: Mackay 1943]

На юго-востоке Туркменистана ножи рассматриваемого типа<sup>1</sup>, хотя и несколько иных пропорций, зафиксированы в культурных напластованиях анауских поселений, которые датируются более ранним временем, чем горизонт Алтын 10. Прежде всего нужно упомянуть нож, обнаруженный на Илгынлы-депе в отложении позднего ялангачского времени на раскопе 5 (рис. 2, 1). Он имеет узкую, слегка утолщенную к центру рабочую часть длиной около 10 см и удлиненный относительно лезвия шестисантиметровый черешок. Одни исследователи называют этот предмет кинжалом [Solovyova et al. 1994: 31, fig. 1, 3, table 1/lab. no. 637–11], другие не исключают вероятности того, что он являлся наконечником дротика [Кирчо 2007: 204, рис. 4, б]. Однако узкая лезвийная часть орудия, с одной стороны, и отсутствие у него ребра жесткости и прочного упора — с другой, позволяют утверждать, что оно служило ножом.

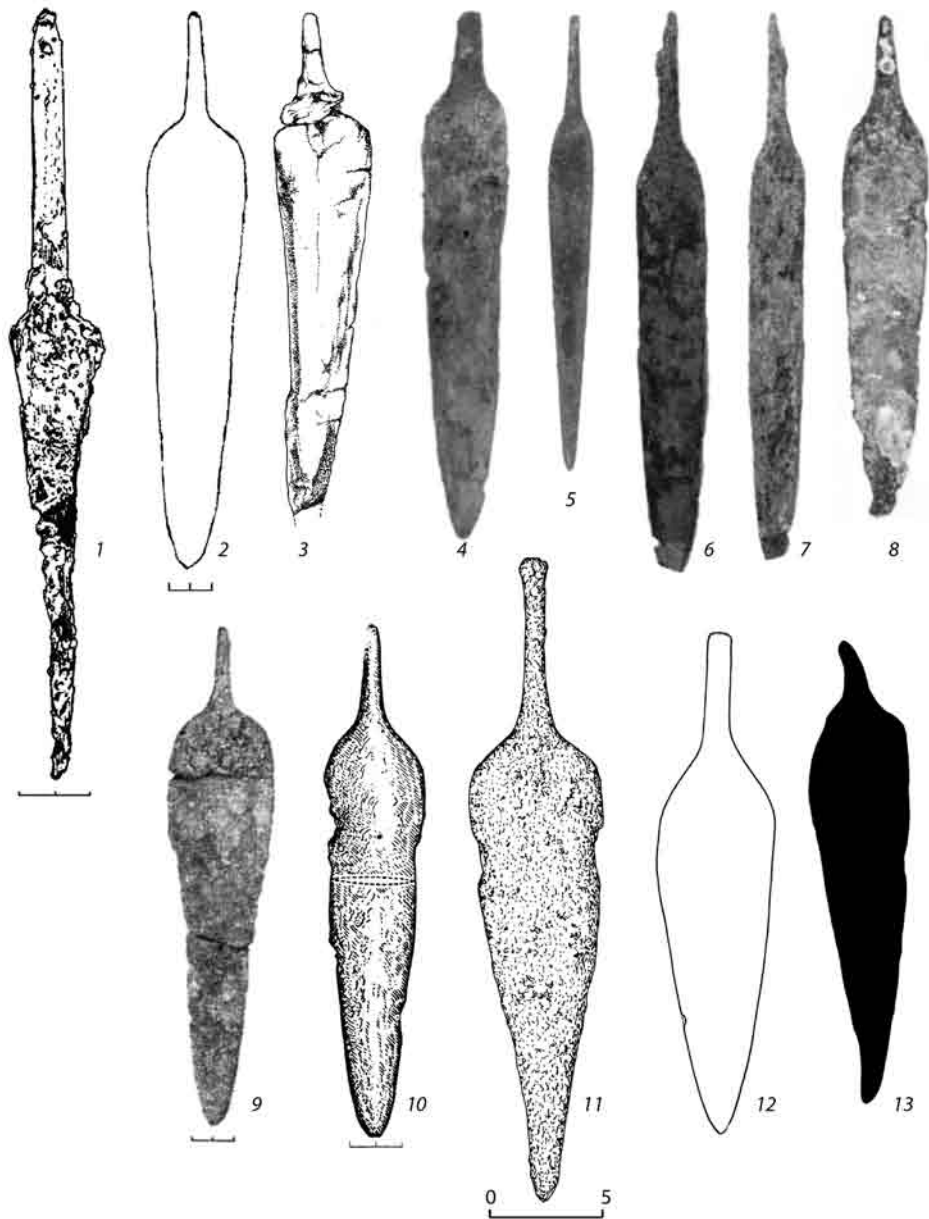
На поселении Геоксюр 7 в напластовании, синхронном слою, в котором залегал нож из Илгынлы-депе, найден фрагмент, вероятно, аналогичного изделия (рис. 2, 2). От него сохранились лишь черешок длиной 5 см и небольшая часть лезвия [Хлопин 1969: табл. XXIV, 35]. Ножи из поселений Илгынлы-депе и Геоксюр 7 датируются третьей четвертью IV тыс. до н. э. [Кирчо 2007: 203].

Традиция изготовления черешковых двулезвийных листовидных орудий сохраняется на юго-востоке Туркменистана и в бронзовом веке, хотя некоторые из них в эту пору имеют более широкую рабочую часть. Наконечник дротика именно с таким лезвием, длина которого достигает 5,7 см (рис. 4, 1), найден на раскопе 5 в горизонте Алтын 7, под полом помещения 29, в отложении, относящемся к концу начального этапа раннего бронзового века (ранний период Намазга IV). Это орудие, служившее, по мнению Л. Б. Кирчо, и ножом, и дротиком [Кирчо 2001: 64, 73, рис. 2, б], датируется второй четвертью III тыс. до н. э. Аналогичное изделие с несколько иной формой черешка и более длинной рабочей частью протяженностью до 8 см (рис. 4, 2), найдено на поверхности Алтын-депе [Кирчо 2001: 74, рис. 3, 2; Кузьмина 1966: 133, табл. VII, 15]. Этот экземпляр относится к завершающей стадии среднего бронзового века (вероятно, период позднее Намазга V), которая, видимо, приходится на конец III тыс. до н. э.

Листовидный нож, длина которого составляет 11 см, был положен в одно из погребений некрополя поселения Гонур (рис. 2, 4) в Мургабском оазисе на юго-востоке Туркменистана [Сарианиди 2001: 54, 155, табл. 20, 4]. В соответствии с новейшей радиоуглеродной хронологией этот могильник датируется последней четвертью III — серединой II тыс. до н. э. [Зайцева и др. 2008: 166, 170]. Следует отметить, что такие ножи встречаются и в других захоронениях некрополя, однако подробное описание погребальных комплексов этого памятника еще не опубликовано.

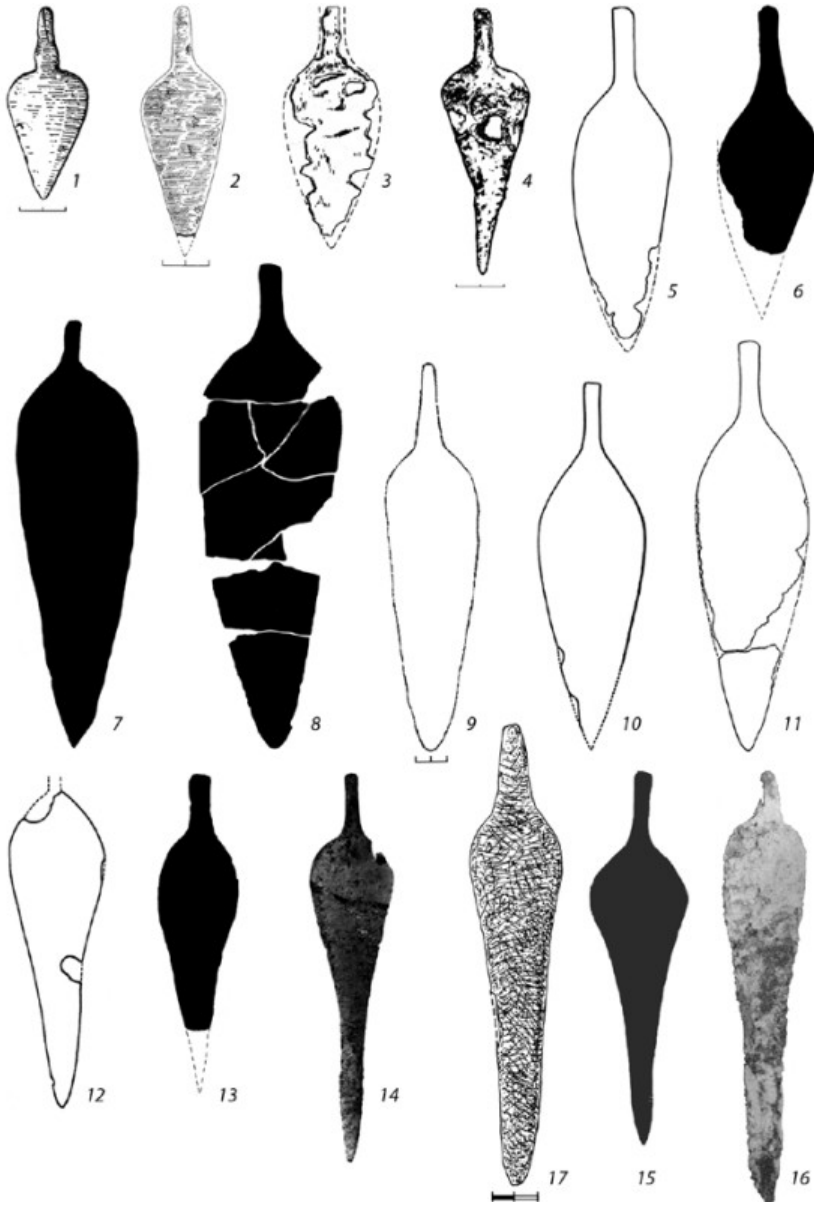
Рассматриваемые ножи представлены и в позднем бронзовом веке Центрального и Юго-Восточного Туркменистана на заключительном этапе анауской культуры (период Намазга VI). В подгорной полосе Копетдага известно одно такое орудие (рис. 2, 5), обнаруженное, видимо, на поселении Намазга-депе [Массон 1959: 97–98, рис. 33, *нижний ряд, слева*; 101], но стратиграфическая позиция этого изделия неизвестна. Длина его лезвия составляет около 15 см.

<sup>1</sup> В этой работе я принимаю во внимание лишь самые близкие аналогии ножу из обнаруженного на Алтын-депе погребения № 296, исключив из рассмотрения листовидные наконечники дротика, ножи и кинжалы, имеющие прямоугольные плечики и загнутый черешок.



**Рис. 3.** Черешковые листовидные кинжалы бронзового века  
Центральной Азии и Среднего Востока:

1, 2 — Саразм (периоды III или IV, III); 3, 4 — Шахри-Сохте (период II, фаза 5, погребение № 14; период II/III, фаза 5/4, погребение № 725, низ); 5–7 — Шахдад, могильник А, погребения № 280, 290, 291; 8 — Северный Афганистан, из разграбленного погребения бронзового века; 9, 10 — Дашлы 3; 11 — Шортугай IV 2 R; 12 — Чанху-даро I b; 13 — Мохенджо-даро, поздний период, фаза I b; 3, 4, 6–8 — длина соответственно 20,3 см, 22,5 см, 22,5 см, 21 см, 21 см; 5 — без масштаба, размеры не указаны; 12, 13 — М 1:2 [1 — по: Исаков и др. 2003; 2 — по: Раззоков А., Курбанов 2004; 3, 4 — по: Piperno, Salvatori 2007; 5–7 — по: Nakemi 1997; 8 — по: Pottier 1984; 9, 10 — по: Сарианиди 1977; 11 — по: Francfort et al. 1989b; 12 — по: Mackay 1943; 13 — по: Mackay 1938b]



**Рис. 4.** Черешковые листовидные наконечники дротиков (1–3), ножи (4–6, 12–14) и кинжалы (7–11, 15–17) бронзового века Центральной Азии и Среднего Востока: 1, 2 — Алтын-депе (горизонт 7; кроющийся слой); 3 — Лотхал А; 4, 9, 14 — Саразм III; 5, 10–12 — Чанху-даро I b; 6–8, 13, 15 — Мохенджо-даро (6 — переходный период, средняя фаза II; 7 — поздний период, фаза I b; 8 — поздний период, фаза II; 13, 15 — переходный период, ранняя фаза III); 16 — Шахдад (могильник А, погребение № 185); 17 — Северный Афганистан, из разграбленного погребения бронзового века; 3 — М 2:7; 5–8, 10–13, 15 — М 1:2; 14 — длина лезвия 15,5 см; 16 — длина лезвия 20 см [1 — по: Кирчо 2001; 2 — по: Кузьминой 1966; 3 — по: Yule 1982; 4 — по: Исаков и др. 2000; 5, 10, 11, 12 — по: Маскау 1943; 6–8, 13, 15 — по: Маскау 1938b; 9 — по: Раззоков А., Курбанов 2004; 14 — по: Бобомуллов 1998; 16 — по: Nakemi 1997; 17 — по: Pottier 1984]

Фрагмент черешкового листовидного ножа (рис. 2, б) происходит из крошащего слоя поселения Тоголок 21 в Мургабском оазисе [Сарианиди 1990: 239, табл. XXXIV, 14]. Всего для поры энеолита и эпохи бронзового века Центрального и Юго-Восточного Туркменистана мною учтено восемь изделий такого типа.

Вопрос о времени завершения периода Намазга VI на юге Туркменистана дискуссионен. Примерно полвека назад В. М. Массон, изучив археологические коллекции таких памятников, как Аучин-депе и Тахирбай 3, синхронизировал окончание этого периода с концом II тыс. до н. э. [1959: 28]. Этой же точки зрения он придерживался и в более поздних своих работах [1966: 169; 2006: 71]. Аналогичное мнение высказала Л. И. Хлопина [1978: 18]. И. Н. Хлопин относил финал позднего бронзового века Южного Туркменистана к X в. до н. э. [1983: 55]. Л. Т. Пьянкова, рассмотрев керамические комплексы поселений и могильников периода Намазга VI на юге Центральной Азии, выделила поздний этап данного периода («вышка» Намазга-депе, Тахирбай 3), завершение которого она, вслед за И. Н. Хлопиным, датировала X в. до н. э. [1994: 147]. Этой же традиции следовал и В. И. Сарианиди, синхронизировав последнюю стадию периода Намазга VI в Мургабском оазисе с началом I тыс. до н. э. [1975: 26; 1990: 71, 74; Sarianidi 1998: 76, 78].

Отечественные исследователи относили завершение периода Намазга VI к столь позднему времени из-за того, что отдавали предпочтение так называемой короткой хронологии первобытных памятников Среднего Востока и Центральной Азии, которая по мере развития и совершенствования радиоуглеродного метода датирования оказалась несостоятельной.

Однако недостаточное количество надежных дат  $^{14}\text{C}$ , позволяющих судить о времени окончания упомянутого периода, побуждает решить данный вопрос с помощью так называемой керамики степного типа, которая была обнаружена в верхних слоях некоторых памятников времени Намазга VI, как в подгорной полосе Копетдага, так и в Мургабском оазисе Туркменистана. Эти находки являются частью культурного комплекса, свойственного населению, которое обитало в степной зоне Евразии в эпоху позднего бронзового века [Кузьмина 1964].

*Подгорная полоса Копетдага.* Суммируя данные о распределении фрагментов грубой лепной орнаментированной керамики в толще культурных отложений четырех поселений (Южный холм Анау, Елькен-депе, Намазга-депе и Теккем-депе), можно утверждать, что первое появление номадов в центральной части подгорной полосы Копетдага связано с проникновением в этот регион небольших групп пастушеского населения, материальная культура которого близка традициям алакульского археологического комплекса, являвшегося частью андроновской общности. Этот контакт номадов и земледельцев пришелся на финальный этап раннего периода Намазга VI, когда из-за недостатка воды некогда цветущий край пришел почти в полное запустение.

Вторая волна пастушеского населения докатилась до подгорной полосы Копетдага в саргаринско-алексеевский период (XIV–XIII вв. до н. э.), когда все известные к настоящему времени земледельческие поселки времени Намазга VI уже были заброшены, и номады устраивали на них временные становища, о чем свидетельствуют находки небольшого количества фрагментированной степной керамики в крошащем слое поселений Теккем-депе (горизонт б) и Намазга-депе (горизонт Вышка III<sub>4</sub>). Исходя из датировки саргаринско-алексеевской культуры, следует признать, что оставление земледельческих поселков, а, следовательно, и окончание периода

Намазга VI в подгорной полосе Копетдага произошло ранее появления пастухов в этом регионе, т. е. в конце XV в. до н. э. [Алёшкин 2012; 2013б; 2014]. Таким образом, подтверждается некогда высказанное И. Н. Хлопиным предположение о том, что племена, использовавшие в быту грубую лепную орнаментированную керамику, которую находят в кроющих слоях ряда древнеземледельческих памятников, и оседлое население последних разминулись во времени [Хлопин 1968: 350].

*Мургабский оазис.* Фрагменты степной керамики обнаружены здесь, как правило, в кроющем слое некоторых земледельческих поселений периода Намазга VI. Точная культурная и хронологическая принадлежность данной посуды большей частью не определена. Ее стратиграфическое положение подтверждает предположение Л. Т. Пьянковой о том, что степные черепки отложились на поселениях уже после того как они были заброшены [Пьянкова 1994: 145], т. е. после окончания периода Намазга VI, который завершился здесь в конце XVI в. до н. э. — начале XV в. до н. э., что соответствует ранней фазе третьей четверти II тыс. до н. э. [Алёшкин 2013а: 215]. Этой же датировки придерживается и Ю. Г. Кутимов [2009: 9, 18].

Возвращаясь к рассмотрению основной темы данной статьи, отметим, что два наконечника дротика и пять ножей рассматриваемого типа встречены на юге Центральной Азии в областях, расположенных к востоку и западу от ареала анауской культуры. Большинство этих вещей найдено при раскопках городища Саразм, лежащего в долине Зеравшана на северо-западе Таджикистана.

Наконечник дротика, лезвие которого имеет длину 9 см (рис. 2, 7), зафиксирован на раскопе IV названного памятника, в горизонте А 1 (горизонт 2 в соответствии с новой системой обозначений), который относится к периоду Саразм II [Исаков 1991а: 83, рис. 10, 14; Раззоков Ф. 2013: 16]. Однако в сводной таблице, приложенной к монографическому изданию материалов данного поселения, этот предмет включен, очевидно, по ошибке, в комплекс артефактов, характерных для более позднего периода Саразм III [Исаков 1991а: табл. 1, 24 — вклейка между страницами 64 и 65]. Эта же неточность повторена и в докторском автореферате А. И. Исакова, который в течение многих лет исследовал памятник [1991б: таблица-вкладка]. Автор раскопок датировал период Саразм II либо последней четвертью IV тыс. до н. э. [Исаков 1991а: 114], либо 2900–2600 гг. до н. э. [Исаков 1991б: 22].

Позднее Л. Б. Кирчо детально рассмотрела вопрос о связях древних земледельцев подгорной полосы Копетдага и долины Зеравшана в эпоху неолита и бронзового века [2007]. На основании выявленного ею сходства между некоторыми керамическими, терракотовыми, каменными и металлическими артефактами из Южного Туркменистана и соответствующими изделиями, характерными для Северо-Западного Таджикистана, исследовательница пришла к выводу о том, что период Саразм II синхронен периоду среднее Намазга III — раннее Намазга IV и датируется 3000–2700 гг. до н. э. [2007: 203–205]. Однако археологи Таджикистана, отдавая приоритет радиоуглеродной хронологии культурных отложений Саразма, полагают, что период Саразм II завершается в диапазоне 3100–2900 гг. до н. э., а начинается в интервале 3300–3200 гг. до н. э. [Раззоков Ф. 2013: 17, 26; Раззоков А. и др. 2008: 7]. Ни один из этих вариантов хронологии не исключает вероятности отнесения рассматриваемого наконечника дротика к первой четверти III тыс. до н. э.

Два изделия, которые исследователи Саразма именуют кинжалами (рис. 2, 9; 4, 4), обнаружены в верхнем горизонте 3 на раскопе VI [Исаков и др. 2000: 173, 178, 185, рис. 5, 1, 2; Раззоков Ф. 2013: 17]. Размеры этих артефактов не указаны в публикации, но, судя по масштабу, приведенному на рисунке 5, они являются ножами,



лезвие которых немного длиннее 10 см. Данные орудия относятся к периоду Саразм III, который А. И. Исаков датировал 3000–2300 гг. до н. э. [Исаков 1991а: 115] или 2600–2300 гг. до н. э. [Исаков 1991б: 22]. В настоящее время археологи Таджикистана соотносят названный период с первой половиной III тыс. до н. э. [Раззоков Ф. 2013: 17, 26]. С моей точки зрения, более точна вторая из предложенных А. И. Исаковым дат, хотя и она нуждается в коррекции. Длительность периода Саразм III следует ограничить второй — третьей четвертями указанного тысячелетия. В пользу именно такой датировки свидетельствует находка в его напластовании изделия (рис. 4, 14), аналогии которому, как будет показано ниже, представлены в хараппских памятниках, причем в той части их слоев, которые восходят к концу третьей четверти III тыс. до н. э.

Автор раскопок называл этот артефакт то наконечником копья [Исаков 1991а: 95], то кинжалом [Там же: рис. 10, 13]. В действительности речь идет о ноже, так как лезвие данного предмета имеет длину 15,5 см. Подпись под рисунком 10 в монографии А. И. Исакова содержит ошибочное сведение о том, что орудие найдено на раскопе III [Там же], хотя оно выявлено на раскопе IV в горизонте В (горизонт 4, в соответствии с новой системой обозначений), который первым исследователем Саразма отнесен к периоду IV [Исаков 1991б: таблица-вкладка], а нынешними археологами Таджикистана — к периоду Саразм III [Раззоков Ф. 2013: 17].

Предмет (рис. 2, 8), лезвие которого достигает длины примерно 8 см, выявлен в Саразме на раскопе II в горизонте 4. Автор раскопок считал этот артефакт копьем [Исаков 1991а: 94, рис. 10, 7], хотя размеры находки позволяют определить ее как наконечник дротика. Данное оружие находилось в слое периода Саразм IV, который А. И. Исаков датировал 2300–1900 гг. до н. э. [Там же: 115] или 2300–2000 гг. до н. э. [Исаков 1991б: 22]. В настоящее время археологи Таджикистана синхронизируют этот период со второй половиной III тыс. до н. э. [Раззоков Ф. 2013: 17, 25, 27], однако, гораздо вероятнее, что он охватывал лишь его последнюю четверть.

Начиная с периода III, обитатели Саразма наряду с черешковыми листовидными двулезвийными ножами без ребра жесткости начали производить и *кинжалы* такой же формы. К последним причислены изделия, клинок которых имеет длину от 16,1 до 25 см [Тугаева 2014: 25]. Два таких артефакта, названные авторами раскопок ножами [Раззоков А., Курбанов 2004: 175] (рис. 3, 2; 4, 9) зафиксированы на раскопе XI [Там же: 188, рис. 4, 8, 9]. Первоначально их связывали с отложениями периода IV [Там же: 174–176], но более тщательное изучение стратиграфии памятника позволило отнести эти предметы к периоду III [Раззоков Ф. 2013: 17] и, соответственно, датировать второй — третьей четвертью III тыс. до н. э. Длина клинка одного кинжала составляет 18,7 см, другого — 20 см [Раззоков А., Курбанов 2004: 175].

Еще один кинжал с клинком длиной 21 см (рис. 3, 1) был найден на памятнике в 1990 г. [Исаков и др. 2003: 143, 149, рис. 3, 13]. К сожалению, в опубликованном отчете об этих изысканиях не сказано, на каком из двух раскопов (IV или VII) он был обнаружен и с отложениями какого периода (III или IV) связан.

К западу от долины Зеравшана на юго-западе нынешнего Узбекистана находится область распространения сапаллинской древнеземледельческой культуры, в основном синхронной периоду Намазга VI в Юго-Восточном и Центральном Туркменистане. Эту культуру позднего бронзового века археологи Узбекистана подразделяют на пять этапов и традиционно датируют XVII–IX вв. до н. э. [Алёкшин 2013а: 217]. Однако, как было сказано выше, период Намазга VI завершается

на юге Туркменистана в течение XVI–XV вв. до н. э., а начинается на рубеже III и II тыс. до н. э. Следовательно, и сапаллинскую культуру необходимо датировать в пределах первой половины II тыс. до н. э., тем более что имеются некоторые археологические факты, не укладывающиеся в рамки ее традиционной хронологии [Там же: 217, 223–225]. Новая абсолютная хронология культуры, в которой учтены принципиальные изменения в датировке периода Намазга VI, разработана немецкими исследователями. В соответствии с ней все пять этапов культуры укладываются в XX–XV в. до н. э. [Kaniuth 2006: 27–52, 177–179; Kaniuth, Teufer 2001: 104, 112, Abb. 14].

На сапаллинских памятниках зафиксированы три изделия рассматриваемого типа. Одно из них найдено на поселении Сапаллитепа в погребении № 115 [Аскарлов 1977: 64, 72, 194, табл. XXX, 1; Kaniuth 2006: 97, № 101], которое принадлежит к самому раннему сапаллинскому этапу культуры, видимо, соответствующему XX — первой половине XVIII в. до н. э. Речь идет о почти целом ноже (рис. 2, 10), длина лезвия которого составляет 10,8 см. Не совсем ясно, кто был похоронен в могиле, где находилось орудие. На одной и той же странице своей монографии А. А. Аскарлов в одном случае сообщает, что в захоронении № 115 лежал скелет женщины, а в другом называет погребение кенотафом [1977: 42]. Поломанный нож был выявлен на поселении Джаркутан при раскопках здания, находившегося на холме 5. Отложения, с которыми была связана эта находка, вероятнее всего, синхронны джаркутанскому этапу культуры, относящемуся ко второй половине XVIII–XVII вв. до н. э. [Širinov 2002: 86, 92, 97, Abb. 58/A, 4; Kaniuth 2006: 97, № 99]. Сохранившаяся часть лезвия орудия достигает длины 9,6 см (рис. 2, 11). Последняя находка (рис. 2, 12) сделана во время раскопок могильника Бустон VI, принадлежащего к заключительным (молалинский и бустонский) этапам культуры, которые датируются XVI–XV вв. до н. э. В катакомбном погребении № 256 (молалинский этап), где в сопровождении овцы были похоронены женщина и подросток, в одной из глиняных ваз обнаружена миниатюрная копия листовидного ножа [Аванесова 2013: 273–274, 290, табл. 13, 10]. Традиция помещать в могилы имитации орудий характерна для поздних стадий сапаллинской культуры.

Два листовидных ножа происходят из Юго-Западного Туркменистана. Один из них (рис. 2, 13) выявлен во время раскопок могильника Пархай II. Артефакт находился в погребальной камере № 70, на поясничных позвонках последнего погребенного. Изделие, имевшее вместе с черешком длину 13,2 см, относится к периоду ЮЗТ III, по периодизации И. Н. Хлопина [Хлопин 2002: 48–49, 275, табл. 75, 3]. Другой нож (рис. 2, 14), лезвие которого достигает длины 13 см, был обнаружен в погребении № 6 могильника Пархай I (сумбарская культура), который И. Н. Хлопин причислил к периоду ЮЗТ I [Хлопин 1983: 22, 48, 49, 132, 157, 220, табл. LXI, 10].

Вопрос о датировке ряда этапов археологической периодизации Юго-Западного Туркменистана (ЮЗТ), которую создал И. Н. Хлопин, дискусионен. Исследователь полагал, что культура сумбарских могильников (период ЮЗТ I) непосредственно предшествовала культуре архаического Дахистана, начало которой относится к рубежу II и I тыс. до н. э. Исходя из этого он датировал сумбарские могильники XIV–X вв. до н. э. [Хлопин 1983: 33–38, 42, 55], синхронизировав их, таким образом, с памятниками раннего железного века (РЖВ I) в Северном Иране. Вместе с тем И. Н. Хлопин, акцентировав внимание на том, что сумбарская культура одновременно памятникам позднего бронзового века подгорной полосы Копетдага,

датировал тем же временем весь период Намазга VI [Там же: 37, 38, 55–58]. Будучи сторонником короткой хронологии, исследователь был убежден в необходимости омолаживания датировок и других периодов бронзового века Центрального и Юго-Восточного Туркменистана. Период Намазга V, с поздней фазой которого он связывал период ЮЗТ II, а с ранней — ЮЗТ III, И. Н. Хлопин отнес к XVII–XIV вв. до н. э. Период Намазга IV он синхронизировал с периодом ЮЗТ IV и датировал его второй половиной III — первой четвертью II тыс. до н. э. [Там же: 55, 132].

Со временем выяснилось, что столь радикальный пересмотр хронологии бронзового века Центрального и Юго-Восточного Туркменистана был неоправдан. Новейшие археологические исследования в дельте реки Мургаб [Сарианиди 2008; Sarianidi 2007] и дальнейшее совершенствование радиоуглеродного метода датирования [Зайцева и др. 2008] продемонстрировали, что традиционные даты периодов Намазга V и Намазга VI действительно нуждаются в уточнении, но не в сторону их омолаживания, а в сторону их удревнения. В связи с тем, что период Намазга VI завершается, как было показано выше, в конце второй — начале третьей четверти II тыс. до н. э., синхронные ему захоронения сумбарской культуры (период ЮЗТ I) необходимо датировать первой половиной II тыс. до н. э.

Ю. Г. Кутимов относит период ЮЗТ I именно к этому времени: 1800–1400 гг. до н. э. Керамический комплекс периода ЮЗТ II он синхронизирует с глиняной посудой верхних слоев поселения Алтын-депе (горизонты 0–2) и могильника городища Гонур. Следовательно, этот период датируется концом III тыс. до н. э., причем Ю. Г. Кутимов полагает, что ЮЗТ II захватывал лишь последние сто лет этого тысячелетия [Кутимов 2009: 17–18]. По его мнению, между периодами ЮЗТ I и ЮЗТ II существует разрыв (1900–1800 гг. до н. э.). Таким образом, период ЮЗТ III, видимо, одновременен началу среднего бронзового века (раннее Намазга V) в Центральном и Юго-Восточном Туркменистане и относится к третьей четверти III тыс. до н. э. Соответственно период ЮЗТ IV датируется второй четвертью III тыс. до н. э.

Нож рассматриваемого типа с необычной формой черешка (рис. 2, 15) обнаружен на севере Центральной Азии в Ташкентском оазисе [Кузьмина 1966: 39, 100, 133. Табл. VII: 4]. Являясь частью Чимбайлыкского клада, он был найден вместе с вислообушным топором (рис. 2, 23) [Кузьмина 1966: 10–11, 100, 121. табл. I, 5], который в настоящее время исследователи относят к типу А, вариант А<sub>1</sub>, [Аванесова 1991: 13, 130, рис. 11, 18, 193] и датируют синташтинско-петровским временем андроновской культурной общности, т. е. рубежом III/II тыс. до н. э. — первой четвертью II тыс. до н. э. [Епимахов 2010; 2013; Епимахов и др. 2005: 99; Epimakhov, Krause 2013]. Следует отметить, что сохранившаяся часть лезвия этого ножа имеет длину около 10 см, и поэтому не исключено, что данное изделие изначально являлось кинжалом.

Двулезвийные плоские черешковые ножи без осевого ребра характерны также и для археологических культур Юго-Западной Азии, поскольку такие изделия люди начали производить уже в ранний период развития древневосточной металлургии [Кузьмина 1966: 37].

Один из древнейших ножей данного типа был найден в Центральном Иране, на поселении Сиалк в одном из ранних горизонтов слоя III, а именно в горизонте 2 [Ghirshman 1938: 54, pl. LXXXV, S. 312]. Орудие имело маленький широкий черешок, сохранившаяся часть лезвия достигала длины около 10,5 см (рис. 2, 16).

Р. Гиршман, исследовавший этот памятник, полагал, что период Сиалк III, начало которого он отнес ко второй четверти IV тыс. до н. э., длился на протяжении большей части этого тысячелетия [Там же: 80, 89]. Такой же точки зрения придерживался и В. М. Массон [1964: 241, табл. 40; 1989: 122]. Некоторые исследователи, пытаясь датировать напластования III периода Сиалка, сопоставляли их с различными культурно-хронологическими эпохами Южной Месопотамии. Например, Д. Маккауэн в монографии, посвященной сравнительной стратиграфии древнеземледельческих памятников Ирана, утверждал, что ранние горизонты Сиалк III 1–5 соответствуют убейдскому времени на юге Двуречья, а поздние горизонты Сиалк III 6–7 — урукскому [McCown 1957: 62, table II].

Этот вывод Д. Маккауэна попытался скорректировать В. М. Массон, указавший, что горизонт 4 слоя Сиалк III, в котором появляется гончарная керамика [Ghirshman 1938: 45], также относится к урукской эпохе [Массон 1964: 204, примеч. 50]. Однако дальнейшее изучение глиняной посуды древних земледельцев Месопотамии показало, что хотя гончарный круг быстрого вращения получил широкое распространение лишь в урукское время, его появление на юге Месопотамии все же следует относить к концу убейдской эпохи [Nissen 1989: 248]. Что же касается гончарного круга медленного вращения, который известен на протяжении всего убейдского периода [Массон 1989: 86; Nissen 1989: 248–251], то в Сиалке он появляется в горизонте III 2 [Ghirshman 1938: 45]. В конечном счете П. Амье, сравнив печати и декор расписной керамики периодов Сузы I и Сиалк III, пришел к выводу, что комплекс Сиалк III 4 следует синхронизировать с горизонтом 25 стратиграфического раскопа 1 на акрополе Суз, который по времени соответствует финальному периоду убейдской культуры [Amiet 1986: 13, 41].

Поздние горизонты Сиалк III, судя по некоторым найденным в них артефактам, действительно одновременны урукской культуре на юге Двуречья. В горизонте 5 Р. Гиршман обнаружил каменную печатку [Ghirshman 1938: 57, pl. LXXXVI, S. 172], сходную с соответствующими изделиями раннего урукского времени. В целом комплекс горизонта 5 можно синхронизировать с горизонтом 23 стратиграфического раскопа 1 на акрополе Суз (финальная часть периода Сузы I) [Amiet 1986: 41, 66]. В горизонте 6 были выявлены два кувшина с носиками [Ghirshman 1938: 47, pl. LXIX, S. 135], имеющие аналогии в керамике среднего урукского времени [Amiet 1986: 66–67]. Основываясь на этих находках, можно не только утверждать, что горизонт III 2, в котором обнаружен черешковый двулезвийный нож без ребра жесткости, отложился в доурукскую эпоху, но и отвергнуть синхронизацию горизонта 5 Сиалка III с поздней фазой убейдской культуры, как это допускал Дж. Мелларт [Mellaart 1975: 17, 193].

Насколько можно судить по результатам работ двух последних десятилетий, убейдская культура, которую исследователи подразделяют на периоды Убейд 0а, 0б, 1, 2, 3а, 3б, 4 и 5, возникла на юге Двуречья в середине VII тыс. до н. э. Она существовала около трех тысяч лет [Carter, Philip 2010: 2; Crawford 2010: 163; Oates 1960; 1987]. Недавно Г. Кроуфорд, заново изучив стратиграфию древних земледельческих поселений юга Месопотамии, в культурных слоях которых была встречена керамика типа Хаджи Мухаммед (период Убейд 2), пришла к выводу, что эта посуда не является хронологическим маркером. Она залегает как в поздних отложениях периода Убейд 1, так и в ранних напластованиях периода Убейд 3. По мнению ученого, эту изысканную расписную керамику использовали во время праздничных трапез, которые устраивала либо община, либо ее отдельные семьи. В связи с этим

Г. Кроуфорд считает, что период Убейд 2 следует исключить из периодизации культуры, а длительность периодов Убейд 1 и Убейд 3 необходимо увеличить [Crawford 2010]. Права английская исследовательница или нет, покажет будущее. Однако в любом случае ее гипотеза не ведет к сужению хронологических рамок всей убейдской культуры.

Уже в конце периода Убейд 1 и в начале периода Убейд 2 начинается культурное взаимодействие Южной Месопотамии и юго-западного Ирана (Сузиана и побережье Персидского залива). Позднее, в период Убейд 3 наступает эпоха культурной экспансии убейдской культуры как в северо-западном (Северный Ирак и прилегающие к нему юго-восточные районы Сирии и Турции), так и в северо-восточном (южный Иран, Фарс) направлении [Carter, Philip 2010: 2, 10]. Что же касается отдаленных районов Центрального Ирана, где и располагается Сиалк, то мнения исследователей о влиянии убейдской культуры на этот регион существенно расходятся. Одни утверждают, что здесь это влияние не прослеживается. Другие говорят, что такое воздействие, хотя и весьма слабое, ощущается в керамическом производстве. Третьи прямо включают Центральный Иран в сферу влияния поздней убейдской культуры [Weeks et al. 2010: 247–248].

Однако вне зависимости от того, какая из трех предложенных гипотез верна, горизонты 1–4 Сиалка III, последовательно залегающие под отложениями горизонта 5, в котором обнаружена каменная печать раннего урукского времени, следует синхронизировать с эпохой позднего Убейда.

М. Войт и Р. Дайсон, создатели последней по времени периодизации археологических памятников Ирана VII–IV тыс. до н. э., относят горизонты 4 и 3 Сиалка III к пятой стадии иранского халколита, которую они датировали 4200–3800 гг. до н. э. и синхронизировали с финальным Убейдом (период Убейд 5) и началом раннего урукского времени [Dyson 1987: 650; Voigt 1987: 628, 636, 637, fig. 2]. Учитывая тот факт, что финальный Убейд завершается около 3800 г. до н. э. [Carter, Philip 2010: 2], горизонт 4 Сиалка III следует, вероятно, датировать 4000–3800 гг. до н. э., а горизонт 3 Сиалка III — 4200–4000 гг. до н. э.

Горизонты 1 и 2 Сиалка III М. Войт и Р. Дайсон включили в четвертую стадию иранского халколита, синхронную периодам Убейд 3 и Убейд 4 в Южной Месопотамии. Радиоуглеродные даты, полученные для поселения Пишдели-тепе в Иранском Азербайджане, указывают на то, что середина этой стадии приходится на середину V тыс. до н. э. В целом исследователи помещают халколит 4 в интервал между 4800 г. до н. э. и 4200 г. до н. э., причем горизонты 1 и 2 Сиалка III, по мнению М. Войт, связаны с поздней частью халколита 4, соответствующей периоду Убейд 4 в Южной Месопотамии, и датируются примерно 4500–4200 гг. до н. э. [Dyson 1987: 650; Voigt 1987: 627, 636, 637. Fig. 2].

Горизонт Сиалк III 5, одновременный, как было сказано выше, раннему урукскому времени, может относиться к 3800–3700 гг. до н. э. Горизонты Сиалк III 6–7 попадают в шестую стадию иранского халколита, которую Р. Дайсон и М. Войт датируют 3700–3300 гг. до н. э., причем горизонт 6 синхронен среднему Уруку, а горизонт 7 — началу позднего Урука [Dyson 1987: 650; Voigt 1987: 628–629, 636–637, fig. 2].

К сожалению, М. Войт и Р. Дайсон обошли вниманием работы иранского археолога Й. Меджидзадэ, который во время раскопок поселения Габристан (равнина Казвин) установил, что между слоем Габристан II, содержащим расписную посуду типа Сиалк III 4–5, и слоем Габристан IV с орнаментированной керамикой типа Сиалк III 6–7 представлен слой Габристан III с серой керамикой. Учитывая это

обстоятельство, Й. Меджидзадэ предположил, что в стратиграфической колонке Сиалка существует разрыв между горизонтом Сиалк III 5 и горизонтом Сиалк III 6 [Majidzadeh 1978: 94, 96, 98; 1981: 142, table, 145].

Само по себе это предположение не ново. Еще Р. Гиршман выявил следы разрушений построек и слой золы в горизонте Сиалк III 5. Автор раскопок, допуская, что эти факты свидетельствуют о каком-то драматическом событии в истории поселка, интерпретировал их как последствия землетрясения или военного конфликта [Ghirshman 1938: 42, 82]. Однако Й. Меджидзадэ удалось показать, что спирально-растительная орнаментация, характерная для расписной посуды горизонтов Сиалк III 1–5, отсутствует среди росписи на керамике в горизонтах Сиалк III 6–7. Изображения животных в культурных отложениях раннего и позднего периода Сиалк III также различаются как стилистически, так и композиционно [Majidzadeh 1978: 98]. Взятые вкуче данные факты действительно можно интерпретировать как свидетельства того, что в конце горизонта III 5 поселение Сиалк было временно заброшено. Однако, судя по археологическим наблюдениям, период запустения был весьма непродолжителен [Ghirshman 1938: 82] и, видимо, длился не более ста лет. В таком случае горизонты Сиалк III 6–7 следовало бы датировать 3600–3300 гг. до н. э.

Эти даты позднего Сиалка III полностью совпадают с радиоуглеродными датами, полученными для поселения Арисман (60 км юго-восточнее Сиалка), при раскопках которого (участок В) были выявлены культурные напластования, давшие значительную коллекцию расписной керамики типа Сиалк III 6–7 [Görsdorf 2011; Helwing 2011a: 374; 2011b: 526]. Б. Хельвинг также отмечает, что в керамике, зафиксированной на участке В, представлено много форм, производных от глиняной посуды времени среднего Урука. Встречаются здесь и сосуды, подобные керамике из слоя 18 акрополя в Сузах, который П. Амье относит к началу позднего Урука [Amiet 1986: 12–13, tableau chronologique; Helwing 2011b: 526].

Исходя из всего вышеизложенного, двулезвийный плоский черешковый нож без осевого ребра, найденный в горизонте 2 периода Сиалк III, следует датировать третьей четвертью V тыс. до н. э.

Аналогичные изделия были обнаружены при раскопках поселения Мундигак на юго-востоке Афганистана (рис. 2, 17). Самый ранний из встреченных здесь ножей этого типа имеет лезвие длиной около 10 см. Он происходит из горизонта 1 слоя III [Casal 1961a: 248; 1961b: fig. 139, 6], который относится к концу IV тыс. до н. э. [Besenval 2005: 8, fig. 13; Salvatori, Tosi 2005: 304, fig. 13]. Точно такие же орудия выявлены и при исследовании горизонтов III 3, III 6, IV 1, IV 2 и IV 3 [Casal 1961a: 248], датирующихся началом — третьей четвертью III тыс. до н. э. [Besenval 2005: 8, fig. 13; Salvatori, Tosi 2005: 304, fig. 13].

Три ножа рассматриваемого типа происходят из памятников Юго-восточного Ирана. Один экземпляр (длина лезвия составляет 11,9 см) был найден в могильнике Шахри-Сохте в мужском погребении № 712 (рис. 2, 18), относящемся к фазе 3 периода III, которая, как по археологическим материалам (расписная керамика типа Руд-и Бийабан, родственная посуде горизонта Мундигак IV 3, и нерасписная посуда типа Наушаро ID–II), так и по данным радиоуглеродного и палеомагнитного методов, датируется 2400–2300 гг. до н. э. [Piperno 1986: 260; Piperno, Salvatori 2007: 251–254, fig. 581, 7642; Salvatori, Tosi 2005: 301–302, 304, fig. 13].

Подобная находка, на что уже обратила внимание Л. Б. Кирчо [Кирчо 1980: 173], зафиксирована на Тепе Яхья (рис. 2, 19). Она выявлена в слое IV С [Lamberg-Karlovsky, Tosi 1973: fig. 123: *средний справа*], который первоначально исследователь

отнес ко второй половине IV тыс. до н. э. [Lamberg-Karlovsky 1970: 5, 81; 1972: 89, 93; Lamberg-Karlovsky, Kohl 1971: 15; Lamberg-Karlovsky, Tosi 1973: 30], но впоследствии отказался от столь ранней даты и синхронизировал рассматриваемый слой с первым столетием III тыс. до н. э. [Ламберг-Карловски 1990: 10]. Однако П. Амье, датирующий период IV С в интервале примерно от 3000 г. до н. э. до 2800 г. до н. э. [Amiet 1986: 12–13, *tableau chronologique*], полагает, что данный кинжал, форма которого характерна для Суз второй половины III тыс. до н. э., связан с отложениями периода IV В, нарушение которых, вероятно, привело к перемещению артефакта в нижележащие напластования периода IV С [Amiet 1986: 113, note 1]. Следовательно, этот экземпляр, длина лезвия которого составляет около 15 см, может датироваться третьей четвертью III тыс. до н. э. [Алёкшин 2010: 112–113].

Еще один такой нож найден в захоронении № 232 могильника Шахдад А [Nakemi 1997: 401, obj. No 2888], причем длина лезвия данного орудия составляет примерно 12,5 см (рис. 2, 20). К сожалению, детальная внутренняя хронология этого уникального некрополя еще не разработана. Исследователи относят его ко второй половине III тыс. до н. э. [Алёкшин 2010: 111–112; Nakemi 1997: 75, table 1, 78–81; Salvatori, Tosi 1997: 128–129].

Одиннадцать черешковых листовидных ножей происходят из ареала хараппской культуры. Семь из них обнаружены на городище Чанху-даро, расположенном в Юго-Восточном Пакистане [Mackay 1943: 37, 41, 43, 54–56, 175, 180–182, 300–303, Pl. LXII, 17, LXV, 6, 7, LXVII, 16, LXIX, 4, LXXI, 8, LXXII, 5]. Все эти орудия, имеющие длину лезвия от 13,6 до 15,7 см (рис. 2, 22; 4, 5, 12), найдены в слое, который автор раскопок обозначил римской цифрой II [Mackay 1943: 12], а современные исследователи — цифрой I b [Lal 1997: 110; Quivron 2000: 163]. Роспись на керамике из этого слоя соответствует орнаментации посуды хараппского периода III из поселения Наушаро, лежащего в этом же регионе [Quivron 2000: 163]. Исследователи относят период Наушаро III к концу третьей — началу последней четверти III тыс. до н. э.: 2400–2100 гг. до н. э. [Jarrige C. 1994: 282], 2400–2200 гг. до н. э. [Jarrige J. 1994: 304], 2300–2100 гг. до н. э. [Jarrige J. 1996: 859]. Именно этим временем и следует датировать коллекцию хараппских ножей из Чанху-даро.

Три изделия выявлены на городище Мохенджо-даро, также находящемся на юго-востоке Пакистана [Mackay 1938a: XV, 131, 134, 462; 1938b: Pl. CXXIX, 2, 6, 7]. Длина лезвия одного из них составляет 15,6 см. У двух других экземпляров рабочая часть сохранилась не полностью и имеет в одном случае длину 11,2 см, а в другом — 8,2 см (рис. 4, 6). Эти ножи залегали в напластованиях переходного периода, причем два орудия, упомянутых первыми, относятся к ранней (III) фазе данного периода, а последнее — к его средней (II) фазе. Отложения переходного периода располагаются над слоями раннего, и в свою очередь перекрыты напластованиями позднего периода. В этой многометровой толще культурных слоев зрелой хараппской культуры [Lambrick 1979: 189, fig. 23. 1], которую сейчас датируют 2500–1900 гг. до н. э. [Possehl 2002: 29], встречена расписная керамика, аналогичная соответствующей глиняной посуде хараппских периодов II, III и IV на поселении Наушаро [Quivron 2000: 168], причем керамика типа Наушаро II представлена в отложениях раннего периода Мохенджо-даро, типа Наушаро III — в напластованиях переходного периода, типа Наушаро IV — в слоях позднего периода [Jarrige J. 1994: 304; Quivron 2000: 168, 180]. Слой Наушаро II отложился в диапазоне от 2500 до 2300 г. до н. э. [Besenval 2005: 8, fig. 13], слой III — в конце третьей — начале последней

четверти III тыс. до н. э. [Jarrige С. 1994: 282; Jarrige J. 1994: 304; 1996: 859], слой IV — между 2100 и 2000 гг. до н. э. [Jarrige J. 1996: 870]. Напластования, в которых залегали три рассматриваемых ножа (III ранняя и II средняя фазы переходного периода), вероятно, датируется 2300–2100 гг. до н. э.

Наконечник дротика, лезвие которого достигает длины 8 см, обнаружен на поселении Лотхал (рис. 4, 3) в Северо-Западной Индии [Yule 1982: 37, Abb. 18, 7]. Находка залегала в слоях раннего периода А, синхронных слою Наушаро III [Quivron 2000: 174], и, следовательно, относится к развитой (зрелой) хараппской культуре.

Двулезвийные ножи без осевого ребра представлены на Среднем Востоке и в позднем бронзовом веке. Такое оружие найдено в Мундигаке в горизонте V 2 [Casal 1961a: 248]. Обнаруженный в захоронении № 049 могильника Шахдад С артефакт (рис. 2, 2I), длина которого вместе с черешком составляет 11 см, вероятно, является наконечником дротика. В публикации его максимальная ширина (6 см) указана неверно. Судя по рисунку, она соответствует пятой части длины предмета и составляет примерно 2,5 см. И нож, и наконечник дротика изготовлены во второй четверти II тыс. до н. э. [Amiet 1986: 184; Nakemi 1997: 75, table 1, 82, 210, 211, obj. 0419, 698, Та. 1].

Начиная со второй четверти III тыс. до н. э. на Среднем Востоке наряду с черешковыми листовидными двулезвийными ножами без ребра жесткости стали производить и кинжалы такой же формы. Два экземпляра такого оружия были найдены в захоронениях некрополя Шахри-Сохте. Один из них, имеющий клинок длиной около 17 см, лежал вместе с пятью другими предметами в заполнении могилы № 14 (рис. 3, 3). Все вещи располагались непосредственно над черепом погребенной здесь женщины. Захоронение № 14 синхронно фазе 5 (завершение периода II) и датируется 2600–2500 гг. до н. э. [Piperno, Salvatori 2007: 48–51, fig. 73, 6204; Piperno, Tosi 1975: 192; Salvatori, Tosi 2005: 299–300, 304, fig. 13].

Второй кинжал (рис. 3, 4), клинок которого достигает длины 19,5 см, был обнаружен в мужском погребении № 725, *низ*, которое относится, на основании входящих в состав инвентаря глиняных сосудов с ручкой в виде крюка, ко времени перехода от фазы 5 (период II) к фазе 4 (период III), т. е. примерно к 2500 г. до н. э. [Piperno, Salvatori 2007: 272–279, fig. 645, 8295; Salvatori, Tosi 2005: 300–301, 304, fig. 13].

Четыре кинжала такого же типа (рис. 3, 5–7; 4, 16) найдены на Юго-Востоке Ирана в могильнике Шахдад А (вторая половина III тыс. до н. э.). Длина трех изделий, обнаруженных в захоронениях № 185, 290, 291, составляет соответственно 20 см, 22,5 см и 21 см. Судя по соотношению черешка и рабочей части этих экземпляров, их клинок превышал длину 16 см. Размеры еще одного кинжала (погребение № 280) не указаны [Nakemi 1997: 343, obj. No 2114, 450–451, obj. No 3400, 640, Gq. 14, 465, obj. No 3490, 640, Gq. 13, 466, 468, obj. No 3516, 640, Gq. 12].

Анализируемые кинжалы входят в состав погребального инвентаря разграбленных захоронений эпохи бронзы Северного Афганистана (рис. 3, 8; 4, 17) [Pottier 1984: 13, 137, fig. 3: 15, 185, pl. III: 14, 15]. Лишь в исключительных случаях здесь представлены экземпляры, лезвия которых имеют продольное слабо выраженное ребро [Сарианиди 1977: 76]. Стратиграфическое положение находок без ребра жесткости (рис. 3, 9, 10) было впервые зафиксировано во время раскопок поселения Дашлы 3 [Сарианиди 1977: 76–77, рис. 36: 3, рис. без номера: *справа*].

В. И. Сарианиди датировал и поселение Дашлы 3, и кладбище, перекрывающее круглое здание, одно из грандиозных сооружений этого памятника, второй половиной II тыс. до н. э., исходя из собственной схемы развития культур бронзового



века на севере Афганистана. Дополнительным аргументом в пользу своей концепции он посчитал радиоуглеродную дату, которую удалось получить при исследовании грунтового могильника, расположенного к востоку от Дашлы 3: 1490 г. до н. э. [Сарианиди 1976: 44, 83–84].

Дальнейшее совершенствование метода  $C^{14}$  привело к пониманию того, что единственный образец не может служить основанием для надежного датирования археологического памятника. С другой стороны, наборы погребального инвентаря, включающие рассматриваемые изделия, были обнаружены при исследовании могильника поселения Гонур в Юго-Восточном Туркменистане [Сарианиди 2001: 54, 155, табл. 20: 2, 6; Sarianidi 2007: 82–83], который относится к последней четверти III — середине II тыс. до н. э. [Зайцева и др. 2008: 170]. Таким образом, начало обживания Гонура на юго-востоке Туркменистана следует удревнить до последней четверти III тыс. до н. э., синхронизировав его частично с периодом Намазга V в подгорной полосе Копетдага [Сарианиди 2001; 2008; Sarianidi 2007]. Поскольку ранее В. И. Сарианиди относил Гонур и Дашлы 3 к периоду Намазга VI, датируя оба памятника третьей четвертью II тыс. до н. э. [Сарианиди 1990: 62, 74], то удревнение Гонура автоматически ведет и к удревнению Дашлы 3 по меньшей мере до рубежа III и II тыс. до н. э. Следовательно, рассматриваемые кинжалы из Дашлы 3 относятся именно к этому времени. Все упомянутые находки из Северного Афганистана, судя по опубликованным иллюстрациям, имеют клинок, длина которого превышает 16 см.

В. М. Массон обратил внимание на то, что черешковые двулезвийные изделия бронзового века, найденные при раскопках поселений Центрального и Юго-Восточного Туркменистана, типологически сходны с аналогичными орудиями, обнаруженными при исследовании синхронных памятников долины Инда [1981: 92], относящихся к развитому (зрелому) периоду хараппской культуры. Действительно, известные по раскопкам хараппских городищ (Мохенджо-даро и Чанху-даро в Юго-Восточном Пакистане, Хараппа в Северо-Восточном Пакистане) листовидные ножи (рис. 4, 5, 6, 12, 13) и кинжалы (рис. 3, 12, 13; 4, 7, 8, 10, 11, 15), за исключением четырех экземпляров, не имеют ребра жесткости [Catalogue 1988: 156].

Серия кинжалов рассматриваемого типа (12 экземпляров) выявлена на городище Чанху-даро [Mackay 1943: 37, 40–41, 43, 175, 180–181, 300–303, Pl. LXIII, 5, LXIV, 3, LXV, 3–5, LXVII, 12, 14–15, 20, LXVIII, 16, LXIX, 2, LXXII, 2]. Длина клинков этого оружия варьирует от 16,3 до 22 см. Данные артефакты, как и упомянутые ранее ножи, найденные на этом памятнике, относятся к слою I b и датируются, как сказано выше, концом третьей — началом последней четверти III тыс. до н. э.

На городище Мохенджо-даро обнаружены шесть аналогичных кинжалов [Mackay 1938a: XIV–XV, 27, 99, 129, 137, 143–144, 158, 443, 459–460, 463, 465–466; 1938b: Pl. CXIII, 6, 7, CXVII, 8, CXXIII, 8, CXXIX, 1, 4] и два изделия (нож или кинжал), размеры которых не указаны [Mackay 1938a: XV, 37, 465–466; 1938b: Pl. CXXXIII, 23, 34]. В тех случаях, когда клинки оружия неповреждены, их длина варьировала от 16,1 до 21,4 см. Размер обломанного клинка одного экземпляра составлял 26,4 см. Самые ранние кинжалы залегали в поздней части отложений раннего периода (фаза I), другие находки этого оружия связаны с завершающей частью стратиграфической колонки Мохенджо-даро (фазы II и I b позднего периода). Вся многометровая толща культурных напластований памятника датируется, как было сказано выше, 2500–2000 гг. до н. э.

Аналогичные кинжалы известны на Среднем Востоке и в эпоху поздней бронзы. Одно такое изделие (рис. 3, 11), клинок которого имеет длину 20 см, происходит из раннего постхарраппского горизонта IV 2 R поселения Шортугай в Северо-Восточном Афганистане [Francfort et al. 1989a: 152, 156; 1989b: Pl. 78, 2]. В этом горизонте выявлена керамика [Francfort et al. 1989a: 77, 78, 248, 249; 1989b: Pl. 56], характерная для бишкентской культуры Южного Таджикистана, которая была выделена по материалам Раннего Тулхарского могильника [Мандельштам 1968]. Большинство захоронений последнего было совершено в так называемых ямах со спуском, которые автор раскопок отнес к XIII–IX вв. до н. э. на основании находок в них ножей «срубного» типа, бритв, зеркал с металлической рукоятью и некоторых керамических форм [он же 1968: 91–92; 1972: 10–13]. Примерно так же датировал погребения бишкентской культуры А. А. Аскарлов, синхронизируя их с молалинским этапом (1350–1000 гг. до н. э.) культуры Сапалли [1977: 5, 105, 115].

Впоследствии исследователи предлагали и другие даты для Раннего Тулхарского могильника, как более ранние, так и более поздние. Например, А.-П. Франкфор нашел в IV слое поселения Шортугай захоронение бишкентской культуры, а также пять сосудов, которые, по его мнению, были изготовлены носителями этой же культуры. Поскольку вышеупомянутый слой в соответствии с некалиброванными радиоуглеродными датами мог быть синхронизирован со второй четвертью II тыс. до н. э., исследователь датировал бишкентскую культуру этим же временем [Francfort 1981: 194, 201]. Этот вывод в свое время был поддержан и мною [Алёшин 1986: 100; 1989: 154; Alekshin 1988: 259].

Развивая идеи А.-П. Франкфора, немецкие археологи К. Каниут и М. Тойфер выдвинули гипотезу о том, что отдельные сосуды (плоские чаши, тип 1), найденные в северной группе погребений этого некрополя, имеют аналогии в керамических комплексах культуры Сапалли, которые относятся к 1750–1650 гг. до н. э. С другой стороны кубки с вертикальными стенками Раннего Тулхарского могильника близки кубкам периода Шортугай IV, а, возможно, и конца более раннего периода Шортугай III. Таким образом, германские ученые датируют северную группу захоронений рассматриваемого кладбища концом XVIII–XVII вв. до н. э. Погребения южной группы, в которых найдена керамика, сходная с глиняной посудой самых поздних этапов культуры Сапалли, К. Каниут и М. Тойфер относят к XVI — середине XV в. до н. э. Могила западной группы, в которых отсутствует керамический материал, сходный с соответствующими находками сапаллинской культуры или Шортугай, немецкие исследователи синхронизируют со второй половиной XV — серединой XIV в. до н. э. [Kaniuth, Teufer 2001: 111–112, Abb. 14].

Однако многие отечественные археологи не согласились со столь древними датами Раннего Тулхарского могильника. Например, Н. М. Виноградова отнесла ямы со спуском этого памятника к XV–XIII веками до н. э. [Виноградова 2004: 99–101], а Л. И. Пьянкова — ко второй половине XII — первой половине XI в. до н. э. [Пьянкова 1989: 100].

Недавно погребальные комплексы данного кладбища были подробно рассмотрены Ю. Г. Кутимовым [2008: 165–178]. Исследователь установил, что в его погребальном обряде (захоронения в ямах со спуском, которые имеются как в северной, так и в южной части могильника) представлен большой набор элементов, характерных для степных культур эпохи поздней бронзы, в частности для саргаринско-алексеевской культуры андроновского круга, которая в настоящее время датируется XIV–XIII веками до н. э. Следовательно, к этому времени и нужно относить

захоронения в ямах со спуском рассматриваемого некрополя [Там же: 175, 178]. Таким образом, черешковый листовидный кинжал из горизонта 2 R периода Шортугай IV датируется, видимо, третьей четвертью II тыс. до н. э.

Анализируемые наконечники дротиков, ножи и кинжалы Центральной Азии и Среднего Востока различаются очертаниями, а также шириной лезвия и клинка. Лезвия наконечников дротика из поселения Саразм (периоды II и IV) и могильника Шахдад С (погребение № 049), ножей из поселений Илгынлы-депе (горизонт IV), Алтын-депе (горизонт 10), Саразм III, Намазга-депе (период Намазга VI), Джаркутан, Сиалк III 2, Мундигак III 1–IV 3, V 2, Тепе Яхья IV B и могильников Пархай II (ЮЗТ III), Пархай I (ЮЗТ I), Гонур, Сапалли-тепе (погребение № 115), Шахри-Сохте III, фаза 3 (погребение № 712), Шахдад А (погребение № 232), а также клинки кинжалов из поселений Саразм III, Дашлы 3, Шортугай IV 2R и могильников Шахри-Сохте II, фаза 5 (погребение № 14), II/III, фаза 5/4 (погребение № 725, *низ*), Шахдад А (№№ 280, 290, 291), разграбленных кладбищ Северного Афганистана имеют сходную форму, отличающуюся узкими покатыми плечиками и листовидной рабочей частью, плавно сужающейся от плечиков к острию. Максимальная ширина лезвия или клинка таких изделий (рис. 2, 1–21; 3, 1, 3–8, 10) варьирует, как правило, от 1,8 до 4 см, хотя иногда встречаются кинжалы, клинок которых, как в Саразме III (рис. 3, 2), имеет ширину 4,6 см [Раззоков А., Курбанов 2004: 175], как в Дашлы 3 (рис. 3, 9) — 5 см [Сарианиди 1977: 77, рис. 36, 3], как в Шортугае IV 2R (рис. 3, 11) — 6 см [Francfort et al. 1989a: 152, 156; 1989b: Pl. 78, 2].

Орудия и оружие с аналогичным лезвием и клинком обнаружены также в культурных отложениях хараппских памятников (Чанху-даро I b; Мохенджо-даро, причем на последнем городище эти вещи известны как в ранних, так и в поздних отложениях зрелой хараппской культуры). Однако в долине Инда количество таких находок не велико. В Чанху-даро (рис. 2, 22; 3, 12) к ним можно причислить три ножа и два кинжала [Maskay 1943. Pl. LXV: 5, 6, LXVII: 16, LXXI: 8, LXXII: 2], а в Мохенджо-даро (рис. 3, 13) — три кинжала и один предмет, функциональное назначение которого не ясно [Maskay 1938b: Pl. CXIII, 6, CXXIII, 8, CXXIX, 1, CXXXIII, 34]. Данные экземпляры из Восточного Пакистана имеют несколько большую, по сравнению с другими регионами, ширину лезвия или клинка, которая у хараппских изделий колеблется от 4 до 5,8 см. Лишь кинжал из Мохенджо-даро [Maskay 1938b: Pl. CXXIX, 1] снабжен клинком шириной всего 3,4 см.

Большинство листовидных черешковых кинжалов долины Инда выполнено в иной традиции, которой свойственен клинок подовальной формы с широкими покатыми плечиками (рис. 4, 7, 8, 10, 11), причем максимальная ширина рабочей части артефакта варьирует от 5,8 до 7,5 см. Такой клинок характерен для девяти кинжалов из Чанху-даро I b [Maskay 1943: Pl. LXIII, 5, LXIV, 3, LXV, 3, 4, LXVII, 12, 14, 20, LXVIII, 16, LXIX, 2] и двух кинжалов из Мохенджо-даро (фазы I b и II позднего периода) [Maskay 1938b: Pl. CXIII, 7, CXVII, 8]. Лишь оружие из Чанху-даро I b [Maskay 1943: Pl. LXVII, 15] снабжено клинком шириной 5,2 см. Ножам и наконечникам дротиков присущи лезвие аналогичной формы, но более узкое, чем у кинжалов. Например, три ножа из Чанху-даро I b (рис. 4, 5) [Maskay 1943: Pl. LXV, 7, LXIX, 4, LXXII, 5] имеют ширину лезвия соответственно 5 см, 5,2 см, 4,6 см, два ножа из Мохенджо-даро (рис. 4, 6), относящиеся к ранней (III) и средней (II) фазам переходного периода, — 5 см и 4,6 см [Maskay 1938b: Pl. CXXIX, 6, 7], а наконечник дротика из Лотхала А (рис. 4, 3) — 4 см [Yule 1982: 37, Abb. 18, 7].

Вне ареала хараппской культуры три изделия с близкой формой лезвия или клинка выявлены в Центральной Азии. Речь идет о двух наконечниках дротика и кинжала. Первые два артефакта (рис. 4, 1, 2), лезвия которых достигают ширины 3,5 и 3,6 см, обнаружены в Юго-Восточном Туркменистане на поселении Алтын-депе (периоды раннее Намазга IV, горизонт Алтын 7 и позднее Намазга V, кроющий слой) [Кирчо 2001: 63–64, 73–74, рис. 2, 6, 3, 2; Кузьмина 1966: 133, табл. VII, 15]. Третья находка происходит из отложений Саразма, относящихся к периоду III (рис. 4, 9). Клинок этого кинжала имеет ширину 5,8 см [Раззоков А., Курбанов 2004: 175, 188, рис. 4, 8].

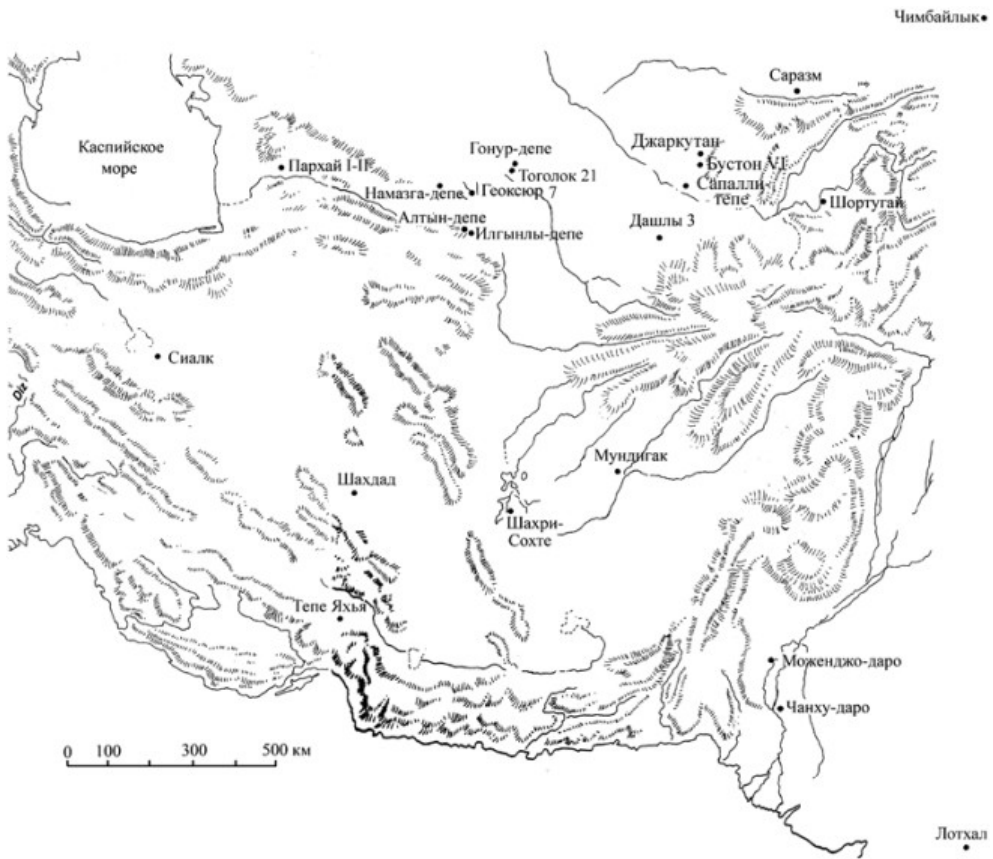
В хараппских памятниках представлены также кинжалы и ножи с овальными плечиками и широкой (4–5 см) в месте перехода черешка в клинок или лезвие рабочей частью, значительно сужающейся затем по направлению к острию изделия. Благодаря этому она приобретает своеобразное очертание, для которого характерна вздутая верхняя треть лезвия или клинка (рис. 4, 12, 13, 15). Нож такой формы с лезвием длиной 14,8 см найден в Чанху-даро I b [Mackay 1943: Pl. LXII, 17]. Аналогичное изделие, сохранившаяся рабочая часть которого равняется 11,2 см, обнаружено в Мохенджо-даро, в отложении ранней (III) фазы переходного периода [Mackay 1938b: Pl. CXXIX, 2, CXXXIII, 23]. В этом же напластовании памятника встречен и кинжал с подобным очертанием клинка, имеющего длину 17 см [Mackay 1938b: Pl. CXXIX, 4].

Вне зоны распространения хараппской культуры известны два кинжала и два ножа аналогичной формы. Один кинжал, снабженный клинком шириной 3,2 см (рис. 4, 16), происходит из могильника Шахдад А, погребение № 185 [Nakemi 1997: 343, obj. No 2114], другой, обладающий рабочей частью шириной 4 см (рис. 4, 17), — из разграбленного погребения эпохи бронзы в Северном Афганистане [Potter 1984: 13, 137, fig. 3, 15, 185, Pl. III, 15]. Оба ножа (максимальная ширина лезвия составляет 4 и 3,5 см) найдены при раскопках поселения Саразм (рис. 4, 4, 14), в слое периода III [Исаков 1991а: рис. 10, 13; Исаков и др. 2000: 185, рис. 5, 2].

Территориальное распространение и хронологическое распределение рассматриваемых изделий в археологических памятниках Центральной Азии и Среднего Востока (рис. 5) позволяют сделать четыре вывода.

*Во-первых*, листовидные ножи без ребра жесткости и, возможно, наконечники дротиков существуют в широких хронологических рамках от третьей четверти V тыс. до н. э. до начала третьей четверти II тыс. до н. э. Кинжалы подобной формы, хотя и появляются только со второй четверти III тыс. до н. э., также имеют длительное бытование вплоть до третьей четверти II тыс. до н. э. Поэтому рассматриваемые артефакты нельзя использовать для датирования каких-либо археологических комплексов, в том числе и культурно-хронологических горизонтов Алтын-депе эпохи позднего энеолита и бронзового века.

*Во-вторых*, анализируемые металлические ножи появляются на юге Центральной Азии (Илгынлы-депе, Геоксюр 7) и в Афганистане (Мундигак III 1) в последней трети — конце IV тыс. до н. э., тогда как в Иране они известны гораздо ранее, со второй половины V тыс. до н. э. (Сиалк III 2). Мастера древнего Ирана освоили металлургический способ добычи меди еще в середине V тыс. до н. э., а в первой половине следующего тысячелетия они уже использовали искусственные сплавы (мышьяковая и оловянная бронзы) для получения металлических изделий, производство которых было наиболее развито в Центральном и Юго-Восточном Иране [Рузанов 2013: 247–248]. Таким образом, можно говорить о приоритете иранской



**Рис. 5.** Археологические памятники Центральной Азии и Среднего Востока V тыс. до н. э. — II тыс. до н. э., на которых найдены металлические черешковые листовидные наконечники дротиков, ножи и кинжалы

металлургической провинции в производстве не только рассматриваемых орудий, но и многих другой продукции из металла. Изучение древней металлообработки Ближнего Востока, выполненное недавно Л. И. Авиловой, выявило высокую степень развития иранской металлургии уже в эпоху энеолита, что явилось следствием рано возникшей здесь потребности производить металл на вывоз в Южную Месопотамию. Рост металлообработки в древнейшем Иране не имеет аналогов в других регионах Среднего Востока, представляя собой исключительный феномен [Авилова 2008: 130–133]. Исходя из этого, вполне закономерен вывод о том, что мастера-металлурги древнейшего Ирана способствовали возникновению производства металлических орудий у своих северных (юг Центральной Азии) и восточных (Южный Афганистан) соседей. В настоящее время нет сомнений в том, что искусство обработки меди было принесено в Центральную Азию (подгорная полоса Копетдага) в начале эпохи раннего энеолита (период Анау I A) из Центрального Ирана [Массон 1982: 19–20; Рузанов 2013: 254]. Дальнейшее развитие металлопроизводства на юге Центральной Азии привело здесь к возникновению двух очагов металлургии — пархай-сумбарского и копетдаг-тедженского [Рузанов 2013: 251–252, 259–260], причем на формирование последнего, существовавшего с конца IV

до начало II тыс. до н. э. [Там же: 260], оказали влияние традиции производственных центров Северо-Восточного, Центрального и Юго-Восточного Ирана [Там же: 284].

*В-третьих*, в бронзовом веке металлообработка в Южном Туркменистане находилась, судя по форме клинка листовидных ножей и кинжалов, под влиянием именно Юго-Восточного иранского металлургического очага. Традиции хараппского ремесла практически не повлияли на изготовление вещей этого типа в подгорной полосе Копетдага, поскольку выполненный, на первый взгляд, в хараппской манере наконечник дротика из крошащего слоя Алтын-депе (позднее Намазга V, конец III тыс. до н. э.) восходит, вероятно, к местному прототипу (Алтын 7, раннее Намазга IV, вторая четверть III тыс. до н. э.), существовавшему здесь еще в дохараппскую эпоху. Хараппское влияние, судя по находкам ножей и кинжалов с вздутой верхней третью лезвия и клинка, достигало в течение второй половины III тыс. до н. э. областей Юго-Восточного Ирана и Афганистана, а в Центральной Азии — лишь долины Зеравшана на северо-западе Таджикистана (конец периода Саразм III). Памятники бронзового века Юго-Западного Узбекистана относятся уже к постхараппскому времени, когда города долины Инда пришли в запустение, и их культурное воздействие на соседние области полностью прекратилось.

*В-четвертых*, на юге Центральной Азии вне ареала анауской культуры рассматриваемые ножи и кинжалы представлены в памятниках оседлого земледельческого населения, обитавшего как западнее подгорной полосы Копетдага (могильники Пархай I и Пархай II), так и восточнее ее (Сапалли-тепе, Джаркутан, Саразм). Однако эти изделия не обнаружены, за исключением находки из Чимбайлыкского клада (Ташкентский оазис в Узбекистане), в археологических памятниках степной бронзы на севере Центральной Азии, включая и те из них (культура Заманбаба), которые были оставлены освоившими долину Зеравшана племенами, имевшими контакты с земледельческим населением Южного Туркменистана. Последнее обстоятельство, возможно, свидетельствует о том, что металлические предметы вооружения и орудия труда, изготовленные мастерами на юге Центральной Азии, нельзя было использовать как средство обмена в торговле с иноплеменниками, обитавшими на территориях, которые располагались к северу от земледельческой ойкумены.

## Литература

- Аванесова 1991: *Аванесова Н. А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент.
- Аванесова 2013: *Аванесова Н. А.* Могильник Бустон VI — некрополь огнепоклонников до-урбанистической Бактрии. Самарканд.
- Авилова 2008: *Авилова Л. И.* Металл Ближнего Востока. Модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. М.
- Алёкин 1986: *Алёкин В. А.* Проблемы происхождения археологических культур неолита-бронзы Средней Азии (по данным погребальных обрядов) // ИБМАЙКЦА. Вып. 11. С. 96–103.
- Алёкин 1989: *Алёкин В. А.* Культурные контакты древних племен Средней Азии (неолит — эпоха бронзы) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата. С. 150–157.

- Алёкшин 2010: *Алёкшин В. А.* О функциональном назначении терракотовых «реликвариев» Алтын-депе // ЗИИМК. № 5. С. 105–116.
- Алёкшин 2012: *Алёкшин В. А.* К вопросу о времени окончания периода Намазга VI в подгорной полосе Копетдага // КСЕ. Кн. 2. С. 278–284.
- Алёкшин 2013а: *Алёкшин В. А.* Бусины-пряслица Алтын-депе и вопросы хронологии древнеземледельческих памятников Центральной Азии // АВ. № 19. С. 211–228.
- Алёкшин 2013б: *Алёкшин В. А.* Степная керамика эпохи бронзы в стратиграфическом контексте «Вышки» поселения Намазга-депе и проблема датирования периода Намазга VI в подгорной полосе Копетдага // ЗИИМК. № 8. С. 107–129.
- Алёкшин 2014: *Алёкшин В. А.* Степная керамика эпохи бронзы в слоях древнеземледельческих поселений подгорной полосы Копетдага // ЗИИМК. № 9. С. 82–91.
- Алёкшин, Кирчо 2005: *Алёкшин В. А., Кирчо Л. Б.* Каталог погребений Алтын-депе // Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). Ч. I. СПб. (ТИИМКРАН. Т. XVI). С. 11–146.
- Аскарлов 1977: *Аскарлов А. А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент.
- Бобомуллоев 1998: *Саидмурод Бостонгухар [Бобомуллоев]*. Верховья Зарафшана во II тысячелетии до н. э. Душанбе.
- Виноградова 2004: *Виноградова Н. М.* Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М.
- Епимахов 2010: *Епимахов А. В.* Бронзовый век Южного Урала (экономические и социальные аспекты): АДД. Екатеринбург.
- Епимахов 2013: *Епимахов А. В.* Результаты радиоуглеродного датирования материалов поселения Устье // Древнее Устье. Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск. С. 388–392.
- Епимахов А. В. и др. 2005: *Епимахов А. В., Хэнкс Б., Ренфрю К.* Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. № 4. С. 92–102.
- Зайцева и др. 2008: *Зайцева Г. И., Дубова Н. А., Семенов А. А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгнер Х.* Радиоуглеродная хронология памятника Гонур-депе // ТМАЭ. Т. 2. М. С. 166–179.
- Исаков 1991а: *Исаков А. И.* Саразм (к вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины, раскопки 1977–1983 гг.). Душанбе.
- Исаков 1991б: *Исаков А. И.* Верховья Зеравшана в эпоху энеолита и бронзы (к проблеме многоочагового развития Средней Азии в раннеземледельческую эпоху): АДД. Л.
- Исаков и др. 2000: *Исаков А. И., Раззоков А. Р., Бобомуллоев С.* Раскопки Саразмского археологического отряда в 1988 г. // АРТ. Вып. XXVII. С. 172–188.
- Исаков и др. 2003: *Исаков А. И., Безенваль Р. М., Раззоков А. Р., Бобомуллоев С. Г.* Работы советско-французской экспедиции в 1990 г. // АРТ. Вып. XXVIII. С. 131–149.
- Кирчо 1980: *Кирчо Л. Б.* Металлические изделия эпохи энеолита и бронзы Алтын-депе // СА. № 1. С. 158–174.
- Кирчо 2001: *Кирчо Л. Б.* Металлические изделия Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб. (МЮТАКЭ. Вып. 5). С. 60–84.
- Кирчо 2005а: *Кирчо Л. Б.* Погребальный инвентарь Алтын-депе // Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). Ч. II. СПб. (ТИИМКРАН. Т. XVI). С. 347–421.
- Кирчо 2005б: *Кирчо Л. Б.* Таблицы // Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). Ч. II. СПб. (ТИИМКРАН. Т. XVI). С. 147–313.
- Кирчо 2007: *Кирчо Л. Б.* Древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана (начало формирования торговых путей в Среднюю Азию) // ЗИИМК. № 2. С. 193–208.

- Кузьмина 1964: *Кузьмина Е. Е.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков. М. С. 141–158.
- Кузьмина 1966: *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М. (САИ. Вып. В4–9).
- Кутимов 2008: *Кутимов Ю. Г.* Степные и земледельческие культурные компоненты в погребальных комплексах эпохи поздней бронзы Средней Азии // ЗИИМК. № 3. С. 159–180.
- Кутимов 2009: *Кутимов Ю. Г.* Происхождение и пути распространения катакомбного обряда погребения в Средней Азии (по материалам могильников бронзового века): АКД. СПб.
- Ламберг-Карловски 1990: *Ламберг-Карловски К. К.* Модели взаимодействия в III тыс. до н. э.: от Месопотамии до долины Инда // ВДИ. № 1. С. 3–21.
- Мандельштам 1968: *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л. (МИА. № 145).
- Массон 1959: *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л. (МИА. № 73).
- Массон 1964: *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.
- Массон 1966: *Массон В. М.* Расцвет и упадок культуры земледельцев юго-запада // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л. С. 151–178.
- Массон 1977: *Массон В. М.* Алтын-депе в эпоху энеолита. Систематические раскопки поселения Алтын-депе в Южном Туркменистане // СА. № 3. С. 164–188.
- Массон 1981: *Массон В. М.* Алтын-депе. Л. (ТЮТАКЭ. Т. XVIII).
- Массон 1982: *Массон В. М.* Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. М. С. 9–92.
- Массон 1989: *Массон В. М.* Первые цивилизации. Л.
- Массон 2006: *Массон В. М.* Культурогенез древней Центральной Азии. СПб.
- Пьянкова 1989: *Пьянкова Л. Т.* Древние скотоводы Южного Таджикистана. По материалам могильника эпохи бронзы «Тигровая Балка». Душанбе.
- Пьянкова 1994: *Пьянкова Л. Т.* Керамика Маргианы и Бактрии эпохи бронзы // ИБМАИКЦА. Вып. 19. С. 135–157.
- Раззоков А. и др. 2008: *Раззоков А. Р., Курбанов Ш. Ф., Каримова Г. Р.* О раскопках Саразмского отряда в 2006 г. // АРТ. Вып. XXXII. С. 7–17.
- Раззоков А., Курбанов 2004: *Раззоков А. Р., Курбанов Ш. Ф.* Исследования Саразмского отряда в 2003 г. // АРТ. Вып. XXIX. С. 174–192.
- Раззоков Ф. 2013: *Раззоков Ф. А.* Строительные комплексы древнеземледельческого поселения Саразм в IV–III тыс. до н. э.: АКД. СПб.
- Рузанов 2013: *Рузанов В. Д.* Металлообработка на юге Средней Азии в эпоху бронзы. Самарканд.
- Сарианиди 1975: *Сарианиди В. И.* Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // СА. № 2. С. 20–29.
- Сарианиди 1976: *Сарианиди В. И.* Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг. М. С. 21–86.
- Сарианиди 1977: *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг. М.
- Сарианиди 1990: *Сарианиди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад.
- Сарианиди 2001: *Сарианиди В. И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М.
- Сарианиди 2008: *Сарианиди В. И.* Тайна и правда великой культуры. Ашгабат.
- Тутаева 2014: *Тутаева И. Ж.* Металлическое клинковое оружие эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья // IX Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы». Материалы конференции. Ростов-на-Дону. С. 23–30.
- Хлопин 1968: *Хлопин И. Н.* Раскопки на Намазга-депе // АО 1967 г. С. 349–350.



- Хлопин 1969: *Хлопин И. Н.* Энеолит южных областей Средней Азии. Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении. Ч. III. Л. (САИ. Вып. Б3–8).
- Хлопин 1983: *Хлопин И. Н.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. Л.
- Хлопин 2002: *Хлопин И. Н.* Эпоха бронзы юго-Западного Туркменистана. СПб. (ТЮТАКЭ. Т. 21).
- Хлопина 1978: *Хлопина Л. И.* Намазга-тепе и эпоха поздней бронзы Южной Туркмении: АКД. Л.
- Alekshin 1988: *Alekshin V. A.* Problème de l'origine des cultures archéologiques du néolithique et de l'Age du Bronze en Asie centrale (d'après les rites funéraires) // L'Asie centrale et ses rapports avec les civilisations orientales dès origines à l'âge du fer. Actes du colloque franco-soviétique, Paris, 19–26 novembre 1985. Paris (MMAFAC. T. I). P. 255–259.
- Amiet 1986: *Amiet P.* L'Âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J-C. Paris.
- Besenal 2005: *Besenal R.* Chronology of protohistoric Kec-Macran // SAA-2001. Vol. I. Paris. P. 1–9.
- Carter, Philip 2010: *Carter R. A., Philip G.* Reconstructing the Ubaid // Beyond the Ubaid: transformation and integration in the late prehistoric societies of the Middle East. Chicago (SAOC. No. 63). P. 1–22.
- Casal 1961a: *Casal J-M.* Fouilles de Mundigak. Vol. I. Paris (MDAFA. T. XVII).
- Casal 1961b: *Casal J-M.* Fouilles de Mundigak. Vol. II. Paris (MDAFA. T. XVII).
- Catalogue 1988: *Catalogues* // Les cités oubliées de l'Indus. Archéologie du Pakistan. Paris. P. 149–193.
- Crawford 2010: *Crawford H.* The term «Hajji Muhammad»: a re-evaluation // Beyond the Ubaid: transformation and integration in the late prehistoric societies of the Middle East. Chicago (SAOC. No. 63). P. 163–168.
- Dyson 1987: *Dyson R. H.* The relative and absolute chronology of Hissar II and the proto-elamite horizon of Northern Iran // Chronologies in the Near East. Relative chronologies and absolute chronology, 16 000–4 000 B. P. CNRS International symposium, Lyon (France), 24–28 novembre 1986. Pt. II. Lyon (BARIS. 379/2). P. 647–678.
- Epimakhov, Krause 2013: *Epimakhov A. V., Krause R.* Chapter 6. Relative and absolute chronology of the settlement Kamennyi Ambar // Multidisciplinary investigations of the bronze age settlements in the southern Trans-Urals (Russia). Bonn (Frankfurter Archäologische Schriften. 23). P. 129–145.
- Francfort 1981: *Francfort H.-P.* The late periods of Shortughai and the problem of the Bishkent culture (middle and late Bronze Age in Bactria) // SAA-1979. Berlin. P. 191–202.
- Francfort et al. 1989a: *Francfort H.-P., avec des contributions de Ch. Boisset, L. Buchet, J. Desse, J. Echallier, A. Kermorvant, G. Willcox.* Fouilles de Shortughai. Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique. Vol. I. Paris (MMAFAC. T. II/1).
- Francfort et al 1989b: *Francfort H.-P., avec des contributions de Ch. Boisset, L. Buchet, J. Desse, J. Echallier, A. Kermorvant, G. Willcox.* Fouilles de Shortughai. Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique. V. II. Paris (MMAFAC. T. II/2).
- Ghirshman 1938: *Ghirshman R.* Fouilles de Sialk près de Kashan 1933, 1934, 1937. Vol. I. Paris (Musée du Louvre — Département des antiquités orientales. Série archéologique. T. IV).
- Görsdorf 2011: *Görsdorf J.* Radiocarbon datings in Arismān // Early Mining and Metallurgy on the Western Central Iranian plateau. The first five years of work. Mainz (AIT. Bd. 9). P. 370–373.
- Hakemi 1997: *Hakemi A.* Shahdad: Archaeological excavations of a Bronze age center in Iran. Rome (RM. Vol. XXVII). 1997.
- Helwing 2011a: *Helwing B.* Archaeological comments in the radiocarbon datings // Early Mining and Metallurgy on the Western Central Iranian plateau. The first five years of work. Mainz (AIT. Bd. 9). P. 374–375.

- Helwing 2011b: *Helwing B.* Conclusions: the Arismān copper production in a wider context // Early Mining and Metallurgy on the Western Central Iranian plateau. The first five years of work. Mainz (AIT. Bd. 9). P. 523–531.
- Jarrige C. 1994: *Jarrige C.* The mature Indus phase at Nausharo as seen from a block of period III // SAA-1993. Vol. I. Helsinki. P. 281–294.
- Jarrige J. 1994: *Jarrige J.-F.* The final phase of the Indus occupation at Nausharo and its connection with the Following cultural complex of Mehrgarh VIII // SAA-1993. Vol. I. Helsinki. P. 295–313.
- Jarrige J. 1996: *Jarrige J.-F.* Les fouilles de Nausharo au Balochistan Pakistanais et leur contribution à l'étude de la civilisation de l' Indus // CRAI (Juillet — October). P. 821–877.
- Kaniuth 2006: *Kaniuth K.* Metallobjekte der Bronzezeit aus Nordbaktrien. Berlin (AIT. Bd. 6).
- Kaniuth, Teufer 2001: *Kaniuth K., Teufer M.* Zur Sequenz des Gräberfelders von Rannij Tulchar und seiner Bedeutung für die Chronologie des spätbronzezeitlichen Baktrien // AMIT. Bd. 33. S. 89–113.
- Lal 1997: *Lal B. B.* The earliest civilization of South Asia (rise, maturity and decline). New Delhi.
- Lamberg-Karlovsky 1970: *Lamberg-Karlovsky C. C.* Excavations at Tepe Yahya, Iran 1967–1969. Progress report 1 // Joint publication of American school of prehistoric research, Peabody museum, Harvard university (Bulletin No. 27) and the Asia institute of Pahlavi university, Shiraz, Iran (Monograph No. 1). Cambridge (Mass.).
- Lamberg-Karlovsky 1972: *Lamberg-Karlovsky C. C.* Tepe Yahya 1971. Mesopotamia and the Indo-Iranian borderlands // Iran. Vol. 10. P. 89–100.
- Lamberg-Karlovsky, Kohl 1971: *Lamberg-Karlovsky C. C., Kohl Ph. L.* The early bronze age of Iran as seen from Tepe Yahya // Expedition. Vol. 13/3–4. P. 14–21.
- Lamberg-Karlovsky, Tosi 1973: *Lamberg-Karlovsky C. C., Tosi M.* Shahr-i-Sokhta and Tepe Yahya : tracks on the earliest history of the Iranian plateau // EW. Vol. 23/1–2. P. 21–57.
- Lambrick 1979: *Lambrick H. T.* Stratigraphy at Mohenjo Daro // Ancient cities of the Indus. New Delhi. P. 187–191.
- Mackay 1938a: *Mackay E. J. H.* Further excavations at Mohenjo-daro. Vol. I. New Delhi.
- Mackay 1938b: *Mackay E. J. H.* Further excavations at Mohenjo-daro. Vol. II. New Delhi.
- Mackay 1943: *Mackay E. J. H.* Chanhu-daro excavations 1935–36. New Haven (American Oriental Series. Vol. 20).
- Majidzadeh 1978: *Majidzadeh Y.* Correction of the internal chronology for the Sialk III period on the basis of the pottery sequence at tepe Ghabristan // Iran. Vol. 16. P. 93–101.
- Majidzadeh 1981: *Majidzadeh Y.* Sialk III and the pottery sequence at tepe Ghabristan. The coherence of the cultures of the Central Iranian plateau // Iran. Vol. 19. P. 141–146.
- McCown 1957: *McCown D. E.* The Comparative Stratigraphy of Early Iran. 2nd printing. Chicago (SAOC. No. 23).
- Mellaart 1975: *Mellaart J.* The Neolithic of the Near East. London.
- Nissen 1989: *Nissen H. J.* The Ubaid period in the context of the early history of the ancient Near East // Upon this foundation. The Ubaid reconsidered. Proceedings from the Ubaid symposium, Elsinore, May 30th — June 1st 1988. Copenhagen. P. 245–255.
- Oates 1960 — *Oates J.* Ur and Eridu, the prehistory // Iraq. Vol. 22. P. 32–50.
- Oates 1987 — *Oates J.* Ubaid chronology // Chronologies in the Near East. Relative chronologies and absolute chronology, 16 000–4 000 B. P. CNRS International symposium, Lyon (France), 24–28 november 1986. Pt. II. Lyon (BARIS. 379/2). P. 473–482.
- Piperno 1986: *Piperno M.* Aspects of ethnical multiplicity across the Shahr-i Sokhta graveyard // OrAnt. Vol. XXV/3–4. P. 257–270.
- Piperno, Salvatori. 2007: *Piperno M., Salvatori S.* The Shahr-i Sokhta graveyard (Sistan, Iran). Excavation Campaigns 1971–1978. Roma (RM. NS. Vol. VI).

- Piperno, Tosi 1975: *Piperno M., Tosi M.* The graveyard of Shahr-I Sokhta, Iran // *Archaeology*. Vol. 28/3. P. 186–197.
- Possehl 2002: *Possehl G. L.* The Indus Civilization: A Contemporary Perspective. New Delhi.
- Pottier 1984 : *Pottier M.-H.* Matériel funéraire de la Bactriene méridionale de l'âge du bronze. Paris ((Mémoire N° 36)).
- Quivron 2000: *Quivron G.* The evolution on the mature Indus pottery style in the light of the excavations at Nausharo, Pakistan // *EW*. Vol. 50/1–4. P. 147–190.
- Salvatori, Tosi 1997: *Salvatori S., Tosi M.* Postscriptum. Some Reflections on Shahdad and its place in the Bronze age of Middle Asia // *Hakemi A.* Shahdad: Archaeological excavations of a Bronze age center in Iran. Rome (RM. Vol. XXVII). P. 121–138.
- Salvatori, Tosi 2005: *Salvatori S., Tosi M. M.* Shahr-i Sokhta revised sequence // *SAA-2001*. Vol. I. Paris. P. 295–305.
- Sarianidi 1998: *Sarianidi V.* Margiana and Protozoroastrism. Athens.
- Sarianidi 2007: *Sarianidi V.* Necropolis of Gonur. Athens.
- Širinov 2002: *Širinov T. Š.* Die frühurbane Kultur der Bronzezeit im südlichen Mittelasien. Die vorgeschichtliche Siedlung Džarkutan // *AMIT*. Bd. 34. S. 1–170.
- Solovyova et al. 1994: *Solovyova N. F., Yegor'kov A. N., Galibin V. A., Berezkin Y. E.* Metal artifacts from Ilgynly-depe, Turkmenistan // *New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia*. St. Petersburg (Archaeological Studies. Issue 16). P. 31–35.
- Voigt 1987: *Voigt M.* Relative and absolute chronologies for Iran between 6500 and 3500 cal BC // *Chronologies in the Near East. Relative chronologies and absolute chronology, 16 000–4 000 B. P.* CNRS International symposium, Lyon (France), 24–28 november 1986. Pt. II. Lyon (BARIS. 379/2). P. 615–646.
- Weeks et al. 2010: *Weeks L., Petrie C. A., Potts D. T.* Ubaid-related-related? The “black-on-buff” ceramic traditions of highland southwest Iran // *Beyond the Ubaid: transformation and integration in the late prehistoric societies of the Middle East*. Chicago (SAOC. No. 63). P. 245–276.
- Yule 1982: *Yule P. (Hrsg.)*. Lothal. Stadt der Harappa-Kultur in Nordwestindien. Nach den Arbeiten von S. R. Rao. München (MAVA. Bd. 9).

## КОЧЕВНИКИ ЮЖНОГО УРАЛА VI–IV вв. до н. э. В АНТИЧНОЙ НАРРАТИВНОЙ ТРАДИЦИИ

А. С. Балахванцев (Москва)

Интерес к тому, какие народы населяли Южный Урал во времена Геродота, возник в науке еще во второй половине XIX — начале XX в. Так, Ф. Вестберг считал, что на территории Башкирии, возможно, жили аргимпеи (аргиппеи), а в степях к юго-востоку от Урала — исседоны [Westberg 1904: 185–186]. А. Германн размещал исседонов в Зауралье [Hertmann 1916: 2235]. Новый толчок изучению этого вопроса дало открытие в 1911 году у деревни Прохоровка (Шарлыкский район Оренбургской области) курганов, которые сначала были разграблены местными крестьянами, а затем доследованы С. И. Руденко. М. И. Ростовцев, опубликовавший в своей книге отчет С. И. Руденко, пришел к выводу, что курганы оставлены сарматами, которых он отличал «от сарматов Геродота» [Ростовцев 1918: 81]<sup>1</sup>. При этом М. И. Ростовцев признавал, что «все эти выводы, пока что, гадания» [Там же]. Тем не менее идея о заселении Южного Урала сарматами стала приобретать в отечественной литературе широкое распространение. Уже С. И. Руденко именовал прохоровские курганы сарматскими [Там же: 3].

Однако у зарубежных исследователей эти взгляды не пользовались популярностью. Р. Хенниг считал, что в Зауралье жили исседоны [Hennig 1930: 327; 1935: 248–254]. Э. Филлипс в одной из своих статей отдавал аргиппеям западные склоны Урала [Phillips 1955: 169], а в другой — леса Южного Урала [Phillips 1960: 124]; а к востоку от Урала, на реке Исеть, он размещал исседонов [Phillips 1955: 169]. Б. Н. Граков, исходя из существования в VI–IV вв. до н. э. единой археологической культуры между Доном и Орском, считал, что сначала на этой территории жили савроматы, из которых впоследствии развились сарматы [Граков 1947: 103]. С. А. Жебелев полагал, что районы Зауралья занимали исседоны [Жебелев 1953: 346]. У Л. А. Ельницкого земли по среднему течению Урала занимали аргиппеи [Ельницкий 1961: 75]. К. Ф. Смирнов считал, что в состав самаро-уральской группы савроматов могли входить исседоны, аорсы, роксоланы [Смирнов 1964: 197]<sup>2</sup>. Позднее он пришел к выводу, что по верхнему течению реки Урал жили исседоны,

---

<sup>1</sup> Следует отметить, что Геродот нигде не упоминает сарматов. М. И. Ростовцев явно перепутал их с савроматами. О «сирматах» впервые сообщает Евдокс Книдский (первая половина IV в. до н. э.). Цитата из его утраченного сочинения — «На реке Танаис живут сирматы» (Eudox. F 277 [ed. Lasserre]) — дошла до нас благодаря Стефану Византийскому. Практически в тех же выражениях Павсаний из Дамаска (около 110 г. до н. э.) говорит о «сарматах»: «На Танаисе ... первыми живут сарматы» (Ps.-Scymn. 874). Очевидно, что мы имеем дело с двумя вариантами написания одного и того же этнонима.

<sup>2</sup> Следует заметить, что в другом месте его работы [Смирнов 1964: 192, рис. 84] Южный Урал VI–IV вв. до н. э. отдан протоаорсам.

а дахи и западные массагеты кочевали в степях к югу от среднего течения Урала и по Илеку [Смирнов 1984: 10, рис. 1; 14–17]. Д. А. Мачинский разместил исседонов к юго-западу от южной части Уральских гор, т. е. в степях по течению реки Урал, и на запад вплоть до Самарской луки; аргиппеи же занимают у него среднее и нижнее течение реки Белой [Мачинский 1971: 34, 36]. В. П. Шилов считал, что степи Южного Приуралья занимали исседоны [Шилов 1975: 134]. Ю. М. Десятчиков полагал, что земли по берегам Урала заселяли дахи [Десятчиков 1979: 94]. Согласно Г. М. Бонгард-Левину и Э. А. Грантовскому, исседоны размещались у Южного Урала или в Зауралье [Бонгард-Левин, Грантовский 1983: 32]. Н. Л. Членова помещала в степной части Башкирии и на Южном Урале аргиппеев, а по среднему и верхнему течению Урала и в Зауралье — исседонов [Членова 1983: 55]. Наконец, Р. Исмагил, попытавшийся пересмотреть всю этногеографию геродотовой Скифии, отдал лесную зону Южного Урала и Западной Сибири будинам [Исмагил 2002: 180, 182].

В чем же причина того, что исследователи, формально основываясь на одном и том же источнике — Геродоте, приходят подчас к столь сильно отличающимся друг от друга выводам? Представляется, что причин здесь, как минимум, две. Первая: представленная у Геродота этногеографическая карта земель, лежащих к востоку от Скифии, рассматривается не как целостная система, все элементы которой находятся между собой в тесной взаимосвязи, а как случайное собрание различных сведений, к которым можно подходить избирательно и даже перетасовывать, если этого требует исповедуемая исследователем концепция<sup>3</sup>. Вторая: исследователи, пренебрегая анализом нарративного источника, пытаются сразу же совместить выхваченные из Геродота сообщения с теми или иными археологическими памятниками. Обоснование этого подхода с подкупающей прямоотой в свое время высказала Н. Л. Членова: «...Признавая, что подчас археологическая культура может не совпадать с этнической общностью, надо в каждом конкретном случае попытаться сделать все возможное, чтобы их отождествить, разумеется, без насилия над материалом» [Членова 1988: 8]. К сожалению, последние слова о вреде насилия остаются лишь благим пожеланием и не меняют сути дела: результатом практически всегда бывает именно насилие над источником.

Мы полагаем, что для извлечения из интересующего нас отрывка Геродота всей скрытой в нем информации надо, во-первых, подходить к его данным как к системе, и, во-вторых, перефразируя известные слова Л. Т. Яблонского, отказаться от использования археологического материала на этапе исследования собственно письменного памятника [ср.: Яблонский 2001: 62].

Прежде чем приступить к анализу сведений Геродота по этногеографии восточных соседей Скифии, необходимо также дать ответ на вопрос: насколько в целом достоверно сочинение «Отца истории»? Мы согласны с тем большинством исследователей, которые высоко оценивают Геродота и репрезентативность приводимых им данных [Доватур и др. 1982: 78–79; Тохтасьев, Якобсон 2008: 16–33]. Гиперкритический подход к работе Геродота, утверждения о том, что он фальсифицировал

---

<sup>3</sup> Примером такого подхода может служить перемещение Б. А. Рыбаковым сообщения Геродота об «отложившихся скифах» из 22 главы четвертой книги в 21, благодаря чему их стало возможным отождествить с населением, оставившим Частье курганы у Воронежа [Рыбаков 1979: 116, 121–122]. Излишне говорить, что никакого текстологического обоснования предпринятому им вторжению в текст Геродота Б. А. Рыбаков не дал, да его и не существует.

свои устные источники [Fehling 1989: 17–21, 241], не имеют под собой никаких оснований и зачастую являются плодом элементарного невежества<sup>4</sup>.

На чем же основывается информация Геродота о восточных соседях Скифии? Все исследователи согласны с тем, что интересующий нас отрывок (Hdt. IV, 21–27), по сути, является итинерарием, но о его характере существуют различные мнения. Многие полагают, что Геродот описывает здесь торговый путь, ведущий к золотым рудникам, и его информация заимствована у купцов [Hennig 1930: 328; How, Wells 1964: 309; Asheri et al. 2007: 586]. Однако существует и другая гипотеза, согласно которой описанный Геродотом путь является концептуальным элементом индо-иранской (в том числе — скифской) картины мира и должен идти на север [Погребова, Раевский 1989: 43; 1992: 199]. М. Н. Погребова и Д. С. Раевский ссылаются в связи с этим на работу Г. М. Бонгард-Левина и Э. А. Грантовского [Бонгард-Левин, Грантовский 1983: 32–35]. Однако после обращения к книге последних возникают, как минимум, два вопроса. Во-первых, почему авторы, поместив исседонов у Южного Урала и в Зауралье [Там же: 32], тем не менее, утверждают, что торговый путь Геродота идет на север [Там же: 34]. Ведь координаты устья Дона, откуда начинается путь Геродота, это — 47 градусов 7 минут северной широты и 39 градусов 27 минут восточной долготы, а район обитания исседонов на Южном Урале лежит между 54-м и 62-м меридианами и 51-й и 54-й параллелями; стало быть, путь ведет на северо-восток. Во-вторых: почему вместо разбора текста Геродота (Hdt. IV, 21–27) речь идет о совсем других авторах — Дамасте Сигейском, Аристее из Проконнеса, Помпее Троге, Помпонию Меле, Аристотеле, Плинии Старшем, Солине и даже Софокле? Ведь их взгляды отнюдь не тождественны взглядам Геродота.

Нам представляется, что данные Геродота, как он сам и утверждает (Hdt. IV, 24, 27), заимствованы у скифов, которые добирались до земель аргиппеев и исседонов, а также у эллинских купцов из различных портов Понта Эвксинского. Что же касается направления пути, то о нем можно судить только исходя из самого текста<sup>5</sup>.

Итак, отправной точкой для Геродота является «самый дальний угол озера Меотиды», т. е. место впадения Дона в Азовское море (Hdt. IV, 21). Оттуда путь на протяжении пятнадцати дней идет на север (πρὸς βορέην ἄνεμον) по земле савроматов. День пути у Геродота составляет двести стадиев (Hdt. IV, 101, 3), что примерно соответствует 35–42 км [Граков 1947: 102; Смирнов 1964: 197; Доватур и др. 1982: 236, 326; Asheri et al. 2007: 586]. Таким образом, на савроматский участок пути приходилось 525–630 км. Мы, разумеется, не будем пытаться восстановить точный маршрут в виде линии на карте, но попробуем определить полосу некоторой ширины, по которой он мог проходить<sup>6</sup>. Замечание Геродота о том, что весь путь до страны «отложившихся скифов» шел по «плодородной равнине» (Hdt. IV, 23, 1),

<sup>4</sup> Только так и можно объяснить попытку уличить Геродота в незнании внешнего вида египтян [Fehling 1989: 17–18], о которых у него сказано, что они «темнокожие и с курчавыми волосами» (Hdt. II, 104, 1). Однако на персидских рельефах V–IV вв. до н. э. египтяне изображены именно с курчавыми волосами [Curtis, Tallis 2005: 76–77; Calmeyer 2009. Taf. 15, 4]. О темнокожести египтян см. также: Доватур и др. 1982: 191.

<sup>5</sup> При работе с текстом Геродота мы использовали издание: Herodoti Historiae. Vol. I / Ed. H. В. Rosén. Leipzig, 1987.

<sup>6</sup> Следует также еще раз подчеркнуть, что на основании текста Геродота (Hdt. IV, 21–27) можно судить лишь о направлении и продолжительности описываемого им пути, но отнюдь не о точных границах тех племен, по землям которых он проходил.

не позволяет проложить савроматский участок по Кальмиусской сакме [см.: Болтрик 1990: 36, рис. 4; 38] или направить его строго на север: в первом случае дорога от устья Дона пошла бы через Приазовскую возвышенность, а во втором пересекла бы Донецкий кряж. Видимо, сначала путь шел по долине Дона примерно до места впадения в него Северского Донца (около 120 км), а затем уже уходил на север<sup>7</sup>. Учитывая уже приведенное выше замечание Геродота о равнинном характере местности, путь мог проходить по долине Северского Донца (около 130 км)<sup>8</sup>, затем по водоразделу между реками Калитва и Деркул, далее на Миллерово — Богучар — Павловск и заканчивался в центральных районах Воронежской области (Бобров — Лиски — Бутурлиновка).

Отсюда начинался следующий участок пути, идущий по лесистой земле будинов (Hdt. IV, 21), причем время движения по нему у Геродота не указано. Можно лишь предположить, что оно, как видно из дальнейшего изложения, было очень незначительным, не более двух-трех дней<sup>9</sup>. Поскольку в источнике не отмечено изменение направления движения, то путь, очевидно, по-прежнему, шел на север и пересекал воронежскую лесостепь [Граков 1971: 131–132; Мачинский 1971: 35; Погребова, Раевский 1989: 47; Медведев 2002: 159; Asheri et al. 2007: 595]. Покинув землю будинов, путь продолжался дальше на север (πρὸς βορῆν) в течение семи дней, причем Геродот подчеркивает (Hdt. IV, 22, 1), что он шел по «пустыне» (ἔρημος). Этот термин у Геродота означает «пустынную, безлюдную местность» [Доватур и др. 1982: 207]. Исследователи по-разному локализовывали эту пустыню. Некоторые видели в ней степи на левом берегу Волги, к северу от Сызрани [Phillips 1955: 166; Asheri et al. 2007: 595]. Д. А. Мачинский отождествляет «пустыню» с тамбовской степью [Мачинский 1971: 35]. Видимо, по земле будинов путь проходил где-то между Воронежем и Борисоглебском и шел дальше по Окско-Донской равнине на север на протяжении около 245–294 км, т. е. примерно до северных границ Тамбовской области.

За «пустыней» путь поворачивает на восток (πρὸς ἀπηλιώτην ἄνεμον) [см. также: How, Wells 1964: 310; Asheri et al. 2007: 595] и идет по стране тиссагетов и иирков (Hdt. IV, 22, 1)<sup>10</sup>. О продолжительности пути ничего не сообщается, но из описания Геродота (Hdt. IV, 22, 2) ясно, что иирки живут в лесостепи<sup>11</sup>: в лесу на лошади охотиться нельзя<sup>12</sup>. Видимо, земли тиссагетов и иирков располагались в восточных районах Тамбовской и западных районах Пензенской областей. Таким образом, путь мог проходить между Тамбовом и Моршанском и далее на Пензу.

Покинув землю тиссагетов и иирков, путь идет дальше на восток (πρὸς τὴν ἠῶ) и приводит в страну «отложившихся скифов» (Hdt. IV, 22, 3). Единственный ориен-

<sup>7</sup> О сочетании речных и сухопутных торговых путей см.: Болтрик 1990.

<sup>8</sup> Весьма вероятно, что первый этап путешествия по Дону и Северскому Донцу был речным.

<sup>9</sup> См. примеч. 10.

<sup>10</sup> Об их локализации см.: Доватур и др. 1982: 244–248.

<sup>11</sup> Именно это обстоятельство и позволило нам выше утверждать, что по земле будинов путь шел не более двух-трех дней. Если бы путь продолжался хотя бы пять дней, то, с учетом расстояния, пришедшегося на «пустыню», нашему условному «каравану» пришлось бы после прощания с савроматами идти на север от 420 до 504 км и поворачивать на восток где-то между Рязанью и Мещерой, т. е. не в лесостепи, северная граница которой проходит вдоль правого берега Оки в ее нижнем течении, а уже в полосе густых лесов. См.: Членова 1989: 229, рис. 4.

<sup>12</sup> Мы разделяем мнение [Погребова, Раевский 1989: 49], согласно которому иирки жили в тех же местах, что и тиссагеты.

тир, который дает нам Геродот, это то, что до этой страны шла равнина, а дальше — земля «каменистая и неровная» (Hdt. IV, 23, 1). Таким образом, занимаемые «отложившимися скифами» территории начинались с Приволжской возвышенности на границе Пензенской и Самарской областей. Путь, очевидно, шел между Кузнецком и Инзой и несколько севернее Жигулей выходил к Волге. Затем путь продолжался дальше по «неровной стране», где у подножия высоких гор жили аргиппеи (Hdt. IV, 23, 2, 5). Определить по Геродоту, где проходила граница между «отложившимися скифами» и аргиппеями, и соприкасались ли они вообще, не представляется возможным. Ясно лишь, что путь по-прежнему шел на восток, а характер описываемой Геродотом почвы заставляет прокладывать маршрут по Бугульминско-Белебеевской возвышенности. Отсюда следует, что аргиппеи действительно обитали на территории современной Башкирии, примерно от Уфы до границы с Оренбургской областью. Высоким горам, рядом с которыми жили аргиппеи, хорошо соответствует район Южного Урала в верховьях реки Белой.

К востоку (πρὸς ἤω) от аргиппеев по Геродоту живут исседоны, которых можно приблизительно разместить между Магнитогорском и Челябинском<sup>13</sup>. Геродот упоминает, что месторождения золота (Hdt. IV, 27) находятся к северу от исседонов. Очевидно, что здесь имеются в виду месторождения в районе Миасса и верховьях реки Урал [Членова 1983: 56]. Видимо, исседоны утаивали от иноземцев информацию о местонахождении золота, отдавая его «под охрану» ариаспам и сказочным грифам. Очевидно, что именно это обстоятельство — стремление отвести от богатого золотом района возможных конкурентов — привело и к появлению отраженного у Геродота рассказа о поедании исседонами своих мертвых отцов [Граков 1971: 18].

Определив область обитания исседонов на восточных склонах Уральского хребта, мы получаем возможность проверить правильность всех наших рассуждений. Дело в том, что Геродот указывает (Hdt. I, 201), что массагеты живут «напротив» (ἀντίον) исседонов. Здесь слово «напротив» подразумевает противопоставление «север — юг» и означает «находиться на том же меридиане» [Доватур и др. 1982: 185; Куклина 1985: 79]. Если исседоны жили между 58-м и 60-м меридианами, то они идеально подходят на роль северных соседей массагетов, которые кочевали между Каспием и Аралом [Доватур и др. 1982: 181–182] и совпадали с саками-тиграхауда иранских источников [см.: Доватур и др. 1982: 182]<sup>14</sup>.

Что же касается реки Урал между Уральском и Орском, то жившие на ее берегах племена остались Геродоту неизвестными, поскольку торговый путь проходил севернее. Тем не менее мы можем предположить, что, судя по близким параллелям в погребальном обряде между относящимися к среднеазиатским дахам могильниками в низовьях Зеравшана и Ново-Кумакским могильником в районе Орска, именно вблизи последнего могли обитать уральские дахи [подробнее см.: Балахванцев 2005].

<sup>13</sup> Разумеется, мы не можем судить, насколько простирались земли исседонов на восток и на север, поскольку и сам Геродот этого не знал.

<sup>14</sup> Попытка А. А. Немировского [Немировский 2005] поставить тождество двух этих этнонимов под сомнение не кажется нам удачной. Утверждая, что саки-тиграхауда, в отличие от массагетов, были завоеваны персами, и, стало быть, речь идет о разных народах, автор проявляет чрезмерное доверие к ахеменидским надписям, которые отнюдь не стремились дать их читателю объективную информацию об административном устройстве государства, но были призваны создать у него представление о вечности и неизменности империи [см.: Балахванцев 2006: 367, примеч. 6].



## Литература

- Балахванцев 2005: *Балахванцев А. С.* Среднеазиатские дахи в IV–II вв. до н. э.: происхождение, хронология и локализация // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года). СПб.
- Балахванцев 2006: *Балахванцев А. С.* К вопросу о времени отпадения Хорезма от державы Ахеменидов: источниковедческий аспект // ЗВОРАО. НС. Т. II (XXVII).
- Болтрик 1990: *Болтрик Ю. В.* Сухопутные коммуникации Скифии (по материалам ново-строечных исследований от Приазовья до Днепра) // СА. № 4.
- Бонгард-Левин, Грантовский 1983: *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. М.
- Граков 1947: *Граков Б. Н.* ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. № 3.
- Граков 1971: *Граков Б. Н.* Скифы. М.
- Десятчиков 1979: *Десятчиков О. М.* Дахи и держава Ахеменидов // Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана» (ТД). Ташкент.
- Доватур и др. 1982: *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.
- Ельницкий 1961: *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М.
- Жебелев 1953: *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М.
- Исмагил 2002: *Исмагил Р.* Танаис и другие восточные реки Геродота. Ранние тюркизмы в «Скифском логосе» // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2. Самара.
- Куклина 1985: *Куклина И. В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л.
- Мачинский 1971: *Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. Вып. 13. Л.
- Медведев 2002: *Медведев А. П.* Античная традиция и археологические реалии скифского времени на Среднем и Верхнем Дону // ВДИ. № 3.
- Немировский 2005: *Немировский А. А.* Массажеты Геродота и саки тиграхауда // Эдубба вечно и постоянно: Материалы конференции, посвященной 90-летию Игоря Михайловича Дьяконова. СПб.
- Погребова, Раевский 1989: *Погребова М. Н., Раевский Д. С.* К вопросу об «отложившихся скифах» (Herod. IV, 22) // ВДИ. № 1.
- Погребова, Раевский 1992: *Погребова М. Н., Раевский Д. С.* Ранние скифы и Древний Восток: К истории становления скифской культуры. М.
- Ростовцев 1918: *Ростовцев М. И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Петроград (МАР. № 37).
- Рыбаков 1979: *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М.
- Смирнов 1964: *Смирнов К. Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.
- Смирнов 1984: *Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.
- Тохтасьев, Якобсон 2008: *Тохтасьев С. Р., Якобсон В. А.* Предисловие // Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э. Изд. 2-е, доп. / Под ред. С. Р. Тохтасьева и В. А. Якобсона. СПб.
- Членова 1983: *Членова Н. Л.* Предыстория «торгового пути Геродота» (из Северного Причерноморья на Южный Урал) // СА. № 1.
- Членова 1988: *Членова Н. Л.* О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, новомордовских стел и «отделившихся скифах» // КСИА. Вып. 194. М.
- Членова 1989: *Членова Н. Л.* Волга и Южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II — начале I тыс. до н. э. // СА. № 2.

- Шилов 1975: *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.
- Яблонский 2001: *Яблонский Л. Т.* Скифы, сарматы и другие в контексте достижений отечественной археологии XX века // РА. №1.
- Asheri et al. 2007: *Asheri D., Lloyd A., Corcella A.* A Commentary on Herodotus: Books I–IV. Oxford.
- Calmeyer 2009: *Calmeyer P.* Die Reliefs der Gräber V und VI in Persepolis. Mainz (AIT. Bd. 8).
- Curtis, Tallis 2005: *Curtis J. E., Tallis N. (ed.)*. Forgotten Empire. The world of Ancient Persia. London.
- Hennig 1930: *Hennig R.* Herodots «goldhütende Greifen» und «goldgrabende Ameisen». Ein Kapitel zur Klarstellung antiker Wirtschaftsgeographie // RMPH. Bd. 79.
- Hennig 1935: *Hennig R.* Herodots Handelsweg zu den sibirischen Issedonen // Klio. Bd. 28.
- Herrmann 1916: *Herrmann A.* Issedoi // RE. Bd. IX.
- How, Wells 1964: *How W. W., Wells J.* A Commentary on Herodotus. Vol. I. Oxford.
- Fehling 1989: *Fehling D.* Herodotus and his «sources»: citation, invention and narrative art. Trowbridge.
- Phillips 1955: *Phillips E. D.* The Legend of Aristeas: Fact and Fancy in Early Greek Notions of East Russia, Siberia, and Inner Asia // ArtAs. Vol. XVIII.
- Phillips 1960: *Phillips E. D.* The Argippaei of Herodotus // ArtAs. Vol. XXIII.
- Westberg 1904: *Westberg F.* Zur Topographie des Herodot // Klio. Bd. 4.

## ИЗУЧЕНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ ОРУЖИЯ НА КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЯХ ДРЕВНИХ ТЮРОК В МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЕ (по материалам работ европейских исследователей XVIII — начала XX вв.)<sup>1</sup>

*А. Ю. Борисенко, Ю. С. Худяков (Новосибирск)*

Среди археологических памятников Саяно-Алтая, издавна привлекавших к себе внимание людей, интересовавшихся историческим прошлым этого региона, выделяются средневековые тюркские каменные изваяния, изображающие фигуры людей с оружием. С началом присоединения южных районов Сибири к Российскому государству на них стали обращать внимание ученые и любители старины, в числе которых были европейцы, которых власти приглашали в страну для работы в качестве администраторов, дипломатов, военных, медиков и специалистов горного дела. Некоторые из европейских ученых, путешествовавших по Южной Сибири, оставили описания и зарисовки таких скульптур в своих дневниковых записях и описаниях путешествий. В данной статье подвергнуты анализу изображения оружия на двух средневековых каменных изваяниях, исследованных европейскими учеными и путешественниками на территории Южной Сибири в течение периода XVIII — начала XX вв. Европейские исследователи, приглашенные в Россию из германских государств и приехавшие из Финляндии для изучения Сибири, обнаружили, описали и зарисовали каменные изваяния древних тюрков в долинах рек Черный Июс и с. Бельтыры в Минусинской котловине. Они отметили изображенные на скульптурах сабли, копьё, лук и фигуру всадника с копьём. Эти описания и рисунки представляют большую ценность для исторической науки, поскольку сами каменные скульптуры до настоящего времени не сохранились. Поэтому изучать изображенное на них оружие можно только по описаниям и рисункам. Изучение каменных изваяний и средневековых письменных исторических источников свидетельствует, что эти скульптуры были установлены в память о древнетюркских воинах, принимавших участие в походе войска восточных тюрков через Саянские горы против енисейских кыргызов в начале VIII в. н. э.

Первым европейским исследователем, который обнаружил, описал и зарисовал каменное изваяние с оружием на территории Минусинской котловины во время научной экспедиции, был специально приглашенный для изучения Сибири из Дании доктор Даниэль Готтлиб Мессершмидт. Он смог осмотреть и подробно описать эту скульптуру в своих путевых дневниках [Messerschmidt 1962: 212]. Незадолго до этого, в мае 1722 г., двое участников экспедиции, бывшие шведские военнопленные Филипп Иоганн Табберт и Карл Густав Шульман были отпущены на ро-

---

<sup>1</sup> Работа выполнена по проекту «Изучение военного дела древних и средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии» по договору с РЕЛЕРО № 06/06/2014.

дину [Мессершмидт 2012: 72]. Согласно описанию в дневнике Д. Г. Мессершмидта, эта статуя, которую местное «татарское» население называло «Козен-кеш», или «Кезен-Кеш-Таш», а русские именовали «богатырем», находилась в районе слияния Черного и Белого Июсов. Ученый смог осмотреть ее 20 июля 1722 г. Скульптура стояла «слева от дороги, в прекрасной, поросшей березами и соснами долине». Согласно описанию Д. Г. Мессершмидта, статуя «должна быть высотой около 5 ½ футов, вырублена из красного камня и представлялась моему взору китайцем, лицом, повернутым на юг, в правой руке он держал чашку, левой ухватился за полу сюртука. Вокруг туловища он был опоясан, на поясе висели с двух сторон мешочки как кошелечки... Голова покрыта как бы чепцом, из под которого видны уши, и как казалось случайно отбитые и вновь насаженные, но железный стержень, их поддерживающий, невозможно было увидеть издалека. Усы были похожи как у поляков, а борода на подбородке была довольно длинная и густая, так что можно было видеть, что статуя не женская, а мужская...» Исследователь отметил, что «кочующие татары очень чтят эту статую, и они никогда не упускают возможность, вследствие своих суеверий, приносить ей в качестве жертвоприношения съестные припасы: мясо, коренья и тому подобное, рот был намазан маслом и блестел на солнце, как будто покрытый лаком». В материалах экспедиции Д. Г. Мессершмидта имеется рисунок этого каменного изваяния, «эскиз» которого был сделан самим ученым [Мессершмидт 2012: 110]. На этом рисунке изображена скульптура, у которой выделена крупная голова, миндалевидные глаза, прямой нос, длинные усы, нижняя губа, на подбородке полосами показана борода. На голове изображен полукруглый скол, который исследователь воспринял в качестве «чепца» или китайской шапки. В правой руке, согнутой в локте, показан сосуд на низком поддоне, с шаровидным туловом и конической горловиной. Левая рука согнута в локтевом суставе, ее ладонь на рукояти сабли. Она изображена с изогнутым клинком, вероятно в ножнах, подвешенной наклонно к наборному поясному ремню, снабженному многочисленными накладками. На левом боку к поясу подвешено огниво в овальном чехле. Статуя изображена на квадратном постаменте, хотя в дневнике нет никаких упоминаний о нем [Борисенко, Худяков 2005: рис. 14]. По мнению Э. Б. Вадецкой, этот рисунок был зарисован художником экспедиции [Вадецкая 1973: 97].

Осенью 1739 г. междуречье Черного и Белого Июсов посетили участники Второй Камчатской или Великой Северной экспедиции Герард Фридрих Миллер, Иоганн Георг Гмелин и другие сотрудники, где они нашли описанное Д. Г. Мессершмидтом изваяние, названное в данной статье «Хозен-Кыз», и сняли с него «вторичную копию» [Вадецкая 1973: 98]. Вероятно, ее сделали художники данной экспедиции, И. В. Люрсениус или И. Х. Бергхан. Ученые внесли некоторые важные уточнения в наблюдения предшественников. На изваянии из Черного Июса они увидели саблю и пояс с квадратными бляшками и подвесками. Они осмотрели также еще одно каменное изваяние воина с сосудом в руке и саблей на поясе, которое находилось на р. Туим и было увезено русскими жителями в этот период в г. Красноярск [Борисенко, Худяков 1999: 4–5]. К сожалению, рисунков этого изваяния не сохранилось. Оно не было учтено в сводках средневековых каменных скульптур в Минусинской котловине. По данным Э. Б. Вадецкой, учеными этой экспедиции было обнаружено еще одно средневековое каменное изваяние на р. Аскиз [Вадецкая 1973: 98]. О каменных статуях Г. Ф. Миллер упомянул в одной из своих статей о сибирских древностях. Он указал, что на некоторых из них есть надписи, которые «изъяснить еще не можно» [Миллер 1999: 513].

В 1771–1772 гг. по Южной Сибири во главе отряда «Физической экспедиции» Санкт-Петербургской Академии наук путешествовал известный ученый академик П. С. Паллас, который обращал внимание и на сибирские древности, в том числе на каменные изваяния. В сентябре 1772 г. он раскопал две могилы, в непосредственной близости от которых было установлено каменное изваяние Куртуяк-таш. Он обнаружил в долине р. Абакан два антропоморфных каменных изваяния, на одном из которых были изображения всадника с копьём и копыа со знаменем с прямоугольным полотнищем и косицами и человека с луком в руках. Ученый считал, что на облике каменных изваяний имеются следы буддийского влияния [Паллас 1788: 501].

В 1771 г. по южным районам Сибири путешествовал И. П. Фальк, возглавлявший другой отряд «Физической экспедиции» Санкт-Петербургской Академии наук, который уделил внимание изучению древностей, которые он, вслед за другими исследователями этого времени, приписывал древнему народу «чуди». В его книге приведен рисунок нескольких каменных изваяний из Минусинской котловины, в том числе статуи «Кис-Таш» с Черного Ююса. На рисунке у изваяния изображена массивная голова со сколотой наискось верхней частью, выделены глаза, нос и рот, очень тонкая шея. Правой рукой, согнутой в локтевом суставе, показан шаровидный сосуд на поддоне и с отогнутым венчиком. Левая рука изображена слегка согнутой, с ладонью, сжимающей рукоять длинного клинка с изогнутым нижним концом, который выступает за край скульптуры. На статуе изображен пояс с двумя круглыми мешочками с двух сторон. Скульптура изображена установленной в одном ряду с окуневскими каменными изваяниями развитого бронзового века на неровной поверхности земли [Борисенко, Худяков 2005: 49]. По данным М. П. Грязнова и Е. Р. Шнейдера, этот рисунок был нарисован не профессиональным художником, а геодезистом И. Шишковым в 1739 г. [Грязнов, Шнейдер 1929: 86]. Судя по отмеченным выше деталям, этот рисунок представляется менее точным, по сравнению с рисунком Д. Г. Мессершмидта. Описание путешествия И. П. Фалька были изданы в России через несколько десятилетий после этой экспедиции [Фальк 1824].

В начале XIX в. довольно схематичные рисунки отдельных каменных изваяний из Минусинской котловины, в том числе «Кизи тас» с изображениями оружия, обнаруженное П. С. Палласом в окрестностях с. Бельтыры, были опубликованы Г. И. Спасским [Грязнов, Шнейдер 1929: табл. VII, 68].

В середине XIX в. значительное внимание изучению каменных изваяний в Южной Сибири уделил в своей работе о «чудских копиях» геолог и любитель древностей Э. И. Эйхвальд. Он кратко описал два изваяния с р. Абакан, одно из которых, мужское, с копьём, изображением всадника с копьём и лучника. Он приписывал все каменные статуи к древнему народу «чуди» [Эйхвальд 1858: 34–35]. Судя по описанию, он имел в виду изваяния, найденные П. С. Палласом в окрестностях с. Бельтыры, на одном из которых были эти рисунки.

В сочинении В. В. Радлова о результатах изучения им сибирских древностей приведено описание этой же статуи «Козан-Куш-таш», перевод которого взят из дневника Д. Г. Мессершмидта [Радлов 1989: 433]. Ученый отметил сходство изваяния с сосудом в одной руке с «каменными бабами» южнорусских степей. Изображенные в руках у каменных статуй сосуды он назвал «погребальными урнами» [Радлов 1989: 431].

В конце XIX в. на территории Южной Сибири работала экспедиция Финно-Угорского общества во главе с профессором И. Р. Аспелиным. В 1887–1889 гг.

финские исследователи изучали археологические памятники в Минусинской котловине, на Алтае, в Туве и северо-западной Монголии. На Среднем Енисее они осмотрели и зарисовали несколько средневековых каменных изваяний, одно из которых было ими обнаружено впервые. Было зарисовано каменное изваяние, которое находилось в междуречье р. Черного и Белого Июса, рядом с дорогой из с. Подкамень в с. Чебаки. Оно было вытесано из высокого четырехгранного каменного столба, расколото на пять частей. Голова изваяния была отбита и утрачена. На лицевой стороне изображена согнутая в локте правая рука, в ладони которой показан сосуд с зауженной горловиной. Пальцы левой руки находятся на наклонно изображенной полосе, вероятно, палаше или сабли в ножнах [Appelgren-Kivalo 1931: Abb. 301]. Перед стелой навалены камни. У изображенной скульптуры отсутствует голова. Обращает на себя внимание непропорционально большая высота стелы, на которой изображения рук и предметов размещены в верхней трети статуи. На ней не изображен пояс с бляшками и подвешенный к нему мешочек с огнивом. Это изображение настолько разительно отличается от рисунков изваяния с Черного Июса, выполненных ранее Д. Г. Мессершмидтом и И. Шишковым, что Л. А. Евтюхова определила каждое из них как разные скульптуры [Евтюхова 1952: 95–96].

Учеными из Финляндии были осмотрены каменные изваяния, найденные некогда П. С. Палласом, которые к этому времени были перевезены в с. Аскиз. Одно из них служило коновязью, другое изваяние с изображениями оружия использовалось в качестве ступеньки для крыльца в доме местного купца, а его нижний конец был отколот [Грязнов, Шнейдер 1929: 85; табл. VII, 68]. Эти сильно поврежденные скульптуры были заново зарисованы финскими исследователями [Appelgren-Kivalo 1931: 43; Abb. 211, 212]. Судя по этому рисунку, изваяние «Кижитас» представляло собой прямоугольную в сечении каменную стелу, на поверхности которой на лицевой стороне низким барельефом была выделена голова, шея, плечи и руки обособлены от туловища. На правой боковой стороне в верхней части стелы изображено копьё с приостренным верхним концом, под которым показано знамя с прямоугольным полотнищем и тремя косицами. Ниже изображен пояс, к которому на двух ремешках наклонно подвешен прямоугольный предмет, возможно, колчан [Appelgren-Kivalo 1931: Abb. 211a]. На левой боковой стороне этой стелы, в области головы статуи изображена серьга с подвеской. В области пояса изваяния изображен сложносоставной лук с надетой тетивой, помещенный в налучье полуовальной формы. Ниже изображен всадник, верхом на коне, с длинной пикой в руках, на древке которой показано три узких фляжка — выпела. Всадник показан в иной плоскости, чем само изваяние, движущимся сверху вниз. Однако изображение всадника выполнено в той же манере, что и другие детали этого изваяния, поэтому нет оснований не связывать его с остальными рисунками [Appelgren-Kivalo 1931: Abb. 211b].

В XX в. средневековые каменные изваяния Минусинской котловины неоднократно привлекали внимание российских археологов. В работе М. П. Грязнова и Е. Р. Шнейдера они были выделены в группу статуй «не характерных для края» [Грязнов, Шнейдер 1929: 86]. По мнению исследователей, на изваянии с Черного Июса в правой руке изображен сосуд, «напоминающий по форме сосуды, найденные в Минусинском крае, а левая рука придерживает кривую саблю или меч» [Грязнов, Шнейдер 1929: 87]. В начале 1950-х гг. он вновь кратко охарактеризовал средневековые изваяния Минусинской котловины. Стелы из с. Аскиз он определил в качестве «ранних форм каменных баб тюркского типа» и отнес «ко времени около нашей эры» [Грязнов 1950: 148]. В это же время средневековые каменные изваяния

Хакасии описала Л. А. Евтюхова [Евтюхова 1952: 94–96]. В 1999 г. проблемы изучения древнетюркских поминальных памятников и каменных скульптур в Минусинской котловине были рассмотрены авторами настоящей статьи [Борисенко, Худяков 1999: 4–14]. На наш взгляд, очень редкие на Среднем Енисее древнетюркские поминальные комплексы и каменные изваяния относятся ко времени завоевания земель енисейских кыргызов восточными тюрками в первой половине VIII в. Проанализированный набор изображений оружия и других реалий на этих скульптурах не противоречит предложенной датировке. Палаша и сабли в ножнах на поясе повсеместно изображались на древнетюркских каменных изваяниях в Саяно-Алтае и Центральной Азии. В некоторых случаях на поясе у таких скульптур показывались сложносоставные луки и колчаны [Кызласов 1969: рис. 27, 1–3]. Иногда древние тюрки воспроизводили на статуях сцены из жизни умерших героев. Изображения оружия на каменных скульптурах могут быть ценным дополнительным источником для реконструкции комплекса вооружения древних тюрков в Минусинской котловине. Они свидетельствуют, что воины имели в своем распоряжении не только сложносоставные луки, налучья, стрелы, колчаны, палаша и сабли, но и копья, на древки которых крепились знамена и вымпелы. С помощью разных видов наступательного оружия они могли успешно атаковать противника в дистанционных и ближних боях.

## Литература

- Борисенко, Худяков 1999: *Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Древнетюркские поминальные памятники в Минусинской котловине (по материалам экспедиций XVIII–XIX вв.) // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
- Борисенко, Худяков 2005: *Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск.
- Вадецкая 1973: *Вадецкая Э. Б.* К истории археологического изучения Минусинских котловин // ИЛАИ. Вып. VI.
- Грязнов, Шнейдер 1929: *Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р.* Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 2. Л.
- Грязнов 1950: *Грязнов М. П.* Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // СА. Вып. XII.
- Евтюхова 1952: *Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. № 24.
- Кызласов 1969: *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М.
- Мессершмидт 2012: *Мессершмидт Д. Г.* Дневники. Томск — Абакан — Красноярск. 1721–1722. Абакан.
- Миллер 1999: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. М.
- Паллас 1788: *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. III. Кн. 1. СПб.
- Радлов 1989: *Радлов В. В.* Из Сибири. Страницы дневника. М.
- Фалк 1824: *Фалк И. П.* Записки путешествия // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. VI. СПб.
- Эйхвальд 1858: *Эйхвальд Э. И.* О чудских копьях // Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Ч. III. СПб.
- Appelgren-Kivalo 1931: *Appelgren-Kivalo H.* Alt-Altäische Kunstdenkmaler. Briefe und Bildmaterial von J. R. Aspelins Reise in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Helsingfors.
- Messerschmidt 1962: *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Т. I. Berlin.

# ДВА ВЕЛИКИХ ПРОЛИВА ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА В ДРЕВНОСТИ: БАБ-ЭЛЬ-МАНДЕБ И ОРМУЗ

Ю. А. Виноградов (Санкт-Петербург)

## ВВЕДЕНИЕ

В изучении истории древнего мира проливам уделяется сравнительно небольшое внимание, во всяком случае они никогда не выделялись в некое особое единство, сопоставимое с великими реками (Нил, Тигр и Евфрат, Инд и др.). По-своему это вполне объяснимо, поскольку в долинах этих рек зарождалась цивилизация, формировались первые государства и т. д. В сравнении с ними проливы, т. е. некие узкие водные пространства, разъединяющие участки суши и соединяющие водоемы, чаще всего моря, выглядят не столь привлекательно. Однако это не совсем справедливо, и проливы играли очень важную роль в распространении цивилизации по морским акваториям, открывая путь для мореходов в ранее неизвестные страны. Не вдаваясь в детали, можно с уверенностью считать, что эти географические пункты всегда имели (да и сейчас имеют) немалое стратегическое значение, и контроль над ними обеспечивает возможность доминирования (политического или экономического) на пространствах, лежащих за их пределами. В этом отношении напомним сентенцию, относящуюся к не столь отдаленным временам: «Кто владеет Баб-эль-Мандебом, тот владеет миром».

Не следует забывать и о сухопутных путях, которые порой пересекали проливы. В ряде случаев именно они предоставляли самый краткий маршрут между целыми материками (Европа и Азия — Босфор, Европа и Африка — Гибралтар и т. д.). Через проливы периодически осуществлялись переправы, игравшие особую роль в истории человечества. В первую очередь, естественно, вспоминаются переправы, принимавшиеся в рамках крупных военных акций и приводившие к серьезным изменениям военно-политической ситуации в регионе: переход войск персидского царя Дария I через Боспор Фракийский во время похода на европейских скифов, переход Ксеркса через Геллеспонт в 480 г. до н. э. и др. Порой результатом таких переправ становились серьезные перемены не только в военной, но и в этнической ситуации: переправа галатов в Малую Азию в 278 г. до н. э. или «прыжок» арабского полководца аль-Тарика через Гибралтар в 711 г. н. э. Особое внимание к мероприятиям такого рода вполне понятно, но никак нельзя забывать, что через проливы легко осуществлялись контакты (экономические, культурные и пр.) между народами, обитавшими по их берегам, и эти контакты имели отнюдь не меньшее, а, может быть, и большее значение, нежели походы великих завоевателей.

При изучении древних проливов в первую очередь следует обратить внимание на одно любопытнейшее обстоятельство. Нетрудно представить себе, что у древних мореходов, достигавших отдаленных стран, закономерно возникало представление



о контрасте между своим, обжитым, цивилизованным миром и далекой, враждебной, потусторонней периферией, что побуждало человека той эпохи «относиться к отдаленным частям ойкумены как к лимитрофным зонам между земным и загробным мирами, мифологизировать отдаленные регионы, помещать там вход в царство мертвых или само это царство» [Джаксон и др. 2007: 17]. Весьма отчетливо это проявляется на примере Древней Греции. Проливы в воображении мореходов представлялись как настоящие проходы в загробный мир, рядом с которым нарушался привычный порядок вещей, происходили необычные и опасные явления природы, проживали страшные чудовища и т. д. К примеру, можно указать на движущиеся скалы Симплегады (или Планкты), которые, по преданию, помещали то перед входом в Черное море, то у Геркулесовых столбов, то в Мессенском проливе, в последнем к тому же обитали жуткие чудовища Сцилла и Харибда [Подосинов 2015: 46, 50–52]. Нетрудно понять, что за входом располагалось само царство мертвых. К примеру, за Боспором Фракийским лежал Понт Евксинский (древнегреч. «Гостеприимное море» — совр. Черное море). Совсем не исключено, что за этим, в общем, весьма приятным для человека названием греки скрывали совсем другую его сущность, т. е. «Гостеприимное море» — это просто эвфемизм. Можно предполагать, что первоначально древними греками Черное море считалось морем мертвых, а названный эвфемизм служил лишь для прикрытия этой сугубо сакральной сущности. Скорее всего, Понт понимался в увязке с миром, находящимся за пределами земной жизни; он представлялся как страшное неизбежное море, которое многих «гостей» уже приняло и многих примет еще [Толстой 1918: 153; Иванчик 2005: 81].

Эпитет «счастливый», «счастливая» в применении к лимитрофным зонам, конечно, тоже вполне уместен. Ведь загробный мир в сознании людей связан не только с ужасом смерти, но и с надеждой на счастливое, безмятежное существование в нем. К примеру, такое определение могло сложиться на основе древнегреческих представлений о существующих на краю ойкумены Елисейских полях или островах блаженных, на которых герои после смерти вели счастливую и безмятежную жизнь.

Керченский пролив в древности назывался Боспором Киммерийским, и имеется немало оснований полагать, что древними греками первоначально он понимался в том же самом, обозначенном выше ключе [Виноградов 2000а: 120–122]. Само его название, по всей видимости, было связано с описанной Гомером мрачной и туманной страной киммерийцев (Ном. *Od.* XI, 4), которое соответствует обычным греческим представлениям относительно области Аида [Тохтасьев 1999: 12–13; Иванчик 2005: 56–59]. Концентрация в этом районе «киммерийской топонимики» (Киммерийский перешеек, Киммерийские стены, селение Киммерик) является результатом не существования здесь некоего «Киммерийского царства», а творчества греков-переселенцев, стремившихся как-то объяснить древние руины, которые они видели в осваиваемом районе [Тохтасьев 1999: 7–9]. В районе Керченского пролива древние греки особенно остро могли осознать свою сопричастность к «пограничью» между двумя мирами, и местные древние руины находили естественное объяснение как относящиеся к киммерийцам, обитавшим около входа в Аид.

Отвлекаясь от вопросов осмысления проливов первыми древнегреческими мореходами и обращаясь к реальной истории, следует еще раз обратить внимание на важность этих водных артерий для экономики Эллады. Что касается проливов, соединяющих Средиземное море с Черным, то здесь внимание обычно обращается на значимость хлебного экспорта, шедшего с северного берега Понта. Контроль

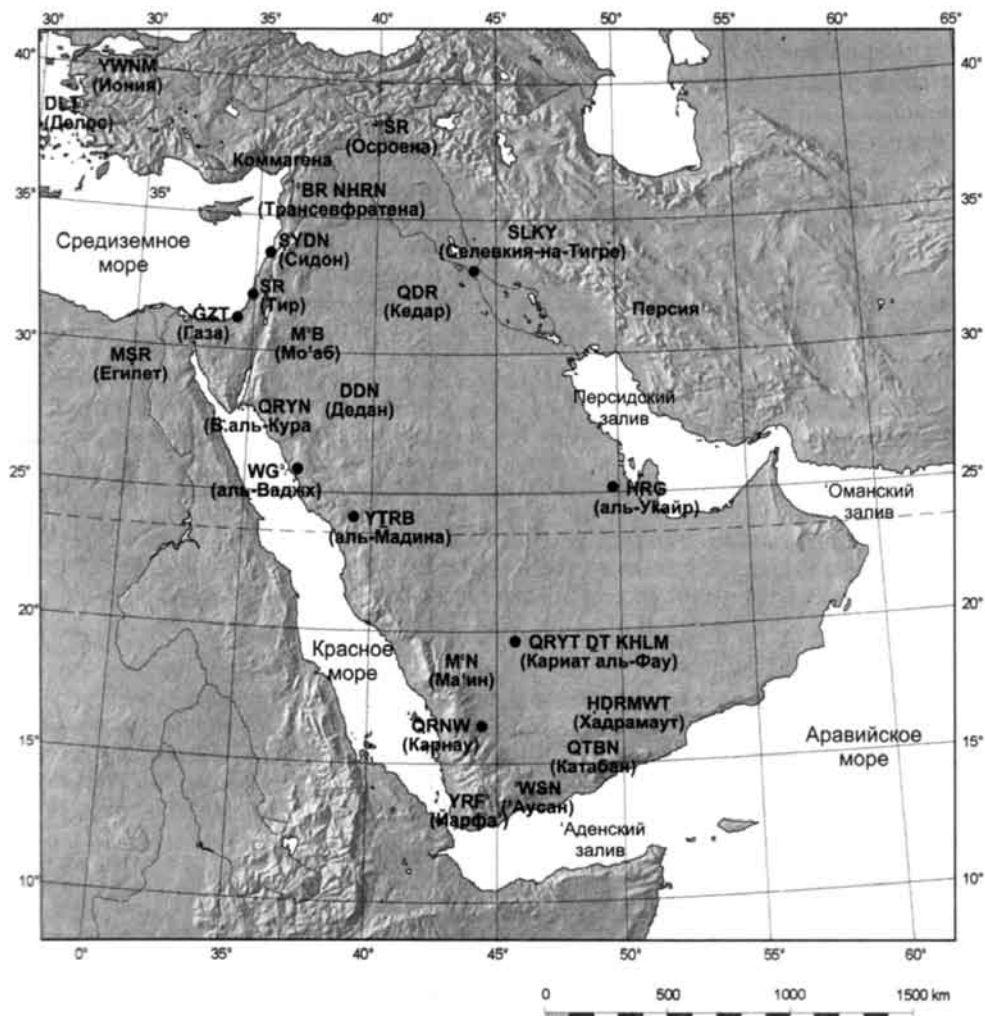
над проливами обозначал и контроль над этим экспортом [Брашинский 1963: 35–55, 89–102, 103–116]. Любопытно, что Греко-Персидские войны никак не повлияли на функционирование этого торгового пути, хотя во время Ионийского восстания (498 г. до н. э.) греки явно стремились освободить проливы от власти персов (Hdt. V, 103). Когда же афиняне упрочили свою гегемонию в Делосском (Афинском) морском союзе, они поставили ввоз хлеба в Средиземноморье из Черного моря под самый строгий контроль [Брашинский 1968: 234–235; 1974: 179–180]. Осуществляемый ими контроль проливов стал иметь еще большее значение во второй половине V в. до н. э., во время Пелопоннесской войны.

И. Б. Брашинский, размышляя по этому вопросу, высказал предположение, что ситуация в Проливах оказывала серьезное влияние на развитие экономической ситуации в бассейне Черного моря. По его мнению, установленная Афинами морская «блокада» стала стимулом к развитию экономических связей между греческими государствами, расположенными в понтийском регионе [Брашинский 1968]<sup>1</sup>.

Что касается Боспора Киммерийского, то он давал возможность для контроля торговых путей, проходящих на восток по реке Кубань и на север, через Азовское море и реку Дон. Эта уникальная для Северного Причерноморья ситуация, возможно, объясняет тот факт, что по берегам пролива возникло большое количество древнегреческих поселений (больше, чем во всех других районах греческой колонизации северного Понта — Юго-Западном Крыму и Нижнем Побужье). Керченский пролив неглубок и не очень широк (около 4 км в самом узком месте). Через него всегда легко осуществлялись переправы из Крыма на Таманский полуостров и в обратном направлении. Можно считать, что здесь пролегал маршрут военных походов скифов, а также маршрут перекочевков какой-то части скифов из Северного Причерноморья на зимние пастбища Прикубанья [Вахтина и др. 1980; Виноградов 2009: 68–71], этот «торный путь» использовался кочевниками и позднее.

Приблизительно на рубеже V–IV вв. до н. э. на этом сложном «перекрестке» сформировалось самое крупное древнегреческое государство из всех, существовавших в Причерноморье, получившее название Боспор [см.: Завойкин 2013]. По крайней мере так обозначалась его прилегающая к проливу «сердцевина». Государство сформировалось как наследственная монархия, просуществовавшая здесь 1000 лет. Боспорское царство, как известно, включило в себя не только ранее независимые греческие города-государства (Пантикапей, Нимфей, Фанагория, Гермонасса, Горгиппия, Кепы), но и целые варварские племена (синды, тореты, керкеты и пр.). На мой взгляд, один из существенных моментов жизнестойкости этого государственного образования заключается в том, что оно располагалось на берегах пролива и, соответственно, в случае негативных перемен в мире воинственных nomadов региона могло найти опору либо среди племен Прикубанья — Предкавказья, либо среди народов, обитавших в Крыму и Северном Причерноморье. Поиск союзников для владык Боспора в сравнении с элитой других греческих государств региона (Ольвия и Херсонес Таврический) был значительно облегчен самим географическим положением государства [Виноградов 2005: 261–262].

<sup>1</sup> В этой гипотезе смущает одно обстоятельство. В 404 г. до н. э., как известно, Афины потерпели поражение в Пелопоннесской войне, и проливы стали открыты для всех. Однако после этого экономические связи причерноморских полисов не только сохранились, но даже усилились [Брашинский 1968: 236; 1974: 180–181], более того — афинский импорт продолжает доминировать в Причерноморье по сравнению со всеми другими центрами Средиземноморья на протяжении всего IV в. до н. э.



**Карта 1.** Аравийский полуостров и прилегающие земли [по: Бухарин 2009а: 14, карта 1]

Кратко обозначив некоторые исторические проблемы, связанные с историей Черноморских проливов в античное время, можно обратиться к основной теме исследования — великим проливам, прилегающим к Аравийскому полуострову с востока (Ормуз) и запада (Баб-эль-Мандеб). Понятно, что в плане культурно-исторического развития сопредельных им территорий они должны иметь немалую специфику, но в обоих случаях не вызывает сомнения, что для Средиземноморья особое значение имело их положение на торговых путях, ведущих в Индийский океан.

Необходимо сделать еще несколько замечаний и оговорок. Почти десять лет назад раздел, посвященный истории двух проливов Индийского океана, планировалось осуществить в рамках проекта «Великие проливы в древности» (грант РГНФ, руководитель — В. И. Козловская), в котором участвовали многие исследователи нашей страны. Полная публикация результатов этого проекта, к сожалению, не удалась, но издание отдельных его частей, на мой взгляд, допустимо

и уместно. Следует признать и то, что в нашей стране очень остро ощущается недостаток научной литературы (особенно зарубежной) по истории этих проливов и прилегающих к ним районов. Понятно, что всесторонний анализ всей имеющейся информации по этому вопросу (письменной и археологической) не может быть задачей весьма ограниченного по объему исследования. По этой причине я не ставил перед собой задачу дать полную картину роли Баб-эль-Мандеба и Ормуза в древней истории. Основываясь на научной литературе, которая стала мне доступна, в основном, благодаря работе в отделении Германского археологического института в Сане (Йемен)<sup>2</sup>, я попытался лишь обозначить некоторые существенные моменты, которые, как представляется, будут любопытны российскому читателю.

## ГЛАВА 1. БАБ-ЭЛЬ-МАНДЕБСКИЙ ПРОЛИВ

### 1.1. География района

Пролив, соединяющий Красное море с Аденским заливом и, соответственно, разделяющий Азию и Африку, сейчас называется Баб-эль-Мандебским, что в переводе с арабского означает «Врата скорби», «Ворота слез» или т. п. [Пирен 1970: 18; Lapidoth-Eschelbacher 1982: 130]. Трудно сказать, когда это название укоренилось в местной топонимике, но можно полагать, что с ним в немалой степени связан целый пласт мифологических представлений, сконцентрированный в данном районе. В их ряду, конечно, стоит название Счастливая Аравия, а, возможно, и название города Аден, о чем подробнее будет сказано ниже. Отвлекаясь от мифологии, следует указать, что пролив сейчас имеет очень небольшую ширину, так что переправа через него не может вызывать больших затруднений. В глубокой древности, во времена оледенений, когда значительные массы воды концентрировались в полярных ледниковых шапках, и уровень мирового океана понижался, эта возможность становилась еще более реальной [Амирханов 2006: 324; Bailey et al. 2007: 6, 12]. Совсем неудивительно, что Южная Аравия имеет много общего с Эфиопией, восточным Суданом, Эритреей и Сомали в климатическом, зоологическом и ботаническом отношениях. Культурные связи между обозначенными регионами временами тоже были исключительно сильными [Raunig 1987: 409].

В настоящее время расстояние между мысом Баб-эль-Мандеб на азиатском побережье (Йемен) и мысом Сиан на африканском (Джибути) составляет 23 км<sup>3</sup>. В самом узком месте пролива находится скалистый остров Перим, имеющий площадь порядка 13–14 кв. км и располагающий небольшой бухтой. Пространство между этим островом и азиатским побережьем называется Малым проливом (ширина — 3,5–5 км), глубина которого составляет всего 10–21 м. Между Перимом и Африкой находится Большой пролив (ширина — 16,5 км), глубина здесь достигает

<sup>2</sup>Выражаю мою сердечную благодарность директору отделения Германского археологического института в Сане Ирис Герлах, а также всем сотрудникам этого учреждения за гостеприимство и понимание.

<sup>3</sup>Есть свидетельство, что в период раннего средневековья, во время химьярито-эфиопского конфликта (о нем см. ниже), пролив был перегороден железной цепью. Н. В. Пигулевская признавала этот сюжет сугубо сказочным [Пигулевская 1951: 241], но Ю. М. Кобищанов, напротив, трактовал его как вполне исторический факт, негативным образом повлиявший на развитие торговли в районе [Кобищанов 1980: 30–31].

311 м. В 16,5 км к югу от Перима лежит группа из шести островов (Дезират, Себа), отстоящих от Джибути на 11 км [Lapidus-Eschelbacher 1982: 130–132].

Использование древними мореплавателями пролива между Азией и Африкой в значительной степени зависело от развития навигации в бассейне Красного моря, направления главных торговых путей вдоль него и т. д. [Sanlaville 1988]. Древние описания пролива, в общем, мало отличаются от современного, но вносят немало любопытных деталей, связанных с пониманием его роли в системе экономических и политических связей в регионе. Географ Страбон, опираясь на сведения Эратосфена (III в. до н. э.), описал это место следующим образом (Strabo XVI, 4, 4; пер. Г. А. Стратановского):

«Пролив этот образует в сторону Эфиопии мыс под названием Диры с одноименным городком, где живут ихтиофаги. Здесь, как говорят, стоит столп Сесостриса Египетского; начертанные на нем иероглифы сообщают о переходе царя через залив. По-видимому, этот царь первым покорил Эфиопию и Троглодитику; затем он переправился в Аравию и прошел всю Азию. <...> Пролив у Диры суживается до 60 стадий. Впрочем, это место теперь не называется больше проливом, но [место], лежащее на пути дальше, где расстояние между материками составляет 200 стадий; там находятся следующие непосредственно один за другим 6 островов, которые заполняют пролив, оставляя только весьма узкий проход; через него провозят товары на плотках с одного материка на другой. Этот-то проход и называется теперь проливом».

Древний географ добавил также, что «мыс на аравийской стороне против Диры называется Акилой» (Strabo XVI, 4, 5). Почти нет сомнения, что Страбон говорит о шести островах, расположенных в 16,5 км к югу от Перима. Именно через них, а не через Перим, тогда, т. е. в III в. до н. э., осуществлялась перевозка товаров на плотках.

Упомянутый географом столп Сесостриса Египетского тоже представляет некоторый интерес. Античная письменная традиция сохранила предание об этом фараоне как о победителе скифов [Иванчик 1999; 2005: 190–204], памятники которому были яко бы расположены в различных частях ойкумены. Есть основания полагать, что под именем Сесостриса скрывается фараон Сенусерт III (1862–1843 гг. до н. э.), совершавший походы в Нубию [Ладынин 2012: 5]. Реальность его продвижения вплоть до Баб-эль-Мандебского пролива в высшей степени дискуссионна.

Принципиально важная информация о районе пролива содержится в анонимном «Перипле Эритрейского моря» (далее — ПЭМ)<sup>4</sup> [о нем см.: История Африки 1979: 92–102; Бухарин 2007а; Rougé 1988: 59, 70–72; Salles 1988: 95–97; 1995; Casson 1989; Seland 2007; McLaughlin 2014: 110–112]. Под Эритрейским морем тогда понимались все водные пространства, омывающие полуостров Аравия, при этом Красное море и Персидский залив рассматривались как его заливы [см.: Пирен 1970: 17; Бухарин 2007а: 10; Högemann 1985: 18, Abb. 2]<sup>5</sup>. О проливе между Афри-

<sup>4</sup> Датировка «Перипла» до сих пор является предметом немалых споров [см.: Бухарин 2007а: 201–232], но большинство современных исследователей относят его создание к 40–70-м гг. I в. н. э. А. Б. Черняк, однако, полагает, что этот документ был составлен между 106 и 114 гг. [Черняк 2012: 323].

<sup>5</sup> В связи с этим немалый интерес представляет вопрос о наименовании моря, омывающего берега Аравии, как Красного (Эритрейского). М. Д. Бухарин, специально рассмотревший этот вопрос, пришел к заключению, что такое обозначение нельзя связывать с семитской традицией. По его мнению, представление о красном / кровавом (пурпурном) цвете внешнего моря восходит к эпохе индо-

кой и Азией в этом документе говорится более пространно, нежели у Страбона, но основное внимание в нем уделено не географии или политической ситуации в данном месте, а возможным коммерческим выгодам от его посещения. Аравийский залив, как автор называет Красное море, наиболее узок около Авалита, расположенного на африканском берегу, где имеется переправа через пролив. Далее автор «Перипла» записал:

«В этом месте есть маленький рынок Авалит, в который прибывают на плотах и лодках. В него ввозят различные виды цветного стекла, и диополитийский сок из молодого винограда, и различного вида валяные варварские гиматии, и вино, и немного олова. Везут же из него, а иногда и варвары на плотах перевозят в [лежащие] напротив <О>келис и Музу, ароматы, и немного слоновой кости, и черепаху, и совсем немного мирры, превосходящей, однако, всякую другую» (ПЭМ: § 7; пер. М. Д. Бухарина).

Описывая Аравию, автор «Перипла» добавляет к своему описанию, что пролив между Азией и Африкой имеет в ширину 60 стадиев, по середине его лежит остров Диодора, в котором, вероятнее всего, следует видеть современный Перим. «Поэтому, когда с близлежащих гор дует ветер, плавание вдоль него (острова. — Ю. В.) [проходит] по сильному течению. В этой теснине есть приморская деревня аравийцев Окелис <...>, [которая] не столько рынок, сколько бухта, и источник воды, и первая остановка для продолжения плавания» (§ 25; пер. М. Д. Бухарина).

Из текста «Перипла» следует, что в I в. н. э. переправы через пролив стали осуществляться через Перим (остров Диодора), а не через шесть островов, лежащих южнее его, как это описывал Страбон. Несмотря на такую перемену, остается вполне очевидным, что через Баб-эль-Мандебский пролив торговые связи и вообще перемещения людей между континентами могли осуществляться без особого труда.

Нет сомнения, что начало таких связей следует отодвигать вглубь истории [Fatovich 1997: 274; 2004: 71], о чем подробнее будет сказано ниже. Обращаясь, так сказать, к истокам, следует обратить внимание, что заселение предками современного человека Аравийского полуострова произошло с единственно возможного направления, — это был путь из Восточной Африки как области, где «непосредственно происходило становление человека» [Амирханов 2006: 323]. Обозначенные связи расширялись и крепились с течением времени. Вполне очевидно, что они имели большое значение как для западной Аравии, так и для Африканского Рога. Эфиопия на протяжении веков была важным источником сырых материалов, в особенности слоновой кости и золота, а также рабов; Аравия поставляла ладан и другие виды благовоний [Pankhurst 2004: 23]. Культурные и экономические связи между двумя континентами не ограничивают весь спектр взаимодействий, поскольку в обоих направлениях могли осуществляться перемещения людских масс, проводиться военные походы и т. д. Этим процессам, которые все более отчетливо фиксируются современной археологической наукой, в основном, и посвящена данный раздел работы. Сравнительно недавно Сара Аренсон поставила вопрос: «Красное море было мостом или барьером?» [Arenson 2007]. Ответ на него вполне очевиден, — конечно, мостом, и в особенности такое утверждение будет справедливым в отношении Баб-эль-Мандеба.

---

европейского единства, а точнее к мифологическому сюжету о кровопролитии, происшедшем при борьбе героя с драконом во времена творения первичных природных начал [Бухарин 2009б].

Прежде чем перейти к рассмотрению функционирования этого моста на протяжении столетий, следует обратиться, так сказать, к «преданиям старины глубокой», т. е. к мифологическим представлениям, связанным, правда, не с самим проливом, а с прилегающим к нему районом Южной Аравии.

## 1.2. Счастливая Аравия

Первые контакты районов, примыкающих к Баб-эль-Мандебскому проливу, с цивилизованным миром древности, вероятнее всего, следует связывать с Египтом, точнее с египетской экспансией в область Нубии [см.: Zibelius-Chen 1988; Adams 1990; Manzo 1999: 22–39]. Особый интерес в этой связи должны привлекать экспедиции египтян в страну Пунт, где они в больших количествах получали золото, черное дерево, ладан, экзотических животных и т. д. Наибольшей известностью пользуется поход царицы Хатшепсут (1521–1501 гг. до н. э.), описанный в надписях и рельефах, высеченных на стене храма в Дейр эль-Бахри [История Африки 1979: 10–17]. Скорее всего, Пунт располагался в Южном Красноморье [История Древнего Востока 1988: 335, 438, 470, 529]. Большинство исследователей при этом склонны считать, что эта страна находилась в Восточной Африке, т. е. в Юго-Восточном Судане, Северной Эфиопии, Эритрее [Zayed 1990: 95; Kitchen 1993; 1998; 2004: 30; 2005: 11; 2007; Dembski 1996a: 49; McLaughlin 2014: 73, 129, 140–149]. Насколько далеко к югу проникали египтяне, судить очень трудно. Н. Грум, к примеру, полагает, что они никогда не пересекали Баб-эль-Мандебский пролив [Groom 1981: 28]. Тем не менее, есть веские основания считать, что самой южной точкой, куда могли заходить египетские корабли, был африканский мыс Гвардафуй [Zayed 1990: 98]. К. А. Китчен при этом даже высказал категорическое заключение, что любые неафриканские локализации Пунта следует полностью исключить [Kitchen 1993: 603]. Тем не менее, совсем нетрудно представить, что египетские корабли хотя бы иногда могли пересекать Красное море в широтном направлении (скажем, в районе Баб-эль-Мандеба) и приставать к аравийским берегам. Не удивительно поэтому, что некоторые ученые признают, что название страны Пунт распространялось и на южную часть Аравийского полуострова или, по крайней мере, допускают, что египтяне, устремлявшиеся в плаванья по Красному морю, посещали также и Южную Аравию [Томсон 1953: 26–28; Бухарин 2009a: 17; Doe 1971: 13; Adouin, Breton 1987: 63; Keal 2004: 53], и, как будет показано ниже, в подобной точке зрения есть свой резон. В египетских документах Пунт упоминается приблизительно с 2500 г. до н. э. по 600 г. до н. э. [Kitchen 2004: 25]. Необходимо подчеркнуть при этом, что где-то за Пунтом египтяне видели некую землю, принадлежащую богу [Groom 1981: 22; Kitchen 1993: 592; Chamí 2002: 23; Dixon 2004: 33]. Поскольку одной из целей походов в Пунт, как было сказано, являлся ладан, произрастающий как в Африке, так и на юге Аравии, то можно предположить, что одним из пределов страны бога египтяне признавали берега Баб-эль-Мандебского пролива [Zayed 1990: 98]. Важно отметить при этом, что лучший ладан произрастает именно на юге Аравии [Doe 1971: 13; см. также Robin 1997a]<sup>6</sup>.

<sup>6</sup> О значении ладана в древности надо сказать особо. Понятно, что он всегда использовался при богослужениях, и храмы поглощали огромное количество этой благовонной смолы. К примеру, Геродот сообщает, что на большом алтаре вавилонского храма ежегодно сжигалось 1000 талантов ладана (Hdt. I, 183), т. е. порядка 30 тонн [Retsö 1997: 473; McLaughlin 2014: 30]. Вообще, у античных авторов цифра 1000 талантов регулярно встречается для обозначения необычно большого количества этой

Не случайно, что египтяне, точнее посланные ими финикийцы, были первыми из известных нам мореходов, которые прошли через Баб-эль-Мандебский пролив. Имеется в виду экспедиция, посланная фараоном Нехо (609–593 гг. до н. э.), которая пересекла Красное море, вышла в Индийский океан, обогнула Африку и, как об этом сообщает Геродот, на третий год плавания вошла в Средиземное море [Hdt. IV, 42; см.: Томсон 1953: 113–116; Uphill 1988: 163]. Есть основания считать, что при персидском царе Дарии I был прорыт канал, соединивший Красное море с одним из рукавов Нила, о котором упоминают некоторые античные источники (Hdt. II, 158; Diod. I, 33; Strabo XVII, 1, 25). А. В. Эдаков полагает, что этот канал, законченный к 500 г. до н. э., означал начало качественно нового этапа в развитии судоходства в регионе, соединяя Восточное Средиземноморье с Красным морем и Персидским заливом [Эдаков 1980: 117–120; ср.: Дандамаев 2013: 174–175; McLaughlin 2014: 86]. Однако большинство исследователей относятся к такой реконструкции достаточно осторожно (см. ниже, главу 2).

Что касается античных источников, то в них юг Аравии обозначается термином Счастливая Аравия — Ἀραβία εὐδαίμων, Arabia Felix (см.: Diod. III, 46; V, 41, 3; Strabo XVI, 3, 1; 6, 4, 2; 21; Diod. III, 46; Plin. *NH.* VI, 138; Ptol. *Geogr.* V, 16, 1; VI, 7, 1). Агагархид Книдский, деятельность которого относится к концу II в. до н. э. [Burstein 1989: 13], писал, что Арабский залив (т. е. Красное море) заканчивается Великим морем (Индийским океаном), причем с одной стороны крайней точки залива лежит Счастливая Аравия, а с другой — Троглодитика (Agatharch. V, 31b). Неудивительно, что после такой географической привязки данное словообразование до сих пор широко бытует, применяясь, в основном, к территории Йемена [см.: Пирен 1970: 16–17; Грязневич 1978: 31, 157, 165; Путинцева 1984: 42; Playfair 1859; Sprenger 1875: 9; Thomas 1938; Phillips 1955: 196; Doe 1971: 12; Robin 1979b; Groom 1981: 10; Dembski 1996b; Maigret 1996; 2002a; Cuvigny 1997; 1998; Vogt 1999b; Saint-Prot 1997; Searight 2007: 18, 42; McLaughlin 2014: 29]. Исследователи при этом исходят также и из того, что корень YMN, к которому восходит название страны «Йемен», в арабском языке означает не только «юг», но также и «счастье» [см.: Путинцева 1984: 42; Бухарин 2007б: 204; 2009а: 68; Hulton 2003: 175]. Кроме

---

смолы. Можно только представить, сколько потреблял храм в Иерусалиме. По свидетельству Отца Истории, арабы посылали в дар персидскому царю 1000 талантов ладана (Hdt. III, 97). Очень вероятно, что интерес Александра Македонского к Аравии был в немалой степени обязан произрастающему в этой стране ладану (Агр. *Anab.* VII, 20, 2). После захвата Газы он послал своему воспитателю Леониду 500 талантов ладана (Plut. *Alex.* 25). В процессии, устроенной Птолемеем Филадельфом в Александрии во время одного из празднований, ладан несли на золотых блюдах (Athen. 197F). Антиох III, совершивший поход на город Герру в Персидском заливе, получил там богатейшие дары, включавшие 1000 талантов этой смолы (Polyb. XIII, 9, 5). Нетрудно понять, что обладание ладаном здесь уже превращается в атрибут царственности или даже богоподобности земного владыки [Grottanelli 1997: 503–504; Bowersock 1997: 543–544, 553].

Благовония широко использовались в погребальных обрядах различных народов. В частности, Геродот говорил о них при описании похорон скифских царей (Hdt. IV, 71), а вот германцы благовоний в таких церемониях вообще не применяли, что Тацит вынужден был оговорить особо (Тас. *Germ.* 27). Естественно, они в больших количествах сжигались при похоронах знатных римлян. К примеру, во время похорон Суллы из ладана и киннамона было изготовлено большое изображение самого Суллы, а также изображение ликтора (Plut. *Sull.* 38). Такое использование драгоценной смолы на первый взгляд кажется несколько необычным или даже странным, но эти изображения, по всей видимости, были сожжены во время погребальной церемонии. Масса благовоний была использована при похоронах Поппеи, жены Нерона (Тас. *An.* XVI, 6), по словам Плиния, тогда было сожжено столько благовоний, сколько вся Аравия не производила за год (Plin. *NH.* XII, 41).



того, в названии крупнейшего йеменского порта на берегу Индийского океана, Адена, нетрудно уловить близость к названию райской страны Эдема [Hulton 2003: 175], и Г. М. Бауэр считал, что оно действительно восходит к арабскому корню, означающему «процветать, жить в достатке, блаженстве» [Бауэр 1981: 214]. Есть веские основания считать, что Аден упоминался в «Перипле Эритрейского моря» (ПЭМ: § 26) под названием Счастливая Аравия — Евдемон Аравийский [Бауэр 1981: 215; Седов 2005: 310; Бухарин 2007а: 110–111; Sprenger 1875: 80; Hoyland 2001: 44; McLaughlin 2014: 78]<sup>7</sup>. Совсем не исключено, что этот порт существовал здесь, по крайней мере, со II в. до н. э., но к моменту появления на юге Аравии другого порта — Кани' (о нем см. ниже) — в конце I в. до н. э. он захирел и, по свидетельству автора «Перипла Эритрейского моря» (§ 26), превратился в деревню [Бухарин 2009а: 69].

Представление о юге Аравии как о стране очень богатой у античных авторов было весьма устойчивым. Так, Агатархид Книдский писал, что сабейцы обитают в районе, называемом «Счастливая Аравия», дающем большинство продуктов, которые считаются ценными у жителей Средиземноморья (Agatharch. V, 99b), подобным образом высказывают Страбон (Strabo XVI, 4, 2), а также Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. XXIII, 6, 45–47). Многие современные ученые, пытающиеся найти рационалистическое объяснение этому термину, в общем, следуют именно такому пониманию. Г. М. Бауэр и А. Г. Лундин по этому поводу, в частности, писали: «Культура разведения благовонных деревьев стала одним из источников процветания государств древнего Йемена и сказочных богатств, давших ему название “Счастливой Аравии”» [Бауэр, Лундин 1994: 87]. Другие исследователи приводят очень похожие объяснения [см.: Хвостов 1907: 100; Пиотровский 2011: 13; Stark 1978: 5; Robin 1997b: 42; Breton 1998: 11].

Между тем, традиционное представление, что именно Йемен в классической древности рассматривался как «Счастливая Аравия», все-таки не вполне верно. Впервые этот термин встречается в произведениях древнегреческой драматургии конца V в. до н. э. Так, один из героев комедии Аристофана «Птицы» (впервые поставленной на сцене в 414 г.) утверждает, что на Эритрейском море есть счастливый город (εὐδαίμων πόλις παρὰ τὴν ἐρυθρὰν θάλατταν: Aristoph. *Aves* 144–145). В трагедии Еврипида «Вакханки» (премьера которой состоялась в 405 г.) бог Дионис, обращаясь к слушателям, говорит, что на своем долгом пути в Элладу он обошел всю Азию и, в частности, посетил землю счастливых арабов (Ἀραβίαν εὐδαίμονα: Euripid. *Bacchae* 16). Не вызывает сомнения, что названные авторы не пытались поделиться со своими согражданами последними географическими открытиями, но обращались к сюжетам, которые уже тогда были общеизвестными. Иными словами, в обыденном сознании афинян второй половины V в. до н. э., как, надо думать, и других эллинов, прочно укоренилось мнение, что где-то на далеком берегу Аравии имеется счастливый город (города) и обитают там счастливые люди. Страбон по этому поводу отметил: «Что касается “счастья” арабов, то в доказательство этого можно даже привести намерение Александра, который, как говорят, хотел сделать Аравию своей царской резиденцией по возвращении из Индии» (Strabo XVI, 4, 27; пер. Г. А. Стратановского). Арриан свидетельствует, что Алек-

<sup>7</sup> Сравнительно недавно при строительных работах в Адене был обнаружен некрополь. Это открытие дало основание полагать, что где-то рядом находятся и остатки поселения Счастливая Аравия [Амирханов и др. 2002: 168; Седов 2005: 309–310].

сандр Македонский действительно мечтал основать в Аравии «счастливые города» (Arr. *Anab.* VI, 21, 5; VII, 20, 2).

Все приведенные высказывания древнегреческих писателей и историков отличаются чрезвычайной расплывчатостью и не дают особых оснований для локализации Счастливой Аравии на территории именно Йемена, хотя, разумеется, и не исключают ее. Однако Страбон, опиравшийся на труд Эратосфена Киренского (III в. до н. э.), называл так всю Южную Аравию, а отнюдь не одну ее юго-западную часть (Strabo XV, 2, 14; XVI, 3, 6; 4, 2), и, в принципе, такой взгляд можно считать общим для греческой и латинской литературы, начиная еще с раннего эллинизма [Retsö 2000: 189].

В качестве примеров можно привести информацию Клавдия Птолея (*Ptol. Geogr.* VI, 7, 1), а также пассаж из «Истории» Аммиана Марцеллина: «С юго-востока к ним (парфянам. — Ю. В.) примыкают счастливые арабы, названные так потому, что они богаты плодами, скотом, виноградной лозой и благовониями разного рода. Страна в большей своей части прилегает с правой стороны к Красному морю, с левой — к Персидскому, что позволяет населению пользоваться всеми благами обеих стихий. Много есть там бухт и безопасных гаваней, торговые города, один поблизости от другого, великолепные и роскошно украшенные дворцы царей, весьма здоровый климат, так что по справедливости у них есть, по-видимому, все для полного блаженства. Много в этой стране городов внутри нее и по берегам моря, богатых полей и долин...» (Amm. Marc. XXIII, 6, 45–47; пер. Ю. А. Кулаковского).

Уже говорилось о предположении Г. М. Бауэра, считавшего, что древним грекам был известен Аден/Адан (Эвдемон Аравийский — Счастливая Аравия). По этому поводу он признавал: «Так или иначе, в названии Эвдемон как нельзя лучше совпадали и переплетались и собственное название Адан, и представление об этом рынке как о “процветающем благодаря торговле”, и отражение поисков греками “счастливых” городов или островов, куда можно было бы убежать из неуютного и сурового мира» [Бауэр 1981: 217]. Исследователь, безусловно, в чем-то был прав, вот только процветающих торговых городов на южном побережье Аравии в V в. до н. э., скорее всего, не существовало. Считается, что южноаравийские государства, сформировавшие так называемую «культуру Сайхад» (о ней см. ниже), первоначально не были заинтересованы в освоении прибрежных районов и развитии морской торговли. Их экономические и политические центры концентрировались вдоль караванных путей, по которым осуществлялась торговля, в основном, благовониями. Только после завоевания Римом Египта, т. е. не ранее последней трети I в. до н. э., и бурного развития торговли с Индией эти государства, прежде всего Хадрамаут, стали строить порты на побережье [Аванцини 2003: 145].

Иными словами, процветающие торговые города на южном побережье Аравии (Кани' в совр. Йемене, Сумхурам в совр. Омане) возникли значительно позднее представления о Счастливой Аравии. С другой стороны, вряд ли можно оспаривать, что на формирование такого представления могли повлиять слухи о городах, расположенных во внутренних районах региона и ставших центрами сосредоточения товаров (прежде всего ладана), которые очень высоко ценились в странах Средиземноморья. Ни один из этих центров, однако, никак не подходит под определение счастливой города, по словам Аристофана, расположенного на Эритрейском море. В связи с изложенным следует обратить внимание и на то, что у любого человека, знающего южную Аравию не понаслышке, обозначение ее как счастливого края,

мягко говоря, должно вызывать недоумение. Бертран Томас по этому поводу абсолютно справедливо писал: «Странно, что эпитета “Счастливая” удостоена та часть земли, бульшая часть которой представляет бесплодную пустыню, где человек с времен глубокой древности всегда находился в состоянии войны с окружающей обстановкой и со своими соседями» [Thomas 1938: XII]. Ему вторил Вендел Филлипс, с полным основанием заметивший, что термин Arabia Felix для очевидца представляется «горько ироничным» [Phillips 1955: 5]. Действительно, пустыни и выжженные солнцем горы Южной Аравии, ее тяжелый климат и пр. никак не вяжутся с подобным определением. Не удивительно, что уже Плиний называл этот термин «неверным и бесполезным прозвищем» (Plin. *NH.* XII, 82).

Между тем, некоторые античные авторы в контекстах, связанных со Счастливой Аравией, упоминают и счастливые острова, расположенные где-то в океане. Так, Агатархид Книдский называл некий остров, находящийся где-то между Индией и Аравией, «Островом счастливых» (Agatharch. V, 105a) [см.: Томсон 1953: 202; Glaser 1890: 182; Burstein 1989: 169, 2]. В связи с этим следует обратить внимание также на рассказы двух эллинистических авторов, Евгемера и Ямбула, дошедшие до нас в изложении Диодора Сицилийского. В «Священной хронике» Евгемера (Diod. V, 41–46), в частности, говорится о путешествии автора из Счастливой Аравии к трем островам, расположенным напротив самой удаленной ее части. Главный из них, остров Панхайя, предстает неким в полной мере сакрализованным местом. На другом острове, названном Священным, по словам Евгемера, не произрастает ничего, кроме ладана, но зато «в таком количестве, что его достаточно для всей обитаемой земли, дабы славить богов» (Diod. V, 41, 4; пер. М. К. Трофимовой). Повествование о путешествии Ямбула не менее красочно (Diod. II, 55–60). Он отправился в Аравию, затем попал в плен к эфиопам, которые послали его вместе с другим пленником в плавни на юг, к счастливому острову. Эфиопы совершали такие акции периодически, рассматривая их как искупительные жертвы богам за свою страну. Этого острова, который назван Солнечным, Евгемер достиг через четыре месяца, и был радушно принят тамошними жителями. Рядом с этим островом были расположены еще шесть подобных ему. Жизнь на них описывается как в полной мере счастливая и безмятежная.

Ф. Ф. Шварц считает, что история путешествия Ямбула была написана в III в. до н. э. [Schwarz 1975: 186], и такая датировка вполне допустима [Трофимова 1992: 261–262]. Дж. О. Томсон признавал эти истории чистым вымыслом и наивной утопией [Томсон 1953: 256; ср.: Трофимова 1992], но все-таки допускал, что упоминания о «Счастливых островах» близ Аравии базировались на слухах об острове Сокотра [Томсон 1953: 200], точнее, конечно, следует говорить не об одном острове, а о Сокотрийском архипелаге [Наумкин 2012]<sup>8</sup>. Любопытно, что само название Сокотра часто производят от индийского термина «счастливая земля» [Медведев 1961: 78; Наумкин 1988: 23; Glaser 1890: 11, 182; Burstein 1989: 169, 2; McLaughlin 2014: 144]<sup>9</sup>.

<sup>8</sup> Любопытно, что вместе с небольшими скальными образованиями этот архипелаг включает шесть островов [Наумкин 2012: 10–13].

<sup>9</sup> Проводившиеся на острове археологические исследования долгое время не давали надежных свидетельств, относящихся к интересующему нас времени [см.: Наумкин 1988; 1989; Наумкин, Порхоумовский 1981; Амирханов и др. 2002: 172; Shinnie 1960; Doe 1992; Naumkin, Sedov 1993; 1995; Weeks et al. 2002]. П. Л. Шинни в связи с этим сделал следующее заключение о приезде древних торговцев на Сокотру: «Мы можем легко представить, что они приезжали так же, как это делают современные

Немецкий исследователь Й. Ретсё, однако, пришел к заключению, что представление о «Счастливой Аравии» было связано совсем с другой традицией и другим островом, расположенным в Персидском заливе. Этот остров — Бахрейн, отождествляемый с Дильмуном шумерской мифологии, т. е. священным островом, домом богов и т. д. [о нем см.: Бибби 1984; см. также ниже, главу 2]. По мысли Й. Ретсё, «Счастливой Аравией» первоначально называли только прилегающее к Бахрейну юго-восточное побережье Персидского залива, затем это название распространили на всю Южную Аравию [Retsö 2000; 2003a: 290–294]. С Йеменом «Счастливая Аравия» стала отождествляться, как ему представляется, только после включения Красного моря в сферу интересов Римской империи при Октавиане Августе, когда в официальной пропаганде неудачный аравийский поход Элия Галла (см. ниже) стал рассматриваться чуть ли не как покорение этой легендарной страны [Retsö 2003b].

Гипотеза Й. Ретсё, возводящая возникновение представления о «Счастливой Аравии» к шумерской эпохе, конечно, выглядит очень соблазнительно, однако она вызывает определенные сомнения. Диодор Сицилийский, опирающийся на труд Агатархида, все-таки обозначает этим термином область Йемена, а не юго-восток Аравии и даже не все южноаравийское побережье (Diod. III, 46, 1). Следует отметить, что и порт Аден (Евдемон Аравийский) тоже, скорее всего, возник еще в доримское время. Еще раз следует обратить внимание и на то, что название страны Йемен может пониматься как «расположенная на юге», «лежащая по правую руку»; именно с этими параметрами «в традиционном арабском мирознании доисламского периода связано понимание “благоденствия” и “счастья”» [Бухарин 2007б: 204]. В этом отношении Юго-Восточная Аравия, лежащая по левую руку, не вполне соответствует представлению о «стране счастья».

М. Д. Бухарин считает, что в этом специфическом названии отразились поиски греками «счастливых» городов и островов на краю ойкумены [Бухарин 2007а: 111; ср.: Бауэр 1981: 217]. Если взглянуть на проблему с этой позиции, т. е. с позиции древнегреческих мореходов, отправлявшихся в далекие и рискованные плавания, то их «счастливые земли» часто надо понимать не столь однозначно. Уже говорилось (см. введение), что отдаленные части ойкумены воспринимались ими как относящиеся к потустороннему царству, а проливы, соответственно, как входы в него. Название Баб-эль-Мандебского пролива («Врата скорби») в этом отношении вполне органично, в нем нет и тени эвфемизмов, которые проявляются в других районах, к примеру, в Черном море (для древних греков — море гостеприимном). Эпитет «счастливый», «счастливая» в применении к лимитрофным зонам, конечно, тоже вполне уместен. Нельзя исключать, что такое определение могло сложиться на основе древнегреческих представлений о существующих на краю ойкумены Елисейских полях или островах блаженных, на которых герои после смерти вели счастливую

---

торговцы из Южной Аравии и Индии, только на несколько дней, возможно, вытаскивали свои корабли на берег, восполняли запасы пищи и воды и отправлялись к Индии или к Красному морю, оставляя после себя совсем немного» [Shinnie 1960: 108]. Более 50 лет это заключение было хоть и несколько странным, но отвечающим состоянию источников. Лишь в 2010 г. Российско-Йеменской комплексной экспедицией на крайнем западе острова были открыты поселения, связанные с международной торговлей первых веков н. э. в бассейне Индийского океана [Виноградов 2011; 2014; Виноградов и др. 2011: 156–157; 2013: 130; Наумкин 2012: 219–226]. Материалы изучения этих поселений позволяют согласиться с точкой зрения, что именно Сокотра была местом встречи торговцев из Средиземноморья и Индии [McLaughlin 2014: 77].

и безмятежную жизнь. Области современного Йемена, прилегающие к Баб-эль-Мандебскому проливу, т. е. к выходу в бескрайний океан, в этом отношении должны были иметь особую семантическую нагрузку. Древние греки вполне могли назвать их «счастливыми», вкладывая в это особый смысл, остающийся непонятным или даже странным современному человеку, но об этом мы можем только догадываться. С течением времени, очевидно, представление о «счастье» этой части Аравии претерпело коренные изменения, и пролив, ведущий в открытый океан, стал именоваться «Вратами скорби». Такое соединение, казалось бы, несоединимого по-своему тоже понятно, но рассуждать на эту тему вряд ли имеет смысл.

### 1.3. О бронзовом веке Юго-Западной Аравии

Одну из сложнейших проблем современной археологической науки представляет становление цивилизации на юге Аравии. Местная специфика этой цивилизации настолько очевидна, что не нуждается в особой аргументации. Вместе с тем, с полной определенностью следует признать и то, что ее становление не могло иметь места в обстановке культурного вакуума. Несколько отвлекаясь от поставленного вопроса, можно кратко заметить, что в юго-западной части Аравийского полуострова представлены все ступени палеолита, начиная с олдована. Памятники этого времени имеют черты, характерные как для Африки, так и для Ближнего Востока [Амирханов 1991; 2006: 11–16, 286, 293]. Х. А. Амирханов отмечает при этом, что по мере развития здесь все более отчетливо выступали тенденции каменного века Африки [Амирханов 2006: 330]. Окончательное заселение Аравии человеком, в том числе и ее южной части, приходится на VII–VI тыс. до н. э. [Амирханов 1989: 166]. В эпоху неолита контакты между двумя континентами продолжались, но их вектор заметно изменился. В отношении так называемого «пустынного неолита» юга Аравии (IV–III тыс. до н. э.) Х. А. Амирханов отмечает, что он оказывал прямое воздействие на неолит Фаюмского оазиса в долине Нила [Амирханов 1997: 203–205, 243; 2006: 470–472]. Весьма любопытная картина в связи с этим рисуется на основании изучения обсидиана, точнее, распространения африканского обсидиана на юг Аравии и еще далее на восток. Некоторые исследователи считают, что первые документированные свидетельства существования обмена между двумя регионами следует относить ко времени неолита, т. е., по крайней мере, на 8000 лет назад [Inizan, Francaviglia 2002: 11; см. также: Zarins 1990; Fattovich 1996: 396; Khalidi 2007: 38–40]. Известный исследователь восточноафриканских древностей Р. Фаттович признает, что торговля Египта с Африканским Рогом и югом Аравии началась в IV тыс. до н. э. [Fattovich 1997: 274, 285]. Именно этот торговый фактор, как ему представляется, привел в III–II тыс. к формированию на обоих берегах пролива близких комплексов материальной культуры [Fattovic 1997: 275–278].

Что касается изучения культур ранних земледельцев Юго-Западной Аравии, то в этом отношении в последние десятилетия сделано чрезвычайно много. Важные результаты были получены в нагорье северного Йемена, в районе Адена (культура *Сабир*) и, наконец, в Тихаме (район, примыкающий к Красному морю в Саудовской Аравии и Йемене). В йеменском нагорье (*Вади Яна'им*) работами итальянских археологов под руководством Алессандро де Мегрэ были открыты памятники бронзового века [Maigret 1981: 194–198; 1984; 1987; 1996: 127–155; 1997; 1998]. Этот исследователь связывал происхождение культуры, открытой им в Вади Яна'им,

с Палестиной, отмечая при этом, что она не имеет ничего общего с материалами III–II тыс. до н. э., происходящими из Африки и Восточной Аравии [Maigret 1984: 104–105]. Вместе с тем керамика памятников йеменского нагорья, как будто, имеет некоторое сходство с сабирской, но, по мнению А. де Мегрэ, «совершенно отлична от керамики последующего сабейского периода и указывает на возможность поисков истоков культуры царств Южной Аравии за пределами йеменского ареала» [Мегрэ де 1989: 157].

Чрезвычайно ценные материалы были получены в результате археологических исследований в Тихаме, т. е. на узкой полупустынной равнине, идущей вдоль Красного моря. Анализ этих материалов уже к середине 80-х гг. прошлого века позволил высказать предположение, что возникновение южноаравийской цивилизации было более тесно, чем это представлялось ранее, связано с культурами долины Нила, Судана и Эфиопии [Zarins, Zahraní 1985. P. 95–96]<sup>10</sup>. Это предположение было в полной мере подтверждено в результате комплексного археологического изучения Тихамы, проведенного впоследствии [Phillips 1998; Durrani 2005]. Более того, все исследователи признают, что памятники бронзового века, расположенные в прибрежной части Красного моря, демонстрируют заметное сходство с культурой *Сабир* [Zarins, Al-Badr 1986: 50; Phillips 1998: 234–236].

Нетрудно понять, что открытие культуры *Сабир* стало одним из важных событий в археологическом изучении Йемена в конце XX в. Культура получила название *Сабир* по эпонимному памятнику, расположенному в дельте вади Турбан в 25 км к северу от Адена. Этот памятник был известен в научной литературе достаточно давно [Harding 1964: pl. VI, no. 16–82; VIII; IX, no. 1; X], но его хронологическая атрибуция в пределах VI–V вв. до н. э., как это предполагал Б. Дой [Дое 1971: 117], оказалась совершенно неверной.

Исследования *Сабир* проводились в рамках российско-германского археологического проекта [см.: Фогт, Седов 2001; Фогт и др. 2002; Vogt 1997; 1998a; 1999a; Vogt, Sedov 1997; 1998a; 1998b; 1999; Buffa, Fogt 2001; Buffa 2002; 2007]. Памятник представляет собой серию всхолмлений, достигающих в высоту 3 метров и имеющих общую площадь приблизительно 2 Ч 1 км. В результате проведенных исследований было выяснено, что свиту напластований можно разделить на две фазы: «нижний *Сабир*» или фаза 1 и «верхний *Сабир*» или фаза 2. Остатки архитектурных сооружений представлены только в верхнем горизонте, в частности, здесь исследовано крупное здание, построенное из сырцового кирпича, которое, вероятнее всего, имело культовое назначение. Для памятника характерно огромное количество целых или археологически целых керамических сосудов, отличающихся значительным разнообразием форм и декорации. Орудия труда изготавливались из кремня, обсидиана, кости, имеются также бронзовые тесла, короткие кинжалы и пр. Основу экономики составляло ирригационное земледелие и скотоводство. Среди ремесел было развито керамическое и бронзолитейное производство. Радиоуглеродные даты, полученные на *Сабире*, укладываются в пределах XVI–IX вв. до н. э., при этом «верхний *Сабир*» датируется XIII–IX вв. до н. э.

<sup>10</sup> В 1997 г. Канадская археологическая экспедиция под руководством Э. Кила на йеменском побережье Красного моря (Тихама) обнаружила памятники, начало существования которых, вероятно, относится к концу III — первым столетиям II тыс. до н. э. Для них характерна необычная для региона индустрия бронзы. По предположению исследователей, металл и традиция металлургии могли проникнуть сюда с другой стороны Красного моря [Giulia-Mair et al. 2000: 42–43].

Для общего понимания развития данной культуры большое значение имеют исследования, предпринятые на поселении *Ма'лейба*, расположенном в 6 км к северо-востоку от *Сабура* [см.: Фогт и др. 2002; Buffa 2002]. Хронологически оно соотносится с «нижним Сабиром» и даже с еще более ранним временем; радиоуглеродные даты указывают на XX–XIII вв. до н. э. В высшей степени показательным, что на *Ма'лейбе* зафиксированы следы древней ирригационной системы, т. е. можно обосновано считать, что хозяйственная система этого поселения с самого начала была основана на поливном земледелии.

Культура *Сабир*, естественно, не ограничивается охарактеризованными памятниками. Археологи проследили, что она включала два типа поселений [Фогт, Седов 2001: 144]:

1. Небольшие прибрежные селища и раковинные кучи, связанные с морским промыслом<sup>11</sup>.
2. Более крупные стационарные поселения, связанные с ирригационным земледелием и ремеслом.

Первые как будто являются более ранними. Вообще же *Сабир* демонстрирует известное сходство с культурами другой стороны Красного моря. В частности, исследователи признают, что его керамика «находит значительно больше параллелей в комплексах синхронных культур Северо-Восточной Африки, нежели иных каких-либо территорий, включая и юго-западные территории Аравийского полуострова» [Фогт, Седов 2001: 148]. Аналогии керамике *Сабура* находят на памятниках так называемой *C-Group* в Нубии [см.: Bietak 1966; 1968; 1987; Sherif 1990: 150–152; Shinnie 1996: 54–66], *Кермы* [см.: Bonnet 1986; 1987; Bonnet et al. 1997; 2005; Dunham 1982; Sherif 1990: 154–156] и др.<sup>12</sup> На материалах *Кермы* при этом прослеживаются проявления связей с Египтом [Bonnet 1991: 113–114; Bourriau 1991; Shinnie 1996: 72–77], что, на мой взгляд, по-своему показательным для понимания культурно-исторической специфики возникновения первой земледельческой культуры на юго-западе Аравии.

Некоторые исследователи склонны полагать, что керамика бронзового века Йемена не имеет местных предшественников, технология ее производства, вероятнее всего, была сюда принесена, при этом возможным источником этого культурного импульса является Северо-Восточная Африка [Edens, Wilkinson 1998: 89–92]. С. Манро-Хэй предполагает существование единого культурного комплекса, простирающегося от востока Африки до аравийской Тихамы [Munro-Hay 1993: 611].

Б. Фогт и А. В. Седов отрицают возможность существования африканской основы в предполагаемом культурном единстве и указывают на недостаточность имеющейся фактологической базы для подобного рода реконструкций. На их взгляд, сходство культур объясняется торговыми контактами, а истоки *Сабура* лучше искать в пока еще малоисследованных памятниках южноаравийского прибрежного неолита [Фогт, Седов 2001: 149–150]. К. Филлипс также склонен считать, что ана-

<sup>11</sup> На побережье Йемена, естественно, имеются памятники, оставленные древними рыбаками и собирателями, возникшие здесь, вероятно, не позднее IV тыс. до н. э. [см.: Амирханов 2006: 555]. Во всяком случае район побережья Аденского залива был «обжит» в IV тыс. до н. э. [Амирханов 2006: 567–578].

<sup>12</sup> В Керме открыт монументальный сырцовый комплекс, относящийся к II тыс. до н. э. [Bonnet, Honegger 1997]. Крупная сырцовая постройка, возможно, имевшая культовое предназначение, как отмечалось, была исследована в «верхнем Сабире». В конструкциях этих сооружений можно усмотреть некоторое сходство.

логии керамических комплексов *Тихамы* и Восточной Африки являются индикатором возросших контактов через Красное море, а не каких-то этнических передвижений [Phillips 1998: 236].

Р. Фаттович понимает эту проблему несколько иначе. Он указывает на ряд сходных черт между керамикой северных районов Йемена и материалами из восточного Судана, прежде всего из района дельты реки Гаш, т. н. *Gash Group* [Fattovich 1989: 496; 1991: 45], которую он датирует началом III — серединой II тыс. до н. э. [Fattovich 1993: 439; 1996: 397; 1997: 276–277]. Эта, по его определению, афро-аравийская провинция (*Afro-Arabian circuit*) получила новый импульс для развития с формированием культуры *Сабир* и культурного комплекса *Тихамы* во второй половине II тыс. до н. э. [Fattovich 1996: 398; 1997: 278]. На оснований этих и других наблюдений он предполагает переселение аравийских племен сначала в Восточную Эфиопию, а затем и в Эритрию, хотя допускает и возможность обратного движения [Fattovich 1993: 396].

Итальянская исследовательница В. Буффа, много сделавшая для изучения керамики *Сабира*, склонна согласиться с концепцией Р. Фаттовича. По ее мнению, раскопки *Сабира* подтверждают существование контактов Юго-Западной Аравии с культурой Северо-Восточной Африки [Buffa 2002: 182–184]. Керамика *Сабира*, относящейся к фазе 1, представляет собой весьма любопытное явление, поскольку параллелей ей на йеменском побережье неизвестно, В. Буффа допускает ее связь с керамикой бронзового века Йеменского нагорья. В наборе керамика фазы 2 имеются самобытные изделия, но более представительны здесь сосуды, демонстрирующие общие черты с африканскими материалами. В. Буффа считает также, что различные памятники бронзового века Юго-Западной Аравии, скорее всего, имели связи с различными культурными группами Северо-Восточной Африки.

Приведенные факты позволяют сделать в высшей степени важное заключение. Взаимодействие культур, расположенных по двум берегам южной части Красного моря, имело место уже в III — начале II тыс. до н. э. Во второй половине II тыс. до н. э. африканское присутствие на йеменском побережье становится сильнее, но единой культуры, которая территориально охватывала бы обе стороны, тогда не существовало [Buffa, Vogt 2001: 447].

Проблема культурных контактов двух континентов в бронзовом веке, как видим, предстает весьма непростой. В связи с этим зададимся главным вопросом — чем же можно объяснять появление африканских черт в прибрежных культурах Юго-Западной Аравии (*Сабир*, *Тихама*)? Имело ли здесь переселение каких-то этнических групп из Африки в Аравию или, наоборот, из Аравии в Африку? Для большинства современных западных ученых говорить о миграциях, как известно, стало почти дурным тоном. Но, может быть, в данном отношении они правы, и действительно все ограничивалось торговыми и культурными контактами между двумя континентами, осуществлявшимися через Баб-эль-Мандебский пролив?

Еще раз подчеркну, что ответ на этот вопрос представляется очень непростым, более того, на современном уровне изученности имеющихся материалов вряд ли можно ожидать каких-то однозначных заключений. Несмотря на это, рискну высказать предположение, что существующая в науке точка зрения о путях международной торговли III–II тыс. до н. э. в бассейне Красного моря (о чем отчасти говорилось выше), не достигавших юга Аравии, не вполне справедлива. Это означает, что интерпретация сделанных археологических открытий в контексте знаменитых походов египтян в страну Пунт (см. выше), все-таки вполне допустима [ср.: Manzo



1999: 43–47]. В принципе, памятники бронзового века в прибрежной полосе Юго-Западной Аравии синхронны периоду наибольшего развития этих египетских мероприятий. На возможную взаимообусловленность двух обозначенных явлений уже указывал К. А. Китчен. В частности, он считает, что южноаравийская керамика бронзового века типа *Ma'лейбы* могла попасть в Африку через Баб-эль-Мандеб вместе с местными купцами, страстно желавшими принять участие в широкой торговле аравийскими благовониями [Kithen 2007: 135]. С. А. Французов возражает против этой точки зрения, считая ее умозрительной, и подчеркивает, что археологические материалы, которые могли бы свидетельствовать о вовлеченности Юго-Западной Аравии в международную торговлю этого времени, отсутствуют [Французов 2005: 10–11; 2014: 63]. С последним доводом уважаемого эпитаграфиста, конечно, невозможно поспорить, но подобных материалов чрезвычайно мало даже в Сомали и Эфиопии, т. е. в том районе, который обычно ассоциируется с Пунтом [Leclant 1978].

Недостаток фактических данных, как видим, ощущается весьма остро на обеих сторонах пролива. Особый интерес в связи с этим представляют результаты, полученные недавно при исследовании одного из египетских портов на Красном море (*Марса Гавасис*). Этот порт, как признают исследователи, относится к Среднему и раннему Новому царству. В культурном слое памятника вместе с деревянными обломками кораблей и африканской слоновой костью были найдены два фрагмента керамики типа *Ma'лейбы* и несколько фрагментов, аналогичных находкам в *Тихаме* [Vard et al. 2007]. Несмотря на фрагментарность этих находок, все-таки можно допустить, что формирование культуры *Сабир*, равным образом как и культурного комплекса *Тихамы*, было тесно связано с расширением египетских торговых путей, изначально направленных в Пунт. Однако необходимо еще раз подчеркнуть, что это предположение базируется на весьма ограниченной источниковой базе и, безусловно, нуждается в подкреплении новыми археологическими материалами.

С падением Нового царства в Египте в XI в. до н. э. направление торговых путей заметно изменилось<sup>13</sup>. С этого времени и, вероятно, вплоть до II в. до н. э. ладан и другие благовония из Аравии, а также пряности из Индии попадали в страны Средиземноморья караванными путями через Аравийский полуостров, причем некоторые из этих путей начинались опять же в Йемене [Французов 2005: 11].

#### 1.4. Сабейская цивилизация в Аравии и в Африке

Культуры бронзового века Юго-Западной Аравии (*Сабир* и пр.), как сейчас представляется, не стали основой для формирования земледельческой цивилизации в этом районе. Вообще, время возникновения южноаравийской цивилизации, как уже отмечалось, является одной из сложнейших проблем истории Йемена. Тем не менее, есть основания полагать, что она сложилась здесь в конце II тыс. до н. э. [Амирханов и др. 2002: 164; Audouin et al. 1987; Sedov 1996a] или даже во второй

---

<sup>13</sup> Во второй половине II тыс. до н. э. на юге Аравии появляются переселенцы, которых обычно называют сабейцами. Их взаимоотношения с населением, оставившим культуру *Сабир*, не вполне ясно. Вообще, существование этой культуры в IX–VI вв. до н. э. является загадкой [Buffa, Vogt 2001: 447–448].

половине II тыс. до н. э., что обычно связывается с проникновением семитских племен с севера, т. е. из Южной Палестины и Юго-Западной Иордании [Амирханов и др. 2002: 163; Французов 2002: 249–250; 2005: 12; ср.: Коротаев 1997: 6]. Эти племена, как считается, принесли сюда основы ирригации (хотя она уже существовала в *Сабире*), письменность [см.: Французов 2010], характерные особенности материальной культуры, в том числе крашеную или расписную керамику. На этой основе на территории Йемена возникли города-государства, а затем сформировались территориальные государства — *Саба*, *Катабан*, *Хадрамаут*, *Ма'ин*, *Химйар*. Правители этих государств именовались *муккарибами* или *маликами* [Французов 2014: 81–98]. По причине доминирования *Сабы* в период формирования южноаравийской цивилизации ее обычно называют сабейской, что представляется вполне закономерным.

Французский исследователь М. Мутон обратил внимание, что засушливый климат, установившийся в Аравии пять тысяч лет назад, с тех пор особых перемен не претерпел; приблизительно столько же на юге полуострова существует земледелие [Mouton 2004: 83–84]. Следует подчеркнуть, что здесь утвердилась система поливного земледелия, основанная на сборе воды от селевых потоков, устремлявшихся во время дождей в долины (арабск. *вади*). Создатели южноаравийской цивилизации, расселившиеся на границе огромной, безжизненной пустыни, научились собирать и сохранять паводковую воду, сооружая сложную систему дамб, магистральных и боковых каналов [см.: Седов 1995; 2005: 40–50; Mouton 2004]. Вполне очевидно, что без таких ирригационных систем южноаравийская (сабейская) цивилизация не могла бы сформироваться и тем более просуществовать на протяжении полутора тысячелетий.

Выше уже кратко отмечалось, что эту цивилизацию в научной литературе называют также «культурой Сайхад», т. е. «направленная внутрь» [Beeston 1996: 4]. Это означает, что первоначально она не была ориентирована на прибрежные районы и на морскую торговлю. Ее экономические и политические центры концентрировались вдоль караванных путей, по которым осуществлялась торговля, в основном, благовониями [Аванцини 2003: 145]. Бытующие представления о том, что сабейцы были исконными жителями прибрежных районов Аравии, нацией древнейших мореходов и т. п. [Петров 2000: 26; ср.: Шумовской 1982; 1999], как представляется, сильно преувеличенны. Южноаравийские государства и прежде всего *Хадрамаут*, стали строить порты на побережье только после подчинения Египта Риму и бурного развития торговли в Индийском океане (см. ниже).

Каждое из государств региона имело специфику, проявляющуюся, в том числе, и в некоторых деталях материальной культуры. Важнее, однако, подчеркнуть то общее, что их объединяет. Для всех древних государств Юго-Западной Аравии характерны многочисленные города, развитая ирригационная система, великолепная архитектура, самобытное искусство, многочисленные памятники письменности, прежде всего эпиграфики и т. д. [Бауэр, Лундин 1994: 86–94; Седов. 2005; Piotrovskij, Sedov 1994: 205]. Тезис о связи этих государств с караванной торговлей благовониями и пряностями является общепринятым и вряд ли может быть оспорен [Potts 1988a; Edens, Wilkinson 1998: 108]. Н. В. Пигулевская с полным основанием подчеркивала, что «караванная торговля была пульсом жизни Йемена» [Пигулевская 1951: 329].

Материалы, полученные во время работ Российско-Йеменской комплексной (Советско-Йеменской) комплексной экспедиции в земледельческом оазисе *Райбун*

(западный *Хадрамаут*)<sup>14</sup>, внесли важный вклад в понимание процесса сложения цивилизации на юге Аравии. Они, в частности, позволяют считать, что поселения в этом оазисе были основаны в конце II тыс. до н. э. Вероятно, в конце VII — начале VI в. до н. э. здесь произошли значительные культурные инновации (новые строительные приемы, керамические формы и т. д.). Эти инновации объясняются если не прямым переселением сабейцев, то их сильным культурным воздействием [Амирханов и др. 2002: 164–165; Седов 2005: 179–180; Sedov 1996a: 80–86]. В Райбунском оазисе на этой основе сформировался любопытный вариант сабейской культуры, отличающийся высокой степенью ее сакрализации, о чем свидетельствует большое количество исследованных здесь древних храмов [Седов 2005: 189–306; Французов 2009; 2012; Sedov, Bâtâyi 1994; Sedov 2000; 2005].

Традиционно считается, что сабейская культура Южной Аравии очень рано стала распространяться или, во всяком случае, оказывать активное влияние на территории Африканского Рога [Шинни 1986: 63; Берзина 1992: 173]. Выше отмечалось, что культурные и экономические связи между двумя регионами, вероятнее всего, восходят еще ко времени каменного века, во всяком случае, для времени неолита они проявляются на основании изучения обсидиановых орудий, точнее состава обсидиана, из которого они изготовлены [см.: Zarins 1990; Fattovich 1996: 396; Inizan, Francaviglia 2002; Khalidi 2007: 38–40]. В бронзовом веке связи с Африкой повлияли на сложение культуры *Сабир* и культурного комплекса *Тихамы*.

Для сабейского времени эти связи уже не сводились к простому обмену или участию в международной торговле. О сильнейшем южноаравийском влиянии на территории Эфиопии свидетельствуют весьма многочисленные археологические материалы, ставшие широко известными уже в середине XX в. Они были получены во время раскопок в *Мамаре* [Anfray 1963a; Anfrat, Annequin 1965], *Йехе* [Anfray 1963b; 1972; Fattovich 1972], *Макалле* [Caquot, Drewes 1955] и других поселениях на территории Эфиопии [Contenson 1961; Pierenne 1967: 133; Jousaume 1976: 33]. Конечно, в высшей степени показательны также надписи, сделанные южноаравийским письмом, обнаруженные на различных памятниках этого региона [Leclant 1959; Anfray, Annequin 1965; Schneider 1965; 1972; 1976; Drewes, Schneider 1972; 1978].

Несмотря на немалую историю изучения, вопрос о времени и характере сабейского распространения на территории к западу от Красного моря остается весьма дискуссионным. Г. М. Бауэр и А. Г. Лундин по этому поводу писали: «Сабейцы впервые проникают на Африканский континент приблизительно в X в. до н. э., когда начинают заселять прибрежные районы Эфиопии. Колонизация продолжалась и в последующие века, причем созданные на территории Эфиопии колонии поддерживали тесные связи с родиной» [Бауэр, Лундин 1994: 110]. С. А. Французов, изучив сабейские надписи из Эфиопии, пришел к заключению, что начало сабейской колонизации этого района следует относить к IX в. до н. э., на VIII в. до н. э., вероятно, приходится расцвет этих выселков, а наиболее поздний документ относится к началу — первой половине VI в. до н. э. [Французов 1995: 79; 2014: 79, 207].

Другие ученые относят данное явление к более позднему времени. Дж. Гарбини считает, что южноаравийские группы из *Хадрамаута* расселились в Эфиопии около 500 г. до н. э., а несколькими десятилетиями позднее им последовали сабейцы [Garbini 1987: 106]. Сходным образом высказывался В. Рауниг, по мнению которо-

<sup>14</sup> Работы Советско-Йеменской комплексной экспедиции были начаты в 1983 г. под руководством П. А. Грязневича.

го, население с юга Аравии прибыло на противоположный берег Красного моря не позднее середины I тыс. до н. э. и, общаясь в среде местного населения, основало здесь большое количество поселений. Находки, происходящие из Эритреи и севера Эфиопии, как ему представляется, по своему характеру являются «полностью южноаравийскими», во всяком случае, практически неотличимыми от них [Raunig 1987: 412, 415]. Ф. Анфрей полагал, что сабейский период на очерченных территориях охватил V–IV вв. до н. э. и был обозначен выведением сюда колоний с юга Аравии [Anfray 1990: 212; см. также: Contenson 1990: 193–199].

Этот период еще часто называют преаксумским [Contenson 1990; Fattovich 1997: 282], т. е. предшествующим образованию в Эфиопии государства Аксум (о нем см. ниже). Данный термин представляется не вполне удачным по той причине, что объединяет в одно целое как время сабейского присутствия на Африканском континенте, так и следующее за ним время упадка южноаравийского влияния [Phillipson 2000: 475; Finneran 2007: 114]. П. Шольц, несколько исправляя положение, предлагает называть данный период протоаксумским и выделять в нем два этапа. Первый он называет сабео-аксумским (VI/V–IV/III вв. до н. э.), для него характерно сильное южноаравийское влияние. Второй этап определяется им как аксумо-сабейский, охватывающий время до рубежа эр и знаменующий собой усиление африканских элементов в культуре [Scholz 1984: 7]. Р. Фаттович предложил именовать этот период эфиопо-сабейским, чтобы подчеркнуть две стороны имевшего в то время культурного взаимодействия [Fattovich 2004. P. 74; см. также: Munro-Hay 1989: 20; Finneran 2007: 117]. Д. В. Филлипсон, однако, не согласен с этим по той причине, что, как ему представляется, этот термин акцентирует внимание на заморских контактах, которые, по его мнению, носили локальный характер и ограничивались элитным сектором культуры [Phillipson 2000: 475]. Можно сразу признать, что Д. В. Филлипсон верно указал на существенную проблему культурных взаимоотношений в регионе, но об этом речь пойдет чуть ниже.

Несмотря на имеющиеся разногласия во взглядах на хронологию, можно признать, что южноаравийский или сабейский период на территории Эфиопии и Эритрейского нагорья охватывал 800–400 гг. или 700/600–400 гг. до н. э. Такое название данного периода представляется абсолютно оправданным, поскольку сабейские элементы на очерченном ареале в обозначенное время действительно очень сильны, выступая прежде всего в письменности, монументальной архитектуре, а также идеологии. Южноаравийское влияние проявляется даже в титулатуре местных правителей, которые именовались как *муккарибы* или *малики* [Французов 2002: 254–259]. Не удивительно, что и религиозные представления населения по обеим сторонам Красного моря в это время демонстрируют немало общего. Р. Фаттович характеризует преаксумское общество как Эфиопо-сабейское государство [Fattovich 1997: 282–283, 286], но называет его также эфиопо-сабейской политией или афро-аравийским комплексным обществом [Fattovich 2004: 74]. Он подчеркивает, что сабейский язык стал здесь официальным, надписи делались по южноаравийскому образцу, получила распространение южноаравийская монументальная архитектура, среди других характерных артефактов названы курильницы для ладана, бронзовые печати и т. д. Большая часть керамики, однако, оставалась местной, африканской [Fattovich 2004: 72]<sup>15</sup>. Эти наблюдения позволили исследователю

<sup>15</sup> Среди керамических форм рассматриваемого времени, распространенных на юге Аравии и в Эфиопии, представлены стройные вазы, часто именуемые амфорами. Они имеют высокое яйцевидное

высказать гипотезу, что для преаксумского периода характерны две фазы развития [Fattovich 2004: 73]:

1. Первоначальное проникновение южноаравийцев, возможно, пришедших в Африку из различных частей этого региона.

2. Консолидация государства как следствие включения местных территорий в сферу прямого политического и экономического влияния сабейцев.

Что же влекло выходцев из Аравии на африканский материк? Ответ на этот вопрос не прост, но в любом случае вряд ли здесь следует видеть результат прямого завоевания. Тогда, возможно, это была колонизация, вызванная интересами торговли? С. А. Французов предполагает, что сабейцы пришли сюда за благовониями, особенно за ладаном, поскольку ладаносные территории Южной Аравии (Хадрамаут и Дофар) тогда еще не были им подчинены [Французов 1995: 81]. Военная экспансия *Саба* в начале VII в. до н. э., по мысли автора, открыла ей плантации ладана, располагавшиеся к востоку от *Хадрамаута*, и сделала ненужными довольно длительные и опасные путешествия за благовониями на западный берег Красного моря [Французов 1995: 81; 2002: 259]. Эти перемены, естественно, должны были вести к постепенному захирению сабейских колоний в Эфиопии.

В связи с изложенным можно привести еще один археологический факт. В 1998 г. Французская археологическая миссия под руководством Кр. Робена провела раскопки на одном из самых известных памятников преаксумской эпохи в Эфиопии — так называемом «Храме I» в *Йеха*. Мало того, что некоторые из обнаруженных здесь артефактов демонстрируют очевидное южноаравийское происхождение, но, по мнению А. де Мегрэ, сам храм был построен выходцами с юга Аравии поскольку демонстрирует очевидную близость к гипостильным храмам Йемена [Maigret 2002b: 189–190]. Эти выводы были в полной мере подтверждены работами в *Йеха*, проводимыми сейчас экспедицией Германского археологического института [Gerlach 2012].

А. де Мегрэ в отношении «Храма I» отметил его близость прекрасно сохранившемуся храму, изученному итальянской миссией на городище *Баракиш* в Йемене [Мегрэ де 1993]. Это городище (древний город *Йатиль*) находится на территории *Ма'ина*, а не *Саба*. Основываясь на этом наблюдении, исследователь высказал предположение, что южноаравийские эмигранты несли в Эфиопию отнюдь не исключительно культуру *Саба*, но также и других областей древнего Йемена [Maigret 2002b: 190]. В этом отношении еще раз можно напомнить, что понятие «сабейская культура» шире, чем культура собственно государства *Саба*. Иными словами, распространение сабейской культуры, точнее некоторых ее элементов на эфиопской территории, трудно признать результатом активности одних только сабейцев.

В понимании этого культурно-исторического явления имеются и другие сложности. М. Кёртис обратил внимание на одно любопытное обстоятельство: вещи, имеющие южноаравийские аналогии, происходят из церемониальных или элитных контекстов, а вот в рядовых жилых комплексах они отсутствуют [Curtis 2004: 60;

---

тулово, поддон, выделенное горло и сильно оттянутый край [см.: Акопян 1996: табл. LXXIII, 1; Виноградов 1996: табл. LXII, 13; Anfaу 1963b: pl. CXXVIII, a–d, CXL, 1]. По характеру керамического теста эти амфоры сильно отличаются от посуды южноаравийского производства. Их даже стали считать африканскими и рассматривать как предмет межрегиональной торговли [Van Beek 1969: 92–93; Акопян 1996: 112]. Петрографическое изучение амфор, предпринятое Александрой Портер, противоречит устоявшемуся мнению, поскольку во всех случаях эти сосуды изготавливались на месте [Porter 2004].

см. также: Phillips 2004: 84]. В принципе, это было очевидно еще в 60-х годах прошлого века, когда раскопки продемонстрировали смешение разнокультурных элементов, отчетливо выступающих на некоторых памятниках Эфиопии, к примеру, в той же *Йеха*, где наряду с местной керамикой были найдены южноаравийские надписи [Anfray 1963]. М. Кёртис возражает против идеи о сабейской колонизации Эфиопии или некой миграции с юга Аравии. Преаксумское общество, с одной стороны, и сабейское общество, с другой, по его мнению, лучше рассматривать как взаимодействующие, но независимые социальные единицы. Он считает, что в результате этих взаимодействий, а совсем не по причине колонизации, сложилась элита, единая для всего региона юга Красного моря («pan-southern Red Sea elite»). Истоки формирования такой элиты, по мнению исследователя, уходят в сферу более ранних, еще неизвестных торговых связей двух регионов [Curtis 2004: 64].

Несколько иначе данную проблему трактует С. Манро-Хэй. По его мнению, южноаравийские черты в культуре Эфиопии возникли благодаря утверждению здесь торговых групп, проникавших с другой стороны Красного моря. Несмотря на мощное экономическое и культурное влияние этих групп, свидетельств их политического доминирования, по мнению исследователя, не существует [Munro-Hay 1993: 613]. Н. Финнеран также считает, что вероятность прямого политического контроля, который сабейцы могли бы осуществлять через пролив, чрезвычайно мала, и Эфиопия, конечно, не была колонией в общепринятом смысле этого слова [Finneran 2007: 121]. Сходных взглядов придерживается И. Герлах [Gerlach 2014].

Подводя итог этой дискуссии, следует признать, что вряд ли разумно напрочь отрицать сабейское проникновение в районы восточной Африки. Логично считать, что выходцы с юга Аравии действительно переселялись сюда, создавали здесь центры своего политического и экономического влияния, приносили сюда свою культуру и идеологию. Весьма вероятно, что эти центры поддерживали самые тесные связи с элитой местного африканского населения, и ее представители имели в них свои резиденции. Именно по этой причине, как представляется, сабейские центры не стали эфемерными новообразованиями, а просуществовали на территории Эфиопии несколько столетий. Конечно, это проникновение ни в коем случае нельзя уподоблять европейской колонизации Африки нового времени, а вот с греческой колонизацией VII–VI вв. до н. э. в этом феномене вполне допустимо искать и находить общие черты.

Сабейский период в Эфиопии, скорее всего, завершается в IV–III вв. до н. э. Причины этого явления остаются далеко не ясными. Р. Фаттович считает, что, возможно, это было связано с давлением Мероэ [Fattovich 2004: 74], чего, разумеется, исключать нельзя [см.: Бюттнер 1981: 30–31; Шинни 1982: 74; Берзина 1992; Shinnie 1967; Тццк 1987]<sup>16</sup>. Затем, около начала новой эры на территории Эфиопии возникает государство *Аксум*, ядром которого, как принято считать, становятся бывшие сабейские колонии и государства, созданные сабейцами [Кобищанов 1966; Шинни 1986: 63; Берзина 1992: 82–94; Бауэр, Лундин 1994: 110–111; Французов 2000: 415; Kobishanov 1990; Finneran 2007: 146; см. также: Philipson 1997]. В. Рауниг отмечал, что своеобразная культура *Аксума* развилась из смешения культур древнего наследия Южной Аравии и Юго-Восточной Африки при значительном влиянии

<sup>16</sup> О торговых связях Мероэ с Египтом и Средиземноморьем см.: Hofmann 1991; McLaughlin 2014: 69–72.

греко-римской цивилизации [Raunig 1987: 412; ср.: Munro-Hay 1993: 614]. Ф. Анфрей также признавал, что южноаравийское влияние здесь полностью не исчезло, но корни цивилизации *Аксума* все-таки уходят в культуру Африки. Он отмечал также важность воздействия торгового фактора — развитие торговли между Индией и Средиземноморьем, пути которой проходили по Красному морю вдоль африканского побережья [Anfray 1990: 213].

### 1.5. Торговые связи Средиземноморья с Индией

Большинство исследователей уверены в том, что Красное море стало входить в орбиту интересов мира Средиземноморья только после утверждения в Египте династии Птолемеев [Хвостов 1907: 294–351; Тарн 1949: 221–225; Casson 1995a: 220]<sup>17</sup>. Можно сказать и большее, — есть веские основания считать, что корабли западных мореходов начали регулярно пересекать Баб-эль-Мандебский пролив еще позднее, не ранее конца II в. до н. э. [Берзина 1982: 30–31; Петров 2000: 16–17; Schwarz 1975: 183, 187; Salles 1993a: 494]. Действительно, при Птолемеях далекие экспедиции в сторону пролива, вероятнее всего, были нечастыми. Известно, что греческий мореплаватель Филон посещал Эфиопию и оставил описание этой страны (Strabo II, 1, 20), возможно, это произошло между 270 и 267 гг. до н. э. [Бауэр 1985: 6, 8]. Тимосфен, префект флота Птолемея Филадельфа, посетил Мероз (Plin. *NH.* VI, 183). При том же царе Сатир был направлен в Эфиопию для разведки мест охоты на слонов (Strabo XVI, 4, 5). В 120–115 гг. до н. э. Евдокс из Кизика пошел значительно дальше, он достиг берегов Индии и вернулся оттуда с грузом благовоний и драгоценных камней (Strabo II, 3, 4), правда, этот соблазнительный пример не стал исходным пунктом для постоянных плаваний через Баб-эль-Мандебский пролив. Тем не менее, торговые связи с Индией все-таки имели место, и, как сообщает автор «Перипла Эритрейского моря» (§ 26), важным пунктом здесь был порт Счастливая Аравия, куда свозились товары как из Индии, так и из Египта, далее этого места египетские и, разумеется, шедшие им навстречу индийские моряки заплывать не решались. Археологические материалы не противоречат этому заключению — во время раскопок на всех южноаравийских городищах было обнаружено всего несколько фрагментов эллинистической посуды, произведенной предположительно в Афинах или Малой Азии [см.: Бухарин 2007б: 196].

Тем не менее, можно предполагать, что интенсивность морских перевозок постепенно возрастала. Страбон сообщает, что у Птолемеев существовала береговая охрана, в сферу ответственности которой входило все побережье Красного моря вплоть до его «самой впадины» (Strabo II, 3, 4; пер. Г. А. Стратановского), т. е., возможно, до Баб-эль-Мандеба. Если судить по некоторым эпиграфическим документам времени поздних Птолемеев, в Египте даже существовали должности стратегов Эритрейского и Индийского морей [Moogen 1972].

Приходится признать, однако, что лишь с включением Египта в состав Римского государства, т. е. при Октавиане Августе, Красное море превратилось в «царскую дорогу» на большом торговом пути в Индию [см.: Хвостов 1907: 351–420; Тарн 1949: 224; Томсон 1953: 255, 384, 414–418; Берзина 1982: 31–32; Wheeler 1959a:

<sup>17</sup> Любопытно при этом, что Теофраст (372–288 гг. до н. э.) довольно подробно и правильно описывает произрастающие в Южной Аравии ладан и другие благовония (Theophr. *Hist. Plant.* IX, 4, 2–10), а также различные виды корицы (Theophr. *Hist. Plant.* IX, 5, 1–3).

4–9; Seshadri 1966; Whitcomb, Hohnson 1980; Casson 1995a: 220; Ray 1995; Tchernia 1995; Hoyland 2001: 44; Tomber 2005; Whitewright 2007]. Любопытно, что, по мнению Ж.-Ф. Салля, приблизительно тогда же Персидский залив, ранее игравший в торговле с Индией очень важную роль (об этом см. ниже, главу 2), стал терять свое значение [Salles 1993a: 495].

В связи с началом римской морской торговли по Красному морю через Баб-эль-Мандебский пролив следует обратить внимание на один любопытный археологический факт. В это время количество тонкостенной импортной керамики на юге Аравии стремительно возрастает. Немецкая исследовательница Сара Йапп в связи с этим обратила внимание на их хронологию. Оказывается, что большая часть находок керамики типа *terra sigillata* относится здесь к первой половине I в. н. э., а в дальнейшем она практически исчезает. Исследовательница находит объяснение этому факту в том, что хрупкая посуда не стала здесь популярной по причине несоответствия быту местного населения [см.: Бухарин 2007б: 196]. Вероятнее всего, это действительно было так, и материалы, полученные во время раскопок порта *Кани'* (см. ниже), это вполне подтверждают, однако во всем остальном античном мире *terra sigillata* была очень популярной, по крайней мере, вплоть до времени раннего средневековья.

Ценные свидетельства для изучения торговли Средиземноморья с Индией содержатся в «Географии» Страбона. В частности, он отметил, что в его время «около 120 кораблей совершают плавание из Миос Гормоса (порт на Красном море. — Ю. В.) в Индию, тогда как при Птолемах только немногие осмеливались плыть туда и ввозить индийские товары» (Strabo II, 5, 12; пер. Г. А. Стратановского). В другом месте своего труда древний географ написал: «Прежде ... едва 20 кораблей осмеливались пересечь Аравийский залив (Красное море. — Ю. В.), чтобы выйти за пределы пролива (Баб-эль-Мандеба. — Ю. В.); теперь отправляются большие флоты даже до Индии и оконечностей Эфиопии, откуда привозят в Египет наиболее ценные товары, а отсюда снова рассылают их по другим странам...» (Strabo XVII, 1, 13; пер. Г. А. Стратановского; ср.: Strabo XV, 1, 4). Согласно свидетельству Страбона, как мы видим, число кораблей, пересекавших пролив, при Августе по сравнению с птолемеевским временем возросло в 6 раз, и эта цифра, надо думать, правильно отражает реалии древнего мореплавания.

Другой важный источник для характеристики морской торговли — «Перипл Эритрейского моря», о котором неоднократно говорилось выше. В нем весьма подробно расписан торговый путь по Красному морю с указаниями, где и что лучше всего покупать (ПЭМ: § 1–26), а вот путь вдоль южного побережья Аравии, а также и гавани Персидского залива, описаны не столь подробно, может быть, за исключением порта *Кани'* (ПЭМ: § 27–35), маршрут от Ормузского пролива до Индии вообще охарактеризован вскользь (ПЭМ: § 36–37), все остальное повествование связано с самой Индией (ПЭМ: § 38–66).

Плиний, как хорошо известно, приводит весьма впечатляющие цифры, характеризующие развитие восточной торговли Римской империи. По его словам, торговля с Индией, Китаем и Аравий обходилась государству в 100 миллионов сестерциев (Plin. *NH.* XII, 84), при этом одна Индия поглощала 50 миллионов сестерциев, правда, индийские товары продавались на рынках Средиземноморья в сто раз дороже (Plin. *NH.* VI, 101)<sup>18</sup>.

<sup>18</sup> О масштабах морской торговли Рима с Индией см.: McLaughlin 2014: 88–94.



Проявлением большого интереса Октавиана Августа к Юго-Западной Аравии следует считать военную экспедицию Элия Галла 25–24 гг. до н. э., направленную туда владыкой Рима. Об этой экспедиции довольно подробно рассказывает Страбон (Strabo XVI, 4, 22–24), ее упоминают также некоторые другие авторы (Plin. *NH.* VI, 160; Dio Cass. 53, 29, 3–8; Ios. Fl. *Ant.* 15, 317) и «Деяния божественного Августа» (Res gestae. 5, 26). Из этих свидетельств становится вполне ясным, что Галл довел своих воинов до Мариба, столицы древней Сабы, но его поход оказался чрезвычайно неудачным. Случилось это не по причине сопротивления, оказанного римлянам арабами, а из-за сложнейших климатических условий района.

Надо признать, что современные ученые проявляют большой интерес ко всем перипетиям похода Элия Галла [см.: Томсон 1953: 412; Бауэр 1985: 12–13, 16–17; Петров 2000: 20; Бухарин 2009а: 60–61; Marek 1993; Hoyland 2001: 45; McLaughlin 2014: 55–56], и такое внимание вполне закономерно. Существует точка зрения, что римляне тогда не ограничились Марибом, но прошли дальше к Баб-эль-Мандебу и разрушили Счастливую Аравию, т. е. поселение (Евдемон Аравийский), расположенное в районе современного Адена [Томсон. 1953. С. 413; Шумовский 1982: 363; Петров 2000: 20–21; Groom 1995: 182–183; Chami 2002: 26; McLaughlin 2014: 78; но ср.: Грязневич 1995: 274]. Такое понимание базируется на словах автора «Перипла Эритрейского моря» о том, что эта деревня некогда была городом, захиревшим в недавнее время, после покорения Цезарем (ПЭМ: § 26). Эта гипотеза, однако, не бесспорна. Некоторые исследователи полагают, что она основана на неверном понимании письменной традиции, поскольку, если это разрушение связывать с походом Элия Галла, то в имеющейся информации об этой военной акции не содержится никаких свидетельств об использовании Галлом военного флота для ведения боевых действий [Бухарин 2009а: 66–67]. Других походов на эти территории в рассматриваемое время римляне, вероятнее всего, не предпринимали, поскольку Плиний подчеркивает, что только Элий Галл сумел совершить такой поход (Plin. *NH.* VI, 160). Все эти неувязки позволяют считать, что автор «Перипла» стал жертвой официальной пропаганды Октавиана Августа, которая декларировала успешные походы римлян в Эфиопию и в Счастливую Аравию (Res Gestae. 5, 26). Исходя из этого можно предположить, что автор, зная эти декларации, по своему повторил их, но спутал страну (Счастливая Аравия) и порт (Евдемон Аравийский), и таким образом стал жертвой успешной, но неправильно интерпретированной официальной римской пропаганды [Seland 2005; ср.: Бухарин 2007б: 203–204; 2009а: 68–68].

Признавая возможность такой интерпретации, необходимо указать, что у Страбона все-таки имеются свидетельства об использовании флота Элием Галлом. Древний географ писал, что тот сначала приказал построить около выхода в Красное море 80 судов — бирем, трирем и легких судов, а потом построил 130 транспортных кораблей, на которых было размещено десяти тысячное войско. Когда же поход был начат, «из-за несчастного плавания» было потеряно много судов, причем несколько из них погибли вместе с экипажами (Strabo XVI, 4, 23). Несмотря на эти потери, логично считать, что большая часть флота Элия Галла сохранилась. О его судьбе Страбон ничего не сообщает, но трудно поверить, чтобы во время проведения сухопутной операции против арабов он оставался в полном бездействии. Почему бы не предположить, что с началом этой операции римский полководец отдал приказ своему флоту совершить рейд вдоль аравийского побережья, и Евде-

мон Аравийский пострадал в результате этой акции? Традиционная точка зрения по этому вопросу, как представляется, имеет полное право на существование.

Для развития морской торговли с Индией огромное значение имело использование мусонных ветров, маятниковое движение которых способствовало тому, что мореходы могли отказаться от долговременного каботажного плавания и пересекать открытое море по направлению к полуострову Индостан при попутном ветре, а затем возвращаться обратно, когда направление муссонов менялось [Свет 1955: 84–88; Wheeler 1955: 126–130]. Исходя из этого следует считать, что римские корабли отправлялись к Индии из Адекого залива в августе месяце, когда дул юго-западный муссон, в обратный путь надо было отправляться в ноябре [McLaughlin 2014: 150].

Основываясь на пассаже из «Перипла Эритрейского моря» (§ 19), традиционно считается, что для средиземноморского мира муссоны были открыты кормчим Гиппалом [Wheeler 1955: 127]. В последнее время эта устоявшаяся точка зрения подвергается резкой критике. А. Черня, к примеру, признает ее неисторичной и даже легендарной [Tchernia 1995: 155–156], и его в этом поддерживают некоторые другие исследователи. Возражая им, М. Д. Бухарин, на мой взгляд, справедливо заметил, что все сложности в понимании сохранившихся источников не могут автоматически вести к отрицанию историчности Гиппала, пусть не первооткрывателя действия муссонов, «а морехода, лучше других сумевшего воспользоваться опытом многих» [Бухарин 1999: 215; см. также 2007а: 174–177].

В любом случае очевидно, что у капитана Гиппала, если он действительно существовал, были предшественники. Вероятнее всего, превыми муссонные ветра стали использовать индийцы. П. А. Петров считает, что это произошло не позднее IV в. до н. э., а греко-римские мореплаватели, по его мнению, освоили их где-то в 120–115 гг. до н. э. [Петров 2000: 17; ср.: Медведев 1962: 76]. Очень может быть, что первым такое плавание совершил Евдокс из Кизика, о котором говорилось немного выше, но в плане затронутого вопроса к свидетельству Посидония, переданного Страбоном об этом мореходе, стоит присмотреться повнимательнее (Strabo II, 3, 4). Древний географ сообщает, что тогда ко двору Птолемея Еввергета «из самой впадины Аравийского залива», возможно, от Баб-эль-Мандебского пролива<sup>19</sup>, был доставлен некий индеец, корабль которого сел там на мель. Индеец обещал царю стать проводником для его подданных при плавании в Индию. Среди лиц, назначенных для такого плавания, оказался и Евдокс. Тот отплыл в Индию с дарами и через некоторое время вернулся оттуда с грузом благовоний и драгоценных камней. После этого Евдокс был отправлен во вторичное плавание, но на обратном пути его постигла неудача, и корабль был отнесен ветрами на юг Эфиопии.

<sup>19</sup> У Баб-эль-Мандебского пролива при желании можно найти немало «впадин», однако, необходимо отметить, что Страбон фиксирует их в северной части Красного моря. В частности, он сообщает о Геронопле, образующем впадину Аравийского залива у Нила (Strabo XVI, 4, 2), а также об Эламитской впадине на аравийском побережье Красного моря (Strabo XVI, 4, 4). По поводу понимания этих «впадин» необходимо сделать одну важную оговорку. Г. А. Стратановский использовал данный термин для перевода древнегреческого слова *μυχός*, что в двух последних из отмеченных контекстов правильнее было бы понимать как залив или бухта (ср.: Retsö 2003a: 297). В первом, связанном с обнаружением индийца и восходящим к рассказу Посидония, лучше подходит другое значение — «наиболее удаленная часть». В таком случае этот пассаж можно понимать таким образом, что индийский корабль сел на мель в самом отдаленном от Египта месте Красного моря, т. е. где-то около Баб-эль-Мандебского пролива.

Оттуда ему все-таки удалось вернуться в Египет, но на сей раз морехода обвинили в хищении многих вещей<sup>20</sup>. Правда, после этого он задумал и сумел организовать путешествие вокруг Африки, но это его предприятие не имеет для нас особого значения.

У Страбона правдивость рассказа Посидония об Евдоксе вызвала большие сомнения (Strabo II, 3, 5). В частности, он выразил удивление по поводу того, что у Птолемея не оказалось опытных проводников для плавания в Индию, хотя «море в этой области было знакомо уже многим». Объяснение данному факту, как представляется, следует искать в том, что индиец обещал царю показать не привычный каботажный путь плавания, а абсолютно новый, проходящий через открытое море. Можно полагать, что первый раз Евдокс дошел до Индии вместе с индийским лоцманом, второй раз проделал этот путь самостоятельно. Вполне объяснима и ошибка греческого морехода, когда на обратном пути слабо изученные им ветра снесли его к южной части Эфиопии. Кормчий Гиппал, надо думать, в этом отношении оказался более удачливым.

В «Анналах» Тацита имеется сообщение, приуроченное к путешествию Германика в Египет, о том, что владения римлян стали простираться вплоть до Красного моря (Тас. *Ан.* II, 61). Наиболее вероятно, что в данном случае имелось в виду именно современное Красное море, хотя, как уже не раз отмечалось выше, Эритрейским (Красным) морем древние авторы могли называть все водные пространства, омывающие Аравию. В «Бревиарии», написанном Евтропием, автором IV в. н. э., содержится краткое упоминание о мероприятиях римского императора Траяна, продвинувшегося до Индии и Красного моря. Евтропий, в частности, указывает, что Траян «построил флот на Красном море, чтобы посредством его опустошать пограничные районы Индии» (Eutrop. *Brev.* VIII, 3, 2; пер. Д. В. Кареева и Л. А. Самуткиной). Это сообщение, впрочем, находится на периферии интересов современных исследователей; к тому же не вполне ясно, о каком Красном море здесь идет речь. Понятно, что на Индию легче нападать из Персидского залива, во всяком случае, путь оттуда ближе, чем из Красного моря [см. также: Черняк 2012: 297–300]. Такое понимание, однако, может быть сильно скорректировано благодаря латинской надписи, недавно найденной на острове Фарасан в южной части Красного моря (Villeneuve et al. 2004; McLaughlin 2014: 133; Бухарин 2007б: 200–204; 2010). Надпись является посвящением, сделанным при императоре Адриане в 143–144 гг. Она дает все основания считать, что на острове находилась, выражаясь современным языком, римская военная база. Если соединить информацию Евтропия и эту надпись, то можно высказать догадку, что Траян действительно создал флот на Красном море (в современном его понимании) и, надо думать, базу для его содержания на Фарасане. Эта база, как явствует из надписи, просуществовала, по крайней мере, до времени Адриана<sup>21</sup>.

По берегам Красного моря в первые века н. э. существовало большое количество поселений, связанных с развитием торговли (Whitcomb, Johnson 1980; Tomber 2004).

<sup>20</sup> Весьма вероятно, что Евдоксу пришлось отдать некоторые вещи эфиопам, поставившим ему пресную воду и, как свидетельствует Страбон, предоставлявшим лоцманов.

<sup>21</sup> Трудно в полной мере согласиться с мнением М. Д. Бухарина, что эта база была создана для переправы по морю в Аравию войск аксумитов, поскольку у самих аксумитов флота не было, и они нанимали для этого римские корабли [Бухарин 2006: 7; 2007а: 72; 2010: 136]. В проанализированной этим исследователем надписи Monumentum Adulitanum II, однако, прямо говорится, что царь Аксума послал в Аравию «флот и пешее войско» [см.: Бухарин 2006: 5, § 62].

Одним из таких пунктов был упомянутый выше *Евдемон Аравийский*. Можно считать, что он использовался мореходами до возникновения на побережье Южной Аравии, т. е. уже за пределами Баб-эль-Мандебского пролива, порта *Кани* [Бухарин 2009а: 69; ср.: Грязневич 1995: 273–274; McLaughlin 2014: 140–141]. Основание *Кани*, скорее всего, надо относить к второй половине I в. до н. э., связывая это событие с политикой правителей Хадрамаута [Седов 2005: 309–311]. Об этом пункте на берегу Индийского океана упоминает Плиний Старший (Plin. *NH.* VI, 104). В «Перипле Эритрейского моря» о Кане говорится, что она лежит в Ладаноносной стране (т. е. в Хадрамауте. — Ю. В.), за выступающим в море мысом. «Весь рождающийся в стране ладан свозится в нее как в хранилище, на верблюдах и в местных лодках из кожаных мешков и на кораблях. [*Кани*] имеет такое же сообщение с “лежащими на том берегу” рынками, Баригазами и Скифией, и Оманами, и лежащей рядом Персидой. Ввозят же в нее из Египта равным образом немного пшеницы и вино также, как и в Музу, аравийскую одежду, также — с обычным рисунком, без рисунка, и броскую в огромном количестве, и медь, и олово, и коралл, и стиракс, и все остальное, что и в Музу: множество чеканного серебра и [золотых (?)] монет для царя, лошадей и статуи, и роскошные одежды без рисунка. Вывозятся же из нее местные товары: ладан и алоэ, и все остальное, что поступает с других рынков» (ПЭМ: § 27–28; пер. М. Д. Бухарина).

Что касается местоположения порта *Кани*, то надежно установлено, что его остатки расположены в 3-х км к юго-западу от современной деревни *Бир ‘Али*, у подножья скалы *Хусн аль-Гураб* [Грязневич 1995: 275–276]. Городище *Кани* было одним из основных археологических объектов, на котором проводились исследования Российской-Йеменской (Советско-Йеменской) комплексной экспедицией в 1985–88, 1991 и 1993–94 гг. [см.: Виноградов 1993; 2000б; 2006; Амирханов и др. 2002: 169–170; Седов 2005: 309–346; Piotrovskij, Sedov 1994: 212–216; Sedov 1992; 1996b; 1997a; 1997b; 1998]. Благодаря раскопкам был получен огромный археологический материал, характеризующий материальную культуру этого порта<sup>22</sup>. Весьма показательно при этом, что среди керамических материалов во всех слоях фиксируется преобладание импортной посуды, прежде всего амфор, использовавшихся при морских перевозках вина, оливкового масла и других продуктов. Не менее показательны находки монет, стратиграфия которых в ряде случаев позволяет лучше понять хронологию монетных выпусков Хадрамаута и других государств Южной Аравии [Седов 1998: 74, 80, 84–85, 147, 151].

В результате целенаправленных раскопок было установлено, что самые ранние культурные напластования на памятнике можно датировать в пределах второй половины I в. до н. э. — середины или, вероятнее, конца I в. н. э. [Седов 2005: 328]. На первом этапе своей истории, т. е. приблизительно до середины III в. н. э., порт принадлежал Хадрамауту. Не удивительно, что в столице государства, Шабве, приблизительно с рубежа эр фиксируется увеличение импортных средиземноморских материалов, связанных с морской торговлей [Бретон 1989: 153]. На участке, расположенном у подножья скалы *Хусн аль-Гураб*, были открыты руины крупного

<sup>22</sup> Материалы работ Российской-Йеменской экспедиции на городище *Кани* были изданы недавно в виде коллективной монографии, авторами которой стали исследователи из многих стран [см.: Salles, Sedov 2010]. Для изучения порта большое значение имеют также результаты подводных исследований, проведенных в его бухте итальянскими специалистами [Давид, Петриаджи 2002; Davidde, Petriaggi 1998; Davidde et al. 2004].

склада, предназначенного для хранения ладана. Он погиб в результате сильнейшего пожара, происшедшего в конце I или в самом начале II в. н. э. [Седов 2005: 329], и потоки расплавленного и застывшего ладана перекрывают полы и основания стен этой постройки. В связи с этим вызывает сомнение заключение М. Д. Бухарина о том, что морская торговля южноаравийскими благовониями со Средиземноморьем имела лишь эпизодический характер [Бухарин 2009а: 282]. Приведенное выше свидетельство автора «Перипла» о *Кани* как о центре, где концентрировался «весь рождающийся в стране (т. е. в Хадрамауте. — Ю. В.) ладан», наряду с его же сообщением, что ладан вместе с алоэ вывозится отсюда, находятся в полном противоречии с заключением уважаемого исследователя. Результаты археологического изучения этого памятника тоже позволяют придерживаться противоположной точки зрения — благовония составляли важную часть товаров, доставлявшихся кораблями из *Кани* на рынки Средиземноморья. Интенсивная морская торговля, разумеется, имела определенное влияние на развитие культуры южноаравийских государств, хотя это влияние никак нельзя преувеличивать<sup>23</sup>, их культура, в целом, оставалась традиционной.

Для понимания международных торговых связей, проходивших через порт *Кани* принципиальное значение имеет греческая надпись IV в. н. э., обнаруженная на куске штукатурки, обрушившемся со стен одного из исследованных при раскопках зданий, которое интерпретируют как синагогу [Виноградов, Седов 1989; Sedov 1992: 135–136, fig. 14; ср.: Бухарин 2009а: 83–87; Bowersok 1993]. Эта надпись была оставлена неким Косьмой, который, вероятнее всего, был христианином [Французов 2014: 261–263].

Не трудно понять, что за обладание портом на побережье Индийского океана между южноаравийскими государствами разгорались конфликты. Противники Хадрамаута пытались поставить этот торговый центр под свой контроль или, по крайней мере, делали попытки разграбить его. К примеру, сабейские надписи сообщают, что в начале III в. н. э. во время рейда войск царя *Саб* и *зу-Райдан* город *Кани* был захвачен, и в его гавани было сожжено несколько десятков кораблей [Грязневич 1995: 278; Седов 2005: 310; Французов 2014: 235]. Нападение сабейцев, однако, не привело к полному разгрому порта и окончанию его функционирования; после этого он просуществовал, по крайней мере, 400 лет.

Помимо *Кани*, важное значение для понимания международной торговли в регионе имеют исследования древнего *Сумхурама* (городище *Хор Пор*), расположенного на территории современного Омана [см.: Avanzini 2002; Аванцини 2003], но о нем речь пойдет во второй главе данного исследования, посвященной Ормузскому проливу. Признавая очень большое значение торговли Римской империи со странами Индийского океана, все-таки приходится признать, что не может быть «монолитной модели всеохватывающей римской торговой диаспоры», как ее назвал Х. П. Рэй [Ray 1993: 490]. В этой торговле было немало других факторов, которые мы недооцениваем или слабо понимаем. В отношении египетско-индийской торговли принято считать, что она достигла своего пика в I в. н. э., во II–III вв. ее интенсивность падает, а в IV в. торговые связи сходят на нет. В V–VI вв. торговля с Индией в значительной степени переходит в руки персов, арабов и аксумитов [Берзина 1982: 32–33; Кошеленко, Шахова 1995: 228; ср.: McLaughlin 2014: 113–127].

<sup>23</sup> С. Я. Берзина находит отражение торговых связей Южной-Аравии с греко-римским Египтом в некоторых предметах древнего искусства, найденных в этом регионе [Берзина 1994; Bersina 1988].

В любом случае необходимо признать, что в развитии торговых связей Средиземноморья с Индией были заинтересованы не только римляне (римские граждане), но и их азиатские и африканские партнеры [McLaughlin 2014: 153], которые, естественно, всеми средствами стремились сохранить свои интересы или даже поставить эту торговлю под свой контроль.

Естественно, принципиальнейшее значение для понимания торговых связей, осуществлявшихся между Средиземноморьем и Индией, имеют археологические материалы, полученные на территории Индостана. Наиболее известный и важный памятник в этом отношении — порт Арикамеду, расположенный на восточном побережье Индии [Wheeler 1946a; 1955: 137–155; Надэль 1948]. Необходимо признать, правда, что этот морской торговый центр начал функционировать до времени Октавиана Августа [Begley 1983: 461; 1993; 1996]. Известны и другие поселения, вовлеченные в торговлю [Sankalia 1957; Wheeler 1959a: 6–7]. Важнейшее значение для понимания связей Средиземноморья с Индией имеют также десятки кладов римских монет, происходящие, в основном, с юга полуострова Индостан [Seshadri 1966; Turner 1989]. Эти монеты, в основном, принадлежат чеканке Августа и Тиберия, при этом значительное их количество отчеканено из золота. Е. Ю. Лебедева, оценивая эти факты, признала высокую значимость индийской торговли для Рима при названных императорах [Лебедева 1989]. На первый взгляд, все предстает именно таким образом, но понимание механизма проникновения римских монет в Индию все-таки связано с немалыми сложностями. Специальные исследования показывают, что для ввоза в Индию специально отбиралась монета, уже вышедшая из употребления. Иными словами, часть денариев Августа и Тиберия могла попасть сюда позднее времени правления этих императоров [см.: Бухарин 1998: 224; 2003a: 231; Ray 1993; 1995]. Эти наблюдения позволяют взглянуть на торговлю между империей и Индией под несколько необычным углом зрения. Если на местных рынках пользовались популярностью вышедшие из употребления монеты, отчеканенные при Августе и Тиберии, то на это были какие-то объективные причины. Вполне очевидно, что часть из них могли попасть на Индостан после первых десятилетий I в. н. э., но, несмотря на это, вряд ли следует полностью отрицать значение этих монетных находок для оценки торговых связей Рима с Индией при названных императорах. Может быть, первый мощный импульс в этой торговле и, соответственно, первый приток драгоценной монеты, пришедшийся на время их правления, произвел на индийских купцов такое сильное впечатление, что они и в дальнейшем предпочитали иметь дело с этой монетой, хотя в Риме она уже давно не чеканилась. Как видим, точка зрения, что большое количество денариев не может считаться основанием для предположения об интенсивности индийской торговли в первые десятилетия I в. н. э., представляется несколько односторонней и не вполне убедительной [см.: Бухарин 2003a: 231].

Вообще же римские монеты продолжали поступать в Индию вплоть до последней четверти II в. н. э. [Бухарин 2003б: 41; 2007б: 196]. Они исчезают здесь лишь в III в., что обычно связывают с системным кризисом, охватившим Римскую империю в это время. М. Д. Бухарин считает, что спада в торговле между Средиземноморьем и Индией в III в. вовсе не было, а она просто вышла из-под римского контроля [Бухарин 2003б: 42; 2010: 136], что по-своему верно. В любом случае, однако, приходится признать, что все наиболее «модные» и желанные в среде богатых римлян товары поступали на рынки Средиземноморья по торговым путям, проходящим через Красное море [McLaughlin 2014: 25].

## 1.6. Эфиопское завоевание Йемена

Восточно-африканское государство Аксум, о котором неоднократно говорилось выше, [см.: Кобищанов 1966; Бюттнер 1981: 30–40; Kobishanov 1990], начинает играть все более заметную роль в исторических судьбах Южной Аравии со II в. н. э. Именно в начале этого столетия аксумиты, стремившиеся поставить под свой контроль все побережье Красного моря, стали осуществлять давление на северные и западные границы *Саба*'. Не удивительно, что в это время за пределы Красного моря начинают распространяться аксумитские вещи, прежде всего керамика и монеты [Tomber 2005: 47; McLaughlin 2014: 113–127]. Усилению влияния Аксума на юге Аравии способствовала ожесточенная борьба *Саба*' и *Хадрамаута* против молодого *Химйаритского государства*, которое возникло предположительно в 115 г. до н. э. [Бауэр, Лундин 1994: 113; Рункова 1995: 55; Французов 2014: 192; Hoyland 2001: 51]. Поначалу в развернувшейся борьбе аксумиты были союзниками *Саба*' и *Хадрамаута* [Рункова 1995: 100–103, 121], но затем, в основном, поддерживали химйаритов, вероятно, по той причине, что именно химйариты контролировали торговлю с Восточной Африкой. Одним из результатов военного противостояния, как уже говорилось, стал разгром хадрамаутского порта *Кани*' [Рункова 1995: 104; Французов 2014: 235]. По этому поводу, однако, еще раз необходимо отметить, что этот порт не прекратил существования и активно функционировал вплоть до начала VII в. н. э.

Для понимания военно-политической ситуации этого времени в бассейне Красного моря важное значение имеет надпись, получившая название *Monumentum Adulitanum II*, которая была начертана на монументальном троне, поставленном между столицей государства *Аксумом* и приморским городом *Адулис*. В ней говорится о военных акциях некоего аксумитского царя, имевших место в конце II — начале III в. [см.: Бухарин 2009а: 71–77; 2010]. Наряду с прочим, этот царь совершил поход на восточную сторону Эритрейского моря, послав туда флот и пешее войско. Его боевые действия развернули от *Левке Коле* (порт на севере Красного моря) до земли сабейцев (на юге). Благодаря им было восстановлено мирное плавание по морю, а местные царьки были обложены данью. Есть основания считать, что эта акция была предпринята при поддержке римлян и в интересах не только аксумитской, но и римской торговли в бассейне Красного моря [Бухарин 2009а: 77; 2010: 10].

Около 270 г. *Аксум* по каким-то причинам сошел с арены активной международной политики, и вплоть до начала IV в. о нем ничего не известно [Французов 2014: 247]. В середине IV в. н. э. аксумский царь Эзана, однако, сумел подчинить большую часть Северной Эфиопии и провозгласил здесь христианство государственной религией [Французов 2000: 416; 2002: 263–264; см. также: Mekouria 1990]. В конце IV в. правящая династия *Химйара* обратилась в иудаизм, но в портовых городах и окраинных областях этого государства было немало христиан [Французов 2002: 266], которые были поддержаны аксумитами. В результате развернувшейся борьбы значительная часть Южной Аравии попала под контроль *Аксума* [Raunig 1987: 413], но сравнительно ненадолго.

События IV в. повторились в VI в. н. э. [Raunig 1987: 415; Müller 1987: 52]. Новый импульс эфиопскому проникновению на юг Аравии был придан развернувшейся здесь борьбой двух империй (Византии и Персии), стимулированной отмеченным выше серьезным религиозным противостоянием государств региона (христианство–иудаизм) [Пигулевская 1951: 215–241; Кобищанов 1980: 10; Пиотровский

1985: 21–24; Бауэр, Лундин 1994: 116; Robin 1980]. По заключению Н. В. Пигулевской, замысел дипломатии императора Юстиниана заключался в развитии торговли шелком через эфиопов в обход персов. Иран же, противостоя этой политике, стремился сделать областью своего влияния *Химйар* [Пигулевская 1951: 266]. Христианская Эфиопия по понятным причинам стала естественной союзницей Византии, а *Химйар*, в котором распространялся иудаизм, поддерживал тесные контакты с Персией.

Первый поход аксумитов на *Химйар* состоялся в 517 г. Тогда весь юго-восток Аравии оказался в их власти, но лишь на краткое время, поскольку царь химйаритов сумел вернуть престол, после чего устроил настоящую резню христиан [Лундин 1961: 32–44; Кобищанов 1980: 17–24; Французов 2014: 263]. В 525 г. аксумский царь Калед (Элла Адбэха) предпринял новый поход на противоположный берег Красного моря [Французов 2000: 416]; его войска, снаряженные при поддержке Византии, вновь разбили химйаритского царя [Пигулевская 1951: 278–309; Лундин 1961: 49–52; Кобищанов 1980: 45–51; Пиотровский 1985: 22; Бауэр, Лундин 1994: 117; Christides 1972; Daum 1980: 22; Müller 1987: 53]<sup>24</sup>. Итог этой победы заключается не только в том, что христианские мученики были отмщены, главным ее результатом стало то, что юг Аравии стал эфиопским доминионом на несколько десятилетий [Лундин 1961: 91; Французов 2014: 265; Hoyland 2001: 56].

Для понимания политической и экономической ситуации в регионе большой интерес вновь представляют материалы, полученные при раскопках южноаравийского порта *Кани*. В IV — начале V в. здесь представлено большое количество аксумского импорта [Виноградов 1993: 74–75; Седов 2005: 346]. Можно даже считать, что после 525 г. часть аксумитов переселилась в этот порт. Торговля на юге Аравии оказалась в руках купцов *Аксума*, которые стали поддерживать тесные связи с палестинскими городами, принадлежавшими тогда Византии. Весьма показательным, что среди материалов амфорной тары обозначенного времени, обнаруженных при раскопках *Кани*, доминируют сосуды, производившиеся в Палестине, чего раньше никогда не было [Амирханов и др. 2002: 171].

Персы сумели выгнать африканцев из Южной Аравии в 576–577 гг. [Пигулевская 1951: 333–334; Лундин 1961: 89–90; Кобищанов 1980: 108–110; Пиотровский 1985: 24; Müller 1987: 53; Munro-Hay 1993: 619; Hoyland 2001: 57]. Победа сасанидского Ирана над Эфиопией в Йемене знаменовала собой уничтожение там византийского влияния [Пигулевская 1951: 335]. Персидские корабли теперь могли базироваться в Адене, угрожая *Аксуму* и перекрывая для византийцев торговые пути на восток [Whitehouse, Williamson 1973: 44; ср.: Лундин 1961: 91; Кобищанов 1980: 128]. Формально сасанидское владычество в Йемене сохранилось вплоть до исламизации страны<sup>25</sup>.

Среди исследователей рассматриваемый период в истории Йемена оценивается по-разному. Ю. М. Кобищанов по этому поводу писал: «В ограниченном смысле можно говорить о приобщении Аравии конца VI — начала VII в. к иранской

<sup>24</sup> Точка зрения о вторжении эфиопов в 525 г. оспаривается рядом ученых. По их мнению, это событие относится к 529 или 530 гг. [Beaucamp et al. 1999: 77].

<sup>25</sup> После этих событий на Аравийском полуострове продолжали существовать различные формы христианства [Finster 2010: 70]. Во время раскопок на Сокотре были открыты остатки церкви IX–XIII вв. [Виноградов 2012: 100–115; Наумкин 2012: 195–211; Vinogradov 2012: 304–314]. Поскольку, как известно, на острове было распространено христианство несторианского толка [Наумкин 1988: 29], то эту церковь можно считать несторианской.



цивилизации и в то же время об ассимиляции персидских завоевателей» [Кобищанов 1980: 112], но сам автор придерживался этой точки зрения не вполне последовательно [Там же: 127]. Порой считается при этом, что власть Сасанидов в Йемене была почти номинальной. М. Б. Пиотровский, к примеру, признает, что владычество персов «не характеризует политическую ситуацию в Южной Аравии конца VI — начала VII в.» [Пиотровский 1985: 24]. А. Г. Лундин активно возражал против подобной точки зрения, считая, что сасанидский контроль ослаб лишь при последнем персидском правителе Йемена [Лундин 1961: 92]. А вот В. В. Мюллер видит в факте персидской оккупации столь серьезный удар по местным традициям, что для сабейской цивилизации он оказался смертельным [Müller 1987: 62; ср.: Пигулевская 1951: 335].

Приблизительно на это время, т. е. на конец VI — начало VII в. приходится прекращение функционирования южноаравийского порта *Кани* [Седов 2005: 346]. Арабы сумели вернуть себе контроль над торговыми путями по Красному морю около 640 г. Однако вскоре после этого значение данного района в международной торговле стало уменьшаться. Для Аббасидов, утвердившихся в Багдаде (750 г.), первостепенную роль играло не Красное море, а Персидский залив [Munro-Hay 1993: 619–621]<sup>26</sup>.

## 1.7. Некоторые итоги

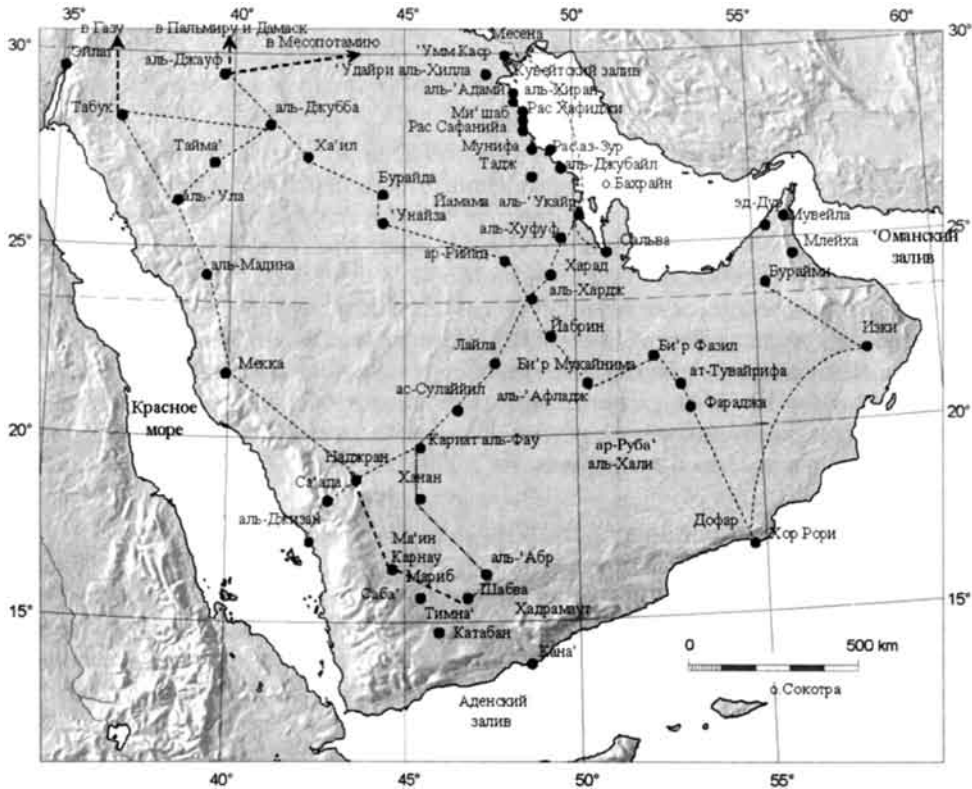
Все выше сказанное позволяет с полным основанием констатировать, что район Баб-эль-Мандебского пролива в древности имел очень большое значение для развития торговых, культурных и политических связей, осуществлявшихся между различными странами и народами. При этом контакты отнюдь не всегда могли осуществляться между народами, обитавшими в непосредственной близости от пролива. С развитием мореходства фактор расстояния во многом терял свою непосредственную актуальность, что, в частности, наглядно демонстрируется перипетиями персидско-византийского соперничества в Йемене в VI в. н. э.

Оценивая интенсивность и направленность этих связей, приходится признать, что в районе южной части Красного моря, они отличались значительной вариативностью. При этом имело место не просто усиление или ослабление контактов между населением Восточной Африки и Юго-Западной Аравии. Ситуация была значительно сложнее, и вектор этих связей мог меняться самым кардинальным образом. На определенных этапах здесь доминировали импульсы, исходящие с африканского континента, на других — с территории Аравии. Несколько упрощая ситуацию, смену направлений этих импульсов можно сравнить с движением маятника.

Такое движение обнаруживается уже в эпоху каменного века. Как показал Х. А. Амирханов, в палеолите Южной Аравии с течением времени все более отчетливо проявлялись тенденции, характерные для палеолита Африки [Амирханов 2006: 330]. А вот для IV–III тыс. до н. э. этот же исследователь признает прямое воздействие «пустынного неолита» Аравии на север долины Нила [Там же: 470–472].

---

<sup>26</sup> Для изучения средневековой морской торговли на юге Аравии важное значение имеют раскопки в *Шихре*. Здесь находился один из самых важных портов Йемена, просуществовавший более тысячи лет. Этот порт служил воротами Хадрамаута на Индийском океане вплоть до XIX в. [Hardy-Guilbert 2002].



Карта 2. Аравия. Пути Благовоний [по: Бухарин 2009а: 265, карта 14]

Сложение культур бронзового века юга Аравии (*Тихамский комплекс*, *Сабир*), как представляется, можно объяснить существованием египетских торговых путей III–II тыс. до н. э., направленных в легендарную страну Пунт. Сама эта страна, вероятнее всего, действительно находилась в Африке. Однако логика развития торговых операций закономерно вела к тому, что в их систему стала вовлекаться и Юго-Западная Аравия. Иными словами, можно высказать догадку, что на сложение приморских культур Йемена бронзового века оказала влияние цивилизация Египта. Это влияние было скорее косвенным, но отрицать его существование вряд ли будет конструктивно. Страбон, как известно, сообщает о столпе легендарного фараона Сесостриса, стоявшем на эфиопском мысе Дира. Этот фараон, по его словам, совершил переправу из Эфиопии в Азию через Баб-эль-Мандебский пролив (Strabo XVI, 4, 4).

Сложившаяся на юге Аравии в конце II тыс. до н. э. сабейская цивилизация распространилась на запад, пересекла Красное море, и таким образом на территории Эфиопии сформировалась преаксумская культура, просуществовавшая почти 500 лет. Современные археологические исследования с полной очевидностью продемонстрировали, что сабейские элементы на этой территории связаны с памятниками, которые можно определить как элитные: городские центры, храмы и т. д. Культура сельского населения оставалась традиционно африканской, и в конце концов она взяла верх в сложившемся на рубеже эр Аксумском государстве.

Обратное аксумское влияние на территорию Южной Аравии осуществляется в первые века нашей эры. Пиком этого процесса, как можно считать, стало эфиопское завоевание Йемена 525 г. Об имевшей место впоследствии исламизации некоторых стран Восточной Африки (Судана, Сомали), в данном контексте вряд ли стоит говорить, хотя исходным ее пунктом, конечно же, была Аравия.

Подводя итог сказанному, необходимо подчеркнуть, что обозначенная ритмика в истории регионов, прилегающих к Баб-эль-Мандебскому проливу является вполне объективным фактом. Сейчас очень трудно сказать, чем определялись эти ритмы, почему они имели одну или другую направленность. Автор не ставил перед собой задачу продемонстрировать их внутренние, глубинные закономерности, поскольку пока это сделать практически невозможно. Остается лишь надеяться, что такая работа будет проделана в будущем.

## ГЛАВА 2. ОРМУЗСКИЙ ПРОЛИВ

### 2.1. География района

Ормузский пролив соединяет Персидский (Аравийский) залив с Оманским заливом, открывающим выход в открытый Индийский океан. Со стороны Аравии его ограничивает мыс, принадлежащий сейчас Оману, который носит название Мусандам. Общая длина пролива составляет около 150 км, наименьшая ширина — 55,6 км, минимальная глубина на фарватере — 71 м [Wilson 1954: 1–7]. В древности, если иметь в виду исторические времена, можно считать, что вряд ли параметры Ормуза серьезно различались с современными. Страбон, ссылаясь на Эратосфена, дает его следующее описание: «Вход в залив (Персидский. — *Ю. В.*) настолько узок, что от Гармозов, мыса Кармании, можно видеть мыс Мак в Аравии. Побережье направо от входа в залив, будучи круглым, вначале склоняется от Кармании немного к востоку, а потом к северу, затем — к западу вплоть до Тередона и устьев Евфрата» (Strabo XVI, 3, 2; пер. Г. А. Стратановского). Аммиан Марцеллин следует этой же традиции: «Утверждают, что вход в это последнее (Персидское море. — *Ю. В.*) настолько узок, что из Гармозонта, мыса Кармании, совершенно отчетливо виден противоположный мыс, который местные жители называют Маки. За этим узким проливом море разливается широко, и плавание совершается до города Тередона, где впадает в море Евфрат...» (Amm. Marc. XXIII, 6, 10–11; пер. Ю. А. Кулаковского). Мыс напротив Кармании, т. е. современный Мусандам, как свидетельствует Арриан, видел Непарх, по приказу Александра Македонского направлявшийся от Инда к Евфрату, и этот мыс показался ему очень большим (Агг. *Ind.* XLIII, 9; Агг. *Anab.* VII, 9).

В «Перипле Эритрейского моря» Персидский залив тоже не обойден вниманием. Это сочинение неизвестного автора, о котором речь неоднократно шла выше, напомним, сейчас датируют в пределах 40–70-х гг. н. э. [о нем см.: Бухарин 2007а; Salles 1988: 95–97; 1993а; 1995; Casson 1989; см. также выше, главу 1. 1]. В названном документе о проливе говорится: «На левой стороне этого пролива есть огромная гора, называемая <А>сабо<н>, а на правой стороне можно увидеть напротив, другую — круглую, высокую, называемую [горой] Семирамиды, а между ними — сам проход по устью, стадий в 600, через который величайший и широчайший Персидский залив изливается во внутренние районы» (ПЭМ: § 35; пер. М. Д. Бухарина). Сразу можно констатировать, что все описания Ормузского пролива, оставленные античными авторами, отличаются краткостью и схематичностью, какие-либо

подробности или яркие детали в них отсутствуют. В этом отношении описание другого пролива — Баб-эль-Мандебского (о нем см. выше, главу 1) — значительно более информативны, и данному обстоятельству можно найти историческое объяснение (см. ниже).

Уровень развития навигации в рассматриваемом районе, разумеется, определяется многими факторами [Sanlaville 1988], но для понимания исторической роли Ормузского пролива, по понятным причинам, самое большое значение имеет изучение древностей Персидского залива. Археология этого района по существу началась с Бахрейна, где «в поисках Дильмуна» работали датские ученые (Дж. Бибби и др.) [Бибби 1984]. Затем в этот процесс включились археологические миссии других стран, вскоре Даниел Поттс с учетом результатов этих работ предпринял первую попытку создания схемы исторического развития всего Персидского залива в древности [Potts 1978; см. также: Boucharlat 1984], затем эта работа была продолжена, превратившись в крупное двухтомное исследование [Potts 1990a; 1990b], и к концу XX в. залив стал сравнительно хорошо исследованным районом древнего Ближнего Востока [Саль 1996: 115; Potts 1990a; 1990b]. В отношении Объединенных Арабских Эмиратов выяснено, что следы пребывания человека относятся здесь ко времени не ранее 8–7 тысяч лет назад [Shirley 1986: 12]. Такое положение, вероятно, следует объяснять тем, что период, охватывавший 8–3 тыс. до н. э., в истории региона признается климатическим оптимумом [Potts 2001: 35]. Вместе с тем, необходимо признать, что противоположный берег пролива, и шире — иранское побережье Персидского залива в силу целого ряда причин в археологическом отношении изучен недостаточно. По этой причине любые реконструкции исторических процессов, в которые был вовлечен этот район, в известном смысле остаются очень приблизительными.

Через Ормуз, так же как и через другие великие проливы (Боспор Фракийский, Боспор Киммерийский, Баб-эль-Мандеб и др.) могли осуществляться перемещения этнических сообществ из Аравии на территорию современного Ирана или наоборот [см.: Бибби 1984: 271; Whitehouse, Williamson 1973: 32; Salles 1982: 8]. Однако в археологическом отношении они остаются практически не зафиксированными. По этой причине значение изучения района Ормузского пролива может заключаться в другом. Не вызывает сомнения, что пролив играл важную роль на путях международной морской торговли, связывающих Месопотамию с Индией и с Африкой. Не будет большим преувеличением сказать, что он имел очень большое значение для развития мореплавания в регионе во все времена [Zakri 1989]. Свою роль в мировой торговле он сохраняет и в наши дни.

Что касается Персидского залива, то свое название он получил еще в древности — в ахеменидское время [Маккавеев, 2014: 369]. Очевидно, тогда же свое хорошо известное сейчас название получил и Ормузский пролив. О древних мифологических представлениях, в которых, подобно другим упомянутым выше великим проливам, фигурировал бы Ормуз, мы, к сожалению, ничего не знаем. Однако само его название, возможно, имеет какое-то отношение к имени верховного божества зороастрийского и ахеменидского пантеонов — Ормазда (Ахурамазды), связанного с царством света и идеального духовного состояния [Брагинский, Лелеков 1987: 653; Бойс 1988: 28–30, 131].

Несколько отвлекаясь от этой темы, следует указать, что в районе Персидского (Аравийского) залива, не очень далеко от пролива, имеется один в высшей степени интересный пункт, который нашел заметное отражение в шумерской мифологии.

Это остров Бахрейн, лежащий в Заливе около полуострова Катар. Его современное название в переводе с арабского означает «Два моря», что представляет определенные трудности для интерпретации. В древности именно здесь находился знаменитый Дильмун [см.: Бибби 1984], но об этом речь пойдет чуть ниже. Сейчас же необходимо сказать, что связь района пролива с колыбелью будущей великой цивилизации в Месопотамии отчетливо проявляется уже в V тыс. до н. э., когда на его берегах появляется убейдская керамика.

## 2.2. Убейдская керамика в районе Персидского залива

В 1968 г. во время исследований в Восточной провинции Саудовской Аравии датские археологи под руководством Дж. Бибби на одном из памятников обнаружили фрагменты керамических сосудов с характерным зеленоватым цветом поверхности, расписанных геометрическими узорами коричневатой или почти черной краской. Сразу же был сделан единственно возможный правильный вывод, — эта керамика относится к убейдской культуре Месопотамии [Бибби 1984: 343–344, 347; Burkholder 1972: 264; Kapel 1973: 64–65].

Убейдская археологическая культура, которую обычно датируют в широких пределах второй половины V — первой половины IV тыс. до н. э., зародилась на юге Ирака и в 4400–4300 гг. до н. э. и затем распространилась по всей Месопотамии [см.: Мелларт 1982: 70, 121–124; Ллойд 1984: 46–51; Гуляев 1999: 94–102; Breniquet 1989; Charvát 2002: 42], а в дальнейшем на еще более широкие территории [Массон 1962; 1989: 87; Thuesen 1989]. Принято считать, что эта культура открыла здесь новую эру, приведшую к сложению шумерской цивилизации; некоторые специалисты даже признают ее как шумерскую [Гуляев 1999: 102; но ср.: Крамер 2002: 54–56]. Все исследователи согласны с тем, что расцвет убейдской культуры был связан с развитием ирригационного земледелия и подъемом торговли.

После первых находок 1968 г., убейдская керамика была обнаружена во многих местах по берегам Персидского залива, в основном, на восточном побережье Саудовской Аравии, но также в Кувейте, Катаре, на Бахрейне, при этом некоторые находки зафиксированы не только на побережье, но и во внутренних районах. К середине 70-х гг. прошлого века таких местонахождений по берегам залива насчитывалось более четырех десятков [Cardi 1974: 197–198; Oates et al. 1977; Potts 1978: 34]; сейчас это количество еще более возросло [см.: Cleuziou 1988: 31–33, 37–42; Inizan 1988: 73–74; Sauer et al. 1988: 98; Frifelt 1989; Potts 1990a: 35; 2001: 35; Nayeem 1990: 117; 1992: 302; 1994: 165, 177–178; 1998: 260; McClure, Al-Shaikh 1993; Crawford 1998: 24–32; Carter 2002; Kalliweit 2003: 63; Popescu 2003: 53; Charpetier, Méry 2008: 117; Parker, Rose 2008: 34–35]. Необходимо обратить внимание, что такие местонахождения обнаружены на востоке Оманского полуострова, т. е. в непосредственной близости от Ормузского пролива [Frifelt 1989; Boucharlat et al. 1991; Naerincx 1991]. Все эти наблюдения позволили сделать вывод о бесспорности факта плаваний из Месопотамии вдоль западного берега Персидского залива в V тыс. до н. э. [Oates 1978: 45].

Специальные исследования позволили установить, что убейдская керамика залива производилась в Месопотамии, т. е. за 600–700 км от места ее обнаружения, при этом нет оснований говорить даже о копировании месопотамских образцов местными мастерами [Oates et al. 1977; Oates 1993: 140; ср.: Roaf, Galbraith 1994;

Charvát. 2002: 72]. Более того, вопрос о существовании самих этих местных мастеров до сих пор остается не ясным. В связи с этим следует обратить внимание, что для всех контекстов, в которых зафиксированы находки убейдской керамики, характерны находки кремневых орудий [Millet 1991], а также грубой посуды красного цвета, происхождение которой не вполне понятно. Однако ясно другое — эта керамика не производилась в Месопотамии [Oates et al. 1977: 227, 232; Roaf, Galbraith 1994: 778].

Понятно, что открытия убейдской керамики в районе Залива вызвали весьма острую дискуссию, но, как водится, она не привела к окончательному разрешению всех спорных вопросов. Среди них можно назвать некоторые, наиболее существенные. Прежде всего, каким образом месопотамская керамика попадала в столь отдаленный район? Можно ли однозначно признавать, что это происходило в результате торговли? Что вообще могло заинтересовать убейдцев на пустынных берегах Персидского залива?

Стараясь ответить на эти вопросы, исследователи не могли не обратиться к фундаментальной проблеме происхождения шумеров. Известно, что вопрос о родине шумеров остается до сих пор нерешенным [Крамер 2002: 56]. Дж. Бибби посчитал, что убейдская керамика с берегов Аравии датируется V тыс. до н. э., и на этом основании предположил, что шумеры пришли в Месопотамию именно отсюда [Бибби 1984: 347]. Г. Буркхольдер, вторя ему, заметила, что расписная убейдская керамика появилась в Междуречье как полностью сложившийся культурный элемент [Burkholder 1972: 269]. В дальнейшем такая точка зрения, правда, не нашла поддержки, поскольку, как оказалось, аравийские находки отнюдь не являются самыми ранними в своем роде; они моложе месопотамской убейдской керамики [Гуляев 1999: 96; Frifelt 1989; Carter 2002: 25]. Иными словами, логичнее всего считать, что в Залив эта посуда каким-то образом завозилась из Месопотамии.

По этой причине, распространение убейдской керамики в обозначенном регионе следует объяснять исключительно активностью населения древней южной Месопотамии [Potts 1990a: 56]. Вполне очевидно при этом, что убейдская керамика попадала сначала в прибрежные поселения Залива и уже оттуда проникала вглубь Аравии (местонахождения *Хофуф* и пр.), что в известном смысле позволяет предполагать развитие внутреннего обмена в бассейне Персидского залива уже в столь раннее время [Kalliwweit 2003: 63]. При этом появление здесь оседлого населения можно признать в полной мере неожиданным, поскольку до него данная экологическая ниша по существу пустовала. Совсем не удивительно, что некоторые исследователи на основании приведенных археологических материалов предполагают, что торговля в Заливе в убейдское время получила значительное развитие [см.: Alden 1982: 624].

Однако в связи с этим уместно задаться другим вопросом, — что вообще могло привлекать выходцев из Месопотамии в Персидском заливе, поскольку этот район дает для купцов совсем немного ценных товаров, за исключением разве что знаменитого во все века местного жемчуга [Бибби 1984: 143; Маккавеев 2014: 367, 368; Dayton 1984: 371; Oates 1993: 140; см. также: Howard-Carter 1986; McLaughlin 2014: 177–188]. Желанные товары они могли получить в значительно более отдаленных странах — Счастливой Аравии или Индии, но вряд ли можно предполагать, что корабли из Месопотамии заходили так далеко уже в убейдское время<sup>27</sup>. К тому же

<sup>27</sup> Предположение С. Н. Крамера о том, что убейдцы на своих кораблях дошли до долины Инда и основали там Харалпскую цивилизацию, выглядит слишком экзотическим [Kramer 1964: 51].

местонахождения с привозной керамикой выглядят слишком эфемерными, чтобы их однозначно признавать своего рода торговыми пунктами. Д. Т. Поттс предполагает, что убейдские моряки, проходившие на кораблях вдоль берегов Восточной Аравии, были не купцами, а рыболовами, но свою керамику они могли обменивать у аборигенов, возможно, на свежее мясо [Potts 1990a: 56–57]. Другие исследователи, прежде всего Дж. Оутс, считают, что нельзя говорить даже об обмене, расписные сосуды моряки брали с собой на корабли по их утилитарному назначению, к примеру, как тару для перевозившихся в них продуктов. Сама идея о возможности торговли керамикой в древности представляется им почти невероятной. Убейдская посуда, если исходить из таких представлений, попросту оставлялась выходцами из Месопотамии на местах их корабельных стоянок. Иными словами, она может свидетельствовать лишь о сезонных морских экспедициях месопотамцев в район Залива, целью которых было получение рыбы и других морских продуктов, а отнюдь не выгоды от обмена с местным населением [Oates et al. 1977: 233; Oates 1993: 140; Mazzoni 1997: 24–25].

Имеется и еще одна точка зрения, отказывающая в возможности даже морских экспедиций из Месопотамии. Некоторые исследователи предлагают рассматривать Убейд не как единую, монолитную культуру или организованное единство, но скорее как культурное явление, состоящее из многих уникальных по своей сути вариаций на одну общую тему. При таком понимании оказывается, что в южной части Персидского залива была создана своя версия Убейдской культуры, отличная от всех остальных [Beech et al. 2000: 45]. Эта гипотеза при всей ее оригинальности оставляет без ответа два принципиально важных вопроса: во-первых, что же определяло единство всех обнаруженных памятников региона как убейдских, и, во-вторых, почему убейдцы Персидского залива обходились без собственного производства керамики?

Противники столь критичного взгляда на проблему, естественно, имеются. Они обращают внимание на то, что находки убейдской керамики в Заливе, как было сказано выше, сопровождаются грубой красноглиняной посудой и кремневыми орудиями [об этих орудиях см.: Millet 1991]. Такой керамики и таких каменных орудий в Месопотамии нет, а значит есть основания считать, что эти памятники принадлежат местному населению, заинтересованному в контактах с убейдцами. Ожидая сезонных экспедиций с севера, они могли заранее ловить рыбу и готовить ее на продажу (сушить и т. п.). Кроме жемчуга и рыбы северных мореходов могли интересоваться также такие товары, как кремль, шкуры газелей и, может быть, даже яйца страусов [Frifelt 1989: 415; Carter 2002: 25]. С другой стороны, предметом первостепенного интереса аборигенов, скорее всего, были совсем не расписные горшки, а месопотамские текстиль и зерно [Frifelt 1989: 415; Roaf, Galbraith 1994: 778]. Такая точка зрения, на наш взгляд, представляется более историчной, хотя следует признать то, что влияние Убейда на культуру местного населения было весьма ограниченным [Mazzoni 1997: 25; Crawford 1998: 28]. Следует обратить

---

Для характеристики мореплавания убейдского времени обычно привлекается находка керамической модели лодки, происходящей из некрополя Эриду [Barnett 1958: 221, pl. XXIb; Casson 1995b: 22, fig. 20; Charvát 2002: 71–72, fig. 4, 26]. Однако Т. Страссер высказал предположение, что этот предмет относится к текстильному производству («spinning bowl») и моделью лодки считается не может [Strasser 1996]. Такая точка зрения не нашла полного понимания среди исследователей. Однако, даже если Т. Страссер прав, его заключение не может повлиять на устоявшееся представление о развитии мореплавания в Заливе в IV тыс. до н. э. [Bourriau, Oates 1997: 720].

внимание, что на юге Аравии в V тыс. до н. э. сложился так называемый «пустынный неолит», расцвет и затухание которого приходится на IV–III тыс. до н. э. [Амирханов 2006: 468, 495]; следы месопотамского влияния в этой культуре практически незаметны.

Спорных вопросов, связанных с интерпретацией находок убейдской керамики на берегах Залива, как видим, остается очень много, при этом новые археологические находки придают дискуссии еще больший импульс. Любопытно, что одно из крупных поселений, открытое на острове Акаб около Ормузского пролива, исследователи датируют 4700–3600 гг. до н. э. [Charpetier, Méry 2008: 117], т. е. весьма ранним временем. Результаты раскопок продемонстрировали, что население здесь эксплуатировало ресурсы окружающей лагуны и ловило тунцов в открытом океане. В связи с новыми открытиями А. Г. Паркер и Дж. И. Роуз рискнули реанимировать старый вопрос, так и оставшийся без ответа [Parker, Rose 2008: 35]: откуда же шумеры пришли в Месопотамию? Может быть, действительно с юга?

Еще одно обстоятельство, косвенно связанное с изучением убейдских памятников в районе Персидского залива, определяется тем, что Восточная Аравия в постубейдское время вновь запустела. Для Оманского полуострова IV тыс. до н. э. вообще признается «темным» [Uermann 2003]. Вероятнее всего, здесь обитали племена бродячих скотоводов и охотников. Положение, по всей видимости, несколько улучшилось во второй его половине, когда на берегах Залива в небольшом количестве появляется урукская керамика [Crawford 1998: 32–33]. Однако, в конце IV тыс. в районе отмечаются важные культурные инновации, связанные с распространением гробниц с коллективными захоронениями, которые называют типом *Хафит*. Эти погребальные сооружения были сложены из необработанных камней и имели круглую планировку (диаметр 7–11 м). Хафитские гробницы датируют в пределах 3100–2500 гг. до н. э. [Potts 1990a: 72; 2001: 37; Schreiber 2007: 3], но они могли неоднократно использоваться для совершения захоронений в последующие века. Еще более значимым обстоятельством является то, что приблизительно в это же самое время Ормузский пролив был вовлечен в активную международную торговлю, сыгравшую очень важную роль в древней истории всего региона.

### 2.3. Международная торговля III–II тыс. до н. э.

О развитии международных торговых связей во все времена могут свидетельствовать импортные вещи, обнаруженные в местных контекстах. В полной мере это относится и к торговле в районе Персидского залива в III–II тыс. до н. э. Морскую торговлю этого периода невозможно представить без кораблей, построенных из тростника и покрытых битумом. Специальные исследования убедительно демонстрируют, что тростниковые корабли были весьма крупными, достигая 13 м в длину, и вполне пригодными для совершения далеких плаваний, прежде всего вдоль береговой линии [Vosmer 2003a: 152; см. также: Vosmer 2003b; Bushiri 1982; Cleuziou, Tosi 1994; Possehl 2002: 218]. Эти корабли стали играть важную роль в торговых контактах Месопотамии со странами Персидского залива приблизительно со 3000 г. до н. э., а несколькими столетиями позднее они уже достигли Индии [Cleuziou 2003: 134]<sup>28</sup>.

<sup>28</sup> При оценке торговли Индии с Месопотамией никогда не следует забывать, что она всегда включала не только морские, но и сухопутные караванные пути [Chakrabatri 1998: 307, 312].



Морская торговля Месопотами III–II тыс. до н. э., если судить по клинописным документам, осуществлялась с Дильмуном, Маганом и Мелуххой [Charvát 2002: 195]. По устоявшимся представлениям, Дильмун — это прежде всего остров Бахрейн, лежащий в Персидском заливе недалеко от Катара, но также некоторые территории на восточном побережье Саудовской Аравии и остров Файлака, принадлежащий ныне Кувейту [Бибби 1984; Calvet 1989; Macadam 1990; Crawford 1998: 5, 35; Possehl 2002: 219]. Первоначально, вероятно, все страны, расположенные к югу от Месопотамии, в том числе и Бахрейн, носили название Маган, но потом это название стало ассоциироваться с современным Оманским полуостровом [Бибби 1984: 174, 198; Husting et al. 1975: 15; Potts 1978: 36; 1990a: 90; Shirley 1986: 19; Nayeem 1994: 13, 224; Possehl 2002: 219; Cleuziou 2003: 135, 146]. Мелухха связывается с еще более отдаленной страной — долиной Инда, где существовала Хараппская цивилизация [см.: Антонова и др. 1979: 13–26; Бонгард-Левин, Ильин 1985: 82–114; Массон 1989: 188–202; Wheeler 1959b: 93–117; 1966; Cardi 1988: 54; Lal 1997; Possehl 2002]<sup>29</sup>.

В ранних глиняных табличках Месопотамии упоминания о Дильмуне встречаются приблизительно с 3200 г. до н. э.; они содержат информацию, касающуюся обмена металлами и другими товарами, но адекватной картины о связях Вавилона или Урука с Дильмуном в них все-таки нет [Englung 1983; Nissen 1986: 338]. Однако почти нет сомнения, что остров стал играть особую роль на торговых путях этого времени по причине своего чрезвычайно удобного географического положения. Мореходы могли здесь сделать остановку и пополнить запасы продовольствия и воды. Расположенные на острове источники пресной воды в засушливом районе Персидского залива обеспечили Дильмуну его значение не только как перевалочного пункта, но и как важнейшему центру транзитной торговли [Бибби 1984]. Более того, дильмунские купцы, пользуясь удобным расположением острова, активнейшим образом включились в международную торговлю, доставляя на своих кораблях товары, необходимые в Месопотамии. В орбиту их интересов вошел Маган [Cleuziou 1986], а также и Мелухха, т. е. Индия [см.: Dani 1986; Joshi 1986; Rao 1986]. Р. Картер провел исследования береговых поселений Персидского залива, относящихся к III–II тыс. до н. э., которые он склонен интерпретировать как станции на пути из Дильмуна к хараппским центрам Индийского субконтинента [Carter 2003: 191]. Показательные свидетельства тесных связей с Хараппой проявляются в системе весовых стандартов, принятых на Дильмуне [Powell 1983; Potts 1993c: 327; Edens 1993: 348], а также в обнаруженных в районе Залива печатях хараппского типа или близкого к ним облика, изготовленных на месте [Brunswig 1983; Edens 1993: 344–346]. Имеющиеся материалы позволили Д. Т. Поттсу предположить, что на Оманском полуострове, т. е. на территории древнего Магана, имела место настоящая хараппская колонизация [Potts 1993c: 331].

Как уже было сказано, Оманский полуостров был известен месопотамцам как богатый медью Маган. Здесь действительно зафиксированы месторождения медной руды, которые активно использовались в древности. Полученная в Магане медь поставлялась на внешний рынок, прежде всего в Месопотамию, поскольку эта страна всегда зависела от внешних источников снабжения металлом [Potts T. 1993: 390]

<sup>29</sup> Ассирийцы считали, что Маккан и Мелухха находятся в верхнем Египте, но они размещали там названные области, скорее всего, по ошибке [Бибби 1984: 200; Potts 1990a: 133–134; Nayeem 1996: 29].

Д. Т. Поттс полагает, что перевозки из Магана, скорее всего, осуществлялись через дильмунские руки [Potts 1990a: 90–91]. Таким образом, страна Маган была прочно инкорпорирована в международную торговлю, корабли купцов шли сюда в первую очередь за медью [Nayeen 1996: 323] и, как считают исследователи, встречали здесь хорошо организованное общество [Cleuziou 2003: 146]. Кроме меди, в Месопотамию отсюда поступал черный камень габбро [Potts Т. 1993: 387, 396], из которого, в частности, изготавливались рельефы и статуи; вывозились также сосуды из мягкого камня (стеатита и т. п.), украшенные резным орнаментом [Potts Т. 1993: 387, 396].

Для адекватного понимания этих связей, конечно, первостепенный научный интерес представляют археологические материалы, полученные на полуострове Оман, т. е. поблизости от Ормузского пролива. Оман был обитаем в IV тыс. до н. э., но конкретного об этом периоде, как уже говорилось выше, мы знаем не очень много [Potts 1990a: 68–70; Nayeen 1996: 118]. Активное археологическое изучение Омана началось в начале 70-х гг. прошлого века, когда там стали производиться масштабные разведки по всей территории [Husting et al. 1975; Cardi 1975]. Вскоре появились первые обобщения полученных материалов [Frifelt 1976; Cleuziou 1980; 1981]; особое внимание при этом, естественно, уделялось изучению развития на этих территориях древней металлургии меди [Goettler et al. 1976; Costa 1978; Weisgerber 1978; Costa, Wilkinson 1987; During Caspers 1989: 13–15; Ibrahim, ElMahi 1998: 125–130; Weeks 2003].

Период в истории Омана, охватывающий 2500–2000 гг. до н. э., получил определение культуры *Умм ан-Нар*, происходящее от названия маленького острова, на котором были открыты памятники этого времени [см.: Бибби 1984: 205–210, 238–256; Frifelt 1976; 1979; 1985; Shirley 1986: 20; Potts 1990a: 93; 2001: 39–40; Nayeen 1996: 171; Méry 1997; Jasim 2003; Häser 2010: 176]. Для этой культуры характерны круглые могильные конструкции циклопических размеров, а также поселения в виде монументальных каменных башен круглой формы, имевшими в диаметре 16–25 м; самая крупная из них достигает 40 м [см.: Yasin al-Tikriti 1989a; 1989b; Potts 2001: 39–40; Schreiber 2007: 3–5]. Важным памятником этого времени, на котором велись систематические археологические исследования, является *Хили 8* на территории эмирата Абу Даби [Cleuziou 1980; 1982]. Население, обитающее на побережье, занималось рыболовством, а во внутренних оазисах — земледелием и скотоводством. Важнейшим фактором в развитии земледелия во всем регионе стала domestикация финиковой пальмы. Ценная своими питательными плодами, она к тому же позволяла выращивать в тени своей кроны другие культурные растения: зерновые, овощные и фруктовые [Potts 2001: 39]. Параллели между керамикой *Умм ан-Нара* и индо-иранским побережьем позволяют считать, что между этими областями существовали устойчивые связи. Особенно любопытны материалы о связях Омана с Хараппской цивилизацией в Индии [Cleuziou, Vogt 1985; Potts 1990a: 149–150; Nayeen 1996: 212, 334].

На смену культуре *Умм ан-Нар* в начале II тыс. до н. э. приходит другая, которую обычно называют *Вади Сук* и датируют 2000–1200 гг. до н. э. [см.: Potts 1990a: 233–237; 2001: 44–47; Carter 1997; Vogt 1998b; Schreiber 2007: 5]. Она рассматривается как культура позднего бронзового века в регионе [Velde 2003; Häser 2010: 176]. Среди изученных памятников этого времени опять же следует отметить поселение *Хили 8*, окруженное хорошо сложенной каменной стеной (ширина — 0,80 м), и ряд весьма показательных могильников [Cleuziou 1981; 1982]. Последние состояли как из индивидуальных могильных ям, стенки которых были обложены

камнями, так и из коллективных захоронений в длинных ямах овальной формы (30 Ч 2 м), также обложенных камнями и перекрытых каменными плитами. С длинной стороны таких коллективных могил устраивался вход. Керамика II тыс. до н. э. отличается от более ранней хорошим качеством керамического теста, часть ее расписывалась черной или темно-коричневой краской. Для этого времени характерны также каменные сосуды, украшенные изящным резным орнаментом [Häser 1990]. При исследовании могильников обнаружены любопытные металлические предметы, в первую очередь оружие: наконечники копий и ножи, деревянные рукояти которых крепились непосредственно к клинку. Любопытно, что они изготавливались практически из чистой меди, примеси олова в металле не зафиксировано [Cleuziou 1981: 288]. Среди находок имеются также украшения: серьги, золотые штампованные украшения с изображениями животных и пр. Есть основания считать, что на этом этапе продолжали существовать широкие культурные связи между Оманским полуостровом и долиной Инда. Иными словами, продолжали осуществляться торговые контакты Месопотамии с Хараппской цивилизацией, в которых важную роль по-прежнему играл Маган [Cleuziou 1981: 291].

Любопытно, что на территории Катара, т. е. поблизости от знаменитого Дильмуна, импортные предметы, свидетельствующие о развитии международной торговли, практически отсутствуют [Tixier 1982; Potts 1990a: 151], хотя они достаточно многочисленны в прилегающих областях — восток Саудовской Аравии, Бахрейн, Объединенные Арабские Эмираты [Nayeen 1998: 260]. Среди импортных предметов здесь встречаются печати, надписи, каменные сосуды, золотые и серебряные украшения и т. д. Вполне очевидно, что международная торговля в III–II тыс. до н. э. проходила, так сказать, около Катара, не затрагивая его. Оценивая эту ситуацию, можно признать, что торговлю в районе Персидского залива питали сырые материалы: из Омана поступали медь и камень (габбро), из долины Инда — различные породы дерева, в том числе черного, полудрагоценные камни (лазурит, сердолик), золото, серебро, возможно, даже олово из Афганистана [Joshi 1986: 74–75; Potts T. 1993: 396; ср.: Массон 1989: 202]<sup>30</sup>. Среди товаров, активно вовлекавшихся в торговый обмен, называются также черепаховые панцири и жемчуг [о нем см.: Howard-Carter 1986].

В этой связи, правда, следует сделать одну оговорку. К некоторым импортным предметам, обнаруженным на многих памятниках Месопотамии (печати, гирьки, стеатитовые сосуды и пр.), при оценке их значения в торговом балансе, вероятно, следует относиться более сдержанно, хотя, как известно, археологи основное внимание обычно обращают именно на такие или подобные им яркие находки. Дело в том, что заморские купцы, отправляясь в обратный путь, вполне могли посвящать их в храмы с надеждой на безопасное возвращение в родные края [Potts T. 1993: 396]. При таком понимании перечисленные заморские предметы вполне могли быть votivными, но и в этом случае их связь с международной торговлей в регионе все-таки не вызывает сомнения.

Как видим, ассортимент товаров, которые ввозились в Месопотамию через Ормузский пролив и Персидский залив, очерчивается достаточно наглядно. Но чем же за них платили месопотамцы? Ответ на этот вопрос представляет немало труд-

<sup>30</sup> Любопытно, что слоновая кость, которую порой включают в ассортимент товаров, вывозившихся из Индии [Joshi 1986: 74], в письменных источниках в отношении Мелуххи не упоминается. Она связывается с Дильмуном [Possehl 2002: 220].

ностей. Выше уже было сказано, что некоторые исследователи считают, что в убедительное время для аборигенов, обитавших по берегам Залива, шумеры предлагали текстиль и зерно [Roaf, Galbraith 1994: 778]. Представляется вполне логичным, что те же самые товары поставлялись на внешний рынок и в III–II тыс. до н. э. Однако Д. Т. Поттс оспаривает эту точку зрения в отношении Магана, считая, что мнение об импорте сюда месопотамского зерна является иллюзорным [Potts 1993a: 425]. Дело в том, что набор знаковых культур, обнаруженный на одном из поселений, расположенных на Оманском полуострове в отдалении от моря (*Хили-8*), демонстрирует отсутствие влияния Месопотамии. Изучение костей «маганитов», происходящих из могильника *Умм ан-Нар* и др., позволяет считать, что основной пищей этого населения были отнюдь не злаковые культуры, а рыба, черепахи и пр. Из Междуречья сюда скорее ввозили шерсть и текстиль, а также прекрасное кунжутное масло [Potts 1993a: 425]. Эта точка зрения, однако, представляется слишком преувеличенной, и, скорее всего, импорт месопотамского зерна в Маган вряд ли следует полностью отрицать [During Caspers 1989: 17].

Эта хорошо налаженная международная торговля прекратилась еще во время существования культуры *Вади Сук*, во всяком случае, название Маган исчезает из месопотамских документов после 1800 г. до н. э. [Shirley 1986: 28]. Приблизительно тогда же начинает слабеть процветавший ранее Дильмун [Crawford 1998: 153]. Причины этого явления объяснить достаточно сложно, но ясно, что они кроются не в экономической или политической ситуации, сложившейся тогда в районе Ормузского пролива, а в более отдаленных областях. Одна из них, как следует полагать, определялась крушением Хараппской цивилизации, просуществовавшей лишь до 1500 г. до н. э. [Crawford 1998: 153]. Одно время было принято считать, что это эпохальное событие было связано с вторжением в Индию ариев [Бибби 1984: 311; Wheeler 1946b: 81–82; 1959b: 113; 1966: 78; Shirley 1986: 31], сейчас от такого одностороннего подхода уже отказались, в связи с чем предложен целый спектр гипотез, привлекающих внимание к экологическим, климатическим и пр. изменениям в регионе [Dales 1964; Lal 1997: 257–258; Possehl 2002: 237–242]. Не вдаваясь в подробности дискуссии, следует согласиться с исследователями, считающими, что «именно внутренние явления послужили главной причиной заката Хараппской цивилизации и упадка ее центров» [Антонова и др. 1979: 26; ср.: Бонгард-Левин, Ильин 1985: 107–112]. Другая причина краха международной торговли в Заливе, вероятно, связана с положением в Месопотамии. Есть основания считать, что в это время для месопотамских центров Маган потерял свое значение как источник поступления металла. Вектор торговых связей Междуречья сместился в направлении Анатолии [Crawford 1998: 154; Häser 2010: 176]. Обозначенные фундаментальные явления в совокупности стали причиной кризиса международной торговли, осуществлявшейся через Залив, и в конце концов привели к прекращению функционирования торговых путей, пролежавших через Ормузский пролив<sup>31</sup>.

Археологическая культура *Вади Сук*, о которой кратко говорилось выше, как считают некоторые исследователи, является последней вполне оседлой культурой

---

<sup>31</sup> Для понимания развития негативных явлений очень ценные материалы дает изучение документов, открытых в архиве города Мари. Они демонстрируют, что в XVIII в. до н. э. Дильмун был царством, вполне обычным для того времени на Ближнем Востоке. На основании этих документов можно предполагать, что около 2000 г. до н. э. здесь сменился вектор влияний, ранее исходивший с юго-востока, а теперь переместившийся на северо-запад [Eidem, Højlung 1993: 446].

Оманского полуострова. В конце II тыс. до н. э. она исчезает, и на этой территории стали полностью господствовать кочевые племена [Cleuziou 1981: 279, 292]. Ж.-Ф. Саль даже говорит о «темных веках» Залива, приходящихся на конец II тыс. до н. э.; по его мнению в Бахрейне и Кувейте фиксируется полная брешь в культурном развитии между XII и VIII вв. до н. э. [Salles 1982: 4]. Земледельческие оазисы, как полагают некоторые археологи, возрождаются лишь во второй четверти I тыс. до н. э., что уже связывается с влиянием Персии [Cleuziou 1981: 292; Salles 1982: 4], но об этом подробнее будет сказано ниже. Сейчас же следует обратить внимание, что обозначенная здесь точка зрения, рисующая развитие древней культуры на Оманском полуострове в слишком мрачных тонах, представляется несколько преувеличенной [Potts 2001: 48–49].

Результаты новых археологических исследований в Объединенных Арабских Эмиратах позволяют внести в понимание этой проблемы весьма существенные коррективы. Следует обратить внимание при этом, что Оманский полуостров не богат крупными, стратифицированными памятниками [Potts 1993c: 325]. В этом отношении большое значение имеют систематические исследования поселения *Телль Абрак*, просуществовавшего около двух тысяч лет — приблизительно с 2500 по 500 гг. до н. э. [Potts 1993a: 423, 488; 1993 b; 1994]. Материалы этих раскопок пока еще полностью не опубликованы, но находки, относящиеся к II тыс. до н. э. на данном памятнике, безусловно, имеются [Potts 1994: 622], а это означает, что оседлость на Оманском полуострове к концу II тыс. до н. э. полностью не прекратилась. Более того, продолжались и торговые связи, с одной стороны, между Маганом и долиной Инда, а с другой, — между Маганом, Дильмуном и Эламом [Potts 1993a: 426–434; 1993c]. Присутствие касситских и средне-эламских типов посуды в *Телль Абраке* служит одним из свидетельств в пользу именно такого понимания ситуации в районе Залива [Potts 1993a: 435]. В данном контексте, конечно, уместно говорить о значении «молчаливой» археологии для понимания древней истории региона. Д. Т. Поттс считает, что период, охватывающий 1200–300 гг. до н. э., был ознаменован весьма важными нововведениями. Во-первых, в конце II тыс. до н. э. был domestцирован верблюд, что закономерно привело к расширению торговых связей между народами, разделенными пустыней. Во-вторых, в земледельческих районах появился новый тип ирригационной системы — подземные каналы с выходящими наружу колодцами, которые здесь называются *фаладж* [Potts 2001: 48]. В территориальном отношении эти системы распространены ближе к району гор [Häsel 2010: 177; Yasin Al-Tikriti 2010], позволяя отводить воду оттуда на достаточно большие расстояния<sup>32</sup>.

Вместе с тем, несмотря на эти важные открытия, вряд ли следует сомневаться в справедливости концепции об ослаблении торговых связей, осуществлявшихся через район Ормузского пролива. Более того, эти связи не просто ослабли, а постепенно прекратились. В этом отношении необходимо еще раз акцентировать внимание на важнейшем обстоятельстве — происшедшие перемены знаменовали собой крушение многовековой международной торговли III–II тыс. до н. э. Еще раз подчеркну, что причины этого исторического явления, конечно, следует искать не на берегах пролива, а в крупных военно-политических изменениях, имевших место в Месопотамии, с одной стороны, и в долине Инда — с другой.

<sup>32</sup> О системе фаладж на территории Оманского полуострова и ее возможной связи с иранской системой канат (*qanāt*) см.: Shirley 1986: 42; Boucharlat 2003.

## 2.4. Дильмун священный

Выше было сказано, что остров Бахрейн практически всеми исследователями отождествляется с древним Дильмуном, правильнее сказать, с его важнейшей частью [Бибби 1984; Alster 1983: 41, 44; Potts 1990a: 85–86; Rice 1994: 11]. Также уже говорилось, что в ранних глиняных табличках Месопотамии упоминания о Дильмуне содержат информацию, касающуюся обмена металлами и другими товарами, но только этим дело отнюдь не ограничивается. В шумерской мифологии Дильмуну принадлежит особая, можно сказать, уникальная роль. В частности известно, что после потопа боги повелели царю Зиусадре «обитать в стране перехода, в стране Дильмун, месте, где восходит солнце» [Бибби 1984: 70]. С Дильмуном ассоциируется представление о вечной обители прародителя всего человечества; судя по всему, именно сюда прибыл Гильгамеш в поисках бессмертия [Бибби 1984: 73]. С этой страной, в которой нет хищных зверей, нет болезней и старости, связаны события, описанные в поэме «Энки и Нинхурсаг» [Бибби 1984: 74–75; Крамер 2002: 170–171]. Данная мифологическая традиция позволяет полагать, что в глазах шумеров Дильмун являлся священной страной. На этом основании некоторые ученые отождествляют его с раем шумерских мифов и литературы, а Й. Ретсё даже считает, что название «Счастливая Аравия» первоначально сложилось для обозначения береговой линии напротив этого острова [Retsö 2000; 2003a: 290–294; 2003b: 229; см. также первый раздел этой работы].

Другое важное обстоятельство непосредственным образом связано с археологией. На острове находятся тысячи курганов, что позволяет предполагать здесь развитие некой «индустрии», связанной с возведением более или менее монументальных погребальных сооружений [Alster 1983: 52]. Б. Фролих насчитал на Бахрейне 172 000 насыпей, при этом 150 000 из них он отнес к эпохе ранней бронзы [Frohlich 1986: 52–63; см. также: Crawford 1998: 80–103]<sup>33</sup>. Крупнейший специалист в области древностей Персидского залива Д. Т. Поттс датирует большинство этих курганов концом III — началом II тыс. до н. э. [Potts 1990a: 174]<sup>34</sup>. На острове курганы действительно встречаются практически повсеместно, занимая все обозримое пространство. Дж. Бибби по этому поводу заметил, что сейчас на Бахрейне нельзя построить дорогу или даже дом, поскольку всюду расположены погребальные насыпи. По его наблюдениям количественное соотношение курганов с поселениями на острове представляется необычно большим, столь же большим является и соотношение храмов с поселениями [Bibby 1986: 193–194].

Все эти факты невольно наводят на мысль, что в древности Бахрейн считался некой особой сакрализованной зоной. Э. Маккей, предпринявший раскопки на Бахрейне в 1925 г., естественно, обратил внимание на курганы, а остатков древних поселений вообще не заметил. Основываясь на своих наблюдениях, он пришел к выводу, что на острове были погребены уроженцы аравийского материка, для которых Бахрейн служил своего рода огромным кладбищем [см.: Бибби 1984: 19–21]. Несмотря на то, что со временем древние поселения здесь были открыты [Бибби 1984: 21], идея Э. Маккея продолжала существовать. В 80-х годах прошлого века К. Ламберг-

<sup>33</sup> Дж. Бибби заметил, что на Бахрейне имеется больше курганов, чем, к примеру, во всей Англии или Дании [Бибби 1984: 29].

<sup>34</sup> Среди материалов из старых раскопок курганов Бахрейна имеются находки парфянской керамики и римского стекла второй половины I в. н. э. [During Caspers 1980: 2], но они очень немногочисленны.

Карловски еще раз акцентировав внимание на огромном количестве бахрейнских курганов, заключил, что остров представляет собой самое большое доисторическое кладбище Ближнего Востока [Lamberg-Karlovsky 1986: 158]. Он отметил, что сооружение крупных по размерам и сложно устроенных гробниц Бахрейна требовало больших трудовых затрат, но по погребальному инвентарю они не богаты, а 14,7 % из них вообще не имеют никаких вещей. Большинство гробниц содержали всего одно погребение, а некоторые не имели даже и одного. В таком случае они могли служить как бы «домом» для души человека, умершего в отдаленной стране. По мнению К. Ламберг-Карловски, шумеры рассматривали Дильмун как «рай» или «место пребывания блаженных», где человек мог получить жизнь, подобную жизни бога [Lamberg-Karlovsky 1986: 162]. Основываясь на этих соображениях, он высказал предположение, что некоторых умерших доставляли с материка на остров, т. е., по существовавшим тогда представлениям, в некую райскую страну, чтобы обеспечить ему вечное блаженное существование [Lamberg-Karlovsky 1986: 163]. Иными словами, по мнению исследователя, Бахрейн был некрополем не только для местного населения, но и для окружающих стран, включая Месопотамию.

Как уже было сказано, у шумеров представление о Дильмуне как о священной, благословенной стране следует признать достаточно устойчивым [Крамер 2002: 170–171; Rice 1994: 144–145]. Но означает ли это, что остров рассматривался как райская страна? Б. Алстер в связи с этим обратил внимание, что представление о рае в древности имело два аспекта [Alster 1983: 54]:

1. По представлениям, зафиксированным в «Библии», рай — это счастливое состояние в начале бытия.

2. Страна вечной жизни, в которой герои были поселены на более поздних стадиях истории человечества. Как пример такой страны можно привести Остров блаженных, описанный Гесиодом (Hesiod. *Theog.* 167–169).

Первый из аспектов, по мнению Б. Алстера, был чужд менталитету шумеров; базисная мысль шумерской мифологии заключается в том, что в начале бытия жизнь была неприятной, тяжелой, неорганизованной. В умах шумеров «Золотой век» вообще-то был возможен, но только в связи с идеальным и вполне земным царством [Alster 1983: 55–58; ср.: Афанасьева 1988: 649]. По мнению Б. Алстера, уникальное положение Дильмуна как процветающего торгового центра, удивительное присутствие здесь свежей воды обеспечило острову особое место в шумерской литературе, сравнимое с древнегреческим Делосом, сакральным островом, на котором в соответствии с мифологическими представлениями эллинов были рождены Аполлон и Артемида [Alster 1983: 59]. Что касается возможных связей с погребальной практикой Месопотамии, то исследователь отрицает их по той причине, что захоронения умерших там совершались рядом с домом, и последующая эксгумация вряд ли была возможна [Alster 1983: 54].

О массовой эксгумации и дальнейшей транспортировке тел усопших на остров вообще вряд ли можно говорить серьезно, но нельзя ли рассматривать Бахрейн как место, ставшее в силу сложившихся поверий желанным для совершения погребений. Разумеется, такой чести заслуживали не все, а только наиболее достойные из смертных. Возражая Б. Алстеру, М. А. Найин заметил, что Дильмун, фигурирующий в мифах как счастливая, мирная, свободная от зла земля, имеет все атрибуты рая [Nayeen 1992: 37]. К тому же раем она была не для людей, а для богов [Крамер 2002: 171]. Загробный или нижний мир, в который шумеры попадали после смерти, несмотря на расплывчатость представлений о нем, имел определенную иерархию,

и лучшие места в этой обители, конечно, доставались лучшим, т. е. царям и жрецам [Крамер 2002: 156–157]. Нельзя ли в связи с этим допустить, что погребение усопшего на Дильмуне считалось очень престижным, гарантировавшим для него наилучшее положение в загробной иерархии.

Такое понимание, в общем, не противоречит гипотезе К. Ламберг-Карловски, однако против нее активно выступили многие археологи, считающие, что представление о Бахрейне как о некрополе для окружающих стран не находит подтверждения в самих бахрейнских погребениях и их инвентаре [Frifelt 1986: 134], в которых логичнее видеть развитие местных погребальных традиций [Frohlich 1986: 63]. М. Райс активно настаивает на том, что Бахрейн нельзя сравнивать с египетским Абидосом или иранской Кербелой; местные островные поселения, по его словам, могли самостоятельно произвести «необходимое количество кандидатов на погребение» [Rice 1984: 159; 1994: 176; ср.: Potts 1990a: 215; Nayeen 1992: 258; Crawford 1998: 7].

Необходимо еще раз подчеркнуть, что поселения на острове хорошо известны и довольно неплохо изучены археологами. Среди них выделяется очень крупное городище *Калаат аль Бахрейн* [Бибби 1984: 77, 96–97, 162–163, 238–248, 307–317; Højlung, Andersen 1994], которое, вероятно, являлось административным центром, и сравнительно мелкие, подчиненные ему — *Саар* и пр. [Killick et al. 1991; Crawford 1993; 1997: 708; 1998: 51–66; Woodburn, Crawford 1994]. Тем не менее, именно курганы, а не поселения, представляют собой ярчайшее явление в древней культуре острова. В связи с этим приходится признать, что они, несмотря на сравнительно неплохую изученность, до сих пор скрывают немало загадок. Дело в том, что для бахрейнских курганов характерен довольно унифицированный обряд захоронения, к тому же эти погребальные комплексы, безусловно, характеризуют погребальную практику местной элиты (правителей и их родственников), а погребения рядового населения, в общем, здесь неизвестны до сих пор. В связи с отсутствием на острове рядовых захоронений было высказано несколько предположений, в том числе и весьма экстравагантных, — тела рядовых островитян не хоронили в земле, а опускали в море [Crawford 1998: 103]. Еще одно важное обстоятельство связано с тем, что все курганные могильники так или иначе можно связать с городами, погребальная практика сельского населения опять же остается неизвестной. Наконец, трудно поверить, чтобы на острове не сохранилось погребений умерших здесь купцов или моряков, корабли которых прибывали сюда из Месопотамии, Магана или Мелуххи [Crawford 1998: 102]. В высшей степени любопытно при этом, что на других материалах присутствие иностранцев на острове проследить вполне возможно [Højlung 1993]. Наконец, следует отметить проблему «пустых могил» Бахрейна, число которых варьирует на различных некрополях, но порой достигает сравнительно высоких цифр [Littleton 1995].

Недоуменных вопросов, связанных с пониманием курганов Бахрейна, как видим, имеется немалое количество, и всякого рода сомнения в правильности существующих интерпретаций, конечно, уместны и даже необходимы. Концентрация на острове огромного числа курганных захоронений, относящихся, в основном, к довольно узкому хронологическому отрезку (III — начало II тыс. до н. э.), позволяет в чем-то согласиться с К. Ламберг-Карловски и допустить, что здесь хоронились не только представители дильмунской элиты, но и некоторые заслужившие такой чести иностранцы. Представление о Дильмуне как о священной стране, с одной стороны, и роль этого острова в международной торговле, с другой, вряд ли следует считать взаимоисключающими факторами. Они скорее не противоречат,



а дополняют друг друга. Дж. Бибби по этому поводу заметил: «Купцы, добывавшие капитал и комплекующие груз для плаваний в Дильмун, занимались поисками не мифической страны бессмертия за пределами известного мира, а своим повседневным делом, которое их кормило» [Бибби 1984: 175]. Конечно, это так, но стремление посетить «райский остров» скорее способствовало развитию торговых связей, нежели мешало им.

## 2.5. О железном веке в зоне Персидского залива

Выше говорилось, что, по мнению некоторых ученых, часть II тыс. до н. э. для региона Персидского залива в археологическом отношении предстает как Dark Age. Существование оседлой жизни на Оманском полуострове, как им представляется, проявляется лишь во второй четверти I тыс. до н. э.<sup>35</sup> До недавнего времени на территориях Объединенных Арабских Эмиратов археологических материалов, относящихся к этому времени, было известно очень немного [Boucharlat 1984]. Однако в последнее время они все-таки появляются [Potts 2001: 48–49], хотя и не позволяют предполагать развития оживленной международной торговли, которая могла бы осуществляться через Ормузский пролив.

Тем не менее, Ж.-Ф. Саль именно с этим хронологическим рубежом связывал начало железного века в Персидском заливе, ранний этап которого он определяет с конца IX — начала VIII в. по VI в. до н. э. [Salles 1982: 4]. В последнее время эта точка зрения решительным образом пересмотрена, и железный век на территории Омана стали определять в пределах 1200–300 гг. до н. э. [Potts 2001: 48–49] или 1300–300 гг. до н. э. [Phillips 2010: 77; Schreiber 2010: 81]. Необходимо сразу оговориться, что этот термин («железный век») здесь весьма условен, поскольку появление железа в районе относится к более позднему, эллинистическому или, более конкретно, селевкидскому времени [Shirley 1986: 52; Potts 1990a: 340, 383; 1990b: 271–272; Mouton 1991: 25]. Ситуация, сложившаяся в науке о древностях Персидского залива, в этом отношении выглядит весьма странно: железный век относят ко времени, когда железа в быту местного населения не было, но верхний хронологический рубеж обозначенной эпохи связывают с эллинизмом, т. е. как раз с тем временем, когда этот металл вошел здесь в употребление. Д. Т. Поттс в отношении Омана признает, что трудно найти термин, который в истории науки был бы менее подходящим к ситуации, но, несмотря на это, считает, что устоявшееся определение «железного века» следует оставить, поскольку в противном случае древняя культура района будет вырвана из контекста синхронных культур Месопотамии и Белуджистана [Potts 2001: 48]. Столь позднее распространение железа в регионе представляется в полной мере загадочным. Д. Т. Поттс полагает, что объяснение этому факту следует искать в том, что местное население обладало древней традицией использования меди и не поддавалось на нововведения в этой области вплоть до времени Селевкидов [Potts 2001: 53].

Современное состояние археологической изученности позволяет судить, что на территории Омана существовало большое количество земледельческих поселе-

---

<sup>35</sup> Необходимо обратить внимание, правда, что некоторые исследователи считают, что на территории Омана в I тыс. до н. э. существовала археологическая культура *Лизк* [Yule, Kerwan 1993: 71]. Однако проблема выделения этой культуры, а также ее хронологической атрибуции нуждаются в дополнительных исследованиях.

ний первой половины I тыс. до н. э. Необходимо подчеркнуть при этом, что железный век на территории Омана и Объединенных Арабских Эмиратов демонстрирует развитие местной культуры с очень небольшим влиянием извне. В этом заключается его очевидное отличие от культур бронзового века, имевших тесные контакты с цивилизациями Месопотамии и долины Инда [Yasin Al-Tikriti 2010: 249; ср.: Magee 1998: 140–141].

Такое положение, естественно, заставляет хотя бы кратко рассмотреть вопрос о роли Персидской державы в этом регионе. Приходится признать, что контроль персов над некоторыми районами Аравии был установлен Киром [Дандамаев 1985: 48]. Тем не менее, в приведенном Геродотом списке сатрапий арабы или Аравия не упоминаются (Hdt. III, 89–97)<sup>36</sup>; более того, по его словам, Аравийская земля вообще была свободна от царских податей (Hdt. III, 91). Однако есть все основания считать, что правители Персидской державы проявляли интерес к современному Оманскому полуострову. Д. Т. Поттс считает, что население древнего Магана, магонитов, персы называли *мики* (Potts 1990a: 395–398; 1993a: 437). В «Истории» Геродота имеются свидетельства, что *мики* были включены в четырнадцатый округ Ахеменидской державы (Hdt. III, 93); они принимали участие в походе Ксеркса против Греции (Hdt. VII, 68).

Археологическими материалами персидское доминирование V–IV вв. до н. э. в Персидском заливе документировано очень слабо [Саль 1996: 118; Hoyland 2001: 19–20; Potts 2001: 50–51], хотя в последнее время выявлены некоторые керамические материалы, позволяющие говорить о торговых связях Персии с районом Залива [Magee 2010]. Эти связи вероятнее всего осуществлялись не морскими путями, а караванными маршрутами, идущими через пустыню [Fales 2010]. М. А. Дандамаев с уверенностью полагает, что в ахеменидское время торговля Индии с Ираном и Вавилоном стала более оживленной, чем в предшествующее время, поскольку все три страны были объединены в составе Персидской державы [Дандамаев 1982: 120], но в какой степени эта торговля осуществлялась по морским путям, судить очень затруднительно.

Есть основания считать, что интересы персидских правителей порой простирались дальше района Залива. В частности, известно, что ок. 518 г. до н. э. царь Дарий отправил экспедицию к устью реки Инд; среди руководителей этой экспедиции, как сообщает Геродот, был Скилак Кариандинец [Hdt. IV, 44; см.: Томсон 1953: 126; Дандамаев 2013: 175], о котором знал Аристотель (Arist. *Pol.* VII, 1332b, 23–25). От устья Инда экспедиция отправилась на запад и на тридцатом месяце плавания достигла того места, «откуда египетский царь послал финикийца в плавание вокруг Ливии» (Hdt. IV, 44), т. е. Красного моря (Hdt. IV, 42). По этому поводу М. А. Дандамаев заметил: «Персидский залив, с древнейших времен являвшийся центральным путем морских связей Востока и Запада, в результате предприятий Дария I приобрел особое значение для развития торговли» [Дандамаев 2013: 175]. Вероятно, он во многом прав, вот только корабли в сторону Индии отправились тогда не из Персидского залива, а из города Каспатира в Пактии, т. е. из современного Пешавара.

---

<sup>36</sup> В Бехистунской надписи Аравия, правда, включена в число подвластных Дарию I стран, но по вопросу о том, что в данном случае следует понимать под термином «Аравия», ведутся споры [Дандамаев 2013: 143].

## 2.6. Эпоха эллинизма в Персидском заливе

Эллинистическая эпоха дает несравнимо большее количество материалов о ситуации в Персидском заливе, нежели так называемый «железный век» [см.: Маккавеев 2014; Salles 1993b]<sup>37</sup>. Исследователи определяют эту эпоху как время возрождения Северо-Восточной Аравии [Пути Аравии 2011: 181–197], и в таком определении, безусловно, есть глубокий смысл. Важным событием в деле открытия Персидского залива для западного мира стала экспедиция Неарха, по приказу Александра прошедшего Ормуз и Залив на пути из Индии в Месопотамию и описавшего свой маршрут следования (Strabo XV, 2, 4; XVI, 3, 5; Агг. *Anab.* VII, 20, 9–10) [об этом см.: Шофман 1976: 157–158, 270; Шахермайр 1984: 279–283]. Известно, что Александр имел намеренье заселить побережье Залива и тамошние острова выходцами из Финикии и Сирии; земля эта показалась ему не менее богатой, чем Финикия (Агг. *Anab.* VII, 20, 5). Планы великого завоевателя шли еще дальше, распространяясь на всю Аравию [см.: Högemann 1985]. Страбон сообщает о его стремлении завоевать эту страну (Strabo XVI, 1, 11). По свидетельствам Арриана и Плутарха, Александр вознамерился поплыть с большим флотом, обогнуть Аравию и Африку и войти в Средиземное море через Геракловы Столпы, т. е. через Гибралтарский пролив (Агг. *Anab.* V, 26, 1–2; Plut. *Alex.* 68), но этот морской поход не состоялся. Тогда для ознакомления с неизвестными землями Аравийского полуострова Александр снарядил несколько экспедиций [о них см.: Шофман 1976: 273–274; Шахермайр 1984: 330–336]. Всего их можно насчитать четыре:

1. Прежде всего царь послал Неарха, чтобы тот вооруженной силой опустошил прибрежные страны (Plut. *Alex.* 68), но этот замысел, скорее всего, не был реализован на практике.

2. Архий, посланный на тридцативесельном судне, дошел только до Тилоса (Бахрейна) и дальше двигаться не рискнул (Агг. *Anab.* VII, 20, 7).

3. Андросфен Фасосец, посланный на таком же судне, прошел вдоль «некоторой части Аравийского полуострова» (Агг. *Anab.* VII, 20, 7), но вряд ли он сумел пересечь Ормузский пролив.

4. Гиерону из Сол было приказано пройти на тридцативесельном корабле вдоль всего Аравийского полуострова вплоть до Египта. Этот мореплаватель зашел дальше других, но всей Аравии не обогнул и, вернувшись к Александру, сообщил ему, что земля эта очень большая; по его впечатлению, размерами она лишь немногим уступает Индии (Агг. *Anab.* VII, 20, 7–8). Несмотря на сравнительный успех путешествия Гиерона, в отношении масштабов его акции возникают сомнения. Вряд ли он сумел пройти Ормуз, поскольку Арриан сообщает, что Оманского полуострова никто из греческих мореходов объехать не смог (Агг. *Ind.* XLIII, 9).

Любопытно, но другие корабли, надо думать, негреческие пересекали воды пролива и совершали весьма далекие путешествия. У Диодора Сицилийского находим информацию, что некий Гарпал был оставлен Александром в Вавилоне для охраны сокровищниц. Когда же царь отправился в Индийский поход, тот «пустился во все тяжкие», проводя жизнь в роскоши и распутстве. Наряду с прочими деликатесами, к его столу везли множество рыбы из Красного моря (Diod. XVII, 108, 4). Вероятнее

<sup>37</sup> Достаточно полная библиография о Восточной Аравии античной эпохи, а также о торговых путях в северо-восточной части Индийского океана собрана В. П. Никоноровым [Никоноров 2008: 752–770].

всего, до Юго-Восточной Аравии могли тогда доходить персидские или индийские мореходы [Медведев 1961; см. также выше, главу 1].

Ж.-Ф. Саль определил хронологические рамки эпохи эллинизма в отношении рассматриваемого региона в пределах 350–150 г. до н. э. [Salles 1982: 4]. Условность этих границ вполне очевидна, поскольку в 350 г. до н. э. Александр Македонский еще даже не начал своего Восточного похода, а, как известно, именно с этим походом обычно связывается начало эллинизма. Надо признать, что в отношении понимания истории Залива мы вообще сталкиваемся с целым рядом условностей, прочно закрепившихся на страницах научной литературы. Уже говорилось, что весьма условным следует считать термин «железный век», поскольку медь и бронза активнейшим образом использовались здесь на протяжении всего периода, названного «железным веком», а железо не зафиксировано вплоть до селевкидского периода.

После распада державы Александра Македонского район Персидского залива вошел в сферу интересов монархии Селевкидов. В связи с этим возникает вопрос: использовался ли Селевкидами морской торговый путь в Индию, проходивший через Ормузский пролив? Традиционно считалось, что для них он имел очень большое значение [Хвостов 1907: 276; Тарн 1949: 220; Potts 1990b: 10], но в последние годы эта точка зрения стала активно оспаривается. Альтернативная концепция сводится к тому, что торговые пути, связывающие северо-западную Индию с районом Персидского залива, в III–II вв. до н. э. были исключительно сухопутными [Invernizzi, Salles 1993: IX–X; Bernard 1994: 102, 125]. Действительно, Селевкиды, как и Александр Великий, не завоевали территории, прилегающие к Заливу, и не установили здесь свой полный политический контроль [Potts 1990b: 21]. Однако это не означает того, что селевкидские купцы были полностью исключены из морской торговли<sup>38</sup>. Более того, есть основания считать, что Селевкиды проявляли заботу о развитии мореплавания в регионе [Boucharlat, Mouton 1993]. Известно, что Антиох IV Эпифан производил обследование берегов Залива (Plin. *HN*. VI, 147). Плиний Старший сообщает, что при Антиохе некий Нумений одержал победу у мыса Асабон, т. е. около современного Рас Мусандам на севере Омана (Plin. *HN*. VI, 28, 147). При каком Антиохе, III или IV, была одержана эта победа среди исследователей согласия нет [см.: Kosmin 2013: 67], но для нас это не имеет особого значения. Интересами торговли с Индией, вероятнее всего, следует связывать основание города в нижнем течении Тигра и Евфрата, который впоследствии стал называться Хараксом (Plin. *HN*. VI, 138) [см.: Potts 1988b]. В общем обозначенная точка зрения представляется несколько преувеличенной, но даже при таком понимании вряд ли можно исключать, что в Залив заходили корабли индийских купцов.

Селевкидское время ознаменовало собой появление ряда новых, неизвестных здесь ранее явлений. На Оманском полуострове после середины III в. до н. э. сформировалась новая археологическая культура *Самод*, заметно отличающаяся от предшествующей [Weisgerber 1982; Yule 1993; Yule, Kervran 1993; Schreiber 2007: 7–8]. Однако о смене населения здесь в это время говорить никак не приходится

<sup>38</sup> При этом никак нельзя забывать о торговой активности Птолемея в Индийском океане (см. выше, главу 1. 5). Страбон сообщает, что тогда немногие купцы совершали плавания в Индию (Strabo II, 5, 12), но такие плавания все-таки совершались. По его мнению, лишь 20 кораблей в год выходили за пределы Баб-эль-Мандебского пролива (Strabo XVII, 1, 13), и часть из них, безусловно, направлялась к полуострову Индостан. До открытия полезного для мореплавателей действия мусонных ветров такие плавания могли быть только каботажными, т. е. проходили вдоль побережья Южной Аравии с весьма вероятным заходом в Персидский залив [ср.: McLaughlin 2014: 150].

[Potts 2001: 51]. К сожалению, точные хронологические рамки культуры *Самад* еще не установлены, да и особых эллинистических влияний здесь не заметно. Тем не менее, есть основания считать, что прибрежные районы эмиратов и Саудовской Аравии были вовлечены в международную морскую торговлю. Назовем главные памятники района, на которых безусловно присутствуют эллинистические материалы [см. также: Маккавеев 2014: 370–376].

*Файлака*. В эпоху эллинизма этот остров, расположенный недалеко от побережья Кувейта, носил название Икар [Кошеленко 1979: 111–113; Бибби 1984: 217–238; Гаибов и др. 1988: 197; Саль 1996: 117; Маккавеев 2014: 371–372; Salles 1982: 6; 1993b; Potts 1990b: 43–44; 154]. По словам Арриана, это название острову дал сам Александр (Arr. *Anab.* VII, 20, 5). Страбон сообщает об острове, что на нем находился храм Аполлона с оракулом Артемиды Таврополы (Strabo XVI, 3, 2; ср.: Arr. *Anab.* VII, 20, 3–4).

Датскими археологами здесь были исследованы остатки эллинистического форта, имевшего толщину стен 2,10–2,25 м, внутри которого находились два храма (А и В), один из которых (храм А) построен по типу древнегреческих храмов «в антах». Поблизости от него была обнаружена каменная плита с древнегреческой надписью, состоящей из 43 строк, которая дает ценную информацию о положении острова в государстве Селевкидов. Первоначально эту надпись датировали 239 г. до н. э., т. е. временем Селевка II Каллиника [Бибби 1984: 183, 226; Jeppesen 1960; Albrechtsen 1958; Carter 1972: 16–19; Hannestad 1984a: 61–62], но теперь относят к 204 г. до н. э., т. е. ко времени правления Антиоха III Великого [Гаибов и др. 1988: 196; Антология 2000: 358–360; Roueché, Sherwin 1985: 19]. Другой важный эпиграфический документ, обнаруженный во время раскопок, — посвящение Сотела и воинов, позволяющее судить, что при ранних Селевкидах на Икаре находился гарнизон [Roueché, Sherwin 1985: 4–9; Hoyland 2001: 23].

В другой части памятника был выявлен квартал гончаров, идентифицируемый по открытым здесь обжигательным печам, находкам бракованной керамической продукции, форм для производства терракотовых статуэток и т. п. [Carter 1972: 19]<sup>39</sup>. Среди керамических находок имеются импортные, связанные с миром Средиземноморья: клейма на ручках родосских амфор, фрагменты аттических чернолаковых сосудов [Бибби 1984: 219]. Последние совсем немного, и Л. Ханнестад датировала их 285–250 гг. до н. э. [Hannestad 1984b: 73]. Пять амфорных клейм, на которых можно прочитать надписи, по заключению В. Грейс, относятся к 225–220 гг. до н. э. [см.: Hannestad 1984b: 73, 83, fig. 25]. Отмечается также сильное античное влияние на формы местной поливной посуды, которые являются своего рода адаптацией греческих форм к местным условиям [Hannestad 1984b: 71, 73]. Греческое влияние проявляется также в коропластике Икара [Hannestad 1984a: 65].

Во время раскопок были найдены также два монетных клада: первый, относящийся к 223–212 гг. до н. э., состоит из 13 серебряных тетрадрахм [Mørkholm 1960: 205; Бибби 1984: 225, 300–302], второй включает 16 монет, самая поздняя из которых датируется 210 г. до н. э. [Mørkholm 1979: 230–231]. Большинство прочих монетных находок, происходящих с Файлаки, относятся к последней четверти III — середине II в. до н. э. [Mørkholm 1979: 233].

<sup>39</sup> Предположение об отсутствии следов керамического производства на острове, высказанное в научной печати [Гаибов и др. 1988: 194], оказалось ошибочным [Callot et al. 1987: 46].

С 1983 г. на острове начала работы французская археологическая экспедиция [Calvet et al. 1984; 1985; Calvet 1989; Callot et al. 1987; Callot 1993]<sup>40</sup>. В результате этих работ, в частности, было изучено прибрежное святилище, возведенное в соответствии с вавилонскими строительными традициями [Callot et al. 1987: 45; Гаибов и др. 1988: 185].

Некоторые исследователи признают, что эпиграфические и археологические данные позволяют считать, что на Икаре существовала военная колония Селевкидов, размещенная здесь приблизительно в середине III в. до н. э. [Гаибов и др. 1988: 197]. Однако находки чернолаковой посуды, обнаруженные во время раскопок, принадлежат к самому началу III в. до н. э. [Calvet et al. 1984: 12]. Логичнее считать, что форт на острове был возведен в конце IV в. до н. э. или более вероятно в самом начале III в. до н. э., во время правления Селевка I [Callot et al. 1987: 37]. Вероятно, при Антиохе III форт был расширен и усилен, с этой акцией хорошо увязывается упомянутая выше надпись [Callot et al. 1984: 39]. Тогда же внутри стен была устроена густая и достаточно хорошо организованная сеть жилых построек [Callot et al. 1984: 45]. Эту акцию, по всей вероятности, следует увязывать с тем обстоятельством, что с Икара был выведен гарнизон, и внутри крепости были построены дома местных жителей, переселившихся сюда в поисках безопасности [Гаибов и др. 1988: 198].

*Тадж* — городище, расположенное в 90 км от аравийского берега Залива. Археологические исследования, проведенные на памятнике, показали, что это был крупный торговый центр с мощной оборонительной стеной, достигающей 4,50 м в толщину и 2,5 км в длину [Бибби 1984: 292; Саль 1996: 119; Bibby 1973: 14; Boucharlat, Salles 1981: 77–78; Salles 1982: 6; Potts 1984b: 102–105; 1990b: 43, 44–45]. Во время работ, предпринятых датскими археологами, здесь были обнаружены фрагменты аттической чернолаковой посуды [Бибби 1984: 293, 335; Bibby 1973: 16, fig. 6], позволившие очертить время существования города в пределах 300–100 гг. до н. э. [Bibby 1973: 25]. Д. Т. Поттс отождествляет Тадж с древним городом *Герра* [Potts 1984a: 89–90]. Если судить по письменным источникам, то именно этот город был наиболее важным и богатым в восточной части Саудовской Аравии [Shirley 1986: 50; Potts 1990b: 85–93; Noyland 2001: 24–25; Маккавеев 2014: 373]. По свидетельству Полибия, на этот город совершил поход Антиох III Великий, получивший от его жителей богатейшие дары (Polyb. XIII, 9, 4–5) [см.: Kosmin 2013: 65–67]. Необходимо отметить, однако, что письменные и археологические источники в этом регионе пока еще плохо согласуются друг с другом, и локализация Герры вызывает большие затруднения [Бибби 1984: 277–299; Саль 1996: 118–119; Bibby 1973: 37–39, 47; Boucharlat, Salles 1981: 76–77; Salles 1982: 6; Potts 1984a; 1984b: 105; Shirley 1986: 50]. Дело в том, что Страбон помещал этот город на расстоянии 200 стадиев от моря (Strabo XVI, 3, 3), а Плиний — на его берегу (Plin. HN. VI, 32, 7). Д. Т. Поттс, отождествляющий город Герра с городищем Тадж, предполагает, что его порт носил то же самое название, но, естественно, находился на берегу моря [Potts 1984a: 89–90; но ср.: Бухарин 2009a: 164–166].

*Тилос* — так в эпоху эллинизма назывался Бахрейн [см.: Бибби 1984: 227–229; Саль 1996: 119–120; Ломбар, Боксматти-Фатух 2012; Маккавеев 2014: 372; Calvet 1984; Salles 1984a; Bowersock 1986; Potts 1990b: 103–122]. Об этом благодатном острове кратко упоминает Арриан в связи с экспедицией Андросфена (Агг. *Anab.*

<sup>40</sup> Мнение о том, что французские археологи начали свои работы на Файлаке в 1984 г. [Гаибов и др. 1988: 184], ошибочно. Эти работы начались годом раньше.

VII, 20, 6). Полибий сообщает, что остров посетил Антиох III Великий после своего похода на Герру (Polyb. XIII, 9, 5). Если судить по археологическим материалам, к эллинистическому времени относится один из горизонтов городища Кала'ат аль-Бахрейн — т. н. City V [см.: Бибби 1984: 241; Salles 1982: 6; Boucharlat 1986; Kervran 1986; Højlung, Andersen 1994: 239–292]. Во время раскопок на этом городище был найден клад серебряных эллинистических монет [Callot 1994]. На Тилосе существовал храм Артемиды, в образе которой, возможно, выступала местная богиня луны [Бибби 1984: 229]. Несмотря на все эти данные, некоторые исследователи признавали, что в конце IV в. до н. э. и позднее острову принадлежала не более чем периферийная роль в торговой системе Персидского залива [Macadam 1990: 69]. Этой интерпретации противоречит содержание надписи, датирующейся приблизительно 120 г. до н. э., которая была найдена в 1997 г. во время раскопок некрополя в северной части Бахрейна [Kosmin 2013: 61–79]. Несмотря на краткость, она заставляет считать, что во время первого независимого царя Харакены Гиспаосина (об этом см. ниже), а, вероятнее всего, и при Селевкидах на острове находился гарнизон, при этом существовал административный район «Тилос и острова», которым управлял стратег Кефисодор. Иными словами, есть основания полагать, что это был важный пункт в системе морской торговли царства Селевкидов, а затем Харакены.

*Эд Дур* — самый крупный город эллинистического времени, расположенный на побережье Оманского полуострова, т. е. являвшийся портом. Во время раскопок французской экспедиции на городище были обнаружены фрагменты посуды, привезенной из Средиземноморья, Персии и Набатеи [Саль 1996: 121, 123; Salles 1980: 101–102; 1984b; 1993a: 501–502; Shirley 1986: 49; Mouton. 1990]. Важная роль в изучении памятника принадлежит также бельгийским археологам [Haerinck et al. 1991; Haerinck 1992; 1993]. Древнее название города точно не известно, но можно полагать, что он назывался Омана [Саль 1996: 123; Potts 1990b: 306–309, 316; ср.: Haerinck 1994: 193; 1998: 275–278; Groom 1994].

*Млейха* — раскопки этого поселения, также расположенного на Оманском полуострове, позволяют считать, что средиземноморские товары достигали и этого отдаленного места [Саль 1996: 121; Salles 1982: 6, 7, fig. 3]. Хронологические рамки его существования определяются в пределах середины III в. до н. э. — IV в. н. э. [Mouton 1990: 89–91; Boucharlat, Mouton 1993: 278; Benoist et al. 2003: 60; Маккавеев 2014: 373]. При исследованиях памятника были обнаружены обломки импортной посуды, в том числе родосские амфорные клейма, прекрасно орнаментированный бронзовый сосуд и т. д. [Саль 1996: 121; Shirley 1986: 49, 51–52; Mouton 1991; 2010]. В связи с этим исследователи признают, что Млейха являлась важным пунктом на караванном пути вдоль восточного подножья гор Хаджара в Омани.

Заключая этот краткий обзор, следует признать, что имеющиеся археологические материалы позволяют в полной мере подтвердить точку зрения о развитии морской торговли в Персидском заливе. Вполне очевидно, что эти торговые пути проходили при Селевкидах из Месопотамии через Залив и Восточный Иран к долине Инда [Kosmin 2013: 68], и контроль над Ормузским проливом здесь имел важное значение. В этом отношении еще раз можно указать на сообщение Плиния Старшего о победе Нумения, одержанной в самом проливе (Plin. *HN*. VI, 28, 147).

Корабли по обозначенному маршруту в Персидском заливе, вероятнее всего, шли вдоль аравийского, а не персидского побережья Залива [Potts 1978: 31; Kosmin 2013: 68]. Ж.-Ф. Саль справедливо считает, что важными центрами на этом марш-

руте, в частности, были Герра и Файлака (Икарос). Там индийские товары, как представляется, выгружались, после чего перевозились верблюжьими караванами по Трансаравийскому пути в Петру и в порты Средиземноморья [Salles 1982: 6]. Логично считать, что средиземноморские товары шли в район Залива тем же самым путем. Признавая большую вероятность такой реконструкции, необходимо обратить внимание на одно важное обстоятельство. В наборе импортных, средиземноморских материалов, обнаруженных при раскопках названных выше памятников, представлены фрагменты амфор, как будто, только родосских. Большое значение Родоса в международной торговле эпохи эллинизма давно и хорошо известно [Тарн 1949: 165, 227], при этом одно из направлений его торговой деятельности проходило через Месопотамию к Персидскому заливу и имело конечной целью Индию [Брашинский 1980: 15–16; Новиков 1989: 106]. В общем появление амфор этого центра даже в столь отдаленном районе не должно вызывать особого удивления. Однако тарная керамика этого типа, как считается, была приспособлена для транспортировки различных товаров, прежде всего вина, на кораблях, а отнюдь не для перевозки их по суше. Действительно, очень трудно представить караваны верблюдов, навьюченных громоздкими амфорами, пересекающие Аравийскую пустыню. Тем не менее, это приходится предполагать, поскольку на одном из рельефов имеется изображение верблюда, нагруженного двумя амфорами [Бухарин 1999: 214]. Международная морская торговля по Красному морю, откуда могли бы попасть амфоры, в это время, как было сказано выше (см. выше, главу 1), была налажена плохо. Ж.-Ф. Саль даже считает, что путь из Красного моря к Персидскому заливу не был торговым и, если вообще существовал, то являлся индивидуальным, экстраординарным предприятием [Salles 1993a: 515].

Выше было сказано, что Ж.-Ф. Саль завершает эпоху эллинизма в регионе серединой II в. до н. э., и в этом он по-своему прав<sup>41</sup>. Дело в том, что власть Селевкидов в Месопотамии была ликвидирована парфянами приблизительно к этому времени, а Греко-Бактрийское царство, отделившееся от государства Селевкидов, как считается, было сокрушено кочевниками в 140–130 гг. до н. э. [Ставиский 1977: 96–109; Гаибов и др. 1992: 20; Bernard 1994: 102–103]. Для международной торговли в бассейне Персидского залива особое значение имеет возникновение в последней трети II в. до н. э. государства Харакена на юге Месопотамии, что опять же было связано с ослаблением государства Селевкидов под ударами парфян. Во главе этого государства встал бывший селевкидский сатрап Гиспаосин [Новиков 1989: 21, 104; Kosmin 2013: 70–73], при котором была высечена упомянутая выше надпись, найденная на Бахрейне (Тилосе). Столицей Харакены стал город Спасину Харакс [см.: Новиков 1989: 21–22, 42], и товары из Индии пошли тогда в долину Евфрата через этот порт<sup>42</sup>. Приблизительно в это же самое время в восточную торговлю включились купцы Пальмиры, которые стали вывозить от персов индийские и аравийские товары и распространять их в римских владениях (App. *Bel. Civ.* V, 9).

<sup>41</sup> В связи с этим, правда, следует сделать одну оговорку. Греческие полисы, эти основные звенья социально-экономической, политической и культурной структуры эллинизма, продолжали существовать в рамках Парфянского государства. Они утратили свой особый характер в начале I в. н. э., с чем можно связывать окончание эпохи эллинизма на Востоке [Гаибов и др. 1992: 10–11].

<sup>42</sup> Весьма вероятно, что название Спасину Харакс, ставшее известным в античном мире (Plin. *HN.* 138; Ios. *Fl. Ant.* I, 6, 4), происходит от имени основателя династии, правившей в Харакене, Гиспаосина, т. е. это Харакс Гиспаосина [Hansman 1967: 22–24; Potts 1988b: 138; 1990b: 146].



## 2.7. Персидский залив при Аршакидах и Сасанидах

Крупные политические перемены, связанные с гибелью государства Селевкидов и возникновением Парфянского царства, во главе которого стояла династия Аршакидов [см.: Дибвойз 2008; Koshelenko, Pilipko 1994], закономерно наложили отпечаток на положение в зоне Персидского залива. Ж.-Ф. Саль считает, что парфянский период в истории Залива охватил четыре столетия: со II в. до н. э. по II в. н. э. [Salles 1982: 4]<sup>43</sup>. С этим периодом связываются также крупные перемены в племенном мире Аравии [Potts 2001: 52; Hoyland 2001: 26]. Некоторые исследователи, правда, считают, что контроль Аршакидов над Персидским заливом был номинальным [см.: Potts 1996: 269]. Однако Д. Т. Поттс, изучив все данные письменной традиции и имеющиеся археологические материалы, пришел к заключению, что парфянское присутствие в этом районе было реальностью, хотя и в меньшей степени подтвержденной источниками, чем при Селевкидах или Сасанидах, но все-таки реальностью [Potts 1996: 282].

Более ста лет назад М. М. Хвостов высказал точку зрения, что обозначенные перемены произвели негативное воздействие на торговлю Месопотамии с Индией [Хвостов 1907: 277, 280]. Современные исследования позволяют взглянуть на эту проблему несколько иначе. Ж.-Ф. Саль не без основания отмечал, что показательные археологические материалы, или *critical pots*, как он их называет, появляются в культурах региона в достаточно большом количестве только в I в. до н. э. — I в. н. э. [Саль 1996: 122]. Эти материалы позволяют считать, что торговля с Индией в обозначенное время не прекратилась, но в ее системе действительно произошли значительные перемены. С. В. Новиков считает, что «парфяне сознательно принимали меры для того, чтобы свести к минимуму значение крупных центров в транзитной торговле с греческим населением, постепенно уничтожая все их полисные привилегии» [Новиков 1989: 109]. Постепенно торговые связи перешли под контроль местных князьков, номинальных вассалов парфянских царей, что привело к падению их интенсивности [Бухарин 1998: 227–228]. Вообще же парфяне смогли поставить под свой контроль морскую торговлю в регионе лишь после того, как подчинили себе небольшое царство Харакена, расположенное на северном берегу Персидского залива, о котором кратко было сказано выше [Кошеленко 1966: 110; Koshelenko, Pilipko 1994: 133; см. также: Hansman 1967: 21–25; Potts 1988b; Alram 1996: 87, 92]. Тем не менее, как вассальное государство парфян, Харакена просуществовала вплоть до сасанидского времени [Hansman 1967: 26].

Ж.-Ф. Саль полагает, что трансаравийский торговый путь тогда был заброшен, и товары из Индии шли через порт Спасину Харакс в долину Евфрата, а затем перевозились через Сирийскую пустыню к Пальмире. В связи с этим некогда процветающие Герра и Тадж постепенно заглохли, хотя и дожили до I в. н. э. [Salles 1982: 8]. Однако о полном прекращении функционирования трансаравийского караванного пути вряд ли можно говорить. Вероятнее всего, уменьшилась интенсивность его использования в восточной части Аравийского полуострова. Г. А. Кошеленко в связи с этим правильно отметил, что «парфянские правители стремились захватить ключевые позиции на всех торговых путях, чтобы извлечь максимум выгоды из своего

<sup>43</sup> Верхнюю хронологическую грань парфянского периода было бы правильнее относить на конец первой четверти III в. н. э. Общеизвестно, что Арташир, основатель династии Сасанидов, был провозглашен царем в 227 г.

срединного положения между Дальним Востоком и Римской империей» [Кошеленко 1966: 110–111]. По существу они старались всячески помешать прямым контактам между индийскими и китайскими купцами, с одной стороны, и римскими купцами, с другой [Koshelenko, Pilipko 1994: 138; Никоноров 2008: 253; ср.: Hoyland 2001: 26].

Важнейшим источником для изучения международной торговли в бассейне Индийского океана в I в. н. э., как уже неоднократно говорилось, является «Перипл Эритрейского моря» [см.: Бухарин 2007а]. Исследователи обращали внимание, что в нем весьма подробно описан торговый путь по Красному морю и вдоль юго-восточной части Аравии, а данные о Персидском заливе весьма и весьма скудны [Томсон 1953: 408; Salles 1993а: 496–498]. Ж.-Ф. Саль, основываясь на этом бесспорном факте, пришел к выводу, что корабли из Египта в Залив вовсе не заходили, и средиземноморские купцы знали об этих местах только понаслышке [Salles 1993а: 512–513]. По его мнению, торговые пути между Заливом и Индией полностью контролировались арабами и/или персами. При этом из Индии корабли шли с древесиной, зерном, рисом, маслом, рабами и пр., а из Залива — с жемчугом, финиками, вином, местными одеждами и пр. В связи с этим необходимо признать, что все названные товары не являются долговечными и не сохраняются в культурных слоях древних поселений. Среди археологических материалов, представленных на некоторых памятниках региона, имеются средиземноморские импортные предметы, к примеру, стеклянные изделия. В данном случае, разумеется, можно предполагать, что они попали сюда вместе с другими товарами, перевозившимися к Евфрату караванными путями. Ж.-Ф. Саль, однако, предполагает иное — эти вещи составляли часть импорта из Индии. Он считает, что средиземноморские товары поступали в Индию на кораблях, шедших из Египта по Красному морю через Баб-эль-Мандебский пролив (см. выше, главу 1), и уже отсюда вывозились в район Персидского залива [Salles 1993а: 516]. Концепция французского исследователя, надо признать, отличается смелостью и даже неожиданностью выводов. Разумеется, такой дальний транзит средиземноморских товаров исключать нельзя, но все-таки логичнее предполагать, что они могли распространяться в районе Залива через Харакену, куда поступали караванными путями по суше [Haerinck 1998: 284; 2003: 204].

Для понимания системы морской торговли в регионе важное значение имеет торговый порт этого времени, расположенный на южном побережье Аравии, сравнительно недалеко от полуострова Оман. Речь идет о древнем *Сумхураме* (современный *Хор Порн*), который находится в Дофаре (султанат Оман) на берегу Индийского океана. Порт был основан Хадрамаутом для вывоза ладана и других благовоний, как считается, в последней четверти I в. до н. э., но в последнее время вопрос о дате основания сильно осложнился, о чем будет сказано чуть ниже. Хадрамаут в конце I в. до н. э. действительно активно стремился упрочить свои позиции на морских торговых путях, ведущих из Средиземноморья в Индию; показательно, что тогда же на юго-западном побережье Аравии был основан порт *Кани* (см. выше, главу 1). Что касается *Хор Порн* (*Сумхурама*) то в 1952 г. это городище раскапывалось американской экспедицией [см.: Pigeonne 1975; Cleveland 1960; Comfort 1960; Beeston 1976; Albright 1982], а с 1996 г. — итальянскими специалистами [Аванцини 2003]. Современные археологические исследования Сумхурама позволяют считать, что порт здесь был основан не в I в. до н. э., а ранее этого срока. А. Аванцини допускает, что первоначально это был пункт на морских путях в Индию или Северный Оман для торговли различными товарами, в том числе

металлами [Avanzini 2002: 15]<sup>44</sup>. Результаты радиоуглеродных анализов дают III–I вв. до н. э. [см.: Французов 2014: 210]<sup>45</sup>.

Некоторые материалы, свидетельствующие о морской торговле, обнаружены на побережье Катара [Cardi 1974: 199]. На территории Объединенных Арабских Эмиратов во II в. до н. э. — II в. н. э. продолжал свое существование порт эд-Дур, о котором уже было сказано выше [Саль 1996: 121; Salles 1982: 8; Haerinck 1994; Paradoroulos 1994]. В юго-восточной части Персидского пролива в конце I в. до н. э. — I в. н. э. эд-Дур был самым большим и, вероятно, единственным прибрежным поселением [Haerinck 2003: 200]. О его роли в международной торговле свидетельствует большое количество монетных находок, происходящих из самых ранних стран: Римская империя (Август, Тиберий), Nabateя, Газа, Хадрамаут, Харакена, Парфия, Индия [Howgego, Potts 1992: 183–184; Haerinck 1998; 2003: 202]. В первые века н. э. на Оманском полуострове продолжала существовать и Млейха [Mouton 1990: 89–91; Boucharlat, Mouton 1993: 278; Benoist et. al. 2003: 60]. На Бахрейне открыты некрополи, относящиеся к этому времени, но, разумеется, вряд ли можно считать, что этот остров входил в состав Парфии [Salles 1982: 8]. В связи с этим Ж.-Ф. Саль отметил, что «всякий раз, когда остров попадал под власть соседних империй (Шумер, Ассирия, Вавилон, Ахемениды, Селевкиды), он выполнял важные фискальные функции, являясь своего рода таможенным барьером на южной границе этих империй» [Саль 1996: 120].

В первые века нашей эры на Оманском полуострове, как было сказано выше, существовала новая археологическая культура *Самад*, заметно отличающаяся от предшествующей [Wiesgerber 1982; Yule 1993; 2001; Yule, Kervran 1993]. В настоящее время она изучена сравнительно неплохо, хотя ее хронологические рамки пока еще определены не очень точно, но, вероятно, она просуществовала вплоть до принятия ислама в 630 г. [Yule 1993: 141, 149; Schreiber 2007: 7]. Приходится повторить, что особых влияний, исходящих из античного мира, на материалах этой культуры проследить не удастся.

Возникновение державы Сасанидов в конце первой четверти III в. н. э. привело к крупным политическим изменениям в Центральной Азии [Litvinsky 1994; Chegini, Nikitin 1996]. Как и их предшественники, Сасаниды стремились поставить под контроль торговлю с Аравией и Индией, сулившую им большие выгоды. Корабли персидских купцов, проходя через Ормузский пролив, могли плыть дальше к Индии и Цейлону, где получали пряности, шелк, другие драгоценные товары. Есть основания считать при этом, что иранский контроль над Заливом при Сасанидах был организован значительно лучше, чем при их предшественниках [Potts 1996: 281–282]. Весьма показательным, что уже основатель Сасанидской державы Арташир I принял энергичные меры для упрочения контроля над Заливом, восстанавливая здесь старые города и строя новые [Whitehouse, Williamson 1973: 31; Potts 2001: 59]. Шапур II (310–379 гг.) предпринял поход в Аравию в ответ на арабское нападение на Иран, которое те сумели осуществить через район пролива [White-

<sup>44</sup> Первый том материалов итальянских раскопок в Хор Рори издан отдельным томом, см.: KhRR 1.

<sup>45</sup> О времени основания Сумхурама судить с уверенностью пока еще очень трудно. А. В. Седов по этому поводу заметил, что последние археологические исследования на памятнике позволяют считать, что порт, возможно, был создан в III в. до н. э. При этом возникают немалые сомнения в том, что он изначально был предназначен для вывоза аравийского ладана. Исследователь допускает, что первоначально он мог быть нацелен на снабжение Хадрамаута металлом (благодарю А. В. Седова за информацию по этому вопросу. — Ю. В.).

house, Williamson 1973: 32]. Несмотря на этот конфликт, есть все основания считать, что район Залива в IV в. процветал, о чем свидетельствует Аммиан Марцеллин (XXIII, 6, 10–11).

Археологических материалов, связанных с рассматриваемым периодом, известно не очень много [Salles 1982: 8; Hoyland 2001: 28]. Сасанидский порт *Сираф* существовал на иранском побережье Персидского залива [Whitehouse 1971]. О значении Юго-Восточной Аравии в торговых устремлениях Сасанидов, естественно, свидетельствуют находки сасанидских монет в этом районе [Potts, Cribb 1995]. В состав их державы, скорее всего, вошел Бахрейн [Potts 1990b: 150]. На Файлаке существовала сасанидская крепость [Potts 1990: 154]. На Млейхе тоже исследован форт (65 Ч 60 м), существование которого относится к III в. с возможным заходом в IV в. н. э. [Benoist et al. 2003: 7]. Конечно, очень большое значение для понимания исторической ситуации в регионе имеет изучение четко датированных керамических комплексов этого времени, но исследовательская работа в данном направлении начата совсем недавно [Kennet 2002]. Несмотря на недостаток фактического материала, невозможно оспаривать факт политического и военного присутствия державы Сасанидов в Омане. Более того, имеются основания считать, что Сасаниды проявляли особый интерес к району Ормузского пролива. Б. де Карди провела исследования на небольшом острове, расположенном в Ормузском проливе поблизости от Оманского полуострова, и обнаружила там остатки поселения, которые она интерпретировала как сасанидский наблюдательный пункт [Cardi 1972: 308].

П. Юл в отношении Омана признает, что Сасаниды собирали здесь налоги и могли распоряжаться возделываемыми землями. С присутствием персидских должностных лиц он связывает некоторые находки, сделанные в местных могильниках: наконечники стрел, металлические сосуды с выгравированными на них изображениями львов в персидской манере и т. п. Однако в высшей степени показательно, что до сих пор в Омане не было обнаружено ни одной персидской монеты [Yule 2001: 209–210]. В общем, имеющиеся археологические материалы позволяют считать, что Сасаниды, вероятнее всего, сумели установить контроль над проливом, но насколько он был жестким, судить очень сложно. Ж.-Ф. Саль обратил внимание на развитие пиратства в это время, что, как представляется, свидетельствует о том, что флот Сасанидов не обладал полным господством на море [Salles 1982: 8]. Распространение пиратства, разумеется, создавало немалые сложности для развития морской торговли.

По морю в Сасанидский Иран поступал шелк и другие экзотические товары из Индии, и выгоды этой торговли невозможно оспаривать. Неудивительно, что византийские императоры Юстин и Юстиниан попытались вытеснить персов и утвердиться на торговых путях в Индию [Пигулевская 1951: 266]. Одним из результатов развернувшегося конфликта, важную роль в котором играли также религиозные противоречия, стал захват христианами-аксумитами Йемена в 525 г. [Hoyland 2001: 27; см. также выше, главу 1]. Сасаниды сумели успешно противостоять политике византийцев и в конце концов посадили на йеменский трон своего ставленника. В результате этих акций они сохранили доминирование в Индийском океане от Адена до Цейлона [Whitehouse, Williamson 1973: 44–45, 48]. Прокопий Кесарийский по этому поводу заметил: «Эфиопам покупать шелк у индов было невозможно, так как персидские купцы, населяя соседнюю с индами страну, всегда оказываются у тех самых пристаней, куда индийские корабли причаливают прежде всего,

и обычно покупают у них все грузы» (Procop. *De Bello Pers.* I, 20, 12; пер. А. А. Чекаловой). Б. де Карди в связи с этим не без основания признавала, что сасанидская активность на море, достигшая пика в V–VI вв., послужила хорошей базой для развития процветающей торговли с Дальним Востоком в VIII–IX вв. [Cardi 1975: 25].

## 2.8. Некоторые итоги

Развитие торговых связей в Персидском заливе в средневековье выходит за хронологические рамки нашего исследования [см.: Whitehouse 1979; Ziadeh 1982]. В отношении древности следует обратить внимание, что интерес месопотамцев к этому региону проявляется очень рано, вероятно, со второй половины V тыс. до н. э. Многочисленные местонахождения с убейдской керамикой на берегах Залива в этом отношении очень показательны. В III–II тыс. до н. э. через Ормузский пролив проходил морской торговый путь, ведущий в Маган и Мелухху. Феномен этой торговли, безусловно, представляет очень большой научный интерес. В высшей степени любопытно при этом, что археологические материалы, свидетельствующие о торговле Месопотамии с Хараппой, представлены хараппскими вещами (печати, гирьки и пр.), обнаруженными, в частности, в районе Персидского залива. Подобные месопотамские импорты в Индию по существу отсутствуют.

Следует признать, что все великие державы Месопотамии (Шумер, Ассирия, Вавилон, Ахемениды, Селевкиды, Сасаниды) так или иначе пытались поставить под свой контроль район Ормузского пролива и, вместе с тем, международную торговлю, связывающую Персидский залив с Индией. Более тридцати лет назад французские исследователи Р. Бушарля и Ж.-Ф. Саль по этому вопросу сделали одно чрезвычайно важное заключение. Оно сводится к тому, что на самом деле мы знаем только общую историческую последовательность различных империй, существовавших и сменявших друг друга на соседних с Заливом территориях (Месопотамия, Индия, Персия). В реальной практике мы можем лишь экстраполировать наши знания, соотнося их с этим фоном. Результат таких реконструкций, однако, закономерно будет представлять «очень крупноячеистую сеть с большим количеством нерешенных вопросов» [Boucharlat, Salles 1981: 65]. Такое положение мало изменилось и в наши дни, что, в частности, демонстрирует данный очерк, посвященный Ормузскому проливу.

В отношении доримского времени Ж.-Ф. Саль заключил, что на протяжении четырех-пяти столетий, т. е. вплоть до I в. до н. э. — I в. н. э. «мы должны констатировать существенное расхождение между археологическими данными, часто довольно скудными, и письменными свидетельствами о действительной интеграции стран залива в динамическую систему ахеменидского и эллинистического Ближнего Востока» [Саль 1996: 122]. Уважаемый французский исследователь во многом прав, и нам остается лишь надеяться, что число «критических горшков», как французский исследователь называет предметы западного импорта в Заливе и экспорта из Залива в сопредельных районах, со временем все-таки увеличится.

К сожалению, археологические материалы, которые позволили бы углубить наши знания в отношении ахеменидского или парфянского времени, тоже не очень многочисленны. Еще раз отмечу, что об ахеменидском влиянии в бассейне Персидского залива и тем более в районе Ормузского пролива такие материалы вообще практически отсутствуют. П. Юл признает, что почти то же самое следует признать и в отношении парфянского и сасанидского присутствия здесь, за исключением

политической сферы [Yule 2001: 209]. Вновь и вновь приходится признать, что присутствие великих держав в Заливе в первую очередь включало в себя фактор контроля морских торговых путей, ведущих в Индию.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая краткий обзор историко-культурных процессов, которые разворачивались в древности вокруг двух великих проливов Индийского океана, лежащих с востока и запада от Аравийского полуострова (Ормуз и Баб-эль-Мандеб), необходимо признать, что эти процессы имеют определенное типологическое сходство, но в каждом случае имелась специфика. Понятно, что древние цивилизации (Шумер и Египет) сразу стремились к выходу в Индийский океан, что стимулировало развитие морских экспедиций к проливам. Для египтян важное значение имели походы в страну Пунт, которая появилась в египетских источниках с 2500 г. до н. э. В бассейне Персидского залива подобные экспедиции фиксируются намного раньше, с момента сложения убейдской культуры, т. е. в V тыс. до н. э.

В обоих случаях выход в океан стал восприниматься как особая зона, связанная с неким сакрализованным пространством («страной бога»). Название пролива Ормуз, возможно, является теофорным (Ормазд — Ахурамазда), а в районе Баб-эль-Мандеба засвидетельствованы топонимы, объединяющиеся вокруг понятия «Счастливая Аравия».

Ормузский пролив во все времена являлся важным пунктом на морских торговых путях, и продвижение в сторону открытого океана, как уже было сказано, фиксируется здесь намного раньше, чем в Красном море (убейдское время). В дальнейшем отчетливо прослеживаются два пика в развитии международной торговли. Первый приходится на III–II тыс. до н. э., когда из Месопотамии через Ормуз проходили пути, ведущие в Мелухху (Хараппская цивилизация в Индии) и Маган (богатый залежами медной руды район современного Омана). Второй связан с развитием торговли с Индией в период эллинизма, этот период можно ограничить 300–150 гг. до н. э.

Торговые связи Средиземноморья с Индией стали осуществляться через Красное море и Баб-эль-Мандебский пролив при Птолемах, но крупных масштабов они достигли только после включения Египта в состав Римской империи. Другой путь в Индию вел из Месопотамии через Персидский залив и Ормузский пролив. Он активно функционировал при Селевкидах и проходил вдоль Аравийского, а не Иранского побережья. Оба обозначенных пути не были монополизированы средиземноморскими купцами, очень важную роль здесь играли индийские мореплаватели.

Признавая большое значение торговли Римской империи со странами Индийского океана, необходимо признать, что при ее оценке не может быть «монолитной модели всеохватывающей римской торговой диаспоры», как ее назвал Х. П. Рэй [Ray 1993: 490]. Здесь очень многое зависело от местных условий и местных интересов. Очень показательным в этом отношении является явное различие моделей торговых связей Рима с Индией, осуществлявшихся через Красное море и через Персидский залив. В последнем случае участие римских купцов в этой системе, скорее всего, было номинальным.

На берегах Ормузского пролива не сложилось (а вероятно, не могло сложиться) политических центров, которые пытались бы взять эту торговлю под свой контроль. Таким транзитным центром для шумеров, как известно, был Дильмун

(совр. Бахрейн). В Юго-Западной Аравии все обстояло несколько иначе, и уже с конца I в. до н. э. местные государства, прежде всего Хадрамаут, а затем и другие, активно пытались контролировать эту торговлю.

Баб-эль-Мандебский пролив и прилегающие районы Красного моря представляет интерес и в другом отношении. Здесь на протяжении тысячелетий можно проследить динамичный характер культурно-исторических взаимодействий между Африкой и Юго-Западной Аравией. Имеются основания считать, что «заря цивилизации» впервые взошла над Аравией в результате египетских экспедиций в страну Пунт. Тогда цивилизованный мир мог впервые оценить превосходство южно-аравийского ладана. Под влиянием международной торговли, как представляется, сложилась культура *Сабир* и сформировался культурный комплекс *Тихамы*. Африканские черты, проявляющиеся в первую очередь в керамических материалах, вполне отчетливы, хотя и не поддаются однозначной интерпретации.

После сложения сабейской цивилизации на юге Аравии маятник культурных влияний качнулся в другую сторону. Сабейское присутствие на территориях Эфиопии фиксируется на протяжении нескольких столетий, вероятно, с IX–VIII вв. до н. э. и вплоть до IV–III вв. до н. э. Это присутствие проявляется на памятниках элитной культуры: города, храмы, письменность, терминология власти и т. д. Культура сельского населения оставалась местной, африканской.

Основной вектор культурных влияний вновь изменил свое направление через несколько веков, после создания в северной части Африканского Рога государства Аксум. Африканское влияние и африканское военное давление на юго-запад Аравии усиливается в VI в. н. э. и наивысшего выражения достигает при аксумском завоевании Йемена в 525 г.

Вряд ли следует много слов говорить о том, что для изучения всех обозначенных культурно-исторических явлений важное значение имеют целенаправленные и планомерные археологические исследования в обозначенных районах. Их современное состояние по существу надо назвать кризисным. Политические потрясения наших дней парализовали работу археологов в Ираке, из Йемена вынуждены были уйти все трудившиеся там археологические миссии: итальянская, французская, немецкая, по существу прекратились исследования Российско-Йеменской комплексной экспедиции, по крайней мере, ее археологического отряда. Вряд ли можно надеяться, что утерянное удастся быстро вернуть, но надеяться на это все-таки необходимо.

## Литература

- Аванцини 2003: *Аванцини А.* Исследования итальянской миссии в Дофаре (Султанат Оман) // ВДИ. № 1.
- Акопян 1996: *Акопян А. М.* Раскопки на Центральном участке I городища Райбун I // Городище Райбун (раскопки 1983–1987 гг.). М. (ТСОЙКЭ. Т. II).
- Амирханов 1989: *Амирханов Х. А.* Древняя Аравия: проблемы заселения и протоисторический культурный субстрат // ВДИ. № 3.
- Амирханов 1991: *Амирханов Х. А.* Палеолит юга Аравии. М.
- Амирханов 1997: *Амирханов Х. А.* Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры. М.
- Амирханов 2006: *Амирханов Х. А.* Каменный век Южной Аравии. М.
- Амирханов и др. 2002: *Амирханов Х. А., Наушкин В. В., Пиотровский М. Б., Седов А. В.* Исследования на юге Аравии (К 20-летию работ Российской комплексной экспедиции в Республике Йемен) // ВДИ. № 2.
- Антология 2000: Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции. СПб.

- Антонова и др. 1979: *Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г.* История Индии. М.
- Афанасьева 1988: *Афанасьева В. К.* Шумеро-аккадская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2. М.
- Бауэр 1981: *Бауэр Г. М.* О месте Южной Аравии в морской торговле второй половины I тыс. до н. э. // Мероэ. Вып. 2. М.
- Бауэр 1985: *Бауэр Г. М.* Красноморские заметки // Мероэ. Вып. 3. М.
- Бауэр, Лундин 1994: *Бауэр Г. М., Лундин А. Г.* Южная Аравия в X в. до н. э. — VI в. н. э.: основные этапы истории // Красноморские заметки. I. М.
- Берзина 1982: *Берзина С. Я.* Древняя Индия и Африка // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М.
- Берзина 1992: *Берзина С. Я.* Мероэ и окружающий мир I–VIII вв. н. э. М.
- Берзина 1994: *Берзина С. Я.* Южная Аравия и греко-римский Египет: культурные связи в памятниках искусства // Красноморские заметки. I. М.
- Бибби 1984: *Бибби Д.* В поисках Дильмуна. М.
- Бойс 1988: *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. М.
- Бонгард-Левин, Ильин 1985: *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Индия в древности. М.
- Брагинский, Лелеков 1987: *Брагинский И. С., Лелеков Л. А.* Иранская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. I. М.
- Брашинский 1963: *Брашинский И. Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. М.
- Брашинский 1968: *Брашинский И. Б.* Значение черноморских проливов в развитии экономических связей Причерноморья в VI–IV вв. до н. э. // Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Budapest.
- Брашинский 1974: *Брашинский И. Б.* Торговля // Античные государства Северного Причерноморья. М.
- Брашинский 1980: *Брашинский И. Б.* Ареал родосской торговли на эллинистическом Востоке // Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Ереван.
- Бретон 1989: *Бретон Ж.-Ф.* Работа французской исторической миссии в Южном Йемене // ВДИ. № 3.
- Бухарин 1998: *Бухарин М. Д.* Рец. на кн.: Athens, Aden, Arikamedu: Essays on the Interrelations between India, Arabia and the Eastern Mediterranean. New Delhi, 1995; Tradition and Archaeology: Early Maritime Contacts in the Indian Ocean. New Delhi, 1996 // ВДИ. № 3.
- Бухарин 1999: *Бухарин М. Д.* Средиземноморско-индийские контакты в новейшей историографии (рец. на кн.: Crossings: Early Mediterranean Contacts with India. New Delhi, 1997) // ВДИ. № 3.
- Бухарин 2003а: *Бухарин М. Д.* Средиземноморско-южноазиатская торговля в III в. н. э. // ВДИ. № 1.
- Бухарин 2003б: *Бухарин М. Д.* Новые книги по истории древней и средневековой Южной Азии (рец. на кн.: *Weerakkody D. P. M.* Taprobanê: Ancient Sri Lanka as Known to Greeks and Romans. Turnhout, 1997; Origin and Circulation of Foreign Coins in the Indian Ocean. New Delhi, 1998) // ВДИ. № 2.
- Бухарин 2006: *Бухарин М. Д.* Авторство и датировка надписи Monumentum Adulitanum II (OGIS 199 = RIE 277) // ВДИ. № 3.
- Бухарин 2007а: *Бухарин М. Д.* Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря»: Текст, пер., коммент., исследования. М.
- Бухарин 2007б: *Бухарин М. Д.* История древней Южной Аравии в новом журнальном освещении // ВДИ. № 4.
- Бухарин 2009а: *Бухарин М. Д.* Аравия, Восточная Африка и Средиземноморье: торговые и историко-культурные связи. М.
- Бухарин 2009б: *Бухарин М. Д.* Происхождение понятия «Красное море» // ВДИ. № 3.
- Бухарин 2010: *Бухарин М. Д.* Новая латинская надпись из Южной Аравии // ВДИ. № 2.



- Бюттнер 1981: *Бюттнер Т.* История Африки с древнейших времен. М.
- Вахтина и др. 1980: *Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Рогов Е. Я.* Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. № 4.
- Виноградов 1993: *Виноградов Ю. А.* Новые данные о южноаравийском порте Кана (I–VI вв. н. э.) // АВ. 1993. № 2.
- Виноградов 1996: *Виноградов Ю. А.* Археологические исследования на участке здания 6 // Городище Райбун (раскопки 1983–1987 гг.). М. (ТСОЙКЭ. Т. II).
- Виноградов 2000а: *Виноградов Ю. А.* Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // SP. № 3.
- Виноградов 2000б: *Виноградов Ю. А.* Скульптурные находки из южноаравийского порта Кана // Взаимодействие культур и цивилизаций. В честь юбилея В. М. Массона. СПб. (Российско-туркменские культурные связи и взаимодействия. Вып. 1).
- Виноградов 2005: *Виноградов Ю. А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб.
- Виноградов 2006: *Виноградов Ю. А.* Керамические находки с вершины Хусн аль-Гураб — акрополя южноаравийского порта Кана // ЗВОРАО. НС. Т. II (XXVII).
- Виноградов 2009: *Виноградов Ю. А.* Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // БИ. Вып. XXII.
- Виноградов 2011: *Виноградов Ю. А.* Важное археологическое открытие на острове Сокотра (Йемен) // ВДИ. № 4.
- Виноградов 2012: *Виноградов Ю. А.* Открытие несторианской (?) церкви на острове Сокотра // НГ. № V.
- Виноградов 2014: *Виноградов Ю. А.* Новое поселение античного времени на острове Сокотра (Йемен) // KOINON ΔΡΟΝ: Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова от друзей и коллег. СПб.
- Виноградов и др. 2011: *Виноградов Ю. А., Жуков В. А., Лукашов А. А.* Открытия Российской комплексной экспедиции в Йемене — о. Сокотра, 2010 г. // Восток. № 6.
- Виноградов и др. 2013: *Виноградов Ю. А., Жуков В. А., Сарабьев А. В.* Результаты изучения железного века на острове Сокотра (2006, 2008–2012 гг.) // АВ. Вып. 19.
- Виноградов, Седов 1989: *Виноградов Ю. Г., Седов А. В.* Греческая надпись из Южной Аравии // ВДИ. № 2.
- Гаибов и др. 1988: *Гаибов В. А., Кошеленко Г. А., Новиков С. В.* Исследование памятников эллинистического времени на острове Файлака // ВДИ. № 2.
- Гаибов и др. 1992: *Гаибов В. Г., Кошеленко Г. А., Сердитых З. В.* Эллинистический Восток // Эллинизм: восток и запад. М.
- Грязневич 1978: *Грязневич П. А.* В поисках затерянных городов. Йеменские репортажи. М.
- Грязневич 1995: *Грязневич П. А.* Морская торговля на Аравийском море: Аден и Кана // Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. М. (ТСОЙКЭ. Т. I).
- Гуляев 1999: *Гуляев В. И.* В стране первых цивилизаций. М.
- Давид, Петриаджи 2002: *Давид Б., Петриаджи Р.* Подводные археологические исследования у побережья Южной Аравии // ВДИ. № 4.
- Дандамаев 1982: *Дандамаев М. А.* Индийцы в Иране и Вавилоне в ахеменидский период // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М.
- Дандамаев 1985: *Дандамаев М. А.* Политическая история Ахеменидской державы. М.
- Дандамаев 2013: *Дандамаев М. А.* Ахеменидская империя. Социально-административное устройство и культурные достижения. СПб.
- Джаксон и др. 2007: *Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов А. В.* «Русская река». Речные пути в Восточной Европе в античной и средневековой географии. М.
- Дибвойз 2008: *Дибвойз Н. К.* Политическая история Парфии. СПб.
- Завойкин 2013: *Завойкин А. А.* Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь; Керчь (БИ. Supplement. 10).

- Иванчик 1999: *Иванчик А. И.* Античная традиция о фараоне Сесострисе и его войне со скифами // ВДИ. № 4.
- Иванчик 2005: *Иванчик А. И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин (Pontus Septentrionalis. III).
- История Африки 1979: *История Африки: Хрестоматия.* М.
- История Древнего Востока 1988: *История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2: Передняя Азия, Египет.* М.
- Кобищанов 1966: *Кобищанов Ю. М.* Аксум. М.
- Кобищанов 1980: *Кобищанов Ю. М.* Северо-восточная Африка в раннесредневековом мире (VI — середина VII в.). М.
- Коротаев 1997: *Коротаев А. В.* Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации. М.
- Кошеленко 1966: *Кошеленко Г. А.* Культура Парфии. М.
- Кошеленко 1979: *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.
- Кошеленко, Шахова 1995: *Кошеленко Г. А., Шахова Н. А.* Новая литература по проблеме экономических связей между Индией и Средиземноморьем в античную эпоху // РА. № 2.
- Крамер 2002: *Крамер С.* Шумеры. Первая цивилизация на Земле. М.
- Ладынин 2012: *Ладынин И. А.* «Стелы Сесостриса»: топос античной истриографии и древнеегипетские реалии // ВДИ. № 1.
- Лебедева 1989: *Лебедева Е. Ю.* Римские монеты в Европе и Индии: Опыт сравнительного статистического анализа // Естественные научные методы в археологии. М.
- Ллойд 1984: *Ллойд С.* Археология Месопотамии. М.
- Ломбар, Боксмати-Фатух 2012: *Ломбар П., Боксмати-Фатух Н.* Тилос. Путешествие в загробный мир. Ритуалы и погребальные традиции на Бахрейне (II в. до н. э. — III в. н. э.). М.
- Лундин 1961: *Лундин А. Г.* Южная Аравия в VI веке. М.; Л. (ПС. 8/71).
- Маккавеев 2014: *Маккавеев Н. А.* Персидский залив на периферии эллинистического мира // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год. Проблемы эллинизма и образования Боспорского государства. М.
- Массон 1962: *Массон В. М.* Восточные параллели убейдской культуры // КСИА. Вып. 91.
- Массон 1989: *Массон В. М.* Первые цивилизации. Л.
- Мегрэ де 1989: *Мегрэ де А.* Работа Итальянской археологической миссии в Северном Йемене // ВДИ. № 3.
- Мегрэ де 1993: *Мегрэ де А.* Раскопки в Баракише, древний Йемен // ВДИ. № 2.
- Медведев 1961: *Медведев Е. М.* Об уровне географических знаний древних индийцев в III–I вв. до н. э. // КСИНА. № 57.
- Мелларт 1982: *Мелларт Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.
- Надэль 1948: *Надэль Б. И.* Раскопки в Арикамеде // ВДИ. № 1.
- Наумкин 1988: *Наумкин В. В.* Сокотрийцы. Историко-этнографический очерк. М.
- Наумкин 1989: *Наумкин В. В.* Полевые исследования на острове Сокотра // ВДИ. № 2.
- Наумкин 2012: *Наумкин В. В.* Острова архипелага Сокотра (экспедиции 1974–2010 гг.). М.
- Наумкин, Порхомовский 1981: *Наумкин В. В., Порхомовский В. Я.* Очерки по этнолингвистике Сокотры. М.
- Никоноров 2008: *Никоноров В. П.* 70 лет после «Политической истории Парфии» Н. К. Дибвойза // *Дибвойз Н. К.* Политическая история Парфии. СПб.
- Новиков 1989: *Новиков С. В.* Юго-Западный Иран в античное время (от Александра Македонского до Ардашира I). М.
- Петров 2000: *Петров А. М.* Индийский океан: международное общение в древности // Востоковеды — востоковеду. Сборник на юбилей Г. К. Широкова. М.
- Пигулевская 1951: *Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв. М.; Л.

- Пиотровский 1985: *Пиотровский М. Б.* Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества. М.
- Пиотровский 2011: *Пиотровский М. Б.* Новое открытие Аравии // Пути Аравии. Археологические сокровища Саудовской Аравии: Каталог выставки. СПб.
- Пирен 1970: *Пирен Ж.* Открытие Аравии. Пять веков путешествий и исследований. М.
- Подосинов 2015: *Подосинов А. В.* Куда плывал Одиссей? О географических представлениях греков архаической эпохи. М.
- Пути Аравии 2011: Пути Аравии. Археологические сокровища Саудовской Аравии: Каталог выставки. СПб.
- Путинцева 1984: *Путинцева Т. А.* Следы ведут в пески Аравии. М.
- Рункова 1995: *Рункова Е. А.* Южная Аравия в конце I в. до н. э. — начале III в. н. э. М.
- Саль 1996: *Саль Ж.-Ф.* Еще раз о «горшках» и «народах»: Персидский залив в конце I тыс. до н. э. // ВДИ. № 4.
- Свет 1955: *Свет Я. М.* По путям путешественников и мореплавателей Востока. М.
- Седов 1995: *Седов А. В.* Древняя ирригация Райбуна // Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. М. (ТСОЙКЭ. Т. I).
- Седов 1998: *Седов А. В.* Монеты древнего Хадрамаута. М.
- Седов 2005: *Седов А. В.* Древний Хадрамаут. Очерки археологии и нумизматики. М. (Труды Российской археологической миссии в республике Йемен. Т. III).
- Ставиский 1977: *Ставиский Б. Я.* Кушанская Бактрия. Проблемы истории и культуры. М.
- Тарн 1949: *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М.
- Толстой 1918: *Толстой И.* Остров Белый и Таврика. Петроград.
- Томсон 1953: *Томсон Дж. О.* История древней географии. М.
- Тохтасьев 1999: *Тохтасьев С. Р.* Исторические проблемы истории киммерийцев: АКД. СПб.
- Трофимова 1992: *Трофимова М. К.* Эллинистические утопии (Ямбул и Евгемер) // Эллинизм: восток и запад. М.
- Фогт и др. 2002: *Фогт Б., Буффа В., Брюннер У.* Ма'лейба и системы ирригации эпохи бронзы в Лахдже // ВДИ. № 2.
- Фогт, Седов 2001: *Фогт Б., Седов А. В.* Культура Сабир и красноморское побережье Йемена во II тыс. до н. э.: современное состояние проблемы // ВДИ. № 2.
- Французов 1995: *Французов С. А.* Судьбы сабейской цивилизации в Эфиопии // Африка: культура и общество (исторический аспект). Материалы выездной сессии Научного совета по проблемам экономического, социально-политического и культурного развития стран Африки РАН, состоявшейся в Санкт-Петербурге 4–6 мая 1994 г. М.
- Французов 2000: *Французов С. А.* Аксумское царство // ПЭ. Т. I.
- Французов 2002: *Французов С. А.* Политическое развитие южноаравийско-эфиопской цивилизации в I тысячелетии до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э.: от раннего государства к несостоявшейся империи // ПВ. Вып. 10.
- Французов 2005: *Французов С. А.* Древний Хадрамаут и возникновение южноаравийской цивилизации: к постановке проблемы // ВДИ. № 4.
- Французов 2009: *Французов С. А.* Райбун: надписи и люди (эпиграфические памятники, религиозная жизнь и социальное устройство культового центра древнего Хадрамаута. СПб.
- Французов 2010: *Французов С. А.* Открытие и дешифровка южноаравийской письменности // СНВ. Вып. XXXIII.
- Французов 2012: *Французов С. А.* К востоку от Адена. Оазис Райбун в I тысячелетии до н. э. Эпиграфические памятники, религиозная жизнь и социальное устройство культового центра древнего Хадрамаута. СПб.
- Французов 2014: *Французов С. А.* История Хадрамаута в эпоху древности. СПб.
- Хвостов 1907: *Хвостов М. М.* История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. Х. — 284 г. по Р. Х.). Казань.

- Черняк 2012: *Черняк А. Б.* Эскадра Траяна на Красном море: Евтропий, Дион Кассий и Перипл Эритрейского моря // *Nyrbogeus*. Vol. 18/2.
- Шахермайр 1984: *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. М.
- Шинни 1982: *Шинни П. Л.* Судан // Железный век Африки. М.
- Шинни 1986: *Шинни П. Л.* Восточный Судан и Эфиопия (600 г. до н. э. — 600 г.) // Из истории африканского средневековья. М.
- Шофман 1976: *Шофман А. С.* Восточная политика Александра Македонского. Казань.
- Шумовский 1982: *Шумовский Т. А.* Арабское мореплавание // Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М.
- Шумовский 1999: *Шумовский Т. А.* Последний «Лев арабских морей». Жизнь арабского мореплавателя и поэта Ахмада ибн Маджида, наставника Васко да Гамы. СПб.
- Эдаков 1980: *Эдаков А. В.* Сравнительный анализ источников о египетском канале Дария I и время его сооружения // ВДИ. № 2.
- Adam 1990: *Adam S.* The importance of Nubia: a link between Central Africa and the Mediterranean // GHA-2.
- Albrechtsen 1958: *Albrechtsen E.* Alexander the Great's Visiting Card // *Kuml*.
- Albright 1982: *Albright F. P.* The American Archaeological Expedition in Dhofar, Oman, 1952–1953. Washington (Publications of the American Foundation for Study of Man. Vol. VI).
- Alden 1982: *Alden J. R.* Trade and Politics in Proto-Elamite Iran // *CurrAn*. Vol. 23/6.
- Alam 1996: *Alam M.* Die Geschichte Irans von den Achaimeniden bis zu den Arsakiden (550 v. Chr. — 224 n. Chr.) // *WS*.
- Alster 1983: *Alster B.* Dilmun: Bahrain, and the alleged paradise in Sumerian myth and literature // *DiINS*.
- Anfray 1963a: *Anfray F.* Le première campagne de fouilles à Matarā près de Sénafé (novembre 1959 — janvier 1960) // *AEth*. T. 5.
- Anfray 1963b: *Anfray F.* Campagne de fouilles à Yēhā (février — mars 1960) // *AEth*. T. 5.
- Anfray 1972: *Anfray F.* Fouilles de Yeha // *AEth*. T. 9.
- Anfray 1990: *Anfray F.* The civilization of Axum from the first to the seventh century // *General History of Africa. II: Ancient Civilizations of Africa*. Paris; London; Berkley.
- Anfray, Annequin 1965: *Anfray F., Annequin G.* Matarā. Deuxième, troisième et quatrième campagnes de fouilles // *AEth*. T. 6.
- Arenson 2007: *Arenson S.* The Red Sea — a Bridge or a Barrier? The Case of Naval Warfare // *Natural Resources and Cultural Connections of the Red Sea*. Oxford (BARIS. 1661).
- Audouin et al. 1987: *Audouin R., Breton J.-F., Robin Chr.* Towns and temples — the emergence of South Arabian civilization // *Yemen*.
- Avanzini 2002: *Avanzini A.* The history of the Khor Rori area. New perspectives // *KhRR* 1.
- Bailey et al. 2007: *Bailey G., AlSharekh A., Flemming N., Lamberck K., Momber G., Sinclair A., Vita-Finzi C.* Coastal prehistory in the southern Red Sea, underwater archaeology, and the Farasan Islands // *PSAS*. Vol. 37.
- Bard et al. 2007: *Bard K., Fattovich R., Ward Ch.* Sea Port to Pubt: New Evidence from Marsā Gawāsīs, Red Sea (Egypt) // *Natural Resources and Cultural Connections of the Red Sea*. Oxford (BARIS. 1661).
- Barnett 1958: *Barnett R. D.* Early Shipping in the Near East // *Antiquity*. Vol. 32 (No. 128).
- Beaucamp et al. 1999: *Beaucamp J., Briquel-Chatonnet Fr., Robin Ch. J.* La persécution des chrétiens de Nagran et la chronologie himyarite // *ARAM*. Vol. 11/1.
- Beech et al. 2000: *Beech M., Elders J., Shepherd E.* Reconsidering the 'Ubaid of the Southern Gulf: new results from excavations on Dalma Island, U. A. E. // *PSAS*. Vol. 30.
- Beeston 1976: *Beeston A. F. L.* The Settlement at Khor Rori // *JOmSt*. Vol. 2.
- Beeston 1996: *Beeston A. L.* Towards a periodisation terminology for ancient Yemen // *Arabia Antiqua: Early Origins of South Arabian States*. Proceedings of the First Conference on the Conservation and Exploration of the Archaeological Heritage of the Arabian Peninsula Held in the Palazzo Bracaccio, Rome, by IsMEO on 28th — 30 th May 1991. Rome.

- Begley 1983: *Begley V.* Arikamedu reconsidered // *AJA*. Vol. 87/4.
- Begley 1993: *Begley V.* New Investigations at the port of Arikamedu // *JRA*. Vol. 6.
- Begley 1996: *Begley V.* The Ancient Port of Arikamedu. New Excavations and Researches 1989–1992. Vol. 1. Pondichéry.
- Benoist et al. 2003: *Benoist A., Mouton M., Schiettecatte J.* The artefacts from the fort at Mleiha: distribution, origins, trade and dating // *PSAS*. Vol. 33.
- Bernard 1994: *Bernard P.* Greek kingdoms of Central Asia // *HistCCA-2*.
- Bersina 1988: *Bersina S. Yu.* In the Ways of Sarapis, Isis and Harpokrates // *Ancient and Mediaeval Monuments of Civilization of Southern Arabia: Investigation and Conservation Problems*. Moscow.
- Bibby 1973: *Bibby T. G.* Preliminary Survey in East Arabia 1968. Copenhagen (Jutland Archaeological Society Publications. Vol. 12).
- Bibby 1986: *Bibby G.* «The Land of Dilmun is holy...» // *BahAA*.
- Bietak 1966: *Bietak M.* Ausgrabungen in Sayala-Nubien 1961–1965. Denkmäler der C-Gruppe und der Pan-Gräber-Kultur. Wien.
- Bietak 1968: *Bietak M.* Studien zur Chronologie der Nubischen C-Gruppe. Ein Beitrag zur Frühgeschichte Unternubiens zwischen 2200 und 1550 vor Chr. Wien.
- Bietak 1987: *Bietak M.* The C-Group and the Pan-Grave Culture in Nubia // *NCP*.
- Bonnet 1986: *Bonnet Ch.* Kerma. Territoire et métropole. Cairo.
- Bonnet 1987: *Bonnet Ch.* Kerma, royaume africain de Haute Nubie // *NCP*.
- Bonnet 1991: *Bonnet Ch.* Upper Nubia from 3000 to 1000 BC // *EAfr*.
- Bonnet et al. 1997: *Bonnet Ch., Honneger M., Surian Th.* Kerma (Sudan): 1995–1996, 1996–1997 // *Genava*. NS. T. 45.
- Bonnet et al. 2005: *Bonnet Ch., Honneger M., Valbelle D., Ruffieux Ph.* Kerma (Sudan): 2003–2004, 2004–2005 // *Genava*. NS. T. 53.
- Boucharlat 1984: *Boucharlat R.* Les périodes pré-islamiques récentes aux Émirats Arabes Unis // *AOMIM*.
- Boucharlat 1986: *Boucharlat R.* Some notes about Qal'at al-Bahrein during the Hellenistic period // *BahAA*.
- Boucharlat 2003: *Boucharlat R.* Iron Age Water-draining Galleries and the Iranian «Qanāt» // *AUAE*.
- Boucharlat et al. 1991: *Boucharlat R., Haerinck E., Phillips C. S., Potts D. T.* Note on an Ubaid pottery sites in the Emirate of Umm al-Qaiwain // *ArabArchE*. Vol. 2/2.
- Boucharlat, Mouton 1993: *Boucharlat R., Mouton M.* Importations occidentales et influence de l'Hellénisme dans la péninsule d'Oman // *SOR*. Vol. LXX/2.
- Boucharlat, Salles 1981: *Boucharlat R., Salles J.-F.* The history and archaeology of the Gulf from the fifth century B.C. to the seventh century A.D.: a review of the evidence // *PSAS*. Vol. 11.
- Bourriau 1991: *Bourriau I.* Relations Between Egypt and Kerma During the Middle and New Kingdom // *EAfr*.
- Bourriau, Oates 1997: *Bourriau J., Oates J.* Spinning or sailing? The boat models from Eridu // *Antiquity*. Vol. 71 (No. 273).
- Bowersock 1986: *Bowersock G. W.* Tylos and Tyre: Bahrain in the Graeco-Roman World // *BahAA*.
- Bowersock 1993: *Bowersock G. W.* The New Greek Inscription from South Yemen // *To Hellēnikon: Studies in Honor of Speros Vryonis Jr. I: Hellenic Antiquity and Byzantium*. New Rochelle; New York.
- Bowersock 1997: *Bowersock G. W.* Perfumes and Power // *PArab*.
- Breniquet 1989: *Breniquet C.* Les origines de la culture d'Obeid en Mésopotamie du nord // *Upon this Foundation — the 'Ubaid Reconsidered. Proceedings from the 'Ubaid Symposium, Elsinore May 30th — June 1st. Copenhagen*.
- Breton 1998: *Breton J.-F.* L'Arabie heureuse au temps de la reine de Saba': VIII<sup>e</sup>-I<sup>er</sup> siècle av. J.-C. Paris.

- Brunswig 1983: *Brunswig R.* New Indus type and related seals from the Near East // *DilNS*.
- Buffa 2002: *Buffa V.* The Sabir Cultural Sequence in the Frame of the Archaeology of Coastal Yemen and Northeast Africa Bronze Age: a Provisional View // *ВДИ*. № 3.
- Buffa, Vogt 2001: *Buffa V., Vogt B.* Sabir — Cultural Identity between Saba and Africa // *Migration and Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. Vorchristlichen Jahrtausend*. Bonn.
- Burkholder 1972: *Burkholder G.* Ubaid Sites and Pottery in Saudi Arabia // *Archaeology*. Vol. 25/4.
- Burstein 1989: *Agatharchides of Cnidus*. On the Erythrean Sea / Transl. and ed. by S. M. Burstein. London.
- Bushiri 1982: *Bushiri A. A. H.* Dilmun's Ships // *Dilmun*. No. 10.
- Callot 1993: *Callot O.* Failaka — Ikaros sous Antiochos III: étude numismatique // *SOR*. Vol. LXX/2.
- Callot 1994: *Callot O.* Un trésor de monnaies d'argent et monnaies diverses // *Qala'at al-Bahrain*. Vol. I: The Northern City Wall and the Islamic Fortress. Aarhus.
- Callot et al. 1987: *Callot O., Gachet J., Salles J.-F.* Some notes about Hellenistic Failaka // *PSAS*. Vol. 17.
- Calvet 1984: *Calvet Y.* Tylos et Arados // *AOMIM*.
- Calvet 1989: *Calvet Y.* Failaka and the Northern Part of Dilmun // *PSAS*. Vol. 19.
- Calvet et al. 1984: *Calvet Y., Caubet A., Salles J.-F.* French excavations at Failaka, 1983 // *PSAS*. Vol. 14.
- Calvet et al. 1985: *Calvet Y., Caubet A., Salles J.-F.* French excavations at Failaka, 1984 // *PSAS*. Vol. 15.
- Caquot, Drewes 1955: *Caquot A., Drewes A. J.* Les monuments recueillis à Magallé (Tigré) // *AEth*. T. 1.
- Cardi 1972: *Cardi B. de.* A Sasanian outpost in Northern Oman // *Antiquity*. Vol. 46 (No. 184).
- Cardi 1974: *Cardi B. de.* The British Archaeological Expedition to Qatar 1973–1974 // *Antiquity*. Vol. 48 (No. 191).
- Cardi 1975: *Cardi B. de.* Archaeological Survey in Northern Oman, 1972 // *EW*. Vol. 25/1–2.
- Cardi 1988: *Cardi B. de.* The Grave-Goods from Shimal Tomb 6 in Ras al-Khaimah, U. A. E. // *Araby the Blest: Studies in Arabian Archaeology*. Copenhagen (The Carsten Niebuhr Institute Publications. 7).
- Carter 1972: *Carter T. H.* The John Hopkins University Reconnaissance Expedition to the Arab-Iranian Gulf // *BASOR*. No. 207.
- Carter 1997: *Carter R.* The Wadi Suq period in south-east Arabia: a reappraisal in the light of excavations at Kalba, UAE // *PSAS*. Vol. 27.
- Carter 2002: *Carter R.* Ubaid-period boat-remains from As-Sabiyah: excavations by the British Archaeological Expedition to Kuwait // *PSAS*. Vol. 32.
- Carter 2003: *Carter R.* Tracing Bronze Age Trade in the Arabian Gulf: Evidence for Way-Station of the Merchants of Dilmun between Bahrain and the Northern Emirates // *AUAE*.
- Casson 1989: *Casson L.* The Periplus Maris Erythraei / Text with introduct., transl., and comment. Princeton.
- Casson 1995a: *Casson L.* The Greek and Latin sources for the southwestern coast of Arabia // *ArabArchE*. Vol. 6/4.
- Casson 1995b: *Casson L.* Ships and Seamanship in the Ancient World. Baltimore; London.
- Chakrabati 1998: *Chakrabati D. K.* The Indus Civilization and the Arab Gulf: an Indus Point of View // *Arabia and Its Neighbours: Essays on Prehistorical and Historical Developments presented in Honour of Beatrice de Cardi*. Turnhout (Abiel. 2).
- Chami 2002: *Chami F. A.* East Africa and the Middle East relationship from the first millennium BC to about 1500 AD // *JAfr*. T. 72/2.
- Charpetier, Méry 2008: *Charpetier V., Méry S.* A Neolithic settlement near the Srait of Hormuz: Akab Island, United Arab Emirates // *PSAS*. Vol. 38.
- Charvát 2002: *Charvát P.* Mesopotamia before History. London; New York.

- Chegini, Nikitin 1996: *Chegini N. N., Nikitin A. N.* Sasanian Iran — economy, society, arts and crafts // HistCCA-3.
- Christides 1972: *Christides V.* The Himyarite-Ethiopian War and the Ethiopian Occupation of South Arabia in the Acts of Gregentius (ca. 530 A.D.) // AETH. T. 9.
- Cleuziou 1980: *Cleuziou S.* Three seasons at Hili: toward a chronology and cultural history of the Oman Peninsula in the 3rd millennium BC // PSAS. Vol. 10.
- Cleuziou 1981: *Cleuziou S.* Oman Peninsula in the Early Second Millennium B.C. // SAA-1979. Berlin.
- Cleuziou 1982: *Cleuziou S.* Hili and the beginning of oasis life in Eastern Arabia // PSAS. Vol. 12.
- Cleuziou 1986: *Cleuziou S.* Dilmun and Makkan during the third and early second millenia B.C. // BahAA.
- Cleuziou 1988: *Cleuziou S.* Dilmun — Arabie (en marge de C.M. Piesinger: The legacy of Dilmun) // ArabMB.
- Cleuziou 2003: *Cleuziou S.* Early Bronze Age Trade in the Gulf and the Arabian Sea: The Society behind the Boats // AUAE.
- Cleuziou, Tosi 1994: *Cleuziou S., Tosi M.* Black boats of Magan: some thoughts on Bronze Age water transport in Oman and beyond from the impressed bitumen slabs of Ra's al-Junayz // SAA-1993. Vol. II. Helsinki.
- Cleuziou, Vogt 1985: *Cleuziou S., Vogt B.* Tomb A at Hili North (United Arab Emirates) and Its Material Connections to Southeast Iran and the Greater Indus Valley // SAA-1983. Vol. I. Naples.
- Cleveland 1960: *Cleveland R. L.* The 1960 American Archaeological Expedition to Dhofar // BASOR. Vol. 159.
- Comfort 1960: *Comfort H.* Some imported pottery at Khor Rori (Dhofar) // BASOR. 160.
- Contenson 1961: *Contenson H. de.* Les fouilles a Haalti-Mélazo en 1958 // AETH. T. 4.
- Contenson 1990: *Contenson H. de.* Pre-Axumite culture // GHA-2.
- Costa 1978: *Costa P. M.* The Copper Mining Settlement of 'Arja: a Preliminary Report // JOMSt. Vol. 4.
- Costa, Wilkinson 1987: *Costa P. M., Wilkinson T. J.* The Hinterland of Sohar. Archaeological Surveys and Excavations within the Region of an Oman Seafaring City // JOMSt. Vol. 9.
- Crawford 1993: *Crawford H.* London-Bahrain Archaeological Expedition: excavations at Saar 1991 // ArabArchE. Vol. 4/1.
- Crawford 1997: *Crawford H.* Dilmun reconsidered // Antiquity. Vol. 71 (No. 273).
- Crawford 1998: *Crawford H.* Dilmun and its Neighbours. Cambridge.
- Curtis 2004: *Curtis M.* Ancient interactions across the southern Red Sea: new suggestions for investigating cultural exchange and complex societies during the first millennium BC // Trade and Travel in the Red Sea Region. Proceedings of Red Sea Project I. Oxford (BARIS. 1269).
- Cuvigny 1997: *Cuvigny H.* L'Arabie heureuse des classiques: naissance d'un mythe // YPRS.
- Cuvigny 1998: *Cuvigny H.* Das glückliche Arabien der klassischen Autoren. Die Geburt eines Mythos // JKA.
- Dales 1964: *Dales G. F.* The mythical massacre at Mohenjo-Daro // Expedition. Vol. 6/3.
- Dani 1986: *Dani A. H.* Bahrain and the Indus civilization // BahAA.
- Daum 1980: *Daum W.* Jemen. Das südliche Tor Arabiens. Tübingen.
- Davidde, Petriaggi 1998: *Davidde B., Petriaggi R.* Archaeological surveys in the harbour of ancient Kané // PSAS. Vol. 28.
- Davidde, Petriaggi 2004: *Davidde B., Petriaggi R., Williams D. F.* New data on the commercial trade of the harbour of Kané through the typological and petrographic study of the pottery // PSAS. Vol. 34.
- Dayton 1984: *Dayton J.* Herodotus, Phoenicia, the Persian Gulf and India in the First Millennium B.C. // AOMIM.
- Dembski 1996a: *Dembski G.* Der Handel auf der Weihrauchstraße // WS.

- Dembski 1996b: *Dembski G.* Die Arabia felix in der Antike // WS.
- Dixon 2004: *Dixon D. D.* Pharaonic Egypt and the Red Sea arms trade // Trade and Travel in the Red Sea Region: Proceedings of Red Sea Project I. Oxford (BARIS. 1269).
- Doe 1971: *Doe B.* Southern Arabia. London.
- Doe 1992: *Doe B.* Socotra: Island of Tranquillity. London.
- Drews, Schneider 1972: *Drews A. J., Schneider R.* Documents épigraphiques de l'Éthiopie — III // AEth. T. 9.
- Drews, Schneider 1978: *Drews A. J., Schneider R.* Documents épigraphiques de l'Éthiopie — VI // AEth. T. 11.
- Dunham 1982: *Dunham D.* Excavations at Kerma. Pt. VI. Boston.
- During Caspers 1980: *During Caspers E. C. L.* The Bahrain Tumuli: An Illustrated Catalogue of Two Important Collections. Leiden.
- During Caspers 1989: *During Caspers E. C. L.* Some Remarks on Oman // PSAS. Vol. 19.
- Durrani 2005: *Durrani N.* The Tihamah Coastal Plain of South-West Arabia in its Regional Context c. 6000 BC — AD 600. Oxford (BARIS. 1456).
- Edens 1993: *Edens Ch.* Indus-Arabian Interaction during the Bronze Age: A Review of Evidence // Harappan Civilization: A Recent Perspective. Oxford; Bombay; Calcutta.
- Edens, Wilkinson 1998: *Edens Ch., Wilkinson T. J.* Southwest Arabia during the Holocene: Recent Archaeological Developments // JWP. Vol. 12/1.
- Eidem, Højlung 1993: *Eidem J., Højlung F.* Trade or diplomacy? Assyria and Dilmun in the eighteenth century BC // WA. Vol. 24/3.
- Englung 1983: *Englung R.* Dilmun in the archaic Uruk corpus // DiINS.
- Garbini 1987: *Garbini G.* Semitic and Indo-European Languages // Yemen.
- Gerlach 2012: *Gerlach I.* Yeha: an Ethio-Sabaeen site in the highlands of Tigray (Ethiopia) // New Research in Archaeology and Epigraphy of South Arabia and Its Neighbors. Proceedings of the «Rencontres Sabéennes 15» held in Moscow, May 25th — 27th, 2011. Moscow.
- Gerlach 2014: *Gerlach I.* Migration processes of the Northern Horn of Africa in the early 1st millennium BC // Исследования по Аравии и исламу: Сборник статей в честь 70-летия Михаила Борисовича Пиотровского М.
- Giumlia-Mair et al. 2000: *Giumlia-Mair A., Keal E., Stock S., Shugar A.* Copper-based implements of a newly identified culture in Yemen // JCH. Vol. 1.
- Glaser 1890: *Glaser E.* Skizze der Geshichte und Geographie Arabiens. Berlin.
- Goettler et al. 1976: *Goettler G. W., Firth N., Huston C. C.* A Preliminary Discussion of Ancient Mining in the Sultanate of Oman // JOMSt. Vol. 2.
- Groom 1981: *Groom N.* Frankincense and Myrrh: A Study of the Arabian Incense Trade. London; New York.
- Groom 1994: *Groom N.* Oman and the Emirates in Ptolemy's map // ArabArchE. Vol. 5/3.
- Groom 1995: *Groom N.* The Periplus, Plini and Arabia // ArabArchE. Vol. 6/3.
- Grottanelli 1997: *Grottanelli Cr.* Kingship and Perfumes: Antiochus IV and Alexander the Great // PARab.
- Fales 2010: *Fales F. M.* Southern Mesopotamia in the 1st millennium BC and its contacts with Eastern Arabia // EastArab.
- Fattovich 1972: *Fattovich R.* Sondaggi stratigrafici Yēhā 1971 // AEth. T. 9.
- Fattovich 1989: *Fattovich R.* The Late Prehistory of the Gash Delta (Eastern Sudan) // Late Prehistory of the Nile Basin and the Sahara. Poznań.
- Fattovich 1991: *Fattovich R.* At the Periphery of the Empire: The Gash Delta (Eastern Sudan) // EAfr.
- Fattovich 1993: *Fattovich R.* The Gash Groop of Eastern Sudan: an Outline // Environmental Change and Human Culture in the Nile Basin and Northern Africa until the Second Millennium B.C. Poznań.
- Fattovich 1996: *Fattovich R.* The Afro-Arabian circuit: contact between the Horn of Africa and Southern Arabia in the 3rd — 2nd millennium B.C. // Interregional Contacts in the Late Prehistory of Northeastern Africa. Poznań.



- Fattovich 1997: *Fattovich R.* The Contacts between Southern Arabia and the Horn of Africa in Late Prehistory and Early Historical Times: a View from Africa // PArab.
- Fattovich 2004: *Fattovich R.* The «pre-Aksumite» state in northern Ethiopia and Eritrea reconsidered // Trade and Travel in the Red Sea Region: Proceedings of Red Sea Project I. Oxford (BARIS. 1269).
- Finneran 2007: *Finneran N.* The Archaeology of Ethiopia. London; New York.
- Finster 2010: *Finster B.* Arabia in late antiquity: an outline of the cultural situation in the peninsula at the time of Muhammad // The Qurʾān in Context. Historical and Literature Investigations into the Qurʾānic Milieu. Leiden; Boston.
- Frifelt 1976: *Frifelt K.* Evidence of a Third Millenium B.C. Town in Oman // JOMSt. Vol. 2.
- Frifelt 1979: *Frifelt K.* The Umm an-Nar and Jemdet Nasr of Oman and their Relations abroad // SAA-1975. Leiden.
- Frifelt 1985: *Frifelt K.* Further Evidence of the Third Millenium BC Town at Bāt in Oman // JOMSt. Vol. 7.
- Frifelt 1986: *Frifelt K.* Burial mounds near Ali excavated by the Danish Expedition // BahAA.
- Frifelt 1989: *Frifelt K.* ʿUbaid in the Gulf Area // Upon this Foundation — the ʿUbaid reconsidered: Proceedings from the ʿUbaid Symposium, Elsinore May 30th — June 1st. Copenhagen.
- Frohlich 1986: *Frohlich B.* The human biological history of the Early Bronze Age population in Bahrain // BahAA.
- Haerincx 1991: *Haerincx E.* Heading for the Straits of Hormuz, an Ubaid site in the Emirate of Ajman (U. A. E.) // ArabArchE. Vol. 2/2.
- Haerincx 1992: *Haerincx E.* Excavations at ed-Dur (Umm al-Qaiwain, U. A. E.) — Preliminary report on the fourth Belgian season // ArabArchE. Vol. 3/3.
- Haerincx 1993: *Haerincx E.* Excavations at ed-Dur (Umm al-Qaiwan, U. A. E.) — Preliminary report on the fifth Belgian season (1991) // ArabArchE. Vol. 4/3.
- Haerincx 1994: *Haerincx E.* Excavations at ed-Dur (Umm al-Qaiwain, U. A. E.) — Preliminary report on the sixth Belgian season (1992) // ArabArchE. Vol. 5/3.
- Haerincx 1998: *Haerincx E.* International Contacts in the Southern Persian Gulf in the Late 1st Century B.C. / 1st century A.D.: Numismatic Evidence from ed-Dur (Emirate of Umm al-Qaiwain, U. A. E.) // IA. Vol. XXXIII.
- Haerincx 2003: *Haerincx E.* Internationalisation and Buisness in South-East Arabia during the late 1st century B.C. / 1st century A.D.: Archaeological Evidence from ed-Dur (Umm al-Qaiwan, U. A. E.) // AUAE.
- Hannestad 1984a: *Hannestad L.* Danish archaeological excavations on Failaka // AOMIM.
- Hannestad 1984b: *Hannestad L.* The pottery from the Hellenistic settlements on Failaka // AOMIM.
- Hansman 1967: *Hansman J.* Charax and the Karkheh // IA. Vol. VII.
- Harding 1964: *Harding G. L.* Archaeology in the Aden Protectorates. London.
- Hardy-Guilbert 2002: *Hardy-Guilbert C.* Al-Shichr, un port d'Arabie face a l'Africa // JAfr. T. 72/2.
- Häser 1990: *Häser J.* Soft-stone vessels of the 2nd ml. BC in the Gulf Region // PSAS. Vol. 20.
- Häser 2010: *Häser J.* Continuity and change: Iron Age oasis settlements in Oman // EastArab.
- Hofmann 1991: *Hofmann I.* Der Wein- und Ölimport im Meroitischen Reich // EAfr.
- Högemann 1985: *Högemann P.* Alexander der Große und Arabien. München.
- Højlung 1993: *Højlung F.* The ethnic composition of the population of Dilmun // PSAS. Vol. 23.
- Højlung, Andersen 1994: *Højlung F., Andersen H. H. (ed.).* Qalaʾ at al-Bahrain. Vol. I: The Northern City Wall and the Islamic Fortress. Aarhus.
- Howard-Carter 1986: *Howard-Carter T.* Eyestones and Pearls // BahAA.
- Howgego, Potts 1992: *Howgego C. J., Potts D. T.* Greek and Roman coins from Eastern Arabia // ArabArchE. Vol. 3/3.
- Hoyland 2001: *Hoyland R. G.* Arabia and Arabs: From the Bronze Age to the coming of Islam. London; New York.

- Hulton 2003: *Hulton J.* South Arabia: The «Palinarus» Journals. New ed. Cambridge; New York.
- Ibrahim, ElMahi 1998: *Ibrahim M. M., ElMahi A. T.* Two seasons of SQU investigation at Wadi as-Safar (1996–1997) // PSAS. Vol. 28.
- Inizan 1988: *Inizan M.-L.* Préhistoire à Qatar. Mission archéologique française à Qatar. T. 2. Paris.
- Inizan, Francaviglia 2002: *Inizan M.-L., Francaviglia V. M.* Les périple de l'obsidienne à travers la mer Rouge // JAfr. T. 72/2.
- Invernizzi, Salles 1993: *Invernizzi A., Salles J.-F.* Hellenistic centres around Arabia: interactions and Oriental traditions // SOR. Vol. LXX/2.
- Jasim 2003: *Jasim S. A.* Third Millenium Culture in the Emirate of Chariah // AUAE.
- Jeppesen 1960: *Jeppesen K.* Et kongebud til Ikaros. De hellenistiske templer pe Failaka [A Royal Message to Ikaros. The Hellenistic Temples of Failaka] // Kuml.
- Joshi 1986: *Joshi J. P.* India and Bahrain: A survey of culture interaction during the third and second millenia // BahAA.
- Joussaume 1976: *Joussaume R.* Fouille d'un tumulus à Ganda Hassan Abdi dans les monts du Harar // AEth. T. 10.
- Kalliweit 2003: *Kalliweit H.* Remarks on the Late Stone Age in the U. A. E. // AUAE.
- Kapel 1973: *Kapel H.* Stone-age survey // *Bibby T. G.* Preliminary Survey in East Arabia 1968. Copenhagen (Jutland Archaeological Society Publications. Vol. 12).
- Keal 2004: *Keal E. J.* Possible connections in antiquity between the Red Sea of Yemen and the Horn of Africa // Trade and Travel in the Red Sea Region: Proceedings of Red Sea Project I. Oxford (BARIS. 1269).
- Kennet 2002: *Kennet D.* Sasanian Pottery in Southern Iran and Eastern Arabia // Iran. Vol. XL.
- Kervran 1986: *Kervran M.* Qal'at al-Bahrein: a strategic position from the Hellenistic period until modern time // BahAA.
- Khalidi 2007: *Khalidi L.* The Formation of a Souther Red Sea-scape in the Late Prehistory: Tracing Cross-Red Sea Culture-Contact, Interaction, and Maritime Communities along the Tihāmah Coastal Plain, Yemen, in the Third to First Millenium BC // Natural Resources and Cultural Connections of the Red Sea. Oxford (BARIS. 1661).
- Killick et al. 1991: *Killick R. G., Crawford H. E. W., Flavin K., Ginger H., Lupton A., MacLaughlin C., Montague R., Moon J. A., Woodburn M. A.* London-Bahrain Archaeological Expedition: 1990 excavations at Saar // ArabArchE. Vol. 2/2.
- Kitchen 1993: *Kitchen K. A.* The land of Punt // The Archaeology of Africa: Food, Metals and Towns. London; New York.
- Kitchen 1998: *Kitchen K. A.* Punt, Ägypten und die Suche nach Räucherharen // JKA.
- Kitchen 2004: *Kitchen K. A.* The elusive land of Punt revisited // Trade and Travel in the Red Sea Region: Proceedings of Red Sea Project I. Oxford (BARIS. 1269).
- Kitchen 2005: *Kitchen K. A.* Ancient Peoples West of the Red Sea in Pre-Classical Antiquity // People of the Red Sea: Proceedings of Red Sea Project II held in the British Museum. Oxford (BARIS. 1395).
- Kitchen 2007: *Kitchen K. A.* Red Sea Harbours, Hinterlands and Relationships in Preclassical Antiquity // Natural Resources and Cultural Connections of the Red Sea. Oxford (BARIS. 1661).
- Kobishanov 1990: *Kobishanov Y. M.* Axum: political system, economics and culture, first to fourth century // GHA-2.
- Koshelenko, Pilipko 1994: *Koshelenko G. A., Pilipko V. N.* Parthia // HistCCA-2.
- Kosmin 2013: *Kosmin P.* Rethinking the Hellenistic Gulf: the new inscription from Bahrain // JHS. Vol. 133.
- Kramer 1964: *Kramer S. N.* The Indus Civilization and Dilmun, the Sumerian Paradise // Expedition. Vol. 6/3.
- Lal 1997: *Lal B. B.* The Earliest Civilization of South Asia: Rise, Maturity, and Decline. New Delhi.

- Lamberg-Karlovsky 1986: *Lamberg-Karlovsky C. C.* Death in Dilmun // BahAA.
- Lapidoth-Eschelbacher 1982: *Lapidoth-Eschelbacher R.* The Red Sea and the Gulf of Aden. London.
- Leclant 1959: *Leclant J.* Haoulti-Melazo (1955–1956) // AEth. T. 3.
- Leclant 1978: *Leclant J.* L'Exploration des Côtes de la Mer Rouge. A la quête de Pount et des secrets de la Mer Erythrée // AEth. T. 11.
- Littleton 1995: *Littleton J.* Empty tombs? The taphotomy of burials on Bahrain // ArabArchE. Vol. 6/1.
- Litvinsky 1994: *Litvinsky B. A.* The rise of Sasanian Iran // HistCCA-2.
- Macadam 1990: *Macadam H. I.* Dilmun revisited // ArabArchE. Vol. 1/2–3.
- Magee 1998: *Magee P.* Cultural Interaction and Social Complexity in the southeast Arabia Iron Age // IA. Vol. XXXIII.
- Magee 2010: *Magee P.* Iran and the Gulf in the first half of the first millennium BC // EastArab.
- Maigret 1981: *Maigret A. de.* Two prehistoric cultures and a new Sabean site in the eastern Highlands of North Yemen // Raydān. Vol. 4.
- Maigret 1984: *Maigret A. de.* A Bronze Age for Southern Arabia // EW. Vol. 34/1–3.
- Maigret 1987: *Maigret A. de.* The Yemen Bronze Age // Yemen.
- Maigret 1996: *Maigret A. de.* Arabia Felix. Un viaggio nell' archeologia dello Yemen. Milano.
- Maigret 1997: *Maigret A. de.* L'âge du Bronze sur les Hautes-Terres // YPRS.
- Maigret 1998: *Maigret A. de.* Die Bronzezeit im jemenitischen Hochland // JKA.
- Maigret 2002a: *Maigret A. de.* Arabia Felix: An Exploration of the Archaeological History of Yemen. London.
- Maigret 2002b: *Maigret A. de.* The First Excavation Campaign in «Temple I» at Yeha (Tigrā, Ethiopia) // ВДН. № 3.
- Manzo 1999: *Manzo A.* Échanges et contacts le long du Nil et de la Mer Rouge dans l'époque protohistorique (IIIe et IIe millénaires avant J.-C.). Une synthèse préliminaire. Oxford (BARIS. 782).
- Marek 1993: *Marek Chr.* Die Expedition des Aelius Gallus nach Arabien im Jahre 25 v. Chr // Chiron. Bd. 23.
- Mazzoni 1997: *Mazzoni S.* Complex society, urbanization and trade: the case of Eastern and Western Arabia // PArab.
- McClure, Al-Shaikh 1993: *McClure H. A., Al-Shaikh N. Y.* Palaeogeography of an 'Ubaid archaeological site, Saudi Arabia // ArabArchE. Vol. 4/2.
- McLaughlin 2014: *McLaughlin R.* The Roman Empire and the Indian Ocean: the Ancient World Economy and the Kingdoms of Africa, Arabia and India. Barnsley.
- Mekouria 1990: *Mekouria T. T.* Christian Axum // GHA-2.
- Méry 1997: *Méry S.* A funerary assemblage from the Umm an-Nar period: the ceramics from tomb A at Hili North, UAE // PSAS. Vol. 27.
- Millet 1991: *Millet M.* Comments on the lithic material from an Ubaid site in the Emirate of Ajman (U. A. E.) // ArabArchE. Vol. 2/2.
- Mooren 1972: *Mooren L.* The Date of SB V 8036 and the Development of the Ptolemaic Maritime Trade with India // AS. 3.
- Mørkholm 1960: *Mørkholm O.* Greek Coins from Failaka // Kulm.
- Mørkholm 1979: *Mørkholm O.* New coin finds from Failaka // Kulm.
- Mouton 1990: *Mouton M.* 1990. Les pointes de flèches en fer des sites préislamiques de Mleicha et ed-Dur, E. A. U. // ArabArchE. Vol. 1/2–3.
- Mouton 1991: *Mouton M.* Cultural change in the Oman Peninsula during the late 1<sup>st</sup> ml. BC, as seen from Mleiha, Sharjah Emirate (UAE) // PSAS. Vol. 21.
- Mouton 2004: *Mouton M.* Irrigation et formation de la société antique dans les basses-terres du Yémen: un essai de modèle // Syria. T. 81.
- Mouton 2010: *Mouton M.* Mleiha et le peuplement de la péninsule d'Oman à la période Pré-Islamique Récente // EastArab.
- Müller 1987: *Müller W. W.* Outline of the History of Ancient Southern Arabia // Yemen.

- Munro-Hay 1989: *Munro-Hay S. C.* Excavations at Aksum. London.
- Munro-Hay 1993: *Munro-Hay S.* State development and urbanism in northern Ethiopia // *The Archaeology of Africa: Food, Metals and Towns.* London; New York.
- Naumkin, Sedov 1995: *Naumkin V. V., Sedov A. V.* Monuments of Socotra // *AthAdAr.*
- Nayeen 1990: *Nayeen M. A.* Saudi Arabia. Prehistory and Protohistory of the Arabian Peninsula. Vol. I. Hyderabad.
- Nayeen 1992: *Nayeen M. A.* Bahrain. Prehistory and Protohistory of the Arabian Peninsula. Vol. II. Hyderabad.
- Nayeen 1994: *Nayeen M. A.* The United Arab Emirates. Hyderabad.
- Nayeen 1996: *Nayeen M. A.* The Sultanate of Oman. Prehistory and Protohistory from the Most Ancient Times (c. 100 000 B.C. to 100 B.C.). Hyderabad.
- Nayeen 1998: *Nayeen M. A.* Qatar. Prehistory and Protohistory from the Most Ancient Time. Riyadh.
- Nissen 1986: *Nissen H. J.* The occurrence of Dilmun in the oldest texts of Mesopotamia // *BahAA.*
- Oates 1978: *Oates J.* 'Ubaid Mesopotamia and its Relation to Gulf Countries // *Qatar Archaeological Report: Excavations 1973.* Oxford.
- Oates 1993: *Oates J.* Trade and power in the fifth and fourth millennia BC: new evidence from northern Mesopotamia // *WA.* Vol. 24/3.
- Oates et al. 1977: *Oates J., Davidson T. E., Kamilli D., McKerrell H.* Seafaring merchants of Ur? // *Antiquity.* Vol. 51 (No. 203).
- Pankhurst 2004: *Pankhurst R.* Arabian trade with Ethiopia and Horn of Africa: from ancient times to the sixteenth century // *Trade and Travel in the Red Sea Region: Proceedings of Red Sea Project I.* Oxford (BARIS. 1269).
- Papadopoulos 1994: *Papadopoulos J. K.* A Western Mediterranean amphora fragment from ed-Dur // *ArabArchE.* Vol. 5/1.
- Parker, Rose 2008: *Parker A. G., Rose J. I.* Climate change and the human origins in southern Arabia // *PSAS.* Vol. 38.
- Phillips 1955: *Phillips W.* Qataban and Sheba: Exploring the Ancient Kingdoms on the Biblical Spice Routes of Arabia. New York.
- Phillips 1998: *Phillips C.* The Tihāmah c. 5000 to 500 BC // *PSAS.* Vol. 28.
- Phillips 2004: *Phillips J.* Pre-Aksumite Aksum and its neighbours // *Trade and Travel in the Red Sea Region: Proceedings of Red Sea Project I.* Oxford (BARIS. 1269).
- Philips 2010: *Philips C.* Iron Age chronology in South-East Arabia and new data from Salut, Sultanate of Oman // *EastArab.*
- Philipson 1997: *Philipson D. W.* The Monuments of Aksum. Addis Ababa.
- Philipson 2000: *Philipson D. W.* Archaeology at Aksum, Ethiopia, 1993–7. Vol. I–II. London.
- Pierenne 1967: *Pierenne J.* Haoulti et ses monuments. Nouvelle interprétation // *AEth.* T. 7.
- Pierenne 1975: *Pierenne J.* The Incense Port of Moscha (Khor Rori) // *JOmSt.* Vol. 1.
- Piotrovskij, Sedov 1994: *Piotrovskij M. B., Sedov A. V.* Field-Studies in Southern Arabia // *ACSS.* Vol. 1/2.
- Playfair 1859: *Playfair R. L.* A History of Arabia Felix or Yemen. Bombay.
- Popescu 2003: *Popescu E. S.* The Neolithic Settlement Sites on the Island of Dalma and Marawah, U. A. E. // *AUAE.*
- Porter 2004: *Porter A.* Amphora trade between South Arabia and East Africa in the First millennium BC: a re-examination of the evidence // *PSAS.* Vol. 34.
- Possehl 2002: *Possehl G. L.* The Indus Civilization. A Contemporary Perspective. New Delhi.
- Potts 1978: *Potts D.* Towards an Integrated History of Culture Change in the Arabia Gulf Area: Notes on Dilmun, Makkān and the Economy of Ancient Sumer // *JOmSt.* Vol. 4.
- Potts 1984a: *Potts D. T.* Thaj and the location of Gerrha // *PSAS.* Vol. 14.
- Potts 1984b: *Potts D.* Northeastern Arabia in the Later Pre-Islamic Era // *AOMIM.*
- Potts 1988a: *Potts D. T.* Trans-arabian routes of the pre-islamic period // *ArabMB.*
- Potts 1988b: *Potts D. T.* Arabia and the Kingdom of Characene // *Araby the Blest: Studies in Arabian Archaeology.* Copenhagen (The Carsten Niebuhr Institute Publications. 7).

- Potts 1990a: *Potts D. T.* The Arabian Gulf in Antiquity. Vol. I: From Prehistory to the Fall of the Achaemenid Empire. Oxford.
- Potts 1990b: *Potts D. T.* The Arabian Gulf in Antiquity. Vol. II: From Alexander the Great to the Coming of Islam. Oxford.
- Potts 1993a: *Potts D. T.* Rethinking some aspects of trade in the Arabian Gulf // WA. Vol. 24/3.
- Potts 1993b: *Potts D. T.* Four Seasons of Excavations at Tell Abraç (1989–1993) // PSAS. Vol. 23.
- Potts 1993c: *Potts D. T.* Tell Abraç and the Harappan Tradition in Southern Arabia // Harappan Civilization: A Recent Perspective. Oxford; Bombay; Calcutta.
- Potts 1994: *Potts D. T.* South and Central Asian elements at Tell Abraç (Emirate of Umm al-Qaiwan, United Arab Emirates), c. 2200 BC — AD 400 // SAA-1993. Vol. II. Helsinki.
- Potts 1996: *Potts D. T.* The Parthian Presence in the Arabian Gulf // Indian Ocean in Antiquity. London.
- Potts 2001: *Potts D. T.* Before the Emirates: an Archaeological and Historical Account of Developments in the Region c. 5000 BC to 676 AD // United Arab Emirates: a New Perspective. London.
- Potts, Cribb 1995: *Potts D. T., Cribb J.* Sasanian and Arab-Sasanian Coins from Eastern Arabia // IA. Vol. XXX.
- Potts T. 1993: *Potts T. F.* Patterns of trade in third-millennium BC Mesopotamia and Iran // WA. Vol. 24/3.
- Powell 1983: *Powell M. A.* The standard of Dilmun // DiINS.
- Rao 1986: *Rao S. R.* Trade and cultural contacts between Bahrain and India in the third and second millennia B.C. // BahAA.
- Raunig 1987: *Raunig W.* Yemen and Ethiopia — Ancient Cultural Links between two neighbouring Countries on the Red Sea // Yemen.
- Ray 1993: *Ray H. P.* A resurvey of Roman Contacts with the East // Topoi. Vol. 3/2.
- Ray 1995: *Ray H. P.* A resurvey of Roman Contacts with the East // AthAdAr.
- Retsö 1997: *Retsö J.* The Arab Connection, Political Implications of Frankincense in Early Greece // PArab.
- Retsö 2000: *Retsö J.* Where and what was Arabia Felix? // PSAS. Vol. 30.
- Retsö 2003a: *Retsö J.* The Arabs in Antiquity: Their history from the Assyrians to the Umayyads. London; New York.
- Retsö 2003b: *Retsö J.* When did Yemen become Arabia felix? // PSAS. Vol. 33.
- Rice 1984: *Rice M.* Search for the Paradise Land. London; New York.
- Rice 1994: *Rice M.* The Archaeology of the Arabian Gulf. London; New York.
- Roaf, Galbraith 1994: *Roaf M., Galbraith J.* Pottery and p-values: «Seafaring merchants of Ur?» re-examined // Antiquity. Vol. 68 (No. 261).
- Robin 1997a: *Robin Chr.* Arabie Méridionale: l'état et les aromates // PArab.
- Robin 1979b: *Robin Chr.* Le mythe de l'«Arabie Heureuse» // Arabie heureuse, Arabie déserte: Les antiquités arabiques du musée Louvre. Paris.
- Roueché, Sherwin 1985: *Roueché Ch., Sherwin S. M.* Some Aspects of the Seleucid Empire: the Greek Inscriptions from Failaka in the Persian Gulf // Chiron. Bd. 15.
- Rougé 1988: *Rougé J.* La navigation en mer Erythrée dans l'Antiquité // ArabMB.
- Saint-Prot 1997: *Saint-Prot Ch.* L'Arabie heureuse. De l'Antiquité à Ali Abdallah Saleh, le réunificateur du Yémen. Paris.
- Salles 1980: *Salles J.-F.* Monnaies d'Arabie Orientale: éléments pour l'histoire des Emirats Arabes Unis à l'époque historique // PSAS. Vol. 10.
- Salles 1982: *Salles J.-F.* Gulf Area During the First Millennium // Dilmun. No. 10.
- Salles 1984a: *Salles J.-F.* Bahrain «hellénistique»: données et problèmes // AOMIM.
- Salles 1984b: *Salles J.-F.* Céramiques de surface à Ed Dour, Émirats Arabes Unis // AOMIM.
- Salles 1988: *Salles J.-F.* La circumnavigation de l'Arabie dans l'Antiquité classique // ArabMB.
- Salles 1993a: *Salles J.-F.* The Periplus of the Erythraean Sea and the Arab-Persian Gulf // Topoi. Vol. 3/2.

- Salles 1993b: *Salles J-F.* Hellénisme et traditions orientales à Failaka // SOR. Vol. LXX/2.
- Salles, Sedov 2010: *Salles J.-F., Sedov A. V. (dir.)*. Qâni': le port antique du Hadramawt entre le Méditerranée, l'Afrique et l'Inde. Fouilles russes 1972, 1985–1989, 1991, 1993–1994. Turnhout (Indicopleustoi: Archaeologies of the Indian Ocean. 6).
- Sankalia 1957: *Sankalia H. D.* Imported Mediterranean Amphorae from Kolhapur // JRAS. No. 3–4.
- Sanlaville 1988: *Sanlaville P.* Des mers au milieu du désert: mer Rouge et Golfe arabo-persique // ArabMB.
- Schneider 1965: *Schneider R.* Notes épigraphiques sur les découvertes de Matarā // AETH. T. 6.
- Schneider 1972: *Schneider R.* Documents épigraphiques de l'Éthiopie — IV // AETH. T. 9.
- Schneider 1976: *Schneider R.* Documents épigraphiques de l'Éthiopie — V // AETH. T. 10.
- Scholz 1984: *Scholz P.* Auf den Spuren der äthiopischen Vergangenheit zwischen dem Niltal und Arabia Felix // AntW. Jg. 15/3.
- Schreiber 2007: *Schreiber J.* «Transformation processes in oasis settlements in Oman» 2005 archaeological survey of Nizwā: a preliminary report // PSAS. Vol. 37.
- Schreiber 2010: *Schreiber J.* The Iron I-period in South-Eastern Arabia — a view from Central Oman // EastArab.
- Schwarz 1975: *Schwarz F. F.* Arrian's *Indike* on India: Intention and Reality // EW. Vol. 25/1–2.
- Searight 2007: *Searight S.* Yemen: Land and People. Amman; London.
- Sedov 1992: *Sedov A. V.* New archaeological and epigraphical material from Qana (South Arabia) // ArabArchE. Vol. 3/2.
- Sedov 1996a: *Sedov A. V.* On the origine of the agricultural settlements in Hadramawt // Arabia Antiqua: Early Origins of South Arabian States. Proceedings of the First Conference on the Conservation and Exploration of the Archaeological Heritage of the Arabian Peninsula Held in the Palazzo Braccaccio, Rome, by IsMEO on 28th — 30 th May 1991. Rome.
- Sedov 1996b: *Sedov A. V.* Qana' (Yemen) and the Indian Ocean. The archaeological evidence // Tradition and Archaeology: Early Maritime Contacts in the Indian Ocean. Proceedings of the International Seminar Techno-Archaeological Perspectives of Seafaring in the Indian Ocean 4th cent. B.C. — 15th cent. A.D. New Delhi, February 28 — March 4, 1994. New Delhi.
- Sedov 1997a: *Sedov A.* Sea-trade of the Hadramawt kingdom from the 1st to the 6th centuries A.D. // PArab.
- Sedov 1997b: *Sedov A.* Qâni', un grand port entre l'Inde et la Méditerranée // YPRS.
- Sedov 1998: *Sedov A. V.* Der Hafen von Qâni' — das Tor zum Jemen in frühnachchristlicher Zeit // JKA.
- Sedov 2000: *Sedov A. V.* Temples of Raybun Oasis in Wadi Hadramawt, Yemen // Adumatu. No. 2.
- Sedov 2005: *Sedov A. V.* Temples of Ancient Hadramawt // ArabAnt. 3.
- Sedov, Bâtâyi 1994: *Sedov A. V., Bâtâyi A.* Temples of ancient Hadramawt // PSAS. Vol. 24.
- Seland 2005: *Seland E. H.* The *Periplus'* Report of a Roman Attack on Aden: An Unintended Result of Successful Propaganda? // SymbOsl. Vol. 80.
- Seland 2007: *Seland E. H.* Red Sea and Indian Ocean: Ports and their Hinterland // Natural Resources and Cultural Connections of the Red Sea. Oxford (BARIS. 1661).
- Seshadri 1966: *Seshadri M.* Roman Contacts with South India // Archaeology. Vol. 19/3.
- Sherif 1990: *Sherif N. M.* Nubia before Napata (— 3100 to — 750) // GHA-2.
- Shinnie 1960: *Shinnie P. L.* Socotra // Antiquity. Vol. 34 (No. 134).
- Shinnie 1967: *Shinnie P. L.* Meroe: A Civilization of the Sudan. New York; Washington.
- Shinnie 1996: *Shinnie P. L.* Ancient Nubia. London; New York.
- Shirley 1986: *Shirley K.* Emirates Archaeological Heritage. Dubai.
- Sprenger 1875: *Sprenger A.* Die Alte Geographie Arabiens. Bern.
- Stark 1978: *Stark F.* The Southern Gates of Arabia. A Journey in the Hadramaut. London.
- Strasser 1996: *Strasser Th. F.* The boat models from Eridu: sailing or spinning during the 'Ubaid period // Antiquity. Vol. 70 (No. 270).

- Tchernia 1995: *Tchernia A.* Rome and India: Archaeology alone? // AthAdAr.
- Thomas 1938: *Thomas B.* Arabia Felix: across the empty quarter of Arabia. Oxford.
- Thuesen 1989: *Thuesen I.* Diffusion of 'Ubaid Pottery into Western Syria // Upon this Foundation — the 'Ubaid reconsidered: Proceedings from the 'Ubaid Symposium, Elsinore May 30th — June 1st. Copenhagen.
- Tixier 1982: *Tixier J.* The French Archaeological Mission to Qatar // PSAS. Vol. 12.
- Tomber 2004: *Tomber R.* Rome and South Arabia: new artefactual evidence from the Red Sea // PSAS. Vol. 34.
- Tomber 2005: *Tomber R.* Troglodites and Trogodites: Exploring Interaction on the Red Sea during the Roman Period // People of the Red Sea: Proceedings of Red Sea Project II Held in the British Museum. Oxford (BARIS. 1395).
- Түрүк 1987: *Түрүк Л.* The Historical Background: Meroe, North and South // NCPP.
- Turner 1989: *Turner P. J.* Roman Coins from India. London.
- Uerman 2003: *Uerman M.* The Dark Millenium — Remarks on the Final Stone Age in the Emirates and Oman // AUAE.
- Uphill 1988: *Uphill E. P.* An ancient Egyptian maritime link with Arabia // PSAS. Vol. 18.
- Van Beek 1969: *Van Beek G. W.* Hajar Bin Humeid: Investigations at a Pre-Islamic Site in South Arabia. Baltimore.
- Velde 2003: *Velde C.* Wadi Suq and Late Bronze Age in the Oman Peninsula // AUAE.
- Villneuve et al. 2004: *Villneuve F., Phillips C., Facey W.* A Latin inscription from South Arabia // PSAS. Vol. 34.
- Vinogradov 2012: *Vinogradov Yu. A.* Excavations at Wadi Hajrya on Soqatra island (Yemen) // Anabasis. Vol. 3.
- Vogt 1997: *Vogt B.* Sabr — une ville de la fin du II-e millénaire dans l'arrière-pays d'Aden // YPRS.
- Vogt 1998a: *Vogt B.* Frühe Kulturen an der Küste des Roten Meers und des Golf von Aden // JKA.
- Vogt 1998b: *Vogt B.* State, Problems and Perspectives of Second Millenium B.C. Funerary Studies in the Emirate of Ras al-Khaimah (U. A. E) // Arabia and Its Neighbours: Essays on Prehistorical and Historical Developments presented in Honour of Beatrice de Cardi. Turnhout (Abiel. 2).
- Vogt 1999a: *Vogt B.* Frühe Kulturen an der Küste des Roten Meers und des Golf von Aden // LKS.
- Vogt 1999b: *Vogt B.* Im Reich der Düfte: Weihrauch und Weihrauchhandel in und um das Glückliche Arabien herum // LKS.
- Vogt, Sedov 1997: *Vogt B., Sedov A.* La culture de Sabr, sur la côte yéménite // YPRS.
- Vogt, Sedov 1998a: *Vogt B., Sedov A. V.* Die Sabir-Kultur und die jemenitische Küstenebene in der 2. Hälfte des 2. Jahrtausends v. Chr. // JKA.
- Vogt, Sedov 1998b: *Vogt B., Sedov A.* The Sabir Culture and coastal Yemen during the second millennium BC — the present state of discussion // PSAS. Vol. 28.
- Vogt, Sedov 1999: *Vogt B., Sedov A. V.* Die Sabir-Kultur und die jemenitische Küstenebene in der 2. Hälfte des 2. Jahrtausends v. Chr. // LKS.
- Vosmer 2003a: *Vosmer T.* The Naval Architecture of Early Bronze Age Reed-built Boates of the Arabian Sea // AUAE.
- Vosmer 2003b: *Vosmer T.* The Magan Boat Project: a process of discovery, a discovery of process // PSAS. Vol. 33.
- Weeks 2003: *Weeks L.* Prehistoric Metallurgy in the U. A. E.: Bronze Age — Iron Age Transition // AUAE.
- Weeks et al. 2002: *Weeks L., Morris M., McCall B., Al-Zubairy K.* A Recent Archaeological Survey on Soqatra, January 5th — February 2nd 2001 // ArabArchE. Vol. 13/1.
- Weisgerber 1978: *Weisgerber G.* Evidence of Ancient Mining Sites in Oman: a Preliminary Report // JOmSt. Vol. 4.
- Weisgerber 1982: *Weisgerber G.* Aspects of Late Iron Age archaeology in Oman: the Samad Civilization // PSAS. Vol. 12.

- Wheeler 1946a: *Wheeler R. E. M.* Arikamedu. An Indo-Roman trading-station on the east coast of India // *AncInd.* No. 2.
- Wheeler 1946b: *Wheeler R. E. M.* Harappā 1946: the Defence and Cemetery R 37 // *AncInd.* No. 3.
- Wheeler 1955: *Wheeler M.* Rome beyond the Imperial Frontiers. New York.
- Wheeler 1959a: *Wheeler M.* Impact and Imprint: Greeks and Romans beyond the Himalayas. Newcastle.
- Wheeler 1959b: *Wheeler M.* Early India and Pakistan to Ashoka. London.
- Wheeler 1966: *Wheeler M.* Civilizations of the Indus Valley and beyond. London.
- Whitcomb, Johnson 1980: *Whitcomb D. S., Johnson J. H.* Qosseir el-Qadim und der Rote Meer-Handel // *Altertum.* Bd. 26/2.
- Whitehouse 1971: *Whitehouse D.* Sīrāf: a Sasanian port // *Antiquity.* Vol. 45 (No. 180).
- Whitehouse 1979: *Whitehouse D.* 1979. Maritime Trade in the Arabic Sea: the 9th and 10th Centuries AD // *SAA-1977.* Vol. II. Naples.
- Whitehouse, Williamson 1973: *Whitehouse D., Williamson A.* Sasanian Maritime Trade // *Iran.* Vol. XI.
- Whitewright 2007: *Whitewright J.* How Fast is Fast? Technology, Trade and Speed under Sail in the Roman Red Sea // *Natural Resources and Cultural Connections of the Red Sea.* Oxford (BARIS. 1661).
- Wilson 1954: *Wilson A. T.* The Persian Gulf. London.
- Woodburn, Crawford 1994: *Woodburn M. A., Crawford H. E. W.* London-Bahrain Archaeological Expedition: 1991–2 excavations at Saar // *ArabArchE.* Vol. 5/2.
- Yasin al-Tikriti 1989a: *Yasin al-Tikriti W.* Umm an-Nar Culture in the Northern Emirates: third millennium BC tombs at Ajman // *ArchUAE.* Vol. V.
- Yasin al-Tikriti 1989b: *Yasin al-Tikriti W.* The Excavations at Badya, Fujairah: the 3rd and 2nd millennia B.C. culture // *ArchUAE.* Vol. V.
- Yasin al-Tikriti 2010: *Yasin al-Tikriti W.* Heading North: an ancient caravan route and the impact of the *falaj* system on the Iron Age culture // *EastArab.*
- Yule 1993: *Yule P.* Excavations at Samad al Shān, 1987–1991: a summary // *PSAS.* Vol. 23.
- Yule 2001: *Yule P.* Die Gräberfelder in Samad al Shān (Sultanat Oman): Materialien zu einer Kulturgeschichte. Rahden (Orient-Archäologie. Bd. 4).
- Yule, Kervran 1993: *Yule P., Kervran M.* More than Samad in Oman: Iron Age Pottery from Suhār and Khor Rorī // *ArabArchE.* Vol. 4/2.
- Zabrini 1997: *Zabrini A.* Notes sur l'Arabie dans les sources classiques // *PARab.*
- Zakri 1989: *Zakri S.* Oman et la mer: les plus anciens marins // *Archéologia.* N° 248.
- Zarins 1990: *Zarins J.* Obsidian and the Red Sea trade: Prehistoric Aspects // *SAA-1987.* Pt. 1. Rome.
- Zarins, Al-Badr 1986: *Zarins J., Al-Badr H.* Archaeological Investigation in the Southern Tihama Plain II // *Atlal.* Vol. 10.
- Zarins, Zahrani 1985: *Zarins J., Zahrani A.* Recent Archaeological Investigations in the Southern Tihama Plain // *Atlal.* Vol. 9.
- Zayed 1990: *Zayed A. H.* Egypt's relations with the rest of Africa // *GHA-2.*
- Ziadeh 1982: *Ziadeh N. A.* Medieval Gulf Trade and Travel // *Dilmun.* No. 10.
- Zibeliuss-Chen 1988: *Zibeliuss-Chen K.* Die ägyptische Expansion nach Nubiens: eine Darlegung der Grundfaktoren. Wiesbaden (Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients. Rh. B: Geisteswissenschaften. Nr. 78).



## КУЛЬТУРЫ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПРИМОРЬЯ В МЕНЯЮЩЕЙСЯ ПРИРОДНОЙ ОБСТАНОВКЕ

*Ю. Е. Вострецов (Владивосток)*

Первое тыс. до н. э. — время глубоких перемен во многих районах мира, один из поворотных моментов в культурной эволюции человека [Вострецов 2006]. Эти перемены во многом были связаны с глобальным похолоданием, получившим название «похолодание железного века», кульминация которого, как полагают исследователи Европы [Гриббин и др. 1980: 103], приходится на интервал 2900–2250 лет назад (далее — л. н.). В бассейне Японского моря природные изменения в целом совпадают с этим временем, сохраняя локальные проявления.

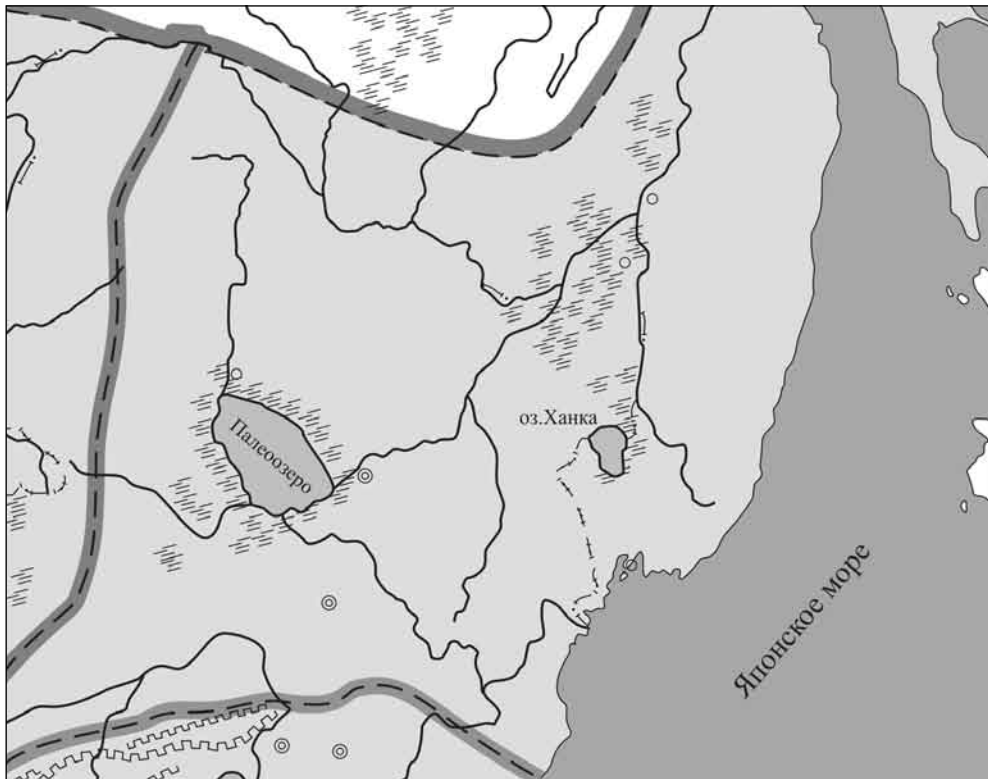
Около 2900 л. н. завершается продолжительная теплая климатическая фаза и начинается фаза направленного похолодания с увеличением влажности климата, которая оканчивается 2250 л. н. Что это означало для земледельческого населения в континентальных районах? Напомним, что грядковая система земледелия в Маньчжурии и Приморье являлась адаптацией к короткому вегетационному периоду в условиях риска засух в первую половину лета и переувлажнения, связанного с тайфунами, во вторую его половину. В отличие от теплых климатических фаз, которые характеризуются относительной стабильностью погоды, во время похолодания в континентальных районах происходили катастрофические для земледельцев Восточной Азии процессы. К ним относятся разбалансировка климата, выражающаяся в нестабильности и непредсказуемости погодных условий; усиление засух и экстремальные засухи в первую половину лета; увеличение катастрофических разливов рек и наводнений во вторую его половину в результате деятельности тайфунов; установление короткого и жаркого лета; наступление более суровых и бесснежных зим, в течение которых усиливается промерзание почвы; сокращение и без того довольно короткого в Маньчжурии, на Корейском полуострове и в Приморье вегетационного периода.

Однако наиболее ощутимые проблемы для земледельцев возникали не в связи с похолоданием, к которому можно было приспособиться, а по причине прогрессирующей непредсказуемости погодных изменений в периоды сева и сбора урожая, что приобретало особую важность на фоне все более сокращающегося вегетационного периода. Дореволюционные агрономы отмечают, что в условиях Маньчжурии задержка с посевом злаковых на неделю часто приводила к гибели всего урожая от спорыньи. Как показали последние исследования ледников, похолодания происходили быстро, в течение нескольких лет, и продолжались не менее 40 лет, т. е. на протяжении жизни более одного поколения [Гриббин и др. 1980: 111].

Кроме того, в этот период происходили долговременные и негативно нарастающие качественные и количественные изменения в почвенной компоненте агроклиматических ресурсов. С фазами похолоданий связано также увеличение площа-

дей внутренних водоемов (озера и болота) и, как следствие, заболачивание пойменного низовья впадающих в них рек. В интересующем нас районе природные изменения происходили следующим образом. На территории Южного и Западного Приморья в эту климатическую фазу резко возросла высота наводнений, что обусловило значительную заболоченность долин, особенно в устьях рек [Короткий 1982]. В западном Приморье этой фазе соответствует резкое расширение площади озера Ханка, которая в настоящее время составляет 4070 км<sup>2</sup> [Короткий и др. 1980]. В северной части Маньчжурской равнины в этот период расширяется палеозеро в районе слияния рек Сунгари и Нонни, превышавшее по площади в 3–4 раза озеро Ханка [Атлас... 1996]. Трансгрессия этого палеозера и наводнения привели к постепенному заболачиванию пойменных низовий рек, впадающих в него, в том числе современных рек Нонни, Верхней Сунгари в ее верхнем течении, а также ее притоков. Современная зона воздействия наводнений тянется от места слияния р. Сунгари и р. Нонни до г. Гирич [Мурзаев 1955: фиг. 16]. Вследствие природных изменений сузилась ресурсная база земледелия в Восточной Маньчжурии и Приморье, а также сократился высокоплодородный ареал земледелия на северо-востоке и востоке последнего из упомянутых здесь регионов (рис. 1, 2).

В то же время для населения морских побережий похолодание климата было сопряжено с падением уровня моря, выпрямлением береговой линии, заполнением наносами лагун и их исчезновением, усилением штормовой и сулойной ситуаций,



**Рис. 1.** Географическая карта Северо-Восточного Китая и Приморья во II в. до н. э.  
[по: Атлас ... 1996]

трансформацией и обеднением структуры подводных ландшафтов. Все это приводило к понижению продуктивности и разнообразия морских ресурсов, а также к изменению привычной ресурсной базы приморского населения.

## СОБЫТИЯ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ ПОЯВЛЕНИЮ КУЛЬТУР РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Бассейн верхнего течения р. Сунгари в бронзовом веке был заселен носителями культуры ситуаньшань (3000–2300 л. н.), которые занимались грядковым земледелием, свиноводством, рыболовством и охотой (рис. 2). Летописные сведения связывают эти племена с народом Вэй. В среднем течении р. Туманган и к северу от нее распространены памятники культуры лютиндун [Чжао Биньфу 2009: 257–262], оставленные населением, родственным племенам культуры ситуаньшань. Носители обеих культур занимали районы с наиболее высокими агроклиматическими ресурсами и оказали заметное влияние на земледельческое население Приморья.

На рассматриваемой территории фиксируются несколько волн археологически различных групп населения, которые образуют «новые» археологические культуры палеометалла (рис. 3). Так, в интервале 3600–3300 л. н. на восточном и северо-восточном побережье Приморья появляется население, которое формирует пхусунскую группу памятников, ранее считавшуюся маргаритовской культурой (поселения Глазковка-2, Монастырка-3, Преображение-1, Заря-1, Ольга-10 (рис. 3). Некоторые авторы считают ее самой ранней из четырех групп лидовской культуры, которая существовала в интервале 3000–1600 л. н. и представлена тетюхинской,

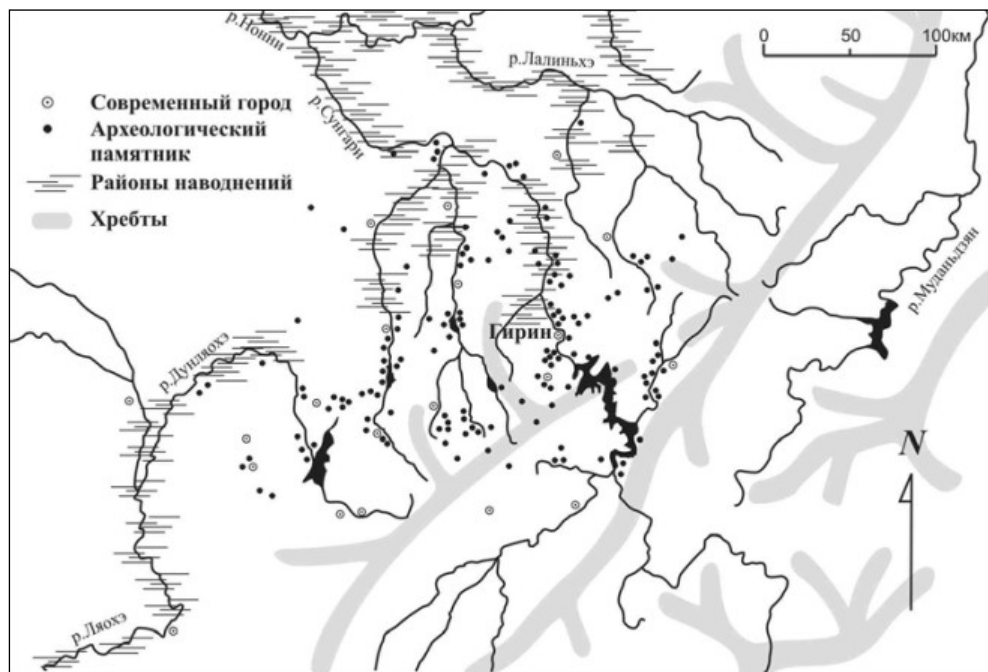


Рис. 2. Карта распространения памятников культуры ситуаньшань  
[по: Byington 2003: fig. 3.3]



**Рис. 3.** Расположение памятников эпохи неолита — бронзового века в Приморье [по: Яншина 2001: 22]

ахобинской и куналейской группами памятников [Сидоренко 2007]. Хотя они известны в континентальных районах, но их большая часть сосредоточена на южном и восточном побережьях Приморья. В интервале 3000–2800 л. н. в континентальных районах Южного Приморья распространяется синегайская археологическая культура палеометалла. Судя по имеющимся датам, позднее «население эпохи бронзы» какое-то время сосуществует и смешивается с «населением железного века», сохраняясь в укромных местах, таких как побережье Восточного Приморья, которое является сравнительно изолированной областью с ландшафтно-климатическим и ресурсным своеобразием, где ресурсы присваивающих форм доминировали над ресурсами производящих. Таким образом, проявляется переходный период между эпохой бронзы и началом раннего железного века.

Недавние исследования керамических традиций позволили выделить в бронзовом веке, кроме пхусунской (маргаритовской), еще четыре культурные группы памятников: суворовскую, анучинско-синегайскую, лидовско-типевайскую и памятники типа Чернятино-2 (нижний слой) [Яншина 2001] (рис. 3). Последние разработки показывают еще большую культурную пестроту [Яншина и др. 2005]. В этом пока еще не вполне отчетливом культурном разнообразии четко выделяются группы населения, обитавшие на побережье и в континентальной зоне, вероятно, с различными адаптациями. В начале эпохи железа ситуация остается сходной. На побережье, примерно с VIII в. до н. э., мы констатируем существование четко идентифицируемой

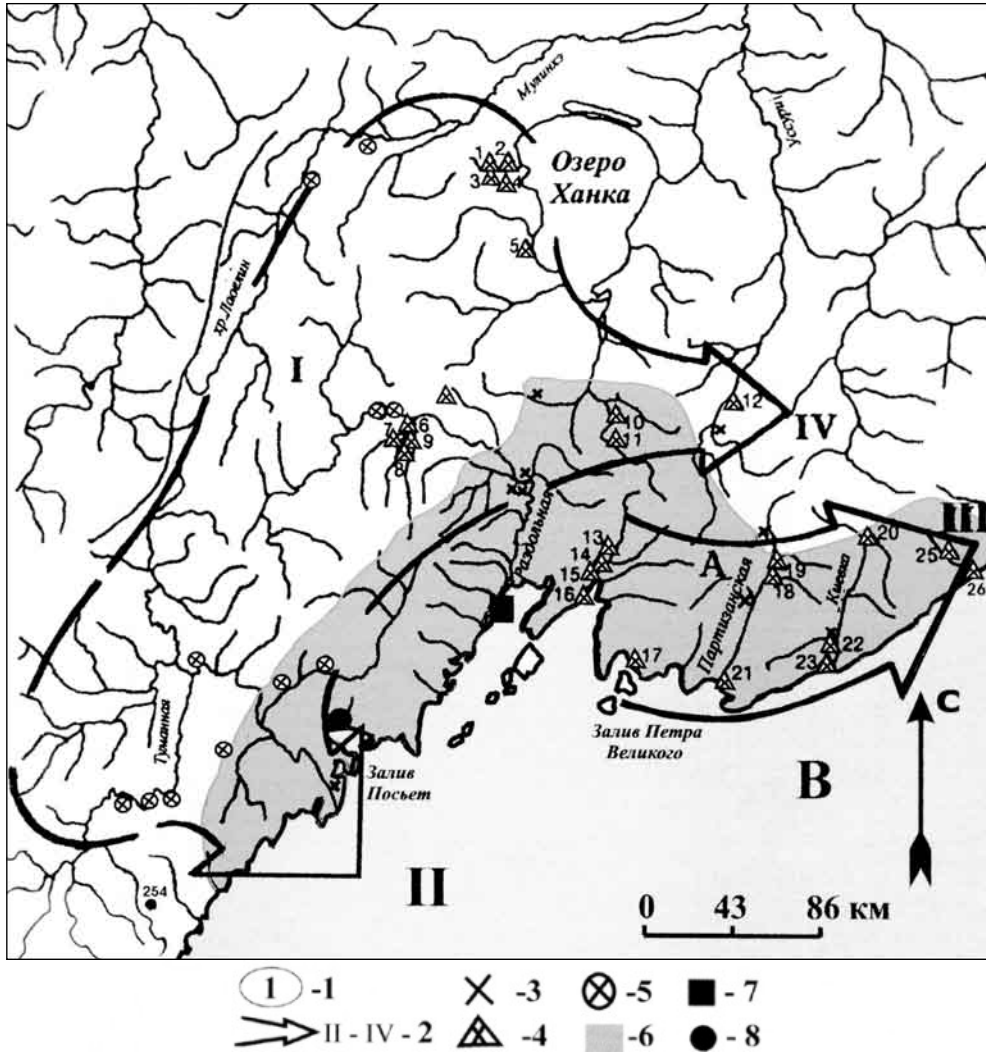
янковской культуры в виде нескольких локально-хронологических вариантов, а в континентальных районах наблюдается большее культурное разнообразие, которое пока не удастся надежно конкретизировать, поскольку пока выявлены отдельные отложения на памятниках, а не ясно очерченные культурные ареалы. Не вдаваясь в детализацию отличий материальной культуры прибрежных памятников янковской культуры от континентальных, отметим, что вся специфика последних находит аналогии в памятниках урильской культуры железного века Приамурья [Яншина и др. 2005: 210–215], которая, по мнению некоторых исследователей, составляла с янковской культурой единую урило-янковскую культуру [Деревянко 1973]. Другие авторы на основе сравнительного анализа всех категорий источников ограничиваются выводом только об общей стадильной близости этих культур [Андреева и др. 1986]. По-видимому, это своеобразие и культурная мозаичность континентальных памятников указывают на инфильтрацию различных групп населения железного века Приамурья в континентальные районы Приморья в конце теплой климатической фазы и в начале направленного похолодания климата.

### КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО И ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИМОРЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ — ЯНКОВСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Материальные остатки янковской культуры, которая до 1972 года называлась южно-приморской или сидиминской, демонстрируют как отличие, так и заметную культурную однородность по сравнению с континентальными памятниками раннего железного века Приморья (рис. 4). В зонах на побережье Японского моря в этот период (финальный неолит в Японии) достигают кульминационного момента технологии, ориентированные на эксплуатацию морских ресурсов в разнообразных экосистемах. Сходство моделей адаптации, основанных на эксплуатации морских ресурсов, в культурах финального неолита (дзёмон) Японии [Nabu 2004] и янковской культуры, так же как и одновременность их существования, обусловлено, по нашему мнению, синхронностью природных изменений в регионе.

Ареал янковской культуры охватывает самую северную часть провинции Северная Хамгён (север КНДР), побережье залива Петра Великого и Восточное Приморье (рис. 4), где известно более 150 памятников этой культуры, причем половина из них содержит раковинные кучи.

Согласно китайским летописным данным, янковскую культуру можно соотнести с племенами Восточные Вэй (E). Ее хронология разработана слабо. Большинство авторов на основании типологических аналогий относят время существования данной культуры к VIII–III вв. до н. э. [Андреева и др. 1986]. Имеющиеся некалиброванные радиоуглеродные даты указывают на интервал от VIII в. до н. э. до рубежа эр. Палинологические данные свидетельствуют о том, что на юго-западном побережье зал. Петра Великого (Хасанский район) носители янковской культуры обитали и после рубежа 2200 л. н., когда большая часть ареала рассматриваемой культуры была уже занята племенами кроуновской культуры [Верховская и др. 1993]. Кроме того, выделены и самые поздние малоисследованные памятники янковской культуры, которые существовали в начале нашей эры на Восточном побережье Приморья, где в это время уже обитало население кроуновской культуры [Cassigy et al. 2003; Сидоренко 2007]. Система расселения, планировка поселений, использование престижных изделий и вооружения свидетельствуют

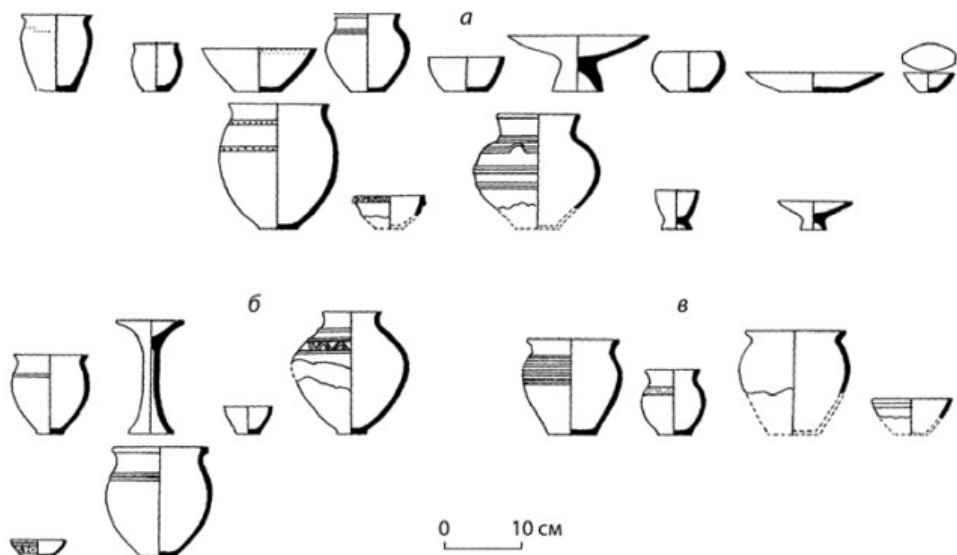


**Рис. 4.** Карта, иллюстрирующая распространение кроуновской культуры:

*I* — нуклеарный район; 2 — направление миграции; 3 — поселения кроуновской культуры на территории российского Приморья; 4 — поселения кроуновской культуры на территории российского Приморья, где производились раскопки и оценка окружающего района; 5 — поселения культуры туаньцзе; 6 — ареал янковской культуры; 7 — памятник Песчаный-1; 8 — памятник Зайсановка-2

о наличии у янковских племен на побережье залива Петра Великого заметной социальной стратификации.

Исходя из анализа керамики, было выделено два этапа существования памятников янковской культуры — ранний и поздний. Для них, весьма условно, характерны три локальных варианта (рис. 5, 6): юго-западный прибрежный (Зайсановка-2, Клерк-5, Славянка-1,2, Песчаный-1, Чапаево-1), юго-восточный прибрежный (Киевка, Киевка-3, Валентин, Заря) и поздний — «континентальный» (Барабаш-3, Малая Подушечка) [Жущиховская 2004], «континентальность» которого, весьма



**Рис. 5.** Керамика памятников локальных вариантов янковской культуры:  
*a* — юго-западный прибрежный вариант; *б* — «континентальный» вариант; *в* — юго-восточный прибрежный вариант [по: Жушиховская 2004]

относительна, так как основной памятник Малая Подушечка находится менее чем в 20 км от побережья в субконтинентальной зоне, в удобной для занятий земледелием долине. С другой стороны, если периодизацию увязывать с изменениями в системах жизнеобеспечения, тогда она выглядит намного сложнее только для «раннего этапа». Так, стратиграфия относящегося к «раннему» этапу памятника Песчаный-1 демонстрирует, что его заселяли многократно. Сначала функционировали жилища, обитатели которых не собирали устриц, затем — жилища, обитатели которых собирали их активно (около 2450–2400 л. н.), потом — жилища, когда сбор устриц был прекращен (рис. 7, 8). Такая история заселения памятника Песчаный-1 согласуется с наблюдениями по другим поселениям янковской культуры.

Например, на памятнике Зайсановка-2, расположенном в устье р. Гладкой в раковинной куче толщиной 3,2 м прослежено 25 последовательных слоев раковин моллюсков (горизонты обживания населения), причем 19 слой датирован  $2480 \pm 50$  л. н. (Beta-124173) и примерно синхронен раковинным отложениям поселения Песчаный-1 [Вострецов и др. 2000] (рис. 9). Более того, железные орудия появляются только в слоях с раковинными отложениями, ранее встречаются каменные реплики бронзовых орудий. Именно это наблюдение позволяет предполагать, что во время существования янковской культуры произошел переход к использованию железных орудий. Эта гипотеза согласуется с данными по Маньчжурии.

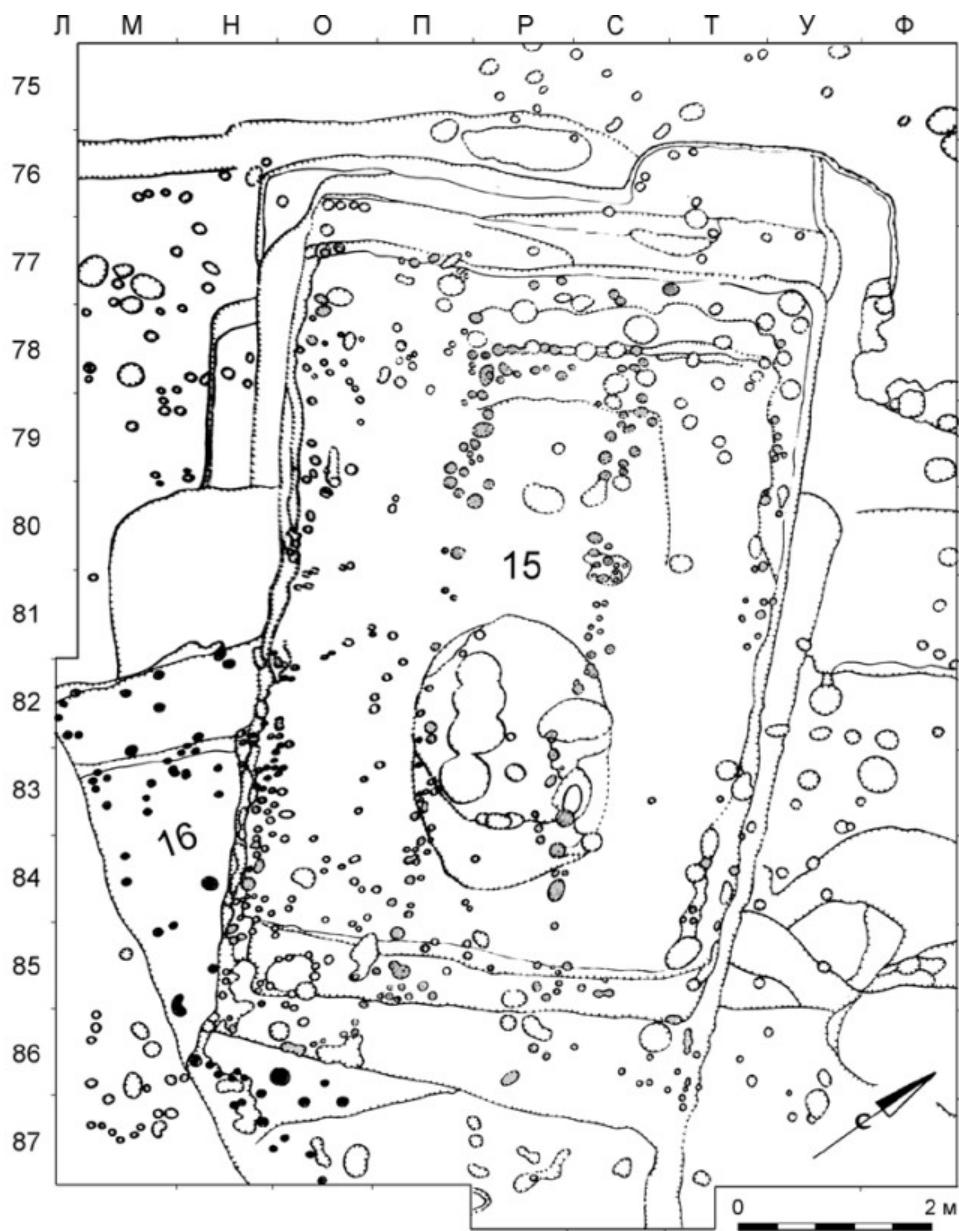
Памятники юго-западного варианта локализуются на участках побережья с максимальной продуктивностью и устойчивостью морских и наземных ресурсов. Здесь наблюдается максимальная плотность и численность населения, иерархия поселений, максимальное богатство и разнообразие материальной культуры (рис. 10, 11). Так, набор типов глиняной посуды здесь составляет 80 % от керамического комплекса янковской культуры (рис. 5, 6), а разнообразие его орнаментальных мотивов и композиций достигает максимума [Жушиховская 2004: 185–187].

Орнаментальный мотив	Локальные варианты					
	1		2		3	
—						
∩						
III						
∩∩∩						

Рис. 6. Орнаментация керамики локальных вариантов янковской культуры:

1 — юго-западный прибрежный вариант; 2 — «континентальный вариант»; 3 — юго-восточный прибрежный вариант [по: Жущиховская 2004]





Условные обозначения: ● - ямки опорных конструкций жилища 15, ● - ямки, относящиеся к жилищу 16

**Рис. 7.** Поселение Песчаный-1, раскоп 1987–1990 гг. План котлованов жилищ № 15, 16

Памятники юго-восточного варианта располагаются в районах с более низкой продуктивностью и устойчивостью морских и наземных ресурсов. Здесь уменьшается плотность памятников, площадь поселений и жилищ, а также разнообразие материальной культуры. Набор типов глиняной посуды на таких памятниках как Киевка и Киевка-3 составляет 35–40 % от керамического комплекса янковской культуры [Жушиховская 2004: 190] (рис. 5; 6).

Поселения континентального варианта Южного Приморья демонстрируют ориентацию на агроклиматические ресурсы при сохранении присваивающих форм хозяйства. Набор типов глиняной посуды здесь составляет 60 % от керамического комплекса, характерного для янковской культуры [Жушиховская 2004: 189], (рис. 5, 6).

Самые поздние памятники янковской культуры на восточном и северо-восточном побережье, которые можно выделить в куналейскую группу, существовали в первых веках н. э. в условиях еще более бедной ресурсной базы. Материальная культура некоторых из этих памятников обнаруживает черты слияния с предшествующей лидовской культурой [Сидоренко 2007: 157] (рис. 12),

Для раннего этапа системы жизнеобеспечения различных групп населения янковской культуры были реконструированы авторами коллективной монографии [Андреева и др. 1986] на основании различных источников. Эти реконструкции во многом подтвердились. Они были детализированы последующими исследованиями и в целом сохраняют свое значение до сих пор [Беседнов и др. 1997; Вострецов и др. 2000; Елифанова и др. 2003; Раков и др. 2007]. В настоящее время можно выделить три основные модели жизнеобеспечения племен янковской культуры. Характеристика этих моделей дана на основании изучения трех поселений с различной ландшафтной структурой окружающих районов.

Первая модель представлена материалами поселения Зайсановка-2, расположенного в эстуарии р. Гладкой. Здесь доминировало рыболовство и охота на промысловых, в основном наземных млекопитающих (благородный олень и косуля). Следов земледелия не обнаружено, разведение собак и свиней невыразительно. СобираТЕЛЬСТВО морских моллюсков (в основном устрицы) широко практиковалось в периоды спада рыболовства. Население вылавливало 34 вида рыб [Вострецов и др. 2000], изготавливало орудия и утварь из камня и кости (рис. 10).

Вторая модель выявлена на крупном поселении Песчаный-1, находящемся на одноименном полуострове, где население культивировало просяные культуры, активно разводило свиней и собак, вылавливало 49 видов морских рыб, собирало моллюсков (в основном устриц), добывало наземных и морских млекопитающих [Гасилин и др. 2011]. Разнообразие материальной культуры на этом поселении достигает своего пика, часто встречаются изделия из железа (рис. 11).

Третья модель известна на поселении Малая Подушечка в субконтинентальной зоне Южного Приморья, где население обитало в небольших жилищах, в основном занималось культивацией ячменя. Земледельческие орудия составляют 69,9 % от всех орудий, связанных с добычей пищи. Люди разводили здесь свиней, собак, крупный рогатый скот. Кроме того, они занимались охотой, рыболовством, выходили за моллюсками к морю. Это поселение было локальным центром гончарного производства [Андреева и др. 1986]. Тут же обнаружены следы металлургической деятельности. Анализ микропримесей кельтов и долот из поселения Малая Подушечка показал, что они были выплавлены из сырья, добытого в Южном Приморье. Кроме того, металлургическая мастерская раскопана на другом субконтинентальном поселении Барабаш-3 [Клюев и др. 2010].

Плотность и численность населения янковской культуры достигает своего пика в западных районах ее ареала. В то же время на фоне сужения ресурсной базы в результате похолодания климата, сопряженного с падением уровня моря, население вынуждено было прибегать к альтернативным ресурсам, о чем свидетельствует интенсификация собирательства моллюсков и расширение технологии

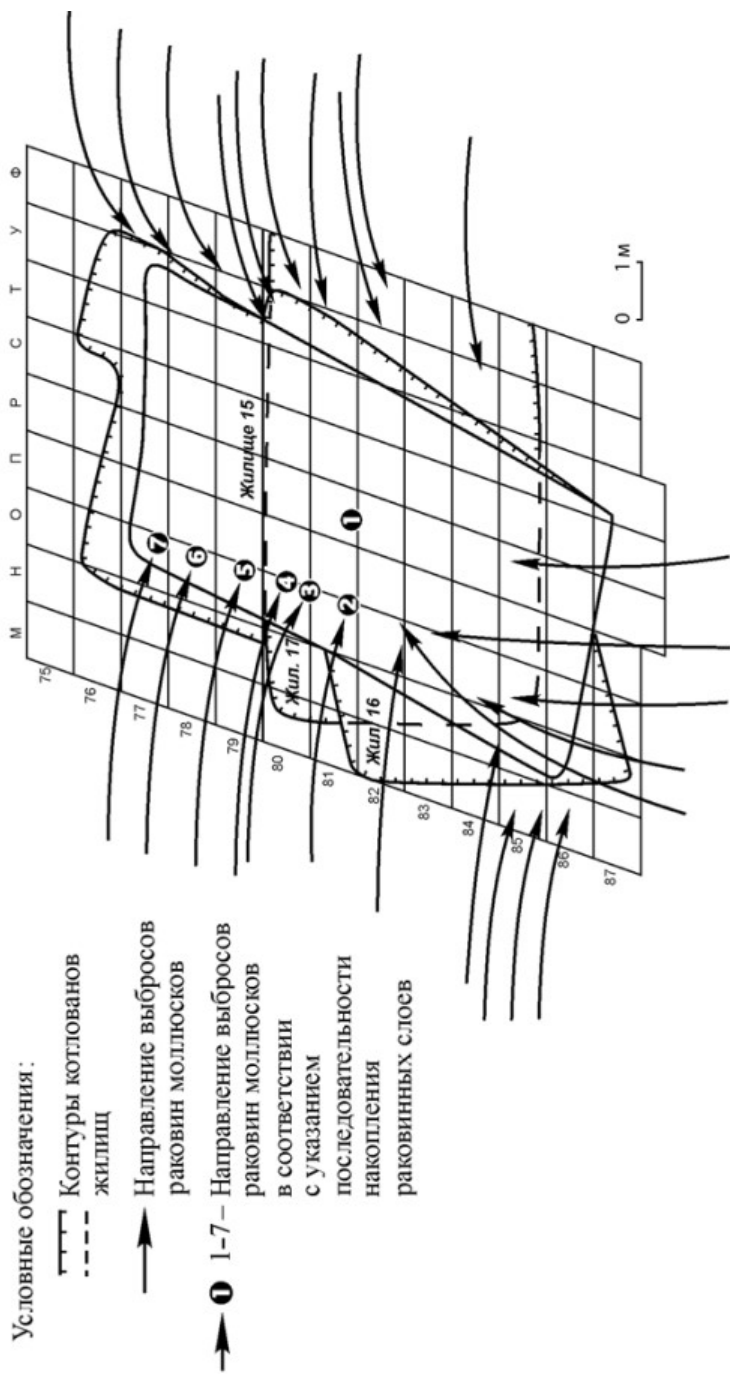
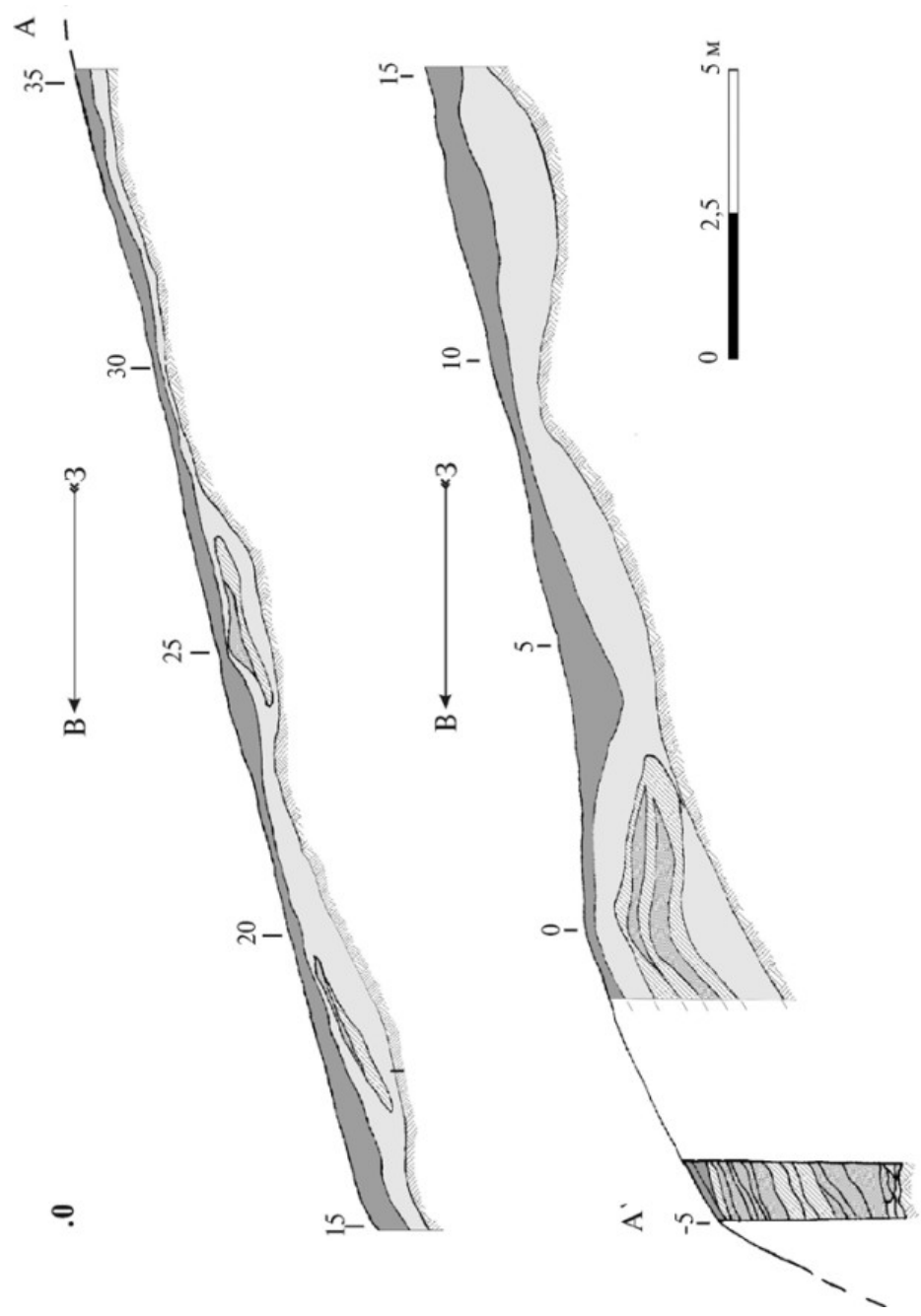
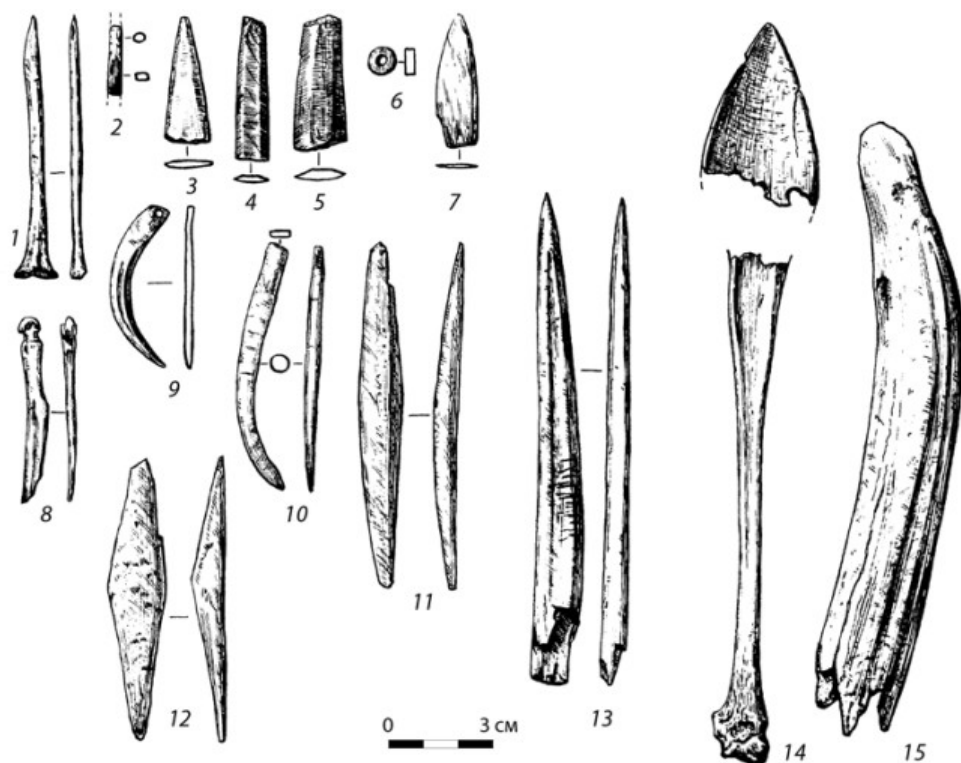


Рис. 8. Поселение Песчаный-1. Раскоп 1987–1990 гг. Схема формирования раковинных отложений в котлованах жилищ № 15, 16



**Рис. 9.** Поселение Зайсановка-2. Стратиграфический разрез по линии А-А'



**Рис. 10.** Поселение Зайсановка-2. Шурф 1998 г. Изделия из кости:

1 — проколка; 2 — насад стрелы или остря; 3–5, 7 — фрагменты наконечников стрел; 6 — бусина; 8, 9 — лобовые части составных крючков; 11, 12 — наконечники поворотных гарпунов; 13 — остря; 14 — «ложка-дуршлаг»; 15 — «фаллос»

рыболовства — появляются большие грузила для ставных сетей. Кроме того, у племен янковской культуры усиливалась конкуренция за ресурсы — выбор места для базового поселения определялся не его близостью к ресурсам, как ранее, а возможностью хорошего обзора с него зоны хозяйственного пользования.

## КРОУНОВСКАЯ КУЛЬТУРА В ПРИМОРЬЕ

После VI в. до н. э. наступила климатическая фаза, характеризовавшаяся дальнейшим похолоданием и некоторым иссушением. К ней приурочено снижение уровня моря и частичное осушение прибрежных равнин [Короткий 1994; Короткий и др. 1998]. Таким образом, описанные негативные для земледельцев природные изменения продолжали активно нарастать вплоть до середины III в. до н. э. В этом интервале происходили следующие события. Около III в. до н. э., как показывают археологические данные, для культуры ситуаньшань выявлен широкий спектр быстрых социальных изменений, прослеживаемых в погребальной практике, технологии и формах керамики, в появлении укрепленных поселений, интенсификации земледелия, увеличении населения в нуклеарном районе, нововведении ключевых ресурсов, таких как железо и лошадь [Byington 2003: 145]. Увеличение плотности населения и сокращение площади пахотных земель вели к выдавливанию избыточного



**Рис. 11.** Поселение Песчаный-1, 1987–1990 гг. Образцы орнаментированных венчиков глиняной посуды (слева), образцы геометрического декора керамических сосудов (справа вверху), чугунный кельт (справа внизу)

населения в восточном направлении, что способствовало образованию новых культурных групп, таких как гунтулин, дункан, дунсин, кроуновская-туаньцзе (рис. 3).

Так, в III веке до н. э. в восточной части провинции Цилинь и западной части континентального Российского Приморья появляется население, оставившее культуру туаньцзе-кроуновская (III вв. до н. э. по II–III вв. н. э.). Ее истоки, вероятно, прослеживаются на позднем этапе культуры лютиндун, которая занимала примерно ареал туманганской группы памятников культуры кроуновская-туаньцзе. Кроуновская культура в целом представлена пятью группами памятников — приханкайской (западное обрамление оз. Ханка), кроуновской (среднее течение р. Раздольная–Суйфун), анучинской (верховья р. Уссури), туманганской (среднее течение р. Туманган в КНР), а также прибрежными и субконтинентальными памятниками Юго-Восточного Приморья (рис. 3). Историческая традиция связывает эту культуру с известными по китайским летописям племенами воцзюй, родственными населению государств Фуюй (Пуё) и Когурё и ведущими свое происхождение от народа Вэй. Судя по летописным и археологическим данным, это были развитые земледельческие сообщества без заметной социальной стратификации. Для культивации просяных и бобовых культур, ячменя и пшеницы практиковалась грядковая система земледелия. Остатки поля обнаружены на поселении Кроуновка-1 в 2003 г. [Krounovka 1 site ... 2003].

У носителей кроуновской культуры существовало два типа жилищ каркасно-столбовой конструкции. Глинобитные крупные жилища с вертикальными стенами прослежены только в кроуновской группе памятников (рис. 13). Жилища меньшего размера в виде четырехугольной пирамиды, типа нивхского «торыфа»,

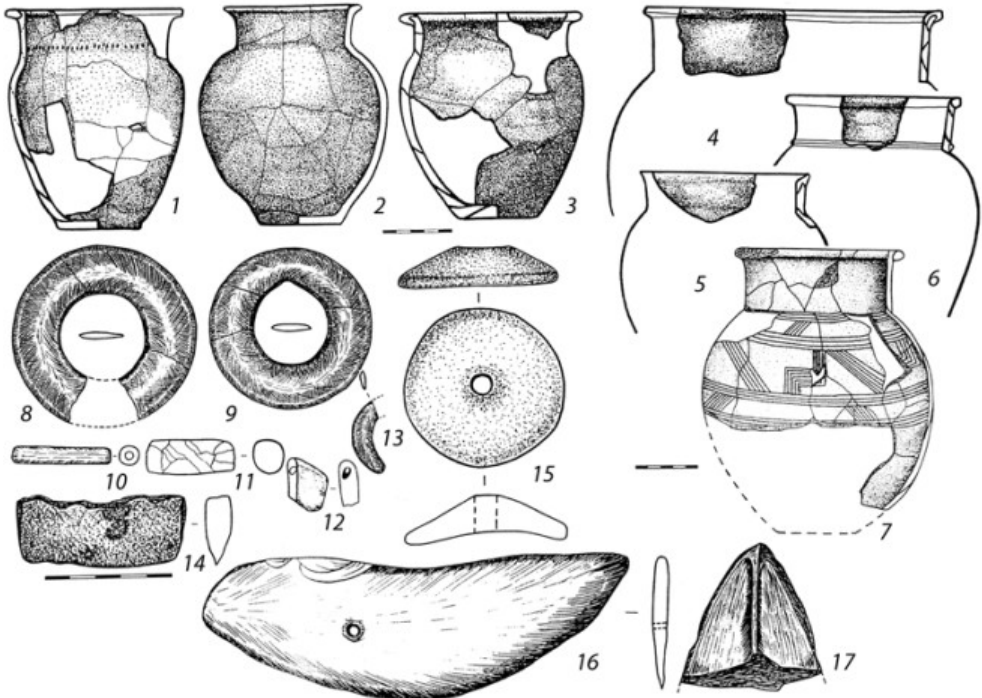


Рис. 12. Находки, обнаруженные на памятниках куналейской группы [по: Сидоренко 2007]

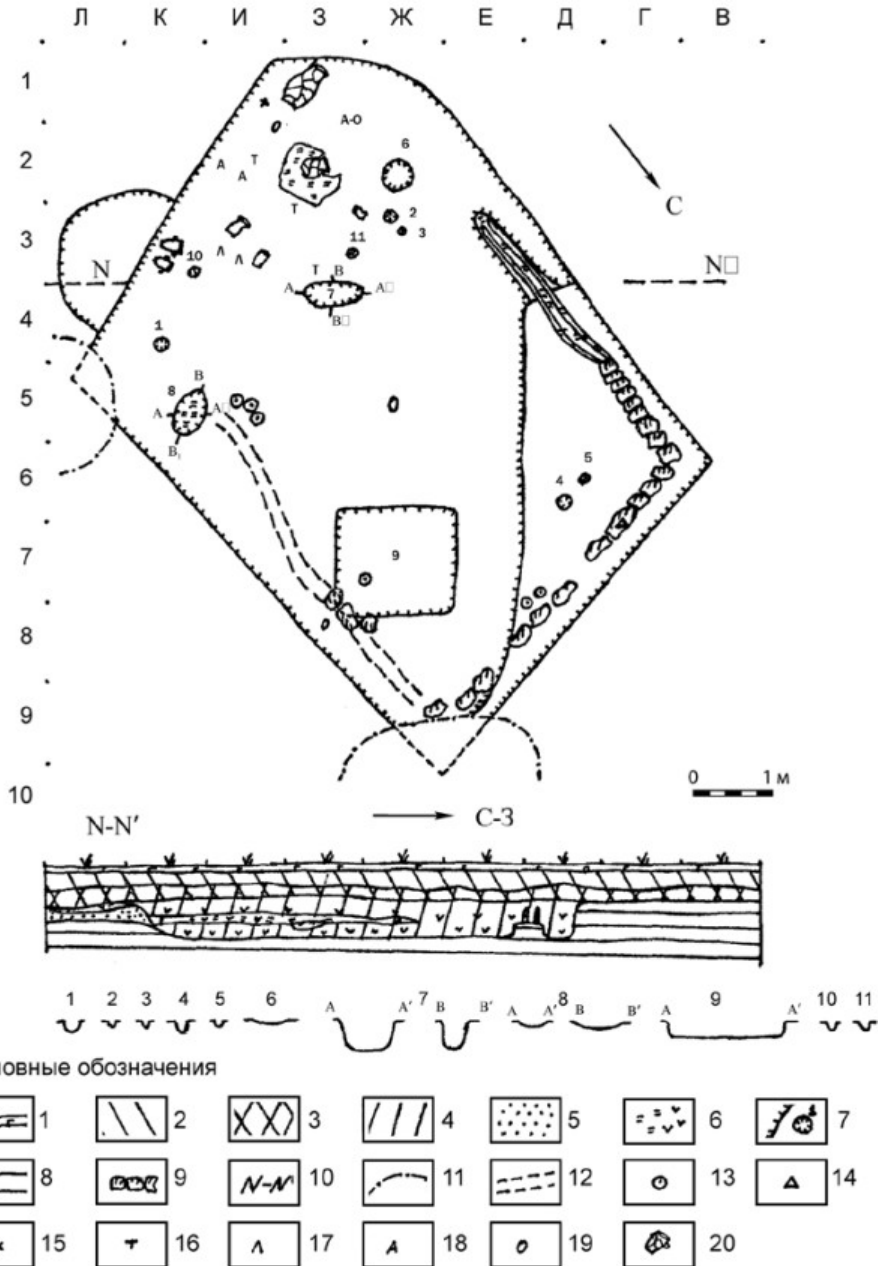


Рис. 13. Поселение Корсаковское-2. П-образный кан.

План распространения археологического материала в жилище № 1

1 — дерн; 2 — темная гумусированная супесь; 3 — темная супесь с коричневатыми включениями; 4 — заполнение жилища: темно-гумусированная супесь; 5 — желтый песок; 6 — уголь; обмазка; 7 — углубление; яма; 8 — лёссовидный суглинок; 9 — верхнее перекрытие кана; 10 — линия разреза; 11 — границы нарушений в слое; 12 — следы канала кана; 13 — прясло; 14 — наконечник дротика; 15 — керамическая плитка; 16 — тёрочник; 17 — ложило по керамике; 18 — абразив; 19 — отбойник; 20 — развал сосуда



бытовали во всех группах памятников (рис. 14). В жилищах выявлены три типа отопительных систем: кан с одним, двумя или тремя каналами (рис. 13, 14); открытый очаг; глиняная печь полусферической формы (типа корейской печи бутумак). Все эти отопительные системы сосуществовали в кроуновской группе памятников.

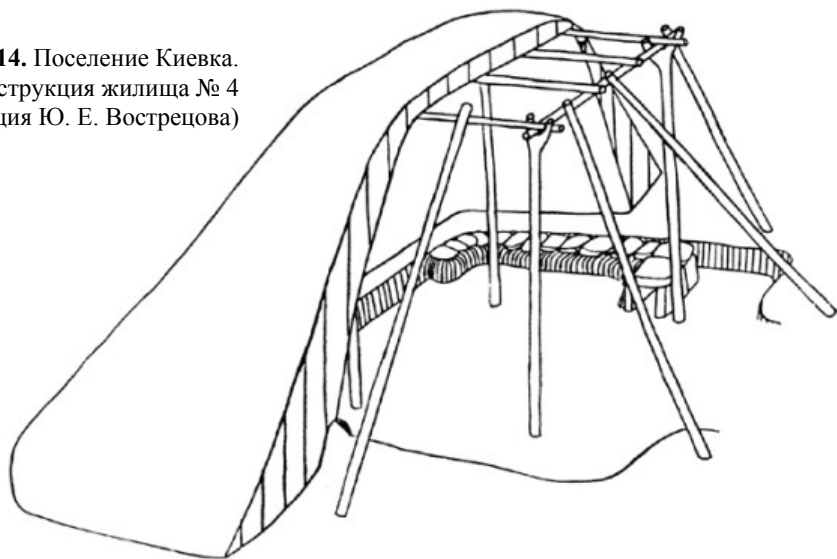
Расселение происходило разнонаправленными волнами, о чем свидетельствует, по нашему мнению, формирование на территории континентального Приморья в рамках культуры кроуновская-туаньцзе двух групп памятников, различающихся чертами материальной культуры, системами жизнеобеспечения и расселения, демографическими параметрами и, возможно, датировкой (рис. 3). Волна расселения, сформировавшая приханкайскую группу (район оз. Ханка), вероятно, была отдельной от кроуновской и менее мощной. В ее керамике прослеживается культурное влияние континентальных групп «коренного» населения янковского времени.

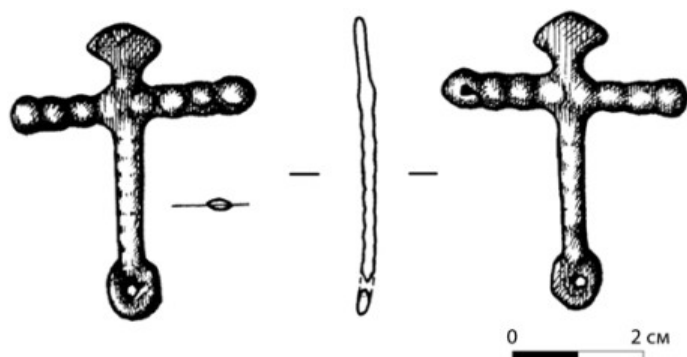
Кроуновская группа памятников (долина р. Раздольной-Суйфун) была более многочисленной, с более устойчивой культурной традицией, и потому, не оставившей в своей материальной культуре следов ассимиляции местного населения. Люди, оставившие поселения этой группы, были и более успешными, заселив экономический район с лучшими агроклиматическими ресурсами. Для этой группы памятников наблюдается наибольшее разнообразие материальной культуры, наиболее крупные поселения с линейной планировкой, крупные жилища, рассчитанные на несколько малых семей, большее количество железных изделий и различные украшения, в том числе и привозные бронзовые изделия (рис. 15).

Значительную близость кроуновской группе памятников демонстрируют поселения туманганской группы (долина р. Туманган). Речь идет о таких памятниках как Одон, Синьянлюй, Хуньчунь, Утун, Хугутун, Инсунтин. Их материальная культура демонстрирует максимальное разнообразие.

В результате, примерно за два-три столетия до н. э. сложилась ситуация, когда на побережье Приморья еще существовало население янковской культуры, аналогичное по моделям адаптации обитателям Японии в пору финального неолита, в цент-

**Рис. 14.** Поселение Киевка.  
Реконструкция жилища № 4  
(реконструкция Ю. Е. Вострецова)





**Рис. 15.** Кроуновская культура. Поселение Кроуновка-1. Бронзовая подвеска (пол жилища № 11)

ральных районах континентального Приморья — население, оставившие континентальные памятники, родственные янковской и урильской культурам, а в западные районы континентального Приморья продвинулись две группы носителей культуры кроуновская-туаньцзе. Таким образом, три культурные группы обитателей с разными моделями адаптации сосуществовали в течении нескольких столетий (рис. 4).

### КУЛЬТУРНЫЕ СОБЫТИЯ НА ФАЗЕ РЕЗКОГО ПОХОЛОДАНИЯ КЛИМАТА

В следующую климатическую фазу, которая началась во второй половине III в. до н. э., происходило резкое похолодание, сопряженное с соответствующим снижением уровня Японского моря до 0,8–1,5 м ниже современного, а также частичное осушение прибрежных равнин и выравнивание береговой линии. В прибрежной зоне предполагается усиление туманов весной и в первой половине лета, которое вызывалось смещением холодного (Приморского) течения к юго-западу. Пик падения уровня моря продолжался примерно до I в. до н. э., сопровождаясь соответствующими ландшафтными изменениями в прибрежной зоне Японского моря. Специфика этого временного интервала заключается в катастрофических для человека изменениях природы при сохранении тех же тенденций, но происходивших в короткие отрезки времени. Значительные и быстрые изменения, разрушающие привычную ресурсную базу морских экономик, заставляли население незамедлительно искать новые адаптивные решения по оптимизации систем жизнеобеспечения. Судя по имеющимся археологическим данным, прибрежные группы населения как на севере (янковская культура), так и на юге бассейна Японского моря (финальный неолит Западной Японии) не смогли оптимально адаптироваться к таким ландшафтно-климатическим изменениям. Это проявилось в резком спаде численности, плотности и минимизации ареала янковской культуры в Приморье. Для континентальных жителей природные изменения повлекли за собой усиление засух, увеличение катастрофических разливов рек, заболачивание речных долин и сокращение вегетационного периода. Такие природные процессы «выдавливали» часть избыточного населения в прибрежные районы, где не было разливов рек, риск засух был значительно меньше, где существовали альтернативные ресурсы моря и впадающих в них рек.

Расселение из нуклеарных районов проходило в пяти направлениях, из которых исследованы три. Первое простиралось на юг, в устьевую зону р. Туманган, остальные — на восток и юго-восток. Социально-экономические последствия этих событий проявились и в изменении соотношения ресурсов в пределах районов, окружающих поселки в ходе миграции. В нуклеарном районе доминировали ресурсы земледелия. Население культивировало пшеницу и просяные культуры. В процессе миграции на восток и юго-восток изменялся баланс ресурсов в пользу собирательства, охоты и рыболовства. Эта стрессовая ситуация заставляла мигрантов принимать новые адаптивные решения.

Часть населения оседала в субконтинентальных районах средних течений рек, в закрытых долинах. Возникали небольшие поселения (до 2000 м<sup>2</sup>), такие как Киевка (рис. 4, 14), обитатели которых продолжали заниматься земледелием, но стали культивировать в основном просяные культуры, заметно увеличилась доля и разнообразие собирательства и рыболовства.

Другая часть населения занимала в основном эстуарные районы в прибрежной зоне (рис. 4). Здесь возникали отдельные небольшие поселения (до 3000 м<sup>2</sup>). Обитатели, вероятно, продолжали заниматься земледелием, роль которого в системе жизнеобеспечения оценить пока сложно. По орудийному комплексу можно констатировать возрастание роли речного и появление морского рыболовства.

Третье направление миграции носителей кроуновской культуры было восточным, в районы, близкие по структуре ландшафтов и ресурсам к нуклеарной области расселения (рис. 4; поселение Анучино-1). В этом варианте система жизнеобеспечения и система поселений по сравнению с нуклеарной зоной менялась незначительно.

В ходе миграции на восток и юго-восток структура поселений изменялась. Они становились небольшими по площади и не образовывали скоплений, предполагаемая численность населения в каждом поселке уменьшалась. Жилища имели небольшую площадь, рассчитанную на малую семью. Упростилась архитектура жилищ и кановой отопительной системы. Материальная культура не отличается разнообразием: уменьшалось количество украшений и железных вещей; упрощались орудия, формы керамических сосудов и технология их изготовления. Другой фактор изменения материальной культуры связан с ассимиляцией населения с янкоидными традициями. Наиболее выразительные янкоидные признаки пролеживают в континентальных районах (анучинская группа памятников), потому что на континентальное население, близкое носителям янковской культуры, похолодание не оказало столь катастрофического воздействия и не привело к значительной депопуляции, как на побережье, где признаки ассимиляции были не выразительны. Стратиграфические наблюдения показывают, что кроуновские племена занимали места, давно заброшенные носителями янковской культуры.

В целом миграция кроуновских племен на территории Приморья связана с ассимиляцией последних носителей янковской культуры, изменением систем жизнеобеспечения и системы расселения, упадком материальной культуры и уменьшением плотности населения на освоенных землях.

Отдельным и, вероятно, поздним направлением расселения племен кроуновцев-туаньцзе были центральные районы Корейского полуострова, где они в начале н. э. сформировали культуру чундо [Субботина 2008]. Причины этой миграции не изучены. В качестве рабочей гипотезы можно предложить экспансию с севера культуры илоу-польце, и также экспансию с запада населения, оставившего памятники типа Семипятная-3 к западу от оз. Ханка.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в железном веке Приморья, как и предшествующую эпоху, сохранялось деление на культуры в прибрежной и континентальной зонах. Смешение разнокультурного населения в обеих зонах происходило наиболее интенсивно в периоды похолодания климата, когда земледельцы из континентальных районов стремились расселиться вблизи морского побережья. Переход от эпохи бронзы к железному веку проходил на фоне достаточно стабильных культурных групп населения. Наиболее активно процессы культурной ассимиляции и трансформации происходили в прибрежной и субконтинентальной зонах залива Петра Великого, где формировалось культурное своеобразие пришлых групп населения. Прослеживается определенная синхронность природных изменений, связанных с похолоданием климата и культурными событиями в Приморье и Японских островах.

## Литература

- Андреева и др. 1986: *Андреева Ж. В., Жущиховская И. С., Кононенко Н. А.* Янковская культура. М.
- Атлас... 1996: *Атлас географических карт к наброску истории Китая* (Чжунго шигао диту цзи). Пекин [на кит. яз.].
- Беседнов и др. 1997: *Беседнов Л. Н., Вострецов Ю. Е.* Морской промысел рыб и млекопитающих в раннем и среднем голоцене в бассейне Японского моря // *Известия Тихоокеанского научно-исследовательского рыбохозяйственного центра*. Т. 122. С. 117–130.
- Верховская и др. 1993: *Верховская Н. Б., Кундышев А. С.* Природная среда Южного Приморья в период неолита и раннего железного века // *ВДВОРАН*. № 1. С. 18–26.
- Вострецов 2006: *Вострецов Ю. Е.* «Поворотные моменты» в культурной эволюции древнего населения Приморья // *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 3 (27). С. 25–32.
- Вострецов и др. 2000: *Вострецов Ю. Е., Раков В. А.* Стратиграфия и малакофауна поселения янковской культуры Зайсановка-2 // *Вперед ... в прошлое: к 70-летию Ж. В. Андреевой*. Владивосток. С. 43–102.
- Гасилин и др. 2011: *Гасилин В. В., Вострецов Ю. Е., Васильева Л. Е.* Сравнительный анализ фауны многослойного поселения Кларк-5 (предварительные результаты) // *Дальний Восток России в древности и средневековье: проблемы, поиски, решения*. Материалы региональной научной конференции (Владивосток, 26–27 апреля 2010 г.). Владивосток. С. 179–186.
- Гриббин и др. 1980: *Гриббин Дж., Лэм Г. Г.* Изменение климата за исторический период // *Изменение климата*. Л. С. 102–121.
- Деревянко 1973: *Деревянко А. П.* Ранний железный век Приамурья. Новосибирск.
- Епифанова и др. 2003: *Епифанова А. В., Беседнов Л. Н., Вострецов Ю. Е.* Промысловая иктиофауна бухты Экспедиции залива Посьет (по археологическим материалам раковинной кучи поселения янковской культуры Зайсановка-2) // *Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии*. Материалы международной конференции «Из века в век», посвященной 95-летию со дня рождения академика А. П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН. Новосибирск. С. 379–382.
- Жущиховская 2004: *Жущиховская И. С.* Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток.
- Клюев и др. 2010: *Клюев Н. А., Гарковик А. В.* Итоги исследований памятника Барабаш-3 в 2007–2009 гг. // *Приоткрывая завесу тысячелетий. К 80-летию Ж. В. Андреевой*. Владивосток. С. 224–245.

- Короткий 1982: *Короткий А. М.* Колебания уровня Японского моря в четвертичном периоде (северо-западный шельф) // Изменения уровня моря. М. С. 104–114.
- Короткий, 1994: *Короткий А. М.* Колебания уровня Японского моря и ландшафты прибрежной зоны (этапы развития и тенденции) // ВДВОРАН. № 3. С. 29–42.
- Короткий и др. 1980: *Короткий А. М., Караулова Л. П., Троицкая Т. С.* Четвертичные отложения Приморья: стратиграфия и палеогеография. Новосибирск.
- Короткий и др. 1998: *Короткий А. М., Вострецов Ю. Е.* Географическая среда и культурная динамика в среднем голоцене в заливе Петра Великого // Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток. С. 9–29.
- Мурзаев 1955: *Мурзаев Э. М.* Северо-Восточный Китай. Физико-географическое описание. М.
- Раков и др. 2007: *Раков В. А., Вострецов Ю. Е.* Региональные особенности малакофауны Амурского залива в раннем железном веке (по материалам археологических раскопок поселений на полуострове Песчаном) // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Материалы международной конференции (Иркутск, 19–24 мая 2007 г.) Иркутск. С. 314–319.
- Сидоренко 2007: *Сидоренко Е. В.* Северо-восточное Приморье в эпоху палеометалла. Владивосток.
- Субботина 2008: *Субботина А. Л.* Памятники раннего железного века типа чундо на Корейском полуострове: АКД. Новосибирск.
- Чжао Биньфу 2009: *Чжао Биньфу.* Исследование археологических культур Северо-Восточного Китая времени от Восточного Ся до Чжаньго (Чжунго дунбэй дицзюй ся чжи чжаньго шици-дэ каогусяоу вэньхуа яньцзю). Пекин [на кит. яз.].
- Яншина 2001: *Яншина О. В.* Поселение Лидовка-1 и проблемы его интерпретации // VI Дальневосточной конференции молодых историков. Владивосток. С. 40–49.
- Яншина и др. 2005: *Яншина О. В., Клюев Н. А.* Поздний неолит и ранний палеометалл Приморья: критерии выделения и характеристика археологических комплексов // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток. С. 187–233.
- Byington 2003: *Byington M. E.* A History of the Puyo State, its People, and Its Legacy: Unpublished PhD Thesis. Harvard University. Cambridge (Mass.).
- Cassidy et al. 2003: *Cassidy J., Kononenko N., Sleptsov I., Ponkratova I. Margarita.* Archaeological Culture: Bronze Age or Final Neolithic? // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Материалы международной конференции «Из века в век», посвященной 95-летию со дня рождения академика А. П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН. Новосибирск. Р. 172–175.
- Habu 2004: *Habu J.* Ancient Jomon of Japan // Case studies in early societies. Cambridge.
- Krounovka 1 site ... 2003: *Krounovka 1 Site in Primorye, Russia.* Report of excavation in 2002 and 2003 // Study of Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia. Kumamoto.

# **РОЛЬ ГЛАЗУРОВАННОЙ КЕРАМИКИ И ФАРФОРА В ИЗУЧЕНИИ ПРОЦЕССОВ ОБМЕНА В БОХАЕ, ЦЗИНЬ И ДУН СЯ**

*Е. И. Гельман (Владивосток)*

## **ВВЕДЕНИЕ**

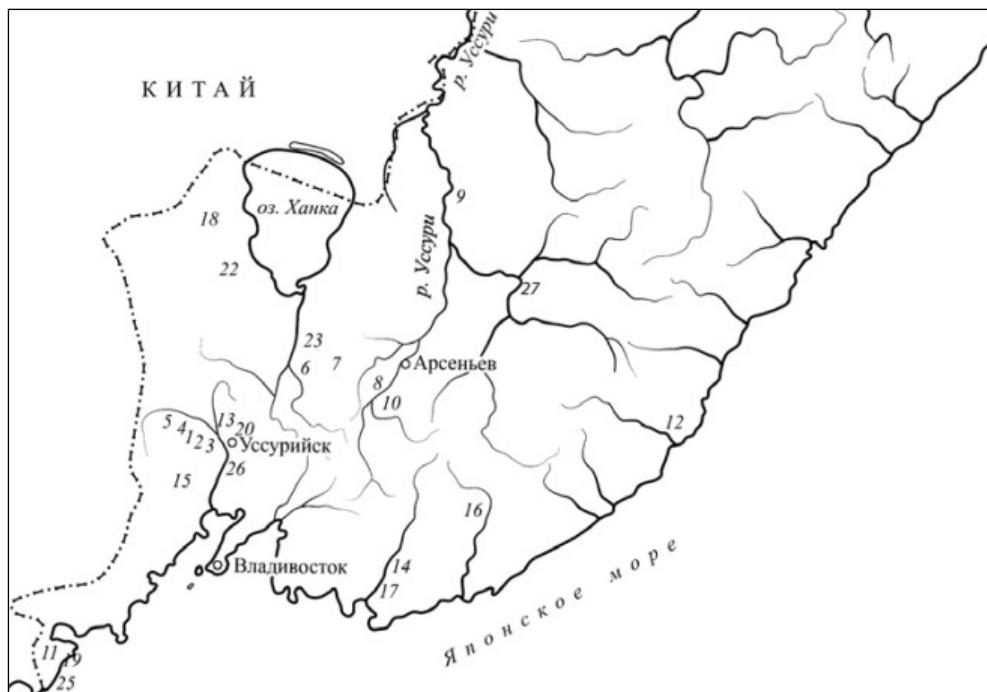
Общие сведения о торговле в государствах Бохай (698–926), Цзинь (1115–1234) и Дун Ся (1215–1233) содержатся в различных, хотя и не слишком многочисленных письменных источниках, преимущественно китайских и японских. Однако археологические материалы зачастую не столько подтверждают, сколько дополняют эти данные, поскольку основная часть товаров не сохранилась или плохо сохранилась в земле. Поэтому любые находки, указывающие на процесс обмена, торговли являются важными свидетельствами экономических и социальных связей средневекового населения ранних тунгусо-маньчжурских государств Дальнего Востока. К таким редким археологическим материалам относится глазурованная керамика и фарфор, полученные в процессе раскопок на средневековых памятниках Юга Дальнего Востока России (рис. 1).

## **ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА И ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ В БОХАЕ**

Границы государства Бохай (698–926) на протяжении всего существования изменялись, отражая процесс формирования, расцвета и гибели (рис. 2). На пике своего развития государство занимало значительную по размерам территорию, которая в настоящее время находится в пределах границ трех государств России, КНР и КНДР. Территория охватывала юго-восточную Маньчжурию, северную часть Корейского полуострова и юго-западную часть Приморья. Глазурованная керамика и фарфор встречаются довольно редко на бохайских памятниках на территории России по сравнению с обычной керамикой и относятся к категории ценных, так называемых престижных изделий. Свидетельством тому является факт использования глазурованной черепицы и некоторых архитектурных деталей исключительно в столичных городах. По физическим и химическим свойствам все образцы относятся к двум технологическим группам либо к керамике с мягкими свинцовыми глазуриями, либо к керамике с твердыми полевошпатовыми глазуриями.

## **ФОРМЫ СОСУДОВ СО СВИНЦОВОЙ ГЛАЗУРЬЮ И ГРАНИЦЫ ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НА БОХАЙСКИХ ПАМЯТНИКАХ ПРИМОРЬЯ**

Можно совершенно определенно сказать о китайском происхождении части изделий из коллекции глазурованной посуды из бохайских памятников Приморья.



**Рис. 1.** Карта средневековых памятников с местонахождениями глазурованной керамики и фарфора:

*Бохайские* памятники и памятники бохайского времени: 1 — Абрикосовский храм; 2 — Абрикосовское-1 поселение; 3 — Абрикосовское-2 поселение; 4 — Копытинский храм; 5 — Чернятинское поселение; 6 — городище Горбатка; 7 — Николаевское-II городище; 8 — Новогордеевское городище (с чжурчжэньским слоем); 9 — Марьяновское городище (с чжурчжэньским слоем); 10 — Ауровское городище; 11 — Краскинское городище; 12 — Синие Скалы поселение; Чжурчжэньские памятники: 13 — Южно-Уссурийское городище; 14 — Шайгинское городище; 15 — Ананьевское городище; 16 — Лазовское городище; 17 — Екатерининское городище; 18 — Майское городище; 19 — Краскинский могильник; 20 — Добропольевское-1 поселение; 21 — Константиновское-1 поселение (с бохайским слоем); 22 — Аргановское поселение; 23 — Осиновское поселение; 24 — Посьетский грот (с бохайским слоем); 25 — Остров Фальшивый; 26 — Уссурийский комбайновый завод; 27 — Кокшаровское городище (с чжурчжэньским слоем)

Однако технологические исследования фрагментов изделий сорта саньцай (трехцветных), а также изделий с монохромными свинцовыми глазурями показали, что они имеют существенные отличия от керамики сорта саньцай китайского происхождения по качественным показателям. Это позволило предположить, что существовали другие печи, а именно на территории государства Бохай, выпускавшие подобную керамику. Несомненно, что значительную роль в становлении такого производства сыграли китайские гончарные традиции, поэтому глазурованная керамика, найденная на бохайских памятниках Приморья, также имеет характерные особенности, присущие керамическим изделиям эпохи Тан. Для изучения технологических аспектов производства глазурованной керамики из бохайских памятников были проведены петрографический, спектральный, химический и зондовый анализы.

Фрагментов керамики со свинцовыми глазурями найдено немного, но география их распространения довольно представительна: более 40 изделий на 7 памятниках

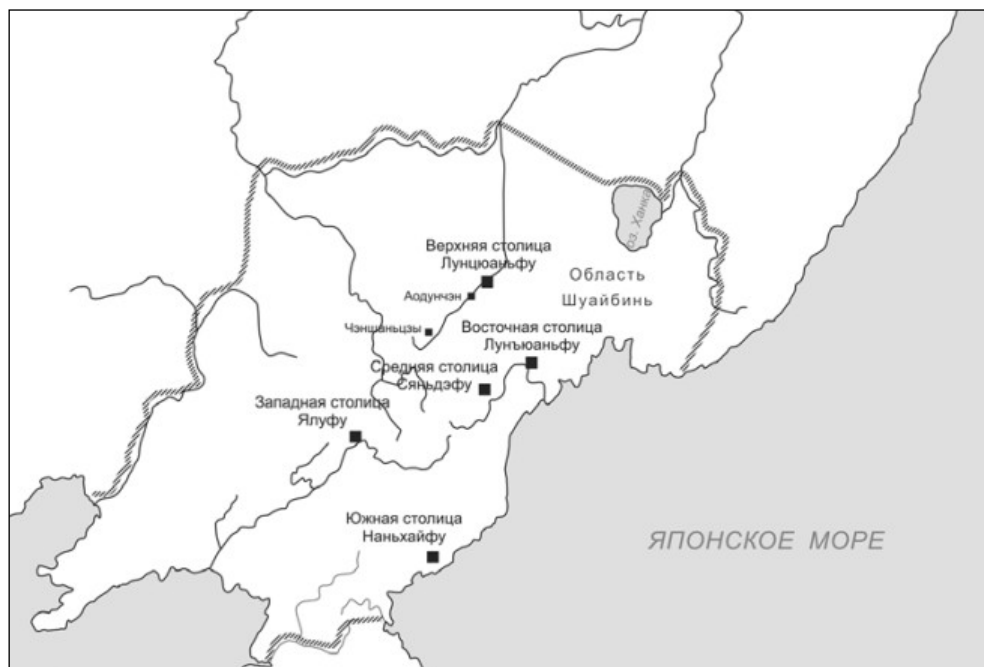


Рис. 2. Карта-схема. Государство Бохай

(табл. 1). Они представляли собой остатки чаш, крышек, круглых коробочек, трипода, миниатюрных шаровидных сосудов, двух колец, служивших обрамлением каких-то других изделий, а также фрагменты дна и стенок от различных сосудов, формы которых установить затруднительно, но они явно принадлежат разным экземплярам. Среди них заметно выделяется Краскинское городище, что в первую очередь объясняется существенно большей раскопанной площадью, статусом города (окружной центр Янь в столичной области Восточной столицы Лунъюаньфу, а также объектом, где были найдены такие изделия, преимущественно храмовый комплекс и прилегающая к нему территория. Монохромные изделия были покрыты чаще всего зеленой глазурью разных оттенков, реже желтой.

Таблица 1

Распространение изделий со свинцовыми глазурями происхождения на бохайских памятниках

Памятник	Изделия с монохромными глазурями	Изделия с полихромными глазурями
Краскинское городище	19	16
Чернятинское поселение	1	
Копытинский храм		1
Абрикосовский храм		2
Абрикосовское селище		1
Городище Горбатка	1	1
Николаевское-II городище		1
Всего	21	22



К полихромным изделиям относятся сосуды с двухцветными и трехцветными глазурями. В каждом сочетании присутствует зеленый цвет разных оттенков. Остальные используемые цвета — это коричневый и желтый. Формы сосудов также разнообразны: найдены фрагменты от крышек, чаш, крупного шаровидного сосуда с лепными украшениями, двух триподов, горловин от широкогорлых кувшинов, горшковидных сосудов и стенок от сосудов неясной формы.

## ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КЕРАМИКИ СО СВИНЦОВЫМИ ГЛАЗУРЯМИ

*Формовочные массы.* Черепок изделий, как с монохромными, так и полихромными глазурями, визуально выглядит или светло-бежевым, или сероватым. Петрографические исследования показали, что песок присутствует в черепке в небольшом объеме, а по составу может быть как кварц-полевошпатовым, так и только кварцевым. В кварцевом песке иногда присутствует плагиоклаз, а также примесь мусковита и циркона. В одном из черепков зафиксировано наличие муллита. Как показал химический анализ, для изготовления бохайского саньца использовалась преимущественно монмориллонитовая глина, реже в сочетании с каолиновой. Содержание кремнезема в черепке находится в пределах от 58,84 до 68,17 %.

*Ангоб.* У нескольких экземпляров зафиксировано наличие ангоба слоя тонкодисперсной глины, наносившейся на черепок до глазурования. Толщина ангобного слоя составляет 0,1–0,5 мм, что зависело от шероховатой поверхности. Ангоб по цвету более светлый, чем черепок. Он отличается и по составу, что отчетливо видно в шлифах. У тех изделий, которые не имели ангоба, глазурь наносилась прямо на черепок.

*Способ и зоны нанесения глазури.* У большинства изделий глазурь наносилась только на внешнюю поверхность. У изделий с полихромными глазурями изнутри сосуды покрывались тонким слоем светло-зеленой или светло-желтой глазури. У нескольких экземпляров глазурь располагается полосами, как будто размазанная кистью.

Степень сохранности у изделий разная, можно их разделить на две группы. У большей части фрагментов глазурь плохой сохранности: она непрозрачная, отсутствует блеск, имеется сеть мелких трещин, наблюдается явный процесс иризации, сцепление глазури и черепка очень слабое. Для одного из фрагментов такого качества был проведен повторный обжиг с постепенным изменением температуры. При 800°C исчез цек, а у глазури восстановились гладкость и блеск.

У остальных изделий глазурь довольно хорошей сохранности, имеет блеск, полупрозрачность и относительно хорошее сцепление с черепком. Среди обеих групп присутствуют экземпляры, как с ангобом, так и без него. Что касается обжига, можно отметить, что: а) качество глазури не зависит от того, обжигались они однократно или двукратно; б) температура обжига образцов с глазурью низкого качества не превышает 850–900°C.

Для большинства изделий характерна приглушенность красок глазури. Даже самые яркие образцы выглядят более темными по сравнению со своими собратьями из танских, японских или ляоских печей. Бросается в глаза преимущественное использование зеленой глазури разных оттенков по сравнению с желтой или коричневой в глазурях саньцай. На бохайских изделиях отсутствует белый фон, который мы встречаем на образцах китайского сорта саньцай.

Мы располагаем результатами спектрального анализа семи образцов от четырех изделий с глазурью саньцай и одного с зеленой глазурью, а также 14 образцов, исследованных зондовым анализом. Содержание оксида свинца составило от 56,32 до 72,79, что намного превышает его содержание в китайском саньцае (28,6–33,1). На различие в качестве глазури у образца керамики сорта саньцай из Верхней столицы в сравнении с китайскими саньцай впервые обратил внимание японский исследователь Ямадзаки [Yamadzaki 1992: 29–34]. Серия анализов образцов керамики со свинцовыми глазурями из бохайских памятников Приморья показала, что эта разница неслучайна и является свидетельством существования других печей, пока не найденных и выпускавших глазурованную керамику, похожую на китайский саньцай. Поскольку последние встречаются только на бохайских памятниках, можно предположить, что и печи работали на территории Бохая.

В подражание китайским изделиям были изготовлены японские саньцай, позднее выпускались ляоские саньцай. Не исключено, что в налаживании производства керамики со свинцовыми глазурями участвовали бохайские ремесленники. Тысячи семей, включая ремесленников, были переселены во внутренние районы киданьской империи Ляо (907–1125) после завоевания Бохая [Ивлиев 1996: 32].

Исследования китайскими коллегами нескольких образцов танского саньцай, собранных на месте раскопок печей по его производству, еще раз подтвердили отличия между китайскими и бохайскими саньцай, т. е. основным отличием в качественном составе глазури является меньшее содержание оксида свинца, которое в нескольких исследованных образцах составило 31,39–47,68 [Huo Yutao et al. 2002: 97].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в подражание известному китайскому сорту саньцай бохайцы сумели наладить производство этих престижных изделий на местной основе. Вполне вероятно, что вначале в этом участвовали китайские мастера, которые терпели немалые экономические трудности на фоне всеобщего кризиса, разразившегося после восстания Ань Лушаня в 755 г., из-за чего производство саньцай в Китае почти свернулось. В соседних государствах они искали себе работу. Это стало одной из причин появления селадона в Корее. Это могло стать и причиной появления саньцай в Бохае. Однако местные глины были другого качества, чем те, из которых изготавливались китайские саньцай, поэтому бохайские приобрели своеобразные черты, индивидуальность, которая позволяет в полной мере называть их бохайскими саньцай.

Несмотря на появление местного производства, изделия со свинцовыми глазурями оставались ценными, редкими товарами, что объясняет их нечастое присутствие в археологических коллекциях из разных бохайских памятников. Оценивая распределение этих изделий по объектам, можно отметить, что большинство их были найдены на территории храмового комплекса Краскинского городища, а также встречались еще на двух храмах Копытинском и Абрикосовском из бассейна Суйфуна. Несомненно, что глазурованные изделия могли использоваться в церемониях и просто украшать храм, иллюстрировать его «богатство». Но все же нельзя не учитывать, что наряду с дворцовыми комплексами столичных городов [Tung-ching-ch'eng 1939; Liudingshan... 1997; Gelman 1999], на других памятниках, в том числе на городищах периферийных районов, на поселениях, находки этих изделий были сделаны в обычных рядовых жилищах. Вполне вероятно, что мы наблюдаем здесь ту же самую ситуацию, о которой пишет В. Адамс, отмечавший,

что в средневековой Нубии дорогие керамические изделия могли встречаться как в богатых, так и в бедных домах, но степень достатка измерялась их разнообразием и количеством [Adams 1986: 37].

## ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА И ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ В БОХАЕ

К археологическим свидетельствам торговли Бохая с другими странами относятся глазурованная керамика и фарфор, происходящие из китайских печей. К ним относятся изделия, изготовленные в печах Юэяо провинции Чжэцзян, Диньяо и Синчжоу провинции Хэбэй северной части Китая [Гельман 1999]. Кроме того, найден пока единственный фрагмент сорта чанша. Он производился в печах, найденных вблизи г. Чанша провинции Хунань, и также очень популярного в различных странах Запада, куда он шел по шелковому пути Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии [Lam 1990: 34; Ho et al. 1989: 16]. Один сосуд — винный чайник — происходит из неустановленных печей Южного Китая.

Малочисленность этих изделий указывает на их престижный характер для экономики Бохая. Фиксация привозных товаров в местном контексте или каких-либо культурных признаков, характерных для других регионов, могут маркировать не только способ, но также степень, тип взаимодействия и его изменения во времени [Shelach 1999: 22–24].

## КЕРАМИКА СОРТА ЮЭЯО

*Формы сосудов и границы распространения юэяо.* Фрагменты Юэяо были получены во время раскопок восьми памятников: на городищах Краскинское, Кокшаровское, Горбатка, Николаевское-II, Марьяновское, Новогордеевское городища, Ауровское, а также поселении Синие Скалы. Синие Скалы — это памятник, обозначающий собой восточную границу распространения сорта юэяо в Приморье. А самой северной точкой, где встречается этот сорт, является Марьяновское городище (рис. 1).

Подавляющее большинство фрагментов принадлежали чашам, в том числе и дольчатым. Один фрагмент, вероятно, принадлежал подсвечнику. На Кокшаровском городище найден археологически целый винный чайник. Имеются фрагменты с коричневым черепком и коричневой глазурью, а также с серым черепком и серовато-зеленой глазурью. Одна чаша (из Николаевского-II городища) сохранилась почти целиком. Изнутри на дне и снаружи на основании кольцевого поддона имеются остатки кусочков глины. Чаша имеет серый черепок и глазурь плохого качества. Она полностью впиталась в черепок, имеет сероватый цвет и нанесена на всю поверхность, за исключением широкого и плоского основания кольцевого поддона.

На этом же памятнике найден фрагмент дна с кольцевым поддоном другого типа, края которого округлые и расходящиеся. Черепок коричневый, так же как и глазурь, которая имеет превосходное качество, гладкая и блестящая. На основании кольцевого поддона глазурь отсутствует. Оба типа кольцевых поддонов у донышек Юэяо были встречены и на Марьяновском городище. На остальных памятниках найдены только фрагменты венчиков и стенок. В целом датировка фрагментов керамики этого сорта не выходит за пределы IX — начала X в. По внешним признакам фрагменты чаш Юэяо из бохайских памятников имеют сходство с чашами Юэяо групп А, В из Дайцафу, датирующиеся концом VIII — началом IX в. [Yamamoto 1994].

Для более глубокого изучения фрагментов Юэяо из указанных выше памятников, фрагменты также исследовались с точки зрения качественного состава черепка и глазури с помощью петрографического, химического и зондового анализов в Институте геологии ДВО РАН. В итоге были получены основные характеристики фрагментов Юэяо из бохайских памятников Российского Приморья, вполне согласующиеся с результатами исследований этого сорта в других регионах [Hughes et al. 1999]. Среди представленных фрагментарно изделий юэяо присутствуют как качественные образцы, с ровной, гладкой, блестящей глазурью, так и образцы плохого качества с пузырчатой глазурью и даже с эффектом «сухости глазури».

### ИЗДЕЛИЯ СОРТА ДИНЬЯО И СИНЧЖОУ ИЗ БОХАЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИМОРЬЯ

Изделия, которые мы относим к этим сортам, крайне немногочисленны (табл. 2). Они имеют фарфоровый или фарфоровидный черепок и бесцветную глазурь, которая может выглядеть либо белоснежной, либо серовато-белой. Иногда у белоснежной глазури в затеках можно заметить голубоватый оттенок. Два эти сорта иногда трудно различимы. Лишь синюшно-сероватый оттенок глазури может определенно указывать на сорт диньяо. Но справедливости ради важно отметить, что и у фрагментов диньяо в некоторых случаях глазурь бывает белоснежной, но без голубоватого оттенка в углублениях. Все фрагменты фарфоровых изделий имеют довольно толстые стенки более 0,4 см, вследствие чего у них может отсутствовать просвечиваемость черепка.

Глазурь является главным декором рассматриваемых изделий. Сосуды устанавливались в печь в нормальном положении на кольцевой поддон, поскольку на них глазурь отсутствует либо зачищена по необожженному черепку, в то время как венчики всегда покрыты глазурью.

Таблица 2

Количественное распределение привозной глазурованной керамики и фарфора на памятниках бохайского и постбохайского времени в Приморье

Памятник	Юэяо	Диньяо	Синчжоу	Чанша	Неизвестное происхождение
Краскинское городище	2	17	6	1	1
Кокшаровское городище	8	3			
Городище Горбатка	1	1			
Николаевское-II городище	4		2		
Новогордеевское городище	5	1	1		
Марьяновское городище	11		2		
Поселение Синие Скалы	3				
Ауровское городище	1		1		
Всего	35	22	12	1	1

## СОРТ ЧАНША

Найден пока только единственный фрагмент этого сорта на Краскинском городище во время раскопок храмового комплекса. На его тонкокаменном черепке, покрытом темнокоричневой глазурью, имеется рельефное изображение цветка, выполненное на светлом фоне, но по самому рельефу контур обозначен темной глазурью. Такой декор у изделий этого сорта обычно использовался для винных кувшинов с широкой горловиной и широким дном с закраинами или вогнутым без закраин [Lam 1990: 34]. Сорт чанша часто вывозился в разные страны из Китая. Его многочисленные образцы найдены в Японии и в разных регионах Юго-Восточной Азии.

## ИЗДЕЛИЕ НИЗВЕСТНОГО СОРТА

Кроме того, на Краскинском городище найден сосуд, который затруднительно пока отнести к определенному сорту, он покрыт монокромной глазурью. Сосуд, судя по форме, является винным чайником, хотя носик не сохранился. На это указывают как сама форма изделия, так и остатки крепления ручки. Сосуд сохранился на высоту 15 см, диаметр горловины 4,6 см, диаметр его дна составляет 6,8 см, наибольший диаметр тулова, приходящийся на верхнюю часть сосуда — 11 см. Форма сосуда очень близка формам винных чайников эпохи Тан.

Черепок имеет светло-коричневый, ближе к бежевому, цвет в изломе и коричневый на неглазурованной поверхности. Перед нанесением глазури по ангобу был нанесен орнамент в виде тонких линий мелкочейистой сетки путем процарапывания, достигая поверхности более темного черепка. После этого была нанесена желтовато-коричневая полупрозрачная глазурь, сквозь которую был виден орнамент в виде темно-коричневой сетки.

По технологическим показателям, характеру декорирования, орнаменту данное изделие также можно отнести к танскому периоду [The ceramic art... 1971: Pl. 10].

В целом на бохайских памятниках Российского Приморья были найдены около 70 обломков глазурованных или фарфоровых изделий, произведенных в различных печах Китая. Их немногочисленность лишь свидетельствует об их ценности. Любопытно отметить, что значительное количество обломков сорта юэяо найдено на самом северном периферийном бохайском памятнике — Марьяновском городище (табл. 2), несмотря на то, что наиболее раскопанным памятником сегодня можно считать Краскинское городище, занимавшее к тому же положение важного экономического центра. Несколько неожиданно выглядит полное отсутствие привозной керамики в полупериферийном районе долины реки Раздольной (Суйфун) при обязательном присутствии не только на большинстве периферийных пограничных городищах Николаевском-II, Новогордеевском и Горбатке, но и на памятниках, которые относятся к окружению Бохая на Востоке поселения Синие Скалы, Ауровском городище. Так же как в случае с керамикой со свинцовыми глазурями, привозная керамика встречается на разных типах памятников и на разных объектах — как в обычных жилищах, так и на территории храма на Краскинском городище, где концентрация ее выше, чем в отдельно взятом жилище. Хотя данных не так много, но все же можно предположить, что путь с восточного побережья, куда поступал товар из печей Юэяо и Чанша (провинции Чжэцзян и Хунань), был более эффективным, чем путь из провинции Хэбэй, который частично должен был проходить по суше, а затем либо вокруг Корейского полуострова, либо пересекая Бохайский залив, снова идти по суше.

Несомненно, что морской порт, каким являлось Краскинское городище, был важным пунктом на бохайской территории, через который товар, прибывавший морским путем, поступал не только в центральные районы Бохая, но и на периферию. В этом процессе взаимодействия между центрами различного уровня, между центром и периферией, последняя была активным участником, получая регулярно престижные товары в обмен на местную продукцию, что косвенно указывает на сильные позиции местной элиты, осуществлявшей процесс централизации в отдаленных регионах Бохая. Вероятно, посредством контроля местной администрации, распространявшегося и на соседние территории, обеспечивалась безопасность торговых обменов.

## ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА И ФАРФОР И ОБМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЧЖУРЧЖЭНСКОЕ ВРЕМЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИМОРЬЯ

Глазурованная керамика и фарфор, найденные на чжурчжэньских памятниках Приморья, в большинстве случаев были произведены в известных печах, работавших на территории Цзинь и Южная Сун. Памятники в основном относятся к ограниченному периоду времени, когда эта территория была включена в государство Дун Ся (рис. 1, 3). Более тридцати лет российские археологи изучали чжурчжэньские города и поселения именно этого периода, в результате чего памятники XI–XII вв., за редким исключением, остались фактически не изучены. Зато памятники Дун (Восточного) Ся были исследованы очень широко, благодаря чему сложилась и яркая коллекция глазурованной керамики и фарфора этого времени.

Образование государства Дун Ся относится к 1215 г., когда полководец Пусянь Ваньну, который командовал цзиньскими войсками в Ляодуне, объявил себя правителем Великой Чжэнь. Позднее это государство стало именоваться Дун Ся. Пусянь Ваньну при поддержке более чем стотысячной армии совершил поход на восток в губернию Хэлань, а г. Кайюань сделал одной из своих столиц [Ивлиев 1993]. Именно к периоду его правления относится строительство горных чжурчжэньских городищ, в том числе и на территории Приморья, где по побережью Японского моря проходила восточная граница Дун Ся. Не исключено, что государство просуществовало еще какое-то время и после пленения Пусяня Ваньну монголами в 1233 г.

Эти исторические обстоятельства определяют и особое отношение к такому важному археологическому источнику, как глазурованная керамика и фарфор из памятников этого времени. В настоящей статье мы затрагиваем только один аспект изучения этой керамики, а именно возможность через ее рассмотрение проследить торговые связи у чжурчжэней.

В результате предыдущих исследований выяснилось, что глазурованная керамика и фарфор из разных памятников эпохи Дун Ся в Приморье имеют стандартные формы, размеры, декор, включая особенности, присущие для каждого сорта в отдельности. Такое же однообразие отмечается и в технологических характеристиках всех рассмотренных сортов. Такая керамика часто имела следы ремонта и отличалась большей фрагментированностью по сравнению с обычной керамической посудой. Редко встречались целые экземпляры глазурованной керамики и фарфора, однако многие образцы имеют признаки использования их и после повреждений, неоднократно в процессе раскопок фиксировались следы растаскивания разбитой посуды на значительные расстояния. С одной стороны, эти данные указывают на престижный характер такой керамики, но с другой стороны, в совокупности с историческими сведениями, позволяют предположить, что:



Рис. 3. Карта-схема. Империя Цзинь [по: Воробьев 1975]

- большинство глазурованной керамики и фарфора попало на территорию Приморья вместе с армией Пусяня Ваньну;
- глазурованная керамика и фарфор не могли являться предметом торговли между государствами Дун Ся и Цзинь, находившихся во враждебных отношениях;
- после образования Дун Ся новая продукция из цзиньских печей не поступала на его территорию;
- только глазурованная керамика и фарфор, произведенные в печах Южной Сун, могли быть предметом торговли как между Цзинь и Южной Сун, так и между Дун Ся и Южной Сун.

Таким образом, рассматриваемая нами керамика, в большинстве случаев, видимо, отражает торговые связи в государстве Цзинь на период перед событиями 1215 г., причем в значительной степени в районе Ляодуна.

### ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА И ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ В ЦЗИНЬ В НАЧАЛЕ XIII в.

Археологическая керамика из чжурчжэньских памятников Приморья (рис. 1), которую можно рассматривать как предмет внутренней торговли в Цзинь, относится к таким известным сортам как *диньяо*, *цзюньяо*, *северные (яочжоуские) селадоны*, *цычжоу*, а также включает трудно определимую по происхождению тонко-

каменную керамику с *темными* (черными и коричневыми) *глазурами* и *керамику со свинцовыми цветными глазурами*.

Каждый из этих сортов неодинаково представлен в материалах чжурчжэньских памятников. Изделия сорта диньяо, производившиеся в провинции Хэбэй, были наиболее популярны и составили 48,8 % всей глазурованной керамики и фарфора в целом. Причем среди форм сосудов преобладали чаши (42 %). Наиболее широкая выборка была получена из Шайгинского городища (276 жилищ), где диньяоские изделия встречались в каждом третьем жилище, иногда по несколько экземпляров в одном. Фрагменты и изделия этого сорта являются частой находкой и на других чжурчжэньских памятниках. Несомненно, что эту популярность в Цзинь сорт диньяо получил вследствие того, что печи Диньяо обслуживали еще северосунский императорский двор, а в печах Южной Сун в большом количестве выпускались подделки и подражания под керамику диньяо.

Потребность в керамике с темными глазурами (черной и коричневой) также была очень высока. Керамика с такими глазурами составляет 27 % от общего количества всей глазурованной керамики и фарфора и в 1,3 раза реже, чем изделия диньяо. На Шайгинском городище керамика с темными глазурами была найдена в каждом четвертом жилище. Самые распространенные формы среди них — миниатюрные кувшинчики с двумя ручками, горшочки (с ручками и без них), которые почти не встречаются в других сортах, а также сосуды юй (миниатюрные, с шаровидным или эллипсовидным туловом).

Изделия сорта цзюньяо немногочисленны (6,5 %) и встречены только в 14 жилищах и одной мастерской Шайгинского городища, немного чаще (8 изделий) их находили на Ананьевском городище и в единичных экземплярах на других чжурчжэньских памятниках. Предположительно они изготовлены в печах Хуньюаньяо в провинции Шаньси.

Среди двух с небольшим десятков селадоновых изделий, найденных на нескольких чжурчжэньских памятниках, только 5–6 экземпляров можно отнести именно к яочжоуским печам (провинция Шэньси) с характерной зеленовато-серой глазурью и в некоторых случаях с резным орнаментом.

Также редко встречены цычжоуские изделия (1 %) — шесть образцов на четырех памятниках. Довольно немногочисленны и изделия со свинцовыми цветными глазурами в виде фрагментов от 8 экземпляров из трех памятников.

Обращает на себя внимание тот факт, что на количество образцов каждого сорта глазурованной керамики из изученных чжурчжэньских памятников, так же как и на разнообразие форм и декора, повлияла удаленность тех или иных печей от Ляодуна. Является ли такая ситуация типичной для внутренних обменов в целом в Цзинь, или это результат ослабления цзиньской экономики в условиях начавшихся военных действий с монголами, пока остается не ясным. Для решения этих вопросов необходимы широкие археологические исследования чжурчжэньских городищ собственно цзиньского времени и тех, что были сооружены в период Дун Ся.

## ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА, ФАРФОР И ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ В ЦЗИНЬ И ДУН СЯ

Среди глазурованной керамики из чжурчжэньских памятников Приморья выделяется немногочисленная группа изделий, произведенных в печах, не принадлежавших Цзинь. Среди них имеются образцы двух сортов *селадона*, *теммоку* и *иньцин*.



Фарфор сорта иньцин (фрагменты от 15 изделий) был найден на Шайгинском и Ананьевском городищах, Краскинском могильнике (в погребении чжурчжэньского времени), в верхнем слое Константиновского-1 селища, а также в виде подъемного материала собран на о-ве Фальшивом и на территории Уссурийского комбайнового завода. В целом это не превышает 2 % от всей коллекции глазурованной посуды. Иньцин изготавливался в различных печах Южной Сун, а главный центр по производству этого фарфора находился в окрестностях Цзиндэжэня провинции Цзянси.

Сорт теммоку в количестве пяти экземпляров был найден пока только на Шайгинском городище. Возможно, их было найдено больше, но яркими признаками этого сорта обладают эти несколько образцов. Предположительно они отнесены к продукции печей Цзяньяо из провинции Фуцзянь.

Из небольшого количества селадоновых изделий два экземпляра имеют достаточно выраженные признаки продукции Лунцюаньских печей из провинции Чжецзян. Они найдены на Шайгинском и Ананьевском городищах. Еще один образец селадона, фрагмент чаши с декором, выполненным в технике сангам, является продукцией корёских печей. Этот экземпляр обнаружен в разведочном шурфе на Южно-Уссурийском городище.

Таким образом, эти четыре сорта глазурованной керамики и фарфора могут быть отнесены к предметам внешней торговли, которые составили в общем немногим более 3 % от всей коллекции. Однако этот результат сравним с данными по количеству некоторых цзиньских сортов, поступавших на внутренний рынок в район Ляодуна, таких как яочжоуский селадон, цычжоу, изделия со свинцовыми цветными глазурями. Если учесть, что товары, поступавшие из Южной Сун, имели ряд ограничений при ввозе в пределы Цзинь в виде различных пошлин [Hok-Lam Chan 1997: 112], то можно считать, что торговля Южной Сун продукцией известных печей осуществлялась довольно активно.

Нерешенным остается вопрос о возможных обменах между Южной Сун и Дун Ся. Если учесть, что изделия иньцин встречаются в жилищах вместе с продукцией печей Диньяо, то, вероятнее всего, они одновременны. Однако необходимо отметить, что образцы из чжурчжэньских памятников Приморья имеют ряд признаков, характерных для развитого этапа эволюции этого сорта посуды до конца XIII в. Поэтому нельзя исключать возможность существования торговых связей Дун Ся с Южной Сун.

Одного образца корёской керамики, конечно же, явно недостаточно, чтобы судить о каких-либо серьезных торговых связях между государствами Дун Ся и Корё, однако нужно иметь в виду исторические сведения о попытке налаживания между ними дипломатических и торговых отношений сначала при Пусяне Ваньну, а затем в 40–80 гг. XIII в., в условиях политического доминирования монголов [Ивлиев 1993: 11, 13]. Возможно, широкие археологические исследования позволят получить новые археологические данные для разрешения этого и многих других вопросов истории государства Дун Ся.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Находки глазурованной керамики и фарфора на бохайских и чжурчжэньских памятниках свидетельствуют об устойчивом положении этих изделий в качестве престижного товара в экономике средневековых государств, существовавших на территории современного Российского Приморья, КНДР и КНР. Кроме того, кера-

мика с глазурным покрытием позволила проследить, что Бохай, Цзинь, Дун Ся были активными участниками торговой системы, сложившейся в бассейне Японского моря и в целом в Восточной Азии.

## Литература

- Воробьев 1975: *Воробьев М. В.* Чжурчжэни и государство Цзинь. М.
- Гельман 1999: *Гельман Е. И.* Глазурованная керамика и фарфор средневековых памятников Приморья. Владивосток.
- Ивлиев 1993: *Ивлиев А. Л.* Изучение истории государства Восточное Ся в КНР // Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и сопредельных территорий (Доклады V сессии Научно-проблемного совета археологов Дальнего Востока). Владивосток.
- Ивлиев 1996: *Ивлиев А. Л.* Письменные источники об истории Приморья середины I — начала II тысячелетий н. э. // Приморье в древности и средневековье (материалы региональной археологической конференции). Уссурийск.
- Ямадзакэ 1992: *Ямадзакэ И.* Сравнение глазури и черепка бохайских и танских саньцай // Японское общество исследований восточной керамики. Т. 19. Токио.
- Adams 1986: *Adams W.* Ceramic industries of medieval Nubia. Vol. 1. Pt. 1. Lexington (Memoirs of the UNESCO archaeological survey of Sudanese Nubia. Vol. 1).
- Gelman 1999: *Gelman E. I.* Bohai Sancai from Russian Primorye // ISAC '1999.
- Ho Ch. et al. 1989: *Ho Ch., Srisuchat A., Bronson B., Srisuchat T.* Early Chinese ceramics in Southern Thailand // *The Silpakorn Journal*. Bangkok. Vol. 33/4.
- Hok-Lam Chan 1997: *Hok-Lam Chan.* Tea production and tea trade under the Jurchen-Chin Dynasty // *Franke H., Hok-lam Chan.* Studies on the Jurchens and the Chin Dynasty. Aldershot; Brookfield (Variorum Collected Studies Series: CS591).
- Hughes et al. 1999: *Hughes M. J., Matthews K. J. and Portial J.* Provenance studies of Korean celadons of the Koryo period by Neutron Activation analysis // *Archaeometry*. Oxford. Vol. 41/2.
- Huo Yutao et al. 2002: *Huo Yutao, Chen Xianqiu, Huang Ruiyu, Tao Guangui, Zhou Xuelin, Chen Shiping, Sun Hongwei, Gao Liming.* The research on Tang sancai plumbous glaze poteries unearthed in kiln site of Tang dynasty // ISAC '2002.
- Lam 1990: *Lam T. S-Y.* Tang ceramics, Changsha kilns. Hong Kong.
- Liudingshan... 1997: *Liudingshan* and bohaizhen aristocratic cemetery and capital site of the Bohai state, Tang dynasty. Beijing.
- Shelach 1999: *Shelach G.* Leadership Strategies, Economic Activity, and Interregional Interaction. New York.
- The ceramic art 1971: *The Ceramic art of China*. Catalogue of an exhibition. June 9th to July 25th 1971. London.
- Tung-ching-ch'eng 1939: *Tonkinjō: Bokkaikoku Jōkei Ryōsenfū ato no hakkutsu chōsa* [Tung-ching-ch'eng: Report on the Excavation of the Site of the Capital of P'ō-hai]. Tōkyō (Tōhō kōkōgaku sōkan. Dai 5-satsu [Archaeologia Orientalis. Vol. 5]).
- Yamamoto 1994: *Yamamoto N.* Shifts in the use of Zhejiang green glazed wares at Dazaifu between the eighth and fourteenth centuries // *New Light on Chinese Yue and Longquan Wares: Archaeological Ceramics found in Eastern and Southern Asia, A.D. 800–1400*. Hong Kong (Centre of Asian Studies Occasional Papers and Monographs. No. 110).

# СЫРЦОВЫЕ СКЛЕПЫ БОСПОРСКИХ КУРГАНОВ V в. до н. э. (о восточном влиянии на формирование погребальной традиции)<sup>1</sup>

В. А. Горнчаровский (Санкт-Петербург)

Среди погребальных сооружений Боспора V в. до н. э. сырцовые склепы занимают особое место в связи с тем, что вопрос об истоках этой строительной традиции до сих пор остается дискуссионным. Практически все они обнаружены на территории Азиатского Боспора. На противоположной стороне Керченского пролива известен только один склеп в некрополе Нимфея. Это совершенно ограбленная прямоугольная сырцовая гробница 14 кургана 32, имевшего средние размеры: около 6 м в высоту. По всем сторонам гробницы были обнаружены конские могилы с наборами бронзовых украшений упряжи, датируемых временем около середины V в. до н. э. [Силантьева 1959: 86].

Несколько курганов с сырцовыми склепами были раскопаны в непосредственной близости от греческих полисов на территории Таманского полуострова. Прежде всего это курган 6 1852 г. близ Фанагории<sup>2</sup>. Он обращает на себя внимание высокой насыпи, которая достигала 15,6 м<sup>3</sup>. Под ней, в центре кургана, над материком располагался сырцовый склеп с провалившимся деревянным перекрытием. Размеры его сравнительно невелики:  $3,6 \times 3,2 \text{ м} = 11,5 \text{ м}^2$  при высоте 1,8 м, да и сопровождающий инвентарь достаточно скромный. На дне склепа находились два плохо сохранившихся костяка в простых деревянных саркофагах. Один из них, с бронзовыми скобами и ножками, принадлежал мужчине, облаченному в железный панцирь. Слева от него находились обломки меча, копий и более 140 бронзовых и железных наконечников стрел. Другой саркофаг содержал остатки женского костяка, возле которого были найдены более десятка штампованных золотых бляшек с изображениями розеток, летящей птицы, овода, сфинксов и лежащего оленя [ДБК: табл. XXII, 12, 13, 17, 18, 20, 21]. Возможно, они украшали головную повязку, а обнаруженные там же удлиненные подвески и шарiki с петельками

<sup>1</sup> Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-31-10151а(ц) «Российские археологи XIX — начала XX вв. и курганные древности европейского Боспора».

<sup>2</sup> Данные о раскопках ФК 6 из дневника К. Р. Бегичева [НВАГИМ. Ф. 1. Отдел археологии, группа Б. Д. 6. Л. 2–5], существенно дополняют ранее имевшуюся информацию [Ростовцев 1925: 349–350]. Более подробно о работах 1852 г. в Фанагории см.: Застрожнова 2014: 469–481.

<sup>3</sup> Расчет размера насыпи произведен на основании измерений, произведенных К. Р. Бегичевым: сырцовый склеп высотой до 2,5 аршинов (= 1,8 м) находился на глубине 2 сажень (= 4,26 м) от поверхности кургана и на расстоянии 4,5 сажень (= 9,58 м) от его подошвы [НВАГИМ. Ф. 1. Отдел археологии, группа Б. Д. 6. Л. 2–5].

близки по форме деталям ожерелья из СК 2. Часть бляшек (птица, сфинкс, олень) полностью аналогична бляшкам из нимфейского кургана 24, относящегося ко времени около середины V в. до н. э. [Силантьева 1959: 71, рис. 38, 16, 18]. Отметим также пару массивных спиралевидных подвесок с пирамидками из зерни на концах (рис. 3, 1), которые считаются изделиями боспорских мастерских и по классификации Л. Ф. Силантьевой связаны с вариантом II а, датирующимся третьей четвертью V в. до н. э. [Силантьева 1976: 125–126, рис. 3а]. В правом углу склепа и у входа стояли по две амфоры, в каждой из которых «найден по золотой подвеске в виде продолговатых остроконечных шариков». В первом случае возле амфор обнаружено несколько бронзовых наконечников стрел и наконечник копья. Рядом оказалась конская могила из сырцового кирпича площадью около 6 м<sup>2</sup> с четырьмя скелетами лошадей и бронзовыми уздечными наборами. С учетом всех находок вряд ли будет преувеличением отнести сооружение этого погребального комплекса примерно к 450–440 гг. до н. э. Для V в. до н. э. ему нет равных ни на территории Великой Скифии, ни на Боспоре. По крайней мере для синхронных скифских памятников наивысшим показателем является высота 7,1 м (Новогригорьевка-5, Великая Знаменка-1).

Другое достаточно статусное захоронение того же времени находилось в кургане 2 1852 г. [Герц 1898: 61 и сл.; Ростовцев 1925: 349–351; ср.: Виноградов 2005: 250–251]. Сырцовую гробницу здесь перекрывали провалившиеся внутрь деревянные брусья. Она находилась на глубине 2,5 сажений (= 5,3 м) от дна впадины в центре кургана. С учетом размеров самого склепа (26 м<sup>2</sup>) высота курганной насыпи была не менее 9 м. В ней на полу из сырцового кирпича под слоем древесного тлена со следами розовой, голубой и серой красок лежал скелет в чешуйчатом панцире, слева от которого обнаружили спекшиеся в одну массу около 160 наконечников стрел. Из украшений присутствовала только золотая бляшка с оттиснутым на ней изображением звездочки. Рядом, возле панциря, были найдены обломки железных наконечников копий и меча. Неподалеку удалось обнаружить останки еще одного погребенного в таком же защитном вооружении с большим количеством наконечников стрел и двумя золотыми бляшками, представлявшими изображения мухи и мужской комической маски. «На некотором расстоянии влево был отрыт еще один покойник, одетый в такой же панцирь, без оружия, только у ног была найдена большая глиняная чашка простой работы и маленькая чашечка, покрытая черным лаком с ручками». Часть склепа за черепами захороненных в нем воинов была выделена загородкой из сырцовых кирпичей, где «оказались пять скелетов лошадей, голова к хвосту». У «этих лошадей были отысканы на головах бронзовые узды, простой работы, плохо сохранившиеся» [НВАГИМ. Ф. 1. Отдел археологии, группа Б. Д. 6. Л. 3]. Такая же загородка находилась с правой стороны гробницы, и в ней шесть скелетов лошадей с аналогичным уздечным набором.

К погребениям в сырцовых склепах относятся также известные подкурганые захоронения с фигурными полихромными сосудами — комплексы 1852 г. и 1869 г., открытые к юго-востоку от Фанагории [Паромов 2004: 309–316]. Первый из них представлял собой курган высотой 8,5 м при окружности 149 м [Ростовцев 1925: 267–268]. Сначала под курганной насыпью на глубине 2,8 м была открыта обшитая изнутри сосновыми досками гробница из сырцового кирпича (3,2 × 2,5 м),

на дне которой находились ориентированные на восток два скелета в одном деревянном гробу. Возле черепа одного из них сохранились «фрагменты маленькой вазочки, украшенной пальметкой, и простая глиняная чашечка. На пальце левой руки — золотое кольцо», а у ног — разбитый алабастр. Через несколько дней удалось выявить другую гробницу (2,16 × 0,78 м при высоте 1,13 м) «такого же устройства, основанием на материке». Скелет женщины в деревянном гробу, как и в предыдущем случае, был ориентирован на восток. В изголовье по обе стороны стояли два краснофигурных арибаллических лекифа. На черепе были обнаружены две золотых спиралевидных подвески с наконечниками в виде пирамидок из зерни (рис. 3, 2) и 43 круглых золотых бляшки от головного убора: 33 — с изображениями трех вариантов головы горгоны Медузы и 10 — с изображением женской головы в диадеме. Возможно, головной убор в данном случае имел жесткий кожаный каркас конусовидной формы и, соответственно, близок к типу 5 по классификации С. А. Яценко, который отмечал, что типологически сходные уборы с височными подвесками известны у восточных соседей скифов [Яценко 2006: 73, рис. 36, 3а; 43, 1].

В районе шеи нашли ожерелье из 19 золотых бусин овальной формы и подвески в виде львиной головки. Еще две «монисты» и орехи были найдены в изголовье и у ног погребенной. Ее руки когда-то украшали два разомкнутых серебряных браслета с львиными головками на концах, а один из пальцев — тонкое золотое колечко. Возле каждой руки было положено по алабастру. Из области пояса происходит серебряная пряжка. У ног справа нашли три глиняные (чернолаковые?) палеры, железный стригиль и имевший к нему отношение крючок, который, видимо, крепился на стенке гробницы. Слева лежали фрагмент деревянного гребня, бронзовое зеркало с деревянной ручкой, несколько бронзовых булавок, расписная пиксида, два окрашенных в голубой цвет разбитых глиняных крыла и, наконец, четыре сосуда в виде статуэток обнаженного молодого Диониса (ритон), крылатой женской фигуры с кроталами у алтаря (лекиф) и двух менад (ойнохои) [ДБК: табл. LXX]. В отношении датировки погребения особого внимания заслуживают золотые спиралевидные подвески с наконечниками в виде пирамидок из зерни, которые относятся к варианту II в по Л. Ф. Силантьевой и датируются концом V в. до н. э. [Силантьева 1976: 127], скорее всего, ко времени не позднее 420–410 гг. до н. э.

Женское погребение 1869 г. с фигурными полихромными сосудами находилось в перекрытой деревянными брусьями гробнице из сырцового кирпича, впущенной в материк [ОАК за 1869 г.: V; Фармаковский 1921; Ростовцев 1925: 269–270]. В. Ф. Гайдукевич видел в этом соответствие местной туземной традиции [Гайдукевич 1949: 281], хотя самые известные вещи из состава погребального инвентаря этого захоронения имеют греческое происхождение — это полихромные арибаллические лекифы в виде статуэток Афродиты, Сфинкса и Сирены. Среди других найденных изделий стоит отметить золотые бляшки с изображением горгоны Медузы, цветка лотоса и головы смеющегося сатира, украшавшие головной убор. К нему же, видимо, относятся две бронзовые покрытые листовым золотом спиралевидные подвески с пирамидками из зерни (рис. 3, 3)<sup>4</sup>. Как уже отмечалось,

<sup>4</sup> Аналогичные подвески происходят из СК 6 (здесь и далее для обозначения Семибратних курганов будет применяться сокращение СК).

Л. Ф. Силантьева выделила их как разновидность варианта II в конце V в. до н. э. Еще один предмет, сопровождавший погребенную, — бронзовое зеркало. С учетом всех находок, особенностей конструкции погребального сооружения и явно небольшого временного разрыва с комплексом из кургана 1852 г. есть достаточные основания отнести это женское погребение к рубежу V–IV вв. до н. э. [ср.: Фармаковский 1921: 5].

Еще один комплекс, который представляет для нас интерес, — это курган с гробницей из сырцового кирпича и деревянным перекрытием, исследованный в окрестностях Кеп близ усадьбы Пивнева в 1880 г. [ОАК за 1880 г.: XII], датирующийся периодом около 440–430 гг. до н. э. По ряду конструктивных признаков и комплексу находок около 410–400 гг. до н. э. была сооружена сырцовая гробница, обнаруженная в 1976 г. близ пос. Уташ (в 25 км к северу от Анапы) [Алексеева 1991: 30–34, табл. 50–57]. В данном случае погребальную камеру (15,6 м<sup>2</sup>), перекрытую накатом из дубовых и вязовых бревен, врезали в материк (рис. 1). Гробница, ориентированная по продольной оси на СВВ, имела два вытянутых отсека, отделявшихся друг от друга невысокой сырцовой стенкой. Обмазанный известью пол устилал толстый слой камки. Прямо на нем в южном отсеке стоял саркофаг, обильно инкрустированный гравированными пластинками слоновой кости. При этом особенно тщательной работой отличаются две пластины, где представлены персонажи из мифа о горгоне Медузе, представленной в виде крылатой женщины с короткими волнистыми волосами [Новичихин, Галут 2013: 22]. Это единственный сырцовый склеп V в. до н. э., где четко зафиксированы размеры использованных в кладке кирпичей: 0,5 × 0,48 м и 0,52 × 0,5 м при толщине от 0,06 до 0,11 м [Алексеева 1991: 30].

Для этнической атрибуции описанных погребений особенно важен тот факт, что именно в сырцовых склепах находились захоронения синдских вождей и членов правящего рода, раскопанные В. Г. Тизенгаузенем в 1875–1876 и 1878 гг. в известных Семибратних курганах<sup>5</sup>. Самые ранние комплексы (СК 2, 4, 5: около 450–420 гг. до н. э.) имели под курганными насыпями возведенные над материком сырцовые склепы с деревянным перекрытием и сопровождающими конскими захоронениями (рис. 2)<sup>6</sup>. Тем не менее наиболее активно в последнее время разрабатывается версия о появлении такого рода конструкций в результате греческого влияния<sup>7</sup>. Для обоснования этого положения приводятся ссылки на применение сырцового кирпича при сооружении гробниц на территории Греции и в Северном Причерноморье (некрополи Ольвии, поселения Панское I и Нимфея) [Козуб 1974: 12, рис. 2, 3; Рогов 1982: 45–50; Ольховский 1991: 49, 152]. Надо сказать, что эти примеры никоим образом нельзя признать удачными, поскольку они несопоставимы с боспорскими курганами ни конструктивно, ни в отношении датировки. В материковой Греции (Афины, Элевсин) отдельные грунтовые

<sup>5</sup> Более подробно об этих курганах см.: Горнчаровский 2014: 573–576.

<sup>6</sup> При всей схематичности чертежей из отчетов В. Г. Тизенгаузена толщина сырцовых стен открытых им склепов (около 0,5 м) близка к этим показателям.

<sup>7</sup> Сходных взглядов придерживается Н. И. Сударев, в личной беседе на XVI Боспорских чтениях (Керчь, 18–22 мая 2015 г.) заявивший, что такого типа погребальные комплексы являются слишком сложными сооружениями для синдов и могли быть возведены греками из расположенного всего в 3 км к юго-востоку Лабриса (Семибратнего городища).

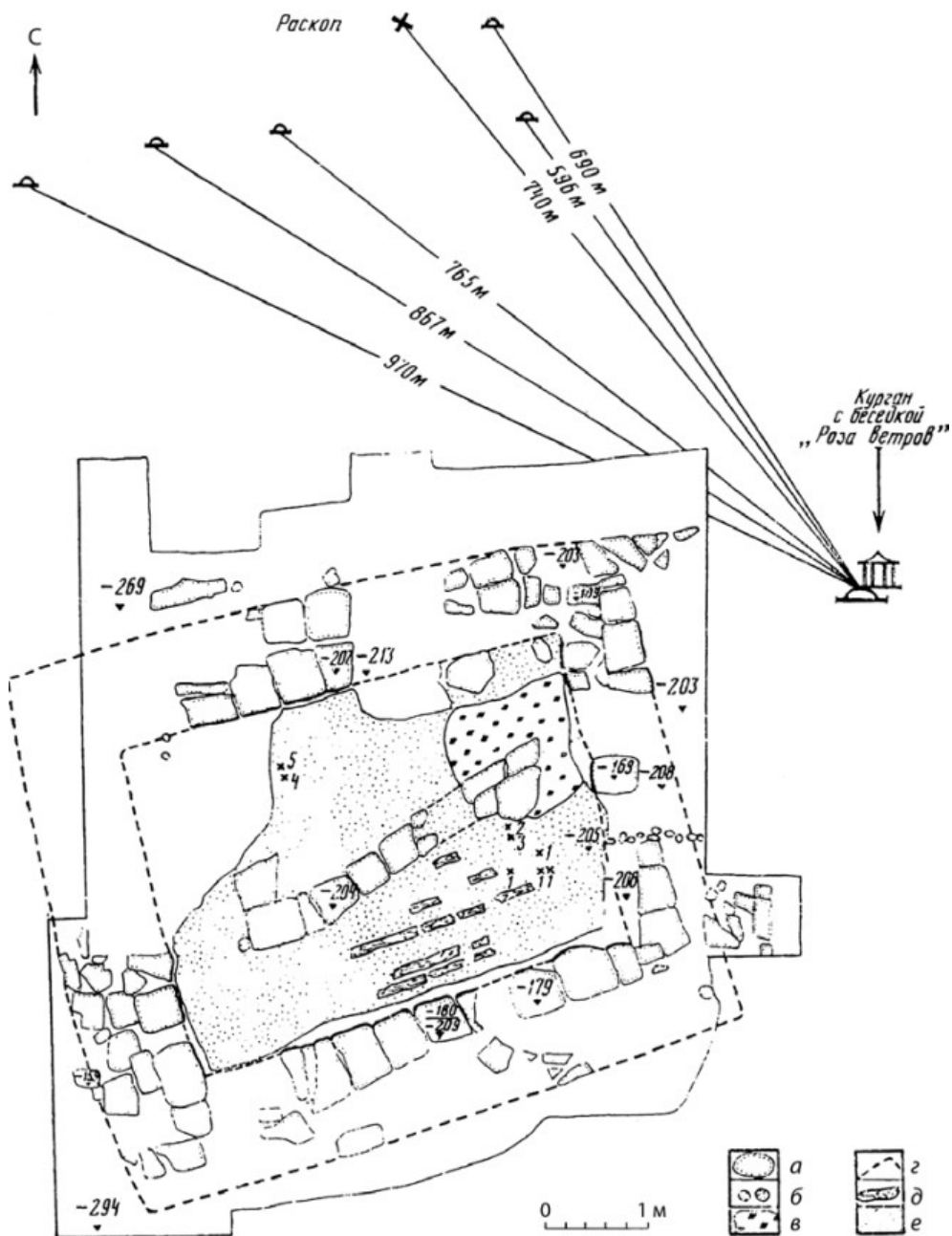


Рис. 1. План сырцового склепа, открытого в 1976 г. у пос. Уташ  
[по: Алексеева 1991: табл. 49]

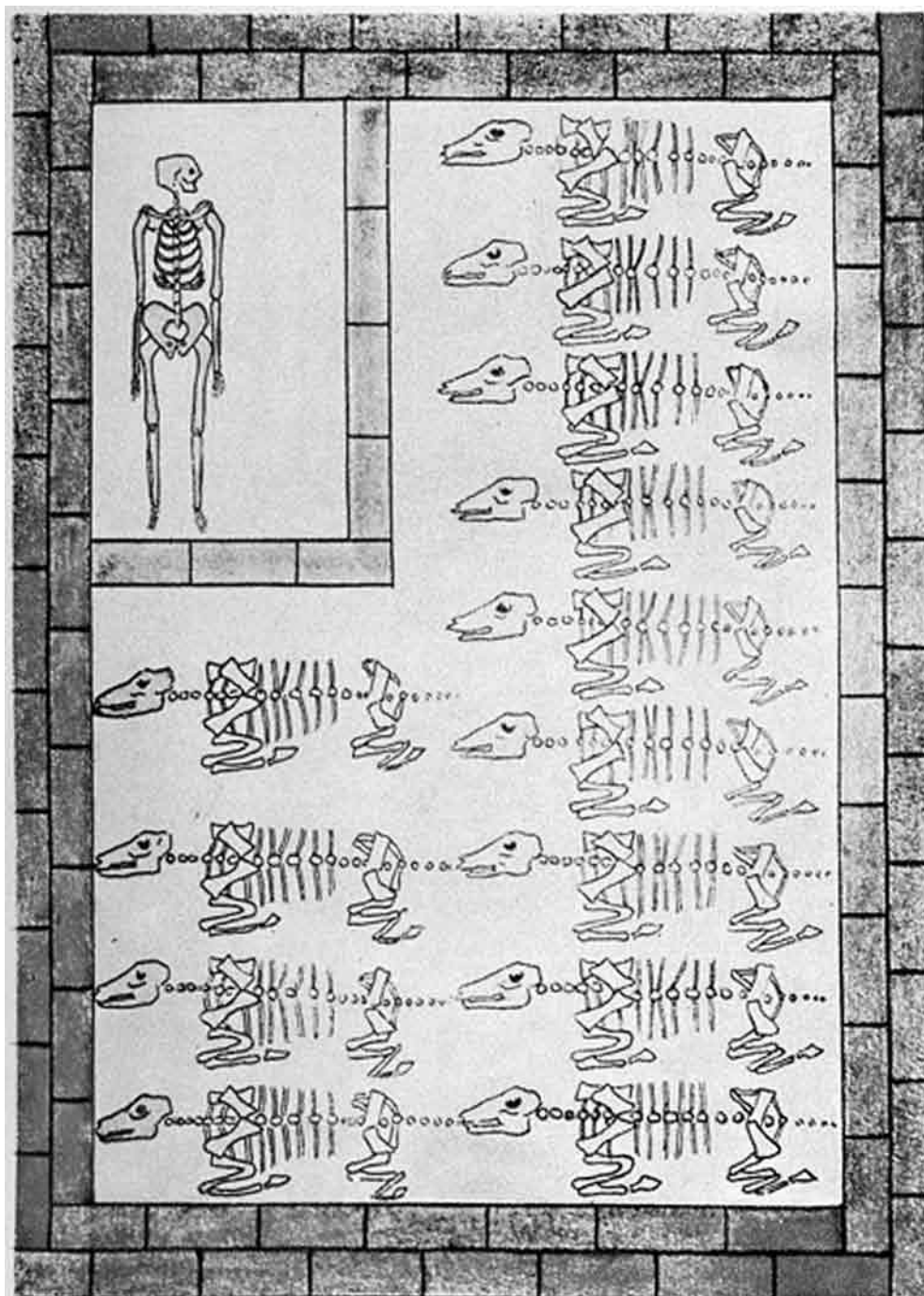


Рис. 2. План сырцового склепа в СК 2 [по: ОАК за 1876 г.: 117]



могилы, стенки которых обложены сырцовыми кирпичами, известны только для периода IX–VII вв. до н. э. [Poulsen 1905: 21; Zehetmaier 1907: 130–132], а в Ионии они вообще не встречаются. В Ольвии, как впрочем, и в Пантикапее, для VI–V вв. до н. э. сырцовые склепы отсутствуют, да и могильные ямы с сырцовой облицовкой — это единичные случаи [Цветаева 1951: 66; Кастанаян 1959: 258, 276]. Греческая принадлежность нимфейского сырцового склепа середины V в. до н. э. вызывает сомнения [Силантьева 1959: 14]. Что касается соответствующих погребальных сооружений на Панском I площадью 4,5–10 м<sup>2</sup>, то они датируются временем не ранее IV в. до н. э. [Рогов 1982: 49]. В данном случае использовались кирпичи 0,4 × 0,4 × 0,09 м и половинного размера, близкие к т. н. пентадорону (0,385 × 0,385 м). Их применение в греческой строительной практике описано Витрувием: «...с одной стороны выкладывают ряд кирпичей, с другой — полукирпичей. Таким образом, при прямолинейной кладке стены с обеих сторон перевязывают чередующимися слоями...» (*Vitr. De arch.* II, 3; пер. Ф. А. Петровского). К IV в. до н. э. относятся и два сырцовых склепа площадью около 6 м<sup>2</sup> каждый из некрополя Кеп [Сокольский 1965: 116; 1969: 88]. В данном случае стены были сложены из кирпичей размерами 0,62 × 0,45 × 0,08 м. Приходится констатировать, что основные элементы сырцовых погребальных конструкций в Греции и античных государствах Северного Причерноморья не имеют ничего общего с принятыми у синдов стандартами, практически совпадающими с длиной персидского «царского» локтя (= 52,5 см).

В свое время Н. П. Сорокина, исследовавшая Тузлинский некрополь, отмечала, что распространение сырцовых сооружений на Таманском полуострове лишь отчасти можно объяснить отсутствием хорошего строительного камня [Сорокина 1957: 14]. В еще большей степени это относится к району СК, в 5 км от которого находятся современные карьеры по добыче камня. Естественно предположить, что сооружение сырцовых склепов на территории Боспора, скорее, «было вызвано какими-то своеобразными чертами погребального культа обитателей Синдики» [Там же]. Вполне очевидно, что для Северного Причерноморья в V в. до н. э. — это уникальное явление, не связанное с греческой традицией. Действительно, самые ранние склепы синдской знати не представляют собой более масштабную версию греческого варианта могильной ямы со стенками из сырцовых кирпичей: они возводились над материком. Не прослеживается связь конструктивных особенностей такого рода сооружений и с могильниками VI–V вв. до н. э. в районе Анапы<sup>8</sup>, где, по мнению А. М. Новичихина, происходило формирование синдского этноса [Новичихин 2014: 116–117]. Следовательно, истоки этой погребальной обрядности не имеют окрашенных греческим влиянием местных корней. Их нужно искать в иной культурной среде, прежде всего в сопредельных кочевых обществах, чтобы определить регион, откуда они могли быть привнесены.

---

<sup>8</sup> Они представлены тремя типами: площадки с каменными закладами, ямы прямоугольной и овальной формы с округлыми обкладками из камня, заглубленные каменные ящики. Их объединяет простота устройства и скромность инвентаря, в чем можно видеть отражение определенной социально-этнической иерархии. При этом стоит отметить, что, как и в СК, здесь преобладает ориентировка погребенных в пределах восточного сектора [Новичихин 2010: 192–196].

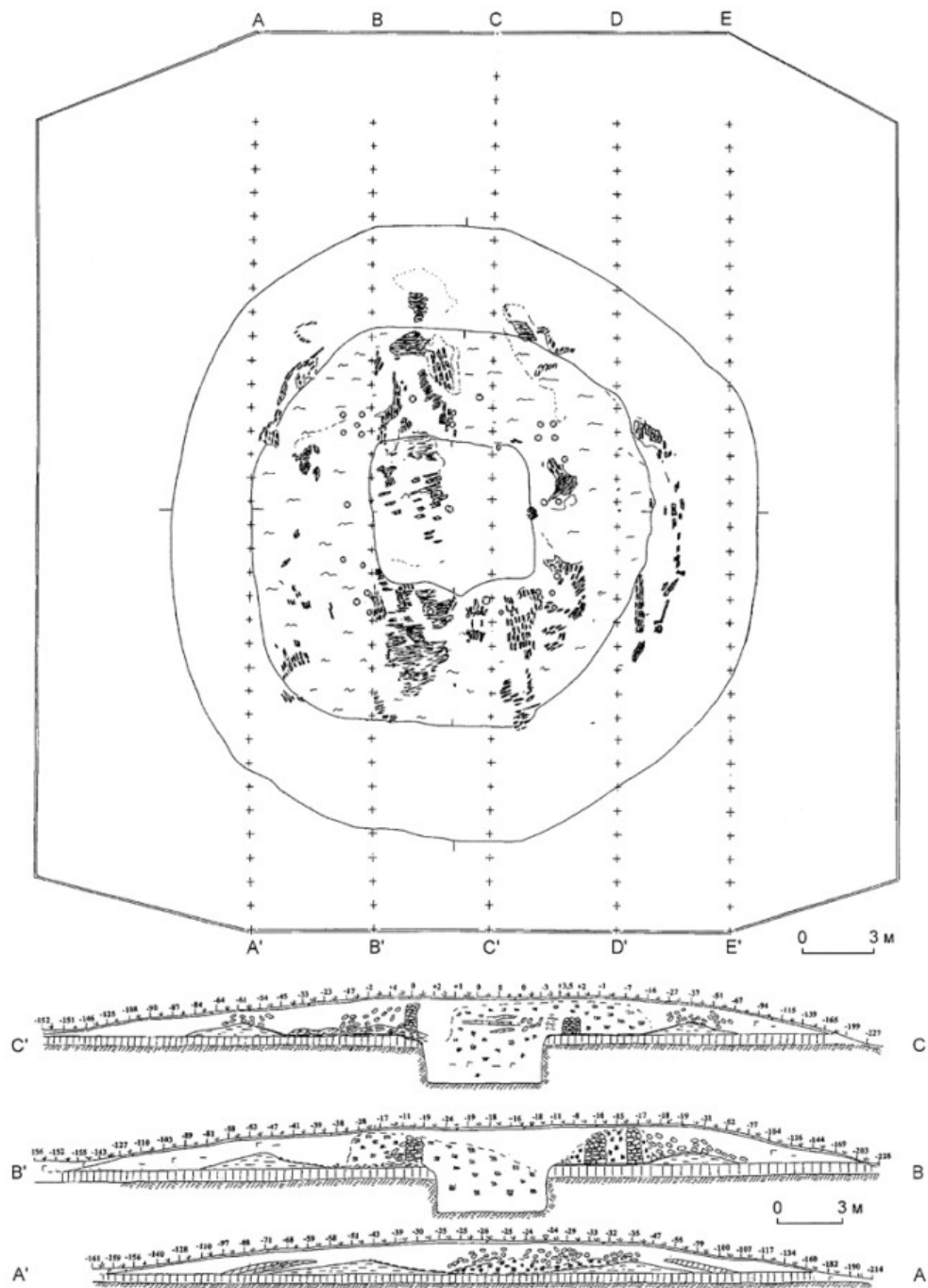


Рис. 3. Могильник Кырык-Оба II, курган 19: план подкурганной конструкции и стратиграфические профили [по: Гуцалов 2007: рис. 11]

В скифских курганах между Дунаем и Доном тип сырцовой погребальной камеры отсутствует [Ольховский 1991: 17]<sup>9</sup>. То же можно сказать и о «царских» курганах Восточного Прикубанья VI в. до н. э. С другой стороны обычай захоронения умершего в просторной наземной камере, возведенной из сырцового кирпича, в X–VIII вв. до н. э. имел широкое распространение в Приаралье. Так, он был характерен для могильника племенных вождей Северный Тагискен [Итина 1992: 31–37]. Для более позднего времени перекрытые деревянными плахами камеры из сырцового кирпича зафиксированы в курганных могильниках VI — первой половины V в. до н. э., исследованных в южноуральских степях и Самарском Заволжье [Мышкин, Скарбовенко 2010: 93]. Они возведены на погребенной почве и в ряде случаев сопровождаются захоронениями взнузданных коней. Склеп, открытый в могильнике Есен-Амантау (Лебедевка II) на левом берегу реки Урал, имел бревенчатый накат, а в могильнике Кырык-Оба II (в 10 км к югу от русла Урала) стены погребального сооружения при высоте до 1,5 м имели ширину 1 м из четырех полукирпичей [Гуцалов 2007: 78, 80] (рис. 3). Впрочем, в субкультуре местной кочевнической элиты такие склепы далеко не доминируют, составляя около 12 % всей выборки. При этом нет полного соответствия СК, поскольку сырцовые конструкции часто перекрывают захоронения в ямах с ориентацией погребенных в южном и западном направлениях [Мышкин 2011: 169]. Наличие в Самаро-Уральском регионе пяти типов элитных погребальных памятников может свидетельствовать о существовании на этой территории нескольких разноэтничных группировок кочевников. Часть одной из них могла сместиться в западном направлении около 530 г. до н. э. под давлением новой кочевой волны с востока («скифы царские»), положившей начало среднескифской культуре [Виноградов 2001: 124–125; Масленников 2001: 315; Алексеев 2003: 208–210, 397, рис. 24]. Смена в ходе миграции природной и социальной среды, ослабление традиционных норм поведения — все это неизбежно должно было привести к серьезным изменениям в культуре участников этого процесса, далеко не идентичной той, что существовала на родине. Могли сыграть роль такие факторы, как присутствие в составе мигрантов, главным образом, молодых мужчин, не обязательно однородных в этническом отношении и сохранивших лишь отдаленные воспоминания о порядке захоронения лиц высокого социального ранга [ср.: Клейн 1973: 1–17]. Видимо, синдов следует рассматривать как группу ираноязычных кочевников, отличных от скифов, но на определенном этапе находившихся под их сильным политическим и культурным влиянием. Не вызывает сомнений, что они были открыты и для культурных импульсов, распространявшихся по степному коридору с востока. Так, Е. В. Переводчикова отмечает для V в. до н. э. сходство отдельных предметов погребального инвентаря СК с вещами из восточных областей Евразии [Переводчикова 1987: 56], хотя, скорее всего, это воздействие носило опосредованный характер, поскольку местными мастерами использовался достаточно ограниченный набор соответствующих образов [Переводчикова 1994: 56, 165–166]. То же самое можно сказать о совпадениях в отношении

<sup>9</sup> Единственный пример подобного рода в монографии В. С. Ольховского — это уже упоминавшийся нимфейский подкурганый сырцовый склеп, скифскую принадлежность которого можно опровергнуть.

погребального обряда, художественных приемов и стилистики с материалами пазырыкских курганов на Алтае [Марсадолов 1987: 30–37; Зуев 1994: 93–94].

К рубежу VI–V вв. до н. э. синды, очевидно, обладая значительным воинским потенциалом, заняли географическую нишу в Нижнем Прикубанье и обрели доминирующее положение среди местных оседлых и полуоседлых варварских племен. Если исходить из титулатуры боспорского царя Левкона I (389–349), принятой сразу после присоединения этой области, получается, что он одновременно получил власть не только над синдами, но и над дандариями, пессами и торетами, очевидно, входившими в состав военно-политического союза, сложившегося в ходе противостояния скифской экспансии в начале V в. до н. э. [Горнчаровский 2014: 581].

Греческое влияние на синдскую погребальную обрядность определено прослеживается лишь с конца V в. до н. э. Своеобразной иллюстрацией в этом отношении является СК 6: меняется привычная конструкция погребального сооружения<sup>10</sup> — в угол сырцового склепа, теперь уже впущенного в материк, здесь встраивается гробница из известняковых плит (2,3 × 1,5 м), куда помещен деревянный резной саркофаг с крышкой, обитой покрывалом из тонкой шерстяной ткани с трехцветной росписью. Происходят изменения в наборе престижных предметов погребального инвентаря. Из их числа выпадают традиционные для причерноморских варваров рога для питья вина, тогда как оружие, серебряные сосуды греческой работы и художественная бронза по-прежнему сохраняют свой статус. Безусловным новшеством является ношение золотых перстней: на костях пальцев рук погребенного их было три. Обращают на себя внимание и присутствие в склепе трех пластин из слоновой кости с изображениями на мифологические сюжеты и орнаментальными мотивами от шкатулок средиземноморского происхождения, а также точеных ножей от типичного греческого ложа (κλίβη).

Выявленную тенденцию в развитии конструкции погребальных сооружений элиты синдского общества можно проследить и на примере захоронений, не имевших прямого отношения к «царскому» роду и рассеянных на довольно большой территории к западу от Лабриса.

## Литература

- Алексеев 2003: *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб.
- Алексеева 1991: *Алексеева Е. М.* Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М.
- Виноградов 2001: *Виноградов Ю. А.* Две Скифии и скифы царские // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. II. С. 124–127.
- Виноградов 2005: *Виноградов Ю. А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в античную эпоху. СПб. С. 211–296.
- Виноградов 2014: *Виноградов Ю. А.* Варварские миграции в истории Боспора Киммерийского // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М. С. 64–75.

<sup>10</sup> На этом этапе в сооружении кургана могли принимать участие граждане Лабриса.

- Гайдукевич 1949: *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л.
- Герц 1898: *Герц К. К.* Исторический обзор археологических исследований на Таманском полуострове с конца XVIII ст. до 1859 г. СПб.
- Горнчаровский 2014: *Горнчаровский В. А.* Семибратние курганы в контексте истории и древностей Северного Причерноморья // *БИ.* Вып. XXX. С. 553–618.
- Гуцалов 2007: *Гуцалов С. Ю.* Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н. э. // *АЭАЕ.* № 2. С. 75–92.
- Застрожнова 2014: *Застрожнова Е. Г.* Археологические раскопки Фанагории в 1852–1855 гг. // *БИ.* Вып. XXX. С. 469–481.
- Зуев 1994: *Зуев В. Ю.* Образ свернувшегося в кольцо хищника из IV Семибратнего кургана (иконографические истоки и их исторический контекст) // *Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза.* СПб. С. 90–94.
- Итина 1992: *Итина М. И.* Ранние саки Приаралья // *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.* М. С. 31–47.
- Кастанаян 1959: *Кастанаян Е. Г.* Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н. э. и местные их особенности // *МИА.* № 69. С. 257–295.
- Клейн 1973: *Клейн Л. С.* Археологические признаки миграций (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Чикаго. 1973. Доклады советской делегации). М.
- Козуб 1974: *Козуб Ю. И.* Некрополь Ольвии V–IV ст. до н. э. Київ.
- Марсадолов 1987: *Марсадолов Л. С.* Хронологическое соотношение Пазырыкских и Семибратних курганов // *АСГЭ.* Вып. 28. С. 30–37.
- Масленников 2001: *Масленников А. А.* Варвары, греки и Боспор Киммерийский до Геродота и при нем // *ДБ.* Т. 4. С. 291–323.
- Мышкин 2011: *Мышкин В. Н.* Погребальная обрядность социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V вв. до н. э. (к проблеме формирования прохоровской культуры) // *ПОРКЕ.* С. 168–178.
- Мышкин, Скарбовенко 2010: *Мышкин В. Н., Скарбовенко В. А.* Ранние кочевники Самарского Поволжья: история и итоги изучения // *40 лет Средневожской археологической экспедиции.* Самара (Краеведческие записки. Вып. XV). С. 87–100.
- Новичихин 2006: *Новичихин А. М.* Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. Анапа.
- Новичихин 2010: *Новичихин А. М.* Планиграфия и погребальный обряд могильника у хутора Рассвет // *Население архаической Синдики.* М. С. 191–203.
- Новичихин 2014: *Новичихин А. М.* Об этногенезе синдов // *Древняя и средневековая культура адыгов.* Нальчик. С. 110–121.
- Новичихин, Галут 2013: *Новичихин А., Галут О.* Золото Горгии. Анапа; Краснодар.
- Ольховский 1991: *Ольховский В. С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.
- Паромов 2004: *Паромов Я. М.* Фанагорийские курганы с фигурными полихромными сосудами // *ДБ.* Т. 7. С. 309–316.
- Переводчикова 1987: *Переводчикова Е. В.* Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья // *СА.* № 4. С. 44–58.
- Переводчикова 1994: *Переводчикова Е. В.* Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.
- Рогов 1985: *Рогов Е. Я.* Сырцовые конструкции в погребальных сооружениях некрополя Панское I // *КСИА.* Вып. 182. С. 45–50.
- Ростовцев 1925: *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Петроград.

- Силантьева 1959: *Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея // МИА. № 69. С. 5–107.
- Силантьева 1976: *Силантьева Л. Ф.* Спиралевидные подвести Боспора // ТГЭ. Т. XVII. С. 52–56.
- Сокольский 1965: *Сокольский Н. И.* Раскопки в Кепях в 1962 г. // КСИА. Вып. 103. С. 108–118.
- Сорокина 1957: *Сорокина Н. П.* Тузлинский некрополь. М.
- Фармаковский 1921: *Фармаковский Б. В.* Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории. Петербург (Записки Российской Академии истории материальной культуры. Вып. 1).
- Цветаева 1951: *Цветаева Г. А.* Грунтовый некрополь Пантикапея: его история, этнический и социальный состав // МИА. № 19. С. 63–86.
- Яценко 2006: *Яценко С. А.* Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.
- Poulsen 1905: *Poulsen F.* Die Dipylongräber und die Dipylonvasen. Leipzig.
- Zehetmaier 1907: *Zehetmaier J.* Leichenverbrennung und Leichenbestattung im alten Hellas. Leipzig.

## ВЫХОДЦЫ ИЗ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ САТРАПИЙ АХЕМЕНИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ В МЕСОПОТАМИИ

*М. А. Дандамаев (Санкт-Петербург)*

Как известно, между 550 и 510 гг. до н. э. возникла первая мировая держава, границы которой простирались от Египта до Средней Азии и Северо-Западной Индии. Это была Ахеменидская империя, для которой были характерны интенсивные процессы этнического смешения и синкретизма культур и религиозных представлений различных народов. Персидская государственная администрация создавала во многих сатрапиях военные колонии из представителей различных народов. Об этих процессах наряду с другими источниками свидетельствуют клинописные документы из Вавилонии, в которых, в частности, упоминаются выходцы из Средней Азии, находившиеся там на военной или административной службе. Ниже будут вкратце рассмотрены основные данные об этих людях.

Обзор этот уместно будет начать с хорезмийцев, сведения о которых относятся еще к раннеахеменидскому времени. Это прежде всего хорезмиец ([Hur]-gi-im-ma-a-a) по имени Дадапарна (от др.-перс. *Dāta-farna*), который упоминается в документе UCP 38 от 5-го года правления персидского царя Кира (534 г. до н. э.). Этот же самый хорезмиец ([Hur]-gi-im-ma-a-a, от др.-перс. (h)vārazmu-) упоминается и в UCP 39, составленном в местности Бит-цапцап (вероятно, недалеко от города Урука), по-видимому, в том же году (дата не сохранилась). Оба документа были раскопаны на территории Урука и, вероятно, принадлежали архиву храма Эанна. На эти тексты внимание обратил Р. Цадок [см.: Zadok 1976: 214; 1981: 658]. Этому Дадапарне, наряду с несколькими другими лицами, была поручена охрана какого-то дворцового имущества. Во втором из рассмотренных документов он упоминается вместе с несколькими другими царскими чиновниками.

Другой хорезмиец упоминается в документе из того же архива, составленном в 527 г. до н. э. [Tremayne 1925: no. 154]. В этом тексте речь идет о необходимости послать 50 храмовых рабов Эанны в распоряжение начальника одного укрепленного пункта, который носил вавилонское имя, а также хорезмийца (стк. 11: Hur-zi-ma-a-a), имя которого не сохранилось. Сам укрепленный пункт находился недалеко от Урука. Посланные туда рабы должны были выполнять обязанности лучников. Один документ времени Кира упоминает хорезмийца [Moore 1939: 89: 51/l. 51: Hur-zi-ma-a-a] по имени Укириа, который занимал должность управляющего финиковой рощей, расположенной близ Урука и принадлежавшей царю. Наконец, в долговой расписке Dag. 458 от 505 г. в Вавилоне, среди свидетелей упоминается хорезмиец (стк. 14: Hur-zi-ma-a-a) по имени Убаратта наряду с одним «киммерийцем» (т. е. выходцем из племени саков) и несколькими другими чужеземцами.

Здесь уместно будет упомянуть также о хорезмийцах, которые в ахеменидское время находились на военной службе в Египте. Папирусный документ, написанный

в 464 г. до н. э., упоминает Даргамана, сына Харшина, хорезмийца из отряда Артабана (иранское имя) в крепости на острове Элефантина. Он владел там собственным домом и затеял тяжбу с другим человеком из-за земельного участка [Cowley 1923: no. 6].

Однако не всем выходцам из Средней Азии, которые попадали в Месопотамию или Египет, так везло, чтобы в этих богатых странах находиться на царской службе. Так, например, в одном документе упоминается «бактрианка» (Bahtaruiti), которая была продана в 512 г. в городе Сиппаре [Pinches 1890: 104]. Здесь же можно упомянуть также документ Dag. 379 (стк. 44), где в перечень имущества известной предпринимательской семьи из Вавилона Эгиби включена «гандхарка», т. е. женщина из области Гандхария, которая была расположена к востоку от Маргианы и граничила с Индией.

Наибольшую группу выходцев из Средней Азии составляли представители сакских племен. По свидетельству Геродота (Hdt. VII, 64), персы называли все скифские племена саками, а греки именовали кочевые племена южнорусских степей и Средней Азии скифами. В вавилонских текстах саки называются «киммерийцами» (Gimirrāja), по имени племен, которые вторглись на Ближний Восток в VIII–VII вв. до н. э., т. е. еще раньше, чем скифы. В персидских и эламских версиях ахеменидских надписей все скифские племена именуется саками, в то время как в вавилонских версиях они, следуя архаической традиции, называются киммерийцами. Единственный вавилонский текст, где упоминается название «саки» [Cuneiform Texts... 1982: no. 93/l. 3] из Сиппара, который относится ко времени правления Дария I. В этом тексте некий Демиши назван саком. В отличие от вавилонян, ассирийцы проводили различие между названиями киммерийцы и скифы. Таким образом, хотя в ассирийских источниках «киммерийцы» и «скифы» являются различными этническими группами, в вавилонских документах VI–V вв. до н. э. для обозначения саков, как правило, употребляется название «гимирри». Киммерийцы и саки оказали определенное влияние на вооружение вавилонской армии еще до захвата Месопотамии персами. Нередко вавилонские воины были вооружены скифскими стрелами с медными и железными наконечниками, а также скифскими луками, которые по своим баллистическим качествам намного превосходили ассирийские и вавилонские.

Саки («киммерийцы») часто упоминаются в вавилонских административных и деловых документах ахеменидского времени как царские воины, входившие в состав воинских колоний. Например, в BabEр VIII, 80, составленном в 529 г., упоминается распоряжение персидского наместника Месопотамии Гобрива о передаче одного канала в пользование «киммерийцам» для орошения их поля, расположенного близ Ниппура. В упомянутом выше документе Dag. 458, составленном в Вавилоне, «киммериец» по имени Сакита вместе с одним хорезмийцем выступают в качестве свидетелей контракта.

Для примера остановимся вкратце на нескольких документах. В BabEр X, 69 отмечается, что «1 мина серебра, 1 чан отменного, сладкого пива, 1 баран, 1 пан 4 сут (60 л) муки и ячменя — повинность полностью для воина царя, муки для царя, налог и всякие приношения для царского дома за 3-й год Дария [421 г. до н. э.] с наделов лука общины киммерийцев получил от дома Мурашу старшина (киммерийцев) Тирипарна, сын Хумата». Документ BabEр X, 97, составленный в Ниппуре в 420 г., фиксирует уплату царской подати за один год деньгами (2 мины серебра), пивом, мукой, ячменем и т. д. с наделов лука, принадлежавших «киммерийцам» и находившихся в аренде у дома Мурашу.



Документ BabExp X, 97, составленный в Ниппуре в 420 г., фиксирует уплату царской подати деньгами (2 мины серебра), пивом, мукой, ячменем и т. д. с наделов лука, принадлежавших киммерийцам. Уплата была произведена через старшину «киммерийцев» Тадданну (семитское имя), сына Тириямы (иранское имя) в присутствии судьи и трех свидетелей.

Как видно из этих и других аналогичных документов, в округе Ниппура во второй половине V в. до н. э. существовали военные колонии саков. Они обычно сдавали свои наделы в аренду дому Мурашу, который выплачивал им арендную плату натурой (зерном, пивом и т. д.), а также деньгами. Начальником одной из таких колоний был Тирипарна, сын Хумата. В другом документе упоминается Тирибаз, брат Тирипарны [Kückmann 1933: Nr. 189]. Все эти имена — иранские. Под «киммерийцами» здесь имеются в виду среднеазиатские саки, которые были покорены при Кире и Дарии I.

После завоевания Месопотамии персами ахеменидская администрация создала в Ниппуре военную колонию, состоящую из саков. Однако некоторые из них носили вавилонские имена, что свидетельствует о процессах этнического смешения, которые были характерны для Вавилонии рассматриваемого периода. За свою службу колонисты получали земельные наделы, которые они не всегда сами обрабатывали, а сдавали в аренду предпринимательскому дому Мурашу. Последний уплачивал арендную плату владельцам этих наделов, а также царю денежные и натуральные подати.

Один документ свидетельствует о том, что саки в Вавилонии несли военную службу также в качестве матросов. Геродот (Hdt. VII, 96; 184) пишет, что во время похода Ксеркса против Греции в 480 г. в персидском флоте было 1207 кораблей, на которых находились финикийцы, египтяне и представители других народов. Кроме того, на всех кораблях было еще по 30 человек, которые состояли из персов, мидийцев и саков. Они должны были охранять корабли, чтобы их команда не перешла на сторону греков. Вавилонский текст VS 49 содержит определенную параллель к такому сообщению. Он был составлен в шестом году царствования Камбиза (524 г.), по-видимому, в Уруке, где и был найден во время археологических раскопок. В этом тексте содержится перечень расходов продуктов, которые были выданы различным работникам со склада храма Эанны. В частности, этот документ содержит указание, что 1 пан 4 сут (около 50 л) муки получили «киммерийцы Ушукая и Татаккая, которые на кораблях». Из этого текста видно, что среди саков, служивших в персидской армии в Вавилонии, были и такие, которые несли охрану на лодках, доставлявших грузы по распоряжению царской администрации. В рассматриваемом случае эти грузы (вероятно, продукты питания) должен был поставлять храм Эанна в Уруке. Характерно, что в том же тексте упоминаются и писцы-переводчики, услуги которых, очевидно, требовались для общения с саками. Имена обоих этих саков иранские.

Значительную группу выходцев из Средней Азии в Вавилонии составляли также арейи (arumaja: BabExp IX, 74:8 и др.). Это этническое название было отождествлено Эйлерсом с жителями страны Арейя (др.-перс. Naraiva, авест. Naṛōiva, эламское Nargima, вавилонское Arēmu, греч., Areoi/Argioi). Он предполагал, что в вавилонских текстах под этим топонимом имеется в виду сатрапия Харайва Ахеменидской империи, находившаяся к востоку от Парфии, в Герате (на территории совр. Афганистана) [Eilers 1934: 333]. В течение нескольких десятилетий такая идентификация этой области оставалась общепринятой. Однако теперь она под-

вергается сомнению или даже отвергается на том основании, что др.-перс. названию *Naraiva* в вавилонских вариантах ахеменидских надписей соответствует топоним *Agūmaja* [Zadok 1977: 113; Stolper 1985: 72; Schmitt 1994: 89; Tavernier 2007: 287]. Поэтому идентификация этого названия пока не вполне ясна, но тем не менее очевидно, что здесь имеется в виду какая-то область Средней Азии или Восточного Ирана.

Все упоминания об арейях в Вавилонии находятся в документах архива предпринимательского дома Мурашу в Ниппуре и относятся ко второй половине V в. до н. э. Это были военные поселенцы, размещенные в районе Ниппура с выдачей им наделов лука, расположенных в пяти различных пунктах вокруг этого города.

Остановимся вкратце на содержании нескольких текстов из упомянутого архива. По свидетельству документа *BabExp IX, 74*, в 425 г. восемь арейев получили от дома Мурашу две мины серебра, три овцы и три кувшина пива в качестве арендной платы со своих наделов в округе Ниппура. Их имена и патронимия за немногими исключениями иранские (Бага, Испатару, Тиридат, Багадат и др.). Спустя семь лет этим же самым лицам и еще трем другим арейям также была выдана арендная плата, которая состояла из двух мин серебра, двух кувшинов первосортного пива, двух баранов и ячменной муки. В конце текста указывается, что получатели арендной платы должны составить расписку и отдать ее представителю дома Мурашу [Clay 1912: no. 122]. В 420 г. Барики, сын Хурушадата, и еще несколько других лиц получили от того же арендатора 30 сиклей серебра (*BabExp X, 100*). Начальником этой группы был Таттанну, сын Багаязу. Хурушудат и Багаязу — иранские имена, но их сыновья имели семитские имена. В документе *BabExp X, 111* указана арендная плата сразу за три года, которую получил «начальник арейев» Бел-надин, сын Багадата. При этом надел был сдан не самой семье дома Мурашу, а их рабу. Как видно из этого текста, Багадат (иранское имя) дал своему сыну вавилонское имя [см. подробно: Дандамаев 2009: 314–319].

Таким образом, во второй половине V в. до н. э. в окрестностях Ниппура были поселены воины из сатрапии Арейя. Они составляли особый военный округ (*haṭru*), территория которого охватывала по меньшей мере пять населенных пунктов, получая за свою службу земельные наделы, которые, однако, не всегда обрабатывали сами, а сдавали в аренду Мурашу за деньги и натуральную плату. Нередко они давали своим детям вавилонские имена, что является свидетельством о смешанных браках и синкретизме культурных традиций.

## Литература

- Дандамаев 2009: Дандамаев М. А. Месопотамия и Иран в VII–IV вв. до н. э.: Социальные институты и идеология. СПб.
- Clay 1912: Clay A. T. *Business Documents of Murashu Sons of Nippur dated in the Reign of Darius II*. Philadelphia (Publications of the Babylonian Section. Vol. 2. No. 1).
- Cowley 1923: Cowley A. *Aramaic Papyri of the Fifth Century B.C.* Oxford.
- Cuneiform Texts... 1982: *Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum*. Pt. LV. London.
- Eilers 1933: Eilers W. *Rec ad op.: Krückmann O. Neubabylonische Rechts und Verwaltungstexte*. Leipzig, 1923 // AfO. IX. S. 332–335.
- Krückmann 1933: *Krückmann O. Neubabylonische Rechts- und Verwaltungstexte*. Leipzig, 1933 (Texte und Materialien der Frau Professor Hilprecht Collection of Babylonian antiquities im Eigentum der Universität Jena. Bd. 2/III).

- Moore 1939: *Moore E. W.* Neo-Babylonian documents in the University of Michigan Collection. Ann Arbor.
- Pinches 1890: *Pinches Th. G.* Babylonian contract-tablets with historical references // Records of the Past. Ser. 2. Pt. 4. London. P. 96–108.
- Schmitt 1994: *Schmitt R.* Rec. ad op.: *Dandamayev M.* Iranians in Achaemenid Babylonia. Costa Mesa, 1992 (Columbia Lectures on Iranian studies. No. 6) // *Kratylos*. Wiesbaden. Jg. 39. S. 82–89.
- Stolper 1985: *Stolper M. W.* Entrepreneurs and Empire: the Murašû Archive, the Murašû Firm, and Persian rule in Babylonia. Leiden (Uitgaven van het Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut te Istanbul. 54).
- Tavernier 2007: *Tavernier J.* Iranica in the Achaemenid Period (ca. 550–330 B.C.): Lexicon of Old Iranian Proper Names and Loanwords, attested in non-Iranian Texts. Leuven; Dudley (Orientalia Lovaniensia Analecta. 158).
- Tremayne 1925: *Tremayne A.* Records from Erech, Time of Cyrus and Cambyses (538–521 B.C.). New Haven (Yale Oriental Series. Babylonian Texts. Vol. 7).
- Zadok 1976: *Zadok R.* Rec. ad op.: *Hinz W.* Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975 // *BiOr*. Jg. 33. P. 213–214.
- Zadok 1977: *Zadok R.* Iranians and individuals bearing Iranian names // *IOS*. 7. P. 89–138.
- Zadok 1981: *Zadok R.* Rec. ad op.: *Voigtlander E. N.* The Bisitun inscription of Darius the Great: Babylonian Version. London, 1978 // *BiOr*. Jg. 38. P. 657–665.
- Zadok 1985: *Zadok R.* Geographical Names according to New- and Late-Babylonian Texts. Wiesbaden (Répertoire géographique des textes cunéiformes. 8; Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients. Rh. B: Geisteswissenschaften. Nr. 7).

# К ВОПРОСУ О РАННЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКЕ БАКТРИИ (по материалам закрытого комплекса из террасного дома на Кампыртепа)

*Н. Д. Двуреченская (Москва)*

За последние два десятилетия благодаря раскопкам и публикации материалов из как вновь открытых, так и уже известных памятников Северной Бактрии, качественно расширилась база источников по керамике эллинистического времени<sup>1</sup>. Одним из ключевых объектов в решении проблемы уточнения и детализации хронологии керамической шкалы эллинистического периода является крепость Кампыртепа<sup>2</sup>. С 2004 по 2013 г. Бактрийским отрядом Института археологии РАН в восточном секторе «нижнего города» Кампыртепа был вскрыт и обследован ряд уникальных сооружений раннеэллинистического периода. В первую очередь к ним относится террасный дом на западном крае блока V (помещения 33 и 34) [Двуреченская 2011: 59–64]. Именно здесь в строго зафиксированных стратиграфических условиях был получен закрытый керамический комплекс раннего эллинистического периода<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 13-31-01000.

<sup>2</sup> В 2000 г. были опубликованы материалы гончарной мастерской, датируемые III–II вв. до н. э. [Ртвеладзе, Болелов 2000: 99–104, рис. 1, 2; Болелов 2001: 19]. Горн и относимые к нему сооружения были обнаружены в восточном пригороде за пределами стен «нижнего города». В это же время в юго-восточной части цитадели был заложен стратиграфический шурф. Из пяти выделенных периодов три отнесены к концу IV–II вв. до н. э. (периоды Кт I–III). В нижнем слое шурфа была также частично вскрыта полуземлянка с немногочисленным комплексом наиболее ранней эллинистической керамики [Мкртычев, Болелов 2006: 43–66, рис. 2, 3].

В 2002–2003 гг. под стеной цитадели была открыта шестиметровая свита ранних слоев. Стратиграфическое изучение их выявило остатки стены, сложенной из кирпича размером 50 × 40 × 8 см, а также два помещения. Керамика была получена для всех выделенных 33 слоев в достаточном для статистической обработки количестве [Сверчков, Восковский 2006: 21–28, рис. 1–11].

С 2005 по 2010 г. были продолжены работы на юго-восточной части цитадели, которые позволили проследить стратиграфию городища от момента основания и вплоть до конца греко-бактрийского времени на широкой площади. Был обнаружен производственный центр с пятью гончарными комплексами [Болелов 2011: 48–79]. Помимо этого, были открыты фундамент жилого дома греко-бактрийского времени и две врубленные в материк землянки, относящиеся к периоду Кт-I, который датируется последней третью IV в. до н. э. [Болелов 2013].

Отрядом Института искусствознания под руководством Э. В. Ртвеладзе был обследован предварительный комплекс, предварительно датируемый последней четвертью IV в. до н. э.

<sup>3</sup> Хронологически синхронный объект — масштабное сооружение 36 — также дал материал рассматриваемого времени. Однако керамический комплекс с первого пола этого сооружения не является закрытым и поэтому будет рассматриваться в данной статье в рамках иллюстративного подхода [Двуреченская 2012а: 64–74].

Вторым важным объектом является открытая в 2003 г. и полностью исследованная в 2009 г. крепость Курганзол, расположенная в горах Байсуна. Этот небольшой памятник представляет собой уникальный образец фортификационного сооружения с комплексом жилых и оборонительных помещений, богатым керамическим материалом и серией индивидуальных находок, относимых на основе анализа археологического материала, а также серии радиоуглеродных и дендрохронологических дат к последней четверти IV в. до н. э. [Мокробородов 2005; Сверчков 2007: 31–66; 2009]<sup>4</sup>. Благодаря тому, что Л. М. Сверчков предоставил нам архив полевых исследований и чертежей керамики Курганзола (2004–2008 гг.), появилась возможность проведения детального анализа данных, полученных на этих двух памятниках, по одной методике<sup>5</sup>.

Общеизвестна сложность разделения керамического комплекса Бактрии эллинистического времени на более дробные периоды. Большинство исследователей указывают на незначительные изменения в нем на протяжении всей рассматриваемой эпохи. В попытках разрешить данную проблему применялись самые разные подходы. Один из них долгое время основывался на сопоставлении с материалами эталонного эллинистического памятника — Ай-Ханум в Северном Афганистане<sup>6</sup>. Безусловно, это дало свои результаты, однако вопрос выделения более раннего комплекса до сих пор не разрешен и для самого этого городища [Lyonnet 2012: 143–173]. Более того, методы исследования керамического материала Французской археологической миссией в Афганистане (DAFA), основанные на приоритете типологического анализа и зачастую в отрыве от стратиграфического контекста, вызывают определенные сомнения.

Материалы из Кампыртепа и Курганзола имеют строгую характеристику с точки зрения стратиграфии и дают достаточное количество формообразующих фрагментов керамики, которые позволяют использовать комплексный подход на основе статистического анализа технологии, в том числе приемов дополнительной обработки сосудов (высветления, ангобирования, лощения, резьбы и т. д.), морфологической типологии, соотношения количества различных форм в комплексе и выявления различных технологических особенностей.

В качестве сравнительного материала в рамках иллюстративного подхода будут использоваться также материалы с ряда других бактрийских памятников. В их числе и недавно открытое небольшое поселение Гишттепа в Пашхуртской котловине. Проведенные С. Б. Болеловым и В. А. Мокробородовым раскопки показали, что оно существовало в период от поздних Ахеменидов до раннего эллинизма [Мкртычев и др. 2005: 527–528; Мокробородов 2007: 148–155]. Из ранее исследованных бактрийских комплексов в качестве сравнительного материала будут привлечены данные с различных объектов на городищах как Северной Бактрии (Дальверзин-

---

<sup>4</sup> В своей недавней книге Л. М. Сверчков датировал этот памятник в пределах от 328 г. до н. э. до начала эпохи эллинизма [Сверчков 2012], что послужило поводом для серьезной критики [Кошеленко 2015]. На наш взгляд, стратиграфия памятника никак не вписывается в отведенные Л. М. Сверчковым 6–10 лет, а аргументы, ранее предложенные им в пользу более широкой хронологии [Sverchikov 2008: 123–191], не представляются достаточно убедительными.

<sup>5</sup> Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность Л. М. Сверчкову за предоставленные материалы.

<sup>6</sup> За последнее десятилетие на базе сравнительного анализа с айханумским керамическим комплексом были вычленены раннеэллинистические керамические комплексы Маргианы [Гаибов 2004: 600–608] и Согда (периодов Афрасиаб II и III) [Лионе 2000: 75–80].

тепа<sup>7</sup>, Халчаян<sup>8</sup>, Старый Термез<sup>9</sup>, Калаи-Кафырниган<sup>10</sup>, Тамошо-тепе, Пачмактепа), так и южной ее части (Ай-Ханум, Джига-тепе).

Перейдем к рассмотрению вновь полученного керамического комплекса закрытого характера из жилого дома раннеэллинистического времени из восточного сектора «нижнего города» Кампыртепа. Объект был исследован Бактрийским отрядом ИА РАН в 2004–2005 гг. Расположен он на искусственной террасе, спланированной на краю материкового холма, в верховье естественного оврага, отделяющего его от цитадели. Террасный дом состоит из двух взаимосвязанных частей: жилого помещения, возведенного из сырцового кирпича форматом 50 × 40 × 10 см, и вырубленной в склоне материкового холма хозяйственной части, включающей в себя открытый дворик и закрытое, круглое в плане, толосовидное помещение (помещения 34а и 34б).

В результате пожара, спровоцировавшего обрушение материкового свода и стен, культурный слой помещения 34 был полностью перекрыт более чем 70-сантиметровой толщиной стерильного материка. Позднее, в греко-бактрийский период, на этом выровненном материке продолжилась жизнь (в жилище типа полуземлянки). Все это зафиксировано в двух стратиграфических разрезах и задокументировано в ходе раскопочных работ [Двуреченская 2011: 59–64].

Изолированность рассматриваемого комплекса, его происхождение из одного помещения, имеющего определенное функциональное значение и вписанного в рамки одного дома, а также достаточное для статистической обработки количество почти в 300 формообразующих фрагментов дают нам повод вновь попытаться найти основания для более дробной хронологической периодизации эллинистического керамического комплекса, в том числе выделения его наиболее ранней фазы.

В исследуемый нами закрытый комплекс из помещения 34 входят 287 фрагментов формообразующих частей сосудов — венчиков, донец и ручек. Соотношение форм столовой посуды, хозяйственной, тарной и кухонной выглядит следующим образом<sup>11</sup>: столовая посуда составляет 69 % от общего числа форм, хозяйственно-тарная — 19 %, кухонная — 12 %.

К группе столовой посуды были отнесены следующие типы сосудов: кубки, чаши, тарелки, кратеры, леканы; к группе хозяйственной и тарной: кувшины, тагора, хумы и хумчи; к группе кухонной: горшки, котлы, сковороды, сосуд с круглым отверстием в дне.

На соотношении различных форм посуды в том или ином комплексе, безусловно, влияет функциональное значение помещения. Наш закрытый комплекс, судя по планировке, наличию очага, хозяйственной ямы и набору индивидуальных находок, должен быть отнесен к разряду хозяйственно-производственных.

<sup>7</sup> Нижние слои на цитадели (Дтгш), нижние слои шурфа в доме рядового горожанина (Дт-2), разрез укреплений «нижнего города» (Дт-4), нижние слои шурфа в доме богатого горожанина (Дт-6), полуземлянка под храмом в северной части городища (Дт-7), склеп 5 науса (Дт-14).

<sup>8</sup> Комплексы эллинистического времени были обнаружены в нижних слоях стратиграфического шурфа, заложенного у фаса айвана халчаянского дворца [Пугаченкова 1966: 30–36, рис. 11–15].

<sup>9</sup> В стратиграфическом шурфе 1980 г. на цитадели Старого Термеза четыре нижних слоя были отнесены к греко-бактрийскому времени [Пидаев 1991: 210–212].

<sup>10</sup> В нижних слоях стратиграфического шурфа на объекте VIII городища Калаи-Кафирниган собран керамический комплекс эллинистического времени [Седов 1987: 157–158, рис. 1].

<sup>11</sup> При классификации керамического комплекса использовалась работа Г. В. Шишкиной и С. Б. Болелова [Шишкина, Болелов 2010: 27–41].

В рамках исследования проблемы раннеэллинистического керамического комплекса представляется важным выделение из него тех форм сосудов, которые относятся к греческим. В свое время К. Абдуллаев предложил считать греческими следующие формы: амфоры, кратеры, аски, ритоны, ойнохойи, рыбные блюда и мегарские чаши [Абдуллаев 2010: 48–58]. К этому списку, за исключением ритонов<sup>12</sup>, мы предлагаем добавить такие типы изделий, как леканы, алабастры, миниатюрные профилированные горшочки и пиксиды, некоторые типы чаш (типы II–IV, см. ниже), а также кубки, близкие по профилировке к канфарам. В нашем закрытом комплексе греческие формы составляют 13 %.

Соотношение лепной и станковой керамики выглядит так: к первой относятся всего лишь 34 фрагмента, что составляет 11,6 % от общего числа. Необходимо подчеркнуть, что лепная посуда представлена в комплексе довольно массивными и сохранившимися на треть и более фрагментами.

Подавляющее большинство сосудов было обожжено в окислительной среде горновым методом. Восстановительный обжиг в комплексе отмечается лишь у 5 фрагментов чаш, что составляет менее 2 %.

Среди сохранившихся днищ сосудов у 39 % наблюдается использование дискового дна. Днища снимались со станка несколькими способами: веревкой, подрезкой ножом и применением песчаной подсыпки. Последняя использовалась при формовке крупных тарных сосудов, а также кувшинов (4 экз.). Веревкой снимались только столовые формы, в частности кубки (4 экз.). Подрезка ножом отмечена на столовых формах — чашах и кубках (4 экз.).

Среди дополнительных приемов обработки керамики широко применялась техника ангобирования. Если исключить из расчетов посуду, изготовленную ручной лепкой, то отсутствие ангоба фиксируется на 42 % сосудов, тогда как ангобирование — на 58 %. От общего количества последних 47 % составляет керамика с применением ангоба на обеих или на одной из сторон. Основным методом ангобирования был погружной, который уверенно отслеживается у трети изделий. Всего лишь на трех изделиях отмечается нанесение ангоба обмазкой, оставляющей характерные полосчатые следы.

Также показательным для рассматриваемого комплекса являлось широкое применение техники высветления. Этот прием прослеживается на 14 % сосудов, в основном на кувшинах (18 экз.) и кубках (16 экз.), на остальных видах посуды и тары высветление встречается единично. Высветление отмечено в комплексе Ай-Ханум, причем для самой ранней керамики I–III периодов из геронона, «храма с нишами» и усадьбы на юго-западной окраине как типический и унаследованный от ахеменидской традиции [Lyonnet 2012: 147]. Лощение фиксируется всего на 5 изделиях, относимых к столовым формам. Среди них обращает на себя внимание крупный фрагмент кратера, где лощение столь качественное, что создает впечатление красного лака. Также сплошное и качественное лощение отмечено на толстостенном сосуде с узким цилиндрическим туловом наподобие алабастра. Но, в отличие от кратера, покрытого красно-коричневым ангобом, здесь лощение наносилось поверх белого ангоба. На чашах отмечено лощение полосками: вертикальными снаружи и горизонтальными изнутри.

<sup>12</sup> Не представляется достаточно обоснованным отнесение ритонов в эллинистическом среднеазиатском керамическом комплексе только к греческим типам керамики.

В украшении сосудов применялся также линейный рельефный орнамент в виде валиков и желобков. Декор в виде валиков относится к тем формам сосудов, которые имитировали металлическую посуду — в первую очередь это кувшины и кратеры. Более распространен орнамент в виде желобков, а также орнаментальных поясков из двух и трех полосок (в одном случае поясок сочетается с волной). Сосуды с линейным рельефным орнаментом составляют 5 %. Он отмечен только на двух формах — более всего на чашах типа 1а (см. ниже), а также на кувшинах.

Отмечается еще один способ нанесения декора — отпечатками пальцев. На хумах и хумчах на венчике, под ним, а также у дна фиксируются орнаментальные пояски, выдавленные пальцами. Хаотичные отпечатки пальцев украшают лепную крышку кухонного сосуда — по всей видимости, котла. Выявлено нанесение отдельных пальцевых вдавлений на верхнюю часть хума.

Представляется уместным рассмотреть каждую из присутствующих в закрытом комплексе функционально выделенных форм посуды.

*Чаши.* Наиболее распространенной формой являются чаши, которые составляют 30 % от общего числа (всего 89 изделий, из которых 19 определены по фрагментам днищ). Все они изготовлены на круге быстрого вращения, имеют тонкий черепок без видимых включений, формовочная масса характеризуется хорошей отмучкой. Основная масса чаш обожжена в окислительной среде, однако отмечается и использование восстановительного обжига, которому были подвергнуты 4 % от их общего числа (5 экз.). Диаметр венчиков чаш варьируется от 10 до 20 см. Диаметр донца — от 3,2 до 10 см.

Подавляющее большинство чаш покрыто ангобом, и, как правило, с обеих сторон. Лишь 12 % не имеют ангоба, и на 2 % применена техника высветления. Следует отметить более высокое качество ангоба с внутренней стороны и менее плотное и насыщенное цветом — с внешней. Палитра ангобов — от розовой до темно-коричневой, с наличием также серого и черного покрытия на чашах, изготовленных в восстановительной среде.

Морфологически чаши подразделяются на несколько типов<sup>13</sup> (рис. 1).

Тип I наиболее многочислен (36 экз.) — это тонкостенные чаши на плоском или реже дисковидном дне с плавно расширяющимися стенками и простым, прямо поставленным или чуть загнутым внутрь венчиком — чаще заостренным (рис. 1, 1–5) и реже округлым (1а) (рис. 1, 6–8). Последний вариант характеризуется более толстыми стенками, а также наличием дополнительного украшения в виде рельефного линейного орнамента из одного, двух или трех желобков, расположенных чуть ниже венчика с внешней стороны. Диаметр венчиков чаш первого типа варьирует от 10 до 20 см (чаще 13–16 см), диаметр дна — от 3,2 до 5,7 см, высота — 5–7,3 см.

Все чаши типа I обожжены в окислительной среде, большинство из них покрыто с обеих сторон ангобами от розового до темно-коричневого цвета. До 40 % чаш ангобированы методом погружения. В одном случае отмечается нанесение ангоба полосчатой обмазкой с обеих сторон, тогда как в другом мы имеем дело с комбинированием — поливным ангобом и полосчатой обмазкой снаружи.

На эллинистических объектах Кампыртепа чаши рассматриваемого типа представлены довольно широко: они были найдены в масштабном сооружении 36

<sup>13</sup> Ранее разработанная на материалах Кампыртепа типология некоторых эллинистических форм, в частности, чаш и кубков, используется здесь с некоторыми изменениями [Ртвеладзе, Болелов 2000: 99–100].



	Тип I	Тип II	Тип III	Тип IV	Тип V
вариант I	<p>1 D-13 см 2 D-3,5 см 3 D-13 см 4 D-14 см 5 D-3,5 см</p>	<p>9 D-14 см 10 D-16 см 11 D-17 см 12 D-18 см 13 D-18 см</p>	<p>14 D-11 см 15 D-14 см 16 D-18 см 17 D-18 см</p>	<p>18 D-18 см</p>	<p>19 D-16 см 20 D-18 см 21 D-19 см 22 D-20 см 23 D-20 см</p>
вариант I а	<p>6 D-13 см 7 D-4 см 8 D-18 см</p>				
<p>0 10 см</p>					

Рис. 1. Типы чаш из закрытого керамического комплекса террасного дома Кампыртела

[Двуреченская 2012а: рис. 4, 6], производственном комплексе на цитадели [Болелов 2011: 60, 70, рис. 6–7] и ранних слоях стратиграфического раскопа к востоку от цитадели [Сверчков, Восковский 2006: 6, 12; 7, 7–9]. Однако они отсутствовали в горне 2, расположенном к востоку от крепости [Болелов 2001: 18] и в землянке на цитадели [Мкртычев, Болелов 2006: 52].

На Курганзоле чаши типа I относительно немногочисленны и значительно уступают чашам типа II [Сверчков 2009: рис. 42, 20, 21; 44, 2, 38; 52, 4, 5; 53, 12, 16; 56, 6, 7, 11; 64, 6, 7, 9; 67, 5; 68, 7].

Чаши типа I характерны для позднеахеменидского комплекса Кызыл IV [Сагдуллаев 1987: рис. 27, 3]. Известны они и для т. н. переходного (от ахеменидского к эллинистическому) комплекса из Джига-тепе [Пидаев 1984: 112, рис. 1, 9–11]. Отметим, что в последующие этапы эллинистического времени чаши с плоским днищем рассматриваемого типа там пропадают. На Ай-Ханум они выявлены в материалах из героона периода реконструкции и дома в юго-западной части городища [Lyonnet 2012: fig. 4, 6–8; 8, 1–3].

Чаши типов I и Ia также представлены на других памятниках Северной Бактрии — в Гишттепе [Мокробородов 2007: рис. 3, 7–8] и Тамошо-тепе [Абдуллаев и др. 1975: 259, рис. 3, 13, 16]. В материалах полуземлянки на Дальверзинтепе, относимой к первому строительному периоду, имеется чаша типа Ia [Ртвеладзе 1978: 12–13, рис. 6, VII, XIII].

В Согде рассматриваемая форма чаш отмечена в материалах Афрасиаба периода IIa [Lyonnet 2012: fig. 10, 5] и памятника раннеэллинистического времени Беркуттепе [Грицина, Хужаназаров 2005: рис. 2, 4].

Тип II (фиалы) — следующая по численности группа чаш с заостренным загнутым внутрь или прямо поставленным венчиком с резким перегибом под ним (16 экз.). Как правило, эти чаши более толстостенны и на дисковых днищах. Диаметры их венчиков от 14 до 19 см. Высота варьирует от 5 до 8 см (рис. 1, 9–13).

Все чаши типа II обожжены в окислительной среде. До 79 % с обеих сторон они покрыты ангобом в основном красных оттенков, реже — коричневых и розовых. Методом погружения ангоб нанесен на 50 % чаш этого типа. 16 % чаш имеет более насыщенный и качественный ангоб на внутренней поверхности и полупрозрачный неплотный — снаружи.

Чаши без ангоба составляют 21 %. Один экземпляр несет на себе следы приема высветления. Этот тип посуды наиболее близок к греческим фиалам — чашам с загнутым внутрь венчиком.

Чаши типа II выявлены на всех эллинистических объектах Кампыртепа: в землянке на цитадели, относимой к периоду Кт-I (конец IV в. до н. э.) [Мкртычев, Болелов 2006: 52, рис. 3, 48], производственном комплексе на цитадели [Болелов 2011: 60, рис. 6, 8], ранних слоях стратиграфического раскопа, сделанного к востоку от цитадели [Сверчков, Восковский 2006: рис. 6, 13–14; 7, 11; 19, 7–8], горне 2, расположенном к востоку от крепости [Болелов 2001: 18, рис. 5, 7] и масштабном сооружении 36 первого периода обживания [Двуреченская 2012б: рис. 58].

В материалах Курганзола чаши этого типа являются одной из наиболее многочисленных форм [Сверчков 2009: рис. 42, 13–19; 43, 6–9; 44, 3, 31–37; 49, 1, 2, 5–14; 55, 1–3, 9–17; 56, 7–13; 57, 7–12; 58, 7, 12; 59, 1, 2; 60, 29–47]. Кроме того, они известны в Тамошо-тепе [Абдуллаев 1976: рис. 3, 5] и на различных объектах Дальверзинтепа — в комплексе из-под укреплений «нижнего города» (Дт-4) [Пугаченкова

1978: 26, рис. 11а, 1–4], в нижних слоях дома рядового горожанина (Дт-2) [Тургунов, Пугаченкова 1978: рис. 42, IX] и дома богатого горожанина (Дт-6) [Тургунов 1978: рис. 34, 7]. В нижних слоях стратиграфического шурфа на Старом Термезе эти чаши появляются с первого этапа и продолжают существовать вплоть до конца III в. до н. э. [Пидаев 1984: рис. 1, 4–9; 2, 18–24; 3, 24–27; 4, 18–22; 7, 8]. Также они найдены в подzemелье Старого Термеза [Козловский, Некрасова 1976: рис. 1, 17] и на Халчаяне — в археологическом комплексе III–II, датированном III в. до н. э. [Пугаченкова 1966: рис. 14].

На памятниках Южной Бактрии чаши типа II представлены в материалах Джигатепе. Здесь они отмечены только в комплексе греко-бактрийского времени первого этапа [Пидаев 1984: рис. 2, 19–22]. На Ай-Ханум чаши типа II были обнаружены в слоях перестройки героона и в материалах юго-западного дома [Lyonnet 2012: fig. 7, 11–14; fig. 4, 9–11].

Тип III — так называемые чаши с Т-образным венчиком. В закрытом комплексе террасного дома Кампыртепа их всего четыре экземпляра. Все они обожжены в окислительной среде и покрыты плотными красно-коричневыми ангобами с обеих сторон (рис. 1, 14–17). Диаметр их венчиков варьируется от 11 до 20 см.

Чаши с Т-образными венчиками в материалах Кампыртепа встречаются на следующих объектах: в землянке на цитадели [Мкртычев, Болелов 2006: рис. 3, 41, 45], производственном комплексе цитадели [Болелов 2011: рис. 6, 4], стратиграфическом раскопе к востоку цитадели [Сверчков, Восковский 2006: рис. 5, 25, 26] и слое первого и второго периодов обживания помещения 33 террасного дома [Двуреченская 2006].

В комплексах Курганзола этот тип чаш представлен достаточно широко [Сверчков 2009: рис. 42, 34; 43, 12–13; 45, 25–32; 49, 20–56; 64, 18–20, 22; 66, 6, 20, 21; 67, 7; 68, 10–11]. Отмечен он в слоях раннеэллинистического времени на ряде других памятников Северной Бактрии. В стратиграфическом шурфе на Старом Термезе он появляется в комплексе первого этапа и существует на всем протяжении эллинистического периода [Пидаев 1991: 213, рис. 1, 10–12; 2, 5–11; 3, 6–11; 4, 33–36]. Такие чаши были найдены и на Тамошо-тепе [Абдуллаев и др. 1975: рис. 3, 8, 12].

На территории Южной Бактрии чаши типа III зафиксированы на Джигатепе — в керамике как переходного комплекса, так и первого этапа греко-бактрийского времени [Пидаев 1984: 112, рис. 1, 12; 2, 23–27]. В Ай-Ханум они встречены в заполнении под реконструкцию героона Кинея [Lyonnet 2012: fig. 4, 13].

Тип IV — чаши с оттянутым Г-образным венчиком, образующим широкий горизонтальный или чуть скошенный бортик. Чаши эти, как правило, имеют дискovidное дно (рис. 1, 18). В закрытом комплексе Кампыртепа они не представлены, но фрагмент такой чаши происходит с синхронного пола проулка, к югу от помещения 33 [Двуреченская 2006: рис. 13, 5]. На других объектах Кампыртепа чаши данного типа были обнаружены в слоях над землянкой в цитадели [Мкртычев, Болелов 2006: рис. 3, 24], производственном комплексе цитадели [Болелов 2011: рис. 6, 1–3], слоях 16–24 стратиграфического раскопа на востоке цитадели [Сверчков, Восковский 2006: рис. 6, 4; 7, 12; 8, 9; 9, 16; 10, 7, 8, 17], материалах из горна [Болелов 2001: рис. 5, 9, 10] и на уровне первого строительного горизонта масштабного сооружения 36 (находки оттуда находятся в обработке).

Чаши с оттянутыми Г-образными венчиками встречаются в Гишттепе [Мокробородов 2007: рис. 3, 6]. Они широко представлены на Курганзоле [Сверчков 2009: рис. 42, 22; 43, 6; 45, 5, 6, 15–17, 19–22; 55, 46; 57, 23, 24; 58, 14; 61, 41] и в ранних

комплексах Дальверзинтепа: в шурфе на цитадели [Ртвеладзе 1978: рис. 6], слое под укреплениями «нижнего города» (Дт-4) [Пугаченкова 1978: рис. 11, 13], нижних слоях дома рядового горожанина (Дт-2) [Тургунов, Пугаченкова 1978: рис. 42], а также в Дт-6 [Тургунов 1978: 58, рис. 34а]. В стратиграфическом шурфе на Старом Термезе рассматриваемые чаши входят в керамические комплексы всех четырех этапов эллинистического периода [Пидаев 1991: 213–214, рис. 7; 8]. По материалам Старого Термеза Ш. Р. Пидаев делает заключение, что зачастую чаши с Г- и Т-образными венчиками трудно точно идентифицировать. С этим выводом нельзя не согласиться, так как приходится констатировать наличие большого числа переходных форм. Для ранних комплексов Ай-Ханум эта форма отмечается как характерная [Lyonet 2012: fig. 4, 13; 8, 5, 6].

Тип V представлен всего четырьмя толстостенными чашами с прямо поставленным, расширяющимся, плоско или наискось срезанным венчиком, образующим широкий бортик. Все чаши этого типа изготовлены в окислительной среде, покрыты красным и коричневым ангобами, в двух случаях методом погружения. Диаметр венчиков чаш колеблется от 16 до 20 см (рис. 1, 19–23).

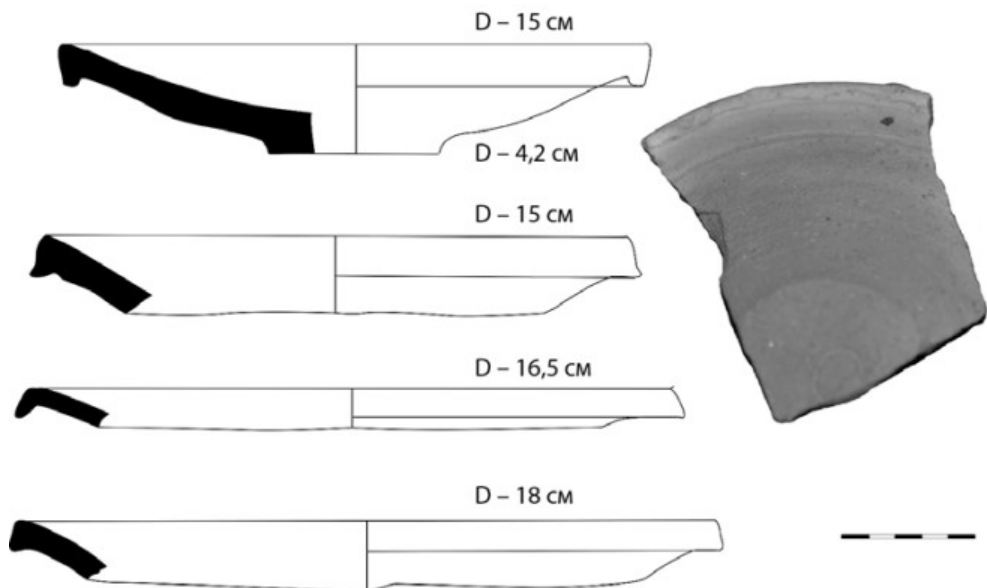
На Кампыртепа этот тип чаш происходит из слоя второго периода обживания помещения 33 террасного дома [Двуреченская 2006: рис. 10, 13], с пола первого периода масштабного сооружения 36 [Двуреченская 2012б: рис. 58], из землянки на цитадели [Мкртычев, Болелов 2006: рис. 3, 43, 44] и производственного комплекса на цитадели [Болелов 2011: рис. 6, 11]. На Курганзоле чаши типа V встречаются редко [Сверчков 2009: 44, 39]. На других бактрийских памятниках эллинистического времени аналогий им найти не удалось.

Среди единичных форм в закрытом комплексе террасного дома Кампыртепа следует упомянуть два фрагмента глубоких чаш с отогнутым наружу заостренным венчиком диаметром 12–13 см. Оба они обожжены без доступа кислорода, имеют серый цвет черепка и покрыты черным ангобом. Помимо этого, на них отмечается лощение: в одном случае на внутренней стороне горизонтальными полосками, в другом — снаружи вертикальными.

Чаши различных типов являются самой массовой формой столовой посуды в раннеэллинистическом керамическом комплексе. Такое доминирование выглядит контрастно с позднеахеменидским комплексом, где чаши малочисленны. На фоне крупной объемной посуды ахеменидского периода появление и доминирование в раннеэллинистическое время небольших по своим размерам чаш — примечательный факт<sup>14</sup>. На наш взгляд, он отражает сложение нового социального запроса — использование мелкотарной посуды в индивидуальных целях. По всей видимости, это следствие изменений как в ассортименте (появление новых блюд), так и в культуре питания (прием пищи из персональной посуды). Кроме этого, необходимо отметить широкое распространение посуды, используемой в косметических целях (чаши типов II и III). Так, на Курганзоле значительное число маленьких чаш с загнутой внутрь закраиной (тип II) было обнаружено в помещении с ванной, и они интерпретируются как косметические приборы для масел [Сверчков 2009: 13, рис. 55, 1–3, 9–17].

Уже для позднеахеменидских комплексов характерно появление чаш с развернутыми стенками на толстых дисковых поддонах, а также миниатюрных кубков

<sup>14</sup> Чаши большего диаметра относятся к мискам (по классификации Г. В. Шишкиной и С. Б. Болелова), но они крайне малочисленны в рассматриваемых комплексах [Абдуллаев и др. 1975: рис. 3, 15].



**Рис. 2.** Образцы «рыбных блюдец» (тарелок) из закрытого комплекса террасного дома Кампыртепа

с подкосом, которые могли выполнять вышеописанные функции, однако они крайне малочисленны.

Представляется возможным соотнести широкое распространение чаш в столовой посуде Бактрии с греко-македонской экспансией. Отсутствие тех или иных их форм, к примеру, рыбных блюдец или чаш с Т-образными венчиками, в материалах раннеэллинистического времени из этого региона в целом не меняет общей картины.

«Рыбные блюдца» (рис. 2) представлены четырьмя экземплярами с диаметром венчиков 15–18 см, диаметром дисковидного дна 4,2 см и высотой 2,8 см. Контуры оттянутого книзу венчика варьируются от приостренных и четко выделенных клювовидных до менее выраженных с легким утолщением. Два блюдца покрыты ангобом, два без дополнительной обработки. Все сосудики обожжены в окислительной среде.

Если обратиться к материалам из Северной Бактрии, то на Кампыртепа рыбные блюдца найдены на ряде объектов эллинистического периода: в комплексе землянки на цитадели [Мкртычев, Болелов 2006: рис. 3, 42], горне 2 [Болелов 2001: рис. 5, 6, 8], производственном комплексе на цитадели [Болелов 2011: рис. 6, 5, 6] и нижнем слое масштабного сооружения 36 [Двуреченская 2012а: рис. 4, а]. Для Курганзола «рыбные блюдца» и производные от них формы с различным оформлением края являются ведущим типом столовой посуды [Сверчков 2009: рис. 44, 4; 45, 7–13; 50, 1, 2, 4, 6, 7; 55, 18–24; 56, 17, 22, 23; 57, 15–17; 61, 1, 2, 12–17; рис. 78, 28]. Этот вид керамики есть в Старом Термезе, где он характерен для всех четырех хронологических этапов [Пидаев 1991: рис. 7] и встречается в комплексе подземелья [Козловский, Некрасова 1976: рис. 1, 8, 9]. «Рыбные блюдца» обнаружены на всех объектах эллинистического времени Дальверзинтепа — в шурфе на цитадели, под укреплениями «нижнего города» [Пугаченкова 1978: рис. 6, ярус XII–XIII; рис. 11а, 13, 14], в нижних слоях Дт-6 [Тургунов 1978: рис. 34а, 10, 11] и IX ярусе Дт-2 [Тургунов, Пугаченкова 1978: рис. 42], а также на Тамошо-тепе [Пидаев 1984: рис. 2, 10–14; 3, 1–6].

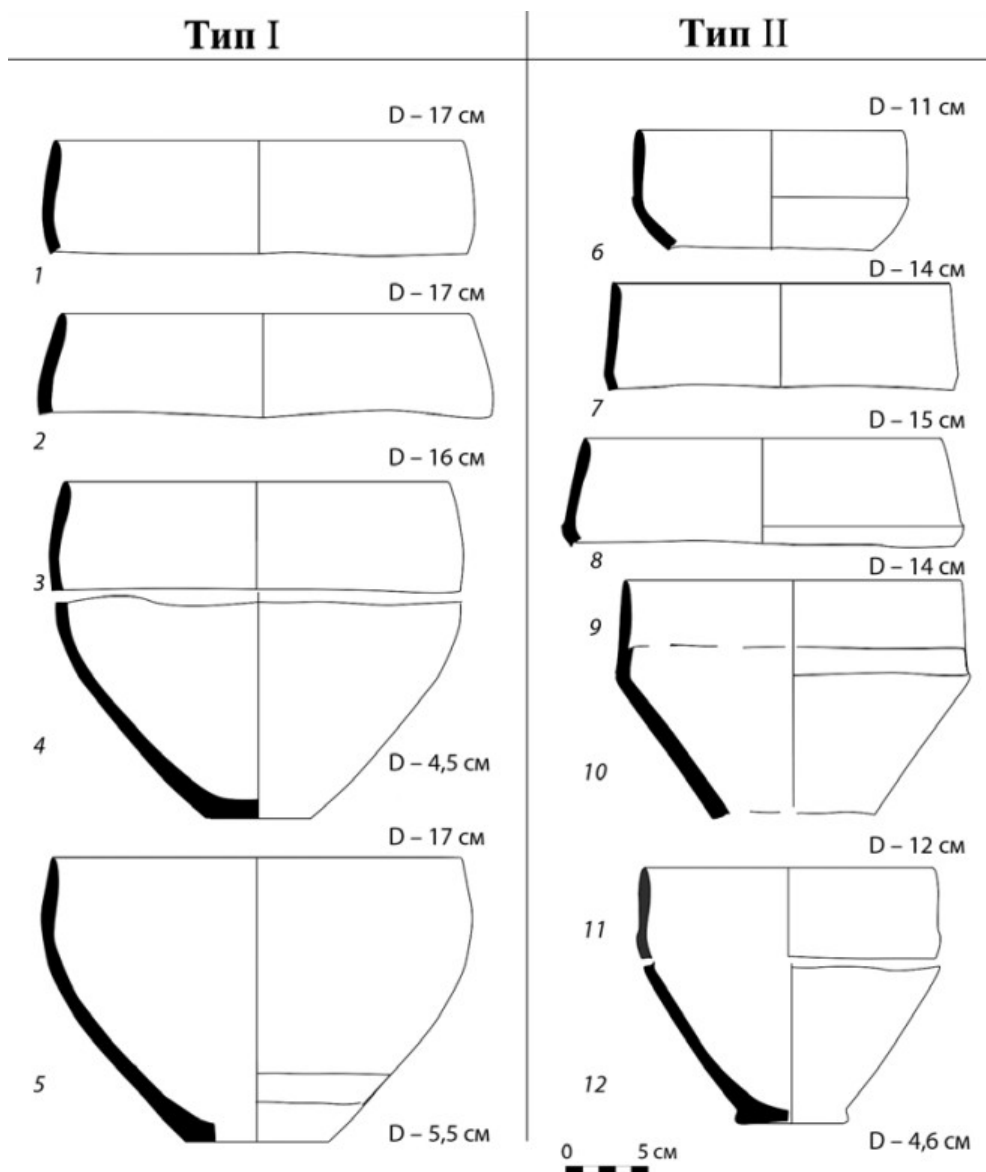


Рис. 3. Типы кубков закрытого комплекса террасного дома Кампыртепа

В Южной Бактрии они выявлены в материалах первых двух этапов греко-бактрийского периода из Джига-тепе [Пидаев 1984: рис. 2, 10–14; 3, 1–6] и в самых ранних комплексах из героона Киня и юго-западного дома в Ай-Ханум [Lyonnet 2012: fig. 4, 1, 2; 7, 3–8].

В Согде «рыбные блюда» характерны для комплекса эллинистической керамики с городища Афрасиаб (периода Афрасиаб II [Шишкина 1974: рис. 5, 3–6; 6, 4–6; Lyonnet 2012: fig. 10, 2–4].

Кубки (рис. 3) — одна из многочисленных форм керамики рассматриваемого комплекса, составляющая 26,4 % от общего числа сосудов (76 экземпляров). Все

они обожжены в окислительной среде, изготовлены на круге быстрого вращения, имеют тонкий черепок без видимых включений и формовочную массу хорошей отмучки.

Выделяется два типа кубков: полусферические и цилиндроконические. Первые преобладают в соотношении 3:1.

Для типа I — полусферических кубков — характерно отсутствие ангоба (67 %) и применение техники высветления (34 %). Они, как правило, характеризуются наибольшим диаметром венчиков (в основном 16–17 см), не имеют дисковых днищ, а только плоские. Именно эта разновидность кубков наиболее близка по форме и технологии изготовления кубкам позднеахеменидских керамических комплексов (рис. 3, 1–5).

Кубки типа II — цилиндроконические — имеют диаметр венчиков от 11 до 15 см (преобладают 12 и 14 см). Все они покрыты красным или красно-коричневым ангобами, причем с обеих сторон методом погружения. Дно кубков этого типа дисковидное или в виде кольцевого поддона (рис. 3, 6–12).

На Кампыртепа кубки обоих типов были обнаружены во всех объектах со слоями эллинистического периода, что говорит об их сосуществовании на протяжении более столетия. Материалы из Курганзола также ярко иллюстрируют сосуществование обоих типов кубков, которые являлись там одной из наиболее многочисленных форм столовой посуды.

Кубки типа I отмечены в Гишттепа [Мокробородов 2007: рис. 3, 1–4], тогда как на Тамошо-тепе — оба типа [Абдуллаев 1976: рис. 2, 9, 10; 3, 3, 6; Абдуллаев и др. 1975: рис. 3, 10, 11, 14]. В шурфе на цитадели Старого Термеза для первых двух этапов эллинистического периода найдены кубки только типа I, для третьего — обоих типов, для четвертого — только кубки типа II [Пидаев 1991: 217, рис. 1, 1–3; 2, 32; 3–36, 37; 3, 38; 4, 38–42]. В комплексе подземелья Старого Термеза зафиксированы кубки типа II [Козловский, Некрасова 1976: рис. 1, 6, 7], а на большинстве эллинистических объектов Дальверзинтепа представлены кубки типа I<sup>15</sup>.

На южнобактрийских памятниках кубки типа I известны в комплексе переходного типа из Джига-тепе [Пидаев 1984: рис. 1, 1–7], но на первом и втором этапах комплекса греко-бактрийского времени сосуществовали уже оба типа кубков [Пидаев 1984: рис. 2, 1–6, 15; 3, 20, 24]. В ранних комплексах Ай-Ханум встречены кубки обоих типов [Lyonnet 2012: fig. 4, 17–19; 8, 12–15].

В Согде, в материалах из Коктепа представлены в основном кубки типа I [Исамидинов, Рапен 1999: 77–78, рис. 8, 5, 6]. На Падаятктепа, в слоях конца IV — III в. до н. э. также обнаружены только кубки этого типа [Омельченко 2006: рис. 2, F, 1, 2; G, 1–3].

Тип крупных горшковидных кубков был впервые выделен на материалах из Кобадияна — в слое Кобадиян I, который был датирован позднеахеменидским периодом [Дьяконов 1953: рис. 18]. Обычно ранние кубки этого времени имеют диаметр венчика более 20 см. Эту же картину нам демонстрируют материалы второго и третьего слоев позднеахеменидского времени с Бектепа в виде разнообразных кубков — как цилиндроконической, так и полусферической формы с большим диаметром венчиков [Сверчков, Бороффа 2007: 115, рис. 12, 3, 5; 14, 5, 10], тогда

<sup>15</sup> В шурфе с цитадели, в слоях под укреплениями «нижнего города» и в нижних слоях Дт-2 [Ртвеладзе 1978: рис. 6, XII, XIII; Пугаченкова 1978: рис. 11а, 23, 24; рис. 12; Тургунов 1978: рис. 42, IX].

как в переходных комплексах диаметр венчиков свыше 18 см уже не попадает [Пидаев 1984: рис. 1, 1–7]. Как правило, ранние сосуды высветлены и лишь позднее они начинают покрываться с разной степенью насыщенности красно-коричневыми ангобами. В этой связи интересно отметить, что в материалах из греко-бактрийской землянки блока V Кампыртепа, существовавшей после рассматриваемого закрытого комплекса, крупных кубков с высветлением нет. Также бросается в глаза резкое сокращение кубков — их становится в четыре раза меньше, чем чаш, в то время как в закрытом комплексе они почти равны по количеству. Таким образом, для раннеэллинистического комплекса характерны кубки обоих типов в качестве одной из ведущих столовых форм, с большим процентом кубков типа I с высветлением.

Анализ эволюции кубков подтверждает предположение, что начало изменения керамического комплекса в IV в. до н. э. подготовлено самим ходом усовершенствования технологии гончарного производства, которое имело место и на сопредельных с Бактрией территориях, причем задолго до прихода греко-македонских колонистов [Пидаев 1984: 114].

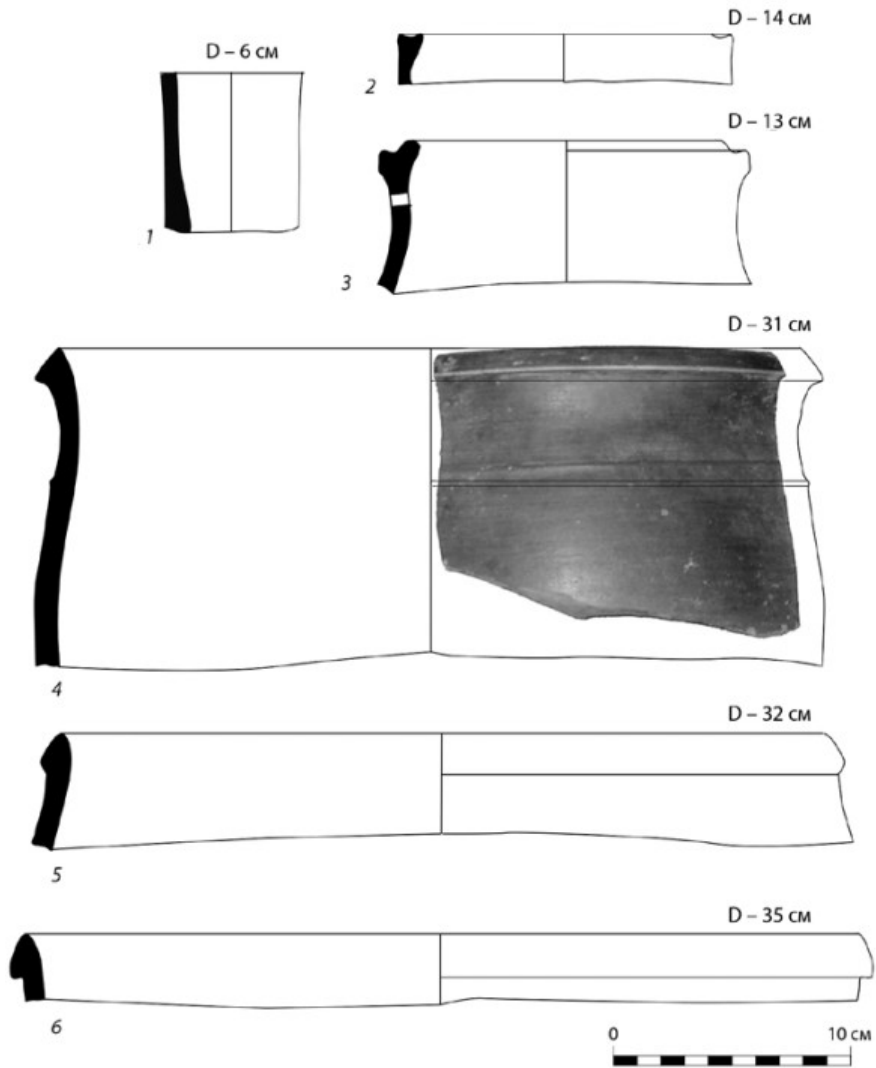
*Кратеры* (рис. 4, 4) представлены семью экземплярами (2,4 %) с подтреугольными прямо поставленными венчиками диаметром от 28 до 35 см, на высоком кольцевом поддоне диаметром 15 см. С обеих сторон они покрыты ангобом — красным или темно-коричневым. В одном случае ангоб очень качественный плотный и со сплошным лощением, создающим впечатление лакированной поверхности. На эллинистических объектах Кампыртепа кратеры рассматриваемого типа довольно многочисленны в нижних слоях масштабного сооружения 36 [Двуреченская 2012а: рис. 4, в, г], в землянке на цитадели [Мкртычев, Болелов 2006: рис. 3, 54] и производственном комплексе, расположенном там же [Болелов 2011: рис. 6, 12]. Ножка от кратера была найдена в слое 19 стратиграфического раскопа на верхней террасе восточного склона крепости [Сверчков, Восковский 2006: рис. 8, 10].

Рассматриваемая форма столовой посуды, бесспорно маркирующая греческое влияние, в материалах из Курганзола представлена в основном иным типом — с широким, наискось срезанным, клювовидным в сечении венчиком, на высоком поддоне и с наlepным украшением, возможно, имитирующим фигурную ручку металлических кратеров [Сверчков 2009: рис. 48, 19; 50, 27; 58, 19; 59, 15]. Количество кратеров со всей этой крепости меньше, чем с одного террасного дома Кампыртепа.

На памятниках Северной Бактрии кратеры встречаются также в материалах первых двух этапов греко-бактрийского комплекса из стратиграфического шурфа на цитадели Старого Термеза [Пидаев 1991: рис. 1, 27; 2, 31]. Среди южнобактрийских памятников кратеры известны только в Ай-Ханум, где они представлены разными типами во всех ранних комплексах [Lyonnet 2012: fig. 3, 6, 7; 6, 5–10].

*Алабастры* (рис. 4, 1). В закрытом комплексе террасного дома Кампыртепа представлен лишь один фрагмент стенки вытянутого сосуда с диаметром тулова 6 см и толстыми (до 1 см) стенками, покрытыми белым ангобом и вертикальным полосчатым лощением. Этот редкий тип сосуда в эллинистическую эпоху обычно изготавливался из камня. Керамическое же подражание ему встречается впервые. Интересно, что гончар пытался удовлетворить запрос заказчика не только по функциональному назначению сосуда (хранению в нем благовоний и масел), для чего его стенки были сделаны довольно толстыми из хорошо отмученной глины, но и по внешнему виду, максимально имитирующему форму алабастра.



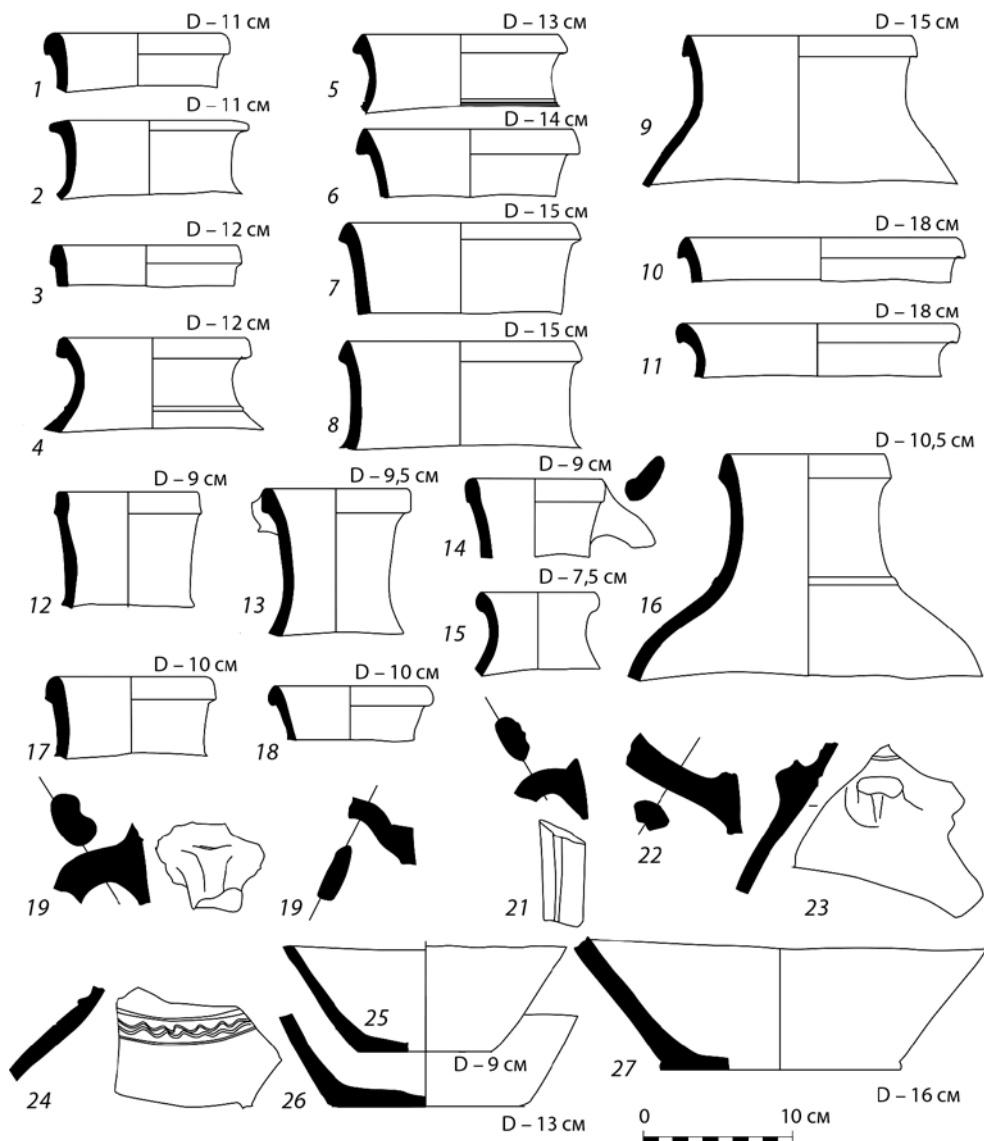


**Рис. 4.** Образцы греческих форм из закрытого комплекса террасного дома Кампыртепа:  
 1 — алабастр; 2–3 — сосуды типа леканы; 4–6 — кратеры

На Курганзоле также не найдено целых алабастров, и лишь с известной осторожностью можно отнести к данному типу фрагмент керамического сосуда с вертикальным узким туловом и сильно отогнутым наружу венчиком [Сверчков 2009: рис. 67, 9].

Алабастры известны по материалам Ай-Ханум, в частности, из героона Кинья, причем на одном из них была начертана посвятельная надпись на греческом языке [Gardin 1973: 100–101, fig. 9].

*Леканы* (рис. 4, 2–3). Таких сосудов, характеризующихся небольшими размерами, с диаметром венчиков 13–14 см и характерным уступом под крышку, найдено два, и оба они покрыты ангобом — светлым и темно-коричневым. Изготовлены они были на гончарном круге в окислительной среде. В связи с малым



**Рис. 5.** Узкогорлые и широкогорлые кувшины из закрытого комплекса террасного дома Кампыртепа

количеством и фрагментарностью термин «леканы» — это условное их название (в дальнейшем, при пополнении коллекции, этот тип сосудов будет более детально классифицирован).

*Кувшины (амфоры, гидрии)* (рис. 5) представляют в закрытом комплексе заметную часть — 14 % (41 экз.) от общего числа сосудов. Все они изготовлены на гончарном круге и обожжены в окислительной среде. Подавляющее большинство этих сосудов не имеет ангоба, им покрыты лишь три экземпляра. На 46 % кувшинов наблюдается применение техники обжига, при помощи которой достигалось высветление сосудов.

Сохранилось семь ручек от кувшинов, пять из них — это верхние крепления: два низкоставленных, два среднеставленных и одно высокоставленное. Низкоставленные и высокоставленные крепления в сечении уплощенные, а среднеставленные имеют в сечении подовальную и фасолевидную форму.

По морфологии выделяются два устойчивых типа рассматриваемых сосудов. Тип I — наиболее многочисленный — представлен широкогорлыми кувшинами с прямо поставленным или чуть отогнутым наружу подтреугольным в сечении венчиком и покатыми плечиками. К нему относятся находки среднеставленных фасолевидных в сечении ручек. Диаметр венчиков этих кувшинов варьируется от 10,5 до 18 см. Зачастую поверхность этих кувшинов украшена рельефным линейным орнаментом из 1–2 полосок (рис. 5, 1–11).

На Кампыртепа этот тип сосудов происходит из горна 2 [Болелов 2001: рис. 5, 11], нижних слоев масштабного сооружения 36 (материал находится в обработке) и производственного комплекса на цитадели [Болелов 2011: рис. 6, 38, 40]. На Курганзоле кувшины, в том числе широкогорлые, составляют до 18 % от всей посуды, однако по морфологии венчика они в основном относятся к другим типам, тогда как аналогичные кампыртепинским встречаются очень редко [Сверчков 2009: рис. 54, 19; 64, 27; 67, 16; 71, 1, 3, 4; 79, 3–5; 83, 25; 85, 1].

Широкогорлые кувшины были обнаружены на Тамошо-тепе [Абдуллаев и др. 1975: рис. 2, 10; 3, 18] и в комплексе второго этапа греко-бактрийского времени из стратиграфического шурфа в Старом Термезе [Пидаев 1991: рис. 2, 34]. Что касается Южной Бактрии, то широкогорлые кувшины, близкие рассматриваемому типу, зафиксированы среди керамического материала из героона Киня в Ай-Ханум [Lyonnet 2012: fig. 3, 1, 2].

Тип II немногочисленный и представлен кувшинами с высоким и узким горлышком (диаметр венчика равен или меньше высоты горла), подпрямоугольным в сечении венчиком диаметром от 9 до 10,5 см и низкоставленной плоской в сечении ручкой (рис. 5, 12–16).

На объектах Кампыртепа узкогорлые кувшины рассматриваемого типа отмечены в комплексе с нижнего пола масштабного сооружения 36 [Двуреченская 2012б: рис. 61]. В материалах из Курганзола они чрезвычайно широко представлены, однако близких аналогий к рассматриваемому нами типу мало [Сверчков 2009: рис. 42, 41; 58, 21]. На Дальверзинтепа, в комплексе, происходящем из-под укреплений «нижнего города», найден кувшин с плоской в сечении ручкой [Пугаченкова 1978: рис. 11а, 21], как и в стратиграфическом шурфе на городище Старого Термеза — в комплексе второго и третьего этапов греко-бактрийского времени [Пидаев 1991: рис. 2, 36; 3, 42, 46].

В Южной Бактрии узкогорлые кувшины, близкие к рассматриваемому типу, происходят из юго-западного дома Ай-Ханум [Lyonnet 2012: fig. 5, 7; 6, 5–10].

Кувшины, так же как и чаши, являются характерной чертой эллинистического комплекса, принципиально отделяя его от предыдущего (позднеахеменидского), прежде всего своим разнообразием и количеством. Вне зависимости от выделенных двух типов, они в самых различных комбинациях появляются уже в сериях так называемого переходного периода (Джигга-тепе, Тамошо-тепе, Гишттепа). Широкое распространение кувшинов — сосудов, с точки зрения гончарного производства, довольно сложной морфологии и очень близких по форме к греческим амфорам и гидриям, — может свидетельствовать об их заимствовании у эллинов. Переводом части кувшинов из простой тары в разряд сто-

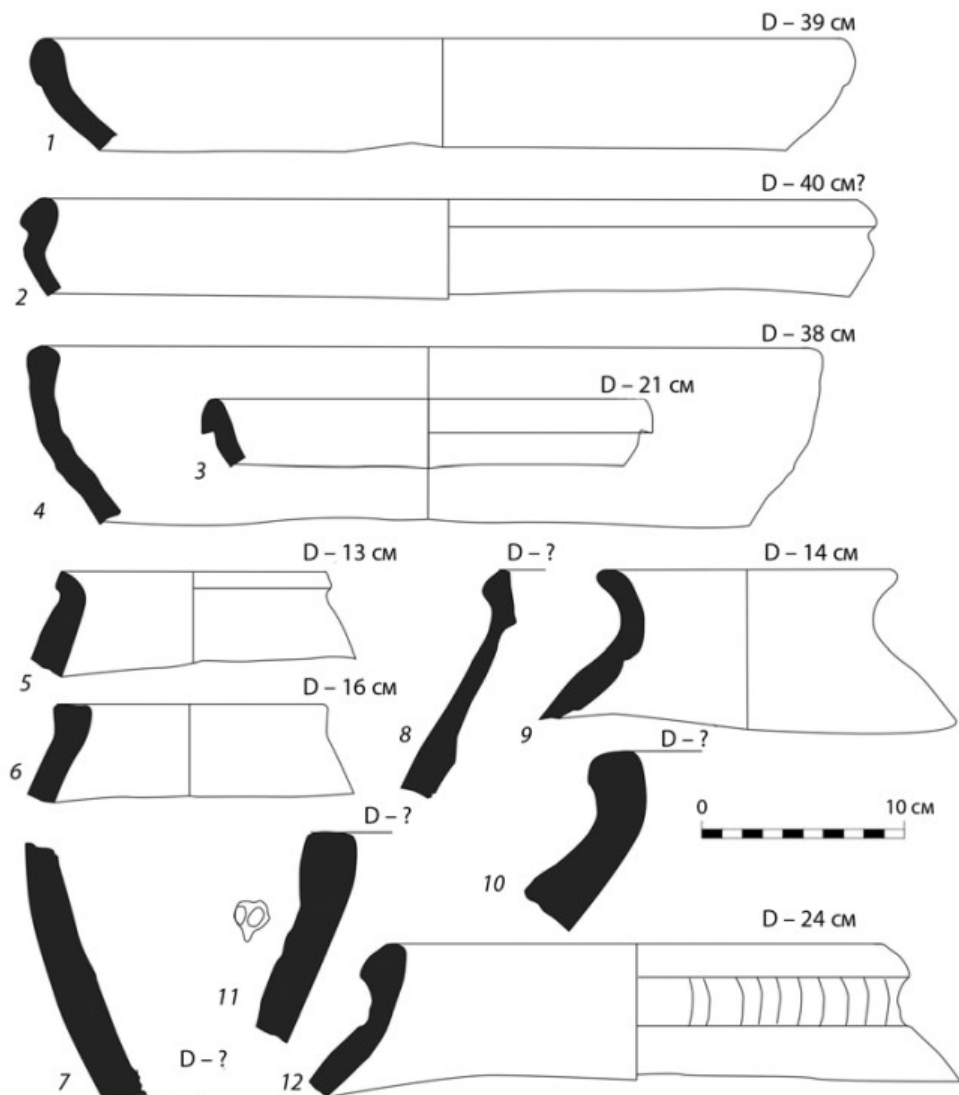


Рис. 6. Хозяйственная посуда из закрытого комплекса террасного дома Кампыртепа:  
1-4 — тагора; 5-12 — хумчи

ловой посуды можно объяснить достаточно высокое качество отделки многих из них — в частности, их прекрасно заглаженную поверхность, включая даже днища.

*Тагора* (рис. 6, 1-4) составляют 2,8 % от общего числа сосудов (восемь экземпляров). Все они изготовлены на гончарном круге, покрытие ангобом отсутствует. На двух экземплярах отмечается высветление. Морфологически выделяются четыре разновидности рассматриваемого типа посуды.

Первая представлена сосудами с объемным резервуаром, пологими стенками и округлым, слегка утолщенным и прямо поставленным или чуть загнутым внутрь венчиком диаметром 34 и 39 см (рис. 6, 1).

Вторая разновидность представляет собой два толстостенных неангобированных сосуда с объемным резервуаром и пологими стенками, которые образуют перегиб под утолщенным и отогнутым наружу венчиком диаметром 33 и 40 см (рис. 6, 2).

Третья разновидность тагора имеет отогнутый наружу и вниз заостренный венчик диаметром 21 см (рис. 6, 3).

И, наконец, четвертая разновидность — это сосуды, у которых, несмотря на их изготовление на гончарном круге, стенки намеренно неровные и волнистые в сечении. Венчики этих сосудов прямо поставлены и слегка утолщены и имеют диаметр 35 и 38 см; на них заметно высветление (рис. 6, 4).

В эллинистических комплексах Кампыртепа тагора известны по находкам в масштабном сооружении 36 (материал находится в обработке) и горне 1 к востоку от крепости [Болелов 2001: рис. 2, 10]. На Курганзоле тагора широко представлена, в том числе аналогичными кампыртепинскими формами [Сверчков 2009: рис. 50, 22; 53, 5; 62, 39; 63, 7; 64, 33]. Из других северобактрийских раннеэллинистических комплексов происходят тагора несколько иной морфологии, но таких же крупных размеров и с подобными резервуарами (они обнаружены в нижних слоях стратиграфических шурфов на цитаделях Старого Термеза и Дальверзинтепа). В ранних переходных комплексах резервуары таких сосудов более глубокие (находки из Гишттепа и Тамошо-тепе).

В Южной Бактрии аналогичные формы тагора встречаются в раннем комплексе из гироона в Ай-Ханум [Lyonnet 2012: fig. 3, 9]. На Джига-тепе тагора несколько отличной формы появляются в комплексах первого и второго этапов грекобактрийского времени [Пидаев 1984: рис. 2, 39; 3, 36].

Отдельно необходимо остановиться на характеристике посуды, изготовленной методом ручной лепки. В рассматриваемом нами комплексе она составляет 12 % (35 экз.). Основную ее массу формируют фрагменты горшков (12 экз.) и котлов (13 экз.), тремя фрагментами представлены хумчи, двумя — хумы и одним — сковорода.

*Горшки* можно выделить в два типа. Тип I наиболее многочисленный и включает в себя сосуды банкообразных вытянутых форм с почти вертикальными стенками и прямым, чуть загнутым внутрь венчиком, либо со слабовыраженным и слегка отогнутым наружу венчиком и на плоском дне. Диаметр венчиков крупных горшков варьируется от 13 до 19 см, за исключением миниатюрного сосудика, диаметр венчика которого составляет 8 см. Их реконструируемая высота не превышает 35 см. Все горшки этого типа неангобированные и, как правило, толстостенные (рис. 7, 1–5, 10). В одном случае отмечается высветление. Среди включений в состав формовочной массы можно отметить дресву, шамот, а также выгораемые органические компоненты.

Горшки типа II представлены двумя разновидностями: 1) толстостенными (более 1–1,5 см) сосудами с вертикально оттянутыми, прямо поставленными или чуть отогнутыми наружу округлыми венчиками диаметром 13 см, образующими невысокую горловину, и широко и плавно расходящимися стенками тулова (рис. 7, 6–7); 2) сосудами с сильным наклонным внутрь, плоским или закругленным простым венчиком диаметром от 19 до 29 см, и широким выпуклым туловом (рис. 7, 8–9).

На раннеэллинистических объектах Кампыртепа горшки рассматриваемых типов были встречены на цитадели — в стратиграфическом раскопе в ее восточной части [Сверчков, Восковский 2006: рис. 8, 15; 10, 29; 12] и в производственном комп-

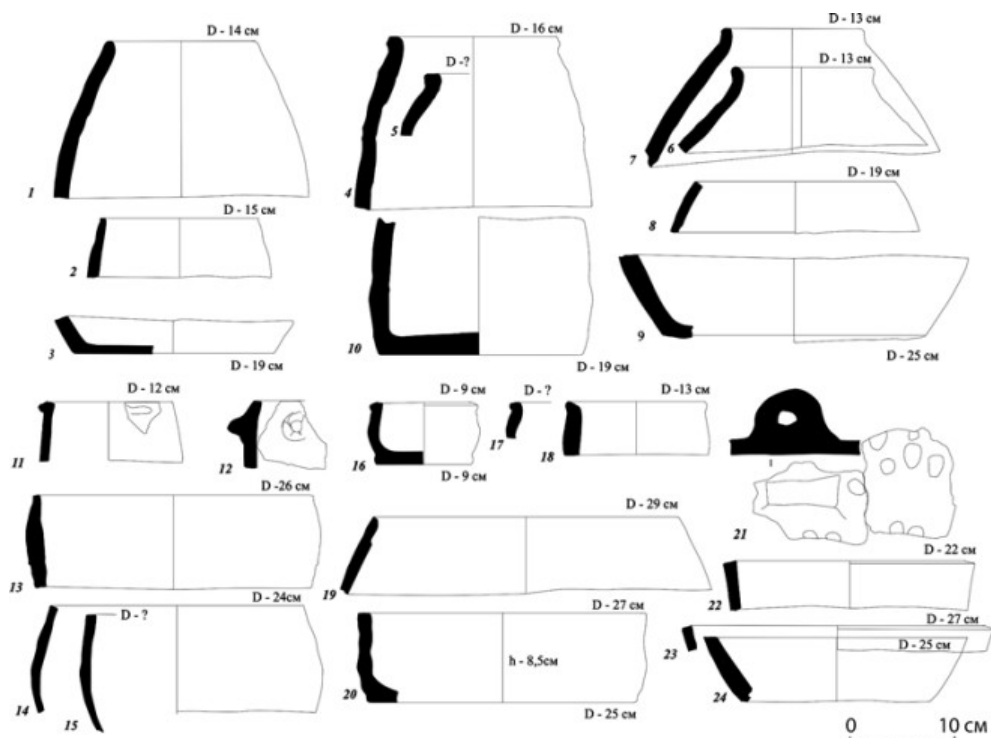


Рис. 7. Лепная кухонная посуда из закрытого комплекса террасного дома Кампыртепа: горшки, котелки, сковороды, крышки

лексе [Болелов 2011: рис. 6, 32]. В материалах Курганзола они немногочисленны [Сверчков 2009: рис. 48, 18; 73, 25].

В Северной Бактрии эти формы встречаются также в комплексах из Гишттепа [Мокротородов 2007: рис. 2, 8; 3, 23], в шурфе на цитадели Дальверзинтепа [Ртвеладзе 1978: рис. 6] и на Тамошо-тепе. В Южной Бактрии они выявлены среди находок из слоев первого этапа греко-бактрийского времени на Джига-тепе [Пидаев 1984: рис. 2, 33].

Горшки рассматриваемых форм — наследники позднеахеменидских, широко представленных в материалах из Бектепа, Кендыктепа [Сверчков, Бороффка 2007: рис. 17, 10–12], Пачмактепа [Пидаев 1974: рис. 3, 9] и Кызылтепа [Сагдуллаев, Хакимов 1976: рис. 2, 17].

Котелки составляют 3,5 % от общего числа форм (10 экземпляров) (рис. 7, 11–15). Как правило, они имеют слабовыраженный абрис слегка выпуклых стенок, их венчик в большинстве случаев плоский срезанный диаметром 12–26 см. Непосредственно к нему или чуть ниже прилеплены характерные ручки-выступы. Стенки толстые и неровные.

Лепные котелки на Кампыртепа встречаются в нижних слоях стратиграфического раскопа в восточной части цитадели [Сверчков, Восковский 2006: рис. 6, 22; 8, 21; 11, 12], в нижних слоях масштабного сооружения 36, а также в слое полуземлянки второго периода обживания над помещением 34 (материал находится в обработке). На Курганзоле котелки рассматриваемого типа представлены

достаточно широко [Сверчков 2009: рис. 42, 38; 44, 10, 11; 47, 35–37, 39; 52, 15; 53, 6, 7; 54, 20, 21; 55, 53; 58, 29–31; 66, 4; 67, 17; 68, 22–24; 71, 32; 76, 33; 79, 18; 82, 17–19]. Аналогии им происходят из раннеэллинистических слоев таких северо-бактрийских памятников, как Гишттепа [Мокробородов 2007: рис. 3, 29], Тамошотепе [Абдуллаев и др. 1975: рис. 2, 12], Пачмактепа [Пидаев 1974: 37, рис. 2, 5, 6]; есть они и в керамике первого периода обживания на Дальверзинтепа [Некрасова 1978: 145, рис. 100, 19].

В Согде, на Падаятактепа такие котелки появляются в слое конца IV — середины III в. н. э. и продолжают бытовать в последующее время [Омельченко 2006: рис. 2, G, 40, 41; F, 50]. Также они известны в материалах из Беркуттепа и в комплексе Афрасиаб II (этап I) [Шишкина 1974: 48, рис. 4–6].

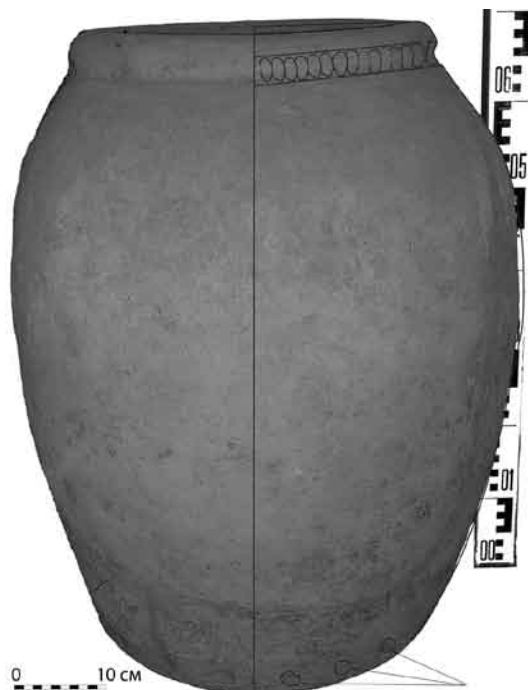
Из редких форм отметим плоскую, грубо слепленную крышку с расположенной в центре крупной прямоугольной ручкой (рис. 7, 21). Поле крышки с наружной стороны украшено хаотично расположенными пальцевыми вдавлениями. Эта довольно архаическая форма была известна в Бактрии в более ранний период: в частности, она зафиксирована в подъемном материале из Бандыхантепа I [Ртвеладзе 2007: 72, рис. 10, 18] и в позднеахеменидских находках из Майдатепе, а также в раннем комплексе подземелья на цитадели Старого Термеза [Козловский, Некрасова 1976: рис. 1, 42].

*Хумы и хумчи* в закрытом комплексе представлены восьмью экземплярами, причем более половины из них изготовлено методом ручной лепки (рис. 6, 5–12). Все они имеют толстые стенки, слабо намеченный утолщенный венчик, чуть отогнутый наружу, покатые плечики и слабовыраженную горловину; днища их часто округлые, на песчаной подсыпке. К ранним элементам можно отнести такой характерный признак дополнительной обработки крупной тарной посуды (в основном хумов и хумчей), как орнаментальный пояс под венчиком и на самом венчике, сформованный посредством вдавлений пальцами по сырой глине (рис. 6, 11–12).

Прием нанесения декора на керамические сосуды при помощи пальцевых вдавлений применялся в Бактрии еще с эпохи раннего железа, к примеру, на Бандыхантепа I [Ртвеладзе 2007: рис. 10, 17]. Более широко он стал использоваться в раннеэллинистическое время в самых разных уголках среднеазиатского региона. В Бактрии он известен по материалам из Курганзола [Сверчков 2009: рис. 66, 14; 102, 6], Гишттепа [Мокробородов 2007: рис. 3, 26; неопубликованная подъемка 2013 г.] и Кампыртепа — помещений 29а и 33 в блоке V «нижнего города» (рис. 8) и слоя 19 стратиграфического раскопа на восточной стороне цитадели [Сверчков, Восковский 2006: 24, рис. 8, 15], а также из Тамошотепе [Абдуллаев и др. 1975: 256, рис. 2, 2, 3, 5, 6; Абдуллаев 1976: 43, рис. 3, 12] и Ай-Ханум [Gardin 1973: pl. 120, h, j]. За пределами Бактрии он выявлен в комплексе раннеэллинистического времени из Кувы в Ферганской долине [Матбабаев, Грицина 2000: 86, рис. 10, 13].

Важно отметить также, что данный прием оформления крупных сосудов для хранения продуктов (хумов и хумчей) прослеживается не только в пояске, расположенном прямо под венчиком или на нем самом, но и в месте перехода от стенок ко дну, что мы наблюдаем в материалах из Курганзола [Сверчков 2009: рис. 84, 15], Кампыртепа (находки на полу помещения 33) и в подъемном материале из крепости Узундары в виде фрагмента придонной части хума с легким подкосом<sup>16</sup>.

<sup>16</sup> По данным археологических разведок Бактрийского отряда Института археологии РАН весной 2013 г.



**Рис. 8.** Хум с двумя орнаментальными поясками из оттисков пальцев под венчиком и у дна

Показательно наличие в закрытом комплексе сосуда, форма которого наиболее подходит под определение *сковороды*. Он имеет прямые стенки, плоский прямо срезанный венчик и плоское дно. Диаметр венчика 27 см, высота 8,5 см (рис. 7, 20).

Сковороды широко известны в Бактрии с конца II тыс. до н. э. [Ртвеладзе 2007: рис. 14, 23, 24]. Кроме того, они были найдены в позднеахеменидских слоях городище Падаятктепа в Кашкадарьинском Согде [Омельченко 2006: рис. 2, 27, 28] и в Калалы-гыр 2 — хорезмийском памятнике IV–II вв. до н. э. [Болелов 2004: 97, рис. 3, 2]. В раннеэллинистической Бактрии сковороды зафиксированы в нижнем слое стратиграфического шурфа на цитадели Старого Термеза [Пидаев 1991: рис. 1, 28], в нижних слоях стратиграфического раскопа в восточной части цитадели Кампыртепа [Сверчков, Восковский 2006: рис. 6, 6; 7, 18] и на Курганзоле [Сверчков 2009: рис. 67, 22; 73, 37]. В материалах из Гишттепа имеется изящный экземпляр с диаметром венчика 30 см и высотой не более 3 см<sup>17</sup>. Сковороды также происходят из Ай-Ханум, где они были изготовлены как с простыми вертикальными бортами, так и с оттянутым наружу краем [Gardin 1973: pl. 137, 100–101]. В раннеэллинистических комплексах Согда сковороды (жаровни) были обнаружены в нижних слоях городищ Буркуттепа [Грицина, Хужаназаров 2005: 42–43, рис. 2, 10, 11], Курганча [Хасанов 1991: 59, рис. 1, 6, 7] и Коктепа II [Исамиддинов, Рапен 1999: рис. 7, 11].

<sup>17</sup> По данным архива, предоставленного В. В. Мокрородовым, пользуюсь случаем, выражаю свою искреннюю признательность за предоставленные материалы.



Непосредственно к закрытому комплексу из помещения 34 относятся единовременные находки с пола помещения 33 и с пола проулка к югу от жилого комплекса. Рассмотрим их в совокупности.

Кратко характеризуя комплекс, собранный на полу жилого помещения 33, следует отметить, что функциональное значение этого объекта отражается в наборе представленных там форм керамики. Комплекс сохранился в юго-восточном углу помещения. В сам пол был вмурован целиком сохранившийся хум, накрытый керамической плиткой размером  $42 \times 34 \times 5$  см. Этот сосуд характеризуется слабовыраженным утолщенным венчиком, наклоненным внутрь, непосредственно под которым располагается рельефно выраженный широкий (2 см) желобок с орнаментальным пояском из частых неглубоких вертикальных вдавлений пальцами. Кроме того, у дна мы также видим поясик из редких крупных пальцевых вдавлений (рис. 8). На полу были найдены два фрагмента от кратеров (венчик и высокая профилированная ножка); загнутый внутрь Г-образный венчик от сероглиняной чаши, покрытой ангобом и лощением; целый высветленный кубок на плоском дне. Помимо них, рассматриваемый комплекс включает в себя фрагменты высветленной тагора, хумчи с орнаментальным пояском под венчиком из пальцевых вдавлений и широкогорлого кувшина. Кухонная керамика представлена лишь одним, но довольно крупным фрагментом стенки котла с закопченными стенками, изготовленного методом ручной лепки (рис. 9).

Набор керамики с материкового пола проулка, расположенного к югу от террасного дома, составляют весьма характерные формы столовой посуды. В первую очередь это чаши с венчиком, оттянутым наружу (тип IV) и образующим широкий бортик, а также с клювовидным венчиком. Одна толстостенная чаша имела прямой венчик и линейный орнамент под ним. К данному комплексу относятся и фрагменты двух кубков. Один из них — на высоком кольцевом поддоне с высоким коническим туловом — покрыт красным ангобом изнутри и коричневым снаружи. Венчик второго цилиндро-конического кубка сохранился до уровня перегиба, он без ангоба и, что наиболее важно, высветлен. Также здесь обнаружено плоское заглаженное дно с высокими чуть расходящимися в стороны стенками, по всей видимости, от кувшина. К нему же относится фрагмент фасолевидной в сечении ручки (рис. 10).

Для сравнения с закрытым комплексом Кампыртепа возьмем наиболее ранний комплекс Курганзола из т. н. погребца (помещения 7), вырубленного в материке. Как отмечают авторы раскопок, из него происходит один из самых богатых в численном выражении наборов керамики, насчитывающий 1420 фрагментов, из которых 159 — формообразующие. По основным технологическим приемам мы имеем почти равное соотношение: так, на Кампыртепа лепная керамика составляет 11 %, а на Курганзоле — 12 %. По принципу обжига показатели Курганзола несколько выше, керамика обожженная без доступа кислорода составляет до 3 %, а на Кампыртепа — менее 2 %.

Из дополнительных приемов обработки керамики была просчитана техника высветления. Сосуды с ее применением на Кампыртепа составили 14 %, на Курганзоле — 17 %.

Процент сосудов греческих форм, таких как кратеры, «рыбные блюда», чаши типов II и III, кубки, близкие по профилировке к канфарам, алабастры, леканы и пиксиды, в закрытом комплексе Кампыртепа составил 13 %, а в помещении 7 Курганзола — 28 %. Несмотря на существенную разницу в проценте греческого

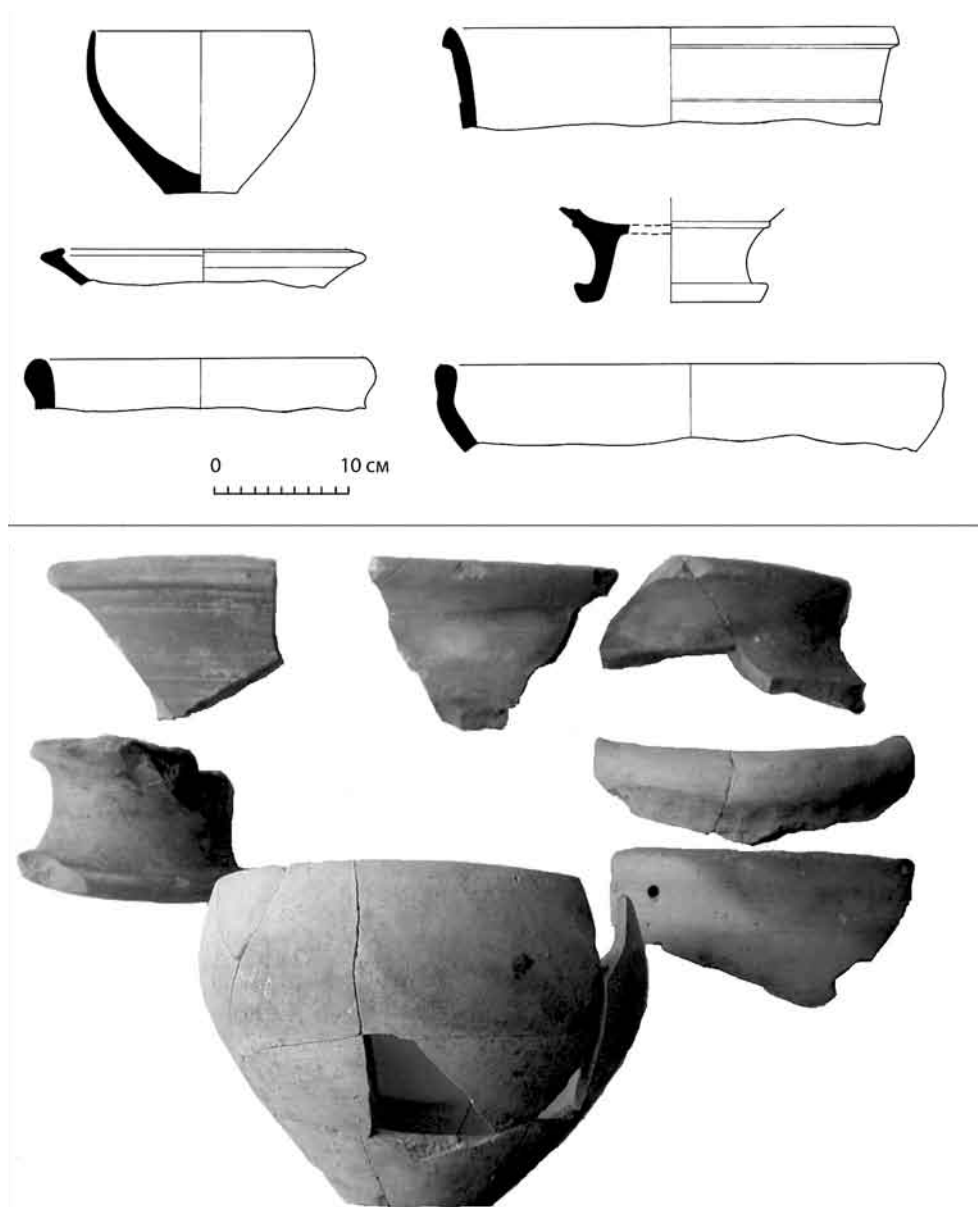
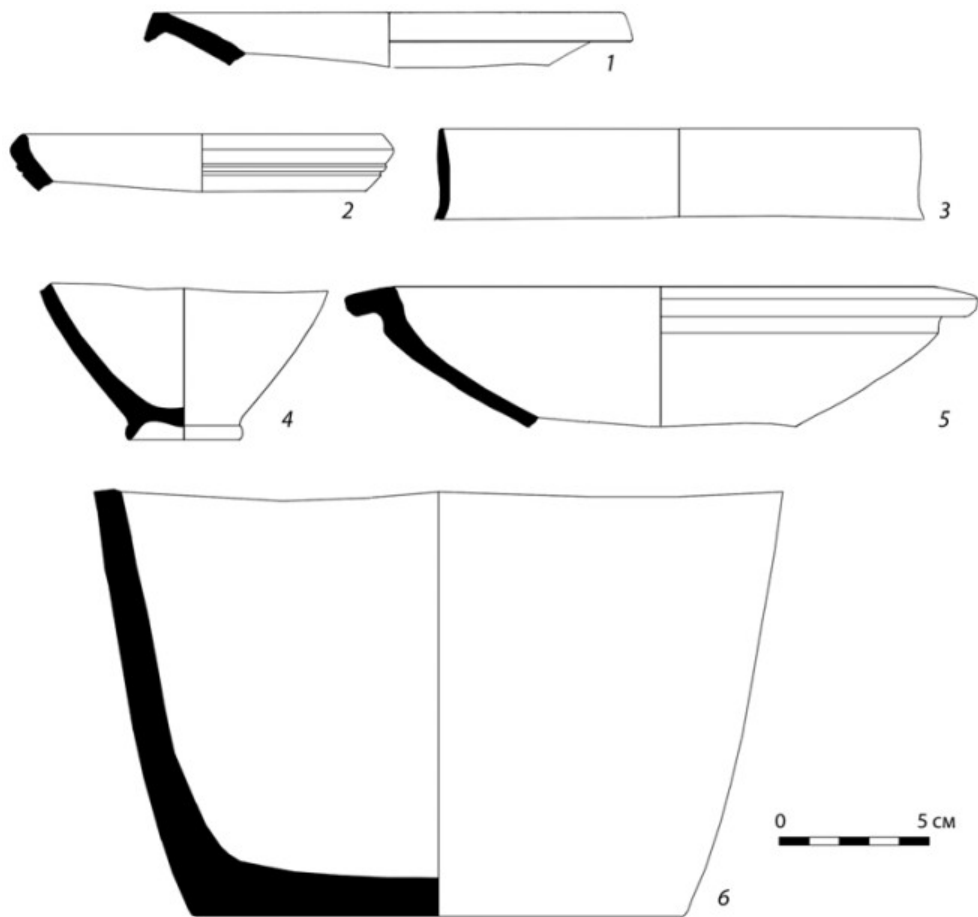


Рис. 9. Комплекс с пола помещения 33 жилого блока V Кампыртепа

компонента, необходимо отметить в целом близость самих наборов керамических форм в обоих комплексах.

Наряду с рассмотрением керамических материалов с применением статистики и сравнительного анализа, позволяющими получить целостную картину основных тенденций, важен также поиск форм, которые могли бы послужить надежными и узкими хроноиндикаторами. Мне представляется, что к таковым можно отнести необычный сосуд открытой формы с отверстием в донной части (рис. 11), которое бывает оформлено в виде горлышка цилиндрической формы с прямым



**Рис. 10.** Комплекс с проулка к югу от помещения 33  
жилого блока V Кампыртепа

без утолщений венчиком или же без него. Этот тип сосудов встречается на нескольких памятниках Северной Бактрии. Впрочем, фрагментарность и кажущаяся схожесть с флягами (особенно в чертежах публикаций) не давала возможности исследователям в полной мере обратить на него внимание. Основное отличие рассматриваемого сосуда от фляги заключается в том, что он никогда не имеет оформленного, как у последней, венчика, и, что самое главное, его тулово цилиндрическое, а не двояковыпуклое или выпуклое с одной стороны, как у фляги.

Наибольшее число таких сосудов представлено в материалах из Курганзола, причем в разных вариантах и даже в разной технике исполнения — как лепной, так и станковой. Здесь имеются также фрагменты сосудов с отверстием, но без горловины [Сверчков 2009: рис. 51, 38; 58, 20, 24; 62, 30; 65, 4; 66, 23; 68, 21; 83, 28; 101, 3–6]. Второе место по численности находок этого типа керамики занимает Кампыртепа. Здесь сосуды, о которых идет речь, представлены в материалах из закрытого комплекса (помещение 34), масштабного сооружения 36 [Двуреченская 2012а: 73] и землянки на цитадели [Мкртычев, Болелов 2006: рис. 3, 50].

Среди других северобактрийских памятников рассматриваемая форма посуды происходит из Гишттепа [Мокробородов 2007: рис. 3, 19] и поселения VII–IV вв. до н. э. Байдушттепа II [Абдуллаев 1983: 75, рис. 3, 10]. В Южной Бактрии сосуд с отверстием в донной части зафиксирован на Джигатепе — он принадлежал к комплексу первого этапа греко-бактрийского времени [Пидаев 1984: 115, рис. 2, 34].

Функциональное назначение таких сосудов не совсем ясно, но, судя по белому налету, сохранившемуся в верхней части внутренних стенок целого образца из Курганзола, можно предположить, что они были предназначены для приготовления кисломолочных продуктов или сыров.

Возможно, схожие функции выполняли лепные воронки с разнообразными по длине горлышками. Они представлены в ранних слоях Кампыртепа и в Курганзоле [Сверчков 2009: рис. 81, 18; 83, 22; 85, 3; 89, 1–2, 5–6; Сверчков, Восковский 2006: 24, рис. 12, 13].

К разряду посуды, связанной с переработкой кисломолочных продуктов, по всей видимости, относятся сосуды с мелкими отверстиями, расположенными в донной части или в месте перегиба стенок ко дну, реже — на самих стенках. Они также отмечены на Курганзоле [Сверчков 2009: рис. 56, 40; 62, 18; 100, 5–6; 101, 1]. Из Гишттепа происходит сосуд с двумя симметрично расположенными отверстиями в месте перегиба стенок ко дну (по данным архива, предоставленного В. В. Мокробородовым).

Характерно, что подобные сосуды с крупным отверстием в донной части или же несколькими мелкими отверстиями, а также воронки не встречаются ни в ахеменидском, ни в позднем греко-бактрийском периодах. Однако следует отметить, что на Талашкан-тепе I был найден сосуд с крупным отверстием у перехода ко дну [Заптаров, Ргвеладзе 1976: 22], а другой такой же сосуд известен среди материалов из Байдушттепа II [Абдуллаев 1983: 75, рис. 3, 11].

В вопросе выделения раннего эллинистического комплекса особый интерес представляют пиксиды характерной катушкообразной и чашевидной формы, а также крышки от них. Они изготовлялись из различных материалов, в том числе дерева, камня, кости и керамики.

Пиксиды катушковидной формы примечательны не только своей формой и малыми размерами, но и возможностью вывести их в разряд надежных и довольно узких хроноиндикаторов для раннеэллинистического периода. На территории Северной Бактрии они были обнаружены на нескольких памятниках: в черте

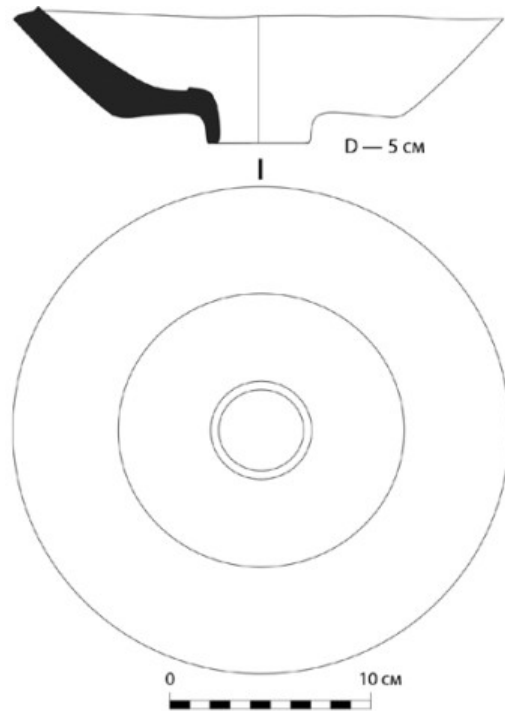


Рис. 11. Сосуд с отверстием в донной части

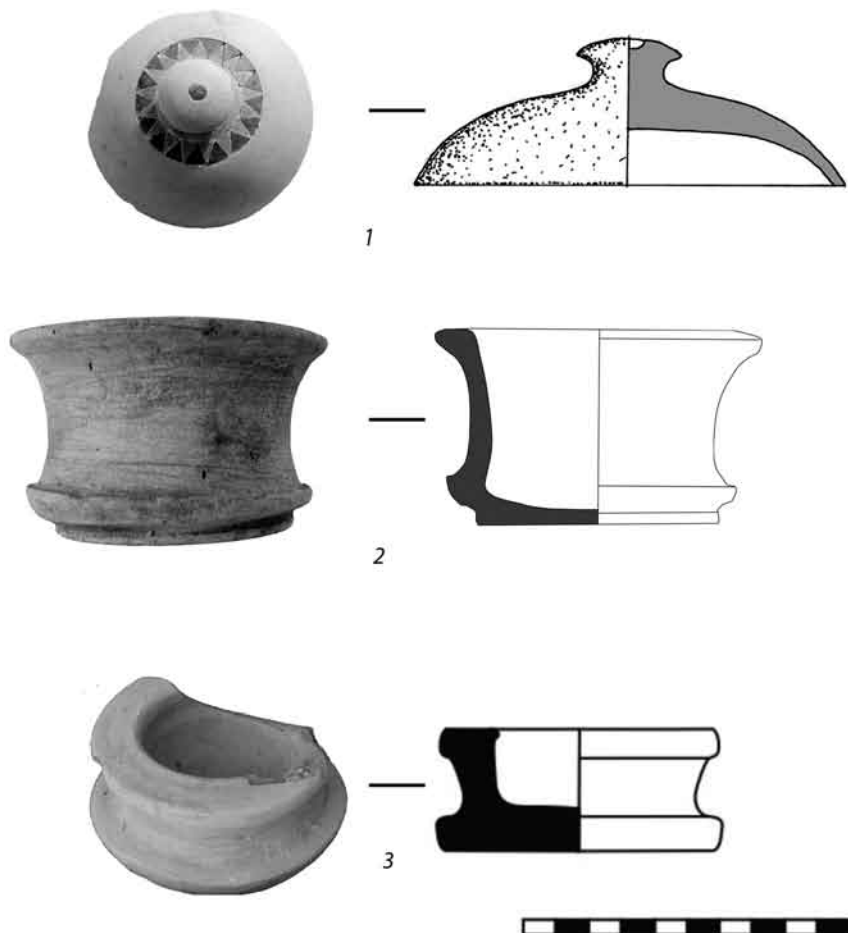
укреплений «нижнего города» Дальверзинтепа [Некрасова, Пугаченкова 1978: 144–145, рис. 100, 9], на Курганзоле [Сверчков 2009: рис. 93, 4] (рис. 12, 4), в нижнем слое шурфа 1973 г. на цитадели Старого Термеза [Козловский, Некрасова 1976: рис. 1, 20] и на полу в слое засыпки входа в сооружение 36 на Кампыртепа [Двуреченская 2010: 59–60, рис. 8] (рис. 12, 3).

Но наибольшее количество пиксид известно по материалам из Ай-Ханум, причем здесь они изготавливались из слоновой кости и камня [Francfort 1984: pl. 11, 7; 15, 21–23; 01248; pl. XI, XII, XIV; Guillaume, Rougeulle 1987: pl. II, III]. И это вовсе неслучайное явление: рассматриваемые изделия имели самое широкое распространение в бытовой культуре греков, и, более того, в совершенно конкретный и четко ограниченный хронологический период. Так, в материалах из Олинфа, разрушенного в 349–348 гг. до н. э. македонским царем Филиппом II, катушкообразные пиксиды являются чрезвычайно популярными с конца V в. и вплоть до момента гибели города [Robinson 1950: 390–391, pl. 232, 944, 940, 941, 942; 238–240]. Еще более важный для нас материал дает афинская Агора, откуда происходит значительное число пиксид рассматриваемого типа, датировка которых ограничена 325–295 гг. до н. э. [Rotroff 1997: 346, fig. 65, n. 1064–1074]. Не может быть никаких сомнений в том, что в Бактрию катушкообразные пиксиды попали вместе с греками, особенно в свете сходства формы и размеров бактрийских изделий с афинскими и олинфскими. Так, диаметр венчиков афинских пиксид колеблется от 6,2 до 9,7 см, при высоте от 2,8 до 4,6 см. Для пиксид из Олинфа характерна большая стандартизация: диаметр венчиков от 6,2 до 6,6 см, при высоте от 2,1 до 2,9 см. Бактрийские пиксиды не выходят за рамки этих размеров. Но, что даже более важно, катушкообразные пиксиды не были известны в Бактрии в предшествующее, ахеменидское, время. В Ай-Ханум их находки ограничены только I и II хронологическими периодами.

Помимо катушкообразных пиксид, широкое распространение на территории Бактрии получили чашевидные туалетные коробочки с круглыми в плане крышками, снабженными невысокими грибовидными ручками. Крышки чаще изготавливались из камня на токарном станке, реже — из керамики. Их диаметр был от 5 до 16 см и более, средняя высота крышек — 4–6 см. Внешняя выпуклая поверхность крышек зачастую украшалась разнообразными геометрическими, растительными и композиционными орнаментами с применением инкрустации цветными поделочными камнями.

Крышка с инкрустацией цветными камнями, расположенными пояском вокруг ручки в виде подогнанных друг к другу треугольников, была обнаружена в мусорном слое близ масштабного сооружения 36 на Кампыртепа (рис. 12, 1) [Двуреченская 2010: 59–60, рис. 4]. Более простая и худшей сохранности каменная крышка была найдена на Курганзоле (рис. 12, 2) [Сверчков 2009: 26, рис. 87, 10; 99, 4]. Керамическая крышка рассматриваемого типа представлена в подъемном материале из Джандавлятепа [Пидаев 1974: рис. 1, 9].

Пиксиды чашевидной формы происходят из 17-го слоя стратиграфического разреза на верхней террасе восточного склона цитадели Кампыртепа [Сверчков, Восковский 2006: 24, рис. 6, 11], Курганзола [Сверчков 2009: рис. 94, 6] и Храма Окса в Тахти-Сангине [Филимонова, Ахметзянов 2010: 64, рис. 12; Дружинина и др. 2010: 215, рис. 10, 17]. Находки двух крышек и двух чашевидных пиксид зафиксированы на памятнике эллинистического времени Торбулок (Чолтов) [Филимонова и др. 2012: 230–231, рис. 3].



**Рис. 12.** Пиксиды и крышки от них с северобактрийских памятников жилого блока V Кампыртепа

В Ай-Хануме известно более 20 каменных крышек и более 10 каменных чашевидных пиксид, и все они, как правило, относятся к I и II, реже к III хронологическим периодам [Gardin 1973: pl. 126, c, h; Francfort 1984: tabl. 6, 8, 9, pl. 11, 7; 15, 21–23; 01248; pl. XI, XII, XIV; Guillaume, Rougeulle 1987: 8–13, pl. II, III]. Таким образом, айханумские материалы дают нам верхнюю дату, не выходящую за пределы первой половины III в. до н. э.<sup>18</sup>

О широком распространении в раннеэллинистический период пиксид свидетельствуют материалы хорезмского памятника Калалы-гыр-2. Здесь удалось зафиксировать сгоревшие деревянные пиксиды катушкообразной и чашевидной форм с крышками, изготовленные на токарном станке [Болелов, Двуреченская 2004: 265, рис. 1, 1, 3, 4, 5, 9]. В материалах этого памятника присутствует каменная крышка с характерным рельефным орнаментом с треугольниками и заполнением цветными

<sup>18</sup> С учетом изменений, внесенных в периодизацию Ай-Ханум Д. Лернером [Lerner 2005: 469, tabl. 2].

пастами [Вайнберг 2004: 158, рис. 4, 10б, 5, 14]. Примечательно, что она несла следы прикипевших остатков дерева, что недвусмысленно говорит об использовании каменных крышек для пиксид, изготовленных из дерева. Эта каменная крышка имеет явно импортный характер, так же как и та часть деревянных пиксид, которая была изготовлена из самшита, не произрастающего в Хорезме [Болелов, Двуреченская 2004: 269, 273].

Импорт в Хорезм катушкообразных и чашевидных пиксид с крышками подтверждается также материалами из нижнего горизонта другого хорезмийского памятника — Кой-Крылган-калы [Кой-Крылган-кала 1967: 141–142, табл. XV, 4–6].

Подводя итоги рассмотрения керамических комплексов из помещений 34 на Кампыртепа и 7 на Курганзоле, кратко остановимся на их наиболее важных характеристиках.

*Во-первых*, необходимо отметить большой процент лепной керамики — более 10 %. Для сравнения укажем, что в керамическом комплексе раннекушанского времени лепная керамика обычно составляет не более 4 % [Болелов 2002: 42]. Напротив, для бактрийских комплексов ахеменидского времени (к примеру, из Кызылтепа) как раз характерно приблизительно такое же соотношение лепной и станковой посуды, какое было в эллинистической Бактрии [Сагдуллаев, Хакимов 1976: 28].

*Во-вторых*, мы имеем новый набор форм, в котором в числовом выражении ведущее место занимают чаши, кубки, «рыбные блюда» и кувшины.

*В-третьих*, в комплексе четко фиксируется сохранение гончарных традиций позднеахеменидского времени. Это отразилось как в наборе «перекочевавших» форм (кубки типа I, лепные котелки с ручками в виде шишечек, банковидные горшки, сковороды), так и в сохранении отдельных морфологических элементов (использование подкоса и округлых днищ). Из приемов декорирования сосудов, применявшихся в V–IV вв. до н. э., продолжали бытовать высветление и использование орнаментальных поясков из пальцевых вдавлений.

*В-четвертых*, в состав керамического комплекса раннеэллинистического периода входил набор таких греческих форм, как кратеры, чаши типов II–IV, «рыбные блюда», леканы, конфары, алабастры и др. Как правило, суммарный набор этих форм составлял до трети от всего комплекса, но в любом случае не менее 10 %.

И, наконец, для раннеэллинистического керамического комплекса найдены узкодатированные формы, а именно катушковидные пиксиды и сосуды с отверстием в дне, которые можно рассматривать в качестве надежных хроноиндикаторов.

Широкий сравнительный анализ с материалами большинства эллинистических комплексов Бактрии позволяет предварительно экстраполировать выявленные нами характеристики на керамический комплекс всего этого региона, датируемый последней третью IV — первой половиной III в. до н. э.

## Литература

- Абдуллаев 1976: *Абдуллаев А.* Отчет о раскопках на Тамошо-тепе в 1972 году // АРТ. Вып. XII.
- Абдуллаев 1983: *Абдуллаев А. Л.* Археологические разведки и раскопки в Пянджском районе в 1977 г. // АРТ. Вып. XVII.
- Абдуллаев 2010: *Абдуллаев К.* Греческие типы в керамике Согда и Бактрии // ПИФК. № 1.

- Абдуллаев и др. 1975: *Абдуллаев А., Бубнова М. А., Пьянкова Л. Т.* Отчет о работах Яванского отряда в 1971 г. // АРТ. Вып. XI.
- Болелов 2001: *Болелов С. Б.* Гончарная мастерская III–II веков до н. э. на Кампыртепа (К вопросу о керамическом производстве и организации ремесла в Северной Бактрии эпохи эллинизма) // МТЭ. Вып. 2.
- Болелов 2002: *Болелов С. Б.* Керамический комплекс периода правления Канишки на Кампыртепа (раскопки 2000–2001 годов) // МТЭ. Вып. 3.
- Болелов 2004: *Болелов С. Б.* Керамика // КГ-2.
- Болелов 2011: *Болелов С. Б.* Производственный центр эпохи эллинизма на цитадели Кампыртепа // МТЭ. Вып. 8.
- Болелов, Двуреченская 2004: *Болелов С. Б., Двуреченская Н. Д.* Деревянные изделия из раскопок Калалы-гыр 2 // КГ-2.
- Вайнберг 2004: *Вайнберг Б. И.* Производственные комплексы и бытовые предметы // КГ-2.
- Гаиров 2004: *Гаиров В. А.* Раннеэллинистическая керамика Маргианы // ПИФК. Вып. XIV.
- Грицина, Хужаназаров 2005: *Грицина А. А., Хужаназаров М.* Изучение нижних слоев Беркуттепа (древней Карманы) // Материалы по античной культуре Узбекистана. К 70-летию Г. А. Кошеленко. Самарканд
- Двуреченская 2006: *Двуреченская Н. Д.* Итоги археологических работ 2004–2005 гг. в жилом квартале-блоке 5 в северо-западной части Кампыртепа // МТЭ. Вып. 6.
- Двуреченская 2010: *Двуреченская Н. Д.* Крепость Кампыртепа // Институт археологии. Новые полевые исследования. М.
- Двуреченская 2011: *Двуреченская Н. Д.* Раннеэллинистический жилой комплекс бактрийской крепости Кампыртепа // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. IV (дополнительный). М.
- Двуреченская 2012а: *Двуреченская Н. Д.* Масштабное сооружение раннеэллинистического времени на Кампыртепа // АИУз. Вып. 7 [2008–2009 гг.].
- Двуреченская 2012б: *Двуреченская Н. Д.* Плановая тема 2009–2012 гг. Археологические комплексы эллинистических поселений Северной Бактрии // Архив Института археологии РАН.
- Дружинина и др. 2010: *Дружинина А., Инагаки Х., Худжагелдиев Т.* Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 г. // АРТ. Вып. XXXIV.
- Дьяконов 1953: *Дьяконов М. М.* Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950–1951 гг.) // МИА. № 37. 1953.
- Запаров, Ртвеладзе 1976: *Запаров Ш. Х., Ртвеладзе Э. В.* Раскопки древнебактрийского поселения Талашкан-Тепе I // БД.
- Исамиддинов 1999: *Исамиддинов М., Рапен К.* К стратиграфии городища Коктепа // ИМКУ. Вып. 30.
- Козловский, Некрасова 1976: *Козловский В. А., Некрасова Е. Г.* Стратиграфический шурф на цитадели Древнего Термеза // БД.
- Кой-Крылган-кала 1967: *Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Рапопорт Ю. А., Толстов С. П., Трудновская С. А. и др.* Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. М., 1967 (ТХАЭЭ. Т. V).
- Кошеленко 2015: *Кошеленко Г. А.* Рец. на кн.: *Сверчков Л. М.* Курганзол — крепость Александра на юге Узбекистана. Ташкент, 2012 // ВДИ. № 2.
- Лионе 2000: *Лионе Б.* Греческая оккупация Согдианы. Результаты сравнительного анализа керамики Афрасиаба и Ай Ханум // Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной. М.
- Матбабаев, Грицина 2000: *Матбабаев Б. Х., Грицина А. А.* К характеристике нижних слоев городища Кува // Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной. М.



- Мокробородов 2005: *Мокробородов В. В.* Раскопки крепости Курганзол в 2003 году // ТБНЭ. Вып. 2.
- Мокробородов 2007: *Мокробородов В. В.* Гишттепа в кишлаке Пашхурт. Предварительные итоги исследований 2004–2006 гг. // Трансоксиана — Мавераннахр: Сборник статей. Академику Э. В. Ртвеладзе в честь 65-летия — его ученики и коллеги. Ташкент.
- Мкртычев и др. 2005: *Мкртычев Т. К., Болелов С. Б., Ильясов Д. Я.* Исследования на юге Узбекистана // АО 2004 г. 2005.
- Мкртычев, Болелов 2006: *Мкртычев Т. К., Болелов С. Б.* Стратиграфия юго-восточной части цитадели Кампыртепа // МТЭ. Вып. 5.
- Некрасова, Пугаченкова 1978: *Некрасова Е. К., Пугаченкова Г. А.* Керамика Дальверзинтепе // ДтКГ.
- Омельченко 2006: *Омельченко А. В.* Керамические комплексы эллинистического времени из области Кеш (по материалам городища Падаятактепа) // РА. № 3.
- Пидаев 1974: *Пидаев Ш. П.* Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии // ДБПС.
- Пидаев 1984: *Пидаев Ш. П.* Керамика Джига-тепе (из раскопок 1976 г.) // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 3. М.
- Пидаев 1991: *Пидаев Ш. П.* Керамика греко-бактрийского времени с городища Старого Термеза // СА. № 1.
- Пугаченкова 1966: *Пугаченкова Г. А.* Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966.
- Пугаченкова 1978: *Пугаченкова Г. А.* Укрепления Нижнего города // ДтКГ.
- Ртвеладзе 1978: *Ртвеладзе Э. В.* Цитадель Дальверзинтепа // ДтКГ.
- Ртвеладзе 2007: *Ртвеладзе Э. В.* Археологические исследования в Бандыхане в 1974–1975 гг. // ТБНЭ. Вып. 3.
- Ртвеладзе, Болелов 2000: *Ртвеладзе Э. В., Болелов С. Б.* Керамический комплекс эпохи эллинизма на Кампыртепе в Северной Бактрии // Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной. М.
- Сагдуллаев 1987: *Сагдуллаев А. С.* Усадьбы древней Бактрии. Ташкент.
- Сагдуллаев, Хакимов 1976: *Сагдуллаев А. С., Хакимов З.* Археологическое изучение городища Кызыл-тепе (По итогам работ 1973–1974 гг.) // БД.
- Сверчков 2007: *Сверчков Л. М.* Эллинистическая крепость Курганзол. Раскопки 2004 г. // Труды Байсунской научной экспедиции. Ташкент.
- Сверчков 2009: *Сверчков Л. М.* Отчет о раскопках крепости Курганзол в Байсунском районе Сурхандарьинской области в 2004 и 2008 гг. Ташкент.
- Сверчков 2012: *Сверчков Л. М.* Курганзол — крепость Александра на юге Узбекистана. Ташкент.
- Сверчков, Бороффка 2007: *Сверчков Л. М., Бороффка Н.* Археологические исследования в Бандыхане в 2005 г. // ТБНЭ. Вып. 3.
- Сверчков, Восковский 2006: *Сверчков Л. М., Восковский А. А.* Стратиграфия, периодизация и хронология нижних слоев Кампыртепа // МТЭ. Вып. 5.
- Седов 1987: *Седов А. В.* Отчет о работах на Калаи-Кафырнигане в 1980 г. // АРТ. Вып. XX.
- Тургунов 1978: *Тургунов Б. А.* Дом богатого горожанина // ДтКГ.
- Тургунов, Пугаченкова 1978: *Тургунов Б. А., Пугаченкова Г. А.* Дом рядового горожанина // ДтКГ.
- Филимонова, Ахметзянов 2010: *Филимонова Т. Г., Ахметзянов М. Р.* Поисковые работы по составлению археологической карты Дангаринского района в 2009 году // АРТ. Вып. XXXIV.
- Филимонова и др. 2012: *Филимонова Т. Г., Линдстрем Г., Дружинина А. П.* Каменные сосуды из селения Торбулок и открытие первого эллинистического поселения на территории Дангаринского района // АРТ. Вып. XXXV.

- Хасанов 1991: *Хасанов М.* Лепная керамика поселения Курганча // ИМКУ. Вып. 25.
- Шишкина 1974: *Шишкина Г. В.* Керамика конца IV–II вв. до н. э. (Афрасиаб II) // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент.
- Шишкина, Болелов 2010: *Шишкина Г. В., Болелов С. Б.* Опыт классификационного описания керамики Самаркандского Согда (по материалам работ Среднеазиатской археологической экспедиции ГМБ) // МКВ. Вып. 5.
- Francfort 1984: *Francfort H.-P.* Fouilles d'Aï Khanoum. III. Le sanctuaire du temple à niches indentées. 2. Les trouvailles. Paris (MDAFA. Т. XXVII)
- Gardin 1973: *Gardin J.-C.* Les céramiques // Fouilles d'Aï Khanoum. I (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968). Paris (MDAFA. Т. XXI).
- Guillaume, Rougeulle 1987: *Guillaume O., Rougeulle A.* Fouilles d'Aï Khanoum. VII. Les petits objets. Paris (MDAFA. Т. XXXI).
- Lerner 2005: *Lerner J. D.* Greek ceramic period IV of Aï Khanoum // Центральная Азия: источники, история, культура. М.
- Lyonnet 2012: *Lyonnet B.* Questions on the Date of the Hellenistic Pottery from Central Asia (Aï Khanoum, Marakanda and Koktepe) // ACSS. Vol. 18/1.
- Robinson 1950: *Robinson D. M.* Vases found in 1934 and 1938 // Excavations at Olynthus. Pt. XIII. Baltimore.
- Rotroff 1997: *Rotroff S. I.* Hellenistic pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton (Athenian Agora: Results of Excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. 29).
- Sverchkov 2008: *Sverchkov L. M.* The Kurganzol Fortress (on the History of Central Asia in the Hellenistic Era) // ACSS. Vol. 14/1–2.

## «НОЧНОЕ» СРАЖЕНИЕ ПОД СИНГАРОЙ (340-е гг. н. э.)

В. А. Дмитриев (Псков)

«Ночное», как оно часто именуется в источниках<sup>1</sup>, сражение под Сингарой, произошедшее в 340-х гг.<sup>2</sup> между римской и персидской армиями, является одним из самых заметных, но при этом и наиболее загадочных событий за всю четырехвековую историю римско-персидских войн III–VII вв.

О том, что современники придавали Сингарской битве важное значение, говорит тот факт, что, по крайней мере, в одиннадцати позднеантичных и византийских литературных памятниках (прежде всего в речах Либания и Юлиана Отступника, а также сочинениях Феста, Евтропия, Аммиана Марцеллина, Иеронима, Павла Орозия, Сократа Схоластика, Якова Эдесского, Иоанна Зонары и в «Константинопольских консуляриях») этому событию прямо или косвенно уделяется отдельное внимание, причем некоторые из авторов (Либаний и Юлиан) дают весьма пространные и детализованные описания произошедшего в районе Сингары сражения. В результате, на первый взгляд, кажется, что историческая реконструкция битвы под Сингарой не может вызвать каких-либо серьезных затруднений<sup>3</sup>.

Однако при более близком знакомстве с источниками, содержащими сведения о «ночном» сражении, исследователь тут же сталкивается с парадоксальной ситуацией: несмотря на кажущееся обилие источникового материала, наличие, на первый взгляд, весьма подробных описаний Сингарской битвы, безусловную осведомленность позднеантичных авторов об этом сражении — при всем этом невозможно дать однозначный ответ практически ни на один из вопросов, интересующих историка при изучении того или иного военного события (силы и планы сторон, дата и место сражения, его ход, результаты и т. п.).

В связи с этим неслучаен интерес, проявлявшийся к «ночной» битве в историографии (прежде всего зарубежной): событий 340-х гг. под Сингарой в силу их важности и, одновременно, неясности касались, так или иначе, многие исследователи. Однако работ, специально посвященных Сингарскому сражению, существует не так уж много: на сегодняшний день исследованиями, имеющими непосредственное отношение к битве при Сингаре, являются лишь небольшая статья Дж. Бьюри [Bury 1896], а также относительно недавние публикации В. Портмана [Portmann 1989] и К. Мосиг-Вальбург [Mosig-Walburg 1999; 2000]. Что же касается отечественной исторической науки, то в ней «ночное» сражение, увы, вообще оказалось практически вне поля внимания как антиковедов, так и военных историков.

<sup>1</sup> Свое название эта битва получила из-за времени суток, когда она завершилась.

<sup>2</sup> Все даты в данной статье — н. э.

<sup>3</sup> В этой связи авторы «Кембриджской средневековой истории» применительно к Сингарской битве отмечают даже, что она была «единственным сражением (первой половины IV в. — В. Д.), о котором мы располагаем сколько-нибудь детальной информацией» [СМН 1911: 57].

## 1. ИСТОЧНИКИ

Как было отмечено выше, мы располагаем одиннадцатью историческими сочинениями, содержащими сообщения, которые относятся (или могут относиться) к Сингарскому сражению. Рассмотрим их более подробно.

### 1. Либаний

Наиболее обстоятельные и информативные сведения о «ночном» сражении под Сингарой сосредоточены в одной из речей знаменитого антиохийского ратора IV в. Либания (314–393) [о нем см.: Sievers 1868; Foerster, Münscher 1925; PLRE I: 505–507 (Libanius 1); Baldwin 1991b] (Liban. *Or.* LIX); вопрос о времени ее написания до сих пор остается дискуссионным<sup>4</sup>. Речь выдержана в панегирическом жанре и посвящена восхвалению двух братьев-императоров — Констанция II (337–361) и Константа (337–350).

Данные о сражении под Сингарой сконцентрированы, главным образом, в § 99–120, где Либаний на примере Сингарского «ночного» боя прославляет полководческие таланты Констанция и убеждает слушателей в его превосходстве над своим оппонентом — персидским царем Шапуром II (309–379). Автор весьма детально описывает весь ход событий, связанных с Сингарской битвой, начиная от военных приготовлений персов перед началом вторжения в римские владения до их возвращения на свою территорию.

В целом пассаж Либания, посвященный Сингарской битве, может быть разделен на четыре части:

- 1) вступление (§ 99);
- 2) описание подготовки персов к вторжению и разработки Констанцием плана ответных действий (§ 100–102);
- 3) характеристика хода сражения (§ 103–114);
- 4) анализ произошедших под Сингарой событий и обоснование мысли о том, что в конечном счете победа все же досталась римлянам (§ 115–120).

Для полноты картины отметим, что кроме указанного панегирика Либаний вскользь упоминает о «ночном» сражении и в написанной им, вероятно, в 365 г. [Foerster 1904: 222–224] траурной речи (Liban. *Or.* XVIII, 208) по поводу гибели императора Юлиана Отступника во время его персидского похода (363 г.).

### 2. Император Юлиан

Еще одно весьма детальное описание Сингарской битвы содержится в речи, написанной будущим императором Юлианом Отступником [см. о нем: Borries 1918; PLRE I: 477–478 (Fl. Claudius Iulianus 29); Gregory, Cutler 1991] в 355 (или 356) г. и посвященной императору Констанцию II (Iul. *Or.* I). В отличие от Либания, Юлиан

---

<sup>4</sup> Вопрос о времени создания Либанием своей речи важен с точки зрения датировки описываемой в ней Сингарской битвы. Существуют две обоснованные даты написания LIX речи Либания: 1) конец 344 — начало 345 гг. и 2) конец 348 — начало 349 гг. Аргументация в пользу более ранней даты содержится в работе В. Портмана [Portmann 1989]; более позднюю дату обосновывают, в основном, исследователи XIX — начала XX в.: Р. Сиверс [Sievers 1868: 52 (Anm. 8), 56], Р. Форстер [Foerster 1908: 201], О. Зеек [Seeck 1922: 93] и др.; о вариантах датировки LIX речи Либания см. также: Lane Fox 1997: 246]. Я склоняюсь к точке зрения В. Портмана как наиболее обоснованной.

более лаконичен, и сообщаемые им сведения о событиях под Сингарой не так подробны. Так, например, он опускает сведения о подготовке сторон к боевым действиям, не так тщательно, как Либаний, описывает общий ход и отдельные этапы битвы, обращая большее внимание на возвеличивание полководческого гения Констанция II как главного действующего лица на поле боя. Тем не менее энкомий Юлиана, наряду с упомянутым панегириком Либания, является важнейшим источником, содержащим информацию по интересующему нас вопросу.

Как и в случае с предшествующим автором, обозначим логические звенья той части речи Юлиана, где повествуется о Сингарском сражении (*Iul. Or.* I, 22D–25B):

- 1) вступление (22D–23B);
- 2) описание хода сражения (23B–24C);
- 3) оценка итогов битвы и роли императора (Констанция II) в победе римской армии над врагом (24D–25B).

В целом можно сказать, что на фоне остальных источников (см. ниже) произведения Либания и Юлиана заметно выделяются обилием содержащейся в них фактической информации, относящейся к Сингарскому сражению, и именно благодаря им мы можем хотя бы в общих чертах воссоздать ход рассматриваемых событий.

В то же время панегирики Либания и Юлиана — в полном соответствии с жанровыми особенностями — исполнены риторизмов и отступлений, содержат многочисленные метафоры, гиперболы, реминисценции и т. п.; их целью являлось прославление тех, кому они посвящены, а не объективное и беспристрастное описание событий. В этом заключается основная специфика обеих речей как исторических источников, требующая крайне осторожного и, безусловно, критического к ним отношения.

### 3. Фест

Данные о Сингарской битве, сообщаемые историком IV в. Фестом (?–380) [о нем см.: Borries 1918; PLRE I: 334–335 (Festus 3); Gregory, Cutler 1991] в его «Бревиарии деяний римского народа», уже в силу жанровой принадлежности этого сочинения не могут по своей полноте и степени детализации сравниться со сведениями Либания и Юлиана. Действительно, Фест ограничивается лишь кратким рассказом о сражении между римской и персидской армиями в районе Сингары (Fest. XXVII, 1–3).

Однако ценность сообщаемой Фестом информации, выражаясь математическим языком, обратно пропорциональна ее объему: в отличие от авторов панегириков, историк дает гораздо более объективную оценку произошедшим под Сингарой событиям, приводя при этом ряд невыигрышных для римлян фактов, о которых Либаний и Юлиан по понятным причинам умалчивают (например, Фест сообщает о том, что римские воины, ворвавшись во вражеский лагерь уже после наступления темноты, неосмотрительно выдали свое местонахождение огнями факелов, которые стали прекрасными ориентирами для персидских лучников, буквально похоронивших римлян под градом стрел) (Fest. XXVII, 3). Кроме того, Фест весьма критически оценивает полководческие способности императора Констанция II, описываемые Либанием и Юлианом исключительно в превосходной степени; он прямо говорит о том, что Констанций воевал с персами гораздо менее удачно, нежели его предшественники (*Constantius in Persas vario, ac difficili magis, quam prospero, pugnavit eventu... Grave sub eo principe Respublica vulnus accepit: Fest. XXVII, 1–2*).

#### 4. Евтропий

В «Бревиарии римской истории» писателя IV в. Евтропия [о нем см.: Дуров 2000: 524–525; PLRE I: 317 (Eutropius 2); Baldwin 1991a], как и в сочинении предшествующего автора, содержится крайне незначительный объем информации о Сингарской битве (Eutrop. X, 10, 1). Однако, в отличие от Феста, Евтропий не сообщает никаких новых по сравнению с Либанием и Юлианом сведений об этом сражении.

В то же время нельзя не отметить важность оценки Евтропием — младшим современником Констанция II и человеком, осведомленным о современных ему военных событиях в силу служебного положения (в разные годы Евтропий занимал должности проконсула Азии, префекта претория в Иллирике и консула) — характера произошедшего под Сингарой столкновения римских и персидских войск. В частности, историк, подобно Фесту, констатирует неспособность императора Констанция наладить эффективную оборону восточных римских владений от персидских вторжений (a Persis enim multa et gravia perpessus saepe captis oppidis, obsessis urbibus, caesis exercitibus, nullumque ei contra Saporem prosperum proelium fuit...) и в качестве единственного (и к тому же весьма спорного) успеха императора приводит Сингарское сражение, в котором явная победа была им упущена из-за недисциплинированности своих же солдат (Eutrop. X, 10, 1).

#### 5. Аммиан Марцеллин

О сражении под Сингарой сообщается также в «Деяниях» — монументальном историческом труде жившего в IV в. римского автора греческого происхождения, уроженца Антиохии Сирийской Аммиана Марцеллина (ок. 330 — ок. 400) [о нем и его сочинении см: Gimazane 1889; Seeck 1894; Thompson 1947; PLRE I: 547–548 (Ammianus Marcellinus 15); Chaumont 1986]. До нашего времени дошло лишь 18 последних книг (XIV–XXXI) его произведения, охватывающих период с 353 по 378 гг. Следовательно, учитывая добросовестность и объективность Аммиана как писателя-историка [Соболевский 1962: 432–433; Удальцова 1968: 39], можно с уверенностью утверждать, что в одной из утраченных книг его «Деяний» содержался обстоятельный и правдивый рассказ о битве под Сингарой.

В сохранившихся же книгах «Деяний» прямое упоминание о ночном Сингарском сражении встречается лишь однажды, когда историк вкладывает в уста одного из своих персонажей фразу о том, что даже «после непрерывного ряда войн и особенно событий при Хилейе и Сингаре, где в ожесточенной ночной битве наши (римские. — В. Д.) войска потерпели жесточайшее поражение, персы не завладели еще Эдессой, не захватили мостов на Евфрате, словно какой-нибудь фециал разнял враждующие стороны» (post bellorum adsiduos casus et maxime apud Hileiam et Singaram, ubi acerrema illa nocturna concertatione pugnatum est, nostrorum copiis ingenti strage confossis quasi dirimente quodam medio fetiali Persas nondum Edessam nec pontes Euphratis tetigisse victores: Amm. Marc. XVIII, 5, 7). Как нетрудно заметить, Аммиан еще более категоричен в оценке итогов Сингарской битвы, нежели Фест и Евтропий, и прямо говорит о том, что под Сингарой римлянам было нанесено серьезное поражение.

#### 6. Иероним

Один из наиболее известных религиозных христианских деятелей и писателей эпохи патристики, знаменитый, прежде всего своим переводом Библии на латинский

язык, Иероним (ок. 347 — 420) [см. о нем: Kelly 1975; Baldwin 1991b] является также автором исторического сочинения, написанного (и в хронологическом, и в жанровом отношении) в качестве продолжения «Церковной истории» Евсевия Кесарийского. В нем историк попутно касается и событий 340-х гг. под Сингарой, упоминая о «ночном сражении с персами под Сингарой, в котором мы (римляне. — В. Д.) потеряли несомненную победу из-за упрямства солдат» (*Bellum Persicum nocturnum apud Singaram, in quo haud dubiam victoriam militum stoliditate perdidimus*) (Hier. *Chron.* s. a. 348); Иероним так же отмечает, что «из девяти самых тяжелых сражений с персами, произошедших при Констанции, это было самое тяжелое» (*Ibid.*).

Таким образом, с одной стороны, Иероним оценивает события под Сингарой как завершившиеся не в пользу римлян, но, с другой, отмечает, что в течение какого-то времени римская армия была очень близка к победе и фактически держала ее в руках. Иероним высказывается не так категорично, как Аммиан, но, как мы видим, и он не склонен решительно отдавать пальму первенства римской стороне, отмечая, что победа была все же ею упущена.

## 7. Павел Орозий

Современник и сподвижник Иеронима Павел Орозий (ок. 375 — после 418) [см. о нем: Дуров 2000: 586–587; Fabbrini 1979; Rohrbacher 2002] в своей «Истории против язычников» сообщает о том, что при императоре Констанции<sup>5</sup> между римской и персидской армиями произошло девять крупных сражений, причем в последнем из них, произошедшем ночью, император не только упустил почти одержанную победу, но и сам был побежден (*Oros.* VII, 29, 6). Хотя автор не называет место, где случилась эта битва, однако точное совпадение количества столкновений римлян и персов, имевших место при Констанции II, приводимого Орозием, с одной стороны, и Фестом — с другой, а также сходная характеристика обоими историками результатов этих сражений (и Фест, и Орозий говорят об отсутствии у Констанция сколько-нибудь значительных военных успехов) — все это позволяет уверенно рассматривать описанное в «Истории против язычников» «ночное» сражение как битву под Сингарой<sup>6</sup>.

## 8. Сократ Схоластик

Сократ Схоластик (ок. 380 — после 439) [о нем см.: Лебедев 1903: 123–174; Eltester 1927; Baldwin 1991d], автор «Церковной истории», не более многословен, чем его современники Иероним и Орозий. Подобно этим писателям, Сократ, не отступая от основной линии своего повествования, попутно отмечает, что в возобновившихся после смерти императора Константина Великого римско-персидских войнах «Констанций не имел ни в чем успеха, ибо в ночном сражении, которое происходило в пределах римской и персидской империи, персы, пусть и на короткое время, одержали верх» (*Socr. Schol.* II, 25, 5).

Как мы видим из приведенного отрывка, историк не приводит никаких деталей относительно упоминаемого им приграничного сражения; более того, Сократ не

<sup>5</sup> В рукописях император ошибочно назван Константом [Mosig-Walburg 1999: 351].

<sup>6</sup> Следует также отметить, что приведенные буквальные совпадения носят явно не случайный характер и вызваны, скорее всего, частичной зависимостью исторического произведения Орозия от «Бревиария» Феста.

называет даже место, где оно произошло, и лишь путем сопоставления сведений Сократа Схоластика с имеющимися в нашем распоряжении источниками можно сделать вывод, что речь здесь идет именно о Сингарской битве — единственной, которую источники называют «ночной».

### 9. «Константинопольские консулярии»

Составленные в Константинополе консульские фасты, или, как их назвал Т. Момзен, «Константинопольские консулярии» (*Consularia Constantinopolitana*) — погодные списки консулов с указанием в ряде случаев событий, произошедших в период их консульства, длительное время приписывавшиеся испанскому епископу V в. Идацию (ок. 400 — ок. 469) [см. о нем: Seeck 1916; PLRE II: 574–575 (Hydatius)] и потому до середины XIX в. называвшиеся «Фасты Идация» [Козлов 2003], содержат запись, согласно которой в консульство Флавия Филиппа и Флавия Салии произошло «ночное сражение с персами» (*Cons. Const. P. 236*). Как и в предыдущем случае, мы не находим здесь каких-либо деталей самого сражения, но синхронное с сообщением о Сингарской битве эпонимическое упоминание имен консулов позволяет более тщательно рассмотреть вопрос о хронологии интересующих нас событий.

### 10. Яков Эдесский

Еще одно краткое сообщение о битве под Сингарой содержится в сохранившихся фрагментах «Хронологических канонов» сирийского христианского писателя и богослова Якова Эдесского (ок. 640 — 708) [о нем см.: Drijvers 1987]. Говоря о строительстве императором Констанцием II в 660 г. греческой (т. е. селевкидской) эры (= 348 г. н. э.) цитадели в Амиде, Яков попутно замечает, что в том же году произошла ночная битва между римлянами и персами (*Jac. Edes. Chron. can. P. 311*). Никаких подробностей о ходе сражения Яков Эдесский не приводит, однако его сведения могут оказаться полезными при рассмотрении вопроса о датировке Сингарской битвы.

### 11. Иоанн Зонара

Пожалуй, самое неопределенное указание на то, что под Сингарой в правление Констанция II состоялось значительное сражение между римской и персидской армиями, содержится во «Всемирной истории» византийского историка XII в. Иоанна Зонары (? — после 1159) [о нем см.: Dindorfius 1868; Kazhdan 1991]. Автор пишет, что «император Констанций часто воевал с персами, имел от этого ущерб и часто терял всех своих людей. Однако пало и много персов, и даже был ранен сам Шапур» (*Zon. XIII, 5*).

На первый взгляд, сообщение Зонары не имеет прямого отношения к Сингарской битве, однако, как и в ситуации с известиями Сократа Схоластика, более точно интерпретировать сведения источника позволяет привлечение информации других авторов, в данном случае — Либания и Юлиана. Оба они говорят о том, что в ходе боя под Сингарой римляне захватили в плен и казнили наследника персидского престола, сына Шапура II (*Liban. Or. LIX, 117; Iul. Or. I, 24D*). Судя по всему, эти (а также, вероятно, аналогичные им, но не дошедшие до нас) сведения стали основой предания, согласно которому под Сингарой произошла не гибель сасанидского царевича, а был ранен сам царь. Таким образом, Зонара при описании событий восьмивековой давности допускает ошибку, которая, однако, является вполне объяснимой.



\* \* \*

Как мы видим, данные источников подчас сильно отличаются друг от друга по степени детализации и интерпретации тем или иным автором событий, произошедших в районе Сингары. Попытаемся систематизировать рассмотренные выше тексты, положив в основу принцип информативности источников.

К первой группе, включающей тексты с наиболее обстоятельными и подробными сведениями, следует отнести два сочинения: это речи Либания и Юлиана. Оба они написаны на греческом языке и относятся к категории панегириков. В полном соответствии с законами жанра произведения Либания и Юлиана исполнены риторизмов и отступлений, содержат многочисленные метафоры, гиперболы, реминисценции и другие художественные приемы. Этим и обусловлена специфика речей двух упомянутых авторов как исторических источников, поскольку целью и антиохийского ратора, и будущего императора являлось отнюдь не объективное освещение описываемых событий, а прославление главных героев своих сочинений (в первую очередь императора Констанция II). Данный момент крайне важен для определения степени достоверности данных Либания и Юлиана.

Вторую группу источников составляют произведения позднеримских и ранневизантийских писателей-историков IV — начала V в. Феста, Евтропия, Аммиана Марцеллина, Иеронима, Орозия Павла и Сократа Схоластика. Несмотря на некоторые (иногда существенные) различия между перечисленными авторами (Фест, Евтропий, Аммиан — типичные представители позднеантичной историографии, в то время как Иероним, Орозий и Сократ являлись церковными историками), их объединяет то, что все они, хотя и сообщают гораздо менее подробную информацию о сражении под Сингарой, все же приводят некоторые принципиально новые по сравнению с Либанием и Юлианом сведения (особенно это касается трактовки результатов Сингарской битвы).

В третью группу входят такие источники, как «Хронологические каноны» Якова Эдесского, «Константинопольская консулария» и «Всемирная история» Зонары. Содержащиеся в них сведения о Сингарском сражении крайне скудны и фактически ограничиваются простой констатацией данного события.

## II. МЕСТО И ВРЕМЯ СИНГАРСКОГО СРАЖЕНИЯ

### 1. Место битвы<sup>7</sup>

Согласно нашим главным источникам — Либанию и Юлиану — перед сражением, произошедшим под Сингарой (Liban. *Or.* XVIII, 208; Iul. *Or.* I, 23A), персы переправились через крупную реку, являвшуюся границей между римскими и персидскими владениями (Liban. *Or.* LIX, 102, 103, 114; Iul. *Or.* I, 24D); вслед за этим они возвели укрепленный лагерь (Liban. *Or.* LIX, 102; Iul. *Or.* I, 24C) и заняли прилегающие горные вершины и равнины (Liban. *Or.* LIX, 104).

Из сообщаемых авторами панегириков данных следует, что между лагерем персов, вокруг которого затем и произошли основные события, и форсированной ими рекой каких-либо преград (естественных или искусственных) не было. По крайней мере Юлиан, описывая в дальнейшем возвращение Шапура II в свои владения,

<sup>7</sup> Эта часть настоящей работы представляет собой переработанный и уточненный вариант материала, опубликованного мною ранее [Дмитриев 2010].

не говорит о каких-либо препятствиях; напротив, из его слов следует, что персидский царь свободно покинул пределы римлян (Iul. Or. I, 24D).

О том, что «ночное» сражение происходило именно в окрестностях *Сингары*, сообщают также Фест (Fest. XXVII, 3), Евтропий (Eutrop. X, 10, 1), Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. XVIII, 5, 7) и Иероним (Hier. Chron. s. a. 348).

Сингара античных авторов (кроме указанных выше, этот населенный пункт упоминают также Птолемей (Ptol. V, 18, 9) и Дион Кассий (Cass. Dio. LXVIII, 22) отождествляется с современным Синджаром [Vaux 1857] — городом на севере Ирака, центром одноименной провинции, находящимся примерно в 85 км к западу от Тигра и имеющим координаты  $36^{\circ}17'31''$  с. ш.,  $41^{\circ}49'48''$  в. д. Синджар расположен в восточной части южного подножия скалистого горного хребта Джебел Синджар, имеющего протяженность с востока на запад ок. 60 км и высоту ок. 1460 м.

Кроме того, два автора — Фест и Аммиан Марцеллин — называют в связи с событиями под Сингарой еще один населенный пункт под названием Хилейя (*Hileia*) (Fest. XXVII, 3; Amm. Marc. XVIII, 5, 7), отождествляемый с Элейей (Εληϊα) Птолемея (Ptol. V, 18, 12), располагавшейся западнее Сингары [Vaux 1854]. Остальные источники (сочинения Сократа Схоластика, Якова Эдесского, Зонары, «Константинопольские консулярии») не оставили никаких данных, которые могли бы пролить свет на вопрос о месте, где происходило Сингарское сражение.

Исходя из приведенных данных и используя современный картографический материал, попытаемся определить место «ночной» битвы.

Прежде всего очевидно, что река, о переправе персов через которую сообщают наши источники, — это Тигр. Вероятнее всего, переправа происходила в месте, расположенном ближе всего к Сингаре; помимо сугубо практических соображений (отсюда открывался кратчайший путь и к крепости, и во внутренние районы римской Месопотамии), это косвенно подтверждается тем, что и в наше время именно здесь проходит дорога, ведущая от излучины Тигра к современному Синджару, и именно по ней должны были следовать как персидские, так и вышедшие им навстречу римские войска. Кроме того, если внимательно посмотреть на карту, то станет очевидным, что другого пути от Тигра к Сингаре просто не могло быть, поскольку со всех остальных сторон на восточном направлении город прикрыт гористыми местностями, непригодными для передвижения значительных сил (тем более включающих кавалерию).

Следующий — и, пожалуй, наиболее принципиальный вопрос — заключается в том, *западнее* или *восточнее* Сингары располагалось римское войско. На первый взгляд, если исходить из сведений источников, можно предположить, что армия Констанция II заняла позиции к западу от города, поскольку, напомним, два автора — Фест и Аммиан Марцеллин — отмечают, что в районе битвы находилось также поселение под названием Хилейя, а оно было расположено западнее Сингары. Однако это предположение не выдерживает критики. Во-первых, в наиболее подробных источниках (речах Либания и Юлиана) нет даже намека на то, что персы хотя бы на короткое время оказались под стенами Сингары, что было бы неизбежно, находишь римское войско западнее крепости (в этом случае персы должны были бы пройти мимо города); напротив, из данных панегириков следует, что санидское войско разбило лагерь вскоре после переправы через Тигр, не углубляясь в римские владения. Во-вторых, совершенно очевидно, что Шапур II не мог пройти мимо города и разбить лагерь между римской армией на западном направлении и Сингарой — на восточном, исходя из элементарных военных соображений: это

означало бы для него оставить в ближайшем тылу мощную крепость и добровольно отрезать себе путь к отступлению в случае неудачи<sup>8</sup>. В-третьих, сами римляне должны были находиться где-то восточнее Сингары, чтобы преградить персам путь к крепости, захвата которой как одной из теоретически возможных целей Шапура II<sup>9</sup> им следовало опасаться. В-четвертых, как убедительно показала К. Мосиг-Вальбург, расположение римского войска именно восточнее, а не западнее Сингары, было обусловлено и тем фактом, что Константин II, основываясь опять же на простейших стратегических расчетах, неизбежно должен был встретить персов еще на дальних подступах к городу, чтобы перекрыть им путь для возможного вторжения во внутренние районы римской Месопотамии, который открывался сразу после перехода через Тигр [Mosig-Walburg 1999: 374]. Кроме того, и сам Аммиан Марцеллин, говоря о военных столкновениях римлян и персов под Сингарой и Элейей, употребляет слово *bellum* во множественном числе: «...*Post bellorum adsiduos casus et maxime apud Hileiam et Singaram...*» (Amm. Marc. XVIII, 5, 7), тем самым явно давая понять, что сражение под Сингарой и сражение под Хилейей — это два разных события, о чем ниже мы еще скажем отдельно.

Таким образом, «ночное» сражение должно быть локализовано в местности, находившейся восточнее Сингары. Этот, как было отмечено выше, принципиальный момент позволяет с высокой степенью точности указать и конкретное место, где произошла Сингарская битва.

Для этого следует определить, на каком расстоянии от Тигра *персы* разбили свой лагерь накануне битвы, поскольку примерная протяженность пути от лагеря Констанция II до расположения персов, благодаря сообщениям Юлиана и Либания, нам известна — она составляла 100 (Iul. Or. I, 24B) или 150 (Liban. Or. LIX, 107) стадий, т. е. приблизительно от 18 до 27 км. Для определения местонахождения персидского лагеря наиболее полезной является информация Либания (Liban. Or. LIX, 104). Согласно антиохийскому ритору, перед лагерем персы расположили тяжеловооруженные части (вне всякого сомнения — конницу); следовательно, по крайней мере, к западу от расположения персов (в направлении Сингары) находилась равнина, пригодная для действий кавалерии. Одновременно Либаний указывает, что занятая персами местность была окружена горными склонами и вершинами, на которых располагались персидские стрелки. Изучение рельефа территории, находящейся между Сингарой и Тигром, показывает, что мест, соответствующих описанию Либания, здесь имеется только три:

1) непосредственно к западу от Тигра, где гористая местность, лежащая вдоль правого берега реки, переходит в равнину;

2) примерно в 22 км к западу от Тигра, в районе нынешнего города Тель-Афар, где путь на Сингару пролегает между двумя грядами холмов;

3) у южного подножия г. Джебел Синджар, но не менее чем в 18 км к востоку от Сингары (это — минимальное расстояние между лагерями римлян и персов, упомянутое в наших источниках).

<sup>8</sup> О том, насколько осторожно вели себя персы при выборе времени и места битвы, красноречиво сообщает известный среднеперсидский военный трактат «Аин-Намэ» [Иностранцев 1909: 46–49]. См. также: Дмитриев 2008: 95–122.

<sup>9</sup> Борьба за обладание крепостями составляла основное содержание боевых действий римской и персидской армий в ходе римско-персидских войн ([Колесников 1970: 49; Дмитриев 2008: 123; Crump 1975: 89, 97, 101].

Из трех перечисленных выше вариантов наиболее вероятным представляется первый, поскольку он удовлетворяет сразу нескольким условиям:

— во-первых, тип ландшафта в этой местности соответствует описанию района расположения персидского лагеря у Либания;

— во-вторых, в таком случае римское войско под командованием Констанция II неизбежно должно было находиться в упомянутом горном проходе (шириной ок. 1 км) северо-восточнее современного Телль-Афара, поскольку расстояние между предполагаемым лагерем персов и указанным местом составляет ок. 20–25 км, что хорошо согласуется с данными Либания и Юлиана. Кроме того, расположение здесь позиции римлян является полностью оправданным и с чисто военной точки зрения, поскольку фланги римской армии надежно защищались скалистыми грядками (высотой более 500 м) протяженностью в обоих направлениях более чем на 20 км; ни одна другая местность между Сингарой и Тигром не является более удобной для организации обороны против боевых частей, опирающихся на действия конницы, каковые и составляли главную ударную силу сасанидской армии;

— в-третьих, из описания Либания следует, что персы после завершения сражения без каких-либо промедлений приступили к переправе на свой, восточный берег Тигра (*Liban. Or.* LIX, 114); в случае, если бы Шапур расположил свой лагерь на значительном расстоянии от Тигра, неизбежным было бы преследование персов римлянами либо, по крайней мере, продолжительное персидское отступление, однако в источниках об этом ни чего не говорится.

Таким образом, комплекс прямых и косвенных данных указывает на то, что «ночное» сражение между армиями Констанция II и Шапура II произошло на равнине, простирающейся на 20–25 км к западу от Тигра в направлении Сингары<sup>10</sup>.

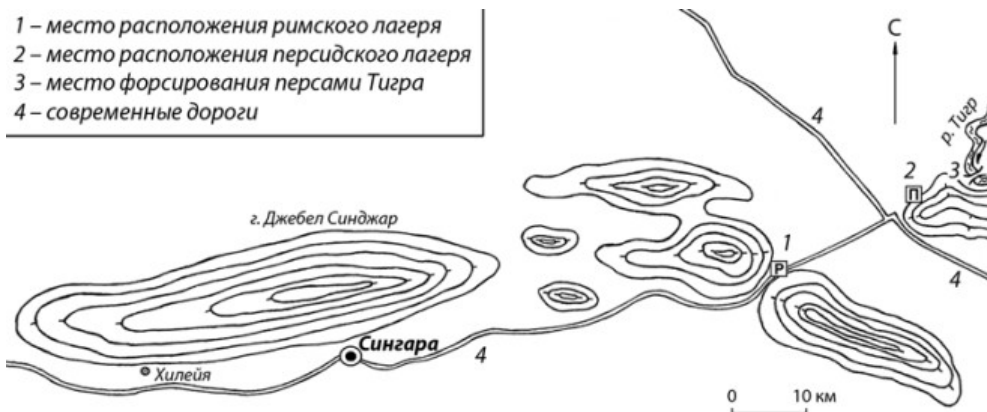
## 2. Дата битвы

Вопрос о датировке сражения под Сингарой имеет свою давнюю историю<sup>11</sup>. Многие исследователи XVII — начала XX в., чьи труды по римской истории впоследствии стали классическими (Л.-С. Тиллемон [*Tillemont* 1704: 672], Э. Гиббон [*Gibbon* 1880: 355], О. Зеек [*Seeck* 1900; 1920] и др.), единодушно относили Сингарскую битву к 348 г., в связи с чем эта датировка долгое время являлась общепринятой и фигурировала в наиболее авторитетных антиковедческих изданиях (например, в немецкой «*Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*» или «Поздней Римской империи» А. Х. М. Джонса [*Jones* 1964: 112]), а также широко известных трудах по истории Ирана (например, в «Истории Персии» П. Сайкса [*Sykes* 1921: 413]) вплоть до второй половины XX в.

В то же время многие из ранних историков (такие, как Д. Петавий, К. Целлярий, Ж. Годефруа, Ж. Гардуэн и др.) придерживались иного взгляда и считали датой «ночной битвы» 345 г. [см.: *Bury* 1896], однако их точка зрения не приобрела широкой популярности и впоследствии рассматривалась в лучшем случае как одна из возможных гипотез.

<sup>10</sup> К похожему выводу (правда, основываясь на несколько иных аргументах) приходит и К. Мосиг-Вальбург [*Mosig-Walburg* 1999: 361–374; 2000: 114].

<sup>11</sup> Подробнее о вариантах датировки Сингарской битвы см.: *Tillemont* 1704: 672; *Bury* 1896: 302–305; *Stein* 1959: 138; *Portmann* 1989: 2; *Mosig-Walburg* 1999: 330–384.



Карта-схема. Сингара

Третий подход к решению вопроса о датировке сражения под Сингарой был предложен Дж. Бьюри, согласно которому битва произошла в 344 г. [Bury 1896] Как показало дальнейшее развитие историографии, концепция Бьюри оказалась наиболее плодотворной и нашла отражение уже в фундаментальной «Кембриджской средневековой истории» [СМН 1911: 58], вышедшей в свет спустя всего 15 лет после опубликования британским исследователем своей статьи. В последующий период и вплоть до настоящего времени сражение под Сингарой датируется почти исключительно 344 г. [см., напр.: Portmann 1989; Schippmann 1990: 33; Mosig-Walburg 1999: 371; 2000: 112; Burgess 1999: 270–271; и др.]

В отечественной историографии наблюдается не меньший разброс в датировках Сингарской битвы. Так, например, Н. Г. Адонц [Адонц 1922: 254] и А. Г. Сукиасян [Сукиасян 1963: 69] относили сражение под Сингарой к 345 г. В. Г. Луконин в одной из своих работ указывает, что «согласно Аммиану Марцеллину (Amm. Marc. XVIII, 5, 7), в 345 или 348 г. римские войска потерпели жесточайшее поражение от персов при Гилеи и Сингаре» [Луконин 1969: 41]<sup>12</sup>. Автор данных строк ранее также полагал, что «ночное» Сингарское сражение датировать точно невозможно, и оно могло произойти как в 344, так и в 348 г. [Дмитриев 2008: 173–174].

На чем же основаны приведенные выше варианты датировки «ночной» битвы под Сингарой и, следовательно, что же стало основой дискуссии по этому вопросу?

Отнесение битвы к 348 г. базируется, главным образом, на сведениях трех источников: «Хроники» Иеронима, «Константинопольских консулярий» и «Хронологических канонов» Якова Эдесского.

Иероним упоминает о «ночной битве с персами под Сингарой» при описании событий двенадцатого года правления императора Констанция II (Hier. Chron. s. a. 348). Известно, что Констанций (как и два его брата — Константин и Констант) стал правителем после смерти Константина Великого 9 мая 337 г. [см.: Gregory 1991]. Следовательно, двенадцатый год пребывания у власти Констанция II — это период с мая 348 по май 349 гг. При этом известно, что Сингарская битва произош-

<sup>12</sup> Проблема, однако, как раз и заключается в том, что Аммиан ни слова не говорит о каких-либо хронологических ориентирах, указывающих на дату описанной Либанием, Юлианом и рядом других авторов «ночной» битвы; если бы это было так, то задача по датировке Сингарского сражения решалась бы, вероятно, значительно проще и точнее.

ла летом. Таким образом, единственно возможной датой этого события, если следовать данным Иеронима, является 348 г.

Что касается «Константинопольских консулярий», то в них упоминается о Сингарской битве как произошедшей в год консульства Филиппа и Салии (*Philippo et Salia. His cons. bellum Persicum fuit nocturnum*) (Cons. Const. P. 236), т. е. также в 348 г.

Наконец, у Якова Эдесского, как уже говорилось выше, под 660 г. селевкидской эры (=348 г. н. э.) сообщается о том, что «римляне сразились с персами в бою, произошедшем ночью» (Jac. Edes. *Chron. can.* P. 311).

Характерно, что дата 348 г. содержится исключительно в хрониках (т. е. текстах, отличающихся крайней лаконичностью и потому оставляющих мало возможностей для их верификации) или вытекает из них. Также следует отметить, что авторы всех трех хроник жили либо несколько, либо значительно позже рассматриваемого события; следовательно, они не являлись его участниками или хотя бы современниками, и могли опираться только на предыдущую письменную традицию или соответствующие устные предания. Кроме того, принимая во внимание диахронность появления трех рассмотренных выше источников, явно убывающую со временем (от наиболее раннего источника — «Хроники» Иеронима — к наиболее позднему — «Хронологическим канонам» Якова Эдесского) степень детализации описания Сингарской битвы и имеющиеся почти буквальные совпадения между текстами этих сочинений (особенно «Хроники» Иеронима и «Константинопольских консулярий»), мы уверенно можем констатировать факт заимствования сведений об интересующем нас событии одним писателем у другого [см.: Вуру 1896: 303; Mosig-Walburg 1999: 333].

Два других варианта датировки «ночной» битвы (344 и 345 г.) имеют один общий источник — это Юлиан Отступник. Главным и единственным надежным основанием для определения даты Сингарского сражения, исходя из сведений Юлиана, является его указание на то, что восстание Магненция произошло спустя шесть лет после «ночной» битвы (Iul. *Or.* I, 26B). Между тем известно, что Магн Магнентий объявил себя Августом 18 января 350 г. [PLRE I: 532 (Fl. Magnus Magnentius)] Таким образом, из сообщения Юлиана, действительно, теоретически могут вытекать две даты Сингарской битвы: лето 344 г. (если он не включал год сражения в число прошедших между «ночной» битвой и восстанием Магненция шести лет) и (что крайне маловероятно с точки зрения здравого смысла) лето 345 г. (в случае, если год сражения Юлиан считал первым из указанных шести лет) [см. также: Вуру 1896: 303]. Иными словами, данные Юлиана весьма четко указывают на 344 г. как дату Сингарского сражения.

Какой же из двух приведенных датировок «ночного» сражения под Сингарой (344 и 348 гг.) следует отдать предпочтение?

Очевидно, что для ответа на этот вопрос следует определить и сопоставить степень достоверности имеющихся в нашем распоряжении источников. Как было отмечено выше, таковыми, являются, с одной стороны, историческое сочинение Иеронима, «Хронологические каноны» Якова Эдесского и «Константинопольские консулярии», с другой — панегирик Юлиана. Учитывая характер первой группы источников, их немногословность, явную зависимость друг от друга и удаленность во времени от рассматриваемых событий, надежность сообщаемых в них сведений следует поставить под сомнение. Что же касается Юлиана — современника Сингарской битвы, близкого родственника императора Констанция II и, потому,

вне всякого сомнения, прекрасно осведомленного о «ночном» сражении римлян с персами — то его информации (по крайней мере, в части хронологии описываемых событий), напротив, мы можем полностью доверять. Как в связи с этим справедливо отметил Дж. Бьюри, подозревать Юлиана в том, что он на целых четыре года ошибся при датировке столь известного события, «так же абсурдно, как предположить, что принц королевского дома Пруссии, пишущий в 1875 г., может говорить о битве при Седане (1870 г. — *В. Д.*) как произошедшей через 10 лет после битвы под Садовой (1866 г. — *В. Д.*)» [Bury 1896: 302]<sup>13</sup>.

Таким образом, Сингарское «ночное» сражение, описанное Юлианом и Либанием, следует датировать июлем — августом<sup>14</sup> 344 г.<sup>15</sup>

### III. ХОД БИТВЫ

Попытаемся реконструировать ход «ночного» сражения, разбив его на ряд последовательных этапов. Отметим, что основными источниками информации по данному вопросу являются упомянутые речи Юлиана и — особенно — Либания; кроме того, отдельные эпизоды битвы кратко освещены в бревиариях Феста и Евтропия.

#### 1. Подготовка сторон к сражению. Силы и планы сторон

Сведения о подготовительных мероприятиях персов и римлян, соотношении их сил и военных планах содержатся, к сожалению, только в панегирике Либания, в связи с чем требуют осторожного отношения. Из слов антиохийского автора следует, что летом 344 г. Шапур II готовил крупномасштабное вторжение на территорию Римской империи и не планировал ограничиться локальными операциями в приграничной полосе (Liban. *Or.* LIX, 100–101). Однако М. Доджон и С. Лью [Dodgeon, Lieu 1994: 329] полагают, что целью Шапура II был, «скорее всего, захват Сингары, нежели полномасштабное вторжение в стиле кампаний Шапура I»; К. Мосиг-Вальбург, со своей стороны, обосновывает мысль о том, что осада римских городов, включая Сингару, вообще не входила в планы персов, которые в ходе вторжения 344 г. стремились лишь к тому, чтобы «нанести армии Констанция II как можно больший урон и ослабить обороноспособность римских войск» [Mosig-

<sup>13</sup> Другие аргументы в пользу 344 г. см. также в работах: Mosig-Walburg 1999: 331–334; Portmann 1989: 10. На этом фоне вывод Т. Барнса о том, что Юлиан ошибся, говоря о «ночной» битве под Сингарой как произошедшей за шесть лет до восстания Магненция [Barns 1980: 163], представляется неубедительным.

<sup>14</sup> Юлиан начинает свой рассказ о Сингарской битве со слов: «Лето было все еще в самом разгаре» (Θέρως μὲν γὰρ ἦν ἀκμάζον ἔτι) (Iul. *Or.* I, 23B).

<sup>15</sup> Однако это вовсе не означает, что сведения трех упомянутых выше хроник о «ночной» битве при Сингаре, датированной в них 348 г., абсолютно не соответствуют действительности. Представляется, что и Иероним, и автор «Хроники Идация», и Яков Эдесский, как это ни парадоксально, сообщают *достоверную* (прежде всего с хронологической точки зрения) информацию, косвенно подтверждаемую другими источниками. У нас есть все основания полагать, что в их произведениях говорится еще об одном (т. е. не о том, что описано Либанием и Юлианом) «ночном» сражении, произошедшем также под Сингарой, но не в 344, а в 348 г. Мысль о том, что окрестности Сингары дважды становились полем битвы между римлянами и персами в 340-х гг., и что именно этим обусловлены существующие в источниках расхождения в датировке и описании, казалось бы, одного и того же события, неоднократно высказывалась в историографии [см.: Barns 1980: 13; Portmann 1989: 14; Dodgeon, Lieu 1994: 386; Mosig-Walburg 1999: 377; и др.]. Однако специального изучения Сингарская битва 348 г., как и вопрос о хронологии военно-политических событий в Северной Месопотамии в 40-е гг. IV в., не получила. Всему комплексу указанных проблем посвящена моя недавняя статья [Дмитриев 2012].

Walburg 1999: 375–376]. Исходя из характера событий, последовавших за переходом персов через римскую границу (см. ниже), представляется, что точка зрения немецкой исследовательницы в большей степени соответствует действительности и потому является более предпочтительной.

В войско, согласно Либанию, были привлечены, помимо обычных воинских подразделений, юноши и даже женщины, которые должны были выполнять функции обозных (Liban. *Or.* LIX, 100, 114)<sup>16</sup>. Кроме того, армия Шапура II была усилена контингентами, сформированными из народов, проживавших на границах Персидской державы (Liban. *Or.* LIX, 100), что было в целом традиционно для сасанидской системы комплектования войска [см.: Дмитриев 2008: 27–44]. Однако, в полном соответствии с законами панегирического жанра, масштабы военных приготовлений персов Либанием явно преувеличены: так, он отмечает, что персы, согнав всех жителей страны под знамена шаханшаха, «оставили безлюдными все свои города», «шум от лошадей, людей и доспехов не давал возможности хоть немного уснуть даже тем, кто находился очень далеко», а «облако пыли, поднятое персидским войском, заполнило собою все небо» (Liban. *Or.* LIX, 101).

Тем не менее, несмотря на всю эпичность процитированного пассажа, очевидно, что для успешного рейда в римские владения персы все же нуждались в многочисленной армии, а потому слова Либания являются художественным вымыслом лишь отчасти. Косвенные данные, позволяющие составить хотя бы примерное представление о численности персидской группировки, можно получить из сравнения данных Либания со сведениями Аммиана Марцеллина о вторжении персов в римскую Месопотамию в 359 г. Либаний указывает, что войско Шапура II переправилось через Тигр по *трем* мостам в течение *одних* суток (Liban. *Or.* LIX, 103); Аммиан, описывая события 359 г., в ходе которых персы после продолжительной (длившейся 73 дня) и ожесточенной осады овладели Амидой, потеряв при этом 30 тысяч человек (Amm. Marc. XIX, 9, 9)<sup>17</sup>, отмечает, что армия Шапура переходила через р. Анзабу (совр. Большой Заб)<sup>18</sup> по *одному* наводному мосту в течение *трех* дней (Amm. Marc. XVIII, 7, 1–2). Таким образом, несложные, пусть даже и весьма приблизительные, подсчеты показывают, что войско персов в начале кампании 344 г. по своей численности примерно соответствовало персидской армии вторжения в 359 г., т. е. включало в себя — если даже допустить, что в 359 г. под Амидой Шапур II потерял не менее половины своего войска, — как минимум 60 тыс. воинов.

Состав армии Шапура II позволяют определить указания Либания на то, что среди персов были лучники, конные лучники-гиппотоксоты, пращники, тяжелая пехота, тяжелая кавалерия (катафракты) (Liban. *Or.* LIX, 103) и копьеметатели (Ibid. 104).

<sup>16</sup> Подробнее о роли женщин в военном деле Древнего Ирана см.: Нефедкин 2010.

<sup>17</sup> Из слов Аммиана (Amm. Marc. XVIII, 9, 3–4) следует, что численность гарнизона Амиды во время осады 359 г. составляла не менее семи тысяч воинов (без учета гражданского населения, часть которого явно принимала участие в защите города от персов) [Дмитриев 2008: 134–135]. Таким образом, соотношение потерь обороняющихся и нападающих, по Аммиану, составило, приблизительно, 1:3, что абсолютно вписывается в нормы потерь живой силы в войнах доиндустриальной эпохи и указывает на в целом достоверный характер сведений Аммиана Марцеллина о современных ему военно-политических событиях.

<sup>18</sup> Вероятно, Аммиан Марцеллин ошибся, называя реку, через которую переправилась армия Шапура II в 359 г., Анзабой. Скорее всего, речь здесь должна идти о Тигре, поскольку Аммиан сообщает, что переправа через реку происходила вскоре после того, как персидская армия (продвигавшаяся, несомненно, в северном направлении), миновала Ниневию (окрестности совр. Мосула); таким образом, Большой Заб к этому времени находился уже далеко позади войска персов, и форсировать они должны были именно Тигр.



Узнав из донесений разведчиков о приближении персидской армии, Констанций II, как ни странно, не предпринял превентивных мер по отражению агрессии. Напротив, как пишет Либаний, император приказал римским приграничным частям «отступать со всей возможной скоростью, не беспокоить их (персов. — *В. Д.*) во время переправы через реку, не препятствовать их высадке, не мешать сооружению укреплений, и даже разрешить им копать рвы, ... возводить частокол, чтобы укрыться за ним, запастись водой...» (Liban. *Or.* LIX, 102). Антиохийский ритор объясняет это полководческим гением и хитростью Констанция, полагавшего, якобы, что если бы персы подверглись нападению в самом начале вторжения, то «они могли бы использовать это как удобный повод для бегства» (Liban. *Or.* LIX, 102), и, следовательно, римлянами была бы упущена крупная победа.

Интересная в этой связи информация содержится в энкомии Юлиана. Он сообщает, что римляне уклонялись от прямого столкновения с персами потому, что не хотели «быть ответственными за открытие боевых действий после заключенного мира» (Jul. *Or.* I, 23С). Юлиан, конечно же, лукавит. Ни о каком мирном договоре, подписанном между Римом и Ираном в предшествующие Сингарскому сражению годы, ни в римских, ни в персидских источниках не сообщается; боевые действия, возобновившись в 337 г., за год до истечения 40-летнего Нисибисского мира 298 г., длились почти непрерывно на протяжении всех последующих лет вплоть до очередного мирного договора 363 г.

Гораздо более правдоподобным объяснением пассивности императора следует считать его традиционную нерешительность в конфликтах с внешним противником, ярко охарактеризованную Аммианом Марцелином — намного более объективным автором, нежели Либаний или Юлиан. Сообщая о военных акциях Констанция II, Аммиан отмечает, что перед лицом вражеского нападения император, как правило, вел себя неуверенно и оттягивал начало активных ответных действий, «щадя своих солдат для междоусобной войны» (Amm. Marc. XXI, 13, 2) и рассчитывая, что противник по тем или иным причинам откажется от агрессивных планов; в результате, как пишет автор «Деяний», «насколько во внешних войнах этот государь терпел урон и потери, настолько он возносился удачами в междоусобицах» (Amm. Marc. XXI, 16, 15). Именно этим, а не далеко идущими стратегическими планами, следует объяснять бездействие Констанция II на начальном этапе персидского вторжения в 344 г.

Переправившись через Тигр, персы в тот же день возвели полевое укрепление. Либаний пишет об этом с иронией, явно намекая на трусость персов и их желание поскорее укрыться за лагерными стенами: «Когда же возникла необходимость укрепить свои позиции, они (персы. — *В. Д.*) выстроили вокруг себя стену быстрее, чем греки под Троей» (Liban. *Or.* LIX, 103; ср.: *Hom. Il.* VII, 436–463). Однако саркастическое замечание Либания на самом деле следует расценивать как комплимент персидским военным инженерам, сумевшим сразу после форсирования серьезной водной преграды и в кратчайший срок организовать строительство укрепленного лагеря на вражеской территории.

## 2. Расположение войск перед битвой. Начало сражения

На следующий день, пользуясь бездействием римлян, персы смогли спокойно занять позицию на поле будущей битвы: согласно Либанию, они «расположили своих лучников и копьemetателей на вершинах гор и стенах (лагеря. — *В. Д.*); вперед, перед стеной лагеря, они выдвинули свои тяжеловооруженные отряды;

остальные взяли за оружие и двинулись против врага, чтобы вызвать его на бой» (Liban. *Or.* LIX, 104).

Таким образом, в боевых порядках персов можно выделить три боевых линии (по мере удаления от фронта):

- 1) легковооруженные конные лучники;
- 2) кавалерия катафрактов;
- 3) лучники, копьёметатели и пращники (на возвышенных местах).

Исходя из этого, становится понятным тактический замысел Шапура II: легкой кавалерии нужно было атаковать римлян, вызвать их контратаку и затем притворным отступлением заманить неприятеля в зону поражения своих лучников, пращников и копьёметателей. Тяжеловооруженные всадники, традиционно являвшиеся главной ударной силой сасанидской армии [Никонов 2005: 153–154; Дмитриев 2008: 11; Farrokh 2005: 30–31; Penrose 2005: 257], должны были, вероятно, нанести удар по ослабленному преследованием и подвергнутому обстрелу противнику.

Расположение римской армии наши источники столь детально не описывают, однако ясно, что войско Констанция II также приняло боевой порядок и готовилось к битве — Юлиан говорит о правильном построении воинов, занявших позиции для предстоящего сражения (Iul. *Or.* I, 23B).

Момент начала сражения Либаний и Юлиан трактуют совершенно по-разному. Либаний, как было отмечено выше, указывает на то, что первыми в бой вступили персидские легковооруженные всадники (Liban. *Or.* LIX, 104). Юлиан же ни слова не говорит о том, что первая атака была предпринята персами: согласно ему, после затянувшегося пассивного противостояния «предводитель варварской армии (Шапур II. — В. Д.), высоко поднятый на щитах, узрел многочисленность наших войск, выстроенных в боевой порядок»; затем, будто бы пораженный увиденным, он тут же отдает своей армии приказ об отступлении с целью уйти за Тигр прежде, чем римляне пойдут в атаку и настигнут его войско (Iul. *Or.* I, 23D). Иначе говоря, в изложении Юлиана битва начинается сразу с отхода персов и последовавшего за этим преследования римлянами отступающего противника.

Еще два автора, сочинения которых содержат некоторые сведения о начальной фазе Сингарского сражения, — это Фест и Евтропий. Первый сообщает, что мучимые жаждой римские воины, невзирая на уговоры императора и наступление вечера, яростно ринулись в атаку на персидский лагерь (Fest. XXVII, 3). Согласно Евтропию, солдаты Констанция «нагло и безрассудно требовали дать сражение уже на закате дня» (Eutrop. X, 10, 1). Нетрудно заметить, что авторы бревиариев, по сути, излагают третью версию начала битвы: по их мнению, она была инициирована римлянами, атаковавшими персов незадолго до наступления темноты.

Мы снова оказываемся в ситуации, когда наши источники сообщают противоречивую информацию, и сталкиваемся с необходимостью определения степени достоверности каждого из текстов. Представляется, что в данном случае наименьшего доверия заслуживает Юлиан. Во-первых, это связано с тем, что образ Шапура II, якобы пришедшего в панический ужас при виде римских легионов<sup>19</sup>, в панегирике будущего императора явно гиперболизирован. Из других, гораздо более объективных, источников (прежде всего «Деяний» Аммиана Марцеллина) мы

<sup>19</sup> К. Мосиг-Вальбург метко характеризует этот пассаж из панегирика Юлиана как «сцену в театральном стиле» [Mosig-Walburg 1999: 345].

знаем этого царя как необычайно храброго воина, не боявшегося подвергать себя опасности и подчас принимавшего личное участие в ожесточенных схватках (Аmm. Магс. XIX, 7, 8). Во-вторых, вступая на римскую территорию, Шапур, безусловно, был прекрасно осведомлен о примерной (а возможно — и точной) численности войск противника, поскольку деятельность персидской военной разведки практически всегда отличалась высокой эффективностью [Дмитриев 2008; 2011]. На этом фоне указание Юлиана на то, что царь, *внезапно* пораженный большим количеством воинов противника, тут же обратился в бегство, выглядит несколько наивным и, безусловно, продиктовано жанровой спецификой его произведения. Исходя из сказанного, версия начала «ночного» сражения, излагаемая Юлианом, выглядит малоубедительной.

В связи с этим более пристального внимания заслуживают данные Либания. Действительно, его сообщение о том, что персы первыми атаковали римлян, с одной стороны, согласуется с общим наступательным характером персидской военной стратегии [Дмитриев 2008: 156–157], а с другой — соответствует сасанидской тактике ведения боя на открытой местности, в рамках которой легкой коннице отводилась роль изматывания противника и сковывания его действий [Дмитриев 2008: 17, 102, 117–118]. Кроме того, такое начало сражения четко вписывается в предполагаемый план Шапура II, который, как было отмечено выше, заключался в стремлении путем демонстративной атаки и последующего преднамеренного отступления «вытянуть» римлян из их расположения и подставить под обстрел лучников и копьегометателей, а также под удар персидских катафрактов. Наконец, именно такое начало битвы (маневрирование легкой конницы в виду римских войск, обстрел противника с дальней дистанции и т. п.), по всей видимости, и спровоцировало измотанных, страдающих от жажды солдат Констанция II на опрометчивые действия, описанные Фестом и Евтропием. Косвенным подтверждением нашего предположения является и тот факт, что в целом повествование Либания о ходе «ночного» сражения является намного более пространным и детализованным, нежели рассказ Юлиана, что, безусловно, делает известия антиохийского ритора (в том числе и о начальном этапе битвы) заслуживающими большего доверия.

Таким образом, непосредственными инициаторами сражения под Сингарой следует считать персов, чья легкая кавалерия предприняла атаку на римские боевые порядки и, следовательно, начала битву.

### 3. Атака персов и контратака римлян

Как указывает Либаний, преследование римлянами отступающих персов началась еще до полудня (Liban. Or. LIX, 107). Следовательно, предшествовавшая этому атака персидской легкой конницы началась утром, поскольку ей требовалось порядка трех — четырех часов (при средней скорости передвижения тренированной лошади шагом 6 км/ч, рысью — 13 км/ч) [Эзе 1983: 88] для того, чтобы оказаться вблизи римских частей, а они, напомним, располагались на расстоянии 100–150 стадий (18–27 км) от персидского лагеря. Учитывая, что восход солнца в районе Сингары в июле — августе происходит примерно между пятью и шестью часами утра<sup>20</sup>, то персидская атака должна была начаться не ранее пяти и не позже девяти часов

<sup>20</sup> Здесь и далее время восхода и захода солнца в районе Сингары рассчитано с помощью программы «Sun or Moon Rise», размещенной на сайте Морской обсерватории США (USNO) [URL:

утра, поскольку при более позднем выдвигении персов начало римского контрнаступления пришлось бы уже на вторую половину дня, что противоречило бы данным Либания. Каких либо подробностей о ходе персидской атаки антиохийский ритор не сообщает, однако очевидно, что свою главную тактическую задачу наступавшие подразделения персов успешно выполнили: как только при их приближении в войске Констанция II началось движение, они тут же стали отходить, и римляне, увидев отступающего противника, начали его преследовать. Либаний так описывает этот эпизод битвы: «Когда они (персы. — В. Д.) увидели, что римское войско пришло в действие, то тут же прекратили свое наступление, обратились в бегство и повели их (римлян. — В. Д.) в зону досягаемости метательного оружия с тем, чтобы они могли быть обстреляны с высоты...» (Liban. Or. LIX, 104).

В результате после длительного (и по расстоянию, и по времени) преследования персов римское войско оказалось на подступах к персидскому лагерю. Предположительно, это должно было произойти между 15 и 17 часами<sup>21</sup>, что не только вытекает из наших расчетов, но и согласуется с сообщением Либания: «Преследование продолжалось большую часть дня... Они (римляне. — В. Д.) начали преследование до полудня, а занимать боевую позицию перед укреплением стали только вечером» (Liban. Or. LIX, 105, 107).

По версии Юлиана, события развивались несколько иначе. Согласно его тексту, увидев, что персы начали отступать (напомним — без каких-либо попыток атаковать противника), «римские солдаты, взбешенные тем, что варвары могут избежать наказания за свое дерзкое поведение, стали требовать вести их в атаку, раздражаясь... приказом оставаться на месте, и в полном вооружении побежали вслед за врагом со всей возможной силой и скоростью... И так они пробежали около 100 стадий, и остановились только тогда, когда догнали парфян<sup>22</sup>... К этому времени уже наступил вечер» (Iul. Or. I, 24A–24C). Исходя из того, что сведения Либания являются все же более обстоятельными и надежными, нежели данные Юлиана, мы можем констатировать, что последний по каким-то причинам (скорее всего, с целью выставить персов и их предводителя в невыгодном свете) опускает целый эпизод сражения (атаку персов) и начинает описание боя с наступления римлян и отхода персидских войск. В то же время, сообщение Юлиана о неподчинении солдат приказу императора, сыгравшее роковую роль для римлян, как будет показано ниже, имеет под собой основания и, кроме того, согласуется с данными остальных источников — Либания, Феста и Евтропия.

#### 4. Приостановка римской контратаки на подступах к персидскому лагерю

Либаний весьма подробно описывает положение, в котором оказались римские войска на момент приближения к лагерю персов, а также связанные с этим размышления Констанция: «Принимая во внимание ситуацию в целом, тяжесть их (римлян. — В. Д.) вооружения, преодоленное ими в ходе преследования расстояние,

<http://www.usno.navy.mil/USNO/astronomical-applications/data-services/rs-one-year-world> (дата обращения: 08.10.2010)].

<sup>21</sup> 5–7 часов утра — начало персидской атаки; 10–12 часов — начало римской контратаки; 15–17 часов — появление персов и римлян под стенами персидского лагеря.

<sup>22</sup> В позднеантичной литературе персы часто именуется парфянами либо мидянами (см., например: (Amm. Marc. XXV, 4, 13; XXIX, 1, 4; Eutrop. IX, 8, 2, 19, 1; Proc. Bell. I, 1, 17; и др.).

палящий зной Солнца, то, что они были измучены жаждой, приближение ночи и наличие лучников на вершинах холмов, он (Констанций II. — В. Д.) посчитал, что правильнее будет оставить персов в покое и положиться на судьбу» (Liban. *Or.* LIX, 107).

Слова Либания находятся в разительном контрасте с его же, звучавшими чуть выше, рассуждениями о полководческом таланте Констанция II, далеко идущих тактических замыслах императора и его стремлении к полному уничтожению вторгшихся на римскую территорию персидских войск (Liban. *Or.* LIX, 102). Более того, эти строки тесно перекликаются с уже приводившимся выше непредвзятым мнением Аммиана Марцеллина о граничившей с трусостью осторожности Констанция. Все это еще раз показывает, что инициатива находилась в руках персов, и сражение развивалось по плану, разработанному персидским командованием; римляне же целиком и полностью действовали в русле тактики, навязанной им противником.

После того как оба войска заняли позиции перед персидским лагерем, в битве наступила некоторая пауза. Ни та, ни другая сторона не переходила к активным действиям, но именно теперь, когда лицом к лицу встретились основные силы противоборствующих армий, наступила решающая фаза боя. Его исход зависел от того, что предпримет в ближайшие время каждая из сторон. При этом все возрастающее влияние на ситуацию начал оказывать временной фактор: во второй половине лета Солнце в районе Сингары садится за горизонт приблизительно между 18 час. 40 мин. и 19 час. 30 мин., а потому времени на подготовку к решительным действиям у противников было не так уж много (не более одного — полутора часов).

Отсутствие в данной ситуации активных действий со стороны римлян легко объясняется все той же нерешительностью Констанция II как полководца. Что же касается персов, то следует отметить, что в сасанидской военной теории было принято по возможности оттягивать начало сражения на вторую половину или конец дня, поскольку в случае неудачи у войска был шанс избежать полного разгрома, скрывшись от противника под покровом темноты [см.: Дмитриев 2008: 98–100]. Таким образом, в сложившейся обстановке персы успешно использовали предоставленную римлянами возможность следовать собственным правилам ведения войны.

## 5. Захват римлянами лагеря персов

Обстоятельства, приведшие к возобновлению сражения, и последовавшие за этим события по причине своей неординарности вызвали повышенный интерес у писателей, и потому сообщения о них присутствуют в большинстве источников, описывающих битву под Сингарой; кроме того, данный эпизод «ночной» битвы является, пожалуй, единственным, по поводу которого расхождений между источниками практически нет.

Из сведений Либания (Liban. *Or.* LIX, 108), Юлиана (Iul. *Or.* I, 24A), Феста (Fest. XXVII, 3), Евтропия (Eutrop. X, 10, 1), Иеронима (Hieron. *Chron.* s. a. 348) и Павла Орозия (Oros. VII, 29, 6) следует, что римские солдаты, изнывающие от жары и измученные жаждой, измотанные продолжительным преследованием персов и раздраженные наступившим затем бездействием, фактически подняли бунт, требуя от Констанция II немедленно вести их в атаку на врага, а затем, так и не дождавшись соответствующего приказа, невзирая на уговоры и предупреждения императора, самовольно ринулись в бой.

За всю историю римско-персидских войн III–VII вв. подобного (бунтов во время сражения, да еще прямо на поле боя) не случалось никогда — ни до, ни после Сингарской битвы. С одной стороны, это указывает на то, что «ночная» битва действительно была одним из самых необычных и выделяющихся на общем фоне событий в истории римско-персидского противостояния в ближневосточном регионе; в значительной мере именно этим объясняется внимание, уделявшееся Сингарскому сражению в позднеантичной и раннесредневековой историографии. В то же время такое поведение солдат императорской армии в период правления Констанция II является вполне логичным и хорошо вписывается в общую тенденцию развития военной системы Поздней Римской империи, состоявшую, помимо прочего, и в падении уровня воинской дисциплины в римских вооруженных силах. Ярким проявлением указанных процессов служат частые военные мятежи, систематически вспыхивавшие в римских боевых частях как на востоке, так и на западе Империи [Федорова 2001а; 2001б]. Более того, именно самовольные действия римских воинов (в частности, отрядов сагиттариев и skutариев) спровоцировали начало печально известной Адрианопольской битвы 378 г. (Amm. Marc. XXXI, 12, 16), в результате которой римская регулярная армия фактически перестала существовать, превратившись в конгломерат варварских наемных дружин<sup>23</sup>. Наконец, столь явное невыполнение римскими воинами приказа главнокомандующего и, более того, навязывание солдатами своей воли императору стали возможны во многом благодаря бездарному военному руководству самого Констанция II, что вело к снижению его авторитета как военачальника, а в критической ситуации могло стать одним из факторов дестабилизации обстановки в войсках, что и произошло в ходе Сингарской битвы.

Из наших источников следует, что после того, как римское войско, проигнорировав приказ императора, ринулось в бой, у стен лагеря произошла короткая стычка между римской пехотой и персидскими катафрактами, в ходе которой, если верить словам Либания, римляне нашли способ эффективной борьбы с вражескими всадниками: «Пеший солдат отходил в сторону от мчащегося на него всадника и этим делал его атаку бесполезной, в то время как сам поражал наездника, когда тот проезжал мимо, своей палицей в висок и повергал его на землю, а затем легко расправлялся с ним» (Liban. Or. LIX, 110). В результате римские воины приблизились вплотную к лагерю и каким-то образом пробили брешь в стене (как пишет Либаний, «окружающая лагерь стена была разрушена от верха до самого основания»: Liban. Or. LIX, 110).

Юлиан, в отличие от Либания, не приводит деталей относительно столкновения под стенами лагеря и его штурма римлянами; он лишь замечает, что римские воины, преследуя отступающих персов, «остановились только тогда, когда догнали парфян, в поисках убежища укrywшихся внутри укрепления, которое они недавно построили... Наши люди быстро захватили лагерь...» (Iul. Or. I, 24C).

В приведенных описаниях поражает прежде всего быстрота и легкость, с которой воинам Констанция удалось преодолеть сопротивление персов и ворваться в их лагерь: на все это, с учетом времени, ушедшего на препирательства между солдатами и императором, римлянам, судя по всему, потребовалось не более полутора

<sup>23</sup> Кардинальное значение изменений в римской военной и политической организации, произошедших вследствие Адрианопольской катастрофы, не раз отмечалась в историографии [см. например: Дельбрюк 1994: 232–233; Корсунский 1965: 95; Rémondon 1964: 191; Piganiol 1972: 363–364].

часов. Привлекает к себе внимание и фраза Либания о том, что «не было никого, кто бы остановил их» (Liban. *Or.* LIX, 110). Кроме того, чуть ниже антиохийский автор прямо говорит о том, что «вместо того, чтобы сопротивляться атакующим и сражаться в рукопашной схватке, они (персы. — *В. Д.*) пустились в бегство... Они даже не стали защищать стены и бросили свое укрепление» (Liban. *Or.* LIX, 117).

Это (особенно в сочетании с последующими событиями, которые будут рассмотрены ниже) дает веские основания полагать, что персы преднамеренно оставили свой лагерь римлянам, организовав, по сути, лишь видимость его защиты — точно так же, как до этого они устроили демонстративную атаку, а затем — притворное отступление. Просчитанная до мелочей хитрость Шапура удалась: римские воины, обессиленные преследованием врага под палящими лучами солнца, оторвавшиеся от своего обоза и испытывающие невыносимую жажду, неизбежно должны были стремиться к захвату персидского лагеря любой ценой — это была единственная возможность добыть драгоценную воду. Таким образом, возвращаясь к началу столкновения у стен персидского лагеря, отметим, что приказ Констанция не вступать в бой был, по сути, неосуществим поскольку фактически обрекал римлян на невыносимые муки жажды; персидский царь, безусловно, понимал это и делал ставку на безвыходность положения римской армии в случае успешного выполнения первой части своего замысла — выманивания римлян к своему лагерю, которая, как мы видели, была полностью реализована.

Захватив укрепление персов, римляне перебили всех застигнутых там врагов (Iul. *Or.* I, 24C); видимо, это был небольшой арьергард, которым Шапур II решил пожертвовать для достижения своей главной цели. Более того, в пылу боя воины Констанция, по всей видимости, не пощадили даже местных жителей (напомним при этом, что все описываемые события происходили на римской территории): Либаний отмечает, что римские солдаты «грабили палатки и выносили продукты тех, кто трудился по соседству, и они убили всех, кого поймали; в живых остались только те, кто смог спастись бегством» (Liban. *Or.* LIX, 112).

По словам Юлиана, после захвата лагеря римляне «проявляли великую храбрость в течение длительного времени, но затем стали обессиливаться от жажды, и когда они случайно нашли емкости с водой, то испортили славную победу и дали противнику возможность спасти себя от поражения» (Iul. *Or.* I, 24C). По сути Юлиан прямо говорит о том, что, оказавшись в персидском лагере и добыв желанную воду, римляне потеряли способность сохранять какое-либо подобие дисциплины и порядка, что серьезно изменило характер битвы. Примерно ту же мысль, но в несколько завуалированной форме, высказывает и Либаний: «Когда поражение (персов. — *В. Д.*) стало уже очевидным, им (римлянам. — *В. Д.*) требовался только еще более блистательный день, если бы это было возможно, для завершения своих подвигов...» (Liban. *Or.* LIX, 112).

Таким образом, Либаний, как и Юлиан, констатирует, что успеха римлянам добиться не удалось, но он объясняет это не тем, что после захвата персидского лагеря действия римлян превратились в необузданный грабеж, а наступлением ночи, которая не позволила им «применить свое оружие в привычной для них манере» (Liban. *Or.* LIX, 112).

К вопросу о том, каким образом персам, используя наступившую темноту, удалось «отомстить за свое поражение» и помешать римлянам «закрепить свой успех», мы еще вернемся. Однако наши главные источники — Либаний и Юлиан — содержат упоминание еще об одном событии, произошедшем в ходе захвата римскими

солдатами персидского лагеря, которое заслуживает отдельного рассмотрения. Оба автора говорят о том, что в стане противника римляне обнаружили сына персидского царя (Liban. *Or.* LIX, 117; Iul. *Or.* I, 24D). Расхождения между данными Либания и Юлиана незначительны: по версии антиохийского автора, сасанидский принц был взят в плен и после издевательств казнен; Юлиан же ничего не сообщает о пытках и казни, но, отчасти дополняя Либания, пишет о том, что вместе с царевичем в плен попала и вся его свита. При этом в качестве источника информации о пленении сына Шапура II Либаний называет свидетельства персидских перебежчиков (Liban. *Or.* LIX, 119). Учитывая, что речь Юлиана была написана позже панегирика Либания, а также то, что обоих авторов связывали тесные дружеские отношения, можно с уверенностью предположить, что сообщение о захвате сасанидского наследника престола в сочинении Юлиана носит несамостоятельный характер и является своего рода реминисценцией аналогичного сюжета из речи Либания. Следует также отметить, что наши авторы, к сожалению, не называют имени плененного персидского принца.

Единственным текстом, где содержится более или менее определенное указание на то, как звали Сасанида, попавшего под Сингарой в руки римлян, является Феста, указывающий, что в ходе одного из сражений римлян с персами в правление Констанция погиб некий Нарсе (*Narasarensi*<sup>24</sup> *autem, ubi Narseus occiditur*: Fest. XXVII, 3), который, в свете сообщений Либания и Юлиана, предположительно может быть идентифицирован как упомянутый ими сын Шапура II<sup>25</sup>.

По некоторым косвенным признакам можно предположить, что глухой и сильно искаженный отголосок известий о том, что в ходе войн между Констанцием II и Шапуром II пострадал кто-то из представителей персидской правящей династии, имеется у Зонары (Zon. XIII, 5), о чем уже говорилось выше. Он пишет, что это был сам Шапур, однако данная информация не подтверждается другими источниками, и потому может рассматриваться в лучшем случае как несущественное дополнение к сообщениям наших основных источников.

Еще более запутанным вопрос о возможной гибели под Сингарой сасанидского царевича делает упоминание Феофана Исповедника о том, что сын Шапура II по имени Нарсе погиб во время битвы с римлянами, произошедшей, судя по его словам, в районе Амиды еще при жизни Константина Великого (Theophan. *A. M.* 5815)

---

<sup>24</sup> Битва под Нарсарой неизвестна по другим источникам, как неизвестен и населенный пункт с таким названием. В связи с этим вопрос о том, где же она произошла, остается дискуссионным. В. Портман полагает, что название этого сражения у Феста связано не с каким-либо географическим объектом, а с тем, что в нем, по мысли автора «Бревиария», погиб Нарсе; в результате искаженного отражения Фестом этой информации имя Нарсе в измененном виде перекочевало в название битвы [Portmann 1989: 16]. П. Питерс в топониме «Нарасара» видел искаженное наименование горной речки к западу от Сингары, известной под названием Нахр-Гиран [Peeters 1931: 44], однако, как было показано выше, описанная Либанием, Юлианом и другими авторами «ночная» Сингарская битва происходила не западнее, а восточнее Сингары. Видимо, с целью «примирения» противоречивых данных, содержащихся в источниках, М. Папафеофанес выдвинул версию, согласно которой битва при Нарсаре, в которой, по Фесту, погиб Нарсе, была первой фазой рассматриваемого нами «ночного» сражения [Paratheophanes 1986: 253], однако в свете работ К. Мосиг-Вальбург это предположение выглядит необоснованным [Mosig-Walburg 1999: 368; 2000: 142].

<sup>25</sup> Упоминание Феста о том, что в одной из битв римлян с персами погиб Нарсе (причем автор не указывает прямо, что это был сын Шапура II), в сочетании с данными Либания и Юлиана является единственным и, как кажется, весьма зыбким основанием для того, чтобы предполагать наличие у Шапура Великого сына с таким именем, как это делает, например, Ф. Юсти [Justi 1895: 222].



(=322/323 г.). Во-первых, Феофан допускает явный анахронизм, поскольку войны Рима с Ираном, временно прекратившиеся в 298 г., возобновились только после смерти Константина в 337 г., а потому какой-либо битвы с персами (в том числе — при Амиде) в период правления этого императора быть просто не могло; во-вторых, не согласуется с данными Либания, Юлиана и Феста локализация Феофаном сражения, в ходе которого, якобы, погиб сын Шапура, в районе Амиды; ну и, наконец, в-третьих, весьма проблематичным является наличие у Шапура II в 322/323 г. сына, способного участвовать в боевых действиях, ибо самому Шапуру, родившемуся в 309 г., в это время едва исполнилось 14 лет<sup>26</sup>.

Отсутствие имени взятого римлянами в плен представителя династии Сасанидов в речах Либания и Юлиана, и, напротив, его наличие в сочинении Феста — весьма примитивном и кратком изложении римской истории, где всему IV в. уделено лишь несколько страниц, — заставляет с осторожностью относиться к сведениям всех трех авторов. Не может не вызывать сомнения и опора Либания на сообщения персидских перебежчиков. Хотя сам ритор пишет, что «им нельзя не доверять», ибо, как ему кажется, «не станут же они услаждать (римлян. — *В. Д.*) выдумками об опасностях» (*Liban. Or. LIX, 119*), тем не менее, данные, полученные таким путем, часто являлись дезинформацией, целенаправленно распространяемой персами для введения противника в заблуждение [Дмитриев 2008: 150]. Кроме того, обращает на себя внимание и тот факт, что *ни в одном* другом источнике («Хронографию» Феофана мы в данном случае исключаем по причине как ее вторичности по отношению к текстам, синхронным с Сингарской битвой, так и крайне неясной и явно ошибочной трактовки сюжета, связанного с гибелью царевича Нарсе) ни слова (!) не говорится о таком значительном событии, каким должно было явиться пленение и смерть сына самого Шапура II [ср.: *Mosig-Walburg 2000: 152*]. Безусловно, римская официальная пропаганда не преминула бы использовать столь удачный повод для возвеличивания императора и всего Римского государства, что, вне всякого сомнения, должно было бы отразиться в многочисленных литературных памятниках той и последующих эпох — ведь именно такой резонанс вызвало пленение римлянами в ходе битвы при Сатале (297 г.) семьи шаханшаха Нарсе (293–302) и захват его казны, о чем упоминают Аврелий Виктор (*Aur. Vict. De Caes. XXXIX, 35*), Фест (*Fest. XXV, 3*), Евтропий (*Eutrop. IX, 25, 1*), Иероним (*Hier. Chron. s. a. 302*), Павел Орозий (*Oros. VII, 25, 11*), Фавст Бузанд (III, 21) [Геворгян 1953: 45–47], Иордан (*Iord. Get. 110*), Петр Патрикий (*Petr. Patr. Fr. 13*), Иоанн Малала (*Malal. Chron. XII, 39*), Феофан (*Theophan. A. M. 5793*) и Зонара (*Zon. XII, 31*). Однако, как уже было отмечено, за исключением двух панегириков и одного бревиария — сочинений, жанровая принадлежность которых отнюдь не вызывает доверия к содержащейся в них информации, — во всей массе источников по римской истории IV столетия нет даже намека на якобы произошедшее в ходе Сингарской битвы пленение сасанидского царевича.

Все это не позволяет дать абсолютно однозначный ответ на вопрос о том, соответствует ли действительности сообщаемая Либанием и Юлианом информация о пленении и казни римлянами персидского наследника престола. Неслучайно по-

<sup>26</sup> Существуют также более поздние датировки упоминаемой в «Хронографии» кампании, в ходе которой, по словам Феофана, была взята Амиды и погиб царевич Нарсе, — 335 г. [Portmann 1989: 16] и 336 г. [Dodgeon, Lieu 1994: 135]. Однако, как справедливо отмечает В. Портман, и в этом случае трудно предположить, что у Шапура II уже имелся наследник, способный командовать армией [Portmann 1989: 16].

этому, что к сведениям о гибели под Сингарой сына Шапура II специалисты относятся очень по-разному<sup>27</sup>. Тем не менее, в силу практически полного отсутствия в источниках (за исключением только двух писателей — Либания и Юлиана) каких-либо сообщений о взятии в плен и убийстве римлянами сасанидского принца, данный сюжет следует считать если не фантазией авторов панегириков, включенной ими в свои произведения с целью превознести императора Констанция и, таким образом, добиться расположения с его стороны<sup>28</sup>, то, как было отмечено выше, результатом введения римлян в заблуждение персидскими перебежчиками.

## 6. Завершающая фаза сражения

О том, что произошло дальше, сообщают Либаний и Фест. По словам первого, когда сражение вступило в последнюю (собственно «ночную») фазу, римляне были обстреляны с холмов и забросаны копьями, в результате чего «потеряли доблестных мужей» (Liban. *Or.* LIX, 112). Еще более детально этот эпизод сражения описывает Фест: «После бегства царя, придя в себя после битвы и с помощью факелов отыскав желанную воду, они (римляне. — *В. Д.*) были погребены под тучей стрел, ибо сами безрассудно указали огнями, горящими в ночи, точное направление пускаемым по себе стрелам» (Fest. XXVII, 3).

Приведенные сообщения Либания и Феста окончательно проясняют ситуацию и позволяют весьма детально восстановить события, последовавшие за захватом римлянами персидского лагеря. Очевидно, что на этом этапе сражения Шапуру вновь удалось перехитрить Констанция: вступив почти без боя в оставленный персами лагерь, римляне посчитали битву завершённой и приступили к поиску того, ради чего они ринулись на штурм вражеских укреплений — питьевой воды и добычи. Найдя емкости с водой, а также брошенное в лагере имущество, римские солдаты учинили ни кем не контролируемый грабеж. Поскольку к этому времени уже опустилась ночь, они были вынуждены зажечь факелы, которые стали прекрасным ориентиром для персидских стрелков и копьёметателей, засевших на окружающих лагерь вершинах холмов. В результате оказавшиеся в лагере римские воины подверглись массированному обстрелу с разных направлений. Мы не имеем точных данных о потерях, понесенных римлянами во время этих событий, однако слова Юлиана о том, что битва стоила римскому войску «потери всего трех или четырех человек» (Iul. *Or.* I, 24D), в свете данных Либания и Феста не выдерживают никакой критики, особенно если учесть непревзойденное мастерство персидских стрелков из лука [Никоноров 2005: 157; Дмитриев 2008: 18, 102–108].

<sup>27</sup> О существующих в историографии точках зрения см.: Mosig-Walburg 1999: 376–377; 2000.

<sup>28</sup> Это вполне вероятно, поскольку оба панегириста — и Либаний, и Юлиан — являлись скрытыми идейными и политическими противниками Констанция II, и лесть в его адрес могла снять с них возможные подозрения в нелояльности императору. К. Мосиг-Вальбург, констатируя невозможность однозначного ответа на вопрос о гибели под Сингарой сына Шапура II, также же склоняется к мысли о том, что известия о пленении и убийстве римлянами Нарсе, содержащиеся в сочинениях Либания, Юлиана и Феста, являются фальсификацией [Mosig-Walburg 2000: 149–152]. Нельзя также исключать, что выдуманный сюжет с «пленением» и «гибелью» персидского царевича был включен Либанием и Юлианом в свои панегирики, в том числе, и в качестве своеобразной реминисценции, навеянной событиями конца III в., а именно — упомянутым выше пленением Галерием в 297 г. семьи персидского царя, носившего имя Нарсе. Таким образом, возможно, наши панегиристы хотели намекнуть, что Констанций II своей доблестью не уступает самому Галерию — соправителю императора Диоклетиана и прославленному победителю персов.

Подвергшиеся обстрелу римляне сумели все же организовать какие-то ответные действия, о чем сообщает Либаний: «Лишенные из-за ночной темноты возможности ориентироваться, наступавшие на легковооруженных, сила которых заключалась в ведении боя на расстоянии, утомленные действиями против свежих войск, гоплиты... все же вытеснили противника с его позиций» (Liban. *Or.* LIX, 112). Сам по себе факт контратакующих мероприятий римлян, предпринятых в ответ на обстрел со стороны противника, выглядит вполне правдоподобно, однако малоубедительной является констатация Либанием успешности ответных действий римских воинов. Напомним, что речь идет о тяжелой пехоте, в полной темноте атакующей гораздо более подвижные, к тому же расположенные на возвышенностях легковооруженные персидские отряды. Более реалистичным представляется несколько иной вариант развития событий: причинив дезорганизованному противнику максимально возможный (и, судя по всему, весьма ощутимый) урон, персидские лучники и копьеметатели оставили свои позиции и под покровом ночи покинули поле боя.

Отметим в связи с этим, что сведения Либания в какой-то мере могут пролить свет на происхождение приведенного выше указания Юлиана на крайнюю незначительность причиненного римлянам урона. Действительно, римская тяжелая пехота, двинувшаяся в направлении персидских лучников уже *после* того, как подверглась обстрелу на территории захваченного вражеского лагеря, судя по всему, почти не понесла потерь в ходе своей контратаки, поскольку активного противодействия римлянам персы уже не оказывали. Юлиан же, по всей видимости, допустил неточность, отнеся свое замечание о потере римской стороной «всего трех или четырех человек» к чуть более раннему этапу битвы — обстрелу персами находящихся в их лагере римлян.

Данные события — попытка римлян предпринять контратаку и отход персов с последующим возвращением на свою территорию — фактически завершают Сингарское «ночное» сражение. Однако существует еще одна проблема, которой я вскользь коснулся по ходу изложения и по поводу которой источники сообщают крайне противоречивую информацию. Речь идет о том, ради чего, собственно, и затеваются все битвы — о победе.

#### IV. ИТОГИ БИТВЫ: ЧЬЯ ПОБЕДА?

Ответ на вопрос о том, на чьей стороне оказалась победа в результате того или иного сражения (в том числе — и рассмотренного выше), далеко не всегда является очевидным в силу, по крайней мере, трех обстоятельств, последнее из которых особенно актуально при изучении военной истории эпохи древности:

- 1) нечеткость критериев самого понятия «военная победа»;
- 2) зачастую имеющая место объективная неочевидность результатов сражения (типичный пример — Бородинская битва [Юлин 2008: 120]);
- 3) недостаточная информативность и необъективность источников, содержащих информацию о битве и ее результатах.

Кроме того, оценка результатов любого вооруженного конфликта (будь то кратковременная стычка или же полномасштабная война) будет зависеть и от того, какие цели ставились его участниками, а также каковы были последствия этого столкновения для противоборствующих сторон в обозримой перспективе.

Первоочередное значение для определения победителя, безусловно, имеют критерии, в соответствии с которыми мы можем более или менее однозначно сказать,

что в данном случае победа досталась той или иной стороне. При этом очевидно, что критерии достижения либо недостижения победы будут различаться в зависимости от того, какой характер (или уровень) имеют анализируемые военные события — тактический, оперативный или же стратегический. Исходя из того, что «ночная» битва под Сингарой была единичным боевым столкновением, непосредственно не связанным с другими военными акциями, она имела тактическое значение; в связи с этим к ней применимы критерии победы в отдельном бою, сформулированные признанным классиком военной теории К. Клаузевицем, который по этому поводу писал: «Если мы еще раз бросим взгляд на совокупное понятие победы, то найдем в нем три элемента:

- 1) большие потери физических сил противника<sup>29</sup>;
- 2) такие же — моральных<sup>30</sup>;
- 3) открытое признание в этом, выраженное в отказе побежденного от своего намерения» [Клаузевиц 1934: 164].

Однако очевидно, что для оценки материального и морального ущерба, понесенного сторонами в Сингарской битве, мы располагаем явно недостаточным материалом, к тому же представляющим взгляд лишь одной — римской — стороны<sup>31</sup>. В связи с этим, согласно тому же Клаузевицу, главным признаком, который в такой ситуации позволяет сколько-нибудь определенно говорить о том, достигнута победа в бою или нет, является наличие третьего элемента победы, о котором, в свою очередь, можно судить по общественно-политическому резонансу, вызванному результатами той или иной битвы. Как отмечает Клаузевиц, эта черта — «единственная, которая производит впечатление на *общественное мнение вне армии* (курсив мой. — В. Д.), воздействует на народы и правительства обеих воюющих сторон и на все другие причастные страны» [Клаузевиц 1934: 164]. От себя, отчасти перефразируя, отчасти развивая мысль Клаузевица, добавлю, что достаточно четким критерием «победоносности» какого-либо сражения следует считать не только общественное мнение, но и восприятие его итогов в исторической памяти того или иного народа.

Иными словами, в данном случае для определения победителя в «ночной» битве 344 г. необходимо рассмотреть оценку итогов этого события, по возможности, в неангажированных (каковыми, конечно же, не являются панегирики Либания и Юлиана<sup>32</sup>) источниках. При этом, безусловно, приоритет необходимо отдать тем

<sup>29</sup> Имеются в виду потери живой силы и материальных ресурсов.

<sup>30</sup> Под моральными потерями Клаузевиц понимает «утрату порядка, мужества, доверия, сплоченности и внутренней связи» [Клаузевиц 1934: 160].

<sup>31</sup> Подобная ситуация характерна и для многих других (если не всех) сражений, причем не только эпохи древности. В связи с этим К. Клаузевиц отмечал, что «донесения обеих сторон о размере потерь убитыми и ранеными никогда не бывают точны, редко — правдивы, а в большинстве случаев переполнены умышленными извращениями... Для суждения о потерях моральных сил нет какого-либо удовлетворительного мерила» [Клаузевиц 1934: 164].

<sup>32</sup> Однако даже Либаний и Юлиан, несмотря на все применяемые ими хитроумные риторические ходы и уловки, призванные доказать поражение персов в битве под Сингарой, фактически соглашались с тем, что римляне, как минимум, не смогли одержать окончательную победу. Это видно из слов Либания о том, что воинам Констанция «требовался только еще более блистательный день, *если бы это было возможно* (курсив мой. — В. Д.), для завершения своих подвигов» (Liban. Or. LIX, 112), и фразы Юлиана, согласно которой римляне «дали противнику возможность спасти себя от поражения» (Iul. Or. I, 24C). Кроме того, сама по себе необходимость обоснования факта победы римлян говорит, как минимум, о нерешительности исхода битвы как для самих авторов панегириков, так и для их адресатов.

из них, которые были написаны уже после смерти Констанция II, поскольку лишь в этом случае можно говорить о непредвзятости того или иного автора в трактовке произошедших в правление данного императора событий. Из всех текстов, содержащих сведения о Сингарской битве, к таковым можно отнести сочинения Феста, Евтропия, Аммиана Марцеллина, Иеронима, Павла Орозия, Сократа Схоластика, Якова Эдесского, Иоанна Зонары и «Константинопольские консулярии», причем Яков Эдесский, «Константинопольские консулярии» и Зонара вообще ничего не сообщают об итогах «ночной» битвы, ограничиваясь, как было отмечено выше, простой констатацией события. В произведениях остальных шести авторов об итогах «ночной» битвы говорится в следующих строках<sup>33</sup>:

1. Фест: «Однако, в битвах при Сисаре, Сингаре и еще раз при Сингаре, в которой участвовал сам Констанций, и при Сикгаре, а также при Констанции и когда была захвачена Амида, государство терпело жестокий ущерб при этом императоре... В ночной же битве при Элейе неподалеку от Сингары исход всех (персидских. — *В. Д.*) вторжений *мог быть* уравновешен, если бы император, обращаясь к своим обезумевшим от жестокости воинам, смог отговорить их от вступления в битву в неподходящее время, тем более что и характер местности, и наступившая ночь были против (римлян. — *В. Д.*)» (Fest. XXVII, 2–3).

2. Евтропий: «Все битвы (Констанция II. — *В. Д.*) против Шапура кончались неудачно, кроме, пожалуй, одной, у Сингары, где он *упустил* явную победу из-за недисциплинированности своих солдат, ибо они нагло и безрассудно требовали дать сражение уже на закате дня» (Eutrop. X, 10, 1).

3. Аммиан Марцелин: «После непрерывного ряда войн и особенно событий при Элейе и Сингаре, где в ожесточенной ночной битве наши (римские. — *В. Д.*) войска *потерпели жесточайшее поражение*, персы не завладели еще Эдессой, не захватили мостов на Евфрате» (Amm. Marc. XVIII, 5, 7).

4. Иероним: «Ночное сражение против персов под Сингарой, в котором мы *потеряли* и без того *сомнительную победу* из-за упрямства наших войск» (Hieron. Chron. s. a. 348).

5. Павел Орозий: «Констанций без особого успеха провел девять сражений против персов и Шапура... В конце концов, когда он, принужденный возмущенными и разнузданными требованиями солдат, начал битву ночью, упустил почти обретенную победу, да мало того, *был побежден*» (Oros. VII, 29, 6).

6. Сократ Схоластик: «Констанций не имел ни в чем успеха, ибо в ночном сражении, которое происходило в пределах римской и персидской империи, персы, пусть и на короткое время, *одержали верх*» (Socr. Schol. II, 25, 5).

Как мы видим, из шести авторов четыре — Фест (хотя и в несколько завуалированной форме), Аммиан, Орозий и Сократ — считают победителями персов, двое (Евтропий и Иероним) результат сражения для римской стороны уклончиво трактуют как «упущенную победу». Как мы видим, однозначно о победе римлян не говорится ни в одном (!) из рассмотренных источников. Таким образом, «общественное мнение вне армии», являющееся, по Клаузевицу, наиболее показательным критерием результата той или иной конкретной битвы, в данном случае было явно не на стороне римлян. При этом следует учесть, что мы располагаем текстами *только* римско-византийского происхождения, т. е. источниками заведомо анти-

<sup>33</sup> В приведенных цитатах курсивом выделены слова, наиболее ярко показывающие оценку итогов битвы тем или иным автором.

персидской направленности. Нетрудно представить, насколько же еще более очевидной выглядела бы победа Шапура, если бы в нашем распоряжении имелись сообщения о битве под Сингарой, представляющие точку зрения самих персов.

## V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, материал из проанализированных выше источников позволяет утверждать, что «ночное» сражение под Сингарой, достаточно подробно описанное в панегириках Либания и Юлиана, а также (более сжато или фрагментарно, зачастую — на уровне краткого упоминания) в сочинениях Феста, Евтропия, Аммиана Марцеллина, Иеронима, Павла Орозия, Сократа Схоластика, Якова Эдесского, Иоанна Зонары и в «Константинопольской консулярии», произошло летом (в июле или августе) 344 г. на равнине, расположенной непосредственно к западу от Тигра в направлении Сингары. Дата «ночной» битвы, содержащаяся в хрониках Иеронима и Якова Эдесского, а также в «Константинопольской консулярии» (348 г.), должна быть отнесена к другому сражению, также произошедшему под Сингарой, но четырьмя годами позднее.

В ходе Сингарской битвы 344 г., растянувшейся (вместе с подготовительной фазой) на два дня, можно выделить ряд этапов:

*Первый день:*

- переход персидской армии через Тигр;
- сооружение на западном (римском) берегу Тигра укрепленного лагеря.

*Второй день:*

— расстановка войск на поле боя; атака сасанидской легкой кавалерии и ее приторное отступление к своему лагерю с целью изматывания противника и его заманивания в зону досягаемости персидских лучников и дротикометателей;

— временное прекращение боя на подступах к персидскому лагерю из-за приостановки римской контратаки, что, в свою очередь, было связано с опасением Констанция II оказаться в подготовленной персами засаде;

— бунт в римском войске и предпринятое вопреки приказу императора нападение римлян на персидский лагерь, начавшееся с наступлением темноты; оставление персами своего лагеря и его захват римским войском;

— обстрел расположившимися на соседних высотах сасанидскими лучниками и копьёметателями заполнивших персидский лагерь римских воинов; возвращение армии Шапура II на свою территорию.

На всех этапах битвы инициатива находилась в руках персов, император Констанций же действовал в русле персидской стратегии, что позволило Шапуру II достичь поставленной цели, заключавшейся, вероятнее всего, не в захвате Сингары или разорении римских владений, а в причинении противнику как можно более серьезных военных потерь. При этом сообщаемая некоторыми латинскими и греческими авторами информация о пленении и убийстве римлянами сасанидского царевича, скорее всего, не соответствует действительности и является результатом либо заблуждения, либо сознательного искажения фактов.

По вопросу о том, кто же победил в «ночном» сражении 344 г., источники содержат противоречивые (зачастую — полярно противоположные) сведения. Однако, как показывает более тщательное изучение источникового материала в сочетании с анализом результатов битвы под Сингарой с военно-теоретической точки зрения, победа оказалась на стороне персов.

## Литература

## 1. Источники

- Amm. Marc. — Ammianus Marcellinus. *Römische Geschichte / Lateinisch und Deutsch und mit einem Kommentar versehen von W. Seyfarth. Bd. 1–4. Berlin, 1968–1971; Аммиан Марцеллин. История / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. Вып. 1–3. Киев, 1906–1908.*
- Aur. Vict. *De Caes.* — *Sexti Aurelii Victoris De Caesaribus historia // Sexti Aurelii Victoris Historia Romana / Ex editione Th. Chr. Harlesii. Londini, 1829.*
- Cass. Dio. — *Dionis Cassii Cocceiani Historia romana / Cum annotationibus L. Dindorfii. Vol. 1–5. Lipsiae, 1863–1865.*
- Cons. Const. — *Consularia Constantinopolitana ad a. CCCXCV cum additamento Hydatii ad a. CCCCLXVIII: accedunt consularia chronici paschalis / Ed. Th. Mommsen // MGH (AA). Vol. IX. 1892. P. 196–248.*
- Eutrop. — *Eutropii Breviarium historiae romanae / Ed. F. Rühl. Lipsiae, 1887; Евтропий. Краткая история от основания города / Пер. с лат. А. И. Донченко // Римские историки IV века. М., 1997. С. 5–76.*
- Fest. — *Festi Breviarium rerum gestarum populi romani / Ed. G. Freytag. Leipzig, 1886.*
- Hier. *Chron.* — *Die Chronik des Hieronymus / Ed. R. W. O. Helm. Berlin, 1956; Иероним Стридонский. Изложение хроники Евсевия Памфила // Творения блаженного Иеронима Стридонского. Ч. 5. Киев, 1880. С. 345–408.*
- Hom. *Il.* — *Homer. The Iliad / With an English translation by A. T. Murray. London, 1828; Гомер. Илиада / Пер. с древнегреч. Н. Гнедича. СПб., 2001.*
- Iord. *Get.* — *Iordanis De origine actibusque Getarum (Getica) / Rec. Th. Mommsen // MGH (AA). Vol. V/1. 1882. P. 53–138; Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica / Пер. с лат. Е. Ч. Скржинской. М., 1960.*
- Iul. *Or. I* — *Julianus. Oration I. Panegyric in honour of the Emperor Constantius // The works of the Emperor Julian. Vol. 1 / Ed. by T. E. Page, M. A. and W. H. D. Rouse. Cambridge, 1913. P. 4–127.*
- Jac. Edes. *Chron. can.* — *The Chronological canons of James of Edessa // ZDMG. T. 53. 1899. S. 261–327.*
- Liban. *Or. LIX* — *Libanius. Oratio LIX // Libanii opera. Vol. IV / Rec. K. Foerster. Lipsiae, 1908. S. 201–296; Либаний. Хвалебное слово царям, в честь Констанция и Константа / Пер. с древнегреч. С. Шестакова // Речи Либания. Т. I. Казань. С. 394–444.*
- Liban. *Or. XVIII* — *Libanius. Oratio XVIII // Libanii opera. Vol. II / Rec. R. Foerster. Lipsiae, 1904. S. 222–371; Либаний. Надгробная речь Юлиану / Пер. с древнегреч. С. Шестакова // Речи Либания. Т. I. Казань. С. 308–394.*
- Malal. *Chron.* — *Ioannis Malalae Chronographia / Rec. I. Thurn. Berolini, Novi Eboraci, 2000; The Chronicle of John Malalas / Transl. by E. Jeffreys, M. Jeffreys and R. Scott. Melbourne, 1986.*
- Oros. — *Pauli Orosii Historiarum adversus paganos libri VII / Rec. C. Zangemeister. Lipsiae, 1889; Павел Орозий. История против язычников / Пер. с лат. В. М. Тюленева. СПб., 2004.*
- Petr. *Patr. Fr.* — *Petri Patricii Fragmenta // FHG. Vol. 4. 1851. P. 181–191; Отрывки из истории патрикия и магистра Петра // Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / Пер. с древнегреч. С. Дестуниса. СПб., 1860. С. 293–310.*
- Proc. *Bell.* — *Procopii De bellis libri I–VIII // Procopii Caesariensis Opera omnia. Vol. I–II / Rec. J. Haury. Lipsiae, 1905.*
- Ptol. — *Claudii Ptolemaei Geographica. Vol. 1–3 / Ed. C. F. A. Nobbe. Lipsiae, 1843–1845.*
- Socr. *Schol.* — *Socratis Scholastici Ecclesiastica Historia with the Latin translation of Valesius / Ed. R. Hussey. T. I–III. Oxonii, 1853; Сократ Схоластик. Церковная история / Пер. с древнегреч. Санкт-Петербургской духовной академии. М., 1996.*

Theophan. — Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883; Феофан. Летопись Византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Пер. с древнегреч. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. М., 1891.  
Zon. — Ioannis Zonarae Epitome Historiarum / Ed. L. Dindorfius. Vol. I–V. Lipsiae, 1868–1874.

## 2. Исследования

- Адонц 1922: *Адонц Н. Г.* Фауст Византийский как историк // ХВ. Т. 6/3. С. 235–272.
- Геворгян 1953: История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. с древнеарм. М. А. Геворгяна. Ереван (Памятники древнеармянской литературы. I).
- Дельбрюк 1994: *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1. СПб.
- Дмитриев 2008: *Дмитриев В. А.* «Всадники в сверкающей броне». Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. СПб. (Militaria Antiqua. XII).
- Дмитриев 2010: *Дмитриев В. А.* К вопросу о месте «ночного» сражения под Сингарой // ВВУ. № 3. С. 87–90.
- Дмитриев 2011: *Дмитриев В. А.* Римская разведка в войнах с сасанидским Ираном (по данным Аммиана Марцеллина) // Иран и античный мир: политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций. ТД международной научной конференции (Казань, 14–16 сентября 2011 г.). Казань. С. 105–106.
- Дмитриев 2012: *Дмитриев В. А.* «Ночное сражение» под Сингарой: к вопросу о хронологии военно-политических событий середины IV в. н. э. в Верхней Месопотамии // ПИФК. № 3. С. 77–86.
- Дуров 2000: *Дуров В. С.* История римской литературы. СПб.
- Иностранцев 1909: *Иностранцев К. А.* Сасанидские этюды. СПб.
- Клаузевиц 1934: *Клаузевиц К.* О войне. М.
- Козлов 2003: *Козлов А. С.* Еще раз об источниках восточно-и западно-римских консулярий // АДСВ. Вып. 38. С. 40–63.
- Колесников 1970: *Колесников А. И.* Иран в начале VII в. (источники, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления). Л. (ПС. Вып. 22/85).
- Корсунский 1965: *Корсунский А. Р.* Вестготы и Римская империя в конце IV–начале V вв. // ВМГУ. Серия IX. История. № 3. С. 87–95.
- Лебедев 1903: *Лебедев А. П.* Церковная историография в главных ее представителях с IV в. до XX в. СПб.
- Луконин 1969: *Луконин В. Г.* Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии // ВДИ. № 2. С. 20–44.
- Нефедкин 2010: *Нефедкин А. К.* Древнеперсидская женщина на войне // SP. № 3. С. 137–144.
- Никоноров 2005: *Никоноров В. П.* К вопросу о парфянском наследии в сасанидском Иране: военное дело // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. М. Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года). СПб. С. 141–179.
- Соболевский 1962: *Соболевский С. И.* Историческая литература III–V вв. // История римской литературы. Т. 2. М. С. 420–437.
- Сукиасян 1963: *Сукиасян А. Г.* Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма (III–IX вв. н. э.). Ереван.
- Удальцова 1968: *Удальцова З. В.* Мировоззрение Аммиана Марцеллина // ВВ. Т. 28. С. 38–58.
- Федорова 2001а: *Федорова Е. Л.* Бунты черни в «Деяниях» Аммиана Марцеллина // Личность — идея — текст в культуре средневековья и Возрождения. Иваново. С. 7–23.
- Федорова 2001б: *Федорова Е. Л.* Личность и толпа как участники политических конфликтов у Аммиана Марцеллина // Социально-политические конфликты в древних обществах. Иваново. С. 87–99.
- Эзе 1983: *Эзе Э. (ред.).* Конный спорт. М.



- Юлин 2008: *Юлин Б. В.* Бородинская битва. М.
- Bagnall 1987: *Bagnall R. S.* Consuls of the Later Roman Empire. Atlanta.
- Baldwin 1978: *Baldwin B.* Festus the Historian // *Historia*. Bd. 27. S. 197–217.
- Baldwin 1991a: *Baldwin B.* Eutropius // ODB. Vol. 2. P. 758.
- Baldwin 1991b: *Baldwin B.* Jerome // ODB. Vol. 2. P. 1033.
- Baldwin 1991c: *Baldwin B.* Libanios // ODB. Vol. 2. P. 1222.
- Baldwin 1991d: *Baldwin B.* Sokrates // ODB. Vol. 3. P. 1923.
- Barns 1980: *Barns T. D.* Imperial chronology. A. D. 337–350 // *Phoenix*. Vol. 34. P. 160–166.
- Borries 1918: *Borries E.* Iulianus (Apostata) // RE. Bd. X/1. Sp. 26–91.
- Burgess 1999: *Burgess R. W.* Studies in Eusebian and post-Eusebian chronology. Stuttgart.
- Bury 1896: *Bury J. B.* The date of the battle of Singara // *BZ*. Bd. 5. H. 2. S. 302–305.
- Chaumont 1986: *Chaumont M. L.* Ammianus Marcellinus // *EI*. Vol. 1. P. 977–979.
- CMH 1911: The Cambridge Medieval History. Vol. 1. The Christian Roman Empire and the Foundation of the Teutonic kingdoms. Cambridge.
- Crump 1975: *Crump G. A.* Ammianus Marcellinus as a Military Historian. Wiesbaden (*Historia: Einzelschriften*. Ht. 27).
- Dindorfius 1868: Praefatio // *Ioannis Zonarae Epitome Historiarum* / Ed. L. Dindorfius. Vol. I. Lipsiae. P. IV–XXXIV.
- Dodgeon, Lieu 1994: The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars (AD 226 — 363) A documentary history / Comp. and ed. by M. H. Dodgeon and S. N. C. Lieu. London; New York.
- Drijvers 1987: *Drijvers H. J. W.* Jakob von Edessa // *Theologische Realenzyklopädie*. Bd. 16. Berlin. S. 468–470.
- Eltester 1927: *Eltester W.* Sokrates Scholasticus // RE. Bd. 3A/1. Sp. 893–901.
- Fabbrini 1979: *Fabbrini F.* Paolo Orosio — uno storico. Roma.
- Farrokh 2005: *Farrokh K.* Sassanian Elite Cavalry. Oxford; New York (Osprey Military Elite Series. 110).
- Foerster 1904: *Libanii opera*. Vol. 2 / Rec. R. Foerster. Lipsiae.
- Foerster 1908: *Libanii opera*. Vol. 4 / Rec. R. Foerster. Lipsiae.
- Foerster, Münscher 1925: *Foerster R., Münscher K.* Libanios // RE. Bd. XII/2. Sp. 2487–2488.
- Gibbon 1880: *Gibbon E.* The history of the decline and fall of the Roman Empire. Vol. 2. New York.
- Gimazane 1889: *Gimazane J.* Ammien Marcellin: sa vie et son œuvre. Toulouse.
- Gregory 1991: *Gregory T. E.* Constantius II // ODB. Vol. 1. P. 524.
- Gregory, Cutler 1991: *Gregory T. E., Cutler A.* Julian // ODB. Vol. 2. P. 1079.
- Jones 1964: *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. I. Oxford.
- Justi 1895: *Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg.
- Kazhdan 1991: *Kazhdan A.* Zonaras, John // ODB. Vol. 3. P. 2229.
- Kelly 1975: *Kelly J. N. D.* Jerome: his life, writings and controversies. London.
- Lane Fox 1997: *Lane Fox R. J.* The Itinerary of Alexander: Constantius to Julian // *CQ*. NS. Vol. 47/1. P. 239–252.
- Mosig-Walburg 1999: *Mosig-Walburg K.* Zur Schlacht bei Singara // *Historia*. Bd. XLVIII/3. S. 330–384.
- Mosig-Walburg 2000: *Mosig-Walburg K.* Zu Spekulationen über den sasanidischen «Thronfolger Narsê» und seine Rolle in den sasanidisch-römischen Auseinandersetzungen im zweiten Viertel des 4. Jahrhunderts n. Chr. // *IA*. Vol. 35. P. 111–157.
- Papatheophanes 1986: *Papatheophanes M.* The alleged death of Shapur II's heir at the battle of Singara. A western reconsideration // *AMI*. Bd. 19. S. 249–262.
- Peeters 1931: *Peeters P.* L'Intervention politique de Constance II dans la Grande Arménie en 338 // *Académie royale de Belgique. Bulletins de la Classe des lettres et des sciences morales et politiques*. Bruxelles. Sér. 5. T. 17. P. 10–47.
- Penrose 2005: *Penrose J. (ed.)*. Rome and Her Enemies. Oxford.

- Piganiol 1972: *Piganiol A.* L'Empire Chrétien (325–395). Paris.
- Portmann 1989: *Portmann W.* Die 59. Rede des Libanios und das Datum der Schlacht von Singara // BZ. Bd. 82. S. 1–18.
- Rémondon 1964: *Rémondon R.* La Crise de L'Empire Romain de Marc-Aurèle à Anastase. Paris.
- Rohrbacher 2002: *Rohrbacher D.* The historians of Late Antiquity. London.
- Schippmann 1990: *Schippmann K.* Gründzuge der Geschichte des Sasanidischen Reiches. Darmstadt.
- Seeck 1894: *Seeck O.* Ammianus (4) // RE. Bd. I/2. Sp. 1845–1852.
- Seeck 1900: *Seeck O.* Constantius (4) // RE. Bd. IV/1. Sp. 1044–1094.
- Seeck 1914: *Seeck O.* Hydatius (2) // RE. 1914. Bd. IX/1. Sp. 40–43.
- Seeck 1920: *Seeck O.* Sapor (2) // RE. Bd. IA/2. Sp. 2334–2354.
- Seeck 1922: *Seeck O.* Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Bd. 4. Stuttgart.
- Sievers 1868: *Sievers R.* Das Leben des Libanios. Berlin.
- Stein 1959: *Stein E.* Histoire du Bas-Empire I: De l'État Romain à l'État Byzantin (284–476). Paris.
- Sykes 1921: *Sykes P.* A history of Persia. Vol. 1. London.
- Thompson 1947: *Thompson E. A.* The historical work of Ammianus Marcellinus. Cambridge.
- Tillemont 1704: *Tillemont L.-S.* Histoire des empereurs et des autres princes qui ont régné pendant les six premiers siècles de l'Eglise. Vol. 4. Paris.
- Vaux 1854: *Vaux W. S. W.* Eleia // DGRG. Vol. I. P. 811.
- Vaux 1857: *Vaux W. S. W.* Singara // DGRG. Vol. II. P. 1006.

## О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГЛАЗУРОВАННОЙ ЧАШИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГАЛЕРЕИ ИСКУССТВА ФРИР (Вашингтон)<sup>1</sup>

*Дж. Я. Ильясов, С. Р. Ильясова (Ташкент, Узбекистан)*

В коллекции Галереи искусства Фрир (Freer Gallery of Art) в Вашингтоне хранится глазурованная чаша X в., великолепный декор которой неоднократно привлекал внимание крупнейших специалистов по исламскому искусству (цв. вклейка 1). Ее публиковали Р. Эттингхаузен [Ettinghausen 1960: 6, 13, fig. 6, 7] и Э. Атиль [Atil 1973: 36–37, no. 12], внимательно анализировал ее декор О. Грабар [Grabar 1972: 94, fig. 3], поместивший фотографию данного сосуда на обложку своего классического труда — «Формирование исламского искусства» [Grabar 1987, fig. 112; см. также: Grabar 1992: 12, fig. 5]. Опубликована она также и в ряде обобщающих работ [Ghouchani 1986: 66–67; no. 23; Ettinghausen et al. 2001: 120, fig. 189]. Наиболее подробно эта чаша изучена в недавно вышедшей книге Ш. Блэр, где ей посвящена целая глава [Blair 2014: 11–56].

Р. Эттингхаузен, первым опубликовавший рассматриваемый сосуд, описывает его следующим образом: «Глубокая чаша, расписанная коричневато-черным и кирпично-красным ангобом по белому (фону) с зелеными пятнами. “Продукция Афрасиаба”, найдена в Нишапуре. Трансоксания или Восточный Иран, X в.» [Ettinghausen 1960: 13]. О. Грабар пишет в подписи к рисунку 3: «Персидская [чаша], из Нишапура, X век» [Grabar 1972: 94, fig. 3]. Э. Атиль в своей публикации не отметил наличия зеленых пятен, но они видны на цветной иллюстрации из его каталога и украшают побеги и пальметты дерева, занимающего центр композиции (цв. вклейка 1, I). В разделе «Происхождение» для вашингтонской чаши указано «Северо-Восточный Иран» [Atil 1973: 220].

Декор чаши представляет собой выполненную почерком простого куфи надпись, состоящую из двух фраз — афоризма и благопожелания (цв. вклейка 1, I). Чтение афоризма привел А. Кучани:

يَقَالُ قَدْ خَاطَرَ مِنْ اسْتَعْنَى بِرَأْيِهِ

Yuqālu: Qad Khāṭara Mani Istaghna Bi-Ra'yih.

Он же первым указал, что эта фраза относится к высказываниям имама Али б. Абу Талиба [Ghouchani 1986: 66].

Перевод, предлагавшийся в 1960 г. Р. Эттингхаузенем, гласит: «Тот, кто довольствуется своим собственным мнением, подвергается опасности» [Ettinghausen 1960: 6]. Перевод А. Кучани отличается: «Сказано: тот, кто обходится без своего мнения, подвергается опасности». Видимо, эту фразу следует читать следующим образом: «Сказано: в опасности тот, кто полагается лишь на собственное мнение».

<sup>1</sup> См. цветные вклейки 1–4.

Благопожелание, отделенное от афоризма специальными маркерами — полупальметтой в начале и каплевидным знаком в конце, — разночтений не вызывает:

بركة لصاحبه

Barakatun Liṣāhibihi — «Благословение владельцу сего».

Второй очень важный элемент декора вашингтонской чаши — орнамент из растительных побегов с пальметтами и цветочной розеткой, заполняющий все центральное поле (цв. вклейка 1, 1). Он настолько выразителен, что «затмевает надпись» [Ettinghausen et al. 2001: 120, fig. 189].

Между центром и надписью расположены заполняющие общий белый фон оконтуренные тонкой линией разнообразные фигуры, внутри которых — темно-коричневые точки и мелкие четырехлепестковые цветочки охристо-красного и темно-коричневого цветов. По устью сосуда идет бордюр из чередующихся полукружий темно-коричневого и охристо-красного цветов; снаружи чаша украшена растительным орнаментом — «ветвями папоротника» и трилистниками (цв. вклейка 1, 2). Диаметр чаши 39,3 см, высота 11,2 см.

Судя по приведенным выше данным Р. Эттингхаузена и О. Грабара, можно было предполагать, что чаша найдена (приобретена?) в Нишапуре. Но Ш. Блэр точно указала, что она приобретена музеем в 1957 г. у нью-йоркского дилера Халила Рабену [Blair 2014: 11], т. е. привязка чаши к Нишапуру — лишь предположение. При этом Р. Эттингхаузен относит ее к типу афрасиабских изделий, другими словами, признает, что по внешним признакам она имеет, скорее всего, мавераннахрское происхождение. А Ш. Блэр прямо называет ее чашей из Самарканда. Отнесение практически всех глазурованных изделий керамических мастерских Мавераннахра IX–X вв. к «афрасиабскому типу продукции» («Afrasiab ware») сложилось исторически и, наверное, оправдано с точки зрения искусствоведческих определений. Однако наука не стоит на месте, и многолетние исследования глазурованной керамики из различных среднеазиатских центров, осуществленные С. Б. Луниной (Мерв), И. Ахраровым (Фергана), Ш. С. Ташходжаевым (Самарканд), Г. В. Шишкиной (Самаркандский Согд), Л. Г. Брусенко (Ташкент), Т. В. Беляевой (Ходжент), Н. С. Бяшимовой (Южный Туркменистан), Н. П. Столяровой (Кашкадарья — Юж. Согд) [Лунина 1962; Ахраров 1966; Ташходжаев 1967; Шишкина 1979, 1986; Брусенко 1986; Беляева 1987; Бяшимова 1989; Столярова 1990] и другими специалистами, позволяют более уверенно различать продукцию из разных регионов. В частности, в последние годы значительно дополнены наши знания о глазурованной керамике Бинката–Ташкента (Шаша) саманидского периода [Ильясова 2008]. Эти данные позволяют нам более точно локализовать «знаменитую чашу в Галерее искусства Фрир», как называет ее О. Грабар.

В этом нам помогут некоторые характерные особенности декора, представленного на чаше. Прежде всего обратим внимание на двухцветный бордюр по устью. В доступных нам публикациях по глазурованной керамике Ирана и Средней Азии подобное чередование не встречается. Исключениями являются чаша из Галереи искусства Фрир и чаша, найденная при раскопках цитадели Бухары [Nekrasova 1999: fig. 9, 10, 1]<sup>2</sup>, которая сейчас представлена в экспозиции Бухарского музея в Арке

<sup>2</sup> В этой публикации приведены только черно-белые иллюстрации, поэтому по ней невозможно определить, относится ли данная чаша к интересующей нас группе.

(инв. № 24078/22–11). Судя по тому, что и остальные элементы декора данной чаши имеют аналогии среди ташкентской керамики, она была в X в. привезена в Бухару из Бинката.

Двухцветные красно-коричневые или красно-черные бордюры представлены среди материалов из Ташкента, среди которых мы выявили 15 сосудов, украшенных данным орнаментальным мотивом. Это целые и фрагментированные чаши различных размеров и форм.

Из них была опубликована лишь одна чаша, выделяющаяся своим богатым декором и уникальной надписью (цв. вклейка 3, 1) [Ильясов, Имамбердыев 2002: 126–129, рис. 1б, 3; Fendall 2003: 42–43, no. 19; Pyasova, Imamberdyev 2005: 93–94, Abb. 5, 6; Blair 2014: 40–41, fig. 2.18]. У этой роскошной чаши, изготовленной для некоего Абу Джафара б. Гариб<sup>3</sup>, совпадают с вашингтонской коническая форма и диаметр (40 см). Кроме нее, на территории Старого города в Ташкенте найдены фрагменты еще четырнадцати сосудов, украшенных двухцветным бордюром. Интересна коническая чаша с заполненным точками фоном и очень популярными в декоре ташкентской керамики пышными пальметтами (цв. вклейка 2, 1). Примечательна также орнаментация внешней ее стороны — те же «ветви папоротника», что и на вашингтонской чаше (цв. вклейка 2, 2).

Двухцветный бордюр украшает крупную чашу, конической формой и размерами (ее диаметр 43 см) сопоставимую с вашингтонским сосудом и чашей Абу Джафара (цв. вклейка 3, 2), равно как и блюдо с округлыми бортами (цв. вклейка 4, 1). Последнее имеет также узор из цветочных розеток, аналогичных розетке, помещенной художником в самый центр чаши из Галереи искусства Фрир. Подобные шестилепестковые розетки встречаются и на других глазурованных изделиях ташкентских мастеров<sup>4</sup>.

Остальные примеры использования двухцветного бордюра в ташкентской керамике представлены более мелкими фрагментами чаш различных типов. Из этих сосудов приведем изображение одного, выделяющегося тонкостью декора (цв. вклейка 4, 2).

Еще один элемент декора чаши из Галереи искусства Фрир — зеленые пятна, разбросанные по поверхности центрального круга. Здесь они едва заметны, но в целом украшение самых разнообразных растительно-геометрических, зооморфных, а иногда и эпиграфических композиций зелеными пятнами — один из самых характерных признаков ташкентской керамики. Ярким образцом этого является чаша Абу Джафара б. Гариб<sup>3</sup> (цв. вклейка 3, 1).

Как уже упоминалось, очень популярными в декоре глазурованной керамики Бинката–Ташкента были разнообразные пальметты. Другой элемент, характерный именно для местной продукции — сетчатый орнамент в виде «рыбьей чешуи, украшавший наружную сторону чаш. Такой декор можно видеть на чаше Абу Джафара» и ряде других находок из Ташкента<sup>5</sup>. И, наконец, исследования последних лет показали,

<sup>3</sup> В предыдущих публикациях мы давали чтение Абу Джафар б. Азиз. За правильное чтение последнего имени, а также афоризма на данной чаше авторы благодарят знатока арабской эпиграфики доктора А. Кучани (Dr. Abdullah Ghouchani).

<sup>4</sup> Как на опубликованных [Брусенко 1986: табл. 48: 4], так и на неопубликованных находках, полученных во время строительных работ в Старгородской части Ташкента.

<sup>5</sup> Pyasova, Imamberdyev 2005: 94, Abb. 6. В 1958 г. З. П. Майсурадзе издал книгу о керамике Афрасиаба, написанную по материалам, хранящимся в Государственном Музее восточных культур (Москва) [Майсурадзе 1958], причем она в свое время подверглась очень суровой критике специалистов [Большаков 1961: 111–113; Шишкин 1961: 319–320; Шишкина 1979: 4]. Тем не менее, в описании

что важнейшее место в декоре ташкентской керамики IX–X вв. занимала эпиграфика. Выявлено более двадцати различных афоризмов, некоторые из которых пока известны только по находкам в Ташкенте [Ильясова, Ильясов 2007: 245–248].

Полагаем, что приведенные данные позволяют достаточно уверенно говорить о том, что чаша из коллекции Галереи искусства Фрир была изготовлена в X в. бинкатским мастером. В том, что она, возможно, была найдена в Нишапуре, нет ничего удивительного, так как изделия из крупных производственных центров вывозились в самых различных направлениях. Об этом свидетельствуют, например, находки иракской керамики IX и X вв. в Чаганиане<sup>6</sup> и в Ташкенте [Ильясова и др. (в печати)], нишапурской чаши — в Самарканде<sup>7</sup>, и, наконец, самаркандской<sup>8</sup> или шашской<sup>9</sup> чаши с эпиграфическим декором в Нишапуре. Наше небольшое исследование показывает, что это была не единственная чаша из Шаша в Нишапуре. «Знаменитая чаша» из Галереи искусства Фрир — прекрасный образец, иллюстрирующий торговые и культурные связи крупнейших городов в пределах державы Саманидов, а также наличие локальных особенностей в декоре глазурованной керамики каждого из региональных центров ее производства.

## Литература

- Ахраров 1966: *Ахраров И.* Керамика Ферганы IX–XII вв.: АКД. Ташкент.  
 Беляева 1987: *Беляева Т. В.* Глазурованная керамика IX–XII вв. из Ходжента // МКТ. Вып. 4. С. 211–224.  
 Большаков 1961: *Большаков О. Г.* Рец. на кн.: *Майсурадзе З. П.* Керамика Афрасиаба. Тбилиси, 1958 // ИАНТаджССР. Вып. 1. С. 111–113.  
 Брусенко 1986: *Брусенко Л. Г.* Глазурованная керамика Чача IX–XII веков. Ташкент.  
 Бяшимова 1989: *Бяшимова Н. С.* Поливная керамика Южного Туркменистана (IX–XIV вв.). Ашхабад.  
 Древности... 1991: Древности Южного Узбекистана: Каталог. Токио.  
 Ильясов, Ильясова 1989: *Ильясов Дж. Я., Ильясова С. Р.* Орнаментированные керамические сосуды с городища Будрач // ОНУ. № 11. С. 45–47.

декора одного фрагмента из коллекции музея, Майсурадзе очень точно подметил, что «это украшение настолько отличается от других художественных образов афрасиабской керамики, что, на первый взгляд, даже затруднительно связывать его с изделиями афрасиабских керамистов» [Майсурадзе 1958: 25, табл. XVIII, XIX]. В. А. Шишкин в своей рецензии критикует, среди прочего, и этот пассаж З. П. Майсурадзе, утверждая: «Если бы автор хотя бы отчасти привлек керамику из других хорошо известных собраний, то блюдо, изображенное на табл. XVIII, не показалось бы ему настолько исключительным... В действительности, это один из наиболее распространенных типов декора афрасиабской керамики» [Шишкин 1961: 320]. Внутри сосуд, о котором идет речь, украшен сложной растительной композицией на точечном фоне и зелеными пятнами, а снаружи — черными и охристо-красными полумесяцами и «рыбьей чешуей». По этим характерным признакам сосуд принадлежит к продукции ташкентских мастеров, о чем, благодаря новым находкам и их изучению, мы можем теперь судить с полной уверенностью.

<sup>6</sup> Басрийская чаша с кобальтовой росписью, найденная на городище Будрач (Сурхандарьинская область Узбекистана) [Ильясов, Ильясова 1989: 45–47, рис. 1; Древности... 1991: 322, кат. № 310].

<sup>7</sup> Коническая чаша, найденная на цитадели городища Афрасиаб [Культура... 1991: 126, кат. № 571; Shishkina, Pavchinskaja 1992: 73, 94, № 153]. В публикациях нет указаний на то, что вещь привозная, однако, на наш взгляд, по своему декору это типично нишапурское изделие [Wilkinson 1973: XIX, 193, 203–204, pl. 8, fig. 49–51; Grube 1994: 62–63, cat. no. 45, 46].

<sup>8</sup> По мнению Ч. Уилкинсона [Wilkinson 1961: 108, fig. 12; Wilkinson 1973: XVI, 131, 146, pl. 5, fig. 2].

<sup>9</sup> Согласно мнению Г. В. Шишкиной [Шишкина 1979: 54, табл. LXI: 5; Shishkina, Pavchinskaja 1992: 72].

- Ильясов, Имамбердыев 2002: *Ильясов Дж. Я., Имамбердыев Р.* Новые арабские надписи на глазурованной керамике Бинкета // ЗВОРАО. НС. Т. I (XXVI). С. 126–133.
- Ильясова 2008: *Ильясова С. Р.* Глазурованная керамика Шаша и Ферганы IX — начала XIII века: сравнительный анализ художественных традиций: АКД. Самарканд.
- Ильясова и др. (в печати): *Ильясова С. Р., Ильясов Дж. Я., Имамбердыев Р. А., Исхакова Е. А.* «Нет блага в богатстве...»: Глазурованная керамика Ташкентского оазиса IX–XII веков. М.
- Ильясова, Ильясов 2007: *Ильясова С. Р., Ильясов Дж. Я.* Арабская эпитафия Ташкента в IX–X вв. // Вклад Узбекистана в развитие исламской цивилизации. Ташкент; Самарканд. С. 245–248.
- Культура... 1991: Культура и искусство древнего Узбекистана: Каталог выставки. Кн. 2. М.
- Лунина 1962: *Лунина С. Б.* Гончарное производство в Мерве X — начала XIII вв. // ТЮТАКЭ. Т. XI. С. 217–418.
- Майсурадзе 1958: *Майсурадзе З. П.* Керамика Афрасиаба. Тбилиси.
- Столярова 1990: *Столярова Н. П.* Орнаментация глазурованной керамики IX — начала XIII вв. Кашкадарья // Древняя и средневековая археология Средней Азии. Ташкент. С. 116–136.
- Ташходжаев 1967: *Ташходжаев Ш. С.* Художественная поливная керамика Самарканда IX — начала XIII вв. Ташкент.
- Шишкин 1961: *Шишкин В. А.* Рец. на кн.: *Майсурадзе З. П.* Керамика Афрасиаба // ИМКУ. Вып. 2. С. 319–320.
- Шишкина 1979: *Шишкина Г. В.* Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII — начало XIII в.). Ташкент.
- Шишкина 1986: *Шишкина Г. В.* Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент.
- Atil 1973: *Atil E.* Ceramics from the World of Islam. Washington.
- Blair 2014: *Blair Sh. S.* Text and Image in Medieval Persian Art. Edinburgh.
- Ettinghausen 1960: *Ettinghausen R.* Medieval Near Eastern Ceramics. Washington.
- Ettinghausen et al. 2001: *Ettinghausen R., Grabar O., Jenkins-Madina M.* Islamic Art and Architecture, 650–1250. 2nd ed. New Haven; London.
- Fendall 2003: *Fendall R.* Islamic Calligraphy. London (Sam Fogg Catalogue. 27).
- Ghouchani 1986: *Ghouchani A.* Inscription on Nishapur Pottery. Tehran.
- Grabar 1972: *Grabar O.* Notes on the Decorative Composition from a Bowl from Northeastern Iran // Islamic Art in the Metropolitan Museum of Art. New York. P. 91–98.
- Grabar 1987: *Grabar O.* Grabar O. The Formation of Islamic Art. 2nd ed. New Haven; London.
- Grabar 1992: *Grabar O.* The Mediation of Ornament. Princeton.
- Grube 1994: *Grube E. J.* Cobalt and Lustre: the First Centuries of Islamic Pottery. London (The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. IX).
- Pyasova, Imamberdyev 2005: *Ilyasova S., Imamberdyev R.* Eine Sammlung glasierter Keramik aus Taschkent // Tribus. Bd. 54. S. 91–101.
- Nekrasova 1999: *Nekrasova E.* La citadelle de Bukhārā de la fin du 9e siècle au début du 13e siècle // ArchIslam. 8–9. P. 37–54.
- Shishkina, Pavchinskaja 1992: *Shishkina G. V., Pavchinskaja L. V.* Terres secrètes de Samarcande: Céramiques du VIIIe au XIIIe siècle. Paris.
- Wilkinson 1961: *Wilkinson C. K.* The Glazed Pottery of Nishapur and Samarkand // MMA Bull. NS. Vol. 20/3. P. 102–115.
- Wilkinson 1973: *Wilkinson C. K.* Nishapur: Pottery of the Early Islamic Period. New York.



1



2

**Цветная вклейка 1**

Чаша из Галереи Фрир [по: Blair 2014: fig. 2.1, 2.2]





1



2

**Цветная вклейка 2**

Чаша из Ташкента [по: Ильясова и др. (в печати)]



**Цветная вклейка 3**

Чаши из Ташкента [по: 1 — Ильясова, Imamberdiyev 2005: Abb. 5; 2 — Ильясова и др. (в печати)]



1



2

**Цветная вклейка 4**

Чаши из Ташкента [по: Ильясова и др. (в печати)]



## РАННИЙ ШЕЙХИЗМ, ЕГО УЧЕНИЕ И КОНЦЕПЦИЯ БĀБОВ — «ВРАТ»

Ю. А. Иоаннесян (Санкт-Петербург)

Одним из наиболее интересных и значимых феноменов на рубеже XVIII–XIX вв. стало появление на территории нынешних Ирана и Ирака шейхизма, основанного Шайхом Ахмадом Ахсә'й. Термин «шейхизм» образован от имени его основателя<sup>1</sup>. Эта религиозная школа, хотя и оставалась в лоне шиизма, стала предметом острой полемики как в богословской среде, так и в политических кругах Персии и за ее пределами. Ей были присущи как эзотерические тенденции, так и усиленные мессианские ожидания. Впрочем, и те, и другие выражались в трудах теоретиков шейхизма в достаточно завуалированной форме. Шайх Ахмад Ахсә'й утверждал, что религиозные вожди и авторитеты не являются более носителями истины, и что ее следует черпать непосредственно из «божественных источников». Школа предложила новые подходы к традиционным шиитским догматам. И хотя подходы эти уходили всецело своими корнями в почву шиизма и основывались на изречениях *имамов*, они были поистине революционными для шиитской богословской мысли. Шейхизм пересмотрел некоторые традиционные представления и ввел ряд новых положений, не претендуя при этом на статус независимого религиозного движения и заявляя о себе как о «шиизме в первоизданном виде». Многие шиитские авторитеты, тем не менее, отказались воспринимать его в этом качестве и рассматривали школу как «еретическую»<sup>2</sup>.

Второй выдающийся представитель раннего шейхизма — ученик и преемник ее основателя Сайид Казим Рашти. Определение данного направления как «ранний шейхизм» неслучайно. Это объясняется тем, что со смертью в 1843 г. Сайида Казима Рашти и возникновением бабизма (Баб провозгласил свою миссию в 1844 г.) большая часть учеников Сайида Казима восприняла бабизм и составила ряды первых бабидов. Другие же, последовавшие за одним из учеников — Карим-хāном Кирмāнй, стали в оппозицию к бабизму. С того времени шейхизм начал развиваться в полемическом ключе с бабизмом и приобрел некоторую ангажированность, утратив свой первоизданный вид. Творчество Шайха Ахмада Ахсә'й и Сайида Казима Рашти определило временные рамки того, что можно назвать «ранним шейхизмом».

Остановимся вкратце на некоторых научных работах, посвященных этому учению. Именно второй этап (связанный с именем Карим-хāна Кирмāнй) привлекал особое внимание зарубежных исследователей (в отечественной науке, насколько

---

<sup>1</sup> Т. е. от первой части его составного имени: Шайх. В настоящей статье приводится русское название школы в той форме, которая принята в отечественной литературе: «шейхизм» (а не «шайхизм»), ср.: «шейхиты» [Ислам 1991: 290].

<sup>2</sup> Ср.: Rafati 1990: 93.

мне известно, шейхизм до последнего времени не был объектом специального изучения<sup>3</sup>). В целом для научных изысканий многих авторов, обращающихся к этой теме, характерно игнорирование специфики двух этапов в истории данной религиозной школы и трансформации, которую она со временем претерпела<sup>4</sup>. Поскольку шейхизм на втором этапе своего развития представляет собой отдельный феномен, то и работ, посвященных ему, мы здесь касаться не будем, так как они выходят за рамки нашей темы. Следует также отметить, что и среди немногочисленных публикаций, затрагивающих творчество Шайха Ахмада и Сайида Казима преимущественно, работы, освещающие шейхитское учение на раннем этапе его истории целостно (как системы взглядов) либо полностью посвященные шейхизму как феномену, почти отсутствуют. Как правило шейхитская тематика фигурирует в этих трудах в виде раздела или подраздела в рамках более широкой темы.

Первые упоминания шейхизма в европейской литературе можно найти в книгах российского востоковеда Мирзы Казембека [Казем-Бек 1865]<sup>5</sup> и французского дипломата и исследователя графа де Гобино [Gobineau 1900]<sup>6</sup>, обе вышли в свет в 1865 г. Де Гобино называет шейхитов среди инакомыслящих в персидском обществе, что свидетельствует о его знакомстве с их учением [Gobineau 1900: 111]. Мирза Казембек не только упоминает о деятельности Сайида Казима, ученика Шайха Ахмада, в Ираке, но и пытается сформулировать некоторые принципиальные, по его мнению, отличия шейхизма от того, что он называет «догматическим учением имамитов-шиитов», приведшие в результате приверженцев первого к неприятию Шайха Ахмада [Казем-Бек 1865: 4, 47, 185]. Освещение некоторых положений шейхизма и его истории встречается в приложениях и пространных комментариях известного британского востоковеда Э. Брауна к его трудам по бабизму на стыке XIX и XX столетий [Browne 1891; 1893]. В работах этого ученого четко различаются два существенно различающихся периода в развитии шейхизма (см. ниже). К сожалению, такое различие не проводится известным французским исследователем А. Корбэном (H. Corbin), уделившим немалую часть своего творчества этой школе, включая публикацию отрывков шейхитских текстов [Corbin 1961: 281–401; 1962: 352–357; 1967; 1972]. В его трудах Карим-хан Кирманй, который в действительности удалил из учения своих выдающихся предшественников (включая основателя шейхизма) многие «революционные» для шиитской мысли положения, которые и придавали шейхизму основную его оригинальность и специфику, либо значительно «сгладил» их более «умеренными», с точки зрения нормативного шиизма, трактовками, предстает как органичный продолжатель дела и преемник Шайха Ахмада Ахса'и и Сайида Казима Раштй [Corbin 1961: 109, 328, 339; 1971: 313]. Однако А. Корбэну нельзя отказать в проникновении в эзотерические тонкости этого учения. Частным положениям раннего шейхизма посвящены и отдельные публикации современного американского автора Х. Коула [Cole 1994: 1–23]. Наиболее же целостное и комплексное на сегодняшний день изложение учения раннего шейхизма содержится, по нашему

<sup>3</sup> Если не считать очень давние работы — книгу Мирзы Казембека [Казем-Бек 1865] и публикацию А. Г. Туманским пространной цитаты из работы Сайида Казима с переводом, [Китаб-е Акдес 1899] (о них см. ниже).

<sup>4</sup> Ср., например: Corbin 1962: 352–357, Amir-Moezzi 2001: 38–58; и др.

<sup>5</sup> Так имя автора в книге; в полном виде — Александр Касимович Мирза Казембек (Казем-Бек).

<sup>6</sup> Так имя автора приведено в книге; полностью — Joseph-Arthur comte de Gobineau.

мнению, в вышедшей в Канаде статье современного исследователя этой школы В. Рафати [Rafati 1990].

В богатейшем собрании Института восточных рукописей РАН имеется ценнейшая коллекция трудов Шайха Ахмада и Сайида Казима (преимущественно рукописей, но и литографий), состоящая из более 50 сочинений, включая ключевые. Особая значимость коллекции в том, что дата переписки большинства рукописей приходится на этап раннего шейхизма (до 1844 г.), и они не содержат элементов «редактирования» с позиции поздних воззрений. Основными источниками при работе над данной статьей послужили рукописи и литографии из этой коллекции и другие материалы.

## ШАЙХ АХМАД АХСА'Й И САЙИД КАЗИМ РАШТИ

Шайх Ахмад Ахса'й (известный также как: Шайх Ахмад), полное имя которого было Шайх Ахмад б. Зайн ад-дйн б. Ибраһим б. Сакар б. Ибраһим б. Дағир б. Рамазан б. Рашид б. Дихйи б. Шамрух Ахса'й (1166–1241/1752–1825)<sup>7</sup>, происходил из кочевого арабского племени Сакар, из местечка ал-Ахса (именовавшегося также Лахса), в районе современного Бахрейна. От этого названия и образована его *нисба*. Шайх Ахмад родился в семье, незадолго до того принявшей шиизм, разработке богословских положений которого он посвятил всю свою жизнь. Неизвестно, кто были его учителя. Вероятно, также, что он был отчасти самоучкой. Исследователи не исключают сохранение определенного влияния карматского учения в бахрейнском регионе в XVIII в., однако убедительных данных о воздействии его на Шайха Ахмада нет. В. Рафати пишет: «Несмотря на то, что Шайх Ахмад получил образование у наиболее ученых людей своего времени, он не удовольствовался полностью своим “формальным” обучением. Его созерцательные наклонности предрасположили его, разочарованного общественной и религиозной обстановкой, в которой он вырос, к благочестию и медитации. В результате продолжительных медитаций и декламации Корана он видел повторяющиеся сны об *имамах*. Его восприятие своей связи с *имамами*, навеянное этими снами, сделалось краеугольным камнем всей его жизни, повлияв на его личность и породив в нем горячую любовь к имамам. Для Шайха Ахмада его сны стали источником всякого знания и вдохновения<sup>8</sup>. Шайх Ахмад не упоминает в своей автобиографии ни одного своего наставника, который выдал ему *иджāза*<sup>9</sup>; вместо этого он сообщает о своем сне, в котором он встретился с десятком *имамом* ‘Али б. Мухаммадом ал-Хадди и получил двенадцать [иджāза] — по одной от каждого *имам*» [Rafati 1990: 95 (здесь и далее перевод мой. — Ю. И.)]. Около 1205/1790 г., после более двадцати лет неустанных занятий богословием, он покидает ал-Ахсу и переселяется в Ирак. В это время он переезжает с места

<sup>7</sup> В некоторых публикациях год его смерти определяется как 1242/1826–1827; ср.: Browne 1891: 235.

<sup>8</sup> Сайид Казим сообщает о Шайхе Ахмаде следующее: «Он — Шайх Ахмад... Ахса'й, единственный и несравненный для своего времени и эпохи, получал знания из их источника и черпал из первоисточка, который есть непорочные *имамы*, мир Божий да пребудет над всеми ими, и знания эти приходили к его святости в правдивых снах и благочестивых ночных видениях от наставленных на путь истины *имамов*, мир им... Итак, первым [наш] досточтимый и заслуживающий доверия господин увидел во сне его святость *имам* Хасана, мир ему, и его святость вложили свой благословенный язык ему в уста. Он впитал обильные слюны его святости и обрел поддержку, на вкус [слюна] была слаще меда и ароматней мускуса» [«Путеводитель растерянных»), лит. Рк 213. С. 10 (перевод мой. — Ю. И.)].

<sup>9</sup> Разрешение или свидетельство.

на место в заселенном шиитами южном Ираке, какие-то периоды проживает в Басре. Он поселяется в Кербеле и Неджефе, ведет строгий, аскетичный образ жизни, полностью предаваясь распространению религиозно-философских знаний. В Ираке Шайх Ахмад приобретает большую известность, его окружают многочисленные ученики. Постепенно слава о нем достигает Персии. Этому также способствовало его паломничество в Мешхед в 1221/1806 г., при возвращении из которого через Йезд Шайха Ахмада попросили задержаться в этом городе. С того момента начинается его почти двадцатилетнее пребывание в Персии. Хотя указания на то, что Шайх Ахмад еще при жизни рассматривался как основатель новой школы в шиизме, крайне скудны, со временем характер его идеологии стал привлекать все большее внимание, пока группа фундаменталистки настроенных богословов не усмотрела в его взглядах принципиальные расхождения с традиционными представлениями шиизма и не стала стремительно дистанцироваться от шейхизма<sup>10</sup>. В 1223/1808 г. Шайх Ахмад получает приглашение от правящего Фатх 'Али-шāха Каджара посетить Тегеран. Шайху Ахмаду был оказан пышный прием как при дворе, так и со стороны персидских богословов. По одной из версий, шах, с учетом несколько специфических для иранского шиизма XIX в. взглядов прославленного Шайха, всячески способствуя его переселению в Персию, преследовал и определенную политическую цель — ослабить влияние местного духовенства, с которым нередко вступал в противостояние. Из Тегерана Шайх Ахмад проследовал в Керманшахан, а оттуда — в Йезд, где и провел долгие годы. Здесь он энергично взялся за написание многочисленных ответов на вопросы и комментариев на различные богословские темы. Местные богословы внешне окружали его почетом. Однако, как сетовал Шайх Ахмад в своих биографических экскурсах, выказанное перед ним в то время богословами и духовенством благоговение было лицемерным и вероломным (это недоверие к богословам и духовенству Персии передалось и его ближайшему ученику — Сайиду Кāзиму, который во многом повторил судьбу своего учителя). К 1229/1814 г. во взаимоотношениях Шайха Ахмада и некоторых видных богословов Йезда возникает напряженность, послужившая прелюдией к дальнейшим драматическим событиям в его судьбе (см. ниже). Шайх Ахмад переезжает на время в Керманшах. В 1230/1815 г. появляется один из важнейших его трудов: «Шарх аз-зийāра ал-джāми'а ал-кабīра» («Толкование на [пространную молитву, произносимую] во время паломничества [у шиитских святых]») <sup>11</sup>. В 1238/1822 г., по дороге в Мешхед на паломничество, в Казвине неким Муллою Мухаммадом Барагāни Шайх Ахмад был обвинен в «ереси» (такфир). Вскоре он переехал в Кербелу. Но и в Ираке обвинение в «ереси», несмотря на восхищение Шайхом со стороны одних шиитских богосло-

<sup>10</sup> Rafati 1990: 96. Расхождение между нормативным шиизмом в лице его богословов и шейхитами и непонимание, которое возникало у первых относительно последних, на наш взгляд, вполне объяснимы различием между видением тех и других — экзотерическим и эзотерическим. Так, богословы недоумевали, как признание «вознесения на небеса пророка Мухаммада телесно» может уживаться в шейхизме с представлением о том, что это вознесение однако не было физическим, или как положение об отсутствии посредников из людей между «Скрытым Имамом» и паствой в период «большой сокрытости (см. ниже)» может сосуществовать с учением о наличии «канала связи между ними» в любую эпоху. Однако, с эзотерической точки зрения, здесь нет противоречия. Так, для шейхитов тело не обязательно означает тело физическое, а лицо, служащее указанным каналом связи, не обязательно должно физически присутствовать в этом мире.

<sup>11</sup> Букв.: 'Изложение/толкование общего большого паломничества'. Такое название вводило многих исследователей в заблуждение. А. Корбэн полагает, что под «паломничеством» здесь следует понимать паломничество духовное [см.: Corbin 1971: 70, n. 48].

вов, начало находить поддержку у других, которые развернули кампанию его травли, не оставляя при этом попыток и скомпрометировать Шайху в глазах суннитов как «врага суннитской доктрины». Сам он всегда уверял, что в его взглядах нет ничего специфического для шиизма имамитов-двунадесятников, и не любил посвящать широкие массы в нюансы своих воззрений, заявляя, что вникать в них и судить по праву могут лишь «ученые», а простолюдинам достаточно и самых общих представлений (к этому же приему прибегал позже и Сайид Кāзим). Измотанный постоянными нападками, Шайх Ахмад был вынужден покинуть Кербелу. Он отправился в Мекку. В 1241/1825 г. во время этого паломничества, не доезжая Медины, он в возрасте семидесяти трех лет, по словам Сайида Кāзима, «присоединился к своим друзьям», окончив свой земной путь. Из огромного множества трудов Шайху Ахмада, все из которых на арабском языке, отметим еще «Хайāt ан-нафс» («Жизнь души»), существующую как в арабском оригинале, так и в персидском переводе Сайида Кāзима и написание которой окончено Шайхом Ахмадом в 1231/1816 г.<sup>12</sup>

После смерти Шайху Ахмада школу возглавил его выдающийся ученик и ближайший сподвижник Сайид Кāзим Раштй (известный также как Сайид Кāзим), полное имя которого — Сайид Кāзим б. ал-Қасим ал-Хусайнй ар-Раштй<sup>13</sup>. Для последователей шейхизма духовная связь между наставником и учеником, как и доверие первого ко второму были столь очевидны, что они, несмотря на отсутствие формального назначения Шайхом Ахмадом своего преемника, единодушно признали Сайида Кāзима продолжателем его дела, наиболее авторитетным толкователем его доктрин и духовным главой этого религиозного направления. Соответственно, для изучения шейхизма работы Сайида Кāзима столь же значимы, что и труды самого основателя школы [Rafati 1990: 96]. Некоторые сведения о биографии преемника приводит Э. Браун [Browne 1891: 238]. Сайид Кāзим происходил из потомственных торговцев. Его отца звали Ақā Сайид Қасим. В двенадцатилетнем возрасте Сайид Кāзим проживал в Ардебиле, вблизи гробницы Шайху Сафй ад-дина Исхақа — потомка *имама* Мусы Кāзима и предка шахов из династии Сефевидов. Сообщается, что однажды в ночном видении ему было указано, что он должен предать себя духовному наставничеству Шайху Ахмада Ахса'й, жившего тогда в Йезде. Сайид Кāзим последовал туда и стал одним из учеников Шайху. Он так преуспел в постижении и развитии его учения, что перед своим отъездом из Кербелы в паломничество Шайху Ахмад уполномочил Сайида Кāзима проповедовать его доктрину от его имени. Оставаясь постоянно в Кербеле, Сайид Кāзим и некоторые другие ученики Шайху задались целью доказать, что в шейхитских догмах нет ничего «еретического», и тем реабилитировать своего великого наставника. Однако в итоге они навлекли на себя еще большие обвинения своих противников. Последние именовали себя *баласари*, поскольку они молились «поверх головы» имама Хусайна, тогда как шейхиты возносили молитвы у подножия его гробницы<sup>14</sup>. Судьба Сайида Кāзима также сложилась крайне драматично. Он, как и его учитель, непрерывно подвергался нападкам недругов, которые не гнушались клеветой (см. ниже). Он умер в 1259/1843 г., оставив множество учеников. Его труды на персидском и арабском языках составили более трехсот томов [Browne 1891: 238].

<sup>12</sup> Об этом говорится в авторском колофоне этого сочинения, содержащегося в сборной шейхитской рукописи В 1895.

<sup>13</sup> Мне не удалось найти в источниках год его рождения.

<sup>14</sup> Термин *баласари* состоит из перс. *бāлā* «верх» и *сар* «голова».



## УЧЕНИЕ ШАЙХА АХМАДА АХСĀ'Ī И САЙИДА КĀЗИМА РАШТĪ

Онтологические доктрины Шайха Ахмада в целом не представляют большой новизны. Специфика его учения в этом аспекте состоит скорее в расставлении принципиально новых акцентов и в новом обрамлении, в которое он укладывал богословские догмы. Она коренится и в сомнении, которому он подвергал широко распространенные положения мусульманских философов и суфиев. Шайх Ахмад видел свою первичную цель в очищении исламской мысли от «умозрительных инноваций» тех мусульманских теологов, которые, по его мнению, предали забвению учения *имамов*, полагаясь более на собственное понимание [Rafati 1990: 97]. При рассмотрении онтологических вопросов мы остановимся на тех аспектах, которые представляли особую важность для Шайха Ахмада и Сайида Казима. Среди них прежде всего — это природа Бога, Его атрибуты и связь с тварным миром.

*О Боге и Его атрибутах.* Бог в Своей Сущности абсолютно непознаваем для своих творений, потому что Он бесконечен и безграничен, а творения ограничены и конечны. Познать значит охватить, а ограниченное и конечное не способно охватить бесконечное и безграничное. Тварное способно постигать лишь подобное себе, т. е. такое же тварное. Бог *необходимо*-сущий, так как Его бытие абсолютно необходимо для всего сотворенного. Последнее же не является необходимым. Оно может как быть, так и не быть, поэтому и определяется как *возможное*, сфера (мир) *возможного*, *возможное* бытие и *возможно*-сущее.

Атрибуты и качества Бога делятся на две группы:

1) сущностные (например, знание и мощь), тождественные Сущности и потому неотъемлемые и неотделимые от Сущности, так как они и составляют Сущность, а посему также непознаваемые для творений, поскольку познать их — то же, что познать и Сущность, что невозможно по определению. Как и Сущность они предвечны и безначальны (т. е. не имеют начала во времени). Все эти атрибуты идентичны друг другу — Его знание есть то же, что и Его мощь, так как Его мощь и есть Его знание и т. п. Бога можно описать посредством этих атрибутов, но не посредством их проитвоположностей.

2) атрибуты и качества текущего действия<sup>15</sup>, которые направлены на сотворение (например, божественная воля, изволение, речь), а потому начальные и познаваемы для творений. Они возникают, когда Бог действует в сфере *возможного*, и существуют для того. Через эти атрибуты творения и познают Бога, но не в Его сокровенной Сущности и не в Его сущностных атрибутах. Бога можно описать как с помощью этих атрибутов действия, так и с помощью их противоположностей. Например, о Боге можно сказать, что Он имеет к чему-то волю или не имеет ее.

При этом в шейхизме дается и более детализированная картина. В некоторых трудах признается, что существует два вида знания Бога — *безначальное* (сущностное) — тождественное Его Сущности, и *начальное* — связанное с творением:

Вкратце, *начальное* знание сопряжено с *начальным* познанным объектом... Что до знания *безначального*, которое есть сама Сущность Бога, то оно объемлет всякую вещь будь то *начальную* или *безначальную*, но без сопряженности [с ней]. Ибо оно

<sup>15</sup> Иначе: производные от действия Творца.

есть Сущность Бога, а Сущность Бога не сопряжена ни с чем... Так, оно предшествует всякой вещи, [но] без предшествования, следует за всякой вещью, [но] без следования, и сосуществует со всякой вещью, [но] без сосуществования... Смысл [же] *начального* знания состоит в том, что закрепляет Он пред Собой во владении Своем определение вещей и сохранение их свойств, количественных характеристик, образов, временных пределов...<sup>16</sup>

Аналогично дифференцируется и Божья Воля. Выделяются Воля сущностная — тождественная Его Сущности и потому *безначальная*, и Воля *начальная* — сопряженная с творением.

Итак, Бог познается сферой *возможного* исключительно через Свои действия и воздействия, но поскольку они обусловлены ограничениями *возможного*, они не определяют Сущности Бога [Rafati 1990: 100].

*О Божьей Воле как созидательном начале мироздания.* Шейхизм отвергает какую-либо связь между *Необходимым* и *возможным*, что неизбежно порождает вопрос о том, как могло возникнуть *возможное* и как соотносится безначальное и начальное между собой? Шайх Ахмад исходит из того, что от единственного, каковым является Бог в своей Сущности, может произойти только единственная в своем роде реальность<sup>17</sup>. Таким образом, Бог как единственное Существо производит Свою единственную волю, но не как часть своей уникальной Сущности, а как действие [Rafati 1990: 100]. Она есть первая эманация Бога и, если считать «эманацию» синонимом «творения», — первое творение Бога, именуемое «Божьей Волей [в сфере] *возможного*» (*مشيئة الإمكانية*). От нее и ею произведены все создания<sup>18</sup>. Воля есть первозданная и несоставная (в смысле неразложимости на элементы) Реальность в сфере *возможного*. Шайх Ахмад называл несоставную природу Воли «*возможной простотой*» (*البساطة الإمكانية*), отличая ее от несоставной природы Бога («абсолютной простоты»). Воля, занимая высшую ступень в иерархии *возможного* бытия, произвела все низшие его ступени. В шейхитских трудах постоянно подчеркивается, что Воля сотворена посредством самой себя, тогда как все остальное сотворено посредством Воли. Таким образом, Воля — первая сущность в сфере *возможного*, предшествующая всему остальному. Сайид Казим говорит:

Итак, то первое (про)явление сотворено и явлено посредством самого себя (*بنفسه مخلوق و ظاهر است*)... Ты узнал, что Субъект (*فاعل*) того явления — Сущность, не [что-либо] тождественное Сущности и не иное, чем Сущность. Явление [же] Сущности в том, что возникло первым в бытии (*در وجود اول*), есть не что иное, как

<sup>16</sup> Из сочинения Шайха Ахмада «Ответ ас-Сайиду... ал-Бушруй ал-хурасанй», рук. В 4269. Л. 183/6–184/а. Здесь и ниже цитаты из всех шейхитских сочинений в нашем переводе.

<sup>17</sup> Ср. в «Основополагающих догматах веры» Сайида Казима: «...от Единого вследствие Его единства не может проистечь нечто, кроме единого» [Лит. Ps II 157. С. 63].

<sup>18</sup> В «Сочинении, [составленном из ответов] Мйрзе Хасану Хиндй» Сайид Казим говорит: «Знай, что *возможное* бывает двух видов — “преимущественно-*возможное* (*امكان راجح*)” и “допустимо-*возможное* (*امكان جائز*)”. Что до преимущественно-*возможного*, то оно есть упоминание (*منكورية*) вещей в Воле, сосуществующее с ней синхронно и параллельно (*مشاركة لها*)... И это поминание (*ذكر*) сосуществует синхронно с бытием Воли, не опережает ее и не отстает от нее» [Лит. Pk 213. С. 273].

Воля (تَبَيَّنَتِ الْإِلَهِيَّةُ)...<sup>19</sup> Следовательно, Его Воля сотворена посредством самой себя (مَشِيئَتِهِ مَخْلُوقٌ بِنَفْسِهَا)<sup>20</sup>;  
...и Воля возникла от Истинного [и] Всевышнего как эманация (صُدُور) подобно возникновению лучей от солнца<sup>21</sup>.

Хотя Воля *начальна*, она пребывает навечно. Когда говорится о бытии всех вещей в сфере *возможного*, подразумевается, что они изначально существуют в Воле целокупно, а не раздельно. И именно Воля, выводя из целокупной множественности каждую вещь одну за другой, наделяет ее раздельным бытием и индивидуальным внешним выражением в сфере *возможного* [Rafati 1990: 101]. Шайх Ахмад говорит:

Бог ... есть Созидатель, что созидит Волею то, что произволяет<sup>22</sup>.

Таким образом, Божья Воля получает в шейхизме статус (первой божественной эманации), который в аналогичных учениях, восходящих в конечном счете к неоплатонизму, таких как, например, суфизм<sup>23</sup>, обычно придается Перворазуму (العقل الأول), либо совмещает функции Перворазума и Всеобщей (Мировой) Души (النفس الكلية) как первой божественной эманации<sup>24</sup> и первой Реальности в сфере *возможного* и второй божественной эманации<sup>25</sup> и второй Реальности соответственно. Такое положение Божьей Воли, как и ее функции превращают ее в аналог Логоса в учении Филона Александрийского. Между тем, перворазум получает в шейхизме вторичный статус — инструмента Божьей Воли. По крайней мере, такой вывод напрашивается из символического объяснения данного положения в трактате Сайида Кāзима «Основополагающие догматы веры», в котором Божья Воля уподоблена огню, а перворазум — пламени (последний же определяется как «раб» первой)<sup>26</sup>:

Посему, Огонь был сокровищем сокрытым. Поскольку возжелал он быть познанным и захотелось ему быть явленным, то явил он действие свое посредством воздействия<sup>27</sup> в меру способности масла. Так возник сверкающий светильник. Затем повелел ему приять лучи и произвести [их]. Повелел [произвести] сообразно тому, на что способны лучи. После того, по окончании произведения лучей, приказал ему, [обратившись] от лучей, приять себя... И велел он лучам, признать, во-первых, единство Свое, а во-вторых, посланническую миссию пламени. И на-

<sup>19</sup> Здесь и ниже сохранено оригинальное написание.

<sup>20</sup> «Сочинение, [составленное из ответов] Мйрзе Хасану Хиндй», лит. Рк 213. С. 269–270.

<sup>21</sup> «Основополагающие догматы веры», лит. Ps II 157. С. 22.

<sup>22</sup> «Сочинение — ответ на вопросы Муллы Кāзима... ас-Симнāнй // رسائل الحكمة. С. 56 и рук. А 706. Л. 58/6.

<sup>23</sup> Здесь имеются в виду интеллектуальные концепции исламского мистицизма, разработанные в трудах таких мыслителей как Ибн ал-‘Арабй, Амулй и др.

<sup>24</sup> Ср. «Пресвятая эманация/излияние» (التقيض الإلهي) у теоретиков суфизма.

<sup>25</sup> Ср. «Святая эманация/излияние» (التقيض المقدس).

<sup>26</sup> Лит. Ps II 157. С. 49–50.

<sup>27</sup> Ср. известное предание: «Я был сокрытым сокровищем и не был знаем. Тогда я возжелал быть познанным и создал тварей. Я явился им, и они познали Меня», также: «Я испытал любовь к тому, чтобы быть познанным, поэтому Я сотворил тварей, представился им, и они узнали Меня» [Мекканские Откровения: 100, 185–186].

казал он лучам: «Вам никогда не достигнуть меня, кроме как чрез сии Врата, кои состоят из лучей». Посему, все лучи суть имена Огня. А величайшее имя его — Пламя, которое служит Вратами (бáб) благодати. Никакая помощь не поступает лучам от Огня, иначе как чрез Пламя. Потому, каждый из лучей, [что] взыскует Огонь при посредстве Пламени, обязательно, получит положительный отклик на [свою мольбу]. Следовательно, Пламя есть раб Огня, который чтит его и ни в чем не опережает Огонь, а иначе погибнет. Ибо нет у Пламени своей субстанции вне Огня. Действует оно по велению Огня в помощь лучам [для] покровительства и тому подобного... Итак, огонь, сокрытый в светильнике, — аналог Божьей Воли, а масло — аналог способности пророка, да пребудет благодать Божья на нем и семействе его, о чем известил Истинный Всевышний: «Масло ее готово воспламениться, хотя бы ее и не коснулся огонь»<sup>28</sup>. Сие означает, что способность Мухаммада, благодать Божья на нем и его семействе, близка к проявлению и обнаружению себя в бытии, даже если и не достигнет ее огонь Воли... Пламя, образовавшееся от явления огня в масле, служит аналогом Перворазума, который на языке людей закона и людей озарения<sup>29</sup> называют «Мухаммадовым разумом»...<sup>30</sup>

*О сотворении и природе вещей.* Всякий предмет состоит из формообразующей *емкости* (قابل — синоним формы или образа вещи, по другой терминологии *вместительнице*) и содержания (مقبول — букв.: 'содержимого'), т. е. материала, из которого создан предмет. Именно эти образы<sup>31</sup>/формы/формообразующие *емкости* и придают в каждом случае материалу (веществу) его уникальность и сообщают ему индивидуальное выражение (تعين), переводя его из общего (اطلاق) в конкретное (تقيّد). Отсюда берут начало отдельные предметы (вещи). Эти индивидуализирующие формы/*емкости* или образы вещей именуются также *самостями* (ماهيات) или сущностями (حقايق) вещей (формообразующие *самости* вещей, индивидуализирующие в каждом случае материал/вещество, их составляющий). Содержание же есть вещественное наполнение формы (образа). Образ (формообразующая *емкость*) вещи неотделим от ее содержания (материала) и наоборот. При этом именно форма определяет принадлежность вещи к тому или иному роду, разряду или классу предметов. Шайх Ахмад говорит:

<sup>28</sup> Коран 24:35.

<sup>29</sup> Представители направления «метафизики озарения», возводимой к неоплатоникам и связанной на Ближнем и Среднем Востоке с именем Йахйи ас-Сухравардй (ок. 1155–1191) [см.: Тримингэм 1989: 235, примеч. 16].

<sup>30</sup> Ср. менее образное и более емкое изложение того же предмета у Шайха Ахмада в «Книга о непогрешимости»: «Знай, что Бог, преславен Он, сотворил вещи своим действием соразмерно [восприимчивости] их формообразующих *емкостей* к Его действию в том смысле, что Он создал их материю (букв.: 'материи'), то есть их существа из ничего. [Сие] следует понимать так, что Он, Всевышний, составил их форму соответственно их *емкостям*. Тот (т. е. то создание. — Ю. И.), чья материя утончилась и поднялась в развитии, благодаря своей лучезарности и близости к Источнику эманации, который есть Воля Бога и Его действие, и ослабло, и иссякло ее [т. е. материи. — Ю. И.] обособленное бытие (أنية) настолько, что [она] не противоречила ни в коей мере образу Его действия (هيئة فعله), у той [материи] и не обнаружилось образа, расходящегося с образом Его действия. И не происходит с ней ничего, что не было бы потребно образу Его Воли и не связано с ним... И облагодетельствовал Всевышний такого раба первенством в проявлении [к нему] заботы и отличием, так что осчастливил его истинной *емкостью*, посредством которой достиг тот положения близости к Его доволству (رضوانه)...» [Книга о непогрешимости. С. 29–30].

<sup>31</sup> Индивидуальный образ вещи, выделяющий вещь из общего и переводящий ее в плоскость конкретного.

У сотворенной вещи непременно должен быть материал, [в] нем ее бытие (وجوده) и приходится он [ей] «отцом», и форма, которая [составляет] ее *самость* и приходится ей «матерью». И рождается вещь от них. И благодать ее, и порочность [закljučаются] в форме... подобно тому, как из древесины делают дверь и идола. Благодать двери и порочность идола [состоят] поистине в форме, а не в древесине<sup>32</sup>.

Сущности/*самости* вещей не предсуществовали творению в знании Бога, так как знание Бога тождественно Его сокровенной божественной Сущности и поэтому предвечно (قديم). Сущности/*самости* вещей, наоборот, не пребывают на уровне/ступени божественной Сущности (на ступени Сущности *Необходимо-сущего*), а пребывают в мире *возможно-сущего*, т. е. в мире творения (в тварном мире), как *возможно-сущие*, но не как идеальные прообразы вещей (архетипы). Они не предвечны или безначальны (قديم), но, как и все тварное, появились в мироздании в определенный момент времени, соответственно, они — возникшие/начальные (حادث) и сотворенные (مخلوق)<sup>33</sup>.

В этом вопросе Шайх Ахмад и Сайид Казим вступают в резкую полемику с суфиями, которые обосновывают необходимость извечного существования прообразов в знании Бога тем, что Творец немислим без творения, и Бог нуждается в Своих творениях и без них не может быть Творцом, а Его знание без познанных объектов утрачивает смысл. Родоначалники шейхизма преодолевают это противоречие утверждением, что таково свойство наших, человеческих атрибутов (например, человеческого знания, которое зависимо по своей природе — зависимо от объектов познания, представляя собой совокупность познанных объектов) и атрибутов всего сотворенного. Бог же есть знающий вне зависимости от объектов познания. Это аргументируется разделением божественных атрибутов на две категории: сущностные, существующие предвечно и извечно и неотделимые от божественной Сущности (например, Его знание, см. выше), и атрибуты текущего действия (например, Творец), не существующие предвечно и реализующиеся только в отношении к творению.

Механизм сотворения состоит в следующем:

Все *возможное* из вероятных вещей [будь то] образов и[ли] действий — от Воли. Это означает, что потребна она (т. е. вещь. — Ю. И.) Воле и потребно ей ее создание среди *возможного*. Ибо образ всякой вещи — от образов Воли, в том смысле, что он есть эманация от нее (صدرها عنها). Не подразумевается [при этом], что он в ней и выходит из нее...<sup>34</sup>

Воля выступает созидательным инструментом, но не материалом (материей), из которого созданы вещи:

...Воля [в сфере] *возможного* и возможности [в создании] вещей — все сие тварно. Что касается Воли, то сотворена она посредством самой себя, а [созидательные]

<sup>32</sup> «Ответ Йа'кубу ... аш-Ширванй», лит. В 4269. Л. 185/а.

<sup>33</sup> В этом основное отличие в данном аспекте учения шейхитов от суфиев, полагавших, что «архетипы» предвечны и изначально существовали в знании Бога как идеальные образы (прообразы). Ср.: ал-'Арабий, ал-Қайсарй, Амули и др.

<sup>34</sup> Из работы Шайха Ахмада «Сочинение — ответ Мулле Мухаммаду Тахиру» // رسائل الحكمة. С. 271.

возможности применительно к вещам... перед тем, как произведены они (т. е. вещь. — Ю. И), также сотворены посредством Воли... И сотворены они Волей из ничего. Подлинно их созидание было творческим актом... «То, что в Воле» — под сим разумеются образы, явленные ею [в сфере] *возможно*-сущего. Если и [происходят] они от нее (т. е. от Воли. — Ю. И.), [то] в виде сияний и свечения, так как образы коренятся в ней на началах акциденций...<sup>35</sup>.

Первое, что сотворено посредством Воли — это *Мухаммадова Сущность* или *Мухаммадов Свет*<sup>36</sup>, из которого Волей произведено все остальное из сотворенного:

...Итак, это действие (فعل) и есть Воля<sup>37</sup>, а это первое произведение (المفعول الأول) [посредством данного действия] есть Свет Мухаммада... Действие и [его] произведение — они обозначаются также и как «Веление Бога» (امر الله)...<sup>38</sup>.

Знай же, что Воля и созидание есть действие Бога, а поле (محله) [действия] — *Мухаммадова Сущность*. Итак, сие служит действием, а *Мухаммадова Сущность* объектом этого действия (الانفعال). Под действием разумеется причинный аспект (جهة العلية), а под объектом действия результирующий (جهة المعلولية)<sup>39</sup>.

Из *Мухаммадовой Сущности (Света)* были вначале произведены души пророка Мухаммада, двенадцати (шиитских) *имамов*, дочери Мухаммада Фāтимы (всего четырнадцать), а затем последовательно все остальные души и творения в мироздании:

Одним словом, Бог преславный сотворил видовую материю (مادة نوعية), называют люди ее бытием (وجود). Она есть первичная субстанция (هيوولى) для всех Его избранных — Мухаммада и членов Дома его... И соделал из нее четырнадцать частей и облачил каждую в облик Своего единства...<sup>40</sup> И остались они поклоняться Богу Всевышнему. Не было в мироздании никого кроме них тысячу вековых эпох, каждая эпоха — сто тысяч лет. Затем сотворил Он из лучей этого света сто двадцать четыре тысячи световых отблесков и облачил каждый в какую-либо из форм, присущих первым [созданиям], мир им. Они суть пророки-посланцы<sup>41</sup>.

Затем создал [Бог] из лучей света пророков, мир им, духов (أرواح) верующих. Таковы по сути последовательные стадии [сотворения] сущностей в мироздании в кратком изложении<sup>42</sup>.

<sup>35</sup> Там же: С. 272.

<sup>36</sup> Синонимы этих терминов: «Первичная вода» и «Перворазум», ср.: «Свет Мухаммада... применяется для обозначения “Первичной воды” (الماء الأول) или “Перворазума” (العقل الأول). См.: «Толкование на [пространную молитву]...» [рук. D 702. Л. 13/a].

<sup>37</sup> То, что «действие Бога» и Его «Воля» синонимы, говорится и в других трудах: «...действие Бога, именуемое Волей...»; см. «Толкование на [пространную молитву]...» [рук. D 702. Л. 31/6].

<sup>38</sup> Из труда Шайха Ахмада: «Ответ ас-Сайиду... ал-Бушрўйй ал-хурасāни» [Рук. В 4269. Л. 184/6]. Другое обозначение «Веления Бога» или «Божьей Воли» — «Первое поминание [вещи] (الذكر الأول)».

<sup>39</sup> Из труда Шайха Ахмада «Сочинение — ответ на вопросы Муллы Кāзима...ас-Симнāни» // رسائل الحكمة С. 56.

<sup>40</sup> Ср. цитату выше, в которой та же мысль выражалась посредством метафор «огонь», «пламя», «лучи».

<sup>41</sup> Из труда Шайха Ахмада «Сочинение-ответ Шайху Рамазāну» // رسائل الحكمة С. 242.

<sup>42</sup> «Сочинение — ответ Мулле Мухаммаду Тāхиру» // رسائل الحكمة С. 257.

*О свободе воли и отсутствии принуждения (предопределения).* Бог не принуждает (не предопределяет) никого ни к чему. В «мире атомов» Бог (Божья Воля) заключил(а) Завет с формами (будущих) творений, приведя их к присяге, спросив: «Не Господь ли Я ваш, Мухаммад — не пророк ли ваш, ‘Али — не покровитель ли ваш, *имамы* — не предводители ли ваши?» Все твари ответили на это утвердительно. Но в душе твари разделились на три категории:

1) Те, кто безоговорочно и осознанно, подчиняясь собственному видению, признал этот символ веры;

2) Те, кто признал эти положения лишь внешне, но осознанно отверг их внутренне;

3) Те, кто еще не определился и не разобрался, кому они следуют, и кто следует им.

Первая категория разбивается на две подгруппы:

а) Те, кто предшествовал всем остальным в вере — *имамы* и первые шииты-имамиты;

б) Их последователи.

Природу первых (после того, как выбор был сделан ими самостоятельно) Бог произвел от горних пределов рая. Последователей (вторых) он также произвел от той же природы, но достоинством ниже, подчиненными по положению.

Вторую категорию Бог также разделил на две подгруппы:

а) Вожаки — те, кто осознанно воспротивился Богу и вере;

б) Те, кто последовал за ними.

Природу тех и других (после того, как выбор был сделан ими самостоятельно) Бог произвел от глубочайших пропастей преисподней. Но вторые (последователи) ниже по положению. Эти (вся вторая категория) уже никогда не уверуют. Ибо не могут они уверовать в то, что отвергли в «мире атомов» (со ссылкой на коранический стих 7:99/101).

Тем же, кто еще не определился (3-я категория), приговора пока не вынесено. Приговор им будет вынесен в мире сем по делам их, в зависимости от выбора их здесь, выбора между верой и неверием.

Следовательно, твари делятся на три категории по изначальной классификации, но на пять категорий по детализированной классификации.

Таким образом, Бог первоначально сотворил создания в идеальном мире («мире атомов») в виде (про)образов/архетипов/форм и, наполнив их содержанием соответственно их же собственному выбору, поселил их в какой-то момент в мире сем, чтобы здесь подтвердились вера благочестивых и неверие нечестивых, выраженные в «мире атомов», а колеблющимися был бы сделан окончательный выбор.

*О макрокосме — микрокосме.* Все, что наличествует в большом мире (макрокосме) в целом, присутствует и в каждой его части, т. е. во всякой отдельной вещи, но соразмерно ее способностям и сообразно с востребованным ее формообразующей емкостью. Человек по своему строению аналогичен макрокосму.

*О четырех телах человека (духа).* У человека четыре тела — два плотных (*جسد*) и два бесплотных или тонких (*جسم*). Первое плотное, оно же физическое, и первое тонкое разрушаются. Второе плотное и второе тонкое, оно же основное, сохраня-

ются. Второе плотное тело остается в могиле незримо<sup>43</sup>, но в отличие от первого плотного тела (из физических элементов) не разрушается, оно и возвращается человеческому духу в День воскресения. Второе тонкое тело есть изначальное и основное облачение духа. В сжатом виде это положение содержится в следующем отрывке из сочинения Шайха Ахмада:

Говорю, знай, что это плотное тело, которое в человеке, — их два плотных тела. Одно из них — первое. Оно есть то, что не возвращается назад. И тонких тел в нем два, первое<sup>44</sup> не возвращается. Но оба из них (букв.: ‘каждое из двух’) — второе плотное и второе тонкое тело<sup>45</sup> возвращаются. Это — то, что упоминали мы в том Ответе. А смысл сего заключается в том, что человек низошел из мира сокровенного из сокровищницы, как изрек Всевышний, «Нет вещи без того, чтобы у Нас были ее сокровищницы»<sup>46</sup>. И когда он нисходил из мира сокровенного в дольний мир — в обитель [возложенных на него] обязанностей, чтобы принять от него прочность [для] мира горнего (الأخرة), то всякий раз, достигая [некой] ступени своего нисхождения, загрязнялся акциденциями той ступени. Аналогично Гавриилу, мир ему, который, когда нисходил в дольний мир во времена пророка, мир и благодать Божья на нем и его доме, принимал образ (букв.: ‘облекался в форму’) Дахйā ал-Калбй<sup>47</sup>. А когда восходил на небеса, не принимал образ Дахйā ал-Калбй и не возвращался вместе с ним (т. е. с образом. — Ю. И.). И было, когда ниспосылался он до этого каждому из пророков, то нисходил к нему в облике красивого человека из народа той эпохи. Так же и человек. Когда низошел он в своем основном — втором тонком теле<sup>48</sup>, несущем душу, и прошел по миру прототипов (عالم مثال), то присоединил к себе из мира прототипов первое тонкое тело. Оно не возвращается, так как не от человека. Ибо оно нападобие грязи на одежде — лишь промоешь ее, и грязь ушла и не вернется. А когда низошел в дольний мир, то присоединил к себе первое плотное тело из физических элементов. Оно же есть акциденция, а не сущность. Ибо оно от загрязнения дольного мира. Когда он умер и ушел из дольного мира, то осталось второе плотное тело в его могиле<sup>49</sup> до Дня воскресения. Когда наступит День воскресения, найдет на него (т. е. на второе плотное тело. — Ю. И.) дух и войдет с ним в рай или в пламень. Оно возвращающееся и пребывающее. Что до первого плотного тела дольного мира из физических элементов, иначе говоря акциденций и загрязнений, которые от дольного мира, а не от него (т. е. человека. — Ю. И.) и не с ним, которое он в действительности присоединил в этом мире, то возвратилось оно к своему первоначалу<sup>50</sup>, как если бы к твоей одежде из хлопка прилепилась глина или грязь, ты бы промыл ее, и она бы ушла. И не скажешь ты или кто-либо другой, что от одежды убавилось нечто. Ибо то, что ушло с одежды, не от нее. И если пребывает дух в мире Перешейка

<sup>43</sup> См. соответствующее пояснение к приведенной ниже цитате.

<sup>44</sup> А. Корбэн называет это тело «астральным» (le corps astral) [Corbin 1961: 297].

<sup>45</sup> А. Корбэн называет его «наднебесным телом-архетипом» (le corps archétype supracéleste) [Corbin 1961].

<sup>46</sup> См. Коран 15:21.

<sup>47</sup> Юноша, чей облик принимал Гавриил.

<sup>48</sup> В тексте: الثاني بالجسم الأصلي. Может быть переведено и как: во втором — сущностном/исконном/первичном теле.

<sup>49</sup> А. Корбэн считает, что под «могилой» здесь следует понимать не могилу физическую, а «могилу» в одном из тонких миров, именуемом «Хурқалийā/хурқилйā» — промежуточный мир между духовным (обителью духов) и физическим, называемый также Перешейком (барзах), о чем см. ниже. Такое понимание основывается на некоторых указаниях в текстах. [Corbin 1961: 294–296, 333, п. 23].

<sup>50</sup> Т. е. распалось на составляющие его физические элементы.



(برزخ)<sup>51</sup>, то он [вступает туда] в основном своем тонком теле (т. е. в втором тонком. — Ю. И.) и присоединяет к себе [еще] тело от Перешейка, которое не от него. Ведь ты видишь, что стоит тебе сломать свою печать, как форма покидает ее (т. е. печать лишается формы. — Ю. И.). Но как только ты поставишь ее [вновь], то возвратится прежняя печать, в точности вернет себе первоначальный вид. Но не вернется она в своей первой форме [физически]. Таков сокровенный смысл стиха: «Всякий раз, как пропечется на них кожа их, мы заменим ее другой кожей»<sup>52</sup>. Хотя заменившая ее кожа в точности такая же, что и первоначальная, она названа «другой»... Итак, первое плотное и первое тонкое тело суть те, о которых мы сказали, что они не возвращаются...<sup>53</sup>

*Об уровнях духа (душ)<sup>54</sup> и временном соотношении душ и тел.* Выделяются четыре уровня духа — дух растительный, который в растениях, дух чувствительный космический, который в животных, дух разумный/глаголящий священный (روح ناطقه قدسية), который в человеке, и душа небесно-божественная (نفس ملكوتية الهيئة), которая присуща исключительно *имаму* (имамам). При этом дух разумный священный (человеческий) подразделяется на семь ступеней, высшая из которых: душа совершенная (نفس كاملة). Это — душа, которая прошла в своем развитии все предшествующие ступени человеческого духа<sup>55</sup>. О двояком временном соотношении душ и тел говорится следующее:

Итак, мы говорим, что внешнее в [своем] временном бытии (الوجود الزماني)<sup>56</sup> предшествует внутреннему, как и внутреннее предшествует внешнему в [своем] вечном бытии (الوجود الدهري), например, сотворение духов (الارواح) имело место в вечном бытии за четыре тысячи лет до [сотворения] тел (الاجسام)<sup>57</sup>. Но что до временного бытия, то сотворил Бог тело Зайда до его духа. И было оно семенем, и стало семя сгустком крови, и не был дух обретен, ибо поистине [присутствовал] в семени потенциально, сокрыто, как бывает сокрыта в финиковой косточке потенциальная финиковая пальма... И были духи [уже] до этого наделенными сознанием мира божественного могущества (الجبروتى) и мира небесного (الملكوتى), как и их движения, речи и все их действия принадлежали мирам божественного могущества и небесного. Но что касается их действий после их явления в теле, то те имеют временной характер и возникают лишь после образования тела. Итак, этим

<sup>51</sup> «Перешеек» есть промежуточный мир между духовным и физическим, синоним «Хурқалий» (см. выше) [Corbin 1961: 146–147, 294–296].

<sup>52</sup> Ср.: Коран 4:59.

<sup>53</sup> «Толкование на сочинение Мухаммада... ал-Анарй ал-Кирманй» [рук. В 4269. Л. 176/б–177/а]. В опубликованном переводе А. Корбэна пространного отрывка из данного сочинения приводимый мною пассаж представлен по-французски с небольшими отличиями от моего текста, что, очевидно, объясняется расхождениями в списках [см.: Corbin 1961: 297–300]. Ср. изложение той же тематики Шайхом Ахмадом в «Толковании на [пространную молитву...]» [см.: Corbin 1961: 281–292].

<sup>54</sup> «Дух» и «душа», согласно Сайиду Казиму, различаются в ряде аспектов и употребляются как синонимы в других. Один из аспектов их различия состоит в том, что «дух» может употребляться как в широком значении — всей духовной сферы, так и в узком — отдельной души. «Душа» же используется только в этом узком значении.

<sup>55</sup> Ср.: «Сочинение [для] Шарйфа» [лит. Рк 213. С. 189–191].

<sup>56</sup> Термин, как представляется, исходя из контекста, обозначает существование объекта в «линейном» времени, т. е. в земном измерении, в противовес бытию в духовном измерении, понимаемом как «вечность».

<sup>57</sup> Это также определяется как их (душ) предшествование телам сущностью: تقدمها الذاتى.

указанием прояснилось, что существование внутреннего отстает в аспекте внешнего времени (في الزمان الخارجي), как и то, что внешнее опережает [внутреннее] в [своем] временном бытии<sup>58</sup>.

*О Пророках и о Бэбе (Бабех)* — «Вратах». Шейхизм утверждает, что хотя творению и присущи связи, ни одна из них не простирается физически до Бога (в его Сущности). Ничто тварное не способно достигнуть Несотворенное, т. е. *Необходимо-сущее*, а ограниченному не дано охватить безграничное. Поэтому для людей общение с Богом непосредственно абсолютно невозможно. Но между Богом и человечеством имеются посредники, которые являют собой божественные имена и атрибуты. И только через них человеку открывается доступ к божественному. Эти посредники суть пророки и *имамы* (пророк Мухаммад занимает более высокое положение, чем *имамы*, пророки-носители предшествующих откровений — подчиненное). К ним в целом и особенно к *имамам* применяется термин *Баб* (мн. ч. *Абвэб*) — «Врата». Его использование не является исключительной особенностью шейхизма. Так, *имаму* ‘Али и другим приписываются изречения, в которых они прилагают этот термин к себе как к членам Дома пророка Мухаммада. Например, в одном из преданий со слов ‘Али, приводимых ал-Маджлиси (ум. в 1699 г.) в «Бихār ал-анвār», говорится: «И я есть Божья боковина, Его слово, Божье сердце, Его врата, которыми тыходишь. Вступайте во врата [Божьи] коленапреклоненно...»<sup>59</sup>. Амули цитирует следующее высказывание ал-Қайсарі: «...Подобные слова приписываются каждому из *имамов*, которые, например, говорили: “Мы есть грань Божья, мы есть врата Божьи, мы есть язык Божий, мы есть лик Божий, мы есть очи Божьи в творении Его, мы есть распорядители Дела Его, Всевышнего, среди Его рабов”»<sup>60</sup>. Тем не менее в шейхитском учении этому аспекту (пророкам и *имамам* как *Вратам*) несомненно уделяется особое внимание (ср. ниже цитату из «Компендиума, [составленного по вопросам...] ал-Бахбахāни» Сайидом Кāзимом и др.). Вероятно, приведенные выше изречения появились не без влияния коранического стиха 2:185(189): «Благочестие не в том, чтобы входить вам в дома с задней стороны... Входите же в дома через их врата». Во всяком случае, именно к нему прежде всего, а также к преданиям со слов *имамов* прибегает Шайх Ахмад при обосновании тезиса о «Вратах», подробно разбираемого в его труде «Толкование на [пространную молитву]...» Он говорит, в частности, следующее:

Понятие «единой вещи» (شيء واحد) [выражается в] Имени, которым воссияли небеса и земли и кое толкуется «людьми озарения» (اهل اشراق) как Всеобщий Разум

<sup>58</sup> Из труда Шайха Ахмада «Сочинение, [составленное из] ответов на вопросы Мйрзы Джа‘фара ан-Нуввāба» // رسائل الحكمة. С. 32. О том же подробнее Шайх Ахмад говорит в «Сочинении, [составленном из ответов на вопросы] ал-Джилāни о сущности разума...». См. рук. В 4274. Л. 154/6–161/6 и А 706. Л. 1/6–19/а, где автор резюмирует ситуацию следующим образом: «Души предсуществуют телам в вечности, а возникновение их во времени и их сознание и ощущения следуют после появления тел. Их появление же в вечности, их сознание и ощущения предшествуют телам» [Рук. В 4274. Л. 160/б].

<sup>59</sup> Ср.: ... وانا جنب الله وكلمته وقلب الله وبابه تأتي منه ادخلوا الباب سجداً...

<sup>60</sup> Ср.: ... وعن كل واحد من الأئمة ورد مثل هذا الكلام، كقولهم مثلاً "نحن جهة الله، نحن باب الله، ونحن «لسان الله، ونحن وجه الله، ونحن عين الله في خلقه، ونحن ولاة أمر الله تعالى في عبادته» [Amoli 1969: 411]. Ср. слова Иисуса Христа в Новом Завете: «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и выйдет, и пажить найдет» (Ин. 10:9).

(العقل الكلى), «людьми экзотерического закона» (اهل الشرع) как Перо (القلم) и как Мухаммадов Разум (العقل المحمدي). И обозначалось оно как Мухаммадов Дух (الروح المحمدي)..., заключены в нем таинства вещей. А они суть значения всех тварных объектов. Итак, оно есть *Врата* (Баб) Бога, [на пути] к Его творению<sup>61</sup>.

Функция пророков заключается в том, чтобы доносить до человечества Божью Волю и просвещать его о Сущности Бога, Его атрибутах, деяниях и учении. Пророком может быть лишь тот, кто сущностно на это способен и достоин нести Божью весть людям. Следовательно, Бог не выбирает пророков произвольно, так как сущностные способности, которыми должны быть наделены пророки, делают их уникальными созданиями среди людей. Как носители божественного откровения пророки непогрешимы<sup>62</sup>. Как происходит отбор пророков (посланников) и божественных наставников человечества лучше всего иллюстрируется цитатами из трактата Сайида Казима «Основополагающие догматы веры»:

Ты узнал, что расхождения между тварями возникли в трех мирах, кои суть три [мира] атомов, и не раньше. «Были люди единой общиной, но разошлись»<sup>63</sup>. Первое расхождение появилось на [уровне] смысла в [мире] первичных атомов, то есть в вышнем мире [божественного] могущества, подобно разделению букв при [написании] чернилами. Наложение обязанностей в том мире было по роду<sup>64</sup>, неявным. Второе расхождение возникло на [уровне] тонких субстанций во втором мире, в [мире] вторых атомов, что [расположен] ниже мира [божественного] могущества и выше горнего мира ангелов. Наложение обязанностей в мире том было по виду, явным. Третье расхождение то есть в третьем мире, в [мире] третьих атомов. Оно то есть по форме. Наложение обязанностей в том мире бывает индивидуальным, различительным. Итак, в третьем мире всякий, кто первым отозвался на повеление своего Творца, оказался ближе к Нему из всех созданий. Поскольку «скачок» [через звенья цепи последовательности] в бытии тщетен, то Истинный, Преславный и Всевышний низводит от Себя благодать на другие создания посредством того человека, который отозвался первым. Посему, будет тот *Вратами* (*Bāb*) Истинного [и] Всевышнего и Его посланником (*رسولش*) по отношению к другим созданиям, за исключением чего Он в равных отношениях со всеми творениями. Не ближе [Он к] одним по сравнению с некоторыми другими. Возвышен Господь мой над сим и свят. Итак, пророки (*انبيا*) суть люди, кои первыми откликнулись, а их общины<sup>65</sup> — последними<sup>66</sup>.

Знай, что воздействующий, действующий и производитель лучей в светильнике — огонь, который сокрыт в нем. А это пламя есть действие того огня, посредством которого произвел он сии лучи... Первое, что произвел он<sup>67</sup> — это пламя. Итак, при посредстве пламени того произвел он лучи. Следовательно, лучи поддерживаются пламенем. Ибо возложил огонь все потребности лучей на пламя и повелел ему в известной мере содействовать каждому из лучей и наделять светом каждого из обладателей права на то соразмерно их ступени и уделу в бытии. Таким образом, пламя есть лицо и врата огня, ибо лучи при его посредстве

<sup>61</sup> Рук. D 702. Л. 6/б.

<sup>62</sup> См.: Rafati 1990: 101–103.

<sup>63</sup> Ср. Коран 10:20(19).

<sup>64</sup> Т. е. по родовым признакам.

<sup>65</sup> Т. е. их последователи, которые составили их общины.

<sup>66</sup> Здесь и ниже цит. по лит. PS II 157. С. 69–70.

<sup>67</sup> Т. е. огонь.

обращаются к огню и ищут поддержки у него<sup>68</sup>. Ведь, не будь пламени, не было бы бытия ни у одного из лучей. Тогда не было бы у огня выражения<sup>69</sup> таким образом. Посему, огонь был сокровищем сокрытым... Так возник сверкающий светильник. Затем повелел ему приять лучи... И велел он лучам, признать, во-первых, единство Свое, а во-вторых, посланническую миссию пламени (*رسالت شعله*). И наказал он лучам: «Вам никогда не достигнуть меня, кроме как чрез сии Врата, кои состоят из лучей». Посему, все лучи суть имена огня. А величайшее имя его — Пламя, которое служит *Вратами* благодати. Никакая помощь не поступает лучам от огня иначе, как чрез пламя... Итак, огонь, сокрытый в светильнике, есть аналог Божьей Воли... Итак, первое, что вступило в круг бытия, — это свет Мухаммада, благодать над ним и его семейством, и непорочных членов Дома его... Итак, Его святость [пророк Мухаммад] и его непорочные домочадцы, благодать над ними и его семейством, составляют первую из пяти категорий, кои признали единобожие, посланничество и *преемственность божественного водительства* [у *имамов*] в первый раз, до того, как вырисовались очертания какого-либо существа<sup>70</sup>.

Эти отрывки также показывают, что первый, к кому относится термин «Врата» — это пророк (пророки), хотя им(и) и не исчерпывается сфера его применения (ср. ниже). «Посланническая миссия пламени» — несомненно метафора, указывающая на пророка Мухаммада. Итак, роль посредника (посредников) между Творцом и человечеством определяется от начала сотворения его (их) близостью к Источнику — Божьей Воле, а также его (их) покорностью Ей. Эту мысль проводит и Шайх Ахмад:

Знай, что Бог, преславлен Он, сотворил вещи своим действием соразмерно [восприимчивости] их формообразующих *емкостей* к Его действию в том смысле, что Он создал их материю (букв.: 'материи'), то есть их существа из ничего. А форму — какую они приняли. Иными словами, Он, Всевышний, составил их форму соответственно их *емкостям*. Тот (т. е. то создание. — Ю. И.), чья материя утончилась и поднялась в развитии, благодаря своей лучезарности и близости к Источнику эманации, который есть Воля Бога и Его действие, и ослабло и истякло ее (т. е. материи. — Ю. И.) обособленное бытие (*أنيّة*) настолько, что [она] не противоречила ни в коей мере образу Его действия (*هيئة فعله*), у той [материи] и не обнаружилось образа, расходящегося с образом Его действия. И не происходит с ней ничего, что не было бы потребно образу Его Воли и не связано с ним... И облагодетельствовал Всевышний такого раба первенством в проявлении [к нему Своей] заботы и отличием, так что осчастливил его истинной *емкостью*, посредством которой достиг тот положения величайшей близости к Его довольству (*رضوانه*)...<sup>71</sup>.

Сайид Кāзим определяет положение и функции *Бāбов* следующим образом<sup>72</sup>:

Положение *Врат* (*الأبواب*) то есть они в этом положении суть посредники в эманации (*الصدور*) и в сотворении созданий, в доведении до них (т. е. созданий. — Ю. И.)

<sup>68</sup> Т. е. у пламени.

<sup>69</sup> В тексте: *ظهور*, букв.: 'явления'.

<sup>70</sup> Указ. лит. С. 49–51.

<sup>71</sup> *كتاب العصمة*. С. 29–30.

<sup>72</sup> «Компендиум, [составленный по вопросам...] ал-Бахбахāни», рук. В 4269. Л. 70/б.

того, что есть у них (т. е. у *Врат*. — *Ю. И.*) из всех повелений о сущностях и свойствах, [о] предписаниях религиозного закона и [обо] всем, что бытует, совокупно, как и прочего востребованного душами от Создателя тварей, кое проистекает из вверенного им (т. е. *Вратам*. — *Ю. И.*) фонтана предназначения. И также [суть они] посредники в созидании — в возникновении [созданий] через эманацию и в [их] становлении, и в том, что потребно и необходимо тем существам. Не попадают их (т. е. существ. — *Ю. И.*) запросы и требования, кроме как к тем (т. е. к *Вратам*. — *Ю. И.*), мир им. Те помогают (букв.: 'протягивают помощь') им от Бога Всевышнего поддержкой в бытии, как и в законе...

Об *имаме (имамах)* и его «доверенном (доверенных)». *Имам* есть *Врата (Баб)*, внутренняя сторона и содействующая грань которых — милосердие, а внешняя сторона и противодействующая грань которых — наказание. Он поддерживает и благочестивых, и своих недругов, одних — светом веры, других — от противного, неверием, подобно тому, как светильник поддерживает лучи светом, а тень тьмой. Как и пророки, все двенадцать шиитских *имамов* непорочны и непогрешимы. Они обладают особыми качествами и статусом заместителей пророка Мухаммада. Этот статус, а также непогрешимость отсутствуют у трех первых халифов, именуемых в суннитском исламе «праведными».

Роли и функции *имамов* как *Врат* подробно рассматриваются Шайхом Ахмадом в цитированном уже «Толковании» на пространную молитву. Приведем еще несколько выдержек из этого труда:

...Посланник Божий... есть величайший Дом, даже Город, а они (т. е. его домо-чадцы и наследники. — *Ю. И.*) суть *Врата*. И сказал отец [*имам*] Джа'фара — [*имам* Мухаммад] ал-Бакир, мир ему: «Члены дома [пророка] Мухаммада суть *Врата* Бога и путь к нему, и глашатаи, [закрывающие] в Рай и [призывающие] к возврату в него (т. е. в Рай. — *Ю. И.*), и проводники они в него до [Дня] воскресения». И сказал пророк...: «Мы Град знания, а [*имам*] 'Али — его *Врата*, не входят в город кроме как его *Вратами*»<sup>73</sup>;

...Так, сказал [*имам* 'Али], мир ему: «Мы — Дома, в которые повелел Бог Всевышний входить их *Вратами*. Мы — *Врата* Божьи...»;

Сказал [*имам* 'Али]: «Создал Бог людей знания и вменил рабам в обязанность послушание им, по реченному Им: "входите в дома их вратами"<sup>74</sup>. Дома суть дома знания, которое вверил [Он] пророкам. Их *Врата* — распорядители их духовных завещаний (*اوصياء هم*)»...

Разные аспекты и функции *имам* в качестве *Врат* определяются в том же труде следующим образом:

Так, он есть *Врата* Божьи к творению и к *самостям-емкостям* для восприятия [ими] их жизни и всего того, что получили они от своего Господа. И было это восприятие через посредничество. Посему, есть он *Врата* [от] творения к Богу...<sup>75</sup>;

И положение *имам(та)*... есть положение Довода Божия для Его творения и Его Наместника на Его земле;

<sup>73</sup> Здесь и ниже цит. по рук. D 702. Л. 4/б.

<sup>74</sup> Коран 2:185(189): «Благочестие не в том, чтобы входить вам в дома с задней стороны... Входите же в дома через их врата».

<sup>75</sup> Здесь и ниже: там же. Л. 6/б.

...третье положение [*имамов*] есть положение *Врат*, и внутренней стороны внешнего — [ведь] скрытое может выражаться лишь скрытым, и посредничества [на пути] к Богу (السفارة إلى الله), и передачи (ترجمة)<sup>76</sup> Божьего откровения, и его изъяснения<sup>77</sup>;

*Имам*, мир ему, есть Врата, из которых истекают в виде эманации повеления Бога и Его запреты..., Его соизволение, Его милость и тому подобное, ибо все истекает лишь от Воли, и они (т. е. *имамы*. — Ю. И.) суть сфера [проявления] этой Воли<sup>78</sup>.

Итак, именно посредством *имамов* реализуется Божья Воля. Они одновременно и *Врата*, через которые пролегает путь от Бога к творению, и путь от творения к Богу. Через них нисходят на людей Божьи повеления и все связанное с божественным водительством. Наконец, *имам* есть Довод Божий для Его творений и Его наместник на земле.

Двенадцатый шиитский *имам*, Мухаммад б. Хасан 'Аскарй, замыкающий цепь наследников пророка Мухаммада и *имама* 'Али, понимается в шиизме как «Скрытый имам», «Махдй». Он жив и ему должно «восстать» и явить себя в этом мире, «чтобы наполнить землю справедливостью и правосудием, как наполняли ее гнет и произвол». Отсюда его другое название: «Қа'им» — букв. «Восставший». Его нельзя отождествлять с Иисусом Христом<sup>79</sup>, пришествие которого также ожидается в исламе перед «Концом света».

Первоначально, когда этот *имам* скрылся от глаз верующих, он еще поддерживал с ними связь через посредников («доверенных»). Этот период именуется «ал-ғайба ас-сугра» («малая сокрытость»). Мухаммад Бақир б. Мухаммад Тақй Маджлисий (ум. в 1111/1700 г.) сообщает: «...Во времена малой сокрытости, которая была немногим более семидесяти лет, доверенные (ثييان) его святости — 'Усмāн 'Амрй и его сын Мухаммад, Хусайн б. Рӯх и 'Али б. Мухаммад Самарй<sup>80</sup>... взимали, по повелению его святости, с шиитов долю его святости, более того всю пятую часть дохода и отдавали людям»<sup>81</sup>. По истечении этого периода, согласно нормативному шиизму (но не шейхизму), цепь посредников прервалась. С этого момента началась «ал-ғайба ал-кубра» («большая сокрытость»)<sup>82</sup>. Шейхизм, однако, распространяет идею посредничества между «Скрытым Имамом» и его паствой на весь период «сокрытости» *имама* вплоть до его явления на земле. По этому поводу Сайид Қазим говорит следующее:

А их (т. е. оппонентов. — Ю. И.) слова, что после того, как скрылся *имам*, мир ему, затворились *Врата* (*Бāб*) познания, явно неверны...<sup>83</sup>;

Но исламские богословы, правове́ды и авторитеты едины в том, что богослову необходимо быть сведущим и разбираться в тонкостях научных знаний, философии, спекулятивного богословия (схоластической теологии), в реальностях вещей, в глу-

<sup>76</sup> Очевидно, в значении толкования слова, открытого через пророка.

<sup>77</sup> Там же. Л. 5/а.

<sup>78</sup> Там же. Л. 86/а.

<sup>79</sup> Об этом также см. в جامع الاسرار («Собрание тайн») выдающегося шиитского (и суфийского) мыслителя Сайида Хайдара Амули [Amoli 1969].

<sup>80</sup> Полные имена этих четырех доверенных: Абӯ 'Амр Усмāн б. Са'ид 'Амрй, Абӯ Джа'фар Мухаммад б. Са'ид 'Амрй, Абӯ-л-Қасим Хусайн б. Рӯх Наубахтй и Абӯ-л-Хасан 'Али б. Мухаммад Самарй.

<sup>81</sup> «Провиант [в дорогу] к месту возврата» [лит. Ps III 13. Л. 175/а].

<sup>82</sup> См. также: Browne 1893: 332.

<sup>83</sup> «Ответы на вопросы некоторых судей ...» [рук. А 1577. Л. 138/а].

бинах сомнений [верующих] и в путях возникновения сомнений, чтобы быть ему способным рассеивать те колебания, сомнения и порочные представления, что появляются у последователей ислама, [а также] постигать дьявольские ухищрения и уловки и осознавать случаи, [при которых вкрадываются] сомнения... Ведь путь к обольщению и наваждению открывается перед дьяволом различными способами и через диковинные знания... Посему непременно должен быть совершенный и всеобъемлющий ученый-мудрец, который был бы сведущ в сих различных аспектах и случаях, наделенный пронизательностью и озарением, чтобы не дрогнул он в устранении каких бы то ни было из этих сомнений и оказался способен рассеивать подозрения суфиев и опровергать доводы, кои порождают великие муки и образуют огромную завесу над этой доблестной верой. Достижение этого положения не есть обязанность, распространяющаяся на каждого. «Обязанность, не распространяющаяся на каждого» — та, что возлагается на всех совершеннолетних, пока не поднимется на ее [выполнение] один из них, с тем чтобы более не вменялась она другим. Посему всем обремененным духовными обязанностями необходимо прилагать достаточно усилий и выказывать сильное рвение для овладения философией, спекулятивным богословием и теологическими познаниями, насколько хватает у них сил. Многие должны быть заняты [этим], пока не достигнут ступени совершенства двое или один из них, чтобы им мог быть утвержден *довод* [Божий] и быть явлен доверенный *имама* (نايب امام) среди Божьих созданий<sup>84</sup>.

Крайне существенно, что к «доверенному» *имама*, так же как и к самому *имаму*, приложим титул «бāб», что явствует и из следующего отрывка того же сочинения:

Если изволение Господа, славен Он и всевышен, [было бы] таковым, чтобы Он открыл себя для познания своим созданиям [непосредственно], то несомненно был [бы] Он силен это сделать. Но было потребно мудрости Господа установить для нас Поводырей, Посредников и *Врата (Абвāб)* познания Себя. Следовательно, если *имам*, мир ему, есть *Врата (Бāб)* познания, то в состоянии сокрытости его святости [*имама*], должно быть носителем водительства и *Вратами* познания его доверенному<sup>85</sup>.

Эту идею подтверждает в своем предисловии к персидскому переводу сочинения Сайида Казима «Прохождение по духовному пути и подвижническая жизнь» его ученик — Хусайн б. ‘Али Табрйзи хусрау-шахй, при жизни учителя и по его указанию, осуществивший этот перевод с арабского. Нижеприведенная цитата из данного предисловия показывает, что при всей, казалось бы, универсальности термина «бāб» в шейхитских трудах «доверенный» *имама* может обозначаться и другими терминами:

Зрелая мудрость Господня и всеохватная Божия мощь во благо Своих рабов-верующих, кои уверовали в Сокровенное, потребовала в этом временном промежутке, [то есть в это] суетное время, сокрыть Свой *Довод* под покровом тайного. И так как для Нее необходимо сообщение довода и довершение религии, то ради этого для избранных Своих, кои суть *благословенные селения*, установила языки и уши, чтобы через их посредство доводить до Своих рабов Свои повеления. Эти языки и уши истолковала Она в славном Слове Своем как «зримые селения» и изрекла:

<sup>84</sup> «Путеводитель растерянных», лит. Рк 213. С. 53.

<sup>85</sup> Там же. С. 95.

«И устроили Мы между ними и теми селениями, которые благословили там, зримые селения и проложили по ним путь, идите по ним ночи и дни в безопасности»<sup>86</sup>, то есть вменила в обязанность прибегать к ним в вопросах религиозных предписаний... И так, сие путеводное сообщество [людей], которые суть *зримые селения*, всегда в поле зрения Покровителя религиозной общины<sup>87</sup>, служащие языком глаголющим для него, словом правдивым от него и ухом внимлюющим. Земля никогда не лишается их<sup>88</sup>, будь это даже один человек. Иначе в мире неизбежно наступит расстройство. Посему необходимо, чтобы в каждую эпоху был некий человек, поддерживаемый *имамом*, полностью сведующий во всех областях знаний, умудренный и искушенный в любой сфере и разумеющий истину в каждом вопросе всякой науки, дабы мог он давать отпор плагиату упраздняющих [религиозные предписания] и искажениям неумеренных из безбожников и чародеев — глав религиозных толков среди общин... И не достигается эта ступень иначе как особой поддержкой и усиленным подкреплением со стороны *имама*...<sup>89</sup>

В порядке справки укажем, что «благословенные селения», как и «зримые селения» (*قرى ظاهرة*) — кораническая аллюзия, ср.: Коран 34:17/18 и 12:109. Последний стих гласит: «И до тебя Мы посылали только людей из обитателей селений, которым ниспослали откровение...» И. Ю. Крачковский поясняет, что «Благословенные [селения]» в стихе 34:17/18 — это «или Мекка или, обыкновенно, города Сирии»<sup>90</sup>. В любом случае, это еще один термин-метафора, которым шейхиты могут обозначать «Врата» или «Каналы божественной благодати». Его же использует в таком значении и Шайх Ахмад, например, в «Толковании на [пространную молитву]...»<sup>91</sup>.

Налет двусмысленности и недосказанности лежит на многих концепциях шейхизма в том виде, как они изложены в трудах его теоретиков. Так, не вполне ясно, мыслится ли им «доверенный» *имам* как зримо присутствующий в этом мире или как действующий «из-за покров». Логика на стороне первого допущения, ибо какой смысл *имаму* иметь «доверенного», сокрытого, как и он сам, ведь тогда бы он просто дублировал функции *имама*? Как мог бы тогда «доверенный» служить «ушами»

<sup>86</sup> Коран 34:17/18.

<sup>87</sup> Т. е. «Скрытого Имама».

<sup>88</sup> Эта фраза, приписываемая *имаму* ‘Али, в разных вариантах часто цитируется шиитскими, в том числе шейхитскими авторами. Среди первых отметим Амули, у которого встречаем: «Махди (букв.: ‘наставленный [на путь истины]’) — владыка эпохи, да почует на нем благодать Бога Всевышнего, есть тот, кто [и] сейчас, по [учению] их религиозной школы, присутствует [в мире]. Он — Полос бытия, Имам времени и Владыка эпохи. Мир держится на его бытии, и явление часа отложено до (зависимо от) его появления. Ибо, по их представлениям, недопустим временной разрыв (букв.: ‘пробел во времени’) в [существовании] непогрешимого, будь то *имам* или пророк (لا يجوز خلوة الزمان عن المعصوم، ائماً كان أو نبياً). “Полос и непогрешимый” или “полос и имам” суть два синонимичных выражения, означающих ту же самую личность. Это — наместник Бога Всевышнего на Его земле. Как изрек повелитель верующих, мир ему, после пространного слова, указующего на них, буквально: “Боже, но не останется (букв.: ‘опустеет’) земля и без Восставшего в Боге с Его доказательствами, явного и известного или невидимого и неизвестного (اللهم، بل لا تخلو الارض من قائم لله بحججه، ائماً ظاهراً مشهوراً أو خافياً مغموراً) дабы не сделались тщетными доводы Бога Всевышнего и Его свидетельства. Сколько их? Где они? — Они и Бог! Малы числом и велики достоинством. Ими оберегает Бог Всевышний Свои доводы и свидетельства» и так далее» [Amoli 1969: 223 (перевод мой. — Ю. И.).

<sup>89</sup> «Прохождение по духовному пути и подвижническая жизнь» [рук. C4277. Л. 2/а, б; лит. Ps II 157. С. 2–3].

<sup>90</sup> Коран / Пер. И. Ю. Крачковского [2-е изд.]. М., 1990. С. 595.

<sup>91</sup> См. рук. Д 702. Л. 85/б.



и «очами» *имам*? Да и приведенные выше цитаты недвусмысленно указывают на человека, живущего среди людей и выдвинувшегося из их числа, который пользуется особой поддержкой «Скрытого Имама». Но в шейхитских текстах есть пассажи и противоречащие этому выводу. Например, в «Китаб ал-‘Исма» («Книга [о] непогрешимости») Шайх Ахмад пишет:

Однако, решительный довод, приведенный в пользу существования Хранителя (مستحفظ) в настоящее (букв.: ‘это’) время, [состоит в том, что], как мы говорили, поскольку миру нельзя оставаться лишенным Полюса (قطب) и Радетеля за людей (غوٲ), [то] он, как подразумевают предания, связанные непрерывной цепью передатчиков, есть око Божье, вглядывающееся из [глубин] мира, хотя бы и [был] он сам сокрыт, ибо свет его бытия [присутствует] в сердцах шиитов<sup>92</sup>.

Эту же мысль встречаем у Шайха Ахмада и в «Ответе Сайиду Шарифу»:

...потребно мудрости, чтобы, пока существует возложение [на верующих] духовных обязанностей, был бы у них Хранитель (حافظ), [оберегающий их] от изменений и подмен... Ни в какое время не лишается мир Радетеля за людей. Он — око Божье в мире и Блуститель, о котором говорилось... И [как] отмечалось в заслуживающих доверие памятниках, они (т. е. люди. — Ю. И.) извлекают пользу в его сокрытости из [самого факта] его существования, как извлекают пользу люди из солнечного света, если сокрыли солнце облака... Ибо день существует благодаря его свету... По этой причине не обойтись [ему] без непогрешимости, будь то [непогрешимость] собственно, и свет ее как у передающего [откровение] (الترجمان) и Хранителя, или [опосредованно], через ее свет как у богословов, черпающих [ее] от него (то есть Хранителя, передающего откровение)<sup>93</sup>.

Обращает на себя внимание и использование терминологии («Полюс» и т. п.), обычно ассоциирующейся с суфизмом (невидимая иерархия избранных Божьих, незримо управляющая миром). Еще дальше в этом отношении идет Сайид Казим:

...Знай, что пророк... и *имамы*... суть свидетели всех творений и око Господа Всевышнего, наблюдающее за Его рабами. Они взирают на тебя и осведомлены о тебе во всех твоих поступках. Как можешь ты недооценивать их взор на тебе и их осведомленность, тогда как они из тех, кого ты познал и о чьем величии и славе слышал? После *имамов*... наблюдают также за тобой всегда, осведомлены о тебе и созерцают твои дела... Столпы (اركان), Опоры (اوتادا)<sup>94</sup>, Заменяющие (ابدال), Предводители (نقبأ) и Превосходящие (نجبأ)<sup>95</sup>.

Существует определенный параллелизм между суфийской концепцией «Полюса времени», стоящего во главе иерархии Божьих избранных, и шиитским представлением о «Владыке эпохи», как именуют имамиты-двунадесятники «Скрытого имама» (Қа’има/ Махдй, см. выше). На это указывает в своей книге и Дж. С. Тринингэм. Он также отмечает: «В суфийских орденах шиитов удивительным образом

<sup>92</sup> كتاب العصمة. С. 146.

<sup>93</sup> «Сочинение-ответ ас-Сайиду Шарифу» // رسائل الحكمة. С. 202–204.

<sup>94</sup> Букв.: ‘колья’.

<sup>95</sup> «Прохождение по духовному пути и подвижническая жизнь» [рук. С4277. Л. 10/а, 6; лит. Ps II 157. С. 14].

слились концепции *кутби* и *имами*. У суфиев-двунадесятников кутб — представитель [двенадцатого] имама на земле» [Тримингэм 1989: 137, также 114–117, 136]. Сопоставление суфизма и шейхизма могло бы составить предмет отдельного интереснейшего исследования, безусловно выходящий за рамки нашей темы. Однако, и этим параллелизмом нельзя объяснить использование в некоторых шейхитских трудах этих суфийских терминов, особенно, если учесть, что шейхизм не является «суфийским орденом шиитов», а представляет собой учение, относящееся чрезвычайно критически к суфизму. Что касается рассмотренных выше противоречивых указаний на то, пребывает ли «доверенный» *имама* скрыто или явно в этом мире, то единственный способ снятия этого противоречия, на наш взгляд, заключается в допущении, что он как лицо мистическое может быть и скрытым, и явным в зависимости от обстоятельств, т. е. может обнаруживать себя по своему желанию. При всех случаях, шейхизм выделяет промежуточную категорию людей между пророками и верующими, которая при этом напрямую не отождествляется с *имамами*:

Тебе стало ясно, что Соломон не из разряда остальных людей из верующих... ибо он либо из разряда пророков, мир им, кои суть выделяющиеся достоинством шииты (الشيعۃ الخصيصون), или из промежуточных звеньев (البرازخ), кои стоят между пророками, мир им, и верующими, которые суть особые шииты (الشيعۃ الخواص). Сия есть ступень *Заменяющих*, именуемых *Предводителями*<sup>96</sup>.

В завершении этой части отметим, что концентрация на *Вратах* (на *имаме* или его «доверенном»?) составляет часть медитативной практики шейхитов, ср.:

Размысли над своим Господом и Создателем и над понятием «Господа». Размысли над Его *Вратами* (Бāб), то есть посредниками в Его благодати. Затем удали свое «я» из своего сознания и направь свои помыслы на Единого...<sup>97</sup>

*Об эсхатологии, ар-радж'а (возвращение)*. В эсхатологических представлениях шейхизм последовательно опирается на свое онтологическое учение, состоящее в том, что между *возможным* и *Необходимым* отсутствует сообщение. Соответственно, всякая доктрина, которая в нормативном шиизме предполагает Бога, завершается у шейхитов Божьей Волей. Шайх Ахмад утверждает, что «восстание из мертвых» и «возвращение» пророка Мухаммада и *имамов* произойдут не в физических телах (см. выше), что идет в разрез с общепринятым представлением<sup>98</sup>. Он даже допускает мысль, что Судный день можно понимать как день пришествия Кā'има, в который все знамения Судного дня осуществляются симво-

<sup>96</sup> Из труда Шайха Ахмада «Сочинение — ответ Мулле Мухаммаду Тāхиру» // رسائل الحكمة. С. 258.

<sup>97</sup> «Прохождение по духовному пути и подвижническая жизнь» [рук. С4277. Л. 22/б; лит. Ps II 157. С. 30].

<sup>98</sup> Тема «восстания из мертвых» не в физическом теле подробно рассматривается Шайхом Ахмадом в ряде его сочинений и комментариев [см. в частности: Corbin 1961: 326–328]. Особые нападки богословов-фундаменталистов навлекло на Шайха Ахмада и Сайида Кāзима их утверждение о том, что и «вознесение на небо» (المعراج) пророка Мухаммада происходило не в его физическом теле. Изложение шейхитского видения данного вопроса см., например, в сочинении Сайида Кāзима «Раскрытие истины при изъяснении телесного вознесения [на небо]» [рук. В 4269, особенно Л. 6/б–7/а, 35/а–35/б].

лически. Шейхизм применяет рационалистический подход и аллегорическое толкование к эсхатологическим представлениям, что вступает в противоречие с воззрениями мыслителей-фундаменталистов, приемлющих лишь буквальные толкования [Rafati 1990: 104].

«Ар-радж‘а» — это учение о возвращении к земной жизни. Его истоки связывают с основоположником шиитской религиозной доктрины, ‘Абдаллāхом б. Саба’, йеменским иудеем, принявшим ислам, отрицавшим смерть ‘Али и ожидавшим его возвращения в качестве мессии [см.: Петрушевский 1966: 39–40; Ислам 1991: 8; Hodgson 1986]. Непосредственно из представления об «ар-радж‘а» вытекает и учение о «Скрытом Имаме» и его появлении в качестве Қā’има/Махдī<sup>99</sup>. Это эсхатологическое учение существует в шиитском исламе в двух разновидностях: в суженной трактовке понятия «возвращения», т. е. как возвращения только «Скрытого имама», Махдī перед наступлением конца света/конца времен, и в расширительной — как возвращение в этот мир Муḥаммада, всех шиитских *имамов* и их сподвижников. Этой, второй концепции придерживался Шайḫ Аḫмад. Однако он пошел и дальше, утверждая и доказывая, что *каждому* верующему после ухода из этого мира предстоит возвращение, так как человеку надлежит пережить две смерти, один раз естественную, другой раз неестественную как мученику за веру (в той или иной последовательности). Прочитируем его «Ḥайāt ан-нафс» («Жизнь души»), главу 5<sup>100</sup>:

Из того, что надлежит исповедовать — *возвращение* Муḥаммада б. ‘Абдаллāха, родителя, и всех его домочадцев, так как упоминали мы в нашем «Ответе на вопрос о возвращении»...

Затем возвратится ‘Али, мир ему, повторно, со всеми своими последователями. Ибо Он убивает дважды и оживляет дважды. Изрек [он], мир ему: «Я — тот, кто умерщвляем дважды<sup>101</sup>, у меня раз за разом, возвращение за возвращением»<sup>102</sup>. И *имамы*, мир им, возвратятся вплоть до Қā’има, мир ему, поскольку у всякого верующего — [естественная] смерть и умерщвление. А он (т. е. Қā’им. — *Ю. И.*) в начале своего выступления был убит. И неизбежно он возвратится, чтобы умереть [своей смертью]...

... Следует верующему признавать, — их (т. е. членов дома Муḥаммада. — *Ю. И.*) *возвращение*, мир им, в сей мир. Сие непреложно вытекает из преданий. Не сомневаются в том верующие в предания те. Я употребил слово «следует» вместо слова «необходимо» из боязни возражения некоторых богословов в данном [вопросе], а именно, что под «возвращением» разумеется «восстание Қā’има», мир ему. Правда в том, что их (т. е. членов дома Муḥаммада. — *Ю. И.*) *возвращение* истинно, согласно множеству преданий. Утверждение [же], что это [всего лишь] единичные

<sup>99</sup> Ср.: Сурдель 1981: 207–220. Интересно, что выдающийся шиитский (и суфийский) мыслитель Ḍмули в своем труде «جامع الاسرار» (см. выше) ничего не говорит о «ар-радж‘а», хотя и уделяет большое внимание учению о Қā’име/Махдī.

<sup>100</sup> Цит. по: рук. А 706. Л. 16/б, 17/б–18/а и В 1895. Л. 18/б, 19/б–20/б.

<sup>101</sup> Если понимать и переводить **اقتل** буквально, т. е. как «я убиваем (дважды)», то возникнет противоречие с последующим тезисом об обязательности двух смертей для каждого человека: естественной и неестественной.

<sup>102</sup> Происхождение этой некоранической цитаты, которую приводят Шайḫ Аḫмад и Сайид Қазим, мне неизвестно. В Коране 40:11, правда, говорится: «...Господь наш, Ты умертвил нас дважды и оживил нас дважды...» Аналогичные по смыслу изречения приписываются *имамам* ар-Ризе и ал-Бāқиру [см.: Donaldson 1933: 237].

предания, после ясных указаний Корана и текста приблизительно пятисот *хадисов*, приводимых с их<sup>103</sup> слов, мир им, неслыханное!<sup>104</sup>

О *четырёх столпах веры*. Вышеизложенные положения своего учения шейхиты сводят к четырем столпам (اركان). Нижеприведенный отрывок из книги Э. Брауна наглядно демонстрирует отличие шейхизма от нормативного шиизма, как оно видится приверженцам первого:

То, что я сообщу по этому поводу, почерпнуто из записей моей беседы в июне 1888 г. с шейхитским богословом из Кермана Муллою Гуламом Хусайном. Я попросил его пояснить мне, в чем принципиально отличается шейхитская доктрина от воззрений остальных шиитов. Его ответ в сущности заключался в следующем: «Балāсарй<sup>105</sup> [т. е. шииты-нешейхиты] считают, что Столпов или краеугольных основ религии (اصول دين) пять, а именно: 1) вера в единобожие (توحيد), 2) вера в божественную справедливость (عدل), 3) вера в пророчество (نبوت), 4) вера в имамов (امامات), 5) вера в воскресение<sup>106</sup> (معاد). Два же из них (N 2 и 5) мы отказываемся рассматривать как самостоятельные принципы, ибо почему мы должны выделять божественную справедливость в числе первооснов веры и опускать божественное милосердие, божественную мудрость, мощь и другие атрибуты? Более того, они как и вера в воскресение в действительности включены в третий принцип, так как вера в пророчество подразумевает веру в Пророка, а это в свою очередь предполагает веру в его книгу, в которой эти так называемые принципы изложены и откуда единственно они и известны. Поэтому, из пяти ‘принципов’ Балāсарй мы принимаем только три, а именно: 1) веру в единобожие, 2) веру в пророчество, 3) веру в имамов. Но к ним мы добавляем еще один, который мы называем ‘четвертым столпом (رکن رابع)’, [состоящий в том], что среди шиитов, во все времена должен быть некий совершенный человек (которого мы называем شيعه کامل ‘совершенным шиитом’), способный служить каналом благодати (واسطه فيض) между Скрытым Имамом и его паствой. Такова наша доктрина ‘четвертого Столпа’, и очевидно, что четыре столпа в любых обстоятельствах необходимы для прочности...» [Browne 1891: 243–244].

Таким образом, четыре столпа шейхизма суть следующие:

1. Единобожие — в шейхитском понимании, оно основывается на идее отсутствия какого бы то ни было сообщения или соприкосновения между несотворенным (*Необходимо-сущим*) и тварным (*возможно-сущим*).

2. Пророчество — признание миссии шести пророков и среди них особенно пророка Мухаммада.

3. *Имамы* — признание Фāтимы (дочери Мухаммада) и двенадцати шиитских имамов, включая Скрытого Имама.

4. *Бāб* — во все времена существовал и будет существовать человек, именуемый «Вратами». Он — *имам* своей эпохи, хранитель сокровенного знания, заключенно-го в священных текстах<sup>107</sup>.

При этом термин «Врата», как явствует из приведенных выше отрывков, может использоваться расширительно и применяться как ко всем, кто служит каналами

<sup>103</sup> Т. е. членов дома Мухаммада.

<sup>104</sup> Я благодарю С. М. Прозорова за ценные замечания к переводу этого отрывка.

<sup>105</sup> См. дополнительное объяснение этого термина ниже.

<sup>106</sup> У Э. Брауна: «resurrection».

<sup>107</sup> Ср. также: Browne 1910: 13, 86.

божественного водительствами совокупно — к пророкам и к их духовным наследникам — избранным (во множественном числе — аб. *абвāб*), так и конкретно к тому единственному, кто олицетворяет такое водительство для данного времени или для определенной эпохи (в единственном числе — аб. *бāб*). При жизни пророка Мухаммада — это сам пророк, после него — последовательно один из *имамов* вплоть до двенадцатого, а в период «сокрытости» двенадцатого *имам* — тот, кто служит посредником между этим *имамом* и паствой.

Хотя значительная часть шейхитских доктрин и не выходит за рамки учения шиитов имамитов-двунадесятников, а некоторые другие, при всей их специфичности, ему не противоречат, даже с поправкой на то, что шейхиты старались в своих трудах озвучивать лишь экзотерический вариант учения, отдельные их значимые концепции все же крайне оригинальны для исламской мысли. Относительно же представления о «ар-радж‘а» (возвращении к земной жизни), разделяемого в том или ином виде всеми шиитами, исламские богословы утверждают, что его не следует трактовать в духе реинкарнации, поскольку последняя предполагает вселение той же души в другое тело, а не в свое же прежнее (восстановленное) тело, как в случае с «ар-радж‘а»<sup>108</sup>.

## ПОЛЕМИКА ШЕЙХИТОВ С ИХ ОППОНЕНТАМИ И ГОНЕНИЯ НА ПЕРВЫХ

В этом разделе нас будет интересовать не столько хронология событий, сколько характер расхождений, реальных или мнимых между шейхитами и их противниками, сделавших в итоге основоположников шейхизма и их учеников мишенью для яростных нападок. Нашим источником по изучению этого вопроса служит ценный труд Сайида Кāзима «Путеводитель растерянных».

Для начала обратимся к тому, как данный автор сам определяет шейхизм и его параллельное название (здесь и ниже под цитатами из этого сочинения в нашем переводе в скобках указывается страница оригинала по литографии Рк 213):

Под шейхитами и[ли] «кашфй»<sup>109</sup> (букв.: ‘[людьми] раскрытия’) <sup>110</sup> понимаются сподвижники величайшего Шайх̄а... самог̄о воплощения шиизма... нашего Шайх̄а, нашего наставника и нашей опоры — Шайх̄а Ах̄мада б. Зайн ад-дина ал-Ах̄сā’й... Смысл названия «кашфйа» (букв.: ‘люди раскрытия’), которым обозначили [это] сообщество, заключается в том, что [эти люди] связаны с досточтимым [Шайх̄ом].

<sup>108</sup> Существенно отметить, что идея реинкарнации чужда и вероучениям бабизма и бахаи. Первый исследователь бабизма Мирза Казембек (см. ссылку на его труд ниже) явно по ошибке приписывает Бабу это учение, вероятно, смешав бабизм с шейхизмом. Курьезность ситуации состоит в том, что цитата якобы из изречений Баба, на которую этот автор ссылается для обоснования своего тезиса, в действительности является кораническим стихом 6:95: «...Бог...изводит живое из мертвого и выводит мертвое из живого...» Тематически с ним перекликаются стихи 6:122, 10:32 (31), 10:57(56). Если видеть в них намек на реинкарнацию, то тогда учение о реинкарнации должно быть приписано пророку Мухаммаду. В бабизме и религии бахаи «возвращение» пророков, Божьих избранных и их сподвижников понимается исключительно иносказательно. Об этом недвусмысленно говорят основатель религии бахаи Бахаулла в Китāб-и Йкāн (Книга несомненности) и его сын Абдул-Баха в «Ответах на некоторые вопросы» [см. подробнее: Иоаннесян 2003: 211–213].

<sup>109</sup> Это название в дальнейшем за данной школой не закрепилось.

<sup>110</sup> Об этом термине см.: Тримингэм 1989: 119.

Ибо Господь мира скинул (букв.: 'открыл') завесу неведения с их очей и сердец. Они — те, из чьих душ удалена тьма сомнений и подозрений, и кто озарился светом истины посредством ясных доводов и внятных доказательств... И также они люди, с внутреннего видения которых снял Господь покров, и познали они вещи, как они в сущности есть. И все, что ни познали они, относили они знание сие на счет Бога и исповедывали немощь и ограничения свои... И хотя это название можно прилагать к любому из обладателей «раскрытия», бывших до и после досточтимого Шайха, но в большинстве случаев эта школа именуется «кашфй» в противовес другим, тем, кто не обладает «раскрытием». [Сие] подобно употреблению [термина] «имамить» для обозначения толка «двунадесятников». Хотя и правомерно было бы называть им всякого, кто поставил себе *имама*, но враги закрепили его повсеместно за этими благородными [шиитами] ... Между тем, Господь мира соделал это имя их исключительной принадлежностью в мире атомов... Также и название «кашфийа» поистине исключительно их (т. е. шейхитов. — Ю. И.), их последователей и идущих по их стезям. Но современники, противостоящие и противодействующие, истолковали это название с помощью грубых и натянутых толкований... и сказали: «Господь снял с их сердец покров, и созерцают они знания и заповеди без нужды в посланнике и в распорядителе духовного завещания посланника...» И это при том, что они те, кто подобающе признает и полностью исповедует единобожие, миссию пророков... и *преемственность божественного водительства* наставленных на путь истины *имамов*... [С. 8–9].

О своем учителе Сайид Кāзим, в частности, говорит:

...[он — тот], кто черпал знания из их рудника и брал их из их первоисточка, то есть от непорочных *имамов*... И знания эти приходили к нему, досточтимому, в праведных снах... от наставленных на путь истины *имамов*... И нет никакого сомнения в том, что сатана не может представляться в их (т. е. *имамов*. — Ю. И.) благословенных формах [С. 10].

В своей медитативной практике Шайх Аҳмад, по словам Сайид Кāзима, концентрировался на «Скрытом Имаме» — главном источнике всех своих знаний<sup>111</sup>. А вот как характеризует Сайид Кāзим аналитические методы шейхитов:

...Во-первых, мы следуем доводам разума, во-вторых, выявляем то, в чем указания однозначно толкуемых стихов Корана согласуются с доводами разума, в-третьих, обращаемся за руководством к достославной *сунне*<sup>112</sup> в том, что вытекает из указаний однозначно толкуемых стихов Корана, согласующихся с доводами разума, в-четвертых, рассматриваем [предмет с точки зрения] религиозных норм и сопоставления их (т. е. норм. — Ю. И.) с выводами этого трехчастного [анализа]. Если эти трехчастные выводы противоречат религиозным нормам [шиитского толка], то отвергаем мы их (т. е. выводы. — Ю. И.) по той причине, что религию считаем мы более сильным и веским [аргументом]. В-пятых, после рассмотрения сего обращаем мы взор к знамениям, «явленным по странам и в нас самих»<sup>113</sup>... После такого анализа заключаем мы об истинности и непреложности [собственных выводов] [С. 54].

<sup>111</sup> Указ. литография. С. 11.

<sup>112</sup> «Сунна» — пример жизни пророка Мухаммада как образец и руководство для мусульманской общины.

<sup>113</sup> Ср.: Коран 41:53: «Мы покажем им Наши знамения по странам и в них самих...»

В качестве основных оппонентов Сайид Кāзим называет две школы *имамитского* права, господствовавшие в его время в шиизме, — *усули* и *ахбари* [Прозоров 2004: 80, 302–305] (обе школы он объединяет под общим названием *баласари*), а также последователей «метафизики озарения» (*шираки*)<sup>114</sup> и суфиев в целом. В чисто теологическом аспекте противостояние шейхитов и их оппонентов, по нашему убеждению, объясняется общим неприятием шейхитов как эзотериков, хотя и пытавшихся не обнародовать слишком явно эзотерическую подоплеку своего учения и ограничиваться преимущественно публичным изложением своей «внешней доктрины», находящимися на противоположном конце спектра — экзотериками, такими как *усули* и *ахбари*. Противостояние же с последователями «метафизики озарения» и суфиями в целом укладывается в рамки противоречий (если не соперничества) между различающимися направлениями эзотерической мысли. Однако, исследуя труды шейхитов и историю гонений на них, невозможно отделаться от впечатления, что основу неприятия шейхизма, особенно представителями господствовавших школ права в шиизме составили все-таки не чисто теологические расхождения умозрительного характера с оппонентами, а принижение роли шиитского духовенства как главного авторитета и примера для подражания, что косвенно вытекает из учения шейхитов и в чем богословы почуяли угрозу своим привилегиям. Нападки же чисто теологического плана служили лишь предлогом для расправы над шейхитами. Сайид Кāзим предвзвешивает свой рассказ о начале разногласий с оппонентами следующими словами:

Итак, поистине в то время, как эта община спасающихся<sup>115</sup> выказывала внутреннюю твердость как у железа, решимость и чистосердечие, а ее единомыслие в убеждениях и речах и излучаемый ею свет сияли ярче солнца в зените и блестящей звезды на окоеме, что известна в целом мире, появились такие разногласия относительно их (т. е. шейхитов. — *Ю. И.*) изречений и сомнения в их убеждениях, что развязались злые языки врагов веры, кои обрушились на них и подверглись они порицанию других народов. После того, как поправляли они другие школы и упрекали их в враждебности и отсутствии дружелюбия и по причине этого противостояния сочли они доводы и доказательства недругов ложными. . . , ситуация сменилась на противоположную — их (т. е. недругов. — *Ю. И.*) упреки и порицания обратились на самих себя. . . С чем сравнимо противостояние между *ахбари* и *усули*? [С. 6–7].

Хотя в первые годы своего пребывания в Персии Шайх Ахмад и пользовался подчеркнутым почтением и уважением повсеместно в богословской среде, через пять лет спокойной жизни в городе Йезде (месте его постоянного проживания) в течение которых он успешно предавался преподаванию и распространению знаний, стали появляться и первые признаки недовольства им. Оно, по словам Сайида Кāзима, было порождено недоумением, вызванным рядом положений его учения, непонятных тем, кто не был сведущ в вопросе. Это побудило Шайха для прояснения его позиции обратиться с кафедры мечети к народу с проповедью, содержавшей такие слова:

<sup>114</sup> Упомянутое выше направление, связанное с именем ас-Сухравардй.

<sup>115</sup> Здесь, судя по контексту, это определение должно относиться к шейхитам. О самом термине см.: Прозоров 2004: 180, 192.

О люди! Воистину у знания есть внешнее и внутреннее (т. е. экзотерическое и эзотерическое. — Ю. И.) содержание. И оба они согласуются... друг с другом..., не вступая в противоречие... О люди, поистине уполномочил досточтимый посланник... людей внешнего исполнять без изменений то из внешнего, чем обладают они... Следовательно, то из внутреннего и таинственного, что согласуется с внешним, есть несомненная и непреложная истина. А такое внутреннее, что противоречит... внешнему, есть ложь... Итак, лишь только то слово из тайного и явного, что приписывают мне, считайте вы [действительно] сказанным мной, что согласуется и сообразуется с убеждениями, кои присущи праведной общине спящихся [С. 18].

При посещении других городов Персии, в которых Шайх останавливался по дороге на паломничество в Мешхед, например, в Исфахане его принимали с почетом:

... вплоть до момента прибытия в Исфахан... все население Исфахана сподобилось предстать пред ним, особенно богословы, правители (حکام) и вельможи того города... удостоились чести встретиться с выдающимся [Шайхом]... никто не отозвался о нем дурно... они были наслышаны о большинстве его книг и хвалили их... И это при том, что досточтимый [Шайх]... по большинству вопросов противоречил философам-приверженцам «метафизики озарения», стойкам (رواقین) и перипатетикам (مشائین) и настаивал на развенчании их изречений. Философы [же], что находились в Исфахане, все... признавали эти положения<sup>116</sup>. Несмотря на это, ни один из них не дерзнул отрицать или опровергнуть какое-либо высказывание или утверждение досточтимого [Шайха]. Самое большее, на что [решились они] — это заявить что, смысл один и тот же, и усмотрели расхождение [лишь] в терминах [С. 19–20].

И по пути на паломничество в Ирак, и в самом Ираке наблюдалась та же картина:

...Он пустился в паломничество и после целования порога гробниц *имамов*... возвратился в Керманшахан. Покойный принц вновь оказал ему должный прием, и досточтимый [Шайх]... провел длительное время с богословами и учеными того города. Все были единодушны [в признании] его непревзойденных качеств, величии и возвышенности положения... Неоднократно ездил он на паломничество к [гробницам] *имамов* в Ирак и в каждую поездку встречался со всеми богословами, пребывавшими у святого порога... Все языки славили его и превозносили его совершенства... И в других городах Ирака — в Басре, Хилле, Багдаде и Ирака персидского — в Хамадане..., Буруджирде, Тегеране, Куме..., Ширазе, Кашане и в городах Хорасана... и в других все богословы единодушно заявляли о величии и возвышенности положения его, досточтимого [С. 21–22, 26].

Однако ситуация лишь мнилась столь радужной. Богословы, очевидно, беспокоясь за свой собственный авторитет, не простили Шайху его «опасного инакомыслия». На время его отъезда из Персии, затаенная ненависть к нему части духовенства пошла на спад, но по его возвращении в Керманшахан вспыхнула с новой силой<sup>117</sup>, что побудило Шайха переселиться из города в его окрестности, а затем в Ирак:

<sup>116</sup> Т. е. те положения, что развенчивал Шайх Ахмад.

<sup>117</sup> Обвинение «в ереси» впервые было выдвинуто против него в Казвине (см. выше).



Как только ненадолго поселился он там, пришли в движение сеятели злобы и раздора... Они заявили простым людям..., что «Шайх Ахмад впал в ересь» ... После сего усилиями заблудших народ был свергнут... в большое смятение..., пока не организовали они заседание, на котором собрали вершителей дел..., чтобы на листе бумаге закрепить обвинение в ереси такого божественного ученого...! Лишь приступили они к этому гадкому делу, как произошло сильное землетрясение и разогнало их сборище [С. 36–38].

Но и после этого случая, в Ираке недруги не оставляли попыток расправиться с Шайхом. Они всякий раз выдвигали против него следующие обвинения:

... Говорили, что Шайх Ахмад всех богословов со времен Шайха Муфйда<sup>118</sup> поныне считает заблудшими и ошибающимися, а стезю *муджтехидов*<sup>119</sup> полагает ложной, а самих их сбившимися с пути и сбивающими с пути других... Говорили, что Шайх Ахмад утверждает, что *повелитель верующих*<sup>120</sup> ... есть создатель тварей, дарующий пропитание, жизнь и смерть им независимо [от Бога или]... на началах препоручения (تفويض) [ему их] Господом Всевышним, то есть Господь вверил ему дела творений — [их] пропитание, жизнь и смерть, а Сам устранился... Говорили, что Шайх Ахмад относит к *повелителю верующих*... все коранические местоимения, относящиеся к Господу... Говорили, что Шайх Ахмад не признает возврат в теле и не верит, что это земное тело (این جسم دنیوی) возвратится... Говорили, что Шайх утверждает, что посланник... в ночь своего вознесения не вознесся на небо в [своем] благородном теле (با جسم شریف), но отправился на небо в своем священном духе... Говорили, что Шайх утверждает, что Господь не ведает частностей, и знание Господа *начально*, и что у Господа есть другое знание, которое *безначально*, и у Господа два знания. И еще говорили, что Шайх утверждает будто бы *господь мучеников*<sup>121</sup>... не был убит, а лишь предстал таковым творению, и тому подобный вздор, слышать который претит всякому здравомыслящему... [С. 39].

Об ответах Шайха оппонентам можно судить по этому пассажиу:

... Досточтимый [Шайх] находился среди них и говорил: «... Знайте, что я не имею ничего общего с этими убеждениями. Если вы когда-либо обнаружите их в моих книгах, книги мои ведь сейчас в наличии, несите тогда их мне..., чтобы я разъяснил вам их смысл и изложил основы своей терминологии... Не говорил я ничего кроме того, что Господь мира един в Своей Сущности, атрибутах, поклонении [Ему] и в Его действиях. Ни в чем из сего нет у него соучастников. Господь... единый и единственный в сотворении созданий, вскармливании их, поддержании их жизни и ниспосылании смерти... И заявляю, что препоручение [Богом Своих функций] есть ложная [концепция], изоляция творения от [Бога] Истинного неизбежно предполагает независимость творения, а независимость в [сфере] *возможно-сущего* нереальна... Коранические местоимения относятся к Господу Преславному, и недопустимо прилагать их к кому-либо кроме Господа, будь то пророк, избранник или ангел... Возврат же будет в том же самом земном осязаемом и видимом теле (بدن محسوس و ملموس مرئی دنیوی), не в другом теле и не только в духе (با روح تنهاتی). И посланник Бога... вознесся в этом самом земном теле со своей человеческой природой (با بشریتش), в одежде и в туфлях с загнутыми носами. Господь... ведает в Своей

<sup>118</sup> Знаменитый богослов и проповедник (ум. в 1022 г.).

<sup>119</sup> Муджтехид — высшее звание и авторитет в богословских науках.

<sup>120</sup> Эпитет *имама* 'Али.

<sup>121</sup> Эпитет *имама* Хусайна.

Сущности все вещи до и после [их] возникновения и в момент [их] возникновения... Бог Всевышний знает все от частного до общего [и] сущностного... Досточтимый *имам Хусайн*... был убит. Знайте, что шиитские богословы — хранители боготкровенного (экзотерического) закона, носители ясной веры и религии и уполномоченные (امناء) Господа в период сокрытости [имам]...» [С. 39–40].

В итоге Шайх Ахмад свел проблему к терминам:

...И Шайх общины... сказал: «О люди, таковы мои убеждения и религия. И то, что написано в моих книгах, не расходится с этими моими словами и убеждениями и не противоречит [им]. Некоторые мои выражения сопряжены с пониманием терминов, которые вам неизвестны и непривычны. Не устремились вы к их разумению. Если принесете вы мне эти выражения или позовете меня к себе, то я изъясню [свой] высказывания и разрешу трудности в самых ясных выражениях». [Но] группа та никак не прислушалась к словам досточтимого [Шайха] [С. 41].

Недрузи прибегли к испытанному приему — опорочить Шайха перед властями и конфессиональным большинством страны — суннитами<sup>122</sup>:

...написали они во все края и страны света письма и разослали высокопоставленным лицам провинции, [говоря]: «У Шайха Ахмада порочные и еретические убеждения. Он, смущая людские умы, посеял в народе великие сомнения»... Они раздобыли четвертую часть [его] «Толкования на пространную молитву», отнесли губернатору Багдада и указали на некоторые содержащиеся там язвительные замечания и упреки в адрес [первых] халифов... Этот поступок нанес большой урон и вред не только покойному Шайху, но и стал причиной поругания и... бедствий всех шиитов... Неужели кто-либо из неделенных верой... допускает возможность рассказать такое суннитам..., и особенно губернатору Багдада..., который считал своим религиозным долгом подвергнуть изрекшего такие речи [о халифах] бесконечным оскорблениям и издевательствам... И это при том, что у шиитов бывают моменты сокрытия религиозных убеждений, когда претерпевают они различные напасти, и велено им из опасения подвергнуться гонениям от рук противников не обнародовать подробности частных предписаний своей [веры]! [С. 43, 46].

Эта ситуация стала причиной отъезда Шайха из страны и в итоге его смерти:

Итак, как только покойный Шайх уразумел смысл сего, [то есть что] вред и последствия этого мерзкого поступка затронут положение всех шиитов..., то стал пребывать в ожидании нападений..., пока не усмотрел [для себя] возможность бегства и стабилизации обстановки. Божественное знание и духовные обязанности потребовали, чтобы он устремил свой бег к Господу Всевышнему и обрел покой под Его покровом... Он вознамерился совершить паломничество... с семьей и домочадцами... Лишь достиг досточтимый [Шайх]...стоянки «Хадйа», что в трех стоянках от священной Медины..., как приложился к Господину своему, который был пределом

<sup>122</sup> Ирак был в ту эпоху частью османской Турции, большинство мусульманского населения которой исповедовало ислам суннитского толка, тогда как в самом Ираке, особенно в районах расположения шиитских святынь преобладало шиитское население. Именно богословы-шииты в Ираке перехватили эстафету травли Шайха.

его желаний... Паломничество к внешнему Дому Божьему обратилось в паломничество к истинному Дому Посещаемому<sup>123</sup> [С. 47–48].

После отъезда учителем объектом травли сделался Сайид Кāзим:

После кончины досточтимого [Шайха]... нечестивцы и смутьяны посчитали... его свет затушенным... и года два безмолствовали. Затем узрели они, что свет его засиял вновь, и опять взялись за старое... и приступили к травле сего жалкого раба, соделав меня мишенью для своих язвительных языков, без повода и основания, только за то, что превозношу я добродетели досточтимого [Шайха], заявляю громкогласно о его заслугах, обучаю на основе его сочинений и делаю плоды его произведенный достоянием людей. Выступили с предостережением мне: «Бросай путь, по которому идешь». В ответ я заметил, что путь, по которому иду, состоит в познании Господа, Божьих имен, пророчества, абсолютного *преемства божественного водительства* [у *имамов*], единобожия, его ступеней и устранения возникающих сомнений и колебаний в вопросе единобожия [С. 48–49].

Его обвинили в отстаивании четырех положений учения, которые уже фигурировали в прежних обвинениях:

Я спросил их: «Что именно из убеждений досточтимого [Шайха] сочли вы порочным, а из его речей — ложным?» Они сказали: «Четыре выражения при [изъяснении] четырех вопросов. Среди них выражение при упоминании вознесения, заставляющее думать, что пророк оставил каждую из стихий своего существа на своем месте: огненную стихию — в сфере огня, воздушную — в его (т. е. воздуха. — *Ю. И.*) сфере, водную и земную — в соответствующих сферах, тогда как неотъемлемая часть религии есть [признание] вознесения его святости в его телесной оболочке (*با جسميت او*). И среди них (т. е. ложных утверждений. — *Ю. И.*) выражение в вопросе о возврате, приводящее к мысли, что каждый из элементов тела (*بدن*) соединится со своим первоисточником и не вернется, тогда как неотъемлемая часть ислама — признание возврата физического тела (*بدن جسماني*). И среди них выражение в вопросе знания, из которого следует, что у Господа мира, Преславного есть два знания — знание *начальное* и *безначальное*... Это неизбежно приводит к выводу..., что в какое-то время Господь не был знающим. И среди них выражение, что позволяет думать, будто бы *имам*... — действующая причина мироздания. В этом случае неотвратимо следует, что *имам* независим в своем действии... и созидании или что дело созидания было препоручено ему. Исходя же из непреложных принципов ислама, оба [допущения] ложны. Итак, разошелся Шайх в четырех этих вопросах с непреложными принципами ислама, и посему неверно следовать ему» [С. 56–57].

В своем ответе Сайид Кāзим, как некогда его учитель, свел ситуацию к терминам:

...[Ужели] не знаете вы, что богословам присущи термины, которые нельзя уразуметь, не имея полной ясности относительно их употребления? И [ужели] неведомо вам, что пускают они в обращение слово, передавая смысл несколькими способами — различными метафорами (*مجازات*), иносказаниями (*استعارات*), аналогиями

<sup>123</sup> «Посещаемый Дом», по мусульманскому поверью, есть храм на небе, подобный Каабе, вокруг которого ежедневно совершают обходы семьдесят тысяч ангелов.

(تشبيهات), двусмысленностями (كنایات) и разными идиоматическими оборотами (اصطلاحات)? [С. 57].

Аргументы не были приняты, и последовало очередное судилище:

После того договорились они, устроили настоящее собрание, в первую пятницу месяца *раджаба* созвали заседание и собрали там большое количество народа — несколько тысяч человек, среди которых ни один не поддерживал меня. И... вызвали меня. Своих глав собирали они на собрание то целыми группами, а я среди них был в полном одиночестве... И это при том, что не было у меня возможности избежать той пропасти, [в которую толкали меня]. Люди те с оружием в руках и боевыми средствами обступили и окружили меня... После того, как они успокоились и расселись, я спросил их: «В чем причина этого столпотворения и такой суматохи?»... Они сказали: «Хотим прояснить у тебя некоторые выражения Шайха и доказать тебе их еретичность»... Затем озвучили они прежние выражения, которые уже рассматривались... Произнесли они одно из выражений великого Шайха, сводившееся к следующему: «Воистину физическое тело (الجسد العنصری) не возвращается». Спросили меня, является ли это выражение еретическим. Я заметил: «Насколько могу я судить, призывая в свидетели Господа, выражение сие не является ни богохульным, ни еретическим. Сообщите мне, какова семантика термина не в специфически узком употреблении, [а] согласно составителям [словарей] ‘Қамус’,<sup>124</sup> ‘Сихах’<sup>125</sup> и ‘Маджма’ ал-бахрайн’, которые в ходу у философов. Сколько значений [слова] ‘тело’ (جسد) привели они?»... Они сказали: «Мы имеем в виду массовое сознание». Я заметил: «Какая связь между лексикографией (букв.: ‘лексикографами’) и массовым сознанием?»... Затем я написал, что эти выражения, без пояснения к ним, вне [связи с] предшествующим и последующим [изложением], и если перед ними или между ними, или после них удалена какая-то [часть]<sup>126</sup>, с точки зрения понимания простых людей, еретические... Озвучили они и другие выражения, некоторые из которых были искажены, а иные не смогли они правильно прочесть. Их цель состояла в том, чтобы я их правильно записал. Тогда я написал, что источник этих слов — иноказательно трактуемые стихи в Коране, и что толкование их следует спрашивать у изрекшего их, ибо таковыми предстают коранические стихи, а также предания со слов пророка и *имамов*... Одним словом, когда отчаялись они и не добились от меня своего..., то сказали: «Мы желаем, чтобы ты подтвердил пред нами свое высшее звание (авторитетность) в богословских науках (اجتهاد)». Когда речь зашла об этом, то возглавлявший собрание сказал: ... «Если для подтверждения авторитетности в богословии требуется форум и собрание народа, то на каком собрании и форуме подтвердили сами вы свое притязание на звание сие?»... В этот момент раздался призыв на полуденную молитву... и собравшиеся рассеялись... В другой раз... созвали они народ в благословенный двор его святости ‘Аббаса..., чтобы изгнать меня из города... Господь мира обратил их улочки против них самих, и не осуществили... они свой замысел... В то время... в руки досточтимого Сайида Махдй... попало мое сочинение о разумении нравственных принципов, моральном воспитании души и некоторых свойствах, достойных верующего... Он обнаружил в нем выражения, из которых заключил, что я отрицаю авторитет высших богословов (اجتهاد), подражание [им] (تقليد), Писание и *сунну*... и что я избрал новую

<sup>124</sup> Возможно, подразумевается словарь арабского языка «ал-Қамус ал-мухйт ва-л-қабус ал-васйт» Маджд ад-дина Фйрӯзбадй.

<sup>125</sup> Возможно, предполагается словарь арабского языка «Сихах ал-луга» Исма’ила б. Ҳаммада Джаухарй.

<sup>126</sup> Букв.: ‘и в зависимости от того, ... не удалена ли какая-то [часть]’.

школу... Два года трубили они через письма и послания..., которые доставили [и] в Индию, прожужжав людям уши ... о том, что Сайид Кāзим Раштī покинул лоно исламской веры и религии, что все богословы воспротивились ему, и все верующие отказались подражать ему... [С. 58–66].

Для опровержения обвинений Сайид Кāзим выступил с публичной проповедью, а в последствии стал практиковать такие проповеди, которые не отвратили от него удары оппонентов<sup>127</sup>:

...После сего распространили они в городе среди паломников... весть о том, что они..., [якобы] направили ко мне гонца, чтобы вызвать меня, а я... отказался [прийти]. Лишь услышал я их разговор [между собой], что так сказали они людям, как после полуденной молитвы во дворе... *повелителя верующих*... поднялся на кафедру... и сказал: «О люди!.. Ищите близости к Господу мира праведными поступками. Знайте, что праведные поступки не восходят к порогу приятия, иначе как посредством правильных убеждений и осознанием превосходства *повелителя верующих*... Знайте, что его святость... и его непорочные чада и супруга... суть уполномоченные (امناء) Бога и *Врата* (ابواب) Его милости... И суть они ключи к Сокровенному и тайнам... и сфера они [проявления Его] Воли... О люди! Знайте, каково их истинное положение и не преступайте пределов, установленных для них Господом... Не считайте их соучастниками Бога и не полагайте, будто бы Господь препоручил им Свое дело... Они — Слово Божие (كلمة الله) и носители Божьего веления (حمله امر الله). И посланник Божий... есть раб Господний. И вознеслись его святость... на небо в своем теле (با جسمش) и одежде... В День воскресения собраны будут люди в своих телах и земной осязаемой видимой плоти (با بدنها و جسدهای ننیویه محسوسه مرتبه خودشان). И Господь мира знает все вещи целиком до и после их сотворения и в момент их сотворения... Это и есть правильные убеждения... Таковы мои убеждения и вера...

Мои книги и сочинения свидетельствуют о них..., хотя и сформулировал я их в разных выражениях. Мы видим, что богословы этого города конфликтуют и враждуют со мной» [С. 68–69].

Зачинателем травли Сайида Кāзима выступил некто Сайид Махдī (ср. выше). Но далеко не все солидаризировались с ним:

Первый, кто воспротивился единогласному мнению выдающихся ученых, был Сайид Махдī, а его современники — крупные богословы... и иные ученые Неджефа... как и другие [теологи] в Ираке с самого начала отрицания [шейхизма] Сайидом Махдī все до единого выступили против его. И богословы Керманшахана... все воспротивились ему... И все без исключения богословы Исфахана, особенно оба главных авторитета — два *худжжат ал-ислама*<sup>128</sup>... и другие теологи..., выступили против Сайида... Итак, несмотря на то, что он (т. е. Сайид Махдī. — Ю. И.) пошел наперекор этим признанным философам-богословам..., «согласное мнение» на созванном [совещании] было выработано [С. 78–79].

Что касается сути теологической полемики, то на обвинение в проповеди препоручения Богом Своих дел *имамам*, Сайид Кāзим так ответил оппонентам:

Тогда, если отвергнут они [и] все эти предания, [то] пусть [хотя бы] на основе их (т. е. формулировок. — Ю. И.) внешнего смысла признают, что из «полно-

<sup>127</sup> О попытке организовать покушение на него см.: лит. Рк 213. С. 73–74.

<sup>128</sup> Букв.: 'доказательство ислама' — почетный титул.

властного распоряжения делами» (متصرف بودن) со стороны *имамов*... не вытекает неизбежно ни их «независимости [от Бога]», ни «соучастия [с Богом]», ни «препоручения [Богом им Своих дел]» [С. 87].

Может создаться впечатление, что объяснение всех противоречий расхождением в понимании терминов, есть уловка, чтобы отвести от себя удар. Это представляется тем более вероятным, что некоторые положения, послужившие основой обвинений, напрямую вытекают из трудов теоретиков шейхизма (ср. выше их учение). С другой стороны, от их гонителей — теологов-экзотериков — трудно было ожидать различения тела физического, обозначавшегося у шейхитов словом «джа-сад», и тонкого тела, передававшегося словом «джисм» (иногда оба значения выражались более общим «бадан»), хотя бы потому, что в обыденном языке все три слова синонимы. Но внимательный анализ шейхитских текстов выявляет, что тонкое тело — это то же самое пребывающее в земном мире многослойное тело, но очищенное от всех других слоев — плотных наслоений (наслоений плоти). Все тела одновременно присутствуют друг в друге как слои единого целого, различающиеся составом и плотностью, во время жизни человека на земле. Поэтому ко всем им приложимо понятие «земного тела». При переходе человека в иной мир происходит не столько «отпадение» или «оставление» плотных тел, сколько очищение этого единого многослойного тела от плотных слоев, не принадлежащих тонкому миру. С учетом этого обстоятельства «согласие» шейхитов с оппонентами в том, что возврат в День воскресения произойдет в «том же самом земном ощущимом, осязаемом и видимом теле», и что посланник Бога «вознесся в этом самом земном теле со своей человеческой природой» не выглядит их временной капитуляцией перед силой, а органично вытекает из их учения:

...Подлинный человек (الإنسان الحقيقي) и основа его бытия состоят из пяти вещей: разума (عقل), души (نفس), природы (طبيعة), материи и [элементов мира] прототипов (مثال). Так, разум — в душе, душа со всем, что есть у нее, — в природе, и все [это вместе] — в материи, а материя со всем, что у нее, если сопряжена она с [элементами мира] прототипов, образует основное тонкое тело (الجسم الأصلي). Оно же скрыто в физическом [теле], состоящем из четырех элементов — огня, воздуха, воды и праха. Это физическое [тело] и остается в земле. В ней исчезает его внешнее начало... ибо внутреннее сохраняется. Оно (т. е. это внутреннее начало. — Ю. И.) есть второе плотное тело (الجسد ثانی) из четырех элементов хурқилйā, которые тоньше элементов физического мира... оно внутри первого внешнего плотного тела (الجسد الأول الظاهري), которое из известных [физических] элементов. Что до того, которое выходит вместе с духом, то оно есть истинное тонкое тело (الجسم الحقيقي), состоящее из первичной субстанции (الهيولى) и [элементов мира] прототипов. Оно несет в себе отвлеченную природу (الطبيعة المجردة), душу и разум, и есть оно подлинный человек... Итак, ответ на его (т. е. шайха, задавшего этот вопрос. — Ю. И.) слова...: «дух (الروح) бывает один или [с элементами мира] прототипов или с телом, которое переходит в земной рай?», [заключается в том], что дух бывает с основным тонким телом, ибо в духе (الروح)<sup>129</sup> разум, он же сам (т. е. дух. — Ю. И.) в [отвлеченной] природе и в тонком теле, которое есть первичная субстанция и [элементы мира] прототипов... То же, что остается в могиле, — второе плотное тело из элементов хурқилйā. Имеется множество примеров того, что [состоит] из этих элементов и что

<sup>129</sup> В данном случае дух и душа выступают синонимами, что в определенном контексте допустимо. Ср. выше: «разум в душе».

поистине исчезает. Упомянем некоторые из них. Пример сего стекло. Оно в действительности из горной породы (الصخر) и углекислого калия (القلّي)<sup>130</sup>, а те суть плотные субстанции, выступающие в том же качестве, что и физическое тело [человека], известное широким массам. Когда она (т. е. порода. — Ю. И.) плавится, то удаляются из нее затемняющие наслоения<sup>131</sup>, и становится она сама по себе стеклом прозрачным — изнутри видна его внешняя сторона, а снаружи внутренняя. Оно наподобие второго плотного тела, которое остается в могиле... а огрубелость (الكثافة) наподобие физического тела. Посмотри, как удаляются из горной породы и углекислого калия наслоения, уплотняющие прозрачное тонкое тело. Она и та же самая горная порода, и [вместе с тем] она другая. Если же, пока она плавится и заливается целебным раствором (دواء), присоединится он к ее телу в виде запечатленных узоров, то станет она хрусталем. Аналогично тому, если зальют ее снадобьем мудрецов, кое есть белый эликсир, то станет кристаллом, который возгорается на солнце, ибо собирает лучи солнца, что падают на него. И это из стекла, но оно другое, и все же оно то же самое! Воистину если соприкоснется с ним какая-либо вещь, то очистит оно ее так, что станет та выше достоинством, чем прежде. Сие подобно тонкому телу, с которым выходит дух и вступает в рай... Тому множество примеров, известны они прозорливым<sup>132</sup>.

## ШЕЙХИЗМ И БАБИЗМ

Шейхизм бесспорно сыграл ключевую роль в подготовке почвы для распространения бабизма, основателем которого был Сайид ‘Али Мухаммад Ширази, более известный под своим титулом *Баб*. Первыми бабидами, включая многих прославленных мучеников за эту новую веру, были выходцы из шейхитской среды. Говоря об отношении шейхизма и бабизма друг к другу, следует учесть несколько обстоятельств. Во-первых, речь идет о явлениях разного порядка и уровня. Шейхизм, независимо от отдельных его положений, был составной частью ислама. Бабизм же, хотя и возник в недрах ислама, уже на раннем этапе своего существования представлял самостоятельную религиозную систему, имея собственного пророка-основателя, собственное священное писание (Байан), завет верующих в него с Богом через своего пророка, свой календарь, ведущий отсчет «новой эры» от времени возникновения бабизма и т. п., т. е. обладал полным набором признаков, которым характеризуются независимые религии. Ни одним из этих признаков, не говоря уже о всей их совокупности, не обладал шейхизм, а его основатели, как мог убедиться читатель, не претендовали даже на статус основателей новой школы в исламе, каковыми они в сущности были. Во-вторых, ни одно положение бабизма не может быть напрямую выведено из шейхитского учения (что не исключает параллелизма между отдельными их элементами, например, в представлении о Божьей Воле как созидательном начале мироздания). Таким образом, видеть в бабизме органичное продолжение шейхизма, некорректно и в главном, и в частном. В-третьих, следует избегать и другой крайности — это утверждать, что шейхизм и бабизм противоречат и чужды друг другу. Такое впечатление могло сложиться лишь от трудов теоретиков позднего шейхизма, т. е. Карим-хана Кирманйи и его последователей, характеристику которому мы уже давали (см. так-

<sup>130</sup> Другое название: «поташ».

<sup>131</sup> Букв.: ‘тусклости’.

<sup>132</sup> Из труда Шайха Ахмада «[Ответы на] вопросы монарха Фатх ‘Али Шāха» // رسائل الحكمة. С. 96–98.

же ниже). Если бы изначальный шейхизм был таковым, то трудно было бы объяснить, почему самым первым человеком, перед которым Баб 23 мая 1844 г. провозгласил свою миссию и который уверовал в Баба (Баб даже пожаловал ему титул «Баб ал-Баб» — «врата Врат»), был видный шейхит и ученик Сайида Казима — Мулла Хусайн Бушрүйайи<sup>133</sup>, а среди первых бабидов было множество шейхитов. По нашему мнению, правомерно сформулировать отношение шейхизма к бабизму так: *шейхизм подготовил почву для бабизма*, но не более того. В. Рафати пишет: «Хотя никто не может сомневаться в том, что шейхитские идеи создали интеллектуальную (intellectual) атмосферу, способствующую принятию Баба, необходимо изучить характер шейхитской предрасположенности [к учению Баба], что в результате привело к обращению некоторых шейхитов в бабизм. Для исторической достоверности важно помнить, что особенности верований шейхитов не были единственной причиной их обращения. Существенную роль в обращении сыграли харизматическая личность Баба вкупе с социальными, политическими и культурными факторами» [Rafati 1990: 105].

Какими именно положениями шейхитской доктрины была подготовлена почва для распространения бабизма? Пожалуй, не последнюю роль здесь сыграли усиленные мессианские ожидания раннего шейхизма и его учение о «Бāбе (Бāбах)». В. Рафати рассматривает в качестве одного такого положения и особую трактовку шейхитами вопроса о пророке Мухаммаде как замыкающем цепь пророков («печати пророчества»): «Хотя шейхиты полностью и не отвергают концепции завершения [пророчества] пророком Мухаммадом, их понимание данного предмета, как представляется, выводило на новый подход к понятию конечности [пророчества]. Согласно шейхитской теории, пророческий цикл начался с Адама и продолжался до пророка Мухаммада. В течение этого Адамова цикла появилось шесть главных пророков: Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус и Мухаммад. Между тем, как большинство мусульман верит, что Мухаммад был последним пророком, Шайх Ахмад утверждает, что Мухаммад был последним пророком только внутри этого (т. е. Адамова) цикла. Шайх выражает эту мысль при помощи каббалистической системы: он объясняет, что [арабская] буква *вав* при ее произношении состоит из согласного (*в*), гласного (*а* — *алифа*) и другого согласного (*в*). Первый согласный, чье числовое значение по *абджаду* составляет «шесть», указывает на шесть пророков в Адамовом цикле. Гласный (*алиф*), стоящий между двумя *вавами*, обозначает Қā'има<sup>134</sup> (букв.: 'стоящий'<sup>135</sup>), а второй согласный указывает на пророка, следующего за Қā'имом...» [Rafati 1990: 106]. А. Г. Туманский тоже цитирует в оригинале и в русском переводе отрывок из труда Сайида Казима с аналогичными вычислениями, хотя и без прямого упоминания Қā'има<sup>136</sup>.

Провозглашение Бабом своей миссии в 1260/1844 г. в Ширазе, положившее начало бабизму, раскололо шейхитов. Э. Браун вполне обоснованно выделяет

<sup>133</sup> Эта *нисба* обычно приводится в стяженной форме: Бушру'й.

<sup>134</sup> Баб при толковании пророчеств отождествлял себя с Қā'имом (Скрытым Имамом), точнее утверждал, что с его явлением исполнились пророчества о Қā'име, понимаемые символически (см. также ниже).

<sup>135</sup> Одно из определений *алифа* — «стоящий».

<sup>136</sup> Отрывок, цитируется не по оригиналу (очевидно, сочинение: Шарх ал-хутбат ал-тутунджийа), а по одной из скрижалей Бахауллы (основателя религии бахаи) [см.: Китаб-е Акдес 1899: 50–51, прил. I].



в шейхизме две школы: «старую» (по нашей терминологии, «раннюю») и «новую»<sup>137</sup>. «Если из лона первой он (бабизм. — Ю. И.) произошел и из нее в значительной мере черпал силы, то с последней пребывал в неистовом противостоянии» — заключает британский востоковед<sup>138</sup>. Не следует забывать также, что, как пишет Мирза Казембек, из двоих богословов, утвердивших Бабу смертный приговор, один был шейхит — некто Мамегани [Мамақанӣ] [Казем-Бек 1865: 35, а также примеч.]. Эта двойственная роль шейхизма в истории бабизма нашла отражение и в писаниях Баба и Бахауллы. Так, о Шайхе Ахмаде и Сайиде Казиме в главе 27 Қайӯм ал-асма' (Комментария на суру Иосифа)<sup>139</sup> Баб говорит следующее:

О народы земли! Во время Своего отсутствия Я ниспослал вам Врата. Но верующие, исключая немногих, проявили непослушание к ним. Прежде Я посылал к вам Ахмада, а позднее — Казима, но кроме чистых сердцем из вас, никто из вас не последовал за ними. Что приключилось с вами, о люди Писания? Ужель не боитесь вы Единого Бога истинного, Того, Кто есть ваш Господь, Ветхий Днями?... О вы, исповедующие веру в Бога! Заклинаю вас Тем, Кто есть Вечная Истина, разве нашли вы в предписаниях сих Врат нечто несовместное с заповедями Бога, установленными в сей Книге? Или ваше знание соблазнило вас из-за нечистоты вашей? Внемлите же, ибо подлинно ваш Бог, Господь Вечной Истины, пребывает среди вас и неусыпно наблюдает за вами... [Баб 2006: 49].

Карим-хана Кирманӣ в других своих писаниях Баб называет «средоточием адского пламени» (جوهر جواهر نار)<sup>140</sup>. В Китаб-и Йқан (Книга несомненности) Бахаулла высоко отзывается об основоположнике шейхизма и его преемнике<sup>141</sup>, но в той же Книге содержится и отповедь Карим-хану Кирманӣ. Если Баб, заявляя о новом религиозном откровении, пришедшем на смену исламу, и его последователи не сыскали и не могли сыскать для себя ничего кроме жесточайших преследований (тюремное заточение и мученическую смерть), по сравнению с которыми даже прежние гонения на шейхитов кажутся ничтожными, то в противостоянии Карим-хана Бабу прослеживается явная своекорыстная мотивация. Ведь перейди все шейхиты или их большинство в бабизм, исчезла бы община, в которой он только и мог претендовать на лидерство и власть. Такое высокомерный и амбициозный отпрыск царствующего дома Каджаров, презрительно относившийся к Сайиду 'Али Мухаммаду — выходцу из торгового люда, просто не мог допустить.

То, что ранним шейхитам были присущи ожидания именно скорого явления Қа'има/Махдї, несомненно. Но в каком виде и в какой мере выражались эти ожидания? Как справедливо отмечает Армин Эшраги (Armin Eschraghi), в трудах основателей шейхизма предсказания такого рода встречаются крайне редко и исключительно в завуалированной форме. «Разумеется, если бы в произведениях Шайха [Ахмада] и Сайида [Казима] явственно предсказалось явление [Қа'има/Махдї]..., то последователи [этой школы] не должны были бы полностью отрицать его скорое

<sup>137</sup> "The old and the new Sheykhí school" [Browne 1891: 241, n. E].

<sup>138</sup> Ibid.

<sup>139</sup> Так официально переводится данное Писание Баба на русский язык.

<sup>140</sup> Ср.: «the Quintessence of Hell-fire» [Browne 1891: 242, n. E].

<sup>141</sup> «И вот, когда настала пора сего дивного Дела недосягаемой [высоты], большинство астрономов возвестило о явлении в небе видимом Его звезды. Также и на земле засверкали лучи двух светил — Ахмада и Казима. Да освятит Бог места их упокоения!» [Бахаулла 2001: 55].

пришествие» — утверждает этот автор. Почему же тогда, задается он вопросом, большинство шейхитов все-таки отвергло Баба (заявившего, что в нем исполнились пророчества о Қā'име/Махдї), но в то же время первые бабиды вышли преимущественно из шейхитской среды? Объяснение этому обстоятельству, которое дает Армин Эшраги, представляется мне убедительным: «Поэтому приходится предположить, что указания [такого рода] Шайха [Ахмада] и Сайида [Кāзима] делались конфиденциально и только части избранных [учеников]<sup>142</sup> и не стали достоянием всех последователей шейхизма». В таком случае, отрицание большинством шейхитов «законности притязаний» Баба не должно вызывать удивления, заключает этот автор<sup>143</sup>. Наглядное подтверждение того, что усиленные мессианские ожидания были присущи по крайней мере части представителей данной школы, мне удалось обнаружить в заключительной части одного из ранних шейхитских текстов<sup>144</sup>, в которой содержатся следующие слова о «Скрытом Имаме»:

[Есть] надежда на то, что Истинный Преславный и Всевышний осияет в скором времени всех верующих лицецерением *воочию* царственной процессии Его святости<sup>145</sup>.

В наиболее известной ранней истории бабизма и религии бахаи — «Вестники рассвета» Набиля Зарандї (выходца из шейхитов), называемой также «Повествование Набиля», есть следующие строки:

Смерть сийида Кāзима привела к тому, что враги его вновь начали свою деятельность... На некоторое время страх и беспокойство охватили сердца верных последователей... но их печаль рассеялась с возвращением муллы Хусайна Бушрӯ'и, с честью выполнившего миссию, возложенную на него учителем. Мулла Хусайн вернулся в Кербелу в первый день мухаррама 1260 г. Хиджры<sup>146</sup>. Он ободрил и утешил опечаленных последователей своего возлюбленного вожда, напомнил им о его твердом обещании и призвал их к... пламенным усилиям в поисках скрытого Возлюбленного... он в течение трех дней принимал у себя множество опечаленных людей, которые спешили выразить ему, как главному представителю учеников сийида, свое горе и свою скорбь. Затем он пригласил к себе несколько самых выдающихся и надежных собратьев-учеников и осведомился у них о желаниях и последних наставлениях покойного вожда. Они ответили, что сийид неоднократно и настойчиво требовал от них покинуть свои дома, рассеяться повсюду... и посвятить себя поискам Того, о Чьем пришествии он так часто говорил. «Он нам сказал, — заявили они, — что Тот, Кого мы ищем, уже явлен...»<sup>147</sup>.

<sup>142</sup> Такое предположение представляется тем более вероятным, что шейхитская община (в отличие от бабидской и бахаи) допускала деление верующих на «избранных (посвященных)» и «рядовых». К тому же, Шайх Ахмад и Сайид Кāзим, из боязни преследования, остерегались раскрывать свои наиболее сокровенные и спорные, с точки зрения большинства шиитских богословов, воззрения широким массам.

<sup>143</sup> См. Eschraghi 2006: 48–50 (перевод прямых цитат мой. — Ю. И.).

<sup>144</sup> Это анонимный текст № 7, включенный в упомянутую сборную шейхитскую рукопись В 1895 (цит. фраза: Л. 90/б). Он без колофона, поэтому автор и дата переписки неизвестны. Но сочинение «Хайят ан-нафс» в той же рукописи имеет и колофон переписчика, из которого явствует, что его переписка окончена в 1242/1826 г. Очевидно, что анонимный текст должен был быть переписан ориентировочно в те же годы.

<sup>145</sup> Ср.: امید که حق سبحانه و تعالی در این زودی جمیع مؤمنین را بعین مویز کر داند.

<sup>146</sup> Соответствует 22 января 1844 г.

<sup>147</sup> Набил-и А'зам 2005: 71–72.

Но почему эти поиски должны были быть предприняты именно в 1260/1844 г., не годом раньше и не годом позже? Дать на это исчерпывающий ответ на основе источников — нелегкая задача, которую придется решать исследователям в будущем. Если бы речь шла только о новом главе общины шейхитов, это бы многое объясняло, но ведь события вышли за рамки этой общины, и поиски лидера увенчались рождением новой религиозной системы. На сегодняшний день имеются лишь косвенные данные, вынуждающие дополнять недостаток сведений более или менее вероятными предположениями. Очертим круг вопросов, которые возникают при решении этой основной задачи. Только ли смерть главы общины шейхитов в 1259/1843 г. побудила ее часть, под руководством Муллы Хусайна, искать нового лидера? Если да, то почему «Возлюбленный» был «скрытым» и почему его надо было разыскивать за пределами шейхитской среды, «рассеявшись повсюду»? Какое отношение гипотетический будущий глава шейхитов имел к статусу *Врат* (*Бāба*) и как его поиски могли привести к Сайиду ‘Али Мухаммаду, который не претендовал на руководство какой-либо общиной, а заявил о себе как о носителе нового религиозного откровения? А может быть, вовсе не нового главу общины искала эта группа шейхитов и под «скрытым Возлюбленным» подразумевала кого-то иного? И наконец, был ли 1260 г. хиджры особым, с точки зрения мессианских ожиданий в целом и для шейхитов в частности?

Сайид ‘Али Мухаммад отождествлял себя со «Скрытым Имамом» — Махдй, точнее, провозгласил, что с его явлением исполнились пророчества о Қā’име/Махдй, которые следует понимать фигурально. Использование шейхитской терминологии Сайидом ‘Али Мухаммадом (принятие им титула «*Бāб*») не может служить аргументом в пользу принадлежности его самого к шейхитам, хотя контакты с ними в пору своего пребывания в Ираке у него имелись. Ибо, если сам он был из их же числа, почему им все-таки понадобилось рассылать из Ирака группы во все области и края Персии в поисках «Возлюбленного», к тому же «скрытого»? Но желание говорить с первыми последователями языком реалий, понятных шейхитам, несомненно свидетельствует об их преобладании среди его сторонников на ранних этапах бабизма<sup>148</sup>.

Оба основоположника шейхизма не обозначали себя в своих трудах как *Врата* (*Бāб*). Однако при изучении их работ исследователю приходится нередко читать между строк в поисках скрытого смысла. Так, в предисловии к своему персидскому переводу упомянутого сочинения Шайха Ахмада «Жизнь души» Сайид Кāзим пишет:

...Неизбежно возникает необходимость, чтобы *владыка религиозного закона*<sup>149</sup> поддерживал со своей стороны одного из испытанных верующих... в разумении вопросов истины, в обосновании заповедей и в [постижении] всех божественных замыслов..., чтобы давал отпор он любым порочным измышлениям неверных и заблудших... И несомненно во всякую эпоху с их стороны бывал [установлен] довод среди людей для опровержения вымыслов недругов и мятежных вплоть до сей

<sup>148</sup> Здесь прослеживается аналогия с ранней историей христианства. Апостол Павел, найдя среди языческих святых в Афинах жертвенник «неведомому Богу», использовал этот местный культ, проповедуя афинянам новое учение (христианство): «Ибо проходя и осматривая ваши святые, я нашел и жертвенник, на котором написано: “неведомому Богу”. Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (Деян. 17:23).

<sup>149</sup> Один из эпитетов пророка Мухаммада.

поры..., когда преобладающие [в обществе] скепсис и подозрения лицемеров удвоились и усилились настолько, что притязатели на любовь к членам дома Мухаммада..., потянувшись к их врагам, ищут правду в их (т. е. врагов. — Ю. И.) пагубных книгах и письменах... пока Истинный [и] Всевышний не облагодетельствовал мусульман явлением света озаряющего мир солнца (أَقْتَابِ عَالَمَاتِب), цитадели знания и просвещенности, престола познаний непогрешимых и непорочных домочадцев [пророка]... того, кто есть сверкающий росчерк монаршего пера, [во исполнение стиха]: «И устроили Мы между ними и теми селениями, которые благословили там, *зримые селения* (قَرَى ظَاهِرَة)...»<sup>150</sup>, и кто изошел из Источника величия и щедрости, во имя славное и драгоценное — [во имя] его святости [пророка],... то есть наш покровитель, наш наставник, наш Шайх и наш господин — аш-Шайх Ахмад б. Шайх Зайн ад-дин...<sup>151</sup>

Не только сам контекст этого знаменательного отрывка наводит на мысль, что Шайх Ахмад мыслился Сайидом Казимом как посредник в божественном водительство, «довод Божий», поставленный для своей эпохи, но и термин *зримые селения*, используемый для обозначения такого посредника наряду с «*Бāб*» (см. выше), недвусмысленно на это указывает. Не менее красноречивым выглядит обращение к Шайху некого Сайида Мухаммада — несомненно одного из его учеников, с письменным вопросом, содержащим следующие эпитеты:

...ключ к сокровищницам таинств непорочных [*имамов*]... наш господин, средоточие наших чаяний, зеница наших очей и наш наставник... рудник божественных истин и глубин просвещенности господней, обладатель души священной [и] божественной (صاحب النفس القدسية الألهوتية)... и особая гордость непорочных [*имамов*] — наш славный Шайх и наш блистательный господин, вобравший в себя истины и ученость, лампада людей знания и просвещенности, *Врата* (باب) града таинств непорочных [*имамов*], аш-Шайх Ахмад б. Зайн... Я ваш раб, вопрошающий у *Врат* вашей благодати...<sup>152</sup>

В свете шейхитского учения едва ли можно видеть в дважды повторяющемся слове *Врата* в составе эпитетов лишь лестную метафору восторженного почитателя. Да и «обладатель души священной и божественной» звучит как нечто среднее между уровнем душ обычных людей и *имамов*, по шейхитской градации (см. Учение). Таким образом, можно допустить, что глава общины мыслился шейхитам или какой-то их части как *Бāб*. Соответственно, правомерно предположить, что для части шейхитов, разошедшихся по Персии в поисках «Возлюбленного» после смерти Сайида Казима, глава их общины и *Бāб* совмещались в одной личности. Правда, такому допущению противоречит то, что «главу общины» пришлось искать за ее пределами. Однако, очевидно, что кем бы ни представлялся первоначально отдельным шейхитам «Возлюбленный», признавшие Сайида 'Али Мухаммада-*Бāба* вскоре осознали, что в его лице столкнулись с явлением значительно более крупного масштаба, одновременно переосмыслив и свое отношение к своей прежней общине (точнее к тому, что от нее осталось), принадлежность к которой теперь, после их обращения в бабизм, сделалась для них бессмысленной. У. Хэтчер

<sup>150</sup> Коран 34:17/18. См. пояснение к этому стиху и термину «зримые селения» выше.

<sup>151</sup> Лит. Рк 213.

<sup>152</sup> Рук. А 706. Л. 83/б–84/а.

и Дж. Мартин, говоря о Книге Баба: Қайўм ал-асма' (см. выше), начало которой было положено в ночь объявления Бабом своей миссии в присутствии Муллы Хусайна, пишут: «...Сейид Али-Мохаммад величает себя также принятым у мусульман титулом “Баб” (Врата), хотя из контекста ясно, что в это слово он вкладывает духовный смысл, существенно отличный от мусульманской традиции»<sup>153</sup>. С этим трудно не согласиться. Уже в первой главе данной Книги Баб определяет свое откровение словом, применяемым только к откровениям пророков-основателей религий (ваҳй). Вот выдержки из нее:

О слуги Всемилового...! Следуйте тому, что внушил Нам Бог через Откровение (ما اوحى الله اليّنا) из заповедей *Врат* (من احكام الباب) в сей Книге, покоряясь Богу и Делу Его... (I)<sup>154</sup>;

О народы земли! ...Книга сия силою верховной Истины охватила землю и небеса могущественным Словом Божиим о Том, Кто есть Высшее Свидетельство, ожидаемый Ка'им... Сия посланная свыше Книга прочно утвердила Доказательство Его для всех обитателей Востока и Запада... (LIX)<sup>155</sup>;

...Мы ниспослали сию вдохновенную свыше (من عند الله) Книгу Слуге Нашему...» (III)<sup>156</sup>;

О чада человеческие! Если веруете в единого Бога Истинного, последуйте за Мной, сим Величайшим Поминанием Божиим<sup>157</sup>, посланным вашим Господом... (III)<sup>158</sup>;

Не говорите: «Как Он может вещать о Боге, когда ему... не более двадцати пяти лет?»... Вот пред очами вашими Моя Книга, написанная... в присутствии Бога как часть Матерь-Книги (IX)<sup>159</sup>;

О сонм верующих! Склоните слух ваш ко Гласу Моему... Подлинно, Бог открыл (اوحى) мне, что Стезя Поминания, проторенная Мною, есть истинно прямая Стезя Божия, а всякий, кто исповедует иную веру, кроме сей праведной Веры (هذا الدين القويم), будучи призванным к ответу в Судный День, обнаружит, что, по начертанному в сей Книге, не стяжал пользы от Религии Божией... (LXIII)<sup>160</sup>;

Станьте истинными братьями в единой и неделимой религии Божьей, отринув всякие различия, ибо, воистину, Бог желает, дабы сердца ваши стали зеркалами для ваших братьев по Вере и вы отражались бы в них, а они в вас... (XLVI)<sup>161</sup>;

С каждым из Пророков, Коих Мы посылали на землю в прошлом, Мы устанавливали особый Завет относительно Поминания Бога и Его Дня... (XCI)<sup>162</sup>.

Теперь о годе. Подтверждением того, что у шейхитов были основания ожидать появления именно «Скрытого Имама» в 1260/1844 г. (независимо от смерти их вождя) служат и некоторые мессианские пророчества. Остановимся лишь на том, которое цитирует Шайх Аҳмад. В его трактате «О возвращении» среди прочих

<sup>153</sup> Новая мировая религия: 18.

<sup>154</sup> Рук. В 1141. Л. 3/а и С 1167. 2/б (перевод мой. — Ю. И.).

<sup>155</sup> Баб 2006: 54. См. оригинальный текст в рук. В 1141. Л. 126/б и С 1167. Л. 81/а–б.

<sup>156</sup> Там же. См. оригинальный текст в рук. В 1141. Л. 5/б и С 1167. 4/б.

<sup>157</sup> «Поминание Божие» — одно из мистических имен, которые прилагал к себе Баб.

<sup>158</sup> Баб 2006: 44. См. оригинальный текст в рук. В 1141. Л. 6/б и С 1167. Л. 5/а.

<sup>159</sup> Там же. С. 45. См. оригинальный текст в рук. В 1141. Л. 16/а и С 1167. Л. 11/б.

<sup>160</sup> Там же. С. 57. См. оригинальный текст в рук. В 1141. Л. 136/б и С 1167. Л. 87/б.

<sup>161</sup> Там же. С. 52. См. оригинальный текст в рук. В 1141. Л. 47/б и С 1167. Л. 61/б.

<sup>162</sup> Там же. С. 61, ср. ту же тему на С. 45 (V), также в рук. В 1141. Л. 10/а, 92/а и С 1167. Л. 10/б,

приводится известное предание, со ссылкой на *имам* Джа‘фара ас-Сāдиқа, о Қā’име/Махдї, содержащее указание на «год шестидесятый»:

... в шестидесятом году (вариант: с шестидесятого года) будет явлено Его Дело, возвысится поминание о Нем, и огласится призыв во Имя Его...<sup>163</sup>

Итак, бабизм изначально отличался от шейхизма по сути и по форме, заявив о себе с первых дней как о феномене принципиально иного масштаба. Если возможна аналогия между иудаизмом и христианством, возникшим на почве мессианских ожиданий в иудаизме, с одной стороны, и исламом и бабизмом, возникшим на почве мессианских ожиданий в исламе, с другой, то нишу кумранской идеологии, которую многие исследователи рассматривают как «промежуточное звено» между иудаизмом и христианством<sup>164</sup>, во взаимоотношениях между исламом и бабизмом по праву занимает шейхизм. Естественно, данное утверждение будет корректным лишь с поправкой на то, что любые аналогии относительны.

В заключение статьи укажем, что шейхизм явился интереснейшим феноменом. Как школа внутри ислама он характеризовался эзотерической направленностью, чем создал альтернативу исламскому мистицизму — суфизму, но на чисто шиитской основе. Его значение, однако, вышло за рамки ислама, так как он подготовил почву для самостоятельной религиозной системы — бабизма, в свою очередь проложившего путь для новой религии — веры бахаи. Эзотерические, как и мессианские мотивы, не выражены в шейхитских трудах явно, поэтому будущим исследователям предстоит углубленная работа по их более детальному вывлечению и исследованию.

## Литература

### 1. Рукописи и литографии из собрания ИВР РАН

Баб. «Қайўм ал-асма’ / Комментарий на суру Иосифа» (قِيَوْمِ الْأَسْمَاءِ), рук. В 1141 и С 1167. Маджлиси Муҳаммад Бақир б. Муҳаммад Тақй. «Провиант [в дорогу] к месту возврата» (زاد المعاد), лит. Ps III 13.

### Сочинения Шайха Аҳмада

«Жизнь души» (حيوة النفس), рук. В 1895.

«Ответ ас-Сайиду ал-Ҳасану б. ас-Сайиду ал-Бақиру ал-Бушрўй ал-хурасанї» (اجابة الى السيد الحسن بن السيد الباقر البشروي الخراساني), рук. В 4269.

«Книга о непогрешимости» (كتاب العصمة. تأليف الشيخ احمد بن زين الدين الاحساني. // كتاب العصمة) بيروت: الدار العالمية 1993.

«Ответ Йа‘қубу б. ал-Ҳāджжи Қасиму аш-Ширванї» (اجابة الى يعقوب بن الحاجي قاسم الشرواني), лит. В 4269.

«[Ответы на] вопросы монарха Фатх ‘Али Шāха». (سؤالات السلطان فتح علي شاه) // رسائل الحكمة. تأليف شيخ المتألهين الشيخ احمد بن زين الدين الاحساني. بيروت: لبنان الدار العالمية, 1993.

<sup>163</sup> Ср.: ... قال المفضل يا مولاي فكيف في ظهوره عليه السلام قال يظهر من سنة الستين امره و يعر ذكره و يندي بلسمه ...

Цит. по: رسالة رجعت. С. 83. См. также: Tarikh-i-Jadid: 325.

<sup>164</sup> См., например, очень показательную в этом отношении книгу: От Кумрана до новозаветного канона. Основные этапы формирования мессианско-эсхатологического культа учителя праведности. Рукописи Н. Е. Зубер-Яникум / Ред. и примеч. А. Е. Грузова. СПб., 2004.

- «Сочинение — ответ на вопросы Муллы Казима б. ‘Али Тақй ас-Симнāй»  
(رسائل الحكمة... // رسالة في جواب سؤالات الملا كاظم بن علي تقى السمناي).
- «Сочинение — ответ Мулле Мухаммаду Тахиру» (الرسالة الطاهرية في جواب الملا محمد طاهر) // رسائل الحكمة...  
رسائل الحكمة.
- «Сочинение — ответ аш-Шайху Рамазану» (رسائل الحكمة... // رسالة في جواب الشيخ رمضان)
- «Сочинение — ответ ас-Сайиду Шарифу» (رسائل الحكمة... // رسالة في جواب السيد شريف)
- «Сочинение [составленное из] ответов на вопросы Мирзы Джа‘фара ан-Нувваба»  
(رسائل الحكمة... // رسالة في جواب سؤالات الميرزا جعفر النواب).
- «Сочинение [составленное из ответов на вопросы] ал-Джилāни о сущности разума, души и духа и о различии между ними» (الرسالة الجيلانية في حقيقة العقل و النفس و الروح و الفرق بينها), рук. В 4274.
- «Толкование на [пространную молитву, произносимую] во время паломничества [у шиитских святынь]» (شرح الزيارة الجامعة الكبيرة), рук. D 702.
- «Толкование на сочинение Мухаммада Хусайна ал-Анарй ал-Кирмāни»  
(شرح على رسالة محمد حسين الاناري الكرمانى), рук. В 4269.

#### Сочинения Сайида Кāзима

- «Компендиум [составленный по вопросам Мухаммада Бақира ат-Табйба] ал-Бахбахāни»  
(الرسالة البيهاتية), рук. В 4269.
- «Основополагающие догматы веры» (اصول عقايد), лит. Ps II 157.
- «Ответы на вопросы некоторых судей (?) по всем аспектам, относящимся исключительно к (букв.: ‘их’) шиитам» (اجوبة على مسائل بعض الديانين في كل باب من الذي خصوا به شيعةهم), рук. A 1577.
- «Прохождение по духовному пути и подвижническая жизнь — персидский перевод с арабского сочинения Сайида Кāзима Раштй “ас-Сайр ва-с-сулук”, переводчик — Хусайн б. ‘Али Табрйзй хусрау-шāхй» (سيرو سلوك لكاظم الرشتي، مترجم حسين بن علي التبريزي خسروشاہي), рук. C4277 и лит. Ps II 157.
- «Путеводитель растерянных» (دليل متحيرين), лит. Pк 213.
- «Сочинение — раскрытие истины при изъяснении телесного вознесения [на небо]»  
(رسالة كشف الحق في بيان معراج جسمانية), рук. В 4269.
- «Сочинение [составленное из ответов] Мирзе Хасану Хиндй» (رسالة ميرزا حسن هندي), лит. Pк 213.
- «Сочинение [для] Шарифа» (رسالة شريفه), лит. Pк 213.

#### 2. Издания и переводы источников, исследования

- Баб 2006: *Баб*. Избранное из Писаний. М.
- Бахаулла 2001: Бахаулла. Китāб-и Йқāн / Академический пер. с перс., предисл., коммент. и текстологич. приложение Ю. А. Иоаннесяна. СПб.
- Иоаннесян 2003: *Иоаннесян Ю. А.* Очерки Веры Баби и Бахаи: Изучение в свете первичных источников. СПб.
- Ибн ал-‘Араби 1995: *Ибн ал-‘Араби*. Мекканские откровения / Введ., пер. с араб., примеч. и библиография А. Д. Кныша. СПб.
- Ислам 1991: Ислам. Энциклопедический словарь / Под ред. Г. В. Милославского и др. М.
- Казем-Бек 1865: *Казем-Бек Мирза*. Баб и бабиды: религиозно-политические смуты в Персии в 1844–1852 годах. СПб.
- Китаб-е Акдес 1899: *Китаб-е Акдес*. ‘Священнейшая книга’ современных бабидов / Текст, пер., введ. и приложения А. Г. Туманского. СПб. (Записки АН по историко-филологическому отделению. Т. III).
- Набйл-и А‘зам 2005: Набйл-и А‘зам. Вестники рассвета. Повествование о ранних днях Откровения Бахаи / Пер. с англ. Т. 1. М.

- Петрушевский 1966: *Петрушевский И. П.* Ислам в Иране в VII–XV веках (курс лекций). Л.
- Прозоров 2004: *Прозоров С. М.* Ислам как идеологическая система. СПб.
- Сурдель 1981: *Сурдель Д.* Имамитские концепции в начале XI в. в характеристике аш-Шайха ал-Муфида / Пер. с франц. А. Б. Куделина // *Мусульманский мир: 950–1150*. М. С. 207–220.
- Тримингэм 1989: *Тримингэм Дж.* Суфийские ордены в исламе / Пер. с англ. под ред. и с предисл. О. Ф. Акимушкина. М.
- Хэтчер, Мартин 1995: *Хэтчер У., Мартин Д.* Новая мировая религия. Вера Бахаи / Пер. с англ. С. Сухарева. СПб.
- Щеглова 1975: *Щеглова О. П.* Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании ЛО ИВ АН СССР. Т. 1. М.
- Amir-Moezzi 2001: *Amir-Moezzi M. A.* An Absence Filled with Presences: Shaykhiya Hermeneutics of the Occultation (aspects of twelver Shi'ite imamology VII) // *The Twelver Shia in Modern Times: Religious Culture and Political History*. Leiden; Boston. P. 38–58.
- Amoli 1969: *Amoli S. H.* Jāmi' al-asrār. La Philosophie Shi'ite. 1. Somme de doctrines ésotériques (Jāmi' al-asrār) 2. Traité de la connaissance de l'être (Fī ma'rifāt al-wojūd) / Textes publiés avec une double introduction et index par H. Corbin et O. Yahia. Téhéran; Paris.
- Browne 1891: A Traveller's Narrative written to illustrate the Episode of the Bab / Ed. in the original Persian, and transl. into English, with an Introduction and explanatory notes, by E. G. Browne. Vol. 2. Cambridge.
- Browne 1893: *Tārīkh-i-Jadīd*. The new History of the Bāb / Transl. by E. G. Browne. Cambridge.
- Browne 1910: *Kitāb-i-NUQATU'L-KAF*, being the earliest History of the Bābīs compiled by Hajji Mirzá Jānī of Kāshān / Ed. from the unique Paris ms. suppl. persan 1071 by E. G. Browne. London.
- Cole 1994: *Cole J. R.* The World as Text: Cosmologies of Shaykh Ahmad al-Ahsa'i // *StIs*. 80. P. 1–23.
- Corbin 1961: *Corbin H.* Terre céleste et corps de resurrection de l'Iran Mazdéen à l'Iran Shi'ite. Paris.
- Corbin 1962: *Corbin H.* History of Islamic Philosophy / Transl. by L. Sherrard with the assistance of Ph. Sherrard. London.
- Corbin 1967: *Corbin H.* L'école Shaykhie en Theologie Shi'ite. Tehran.
- Corbin 1971: *Corbin H.* En Islam iranien: Aspects spirituels et philosophiques. Vol. 1: Le Shi'isme duodécimain. Paris.
- Corbin 1972: *Corbin H.* En Islam iranien: Aspects spirituels et philosophiques. Vol. 4: L'École d'Ispahan, L'École shaykhie, Le Douzième Imam. Paris.
- Donaldson 1933: *Donaldson D. M.* The Shi'ite Religion. A history of Islam in Persia and Iraq. London (Luzac's Oriental Religions Series. Vol. VI).
- Eschraghi 2006: *Eschraghi A.* Karim Khan-i Kirmani's Antagonism towards the Bābī and Bahā'i Faiths [in Persian]. Wilmette (Safiniy-i Īrfān. Studies in Principal Beliefs and Sacred Texts of the Bahā'i Faith. Bk. 9. Pt. 2).
- Gobineau 1900: *Gobineau, le comte de.* Les religions et les philosophies dans l'Asie centrale. 3<sup>ème</sup> éd. Paris.
- Hodgson 1986: *Hodgson M. J. S.* 'Abd Allāh b. Saba' // *EIs*. Vol. I. P. 51.
- Rafati 1990: *Rafati V.* The Development of Shaykhi Thought in Shi'i Islam // *The Baha'i Faith and Islam*. Proceedings of a Symposium. McGill University (March 23–25, 1984). Ottawa. P. 93–109.



## ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПОЛИТОГЕНЕЗА У ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С. Г. Кляшторный (Санкт-Петербург)

Важнейшим фактором политогенеза у кочевых племенных сообществ Центральной Азии и Южной Сибири явилось их весьма раннее вхождение в сферу прямого или опосредованного воздействия социально более дифференцированной и уже урбанизированной цивилизации. Именно формирование в бассейнах Хуанхэ и Тарима во II–I тыс. до н. э. крупных цивилизационных очагов, сопровождавшееся исторически интенсивными по срокам процессами политогенеза, привело во второй половине I тыс. до н. э. к появлению в северной лесостепной и горностепной зонах, близких или прилегающих к долинам названных рек, ранней степной государственности, весьма отличной от китайской государственности, с почти сразу же обозначившимися элементами имперской структуры.

Естественно, мы можем проследить этот процесс только в том виде, в каком он представлен летописцами той эпохи, историографами, чьи ментальные конструкции и подходы к отражению окружающего мира определялись иными, чем у нас, требованиями и параметрами.

Первоначально, в V–IV вв. до н. э., тенденция к интеграции в объединение имперского типа полилингвальной и полиэтничной массы скотоводческих племен определялась военными потенциями юэчжийского племенного союза, чье господство или военное преимущество было неоспоримым на пространстве от Восточного Притяньшанья и Горного Алтая до Ордоса. Но на рубеже III–II вв. до н. э., в ходе длительных и жестоких войн за власть над Степью, военные приоритеты перешли к их северо-восточным соседям и прежним данникам, племенам сюнну (гуннам).

В эпоху сюнну простые единицы социального и квазиполитического устройства, обозначаемые в современной научной литературе термином «вождество» (chiefdom), трансформировались в то состояние, которое мы определяем термином «раннее государство» (early state), а применительно к обозначенным месту и времени — термином «архаичная империя» (archaic empire), объединенная силой или угрозой силы и сама состоящая из раннегосударственных образований и вождеств. Держава гуннов, выросшая из военной демократии жунских племен VI–V вв. до н. э., сложилась в борьбе не на жизнь, а на смерть с соседними племенами и китайскими царствами. Основатели страны и их преемники видели свою главную цель в господстве над «всеми народами, натягивающими лук» (т. е. над кочевниками) и превосходстве над «людьми, живущими в земляных домах» (т. е. над оседлыми земледельцами); такое государство могло существовать только на военно-административных принципах.

Впрочем, по мнению Т. Дж. Барфилда [Barfield 1992], не следует преуменьшать сохраняющееся значение племенной аристократии, а саму гуннскую державу лучше обозначить термином «имперская конфедерация» (imperial confederacy). Он полагает,

что для внутреннего развития кочевого общества государственные структуры не нужны, и они возникают у кочевников только в результате воздействия внешних обстоятельств, исключительно для военного принуждения соседних оседлых государств к уплате дани (subsidies) или открытию пограничных рынков [Barfield 1992: 45–60]. Напротив, по мнению Е. И. Кычанова, государство гуннов, как и иные государства кочевников, возникло в результате внутренних процессов в самом кочевом обществе, процессов имущественного и классового расслоения, приведших к рождению государства со всеми его атрибутами [Кычанов 1997: 3, 6–38; 2010: 7, 11–49].

Во главе государства гуннов стоял шаньюй, чья власть была строго наследственной и освященной божественным авторитетом. Его называли «сыном Неба» и официально титуловали «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный, великий гуннский шаньюй». Власть государя определялась его правами и функциями: а) правом распоряжаться всей территорией государства, всеми землями, принадлежавшими гуннам, и функцией охраны этой территории; б) правом объявления войны и заключения мира и функцией личного руководства войсками; в) правом концентрировать в своих руках все внешние сношения государства и функцией определения внешнеполитического курса; г) правом на жизнь и смерть каждого подданного и функцией верховного судьи. Вероятно, шаньюй был и средоточием сакральной власти; во всяком случае, все упомянутые источниками действия в защиту и соблюдения культа исходили от шаньюя, который «утром выходил из ставки и совершал поклонения солнцу, а вечером совершал поклонение луне» [Кляшторный, Савинов 2005: 30]. Верховного владельца окружала многочисленная группа помощников, советников и военачальников, однако, решающее слово всегда оставалось за шаньюем, даже если он действовал вопреки единодушному мнению своего окружения.

В этой небольшой по объему статье я, разумеется, не могу охарактеризовать другие государственные институты гуннской державы, однако мне представляется верным наблюдение Дж. Флетчера, считающего, что «тенденция к империи» в раннегосударственных образованиях центральноазиатских кочевников проявлялась прежде всего во все возрастающей абсолютизации ханской власти и развитии жесткой военизированной структуры их административных и политических формирований [Fletcher 1986: 21]. И если бы был прав Л. Н. Гумилев, усмотревший разрыв традиции между сюнну (гуннами) и Тюркским каганатом, так же как и между Тюркским каганатом и империей Чингис-хана [Гумилев 1967: 6, 340], то казалось бы очень странным, учитывая четырехвековой разрыв во времени, развитие и усиление в каганатах тех же форм власти главы государства, что и в гуннской державе. В самом деле, давайте рассмотрим, как проявляются в текстах орхонских памятников деяния кагана, определяющие его функции [см.: Кляшторный 2003: 61–64, 243–245]. Каган был прежде всего гарантом благополучия «вечного эля», а основным условием существования «вечного эля» провозглашены верность кагану бегов и «всего народа». Его имя кагана выступает в памятниках как эпоним («в эле Бильге-кагана») и синоним («земля Капаган-кагана») названия государства. Ради «тюркского эля» каган должен «приобретать (т. е. предпринимать завоевания) до полного изнеможения», ради народа тюрков он должен «не спать ночей, не сидеть без дела днем». Война и мир, битва и союз — все решается по воле кагана для благоденствия тюркского эля. Военные и дипломатические прерогативы кагана абсолютны, но им не исчерпываются все его функции.

Надписи постоянно фиксируют конкретные действия кагана и тем определяют его место в системе управления. Так, каган а) поселяет и переселяет побежденные племена, т. е. заново определяет их территорию; б) расселяет тюрков на завоеванной территории, распределяя земли между племенами; в) собирает, расселяет и «устраивает» тюрков в «стране Отюкен», т. е. на коренной территории народа тюрков; г) передает на определенных условиях часть земель в своей собственной стране каким-то группировкам иммигрантов (например, согдийцам и китайцам). Главным преступлением народа против кагана и «вечного эля» была провозглашена откочевка на другие земли, т. е. выход из-под каганской власти. Поэтому памятники полны предостережений и угроз против тех, кто замыслил откочевку, а к числу главных функций кагана отнесено «собрание» и «устройство» народа на подвластной кагану территории, т. е. создание политической организации, системы управления.

Связь гуннской и тюркской политических традиций очевидны, никакого разрыва между ними не наблюдается. Что же их связало во времени и пространстве? Здесь следует обратить особое внимание на ту группу племен, которая в IV — первой половине VI в. восприняла имперскую традицию и военно-административную систему гуннской державы и включила в эту систему будущих носителей власти, будущих продолжателей степной государственности — тюрков-ашина и гаоцзююгузов. А ведь в IV–VI вв., до создания Тюркского каганата, этнополитическую обстановку во Внутренней Азии определяли прежде всего сяньбийцы-табгачи, властвовавшие над Северным Китаем и ставшие элитной частью его населения, и сяньбийцы-жоужани, создавшие в Монголии и Джунгарии свою степную империю. Язык этих племенных объединений определен и частично реконструирован Л. Лигети, и это был монгольский (протомонгольский) язык [Ligeti 1970]. Между 424–431 гг. табгачи создали в Северном Китае единую империю, завершив период политического распада этой страны. А племена жоужань создали в конце IV в. уже на территории Монголии еще одну степную империю, правитель которой носил титул каган (хан), вполне адекватный по положению и функциям гуннскому титулу шаньюй. Самоназвание «жоужань» реконструируется как «нёкёр». Главными этнополитическими составляющими Жоужаньской империи были прамонгольские племена аваров, сяньбийцев и татар, а также значительная масса покоренных тюркоязычных племен — тюрков-ашина и огузов (гаоцзюй) [Кляшторный, Савинов 2005: 48–60].

Подводя общий итог сделанным наблюдениям, мы можем констатировать: 1) сообщества кочевых племен Центральной Азии VIII–V вв. до н. э., по достаточно определенной характеристике современных им письменных источников, не имели политической организации, выходящей за рамки родоплеменных и военно-демократических институтов; 2) коренные изменения в их среде произошли в IV–III вв. до н. э., когда сложилась зафиксированная в источниках новая надплеменная организация — раннее государство, управляемое иерархически структурированной военно-племенной аристократией; 3) имперская структура верховной власти предопределила глубокие социальные изменения не только внутри господствующей племенной группировки, но и в зависимых от них сообществах, где резко интенсифицировались процессы политогенеза, которые нашли свое отражение в унифицированной для всего центральноазиатского мира политической терминологии кочевников; 4) после краха гуннской державы трансляция имперской традиции и степной государственности перешла к монголоязычным

племенам — потомкам древних ухуаней и сяньбийцев (табгачам и жоужаням); 5) своего классического воплощения новая социально-политическая структура достигла в VI–VIII вв., когда в рунических текстах орхонских тюрков и енисейских кыргызов появились собственные термины, обозначающие как государственную политическую организацию («эль»), так и сохраняющуюся этноплеменную общность («бодун»).

## Литература

- Гумилев 1967: *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М.
- Кляшторный 2003: *Кляшторный С. Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.
- Кляшторный, Савинов 2005: *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб.
- Кычанов 1997: *Кычанов Е. И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.
- Кычанов 2010: *Кычанов Е. И.* История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. СПб.
- Barfield 1992: *Barfield T. J.* The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China. Cambridge (Mass.); Oxford.
- Fletcher 1986: *Fletcher J.* The Mongols: ecological and social perspectives // HJAS. Vol. 46/1. P. 11–50.
- Ligeti 1970: *Ligeti L.* Le tabgatch, un dialecte de la langue sien-pi // Mongolian studies. Amsterdam (Bibliotheca Orientalis Hungarica. T. XIV). P. 265–308.

# ДЕЯНИЯ ХОСРОВА I АНУШИРВАНА (531–579) В ОСВЕЩЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОЧНИКОВ<sup>1</sup>

А. И. Колесников (Санкт-Петербург)

Тема данной статьи имеет прямое отношение к истории древнего города-крепости Дербенда, строительство оборонительных стен которого в значительной степени приходится на время царствования сасанидского шаханшаха Хосрова I Ануширвана (531–579). Его почетное иранское прозвище *apōšag-guwān* («имеющий бессмертную душу») и арабское *‘ādil* («справедливый»), закрепленные в средневековой историографии, подчеркивали исключительное благочестие и другие высокие моральные качества монарха. Большой авторитет Хосрова Ануширвана в мусульманской среде поддерживался хадисом, согласно которому пророк гордился своим рождением в эпоху этого государя. Мухаммаду приписывали высказывание «Я родился во время Справедливого царя»<sup>2</sup>.

Характеристика государственной деятельности Хосрова I опирается на четыре группы источников, которые, по моему мнению, дают наиболее ценную информацию о событиях в Иране VI в., а именно:

а) Около двух десятков сочинений разного жанра на арабском и персидском языках, составленных в IX–XIII вв., а именно труды ад-Динавари, ал-Йа‘куби, ал-Мас‘уди, ат-Табари, Бал‘ами, Хамзы ал-Исфахани, Фирдоуси, Ибн Мискавейха, Ибн ал-Балхи, Незам ал-Мулка, Ибн ал-Асира, анонимные «Худуд ал-‘Алам», «Муджмал ат-таварих», «Сказание об Ануширване» и др. Их сведения о доисламском Иране в свою очередь восходят к недошедшей до нашего времени пехлевийской «*Xwadāy-nāmag*» («Книге владык»), официальной истории Сасанидов (VII в.) и *kāg-nāmag*’ам («книгам деяний») отдельных ее правителей.

б) Немногие оригинальные пехлевийские сочинения, составленные на среднеперсидском языке, датируемые временем последних Сасанидов и первыми веками Ислама; к ним относятся «*Xusrō ī Kawādān ud gēdag*» («Хосров сын Кавада и его паж»), «*Šahrestānīhā ī Ērān*» («Города Ирана»), «*Dēnkard*» («Деяния веры»). Они демонстрируют отдельные эпизоды многогранной деятельности Хосрова Ануширвана.

в) Синхронные сасанидской эпохе сирийские источники (прежде всего сборник «Деяний несторианских соборов V–VII вв.») и «Несторианская история» (или

<sup>1</sup> Статья представляет расширенную версию доклада, прочитанного на международной научной конференции под эгидой ЮНЕСКО «Дербент–2000. Перекресток цивилизаций» (г. Москва, «Президент–Отель», 10 июня 2015 г.).

<sup>2</sup> В тексте: *ولدت في زمن ملك العادل*. В современной литературе принято считать, что Мухаммад родился ок. 570 г., на 40 г. царствования Хосрова I Ануширвана [Пиотровский 1991: 178]. Сведения средневековых источников приводят более поздние даты. Хамза ал-Исфахани в этой связи называет сорок первый год царствования, т. е. 571 г. [Hamae Ispahanensis, textus: 60.7–9]. По информации Ибн ал-Асира, это событие имело место в 44 г. правления Ануширвана, т. е. в 574 г. н. э. [Maškūr 1367/1988, II: 749]. На 24 г. царствования Хосрова I (554 г.) приходится рождение его отца Абдаллаха б. Абд ал-Мутталиба (Abū an-Nabī) [Ibn Miskawayh: 182.8–10].

«Хроника Сеерта»), написанная сирийским клириком по-арабски в VIII в., которые характеризуют политику шаханшаха по отношению к своим христианским подданным и духовным руководителям Церкви Востока.

г) Сасанидская эпиграфика на памятниках материальной культуры V–VII вв. (легенды на монетах, печатях и буллах должностных лиц, строительные надписи). Они дают представление об административном аппарате и реальных границах Сасанидского государства в описываемую эпоху.

В сочинениях первой группы главное внимание уделяется магистральным направлениям деятельности шаханшаха Хосрова I Ануширвана: борьбе с опасной ересью в зороастризме — религиозно-социальным движением маздакизма; завершению земельной и военно-административной реформ, начатых его предшественником Кавадом (488–531); войнам Ирана на западе с Византией, на востоке — с эфталитами и тюрками; завоеванию Йемена в Южной Аравии; укреплению границ и строительству оборонительных сооружений на окраинах государства; и, наконец, — монаршему покровительству развитию наук, философии и светской литературы в стране.

Хамза ал-Исфахани (X в.) при изложении деяний Хосрова I немногословен. Он начинает с краткого описания облачения царя, восседающего на троне: «Кисра Ануширван б. Кубад. На нем белая рубашка, выкрашенная в разные цвета, и штаны небесного цвета; он сидит на троне, опираясь на меч» [Hamzae Isphahanensis, textus: 57.6–9]<sup>3</sup>. После этого историк сразу же переходит к изложению градостроительной деятельности шаханшаха («он основал многие города»), но называет только два города — Beh az Andīw Xusrāw («Лучшая Антиохия Хосрова») в составе столичного мегаполиса Ктесифон-Бех Ардашир и Xusrāw-Šārūr. Затем Хамза упоминает о том, что при Хосрове Ануширване была построена в Дербенде оборонительная стена, протяженность которой от моря и до гор составила около 20 *фарсахов*, что расходится с данными археологических обследований<sup>4</sup>. Подчеркивая важное значение, которое Хосров Ануширван придавал охране сасанидских владений на Кавказе и в прикаспийских областях, автор иллюстрирует свой тезис информацией о назначении в пограничные княжества командующих с приданными им воинскими отрядами. Для их содержания выделялись имения, которые они могли передавать по наследству детям. По утверждению историка, «их потомки до настоящего времени являются стражами той стены». Каждого из назначенных им удельных правителей в пограничных областях Хосров I жаловал титулом *шаха* подчиненной ему территории. Так появились на Кавказе *аланишахи*, *ширванишахи*, *богранишахи*, *филяншахи*<sup>5</sup>. К наиболее ярким победам Хосрова Ануширвана Хамза ал-Исфахани относит завоевание города Сарандиба в Индии, завоевание «города Константина» (*madīnat qasāntāniyat*)<sup>6</sup> и освобождение Йемена от власти Эфиопии. Последнюю победу он считает наиболее выдающейся, так как она была добыта именитыми узниками, принадлежавшими к сасанидскому роду и к потомкам Бахмана, сына Исфандийара, которые были выпущены из тюрьмы и направлены в Йемен для изгнания эфиопов [Hamzae Isphahanensis, textus: 57–60; Maškūr 1367/1988, II: 745–746].

<sup>3</sup> Эту же фразу в собственном переводе на персидский язык дает анонимный автор «Муждмал ат-таварих» («Собрание историй», сост. в 520 г. х./1126 г.) [Mujmal at-tawāriḫ: Fol. 14a.7–8].

<sup>4</sup> По результатам измерений, проводимых в 30–70-е гг. XX в. Е. А. Пахомовым, С. О. Хан-Магомедовым и А. А. Кудрявцевым, протяженность стены составляет немногим более 40 км, что согласуется с информацией средневековых географов ал-Йа'куби (IX в.) и ал-Хамадани (X в.), писавших о стене в 7 *фарсахов*, т. е. около 42 км [Кудрявцев 1982: 97, 168].

<sup>5</sup> По поводу атрибуции территории, подчиненной *богранишаху*, у нас сведений нет. О локализации *Филана* и вариантах чтения топонима см.: Аликберов 2003: 129–141.

<sup>6</sup> Если Константинополя, то такое событие вряд ли имело место.

Ибн Мискавейх (умер в 421 г. х./1030 г.) после повествования о начале царствования Хосрова Ануширвана и его деятельности на поприще преследования еретиков, проведения военной и административной реформ, перечисления завоеваний на востоке и на западе, основания городов, помещает арабский перевод отрывка из несохранившейся в оригинале «Книги деяний Ануширвана и способах его государственного правления» (*zīkr qit‘at min sīrat anūšarwān wa siyāsātih*), составленной якобы самим монархом. Этот «усеченный» *Kār-nāmag* состоит из двенадцати рассказов, которые характеризуют поведение шаханшаха в разных жизненных ситуациях. В их числе невозмутимость монарха при попытке покушения на царскую особу; его разговор с еретиком; сложные отношения Хосрова I с византийским императором; меры шаханшаха по ужесточению контроля за справедливым распределением налогов и улучшению жизни подданных (три рассказа); борьба с маздакитами и их сторонниками; инспекционные поездки монарха на север страны и принятие на государственную службу хазар (либо «тюрков», автор не делает различия между этими этносами) для охраны границ (два рассказа); осуждение политики тюркского кагана в связи с его тайными переговорами с римским кесарем, традиционным врагом Ирана; принципы государственного управления при сохранении положительных традиций предков и заимствовании всего хорошего, что есть в соседних странах (Индии и Византии) [Ibn Miskawayh: 187–215; Grignaschi 1967: 1–45].

В этом калейдоскопе деяний нас в данном случае больше всего интересуют два события, которые имеют прямое отношение к истории Кавказа и укреплению сасанидского форпоста Дербенда. В «Карнамаге» им посвящены шестой и девятый рассказы Ануширвана. В шестом излагаются реакция Хосрова I на просьбу тюрков принять их на военную службу и меры, принятые для их расселения в северных провинциях с целью охраны границ.

С небольшими сокращениями предлагаем собственный перевод арабского текста:

Он рассказал следующее: «Тюрки, которые обитают на северных территориях, написали нам о том, что их одолевает нужда и что поэтому они вынуждены совершать набеги на наши земли, если мы им ничего не дадим. Они попросили нас о милостях. Одна из них состояла в том, чтобы мы приняли их в наше войско и этим самым предоставили им средства для жизни. Еще чтобы мы дали им в ал-Канхе, в Баланджаре<sup>7</sup> и его окрестностях земли для кормления (прокорма). И вот я решил выступить по дороге, ведущей в Баб Сул<sup>8</sup>. Я пожелал, чтобы тамошние цари, которые получили свою инвеституру от нас, знали, что мы рады совершать путешествия и делать то, что посчитаем нужным. Еще, чтобы они были потрясены созерцанием величия царской свиты, множеством войск, их подготовкой и тем, что их оружие в полном порядке. ...А также мне хотелось получить сведения о том, в каком состоянии находятся их (удельных правителей) крепости, и во время поездки расспросить местное податное население об их проблемах. Я взял путь через Хамадан и Азербайджан. И когда достиг Баб Сула и города Пероз-Хосрова<sup>9</sup>, я восстановил

<sup>7</sup> Локализация ал-Канхи проблематична. Гриньяски предложил исправить рукописный вариант *الكنج* (*ал-Кабх* — «Кавказ») [Grignaschi 1967: 140]. Среднеперсидское название Кавказа — *Karkōh*. Современные археологи помещают средневековый Баланджар южнее Дербенда [Аликберов 2003: 102–103, карта между с. 64 и 65].

<sup>8</sup> Букв. «Врата Сула (Чора)» — арабское название Дербендского прохода.

<sup>9</sup> Первоначально Гриньяски отождествил этот город с Пероз-Кавадом (Фируз-Кубадом арабских географов Ибн Хаукала и Йакута, Перозапатом Мовсеса Каланкатваца), иначе — Партавом, «Аланскими воротами» [Grignaschi 1967: 35–36, п. 34]. В дополнительном комментарии к переводу он посчитал более вероятным отождествить Пероз-Хосров с городом Шахрам-Перозом, который, согласно ат-Табари, шаханшах Пероз (457/59–484) построил в Азербайджане [Ibid.: 140, no. 6; Nöldeke 1879: 157–160].

(«отремонтировал») крепости этих древних городов и пограничные укрепления и распорядился о возведении других крепостей. Когда хазарский каган (*xāqān al-xazar*) узнал о нашем прибытии туда, он испугался, что мы пойдем на него войной. Он написал нам, что пока я царствую, он не перестанет стремиться поддерживать со мной мир, что сочтет за честь перейти в наше подданство. Некоторые из его вождей, увидев такие дела, оставили его. Он (каган) пришел к нам с двумя тысячами своих соратников. Мы их приняли и разместили вместе с нашими всадниками в этой области. Я назначил ему и его соратникам содержание (поставил их на довольствие) и обязал их нести охрану тех земель. Я приказал соорудить храм для наших жрецов и назначить туда мобеда и благочестивых магов. Я велел им просвещать тюрок, которые перешли в наше подданство, быстрым выгодам, происходящим от послушания властям в этом мире, и долгосрочным воздаяниям, ожидающим (праведников) в жизни будущей. Я обязал их (жрецов) прививать тюркам любовь к нам, справедливость и послушание, готовность сражаться с (нашими) врагами, а также обучать их молодежь нашим обычаям и нашей вере. Для них (тюрок) я приказал построить рынки в этой пограничной области, починить и выровнять дороги. В этой области мы произвели смотр всем пешим и конным, собранным по нашему приказу. Их набралось столь много, что окажись они в центре Фарса, нам было бы полезно остановиться у них» [Ibn Miskawayh: 191–193; Grignaschi 1967: 19–20].

Девятый рассказ повествует о том, что в начале тридцать седьмого года Хосрова I (567 г.) «четыре племени тюрок из хазарской области» (*arba‘a aṣnāf min at-turk min naḥīyat al-xazar*), каждое со своим вождем, с семьями и слугами, попросились к Хосрову Ануширвану на службу. Их набралось 53 тысяч человек. После проведенного смотра боеспособной части шаханшах разрешил тюркам поселиться на северных окраинах государства, назначил им содержание и распределил по крепостям вдоль северной границы (в районе Марджана / Барджана (?)<sup>10</sup>, в Алании и Азербайджане). Командирами тюркских подразделений Хосров назначил иранских военачальников. Общее командование над ними было поручено *марзбану* Дербенда [Ibn Miskawayh: 198–200; Grignaschi 1967: 23–24] (см. ниже, «Приложение»).

По утверждению Бал‘ами, владения Хосрова I в результате военной экспансии включали около двух десятков больших и малых стран на огромном пространстве от Индии до Сирийской пустыни, от Мавераннахра и «Хазарского Дербенда» (*Darband-e xazarān*) до Омана и Йемена [Bal‘amī: 977–983; Maškūr 1367/1988, II: 723–735]. Территориальные приобретения Сасанидов, о которых сообщает источник, не следует считать преувеличением. О завоевании Сарандиба в Индии упоминает Хамза ал-Исфахани (см. выше). И у Ибн ал-Асира мы находим упоминание о том, что пока Хосров I был занят йеменскими событиями, один из его полководцев завоевал княжество Сарандиб в нижнем течении Инда и прислал шаханшаху богатую добычу в виде драгоценностей [Maškūr 1367/1988, II: 750]. Функционирование высокопоставленных представителей сасанидской администрации в западных княжествах Индии в царствование Хосрова I Ануширвана подтверждается не только информацией письменных источников. Об этом недвусмысленно свидетельствуют и находки синхронных эпохе печатей *амаргара* (главного финансового чиновника) и *остандара* (губернатора) Синда, а также *остандара* провинции Туран, локализуемой в районе нынешнего г. Кусдар в Пакистане [Gyselen 1989: 65, 87–88, 112; Gyselen 2002: 168–169, 174–175, 208, 211, 224–225, fig. 47, 48]. Около 560 г. совместными

<sup>10</sup> Конъектура Гриньяски — «la région de Merḡ» — вызывает сомнение. В арабском тексте транслитерация топонима представлена сочетанием знаков *mḡj’*n или *brj’*n. Возможно, имеется в виду искаженное название раннесредневековой Грузии — *Waruṣān* / *Warjān*, известное нам по монетным легендам.



действиями армий Хосрова I и Западно-тюркского каганата из районов севернее Гиндукуша были вытеснены эфталиты. Появление печати *остандара* Кадакистана, локализуемого восточнее Балха, свидетельствует об утверждении на этой территории господства Сасанидов [Gyselen 2002: 70, 152, 211–212 (Cartes 4, 5), 222–223, fig. 43; Sims-Williams 2008: 96–102].

Основание Дербенда (Bāb al-abwāb) Ибн Мискавейх помещает после сведений о возвращении Ануширвана из успешного военного похода на восток в земли эфталитов и хазар [Ibn Miskawayh: 182]. Из-за краткости изложения это событие представлено у него как единовременный акт. Сведения Ибн ал-Асира на этот счет заслуживают большего доверия. Из его повествования следует, что еще шаханшах Пероз (459–484), дед Хосрова Ануширвана, в области Сул и в Алании построил по одной крепости. Сын Пероза Кавад (488–497, 499–531) продолжал городское строительство на иранской периферии. Но основной объем работ приходится на время царствования Хосрова Ануширвана, который «много строил в Суле и в Гургане». После завоевания Ферганы и победы над Барджан-шахом он основал в Прикаспии города Шаберан, Маскут и Дербенд, «который находится на пути горного прохода». В этом городе Ануширван поселил народность *siyāsajīn* (?)<sup>11</sup> и построил каменную стену. Сообщается о строительстве еще трех городов в различных княжествах Кавказа. Согласно народной легенде, строительство горной стены в Дербенде осуществлялось при обоюдном согласии Хосрова I Ануширвана и кагана тюрков после целой серии пожаров, возникавших попеременно в станах тюркских и иранских войск, располагавшихся рядом. Обе стороны обвиняли одна другую в умышленных поджогах. Единственным разумным средством для предотвращения назревающего конфликта между соседями оставалось возведение грандиозной разделительной преграды [Maškūr 1367/1988, II: 749–750].

Автор «Истории Табаристана, Руйана и Мазандарана» (XV в.) предлагает несколько иную, более пространную версию событий, связанных с основанием Дербенда. Согласно ей, после воцарения Кавада его брат и соперник по трону Джамасп (среднеперс. *Zāmasp*) был вынужден бежать в Армению. В то время наместник Кавада в Дербенде вел военные действия с царем хазар. Весть о скором прибытии сасанидского царевича вначале обрадовала наместника, а потом огорчила, когда выяснилось, что тот — противник Кавада. Назревавший конфликт удалось разрешить миром. Войско наместника с помощью дружины Джамаспа рассеяли армию хазар и славян<sup>12</sup>. Наместник отправил в царскую резиденцию обстоятельное донесение о победе. После этого Кавад поручил Джамаспу управление Тебризом, Дербендом и Арменией, т. е. всей северной четвертью страны<sup>13</sup>. Джамасп успешно охранял свою вотчину от внешних врагов и приумножал ее за счет иноземных соседей. Там он и женился [Zahīr ad-dīn, text: 33–34]. После смерти Джамаспа его трон занял старший сын Нарсе. Он проводил активную внешнюю политику и присоединил к своим владениям многие территории, которые раньше

<sup>11</sup> В тексте — *سیاسجین*. Возможно, ее название было перенесено на название иранской провинции Сисаган, упомянутой среди прочих кавказских регионов (Армина, Ардана, Вирозана и Марз-и Несавана) на печати *zarrbedā* (инспектора золотоносных рудников) [Gyselen 2002: 169, 226–227, fig. 55].

<sup>12</sup> Многократные упоминания о славянах в VI в. н. э. сохранили византийские авторы (греки и сирийцы) [Пигулевская 2000: 361–369; История Византии 1967: 337–353].

<sup>13</sup> Здесь наш автор, патриот Табаристана, намеренно отклоняется от истины, чтобы сгладить остроту отношений между двумя венценосными соперниками. Из более ранних источников известно, что Джамасп был не только наместником Кавада на северных окраинах государства, но и в 497–499 гг. (пока Кавад был отлучен знатью от трона за связи с маздакитами) в качестве монарха чеканил от своего имени серебряные монеты [Göbl 1971: 79, no. 180, 181, 181a; Table X; Pl. 11].

подчинил его отец. В течение тринадцати лет Нарсе верой и правдой служил Хосрову Ануширвану, пока все население провинций не признало его власть. Источник приписывает Нарсе основание Дербенда: «А тот Дербенд, строительство которого связывают с Ануширваном, построил он»). Пероз, сын Нарсе, продолжил завоевания отца, пока не подчинил Гилян. Он женился на местной принцессе и стал основателем династии правителей иранского происхождения — гиляншахов [Ibid.: 37–38].

Реплика автора сочинения о подлинном основателе Дербенда не противоречит информации других источников о роли Хосрова I в основании города-крепости, но нуждается в уточнении. Более десятка строительных надписей из двадцати пяти, обнаруженных на стенах дербендской крепости до 1994 г., содержат имя *амаргара* Адурбайгана (северной четверти Сасанидского государства), Барзниша, финансировавшего строительные работы<sup>14</sup>. Надпись № 5, состоящая из 7 строк, датируется тридцать седьмым годом царствования Хосрова I, т. е. 567/568 г. Ее текст гласит:

ēn ud az ēn / abar / sāl 37 / Barzniš ī / Ādurbādagān / āmārgar / kard  
(«Это и отсюда вверх в 37 году сделал Барзниш, амаргар Адурбайгана»)  
[Касумова 1994: 9 (надпись № 5), 38 (табл. II)].

Большинство надписей Барзниша выполнены на высоте полутора — двух метров от основания стены. Текст шестистрочной надписи № 8 (ēn ud az / ēn abarbar / pahn čahār / [...] Barzniš ī / Ādurbāygān / āmārgar), по моему мнению, указывал не столько на ширину стены в 4 локтя [см.: Касумова 1994: 10], сколько содержал информацию о том, что заботами финансового чиновника Адурбайгана, спонсировавшего строительные работы, стена выросла еще на четыре ее ширины. При ширине стены 2,5–3,0 м «прирост» составлял внушительную цифру — от 10 до 12 м.

О том, что тридцать седьмой год в надписи приводится по эре Хосрова Ануширвана, а не Кавада, свидетельствует аналогичная датировка инспекционной поездки Ануширвана на Кавказ, названная в девятом рассказе его «Карнамага», во время которой монарх озаботился состоянием пограничных укреплений. Регион Прикаспия был хорошо знаком Хосрову еще с тех пор, когда он некоторое время по воле отца занимал должность правителя Табаристана и именовался Падишхвар-шахом. Остается только предположить, что грандиозные строительные работы в Дербендской крепости начались задолго до Нарсе и не кончились эпохой Хосрова Ануширвана.

Зороастрийская традиция изображает Хосрова I спасителем и образцовым блюстителем «благой веры». Очерк истории «Священного писания», приведенный в IV книге «Денкарда», не оставляет никаких сомнений относительно конфессиональных предпочтений монарха: «Ныне здравствующее Величество шаханшах Хосров сын Кавада после того, как он самым непримиримым образом разгромил ересь и тиранию, в согласии с откровениями Благой веры значительно преуспел в изучении и тщательном расследовании всех проявлений ереси внутри четырех сословий общества (т. е. жречества, воинов, земледельцев и ремесленников. — А. К.). В собрании представителей сословий он заявил: «Мы познали истинность маздаяснийской веры, и теперь мудрые могут в полемике уверенно утверждать ее в мире» [Dēnkard (Madan), pt. I, text: 413.9–12; Dēnkard (Dresden), text: 193.4–9; Shaki 1981: 117, 119–120]. Многие средневековые сочинения поместили рассказ о его расправе

<sup>14</sup> В сасанидской глиптике засвидетельствованы печати *амаргара* Адурбайгана (ʿtwrpʿtkn ʿmʿrkry) и *амаргара* Ардана и Вирозана (ʿrdʿn w wrwčʿn ʿmʿrkry), входивших в состав Адурбайганского куста [Gyselen 2002: 214–215, fig. 3, 5].

над маздакитами еще до вступления на трон<sup>15</sup>. Видимо, именно это обстоятельство и побудило Кавада передать власть не старшему сыну, Кавусу, воспитанному в маздакитской идеологии, а младшему из трех, Хосрову, который проявил решительность и бескомпромиссность при искоренении губительной для государственного строя ереси. Кавус предпринял безуспешную попытку свергнуть брата, но был убит [Christensen 1944: 353–362]. Впоследствии Ануширван беспощадно преследовал тайных манихеев и маздакитов, но терпимо относился к иноверным подданным.

Христианский источник идеологические предпочтения Хосрова I Ануширвана рисует в несколько ином свете. По его сведениям, шаханшах серьезно увлекался философией, занимаясь вместе с Бар Саумой, епископом области Карду в северной Месопотамии, во время своего пребывания в этом регионе, и с персидским философом Павлом, который, не добившись кафедры митрополита Фарса, порвал с христианством<sup>16</sup>. До начала войны с Византией Ануширван благоволил к христианам «и отдавал больше предпочтения их религии, чем всем другим». Несмотря на охлаждение отношений с католиком Мар Абой I, который не спешил присоединиться к походному сопровождению монарха, христиане продолжали служить шаханшаху, как и прежде его отцу Каваду. Но самое интересное состояло в том, что якобы «Хосров уверовал в учение Мани, признав предвечное существование двух главных божеств — Добра и Зла, и оставил веру Зарадушта» [Histoire nestorienne 1911: 147].

Эти подмеченные христианином «отступления» Ануширвана от веры предков, скорее всего, свидетельствовали не о разрыве с маздеизмом, а об интересе монарха к другим религиозным учениям, о его попытках заимствования культурных и научных достижений соседних народов при сохранении древних национальных традиций Ирана, о чем он недвусмысленно заявляет в завершающем рассказе своего «Карнамага»:

Затем мы приступили к изучению обычаев и традиций *ромеев* (т. е. византийцев) и индусов. Мы размышляли над их обычаями, анализировали и выбирали из них лучшие. ... Мы не гнушались заимствовать у них знания, которые у них были. Ведь преклонение перед истиной и знаниями, следование им — одно из величайших достоинств властителей, тогда как презрение к знанию и создание препятствий на пути постижения знаний представляет для них величайший вред [Ibn Miskawayh, text: 206; Grignaschi 1967: 27–28].

Более предметно о характере заимствований высказывается составитель «Денкарда»:

Он сравнивал Kāla Kośa<sup>17</sup> индусов, Megistē<sup>18</sup> ромеев и прочие сочинения того же рода с главным сочинением, которое хранится в Царской сокровищнице (т. е. с Авестой, «Священным писанием» зороастрийцев), и все, что в них казалось ему

<sup>15</sup> Маздакитское движение было разгромлено в конце 528 г. или начале 529 г. Наиболее пространные версии казни Маздака и его сторонников содержатся у Фирдоуси, Незам ал-Мулка и Ибн ал-Балхи и [Фирдоуси. Т. VIII. Текст: 44–51; Nezam al-Molk: 238–257 (Ch. 45); Maškūr 1367/1988, II: 767–768].

<sup>16</sup> Интерес Хосрова Ануширвана к античной философии возник после закрытия Юстинианом школы неоплатоников в Афинах в 529 г. и прибытия к сасанидскому двору семи ее преподавателей [Maškūr 1367/1988, II: 911; Daruae 2009: 30].

<sup>17</sup> В пехлевийском тексте — g<sup>1</sup> kwš<sup>1</sup>k. Санскр. Kāla Kośa (букв. «сокровищница астрономии»), по-видимому, означает название индийского трактата по астрономии [Shaki 1981: 123, n. 65].

<sup>18</sup> В тексте — mgstyk [Dēnkard (Dresden), text: 175.5]. Не исключено, что имеются в виду «Дигесты», представлявшие собрание сочинений римских юристов и дополнявшие Кодекс Юстиниана [История Византии 1967: 246–255; Острогорский 2011: 119–121].

приемлемым и аргументированным, он передавал образованным исследователям в этой области знаний. Он проверял те (чужеземные) писания, которые вызывали у него сомнение. Он обдумывал и исследовал то, что привез из других стран, не отвергал их и не относился к ним с меньшим интересом по причине их (сочинений) более низкого достоинства или их странного (чужеродного) названия [Dēnkard (Madan), pt. I, text: 428.15–21; Dēnkard (Dresden), text: 175.4–9; Shaki 1981: 123].

В целом время правления Хосрова Ануширвана оказалось благоприятным для христианского меньшинства Ирана. Как и его предшественники, монарх осуществлял контроль за деятельностью несторианских соборов, которые традиционно проводились в другой части столицы, в Вех Ардашире (Селевкии), расположенном на противоположном, правом берегу Тигра. Голос шаханшаха был решающим при выборе очередного патриарха Церкви Востока. В начале 20-х гг. VI в. после избрания двух патриархов-католиков в руководстве несторианской церкви Ирана установилось двоевластие. Митрополит Мерва Давид и его сторонники избрали католиком Елисея (Елише) в церкви столичного квартала Аспанир. Соперничающая группа клириков в соборной церкви Коке в Селевкии отдала предпочтение Нарсаю. Елисей искал и нашел себе сторонников в Рейе и Мерве, Хузистане и Бахрейне. Противостояние церковных иерархов длилось 12 лет (по другим сведениям — 14 лет, с 522/3 по 536/7 гг., т. е. началось при Каваде I и закончилось при Хосрове Ануширване). Оно прекратилось лишь после смерти Нарсая. Шаханшах Хосров I отказался утвердить Елисея патриархом и назначил на эту должность епископа Суз Павла, который вскоре умер. После Павла церковным иерархом в 540 г. был избран Мар Аба I [Labourt 1904: 163–191; Histoire nestorienne 1911: 147–152].

Условия мирного договора с императором Юстинианом обязывали Хосрова I Ануширвана идти навстречу пожеланиям христианского меньшинства в стране: разрешить его представителям возводить новые храмы и монастыри и отмечать свои религиозные праздники. Эти условия выполнялись, но попытки христианского прозелитизма среди зороастрийцев жестоко пресекались.

Из сборника «Деяний несторианских соборов» следует, что в царствование Хосрова I состоялись три собора Церкви Востока. На соборе католика Мар Абы I в 544 г. (на тринадцатом году правления Хосрова I) были приняты меры по устранению негативных последствий церковного двоевластия. Реагируя на просьбы местного духовенства Сакастана (Систана), католикос распорядился переподчинить мелкие епархии этого большого региона между двумя епископами с учетом их компактного расположения. Епископу Изад-Афариду были поручены общины Заранга, Фараха и Каша, в ведении епископа Сергия остались общины Биста (Буста) и Рахвата [Synodicon orientale 1902: texte: 87–89; trad.: 342–344]. С целью укрепления дисциплины среди руководителей церковных провинций католикос отстранил от должности нескольких иерархов, в том числе епископа Гургана Петра за веротступничество и переход в зороастризм и митрополита Мерва Давида за активное участие в церковной междоусобице [Histoire nestorienne 1911: 159, 171]. В конфликты внутри церкви шаханшах старался не вмешиваться, если только они не угрожали государственному строю.

Переподчинение мелких епархий осуществлялось параллельно с их объединением в более крупные образования. Признаки такого укрупнения наблюдаются в перечне восточно-иранских иерархов, письменно подтвердивших решения собора католика Иосифа (554 г.). В их числе оказались митрополит Мерва, епископ Рейя, епископ Мервруда, епископ Амоля и Гиляна (одна епископия), епископ Абебарда и Шахр-Пероза (одна епископия). В середине VI в. кафедра митрополита Мерва

в табели о рангах занимала седьмое место после митрополитов Хузистана и Месопотамии [Synodicon orientale 1902: texte: 108–109; trad.: 365–367].

Собор католикоса Езекиила, состоявшийся в феврале 576 г. (сорок пятом году царствования Хосрова I), был отмечен принятием 39 законов, направленных на укрепление церковной дисциплины, моральных устоев духовенства и мирян, борьбу с ересью. В отношении кворума участников Собор примечателен тем, что на нем присутствовали только два представителя от Восточного Ирана — епископы Гургана и Сакастана [Ibid.: texte: 110; trad.: 368]. Отсутствие на Соборе представителей других восточноиранских епархий объяснялось их удаленностью от столицы и недостаточной информированностью о предстоящем событии.

Как и его предшественники, Хосров Ануширван допускал применение смертной казни в отношении зороастрийцев, принимавших христианство. Особенно карались за вероотступничество лица, облеченные высокой властью. Так, на тридцатом году царствования Кавада I (518 г.) Пиран Гушнасп, иранский *марзбан* Грузии и Кавказской Албании, после крещения принял имя Григорий, оставил царскую службу и вынужден был скрываться от преследований. Кавад и впоследствии Хосров Ануширван готовы были простить вероотступника и при условии его возвращения в веру отцов доверить высокий пост. Но по настоянию жречества и просьбе ближайшего родственника Григорий (он же — Пиран Гушнасп) по царскому указу был казнен в 542 г. Участь Григория разделил вскоре другой прозелит — правитель Хузистана Йездпанах [Hoffmann 1880: 81–87; Labourt 1904: 178–181; Becker 2009: 304–308]. При Хосрове Ануширване также предан казни и монофизитский католикос, который крестил нескольких членов царской семьи [Nöldeke 1879: 287, Anm. 3].

О восстании Анушзада (Аношагада), старшего сына Хосрова I, рожденного от его жены христианки и принявшего крещение, сообщают разные источники. Прокопий Кесарийский датирует это событие 551 г., тогда как в арабских и персидских сочинениях время восстания не называется, но указаны обстоятельства, ускорившие выступление царевича против отца — слухи о смерти шаханшаха, распространенные недругами монарха во время его тяжелой болезни. Анушзад, которого Хосров за непокорность содержал в тюрьме в Бет Лапате (Гундишапуре в Хузистане), с помощью своих единоверцев освободился из заточения, заявил о своем праве на царский престол и с войском двинулся на столицу. Войско мятежника было разбито. Согласно утверждению Прокопия, Хосров приказал ослепить сына, лишив его тем самым права на занятие трона. Ад-Динавари ограничивается упоминанием о пленении Анушзада. Согласно версии автора «Шах-наме», Анушзад получил смертельное ранение и завещал похоронить себя не по зороастрийскому, а по христианскому обряду, что и было исполнено. Источники не сообщают о каких-либо гонениях против христиан, поддержавших выступление Анушзада [Фирдоуси. Т. VIII. Текст: 95–109; Maškūr 1367/1988: 909–910].

Во второй половине VI в. Хосров Ануширван предоставил убежище соперникам несториан, монофизитам (яковитам), изгнанным из Византии указом императора Юстиниана. Они расселились в Верхнем Междуречье и горных районах Курдистана. При преемниках Ануширвана в Такрите была учреждена кафедра митрополита монофизитов, а в городах Бет Арбайе, Шигаре (Синджаре), Бет Нухадре, Арзоне, Шахразуре, Гизерте де Карду появились резиденции епископов. Общины яковитов часто соседствовали с общинами несториан и не прекращали споры о природе Иисуса Христа [Histoire nestorienne 1919: 542–543].

Многие сообщения средневековых историков о событиях, происходивших в Иране в годы правления Хосрова I Ануширвана, до недавнего времени в научной

среде подвергались сомнению. Это касалось прежде всего информации об учреждении им в государстве института четырех *спахбедов* («военачальников») по четырем сторонам света вместо одного *еран-спахбеда*, главнокомандующего всеми вооруженными силами страны. Причин для такого скепсиса было достаточно: отсутствие упоминаний о них в синхронных сасанидской эпохе источниках; подмена терминологии для должностей придворной и провинциальной администрации титулатурой и почетными званиями знати (и наоборот) в сочинениях мусульманской эпохи; трудности выделения в источниках узко терминологического значения слов и т. д. Историзм института четырех *спахбедов* (по одному для каждой четверти страны) подвергался сомнению, пока Ф. Жинью не опубликовал фрагмент печати, на котором отчетливо читалась легенда *pētmgōz spāhbed* — «*спахбед* Нимруза» (иначе — «командующий югом») [Gignoux 1991: 65–69]. Спустя десять лет Р. Гизелен исследовала около дюжины глиняных булл (оттисков официальных печатей), обнаруженных в собрании иранского коллекционера А. Саиди. В центре каждой печати помещается изображение тяжеловооруженного всадника на коне, а по окружности — пространная легенда, формуляр которой включает имя владельца печати, его воинский ранг (или титул), принадлежность к высшей знати конкретного шаханшаха и, наконец, его должность *спахбеда* определенной территории [Gyselen 2001].

В данной коллекции представлены буллы *спахбедов* всех главных четырех регионов административно-территориального деления позднесасанидского Ирана: Хорасана (востока), Хорбарана (запада), Нимруза (юга) и Адурбайгана (севера)<sup>19</sup>. Простейший формуляр текста на печати *спахбеда* Хорасана сообщал:

1 стк. *dād-burzmihr ī aspbed ī pāhlaw ud hujadag ohrmazd wuzurg*  
2 стк. *ērān kust ī xwarāsān spāhbed* [Gyselen 2001: 36, Seal 1b].

Мой перевод:

«Дад-Бурзмихр, начальник парфянской конницы, вельможа благословенного Ормазда, *спахбед* хорасанской стороны Ирана» [Колесников 2012: 439].

Другой *спахбед* хорасанской четверти, очевидно, тоже глава конницы, — вельможа, присягнувший благословенному Хосрову (т. е. Хосрову Ануширвану) [Gyselen 2001: 35, Seal 1a]. Буллы *спахбедов* Нимруза отличаются большим разнообразием титулатуры их владельцев. В числе присягнувших благословенному Хосрову значатся придворный евнух, начальник конницы Парса, вельможа с почетным титулом *šahrwārāz* («вепрь державы»), в числе присягнувших благословенному Ормазду — евнух и тысячник [Gyselen 2001: 37–41, Seals 2a–2d/2]. Судя по легендам, тысячник Вистахм занимал должность *спахбеда* Хорбарана (западной четверти) при двух шаханшахах — при благословенном Хосрове (Хосрове I) и при благословенном Ормазде (Хормузде IV, 579–590) [Gyselen 2001: 42–43, Seals 3a, 3b]. Наконец, в царствование благословенного Хосрова на посту *спахбеда* Адурбайгана (северной четверти) сменились два представителя древнего аристократического рода Михран [Gyselen 2001: 44–45, Seals 4a, 4b]<sup>20</sup>.

<sup>19</sup> Здесь, как и в большинстве письменных источников, среднеиранское обозначение севера (*abahtar*) по соображениям политкорректности заменено названием главной северо-западной провинции сасанидского Ирана, поскольку в зороастризме север рассматривается как обиталище демонов и ада.

<sup>20</sup> Обзор и чтение легенд на буллах *спахбедов* см. также: Хуршудян 2015: 212–217.

Строительство грандиозных оборонительных сооружений при Хосрове Ануширване проводилось не только в Дербенде и соседних княжествах, но и на других окраинах Сасанидской державы: на северо-востоке (в долине Гургана) для защиты от эфталитов, на юго-восточных границах и на юго-западе — в нижнем течении Евфрата («Арабский вал») [Frye 1977: 7–15; Дагуаев 2009: 29]. Каждый из четырех оборонительных комплексов был в зоне ответственности отдельного *спахбеда*. Соответственно и фактические территории военно-административных четвертей, подчиненных *спахбедам*, были ориентированы на северо-запад (Адурбайганский *кустак*), северо-восток (Хорасанский *кустак*), юго-восток (*кустак* Нимруз), юго-запад (*кустак* Хорбаран).

Приложение  
РАССКАЗ IX ИЗ «КАРНАМАГА АНУШИРВАНА»  
[Ibn Miskawayh: 198.6–201.1]

Он рассказал: «В начале тридцать седьмого года нашего царствования обратились к нам с письмом четыре племени (подразделения) тюрков, обитавших в Хазарской области, каждое со своим вождем. Они сообщали о том, что попали в страшную нужду и что желают нам служить. Тюрки попросили разрешения перейти к нам на службу вместе со своими соратниками и подчиниться нашим приказам. Они умоляли не судить их строго за то плохое, что они совершили нам до нашего правления<sup>21</sup>. Тогда они займут место других наших слуг. Во всех войнах и на другой службе, которые я им поручу, я увижу в их лице наших лучших друзей и советников. Я усмотрел большую пользу в том, чтобы принять их на службу. Я учел их силу и храбрость. Еще я опасался того, как бы нищета не вынудила их обратиться к кесарю или к другим царям, которые благодаря их помощи могли бы на нас напасть. В прошлые годы кесарь нанимал некоторых из них к себе на службу, чтобы те за деньги воевали против наших царей. Цари терпели жестокие поражения от этих тюрков, которым неведомы прелести жизни. Это обстоятельство и жалкие условия жизни побуждают их не бояться смерти. Я написал им следующее: “Мы примем тех, кто перешел в наше подданство, и не поскупимся ни для кого, кто нам принадлежит”. Я написал *марзбану* Врат (al-Bāb)<sup>22</sup> и распорядился, чтобы он пропустил всех, кто к нему придет. Он доложил мне, что к нему прибыли 50 тысяч человек вместе с женами, детьми и слугами. И дополнительно прибыли к нему три тысячи из их вождей вместе с родовой аристократией, женами, детьми и слугами. Когда мне донесли об этом, я пожелал, чтобы их направили ко мне, и они бы узнали о моих благодеяниях, моих милостях и дарах к ним. Еще, чтобы они снискали доверие у наших военачальников настолько, что когда будет наша воля отправить их к одному из них, те и другие были бы уверены в своих товарищах.

Я направлялся в Азербайджан. Когда же покидал Азербайджан, я позволил им (тюркам) выступить навстречу мне. В это время к нам поступили от кесаря (императора Византии. — А. К.) ценные дары. В течение только одного дня нас посетили посол Великого кагана, посол правителя Хорезма, послы царя Индии, правителя

<sup>21</sup> Имеются в виду их вторжения в Иран в правления Пероза I (459–484) и Кавада I. Ими могли быть племена савиров, появление которых в 456 г. в степях к северу от Кавказа отмечает византийский историк Прокопий Кесарийский [Grignaschi 1967: 40, п. 68]. В середине VI в., т. е. уже при Хосрове Ануширване, савиры воевали как на стороне Ирана, так и Византии [Пигулевская 2000: 286].

<sup>22</sup> Речь идет о *марзбане* Дербенда.

Давара, Кабулшаха, правителя Сарандиба и правителя Келе<sup>23</sup>, много других посланников и еще 29 царей. Наконец я вышел к тем 53 тысячам тюрков и приказал, чтобы они построились на том месте, где находились. Верхом на коне я произвел смотр участников парада, и в тот день они стали моими соратниками. Те, кто проходили передо мной маршем, кто принял наше подданство и поступил ко мне на службу, те, у кого не было достаточно пастбищ, растянулись колонной на 10 *фарсахов*. Возблагодарив великую милость Божию, я приказал разделить этих тюрков на семь рангов (*marātīb*) и подчинить их вельможам. Я поставил над ними командиров, избранных из их числа, и жаловал им условные владения, обеспечил продовольствием, выделил воду и землю. Некоторых из них во главе с моим военачальником я поселил в Баруджане (Мараджане), других с моим военачальником — в Алане, третьих — в Азербайджане. Я распределил их по всем пограничным крепостям, в которых нуждался. Всех их я подчинил *марзбану*<sup>24</sup>. Во всех городах и крепостях, всюду, куда бы я их ни поселил, я гордился их благонадежностью и их стремлением к выполнению возложенной на них задачи. Все это меня радовало».

## Литература

### 1. Источники

- Фирдоуси. Т. VIII, текст — Фирдоуси. Шāх-нāме. Критический текст. Т. VIII / Сост. Р. М. Алиев; под ред. А. Азера. М., 1970.
- Bal'amī — Ta'rīx-e Bal'amī az Abū 'Alī Mohammad ... Bal'amī, takallome wa tarjome-ye Ta'rīx-e Ṭabarī, ta'līf-e Abū Ja'far Mohammad ... Ṭabarī ... ba tashīh-e marhūm Mohammad Taqī Bahār «Malek aš-šo'arā». Jeld-e naxost. Čāpxāne-ye Dānešgāh-e Tehrān, 1341/1962.
- Dēnkard (Madan) — The Complete Text of the Pahlavi Dinkard / Publ. ... under the Supervision of D. M. Madan. Pt. I: Books III–V. Bombay, 1911.
- Dēnkard (Dresden) — Dēnkard. A Pahlavi Text. Facsimile Edition of the Manuscript B of the K. R. Cama Oriental Institute Bombay / Ed. by M. J. Dresden. Wiesbaden, 1966.
- Hamzae Ispahanensis, Textus — Hamzae Ispahanensis Annalium libri X / Ed. I. M. E. Gottwaldt. T. I: Textus arabicus. Petropoli; Lipsiae, 1844.
- Histoire nestorienne — Histoire nestorienne (Chronique de Séert) / Publ. et trad. par Addaī Scher, archevêque chaldéen de Séert (Kurdistan) // Patrologia Orientalis. T. IV, V, VII, XIII. Paris, 1908–1919.
- Ibn Miskawayh — The Tajārib al-Umam or History of Ibn Miskawayh / Reprod. in Facsimile with a Preface and Summary by L. Caetani. Vol. 1. Leyden, 1909 («E. J. W. Gibb Memorial» Series. Vol. VII/1).
- Mujmal at-tawārīx — Mujmal al-tawārīkh wa-'lqiṣaṣ composed circa 520 AH (1126 AD), copied in 751 AH (1350 AD). Staatsbibliothek zu Berlin — Preussischer Kulturbesitz. Orientabteilung / Ed. M. Omidzalar, I. Afshar // Persian Manuscripts in Facsimile. No. 1. In Memory of M. Taqī Bahār. Tehran, 2001.
- Nezām al-Molk — Seyāsat-nāme, ta'līf-e xwāje Nezām al-Molk. Tehrān, 1346/1967.
- Synodicon orientale — Synodicon orientale ou Recueil de synodes nestoriens / Publ., trad. et annoté par J.-B. Chabot // Notices et extraits de la Bibliothèque Nationale et autres bibliothèques. T. 37. Paris, 1902.
- Zahīr ad-dīn — Sehir-eddin's Geschichte von Tabaristan, Rujan und Masanderan. Persischer Text / Hrsg. von B. Dorn. St. Petersburg, 1850.

<sup>23</sup> Давар — регион между Гуром и Забулистаном; Сарандиб — долина в нижнем течении Инда; Келе — вероятно, Келат в Белуджистане [Grignaschi 1967: 41, п. 74].

<sup>24</sup> *Марзбану* Дербенда.



## 2. Исследования

- Аликберов 2003: *Аликберов А. К.* Эпоха классического ислама на Кавказе. М. История Византии 1967: История Византии. Т. I. М.
- Касумова 1994: *Касумова С. Ю.* Среднеперсидская эпиграфика Кавказской Албании (Дербент). Баку.
- Колесников 2012: *Колесников А. И.* Сасанидский Иран: История и культура. СПб.
- Кудрявцев 1982: *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. М.
- Острогорский 2011: *Острогорский Г. А.* История Византийского государства / Пер. с нем. М. В. Грацианского. М.
- Пигулевская 2000: *Пигулевская Н. В.* Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб.
- Пиотровский 1991: *Пиотровский М. Б.* Мухаммад // Ислам. Энциклопедический словарь. М.
- Хуршудян 2015: *Хуршудян Э. Ш.* Государственные институты парфянского и сасанидского Ирана (III в. до н. э. — VII в. н. э.). Алматы.
- Becker 2009: *Becker A. H.* Martyrdom, Religious Difference, and «Fear» as a Category of Piety in the Sasanian Empire: The Case of the *Martyrdom of Gregory* and the *Martyrdom of Yazdpaneh* // JLA. Vol. 2/2.
- Christensen 1944: *Christensen A.* L'Iran sous les Sassanides. 2<sup>ème</sup> éd., rev. et augm. Copenhagen.
- Daryaee 2009: *Daryaee T.* Sasanian Persia. The Rise and Fall of Empire. London; New York.
- Frye 1977: *Frye R. N.* The Sasanian System of Walls for Defence // Studies in Memory of Gaston Wiet. Jerusalem.
- Gignoux 1991: *Gignoux Ph.* À propos de quelques inscriptions et bulles sassanides // Histoire et cultes de l'Asie Centrale préislamique. Paris.
- Göbl 1971: *Göbl R.* Sasanian Numismatics. Braunschweig.
- Grignaschi 1966: *Grignaschi M.* Quelques spécimens de la littérature sassanide conservés dans les bibliothèques d'Istanbul // JA. T. 254/1.
- Gyselen 1989: *Gyselen R.* La géographie administrative de l'Empire sassanide. Les témoignages sigillographiques // ResO. Vol. I.
- Gyselen 2001: *Gyselen R.* The Four Generals of the Sasanian Empire: Some Sigillographic Evidence. Roma (Conferenze. 14).
- Gyselen 2002: *Gyselen R.* Nouveaux matériaux pour la géographie historique de l'Empire sassanide: Sceaux administratifs de la Collection Ahmad Saedi // CahStIr. 24.
- Hoffmann 1880: *Hoffmann G.* Auszüge aus syrischen Akten persischer Märtyrer: Übersetzt und durch Untersuchungen zur historischen Topographie erläutert // AbhKM. Bd. 7/3.
- Labourt 1904: *Labourt J.* Le Christianisme dans l'Empire Perse sous la dynastie Sassanide (224–632). Paris.
- Maškūr 1367/1988, II: Ta'rīx-e se'yāsī-ye sāsānīyān, ta'līf-e doctor Mohammad Jawād Maškūr, baxš-e dowwom // Irān-e Bāstān, Jeld-e panjom. Tehrān.
- Minorsky 1970: *Ḥudūd al-‘Ālam «The Regions of the World»: A Persian Geography 372 A.H. — 982 A.D.* / Transl. and explain. by V. Minorsky. 2nd ed. with the Preface by V. V. Barthold, transl. from the Russian and with additional material by the late prof. V. Mynorsky ed. by C. E. Bosworth. London («E. J. W. Gibb Memorial» Series. NS. XI).
- Nöldeke 1879: *Nöldeke Th.* Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden: aus der arabischen Chronik des Tabari übersetzt und mit ausführliche Erläuterungen und Ergänzungen versehen. Leiden.
- Shaki 1981: *Shaki M.* The Dēnkard Account of the History of the Zoroastrian Scriptures // ArchOr. Vol. 49.
- Sims-Williams 2008: *Sims-Williams N.* The Sasanians in the East: A Bactrian archive from northern Afghanistan // The Sasanian Era. London (The Idea of Iran. Vol. III).

# СОГДИЙСКАЯ ЭПИГРАФИКА ПЕНДЖИКЕНТА

В. А. Лившиц, В. И. Распопова (Санкт-Петербург)

В ходе раскопок городища древнего Пенджикента (согд. Pnč | Panč, Pnčyknδ | Pančikanδ) — «Пятиградие» или «Город-ключ», ср. Шлиссельбург, см. ягн. Panč «деревянный ключ от замка kūlūm) на северо-западе Таджикистана было найдено большое количество согдийских надписей на глиняных сосудах, документов на остраках, целых и фрагментированных, а также надписей, сопровождающих настенные росписи, монеты с согдийскими легендами, надписи на костях и костяных изделиях. Опубликована только часть этих текстов. В настоящей статье публикуются несколько надписей.

№ 1. Согдийская азбука (рис. 1) [см. также: Livshitz 1970; Лившиц 2008: 298–305; Livshits 2015: 227–232].

В июне 1965 г. при раскопках цитадели древнего Пенджикента, проводившихся под руководством А. И. Исакова, на полу двора у южной крепостной стены был найден фрагмент хума длиной 14 см при ширине 5 см [Исаков 1977: 155, 157, рис. 58]. На фрагменте чернилами начертана согдийская азбука — 23 буквы. По археологическим данным фрагмент может быть отнесен к концу VII или к первой половине VIII в. н. э.<sup>1</sup> Расположение текста и его содержание показывают, что азбука была начертана не на целом хуме, а на его обломке. В Согде, как и в других областях доисламской Средней Азии, остраки были наиболее дешевым материалом для повседневных хозяйственных записей, писцовых упражнений и черновиков писем<sup>2</sup>.

Азбука содержит 6 строк. Первые две сохранились хорошо, лишь последняя буква в первой строке частично повреждена. Не составляло труда установить, что первая строка и большая часть второй содержит согдийский алфавит [см.: Livshitz 1970]. Он состоит из 22 букв арамейского прототипа с сохранением арамейского порядка букв; *lāmedh*, помимо обычного — 12-го места этой буквы, выписан еще раз после *tāw*, так что пенджикентская азбука содержит 23 знака в первых двух строках на черепке: (1) ' (āleph) β (bēth) γ (gimel) d (dāleth) h (hē) w (wāw) z (zayin) x (арам. ḥ — *ḥeth*) y (yōdh) k (kāph) (2) l (lāmedh) m (mēm) n (nūn) s (sūmek) ' (āyin) p (pē) č (арам. š — *šādē*) q (qōph) r (rēs) š (šīn) t (tāw) l (lāmedh).

Несмотря на то, что в азбуке имеются буквы <ʿ>, <q>, до сих пор не засвидетельствованные в арамейских идеограммах в опубликованных согдийских текстах

<sup>1</sup> Наиболее поздние монеты, найденные в том же слое, относятся к правлению царя Гурака (711–738) [см.: Исаков 1977: 155].

<sup>2</sup> См., например: СДГМ-2: 138, примеч. 7 — фрагмент денежного документа на стенке глиняного кувшинчика (рис. 2; полевой шифр ТС-П-53). -III-116: x+1 (следы букв) x+2 *δβrty Z[K...]* x+3 *šmrw δrxt x+4 pny δβrty [...]* ZKn m 'x[y'n] x+5 m 'x (?) tk («выдано (такому-то) ... (от такого-то числа столько-то?) драхм... (выдано такому-то столько-то (?) бронзовых монет; Māxīyānu [? выдано], Māktaky [? выдано]»).



**Рис. 1.** Надпись № 1:  
азбука на фрагменте стенки хума  
из цитадели



**Рис. 2.** Фрагмент  
финансового документа  
на стенке кувшинчика

(<g> употреблялось как цифровой знак для  $\frac{1}{2}$ )<sup>3</sup> и <d>, выступившем только в идеограмме 'D (согд. [at, atā, atul]) «к, по направлению (только в «Старых письмах»», [Henning 1946: 717; Skjærvø 1976], нет сомнений, что азбука содержит перечень согдийских (а не арамейских) графем. Буква 'ayin в текстах на согдийской письменности засвидетельствована в идеограммах 'D (орфографические варианты 'L, 'R), 'M (согд. dan, dōn) «с, вместе с», 'N 'YW | 'NYW | 'WY' (согд. [fratāy-] «приказывать» [Henning 1958: 61, Anm. 3; Sims-Williams 1980: 194–195; 1981: 348, п. 3].

Начертания большинства букв в пенджикентской азбуке обычны для согдийского курсива VII–VIII вв. Можно заметить, что шесть букв в азбуке соединяются между собой, образуя лигатуры (wz, yk, štl), тогда как остальные семнадцать не соединяются, их формы сходны с буквами согдийского курсива в позиции конца слова или (так начертано p) в начале слова.

<sup>3</sup> Знак для  $\frac{1}{2}$  встречается в среднеперсидских пехлевийских текстах на пергаменте, бумаге и остраках [о  $\frac{1}{2}$  в «Старых письмах» см.: Grenet et al. 2001: 92, 96].

Пенджикентская азбука различает формы  $\gamma$  и  $x$ , хотя уже в «Старых письмах» (вторая половина IV в. н. э.) эти буквы нередко совпадают по начертаниям, а в более поздних текстах они не различаются в позиции начала слова, в середине слова различаются только в нескольких восточнотуркестанских рукописях и надписях на камне, в конце слова имеют разные формы в некоторых согдийских рукописях и мугских документах. О том, что согдийцы различали эти буквы, можно судить помимо пенджикентской азбуки также по уйгурскому алфавиту, происходящему из согдийского. В уйгурских азбуках, найденных в Турфанском оазисе, буква  $\langle q \rangle$ , из согдийского  $\langle \gamma \rangle$  и  $\langle x \rangle$  выписана дважды [Henning 1939; 1959: 61; Sims-Williams 1981: 354, pl. I]. В опубликованной здесь азбуке — T IV Xusup — содержится 18 букв: ‘,  $b$ ,  $\gamma$  ( $q$ ),  $w$ ,  $z$ ,  $\gamma$  ( $q$ ),  $y$ ,  $k$ ,  $d$ ,  $m$ ,  $n$ ,  $s$ ,  $p$ ,  $\check{c}$ ,  $r$ ,  $\check{s}$ ,  $t$ ,  $l$ .

В пенджикентской азбуке особенно примечательны формы букв  $\langle d \rangle$  и  $\langle ' \rangle$ , выступающие в согдийских текстах в идеограммах (арам. *hē* первоначально содержалось также только в идеограмме, позднее, еще до IV в. н. э. эта буква в позиции конца слова стала служить приметой существительных, прилагательных, местоимений и причастий женского рода, передавая гласные  $/-ā/$ ,  $/-ā/$ , а также знаки конца слова и чисто графическим дополнением конца строки) [ср.: Sims-Williams 1981: 350, n. 13]

Начертание *'ayin* в азбуке значительно отличается от формы этой буквы в арамейских идеограммах согдийских текстов. Пенджикентский писец, поместив *'ayin* на обычном для арамейского прототипа 16-м месте, придал этой букве форму, сходную с цифрой 100 в текстах VII–VIII вв.<sup>4</sup> *Dāleth* в азбуке похож на цифру 20, кружок, образующий верхнюю часть буквы, восходит, по-видимому, к диакритике, которая сопровождала  $\langle d \rangle$  во многих алфавитах арамейского происхождения<sup>5</sup>.

В согдийских текстах засвидетельствована только одна идеограмма с  $\langle d \rangle$ , так что уподобление ее цифре 20 было вполне естественным. Форма *teth* достаточно ясно восходит к арамейскому прототипу; в парфянских документах из Нисы (Южная Туркмения, II–I вв. до н. э.) эта буква также имеет незначительные отличия от формы  $\langle d \rangle$  в «имперском арамейском». Форма  $\langle d \rangle$  в парфянских версиях сасанидских надписей III в. н. э. отличается от начертаний этой буквы в документах из Нисы.

Сходство с арамейским прототипом можно отметить и для буквы  $\langle q \rangle$ , хотя писец разделил ее начертания на две части (ср. лигатуру *uk*, следующую за  $q$ ). В согдийских текстах  $\langle q \rangle$  могла, как было отмечено, служить знаком цифры  $\frac{1}{2}$ , но для VII–VIII вв. такое употребление буквы, насколько мы можем судить, не засвидетельствовано<sup>6</sup>. Написания 'R, 'L вместо 'D в «Старых письмах» и 'NY'W / 'NYW / 'WY' в буддийских текстах показывают, что хотя согдийские писцы сохраняли в алфавите *ayin*, они искажали, как и их персидские, таджикские и хорезмийские коллеги, первоначальные формы арамейских идеограмм. Следует также учитывать, что число идеограмм в согдийской письменности было во много раз меньше, чем в западноиранских и хорезмийской письменностях арамейского происхождения.

<sup>4</sup> Ср., например, форму цифры 100 в мугских документах. *'ayin* в пенджикентской азбуке отличается от цифры 100 только отсутствием горизонтальной черты в левой верхней части буквы (ср., например, цифру 100 в мугском документе B-9, verso, стк. 8).

<sup>5</sup> Чаще всего диакритика (точка, штрих, петля) помещались под буквой, но в курсивном среднеперсидском письме буква  $\langle d \rangle$  могла снабжаться «крышкой», как в текстах VII–VIII вв. [Henning 1958: 48, 58 sq.].

<sup>6</sup> В мугских документах такого знака для  $\frac{1}{2}$  нет, но он есть в «Старых письмах» (V, стк. 10, 23, 24, 25) [см.: Grenet et al. 2001: 96].

О том, что согдийцы в VII в. знали, что их письмо содержит более 20 букв, можно судить по сообщению Сюань Цзяна, который прошел по территории Согда (*Suli*) около 630 г. Китайский паломник, очевидно, не знал точного числа букв в согдийском алфавите<sup>7</sup>. Сведения о согдийской письменности имеются и в более поздних источниках. Арабский компендиум ан-Надйма «*Kitāb al-Fihrist*» (конец X в.) и персидский труд «*Ta'rix Mubārakšāh*» Фахр ад-дйна Мубāракшāха Мерверрудй (1206 г.) сообщают о письме согдийцев и приводят начертания букв согдийского алфавита [Ross, Ganthiot 1913: 533]. Формы большинства согдийских букв в рукописях этих сочинений сильно искажены, особенно в «*Ta'rix Mubārakšāh*». В «*Kitāb al-Fihrist*» [Flügel 1871–1872: 18], где приведены формы букв в двух рукописях, число букв одно и то же — 25<sup>8</sup>. Полный перечень знаков арамейского прототипа с добавлением еще трех букв — *ϑ*, *x*, *δ* (араб. ذ خ ث), их названия — *ϑa*, *xa*, *da* — приведены в «*Ta'rix Mubārakšāh*». Эти добавления нельзя, очевидно, объяснить стремлением привести согдийский алфавит в соответствии с арабским, поскольку Мубāракшāх, перечисляя арабские буквы, не имеющие эквивалентов в согдийской письменности, приводит три другие: *dā* (ض), *zā* (ظ), *γain* (غ) [Ross 1927: 44]. По-видимому, эти добавления объясняются тем, что ан-Надйм и Мубāракшāх для восьмой буквы согдийского алфавита (*x*, арам. *hēth*) дают в качестве арабского эквивалента ح, а не خ; двенадцатую букву (*δ*, арам. *lāmedh*) они соотносят с арабским ل [но ср.: Ross, Ganthiot 1913: 530 sq.]. Таким образом, этим авторам оказалось необходимым дополнить 22 согдийские графемы тремя знаками — *ϑa*, *xa*, *da*, их порядок диктовался последовательностью букв в арабском алфавите.

Мы переходим теперь к самой примечательной особенности пенджикентской азбуки — повторению буквы <δ> в конце перечня знаков. Не вызывает сомнений, что эта буква обозначала согдийские спиранты /δ/, /ϑ/, они употреблялись также в идеограммах ('L «к, по направлению»; *MLK* ' «царь», '*LH* «этот, он»; определенный артикль; 'LK «этот, эти») и в заимствованной лексике, передавая /l/ (например, в мугском документе В-8 и на монетах для тюрок *bilgā*). Р. Готьо предполагал, что спиранты /δ/, /ϑ/ в согдийской письменности обозначались буквой <d> (арам. *dāleth*), но эта гипотеза сейчас должна быть отвергнута.

Относительно повторения в пенджикентской азбуке буквы <δ> можно заметить следующее. В турфанском списке имен собственных, изданных В. Б. Хеннингом, *δ'p'tsyrh* и *δ'p'tsyγ[h?]* содержит, по-видимому, в первой части *dabat* или *labat* — вавилонское название Венеры, греч. Δελέφατ, манд. *dylbat*, *lybat*, *dyb't*, *dybyt*, парф.-манд. *dyβt* [Henning 1940: 7; 1965: 253, n. 72]; ср. также имя *δ'p'tsyγ* букв.

«Дружественный/милый (к божеству) Δ/Labat» в мугском документе В-4 (recto, 5). В этих именах <δ> передает <δ> или <l> (ср. выше: *βyδ* = *Bilgā*; а также *dytтыr*, *rytтыr* (тюрк. *eltābār*) в мугских документах А-16 (5), Б-13 (5,7), Б-15 (5). В уйгурской письменности буква <δ> (согд. <δ>, арам. *lāmedh*) обозначает двойной смычный /d/. Хеннинг полагал, что в восточных согдийских диалектах фонема <δ> /d/ [Henning 1939: 97 sq.], как это произошло в ягнобском языке, потомке одного из согдийских (уструшанских?) диалектов.

<sup>7</sup> «Двадцать с чем-то» (*érh shi yú yen*), так в большинстве изданий и переводов His-yü-chi [см.: Pelliot 1934: 48]. В некоторых версиях текста Сюан Цзана — «более чем тридцать» (*san shi*) знаков», см. Beal 1906: I, 27, n. 84, а также Tripitaka 1601 г. у Julien 1857–1858, I, 13, где приведено «Тридцать два». Ср. Henning 1958: 61).

<sup>8</sup> Р. Готьо [Ross, Ganthiot 1913: 532] считал, что у ан-Надйма 24 буквы.

В уйгурской письменности для обозначения фонемы // была создана буква, палеографически восходящая к согдийской графеме /r/ с диакритикой под буквой, первоначально это было маленькое //, превратившееся позднее в крючок. Н. Симс-Вильямс называет эту уйгурскую букву «hooked resh» [Sims-Williams 1981: 350]. Эта буква употребляется в согдийских текстах IX–X вв. в передаче иноязычной лексики, содержащей //.

В пенджикентской азбуке 23-ю букву — <δ> — Симс-Вильямс предлагает определить как <δ>, передающее // [Sims-Williams 1981: 350–351]. Он полагает, что согдийский писец, знавший уйгурский алфавит, в котором последняя буква — // (согд. /r/с диакритикой), хотел согласовать свою письменность с уйгурской и поэтому добавил в конце азбуки <δ>, передававшее в иноязычных словах //.

Представляется более вероятным, что <δ> в конце азбуки означает спираント /θ/. Соотношение согдийских фонем /δ/ и /θ/ В. Б. Хеннинг исследовал в нескольких работах. По его мнению, в большинстве согдийских диалектов противопоставление восточноиранских фонем звонкого /δ/ и глухого /θ/ было утрачено, оно сохранилось лишь в западных согдийских диалектах, где эти спиранты «совпали в одном звуке, очень близком к l»<sup>9</sup>. Свидетельством этого процесса могут служить заимствования из согдийского в новоперсидский, в котором имеется //, восходящее к древнеиранским \*d, \*θ, согдийским /δ/, //. Некоторые из таких слов могли быть заимствованы в новоперсидский из бактрийского, что не мог учитывать В. Б. Хеннинг в 1939 г. — о бактрийском языке в то время можно было судить лишь по немногим именам собственным и титулам на кушанских и эфталитских монетах и по семи фрагментированным текстам из Восточного Туркестана. Об утрате спирантизации /δ/ в некоторых восточных диалектах может свидетельствовать, согласно В. Б. Хеннингу, обозначение звонкого взрывного /d/ в уйгурском посредством согдийской буквы /δ/. В то же время он отмечал, что различие между /δ/ и /θ/ сохранилось в согдийско-хорасанских текстах (в них сирийский *dāleth* передает согд. /δ/, *tāw* обозначает согд. и /θ/. Ср. в ягнобском, где согдийским /δ/, /θ/ соответствуют /d/ и /t/s/, (t в западном диалекте, s — в восточном). В 1939 г. В. Б. Хеннинг подчеркивал, что выдвинутые им гипотезы нуждаются в более точных доказательствах. Позднее, вновь обратившись к проблеме диалектного членения согдийского языка, он отметил, что сохранение различий между /δ/ и /θ/ в согдийских словах, приведенных в сочинении ал-Бирўни (XI в.), ослабляет в известной степени значение заимствований из согдийского в новоперсидский, в которых // < /δ/, /θ/ [Henning 1958: 106]. Можно также отметить, что не существовало и особого согдийско-манихейского диалекта, в котором общесогдийскому /δ/ соответствовало бы //.

В согдийско-манихейских текстах буква <δ> присутствует в словах, в которых другие иранские языки имеют // (например, ртγ'δ, среднеперс. *paugāl*, новоперс. *paūāla*, *paūāla*, согд. ртγ'β «чаша, кубок») <sup>10</sup>; «глупость, сумасбродство», при новоперс. *lēwe*; согд. *pyδ(h)* «слон», среднеперс., новоперс. *ptl*), хотя в манихейском алфавите, в отличие от согдийского, имелись буквы <δ> и <l>.

Ягнобский язык отличается от письменного согдийского по нескольким историко-фонетическим. Так, в ягнобском др.-ир \*θr- в начале слова имеет рефлекс

<sup>9</sup> Henning 1939: 97: «merged into the sound which was very near to l» [ср. также: Henning 1953: 61, 106].

<sup>10</sup> См.: Gershevitch 1954: § 60; см. также будд., ман. *δuw* «обманчивый, нереальный», *δuw'kh* (мугский документ В-18, стк. 12).

*t(i)r-* в западном диалекте, *s(a)r* в восточном, тогда как в согдийском *\*θr > š*. Сходным образом др.-ир. *\*dr-* в ягнобском соответствует *d(i/a)r-*, др.-ир. *\*dr-* соответствует *-rd: diráw/ daráw* «волосы», *mirda* «бусы, ожерелье», из *\*mudraka-* тогда как в согд. *\*dr > ž* (*žw* «волос», *mwz'kk* «бусы, гемма»). Ягн. *-rd- < \*dr-* позволяет предположить, что др.-ир. *\*θr* в поствокальной позиции должно было иметь в ягнобском рефлекс *\*-rt-/rs-*, а не *-l(l)-*, вопреки мнению В. Гейгера [Geieger 1901: 336], который возводил ягн. *púl(l)a* «ребенок, маленький» к др.-ир. *\*pudra-*, ягн. *ol* «огонь», к др.-ир. *\*āθr-*. Более осторожно о судьбе *\*θr* в ягнобском писал А. Л. Хромов [Хромов 1987: 658]. Следует заметить, что в ягнобском *ol* употребляется только в сочетании с глаголом *xaš-: olxaš* «зажигать огонь», обычное в ягнобском обозначение огня- *olów*, заимствованное из таджикского. Ягн. *olxaš-* имеет соответствие в кабульском фарси: *ol zadam*. Ягн. *púl(l)a* только в некоторых контекстах имеет значение «сын», обычное слово с этим значением *-žúta* (согд. *zāte*). Ягн. *púl(l)a* является, по-видимому, изобразительной лексикой, и мы вправе не привлекать его для реконструкции соотношений согдийской фонетики и графики. Повторение *<δ>* (*lāmedh*) в пенджикентской азбуке, как и состав графем в согдийско-христианских текстах, могут, как кажется, свидетельствовать об автономности фонем *|\delta|*, *|\theta|* в согдийском диалекте, легшем в основу языка согдийской письменности (вероятно, это был диалект Самаркандского Согда).

Азбука занимает только часть текста на черепке. В конце 2-й строки читается *tyδ* «этот» (также в мугских документах СДГМ-2: 213 и СДГМ-3: 129) [об этом местоимении в других текстах см.: Sims-Williams 1994: 52], далее следует:

(сw). Строки 3–6 сохранились гораздо хуже, чем первые две:

(3) *[p]tšt<sup>26</sup> (c? ...) prnk k'wy pr(n)*

(4) *[np] ('xšt δpyr δrw')sph 'šy'lh*

(5) *ywk ('βs 'k pyδ 'r) m 'nwy 's š yr*

(6) *δpyry('kh)*

«Написано по приказу<sup>11</sup> (?) (его) величества(?)<sup>12</sup> Кāvифарна<sup>13</sup>. Писец Дрүвāсп<sup>14</sup> для заучивания и запоминания<sup>15</sup> приготовил хорошую письменность»<sup>16</sup>.

Предлагаемое чтение является только попыткой восстановления строк 3–6. Не вызывает сомнений лишь значение сочетаний *šyr δpyr(y'kh)* *|\šir dipiryā|* «хорошая письменность», обозначающее в этом тексте азбуку, которую следовало заучивать и запоминать в школе писцов древнего Пенджикента.

<sup>11</sup> Ср. авест. *patištany* «выслушивание приказа, исполнение приказа» [Bartholomae 1904: 827–828].

<sup>12</sup> *prn|frn* «харизма власти, удача, счастье; величие»; ср. в согд.-ман. «пусть пребывает его величество пламенным...»

<sup>13</sup> *Kāvifarn*, букв. «(Обладающий) геройским или кеняидским фарном», ср. имя *K'wyfarnē/Kāvifarnē* в мугском документе Nova 6 (стк. 4). О согдийских именах с *|farn|* см.: Sims-Williams 1992: 63–64; об именах, образованных от др.-ир. *\*kavi-*, авест. *kavi-* в других иранских языках см.: Justi 1895: 160; Hinz 1975: 152.

<sup>14</sup> Ср. имя *Δrw'spβntk* (*Δrwāspvandak*) в «Старых письмах (II: 42)»; *δpyr δrw'sph 'šy'lh* «высокочитимый (или почтенный) писец» *Δrwāsp*; ср. *šyw* (вин.) «высокочитимому» в писцовом упражнении на остраке из Старого Мерва [СДГМ-2: 68, 157].

<sup>15</sup> *ywk 'βs 'k*, ср. ман. *ywk*, будд. *ywk 'PZY 'βs 'k* «заучивание (или обучение) и наставление» [Benveniste 1940: 131].

<sup>16</sup> *m 'nwy 's* — 3 л. ед. ч. имперфекта от *'nwy 's-*, *'nwy-s-|anwēs-*, *anw(i)yas-?* «приготавливать» ср. авест. *vis-*, *vaēs-* [Bartholomae 1904: 1326, 1458].

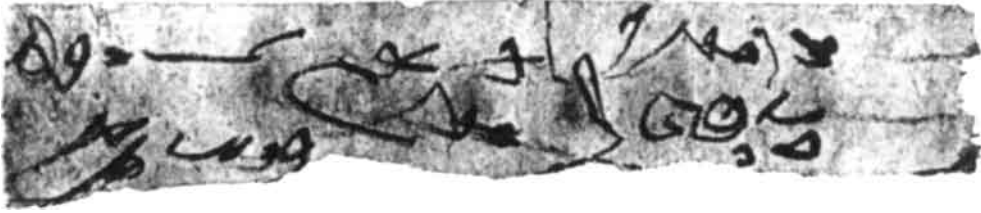


Рис. 3. Согдийская азбука из собрания Отани (хранится в г. Киото, Япония)

Согдийская азбука имеется также в собрании фрагментов иранских текстов Отани, хранящихся в г. Киото (рис. 3). В этой азбуке содержится три строки (3-я сохранилась лишь частично), порядок букв значительно отличается от пенджикентской азбуки и арамейского прототипа:

(1)  $\beta w \gamma \delta m$  (похож на цифру 100)  $\check{c} r p \beta (!) t$

(2)  $n z t (?) \delta (!)$  (или  $\check{c}$ )  $t$

(3)  $w y [ ] (p) r (?) \check{s} t$

3-я строка содержит, очевидно, писцовое упражнение.

№ 2. Учебное упражнение — начальная формула письма.

(1)  $t \beta w w x w \beta w$  [отлом «Господину, государю [

(2)  $w' n \beta k \delta (Z?Kn?)$  [«да будет, если (...)]

(3)  $mn' np[x] \check{s} ty$  [«мне послание [

(4)  $st't'y (...)$ <sup>17</sup>

(5)  $(nxr?) k/r$  [... «звезда» (или «звездочет»)?]<sup>18</sup>

№ 3. Надпись, вырезанная на стенке глиняного сосуда (рис. 4).

Полевой шифр ТС-П-52-П-75. Фрагмент найден в помещении Б храма II, в завале у южной стены.

(1)  $y't\check{c}$

(2)  $wxw\check{s}w \beta ntk$  «Вместимость (сосуда) — шесть вандаков». Согд.  $y't\check{c} y\check{a}t\check{c}?$  от древнеиранского  $'iat$  — «идти, достигать, приближаться; занимать место», авест.  $yat$  — «занимать ритуальное место (?)»,  $frayat$  — «возвращаться на свое (исконное) место» [Chenng 2007: 214–215], среднеперс.-ман.,  $n\check{a}pt$ . -ман.  $y'd [y\check{a}d]$  «простирается; приходиться; достигать цели» [Boyce 1977: 102; Durkin-Meisterernst 2004: 282, 372]; среднеперс.  $fray\check{a}d\check{i}dan$ ,  $fray\check{a}d$  — «помогать»,  $fray\check{a}d$ , новоперс.  $fary\check{a}d$  «помощь» [Mac Kenzie 1971: 33]; хот.  $jah$  «быть очищенным»,  $jeh$  — «чистить» [Emmerick 1968: 35, 37]; согд.-хрис.  $yty' | (y)iti?$  (жен. р.) «случай»; согд.-ман.  $py't$  —  $py\check{a}t-$  «украшать», согд.-будд.  $py'ty$ ,  $py't'kn | py\check{a}t\check{e}$ ,  $py\check{a}ty\check{a}(k)$  | «украшение»; согд.-христ.  $pyt-$  |  $patyat-$  «служить, занимать место», хорезм.  $y'u-$  «достигать (определенного возраста)»,  $fy'su$  — «помогать», новоперс.  $y\check{a}z\check{i}dan$  «простирает (руку)»; шугн.  $yad-$  «приходить», ягнб.  $yat-$ :  $y\check{a}tta$  «помещать» (365); вах.  $yund-$ :  $yut$  «нести, относить; вести, уводить; брать в жены (мужья)» [Стеблин-Каменский 1999: 432]; пашто  $yos-$  ( $:wr l$ ) «нести, везти, уносить» [Morgenstierne 1927: 92]; осет.-диг.  $\check{i}sup-$ :  $\check{i}st$  «брать, снимать, отнимать»

<sup>17</sup> Ср. согд.-будд.  $'st't$  [Gershevitch 1954: § 781] — 3 л. ед. ч. конъюктива ( $ast-\check{a}t$ ).

<sup>18</sup> Ср. писцовое упражнение в согдийской надписи на черепке, найденном в 1937 г. А. А. Марущенко на городище Гяур-кала (Старый Мерв) [Фрейман 1939; то же см.: СДГМ-3: 64–68; СДГМ-2: 67–68].





**Рис. 4.** Надпись № 3:  
на фрагменте стенки хума  
из храма II

[Абаев 1958: 552]. Др.-инд. *yat-* «тянуть вдоль, занимать место» [Maqrhofer 1996: 394–395]. У.-е. *'iet-* «приносить, помогать» [Pokorný 1959: 506 sq.].

Согд. *ʋnt* |*vand*| известно по «Старым письмам» (V, стк. 8) в значении «связка»: «Н R Z Y kč'ny

4 *ʋn(t)* *'sptyč pr prstw* «и в Гузанге [имеются] 4 связки «белого [годного] для отправки». Ср. хот. *bana, bam* «связка», др.-ир. *'banda-* [Grenet et al. 2001]. В пенджикентской надписи *ʋntk* |*vandak* или *vandē*| означает, по-видимому, меру объема. В других согдийских текстах *ʋntk* в таком значении, кажется, больше не встречается.

*№ 4. Фрагмент стенки хума с начальными частями трех строк согдийской надписи, начертанной чернилами (рис. 5).*

Полевой шифр 81-XXV-2.

(1) 10+5 [отлом

(2) *rwč*

(3) *xwn*

(1) 15 [дней ?]

(2) день

(3) *xūn*

Согд. *xwn* | *xūn* | в мугских документах и в некоторых других согдийских текстах — «тюрки», *xwn 'nk* «тюркский». В «Старых письмах» *xwn* — «хунны», хорезм. *hūn*, см. Henning 1948: 612 sq.

*№ 5. Согдийская надпись, вырезанная на стенке хума [Беленицкий 1961] (рис. 6).*

Полевой шифр 59-VI [без номера].

*Twrk* |*Tūrak* или *Tūrē*|, это имя засвидетельствовано в мугских документах В-3, стк.-4; В-5, стк. 14; В-9 Verso, стк. 3; Б-1, стк. 6. Ср. новоперсидские имена *Tūr*, *Tūr-*

*ī Fredūn* в «Шахнаме», *Tūrak* [Justi 1895: 329; Wolff 1965: 251; СДГМ-3: 100; Лившиц 2008: 262].

№ 6. Учебное упражнение на фрагменте стенки глиняного сосуда (рис. 7).

Полевой шифр П-63-ХІХ-1.

В 1-й строке — арабская формула *басмала* (см. ниже, с. 369), ср. в мугском письме 1. I, стк. 1: *prn't* [βγγ] *δ'tdn'k* «Во имя бога, средоточия творения» — возможно, согдийский перевод *басмалы* или перевод среднеперсидского *rad|nām|ī |dādar* (Ōhrmazd) «во имя творца (Ормузда)» [Лившиц 2008: 120, 123; Livshits 2015: 89, 92; ср.: СДГМ-3: 115 — «во имя бога творца»; Yakubovich 2002: 235 — «in the name of God, Creator»].

Рис. 5. Надпись № 4:  
на фрагменте венчика  
из помещения 27  
объекта XXV

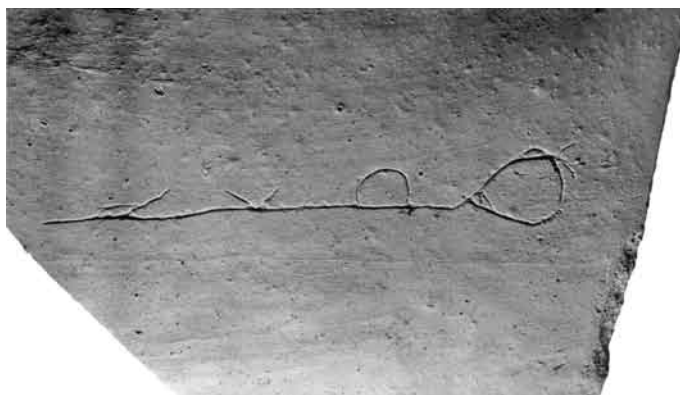


Рис. 6. Надпись № 5:  
на стенке хума  
из объекта VI

Рис. 7. Надпись № 6:  
на черепке из помещения 2  
объекта XIX



Далее согдийский текст:

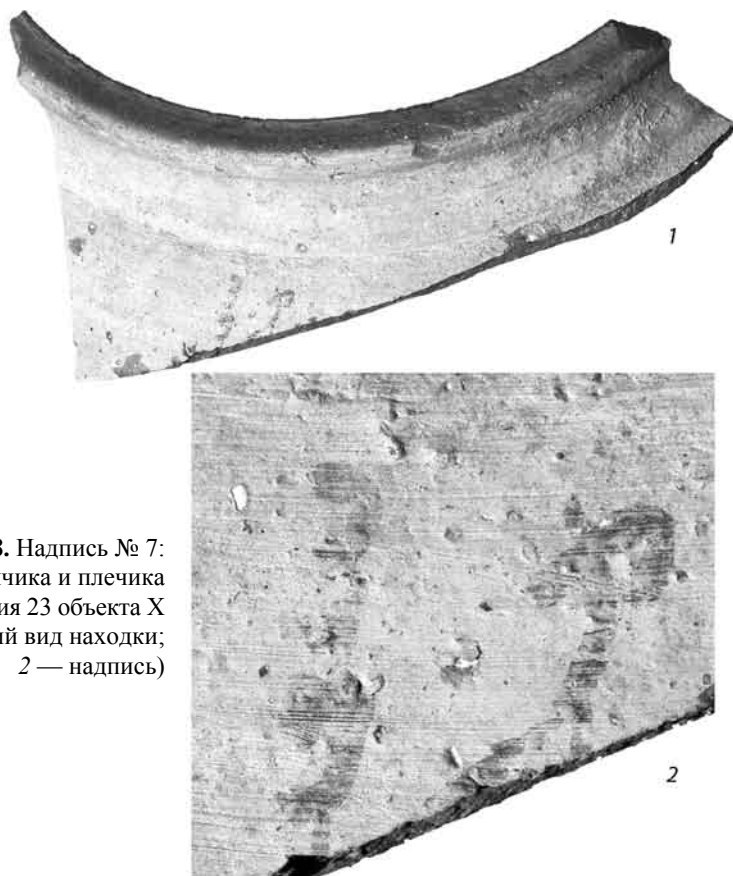
- 1.
2. 't βγw [xwβw?]
3. ryt. [
4. 'LP[ ]
5. k 10+10+10[
6. 'δ βn (·) [
  1. «Во имя Аллаха, милостивого [милосердного]
  2. Господину, [государю? ]
  3. лицо (?) [или «перед»?]
  4. 1000
  5. к (Аббревиатура неизвестной меры?)
  6. с вами (?)». Ср. арабскую надпись на фрагменте глиняного сосуда, найденного в 1953 г. при раскопках объекта IX.

№ 7. Фрагмент надписи на обломке венчика и плечика (рис. 8).

Найден в 2005 г. на первом полу сверху в помещении 23 объекта X.

Вертикальная согдийская надпись, начало двух строк:

(1) 3 βntk (2) mδ(w) «3 вандака вина» [Маршак, Распопова 2006: 45, рис. XXIII];  
о согд. βntk |vandak vandē| — мере объема, см. выше.



**Рис. 8.** Надпись № 7:  
на фрагменте венчика и плечика  
хума из помещения 23 объекта X  
(1 — общий вид находки;  
2 — надпись)

№ 8. Фрагмент стенки глиняного сосуда с ангобной полосой и вырезанной после обжига согдийской надписью (рис. 9).

Найден в 2005 г. в завале над первым полом сверху в помещении 22 объекта X.

Текст:

'p'nč |Ārānč| — личное имя [Маршак, Распопова 2006: 45, рис. XXIV], ср.: 'p'nk

|Ārānan или Ārānē] в мугских документах A-1Recto 3, 15; Nov. 1 Verso 21 [Лившиц 2008: 258; Livshits 2015: 194].



**Рис. 9.** Надпись № 8: на фрагменте стенки сосуда из помещения 22 объекта X

№ 9. Фрагмент придонной части глиняного кувшина или широкогорлого сосуда (рис. 10).



**Рис. 10.** Надпись № 9: на придонной части кувшина или широкогорлого сосуда из помещения 22 объекта XXVI (1 — общий вид находки; 2 — надпись)

Найден в завале помещения 22 на объекте XXVI.

Вертикальная согдийская надпись, начертанная чернилами; сохранились две нижние строки, концы их стерты:

(1) *10+2 srδ* [st]

(2) *m'xu zymtyč* «12-й год [правления Деваштича]». Месяц «жиматич» [Маршак, Распопова 2005: 54, рис. XXIV].

*№ 10. Фрагмент стенки глиняного большого широкогорлого сосуда или водоносного кувшина (рис. 11).*

Найден в завале помещения 22 на объекте XXVI.

Надпись из одного слова: *δuw 'štyč* [Dēwāštīč]. По-видимому, учебное писцовое упражнение — имя пенджикентского князя или его тезки [Маршак, Распопова 2005: 55, рис. XXV].

*№ 11. Фрагмент плечика глиняного кувшина (рис. 12).*

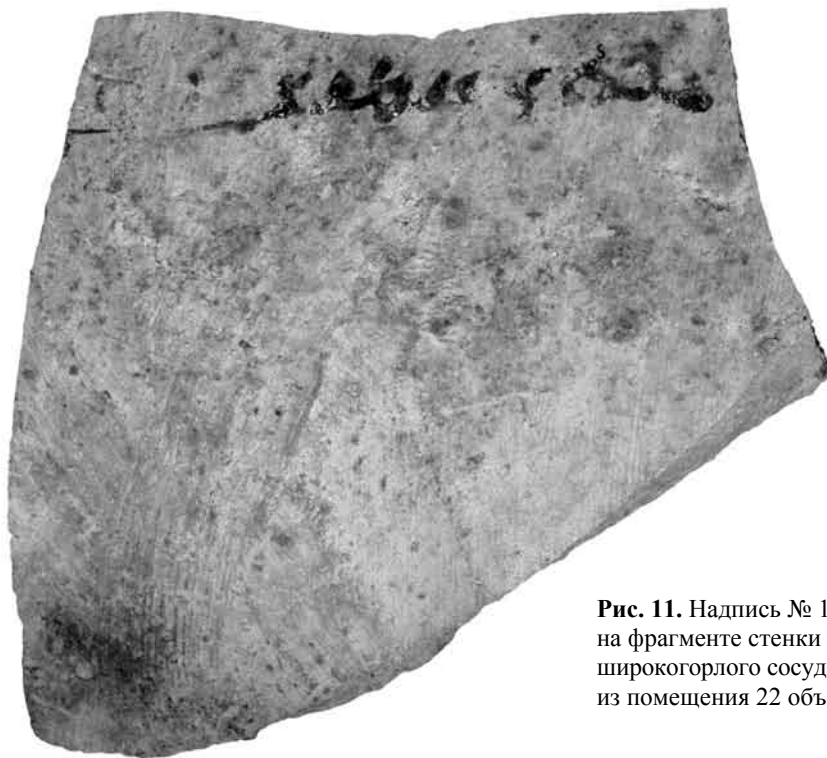
Найден на полу начала VIII в. помещения 22 объекта XXVI.

Вертикальная надпись, одно слово: *γ'm* [γām] — личное имя [Маршак, Распопова 2005: 55, рис. XXVI]. Ср. имя *γ'mk* [γ'mk] в наскальной надписи из долины Верхнего Инда [Sims-Williams 1992: 52]. Возможно, имя-прозвище, согд.-будд. *γ'm* «вор, вор-взломщик».

*№ 12. Фрагмент стенки глиняного сосуда (рис. 13).*

Обнаружен в завале помещения 23 на объекте XXVI.

Остатки пяти строк между 3-й и 4-й строками — линия.



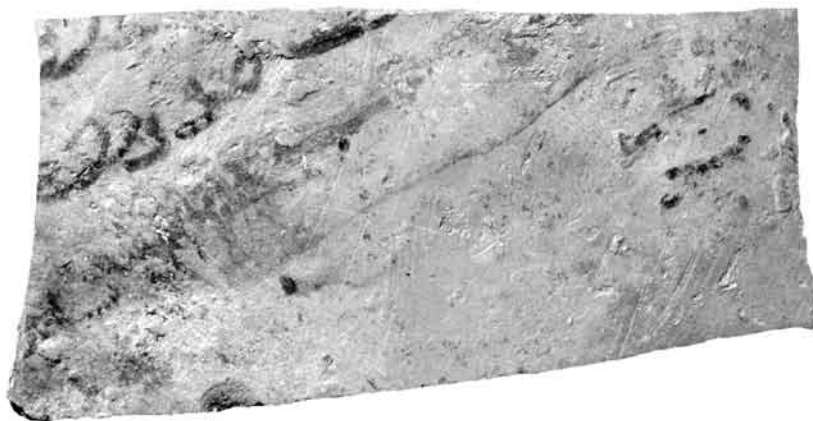
**Рис. 11.** Надпись № 10:  
на фрагменте стенки большого  
широкогорлого сосуда или кувшина  
из помещения 22 объекта XXVI

Текст:

(1) [ ] 'nw(?)th (2) [ M] N wu 'pn 'č  
 [ (3) [ M]N δуwп 'm 'k «[NN, великому] оплоту, [величайшему из] всех [оплотов] от Δēwпāтака (или Δēwпāтē)». [Маршак, Распопова 2005: 55, рис. XXVII]. Δewп 'm 'k — личное имя, букв. «Обладающий именем бога» (не дьявола!). Согд. δуw Δēwāštīč — «божество», др.-ир. 'daiwa-. Имя Дуwп 'm «(Обладающий именем (или «славой, репутацией») бога» засвидетельствовано в согдийской наскальной надписи из долины Верхнего Инда [Sims-Williams 1992: 51; ср.: Henning 1965: 263–264].



**Рис. 12.** Надпись № 11: на обломке плечика кувшина из помещения 22 объекта XXVI (1 — общий вид находки; 2 — надпись)



**Рис. 13.** Надпись № 12: на фрагменте стенки кувшина или широкогорлого сосуда из помещения 23 объекта XXVI

№ 13. Фрагмент стенки глиняного сосуда (рис. 14).

Найден в натеках над верхним полом помещения 39 на объекте XXVI (север).

Согдийская надпись, начертанная чернилами, из трех строк:

(1) *wx(w)šwprn* (2) *y/nd/lky'nwn/h* (3) [ ]*kh 's(?)yt*

«Вахушфарн, Илкиандун (? тюркское имя) ... [дней] прошло (?)». Личное имя Вахушфарн имеет значение «(Обладающий) фарном/харизмой божества (реки) Вахш» [Маршак, Распопова 2005: 56, рис. XXXI]. Ср. имена *Wkwšwβntk/Wxwšβntk*, *Wxwšwδβ'r/Wxw'δ/β'r* в наскальных надписях из долин Верхнего Инда [Sims-Williams 1992: 76–77], патроним *Wxwš'sk'n/Wkwšw'sk'n* [Ibid.], патроним *Wxwšwk'n* в мугских документах Nov. 3 Verso 18, Nov. 4, verso 11 [Лившиц 2008: 262; Livshits 2015: 197].



Рис. 14. Надпись № 13:  
на фрагменте толстостенного сосуда  
из помещения 39 объекта XXVI

№ 14. Два фрагмента стенки хума с согдийской надписью, начертанной чернилами (рис. 15).

Шифр по описи находок Пенджикентской экспедиции за 1988 г. — П-80-XXIII-10. Место находки — над вторым полом в помещении 55 объекта XXIII.

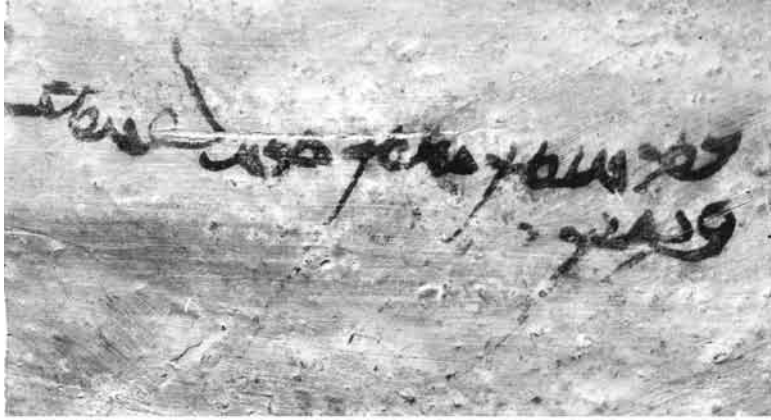
Текст:

(1) *rtu x't(k) zytk wyšdwytč*

(2) *βyδ'r* (3) [ ] *tk't*

(1) «И пусть будет для Вешдугдч иметься»

(2–3) [от (?)]... *mākāmān*. Надпись. По-видимому, выражала пожелание — Вешдугдч должна была получить содержимое сосуда. Для *x'tk* ср. согд.-ман., согд.-будд. *x't* [xāt], из *x+āt*, 3 л. ед. ч. конъюнтива [Gershevitch 1954: § 652, 773, 774], из др.-ир. *'ahati*; *zytk* [zaydak], ср. согд.-ман. *jyt-*, согд.-будд. *δryt-*, основа прош. вр. от др.-ир. *'drang-* [Gershevitch 1954: § 285], ср. согд.-будд. *rcyγt ZY zyty* «получать и иметь/держать» [Benveniste 1940: 78, l. 65]. Имя *Wyšdwytč* [Wēšduyčč], букв. «Дочь (похожая на растение (?))», согд. *wyš* [wēš] из др.-ир. *'wastrua-*, ягн. *wayš*, *weš* «трава, зелень», язг. *wēx* «трава, сено; солома», шугн. *wox*, *пашто wāš?* «травы» (мн. ч.), авест. *'vāstriia* — «относящийся к полю, лугу» [Bartholomae 1904: 1416], авест. *vāstriiō fšniiant-* «скотовод; земледелец», среднеперс. *wāstrayōš* [MacKenzie 1971: 88].



1

**Рис. 15.** Надпись № 14:  
на двух фрагментах стенки  
хума (1, 2) из помещения 55  
объекта XXIII



2

№ 15. Фрагмент дна глиняного сосуда с вырезанной после обжига согдийской надписью (рис. 16).

Полевой шифр 66-ХII(в)-48.

Найден на объекте XII, в помещении 36 верхнего здания.

1 строка: (δ)уwβntk |Δēwvandak или Δēwvandē], личное имя, букв. «Раб божества». В этом имени δуw |δēw| «божество», др.-ир. \*daiwa-, др.-инд. devá-, авест. daēuua- «божество зороастрийской религии» [Bartholomae 1904: 667–670], daēuuaasna- «почитающий божество / поклоняющийся божеству» [Ibid.], ср. древнеиндийское dēvaajñá- «жертва, приносимая богам», авест. daēuuaaz- «молящийся божеству» [Bartholomae 1904: 671]. Ср. имя пенджикентского князя δуw'štyč |Δēwāštič], букв. «Одержимый божеством», но согд.-ман. δуw'štyuč «демонический, дьявольский», δуw'štyč δ'm «дьявольское создание, мир демонов» [Gershevitch 1954: § 1277, 1439]. Ср. согд. δуw'kk |Δēwak] — личное имя на гемме из собрания Отдела Востока Государственного Эрмитажа; имя δуwуun |Δēwūn] «(Обладающий) божественным видом» в мугском документе А-9 Verso 26. Ср. также согдийские личные имена δуw'kk |Δēwak] и δуwn't |Δēwnām] в наскальных надписях из долин Верхнего Инда [Sims-Williams 1999: 51]. Противоположное значение — «дьявол, демон» находим у основы \*daiwa- уже в Авесте: daēuua- «дьявольский, чертовский» [Bartholomae 1904: 672], среднеперс., новоперс. dēw «дьявол, демон», среднеперс.-ман., парф.-ман. dēw [MacKenzie 1971: 26; Boyce 1977: 39]. Ср. пашто lewэ «хищный зверь, волк» [Morgenstierne 2003: 45], среднеперс.-ман. duwg |dēwag] «червь, вредитель» [Boyce 1977: 39].





**Рис. 16.** Надпись № 15 на фрагменте дна сосуда из помещения 36 верхнего здания объекта XII

## Литература

- Абаев 1958: *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л.
- Беленицкий 1961: *Беленицкий А. М.* Об археологических работах Пенджикентского отряда в 1959 г. // ТИИАНТаджССР. Т. 31. С. 73–100.
- Исаков 1977: *Исаков А. И.* Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе.
- Лившиц 2008: *Лившиц В. А.* Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб.
- Маршак, Распопова 2005: *Маршак Б. И., Распопова В. И.* Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2004 году. СПб. (МПАЭ. Вып. VII).
- Маршак, Распопова 2006: *Маршак Б. И., Распопова В. И.* Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2005 году. СПб. (МПАЭ. Вып. VIII).
- Стеблин-Каменский 1999: *Стеблин-Каменский И. М.* Этимологический словарь ваханского языка. СПб.
- Фрейман 1939: *Фрейман А. А.* Согдийские надписи из Старого Мерва // ЗИВ. Т. VII. С. 296–302.
- Хромов 1987: *Хромов А. Л.* Ягнобский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Восточная группа. М. С. 644–700.
- Beal 1906: *Beal S.* Si-yu-ki: Buddhist Records of the Western World / Translated from the Chinese of Hiuen Tsiang (A.D. 629). Vol. I–II, London.
- Benveniste 1940: *Benveniste É.* Textes sogdiens. Paris, 1940 (Mission Pelliot en Asie Centrale. III).
- Boyce 1977: *Boyce M.* A Word-List of Manichaean Persian and Parthian. Téhéran; Leiden (AIR. 9a).
- Durkin-Meisterernst 2004: *Durkin-Meisterernst D.* Dictionary of Manichaean Middle Persian and Parthian. Turnhout (Dictionary of Manichaean Texts. Vol. III. Texts from Central Asia and China. Pt. 1).
- Emmerick 1968: *Emmerick R. E.* Saka Grammatical Studies. London.

- Flügel 1871–1872: *Kitāb al-Fihrist / Mit Anmerkungen* hrsg. von G. Flügel, nach dessen Tode besorgt von J. Roediger und A. Müller. Bd. I–II. Leipzig.
- Geiger 1901: *Geiger W.* Über das Yaghnōbī // Grundriss der iranischen Philologie. Bd. I. Strassburg. S. 334–444.
- Gershevitch 1954: *Gershevitch I.* A Grammar of Manichaean Sogdian. Oxford, 1954.
- Grenet et al. 2001: *Grenet F., Sims-Williams N., La Vaissière É. de.* The Sogdian Ancient Letter V // BAI. NS. Vol. 12 [1998]. P. 91–104.
- Henning 1936: *Henning W. B.* Ein manichäisches Bet- und Beichtbuch. Berlin (Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Jg. 1936. Philosophisch-historische Klasse. Nr. 10).
- Henning 1939: *Henning W. B.* Sogdian Loan-Words in New Persian // BSOAS. Vol. X/1. P. 93–106.
- Henning 1940: *Henning W. B.* The Sogdian Texts of Paris // BSOAS. Vol. XI/4. P. 713–740.
- Henning 1948: *Henning W. B.* The Date of the Sogdian Ancient Letters // BSOAS. Vol. XII/3. P. 601–615.
- Henning 1958: *Henning W. B.* Mitteliranisch // Handbuch der Orientalistik. Abt. 1. Bd. 4; Abschn. 1: Linguistik. Leiden; Köln. S. 20–129.
- Henning 1965: *Henning W. B.* A Sogdian god // BSOAS. Vol. XXVIII/2. P. 242–254.
- Hinz 1975: *Hinz W.* Altiranisches Sprachgut der nebenüberlieferungen. Wiesbaden.
- Julien 1857: *Julien S.* Mémoire sur les contrées occidentales, traduits du sanscrit en chinois, en l'an 648, par Hiouen-thsang, et du chinois en français. T. I. Paris (Voyages des pèlerins bouddhistes. II).
- Justi 1895: *Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg.
- Livshitz 1970: *Livshitz V. A.* A Sogdian Alphabet from Panjikent // W. B. Henning Memorial Volume. London. P. 256–263.
- Livshits 2015: *Livshits V. A.* Sogdian epigraphy of Central Asia and Semirech'e / Transl. from the Russian by T. Stableford; ed. by N. Sims-Williams. London (CIIR-2/3).
- MacKenzie 1971: *MacKenzie D. N.* A Concise Pahlavi Dictionary. London; New York.
- Mayrhofer 1996: *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Bd. II. Heidelberg.
- Morgenstierne 1927: *Morgenstierne G.* An Etymological Vocabulary of Pashto. Oslo.
- Morgenstierne 2003: *Morgenstierne G.* A New Etymological Vocabulary of Pashto / Compil. and ed. by J. Elfenbein, D. N. MacKenzie and N. Sims-Williams. Wiesbaden (Beiträge zur Iranistik. Bd. 23).
- Pelliot 1934: *Pelliot P.* Tokharien et koutchéen // JA. T. 224. P. 23–106.
- Pokorny 1959: *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Bern.
- Ross 1927: Ta'rikh-i Fakhru'd-Din Mubarakshah, being the Historical Introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Din Mubarakshah Marvar-rudi completed in A.D. 1206 / Ed. from a Unique Manuscript by E. D. Ross. London (James G. Forlong Fund. Vol. IV).
- Ross, Gauthiot 1913: *Ross E. D., Gauthiot R.* L'alphabet sogdien d'après un témoignage du XIII<sup>e</sup> siècle // JA. Sér. XI. T. I. P. 521–533.
- Sims-Williams 1980: *Sims-Williams N.* Remarks on the Sogdian letters  $\gamma$  and  $\chi$  (with special reference to the orthography of the Sogdian version of the Manichean church-history) // *Sundermann W.* Mitteliranische manichäische Texte kirchengeschichtlichen Inhalts. Berlin (Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients. Berliner Turfantexte. XI). P. 194–198.
- Sims-Williams 1981: *Sims-Williams N.* The Sogdian sound-system and the origins of the Uyghur script // JA. T. 269. P. 347–360.
- Sims-Williams 1992: *Sims-Williams N.* Sogdian and Other Iranian Inscriptions of the Upper Indus. II. London (CIIR-2/3).
- Skjærvø 1976: *Skjærvø P. O.* Sogdian notes // AOr. T. 17. P. 111–116.
- Wolff 1935: *Wolff F.* Glossar zu Firdosis Schahname. Berlin.
- Yakubovich 2002: *Yakubovich I.* Mugh I. I revisited // StIr. T. 31/2. P. 231–253.

## ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ АНТИЧНОЙ БАКТРИИ В СВЕТЕ РАСКОПОК ХРАМА ОКСА НА ГОРОДИЩЕ ТАХТИ- САНГИН В ЮЖНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ

**Б. А. Литвинский** (Москва)

В процессе раскопок храма Окса на Тахти-Сангине было обнаружено свыше 8000 предметов, в том числе много произведений искусства и художественного ремесла. В хранилищах этого общebakтрийского святилища, несомненно, когда-то находилось большое количество предметов из золота и серебра, но практически все они, за редким исключением, отсутствуют. Где же они? И. Р. Пичикян и я высказали идею, что предметы знаменитого Амударьинского клада<sup>1</sup> когда-то составляли часть сокровищ храма Окса. Точное место его обнаружения неизвестно, но изучение отчетов русских путешественников позволило Т. И. Зеймаль и Е. В. Зеймально утверждать, что оно располагалось в местности Тахти-Кубад [Зеймаль Т., Зеймаль Е. 1962], в 5 км южнее цитадели городища Тахти-Сангин. Впрочем, ко времени публикации их статьи храм Окса еще не был раскопан, и, следовательно, его существование не могло учитываться.

В связи с этими раскопками я вновь пересмотрел русскую литературу второй половины XIX в., а также старинные карты, что позволило извлечь новые свидетельства. Д. Куртис издал новые и ранее неизвестные материалы из английских архивов, английской и индийской прессы [Curtis 1997]. Вся эта совокупность сообщений, в том числе русских, позволяет утверждать, что в 1876–1880 гг. (возможно, до 1886 г.) где-то в районе слияния Вахша с Пянджем местными жителями была найдена большая коллекция золотых и серебряных вещей, а также монет. Точный пункт находки определен быть не может. Предполагается следующая реконструкция происхождения Амударьинского клада: при приближении какого-то неприятеля (вероятнее всего, кочевников) жрецы забрали из хранилищ золотые и серебряные предметы и монеты и тайно закопали их на берегу речной террасы (вблизи храма или же на каком-либо расстоянии от него — спор об этом в таком случае теряет смысл). Назад забрать вещи им не было суждено, а через две с лишним тысячи лет река подмыла берег, и сокровища были обнаружены и собраны местными жителями.

Возникает и другой вопрос: почему храм был возведен именно в этой изолированной местности с ее достаточно суровыми природными условиями? П. Бернар отметил, что сооружение этого храма лежало в русле религиозной политики

---

<sup>1</sup> Речь идет об Амударьинском клада (или Клада Окса), хранящемся в Британском музее [Dalton 1964; Зеймаль 1979]. Сам термин «Амударьинский клад» вошел в русскую науку после появления известного издания И. И. Толстого и Н. П. Кондакова [Толстой, Кондаков 1889: 129]. Принадлежность к этому кладу предметов, найденных вблизи Кабула и попавших в Музей Михо (Япония), пока является предметом дискуссии.

Селевка I и символически отражало роль ирригации в этой земледельческой провинции [Bernard 1994: 509].

Мне представляется вполне вероятным, что место для храма у слияния Вахша и Пянджа и образования Амударьи (совокупность этих рек носила в древности название Вахш, в греческой передаче — Окс), где соединялись важнейшие речные потоки Бактрии и как бы рождалась и распределялась вода, персонифицировавшаяся в образе божества Воды и родственных божеств, было выбрано еще и потому, что здесь, несомненно, располагалось (на месте раскопанного храма, рядом с ним или на некотором удалении) пока не найденное более раннее святилище, построенное еще в ахеменидское время и посвященное великой реке Окс. Многочисленность вотивов ахеменидского времени в хранилищах храма Окса, который сам датируется раннеэллинистическим временем, скорее всего, указывает на то, что эта группа вотивов накапливалась в более раннем храме, ко времени сооружения храма Окса пришедшем в запустение или, по мнению заказчиков и строителей нового храма, не отвечавшего их запросам.

История Бактрии ахеменидского и эллинистического периодов охватывает четыре столетия (конец VI—II в. до н. э.). При всем различии этих двух эпох, в ее политической и культурной жизни существовала нерасторжимая связь, преемственность и даже намеренное копирование ахеменидских традиций в наиболее важных направлениях, в частности, в самом монументальном из искусств — архитектуре. Раскопки на Тахти-Сангине привели к открытию и почти полному вскрытию сооружений храма Окса, в котором был обнаружен огромный фонд (свыше 8000 экземпляров, не считая керамики) разнообразных находок, включая монеты и памятники искусства, датирующихся временем от VI в. до н. э. до IV в. н. э. Храм Окса, наряду с Ай-Ханум, является одним из наиболее важных и репрезентативных памятников эллинистической Бактрии, кардинально изменивших наши представления об ее археологии, архитектуре, искусстве и религии. Материалы раскопок внесли много нового в комплекс концепций, связанных с бактрийско-эллинистическим взаимодействием и дальнейшими судьбами эллинистической культуры, ее ролью и влиянием в постэллинистическое время. Эта проблема имеет важное значение не только для самой Бактрии, но и для всей Центральной Азии и Индии. Она получила освещение в трудах многих зарубежных авторов, опубликованных в последнее время, причем их подходы весьма различны [см.: Sherwin-White, Kuhrt 1993; Will 1994; Kuhrt, Sherwin-White 1994; Briant 1994; Le Rider 1994; Bernard 1994; Bopparachchi 1994; Invernizzi 1994; Leriche 1994; Lyonnet 1994; Rapin, Isamiddinov 1994; Salles 1994].

Выше было указано, что в храме Окса передневносточная, особенно ахеменидская архитектурная традиция прослеживается очень ярко. Это чрезвычайно важно в связи с дискутируемой в современной науке проблемой сущности Селевкидского государства. А. Бриан сделал глубокий обзор современных тенденций в понимании этой проблемы. Одни историки, как он пишет, продолжают обращаться к идее колониционной идеологии и практики. Вместе с тем высказываются сомнения в справедливости самого понятия «эллинизация Востока», и такой крупный исследователь, как Э. Вилль считал, что в настоящее время нет такого историка, который бы серьезно верил в глубоко проникшую эллинизацию Ближнего Востока. В трудах других исследователей внимание сосредоточено на выявлении исходных корней непрерывавшихся локальных традиций и повсеместного континуитета экономических отношений. Сам П. Бриан в этих своих работах, как и в предыдущих

[Briant 1976; 1978; 1982; 1990], указывает на тесные связи Селевкидского государства и общества с Ахеменидским, отмечая, что следует иметь в виду связи не только с Ахеменидами, но и их с ассиро-вавилонскими и эламскими предшественниками. В результате он приходит к следующему осторожному выводу: «Представляется, что в эллинистический период греко-македоняне просто добавили свои традиции к мульти-этнолингвистическому состоянию. Но мы не знаем, то ли они не хотели, то ли не были способны довести все это до единообразия, по крайней мере, слить все это в нечто общее, центром чего были бы их собственные социокультурные ценности» [Briant 1990: 40–41]. Раскопки Тахти-Сангина добавили новые сведения о реальном содержании этих сложнейших процессов, и я надеюсь вернуться к их анализу в последующих публикациях.

Чрезвычайно обширен репертуар находок памятников искусства. Мы не будем останавливаться на памятниках искусства ахеменидского времени, тем более что значительная их часть опубликована и детально исследована. Отмечу лишь, что среди них есть подлинные шедевры. В связи с темой данной статьи остановлюсь, хотя бы вкратце, на памятниках искусства эллинистического времени, чтобы внести в необходимых случаях определенные изменения и уточнения в трактовки, которые я и И. Р. Пичикян предлагали раньше.

Среди памятников эллинистического искусства из храма Окса имеется крупная глиняная скульптура, портретная малая бронзовая пластина, бронзовые рельефные изображения, скульптурные изделия из слоновой кости, гравированные изображения из слоновой кости и др.

Одним из самых ярких произведений искусства является рельефная голова Александра Македонского из слоновой кости — это украшение устья ножен миниатюрного вотивного меча (*махайры*) [Litvinskiy, Pichikyan 1980: 67–77; Пичикян 1983; Литвинский 2001: 251, табл. 71]. Изображение анфасное, в легком левом повороте, голова слегка наклонена к левому плечу, овал лица округлый, глаза широко открыты. На голове — шлем из шкуры льва, причем верхняя челюсть льва венчает лоб, нащечники имеют вид нижней челюсти. Шкура льва была наброшена на плечи. Лапы, несомненно, были на груди перевязаны геракловым узлом, но этот участок изображения почти не сохранился. Портрет выполнен прекрасно. Автор был талантливым художником, черты лица тонко и умело смоделированы. Перед нами юный герой, в котором ощущается воля и решительность. О том, что это именно Александр, свидетельствует вся иконографическая традиция. Особенно это наглядно видно при сопоставлении с еще более юными изображениями Александра из Вергины.

Как известно, образ Александра воплощался прежде всего Лисиппом [Lisippo 1995 (с детальной библиографией)], а также множеством других скульпторов, художников, торецов и нумизматических медальеров на протяжении всей эпохи эллинизма. Имеется целая группа изображений Александра в облике Геракла. Эпизод, когда Александр якобы лично сразил огромного льва, произошедший в Средней Азии, вблизи Мараканды (Curt. VIII, 1, 11–17), дал стимул к отождествлению Александра с Гераклом. Идея об Александре как Геракле была широко распространена при его жизни. Хотя имеются многочисленные аналогии тахтисангинскому изображению, их конкретный общий прототип неизвестен. Хронологически Александр-Геракл из храма Окса относится к III в. до н. э.

С личностью великого полководца и его воинскими подвигами связан еще один памятник искусства. Это большой фрагмент стенки ножен миниатюрной вотивной

*махайры*, изготовленных из слоновой кости, с тщательно выгравированной барельефной сценой поединка конного воина с пехотинцем. Позади всадника виден еще один пеший воин. Всадник, сидящий в наклонной вперед позе на мчащемся галопом коне, держит в правой отведенной назад руке длинное копьё, которым собирается поразить обращенного к нему пехотинца. Тот прикрылся щитом и занес над головой *махайру*. Задний пеший воин, обращенный в противоположную сторону, также держит щит. Лица пеших воинов сохранились: они прекрасно смоделированы. Судя по оружию и одежде, их следует рассматривать как персов, тогда как конного воина — македонянином. Исключительно высокохудожественное изображение в целом, захватывающие экспрессия и динамизм свидетельствуют об исполнении этого барельефа не ремесленником, а искусным художником. Анализ этой сцены позволяет предположить, что она является репликой части изображения битвы Александра Великого с персами, запечатленной на многих памятниках искусства (Plin. *NH.* XXXV, 93, 110). Для сопоставления можно привлечь боевые сцены на Сидонском саркофаге [Winter 1912; Graeve 1970], мозаике из Помпей [Winter 1909; Andreae 1977] и в живописи из македонской гробницы в Левкадии, а также с некоторыми произведениями искусства из Вергины. На основании иконографического анализа я высказал мнение, что тахтисангинский рельеф относится к последней четверти IV в. до н. э. [Литвинский, Пичикян 1997: 17]. Однако последующий анализ некоторых деталей убедил меня, что эту дату надо изменить. Дело в том, что противостоящий Александру перс держит в руках овальный щит с вертикальным срединным ребром. Это типичный щит типа «тюреос». Такие щиты появляются в Греции не ранее начала III в. до н. э.<sup>2</sup> Следовательно, данная сцена могла быть воспроизведена не раньше этого времени, а, скорее всего, около середины III в. до н. э.

Среди глиняных скульптур выделяются два скульптурных портрета с диадемами. Они выполнены с огромной художественной выразительностью. Манера изображения мягкая и пластичная. Лица и головы великолепно смоделированы, все детали переданы уверенно и точно. Эти скульптуры очень различны. Спокойной созерцательности, характерной для одного портрета, нет в другом. Совершенно различен тип лица, отличаются и детали. Перед нами изображения двух персонажей, воспроизведенных в реалистической манере, которая вместе с наличием индивидуальных характеристик свидетельствует в пользу того, что обе рассматриваемые головы являлись портретами. Отсюда закономерен вопрос о том, кто именно был воспроизведен на этих скульптурах. Мнения руководителей раскопок по этому поводу разошлись, что отразилось в наших предварительных публикациях. В конце концов И. Р. Пичикян пришел к заключению, что это изображения двух царей, отца и сына, а конкретно — Селевка I и Антиоха I [Пичикян 1991: 192–194].

Я проделал специальное детальное сопоставление скульптурных голов из храма Окса с портретами селевкидских царей на монетах, геммах и круглой скульптуре, которое привело к заключению, что тахтисангинские скульптуры на самом деле не являлись портретами селевкидских царей. Одну из этих голов такой авторитет, как Р. Фляйшер, включил в группу, которую он обозначил «keine Seleukiden» [Fleischer 1991: 90, 142]. Но и сопоставление с портретами на греко-бактрийских монетах показывает, что сходство рассматриваемых скульптурных изображений

<sup>2</sup> Подробнее об этом в связи с историей щита типа «тюреос» см.: Литвинский 2001: 378–381.

с монетными портретами носит скорее стилистический характер, тогда как специфические совпадения есть лишь в прическах на монетных портретах Евтидема I (около 230–200 гг. до н. э.). Но вся трактовка голов на греко-бактрийских монетах принципиально отлична, как в целом, так и в деталях. Отсюда вывод: скульптуры из храма Окса были, вероятно, портретами каких-то мелких эллинистических династов или же местных греческих правителей конца IV–III в. до н. э.

Прекрасна эллинистическая скульптура стоящего обнаженного мальчика с головой, повернутой к левому плечу. И. Р. Пичикиян решил, что это скульптура Аполлона, ссылаясь при этом на перевязь, идущую от правого плеча через грудь к левой стороне фигуры, которую он принял за подвеску лука — обычного атрибута Аполлона [Пичикиян 1991]. В результате дополнительного исследования я пришел к иному заключению. В детально разработанной иконографии Аполлона эта скульптура не находит сколько-либо близких аналогий. Скульптура из храма Окса воспроизводит фигуру мальчика с мягкими, лишенными мускулатуры формами. Как это часто бывало в эллинистической скульптуре, голова его непропорционально велика. Перевязь через правое плечо — нередкий атрибут детских скульптурных фигур, к ней могли крепиться разные амулеты. Таким образом, перед нами, скорее всего, фигура мальчика или, быть может, Эрота. Датировка этой скульптуры — III–II вв. до н. э. К этому же времени относится и серия глиняных женских скульптур из храма Окса.

Из Тахти-Сангина происходят также бронзовые и серебряные произведения искусства. К таковым, в частности, относится бронзовый медальон в виде кружка с отогнутым назад кольцевым бортиком. Благодаря отверстию в верхней части бортика медальон мог подвешиваться, а стерженьку-шпильке в нижней части — вставляться в подставку. На лицевой стороне рельефно изображен профильный мужской бюст вправо. На голове у него шлем беотийского типа с нащечниками. Портрет передает суровое и решительное выражение лица персонажа. Изображение на медальоне — и это видно с первого взгляда — следует иконографической схеме передачи на греко-бактрийских монетах, однако выполнено оно на несравненно более низком художественном уровне. Так, лицо трактовано значительно более грубо и обладает не встречающейся на греко-бактрийских монетах тяжеловесностью. Явно ощущается определенное сходство с монетными портретами Евкратиды I, однако можно отметить и определенные различия. Можно полагать, что изображение на медальоне не является точной копией монетного портрета, а сделано, надо полагать, «по мотивам» монетного портрета одного или даже нескольких греко-бактрийских царей с добавлением деталей, которые мастер мог видеть в реальной жизни. Дата медальона — II–I вв. до н. э.

Наряду с этим, по-видимому, местным изделием ремесленного характера, имелись и высокохудожественные произведения, изготовленные профессиональными талантливыми художниками. Я имею в виду прежде всего фигурку Марсия на алтаре с греческой надписью — посвящением от имени Атросока. Алтарь, надпись и фигура датируются II в. до н. э. Марсий изображен в гротескном образе Силен: мы видим обнаженного лысого старика с непропорционально большой головой и вислым животом, играющего на двухствольной флейте-авлосе [Литвинский и др. 1985: 84–94].

Упомяну также серебряную позолоченную пластину с рельефным изображением Гелиоса в лучистом нимбе, которое выполнено с замечательным мастерством — это юношеская голова, показанная в фас, с незначительным отклонением вправо, обремененная кудрями, ниспадающими ниже уха. Глаза переданы обобщенно, пух-

лые губы выступают над округлым подбородком. Общий контур лица округлый, шея полная. От головы отходят, чередуясь, длинные и короткие лучи в виде стрелок — всего их двенадцать.

Этот тип иконографии Гелиоса сложился уже в IV в. до н. э. Тахтисангинский Гелиос находит многочисленные аналогии в скульптуре, архитектурной пластике, торевтике, ювелирных изделиях, коропластике. Особенную близость к нему демонстрируют изображения Гелиоса на терракотовых votивных щитах из так называемой Гробницы Эротов в Эретрии на острове Эвбея [Vollmöller 1901: Fig. 8; Cat. New-York 1984: 153, fig. 93]. Собранные многочисленные аналогии позволяют датировать Гелиоса из храма Окса первой половиной III в. до н. э.

В Тахти-Сангине были найдены и другие произведения эллинистического искусства, но в рамках настоящей статьи нет возможности даже вкратце охарактеризовать каждое из них. Отмечу лишь обнаружение почти полусотни звеньев составных костяных флейт. Это настоящие греческие *авлосы*. Следовательно, на берегах Окса не только в театрах (а таковой был раскопан в Ай-Ханум) ставились греческие трагедии, но и звучали прекрасные греческие мелодии [Литвинский 2006; 2010: 423–453].

Таким образом, сокровищницы храма Окса хранили множество произведений эллинистического искусства, как привозных, так и изготовленных в Бактрии, причем в местной эллинистической скульптуре прослеживается влияние школы Лисиппа. Многочисленные находки ножен парадных греческих мечей открывают новые возможности в изучении эллинского вооружения. Отдельные предметы материальной культуры, в частности, изготовленные из слоновой кости мебели с основанием в виде лапы льва, также следуют греческим образцам.

Великолепие этого крупного святилища и богатство его сокровищ с неизбежностью вызывают ассоциации с западно-эллинистическими храмами и порождают гипотезы не только о важной религиозной, но и о существенной политической и экономической роли храма Окса в жизни античной Бактрии.

Материалы раскопок чрезвычайно важны и при обсуждении некоторых других общеисторических проблем, на которых я здесь, к сожалению, не могу подробно остановиться. Сопоставление храма Окса с Ай-Ханум показывает их принципиальные отличия. Ай-Ханум — это греческий город с преобладающим эллинским населением, думающим, говорящим, пишущим и читающим на греческом языке, почитающим эллинских богов. Количество местных жителей — бактрийцев — было ограничено, и они, очевидно, были полностью эллинизированы. В архитектуре Ай-Ханум переплелись эллинские, древневосточные и бактрийские элементы. На Тахти-Сангине же проживало преимущественно бактрийское население, исповедующее местную религию, и незначительное греческое, несомненно, двуязычное. На определенных участках духовной и материальной сферы заметны внедрение эллинских элементов и греко-бактрийский синтез. В архитектуре храма Окса очень сильны передневосточные, особенно ахеменидские, традиции, греческие же были выражены в каменных модификациях — алтарях и капителях колонн.

Культы и ритуалы эллинистической Бактрии только еще начинают изучаться. Проблема религиозных представлений и культов, связанных с храмом Окса, необычайно сложна. Наличие в его композиции двух небольших фасадных помещений для хранения постоянно поддерживаемого огня (*атешгахов*), вероятно, указывает на культы бога воды и царского огня. В храмах современных зороастрийцев имеется лишь один постоянно действующий главный алтарь огня; по-видимому, в древности ситуация была иной. О конкретных формах этого культа можно судить



по позднезороастрийским сочинениям, древним и средневековым источникам, религиозной практике современных зороастрийцев Ирана и Индии. В свете нашего исследования храм Окса был центральным или одним из главных храмов огня целой области. Культ огня не являлся единственным культом храма. В нем на каком-то этапе были установлены и греческие алтари типично эллинистической формы. Здесь осуществлялось почитание также греческих божеств. Бактрийские культы и ритуалы мирно уживались с эллинскими. Сам факт такого радикального дуализма многозначителен.

Очевидно, в Бактрии существовало три зоны эллинизации: *первая зона* — районы компактного расселения греков в полисах и военных колониях, где вся культура была однотипна айханумской. *Вторая зона* охватывала территории, прилегающие к греческим городам, и характеризовалась тесными эллинско-бактрийскими этно-культурными и религиозными контактами. Здесь возможны две модели. Первая — это включение в контекст инокультурной среды отдельных элементов эллинской культуры без их (существенного) переосмысления. В Бактрии достаточно широко распространились греческий язык и письменность [Schmitt 1990: 53]. Вторая модель связана с внутренней трансформацией (разного рода и степени) семантического содержания тех или иных образов, обычаев или обрядов. Один из вариантов этой модели — соотнесение инокультурного явления с изоморфным в данной культуре и включение его в систему этой культуры в неизменном или незначительно измененном виде с тем же или гибридным содержанием (пример — вотив Атросока) [Литвинский и др. 1985]. И, наконец, *третья зона*, где в местную среду проникали только отдельные элементы эллинской материальной и духовной культуры. На территории Бактрии и примыкающих областей это были некоторые архитектурные детали (особенно каменные базы колонн и кровельная черепица), керамика и др. Речь идет не только об импорте, но и о заимствовании и распространении форм и техники. Выработанные в зонах эллинистического влияния новые типы строительной техники и архитектуры, например, фортификации [Rapin, Isamidinov 1994], сыграли важную роль в дальнейшей эволюции культуры Средней Азии. Эти процессы происходили не только в Бактрии, но и с различными вариантами в других областях — в частности, как показали П. Бернар и К. Рапен, в Согдиане [Bernard 1996].

Конечно, границы соответствующих ареалов и хотя бы приблизительное количество эллинов, в них неизвестны. Справедливо пишет А. Б. Бозуорт: «Мы не имеем сведений, как много городов было основано в Бактрии и Согдиане (Александром. — *Б. Л.*), но они явно были многочисленными и если объединить их с местными гарнизонами и солдатами из армий территориальных сатрапов, то они представляли концентрацию европейских поселенцев, не имеющую параллелей где-либо еще в империи» [Bosworth 1980: 248].

Дальнейшее развитие культуры (в самом широком смысле) Центральной Азии по ряду важнейших направлений покоилось на местном эллинистическом или эллинизированном субстрате или сохраняло связанные с ним черты. Невозможно здесь даже просто перечислить все основные факты, назову лишь некоторые. После падения Греко-Бактрийского царства греческий язык сравнительно скоро перестал быть распространенным; тем не менее письменность на базе греческой, напротив, просуществовала еще несколько столетий — при кушанах и эфталитах, вплоть до VII в., а в свете последних открытий бактрийской письменности [Schmitt 1990; Симс-Вильямс 1997] теперь ясно, что в горных районах Бактрии и других областей Средней Азии сочинения, написанные греческим письмом, сохранились и до XI–XII вв.

Ранний период развития исламской науки и философии с их мощным эллинистическим пластом до недавнего времени считался связанным с культурными процессами в Передней Азии, но после открытия философского текста в Ай-Ханум [Hadot, Rapin 1987] стало ясно, что на территорию «Дальнего Востока» эллинистического мира попадали сочинения греческих философов, и нельзя исключить возможность того, что в подлинниках или переводах они продолжали существовать там многие столетия. Определенные линии преемственности прослеживаются и в области религии. Не только храм Окса, но и его греческие каменные алтари при юэчжийском завоевании и в кушанское время не были разрушены, а, очевидно, использовались. В Средней Азии в кушанское и посткушанское время сохранялся обычай помещать «обол Харона» в рот покойника [Литвинский, Седов 1984: 150–160]. Ряд персонажей и мотивов греческой мифологии вошел в иконографический репертуар кушанского и посткушанского времени. Образы Зевса, Гелиоса, Афины, Селены, Диоскуров, Геракла, Эротов и других мифических персонажей [см., в частности: Rosenfield 1967: 14–26; Сарияниди 1989: 46–134], постепенно подвергаясь варваризации, долгое время сохранялись в среднеазиатском искусстве. Особенно ярко это проявилось в юэчжийско-кушанскую эпоху, когда традиции эллинистического искусства были не только живы, но и эволюционировали, переплетаясь и воздействуя на становление местного бактрийско-кушанского искусства. Замечательным примером этого является комплекс великолепных художественных предметов из Тилля-тепе с его эллинистическими мотивами [Sarianidi 1985; Pfrommer 1993].

В кушанский период усиливается поток римских изделий, в том числе произведений искусства, как в Среднюю Азию, так и в Индию, что ярко представлено находками в Таксиле и Беграме. Храм Окса, в отличие от Ай-Ханум, пережил юэчжийское завоевание и продолжал функционировать на протяжении всего кушанского периода, как показал мой анализ находок вотивов, вплоть до IV в. н. э. Среди них есть, например, серия бронзовых аппликаций, изображающих Эрота, а также его фигурка из слоновой кости. Последнюю я предпочел бы датировать I в. до н. э. — I в. н. э. Бронзовые аппликации в виде эротов, нагих и одетых, следует датировать II–III вв. н. э. В иконографии эротов ярко проявились черты, свойственные поздне-римскому искусству. И это неслучайно. Мощное влияние принципов поздне-римского искусства, хорошо известное по памятникам Пальмиры и Дура-Европос, распространяется и в Центральной Азии. Достаточно вспомнить живопись Фаяз-тепе, Топрак-калы и Мирана.

Эллинистическое влияние четко сказалось и на бактрийской скульптуре. Великолепная галерея образов Халчаяна и Дальверзин-тепе несет зримые эллинистические черты [Пугаченкова 1971; 1978].

Следует также упомянуть о гандхарском искусстве, ареал которого охватывал в древности территории Северо-Западной Индии, Афганистана, Южного Таджикистана и Южного Узбекистана. Происхождение гандхарского искусства длительное время дискутируется в науке. А. Фуше в первой половине XX в. обосновал точку зрения о сильнейшем греческом толчке, приведшем к созданию гандхарского искусства, и связывал это с притоком греков в Северо-Западную Индию после падения Греко-Бактрийского государства. Позже эту идею развивал Д. Шлюмберже. Другие крупные ученые (Б. Роулэнд, Г. Ингольт и др.) концентрировали внимание на значительной роле римского мира, включая Пальмиру и Дура-Европос. Третья группа исследователей предпочитает искать корни гандхарского искусства в самой Индии [см. обзор теорий: Zwalf 1996: 67–69].

Раскопки Ай-Ханум и храма Окса значительно усилили позицию сторонников гипотезы о греческом влиянии, исходившем из Бактрии, и о собственно бактрийском вкладе. Вместе с тем, в частности, как указывалось, из храма Окса получены археологические материалы, свидетельствующие о мощном римском влиянии. Все это комбинировалось и накладывалось на индийскую основу в гандхарском искусстве, причем в рамках буддийской идеологии. Происходила быстрая стандартизация иконографии буддийских персонажей. Это происходило, как показывают материалы из Таксилы и Буткары, уже в I в. до н. э. — I в. н. э. Местные архитекторы, скульпторы и художники, знакомые с эллинистической традицией, объединили все эти разнородные элементы воедино и выработали свой художественный репертуар, свои каноны и модели, которые и представляют феномен «гандхарского искусства».

Но на этом эллинистическое и эллинистическо-римское влияние не прервалось. В V–VIII вв. в коропластике Согда встречаются реминисценции античной пластики [Мешкерис 1978; Маршак, Распопова 1988], торевты Центральной Азии и Северо-Западной Индии тогда же изготовляли чаши с иллюстрациями к трагедиям Еврипида, при этом, возможно, не понимали их смысла и потому допускали искажения [Маршак 1978], а в декоративной отделке из согдийского города Пенджикента сохранились чисто эллинистические мотивы.

Не менее велик эллинистический вклад, опосредованно вошедший в развитие древней и раннесредневековой архитектуры. От античных ордерных систем ведут свое начало ордерные системы кушанского и раннесредневекового времени [Воронина, 1977; Литвинский (в печати)], претерпевая при этом принципиальные изменения и трансформацию. Это касается и самой колонны, и ее элементов. В последующих архитектурных сооружениях получили разнообразное развитие и применение такие архитектурные композиции, как четырехколонный зал в обводе коридоров и колонный айван, представленные в храме Окса. Многие виды материальной культуры, в частности, керамика, обязаны своим обликом и техникой эллинистической эпохе.

Можно предполагать, что восточно-эллинистические города повлияли как на параллельно существовавшие местные поселения городского типа, так и на дальнейшее развитие центральноазиатского урбанизма. Это влияние шло на многих направлениях, начиная от фортификации, планировки, типов зданий, благоустройства, до внутреннего строя города и городского самоуправления. Последнее подтверждает факт присутствия бактрийцев в городской администрации Ай-Ханум. Вероятно предположить о взаимодействии между социальными и экономическими структурами греческого и бактрийского населения, образовавшими единый культурно-исторический греко-бактрийский феномен.

Произведения искусства из храма Окса на Тахти-Сангине и Ай-Ханум в полной мере дают представление не только о монументальном и прикладном искусстве, но и о культуре эллинистической Бактрии в целом. Стимуляторами эллинизации искусства и культуры Бактрии после 329 г. до н. э. являлись насильственное установление политической власти македонян и основание новых эллинистических полисов и крепостей, в архитектуре которых преобладали местные и восточные влияния. В эллинистическое время, в период вхождения Бактрии в государство Селевкидов, а затем расцвета самостоятельного Греко-Бактрийского государства контакты с греческими городами Средиземноморья были регулярными. Они обеспечивались также последующими волнами колонизации, о чем свидетельствуют художественные школы, отразившие непосредственное влияние селевкидского искусства.

При подведении итогов обсуждения наиболее важных проблем культуры Бактрии ахеменидского периода следует подчеркнуть, что в настоящее время информация, полученная в результате археологических раскопок, сравнительно невелика. Зафиксирован по преимуществу лишь факт существования ахеменидских слоев, сами же города остаются неизученными из-за мощных последующих застроек. По-прежнему основными указаниями на существование бактрийских городов ахеменидского периода служат только письменные свидетельства античных авторов, но и они предельно ограничены. Из этих источников вытекает типология городов, которая подтверждается археологическими исследованиями: большие столичные центры, малые города и приграничные города-крепости, при наличии в первых акрополя, дворца и храма. В целом эта структура, сложившаяся при Ахеменидах, была заимствована и развита Александром, однако царская власть уже опиралась на эллинскую полисную политическую организацию, обязательно требующую иных дополнительных архитектурных комплексов [Кошеленко 1979].

Монументальность храма Окса, исключительное совершенство его строительных конструкций, развитость строительных приемов, общий высокий стандарт строительства — все это яркие свидетельства высокого уровня древнебактрийской архитектуры, прошедшей, начиная с эпохи бронзы, длительный путь развития, взаимодействовавшей с архитектурными традициями древних народов Ближнего Востока и обогащенной опытом эллинистической архитектуры.

Для правильного понимания храма Окса он сопоставляется в архитектурном и археологическом контексте с храмами огня в Сузах, Кухи-Хваджа и Персеполе — как типологически наиболее близкими по архитектурной композиции и времени функционирования, так и в противопоставлении принципиально иным храмам со статуей божества (Ай-Ханум и Дильберджин). Особое внимание уделено первой группе памятников. Как показало наше исследование [см.: Литвинский, Пичикин 2000], определяющей чертой для атрибуции этих храмов огня служат *атешгахы* на фасаде храма, а также наличие в пределах храмовой территории хранилищ священной золы.

Храм Окса является классическим образцом бактрийского храма огня. Воплощенные в нем композиционно-архитектурные принципы и идеи сыграли важную роль в дальнейшем развитии храмов огня и храмовой архитектуры в целом как в Бактрии-Тохаристане, так и в Парфии, Хорезме, Согде и других областях Центральной Азии.

В строительном деле в Согде на смену прямоугольному появляется квадратный кирпич. Усиливается фортификация. В частности, фортификация усиливается нишами и площадками для размещения дальнобойных метательных орудий [Chichkina 1986: 73–74, fig. 289, 290, 293–295]. Именно в это время городские стены оформляются близко поставленными пилястрами, а это ближневосточный мотив [Chichkina 1986: fig. 289].

Особое значение в данном отношении имеет глиняная скульптура. Я уже привел данные об изготовлении глиняных скульптур в Греции классического времени [Литвинский 2010: 255–269]. Прекрасные образцы скульптуры из необожженной глины, относящиеся к концу IV в. до н. э., обнаружены в кенотафе царя Никокреонта в Саламине (Кипр). Добавлю, что сведения о глиняных скульптурах есть и в письменных памятниках. Так, Павсаний (Paus. I, 2, 5) сообщает о наличии таких скульптур в здании, связанном с культом Диониса, а Плиний Старший — об изготовлении таких статуй (Plin. *NH.* XXXV, 155).

Находки фрагментов скульптур из раскопок в Ай-Ханум, Елхарасе и Тахти-Сангине позволяют полагать, что только после прихода в Среднюю Азию греко-македонян здесь впервые (после конца эпохи бронзы) появился этот вид искусства. Позднее глиняные скульптуры играли важную роль в искусстве Бактрии (Халчаян) и Хорезма (Топрак-кала). Не подлежит сомнению высокий уровень их исполнения и участие в их создании мастеров-греков или скульпторов, учившихся у таких мастеров. Сравнение со скульптурой Тахти-Сангина позволяет говорить о том, что никийская скульптура была лучшего качества. Показательно, что скульптура достаточно органически связана с монументальной архитектурой [Bongard-Levin, Košeljenko 2005: 46–49].

Следовательно, эллинские скульпторы появились в Бактрии, уже владея техникой изготовления крупных глиняных скульптур. Местные мастера, изготавливавшие еще в эпоху бронзы скульптуры из необожженной глины, в конце концов овладели более сложной техникой крупных глиняных и алебастрово-глиняных скульптур, усвоив не только технологические приемы, но и эстетику и многие детали иконографии греческой скульптуры. Появились в Бактрии скульпторы, сохранявшие во многом дух греческой скульптуры, наполненной, однако, иным идеологическим содержанием и иными технологическими приемами. На начальной стадии своего становления бактрийская скульптурная школа испытала определенное влияние гандхарской. Все это вместе взятое привело к появлению таких шедевров бактрийской скульптуры, которые нам известны по раскопкам Халчаяна и Дальверзина.

Изучение произведений искусства из храма Окса приводит к заключению, что он являлся, безусловно, общебактрийским храмом, который собрал в своих сокровищницах большое число произведений искусства ахеменидского времени, в том числе из Ирана и Малой Азии, из материковой Греции, а также из разных частей эллинистического мира. Исходя из всего вышеизложенного, я прихожу к заключению, что в период эллинизма и вплоть до I в. до н. э. крупные городские центры, включая храмовые (такие как храм Окса) в ту эпоху служили своего рода «копилками», они «переваривали» и «растворяли» друг в друге образы, мотивы и приемы изготовления, что стало не только причиной интенсивного историко-культурного синтеза, но и основой для возникновения бактрийской школы кушанского искусства, затем сосуществовавшей в Бактрии вместе с индо-гандхарской.

Это, так сказать, одно из направлений. На самом деле круг взаимодействий был несравненно шире территориально (последние находки в Фергане показывают, что и в ней были распространены элементы греческой мифологии и иконографии). Кроме того, есть еще ряд направлений, где греческая культура оказала заметное воздействие на дальнейшую эволюцию культуры среднеазиатских народов. Можно назвать архитектуру, торевтику, коропластику, религиозно-мифологические представления, музыкальную культуру (в частности, музыкальный инструментарий) и многое другое.

Как я уже упоминал, в результате раскопок в храме Окса было обнаружено свыше 8000 артефактов (не считая керамики). Многие изделия представлены сотнями экземпляров. Поэтому при написании второго тома, посвященного оружию, и третьего, посвященного искусству, я был вынужден провести «селекцию», включив в текст наиболее характерные группы и наиболее яркие предметы искусства. Это не полный корпус находок, а обобщенная характеристика находок [Литвинский 2001; 2010]. Среди них наиболее качественно значимой является группа

предметов вооружения. Это вызвало недоумение некоторых ученых, в частности, Ф. Грене [Grenet 2005: 377–378]. Мне остается лишь пожелать моему французскому другу познакомиться с инвентарем древнегреческих храмов, где предметы оружия занимают выдающееся место. Но дело не только в этом. Как бы предвидя эти недоуменные вопросы, я привел сведения древних письменных памятников о вооруженных отрядах при зороастрийских храмах и о сохранившихся пережитках этого у современных зороастрийцев.

Городище, на котором был сооружен храм Окса, было ограждено с севера и юга мощными стенами, а храм находился внутри цитадели, окруженный стенами и башнями. Исследования нашей экспедиции показали, что Кобадиянский оазис у низовий Кафирнигана и соседние низовья Вахша с храмом Окса с севера были прикрыты от нашествий кочевников. В V в. до н. э., почти одновременно с созданием в самом Кобадияне крепости Калаи-Мир, в среднем течении Кафирнигана была выстроена крепость, позже известная под названием Калаи-Кафирниган, которая просуществовала вплоть до арабского завоевания. Вдоль реки Кафирниган пролегал прямой путь в Кобадиянский оазис и далее к низовьям Вахша. Можно предположить, что одним из решающих мотивов возведения всей этой фортификационной системы было стремление обеспечить безопасность от нашествия кочевников с севера существовавшему уже тогда раннему храму в Тахти-Сангине<sup>3</sup>.

Образование архитектурного и художественного восточно-эллинистического *койне* на гигантской территории Среднего Востока и Центральной Азии способствовало развитию изобразительного искусства и последующему расцвету местных локальных школ с их мощной местной (в данном случае ахеменидско-бактрийской) традицией. На этом этапе этнические, религиозные и художественные компоненты греков и бактрийцев образовали в отдельных случаях неповторимый греко-бактрийский культурный феномен.

Итак, изучение всего комплекса материалов, полученных при раскопках храма Окса, а также других памятников Центральной Азии, Переднего и Среднего Востока и эллинского мира позволяет сделать ряд общих выводов.

1. Исходные пункты возникновения бактрийской культуры остаются не вполне ясными. Расположенные на западном берегу Вахша, в том числе и в непосредственной близости от храма Окса, могильники Вахшской культуры эпохи бронзы типологически в немалой степени происходят из бактрийско-маргианского археологического комплекса и могли бы быть предшественниками древнебактрийской культуры, но между ними существует огромная хронологическая лакуна.

2. В начале I тыс. до н. э. на территорию Средней Азии (Бактрия, Фергана) проникают эламские изделия. Возможно, их появление связано, как считал П. Амье, с проникновением странствующих эламских ремесленников.

3. Завоевание Ахеменидами Бактрии и организация здесь их сатрапии привели к распространению в регионе ахеменидского искусства и предметов материальной культуры.

4. Параллельно в Бактрии появилось греческое население, насильственно перемещенное Ахеменидами. Элементы эллинской культуры интенсивно распространялись во всех сферах материальной и духовной жизни. Этому в большой степени

<sup>3</sup> Детальное описание этой фортификационной системы см. в работе: Литвинский (в печати).

способствовали два фактора: очень высокий стандарт греческой техники, в том числе и строительной, и, с другой стороны, определенная переключка между греческой и авестийской мифологией. Таким образом, в пред- и раннеахеменидское время два мощных цивилизационных потока устремились в Бактрию, на многие столетия в значительной мере определив ее культурогенез. В отношении греческих влияний я обозначил этот процесс как «греческий импульс».

5. Культура Бактрии, начиная с предахеменидского периода и почти до конца I тыс. до н. э., носила гетерогенный, а не гомогенный характер. Для этого времени правильнее говорить не о бактрийской культуре, а о культуре населения Бактрии.

6. Уже в ахеменидский период и еще в большей степени в селевкидскую и греко-бактрийскую эпохи проходили процессы адаптации, сближения и даже сращивания ахеменидской и греческой культур. Территориально-зональный характер этих процессов уже упоминался, а прекрасными примерами являются Ай-Ханум и храм Окса.

7. Эллинистическо-римская струя усиливается в кушанское время, чему способствует распространение в Центральной Азии местных школ гандхарского искусства. Безусловно также влияние парфянского и пальмирского искусства. На рубеже I в. н. э. все эти элементы влияния настолько тесно переплетаются и творчески перерабатываются, что можно говорить уже о собственно бактрийском искусстве. Таковы комплексы Халчаяна и Тилля-тепе.

8. В позднекушанское время, а затем при эфталитах, вплоть до арабского завоевания в духовной и материальной культуре Бактрии и всей Средней Азии продолжают существовать некоторые элементы эллинистической культуры. В архитектуре же они сохраняются и гораздо позднее.

Из всего сказанного ясно, что воздействие эллинизма на коренное население Востока и его культуру, вопреки мнению П. Бриана и его сторонников, было многофакторным и достаточно глубоким. Отсюда сам собой напрашивается вывод общегуманитарного характера: не только западноевропейская цивилизация выросла на фундаменте классической античности, но и в основе центральноазиатской цивилизации лежит мощный эллинистический (и эллинистическо-римский) пласт.

## Литература

- Воронина 1977: *Воронина В. Л.* Конструкции и художественный образ в архитектуре Востока. М.
- Зеймаль 1979: *Зеймаль Е. В.* Амударьинский клад: каталог выставки. Л.
- Зеймаль Т., Зеймаль Е. 1962: *Зеймаль Т. И., Зеймаль Е. В.* Еще раз о месте находки Амударьинского клада // ИООНАНТаджССР. Вып. 1 (28).
- Кошеленко 1979: *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.
- Литвинский 2001: *Литвинский Б. А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.
- Литвинский 2006: *Литвинский Б. А.* Эллинистические мелодии на берегах Окса: греческие флейты (*авлосы*) в Глубинной Азии // ЗВОРАО. НС. Т. II (XXVII).
- Литвинский 2010: *Литвинский Б. А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.
- Литвинский (в печати): *Литвинский Б. А.* Калаи-Кафирниган.
- Литвинский и др. 1985: *Литвинский Б. А., Виноградов Ю. Г., Пичикян И. Р.* Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. № 4.

- Литвинский, Пичикян 1997: *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Александр Македонский сражает персов (далекое эхо Сидонского саркофага в храме Окса — Северной Бактрии) // RANL. Ser. IX. Vol. VIII/1.
- Литвинский, Пичикян 2000: *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1: Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М.
- Литвинский, Седов 1984: *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Культы и ритуалы кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М.
- Маршак 1978: *Маршак Б. И.* «Бактрийские» чаши // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.
- Маршак, Распопова 1988: *Маршак Б. И., Распопова В. И.* Эллинистические традиции в Средней Азии // Третий Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке: ТД. Ереван.
- Мешкерис 1978: *Мешкерис В. А.* Эллинистические образы в коропластике Средней Азии // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.
- Пичикян 1983а: *Пичикян И. Р.* Александр-Геракл. Греко-бактрийский портрет великого полководца // СА. № 1.
- Пичикян 1983б: *Пичикян И. Р.* Городище Тахти-Сангин. Шедевры древнего искусства Таджикистана // Материалы Южно-Таджикской археологической экспедиции: каталог выставки. М.
- Пичикян 1991: *Пичикян И. Р.* Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М.
- Пугаченкова 1971: *Пугаченкова Г. А.* Скульптура Халчаяна. М.
- Пугаченкова 1978: *Пугаченкова Г. А.* Художественные сокровища Дальверзин-тепе. Л., 1978 [на франц. и русск. яз.].
- Сарианиди 1989: *Сарианиди В. И.* Храм и некрополь Тиллятепе. М.
- Симс-Вильямс 1997: *Симс-Вильямс Н.* Новые бактрийские документы // ВДИ. № 3.
- Толстой, Кондаков 1889: *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. II: Древности скифо-сарматские. СПб.
- Andreae 1977: *Andreae B.* Das Alexandermosaik aus Pompej. Recklinghausen.
- Bernard 1994: *Bernard P.* L'Asie centrale et l'empire séleucide // Topoi. Vol. 4/2.
- Bernard 1996: *Bernard P.* Maracanda-Afrasiab colonie Grecque // Convegno internazionale sul tema: La Persia e l'Asia Centrale da Alessandro al X secolo, in collaborazione con l'Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente (Roma, 9–12 novembre 1994). Roma, 1996 (Accademia Nazionale dei Lincei. Atti del Convegno Lincei. 127).
- Bongard-Levin, Košelenko 2005: *Bongard-Levin G. M., Košelenko G. A.* The Puzzle of Elkharas // EW. Vol. 55/1–4.
- Vopearachchi 1994: *Vopearachchi O.* L'indépendance de la Bactriane // Topoi. Vol. 4/2.
- Bosworth 1980: *Bosworth A. B.* Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge; New York.
- Briant 1976: *Briant P.* «Brigandage», dissidence et conquête in Asie achéménide et hellénistique // DHA. T. 2.
- Briant 1978: *Briant P.* Colonisation hellénistique et populations indigènes. La phase d'installation // Klio. Bd. 60/1. 1978.
- Briant 1982: *Briant P.* Colonisation hellénistique et populations indigènes (II) // Klio. Bd. 65.
- Briant 1990: *Briant P.* The Seleucid kingdom, the Achaemenid empire and the history of the Near East in the first millenium B.C. // Religion and Religious Practice in the Seleucid Kingdom. Aarhus; Oxford; Oakville, 1990 (Studies in Hellenistic Civilization. I).
- Briant 1994: *Briant P.* De Samarkand à Sardes et de la ville de Suse au pays des Hanéens // Topoi. Vol. 4/2.
- Cat. New York 1984: The Metropolitan Museum of Art. Ancient Near Eastern Art. New York.
- Chichkina 1986: *Chichkina G. V.* Les remparts de Samarcande à l'époque hellénistique // La fortification dans l'histoire du monde grec. Actes du Colloque International «La fortification et sa



- place dans l'histoire politique, culturelle et sociale du monde grec» (Valbonne, Décembre 1982). Paris.
- Curtis 1997: *Curtis J. Franks and the Oxus Treasure* // A. W. Franks: Nineteenth-Century Collecting and the British Museum. London.
- Dalton 1964: *Dalton O. M. The Treasure of the Oxus, with Other Examples of Early Oriental Metal-Work*. 3d ed. London.
- Fleischer 1991: *Fleischer R. Studien zur selenkidischen Kunst*. Bd. I. Herrscherbildnisse. Mainz am Rhein.
- Graeve 1970: *Graeve A. von. Der Alexandersarkophag und seine Werkstatt*. Berlin (Istanbuler Forschungen. Bd. 28).
- Grenet 2005: *Grenet F. Découverte d'un relief sassanide dans le nord de l'Afghanistan* // CRAI (Janvier — Mars).
- Hadot, Rapin 1987: *Hadot P., Rapin C. Les textes littéraires grecs de la Trésorerie d'Ai Khanoum* // BullCH. CXI/1.
- Invernizzi 1994: *Invernizzi A. Appunti sulla cultura ellenistica nell'impero seleucide* // Topoi. Vol. 4/2.
- Kuhr, Sherwin-White 1994: *Kuhr A., Sherwin-White S. General Observations by the Authors of From Samarkhand to Sardis* // Topoi. Vol. 4/2.
- Le Rider 1994: *Le Rider G. Questions numismatiques* // Topoi. Vol. 4/2.
- Leriche 1994: *Leriche P. L'Orient séleucide. Les données archéologiques* // Topoi. Vol. 4/2.
- Lisippo 1995: *Lisippo: l'arte e la fortuna* / Progetto di P. Moreno. Milano.
- Litvinskiy, Pichikyan 1980: *Litvinskiy B. A., Pichikyan I. R. Monuments of Art from the Sanctuary of Oxus (North Bactria)* // AAntASH. T. XXVIII/1–4. 1980.
- Lyonnet 1994: *Lyonnet B. L'occupation séleucide en Bactriane orientale et en Syrie du N. E. après les données archéologiques (prospections surtout)* // Topoi. Vol. 4/2.
- Pfrommer 1993: *Pfrommer M. Metalwork from the Hellenized East: Catalogue of the Collections*. Malibu.
- Rapin, Isamidinov 1994: *Rapin C., Isamidinov M. Fortifications hellénistiques de Samarcande (Samarkand-Afrasiab)* // Topoi. Vol. 4/2.
- Rosenfield 1967: *Rosenfield J. M. The Dynastic Arts of the Kushans*. Berkeley; Los Angeles (California Studies in the History of Art. 6).
- Salles 1994: *Salles J.-F. Le Golfe arabo-persique entre Séleucides et Maurya* // Topoi. Vol. 4/2.
- Sarianidi 1985: *Sarianidi V. I. Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya-tepe Necropolis in Northern Afghanistan*. Leningrad.
- Schmitt 1990: *Schmitt R. Ex Occidente Lux. Griechen und griechische Sprache im hellenistischen Fernen Osten* // Beiträge zur hellenistischen Literatur und ihrer Rezeption in Rom. Stuttgart (Palingenesia. Bd. 28).
- Sherwin-White, Kuhr 1993: *Sherwin-White S., Kuhr A. From Samarkhand to Sardis: A new approach to the Seleucid empire*. Berkeley; Los Angeles, 1993 (HCS. XIII).
- Vollmöller 1901: *Vollmöller K. Griechische Kammergräber mit Totenbetten*. Bonn.
- Will 1994: *Will Éd. Notes de lecture* // Topoi. Vol. 4/2.
- Winter 1909: *Winter F. Das Alexandermosaik aus Pompeji*. Strassburg.
- Winter 1912: *Winter F. Der Alexandersarkophag aus Sidon*. Strassburg (Schriften der Wissenschaftlichen Gesellschaft in Strassburg. 15).
- Zwalf 1996: *Zwalf W. A Catalogue of the Gandhāra Sculpture in the British Museum*. Vol. 1–2. London.

## МУРАВЬИ СОГДА И ХОРЕЗМА

П. Б. Лурье (Санкт-Петербург)

Сюжетом настоящей заметки является этимология слова, обозначающего «муравья» в согдийском и хорезмийском языках, и тех экологических реалий, которые это наименование, вероятно, отражает. Интересующее нас слово отмечено, насколько известно, только в двух близких друг другу восточноиранских языках среднего периода: согдийском, бытовавшем в Согде и среди согдийских колонистов по крайней мере до XI в., и хорезмийском, распространенном в нижнем течении Сырдарьи до XIII–XIV вв. Согдийское *zm 'wr 'k* и *zm 'wrc* встречается в трех буддийских текстах, относящихся к VII–VIII вв.: трактату о вреде употребления мяса [Benveniste 1940: 2.390], еще одном неопределенном фрагменте, посвященном посмертному воздаянию [Benveniste 1940: 11, 32] и согдийской версии «Сутры причин и следствий деяний» [MacKenzie 1970: 366]. Хорезмийское *zmwryk*, Gen. *zmrwk 'n* отмечено три раза в содержащей хорезмийский материал версии словаря «Муқаддимат ал-Āдāб» аз-Замахшарӣ (XII в.) [Benzing 1968: 46. 54. 7]. В значении термина сомневаться не приходится: известен китайский текст, с которого (чрезвычайно буквально) переведена согдийская «Сутра причин и следствий», на месте *zm 'wrc* там и 蟻 [Taishō Tripitaka (интернет-ресурс): no. 2881, vol. 85, 1382b5] «муравей», в хорезмийской версии словаря *zmwryk* глоссирует арабское *namla*, персидское *mōr* «ид». Кроме того, Э. Бенвенист обнаружил в персидской лексикографии слово *zumlj* — «вид маленькой бабочки» [Benveniste 1940: 174].

В других иранских языках слово «муравей» продолжает общеиранское *\*marvi-*, часто с уменьшительным суффиксом *-č-* и/или *-k-*: авестийское *mauruui-*, хотаносакское *muṃjaka*, среднеперсидское *mōr*, осетинское *mældzyg*, таджикское *mūrca*, ванеци *mērža* и т. д. [Bailey 1979: 334]. Оно закономерно восходит к индоевропейскому прототипу *\*morgʷ-*, *vorm-*, *morm-*, *mouro-* откуда, в числе прочих, греческое *múrμiς*, латинское *formica*, древнеиндийское *vamrā-*, русское *муравей* [Pokorny 1959: 749; Mayrhofer 1996: 507].

Согдийское и хорезмийское слово отличается от общеиранского добавлением начального *z-*. Это отметил уже Э. Бенвенист [Benveniste 1940: 174], а В. Б. Хеннинг объяснял его как протезу *z*, аналогичную греческой паре *múrρa* и *σμύρνα* (заимствованной в уйгурском как *zm(u)run*), или греч. *σμάρραδος* против индийского *marakata* [см.: Gershevitch 1954: § 380]. Это объяснение кажется неубедительным хотя бы потому, что для такого наращения *z* нет примеров не только в согдийском, но и в других иранских языках.

Я предлагаю возводить согдийское и хорезмийское *zmwr-* к композиту *\*zamarvi-*, где первая часть соответствует авестийскому *zam-*, *zqm*, *zəm-*, хорезмийскому *z'm*, бактрийскому *ζαμυο* и др. в значении «земля». Упрощение геминаты *-m-m-* вполне ожидаемо<sup>1</sup>, иных сложностей фонетического порядка данная этимология

<sup>1</sup> Как, например, в среднеперсидском *hmwc-*, парфянском *'mwc-* «учить» из *\*ham-mauč-* [Cheung 2007: 382].

не несет. Отсутствие прямых рефлексов древнеиранского \**zam-* в письменном согдийском и вытеснение его формой *z'u* (ягнобское *zoi*) в значении «земля» компенсируется сохранением его в названии *'zmxxtx rwc* «28-й день месяца» (ср.: авестийское \**zətd-hudanhō*, букв. «[день божества] дающей благо земли») и, возможно, в топонимии [Лурье 2004: 146; Лившиц 2008: 296].

Несмотря на то, что с лингвистической точки зрения предложенная этимология выглядит вполне благополучной, возникает вопрос семантического плана: почему муравей сочетается со словом «земля», почему он — «земляной муравей»? Тут, вероятно, сыграла роль особенность среды обитания муравьев в Средней Азии. В отличие от сородичей из средней полосы, в Средней Азии — как и вообще в сухих субтропиках — муравьи живут в вырытых в земле гнездах и никогда не строят муравейников. Этот эмпирический факт не только хорошо известен всем, кто имеет дело со среднеазиатскими почвами — например, археологам, — но и подтвержден в авторитетных мирмекологических исследованиях<sup>2</sup>. Можно представить себе такой сценарий: пришедшие с севера иранцы — предки, в том числе, согдийцев и хорезмийцев — обнаружили в сухой Средней Азии муравьев, которые отличались от привычных им муравьев тем, что строили свои жилища под земной поверхностью, без наземных построек. Эта особенность их поведения и была отражена в наименовании «земляной муравей»<sup>3</sup>.

## Литература

- Длусский 1981: Длусский Г. М. Муравьи пустынь. М.  
 Длусский и др. 1989: Длусский Г. М., Союнов О. С., Забелин С. И. Муравьи Туркменистана. Ашхабад.  
 Лившиц 2008: Лившиц В. А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб.  
 Лурье 2004: Лурье П. Б. Историко-этимологический анализ согдийской топонимии (неопубл. канд. дисс). СПб.  
 Bailey 1979: Bailey H. W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge; New York.  
 Benveniste 1940: Benveniste É. Textes sogdiens. Paris (Mission Pelliot en Asie Centrale. Sér. in-quarto. III).  
 Benzing 1968: Benzing J. Das chwaresmische Sprachmaterial einer Handschrift der «Muqaddimat al-Adab» von Zamaššārī. Wiesbaden.  
 Cheung 2007: Cheung J. Etymological Dictionary of the Iranian Verb. Leiden; Boston (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Vol. 2).  
 Gershevitch 1954: Gershevitch I. A Grammar of Manichean Sogdian. Oxford (Publications of the Philological Society. 16).  
 MacKenzie 1970: MacKenzie D. N. The «Sūtra of the Causes and Effects of Actions» in Sogdian. London; New York (London Oriental Series. Vol. 22).  
 Mayrhofer 1996: Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Bd. 2. Heidelberg.  
 Pokorny 1959: Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern.  
 Taishō Tripitaka (Интернет-ресурс): Taishō Tripitaka [URL: [http://www.cbeta.org/result/normal/T85/2881\\_001.htm](http://www.cbeta.org/result/normal/T85/2881_001.htm) (дата обращения: 31.10.2015)].

<sup>2</sup> См.: Длусский 1981: 134, 141; Длусский и др. 1989: 59: «Гнезда с наружными постройками (холмиками), весьма характерные для многих муравьев лесной зоны, а также картонные гнезда [у муравьев, обитающих в Туркменистане, не встречаются...»

<sup>3</sup> В степном поясе, заметим, наиболее распространены степной бегунок (*cataglyphis aeneascens*) и прыткий степной муравей (*serviformica cunicularia*), обитающие в подземных гнездах, однако часто встречаются и виды, строящие наземные муравейники: черный блестящий муравей (*formica picea*), муравей прессилабрис (*formica pressilabris*), муравей-рабовладелец (*formica sanguinea*) и черноголовой муравей (*formica uralensis*).

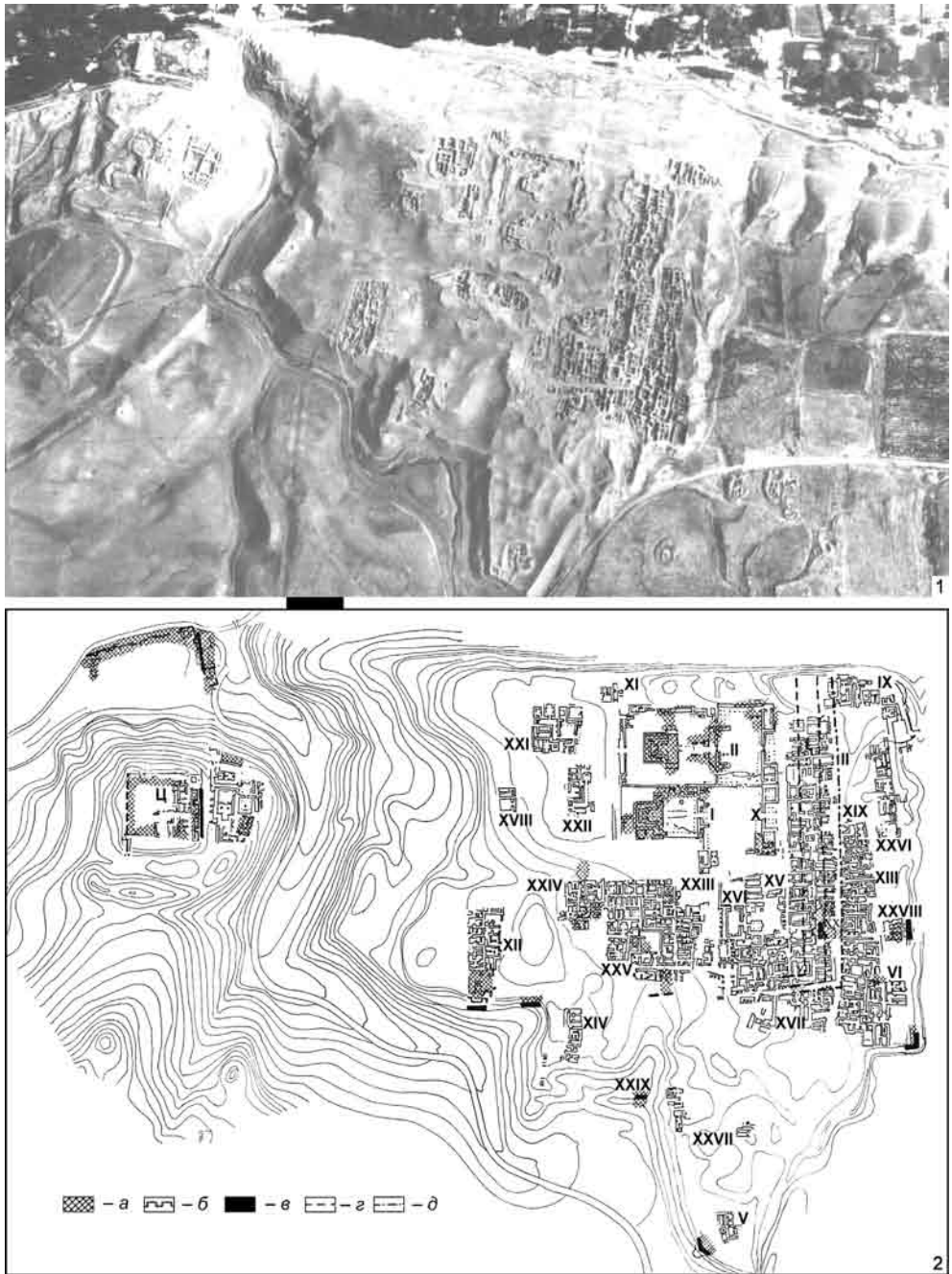
## ПЕНДЖИКЕНТ И АРАБСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

Б. И. Маршак, *В. И. Распопова* (Санкт-Петербург)

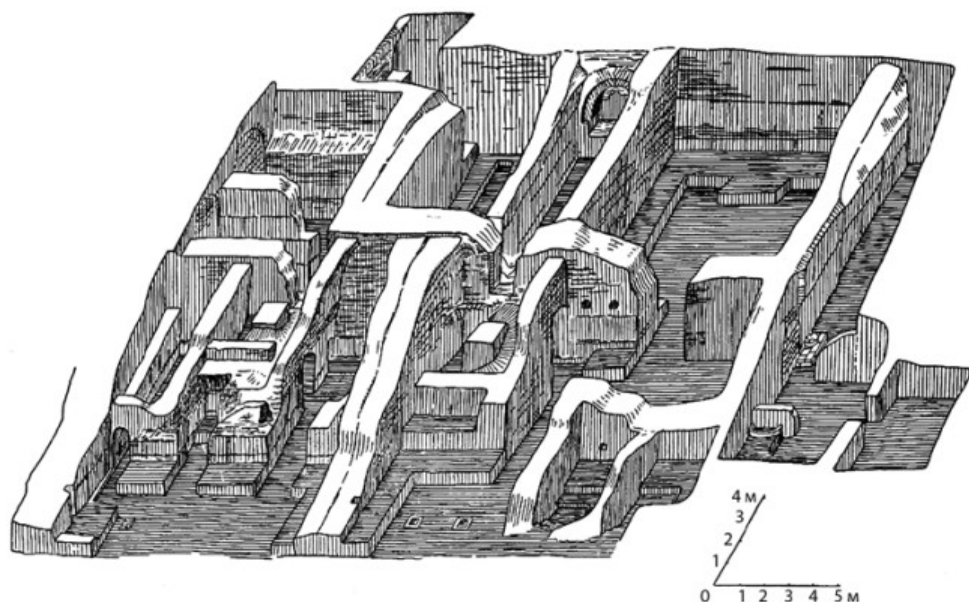
Пенджикент — согдийский город, основанный в V в. н. э. и прекративший свое существование в конце VIII в. Расположенный в 60 км к востоку от Самарканда, он был невелик — его площадь всего лишь 13,5 га, включая цитадель (рис. 1, 1). Изучение городища древнего Пенджикента ведется с 1946 г. В результате проведенных там раскопок выяснилась сложная картина городской застройки. Город жил и развивался почти на протяжении четырех столетий. По верхнему уровню исследовано около половины территории древнего города, а также усадьбы и некрополи, находящиеся вне крепостных стен. Верхний строительный горизонт не един. Установлены три этапа, укладываемые в 70–75 лет VIII в. Конец первого этапа приходится на начало 20-х гг. VIII в., затем следует период запустения, к 40–50-м гг. VIII в. относятся ремонтные работы во многих зданиях и возведение новых домов; конец жизни древнего города приходится на 70-е гг. VIII в. Эти выводы были сделаны на основании изучения стратиграфии и нумизматического материала первоначально отдельных сравнительно небольших участков [Большаков 1964; Маршак 1964; Ставиский 1964], а затем всего городища [Расопова 1990: 14–26]. Для Пенджикента, как и для всего Согда, VIII в. был временем важных перемен. Арабское завоевание и последовавшая за ним исламизация населения глубоко затронули все устои согдийского общества. Начало завоевания арабами земель в Зеравшанской долине приходится на время правления в Пенджикенте князя Деваштича (не позднее 708–722 гг.). Цель этой публикации — проследить то, как в застройке и материальной культуре Пенджикента отразились события этого бурного времени.

Скорее всего, с событиями 712 г. связаны изменения в городской фортификации. В восточной части Пенджикента, внутри сплошной застройки жилого квартала были выявлены руины более ранних городских укреплений [Маршак 1975: 115–117]. (рис. 1, 2). Исследованы два участка первоначальной восточной стены. На южном участке (объект VII) раскопаны три куртины и две башни, а также боковые фасады еще двух башен. Здесь же прослежены остатки стрелковой галереи. На северном участке — половина куртины и угол башни. Расстояние между участками около 120 м.

Последняя, третья, мощная стена внутри города была возведена не раньше конца VII в. (в ее кладке найдены монеты Вархумана и Бидйана), но уже в начале VIII в. она была полностью уничтожена, а на ее месте построили жилища объектов III и VII. Жилища, возведенные на месте уничтоженной крепостной стены, напоминают дворцы — выстроены они основательно, большие по размеру, в два-три этажа, сложные по планировке, с росписью и деревянной скульптурой [Большаков 1964: рис. 1; Воронина 1964: рис. 1; Распопова 1990: 28–32, 47–48, рис. 6] (рис. 2).



**Рис. 1.** 1 — вид на городище Пенджикент сверху, аэрофотосъемка 1972 г.; 2 — план Пенджикента, на котором показаны стена и ров, уничтоженные в начале VIII в.: а — участки со слоями V–VI вв.; б — стены с башнями V в.; в — крепостные стены V–VI вв.; г — контуры стены внутреннего города и главного здания цитадели; д — наружные контуры рва

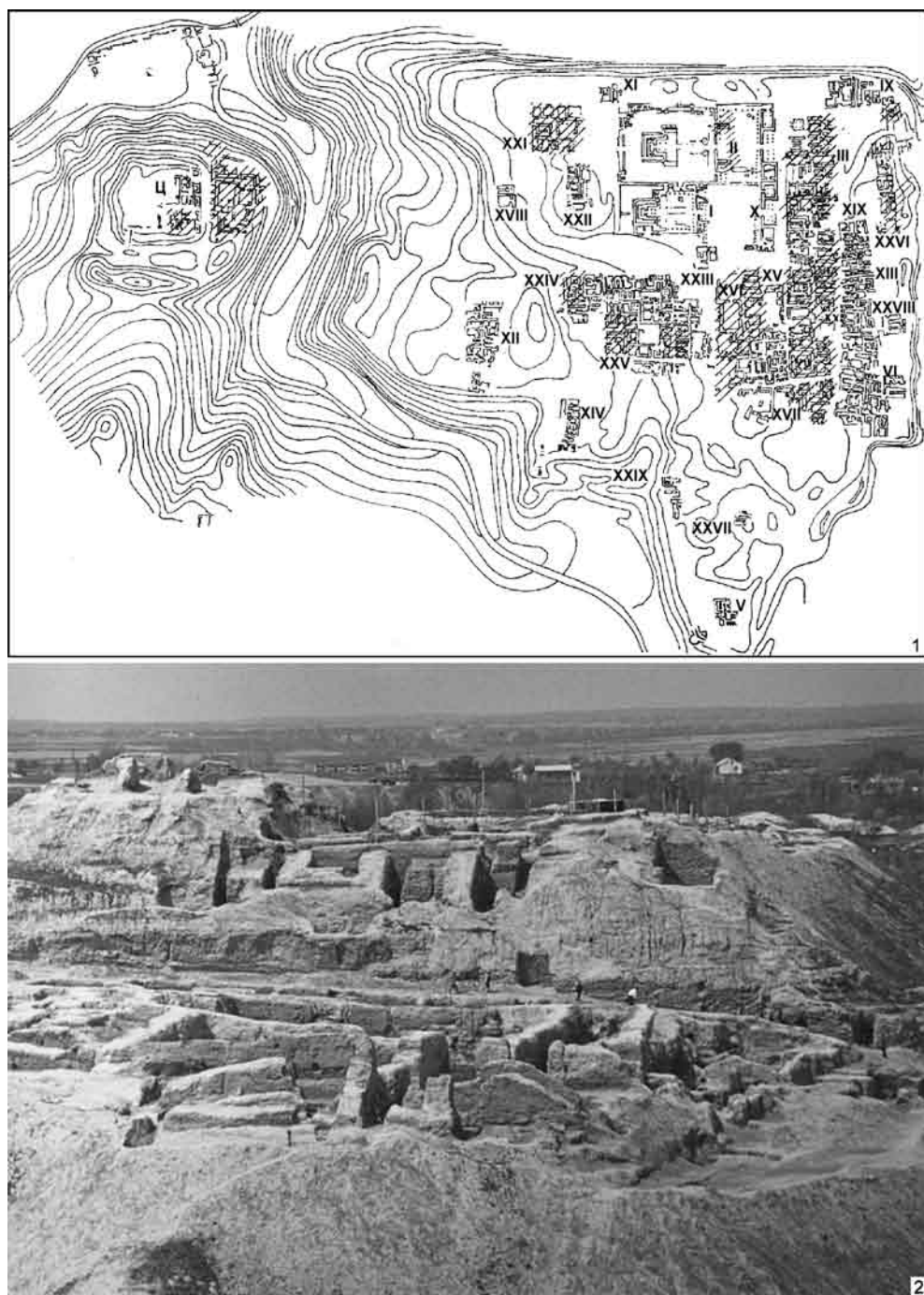


**Рис. 2.** Пенджикент, объект III, комплексы II и III, построенные на месте уничтоженной крепостной стены и засыпанного рва [по: Большаков 1964: рис. 1]

Можно предположить, что время уничтожения крепостной стены Пенджикента совпадает с датой важного события в истории Согда — взятия Самарканда Кутейбой в 712 г., после чего арабы выселили жителей его шахристана. В результате царь Согда Гурек и его двор переселились в Иштихан или Фринкент, а в Пенджикенте, судя по мугским документам, оказались сыновья самаркандского государя Тархуна, погибшего в 711 г. В последние годы своего правления Деваштич претендовал на власть над всем Согдом и Самаркандом. Не исключено, что уехавшая из захваченного арабами Самарканда согдийская знать, сохранившая свои земельные владения, движимое имущество и политические связи, примкнула к Деваштичу и поселилась в его владениях. Это им можно объяснить как причину одновременного быстрого строительства большого количества богатых домов в Пенджикенте, так и значительное влияние на согдийские дела самого Деваштича и пенджикентского владения в 712–722 гг.

Документы с горы Муг свидетельствуют, что Деваштич сотрудничал с арабами, которые какое-то время признавали за ним право на царский титул [Крачковская, Крачковский 1934: 67–69; Лившиц 1979: 62–64; 2008: 119–126]. Уничтожение стены также можно истолковать как проявление его лояльности по отношению к арабам. Других перестроек городских стен с начала VIII в. в Пенджикенте не отмечено. Мы не знаем и храмовых зданий, построенных этим государем, но прослеживаем очень большое жилищное строительство, приходящееся на годы его правления (рис. 3, 1). На плане строительство этого времени скорее преуменьшено, чем преувеличено, поскольку из домов, заселенных к 722 г., здесь учтены только те, дату постройки которых удалось установить с полной определенностью.

Можно думать, что одновременно с возведением новых домов на территории города и во дворце Деваштича на цитадели (рис. 3, 2) произошли некоторые изменения в украшении тронного зала дворца правителя Пенджикента. Там на одной

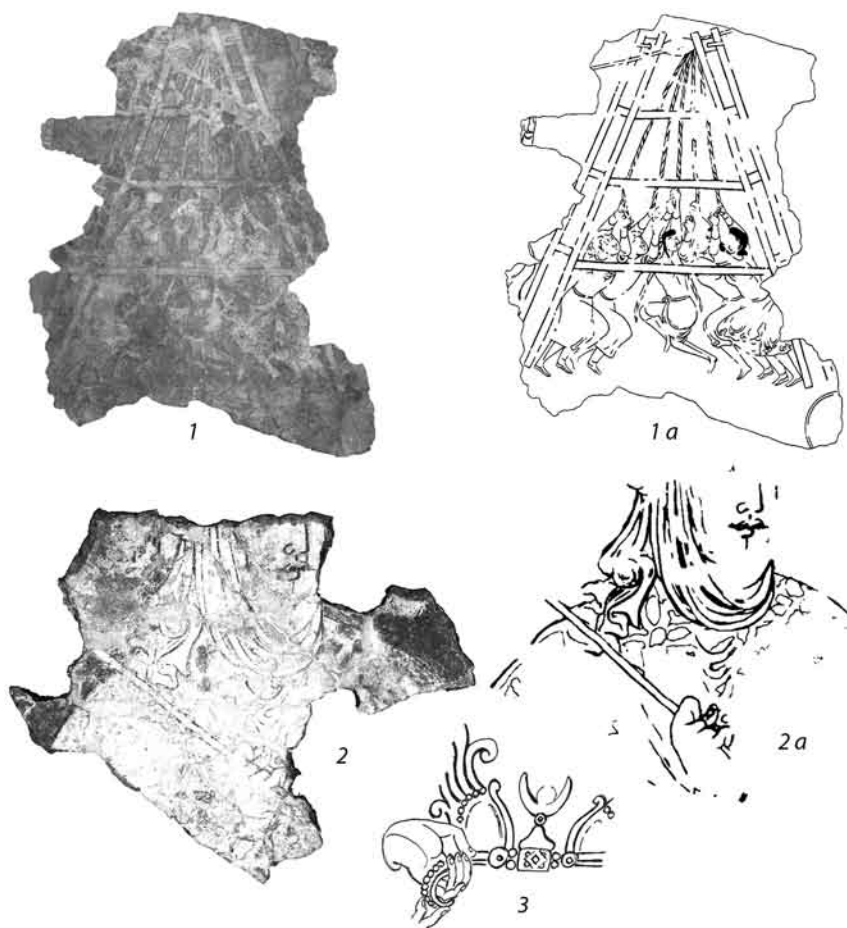


**Рис. 3.** Пенджикент:

1 — строительство времени Деваштича (постройки этого времени на рисунке заштрихованы);  
 2 — вид с востока на цитадель, на нижней площадке — остатки дворца Деваштича

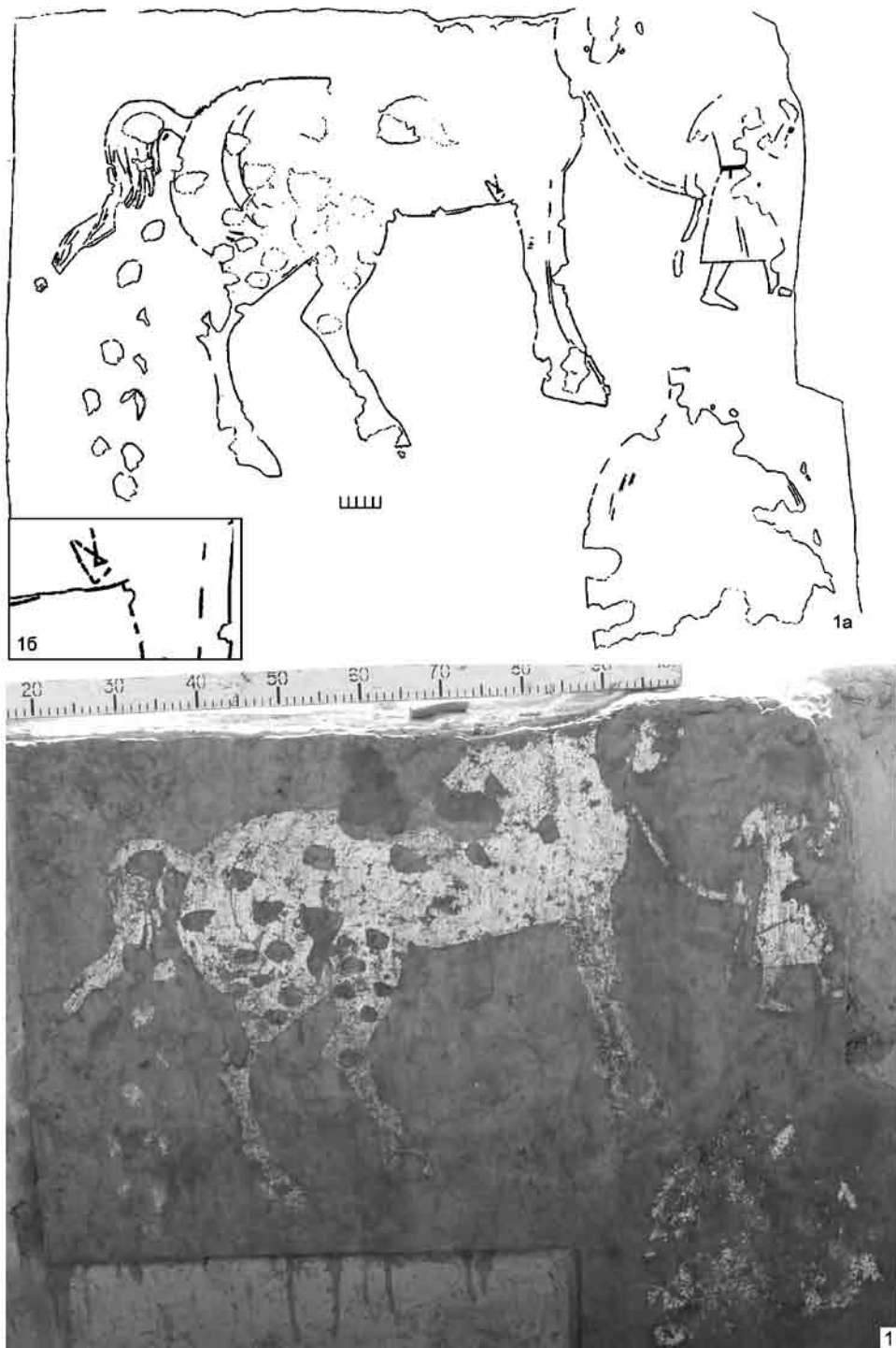
из стен поместили роспись, где отобразено взятие арабами Самарканда в 712 г. с помощью камнеметного орудия *манджаник*, осадных лестниц и т. д. (рис. 4, 1, 1a) [Беленицкий, Маршак 1978]. Среди персонажей есть арабы в их характерной одежде с пропущенными под подбородком концами чалмы (так позднее изображали бедуинов) (рис. 4, 2, 2a), однако воины с обнаженными головами, которые стреляют из манджаник — не арабы и, скорее всего, не согдийцы. Из пяти таких бойцов двое левых — это курносые блондины (их волосы оставлены незакрашенными), тогда как другие имеют более темные волосы (переданные сплошной красной краской), изогнутые длинные усы и горбатый нос. Видимо, эти персонажи были неарабами — *мавали*, которых охотнее, чем своих сородичей, ставили под обстрел осаждаемых арабские эмиры.

Имелась здесь и сцена коронации согдийского царя, которому повязывают корону-диадему (рис. 4, 3). Возможно, это коронация Деваштича — владельца Пенджикента в качестве царя Согда и господина Самарканда, состоявшаяся в 718 г. Следует упомянуть также роспись, украшавшую портик, выходящий на одну из улиц [Маршак, Распопова 2005: 59–60, рис. 131, фото XL, XLI] (рис. 5). Это иллюстрация сказки



**Рис. 4.** Пенджикент, цитадель, дворец, тронный зал (помещение 5):  
1, 1a — изображение манджаники; 2, 2a — изображение араба;  
3 — изображение сцены коронации





**Рис. 5.** Пенджикент, объект XXVI, айван, настенная роспись — иллюстрация сказки о волшебном коне (*1* — оригинал; *1a* — прорисовка; *1б* — арабская надпись)

о волшебном коне, испражнявшегося золотом. На брюхе коня тонкими серыми линиями чернилами дважды написано по-арабски слово «нет» (рис. 5, 1б). Полностью сохранилась только одна из этих надписей, та, которая целиком находилась на белом фоне, тогда как низ, пришедшийся на небеленую штукатурку, не виден. Надпись выражает неприятие согдийских изображений увидевшими их арабами, один из которых и начертал ее. Это случилось еще до разгрома города в 722 г., поскольку поверх изображения коня идет слой штукатурки с символическим изображением бога Солнца [Маршак, Распопова 2005: рис. 130]. Подобную надпись М. М. Дьяконов обнаружил в помещении 10 храма I, где живопись была повреждена, а на одной из фигур северной стены были трижды выцарапаны «арабские буквы лам и алеф, составляющие слово “ла” (“нет”). Буквы эти весьма архаичны и выцарапаны, вероятно, арабами-завоевателями, захватившими Пенджикент в 20-годах VIII в.» [Дьяконов 1954: 106].

В 722 г. арабы разгромили Пенджикент, предали огню большую часть города. Были уничтожены храмы, которые в качестве культовых сооружений никогда больше не были восстановлены. Пожар как следствие этого разгрома охватил город где-то между началом августа и началом сентября, на что указывают раскопанные амбары, которые уже были заполнены пшеницей, яблоки, сушившиеся на крыше (рис. 6), и собранные в корзины абрикосы [Беленицкий 1956б: 21]. Время уборки пшеницы приходится на август. Свидетельства документов с горы Муг и археологические материалы тут полностью совпадают. Как установили Ф. Грене и Э. де Ля Вэсьер, 28 июля 722 г. (документ А-16 с горы Муг) Деваштич еще отдавал распоряжения фрамандару, а 1 августа 722 г. (документ Б-2 с горы Муг) была сделана последняя запись касательно учета подневных приходов и расходов [Grenet, de la Vaissière 2002: 177; Лившиц 2008: 158; СДГМ-3: 29–31].

Особенно жестоко арабы обошлись с дворцом Деваштича. Все парадные помещения погибли в огне пожара. Но еще до того, как здание сгорело, они, судя по всему, подверглись намеренному разгрому. Сильно пострадала настенная живопись в тронном зале. Ни в одном другом помещении на городище штукатурка с росписью не оказалась в таком плачевном состоянии, как здесь. Содранная со стен, она была вдобавок растоптана и в виде многослойного крошева лежала на полу и на суфах

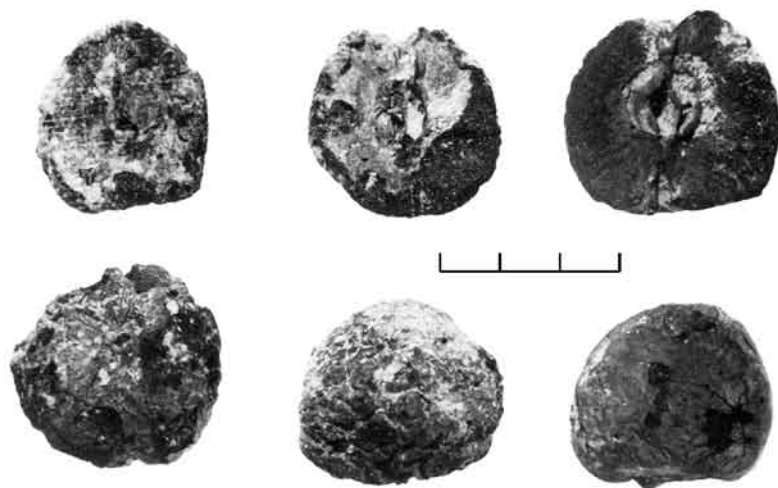


Рис. 6. Пенджикент, объект XVI, помещение 84, слой пожарища второго этажа — разрезанные пополам обуглившиеся яблоки

под толщей завала. Одновременно с Пенджикентом разрушению и пожару подверглись горные владения Деваштича (замок на горе Муг, Кум и Мадм). В Тали-Барзу и Кафыр-кале близ Самарканда также отмечены пожарища этого же времени [Григорьев 1946: 153].

В первой четверти VIII в. заканчивается выпуск монет пенджикентского литья. Для 20–30-х гг. VIII в. наблюдается временное запустение города, связанное с подавлением арабами согдийских восстаний и массовой эмиграцией. На цитадели Пенджикента были устроены казармы для арабского гарнизона. Свидетельством пребывания там арабов является обломок сосуда с арабской надписью чернилами (рис. 7, 1). Он найден на полу внутреннего двора цитадели. Чтение и анализ надписи принадлежат А. М. Беленицкому. Сохранилась лишь часть надписи — это распоряжение о включении определенного количества лиц в общие списки воинов, получавших «долно» добычи. В надписи трижды встречается слово *маулā*: «один раз перед именем Джа'фар, два раза перед именем Маймун. Первое имя, как и все остальные собственные имена, обычно для арабов и встречается постоянно в источниках времени арабских завоеваний. Что касается второго, то оно несколько специфично. Точное значение его — «преуспевающий, счастливый», а в обиходе получило название «обезьяна». Представляется, что Маймун был неарабом. Вполне вероятно, что будучи *маулā*, он, для того чтобы получить «долно», должен был особо отличиться и на это, вероятно, и указывают слова «он оказал им помощь»» [Беленицкий, Исаков 1969: 40].

Значение термина *мауля* исследовал И. Ю. Крачковский. В письме к эмиру ал-Джаррāху Деваштич называет себя скромно *мауля* эмира — «клиент». В истории халифата этим термином обозначаются «лица не арабского или не свободного происхождения, принятые в покровительство, как бы в клиентуру какого-нибудь арабского племени или отдельного лица. Число их было очень значительно...; велико было их значение и в Средней Азии в эпоху арабского завоевания и несомненно, что



Рис. 7. Пенджикент:

- 1 — цитадель, черепок с арабской надписью;  
2 — объект XIX, черепок с арабо-согдийской надписью

от перехода их в тот или иной лагерь зависел успех или неуспех арабов» [Крачковская, Крачковский 1934: 68]. Из собственных имен пенджикентского черепка особняком стоит имя отца ‘Абд ар-Рахмāна, ад-Дабйр (строка 2). «В персидском и согдийском оно означает “писец, секретарь”. Мы не знаем, сопровождалось ли это звание другим собственным именем. Но вполне вероятно, что ‘Абд ар-Рахмāн был сыном персидского или согдийского писца и, таким образом, принадлежал к первому поколению местного населения, принявшего ислам...» [Беленицкий, Исаков 1969: 40].

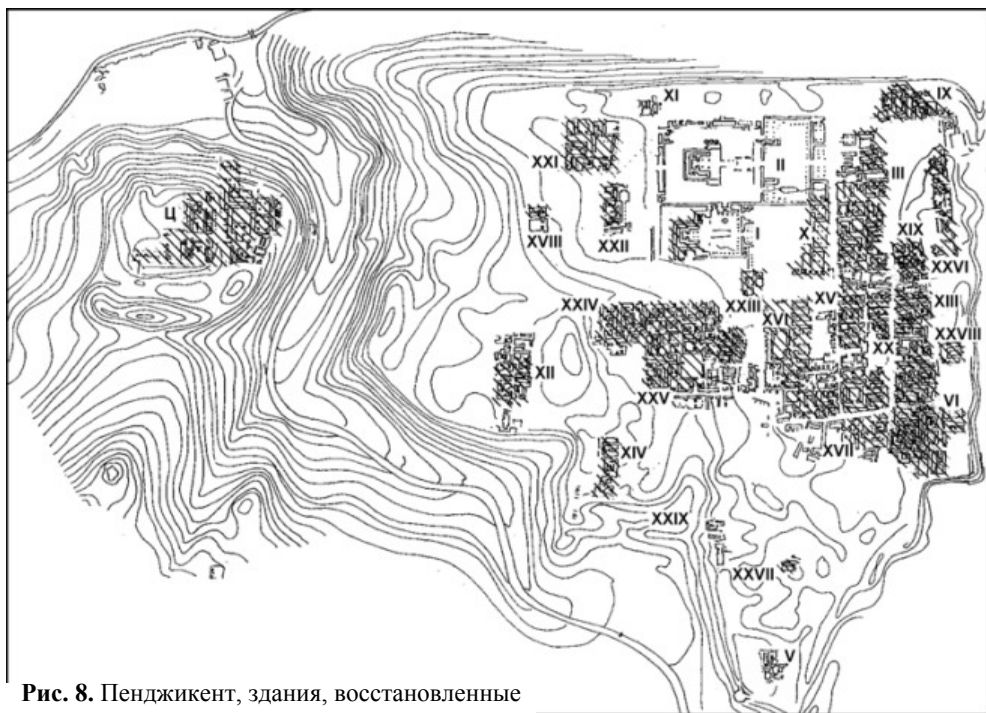
Может быть, какой-то араб при посещении разрушенного города потерял фельс, чеканенный в 110 г. х. (728/9) в городе Рее (рис. 10, 1) [Маршак, Распопова 2002: рис. 124, 7]. Этот фельс относится к меди Омейядов, до сих пор не встречавшейся в Пенджикенте. Наряду с арабскими легендами — «Во имя Аллаха / выбит этот фельс в Рее, год / 110» и «Повелел Аллах верность и справедливость», — под последней строкой второй надписи имеется среднеперсидская строка «ходячая (монета) в Рее» [Walker 1956: 261, no. 881, 882; Miles 1938: 11, 12, no. 28].

Большой интерес представляет черепок с арабо-согдийской надписью (рис. 7, 2). Он обнаружен на нижнем полу помещения 2 объекта XIX в жилище, расположенном неподалеку от восточной городской стены. Слой, из которого происходит черепок, надежно датирован монетами серединой VIII в. На полу найдены следующие монеты: ихрида Кеша (4 экз.), Тургара типа II, Гурека типа II и чачская (с трезубцем). Этот пол был перекрыт другим, в припольном слое которого найдены фельсы ал-Ашраса (2 экз.) и Дауд-ибн Гураза (2 экз.). Надпись на черепке, нанесенная чернилами, — представляет собой учебное упражнение. Она прочитана В. А. Лившицем (см. выше, с. 335–336, надпись № 6), и в ее первой строке содержится исламский термин *басмала*, обозначающий фразу, с которой начинается каждая из сур (глав) Корана (за исключением девятой): «Во имя Аллаха, Всемилостивейшего, Милосерднейшего».

Из этого же дома происходят еще три черепка с согдийскими надписями тушью. В доме через улицу найдено несколько обломков сосудов с согдийскими надписями [Лурье, Маршак 2002: 84–85, рис. 125, а, б; 141; Маршак, Распопова 2005: 54–56, табл. XXIV–XXVIII, XXX]. Находка черепков с надписями позволяет высказать предположение, что где-то здесь могла быть школа писцов. Как показывают документы с горы Муг, в штате канцелярий арабских военачальников были согдийские писцы, которые переводили тексты арабских писем на согдийский, а согдийцы имели в своих канцеляриях для сношения с арабами писцов, владевших всеми формулами бюрократически-мусульманского стиля [Крачковская, Крачковский 1934: 67; Лившиц 2008: 120]. Начальная фраза — *басмала* — в письме Деваштича говорит о том, что он заявляет себя мусульманином. Это, как предполагал Ю. И. Крачковский, было связано «с политикой ‘Омара II, который в начале своего халифата разослал в пограничные области представителям местных династий предложение принять ислам...» [Крачковская, Крачковский 1934: 67]. К примеру, самаркандский царь Гурек заявил о своем принятии ислама. Впрочем, со стороны этих согдийских правителей принятие ислама было лишь демонстративным дипломатическим актом. Согдийцы становились мусульманами из-за экономических соображений, и это хорошо понимали арабы. Так, наместник Хорасана ал-Ашрас (109–111/727–729 гг.) написал лицу, ответственному за сбор хараджа: «Поистине, в харадже сила мусульман, мне сообщили, что согдийцы и подобные им приняли ислам не по искреннему желанию, а ища спасения от джизий. Посмотри, кто сделал обрезание, соблюдает предписание, искренен в исламе и может прочитать суру из Корана, с того сними его харадж» [Табари 1987: 1508].

В 741 г. Наср ибн Сеййар заключил договор с согдийцами, по которому разрешил им вернуться на родину [Джалилов 1961: 56; Большаков 1964: 119]. Этим договором воспользовались также пенджикентцы. К середине VIII в. относится попытка восстановления города, когда была вновь освоена основная часть жилой застройки (рис. 8). Восстановление датируется монетами Тургара, вступившего на самаркандский престол в 738 г. В ходе восстановительных работ были отремонтированы разрушенные дома и возведены новые. Часть знатных пенджикентцев попыталась вернуться к прежнему образу жизни: в доме сохраняется специальное помещение с очагом-алтарем, а стены парадных помещений многих зданий расписываются заново, причем с прежним репертуаром и неизменным изображением местных божеств. Некоторые пенджикентцы в 740-е гг. пытались сочетать приверженность к своей прежней религии со стремлением не демонстрировать этого мусульманам, которые могли посетить их дом. Помещения с изображениями божеств устраивались внутри дома, куда не было доступа посторонним (рис. 9, 1). Так, на объекте XXIII в помещении 49 — зале с четырьмя колоннами, в которое входил каждый гость, живописи не было вообще, однако стены узкого изолированного помещения 50 за закрытой дверью были росписаны — в частности, там имелось изображение богини Нанайи на львином троне. В первоначальном зале с очагом-алтарем, находящемся рядом с помещением 49 (помещение 53), была устроена кухня, при этом очаг-алтарь (рис. 9, 2, 3) стали использовать как обыкновенный кухонный очаг. В третьей четверти VIII в. он был заложен сырцовою кладкой.

В 740–750-е гг. монеты Тургара были основной разменной монетой в Пенджикенте. В Пенджикенте их найдено значительно больше, чем монет его предшественников. В обращении наряду с полноценными экземплярами находились и фальши-



**Рис. 8.** Пенджикент, здания, восстановленные около 740-х гг. (заштрихованы)

вые монеты. Монеты с именем Тургара продолжали хождение в Пенджикенте довольно длительное время, включая третью четверть VIII в. Тургар от своего имени стал выпускать серебряные драхмы с двуязычной арабо-согдийской надписью (рис. 10, 2), при этом за основу он взял драхмы, восходящие к чекану сасанидского царя Варахрана V (420–438). На аверсе, перед лицом правителя, выбита легенда согдийским письмом «Тургар», а слева, за венцом, — неумело выполненная арабская надпись «Во имя мое».

В середине VIII в. появляются новые типы монет — с арабскими надписями и без квадратных отверстий, т. е. наблюдается переход к новой денежной системе. В Пенджикенте засвидетельствованы находки следующих монет нового типа: ихрида Кеша (рис. 10, 3); мелкие монеты с двустрочной надписью раннекуфическим письмом «шестьдесят в дирхеме» (рис. 10, 4); монета, на аверсе которой помещено изображение головы в крылатой короне, а на реверсе — двустрочная арабская надпись «Во имя Аллаха...» (рис. 10, 5); фрагментированная монета (рис. 10, 6), на лицевой стороне которой над спиной изображенного там идущего коня помещена надпись согдийским или арабским письмом, а на оборотной — «Мухаммед посланник Аллаха». Слово «Мухаммед» частично обломано [Смирнова 1981: 74–76, 417–418].

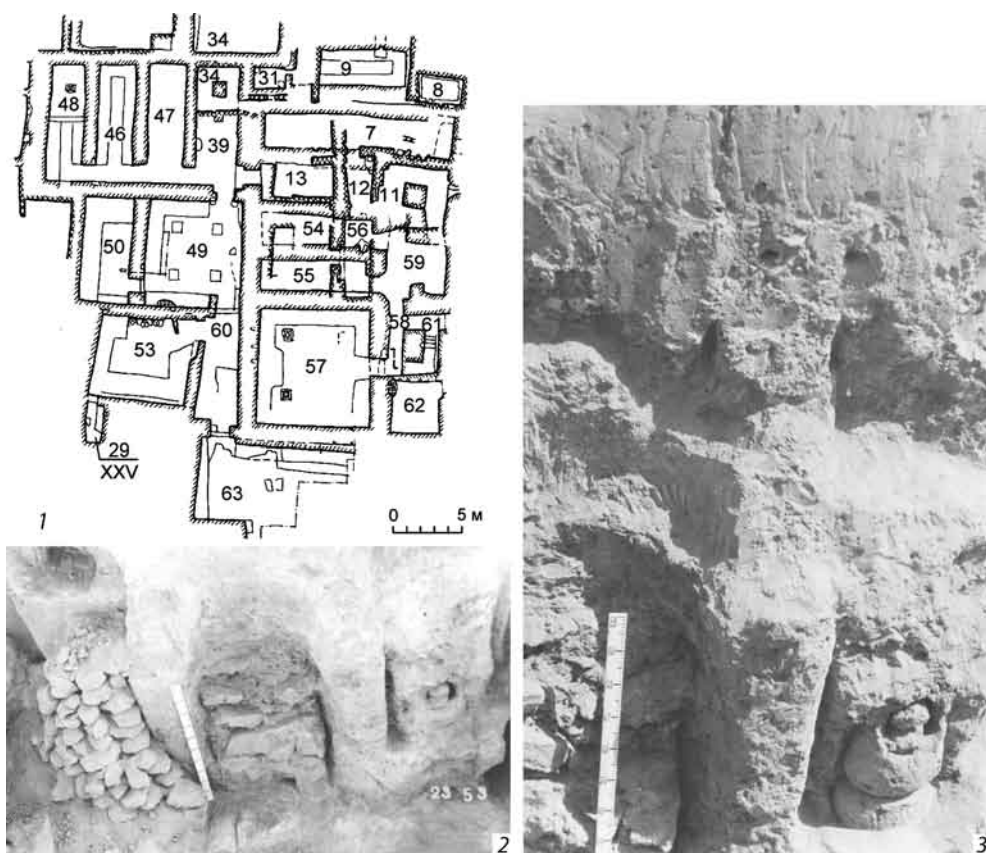


Рис. 9. Пенджикент, объект XXIII:

1 — план жилища 740-х гг.; 2, 3 — алтарь-очаг

В пенджикентской коллекции в единственном экземпляре представлена бронзовая литая монета, на одной стороне которой надпись по-арабски в три строки (рис. 10, 7): (1) «Во имя Аллаха; (2) ...; (3) за дирхем», а на другой — изображение квадратного отверстия и по краю монеты арабская надпись. По почерку и расположению надписи эта монета близка к монетам ихрида Кеша. Стратиграфические условия находки монеты позволяют думать, что она была выпущена в 40–50-е гг. VIII в. В круговой легенде на оборотной стороне О. Г. Большаков разгадывает арабское слово, которое переводится как «своими словами», и находит два айата Корана с этим выражением: 10:82 и 8:7–8, причем в нашем случае наиболее подходит первый из этих айатов: «И утверждает Аллах истину Своими словами, хотя бы и ненавистно это грешникам» (пер. И. Ю. Крачковского), и несколько менее второй:



Рис. 10. Пенджикент, монеты середины VIII в.:

1 — П-2001-XXVIc-41\* (диаметр — 16–17 мм, вес — 0,9 г); 2 — П-50-I-16 (диаметр — 27 мм, вес — 2,97 г [по: Смирнова 1963: № 12]), серебро; 3 — П-59-III-112 (диаметр — 23 мм, вес — 1,55 г); 4 — П-70-XVI-28 (диаметр — 15 мм, вес — 1,1 г); 5 — П-56-I-51 (диаметр — 16 мм [по: Смирнова 1963: № 797]); 6 — П-60-VII-34 (диаметр — 16 мм, вес — 2,00 г); 7 — П-91-XXIII-3 (диаметр — 21 мм, вес — 2,21 г); 8 — П-2002-XXVIc-30 (диаметр — 20–22 мм, вес — 1,50 г); 9 — П-2002-XXVIc-49 (диаметр — 20–21 мм, вес — 1,90 г); 10 — объект XXIII, помещение, брактат, золото (диаметр 21 мм, вес 1,15 г)

\* Шифр, под которым монета значится в описи монет Пенджикентской экспедиции. Первая цифра шифра обозначает год находки, вторая — номер объекта на Пенджикентском городище, третья — порядковый номер по описи монет за соответствующий год раскопок.

«Аллах желает утвердить истину Своими словами и отсечь неверных до последнего, чтобы утвердить истину и изничтожить ложь, хотя бы и ненавистно это было грешникам» (пер. И. Ю. Крачковского). Появление такого рода аятов на монетах связано с борьбой Абу Муслима за передачу власти в халифате роду Пророка, к которому принадлежали Аббасиды. Квадратная рамка вместо квадратного отверстия появилась во втором десятилетии VIII в. на монетах Гурека типа II. Новые денежные знаки — фельсы — вначале хотели сделать в чем-то похожими на деньги, привычные для населения Согда. Поэтому можно предположить, что фельс, о котором идет речь, был выпущен где-то в Самаркандском Согде [Маршак и др. 2003: 242–243].

Среди типов фельсов, редко встречающихся в Пенджикенте, имеется один, выпущенный Абдуррахманом б. Муслимом — знаменитым Абу Муслимом — в середине VIII в. [Маршак, Распопова 2003: 23–24, рис. 116] (рис. 10, 8). Другой фельс — нестандартный и очень плохой сохранности (рис. 10, 9) [Маршак, Распопова 2003: 24, рис. 117]. Легенда выполнена крупными буквами. В нижней строке скорее угадывается, чем читается имя (?), возможно, «Наср» или «Фадл». Дата не установлена, но это, вероятнее всего, первая половина VIII в., поскольку позднее обычные аббасидские фельсы начали чеканить в Самарканде и других городах Средней Азии.

Таким образом, с 40-х гг. VIII в. в Согде начинается выпуск бронзовой монеты с арабскими надписями, чеканка же серебра переходит в руки аббасидских наместников. Согдийская бронза, во всяком случае, монеты с именем Тургара, находилась в обращении до конца существования города. Золотой монеты в Согде не знали. Впрочем, в данной связи следует упомянуть редкую находку золотого брактеата (рис. 10, 10). Брактеат далек от монетной иконографии. На нем имеются переработанное изображение сасанидского алтаря огня и арабские надписи: первая строка — *хасабийу Аллахи*, вторая строка — *баракам* (чтение А. М. Беленицкого и М. Б. Пиотровского). *Хасабийу Аллахи* («опека Аллаха») — кораническое выражение, под *баракам* («благословением») надо понимать благословение от Аллаха. Такие благопожелательные надписи, окаймленные двумя вертикальными линиями, состоящими из точек, находятся там, где на реверсе сасанидских драхм помещаются две стоящие фигуры с копьями. Изображение алтаря-жертвенника переосмыслено художником: его колонна превращена в человеческую голову, а верхняя плита — в корону, снабженную крыльями и стойкой, завершающейся полумесяцем и вписанным в него кружком. Корона напоминает вариант «сасанидского» парадного головного убора в росписи из Кусейр-Амры. По краю брактеата идет круг из перлов. Этот артефакт происходит из кладовой с пандусом жилища первой половины VIII в., принадлежавшего зажиточному горожанину.

В 750-е гг., после успеха восстания Абу Муслима, в жизни народов Средней Азии произошли важные перемены. Теперь те знатные согдийцы, которые становились мусульманами, могли найти себе достойное место в государстве Аббасидов, что привело к переходу в ислам господствующего класса и большинства горожан. Однако целый ряд приверженцев прежней веры из числа аристократов был репрессирован Абу Муслимом. Возможно, с этими событиями связано постепенное запустение Пенджикента. В 60–70-е гг. VIII в. окончательно забрасываются или превращаются в рядовые жилища дома городской знати. Во время борьбы арабов с Деваштичем храм II Пенджикента, в отличие от храма I, не был сожжен, но и он, вероятно, не избежал общего запустения города в 720–730-х гг., а затем, в 740-е гг.,



в противоположность жилым домам, скорее всего, не восстанавливался. Во всяком случае, его живопись не подновлялась. Большое свободное пространство храма и его помещения, вероятно, лишь более или менее случайно использовались принявшим ислам население в третьей четверти VIII в. В главном помещении храма II — целлы — на штукатурке стен прослежены слабые следы арабских надписей, нанесенных тушью безусловно после того, как храм перестал функционировать. Лучше всего сохранилась трехстрочная надпись в северной части западной стены, выполненная типичным для VIII в. письмом (рис. 11). В последней строке читается слово «наспр» — «помощь», «победа», или, что вероятнее всего, собственное имя какого-то араба (а может быть, и согдийца-мусульманина с арабским именем), посетившего уже заброшенный храм. Позднейшие посетители даже разводили в целле огонь [Маршак 1987: 96].

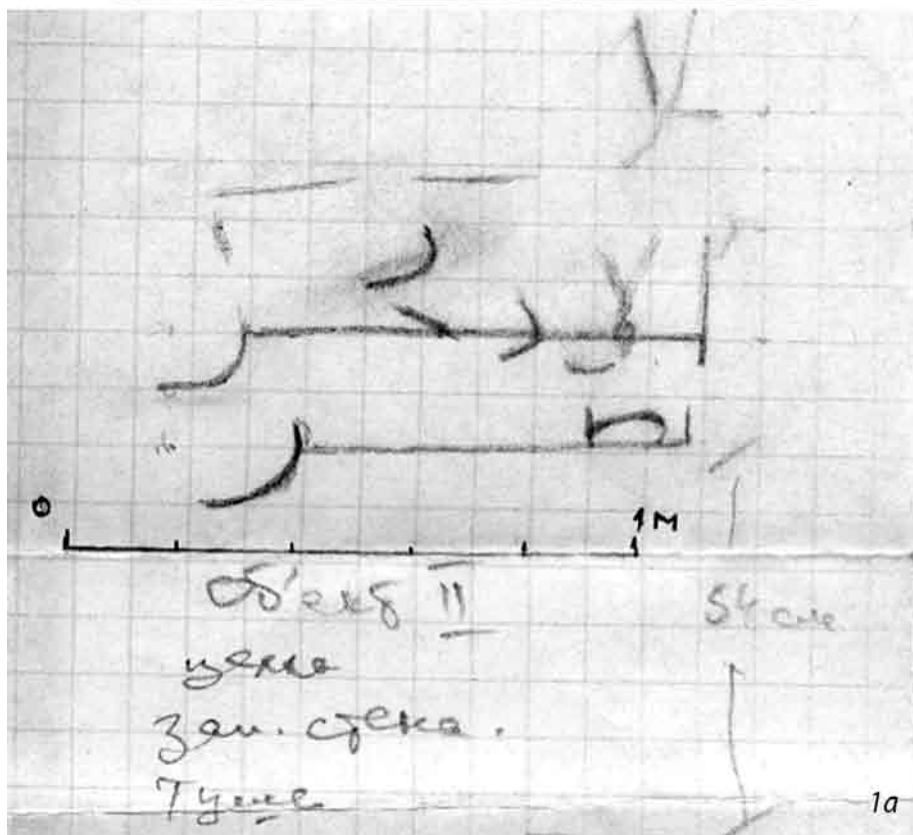
В третьей четверти VIII в. в денежном обращении наблюдается переход на фельсы, отчеканенные от имени представителей арабской власти. Наиболее ранний имеет дату 143 г. х. (760) [Смирнова 1970: 186–187]. К югу от Пенджикента была раскопана загородная усадьба, откуда происходят редкие, ранее не встречавшиеся в этом городе монеты, прежде всего фельс Хашима (рис. 12, 1) [Маршак, Распопова 2001: 34–35, рис. 75, 1]. Он найден в усадьбе 13 на полу помещения. На его лицевой стороне в центральном поле арабская куфическая легенда *ʿāmarā Allāhu bi-l waḡfā wa-l ʿadl*, что в переводе означает: «Повелел Аллах верность и правосудие». Под легендой — точка. Центральное поле окружено двумя линиями. Между ними нет обычной для фельсов круговой легенды, вместо которой имеются только небольшие кружки с точкой в центре. Таких кружков было, видимо, четыре, расположенных крестом, но прочеканилось только три. На оборотной стороне композиция монетного поля такая же, но нет этих кружков. Куфическая легенда тоже в три строки: *miḡā ʿāmarā biḡi | Ḥāšim waḡī | Abūmuḡlim* (sic!), что переводится так: «Из того, о чем приказал Хашим, наместник Абу Муслима» (или «близкий к Абу Муслиму»).

Сразу же после расчистки монеты было сделано предположение, что это фельс знаменитого предводителя восстания против Аббасидов — Хашима б. Хакима ал-Муканны. Восстание Муканны началось в 160 г. х. (776), а монета Хашима найдена слипшейся с бухарским фельсом этого же года (рис. 12, 2), находящим аналогии в эрмитажном собрании (рис. 12, 3) [Тизенгаузен 1873: 97, № 906]. Ни на одной монете легенды не сохранились полностью. Сводное чтение легенд таково: на лицевой стороне в основном поле: *barakat li Muḡā / waḡī ʿaḡdi-l muḡlimina*, т. е. «благословение Мусе, наследнику престола мусульман». Круговая легенда: *biḡmi-ḡḡaḡi ḡḡuḡiba ḡazā-l faḡsu bi-Buḡḡāḡā fī sanati sittina wa mi ʿaḡun* — «Во имя Аллаха. Выбит этот фельс в Бухаре в году 160». Обратная сторона, в поле: *Muḡḡammad | raḡuḡu | Allāḡi* — «Мухаммад — посланник Аллаха», в круге: *miḡā amiḡa biḡi ʿAbḡu bni Kaḡid* (или *Maḡid*) *ʿamiḡu-l ʿamiḡri ʿAbḡ-al-Maḡiki bni ʿIzaḡidi* — «Из того, о чем приказал Абдуху б. Каид, амиль эмира Абдалмалика б. Йазиди». Бухарский фельс 160 г. х. показывает, что какая-то жизнь в городе тлела и после 776 г. До этого в слое не было найдено монет позднее 154 г. х.

Впервые фельс Муканны, оказавшийся очень похожим на найденный в Пенджикенте, был определен Б. Д. Кочневым [Кочнев 1995; Kochnev 2001]. Он отметил, что легенда лицевой стороны встречается на фельсах 101–145 г. х. и что, судя по надписям на фельсе, Муканна не порывал с исламом, по крайней мере, в начале восстания (что противоречит данным письменных источников) и провозгласил себя преемником



1



1a

**Рис. 11.** Пенджикент, объект II, целла, западная стена, арабская надпись (прорисовка надписи, сделанная Б. И. Маршаком в поле)

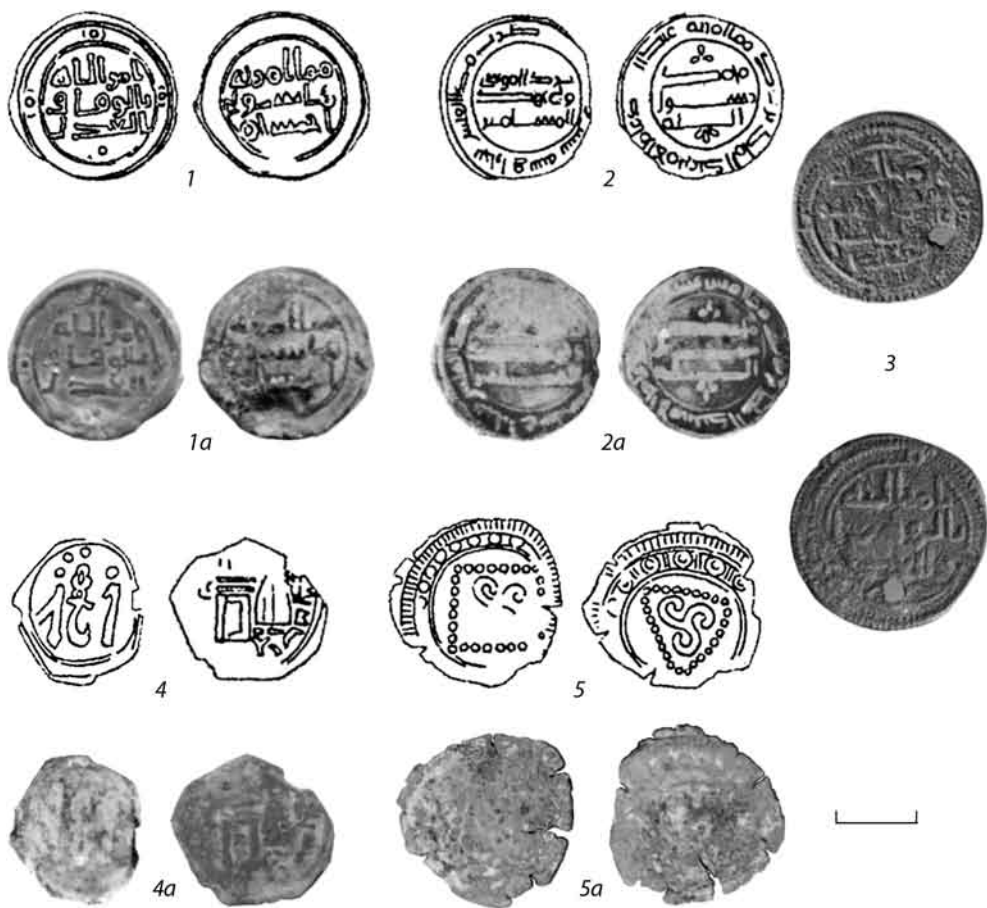


Рис. 12. Пенджикент, монеты третьей четверти VIII в.:

1 — П-2000-VIII-6 (диаметр — 21–22 мм, вес — 3,50 г); 2 — П-2000-VIII-5 (диаметр — 20,5 мм, вес — 2,40 г); 3 — фельс (коллекция Гос. Эрмитажа, инв. № 10862); 4 — П-2000-VIII-7 (диаметр — 16–18 мм, вес — 1,55 г); 5 — П-2000-XXVIc-7 (диаметр — 20–21 мм, вес — 2,00 г)

Абу Муслима (что подтверждено источниками). Пенджикентская находка дает надежное свидетельство о правильности географической (Согд) и временной привязки монет Муканны.

Благодаря любезности И. Г. Добровольского мы ознакомились с собранием омейядских и аббасидских фельсов в Отделе нумизматики Эрмитажа, где хранятся три бухарских фельса 160 г. х. (№ 1447, 2882, 16385). Фельс из коллекции Пахомова (№ 10862) (рис. 12, 3) по отсутствию круговых легенд, кружкам между двумя линиями бордюра и, главное, по легендам очень схож с монетами Муканны. Его лицевая сторона обведена двумя окружностями, состоящими из точек. Между ними 4 кружка без точки в середине. Легенда: *āmara Allāhu* [один из ламов отсутствует] | *bi-l waḥḍā* [третья буква так искажена, что узнается только благодаря аналогам] | *wa-l 'ād l* [последняя буква отсутствует]. Текст тот же, что и на монетах Муканны, но резчик механически срисовывал буквы, вероятно, не понимая его значение. Три или четыре буквы заменяют участок внутреннего бордюра около конца последней

строки. Это место похоже на надчекан, но не имеет четкой границы настоящих надчеканов. Читая снизу вверх, можно увидеть буквы *ap* или *az* + одну или две неразборчивых буквы. Утолщение точечного бордюра перед *алифом* едва ли буква, поскольку в этом месте различимы четыре слившиеся точки. Легенда на оборотной стороне перекрывает следы знаков, уже находившихся на монетном кружке до чеканки и не укладываемых в строки. В первой строке видны короткая горизонтальная черта и слово «Аллах», во второй угадываются слова *āmara bixi* и ясно читается *al-āmīru*. В слове *āmara* при этом нет и (и не было) *алифа*. Перевод получается: «Из того, что приказал эмир». Далее в третьей строке должно стоять имя (или кунья) эмира, но оно не читается. В начале строки нет букв (дуга, похожая на начальный *'айн*, стоит над строкой, тогда как в конце написано: *ла*, затем, скорее всего, буква типа *ба*, слившаяся со следами знака, за ней *лам* или *алиф*, а затем конечный *нун*. В последней, четвертой, строке ясно видно слово *бну* — «сын», тогда как имя отца эмира допускает разночтение. Его первая буква похожа на деформированный *'айн*, затем стоит буква типа *ба* (?), за ней *алиф* или, что менее вероятно, *лам* и, наконец, буква типа *сад*.

Нам не удалось подобрать подходящие имя и отчество среди деятелей той эпохи. Тем не менее представляется, что данный фельс, характеризующийся явной преемственностью от монет Муканны, был выбит по приказу какого-то командира повстанцев, который действовал в районе, расположенном вне основной территории восстания, при жизни или вскоре после гибели Муканны, причем в распоряжении этого предводителя не было резчика, умевшего писать по-арабски.

В одной стопке со слившимися фельсами были найдены еще две маленькие монеты, также не имевшие отверстия, из которых одна неопределима, а на другой на обеих сторонах различимы необычные композиции (рис. 12, 4). Очертания этой монеты неправильные, штемпель отчеканился только частично. На лицевой стороне видны две фигурки, похожие на цифру 1 (может быть, стойки с флажками), над ними арка из точек. Между «стойками» сложный знак, внешне похожий на кривой меч. На оборотной стороне композиция напоминает реверсы сасанидских монет. Посередине, как будто, изображен алтарь огня. Справа от него угадывается человеческая фигура в длинном кафтане. Еще правее, у края различимы остатки легенды. Слева от алтаря изображения нет, но не исключено, что оно просто не отчеканилось.

К монетам какого-то «смутного времени», которые, восполняя недостачу средств обращения, не имели, по-видимому, прокламативного значения, можно отнести и необычную бронзовую монету (рис. 12, 5). На ее одной стороне точки выделяют в середине поля квадрат, а на другой — подтреугольную фигуру со скругленными углами, в которую вписан трискелос. Подтреугольная фигура окружена полосой орнамента. В квадрате видны завитки, похожие на концы трискелоса. Вокруг квадрата двойной бордюром из точек и радиальных черточек.

Трискелос в середине монетного поля широко известен в среднеазиатской нумизматике и, в частности, встречается на фельсах времени Абу Муслима (?) с надписью «шестьдесят за дирхем» [Смирнова 1981: 67, 75–76, 78–80, 420, табл. XLVIII, №1676, 1676а; LXXXV, LXXVI, XCII, 62; Довутов 1987], но публикуемая здесь монета отличается плотным заполнением поля и орнаментальностью композиции на обеих ее сторонах.

К западу от городища за пределами крепостных стен раскопаны жилища, датированные в основном IX в. [Маршак и др. 2007: 211–214]. Это были недолговечные

сооружения, небрежно возведенные на развалинах строений более раннего времени, отличавшихся мощными пахсовыми стенами и платформами. Здесь найдены обломки котлов IX в., формованных на гончарном круге. Среди последних выделяется группа тонкостенных с плотным серым черепком с примесью кварца. Такие котлы, на одном из которых имеется прочерченная острием до обжига арабская надпись, были найдены на шахристане на объекте IX в верхнем слое вторичного обжигания помещения 7 [Беленицкий 1958: 123–124]. Надпись состоит из одного слова: *saxawā* — «щедрость», «великодушие» (рис. 13, 1) [Беленицкий 1956а: 27–29]. Точно такая же надпись есть на одном из черепков, происходящих из раскопок к западу от древнего Пенджикента (рис. 13, 2). На другом фрагменте также есть нанесенная до обжига надпись (рис. 13, 3). Это имя «Ибрахим», написанное курсивом, но без точек. Текст состоял только из имени или начинался с него. Скорее всего, это имя мастера, а не заказчика, поскольку котлы были серийного производства. Таким образом, мы узнали имя, вероятно, пенджикентца IX в., мусульманина, умевшего писать по-арабски.

В 1100 м к юго-востоку от городища, в местности Дашти-Урдакон находился могильник — часть городского некрополя VIII в., который частично исследован [Беленицкий и др. 1980: 243–244; Беленицкий и др. 1982: 217–218]. Здесь обнаружены труположения головой на запад. В части могил имелись боковые подбой с входом, заложенным сырцовыми кирпичами. Сопровождающий инвентарь очень беден. Т. К. Ходжаев, исследовавший костные остатки из всех погребений Дашти-Урдакона, пришел к заключению, что погребенные как на Дашти-Урдаконе, так и в наусах не различаются по расовому типу. Материалы из Дашти-Урдакона не подтверждают гипотезу о наличии раннеисламских погребений, но и не отрицают такую возможность в категорической форме.

В конце VIII в. Пенджикент, как и все небольшие города Согда, перестал существовать как городское поселение, а его знать при первых Аббасидах пошла на службу к арабам и переселилась в большие города. Сведения о потомках Деваштича содержатся в родословной Микаля (IX в.) [Лившиц 1979: 65–68].

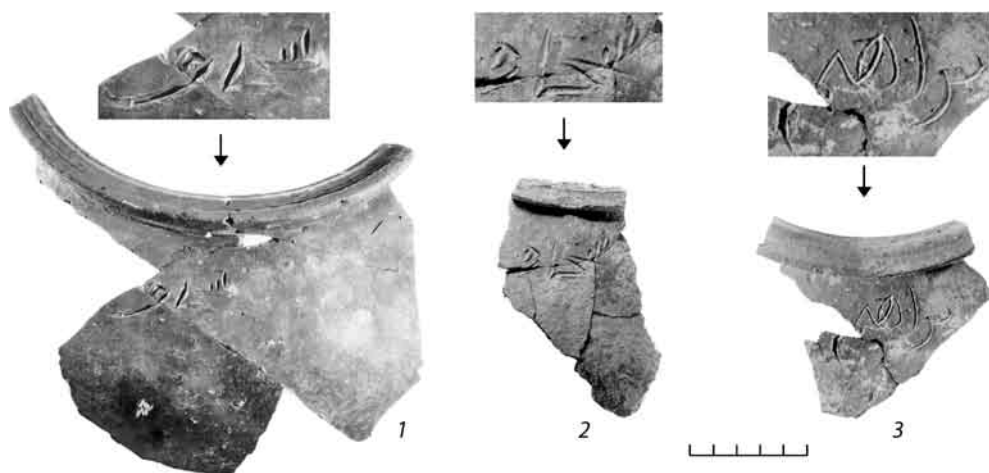


Рис. 13. Пенджикент, фрагменты глиняных котлов с арабскими надписями:

1 — объект IX; 2, 3 — Кайнар-Запад

Таковы результаты исследований, связанных с пребыванием арабов в Пенджикенте. Впервые для Согда намечается возможность воочию проследить взаимоотношения согдийцев и арабов. Пенджикент представляет собой наглядный пример одного из многочисленных согдийских городов-государств, растворившихся в государственной системе Халифата.

## Литература

- Беленицкий 1956а: *Беленицкий А. М.* Арабская надпись из Пенджикента // ЭВ. Вып. XI.
- Беленицкий 1956б: *Беленицкий А. М.* Предварительный отчет о работах Пенджикентского отряда в 1954 г. // ТАНТаджССР. Т. XXXVII.
- Беленицкий 1958: *Беленицкий А. М.* Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951–1953 гг.) // МИА. № 66.
- Беленицкий, Исаков 1969: *Беленицкий А. М., Исаков А. И.* Ранняя арабская надпись на черепке из Пенджикента // ЭВ. 1969. Вып. XIX.
- Беленицкий, Маршак 1978: *Беленицкий А. М., Маршак Б. И.* Древнейшее изображение осадной машины в Средней Азии // Культура Востока. Древность и средневековье. Л.
- Беленицкий и др. 1980: *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И.* Раскопки городища древнего Пенджикента в 1975 г. // АРТ. Вып. XV.
- Беленицкий и др. 1982: *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исаков А. И.* Раскопки городища древнего Пенджикента в 1975 г. // АРТ. Вып. XVI.
- Большаков 1964: *Большаков О. Г.* Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III (комплексы I и II, раскопки 1952–1956 гг.) // МИА. № 124.
- Воронина 1964: *Воронина В. Л.* Архитектура древнего Пенджикента (Результаты раскопок 1954–1959 гг.) // МИА. № 124.
- Григорьев 1946: *Григорьев Г. В.* Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда (тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета ИИМК 8 сентября 1941 г.) // КСИИМК. Вып. XIII.
- Джалилов 1961: *Джалилов А.* Согд накануне арабского нашествия и борьба согдийцев против арабских завоевателей в первой половине VIII в. Сталинабад.
- Довутов 1987: *Довутов Д.* О среднеазиатских фельсах VIII в. с надписью «шестьдесят дирхем» // ИООНАНТаджССР. № 2.
- Дьяконов 1954: *Дьяконов М. М.* Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии // Живопись древнего Пянджикента. М.
- Кочнев 1995: *Кочнев Б. Д.* Монеты Муканны // Археология и художественная культура Центральной Азии: ТД. 2. Ташкент.
- Крачковская, Крачковский 1934: *Крачковская В. А., Крачковский И. Ю.* Древнейший арабский документ из Средней Азии // Согдийский сборник. Сборник статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР. Л.
- Лившиц 1979: *Лившиц В. А.* Правители Панча (Согдийцы и тюрки) // НАА. № 4.
- Лившиц 2008: *Лившиц В. А.* Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб.
- Лурье, Маршак 2002: *Лурье П. Б., Маршак Б. И.* Согдийские надписи из раскопок древнего Пенджикента сезона 2001 г. // МПАЭ. Вып. IV.
- Маршак 1964: *Маршак Б. И.* Отчет о работах на объекте XII за 1955–1960 гг. // МИА. № 124.
- Маршак 1975: *Маршак Б. И.* Городская стена V–VII вв. в Пенджикенте/// Новейшие открытия советских археологов: ТД конференции. Киев, апрель 1975 г. Ч. II.
- Маршак 1987: *Маршак Б. И.* Подъемная машина в храме древнего Пенджикента // Прошлое Средней Азии (Археология, нумизматика и эпиграфика, этнография). Душанбе, 1987.
- Маршак, Распопова 2001: *Маршак Б. И., Распопова В. И.* Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2000 году. СПб. (МПАЭ. Вып. III).

- Маршак, Распопова 2002: *Маршак Б. И., Распопова В. И.* Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2001 году. СПб. (МПАЭ. Вып. IV).
- Маршак, Распопова 2003: *Маршак Б. И., Распопова В. И.* Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2002 год. СПб. (МПАЭ. Вып. V).
- Маршак, Распопова 2005: *Маршак Б. И., Распопова В. И.* Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2004 году. СПб., 2005 (МПАЭ. Вып. VII).
- Маршак и др. 2007: *Маршак Б. И., Распопова В. И., Шкода В. Г.* Раскопки городища древнего Пенджикента в 1990 г. // АРТ. Вып. XXXI.
- Маршак и др. 2003: *Маршак Б. И., Распопова В. И., Шкода В. Г.* Раскопки городища древнего Пенджикента в 1991 г. // АРТ. Вып. XXVIII.
- Распопова 1990: *Распопова В. И.* Жилища Пенджикента (Опыт историко-социальной интерпретации). Л.
- Смирнова 1963: *Смирнова О. И.* Каталог монет с городища Пенджикент. М.
- Смирнова 1970: *Смирнова О. И.* Очерки из истории Согда. М.
- Смирнова 1981: *Смирнова О. И.* Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.
- Ставиский 1964: *Ставиский Б. Я.* Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951–1959 гг. // МИА. № 124.
- Табари 1987: «История» ат-Табари. Избранные отрывки / Пер. с араб. В. И. Беляева с доп. О. Г. Большакова и А. Б. Халидова. Ташкент.
- Тизенгаузен 1873: *Тизенгаузен В. Г.* Монеты Восточного халифата. СПб.
- Grenet, de la Vaissière 2002: *Grenet F., de la Vaissière É.* The Last Days of Panjikent // SRAA. Vol. 8.
- Kochnev 2001: *Kochnev B.* Les monnaies de Muqanna' // StIr. T. 30/1.
- Miles 1938: *Miles G. C.* The Numismatic History of Rayy. New York (Numismatic Studies. No. 2).
- Walker 1956: *Walker J. A.* Catalogue of the Arab-Byzantine and Post Reform Umayyad Coins. London.

## ПУТИ РАЗВИТИЯ ЗОНЫ СТЕПНЫХ КУЛЬТУР ЕВРАЗИИ

*В. М. Массон* (Санкт-Петербург)

Обширная зона евразийских степей, протянувшаяся от Молдавии до Монголии, включала в себя различные природные составляющие. Наряду с беспорной доминантой плодородных степей, в нее входили в качестве конгломератных образований горные массивы и засушливые полупустынные области. Сложным был и состав населения этой зоны, включающий многочисленные народы и племена, различающиеся по этносу и лингвистической ориентации. По мере развития в степях культурной и политической стабилизации происходила консолидация населения в более крупные общества, которые, в свою очередь, изменялись и трансформировались в процессе взаимодействия и смены исторической, особенно политической, ситуации. Но глобальные закономерности исторического развития основных народов этой зоны были общими, хотя и различались в некоторых деталях.

Истории пояса степей посвящены многочисленные работы как общего, так и специального характера [см., например: Крадин 1992], обзор и анализ которых сам по себе может быть темой специального исследования. В этих трудах ярко проявляются две тенденции — скептическая оценка перспектив развития обществ степной зоны и демонизация кочевников, агрессии которых несут цивилизованным народам смерть и разрушения. Эти представления восходят, в значительной мере неосознанно, к оценке кочевников со стороны населения древних и средневековых государств оседлой зоны, письменные свидетельства из которых являются порой единственным источником по истории народов и обществ пояса степей.

Отечественные ученые в советский период уделяли большое внимание изучению кочевников, стремясь выявить и охарактеризовать особенности их развития [см., например: Марков 1976; Хазанов 1975]. Однако творческий подход был блокирован обязательным следованием дидактике т. н. информационного подхода, побуждавшим искать у кочевников компоненты рабовладельческого общества или прямо феодальной формации [Владимирцов 1934].

Следует особо отметить, что внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей было сосредоточено преимущественно на поздних примерах — от хунну до монголов. Многотысячелетняя история зоны евразийских степей, в которой отмечено прогрессивное развитие со своими особенностями и достижениями, имевшими немаловажное значение для всемирной истории и культуры, оставалась за пределами генерализированных оценок.

Степная зона довольно рано, в VI–V тыс. до н. э., преступила рубеж кардинального исторического переворота в т. н. неолитическую революцию, когда были утверждены новые системы получения продуктов питания — земледелие и скотоводство. Природная экологическая специфика определила доминанту хозяйственной



целесообразности в поясе степей — примат скотоводства. При этом основные виды домашних животных были, видимо, в исходной форме получены из древне-восточно-балканского региона. Но одно животное было одомашнено именно в степях. Речь идет о лошади. В северо-западном Казахстане открыто поселение Ботай, относящееся, по меньшей мере, к концу IV тыс. до н. э., где почти 100 % домашних животных составляла лошадь. Обнаружены были примитивные псалии, свидетельствующие о начале верховой езды. Скорее всего, это поселение не было единственным, и в евразийской зоне было еще немало центров, жители которых уже разводили домашних коней. Это замечательное достижение древних скотоводов сыграло огромную роль в истории пояса степей, да и не только в нем. Сам по себе конь как вид копытного животного не представляет в зоологии чего-либо экстраординарного, но, будучи одомашненным, он вошел составной частью в хозяйственную, политическую и интеллектуальную систему древних степных обществ, став символом их процветания и своеобразия для трех последующих больших эпох.

Первая такая эпоха приходится на бронзовый век (в основном IV–II тыс. до н. э.). С социологической точки зрения ее можно определить как эпоху ранних комплексных обществ. Это было время дальнейшего развития социальной дифференциации. В обществе выделялись страты особого общественного положения, которое проявлялось в их имущественном статусе и в общей идеологической позиции. Это дало основание современным историкам характеризовать данную систему как эпоху первых великих степных обществ [Массон 1998].

Предтечей ранних комплексных обществ пояса степей было общество, известное по археологическим комплексам, которые составляли ямную культурную общность, представленную в основном захоронениями в перекрытых курганными насыпями ямах. Центром формирования этой общности были области Среднего Поволжья и Южного Урала. Ее памятники быстро распространились на запад вплоть до Молдавии и Балкан. Племена ямной общности, обитавшие в степях в конце IV — первой половине III тыс. до н. э., создали исходный пласт, ставший типичным для всей степной зоны, по которой он распространился как в ходе племенных передвижений, так и культурных влияний и заимствований. Степной образ жизни и отгонное скотоводство, не говоря уже о кочевничестве, благоприятствовали развитию пассионарности в менталитете степных народов.

Это было общество скотоводов, главным ресурсом которых были стада мелкого рогатого скота, но они также разводили крупный рогатый скот и лошадей. Новаторским достижением было создание деревянных повозок с массивными сплошными колесами. Повозки были как четырехколесными, так и двухколесными и в них запрягались волы или мерины. Выплавка бронзы и изготовление из нее различных предметов также стали важнейшими достижениями общества той эпохи.

На усложнившуюся общественную структуру указывает появление, кроме рядовых курганов, надмогильных насыпей высотой до 6–7 м. Такого рода сооружения требовали масштабного, хорошо организованного труда. Относительно богатый инвентарь подчеркивает, что под ними скрывались усыпальницы, скорее всего, глав родов и племен. Судя по находкам в некоторых погребениях металлических шлаков, эти лидеры осуществляли также руководство металлургическим процессом. Сами мастера-металлурги довольствовались куда более скромными могилами.

Весьма важным явлением в истории носителей ямной культурной общности было их широкое распространение в западном направлении, где типичные ямные курганы встречены вплоть до Венгрии. Это было первое масштабное продвижение степняков на запад. Надо полагать, что именно лидеры, похороненные столь престижным образом, способствовали организованному продвижению. В ходе его, видимо, частично происходила и культурная ассимиляция местного населения, практикующего такой же степной образ жизни. Трудно судить, в какой мере в ходе этого продвижения была задействована военная функция, но показательно, что на поселениях ямной культуры представлены оборонительные стены, обложенные камнем.

Следует иметь в виду, что население, оставившее памятники ямной культурной общности, отнюдь не было единственным обитателем обширной зоны евразийских степей. Повсеместно группы племен, практиковавшие степной образ жизни, успешно вели скотоводческое хозяйство, местами подкрепляемое земледельческой деятельностью. Они развивали культуру, используя передовые достижения своих соседей, в том числе и благодаря заимствованию. Временами та или иная группировка добивалась значительных успехов и достижений.

В этом отношении наиболее впечатляющими стали успехи, достигнутые в Волго-Уральском регионе в конце III–II тыс. до н. э. В. С. Бочкарев с полным основанием отмечает, что здесь сформировался своеобразный центр активного культурогенеза [Бочкарев 2002]. По имеющимся материалам достигнутые инновации наиболее ярко проявились в культуре, названной синташтинской и располагавшейся в Южном Зауралье. Здесь были открыты могильник Синташта и поселение Аркаим, само обнаружение которых стало своего рода археологической сенсацией. Более того, именно эти открытия лишний раз продемонстрировали незаурядную историческую значимость обществ степного региона.

В могильнике Синташта сосредоточены элитные погребения в деревянных гробницах, в которых, помимо прочих объектов, в том числе и оружия, были найдены останки коней и части деревянных двухколесных повозок, с полным правом именуемых колесницами и имеющих прямые аналогии в боевых колесницах многих древневосточных государств. Затем подобные захоронения были обнаружены в целом ряде других памятников. Поселение Аркаим, которое сейчас также является далеко не единственным в своем роде, имеет в плане четкий круг, окаймленный оборонительными стенами.

Для исторической интерпретации процессов политогенеза здесь важны три обстоятельства. Во-первых, перед нами явно элитарные гробницы, отличные от простых могил. Погребения с колесницами расположены обычно в центре курганов, среди нескольких десятков рядовых захоронений и в таком случае явно представляют собой усыпальницы лидеров этой общности. Кроме того, существовали и специальные некрополи элиты, к числу которых, видимо, и принадлежит могильник Синташта. Во-вторых, общество Аркаима–Синташты имеет явные свидетельства активного развития военного дела. Могилы знати содержат обычно набор бронзового оружия (наконечники копий и боевые топоры), а также комплект кремневых наконечников стрел. Вспомним, что в практике военного дела Древнего Востока колесницей управлял возничий, а вторым лицом был лучник. Неизменное наличие укрепленных круглых в плане поселений также указывает на вероятность военных конфликтов. Поэтому есть основания считать, что перед нами — проявление процесса военно-аристократического пути политогенеза, воплощением и символом

которого были погребения знатных колесничих. Отсутствие особо крупных и сверхбогатых гробниц позволяет считать, что данное общество еще не достигло уровня формирования суперлидеров и сохранило олигархический тип правления.

Наконец, третьим важным достижением той эпохи были успехи коневодства, благодаря которому вывели особую породу лошадей, предназначенных именно для упряжной системы управления колесницами, тогда как ранее кони использовались как тягловая сила или источник питания. Это было подлинное начало специализированного коневодства. В знатных гробницах обнаружено от двух до семи лошадей. Находки псалий показывают, что в колесницы обычно запрягали двух коней.

Поселения с крепостными стенами и колесницы вооруженной элиты обнаружены в целом ряде других центров.

Столь существенные изменения, происходящие в степной зоне Евразии, начинают оказывать все большее воздействие и на соседей скотоводов. Начало ему было положено продвижением на запад племен ямной культурной общности. Здесь налицо и своего рода культурные влияния, и прямое передвижение отдельных групп населения. Немаловажное значение имела практика использования легких колесниц, широко распространившаяся среди населения синташтинской культуры и других современных ей культур степной зоны.

Боевые колесницы были хорошо известны и на Древнем Востоке [Нефедкин 2000]. Однако выведение породы упряжных коней и разработка специального их тренинга являются достижением племен степной зоны. Об этом свидетельствует и обширный набор коневодческих терминов индо-иранского происхождения в трактате о коневодстве XVI в. до н. э., обнаруженном в Северной Месопотамии. Скорее всего, данная лексика проникла на юг с породой специализированных лошадей, разведение которой началось не позднее времени существования синташтинской культуры.

Имеются и другие свидетельства прямого воздействия степной зоны на южные цивилизации, по крайней мере, на юге Средней Азии. Здесь, в памятниках городской цивилизации первой половины II тыс. до н. э. найдены типичные для Синташты конские удила. Массовый археологический материал свидетельствует, что примерно с середины II тыс. до н. э. берет свое начало активное проникновение на юг кочевников (племен т. н. степной бронзы), ставшее особенно активным во второй половине этого тысячелетия. Именно скотоводы составляли основной массив населения Средней Азии к северу от зоны местных городских цивилизаций. Так началась непрерывная инвазия с севера, которая продолжалась многие столетия, меняя этнический облик аборигенов.

Впрочем, следует подчеркнуть, что никаких свидетельств военных конфликтов в ходе первого продвижения кочевников на юг не наблюдается. Это было переселение, сопровождавшееся мирным культурным воздействием прежних обитателей степной зоны на южных соседей. Уместно также отметить, что особых признаков обратного влияния народов юга на степную зону в области культуры не проявляется. Степная зона шла своим, самостоятельным, путем развития, оказывая вместе с тем заметное воздействие на южных современников.

Наряду с инфильтрацией степного населения, кони и военное дело стали основным компонентом связей евразийского пояса степей с оседлыми цивилизациями.

Общественная дифференциация, которая способствовала выделению слоя аристократии, связанной с выполнением функций военных предводителей, продолжалась. Новые лидеры формировали все более крупные структуры. Этому в высшей мере способствовали изменения в обществе, связанные с появлением всадников и пере-

ходом к собственно кочевничеству. Лошади, запрягавшиеся в колесницы, стали верховыми конями и, соответственно, были выведены новые их породы, ярким представителем которых до наших дней остаются туркменские ахалтекинцы. Переход к езде верхом и кочевничеству имел эпохальную значимость и стал рубежом в истории обществ степной зоны. По своим социологическим и культурным последствиям его можно сопоставить с «городской революцией» в оседлых цивилизациях. Произошли знаковые изменения в военном деле и в трансрегиональных связях. Границы мира раздвинулись, информация распространялась невиданными ранее темпами, резко ускорились торговые и культурные связи. Общественные лидеры получили новые возможности для своего утверждения в обществе, в значительной мере опираясь на подчиненные им военные структуры. В результате формируются масштабные политические образования. Их вожди становятся не просто аристократией, а суперлидерами.

Как и прежде, в степной зоне проживали различные народы и племена. Но их общение приобрело качественно новый характер. То и дело утверждаются те или иные политические и культурные приоритеты, формируются масштабные общества. Качественная значимость новой эпохи была четко определена выдающимся отечественным исследователем М. П. Грязновым, обозначившим ее как время ранних кочевников. Социологически это время можно определить как эпоху военной государственности.

Переход к кочевничеству, судя по всему, произошел в IX–VIII вв. до н. э. и уже к VIII в. относится яркий образец знаковых перемен — «царский» курган Аржан, раскопанный в Туве М. П. Грязновым. С точки зрения исторического прогресса здесь особо важны два обстоятельства. Прежде всего укажем на масштабность самого сооружения, возведение которого требовало массового организованного труда, что могли осуществить лишь наделенные значительной властью лидеры [Грязнов 1980; Савинов 2002: 37–81]. Курган представлял собой круглое в плане сооружение с каменной оградой, причем диаметр насыпи достигал 120 м. Внутри ее находилось около 70 клеток, заполненных костяками коней, различного рода вещами и — в отдельных случаях — человеческими захоронениями. Главный персонаж лежал в центральной камере. Даже не столь уж значительный инвентарь, оставшийся после грабителей, свидетельствует о том, что в усыпальнице находились немалые ценности, в том числе многочисленное оружие. Особенностью Аржана являлось то обстоятельство, что в разных клетках находились группы коней разной масти, различающиеся деталями сбруи. Исследователи справедливо сделали заключение, что это были дары различных группировок, каждая из которых отличалась своими деталями культурных традиций. Нет сомнений, что перед нами монументальная гробница суперлидера, чье влияние распространялось на обширную территорию, населенную сородичами.

Такие масштабные и богатые усыпальницы, расположенные группами в различных областях степной зоны, составляют характерную черту эпохи ранних кочевников. Греческая письменная традиция склонна именовать крупных вождей ираноязычных номадов «царями». Во всяком случае, царицей названа правительница сакских племен Зарина, эпические предания о которой сохранил Ктесий. Иранская традиция, представленная в Бисутунской надписи Дария I, называет властителя саков Скунху «наибольшим» (*маништа*).

Оружием снабжали не только знать, но и все общество в целом. Погребения мужчин рассматриваемой поры, как правило, имеют оружие и удила. Иногда то же

наблюдается и в женских могилах. Совершенно ясно, что перед нами конные воины. В целом речь идет об обществе, в значительной мере милитаризованном. Военно-аристократический путь политогенеза завершился формированием военной государственности, стоящей на грани создания подлинно государственных структур.

Степные общества не только совершили социо-политический скачок. Была достигнута новая ступень в интеллектуальной сфере, о чем свидетельствует сложение яркой художественной культуры, получившей условное наименование скифо-сибирского искусства. Качественно усилились международные культурные связи. Удачные походы позволяли доставлять кочевникам многочисленные предметы художественной культуры Древнего Востока и Китая. Был заимствован образ льва, никогда не водившегося в степной зоне. Образ могучего хищника как особо престижное явление становится весьма популярным в скифо-сибирском искусстве. Порой мастера, не видевшие непосредственно этого могучего зверя, воспроизводят его образ недостоверно.

Степняки, активно создающие все новые политические объединения, энергично воздействуют на южные государства. В этих условиях естественным образом эволюционируют социо-политические структуры и формируются кочевые империи, существование которых и составляет третью эпоху в истории евразийской степной зоны. По существу, формирование кочевых империй представляло собой своего рода пик военно-аристократического пути политогенеза. Именно военная функция центральной власти была источником ее силы и могущества.

Первой кочевой империей было государство хунну, названное так еще В. В. Бартольд [Бартольд 1963: 475], которое приобрело, благодаря китайским письменным источникам, особую известность. Основателем хуннской державы шаньюем Маодунем была четко сконструирована так называемая десятичная структура армии, делившейся соответственно на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч воинов. Не исключено, что истоки такой организации восходят к более ранним временам, но именно при Маодуне она получила свой твердый статус, подкрепленный жесткой дисциплиной. Политическая власть удачливого военного лидера, объединившего к тому же многочисленные племена, была идеологически подкреплена претенциозной титулатурой. Лидер стал именоваться «сыном неба» и лицом, имеющим «небесное происхождение». Исследователи отмечают по меньшей мере четыре функции шаньюя [Крадин 2001: 139–140]: верховная власть в империи, верховное главнокомандование, главенство в суде и — в значительной мере — жреческие обязанности. С военным делом в первую очередь были связаны страты племенных вождей, старейшин, немногочисленной служилой знати и вождей зависимых племен. Составлявшие основу иерархии простые кочевники были прежде всего воинами. Абсолютистские реалии этой системы не следует преувеличивать. И у хунну, и у других кочевых обществ большую роль играла генетическая система родства, на которую ориентировался и правящий род. Однако в целом прочность этой структуры, особенно в пору военных успехов, нельзя преуменьшать. Политически организованная держава хунну потрясла не только древний Китай, но и многих современных историков, пораженных столь выдающимся достижением «диких кочевников». Появился расхожий методологический стереотип, что именно военные противоборства с оседлыми государствами по принципу «вызов-ответ» привели к формированию империи хунну. Впрочем, эта концепция не учитывает два важных обстоятельства. Во-первых, вопреки мнению ученых, привыкших иметь дело с традиционно про-

цветающими цивилизациями, не было никаких «чистых» кочевников. С древнейших этапов возникновения в степях скотоводческого хозяйства, практиковавшие их общества, как правило, занимались и земледелием, хотя его масштаб и продуктивность были сравнительно невелики. Во-вторых, кочевые империи отнюдь не возникли как птица Феникс из пепла. Им предшествовали длительные эпохи степного политогенеза, когда происходило формирование предгосударственных и протогосударственных структур.

Эталон кочевой империи становится распространенным в степной зоне. Ему следует здесь большинство общественных структур, хотя, разумеется, не всегда в имперских масштабах. Следует отметить и результативные достижения своего рода государственного симбиоза, когда политический диктат кочевых обществ в творческой практике объединялся с традициями оседлых государств. Таковы были формирующиеся в IX–XII вв. симбиозные государства в Семиречье и Синцзяне. Особенно впечатляющих успехов достигла тюркская держава, которая была подлинной кочевой империей, пусть и распавшейся на определенном этапе на два государства.

К числу слабостей кочевых империй можно отнести отсутствие устойчивой бюрократической структуры и четкого законодательства о престолонаследии, в механизме которого огромную роль играли первобытно-клановые традиции. Кочевые империи порой пытались наладить органы управления, используя опыт китайского государства, а иногда приглашая китайских чиновников. Больших успехов это не принесло, тем более что в областях государства вместо системного налога фактически производился сбор дани.

Вершиной этого типа государственной структуры и фактически почти концом данной эпохи в степной зоне была суперимперия Чингиз-хана. Вместе с тем эта держава положила начало деградации рассматриваемой системы. Примат получили общества политически интеграционного типа, начало которым было положено в кочевническо-оседлых объединениях Семиречья и Синцзяна.

Таким образом, можно заключить, что степная зона Евразии была центром интенсивного самостоятельного исторического развития со своей спецификой и особенностями, сыгравшими немаловажную роль в развитии мировой культуры и цивилизации в целом. Поэтому, наряду с использованием понятийной сетки, выработанной современной исторической наукой для глобальных явлений, следует обращать внимание и на понятия и определения, отражающие местный специфический характер исторического развития данной зоны в целом.

Как было продемонстрировано выше, в настоящее время в свете имеющихся данных намечаются, по меньшей мере, три большие эпохи, которые развивались по мере сложения архаических структур древних обществ в степях. Первая — это эпоха ранних комплексных обществ, приходящаяся в основном на время бронзового века. Достигнутый уровень социального развития и организации открывал возможности формирования крупных общественных структур, которые известны по археологическим материалам. Уже тогда проявляются свойственные народам степной зоны динамизм и пассионарность. Начинает формироваться особое отношение к коню как интеллектуальному и художественному символу степных объединений.

Вторая эпоха, известная по археологической систематике как эпоха ранних кочевников, социо-политически может быть охарактеризована как пора военной аристократической государственности. Переход к кочевничеству в числе прочих

явлений способствовал качественному скачку активной военной сферы, что являлось одним из важных стимулов выделения страты суперлидеров или «царей» по терминологии древнегреческих источников.

Наконец, третья эпоха — это время кочевых империй, эталонным образованием которых была империя хунну. Пиком системы следует считать монгольскую державу Чингиз-хана. После ее распада начинается возвратное движение, столь характерное для ритмов культурогенеза и политогенеза. Политические структуры степной зоны позднего средневековья близки эпохе военно-аристократической государственности.

Говоря об историческом значении пояса степей и его месте во всемирной истории, надо отметить два традиционных заблуждения, некорректных методологически и фактически. Первое — это вопрос о том, что государство у кочевников формируется лишь как следствие военных столкновений с городскими цивилизациями. Уже Е. И. Кычанов ярко охарактеризовал внутренние предпосылки в кочевой среде, ведущие к формированию столь сложных политических структур [Кычанов 1997; 2010]. Государственные структуры в степях возникали в процессе длительной социальной и политической эволюции, начавшейся еще в бронзовом веке. Удачные походы в зону оседлых цивилизаций скорее лишь стимулировали процесс образования государственных структур, но не были его исходной причиной.

Второе заблуждение, характерное для исследователей, начиная с А. Дж. Тойнби, заключается в утверждении об отсутствии в степи исторической динамики, вследствие чего здесь не сложилась капиталистическая формация. Известно, что в процессе общественного развития центры прогресса перемещались, и капитализм не зародился в зоне древневосточных цивилизаций или греко-римских городских центрах. На определенном этапе социальные структуры в силу ряда причин замедляли темпы развития. Это произошло в послемонгольское время и в зоне степей, где процветавшие ранее структуры не смогли создать перспективной альтернативы многотысячелетним традициям.

Исторический вклад степной зоны во всемирный процесс связан с образом коня. Именно степи стимулировали создание кавалеристских начал в вооруженных силах и военной стратегии. С этим же образом были связаны многие идеологические и художественные новации. Впечатляющим достижением мировой художественной культуры является искусство скифо-сибирского звериного стиля. При всех возможных взаимодействиях с иными художественными традициями оно в целом является законченным и ярко узнаваемым феноменом. Недаром это искусство оказало заметное воздействие на северные общества вне степной зоны, а в известной мере и на искусство южных цивилизаций. Создателям скифо-сибирского звериного стиля явно были знакомы соответствующие традиции — и местные, и древневосточные, но в целом это явление полно глубокой мутационной самобытности как на стилистическом, так и на комбинационном уровне.

Исторически здесь важны два других обстоятельства. Степная зона, особенно после перехода к кочевничеству, надежно стимулировала и ускоряла все процессы международного общения и сотрудничества, будь то торговые или интеллектуальные связи. Еще более важны процессы историко-политического синтеза и симбиоза, пронизывавшие многовековую эпоху взаимодействия кочевых обществ и государств оседлой зоны. Утверждение кочевых приоритетов в античную эпоху в Бактрии и Парфии в результате встречной поведенческой и психологической ассимиляции

в конечном итоге способствовало выходу этих стран в ранг держав мирового класса, наряду с Римом и Китаем. В Центральной Азии синтез политико-государственных начал кочевой и городской традиций создавал, начиная по меньшей мере с эпохи Караханидов, могущественные государственные организмы, что стало ярким проявлением продуктивного творческого взаимодействия различных традиций, которыми так богата мировая история.

## Литература

- Бартольд 1963: *Бартольд В. В.* Кыргызы. Исторический очерк // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II. Ч. 1. М.
- Бочкарев 2002: *Бочкарев В. С.* Эпоха бронзы в степной и лесостепной Евразии // История татар с древнейших времен в 7 томах. Т. 1: Народы степей Евразии в древности. Казань. С. 46–68.
- Владимирцов 1934: *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.
- Грязнов 1980: *Грязнов М. П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.
- Крадин 1992: *Крадин Н. Н.* Кочевые общества. Владивосток.
- Крадин 2001: *Крадин Н. Н.* Империя хунну. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.
- Кычанов Е. И. 1997: *Кычанов Е. И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.
- Кычанов 2010: *Кычанов Е. И.* История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. СПб.
- Марков 1976: *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М.
- Массон 1998: *Массон В. М.* Эпоха древнейших великих степных обществ // АВ. № 5. С. 255–267.
- Нефедкин 2000: *Нефедкин А. К.* Основные этапы развития боевых колесниц в древности // Взаимодействие культур и цивилизаций. СПб. (Российско-туркменские культурные связи и взаимодействия. Вып. 1). 116–126.
- Савинов 2002: *Савинов Д. Г.* Ранние кочевники верховьев Енисея: Археологические культуры и культурогенез. СПб.
- Хазанов 1975: *Хазанов А. М.* Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.



## ИССЛЕДОВАНИЕ ВАН ГОВЭЯ О РАННЕЙ ИСТОРИИ СЮННУ

С. С. Миняев (Санкт-Петербург)

Среди скотоводческих племен, сыгравших важную роль в истории Центральной Азии, особое место занимают сюнну (хунну, азиатские гунны), доминировавшие в регионе во II–I вв. до н. э. В период их господства складывается основа для формирования племенных объединений эпохи средневековья, во многом определивших этническую ситуацию на востоке степного пояса и в новое время. База данных для изучения сюнну в настоящее время весьма обширна. Совокупность различных источников (археология, лингвистика, антропология, палеогенетика, письменные памятники) создает реальные предпосылки для детального изучения племенного объединения во главе с сюнну. Однако вопрос о раннем этапе истории самих сюнну, предшествующем их усилению в конце III в. до н. э., остается до настоящего времени дискуссионным.

Знаменитый древнекитайский историограф и современник могущества сюнну Сыма Цянь, в своем труде «Ши цзи» («Исторические записки») посвятивший этому народу 110-ю главу («Сюнну лечжуань» — «Повествование о сюнну»), об его происхождении сообщает крайне лаконично: «Родоначальником сюнну был потомок рода Ся-хоу по имени Шунь-вэй» [Сыма Цянь 2002: 323]. Содержание этой фразы со ссылками на ряд несохранившихся источников подробнее раскрывают комментаторы «Ши цзи» Луань Чань, Чжан Янь, Вэй Чжао и другие. Они поясняют, что последний правитель полулегендарной династии Ся тиран Цзе, потерпев поражение от основателя династии Инь Чэн Тана, был отправлен в ссылку, откуда бежал и затем умер в изгнании. Его сыновья от наложниц из племени сюньюй переселились в земли «северных варваров», где научились разводить скот и кочевать вместе с ним. Именно этих потомков рода Ся от женщин из варварского племени (одним из них был Шунь-вэй) и называли впоследствии в Китае «сюнну», что, по мнению комментаторов, можно рассматривать как видоизмененное «сюньюй» [Сыма Цянь 2002: 440, примеч. 2].

Мифический Шунь-вэй упомянут Сыма Цянем в связи с историей других скотоводческих племен, господствовавших в азиатских степях до возвышения там сюнну (цюаньжунов, сюньюй, ди и др.). Поэтому данная фраза в «Сюнну лечжуань» обусловила в китайской историографии последующие устойчивые представления об этих племенах как о первопредках сюнну [Сыма Цянь 2001: 225–226, примеч. 21; 2002: 440, примеч. 2]. Именно так трактовали происхождение сюнну историки и филологи различных эпох. Рассматриваемая версия дошла до нового времени практически в неизменном виде.

Детально эта многовековая комментаторская традиция была рассмотрена в работе известного китайского историка Ван Говэя (1877–1927). Собрав племенные

наименования северных соседей Китая эпохи Инь и Чжоу, которые сохранились в письменных памятниках и надписях на бронзе, он попытался реконструировать их древнее звучание и определить районы обитания этих племен, придя к заключению о том, что в названные эпохи под различными названиями фигурируют родственные племена, в ханьское время известные как сюнну [Ван Говэй 1927]. На выводы этого авторитетного исследователя обычно ссылаются в современной литературе как на веский аргумент в пользу гипотезы о родственной связи племен сюньюй и сюнну [Думан 1962; Таскин 1968]. Во многом данная гипотеза лежит в основе распространенного представления об ордосской прародине сюнну [см., например: Тянь Гуаньцзинь 1983], поэтому систему доказательств, приводимую Ван Говэем, необходимо рассмотреть подробнее.

Его основная аргументация сводится к следующему. Самыми древними наименованиями северных соседей Китая, упоминаемыми в таких древнейших источниках как «Ицзин» и «Шицзин», а также в надписях на бронзовых изделиях, являются *гуйфан* (鬼方) и *куньи* (昆夷). Первые слоги в этих бинамах исследователь считает самоназванием, а вторые слоги (соответственно *фан* и *и*) — китайскими дополнениями. Начертание иероглифа *гуй*, по его мнению, восходит к форме *вэй* (畏), поскольку в более поздних письменных памятниках («Чуньцю», «Цзочжуань») фамилия Вэй является исходной для всех варваров. Окончательное начертание иероглиф *гуй* приобрел лишь в ханьскую эпоху, когда при переписке классических книг почерком «лишу» вместо *вэйфан* (畏方) писали *гуйфан* (鬼方). Географические ориентиры, с которыми связано упоминание гуйфанов, позволили Ван Говэю предложить локализацию этих племен на северных и западных границах Инь и Западного Чжоу.

Далее на примере фразы из «Шицзин» — *хуньи туньи* («хуньи мчатся во весь опор») — Ван Говэй рассматривает варианты начертания наименования «куньи» (昆夷) и показывает, что первый слог в названии племени (混) записан в разных источниках по-разному: *хунь* (混), *кунь* (昆), *цюань* (犬), *гунь* (緝) и т. д. Ссылаясь на танского комментатора Янь Шигу, который на основе метода «фаньцзе» (рассечение узлов) считал возможным чтение *цюань* (吠) как *гуань*, а иероглифов *кунь*, *хунь* как *гунь*, Ван Говэй делает три вывода. Первый из них заключается в том, что звучание всех перечисленных иероглифов сходно между собой. Второй гласит, что иероглифы *гуй* (鬼) и *вэй* (畏), имевшие чтение низким тоном, изменились и в силу особенностей развития фонетики стали звучать как *сюньюй* (в разных вариантах написания — 葷粥, 薰育, 鬻獯) и *сяньюй* (獫狁, 獫狁). Третий устанавливает, что все названные иероглифы по звучанию восходят к более древнему и утраченному впоследствии звучанию *гуй* и *вэй*. Поэтому *гуйфан*, *куньи*, *сюньюй*, *сяньюнь*, *яньюнь* являются лишь фонетическими расхождениями звучания одного и того же наименования, и, следовательно, в древних письменных источниках речь идет об одном и том же племени.

Далее в работе анализируются те расхождения в текстах источников, когда скотоводческие племена — субъекты одного и того же события — зафиксированы под разными наименованиями. Так, в «Мэн-цзы» противниками Тай-вана названы *хуньюй*, а в «Шицзин» в песне «Мянь» — *куньи*. В оде «Шицзин» «Выходят колесницы» говорится: «Блистательный Наньчжун сяньюней устранил», а далее тот же эпизод трактуется как поход Наньчжуна на *сигжунов* (西戎), т. е. западных жунов. В этих разночтениях Ван Говэй видел веское доказательство тождества хуньюев, куньи, сяньюев и западных жунов. Последние, стало быть, и являются потомками гуйфанов. При этом он считал мнения комментаторов о различии

названных племен ошибочными, а прямые сведения источников («Ши-суй», «Чжоу-шу-суй») о различных районах обитания этих племен — результатом более поздних неточностей и расхождений.

Географические названия, с которыми связаны упоминания названных племен в письменных источниках и надписях на бронзе, позволили Ван Говэю считать, что районы обитания сяньюней совпадали с землями гуйфанов и куньи и охватывали территорию Западного Чжоу с северо-востока на северо-запад. Анализ письменных документов и определение даты бронзовых изделий с надписями дали также возможность датировать основной период упоминания сяньюней — от чжоуского Ли-вана (857–828 гг. до н. э.) до чжоуского Сюань-вана (827–781 гг. до н. э.).

В более поздних источниках в качестве основных скотоводческих племен — соперников — Китая фигурируют, как считает Ван Говэй, только жуны и ди. Иероглиф *жун* (戎) означает «воинственный», так как включает в себя знаки «латы» и «копье». Иероглиф *ди* (狄) первоначально означал жителей далеких западных окраин; писали его с ключом «собака», чтобы придать иероглифу уничижительный оттенок. Жуны и ди причиняли немало бедствий жителям древнего Китая, поэтому их называли *цюаньжуны* (犬戎) — «собачьи жуны», «собачье племя». Отсюда Ван Говэй заключает, что жуны и ди — это не самоназвания, а данные китайцами клички, означавшие, по его мнению, все тех же сяньюней, которые хотя и перестали упоминаться в письменных источниках, но не могли внезапно исчезнуть с исторической арены.

Отмечая далее, что в ряде источников население местности Тайюань в одном случае называется жунами, а в другом — сяньюнями, Ван Говэй делает вывод, что цюаньжуны, которые в 771 г. до н. э. способствовали убийству Ю-вана и под ударами которых столица была перенесена на восток в Лои, — это сяньюни. После переноса столицы прозвище *жуны*, по его мнению, было упразднено и осталось только наименование *ди*, т. е. «далекие». Эти племена заняли бывшие чжоуские земли после переноса столицы на восток и господствовали здесь в период Чуньцю-Чжаньго (VIII–III вв. до н. э.). Усиление Китая в эпоху Цинь якобы вынудило их вернуться в свои прежние земли, где они и получили прежние наименования. Именно поэтому, заключает Ван Говэй, племена ху и сюнну периода Чжаньго, Цинь и Хань можно рассматривать как потомков сяньюней и сяньюней периода Инь-Чжоу.

В работе Ван Говэя ни разу не упоминается Шунь-вэй, реальность которого доказать, разумеется, затруднительно. В остальном эта публикация по существу является попыткой научно обосновать версию, одной фразой сформулированную еще комментаторами ханьского времени: «При Яо были сюньюй, при Чжоу были сяньюнь, при Цинь были сюнну». «Сыма Цянь, когда писал «Сюнну лечжуань», по-видимому, знал это», — так заканчивает свою работу Ван Говэй [1927: 630].

Однако предельная лаконичность изложения версии о Шунь-вэе в «Повествовании о сюнну» и отсутствие каких-либо пояснений в тексте главы со стороны самого Сыма Цяня позволяют предположить, что знаменитый историк прекрасно сознавал тот огромный промежуток времени, который отделяет полулегендарную династию Ся от появления сюнну на исторической арене. В связи с этим стоит обратить внимание на структуру 110-й главы, явно состоящую из двух частей. В первой собраны заимствованные из более ранних источников сведения о древних скотоводческих племенах восточного ареала степей: шаньжунах, сяньюнях, цюаньи и других. Вторая часть этой главы излагает события эпохи сюннуского «великодержавия» (II–I вв. до н. э.), которая началась с возвышения сюнну при шаньюе

Маодуне (Модуне). Связующим звеном между частями главы является отрывок, охватывающий события последних десятилетий III в. до н. э. — от конца эпохи Чжаньго до первых лет ханьской династии.

В первой части 110-й главы сюнну упомянуты лишь в начальной, уже процитированной выше, фразе: «Родоначальником сюнну был потомок рода Ся-хоу по имени Шунь-вэй», которая явно понадобилась Сыма Цяню для формальной связи первой и второй частей главы. Упомянутые в первой части линьху, жуны, хуньюю и другие северные некитайские племена фигурируют здесь лишь в качестве предшественников, но не предков сюнну в азиатских степях. Неслучайно в конце первого раздела главы Сыма Цянь подчеркнул, что в ранний период истории сюнну «нет даже возможности последовательно изложить [раннюю] историю их родов и правлений» [Сыма Цянь 2002: 329]. При этом следует отметить, что, перечисляя этих предшественников, Сыма Цянь упоминает в одном ряду сяньюнь (獫狁) и хуньюю (葷粥) как разные племена [Сыма Цянь 2002: 323]. Более того, повествуя во второй части главы о походах вождя сюнну Маодуня, он называет в числе покоренных им племен, живших к северу от сюнну, и племена хуньюю. Хотя это наименование записано другими иероглифами (渾庾), чем упомянутые в первой части сяньюнь и хуньюю (獫狁 и 葷粥), между ними существует очевидная фонетическая связь [Pulleyblank 1983: 449]. Это обстоятельство позволяет предполагать, что потомками сюньюев-хуньюев эпохи бронзы были иные, нежели сюнну, племена, обитавшие к северу от них и не связанные, очевидно, с процессами сюннуского этногенеза.

Следует добавить, что исследование Ван Говэя, несмотря на тщательный анализ всех имевшихся в то время данных, содержит ряд уязвимых положений. Во-первых, свидетельства источников, противоречащие сделанному им выводу, приводит он сам. Так, в «Ши-суй» (предисловие к «Шицзин» об эпохе Вэнь-вана) говорится: «На западе причиняли беды куньи, на севере причиняли беды сяньюнь». Аналогичное свидетельство было зафиксировано в «Чжоу-суй»: «На западе — куньи, на севере — сяньюнь» [Ван Говэй 1927: 593]. Приведенные цитаты ясно показывают, что куньи и сяньюнь — это разные племена, обитавшие в различных районах древнекитайской ойкумены.

Во-вторых, в предполагаемой Ван Говэем эволюции наименований «сяньюнь» в «сюнну», как среднее звено (жуны и ди), так и одно из последних — ху (胡) — фонетически не могут быть связаны ни с сяньюнями, ни с сюнну. Утверждение Ван Говэя о том, что это клички, под которыми скрывались все те же гуйфаны (они же куньи и сяньюни), источники, как мы видели, не подтверждают, да и методически оно выглядит не совсем корректным, ибо таким путем в принципе можно доказать любую версию.

В-третьих, фонетические построения Ван Говэя отрицают современные лингвисты, поставившие на научную основу исследования исторической фонетики китайского языка. Реконструкция звучания древних племенных наименований показывает, что нет никаких фонетических соответствий между «сяньюнь», «хуньюю» и «сюнну», не говоря уже об их связи с собирательным наименованием «ху». При этом отмечается, что по данным фонетики сюнну вступили в контакт с китайцами только в конце III в. до н. э. [Pulleyblank 1983: 449].

Несомненно, предки сюнну в составе близких по культуре скотоводческих племен уже в I тыс. до н. э. обитали на северных границах древнекитайских княжеств. Однако подлинные исторические тексты (надписи на бронзовых сосудах периода

Западного Чжоу и бамбуковых планках периода Чжаньго и Цинь) не содержат каких-либо сведений об этом племени. Вплоть до событий начала эпохи Хань (конец III в. до н. э.) нет достоверных сведений о сюнну и в дошедших до нас фрагментах копий древних письменных памятников. С другой стороны, версия о Шуньвэе уже существовала ко времени работы Сыма Цяня над «Историческими записками» (рубеж II–I вв. до н. э.). Поэтому можно предположить, что формирование этой версии относится лишь к эпохе Западной Хань (II–I вв. до н. э.) и связано, видимо, с кругом придворных ханьских историографов, которым понадобилось оправдать внушительные успехи сюнну в борьбе с первыми правителями империи. Происхождением от представителя «законной» китайской династии Ся эта трактовка удачно объясняла военную силу и организованность сюнну, а происхождением от сюньюев — их «варварский» характер.

Достоверные упоминания о сюнну вплоть до начальных лет ханьской династии отсутствуют [см.: Миняев 2014; 2015]. Это обстоятельство показывает, что хронисты предшествующих эпох (Чжоу и Цинь) не располагали достоверными сведениями для выделения их из среды остальных кочевников. Кажется вполне вероятным, что ранний период истории сюнну протекал вне поля зрения древнекитайских историографов, и сведения письменных памятников не позволяют поэтому достоверно локализовать первоначальную территорию их обитания. Имеющиеся сейчас данные антропологии, палеогенетики и лингвистики также весьма противоречивы, поэтому решающее значение для разработки проблем ранней истории сюнну приобретают археологические материалы.

## Литература

- Ван Говэй 1927: *Ван Говэй*. Гуйфан, куньи, сяньюнь као (Исследование о племенах гуйфан, куньи, сяньюнь) // *Ван Говэй*. Гуаньтан цзилинь. Т. 2. Бэйцзин [на кит. яз.].
- Думан 1962: *Думан Л. И.* Рец. на кн.: *Гумилев Л. Н.* Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., 1960 // *НАА*. № 3. С. 196–199.
- Миняев, 2014: *Миняев С. С.* Чжаоский полководец Ли Му и его борьба с «сюнну» // *ЗИИМК*. № 9. С. 123–131.
- Миняев 2015: *Миняев С. С.* Письменные источники о ранней истории сюнну // *АВ*. Вып. 21. С. 304–327.
- Сыма Цянь 2001: *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. I. М.
- Сыма Цянь 2002: *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII. М.
- Таскин 1968: *Таскин В. С.* Предисловие, перевод и примечания // *Материалы по истории сюнну (по китайским источникам)*. Вып. I. М.
- Тянь Гуаньцзинь 1983: *Тянь Гуаньцзинь*. Цзиньняньлай Нэймэнгу дицой ды сюнну каогу (Достижения археологии сюнну во Внутренней Монголии за последние годы) // *Каогу сюебао*. Шанхай. № 1. С. 7–21 [на кит. яз.].
- Pulleyblank 1983: *Pulleyblank E. G.* The Chinese and Their Neighbors in Prehistoric and Early Historic China // *The Origins of Chinese Civilization*. Berkeley; Los Angeles. P. 411–466.

# КУЛЬТ БОЕВЫХ ТОПОРОВ У ДРЕВНИХ ИРАНОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ: СКИФЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ<sup>1</sup>

*В. П. Никоноров (Санкт-Петербург)*

Л. К. Галаниной, замечательной исследовательнице северопонтийских древностей античной эпохи, принадлежат следующие слова о скифах — ираноязычном<sup>2</sup> народе центральноазиатского происхождения<sup>3</sup>, который после своего появления в конце VIII — начале VII в. до н. э. в обширных степных и лесостепных пространствах к северу от Черного моря безраздельно господствовал там до III в. до н. э.: «Любое смертоносное оружие считалось священным у этого народа и фигурировало в разнообразных обрядах» [Галанина 2001: 40]. Действительно, культ оружия в скифской среде находит достаточное подтверждение в письменных, вещественных и изобразительных источниках. Данная проблематика нашла свое отражение в целом ряде работ, среди которых явно выделяются исследования, посвященные сакрально-церемониальной функции меча [Алексеев А. 1980; Бессонова 1983: 45–50; 1984; Шауб 2007: 133–145]. Культовому же почитанию других видов скифского вооружения уделено гораздо меньше внимания, поэтому автор настоящей статьи ставит своей целью до некоторой степени заполнить этот пробел на примере топоров, используя для этого все известные ему археологические материалы в виде вещественных находок и изображений на памятниках искусства и сведения из античной литературной традиции, где скифские топоры представлены в ритуально-символическом контексте. И хотя такую задачу облегчает то обстоятельство, что различные аспекты культа топоров у скифов Северного Причерноморья уже затрагивались в научной литературе [см.: Іллінська 1961; Ильинская 1965; Шульц 1976; Переводчикова 1979; Черненко 1987; Алексеев В. 1996; Кисель 1997; Мурзін, Шлайфер 2008; Шелехань 2010; Молев, Молева 2013а; 2013б; Nikonov 2014: 208–212], эта тема, несомненно, заслуживает более обстоятельного рассмотрения.

---

<sup>1</sup> См. цветные вклейки 21–24. Эта статья представляет собой третье исследование настоящего автора о роли боевых топоров в материальной и духовной культуре народов Евразии (прежде всего ираноязычных) в древности и раннем средневековье. Первые две работы территориально охватывают Иран и Центральную Азию [Никоноров 2014; Nikonov 2014].

<sup>2</sup> Язык причерноморских скифов принадлежал к древнеиранской языковой группе [см.: Абаев 1979; Витчак 1992; Тохтасьев 2005а; Иванчик 2009; Бухарин 2013а; Кулланда 2005; 2006; 2011а; 2011б; Раевский и др. 2013: 15–57; Kullanda 2014].

<sup>3</sup> Хотя происхождение скифов Северного Причерноморья до сих пор трактуется исследователями по-разному, в свете данных археологии приход носителей раннескифской культуры из глубинных районов Центральной Азии выглядит на сегодняшний день наиболее предпочтительной гипотезой [см.: Алексеев А. 2003: 38–60]. Примечательно, что даже самые принципиальные противники центральноазиатской гипотезы уже не отвергают ее как таковую, а лишь требуют от своих оппонентов более тщательной аргументации [Погребова 2006: 189; Раевский и др. 2013: 217].

Данный вид вооружения играл заметную роль в культуре скифских племен. С территории Скифии происходит сравнительно большое число находок топоров<sup>4</sup>, которые с функциональной точки зрения можно разделить на боевые, рабочие (хозяйственные)<sup>5</sup> и церемониальные [Лллінська 1961; Ильинская 1965: 208–211; Мелюкова 1964: 65–68; Черненко 1980; Мурзін, Шлайфер 2008; Шелехань 2012]. Здесь необходимо особо подчеркнуть, что наибольший вклад в изучение скифских топоров внесла выдающаяся советская исследовательница В. А. Ильинская (1920–1979)<sup>6</sup>, более 50 лет назад опубликовавшая самую полную на то время сводку их находок, скрупулезно ею проанализированных [Лллінська 1961], причем эта ее работа до сих пор сохраняет свою актуальность и востребованность, став настоящей классикой археологической науки.

Согласно данным археологии, боевые топоры в количественном отношении значительно уступали другим видам скифского оружия, таким как мечи, копья и стрелы, т. е. их значение на полях сражений было второстепенным [Мелюкова 1964: 66]. Более того, было высказано предположение, что топоры как реальное оружие «к IV в. до н. э. практически выходят из употребления в европейской Скифии», став, «по существу, антикварным оружием» [Курочкин 1993: 74–75]. Наверное, это слишком категоричное суждение, впрочем, как и диаметрально противоположное мнение о том, что «в III–II вв. до н. э. топоры становятся у скифов наиболее распространенным видом наступательного вооружения ближнего боя» [Синика, Тельнов 2015: 188] (оно основано на материалах только из одного скифского могильника IV–II вв. до н. э. — у села Глиное в Поднестровье — и потому не представляется достаточно убедительным<sup>7</sup>). Как бы то ни было, у причерноморских скифов топоры, даже если они и не являлись первостепенным предметом вооружения, всегда играли чрезвычайно важную церемониально-ритуальную роль, что я и попытаюсь показать ниже.

Начну с письменных свидетельств. Их два, и они представляют собой пассажи из обстоятельного экскурса «Отца истории» Геродота о скифах Северного Причер-

<sup>4</sup> Необходимо отметить, что информация об их общем количестве до сих пор остается противоречивой. Так, в статье В. А. Ильинской, опубликованной в 1961 г., речь идет примерно о 60 находках железных проушных топоров скифского времени [Лллінська 1961: 28]. Со ссылкой на нее А. И. Мелюкова в монографии о скифском вооружении, вышедшей в 1964 г., упоминает «около 50 боевых топоров» [Мелюкова 1964: 65]. В тезисах, увидевших свет в 1980 г., Е. В. Черненко говорит о более чем 60 боевых топорах [Черненко 1980: 88], но в другой своей публикации, появившейся тремя годами позже, он утверждает, что их находки насчитывают приблизительно сотню экземпляров [Серпенко 1983: 19]. Совсем недавно А. В. Шелехань привел сводку о 48 боевых топорах середины VII–IV вв. до н. э., обнаруженных в пределах современной Украины [Шелехань 2012: 9–10]. Наконец, по подсчетам В. С. Синики и Н. П. Тельнова, «в настоящее время известно около 50 находок топоров в скифских погребениях степей Северного Причерноморья и Крыма V–IV вв. до н. э.» [Синика, Тельнов 2015: 188].

<sup>5</sup> Разумеется, разницу между скифскими боевыми и рабочими топорами зачастую можно определить лишь условно, и в этом вопросе я предпочитаю следовать выводам А. Н. Кирпичникова, который изучил значительное число древнерусских топоров. Согласно его наблюдениям, длина клинков боевых топоров составляла 9–15 см, а длина клинков рабочих топоров — 15–22 см [Кирпичников 1966: 28]. В известной мере эти наблюдения можно также перенести на скифское оружие, но с той поправкой, что древние и средневековые топоры, независимо от их размеров, в определенных ситуациях могли использоваться и как оружие, и как хозяйственные инструменты.

<sup>6</sup> О ней и ее научных достижениях см.: Григор'ева 2011.

<sup>7</sup> Такому выводу противоречит и тот факт, что из 68 погребений, раскопанных на территориально близком к Поднестровью скифском могильнике IV–III вв. до н. э. у села Николаевка на левом берегу Днестровского лимана, топор был найден лишь в одном [Мелюкова 1975: 135].

номоря, известного как «Скифский логос». Наш источник, очень хорошо осведомленный в скифских делах благодаря получению информации непосредственно от самих скифов (Hdt. IV, 76, 6) и от их соседей-эллинов [см.: Ivantchik 1999: 191–192; Иванчик 2001а: 344–345], в своей первой версии рассказа о происхождении скифов (восходящей, по всей вероятности, к их собственной мифологии) сообщает, что топор (σάγυρις) упал к ним с неба вместе с другими священными золотыми дарами — плугом (ἄροτρον), ярмом (ζυγόν) и чашей (φιάλη), и что скифские цари все эти небесные дары тщательно хранили, благоговейно их чтили и приносили им ежегодные жертвы (Hdt. IV, 5, 3; 7, 1). В другом месте своего труда Геродот указывает, что при заключении договоров скифы опускали меч (ἀκινάκης), стрелы (ὄϊστοί), топор (σάγυρις) и копье (ἀκόντιον) в специальную большую чашу, наполненную вином, смешанным с кровью участников договора (Hdt. IV, 70).

Тот факт, что в собственно скифском генеалогическом предании, пересказанном Геродотом, скифам с неба упал именно золотой топор, а не какой-либо другой предмет их вооружения, сам по себе является весьма красноречивым, определенно свидетельствуя об особом статусе топора в их представлениях — как символа царской власти и сословно-кастовой группы военной аристократии, к которой принадлежали и сами цари [см.: Раевский 2006: 87–94, 372–373, 380; Ivantchik 1999: 158–159, 178, 187–188; Бухарин 2013б: 41–42, 49]<sup>8</sup>. Впрочем, в качестве еще одного воинского атрибута царского могущества и высокого общественного статуса скифы почитали лук, упомянутый Геродотом именно в таком контексте во второй, «греческой», версии их этногенетической легенды (Hdt. IV, 9, 5; 10, 1)<sup>9</sup>.

Интересно, что в отголоске сказания о происхождении среднеазиатских скифов (саков), который сохранился у Курция Руфа (Curt. VII, 8, 17–18), в числе полученных ими священных даров фигурируют парная запряжка быков (iugum boum), плуг (aratrum) и чаша (patera) — т. е. дары, по сути, аналогичные названным в «скифском» варианте предания о происхождении причерноморских скифов, пересказанном Геродотом (Hdt. IV, 5, 3), однако вместо топора здесь присутствуют стрела (sagitta) — налицо близкая связь с «греческой» версией скифской генеалогической легенды у Геродота, где речь идет о луке (Hdt. IV, 9, 5; 10, 1), — и копье (hasta). Надо полагать, что это сакское сказание представляет собой один из вариантов мифа о священных дарах, широко бытовавшего в среде родственных ираноязычных

<sup>8</sup> М. И. Артамонов высказал предположение, что в рассказе Геродота об упавших с неба священных предметах топор выступает в качестве одного из важнейших орудий проживавших в лесной полосе скифов-земледельцев, которые должны были вырубать лес, чтобы освободить землю под пашню [Артамонов 1947: 5; 1974: 100], однако такое суждение не представляется достаточно убедительным [см.: Хазанов 1975: 43; Дюмезиль 1990: 137; Шауб 2007: 131]. С другой стороны, Б. А. Рыбаков категорически выступил против соотнесения божественных даров, упавших скифам с неба, с сословно-кастовой структурой скифского общества [Рыбаков 1979: 210]. Более того, он связал рождение этого мифа с появлением в Среднем Поднепровье пашенного земледелия и отнес это событие «к рубежу бронзового и железного веков — к началу I тысячелетия до н. э.» как имевшее место вовсе не в скифской среде, а у живших там, по его мнению, праславян-сколотов [Там же: 230–231]. Такая трактовка сведений Геродота подкупает разве что своей оригинальностью, но вряд ли может претендовать на состоятельность с историко-археологической точки зрения.

<sup>9</sup> Не может не вызывать недоумения прямолинейный вывод из рассматриваемого пассажа Геродота, сделанный Б. Линкольном, что подаренный Гераклом скифам лук был греческим даром, тогда как топор-сагарис — небесным [Lincoln 2014: 26]. Лук был исконным и одним из важнейших предметов вооружения скифов [см.: Черненко 1981], которые использовали его еще до первых контактов с греками, тем более что у последних этот вид вооружения не получил столь заметного применения, как у скифов.



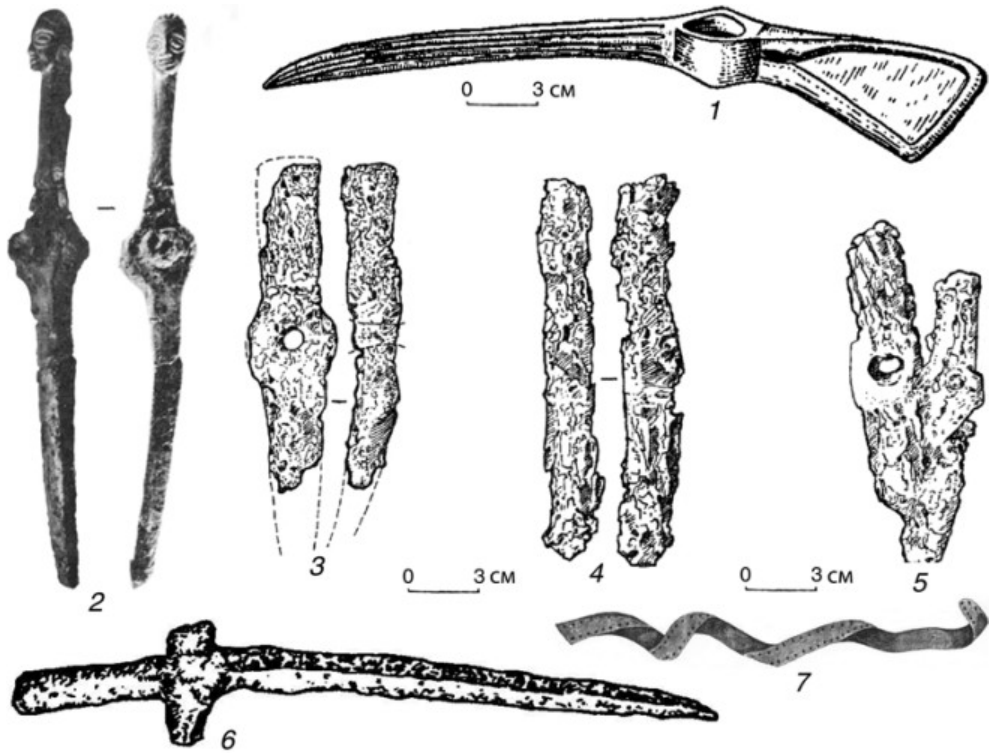
кочевых племен Центральной Евразии, а его версия, зафиксированная в «Истории» Геродота, могла вполне независимо от других вариантов сложиться уже на территории Северного Причерноморья [Хазанов 1975: 45, 46].

Покрывал ли употребленный Геродотом термин *σάγυρις* сразу все археологически известные типы скифских топоров, или же он относился к какому-то определенному их виду? Более вероятным выглядит второе предположение. Так, согласно данным древнегреческих письменных источников, топорами-сагарисами были оснащены только варварские (с точки зрения греков) народы, жившие на восточной периферии обитаемого мира, а именно скифы (Hdt. IV, 5, 3; 70; Aristarch. *Comment. Hdt.* 10–12; Poll. I, 138), массагеты (Hdt. I, 215, 1; Strabo XI, 8, 6), саки (Hdt. VII, 64, 2), персы (Xen. *Anab.* IV, 4, 16 [= Suid. s. v. *σάγυρις*]; Xen. *Cyr.* I, 2, 9; II, 1, 9; 16; IV, 2, 22; VIII, 8, 23; Strabo XV, 3, 19), легендарные амазонки (Xen. *Anab.* IV, 4, 16 [= Suid. s. v. *σάγυρις*]; Aristarch. *Comment. Hdt.* 10–12; Strabo XI, 5, 1) и малоазиатское племя массивных (Xen. *Anab.* V, 4, 14). В то же самое время в памятниках древнегреческой литературы гораздо чаще употреблялись другие термины для обозначения боевых топоров (прежде всего *πέλεκυς* и *ἄξινη*), которые за редкими исключениями использовались для наименования рубящего оружия народов Средиземноморья (греков, римлян и др.). Сравнительный анализ сведений из античной традиции и изображений среднеазиатских и персидских воинов на ахеменидских рельефах и печатях, а также в аттической вазописи позволяет предположить, что слово *σάγυρις* означало специфический вид боевых топоров, характерный исключительно для восточных народностей, — кирковидные топоры с прямыми и изогнутыми узкими клинками [Никоноров 2014: 105]<sup>10</sup> (см., например: рис. 1, 1–6; 5, 2, 3, 6). Если следовать терминологии, предложенной М. П. Грязновым, то первая их разновидность соответствует термину «чекан», а вторая — «клевец» [Грязнов 1956: 39; подробно о клевах и чеканах см.: Nikonov 2014]<sup>11</sup>. Вероятнее всего, происхождение этой разновидности боевых топоров было связано с восточной частью евразийского пояса степей, откуда скифы и пришли в Восточную Европу, — скорее всего, с Южной Сибирью [Куручкин, Субботин 1992: 60–61; Горелик 1993: 55; Иванчик 2001б: 48–49; Алексеев А. 2003: 50–51].

Перейдем теперь к вещественным материалам по рассматриваемой теме. Практически все находки топоров с территории Скифии происходят из погребений и, следовательно, уже по этой причине могут считаться сакрализованными предме-

<sup>10</sup> Примечательно, что В. А. Кисель характеризует *σάγυρις*, под которым он понимает обоюдоострую секиру как «загадочное для скифского арсенала оружие», напоминающее «азиатские клеветцы с уплощенной обушной частью или чеканы с заостренным обушком» [Кисель 2007: 76, примеч. \*\*\*]. Он же сомневается в правомерности отождествления собственно скифской секиры с *σάγυρις* и предполагает, что сведения Геродота о сагарисах скифов «относятся не к скифскому, а азиатскому кочевническому миру» [Кисель 2008: 111–112]. Действительно, среди известных находок скифских боевых топоров кирковидные топоры («двухконечные», согласно терминологии В. А. Киселя) образуют очень немногочисленную группу [Лілінська 1961: 34–36], и потому кажется логичным допустить, что для скифов времени, когда жил Геродот (V в. до н. э.), этот вид ударно-рубящего оружия стал уже редкостью и был в основном символом престижа, а его упоминание нашим автором — это, возможно, не что иное, как «анахронизм, воспоминание о неких стародавних временах, когда *σάγυρις* являлся важнейшим оружием предков скифов» [Кисель 2008: 112].

<sup>11</sup> Впрочем, В. А. Кисель не так давно предложил «к чеканам отнести оружие со стержневидным бойком, а к клевам — с ножевидным, независимо от их изогнутости» [Кисель 2008: 112]. Конечно же, дефиниции, предложенные М. П. Грязновым и В. А. Киселем, — это только попытки терминологической унификации с позиции современных представлений о древнем вооружении.



**Рис. 1.** 1 — бронзовый клевец из погребения у Цукурского лимана [по: Мелюкова 1964: табл. 21, 2]; 2 — биметаллический чекан из Бердянского кургана (не в масштабе) [по: Болтрик и др. 1994: рис. 7; Мурзин, Фіалко, 1998: рис. 6]; 3–5 — железные чеканы из того же кургана [по: Мурзин, Фіалко 1998: рис. 5]; 6 — железный чекан из кургана № 1 у с. Волковцы [по: Ильинская 1968: табл. XXXVIII, 5]; 7 — золотая лента с его рукояти [по: Бобринский 1901: фиг. 24]

тами, умышленно помещенными в могилы с определенными целями ритуального характера. Важными дополнительными характеристиками к этой их общей сакральности в рамках погребального обряда, по моему мнению, также являются: 1) парадный облик самого оружия как знака власти и высокого социального положения; 2) его специфическое, изначально преднамеренное размещение в могильных сооружениях; 3) женский пол погребенных, сопровождаемых захоронением топоров.

Что касается первой характеристики, то здесь вне конкуренции знаменитая секира второй половины VII в. до н. э. из первого Келермесского кургана, раскопанного в самом начале XX в. в бассейне реки Кубани, к северу от города Майкопа [Галанина 1997: 98–102, 223–224, табл. 10–11 (кат. № 6); 2006: 52, ил. 11, 62–67; Алексеев А. 2012: 72–79; см. также: Переводчикова 1979; Черненко 1987; Кисель 1997] (цв. вклейка 21, 1). Ее боевая часть сделана из железа, обух и рукоять облицованы золотыми пластинами с чеканными изображениями реальных и фантастических животных, а также мужской фигуры (цв. вклейка 21, 2). Изготовленная, скорее всего, в Передней Азии и богато декорированная в лучших традициях скифского и ближневосточного искусства, эта секира, вне всякого сомнения, принадлежала скифу очень высокого социально-политического статуса — вождю крупного

племенного объединения<sup>12</sup> — и служила ему не только как церемониальный символ власти, но и как боевое оружие, на что указывают ее размеры (общая длина 72 см, длина боевой части 22,5 см, толщина рукояти 2 см).

Обращает на себя внимание и бронзовый клевец, найденный в скифском погребении, которое было устроено в первой половине VI в. до н. э. на берегу Цукурского лимана на Таманском полуострове [Прушевская 1917: 31–32, 53–56, рис. 11; Іллінська 1961: 35, рис. 5, 6; Мелюкова 1964: 68, табл. 21, 2; Вахтина 1993: 52–53, рис. 1, 1; Новичихин 2006: 57, рис. 76, 1] (рис. 1, 1). Его длина 30,2 см, округлый в сечении заостренный клинок имеет продольно-желобчатую поверхность, обух представляет собой треугольную лопасть, украшенную по краю рельефным ободком. Было высказано мнение, что данное оружие было парадным, а не боевым [Черненко, 1987, с. 20, примеч. \*], однако его значительные размеры не позволяют с этим согласиться. Скорее всего, этот клевец использовался как в собственно военных, так и в церемониальных целях. По своему внешнему виду и материалу изготовления он вообще уникален для скифского комплекса вооружения; его происхождение могло быть связано с Кобанской культурой Северного Кавказа, где бытовали боевые клевцы, сделанные из бронзы [см.: Nikonov 1914: 188, fig. 3, 4–7]. Обнаруженный *in situ* по правую сторону от костяка и обращенный к нему обухом, цукурский клевец при жизни и после смерти своего владельца символизировал его высокий социальный статус.

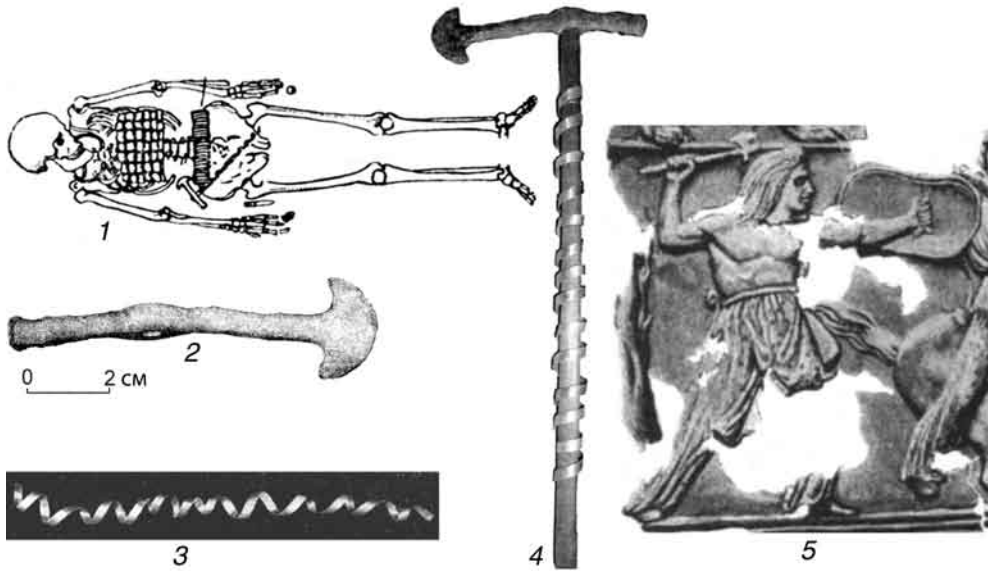
В число скифских парадных топоров следует также включить биметаллический чекан из центральной могилы Бердянского кургана в Запорожской области, в котором в первой четверти IV в. до н. э. был погребен правитель Северного Приазовья [Болтрик и др. 1994: 147, 154, рис. 7; Мурзін, Фіалко 1998: 107–108, рис. 6] (рис. 1, 2). Его железная боевая часть состоит из длинного<sup>13</sup> четырехгранного клинка и обушка, увенчанного бронзовой обоймой, конец которой оформлен в виде человеческой головки с безбородым лицом и зачесанными назад волосами. Следует согласиться с Е. В. Черненко в том, что бердянский биметаллический чекан (клевец, согласно его терминологии) совмещал функции церемониального и боевого оружия [Черненко 1987: 20, примеч. \*].

Парадный вид скифским боевым топорам придавали золотые ленты, украшавшие их рукояти. Один такой топорик с деревянной рукоятью, которая была обвита золотой лентой, прикрепленной к ней золотыми гвоздиками, происходит из богатого захоронения скифского воина-аристократа первой половины IV в. до н. э. в Талаевском кургане в Западном Крыму [ОАК за 1891 г.: 78, рис. № 56; Кашпар 1891: 96–97; Манцевич 1957: 155, рис. 1; 2, з; 4; Храпунов 2004: 76; Колтухов, Сенаторов 2015: 321, 324, 331, рис. 2, 2, 3; 3, 4] (рис. 2, 1–4)<sup>14</sup>. Длина железной боевой части топорика небольшая — всего 8,8 см, однако он наверняка был реальным предметом вооружения,

<sup>12</sup> Важным дополнительным указанием на его выдающееся положение в скифском обществе являются две золотые чаши, найденные в том же самом погребении [Галанина 1997: 146–149, 225–226, табл. 2; 32; 33 (кат. № 22–23); 2006: 21, ил. 22; Алексеев А. 2012: 88–91] и входившие, по представлениям древних, в число обязательных атрибутов царской власти у скифов (Hdt. IV, 5, 3; 10, 1; 3) [см. также: Кисель 2007: 74–77; Иванчик 2010: 144–145]. Геродот называет скифских правителей, рангу которых соответствовал вождь, захороненный в первом Келермесском кургане, царями (βασιλεις: Hdt. IV, 7, 1).

<sup>13</sup> Длина этого чекана остается для меня загадкой. В специальной статье, посвященной предметам вооружения из Бердянского кургана, ничего не говорится о длине его боевой части, тогда как, судя по масштабу, приложенному к его фотографии, она составляет 40 (!) см [Мурзін, Фіалко 1998: 107–108, рис. 6], что, пожалуй, многовато для топора типа чекана.

<sup>14</sup> По одним данным, он был найден с правой стороны погребенного, у его пояса [ОАК за 1891 г.: 78; Манцевич 1957: 155; Храпунов 2004: 76; Колтухов, Сенаторов 2015: 321], по другим — «на груди»



**Рис. 2.** 1 — погребение воина в Талаевском кургане (не в масштабе) [по: Манцевич 1957: рис. 1]; 2 — железный топорик из этого погребения [по: ОАК за 1891 г.: рис. № 56]; 3 — золотая лента с его рукояти (не в масштабе) [по: Манцевич 1957: рис. 4]; 4 — реконструкция талаевского топорика (не в масштабе) [по: Колтухов, Сенаторов 2015: рис. 3, 4]; 5 — фрагмент изображения на горите из кургана Солоха (не в масштабе) [по: Фармаковский 1922: табл. VI]

а не только символом знатности его владельца. Утверждать это, в частности, позволяет тот факт, что похожей небольшой по размерам секирой сражается молодой скиф, изображенный на горите начала IV в. до н. э. из кургана Солоха неподалеку от Каменки-Днепровской Запорожской области [Фармаковский 1922: 32, 35, табл. VI; Іллінська 1961: 41, рис. 9, 9; Мелюкова 1964: табл. 10, 3; Манцевич 1987: 74 (кат. № 53)] (рис. 2, 5).

Железный чекан длиной около 30 см был обнаружен вместе с золотой лентой, декорировавшей его рукоять, справа от покойника, захороненного в очень богатом скифском кургане второй половины IV в. до н. э. у села Волковцы на левом берегу реки Сулы (курган № 1, раскопки 1897–1898 гг.) [Ханенко Б., Ханенко В. 1899: 6, 17 (кат. № 64), 32 (кат. № 425), табл. II, 64; XXV, 425; Бобринский 1901: 85, фиг. 24<sup>15</sup>; Ильинская 1968: 48, 92, 93, табл. XXXVII, 24; XXXVIII, 5] (рис. 1, 6, 7). Еще одна золотая лента была найдена ниже локтя правой руки погребенного в северной гробнице кургана второй половины IV в. до н. э., раскопанного в 1905 г. у села Аксютинцы в Посулье [Отчет ИРИМ 1907: 16, табл. I, 17; Ильинская 1968: 37, 93, табл. XXII, 10]. Впрочем, в данном неразграбленном погребении топор отсутствовал (не сохранился?), поэтому можно предположить, что эта лента служила украшением рукояти нагайки, что надежно засвидетельствовано для других скифских захоронений [Ильинская 1968: 93].

[Кашпар 1891: 97]. Сохранившиеся чертежи этого захоронения [Манцевич 1957: рис. 1; Колтухов, Сенаторов 2015: рис. 2, 2, 3] (рис. 2, 1) свидетельствуют в пользу первой локализации топорика.

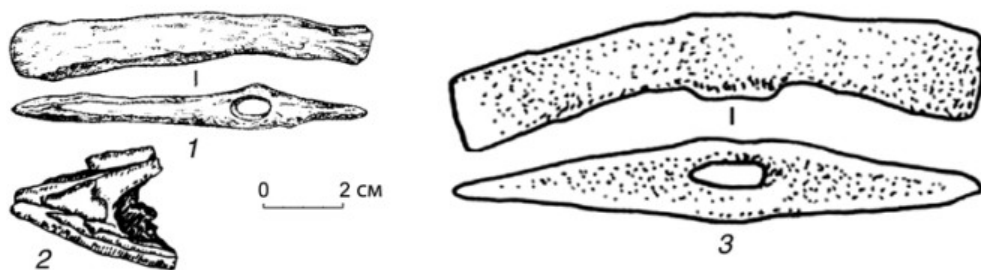
<sup>15</sup> В публикациях Б. Н. и В. И. Ханенко и А. А. Бобринского чекан и золотая обертка его рукояти из кургана № 1 ошибочно именуется четырехгранным кинжалом и ленточным ручным браслетом соответственно.

Другой аспект сакрализации топоров в скифской среде хорошо просматривается в их специфическом размещении в могилах. Правда, многие скифские погребения были ограблены еще в древности, поэтому проследить изначальное расположение в них предметов сопроводительного инвентаря удастся далеко не всегда. Мне известны лишь несколько таких случаев, связанных с захоронением топоров. Так, в центральной могиле уже упоминавшегося выше (с. 400) Бердянского кургана были найдены пять чеканов — один биметаллический и четыре железных (рис. 1, 2–5), висевших на одном крюке, вбитом в ее восточную стену. Остальное воинское снаряжение (колчаны со стрелами, мечи, копья, дротики и др.) также были развешены на стенах при помощи крючьев [Болтрик и др. 1994: 147; Мурзин, Фіалко 1998: 107]. В рядовом захоронении № 43 скифского могильника IV–III вв. до н. э. у с. Николаевка на левобережье Днестровского лимана был обнаружен железный двухлезвийный топорик (рис. 3, 1), воткнутый в дно могилы ниже локтя правой руки погребенного мужчины [Мелюкова 1975: 91, 135, 177, рис. 56, 1; Бессонова 1984: 8, 21]. По всей вероятности, обрядовые действия, совершенные в обоих этих случаях, помимо собственно намерения обеспечить ушедших из жизни оружием, которое может им понадобиться в потустороннем мире, преследовали еще и определенные цели магического характера. Бердянские чеканы и топор из Николаевки могли выступать в качестве защиты-оберега от злых духов и грабителей-осквернителей<sup>16</sup> или орудий мести убийцам — эти функции оружия хорошо прослеживаются в археологических и этнографических материалах [см.: Бессонова 1984: 8–10]. В скифской погребальной практике имело место захоронение и других предметов вооружения (копий, мечей, стрел, ножей и кинжалов) в том же самом «рабочем» (т. е. воткнутом) положении [Бессонова 1984: 7–11, 20–21; Ольховский 1991: 69, 88, 100, 109, 110, 161; Шауб 2007: 132]. Этот ритуал зафиксирован также у Геродота, который сообщает, что умершего скифского царя во время похорон опускали на носилках в могилу, а по обе стороны от него втыкали в землю копья (Hdt. IV, 71, 4) [см. также: Шауб 2007: 131–132; Иванчик 2010: 134, 135, 148]. По мнению С. С. Бессоновой, «находки оружия в “рабочем положении” являлись не нормой, а исключением. Несомненно магическое значение этой детали погребального обряда. По представлениям древних, железные орудия и оружие обладали большой магической силой, особенно колющие орудия, как соединявшие в себе два магических свойства (металл и остроту). При втыкании оружия его магическая сила значительно усиливалась, так как по принципу симпатической магии при этом якобы достигалось пронзание злого духа или врага» [Бессонова 1984: 8–9]<sup>17</sup>.

Еще одну специфическую деталь скифской погребальной обрядности демонстрирует небогатое захоронение в кургане № 25 Кичкасского могильника в районе Днепровских порогов. Похороненный там мужчина держал в вытянутой правой руке остатки деревянной рукояти с насаженным на нее бронзовым навершием в виде топорика-клевецца, стилизованного под головку хищной птицы (рис. 4, 5); датируется данное погребение концом V в. до н. э. [Яценко И. 1959: 63; Ілліньська

<sup>16</sup> Следует отметить в этой связи, что в средневековой Восточной Европе топоры выполняли роль не только престижного символа (принадлежности к элите общества и воинскому сословию), но и магического оберега. Основу такого к ним отношения составляло стойкое суеверное убеждение в том, что этот вид оружия был наделен особыми божественными силами и волшебными свойствами [см.: Даркевич 1961; Макаров 1992; Кулаков 1993].

<sup>17</sup> О ритуальной функции воткнутого в землю оружия по данным осетинского нартского и тюрко-монгольских героических эпосов, а также древней иконографии см.: Ермоленко 2004.



**Рис. 3.** 1 — железный топор из погребения № 43 могильника у с. Николаевка [по: Мелюкова 1975: рис. 56, 1]; 2 — фрагмент железного топора из кургана № 7 могильника Новозаведенное-II [по: Петренко и др. 2004: рис. 10, 5]; 3 — железный топор из погребения № 14/2 могильника у с. Глиное [по: Синика, Тельнов 2015: рис. 2, 13]

1961: 44, рис. 11, 7; Ильинская 1965: 208–209, рис. 3, 6; Граков 1971: 94]. Это был не боевой клевец, а скипетр (о скифских церемониальных топориках-скипетрах см. ниже, с. 406–409), другими словами, символ социального престижа, что позволяет видеть в его владельце скорее не простого воина (на что, казалось бы, указывает весьма нехитрый и малочисленный сопроводительный инвентарь<sup>18</sup>), а старейшину (старосту) либо жреца местной общины.

Следующий аспект ритуального почитания топоров у скифов в рамках погребального обряда носил гендерный характер. Речь идет о находках боевых секир в женских погребениях. Дело в том, что на территории Скифии выявлено довольно значительное число женских захоронений, которые сопровождалась предметами вооружения, в подавляющем большинстве предназначенными для использования на дистанции (стрелами, дротиками и пращевыми камнями<sup>19</sup>), однако оружие ближнего боя (мечи, топоры и доспехи) встречаются в женских могилах крайне редко [Ильинская, Тереножкин 1983: 176–182; Бунятян 1985: 67, 70, 77, 86–88, 92–94; Ольховский 1991: 20, примеч. \*: 59–60, 61, 74, 91, 110, 118–119, 141, 144; Фиалко 1991; 2010; 2011; 2012; Фиалко 2011; 2012; Синика, Алемша 2000; Махортых 2011; Белокудря 2014]. Я знаю лишь о трех топорах из скифских женских захоронений (они все железные). Один из них, сохранившийся во фрагментарном состоянии, происходит из погребения знатной скифянки второй половины VII — начала VI в. до н. э. в кургане № 7 могильника Новозаведенное-II в Ставропольском крае [Петренко и др. 2004: 184, рис. 10, 5] (рис. 3, 2). Два других топора были обнаружены в могильнике III–II вв. до н. э. у села Глиное на левобережье Нижнего Днестра: однолезвийный с массивным обухом в захоронении № 1 кургана № 31, принадлежавшем воительнице-аристократке с богатым набором сопроводительного воинского снаряжения [Синика, Алемша 2000: 45; Синика, Тельнов 2015: 184], и двухлезвийный в захоронении № 2 кургана № 14 [Синика, Тельнов 2015: 184, рис. 2, 13; Синика, Алемша 2000: 45; Тельнов и др. 2012: 10] (рис. 3, 3). Эти находки опровергают мнение о том, что секиры маркируют только мужские скифские погребения [Бунятян 1985: 67, 69]. Топоры, положенные в первые два захоронения, отличающиеся знатным

<sup>18</sup> Помимо ритуального клевца, в его состав входили «железная втулка копья, 7 бронзовых наколочников стрел, 2 бронзовые ворворки, бронзовая же бляшка со стилизованным изображением головы хищной птицы и кусочек красной краски» [Яценко И. 1959: 63].

<sup>19</sup> Следует иметь в виду, что интерпретация найденных в скифских погребениях камней как именно пращевых не всегда корректна [см.: Дедюлькин 2015].

убранством, несомненно, должны рассматриваться как знаки высокого социального положения их владельцев. Топор из погребения 14/2 у с. Глиное также играл роль престижного вотива, причем он был единственным предметом вооружения, сопровождавшим покойную (другими словами, последняя вовсе не обязательно при жизни выполняла какие-либо военные функции, а могла быть, к примеру, жрицей). Обращает на себя внимание форма боевой части этого оружия, состоящей из двух почти симметричных клинков (рис. 3, 3), что не было типичным для собственно скифских топоров. В то же самое время этот топор похож на знаменитые в древнегреческом мире еще с эпохи бронзы двойные секиры («лабрисы»), имевшие ярко выраженный сакральный смысл [о них см.: Cook 1925: 513–704; Nilsson 1950: 194–229; Лосев 1996: 132–140; Buchholz 1959; Mavriyannaki 1983; Haysom 2010]. Правда, производители раскопок увидели в приднестровском двухлезвийном топоре отражение фракийского влияния [Тельнов и др. 2012: 10], однако его происхождение, вероятнее всего, было связано с эллинской материальной культурой, тем более что влияние греков довольно отчетливо просматривается как в некоторых особенностях погребальной обрядности, так и в определенных предметах сопроводительного инвентаря, выявленных при исследовании могильника у села Глиное [см.: Синика 2012].

В качестве дополнительного (хотя и косвенного) подтверждения ритуального характера помещения боевых секир в скифские женские захоронения можно рассматривать тот факт, что топоры неоднократно фигурируют в составе погребального инвентаря женских могил, оставленных родственными скифам сарматами, в среде которых также существовал культ оружия [см.: Прокопенко 2011]. Примеров этого по меньшей мере восемь: по одному железному топору было найдено в шести сарматских захоронениях женщин — кургане 10 Кобяковского могильника на Нижнем Дону [Прохорова, Гугуев 1992: 152, рис. 2, 26; 3, 4; Прохорова 1994: 181, 182; Богаченко, Максименко 2008: 51–52, табл. I/№ 17], основном погребении кургана № 2 могильника Новоорский II [Мошкова и др. 2011: 162–163] и кургане № 2 Лебедевского могильника [Багриков, Сенигова 1968: 79–80, 82, рис. 10, 6; Мошкова 2009: 107, рис. 5, 4] в Южном Приуралье, погребении № 1 кургана № 69 Усть-Каменского могильника в Нижнем Поднепровье [Костенко 1993: 76, 78, рис. 25, 9; Симоненко 2011: 192], погребении № 1 кургана № 2 у села Чугуно-Крепинка в Донецкой области [Шепко 1997; Колесник и др. 1998: 49; Симоненко 2011: 168] и погребении № 1 кургана № 18 могильника Высочино-V в междуречье Дона и Кагальника [Беспалый 2000: 159, рис. 1, 12; 3, 3; Беспалый, Лукьяшко 2008: 84, табл. LXXXII, 3; LXXXIII, 12]<sup>20</sup>; еще два топора, оба каменные и изготовленные задолго до сарматского вре-

<sup>20</sup> В погребении знатной сарматки (№ 1) кургана № 26 могильника в окрестностях хутора Алитуб в Ростовской области был найден железный топор-тесло, неточно названный авторами публикации топором-мотыгой [Засецкая и др. 1999: 57, рис. 3, 7]. Также некорректно и его наименование «железной секирой» [Яценко С. 2007: 60]. Это именно топор-тесло, предназначенный для использования главным образом в плотницком деле. Надо полагать, что в сарматской среде такой инструмент вряд ли был боевым, но вполне мог сочетать рабочую и церемониальную функции. Интересно, что в ходе раскопок могильников в Западном Луристане, датируемых временем от около 800/750 до около 650/600 гг. до н. э., были найдены уникальные бронзовые втульчатые топоры, обушковая часть которых представляет собой тесло, а верхняя часть втулок некоторых из них была украшена рельефными изображениями бородатых человеческих лиц. Было высказано предположение, что они были только парадными предметами вооружения [Vanden Berghe 1987: 233–234, fig. 20; Ванден-Берге 1992: 24, 25, 28, 35; см. также: Никоноров 2014: 99–100, рис. 1, 1, 2]. Впрочем, боевое применение топоров-тесел полностью исключать нельзя: например, известно, что ими сражались новозеландские маори [Stone 1961: 3, fig. 4].

мени<sup>21</sup>, были обнаружены в сарматских женских погребениях, впущенных в курган у аула Хатажукаевский в Прикубанье [Гушина, Засецкая 1989: 82, 104 (кат. № 65), 125, табл. VII, 65] и в курган № 1 (захоронение № 8) у села Писаревка Винницкой области [Симоненко 2011: 241–242]<sup>22</sup>. Женщины, захороненные в этих могилах, явно принадлежали к сарматской племенной верхушке, выполняя жреческие или даже управленческие функции. Привилегированное положение женщин в сарматской среде неоднократно подчеркивается в античных письменных источниках, где савроматы (т. е. сарматы<sup>23</sup>) упоминаются не иначе как «управляемые женщинами» (Γυναικοκρατούμενοι: Ps.-Skyl. 70; 71; Ps.-Arr. *Per.* 45) и во всем повинующиеся женщинам «как господам» (ὡς δεσποίνας; Nic. Dam. *Fr.* 16)<sup>24</sup>. В известной степени эту особенность сарматского общества демонстрируют перечисленные выше находки топоров в женских погребениях, поскольку этот предмет вооружения, не имевший сколько-нибудь заметного применения в военном деле сарматов, служил им, по всей видимости, в качестве церемониально-культурного символа.

В данной связи следует также отметить, что обычай захоронения знатных женщин с боевыми топорами засвидетельствован и в противоположной, восточной, части мира евразийских кочевников — в частности, у племен пазырыкской культуры Алтая. Так, в кургане № 1 могильника Ак-Алаха-1 на плато Укок, датированном в пределах V — начала IV в. до н. э.<sup>25</sup>, в деревянном срубе была похоронена молодая девушка в возрасте 16 лет, с которой были положены железный чекан и другое оружие (железный кинжал, стрелы с костяными наконечниками, колчан-горит и сложно-составной лук); одеждой ей служили шуба, штаны и войлочный колпак [Полосьмак 1994: 28, рис. 19, 1; 25; 2001: 58, 275, рис. 35, табл. III, а]. Рядом с ней, в другом срубе, был погребен мужчина 45–50 лет в такой же одежде и с таким же набором вооружения. Устройство могильного сооружения, сопроводительный инвентарь и сопутствующее захоронение в отдельном срубе девяти коней, несомненно, свидетельствуют о высоком социальном статусе погребенных, принадлежавших к пазырыкской воинской элите [Полосьмак 1994: 56, 60, 64; 2001: 276].

Другой пример происходит из некрополя Тиллятепе близ г. Шибергана в Северном Афганистане, где в третьей четверти I в. н. э. нашли свое упокоение несколько представителей высшей кушанской знати: среди предметов сопроводительного инвентаря, помещенного в женское погребение № 2, был обнаружен железный проушный топорик [Sarianidi 1985: 23; Сарианиди 1989: 56, 66; Davis-Kimball 1998: 23;

<sup>21</sup> О каменных орудиях, изготовленных в эпоху бронзы (или даже раньше), но вторично использованных затем сарматами в их погребальной практике, см.: Яценко С. 2008.

<sup>22</sup> Еще один, фрагментарный (с отбитой лезвийной частью), каменный топор был положен в женское погребение № 1 алитубского кургана № 26; предполагается, что он был изготовлен в бронзовом веке, а затем вторично использовался сарматами в качестве растирального камня [Засецкая и др. 1999: 59, рис. 3, 8; см. также: Яценко С. 2008: 119, рис. 1, 5].

<sup>23</sup> Этноним «савроматы» появился в греческой письменной традиции в конце VI в. до н. э., т. е. на несколько столетий раньше этнонима «сарматы», но, начиная с последних веков до нашей эры, оба этих племенных названия употреблялись греческими и латинскими авторами практически уже как синонимы, что основывалось «не только на очевидном созвучии этнонимов, но и на приблизительном совпадении мест обитания савроматов VI–IV вв. до н. э. и сарматов III–II вв. до н. э. (и те, и другие — за Танаисом), а также общем образе жизни» [Тохтасьев 2005б: 295–296].

<sup>24</sup> О высоком положении женщин в сарматском обществе по данным археологии и письменных источников см.: Граков 1947; Хазанов 1970; 1975: 85–86; Davis-Kimball 1998: 5–21; Шевченко 2006.

<sup>25</sup> Полную информацию об этом кургане см.: Полосьмак 1994: 16–56, 60; 2001: 45–59; о дате его сооружения: Полосьмак 1994: 66.

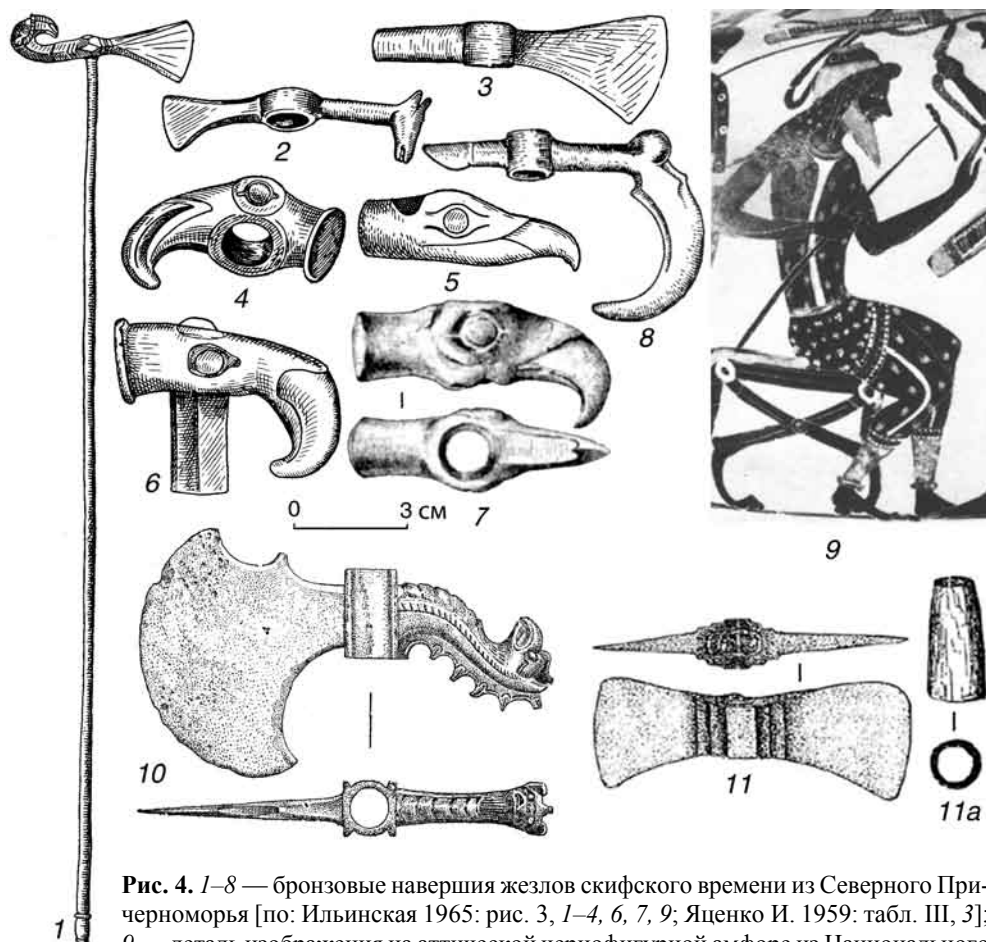


Rubinson 2008: 61; Никоноров 2014: 116, рис. 5, 9]. Его намеренное размещение вместе с двумя железными серповидными ножами южносибирского стиля в плетеной корзинке, стоявшей в ногах покойной, определенно указывает на особое, явно ритуальное предназначение этого предмета вооружения. Предположение о том, что тиллятепинское погребение № 2 могло принадлежать женщине-воительнице, выполнявшей жреческие функции [Davis-Kimball 1998: 24; ср.: Rubinson 2008: 61], не выглядит таким уж неправдоподобным, особенно в свете кочевого происхождения кушан, которые входили в племенную конфедерацию юечжей-тохаров, прибывшую около 130 г. до н. э. в долину Окса-Амударьи из восточной части Центральной Азии, и впоследствии возвысились над другими юечжийскими племенами и создали на территории Бактрии и Северо-Западной Индии великую Кушанскую империю [см.: Benjamin 2007; Никоноров 2014: 113–114].

Среди находок скифской эпохи из Северного Причерноморья имеется уникальная группа небольших бронзовых наконечников VI–IV вв. до н. э., среди которых выделяются миниатюрные секирки-«клевцы» в форме головок хищных птиц и собственно топорики, один из которых воспроизведен в металле полностью вместе с рукоятью [Ллінська 1961: 43–47, рис. 11, 1, 3, 5–8; Ильинская 1965: 208–211, рис. 3, 1–7, 9; 1968: 155–156, рис. 42, 7, 10, табл. XI, 13; Мелюкова 1964: 68, табл. 21, 24, 26–29; Яценко И. 1959: 43, 63, табл. III, 3; Граков 1971: 94] (рис. 4, 1–8). Вне всякого сомнения, это были скипетры (жезлы), служившие в качестве престижных атрибутов их владельцам, представлявшим не только высшую аристократию скифского общества (царей и вождей племен и племенных объединений), но и среднюю и мелкую знать (старейшин и предводителей родов) [Хазанов 1975: 182, 183]. Изображение такого жезлоносца мы видим в сцене на аттической чернофигурной амфоре, датируемой около 500 г. до н. э., которая хранится в Национальном археологическом музее Флоренции: один из персонажей, пожилой человек в типичном скифском одеянии, держит в правой руке длинный скипетр, наконечник которого оформлено в виде клювовидного топорика [Vos 1963: 13–14, 101, pl. IV, *b* (cat. 107); Алексеев А. 1981; 2003: 166, примеч. 130, рис. 21, 9; Савостина 1983: 52, рис. 7; Lissarrague 1990: 112, fig. 63 (cat. A 69); Иванчик 2002: 52–54, рис. 11; Ivantchik 2006: 227–230, fig. 11] (рис. 4, 9). Независимо от того, в какой роли выступает этот скипетроносец в контексте данной сцены, перед нами, безусловно, написанный греческим художником образ очень влиятельного знатного скифа вместе с весьма характерным атрибутом его высокого социального положения.

В скифском искусстве IV в. до н. э. есть очень интересное изображение знатного воина или мифического героя, происходящее из одного из курганов, раскопанных у села Аксютинцы в Среднем Поднепровье (цв. вклейка 24, 2; см. также ниже, с. 414). Этот персонаж держит в правой руке топорик-клевец, который некоторые исследователи интерпретируют не как боевое оружие, а как топорик-скипетр наподобие рассмотренных выше [Мелюкова 1964: 68; Ильинская 1968: 37, 156; Граков 1971: 94, 140; ср.: Firsov, Žuravlev 2007: 288 (Beschriftung zu Abb. 16)].

Скипетр как символ власти был известен в Европе еще задолго до прихода скифов [см.: Дергачев 2007: 69–212]. Клювовидные наконечники из рассматриваемой здесь скифской группы скипетров, возможно, восходят к т. н. птицеголовым наконечникам, которые появились на юго-востоке Европы в период поздней бронзы и существовали (по крайней мере, в Средней Европе и на Северном Кавказе) до раннескифской эпохи [Ильинская, 1965, 206–208; Эрлих 1990; 2005]. Впрочем, даже если это и так, то существование самого института жезлоносцев у скифов уже



**Рис. 4.** 1–8 — бронзовые навершия жезлов скифского времени из Северного Причерноморья [по: Ильинская 1965: рис. 3, 1–4, 6, 7, 9; Яценко И. 1959: табл. III, 3]; 9 — деталь изображения на аттической чернофигурной амфоре из Национального археологического музея Флоренции (не в масштабе) [по: Ivantchik 2006: fig. 11]; 10 — бронзовый топорик из кургана № 18 у с. Львово [по: Кубышев и др. 1982: рис. 11]; 11–11а — бронзовый топорик и его вток из кургана № 2 у с. Рылеевка [по: Колтухов 2012: рис. 60, 2]

к моменту их появления в Северном Причерноморье вряд ли должно вызывать серьезные сомнения, поскольку он твердо зафиксирован античными письменными источниками для других родственных скифам ираноязычных народов — сарматов (см. следующий абзац) и персов ахеменидской эпохи (см. ниже, примеч. 27).

В связи со скифскими жезлоносцами на ум неизбежно приходят πολλοί σκίπτουχοι («многие скипетроносцы») у сайев — кочевого народа (вероятнее всего, сарматского происхождения<sup>26</sup>), возглавляемого царем Сайтафарном. Они фигурируют в декрете в честь Протогена из Ольвии (IOSPE. I<sup>2</sup>, no. 32/A, l. 42), составленном,

<sup>26</sup> Этническая принадлежность сайев все еще является предметом дискуссии. С точки зрения темы настоящей статьи было бы соблазнительным видеть в них скифов, на чем в последнее время в целом ряде своих работ настаивает С. В. Кулланда [Кулланда 2005: 220; 2011а: 17; 2011б: 53–54; Раевский и др. 2013: 27–28, примеч. 14; 31–32; Kullanda 2014: 81] (правда, во всех этих публикациях он, по сути, как под копируку приводит одни и те же доводы чисто лингвистического характера), однако более убедительным выглядит мнение, что сайи были сарматами [Смирнов 1984: 67–69;

предположительно, в первое десятилетие II в. до н. э. [Каришковский 1968]. Другая аналогия из античных письменных источников (но также связанная не с самими скифами, а с сарматами) — это сообщение римского историка Тацита о сарматских жезлоносцах (*sceptuchi*) при описании событий 35 г. н. э. в Закавказье (Тас. *Ann.* VI, 33, 2). Судя по контексту данного пассажа, в компетенцию этих скептухов входило право отправки воинских контингентов из числа своих соплеменников на помощь иноземным правителям. Можно предположить, что институты скипетроносцев у скифов и сарматов не должны были сильно отличаться друг от друга, и в обоих случаях лица, входившие в эту категорию племенной аристократии, наделялись серьезными властными полномочиями либо играли важную роль на царской службе<sup>27</sup>.

Помимо рассмотренной выше группы топорики-скипетров, известны еще два бронзовых топорика, происходящие из скифских погребальных комплексов Северного Причерноморья и наверняка использовавшиеся в качестве парадно-ритуальных жезлов. Один из них — это уникальная секира длиной 12,4 см с обухом, изящно оформленным в виде протомы грифона, которая была найдена недалеко от знатного мужского погребения № 2<sup>28</sup> в кургане № 18 у села Львово в Херсонской области, датированном первой половиной IV в. до н. э. [Кубышев и др. 1982: 140–141, 147, рис. 10–11; Толочко, Мурзин 1991: 303, 361 (кат. № 87)] (цв. вклейка 21, 3; рис. 4, 10). Будучи

Виноградов Ю. Г. 1989: 181, примеч. 14; Шукин 1994: 97; Виноградов Ю. А. и др. 1997: 17; Виноградов Ю. А. 1999: 76; Тохтасьев 2005б: 295; Иванчик 2009: 83–84.

<sup>27</sup> В качестве косвенных примеров их возможных должностных функций приведу сообщения древних писателей, касающиеся Закавказья и Ирана. Так, в своем рассказе о кавказских народах, населяющих морское побережье, Страбон называет их правителей *σκηπτοῦχοι*, которые, в свою очередь, подвластны тиранам или царям (Strabo XI, 1, 13). Кроме того, по его словам, Колхида до своего вхождения в сферу влияния понтийского царя Митридата VI Евпатора была разделена на территориально-административные округа, именуемые *σκηπτοῦχίαι* (Ibid. XI, 1, 18), во главе которых, по всей очевидности, стояли *σκηπτοῦχοι*. Ксенофонт — единственный из античных авторов (и, что особенно важно, как очевидец описываемых им событий) дающий наиболее полную характеристику персидских *σκηπτοῦχοι* на примере Арпата, служившего верой и правдой Киру Младшему (конец V в. до н. э.), — сообщает, что тот из всех других скипетроносцев пользовался наибольшим доверием своего господина и выполнял его самые ответственные поручения, а в качестве знаков отличия имел золотой меч-акинак, нашейную гривну, браслеты и «все прочее, что подобает знатым персам» (Xen. *Anab.* I, 6, 11; 8, 28–29). Плутарх, похоже, дополняет информацию о скипетроносцах Кира Младшего указанием на то, что они были евнухами (Plut. *Artax.* 12, 1). Известно также, что Александр Македонский после грандиозных завоеваний в Азии назначил персидских жезлоносцев (*βαββοφόροι*) в свою личную охрану (Plut. *Alex.* 71, 4).

Возвращаясь же к скифским и сарматским скипетроносцам, следует отметить, что среди исследователей нет единодушия в оценке их статуса и обязанностей. Согласно заключению В. В. Латышева, *σκηπτοῦχοι* протогеновского декрета были мелкими князьками, подвластными царю Сайтафарну [Латышев 1887: 94]. Б. Н. Граков считал их ближайшей доверенной стражей этого правителя, набиравшейся «из молодежи знатных семей» [Граков 1954: 27]. В. А. Ильинская полагала, что в них «следует видеть ... лишь предводителей сравнительно небольших родовых воинских подразделений» [Ильинская 1961: 47]. По мнению А. М. Хазанова, ввиду археологически зафиксированной неоднородности скифской знати, «в декрете в честь Протогена под “скептухами” могла подразумеваться какая-то конкретная часть аристократии» [Хазанов 1975: 182], тогда как с другой стороны, если обратиться к рассказу Геродота о визите скифского царя Скила в Ольвию (с роковыми для того последствиями), этому термину вполне могли соответствовать сопровождавшие Скила «предводители скифов» (*τῶν Σκυθῶν οἱ προεστῆτες*: Hdt. IV, 79, 5), занятые «в центральном аппарате управления (отчасти, возможно, совмещенном с дружиной), сколь примитивным бы он ни был» [Хазанов 1975: 186–187]. М. И. Артамонов рассматривал скифских жезлоносцев как военных правителей областей, которые «назначались верховным царем из... зарекомендовавших себя верностью представителей родо-племенной аристократии» [Артамонов 1974: 141–142].

<sup>28</sup> Условия ее обнаружения так описаны авторами публикации: «В 2,5 м от погребения, под материковым выкидом из него...» [Кубышев и др. 1982: 140].

изготовленным из бронзы, этот предмет вооружения вряд ли был предназначен для применения в бою, однако его форма явно копирует боевой скифский топор, запечатленный на монетах-«борисфенах» из Ольвии (рис. 5, 11–12; об этом см. ниже, с. 414–415).

Другой бронзовый топорик-скипетр был обнаружен в захоронении № 2 кургана № 2 близ села Рылеевка в северной части Тарханкутской возвышенности (Северо-Западный Крым) [Колтухов, Андрух 1995: 148, рис. 3, 2–3; Колтухов 2012: 72–73, 125, рис. 60, 2] (рис. 4, 11–11а). Он представляет собой двухлезвийную секиру-«лаб-рис», характерную не для скифской, а для эллинской культуры (см. выше, с. 404), и лежал справа от черепа своего владельца, под железным наконечником копья. Боевая часть секиры невелика<sup>29</sup>, тогда как высота всего оружия вместе с рукоятью (от которой сохранился только бронзовый конусовидный вток) была не больше 27 см. Дата этого погребения у Рылеевки — вторая или третья четверть V в. до н. э.

Обратимся теперь к иконографическим свидетельствам культового почитания топоров у скифов. По-видимому, древнейшее из них представлено на большой бронзовой чаше, сохранившейся лишь во фрагментарном состоянии, из Хасанлу — древнего городища, расположенного к югу от озера Урмия (Северо-Западный Иран). В ее декоре четырежды повторялась одна и та же сцена: присевший на правое колено длиннобородый мужчина с зачесанными на пробор волосами держит в правой руке опущенный вниз предмет, очень похожий на двусторонний топор, а в левой — хвост животного (теленка?) [Dyson 1967: 2962, fig. 1034; Winter 1980: 7, 25–26, fig. 64–67; Schauensee 1988: 51, fig. 40–41b; Курочкин 1982: 46–47, рис. 2; 1993: 75–76, рис. 2, 3] (рис. 5, 1). Чаша была найдена в руинах поселения периода Хасанлу IV, датируемого в пределах X–IX вв. до н. э. [Dyson 1965: 198–203; Dyson, Muscarella 1989; Muscarella 2006: 75–82; Иванчик 2001б: 263–280] или IX–VIII вв. до н. э. [Medvedskaya 1988; 1991; Медведская 2005], но изображения на ней, как я постараюсь показать чуть ниже, скорее указывают на ее изготовление позднее, в период Хасанлу III В, включавший в себя VII в. до н. э. [Dyson 1965: 204–212; Dyson, Muscarella 1989: 20–21; Muscarella 2006: 83–87; Иванчик 2001б: 279].

Первые издатели чаши отнесли ее декор к кругу памятников из Северной Сирии, Элама и Ассирии [Dyson 1967: 2962; Winter 1980: 25–26; Schauensee 1988: 51]. По мнению же Г. Н. Курочкина, присутствующий там мужской персонаж по своему антропологическому облику, прическе и одежде, включающей плотно облегающие штаны, резко отличается от коренных жителей Хасанлу, чей внешний вид хорошо известен по многочисленным изображениям на произведениях искусства, которые были найдены на этом городище, и потому в свете близких аналогий на памятниках скифского искусства может считаться скифом, оказавшимся в районе Хасанлу во время скифского вторжения на Ближний Восток [Курочкин 1982: 46–47; 1993: 76].

Предложенная Г. Н. Курочкиным скифская атрибуция человеческих фигур на рассматриваемой чаше представляется мне в достаточной степени обоснованной. В самом деле, на всех других изображениях людей из Хасанлу показаны совершенно иные черты внешнего облика (короткие бороды и длинные, до плеч, перехваченные лентой волосы) и одежда месопотамского стиля (подпоясанные с короткими рукавами туники до колен и — реже — длинные, до щиколоток, одеяния) [Dyson 1964b: 5, 8–9, fig. 1–10, 12; Porada, Dyson 1967: fig. 1043, 1044, pl. 1487–1489, A]. Следует особо подчеркнуть, что в отличие от местных жителей длиннобородый

<sup>29</sup> Судя по масштабам, приложенным к рисункам в двух публикациях, ее длина равняется не то 11,5 см [Колтухов, Андрух 1995: рис. 3, 2–3], не то 8,25 см [Колтухов 2012: рис. 60, 2].



**Рис. 5.** Скифы и их оружие на памятниках древнего искусства (масштаб произвольный): 1 — бронзовая чаша из Хасанлу [по: Winter 1980: fig. 64, b]; 2–5 — скифские «бабы» из Сибиоары, Виноградовки, Нововасильевки и Славянки [по: Ольховский, Евдокимов 1994: ил. 1; 6, 8; 10; 39]; 6–8 — детали изображений на серебряном с позолотой сосуде из кургана № 3 воронежских «Частых курганов» [по: Раевский 2006: рис. 1; 2]; 9 — деталь изображения на золотой пластине из Сахновки [по: Русяева 1997: рис. 2]; 10 — золотой медальон из Херсонеса [по: Граков 1950: рис. 3]; 11–12 — монеты-«борисфены» из Ольвии [по: Алексеев В. 1996: рис. 1, 1, 2]; 13 — монета из Керкинитиды [URL: [http://www.museum-of-money.org/rus/rechatnoe-izdanie-imeyu-pravo/index.php?option=com\\_content&view=article&id=1196:money-kerkinitidy&catid=194:dengi-krym](http://www.museum-of-money.org/rus/rechatnoe-izdanie-imeyu-pravo/index.php?option=com_content&view=article&id=1196:money-kerkinitidy&catid=194:dengi-krym)] (дата обращения: 19.10.2015)]; 14–16 — электровые статуэтки из кургана Патиниоти [по: Дюбрюкс 2010: рис. 189, a–b; 194; 316]

персонаж с топором одет в штаны<sup>30</sup> — неременный предмет гардероба древних всаднических народов иранского происхождения, включая скифов [см.: Widengren 1956; Goldman 1993]. Поэтому, учитывая хронологию пребывания скифов на северо-западе Ирана — начиная с 670-х гг. до н. э., что надежно задокументировано письменными источниками [см.: Иванчик 1996: 90–97; 2001б: 279], — следует связать чашу из Хасанлу не с периодом IV, куда она могла попасть в результате более поздней, по сравнению со временем ее изготовления, строительной деятельности на городище<sup>31</sup>, а с периодом III В, т. е. VII в. до н. э.

Добавлю также, что в Хасанлу было обнаружено еще одно изображение человека, имеющее значительное сходство с тем, что мы видим на чаше. Оно «вписано» в бронзовую ручку сосуда (миски или тазика) в виде длиннородого и, вероятно, одетого в штаны персонажа, присевшего на левое колено и держащего в вытянутых руках по козленку (или теленку) [Winter 1980: 25, fig. 63; Schauensee 1988: 50–51, fig. 24]. По всей видимости, на обоих произведениях торевтики показаны сцены, связанные с жертвоприношением животных, причем мужчина на чаше к тому же совершает какие-то магические движения топором. Надо полагать, что эти изделия представляли собой продукцию местных мастеров, но изготовлены были под влиянием одного из иконографических канонов сирийско-хеттского монументального искусства, известного, в частности, по некоторым рельефам из Кархемыша [см.: Gilibert 2011: 175 (Carchemish 51), 180 (Carchemish 64), 187 (Carchemish 85); Schauensee 1988: 51, fig. 25; Курочкин 1993: 76], тогда как изображены на них явно чужеземцы — пришлые кочевники-скифы.

Дополнительными аргументами в пользу предложенной Г. Н. Курочкиным этнической идентификации персонажа на чаше из Хасанлу являются выявленные на этом же городище следы собственно скифской культуры. К таковым прежде всего следует отнести находку характерного для раннескифского конского снаряжения костяного псаляя, украшенного стилизованной головкой мифического существа «барано-грифона» (или «грифо-барана»), которая происходит из слоя Хасанлу III В [Dyson 1964a: 372, fig. 3; 1965: 211; Muscarella 1974: 79, n. 16; 1988: 66, n. 2; 220, n. 3; 265; Dyson, Muscarella 1989: 21; Курочкин 1982: 45–47, рис. 1; 1993: 76; Иванчик 2001б: 65 (рис. 27, 1–2), 67, 205, 279].

<sup>30</sup> О. Маскарелла критикует данное наблюдение Г. Н. Курочкина, усматривая на персонаже вместо штанов подпоясанную юбку [Muscarella 1988: 220, n. 3], что, впрочем, кажется весьма сомнительным.

<sup>31</sup> Другими словами, она вполне могла быть переотложена в более ранний (нижний) слой — такие перемещения артефактов в толще культурных слоев сверху вниз и в обратном направлении были обычным делом в ходе неоднократно повторявшихся на протяжении тысячелетий работ по строительству и перестройке сырцовых сооружений в Иране и Центральной Азии.

Другой возможный скифский след на Хасанлу — это открытая в 1947 г. рядом с городищем гробница, в которой находились человеческий скелет в скорченном положении и четыре конских костяка, а также предметы сопроводительного инвентаря, связанные как с покойником (бронзовая диадема, нашейное ожерелье, браслет, кольцо, бронзовый топор, лавролистные наконечники стрел и др.), так и с принесенными в жертву конями (бронзовые удила, детали гарнитуры сбруи, сделанные из кабаньих клыков, железные выпуклые бляшки) [Ghirshman 1964: 24–29, 99 (fig. 131); 1977: 31–32, fig. 4; Dyson 1965: 208–209, 211–212; Погребова 1977: 134–135, табл. XXVII; Курочкин 1982: 43–45; Muscarella 1988: 219–220; 2012: 276–278, fig. 18.19; Иванчик 2001б: 279–280]. К сожалению, это уникальное погребение до сих пор полностью не опубликовано, поэтому делать какие-либо определенные выводы относительно его историко-культурной интерпретации преждевременно, особенно в свете того факта, что ритуальные конские захоронения не являлись исключительно скифским обычаем и хорошо известны на территории Малой Азии, Греции, Закавказья и Ирана еще с эпохи поздней бронзы — раннего железа [см.: Muscarella 1974: 78–79, n. 16; Погребова 1977: 114–137; Иванчик 2001б: 279]. Тем не менее исследователи Хасанлу пришли в конечном итоге к заключению что погребение с конями близ этого городища, вероятнее всего, относится к VII в. до н. э. [Dyson, Muscarella 1989: 21; ср.: Muscarella 1988: 220; 2006: 83, n. 13]. В таком случае оно могло быть оставлено только скифами (или же в крайнем случае родственными им в культурном и этническом отношении киммерийцами<sup>32</sup>), активно действовавшими тогда в Северо-Западном Иране. Даже исходя из имеющейся весьма скудной информации об этой гробнице, можно с уверенностью утверждать, что захороненный в ней воин-чужеземец принадлежал к племенной знати очень высокого ранга.

Если и более поздним, чем изображение скифа на чаше из Хасанлу, то ненамного, является образ, запечатленный на узких сторонах обуха келермесской секиры, уже упоминавшейся выше (с. 399–400 и цв. вклейка 21, 1): перед нами безбородый персонаж в высоком головном уборе и длинном одеянии, его правая рука поднята в молитвенном жесте, а левая держит двусторонний топор, опущенный боевой частью вниз, причем и само оружие, и его положение очень напоминают то, что воспроизведено на сосуде из Хасанлу [Галанина 1997: 100, 102, табл. 10, 6 (d); Алексеев А. 2012: 76] (цв. вклейка 21, 2). В. А. Ильинская высказала мнение, что это изображение скифа [Ллліньска 1961: 40; Ильинская 1982: 43; Ильинская, Тереножкин 1983: 74]. Ей решительно возразил Е. В. Черненко, не найдя ничего специфически «скифского в одежде и вооружении человеческих фигур на топоре из Келермесса» [Черненко 1987: 23–24], хотя такой вывод, конечно же, слишком категоричен, тем более что сам исследователь указал на отсутствие достоверных данных об одежде скифов вплоть до IV в. до н. э. Вероятно, в данном случае мы

<sup>32</sup> А. И. Иванчик, посвятивший киммерийцам и ранним скифам специальное монографическое исследование, пришел к выводу, что «исторические киммерийцы (*Gimīrrāia*, Κιμμεριοί) были носителями той археологической культуры, которая именуется раннескифской. Переднеазиатские скифы (*Iskuzāia*), очевидно, принадлежали той же археологической культуре... Почти полная неразличимость археологической культуры киммерийцев и скифов вовсе не означает того, что они не различались как этносы. Напротив, аккадские письменные источники VII в. до н. э. разделяют их достаточно четко и, судя по их данным, речь идет о двух разных народах, занимавших различные территории и имевших различную историческую судьбу. Все же принадлежность киммерийцев тому же культурному типу, что и скифы, и почти полное совпадение их материальной культуры являются очень серьезным аргументом в пользу предположения об этнической близости двух народов. Таким образом, наиболее вероятно, что киммерийцы были близкородственным скифам иранским народом» [Иванчик 2001б: 281, 282].

имеем дело с изображением высокопоставленного аристократа, чей образ — «собственно скифский» [Бухарин 2013б: 49], одетого в особый наряд, специально предназначенный для ритуальных и торжественных церемоний. Д. С. Раевский предположил, что на келермесской секире показан легендарный первый скифский царь Колаксай — мифический прародитель «того вождя, который был владельцем этой секиры и знаком социального ранга которого она служила» [Раевский 2006: 380].

Характерным видом скифского изобразительного искусства являлись надкурганые каменные антропоморфные изваяния (известные еще как «скифские бабы»), которые представляли собой, по всей видимости, героизированные образы мужчин-воинов высокого статуса [см.: Шульц 1976; Раевский 1983; Ольховский, Евдокимов 1994; Ольховский 2005а; 2005б; Молев, Молева 2013а; 2013б]. На некоторых из этих скульптур, воздвигнутых в период с конца VII по первую половину V в. до н. э. в Северном Причерноморье, на Северном Кавказе и в Восточной Грузии, среди других предметов вооружения изображены боевые топоры, подвешенные к поясу на правом боку [Ольховский, Евдокимов 1994: 71, табл. 16, кат. № 1, 8, 15, 20, 33, 71, 74, 78, 79, 81, 83, 86, 127, 128, 147, 149; Ольховский 2005а: ил. 64, 2; 65; 73, 1; 74, 2; 76; 77; 79, 1, 2; 89, 2; 2005б: 38, рис. 1, 2; 2, 1–2; 4, 1; 6; см. также: Іллінська 1961: 40–41; Шелехань 2010] (рис. 5, 2–5). После V в. до н. э. они пропадают со скифских изваяний, что могло быть связано «с дальнейшей эволюцией паноплии и военного искусства скифов, приведшей к падению популярности боевого топора и превращению копья в основное, наряду с акинаком, оружие ближнего боя» [Ольховский 2005б: 38]. Впрочем, этому факту можно предложить и другое объяснение: сравнительно редкая встречаемость секир на скифских антропоморфах<sup>33</sup> свидетельствует не столько об их меньшем значении в боевом арсенале, сколько об их особом статусе среди прочих предметов наступательного вооружения как наиболее престижного атрибута власти, которым к тому же могли обладать далеко не все представители скифской воинской элиты, а лишь самые могущественные из них.

Как бы то ни было, начиная с IV в. до н. э. боевые топоры становятся в основном символами высокого ранга их владельцев, что подтверждается фигурными композициями на некоторых произведениях греко-скифской торевтики того времени, наглядно отражающими важную роль этого вида оружия в концепции царской власти у скифов. Так, на серебряном сосуде, обнаруженном в кургане № 3 в урочище «Частые курганы» близ Воронежа, изображены три персонажа, вооруженные топорами [Ростовцев 1914: 7–10, табл. I; Замятнин 1946: 26, рис. 13; Іллінська 1961: 41, рис. 9, 1–3; Мелюкова 1964: табл. 4, 3–5; Раевский 2006: 48–52, рис. 1–2; Dumézil 1987: 86–94; Firsov, Žuravlev 2007: 278, Abb. 3, a–c] (цв. вклейки 22–23; рис. 5, 6–8). Если следовать интерпретации Д. С. Раевского, кажущейся достаточно обоснованной, то здесь представлен мифологический сюжет, почти идентичный второй, «эллинской», версии легенды о происхождении скифов (Hdt. IV, 8–10) [Раевский 2006: 48–52], согласно которой в образе схожих друг с другом пожилых бородатых мужчин следует видеть Геракла, тогда как безбородый юноша — это его самый младший сын по имени Скиф, легендарный прародитель всех скифских царей. Топоры (чекан и секиры) в их руках, вне всякого сомнения, являются знаками царского достоинства.

<sup>33</sup> В монографии В. С. Ольховского и Г. Л. Евдокимова, учитывающей более 100 скифских изваяний, говорится о 18 из них, где показаны боевые топоры [Ольховский, Евдокимов 1994: 71, табл. 15], тогда как в посмертно изданной книге В. С. Ольховского фигурируют 23 такие скульптуры [Ольховский 2005а: 114]. А. В. Шелехань упоминает о 145 антропоморфных стелах скифской эпохи, на 14 из которых имеются изображения секир [Шелехань 2010: 36].



С точки зрения рассматриваемой темы заслуживает внимания сцена на золотой пластине (диадеме?) из кургана № 2, раскопанного на берегу реки Рось — правого притока Днепра, неподалеку от села Сахновка, от названия которого она обычно именуется сахновской [Толочко, Мурзін 1991: 308, 378–379 (кат. № 99); Бессонова, Раевський 1977; Раевский 2006: 126–128 и др., рис. 9; Онайко 1984; Русяева 1997; Вертиенко 2010] (цв. вклейка 24, 1; рис. 5, 9). Опять-таки по вполне убедительному предположению Д. С. Раевского, в центре ее композиции показан мифический скифский царь Колаксай, стоящий на коленях перед богиней Табиты и опирающийся при этом на боевой топор [Раевский 2006: 126–128].

В идеологическом контексте героям скифских преданий на воронежском сосуде и сахновской пластине, очевидно, соответствует мужской персонаж высокого ранга, выгравированный на девяти золотых бляшках, найденных в знатном погребении кургана № 5 у села Аксютинцы на правом берегу реки Сулы (левого притока Днепра), на которых он показан восседающим на стуле и держащим в левой руке ритон, а в правой — предмет, очень похожий на топорик с клювовидным клинком и загнутым вверх обушком, — вероятнее всего, церемониальный<sup>34</sup> или боевой клевец<sup>35</sup> [Отчет ИРИМ 1907: 17, табл. I, 3; Ростовцев 1913: 8–9, рис. 3; Іллінська 1961: 43, рис. 10; Ильинская 1968: 37, 156, табл. XXII, 6; Мелюкова 1964: 68; Граков 1971: 94, 139, 140; Firsov, Žuravlev 2007: 288–289, Abb. 16] (цв. вклейка 24, 2).

Вызывает большой интерес уникальное изображение в технике мельчайшей зерни, нанесенное на небольшой и неполностью сохранившийся золотой медальон IV–III вв. до н. э., происходящий из Херсонеса и хранящийся в Государственном Историческом музее в Москве [Граков 1950: 14–15, рис. 3; Іллінська 1961: 41, рис. 9, 5] (рис. 5, 10). Мы видим здесь бородатого мужчину в типичной скифской одежде с луком в футляре (горите) на левом боку и секирой в правой руке, занесенной над животным или чудовищем, от которого сохранились только передние ноги. По мнению Б. Н. Гракова, эта сцена иллюстрирует один из подвигов Таргитая-Геракла — мифического прародителя скифов [Граков 1950: 15].

Завершая обзор иконографических данных о культе боевых топоров у скифов, приведу еще два важных, хотя и косвенных, свидетельства. Весьма примечательно, что такие характерные предметы вооружения скифского типа, как секира и горит с помещенным в него луком, присутствуют на реверсе т. н. борисфенов — ольвийских бронзовых монет с изображением на аверсе речного божества Борисфена<sup>36</sup> [Зограф 1951: 130–131, табл. XXXII, 14–22; Карышковский 1968; 2003: 95–99, табл. II=B — XV=C; Price 1993: pl. XX, 451–464; XXI–XXII; XXIII, 518–533; Алексеев В. 1996] (рис. 5, 11–12). «Борисфены» чеканились в период с около 330 по около 250 гг. до н. э. [Карышковский 1968: 73–76], причем их реверсный тип повторялся и в некоторых более поздних чеканах Ольвии. Как правило, топор на «борисфенах» имеет загнутый вверх обушок, иногда в форме стилизованной протомы грифона или коня, за что, по-видимому, Э. Миннз в свое время назвал его «топором странной формы» [Minns 1913: 485 («strange-shaped axe»)]. Действительно, такие

<sup>34</sup> См. выше, с. 406.

<sup>35</sup> Трудно согласиться с другими предложенными интерпретациями этого предмета — как лука [Черненко 1981: 112–113] и особенно как струнного музыкального инструмента (арфы) [Артамонов 1961: 85; Вертиенко 2010: 323–325; ср.: Онайко 1976: 170], поскольку трудно представить, чтобы воин-аристократ или легендарный герой мог быть изображен в скифском искусстве с мирной арфой в руках вместо оружия.

<sup>36</sup> Такое название этих монет утвердилось в научной литературе с легкой руки одного из крупнейших советских специалистов в области античной нумизматики А. Н. Зографа [Зограф 1951: 130].

секиры в скифской археологии не были известны вплоть до находки в 1977 г. бронзового топорика-скипетра с обушком в виде протомы грифона в кургане № 18 близ села Львово (цв. вклейка 21, 3 и рис. 4, 10; см. выше, с. 408–409). Правда, А. С. Русяева, отметив небольшое (?) сходство последнего с топорами на «борисфенах», высказала убеждение, что по «размеру и форме он напоминает греческие ритуальные секиры» [Русяева 1992: 138]. Впрочем, она не привела в подтверждение своих слов никаких доказательств, да и мои достаточно тщательные поиски эллинских аналогий топорнику из Львово не увенчались успехом.

Появление в чекане Ольвии типичных для скифов предметов вооружения, которые, вне всякого сомнения, служили им самим в качестве атрибутов власти и военной мощи, указывает на серьезное политическое влияние скифов на этот полис, особенно после того, как они помогли ольвиополитам отразить нашествие македонского полководца Зопириона в 331 г. до н. э.<sup>37</sup> Что касается семантики совместного расположения на реверсе «борисфенов» именно топора и горита с луком, то, наверное, следует согласиться с выводом В. П. Алексеева о том, что здесь «синтезированы символы царей из двух вариантов генеалогической легенды скифов — Колаксия (секира) и Скифа (лук)» [Алексеев В. 1996: 7].

Второе свидетельство косвенного характера — это одна из монетных серий, чеканенных в греческом городе Керкинитиде в Западном Крыму в первой половине III в. до н. э. На аверсе этих монет показан сидящий на скале бородастый персонаж в скифском одеянии, вертикально держащий топор<sup>38</sup> в правой руке; к его поясу слева пристегнут горит с луком [Зограф 1951: 161, табл. XXXVIII, 17; Медведева 1984: 42–43, 45–48 (кат. № 19–76), табл. I, 21, 24, 32–34, 38; II, 41, 42, 46, 50, 51, 55, 58, 64, 66; Price 1993: pl. XXVIII, 696–702] (рис. 5, 13). Небезынтересно, что на реверсе другой, более ранней, монетной серии (второй половины IV в. до н. э.) из Керкинитиды мы видим скифского всадника с горитом у пояса и копьем в поднятой руке [Зограф 1951: 161, табл. XXXVIII, 16; Медведева 1984: 41–42, 44 (кат. № 3–12), табл. I, 4, 7, 9–11; Price 1993: pl. XXVIII, 694]. Смысловая нагрузка этих изображений остается неясной и трактуется исследователями по-разному<sup>39</sup>, но в любом случае они отражают какое-то политическое или культурное воздействие на город со стороны скифов, как это было, к примеру, в случае с Ольвией после победы над Зопирионом.

М. И. Ростовцев в своем детальном описании одной из электровых статуэток второй четверти IV в. до н. э., изображающих скифов и найденных в т. н. кургане Патиниоти близ Керчи<sup>40</sup> [см.: Гункина 2010: 415, 416; Дюбрюкс 2010: рис. 189, а–с; 190, № 3; 191, III; 194; 316; Латышев 1889: 80–81; табл. II, № 1–3] (рис. 5, 14–16), в том числе указал следующее: «Левой рукой он (скиф. — В. Н.) опирается, как кажется, на скипетр, булаву или, скорее всего, на боевой топор...» [Ростовцев 1913: 12, табл. II, 6]. Справедливости ради все же следует сказать, что этот предмет похож вовсе не на топор (и тем более не на пращу [см.: Ильинская 1968: 99–100; Черненко 1986: 142]), а на булаву [Латышев 1889: 80; Дедюлькин 2015: 49].

<sup>37</sup> О македонской осаде Ольвии и связанных с ней событиями см.: Виноградов Ю. Г. 1989: 150–176.

<sup>38</sup> Довольно странным выглядит утверждение В. А. Ильинской [Іллінська 1961: 43] о сходстве топоров на изображениях из Керкинитиды и кургана № 5 у села Аксютинцы (цв. вклейка 24, 2; см. выше, с. 406, 414): в первом случае — это классическая секира, во втором — клевец.

<sup>39</sup> См.: Медведева 1984: 42–43. В частности, по мнению А. Н. Зографа, «изображения скифов в Керкинитиде следует понимать как вполне реальные сценки, отражающие мирные первоначально взаимоотношения с обитателями соседних степей» [Зограф 1951: 161].

<sup>40</sup> Сам М. И. Ростовцев ошибочно думал, что эта фигурка происходит из склепа Куль-Обы.

По всей вероятности, культ топоров сложился у скифов еще до их появления в Северном Причерноморье. Можно даже предположить, что он был присущ всем народам индоиранской историко-культурной общности. Известно, в частности, что выделившиеся из нее племена иранцев и индоариев, придя соответственно на Иранское плато и Индийский субконтинент, уже относились к топорам как объектам ритуального почитания и атрибутам власти [Никоноров 2014: 97–99, 101]. Культ топоров определенно имел место и у киммерийцев — кочевников иранского происхождения (см. выше, примеч. 32), проникших в Юго-Восточную Европу несколько ранее скифов, поскольку есть основания полагать, что неантропоморфные стелы («оленные камни») VIII–VII вв. до н. э. с изображениями топоров, открытые на Северном Кавказе, в Крыму, Нижнем Подонье и Южном Приуралье [Ольховский 2005а: 31–38, 42, 61, ил. 18, I–2; 19, I–II; 20–23; 25, I; 27, I; 29; 33, I; 35; Nikonov 2014: 188, 208, fig. 1, I–3; 8, I–4], были возведены именно ими [см.: Nikonov 2014: 208, п. 126]. В свою очередь скифы также чтили топоры, что надежно засвидетельствовано рассмотренными выше сведениями из античной письменной традиции и археологическими данными.

## Литература

### 1. Источники

- Aristarch. *Comment. Hdt.* — Aristarchus' Commentary on Herodotus // Grenfell B. P., Hunt A. S. The Amherst Papyri: being an Account of the Greek Papyri in the Collection of the Right Hon. Lord Amherst of Hackney, F.S.A. at Didlington Hall, Norfolk. Pt. II: Classical Fragments and Documents of the Ptolemaic, Roman and Byzantine Periods; with an Appendix containing Additional Theological Fragments. London, 1901. P. 3–4.
- Curt. — Q. Curti Rufi Historiarum Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt / Iterum rec. E. Hedicke. Editio maior. Lipsiae, 1908.
- Hdt. — Herodoti Historiae. Vol. I–II / Ed. H. B. Rosén. Leipzig; Berolini et Novi Eboraci, 1987–2008.
- IOSPE. P<sup>2</sup> — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol. I: Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae, aliorum locorum a Danubio usque ad Regnum Bosporanum / Iterum ed. B. Latyshev. Petropoli, 1916.
- Nic. Dam. *Fr.* — Nicolai Damasceni Fragmenta // Historici Graeci Minores. Vol. I / Ed. L. Dindorfius. Lipsiae, 1870. P. 1–153.
- Plut. *Alex.* — Plutarchi Alexander // Plutarchi Vitae parallelae. Vol. II. Fasc. 2 / Iterum rec. K. Ziegler. Lipsiae, 1968. P. 152–253.
- Plut. *Artox.* — Plutarchi Vita Artoxerxis // Plutarchi Vitae parallelae. Vol. III. Fasc. 1 / Iterum rec. K. Ziegler. 2. Aufl. Leipzig, 1971. P. 318–351.
- Poll. — Pollucis Onomasticon. Fasc. I / E codicibus ... ed. E. Bethe. Lipsiae, 1900.
- Ps.-Arr. *Per.* — Anonymi [Arriani, ut fertur] Periplus Ponti Euxini // Geographi Graeci Minores. Vol. I / E codicibus rec. C. Müllerus. Parisiis, 1882. P. 402–423.
- Ps.-Skyl. — Pseudo-Skylax: Le Périple du Pont-Euxin / Texte, trad., comment. philolog. et histor. [par] P. Counillon. Bordeaux; Paris, 2004 (Scripta Antiqua. 8).
- Strabo — Strabonis Geographica. Vol. II–III / Rec. A. Meineke. Lipsiae, 1904–1907.
- Suid. — Suidae Lexicon / Ex rec. I. Bekkeri. Berolini, 1854.
- Tac. *Ann.* — Cornelii Taciti libri qui supersunt. T. I. Ps. 1: Ab excessu divi Augusti libri I–VI / Ed. St. Borzsák. Wiesbaden, 1992.
- Xen. *Anab.* — Xenophontis Expositio Cyri (Anabasis) / Ed. C. Hude; edition. correct. cur. J. Peters. Leipzig, 1972.
- Xen. *Cyr.* — Xenophontis Institutio Cyri (Cyropaedia) / Ed. G. Gemoll; edition. correct. cur. J. Peters. Lipsiae, 1968.

## 2. Исследования

- Абаев 1979: *Абаев В. И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М. С. 272–364.
- Алексеев А. 1980: *Алексеев А. Ю.* О скифском Аресе // АСГЭ. Вып. 21. С. 39–47.
- Алексеев А. 1981: *Алексеев А. Ю.* Сцена вручения лука на аттической амфоре VI в. до н. э. // СГЭ. Вып. 46. С. 41–43.
- Алексеев А. 2003: *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб.
- Алексеев А. 2012: *Алексеев А. Ю.* Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб.
- Алексеев В. 1996: *Алексеев В. П.* К вопросу о семантике скифского оружия на «борисфенах» // Древнее Причерноморье. III чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского. ТД юбилейной конференции, 12–14 марта 1996 года. Одесса. С. 5–7.
- Артамонов 1947: *Артамонов М. И.* О землевладении и земледельческом празднике у скифов (Геродот, кн. IV, гл. 7) // УЗЛГУ. № 95. СИН. Вып. 15. С. 3–20.
- Артамонов 1961: *Артамонов М. И.* Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. Вып. 2. С. 57–87.
- Артамонов 1974: *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н. э.). Л.
- Багриков, Сенигова 1968: *Багриков Г. И., Сенигова Т. Н.* Открытие гробниц в Западном Казахстане (II–IV и XIV вв.) // ИАНКазССР. № 2. С. 71–89.
- Белокудря 2014: *Белокудря О. В.* Оружие в контексте погребального инвентаря скифских «амазонок» V–IV вв. до н. э. // IX Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы» (материалы конференции). Ростов-на-Дону. С. 49–51.
- Беспалый 2000: *Беспалый Е. И.* Позднесарматское погребение из могильника Высочино V на водоразделе между Кагальником и Доном // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1). С. 156–168.
- Беспалый, Лукьяшко 2008: *Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И.* Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Ростов-на-Дону (Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. I).
- Бессонова 1983: *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. Киев.
- Бессонова 1984: *Бессонова С. С.* О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов. Киев. С. 3–21.
- Бессонова, Раевский 1977: *Бессонова С. С., Раевский Д. С.* Золота пластина із Сахнівки // Археологія. Вип. 21. С. 39–50.
- Бобринский 1901: *Бобринский А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. III: Дневники раскопок 1889–1897 гг. СПб.
- Богаченко, Максименко 2008: *Богаченко Т. В., Максименко В. Е.* Погребения «женщин с оружием» эпохи раннего железного века на Дону (методологические аспекты проблемы изучения) // НАВ. Вып. 9. С. 48–61.
- Болтрик и др. 1994: *Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е., Чередиенко Н. Н.* Бердянский курган // РА. № 3. С. 140–156.
- Бунятян 1985: *Бунятян Е. П.* Методика социальных реконструкций в археологии. На материале скифских могильников IV–III вв. до н. э. Киев.
- Бухарин 2013а: *Бухарин М. Д.* К дискуссии о языке скифов: переход древнеиранского \*xš- > \*s- и его отражение в древнегреческом // ПИФК. № 2. С. 263–285.
- Бухарин 2013б: *Бухарин М. Д.* Колаксай и его братья (античная традиция о происхождении царской власти у скифов) // Аристей. Т. VIII. С. 20–80.
- Ванден-Берге 1992: *Ванден-Берге Л.* Древности страны луров. Каталог выставки. СПб.
- Вахтина 1993: *Вахтина М. Ю.* Скифское погребение у Цукурского лимана на Тамани // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М. И. Ростовцева). Новочеркасск. С. 51–58, 175.
- Вертиенко 2010: *Вертиенко А. В.* «Скифский арфист» (к интерпретации одной из сцен сахновской пластины) // Археологический альманах. Донецк. № 21. С. 320–332.

- Виноградов Ю. А. 1999: *Виноградов Ю. А.* Северное Причерноморье после падения Великой Скифии (Своеобразие стабилизации в регионе второй половины III — первой половины II вв. до н. э.) // *Nyergobogus*. Vol. 5/1. С. 56–82.
- Виноградов Ю. А. и др. 1997: *Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я.* Сарматы и гибель «Великой Скифии» // Сарматы и Скифия: Сборник научных докладов III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Азов (Донские древности). Вып. 5). С. 6–27.
- Виноградов Ю. Г. 1989: *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. М.
- Витчак 1992: *Витчак К. Т.* Скифский язык: опыт описания // ВЯ. № 5. С. 50–59.
- Галанина 1997: *Галанина Л. К.* Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М. (Степные народы Евразии. Т. I).
- Галанина 2001: *Галанина Л. К.* Конные стрелки, их боги и обычаи // Золотые олени Евразии: Каталог выставки. СПб. С. 40–41.
- Галанина 2006: *Галанина Л. К.* Скифские древности Северного Кавказа в собрании Эрмитажа. Келермесские курганы. СПб.
- Горелик 1993: *Горелик М. В.* Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н. э.). М.
- Граков 1947: *Граков Б. Н.* ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. № 3. С. 100–121.
- Граков 1950: *Граков Б. Н.* Скифский Геракл (Доклад, прочитанный на заседании сектора скифо-сарматской археологии ИИМК 10 декабря 1949 г.) // КСИИМК. Вып. XXXIV. С. 7–18.
- Граков 1954: *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре. М. (МИА. № 36).
- Граков 1971: *Граков Б. Н.* Скифы. Научно-популярный очерк. М.
- Григор'сва 2011: *Григор'сва Л. Р. В. А.* Іллінська — визначна дослідниця скіфської проблематики // Магістеріум. Київ. Вип. 45: Археологічні студії. С. 35–39.
- Грязнов 1956: *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л. (МИА. № 48).
- Гущина, Засецкая 1989: *Гущина И. И., Засецкая И. П.* Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н. э. — начало II в. н. э.) // ТГИМ. Вып. 70. С. 71–141.
- Даркевич 1961: *Даркевич В. П.* Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. № 4. С. 91–102.
- Дедюлькин 2015: *Дедюлькин А. В.* «Пращевые» камни в погребениях скифской эпохи // ВВДССМ. С. 48–52.
- Дергачев 2007: *Дергачев В. А.* О скипетрах, о лошадях, о войне: Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас. СПб.
- Дюбрюкс 2010: *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. Т. II. Иллюстрации. СПб.
- Дюмезиль 1990: *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты / Сокращ. пер. с франц. А. З. Алмазовой. М.
- Ермоленко 2004: *Ермоленко Л. Н.* Мотив воткнутого в землю оружия в героическом эпосе и изобразительных памятниках // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 1–4 декабря 2004 г. СПб. С. 36–39.
- Замятнин 1946: *Замятнин С. Н.* Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем (Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910–1915 гг.) // СА. Т. VIII. С. 9–50.
- Засецкая и др. 1999: *Засецкая И. П., Илюков Л. С., Косяненко В. М.* Погребальный комплекс среднесарматской культуры у хут. Алитуб // ДА. № 2. С. 51–60.
- Зограф 1951: *Зограф А. Н.* Античные монеты. М.; Л. (МИА. № 16).
- Иванчик 1996: *Иванчик А. И.* Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII веках до н. э. М.
- Иванчик 2001а: *Иванчик А. И.* Еще раз о «греческой» легенде о происхождении скифов (Herod., IV, 8–10) // Миф. 7: На акад. Дмитри Сергеевич Раевски ἀλοθέωσις. София. С. 324–350.

- Иванчик 2001б: *Иванчик А. И.* Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и ранне-скифского времени. М. (Степные народы Евразии. Т. II).
- Иванчик 2002: *Иванчик А. И.* Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? (I) // ВДИ. № 3. С. 33–55.
- Иванчик 2009: *Иванчик А. И.* К вопросу о скифском языке // ВДИ. № 2. С. 62–88.
- Иванчик 2010: *Иванчик А. И.* Похороны скифских царей: Геродот и археология // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М. (МИАР. № 13). С. 129–150.
- Іллінська 1961: *Іллінська В. А.* Скіфські сокири // Археологія. Т. XII. С. 27–52.
- Ильинская 1965: *Ильинская В. А.* Культурные железные скифского и предскифского времени // Новое в советской археологии. М. (МИА. № 130). С. 206–211.
- Ильинская 1968: *Ильинская В. А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев.
- Ильинская 1982: *Ильинская В. А.* Изображения скифов времени переднеазиатских походов // Древности Степной Скифии. Киев. С. 38–47.
- Ильинская, Тереножкин 1983: *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев.
- Карышковский 1968: *Карышковский П. Й.* До питання про дату ольвійського декрету на честь Протогена // Археологія. Т. XXI. С. 95–105.
- Карышковский 1968: *Карышковский П. О.* Ольвийские борисфены // НСФ. 3. С. 62–85.
- Карышковский 2003: *Карышковский П. О.* Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э. IV в. н. э.). Одесса.
- Кашпар 1891: *Кашпар А. О.* Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные профессором Н. И. Веселовским в июле и августе 1891 г. // ИТУАК. № 14. С. 95–97.
- Кирпичников 1966: *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л. (САИ. Вып. Е1–36).
- Кисель 1997: *Кисель В. А.* Священная секира скифов: об одной находке из Келермеса. СПб.
- Кисель 2007: *Кисель В. А.* Рассказ Геродота и ритуальные сосуды древних кочевников // АЭАЕ. № 3. С. 69–79.
- Кисель 2008: *Кисель В. А.* Σάραις Геродота в арсенале древних кочевников // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М. С. 110–112.
- Колесник и др. 1998: *Колесник А. В., Пирко В. А., Нестерцова С. М., Щербинина Е. В.* История родного края (Часть первая). Донецк.
- Колтухов 2012: *Колтухов С. Г.* Скифы Северо-Западного Крыма в VII–IV вв. до н. э. (погребальные памятники). Донецк (Археологический альманах. № 27).
- Колтухов, Андрух 1995: *Колтухов С. Г., Андрух С. И.* Скифские погребения V в. до н. э. из Северо-Западного Крыма // АВ. № 4. С. 146–152.
- Колтухов, Сенаторов 2015: *Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н.* Скифский Талаевский курган 1891 г. // АМА. Вып. 17. С. 318–341.
- Костенко 1993: *Костенко В. И.* Сарматы в Нижнем Поднепровье: по материалам Усть-Каменского могильника. Днепропетровск.
- Кубышев и др. 1982: *Кубышев А. И., Николова А. В., Полин С. В.* Скифские курганы у с. Львово на Херсонщине // Древности Степной Скифии. Киев. С. 130–148.
- Кулаков 1993: *Кулаков В. И.* Культурное оружие балтов и славян X–XII вв. // SlAnt. Т. XXXIII [1991/92]. С. 115–130.
- Кулланда 2005: *Кулланда С. В.* Еще раз о скифском языке // Аспекты компаративистики. Вып. 1. М. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. Вып. VI). С. 215–225.
- Кулланда 2006: *Кулланда С. В.* Lingua Scythica ad usum historici // Древности скифской эпохи. М. (МИАР. № 7). С. 194–209.
- Кулланда 2011а: *Кулланда С. В.* Скифы: язык и этнос // ВРГГУ. № 2. С. 9–46.
- Кулланда 2011б: *Кулланда С. В.* Уроки скифского // ВЯР. № 5. С. 48–68.
- Курочкин 1982: *Курочкин Г. Н.* Хасанлу и скифы // IA. Vol. XVII. С. 43–47.

- Курочкин 1993: *Курочкин Г. Н.* Богиня с зеркалом и герой с секирой (к проблеме антропоморфизации скифского искусства) // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М. И. Ростовцева). Новочеркасск. С. 68–79, 176–177.
- Курочкин, Субботин 1992: *Курочкин Г. Н., Субботин А. В.* Боевые чеканы (клевецы) с головкой хищной птицы между бойком и втулкой в азиатской и европейской частях скифского мира (к проблеме происхождения и распространения) // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археологического семинара). Ч. II. Новочеркасск. С. 59–64, 178.
- Латышев 1887: *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии // ЖМНП. Ч. ССXLIX. С. 1–306 (4-я пагинация).
- Латышев 1889: *Латышев В. В.* К истории археологических исследований в южной России (Из переписки А. Н. Оленина) // ЗООИД. Т. 15. С. 61–115.
- Лосев 1996: *Лосев А. Ф.* Мифология греков и римлян. М.
- Макаров 1992: *Макаров Н. А.* Древнерусские амулеты-топорики // РА. № 2. С. 41–56.
- Манцевич 1957: *Манцевич А. П.* Ритон Талаевского кургана // История и археология древнего Крыма. Киев. С. 155–173.
- Манцевич 1987: *Манцевич А. П.* Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л.
- Махортых 2011: *Махортых С. В.* Вооружение «амазонок» Степной Скифии // Восточно-европейские древности скифской эпохи. Воронеж. С. 37–52.
- Медведева 1984: *Медведева Л. И.* Монеты Керкинитиды // НЭ. Т. XIV. С. 40–49.
- Медведская 2005: *Медведская И. Н.* Сиалк V и Хасанлу IV: вопросы хронологии // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского. М. С. 107–126.
- Мелюкова 1964: *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. М. (САИ. Вып. Д1–4).
- Мелюкова 1975: *Мелюкова А. И.* Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М.
- Молев, Молева 2013а: *Молев Е. А., Молева Н. В.* Символы власти и воинской доблести на скифских антропоморфных изваяниях Северного Причерноморья (генезис и эволюция образа) // Культурный слой. Нижний Новгород. Вып. 2. С. 163–178.
- Молев, Молева 2013б: *Молев Е. А., Молева Н. В.* Скифские антропоморфные изваяния Северного Причерноморья: эмблемы власти и войны // ВНУ. № 4 (3). С. 15–21.
- Мошкова 2009: *Мошкова М. Г.* Женское погребение в кургане 2 из Лебедевского могильного комплекса (Раскопки Г. И. Багрикова) // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб. С. 99–113.
- Мошкова и др. 2011: *Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., Мещеряков Д. В.* Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья савроматского и раннесарматского времени // ПОРКЕ. С. 162–167.
- Мурзін, Фіалко 1998: *Мурзін В. Ю., Фіалко О. С.* Зброя з Бердянського кургану // Археологія. № 3. С. 103–112.
- Мурзін, Шлайфер 2008: *Мурзін В. Ю., Шлайфер В. Г.* Скіфські сокири-скіпетри з Музею історії зброї у м. Запоріжжі // История оружия/Історія зброї: Альманах. Запорожье. № 1. С. 45–54.
- Никоноров 2014: *Никоноров В. П.* Боевые топоры и их культ у древних народов Центральной Азии и Ирана (от раннего железного века до раннего средневековья) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010). СПб. (ТИИМК. Т. XLII). С. 97–137.
- Новичихин 2006: *Новичихин А. М.* Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. (по материалам погребальных памятников). Анапа.
- Ольховский 1991: *Ольховский В. С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.
- Ольховский 2005а: *Ольховский В. С.* Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.
- Ольховский 2005б: *Ольховский В. С.* Скифская монументальная скульптура (к проблеме достоверности источника) // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского. М. С. 30–39.

- Ольховский, Евдокимов 1994: *Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л.* Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. М.
- Онайко 1976: *Онайко Н. А.* Антропоморфные изображения в меото-скифской торевтике // Художественная культура и археология античного мира. Сборник памяти Б. В. Фармаковского. М. С. 166–179.
- Онайко 1984: *Онайко Н. А.* О сахновской пластине // СА. № 3. С. 18–27.
- Отчет ИРИМ 1907: Отчет Императорского Российского Исторического Музея имени императора Александра III в Москве за 1906 год. М.
- Переводчикова 1979: *Переводчикова Е. В.* Келермесская секира и формирование скифского звериного стиля // Проблемы истории античности и средних веков. М. С. 138–155.
- Петренко и др. 2004: *Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р.* Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II (предварительная публикация) // Археологические памятники раннего железного века юга России. М. (МИАР. № 6). С. 179–210.
- Погребова 1977: *Погребова М. Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.
- Погребова 2006: *Погребова М. Н.* Центральноазиатская гипотеза происхождения скифской материальной культуры и скифского этноса // Древности скифской эпохи. М. (МИАР. № 7). С. 172–193.
- Полосьмак 1994: *Полосьмак Н. В.* «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск.
- Полосьмак 2001: *Полосьмак Н. В.* Всадники Укока. Новосибирск.
- Прокопенко 2011: *Прокопенко Ю. А.* О культовом назначении оружия в подкурганых и грунтовых погребальных комплексах Центрального Предкавказья III–I вв. до н. э. // ПОРКЕ. С. 206–209.
- Прохорова 1994: *Прохорова Т. А.* Некоторые аспекты идеологии сармато-алан (По материалам кургана 10 Кобяковского могильника) // ВДИ. № 4. С. 174–182.
- Прохорова, Гугуев 1992: *Прохорова Т. А., Гугуев В. К.* Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. № 1. С. 142–161.
- Прушевская 1917: *Прушевская Е. О.* Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове // ИАК. Вып. 63. С. 31–58.
- Раевский 1983: *Раевский Д. С.* Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов евразийских степей // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М. С. 40–60.
- Раевский 2006: *Раевский Д. С.* Мир скифской культуры. М.
- Раевский и др. 2013: *Раевский Д. С., Кулланда С. В., Погребова М. Н.* Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля. М.
- Ростовцев 1913: *Ростовцев М. И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. Вып. 49. С. 1–62.
- Ростовцев 1914: *Ростовцев М. И.* Воронежский серебряный сосуд // МАР. № 34. С. 79–93.
- Русяева 1992: *Русяева А. С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев.
- Русяева 1997: *Русяева М. В.* Интерпретація зображень на золотій пластині з Сахнівки // Археологія. № 1. С. 46–56.
- Рыбаков 1979: *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М.
- Савостина 1983: *Савостина Е. А.* К символике изображения лука на Боспоре // СА. № 4. С. 45–56.
- Сарианиди 1989: *Сарианиди В. И.* Храм и некрополь Тиллятепе. М.
- Симоненко 2011: *Симоненко А. В.* Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб.
- Синика 2012: *Синика В. С.* О греческом влиянии на погребальный обряд и материальную культуру скифского могильника III–II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Человек в истории и культуре. Вып. 2: Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора Владимира Никифоровича Станко. Одесса. С. 264–272.
- Синика, Алемша 2000: *Синика В. С., Алемша А. Н.* Женские погребения с оружием позднескифского могильника у с. Глиное // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья (материалы полевого семинара). Тирасполь. С. 43–46.



- Синика, Тельнов 2015: *Синика В. С., Тельнов Н. П.* Комплекс вооружения и предметов воинского снаряжения из скифского могильника конца IV–II вв. до н. э. у с. Глиное в Нижнем Поднестровье // ВВДССМ. С. 180–190.
- Смирнов 1984: *Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.
- Тельнов и др. 2012: *Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С.* Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Тирасполь. С. 5–15.
- Толочко, Мурзін 1991: *Толочко П. П., Мурзін В. Ю. (автори-упорядники).* Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвіг.
- Тохтасьев 2005a: *Тохтасьев С. Р.* Проблема скифского языка в современной науке // *Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest.* Iași. С. 59–108.
- Тохтасьев 2005b: *Тохтасьев С. Р.* Saugomatae — Sarmatae // Херсонесский сборник. Севастополь. Вып. XIV: Памяти Мирона Ильича Золотарёва. С. 291–306.
- Тункина 2010: *Тункина И. В.* Раскопки в окрестностях Керчи в 1820–1822 гг. (курганы Патиноти) // *Дюбрьюкс П.* Собрание сочинений. Т. 1. Тексты. СПб. С. 413–419.
- Фармаковский 1922: *Фармаковский Б. В.* Горит из кургана Солохи // ИРАИМК. Т. II. С. 23–48.
- Фиалко 1991: *Фиалко Е. Е.* Погребения женщин с оружием у скифов // Курганы Степной Скифии. Киев. С. 4–18.
- Фиалко 2010: *Фиалко Е. Е.* Погребения амазонок из могильника Мамай-Гора // SP. № 3. С. 187–196.
- Фиалко 2011: *Фиалко Е. Е.* Амазонки причерноморских степей // Восточноевропейские древности скифской эпохи. Воронеж. С. 23–37.
- Фиалко 2012: *Фиалко Е. Е.* Вооруженные женщины раннего железного века в Северном Причерноморье: социальный аспект // *Tyragetia. Vol. VI [XXI]/1.* С. 27–44.
- Фиалко 2011: *Фиалко О. Є.* Озброєння скіфських амазонок // *Magisterium.* Київ. Вип. 45: Археологічні студії. С. 39–45.
- Фиалко 2012: *Фиалко О. Є.* Поховання дівчат зі зброєю в скіфському кургані на Херсонщині // Археологія. № 1. С. 82–92.
- Хазанов 1970: *Хазанов А. М.* Материнский род у сарматов // ВДИ. № 2. С. 138–148.
- Хазанов 1975: *Хазанов А. М.* Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.
- Ханенко Б., Ханенко В. 1899: *Ханенко Б. Н., Ханенко В. И.* Древности Приднепровья. Эпоха, предшествующая Великому переселению народов. Вып. II. Киев.
- Храпунов 2004: *Храпунов И. Н.* Этническая история Крыма в раннем железном веке. Симферополь; Керчь (БИ. Вып. VI).
- Черненко 1980: *Черненко Е. В.* Скифские боевые топоры (Типология и происхождение) // Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг.: ТД XVIII конференции Института археологии АН УССР (Днепропетровск, апрель 1980 г.). Днепропетровск. С. 88.
- Черненко 1981: *Черненко Е. В.* Скифские лучники. Киев.
- Черненко 1986: *Черненко Е. В.* Оружие // Археология Украинской ССР. Т. 2: Скифо-сарматская и античная археология. Киев. С. 134–145.
- Черненко 1987: *Черненко Е. В.* Парадный топор из Келермесса // Скифы Северного Причерноморья. Киев. С. 19–30.
- Шауб 2007: *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб.
- Шевченко 2006: *Шевченко Н. Ф.* «Сарматские жрицы», или еще раз к вопросу о материнском роде у сарматов // ВДИ. № 1. С. 141–154.
- Шелехань 2010: *Шелехань О. В.* Зображення бойових сокир на антропоморфних стелах скіфського часу // Проблеми історії та археології України: Матеріали VII Міжнародної наукової конференції (28–29 жовтня 2010 г.). Харків. С. 36–37.

- Шелехань 2012: *Шелехань О. В.* Бойові сокири скифського типу з Північного Причорномор'я // Археологія. № 2. С. 3–13.
- Шенко 1997: *Шенко Л. Г.* Женское погребение с топором в Донбассе // Проблемы истории и археологии Украины. К 140-летию со дня рождения академика Дмитрия Ивановича Багалея: ТД научной конференции. Харьков. С. 35.
- Щукин 1994: *Щукин М. Б.* На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб. (Российская Археологическая Библиотека. № 2).
- Шульц 1976: *Шульц П. Н.* Скифские изваяния // Художественная культура и археология античного мира. Сборник памяти Б. В. Фармаковского. М. С. 218–231.
- Эрлих 1990: *Эрлих В. Р.* К проблеме происхождения птицеголовых скипетров предскифского времени // СА. № 1. С. 247–250.
- Эрлих 2005: *Эрлих В. Р.* «Птицеголовые» скипетры предскифского времени. Новые аргументы к дискуссии // МКВ. Вып. 4. С. 151–162.
- Яценко И. 1959: *Яценко И. В.* Скифия VII–V веков до нашей эры: Археологические памятники степного Приднепровья и Приазовья VII–V веков до нашей эры. М. (ТГИМ. Вып. 36).
- Яценко С. 2007: *Яценко С. А.* О женщинах-«жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматов I в. до н. э. — II в. н. э.) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. 1. Барнаул. С. 58–66.
- Яценко С. 2008: *Яценко С. А.* Древние орудия в культуре сарматов и поздних скифов // НАВ. Вып. 9. С. 117–126.
- Benjamin 2007: *Benjamin C.* The Yuezhi: Origin, Migration and the Conquest of Northern Bactria. Turnhout (Silk Road Studies. XIV).
- Buchholz 1959: *Buchholz H.-G.* Zur Herkunft der kretischen Doppelaxt: Geschichte und auswärtige Beziehungen eines minoischen Kultsymbols. München.
- Cernenko 1983: *Cernenko E. V.* The Scythians, 700–300 BC. London (Osprey Military Men-at-Arms Series. 137).
- Cook 1925: *Cook A. B.* Zeus: A Study in Ancient Religion. Vol. II: Zeus God of the Dark Sky (Thunder and Lightning). Pt. 1: Text and Notes. Cambridge.
- Davis-Kimball 1998: *Davis-Kimball J.* Amazons, Priestesses and Other Women of Status: Females in Eurasian Nomadic Societies // SRAA. Vol. 5 [1997/98]. P. 1–50.
- Dumézil 1987: *Dumézil G.* Apollon sonore et autres essais. Vingt-cinq esquisses de mythologie. 2<sup>ème</sup> éd., revue et corrigée. Paris.
- Dyson 1964a: *Dyson R. H.* In the City of the Golden Bowl: New Excavations at Hasanlu, in Persian Azerbaijan // The Illustrated London News. London. No. 245 (6528). P. 372–374.
- Dyson 1964b: *Dyson R. H.* Ninth Century Men in Western Iran // Archaeology. Vol. 17/1. P. 3–11.
- Dyson 1965: *Dyson R. H.* Problems of Protohistoric Iran as seen from Hasanlu // JNES. Vol. XXIV/3. P. 193–217.
- Dyson 1967: *Dyson R. H.* Early Cultures of Solduz, Azerbaijan // SPA-14. P. 2951–2970.
- Dyson, Muscarella 1989: *Dyson R. H., Muscarella O. W.* Constructing the Chronology and Historical Implications of Hasanlu IV // Iran. Vol. XXVII. P. 1–27.
- Firsov, Žuravlev 2007: *Firsov K., Žuravlev D.* Kul'-Oba, Kozel und Aksjutency: Fürstengräber zwischen Krim und Waldsteppe // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. München; Berlin; London; New York. S. 276–290.
- Ghirshman 1964: *Ghirshman R.* The Art of Ancient Iran: From its Origins to the Time of Alexander the Great. New York.
- Ghirshman 1977: *Ghirshman R.* Le passe-bridge en défense de sanglier chez les peuples iraniens // AAntASH. T. XXV/1–4. P. 27–38.
- Gilibert 2011: *Gilibert A.* Syro-Hittite Monumental Art and the Archaeology of Performance: The Stone Reliefs at Carchemish and Zincirli in the Earlier First Millennium BCE. Berlin; New York (Topoi: Berlin Studies of the Ancient World. Vol. 2).
- Goldman 1993: *Goldman B.* The Later Pre-Islamic Riding Costume // IA. Vol. XXVIII. P. 201–246.
- Haysom 2010: *Haysom M.* The Double-Axe: A Contextual Approach to the Understanding of a Cretan Symbol in the Neopalatial Period // OJA. Vol. 29/1. P. 35–55.

- Ivantchik 1999: *Ivantchik A. I.* Une légende sur l'origine des Scythes (Hdt. IV, 5–7) et le problème des sources du *Scythicos logos* d'Hérodote // REG. T. 112 (Janvier — Juin). P. 141–192.
- Ivantchik 2006: *Ivantchik A. I.* «Scythian» Archers on Archaic Attic Vases: Problems of Interpretation // ACSS. Vol. 12/3–4. P. 197–271.
- Kullanda 2014: *Kullanda S.* External relations of Scythian // ВЯР. № 11. P. 81–90.
- Lincoln 2014: *Lincoln B.* Once again «the Scythian» myth of origins (Herodotus 4.5–10) // *Rara avis in Ultima Thule: Libellus festivus Sunniviae des Bouvrie dedicatus*. Tromsø (Nordlit: Tidsskrift i litteratur og kultur. Nr. 33). P. 19–34.
- Lissarrague 1990: *Lissarrague F.* L'autre guerrier: archers, peltastes, cavaliers dans l'imagerie attique. Paris; Rome (Images à l'appui. 3).
- Mavriyannaki 1983: *Mavriyannaki C.* La double hache dans le monde hellénique à l'âge du bronze // RA. NS. Fasc. 2. P. 195–228.
- Medvedskaya 1988: *Medvedskaya I.* Who destroyed Hasanlu IV? // Iran. Vol. XXVI. P. 1–15.
- Medvedskaya 1991: *Medvedskaya I. N.* Once more on the Destruction of Hasanlu IV: Problems of Dating // IA. Vol. XXVI. P. 149–161.
- Minns 1913: *Minns E. H.* Scythians and Greeks: A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge.
- Muscarella 1974: *Muscarella O. W.* The Iron Age at Dinkha Tepe, Iran // MMJ. Vol. 9. P. 35–90.
- Muscarella 1988: *Muscarella O. W.* Bronze and Iron: Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art. New York.
- Muscarella 2006: *Muscarella O. W.* The Excavation of Hasanlu: An Archaeological Evaluation // BASOR. No. 342. P. 69–94.
- Muscarella 2012: *Muscarella O. W.* Hasanlu and Urartu // Biainili-Urartu: The Proceedings of the Symposium held in Munich 12–14 October 2007 / Tagungsbericht des Münchner Symposiums 12. — 14. Oktober 2007. Leuven (Alr. 51). P. 265–279.
- Nikonorov 2014: *Nikonorov V. P.* The Parade Hatchet-Klevets from Old Nisa (A Contribution to the Study of the Combat Hatchets and Their Cult in Ancient Central Eurasia) // Anabasis. Vol. 4 [2013]. P. 179–232.
- Nilsson 1950: *Nilsson M. P.* The Minoan-Mycenaean Religion and Its Survival in Greek Religion. 2nd, rev. ed. Lund (Acta Regiae Societatis Humaniorum Litterarum Lundensis. 9).
- Porada, Dyson 1967: *Porada E., with contributions by R. H. Dyson.* Notes on the Gold Bowl and Silver Beaker from Hasanlu // SPA-14. P. 2971–2978.
- Price 1993: *Price M. J.* Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. IX: The British Museum. Pt. 1: The Black Sea. London.
- Rubinson 2008: *Rubinson K. S.* Tillya Tepe: Aspects of Gender and Cultural Identity // *Are All Warriors Male? Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe*. Lanham (Gender and Archaeology Series. Vol. 17). P. 51–63.
- Sarianidi 1985: *Sarianidi V. I.* Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya-tepe Necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad.
- Schauensee 1988: *Schauensee M. de.* Northwest Iran as a Bronzeworking Centre: The View from Hasanlu // *Bronzeworking Centres of Western Asia, c. 1000–539 B.C.* London; New York. P. 45–62.
- Stone 1961: *Stone G. C.* A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor in All Countries and in All Times, together with Some closely Related Subjects. New York.
- Vanden Berghe 1987: *Vanden Berghe L.* Les pratiques funéraires à l'âge du Fer III au Pusht-i Kūh, Luristān: les nécropoles «genre War Kabūd» // IA. Vol. XXII. P. 201–266.
- Vos 1963: *Vos M. F.* Scythian Archers in Archaic Attic Vase-Painting. Groningen (Archaeologica Traiectina. 6).
- Widengren 1956: *Widengren G.* Some Remarks on Riding Costume and Articles of Dress among Iranian Peoples in Antiquity // *Studia Ethnographica Upsaliensia*. Uppsala. XI. P. 228–276.
- Winter 1980: *Winter I. J.* A Decorated Breastplate from Hasanlu, Iran: Type, Style, and Context of an Equestrian Ornament. Philadelphia (University Museum Monograph 39; Hasanlu Special Studies. Vol. I).



**Цветная вклейка 21**

1. Железная секира, декорированная золотом, из первого Келермесского кургана (масштаб 1:5) [по: Алексеев А. 2012: 73]
2. Деталь декора обуха секиры из первого Келермесского кургана (не в масштабе) [по: Алексеев А. 2012: 76]
3. Бронзовый топорик из кургана № 18 у с. Львово (масштаб 1:2) [по: Толочко, Мурзин 1991: 361 (кат. № 87)]



**Цветная вклейка 22**

Деталь изображения на серебряном с позолотой сосуде  
из кургана № 3 воронежских «Частых курганов» (не в масштабе) [по: Алексеев А. 2012: 246]





**Цветная вклейка 23**

Деталь изображения на серебряном с позолотой сосуде  
из кургана № 3 воронежских «Частых курганов» (не в масштабе) [по: Алексеев А. 2012: 248]



1



2

**Цветная вклейка 24**

1. Золотая пластина из Сахновки (не в масштабе) [по: Толочко, Мурзін 1991: 378 (кат. № 99)]

2. Золотая бляха из кургана № 5 (1905 г.) у с. Аксютинцы (не в масштабе)

[по: Firsov, Žuravlev 2007: Abb. 16]

## ПОСЕЛЕНЦЫ В КОЛОНИЯХ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО В ИРАНЕ И СРЕДНЕЙ АЗИИ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СТАТУС

*М. Я. Ольбрыхт* (Жешув, Польша)

Осенью 331 г.<sup>1</sup> в битве при Гавгамелах Александр Македонский разбил армию Дария III и занял Вавилон, а некоторое время спустя, вступив в Персиду, он увенчал свою победоносную войну с державой Ахеменидов беспощадным разграблением страны и сожжением царских дворцов в Персеполе. Большая политика теперь велась в сердце Азии, и с этой перспективы проблемы Эллады или даже родной Македонии, по-видимому, имели для Александра уже второстепенное значение.

В конце лета или осенью 330 г., находясь в Парфии, Александр демонстративно выступил как поклонник иранских обычаев. В источниках речь идет о принятии им персидского костюма, регалий и дворцового церемониала Ахеменидов, а также о других его новшествах [Olbrycht 2004a; 2007a; 2008; 2010; Müller 2011]. Если раньше Александр концентрировался на завоевании Азии, то теперь создаваемой им империи требовались новые институты власти и более четкое определение характера монархии. Он не предпринял каких-либо важных шагов в этом направлении в Персиде, Сузиане или Мидии, т. е. в крупнейших областях Западного Ирана, тесно связанных с Ахеменидами, но в то же время решился на серьезные изменения в Парфии (Парфиене) на северо-востоке Ирана. Время и место для объявления новой политики не были выбраны случайно. Иранцы Восточного Ирана и Средней Азии представлялись Александру сильными и опасными противниками, поэтому именно здесь он начал закладывать фундамент новой империи. Военный и человеческий потенциал этих обширных регионов (наглядно подтвержденный в битве при Гавгамелах) был огромным, а Александр был достаточно вдумчивым правителем и дальновидным политиком, чтобы по достоинству оценить этот фактор. Примечательно, что провозглашение новой политики произошло уже после того как его войска прошли западноиранские провинции, которые являлись опорой Ахеменидам.

Идеей Александра было создание империи, в значительной степени основанной на традициях Ахеменидов, поскольку их государство казалось ему по многим аспектам заслуживающим восхищения и подражания. Однако он в своей политике обращался к традициям всех иранцев. Принимая во внимание хронологическое развитие его плана, следует признать, что македонский царь сначала сконцентрировался на Восточном Иране (330), затем его политика распространилась на иранцев Средней Азии (329–327) и только затем, в 324–323 гг. — на Персиду и другие сатрапии Западного Ирана.

---

<sup>1</sup> Все даты в статье подразумеваются до н. э.



В 330 г. Александр начал в Иране широкомасштабные действия по колонизации завоеванной территории. Это была крупная программа, являющаяся одним из элементов строительства новой державы. Ранее он уже основал два новых города — Александрополь во Фракии (во время царствования его отца Филиппа II) и Александрию в Египте — и хорошо осознавал значение колоний для консолидации государства, исходя из политики своего отца, который планомерно основывал новые города [ср.: Worthington 2008: 46]. У него был еще один авторитетный пример: Дионисий Сиракузский укреплял северо-восточные территории Сицилии колониями, населенными отслужившими наемниками [Stroheker 1958: 172, 183 (влияние на Филиппа II и Александра); ср.: Фролов 1979; Plezia 1965: 36]. Александр изучал жизнеописания Дионисия во время похода в Азию (Plut. *Alex.* 8, 3) [см.: Plezia 1965: 36, n. 10]. Персидский царь Кир Великий, которым Александр восхищался, также основывал города, например, Киресхату на Сырдарье (Arr. *Anab.* IV, 2, 2; IV, 3, 1; Curt. VII, 6, 16; VII, 6, 19; Iust. XII, 5, 12; Strabo XI, 11, 4), к тому же первой столицей империи Ахеменидов были Пасаргады — город, построенный этим же правителем, чтобы увековечить свою победу над Астиагом, царем мидийцев (Strabo XV, 3, 8).

Вопрос колонизации в Азии пробуждал интерес некоторых греческих мыслителей, начиная с Исократ (Isocr. IV, 162; V, 120–123). Этой проблемой также занимался Аристотель, которому приписывается произведение «Александр, или о колонистах» (Ἀλέξανδρος ἢ ὑπὲρ ἀποίκων: Diog. Laert. V, 22) [ср.: Wilamowitz-Moellendorf 1893: 339, Anm. 39; Berve 1938: 165, Anm. 2; Badian 1958: 442; Кошеленко 1974]. О важности колоний для создания будущей империи Александра Аристотель говорит в своем письме к царю «О политике по отношению к греческим городам», которое могло быть одним из основных стимулов для начала программы колонизации в Азии. Это письмо сохранилось только в переводе на арабский язык и было великолепно издано с переводом и комментариями Ю. Белявского и М. Плезии [Bielawski, Plezia 1970; см. также: Plezia 1965; 1968; Кошеленко 1974; Prandi 1984]. Аристотель отмечает, что после окончательной победы Александра над персами пришло время заняться состоянием городов и признанием их прав. Александр оказался способным учеником великого философа. Он прекрасно понимал роль новых городов в строительстве задуманного им государства, так же как и ценил концепцию великодушия и единения подданных. Однако он не следовал слепо рекомендациям Аристотеля, а наполнил их новым содержанием. Для Аристотеля колонии прежде всего должны были быть греческими городами, в то время как Александр разработал новую концепцию смешанных колоний, практически не имеющих ничего общего с греческим полисом.

Колонизация в Азии была элементом большой политической программы, которую Александр огласил в 330 г. в Парфии. Его первая колония в Азии возникла именно в Парфии — это был Александрополь [Olbrycht 2004b: 208–211; 2010: 357]<sup>2</sup>. С того момента Александр основывал колонии в каждой сатрапии. Характер колонизации был тесно связан с развитием политики Александра в отношении иранцев, а также македонян и эллинов. Эти три этнические группы составляли население

<sup>2</sup> Сведения о колониях Александра в Малой Азии и Леванте не являются достоверными. Утверждение Ф. Шахермайра о том, что первая Александрия — это Исс/Александретта [Schachermeyr 1973: 239–240], не имеет оснований. Также безосновательны аргументы Н. Хэммонда [Hammond 2000: 258–263] относительно существования таких колоний, как Александрии в Трояде, на Гранике, около Исса, в Герасе и др. [но см.: Cohen 1995; 2006; Ziegler 1998].

колоний в Иране и Средней Азии. Спорным остается вопрос статуса иранцев в колониях по сравнению с остальными этническими группами.

Сравнительно хорошо известны обстоятельства основания колонии Александрии Кавказской (или Александрии в Паропамисе). В фундаментальном для вопроса о поселенцах отчете Курция Руфа (Curt. VII, 3, 23) сомнительной остается сама передача текста. В некоторых изданиях [Müller, Schönfeld 1954; Atkinson 1998–2000] этот пассаж выглядит так: VII milibus seniorum Macedonum et praeterea militibus, quorum opera uti desisset («Семь тысяч македонян старшего возраста, а кроме того, солдат, чьими услугами он [Александр. — М. О.] больше не пользовался»), но поселение в одной колонии 7000 македонян — около 1/3 македонских солдат в армии Александра того времени — абсолютно невероятно (она насчитывала, по крайней мере, 21 000 пехотинцев и 2900 кавалеристов из Македонии). В своей версии текста Курция Руфа Т. Фогель предлагает: VII milibus Caucasioorum et Macedonum praeterea militibus («семь тысяч кавказцев и, кроме того, македонских солдат»), а Э. Гедике — VII milibus subactarum nationum et praeterea militibus quorum opera uti desisset («Семь тысяч [человек] из подвластных народов и, кроме того, солдат, чьими услугами он [Александр. — М. О.] больше не пользовался») [Vogel 1880; Hedicke 1908]. Обе последние версии представляются более вероятными, чем первая. Однако этноним *Caucasii* нигде больше не встречается у Курция Руфа — он упоминает только горы Кавказа (*Caucasus*), а в версии Э. Гедике не фигурируют надежно подтвержденные рукописями македоняне. Поэтому наиболее достоверным является следующий вариант: VII milibus barbarorum et Macedonum praeterea militibus («семь тысяч варваров и, кроме того, македонских солдат»). Конъектура в данном тексте имеет большое значение, поскольку в зависимости от трактовки этого фрагмента различными могут быть выводы о характере колоний<sup>3</sup>, основанных македонским царем.

Предлагаемая конъектура может быть объяснена путем сравнения с численностью населения в других колониях Александра. В подтвержденных случаях общее число жителей в одной колонии составляет 10 000 (см. ниже). В каждой из них селили азиатов. Посредством аналогии с другими колониями (например, с Картаной, см. ниже) можно предположить, что их, как правило, было примерно 7000. В таком случае македонских или, возможно, греческих ветеранов должно было быть максимум 3000. Курций Руф использует оборот «тот, кому разрешено проживать в новом городе» (*permissum in nova urbe considere*), т. е. он хочет сказать, что территория города являлась собственностью царя, поскольку он позволял колонистам там селиться, и формально они оставались свободными, так как наш источник ничего не говорит о принудительном поселении<sup>4</sup>. Однако они на самом деле должны были подчиняться воле царя.

Совершая марш в Индию в 327 г., Александр остановился в Александрии в Паропамисе и осуществил изменения в руководстве этой колонии, назначив гетайра Никанора ее начальником и уволив македонского гипарха, который ранее занимал этот пост (Агг. *Anab.* IV, 22, 4–5) [см.: Bosworth 1995: 145]. Кроме того, Александрия получила дополнительных колонистов: ими стали местные жители (*περιόικοι*) и непригодные к военной службе солдаты (*ἀπόμαχοι*: Агг. *Anab.* IV, 22, 5). Эти

<sup>3</sup> Например, П. Бриан с нарочитой уверенностью принимает число 7000 македонян [Briant 1978: 85, n. 234].

<sup>4</sup> Согласно А. Бозуорту, эти поселенцы являлись вспомогательным контингентом (*supernumeraries*), а не добровольцами (*volunteers*) [Bosworth 1995: 145]. Впрочем, он не приводит более подробных сведений о составе *supernumeraries*.

мероприятия были напрямую связаны с походом в Индию — Александрия в Паропамисе должна была защищать основной путь из Средней Азии в долину Инда, имевший огромное стратегическое значение.

Диодор (XVII, 83, 2) упоминает об основании Александром анонимной колонии на расстоянии одного дня пути от Александрии в Паропамисе<sup>5</sup>. Вероятно, это известная Плинию (Plin. *NH.* VI, 62) Картана. Там было поселено 7000 варваров, 3000 человек из числа сопровождавших армию и наемников-добровольцев (по всей видимости, греческих). Число 3000 относится, скорее всего, к обоим последним категориям вместе взятым. В этой колонии не было македонян<sup>6</sup>. Их в качестве поселенцев Александр использовал редко, поскольку число македонян в армии было ограниченным. Среди сопровождающих армию людей могли быть и другие эллины или даже азиаты из Леванта. В общей сложности в городе насчитывалось 10 000 поселенцев. Новая колония должна была охранять путь из Бактрии в Александрию в Паропамисе.

Наиболее известным является состав колонистов в Александрии Эсхате на реке Яксарте (Сырдарье). Македоняне возвели вокруг своего лагеря стену длиной 60 стадиев (Curt. VII, 6, 25). Согласно Юстину (Iust. XII, 5, 12), длина стены составляла 6 миль. Для сравнения: в Мараканде длина стен составляла около 70 стадиев. Постройка города должна была занять 17 или 20 дней<sup>7</sup>. Согласно Арриану, в городе поселили греческих наемников (μισθοφόροι), добровольцев из местного населения и непригодных к военной службе македонских солдат (ἀπόμαχοι) (Arr. *Anab.* IV, 4, 1). Более подробные сведения содержатся в традиции «вульгаты». Например, Юстин уточняет происхождение туземных поселенцев: они были из трех согдийских городов, основанных Киром Великим (Iust. XII, 5, 12: *Urbem Alexandriam <...> condidit <...> translatis eo trium civitatum populis, quas Cyrus condiderat*). Курций Руф добавляет, что эти города взбунтовались против Александра, однако были взяты и уничтожены, а их уцелевшие жители захвачены в плен. Александр, однако, выкупил этих пленников у их хозяев и приказал поселить в новом городе. Курций также уточняет, что их потомки жили еще в его время (I в. н. э.), продолжая хранить память об Александре (Curt. VII, 6, 27: *Incolae novae urbi dati captivi, quos, reddito pretio dominis, liberavit; quorum posteri nunc quoque non apud eos tam longa aetate propter memoriam Alexandri exoleverunt*). Иначе говоря, согдийские пленники сначала были освобождены и лишь затем поселены в колонии. Этот факт имеет фундаментальное значение для понимания статуса иранцев в колониях Александра. В «Itinerarium Alexandri» (38 [LXXXIV]) сообщается также о непригодных к военной службе солдатах, поселенных в Александрии на Сырдарье<sup>8</sup>.

<sup>5</sup> А. Бозуорт считает, что Курций (VII, 3, 23) и Диодор (XVII, 83, 2) описывают поселенцев одного и того же города [Bosworth 1995: 145], но это ошибка.

<sup>6</sup> П. Бриант считает, что среди этих 3000 поселенцев были греки и македоняне [Briant 1978: 85, п. 234], однако наш основной источник, Диодор, македонян там не упоминает.

<sup>7</sup> Солдаты соперничали друг с другом в процессе строительства стен. Курций Руф говорит о периоде в 17 дней (Curt. VII, 6, 26). Такое же число дней приводит и Юстин (Iust. XII, 5, 12). Согласно Арриану (*Anab.* IV, 4, 1), строительство длилось 20 дней. В «Itinerarium Alexandri» (38 [LXXXIV]) сообщается, что Александр построил город за 20 дней, используя местных жителей для этих работ.

<sup>8</sup> Там рассказывается, что Александр поселил в городе солдат преклонного возраста или непригодных к службе, а также тех, кто уже не проявлял желания сражаться. Возможно, речь идет о группе, наказанной за несоблюдение субординации, поскольку в своих колониях Александр поселял и таких солдат. Общий комментарий к данному свидетельству приводится в работе: Tabacco 2000: 204.

Арриан (*Anab.* IV, 4, 1), перечисляя группы колонистов в Александрии Эсхате, только в отношении туземных жителей подчеркивает, что это были добровольцы (ἐθελονταί). Достоверность этого свидетельства ставится под сомнение: например, А. Бозуорт признает, что эти поселенцы были «сначала поработанные, а потом освобожденные», но сравнивает их ситуацию с пленными со Скалы Ариамаза в Согдиане (*Curt.* VII, 11, 29) и приходит к выводу, что «повстанцы должны были поселяться как подвластное сельское население, поддерживающее военную элиту греко-македонских колонистов» [Bosworth 1995: 26]<sup>9</sup>. Однако это заключение неверно, поскольку пленные со Скалы Ариамаза в качестве рабов были отданы колонистам (см. ниже). Свидетельство Арриана о свободном статусе иранцев является достоверным, тем более что его подтверждает Курций Руф, который прямо говорит о выкупе пленных царем. Следовательно, в этом случае не может быть сомнения, что иранцы в Александрии Эсхате были свободными поселенцами и являлись равноправной группой наряду с греческими и македонскими колонистами. Такая структура поселения повторилась во многих других колониях Александра.

Формально все поселенцы в Александрии Эсхате были свободными, однако на самом деле их всех насильно заставили поселиться в колонии. С этой точки зрения положение македонян не отличалось от положения иранцев и эллинов<sup>10</sup>. На примере Александрии в Паропамисе, Картаны и Александрии Эсхаты можно сделать вывод, что иранцев принимали в группы свободных жителей царских колоний. С точки зрения права их статус определенно равнялся статусу македонян и греков.

Стоит привести данные, касающиеся колонистов за пределами Ирана и Средней Азии. Несколько городов были основаны Александром в Индии. Так, в Аригее колонию построил Кратер по приказу царя: были воздвигнуты укрепления и поселены добровольцы из окрестных жителей (τοὺς προσχώρους ὅσοι ἐθελονταί), а также непригодные к военной службе солдаты (*Агг. Anab.* IV, 24, 7). Аналогичная структура поселения была учреждена в Александрии на Акесине, которую основал Гефестион: ее население сформировали добровольцы (ἐθελονταί) из местных жителей, а также непригодные к службе солдаты-наемники (*Агг. Anab.* V, 29, 3)<sup>11</sup>. Общее число поселенцев равнялось 10 тысячам (*Diod.* XVII, 102, 4).

Другие колонии возникли на территории Южного Ирана и Вавилонии. В колонии на реке Арабус в индо-иранском пограничье были поселены арахоты (*Curt.* IX, 10, 7: *In hac quoque regione urbem condidit, deductique sunt in eam Arachosii*). Их, очевидно, переселили туда из Арахосии [Tschirikower 1927: 193]. Неизвестно, были ли там также македоняне и греки. На месте Рамбакии — самой большой деревни народа оритов — Александр приказал Гефестиону основать город (πόλις: *Агг. Anab.* VI, 21, 5), в котором жителями были исключительно туземцы. В Александрии Харакс на берегу Персидского залива были поселены две группы колонистов: жители уничтоженной (в результате какой-то естественной катастрофы) местной метрополии

<sup>9</sup> Он же [Bosworth 1995: 26] отмечает, что в Индии Александром также применялась практика склонять местное население к поселению в царских колониях (*Агг. Anab.* IV, 24, 7; V, 29, 3), однако даже там эти «добровольные поселенцы» не могли иметь такого статуса, как греки и македоняне, а должны были создавать «команду для неквалифицированного труда» (Bosworth 1995: 26). Такой вывод представляется крайне односторонним.

<sup>10</sup> Это справедливо подчеркивает А. Бозуорт [Bosworth 1995: 26].

<sup>11</sup> Здесь речь не идет о македонянах. Согласно А. Бозуорту [Bosworth 1995: 26], индийцы составляли непривилегированный, пользующийся меньшими правами класс, однако это не подтверждено в свидетельствах наших источников.

Дурина, а также непригодные к службе солдаты<sup>12</sup>. Александрия на Евфрате, основанная в 323 г. на западной границе Вавилонии, была заселена греческими наемниками, инвалидами (непригодными к боям из-за возраста или ранений; возможно, частично это были македоняне) и добровольцами. Происхождение последних не раскрывается, однако имелись в виду, вероятнее всего, коренные жители близлежащих территорий (Агг. *Anab.* VII, 21, 7). Здесь уместно также упомянуть Александрию в Египте, где были поселены коренные египтяне<sup>13</sup>, происходившие из старого местного центра Каноп (Ps.-Arist. *Oikon.* II, 33).

Свои колонии на территории, называемой впоследствии Верхними сатрапиями, Александр заселял тремя этническими группами: македонянами, эллинами и иранцами. Греческих наемников насильно заставляли селиться в колониях. Это подтверждает Арриан, указывая на их недовольство такой практикой и подчеркивая недобровольный характер колонизации (Агг. *Anab.* V, 27, 5: в речи Кена в Индии). Недовольство эллинов привело к восстаниям против Александра и диадохов. Достаточно было непроверенной информации о смерти Александра, чтобы греки в Бактрии и Согдиане взбунтовались в 325 г. Очередной мятеж, произошедший в 323 г., имел еще более широкий размах (Diod. XVII, 99, 5–6; XVIII, 7). В связи с этим неувидительны как растущее недоверие Александра к греческим наемникам, так и изданный им в 325/324 г. декрет, предписывавший сатрапам и стратегам распустить наемные войска (Diod. XVII, 106, 3; 111, 1). Однако греки являлись для Александра важным элементом в колонизации по двум причинам: во-первых, греческие наемники были многочисленны, и, во-вторых, эллины, как правило, были очень хорошо знакомы с городским образом жизни и потому были незаменимы в деле основания и функционирования колоний.

Первоначально Александр намеревался поселить в колониях Азии большое число наемников, о чем свидетельствует сообщение Павсания о том, что царь собирался поселить в Персиде всех греков, которые служили в армиях Дария III и его сатрапов (Paus. I, 25, 5). Позже, однако, ситуация изменилась, особенно после упомянутого декрета Александра. Многие из наемников переправились в 324–323 гг. в Европу. Тех, кто дошел «до моря», должно было быть около 50 тысяч (Paus. VIII, 52, 5; ср.: Diod. XVII, 111, 1). Это число, вероятно, относится главным образом к наемникам, уволенным на основании царского декрета. Александр располагал десятками тысяч греческих наемников, которые являлись постоянным элементом населения его колоний. По оценке Дж. Т. Гриффита, во время кампании в Азии армия Александра пополнилась 60–65 тысячами наемников, из которых по крайней мере 36 тысяч было поселено в гарнизонах и колониях [Griffith 1935: 20–23]<sup>14</sup>. Эти рас-

<sup>12</sup> Plin. *NH.* VI, 138: Charax, oppidum Persici sinus intimum <...> conditum est primum ab Alexandro Magno, colonis ex urbe regia Durine, quae tum interiit, deductis, militum inutilibus ibi relictis; Alexandriam appellari iusserat pagumque Pellaeum a patria sua, quem proprie Macedonum fecerat («Харакс, крайний город Персидского залива, <...> сначала был основан Александром Великим, а поселенцы в него были выведены из столицы Дария, которая тогда погибла; также там были оставлены те из воинов, от кого больше не было пользы; он [Александр. — М. О.] приказал назвать ее Александрия, а область — Пеллеей, в честь своей родины, и сделал ее собственностью македонян»).

<sup>13</sup> Curt. IV, 8, 5: Ex finitimis urbibus commigrare Alexandriam iussis novam urbem magna multitudine implevit («Он [Александр. — М. О.] наполнил новый город великими толпами людей, которых заставил переселиться из соседних городов»). Однозначно речь здесь идет о принудительном переселении [см.: Tscherikower 1927: 192–193].

<sup>14</sup> Таких же расчетов придерживается Г. Шипли [Shiple 2000: 56–57]. К. Белох и Г. Берве считали, что в армии Александра во время восточного похода находились около 44 тысяч наемников, из которых по меньшей мере 25 тысяч были поселены в колониях [Beloch 1923: 331–352; Berve 1926: Bd. I, 147–148].

четы не являются полными из-за фрагментарности свидетельств, однако все же позволяют представить, насколько важную роль играли наемные воины в градостроительной политике Александра.

Число македонских солдат было значительно меньше, чем греческих наемников. Р. Биллоус оценивает количество первых в качестве поселенцев во всей Азии при Александре и диадохах примерно в 25 тысяч человек (из 35–37 тысяч прибывших в Азию) [Billows 1995: 153]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что число македонских поселенцев было ограниченным. Как правило, ими были солдаты в преклонном возрасте или непригодные к военной службе из-за полученных ранений (*ἀλόμαχοι*); они иногда оставлялись в обычных гарнизонах — как, например, в Таксиле (Arr. *Anab.* V, 8, 3). Поселение македонских ветеранов в колониях, скорее всего, было связано с военными обязательствами по отношению к царю и, возможно, к сатрапам. В какой-то мере новые города Александра расценивались и как исправительные колонии. После казни Филоты в Дрангиане (330 г.) недовольные царем солдаты были собраны в специальном исправительном отряде (Diod. XVII, 80, 4: *ἀτάκτων τάγμα*). Александр планировал их таким образом физически устранить или же отослать в отдаленные колонии (Iust. XII, 5, 8: *aut consumpturus eos aut in ultimis terris in colonias distributurus*). Естественно, возникает вопрос: о каких колониях в связи с «делом Филоты» идет речь? Получается, что мы имеем косвенное свидетельство о существовании македонских колоний в Иране уже в 330 г. В колониях на территории Бактрии и Согдианы Александр разместил неблагонадежные элементы из своей армии (Iust. XII, 5, 13: *urbes condidit, distributis his, quoscumque in exercitu seditiosos habebat* [«...основал города, поселив там тех из воинов, которых он считал склонными к мятежам»]).

Вопрос о статусе иранцев в колониях является весьма дискуссионным. Обычно они рассматриваются как рабы или зависимые люди [Briant 1982: 244–247 (для Согдианы); Bosworth 1995: 26–27]. Однако в тех колониях, о которых сохранилась более или менее подробная информация (особенно это касается Александрии Эсхаты), представители местного населения были добровольными поселенцами. Безусловно, определение «добровольные поселенцы» требует дополнительного уточнения: перед лицом угрозы насилия со стороны завоевателей туземцы были вынуждены селиться в возведенных на их территории колониях. Впрочем, такое же давление оказывалось и на македонян и греческих наемников. Источником этого давления была воля царя. Формально добровольный статус азиатских поселенцев, так же как македонских и греческих, являлся основой для включения их в общество граждан данной колонии. Нет никаких доказательств того, что в таком обществе местные жители имели второстепенный социальный статус. В свете проиранской политики Александра, объявленной в 330 г., иранцы должны были стать равноправными наряду с македонянами, так что их равноправное положение в гражданских коллективах колоний не должно вызывать особого недоумения. Возможно, что первоначально фактический статус иранцев был несколько ниже, чем македонян, принимая во внимание военное преимущество последних. Однако не позднее 327 г., в связи с появлением воинских формирований из т. н. эпигонов, где большинство составляли иранцы из колоний Александра, они как царские солдаты уже не могли быть второстепенной социальной группой в социальной иерархии нового государства.

Курций Руф свидетельствует, что молодые рекруты в составе подразделений эпигонов происходили «из всех провинций» (*ex omnibus provinciis*: Curt. VIII, 5, 1). То, что речь идет исключительно об иранских сатрапиях, однозначно подтверждают

другие авторы. Арриан (*Anab.* VII, 6, 1) называет следующие места, откуда сатрапы набирали эпигонов: «...из новых городов и других покоренных земель» (...ἐκ τῶν πόλεων τε τῶν νεοκτίστων καὶ τῆς ἄλλης γῆς τῆς δοριαλώτου). Примечательно, что на первом месте у него названы колонии, а они ведь существовали (если не считать далеких Египта и Индии) только на Иранском нагорье и в Средней Азии, т. е. там, где жили иранцы. Эти сведения указывают на то, что иранские колонисты были обязаны служить в армии царя. Арриан упоминает также «другие покоренные земли». Это его добавление остается не вполне ясным, однако оно могло относиться к тем территориям, где не было царских колоний, или же правили местные князья, которые были обязаны поставлять новобранцев. Таким был, в частности, Сисимифр в Согдиане, подчинившийся Александру и оставленный им в качестве правителя (гиппарха) (см.: *Arg. Anab.* IV, 21, 9; *Curt.* VIII, 2, 32) [Berve 1926: Bd. II, Nr. 708].

Диодор и Юстин называют эпигонов персами (*Diod.* XVII, 108, 1; *Iust.* XII, 4, 9–10)<sup>15</sup>. При этом очевидно, что речь идет не только о жителях Персиды, а вообще об иранцах. В античной этнической номенклатуре не было общего термина для обозначения иранцев, и название «персы» распространялось не только на жителей Персиды, но и на другие народы Ирана<sup>16</sup>. Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что данные Арриана, Юстина и Диодора позволяют предполагать, что воинские контингенты эпигонов формировались из жителей Иранского нагорья и Средней Азии.

Другое мнение было высказано Н. Хэммондом [Hammond 2000: 257–258]: эпигоны набирались со всей империи Александра, и этот процесс начался в Лидии в 334 г., а первый отряд лидийцев-эпигонов Александр получил в 330 г.<sup>17</sup> Однако в 334 г., в самом начале своего похода в Азию, Александр был еще далек от планов формирования восточной армии. Во время борьбы с Дарием у него не было полного доверия к отрядам, набранным среди жителей Леванта и Малой Азии. На это, в частности, указывает то, что после битвы при Газе он выслал Аминту в Македонию за новыми войсками, «поскольку даже при удачных битвах войско уменьшалось, а царь меньше доверял солдатам из покоренных народов, чем соотечественникам» (*Curt.* IV, 6, 31).

В античном лексиконе Суды (*Suda s. v. βασιλῆιοι παῖδες*) упоминаются 6000 царских пажей в Египте, которые по приказу Александра обучались военному ремеслу. Они определенно не принадлежали к учрежденному им институту воинов-эпигонов, имевшему исключительно иранский характер. На самом деле, это было местное

<sup>15</sup> Н. Хэммонд безапелляционно пишет, что Диодор здесь «называет персами все коренные народы в противоположность захватчикам-македонянам» [Hammond 2000: 244]. Он приводит другие фрагменты из труда Диодора, которые, однако, не являются обоснованием для его утверждения. Действительно, иногда термин «персы» распространялся на всех жителей Персидской империи (армия Дария III в битве при Иссе является «персидской» — *Diod.* XVII, 35, 1). Однако сравнение с другими свидетельствами, касающимися эпигонов, показывает, что это были именно иранские войска, в которых не было, например, лидийцев или сирийцев.

<sup>16</sup> В таком смысле используется этноним «персы» у Плутарха (*Plut. Alex.* 71, 3: иранцы в окружении Александра). Аналогично и у Диодора, который, описывая битву на реке Граник, применяет термины «персидские пехотинцы» (XVII, 19, 5) и «персидская армия» (XVII, 19, 6; XVII, 21, 3; XVII, 21, 4), хотя войска персов также включали в себя контингенты гирканцев и др.

<sup>17</sup> Н. Хэммонд ссылается на Курция Руфа (VI, 6, 35). В этом пассаже речь идет о 500 солдатах из Эллады, 3000 иллирийцах от Антипатра, 130 фессалийцах, 2600 солдатах из Лидии (скорее всего, пехотинцах) и 300 кавалеристах из этой же страны. Эти лидийцы могли быть либо наемниками, либо, что более вероятно, солдатами, принадлежащими к войску сатрапа Лидии. Наш источник ничего не говорит о том, что они использовали македонское оружие и были обучены по македонскому образцу. То же самое касается и других контингентов из Малой Азии (см.: *Curt.* VII, 10, 11 sq. — о ликийцах).

египетское формирование, состоявшее из молодых солдат на царской службе, которые не были бойцами фаланги по македонскому образцу в армии Александра, а являлись воинами контингента его египетской сатрапии.

Первоначальные причины создания подразделений эпигонов были военно-политическими: Александр хотел таким образом ослабить военный потенциал иранских народов и заодно иметь в лице этих солдат заложников (Curt. VIII, 5, 1). Однако тем самым царь сделал очередной и хорошо продуманный шаг против македонской части своей армии. Наперекор македонянам, сопротивлявшимся любым его проиранским действиям и нововведениям [см.: Müller 2003], Александр решительно шел к конфронтации с целью ликвидации оппозиции. Для этого ему, безусловно, требовалась сила, которая могла противостоять военной мощи его противников из македонской среды. Такой вывод, естественно напрашивающийся при анализе политики Александра в 330–327 гг., находит полное подтверждение у Диодора, который упоминает выступления македонян против Александра — например, бунт в Индии на р. Гифасис, а также их насмешки над богом Амоном, якобы «отцом» их повелителя. Александр в этой ситуации создал формирование из персов, которое было задумано как противовес (*ἀντίταγμα*) македонской фаланге (Diod. XVII, 108, 3). Эпигоны также должны были являться опорой царя и в отношении греческих наемников, представлявших собой достаточно серьезную угрозу центральной власти в качестве военных колонистов и солдат оккупационных войск.

В источниках сообщается о большом количестве людей, следивших за процессом обучения эпигонов<sup>18</sup>. Тренировки должны были проходить в больших группах, поэтому эпигоны не могли жить отдельно друг от друга, в своих родных поселениях. Кроме того, они должны были постоянно пребывать в полной боевой готовности, для чего их обслуживали зависимые люди и рабы. Основными центрами их подготовки были колонии, созданные по приказу Александра. Эпигоны в значительной своей части были выходцами оттуда и являлись привилегированной группой среди иранцев. Согласно Арриану, эпигонов приводили к Александру сатрапы, и это определенно свидетельствует о том, что сатрапы на своей территории контролировали все военные вопросы [Hammond 2000: 244–245]. В обучении, вероятно, также принимали участие и коменданты гарнизонов в городах (*φρούραρχοί*). Как вооружение, так и великолепная подготовка эпигонов стали причиной того, что они превратились в военную силу, равнозначную македонской.

Часть туземных жителей представляла собой в колониях еще одну категорию, а именно военнопленных (Агг. *Anab.* IV, 3, 1). В захваченных македонянами городах местных мужчин убивали, а женщин и детей превращали в рабов (Агг. *Anab.* IV, 2, 4). Если же первые не погибали, то победители делали их своими рабами (Агг. *Anab.* IV, 3, 5). Ключевые сведения об этом приводит Курций Руф, сообщающий, что многие иранцы с покоренной Скалы Ариамаса были подарены (вместе с награбленной добычей) жителям новых городов в качестве рабов (Curt. VII, 11, 29: *Multitudo deditorum incolis novarum urbium cum pecunia capta dono data est*). Поскольку жителями городов-колоний (*incolae*) были свободные иранцы, македоняне и эллины, можно утверждать, что в них обитали и рабы иранского происхождения. В тех условиях это явление было абсолютно нормальным. Известно,

<sup>18</sup> Plut. *Alex.* 47, 3: «многочисленные эпистаты»; ср.: *ibid.* 71, 1; Diod. XVII, 108, 1–2 (эпистаты и дидасколы).



что многих индийских пленников македоняне продавали в рабство (Curt. IX, 8, 15). Другими словами, это была общепринятая практика повсюду, где Александр осуществлял свои завоевания<sup>19</sup>.

Таким образом, можно сделать вывод, что статус иранцев в колониях был двойственным: с одной стороны, они представляли собой часть общины свободных жителей<sup>20</sup> (умалчивание о роли свободных иранцев в процессе колонизации Александра является ошибочным<sup>21</sup>); с другой стороны, некоторые из иранцев были рабами, находившимися во владении полноправных граждан колоний греческого, македонского и иранского происхождения<sup>22</sup>.

В конце своего царствования Александр обратил внимание на население Леванта как на потенциальных колонистов. В 323 г. он приготовил в Вавилоне мощный флот и приказал привезти экипаж гребцов, специалистов по окраске и других ремесленников из Финикии «и других территорий побережья», а также отправил в Финикию и Сирию Миккала из Клазомен с суммой в 500 талантов, чтобы набрать как можно больше мореплавателей и заселить ими побережье Персидского залива (Агг. *Anab.* VII, 19, 5).

Колонии Александра в Азии не были одинаковыми по размеру. Городские колонии насчитывали в известных случаях около 10 тысяч поселенцев (Diod. XVII, 83, 2; 102, 4) — это количество мужчин, составлявших ядро свободной городской общины. Учитывая их семьи, а также рабов и слуг, получается около 50 тысяч жителей [Hammond 2000: 246, 257]. В двух известных случаях (Александрия в Паропамисе и Картана) число туземных поселенцев равнялось 7000. Остальные, т. е. 3000, были набраны среди эллинов и частично македонян. Среди колонистов из числа сопровождающих армию лиц могли быть группы поселенцев из Леванта, однако этот фактор не был определяющим.

Не каждая колония Александра была крупным городом. Например, шесть *oppida* в Маргиане (Curt. VII, 10, 15) представляли собой, скорее всего, укрепленные поселения, выполнявшие функцию крепостей, а не городов. На столь ограниченной территории, как Маргиана, не могли возникнуть сразу несколько крупных городских поселений, группирующихся вокруг главного центра области — Александрии Маргианской, располагавшейся на месте городища Старого Мерва.

Основной целью колонизации Александра в Азии было обеспечение военной целостности державы [Olbrycht 2004a; 2007b]. Особо отчетливо на это указывает Курций Руф, перечисляя гарнизоны (*praesidia*) и вновь основанные города (*urbes*) в качестве основных опорных пунктов македонского присутствия (Curt. X, 2, 8)<sup>23</sup>. Многократно упомянуты в военном контексте конкретные колонии городского типа (Александрия Эсхата: Агг. *Anab.* IV, 1, 3 [о других колониях см.: Tschirikower

<sup>19</sup> Ошибочное мнение приводится в работе Н. Хэммонда [Hammond 2000: 257]: «Города Александрия были лишены возможности использовать труд рабов».

<sup>20</sup> Поселенцы должны были быть добровольцами, у них не отбирали собственность, и они не жили как рабы — так справедливо заключает Н. Хэммонд [Hammond 2000: 267–268].

<sup>21</sup> Р. Циглер явно некорректно утверждает, что новые колонии «были населены прежде всего македонскими солдатами... и греческими наемниками» [Ziegler 1998: 680].

<sup>22</sup> Из Ай-Ханум происходят свидетельства о том, что там в селевкидский и греческо-бактрийский периоды иранцы были зависимым слоем общества и даже рабами [ср.: Bosworth 1995: 26–27].

<sup>23</sup> К. Бродерсен [Brodersen 2001: 358] вообще отвергает это свидетельство Курция Руфа из-за его якобы неясного значения, однако Н. Хэммонд справедливо признает его достоверность [Hammond 2000: 258].

1927: 148–150]). В Бактрии и Согдиане Александр основал πόλεις «в нужных местах» для того, чтобы держать в повиновении возможных мятежников из местного населения (Diod. XVII, arg. κδ'). Речь идет о восьми (Strabo XI, 11, 4) или даже двенадцати (Just. XII, 5, 3) городах-колониях Александра в этих областях. Многочисленные колонии Александра появились в Индии, особенно в южной долине Инда (Curt. IX, 10, 3). В стране коссеев, обитавших на границе Мидии, были возведены укрепленные города (πόλεις) в стратегически важных местах (Diod. XVII, 111, 6; Arr. Ind. XL, 8).

В каждой сатрапии Восточного Ирана Александром была основана, по крайней мере, одна городская колония, а именно в Парфии, Маргиане, Дрангиане (вместе со страной ариаспов) и Арахосии. Две колонии известны в Арее и три в Паропамисе, что указывает на исключительно важное стратегическое значение этих регионов: Арейя лежала на пути, соединяющем Среднюю Азию с Иранским нагорьем и Вавилонией, а Паропамис — на перекрестке дорог из Средней Азии, Индии и Ирана. Похожая модель колонизации наблюдается и в Южном Иране и Вавилонии, где ни одна сатрапия не осталась без колонии: там появились Александрия в Вавилонии, Александрия в Сузиане (позднее Харакс), Александрия в Персиде, Александрия в Кармании, Александрия в Гедросии (или Макарене), Александрия на земле оритов, Рамбакия и город арбиев (Arbis orpidum) на границе с Индией. Этот перечень не претендует на полноту, однако он наглядно демонстрирует, что размах колонизации Александра был огромен, и колонизаторская деятельность являлась одной из основных задач македонского царя в Азии в 330–323 гг. [Leriche 1985; Кошеленко 1979; Olbrycht 2004b].

Основывая колонии, Александр видел их назначение не только в военной сфере. В источниках многократно подчеркивается, что он планировал постепенное преобразование их в крупные центры торговли. Так было, к примеру, в Рамбакии (Arr. Anab. VI, 21, 5), Александрии на Акесине (Arr. Anab. VI, 15, 2) и Александрии Эсхате (Arr. Anab. V, 1, 3–4) [см.: Tschirikower 1927: 150–152]. Сюда можно добавить и основание Александрии Египетской как особо важного центра с точки зрения торговли.

В источниках фигурируют три основные группы поселенцев в колониях Александра на Иранском нагорье и в Средней Азии: иранцы, македоняне и эллины<sup>24</sup>. В некоторых колониях могло произойти определенное сближение разных этнических элементов<sup>25</sup>. Однако, помня о ситуации в таких многонациональных эллинистических городах, как Селевкия на Тигре или Александрия Египетская, следует осторожно относиться к идее всеобщего культурного и этнического синтеза.

В процессе колонизации Александр встретился с сопротивлением македонских и греческих поселенцев. «Если бы Александр предоставил своим солдатам право свободного выбора, ему вряд ли удалось бы основать больше пары-тройки городов», — верно заключает В. Чериковер [Tschirikower 1927: 192]. Особенно опасным для Александра было неудовольствие эллинов, которых насильно заставляли селиться в новых городах. Греки не могли примириться с характером этих колоний, а особенно с их внутренним устройством. Они тосковали по греческим обычаям

<sup>24</sup> Верные выводы о структуре колоний Александра предлагает Г. А. Кошеленко [Кошеленко 1979: 213–214; Košelenko et al. 1996: 129–130].

<sup>25</sup> К. Бродерсен считает, что совместное поселение македонян, греков и жителей Азии привело к слиянию их традиций в городах [Brodersen 2001: 370].

(ἀυωυή) и образу жизни (δίαίτα), и «только из страха перед царем терпели ссылку на окраины государства»<sup>26</sup>. Если бы колонии Александра были организованы по типу греческих полисов, не было бы серьезных проблем. Источником раздора была принадлежность иранцев и других колонистов азиатского происхождения к общине свободных жителей. Кроме того, города строго контролировались царскими надзирателями и не имели широкой автономии, поэтому нельзя говорить о колониях Александра в Азии как имеющих статус классических греческих полисов. По всей вероятности, именно из-за проблем с эллинами Александр решил в 323 г. использовать в качестве колонистов на Персидском заливе жителей Финикии и Сирии.

Недовольство выражали также македонские колонисты. И здесь основной причиной недовольства было положение иранцев в качестве свободных жителей колоний. Для македонян это значило, что, несмотря на затраченные огромные усилия, они вынуждены были делиться властью с побежденными. Помимо этого, отдаление от отчины с перспективой невозможности возвращения туда являлось тем обстоятельством, с которым им трудно было примириться. Приведу только один пример, иллюстрирующий македонское недовольство: гетайр Менандр, назначенный Александром начальником одного из гарнизонов, отказался оставаться там и был убит царем (Plut. *Alex.* 57, 3).

Иранские поселенцы в колониях были формально равноправными с македонянами и эллинами. Сравнивая эту ситуацию с ростом значения иранцев в армии и политике Александра с 330 г., можно утверждать, что такой статус иранских колонистов являлся следствием принципов политики Александра на Востоке. Он еще более укрепился, когда из колоний начали набирать на военную службу молодых иранцев, и из них была создана новая фаланга. Можно также предположить, что среди них были солдаты из других формирований, в первую очередь конницы. Еще одна группа иранцев — это рабы и зависимые люди, часть которых должна была работать для поддержания военных поселенцев в состоянии полной боевой готовности.

Следует обратить внимание еще на один аспект колонизации Александра: во вновь основанных городах селились не только полноправные колонисты, но и их семьи. У греческих и македонских колонистов часто были иранские жены, и от этих союзов рождались дети, в воспитании которых должны были учитываться исконно иранские культурные элементы. Все это и приводило к тому, что колонии Александра, в которых по численности преобладали иранцы, не являлись, по сути, греческими городами по типу πόλις<sup>27</sup>.

Часто рисуется картина полного ухода македонян и других колонистов из колоний и их полного упадка после смерти Александра [Fraser 1996: 195]. Это, однако, относится только к части колоний — к городам на границах неспокойных регионов (Александрии Эсхате и Александрии в Маргиане), другие же (в том числе Александрия в Арее, Александрия в Паропамисе и др.) просуществовали намного дольше. Македонская гегемония в Азии после смерти Александра была подвергнута серьезным испытаниям. Так, широкомасштабный мятеж греков в Верхних

<sup>26</sup> Diod. XVIII, 7, 1–9; Trog. *Procl.* XIII. Этот вопрос подробно проанализирован Г. А. Кошеленко [Кошеленко 1972; 1979: 181–221].

<sup>27</sup> Г.-Й. Герке относит колонии Александра в Иране к типу греческого πόλις [Gehrke 1996: 68], что представляется бесосновательным. Его вывод основывается, очевидно, на широко распространенной в наше время концепции ретроспективного перенесения колонизационной практики Селевкидов и других эллинистических династий на времена Александра.

сатрапиях в 323 г. привел к их упадку. Однако следует подчеркнуть, что позиции сатрапов и некоторых диадохов в Иране и Средней Азии и после 323 г. оставались достаточно прочными, при этом некоторые из них в течение длительного времени сохраняли свою власть (Оксиарт в Паропамисадах, Стасанор в Арейе, Певкест в Персиде и многие другие). В их интересах было обеспечение стабильного существования городов, основанных Александром, благодаря чему некоторые из его колоний пережили смутные времена борьбы диадохов и в конечном итоге перешли под защиту и покровительство Селевкидов.

## Литература

- Кошеленко 1972: *Кошеленко Г. А.* Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н. э. // ВДИ. № 1. С. 58–73.
- Кошеленко 1974: *Кошеленко Г. А.* Александр и Аристотель (к вопросу о подлинности «Письма Аристотеля к Александру о политике по отношению к городам») // ВДИ. № 1. С. 22–44.
- Кошеленко 1979: *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.
- Фролов 1979: *Фролов Э. Д.* Сицилийская держава Дионисия (IV в. до н. э.). Л.
- Atkinson 1998–2000: *Atkinson J. E. (ed.).* Curzio Rufo. *Storie di Alessandro Magno.* Vol. 1–2. Milano.
- Badian 1958: *Badian E.* Alexander the Great and the Unity of Mankind // *Historia.* Bd. 7. P. 425–44.
- Beloch 1923: *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd. 3: Bis auf Aristoteles und die Eroberung Asiens. Abt. 2. Berlin; Leipzig.
- Berve 1926: *Berve H.* Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. I–II. München.
- Berve 1938: *Berve H.* Die Verschmelzungspolitik Alexanders des Grossen // *Klio.* Bd. 31. S. 135–168.
- Bielawski, Plezia 1970: *Bielawski J., Plezia M.* Lettre d' Aristote à Alexandre sur la politique envers les cites. Wrocław (Archiwum Filologiczne. 25).
- Billows 1995: *Billows R. A.* Kings and Colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden; New York; Köln (Columbia Studies in the Classical Tradition. Vol. XXII).
- Bosworth 1995: *Bosworth A. B.* A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Books IV–V. Oxford.
- Briant 1978: *Briant P.* Colonisation hellénistique et populations indigènes. La phase d' installation // *Klio.* Bd. 60. P. 57–92.
- Briant 1982: *Briant P.* Rois, Tributs et Paysans. Paris.
- Brodersen 2001: *Brodersen K.* «In den städtischen Gründungen ist die rechte Basis des Hellenisierens». Zur Funktion seleukidischer Städtegründungen // *Stadt und Land: Wolfgang von Hippel zum 65. Geburtstag.* Stuttgart. S. 355–371.
- Cohen 1978: *Cohen G. M.* The Seleucid Colonies. Studies in Founding, Administration and Organization. Wiesbaden (Historia: Einzelschriften. Ht. 30).
- Cohen 1995: *Cohen G. M.* The Hellenistic Settlements in Europe, the Islands, and Asia Minor. Berkeley; Los Angeles; Oxford (HCS. XVII).
- Cohen 2006: *Cohen G. M.* The Hellenistic Settlements in Syria, the Red Sea Basin, and North Africa. Berkeley; Los Angeles; London (HCS. XLVI).
- Fraser 1996: *Fraser P. M.* Cities of Alexander the Great. Oxford.
- Gehrke 1996: *Gehrke H.-J.* Alexander der Grosse. München.
- Griffith 1935: *Griffith G. T.* The Mercenaries of the Hellenistic World. Cambridge.
- Hammond 2000: *Hammond N. G. L.* Alexander's Newly-founded Cities // *GRBS.* Vol. 39 [1998]. P. 243–269.
- Hedicke 1908: *Hedicke E. (ed.).* Q. Curti Historiarum Alexandri Magni libri qui supersunt. Leipzig.

- Košelenko et al. 1996: *Košelenko G., Bader A., Gaibov W.* Die Margiana in hellenistischer Zeit // Hellenismus: Beiträge zur Erforschung von Akkulturation und politischer Ordnung in den Staaten des hellenistischen Zeitalters. Tübingen. S. 121–145.
- Leriche 1985: *Leriche P.* Alexandria // *EIr.* Vol. I. P. 830–831.
- Müller 2003: *Müller S.* Maßnahmen der Herrschaftssicherung gegenüber der makedonischen Opposition bei Alexander dem Großen. Frankfurt.
- Müller 2011: *Müller S.* Die frühen Perserkönige im kulturellen Gedächtnis der Makedonen und in der Propaganda Alexanders des Gr. // *Gymnasium.* Bd. 118/2. S. 105–133.
- Müller, Schönfeld 1954: *Müller K., Schönfeld H. Q.* Curtius Rufus. Geschichte Alexanders des Grossen. Lateinisch und Deutsch. München.
- Olbrycht 2004a: *Olbrycht M. J.* Aleksander Wielki i świat irański. Rzeszów.
- Olbrycht 2004b: *Olbrycht M. J.* Kolonie Aleksandra Wielkiego w Iranie i Azji Środkowej — pochodzenie i status osadników // *Miasto w starożytności: Materiały z ogólnopolskiej konferencji naukowej PTH, Poznań, 19–21 września 2002 r. Poznań (Xenia Posnaniensia. 3).* S. 121–138.
- Olbrycht 2007a: *Olbrycht M. J.* Alexander the Great versus the Iranians — an Alternative Perspective // *FO.* Vol. 42/43. P. 159–172.
- Olbrycht 2007b: *Olbrycht M. J.* The military reforms of Alexander the Great during his campaign in Iran, Afghanistan, and Central Asia // *Miscellanea Eurasiatica Cracoviensia.* Kraków. P. 223–235.
- Olbrycht 2008: *Olbrycht M. J.* Curtius Rufus, the Macedonian Mutiny at Opis and Alexander's Iranian Policy in 324 BC // *The Children of Herodotus: Greek and Roman Historiography and Related Genres.* Newcastle. P. 231–252.
- Olbrycht 2010: *Olbrycht M. J.* Macedonia and Persia // *A [Blackwell] Companion to Ancient Macedonia.* Malden; Oxford. P. 342–369.
- Plezia 1965: *Plezia M.* Geneza memoriału Arystotelesa do Aleksandra Wielkiego z 330 roku // *Sprawozdania z Prac Naukowych Wydziału Nauk Społecznych PAN.* Warszawa. R. 8. S. 31–46.
- Plezia 1968: *Plezia M.* Aristoteles gegenüber der Monarchie Alexanders d. Gr. // *Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums.* Budapest. S. 84–89.
- Prandi 1984: *Prandi L.* La lettera di Aristoteles ad Alessandro: il problema di Callistenes // *Alessandro Magno tra storia e mito.* Milano. P. 31–45.
- Schachermeyr 1973: *Schachermeyr F.* Alexander der Grosse: Das Problem seiner Persönlichkeit und seines Wirkens. Wien.
- Shiple 2000: *Shiple G.* The Greek World after Alexander, 323–30 BC. London; New York.
- Stroheker 1958: *Stroheker K. F.* Dionysios I. Gestalt und Geschichte des Tyrannen von Syrakus. Wiesbaden.
- Tabacco 2000: *Tabacco R. (ed.).* Itinerarium Alexandri. Torino.
- Tscherikower 1927: *Tscherikower V.* Die hellenistischen Städtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit. Leipzig (Philologus. Suppl.-Bd. 19/1).
- Vogel 1880: *Vogel Th. Q. (ed.).* Curti Rufi Historiarum Alexandri Magni Macedonis. Vol. I–II. Leipzig.
- Wilamowitz-Mollendorff 1893: *Wilamowitz-Mollendorff U. von.* Aristoteles und Athen. Berlin.
- Worthington 2008: *Worthington I.* Philip II of Macedonia. New Haven; London.
- Ziegler 1998: *Ziegler R.* Alexander der Große als Städtegründer: Fiktion und Realität // *Stephanos nomismatikos: Edith Schonert-Geiss zum 65. Geburtstag.* Berlin. S. 679–697.

## ЯРУСНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ В ТАШТЫКСКИХ ГРАВИРОВКАХ

*С. В. Панкова* (Санкт-Петербург)

Таштыкские гравировки — это миниатюры на деревянных планках из склепов таштыкской культуры и наскальные изображения Минусинского края середины I тыс. н. э. Представленные в них реалии и сюжеты содержат уникальную информацию, важную для изучения различных аспектов таштыкской проблематики. Многочисленные воины показаны на гравировках достаточно детально, чтобы судить об их внешнем облике и вооружении. Анализ иконографических особенностей позволил выделить среди персонажей таштыкских миниатюр три культурные группы [Панкова 2011а], что может послужить основой для дальнейшего изучения гравировок и рассмотрения историко-культурной ситуации в Южной Сибири во время существования таштыкской культуры. При этом сами предметы вооружения в таштыкских памятниках практически не встречаются: оружие и орудия охоты крайне редко входят в состав погребальных приношений таштыкцев, да и эти единичные находки бывают представлены вотивными копиями. Определенная информация может быть получена при рассмотрении случайных находок, однако, как правило, лишь «общехронологические» основания дают возможность отнести тот или иной предмет вооружения к числу таштыкских. В такой ситуации изобразительные памятники оказываются не только очень важным, но и практически единственным источником по вооружению таштыкского времени.

Основное оружие запечатленных на гравировках воинов — это луки и стрелы. На плакетках четко видны небольшие М-образные «скифские» луки, более крупные и массивные луки «хуннского» типа, а также «простые» сегментовидные луки. Каждому виду луков строго соответствуют определенные разновидности налучей и колчанов, что и позволило объединить персонажей гравировок в три воинские группы. Судя по аналогиям в соответствующих предметных комплексах, они могли представлять самих таштыкцев (ранний этап культуры?), таежное население Южной Сибири и, обобщенно говоря, чужеземцев, сыгравших определенную роль в формировании таштыкской культуры периода склепов [Савинов 1984: 43–44; Панкова 2011а]. В отличие от луков и саадчных футляров, стрелы обычно показаны схематично, однако у некоторых из них узнаются специфичные по форме ярусные наконечники. Появившись в последние века до новой эры в комплексе вооружения хунну, ярусные наконечники были включены затем в стрелковые наборы различных культурных групп на широкой территории, различаясь пропорциями и деталями и существуя по меньшей мере до эпохи раннего средневековья [Худяков 1986; Неверов, Мамадаков 1991; Николаев 1989; Троицкая, Новиков 1998; Бобров, Васютин, Васютин 2003; Горбунов 2006]. Различные варианты таких

наконечников могут рассматриваться как датирующий материал или показатель межкультурных контактов, что и определяет особый интерес к этому источнику.

В Минусинской котловине ярусные наконечники известны в основном среди случайных находок. Здесь они многочисленны, разнообразны и явно разновременны; лишь часть из них, однородная серия, определена как таштыкская [Худяков 1986: 92, 96]. При этом в самих таштыкских памятниках находки наконечников единичны и, безусловно, не охватывают всего многообразия стрел, существовавших в это время. Публикации, посвященные наконечникам стрел из числа случайных находок, носят выборочный характер и дают лишь частичное представление о ярусных стрелах с территории Минусинской котловины и их временной принадлежности. Кроме того, вполне допустимо, что наконечники, найденные как подъемный материал, могли быть оставлены в степях Среднего Енисея не только местным населением, но и их внешними противниками. В итоге можно сказать, что о минусинских ярусных наконечниках, как таштыкского, так и более позднего времени, имеется лишь самое общее представление. Они оказываются в стороне при рассмотрении ярусных стрел с других территорий, как правило, найденных в комплексах, и практически не задействованы в изучении самой таштыкской культуры. Тем более важно их присутствие в изображениях, где стрелы показаны еще и «в действии».

Какие ярусные наконечники использовались в таштыкское время? Кто были их непосредственные владельцы? Отличались ли стрелы, предназначенные для поражения людей и животных? Чем объясняется разнообразие ярусных стрел в гравировках, при том что таштыкской до сих пор считалась однородная серия наконечников? Какова роль изображенных стрел в вопросе датировки таштыкских памятников? Чтобы попытаться ответить на эти вопросы, в настоящей статье будут рассмотрены все известные ее автору таштыкские гравировки с изображением ярусных наконечников, включая еще не опубликованные композиции, скопированные на скалах Минусинского края в 2002–2004 гг., а также проанализирована серия железных наконечников — случайных находок из собрания Государственного Эрмитажа, также ранее не издававшихся.

Всего известно восемнадцать изображений ярусных наконечников в десяти резных композициях (рис. 1–7):

1. Тепсей III, склеп 1, планка 4 (рис. 1, 12, 15, 16) — 4 экз. [Грязнов 1979: рис. 61, 3/4, 7, 8; Панкова 2012а: рис. 1, 2/12, 15, 16];
2. Куртуяк, наскальная гравировка (рис. 2) — 2 экз.;
3. Тус, наскальная гравировка (рис. 3) — 2 экз.;
4. Суханиха, наскальная гравировка (рис. 4) — 1 экз.;
5. Георгиевская, наскальная гравировка (рис. 5) — 1 экз.;
6. Чазы, рисунок на камне ограды тагарского кургана (рис. 6) — 1 экз.;
7. Шалаболино, наскальная гравировка (рис. 7, 1) — 1 экз.;
8. Ошколь, наскальная гравировка (рис. 7, 2) — 1 экз.<sup>1</sup>;

<sup>1</sup> Приведенные изображения включены в коллаж, представленный в оформлении зала «Древнее искусство Сибири» в Хакасском республиканском краеведческом музее имени Л. Р. Кызласова. Коллаж, выполненный художником В. Ф. Капелько, состоит из нескольких композиций без указания места их происхождения. Наиболее вероятно принадлежность приводимых фигур и окружающих гравировок Ошкольской писанице, о чем свидетельствует и указание Э. А. Севастьяновой, и стиливое сходство рисунков с гравировками Ошкольской писаницы [Панкова 2012б: 79–80].

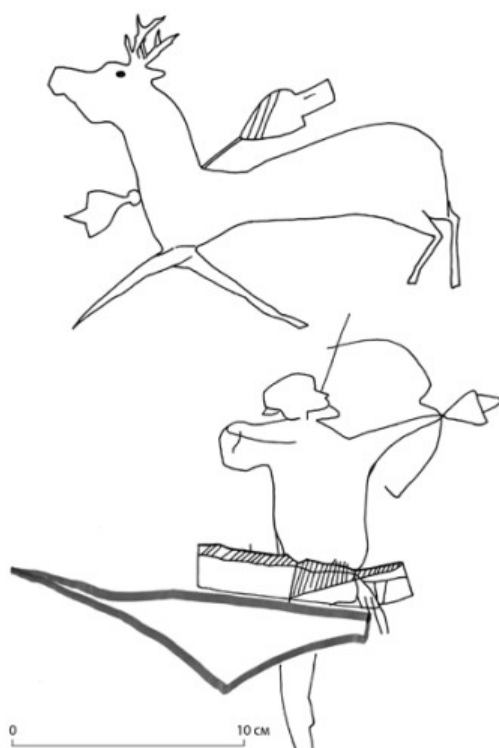
**Рис. 1.** Фрагмент изображения на планке 4 из склепа 1 могильника Тепсей III: фигуры 12–19 [по: Панкова 2012а: рис. 1, 2/12–19]

9. Подкамень, гравировки на плите ограды тагарского кургана (рис. 7, 4) — 3 экз. [Рыбаков 2007: рис. 2]<sup>2</sup>;

10. Местонахождение не указано (рис. 7, 3) — 2 экз. [Кызласов Л. 2002: 79].

Тепсейская планка 4 — единственная из известных миниатюр, где отчетливо изображены наконечники ярусной формы. Возможно, это связано с особенностями работы резчика — автора этой композиции, и его вниманием к деталям, включая форму стрел. Дело в том, что по манере передачи фигур и ряду конкретных черт гравировки планки 4 отличаются от других, свидетельствуя об их исполнении другим мастером [Панкова 2011б: 12–13]. Особенно явно переданы здесь характерные черты воинов различных групп. Как соотносятся с ними ярусные наконечники, каким воинам принадлежат?

Две такие стрелы поражают таштыкца с М-образным луком и прической в виде «хвоста» на затылке (рис. 1, 12). В то же время аналогичная стрела пронзает «таежного лодочника» в уплощенном головном уборе — показан выходящий из спины наконечник со свистункой и, видимо, потоки крови, текущие из раны (рис. 1, 16). Две скрещенные стрелы, одна из которых с ярусным наконечником, зажаты в руке еще одного таштыкского лучника (рис. 1, 15). Трудно сказать, что означало столь необычное положение стрел. Возможно, этот воин приготовил их к стрельбе. С другой стороны, они



**Рис. 2.** Куртуяк. Наскальная гравировка (прорисовка автора)

<sup>2</sup> Во время осмотра этой плиты автором в 2002 г. наконечники зафиксированы не были, а поверхность камня вокруг длиннополой фигуры была сплошь покрыта черным лишайником. Возможно, Н. И. Рыбаков предпринял расчистку плиты от лишайников, что и привело к выявлению изображений стрел.





Рис. 3. Тус. Наскальная композиция (прорисовка автора)

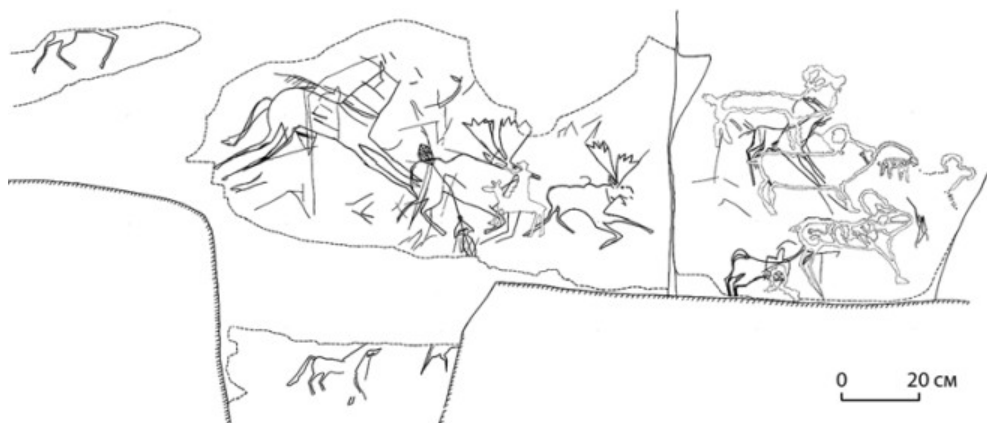


Рис. 4. Суханиха II. Наскальная гравировка (прорисовка автора)

могли быть «пойманы на лету», выпущенные в таком случае его противником. Умение уворачиваться от вражеских стрел, ловить их руками (а в состязаниях — догонять и ловить свои собственные стрелы) в фольклорных текстах образно передает мастерство и ловкость воинов [Липец 1984: 76, 85–86]. Такие обычные для эпоса преувеличения могли найти отражение и в изобразительных памят-

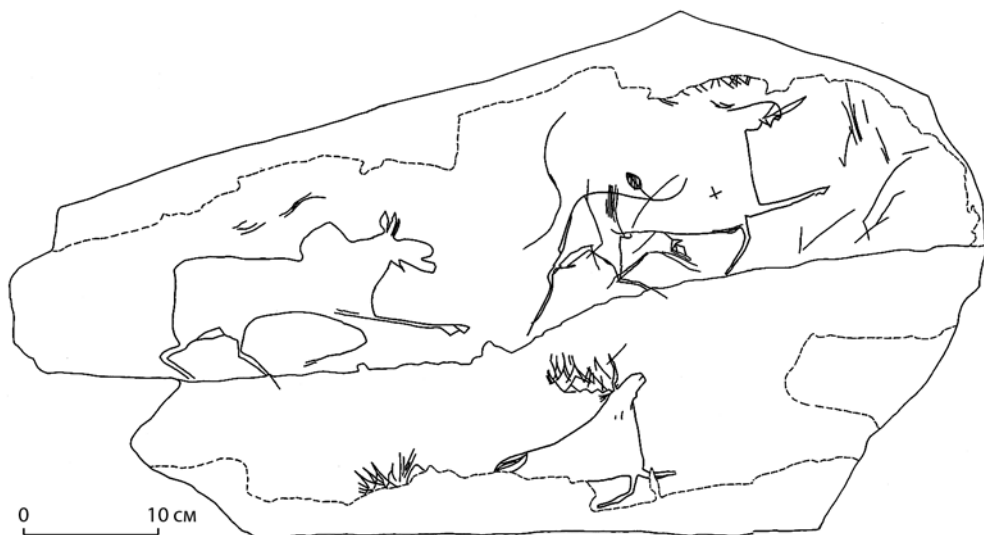


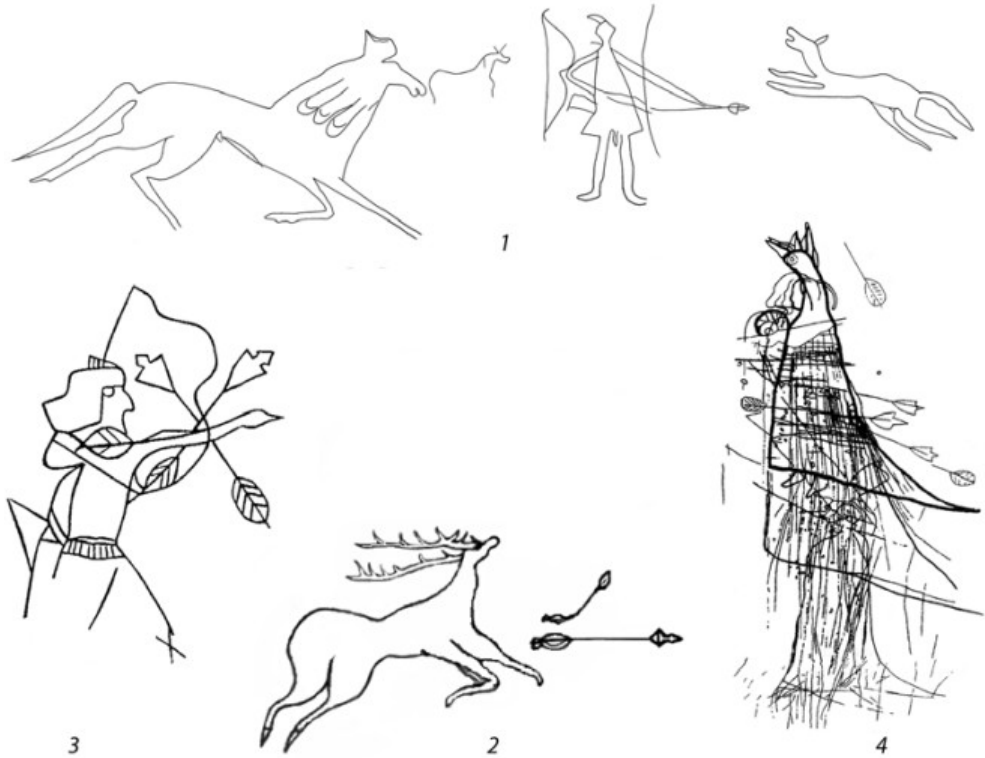
Рис. 5. Георгиевская. Наскальная гравировка (прорисовка автора)



Рис. 6. Чазы. Гравировка на плите ограды кургана тагарской культуры (прорисовка автора)

никах, следующих фольклорным произведениям, какими, по-видимому, и являются таштыкские миниатюры. В то же время искусству увертываться от копий и стрел, отбивать их на лету вполне могли научиться и обычные воины [Нефедкин 2003: 167, 170].

Изображения бойцов с зажатыми в руках стрелами представлены и на других таштыкских миниатюрах [Грязнов 1979: рис. 60, 2; Подольский 1988: рис. 1, 1б]. Такие повторяющиеся мотивы могли отражать какой-то конкретный повествовательный эпизод, или же они были своего рода «устойчивыми выражениями» таштыкской изобразительной практики. На одной из наскальных композиций ярусные стрелы скрещены у натянутого лука (рис. 7, 3). Здесь мог найти отражение прием, когда при натягивании тетивы стрелы держат вместе с луком в левой руке [Нефедкин 2003: 167]. В миниатюрах повторяется и другой связанный со стрелами оригинальный



**Рис. 7.** Фрагменты наскальных гравировок:

1 — Шалаболино; 2 — Ошколь; 3 — неизвестный памятник; 4 — Подкамень (1 — прорисовка автора; 2 — с коллажа В. Ф. Капелько в Хакасском краеведческом музее имени Л. Р. Кызласова; 3 — по: Кызласов Л. 2002; 4 — по: Рыбаков 2007)

сюжет: воины пытаются выдернуть стрелы, вонзившиеся в их тела (рис. 1, 18, 19) [Грязнов 1979: рис. 59, 1/8; 60, 4/4, 6/1; Подольский 1998: рис. 1, 1a, 2a; Панкова 2012a: рис. 1, 2/18, 19].

По ситуациям, рассмотренным на планке 4, можно предполагать, что ярусными наконечниками обладали противники таштыкцев и «таежников», выпустившие из своих луков оставившие в их телах стрелы. Были ли этими противниками воины последней группы, чужеземцы? Прямых свидетельств на этот счет нет. На сохранившихся миниатюрах у воинов-чужеземцев ярусные стрелы отсутствуют. В свою очередь, и прямое противостояние лучников разного облика ни разу не отражено в таштыкских гравировках — фактически так и не известно, кто чей противник в каждом конкретном случае. Известное по археологическим памятникам присутствие ярусных стрел в комплексах различных культурных традиций допускает, что и на планках ими пользовались лучники разного происхождения. В наскальных гравировках, где зафиксировано большинство изображений ярусных стрел, их принадлежность определенной группе воинов также не выявляется: петроглифы вообще менее детальные и более схематичны, в них редко зафиксированы особенности костюма и вооружения, так четко показанные на миниатюрах. Кроме того, на многих композициях представлены лишь пораженные стрелами животные. Таким образом, связь ярусных наконечников с конкретной воинской группой неочевидна.

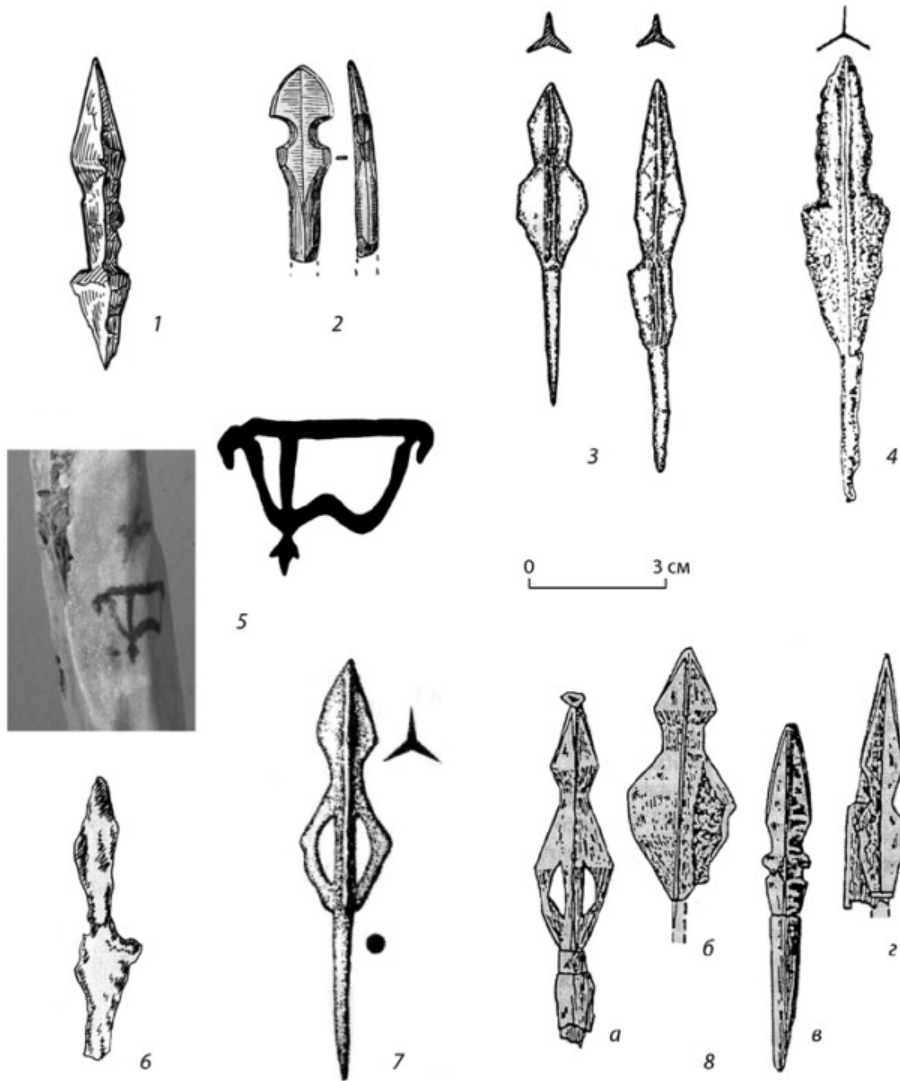
На планках это единственная категория вооружения, которую невозможно соотнести с какой-то одной из представленных культурных традиций.

В то же время имеются другие факты, свидетельствующие об использовании ярусных наконечников местным, таштыкским населением. На скалах и курганных плитах они часто изображены в качестве орудий охоты — вонзенными в тела животных (рис. 2–5). Деревянная плоская модель с четким ярусным абрисом найдена в склепе 1 Сырского чаатаса — вероятно, она была сделана специально для погребения [Кызласов Л. 1960: рис. 46, 5] (рис. 8, 2). На руке мужчины, погребенного в Оглахтинском грунтовом могильнике, выполнена татуировка в виде лука со стрелой ярусного силуэта [Кызласов, Панкова 2004: ил. 5] (рис. 8, 5). Это изображение относится к несколько более раннему времени, чем гравировки в таштыкском стиле, связанные, по всей видимости, только с периодом склепов. О других ярусных наконечниках, происходящих из грунтовых могильников, сведений практически нет. Единственный случай находки похожего предмета в грунтовом захоронении приведен Л. Р. Кызласовым, но его определение как наконечника остается под вопросом [Кызласов Л. 1960: 110] (рис. 8, 6)<sup>3</sup>.

Ярусные наконечники в гравировках показаны по-разному. Одни — как пара соединенных, близких по ширине ромбов, нанизанных на ось наконечника (рис. 1; 6). У других акцентированы широкие лопасти нижнего яруса, к которым примыкает меньшая проникающая часть (рис. 2; 7, 1, 4). У третьих широкие лопасти сочетаются с крупным бойком, сужающимся у основания (рис. 4; 5; 7, 3); очертания четвертых представляют нечто среднее между описанными формами (рис. 3; 7, 2). Различие изображенных вариантов может объясняться как индивидуальной манерой исполнения каждой гравировки, так и реальным отличием стоящих за ними прототипов — железных ярусных наконечников. Можно предполагать среди них стрелы различных пропорций — по меньшей мере узкие и широколопастные, наиболее различающиеся в гравировках.

Между тем до сих пор таштыкскими считались только небольшие узкие наконечники, подобные редким предметам из памятников периода склепов. Непосредственно в склепе найден пока только один наконечник (склеп 2 Ташебинского чаатаса) [Вадецкая 1999: табл. 70] (рис. 8, 1). Два наконечника обнаружены в слое Утух-Хая-Кисте [Худяков 1978: рис. 2, 1–2] (рис. 8, 3), и еще один — на поселении Ай-Дай IV [Николаев 1997: рис. 5, 3] (рис. 8, 4). Принадлежность трех последних наконечников к периоду склепов определяется находками, происходящими из одного с ними слоя. В Утух-Хая-Кисте это Т-образный крюк, какие известны в Минусинском крае только в материалах склепов [Кызласов Л. 1960: 87, табл. IV, 7, 101; Вадецкая 1999: табл. 8 и др.], а на поселении Ай-Дай IV — керамика, формой и орнаментацией аналогичная сосудам из детских погребений на Тепее и из склепа Арбан II [Николаев 1997: рис. 5, 2, 4, 5; Грязнов 1979: рис. 55, 14; 72, 21, 28; Азбелев

<sup>3</sup> «Обломок железного наконечника стрелы ярусного типа» был найден в таштыкском погребении, исследованном в 1938 г. В. П. Левашовой [Кызласов Л. 1960: 110] — впускной могиле № VI в тагарском кургане 1 в Абакане, у нефтебазы (бывший улус Откнинский) (Архив ИИМК. Ф. 35. Д. 204. Л. 8–9). Здесь «между ...сосудом и ...стенкой могилы лежали два сильно окислившиеся железных предмета со следами древесины на черешках. Один из них имеет вид плоского клинка, другой округлого стержня — нож и шило или оба наконечника стрел» (Архив ИИМК. Ф. 35. Д. 204. Л. 9). Л. Р. Кызласов не сообщает, видел ли он сами предметы или был знаком только с архивным описанием и рисунком. Мелкий рисунок ярусного наконечника, приведенный Л. Р. Кызласовым [Кызласов Л. 1960: табл. IV, 68], не похож на описанный железный предмет — видимо, это одна из упомянутых им случайных находок.



**Рис. 8.** Ярусные наконечники стрел в памятниках Южной Сибири

1 — Ташеба, с. 2; 2 — Сыры, с. 1; 3 — Утух-Хая-Кисте; 4 — Ай-Дай IV; 5 — Оглахтинский могильник, м. 4; 6 — Абакан I, к.1; 7 — Жаровская стоянка; 8 — пещера на р. Чибижек (1, 3–4, 6, 7 — железо; 2 — дерево; 5 — татуировка) [по: 1 — Вадецкая 1999; 2 — Кызласов Л. 1960; 3 — Худяков 1978; 4 — Николаев 1997; 5 — Кызласов, Панкова 2004; 6 — рис. В. П. Левашовой, Архив ИИМК РАН; 7 — Леонтьевы 2009; 8 — Кызласов И. 1999]

2007: ил. 4, 1–3, 5–6]. Еще один наконечник периода склепов найден в каменной выкладке детского погребения могильника Староозначенская Переправа-1<sup>4</sup>. Многочисленные аналогичные стрелы — случайные находки — определены как таштык-

<sup>4</sup> Хранится в фондах лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета (по материалам Информационного центра «Военное дело народов Сибири и Центральной Азии»: <http://www.nsu.ru/aw/resource.do?id=268>).

ские Ю. С. Худяковым. По его мнению, ярусные наконечники количественно преобладали в таштыкском наборе железных стрел, все типы которого были предназначены для поражения незащищенного металлическим доспехом противника [Худяков 1986: 92, 96; табл. 36, 7–21]. Все это узкие наконечники длиной до 10–12 см, с перехватом между ярусами. Скорее всего, именно такие экземпляры были прототипами «узких» стрел в гравировках.

Ярусные наконечники с выраженными широкими лопастями, как на ряде гравировок, в таштыкских памятниках до сих пор не встречались. Нет ли их среди случайных находок с территории Южной Сибири? В Государственном Эрмитаже разнообразные ярусные наконечники входят в состав частных коллекций, представляющих собой собрания беспаспортных предметов из разных мест Минусинского края. Они имеются в собраниях И. А. Лопатина (колл. 5531 — 26 экз.), И. П. Товостина (колл. 3975 — 16 экз.), В. В. Радлова (колл. 1123 — 2 экз.), Е. К. Тевяшова (колл. 1296 — 1 экз.) и И. П. Кузнецова (колл. 1286 — 3 экз.), а также в коллекции П. Н. Корнилова (колл. СКи — 6 экз.) [Сорокин 1977: рис. 7] (рис. 9–10)<sup>5</sup>. Эти 54 наконечника различаются пропорциями, размерами, деталями и, вероятно, относятся к разным хронологическим периодам. Классификация этих находок позволила выделить следующие группы наконечников:

1. Узкие с перехватом. Боек в большинстве случаев длиннее лопастей нижнего яруса; без прорезей или с круглыми отверстиями. Длина 7–10 см (рис. 9, 1).

2. Узкие с перехватом. Соотношение ярусов по длине может быть различным. В лопастях нижнего яруса — крупные треугольные прорези. Длина 8–13 см (рис. 9, 2).

3. Крупные наконечники с широкими, покато опущенными плечиками. Соотношение ширины бойка и лопастей нижнего яруса примерно 1/2–1/3. Имеют запятовидные (6 экз.) или круглые (9 экз.) отверстия в лопастях; два наконечника вообще без отверстий. Длина 8–15 см (рис. 9, 3).

4. Крупные наконечники с резко выделенными широкими плечиками, расположенными преимущественно горизонтально или обращенными кверху. На первый взгляд, они подобны стрелам предыдущей группы, однако у стрел группы 4 разница в ширине ярусов выражена особенно четко: ширина бойка составляет 1/4–1/3 от ширины нижних лопастей. Для большинства наконечников характерны вогнутые очертания лопастей нижнего яруса вблизи перехода к черешку. Многие отличаются четко выраженной шейкой или упором, у большинства выражен перехват. Все, кроме одного, имеют круглые отверстия. У двух наконечников лопасти нижнего яруса оформлены закругленными «рогами». Длина 10–20 см (рис. 10)<sup>6</sup>.

Отдельные наконечники групп 1 и 2 близки по форме и пропорциям, различаясь в первую очередь наличием треугольных прорезей. Возможно, что в дальнейшем, при рассмотрении большего числа материалов те и другие можно будет объединить в одну группу.

Наконечники последней группы неизвестны в погребениях; они находят аналогии в материалах Ладейского городища в окрестностях Красноярска [Карцов 1929а: табл. IV, 47, 49; 1929б: рис. 3, 1]. Дата этих находок неопределенна, вероятно, их

<sup>5</sup> Инвентарные номера приводимых наконечников и места их происхождения указаны в конце статьи.

<sup>6</sup> Отдельные наконечники трудно определенно отнести к группе 3 или 4, однако в большинстве случаев распределение по группам не вызывает сомнений.

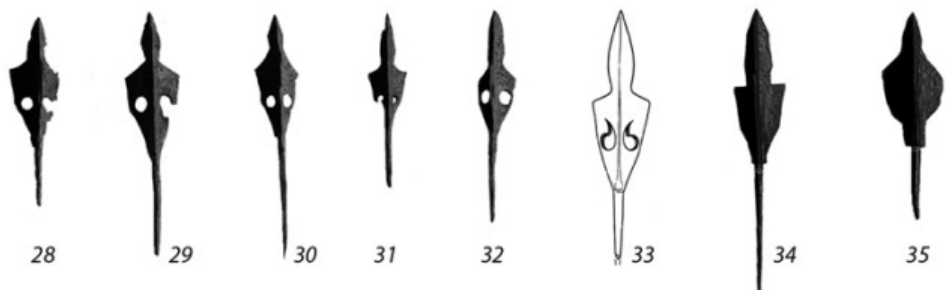


1



2

0 5 cm



3

Рис. 9. Ярусные наконечники стрел из собрания Государственного Эрмитажа: группы 1–3

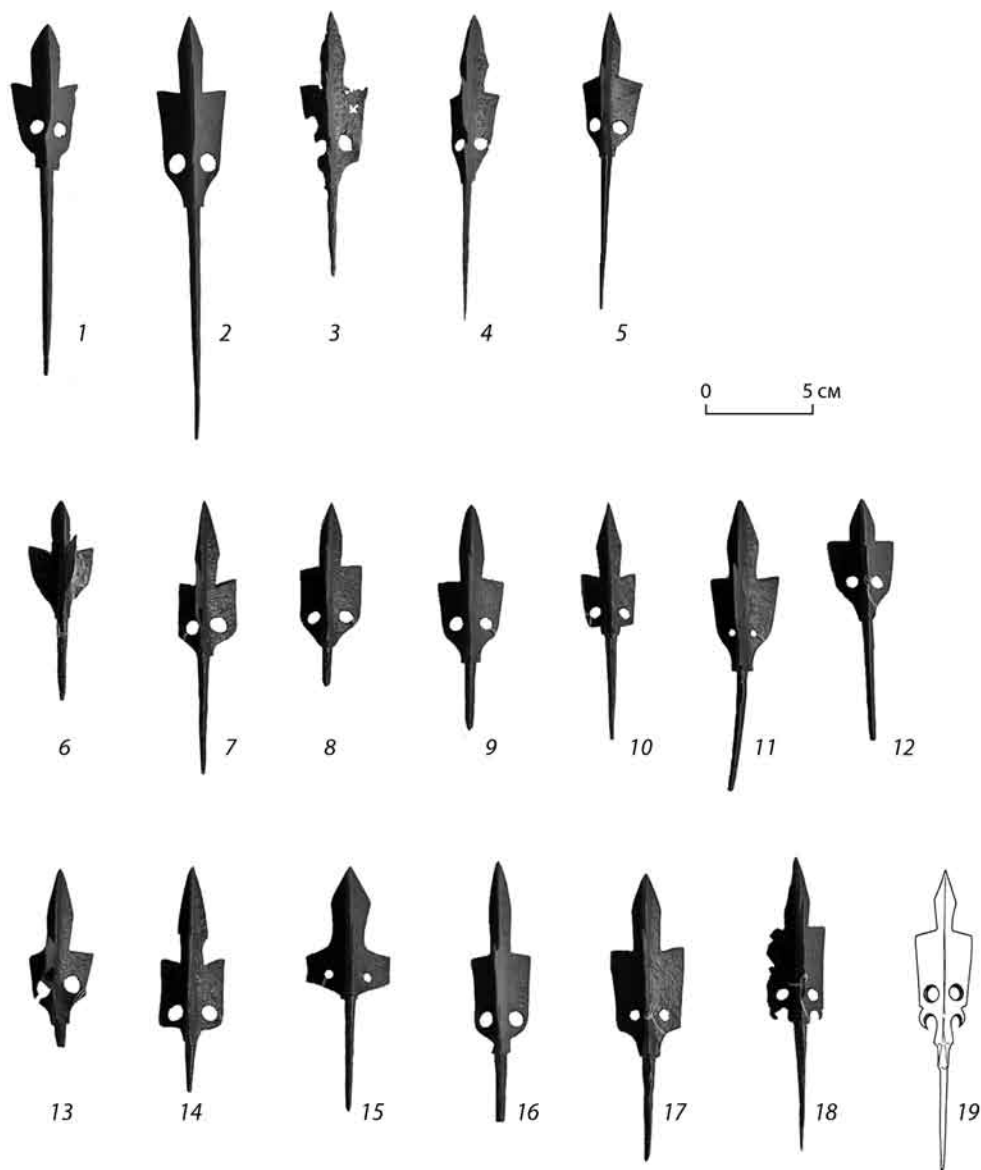


Рис. 10. Ярусные наконечники стрел из собрания Государственного Эрмитажа: группа 4

следует относить к концу I — началу II тыс. н. э. В. Г. Карцов ссылается также на устное сообщение Г. П. Сосновского о бытовании подобных стрел в Забайкалье в этнографическое время [Карцов 1929а: 49]. Ю. С. Худяков включил такие стрелы в серию наконечников, принадлежащих кыргызской культуре VI–VIII вв. [Худяков 1980: 88], при этом, правда, какие-либо привязки к соответствующим кыргызским материалам им не отмечены. В дальнейшем эта поздняя группа рассматриваться не будет.

Как же можно датировать остальные экземпляры из эрмитажного собрания?

Наконечники **группы 1** (рис. 9, 1) идентичны немногочисленным стрелам из таштыкских памятников (рис. 8, 1, 3, 4). За пределами Южной Сибири их ближайшие



аналогии происходят из верхнеобских (одинцовских) комплексов V–VI вв. [Беликова, Плетнева 1983: рис. 74, 4; Троицкая, Новиков 1998: рис. 21, 10–16; Гаврилова 1965: 52–53; рис. 3, 2], а также более ранних («переходных») погребений, датированных в пределах III/IV–V вв. [Уманский 1974: рис. 1, 3–4; Егоров 1993: рис. 1, 3; Горбунов 1993: рис. 2, 2; 3, 14]. Именно такие узкие стрелы условно определяются как наконечники «южносибирской традиции», в отличие от более массивных стрел «хуннской» линии развития [Неверов, Мамадаков 1991]. Отдельные находки подобных наконечников встречены в кокзельских погребениях Тувы [Дьяконова 1970: табл. II, 16–18, 23, 33–34], а на Алтае серия похожих стрел найдена в поздних погребениях могильника Яломан II [Тишкин, Горбунов 2007: рис. 4, 2–3; 5, 1–2]. Последние отнесены авторами раскопок ко второй половине IV — первой половине V в., хотя эта датировка, по-видимому, несколько занижена.

Наиболее поздние из стрел рассматриваемого облика обнаружены в таежной пещере на р. Чибижек (Каратавской по Н. В. и С. Н. Леонтьевым) к востоку от Минусинской котловины (рис. 8, 8 в, з), а также в погребении 5 могильника Архирейская заимка. Сопровождавшие их предметы, в том числе бронзовые накладки геральдического стиля, могут датировать названные материалы VII или даже VIII в. [Кызласов И. 1999: 185–188, рис. 12: 5–7, 9; Беликова, Плетнева 1983: 39, 92; рис. 74, 4, 7].

Наконечники **группы 2** (рис. 9, 2) специфичны по форме отверстий, аналогий им немного. В их числе — еще один наконечник из пещеры на реке Чибижек (рис. 8, 8 а), а также наконечник из Жаровской стоянки на таежной реке Казыр, из горизонта с керамикой VI–VIII вв. [Леонтьевы 2009: 89–90, рис. 78, 8] (рис. 8, 7).

Наконечники **группы 3** (рис. 9, 3) не имеют параллелей в комплексах Минусинской котловины и ее таежных окрестностей. Близкие по форме и пропорциям стрелы известны в фоминских и следующих за ними «переходных» комплексах Среднего и Верхнего Приобья: Томском и Усть-Абинском могильниках, Карлыке 1 [Комарова 1952: рис. 27; Ширин 2003: табл. XLVIII, 4; LXXXVIII, 14–15], Ераска и Троицкий Елбан [Егоров 1993: 77, рис. 1, 1; Горбунов 1993: 90; рис. 2, 2; 3, 13–14]. Кроме того, они происходят из так называемых кладов или культовых мест Приобья: Айдашинской пещеры, Елыкаевской и Ишимской коллекций [Молодин и др. 1980: табл. LVIII, 6–7; Могильников 1968: рис. 1, 6, 9; Зиняков 1976: рис. 4; Соловьев 1987: табл. II, 1, 4–6; Худяков 1993: рис. 1, 1–4]. В некоторых из названных памятников наконечники отличаются прорезями-«запятами», характерными и для минусинских экземпляров.

Фоминские памятники относят к первой половине I тыс. н. э. [Чиндина 1977: 71–72; Троицкая 1979: 44] или, уже, к его второй четверти [Ширин 2003: 114]. Погребения переходного периода, как было сказано, относят к III/IV–V вв. [Горбунов 1993: 90; Егоров 1993: 80] или около V в. [Ширин 2003: 110–114]. Датировка материалов из культовых мест Приобья проблематична, т. к. найденные в комплексах открытого типа, они могут представлять серию разновременных предметов. По мнению некоторых исследователей, ярусные наконечники из Елыкаевской коллекции датируются VI/VII–VIII вв. [Могильников 1968: 263; Соловьев 1987: 35; Худяков 1993: 50]. В свою очередь Ю. В. Ширин, предпринявший подробный анализ хронологии таких памятников, считает культовые места принадлежащими фоминской культуре и датирует происходящие из них ярусные наконечники не позднее V в. [Ширин 2003: 114–121]. Специфическая форма отверстий, размеры и пропорции этих наконечников действительно позволяют отнести их к периоду,

близкому погребениям Ераски, Троицкого Елбана I и Томского могильников. Поздняя датировка таких наконечников пока не находит подтверждения.

Стрелы основных выделенных групп — 1-й и 3-й — соответствуют наиболее специфичным разновидностям наконечников в гравировках — узким и широколопастным. Судя по датам приведенных аналогий, те и другие вполне могли относиться к этапу таштыкских склепов и являться образцами для стрел в гравировках. Широколопастные стрелы 3-й группы принадлежат в целом к более раннему времени, чем узкие стрелы группы 1, получившие распространение явно позднее. В то же время случаи нахождения тех и других в одних комплексах (Ераска, Чибижек) свидетельствуют о возможном периоде сосуществования этих разновидностей наконечников.

Но можно ли прямо переносить датировку памятников Приобья на минусинские материалы? И есть ли у последних какие-то свои ориентиры?

Гравировки, где были бы одновременно показаны и узкие, и широколопастные наконечники, неизвестны. Последовательность появления наконечников разного облика в Минусинской котловине не удастся проследить ни по изображениям, ни по железным оригиналам. Практически нет критериев выделения ранних или поздних композиций, и развитие таштыкского стиля во времени не прослеживается; даты же комплексов, где найдены реальные наконечники, недостаточно определены, а число находок слишком мало. Необходимо, однако, отметить два момента, возможно, имеющих отношение к этому вопросу. Прежде всего, наконечник стрелы на оглахтинской татуировке (ранний этап таштыкской культуры), при всей условности этого рисунка, отличается от узких таштыкских экземпляров, тяготея скорее к широколопастным стрелам (рис. 8, 5). Кроме того, «широколопастная» стрела со скальной плоскости в Шалаболино связана с фигурой лучника, стилистика изображения которого отличается ранними признаками (рис. 7, 1), среди которых, во-первых, разворот натягивающей тетиву руки не вверх, как на всех таштыкских рисунках, а вниз — «Ф-образно»; во-вторых, обозначение признака пола, совсем не характерное для таштыкских гравировок; в-третьих, расширяющаяся книзу одежда, тогда как для таштыкских рисунков присущ приталенный силуэт. Наконец, ноги охотника развернуты носками в стороны, а на голове показан хвост-косица. По всем этим особенностям гравировка из Шалаболино сопоставима с изображениями предшествующего времени (например, с Береговым панно на Суханихе I [Советова 2005: рис. 36]), что может означать ее принадлежность к числу ранних изображений таштыкской традиции. Судя по приведенным примерам, широколопастные наконечники в Минусинской котловине действительно могли появиться уже в период грунтовых могильников, в отличие от узких стрел, до сих пор связанных только с материалами этапа склепов. Если это так, то последовательность распространения минусинских ярусных наконечников разного облика — широколопастных и узких — могла в общих чертах совпадать с верхнеобской.

В Приобье ярусные наконечники разных пропорций были связаны с различными культурными традициями («фоминской» и «одинцовской»). В Минусинской котловине материалов для подобного заключения недостаточно. Вместе с тем разнообразие используемых форм наконечников могло определяться и их различным назначением. В сохранившихся таштыкских композициях узкие стрелы поражают людей (Тепсей, Чазы), тогда как широкие — крупных копытных животных, либо они показаны у лучников, цели которых не видны. Возможно, в период таштыкских склепов узкие наконечники использовались преимущественно как оружие для боя,

а широколопастные — для охоты. Такой версии созвучно и мнение Н. Н. Николаева о том, что появление узких ярусных наконечников могло быть связано с попыткой приспособить массивные наконечники «хуннской» традиции для пробивания более прочного материала, чем кожа или войлок [Николаев 1989: 91].

Напоследок остановимся на уникальной композиции, включающей изображение ярусного наконечника с фигурными прорезями (рис. 4) — единственного в гравировках. На большой плоскости Суханихи-II представлены фигуры бегущих копытных животных — лошадей и лосей, один из которых поражен стрелой, снабженной крупным наконечником с отверстиями серповидной формы. Такие отверстия не известны на железных ярусных оригиналах, однако они характерны для стрел с пирамидальной верхней частью из минусинских погребений уже VIII/IX–X вв. [Савинов 1984: табл. VI, 16–17; Савинов и др. 1988: 100]. Нельзя исключить, что стрела была позже «пририсована» к фигуре лося, хотя линии тех и других как будто бы выглядят аналогично. Вероятно и то, что вся композиция в целом была вырезана позднее других таштыкских: представленные здесь фигуры животных обладают отдельными чертами таштыкского стиля (подогнутая передняя и сдвинутые в одну плоскость задние ноги, фронтальный разворот рогов), однако в них полностью отсутствует характерная таштыкская пластика. Описанная композиция могла быть исполнена на излете таштыкской художественной традиции, когда отдельные приемы таштыкского стиля еще применялись в гравировках, но «дух эпохи» [Шер 2004: 13] был уже не тот. Впрочем, исключительность наконечника Суханихи-II, возможно, является мнимой, связанной лишь с неполнотой наших представлений.

Итак, рассмотрение гравировок с изображением ярусных стрел и серии случайных находок позволяет сделать следующие выводы.

1. Значительное число ярусных наконечников, изображенных на таштыкских гравировках, свидетельствует об их распространении в Минусинской котловине в период таштыкских склепов.

2. Представленные в гравировках ярусные стрелы имеют различные пропорции: наиболее определенно выделяются узкие и широколопастные наконечники. Различие изображенных стрел отражает реальное разнообразие их прототипов, судить о которых позволяют случайные находки с территории Минусинского края. Среди них выделяются несколько групп ярусных наконечников, различающихся по форме и хронологически. К таштыкскому времени относятся узкие стрелы, подобные находкам из таштыкских комплексов, а также серия широколопастных наконечников (в том числе с фигурными прорезями). Последние подобны стрелам из фоминских и переходных памятников Приобья. Они могли появиться на Среднем Енисее несколько раньше узких — возможно, еще в период грунтовых могильников.

3. Соотнести ярусные наконечники с какой-либо из представленных на миниатюрах воинских групп пока не удастся. Наскальные гравировки и другие источники позволяют предполагать, что ярусные стрелы использовались таштыкским населением, причем широколопастные наконечники могли применяться преимущественно для охоты на крупных животных.

4. Железные наконечники ярусных форм использовались в Минусинском крае и значительно позднее таштыкского времени, вплоть до II тысячелетия. Эти поздние стрелы отличаются рядом особенностей, но также найдены вне комплексов, чем и объясняется сложность их датировки.

## Инвентарные номера и места происхождения ярусных наконечников (рис. 9 и 10)

### Инвентарные номера:

**Рис. 9.** 1–10: 1286/46, 3975/501, 3975/524, 3975/522, 3975/519, 5531/1742, 1123/239, СКи 147, 150, 149; 11–18: 1296/188; 3975/497; 3975/500; 3975/527; 3975/526; 3975/523; 1123/226; СКи 148; 19–35: 3975/513; 3975/514; 3975/521; 3975/520; 3975/518; 5531/1754; 5531/1755; 5531/1756; 5531/1757; 5531/1759; 5531/1763; 5531/1758; 5531/1743; 531/1761; СКи 146; 5531/1762, 5531/1764 (1–7, 11–17, 19–32, 34–35: Отдел археологии Восточной Европы и Сибири; 8–10, 18, 33: Отдел Востока [Сорокин 1977]).

**Рис. 10.** 1–19: 1286/48, 1286/47, 3975/511, 3975/496, 5531/1751, 5531/1765, 5531/1736, 5531/1737, 5531/1738, 5531/1739, 5531/1741, 5531/1744, 5531/1745, 5531/1746, 5531/1747, 5531/1748, 5531/1749, 5531/1750, СКи 145 (1–18: Отдел археологии Восточной Европы и Сибири; 19 — Отдел Востока [Сорокин 1977]).

### Места происхождения коллекций (по записям в инвентарях):

**Колл. 1123:** Район Нижнего Абакана от р. Таштып до устья р. Абакан; на правом берегу Енисея к югу от г. Минусинска; на обоих берегах Енисея к северу от г. Минусинска; на р. Июс, Божьем озере и В. Кие (для всех предметов собрания).

**Колл. 1286:** место находки не указано (для всех предметов собрания).

**Колл. 1296:** Минусинский край (для всех предметов собрания).

**Колл. 3975:** Сибирь. Минусинский край (для всех предметов собрания).

**Колл. 5531:** Енисейская губерния, Красноярский округ (для всех приводимых наконечников): № 1751, 1754 — с. Коркино; 1741, 1755 — с. Кардачино; 1748, 1750, 1756 — с. Куваршино; 1757 — д. Злобина; 1747, 1759, 1764 — с. Батой; 1745, 1763, 1765 — Чистоостровская вол.; 1758 — с. Есаульское; 1761 — с. Лодейки; 1737 — с. Кубеково; 1739 — с. Н. Заледеево; 1744 — округа г. Красноярска; 1746, 1749 — с. Худоногово; 1762 — с. Шипулино. 1736, 1738, 1742, 1743 — место находки не указано.

**Колл. СКи:** Минусинская котловина (для всех приводимых наконечников).

## Литература

- Азбелев 2007: *Азбелев П. П.* Раннесредневековые центральноазиатские вазы: декор и контекст // А.В.: Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб. С. 145–157.
- Беликова, Плетнева 1983: *Беликова О. Б., Плетнева Л. М.* Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. Томск.
- Бобров, Васютин, Васютин 2003: *Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А.* Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск.
- Вадецкая 1999: *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб. (Archaeologica Petropolitana. VII)
- Гаврилова 1956: *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник истории алтайских племен. М.; Л.
- Горбунов 1993: *Горбунов В. В.* Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-I // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул. С. 80–90.
- Горбунов 2006: *Горбунов В. В.* Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул.

- Грязнов 1979: *Грязнов М. П.* Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск. С. 89–146.
- Дьяконова 1970: *Дьяконова В. П.* Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Л. С. 80–209.
- Егоров 1993: *Егоров Я. В.* Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул. С. 77–80.
- Зиняков 1976: *Зиняков Н. М.* Технология производства железных предметов Елыкаевской коллекции // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово. С. 106–114.
- Карцов 1929а: *Карцов В. Г.* Материалы к археологии Красноярского района // Государственный Музей Приенисейского края. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. Красноярск.
- Карцов 1929б: *Карцов В. Г.* Ладейское и Ермолаевское городища // Труды археологической секции Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Т. IV. М. С. 559–567.
- Комарова 1952: *Комарова М. Н.* Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // МИА. № 24. Т. 1. С. 7–50.
- Кызласов И. 1999: *Кызласов И. Л.* Скальные захоронения — особая категория погребальных памятников // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М. С. 169–199.
- Кызласов Л. 1960: *Кызласов Л. П.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.
- Кызласов Л. 2002: *Кызласов Л. П.* Сампир. Абакан (Труды Хакасской археологической экспедиции. Вып. 9).
- Кызласов, Панкова 2004: *Кызласов Л. П., Панкова С. В.* Татуировки древней мумии из Хакасии (рубеж нашей эры) // СГЭ. Вып. LXII. С. 61–67.
- Леонтьевы 2009: *Леонтьев Н. В., Леонтьев С. В.* Памятники археологии Кизир-Казырского района. Кемерово.
- Липец 1984: *Липец Р. С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.
- Могильников 1968: *Могильников В. А.* Елыкаевская коллекция Томского университета // СА. № 1. С. 263–267.
- Молодин и др. 1980: *Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н.* Айдашинская пещера. Новосибирск.
- Неверов, Мамадаков 1991: *Неверов С. В., Мамадаков Ю. Т.* Проблемы хронологии и типологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул. С. 121–135.
- Нефедкин 2003: *Нефедкин А. К.* Военное дело чукчей (середина XVII — начало XX в.). СПб.
- Николаев 1989: *Николаев Н. Н.* К методике изучения ярусных наконечников стрел // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Новосибирск. С. 89–91.
- Николаев 1997: *Николаев Н. Н.* Предварительные итоги культурно-хронологической идентификации поселения Ай-Дай IV в Хакасии // Новые исследования археологов России и СНГ. Материалы пленума ИИМК РАН 28–30 апреля 1997 г. СПб. С. 37–39.
- Панкова 2011а: *Панкова С. В.* Воины таштыкских миниатюр: возможности атрибуции // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Кемерово (ТСАИПИ. Вып. VII). С. 117–141.
- Панкова 2011б: *Панкова С. В.* Таштыкские гравировки (сюжетно-стилистический анализ и историко-культурная интерпретация): АКД. СПб.
- Панкова 2012а: *Панкова С. В.* Неизвестные фрагменты тепсейских миниатюр // КСЕ. Кн. 1. С. 272–276.
- Панкова 2012б: *Панкова С. В.* Ошкольская писаница на Среднем Енисее // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. М.; Кемерово (ТСАИПИ. Вып. IX). С. 76–96.

- Рыбаков 2007: *Рыбаков Н. И.* Феномен иконографического свойства: причина и следствие заблуждений... (вопросы северного манихейства) // Теория и практика археологических исследований. Вып. 3. Барнаул. С. 78–83.
- Савинов 1984: *Савинов Д. Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.
- Савинов и др. 1988: *Савинов Д. Г., Павлов П. Г., Паульс Е. Д.* Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. По материалам раскопок 1980–1984 гг. Л. С. 83–103.
- Советова 2005: *Советова О. С.* Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск.
- Соловьев 1987: *Соловьев А. И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск.
- Сорокин 1977: *Сорокин С. С.* Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. Вып. 18. С. 57–67.
- Тишкин, Горбунов 2007: *Тишкин А. А., Горбунов В. В.* Комплекс вооружения «эпохи великого переселения народов» из Горного Алтая (по материалам могильника Яломан) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск. С. 164–172.
- Троицкая 1979: *Троицкая Т. Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск.
- Троицкая, Новиков 1998: *Троицкая Т. Н., Новиков А. В.* Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск.
- Худяков 1978: *Худяков Ю. С.* О вооружении таштыкского воина // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск. С. 164–169.
- Худяков 1980: *Худяков Ю. С.* Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск.
- Худяков 1986: *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
- Худяков 1993: *Худяков Ю. С.* Стрелы Елыкаевской коллекции // Кузнецкая старина. Вып. I: История и памятники Южной Сибири и Кузнецкого края. Новокузнецк. С. 46–57.
- Шер 2004: *Шер Я. А.* Стиль в первобытном искусстве // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция. Материалы тематической научной конференции. СПб. С. 9–13.
- Ширин 2003: *Ширин Ю. В.* Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк.
- Чиндина 1977: *Чиндина Л. А.* Могильник Релка на Средней Оби. Томск.

# ОБ ОДНОМ МЕДАЛЬОНЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ МАРГИАНЫ<sup>1</sup>

*В. Н. Пилипко (Москва)*

Свою заметку начну с лирическо-историографического отступления. Медальон (его чаще называют амулетом), о котором пойдет речь, был обнаружен на мургабском поселении Тоголок 21 (Юго-Восточный Туркменистан), по мнению В. И. Сарияниди, выполнявшем в эпоху поздней бронзы функции главного храма всего Гонурского оазиса. Вещица найдена в южной части объекта (южный двор) в неясных стратиграфических условиях, но ее связь с данным храмовым комплексом представляется несомненной [Сарияниди 1989: 160–161; 1990: 142, 288, табл. LXXXIII, 1]. Изделие относится к числу неординарных предметов и привлекает к себе внимание не только специалистов по культуре эпохи бронзы Ближнего и Среднего Востока, но и людей, далеких от этих проблем.

Первый исследователь данной поделки определил рельеф на ее лицевой стороне как изображение двугорбого верблюда-бактриана, облизывающего свою заднюю ногу [Сарияниди 1989; 1990: 142–143]. Но приложенная к этим публикациям иллюстрация (рис. 1) привела меня к мысли о том, что на медальоне представлен не один, а два верблюда-самца, выясняющих отношения в период брачного гона. Движимый этой идеей я стал собирать литературу по данному вопросу. Сначала нашел статью о бляшках из Бесоба [Кузнецова, Курманкулов 1993], а затем наткнулся на работу Е. Ф. Корольковой [1998], которая уже озвучила эту точку зрения. С одной стороны, раздосадованный, что меня опередили, с другой — удовлетворенный тем, что был на правильном пути, я положил свои заметки в дальний ящик. Но сравнительно недавно появилось еще несколько публикаций, в которых идея о двух верблюдах отмечается как несостоятельная, причем их авторы не затрудняют себя доказательствами [Антонова 2009; Francfort 2004; 2005]. Это и побудило меня вновь вернуться к старому вопросу.

Рассматриваемый амулет представляет собой небольшую изящную вещицу, изготовленную из относительно мягкого слоистого камня, имеющего в изломе неопределенный меняющийся цвет (зеленовато-серо-коричневый). Прослойки камня расположены наискось относительно лицевой поверхности находки и местами поблескивают. По мнению директора Геологического музея Туркменского государственного университета, кандидата геолого-минералогических наук А. Г. Бушмакина, предмет изготовлен из какой-то тальковой породы. Лицевая поверхность поделки покрыта тонким плотным белым налетом, не создающим, однако, больших проблем с рассмотрением деталей изображения.

Прежде всего подчеркну, что сохранился не целый медальон, а его фрагмент, причем определяются только два параметра амулета: высота — 3,1 см и тол-

---

<sup>1</sup> Статья подготовлена к публикации в 2008 г.

щина — около 1 см.<sup>2</sup> С правой стороны вещицы внизу сколот относительно небольшой ее кусок, утрачена нижняя часть изображения левой задней ноги верблюда. С левой стороны находки утраты более значительны, именно они не позволяют точно определить форму изделия и количество представленных на его лицевой стороне животных. Если был изображен один верблюд, то утраты слева также можно оценивать как незначительные, а форму предмета определять как вытянутую по вертикали. Если же были показаны двое животных, то поделка, несомненно, является вытянутой по горизонтали. Заканчивая общее описание медальона, следует еще указать, что он имел изображения на трех плоскостях. На лицевой стороне амулета (рис. 1, 1) выполнена в рельефе фигура верблюда (возможно, повторюсь, изначальная композиция включала еще одного верблюда). На оборотной тщательно отшлифованной плоскости вещицы (рис. 1, 2) вырезана в технике *инталио* многофигурная композиция, в которой наиболее отчетливо прослеживается изображение быка. На нижней также подшлифованной плоскости (основание) находки (рис. 1, 3) представлена исполненная в технике углубленной резьбы сцена охоты на горных козлов. Эта часть изделия сильно повреждена, сохранился только небольшой центральный фрагмент композиции. По горизонтальной оси предмет имел двухстороннее сверление. В сколе оборотной стороны поделки видно, что просверленные каналы расположены под некоторым углом друг к другу. Диаметр их составляет около 2 мм. Это сверление убедительно свидетельствует, что вещица использовалась как медальон, вероятно, предназначенный для ношения на груди.

Вернусь к изображению на лицевой стороне амулета. Основная проблема, которую надо решить, заключается в формальном определении сюжета, размещенного на этой плоскости: показан ли здесь один верблюд или два; и если один, то лижет ли он свою ногу или грызет ее? Еще один аспект исследования связан с выяснением характера исполненной фигуры, т. е. представлено ли в данном случае парадное животное, особым образом выделенное из массы себе подобных [Сарианиди 1990: 142]. Начну с последнего. Тезис о том, что на изделии изображен парадный верблюд в церемониальном облачении, не соответствует действительности. Верблюд на изделии показан во всей своей естественной красе, без каких-либо дополнительных украшений. То, что В. И. Сарианиди принял за таковые, является результатом стилизации образа. «Попоны» на горбах условно передают покрывающие их пышные клоки шерсти. Султан есть способ воспроизведения пука длинной шерсти на загривке животного. Этот элемент присутствует практически на всех мургабских изображениях верблюдов (см. ниже).

Теперь рассмотрю вопрос о количестве верблюдов, представленных на лицевой стороне поделки. Среди сторонников версии о наличии фигуры только одного животного наиболее безупречна позиция В. И. Сарианиди. Он первый изучал эту находку и изложил свое мнение о ней, не ведая о существовании альтернативной точки зрения. Менее корректна позиция А.-П. Франкфора, который, уже зная об ином мнении, не удостоил его внимательного рассмотрения. Е. В. Антонова также не стала вникать в сущность разногласий и присоединилась к суждению А.-П. Франкфора. К сторонникам этой версии принадлежит и Х. Юсупов [2001], выросший в скотоводческой среде. Хорошо зная повадки верблюдов, он обратил внимание на возбужденное

<sup>2</sup>Такова толщина изделия в основании, в ряде мест она уменьшается до 0,8 см, т. е. глубина резьбы на лицевой стороне составляет около 2 мм.



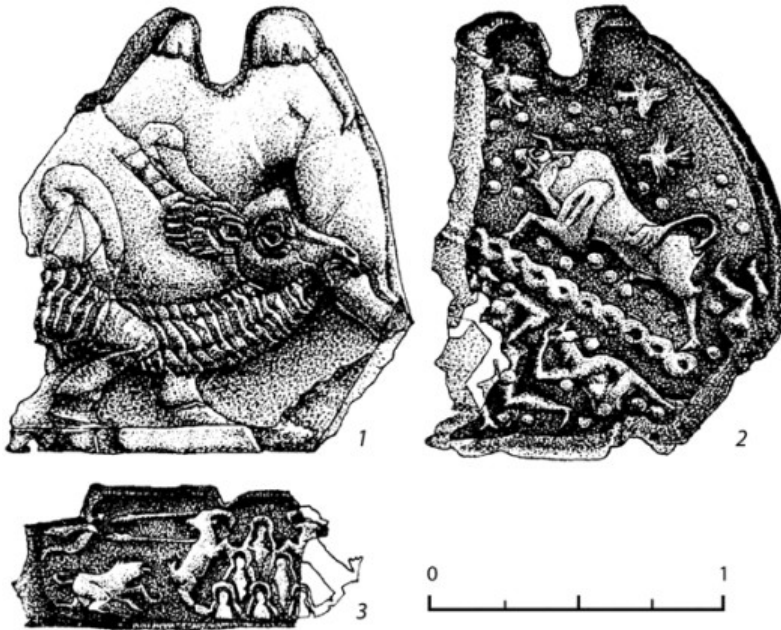
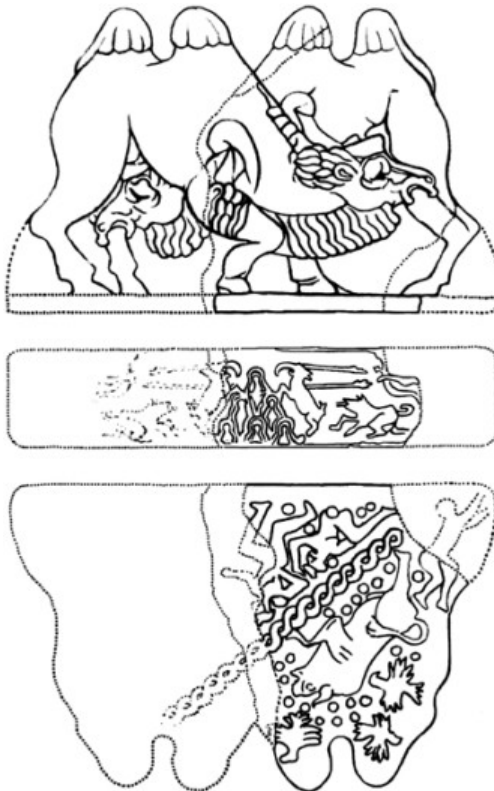


Рис. 1. Медальон из поселения Тоголок 21 [по: Сарияниди 1989]



состояние изображенного животного и отметил, что верблюды не имеют привычки себя облизывать. Но версия Х. Юсупова о том, что животное пытается загрызть змею, обвившуюся вокруг его ноги, не может быть принята. Изучая медальон, он, вероятно, имел дело не с подлинником, а с его опубликованной прорисовкой, на которой действительно можно увидеть подобие змеи. В отличие от Х. Юсупова я внимательно рассматривал амулет в натуре, но изображения змеи не обнаружил.<sup>3</sup>

Ситуация с рептилией заставляет провести критический разбор опубликованных иллюстраций предмета, так как большинство исследователей, рассматривая вещь, может пользоваться только ими. Изображения подделки,

Рис. 2. Медальон из поселения Тоголок 21. Развертка

<sup>3</sup> Приношу свою благодарность директору Главного Национального музея Туркменистана О. Маметурову за возможность непосредственного ознакомления с этой находкой.

особенно ее лицевой стороны, известны в большом количестве, но базовыми можно признать только четыре.

1. Первая и практически единственная прорисовка медальона была сделана еще в 1980-х гг. К числу ее ранних воспроизведений относится публикация в журнале «Вестник древней истории» [Сарианиди 1989: 161, рис. 6]. Эта в целом добротная репродукция все же отличается некоторыми недочетами. Изображение на лицевой стороне амулета дано не в строгой фронтальной проекции. Художник смотрел на него под некоторым углом справа, что привело к искажениям, легко выявляемым при сопоставлении прорисовки и фотографии в книге В. И. Сарианиди [2002: 139]. «Шапки» шерсти на горбах животного воспроизведены на рисунке уже, чем сами горбы, хвост «завалился» на сторону, морда верблюда показана более короткой, тогда как на фотографии его челюсть почти полностью охватывает ногу, причем четко видны зубы животного. На рисунке выявляются и другие погрешности. Благодаря точечной технике передачи рельефа нечетко показан теменной хохол — в реальности он имеет больший размер. Ухо верблюда более округлой формы, а затылочный пук шерсти четче отделен от контура головы. Важным представляется точное воспроизведение графической стилизации верхней части ноги (плеча) животного, которая расположена под изображением его левого горба. На рисунке контур ноги показан кривой линией, продолжающейся до затылка верблюда, но в реальности она не вогнутая, а выпуклая и смыкается с загривком примерно на его середине. Нечетко показан и небольшой сохранившийся фрагмент рельефной разделки длинной шерсти, расположенной на левом обломе вещицы ниже опушки правой ноги животного. Эта деталь представляется важной для интерпретации сюжета (см. ниже). Кроме того, художник сильно спрямил контур крупа верблюда.

Данная иллюстрация построена как воспроизведение трех разных проекций находки, однако плановая проекция рельефной стороны изделия совмещена в данном случае с зеркальными изображениями двух других плоскостей предмета (рисунки, выполненные по оттискам), что затрудняет верное восприятие структуры поделки. К этому надо добавить, что ось левой проекции медальона отклонена от вертикали и на этой проекции неверно показана нижняя плоскость амулета, которая должна представлять собой прямую горизонтальную линию.

2. Таблица LXXXVII, 1 из монографии В. И. Сарианиди «Древности страны Маргуш» [Сарианиди 1990] практически дублирует рассмотренную выше прорисовку и отличается от нее двумя недостатками — низким качеством печати и размещением оборотной плоскости против правил технического черчения, в другом ракурсе. Последнее, по-видимому, уже связано с интерпретацией изображения как композиции из двух самостоятельных регистров.

Более ценной является иллюстрация (табл. LXXXIII, 1), помещенная в этом же издании, хотя и она отличается низким типографским качеством. Она дает четкое представление о взаимном расположении лицевой и нижней плоскостей вещицы — вершина горы на ее основании расположена под крайним левым копытом верблюда. Однако оборотная плоскость с изображением быка и на этой таблице намеренно повернута до горизонтального расположения «плетенки».

3. Таблица, представленная в другой книге В. И. Сарианиди, «Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб» [Сарианиди 2002: 139] как бы объединяет все предшествующие иллюстрации. Ее важнейшим достоинством является наличие четких цветных фотографий всех плоскостей изделия. Но и они все же не столь безупречны как документальный источник. Эти иллюстрации имеют

разные масштабы, которые вовсе не показаны на опубликованных фотографиях. Кроме того, основание поделки, на котором вырезана сцена охоты, должно быть повернуто относительно плоскости с фигурой быка на 180°. Прорисовки, заимствованные из первой публикации предмета, сохраняют все присущие им недостатки (сочетание позитивных и негативных изображений, некоторая неточность в деталях). Качество фотографий, на которых воспроизведены оттиски композиций, выполненных на основании и оборотной стороне медальона, не выдерживает критики.

4. Великолепные оттиски изображений, имеющих на основании и на оборотной стороне амулета, опубликовал А.-П. Франкфор [Francfort 2004: 190, fig. 12]. Обе композиции оттиснуты на одном куске пластилина, что снимает все вопросы относительно их соразмерности.

В целом все опубликованные иллюстрации дают достаточно ясное представление о рассматриваемой вещице. Теперь постараюсь привести аргументы в пользу присутствия на лицевой стороне находки изображения двух верблюдов.

1. Скотоводам хорошо известны жаркие схватки самцов верблюдов в период гона. Зрелище это впечатляющее, и неудивительно, что оно нашло воплощение в изобразительном искусстве, тем более что такая схватка является не обычной жанровой сценой, а символизирует пробуждение и неукротимую мощь животворящих сил природы и, возможно, даже начало Нового года [Акишев 1984]. Судя по обилию изображений верблюдов в искусстве древних обитателей низовьев Мургаба, в том числе и на престижных предметах, земледельцы, населявшие «страну Маргуш» в бронзовом веке, считали этих животных священными. Такое отношение к ним в Туркменистане сохраняется до сих пор. Поэтому на изделии более уместно воспроизведение символической сцены, чем жанровой (верблюд, лижущий свою ногу, — в качестве примера последней). Как отмечено выше, животное находится в крайне возбужденном состоянии, что характерно для времени гона, и ногу верблюд не лижет, а кусает, поскольку его пасть оскалена, и нарочито показаны крупные зубы. Это является важным аргументом в пользу того, что животное грызет (точнее, пытается грызть) ногу другого верблюда.

2. Изображение верблюдов на поделке выполнено талантливым мастером, прекрасно знавшим анатомию этих животных. Но если композицию на медальоне воспринимать как образ одного верблюда, то его поза производит странное впечатление. Конечно, такое животное обладает длинной шеей, но дотянуться зубами до своей задней отставленной назад ноги, не сгибая корпуса, оно не сможет<sup>4</sup>. При такой позе одно плечо (лопатка) верблюда останется вне видимости, однако на амулете показаны оба его плеча (лопатки). Извернувшееся в кольцо животное для сохранения равновесия должно опираться на выставленную вперед правую переднюю ногу. На изображении она полусогнута и отставлена назад. Все эти трудности будут устранены, если принять, что представленный на вещице корпус животного принадлежит одному верблуду, а шея и голова — другому. В пользу такого решения свидетельствует и форма стилизованных завитков, украшающих плечи (лопатки) животных. Завитки направлены от головы назад, причем завиток, находящийся на переднем плане, принадлежит ближнему к зрителю верблуду, обращенному вправо, а завиток на дальнем плане — другому верблуду, обращенному влево.

<sup>4</sup> Естественная поза верблюда, обернувшегося назад, представлена на рукояти кинжала из погребения вблизи г. Азов [Беспальный 1992: 186–187, рис. 11; Габуев 2005: 15].

3. Следует также обратить внимание на небольшой фрагмент композиции, который символизирует «шейный подвес» (длинная шерсть, покрывающая переднюю часть шеи животного). Эта деталь расположена у левой кромки сохранившейся части находки. Есть все основания рассматривать этот фрагмент как часть шеи утраченной фигуры верблюда, исполненной на заднем плане. Рельеф на этом участке изделия в два раза ниже, чем на месте расположенного рядом изображения ноги животного. Кроме того, внешний контур указанной детали свидетельствует о том, что она воспроизводит шею верблюда, а не его грудь или живот.

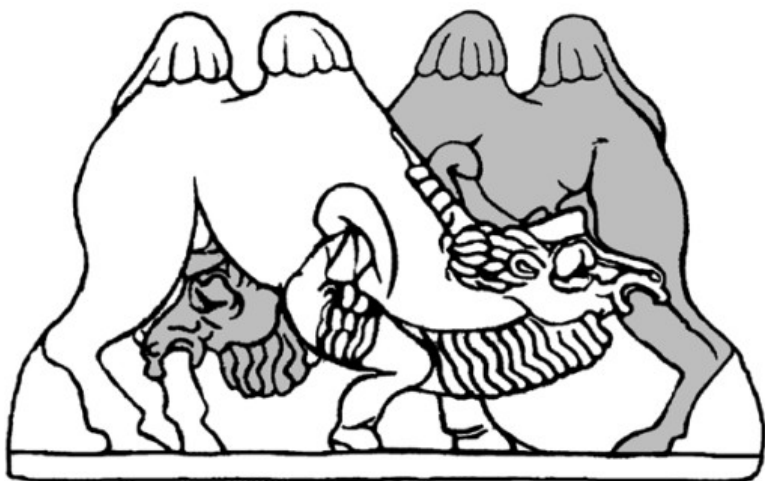
4. Рассмотрение в натуре композиций на передней и нижней плоскостях предмета показало, что вершина горы, изображенная на основании поделки, находится под копытом правой передней ноги верблюда (крайняя левая нога на сохранившемся фрагменте), фигура которого представлена на переднем плане лицевой поверхности медальона (рис. 2, *вверху и в центре*). Для анализа сцены, вырезанной на основании амулета, привлечена в качестве аналогии цилиндрическая аккадская печать с подобным сюжетом. Такие печати дают «закольцованное» изображение, которое иногда, как в данном случае, трудно разомкнуть. Не исключено, что рассматриваемую композицию следует оценивать несколько иначе, чем это представлено ниже. Человеческие фигуры могли располагаться по краям изобразительного поля. Именно такой вариант «прочтения» данной сцены был предложен В. К. Афанасьевой [1979: табл. XXIa] (рис. 3). Подобную композицию с воспроизведением одной или двух гор в центре можно предполагать и для нижней плоскости мургабской вещицы. Вариант с одной горой даже предпочтительнее, так как на сцене, вырезанной на основании рассматриваемой находки, с другой стороны горы частично сохранилось симметричное изображение еще одного козла. В любом случае есть основания предполагать, что слева от горы располагался значительный участок изобразительного поля, что соответствует и условию следующего пункта.

5. Артефакты, подобные мургабскому изделию, в подавляющем большинстве имеют симметричную форму, что обусловлено необходимостью их остойчивости, т. е. хорошей центровки при подвешивании. Представление о наличии на данном предмете изображения одного верблюда заставляет предполагать асимметричность поделки (справа представлены два горба, слева — крутой спад, образованный шейей). Это противоречит вышеуказанному техническому условию. Такой медальон постоянно будет заваливаться на сторону. Амулет, на котором воспроизводится композиция с двумя верблюдами, напротив, симметричен и устойчив при подвешивании.

Итак, есть все основания предполагать, что на лицевой стороне вещицы изображен поединок двух верблюдов (рис. 4), возможно, олицетворяющий весеннее пробуждение природы, которое в ближневосточной и иранской традиции соответствует началу Нового года. Существует также предположение, что сюжет противоборства двух животных одного вида связан с древним магическим обрядом вызывания дождя [Кузьмина 2002: 74–80]. В любом случае эта сцена носила символический характер и подразумевала присутствие двух одинаковых животных, а это меняет представления о форме и размерах мургабской находки, что в свою очередь влияет на оценку сюжета композиции, присутствующей на оборотной стороне изделия (рис. 2, *внизу*). Толкование этой сцены было предложено А.-П. Франкфортом в двух вариантах. В одной из своих публикаций он рассматривает ее как охоту в горах на бизона [Francfort 2004], в другой — как один из вариантов тавромахии, широко распространенной от Египта до Инда [Francfort 2005].



**Рис. 3.** Аккадская печать с изображением сцены охоты [по: Афанасьева 1979]



**Рис. 4.** Реконструкция изображения на лицевой поверхности медальона из поселения Тоголок 21

Новые представления о форме предмета заставляют считать, что на его уцелевшей части сохранилась примерно половина изображения<sup>5</sup>, и вполне может быть, что не бык являлся главным героем композиции, вырезанной на оборотной стороне поделки. Остается неизвестным, навстречу кому или чему он мчится, и что находилось в левой (на оттиске) широкой части нижнего изобразительного поля. Кроме того, нужно обратить внимание на деталь, которую не отметили в предшествующих публикациях. Плетенка, разделяющая два регистра изображения, в своей нижней (правой) части не доходит до края медальона, и именно в этот проем проваливается человек, показанный «вверх тормашками». Затем он (или другой персонаж) встает и бежит в левую сторону. Видимо, здесь воспроизведены символические

<sup>5</sup> На опубликованной прорисовке плоскость косо́го скола сильно укорочена.

действия или превращения. О них я не берусь судить, не будучи специалистом в области идеологических представлений эпохи бронзы<sup>6</sup>.

Еще один аспект, на который я хотел бы обратить внимание, касается вопроса о назначении амулета и времени появления на нем углубленных изображений, т. е. момента его превращения в печать. Во всех предшествующих публикациях данная вещь воспринимается как работа мастера, создавшего его «в один присест». Но мне это представляется не столь очевидным. Изображения на лицевой и двух других плоскостях находки различаются по назначению, технике исполнения и сюжету. Фигуры двугорбых верблюдов-бактрианов позволяют рассматривать поделку как местное изделие. Эти животные играли важную роль в хозяйстве и идеологических представлениях древних жителей низовьев Мургаба [Антонова 2009]. Композиция на основании предмета воспроизводит типично ближневосточный сюжет в широком смысле этого слова. В Месопотамии и Эламе такая сцена обычно представлена на цилиндрических печатях, а здесь она вырезана на плоскости. Наличие тесных связей между населением дельты Мургаба и ближневосточными народами прослеживается довольно явно, причем речь идет не о разовой миграции или одномоментном культурном импульсе, а о многократно возобновлявшихся контактах.

Ближневосточные религиозные воззрения и культурные достижения влияли на мургабское общество, но в целом ему была присуща самобытная культура. Стилистически и даже семантически углубленные изображения, представленные на основании медальона и на его оборотной стороне, существенно отличаются от образов, выполненных на лицевой поверхности амулета. Изображение на тыльной плоскости в этом отношении менее показательно ввиду своей неполной сохранности. Но если воспринимать эту сцену как воспроизведение тавромахии, то следует признать, что этот сюжет, также привнесенный с запада, не нашел дальнейшего развития в произведениях местного, среднеазиатского, искусства.

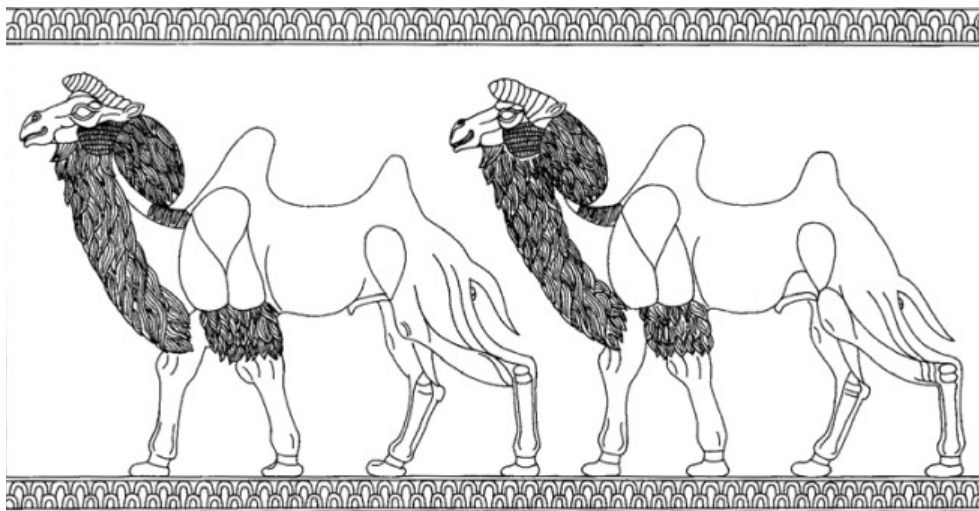
Таким образом, между оформлением внешней стороны вещи (символическое рельефное изображение) и двух других ее поверхностей (углубленные рисунки) обнаруживается существенное техническое, функциональное, художественное и идеологическое расхождение. На рельефной плоскости представлен самобытный образ, тогда как на других поверхностях калькированы иноземные сюжеты. Поэтому вполне допустимо предположение о том, что выпуклые и углубленные изображения появились на изделии в разное время. Эту трансформацию можно представить в следующей последовательности. Вначале была выполнена поделка или сакральная эмблема с изображением борьбы двух верблюдов. Спустя какое-то время предмет переделали в печать, изображения на тыльной и нижней сторонах которой были заимствованы из сюжетов искусства ближневосточного круга. Косвенным подтверждением этого может служить разная толщина «пустынного загара» на лицевой и оборотной сторонах находки, если только это не следствие ее чистки археологами после обнаружения.

Медальон из поселения Тоголок 21 выявлен на раннем этапе изучения памятников эпохи бронзы в низовьях Мургаба, и тогда он был практически единственным свидетельством почитания верблюда местным населением. К настоящему времени число таких свидетельств значительно увеличилось. Перечислю их вкратце.

<sup>6</sup> При описании композиции, вырезанной на этой плоскости, обычно указывают, что птицы атакуют быка, но возможна и иная трактовка — они в страхе шарахаются от него.

1. Первым следует назвать рассматриваемый каменный амулет, который можно определить как художественную вещь, предназначенную для повседневного ношения, или, напротив, для использования только в торжественных случаях. В то же время эту находку, учитывая важную роль верблюда в хозяйстве и идеологических представлениях носителей культуры Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (далее — БМАК), несомненно, следует рассматривать как талисман, наделенный особым смыслом и магической силой. Эти свойства изделия усиливались в сочетании с другими символическими изображениями, служившими для нанесения оттисков, т. е. данный предмет можно рассматривать и как печать.

2. В «царском» некрополе Гонура (погребение № 3220) обнаружен серебряный высокохудожественный сосуд (рис. 5) с фигурами двух шествующих друг за другом верблюдов [Сарианиди 2006: 236–237, рис. 95–96], очень похожих на образы тех, которые представлены на поделке из поселения Тоголок 21. Следует, однако, обратить внимание на несколько иную стилистику изображений животных на сосуде, который, очевидно, относится к числу ритуальных изделий.



**Рис. 5.** Изображение двух верблюдов на серебряном сосуде из погребения № 3220 «царского» некрополя Гонур-депе [по: Сарианиди 2006]



3. На внешней стороне дна этого и некоторых других парадных металлических сосудов выгравирована фигура стоящего верблюда (рис. 6), которую можно понимать как сакральную эмблему или знак собственности, но не как метку мастера-профессионала, выполнившего эту работу. Прочарапаные образы по своему мастерству значительно уступают рельефным [Сарианиди 2006:

**Рис. 6.** Изображение верблюда на донце серебряного сосуда из погребения № 3220 «царского» некрополя Гонур-депе [по: Сарианиди 2006]

238]. Это наблюдение указывает на вторичность данных изображений относительно первоначальных [Антонова 2009].

4. Налепные фигурки верблюдов иногда представлены и на ритуальных сосудах [Сарианиди 1980; 1990: 27–28, 138–139; Антонова 2004], однако на этих изделиях доминируют образы козлов, баранов и змей.

5. Серебряная «заколка» с изображением двугорбого верблюда встречена в погребении № 2900 (некрополь Гонура) [Сарианиди 2006: 188, рис. 56]. Она относится к числу редких изделий подобного рода, у которых фигура не венчает стержень, а расположено под ним. В данном случае стержень «вырастает» из горба животного (рис. 7). Есть основания предполагать, что стержень заканчивался крючком, и поделка закреплялась на одежде (?) в перевернутом виде [подробнее см.: Бороффка 2010].

6. На каменных и металлических печатях БМАК встречаются образы стоящих верблюдов, причем самые выразительные находки подобного рода происходят из Северного Афганистана (рис. 8, 1–3) [Сарианиди 2002: 302; Sarianidi 1998: 70, 71, fig. 109. 2, 172, 173, fig. 916. 2]. Особого упоминания заслуживает мургабская печать (рис. 8, 4) с изображением верблюда, борющегося со змеями [Сарианиди 2002: 271].

Помимо этих парадных изделий, которые предназначались для верхушки местного общества и использовались в ритуальных действиях, известны воспроизведения верблюдов, не имеющие выраженной идеологической нагрузки, но все же подчеркивающие важную роль этого животного в повседневной жизни и мировоззрении «маргушцев» разного социального уровня.

7. На Гонуре функционировали водопроводы, составленные из керамических труб. На одной из них тонким острием по сырой глине выполнено несколько эскизных рисунков, один из которых представляет фигуру верблюда (рис. 9). Сомнительно, чтобы эти изображения сделал профессиональный художник из «царских» мастерских, случайно забредший к горшечникам. Более вероятно, что данные рисунки являются результатом деятельности одного из рядовых работников гончарной мастерской. Следует, однако, обратить внимание, что образ верблюда, исполненный на керамической трубе, анатомически точен и в целом сопоставим с изображениями на донцах металлических сосудов [Сарианиди 2002: 98].

8. Лепные терракотовые фигурки животных, в том числе и верблюдов, нужно которые рассматривать как произведения массового народного творчества (рис. 10). Эти изделия, скорее всего, представляют собой детские игрушки [Сарианиди 1990: 228–229, табл. XXIII–XXIV].



**Рис. 7.** Серебряная «заколка» с изображением верблюда из погребения № 2900 некрополя Гонур-депе [по: Сарианиди 2006]





**Рис. 8.** Каменные и металлические печати БМАК с изображением верблюдов из Бактрии (1–3) и Маргианы (4) [1, 2 — по: Sarianidi 1998; 3, 4 — по: Сарияниди 2002]



**Рис. 9.** Изображение верблюда на керамической трубе из Гонур-депе [по: Сарияниди 2002]

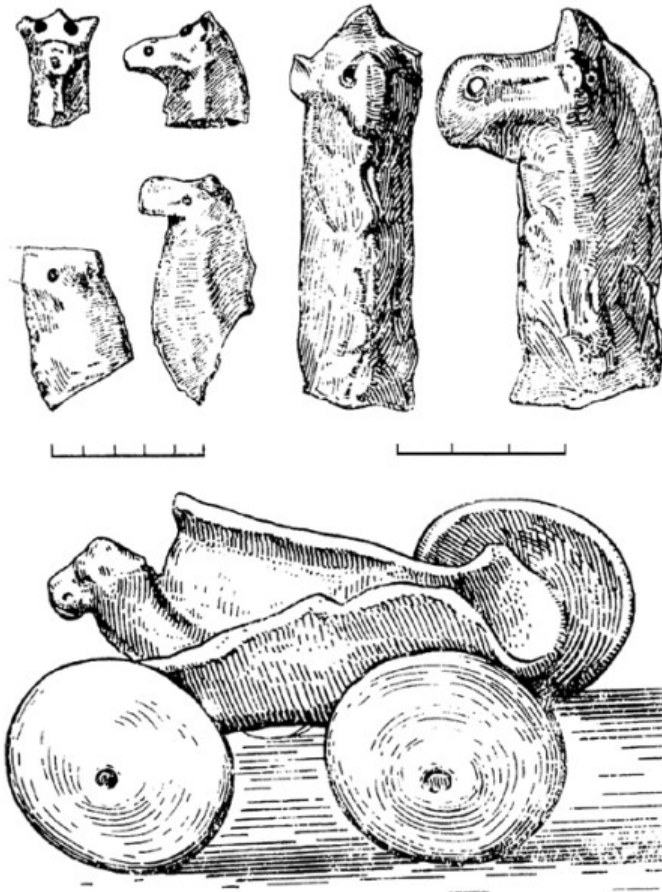


**Рис.10.** Терракотовые фигурки верблюдов из Маргианы [по: Сарияниди 1990]

9. На древнеземледельческих поселениях Юго-Восточного Туркменистана изредка встречаются глиняные модели повозок, к передней части которых прилеплены объемные изображения шей и голов верблюдов [Массон 1966: рис. 38, 1; 1967: 177, рис. 9, 7; 1981: 88, табл. XIX, 1, XXX, 2–4]. Следовательно, этих животных запрягали в транспортные средства (рис. 11). Такие модели в долине Мургаба не найдены. Однако отсюда происходят остатки настоящих четырехколесных повозок, а также модели колес. Последние поделки, вероятно, являются детскими игрушками, хотя есть мнение, что они составляли инвентарь каких-то ритуальных комплексов [Кузьмина, Ляпин 1980: 43].

10. Вне Гонурского оазиса, но также в пределах долины Мургаба известно еще одно изделие с образом стоящего верблюда [Ляпин 1968; 1999]. Речь идет о случайной находке из Меручакского оазиса (Тахтабазарский район в средней части долины Мургаба, примерно в 250 км выше по его течению от поселения Тоголок 21) бронзового зеркала с ручкой, на которой исполнена фигурка этого животного (рис. 12). Точные аналогии данному изделию мне не известны, но по ряду признаков его следует относить к последней трети II тыс. — первой трети I тыс. до н. э. Зеркало, судя по его конструктивным и стилистическим особенностям, не является артефактом БМАК, хотя в районе Меручака известны погребения позднего бронзового века [Удеумурадов 1989]. С другой стороны, дизайнерское решение меручакской находки (расположение фигурки животного между диском зеркала и его ручкой, а также четко выраженное ребро, проходящее по краю нешлифованной стороны диска) обнаруживает сходство с некоторыми ранними скифскими зеркалами [Скржинская 1984]. Возможно, что рассматриваемая вещь изготовлена пришельцами с Запада, но уже в Средней Азии.

В контексте данной статьи необходимо также упомянуть о физическом присутствии верблюдов на мургабских поселениях. В бытовых отходах их кости практически отсутствуют, но в одной из многочисленных ритуальных печей обнаружена голова этого животного [Сарияниди 2004: 237]. В «царских» погребениях Гонура встречаются ритуальные захоронения верблюдов, причем их умерщвление происходило



**Рис. 11.** Терракотовые головки фигурок верблюдов и модель повозки с запряженным в нее верблюдом из Алтын-депе [по: Массон 1966; 1967; 1981]



непосредственно в погребальных комплексах [Дубова 2004: 265 сл.]. Все это еще раз указывает на важную роль данных животных в жизни и обрядах местного общества<sup>7</sup>.

Вопросы domestikации, распространения и почитания бактрианов в различных регионах Азии подробно рассмотрены во многих публикациях [Акишев 1984; Кузьмина 1963; Королькова 1999; Potts 2004]. Относительно выводов Е. Ф. Корольковой, которая в определенной степени подвела итоги дискуссии по данным вопросам, сле-

**Рис. 12.** Бронзовое зеркало с фигуркой верблюда на ручке из окрестностей Тахта-Базара [по: Ляпин 1968]

<sup>7</sup> В некотором диссонансе с этими утверждениями находится вывод В. И. Сариниди об отсутствии на Гонуре ритуальных захоронений верблюдов, тогда как аналогичные погребения других животных известны [Сариниди 2010: 97–104].

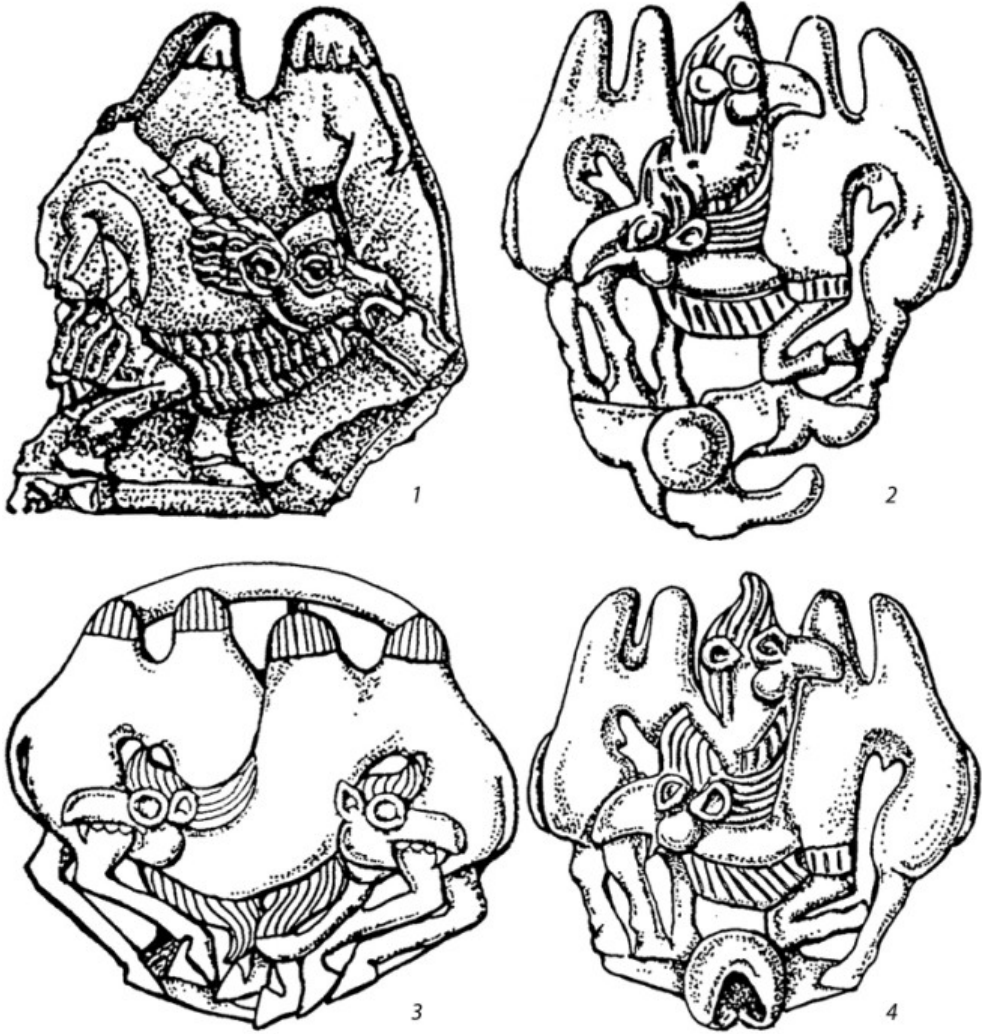
дует сделать замечание. Спорным представляется ее заключение об использовании двугорбого верблюда во II–I тыс. до н. э. в Передней Азии [Королькова 1999: 68]. Судя по ассирийским и ахеменидским рельефам, он там был известен, но, вероятно, только в качестве экзотического существа из далеких восточных стран. Оснований для включения бактрианов в число ближневосточных домашних животных не существует.

Относительно места первоначальной domestikации двугорбого верблюда предпочтение следует отдать мнению Н. М. Ермоловой, изучавшей его древнейшие костные останки в Средней Азии [Ермолова 1976]. Дикий бактриан был распространен не только в степях Монголии и Казахстана, но и в пустынях Средней Азии вплоть до 35 градуса северной широты. Первоначальное его одомашнивание произошло именно в Средней Азии, в земледельческой среде, где уже в III тыс. до н. э. верблюда активно использовали как тягловое и вьючное животное. Это достижение среднеазиатских земледельцев затем распространилось по всей зоне природного обитания бактрианов [Вайнберг 1977: 25], а местами вышло за ее пределы.

Подобное заключение, вкупе с прямыми археологическими свидетельствами из Маргианы, делает сомнительным предположение Б. И. Вайнберг о первоначальном возникновении культа бактриана в кочевнической среде на севере Средней Азии, т. е. на юге Казахстана. Новейшие находки на древнеземледельческих поселениях низовьев Мургаба и подгорной полосы Копетдага убедительно свидетельствуют, что много раньше бактриан стал объектом почитания именно там.

Предложенная выше реконструкция тоголокского медальона ставит его во главе представительной серии изображений сражающихся верблюдов (рис. 13; 14), что делает заманчивой попытку установления между ними связей. Но осуществляя такое исследование, нужно проявлять предельную осторожность. При рассмотрении всего многообразия фигур верблюдов, обнаруженных в пределах азиатского степного пояса, оказывается, что вне зависимости от хронологии этих образов им прежде всего присущи характерные особенности животного: общий абрис, два горба, густая длинная шерсть на вершинах горбов и на коленной части передних ног и нижней части шеи (т. н. подвес), пышные пучки шерсти на затылке и темени. Одинокое животное показано спокойно лежащим в свойственной для него позе или стоящим. В последнем случае фиксируются три позиции или характерные сигнальные позы: расслабленная с дугообразно изогнутой шеей; с высоко поднятой и даже несколько откинута назад головой; более напряженная с опущенной или вытянутой вперед головой и шеей. Высоко поднятая голова демонстрирует уверенность в своих силах и претензию на доминирование. Вытянутая вперед или опущенная книзу напряженная шея указывает на готовность к сопротивлению или к атаке, т. е. является позой угрозы. Следовательно, права Е. Ф. Королькова, рассматривая прямоугольные пряжки с изображением двух противостоящих верблюдов как варианты сцены противоборства [Королькова 1999: 92–93]. В активной фазе схватки верблюд использовал два основных приема: прежде всего он стремился укусить противника за ногу, если же это не удавалось, то грыз горб соперника. К сожалению, все особенности внешнего облика бактрианов и их характерные позы, представленные на изображениях, не могут служить хронологическими, иконографическими или стилистическими признаками.

Последние проявляются в менее существенных деталях. Например, на медальоне из поселения Тоголок 21 и на других мургабских находках наблюдается чрезмерное внимание к пучку волос на затылке верблюда, и этот признак можно рассматривать



**Рис. 13.** Мелкая пластика со сценами борьбы двух верблюдов:

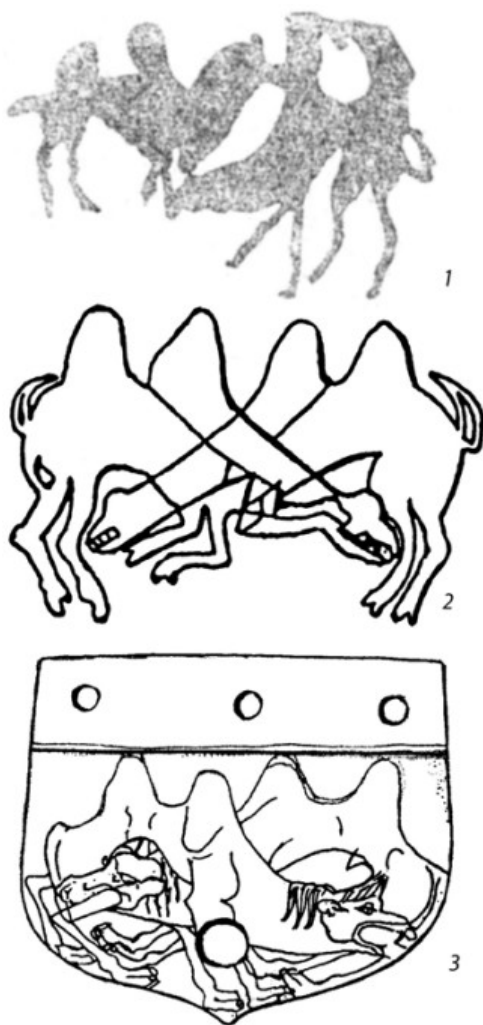
1 — Тоголок 21; 2 — могильник Пятимары I; 3 — Филипповский курган; 4 — могильник Бесоба  
(1 — камень; 2–4—бронза) [по: Королькова 1999]

как специфическую особенность местной художественной традиции. В дальневосточном и приуральском ареалах большее внимание уделялось моделировке специфически заостренного пучка волос на темени животного, в чем можно усматривать проявление «сакской» традиции. Для прямоугольных пряжек сарматского времени, на которых представлена фигура лежащего верблюда, характерно, вероятно, нарочитое невнимание к деталям и «бахромчатое» обрамление контура образа животного. Несмотря на значительный территориальный разброс этих признаков, для изображений, на которых они зафиксированы, можно предполагать единый центр изготовления и относительно краткий период существования.

Трудно согласиться с объединением в одну группу всех ранних среднеазиатских, иранских и ближневосточных образов верблюдов [Королькова 1999: 68]. Речь идет

об их изображениях на ассирийских и ахеменидских рельефах, луристанском (?) навершии (рис. 15), тоголокском амулете, изделиях из Амударьинского клада и храма Окса в Тахти-Сангине, а также сосуде из Эребуни [Ghirshman 1964: fig. 99; Hodjasch 1974: 405, Abb. 15; Литвинский, Пичикян 1992; Potts 2005]. Эту серию теперь можно дополнить новыми воспроизведениями верблюдов из Маргианы (рис. 4–12).

Прежде всего следует отметить, что все названные изделия являются разновременными, причем мургабские сюжеты и бактрийские печати, датирующиеся поздним бронзовым веком, относятся к самым ранним. В эту же группу, вероятно, следует включить луристанское (?) навершие, обнаруживающее с мургабскими изображениями явное стилистическое сходство. Зеркало из Меручака, как отмечено выше, не имеет надежной датировки. Все остальные находки связаны с порой железного века, которому на территории Средней Азии предшествует не имеющий таких изображений период раннего железного века I–II (Яз I–II). Поэтому нет оснований настаивать на прямой связи БМАК и сакских комплексов. В то же время противоположная позиция (полное отрицание каких-либо связей между ними) также представляется слишком категоричной. БМАК ретранслировал многие ближневосточные достижения, в том числе и в изобразительном искусстве, на восток [Грязнов 1980; Кожин 2004: 90–91; Кузьмина 2009]. В эпоху поздней бронзы, когда расстояния перестали быть труднопреодолимым препятствием, собственные достижения БМАК и ближневосточные заимствования распространились еще дальше на северо-восток, что способствовало формированию «звериного стиля» в Центральной Азии (в русском значении этого географического и историко-культурного термина), который через некоторое время распространился на просторах Казахстана и северо-востока Средней Азии. В этом сложном движении представлений и идей образы, подобные изображению на тоголокском медальоне, могли оказать влияние на формирующуюся изобразительную традицию скотоводческого населения степей.



**Рис. 14.** Сцены борьбы двух верблюдов:

- 1 — Каратау [по: Кадырбаев, Марьяшев 1977];  
 2 — Сулекская писаница [по: Мухарева 2007];  
 3 — Орлатский могильник [по: Пугаченкова 1987]  
 (1, 2 — наскальные изображения; 3 — костяная пластина)



**Рис. 15.** Бронзовое навершие из Луристана (?) с фигуркой верблюда [по: Ghirshman 1964]

на детальная проработка затылочного пука волос и мощного шейного подвеса верблюда. Однако если сравнить его фигуру на серебряном сосуде из «царского» некрополя Гонура с изображением на вещице из поселения Тоголок 21, то бросается в глаза разная манера передачи длинной шерсти животного на этих артефактах. На сосуде она показана с помощью типичного ближневосточного приема (приостренные язычки), а на медальоне — посредством волнистых параллельных валиков.

Принимая как аксиому мнение о местном происхождении поделки из Тоголок 21, не следует понимать этот вывод буквально, предполагая ее изготовление в Тоголокском или Гонурском оазисах. Дельта Мургаба является обширной глинистой равниной, где нет выходов коренных каменных пород. Следовательно, использованный для изготовления медальона камень был откуда-то привезен. Представленные на печатях сцены охоты в горах воспроизводят не местный пейзаж, а ближайшие горы находятся в 200–250 км от поселения, где был найден амулет. Таким образом, указание на местное происхождение вещицы нужно понимать только как свидетельство ее принадлежности к БМАК.

## Литература

- Акишев 1984: *Акишев А. К.* Образ верблюда в легендах Центральной Азии // Этнография народов Сибири. Новосибирск. С. 69–76.
- Антонова 2004: *Антонова Е. В.* Еще раз о культовых сосудах БМАК // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. М. С. 193–201.
- Антонова 2009: *Антонова Е. В.* О верблюдах в БМАК // Древность: историческое знание и специфика источника. Тезисы Международной конференции, посвященной памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского. М. С. 15–18.
- Афанасьева 1979: *Афанасьева В. К.* Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М.
- Беспалый 1992: *Беспалый Е. И.* Курган сарматского времени у г. Азова // СА. № 1. С. 175–191.

Анатомические и поведенческие особенности бактрианов могли находить сходное отражение в совершенно несвязанных между собой художественных композициях. Поэтому воспроизведения брачных схваток верблюдов на тоголокском амулете, наскальных рисунках Каратау [Кадырбаев, Марьяшев 1977: 102–103, рис. 79], орлатских пластинах [Пугаченкова 1987; 1989; Пыасов, Rusanov 1998] и сибирских средневековых писаницах [Киселев 1951; Мухарева 2007: 104, рис. 4, 4] могли иметь при внешнем сходстве независимое происхождение и разную идеологическую мотивацию.

Моделировка фигур, представленных на мургабских находках, не позволяет говорить о доминировании одного стиля при создании изображений на этих изделиях, хотя и существует определенное единство в восприятии образа. Для мургабского искусства характер-

- Бороффка 2010: *Бороффка Н.* Серебряная фигурная булавка из «Гробницы ягненка» (18/1994) в Гонуре (некоторые соображения о музыке и ритуале) // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В. И. Сарияниди. СПб., 2010 (ТМАЭ. Т. 3). С. 258–265.
- Вайнберг 1977: *Вайнберг Б. И.* Монеты древнего Хорезма. М.
- Габуев 2005: *Габуев Т. А.* Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков. Каталог выставки. М.
- Грязнов 1980: *Грязнов М. П.* Аржан — царский курган раннескифского времени. Л.
- Дубова 2004: *Дубова Н. А.* Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. М. С. 254–281.
- Ермолова 1976: *Ермолова Н. М.* Где же одомашнили двугорбого верблюда // Природа. М. № 10. С. 109–111.
- Кадырбаев, Марьяшев 1977: *Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н.* Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата.
- Киселев 1951: *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М. (МИА. № 9).
- Кожин 2004: *Кожин П. М.* Цивилизация, утонувшая в песках великой пустыни // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. М. С. 83–91.
- Королькова 1998: *Королькова Е. Ф.* Образы верблюда и их развитие в искусстве ранних кочевников Евразии // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2. Оренбург. С. 137–149.
- Королькова 1999: *Королькова Е. Ф.* Образы верблюдов и пути их развития в искусстве ранних кочевников Евразии // АСГЭ. Вып. 34. С. 68–96.
- Кузнецова, Курманкулов 1993: *Кузнецова Э. Ф., Курманкулов Ж. К.* Бронзовые изделия из памятников савроматской культуры Западного Казахстана (данные спектрального анализа) // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург. С. 44–53.
- Кузьмина 1963: *Кузьмина Е. Е.* Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема доместикации бактрианов // СА. № 2. С. 38–46.
- Кузьмина 2002: *Кузьмина Е. Е.* Мифология и искусство скифов и бактрийцев. М.
- Кузьмина 2009: *Кузьмина Е. Е.* Кыргызстан — центр распространения культурных влияний Запада в Синьцзян // Древность: историческое знание и специфика источника. Тезисы Международной конференции, посвященной памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского. М. С. 65–68.
- Кузьмина, Ляпин 1980: *Кузьмина Е. Е., Ляпин А. А.* Новые данные о распространении колесного транспорта в Туркмении // Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад. С. 34–44.
- Литвинский, Пичикян 1992: *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Золотые пластины из храма Окса (Северная Бактрия) // ВДИ. 1992. № 3. С. 94–111.
- Ляпин 1968: *Ляпин А. А.* Находка экскаваторщиков // ПТ. № 2. С. 9.
- Ляпин 1999: *Ляпин А. А.* Археологические находки из Меручакского оазиса // ПОС. № 1. С. 71–80.
- Массон 1966: *Массон В. М.* Расцвет и упадок культуры земледельцев юго-запада // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л. С. 151–178.
- Массон 1967: *Массон В. М.* Протогородская цивилизация юга Средней Азии // СА. № 3. С. 165–190.
- Массон 1981: *Массон В. М.* Алтын-депе. Л. (ТЮТАКЭ. Т. XVIII).
- Мухарева 2007: *Мухарева А. Н.* Сцены с верблюдами в наскальном искусстве Минусинской котловины // АЭАЕ. № 4. С. 102–109.
- Пугаченкова 1987: *Пугаченкова Г. А.* Образ кангойца в согдийском искусстве // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент. С. 56–65.
- Пугаченкова 1989: *Пугаченкова Г. А.* Древности Мианкаля. Из работ Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент.



- Сарианиди 1980: *Сарианиди В. И.* Культовый сосуд из Маргианы // СА. № 2. С. 167–179.
- Сарианиди 1989: *Сарианиди В. И.* Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма // ВДИ. 1989. № 1. С. 152–169.
- Сарианиди 1990: *Сарианиди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад.
- Сарианиди 2002: *Сарианиди В. И.* Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад.
- Сарианиди 2004: *Сарианиди В. И.* Храм воды в Гонур-депе и новые образцы искусства страны Маргуш // Miras. № 3. С. 84–97.
- Сарианиди 2006: *Сарианиди В. И.* Гонур-депе. Город царей и богов. Ашхабад.
- Сарианиди 2010: *Сарианиди В. И.* Задолго до Заратуштры (археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). М.
- Скржинская 1984: *Скржинская М. В.* Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья. Киев. С. 105–128.
- Удеумурадов 1989: *Удеумурадов Б. Н.* К вопросу о появлении оседлых земледельцев в области среднего Мургаба // ИАНТуркмССР. № 2. С. 26–30.
- Юсупов 2001: *Юсупов Х.* О древней стране Маргуш // ПОС. № 3. С. 36–38.
- Pyasov, Rusanov 1998: *Pyasov J. Y., Rusanov D. V.* A Study on the Bone Plates from Orlat // SRAA. Vol. 5 [1997/1998]. P. 107–159.
- Francfort 2004: *Francfort H.-P.* Animals in reality, art and myth in the Oxus civilization (ВМАС): bison, deer // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарианиди. М. P. 182–192.
- Francfort 2005: *Francfort H.-P.* Note on the «acrobat and bull» motive in Central Asia // Центральная Азия: источники, история, культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского. М. С. 711–716.
- Ghirshman 1964: *Ghirshman R.* The Art of Ancient Iran: From its Origins to the Time of Alexander the Great. New York.
- Hodjasch 1974: *Hodjasch S.* Die bildenden Künste in Erebuni // AAntASH. Т. XXII/1–4. S. 389–414.
- Potts 2004: *Potts D. T.* Camel Hybridization and the Role of Camelus Bactrianus in the Ancient Near East // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Leiden. Vol. 47/2. P. 143–165.
- Potts 2005: *Potts D. T.* Bactrian Camels and Bactrian-Dromedary Hybrids // The Silk Road. Saratoga. Vol. 3/1. P. 49–58.
- Sarianidi 1998: *Sarianidi V.* Myths of Ancient Bactria and Margiana on its seals and amulets. Moscow.

## ВЫШИВКИ НА ОДЕЖДЕ ИЗ ДВАДЦАТОГО НОИН-УЛИНСКОГО КУРГАНА<sup>1</sup>

Н. В. Полосьмак (Новосибирск)

Материалы двадцатого кургана могильника Ноин-Ула (Северная Монголия), исследованного в 2006 г. Российско-Монгольской экспедицией под руководством автора, опубликованы в коллективной монографии [Полосьмак и др. 2011]. В эту публикацию не вошли многочисленные находки текстиля, которые будут изданы отдельной монографией. Предварительно опубликованы только некоторые наиболее выдающиеся изделия [Полосьмак 2010: 51–57; Полосьмак 2011: 112–133; Полосьмак, Чистякова 2011: 97–100; Полосьмак 2013: 352–366], к которым относятся и ткани, которым посвящена настоящая статья.

В двадцатом ноин-улинском кургане наряду со многими уникальными предметами были обнаружены фрагменты верхней одежды (цв. вклейка 14). Они были найдены на дне разграбленной погребальной камеры в воде и глине. Речь идет о нескольких довольно больших фрагментах нижней полы наряда. Что это было — короткая куртка всадника или длинный кафтан, и кому принадлежало — мужчине или женщине, определить пока невозможно.

Основой наряда была тонкая плотная шелковая ткань песочного цвета. Между шелковой основой одежды и ее внешним нарядным покрытием из вышитых шерстяных и шелковых тканей был проложен тонкий слой шелковой ваты. По бортам и подолу была пришита шелковая оторочка из сложенных пополам кусков светло-бежевой ткани, на которой были вытканы красными нитями полосы повторяющегося орнамента. Наряд украшала оторочка из меха, скорее всего, соболя. Все ткани, которые были использованы для пошива этого наряда, представляют большой интерес (рис. 1).

Орнамент на шелковой ткани, использованной для оторочки верхней одежды, уникален. На шелке светло-бежевого цвета вытканы красные изображения мифических и реальных животных (дракона, черепахи) и птиц (феникса), людей и повторяющийся иероглиф (цв. вклейка 15). По традиции считается, что «лазоревого дракон» (символ востока), белый тигр (символ запада), киноварная птица (символ юга) и черная черепаха, обвитая змеей (символ севера), входят в состав четырех духов-покровителей. В таком сочетании их изображения в эпоху Хань часто использовались на концевой черепице, зеркалах, погребальных фресках, гробах [Лёве 2005: 128]. На ткани изображены все духи-покровители, кроме тигра. Эти животные ассоциируются с даосской страной бессмертных, обителью которых всегда считались горы. Недаром бессмертный *сянь* 仙 записывается иероглифом, состоящим из графем

---

<sup>1</sup> См. цветные вклейки 14–20. Эта статья написана в ходе выполнения государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации в сфере научной деятельности (№ 33.702.2014/К) по теме «Южная Сибирь в системе этнокультурных процессов в Евразии в Древности, Средние века и Новое время: роль контактов и взаимовлияний».



**Рис. 1.** Прорисовка изображений, вышитых на фрагменте шелковой (вверху) и шерстяной (внизу) ткани от верхней одежды из двадцатого воин-улинского кургана (выполнена Е. В. Шумаковой)

«человек» и «гора». Повторяющийся на ткани древний иероглиф *хуа* 華 состоит из двух элементов 華 — *хуа* «цветущий», «процветающий» и 山 — *шань* «гора» (цв. вклейка 15, 1; рис. 2). Исполнение иероглифа на ткани не полностью совпадает с приведенным печатным вариантом. Это связано с тем, что иероглиф выткан, а не написан, что несколько изменило его вид. Кроме того, для китайского языка характерна омонимия: заменяемость иероглифов с одинаковым звучанием, но различным написанием. У выбранного нами иероглифа несколько значений: а) название горы; б) гора Хуашань (гора Цветущая); в) фамильный иероглиф Хуа. Гора Хуашань яв-



Рис. 2. Прорисовка орнамента на фрагменте шелковой оторочки  
(выполнена Е. В. Шумаковой)

ляется одной из пяти Священных гор даосизма в Китае. Это значение вытканного на ткани иероглифа наиболее предпочтительно, учитывая всю композицию в целом (расшифровка иероглифа принадлежит А. Н. Чистяковой).

В этом волшебном «небесном» окружении наиболее интересна фигура змееного мужчины, стоящего рядом с драконом (цв. вклейка 15, 1; рис. 2). В своих согнутых руках он как бы держит четыре параллельные линии. Эта композиция позволяет предположить, что перед нами изображение первого из пяти совершенномудрых легендарных правителей древности — Фуси. Этот культовый герой, научивший людей охотиться, ловить рыбу, обращаться с огнем, был чрезвычайно популярен в эпоху Хань. Его главной заслугой считаются восемь триграмм из трех сплошных и прерывистых линий (целая черта — *ян*, прерванная — *инь*), явленных его взору в рисунках на панцире волшебной черепахи, вышедшей из реки Лошуй (в одном варианте), или в завитке волос на спине дракона — коня, вышедшего из реки Хуанхэ (в другом). Вытканное на ткани изображение наглядно отражает последнюю версию появления триграмм — увиденную Фуси в завитках волос на спине дракона. От этих триграмм, служащих ключом к тайнам природных и социальных явлений, берут начало гадательная практика, медицина, геомантия [Ермаков 2008: 35–36]. Они составили основу «И цзин» — главной книги китайского оккультизма.

В руках божественного правителя, вытканного на нашей ткани, находятся четыре линии, а не три. Этот интересный факт, как кажется, находит следующее объяснение. Конфуцианцы, принявшие много лет спустя после смерти своего учителя «И цзин» (по мнению самого выдающегося российского исследователя этого текста Ю. К. Шуцкого, это произошло между 213 и 163 гг. до н. э.), не только изучали «Книгу перемен», но иногда и подражали ей. Таковой является «Книга великой тайны» («Тай сюань цзинь») Ян Сюна. В этом неразгаданном тексте также есть символические линейные фигуры, по поводу которых тоже высказываются афоризмы, как и в «Книге перемен», только фигуры эти составлены из четырех черт каждая, причем существуют три рода черт: целая, прерванная и дважды прерванная [Шуцкий 1997: 222]. Именно эту символическую комбинацию из линейных фигур держит в руках Фуси на ткани из двадцатого ноин-улинского кургана.

Не менее примечателен и другой сюжет, изображенный на этой ткани, — танцующие фигурки мужчины и женщины (цв. вклейка 15, 2). Во время всех важнейших

ритуальных празднеств в древнем Китае обязательно исполнялись танцы. Танцевальные обряды восходили своими корнями к шаманским магическим пляскам [Васильев 2001: 164–165]. Обычно медиумный сеанс предварялся экстатической пляской, доводящей шаманку до состояния транса, а сам иероглиф «шаманка» в древнейшем написании обозначает танец или ритуальные телодвижения [Ермаков 2008: 72]. Мужчина с четырьмя глазами, вытканый на шелке, мог быть *фансян-иши* — заклинателем болезнетворных и вредоносных духов, необходимой принадлежностью которого была маска с четырьмя золотыми глазами [Ермаков 2008: 74]. Четыре глаза были у Хуанди — центральной фигуры среди пяти совершенномудрых императоров древности [Ермаков 2008: 40]. Фрагмент шелка, послуживший для отделки нарядной одежды кочевника, является уникальным образцом ткани ханьской эпохи<sup>2</sup>.

Фрагменты шерстяной ткани, которая была использована для пошива одежды, состоят из сшитых между собой разновеликих кусочков. Вероятно, они являлись лоскутами какого-то пришедшего в негодность изделия (рис. 1). Судя по сохранившейся вышивке, это мог быть шерстяной коврик-драпировка, похожий на те, что были обнаружены в шестом ноин-улинском кургане экспедицией П. К. Козлова [Руденко 1962: 99–105] и являющиеся, вероятно, парфянским импортом. На этих ковриках имеется такой же, как и на рассматриваемых фрагментах, повторяющийся орнамент «бегущая волна», и присутствует характерный элемент вышивки — цветок сердцевидной формы (так называет этот узор С. И. Руденко; по мнению кандидата биологических наук Е. А. Королюк, вышивка, скорее, напоминает клубень клубнелуковичного растения типа цикламена или тюльпана). Сердцевидная форма клубней растений вполне могла быть использована как элемент орнамента. Можно напомнить, что на средневековых иранских тканях цветы нередко изображались в виде всего растения — со стеблем, листьями, цветами и корневой системой [Вишневская 2007: 19].

Вторичное использование шерстяной вышитой ткани для отделки верхней одежды знатного лица говорит о том, что тканью очень дорожили: придя в негодность, она получила вторую жизнь уже в новом изделии. Во многих древних, средневековых и традиционных культурах обрезки и лоскуты ценных, особенно иноземных тканей использовались для украшения одежды из более простых тканей или тканей собственного производства. Изделия из лоскутов нередко имели значение оберега [см., например: Лобачева 1989: 29; Фиельструп 2002: 61].

Выше шерстяной была пришита шелковая ткань, также состоящая из сшитых между собой кусочков. Возможно, в данном случае это связано с кроем одежды<sup>3</sup>. Небольшие шелковые фрагменты сохранились чудом: ткань с вышивкой очень тонкая и хрупкая, буквально рассыпалась на глазах.

Вышивка на шелке представляет огромный интерес. Первоначально она могла составлять общую композицию, но те разрозненные фрагменты, которые дошли

<sup>2</sup> В двадцатом кургане, как и во всех исследованных ноин-улинских курганах, обнаружены самые изысканные и редкие виды шелковых тканей ханьского Китая. К. Рибу и Е. И. Лубо-Лесниченко выделяли китайский текстиль, обнаруженный в ноин-улинских погребениях, в особую группу, отличающуюся высоким качеством и не имеющую аналогов среди других массовых местонахождений текстиля ханьского времени. Объяснение этому явлению заключается в том, что в курганах Ноин-Уль погребены представители высших слоев хуннского общества, которые получали подарки из императорских мастерских [Рибу, Лубо-Лесниченко 1973: 278].

<sup>3</sup> Так, на схеме кроя шелкового халата из шестого ноин-улинского кургана хорошо видно мелкие выкроенные детали в виде узких клиньев в нижней части изделия [Руденко 1962: 37].

до нас, вряд ли помогут воссоздать полную картину. Вышитые изображения очень малы, а их сохранность такова, что рассмотреть или даже просто увидеть большинство из них чрезвычайно сложно. Тем не менее все, что возможно, было сфотографировано в процессе изучения и может использоваться для работы.

На шелковой ткани шелковыми нитями были вышиты воины и охотники, фантастические и реальные звери в окружении знаков и символов.

**Описание вышивки на фрагментах шелка.** Сохранились изображения пяти мужчин. Двое из них — ярко выраженные монголоиды, трое имеют европеоидный тип лица. Первый персонаж (цв. вклейка 16, 1) с выразительным полным лицом изображен в профиль влево. У мужчины пухлые губы, немного изогнутый нос с мясистым, округлым и слегка вздернутым кончиком, низкий лоб, вытянутый к виску полуприкрытый глаз и тонкая длинная бровь, короткая толстая шея, вернее — почти ее полное отсутствие, маленькая узкая борода — видно, что она растет из-под нижней губы, так как круглый подбородок очерчен полностью. Прическа целиком не прослеживается, но видно характерный вырез (залысина) у виска, указывающий на стянутые в узел волосы. Показано ухо и темные волосы на шее за ним. Мужчина одет в нераспашную верхнюю одежду с длинными расширяющимися книзу рукавами, характерными для ханьского костюма, которая отделана по округлой горловине широким кантом, обозначенным другим цветом и фактурой. Такая же горизонтальная полоса отделки прослеживается на верхней части рукава. В вытянутой вперед правой руке мужчина держит какой-то предмет, выглядящий как раздваивающаяся палочка. Перед ним вышито изображение фантастического зверя — драконоподобного существа, по направлению к которому, вероятно, и протянута рука. Хорошо сохранилась только зубастая оскаленная вытянутая морда с близко поставленными круглыми глазами со зрачком (цв. вклейка 16, 2). В искусстве Китая эпохи Хань такой облик нередко придавали коньям-драконам. По старинным китайским источникам лошадь-дракон — это жизненный дух речной воды. У нее длинная шея, круглые глаза, тело покрыто чешуей, по бокам крылья, она ходит по воде и считается добрым предзнаменованием для императора [Visser 1913: 56–59]. На лошадях-драконах ездили боги, святые и бессмертные. Поверье о лошадях-драконах Запада восходит ко II в. до н. э. и связывается с личностью ханьского императора У-ди (147–86 до н. э.) Его страстной мечтой была упряжка неземных коней, которые доставили бы его на небеса [Шефер 1981: 89]. Свободное пространство темной шелковой ткани между этой вышивкой и правой рукой мужчины занято вышитой спиралью, закрученной вправо.

У второго персонажа (цв. вклейка 17), изображенного в профиль вправо, такое же полное круглое лицо, голова, практически лишенная шеи, прическа из черных густых волос с тем же характерным вырезом у виска. Волосы стянуты в круглый пучок высоко на затылке. Коричневой ниткой вышита, вероятно, длинная шпилька, воткнутая в основание пучка волос. Обращает внимание узкий разрез глаза и убегающая к виску тонкая бровь. Взгляд мужчины устремлен вверх. У него небольшой нос, составляющий с покатым низким лбом одну линию, полные губы, может быть, с узкой полоской усов. Этот персонаж облачен в нераспашную верхнюю одежду, заузенную в талии и доходящую до начала бедра. По круглой горловине идет широкая полоса отделки, показанная другим цветом и фактурой. Такая же полоса проходит по верхней части расширяющегося книзу правого рукава и переходит на грудь. Этим же материалом отделан широкий обшлаг рукава, и из него же сшита вся нижняя часть этого наряда и штаны. По нижнему краю куртки проходит

нашита полоса из другого материала. Возможно, таким образом показывали комбинированную одежду, сшитую из кожи и ткани. Гладкая вышивка в песочно-коричневых тонах, по-видимому, подразумевает кожу, тогда как отделка по горловине и обшлагам рукавов скорее всего изображает ткань. Интересная деталь — широкий рукав верхней одежды ниже плеча покрыт косой клеткой. Обычно в изобразительном искусстве (в скульптуре Халчаяна, на монетах индо-парфянских царей, в парфянской вышивке и т. д.) прямоугольными клетками показывали доспех, состоящий из плотно пришитых металлических пластин.

Вероятно, этот задумчивый мужчина сидит на фантастическом звере — коне-драконе — часть спины животного, покрытая рядом параллельных полосок, похожа на тигриную шкуру.

В описании Ли Бо знаменитые кони-драконы выглядят так:

Коней небесных род начался  
в стране Юэчжи в пещерах.  
*На спинах у них как у тигра узор,*  
С драконьими крыльями тело [цит. по: Шефер 1981: 89].

Ближайшая аналогия этому персонажу — изображения охотящихся всадников на пластине из слоновой кости, найденной в храме в Тахти-Сангине (Северная Бактрия) (рис. 3). Заметное сходство прослеживается в профильных изображениях широколицых круглоголовых персонажей. Но есть и существенные отличия. Так, нет уверенности, что у всадника на вышивке есть усы и, несмотря на то, что на обоих памятниках искусства показаны, на первый взгляд, одинаковые прически с вырезами (зальсинами) у виска и забранными в пучок волосами, сами пучки различны. На вышивках мы видим мужчин с заколотым длинной шпилькой пышным округлым пучком волос высоко на затылке, почти на макушке, тогда как у персонажей на тахтисангинской пластине пучок волос выглядит как небольшой цилиндрический выступ низко на затылке. Кроме того, в отличие от вышитых персонажей, тахтисангинские всадники одеты в типично иранские костюмы — распашные подпоясанные короткие куртки, оставляющие открытой грудь (обувь и штаны у тех и других персонажей однотипны).

Б. А. Литвинский считал, что изображения на пластине из Тахти-Сангина отражают реальную охот-



Б. А. Литвинский считал, что изображения на пластине из Тахти-Сангина отражают реальную охот-

**Рис. 3.** Прорисовка изображений на пластине из Тахти-Сангина [по: Литвинский 2010: рис. 63]

ничью жизнь бактрийских аристократов. Он датирует тахтисангинские и орлатские пластины III в. н. э., предполагая, что они появились под влиянием сасанидской иконографии [Литвинский 2002: 201]. Впрочем, существуют и иные мнения: так, Г. А. Пугаченкова обосновывала датировку образов этих воинов и охотников в пределах рубежа н. э., плюс-минус два-три десятилетия [Пугаченкова 1989: 99, 101–103], и эта точка зрения может быть подкреплена находкой вышитого на шелке всадника из надежно датированного двадцатого ноин-улинского кургана [Чистякова 2009; Миняев, Елихина 2010]. Во всяком случае, нельзя не заметить удивительное сходство персонажей этих изделий (учитывая то, что в одном случае это гравировка по кости, а в другом — вышивка).

Третий персонаж (цв. вклейка 18, 1) изображен в профиль влево. У мужчины худощавое длинное лицо, прическа с большим овальным пучком на макушке и характерным вырезом у виска, большой прямой нос, миндалевидный глаз, невысокий лоб с нависшим надлобьем. Его взгляд устремлен прямо перед собой и немного вверх. Он одет в такую же, как у других, затянутую поясом нераспашную одежду (кажущийся разрез — это шов на ткани). Правая рука вытянута вперед открытой ладонью вверх. Левая рука вытянута в противоположную сторону, она прослеживается до локтя, дальше идет шов, после которого начинается не связанный с ним узор. Сверху над этим персонажем сохранилась задняя часть фигуры зооморфного фантастического существа с изгибающимся телом и длинным хвостом. Рядом с ним помещен нарядный завиток, который неоднократно повторяется среди других изображений на этом изделии.

Четвертый персонаж, европеоидного типа, показан лицом к зрителю (цв. вклейка 18, 2). У мужчины большие глаза, нос картошкой. Его правая рука уходит за спину, она сжимает занесенный для удара длинный меч. Навершие рукояти меча на вышивке передано Т-образно. Длинную рукоять он сжимает ближе к перекрестию, которое выглядит прямым, деталей, конечно, в столь миниатюрной вышивке передать было невозможно. Левая рука отведена назад, виден широкий обшлаг рукава. За спиной мужчины можно различить часть туловища и, возможно, морду какого-то фантастического зверя.

Пятый персонаж — охотник с лицом, повернутым в три четверти (цв. вклейки 18, 3; 19, 1). Лицо молодое, круглое, с низким лбом, миндалевидными глазами под ровной полоской бровей. Прическа такая же, как и у остальных персонажей вышивки, — зачесанные назад волосы, образующие вырез у виска. Вероятно, у него был такой же, как и у других, пучок на макушке. Его нераспашная одежда идентична вышеописанной. Мужчина натягивает тетиву лука, целясь в находящуюся прямо перед ним косулю. Животное изображено предельно точно. Вышивкой подчеркнут летний рыжий окрас легкого стройного тела безрогой самки, с более светлым животом и с белым «зеркалом» под коротким хвостом. При бегстве косуля поднимает хвост кверху — т. е. так, как изображено на вышивке<sup>4</sup>. Лук такой же, как и у всадников на тахтисангинской пластине, — сложносоставной. Левая рука

<sup>4</sup> Косуля или дикая коза распространена на большой территории Европы, на Западе Передней Азии, Кавказе, в Центральной Азии, а также в горах Южной Сибири, в Монголии и на Дальнем Востоке [см.: БЭ. Т. 23. С. 529–530]. В китайском искусстве уже в эпоху Чжоу сложился иной собирательный образ оленя, который восходит к конкретному виду — сика (*Pseudaxis sica*). Это крупное животное с пятнистой летней шерстью каштанового цвета. Именно таким изображали в ханьское время т. н. Белого оленя — персонажа даосской мифологии, ездового животного и спутника бессмертных — *сяней* [Кравцова 2004: 416–417].



охотника, натягивающая тетиву, находится на уровне груди, а не у шеи, как у тахтисангинских охотников. Точно так же натягивает сложносоставной лук, присев на одно колено, дух-защитник с росписи второго саркофага госпожи Дай из погребения в Мавандуй 1 (168 г. до н. э.) (рис. 4). Все пространство вокруг охотника и косулей заполнено значками-символами. Под косулей вышит S-видный знак, выше — три прутика какого-то растения, еще выше — когтистая лапа хищника. Прямо перед косулей — вензель или цветок и изображение уходящего фантастического существа, возможно, с крылом, на двух трехпалых ногах, с длинным голым хвостом с кисточкой на конце, его голова не сохранилась (цв. вклейка 19, 1). Драконоподобный зверь, вышитый на шелке, похож на изображения на втором саркофаге госпожи Дай из Мавандуй 1 (рис. 4). По мнению исследователей [см., например: Крюков и др. 1983: 260–261], росписи второго гроба показывают переход усопшей в потусторонний мир, где ее встречают духи-защитники в виде зооморфных существ с атрибутами воинов, а также духи-покровители.

На вышивках, кроме человеческих фигур, от которых остались лица и части туловища, сохранились изображения еще нескольких ног. Так, над мужчиной с мечом, прямо над его сжимающей рукоять рукой, выглядывает часть ноги — в виде изящной ступни в мягкой обуви и части пышных шаровар с вертикальной полосой отделки (цв. вклейка 18, 2). Две ноги в таких же широких штанах с вертикальной полосой на каждой штанине и в мягкой обуви, закрытые ниже колена нераспашной верхней одеждой с широкой оторочкой по нижнему полю, можно увидеть на другом фрагменте (цв. вклейка 19, 2). От этого персонажа осталась вышитая кисть правой руки, в которой он держит какой-то предмет. Этот человек, кажется, преследует



**Рис. 4.** Духи-защитники и покровители — прорисовка росписи лаковыми красками по черному фону на втором саркофаге госпожи Дай в Мавандуй 1 (168 г. до н. э.)

убегающего фантастического зверя, от которого сохранилась огромная птичья лапа с тремя когтями и оперением в верхней части. Ниже вышито еще одно чудовище — это драконообразное существо с круглыми глазами, рогами, широко раскрытой пастью и с длинным узким языком (цв. вклейка 19, 2). Такое же существо сохранилось еще на одном фрагменте ткани (цв. вклейка 19, 3). Над его мордой вышиты S-видные значки-символы. Эти монстры чрезвычайно напоминают изображения божественных драконов на шелковой картине из погребения в Мавандуй 1 (рис. 5).

На фрагменте шерстяной ткани от этой же верхней одежды сохранилась вышивка еще одной пары ног в пышных, собранных у шиколотки штанах, которые закрывает ниже колена бронированный квадратными пластинами панцирь (?). Видна также правая рука этого персонажа (цв. вклейка 19, 4).

**Интерпретация изображений.** Важность нашей находки заключается в надежной дате кургана, из которого она происходит, — начало I в. н. э., скорее первое десятилетие I в. н. э. [Чистякова 2009; Миняев, Елихина 2010]. Поэтому главные для нас вопросы: кем и где вышиты эти фрагменты, и кто изображен на них?

Рассматриваемая вышивка на шелке по способам передачи лиц и одежды идентична вышивке на шерстяных завесах, обнаруженных в ноин-улинских курганах [Руденко 1962: 105–107, табл. LX–LVII; Полосьмак 2011]. Достаточно взглянуть на лица мужчин, изображенных на шерстяной завесе из тридцать первого ноин-улинского кургана (цв. вклейка 20, 1) и на шелке из двадцатого (цв. вклейка 20, 2), чтобы увидеть, что для создания портретов вышивальщики использовали одни и те же приемы, моделируя черты лица при помощи контрастных нитей. При этом размеры вышитых на шелке изображений значительно меньше вышитых на шерстяной ткани: если на последних размеры лиц достигают 9 см, то на шелке самое крупное лицо (первый персонаж) было не более 3 см, остальные — даже меньше (1,5 см). Мелкий и частый узор, как на вышивке, так и тканый, характерен в целом для древнего китайского текстиля. В танскую эпоху даже появился запрет на производство некоторых видов узорчатых многоцветных тканей (771 г.), т. к. кропотливая работа над ними «была вредна для мастериц» [Шефер 1981: 263].



**Рис. 5.** Божественные драконы — прорисовка рисунка пером на шелке из погребения госпожи Дай в Мавандуй 1

На вышитых фрагментах изображен потусторонний мир, заполненный традиционными китайскими зооморфными духами-защитниками и духами-покровителями, драконами, конями-драконами, S-видными символами. Среди них и находятся воины и охотники, которые в данном контексте сами являются полумифическими персонажами. В целом эта вышивка представляет собой типично китайскую (ханьскую) картину загробного мира [см., например: Биррел 2005], в которую вписаны необычные для нее мужские персонажи.

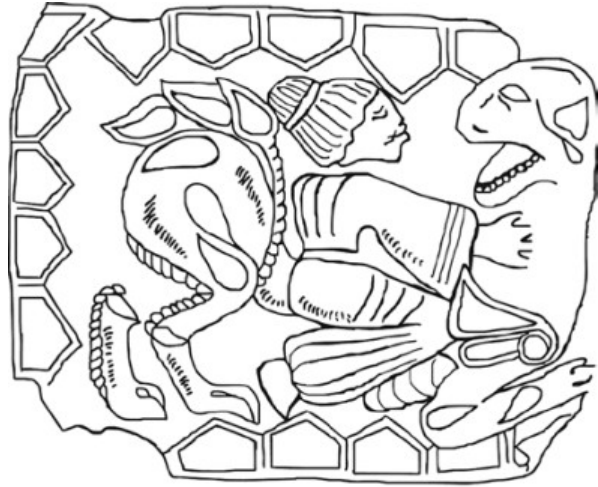
Итак, скорее всего, вышивка на шелке, украшавшая одежду, фрагменты которой были обнаружены в двадцатом кургане в Ноин-Уле, была сделана китайскими мастерицами. Китайское искусство с древности было открыто иноземным влияниям, что касалось и текстильного производства. В ханьское время на тканях появляются орнаменты, имеющие ближневосточное происхождение, — фигуры в закрытом пространстве, персонажи, скачущие в «летащем» галопе с обращенной назад головой и т. п. [Лубо-Лесниченко 1994: 192]. В танское время в Китае производились великолепные шелковые ткани с вытканными образами и сюжетами, характерными для сасанидского Ирана [Шефер 1981: 263]. Известно, что в древнем Китае высоко ценились парфянские гобеленовые ткани и ковры, ковры и покрывала из сирийских ткацких мастерских [Лубо-Лесниченко 1994: 248–249]. Многие находки этих изделий на Шелковом пути и в курганах хуннской элиты подтверждают данные письменных источников. Эти изделия не только украшали интерьеры дворцов и домов ханьской знати, но и стали образцами для подражания<sup>5</sup>.

Мужчины, изображенные на шелке, имеют ряд общих черт. Их объединяет прическа — круглые узлы почти на макушке, вероятно, закрепленные длинной шпилькой, и вырез (залысина) у виска. В прическах можно усмотреть китайские аналогии. Известно, что китайцы ханьской эпохи не стригли волос, а укладывали их на голове, скрепляя шпилькой [Крюков и др. 1983: 198]. Для сравнения можно привести прически воинов глиняной армии Цинь Шихуанди, среди которых есть близкие по форме — с гладким пучком на макушке (чаще — смещенным вправо). Прически с высоко собранными в пучок волосами есть у персонажей диенских бронз. Еще один мужчина с похожей прической, в которой можно увидеть сходство с гандхарскими изображениями, изображен на бляхе, найденной у с. Кочковатка в Астраханской области и хранящейся в Государственном Историческом музее в Москве [Мордвинцева 2003: 34, 87, рис. 22, кат. 57] (рис. 6).

На мужчинах мы видим особенную одежду. Это не куртки кочевников, не халаты, не кафтаны и не доспех в том виде как мы привыкли видеть их на дошедших до нас древних изображениях. Это костюм, к которому при всей его простоте и узнаваемости трудно найти точную аналогию. Нижняя часть одеяний у вышитых на шелке персонажей — широкие, собранные у шиколотки, штаны с вертикальной орнаментированной полосой и мягкая обувь без каблуков (цв. вклейки 18, 2; 19, 2, 4; 20, 3, 4) — более всего похожа на одежду мужчин, изображенных на парфянских завесах из ноин-улинских курганов (речь идет только о вышитом текстиле) [Руденко 1962; Полосьмак 2011; Polos'mak 2015]. В целом этот костюм достаточно оригинален.

<sup>5</sup> Одним из аргументов в пользу этого предположения служат несколько фрагментов шелка, на которых шелковыми нитками повторяется рисунок с вышивки на шерстяной ткани, использованной для одежды (см., например, цв. вклейку 19, 1).

**Рис. 6.** Прорисовка изображения на бляхе из Кочковатки [по: Мордвинцева 2003: рис. 22, кат. 57]



Лица мужчин различаются между собой, и такое смешение лиц может являться отражением реальной этно-культурной ситуации, которая сложилась в степях на востоке Центральной Азии в рассматриваемую эпоху. Оружие, изображенное на фрагментах шелка, — сложно-составной лук и длинный меч без металлического навершия — можно отнести к восточным видам вооружения (по территории происхождения), имевшим широкое распространение среди евразийских кочевников.

Так кто же вышит на ветхом шелке? Поскольку данная вещь (фрагменты верхней одежды), сшитая из разных лоскутов, была обнаружена в погребении хуннского аристократа, которому и принадлежала, она могла быть сделана на заказ и отражать вкусы заказчика. Если бы это было готовое изделие из ханьских мастерских, каковые нередко попадали в качестве дара правителям хунну, то оно вряд ли состояло бы из мелких, сшитых между собой, фрагментов шелка, покрытых вышивкой, в сочетании со столь же фрагментарными шерстяными тканями, которые в этот период не использовались китайцами для пошива одежды. Сочетание китайских и варварских (в данном случае — иранских) черт в costume и причёске персонажей может свидетельствовать о том, что мастерицы передали облик находящихся перед глазами людей — представителей хуннской элиты. В costume последних, судя по археологическим находкам (халатам и штанам из шестого ноин-улинского кургана) и составу подарков ханьского двора, включающего не только ткани и шелковую вату, но и готовую одежду, сочетались элементы одежды китайского происхождения и заимствованные у других народов (например, ухуаней, чьи женщины славились как искусные мастерицы, и кочевников иранского происхождения). Предметы одежды собственного производства вряд ли присутствуют в погребениях столь высокого ранга. Связи хунну с Западом малоизвестны и совсем не отражены в письменных источниках, и мы их только начинаем открывать благодаря археологии.

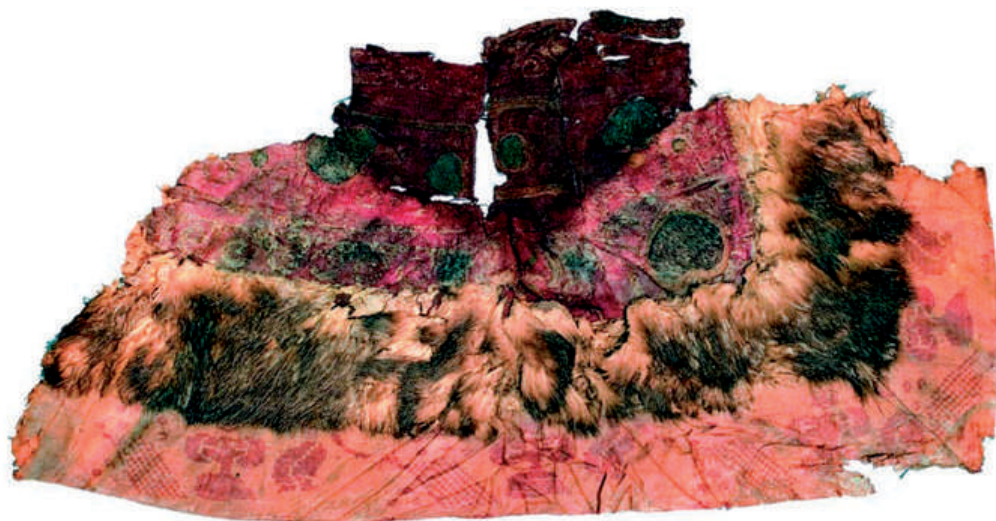
Вероятно, при изготовлении нарядной одежды из имеющихся под рукой тканей мастерицами и была выполнена оригинальная вышивка, сочетающая традиционные китайские мотивы и изобразительные и технические приемы западных мастеров, что позволило создать уникальное произведение искусства. Способы изображения персонажей, их позы и жесты во многом копируют фигуры, вышитые на шерстяных импортных тканях, но последние послужили только неким образцом для создания совершенно оригинальных образов тогдашних властителей степей.

## Литература

- Биррел 2005: *Биррел А.* Китайские мифы / Пер. с англ. М. Звонарева. М.
- Васильев 2001: *Васильев Л. С.* Культы, религии, традиции в Китае. М.
- Вишневецкая 2007: *Вишневецкая И. И.* Драгоценные ткани. М.
- Ермаков 2008: *Ермаков М. Е.* Магия Китая. Введение в традиционные науки и практики. СПб.
- Кравцова 2004: *Кравцова М. Е.* Мировая художественная культура. История искусства Китая: Учебное пособие. СПб.
- Крюков и др. 1983: *Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.
- Литвинский 2002: *Литвинский Б. А.* Бактрийцы на охоте // ЗВОРАО: НС. Т. Т. I (XXVI). СПб.
- Литвинский 2010: *Литвинский Б. А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.
- Лёве 2005: *Лёве М.* Китай династии Хань. Быт, религия, культура / Пер. с англ. С. Федорова. М.
- Лобачева 1989: *Лобачева Н. П.* О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов средней Азии и Казахстана // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Лубо-Лесниченко 1994: *Лубо-Лесниченко Е. И.* Китай на Шелковом пути (Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). М.
- Миняев, Елихина, 2010: *Миняев С. С., Елихина Ю. И.* К хронологии курганов Ноин-улы // ЗИИМК. № 5.
- Мордвинцева 2003: *Мордвинцева В. И.* Полихромный звериный стиль. Симферополь.
- Полосьмак 2010: *Полосьмак Н. В.* «Мы выпили Сому, мы стали бессмертными...» // ННР. № 3.
- Полосьмак 2011: *Полосьмак Н. В.* История, вышитая шерстью // ННР. № 2.
- Полосьмак 2013: *Полосьмак Н. В.* Фрагмент вышитой завесы из кургана 31 могильника Ноин-Ула // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. Новосибирск.
- Полосьмак и др. 2011: *Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цзвээндорж Д.* Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск.
- Полосьмак, Чистякова 2011: *Полосьмак Н. В., Чистякова А. Н.* Уникальный образец китайской шелковой ткани из 20 кургана // Маргулановские чтения — 2011: Материалы международной археологической конференции. Астана.
- Пугаченкова 1989: *Пугаченкова Г. А.* Образы юечжийцев и кангюйцев в искусстве Бактрии и Согда // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. В свете новых открытий Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент.
- Рибу, Лубо-Лесниченко 1973: *Рибу К., Лубо-Лесниченко Е. И.* Оглахты и Лоулань (Две группы древних художественных тканей) // СНВ. Вып. XV.
- Руденко 1962: *Руденко С. И.* Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л.
- Фиельструп 2002: *Фиельструп Ф. А.* Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.
- Чистякова 2009: *Чистякова А. Н.* Перевод иероглифической надписи на лаковой чашке из двадцатого ноин-улинского кургана // АЭАЕ. № 3.
- Шефер 1981: *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан / Пер. с англ. Е. В. Зеймаля и Е. И. Лубо-Лесниченко. М.
- Шуцкий 1997: *Шуцкий Ю. К.* Китайская классическая «Книга перемен». М.
- Polos'mak 2015: *Polos'mak N. V.* Nouvelles découvertes de tentures polychromes brodées du début de notre ère dans les tumuli n° 20 et n° 31 de Noïn-Ula (République de Mongolie) // Arts Asiatiques. Paris. T. 70.
- Visser 1913: *Visser M. W. de.* The Dragon in China and Japan. Amsterdam.



1

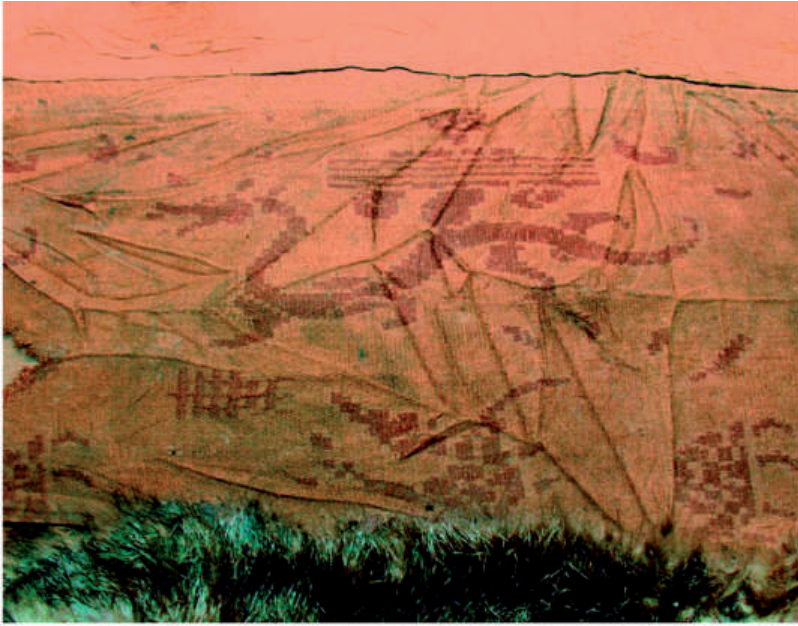


2

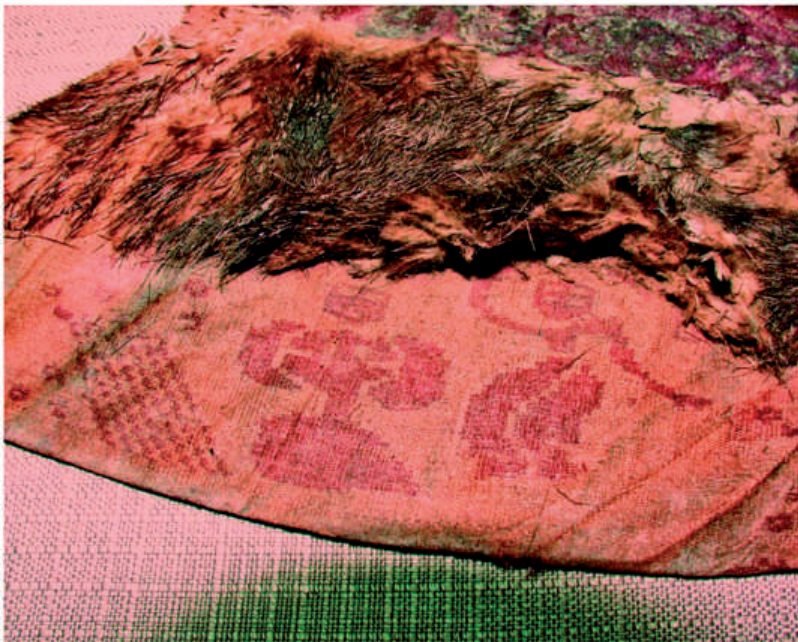
**Цветная вклейка 14**

Фрагменты полы верхней одежды из двадцатого ноин-улинского кургана (шерсть, шелк, мех)





1



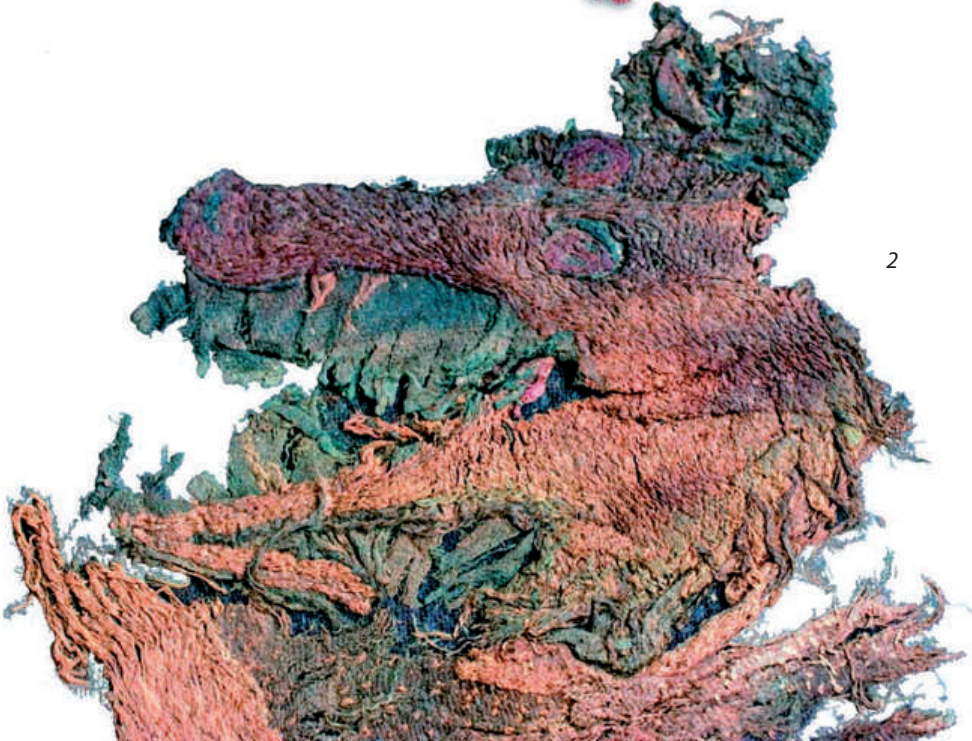
2

**Цветная вклейка 15**

Фрагменты шелковой оторочки из двадцатого ноин-улинского кургана с изображениями дракона и героя Фуси, а также танцующих мужчины и женщины



1

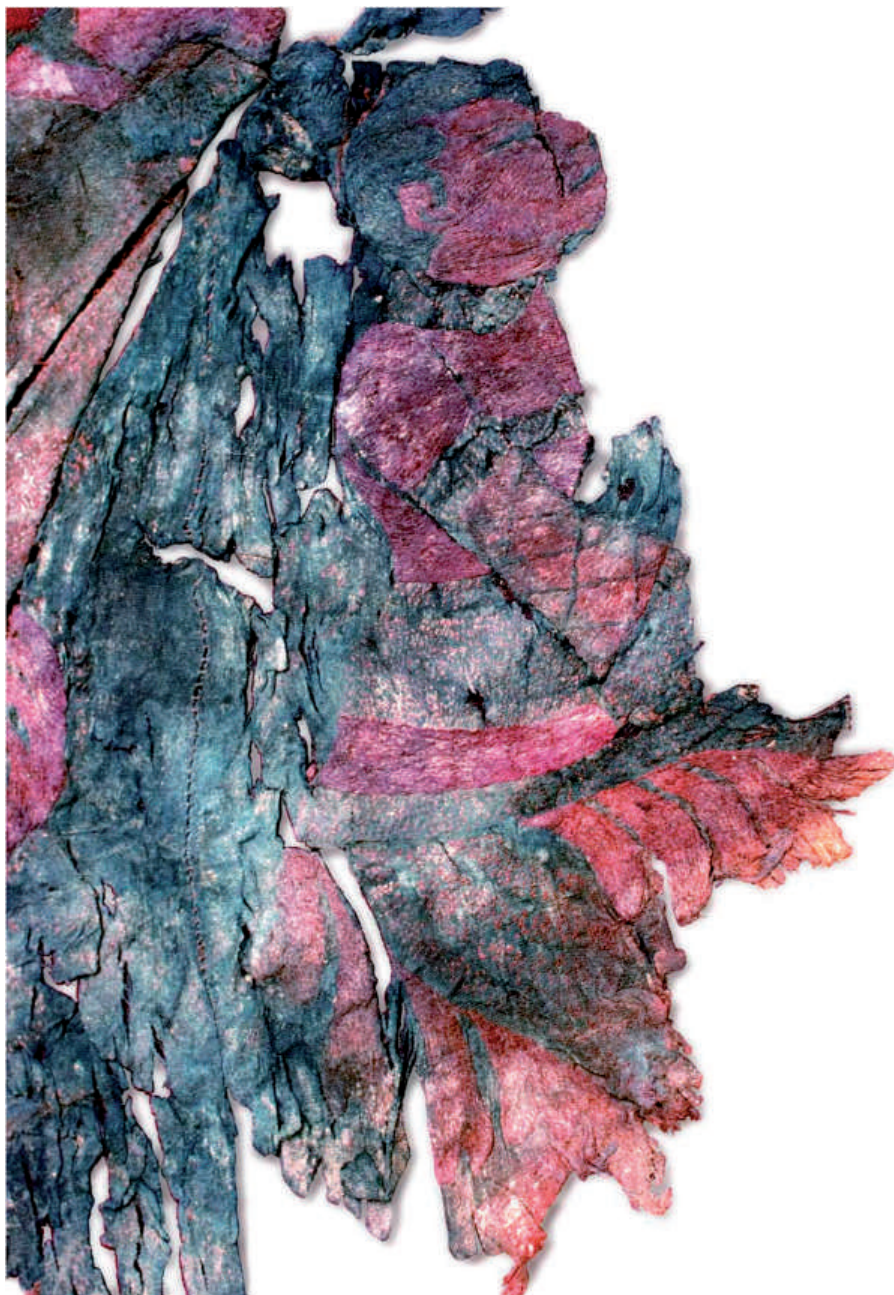


2

**Цветная вклейка 16**

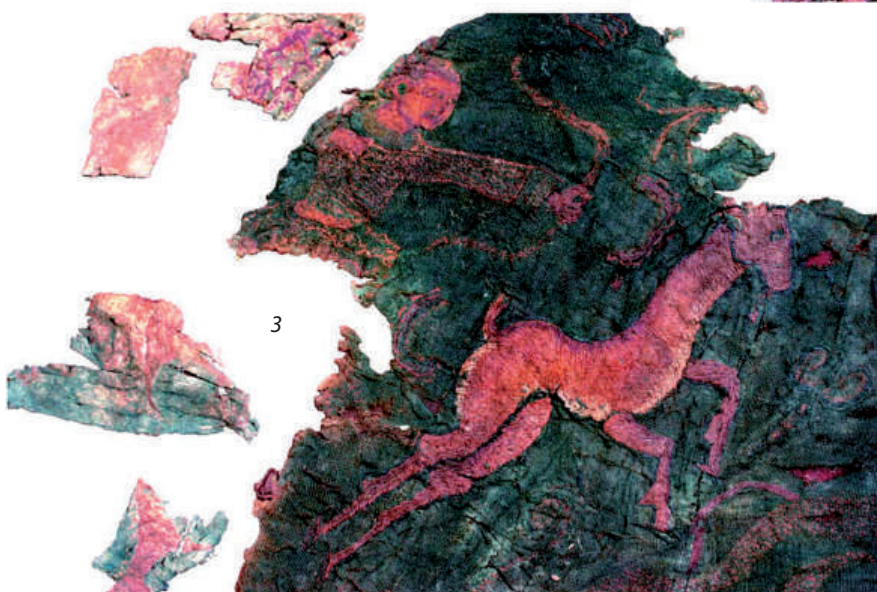
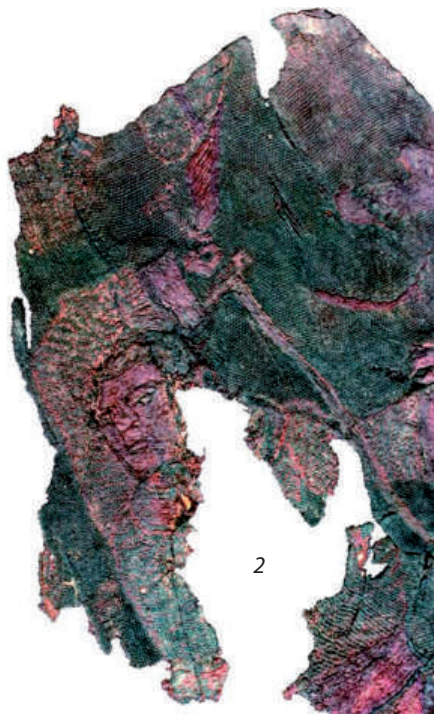
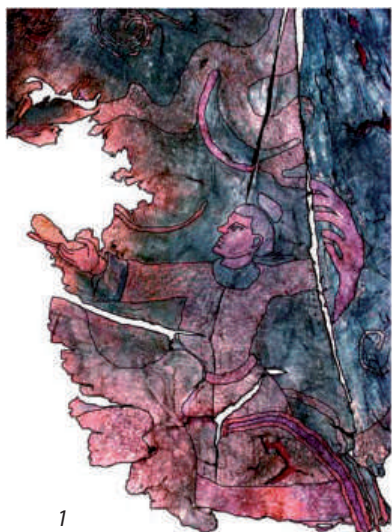
Фрагменты шелковой ткани из двадцатого ноин-улинского кургана с вышивкой с изображениями первого персонажа и головы коня-дракона





**Цветная вклейка 17**

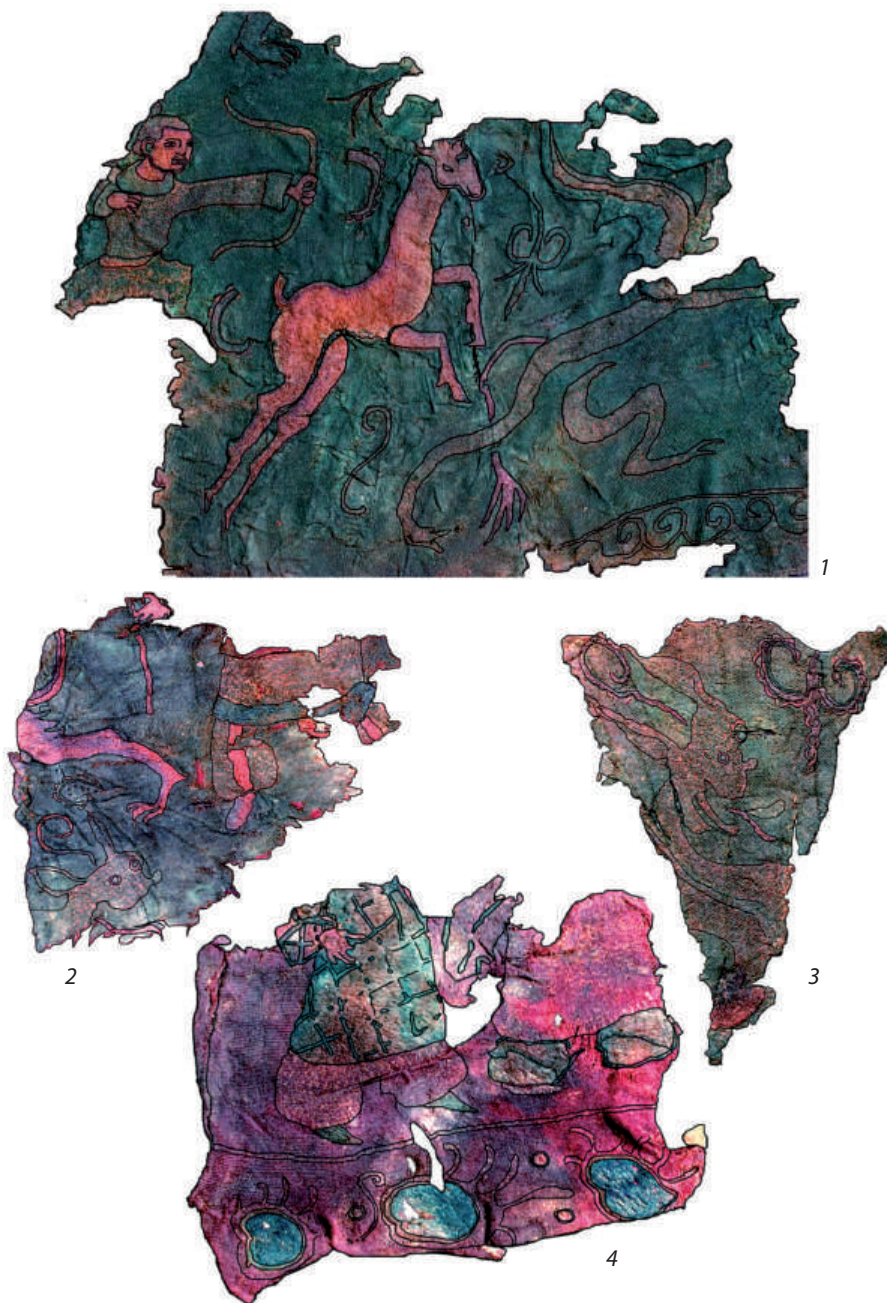
Фрагмент шелковой ткани из двадцатого ноин-улинского кургана с изображением второго персонажа (прорисовка по шелку)



**Цветная вклейка 18**

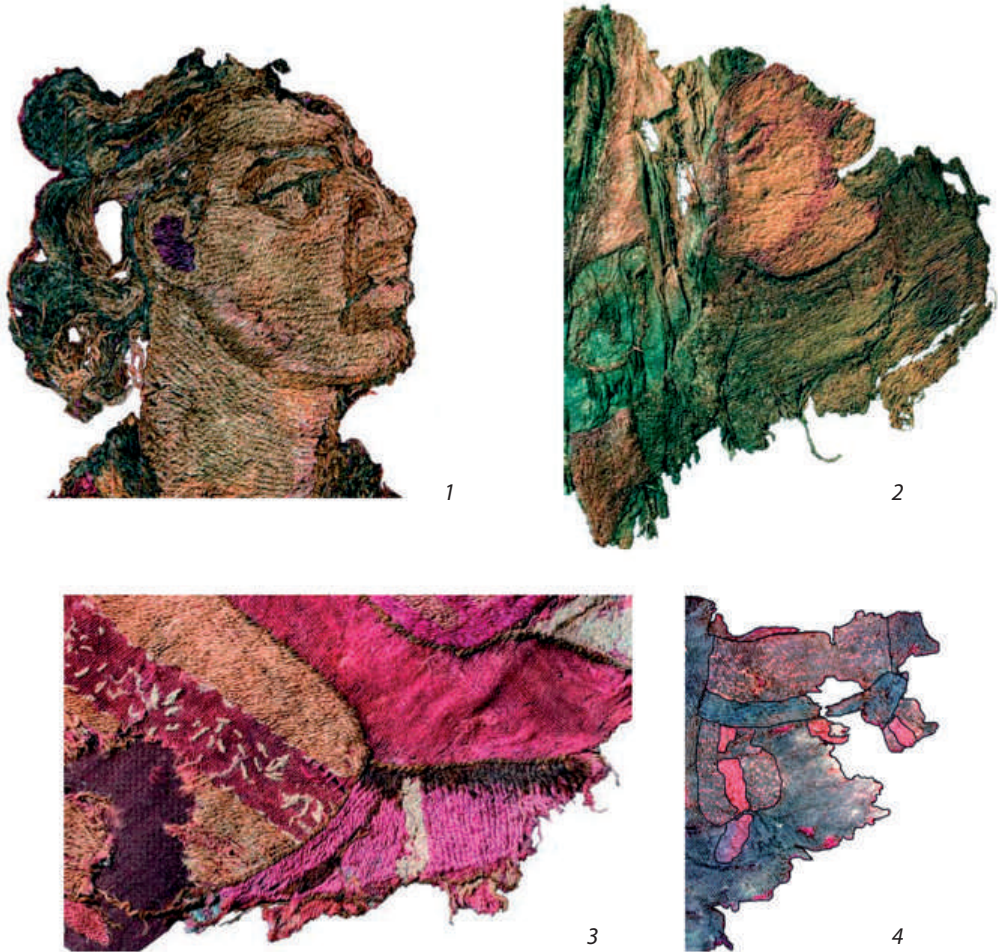
Фрагменты шелковой ткани, вышивка — третий, четвертый и пятый персонажи (прорисовка по шелку)





**Цветная вклейка 19**

1. Фрагмент шелковой ткани с изображением пятого персонажа (прорисовка по шелку)
- 2-4. Фрагменты шелковой ткани с вышивками (прорисовка по шелку)



**Цветная вклейка 20**

1. Лицо мужчины, вышитое на парфянской шерстяной завесе из тридцать первого ноин-улинского кургана
2. Лицо мужчины, вышитое на шелковой ткани из двадцатого ноин-улинского кургана (первый персонаж)
- 3, 4. Изображения ног в мягкой обуви и пышных штанах с вертикальной орнаментированной полосой (деталь парфянской шерстяной вышитой завесы из двадцатого ноин-улинского кургана)

## К НАХОДКЕ ХРИСТИАНСКОГО КРЕСТА НА ГОРОДИЩЕ КАРШАУЛТЕПА В ТАШКЕНТСКОЙ ОБЛАСТИ<sup>1</sup>

*Е. В. Поторочина, К. А. Шейко (Ташкент, Узбекистан)*

В июне — июле 2008 г. совместная археологическая экспедиция Главного научно-производственного управления по охране и использованию объектов культурного наследия (ГлавНПУ) Министерства по делам культуры Республики Узбекистан и Международного Караван Сарая Культуры Академии Художеств Республики Узбекистан начали стационарные раскопки на городище Каршаултепа в Чиназском районе Ташкентской области. Городище расположено на землях фермерского хозяйства Дуслик махалинского комитета Ислохат и находится в 14 км к северо-востоку от города Чиназ.

Общая площадь городища составляет чуть больше 6 га, в плане оно имеет подквадратную форму. Его размеры: с востока на запад 330 м, с севера на юг 200 м; оно ориентировано по сторонам света с 15-процентным отклонением на северо-запад. Южная сторона городища находится на месте древнего русла реки Чирчик (Парак) и имеет следы смыва еще в древнее время. В его восточной части наблюдается понижение рельефа — там, по всей вероятности, находилась базарная площадь. С северной стороны городища непосредственно к крепостным стенам примыкал пандус, который вел к городским воротам. Надо полагать, что другой вход находился в юго-восточной части и являлся, скорее всего, запасным на случай военных действий.

По собранному археологическому материалу, в частности нумизматическому, можно предположить, что наиболее интенсивная жизнь на Каршаултепа приходится на VI–IX вв. Из найденных на городище монет выделяются группы с именем правителя Тарнавча и с изображением верблюда, лошади и хищника. Небольшая группа монет в количестве 9 штук представлена мусульманским чеканом — это абассидские фельсы (4), подражания бухар-худатским монетам (2), ранние саманидские (1), караханидский фельс и монета Хорезмшахов (определение сделано Э. В. Ртвеладзе).

Основные работы по изучению памятника развернулись на его южной стороне, где был заложен стратиграфический шурф размером 10 × 10 м. В ходе раскопок установлено, что мощность культурного слоя на этом участке городища достигает более пяти метров. Во время закладки шурфа под дерновым слоем на глубине 15 см был найден бронзовый христианский нательный крест, по форме напоминающий несторианский<sup>2</sup>. Его высота 3,1 см, ширина 2,5 см и толщина 0,6 см (рис. 1, 1). Все

<sup>1</sup> Сообщение об этой находке уже было опубликовано [Аширов и др. 2010: 40–43].

<sup>2</sup> На самом деле точно определить, принадлежал ли этот крест общинам несториан, мелькитов или якобитов, достаточно сложно. В современной научной литературе несторианскими называются практически все кресты равноконечные или с вытянутой нижней лопастью с расширяющимися



**Рис. 1.** 1 — нательный крест из Каршаултепа; 2 — чачская бронзовая монета VII в. н. э. [по: Ртвеладзе 1999: 76]

четыре конца креста имеют утолщение, посередине которого имеются процарапанные канавки. Концы горизонтальных лопастей заострены. В верхней части креста располагается ушко для подвешивания его на нитку или цепочку; диаметр его отверстия 0,3 см. Форма концов креста напоминает набухшие почки.

Иконография этой находки из Каршаултепа восходит к типу крестов, называемых «крест проросший». На них изображены побеги, цветы или листья по аналогии с жезлом Аарона, который «расцвел, пустил почки, дал цвет и принес миндали» (Чис. 17:8). Пустивший побеги жезл Аарона должен послужить знаменем для склонных к возмущению израильтян. Чудеса, которые свершал Бог, используя жезл Аарона, описаны в книгах Ветхого Завета Исход и Числа, где повествуется об исходе евреев из Египта и их путешествии по пустыне.

Христианство приняло образные и религиозные традиции из Ветхого Завета, трансформировав их через веру в Иисуса Христа. Символическое значение жезла — выражение власти, подкрепленной могуществом и силой. Жезл расцветший символизирует божье избрание, благоволение и силу, которые Бог явил своему народу в Завете (Чис. 17:1–13). Поскольку Иисус Христос как Пастырь и Владыка имеет и жезл, и посох, то в христианстве символическое значение жезла принимает крест, в данном случае — «проросший».

Символический смысл креста, который расцвел и пустил почки, заключается не только в том, что крест — это уже не орудие проклятия и казни, но и в том, что Иисус Христос, пройдя через смерть, воскрес и дарует новую жизнь. «Крест проросший» означает также, что Бог совершает чудеса через тех, кого Он избрал, и тех, кто послушен Ему, чтобы явить Свою силу и могущество через тех, кого Он посылает, подобно Моисею и Аарону. Те избранные, которых Он посылает, несут крест через проповедь и дела, являя учение Иисуса Христа о любви Божьей и грядущем Царствии Небесном.

концами, найденные на территории Центральной Азии, поскольку эти территории находились в ведении Несторианского Патриархата, располагавшегося в Багдаде.

Кресты с аналогичным значением были найдены на городище Афрасиаб в Самарканде [Краткий очерк...] и на Краснореченском городище в Семиречье [Байпаков 1986: рис. 41, 12], где соответственно находились митрополии Самаркандская и Навакетская. Обнаружение таких крестов, наряду с данными письменных источников, свидетельствует об имевших место связях между христианами этих регионов. Находки христианских атрибутов на территории Средней Азии нередки. Изображения крестов на фресках, сосудах, оссуариях и монетах происходят из различных археологических памятников, относящихся ко времени раннего и развитого средневековья.

Находка нательного креста на Каршаултепа — первая для территории Ташкентской области, если не считать небольшой бронзовый крест с городища Канка, который, по мнению Г. И. Богомолова, был равносторонним, высотой 4 см и, скорее всего, являлся частью какого-то крупного предмета — деревянного креста или шкатулки [Богомоллов 1994: 77].

На городище Шахрухия одним из авторов данной статьи (К. А. Шейко) были обнаружены несколько предметов, имеющих отношение к христианству. В частности, это светильник-*чирога*, на донце которого изображен крест. Несторианский крест процарапан и на происходящей оттуда же бронзовой крышечке. В ходе археологических работ на городище Канка было найдено несколько поливных тарелок с изображением крестов. В ряде случаев крест распознавался среди сложных монограмм или в орнаменте растительного характера. До настоящего времени в районе Ургута сохранились фрагменты оставленных христианами надписей на сирийском языке и изображения христианских крестов.

В Чаче имело место хождение монет с изображением креста, который помещался рядом с изображением правителя, что, очевидно, указывает на его приверженность христианству. Монета датируется VII в. [Ртвеладзе 1999: 76] (рис. 1, 2).

Самое первое упоминание о распространении христианства в Центральной Азии содержится в книге Деяний Святых Апостолов, где описывается становление Церкви Иисуса Христа и Его задание всем верующим: быть Ему свидетелями по всей земле (Деян. 1:8, 261–12). В этом источнике упоминаются иудеи и прозелиты из парфян, мидян, эламитов и других народов, люди набожные из всякого народа под небесами, как присутствующие в великий день Пятидесятницы. Уверовавшие были посланы нести силу благой вести к своим друзьям и соседям в Парфии, Мидии, Эламе и примыкающим к ним странам. Из агиографических сочинений известно, что позднее Апостолы Андрей, Фома и Варфоломей проповедовали в Центральной Азии, основывая церкви [Koshelenko et al. 1995: 55–70; Абдуллаев 1998: 11–60; Владимир, Митрополит 2002: 20–43]. Широкое распространение там христианства происходило не стихийно и не на пустом месте. В письменных источниках II–III вв. н. э. имеются сведения о христианах в Парфии и Бактрии [Никитин 1984]. Христианские школы Нисибина, Селевкии-Ктесифона и др. постепенно превратились в главные центры подготовки миссионеров. Такие центры были также основаны в Мерве и Герате, позднее они возникли в Бухаре и Самарканде [Gillman, Klimkeit 1999: 241–242].

В 334 г. в Мерве был основан епископат, а в 420 г. он был преобразован в митрополию [Бируни 1957]. Герат получил епископа в 424 г. и митрополита (архиепископа) в 585 г. Известны даты нескольких епископств в Самарканде, в том числе Ахайи (410–415), Шилы (505–523), Йешуаба II (628–643) и Салиба-Закха (712–728) [Gillman, Klimkeit 1999: 209–211].

Как известно, на территории Центральной Азии действовали следующие митрополии, объединявшие под собой несколько епархий: Мервская; Гератская; Самаркандская, объединявшая общины Мавераннахра; Винкердская, располагавшаяся предположительно на границе Ташкентской и Сырдарьинской областей; Навакетская, главенствовавшая над общинами Семиречья (Навакет был одной из столиц Тюркского каганата, ныне это городище близ поселка Красная Речка в Кыргызстане) [Краткий очерк...].

Недалеко от Самарканда, в селении Вазкерд существовала большая христианская община, о которой арабский географ и путешественник X в. Ибн Хаукаль в своей книге «Пути и страны» пишет: «В Савадаре есть христианская церковь, где они собираются. Я застал в них христиан, выходцев из Ирака. Они прибыли сюда из-за благоприятного географического положения и из-за здорового климата и уединенности. В нем есть места, где можно остановиться (*вакуфы*); там некоторые из них устраиваются на длительное пребывание. Местность эта доминирует над большею частью Согда и носит название Вазкерд» [Бетгер 1957].

А. В. Савченко предположил, что Вазкерд располагался на территории современного Ургута [Savchenko 1996; Савченко 2006]. В сирийской надписи согдийских христиан из Ургута есть упоминание, что из города Уштурката, который в Чаче, к ним приезжал проповедник из тюрок, он же «и толкователь Библии». А побывал он в Ургуте с целью «посещения своих учеников и уединения» [Буряков 2002: 24]. Это свидетельство о том, что в Чаче было много христиан из разных городов, в том числе и тюрки, а также, что в Уштуркате был монастырь или библейская школа, где изучали Писание и готовили проповедников.

Ибн Хаукаль упоминает еще об одном христианском поселении, называемом Винкерд, которое находилось на западной границе Чача в районе реки Парак (Чирчик) [Бетгер 1957]. О локализации Винкерда существуют различные мнения. Так, В. В. Бартольд помещал его «недалеко от Сыр-Дарьи на левом или на правом берегу реки, в последнем случае — к югу от Чирчика» [Бартольд 1964: 316]. М. Е. Массон склонен был видеть это поселение на левом берегу Сырдарьи [Массон 1934: 18]. В. Ф. Караваев на основе исследований северо-восточной части Голодной степи предложил локализовать Винкерд в районе древнего арыка Урумбай-Огуз, из которого его жители брали воду [см.: Сверчков 2007: 185–193].

В связи с находкой бронзового нательного креста можно предположить, что Винкерд находился на правом берегу Чирчика, на месте городища Каршаултепа. Археологический материал оттуда синхронен сообщениям письменных источников о христианах, проживавших на территории Чача. На наш взгляд, продолжение раскопок на этом интереснейшем памятнике может пролить дополнительный свет на все еще малоизвестные страницы истории христианства в раннесредневековой Средней Азии.

## Литература

- Абдуллаев 1998: *Абдуллаев Е. В.* Очерки культуры доисламской Центральной Азии: Религия, философия, право. Ташкент.
- Аширов и др. 2010., *Аширов С., Поторочина Е., Шейко К.* Крест проросший // ВС. № 19.
- Байпаков 1986: *Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI — начало XIII в.). Алма-Ата.
- Бартольд 1964: *Бартольд В. В.* Еще о христианстве в Средней Азии // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II. Ч. 2. М.



- Бируни 1957: *Бируни Абу Райхан*. Памятники минувших поколений // Бируни Абу Райхан. Избранные произведения. Т. 1. Ташкент.
- Богомолов 1994: *Богомолов Г. И.* О христианстве в Чаче // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент.
- Буряков 2002 *Буряков Ю. Ф.* Истина, пришедшая с караванных путей и оставшаяся во дворцах халифов // ВС. № 3.
- Владимир, Митрополит 2002: *Владимир, Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский*. Земля потомков патриарха Тюрка. М.
- Бетгер 1957: *Бетгер Е. К.* Извлечения из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма Ибн-Хаукаля // ТСАГУ. НС. Вып. СХI: Истор. науки. Кн. 25.
- Краткий очерк...: Краткий очерк по истории Ташкентской и Среднеазиатской Епархии [URL: [www.pravoslavie.uz](http://www.pravoslavie.uz)] (дата обращения: 05.05.2014)].
- Массон 1934: *Массон М. Е.* Из истории горной промышленности Таджикистана. Былая разработка полезных ископаемых. Л. (Материалы Таджикско-Памирской экспедиции 1933 г. Вып. XX).
- Никитин 1984: *Никитин А. Б.* Христианство в Центральной Азии // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М.
- Ртвеладзе 1999: *Ртвеладзе Э. В.* Великий шелковый путь: древность и ранее средневековье. Ташкент.
- Савченко 2006: *Савченко А. В.* По поводу христианского селения Ургут // ЗВОРАО. НС. Т. II (XXVII).
- Сверчков 2007: *Сверчков Л. М.* Сырдарьинская степь: пути и переправы // Трансоксиана — Мавераннахр: Сборник статей. Академику Э. В. Ртвеладзе в честь 65-летия — его ученики и коллеги. Ташкент.
- Gillman, Klimkeit 1999: *Gillman I., Klimkeit H.-J.* Christians in Asia before 1500. Ann Arbor.
- Koshelenko et al. 1995: *Koshelenko G., Bader A., Gaibov V.* The Beginnings of Christianity in Merv // IA. Vol. XXX.
- Savchenko 1996: *Savchenko A.* Urgut revisited // ARAM. Vol. 8/2.

## СЕВЕРО-ВОСТОК ОЙКУМЕНЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ГЕКАТЕЯ МИЛЕТСКОГО

*И. В. Пьянков (Великий Новгород)*

В географическом сочинении «Периегеса» греческого автора Гекатея Милетского, жившего в конце VI — начале V в. до н. э., была представлена, судя по ряду признаков, своя собственная картина крайнего северо-востока ойкумены, отличающаяся как от более ранней, созданной Аристеем Проконнеским на основе сведений, добытых им во время своего путешествия к исседонам, так и от более поздней, представленной в рассказе Геродота о пути скифских торговцев к аргиппеям. К сожалению, сочинения Гекатея Милетского дошли до нас лишь во фрагментах, и принадлежащая ему картина крайнего северо-востока ойкумены нуждается в реконструкции, чему и посвящена данная работа.

Предметом нашего внимания будут прежде всего прямые фрагменты сочинения Гекатея. Это фрагменты, содержащие сведения, во-первых, о народах близ Кавказа, живущих как в Азии, так и в Европе, в том числе колхских народах; во-вторых, о скифских народах, живущих в Азии.

Первый ряд сведений Гекатея:

Fr. 209/186<sup>1</sup>: «Колы, народ у Кавказа. Гекатей в “[Описании] Азии”: а подгорья Кавказа называются Кольскими горами, Кольская страна».

Fr. 210/185: «Кораксы, народ колхов, вблизи колов. Гекатей в “[Описании] Азии”: Кораксийская крепость и Кораксийская страна».

Fr. 288/188: «Мосхи, народ колхов, соседний с матиенами. Гекатей в “[Описании] Азии”».

Fr. 18b/187: «Гесиод говорит, что [аргонавты] проплыли по Фасису. Гекатей же, опровергая его, рассказывает, что Фасис не впадает в море, и что [аргонавты]плыли не по Танаису, а по тому же самому пути, что и прежде, как говорит [и] Софокл в “Скифах”». Здесь Фасис — важнейший объект «колхской» географии.

Fr. 191/161: «Дандарии, народ вокруг Кавказа. Как [говорит] Гекатей в “[Описании] Европы”».

Fr. 192/162: «Типаниссы, народ вдоль Кавказа. Гекатей в “[Описании] Европы”».

Если учесть, что сочинение Гекатея было построено по принципу перипла, т. е. описания морских берегов обитаемой земли, и сравнить это описание с аналогичными текстами других авторов, то участок ойкумены, описываемый в цитированных

---

<sup>1</sup> Нумерацию фрагментов даем по изданиям: Jacoby 1923 (первый номер) и FHG, vol. 1 (второй номер); нумерацию свидетельств (Test.) — Jacoby 1923.

фрагментах, будет выглядеть следующим образом: это та сторона побережья Понта, уподобленного Гекатеем скифскому луку (fr. 197/163), которая соответствует северо-восточному рогу лука. В основании этой стороны лежит земля колхов, Колхида, с ее рекой Фасисом, где длина Понта с запада на восток — наибольшая (ср.: Hdt. IV, 86). К северу от Колхиды лежит земля колов, Колика, и земля кораксов вдоль Понта, Кораксика. Это азиатский берег Понта. Еще севернее, уже вдоль европейских берегов Меотиды, живут дандарии и типаниссы. В земле колов начинаются «подгорья Кавказа», которые, видимо, и тянутся далеко на север, вдоль земель дандариев и типаниссов.

Отдельно следует сказать о Фасисе. Когда эксцерпатор говорит, будто Гекатей утверждал, что «Фасис не впадает в море», он имеет в виду: Гекатей знал о невозможности проплыть по Фасису прямо в Великое море, окружающее землю и соответствующее Океану старых мифико-географических представлений. Но имеется и другое сообщение, тоже с прямой ссылкой на Гекатея (fr. 18a/187): «Гекатей Милетский [говорит], что [аргонавты] из Фасиса приплыли в Океан, затем оттуда в Нил, отсюда в наше море». Здесь Гекатей утверждает как раз то, что опровергал в первом цитированном фрагменте.

Чем объяснить это противоречие? Издатели фрагментов обычно предлагают исправления текста. К. Мюллер считал, что в первом фрагменте имя «Гекатей» нужно заменить на «Геродор» (Геродор утверждал то же, о чем говорится в этом фрагменте), а если в нем действительно упоминался Гекатей, то это какой-то другой Гекатей [FHG, vol. 1: 13]. Ф. Якоби предлагал заменить здесь имя «Гекатей» на «Артемидор» [Jacoby 1923: 11–12]. Мною было предложено иное решение: оба фрагмента, упоминающие Фасис, принадлежат Гекатею Милетскому, но взяты из разных его сочинений. К «Перигесе» относится первый из них и отражает положение, когда были опубликованы результаты грандиозного путешествия, необычайно расширившего географический кругозор современников Гекатея. Второй фрагмент относится к сочинению «Генеалогии», в котором рассказывалось и об аргонавтах; в этом сочинении Гекатей придерживался еще старых ионийских взглядов, восходящих к Гесиоду [Пьянков 1975: 57–58]. Такое решение вопроса было принято последующими исследователями [Gardiner-Garden 1987b: 19, p. 96].

Второй ряд сведений Гекатея:

Fr. 193/168: «Исседоны, скифский народ. Гекатей в “[Описании] Азии”».

Fr. 215/167: «Иамы, скифский народ. Гекатей в “[Описании] Азии”».

Fr. 194: «От [поэтов Аполлодор] переходит к писателям, которые говорят о Рипейских горах, горе Огии и обиталище Горгон и Гесперид». В этом фрагменте имя Гекатея прямо не названо, но прав В. Якоби, считающий, что под «писателями, историками» (συγγραφεῖς) здесь имеется в виду прежде всего Гекатей Милетский [Jacoby 1923: 351]. Рипейские горы тесно связаны и с «исседонской» географией.

Представления Гекатея о крайнем «скифском» севере, судя по цитированным словам о Рипейских горах, оставались еще старыми ионийскими. Гора Огий, по-видимому, как-то связана с гомеровской Огигией, расположенной на краю ойкумены недалеко от Океана (Hom. *Od.* 1, 50; 10, 504–512; 11, 1–22; 12, 1), и Гекатей говорил о ней, скорее всего, как о части или как о синониме Рипеев. Обиталище Горгон в аристеевской версии (которую Гекатей знал) — крайний восток (Aeschyl. *Prom. vinct.* 790–793), а обиталище Гесперид — крайний запад земного круга.

Очевидно, Рипейские горы здесь тракуются в полном соответствии со старой ионийской традицией, как горный хребет, окаймляющий вдоль Океана всю северную половину земного круга.

Для того чтобы представить в целом участок ойкумены, описываемый в цитированных фрагментах, необходимо прежде всего выяснить, где у Гекатея пролегла граница между Европой и Азией. Геродоту было известно два мнения на этот счет: одни считали границей колхскую реку Фасис, другие — меотийскую реку Танаис и Киммерийские переправы (т. е. Боспор Киммерийский) (Hdt. IV, 45). Какого из этих двух мнений придерживался Гекатей в своей «Периегесе»? Судя по содержанию цитированных фрагментов и первой, и второй групп, где к Азии отнесены народы, обитавшие к северу от Фасиса, а также по указаниям других фрагментов, относящихся к Азии и Фанагорию (fr. 212/164 и 211/165), и Синдику (fr. 216/166), предпочтение надо отдать первому мнению. Очевидно, и в этом вопросе мы сталкиваемся с той же ситуацией, о которой говорилось по поводу Фасиса: признание Фасиса границей между материками проистекало из старого, архаического представления о прямой связи этой реки с Океаном; когда ко времени написания Гекатеем «Периегесы» география этих мест стала известна гораздо лучше, границу перенесли на Танаис.

Здесь еще раз необходимо сказать о беспочвенности умозрительных спекуляций, с чрезвычайной легкостью перемещающих на карте названия «Танаис» и «Фасис». С самого начала эти названия прилагались к тем рекам, кои именовались так и позднее: первое — к Дону, второе — к Риону. Греки были знакомы с устьями этих рек еще в VIII–VII вв. до н. э. и названия их не придумывали сами, а заимствовали тогда же у местного населения [Пьянков 1975: 58, примеч. 56; см. также: Gardiner-Garden 1987b: 19, п. 96, Пьянков 1994: 195, примеч. 15]. Поэтому и предположение Ф. Якоби о том, что границами материков у Гекатея служили будто бы Фасис — Кубань и Танаис — Керченский пролив [Jacoby 1923: 352–354], нельзя признать убедительным.

Правда, положение с Танаисом как границей между Азией и Европой довольно сложно. Если Танаис — это Дон, то как объяснить, что дандарии и типаниссы, судя по всем данным о них, обитавшие по левую сторону от Танаиса и к востоку от Меотиды (Азовского моря), помещены Гекатеем в Европу? Для ответа на этот вопрос необходимо привлечь дополнительную информацию о сочинении Гекатея.

Что представляло собой географическое сочинение Гекатея «Периегеса»? Это было полное описание всей известной тогда Земли, соответствовавшее географическому кругозору современников Гекатея. Главной особенностью этого сочинения была карта. При всей сложности вопроса об античной картографии [Подосинов 2002: 15–24] в данном случае наличие карты (*τίναξ*) не подлежит сомнению [Jacoby 1912: 2690; Jacoby 1923: 317–318]: о ней свидетельствуют и прямые указания источников (Test. 12a–b), и содержание самого сочинения. Как выглядела эта карта, можно судить по словам Геродота (Hdt. V, 49), который рассказывает: спартанцы помнили, что с их царем Клеоменом некогда беседовал милетец Аристагор, современник Гекатея, и подкреплял свои слова ссылками на медную карту, которую держал в руках. На этой карте «были вырезаны весь земной круг, все море и все реки»; были, видимо, обозначены также народы и города [Jacoby 1923: 317]. Событие это имело место в 500 г. до н. э., и судя по тому, что карта Аристагора отражала уже новый, широкий географический кругозор греков, обусловленный персидским владычеством, она должна была быть творением Гекатея, незадолго до того впервые

познакомившего милетцев с реальными размерами и составом Персидской державы (Hdt. V, 36). Карта и являлась основой «Периегесы» Гекатея, а текст служил приложением к ней [Jacoby 1912: 2690; Raassen 1957: 61]. В этом отношении труд Гекатея, видимо, был ближе к «Географии» Птолемея, нежели к сочинениям Геродота или Страбона. Можно думать, что он представлял собой свод в основном кратких пояснений к отдельным объектам, отмеченным на карте. Сама же карта, принадлежавшая к типу примитивных ионийских карт «земного круга», была скорее очень условной схемой, чем картой в современном смысле (или даже в смысле птолемеевской эпохи). Из этого и нужно исходить при интерпретации сведений Гекатея.

«Периегеса» Гекатея с ее картой продолжала ионийскую традицию, начатую Анаксимандром: «Кто первые нанесли на карту ойкумену? Первый — Анаксимандр, второй — милетец Гекатей» (Test. 12b); «Анаксимандр Милетский ... первый осмелился нанести на карту ойкумену. За ним Гекатей Милетский ... так тщательно выполнил [ту же] работу, что ей удивлялись» (Test. 12a). В чем заключалось такое выдающееся усовершенствование Гекатеем старой ионийской карты? Несомненно, в том, что он использовал новые возможности, появившиеся в связи с вхождением Ионии в сферу имперско-ахеменидского мира, открывшего перед ионийцами небывало широкие горизонты. Анаксимандр, творивший в середине V в. до н. э., естественно, не мог еще обладать такими знаниями. Анаксимандр придерживался еще старых наивных представлений, согласно которым устье реки Фасис — самый отдаленный на северо-востоке пункт, известный тогда грекам, — находится совсем недалеко от мифической реки Океан, обтекающей Землю<sup>2</sup>. Из этой-то реки будто бы и вытекает Фасис, разделяя Азию и Европу. Кстати, карты «земного круга», обтекаемого Океаном, над которыми насмеялись Геродот (Hdt. IV, 36) и Аристотель (Arist. *Meteor.* II, 5; I, 9), где Европа равна Азии (Hdt. IV, 36), а точнее Азии + Ливии (Hdt. II, 16, 33–34) (и, следовательно, Фасис служит границей между Европой и Азией), должны принадлежать общей ионийской традиции, непосредственно продолжающей картографические представления Анаксимандра [Пьянков 1997: 83], а не быть картами Гекатея, как обычно полагают [так, например: Jacoby 1923: 16, 329].

Основным источником, который позволил Гекатею так эффектно усовершенствовать карту Анаксимандра, был «Перипл» Скилака Кариандского. Сочинение это содержало сведения, собранные во время объезда всех границ Ахеменидского царства. Объезд совершил Скилак по поручению царя Дария I между 519 и 512 гг. до н. э. [Пьянков 1997: 12–20, 84]. Благодаря этому путешествию античный мир впервые узнал о существовании Каспийского моря и обширных пространств, тянувшихся к востоку от него вплоть до Индии. Все эти новые сведения заимствовал Гекатей и перенес их на свою карту. Теперь уже не могло быть места старой картине ойкумены, где река Океан протекает совсем недалеко от Понта, давая начало впадающим в Понт крупным рекам северо-востока. Гекатей, видимо, первым и рационализировал полностью в своей «Периегесе» древнее мифологическое представление об Океане, понимая под ним внешнее Великое море [Raassen 1957:

<sup>2</sup> Я не касаюсь здесь сложной проблемы истории античных представлений об Океане. Отмечу только, что распространенное мнение, будто ионийцы уже во времена Фалеса и Анаксимандра вкладывали рациональное содержание в древнее мифологическое понятие «Океан», подразумевая под ним совокупность внешних морей [так, например: Gisinger 1937: 2320; Lasserre 1970: 268], далеко не доказано.

140–141; Шишова 1982: 125]<sup>3</sup>, и знал о невозможности соединения с ним как Фасиса, так и Танаиса (fr. 18b/187).

В пределах рассматриваемого участка ойкумены Гекатей заимствовал из «Перипла» Скилака, видимо, описание пути вдоль берега Понта от Амиса до Фасиса и земли колхов [Пьянков 1997: 15–16]. Сочинение Скилака до нас не дошло, но сохранилось его переложение в поздней обработке, составленное в IV в. до н. э., — так называемый «Перипл Псевдо-Скилака» [Пьянков 1997: 14]. Сопоставление последнего с сочинением Гекатея показывает почти полное совпадение содержащегося в них описания понтийского берега как раз на указанном отрезке — от Амиса до колхов [Jacoby 1923: 356–357]. Совпадает у них и «колхская» география: у Псевдо-Скилака тоже упоминаются колы (78), кораксы (77) и колхи с Фасисом (81). Но там, где Гекатей говорит о «подгорьях Кавказа», простирающихся, как мы видели, от колов далеко на север, до дандариев и типаниссов, обитавших в Европе у Меотиды и Танаиса, — там Псевдо-Скилак упоминает меланхленов (79) и гелонов (80) как обитающих за колами. Не шла ли здесь речь и у Скилака в первоначальном тексте о северных «подгорьях Кавказа», в связи с которыми и говорилось о меланхленах и гелонах<sup>4</sup>? Если так, то и у Гекатея можно ожидать упоминания этих двух племен в том же контексте.

В одном из фрагментов сочинения Гекатея действительно упоминаются меланхлены как скифский народ Европы (fr. 185/154). И если считать признаки полемики, содержащиеся у Геродота (Hdt. IV, 20, 100) в описании меланхленов (меланхлены — не скифский народ), направленными против Гекатея [Jacoby 1923: 350], то еще более явственно такая полемичность проступает в описании гелонов (эллины неправильно называют гелонами будинов) у Геродота (Hdt. IV, 109). Это дает основание предполагать, что Гекатей говорил и о гелонах. Меланхлены упоминались Гекатеем вместе с Керкинитидой (fr. 184/153), и это неслучайно. Керкинитида находилась в земле тавров, мысом вдающейся в Понт (ср.: Ps-Scyl. 68; Hdt. IV, 99), и должна была служить у Гекатея центром «скифского лука», где сходятся его рога. А меланхлены являлись крайним на севере европейским скифским народом (ср.: Hdt. IV, 101). Видимо, по линии Каркинитида — меланхлены Гекатей измерял глубину Европейской Скифии.

Описание понтийских берегов севернее колхских народов у Гекатея никакой близости с данными Псевдо-Скилака уже не обнаруживает. Но сохранившиеся фрагменты описания свидетельствуют о хорошем знании географии азиатского Боспора. Более всего Гекатей знаком с Фанагорией и ее окрестностями: осведомлен в истории Фанагории (fr. 212/164), говорит об острове Фанагора (fr. 212/164) и заливе Апатур (fr. 211/165), знает о ближайших к городу областях и племенах — о Синдике и соседних иксибатах (fr. 216/166). Характерно, что приводимые Гекатеем названия, связанные с азиатским Боспором («Апатур», «синды», «дандарии»), засвидетельствованы и боспорскими надписями [КБН: 838–839]. Вообще, как показывают фрагменты «Периэгесы», Гекатей хорошо знал азиатское побережье Понта, его южные и восточные берега, и наоборот, был почти незнаком

<sup>3</sup> К сожалению, исследователи, говоря о географических представлениях Гекатея, не учитывают возможности эволюции этих представлений у самого Гекатея.

<sup>4</sup> Такая трактовка сведений Скилака об этих народах лишает почвы умозрительные спекуляции о будто бы кавказском (в современном смысле) происхождении «скифской» географии античных авторов [см.: Ельницкий 1961: 71–72, 85, 96].

со скифским побережьем. Прямо противоположную в этом отношении картину мы наблюдаем у Геродота, который подробно описал Северо-Западное Причерноморье, но был малознаком с Боспором и восточным побережьем Понта. Существенно, что такое фиксируемое письменными источниками разделение Северного Причерноморья на две зоны, западную и восточную, подтверждается и археологией: Колхида с VI в. до н. э. связана тесными узами с греческими городами Боспора, но не Северо-Западного Причерноморья [Брашинский 1984: 181; Лордкипанидзе 1977: 113–114].

Возможно, что познания, которыми Гекатей дополнял заимствования у Скилака, явились результатом его собственных путешествий. В античной литературной традиции Гекатей Милетский заслужил прозвище «мужа многостранствующего» (πολυπλανής; Test. 12a). Возможно, что в числе его странствий было и путешествие в греческие города Боспора, которое он совершил, следуя уже установившимся к его времени торговым связям. О более далеких землях он мог многое узнать путем устных расспросов. Во всяком случае, вероятность такого путешествия допускается современными исследователями [Jacoby 1912: 2689–2690], а основное направление торговых связей Боспора в пределах Понта вполне соответствует зоне наибольшей осведомленности Гекатея в этих местах. Это направление на юг, к греческим городам Юго-Восточного Причерноморья [Гайдукевич 1949: 92], и отсюда далее — к греческим городам Боспора; видимо, вдоль тех же берегов, но в обратном направлении следовали на Боспор корабли из Милета, в VI в. до н. э. активно торговавшего с боспорскими городами [Зеест 1959: 155; Брашинский 1984: 179, 184]<sup>5</sup>.

Все то, что Гекатей узнал во время путешествий или заимствовал из литературных источников, он и использовал для построения своей карты. А от карты, как уже говорилось, зависела структура его сочинения. Основой античных карт служили так называемые орогидрографические схемы, т. е. схемы гор и текущих с них рек [об этих схемах см.: Пьянков 1997: 179]. Какова была схема северо-востока ойкумены на карте Гекатея? По сохранившимся фрагментам о ней можно узнать не очень много: Кавказ, находящийся между Понтом и Каспийским морем (ср.: Hdt. I, 203–204), в земле колов имеет «подгорья», которые уходят далеко на север и тянутся вдоль земель дандариев и типаниссов, обитающих к востоку от Меотиды до Танаиса, а отсюда, видимо, и еще дальше, до крайних на севере народов, меланхленов и гелонов, живущих уже по ту сторону от Танаиса; на крайнем севере окаймляют земной полукруг Рипейские горы, отделяя его от Океана.

Более цельную картину помогает получить привлечение материалов поздних авторов, в той или иной степени использовавших наследие Гекатея. Наибольшую близость Гекатею обнаруживает орогидрографическая схема, которую я предложил возводить к Гиппарху. Схема, намеченная выше по сохранившимся фрагментам, здесь приобретает свой законченный вид: Кавказ (включенный здесь в горную систему Тавра) делает поворот на север в местностях около Фасиса и тянется длинным хребтом, именуемым Керавнскими горами и обращенным одной стороной к Понту, Меотиде и Танаису, а другой — к Каспийскому морю, до соединения с Рипейскими горами у Океана, или Кронийского моря; Танаис течет с Рипейских

<sup>5</sup> Об археологических находках последнего времени, иллюстрирующих такие связи, см.: Журавлев, Ломтадзе 2001: 58–61.

гор и разделяет Европу и Азию [Пьянков 1997: 248–251]. Эта схема продержалась до конца античности, причем любопытно, что уже тогда некоторые древние авторы предпочитали проводить границу между частями света не по Танаису, а по меридиональному хребту, соединявшему Кавказ с Рипеями [Подосинов 2002: 190, 245–247]. Особенно близкие точки схождения с Гекатеем можно наблюдать в том варианте традиции Гиппарха, который начинается с Випсания Агриппы<sup>6</sup> и находит наиболее четкое выражение в сочинениях Помпония Мелы и Плиния Старшего<sup>7</sup>.

Близость орографических схем должна была повлечь близость и остальных элементов карты, связанных с этими схемами. Действительно, такая близость наблюдается в материалах авторов традиции Гиппарха и особенно в варианте Агриппы. Давно уже было замечено, что в основе описания юго-восточного побережья Понта у Мелы (Mel. I, 105–110) и Плиния (Plin. NH. VI, 11–13, 15) лежат данные Гекатея [Jacoby 1923: 357], хотя и подновленные. В перечне приморских кавказских племен мы находим у этих авторов почти все названия, которые имеются и у Гекатея в цитированных фрагментах. Это племена колхов и их река Фасис, которая, как выясняется, берет начало в земле мосхов; Колика, в которой «Кавказский хребет поворачивает к Рипейским горам», а вместе с Коликой упомянуты и меланхлены; наконец, кораксы. Между Меотидой и Керавнскими горами живут: «по берегу — напитки, выше их — эседоны, соединяющиеся с колхами на вершинах гор» (Plin. NH. VI, 20). Эседоны смыкаются с колхами в области гор потому, что на карте «Колхские пустыни» были обращены одной стороной к Керавнским горам (Plin. NH. VI, 29). Так и исседоны находят свое место на карте Гекатея. Напитки, видимо, появились у Плиния в результате искажения названия «типаниссы» при списывании с карты, если последнее название было нанесено на карту вертикальной строкой<sup>8</sup>.

Танаис трактован у Мелы (Mel. I, 115) и Плиния (Plin. NH IV, 78) тоже по Гекатею: он течет с Рипейских гор и впадает в Меотиду, разделяя Азию и Европу. Но с устьем Танаиса не все так просто. Плиний глухо упоминает (Plin. NH VI, 19), что Танаис впадает двумя устьями. Псевдо-Скимн (Ps.-Scymn. 865 sq.) делает ясным это замечание: Танаис впадает одним устьем в Меотиду, а другим — в Киммерийский Боспор. По-видимому, это же представление лежит в основе путаного сообщения Арриана о Танаисе (Ps.-Aeg. *Peripl.* 29). Отзвук того же представления можно найти и у поздних античных географов, один из которых говорит, что в Меотиду впадает лишь часть Танаиса [Подосинов 2002: 190, 245]. Намек на двойное устье Танаиса имеется и у Мелы (Mel. I, 114): своих иксаматов (= иксибаты Гекатея, соседи Синдики) он помещает у самого устья Танаиса. Такая трактовка Танаиса позволяет понять, почему у Гекатея дандарии и типаниссы, обитающие у Меотиды по левую сторону от Танаиса, помещены тем не менее в Европу: они обитают по правую сторону от того рукава Танаиса, который впадает в Киммерийский Боспор у Синдики.

Все это на карте Гекатея было заключено в северо-восточный сектор «земного круга», ограниченный двумя линиями: линиями ионийского «меридиана», прохо-

<sup>6</sup> О географии Агриппы и примыкающих к нему авторов см.: Подосинов 2002.

<sup>7</sup> Факт, что география Причерноморья у Мелы и Плиния заимствована почти целиком у ионийских авторов, и в том числе у Гекатея, был установлен исследователями уже давно и подтвержден в самых последних работах [см.: Подосинов 2002: 25–28].

<sup>8</sup> На трудности, возникающие при списывании с карты названий, написанных «акростихом», указывали сами древние авторы [Подосинов 2002: 107, 114, 131].



дившего через устье Истра к области Синопы и Амиса, и ионийского «экватора», в трактовке Скилака–Гекатея проходившего через Амис и устье Фасиса [Пьянков 1997: 15]. На карте были отмечены также точки восхода и захода солнца на окружности (т. е. горизонте) «земного круга»: равноденственного, летнего и зимнего. «Экватор» на востоке шел прямо к точке равноденственного восхода, а линия летнего восхода уходила через Каспийское море куда-то в земли саков [Пьянков 1997: 19, 120–121, 291, 294]. Трудно сказать, совпадала ли ойкумена Гекатея с «земным кругом» или была прямоугольником, вписанным в «земной круг», как полагал В. Хейдел; границами ее в таком случае служили линии, соединявшие точки летнего и зимнего восходов и заходов, а сегменты круга, отсеченные этими линиями, являлись необитаемыми пустынями [Heidel 1937: 11–50].

Что же касается конкретных сведений Гекатея о северо-востоке ойкумены, то они, несомненно, базируются на известиях о торговых путях. Информация об одном из таких путей лежит в основе своеобразной схемы гор Гекатея: Кавказ — тянущаяся от него в меридиональном направлении горная цепь, именуемая у поздних авторов Керавнскими горами, — Рипеи. Известия эти должны восходить к Скилаку и реконструируются следующим образом. Мне уже приходилось говорить, что во времена Скилака и Гекатея греческий город Фасис в устье одноименной реки (Риона) был крупнейшим торговым центром, эмпорием колхов, куда сходилось шестьдесят разноязычных племен, иногда из очень отдаленных мест — вплоть до Бактрии и Индии [Пьянков 1997: 14, 16]<sup>9</sup>. Одним из направлений торговых связей Фасиса было и северное транскавказское. Для колхов оно ассоциировалось с кораксами, одним из колхских племен, обитавшим к северу от долины Фасиса, а по побережью Понта — примерно до района нынешнего Сухуми, и с высящимися за ними горами Главного Кавказского хребта, население которого колхи тогда и называли, видимо, колами. Далее на север тянулись отроги, «подгорья» (ὕπορειαι), Кавказа — Кольские горы.

Сам же торговый путь в этом направлении шел по долине Фасиса вплоть до его верховий<sup>10</sup>, где выходил в страну мосхов (Plin. *NH.* VI, 13). Это были те мосхи на пути к Керавнским горам, которые обитали к северу от Главного Кавказского хребта и водораздела с Курой (Plin. *NH.* VI, 29). Вообще же мосхи (они же халибы и гализоны), как я пытался показать, — это «племя» металлургов и кузнецов, обитавшее отдельными анклавами в разных местах восточной части Черноморского бассейна и Кавказа; их археологический след на Северном Кавказе — это памятники кобанской культуры [Пьянков 2002: 335–339]. В данном случае интересующие нас мосхи довольно точно соответствуют центральному варианту кобанской культуры [Козенкова 1989: 253–254]. Далее путь проходил по северокавказским степям, но об этом его участке никаких сведений в источниках не сохранилось. Единственный возможный след — упоминание о колхских пустынях (solitudines), одной стороной обращенных к Керавнским горам (Plin. *NH.* VI, 29). Возможно, к этому же участку относится сообщение об иамах — скифском племени Азии. Известен лишь конечный участок пути — страна исседонов. Первоначально, видимо, именно с ними было связано представление о меридиональном горном хребте, у Мелы и Плиния названном Керавнскими горами (от греч. κεράβνια — «грозовые», такое название прилагалось ко многим хребтам), и если так, мы имеем в данном случае

<sup>9</sup> О торговом характере греческих городов в Колхиде см.: Лордкипанидзе 1985: 18.

<sup>10</sup> О торговом пути по Фасису вплоть до его верховьев см.: Лордкипанидзе 1985: 17.

одно из древнейших упоминаний об Урале и его населении — исседонах, обитавших тогда в лесостепях Южного Урала и Зауралья. На примитивной круглой карте Гекатея итинерарий пути к исседонам и не мог найти лучшего отражения. На тесном пространстве северо-восточного сектора этой карты горы исседонов сомкнулись с «подгорьями Кавказа», а сами исседоны соединились с «колхами на вершинах гор».

Археологи давно уже отмечали наличие несомненного кавказского импорта в Приуралье: металлических изделий кобанского круга VII–VI вв. до н. э. В одной из последних работ, затрагивающих этот вопрос, определено исходное место импорта — им оказался как раз район центрального варианта кобанской культуры и Центральное Закавказье непосредственно к югу от него — и намечен путь, которым эти вещи могли доставляться на север: между верховьями Кубани и Терека, долиной Кумы в ее верхней части и затем — степями по водоразделу бассейнов Дона и Волги к Среднему Поволжью [Погребова, Раевский 1992: 206–221]<sup>11</sup>. Таким, видимо, и был путь от подгорий Кавказа и страны мосхов к горам исседонов.

Концепция «исседонской» географии, которая вырисовывается по фрагментам сочинения Гекатея, носит совершенно самостоятельный характер и явно отличается от концепций Аристеев и Геродота. Гекатей знал о концепции Аристеев [о ней см.: Bolton 1962], судя по цитате из сочинения Дамаста (fr. 1 Jacoby), переписывавшего у Гекатея (Test. 12a). Исследователи справедливо считают эту цитату заимствованием Дамаста у Гекатея [Gardiner-Garden 1987b: 13–14]. Но как приспособил Гекатей сведения Аристеев к своей концепции и приспособлял ли вообще — неизвестно. Возможно, что Гекатей — как и независимо от него Геродот (IV, 13; 16) — просто пересказал Аристеев где-нибудь в пояснительной записке к исседонам своей карты. Но и в этом пересказе заметны независимость Гекатея и наличие у него самостоятельного источника — тоже как у Геродота — в том, что он использует новое название народа (Ἰσσηδόνες, а не Ἰσσηδοί, как у Аристеев) и именует соседей его, аристеевых «одноглазых», скифским словом «аримаспы». Очевидно, и до него доходила новая информация от исседонов, но уже через посредство скифов, а не Аристеев (об этой новой информации: Hdt. IV, 32). Отсюда следует также, что хотя Аристеев и относил «исседонскую» географию к Европе (Hdt. III, 116), в соответствии со старой ионийской традицией считать границей частей света Фасис нет никакой необходимости в исправлении фрагмента 193/168 — в замене там «Азии» на «Европу», на чем настаивал Ф. Якоби [Jacoby 1923: 193, 352; ср., однако: Pearson 1939: 64] и другие ученые. Гекатей действительно относил «своих» исседонов к Азии.

Иногда полагают, что сообщение Плиния об эсседонах, соединяющихся с «колхами на вершинах гор» (Plin. NH. VI, 20), является результатом неправильной интерпретации сообщения Геродота об исседонах, согласно которому исседоны обитают напротив массагетов, а эти последние — близ реки Аракса (Hdt. I, 201). Этот Аракс якобы отождествили с кавказским Араксом, и массагетов с исседонами перенесли на Кавказ [Hertmann 1916: 2240; Ростовцев 1925: 59; Ельницкий 1961: 209–210]. Однако такое объяснение выглядит совершенно искусственным: никакой связи данного сообщения Плиния с массагетами и Араксом не видно,

<sup>11</sup> Правда, трудно согласиться, что к этому торговому пути имело какое-либо отношение переселение «отложившихся скифов».

а картографическая схема, частью которой являются здесь эседоны, — совершенно чужда Геродоту.

Сведения о другом пути прослеживаются в сообщениях Гекатея о ближайших к Фанагории меотских племенах. Эти сведения Гекатеем, скорее всего, собрал уже сам во время своих путешествий, — возможно, в Фанагории. Территория, охватываемая этой информацией, сравнительно невелика: это земли синдов, иксибатов, дандариев и, может быть, еще каких-то меотских племен, группировавшихся вокруг Кубани. Выше мы уже видели, что у всех авторов, так или иначе связанных с традицией Гекатея, Танаис имеет два устья, и одно из них впадает в Киммерийский Боспор (Керченский пролив) в пределах Синдики (Таманский полуостров). Этот «рукав Танаиса» вряд ли может быть какой-либо иной рекой, кроме Кубани, более поздними писателями обычно называемой Гипанисом. К числу авторов, передающих гекатеевы представления о Танаисе и знающих о боспорском устье Танаиса, принадлежит, как отмечено выше, и Мела. А его описание Танаиса (Mel. I, 115) не оставляет никаких сомнений в том, что он имеет в виду Кубань: когда соседние реки Меотида, Боспор и даже некоторые места Понта замерзают от зимних холодов, только Танаис продолжает стремительно нестись в быстром течении и зимой, и летом. «Тихий Дон», который даже в низовьях замерзает на четыре-пять месяцев, никак не подходит под данное описание. Все это свидетельствует о том, что греки Боспора во времена Гекатея не имели никаких реальных представлений о верховьях Кубани<sup>12</sup>, и, следовательно, их торговая активность в данном направлении ограничивалась тогда Нижним Прикубаньем, что подтверждается и археологически [Брашинский 1984: 184].

В северном же направлении, через другое устье Танаиса — то, которое впадает в Меотиду, т. е. по Дону, — торговые связи греков Боспора при посредничестве меотов, живших в низовьях Дона, шли во времена Гекатея гораздо дальше, «до курганов воронежских будинов» [Граков 1971: 55–56]. Эти связи и послужили источником сведений Гекатея о меланхленах и гелонах. В то же время, если верно предложенное мною толкование сообщения Псевдо-Скилака о меланхленах и гелонах, уже Скилак обладал какими-то сведениями об этих народах, причем в связи с «кавказским» путем на север. На карте Гекатея упомянутые народы занимали место в полосе, окаймляющей европейскую Скифию с севера (ср.: Hdt. IV, 100): северным их пределом были, видимо, Рипейские горы, а восточным — стекающий с этих гор Танаис. Некоторые дополнительные сведения, близкие данным Гекатея, дает о скифских народах Аристотель. Судя по этой информации, название «гелоны» действительно могло применяться к будинам (ср.: Ps.-Agist. *De mir. ausc.* 18), а меланхлены — это будины, живущие вокруг Кариска (возможно, города гелонов [см.: Gardiner-Garden 1987a: 20]), у которых рождаются только черные овцы (ср.: Aelian. *HA.* XVI, 33).

Античные сведения о будинах породили большую проблему в современной науке<sup>13</sup>. Корень ее, как я пытался показать в одной из своих работ, заключается в том, что Геродот говорит о двух разных группах будинов, никак специально не отмечая это. Одна группа — «черноризные» (Μελάγχλαινοι) будины, т. е. меланхлены

<sup>12</sup> Хотя Ф. Якоби включил в состав фрагментов сочинений Гекатея Милетского сообщение какого-то Гекатея о Танаисе, вытекающем из Аракса (fr. 195), это сообщение, безусловно, не имеет никакого отношения к традиции Гекатея Милетского и принадлежит, скорее всего, Гекатею Абдерскому [см.: Пьянков 1997: 204–205].

<sup>13</sup> О проблеме будинов см.: Доватур и др. 1982: 352–363; Нейхардт 1982: 120–136; Мелюкова 1989: 44–48.

(но Геродот употребляет в качестве названия народа только эпитет), фигурирующие в описании северной окраины Скифии (Hdt. IV, 100) в основном по Гекатею. Другая группа — будины на пути к аргиппеям (Hdt. IV, 21), описанном совсем по другим источникам. Первые жили между Борисфеном (Днепром) и Танаисом (Дон), вторые — за Танаисом, вдоль Оара (среднего течения Волги). Конкретные сведения Геродота о будинах относятся в основном к первой группе (например, о переселении невров в землю будинов: Hdt. IV, 105; о поселении гелонов среди будинов: Hdt. IV, 108), но говорит он при этом просто о будинах, без уточнения (т. е. вообще не используя в данном случае эпитет). Отсюда — непримиримые противоречия, которые исследователи пытаются устранить ценой существенного искажения античной географии Скифии [подробнее см.: Пьянков 1994: 201–202; 1998: 51–52]. Торговыми партнерами греков в данном случае были, скорее всего, гелоны, осевшие в земле «черноризных» будинов [об этих гелонах см.: Рыбаков 1979: 152–166].

В заключение отмечу, что у Гекатея имелись сведения и о путях, связывавших северо-восток ойкумены со странами древних цивилизаций Передней Азии. Это направление связей отражено в сообщении Гекатея о мосхах как народе колхов, соседнем с матиенами. Контекст данного сообщения — это описание пути от озера Меотиды до реки Фасиса и страны колхов и затем через землю саспиров в Мидию, которое мы находим у Геродота (Hdt. I, 104; IV, 37, 40). В основе и этого описания лежат сведения Гекатея. Под мосхами здесь имеются в виду южные группы этого народа, подчиненные колхам и обитавшие к югу от основной территории колхов [Пьянков 2002: 337], а упоминание матиенов указывает на переход во владения Ахеменидов где-то в области верхнего течения Аракса (ср.: Hdt. I, 202). Под матиенами здесь понимается все население XVIII сатрапии Ахеменидов, ближайшей же к колхским мосхам частью которой были саспиры — полукочевое мидийское племя, расселившееся тогда по Армянскому нагорью [Пьянков 1979: 73]. В Матиене, считавшейся частью Мидии, дорога от Меотиды и колхов соединялась с большой царской дорогой, ведшей к резиденции персидского царя в Сузах, — дорогой, которая, согласно Геродоту (Hdt. V, 49), была изображена на медной карте Аристаргора, т. е. карте Гекатея. Этим путем могли проникать в Закавказье и на Северный Кавказ изделия переднеазиатского происхождения.

## Литература

- Брашинский 1984: *Брашинский И. Б.* Торговля // Античные государства Северного Причерноморья. М. С. 174–186.
- Гайдукевич 1949: *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л.
- Граков 1971: *Граков Б. Н.* Скифы. М.
- Доватур и др. 1982: *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.
- Ельницкий 1961: *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М.
- Журавлев, Ломтадзе 2001: *Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А.* Керамические комплексы раннего Пантикапея // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 1. СПб. С. 57–63.
- Зеест 1959: *Зеест И. Б.* Экономические связи Боспорских городов // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М. С. 152–168.
- Козенкова 1989: *Козенкова В. И.* Кобанская культура Кавказа // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. С. 252–267.

- Лордкипанидзе 1977: *Лордкипанидзе О. Д.* К вопросу о связях Колхиды с Северным Причерноморьем // *История и культура античного мира*. М. С. 112–115.
- Лордкипанидзе 1985: *Лордкипанидзе О. Д.* Западное Закавказье // *Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии*. М. С. 14–23.
- Мелюкова 1989: *Мелюкова А. И.* География и этногеография Скифии в трудах советских ученых // *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. М. С. 40–48.
- Нейхардт 1982: *Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.
- Погребова, Раевский 1992: *Погребова М. Н., Раевский Д. С.* Ранние скифы и Древний Восток. К истории становления скифской культуры. М.
- Подосинов 2002: *Подосинов А. В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. М.
- Пьянков 1975: *Пьянков И. В.* Массагеты Геродота // *ВДИ*. № 2. С. 46–70.
- Пьянков 1979: *Пьянков И. В.* Матианы и саспиры // VIII Всесоюзная конференция по Древнему Востоку: ТД. М. С. 72–76.
- Пьянков 1994: *Пьянков И. В.* Античные авторы о Средней Азии и Скифии (Критический обзор работ Дж. Р. Гардинер-Гардена) // *ВДИ*. № 4. С. 191–208.
- Пьянков 1997: *Пьянков И. В.* Средняя Азия в античной географической традиции. Источниковедческий анализ. М.
- Пьянков 1998: *Пьянков И. В.* Путь к аргиппеям (Древние пути на Урал) // *ВНГУ*. № 9. С. 48–55.
- Пьянков 2002: *Пьянков И. В.* Гализоны — халибы — мосхи (К вопросу о циркумпонтийской касте металлургов конца II–I тыс. до н. э.) // *ЗВОРАО*. НС. Т. I (XXVI). С. 324–342.
- Ростовцев 1925: *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л.
- Рыбаков 1979: *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М.
- Шишова 1982: *Шишова И. А.* Представление об Океане у античных авторов // *ВДИ*. № 3. С. 114–126.
- Bolton 1962: *Bolton J. D. P.* *Aristeas of Proconnesus*. Oxford.
- Gardiner-Garden 1987a: *Gardiner-Garden J. R.* *Greek Conceptions on Inner Asian Geography and Ethnography from Ephoros to Eratosthenes*. Bloomington (PIA. No. 9).
- Gardiner-Garden 1987b: *Gardiner-Garden J. R.* *Herodotos' Contemporaries on Skythian Geography and Ethnography*. Bloomington (PIA. No. 10).
- Gisinger 1937: *Gisinger F.* *Okeanos 1* // *RE*. Hlbd. 34. Sp. 2308–2349.
- Heidel 1937: *Heidel W.* *The Frame of the Ancient Greek Maps*. New York.
- Herrmann 1916: *Herrmann A.* *Issedoi* // *RE*. Bd. 9. Sp. 2235–2246.
- Jacoby 1912: *Jacoby F.* *Hekataios 3* // *RE*. Bd. 7. Sp. 2667–2750.
- Jacoby 1923: *Jacoby F.* *Die Fragmente der griechischen Historiker*. Т. 1. Berlin.
- Lasserre 1970: *Lasserre F.* 'Okeanos' // *DKP*. Bd. IV. Sp. 267–270.
- Paassen 1957: *Paassen C. van.* *The Classical Tradition of Geography*. Groningen.
- Pearson 1939: *Pearson L.* *Early Ionian Historians*. Oxford.

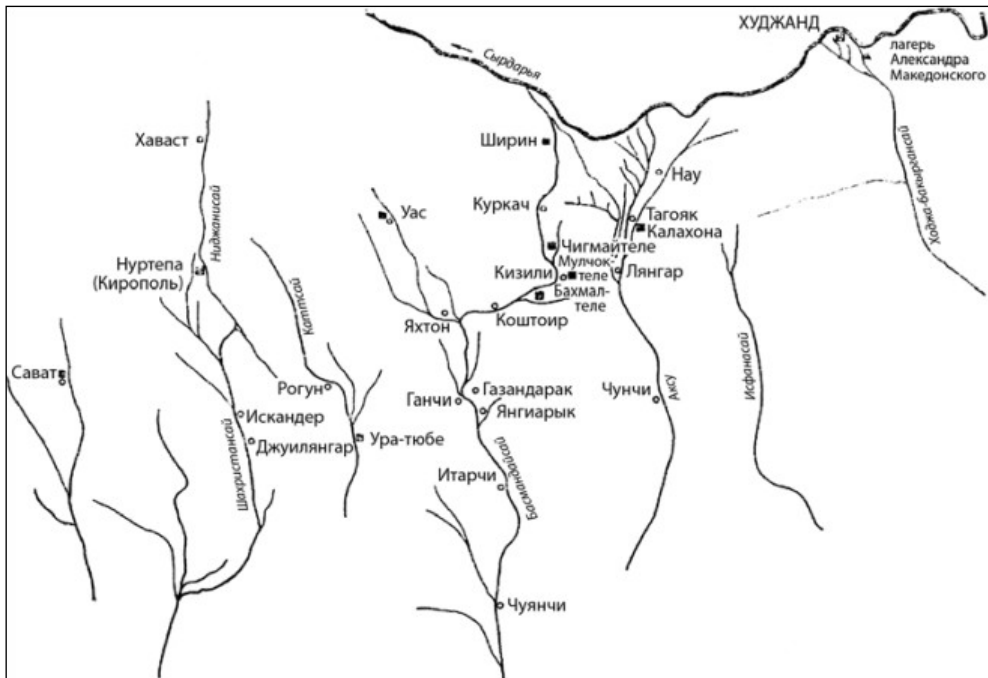
## ПОХОД АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО ИЗ МАРАКАНДЫ К ТАНАИСУ (ЯКСАРТУ–СЫРДАРЬЕ)

Э. В. Ртвеладзе (Ташкент, Узбекистан)

В конце лета или ранней осенью 329 г. до н. э. армия Александра Македонского захватила Мараканды (современный Самарканд) — главный город Согдианы. Оттуда она выступила в поход по направлению к Танаису, как именовалась вторая великая среднеазиатская река — Сырдарья — античными авторами в результате их ошибочных представлений о том, что она являлась продолжением Танаиса (т. е. современного Дона, впадающего в Азовское море) [Пьянков 1982: 29–34]. Другое ее древнее и исконное название — Яксарт (Иаксарт), производное от Хашарт (\**Xšartā-*), являлось, по мнению В. А. Лившица, адаптацией восточноиранского (скорее всего, согдийского) слова \**xšart-* (буквально «несущаяся, струящаяся вода» — от корня \**xšar-* «течь, струиться») [Лившиц 2003; Лившиц, Ртвеладзе 1982: 185, примеч. 18]. Сырдарья — это современное наименование, вошедшее в обиход с эпохи позднего средневековья. Она протекает на расстоянии 200–250 км к северо-востоку от Самарканда. На обширной территории, протянувшейся от Сырдарьи до Туркестанского хребта, еще И. Г. Дройзенем была локализована историко-культурная область Уструшана [Дройзен 1881: 72], соответствующая, согласно современной административной номенклатуре, Джизакской и Сырдарьинской областям Узбекистана и северной части Согдийской области Таджикистана.

Самое раннее упоминание Уструшаны в передаче «Судушана» встречается в китайской хронике «Бейши» и относится к 435 г. н. э. [Мандельштам 1954: 76; Негматов 1957: 15]. В VIII–X вв. это название (приводившееся в различных формах) становится широко известным благодаря достаточно частому его упоминанию в арабо-персидских письменных источниках, а также в легендах на монетах и эпиграфических памятниках. Более раннего, нежели V в. н. э., упоминания названия Уструшаны не зафиксировано ни в греко-латинских, ни в каких-либо других текстах [Негматов 1957: 16]. Не означает ли это, что до этого времени подобного названия не существовало, и появляется оно лишь в начале V в. н. э. или же несколько ранее?

Неясен также вопрос о языке населения этой территории в древний период. Н. Н. Негматов, в частности, полагал, что Уструшану «населяли согдийцы... и что население ее было родственным по языку и происхождению согдийцам долины Зарафшана» [Негматов 1957: 16]. Однако обращает на себя внимание один факт — все местное население этой области (будь то жители гор или поселений и городов) Арриан в большинстве случаев называет «варварами» (Агг. *Anab.* IV, 1–5), тогда как жителей долины Политимета (Зарафшана), Мараканды и Наутаки —



**Карта 1.** Археологические памятники и древние города Уструшаны  
[по: Беляева 1990: 77]

преимущественно согдийцами (Ibid. III, 28, 10; IV, 1, 5; 15, 7), тем самым различая их между собой. Следует отметить, что среди племен, населявших Уструшану, Курций Руф упоминает мемакенов, именуя их «могущественным народом» (Memaseni, valida gens: Curt. VII, 6, 17). Им принадлежал один из городов, взятых Александром после долгой и упорной осады (Ibid. VII, 6, 19–23). Примечательно, что эту территорию Курций Руф называет просто областью (regio: Ibid. VII, 6, 16) и не приводит ее наименования, тем самым также делая различие между ней и Согдианой. Кажется возможным допустить, основываясь на данном различии между согдийцами и населением этой территории (у Арриана они — «варвары», у Курция Руфа — племя мемакенов), что во время похода Александра Македонского область к северо-востоку от долины Зарафшана до Танаиса, т. е. собственно Уструшану, населял этнос, отличавшийся от жителей Согдианы.

Самое раннее упоминание о согдийцах, проживавших на территории Уструшаны, принадлежит Клавдию Птолемию (II в. н. э.), который говорит в своей «Географии» о расположенном близ Яксарта согдийском горном городе Кирэсхате (Ptol. Geogr. VI, 12, 5). Кирэсхата — это Кирополь, который многими учеными локализуется на месте современного города Ура-Тюбе, хотя существуют и другие точки зрения. Одно несомненно: Кирэсхата–Кирополь находилась на территории исторической области Уструшаны. Следовательно, согласно Птолемию, согдийцы населяли эту область в I–II вв. н. э., поскольку его сведения об этнографии Средней Азии относятся к вышеуказанному времени.

Определение северо-восточных границ расселения согдийцев базировалось ранее целиком на данных античных авторов первых веков н. э. Так, Страбон указывает, что

греко-бактрийские цари «владели также Согдианой, расположенной выше Бактрианы по направлению к востоку между рекой Оксом, отделяющей страну бактрийцев от Согдианы, и рекой Иаксартом. Иаксарт также образует границу с согдийцами и с кочевниками» (Strabo XI, 11, 2; пер. Г. А. Стратановского).

Для выяснения северо-восточной границы Согда, а, следовательно, и распространения согдийского этноса и языка, большее значение имеют источники местного происхождения — документы, эпиграфические памятники и нумизматические материалы. Наиболее ранний пример употребления согдийской письменности и отдельных слов согдийского языка, таких как *n'β* («народ, община») и *xwβ* («государь, князь») [Лившиц 2008: 306, 308], к северо-востоку от долины Зарафшана и в бассейне средней Сырдарьи–Яксарта дают легенды на раннечачских бронзовых монетах, датирующихся концом первой половины — второй половиной III в. н. э. и выпущенных от имени правителей Заббагга и Вануна. Легенды на этих монетах одинаковы по своему содержанию (за исключением имен правителей), например: *Zbb'γγ c'c'nn'pc xwβ* («[Эта монета] Заббагга — правителя чачского народа/ страны [Чачаннап]») [Ртвеладзе 2008: 66–71] и *c'c'nn'pc wnw'n xwβ* («предводитель чачского народа князь Ванун») [Лившиц 2008: 309]. К этому же времени относятся и согдийские надписи из Культобе с именем предводителя согдийской конфедерации, правителя чачского народа Вануна [Sims-Williams, Grenet 2006: 104, 110, n. 13; Ртвеладзе 2008: 71–74]. Эти данные свидетельствуют о том, что во всяком случае в III в. н. э. согдийские письменность и язык стали официальными в Чаче. Но являлось ли его население согдийским? Примечательно, что имя *Zbb'γγ* находит наиболее близкие аналогии в скифо-сарматском имени *Zabaγyoc*, зафиксированном в надписях из Северного Причерноморья [Грантовский 1970: 216; Ртвеладзе 2008: 70–71]. Можно предположить, что в это время Чач, возможно, был заселен племенами сармато-аланского круга. В самом выражении «чачский народ» (*c'c'nn'pc*) кроется его отличие от других народов Средней Азии, в том числе и от согдийцев. Весьма важным в данной связи выглядит тот факт, что титул домусульманских правителей Уструшаны — *afšin* — и осетинский социальный термин — *afšin* («хозяйка») — имеют общее происхождение от массагетского (аланского) прототипа этого слова [Абаев 1959: 115–116].

В более позднее время согдийская письменность проникла в собственно Уструшану. Наиболее ранние памятники согдийского языка в этой области — это легенды на монетах первой уструшанской династии, датируемых концом VII — первой половиной VIII в. [Смирнова 1971; 1981: 31–35, 324–335], а также три надписи из замка Чильхуждра, начертанные на деревянных дощечках в первой половине IX в. [Лившиц 2008: 283–297]. Вместе с тем в согдийском документе А-9 с горы Муг употреблено обозначение *'strwšnk n'β* («уструшанский народ»), а в документе А-14 — *'stwršnyk wt'k* («уструшанская область») [Лившиц 2008: 285]. Это обстоятельство, наряду с содержанием легенд на ранних монетах Чача, свидетельствует в пользу того, что население как Уструшаны, так и Чача отличалось от согдийцев долины Зарафшана; в противном случае их также называли бы согдийским народом.

События, происходившие во время похода Александра Македонского из Мараканды к Танаису через территорию Уструшаны, неоднократно описаны в научной литературе, особенно в работах Б. А. Литвинского, проанализировавшего их самым тщательным образом [Литвинский 1963: 250–257; 1998: 302–308]. Моя же



задача несколько иная: на основании анализа сведений письменных источников и новейших археологических данных конкретизировать направление маршрута войск Александра и локализовать упомянутые в письменных источниках города — Кирополь, Газу и Александрию Эсхату. В этой связи следует особо подчеркнуть, что к настоящему времени фонд археологической информации об Уструшане несоизмеримо пополнился, в чем большая заслуга двух среднеазиатских археологов — А. А. Грицины из Узбекистана, проводившего раскопки в западной части этой историко-культурной области [Грицина 1992; 2000], и Т. В. Беляевой из Таджикистана, исследовавшей археологические памятники в ее восточном ареале [Беляева 1978; 1982; 1983; 1990; 2004; Билалов, Беляева 1980]. Так, к примеру, если до 1970–1980-х гг. историческая наука не располагала данными о наличии на территории Уструшаны археологических памятников середины — начала второй половины I тыс. до н. э., то сейчас уже известно о более чем двух десятках таких памятников, на ряде которых были предприняты значительные по объему археологические раскопки. К сожалению, сведения о них опубликованы зачастую в малодоступных изданиях, а добытые материалы в целом недостаточно убедительно интерпретированы.

Единственный ориентир на пути движения войск Александра Македонского указан Аррианом, сообщающим, что по пути из Мараканды к Танаису «некоторые македонцы, ушедшие за фуражом и рассеявшиеся, были убиты варварами, которые затем бежали на гору, недоступную и со всех сторон отвесную. Было их тысяч около 30. Александр пошел на них с самыми легкими на ходу воинами. Македонцы неоднократно пытались взобраться на гору; сначала они под стрелами варваров отступили назад: много людей было ранено; у самого Александра насквозь было пробито бедро; стрела отколола часть кости. Тем не менее, гора была взята. Часть варваров македонцы перебили тут же на месте; многие погибли, бросаясь вниз со скал, так что из 30 000 уцелело не больше 8 000 человек» (Арт. *Anab.* III, 30, 10–11; пер. М. Е. Сергеевко).

Можно предположить, что вышеупомянутая гора — это одна из скал-*петр*, которые часто использовались жителями Бактрии и Согды в качестве убежища от войск Александра Македонского. Эти *петры* были сопоставлены мною с *куэстами* — горными массивами с отвесными скалами и сравнительно ровной поверхностью, довольно значительными по площади, на которых могло разместиться очень большое число людей [подробно см.: Ртвеладзе 2000: 7–12; 2002: 94–116]. Такого рода *куэсты* характерны для многих гор юга Средней Азии, в том числе и для Туркестанского хребта, окаймляющего с севера долину Зарафшана, где, вероятнее всего, и произошло упомянутое выше событие, и где на расстоянии 80 км от Самарканда находятся северные Железные ворота<sup>1</sup>, через которые и сегодня, как и в древности, проходит главная дорога в Самарканд.

Существует несколько версий маршрута Александра Македонского. Согласно одной из них, вышеупомянутая гора находилась к западу от северных Железных ворот, в Мальгузарских горах, входящих в систему Туркестанского хребта, после взятия которой Александр двинулся к Танаису (Сырдарье) через Джизак. По другой версии, войска Александра шли по местам, где сейчас располагаются

<sup>1</sup> В отличие от южных Железных ворот у кишлака Дарбанд в Западном Гиссаре [подробно см.: Кляшторный 1964: 72–76; Ртвеладзе 1986: 34–39].



**Карта 2.** Пути из Западной Уструшаны к Танаису  
[по: Грицина 2000: 100]

кишлаки Усмаг, Шайбек и Бахмал, в обход с востока Мальгузарских гор к Заамину и далее к Танаису.

А. А. Грицина предложил третий вариант пути к Сырдарье. Он полагает, что маршрут Александра по выходу из Мараканды проходил через Катванскую степь, городища античного времени Актепа Митанское и Акташтепа, а от них — к Сангзару. По его мнению, *петру*, взятую войсками Александра, можно локализовать в горной цепи возле кишлака Курпа в Джизакском районе, около которого был найден памятник с материалами IV в. до н. э. [Грицина 2000: 146–148; Буряков, Грицина 1994: 90–91]. В узком и длинном проходе этой горной цепи, «через который Курпасай соединялся с Раватсаем и который вел к поселениям варваров», и был ранен Александр [Грицина 2000: 148]. По всей вероятности, на этой *петре* могло укрыться значительное число населения из поселений Западной Уструшаны, каких, по данным А. А. Грицины, открыто уже несколько, и среди них Хантепа и Культепа — наиболее крупные по площади поселения V–IV вв. до н. э. [Грицина 2000: 85–90, 103–105].

Покорив упомянутую *петру*, Александр двинулся к Танаису, где после сражения с саками (скифами) решил основать город, вероятнее всего, в районе современного Худжанда<sup>2</sup>, но «в это время варвары, живущие по соседству с рекой, захватили и перебили гарнизоны македонских солдат, стоявших по их городам, а города эти стали укреплять еще больше (Arr. *Anab.* IV, 1, 4)... Говорили, что варвары сбежались из окрестностей в семь городов» (Ibid. IV, 2, 1; пер. М. Е. Сергеенко). Узнав об этом, Александр послал Кратера под Кирополь — самый большой из этих городов — провести подготовительные работы к штурму его укреплений, а сам направился к ближайшему от своего лагеря городу — Газе (Ibid. IV, 2, 2).

<sup>2</sup> В настоящей работе используется именно такое нынешнее русское название этого города (тадж. Хучанд) на севере Таджикистана, являющегося административным центром Согдийской области, который во времена Российской империи и СССР по-русски именовался Ходжентом и Ленинабадом соответственно.

**Газа.** Этот город должен был находиться неподалеку от Танаиса (Сырдарьи) и лагеря Александра, поскольку он был первым пунктом на пути движения его войск на запад и юго-запад. В. В. Григорьев локализовал Газу в районе средневекового селения Газак, расположенного в 6 фарсах пути от Худжанда [Григорьев 1881: 33–34]. Эта локализация была поддержана В. В. Бартольдом, полагавшим, что Газа могла находиться в долине Басмандасу, в районе селения Газан-Дирак [Бартольд 1963: 173]. С данным выводом согласились Н. Н. Негматов [Негматов 1957: 21] и Б. А. Литвинский [Литвинский 1998: 654, примеч. 112]. Определить более конкретную локализацию Газы и сопоставить ее местоположение с определенным археологическим памятником в то время было невозможно, поскольку тогда не имелось никаких археологических данных. Только в 1970–1990-х гг. Т. В. Беляевой, работавшей в составе Северо-Таджикистанской археологической комплексной экспедиции (СТАКЭ) под руководством Н. Н. Негматова, было выявлено более десятка поселений эпохи поздней бронзы — раннего железа, в том числе относящихся по времени к походу Александра Македонского [Беляева 1990: 76–85]. Большой вклад в их изучение внес и А. И. Билалов, проследивший генезис и развитие ирригации Уструшаны [Билалов 1980].

Согласно данным Т. В. Беляевой, ближайшим к Худжанду с запада археологическим памятником, содержащим материалы времени похода Александра, является городище Калляхона. Оно находится в низовьях Аксу — левого притока Сырдарьи, на расстоянии всего около 20 км от Худжанда. Городище сильно разрушено, и его остатки сейчас занимают площадь около 4 га [Беляева 1990: 78], но в древности городище было значительно больше по площади. Сопоставив вышеупомянутое сообщение Арриана о том, что ближайшим городом от лагеря Александра, располагавшегося, скорее всего, в районе Худжанда, была Газа, с данными Т. В. Беляевой о городище Калляхона, можно прийти к выводу, что именно это городище и являлось городом Газы.

К западу от Аксу, в долине Басмандасая, в среднем течении носящего название Дахансай, а в нижнем — Ширинсай, зафиксированы три городища интересующего нас времени, расположенные одно от другого на расстоянии нескольких километров. Первое — это Чигмайтепа площадью около 10 га, с цитаделью, занимающей естественную возвышенность. Несколько южнее его находится Мулчоктепа — поселение такой же площади, с возвышающейся над ним цитаделью. Еще южнее, в 5 км от Мулчоктепа, находится городище Бахмал с круглой в плане цитаделью [Беляева 1990: 79].

Кроме того, в долине Басмандасая имеется еще одно городище — Ширин, содержащее слои V–I вв. до н. э. [Беляева 1990: 78–79]. Оно находится к северу от Чигмайтепа, неподалеку от впадения Басмандасая в Сырдарью. Также по сведениям Т. В. Беляевой, в 1986 г. близ селения Уяс (Уяз) зафиксировано крупное городище, подъемный материал с территории которого датируется VI–IV вв. до н. э. [Беляева 1990: 79].

Таким образом, можно сопоставить эти пять городищ с пятью городами, захваченными Александром на территории этой области. Местоположение их на небольшом друг от друга расстоянии (только городище Уяс наиболее отдаленное) позволило македонскому царю захватить эти города за два дня, после чего он двинулся на Кирополь.

**Кирополь.** Этот город многие ученые XIX — начала XX в. отождествляли с Ура-Тюбе<sup>3</sup>, и только В. В. Бартольд полагал, что он располагался в районе Шахристана [Бартольд 1963: 173]. Небольшие раскопки, проводившиеся на городище Мугтепа в Ура-Тюбе в 1950-х гг., в ходе которых были выявлены слои IV–II вв. до н. э. [Беляева 2004: 46; Ранов, Салтовская 1961], способствовали укреплению в исторической науке мнения о локализации Кирополя в Ура-Тюбе.

Однако открытие в 1979 г. городища Нуртепа в Ура-Тюбинском районе Таджикистана позволило выдвинуть новое, более вероятное предположение о локализации Кирополя, а именно на месте городища Нуртепа. Т. В. Беляева, составившая подробную сводку по городищам и поселениям Уструшаны первой половины — начала второй половины I тыс. до н. э., считает, что самым крупным и наиболее укрепленным среди них является городище Нуртепа [Беляева 1990: 81; 2004: 46] — с цитаделью и мощными крепостными стенами. Общая его площадь — 20 га, тогда как площадь Мулчоктепа и Чигмайтепа — около 10 га, а другие поселения еще меньше — 4–5 га. К тому же и городище Мугтепа в Ура-Тюбе значительно меньших размеров, чем Нуртепа [Беляева 1990: 79–80].

По данным же Арриана, Александр, захватив за два дня пять городов, пошел к самому большому городу области — Кирополу, который был обнесен более высокой, чем остальные, стеной (Арг. *Anab.* IV, 3, 1). Напомню также, что Птолемей называет Кирэсхату (Кирополь) горным городом (Ptol. *Geogr.* VI, 12, 5), а именно Нуртепа расположено гораздо ближе к горам, чем Мугтепа.

**Александрия Эсхата («Крайняя»).** Согласно Арриану, Александр «решил основать на реке Танаис город, назвав и его своим именем» (Арг. *Anab.* IV, 1, 3; пер. М. Е. Сергеенко). После покорения семи восставших городов области, в том числе Кирополя, Александр, получив известие об осаде Мараканды Спитаменом, отправил туда часть своего войска, а сам «занялся задуманным городом; за 20 дней он обвел его стеной и поселил там эллинских наемников, тех из соседей — варваров, которые пожелали там поселиться, и тех из македонских воинов, которые уже не годились для военной службы. Принеся, как было у него в обычае, жертву богам, он устроил празднество с гимнастическими и конными состязаниями» (Арг. *Anab.* IV, 4, 1; пер. М. Е. Сергеенко).

Курций Руф сообщает следующее: «Царь уже выбрал на берегу Танаиса место для основания города-крепости для удержания как уже покоренной территории, так и той, куда он намеревался проникнуть. Но выполнение этого замысла отсрочилось из-за известия об отпадении согдийцев, увлекших за собой и бактрийцев» (Curt. VII, 6, 13; пер. Д. А. Дрбоглава). Далее он пишет: «Между тем Александр вернулся к берегам реки Танаис и обвел стенами все пространство, занятое лагерем. Стены имели в длину 60 стадиев, этот город он также велел назвать Александрией. Постройка города была выполнена с такой быстротой, что на семнадцатый день после возведения укреплений были отстроены городские дома. Воины упорно соревновались друг с другом, кто первый окончит работу, ибо каждый имел свою. В новом городе поселили пленников, которых Александр выкупил у их господ...» (Ibid. VII, 6, 25–27; пер. Д. А. Дрбоглава).

<sup>3</sup> О локализации Кирополя подробно см.: Литвинский 1963: 234–235, 528–529, примеч. 96; ср.: Литвинский 1998: 305; Негматов 1957: 18–20.

В последнем пассаже, по-видимому, дан периметр стен города, но даже при этом такие размеры вызывают сомнения. Если принять длину стадиа Курция Руфа за олимпийский (191 м), то периметр бы равнялся 11,46 км; если же за стадию Эратосфена (151 м) — 9,06 км. В любом случае получается, что по сравнению с самыми крупными городами ахеменидского времени Александрия Эсхата была самым большим городом в Средней Азии, что не соответствует действительности. К примеру, периметр стен Кызылтапа — крупнейшего города в Северной Бактрии ахеменидского времени — составлял около 2 км, а периметр стен Гяур-калы в Старом Мерве — центра античной Маргианы — 7,5 км [Массон 1951: 93]. Немногим больше или меньше были и другие города Согда, Бактрии и Маргианы того времени — Ер-Курган, Эрк-кала, Еминтепа, Алтын-Дильбертепа (Аорн), Узункыр. Можно полагать поэтому, что в оригинальном тексте Курция Руфа говорилось о 6 (а не 60) стадиях, и тогда длина периметра стен города Александрии Эсхаты в его сообщении соответствовала бы реальным размерам города.

Локализация Александрии Эсхаты на месте Худжанда, впервые предложенная в 1834 г. И. Г. Дройзенем, была поддержана большинством ученых XIX–XX вв. Наряду с ней, впрочем, выдвигались и другие, но маловероятные и не подкрепленные никакими археологическими данными предположения о ее местоположении — например, в Узгене и Оше (в Ферганской долине) или в районе селения Нау в Уструшане [Литвинский 1963: 256–257; 1998: 307]. В начале 1960-х гг. Б. А. Литвинский писал, что археологические исследования, проводимые в течение нескольких лет на территории Ленинабада (Худжанда), пока не привели к открытию материальных остатков IV или III в. до н. э. и что, возможно, отстроенное по приказу Александра Македонского укрепление находилось «несколько восточнее современного Ленинабада/Худжанда» [Литвинский 1963: 257; 1998: 308].

Такое положение кардинально изменилось в конце 1970-х гг., когда при проведении широкомасштабных раскопок в разных местах Худжанда были получены материалы времени похода Александра Македонского. Особую роль в выявлении наиболее ранних культурных слоев Худжанда сыграли работы Ленинабадского (позднее Ходжентского) археологического отряда под руководством Т. В. Беляевой, осуществлявшего исследования в составе СТАКЭ под общим руководством Н. Н. Негматова. Т. В. Беляева в заложенных стратиграфических шурфах на территории средневековой цитадели Худжанда и отчасти на улицах и во дворах современного города выявила самые ранние слои обживания [Беляева 1978: 41–48; 1982: 262–283; 1983: 276–298; Биалалов, Беляева 1980: 261–285]. Обобщая полученные данные, она пишет: «Поселение (на месте Худжанда. — Э. Р.), появившееся с середины I тысячелетия до н. э. на левобережной части Сырдарьи, в очень удобном месте с естественными валами, с IV в. до н. э. уже становится укрепленным пунктом» [Беляева 1978: 48].

Открытие древнего поселения на месте Худжанда имеет первостепенное значение, но следует отметить, что датировка его наиболее ранних слоев определена неточно. Т. В. Беляева, в частности, полагала, что прямоугольный формат сырцового кирпича, применявшийся в VI–V вв. до н. э., сменяется сырцовым кирпичом квадратного формата уже в IV в. до н. э. [Беляева 1978: 46], однако это не соответствует современным археологическим данным. Исследования, проведенные на акрополе античного городища Кампыртепа (Северо-Западная

Бактрия), показывают, что все постройки первого периода, относящегося к концу IV — середине III в. до н. э., возведены из прямоугольного кирпича —  $50 \times 40 \times 9$  см,  $48/52 \times 33/38 \times 12$ – $14$  см,  $45 \times 35 \times 9$ – $10$  см [Ртвеладзе 2012: 112], т. е. почти тех же размеров, что и кирпичи в самых ранних постройках Худжанда. Смена прямоугольного кирпича на квадратный —  $38 \times 38 \times 12$  см,  $40 \times 40 \times 12$  см, судя по монетным находкам из культурных слоев (халки Евтидема, дихалк Деметрия), происходит или при Евтедеме (235–200 гг. до н. э.), или, вероятнее всего, при Диодоте (250–235 гг. до н. э.), т. е. в середине III в. до н. э., но никак не ранее [Там же].

Неверно определена и хронология опубликованной Т. В. Беляевой керамики из Худжанда, относимой ею к V–IV вв. до н. э. На самом деле она датируется концом IV — первой половиной III в. до н. э., поскольку во многом аналогична керамике из самых ранних слоев акрополя Кампыртепа, для которой особенно характерны лепные котлы с горизонтальными ручками, лепные жаровни с вертикальными бортиками, кувшины, орнаментированные у горла концентрическими линиями, и клювовидные венчики. Такого же типа сосуды найдены и в самых ранних слоях Худжанда.

Таким образом, исходя из результатов раскопок на Кампыртепа, можно предположить, что укрепленный город на месте Худжанда возник не ранее IV в. до н. э., а вероятнее всего, в конце столетия, причем его оборонительные стены, как и на акрополе Кампыртепа, были возведены на намеренно подрубленном материке (принятом Т. В. Беляевой за вал).

Между тем Н. Н. Негматов, основываясь на неточной датировке самых нижних слоев Худжанда (Ленинабада), пришел к выводу, что поселение или городище на его месте возникло до Александра, который переделал его в город, названный Александрией Эсхатой: «Таким образом, есть все основания говорить о существовании здесь раннего города, у которого или в котором Александр Македонский построил свой укрепленный лагерь, назвав своим именем. Этому Праходженту ныне исполняется 2500 лет» [Негматов 1980: 280]. В свою очередь Б. А. Литвинский полагал, что этот вывод Н. Н. Негматова противоречит сведениям из античной традиции, согласно которым Александр Македонский не перестроил, а *основал* (курсив мой. — Э. Р.) новый город на левобережье Сырдарьи [Литвинский 1998: 307–308]. Вместе с тем, Б. А. Литвинский отмечал, что, несмотря на наличие в Худжанде слоев IV в. до н. э., вопрос о локализации Александрии Эсхаты на территории этого города остается открытым до тех пор, пока там не будут найдены остатки или хотя бы следы греческой культуры, и по этой причине предлагал искать ее к востоку от Худжанда [Литвинский 1963: 256–257; 1998: 307–308]. При этом он ссылаясь на данные Н. Н. Негматова о существовании на месте Худжанда большого поселения VI–V вв. до н. э., цитадель которого была укреплена стенами и обведена рвом. Впрочем, эти данные вызывают серьезные сомнения, поскольку в Худжанде отсутствуют слои столь раннего времени, а найденная в нижних слоях цитадели керамика, как было отмечено выше, указывает на конец IV в. до н. э. как дату основания здесь поселения (города). Таким образом, основание Александрии Эсхаты в самом Худжанде вполне допустимо.

Предложенные выше локализации городов Уструшаны — Газы, Кирополя и Александрии Эсхаты, так же как и направление маршрута армии Александра

Македонского из Мараканды к Танаису, основаны в первую очередь на археолого-географических и археолого-стратиграфических наблюдениях, которые в сопоставлении со сведениями из античных письменных источников позволяют достаточно надежно конкретизировать местоположение этих древних населенных пунктов.

## Литература

- Абаев 1959: *Абаев В. И.* Среднеазиатский политический термин *афишин* // ВДИ. № 2.
- Бартольд 1963: *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 2. М.
- Беляева 1978: *Беляева Т. В.* К открытию древнего поселения на территории Ленинабада // История и археология Средней Азии. Ашхабад.
- Беляева 1982: *Беляева Т. В.* О работах Ленинабадского отряда в 1976 г. // АРТ. Вып. XVI.
- Беляева 1983: *Беляева Т. В.* Исследования Ходжентского отряда в 1977 году // АРТ. Вып. XVII.
- Беляева 1990: *Беляева Т. В.* К исторической топографии городов Уструшаны // Древняя и средневековая археология Средней Азии. Ташкент.
- Беляева 2004: *Беляева Т. В.* Нуртепа — Кирополь // *Transoxiana*.
- Билалов 1980: *Билалов А. И.* Из истории ирригации Уструшаны // МКТ. Вып. 4.
- Билалов, Беляева 1980: *Билалов А. В., Беляева Т. В.* Исследования цитадели Ходжента // АРТ. Вып. XV.
- Буряков, Грицин 1994: *Буряков Ю. Ф., Грицина А. А.* Вехи истории Зааминского района // Древний Заамин. Ташкент.
- Грантовский 1970: *Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.
- Григорьев 1881: *Григорьев В. В.* Поход Александра Великого в Западный Туркестан // ЖМНП. Ч. ССХVII.
- Грицина 1992: *Грицина А. А.* Археологические памятники Сырдарьинской области. Ташкент.
- Грицина 2000: *Грицина А. А.* Уструшанские были. Ташкент.
- Дройзен 1881: *Дройзен И. Г.* История эллинизма. Т. 1. СПб.
- Кляшторный 1964: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические надписи. М.
- Лившиц 2003: *Лившиц В. А.* Древнее название Сырдарьи // ВДИ. № 1.
- Лившиц 2008: *Лившиц В. А.* Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб.
- Лившиц, Ртвеладзе 1982: *Лившиц В. А., Ртвеладзе Э. В.* О монетных чеканах средневекового Чача // У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент.
- Литвинский 1963: *Литвинский Б. А.* Борьба народов Средней Азии против греко-македонских захватчиков // История таджикского народа. Т. I. С древнейших времен до V в. н. э. М.
- Литвинский 1998: *Литвинский Б. А.* Борьба народов Средней Азии против греко-македонского завоевания // История таджикского народа. Т. I. Древнейшая и древняя история. Душанбе.
- Мандельштам 1954: *Мандельштам А. М.* О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье // СА. В. XX.
- Массон 1951: *Массон М. Е.* Новые данные по древней истории Мерва (из работ ЮТАКЭ) // ВДИ. № 4.
- Негматов 1957: *Негматов Н. Н.* Усрушана в древности и раннем средневековье. Сталинабад (ТАНТаджССР. Т. LV).
- Негматов 1980: *Негматов Н. Н.* Об исследованиях СТАКЭ в 1975 г. // АРТ. Вып. XV.

- Пьянков 1982: *Пьянков И. В.* Бактрия в античной традиции. Душанбе.
- Ранов, Салтовская 1961: *Ранов В. А., Салтовская Е. Д.* О работах Ура-Тюбинского отряда в 1959 г. // АРТ. Вып. VII.
- Ртвеладзе 1986: *Ртвеладзе Э. В.* Стена Дарбанда Бактрийского // ОНУ. № 12.
- Ртвеладзе 2000: *Ртвеладзе Э. В.* К вопросу о петрах // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент.
- Ртвеладзе 2002: *Ртвеладзе Э. В.* Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Историко-географические очерки. Ташкент.
- Ртвеладзе 2008: *Ртвеладзе Э. В.* К ранней истории Чача (Новые нумизматические и эпиграфические источники) // ОНУ. № 4.
- Ртвеладзе 2012: *Ртвеладзе Э. В.* Великий индийский путь: из истории важнейших торговых дорог Евразии. СПб.
- Смирнова 1971: *Смирнова О. И.* Первые монеты из Усрушаны (Предварительное сообщение на юбилейной сессии ИА АН СССР 21. IV. 1969 г.) // ЭВ. Вып. XX.
- Смирнова 1981: *Смирнова О. И.* Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.
- Sims-Williams, Grenet 2006: *Sims-Williams N., Grenet F.* The Sogdian Inscriptions of Kultobe // Shygys. № 1.



## НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАЗАХСКОГО АЛТАЯ

3. Самашев (Астана, Казахстан)

Берельский могильник расположен на небольшой подтреугольной платформе, представляющей собой третью надпойменную террасу р. Бухтарма. Здесь с конца IV в. до н. э. возводили курганы для погребения кочевой элиты [Самашев 2011: 193–199]. Никем не оспаривается принадлежность этого могильника к пазырыкской культуре, ареал которой охватывал если не всю Алтайскую горную систему с прилегающими территориями, то значительную ее часть: на западе — Восточную Сарыарку, на юге — Северо-Восточное Жетысу, а на востоке, судя по находкам, — до пустынь Синьцзяня. Некоторые исследователи связывают формирование пазырыкского культурного комплекса с инфильтрацией пришедшего с запада нового населения, которое со временем ассимилировало местные племена [Тишкин, Дашковский 2007: 291]. Л. С. Марсадолов полагает, что майэмирская культура меняется вследствие проникновения вытесненных из Передней Азии киммерийцев на Алтай, где на основе культуры мигрантов в VI–V вв. до н. э. формируются полиэтнические общности, в том числе и пазырыкская. Именно с этим переселением связано, по мнению исследователя, появление в культуре алтайских кочевников инноваций (захоронения в колоде, помещенной в сруб, в сопровождении коня; восточная ориентировка головы умерших; изобразительное искусство и многочисленные бытовые изделия), известных ранее по курганам Гордиона (750–600 гг. до н. э.) в Малой Азии [Марсадолов, 2000: 35–36]. Впрочем, пока невозможно проследить по данным археологии передвижение этнокультурного массива из Малой Азии на Алтай в рассматриваемый период. Другие исследователи, наоборот, полагают, ссылаясь на источники, что движение степных племен происходило в VII–VI вв. до н. э. с востока на запад [Мачинский 1971: 33–34].

Названные выше культурные элементы существовали и раньше в погребальной практике коневодческих племен Алтая, хотя в других вариациях и иных сочетаниях. В связи с этим едва ли нужно соотносить с импульсом из Передней Азии упомянутые характерные лишь для обрядово-ритуальной сферы новшества, которые были обусловлены прежде всего трансформацией идеологических и мифоритуальных представлений местного населения, причем такие изменения имели место в результате сложных и многообразных процессов в ходе консолидации автохтонных племен.

Формирование и развитие пазырыкской культурной общности происходило на фоне бурных этнополитических и иных процессов, протекавших на евразийском пространстве, среди которых следует упомянуть возникновение Ахеменидской державы, взаимодействия в сарматском мире, войны между древнекитайскими царствами и образование в 221 г. до н. э. централизованного государства, возглавляемого Цинь Шихуанди; возникновение и гибель Греко-Бактрийского царства, а также многие другие события.

В. И. Молодин предлагает свое решение вопроса о генезисе пазырыкской культуры, основываясь на сравнительном изучении результатов междисциплинарных исследований памятников раннего железного века на плоскогорье Укок. Он реконструирует пазырыкский этнокультурогенез, начиная с эпохи бронзы и вплоть до распада этой общности под ударами хунну в конце III — начале II в. до н. э., после которого отдельные пазырыкские племена участвовали в формировании самодийского сообщества, а впоследствии подверглись тюркизации. Многие положения гипотезы В. И. Молодина перспективны для разработки проблем этногенеза древних и современных народов Сибири и Центральной Азии. Рассматривая вопрос об истоках пазырыкской культуры, он полагает, что на Алтае носители автохтонной, самодийской в основе, каракольской культуры смешались на позднем этапе ее существования с пришедшими из центральноказахстанских степей бегазы-дандыбаевскими племенами, в результате чего сложилась раннескифская (усть-куюмская) группа, затем — пазырыкская и каракобинская культуры [Молодин 2000: 131–142; см. также: Молодин, Нескоров 1992: 93–97]. Исследователь считает плодотворной гипотезу Л. Р. Кызласова, согласно которой бегазы-дандыбаевское население является прямым предшественником саков [Кызласов 1977: 69–86].

Истоки пазырыкской культуры Алтая связаны с раннескифскими памятниками региона, наиболее яркими из которых в Восточном Казахстане являются Курту, Измайловка, Когалы, Майэмир, Курук и Чиликты, а на восточной периферии Центрального Казахстана, соприкасающегося с зоной горной полосы Западного Алтая, — Талды-2. Аналогичные комплексы обнаружены и в Туве — курганы Аржан 1 и 2. В то же время многие вопросы, связанные с бегазы-дандыбаевской культурой, пока не выяснены до конца [Маргулан 1998; библиографию проблемы см.: Евдокимов, Варфоломеев: 2002; Варфоломеев 2004: 181–202; 2005: 36–38]. Поэтому тезис о возможности генетической связи между бегазы-дандыбаевской и раннесакскими культурами казахских степей [Самашев 2011: 62] нуждается в более глубокой и всесторонней аргументации.

На Алтае наряду с пазырыкской существовали кара-кобинская и другие синхронные культуры, а в Восточном Казахстане — близкая к ним кулажургинская. Однако мы допускаем, что так называемые кулажургинские захоронения, прежде всего ранние, в которых умершие, ориентированные головой на восток, погребены в каменных ящиках, могут быть оставлены рядовыми общинниками пазырыкского времени. Другая группа захоронений кулажургинского типа, включающая небогатые погребения с западной ориентировкой и без каменных ящиков (Восточный Казахстан) обнаруживает некоторую близость с усуньскими в Семиречье (Жетысу) [Самашев 1987: 111–114] и, возможно, не имеет генетической связи с собственно кулажургинскими памятниками, поскольку могла быть оставлена инокультурным (иноэтничным) населением, вытесненным из балхаш-илийского региона хунну.

Трансформация пазырыкской культуры, наверное, началась в результате эпизодических набегов хунну задолго до образования на рубеже III–II вв. до н. э. их державы во главе с шаньюем Маодунем.

Берельский царский курган № 11 возведен, согласно последним данным, около 325 г. до н. э. В материалах, полученных при его раскопках, равно как и в находках из кургана № 1, не прослеживается даже самое отдаленное влияние ахеменидской, античной или древнекитайской культур. Конечно, невозможно исключить дипломатические, военные, торгово-экономические и культурные контакты древних кочевников Алтая с внешним миром, но все же в оставленных этими номадами памятниках нет, исключая незначительное количество престижных импортных

вещей в элитных погребениях, явных свидетельств, указывающих на внешние воздействия насильственного характера, которые привели бы к кардинальным изменениям этнокультурного облика местного населения.

Проблемы этногенеза древнеалтайских народов и культурно-исторического анализа памятников раннего железного века Алтая, в частности пазырыкской культуры, являются дискуссионным до сих пор.

Геродот оставил легендарные сведения о племенах, одни из которых тесно соприкасались с причерноморскими скифами, другие же населяли более отдаленные края. Известно, что историк заимствовал многие свидетельства у информаторов-путешественников, один из которых, Аристей из Проконнеса, оставил после своего посещения гипербореев, которое случилось между 670 и 630 гг. до н. э., а по другой версии в конце VI — первой половине V в. до н. э. [Мачинский 1997а: 86; Иванчик 1989: 29–39], любопытные рассказы, услышанные им якобы у исседонов, об аримаспах, а также о племенах грифов, живущих в стране холода, среди высоких гор, где снежные хлопья похожи на птичьи перья. Последние занимались добычей золота, а их соседи аримаспы (по-гречески *Ἀρμαστοί* — «одноглазые»), но в этом этнониме, особенно во второй его части, некоторые ученые усматривают древнеиранск. *aryamaspa* — «конь» или «друзья коней» [Мачинский 1996: 5]) постоянно нападали на них с целью похищения этого богатства. Источники сообщают также об аргиппеях и других племенах, живших по соседству с грифами.

Одни исследователи локализируют названные народы на Урале, другие — на Алтае и в его предгорьях, связывая их с различными археологическими культурами — пазырыкской, тасмолинской и др. [Членова 1983: 21–32]. Д. А. Мачинский последовательно отстаивает мнение о локализации «златостерегущих грифов», одноглазых аримаспов и «златотекущего потока Плутона» в западных предгорьях Алтая, верховьях Иртыша и Зайсанской котловине с выходом на северо-восточное побережье озера Балхаш [Мачинский 1989: 22–23; 1996; 1997а; 1997б: 266].

Ключевым моментом в античных источниках и в их толковании Д. А. Мачинским является размещение аримаспов «выше» исседонов, т. е. «восточнее», ближе к «полюсу холода» в Рипеях, где находятся вечные снега, откуда дует Борей, следовательно, в западных предгорьях Алтая, долине реки Черный Иртыш и районе озера Зайсан [Мачинский 1997а: 86].

По Эсхилу, «златотекущий поток Плутона», возле которого живут воинственные скотоводы-аримаспы, может свидетельствовать о некоем производственном процессе, связанном с добычей рассыпного золота в Южном Алтае.

«Одноглазость» аримаспов могла быть связана с ношением специальной маски во время проведения особо важных для социума ритуально-обрядовых мистерий или наличием татуировки. Д. А. Мачинский имеет на этот счет особую гипотезу [Мачинский 1997б].

Античные предания отражают в искаженном виде события, которые реально происходили на Алтае и прилегающих к нему территориях в середине I тыс. до н. э. в среде близких по хозяйственно-культурному облику и мировоззрению скотоводческих народов. Важно подчеркнуть, что этим легендам имеются чрезвычайно интересные параллели в китайских письменных источниках. В книге «Му тянь цзэ чжуань» («Жизнеописание Му тянь цзэ»), написанной в 280 г. до н. э., упоминается легендарное путешествие царствующей персоны Чжоу Мувана, предпринятое им к северо-западу от пределов своего государства. В источнике сказано, что

он, перевалив через хребет Куньлунь (по утверждению китайских ученых, это первоначальное название Алтайских гор, впоследствии перенесенное и на другие горы), проследовал далее вдоль реки Хэй Шуй («Черная река») и попал в окрестности загадочного «райского озера» («Яо Чи»), где открылись поразившие взор путешественника облака перьев и бесчисленные стаи птиц [Сунь Пэйлян 1985: 8; Ван Чжилай 1986: 54]. Совпадение с вышеприведенной локализацией Д. А. Мачинского налицо. Некоторые китайские исследователи также не без основания идентифицируют приведенную в «Му тянь цзе чжуань» географическую номенклатуру — «Куньлунь», «Яо Чи», «Хэй Шуй» — соответственно с горами Алтая, озером Зайсан и рекой Черный Иртыш [Ма Юн, Ван Бинхуа 1990: 13; Сунь Пэйлян 1985: 8].

Другой китайский источник, «Шанхайцзинь», рассказывает о северной стране одноглазых «Иму го» (*и* — «один», *му* — «глаз», *го* — «государство»), что типологически вполне согласуется с рассказом Аристеев об аримаспах.

Античные мифы о лысых аргонавтах перекликаются с известиями из китайской книги «Чжуан цзэ», охватывающими события IV–II вв. до н. э., которые происходили в государстве «бритоголовых», расположенном к северо-западу от Китая — «Цюнфаго» (*цюн* — «бедный, лысый, скудный», *фа* — «волос», *го* — «государство»).

Таким образом, отмеченные греко-китайские мифологические параллели, вероятно, не случайны и могут восходить к единой основе. Полагают, что, начиная с эпохи Хань, название «Куньлунь» стали использовать для обозначения другой горной цепи, расположенной южнее Хотана (современный Куньлунь), где находится богатейшее в мире месторождение нефрита, что было вызвано перемещением сюда центра добычи и обработки указанного полудрагоценного минерала и установлением на него монополии императорского двора.

С нефритом (китайское название *юй ши*) мог быть связан и этноним «юечжи», который С. И. Руденко считал собирательным китайским названием алтайских кочевых племен середины I тыс. до н. э. [Руденко 1960: 176]. У китайских ученых нет единого мнения относительно точной локализации юэчжей, особенно ранних. Многие из них считают, что древним китайцам была известна лишь восточная ветвь этого народа, основная масса которого обитала на Алтае и Восточном Тянь-Шане [Линь Мэйсунь 1997: 16; 1998: 71; 2000: 5–7]. Юй Тайшань полагает, что юэчжи жили в районе Хэаон (Ганьсу) и Ордоса и в восточных отрогах Алтая. В 177–176 гг. до н. э. они переселились в Чу-Илийское междуречье, а в 130 г. до н. э. часть их («Большие юэчжи») двинулась дальше на юго-запад [Юй Тайшань 1992: 53–58]. Сюй Вэнькань ссылается на мнение А. К. Нарайна, который связывает раннюю историю юэчжей с носителями культур циззя и даже яншао. Он полагает, что родина древних индоевропейцев находилась на территории современного Китая (Ганьсу и Ордос), а юэчжи-тохары являлись одной из их ветвей, выходцы из которой завоевали земли Дася (Бактрия) и затем создали Кушанское государство [Сюй Вэнькань 2007: 70–86].

Попутно отметим, что ведущая роль юэчжей в завоевании Греко-Бактрийского царства некоторыми исследователями сейчас подвергается сомнению [Пилипко 2002: 125].

Произношение «юэчжи» — это передача древнего этнонима на современном китайском языке, однако в древнекитайской транскрипции название этого народа звучит как «жоучжи». Некоторые лингвисты считают, что юэчжи говорили на одном из диалектов тохарского языка. Линь Мэйсунь подчеркивает близость этимологии слов *лун* («дракон») и «божество» в диалектах древнетохарского языка

с этнонимом «юэчжи», который в соответствии с фонетикой древнекитайского языка также означает *лун*. Открытые в последние годы в Синьцзяне мумифицированные останки древних людей, по мнению многих специалистов, принадлежат юэчжам-тохарам, говорившим на древнетохарском языке [Сюй Вэнькань 1996; Mallory, Mair 2008].

Палеогенетический материал, полученный В. И. Молодиным и Н. В. Полосьяком в результате раскопок на плато Укок, указывает на присутствие в пазырыкской популяции самодийского компонента. Относительно его происхождения существует несколько версий [Молодин и др. 2000: 63–65]. Т. А. Чикишева пришла к выводу о близкой основе этногенеза пазырыкцев, а также сако-усуньского населения Семиречья и Центрального Тянь-Шаня [Чикишева 2003: 113]. Однако этот вывод пока слабо подкреплен полноценным материалом из южных регионов. Для сравнительного изучения нужны данные, полученные с использованием новейших антропологических и палеогенетических методов.

На вопрос, имели ли юэчжи (или какая-то их часть) прямое отношение к возникновению пазырыкской культуры Алтая, нельзя ответить с полной уверенностью. Какие народы (пришлые и автохтонные) могли быть объединены под этим собирательным этнонимом, мы точно не знаем. В. И. Молодин и С. А. Комиссаров допускают, что упоминаемый в китайских источниках народ гуши (цзюйши), который китайские археологи связывают с памятниками Субаши и Янхай, могли иметь какие-то связи с пазырыкцами [Молодин, Комиссаров 2002: 115–119]. Сюй Вэнькань полагает, что юэчжи были полиэтническим образованием, включавшим, кроме тохаров, также и народы, принадлежавшие к алтайской языковой группе [Сюй Вэнькань 2007: 86]. В то же время нельзя исключать и того, что у населения пазырыкской культурной общности, ядро которого проживало на Алтае, был иной этнический облик, однако на определенном этапе своего исторического развития оно, возможно, находилось в политической зависимости от юэчжей и платило им дань.

## Литература

- Ван Чжилай 1986: *Ван Чжилай*. Чжун Я шиган. Чанша.
- Варфоломеев 2004: *Варфоломеев В. В.* Бегазы-дандыбаевская эпоха // Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. Алматы.
- Варфоломеев 2005: *Варфоломеев В. В.* Бегазы-дандыбаевский феномен и карасукская культура // Археология Южной Сибири: Идеи, методы, открытия. Красноярск.
- Евдокимов, Варфоломеев 2002: *Евдокимов В. В., Варфоломеев В. В.* Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда.
- Иванчик 1989: *Иванчик А. И.* О датировке поэмы «Аримаспея» Аристея Проконнесского // ВДИ. № 2.
- Кызласов 1977: *Кызласов Л. Р.* Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры // СА. № 2.
- Линь Мэйсунь 1997: *Линь Мэйсунь*. Тухоложэн юи луньбуло // Си юй янцзю. № 1.
- Линь Мэйсунь 1998: *Линь Мэйсунь*. Хань-Тан сиюй юй Чжунго вэньмин // Тухоло жэнь юй лунь було. Пекин.
- Линь Мэйсунь 2000: *Линь Мэйсунь*. Гудео сифэн-каогу синьфасянь соцзянь чжунси вэньхуа цзяолю. Пекин.
- Mallory, Mair 2008: *Mallory J. P., Mair V. H.* The Tarim Mummies. London.
- Ма Юн, Ван Бинхуа: 1990. *Ма Юн, Ван Бинхуа*. Гунюаньця ци чжи эр шицзи дэ чжунго синцзян ди цзюй // Чжун я сюекан. Т. 3.
- Маргулан 1998: *Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура. Т. 1. Алматы.

- Марсадалов 2000: *Марсадалов Л. С.* Археологические памятники IX–III веков до н. э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): АДД. СПб.
- Мачинский 1971: *Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. Вып. 13.
- Мачинский 1989: *Мачинский Д. А.* Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья VIII–V вв. до н. э. // Кочевники Евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Новочеркасск.
- Мачинский 1996: *Мачинский Д. А.* Земля аримаспов в античной традиции и «простор ариев» в Авесте // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.
- Мачинский 1997а: *Мачинский Д. А.* Сакральные центры Скифии близ Кавказа и Алтая и их взаимосвязи в конце IV — середине I тыс. до н. э. // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб.
- Мачинский 1997б: *Мачинский Д. А.* Уникальный сакральный центр III — середины I тыс. до н. э. в Хакасско-Минусинской котловине // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. СПб.
- Молодин, Нескоров 1992: *Молодин В. И., Нескоров А. В.* О связях населения Западно-сибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения–1990. М.
- Молодин 2000: *Молодин В. И.* Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб // АЭАЕ. № 4.
- Молодин и др. 2000: *Молодин В. И., Ромащенко А. Г., Воевода М. И., Чикишева Т. А.* Мультидисциплинарный анализ носителей пазырыкской культуры (археология, антропология, генетика) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: Палеоэкология, антропология и археология. М.
- Молодин, Комиссаров 2002: *Молодин В. И., Комиссаров С. А.* О месте народа гуши (цзюйши) в этнокультурной истории Центральной Азии (материалы для обсуждения) // СЕДС. Кн. II. СПб.
- Пилипко 2002: *Пилипко В. Н.* Роль Парфии в разгроме государства Бактрийских греков // СЕДС. Кн. II. СПб.
- Руденко 1960: *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.
- Самашев 1987: *Самашев З. С.* Памятники кулажургинского типа // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата.
- Самашев 2011: *Самашев З.* Берел. Алматы.
- Сунь Пэйлян 1985: *Сунь Пэйлян.* Цыцитай маои чжилу хэ гудай чжун я дэ чуаншо // Чжунвай гуан сиши лунцун. Т. 1. Пекин.
- Сюй Вэнькань 1996: *Сюй Вэнькань.* Чжун я дунбу тунци хэ цзаоци тэци шидайдэ миньцэу гоци сюешу таолуньхуй цзуншу // Си юй янцзю. № 3. Урумчи.
- Сюй Вэнькань 2007: *Сюй Вэнькань.* Тухоложэнь циюань яньцзю. Пекин.
- Тишкин, Дашковский 2007: *Тишкин А. А., Дашковский П. К.* Результаты радиоуглеродного датирования памятников пазырыкской культуры Ханкаринской дол и Яломан-III // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. Материалы конференции. СПб.
- Чикишева 2003: *Чикишева Т. А.* Население Горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). Вып. 1. Новосибирск.
- Членова 1983: *Членова Н. Л.* Где жили аримаспы? // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск.
- Юй Тайшань 1992: *Юй Тайшань.* Сайчжун ши яньцзю. Пекин.

## КУЛЬТ ЖИВОТНЫХ В МАРГИАНЕ

В. И. Сарияниди, Н. А. Дубова (Москва)

В 2010 г. был нанесен тяжелейший удар по отечественным археологии и востоковедению: ушли из жизни крупнейшие ученые, всю свою жизнь посвятившие изучению богатого прошлого Средней Азии и внесшие ценнейший вклад в российскую историческую науку, — Вадим Михайлович Массон и Борис Анатольевич Литвинский.

Б. А. Литвинский, будучи еще молодым человеком, читал лекции студентам Среднеазиатского государственного университета, среди которых был и один из авторов данной статьи, В. И. Сарияниди. Первые шаги в археологии, в неизведанные пространства прошлого Вадим Массон и Виктор Сарияниди делали вместе. Вместе было пройдено немало путей, обсуждено множество конкретных и теоретических проблем, сделано не одно открытие.

Начиная занятия антропологией много лет назад и занимаясь вопросами этногенеза народов Средней Азии, другой соавтор, Н. А. Дубова, не могла не использовать работы этих ученых-классиков. Но предположить, что в начале нынешнего столетия судьба сложится так, что, набрав номер телефона, можно будет поздравить Бориса Анатольевича Литвинского с праздником, прийти к нему и к Елене Абрамовне Давидович домой и, сидя у них на диване, рассказывать о прошедшем полевом сезоне или услышать по телефону, что Вадим Михайлович Массон просит приехать к нему домой и рассказать, что нового найдено в Туркменистане, конечно, было невероятно. Тем не менее именно это и произошло, за что надо безмерно благодарить судьбу.

Эту работу, посвященную анализу интереснейшего явления для земледельческих народов эпохи бронзы — ритуальным погребениям животных, — увы, ни один из них прочитать уже не сможет. Но нельзя не сказать, что те бесценные советы, на которые всегда был щедр Борис Анатольевич, оказались крайне полезными при подготовке и этого исследования. Мы надеемся, что тот живой интерес, с которым и он, и Вадим Михайлович всегда впитывали новую информацию по любимой ими археологии Средней Азии, будет сохранен не только их учениками и последователями, но и теми, кого будут волновать проблемы древнейших этапов человеческой истории. Возможно, и эта работа поможет кому-то открыть неизведанные страницы прошлого.

Среди более четырех тысяч погребений, которые были раскопаны на всемирно известном ныне городище эпохи бронзового века Туркменистана, Гонур-депе (2300–1600 гг. до н. э.), выделяется особая группа могил, где в качестве основных погребенных оказываются разные животные — бараны (в основном маленькие ягнята), козы и собаки. Ранее мы уже уделяли внимание этому вопросу [Сарияниди, Дубова 2007; Дубова 2008; 2012], но материал по данной теме постоянно накапливается. Благодаря участию в работе Маргианской экспедиции археозоолога уточнены видовые определения захороненных животных и детали их погребения.

Каждый новый сезон работ приносит неожиданные находки на разных участках памятника. Так, например, во время весеннего полевого сезона 2011 г. на площади Царского некрополя была раскопана серия интереснейших погребальных сооружений, где были захоронены собаки, а также фрагменты туш свиней и коров (см. далее). Поэтому нет сомнения в том, что подробное рассмотрение этого вопроса весьма актуально. Представленное вниманию читателя исследование претендует лишь на подробное описание полученных данных, их систематизацию и подведение промежуточных итогов исследования. Следует согласиться в этой связи с Е. В. Антоновой, предложившей интерпретацию опубликованных ранее погребений животных на памятниках Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (далее — БМАК), что для реконструкции образного мира носителей этой культуры нужен скрупулезнейший анализ имеющихся находок [Антонова 2005: 106]. Добавим к этому, что необходим также подробный археозоологический анализ всех костных остатков.

Кости животных на Гонур-депе встречены в большом количестве, причем они происходят из погребений людей, ритуальных объектов и помещений. Их также можно встретить в пространстве между домовладениями. Как отмечает Р. М. Сатаев, речь идет об остатках животных, которых использовали в ритуальных целях без явной связи с погребально-поминальным обрядом и в погребально-поминальных обрядах (кости жертвенных животных, сопровождавших захоронения, и остатки заупокойной мясной пищи). Кухонные отходы (кости съеденных животных) встречаются крайне редко и только на определенных участках памятника [Сатаев 2008a]. В данной работе уделено внимание лишь захоронениям животных или частей их туш.

В настоящее время обнаружено 70 местонахождений полных или фрагментированных скелетов различных животных (153 особи), причем преобладают погребения баранов и козлов (35 могил, 56 особей), а также собак (30 могил, 53 особи) (табл. 1 и 2; рис. 1). На Гонуре выявлены разные типы таких захоронений. Прежде всего следует указать на погребения животных, которые находятся в непосредственной близости от человеческих могил или в них самих. Разновидностью таких захоронений являются останки большого количества разных животных, найденные во «дворах» царских гробниц. Далее нужно назвать захоронения, имеющие, скорее всего, ритуальный характер — погребения разных животных в отдельных могилах, в том числе в громадных ямах, сопровождающих царские гробницы. Имеются также захоронения частей туш различных животных в небольших цистах или ямках. В упомянутых выше публикациях уже сказано об этих типах погребений. Некоторые из них кратко описаны ниже. Имеет смысл остановиться на общей характеристике территориального размещения могил животных на Гонур-депе.

Местонахождения остатков животных обнаружены преимущественно на территории Царского некрополя (20 из 70)<sup>1</sup>, причем здесь найдены захоронения всех

<sup>1</sup> Некрополь (Большой или Главный некрополь Гонура) расположен на левом берегу р. Мургаб, приблизительно в 350 м к юго-западу от центральной части дворцово-храмового комплекса Гонура, центром которого является дворец. Теменос (Южный Гонур) находится приблизительно на таком же расстоянии к югу от дворцово-храмового комплекса. Раскоп 5 ограничен с юга северным фасом стены т. н. кремля — укрепленного дворцового комплекса в центре городища, а с севера — соответствующим же фасом второго ряда стен — «стеной каре». Раскоп 6 лежит к западу от «кремлевской стены» в пределах «стены каре», раскоп 7 — в тех же пределах с юга, а также с востока. Северо-восточной границей раскопа 7 является территория Храма огня. Раскоп 8 локализуется на южном берегу большого южного бассейна Гонура. На территории этого же раскопа, в его юго-восточной части, находится Царский



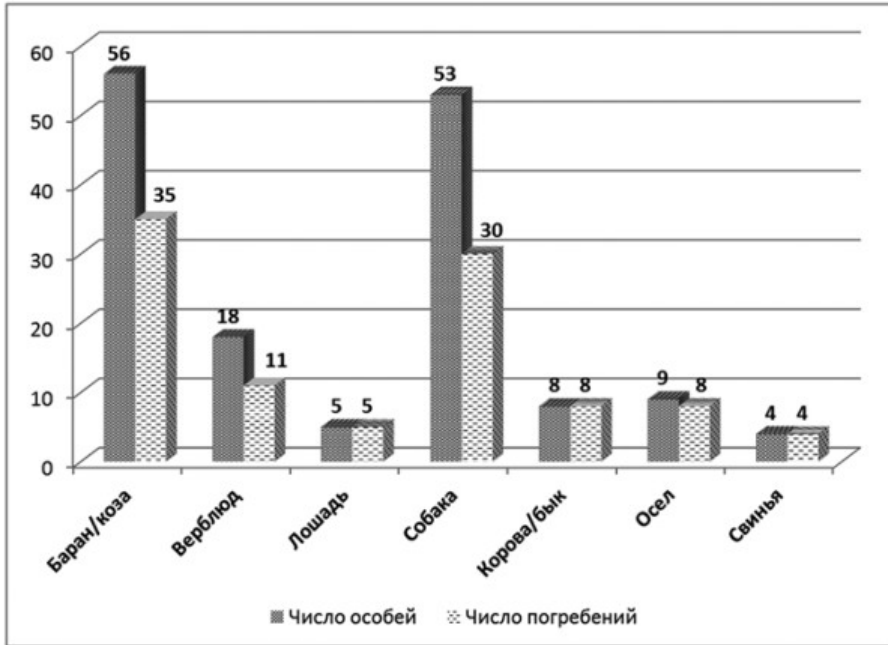


Рис. 1. Гонур-депе. Погребения животных

рассматриваемых в статье видов, тогда как на других раскопах в основном выявлены погребения баранов и козлов. Пять из восьми захоронений, в которых зафиксированы остатки осли, раскопаны на Царском некрополе, тогда как на Большом некрополе Гонура встречено лишь одно, получившее название «погребение жеребенка». Из четырех местонахождений фрагментированных скелетов свиньи три располагаются на Царском некрополе и только одно (фрагмент нижней челюсти) вместе с костями верблюда и коровы — на раскопе 10 (захоронение № 3281). Многие местонахождения остатков животных (12) обнаружены также на раскопе 16, который охватывает обособленное пространство на юго-западе памятника, за пределами его обводной стены. Видимо, неслучайно именно на этом участке городища было совершено и так называемое ритуальное погребение трех баранов и осли (могила № 3597), занимающее центральное положение на всем раскопе, который расположен на правом берегу протоки р. Мургаб, напротив Большого (Главного) некрополя Гонура [Сарияниди, Дубова 2008]. Половина обнаруженных здесь захоронений животных

некрополь, выделенный в виду его важности в отдельный раскоп. Раскоп 9 разбит на северном берегу большого южного бассейна Гонура, его северной границей является южный фас «стены каре». Раскопы 10 и 11 располагаются соответственно на северо-западе и северо-востоке памятника между северным фасом «стены каре» и обводной стеной. Раскоп 12 находится к юго-западу от центральной части комплекса, слегка обособленно от других раскопов и, по всей видимости, за пределами обводной стены. Раскоп 13 лежит на юго-запад, а раскоп 14 — на запад от центральной части, но в пределах обводной стены. Раскоп 15 охватывает небольшую территорию на юго-востоке Гонура, между восточной частью раскопа 9 и Царским некрополем. Раскоп 16 включает обособленную территорию на юго-западе Гонура. Она локализуется далее на юг и запад от раскопа 12 за пределами всех стен. Раскоп 17 расположен к северу от центрального северного входа в комплекс за пределами обводной стены. Раскоп 18, раскопки которого проводятся в настоящее время, находится на восточном фаса комплекса между «стеной каре» и обводной стеной.

(6 из 12) содержит остатки баранов, в могиле № 3711 похоронены три барана и козел, а в могиле № 3790 — козленок. На площади раскопа 8 тоже известны местонахождения скелетов животных, хотя на этом участке городища они встречаются значительно реже. В пяти погребениях здесь обнаружены остатки баранов, а в захоронении № 3280, кроме барана, — кости двух собак (табл. 1, 2, рис. 2).

Обратим внимание на то, что на юго-западе Гонура (раскоп 7) и на востоке памятника (раскоп 18) в пределах обводной стены не найдены погребения животных. По свидетельству Р. М. Сатаева, большая часть находок, обнаруженных в помещениях на раскопе 18, является, в отличие от других участков Гонура, кухонными остатками. Если считать дворец и «кремль» центром памятника, то нельзя не заметить, что захоронения животных тяготеют к его южной части, но они не найдены на восточном фесе городища (рис. 3).

**Совместные погребения людей и животных.** Прежде чем описать особенности погребения каждого из обнаруженных видов животных, отметим, что существует несколько типов их захоронений. Иногда животные лежали в ногах похороненных людей (могилы № 3265 и 3280). В первом случае баран был размещен в южной части цисты, предназначенной для упокоения пожилой женщины, во втором случае две собаки (одна из них имела длинные ноги и легкое сложение, другая строением тела близка современному алабаю) и баран располагались в южной части цисты, в которой найдены останки мужчины 35–40 лет и мальчика 7–8 лет.

Другой тип захоронений характеризуется тем, что убитые животные уложены в отдельную яму, устроенную рядом с погребением человека. Таковыми являются

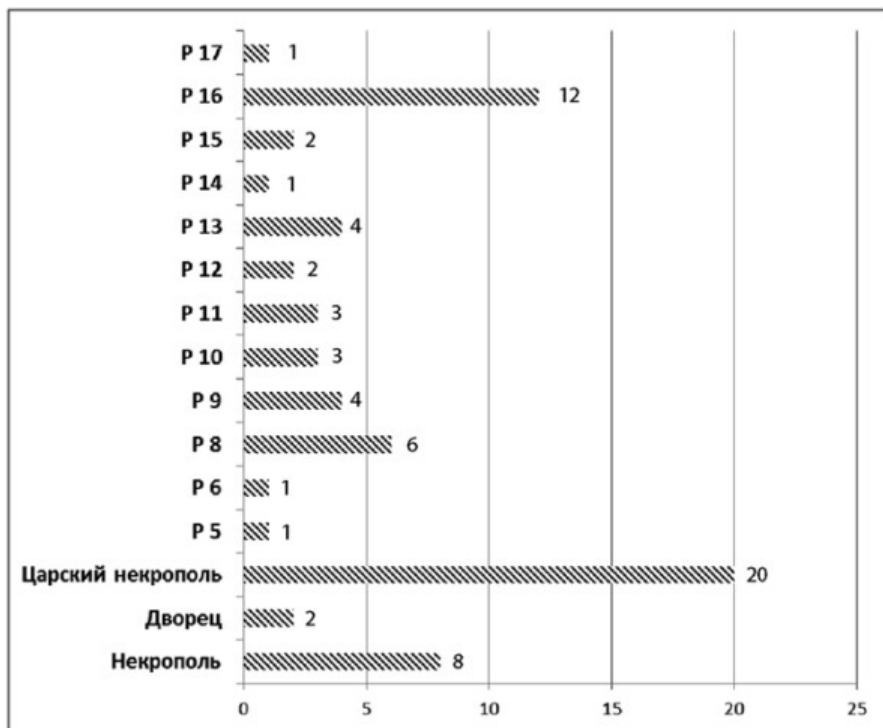
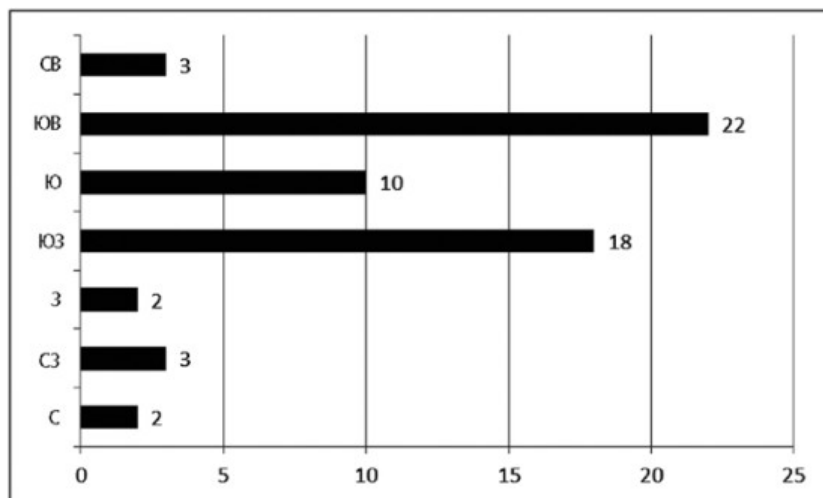


Рис. 2. Гонур-депе. Количество местонахождений погребений животных и их фрагментов на исследованных объектах и раскопах



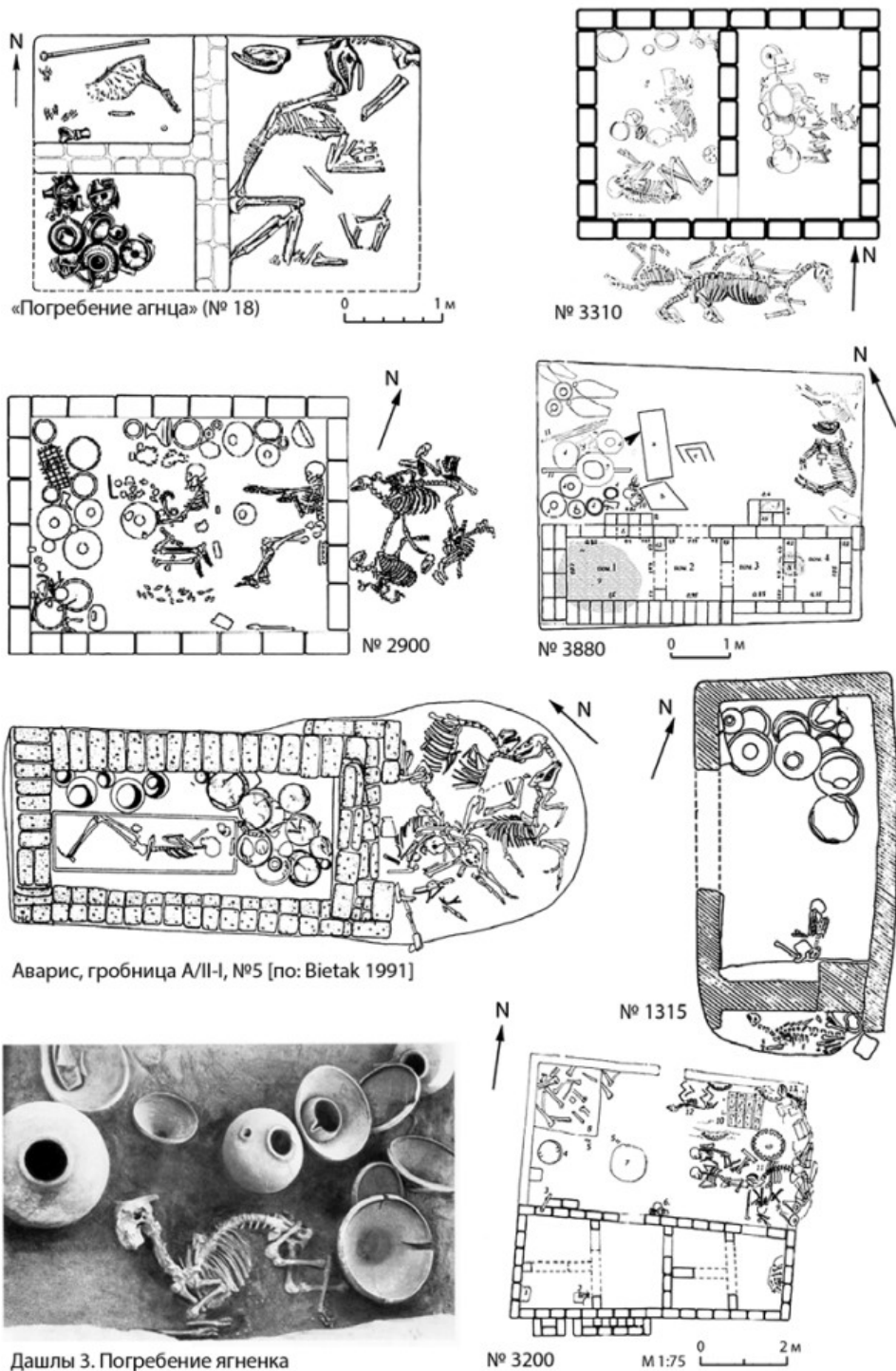
**Рис. 3.** Гонур-депе. Распределение по странам света местонахождений погребений животных и их фрагментов на исследованных объектах и раскопах

могилы животных возле цист № 1315 (некрополь), 2900 (раскоп 5) (рис. 4), 3149, 3155 (раскоп 8), 3310 (раскоп 9) (рис. 4). К захоронениям взрослых мужчин (№ 1315 и 3155) с юга примыкает яма с погребением барана. В яме близ цисты № 3149 обнаружены два таких животных, причем одно из них лежало головой на запад, а другое — на восток.

Знаменитую цисту № 2900 [Дубова 2004: 255–258; Sarianidi 2007: 146–155], в которой был захоронен пожилой мужчина, скорее всего, со своей служанкой того же возраста, отличает примыкающее к ней с востока коллективное погребение животных. Оно включает двух ориентированных головами на запад баранов, которые уложены так, что их морды обращены друг к другу, причем под особью, находившейся севернее, лежала нижняя челюсть лошади. В этом местонахождении выявлены также двое ягнят, уложенных за спинами баранов, и размещенные у ног последних две собаки (рис. 4).

Состоящая из двух камер циста № 3310 также сопровождается коллективным захоронением животных, которое локализовано вне цисты, вплотную к ее южной стене. В яме выявлены остатки четырех молодых животных (рис. 4). Крайнее западное положение занимает убитая собака, за ее задними ногами лежит баран, задние ноги которого упираются в стенку цисты. Оба скелета частично перекрыты задней частью скелета теленка и скелетом осла. Несмотря на то, что в цисте № 3310 расчищены останки пожилой женщины, основным погребением здесь является захоронение ягненка, которому и принадлежат все погребальные приношения, находившиеся в цисте. Женщина, видимо, была принесена в жертву барашку в качестве служанки, так как в отличие от него, лежавшего, как и заупокойные дары на возвышении, была уложена на полу цисты, у ее южной стенки, с наружной стороны которой и находилось захоронение животных.

Ниже мы вернемся к описанию цисты № 3310, а сейчас отметим, что, по-видимому, с этим же типом погребений связан обычай оставления животных во дворах царских гробниц, представляющих собой модель малого дома с примыкающим к нему двором. В Царском некрополе насчитывается пять таких усыпальниц (№ 3200,



**Рис. 4.** Гонур-депе, Южный Туркменистан; Аварис, Египет; Дашлы 3, Северный Афганистан: погребения, сопровождающиеся захоронениями животных

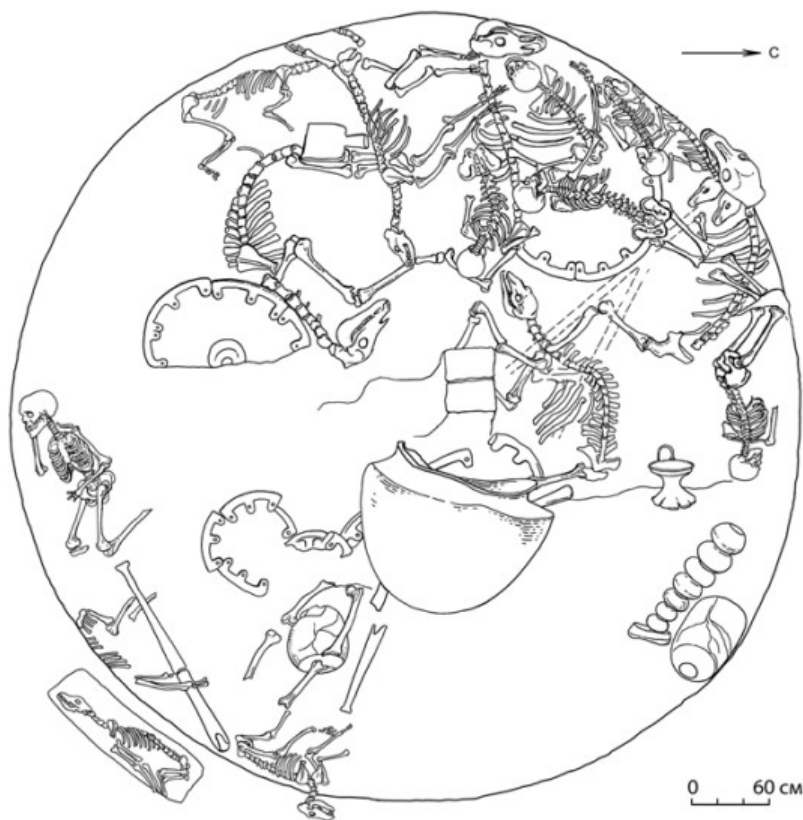
3210, 3880, 3905, 3915). В них найдены остатки верблюдов: по одному в гробницах № 3210 и 3880 (рис. 4), 3905; два — в усыпальнице № 3200 (рис. 4) и три — в гробнице № 3915. В царских усыпальницах, кроме гробницы № 3905, похоронено по одной собаке, причем собака из усыпальницы № 3210 отличается особой породой: если в других гробницах представлены крупные особи типа дога, то в этой — маленькая домашняя собачка, завернутая в попонку, сплошь расшитую бисером (рис. 5). Во дворе этой же усыпальницы был положен баран, отсутствующий в других царских гробницах. Необходимо отметить, что в Царском некрополе исследован и другой тип царских усыпальниц, которые имитируют многокомнатный дом (№ 3220, 3230, 3235).

Еще одним своеобразным подобием такого же типа могил являются три захоронения в огромных ямах, названных нами котлованами — № 3225, 3240 и 3900 (рис. 6). Из них лишь прямоугольная яма № 3240 была самым жестоким образом порушена грабителями. Эти три могилы отличаются от усыпальниц Царского некрополя отсутствием ценных погребальных приношений, соответствующих рангу царственных особ. В каждом из котлованов обнаружены четырехколесная повозка, по два верблюда (взрослая и совсем молодая особи), а также много убитых рабов или слуг. В захоронении № 3240, кроме перечисленного, лежали две собаки и два барана. Самым богатым и самым символическим котлованом является погребение № 3900 [Сарияниди, Дубова 2010]. К его характеристике мы вернемся позже.

Почему названные три котлована, несмотря на отсутствие в них царственных усопших, можно связывать с царскими гробницами второго типа? Во-первых, все три огромные ямы тяготеют (или территориально приближены) к трем таким царским



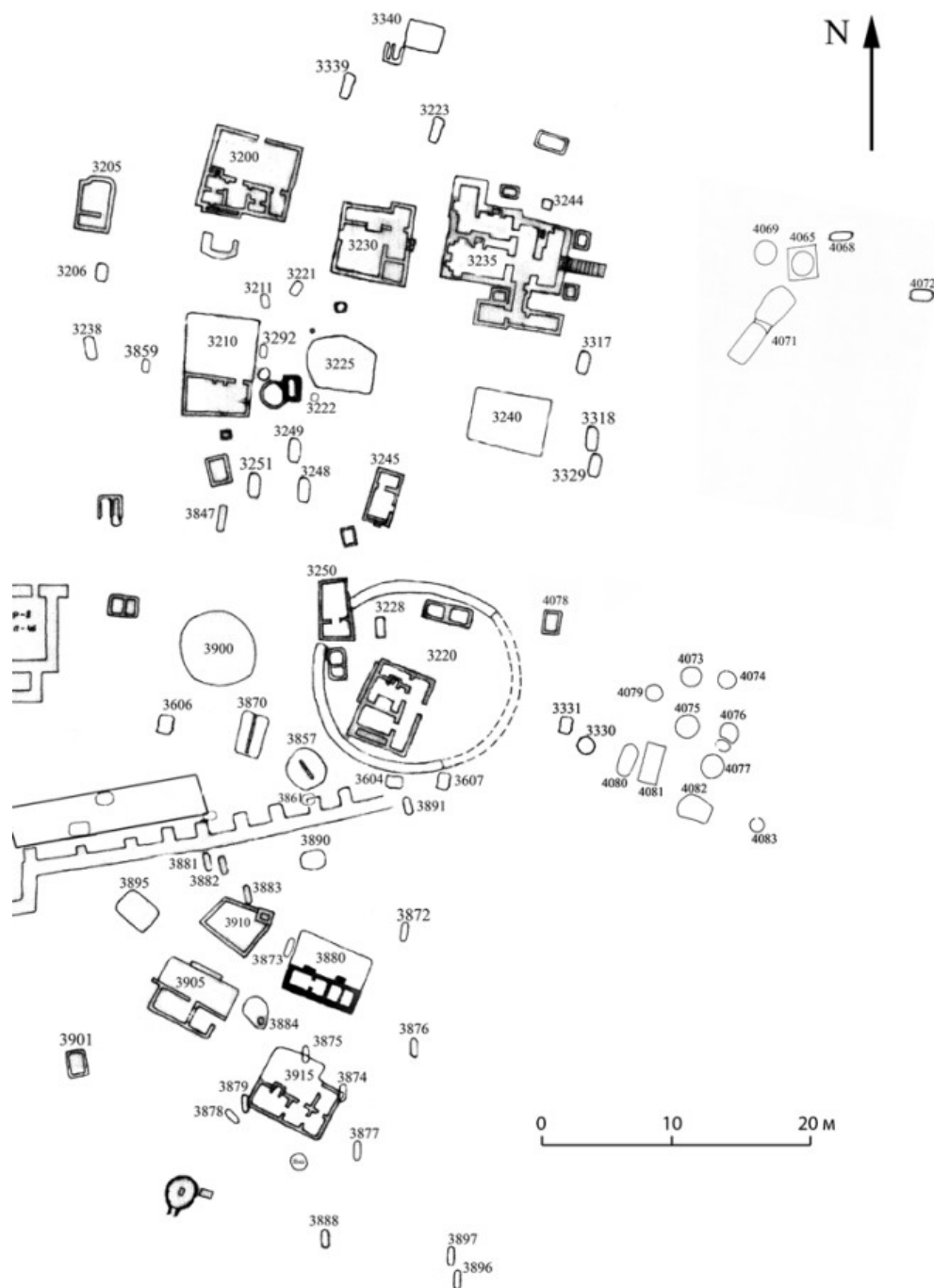
Рис. 5. Гонур-депе. Захоронение собачки во «дворе» царской гробницы № 3210



**Рис. 6.** Гонур-депе. «Котлован» № 3900 на Царском некрополе

усыпальницам: захоронение № 3240 расположено южнее гробницы № 3235; погребение № 3225 — южнее усыпальницы № 3230, а захоронение № 3900 — западнее гробницы № 3220 (рис. 7). Во-вторых, ни в одной из этих царских усыпальниц не найдены останки животных. Однако сложная конструкция гробниц, погребальные приношения, помещенные в них, в том числе уникальные серебряные, бронзовые, золотые предметы и ювелирные украшения, говорят о высоком ранге тех, для кого данные усыпальницы были построены. Предположить, что в другой жизни особы, обладавшие при жизни большой властью и богатством, были бы лишены слуг, средств передвижения и необходимых им животных, вряд ли возможно.

Захоронения подобного типа (могила животного или животных, сопровождающая погребение человека) были встречены на других памятниках БМАК и территориально близких ему культур. Например, захоронение «жрицы и погонщика» было раскопано на более позднем памятнике в древней дельте р. Мургаб Тоголок 1 (вторая половина II тыс. до н. э.). Почти посреди двора на этом поселении найдена прямоугольная циста, в которой обнаружены скелеты женщины, мужчины и двух быков. В северо-восточной стороне погребального сооружения сохранились кирпичные ступеньки, по которым быки и их погонщик спустились в могильную яму. В ее противоположном углу были сложены несколько десятков сосудов, среди которых находились два культовых, по венчику которых изображены фигурки животных. Выше, в земляной засыпке могилы, были найдены медный сосуд средних размеров



**Рис. 7.** Гонур-депе. Расположение основных погребений на Царском некрополе (по результатам весеннего полевого сезона 2011 г.)

и воронка с ситечком для очищения тонизирующего сока типа сома-хаома от мелких обломков стебельков. Здесь же обнаружен обломок черного миниатюрного сосуда и выпавшие из своих гнезд вставки из белого камня [более подробно см.: Sarianidi 1998: 108, fig. 55–56]. Нет никаких сомнений в том, что в этой могиле была захоронена жрица с необходимыми аксессуарами (миниатюрной колонкой и двумя культовыми сосудами) в сопровождении двух быков и погонщика.

Для могильников сапаллинской культуры юге Узбекистана (Бустон VI, Сапаллитепа) также известны подобные погребения [Аванесова 1995; 2003; 2006; Аскарлов Ширинов 1993]. Ранее мы уже указывали, что идентичные захоронения, когда одно или несколько животных похоронены возле могилы человека, в немалом числе выявлены на значительном отдалении от Маргианы — в дельте Нила, в столице гиксосов Аварисе (рис. 4) [Bietack 1996]. Правда, эти животные представлены там в большинстве своем (если не единственно) ослами.

**Погребения животных.** Для изучения духовной культуры населения древней Маргианы самой интересной и важной является группа могил, где основным погребенным является животное (табл. 3). Первое захоронение подобного рода (№ 18), «погребение агнца», было обнаружено в цисте на руинах дворца Северного Гонура, около его главных северных ворот [Sarianidi 1996]. В одной из трех камер цисты лежал ягненок без головы и хвоста, в западной половине второй камеры помещены почти 20 целых и частично раздавленных сосудов, между которыми встречены единичные кости баранов (по-видимому, напутственная пища). В третьей камере обнаружены полные скелеты двух верблюдов, оставленных здесь в качестве жертвы для агнца (рис. 4).

Как видно из таблицы 3, погребения животных составляют немногим более половины всех известных местонахождений на Гонуре. Могилы барана встречены на разных участках памятника. Однако ни одна из них не раскопана на Большом и Царском некрополях. Захоронения собаки, наоборот, обнаружены в основном на обоих упомянутых могильниках. Лишь по два погребения этого животного выявлены на раскопах 9 и 16 и по одному — на раскопах 11 и 13. Захоронения быка и осла очень редки. Две могилы, в одной из которых находились остатки быка, а в другой — коровы, раскопаны лишь на Царском некрополе. Три погребения осла встречены на тех же участках, что и могилы собаки, за исключением раскопов 9, 11 и 13. Видовой состав животных, которых хоронили в отдельных могилах, еще раз подчеркивает особый статус Царского и Большого некрополей, а также участка поселения (раскоп 16), находившегося за пределами дворцово-храмового центра Северного Гонура, напротив Большого некрополя.

Обращает на себя внимание и многообразие типов погребальных сооружений, которые были устроены для разных видов животных (табл. 4). Так, в камерных могилах, зафиксированных только на юго-западе Гонура (раскоп 16), были захоронены исключительно бараны. Следует добавить, что три подобные могилы (погребения № 3621–3623) из пяти раскопанных представляют собой единый комплекс — так называемое ритуальное погребение животных (рис. 8), где кроме трех баранов имеется и захоронение осла (погребение № 3597) [Сарианиди, Дубова 2008]. В цистах преимущественно хоронили баранов (10 из 14), а в одном случае — козленка. Двое из трех ослов, удостоившихся отдельного погребения (захоронение № 3340 на Царском некрополе и уже упомянутое погребение № 3597 на раскопе 16), также помещены в цисты. В единственной шахтной могиле (№ 3398 на раскопе 12) был захоронен баран. Зато четыре из пятнадцати собак погребены в обожженных ямах,



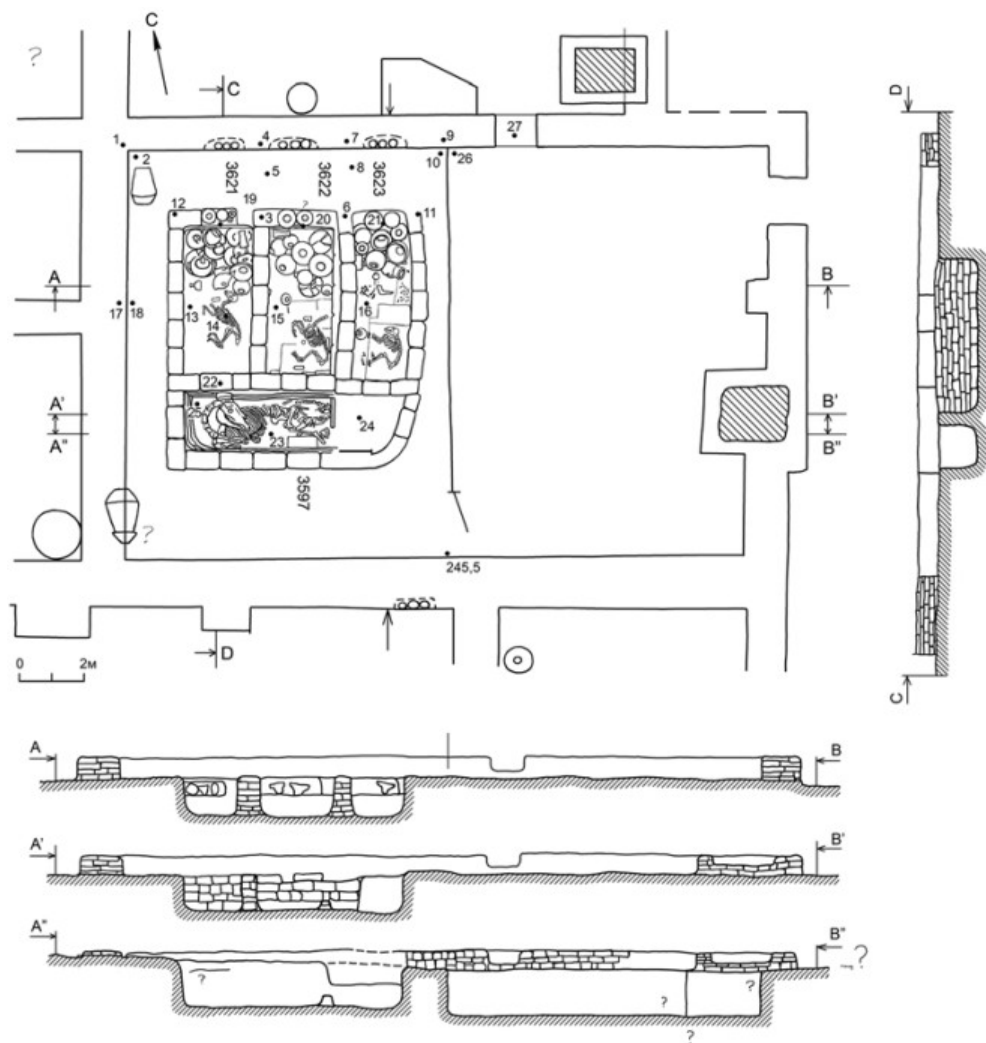


Рис. 8. Гонур-депе. «Ритуальное погребение животных» на раскопе 16

которые сооружены на Большом некрополе. Большая же часть похороненных собак — как на Царском некрополе (5 захоронений), так и на других раскопках, — «удовольствовалась» простыми ямными могилами. То же самое следует сказать и о жертвенных животных, принадлежавших к крупному рогатому скоту, два ямных погребения которых зафиксированы на Царском некрополе.

*Погребения баранов.* Описание наиболее известных захоронений барана, найденных на Гонуре, уже было дано в наших работах. Речь идет о погребениях № 3124 и 3130 [Дубова 2004: 259–261], № 3310 [Дубова 2008: 91–93], № 3597, 3621, 3622, 3623 [Сарияниди, Дубова 2008; Дубова 2008: 88–91] и других. Подробнее они, наряду с остальными могилами, характеризуются еще в одной публикации [Дубова 2012]. Символическое ритуальное назначение этих погребений и в первую очередь погребального комплекса на раскопе 16 не подлежит сомнению. Упомянутые могилы различаются наборами приношений, что, по всей

видимости, свидетельствует о разном «социальном положении» животных. Например, наличие бронзовых наконечников жезлов можно интерпретировать как знак определенного уровня властных полномочий, а бронзовых «лесенок» — как воинский ранг. Особый интерес представляют так называемые игральная доска и миниатюрные колонки, которые всегда находят в аристократических могилах Гонура. Известно, что размещение в могилы игр характерно не только для Маргианы, где «игральные доски» обнаружены на Гонуре (захоронение знатного воина № 2900, погребение баранов № 3130, захоронение ягненка № 3310, «царская» гробница 3210), но и для очень многих территорий в разные исторические эпохи.

В настоящее время трудно судить с уверенностью о назначении одиночных и коллективных погребений животных, но мы думаем, что почти полное отсутствие сопроводительного инвентаря у осла из захоронения № 3597 и его наличие у осла в погребении № 3340 указывает на разную роль, которую играли отдельные животные в жизни племен Маргианы. Не исключено, что такие факты, как размещение в захоронении № 3597 трех ягнят у ног осла, наличие игровой доски у одного из барашков, отсечение головы у другого, присутствие набора мелких каменных изделий у двух из трех ягнят, а также расположение всех четырех животных в одной могиле, свидетельствуют о стремлении подчеркнуть одновременно общие и разные стороны какого-то одного явления.

На Гонуре встречены и не столь богатые погребения барана. Так, на юго-востоке памятника, в руинах самого раннего храма сомы-хаомы (раскоп 15) были устроены два своеобразных захоронения с останками этого животного. Под полом храмового помещения 4 находилась прямоугольная циста № 3547 (175 × 80 см). Взрослый баран лежал в ее южной части на левом боку головой на северо-восток, причем его голова была помещена внутри положенного на бок большого конического сосуда, а таз и задние ноги упирались в южную стенку. Всего же в цисту было положено тринадцать сосудов, причем девять конических емкостей имели разные размеры. Вторая циста (№ 3548) была устроена позже. Ее западная стенка является одновременно восточной стенкой погребения № 3547. Захоронение № 3548 устроено на полу вышеуказанного помещения. Взрослая особь лежала здесь в северной части могильной ямы на правом боку, головой на север. Лоб животного упирался прямо в северную стенку цисты. Под шеей барана найдена бронзовая булавка, а перед мордой поставлена небольшая керамическая банка. Южная часть цисты почти пуста. Около задних ног животного помещен кусок жертвенного мяса (фрагмент задней части барана), поверх которого лежит согнутый бронзовый нож.

Погребения агнцев известны и на других памятниках Маргианы, а также в Северной и Южной Бактрии. Около древнего поселения Тоголок 24 в Маргиане при проведении сельскохозяйственных работ частично разрушен находящийся рядом могильник, в котором были выявлены прямоугольные кирпичные цисты с погребениями людей и захоронениями агнцев [Сарианиди 1990: табл. LV]. Особенный интерес представляет одна такая циста, в центре которой на специальном возвышении, на правом боку, головой на север погребен ягненок в окружении заупокойной посуды. Интересен тот факт, что вся задняя (курдючная) часть барашка отсутствует, следовательно, захоронена была лишь его передняя часть. Вместе с частью туши животного в цисте находились пять сосудов, включая поставленный перед грудью металлический, а также каменная миниатюрная колонка и кремневый наконечник стрелы.

На Сапаллитепа на юге Узбекистана, более позднем памятнике, чем Гонур-депе, известны четыре погребения мелкого рогатого скота [Аскарлов 1977]. Сходство с некоторыми гонурскими захоронениями имеет одно из них (№ 90), в котором похоронены два животных, причем одно лежит на правом боку, а другое — на левом. В качестве заупокойных приношений в могилу помещен 21 керамический сосуд. Отметим, что в трех подобных гонурских захоронениях представлено третье животное — ягненок (возрастом до 6 месяцев), кроме того, посмертные дары в этих могилах включают бронзовые изделия, предметы из слоновой кости, а в одном случае и золотые бусины. Не имеет аналогов на Гонуре второе сапаллинское погребение (№ 99), в котором умершие лежат в два яруса. В нижнем ярусе захоронена женщина, «лицом» к ней была уложена туша молодого козла. Мужчина погребен в верхнем ярусе. Еще два захоронения на Сапаллитепа принадлежали молодым ягнентам. В одном из них найдены 11 сосудов, в другом — 18.

Богатством и экстраординарностью инвентаря выделяется погребение барана с мощными рогами (№ 331) на могильнике Бустон VI (Зеравшанская долина, Узбекистан), который относится к эпохе поздней бронзы. Раскопавшая это захоронение Н. А. Аванесова указывает, что оно отличается от других оригинальностью и выразительностью найденных в ней бронзовых, золотых и глиняных изделий, которые удивительным образом сочетают культуру степных и древнеземледельческих обществ [Аванесова 2003: 24].

На поселении Дашлы 3 в Северном Афганистане ягненок был похоронен в скорченной позе, с согнутыми ногами, головой на север вместе с заупокойной керамикой [Сарияниди 1977: 54, рис. 24]. Раскопанное погребение (рис. 4) впущено в руины монументального здания, сохранившего т. н. слепые окна, аналогичные обнаруженным в особо важных помещениях Гонура. В этом же величественном сооружении найдены обломки гипсовых плиток, которые, скорее всего, составляли (возможно, в виде мозаики) изображение животного, очень похожего на индийского зебу [Сарияниди 1977: 47, рис. 19].

Таким образом, можно заметить, что большая часть могил, где центральное положение занимает баран (или бараны), характеризуется не только богатыми заупокойными приношениями, но и такими, которые свидетельствуют о высоком социальном статусе погребенных. Речь идет о миниатюрных колонках, каменных посохах, бронзовых жезлах («гарпунах»), игральных досках, серебряных и золотых изделиях, бронзовых пластинах с отверстиями («лесенках») и других вещах.

Обычно в захоронениях животных один или два глиняных сосуда, как и в могилах людей, содержат кости барана (остатки погребальной мясной пищи). Особый интерес на Гонуре представляет захоронение № 3310, в котором встречено семь кусков жертвенного мяса. Это обстоятельство чрезвычайно важно, так как современные огнепоклонники Ирана и Индии, по мнению М. Бойс, «...именно семь порций жертвенного мяса... используют при совершении специальных церемоний и ритуалов, которые они называют “андом” или иначе “часть”» [Боусе 1989: 163]. Но к символике числа 7 мы вернемся несколько позже.

В связи с обнаружением на Гонуре ряда погребений, в которых захоронены неполные туши животных (например, погребение № 3622, где захоронен баран без головы, и «погребение жеребенка» на Большом некрополе, где у животного отрезаны голова и хвост), нельзя не упомянуть тот факт, что в рукописях Мертвого моря, датирующихся от середины III в. до н. э. до I в. н. э., говорится,

в частности, о том, что при совершении жертвоприношений часть агнца должна быть отрезана и посвящена Богу.

Нельзя умолчать и о том, хотя это и является темой другого исследования, что изображения баранов представлены на Гонуре в самой примитивной форме — в виде небольших фигурок из необожженной глины. Большинство известных образов воспроизводят козлов. Так, на ритуальных сосудах изображение «мирового дерева» обычно фланкируют небольшие наклепные фигурки козликов, стоящих на задних ногах. Тонко выполненные головы горных козлов украшают маргианские и бактрийские булавки для волос. Уникальная золотая миниатюрная скульптура козла венчает вместе с миниатюрной фигуркой лежащего бирюзового льва булавку из метеоритного железа в царской гробнице № 3200. Имеется, впрочем, каменная фигура лежащего барана, служившая изголовьем для мужчины, похороненного в царской гробнице № 3220 (рис. 9). Вопросу о том, почему большинство захоронений принадлежит баранам, а изображены в первую очередь козлы, следует посвятить отдельное исследование. Изложим одну из возможных рабочих гипотез. Поскольку на многих мозаичных, гравированных и рельефных изображениях из Гонура показаны горы, можно предполагать, что первые обитатели Маргианы жили некогда в горах, или же горы произвели на них сильное впечатление, когда они преодолевали Копетдаг, где одним из наиболее распространенных животных был горный козел. Кроме того, во главе отары баранов идет козел, являясь, таким образом, животным, ведущим стадо. Может быть, кроме производящего впечатление облика гордой головы с мощными закрученными рогами, именно эта символика существа, «идущего впереди» и «ведущего за собой», сыграла свою роль.

Б. А. Литвинский посвятил специальное исследование теме «фарна» (в переводе «слава, величие, сияние, блеск», «высшее благо мирского времени»), символом которого часто выступало изображение головы козла или барана [Литвинский 1968]. Правда, анализируя зооморфные ручки керамических сосудов первой половины I тыс. н. э. с территории нынешней Ташкентской области, он заметил, что эти «ручки среднеазиатской и сарматской керамики первых веков н. э. не имеют ... прямой преемственной связи с зооморфными ручками (в частности, в виде барана) на керамике из комплексов эпохи поздней бронзы, происходящих с территории Ирана» [Литвинский 1968: 7]. И далее он уточняет: «Некоторые из этих комплексов нередко

трактуются как принадлежащие древним иранцам, но перенесение на них нашего объяснения кангюйско-сарматских зооморфных ручек в виде барана было бы слишком рискованно» [Литвинский 1968: 7, примеч. 12]. Тем не менее, показательно, что еще в 1950-е гг. ягнобцы, устраивая поминки по погибшей овце, совершали, как пишет Е. М. Пеще-



**Рис. 9.** Гонур-депе. Каменная скульптура барана из царской гробницы № 3220

рева, «круговое хождение вокруг трупа, и овцу оплакивали с причитаниями, так же как это делали в связи со смертью человека» [цит. по: Литвинский 1968: 99].

Ритуальные захоронения баранов отмечены на всей обширной территории Евразии. В могильнике Тапхар VI в Забайкалье, наряду с человеческими погребениями, были обнаружены шесть захоронений этих животных. Почти каждое из них располагалось рядом с погребениями людей. Захоронения туши барана встречены в горном Алтае (II Катандинское кладбище, раскопки В. В. Радлова) и Туве (урочище Ак-Довурак, раскопки С. И. Вайнштейна), причем С. И. Вайнштейн привел параллель между рассматриваемым обрядом и описанным в китайской летописи «Вэй-шу» ритуалом погребения жертвенных баранов у древних уйгуров, которые «при каждом громовом ударе» кричали, стреляли в небо; затем покидали это место, чтобы вернуться через год осенью. Здесь они «зарывают в землю барана и зажигают светоч с ножом, шаманка читает молитвы». Похожий обряд у алтайцев зафиксировал Г. Н. Потанин. «Алтайцы приносят жертву огню после первого грома. При этом колют рыжеголового барана... подле огня кладут на четырех углах тряпки. Кам в это время камлает вокруг огня» [Гутнов 2001: 103, примеч. 11]. По мнению С. В. Данилова [Данилов 1982: 229–232], «в этих сообщениях говорится об обряде, связанном с посвященным жертвенным животным».

Но еще раз повторим, что цель данной статьи заключается лишь в систематизации новых сведений о захоронениях животных в Маргиане. Интерпретация этих погребений и их анализ с привлечением сведений, имеющихся по другим территориям, — это дело будущего специального исследования.

*Погребения собаки.* Богатое захоронение собаки найдено на западе Гонура в цисте № 3600 (раскоп 13). Животное было уложено на левый бок и ориентировано головой на юго-восток (рис. 10). Его задние ноги согнуты, к ним подтянуты выпрямленные передние. В могилу помещено 12 керамических сосудов, в одном из которых оставили бронзовое зеркало и косметический флакон с аппликатором. В другой сосуд положили в качестве погребальной пищи конечности ягненка. При описании площади общественных трапез, расположенной на севере Гонура, В. И. Сарияниди не раз упоминал обнаруженное неподалеку от нее простое ямное захоронение собаки № 2872, устроенное на северной части обводной стены, рядом с погребением ребенка (№ 2920). Животное лежало на левом боку, головой на северо-восток.

Наибольший интерес представляют захоронения собак, раскопанные весной 2011 г. на Царском некрополе Гонура. Поскольку еще не проведено полное видовое и поло-возрастное определение их останков, а также не описано расположение отдельных частей их скелетов, характеристика этих могил может быть дана в самых общих чертах. В 15–20 м от гробницы № 3235 было выявлено несколько интересных погребений. В одном из них (неглубокая ямка-могилка № 4065) были захоронены семь собак, под которыми находились позвоночник и таз осла. Животные лежали, как бы продолжая друг друга по спирали (рис. 11). Здесь же находилась часть нижней челюсти овцы. Поражает аккуратность, с которой грудная клетка осла была отделена от его позвоночника, причем ни один позвонок не был поврежден! Рядом с этим погребением находятся аналогичные, также очень неглубокие могилки № 4068<sup>2</sup> и № 4069, содержащие одиночные захоронения собаки и челюсть свиньи.

<sup>2</sup> Статистические данные по этому погребению, как и по упомянутым ниже захоронениям № 3473 (Теменос), 3795, 3798, 4074, 4079–4083, не включены в табл. 1–4.



Рис. 10. Гонур-депе. Погребение собаки № 3600 на раскопе 13

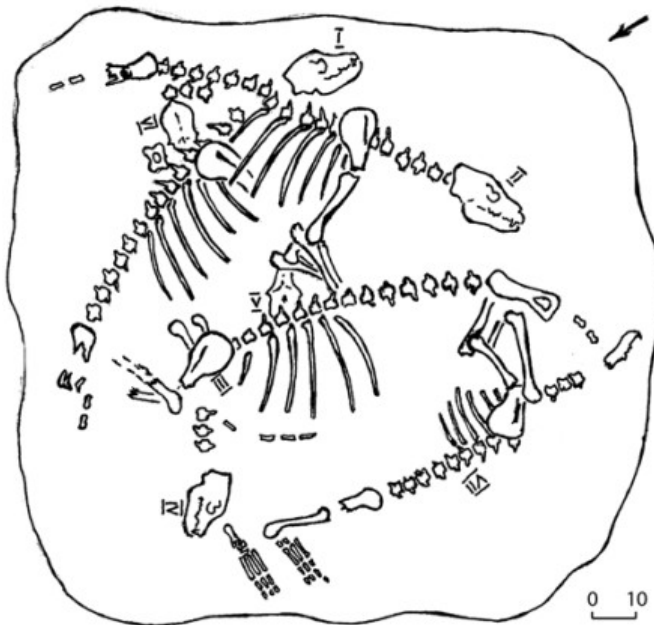


Рис. 11. Гонур-депе, Царский некрополь.  
Верхний слой погребения № 4065, содержащего захоронение семи собак

Видимо, здесь находилось «собачье кладбище», каким-то образом связанное с расположенным рядом Царским некрополем.

Второе скопление таких могил (№ 4074, 4075, 4079 и др.) находится к востоку от царской гробницы № 3220, причем часть их была пуста и, по-видимому, предназначалась для совершения в них погребений в будущем. В северной и северо-западных частях захоронения № 4074 имеются следы горения. В погребении № 4075 была захоронена собака, пропорциями сходная с современной туркменской гончей — «тазы», а в расположенном рядом погребении № 4076 найден лишь череп собаки другой породы. Южная часть последней из указанных могил нарушена сильно обожженным изнутри «алтариком». В захоронениях № 3330, 3331, 4080 и 4081 встречены лишь отдельные кости осла и коровы, а в погребении № 4077 — остатки трех щенков. Еще в двух могилах (№ 4082, 4083) находились только мелкие кости коровы.

Нужно подчеркнуть, что остатки собак, найденные в разных захоронениях Гонура, свидетельствуют о том, что обитателям Маргианы были известны несколько пород этих животных. Самой распространенной из них является крупная дого- или мастифообразная среднеазиатская овчарка, пропорциями тела близкая современным туркменским алабаям и несколько уступающая размерами немецкому догу. Все особи этой породы, издавна распространенной на Ближнем Востоке, достигают на Гонуре, по определению археозоолога Р. М. Сатаева, высоты в холке около 80 см. Остатки таких собак обнаружены в захоронениях № 2872, 3200, 3280, 3600, 3813, 3900 и 3915. Вторая порода представлена собакой, близкой туркменской гончей «тазы». Ее останки встречены лишь в погребениях № 3280 и № 4075. О наличии третьей породы свидетельствует небольшая «домашняя» собачка, которую могли брать на руки и одевать в попоны, обшитые бисером (захоронение во дворе царской гробницы № 3210). В могилах, найденных на восточной окраине Царского некрополя, обнаружены остатки собак, относящиеся к еще одной (четвертой) породе.

*К вопросу о роли собак в маргианском обществе.* Согласно легенде, Заратуштра с юных своих дней любил животных. Однажды пророк увидел собаку с пятью щенками, которая уже три дня не получала ни крошки еды. Она была так истощена, что могла только жалобно заглядывать в глаза проходящим мимо людям. Заратуштра пожалел несчастное животное и побежал домой за хлебом. Но когда он возвратился, собака уже сдохла. Долго горевал пророк, мучаясь и страдая по этому поводу, ибо главные добродетели в обыденной жизни, согласно Заратуштре, таковы: праведник должен без усталости трудиться и заботиться о праведных созданиях Ахура-Мазды. Убийства врагов Ахура-Мазды, всякого рода дэвопоклонников и приверженцев Лжи не только не являются грехом, но будут причислены к добродетели и доблестям на посмертном суде. Праведник должен трудиться для того, чтобы давать обильный корм животным Ахура-Мазды: коровам, коням, овцам и козам.

К избранным животным относились также собаки, которые оберегают стада от волков, воров и врагов. Напротив, дэвовские твари (*храфстра*) — волки и другие «вредные хищники», нападающие на мирные стада, а также змеи, жабы и насекомые-вредители достойны безжалостного истребления.

Свидетельства особого отношения к разным животным, особенно к собакам, нам удалось проследить при раскопках Гонура. Там было найдено множество останков этих животных, но следует начать их описание с упомянутого выше котлована № 3900 на Царском некрополе (рис. 6). Когда контур этой ямы был только обнаружен и начата ее расчистка, на глубине около 20 см от уровня древней дневной

поверхности была обнаружена голова крупной собаки со следами насильственной смерти. Задние и передние ноги животного были близко соединены, скорее всего, их связали. Позвоночник собаки неестественно изогнут, ее хвост, по всей видимости, отрублен или отрезан. На лобной кости животного видна крестообразная травма, нанесенная каким-то тяжелым острым орудием, что, видимо, и стало причиной смерти собаки, которую положили у края глубокого котлована, имевшего диаметр 5 м и глубину 2,5 м. На его дне были размещены четырехколесная повозка; останки двух ослов, двух верблюдов и семи собак; огромный металлический котел; металлический «символ», состоящий из семи шаров, поставленных один на другой; два массивных каменных посоха, один из которых имеет веретенообразную расширяющуюся в середине форму, а другой заканчивается изображением копыта; бронзовый светильник и бронзовая совковая лопата, напоминающая такое же современное изделие [Сарианиди, Дубова 2010].

Каменные посохи указывают на то, что погребение имеет отношение к людям, обладавшим большой властью и высоким общественным саном. Все найденное в котловане является набором культовых предметов и вряд ли принадлежало одному человеку и даже одной семье, а скорее всего — роду или даже общине. Выскажем предположение, что в коллективных праздниках могли принимать участие собаки и люди. Семь найденных в котловане собак были умерщвлены по окончании празднования, но их положили здесь лишь после захоронения группы людей, которые, возможно, также были умерщвлены (семь убитых рабов или провинившихся служек). Огромный котел свидетельствует о коммунальном характере таких праздников, в которых принимало участие большое число людей. Найденная в котловане разбитая повозка могла подвозить малых и старых участников, а также продукты питания к «площади общественных трапез». Обнаруженная здесь же лопата, наверное, послужила для выравнивания и расчистки самой «площадки».

Восьмая собака, положенная на верхний край котлована, могла быть оставлена в качестве охранительницы захоронения и всего, что было в него помещено. Подчеркнем также, что такой объект, как котлован № 3900, содержащий многочисленные остатки животных, останки убитых людей, четырехколесную повозку и богатый уникальный инвентарь, впервые найден в Средней Азии.

В рассматриваемой могиле магическую роль играет число 7, что вряд ли является случайностью. Число 7 имеет символическое значение у многих народов, что отражается в представлении о «семи творениях» Ахура-Мазды и Святого Духа у древних зороастрийцев. По мнению М. Бойс, идея о семи божествах (Ахура-Мазда и шесть его эманаций — «бессмертные святые») является главным новшеством учения Заратуштры, хотя в основе этой идеи лежали старые представления о происхождении мира, а божества были представлены еще в дозороастрийском пантеоне. Божества способствуют творению добра и уничтожению зла. Среди них различаются язаты («достойные поклонения») и «бессмертные святые».

С древнейших времен одним из самых заметных дней календаря является день весеннего равноденствия. В ираноязычном мире он получил название Науруз. В связи с этим священнейшим празднеством постепенно развилась череда из шести других особых дней. Так возникли семь праздников, в основе которых лежало почитание шести великих божеств и главного божества — Ахура-Мазды.

Культовые празднества стали обязательными для верующих. Самое главное из них — Науруз (Новый год), предвещающее наступление «Нового дня», отмечается особенно радостно, сопровождаясь множеством красивых обрядов, символизирующих об-



новление и блаженство. Члены каждой зороастрийской общины утром должны присутствовать на праздничном богослужении, а затем собраться на веселое угощение, где они принимают пищу, благословленную ранее. В праздничные дни прекращаются всякие раздоры и укрепляются дружеские отношения.

Вполне логичен вывод о том, что рассматриваемый котлован и находки в нем демонстрируют наличие у населения Маргианы празднеств типа Науруза. Вспомним в связи с этим огромные «площади общественных трапез», на которых могли происходить пиры на Гонуре.

Показательна связь смерти и собаки, которая у зороастрийцев принимает участие во многих погребальных обрядах. Это животное обязательно сопровождает покойника в последний путь. Кормление собаки ритуальной пищей, как во время похорон, так и в другие поминальные дни, обязательно, так как считается, что данная ей пища предназначена для душ умерших родственников и близких. Обряд *sagdid* (оглядывание умершего собакой) необходим для определения пути усопшего. В соответствии с этим обрядом предписывается, чтобы к каждому покойному была приведена «желтая четырехглазая собака» или «белая собака с желтыми ушами», взгляд которой отпугивает демонов, пытающихся проникнуть в мертвое тело. Один из ведущих специалистов по зороастризму В. Ю. Крюкова замечает: «Сила святости собак настолько велика, что они могут заменять второго человека в погребальных похоронных обрядах, исполнение которых в одиночку является тяжелым грехом» [Крюкова 2009: 25; см. также: Мейтарчиан 1999: 111]. В Видевдате сказано: «Да не понесет никто в одиночку мертвого. А если понесет в одиночку мертвого, набросится на него трупная муха Друхш-йа — Насу, которая “проникает”, смешивается с ним через отверстия его тела» [Крюкова 2009: 25–26].

Живым запрещено ходить путем, которым проносят мертвых людей и (очень важно!) мертвых собак. Однако этот запрет не относится к собаке, так как ее взгляд изгоняет муху Насу, отчего та улетает в «северную сторону». Если нет уверенности в том, что ритуал совершен удачно, и Насу изгнана, требуется снова провести собаку. А если Насу не улетела и после этого, по дороге к погребению необходимо вместе с людьми и собакой пройти также священнику.

В свете сказанного выше оставление восьми собак в могиле № 3900 Гонура, безусловно, являлось ритуальным действием.

Собака охраняет дома от воров и большие стада животных во время их выпасов, но особую роль она играет в отправлении погребальных обрядов. По «уровню создания» это животное идет вслед за человеком. Особенно тяжким грехом считается, если человек станет кормить собаку нераздробленными костями или слишком горячей пищей. Собака, как и человек, несет ответственность за содеянное [Рак 1997: 19]. Для нее установлены соответствующие степени наказания: за первый случай членовредительства по отношению к человеку собаке отрезали правое ухо, за второе — левое и т. д.

За убийство собаки, как и за убийство человека, полагалась едва ли не казнь виновного. На вопрос Заратуштры, что делать с человеком, который убьет собаку, «и сказал Ахура-Мазда: Пусть ему нанесут тысячу ударов конской плетью, тысячу ударов плетью “делающей послушными”... Кто нанесет стерегущей скот собаке ушиб, или отрежет ей ухо, или порежет ей ногу, а из-за этого вор или волк незаметно утащит из стада скотину, тот должен тогда вред искупить: наказанием за умышленно совершенное ранение собаки». После смерти собаки Авеста предписывает совершить тот же погребальный обряд, что и в случае кончины человека. И здесь необходимо еще раз отметить, что во «дворе» одной из царских гробниц (№ 3210)

была обнаружена собака, лежащая в попоне, расшитой гипсовым бисером [Дубова 2004], что весьма показательно.

Зороастрийцы отмечали, что своими недостатками собака повторяет человека: «у нее характер священника; у нее характер воина; у нее характер скотовода; у нее характер вора; у нее характер зверя; у нее характер ребенка, характер потаскухи; угодливая как раб, коварная, как раб... В этом она как раб. Ждущая темноты как вор, промысляющая ночью как вор. Угодливая как потаскуха, коварная как потаскуха» [Рак 1998: 289]. В целом можно отметить, что и на Гонуре нет свидетельств обожевления собаки. Напомним, что одна из собак в погребении № 3900 была преднамеренно убита и небрежно брошена на край котлована. В связи с этой находкой следует вспомнить о более ранних раскопках южной части Большого некрополя, когда на краю верхней части одной могилы, имевшей обоженные стенки (захоронение № 14), были обнаружены останки собаки, также пренебрежительно брошенные в яму [Sarianidi 2007: no. 14]. Тогда мы не смогли объяснить такое отношение к этому животному. Сейчас после обнаружения собаки, брошенной на край котлована № 3900, мы можем говорить о том, что обитатели Маргианы не столько почитали собак, сколько использовали их в определенных ритуальных целях.

В зороастризме существует представление о смерти как об осквернении, чему посвящена статья В. Ю. Крюковой, в которой отмечено, что «особое отношение к смерти, умиранию, старению, любому физическому изъяну хорошо известно в зороастризме» [Крюкова 2009: 26]. Автор считает, что собаки тесно связаны со смертью в зороастрийской традиции, но представлена эта связь в древнейшем памятнике, упоминающем собаку, — Видевдате — несколько иначе, «если не противоположным образом» [Крюкова 2009: 25]. В Ригведе пара собак принадлежит Яме, владыке царства мертвых, и они разыскивают тех, кому предопределено умереть. Эти собаки, в отличие от древнеиндийской традиции, сопровождают божество Веры уже после смерти человека. Иначе говоря, встреча мифологических собак с человеком происходит не тогда, когда он осквернен смертью, а когда его нетленная душа уже отделена от бренного тела. В. Ю. Крюкова пишет: «В отличие от ведийских, авестийские собаки не привлекают смерть, а напротив отгоняют ее своим взглядом от мертвого тела, для чего их используют в похоронных ритуалах» [Крюкова 2009: 25]. Очевидно, что в этих деталях проявляется связь собак со смертью, хорошо известная в индоевропейском мире, но которая рассматривается в авестийских текстах под особым углом зрения.

В этом отношении крайне важны уже описанные выше данные, полученные весной 2011 г. при раскопках территории, лежащей к востоку от Царского некрополя Гонура. Еще раз обратимся к Авесте. Такие ее персонажи, как Асто-видоту и (злой) Вайю, являются только немногими из демонов, стоящих под началом Злого Духа. Их сфера обозначена как круг-«ложь», противостоящий мировому порядку, так как Друшш-йя-Насу, прилетающая с севера в виде трупной мухи Насу, нападает на тело человека, как только под действием других демонов его покидает душа. В связи с этим интересно следующее замечание: «А если на собаку, стерегущую скот, Друшш-йя-Насу обрушивается, о Спитама Заратуштра, то восьмерых настигает, то семерых настигает, семерых заражает... Если на собаку, стерегущую дом, Друшш-йя-Насу обрушивается, то семерых настигает... Если на молодую собаку набрасывается, о Спитама Заратуштра, то пятерых настигает, четверых заражает» [Крюкова 2009: 28]. Здесь важно отметить, что количество жертв находится в прямой зависимости от объектов охоты злых сил. Показательно, что

в вышеупомянутых небольших могилках погребены разные собаки, отличающиеся как породой, так и возрастом.

Заключая раздел, посвященный погребениям собак, нужно сказать, что когда все необходимые археозоологические исследования находок из Гонура будут проведены, тогда можно будет приблизиться еще на шаг к пониманию духовного мира тогдашнего населения Маргианы. Но уже сейчас, имея краткую информацию об этих захоронениях, трудно переоценить полученные находки. При взгляде на схему Царского некрополя до раскопок весной 2011 г. бросалась в глаза пустота его восточной части. Теперь полтора десятка найденных погребений стали весьма показательными. С одной стороны, захоронения собак на кладбищах нередко маркируют границы могильников, показывая, что далее на этой территории погребения не производятся [см., например: Кожин 2011: 112]. С другой стороны, в Средней Азии, включая Туркменистан, среди домашних животных и сейчас, и в древности собака занимает особое положение. В наши дни в Туркменистане алабай, почти наравне с «крылатым» ахалтекинцем, является национальной гордостью. Этим животным посвящены даже праздники<sup>3</sup>. Но те же алабаи в повседневной жизни испытывают массу лишений. Животные, которых хозяева тренируют для собачьих боев, получают, конечно, достаточно питания. Те же, кто охраняют стада, нередко получают скудную пищу и должны сами заботиться о пропитании. Собак одновременно и любят, и «показывают им свое место».

И на Гонуре, как было уже подмечено, в погребении № 3900 собаки захоронены самыми последними, после людей, как будто бы завершая исполнение ритуала. В то же время на Большом некрополе в одной из могил собака небрежно брошена на край могильной ямы. Все погребения их животных на Большом некрополе совершены, как сказано выше, в обожженных ямах, т. е. в таких погребальных сооружениях, где хоронили людей с физическими недостатками [Сарияниди 2001; Бабаков и др. 2001; Васильев и др. 2001]. Нельзя не сказать и о том, что на памятниках Маргианы зооморфные изображения собаки представлены мелкими примитивными изделиями из глины. Они отсутствуют в анималистических сценах, исполненных на сосудах, не украшают навершия булавок и другие предметы. Одним из персонажей самой выдающейся анималистической рельефной сцены, показанной на серебряном кубке из гробницы № 3235, является не домашняя собака, а волк.

*Погребения быков, ослов и лошадей.* Перейдем к характеристике захоронений и местонахождений останков других животных. Особого внимания заслуживают погребения ослов. Как уже было отмечено в примечании к табл. 1, мы оставляем за археозоологами принятие решения о точном видовом определении костных останков гонурских эквидов. Пока же имеет смысл использовать оппозицию лошадь — осел. На Гонуре известно лишь одно целое захоронение лошади. Речь идет о молодом животном, размещенном вдоль восточной стенки двора царской гробницы № 3200 и прижатом с другой стороны четырехколесной повозкой (рис. 4). Судя по единственному сохранившемуся зубу, это была именно лошадь [Сагаев 2008б]. Как видно из табл. 1, в других погребениях останки лошади представлены лишь фрагментами. Самыми крупными из них являются плохо сохранившиеся череп и лопатка этого животного, найденные в захоронении № 3766 (раскоп 9, помещение 149)

<sup>3</sup> «День ахалтекинского скакуна» празднуется в последнее воскресенье апреля. До 2007 г. «День алабая» отмечался 8 марта.

в сопровождении черепа собаки и фрагментированного черепа барана. На раскопе 13 в помещении 31 обнаружена передняя конечность лошади (погребение № 3479), а в описанном выше коллективном захоронении животных около цисты № 2900 — нижняя челюсть. Дистальный сустав плечевой кости лошади выявлен в зольно-углистом слое «холма золы» (Теменос, погребение № 3473), а одиночный зуб — в северо-западном углу обводной стены (захоронение № 3405).

Кроме данных, приведенных в нашей табл. 1, интерес представляют несколько зубов лошади (все определения принадлежат Р. М. Сатаеву), встреченные в верхнем слое заполнения погребений на раскопе 16. Здесь расчищены два захоронения в подбойных могилах. В обоих случаях зубы явно неслучайно находились на 10–15 см выше погребальных приношений, размещенных в подбое. В захоронении № 3795 найден один зуб лошади, а в погребении № 3798 — два. Другие фрагменты костей этого животного не зафиксированы ни в одном, ни в другом захоронении.

Таким образом, есть все основания не согласиться ни с утверждениями К. Мур [Moog 1993: 167–168], ни с более осторожными замечаниями Р. Мидоу [Meadow 1993: 73; см. также: Parpola, Janhunen 2010: 425–426] об отсутствии остатков лошадей на Гонуре. Теперь можно говорить о том, что в Маргиане домашняя лошадь была известна (рис. 12, *вверху справа*). Нужно только дождаться описания ее останков специалистами.

Находки фрагментарных и целых скелетов ослов более многочисленны. Все три погребения целых туш этого животного обнаружены в особых местах, причем в каждом по одному: первая выявлена на Большом некрополе («погребение жеребенка»), вторая — на северной окраине Царского некрополя (захоронение № 3340), а третья — в описанной выше камере № 3597, в ритуальном погребении животных на раскопе 16. В захоронениях ослов нет богатых приношений. В погребении № 3340 имеется пара бусин и несколько керамических сосудов, в захоронении № 3597 — только бронзовый котелок, а в «погребении жеребенка» какой-либо инвентарь совсем отсутствует. Еще две особи этого животного захоронены в уникальном котловане № 3900, где обнаружена четырехколесная повозка, в которую они, вероятно, были запряжены. Впрочем, их присутствие здесь, возможно, свидетельствует о важном, но пока неясном символизме, учитывая, какое место в древних ближневосточных религиозных системах занимал осел.

Нельзя забывать, что первые материальные свидетельства существования страны Маргуш (Маргиана) были получены менее полувека назад. Поэтому мы находимся только в начале понимания системы религиозных представлений ее древних обитателей. Однако уже сейчас имеются свидетельства того, что разные части тела животных играли определенную роль в ритуалах и, видимо, в символике. Явно неслучайно, например, что большее число особей ослов представлено в погребениях частями (например, конечности), а не полными тушами.

Обращает на себя внимание отсутствие захоронений верблюдов. Их полные скелеты найдены исключительно в царских могилах и в котлованах, сопутствующих этим усыпальницам, куда их помещали для обеспечения удобств погребенных в потустороннем мире. Данное обстоятельство позволяет предполагать, что знакомство с верблюдом пришедших в древнюю дельту Мургаба племен произошло уже после их появления в Маргиане и Бактрии. Но «могила агнца» (циста № 18), в которой два верблюда сопровождали основное захоронение ягненка, а также тот факт, что конечности верблюда присутствуют в нескольких особых могилах, свидетельствуют о более сложных представлениях населения об этом животном.



Слив в форме головы лошади.  
Гонур, раскоп 8, верхний слой



Терракотовая фигурка верблюда.  
Гонур, раскоп 16, около пом. 126



Слив в форме головы верблюда.  
Гонур, раскоп 6, пом. 6



Терракотовая фигурка верблюда.  
Гонур, раскоп 18



Навершие серебряной булавки из погр. 2900.  
Гонур, раскоп 5



Терракотовая фигурка верблюда.  
Гонур, раскоп 17, пом. 19



Фрагмент навершия серебряной булавки.  
Гонур, раскоп 13, подъем



Гравированное изображение верблюда  
на донце серебряного конического кубка  
из царской гробницы № 3220

**Рис. 12.** Гонур-депе. Изображения лошади (вверху справа) и верблюдов

Показательно, что изображения верблюда (глиняные фигурки) занимают важное место в искусстве обитателей Маргианы. Сливы глиняных сосудов иногда оформлены в виде голов этих животных. Фигуры верблюда показаны в рельефе на серебряном сосуде из тайника гробницы № 3220, они украшают навершия булавок, а также выгравированы на донцах золотых и серебряных сосудов (рис. 12). Следует

отметить, что на Гонуре не встречено ни одного изображения одnogорбого верблюда. Можно предположить, что жители Маргианы разводили только двугорбых животных, имеющих показательное название — «бактрианы».

На Гонуре обнаружены два погребения крупного рогатого скота, которые расположены на Царском некрополе за пределами обводной стены, построенной по всем признакам позже начала функционирования кладбища, во втором строительном периоде Гонура. Одно из этих захоронений (№ 3890), расположенное в 9 м к юго-западу от царской гробницы № 3220, совершено в яме, которая имеет неправильную прямоугольную форму (100 × 80 см) и в центре достигает глубины 50 см. В яму была помещена расчлененная туша коровы без погребального инвентаря. Описание животного и его видовое определение (как и второй особи из захоронения № 3895, см. ниже) произведено Р. М. Сатаевым. Судя по состоянию зубной системы нижней челюсти и синостозу эпифизов, корова имела возраст 2,5 года, т. е. не достигла полной костной зрелости. Ее туша была разделана по отделам, уложенным в яму последовательно и в определенном порядке. Разделка туши произведена с большой тщательностью по контактными поверхностям, без рубки и раскалывания. Характер разделки указывает, что туша была предварительно освежена и выпотрошена. Таз разделен на две половины. Конечности отделены от туши целиком. Вначале в яму, вероятно, выложили разделенные отделы позвоночника, а затем — голову. После этого поместили ребра, заходящие на лицевую часть черепа. Одновременно с ними (или несколько позднее) в погребение уложили левые конечности. Поверх левой тазовой кости крестообразно сложили семь ребер, а в завершение — правые конечности. Характер расчленения туши и пространственное размещение ее частей в яме говорят о том, что подобная разделка являлась частью сложного ритуала. Мастерство и тщательность проведенной процедуры могут свидетельствовать о том, что осуществившие ее люди хорошо знали анатомию животного, а также владели большим опытом подобных манипуляций с тушами.

Второе погребение, на этот раз быка (№ 3895), находилось в 10 м к западу-юго-западу от первого. Оно устроено в большой яме (300 × 180 см), достигавшей глубины 130 см. Целая туша была уложена в могилу на левый бок, головой на север. Напомним, что остатки животных рассматриваемого вида были обнаружены и на поселении Тоголок I, более позднем памятнике (вторая половина II тыс. до н. э.) в дельте Мургаба, где в прямоугольной цисте захоронены «жрица и погонщик» в сопровождении двух быков.

Характерно, что образы быков редко встречаются в глиптике Гонура. Кроме грубоватых глиняных фигурок быка, найденных на разных раскопах, наиболее ярким его воплощением является серебряная подвеска, на которой изображены два стоящих головами друг к другу быка. Это украшение включено в состав ожерелья из двух ниток полудрагоценных камней (погребение № 2900). Фигура животного, представленная в анималистической сцене на небольшом серебряном сосуде из царской гробницы № 3235, по мнению специалистов, представляет собой дикого быка (зебу). Нельзя не упомянуть и культовые сосуды из Гонура, на каждом из которых слив оформлен в виде бычьей головы (рис. 13). Вспомним также мраморную головку быка, найденную на полу помещения 32 в храме Тоголок 21. Она имеет пару углублений, куда, по-видимому, были вставлены не сохранившиеся к моменту ее обнаружения рога, сделанные, предположительно, из лазурита или сердолика или даже из золота. В месте слома по линии шеи головка заполирована



Терракотовая фигурка быка.  
Гонур, раскоп 18, пом. 12



Терракотовая фигурка быка.  
Гонур, раскоп 16, пом. 72



Серебряная подвеска в ожерелье  
из погр. № 2900. Гонур, раскоп 5



Культовый сосуд, венчик которого  
украшен головами быков.  
Некрополь Гонура, погр. № 2630



Фрагмент культового сосуда  
со сливом в виде головы быка.  
Гонур, раскоп 8, подъемный материал

**Рис. 13.** Гонур-депе. Изображения быков

до блеска, сбоку по краям имеются три сквозных отверстия для крепления этого навершия на ручку-основу. Отметим, что булавы такого же рода употребляются современными зороастрийскими жрецами во время приобщения молодых людей к зороастрийской религии [Сарияниди 2010: 96].

Завершая обзор местонахождений костных останков животных на Гонуре, необходимо упомянуть, что на этом памятнике не найдено ни одного захоронения кабана или свиньи, хотя их отдельные кости зафиксированы в четырех погребениях, три из которых были устроены на Царском некрополе. Лишь в одном из них

(№ 3206) лежали кости конечностей одной только свиньи. В трех других случаях в захоронениях обнаружены останки разных животных.

**Предварительные итоги.** Еще до их подведения, следует обратить внимание на особое значение числа 7 для населения страны Маргуш-Маргианы. Напомним, что в Царском некрополе (котлован № 3900) погребены семь молодых мужчин и семь крупных собак, в этом же захоронении находился уникальный бронзовый сосуд, который состоял из семи шаров, поставленных один на другой. В одном из углов ритуального погребения коровы (№ 3890) в ряд выложены семь ее ребер. В другом месте той же могилы поверх левой тазовой кости животного лежали головками на север три его левых ребра, а на них головками на запад (т. е. поперек нижних) были помещены четыре правых ребра, т. е. семь одинаковых частей туши. В одной из камер захоронения ягненка (№ 3310) обнаружено жертвенное мясо в виде семи кусков реберных частей нескольких барашков. В «могиле агнца» (№ 18) встречено прикрепленное к каменному посоху медное полое внутри наверхие, которое имеет семь прорезных сквозных отверстий в виде небольших крестов. Здесь мы просто обращаем внимание на закономерность, связанную с числом 7, так как анализ символики чисел, имевшей место у населения богатейшей культуры БМАК еще предстоит сделать.

Все приведенные выше сведения показывают, что кроме земледелия важную роль в повседневной жизни населения страны Маргуш-Маргианы играло скотоводство. Поскольку выявлены погребения баранов, собак и ослов в сопровождении богатых заупокойных приношений, которые иногда превосходят посмертные дары, помещенные в соседние могилы людей, а также получено свидетельство о человеческом жертвоприношении в погребении ягненка (№ 3310), есть все основания считать, что такие обряды не были ни единичными, ни случайными, а, напротив, являлись характерными ритуалами местных племен. Наличие символов военной и, видимо, административной власти в могилах баранов и коз могут указывать на то, что они играли большую роль в мировоззрении жителей Маргианы.

Численное соотношение захоронений разных видов животных на Гонуре говорит о том, что самое видное место в представлениях местного населения занимали баран и собака. Характерно, однако, что барана хоронили в основном в камерных могилах или цистах, а собак — в ямах, за исключением одного погребения в цисте; при этом на Большом некрополе Гонура все собаки лежали в обожженных ямах. Следовательно, баран и собака занимали разные места в мировоззрении жителей Маргианы. Наверное, какая-то часть захоронений барана может быть интерпретирована как «заместительная жертва». Возможно также, что животных хоронили, чтобы избавиться от проклятия человека или отвести от него болезнь, которую «передавали» жертвенному барану [Данилов 1982]. Вероятно, разнообразие раскопанных могил животных этого вида нельзя ограничивать только такими объяснениями, поскольку им противоречат два богатых погребения (№ 3124 и 3130), в каждом из которых обнаружено по три их особи (самец, самка, ягненок), захороненных в сопровождении большого количества крупных бронзовых изделий, включая жезлы-«гарпуны», а также «игральных досок» и мелких золотых поделок. Особое отношение к баранам подтверждается фактами обнаружения обезглавленных животных (№ 18, «погребение агнца»; захоронение № 3622) также с богатыми погребальными приношениями. Известны случаи захоронения головы барана, иногда совместно с фрагментами скелетов других животных. Например, в погребении № 3766 (раскоп 9) разрушенный череп барана находился вместе с черепами лошади и собаки, а также лопатками лошади. В захоронении № 3282 (раскоп 10) найдены два сильно фрагментированных бараньих черепа.



В погребении № 3614 (раскоп 13) вместе с конечностями барана обнаружена нижняя челюсть коровы. В разрушенном захоронении № 3829 (раскоп 16), где была похоронена собака, лежали фрагменты конечности коровы, а также рог барана.

В связи с находками останков лошадей, кроме уже высказанных замечаний, хотелось бы отметить, что использование методов молекулярной биологии привело многих специалистов к выводу, о том, что лошадь была одомашнена в различных местах в интервале от 9000 до 2000 гг. до н. э. [Meadow, Uerpmann 1986; Nyland, 2003; Иванов 2004: 48–50; Кузьмина, 2004; Дергачев 2007: 215–302]. Как известно, вопросы одомашнивания лошади и ее активного хозяйственного использования, в том числе в качестве тяглового или верхового животного, так же как и связь лошади и повозки с индоариями, — проблемы совершенно разные и должны решаться хотя и согласованно, но раздельно. В настоящее время считается доказанным, что самое раннее ритуальное захоронение домашней лошади с колесницей представлено в культуре Синташта, хотя материалы Гонура показывают, что на ту же роль с большим основанием может претендовать молодая лошадь из царской гробницы № 3200, которая методом  $C^{14}$  датируется примерно 2250 г. до н. э. Одним из центров одомашнивания лошади является восточная часть Малой Азии и территория Сирии. Именно поэтому важны изображения колесниц на печатях из Каниша (Малая Азия), что соответствует роли, отводимой лошади в древнехеттских и лувийских текстах. Показательны слова академика В. В. Иванова: «Эбла (Сирия), Уркеш и Каниш группируются вокруг сирийско-анатолийско-малоазийского ареала (одомашнивания лошади — *Н. Д.*), и на рубеже III–II тыс. до н. э. можно видеть результаты предполагаемого движения на восток — на севере в Синташте-Аркаи́ме, на юге — в Маргиане» [Иванов 2004: 51].

Отметим также, что культурные связи между сирийско-анатолийско-малоазийским и маргианско-бактрийским регионами проявляются, в том числе и в идентичной конструкции колеса повозки. В Сузах, на Гонуре и в Бактрии, а также на аккадских мозаиках оно предстает сплошным, сбитым из трех деревянных плах, имеющим двустороннюю втулку и оббитым снаружи металлической шиной, которая закреплена на нем с помощью бронзовых ушек и заклепок [Дубова 2004; Сариниди, Дубова 2010]. Данные антропологии подтверждают миграцию населения с Ближнего Востока на юг Средней Азии, причем речь идет о волнообразном переселении в поисках свободных земель, которое продолжалось, возможно, не одно поколение, причем мигранты активно взаимодействовали с населением встречавшихся на их пути территорий [Дубова 2009; 2010а; 2010б]. Дополнительный луч света на эту проблему может пролить подробный анализ символики погребений животных и фрагментов их туш на Гонур-депе. Е. В. Антонова, ведущий специалист в этой области, изучив погребения, подобные описанным выше, делает предварительный вывод о том, что «за образами животных в разнообразных проявлениях культуры БМАК так или иначе стоят сверхъестественные существа, в том числе представлявшие и как человекоподобные» [Антонова 2005: 116]. Как уже сказано ранее, задача данной работы намного скромнее и заключается лишь в характеристике тех явлений, которые были зафиксированы на Гонур-депе к настоящему времени.

Информация о размещении погребений животных на этом памятнике свидетельствует о том, что у жителей страны Маргуш-Маргианы во II тыс. до н. э. бытовали сложные и пока неясные воззрения и ритуалы, связанные не с бараном, лошастью, верблюдом, собакой или с божеством, которое олицетворяло то или иное животное, а с представлениями об устройстве мира и загробной жизни.

В заключение следует сказать о том, что пока тема захоронений животных и их роли в религиозных представлениях рассматривается только в рамках одного региона, в пределах одного типа хозяйства, одного или нескольких, но близких исторических периодов. Однако таких материалов собрано уже немало: от захоронений собак в неолитических очагах Прибайкалья [Окладников 1961: 73; Данилов 1983] до широкого круга источников, свидетельствующих об особом отношении к собакам, волкам и лошадям у скифов<sup>4</sup>; от информации о ритуальных погребениях быков в Египте [Brass (интернет-ресурс)] до захоронений животных (в основном ослов) вблизи могил людей на Ближнем Востоке [Vietack 1996], причем многие материалы в нашей статье остались неупомяннутыми. В новосибирском Приобье в нескольких погребениях раннего железного века представлено, по крайней мере, два типа жертвоприношения животных (кабана и свиньи). К первому типу относятся строительные жертвы, связанные с возведением оборонительных сооружений, ко второму — жертвы, совершенные после ограбления могил, которое было произведено вскоре после захоронения [Троицкая, Шишкин (интернет-ресурс)]. Погребения собаки, коня, барана и их черепов известны в могильниках кулайской культуры (Каменный мыс, Ближние Елбаны XIV), на городище Дубровицкий Борок 3, поселении Ордынское 9 [Троицкая 1979: 107–108]. Кладбище животных, включающее могилы четырех жеребят (в возрасте около 8 месяцев) и двух собак (взрослой особи и полугодовалого щенка) близкой лайкам породы, выявлено в грунтовом могильнике Обские Плесы II [Кунгуров, Горбунов 1994; Горбунов, 1996]. Возникновение такого рода обрядов традиционно связывают с появлением скотоводов в земледельческих областях, как, например, в египетской местности Нагда, где приход пастухов из пустынных районов привел к распространению ритуала погребения домашних быков. В целом данные, приведенные выше, характеризуют духовную культуру жителей Маргианы конца III тыс. до н. э. С одной стороны, эти сведения говорят о более сложных религиозных представлениях обитателей данной области, а с другой — указывают на отсутствие кардинального противопоставления земледельческого и скотоводческого типов хозяйства.

## Литература

- Аванесова 1995: *Аванесова Н. А.* Новое в погребальном обряде сапаллинской культуры // АВ. № 4. С. 63–72.
- Аванесова 2003: *Аванесова Н. А.* Новые работы на некрополе Бустон VI // АИУз — 2002. Вып. 3. С. 20–25.
- Аванесова 2006: *Аванесова Н. А.* Двенадцатый полевой сезон на некрополе Бустон VI // АИУз. Вып. 5 [2004–2005 годы]. С. 23–30.
- Антонова 2005: *Антонова Е. В.* Об останках животных в памятниках Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) // Центральная Азия. Источники, история, культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию д. и н. Е. А. Давидович и действительного члена Академии наук Таджикистана, академика РАЕН, д. и н. Б. А. Литвинского. М. С. 105–117.

<sup>4</sup> См. интернет-ресурсы: <http://www.tatforum.info/forum/lofiversion/index.php/t7167.html>; <http://www.myfam.ru/article/4nog/mifolo/voinIvolkpec.html>; <http://www.kazakh.ru/talk/mmess.phtml?id=15372> и многие другие, где цитируются, нередко тенденциозно, лингвистические, археологические, и исторические источники.

- Аскарлов 1977: *Аскарлов А.* Сапаллитепе. Ташкент.
- Аскарлов, Ширинов 1993: *Аскарлов А. А., Ширинов Т. Ш.* Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд.
- Бабаков и др. 2001: *Бабаков О., Рыкушина Г. В., Дубова Н. А., Васильев С. В., Пестряков А. П., Ходжайов Т. К.* Антропологическая характеристика некрополя Гонур-Депе // *Сарияниди В.И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М. С. 105–132; 219–240.
- Бойс 1987: *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаям. М.
- Васильев и др. 2001: *Васильев С. В., Бабаков О., Боруцкая С. Б., Савинецкий А. Б.* Антропологическое исследование погребений с обожженными стенками Гонурского некрополя (Туркменистан) // *Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН.* М. С. 7–19.
- Горбунов 1996: *Горбунов В. В.* Ритуальные захоронения животных кулайской культуры (грунтовой могильник Обские Плесьи II) // *Погребальный обряд древних племен Алтая.* Барнаул. С. 156–166.
- Гутнов 2001: *Гутнов Ф. Х.* Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ.
- Данилов 1982: *Данилов С. В.* Ритуальные захоронения баранов в Забайкалье // *СА. М. № 1.* С. 229–233.
- Данилов 1983: *Данилов С. В.* Животные в погребальных обрядах Забайкалья // *По следам древних культур Забайкалья.* Новосибирск. С. 107–112.
- Дергачев 2007: *Дергачев В. А.* О скипетрах, о лошадях, о войне. СПб.
- Дубова 2004: *Дубова Н. А.* Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // *У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди.* М. С. 254–281.
- Дубова 2008: *Дубова Н. А.* Погребения животных в ритуальной обрядности Гонур-депе // *Культура кочевников Центральной Азии.* Самарканд. С. 84–97.
- Дубова 2009: *Дубова Н. А.* Миграции и торговля: антропологические заметки // *КСИА.* Вып. 223. С. 224–243.
- Дубова 2010а: *Дубова Н. А.* Антропологический покров Туркменистана в древности и в наши дни // *На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В. И. Сарияниди.* СПб. (ТМАЭ. Т. 3). С. 485–503.
- Дубова 2010б: *Дубова Н. А.* Процессы этногенеза на Евразийском пространстве (антропологические следствия миграций и торговли в бронзовом веке) // *Человек: его биологическая и социальная история. Труды Международной конференции, посвященной 80-летию академика РАН В. П. Алексеева (Четвертые Алексеевские чтения)* г. Москва, 9–12 ноября 2009 г. Т. 1. М. С. 67–79.
- Дубова 2012: *Дубова Н. А.* Погребения животных в стране Маргуш // *ТМАЭ. Т. 4.* С. 101–139.
- Иванов 2004: *Иванов Вяч. Вс.* Двадцать лет спустя. О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из древнего Ближнего Востока // *У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди.* М. С. 41–67.
- Кожин 2011: *Кожин П. М.* Китай и Центральная Азия до эпохи Чингисхана. М.
- Крюкова 2009: *Крюкова В. Ю.* Представления о смерти как осквернении в зороастризме // *Центральная Азия: традиции в условиях перемен.* СПб.
- Кузьмина 2004: *Кузьмина Е. Е.* Современное состояние проблемы доместикации лошади и проблема происхождения колесниц // *У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди.* М. С. 129–141.
- Кунгуров, Горбунов 1994: *Кунгуров А. Л., Горбунов В. В.* Ритуалы захоронения животных на грунтовой могильнике Обские Плесьи II // *Археология и этнографии Сибири и Дальнего Востока.* Барнаул. С. 91–95.

- Литвинский 1968: *Литвинский Б. А.* Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе.
- Мейтариян 1999: *Мейтариян М. Б.* Погребальный обряд зороастрийцев. СПб.
- Окладников 1961: *Окладников А. П.* Археологические находки на великих стройках Востока // ВАН. № 8. С. 71–77.
- Рак 1997: *Рак И. В.* Авеста в русских переводах. СПб.
- Рак 1998: *Рак И. В.* Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб.
- Сарианиди 1977: *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М.
- Сарианиди 1990: *Сарианиди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад.
- Сарианиди 2001: *Сарианиди В. И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М.
- Сарианиди 2010: *Сарианиди В. И.* Задолго до Заратуштры. М.
- Сарианиди, Дубова 2007: *Сарианиди В. И., Дубова Н. А.* Лошадь в Центральной Азии у земледельцев эпохи бронзы: новые находки на Гонур-Депе (Туркменистан) // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск. С. 224–233.
- Сарианиди, Дубова 2008: *Сарианиди В. И., Дубова Н. А.* Археологические работы на юго-западном холме Гонур Депе (Раскоп 16) // ТМАЭ. Т. 2. С. 28–49.
- Сарианиди, Дубова 2010: *Сарианиди В. И., Дубова Н. А.* Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура (Предварительное сообщение) // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В. И. Сарианиди. СПб. (ТМАЭ. Т. 3). С. 144–171.
- Сатаев 2008а: *Сатаев Р. М.* Животные в хозяйстве и духовной жизни древнего населения Гонур-Депе // ТМАЭ. Т. 2. С. 143–160.
- Сатаев 2008б: *Сатаев Р. М.* Животные из раскопок городища Гонур-Депе // ТМАЭ. Т. 2. С. 138–142.
- Троицкая 1979: *Троицкая Т. И.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск.
- Троицкая, Шишкин (интернет-ресурс): *Троицкая Т. И., Шишкин А. С.* О некоторых погребениях животных в Новосибирском Приобье [URL: [http://www.ipdn.ru/rics/va/\\_private/a4/1-tro-s.pdf](http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a4/1-tro-s.pdf) (дата обращения: 22.05.2015)].
- Bietak 1996: *Bietak M.* Avaris. The capital of the Hyksos. Recent excavations at Tell el‘Daba’a. London.
- Boyce 1989: *Boyce M.* A history of Zoroastrianism. Vol. 1. Leiden; Köln.
- Brass (интернет-ресурс): *Brass M.* Tracing the origin of the Ancient Egyptian cattle cult [URL: [http://www.antiquityofman.com/brass\\_EEF2002.pdf](http://www.antiquityofman.com/brass_EEF2002.pdf) (дата обращения: 22.05.2015)].
- Meadow, Uerpmann 1986: *Meadow R. H., Uerpmann H.-P. (ed.)*. Equids in the ancient world. Wiesbaden.
- Hyland 2003: *Hyland A.* The horse in the ancient world. Phoenix Mill.
- Meadow 1993: *Meadow R.* Continuity and change in the agriculture of the Greater Indus Valley // IBIASCCA. Issue 19. P. 63–77.
- Moore 1993: *Moore K. M.* Animal use at Bronze Age Gonur Depe // IBIASCCA. Issue 19. P. 164–176.
- Parpola, Janhunen 2010: *Parpola A., Janhunen J.* On the Asiatic wild asses (*Equus hemionus* and *Equus kiang*) and their vernacular names // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В. И. Сарианиди. СПб. (ТМАЭ. Т. 3). С. 423–466.
- Sarianidi 1996: *Sarianidi V.* The Biblical Lamb and the Funeral Rites of Margiana and Bactria // Mesopotamia. Vol. XXXI. P. 33–48.
- Sarianidi 1998: *Sarianidi V.* Margiana and Protozoroastrism. Athens.
- Sarianidi 2007: *Sarianidi V.* Necropolis of Gonur. Athens.

Таблица 1

## Погребения животных и различных частей их туш на городище Гонур-депе:

Д — дворец; Н — некрополь; (о) — основной погребенный; ОК — Отдельный комплекс;  
 P — раскоп; оя — обожженная яма; ояц — обожженная яма-циста; ЦН — Царский некрополь;  
 З — запад; С — север; Ю — юг; СВ — северо-восток; СЗ — северо-запад; ЮЗ — юго-запад;  
 ЮВ — юго-восток

№ п/п	Могилы или местонахождение	Объект или раскоп	Виды животных							Полный или фрагментированный скелет человека
			Баран/коза	Верблюд	Лошадь	Собака	Корова/бык	Осел	Свинья	
1	«Погр. жереб.»	Н						1* (о) без головы и хвоста		
2	18/ Palace, «Мог. агнца»	Д	1 (о), ягненок	2						
3	158/ Palace	Д				1 нижняя челюсть			1 череп	
4	258 (оя)	Н				1(о)				
5	1172 (оя)	Н				1			1	
6	1315	Н	1						1	
7	1939 (оя)	Н				1(о)				
8	2087 (оя)	Н				1(о)				
9	87/2002 (оя)	Н				1(о)				
10	1800 (оя)	Н				1 клык				
11	2845	З (P 6)	1(о)							
12	2872	С (P 11)				1(о)				
13	2900	С (P 5)	4+1**		1 нижняя челюсть	2			2	

Продолжение табл. 1

№ п/п	Могила или местонахождение	Объект или раскоп	Виды животных							Полный или фрагментированный скелет человека
			Баран/коза	Верблюд	Лошадь	Собака	Корова/бык	Осел	Свинья	
14	3038	3 (Р 11)	1(о)							
15	3124	Ю (Р 8)	3(о)							
16	3130	Ю (Р 8)	3(о)							
17	3149	Ю (Р 8)	2							1
18	3155	Ю (Р 8)	1							2
19	3200	ЮВ (ЦН)		2	1	1				7 (4 — о, 3 слуг)
20	3206	ЮВ (ЦН)							1 кости конеч- ностей	
21	3210	ЮВ (ЦН)	2	1		1	1 теленок			11 (4 — о, 7 слуг)
22	3225	ЮВ (ЦН)		2						10
23	3240	ЮВ (ЦН)	2	2		2	1 теленок			17
24	3265	Ю (Р 8)	1							1
25	3280	Ю (Р 8)	1			2				2
26	3281	СЗ (Р 10)		1 лопат- ка, пле- чевая и лучевая кости			1 фрагм. конеч- ности — сустав плюсне- вой кос- ти		1 фрагм. нижней челю- сти	
27	3282	СЗ (Р 10)	2? фрагм. черепов							

Продолжение табл. 1

№ п/п	Могила или местонахождение	Объект или раскоп	Виды животных							Полный или фрагментированный скелет человека
			Баран/коза	Верблюд	Лошадь	Собака	Корова/бык	Осел	Свинья	
28	3310	ЮВ (Р 9)	2 (о)			1	1 теленок	1		1
29	3330	ЮВ (ЦН)						1 кости конечностей		
30	3331	ЮВ (ЦН)						1 кости конечностей		
31	3340	ЮВ (ЦН)						1(о)		
32	3377	ЮЗ (Р 12)	1(о)							
33	3398	ЮЗ (Р 12)	1(о)							
34	3405	СЗ (Р 10)			1 зуб					
35	3478	СВ (Р 11)		1 лопатка						
36	3479	ЮЗ (Р 13)			1 передняя конечность					
37	3547	ЮВ (Р 15)	1(о)							
38	3548	ЮВ (Р 15)	1(о)							
39	3597	ЮЗ (ОК, Р 16)	3***					1(о)		
40	3600	ЮЗ (Р 13)				1(о)				
41	3612 (ояц)	ЮЗ (Р 13)	1							
42	3614	ЮЗ (Р 13)	1 конечности				1 нижняя челюсть			

Продолжение табл. 1

№ п/п	Могила или местонахождение	Объект или раскоп	Виды животных							Полный или фрагментированный скелет человека
			Баран/коза	Верблюд	Лошадь	Собака	Корова/бык	Осел	Свинья	
43	3621	ЮЗ (ОК, Р 16)	1(о)							
44	3622	ЮЗ (ОК, Р 16)	1(о) без головы							
45	3623	ЮЗ (ОК, Р 16)	1(о)							
46	3710 (оя)	ЮЗ (ОК, Р 16)	3 фрагм. костя- ков							
47	3711	ЮЗ (ОК, Р 16)	4 фрагм. скеле- тов 3 баранов и козла							
48	3739	ЮЗ (ОК, Р 16)	1(о)							
49	3766	ЮЗ (Р 9)	1 фрагм. скелета		1 череп и лопатка	1 череп				
50	3790	ЮЗ (ОК, Р 16)	1(о) козле- нок							
51	3813	ЮЗ (ОК, Р 16)				2(о) в позе сово- купле- ния				
52	3829	ЮЗ (ОК, Р 16)	1 рог			2(о)	1 кости конеч- ности			
53	3830	ЮЗ (ОК, Р 16)	2(о)							



Продолжение табл. 1

№ п/п	Могила или местонахождение	Объект или раскоп	Виды животных							Полный или фрагментированный скелет человека
			Баран/коза	Верблюд	Лошадь	Собака	Корова/бык	Осел	Свинья	
54	3855	3 (Р 14)	1(о)							
55	3865	ЮЗ (ОК, Р 16)				4 3 взрос- лые осо- би и щенок				1
56	3880	ЮВ (ЦН)		1		1				3 (1 — о, 2 слуг)
57	3890	ЮВ (ЦН)					1(о) корова, расчле- ненный			
58	3895	ЮВ (ЦН)					1(о) бык, полный скелет			
59	3900	ЮВ (ЦН)		2		8 7 в по- гребе- нии, 1 — у верхнего края могилы		2		7
60	3905	ЮВ (ЦН)		1						4 (1 — о, 3 слуг)
61	3915	ЮВ (ЦН)		3		1				5 (3 — о, 2 слуг)
62	3925	С (Р 17)	1(о)							
63	3955	ЮЗ (Р 9)				1(о)				
64	3959	ЮЗ (Р 9)				1(о)				
65	4065	ЮВ (ЦН)	1 ветвь нижней челю- сти				7(о)		1 поз- воноч- ный столб и таз	

Окончание табл. 1

№ п/п	Могила или местонахождение	Объект или раскоп	Виды животных						Полный или фрагментированный скелет человека	
			Баран/коза	Верблюд	Лошадь	Собака	Корова/бык	Осел		Свинья
66	4069	ЮВ (ЦН)				1(о)			1 нижняя челюсть	
67	4073	ЮВ (ЦН)				1(о)			1 череп	
68	4075	ЮВ (ЦН)				1(о)				
69	4076	ЮВ (ЦН)				1 череп				
70	4077	ЮВ (ЦН)				3(о) щенки				
Количество особей			56	18	5	53	8	9	4	78 (28 — о, 50 слуг)
Количество погребений, содержащих останки данного вида			35	11	5	30	8	8	4	18

\* — Вид животного, захороненного в этом погребении, был определен при обнаружении. Изучивший кости данного скелета Р. М. Сатаев установил, что они принадлежат ослу. Американский археозоолог Р. Мидоу, изучавший костные останки животных на Гонуре в середине 1990-х гг., но знакомый с данным погребением лишь по фото и описаниям, также склоняется к этому определению [см.: Pappola, Janhunen 2010: 425–426]. Однако, учитывая, что во всех публикациях эта могила получила именно такое название, мы сохраняем его в данной публикации. В цитируемой выше работе, посвященной, в том числе и видовой принадлежности гонурских эквидов, подробно рассматриваются их разновидности. Здесь мы используем лишь обобщенный термин — «ослы».

\*\* — 4 полных скелета баранов (2 взрослые особи и 2 ягненка) располагались за восточной стенкой цисты, один скелет ягненка лежал под скелетом пожилого мужчины.

\*\*\* — Все три полных скелета ягнят располагались у задних ног осла.

Таблица 2

Местонахождения погребений животных и различных частей их туш  
на исследованных объектах и раскопах городища Гонур-депе

Виды животных	Некрополь	Дворец	Царский некрополь (юго-восток)	Р 5 (север)	Р 6 (запад)	Р 8 (юг)	Р 9 (юг)	Р 10 (северо-запад) (СЗ)	Р 11 (северо-восток)	Р 12 (юго-запад)	Р 13 (юго-запад)	Р 14 (запад)	Р 15 (юго-восток)	Р 16 (юго-запад)	Р 17 (север)	Количество местонахождений животных
Баран/коза	1	1	3	1	1	6	2	1	1	2	2	1	2	10	1	35
Собака	6	1	12	1		1	4		1		1			3		30
Верблюд		1	8					1	1							11
Лошадь			1	1			1	1			1					5
Корова			4				1	1			1			1		8
Осел	1		5				1							1		8
Свинья			3					1								4
Количество погребений животных и различных частей их туш на объекте или раскопе городища	8	2	20	1	1	6	4	3	3	2	4	1	2	12	1	70

Таблица 3

Количество основных погребений целых туш животных  
на городище Гонур-депе

Животное	Число могил	Территории Гонура
Баран	17	
в том числе:		
	1	Дворец
	1	Р. 6
	2	Р. 8
	1	Р. 9
	1	Р. 11

Окончание табл. 3

Животное	Число могил	Территории Гонура
	2	Р. 12
	1	Р. 14
	2	Р. 15
	5	Р. 16
	1	Р. 17
Козел	1	Р. 16
Собака	15	
в том числе:		
	4	Некрополь
	5	Царский некрополь
	2	Р. 9
	1	Р. 11
	1	Р. 13
	2	Р. 16
Бык/корова	2	Царский некрополь
Осел	3	
в том числе:		
	1	Некрополь
	1	Р16
	1	Царский некрополь
Всего	38	

Таблица 4

Типы погребальных сооружений,  
в которых найдены основные захоронения животных  
на городище Гонур-депе

Тип	Всего	Баран	Козел	Собака	Осел	Бык/ корова
Камерная могила	5	5				
Циста	14	10	1	1	2	
Шахтная могила	1	1				
Ямная могила	14	1		10	1	2
Обожженная яма	4			4		
Всего	38	17	1	15	3	2

## ТОПОР С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ТУРА ИЗ МОГИЛЬНИКА В ОЛЕНЬ-КОЛОДЕЗЕ НА ДОНУ — ВОЕННЫЙ ТРОФЕЙ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

*В. Свентославский* (Гданьск, Польша)

В 1996 г. во время спасательных археологических работ в Олень-Колодезе на Дону были обнаружены две богатые гробницы, в которых были захоронены женщина и мужчина, принадлежавшие к элите кочевников Золотой Орды конца XIII — начала XIV в. В гробнице мужчины было обнаружено оружие (шлем, фрагменты кольчуги, наконечник копья, позолоченные наконечники стрел, остатки колчана из березовой коры, ножи), элементы конского снаряжения, позолоченные детали пояса, серебряная чарка с ручкой в форме дракона, стеклянный амулет, а также железный топор, декорированный инкрустацией из золотых бляшек в виде двурогого животного (рис. 1, б). Все найденные предметы были признаны изделиями ремесленников Золотой Орды, в том числе и исключительно эффектный топор [Ефимов 1999, 2000; Алтын урда... 2000: 68, 218].

Контекст обнаружения этих погребений, характер погребального обряда и большинство происходящих из них находок позволяют утверждать, что в Олень-Колодезе найдены типичные гробницы представителей аристократии Золотой Орды. Однако гипотеза о местном (степном) происхождении топора представляется неприемлемой, поскольку он является элементом, чуждым материальной культуре позднесредневековых кочевников Великой степи.

Топор изготовлен из железа и имеет небольшие размеры. Его общая длина составляет 14,2 см, а ширина острия — 9,5 см. Он характеризуется оттянутым вниз лезвием и удлиненным вырезным обухом. Такая форма часто встречается в областях Центральной и Восточной Европы, которые в Средние века населяли народы, ведущие оседлый образ жизни. До сих пор неизвестны аналогичные экземпляры с территорий Великой степи. Топоры, близкие по форме к находке из Олень-Колодезя, встречаются главным образом на западнославянских территориях [Nadolski 1954: 45], в северной части восточнославянских земель [Кирпичников 1966: 37], а также в Юго-Восточной Прибалтике [Кулаков 1990: 32] и Южной Скандинавии [Paulsen 1939: 30]. Аналогичные топоры с территории древней Руси А. Н. Кирпичников относит к типу IVA и считает, что они широко использовались с XI по XIII в. [Кирпичников 1966: 37]. Аналоги с польских земель А. Надольский отнес к типу Vb, датируемому также XI–XIII вв. [Nadolski 1954: 45]. В настоящее время археологи обращают внимание на все чаще встречающееся непостоянство вторичных формальных признаков такого типа топоров. Экземпляр из Олень-Колодезя следует отнести к форме, которая изготавливалась в конце указанного периода, т. е. в XIII в.

Отличительным признаком топора из Олень-Колодезя является богатый орнамент — инкрустация золотыми бляшками. Ведущим мотивом является размещенное



**Рис. 1.** Топоры с изображениями тура:

1 — из Шаунберга (Австрия); 2 — из района Вены (Австрия); 3 — из района Губина (Польша); 4 — из района Жаганя (Польша); 5 — из Кирумпаа (Эстония); 6 — из Олень-Колодезя (Россия)

на обеих сторонах топора изображение животного с длинными узкими рогами. К. Ю. Ефимов ошибочно идентифицирует его как лося [Ефимов 2000: 174]. Четко различимые рога не имеют отростков, столь типичных для рогов всех представителей семейства оленевых, — как оленей, так и лосей. Не подлежит сомнению, что на топоре изображен бык или тур, причем это изображение имеет несколько очень близких аналогов.

Топоры с изображениями тура, аналогичными тому, что показан на топоре из Олень-Колодезя, привлекают внимание многих ученых уже на протяжении двух веков. В настоящее время кроме экземпляра из Олень-Колодезя нам известны еще пять аналогично украшенных топоров. Самый первый из них был найден до 1820 г. недалеко от Вены (Австрия) (рис. 1, 2) [Paulsen 1939: 145; Biermann 2002: 65; Raddatz 2002: 295]. Остальные были обнаружены: в 1850 г. — в районе Жаганя (Польша) (рис. 1, 4) [Petersen 1936: 319–322; Paulsen 1938: 112–117; Paulsen 1939: 143; Nadolski 1954: 45; Biermann 2002: 63; Raddatz 2002: 295]; в 1876 г. — в развалинах воздвигнутого в XIII в. замка в Шаунберге (в более ранней литературе Шауэнбург) в Австрии (рис. 1, 1) [Werner 1929: 156; Paulsen 1939: 141; Biermann 2002: 64; Raddatz 2002:

295]; в 1884 г. — недалеко от Губина (Польша) (рис. 1, 3) [Jentsch 1883: 421–422; Paulsen 1938: 112–117; Paulsen 1939: 142; Biermann 2002: 63–64; Raddatz 2002: 295]; наконец, в 1980 г. — в реке, недалеко от развалин замка в Кирумпаа (Эстония) (рис. 1, 5) [Mandel 2003: 227–228].

За исключением топора из Шаунберга, все остальные относятся к одному и тому же типу: IVA по А. Н. Кирпичникову или Vb по А. Надольскому. Экземпляр из Шаунберга имеет нетипичную для раннего средневековья форму, которая встречается на протяжении многих веков — от позднего средневековья до Нового времени.

Особого внимания заслуживает сильное сходство размеров вышеупомянутых топоров. Кроме экземпляра из Шаунберга, все остальные имеют аналогичные размеры. Это можно оценить, например, путем сравнения их длины:

Шаунберг — 9,5 см;

Вена — 13 см;

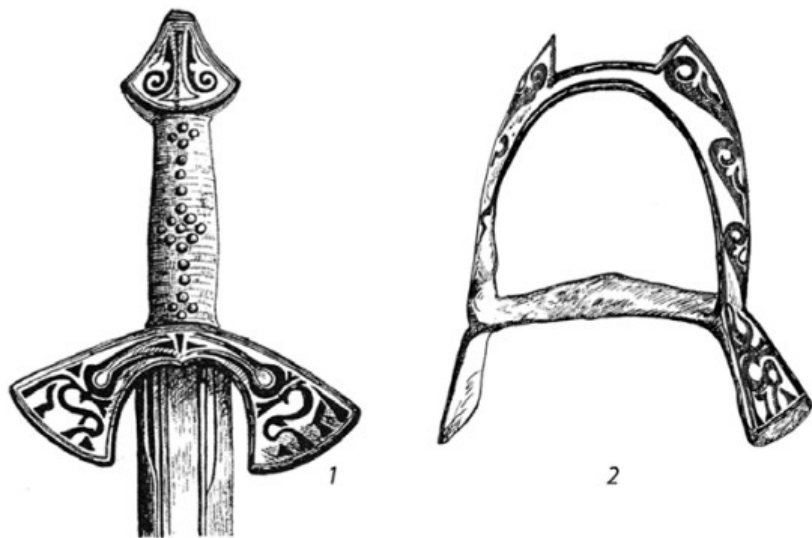
Губин — 13,5 см;

Жагань — 14 см;

Кирумпя — 14 см;

Олень-Колодезь — 14,2 см.

Очень похожие фигуры туров изображены еще на двух памятниках: на гарде меча из собрания Национального музея Барджелло во Флоренции (рис. 2, 1) [Paulsen 1938: 113; Paulsen 1939: 150; Biermann 2002: 67; Raddatz 2002: 296] и на дужке стремени в Музее истории Москвы (рис. 2, 2) [Городцов 1926: 125–134; Paulsen 1938: 115; Paulsen 1939: 150; Biermann 2002: 66; Raddatz 2002: 299]. Происхождение обоих этих предметов не связано со степью. Так, форма меча типична для западно- и центральноевропейской оружейной традиции. Согласно типологии Э. Окшотта, его эфес можно отнести к типу D, а гарду — к типу ба. Такие мечи датируются XII — первой половиной XIII в. Стремя, хотя и представляет собой редкую форму,

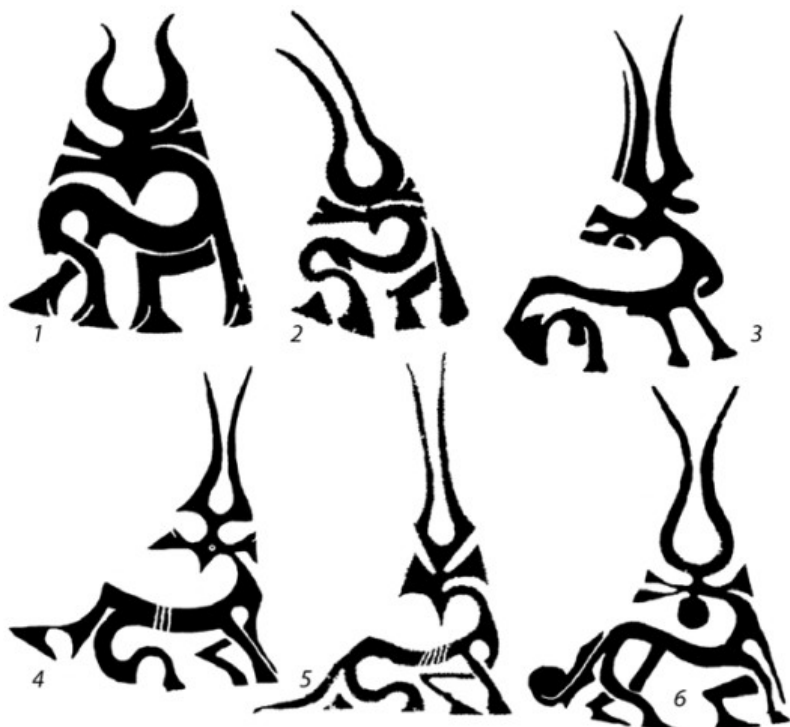


**Рис. 2.** 1 — гарда меча из собрания Национального музея Барджелло во Флоренции;  
2 — стремя из Музея истории Москвы

также имеет центрально- и западноевропейские аналоги, относящиеся к XIII и XIV вв. [Świętosławski 1990: 53].

К сожалению, все вышеупомянутые топоры, за исключением оружия из Олень-Колодезя, являются случайными находками. Что касается меча и стремени, мы даже не знаем, из какой части Европы они происходят. Отсутствие достоверных сведений о местах обнаружения этих предметов воинского снаряжения привело к тому, что в ранней научной литературе, посвященной этому вопросу, крайне субъективно оценивалась их форма, в результате чего появились сильные расхождения в датировке — от VII–VIII до XII в. По авторитетному мнению П. Паульсена, они были созданы примерно в 1100 г. [Paulsen 1939: 151]. Однако наиболее верным, как кажется, является мнение А. Надольского, который интересующие нас топоры отнес с точки зрения перспективы знаний о средневековом вооружении к XIII в. [Nadolski 1954: 46]. Его вывод совпадает с датировкой единственного обнаруженного в процессе археологических исследований топора из этой группы — из Олень-Колодезя.

Анализ техники нанесения декора на рассматриваемое оружие ничего не дает для определения места его изготовления. В частности, плакировка железных изделий пластинками из драгоценных металлов была популярна в Средние века на обширной территории. То, что объединяет все вышеупомянутые предметы вооружения, — это исключительное сходство размещенных на них характерных изображений туров (рис. 3). Использован один и тот же канон: животное со стройным



**Рис. 3.** Изображения тура на предметах воинского снаряжения:

1 — гарда меча из Национального музея Барджелло во Флоренции; 2 — дужка стремени из Музея истории Москвы; 3 — топор из района Губина; 4 — топор из района Жаганя; 5 — топор из Кирумпаа; 6 — топор из Олень-Колодезя



туловищем и откинутой назад головой с длинными рогами, скрещенными и выгнутыми ногами (одинаково на всех памятниках) и опущенным хвостом. В некоторых случаях повторяются и второстепенные детали: дуга выгнутой спины, форма надрезанных ушей, клювообразная пасть, вертикальные штрихи на туловище. Единственным отличием в форме фигур животного является несколько бо́льшая мягкость силуэта, особенно заметная в очертании рогов, позволяющая выделить подгруппу: топор из Олень-Колодезя, стремя из Москвы и меч из Флоренции. Однако, несмотря на незначительные различия, общих черт в изображениях намного больше, поэтому имеются все основания предположить, что такие орнаменты можно было выполнить, только хорошо зная или видя конкретный художественный образец.

Разительное сходство рассматриваемых изображений склонило некоторых ученых к выдвиганию разных гипотез об их происхождении. Автор до сих пор самого скрупулезного исследования по данному вопросу, П. Паульсен, связывал фигуру тура с искусством викингов [Paulsen 1939: 152]. Не отрицая возможности таких корней, следует все же признать, что они являются столь древними, что определенно не могли быть непосредственными.

Недавно были сформулированы две другие гипотезы. Ф. Бирманн связывал эти предметы воинского снаряжения с юго-восточным побережьем Балтийского моря. Однако он не обосновал свою идею конкретными аргументами, а только субъективно оценил стилистику орнамента как смешение скандинавских, восточных и балтийских художественных стилей [Biermann 2002: 75]. С другой стороны, К. Раддац отнес оружие с изображением тура к «элементам снаряжения монголов первой половины XIII в.» [Raddatz 2002: 306], а в качестве подтверждения этой гипотезы привел, в частности, наскальный рисунок из Тувы (Южная Сибирь) начала раннего средневековья, где показана фигура конного воина с чеканом (впрочем, совершенно отличным от описываемых топоров). Данную гипотезу следует признать абсурдной, являющейся следствием абсолютного незнания средневекового вооружения воинов Великой степи.

Впрочем, оба названных исследователя не учли оружейведческую оценку оружия, декорированного изображениями тура, согласно которой надо искать его генезис в регионе, который был общим для ареалов как распространения рассматриваемых топоров (Центральная Европа, Южная Скандинавия, Юго-Восточная Прибалтика и северо-запад Восточной Европы), так и производства мечей, аналогичных образцу из флорентийского музея (латинская традиция производства вооружения), и использования стремян типа экземпляра из московского музея (Центральная Европа). Таким общим регионом можно считать Центральную Европу.

Хотя до сих пор неизвестны изображения быка (или тура), аналогичные вышеупомянутому, в других произведениях средневекового искусства, следует обратить внимание на сходство стройности фигуры тура, расположения ноги и повернутой назад головы с изображениями животных на миниатюрах в столь популярных в Европе XIII в. bestiариях. Создатель «канонического» образа тура определенно являлся представителем средневековой европейской традиции в изобразительном искусстве. Этот образ нельзя рассматривать только в категориях декоративного искусства: можно также предположить, что он имел символическое значение. В этой связи представляется интересным тот факт, что П. Паульсен искал связь изображения тура с родовыми знаками западославянской элиты [Paulsen 1939: 154–158]. Изображение тура (или быка), с такой точностью повторяющееся на вышеупомянутых предметах вооружения, производит впечатление чего-то вроде протогеральдического знака.



**Рис. 4.** Места находок топоров с изображениями тура:

1 — Олень-Колодезь; 2 — район Губина; 3 — район Жаганя; 4 — Шаунберг; 5 — район Вены; 6 — Кирумпаа

Определенно не является случайностью то, что на территории Лужицы и западной Великопольши, где были обнаружены два из известных нам топоров с изображениями тура (рис. 4), со времен средневековья встречались родовые, городские и территориальные гербы с быком (туром) в качестве эмблемы. Можно привести целый ряд примеров. Бык является эмблемой всего историко-географического края Верхняя Лужица (рис. 5, 3). Бык с повернутой назад головой представлен на гербе лужицкого города Луцкау (рис. 5, 4). Быки (туры) появляются на родовых гербах элиты позднесредневекового лужицкого рыцарства. Это животное изображено на гербе онемеченной славянской лужицкой семьи фон Шенкендорфов (рис. 5, 2), игравшей огромную роль в истории средневековой Лужицы. Шенкендорфы, например, были владельцами Губина, в районе которого был найден один из топоров с изображением тура. Представители этой семьи в эпоху средневековья добрались до Инфлянт. Возможно, именно при их посредстве там оказался топор, происходящий из Кирумпяя. Бык (тур) с высоко поднятой головой и длинными рогами изображен также на гербе лужицкой семьи Везенборгов, позднее осевшей в Великопольше и пользовавшейся значительным влиянием на протяжении средневековой истории этого региона Польши. Один из представителей Везенборгов был воеводой великопольским (рис. 5, 1) [Pfothenauer 1879: 28].

Даже эти несколько примеров доказывают, что изображение быка (тура) имело большое символическое значение для средневековых жителей Лужицы. Вышеупомянутые топоры, меч и стремя являются материальными свидетельствами процесса перехода от родовых опознавательных-боевых знаков, основанных на древних



Рис. 5. Гербы с изображениями тура (быка):

1 — семьи Везенборгов; 2 — семьи фон Шенкендорфов; 3 — историко-географического края Верхняя Лужица; 4 — города Луцкау (Верхняя Лужица, Германия)

традициях тотемаизма к геральдической системе, весьма существенной для рыцарского сословия. Указанный процесс имел место в латинской традиции Европы в XII–XIII вв.

Акцент на формальной связи оружия, декорированного изображениями тура, с образом жизни народов Европы, ведущих оседлый образ жизни, наводит на размышления о причине обнаружения эффектного топора в гробнице золотоордынского знатного кочевника в Олень-Колодезе на Дону. Вероятно, самым разумным объяснением является признание этого оружия трофеем, захваченным во время одного из трех монгольских нашествий XIII в. на Центральную Европу. Вероятно, это имело место во время первого нашествия в 1241 г., когда монголы дошли до окраин Вены и восточной границы Лужицы.

До сих пор продолжают поиски археологических следов монгольских вторжений в земли Центральной Европы [Świętosławski 1997]. Не подлежит сомнению, что среди материальных следов этой агрессии должны быть и захваченные монголами трофеи, унесенные ими вглубь Великой степи. Будем надеяться, что такие открытия еще ждут археологов.

## Литература

- Алтын урда... 2000: Алтын урда хэзинэлэре/Сокровища Золотой Орды/The Treasures of the Golden Horde. СПб.
- Городцов 1926: *Городцов В. А.* Древнее стремя Государственного исторического музея // ТГИМ. Т. 1.
- Ефимов 1999: *Ефимов К. Ю.* Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // Донская археология. Ростов-на-Дону. Вып. 3–4.
- Ефимов 2000: *Ефимов К. Ю.* Золотоордынские погребения могильника «Олень-колодезь» // РА. № 1.
- Кирпичников 1966: *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л. (САИ. Вып. Е1–36).
- Кулаков 1990: *Кулаков В. И.* Древогости пруссов VI–XIII вв. М. (САИ. Вып. Г1–9).
- Кулаков, Скворцов 2000: *Кулаков В. И., Скворцов К. Н.* Топорик из Варген (Ранговое оружие последних язычников Европы) // SlAnt. Т. XLI.
- Biermann 2002: *Biermann F. P.* Mittelalterliche Kriegerausrüstung mit der Darstellung eines gehörnten Tieres // WK. Bd. 44.
- Jentsch 1883: *Jentsch H.* Silberplattirte Streitaxt aus Guben, die Steinumgrenzung eines Urnenfeldes im Kreise Schwiebus und Kirchenmarken // Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Berlin. Jg. 1883.
- Lindenschmit 1881: *Lindenschmit L.* Die Altertümer unserer heidnischen Vorzeit. Mainz.
- Mandel 2003: *Mandel M.* Ein seltenes Luxusbeil von Kirumpää // ArhVE. 2002.
- Nadolski 1954: *Nadolski A.* Studia nad uzbrojeniem polskim w X, XI i XII wieku. Łódź.
- Paulsen 1938: *Paulsen P.* Prunkwaffen der Niederlausitz // Altschlesien. Bd. 7.
- Paulsen 1939: *Paulsen P.* Axt und Kreuz bei den Nordgermanen. Berlin.
- Petersen 1936: *Petersen E.* Eine frühgeschichtliche Prunkart aus der Umgebung von Gagan // Altschlesien. Bd. 6/1.
- Pfotenhauer 1879: *Pfotenhauer P.* Die Schlesischen Siegel von 1250 bis 1300. Breslau.
- Raddatz 2002: *Raddatz K.* Prunkäxte — Zeugnisse des Mongoleneinfalls nach Mitteleuropa // ArchK. Bd. 32.
- Świętosławski 1990: *Świętosławski W.* Strzemiona średniowieczne z ziem Polski. Łódź.
- Świętosławski 1997: *Świętosławski W.* Archeologiczne ślady najazdów tatarskich na Europę Środkową w XIII w. Łódź.
- Werner 1929: *Werner J.* Eine Tierdarstellung des 10. Jahrhunderts aus slawischem Gebiet // Sudeta. Т. 5.

## ПЕРИОД ЯЗ II: ЭТАПЫ И ХРОНОЛОГИЯ

*Л. М. Сверчков (Ташкент, Узбекистан),  
Н. Бороффка (Берлин, Германия)*

Около 50 лет назад В. М. Массон по материалам раскопок поселения Яз-депе в Мургабском оазисе Туркменистана создал базовую периодизацию древнеземледельческих памятников эпохи раннего железа Средней Азии, с успехом прошедшую проверку временем и сохранившую свое значение до сих пор [Массон 1959]. Речь идет о выделении трех археологических комплексов, получивших обозначение Яз I, Яз II и Яз III. Дискуссия по поводу их происхождения, генетической взаимосвязи, хронологии и особенно этнической атрибуции продолжается и поныне, к сожалению, часто вне зависимости от конкретных археологических данных. Не приходится удивляться, что появление в 1990-е гг. калиброванных радиоуглеродных дат из слоев различных памятников, в том числе язовского круга, подвергло серьезному испытанию наши представления о хронологии и преемственности культур Средней Азии от эпохи поздней бронзы до конца IV в. до н. э.

Прежде подразумевалось, что Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (далее — БМАК) относится к середине — концу II тыс. до н. э., а период Яз I датируется концом II — началом I тыс. до н. э., доживая до VII в. до н. э. После некоторых сомнений период Яз III стали соотносить с ахеменидским временем (конец VI — конец IV в. до н. э.), т. е. до завоевания Средней Азии Александром Македонским. Комплекс Яз II занимает промежуточное стратиграфическое положение между нижними слоями с лепной расписной керамикой периода Яз I и вышележащими слоями с характерными баночными сосудами периода Яз III. Соответственно, Яз II помещали между VII и концом VI в. до н. э. [Массон 1959: 29–34].

Сейчас БМАК датируется приблизительно 2100–1500 гг. до н. э., хотя вопрос о хронологии его последнего, моллалинского, этапа остается открытым. Ни одного образца для радиоуглеродного датирования до сих пор не взято из поселения и могильника Моллала, так что нижняя граница БМАК пока неизвестна. Период, точнее, культура лепной расписной керамики Яз I ныне датируется в пределах 1500–1000 гг. до н. э., тогда как, повторимся, период Яз III начинается около середины VI в. до н. э. В результате комплекс Яз II, характеризующийся возрождением традиций БМАК и возникновением культуры собственно древней Бактрии, поневоле растягивается от 1000 г. до н. э. до 550 г. до н. э. Подобное заключение явно противоречит стратиграфии эталонного памятника Яз-депе и приводит, с одной стороны, к отрицанию радиоуглеродного датирования, а с другой — к псевдоноваторской идее о смене якобы изжившей себя периодизации поселения Яз-депе. Конечно, нет никакой малейшей необходимости ломать доказавшую право на существование периодизацию эпохи раннего железа Средней Азии,

основанную на исследовании этого памятника, однако игнорировать результаты новейших методов тоже нельзя.

Наиболее ярко указанная проблема обозначена в недавней публикации З. И. Усмановой, где с глубоким знанием археологического материала дан анализ сложившейся ситуации, ключевым моментом которой является то, что «пока невозможно точно указать границу между периодами Яз I и Яз II» [Усманова 2010: 90].

К настоящему времени комплекс Яз II выявлен на ряде памятников юга Средней Азии, что повышает интерес к дискуссии о его хронологии, о его месте в истории древнего Среднего Востока и даже о его праве на существование. Суть вопроса осложняется тем, что на первый неискушенный взгляд керамика периодов Яз II и Яз III практически идентична, и часто намного проще объединить оба комплекса в одно целое — Яз II–III, что иногда и происходит, однако более пристальный анализ позволяет специалистам разглядеть явные различия в глиняной посуде этих периодов.

Нам представляется, что по итогам последних раскопок памятников Бандыханского оазиса впервые появилась возможность отчасти разрешить имеющиеся противоречия, не отрицая при этом ни универсальность периодизации Яз-депе, ни данные радиоуглеродного анализа.

Бандыхан расположен в самом центре Сурхандарьинского вилоята — на перекрестке дороги Шерабад — Денау, с одной стороны, восточными амударьинскими переправами и Железными воротами в Дербенте — с другой. В городе и его ближайшей округе имеются памятники всех трех рассматриваемых периодов. К периоду Яз I относится поселение Майдатеп (Бандыхан I), к периоду Яз II — нижние слои поселений Бектепа (Бандыхан II) и Газимуллатепа (Бандыхан III), к периоду Яз III — верхние слои поселений Бектепа и Киндыктепа.

На поселении Майдатеп (Бандыхан I) были открыты остатки домовладения, которое существовало с перестройками на протяжении 1400–1000 гг. до н. э. [Görsdorf 2007: 132], после чего оно было заброшено. После недолгого периода запустения на этом участке поселения появляются неглубокие ямы или землянки неправильной конфигурации, содержащие фрагменты керамики периода Яз II. Первым на эти находки обратил внимание А. С. Сагдуллаев [Сагдуллаев 1978: 34]. Ранее Э. В. Ртвеладзе обнаружил на соседнем поселении Бандыхан II (Бектепа) комплекс глиняной посуды, который безоговорочно отнес к периоду Яз II, причем, что важно подчеркнуть, к раннему этапу указанного периода [Ртвеладзе 1976: 97–99, рис. 4; 2007: 81–86, рис. 17, 18].

В 2005 г. в подстилающих слоях Бектепа (Бандыхан II) была обнаружена подземная часть жилища (землянка) с типичной для периода Яз II керамикой [Сверчков, Бороффа 2007: 111–122]. Землянка имеет ромбовидную в плане форму размером (в пределах раскопа) 4,1 × 3,8 м и глубиной от 35 до 50 см, ее стенки тщательно заглажены. Анализ образцов из ее заполнения дал две калиброванные радиоуглеродные даты: 929–822 гг. до н. э. — из нижней части и 900–800 гг. до н. э. — из верхней (2б, вероятность 94,4 %)¹.

Землянка полностью перекрыта тонкой «стерильной» прослойкой песка толщиной 2–3 см, иногда 5 см, поверх которой зафиксирована такая же «стерильная» натечная прослойка глины светло-коричневого цвета (до 0,5 см). Выше лежит суглинок темно-коричневого цвета с включением в верхней части слоя большого количества

¹ Исследование проведено в лабораториях городов Киль и Гейдельберг (Германия).

окатанных камней — галек разных размеров и массой до 20 кг. Это отложение является фундаментом крепости ахеменидского времени, т. е. периода Яз III.

В заполнении землянки найдено 646 фрагментов керамики, из них 123 — венчики и донца (рис. 1–2), по формам и технике изготовления генетически связанные с традициями БМАК. В частности, среди находок выявлены черепки сосудов с конической придонной частью, полностью отсутствовавшие в период Яз I, когда станковая посуда, составлявшая около 10 % от всего керамического комплекса, имела в подражание лепной посуде сферическую форму. Керамика из землянки Бектепа,

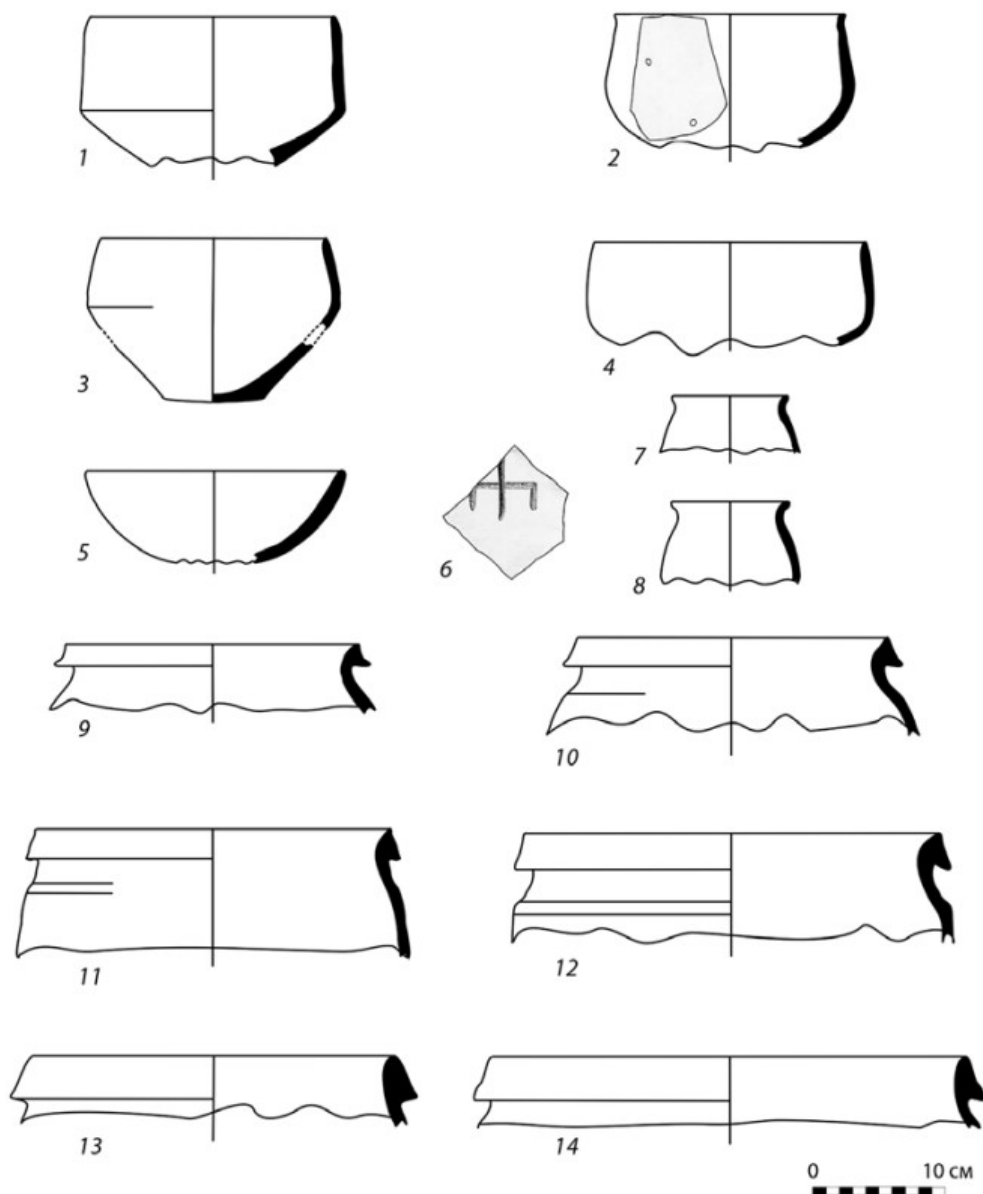
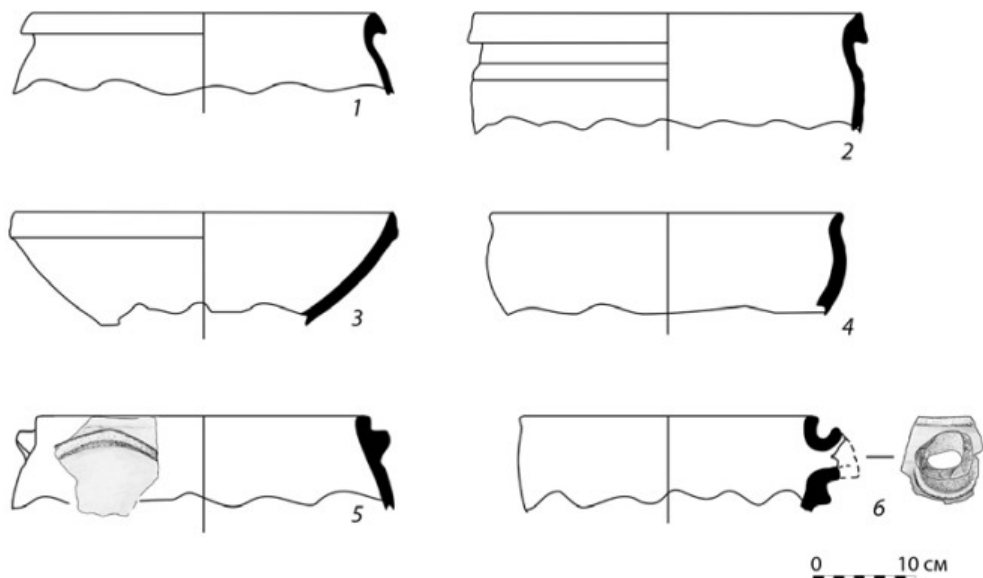


Рис. 1. Керамика периода Яз II A (X–IX/VIII вв. до н. э.) из землянки поселения Бектепа



**Рис. 2.** Керамика периода Яз IIА (X–IX/VIII вв. до н. э.) из землянки поселения Бектепа

так же как и посуда БМАК, отличается изгибом тулова в придонной части, который имеет плавные очертания без выделенного ребра. Венчики горшков характеризуются изогнутым клювовидным профилем, что считается отличительной особенностью комплекса Яз II. На плечиках горшков, где стыкуются венчик и тулово, представлен характерный валик, который можно рассматривать либо как рудимент влияния культуры валиковой керамики (далее — КВК), либо как особенность техники формовки посуды. О существовании контактов с КВК свидетельствует находка фрагмента типичной валиковой керамики, однако он был обнаружен в комплексе посуды периода Яз I (Майдатепе), тогда как на поселении Бектепа такие черепки не выявлены. В отличие от Майдатепе, в Бектепе на посуду нанесены различные тамгообразные знаки (ромб, свастика, перевернутый трезубец). Появление в период Яз II обычая чертить на керамике знаки было установлено еще в 1970-е гг. [Ртвеладзе 1976: 99] и, скорее всего, было связано с возрождением древней традиции эпохи бронзы (БМАК). В комплексе керамики из землянки Бектепа имеется также фрагмент чернолощеной полусферической чаши, характерной для культуры архаического Дахистана.

Лепная посуда Яз II из Бектепа изготовлена в иной манере, чем в предшествующий период, ее количество резко сокращается (около 23 %), и она не имеет росписи. В группе лепных сосудов обращает на себя внимание широкогорлый котел с коротким боковым носиком и упором-«бородкой» под ним. Котлы несколько иной формы, но с носиками такого же типа найдены на поселении Карим-Берды в Юго-Западном Таджикистане, где они по аналогиям из слоев Кучук IA и Кучук IB датируются временем Яз I [Виноградова 2004: 106–107, 182, рис. 61, 9–11], хотя в относящихся к данному периоду отложениях Карим-Берды вообще нет расписной керамики, как нет в Кучуктепе и носиков с «бородкой» [см.: Шайдуллаев 2000]. Один такой носик найден на поселении Узункыр в верховьях Кашкадарьи, причем комплекс Узункыр I, в котором расписная керамика тоже отсутствует, датируется первой третью I тыс. до н. э. [Лушпенко 2000: 82–83, рис. 2, 16].



В целом керамический комплекс периода Яз II из землянки Бектепа идентичен материалам Тиллятепе (Северный Афганистан) и Кучук II [Аскарлов, Альбаум 1979: 101, табл. 11; Шайдуллаев 2000: 27, рис. 10; 88, рис. 61; Šajdullaev 2002: 261–262, Abb. 9–10]. Некоторые фрагменты керамики из Бандыхана времени Яз II, особенно те, что найдены в ямах верхнего слоя Майдатепе, имеют соответствие в комплексе периода Кучук IB (слои 21–23 шурфа на Кучуктепе).

Локальный вариант культуры периода Яз II недавно стал известен в результате разведок в Денауском районе Сурхандарьинского вилоята, где в четырех пунктах обнаружены местонахождения керамики интересующего нас времени [Страйд, Сверчков 2004]. На Кулолтепе собраны 50 фрагментов керамики, из них 50 % станковых; на Культепе — 22 станковых фрагмента и только один лепной; на Афгантепе (неподалеку от городища Халчаян) — 46 фрагментов керамики, из которых лепных 26 %; на безымянном местонахождении — 67 фрагментов от станковых сосудов.

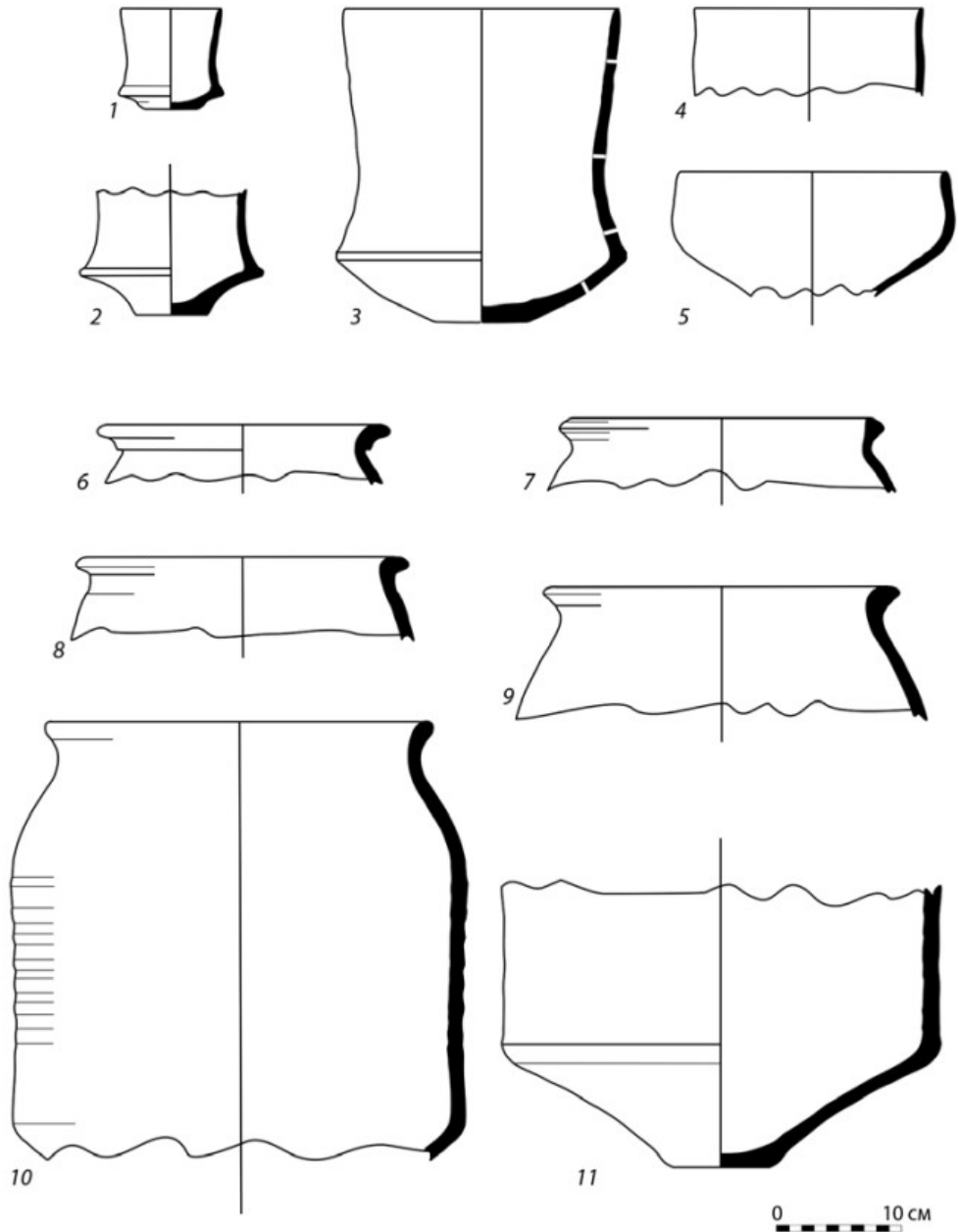
Коллекция из Денау, хотя и отличается в деталях, несомненно, соотносится с комплексами периода Яз II по всем основным признакам, среди которых доминирующим является своеобразный крючковидный профиль венчика. Сравнивая материалы денауских памятников с находками из Кучуктепе и Бектепа, видно, что керамика из Денау, отличаясь своеобразием манеры изготовления, в целом аналогична комплексам посуды Бектепа и Кучук II и, отчасти, Кучук IB.

Таким образом, и по стратиграфии поселения Майдатепе (Бандыхан I), и по радиоуглеродным датам из землянки Бектепа (Бандыхан II) хронологическая граница между периодами Яз I и Яз II приходится на X в. до н. э. В таком случае появляется разрыв между периодами Яз II и Яз III, поскольку поселение Бектепа было заброшено не позднее 800 г. до н. э. На существование этой же хронологической паузы (между 800 и, условно говоря, 550 гг. до н. э.) указывает наличие «стерильной» аллювиальной прослойки над землянкой Бектепа. В это время то ли из-за капризов Бандыхансыя, то ли по каким-либо иным причинам население перемещается на противоположный, более крутой берег реки, где возникает следующий по времени памятник Бандыханского оазиса — городище Газимуллотепа.

Газимуллотепа (Бандыхан III) было открыто и исследовано Э. В. Ртвеладзе, который выделил четыре основных этапа существования поселения [Ртвеладзе 1987: 60–64]. Культурные отложения памятника достигают толщины 3,6 м, причем слой 9 (самый нижний) имеет радиоуглеродную дату: 800–748 гг. до н. э., а слой 2 (верхний) — 782–545 гг. до н. э. (вероятность 63 %).

За время обживания поселения в строительстве использовали пахсу и крупноформатный сырцовый кирпич размером 60 × 30 × 12 см. В керамическом комплексе памятника, наряду с классической для Яз II манерой изготовления крючковидных венчиков, становящихся теперь «клювовидными», появляются первые сосуды с манжетовидным профилем, столь распространенные в период Яз III. Лепная посуда практически отсутствует, форма сосудов имеет более резкие очертания. Малые формы отличаются вогнутыми стенками и приземистым сильно профилированным ребром при переходе от цилиндра тулова к поддону конической формы (рис. 3–4). Внешняя поверхность сосудов в процессе обжига приобретала, как правило, белый цвет с сероватым оттенком.

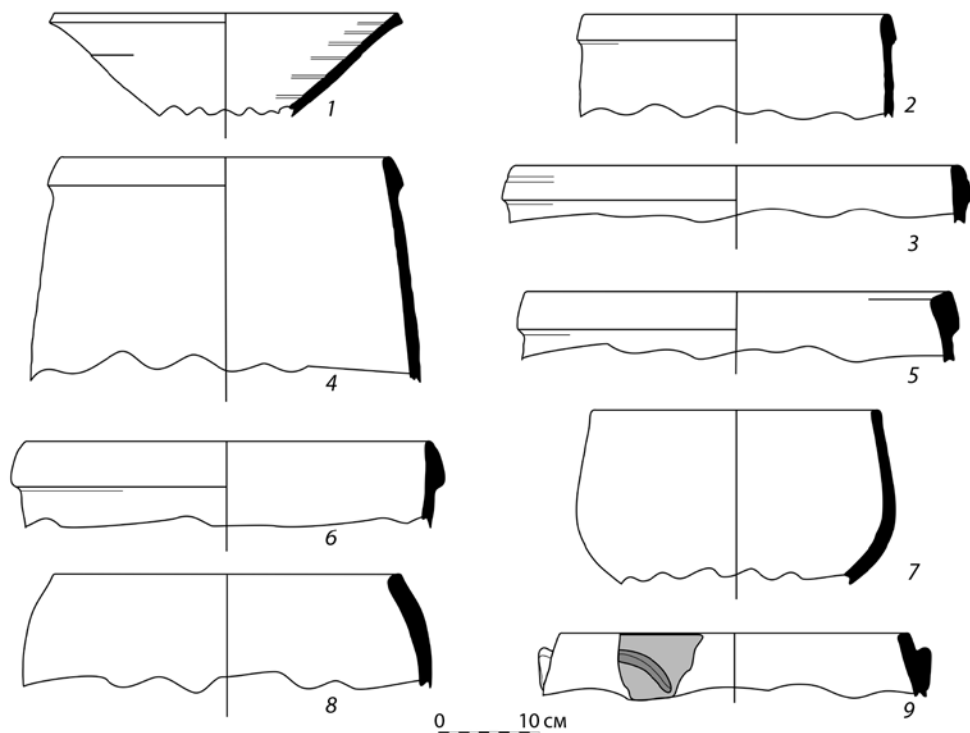
Первоначально комплексы подобного типа часто датировали раннеахеменидским этапом, т. е. началом периода Яз III, и только недавно такую керамику стали соотносить с преахеменидским этапом Яз II. Именно этот комплекс был обнаружен



**Рис. 3.** Керамика периода Яз III (VIII/VII–VI вв. до н. э.) из поселения Газимуллатапа

при раскопках Эрк-калы в Старом Мерве, где он датирован VII–VI вв. до н. э. [Усманова 1989: 40–41, рис. 10–11; 2010: 90].

В ахеменидский период Газимуллатапа без каких-либо видимых причин забрасывается, но возрождается жизнь на поселении Бектепа, где складывается город, состоящий из храма Киндыктепа, крепости-цитадели Бектепа и неукрепленной округи площадью около 13 га. В строительстве применяли кирпич меньшего, чем прежде,



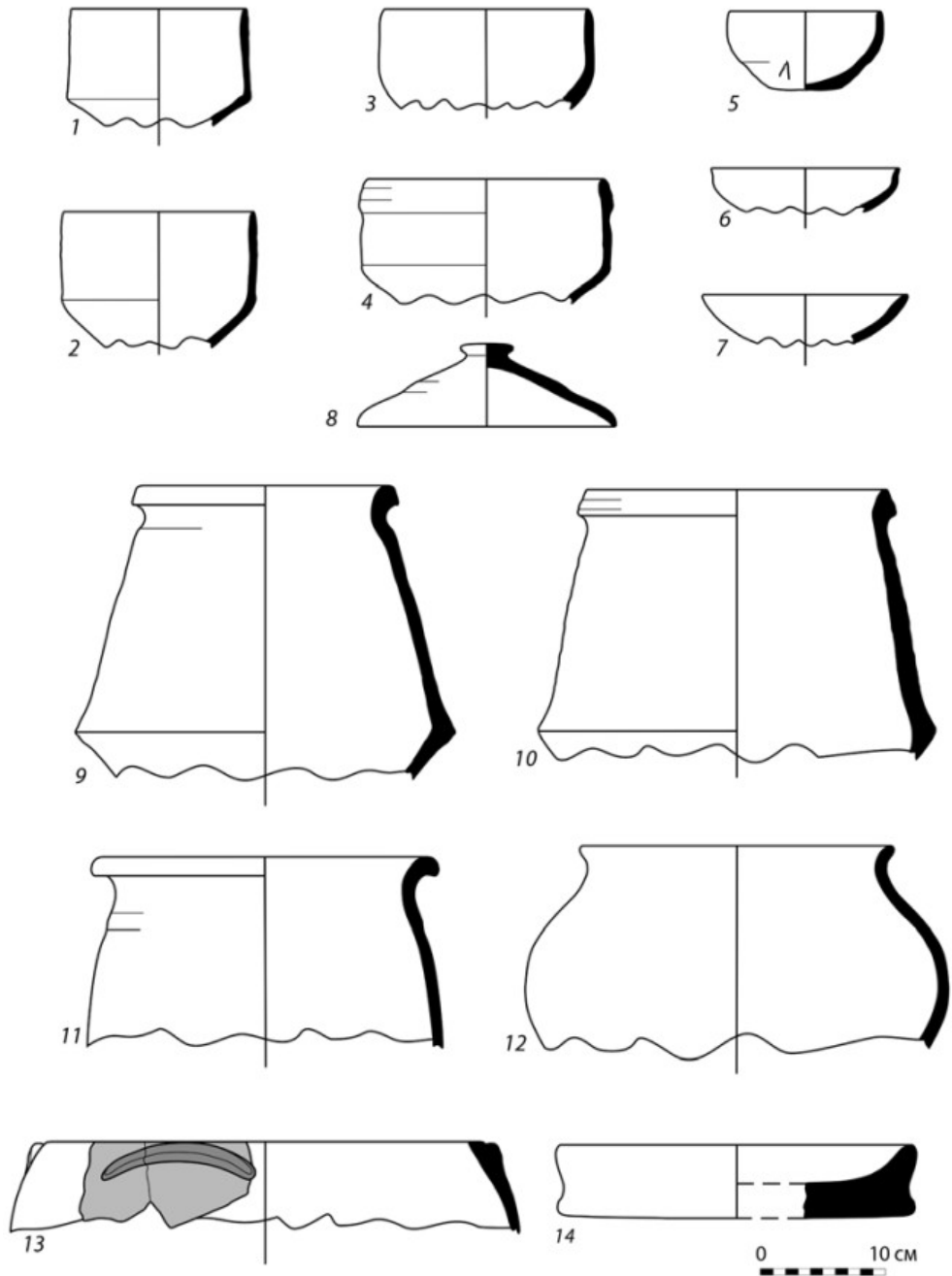
**Рис. 4.** Керамика периода Яз IIБ (VIII/VII–VI вв. до н. э.) из поселения Газимуллатапа

формата: 46–52 × 28–30 × 10–12 см. В ходе раскопок Киндыктепа получен полноценный комплекс керамики периода Яз III, представленный типичными для этого времени и хорошо знакомыми археологам цилиндроконическими банками с манжетовидными, часто трехваликовыми в сечении венчиками (рис. 5–6). Поверхность сосудов имеет теперь не серовато-белый, а желтоватый оттенок.

Таким образом, в Бандыханском оазисе к периоду Яз II относятся два последовательно обживавшихся памятника — поселение Бектепа (Бандыхан II) и городище Газимуллатапа (Бандыхан III). Соответственно, период Яз II подразделяется на два этапа: Яз IIА (ранний этап Яз II), датирующийся приблизительно X–IX/VIII вв. до н. э., и Яз IIБ (поздний этап Яз II), относящийся к VIII/VII–VI вв. до н. э.

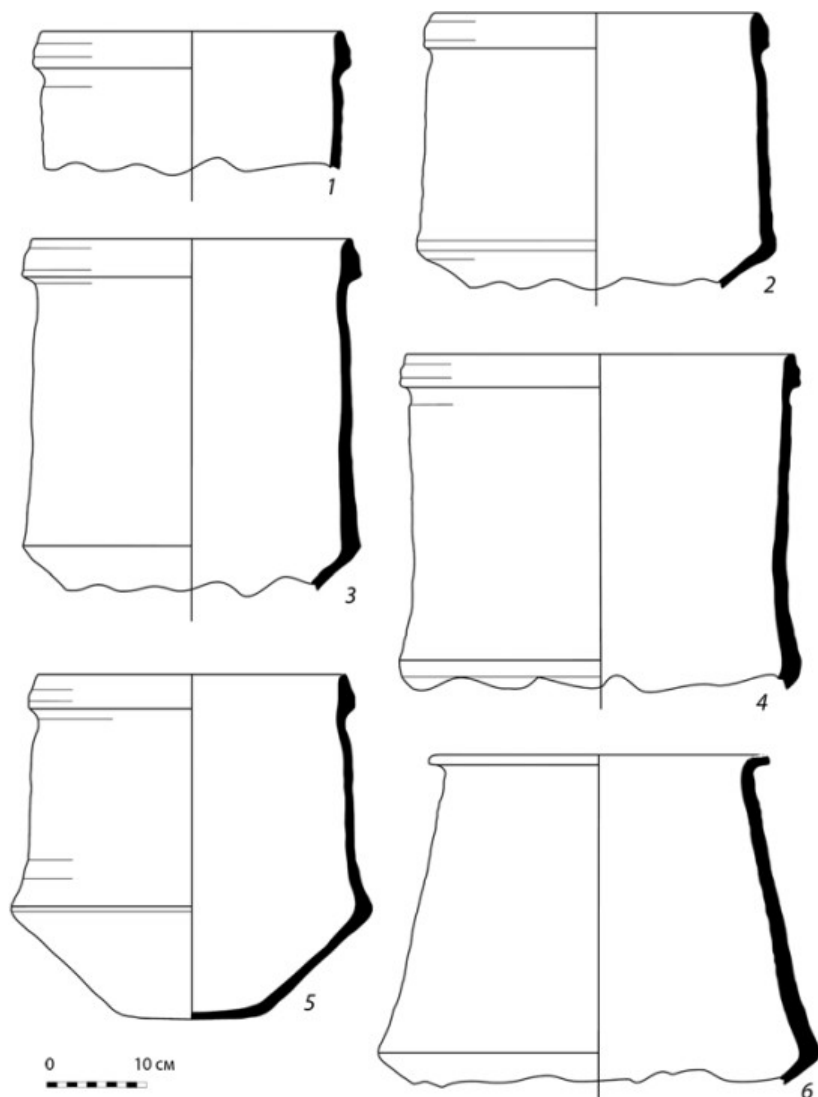
Повторим, что комплекс Яз IIА выявлен в верхнем слое Майдатапа, землянке Бектепа, на поселениях Тиллятепе, Кучуктепа (этап Кучук II, возможно, Кучук IIБ) и на четырех памятниках возле Денау. Аналогии отдельным лепным формам имеются на восточной границе ареала Яз IIА — Карим-Берды (Южный Таджикистан) и на северной — Узункыр на юге Кашкадарьинского вилоята Узбекистана. Прямые аналогии комплексу Яз IIА имеются и в Центральном Афганистане, и на западе Туркменистана, о чем речь пойдет ниже, но их нет ни в Согде, ни в Хорезме, ни, разумеется, в Чаче и Фергане.

Ко второму, позднему этапу Яз II (Яз IIБ), помимо городища Газимуллатапа, относятся материалы собственно Яздепе II и подъемный материал из Северного Афганистана, хотя и в том, и в другом случае они не отделены должным образом от комплекса Яз III [Массон 1959: табл. XXXVII–XL; Lyonnet 1997: 368, fig. 29]. Конечно,



**Рис. 5.** Керамика периода Яз III (V–IV вв. до н. э.) из поселения Киндыктепа

комплекс Яз IIБ можно будет найти еще на многих памятниках Северного Афганистана. На юге Узбекистана он давно известен по раскопкам Кучуктепа (этап Кучук III) [Шайдуллаев 2000: 89–92, рис. 62]. При более детальном анализе его можно будет точнее идентифицировать в Южном Согде, нижней и верхней частях



**Рис. 6.** Керамика периода Яз III (V–IV вв. до н. э.) из поселения Киндыктепа

долины Кашкадарьи, но в Северном Согде материалы Яз IIБ, как и комплекс Яз IIА, не выявлены. На других территориях, расположенных севернее, некоторые признаки комплекса Яз IIБ как будто бы усматриваются в Хумбузтепа (ХТ-I) в Хорезме, но в действительности керамика всех трех этапов Хумбузтепа, скорее всего, относится к позднеахеменидскому периоду (Яз III) [Болелов 2004: 50–51, 414/1]. По-прежнему Чач и Фергана занимают обособленное положение. Здесь керамика типа Яз IIБ (как и Яз IIА) не выявлена.

Неспециалисту отличить комплекс Яз III от Яз IIБ крайне непросто, в отдельных случаях даже невозможно, учитывая многообразие гончарных мастерских с присущими им местными традициями, где-то более новаторскими, где-то более консервативными. Но только в период Яз III, т. е. после вхождения Средней

Азии в состав Ахеменидской империи в конце VI в. до н. э. мы видим появление цилиндрических сосудов в Самаркандском Согде и распространение бактрийской гончарной технологии далеко на север, до берегов Сырдарьи.

Часто только благодаря находкам двуперых наконечников стрел с выступающей втулкой удается идентифицировать комплекс Яз II, как, например, на поселении Куюсай 2 в Присарыкамышской дельте Амударьи (левобережный Хорезм) [Вайнберг 1975: 43], где группа импортных сосудов имеет несомненное сходство с посудой комплекса Яз IIБ из Газимуллатепа в Бандыхане. Тот же тип наконечников когда-то был выявлен в Яз-депе, что послужило весомым основанием для отнесения периода Яз-II к предахеменидскому времени [Массон 1959: 40, 46–47].

Важно понять, что на базовом памятнике Яз-депе, который является эталоном периодизации раннего железного века для южных областей Средней Азии, не представлен комплекс керамики Яз IIIА. Судя по стратиграфии этого поселения, в его обживании заметен перерыв, обозначенный чистыми прослойками «красноватой земли» между слоями периода Яз I и архитектурными остатками периода Яз II [Массон 1959: 30, рис. 8]. Аналогичная ситуация наблюдается и на другом известном памятнике Мургабского оазиса — Эрк-кале, где в нижнем слое обнаружен лишь комплекс керамики этапа Яз IIБ, датирующийся VII–VI вв. до н. э. [Усманова 2010: 89–90].

Похоже, что в самом конце периода Яз IIБ происходит запустение Мургабского оазиса: забрасываются Яз-депе и Аравали-депе, прекращается жизнь на Тахирбай-депе [Массон 1959: 91–92]. Наиболее вероятное объяснение факту повального запустения поселений древней Маргианы дал В. М. Массон, связав его с подавлением восстания Фрады в 522 г. до н. э. [Массон 1959: 142]. О степени разгрома, учиненного ахеменидскими войсками в Маргиане, можно судить по количеству убитых и взятых в плен (более 55 000 и 6500 соответственно), что очень много даже с учетом обычного в таких случаях преувеличения. Похоже на то, что Мерв с 522 г. до н. э. надолго прекратил свое существование, и некогда крупный город на месте Эрк-калы большую часть периода Яз III лежал в руинах. Должно быть, именно этим объясняется отсутствие Маргианы в перечне сатрапий Ахеменидской империи.

К западу от Мургабского оазиса, в предгорьях Копетдага керамика раннего и позднего этапов Яз II представлена прежде всего на Елькен-депе в комплексе Елькен III. Культуру этого времени А. А. Марущенко рассматривал как продолжение периода Намазга VI, «развитие которого было прервано варварским завоеванием предшествующей эпохи» [Марущенко 1959: 68]. Елькен-депе отождествляется со столичным городом Парфии Патиграбаной, где было подавлено антиахеменидское восстание 522 г. до н. э. [Марущенко 1959: 71; Массон 1959: 141]. В верхней части слоя Елькен III выявлены следы разрушения городища, и, судя по найденной в этом же слое керамике позднего этапа Яз II (Яз IIБ), гибель города относится именно к концу VI в. до н. э.

В соседнем Улуг-депе, как можно видеть по опубликованным данным, также имеются материалы Яз II, причем они объединены с Яз III в один период (Яз II–III), датирующийся 1100–329 гг. до н. э. [Lecomte et al. 2002: 124, tabl. 1; Lecomte 2004: 169; Boucharlat et al. 2005: 489–490, 494]. Есть ли там керамика ахеменидского времени, неизвестно, поскольку само по себе наличие цилиндрических сосудов вовсе не означает их соотнесение с периодом Яз III. Во всяком случае те фрагменты керамики, что представлены в последней публикации, безусловно, относятся к периоду Яз IIБ [Boucharlat et al. 2005: 509–514, fig. 12, e–h; 15–19]. Опираясь на имеющиеся данные, можно предполагать, что Улуг-депе, как и Елькен-депе,

прекратил свое существование в одно и то же время — в конце VI в. до н. э. и, вероятнее всего, по одним и тем же причинам.

Имеется немало недоразумений, связанных с комплексами Яз II–III: можно упомянуть подъемный материал из Нишапура (Хорасан, Северный Иран), представленный всего шестью фрагментами керамики «периода Намазга VI» [Hiebert, Dyson 2002: 121–122, 142, fig. 9]. В действительности все изображенные на рисунке сосуды являются характерными для комплекса Яз IIА, и только чаша (№ 1) является продукцией культуры архаического Дахистана. В том же иранском Хорасане найдены еще фрагменты керамики Яз II, как раннего этапа [Venco Ricciardi 1980: 58, fig. C], так и позднего [Venco Ricciardi 1980: 61, fig. E].

Отменным индикатором для обоих этапов периода Яз II явилось бы наличие в керамических комплексах чернолощеной посуды культуры архаического Дахистана, которая исчезает на рубеже периодов Яз II и Яз III, и в ахеменидское время ее уже не существует. Технология обжига сосудов в восстановительной среде отсутствует в Средней Азии где-то с конца VI в. до н. э. вплоть до прихода греков, возродивших эту традицию в конце IV в. до н. э. В этом отношении особый интерес представляют памятники, расположенные на границе ареалов двух культур Южного Туркменистана — Яз II и архаического Дахистана.

В 50 и 57 км к северо-западу от Ашхабада известны два памятника с типичными материалами Яз IIА и Яз IIБ — Гарры-Кяриз I и Хырлы-депе. По определению В. Н. Пилипко, здесь «существуют как бы переходные формы от крупных цилиндрических “банок” к горшкам с манжетовидным венчиком» [Пилипко 1984: 44]. В керамических комплексах всех этапов имеются фрагменты импортных («гирканских») чернолощенных и краснолощенных сосудов культуры архаического Дахистана [Пилипко 1984: 36, 56–57; 2005: 66, 70, 74]. Тем не менее по инерции и Гарры-Кяриз I, и Хырлы-депе датированы VII–IV вв. до н. э., т. е. отнесены к периодам Яз II и Яз III, хотя представленная В. Н. Пилипко керамика совершенно нехарактерна для Яз III. Оба памятника расположены на границе двух общностей, Яз II и архаического Дахистана, причем на памятниках последней из них, в частности, в Бенгуване аналогичная посуда синхронна периоду Железный век (ЖВ) II Северного Ирана (1000–800 гг. до н. э.). Есть в Бенгуване и крупные сосуды с крючкообразными и манжетовидными венчиками [Мурадова 1984: 74, 76].

Знаменательно, что типичная керамика периода Яз IIА найдена при раскопках городища Нади-Али в афганском Систане [Ghirshman 1939: 19, pl. IV, N. A. 75]. Мы не знаем, из каких именно слоев происходят опубликованные Р. Гиршманом образцы посуды периода Нади-Али II, но они представлены тремя группами: расписными сосудами периода Яз I, крупным сосудом с типичной для Яз IIА формой венчика и тулова, а также черно-серой керамикой марлижской культуры или культуры архаического Дахистана, имеющей, в частности, характерный носик-слив с перемычкой. Даже в таком не вполне ясном контексте обнаружение керамики типа Яз II в Нади-Али имеет принципиальное значение, хотя бы потому, что Систан в зороастрийской традиции занимает особо положение [Gnoli 1980: 129–136; 1989: 46]. Исследованные Р. Гиршманом руины древнего города Нади-Али близ впадения реки Хильменд в озеро Хамун, который автор раскопок датировал VIII в. до н. э., многие историки с полным на то правом отождествляют со столицей царства ранних *кави* [ИТН 1998: 242]. Таким образом, период правления династии ранних *кави* (правителей) совпадает с ранним этапом Яз II (X–VIII вв. до н. э.), поздний этап Яз II (VII–VI вв. до н. э.) соответствует времени создания царства поздних *кави*

со столицей в Балхе, что полностью согласуется с традиционной датой жизнедеятельности Заратуштры [Gnoli 2006].

Как мы видим, комплекс Яз II распространен на территории, которая после провала «теории Большого Хорезма» соотносится с «Арьянэм-Вайчах» — ареалом расселения племен, говоривших на авестийском языке, который занимал самостоятельное положение в иранской языковой группе и отличался как от восточноиранских, так и западноиранских наречий. Он был вытеснен восточноиранскими языками только в самом конце I тыс. до н. э. после так называемого «штурма Бактрии» [ИДВ 2004: 712].

Таким образом, проблема комплекса Яз II, хотим мы того или нет, напрямую связана с вопросами происхождения и географии авестийских иранцев. При этом нужно понимать, что Яз II — это не очередной этап в якобы незыблемой хронологической последовательности, не просто материальный комплекс и не только период, а вполне самостоятельная археологическая культура, распространенная на юге Средней Азии в первой половине I тыс. до н. э. В этом смысле комплекс Яз II может служить индикатором для определения границ Ирана и Турана.

География культуры Яз II ограничена в значительной степени состоянием наших знаний. К югу от Амударьи, в Афганистане, кроме Нади-Али, Тиллятепе и Балха, надо полагать, когда-нибудь еще будут найдены памятники периода Яз II. В соседнем Таджикистане в рассматриваемое время, похоже, развивалась иная культура, представленная уже известными, но трудно датируемыми могильниками. Круг аналогий из этого региона пока ограничен сходством отдельных фрагментов из раскопок Бектепа и поселения Карим-Берды. К северу от Гиссарского хребта продолжала сохраняться культура лепной расписной керамики типа Яз I, вероятно, постепенно оттесняемая носителями культуры Яз II. К сожалению, мы не имеем радиоуглеродных дат для многочисленных памятников Кашкадарьинской области. Для самаркандского Согда представлена единственная дата из нижних слоев городища Коктепа — начало I тыс. до н. э. [Исамиддинов 2002: 64], что позволяет синхронизировать их с периодом Яз II. В Фергане и Ташкентском оазисе (Чаче) даже в ахеменидский период (Яз III) сохранялись традиции культуры Яз I.

На западе культура Яз II соприкасалась с областью распространения культуры архаического Дахистана (марликская культура), где обитали носители западноиранских диалектов. Археологически граница этих общностей обозначена находками керамики обеих этапов периода Яз II в Нишапуре и Гарры-Кяриз I. На дальнем северо-западе, в Присарыкамышской дельте Амударьи (левобережный Хорезм) керамика Яз II найдена на поселении куюсайской культуры (Куюсай 2) в одном комплексе с типичной посудой архаического Дахистана и лепными сосудами своеобразного облика, не имеющими аналогов на сопредельных территориях [Вайнберг 1975].

На еще более дальней северо-западной окраине, в низовьях Сырдарьи в это время появляются памятники степного круга, оставленные племенами совершенно иного, по-видимому, восточноиранского происхождения. Речь идет о широко известных курганных погребениях могильников Уйгарак и Тагискен, которые имеют прямые аналогии в савроматской культуре. Почему-то они считаются классическими и, что самое удивительное, центральными памятниками Турана, отождествляемыми с областью Кангха или Канг [Литвинский 1972: 175; ИТН 1998: 630, примеч. 264; 633, примеч. 309].



И. В. Пьянков также признает «в создателях памятников Северного Тагискена туров Канга и царства Франграсьяна (Афрасиаба)» и объясняет их происхождение слиянием валиковой и карасукской культур, назвав туров «носителями двух последних “карасукоидных» культур» [Пьянков 2006: 226]. Вопрос о том, где еще в Средней Азии есть памятники тагискенского типа, кроме низовьев Сырдарьи, и есть ли вообще, оставлен без внимания, как и проблема синхронизации культуры валиковой керамики (XIV–IX вв. до н. э.) и царства *кави*.

Предлагаемая локализация является отголоском все той же «теории Большого Хорезма» и базируется главным образом на ложной посылке, что народы Ирана и Турана говорили на близкородственных языках, хотя никаких оснований для такого утверждения не было и нет. Конечно, проще всего было бы считать язык туров одним из древнеиранских, как чаще всего это и делается, но ни само название туры, ни имя Франграсьян, по признанию самого же И. В. Пьянкова, не имеют иранской этимологии [см.: Пьянков 2006: 232–233]. К тому же, когда царь Турана Афрасиаб (Франграсьян) переходил на родной язык, арии воспринимали его речь как абракадабру [Авеста 1990: 138, 162–163, примеч. 6].

Вообще в истории и археологии Средней Азии Хорезм с прилегающими территориями всегда был исключением, а не правилом. Абсолютно непонятно, почему почти все значимые исторические события начала I тыс. до н. э. должны были происходить на периферии, в низовьях главных среднеазиатских рек, почему из обзора географических областей вдруг выпадает название Согдианы — реального центра Среднеазиатского междуречья, имеющего вполне конкретное стратегическое значение? Может быть, потому, что Туран — это не только и не столько Хорезм, но и Фергана, и Чач, и Согдиана, а область Канг — самаркандский Согд?

В этой связи желательно было бы внимательнее присмотреться к результатам археологических работ на вышеупомянутом городище Коктепа, что находится в 25 км к северу от Самарканда. Нижние слои этого памятника — периода Коктепа I — относятся к культуре расписной керамики типа Яз I<sup>2</sup>. В период Коктепа II на территории городища появляются первые монументальные сооружения, выстроенные из плоско-выпуклых кирпичей. Станковую керамику в это время не изготавливали, встречаются фрагменты расписной посуды. Период Коктепа III соотносится с ахеменидским временем, т. е. с культурой Яз III. Заключительный период (Коктепа IV) определяется как раннеэллинистический [Исамиддинов 2010: 131–136].

По мнению И. Д. Иваницкого и О. Н. Иневаткиной, в доахеменидское время, т. е. в первой половине I тыс. до н. э. на территории будущего самаркандского Согда наиболее интенсивно осваивались земли на правом берегу Заравшана. Соответственно, именно здесь возник первый, древнейший, городской центр всей области — городище Коктепа площадью 17 га, а городище Афрасиаб в Самарканде наследует ему уже в ахеменидское время, не ранее конца VI в. до н. э. [Иневаткина 2010: 7–9]. Исследователи предполагают, что Коктепа — это упоминаемая Аррианом τὰ βασίλεια τῆς Σογδιανῆς (Арг. *Anab.* IV, 5, 3), т. е. столица Согдианы, куда из Самарканда вынужден был отступить Спитамен [Исамиддинов, Рапен 1999: 78]. Вполне возможно, что текст Арриана не подвергся искажениям, и в источнике отражены реалии того времени, когда в Согдиане наряду со столицей ахеменидского времени

<sup>2</sup> Образец для радиоуглеродного анализа был взят из верхнего слоя периода Коктепа I, непосредственно под стеной периода Коктепа II [Исамиддинов, Рапен 1999: 71].

в Самарканде (Афрасиаб), существовала и столица доахеменидская — на месте городища Коктепа. Во всяком случае в ряду других памятников именно Коктепа больше всего претендует на отождествление с главным городом области Канг и всего Турана, резиденцией легендарного царя Афрасиаба.

Как следует из анализа археологических данных, на юге Средней Азии последовательно развивались археологические комплексы — от БМАК до ахеменидского периода включительно. Оставляя в стороне проблему этнической атрибуции БМАК на ее начальном этапе, ее носители, в конечном итоге, стали ираноязычными, и процесс этот начался, судя по всему, с продвижения на юг андроновских племен. Иного объяснения генетической связи комплексов БМАК — Яз II — Яз III специалисты по среднеазиатской археологии не видят, что, собственно, еще 40 лет назад пытался объяснить Б. А. Литвинский [Литвинский 1967: 125–126].

В этом ряду комплекс Яз I является в Бактрии и Маргиане совершенно инородным, связанным с миграцией нового этноса<sup>3</sup>, явлением, вклинившимся в естественный процесс развития местной культуры во второй половине II тыс. до н. э. Возможно, на восточной окраине ареала БМАК, например, в районе Денау или Северо-Восточном Афганистане последовательность развития от БМАК к Яз II пресеклась не настолько резко или же вовсе не прерывалась.

Культура Яз II появляется в Средней Азии в X в. до н. э., охватывая все новые территории и постепенно вытесняя носителей общности Яз I все дальше на север и северо-восток. На основе культуры Яз II сформировалось то политическое объединение, которое в позднейших источниках известно под названием Бактрии. Следовательно, ее возникновение, по-видимому, относится к преахеменидскому времени — этапу Яз IIБ (VIII/VII–VI вв. до н. э.). Приблизительно в конце VI в. до н. э., после вхождения в Ахеменидскую империю культура Яз II плавно трансформируется при сохранении и развитии всех своих основных черт в культуру периода Яз III. Медленное расширение ареала комплексов Яз II и Яз III, растянувшееся на столетия, отражает для кого-то героическую, а для кого-то драматическую экспансию Ирана, воспетую великим Фирдоуси и закончившуюся в конце VI в. до н. э. на берегах Сырдарьи.

## Литература

- Авеста 1990: Авеста. Избранные гимны / Пер. с авестийского и коммент. М. И. Стеблин-Каменского. Душанбе.
- Аскарлов, Альбаум 1979: *Аскарлов А. А., Альбаум Л. И.* Поселение Кучуктепа. Ташкент.
- Болелов 2004: *Болелов С. Б.* К вопросу о периодизации раннего этапа истории Древнего Хорезма // *Transoxiana*. С. 48–55.
- Вайнберг 1975: *Вайнберг Б. И.* Куюсайская культура раннего железного века в Присарык-мышской дельте Амударьи // *УСА*. Вып. 3. С. 42–48.
- Виноградова 2004: *Виноградова Н. М.* Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М.
- ИДВ 2004: История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М.
- Иневаткина 2010: *Иневаткина О. Н.* Начальные этапы урбанизации Самаркандского Согда и его западные пределы // *МКВ*. Вып. 5. С. 6–26.

<sup>3</sup> По поводу этнической атрибуции общности культур лепной расписной керамики см.: Сверчков 2010.

- Исамиддинов 2002: *Исамиддинов М. Х.* Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент.
- Исамиддинов 2010: *Исамиддинов М. Х.* Стратиграфия городища Коктепа и некоторые вопросы истории и культуры Согдианы эллинистического периода // ТВЗ. С. 131–140.
- Исамиддинов, Рапен 1999: *Исамиддинов М. Х., Рапен К.* Стратиграфии городища Коктепа // ИМКУ. Вып. 30. С. 68–79.
- ИТН 1998: История таджикского народа. Т. I. Древнейшая и древняя история. Душанбе.
- Литвинский 1967: *Литвинский Б. А.* Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии // ВДИ. № 4. С. 118–137.
- Литвинский 1972: *Литвинский Б. А.* Древние кочевники «Крыши мира». М.
- Лушпенко 2000: *Лушпенко О. Н.* Керамические комплексы раннежелезного века Южного Согда (по материалам памятников Сангиртепа и Узункыр) // Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной. М. С. 81–83.
- Марущенко 1959: *Марущенко А. А.* Елькен-Депе (отчет о раскопках 1953, 1955 и 1956 гг.) // ТИИАЭАНТССР. Т. V. Ашхабад. С. 54–109.
- Массон 1959: *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л. (МИА. № 73).
- Мурадова 1984: *Мурадова Э. А.* Раскопки на Бенгуване // Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ашхабад. С. 58–77.
- Пилипко 1984: *Пилипко В. Н.* Поселение раннежелезного века Гарры-Кяриз I // Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ашхабад. С. 28–58.
- Пилипко 2005: *Пилипко В. Н.* Раскопки на Хырлы-депе // ПИФК. Вып. XV. С. 57–80.
- Пьянков 2006: *Пьянков И. В.* Жуны и ди, аримаспы и амазонки (К вопросу о дальневосточном импульсе в истории евразийских степей конца II–I тыс. до н. э.) // ЗВОРАО. НС. Т. II (XXVII). С. 215–238.
- Ртвеладзе 1976: *Ртвеладзе Э. В.* Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана // БД. С. 93–103.
- Ртвеладзе 1987: *Ртвеладзе Э. В.* Новые бактрийские памятники на юге Узбекистана // ИМКУ. Вып. 21. С. 56–66.
- Ртвеладзе 2007: *Ртвеладзе Э. В.* Археологические исследования в Бандыхане в 1974–1975 гг. // ТБНЭ. Вып. 3. С. 67–95.
- Сагдуллаев 1978: *Сагдуллаев А. С.* Древнеземледельческие поселения предгорий Байсунтау // История и археология Средней Азии. Ашхабад. С. 30–36.
- Сверчков 2010: *Сверчков Л. М.* «Тохарская проблема» и культура расписной керамики эпохи раннего железа // ТВЗ. С. 176–197.
- Сверчков, Бороффка 2007: *Сверчков Л. М., Бороффка Н.* Археологические исследования в Бандыхане в 2005 г. // ТБНЭ. Вып. 3. С. 97–131.
- Страйд, Сверчков 2004: *Страйд С., Сверчков Л. М.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа возле Денау // Transoxiana. С. 94–99.
- Усманова 1989: *Усманова З. И.* Разрез крепостной стены Эрк-калы Старого Мерва // ТЮТАКЭ. Т. XIX. С. 21–61.
- Усманова 2010: *Усманова З. И.* К истории ранней керамики Мерва // Древние цивилизации на Среднем Востоке. Археология, история, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию Г. В. Шишкиной. М. С. 89–90.
- Шайдуллаев 2000: *Шайдуллаев Ш. Б.* Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент.
- Boucharlat et al. 2005: *Boucharlat R., Francfort H.-P., Lecomte O.* The citadel of Ulug Depe and the Iron Age archaeological sequence in southern Central Asia // IA. Vol. XL. P. 479–514.
- Ghirshman 1939: *Ghirshman R.* Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afghan (rapport préliminaire) // Revue des Arts Asiatiques. Paris. T. XIII. P. 10–22.

- Gnoli 1980: *Gnoli G.* Zoroaster's time and homeland. A study on the origins of mazdeizm and related problems. Naples.
- Gnoli 1989: *Gnoli G.* Avestan Geography // *EIr.* Vol. III. P. 44–47.
- Gnoli 2006: *Gnoli G.* The Seleucid Era and the Date of Zoroaster // Proceedings of the 5<sup>th</sup> Conference of the Societas Iranologica Europæa, held in Ravenna, 6–11 October 2003. Vol. I. Milano. P. 101–114.
- Görsdorf 2007: *Görsdorf J.* Information zu den 14C-Datierungsergebnissen von Majdatepa (Bandixon I) // *ТБНЭ.* Вып. 3. С. 132.
- Hiebert, Dyson 2002: *Hiebert F. T., Dyson Jr. R. H.* Prehistoric Nishapur and the frontier between Central Asia and Iran // *IA.* Vol. XXXVII. P. 113–149.
- Lecomte 2004: *Lecomte O.* A group of Yaz II–III stamp-impressions from Ulug Depe // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию В. И. Сарияниди. М. P. 168–181.
- Lecomte et al. 2002: *Lecomte O., Francfort H.-P., Boucharlat R., Mamedow M.* Recherches archéologiques récentes à Ulug Dépe (Turkménistan) // *Paléorient.* Vol. 28/2. P. 123–132.
- Lyonnet 1997: *Lyonnet B.* Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974–1978). Vol. 2: Céramique et peuplement du chalcolithique à la conquête arabe. Paris (MMAFAC. T. VIII).
- Šajdullaev 2002: *Šajdullaev Š. B.* Untersuchungen zur frühen Eisenzeit in Nordbaktrien // *AMIT.* Bd. 34. S. 243–339.
- Venco Ricciardi 1980: *Venco Ricciardi R.* Archaeological Survey in the Upper Atrek Valley (Khorassan, Iran): Preliminary Report // *Mesopotamia.* Vol. XV. P. 51–72.

## ГРЕЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКЕ БАКТРИИ<sup>1</sup>

*Р. В. Тихонов (Елец)*

Эллинистический период в истории Бактрии ознаменован существенными изменениями в материальной культуре ее жителей. Исключением не стало и гончарное ремесло. Материалы археологических исследований позволяют говорить о появлении следующих греческих новаций: горнов с опорным столбом в топочной камере, новых типов посуды, кольцевого или дисковидного поддона, штампованного орнамента, граффити и черного ангоба (табл. 1).

Горны упомянутой выше конструкции были обнаружены на Дальверзинтепа и в Ай-Ханум. Это — двухъярусная обжигательная печь с округлой топочной камерой, плоское перекрытие которой опирается на столб. Жаропроводящие каналы не прослеживаются, а продухи устроены внутри печи и напрямую связывали камеру обжига с топкой [Ртвеладзе 1978: 13; Veuve 1987: 17]. Происхождение горнов данного типа было связано с эллинистической традицией, поскольку подобных печей в Бактрии предшествующего времени не выявлено [Болелов 2001: 22]. В свою очередь, они хорошо известны в греческом мире, где они датируются предэллинистическим и эллинистическим временем. Так, например, они известны как в заморских греческих колониях, так и в материковой Греции [Гайдукевич 1934: 68; Drews 1979: 38].

Керамические печи с опорным столбом в топочной камере продолжают использоваться в Бактрии и в кушанский период. Об этом, в частности, свидетельствует горн (Пч-6) из квартала керамистов из Дальверзинтепа [Пугаченкова 1973: 210].

Под воздействием греческих традиций в эллинистической Бактрии значительно увеличивается ассортимент посуды, включающий совершенно нехарактерные ранее для восточных областей типы. Речь прежде всего идет об амфорах, кратерах, рыбных блюдах, «мегарских» чашах, асках, арибаллах и алабастрах [Абдуллаев 2010: 48–57; Gardin 1973: 164–165; Rapin 1992: pl. 72, 12]. Однако это вовсе не означает, что все они получили широкое распространение. Так, например, аск и арибалл найдены в единичных экземплярах [Абдуллаев 2010: 51–52; Gardin 1973: 164–165]. Кроме того, имеются греческие типы, главным образом рыбные блюда, использовавшиеся в большинстве районов Бактрии [Тихонов 2012: 133]. Рыбные блюда становятся одним из наиболее распространенных греческих типов посуды на Востоке в эллинистический период [Hannestad 1983: 28–32]. Исключением не стал и среднеазиатский регион. Кроме Бактрии, они представлены в керамике Согда и Маргианы [Филанович 1974: 55; Шишкина 1975: 60].

---

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-31-00743м: «Взаимодействие местных и греческих начал в эллинистической культуре Бактрии (на примере гончарного производства)».

Таблица 1

## Греческие традиции в керамических комплексах Бактрии эпохи эллинизма

Поселение	Гончарный горн с опорным столбом в топочной камере	Греческие типы	Кольцевой или диско-видный поддон	Штамповый орнамент	Граффити	Черный ангоб
Ай-Ханум	+	+	+	+	+	+
Балх	–	+	+	–	–	+
Гиссарская крепость	–	+	–	–	–	–
Гишттепа	–	+	+	–	–	+
Дабилькурган	–	+	+	–	–	+
Дальверзинтепа	+	+	+	–	–	–
Джигатепа	–	+	+	–	–	+
Дильберджин	–	+	+	+	–	+
Душанбинское городище	–	+	+	+	–	+
Калаи Кафирниган	–	+	+	–	–	–
Калаимир	–	+	+	–	–	+
Кампыртепа	–	+	+	–	+	+
Куляб	–	+	+	–	–	–
Курганзол	–	+	+	–	–	+
Мирзабеккала	–	+	+	–	–	+
Нозкуль	–	+	+	–	–	–
Паенкурган	–	+	+	–	–	+
Старый Термез	–	+	+	–	–	+
Стена у Железных ворот	–	+	+	+	–	+
Тамошотепа	–	+	+	–	–	+
Тахти-Сангин	–	+	+	+	–	+
Тепаи Денистон	–	+	+	–	–	+
Шахринауское городище	–	+	+	–	–	+

Следует также отметить находки импортных остродонных амфор в Ай-Ханум. Их наличие свидетельствует о том, что греки, поселившиеся в глубинах Азии, поддерживали тесные связи с Элладой. Данное утверждение подкрепляется эпиграфическим материалом. Так надписи из теменоса, открытого на этом городище, гласят, что Клеарх скопировал дельфийские максимы мудрецов и воспроизвел их на стеле. В библиотеке города обнаружен отпечаток философского диалога на папирусе [Кошеленко 1979: 155–156].

Под воздействием греческих традиций в Бактрии появляются не только новые типы посуды, но и отдельные ее морфологические элементы. Яркий тому пример — кольцевой или дисковидный поддон. В пользу эллинской принадлежности кольцевого или дисковидного поддона свидетельствуют следующие факты. Во-первых, данный морфологический элемент появился в эпоху греческой оккупации Средней Азии [Болелов 2004: 124]. Подобный тип поддона отсутствует в керамике ахеменидского периода [Аскарлов, Альбаум 1979: 31–47; Заппаров, Ртвеладзе 1976: 26–29], хотя он был известен в керамических материалах Ирана, начиная с ранне-железного века [Медведская 1977: табл. I–II; Stronach 1978: fig. 108, 8, 13, 15]. В гончарном деле Греции такой поддон появляется уже в крито-микенскую эпоху и продолжает применяться вплоть до римского завоевания [Соколовская 1904: 28–32; Robinson 1959: pl. 65; Rotroff 1997: fig. 60]. Во-вторых, кольцевой или дисковидный поддон как один из атрибутов греческого гончарства появляется в эпоху Великой греческой колонизации в разных областях Средиземноморья и продолжает бытовать там в эллинистический период [Анфимов 1986: 125–128; Егорова 2009: 64–70; Alabe 1992: fig. 9].

Отличительной особенностью керамического комплекса эллинистической Бактрии является наличие штампового орнамента. Вопрос о времени его появления неоднократно затрагивался в научной литературе [Дьяконов 1953: 287–288; Мандельштам, Певзнер 1958: 302–303; Альбаум 1960: 16–18; Пидаев 1975: 67–70; Gardin 1957: 27]. Однако материалы археологических исследований на территории Бактрии, начавшиеся в конце 1960-х гг., свидетельствуют о том, что штамп на определенных типах посуды впервые появляется именно в эллинистический период, хотя и не получает широкого распространения [Тихонов 2011: 192–194].

С греческим влиянием также, по всей видимости, следует связать нанесение надписей-граффити на сосуды. Они известны в керамических комплексах Ай-Ханум и Кампыртепа [Рапэн 1987: 115; Ртвеладзе 2002: 101–102]. На некоторых из граффити упоминаются греческие денежные единицы (драхмы) и меры жидкостей (хой), что представляет собой важное значение для характеристики экономических отношений в Бактрии.

К эллинским традициям в гончарном ремесле Бактрии следует также отнести черный ангоб. Процесс покрытия стенок сосуда ангобом не являлся новшеством для Средней Азии в целом. Им покрывалась посуда еще в эпоху бронзы [Аскарлов 1973: 72; Аскарлов, Абдуллаев 1983: 18], но черный ангоб получил достаточно широкое распространение именно на эллинистической посуде Бактрии [Rapin et al. 2006: 102].

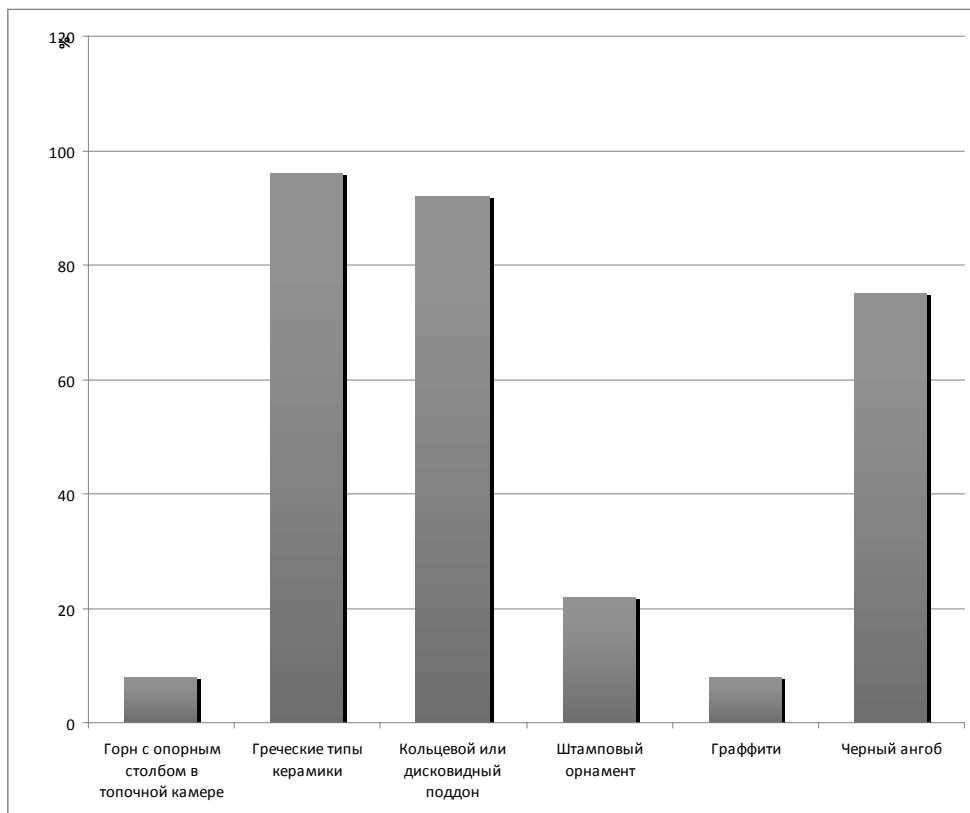
Показателен в данном отношении пример отделки посуды в Сузах (Юго-Западный Иран) эллинистического времени, где местными мастерами были сделаны попытки наладить производство подражаний греческой чернолаковой посуды на основе традиционной месопотамской техники глазурованной керамики [Hannestad 1983: 10].

Приведенные выше примеры показывают, что греческие традиции в эллинистической керамике Бактрии были распространены неравномерно (табл. 2).

Еще Л. А. Лелеков выделил локальные очаги эллинистической художественной культуры в Средней Азии, справедливо отметив, что «особое положение Бактрии в системе эллинизированного восточноиранского мира состояло в том, что завоеватели тщательно удерживали верховную власть в своих руках до самого конца. Рядом, в Парфии и Хорезме, по-прежнему правила староиранская знать и чтились староиранские божества» [Лелеков 1978: 227]. В дальнейшем Б. А. Литвинский выдвинул гипотезу о трех зонах эллинизации Бактрии: зоне расселения греков

Таблица 2

Распространение греческих традиций  
в гончарном ремесле Бактрии эпохи эллинизма



в полисах и военных колониях; зоне тесных этнокультурных и религиозных контактов эллинско-бактрийского населения; зоне, где в местную среду проникали лишь отдельные элементы эллинской культуры. Для первой зоны характерна культура ай-ханумского типа; для второй — распространение не только греческого языка и письменности, но и трансформация семантического содержания образов, обрядов и обычаев; для третьей — бытование отдельных греческих архитектурных деталей и керамики [Литвинский 2000: 217].

С. Б. Болелов попытался определить географическое расположение вышеуказанных зон эллинизации. Анализ имеющегося археологического материала привел исследователя к вполне обоснованному выводу: «Классическим примером первой зоны эллинизации является Ай-Ханум, и, возможно, Балх (Бактры). Ко второй зоне можно отнести как укрепленные, так и неукрепленные поселения в округе этих городов, а также прибрежную зону по обоим берегам Амударьи. Наиболее изученными памятниками, относящимися ко второй зоне эллинизации, являются городища Тахти-Сангин и Кампыртепа. Наконец, практически всю территорию Северной Бактрии, за исключением прибрежной зоны, и горные районы западного Гиссара следует отнести, вероятно, к третьей зоне эллинизации» [Болелов 2011: 42].



В принципе, выявленный во время археологических исследований керамический комплекс Бактрии в определенной степени может быть соотнесен с указанными выше зонами эллинизации. В наибольшей степени гончарное дело было эллинизировано в Ай-Ханум, где мы наблюдаем применение всех греческих традиций, получивших распространение в Бактрии (табл. 3). И это вполне очевидно, поскольку этот город явно имел статус полиса, где проживало в большинстве своем эллинское население, поддерживающее тесные связи с Грецией [Кошеленко 1979: 154–156]. Подобная ситуация, возможно, сложилась и в столице государства — Бактрах, но судить об этом пока преждевременно, так как эллинистические слои города практически не изучены [Gardin 1957: pl. XXIV; Bernard et al. 2002: 1403–1411].

Керамика из Тахти-Сангина, Кампыртепа, Дильберджина и Душанбинского городища также подверглась достаточно сильному влиянию со стороны греческих традиций (табл. 3). В Тахти-Сангине, одном из крупнейших городов эллинистической Бактрии, помимо ярких памятников искусства, принесенных в качестве подношений в храм Окса, было найдено достаточное количество греческих надписей [Литвинский 2010: 171–272; Иванчик 2011: 110–131].

Важное стратегическое значение в эпоху эллинизма принадлежало крепости Кампыртепа, охранявшей важнейшую переправу через Окс (табл. 3). По-видимому, правы те исследователи, которые отмечают, что греко-македонские правители заботились о северных торговых путях, а через Кампыртепа проходила транспортная артерия, по которой товары из Согда и правобережной Бактрии поступали в левобережную часть страны [Болелов 2011: 43]. Кроме того, следует учитывать и то обстоятельство, что при Кушанах эта крепость не только не утрачивает своего значения, но и значительно увеличивается в размерах. Новая правящая династия в Бактрии воспользовалась преимуществами географического положения Кампыртепа, располагавшегося на одном из отрезков Великого шелкового пути. Найденные там многочисленные предметы материальной культуры свидетельствуют о широких торговых и культурных связях его жителей с другими, в том числе и очень удаленными, регионами [Ртвеладзе 1999: 86–90].

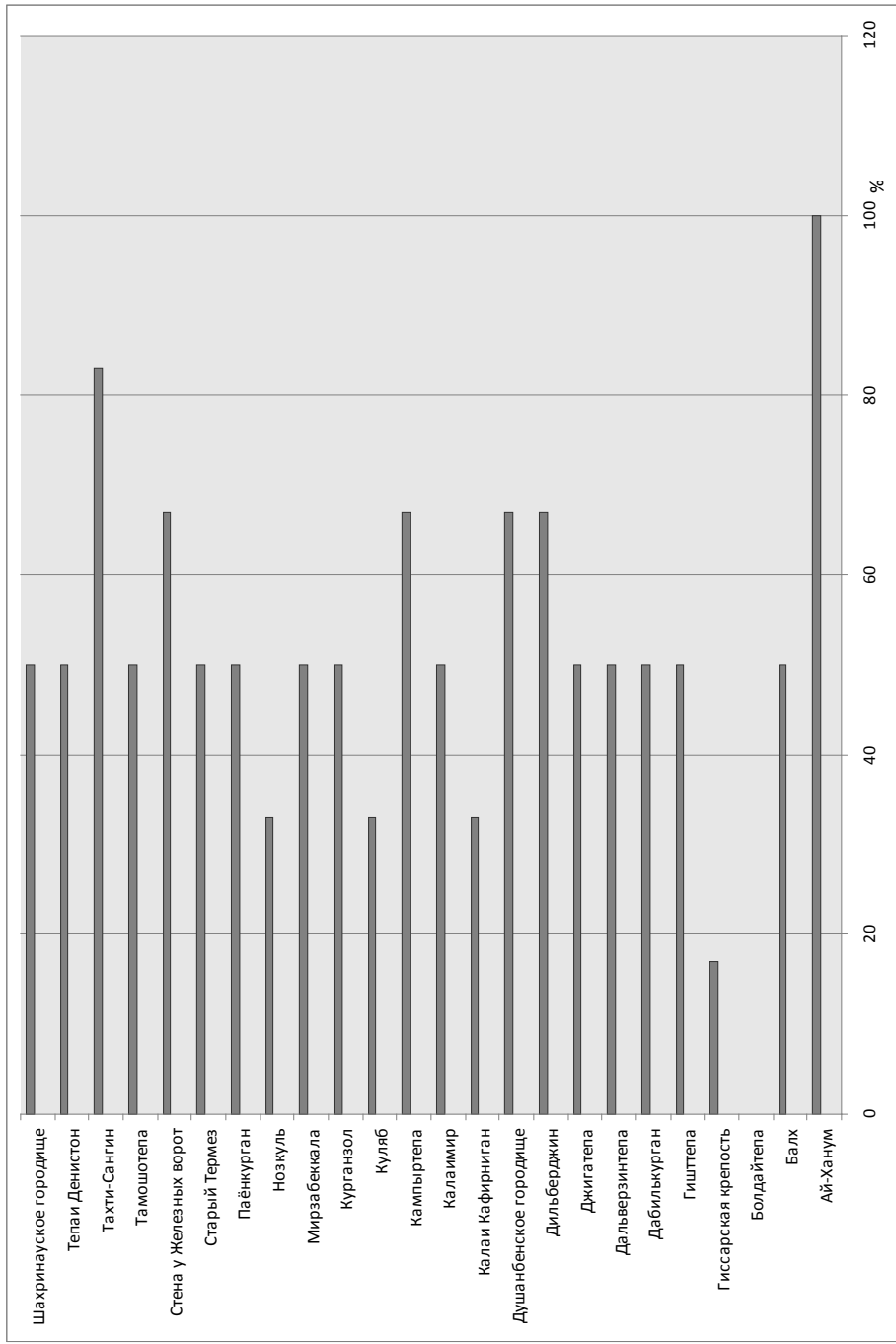
Определенная роль в системе городов эллинистической Бактрии принадлежала Дильберджину, располагавшемуся неподалеку от Бактр. Не следует исключать того, что в греко-бактрийский период именно здесь располагался город Евкратидея, упоминаемый Страбонам и Птолемеем [Кругликова 1974: 101; Литвинский, Пичилян 2000: 38]. К сожалению, археологические исследования на памятнике не были завершены из-за обострившейся политической обстановки в Афганистане. Тем не менее полученные материалы позволяют говорить о достаточно сильном влиянии греческих традиций на население этого города (табл. 3).

Центром Гиссарской долины являлось Душанбинское городище с резиденцией правителя, остатки которой были выявлены на цитадели [Ранов, Соловьев 1993: 156]. О достаточно сильной степени эллинизации культуры его жителей свидетельствуют находки не только керамики (табл. 3), но и других предметов бытовой культуры, среди которых следует отметить бронзовый позолоченный фалар с изображением Диониса, серьгу в виде протомы Сфинкса и глиняную маску Сатира [Линде 1952: 5–21; Тревер 1958: 27; Абдуллаев 2005: 15].

Таким образом, имеются достаточные основания утверждать, что греческие традиции оказали значительное влияние на развитие материальной культуры, включая гончарное дело, эллинистической Бактрии, хотя на примере керамического производства внедрялись они отнюдь не равномерно.

Таблица 3

Эллинизация гончарного дела Бактрии



## Литература

- Абдуллаев 2005: *Абдуллаев А. Л.* Душанбе в эпоху бронзы и античности // Душанбе дар масари тахърих. Душанбе. С. 6–25.
- Абдуллаев 2010: *Абдуллаев К.* Греческие типы в керамике Согда и Бактрии // ПИФК. № 1. С. 46–61.
- Альбаум 1960: *Альбаум Л. И.* Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент.
- Анфимов 1986: *Анфимов Н. В.* Античное влияние в меотской керамике // Проблемы античной культуры. М. С. 125–129.
- Аскарлов, 1973: *Аскарлов А. А.* Сапаллитепа. Ташкент.
- Аскарлов, Абдуллаев 1983: *Аскарлов А. А., Абдуллаев Б. Н.* Джаркутан. Ташкент.
- Аскарлов, Альбаум 1979: *Аскарлов А. А., Альбаум Л. И.* Поселение Кучуктепа. Ташкент.
- Болелов 2001: *Болелов С. Б.* Гончарная мастерская III–II вв. до н. э. на Кампыртепа (К вопросу о керамическом производстве и организации ремесла в Северной Бактрии эпохи эллинизма) // МТЭ. Вып. 2. С. 15–30.
- Болелов 2004: *Болелов С. Б.* Керамика // КГ-2 С. 93–147.
- Болелов 2011: *Болелов С. Б.* Кампыртепа-Пандахеон в эпоху эллинизма // ВДИ. № 4. С. 29–48.
- Гайдукевич 1934: *Гайдукевич В. Ф.* Античные керамические обжигательные печи. М.; Л.
- Дьяконов 1953: *Дьяконов М. М.* Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950–1951 гг.) // МИА. № 37. С. 253–293.
- Егорова 2009: *Егорова Т. В.* Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М.
- Заппаров, Ртвеладзе 1976: *Заппаров Ш. Х., Ртвеладзе Э. В.* Раскопки древнебактрийского поселения Талашкан-тепе I // БД. С. 19–24.
- Иванчик 2011: *Иванчик А. И.* Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // ВДИ. № 4. С. 110–131.
- Кошеленко 1979: *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.
- Кругликова 1974: *Кругликова И. Т.* Дильберджин (раскопки 1970–1972 гг.). М.
- Лелеков 1978: *Лелеков Л. А.* Локальные очаги эллинистической художественной культуры в Средней Азии // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М. С. 226–234.
- Линде 1952: *Линде Е. М.* Греко-бактрийский сфинкс // СРИКМ. Вып. 1. С. 5–21.
- Литвинский 2000: *Литвинский Б. А.* Бактрийский храм Окса и восточноиранский эллинизм. Проблемы и гипотезы // ВДИ. № 2. С. 213–221.
- Литвинский 2010: *Литвинский Б. А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.
- Мандельштам, Певзнер 1958: *Мандельштам А. М., Певзнер С. Б.* Работы Кафирниганского отряда в 1952–1953 гг. // МИА. № 66. С. 290–324.
- Медведская 1977: *Медведская И. Н.* Об «иранской» принадлежности серой керамики Ирана раннежелезного века // ВДИ. № 2. С. 93–105.
- Пидаев 1975: *Пидаев Ш. Р.* О генезисе штамповых орнаментов на керамике античной Бактрианы // ОНУ. № 1. С. 67–71.
- Пугаченкова 1973: *Пугаченкова Г. А.* Керамические печи кушанского времени в Южном Узбекистане // СА. № 2. С. 205–215.
- Ранов, Соловьев 1993: *Ранов В. А., Соловьев В. С.* Душанбе — город древний. Душанбе.
- Рапэн 1987: *Рапэн К.* Эллинистическая сокровищница Ай-Ханум // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье: Материалы советско-французского коллоквиума (Самарканд, 1986). Ташкент. С. 108–119.
- Ртвеладзе 1978: *Ртвеладзе Э. В.* Цитадель Дальверзин-тепе // ДтКГ. С. 12–21.
- Ртвеладзе 1999: *Ртвеладзе Э. В.* Великий Шелковый путь: древность и раннее средневековье. Ташкент.

- Ртвеладзе 2002: *Ртвеладзе Э. В.* Надписи и знаки Кампыртепа // МТЭ. Вып. 3. С. 101–108.
- Соколовская 1904: *Соколовская Т.* Микенская керамика. Форма и орнамент сосудов. СПб.
- Тихонов 2011: *Тихонов Р. В.* К вопросу о времени и обстоятельствах появления штампованной керамики в Бактрии // Древность. Историческое знание и специфика источника: Материалы международной научной конференции. Вып. V. М. С. 192–195.
- Тихонов 2012: *Тихонов Р. В.* Местные традиции и греческие новации в керамическом ремесле Бактрии эпохи эллинизма // ПИФК. № 1. С. 128–143.
- Тревер 1958: *Тревер К. В.* Бронзовый фалар, найденный в Сталинабаде // СРИКМ. Вып. III. С. 24–29.
- Филанович 1974: *Филанович М. И.* Гяур-кала // ТЮТАКЭ. Т. XV. С. 15–139.
- Шишкина 1975: *Шишкина Г. В.* Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. № 2. С. 60–78.
- Alabe 1992: *Alabe F.* La céramique de Doura-Europos // Syria. Т. LXIX/1–2. P. 49–63.
- Bernard et al. 2002: *Bernard P., Jarrige J.-F., Besenval R.* Carnet de route et images d'un voyage sur les sites archéologiques de la Bactriane afghane (mai 2002) // CRAI (Novembre — Décembre). P. 1385–1428.
- Drews 1979: *Drews G.* Entwicklung der Keramik-Brennofen // APArch. Vol. 9/10. S. 33–48.
- Gardin 1957: *Gardin J.-C.* Céramiques de Bactres. Paris (MDAFA. Т. XV).
- Gardin 1973: *Gardin J.-C.* Les céramiques // Fouilles d'Aï Khanoum. I (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968). Paris (MDAFA. Т. XXI). P. 121–178, 180–188.
- Hannestad 1983: *Hannestad L.* Danish Archaeological Investigations on Failaka, Kuwait. Ikaros: The Hellenistic Settlements. Vol. 2: 1–2: The Hellenistic Pottery from Failaka. With a Survey of Hellenistic Pottery in the Near East. Aarhus (Jutland Archaeological Society Publications. XVI: 2).
- Rapin 1992: *Rapin C.* Fouilles d'Aï Khanoum. VIII. La trésorerie du palais hellénistique d'Aï Khanoum. L'apogée et la chute du royaume grec de Bactriane. Paris (MDAFA. Т. XXXIII).
- Rapin et al. 2006: *Rapin C., Baud A., Grenet F., Rakhmanov Sh. A.* Les recherches sur la région des Portes de Fer de Sogdiane: bref état des questions en 2005 // ИМКУ. Вып. 35. P. 102–112.
- Robinson 1959: *Robinson H. S.* Pottery of the Roman Period: Chronology. Princeton (AthAg. Vol. V).
- Rotroff 1997: *Rotroff S. I.* Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton (AthAg. Vol. XXIX).
- Stronach 1978: *Stronach D.* Pasargadae: a Report on the Excavations conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961 to 1963. Oxford; New York.
- Veuve 1987: *Veuve S.* Fouilles d'Aï Khanoum. VI. Le gymnase. Architecture, céramique, sculpture. Paris (MDAFA. Т. XXX).

# ХАДРАМАУТСКИЙ ЭПОНИМАТ И ЕГО МЕСТО СРЕДИ ДРЕВНЕЙЕМЕНСКИХ СИСТЕМ ЭПОНИМНЫХ ДАТИРОВОК

С. А. Французов (Санкт-Петербург)

Система летоисчисления, принятая в той или иной стране, может немало рассказать о мировоззрении ее обитателей и даже о некоторых чертах ее социального строя. Как и некоторые другие народы Древнего мира, создатели южноаравийской цивилизации вплоть до конца I тыс. до н. э. (а в ряде областей — и в первые века н. э.) обозначали года именами особых должностных лиц, которых исследователи, исходя из аналогичной афинской практики, снискавшей широкую известность в исторической науке, стали называть эпонимами<sup>1</sup>. Да и позднее к летоисчислению по эрам перешли далеко не все южноаравийские государства и области: эта система обошла стороной не только Хадрамаут, но и Сабу. Интересно, что в древнем Йемене нет никаких следов столь распространенного в разных частях света, как в древности, так и в средние века, счета времени по годам правления монархов [Beeston 1956: 25]. Возможно, это отчасти объясняется тем, что наследственное и пожизненное единовластие утвердилось в южноаравийских государствах далеко не сразу [см.: Robin 1996b: 1153–1154; Французов 2002: 255–256, 258–259]. Что касается систем эпонимных датировок, то на территории древней Южной Аравии их выявлено пять: сабейская, маинская, катабанская, хадрамаутская и еще одна, применявшаяся в северной части Йеменского нагорья, на землях, подвластных *ша'бу* первого порядка<sup>2</sup> Сум'ай (Сам'и)<sup>3</sup>. С каждой из них был связан

---

<sup>1</sup> На вызванную этим условность в использовании термина «эпоним» применительно к древнему Йемену справедливо указал, в частности, А. Бистон [Beeston 1956: 26]. На Древнем Востоке эпонимат отмечен только в Южной Аравии и Ассирии (датировки по ассирийским эпонимам встречаются также в Мари [см.: Freydank 2004: 1160]), а в странах средиземноморского бассейна — в Греции, Риме и, возможно, в Карфагене и других тирских колониях, где эту функцию пытаются отыскать у суфетов [см.: Циркин 2004: 190–191, примеч. 21], причем не исключено, что эллины, у которых счет лет по эпонимам засвидетельствован с VII в. до н. э., ввели эту практику под косвенным ассирийским влиянием [Michel, Villard 2001: 294]. В обзорных и справочных работах по истории древнего мира о существовании систем эпонимных датировок в южноаравийских государствах нередко забывают. К примеру, Г. Фрейданк пишет: «На Древнем Востоке традиция называть или считать года в честь ежегодно сменяемых должностных лиц — высокопоставленных сановников царской администрации — ...подтверждается только для Ассирии в период с около 1900 по 612 г. до н. э., т. е. до конца Новоассирийской империи» [Freydank 2004: 1160].

<sup>2</sup> Исчерпывающую характеристику различных по величине этнокультурных и территориальных общностей, обозначаемых термином *s<sup>2</sup>'b* (так называемых *ша'бов* первого, второго и третьего порядков), см.: Кортаев 1997: 110–113.

<sup>3</sup> Об этом *ша'бе*, который обладал собственным пантеоном, а на заре своей истории — и политической самостоятельностью (один из его царей известен по надписи СІН 37), но затем признал

свой календарь, очевидно, лунно-солнечного типа<sup>4</sup>, причем названия отдельных месяцев могли быть представлены сразу в нескольких календарях<sup>5</sup>. Полный набор месяцев (но не их точная последовательность!) восстановлен пока только для сабейского календаря<sup>6</sup>.

До недавнего времени хуже всего изученным оставался эпонимат, существовавший в древнем Хадрамауте. Почти до самого конца прошлого столетия во всей хадрамаутской эпиграфике были известны всего две датировки по эпонимам: в СТ 10/2–3 (*b-hy* / *'dd*<sup>m/s</sup>*l*<sup>s3<hn></sup>), происходящей из раскопок храма Сийāна на городище Хурайда, и в RES 2687/5 (*d-hy* / *Ys*<sup>2rh</sup> / *l/d-* *'dd*<sup>m/s</sup>*nyhn*)<sup>7</sup> с оборонительной стены в вади Либнā (ал-Бинā'). Тем не менее они дали возможность сделать два верных наблюдения: об отсутствии в хадрамаутских датировочных формулах какого-либо слова для обозначения года и о том, что эпоним мог занимать свой пост более двух лет [Beeston 1956: 34–35].

В эпиграфических материалах Советско-Йеменской комплексной экспедиции (СОЙКЭ) и Российской комплексной экспедиции в Йеменской Республике (РКЭЙР) автору этих строк удалось выявить еще пять надписей, датированных по эпонимам (три фрагмента из оазиса Райбун: два из храма Майфа'ан и один из храма Васат(х)ан; один фрагмент с городища Би'р Хамад и один полный гробничный текст из пещеры ар-Рукба близ ал-Хаджарайна)<sup>8</sup>. Кроме того, были идентифицированы эпоним-

---

главенство Сабы, вступив с ней в длительный и прочный союз [см. подробнее: Robin 1996b: 1131, 1165]. Возможно, в городах-государства ал-Джауфа существовали собственные эпониматы. Во всяком случае формула эпонимной датировки, обнаруженная в маинском (по языку) документе на пальмовом черенке X.JRy b-2/6–7 из Нашшāна, сильно отличается от той, что использовалась в Маине: так, она начинается с *d-hrf*, а не с *d-kbr(h)* или *b-kbr*, что вопреки мнению издателей текста [см.: Ruyckmans, Loundine 1997: 178] необязательно должно свидетельствовать о сабейском влиянии.

<sup>4</sup> На это указывает наличие в сабейском календаре тринадцатого месяца *d-ns<sup>t</sup>wr / 'hr<sup>m</sup>* (наряду с *d-ns<sup>t</sup>wr / qdm<sup>m</sup>*), что предполагает интеркаляцию. Кроме того, среди катабанских месяцев, помимо *d-brm*, отмечены *d-brm / qdm<sup>m</sup>* и *d-brm / 'hr<sup>m</sup>*. По-видимому, последние два появлялись только в тот год, когда после месяца, превращавшегося из просто *d-brm* в «*d-brm* первый», вставлялся добавочный месяц «*d-brm* последний (второй, другой)» [см. подробнее: Beeston 1956: 11–13].

<sup>5</sup> Например, *dl'* у маинцев [Beeston 1956: 10–11] и сум'айитов [Robin 1981: 49, 52], *d-s<sup>t</sup>hr* у сабейцев и катабанцев; ср. также *d-'bhu* у сабейцев и *d-'bh<sup>w</sup>* у катабанцев [Beeston 1956: 10].

<sup>6</sup> Первый вариант такой реконструкции см.: Beeston 1956: 12–13; вариант с исправлениями: Robin 1981: 50, п. 15. Восемь или девять месяцев, засвидетельствованных в маинской эпиграфике: Beeston 1956: 10–11. Пока не ясно, относится ли к календарю Маина месяц *d-trdhy*, выявленный в X.JRy b-2/5–6; не исключено, что это — первый из ставших нам известными месяцев того календаря, что использовался в Нашшāне. К семи катабанским месяцам [Beeston 1956: 11] следует теперь добавить *d-dbh<sup>m</sup>*, обнаруженный в MuB 522/6. Список из шести сум'айитских месяцев, название одного из которых полностью не восстанавливается, см.: Robin 1981: 49, 52; к настоящему времени календарь Сум'ай пополнился еще двумя: *'ln* (Гр 137/10 [см.: Коротаев, Французов 1998: 6]) и *šrb* (MAFRAY–Mahazza 1/7 [см.: Frantsouzzoff 2009: 158]).

<sup>7</sup> По аналогии с датировочной формулой в СТ 10/2–3, начинающейся с *b-hy*, А. Бистон предложил исправить *d-hy* на *b-hy* и в RES 2687/5 [Beeston 1956: 34; 1962: 67, § 57: 8]; он вновь вернулся к чтению *d-hy* для RES 2687/5 и ошибочно дал его для СТ 10 [Beeston 1984: 69, § 25: 1, п. 131]. Однако на фотографии RES 2687 [см., например: Avanzini 2008: 632, fig. 13] *d-hy* читается совершенно четко.

<sup>8</sup> Небольшой фрагмент Rb XIV/87 n° 20 = СОЙКЭ 1146, который до сих пор оставался неизданным, публикуется в приложении к данной статье (рис. 1) [издания остальных текстов см.: Французов 2001: 165–169; Frantsouzzoff 2003b; Виноградов и др. 2005: 397, 395: рис. 10; Frantsouzzoff, Prioletta 2013]. Фотография Rb XIV/87 n° 16 = СОЙКЭ 1142, качество воспроизведения которой оказалось ниже всякой критики [см.: Французов 2001: 166, ил. 1], переиздана ниже в приложении (рис. 2).

ные датировки в опубликованной ранее строительной надписи Ja 2878b = KR 6 из Хор Рори [Французов 2001: 163–164] и в тексте из Мукаллинского музея MM 161, очевидно, происходящем из Шабвы [Frantsouzoff 2005]. В итоге все девять датировок сведены вместе в приведенной ниже таблице<sup>9</sup>.

Т а б л и ц а

## Датировки по эпонимам в хадрамаутских надписях

Сиглы надписей/ строки	Частица, вводящая датировку	Личное имя эпонима	Родовое имя эпонима	Год (номер?) эпонимата
СТ 10/2–3	<i>b-hy</i>	<i>'dd<sup>m</sup></i>	не упомянуто	<i>s<sup>2</sup>ls<sup>3</sup>&lt;hm&gt;</i> — 3
Rb VI/04 s.w. n° 3/2	не сохранилась	<i>(R)fh<sup>m</sup></i>	не упомянуто	<i>'qdm<sup>hm</sup></i> — 1
Rb XIV/87 n° 16 = СОЙКЭ 1142/3	не сохранилась	<i>[Y]hm'l</i>	не упомянуто	<i>s<sup>3</sup>ny<sup>h[n]</sup></i> — 2
Rb XIV/87 n° 20 = СОЙКЭ 1146/1	не сохранилась	<i>[...]'l</i>	не упомянуто	<i>'qdm&lt;h&gt;[n]</i> — 1
СОЙКЭ 903/4	<i>b-&lt;hy&gt;</i>	<i>Fs<sup>2</sup>(h)<sup>n</sup></i>	не упомянуто	<i>rb<sup>hn</sup></i> — 4
СОЙКЭ 941 = Bi'r Hamad 3/2	не сохранилась	<i>[..]h'l</i>	не упомянуто	<i>s<sup>3</sup>ny<sup>hn</sup></i> — 2
RES 2687/5	<i>d-hy</i>	<i>Ys<sup>2</sup>rh'l</i>	<i>d-'dd<sup>m</sup></i>	<i>s<sup>3</sup>ny<sup>hn</sup></i> — 2
Ja 2878 b = KR 6/4	<i>b-hy</i>	<i>Hmyt</i>	<i>d-Hs<sup>2</sup>m</i>	<i>rb<sup>hn</sup></i> — 4
MM 161/7–8	<i>b-hy</i>	<i>'by<sup>m</sup></i>	не упомянуто	<i>tny<sup>hn</sup></i> — 2

В этом варианте таблицы надписи, содержащие эпонимные датировочные формулы, расположены в хронологической последовательности: те, что занимают шесть верхних строк, по своим палеографическим особенностям относятся к III–I вв. до н. э., RES 2687 — приблизительно к концу I в. до н. э. — I в. н. э., Ja 2878b — к первым векам н. э., наконец, MM 161 — ко второй половине III — IV (или даже V) вв. н. э. [Frantsouzoff 2005: 248, 251–252]. Исходя из того, что только в RES 2687/5 и Ja 2878b/4 приведены родовые имена эпонимов и что в обеих этих надписях речь идет о масштабных строительных работах<sup>10</sup>, было высказано предположение, что они датированы по общехадрамаутскому эпонимату, а остальные семь включенных в таблицу надписей — по местным эпонимам [Французов 2009б: 146]. Однако сейчас данная гипотеза представляется сомнительной, особенно если учесть, что как

<sup>9</sup> См. ее публикацию без второго слева столбца и с несколько иным расположением надписей: Французов 2009б: 146. Аналогичные таблицы с шестью (без MM 161, Rb VI/04 s.w. n° 3 и СОЙКЭ 1146) и семью (без Rb VI/04 s.w. n° 3 и СОЙКЭ 1146) датировками соответственно изданы: Frantsouzoff 2003b: 257; 2005: 252.

<sup>10</sup> В RES 2687 сообщается о возведении укреплений в ал-Бинā', благодаря которым это вади получило свое нынешнее название под руководством Шакма Салхāна, сына Ридвāна, а в Ja 2878b — о ремонте башни *D'nm* (очевидно, той самой, на стене которой была найдена эта надпись), ее вспомогательных сооружений и «третьих ворот» Сумхурама, которые предпринял Са'ад'ил, сын Асрака, зū Даус, наместник царя в земле Са'калхāн (стк. 1: *'qb/mlk<sup>h</sup>n/b-'rd/S'<sup>l</sup>kl<sup>h</sup>m*), т. е. в Дофаре. Необходимо отметить, что основной частью комплекса городских ворот Сумхурама был проход в форме меандра, состоявший из четырех пересекающихся под прямыми углами рукавов, в трех из которых находились ворота [см.: Orazi 2002: 81, fig. 2; Avanzini 2002: 126, fig. 1]. По-видимому, третьими из них в древности считались те, что были расположены ближе всего к башне с надписью Ja 2878b и к выходу за пределы комплекса и города [cp.: Lombardi 2002: 112].

раз на рубеже нашей эры у хадрамаутцев стала постепенно появляться родовая организация общества, прежде у них отсутствовавшая<sup>11</sup>. Таким образом, наличие родовых имен у эпонимов в RES 2687/5 и Ja 2878b/4 объясняется временем составления этих надписей, а не тем, что они датированы по общим для всего Хадрамаута, а не по местным эпонимам<sup>12</sup>. Кроме того, ни у сабейцев, ни у маинцев, ни у катабанцев, ни у сум'айитов эпонимат не делился на государственный (общерегиональный) и локальный.

Содержание датированных по эпонимам хадрамаутских надписей отличается разнообразием, но в большинстве случаев они оказываются связанными со строительством. Помимо официальной информации о возведении укреплений (RES 2687; Ja 2878b), в них говорится об обновлении облицовки храма Мазāб в одноименном городе (СТ 10)<sup>13</sup> и о сооружении скальной гробницы, которая предназначалась для частного лица, но где были также захоронены останки верблюда (СОЙКЭ 903). Весьма вероятно, что в СОЙКЭ 941 речь идет о каких-то архитектурных деталях (*mn y<sup>m</sup>*). В тексте на стеле Rb VI/04 s.w. n° 3, посвященной Сийāну, датировано, причем с точностью до месяца, исцеление ее автора Дādйишбāма (*Dds<sup>2</sup>bm*) от болезни. Автор MM 161 выражает покорность сабейскому роду Йухауди' и его общине и сообщает об успешной продаже фиников и зерновых, собранных благодаря использованию двух водных потоков. Незначительный размер фрагментов СОЙКЭ 1142 и 1146 не позволяет установить, о чем шла речь в текстах, к которым они относились.

Необходимо отметить, что во всех случаях, когда датированная по эпониму надпись была найдена в руинах храма, им оказывалось святилище Сийāна: Мазāб в Хурайде (СТ 10), Майфа'ан (СОЙКЭ 1142, 1146) и Васат(х)āн (Rb VI/04 s.w. n° 3) в Райбуне, пока безымянный храм в Би'р Хамāде (СОЙКЭ 941), что не удивительно, поскольку именно этот бог считался олицетворением хадрамаутской государственности.

Употребление относительного местоимения ед. ч. м. р. с энклитикой *d-hy* вместо предлога *b-* с такой же энклитикой в начале датировочной формулы RES 2687/5, очевидно, является чисто стилистическим приемом. Во всяком случае и *d-*, и *b-* используются в маинских эпонимных датировках, правда, предлог вводит ее лишь в тех случаях, когда опущена ссылка на месяц [Beeston 1956: 26; Лундин 1971: 59–60].

Вполне вероятно, что еще одна датировка по хадрамаутскому эпониму приведена в конце самой пространной южноаравийской надписи 'Abadān I (поздне-

<sup>11</sup> Так, в хадрамаутских надписях, в отличие от текстов, составленных на других эпиграфических южноаравийских языках, вплоть до конца I тысячелетия до н. э. не встречается указаний на родовую принадлежность упомянутых в них лиц, что, вероятно, объясняется ранним (случившимся еще в дописьменный) период превращением местной общины из родовой в территориальную [Французов 2009б: 135, 141]. Отдельные исключения из этого правила начинают появляться лишь в III–I вв. до н. э. (см., например, однострочную надпись на верхней горизонтальной поверхности алтаря из 'Уқрана, ошибочно изданную как начальная строка RES 3512, и фрагментарную строительную надпись из Шабвы — Shabwa Chantier VI, 1976 n° 81). Есть основания связать вторичное привнесение родовой структуры в хадрамаутское общество с влиянием не столько соседних южноаравийских государств, сколько обитавших на джеле и периодически спускавшихся в долины кочевников и полукочевников, о тесных союзнических отношениях которых с Хадрамаутским царством сообщается, в частности, в надписи 'Арбаш–Сай'ун I, датированной серединой — концом I в. до н. э.

<sup>12</sup> Что касается самой поздней датированной в соответствии с хадрамаутским эпонимом надписи MM 161, в которой родовое имя эпонима не приведено, то не следует забывать, что в эпиграфике ал-'Уқлы родовые имена выявлены менее чем у половины упоминаемых там лиц.

<sup>13</sup> Интерпретация термина *shwt*, встречающегося в СТ 10/2 (*sh<sup>1</sup>hds<sup>3</sup>/shwt/Mdbm*) как «облицовка (стены или цоколя храма)» обоснована настоящим автором [Французов 2009а; 2009б: 83–84].



сабейской по языку), сразу после датировки месяцем  $\underline{d}\text{-}m\dot{d}r'^n$  (приблизительно июлем) 470 г. химйаритской эры, что соответствует 360 г. н. э. (стк. 43–44). После выражения  $w\text{-}kn/b\text{-}t\dot{h}r\dot{f}/H\dot{d}r\dot{m}(t)$  «а по летосчислению Хадрамаута (это) был» там следует с трудом распознаваемое слово  $(w)r(h)$  «месяц», название месяца —  $s^2ms^1hy$ , и сразу за ним, без всякой частицы —  $'s^1lm^m$ , истолкованное как имя эпонима [Robin, Gajda 1994: 120, 129]<sup>14</sup>; к сожалению, далее стк. 44 оказалась практически полностью стертой, так что год эпонимата остается неизвестным.

К сожалению, остается невыясненным, какой титул носили эпонимы в Хадрамауте, как, впрочем, и в Катабане, а также у сум'айитов. Лишь для Маинского царства, благодаря датировочным формулам<sup>15</sup>, доподлинно установлено, что там функции эпонимов исполняли кабйры, очевидно, изначально являвшиеся градоначальниками его столицы Қарнау, да в ранней Сабее, судя по надписям СІН 555/8–10, Ја 540/4 и Şirwāḥ-04–05/7–8, где в состав датировок входит выражение  $\underline{d}\text{-}rs^2wt$ , эпонимом являлся жрец ( $rs^2w$ ), по-видимому, служивший главному богу южноаравийского пантеона 'Астару [Лундин 1971: 17–19]. Не ясно, сохранялась ли подобная ситуация в Сабейском государстве в конце I тыс. до н. э. — первых веках н. э.

В девяти датированных надписях, рассмотренных в таблице, порядковое числительное  $'qdm^{hn}$  «первый» после имени эпонима встречается дважды,  $s^3ny^{hn}/tny^{hn}$  «второй» — четыре раза,  $s^2ls^{3hn}$  «третий» — один раз,  $rb'^{hn}$  «четвертый» — дважды. Вопрос о том, обозначают они год эпонимата или его номер, возвращает нас к давнишней дискуссии о том, был ли эпонимат в древней Южной Аравии многолетним или одногодичным, но многократным<sup>16</sup>. Аргументы, приведенные А. Г. Лундиным в пользу существования в Катабане и Маине двухгодичного, а не двукратного эпонимата, в связи с использованием в датировках по отношению к нему числительного  $qdm^n$  «первый»<sup>17</sup>, вполне применимы и к хадрамаутскому эпонимату, который в таком случае должен быть, как минимум, четырехлетним.

С учетом имеющихся эпиграфических материалов по южноаравийскому эпонимату можно осторожно высказать некоторые предварительные соображения о том, каким образом проходило его развитие. По-видимому, изначально, как и в других странах Древнего мира, он был одногодичным<sup>18</sup> и сохранился в качестве такового в области Сум'ай<sup>19</sup>. Двухгодичным он стал в Маине и Катабане<sup>20</sup>, а еще

<sup>14</sup> В хадрамаутской ономастике оно встречается только как родовое имя (Ја 885/4:  $\underline{d}\text{-}'s^1lm^m$ ), а в маинской и катабанской — как личное [Arbach 1993, II: 11; Науајнеһ 1998: 300].

<sup>15</sup> См. выше, примеч. 3.

<sup>16</sup> Первую из этих точек зрения А. Г. Лундин детально обосновал в своей докторской диссертации, вскоре после защиты изданной в качестве монографии [Лундин 1971]. В ней он возражал Г. М. Бауэру, стороннику одногодичного и многократного эпонимата [см., например: Бауэр 1967].

<sup>17</sup> Речь шла, в частности, о боязни «дурного глаза», из-за которой в случае, если один срок эпонимата был сколько-нибудь отделен от следующего, его не решились бы называть «первым», чтобы не искушать судьбу [см. подробнее: Лундин 1971: 58–59].

<sup>18</sup> См., например: Michel, Villard 2001: 293.

<sup>19</sup> За последнее время было выявлено несколько новых надписей, датированных по эпонимам Сум'ай, благодаря которым стало ясно, что они принадлежали не к одному роду Йухасхим, а по меньшей мере к четырем (остальные три рода — это  $\$w'^m$ ,  $\underline{d}\text{-}K\dot{t}\dot{t}$  [Коротаев, Французов 1998: 6, примеч. 17, 18] и  $Dbs^l$ , обнаруженный в пока неизданной Nihm/al-Qutra 14/3). Однако ни в одной из сум'айитских датировок порядковое числительное не встречается.

<sup>20</sup> По отношению к катабанскому эпонимату, в котором второй год обозначался как  $'hr^n$  «последний», это заключение сомнений не вызывает [Лундин 1971: 58–59]; к приведенным там датировкам

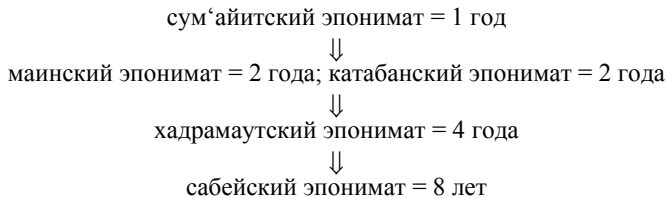
одну «редупликацию» претерпел в Хадрамауте, где срок пребывания эпонима на своем посту достиг четырех лет.

Однако самым продолжительным оказался сабейский эпонимат. Согласно стройной концепции, разработанной А. Г. Лундиным, срок полномочий эпонима в Сабейском государстве среднего периода составлял семь лет, и этот пост в порядке строгой очередности занимали представители трех родов: Ҳазмат, Фадаҳам (Фадаҳум) и Ҳалїл, причем, как правило, в каждом роде эпонимат передавался от отца к сыну. Серьезной критике эту схему подверг Кр. Ж. Робен. Ему удалось показать, что в среднесабейский период было не три эпонимных рода, а четыре, поскольку Ҳазфарам (Ҳазфарум) и Кабір Ҳалїл в это время составляли не две ветви рода Ҳалїл, а два самостоятельных рода, внутри которых пост эпонима далеко не во всех случаях сын получал от отца [Robin 1994: 233–234]. Кроме того, он попытался вернуться к представлению об одногодичном и многократном эпонимате, однако здесь его доводы оказались не столь убедительными. Выведенная им закономерность, согласно которой чем больше порядковый номер в эпонимной датировке, тем реже он встречается [Robin 1994: 235], представляется сомнительной, поскольку, во-первых, выполняется не слишком строго (так, известны три датировки шестым годом и по две — четвертым и пятым), и, во-вторых, результат, полученный на основании всего лишь 32 датировок, трудно признать репрезентативным. Что касается надписей схожего содержания СІН 314 + 954 = Louvre 69/8–18 и Іг 69/9–20, которые сообщают о церемонии в марибском храме Бар’ан и о мирных инициативах химйаритского царя Шамира (Шаммара) зў Райдана (Шамира Йухаҳмида, правившего в середине III в. н. э.) и датированы соответственно шестым годом Тубба’кариба, сына Вадад’ила, из рода Ҳазфар и третьим годом Наша’кариба, сын Ма’дикариба, из рода Ҳазмат, то из их сравнения никак не следует, что Наша’кариб, сына Ма’дикариба, в третий раз возложил на себя обязанности эпонима непосредственно после того, как Тубба’кариба, сын Вадад’ила, исполнил их в шестой раз, или наоборот [Robin 1994: 235]. Действительно, храмовая церемония и ее последствия описаны в обеих надписях одними и теми же словами (ср.: СІН 314 + 954/11–13 и Іг 69/12–15), но нельзя забывать, что подобные обряды происходили регулярно и следовали жесткому регламенту. Что до химйаритского посольства, то, согласно СІН 314 + 954/13–14, его отправили Шамир зў Райдан и отряды эфиопов (*w-’hzb/Hbs<sup>2</sup>t*), а в соответствии с Іг 69/16–17 — тот же правитель и қайли Химйара (*w-’qwl/Hmyr<sup>m</sup>*). Ряд других существенных расхождений в деталях показывает, что в СІН 314 + 954 и в Іг 69 речь идет о двух разных посольствах, интервал между отправкой которых вполне мог достигать 5–10 лет. Но даже если принять точку зрения Кр. Ж. Робена, остается неясным, почему **одни и те же** события датированы **двумя** разными годами. Ссылка на то, что церемония в Бар’ане могла состоять из ряда эпизодов, растянувшихся на несколько месяцев, выглядит неубедительной натяжкой. И уж тем более из надписи Ја 615, один из авторов которой, Ас’ад Йазїд, посвятил храму Аввам бронзовую статую в счет десятины за шестой год Вадад’ила, сына Абїкариба, из рода Кабір Ҳалїл, а также за третий год Наша’кариба, сына Ма’дикариба, из рода Ҳазмат (стк. 9–14), никак не следует, что эти два года, за которые посвятитель задолжал налог, непременно

---

нужно добавить еще две — в МуВ 522/6–7 и Ја 2360/14, обе — по первому году. Что касается маинского эпонимата, для которого засвидетельствованы датировки по первому году кабирата (*qdm<sup>n</sup>/kbr-s<sup>l</sup>*) и без упоминания года [Лундин 1971: 59–60], то, по всей видимости, во втором случае они относятся к последнему году исполнения кабиром-эпонимом своих обязанностей.

следовали друг за другом<sup>21</sup>. Вместе с тем наличие в Ir 26 (§ 1), изданной после выхода в свет монографии А. Г. Лундина, а также в недавно опубликованном документе на дереве X.BSB 53 = Mon. script. sab. 428/7 датировки седьмым годом эпонимата, ранее не упоминавшимся, дает возможность предположить, что срок полномочий сабейского эпонима равнялся не семи, а восьми годам<sup>22</sup>. Тогда получается, что он был вдвое больше, чем в Хадрамауте, и при увеличении срока полномочий эпонимата в древней Южной Аравии соблюдался принцип редупликации<sup>23</sup>:



Отметим, что в рамках системы возрастных классов, рудименты которой обнаруживаются в древнем Йемене<sup>24</sup>, время пребывания в каждом таком классе по мере взросления и возмужания составляло, как правило, 8 лет [Мисюгин 1998: 28–29].

Эпонимные датировки нередко включали в себя ссылку на календарный месяц (в Катабане — практически во всех случаях<sup>25</sup>). Из включенных в таблицу хадрамаутских датировочных формул, начальная часть которых уцелела полностью или частично (т. е. за вычетом СОЙКЭ 941, 1141 и 1146), лишь в Rb VI/04 s.w. n° 3/1–2 присутствует название месяца и то в поврежденном виде: <math>\langle b-wr\dot{h}/d-ky \rangle | [\dots/b-hy/ ](R)\dot{f}\dot{h}^m/ 'qdm^h</math>. К сожалению, предложить хоть сколько-нибудь надежную его реконструкцию не представляется возможным. В 'Abadān 1/44, где наличие эпоним-

<sup>21</sup> Отчасти это признает и Кр. Ж. Робен, заметивший по поводу Ja 615: «Весьма вероятно, что и здесь перед нами два следующие друг за другом эпонима, хотя в предыдущем случае об этом можно было говорить с большей уверенностью» [Robin 1994: 235; ср.: Лундин 1971: 104, примеч. 22].

<sup>22</sup> Согласно тщательно разработанной гипотезе А. Г. Лундина, первый год эпонимата в Сабе обозначался загадочным термином *tktm*, а когда речь шла о его последнем годе, то порядковый номер, как и в Маине, вообще не указывался [Лундин 1971: 63–64].

Появление датировки девятым годом эпонимата в Ja 735/4–5 было убедительно объяснено Ж. Рикмансом, который показал, что в данном случае полномочия эпонима были продлены из-за чрезвычайных обстоятельств — продолжавшейся три года подряд сильной засухи, ответственность за прекращение которой путем вызывания дождя лежала в том числе на эпониме, который, следовательно, обладал определенными сакральными функциями [Ruykmans 1973: 387–388].

<sup>23</sup> В приведенной ниже схеме стрелками обозначены не генетические связи одной системы эпонимата с другой, а стадийные переходы в развитии южноаравийского эпонимата. Так, можно допустить, что в древней Сабе эпонимат был одногодичным, на что косвенно указывают упоминавшиеся выше формулы с *d-rs²wt* в СИН 555/8–10, Ja 540/4 и *Širwāh*-04-05/7–8, и постепенно, путем удвоения срока полномочий эпонима он вырос к началу нашей эры до восьми лет. Попытка А. Г. Лундина показать, что в опубликованных к тому времени надписях Ja 540 и СИН 555, относящихся к VIII–VII вв. до н. э., использована та же самая система эпонимата, которая была в ходу в среднесабейский период, т. е. в I–III вв. н. э. [Лундин 1978а: 110–111, 115], не выглядит убедительной.

Для Хадрамаута также нельзя исключать существования на заре его истории (возможно, еще в дописьменный период) сначала одногодичного, а потом двухгодичного эпонимата.

<sup>24</sup> Прежде всего в описанном у Страбона порядке престолонаследия (Strabo XVI, 4, 3) [его интерпретацию см.: Лундин 1977; 1978б; Lundin 1981].

<sup>25</sup> В RES 4931/6 из-за обширной лакуны, которая охватывает начало датировочной формулы, название месяца не сохранилось, но можно с уверенностью предположить, что оно там было.

ной датировки кажется весьма вероятным, название хадрамаутского месяца  $s^2ms^1hy$  читается отчетливо; чуть выше (стк. 43) указан соответствующий ему химйаритский месяц  $d\text{-}mdr^{\prime}n$  (приблизительно июль). Наконец, в Rb XIV/87 n° 108/10, датируемой III–I вв. до н. э., вероятно, в том же контексте, что и в Rb VI/04 s.w. n° 3 (т. е. в связи с исцелением от болезни), приведена датировка по месяцу (без года!)  $trd^m$ , который следует сопоставить с маинским (или нашшанским) месяцем  $d\text{-}trdhy$  [Frantsouzoff 2003a: 55–56]<sup>26</sup>. Ему предпослан термин  $\langle s^2 \rangle hr$ , обозначающий начало месяца [Beeston 1956: 8; Beeston et al. 1982: 132; Ricks 1989: 165; Arbach 1993, I: 86].

## Приложение

Инвентарный номер в Музее г. Сай’уна: 1021.

Происхождение: Райбун XIV, полевой сезон 1987.

Описание: Фрагмент стелы, обломанный со всех сторон. Поверхность повреждена эрозией, но многие линии разметки различимы.

Размеры: Нет данных.

Шрифт: Значительные утолщения на концах вертикальных линий позволяют уверенно отнести этот фрагмент к позднему периоду (III–I вв. до н. э.) в развитии южноаравийской письменности в райбунском оазисе.

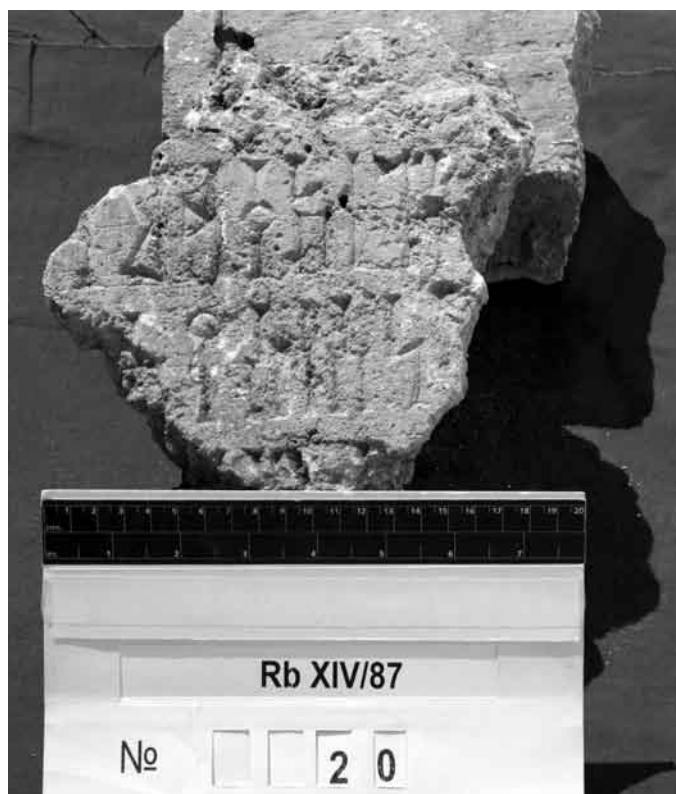


Рис. 1. Фрагментарная надпись Rb XIV/87 n° 20 = СОЙКЭ 1146

<sup>26</sup> См. выше, примеч. 6.



**Рис. 2.** Фрагментарная надпись Rb XIV/87 н° 16 = СОЙКЭ 1142  
[ее издание см.: Французов 2001: 165–167]

*Транслитерация:*

1 [.../b-hy/...] < > l' qdm < h > [n/...]  
2 [.../w-s' 'n-s' /S' y < n > [ / ... ]

*Перевод:*

1 [... в] первы[й] (год эпонимата) [...] ила...  
2 [... и] Сийан ему [пом]ог...

*Комментарий:*

Стк. 1: [.../b-hy/...] < > l: формулы эпонимных датировок, засвидетельствованные в хадрамаутских надписях СТ 10/2, СОЙКЭ 903/4, ММ 161/7 и Ja 2878b/4, вводятся предлогом *b-*, к которому присоединена энклитика *-hy*, но в RES 2687/5 та же формула начинается с *d-hy*. Таким образом, предлагаемое здесь восстановление не является бесспорным.

Стк. 2: [w-s' 'n-s' /S' y < n >]: с учетом стандартизированного формуляра райбунских надписей восстановление именно этого глагола представляется наиболее вероятным, хотя прежде он ни разу не был отмечен с местоименным суффиксом на конце (см.: RF–Alīm 1/6–7 : *b-d|t/s' 'n/w-rd' /'bd-s' /Dhb<sup>um</sup> /... “puisqu’il (Siyān. — S. F.) a protégé et assisté Son serviteur Dhahb<sup>um</sup>...”*; Rb XIV/87 н° 60 = СОЙКЭ 2377/5–6 : *b-d|t/s' [ 'n ] < 'qhl > m /... “since He (Siyān. — S. F.) h[elped] Aqhal<sup>um</sup>...”*).

### Сиглы надписей

‘Арбаш–Сай’ун 1: ‘Арбаш, Саккаф А.Х. 2001.

Гр 137: Бауэр, Лундин 1998: 33–34, фото 130.

СОЙКЭ 903: Frantsouzoff 2003b.

‘Abadān 1: Robin, Gajda 1994: 113–129, 193–201: pl. 49–57; Robin 1996a: 64–66.

- СН: Corpus Inscriptionum Semiticarum. Pars quarta: Inscriptiones himyariticas et sabæas continens. Vol. I–III. Paris, 1889–1931.
- СН 314 + 954 = Louvre 69: Calvet, Robin 1997: 141–144.
- СТ 10: Ryckmans G. 1944: 162–163, pl. 64/1.
- Ir 26: Ирйани 1973: 140–141.
- Ir 69: Ирйани 1988; Bron 1993.
- Ja 540: Jamme 1955: 269–270, pl. I (факсимиле).
- Ja 615: Jamme 1962: 112–113, pl. 11 (внизу справа).
- Ja 735: Jamme 1962: 211–213, pl. 36.
- Ja 885: Jamme 1967: 145–146, pl. II/1–2.
- Ja 2360: Jamme 1972: 22–26, pl. 5.
- Ja 2878b = KR 6: Jamme 1979: 94–95, pl. h; Avanzini 2002: 134–135, fig. 10.
- MAFRAY–Mahazza 1: Frantsouzzoff 2009: 156–158, 159–160.
- MM 161: Frantsouzzoff 2005.
- MuB 522: Avanzini et al. 1994: 29–31, 154: pl. 11/2.
- Nihm/al-Qutra 14: Frantsouzzoff (in print): chapitre 6, pl. 53.
- Rb XIV/87 n° 108: Frantsouzzoff 2003a: 54–56, 213, pl. 8.
- Rb XIV/87 n° 60 = СОЙКЭ 2377: Frantsouzzoff 2001: 64–65, fig. 3.
- RES: Répertoire d'épigraphie sémitique publié par la Commission du *Corpus Inscriptionum Semiticarum*. T. I, V–VIII, Paris, 1900, 1929–1968.
- RF–Alīm 1: Robin, Frantsouzzoff 1999.
- Shabwa Chantier VI, 1976 n° 81: Pirenne 1990: 54–55, pl. 45a.
- Širwāh-04–05: Arbach 2005.
- X.BSB 53 = Mon. script. sab. 428 — Stein 2010, 1 : 209–211 ; 2, pl. XLVIII–XLIX.
- X.JRy b-2: Ryckmans, Loundine 1997.

## Литература

- ‘Арбаш, Саккаф А.Х. 2001: *‘Арбаш, Мунйр; ас-Саққāф, ‘Абд ар-Раҳмāн Хасан*. Нақш джадйд мин ‘ахд Йада’ аб Зубйāн Йухан’ им малик Қатабан ва-Йада’ аб Ғайлāн малик Хадрамаут // *Raydān*. 7. С. 110–123 [арабск. часть].
- Бауэр 1967: *Бауэр Г. М.* Некоторые проблемы эпонимата в древней Южной Аравии // ВДИ. № 2. С. 124–147.
- Бауэр, Лундин 1998: *Бауэр Г. М., Лундин А. Г.* Эпиграфические памятники древнего Йемена. СПб. (Южная Аравия. Памятники древней истории и культуры. Вып. 2: Материалы экспедиции П. А. Грязневича 1970–1971 гг. Ч. 2).
- Виноградов и др. 2005: *Виноградов Ю. А., Седов А. В., Французов С. А.* Новый храм Сайина в Райбунском оазисе (раскопки 2004 г.) // *ArabVit*. С. 385–400.
- Ирйани 1973: *ал-Ирйāни, Муṭаххар ‘Али*. Фй та’рйх ал-Йаман. Шарх ва-та’лйк ‘алā нуқўш лам туншар 34 нақш<sup>ам</sup> мин маджму’ат ал-қāдй ‘Али ‘Абдаллāх ал-Кахāли. Саго.
- Ирйани 1988: *ал-Ирйāни, Муṭаххар ‘Али*. Ал-Ирйāни 69 // *Raydān*. 5. С. 9–16.
- Коротаев 1997: *Коротаев А. В.* Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации. М.
- Коротаев, Французов 1998: *Коротаев А. В., Французов С. А.* Предисловие // *Бауэр Г. М., Лундин А. Г.* Эпиграфические памятники древнего Йемена. СПб. (Южная Аравия. Памятники древней истории и культуры. Вып. 2: Материалы экспедиции П. А. Грязневича 1970–1971 гг. Ч. 2). С. 5–7.
- Лундин 1971: *Лундин А. Г.* Государство мукаррибов Саба’ (сабейский эпонимат). М.
- Лундин 1977: *Лундин А. Г.* Принципы престолонаследия в древней Южной Аравии // *Мероз*. История, история культуры, язык древнего Судана. [Вып. 1.] М. С. 278–281.
- Лундин 1978а: *Лундин А. Г.* О времени возникновения системы сабейского эпонимата // ВДИ. № 3. С. 108–115.

- Лундин 1978б: *Лундин А. Г.* Престонаследие в Катабане // СЭ. № 4. С. 123–130.
- Мисюгин 1998: *Мисюгин В. М.* Становление цивилизации. О вещах и представлениях. СПб.
- Французов 2001: *Французов С. А.* Новые данные о хадрамаутском эпонимате // ЭВ. Вып. 26. С. 161–173.
- Французов 2002: *Французов С. А.* Политическое развитие южноаравийско-эфиопской цивилизации в I тысячелетии до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э.: от раннего государства к несостоявшейся империи // ПВ. Вып. 10. С. 245–269.
- Французов 2009а: *Французов С. А.* Обозначение облицовки храма в надписях из оазиса Райбун (Внутренний Хадрамаут) // Восток. № 3. С. 141–144.
- Французов 2009б: *Французов С. А.* Райбун: надписи и люди (эпиграфические памятники, религиозная жизнь и социальное устройство культового центра древнего Хадрамаута). СПб.
- Циркин 2004: *Циркин Ю. Б.* Эллинизация политического устройства городов Финикии // Мнемон. Вып. 3. С. 185–202.
- Arbach 1993: *Arbach M.* Le maḍābien: Lexique — Onomastique et Grammaire d'une langue de l'Arabie méridionale préislamique : Thèse de doctorat — Nouveau régime. Vol. I–III. Aix-en-Provence.
- Arbach 2005 — *Arbach M.* Le commerce d'esclaves en Arabie du Sud préislamique d'après une nouvelle inscription sabéenne du VII<sup>e</sup> s. av. J.-C. // ArabVit. P. 314–317.
- Avanzini 2002: *Avanzini A.* The construction inscriptions on the Gate Complex // KhRR 1. P. 125–140.
- Avanzini 2008: *Avanzini A.* Notes for a history of Sumhuram and a new inscription of Yashhur'il // A Port in Arabia between Rome and the Indian Ocean (3rd c. BC — 5th c. AD). Khor Rori Report 2. Roma (Arabia Antica. 5). P. 609–641.
- Avanzini et al. 1994: *Avanzini A., Bāfaḡih M., Bāṭāyi 'A., Robin Ch.* Materiali per il Corpus qatabanico // Raydān. 6. P. 17–36, 148–158.
- Beeston 1956: *Beeston A. F. L.* Epigraphic South Arabian Calendars and Datings. London.
- Beeston 1962: *Beeston A. F. L.* A Descriptive Grammar of Epigraphic South Arabian. London.
- Beeston 1984: *Beeston A. F. L.* Sabaic Grammar. Manchester (Journal of Semitic Studies. Monograph No. 6).
- Beeston et al. 1982: *Beeston A. F. L., Ghul M. A., Müller W. W., Ryckmans J.* Sabaic Dictionary (English-French-Arabic)/Dictionnaire sabéen (anglais-français-arabe). Louvain-la-Neuve; Beyrouth.
- Bron 1993: *Bron Fr.* Sur une nouvelle inscription sabéenne // SELVO. 10. P. 79–83.
- Calvet, Robin 1997: *Calvet Y., Robin Ch.* Arabie heureuse, Arabie déserte. Les antiquités arabiques du Musée du Louvre, avec la collaboration de Fr. Briquel-Chatonnet et de M. Pic. Paris (Notes et documents des musées de France. 31).
- Frantsouzoff 2001: *Frantsouzoff S. A.* Epigraphic evidence for the cult of the god Sīn at Raybūn and Shabwa // PSAS. Vol. 31. P. 59–67.
- Frantsouzoff 2003a: *Frantsouzoff S. A.* En marge des inscriptions de Raybūn. Remarques sur la grammaire, le lexique et le formulaire de la langue ḥaḍramoutique épigraphique // Arabia. 1. P. 39–58, 211–213.
- Frantsouzoff 2003b: *Frantsouzoff S. A.* The Hadramitic funerary inscription from the cave-tomb at al-Rukba (Wādī Ghabr, Inland Ḥaḍramawt) and burial ceremonies in ancient Ḥaḍramawt // PSAS. Vol. 33. P. 251–265.
- Frantsouzoff 2005: *Frantsouzoff S. A.* Une nouvelle inscription ḥaḍramawtique datée par éponyme // Sabaean Studies. Archaeological, epigraphical and historical studies in honour of Y. M. 'Abdalāh, A. de Maigret, Ch. J. Robin on the occasion of their sixtieth birthday. Naples; Ṣan'ā'. P. 247–258.
- Frantsouzoff 2009: *Frantsouzoff S. A.* The status of sacred pastures according to Sabaic inscriptions // PSAS. Vol. 39. P. 155–162.
- Frantsouzoff (in print): *Frantsouzoff S.* Nihm, avec une contribution de Ch. J. Robin. Fasc. A: Les documents. Fasc. B: Les planches. Paris; Rome.

- Frantsouzoff, Prioletta 2013: *Frantsouzoff S. A., Prioletta A.* Sur le nom du temple du dieu Siyān dégaḡé à Raybūn VI // Raydān. 8.
- Freydank 2004: *Freydank H.* Eponyms in chronology. I. Ancient Orient // Brill's Encyclopaedia of the Ancient World. New Pauly. Antiquity. Vol. 4: Cyr — Epy. Leiden; Boston. Col. 1160–1161.
- Hayajneh 1998: *Hayajneh H.* Die Personennamen in den qatabānischen Inschriften. Lexikalische und grammatische Analyse im Kontext der semitischen Anthroponomastik. Hildesheim; Zürich; New York (Texte und Studien zur Orientalistik. Bd. 10).
- Jamme 1955: *Jamme A.* Inscriptions des alentours de Mareb (Yémen) // CahB. 5. P. 265–281.
- Jamme 1962: *Jamme A.* Sabaean Inscriptions from Maḥram Bilqīs (Mārib). Baltimore (Publications of the American Foundation for the Study of Man. III).
- Jamme 1967: *Jamme A.* Two New Hadrami Inscriptions from Zōfar // BiOr. Jg. 24/3–4. P. 145–148.
- Jamme 1972: *Jamme A.* Miscellanées d'ancien (*sic!*) arabe, III. Washington [личная публикация].
- Jamme 1979: *Jamme A.* Miscellanées d'ancien (*sic!*) arabe, IX. Washington [личная публикация].
- Lombardi 2002: *Lombardi A.* Archaeological investigation of the Gate Complex of Sumhuram: 1999–2000 Seasons // KhRR 1. P. 111–124.
- Lundin 1981: *Lundin A. G.* Les principes de la succession au trône dans l'Arabie du Sud ancienne // Raydān. 4. P. 37–41.
- Michel, Villard 2001: *Michel C., Villard P.* Éponyme // Dictionnaire de la civilisation mésopotamienne. Paris. P. 292–294.
- Orazi 2002: *Orazi R.* Sumhuram: the Gate Complex // KhRR 1. P. 77–110.
- Pirenne 1990: *Pirenne J.* Les témoins écrits de la région de Shabwa et l'histoire. Fouilles de Shabwa, I. Paris (Bibliothèque Archéologique et Historique. T. 134).
- Ricks 1989: *Ricks St. D.* Lexicon of Inscriptional Qatabanian. Roma (Studia Pohl. Dissertationes scientificae de rebus Orientis antiqui. 14).
- Robin 1981: *Robin Ch. J.* Le calendrier himyarite: nouvelles suggestions // PSAS. Vol. 11. P. 43–53.
- Robin 1994: *Robin Ch. J.* À propos d'une nouvelle inscription du règne de Shaʿrūm Awtar, un réexamen de l'éponymat sabéen à l'époque des rois de Saba' et de dhū-Raydān // Arabia Felix. Beiträge zur Sprache und Kultur des vorislamischen Arabien. Festschrift Walter W. Müller zum 60. Geburtstag. Wiesbaden. P. 230–249.
- Robin 1996a: *Robin Ch.* Sabeans and Ḥimyarites Discover the Horse // Furusiyya: The Horse in the Art of the Near East. Riyadh. P. 61–71.
- Robin 1996b: *Robin Ch. J.* Sheba (II. Dans les inscriptions de l'Arabie du Sud) // Supplément au Dictionnaire de la Bible. T. XII. Paris. Col. 1047–1254.
- Robin, Gajda 1994: *Robin Ch. J., Gajda I.* L'inscription du wādī 'Abadān // Raydān. 6. P. 113–137, 193–204.
- Robin, Frantsouzoff 1999: *Robin Ch. J., Frantsouzoff S.* Une inscription ḥadramawtique provenant du temple de Siyān dhū-Alim à Shabwa (Yémen) // Semitica. 49. P. 155–160.
- Ryckmans G. 1944: *Caton Thompson G.* The Tombs and Moon Temple of Hureidha (Hadramaut). Pt. VII: Epigraphy by G. Ryckmans. Oxford (Reports of the Research Committee of the Society of Antiquaries of London. No. XIII). P. 155–184.
- Ryckmans J. 1973: *Ryckmans J.* Un rite d'istisqā' du temple sabéen de Mārib // AIPHOS. 20 [1968–1972]. P. 379–388.
- Ryckmans J., Loundine 1997: *Ryckmans J., Loundine A. G.* Un pétiole de palme inscrit en minéen // Aktualisierte Beiträge zum 1. Internationalen Symposium SÜDARABIEN interdisziplinär an der Universität Graz mit kurzen Einführungen zu Sprach- und Kulturgeschichte. Im memoriam Maria Höfner. Graz. P. 171–180.
- Stein 2010: *Stein P.* Die altsüdarabischen Minuskelinschriften auf Holzstäbchen aus der Bayerischen Staatsbibliothek in München. Bd. 1: Die Inschriften der mittel- und spätsabäischen Periode. T. 1–2. Tübingen; Berlin (Epigraphische Forschungen auf der Arabischen Halbinsel. Bd. 5).



## Раздел II

# АРХЕОЛОГИЯ В СТРАНАХ СНГ: ОТКРЫТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

---

### ЮЖНО-ТАДЖИКИСТАНСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РАБОТ (2007–2013)

*Ю. Г. Кутимов (Санкт-Петербург)*

Южно-Таджикистанская международная археологическая экспедиция (далее — ЮТМАЭ) была создана в 2007 г. для реализации международного научного проекта по изучению памятников материальной культуры бронзового и раннего железного веков на территории Республики Таджикистан (далее — РТ). Организаторами проекта являются научные учреждения, ведущие активную научно-исследовательскую деятельность в области изучения древних культур Центральной Азии: Германский археологический институт (Берлин, Германия), Национальный музей восточного искусства (Рим, Италия), Институт востоковедения РАН (Москва, Россия), Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, Россия) и Институт истории, археологии и этнографии Академии наук РТ (Душанбе). Финансирование экспедиции осуществляется за счет средств, выделяемых научными фондами, в числе которых Немецкое научно-исследовательское сообщество (DFG) и Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ), а также музеями, академическими и государственными учреждениями.

ЮТМАЭ представляет собой сообщество ученых-археологов из различных стран, объединивших свои усилия в совместной работе для решения общих научно-исследовательских задач. В составе ЮТМАЭ на постоянной основе принимают участие археологи Н. М. Виноградова и Ю. Г. Кутимов (Москва и Санкт-Петербург), Дж. Ломбардо (Рим), М. Тойфер (Берлин) и Т. Г. Филимонова (Душанбе). В штате экспедиции работают антрополог А. И. Нечвалода (Уфа, Россия) и полевые архитекторы-художники. Проект имеет открытый характер, в разные годы участие в нем приняли исследователи из России, США, Таджикистана и Франции — как археологи, так и специалисты прикладных научных областей. Эту особенность ЮТМАЭ сохраняет и в настоящее время. В ее работе могут участвовать специалисты различных дисциплин, имеющие научные интересы и возможности для проведения исследований на территории РТ.

Основной задачей ЮТМАЭ являются поиски и археологические исследования памятников эпохи бронзы в южных районах РТ. Данный регион Центральной Азии в археологическом отношении имеет весьма низкую степень изученности. Начиная с 50-х гг. XX в. археологические работы на памятниках бронзового века



М. Тойфер (слева), Н. М. Виноградова и Ю. Г. Кутимов осматривают место раскопок (октябрь 2010 г.) [фотография из личного фотоархива Ю. Г. Кутимова]

в Южном Таджикистане в различное время проводили Б. А. Литвинский, А. М. Мандельштам, Л. Т. Пьянкова, Н. М. Виноградова и другие исследователи.

В настоящее время в списке археологических объектов эпохи бронзы на территории Таджикистана, полностью или частично исследованных во второй половине XX в., находятся такие памятники, как древнеземледельческое поселение Саразм, погребение Зардча-Халифа и могильник Дашти-Кози, расположенные в долине реки Зарафшан на севере Таджикистана; могильники Тандырайул и Кумсай в западной части Гиссарской долины; поселения Дахана, Тегузак и Кангуртут в районе Нурекского водохранилища; поселение Ташгузор в Дангаринском районе; поселение Карим-Берды в Восейском районе; стоянка у совхоза имени С. М. Кирова недалеко от г. Курган-Тюбе; могильник Обкух в Московском районе; могильники Пархар и Маконимор в Фархорском районе; могильники Вахш 1, Тигровая Балка, Ойкуль и Джаркуль в нижней части долины реки Вахш; могильники Бишкент 1, ранний Аруктау и ранний Тулхар в Бишкентской долине. Практически все эти памятники, за исключением поселения Саразм, датируются серединой — второй половиной II тыс. до н. э. и относятся либо к местным оседлоземледельческим вариантам так называемой сапаллинской культуры поздних этапов ее развития, либо к бишкентско-вахшской культуре скотоводческого типа.

Археологические комплексы более ранних периодов, чем середина II тыс. до н. э., до недавнего времени не были известны на территории Южного Таджикистана,

поэтому приоритетной задачей для исследователей, участвующих в работе ЮТМАЭ, стали поиски памятников III — первой половины II тыс. до н. э. Кроме этого, в план работ экспедиции было включено возобновление раскопок памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа, уже частично ранее исследованных.

В течение 2007–2013 гг. силами ЮТМАЭ в общей сложности было проведено более 15 полевых сезонов. Одним из главных объектов исследования экспедиции стали погребальные комплексы в окрестностях кишлака Гелот (Восейский район), где были обнаружены материалы конца III тыс. до н. э. (руководители раскопок — Н. М. Виноградова и Ю. Г. Кутимов). Большие по объему археологические работы были предприняты на поселениях эпохи поздней бронзы — раннего железного века Карим-Берды (Восейский район) и Сары-Джар (Ховалингский район) под руководством М. Тойфера. После долгого перерыва были возобновлены исследования могильника эпохи поздней бронзы Кумсай в Турсунзадевском районе (руководитель раскопок — Ю. Г. Кутимов). С целью выявления новых памятников и сбора необходимой информации для составления археологической карты ежегодно проводятся разведки в Бальджуванском, Восейском, Дангаринском, Кулябском, Фархорском, Ховалингском и Шурабадском районах РТ (руководитель работ — Т. Г. Филимонова).

## РАСКОПКИ В ГЕЛОТЕ

Одним из основных объектов, исследованных ЮТМАЭ, стали погребальные комплексы эпохи бронзы в окрестностях кишлака Гелот (Восейский район Хатлонской области), расположенного в 7 км к северо-западу от г. Куляб. В общей сложности в 2007–2013 гг. здесь были выявлены и изучены около 40 захоронений с уникальными материалами [Виноградова и др. 2010]. Часть из них относится к погребениям древнеземледельческого типа, которые датируются концом III — началом II тыс. до н. э. Данные захоронения образуют единый погребальный комплекс, центральное место в котором занимает женское захоронение в могиле катакомбной конструкции с богатым сопроводительным инвентарем, состоящим из гончарной керамики, металлических и каменных изделий, костей животного и мраморной фигурки человека. Рядом были обнаружены два жертвенных погребения баранов, также совершенных в захоронениях катакомбной конструкции, и остатки кострища с большим количеством пепла. Остальные погребения представляли собой кенотафы с керамическим материалом древнеземледельческого типа. Совокупность всех признаков позволяет рассматривать женское погребение в качестве элитарного. Богатый сопроводительный инвентарь, сопутствующие захоронения жертвенных животных и разжигание огня в ходе погребальной церемонии свидетельствуют о высоком социальном статусе умершей. Каменная статуэтка, найденная в захоронении, представляет собой фигуру стоящего мужчины с округлой головой и широкими плечами, руки которого прижаты к животу, а кисти рук сложены в кулаки и соприкасаются. В настоящее время данная фигурка является единственной находкой такого рода на территории Центральной Азии. Статуэтка из Гелота сделана в соответствии с традициями каменной и глиняной пластики древней Месопотамии последней четверти III тыс. до н. э. В это время там получает широкое распространение образ правителя (жреца), стоящего или сидящего в молитвенной позе с перехваченными в замок кистями рук, расположенными в области груди или живота. Этот образ, в свою очередь, имеет истоки в более ранней пластике



Участники работ ЮТМАЭ (слева направо): Дж. Ломбардо, Т. Г. Филимонова, А. Гуд (Кембридж, Масс., США) и А. И. Нечвалода (октябрь 2007 г.) [фотографии из личного фотоархива Ю. Г. Кутимова]

раннединастического периода первой половины — середины III тыс. до н. э. На памятниках Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (далее — БМАК) известны различные виды человеческих статуэток, однако фигурок, аналогичных найденной в Гелоте, нет.

Таким образом, впервые в истории археологических исследований на территории Южного Таджикистана были изучены комплексы, свидетельствующие о том, что данный регион начал заселяться в конце III тыс. до н. э. носителями культурных традиций БМАК. Территория Южного Таджикистана прежде рассматривалась в качестве окраины по отношению к основным центрам цивилизации древневосточного типа. Теперь же материалы раскопок в Гелоте и особенно упомянутая каменная статуэтка позволяют говорить о формировании здесь цивилизации, которая синтезировала в своей культуре древневосточные эталоны с местными бактрийскими традициями.

### РАБОТЫ В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ГИССАРСКОЙ ДОЛИНЫ

В середине II тыс. до н. э. территория современного Таджикистана активно осваивались различным по образу жизни и материальной культуре населением: древнеземледельческими общинами сапаллинской культуры и степными племенами андроновской (федоровской) культуры. Контакты земледельцев и скотоводов находят отражение в археологических материалах. В настоящее время известны

несколько археологических комплексов эпохи поздней бронзы, каждый из которых свидетельствует о смешении различных культурных традиций. Одним из наиболее интересных в этом отношении памятников является могильник Кумсай в Гиссарской долине. Он изучался в 1987–1988 и 2007 гг., однако не был исследован полностью. Находки оттуда имеют смешанный характер. В погребениях встречается керамика, а также металлические изделия, которые относятся как к андроновской (федоровской) традиции, так и к сапаллинской культуре на позднем этапе ее развития.

В ходе раскопок могильника Кумсай в 2012–2013 гг. были обнаружены новые материалы, неизвестные ранее на территории Таджикистана [Кутимов 2013]. В одном из погребений найдена височная подвеска с тремя конусообразными выступами. Точные аналогии ей неизвестны на территории Центральной Азии и степной зоны. Ближайшими ей по типу украшениями являются так называемые «трехбусинные» подвески из сумбарских могильников в Юго-Западном Туркменистане и поселения Кокча 15 тазабагьябской культуры Нижнего Приаралья, а также, вероятно, крюковидные подвески, представленные в комплексах могильников Кумсай, Дашти-Кози, Туюн и Бустон VI. Керамический сосуд с каннелюрами, найденный в одном из захоронений вместе с подвеской, имеет типичную для федоровской керамики горшковидную форму с отогнутым наружу венчиком и плавной профилировкой тулова, но изготовлен в соответствии с земледельческими традициями на круге и отличается высокотемпературным обжигом в гончарной печи. Желобчатый браслет, а также бронзовые и пастовые бусы из разных погребений типичны для андроновских (федоровских) памятников Зеравшанской долины (Дашти-Кози, Чака, Муминабад).

Исследования смешанных археологических комплексов, таких как могильник Кумсай, расширяют наши знания об уровне развития материальной культуры и формах культурных связей древнего населения эпохи бронзы Центральной Азии.

## Литература

- Виноградова и др. 2010: *Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г., Тойфер М.* Погребения эпохи бронзы в окрестностях кишлака Гелот на юге Таджикистана // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В. И. Сарияниди. СПб. (ТМАЭ. Т. 3). С. 389–411.
- Кутимов 2013: *Кутимов Ю. Г.* Новые исследования могильника эпохи поздней бронзы Кумсай (Таджикистан) // АВ. Вып. 19. С. 75–89.

# АРХЕОЛОГИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ

*А. В. Омельченко (Санкт-Петербург)*

Историю археологии Узбекистана 1990-х гг. — первой половины 2010 г. можно условно разделить на два больших этапа, граница между которыми проходит примерно по рубежу столетий. На первом, «переходном» этапе вырабатывается новая система археологических изысканий в изменившихся политических и экономических обстоятельствах, когда в силу объективных и субъективных причин постепенно свернули свои работы большие экспедиционные коллективы, такие как Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция (ХАЭЭ), Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ)<sup>1</sup> и Согдийско-Самаркандская экспедиция, значительно сократилось финансирование работ, а соответственно и количество отрядов Института археологии им. Я. Гулямова Академии наук Республики Узбекистан (далее — ИААНРУз) и Института искусствознания Академии Художеств / Академии наук Республики Узбекистан и т. д. Тем не менее в этих условиях, как мы попытаемся показать ниже, удалось сохранить многие важнейшие научные направления. За первые пять лет нынешнего столетия объем полевых работ возрос, шире стали применяться современные методы исследований, оперативно освещались результаты раскопок в регулярно выходящих специальных изданиях<sup>2</sup>. Еще больше увеличился масштаб археологических исследований к середине 2010-х гг.

---

<sup>1</sup> ЮТАКЭ, созданная при Академии наук Туркменской ССР, была кузницей кадров для археологии Узбекистана и сопредельных республик Средней Азии. На кафедре археологии Ташкентского государственного университета была организована Кешская археолого-топографическая экспедиция, угасшая к началу нынешнего столетия. Еще одной чрезвычайно важной советской школой, которая подготовила многих специалистов, работавших затем в Узбекистане и в среднеазиатской археологии в целом, была Пенджикентская экспедиция, работавшая под эгидой Ленинградского отделения Института истории материальной культуры / Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР, Государственного Эрмитажа и Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша Академии наук Таджикской ССР.

<sup>2</sup> Большой объем уже имеющихся научных публикаций, посвященных раскопкам, о которых речь пойдет ниже, потребовал бы значительного ссылочного аппарата. Поэтому ограничусь лишь упоминанием экспедиций и организаций, которые вели раскопки, руководителей археологических исследований, а также основных монографий и статей, освещающих те или иные принципиальные вопросы. Подробнее о ходе и результатах раскопок за последние 25 лет можно ознакомиться в различных изданиях. Для Узбекистана таковыми являются «История материальной культуры Узбекистана», «Археологические исследования в Узбекистане», «Нумизматика Центральной Азии», «Археология Узбекистана», «Общественные науки в Узбекистане», «Узбекистон тарихи», «Санъат», «Вестник Международного Института центральноазиатских исследований». Опубликованы отчеты ряда экспедиций: «Материалы полевых исследований Узбеккистанской искусствоведческой экспедиции Института искусствознания Академии художеств Республики Узбекистан» (1997–1999); «Материалы Тохаристанской экспедиции» (издаются с 2000 г.); «Материалы Бухарской археологической экспедиции» (печатаются с 1999 г.). Выходят в свет статьи в зарубежных периодических изданиях — в России («Российская Археология», «Археологические открытия», «Краткие сообщения Института археологии АН СССР», «Археологические вести», «Вестник древней истории», «Информационный бюллетень

## ВЕК КАМНЯ: НОВЫЕ НАХОДКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Систематическое изучение палеолита и мезолита на территории Узбекистана связано с работами конца 1930-х гг. на верхнепалеолитической Самаркандской стоянке<sup>3</sup> и на среднепалеолитических памятниках юга республики, где, в частности, в гроте Тешик-Таш (Байсунские горы) было обнаружено захоронение неандертальского ребенка<sup>4</sup>.

В послевоенные годы вплоть до конца 1980-х гг. объем исследований в этом направлении нарастал. Было открыто и изучено несколько ключевых памятников: Кульбулак, Оби-Рахмат, Ходжакент в Западном Тянь-Шане, Кушилиш под Ташкентом и Обишир в Ферганской долине, Аман-Кутан и Кутурбулак в отрогах Зеравшанского хребта; исследованы шахты по добыче кремня в Учтуте в горах Каратау и наскальная живопись грота Зарауткамар в ущелье Зараутса, а также стоянка Мачай в юго-западных отрогах Гиссарского хребта и др.<sup>5</sup> В результате была предложена периодизация древностей каменного века, рассмотрены их генезис и место в системе палеолитических культур Востока.

Экономические трудности конца 1980-х — начала 1990-х гг. существенно снизили темпы исследований. Первыми значительными работами в области изучения палеолита Узбекистана уже в новой политической обстановке сложения независимых государств на территории бывшего СССР стали совместные узбекско-российские исследования 1994 г. в долине р. Ахангаран, в частности на таком ключевом объекте, как Кульбулак<sup>6</sup>. Однако очевидный стимул палеолитическим штудиям придал другой узбекско-российский проект, созданный в 1998 г. прежде всего для раскопок грота Оби-Рахмат и других пунктов в ущельях Чаткала<sup>7</sup>.

Новые исследования значительно расширили объемы археологических находок верхнепалеолитического времени. Это дало возможность проследить тенденции в эволюции местного орудийного комплекса, связанной с увеличением количества микропластин и т. д. Время существования Обирахматской культуры — в пределах 80–40 тыс. лет назад (далее — л. н.)<sup>8</sup> — достаточно раннее для подобного технокомплекса, находящего, в свою очередь, аналогии в индустриях Ближнего Востока и Алтая. Важнейшим открытием стала находка на стоянке Оби-Рахмат останков древнего человека. Их анализ с помощью современных палеоантропологических методов

---

Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии», «Записки Восточного отделения Российского Археологического Общества [Новая серия]» и др.) и в других странах («Silk Road Art and Archaeology», «Ancient Civilizations from Scythia to Siberia», «Bulletin of the Asia Institute [New Series]», «Journal of Inner Asian Art and Archaeology», «Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan» и др.). Кроме того, информация об археологических исследованиях в Узбекистане опубликована в юбилейных сборниках, а также в материалах конференций.

<sup>3</sup> Раскопки Н. Г. Харламова и М. В. Воеводского.

<sup>4</sup> Раскопки А. П. Окладникова.

<sup>5</sup> Авторы раскопок — Д. Н. Лев, Г. В. Парфенов, М. Р. Касымов, Р. Х. Сулейманов, У. И. Исламов, М. Д. Джуракулов, Т. М. Мирсаатов и др.

<sup>6</sup> Принимали участие ученые из ИААНРУз (У. И. Исламов, К. А. Крахмаль, Б. К. Сайфуллаев, Н. О. Хушваков) и Института истории материальной культуры РАН (Н. К. Анисюткин).

<sup>7</sup> Соглашение между ИААНРУз и Институтом археологии и этнографии Сибирского Отделения РАН (А. П. Деревянко, У. И. Исламов, А. И. Кривошапкин, К. А. Колобова и др.). В разное время в проекте участвовали специалисты из США, Бельгии, Австрии, Франции и других стран. В рамках этого соглашения работает Международная полевая археологическая школа.

<sup>8</sup> Наряду с радиоуглеродным применяли ЭПР (электронно-парамагнитный резонанс), ОСЛ (оптический стимулируемый люминесцентный) и торий-урановый методы датирования [Деревянко и др. 2009].

позволил предположить, что обнаруженный здесь индивид отличается смещением признаков, характерных для неандертальца и человека современного облика.

В долине р. Чаткал изучалась также пещера Пальтау, относящаяся ко второй половине верхнего палеолита. Кроме того, обнаружен новый многослойный верхнепалеолитический объект Додектым<sup>9</sup>, возраст которого определен в 23–21 тысяч л. н., что вкупе с его специфическим орудийным комплексом (микролитическая традиция) позволяет предположить существование в Средней Азии раннего очага формирования мезолитической культуры.

Результаты раскопок стоянки Кульбулак, начатых в 2007 г., позволили утверждать, что на ней отсутствуют материалы нижнего палеолита (ашель). Под вопрос было поставлено и отнесение находок из средних слоев памятника к особому орудийному комплексу среднего палеолита — т. н. зубчатому мустье. Неподалеку от Кульбулака экспедиция обнаружила и исследует верхнепалеолитическую мастерскую Кызыл-Алма 2.

Изучение памятников древнекаменного века в начале нынешнего столетия было возобновлено кафедрой археологии Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека в Ташкенте (далее — НУУз)<sup>10</sup>. Поискные работы в северо-западном Притяньшанье привели к открытию новой средне-верхнепалеолитической стоянки Ахангаран. Маршрутными разведками исследовались горные и предгорные районы Зеравшанского хребта. На его южных склонах обнаружены стоянки в гротах Каттакамар (Каракамар) и Ангиллак эпохи среднего (?) палеолита, существовавшие в интервале от 44 до 38 тысяч л. н. На последней найдена плюсовая кость неандертальца. Исследователи отметили, что пещерные памятники эпохи плейстоцена как западного Тянь-Шаня, так и запада Памиро-Алайской системы лежат сейчас на высотах 1000 и более метров над уровнем моря и были подняты в процессе активной неотектоники. В среднепалеолитическое же время они находились на высотах в 600–700 м, над поймами долин саев, что делало их удобными для обживания.

Другим интереснейшим открытием экспедиции следует признать обнаружение мезолитической живописи в урочище Сийпанташ на р. Аякчидарья. Здесь преобладают символические изображения, но был выявлен и рисунок головы быка, выполненный в стиле, близком к тому, что характерен для рисунков Зараутсая в Сурхандарьинском вилояте Узбекистана.

В 2013 г. на стоянке Ангиллак возобновила работы узбекско-японская экспедиция<sup>11</sup>, которая также провела разведки в отрогах Гиссарского хребта<sup>12</sup>. Другим объектом ее исследования является стоянка Пашшат к северу от Нуратинского хребта<sup>13</sup>, орудийный комплекс которой относится к верхнему и, возможно, среднему палеолиту.

Новые местонахождения палеолитического времени были обнаружены и на востоке Узбекистана, в Западной Фергане (пункты Чодак и Мунчак-депе)<sup>14</sup>, а также

<sup>9</sup> Все памятники находятся на северо-востоке Ташкентского вилоята Узбекистана.

<sup>10</sup> В это время кафедру археологии НУУз возглавлял Р. Х. Сулейманов. Работы были организованы в сотрудничестве с Департаментом антропологии Университета штата Колорадо (США).

<sup>11</sup> Раскопки проводят Государственный музей истории Узбекистана и музей Токийского университета (Р. Х. Сулейманов, Ё. Нишиаки, О. Ю. Арипджанов).

<sup>12</sup> Обследованы восточные районы Кашкадарьинского вилоята Узбекистана.

<sup>13</sup> Памятник находится в Навоийском вилояте Узбекистана.

<sup>14</sup> Сборы выполнены отрядом ИААНРУз (А. А. Анарбаев, Б. К. Сайфуллаев) в ходе разведок по линии будущей железной дороги Ангрэн — Пап (2012 г.).



на юго-западе республики, в Кызылкумах. На местонахождении Кук-аяз I были собраны древнейшие из до сих пор найденных в этой пустыне орудий (средний палеолит); материалы местонахождений Кук-аяз II и III и в районе Аякагитминской впадины относятся к верхнему палеолиту<sup>15</sup>.

Во второй половине 1990-х гг. узбекско-польская экспедиция исследовала неолитическую стоянку Аякагитма<sup>16</sup>. Были установлены две фазы ее обживания, связанные с подъемом и опусканием уровня местного озера. Они соответствуют, по-видимому, глобальным изменениям экологической ситуации в регионе. Изучение каменного и керамического инвентаря стоянки и радиоуглеродные даты ее фаз (5200–4700 и 3000 гг. до н. э.) показали, что она относится к памятникам кельтеминарской культурно-исторической общности.

С начала XXI в. работы в районе древнего Аякагитминского озера были продолжены узбекско-французской группой<sup>17</sup>. Они в целом подтвердили предложенную хронологию и модель освоения местной экологической ниши в эпоху неолита. Экспедиция открыла еще ряд местонахождений, в том числе по Акчадарье (староречью Амударьи).

Новые памятники в Приаралье, датирующиеся от эпохи неолита до XIV в., были выявлены в ходе исследований в рамках Международного проекта «Изменения климата в голоцене и эволюция расселения человека в бассейне Аральского моря». Эти работы подтвердили, что уровень Арала менялся многократно, находясь в обратной зависимости от динамики уровня Саракамышского озера<sup>18</sup>.

На востоке Узбекистана, в северо-западных отрогах Зеравшанского хребта, памятники неолитической Сазаганской культуры традиционно исследует экспедиция Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои (далее — СамГУ). В 1995 г. было возобновлено изучение стоянок Сазаган и Тепакул 4 и 5, а в последние годы раскопки ведутся под скальным навесом Очилгор, где выявлены материалы мезолитического времени<sup>19</sup>.

Отдельным научным направлением, которое разрабатывается на материалах из Узбекистана, является изучение петроглифов. Многочисленное их сосредоточение открыто в 1950-х гг. в урочище Сармиш-сай в горах Каратау (Навоийская область)<sup>20</sup>. Здесь выделено около 30 групп наскальных изображений, которые датируются в основном от сакского периода до эпохи средневековья, хотя некоторые из них, возможно, относятся к бронзовому веку и, вероятно, к неолиту. В начале 1990-х гг. МАFAНАС приступила к реализации международного проекта по изучению петроглифов на территории от Минусинской котловины до Узбекистана,

<sup>15</sup> Сборы осуществлял отряд ИААНРУз (М. Хужаназаров, Б. К. Сайфуллаев).

<sup>16</sup> Исследования организовали ИААНРУз и Институт археологии Варшавского университета (М. Хужаназаров, К. Шимчак). Новую датировку получила стоянка Кутурбулак (Зеравшанский хребет), которую теперь относят к верхнему палеолиту (30 тысяч л. н.).

<sup>17</sup> Изыскания проводили ИААНРУз и Mission archéologique française d'Ajakagytm sur la néolithisation en Asie centrale (далее — МАFAНАС) (М. Хужаназаров, Ф. Бруне, Б. К. Сайфуллаев). В работах принимали участие специалисты в области геоморфологии, палинологии, палеоботаники, фитографии, также применялась ГИС-технология [L'Archéologie Française 2013: 191–207].

<sup>18</sup> Совместный проект 2002–2004 гг. выполняли специалисты из Германии, России, Англии, Швейцарии, Казахстана и Узбекистана при поддержке немецких научных фондов [Бороффка, Хансен 2010: 38–41].

<sup>19</sup> Изучение объектов реализуется во время студенческой археологической практики под руководством М. Дж. Джуракулова и Н. У. Холматова.

<sup>20</sup> Первыми исследователями этих петроглифов были Н. Х. Ташкенбаев и Дж. Кабиров.

причем изображения из Сармиш-сая не только фиксировались<sup>21</sup>, но и реставрировались<sup>22</sup>. В результате в 2004 г. был создан Сармишсайский историко-культурный природно-ландшафтный музей-заповедник, и этот памятник был номинирован в список мирового культурного наследия ЮНЕСКО.

В 2010 и 2011 гг. узбекско-польская экспедиция<sup>23</sup> выявила на северных склонах Нуратинского хребта<sup>24</sup> еще несколько местонахождений петроглифов, относящихся к эпохе бронзы и сакскому времени: Нокисай, Чорбогсай, Илонбулаксай, Олималисай и др., причем здесь были обнаружены изображения, выполненные охрой.

## БРОНЗОВЫЙ ВЕК: ПЕРВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ, ПЕРЕСЕЛЕНИЯ И КОНТАКТЫ

Открытие и изучение в конце 1960–1980-х гг. памятников протогородской сапаллинской культуры на юге Узбекистана (поселения Сапаллитепа и Джаркутан, могильники Молали и Бустон I–III, V, VI), сопровождавшиеся своевременной публикацией результатов раскопок<sup>25</sup>, сразу привлекли внимание археологов всего мира. Эти работы, наряду с начавшимся во второй половине 1970-х гг. исследованиями большого древнеземледельческого поселения Саразм в долине Верхнего Зеравшана на западе Таджикистана<sup>26</sup>, значительно активизировали дальнейшие изыскания в археологии эпохи бронзы.

В 1994 г. узбекско-германская экспедиция приступила к работам на поселении Джаркутан<sup>27</sup>. За 10 лет раскопок была изучена жилая застройка на его цитадели, доследован храм и расположенный рядом могильник с катакомбными погребениями. Вдоль фасов западной и восточной стен, а также на углах храма были открыты круглые башни с внутренними помещениями. Знаковой находкой на цитадели Джаркутана стала ручка бронзового ножа с железными заклепками, представляющая собой одно из самых ранних свидетельств использования железа на древнейшем Среднем Востоке. Изделия из слоновой кости и фрагменты сосудов из фаянса также свидетельствуют о контактах населения сапаллинской культуры с ближневосточными центрами цивилизации. Радиоуглеродный анализ значительно удревнил время бытования сапаллинской культуры — до 2000–1500 гг. до н. э. Немецкие исследователи предложили и свою периодизацию эпохи поздней бронзы юга Узбекистана, выделив в ней два этапа с двумя фазами.

Еще один памятник сапаллинской культуры — могильник Бустон VI — в 1990-х гг. — начале нынешнего столетия изучала экспедиция СамГУ<sup>28</sup>. Выработанная опытным

<sup>21</sup> Фиксация осуществлялась с использованием панорамной съемки.

<sup>22</sup> Реставрация заключалась в очистке петроглифов от современных граффити и в закреплении изображений (М. Хужаназаров и М. А. Реутова из ИААНРУз). Разработка методики была организована также в рамках узбекско-норвежского проекта; ряд общественно-значимых мероприятий был проведен при поддержке Навоийского горно-металлургического комбината.

<sup>23</sup> Работы велись петроглифическим отрядом ИААНРУз и Институтом истории и краеведения г. Конины (Польша).

<sup>24</sup> Самаркандский вилоят.

<sup>25</sup> Основные раскопки выполнял А. А. Аскарлов. Результаты многолетних исследований памятников сапаллинской культуры опубликованы в обобщающей монографии [Аскарлов, Ширинов 1993].

<sup>26</sup> Полевыми изысканиями на памятнике руководил А. И. Исаков.

<sup>27</sup> Изучение осуществляли ИААНРУз и Евразийский отдел Германского археологического института (Ш. Шайдуллаев, Д. Хуфф).

<sup>28</sup> Работы организовала Н. А. Аванесова. В них принимали участие студенты-практиканты.

путем методика сплошного горизонтального вскрытия погребальных объектов позволила не только значительно увеличить число обнаруженных захоронений, но и выявить детали похоронного обряда. Последний включал, в частности, установку стел и проведение тризн на специальных сакральных площадках. Ряд специфических объектов (например, места для проведения кремаций<sup>29</sup> и т. д.), а также находки на поселении Джаркутан бронзовых наконечников стрелы и копья и рогового дисковидного псаля позволили говорить об усилении взаимодействия земледельцев юга с северными скотоводческими племенами андроновской культурно-исторической общности на поздних этапах сапаллинской культуры. Было предложено рассматривать эти процессы с точки зрения проникновения индоиранских племенных групп на юг<sup>30</sup>.

Материалы всех известных к концу 1980-х гг. памятников скотоводов эпохи бронзы Средней Азии были рассмотрены в работе Н. А. Аванесовой [1991]. Однако из Восточного Узбекистана продолжают поступать сведения о новых, обычно случайных, находках этого рода. Особенно богаты ими северные склоны Зеравшанского хребта, где в погребениях были открыты смешанные андрово-сапаллинские комплексы (Сазагансай) и материалы федоровской культуры (Ургутский район, с. Гус). Более того, находки, сделанные в ходе реализации узбекско-таджикско-германского проекта по изучению древних оловянных рудников в отрогах северо-западного Памира-Алая (Карнаб, Лапас, Чангали, Мушистон) позволили исследователям предполагать участие в их разработке не только обитателей Саразма или носителей сапаллинской культуры, но и андроновских рудокопов.

В 2007 г. еще одна группа немецких археологов в сотрудничестве с узбекскими коллегами<sup>31</sup> приступила к раскопкам незадолго до этого обнаруженного<sup>32</sup> памятника сапаллинской культуры Тилля-Булак в Пашхуртской котловине (в Сурхандарьинском вилояте). Главными отличительными чертами этого поселения являются наличие мощной вертикальной стратиграфии и использование камня в строительстве, причем дома частично располагались на террасах. Важной находкой на Тилля-Булаке стали кости лошади — редкое свидетельство постепенного распространения коневодства в Средней Азии в связи с приходом туда северных скотоводческих групп. Террасирование в качестве строительного приема применялось, как показали недавние исследования, и в Газ-кале — еще одном новом памятнике сапаллинской культуры в районе Пашхурта<sup>33</sup>. В 2012 г. немецкие исследователи возобновили раскопки на поселении сапаллинской культуры Молали-тепе<sup>34</sup>.

С 2005 г. работы на поселении и могильнике Джаркутан ведет узбекско-французская экспедиция<sup>35</sup>, открывшая в верхних слоях памятника многочисленные полуземлянки, оставленные носителями культуры т. н. лепной расписной керамики типа Яз I эпохи поздней бронзы — раннего железного века.

<sup>29</sup> Для сапаллинской культуры характерна ингумация, но нередко встречаются и кенотафы.

<sup>30</sup> Наиболее последовательно это положение отстаивали Е. Е. Кузьмина [Кузьмина 2008] и Н. А. Аванесова.

<sup>31</sup> К. Канниут (Университет Людвига Максимилиана, Мюнхен), Ш. Б. Шайдуллаев (Термезский государственный университет).

<sup>32</sup> Поселение было открыто в ходе разведок, проведенных Международной узбекско-российской Тохаристанской археологической экспедицией (далее — МУРТАЭ).

<sup>33</sup> Поселение, обнаруженное в 2014 г., изучается сотрудниками Бактрийского отряда Среднеазиатской археологической экспедиции Института археологии РАН (далее — БОСАЭ) — Н. Д. Двуреченской, И. В. Рукавишниковой, В. В. Мокрородовым.

<sup>34</sup> Раскопки проводит Н. Бороффка (Евразийский отдел Германского археологического института).

<sup>35</sup> Исследования выполняют ИААНРУз и MAFANAC (С. И. Мустафакулов, Х. Бендозу-Сармьенто).

## РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК (ДАЛЕЕ — РЖВ): НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

На протяжении последней четверти XX в. велись бескомпромиссные споры о генезисе культур лепной расписной керамики и хронологическом приоритете той или иной группы памятников, т. е. решался вопрос, откуда пришли эти племена — с юга (из Северо-Восточного Ирана) или с северо-востока (из Ферганского и Ташкентского оазисов), и являлись ли они теми самыми ариями, о которых говорится в Авесте<sup>36</sup>. Однако с накоплением археологических данных прежде всего из Восточного Туркестана (Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР) стало очевидно, что среднеазиатские культуры представляют собой ветвь большой культурно-исторической общности, когда-то простиравшейся от бассейна Тарима до Восточного Ирана, включая Северный Афганистан. Время ее появления на юге Средней Азии уточняют новые калиброванные радиоуглеродные даты, полученные на самом городище Яз-депе в Мургабском оазисе Южной Туркмении, а также недавно на поселении Бандыхан I (Мадай-тепе)<sup>37</sup> в Сурхандарьинском вилояте. Они укладываются в промежуток от XV до XI в. до н. э.<sup>38</sup>

Работы 1970–1980-х гг. показали также, что такая же лепная керамика есть и на других многослойных памятниках, расположенных к северу от Гиссара, а новые исследования второй половины 1990-х гг. — начала нынешнего века значительно увеличили количество таких объектов.

Итоги изучения памятников РЖВ во второй половине 1980–1990-х гг. в Сурхандарьинской области Узбекистана были подведены в специальном исследовании, в котором были рассмотрены типология памятников, классификация археологических комплексов, вопросы их хронологии и связи с другими территориями [Шайдуллаев 2000].

В Южном Согде раскопки на городище Еркурган<sup>39</sup> в низовьях р. Кашкадарьи выявили, что существовавшее здесь поселение эпохи РЖВ было защищено валом архаичной конструкции<sup>40</sup>, характерной для восточных районов культуры лепной расписной керамики. В верховьях Кашкадарьи материалы этой культуры были обнаружены в нижних слоях Подаяктапе, Узункыра и Сангыртепа<sup>41</sup>. И на Еркургане,

<sup>36</sup> Основными участниками полемики были В. М. Массон, Ю. А. Заднепровский, В. И. Сариниди, И. Н. Хлопин, Б. А. Литвинский, А. А. Аскараров, А. С. Сагдуллаев, А. П. Франкфор, а в первом десятилетии нынешнего столетия к ним добавились Ш. Б. Шайдуллаев, Б. Х. Матбабаев и Л. М. Сверчков.

<sup>37</sup> Изыскания осуществляют узбекско-германская экспедиция, включающая сотрудников Института искусствознания Академии наук Республики Узбекистан (Л. М. Сверчков) и Евроазиатского отдела Германского археологического института (Н. Бороффка).

<sup>38</sup> Последняя по времени попытка археологической и этнолингвистической интерпретации этой темы предложена в книге Л. М. Сверчкова [2011].

<sup>39</sup> Изучение организовал в 2006 г. ИААНРУз (Р. Х. Сулейманов, А. А. Раимкулов, М. Х. Хасанов) в связи с подготовкой к празднованию 2700-летия города Карши.

<sup>40</sup> Вал возводили путем заливки слоями глины, чередующимися с нерегулярной кладкой глиняных комьев (гуваля). Вал похожей конструкции окружал и древнейшее поселение на Афрасиабе — городище древнего Самарканда. Его сооружение относят к середине — концу VIII в. до н. э. [Исамиддинов 2002: 93].

<sup>41</sup> Сангыртепа окружала стена, построенная в той же технике, что и на Еркургане. Исследования Подаяктапе и Узункыра были возобновлены в 1996–1998 гг. в связи с подготовкой к празднованию 2700-летия города Шахрисабза (2002 г.). Работы проводили кафедра археологии НУУз, ИААНРУз и Музей истории материальной культуры имени Амира Темура в Шахрисабзе.

и на Узункыре на месте поселений с лепной расписной керамикой на следующих этапах их существования складываются столичные центры.

Еще одним крупным пунктом племен культуры лепной расписной керамики в Узбекистане, судя по последним раскопкам, являлось городище Коктепа в долине Зеравшана<sup>42</sup>. В его надматериковых слоях отмечены землянки<sup>43</sup>, но позднее там появляется наземная сырцовая архитектура и возникает раннегородской центр, по-видимому, столица Центрального Согда до возвышения Самарканда.

На следующем этапе эпохи РЖВ (период Яз II) на юге Средней Азии и прилегающих областях Восточного Ирана лепная расписная керамика практически исчезает. Доминирует однообразный керамический комплекс, генетически восходящий к культурной традиции Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (далее — БМАК). Для этой посуды характерны станковые цилиндрические сосуды со своеобразным «клювовидным» профилем венчика.

Изучение узбекско-германской экспедицией (2005–2007 гг.) поселений Бандыхан-тепе II (Бектепа) и Газимуллатапа в Сурхандарьинском вилояте позволили производителям раскопок удревнить этап Яз II<sup>44</sup> и разделить его на две фазы: X–VIII вв. до н. э. и VII — первая половина VI в. до н. э. Они обратили внимание на то, что близкие археологические комплексы распространены на юге до Систана<sup>45</sup>, в то время как в Согде они как будто неизвестны. Пойдя по пути исторической интерпретации археологических данных исследователи соотнесли первую фазу Яз II с периодом правления древних кави (Кейянидов), упоминаемых в Авесте легендарных царей Ирана. Вторая фаза соответственно приходится на правление поздних кави, к которым относился и царь Виштаспа — покровитель пророка Заратустры [Сверчков, Бороффка 2008].

В период Коктепа II (соответствующий в целом этапу Яз II на юге) происходит перестройка городища Коктепа, свидетельствующая о значительных социально-экономических изменениях, вызванных, по-видимому, формированием сильной централизованной власти. Работами совместной узбекско-французской экспедиции здесь были открыты два монументальных здания, возведенных на террасах. Одно из них, возможно, представляло собой дворец, одновременно выполнявший функции склада. Вторая же постройка общим размером 125 × 125 м, наряду с двором, обведенным стеной с полукруглыми башнями по фасаду, включала квадратное святилище (?) с центральным возвышением внутри и полукруглыми башенками по двум углам снаружи.

Первый в Согде бесспорно храмовый комплекс периода Яз II изучен на Сангыртепа<sup>46</sup> в долине верхней Кашкадарьи<sup>47</sup>. Как и на Коктепа, это сооружение было защищено крепостной стеной, охватывавшей площадь до трех гектаров. Центральную

<sup>42</sup> Раскопки выполняли франко-узбекская согдийская экспедиция (La Mission archéologique franco-ouzébèke de Sogdiane, далее — MAFOUZS), ИААНРУз и французский Национальный центр научных исследований Франции (Centre National de la Recherche Scientifique — CNRS). В исследованиях принимали участие М. Х. Исамиддинов, К. Рапен, И. Д. Иваницкий, М. Х. Хасанов, А. А. Грицина, Ж. Люилье, Ж. Раевски и др.

<sup>43</sup> Период Коктепа I, по М. Исамиддинову и К. Рапену.

<sup>44</sup> Судя по калиброванным C<sup>14</sup> датам, нижний слой Бектепа относится к 929–800 гг. до н. э.

<sup>45</sup> Такой комплекс, например, обнаружен при раскопках знаменитого центра древних иранцев на систанском городище Нади-Али.

<sup>46</sup> Памятник открыт сотрудниками Кешской археолого-топографической экспедиции. С 1999 г. изыскания самостоятельно осуществляет MAFOUZS (М. Х. Хасанов и К. Рапен).

<sup>47</sup> В авестийское время здесь, по-видимому, располагалась Согдийская Гава.

часть памятника занимало главное здание храма, ядром которого был зал с алтарем и колоннами. По сторонам помещения располагались коридоры и комнаты. Таким образом, здесь формируется планировочный принцип «святилище в обводе коридоров», который станет главенствующим в архитектуре храмов огня в последующие периоды.

В первом десятилетии XXI в. были исследованы и памятники кочевнических культур эпохи РЖВ: в Хорезмском вилояте на границе Кызылкумов были открыты курганы с каменным ящиком или ямой под каменно-земляной насыпью<sup>48</sup>. Подобный сангырскому зороастрийский храм исследован в 2005–2007 гг. узбекско-германской экспедицией на Киндыктепа<sup>49</sup> в Сурхандарьинском вилояте. В центре окруженного коридорами святилища-*чортака* на возвышении находился алтарь огня, по сторонам которого располагались четыре сырцовые колонны. В коридоре перед входом в святилище были обнаружены несколько неглубоких ям, связанных, по-видимому, с принятым в зороастризме обрядом очищения. Храм относится к IV в. до н. э., т. е. к финальной стадии периода Яз III.

Период Яз III традиционно считается временем вхождения большей части Средней Азии в состав государства Ахеменидов (последняя треть VI — последняя треть IV в. до н. э.). Раскопки, проведенные в конце 1980-х — начале нынешнего столетия в долине Сурхандарьи (Кызылтепа<sup>50</sup>), в долине Кашкадарьи (Еркурган<sup>51</sup> и Узункыр<sup>52</sup>), в долине Зеравшана (Коктепа<sup>53</sup> и Афрасиаб), показали, что именно в этот период в главных центрах оазисов возводятся новые мощные укрепления, что, несомненно, связано с политикой централизации, проводимой ахеменидской администрацией<sup>54</sup>.

На Коктепа (период Коктепа III) к этому времени относится строительство стены, окружавшей городище площадью в 100 гектаров. Над святилищем предшествующего периода, остатки которого превратили в платформу, возводится новый храм (40 × 40 м).

Однако в ахеменидский период функция столичного центра в среднем течении Зеравшана переходит к Самарканду (городище Афрасиаб<sup>55</sup>). В 1989–2008 гг. его

<sup>48</sup> Изучение в местности Уч-Очак и Мешекли организовал Южнохорезмийский отряд ИААНРУз при поддержке Хорезмийской академии Мамуна (С. Р. Баратов, У. В. Рахмонов, О. Н. Лушпенко и др.).

<sup>49</sup> В работах участвовали В. В. Мокробородов, Н. Бороффка и Л. М. Сверчков.

<sup>50</sup> Раскопки проводились в 2010–2011 гг. в рамках узбекско-американского проекта при взаимодействии с Институтом искусствознания Академии художеств / Академии наук Республики Узбекистан и Институтом по изучению Древнего мира Нью-Йоркского университета. С 2015 г. исследования ведет узбекско-китайская экспедиция при участии сотрудников Пекинского университета (Л. М. Сверчков, У Син).

<sup>51</sup> Изыскания осуществлял ИААНРУз (Р. Х. Сулейманов и М. Х. Хасанов).

<sup>52</sup> Изучение проводится кафедрой археологии НУУз (О. Н. Лушпенко), Калифорнийским университетом в Беркли (Д. Стронах, К. Коделла) и ИААНРУз (М. Х. Хасанов).

<sup>53</sup> В сообщениях античной письменной традиции о походе Александра Македонского в Среднюю Азию этот город фигурирует, по-видимому, под названием «столицы Согдианы» — τὰ βασιλεία τῆς Σοῦδιανῆς (Агг. Anab. IV, 5, 3).

<sup>54</sup> Как свидетельствуют недавно обнаруженные в Афганистане арамейские документы, относящиеся к 348 г. до н. э. [Naveh, Shaked 2012: 14, 92–107], эти строительные работы контролировались из канцелярий сатрапов. Интересно, что в пергаментях упоминаются города Никшапайя и Киш, т. е., скорее всего, Ксениппа (Еркурган) и Кеш (Наутака-Узункыр).

<sup>55</sup> Пионером методически корректных раскопок на городище был А. И. Тереножкин, который в конце 1940-х гг. создал первую периодизацию археологических комплексов древнего и средневекового Самарканда. Особенный размах археологическое изучение Афрасиаба приобретает с конца 1960-х гг., когда начинаются широкомасштабные работы по благоустройству Самарканда. Афрасиабская археологическая экспедиция (В. А. Шишкин, Я. Г. Гулямов, Ш. С. Ташходжаев, Л. И. Аль-

раскопки проводились сотрудниками MAFOUZS<sup>56</sup>. Самые ранние материалы были получены при изучении фортификации. Древнейшая надежно зафиксированная<sup>57</sup> крепостная стена города обводила всю его площадь (217 гектаров) и была сложена из своеобразных «булкообразных» (плоско-выпуклых) сырцовых кирпичей со знаками-клеймами на постелях. Еще одна стена отделяла расположенную на севере цитадель (19 гектаров). Время их возведения остается предметом дискуссий<sup>58</sup>: ряд исследователей полагает, что эти стены были сооружены в пору включения Средней Азии в состав государства Ахеменидов (последняя треть VI в. до н. э.), большинство же других относят их строительство к предшествующему древнесогдийскому периоду (Коктепа II, начало VII в. до н. э.)<sup>59</sup>. Соответственно, спорной остается дата следующего этапа, на котором новые стены, имевшие внутренний коридор и открытую площадку поверху, были сложены из стандартного прямоугольного сырцового кирпича или битой глины-пахсы. Согласно поздней из предложенных датировок, эти укрепления относятся к рубежу V–IV вв. до н. э. Как отмечают производители раскопок, новая фортификация имеет аналогии в мидийско-персидской военной архитектуре.

В ближневосточной традиции была построена в позднеахеменидский период и стена Узункыра (Наутаки греко-римских источников) в Восточной Кашкадарье<sup>60</sup> (70 гектаров), в то время как укрепления ее цитадели — Подаяктаепа — сооружены из «булкообразных» кирпичей<sup>61</sup>. Таким образом, этот город состоял из цитадели, городского поселения и загородного храма (Сангыртепа).

На позднем этапе периода Яз III возводится стена Кызылтапа в соседней Сурхандарье, где на цитадели в то время располагался дворец с большим двором. Возможно, он являлся резиденцией местного сатрапа.

Городища Коктепа и Узункыр в Согдиане и Кызылтапа в Бактрии объединяет еще одна деталь: все они были заброшены вскоре после похода в эти края Александра Македонского.

Еще двумя областями Узбекистана, где в 1990-х гг. — начале XXI в. проводились раскопки памятников РЖВ, являются Фергана и Хорезм. Точечные раскопки на территории г. Андижана<sup>62</sup> в Ферганской долине обнаружили здесь в нижних слоях материалы эйлатанской культуры (V–IV вв. до н. э.).

---

баум, С. К. Кабанов, М. К. Пачос, Я. К. Крикис, М. Н. Федоров, Г. В. Шишкина, Н. Б. Немцева, Ю. Ф. Буряков, М. И. Филанович, Т. И. Лебедева, М. Туребеков, О. Н. Иневаткина и многие другие) проводила изыскания по изучению фортификации городища, раннесредневекового дворца с настенной живописью и оссуарных могильников. На большой площади были открыты средневековые жилые и ремесленные кварталы, была полностью раскопана соборная мечеть Самарканда и т. д.

<sup>56</sup> В ее состав входили П. Бернар, М. Х. Исамиддинов, Ф. Грене, И. Д. Иваницкий, О. Н. Иневаткина, Л. Ф. Соколовская, Л. Ю. Шпенева, Ю. Карев, Е. Куркина, М. А. Реутова, Б. Лионне и др.

<sup>57</sup> Вал, который выявлен под этой стеной, иногда рассматривают как нивелирующую конструкцию для ее возведения [Грене, Рахманов 2007].

<sup>58</sup> Сопредседателя экспедиции М. Х. Исамиддинов и Ф. Грене предлагали разные даты, причем первая — более раннюю.

<sup>59</sup> Новые раскопки и анализ материалов, полученных советскими исследователями, позволили добавить к уже имевшейся шкале древних комплексов (Афрасиаб I–IV) еще один этап, Афрасиаб 0, разделенный на две фазы А и Б.

<sup>60</sup> Исследования О. Н. Лушпенко.

<sup>61</sup> Изыскания М. Х. Хасанова.

<sup>62</sup> Изучение провели Андижанский отряд ИААНРУз (Б. Х. Матбабаев, Б. М. Абдуллаев, Б. Абдулгазиева и З. З. Машрабов) и Андижанский государственный университет. Работы по установлению возраста города осуществлены при поддержке Международного фонда имени Бабура (Андижан), местных властей и частных предприятий.

В 1996–1997 гг. в Хорезмском вилояте узбекско-российская экспедиция проводила работы на Хумбузтепа — крупном (5гектаров) производственном центре гончаров VI–III (?) вв. до н. э., расположенном на Туя-Муюнской излучине реки Амударьи. На этом городище были открыты обжигательные горны<sup>63</sup>, а в 2002 г. в его нижних слоях — остатки монументальной постройки с алтарем. Поселок керамистов, возможно, был связан с местным административным центром, находившимся на территории современного города Хазараспа: в его нижних слоях в начале первого десятилетия XXI столетия была выявлена крепостная стена V в. до н. э.<sup>64</sup>

## АНТИЧНОЕ ВРЕМЯ (КОНЕЦ IV в. до н. э. — IV в. н. э.)

### 1. Эллинистический период: археологические данные к реконструкции политической истории

Поход армии Александра Македонского в страны Востока и последовавшие за этим события не только полностью перекроили политическую карту Древнего мира, но и кардинально поменяли направление контактов, став катализатором экономических и социальных изменений. Падение Ахеменидского государства привело к еще одному важному для среднеазиатского региона последствию. Установленное Ахеменидами хрупкое равновесие между земледельческими оазисами и кочевым миром было нарушено. История Среднего Востока после смерти Александра Македонского — это нескончаемая борьба образовавшихся на руинах его империи эллинистических государств с наступающими с севера кочевыми племенами<sup>65</sup>.

В ряде случаев археологические материалы из Узбекистана фиксируют материальные следы этих событий. Так, на Подаяктапе в Южном Согде и на Курганзоле и Кампыртепа в Северной Бактрии была найдена керамика, характерная для кочевников, которые обитали на северо-западе Средней Азии<sup>66</sup>. В Самаркандском Согде в верхнем слое Коктепа, относящемся ко времени греко-македонского владычества, обнаружены постройки, интерпретируемые как казармы. Тогда же обновляются укрепления городища, причем исследования показали, что оно, как и Подаяктапа, забрасывается ближе к середине III в. до н. э. По-видимому, к этому времени относится и ряд курганных могильников, расположенных в предгорьях к северу от Самарканда<sup>67</sup>. В свою очередь находящееся к югу от него поселение эллинистического времени Бойсаритепа<sup>68</sup>, контролировавшее дорогу в Кашкадарьинский Согд, также было перекрыто кочевническими курганами<sup>69</sup>.

<sup>63</sup> Раскопки организовал отряд Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (С. Б. Болелов) и хивинский музей-заповедник «Ичан-кала» (Ш. Матрасулов).

<sup>64</sup> Исследования проводил Южнохорезмийский отряд ИААНРУз (С. Р. Баратов и У. В. Рахмонов).

<sup>65</sup> Уже Селевкиды были вынуждены послать полководца Демодама к Яксарту, чтобы развернуть там большие строительные работы по защите среднеазиатских оазисов от набегов номадов.

<sup>66</sup> Возможно, что в данном случае мы имеем дело с присутствием не враждебных отрядов, а, наоборот, союзных Александру кочевников-дахов.

<sup>67</sup> Изыскания выполнил О. В. Обельченко в 1960-х гг. (могильник Акджартепе). В 2007–2010 гг. в этих районах работал отряд МАFOUZS (Ж. Раевски), изучавший курганный могильник Янгирабад с захоронениями в ямах и катакомбах.

<sup>68</sup> Здесь была найдена тетрадрахма Селевка I Никатора.

<sup>69</sup> Эти курганы раскапывала в 2003–2007 гг. узбекско-итальянская экспедиция при участии сотрудников ИААНРУз и Отдела археологии Болонского университета (А. Э. Бердимуратов, Ф. Франческини, С. Монтеллини и др.).



Показательна еще одна закономерность — во многих ранее и недавно исследованных пунктах: на том же Бойсаритепа, а также Дабусие<sup>70</sup>, Буркуттепа<sup>71</sup>, Подаятактепа<sup>72</sup> в слоях эллинистического времени зафиксированы полуземлянки и постройки каркасно-столбовой конструкции.

На цитадели Афрасиаба, наряду с укреплениями, было открыто большое здание эллинистического периода, представлявшее собой, судя по находкам, продовольственный склад. На северо-западе городища тогда же формируется квартал ткачей<sup>73</sup>.

Материалы раннеэллинистического времени получены во время недавних раскопок на цитадели городища Пайкенд, расположенного на крайнем юго-западе Бухарского оазиса (Западный Согд)<sup>74</sup>.

Кочевнические вторжения способствовали выходу Согда из-под власти эллинистических правителей Греко-Бактрии, видимо, в конце III в. до н. э. На это указывают отрывочные свидетельства исторических хроник<sup>75</sup> и нумизматические данные, объем которых за последние десятилетия значительно увеличился<sup>76</sup>.

Иная ситуация сложилась в долине Сурхандарьи на юге современного Узбекистана. Большинство исследователей включает эту территорию в состав Бактрии<sup>77</sup>. В пользу того, что греко-бактрийские цари сохранили суверенитет над этой территорией, говорят нумизматические находки и результаты новых археологических исследований. Чтобы удержать границу на севере своего государства, они строят укрепления в горных проходах, соединяющих долины Кашкадарьи и Сурхандарьи. Одна из таких длинных стен, Дербентская, защищала знаменитые Железные ворота уже во второй половине III в. до н. э.<sup>78</sup> Другой отрезок этой пограничной фортификационной системы открыт на вершине Сузистага, под которой проходил обходящий Железные ворота путь. Здесь раскапывается крепость Узундара, в которой выявлена уникальная для Средней Азии каменная архитектура поры эллинизма<sup>79</sup>.

<sup>70</sup> Памятник располагается в Самаркандском вилояте на дороге в Бухару. Его исследовала в 2006–2012 гг. узбекско-японская экспедиция, состоявшая из сотрудников ИААНРУз и Университета г. Киото (А. Э. Бердимуратов, У. Такао).

<sup>71</sup> Памятник находится в Навоийском вилояте в городе Кермине. Изыскания здесь в 2000–2001 гг. осуществил Карманинский хоздоговорной отряд ИААНРУз (М. Хужаназаров, А. А. Грицина, Д. К. Мирзаахмедов).

<sup>72</sup> Исследования цитадели в 1996–1998 гг. организовала кафедра археологии НУУз (А. В. Омельченко) и Музей истории материальной культуры имени Амира Темура в Шахрисабзе (Б. Мадиев).

<sup>73</sup> Работы проводились силами MAFOUZS.

<sup>74</sup> Раскопки выполняла Бухарская археологическая экспедиция (далее — БАЭ) (Д. К. Мирзаахмедов, А. В. Омельченко).

<sup>75</sup> Имеются в виду орды кочевников, которых упоминает греко-бактрийский царь Евтидем в обращении к Антиоху III (Polyb. XI, 34, 5) и войны другого греческого правителя Бактрии, Евкратиды, с согдийцами (Iust. XLI, 6, 3–4).

<sup>76</sup> Находки монет свидетельствуют о независимости денежного обращения Южного и Центрального Согда от греко-бактрийского чекана.

<sup>77</sup> По другой версии (Ф. Грене и К. Рапен), долина Сурхандарьи входила в состав Согда.

<sup>78</sup> В ходе исследований в 1970-е и 1980-е гг. под руководством Э. В. Ртвеладзе были обнаружены укрепления кушанского времени. В 1996–1997 и в 2005 гг. сотрудники MAFOUZS установили, что время возведения первой стены относится по крайней мере к греко-бактрийскому периоду (К. Рапен, Ш. Рахманов).

<sup>79</sup> Изыскания МУРТАЭ (Э. В. Ртвеладзе) и БОСАЭ (Н. Д. Двуреченская) начаты в 2013 г. в рамках узбекско-российского научного проекта.



Городище Афрасиаб в Самарканде: вскрытая архитектура эллинистического периода  
[фотография из архива MAFOUZS; © Claude Rapin]

Незаурядным событием стало обнаружение форта Курганзол того же времени в южных предгорьях Байсунских гор<sup>80</sup>. Отсутствие значительных поздних напластований и небольшие размеры крепости позволили полностью ее раскопать и установить детали фортификации и внутренней застройки. Богатый набор гончарной посуды, полученный в результате исследований, близок тому, что был найден в нижних слоях греческого города Ай-Ханум в Северо-Восточном Афганистане. Это значительно расширяет наши представления об эллинистическом керамическом комплексе и делает Курганзол с точки зрения хронологии одним из ключевых античных памятников Северной Бактрии<sup>81</sup>.

На Кампыртепа — крепости у древней переправы через Амударью — недавно были обнаружены материалы III–II вв. до н. э. В нижних слоях жилой застройки были открыты земляночные жилища, предназначенные, по-видимому, для солдат гарнизона, а на цитадели — гончарные печи<sup>82</sup>.

<sup>80</sup> Изучение осуществляла в 2003–2004 и 2008 гг. Байсунская экспедиция Института искусствоведения АН Республики Узбекистан (Л. М. Сверчков) при финансовой поддержке Мангеймского музея (Германия).

<sup>81</sup> Для этого форта получены серия радиоуглеродных дат и материалы для дендрохронологического анализа [Сверчков 2014].

<sup>82</sup> Работы организованы МУРТАЭ (Э. В. Ртвеладзе, Дж. Я. Ильясов, А. А. Восковский, Д. В. Русанов, А. Н. Горин и др.), Среднеазиатской археологической экспедицией Государственного музея Востока в Москве (С. Б. Болелов) и БОСАЭ (Н. Д. Двуреченская).

## 2. Средняя Азия в I–IV вв. н. э.

Самым изученным памятником кушанского времени на территории Узбекистана сейчас является бактрийское городище Кампыртепа<sup>83</sup>, укрепленная часть которого исследована почти полностью. После возобновления раскопок в 1999 г. были получены новые данные по фортификации крепости, изучена квартальная застройка, состоявшая из жилых блоков, включавших от двух до пяти комнат. Предполагают, что они принадлежали семьям «государевых людей», которые обслуживали переправу на Амударье. На цитадели доследованы складские помещения, а внизу, у древнего русла реки, — портовая часть. Среди находок, многие из которых представляют собой высокохудожественные изделия, особо выделяются рукописи на папирусе с бактрийскими текстами, а также архитектурные детали с нанесенными на них надписями индийским письмом кхарошти. Обнаружено большое количество монет, анализ которых показал, что городище было заброшено к середине II в.<sup>84</sup> На памятнике проведена реставрация части оборонительных стен и башен<sup>85</sup>.

Фортификация и отдельные постройки кушанского времени изучены в долине Сурхандарьи также на городищах Паенкурган в предгорьях Байсуна<sup>86</sup>, Джандавлятепа в Шерабадском оазисе<sup>87</sup> и Талитагоратепа (в 18 км к востоку от Старого Термеза)<sup>88</sup>; исследован также могильник Холниёттепа с ямными и подбойными захоронениями местного сельского населения<sup>89</sup>.

Значительные по объему исследования за последние годы проведены археологами из Узбекистана и Франции на городище Старый Термез (древняя Тармита, главный город Северной Бактрии)<sup>90</sup>. За двадцать полевых сезонов археологи установили, что подлинного расцвета город достигает в кушанскую эпоху, когда расширяется цитадель, а также строится дворец. К западу от цитадели открыт культовый комплекс, который возник, вероятно, еще в греко-бактрийский период и позднее выполнял функции храма. Здесь были найдены алтари огня и фрагменты скульптуры. Раскопки на Чингизтепа показали, что сначала это отдельное укрепление на городище представляло собой форт, защищенный рвом и стеной с пятнадцатью квадратными башнями, а затем там построили династийный или буддийский храм, на месте которого найдены многочисленные фрагменты архитектурного декора из известняка. Несомненно буддийским являлся храмовый комплекс III в. на Малом Чингизтепа, где обнаружены фрагменты культовой скульптуры. Большое внимание экспедиция уделяет реставрации раскопанных объектов, в частности, ею проведены работы по укреплению раскопанных оборонительных стен.

<sup>83</sup> Памятник находится в 30 км от главного города Сурхандарьинского вилоята — Термеза.

<sup>84</sup> По-видимому, по причине катастрофических наводнений. Подробно см.: МТЭ. Вып. 1–8.

<sup>85</sup> Реконструкция исполнена в той же технике, в которой эти укрепления были выстроены в древности: стены заключены в «рубашку» из сырцовых кирпичей.

<sup>86</sup> Раскопки проведены франко-узбекской бактрийской экспедицией (La Mission archéologique franco-ouzbèke de Bactriane (далее — МАFOUZB) (К. Абдуллаев).

<sup>87</sup> Исследования выполнены в 2002–2006 гг. узбекско-чешской экспедицией при участии сотрудников ИААНРУз (К. Абдуллаев) и Пражского университета (Л. Станчо).

<sup>88</sup> Изыскания осуществлены в 2011 г. археологами ИААНРУз (К. Абдуллаев) и Термезского государственного университета (Т. Аннаев).

<sup>89</sup> Изучение организовано в 1999–2000 гг. ИААНРУз (Х. Ю. Мухитдинов).

<sup>90</sup> Работы проведены под эгидой МАFOUZB и ИААНРУз. В настоящее время Узбекистан представляет Институт искусствознания АН Республики Узбекистан (Ш. Р. Пидаев, Т. Аннаев, Л. С. Баратова), а Францию — Национальный центр научных исследований (П. Лериш).

Самым значительным (площадью в 7 гектаров) буддийским памятником античной эпохи в Средней Азии является расположенный на западном краю городища Старый Термез культовый центр Каратепе. Несмотря на долгую историю его изучения<sup>91</sup>, он до сих пор приносит новые открытия и находки. Раскопки северного холма открыли большой монастырь<sup>92</sup> со ступой на платформе (15 × 22 м), оформленной каменным архитектурным декором<sup>93</sup>. Были найдены фрагменты глиняно-ганчевой скульптуры, когда-то изображавшей донаторов. Примыкающие ко двору перекрытые куполом залы для молений были украшены росписью, рядом располагались сводчатые кельи монахов. Комплекс включал также святилище огня, что, как показали раскопки других объектов, не было редкостью для буддийских сооружений Средней Азии. В другом святилище во дворе располагались искусственный водоем и айван (портик). Оказалось также, что на северном холме был еще один монастырь, причем его ступа находилась не во дворе, как обычно, а в большом помещении. На стене ступы было расчищено живописное изображение Будды. В соседней комнате археологи нашли фрагменты глиняно-ганчевой скульптуры, изображавшей Будду, другие божества и донаторов. Еще одна комнатка использовалась для хранения праха монахов. Среди находок в монастырях представлена даже импортная римская посуда.

В связи с большими реставрационными работами<sup>94</sup> археологические исследования проводились и на другом буддийском монастыре — Фаяз-тепе<sup>95</sup>, расположенном в 1 км к северу от Каратепе, за пределами Термезского городища. Эти изыскания позволили уточнить время строительства комплекса, который, вероятно, был возведен на рубеже эр. Монастырь погиб, по-видимому, в результате сасанидского нашествия во второй половине III в. (выявлены следы пожара)<sup>96</sup>.

В 1989–1995 гг. узбекско-японская экспедиция<sup>97</sup> доследовала на городище Дальверзинтепа, находящемся в 60 км к северу от Термеза<sup>98</sup>, буддийский комплекс с прилегающей застройкой.

Китайские хроники говорят о нескольких владениях в землях Согда в первых веках до — первых веках нашей эры. К настоящему времени нумизматические данные позволяют выделять пять разных линий чеканки монет (пять княжеств?). Три из них можно связать с долиной Зеравшана (две ограничены районом Самарканда, одна — Бухарским оазисом), еще две — с долиной Кашкадарья, где локализируются Нахшаб (нижнее течение) и Кеш (верхнее). Считается, что согдийские владения находились под «протекторатом» кочевнического объединения Кангюй.

<sup>91</sup> С 1961 г. по 1994 г. памятник раскапывала совместная экспедиция Государственного Эрмитажа (Б. Я. Ставиский, Т. И. Зеймаль), Государственного музея Востока (Т. К. Мкртычев), Государственного научно-исследовательского института реставрации и Государственного музея истории религии [Ставиский 1988].

<sup>92</sup> Исследования начаты археологическим отрядом Государственного Эрмитажа.

<sup>93</sup> С началом XXI в. изыскания на памятнике ведет узбекско-японская экспедиция, включающая сотрудников ИААНРУз (Ш. Р. Пидаев) и Университета Сока (К. Като).

<sup>94</sup> Проект, реализованный под патронажем ЮНЕСКО на средства Японского трастового фонда, осуществлялся на основании договора с Министерством культуры и спорта Узбекистана.

<sup>95</sup> Этот памятник в 1968–1976 гг. был полностью раскопан Л. И. Альбаумом.

<sup>96</sup> Изучение было организовано в 2002–2006 гг. сотрудниками Термезского государственного университета (Дж. Аннаев, Т. Аннаев).

<sup>97</sup> Работы провела Узбекистанская искусствоведческая экспедиция (Б. А. Тургунов, Дж. Я. Ильясов, А. А. Восковский, Д. В. Русанов и др.) совместно с Университетом Сока (К. Като, Ю. Кавасаки и др.).

<sup>98</sup> Это городище находится в Шурчинском районе Сурхандарьинского виляята.

Представительница правящей элиты (видимо, сармато-аланской по своему происхождению) этого объединения была похоронена в катакомбе с дополнительными камерами<sup>99</sup>, впущенной в руины монументального строения на Коктепа. Платье этой царицы-жрицы полностью покрывали золотые бляшки. Головной убор и вуаль были расшиты стеклянными бусинами, голова умершей покоилась на подушке, обшитой серебром. К ее поясу были пристегнуты ножницы и пряслице. В мешочке находилось китайское зеркало с изображением фениксов. Сопроводительный инвентарь представлен также глиняной посудой, серебряной чашей, железной курильницей на трех ножках и бронзовым котлом.

Однако в археологическом плане согдийские памятники I–IV вв. изучены гораздо хуже, чем бактрийские<sup>100</sup>, и ситуация эта несильно изменилась за последние 25 лет. Даже на Афрасиабе, несмотря на значительные масштабы исследований, получить полное представление об архитектуре и материальных комплексах первых веков до — первых веков нашей эры не удалось, хотя керамические материалы рассмотрены подробно<sup>101</sup>. В 1990-х гг. выполнены небольшие археологические работы на античных памятниках восточной части Южного Согда<sup>102</sup>. В западной его части, на городище Еркурган было открыто небольшое святилище с алтарем огня<sup>103</sup> под раннесредневековой застройкой.

Зороастрийский храм III–VII вв.<sup>104</sup> исследован на цитадели городища Пайкент в Бухарском Согде<sup>105</sup>. Ядром его являлись два святилища огня, обведенные коридорами. Они стояли на высокой платформе и были связаны лестничными маршами с примыкающим к ним двором. Планировка комплекса и ряд деталей его интерьера позволяют предположить, что за образец был взят не согдийский, а иранский (сасанидский?) прототип. С 2006 г. на цитадели ведутся раскопки казармы III–IV вв.<sup>106</sup>, состоящей из расположенных по обе стороны коридора стандартных помещений вдоль крепостной стены<sup>107</sup>.

Исследования памятников античного времени проводились также и в другой историко-культурной области, располагавшейся на территории нынешнего Узбекистана, — в Давани (древней Ферганае). В начале нынешнего столетия здесь были возобновлены раскопки укреплений городища Минг-тепе (Мархамат), являвшегося,

<sup>99</sup> Раскопки выполнила в 1999–2000 гг. МАFOUZS (М. Х. Исамиддинов, К. Рапен, М. Х. Хасанов и др.).

<sup>100</sup> Исключение составляет, пожалуй, область Нахшаба, древняя столица которой, располагавшаяся на городище Еркурган, исследована в 1970–1980-х гг. отрядом ИААНРУз (Р. Х. Сулейманов, М. Х. Исамиддинов, Н. Ю. Нефедов, М. Туребеков и др.). На большой площади выявлены в основном сооружения позднеантичного времени (храм, дворец, участки жилого квартала, дахма, крепостные стены). Ранние культурные слои, ввиду многослойности памятника, изучены в основном шурфами [Сулейманов 2000]. Один из пионеров согдийской археологии в Узбекистане С. К. Кабанов в 1960–1970-х гг. полностью раскопал в западной части долины Кашкадарьи несколько небольших поселений, но также в основном слои III–V вв.

<sup>101</sup> Можно лишь констатировать, в противовес точке зрения об упадке города в это время, что он существовал и развивался.

<sup>102</sup> Экспедиция НУУз (А. В. Омельченко) обследовала поселения Сарайтепа и Верхний Сарай в Китабском районе Кашкадарьинского вилоята.

<sup>103</sup> Изыскания осуществили археологи ИААНРУз.

<sup>104</sup> Нижние слои памятника остаются пока неизученными.

<sup>105</sup> Изучение в 1990-х гг. организовал Г. Л. Семенов из Государственного Эрмитажа. БАЭ работает здесь с 1981 г.

<sup>106</sup> Раскопки БАЭ (А. В. Омельченко).

<sup>107</sup> Так называемая коридорно-гребенчатая планировка.

вероятно, столицей Давани (город Эрши, упоминаемый в китайских хрониках<sup>108</sup>). Укрепления того же времени изучались на Чордонтпе в городе Андижане<sup>109</sup>, а первых веков нашей эры — в Куве (Куба)<sup>110</sup> и Муйи-Муборак в Коканде<sup>111</sup>. В Маргилане были открыты остатки храма огня I–III вв., имеющего типичную планировку: центральное святилище в обводе коридоров<sup>112</sup>.

Своеобразная культура античного времени Хорезма была открыта благодаря раскопкам Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1930–1980-х гг. (город Топрак-кала, мавзолей Кой-Крылган-Кала, крепости Джанбас-кала, Елхарас, Аяз-кала и др.)<sup>113</sup>. Исследования античных древностей области были возобновлены в середине 1990-х гг. узбекско-австралийской экспедицией<sup>114</sup>. Масштабные раскопки ведутся ею на городище Акшахан-кала (Казахлыяткан)<sup>115</sup> — по-видимому, одной из столиц Хорезма во II в. до н. э. — II в. н. э. Здесь были изучены фортификационные сооружения: ров, протейхизма, крепостная стена с башнями и предвратными сооружениями на платформе, причем на ряде участков выявлены следы вражеского штурма. Открыто сооружение (60 × 60 м), обведенное стеной с башнями по углам. По его периметру проходил сводчатый коридор, стены которого украшала живопись и глиняно-алебастровая скульптура, покрытая золотой фольгой. По одной из версий в здании находилась портретная галерея хорезмийских царей, цариц и, возможно, вельмож, а сам комплекс являлся династийным храмом. Отметим, что украшения персонажей имеют близкие аналогии с ювелирными изделиями, которые археологи находят в сарматских курганах. Еще один памятник, раскопанный экспедицией в том же оазисе, Ташкирман-тепе, представлял собой храм огня.

Фрагменты глиняной скульптуры и следы росписи были открыты также на городище Таш-кала 2, которое со II в. до н. э. выполняло функции крепости на юго-восточной границе Хорезма<sup>116</sup>.

Одним из следствий политических потрясений III–V вв.<sup>117</sup> стало распространение в Средней Азии сравнительно небольших замков-*кешков*, которых особенно много было построено в Согде. К северу от Самарканда недавно раскопан еще

<sup>108</sup> Исследования проводит Андижанский отряд ИААНРУз, причем с 2011 г. они осуществляются совместно с китайскими коллегами (Б. Х. Матбабаев, Чен Линг, Б. М. Абдуллаев).

<sup>109</sup> Изыскания организовал Андижанский отряд ИААНРУз при поддержке Международного фонда имени Бабура.

<sup>110</sup> Изучение, проведенное в 1996–1998 гг. в связи с юбилеем ученого ал-Фергани, возглавил ИААНРУз (Д. К. Мирзаахмедов, Ш. Т. Адылов, Б. Х. Матбабаев, А. А. Грицина, Г. П. Иванов и др.). В 2001–2003 гг. работы выполнял Ферганский музей (Г. П. Иванов).

<sup>111</sup> Раскопки по случаю благоустройства города осуществил в 2008–2011 гг. ИААНРУз (А. А. Анарбаев, Б. М. Абдуллаев).

<sup>112</sup> Исследования организованы в 2007 г. в связи с юбилеем г. Маргилан (Ф. А. Максудов)

<sup>113</sup> Экспедиция, созданная в 1937 г. С. П. Толстовым, была крупнейшей в истории среднеазиатской археологии. Ее сотрудники изучали древности от эпохи неолита до золотоордынского времени. Последним годом крупномасштабных работ экспедиции был 1991 г.

<sup>114</sup> Совместные изыскания Института истории, археологии и этнографии Каракалпакского отделения АН Республики Узбекистан (Нукус) и Сиднейского университета по гранту Австралийского исследовательского совета проводятся в Ташкирманском оазисе с 1995 г. (В. Н. Ягодин, С. Хелмс, А. Беттс, Г. Х. Ходжаниязов, В. В. Ягодин, А. Д. Искандерова, Ш. Ш. Амиров и др.).

<sup>115</sup> Памятник расположен неподалеку от г. Беруни в Каракалпакстане.

<sup>116</sup> Изучение памятника проводил Южнохорезмийский отряд ИААНРУз совместно с Хорезмийской академией Мамуна (С. Р. Баратов, У. В. Рахмонов и др.).

<sup>117</sup> Падение Парфянского и Кушанского государств под ударами Сасанидов; захват последними ряда областей на юге Средней Азии; вторжения в регион племенных объединений хионитов, кидаритов, эфталитов и их войны с сасанидским Ираном.

один такой *кешк* V в. — Киндаклитепа, парадная часть которого была украшена живописью<sup>118</sup>. Первоначально небольшой крепостью был и Джартепа, расположенный к востоку от Самарканда.

Ядром поселения Уч-Кулах в Бухарском Согде также был замок. Узбекско-итальянская экспедиция<sup>119</sup> обнаружила в его помещениях и в неукрепленной части памятника настенные росписи, выполненные в стилистике, на которую оказало влияние искусство Сасанидов и кочевников. Иным было назначение форта Ганчтепа, входившего в систему укреплений, защищавших северную границу Бухарского оазиса (так называемая Кампыр-девор). Это определило развитость его фортификации и аскетизм интерьера<sup>120</sup>.

Небольшая крепость округлой формы (Сангыртепа в Южном Согде)<sup>121</sup>, возведенная на руинах храма огня, датируется V в. Внутри ее располагались узкие помещения, проходы из которых вели в шесть башен, одну из которых использовали как хранилище оссуариев. В настоящее время это, пожалуй, самая ранняя находка костехранилищ в Согде.

Планировка Сангыртепа, как и ряда других согдийских замков, находит аналогии в небольших крепостях, которые повсеместно встречаются в районах по нижнему (Джетыясарская культура) и верхнему (Каунчинская культура) течению Сырдарьи, т. е. там, откуда, возможно, вышли племена, потеснившие Сасанидов на юге Средней Азии. Такая крепость, например, стала ядром формирующейся столицы области Чач (Ташкентский оазис). Ее раскопки на городище Мингурюк в Ташкенте выявили замок типичной «крестообразной» планировки с узкими помещениями внутри и четырьмя округлыми башнями по фасу<sup>122</sup>.

Узбекско-германская экспедиция исследовала в Бандыханском оазисе крепость Кахрамонтэпа (вторая половина IV — V в.), представлявшую собой казарму коридоро-гребенчатой планировки со сводчатыми помещениями. Рядом с укреплением располагался могильник с каменными склепами, оставленный жителями крепости, которые, по мнению исследователей, были кидаритами<sup>123</sup>.

Подземные сооружения монастыря Каратэпа в Термезе после того, как он был оставлен монахами, использовали в V–VI вв. для захоронений. Антропологические исследования показали, что оставившее их население обнаруживает признаки сходства с т. н. расой Среднеазиатского междуречья<sup>124</sup>. Поблизости от Дальверзинтепа был открыт некрополь V–VI вв. с захоронениями в уникальных керамических саркофагах и хумах<sup>125</sup>.

<sup>118</sup> Работы осуществлены в 2007 г. MAFOUZS (К. Рапен).

<sup>119</sup> Раскопки организовали ИААНРУз и Университет Сапиенца в Риме (Д. К. Мирзаахмедов, К. С. Антонини, Ч. Ло Муцио).

<sup>120</sup> Исследования узбекско-американской экспедиции, начатые в 2011 г. (Д. К. Мирзаахмедов, З. Штарк).

<sup>121</sup> Местоположение замка (как и более раннего храма) выбрано неслучайно. Из него на десятки километров хорошо просматривается долина Кашкадарьи. Изыскания выполнены MAFOUZS (М. Х. Хасанов), с 2010 г. они осуществляются при финансовой поддержке посольства Швейцарии.

<sup>122</sup> Изучение организовано Ташкентским отрядом ИААНРУз в 2008–2009 гг. в связи с 2200-летним юбилеем Ташкента (М. И. Филанович, Г. И. Богомолов, С. Р. Ильясова).

<sup>123</sup> Работы проводили Институт искусствознания Академии наук Республики Узбекистан и Евроазиатский отдел Германского археологического института (Л. М. Сверчков, Н. Бороффка).

<sup>124</sup> Раскопки вела узбекско-японская экспедиция (С. И. Мустафакулов).

<sup>125</sup> Исследования в 1997–1998 гг. осуществила узбекско-японская экспедиция, состоявшая из сотрудников Узбекстанской искусствоведческой экспедиции и Университета Сока.

## РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Крупнейшим городом Бактрии-Тохаристана в VI–VIII вв. оставался Термез. Важное открытие было сделано в ходе его раскопок узбекско-японской экспедицией, которая обнаружила под средневековой застройкой буддийский монастырь, от которого осталась платформа ступы с глиняно-ганчевой скульптурой Будды, находящейся в нише, и каменные архитектурные детали. Неподалеку располагались искусственные пещеры. По-видимому, открыт один из десяти монастырей, которые упоминал знаменитый китайский паломник Сюань-цзан, проходивший через Дами (Термез) в 630-х гг.

Раскопки развалин другого большого города Тохаристана, Дальверзинтепа, установили, что он был оставлен жителями в пору раннего средневековья. Исключением являлась цитадель городища, где в тот период размещались большие домовладения, которые с течением времени дробились на маленькие хозяйства<sup>126</sup>. Другое укрепленное поселение, руины которого известны как Дабиль-курган, изучается в Пашхуртской котловине. Здесь также была открыта жилая застройка<sup>127</sup>, а в окрестностях — некрополь с наземными двухкамерными усыпальницами<sup>128</sup>.

Интересные результаты принесли раскопки 1990-х гг. на городище Тавка рядом с Железными воротами, связывающими Согд с Тохаристаном. Памятник оказался таможенной VII–VIII вв. Ее владелец был богат и заказал себе роспись стен в парадно-жилой части здания со сценами охоты и пира [Рахмонов 2001]. В расположенной к северу от Железных ворот согдийской области Кеш узбекско-турецкая экспедиция<sup>129</sup> исследовала большое поселение VI в. Ялпактепа, на цитадели которого изучено здание дворцового типа. Небольшими раскопками доследован квартал гончаров (ранее VII в.) в Еркургане — столице области Нахшаб в западной части Южного Согда<sup>130</sup>.

На Афрасиабе — в главном городе Центрального Согда — в начале нынешнего столетия вскрыта планировка раннесредневекового жилого квартала. В большом зале одного из домовладений находился алтарь, а в смежной «приемной» обнаружены остатки настенной росписи, изображавшей танцующих девушек<sup>131</sup>. На западе городища изучены новые участки оссуарного некрополя<sup>132</sup>.

В 1993 г. были завершены раскопки Джартепа, расположенного к востоку от Самарканда. Исследование этого памятника привело к открытию большого храма огня и выявлению деталей планировки подобных зороастрийских построек [Бердимуратов, Самибаев 1999].

<sup>126</sup> Изыскания в 1996–2000 гг. организованы узбекско-японской экспедицией при участии сотрудников Узбекистанской искусствоведческой экспедиции и Университета Сока.

<sup>127</sup> Изучение проведено в 2010–2013 гг. в рамках совместного проекта с участием Международного караван-сарая культуры имени И. Хираямы (К. А. Шейко) и Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина (В. С. Соловьев).

<sup>128</sup> Работы выполнены в 2004–2007 гг. МУРТАЭ (Дж. Я. Ильясов, С. Б. Болелов).

<sup>129</sup> Раскопки в 2006–2008 и 2011–2012 гг. осуществлены ИААНРУз (А. А. Раимкулов) и Стамбульским университетом (И. Чешмели).

<sup>130</sup> Исследования организовал ИААНРУз (Р. Х. Сулейманов, А. А. Раимкулов).

<sup>131</sup> Изыскания в 2011 и 2012 гг. провели ИААНРУз (М. Х. Хасанов, М. А. Реутова) и Государственный музей-заповедник Самарканда (С. И. Мустафакулов).

<sup>132</sup> Изучение в связи с расширением автомобильной трассы выполнили в 1999–2000 и 2004 гг. ИААНРУз (И. Д. Иваницкий, А. Х. Атаходжаев) и Самаркандский музей истории культуры Узбекистана (О. В. Кириллова, Л. Ю. Шпенева).





Городище Пайкенд в Бухарском оазисе: раскопки раннесредневекового жилого квартала на шахристане I [фотография из личного фотоархива А. В. Омельченко]

Уникальные находки дали новые раскопки Кафыр-калы — раннесредневекового Ривдада, загородной резиденции ихшидов — правителей Самарканда. Перед нашествием арабов замок спешно укрепили башнями, но он все равно был сожжен. Перед дворцом располагался айван-порттик. На полах было найдено более 400 булл, оттисков печатей на глине — все, что осталось от хранившихся во дворце сгоревших документов<sup>133</sup>. На буллах изображены разнообразные античные персонажи и зороастрийские сюжеты.

Исследования раннесредневековой застройки ведутся также на городище Дабусия, лежащем на пути из Самарканда в Бухару<sup>134</sup>.

В Бухарском оазисе на большой площади раскопаны отложения V–VI вв. на поселении Уч-Кулах<sup>135</sup>.

Самые масштабные работы проведены на одном из раннесредневековых кварталов городища Пайкенд, что в 60 км к юго-западу от Бухары. Изыскания установили, что уже в это время площадь города разделена улицами на четкую квартальную сетку. Одна из ее ячеек (90 × 18–20 м, слой VI–VIII вв.) исследуется на первом шахристане города<sup>136</sup>. По-видимому, первоначально каждая из них состояла

<sup>133</sup> Работы осуществила узбекско-итальянская экспедиция в 2001–2007 гг. в составе сотрудников ИААНРУз (А. Э. Бердимуратов) и Отдела археологии Болонского университета (Э. Менги, Ф. Франческини, С. Монтеллини).

<sup>134</sup> Раскопки узбекско-японской экспедиции (А. Э. Бердимуратов, У. Такао).

<sup>135</sup> Исследования проводили ИААНРУз и Университет Сапиенца.

<sup>136</sup> Раскопки БАЭ в 1998–2014 гг. (Г. Л. Семенов, А. И. Торгоев, Н. Ж. Сапаров, П. Б. Лурье, А. В. Бехтер, Э. Ф. Вульфберг).

из шести-восьми домовладений площадью до 370 кв. м. Типичный большой дом включал в себя идущий от входа длинный коридор, зал площадью до 60 кв. м с поддерживающими перекрытия четыремя колоннами, отдельные спальные комнаты с суфами-лежанками по периметру и очагом на специальном подиуме в центре, хозяйственные помещения. Интерьер некоторых комнат украшали барельефы, выполненные из резной раскрашенной глины, с геометрическим и растительным орнаментом (пальметты, виноградная лоза), а также зооморфными сюжетами. Впоследствии дом делился на маленькие жилища: из большой патрионии выделялись малые семьи. Ряд помещений, изолированных от остальных (как и в Пенджикенте), передавался в аренду и использовался для торговли или производства. Богатство купцов раннесредневекового Пайкенда подтверждается большим количеством нумизматических находок из слоев разного времени (например, был найден клад второй половины VIII в., состоящий из 4500 монет). Коллекция монет из Пайкенда, самая значительная в Бухарском оазисе (если не во всем Согде), дает представление о местном денежном обращении и дальних торговых контактах (представлены монеты государств от Китая до Ирана). Раскопки 1990-х гг. — начала XXI в. показали также, что на цитадели Пайкенда в раннесредневековый период рядом с храмом огня располагались небольшой квартал для обслуживающего его персонала и дворец. В одном из помещений последнего были найдены остатки живописи, буллы, а также спрятанное во время арабского штурма «прадедовское» оружие<sup>137</sup>. Здесь же обнаружен клад бухархудатских драхм.

На территории Ташкента в начале 1990-х исследовался замок Юнусабадское Ак-тепе, владельцем которого, возможно, являлся удельный правитель области Чач. Замок состоял из дворца и большого зала приемов<sup>138</sup>.

В Ферганской долине фортификация и жилая застройка раннесредневекового времени в конце 1990-х гг. — начале нынешнего столетия изучались в Андижане, Куве, Ахсикете и Касане<sup>139</sup>.

До 1994 г. раскапывался некрополь Мунчактепе 1 древнего города Пап (Баб), датирующийся V–VIII вв.<sup>140</sup> Погребения здесь совершались в ямах, подбоях, склепах и оссуариях. Благодаря специфическим условиям сохранилась органика: уникальные камышовые гробы, одежда из хлопчатобумажных тканей, лицевые накидки из шелка. Анализ многочисленного краниологического материала показал, что жители раннесредневекового Баба, хотя и принадлежали в основном к восточносредиземноморскому типу, распространенному в Средней Азии с древности, в то же время характеризовались и отдельными чертами расового типа Среднеазиатского Междуречья.

Новые оссуарные захоронения были открыты в ходе исследования известного некрополя Ток-кала и раскопок окрестностей городища Куюк-кала в Хорезме<sup>141</sup>. Последнее являлось столицей области Кердер в дельте Амударьи. На некрополе Куюк-калы были выявлены также захоронения в простых ямах, причем у многих

<sup>137</sup> Самые ранние мечи и кинжалы из этого комплекса относятся еще к последним векам до н. э. [Семенов, Адьлов 2006].

<sup>138</sup> Изучение осуществлял Ташкентский отряд ИААНРУз (М. И. Филанович, С. Р. Ильясова).

<sup>139</sup> Работы организовал ИААНРУз. В Куве также вел раскопки Ферганский музей (Г. П. Иванов).

<sup>140</sup> Раскопки проводил ИААНРУз (Б. Х. Матбабаев).

<sup>141</sup> Памятники находятся соответственно к северо-западу и северу от г. Нукуса, столицы Каркалпакстана.

погребенных отмечена прижизненная кольцевая деформация головы. На самом городище изучены крепостные стены со стрелковым коридором и башнями, а также жилая застройка<sup>142</sup>.

## АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ГОРОДА

События времени вхождения Средней Азии в Арабский Халифат хорошо известны благодаря историческим источникам. Археологические исследования последних двух десятилетий открыли новые стороны этого процесса.

На цитадели городища Афрасиаб были обнаружены остатки монументальной постройки, которую по архитектуре и сопутствующим находкам с высокой степенью вероятности можно отождествить с дворцом Насра ибн Сайяра — омейядского наместника Хорасана (738–748 гг.)<sup>143</sup>. Еще один дворец располагался на нижней площадке цитадели<sup>144</sup>. Принадлежал он, судя по монетным находкам, Абу Муслиму, следующему наместнику Хорасана (748–754 гг.). Геометрически безупречная планировка здания, включавшего центральный двор, окруженный галереей на мощных восьмигранных колоннах, в которую выходили помещения, а также вход, оформленный порталом, и аркадную галерею во внешнем дворе, имеет аналогии в дворцовой архитектуре Омейядов на Ближнем Востоке [Карев 2000]. В дальнейшем этот архитектурный канон (двор в обводе помещений и галереи) становится преобладающим (дворцы, караван-сарай, медресе).

Исследования также показали, что при Саманидах, перенесших столицу в Бухару, на месте дворца (*дар ал-имара*) Абу Муслима располагалась сокровищница, а при Караханидах вновь возводится дворец, на стены которого были нанесены живописные сцены из придворной жизни (музыканты, воины, лошади, птицы, растительная орнаментация) и персидские надписи.

В начале XXI в. небольшие работы велись на юге и востоке Афрасиаба в жилых кварталах рядового населения (слои X–XII вв.).

Важное открытие было сделано в области, лежащей к востоку Самарканда, недалеко от Ургута. Раскопки показали, что, вероятно, именно здесь, в горной местности в районе Суфиена, располагалось селение Вазкерд, где находился христианский храм, упоминаемый в «Книге путей и государств» арабского географа X в. Ибн Хаукаля. От постройки сохранилось два нефа с алтарем и остатки крипты (крытый подземный ход). Рядом была обнаружена пещера с христианскими надписями на согдийском и сирийском языках<sup>145</sup>.

К западу от Самарканда были проведены работы на городище Дабусия, где исследовались средневековые жилые постройки, баня X–XI вв., а также городские ворота, оформленные монументальными пилонами из жженого кирпича. Были получены данные о развитии ремесленных производств — керамического

<sup>142</sup> Исследования выполнял в 1997–2009 гг. Нукусский государственный педагогический институт (М. М. Мамбетуллаев).

<sup>143</sup> Изыскания осуществляла МАFOUZS (И. Д. Иваницкий, Ф. Грене).

<sup>144</sup> Раскопки МАFOUZS (Ю. В. Карев, А. Х. Атаходжаев).

<sup>145</sup> Работы проводила в 1997, 1999, 2004–2006 гг. Восточносогдийская экспедиция (А. Э. Бердимурадов, А. В. Савченко, С. И. Мустафакулов, Г. П. Иванов).

и железодельного<sup>146</sup>. Следы выплавки железа отмечены на городище Чимбай-тепа, также расположенном по дороге в Бухару<sup>147</sup>.

Примером типичного среднеазиатского города эпохи средневековья является Пайкенд, лежащий на юго-западе Бухарского оазиса, на пути в Мерв, т. е. на дороге, ведущей из Мавераннахра в Хорасан. С начала 1990-х гг. здесь проводятся работы по изучению жилых кварталов на двух шахристанах города, верхние слои которых относятся к IX–XI вв.<sup>148</sup> В результате раскопок был полностью открыт жилой квартал (130 × 18 м), примыкающий к южным воротам Пайкенда. Он состоял из домов различных слоев населения. Дом зажиточного горожанина состоял из расположенных анфиладой трех–пяти комнат жилого и хозяйственного назначения; некоторые залы были украшены пышно орнаментированными резными ганчевыми (алебастровыми) панно. В квартале также находилось городское или квартальное управление, а по соседству с ним — постоянный двор для богатых заезжих купцов. Большой караван-сарай (125 × 20 м) находился за воротами, на другой стороне торговой площади. Он включал складские помещения, стойла, баню и мечеть. На последнем этапе жизни города эту территорию занимали гончары, керамические печи которых детально изучены.

На шахристане I, с другой стороны от южных ворот, вдоль идущей от них вглубь улицы, располагался крытый рынок. Здесь открыты мастерские кузнеца, костореза, ремесленника по ремонту каменной посуды, лавка хлебопека и две приемные лекарей-табиров. Рядом, ниже уровня улицы, были устроены идущие к воротам водопроводная система и ливневая канализация, перекрытая сводом. Питьевую воду в последний период существования города брали из колодцев глубиной до 10–14 м<sup>149</sup>. Ширина улиц достигала 3,5–4,5 м; они состояли из центральной «проезжей» части и примыкающих с обеих сторон тротуаров, выложенных жженым кирпичом. По верхнему горизонту полностью открыт еще один жилой квартал X в.<sup>150</sup>, расположенный на севере городища (90 × 18–20 м). Наряду с жилыми домами, в восточной части этого квартала находилась мечеть.

Остатки большой колонной мечети X в. были раскопаны на вершине цитадели Пайкенда<sup>151</sup>. От нее сохранились только нижние части стен и квадратные основания, на которых были установлены более 30 колонн. К северу от цитадели выявлено основание, возможно, недостроенного минарета диаметром до 11 м<sup>152</sup>. Крепостные стены города уже с начала X в., а, возможно, и ранее, перестают выполнять свои защитные функции, что лишний раз свидетельствует в пользу справедливости слов эмира Исмаила Самани (умер в 907 г.): «Пока я жив, я — стена Бухары».

Еще одной областью на территории Узбекистана, где в течение 1990-х гг. — первом десятилетии XXI в. исследовали средневековые памятники, является

<sup>146</sup> Раскопки узбекско-японской экспедиции (А. Э. Бердимуратов, У. Такао).

<sup>147</sup> Исследование в 2012 г. осуществил ИААНРУз.

<sup>148</sup> Раскопки БАЭ (Г. Л. Семенов, И. К. Малкиель, С. Н. Макеев, А. И. Торгоев, Н. Ж. Сапаров, Н. Д. Собиров, А. В. Кулиш).

<sup>149</sup> К середине XI в. город был практически оставлен жителями, поскольку протоки Зеравшана перестали доходить до Пайкенда в связи с резким увеличением забора воды выше по течению.

<sup>150</sup> Рядом с ним в 2011–2012 гг. узбекско-французская экспедиция раскопала еще один квартал того же времени. Изучение проводили ИААНРУз и Отдел «Искусство Ислама» музея Лувр (Р. Ранте, А. А. Раимкулов и др.).

<sup>151</sup> Вероятно, об этой соборной мечети пишет ал-Истахри, указывая, что у нее был самый богато оформленный михраб.

<sup>152</sup> Работы в начале нынешнего столетия выполнила БАЭ (Г. Л. Семенов, И. К. Малкиель, Б. М. Абдуллаев).

Уструшана. В Культепа (средневековый город Сабат) на цитадели было частично открыто монументальное сооружение (дворец?), а также казарма и тюрьма-*зиндан*<sup>153</sup>. Изучен караван-сарай Турткультепа, который отождествляют с одним из самых больших караван-сараев Худайсар, получившим известность благодаря труду арабского географа ал-Истахри «Книга путей стран» (около середины X в.)<sup>154</sup>. На другом памятнике Уструшаны, Джартепа были раскопаны керамические печи XII в. На Ташбулаке выявлены следы железоделательного производства того же времени<sup>155</sup>.

В Ферганской долине сооружения XI — начала XIII в. изучены в Андижане и Куве, в жилом квартале которой была сделана примечательная находка — серебряный нательный крест, возможно, свидетельствующий о наличии в городе христианской общины. Но более всего в 1990-х гг. — начале нынешнего столетия исследовался столичный город Ахсикет (Эски Ахси)<sup>156</sup>. На его цитадели были открыты протейхизма и крепостная стена с примыкающей к ней казармой XII в. Фортификационные сооружения (стены и башни) изучены также на первом и втором шахристанах. На втором шахристане большой площадью вскрыт квартал XI–XII вв., дома которого состояли из дворов и помещений, расположенных анфиладой, а также комнаток для гигиенических целей и хранения припасов. В течение XII — начала XIII в. жилища горожан постепенно концентрируются в рабадах-пригородах, причем широко используются каркасные конструкции, очевидно, под воздействием новой строительной традиции, пришедшей в города Средней Азии вместе с оседающими на землю кочевниками. На городище изучены также гончарные горны и металлургические печи, включая, по-видимому, доменные, предназначенные для производства чугуна, который затем использовали при получении литой стали<sup>157</sup>. На памятнике найдены огнеупорные тигли для высокотемпературной плавки металла<sup>158</sup>.

В Хорезме масштабные раскопки средневековых слоев проводились на рубеже XX и XXI вв. на городище Богра-хана<sup>159</sup>. На этом памятнике исследованы цитадель, две мечети (возле одной обнаружено основание минарета), жилая застройка, крепостные стены. На городище Пульджай (юго-восточная оконечность плато Устюрт)<sup>160</sup> и в Мешекли-кала<sup>161</sup> раскапывались караван-сарай.

Главным объектом исследования памятников поры вхождения Хорезма в состав Золотой Орды является в течение последних 20 лет городище Миздахкан<sup>162</sup>.

<sup>153</sup> Раскопки в 2011 г. осуществлял ИААНРУз (А. А. Грицина).

<sup>154</sup> Исследования организовала узбекско-французская экспедиция (А. А. Грицина, Э. де ля Вассьер).

<sup>155</sup> Изыскания проведены в рамках узбекско-американского проекта «МАРГУЗАР» сотрудниками ИААНРУз (М. Пардаев) и Отдела антропологии Университета Вашингтона в Сент-Луисе (М. Фрачетти, Дж. Уинтер).

<sup>156</sup> Изучение выполнено Ахсикетским отрядом ИААНРУз [Анарбаев 2013].

<sup>157</sup> Подробнее см.: Папахристу 1999.

<sup>158</sup> Имеется предположение, что именно в Фергане изготовляли знаменитые клинки, которые на Ближнем Востоке получили название «дамасских».

<sup>159</sup> Памятник находится в 10 км к северо-западу от Кунграда. Работы осуществил в 1998–2003 гг. Каракалпакский государственный университет (Нукус) (М. Туребеков).

<sup>160</sup> Раскопки организованы Институтом истории, археологии и этнографии Каракалпакского отделения АН Республики Узбекистан.

<sup>161</sup> Исследования проведены Южнохорезмийским отрядом ИААНРУз совместно с Хорезмийской академией Мамуна (С. Р. Баратов, У. В. Рахмонов).

<sup>162</sup> Памятник расположен на окраине города Ходжейли.

На большой площади там была вскрыта жилая застройка, в которой выделяется богатый дом торговца зерном. Раскопаны также квартальная мечеть, постоянный двор, банный комплекс, керамические печи, кузнечные горны, винодельни<sup>163</sup>.

## АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Отдельные направления в археологии Узбекистана представляют собой исследования, связанные с реставрацией и музеефикацией архитектурных памятников, а также охранные раскопки в городах в связи со строительными работами. Так, параллельно со всеобъемлющей реконструкцией комплекса мавзолеев Шахи-Зинда (XIV–XV вв.) на южной оконечности городища Афрасиаб были проведены раскопки, которые открыли более ранние постройки, в том числе мечеть, дорогу X–XI вв. и баню для паломников, относящуюся ко времени правления Улугбека (первая половина XV в.)<sup>164</sup>. В ходе реконструкции площади перед порталом Биби-Ханым — главной мечети Самарканда с 1404 г. — были выявлены сооружения XI–XIII вв., включая караван-сарай, места керамического производства и ложе канала<sup>165</sup>. Последний мог быть связан с отрезком оросительной системы южного пригорода средневекового Самарканда, открытой в ходе шурфовки у медресе Тиллякори, на центральной площади Регистан в связи с укреплением ее основания<sup>166</sup>. В 2001 г. параллельно с благоустройством территории проводились раскопки возле мавзолея Ходжа Данияра. Было установлено, что входящая в ансамбль мечеть трижды возводилась заново: на рубеже XIV–XV вв., в XVII в. и в начале XX в.<sup>167</sup> В ходе изучения Штур Гардан, крепостной стены тимуридского Самарканда (1371/1372 г.), было зафиксировано, что в ее основании находился не обычный сырцовый цоколь, а каменный<sup>168</sup>.

Археологические исследования сопровождалась реставрационными работами на памятниках архитектуры тимуридского времени и в Шахрисабзе. Было установлено, что до возведения грандиозного дворца Тимура Ак-Сарай в центре города на берегу канала располагался жилой квартал<sup>169</sup>. В 2011–2013 гг. в связи с международным проектом по реконструкции мозаик полов и бассейнов дворца, проводились стратиграфические исследования, показавшие, что этот участок города обжился по крайней мере с IX в.<sup>170</sup> На площади комплекса Гумбази-Сеидон были

<sup>163</sup> Изыскания выполнены Каракалпакским государственным университетом. Они были возобновлены в 1994 г. (М. Ш. Кдырнязов).

<sup>164</sup> Изучение осуществлял в 2004 г. сводный Шахизиндинский отряд ИААНРУз (А. Х. Атаходжаев, Ш. Н. Насреддинов).

<sup>165</sup> Работы в 2003 г. организовал ИААНРУз (Т. И. Лебедева).

<sup>166</sup> Раскопки по гранту из Германии проводили в 2003 г. Самаркандский государственный институт архитектуры и строительства и Инспекция охраны памятников (Х. Ю. Мухитдинов).

<sup>167</sup> Исследование в 2001 г. осуществлял Государственный музей-заповедник Самарканда (Х. Ю. Мухитдинов).

<sup>168</sup> Изыскания в связи со строительством гостиницы к югу от Афрасиаба осуществил в 2007 г. ИААНРУз (М. Х. Хасанов, М. Х. Ахмедов).

<sup>169</sup> Изучение организовал в 1996 г. ИААНРУз на средства городского хокимията в связи с подготовкой к 660-летию юбилею Тимура.

<sup>170</sup> Раскопки Музея истории материальной культуры имени Амира Темура (Н. О. Хушваков), ИААНРУз (А. А. Анарбаев) и французского департамента Дордонь (С. Олланье).

обнаружены новые склепы, принадлежавшие, возможно, знатным представителям рода Барлас, из которого происходил Тимур<sup>171</sup>.

Работы по благоустройству Бухары привели к открытию рядом с мечетью Магоки-Аттари большой, роскошно отделанной бани XV в.<sup>172</sup> Значительные археологические изыскания проводились также на Рабат-и Малике, расположенном близ города Кермине, на пути из Бухары в Самарканд. Здесь также была обнаружена баня, которая входила в ансамбль царской крепости, построенной Караханидами в XI в. на границе со степью. В XVI–XVIII вв. этот памятник выполнял функции караван-сарая и включал жилые помещения, склады и конюшни<sup>173</sup>.

В Хиве археологические работы проводились в первой половине 1990-х гг. в связи с подготовкой к юбилею города. Новый этап исследований начат в 2012 г. по программе развития туризма в Хорезмской области. В частности, велся поиск местоположения ворот «внешнего» города — Дишан-калы<sup>174</sup>.

В Ташкенте археологические наблюдения сопровождали реконструкцию главной святыни города — ансамбля Хазрет-и Имам, в который входят мавзолей Каффаль-Шаши и медресе Барак-хана<sup>175</sup>.

Подводя итоги, следует сказать, что в целом развитие археологии в Узбекистане за последние 25 лет было плодотворным<sup>176</sup>, несмотря на то, что несколько больших экспедиций, являвшихся ранее локомотивом археологических исследований в республике, прекратили существование. Тем не менее многие направления, которые традиционно разрабатывались советской школой археологии, продолжают развиваться и в новых условиях. Безусловно, важнейшую роль в этом

<sup>171</sup> Раскопки выполнены в 2002 г. Музеем истории материальной культуры имени Амира Темура (Б. Мамадиев, А. Тошев) и ИААНРУз (М. Х. Хасанов).

<sup>172</sup> Исследования осуществили в 2011 и 2012 гг. ИААНРУз, Главное научно-производственное управление по охране и использованию объектов культурного наследия Республики Узбекистан и Бухарский музей (Д. К. Мирзаахмедов, Ш. Т. Адылов, Б. М. Абдуллаев).

<sup>173</sup> Изыскания организованы в 1997, 1999 и 2001 гг. Главным научно-производственным управлением по охране и использованию объектов культурного наследия Республики Узбекистан, ИААНРУз (Н. Б. Немцева, Н. Ж. Сапаров) при поддержке Навоийского хокимията.

<sup>174</sup> Изучение проводил ИААНРУз (А. А. Раимкулов).

<sup>175</sup> Работы выполнены в 2006 г. Ташкентским отрядом ИААНРУз (М. И. Филанович, С. Р. Илясова) и Главным научно-производственным управлением по охране и использованию объектов культурного наследия Республики Узбекистан.

<sup>176</sup> Следует отметить также ряд других научных направлений, связанных с археологией и успешно развиваемых специалистами из Узбекистана и их зарубежными коллегами в последние два десятилетия. Речь идет о картографировании памятников с помощью современных методик, воссоздании древних ландшафтов и систем орошения (О. Н. Иневаткина, З. С. Галиева, С. Страйд, Б. Ронделли, С. Мантеллини, Ш. С. Камалидинов и др.), технико-типологических исследованиях каменных орудий палеолитической эпохи (Б. К. Сайфуллаев), трасологическом изучении каменных орудий (Н. Алмазова), антропологической оценке (Т. К. Ходжайов, С. И. Мустафакулов), нумизматических штудиях (Б. Д. Кочнев, Э. В. Ртвеладзе, Л. С. Баратова, А. А. Мусакаева, А. Х. Атаходжаев, А. Н. Горин и др.), изучении древнего ювелирного производства (В. В. Лунева) и древнего и средневекового рудного дела (Ю. Ф. Буряков), спектральном анализе медно-бронзовых изделий и установлении на этой основе моделей взаимодействия древних культур, выявлении месторождений металлов (В. Д. Рузанов), исследовании древней и средневековой черной металлургии (О. А. Папахристу), керамического производства в древности (Б. Лионне) и средневековье (Д. К. Мирзаахмедов, А. А. Анарбаев), изучении технологии древней и средневековой живописи, методике консервации и реставрации (М. А. Реутова), постижении средневековой и позднесредневековой монументальной архитектуры (С. Хмельницкий, Н. Б. Немцева) и др.

процессе сыграло расширение международного сотрудничества<sup>177</sup>. В трудных условиях начала 1990-х гг. оно позволило в основном сохранить коллективы экспедиций, продолжить изучение уже известных памятников и приступить к раскопкам новых объектов, исследование которых впоследствии дало впечатляющие результаты.

В изучении древностей каменного века очевидны успехи в осмыслении памятников верхнего и среднего палеолита, достигнутые в рамках проектов узбекско-российского сотрудничества. Последние находки, полученные в том числе и в ходе работ других научных коллективов, а также анализ прежних данных позволяют пересмотреть ряд старых устоявшихся положений, например, о депопуляции населения в верхнем палеолите. Было установлено, что верхнепалеолитический среднеазиатский орудийный комплекс демонстрирует явные связи как с ближневосточными, так и с алтайскими материалами. Вполне вероятно, что исследованные стоянки отмечают направления перемещений древних людей, расселявшихся в привычных экологических условиях предгорной зоны. Ведется также работа по установлению на территории Средней Азии преемственности верхнепалеолитической и мезолитической культур. Захватывающие перспективы сулят новые генетические методы, которые были уже опробованы при изучении недавних находок останков неандертальцев, что дало очень интересные результаты. В то же время нижний палеолит стал еще большей *terra incognita* для ученых, занимающихся каменным веком Узбекистана.

На юге республики, в Сурхандарьинском вилояте, проводились раскопки памятников протогородской сапаллинской культуры бронзового века, в том числе и вновь обнаруженных (узбекско-германские экспедиции). Благодаря радиоуглеродным датам эта культура теперь удревнена до 2000–1500 гг. до н. э. Впервые изучены поселения, расположенные в горной местности, освоение которой потребовало развития навыков, не характерных для метрополии. Полученные находки дополняют картину взаимодействия носителей БМАК как с ближневосточными центрами цивилизации, так и со скотоводческими племенами андроновской культурно-исторической общности. Вполне возможно, что памятники сапаллинской или близкой ей культуры будут выявлены в областях вне традиционных зон распространения древнеземледельческих племен на юге Узбекистана, например, в верхнем течении Кашкадарьи и на Зеравшане.

Изучаются новые пункты расселения носителей культуры лепной расписной керамики, сменившей БМАК по всему югу Средней Азии<sup>178</sup>. Сюда они продвинулись, по-видимому, в последней трети II тыс. до н. э. из ее северо-восточных районов (Ташкентского и Ферганского оазисов), в свою очередь культурно и исторически связанных с областями Восточного Туркестана. Однако спорной пока остается датировка находок лепной расписной керамики в долинах Зеравшана и Кашкадарьи — ключевых территорий с точки зрения предполагаемого перемещения племен, изготавливавших эту посуду<sup>179</sup>. Показательно также, что результаты химико-технологического исследования бронзовых изделий культуры лепной расписной

<sup>177</sup> Его развитие является прежде всего заслугой руководителей ИААНРУз — А. А. Аскарова и Т. Ш. Ширинова.

<sup>178</sup> Памятники этой культуры распространены от Южного Туркменистана до Северного Афганистана, но их нет в Южном Таджикистане.

<sup>179</sup> Если датировку ранних слоев Коктепа авторы недавно вышедшей публикации предлагают значительно расширить, опустив ее нижнюю границу до XIII в. до н. э. [Люилье и др. 2012], то дата



керамики свидетельствуют о генетической связи ее металлургии с саразмским металлургическим очагом Верхнего Зеравшана [Рузанов 2009]. Саразмские племена, в свою очередь, сохраняли в течение длительного времени обычай расписывать посуду геометрическим орнаментом<sup>180</sup>.

Остается пока невыясненным механизм перехода от периода Яз I к периоду Яз II, когда вновь кардинально меняется керамический комплекс, причем глиняная посуда периода Яз II, вероятно, восходит еще к древностям протогородской культуры юга Средней Азии<sup>181</sup>.

Работы MAFOUZS на Коктепа открыли в Узбекистане новый памятник земледельческой культуры раннежелезного века. Обнаружение монументальных строений уже в ранних слоях городища позволяет уверенно рассматривать Согд, наряду с Бактрией (Тилля-тепе) и Маргианой (Яз-депе), как один из центров становления раннегородской культуры древнего Среднего Востока.

Значительным открытием является обнаружение самого раннего для Согда (VIII в. до н. э.) храма огня на Сангыртепа в долине верхней Кашкадарьи. Его планировка с различными вариациями будет характерна для большинства храмовых зороастрийских сооружений в регионе вплоть до арабского нашествия.

Динамично развивается в Узбекистане также изучение эллинистических древностей. Поступление новых данных той поры (большая часть материалов происходит из Северной Бактрии, меньшая — из Согда) носит взрывной характер. Эти находки выявлены как на памятниках, где раскопки велись или ведутся уже в течение многих лет: Кампыртепа, Железные ворота, Подаяктаепа, Афрасиаб, Коктепа, так и на ранее не исследованных объектах: Курганзол (Узбекско-Германская экспедиция) и Узундара (узбекско-российская экспедиция). Таким образом, имеются более твердые основания для выделения этапов развития местных материальных комплексов конца IV — середины II в. до н. э.

Новые объекты буддийского искусства обнаружены узбекско-французской Бактрийской экспедицией в ходе изучения древней Тармиты (Термеза) и узбекско-японской экспедицией во время работ на территории буддийского монастыря Каратепе.

Безусловный вклад в археологию региона внесла узбекско-австралийская экспедиция, которая раскапывает столичный центр Хорезма античной поры — городище Акшахан-кала в Каракалпакстане. Замечательные образцы настенной живописи<sup>182</sup> уже сейчас, до завершения раскопок памятника, открывают новую сторону древнего искусства этой историко-культурной области, тесно связанной с ее кочевым окружением.

Влияние искусства степи и сасанидского Ирана заметно в росписях Уч-Кулаха, открытых узбекско-итальянской экспедицией. Время, которым они датируются (V–VI вв.), позволяет считать их самыми ранними в Западном

---

первого периода Сангыртепа — IX в. до н. э., насколько мне известно, не пересмотрена. Возможно, что в данном случае речь идет о различных этапах развития одной культуры.

<sup>180</sup> Контакты и даже возможные генетические связи носителей саразмской культуры с племенами, изготавливавшими лепную расписную керамику, — это увлекательная тема дальнейших исследований.

<sup>181</sup> Гипотеза о том, что на юге современного Таджикистана или Систана носители культуры типа Сапалли сохранились, а затем, после ухода племен лепной расписной керамики, там произошла своего рода «реконкиста», имеет право на существование, но пока она недостаточно обоснована.

<sup>182</sup> Некоторые изображения сопровождаются древнехорезмийскими надписями.

Согде<sup>183</sup>. Вероятно, в сасанидской традиции был построен храм огня, раскопанный узбекско-русской экспедицией в Пайкенде, на другом памятнике Бухарского оазиса раннесредневековой эпохи. В свою очередь обнаружение наиболее древних согдийских оссуарных захоронений на Сангыртепа в восточной части долины Кашкадарьи расширяет возможности поиска истоков этой погребальной практики в самом Согде<sup>184</sup>.

Новые образцы раннесредневековой живописи были получены в результате раскопок Афрасиаба в Центральном Согде и крепости Тавка в Тохаристане. Коллекция булл (остатки архива ихшидов Самарканда), обнаруженная в ходе археологических исследований Кафыр-калы (узбекско-итальянской экспедицией), является самой большой в Средней Азии. Каждый полевой сезон интересные находки приходят из раннесредневекового жилого квартала Пайкенда, изучаемого на большой площади. Среди обнаруженных там артефактов следует назвать монеты (местные, полученные из сопредельных среднеазиатских владений и привезенные из далеких стран), а также импортные изделия. Исследования раннесредневековых некрополей в Фергане (Мунчактепе 1) и Тохаристане (Дальверзинтепа) открыли ранее неизвестные варианты погребального обряда: захоронения в камышовых гробах и керамических саркофагах.

Интересные результаты дали многолетние раскопки цитадели Афрасиаба. Здесь были обнаружены монументальные строения первой половины VIII в., которые можно отождествить с дворцами наместников халифов в Хорасане (а, следовательно, и в Мавераннахре). В горной местности к востоку от Самарканда открыт христианский комплекс, сведения о котором содержатся в средневековых арабских источниках. За последние десятилетия, благодаря раскопкам столичного Ахсикета в Фергане и города купцов Пайкенда в Бухарском оазисе, стала намного понятнее жизнь средневекового города Средней Азии.

Несмотря на очевидные успехи, есть две фундаментальные проблемы, которые несколько омрачают перспективы развития археологии в Узбекистане<sup>185</sup>.

*Объект.* Сохранение археологических памятников — насущная задача, стоящая перед властями республики. Возникла она давно, но именно сейчас требует быстрых и скоординированных мероприятий. Государственная программа создания единого реестра археолого-исторических объектов Узбекистана с использованием современных методов географической привязки начала осуществляться лишь в последние пять лет и поэтому отстает от темпов хозяйственного освоения земель<sup>186</sup>, тем более что без создания на местах действенной системы охраны уже зафиксированных памятников она бесполезна. Очевидно, что никакие обстоятельства экономического

<sup>183</sup> Росписи Уч-Кулаха гораздо старше знаменитой живописи Варахши, но, возможно, одновременно фрагменту из дворцового комплекса цитадели Пайкенда.

<sup>184</sup> По форме кашкадарьинские оссуарии имеют определенное сходство с хорезмийскими образцами.

<sup>185</sup> Финансирование раскопок также является большой проблемой. Одним из следствий экономического кризиса 2008–2009 гг. стало сокращение числа зарубежных экспедиций. Но, как показали 2010-е гг., вместо прежних проектов появились новые. Расширилось, например, сотрудничество археологов Узбекистана с американскими и китайскими научными организациями. Стабильно работают немецкие специалисты, последовательно изучающие памятники от эпохи бронзы до античности.

<sup>186</sup> Сплошное обследование северных районов Самаркандской области установило, например, что 25 % всех зафиксированных археологических объектов разрушено полностью, 63 % находятся в разной степени разрушения [Исамиддинов и др. 2008–2009]. Показательно и резкое сокращение объемов хозяйственных работ.

характера не должны оправдывать разрушение древнего объекта без его изучения, и любые действия, связанные с мелиорацией, прокладкой газопроводов, строительством предприятий или дорог, должны сопровождаться археологическим надзором, а в случае обнаружения археологических материалов — масштабными раскопками<sup>187</sup>.

*Субъект.* Налицо катастрофическое старение археологических кадров в Узбекистане. Полевые изыскания проводят в лучшем случае 40-летние специалисты, а средний возраст действующего археолога составляет 50–60 лет. Это обусловлено недостатками системы высшего образования, переставшей учитывать специфику подготовки археологов, в которой полевая практика должна составлять 90%. Отсутствие возможности работать в экспедиции хотя бы 1,5–2 месяца в году не позволяет получать соответствующие профессиональные навыки во время обучения<sup>188</sup>, что, наряду с экономическими трудностями, делает профессию археолога малопривлекательной<sup>189</sup>. В то же время в мировой практике именно университеты и институты, как и большие музеи, зачастую являются своего рода локомотивами, реализующими тот или иной научно-исследовательский проект.

Представляется, что даже не в самой богатой стране объем средств, которые нужно привлечь для решения указанных проблем, отнюдь не является критическим. Главное — это люди, искренне радеющие за развитие археологии в республике, а также поддержка их государственными ресурсами. Будем надеяться, что качественные изменения все-таки произойдут, и залог тому — богатое историческое прошлое узбекской земли, которое воплощено в многочисленных археологических памятниках всех времен, от эпохи камня до позднего средневековья.

## Литература

- Аванесова 1991: *Аванесова Н. А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент.
- Анарбаев 2013: *Анарбаев А.* Ахсикет — столица древней Ферганы. Ташкент.
- Аскарлов, Ширинов 1993: *Аскарлов А. А., Ширинов Т. Ш.* Ранняя городская культура эпохи бронзы юга. Средней Азии. Самарканд.
- Бердимуратов, Самибаев 1999: *Бердимуратов А. Э., Самибаев М. К.* Храм Джартепа. Ташкент.
- Бороффка, Хансен 2010: *Бороффка Н., Хансен С.* (отв. ред.). Археологические исследования в Казахстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. Каталог выставки. Берлин.
- Грене, Рахманов 2007: *Грене Ф., Рахманов Ш.* Новые данные о дате первой системы фортификации Афрасиаба (середина — вторая половина VI в. до н. э.) // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития. Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 2750-летию юбилею города Самарканда. Ташкент; Самарканд. С. 21–23.

<sup>187</sup> За последнее время едва ли не единственный пример широкого привлечения археологов на ранней стадии разработки проекта — разведка по трассе строительства железной дороги Ангрэн — Пап.

<sup>188</sup> Региональные высшие учебные заведения (в Самарканде, Карши, Термезе и Нукусе) проводят ежегодную непродолжительную полевую практику для студентов-первокурсников, опережая в этом НУУз.

<sup>189</sup> Археологи «старой школы» понимают, конечно, проблему и стараются по мере сил готовить себе смену, передавая опыт и знания ученикам, — в первую очередь это Э. В. Ртвеладзе, А. А. Анарбаев, Т. Аннаев, А. Э. Бердимуратов, Д. К. Мирзаахмедов, М. Ж. Джуракулов, Н. У. Холматов.

- Деревянко и др. 2009: *Деревянко А. П., Исламов У. И., Кривошапкин А. И., Колобова К. А., Фляс Д.* Страницы истории древней культуры Узбекистана // Столице Узбекистана — Ташкенту — 2200 лет. Материалы международной научной конференции. Ташкент. С. 7–16.
- Исамиддинов 2002: *Исамиддинов М. Х.* Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент.
- Исамиддинов и др. 2008–2009: *Исамиддинов М. Х., Мокроброродов В. В., Страйд С.* Археологические разведки в северной части Самаркандской области // АИУз. Вып. 7. С. 75–79.
- Карев 2000: *Карев Ю. В.* Политическая ситуация в Мавераннахре в середине VIII в. // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной. М. С. 205–215.
- Кузьмина 2008: *Кузьмина Е. Е.* Арии — путь на юг. М.; СПб.
- Люилье и др. 2012: *Люилье Ж., Исамиддинов М., Ранэн К.* Раннежелезный век Северного Согда: характеристика и предварительная типологическая хронология // ИМКУ. Вып. 37. С. 57–66.
- Папахристу 1999: *Папахристу О. А.* К вопросу о функциональном назначении двух печей из Эски Ахсы (Ахсикет) в Фергане // ИМКУ. Вып. 30. С. 274–285.
- Рахмонов 2001: *Рахмонов Ш. А.* Тавка. К истории древних таможенных сооружений Узбекистана. Ташкент.
- Рузанов 2009: *Рузанов В. Д.* Кратко об основных итогах изучения металла культур с лепной расписной керамикой эпохи бронзы Ташкентско-Ферганского региона // Столице Узбекистана — Ташкенту — 2200 лет. Материалы международной научной конференции. Ташкент. С. 27–30.
- Сверчков 2011: *Сверчков Л. М.* Тохары. Древние индоевропейцы в Центральной Азии. Ташкент.
- Сверчков 2014: *Сверчков Л. М.* Курганзол. Крепость Александра на юге Узбекистана. Ташкент.
- Сверчков, Бороффка 2008: *Сверчков Л. М., Бороффка Н.* Комплекс периода Яз II из Бандыхана // ИМКУ. Вып. 36. С. 50–55.
- Семенов, Адылов 2006: *Семенов Г. Л., Адылов Ш. Т.* Арсенал на цитадели Пайкенда // Древняя и средневековая культура Бухарского оазиса. Материалы конференции по результатам совместных узбекско-итальянских исследований в археологии и востоковедении. Самарканд; Рим. С. 36–43, 140–145.
- Ставиский 1988: *Ставиский Б. Я.* Судьбы буддизма в Средней Азии. М.
- Сулейманов 2000: *Сулейманов Р. Х.* Древний Нахшаб. Ташкент.
- Шайдуллаев 2000: *Шайдуллаев Ш. Б.* Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент.
- Naveh, Shaked 2012: *Naveh J., Shaked S.* Aramaic Documents from Ancient Bactria (Fourth Century BCE) from the Khalili Collections. London.
- L'Archéologie Française 2013: *L'Archéologie Française en Asie Centrale. Nouvelles recherches et enjeux socioculturels.* Paris (CahAC. 21/22).

## АРХЕОЛОГИЯ КАЗАХСТАНА И СОВРЕМЕННОСТЬ: ОСНОВНЫЕ ОТКРЫТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ<sup>1</sup>

*А. Н. Подушкин (Шымкент, Казахстан)*

Республика Казахстан (далее — РК) в конце 2011 г. вступила в третье десятилетие своего суверенного развития. В числе важнейших решений государственного уровня, связанных с социальной политикой и формированием общенациональной идеологии, следует назвать программу «Культурное наследие», истоки которой восходят к посланию президента страны Н. А. Назарбаева народу Казахстана в 2003 г.

Программа ставила целью сохранение, научно-практическое изучение и популяризацию огромного историко-культурного наследия Казахстана в региональном, общегосударственном и мировом масштабах, причем ее реализация имела несколько этапов, значительная часть которых уже воплотилась в жизнь.

Новым импульсом позитивной политики государства в отношении культурного наследия следует считать принятие Правительством РК в конце 2008 г. концепции национального стратегического проекта «Культурное наследие» на 2009–2011 гг.

Казахстанская археологическая наука, ее профильные учреждения, многочисленные региональные коллективы ученых принимали и принимают самое активное участие в реализации государственной программы «Культурное наследие», и примером тому являются новые открытия в сфере выявления, исследования, консервации и музеефикации памятников археологии всех эпох.

Год двадцатилетия независимости РК (2011) совпал с двадцатилетним юбилеем Института археологии имени А. Х. Маргулана Министерства образования и науки РК (далее — ИАМОНРК). К юбилейной дате была приурочена Международная научная конференция «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы» (Алматы, 12–17 декабря 2011 г.). Ее материалы, призванные отразить достижения археологической науки Казахстана за прошедшее двадцатилетие сквозь призму деятельности преимущественно ИАМОНРК, опубликованы ограниченным тиражом в нескольких томах [Байтанаев 2011; Материалы 2011а; Материалы 2011б; Материалы 2011в; СТАНК].

Цель данной публикации — дать российской археологической общественности обзор наиболее значимых исследований казахстанских археологов, претендующих на роль открытий в 2006–2011 гг., причем упор будет сделан не только на вклад коллектива ИАМОНРК, но и на работы других региональных археологических центров (отрядов), чья деятельность тоже способствовала позитивному развитию археологии Казахстана.

---

<sup>1</sup> См. цветные вклейки 5–13.

## ЭПОХА КАМНЯ

Одним из ведущих центров по исследованию памятников эпохи камня на территории РК является возглавляемый Ж. Таймагамбетовым исследовательский археологический центр Казахского национального университета имени Аль-Фараби (кафедра археологии и этнологии). Руководитель и сотрудники центра в ходе полевых исследований последних лет обнаружили и изучили сотни стоянок каменного века, геологический возраст которых варьирует от среднего плейстоцена до голоцена. Обозначены фундаментальные проблемы, включая предпосылки появления древнейших гоминид и заселение человеком каменного века территории нынешнего Казахстана [Таймагамбетов 2006]; палеолитические миграции; выявление ключевых центров палеолитических культур; стратифицирование эталонных палеолитических объектов; периодизация, хронология и корреляция палеолита Казахстана [Таймагамбетов 2008в]; вопросы абсолютных дат с использованием методов ЭПР (электронно-парамагнитный резонанс) и  $C^{14}$  (радиоуглеродное датирование).

На основе полевых исследований и научных интерпретаций сделано важное заключение, что территория Казахстана являлась одним из центров интенсивного развития палеолитических культур и была связующим звеном между западом и востоком Евразии [Таймагамбетов 2008а]. Об этом свидетельствует открытие в нескольких регионах Казахстана уникальных палеолитических комплексов и стоянок: Кызылтау (Южный Казахстан), Муголжарских гор (Актюбинская область), Кошкүрган I и Шоктас (Южный Казахстан) [Таймагамбетов 2008б].

На таком фоне выделяется палеолитическая стоянка Майбулак (Алматинская область), на которой с 2004 г. ведутся интенсивные раскопки. В результате стало возможным выявить стратиграфию памятника (три культурных горизонта) и технические характеристики каменной индустрии стоянки и ее особенности, а также определить хронологию объекта на основе серии радиоуглеродных датировок.

Таким образом, стоянка Майбулак является единственным исследованным стратифицированным памятником эпохи палеолита на территории Юго-Восточного Казахстана [Таймагамбетов 2010] и позиционируется как один из наиболее интересных и перспективных объектов для исследования каменного века Центральной Азии.

## ЭНЕОЛИТ

Уникальным памятником этой эпохи является поселение Ботай (IV тыс. до н. э.) в Северном Казахстане, открытое в 1980 г. [Зайберт 1993]. Оно стало объектом исследований Северо-Казахстанской и Кокшетауской археологических экспедиций (руководитель — В. Ф. Зайберт). Его раскопки продолжаются по настоящее время. Впоследствии в Урало-Иртышском междуречье был выявлен ряд памятников ботайского типа, что позволило выделить ботайскую археологическую культуру с соответствующими современным научным принципам составляющими (ареал памятников, моделирование, блок характерных признаков, периодизация и хронология, вопросы происхождения и развития) (цв. вклейка 5, 1).

В течение ряда лет группа исследователей на основе полученных ботайских материалов (более 200 000 артефактов) занималась изучением исторического опыта энеолитического населения в урало-казахстанских степях, роли природно-экологического фактора в становлении конкретных экономических и этнокультурных

структур энеолитических социумов, предпосылок и механизма становления производящих типов хозяйства и их соотношения с традиционными формами систем жизнеобеспечения, культурно-хронологических и исторических проблем энеолита данного региона.

Поселению Ботай и ботайской культуре посвящены десятки статей и несколько монографий, которые обозначили высокий уровень исследований и ключевых научных выводов по изучению энеолита Казахстана [Зайберт 2009; 2011б]. В последние годы работы на Ботае выведены на качественно новый международный уровень. Совместно с британскими учеными осуществлен анализ материалов в контексте палеозоологической и палеоантропологической значимости, проведены палеогеографические и палеомагнитные исследования культурного слоя памятника [Outram et al. 2009]. Это, в частности, позволило сделать предварительное заключение о том, что «...лошадь впервые на планете одомашнена в Северном Казахстане, и что ранние скотоводы-коневоды в IV тыс. до н. э. изготавливали кумыс» [Зайберт 2011б: 55].

Венцом научного изучения ботайской археологической культуры стали такие основательные публикации В. Ф. Зайберта как монография «Ботайская культура» [Зайберт 2009] и книга-альбом «Ботай. У истоков степной цивилизации» [Зайберт 2011а].

## БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Одно из центральных мест в археологии Казахстана эпохи бронзы занимает проблематика, связанная с бегазы-дандыбаевской культурой. Важнейшим ее памятником является городище Кент, которое В. В. Варфоломеев (Карагандинский государственный университет) рассматривает как город [Варфоломеев 2011]. Кент представляет собой самое большое поселение эпохи бронзы Казахстана. В его округе обнаружено около десятка небольших поселений. За последние годы в результате раскопок памятника получен огромный материал, включающий десятки тысяч артефактов (керамика, орудия труда, изделия из камня, кости, рога и металла) (цв. вклейка 5, 2).

Комплексные исследования Кента позволили сделать ряд важных выводов, касающихся социального устройства, образа жизни, способов хозяйствования, материальной и духовной культуры бегазы-дандыбаевского населения Центрального Казахстана в XIII–IX вв. до н. э. Основной формой хозяйственной деятельности обитателей Кента было скотоводство отгонного типа. Часть населения занималась металлургическим производством, гончарством, косторезным делом, ткачеством и деревообработкой.

Материалы Кента дают возможность реконструировать социальную структуру бегазы-дандыбаевского общества, дифференцированного по имущественному признаку. Оно состояло из двух основных групп — пастухов и военизированных общин (кланов) [Варфоломеев 2011].

Новым направлением в археологии эпохи бронзы Казахстана стало изучение древнего горно-металлургического производства, поскольку изделия из металла характеризуют уровень развития древней экономики и социума. В связи с этим особое значение имеет исследование поселения древних металлургов Талдысай (горы Улытау), которое было одним из пунктов по переработке руд [Курманкулов и др. 2007].

Металлургические комплексы Талдысай демонстрируют, что древние обитатели создали здесь специализированное медеплавильное и меднолитейное

производство, что подтверждает точку зрения археологов о регионе Жезказган — Улытау как важном центре древних выработок меди, начиная с эпохи бронзы [Курманкулов и др. 2008б].

В контексте изучения древнего металлургического производства и горного дела на востоке Казахстана важную роль играет исследование многочисленных древних выработок олова в эпоху бронзы в горах Дельбегетей (Калбинский хребет) [Штолльнер и др. 2009]. Настоящим открытием можно считать обнаружение вблизи выработок поселения и могильника древних горняков и металлургов — уникальный в мировой археологии пример функционирования некрополя, где похоронены члены социума, вовлеченного в горное дело [Курманкулов, Ермолаева 2011: 76–77].

## ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Для археологии Казахстана поры раннего железного века важными являются раскопки могильника Шиликты-3 в Зайсанском районе Восточно-Казахстанской области (исследователь — А. Т. Толеубаев, Казахский национальный университет, Алматы). Там в «царском» кургане Байгетобе, несмотря на его ограбление в древности, найдены свыше четырех тысяч высокохудожественных изделий из золота (декоративные элементы одежды) сакского времени, которые свидетельствуют о высоком уровне развития материальной культуры кочевников в VIII–VI вв. до н. э. [Толеубаев 2011б: 156–166].

После раскопок кургана были проведены металлографические, физико-химические и антропологические исследования его материалов, причем был восстановлен внешний облик шиликтинского «золотого человека», его одежды и аксессуаров (цв. вклейка 6) [Толеубаев 2011а]. Предложенный вариант реконструкции образа сакского правителя дает представление о традициях материальной и духовной культуры саков Казахстана и их социальной элите, а также характеризует уклад жизни ранних кочевников Евразии.

Научным открытием большой историко-культурной важности стало комплексное исследование курганного могильника Берел (IV–III вв. до н. э.), который расположен в зоне вечной мерзлоты в горах Восточного Казахстана, в долине реки Бухторма (исследователь — З. С. Самашев, ИАМОНРК). Это обстоятельство обусловило хорошую сохранность высокохудожественных артефактов из дерева, кожи, тканей, войлока, а также биологических останков ритуальных животных (лошадей), что ставит берельские находки по своим анатомическим, палеозоологическим, палеопатологическим и палеогенетическим параметрам в ряд уникальных объектов [Самашев и др. 2000; Кашкинбаев, Самашев 2005].

Изучение могильника было продиктовано необходимостью реконструкции образа жизни, религиозных верований, экономики и общественного строя кочевников, а также потребностью исследования этносоциокультурных процессов, которые происходили в раннем железном веке на востоке Центральной Азии, и надобностью выявления преемственности между древними этносами и современной популяцией казахов.

В настоящее время в Береле раскопано 24 кургана, в которых были похоронены представители кочевой элиты. Сооружения отличаются по размерам и составу сопроводительного инвентаря, что является свидетельством социальной дифференциации знати. В кургане 11 в саркофаге-колоде зафиксированы погребения важной персоны (царя) и женщины. Их сопровождали 13 жеребцов светлой масти в полном парадном убранстве. Предварительные результаты молекулярно-генетических



и антропологических исследований останков мужчины показали, что его антропологический тип характеризуется и европеоидными, и монголоидными чертами.

В результате раскопок берельских курганов получен огромный археологический материал (цв. вклейка 7), позволяющий достоверно реконструировать многие сферы жизни древних кочевников Казахского Алтая (хозяйство, социальную структуру, этническую принадлежность, материальную и духовную культуру) [Самашев 2011]. Основным компонентом их хозяйства являлось экстенсивное скотоводство с явным преобладанием коневодства, обусловленного спецификой экосистемы региона. Кроме скотоводства, существенное значение для берельцев имели горно-металлургическая отрасль и ремесленное производство, а также иные промыслы. Номады этого региона, так же как и другие, родственные им кочевники, развивали экономические связи, обмены и контакты не только внутри кочевого мира, но и с оседло-земледельческими центрами на сопредельных территориях, а также с более отдаленными историко-культурными областями.

Материалы берельских курганов свидетельствуют о существовании у древних кочевников этого региона как части пазырыкской историко-культурной общности гетерогенного общества, охваченного процессами социального расслоения и имущественной дифференциации, которые получили отражение в погребальных памятниках. Представляя собой практически сословное общество, берельцы находились на уровне ранней государственности типа конфедерации. Во главе ее в конце VI в. до н. э. — конце III в. до н. э. поочередно могли находиться лидеры («цари») сначала туэкта-башадарского и затем пазырыкского, а на последнем этапе существования государственности берельского (бухтарминско-нарымского) этнокультурных альянсов, которые, в свою очередь, имели местные структуры, управляемые удельными вождями.

Уникальные находки из берельских курганов говорят о высоком уровне культуры и искусства, а также о сложной системе мировоззрения древнего населения Казахского Алтая в рассматриваемую историческую эпоху.

Выработанные берельскими кочевниками способы ведения скотоводческого хозяйства, технология обработки продукции животноводства и природных материалов, оптимальные формы мобильного жилища и средств передвижения, орудия труда и предметы быта, покррой одежды, ювелирное дело, некоторые виды оружия ближнего и дальнего боя; защитные доспехи и военное снаряжение, предметы конского убора и многие другие компоненты их материальной культуры оказали существенное влияние на формирование культурных комплексов многих народов Центральной Азии эпохи средневековья и последующих периодов, например, на сложение традиционной кочевой культуры казахского этноса.

Важно отметить также и то, что образцы искусства древних номадов Восточно-Казахстанской области послужили прообразами изобразительного декоративно-прикладного искусства современных тюркских народов, включая казахов.

Главным результатом исследований берельских курганов, археологические материалы из которых, с одной стороны, отражают сложные исторические и этносоциокультурные процессы, происходившие в IV–III вв. до н. э. в пазырыкском обществе, а с другой — важнейшие военно-политические события в масштабах Евразии, следует считать издание монографии З. Самашева, в которой подведены итоги многолетних раскопок могильника Берел [2011].

После длительного перерыва, в 2004–2010 гг. сотрудники Чирикрабатской экспедиции (руководитель — Ж. Курманкулов, ИАМОНПК) возобновили изыскания

на античном городище Чирик-Рабат в дельтовой области Сырдарьи (Восточное Приаралье). Открытое маршрутным отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1946 г. [Толстов 1947: 180] и обследованное затем в 1948–1958 гг. [Толстов 1962: 136–158], оно стало эталонным памятником чирикратской археологической культуры [Вайнберг, Левина 1993]. В настоящее время уточнена планиграфия, фортификация, а также ирригация городища. Исследуются погребальные памятники (курганы и здания-мавзолеи) в пределах древней цитадели. Сейчас на памятнике изучено около десяти погребальных сооружений, оборонительная стена, храмовый комплекс и один большой дом на цитадели.

В результате получены археологические комплексы V–IV и III–II вв. до н. э., часть которых имеет большую историко-культурную значимость. Так, в одном из мавзолеев открыто погребение с редким по сохранности и форме мечом. Здесь же обнаружена фляга с прорезанной на ее боковине хорезмийской надписью (предварительное заключение В. А. Лившица). Кроме того, найдены два сосуда типа алабастра, на которых зафиксирована надпись из пяти знаков, сделанная буквами древнегреческого алфавита (цв. вклейка 8).

По мнению исследователей, культура древних племен Турана развивалась в тесном контакте с цивилизациями Ближнего Востока, Средиземноморья и Египта [Курманкулов и др. 2008а].

В контексте сарматской проблематики заслуживают упоминания раскопки объектов на территории Западного Казахстана. Там, на плато Устюрт, в течение нескольких лет проводились исследования уникального храма-святилища Кызылуийк (руководитель — З. Самашев). Такие сооружения (памятники типа Байте-III) связаны с религиозно-культовой практикой племен сарматского круга. Сейчас в регионе известны более полусотни храмовых построек, различающихся по размерам и архитектурно-планировочному облику [Самашев и др. 2007б].

Храмы между Аральским и Каспийским морями являлись не только сакральными объектами, дающими информацию о религиозных представлениях номадов, но и маркировали важнейшие политические центры объединений кочевых этносов (сарматов, даев, массагетов, саков и др.) в I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. Храм-святилище Кызылуийк — один из немногих известных на сегодняшний день памятников, проливающих свет на духовную сферу деятельности кочевых народов, населявших арало-каспийские степи во второй половине I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. [Самашев, Онгар 2009]. Его сложная структура с доминантным объектом — величественным «храмом огня» — образует сакрально организованное пространство, где происходили культово-обрядовые церемонии календарного цикла, связанные, возможно, с представлениями об очистительной силе огня, свойственными зороастрийцам, а также с обожествлением героев-предков, культом оружия и т. д. Кроме того, это сооружение представляет интерес в контексте развития строительного дела и архитектурной мысли древних кочевников, особенно в связи с происхождением купольных культовых построек в арало-каспийском регионе. Подобные сооружения принадлежали различным по хозяйственно-культурному типу, мировоззрению и этническому составу народам, жившим в рассматриваемое время к востоку от Каспийского моря, включая Хорезм, Кангюй, Бактрию и другие области.

В археологическом комплексе Кызылуийка (клады, дары-приношения, отдельные находки) преобладают наконечники стрел, предметы конского снаряжения и дорожные украшения мужского костюма, что косвенно свидетельствует о военной

направленности проводимых в этом святилище обрядов (цв. вклейка 9). Подобно большинству культово-религиозных центров древних обществ храмы ранних кочевников Устюрта, возможно, обладали богатствами и владели прихрамовыми хозяйственными структурами, т. е. функционировали как центры экономической жизни общества.

Итогом комплексного археологического изучения этого памятника является книга «Храм-святилище Кызылуийк», в которой подчеркивается большое значение полученных в результате его многолетних раскопок материалов как источников по изучению ряда важнейших проблем истории и культуры древних кочевых народов (вопросы происхождения и развития культовой архитектуры и монументальной скульптуры, реконструкция некоторых особенностей культово-обрядовой практики, этническая и хронологическая атрибуции археологических памятников Устюрта и сопредельных регионов) [Самашев и др. 2011а].

Одним из недостаточно изученных направлений в исторической науке Казахстана является археология племенных союзов и государств III в. до н. э. — IV в. н. э. (поздние саки, сюнну, сарматы, усунь, Канцзюй-Кангюй). Малочисленность, а порой почти полное отсутствие письменных источников ставят археологическую информацию об упомянутых древних этносах на первое место. В этой связи заслуживают внимания многолетние комплексные исследования памятников в Южном Казахстане (городища, поселения, могильники), которые проводит Центральный государственный музей РК (далее — ЦГМРК) и региональная организация «Международный археолого-этнологический центр» (руководитель — А. Н. Подушкин, г. Шымкент). Материалы, полученные во время этих раскопок, имеют отношение к истории государства Кангюй.

В результате изысканий на юге Казахстана была выделена арысская археологическая культура, обнаруживающая устойчивую систему материальных традиций, которые выявлены на многочисленных памятниках, относящихся к периоду IV в. до н. э. — VI в. н. э. [Подушкин 2000]. В настоящее время ученые имеют полное представление о типологии памятников этой культуры и ее ареале. Разработаны также вопросы периодизации и хронологии арысской культуры, в развитии которой выявлены три этапа: караултобинский (IV в. до н. э. — I в. н. э.), каратобинский (I в. до н. э. — III в. н. э.) и алтынтобинский (IV–VI вв. н. э.). Установлен специфический блок ее признаков (керамика, оружие и конское снаряжение, предметы быта и культа). Предложена атрибуция носителей этой культуры как представителей древнего племенного объединения Кангюй. Определена полиэтничность этого объединения, которое включало поздний сакский, сарматский, сюннуский и собственно кангюйский этнические компоненты [Подушкин 2000: 140–161].

Особый интерес представляют найденные на городище Культобе (бассейн реки Арысь) уникальные артефакты в виде керамических кирпичей-таблиц с древними письменами. В настоящее время обнаружены двенадцать фрагментов и два почти законченных текста, которые насчитывают более 400 полностью и частично прорисованных знаков, оформленных в 54 «строки» (цв. вклейка 10). Техника выполнения письма (вдавливание, прорезывание по сырой глине) и его палеография (хорошо фиксируются одинаковые по прорисовке знаки) указывают на то, что на всех фрагментах таблиц-кирпичей представлен один и тот же вид древнего письма, несмотря на разный «почерк», размеры и предполагаемую одновременность нанесения знаков на каждый фрагмент [Подушкин 2005].

Благодаря ученым из Франции (профессору Ф. Грене) и Великобритании (академику Н. Симс-Вильямсу), установлено, что культобинские надписи являются самыми ранними в Центральной Азии текстами, написанными арамейским письмом на архаическом согдийском языке. Эта письменность определена как алфавитная, строчная с включением идеограмм [Sims-Williams et al. 2007: 1020–1025]. По мнению исследователей, базирующихся на палеографическом и лингвистическом анализе, культобинские надписи датируются II — началом III в. н. э. Отмечу также, что для этого времени тексты на керамических кирпичих-таблицах не имеют аналогов в Центральной Азии и Казахстане.

Ниже приведено прочтение самого важного в лингвистическом и информативном аспектах культобинского текста № 4 (цв. вклейка 10, 4), предложенное Н. Симс-Вильямсом [Sims-Williams 2009: 156; рис. на с. 145]:

This city was built by the leader of the army, Ch[... the] son of [...]. He went (?) there so that (?) both the (land) allotted to (our) people and the [land allotted to] the nomads [might be ...; and] the lord of Samarkand and the [lord of] K[ish and the] lord of Nakhshab and the [lord of] Nawakme[than agreed (?); and he (?)] took all the treasure and the [... and the] (land) allotted [to ...] (as his) own.

Этот город был построен предводителем армии Ч[...], сыном [...]. Он пришел (?) сюда с тем, чтобы (?) и (земля), принадлежащая (нашим) людям, и [земля, принадлежащая] кочевникам [могла быть...; и] государь Самарканда, и [государь] К[еша, и] государь Нахшаба, и [государь] Навакме[тана согласились (?); и он (?)] забрал все сокровища, и [... и (теперь) эта] (земля) принадлежит лично ему.

Культобинские тексты содержат важную информацию политического, социального и историко-культурного характера о Центральной Азии и Казахстане первых веков нашей эры. В надписях упоминаются названия древних государств и городских центров Средней Азии: Нахшеб, Самарканд, Кеш, Чач, Бухара (Навакметан), причем некоторые из них названы впервые для этого времени. В текстах идентифицированы личные имена и титулы древних правителей, в том числе военные («командующий»), приведены социальные («люди шатров» — номады), государственные («драгоценности» — казна, «общественные работы» — строительство города) и династические термины, а также степени родства («сын») и служебные слова. В надписях имеются сведения об исторических событиях регионального масштаба, о локальных действиях местных правителей, связанных с основанием городских центров, и т. д. [Sims-Williams, Grenet 2006].

Информация, представленная в культобинских надписях, важна и ценна для историков, этнологов, лингвистов, археологов, культурологов. По своей значимости данные тексты выделяются на фоне крайне скудных данных из древнекитайских источников. Предварительное исследование культобинских эпиграфических находок показывает, что они могут существенно расширить, углубить и уточнить наши знания по истории древних государств Средней Азии и Казахстана в эпоху поздней античности.

Однако лингвистическое истолкование рассматриваемых надписей остается проблемным. Дешифровщики культобинского письма трактовали его как «согдийское». Главным аргументом в пользу такого вывода служит использование письма, близкого культобинскому, в древнем Согде, население которого на рубеже нашей эры говорило на одном из диалектов восточноиранского языка и использовало

арамейский алфавит. Тем не менее есть веские основания связывать культобинскую письменность Южного Казахстана с культурой существовавшего здесь во II в. до н. э. — IV в. н. э. племенного объединения Кангюй, которое включало в свой состав ираноязычное население, владевшее, судя по находкам из Культобе, арамейским письмом.

Возможно, найденные тексты являются новым видом региональной письменности, приспособленной для восточноиранского диалекта, который условно можно назвать «кангюйским». На это указывают три обстоятельства: наличие архаических, ранее неизвестных древних арамейских идеограмм (часть их пока не прочитана, что затрудняет полную дешифровку надписей); культобинское письмо древнее всех известных согдийских лингвистических материалов, что подтверждено синхронизацией археологических материалов городища Культобе и близлежащих могильников, которые датируются последними веками до нашей эры — первыми веками нашей эры; находка керамических кирпичей-таблиц в «сердце» государства Кангюй — в бассейне реки Арысь, где располагался мощный арыско-бадамский укрепленный район, включающий самое большое городище — Караспантобе, идентифицированное как Битянь — столица государства Кангюй, и несколько крупных археологических объектов, ограниченных так называемой длинной стеной, а также руслами рек Арысь и Бадам [Подушкин 2000: 170–171].

Относительно практического предназначения культобинских надписей имеется три версии: 1) тексты вывешивали (прикрепляли) на крепостную стену перед воротами города для массового обозрения; 2) надписи являлись эпитафиями; 3) тексты хранились в архиве. Последнее объяснение представляется самым приемлемым. На это указывают уникальный керамический «формат» исполнения надписей в виде «глиняной книги», которая может храниться практически вечно, а также официальный характер содержащейся в текстах информации. Кроме того, наличие письменности всегда являлось индикатором высокой цивилизации и важным атрибутом государственности.

Обнаружение и исследование культобинского письма в научных центрах Великобритании, Франции и России воспринимается как открытие мирового уровня, которое по своей историко-культурной значимости далеко выходит за рамки Казахстана и Центральной Азии. В настоящее время в Южном Казахстане продолжают исследования памятников арысской культуры, городища Культобе и близлежащих могильников в соответствии с научно-исследовательской программой «Археологические и письменные памятники государства Кангюй II в. до н. э. — IV в. н. э.», основным исполнителем которой является ЦГМРК [Подушкин 2006: 208–209].

В связи с раскопками катакомбных погребений арысской культуры возникла необходимость разработки и другой актуальной проблематики. Археологические комплексы исследуемых могил свидетельствуют о присутствии сарматов и сунну на территории Южного Казахстана в последние века до нашей эры — первые века нашей эры. [Подушкин 2009; 2010] (цв. вклейки 11, 12), причем находки в катакомбах оружия, предметов быта и культа, тамгообразных знаков, а также сам погребальный обряд указывают на существование общих традиций в культуре этих двух древних этносов, что позволяет сделать вывод о возможном существовании в степной Евразии сармато-суннуской историко-культурной общности [Подушкин 2000: 154–155].

## СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

К числу важных археологических открытий следует отнести изучение относящегося к VIII–XIV вв. городища Бозок (исследователь — М. К. Хабдулина из Научно-исследовательского института археологии имени К. А. Акишева при Евразийском национальном университете имени Л. Н. Гумилева, г. Астана). Бозок является особым типом археологических памятников степной Евразии. Он возник в раннем средневековье, в эпоху выдвижения на политическую арену племенных объединений кимаков, огузов и карлуков. Структура городища, его социальное назначение и семантика отражают тюркскую культуру и мировоззрение [Хабдулина 2011: 262–263]. В результате раскопок этого памятника установлено, что он состоит из производственных, жилых и культовых строений, сооруженных в разное время.

По мнению автора раскопок, городище было основано древними кыпчаками, и в его истории фиксируются три ключевых периода, отражающие этапы его развития: VIII–IX вв., когда Бозок являлся ставкой-резиденцией и культовым центром древнетюркской эпохи; X–XII вв. — период Кыпчакского ханства; XIII–XIV вв., когда Бозок стал мусульманским культовым центром [Хабдулина 2010].

На городище открыты мусульманский некрополь с двумя типами захоронений (оградки-*хазира* и мавзолей), а также языческие погребения золотоордынского времени. Бозок, небольшая по площади ставка кыпчакского султана, получил второе рождение, став почти через тысячу лет исторической зоной новой столицы Казахстана — города Астана [Хабдулина 2011: 281].

Одним из важных объектов исследования городской культуры периода Улуса Джучи стало городище Сарайчик (руководитель — З. Самашев, Западно-Казахстанская археологическая экспедиция, ИАМОНРК). Этот памятник находится в низовьях реки Жайык, в 50 км севернее г. Атырау. В результате раскопок получен огромный археологический материал, позволяющий делать заключения о развитии и упадке этого золотоордынского центра, в том числе о его жилой застройке, архитектуре, экономике, динамике международной торговли, денежном обращении, керамическом производстве, религии, искусстве, образовании и культурных связях с цивилизациями Востока и Запада (цв. вклейка 13) [Тасмагамбетов, Самашев 2001].

Установлено, что в городе были возведены дворцы, административные здания и дома для знати, вокруг которых возникали кварталы вольных жителей, купцов и ремесленников. Строительство центра осуществлено по единому плану, с учетом традиций возведения кочевнических городов. В архитектуре и интерьере построенных в основном из сырцового кирпича домов, имевших 2–4 комнаты, сплетены традиции городов Нижнего Поволжья, Хорезма и долины Сырдарьи. Обычно в жилом помещении вдоль стен находилась лежанка-суфа, обогреваемая устроенными внутри нее дымоходными горизонтальными каналами. На суфах зафиксированы остатки войлочных ковров. Стены помещений штукатурили глиной и белили.

Горожане занимались в основном производством различных товаров для города и степи, большую долю которых составляли изделия гончарных мастерских. На городище были обнаружены однокамерные печи для обжига глиняных сосудов.

В результате археологических исследований Сарайчика получен богатый материал по городской культуре и торговым связям в эпоху Золотой Орды, включая монеты как местной, так и среднеазиатской чеканки, а также крымские серебряные дирхемы [Самашев и др. 2006]. Помимо нумизматических находок, получен разно-

образный керамический комплекс: кумганы, хумчи, горшки, чигири, кувшины, светильники и тубеки. Наравне с этими простыми изделиями, обнаружены фрагменты трапезундских и крымских амфор, а также больших котлов, которые изготовлены из камня, доставленного из хорезмийских каменоломен. Среди посуды представлены фрагменты чаш из китайского фарфора. С XIV в. начинается изготовление керамических изделий, отличающихся от импортных, например, кумганов, украшенных особенным образом и покрытых красным ангобом, причем последняя деталь характерна именно для Сарайчика. Появляются тарелки разнообразных типов и чаши, украшенные богатейшим растительным и зооморфным орнаментом: изображения птиц, рыб и стремительно бегущих зайцев (цв. вклейка 13) [Самашев и др. 2008].

Сарайчик, судя по письменным источникам, являлся одним из центров распространения ислама в Золотой Орде. Здесь принял эту веру хан Берке [Самашев, Кожа 2007]. Город и его округа имели, по сравнению с синхронными центрами Нижнего Поволжья, Хорезма и Среднего Востока, свою специфическую культуру, отражавшую ее глубинные степные корни и тесные контакты с Великой степью.

Заслуживают также упоминания работы по изучению средневековой городской культуры на юге Казахстана. В силу ряда факторов вектор археологического исследования средневековых памятников средней Сырдарьи переместился из Отрарского оазиса в Туркестанский, где в последние годы силами Туркестанской археологической экспедиции и Государственного музея-заповедника «Азрет Султан» (руководители — Е. А. Смагулов и М. К. Туякбаев) успешно осуществлены раскопки на городищах Сидак, Культобе, Туркестан, Шойтобе и Сауран [Смагулов, Туякбаев 2006].

В результате этих изысканий установлена стратиграфия памятников оазиса, разработана региональная хронологическая колонка его городской культуры, выявлены три основных этапа эволюции города Яссы-Туркестан, уточнена топография Туркестанского оазиса и его микрооазисов, развернуты раскопки позднесредневекового Саурана [Смагулов 2011]. В целом археологические работы в Туркестанском оазисе привели к корректировке имевшихся представлений о развитии урбанистической культуры в регионе [Смагулов 2011: 301–302].

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение статьи укажем на крупные издательские проекты, которые представляют научной общественности РК, а также дальнего и ближнего зарубежья достижения казахстанской археологии за рассмотренный в настоящей статье период. Речь пойдет о коллективных трудах, книгах-альбомах и каталогах.

Выдающимся событием для исторической науки Казахстана стала публикация фундаментальной монографии «Сокровища Устюрта и Манкыстау» [Самашев и др. 2007а], посвященной археологии, этнографии и архитектуре малоизученной территории Западного Казахстана. Эта книга, венчающая собой двадцатилетние исследования древней истории региона, отличается широтой охвата проблематики и хронологического диапазона, глубиной научного содержания и высоким качеством иллюстраций. Издание, в котором подведены итоги важного этапа изучения древней истории и археологии Устюрта и Манкыстау содержит разнообразную информацию о культурном наследии арало-каспийского региона, находящегося на стыке двух великих миров — южных земледельческих центров и кочевнических обществ Великой степи [Самашев др. 2007а: 394].

Весьма содержательна и коллективная монография «Наскальное искусство Казахстана», в которой анализируются петроглифы — специфические и оригинальные археологические источники, наглядно свидетельствующие о духовной сфере деятельности древнего человека [Самашев и др. 2011б]. Поражает объем источниковедческой базы этой работы. Авторы апеллируют к тысячам наскальных изображений различных эпох — от неолита до начала XX в., причем значительная их часть была открыта в ходе научных изысканий последних лет. Впервые в археологической и исторической науке Казахстана появился масштабный труд, в котором подробно рассмотрены идеологический, семантический, историко-культурный, этнорегиональный, археологический и социальный аспекты изучения петроглифов. Оценив их значение для истории и культуры Казахстана, авторы книги внесли существенный вклад в науку. Их труд важен не только для профессионалов, но и для специалистов в других областях гуманитарного знания (культура, образование, искусство).

Итог более чем сорокалетних исследований древних городов Казахстана подведен в монографии К. М. Байпакова «Великий Шелковый путь на территории Казахстана» [2007], которая является изданием энциклопедического характера. В этой книге, отличающейся увлекательностью изложения и обширностью иллюстративного материала, автор повествует о зарождении, развитии и упадке древних городов Казахстана, прослеживает их роль на Великом Шелковом пути, реконструирует их локализацию по регионам, исследует социальные функции городов, характеризует их торговлю, культурные контакты, архитектуру, ирригацию и религию горожан.

Отметим также большую работу по систематизации археологических и этнографических материалов Западного Казахстана (руководитель — А. Бисембаев, Областной центр истории, этнографии и археологии, г. Актобе), которая воплотилась в двухтомное издание «История Западного Казахстана», опубликованное на казахском и русском языках, причем первый том посвящен комплексным археологическим и этнографическим исследованиям источников от эпохи каменного века до периода средневековья [[История Западного Казахстана 2006].

Заметным явлением в археологической и исторической науке Казахстана стала публикации каталогов археологических коллекций. Инициатором таких изданий выступил ЦГМРК, который выпустил в свет две прекрасно изданные книги (руководитель проекта — Н. Алимбай). Первая из них содержит сведения (описание, характеристика, библиография) примерно о восьми тысячах артефактов (X в. до н. э. — первые века нашей эры), связанных с культурными традициями ранних кочевников и первых государств (саки, сарматы, усунь, сюнну, Кангюй) [Культура ранних кочевников Казахстана 2009]. В каталог вошла также информация об экспедициях, материалы которых легли в основу фонда археологических коллекций ЦГМРК. В издании описаны археологические комплексы эталонных поселений, городищ и курганов, включая памятники джетысарской и арысской культур; отдельные группы артефактов (сакские котлы, коллекция терракотовых статуэток); случайные находки и золото из царских курганов саков Казахстана; ювелирные изделия савроматов, сарматов, Кангюя и усуней. В каталоге уделено внимание работам по воссозданию одежды и реконструкции вооружения, в том числе представителя сакской элиты из Иссыкского кургана, а также женщин андроновской культуры и эпохи племенного объединения Кангюй и знатного сюннского воина.



Второй каталог посвящен памятникам сако-усуньской культуры из археологической коллекции ЦГМРК [Культура саков и усуней Казахстана 2011]. Это издание является результатом большой работы, проделанной на основе материалов фонда музея, и демонстрирует своеобразие культуры кочевников-саков, а также ее генетическую связь с культурой усуней. Здесь систематизирована информация примерно о семи тысячах артефактов, которые свидетельствуют о высоком уровне развития материальной культуры и искусства сако-усуньских племен в раннем железном веке.

Выход в свет указанных каталогов представляет собой шаг вперед в научном познании древней истории Казахстана и демонстрирует новый уровень осмысления и популяризации богатейшего культурного наследия народов, некогда населявших территорию этой страны.

## Литература

- Байпаков 2007: *Байпаков К. М.* Великий Шелковый путь на территории Казахстана. Алматы.
- Байтанаев 2011: *Байтанаев Б. А.* Институту археологии им. А. Х. Маргулана 20 лет. Алматы.
- Вайнберг, Левина 1993: *Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Низовья Сырдарьи в древности. Вып. I. Чирикратская культура. Москва.
- Варфоломеев 2011: *Варфоломеев В. В.* Кент — город бронзового века. Новые исследования в эпоху независимости // СТАНК. С. 85–96.
- Зайберт 1993: *Зайберт В. Ф.* Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск.
- Зайберт 2009: *Зайберт В. Ф.* Ботайская культура. Алматы.
- Зайберт 2011а: *Зайберт В. Ф.* Ботай. У истоков степной цивилизации. Алматы.
- Зайберт 2011б: *Зайберт В. Ф.* Основные итоги изучения ботайской культуры и ее роль в древней истории Казахстана // СТАНК. С. 43–56.
- История Западного Казахстана 2006: История Западного Казахстана. Т. I. Актобе.
- Культура ранних кочевников Казахстана 2009: Культура ранних кочевников Казахстана: археологические коллекции. Научный каталог. Т. I. Алматы.
- Культура саков и усуней Казахстана 2011: Культура саков и усуней Казахстана в археологических коллекциях Центрального государственного музея Республики Казахстан. Научный каталог. Алматы.
- Кашкинбаев, Самашев 2005: *Кашкинбаев К., Самашев З.* Лошади древних кочевников Казахского Алтая. Алматы.
- Курманкулов, Ермолаева 2011: *Курманкулов Ж., Ермолаева А. С.* Археология эпохи бронзы в независимом Казахстане // СТАНК. С. 69–84.
- Курманкулов и др. 2007: *Курманкулов Ж., Ермолаева А. С., Калиева Ж.* Археологические исследования на поселении Талдысай // Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда. С. 93–105.
- Курманкулов и др. 2008а: *Курманкулов Ж., Переводчикова Е., Жетибаев Ж., Утубаев Ж., Искаков А., Тажекеев А., Дарменов Р.* Археологические работы на городище Чирик-Рабат в 2008 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2008 году. Алматы. С. 198–201.
- Курманкулов и др. 2008б: *Курманкулов Ж., Ермолаева А. С., Ержанова А. Е., Калиева Ж.* Поселение Талдысай — памятник технической культуры степных племен Улытау // Роль степных городов в цивилизации кочевников. Материалы международной научной конференции, посвященной 10-летию г. Астана. Астана. С. 124–130.
- Материалы 2011а: Материалы международной научной конференции: «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы», посвященной 20-летию

- независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана. Т. I. Алматы.
- Материалы 2011б: Материалы международной научной конференции: «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы», посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана. Т. II. Алматы.
- Материалы 2011в: Материалы международной научной конференции: «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы», посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана. Т. III. Алматы.
- Подушкин 2000: *Подушкин А. Н.* Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н. э. — VI в. н. э. Туркестан.
- Подушкин 2005: *Подушкин А. Н.* Новые памятники письменной культуры Южного Казахстана // *Shygys*. № 2. С. 133–139.
- Подушкин 2006: *Подушкин А. Н.* Программа «Археологические и письменные памятники государства Канцзюй (Кангюй) II в. до н. э. — IV в. н. э.»: динамика реализации и некоторые итоги. // *Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья*. Вып. 2. Павлодар. С. 208–229.
- Подушкин 2009: *Подушкин А. Н.* Сюнну в Южном Казахстане (историко-археологический аспект в рамках исследования памятников арысской культуры) // *ТЦГМ*. Т. II. С. 173–182.
- Подушкин 2010: *Подушкин А. Н.* Сарматы в Южном Казахстане // *ДКЕ*. С. 207–217.
- Самашев 2011: *Самашев З.* Берел. Алматы.
- Самашев, Кожа 2007: *Самашев З., Кожа М.* Элитный культовый комплекс Сарайчика // *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана*. Уральск. № 1. С. 237–256.
- Самашев, Онгар 2009: *Самашев З., Онгар А.* Культовый объект древних скотоводов на Северном Устюрте // *VIII конгресс этнографов и антропологов России*. Тезисы докладов. Оренбург. С. 107.
- Самашев и др. 2000: *Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С.* Berel–Берел. Алматы.
- Самашев и др. 2006: *Самашев З., Бурнашева Р., Базылхан Н., Плахов В.* Монеты Сарайчика. Алматы.
- Самашев и др. 2007а: *Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А.* Сокровища Устюрта и Манкыстау. Алматы.
- Самашев и др. 2007б: *Самашев З., Онгар А., Киясбек Г., Жетписбай Н., Оралбай Е.* Кызылуйик — памятник культовой архитектуры Западного Казахстана // *Вестник Восточного института экономики гуманитарных наук управления и права*. Уфа. № 31/32 (История). С. 188–192.
- Самашев и др. 2008: *Самашев З., Кузнецова О., Плахов В.* Керамика Сарайчика. Алматы.
- Самашев и др. 2011а: *Самашев З., Онгар А., Оралбай Е., Киясбек Г.* Храм-святилище Кызылуйик. Астана.
- Самашев и др. 2011б: *Самашев З., Чжан С. Х., Боковенко Н. А., Мургабаев С.* Наскальное искусство Казахстана. Сеул.
- Смагулов 2011: *Смагулов Е. А.* Города Туркестанского оазиса: новые открытия и находки // *СТАНК*. С. 284–304.
- Смагулов, Туякбаев 2006: *Смагулов Е. А., Туякбаев М. К.* К истории археологического исследования памятников Туркестана // *Туран-Туркестан: проблемы культурно-исторической преемственности. Древность и средневековье*. Материалы Международной научной конференции, посвященной 10-летию деятельности Туркестанской археологической экспедиции. Туркестан. С. 9–29.
- Таймагамбетов 2006: *Таймагамбетов Ж. К.* Древние гоминиды Казахстана и его окружающая среда на примере палеолитических памятников // *Экологическая культура и образование: опыт России и Казахстана*. Москва-Алматы. С. 373–382.

- Таймагамбетов 2008а: *Таймагамбетов Ж. К.* Казахстан — один из очагов древнейших культур Евразии // Акты международной конференции «Первые великие переселения народов» под патронажем ЮНЕСКО (Штаб-квартира ЮНЕСКО). Париж. С. 226–231.
- Таймагамбетов 2008б: *Таймагамбетов Ж. К.* Кошкургано-Шоктасский палеолитический комплекс в Казахстане и памятник Бильцингслебен в Германии // Казахстанско-германские отношения в системе международной интеграции и модернизации. Алматы. С. 31–34.
- Таймагамбетов 2008в: *Таймагамбетов Ж. К.* Периодизация, хронология и корреляция палеолита Казахстана // Медный всадник. Алматы. № 1. С. 14–20.
- Таймагамбетов 2010: *Таймагамбетов Ж. К.* Еще раз о стратифицированной стоянке эпохи палеолита Майбулак // Казахстан и Евразия сквозь века: История, археология и культурное наследие. Алматы. С. 99–105.
- Тасмагамбетов, Самашев 2001: *Тасмагамбетов И., Самашев З.* Сарайчик. Алматы.
- Толеубаев 2011а: *Толеубаев А. Т.* Из опыта научной реконструкции костюма сакского «Золотого человека» из Шиликты // Сборник материалов международной научно-практической конференции «III Оразбаевские чтения». Алматы. С. 4–28.
- Толеубаев 2011б: *Толеубаев А. Т.* Итоги исследований памятников раннего железного века Тарбагатай и Жетысуского Алатау // СТАНК. С. 156–174.
- Толстов 1947: *Толстов С. П.* Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1946 г. // ИАН СССР. Т. IV/2. С. 177–182.
- Толстов 1962: *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
- Хабдулина 2010: *Хабдулина М. К.* Бозок — как древнетюркский культовый центр на реке Ишим // Казахстан и Евразия сквозь века: История, археология, культурное наследие. Алматы. С. 177–189.
- Хабдулина 2011: *Хабдулина М. К.* Новые открытия в археологии Дашт-и-Кыпчака // СТАНК. С. 261–283.
- Штольнер и др. 2009: *Штольнер Т., Самашев З., Черны Я., Гарнер Дж., Горелик А., Хаунтман А.* Добыча олова в Центральной Азии в эпоху бронзы: основные итоги работ по казахстанско-германскому проекту // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии. Караганда. С. 124–130.
- Outram et al. 2009: *Outram A. K., Stear N. A., Bendrey R., Olsen S., Kasparov A., Zaibert V., Thorpe N., Evershed R. P.* The Earliest Horse Harnessing and Milking // Science. Vol. 323 (No. 5919). P. 1332–1335.
- Sims-Williams 2009: *Sims-Williams N.* The Sogdian Inscriptions of Kultobe: Text, Translation and Linguistic Commentary // ТЦГМ. Т. II. P. 153–172.
- Sims-Williams et al. 2007: *Sims-Williams N., Grenet F., Podushkin A.* Les plus anciens monuments de la langue sogdienne: les inscriptions de Kultobe au Kazakhstan // CRAI. 2007 (Avril — Juin). P. 1005–1034.
- Sims-Williams, Grenet 2006: *Sims-Williams N., Grenet F.* The Sogdian Inscriptions of Kultobe // Shygys. № 1. P. 95–111.



1



2

**Цветная вклейка 5**

1. Энеолит: археологический комплекс Ботайской культуры (IV — начало III тыс. до н. э.)  
2. Эпоха бронзы: находки с городища Кент (XIII–IX вв. до н. э.); слева — бронзовые серпы, в центре — бронзовый наконечник копья, справа — костяная подставка



**Цветная вклейка 6**

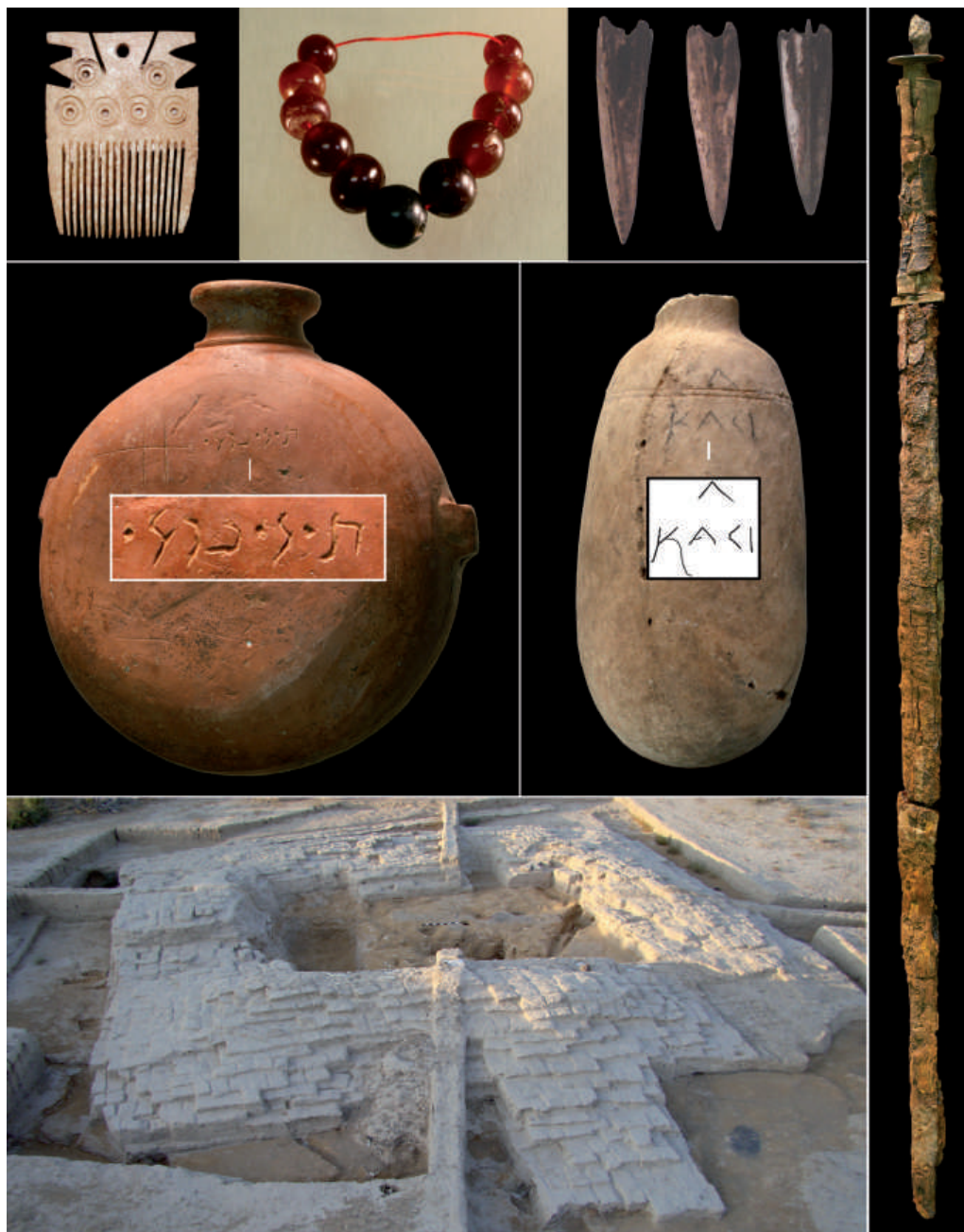
Ранний железный век: могильник Шиликты-3; слева и справа — находки из кургана Байгетобе (VIII–VI вв. до н. э.); в центре — реконструкция одежды и аксессуаров сакского правителя, захороненного в этом кургане



**Цветная вклейка 7**

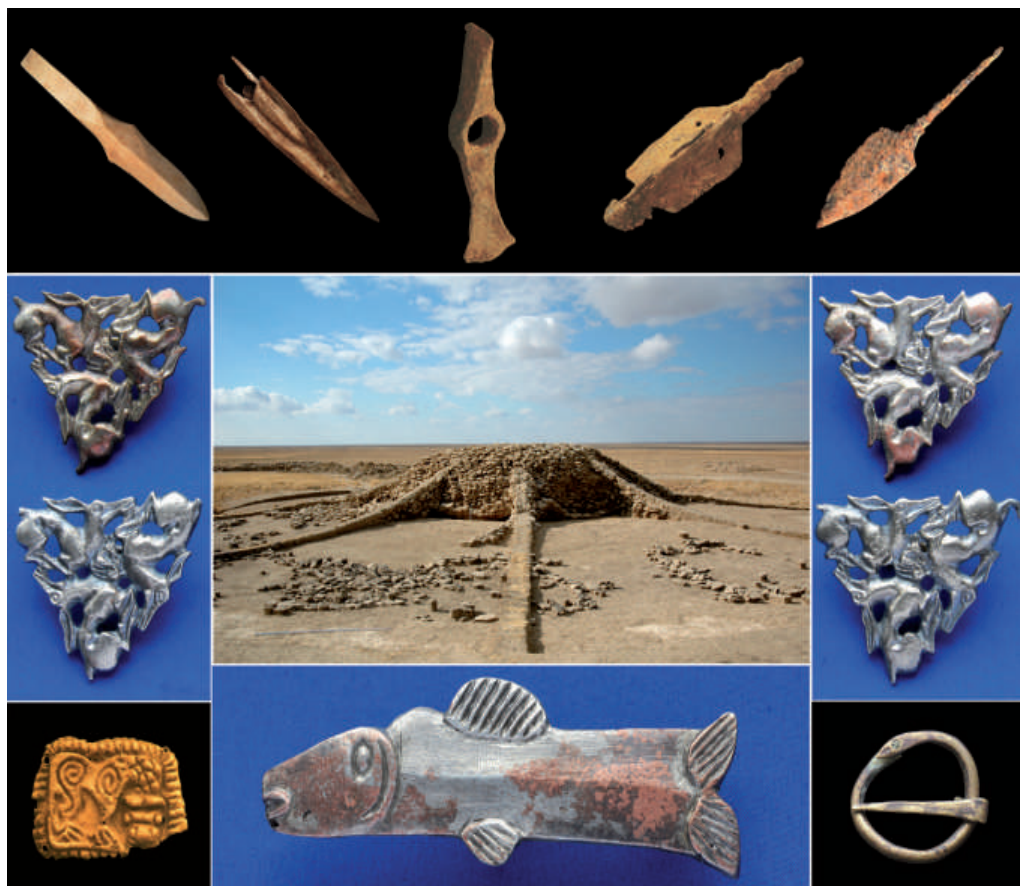
Железный век: археологический комплекс могильника Берел (IV–III вв. до н. э.); в центре — реконструкция убранства лошади





**Цветная вклейка 8**

Железный век: археологический комплекс городища Чирик-Рабат (V–II вв. до н. э.)



**Цветная вклейка 9**

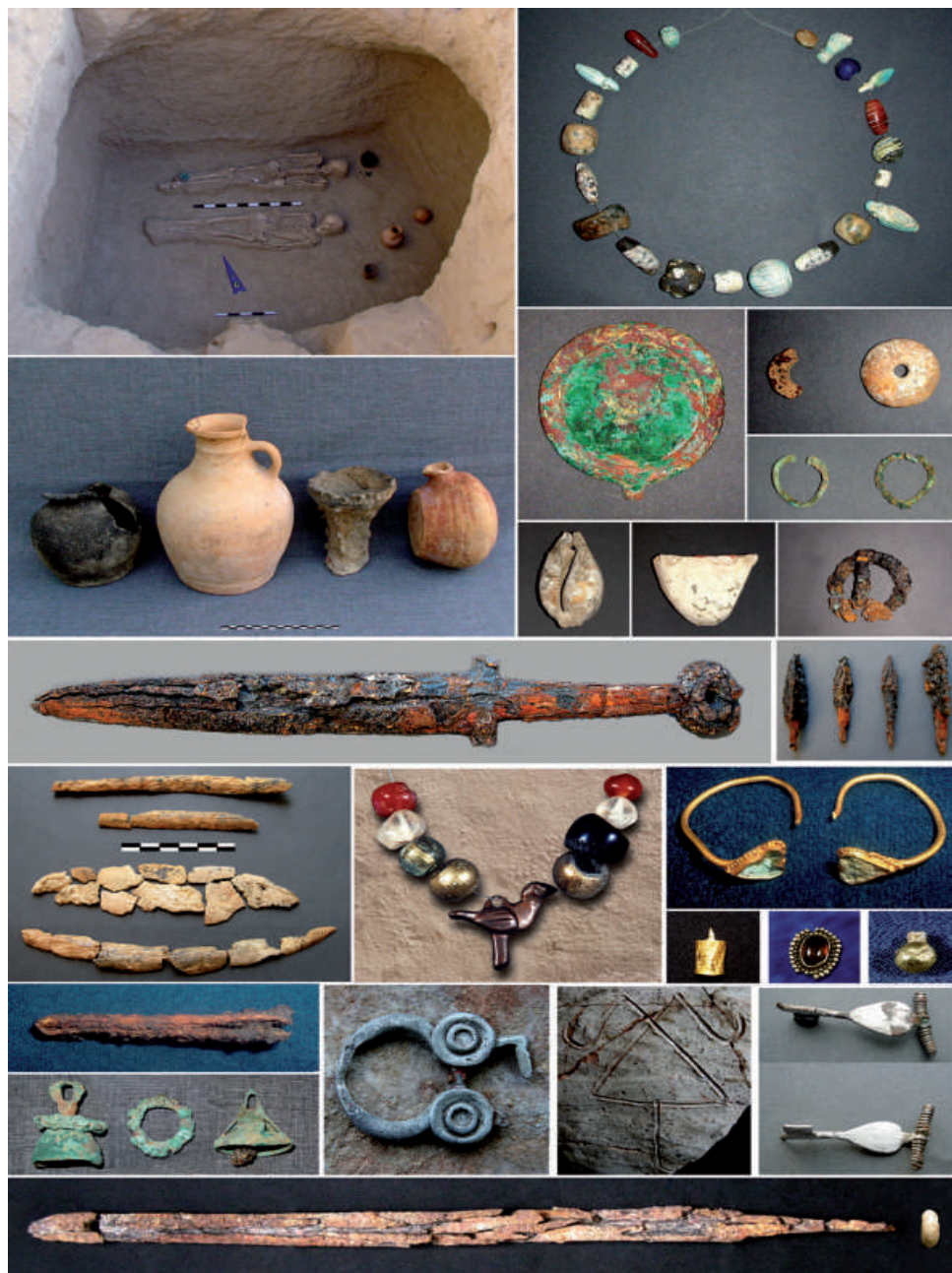
Железный век: археологический комплекс храма-святилища Кызылуийк  
(вторая половина I тыс. до н. э.)





**Цветная вклейка 10**

Железный век: фрагменты керамических кирпичей-таблиц с надписями, выполненными арамейским письмом, из городища Культобе (I в. до н. э. — IV в. н. э.)



**Цветная вклейка 11**

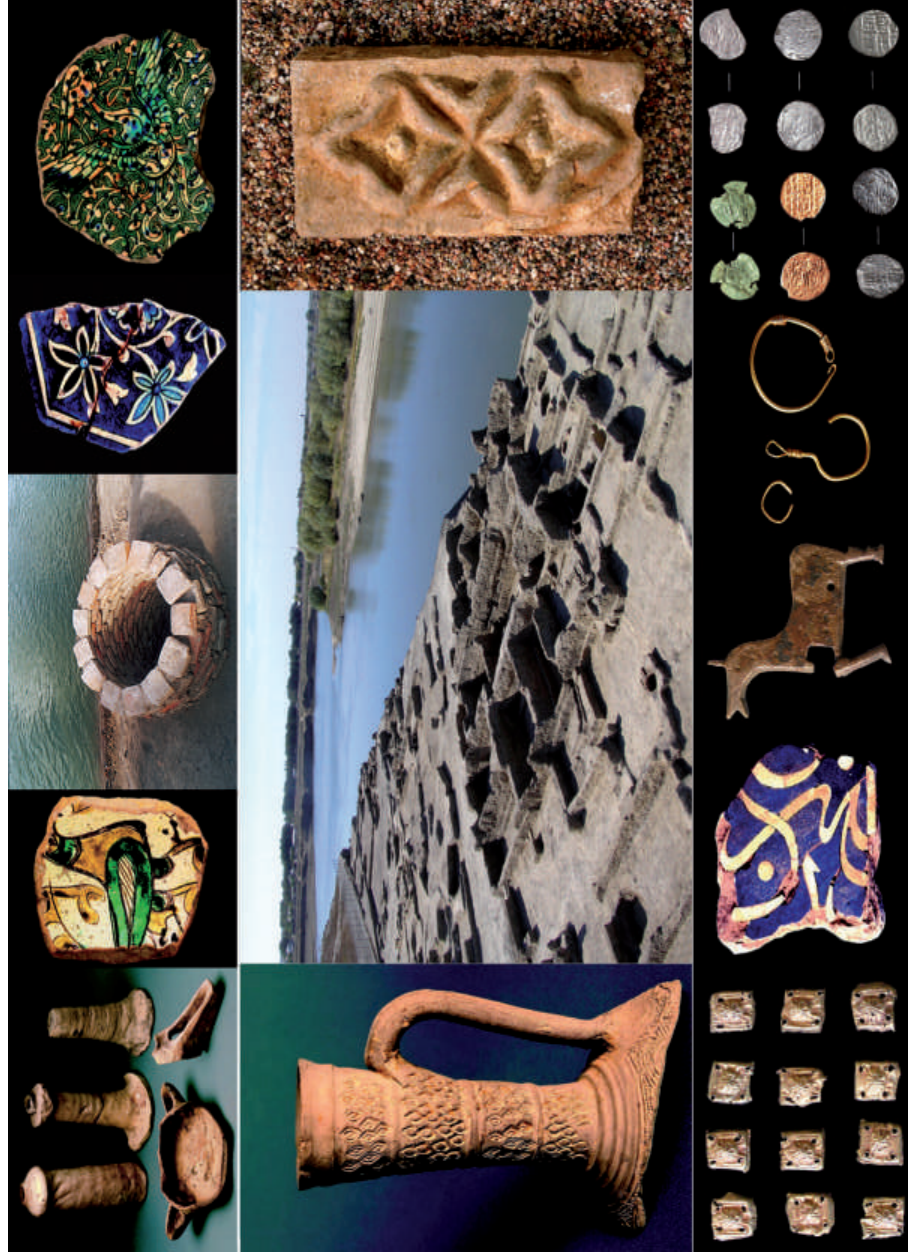
Железный век: арысская культура Южного Казахстана; сарматский археологический комплекс (II в. до н. э. — II в. н. э.)



**Цветная вклейка 12**

Железный век: арысская культура Южного Казахстана; суннуский археологический комплекс (I в. до н. э. — III в. н. э.)





**Цветная вклейка 13**

Эпоха средневековья: археологический комплекс городища Сарайчик (XIII–XIV вв.)

## Раздел III

# ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

---

*Фахр ад-Дин Рази*

### ГЛАВЫ ОБ ИНСТРУМЕНТЕ ТАБЛ ИЗ РАЗДЕЛА «НАУКА ОБ ОРУДИЯХ ВОЙН» ЭНЦИКЛОПЕДИИ НАУК «ДЖАМИ' АЛ-'УЛУМ» («СОБРАНИЕ НАУК»)

*Вводная статья, перевод с персидского и примечания  
А. Б. Джумаева (Ташкент, Узбекистан)*

Среди сочинений ученого, теолога и поэта Фахр ад-Дина Рази (1150–1209/1210) особое место занимает энциклопедия на персидском языке «Джами' ал-'улум» («Собрание наук»), известная также как «Хадаик ал-анвар фи хакаик ал-асрар» («Сады сияний в истинах тайн»)<sup>1</sup>. Труд был написан в Хорезме и в течение длительного времени пользовался известностью в Средней Азии, Иране, Индии и в других странах и регионах исламского мира. В 1913 г. в Ташкенте, а еще до этого в Бомбее, эта энциклопедия была издана литографским способом (рис. 1).

В данном сочинении Рази приводятся краткие общедоступные сведения об основных средневековых знаниях, среди которых и наука о музыке. Имеются переводы этого раздела на русский язык<sup>2</sup>; сведения из него часто использовались советскими музыковедами-востоковедами в исследованиях по истории и теории музыки Средней Азии.

Кроме специального раздела о музыкальной науке в энциклопедии Рази содержатся также и другие сведения о музыке, которые еще мало известны специалистам в области музыкального востоковедения<sup>3</sup>. Наиболее важные и интересные из них касаются вопроса изготовления и технических характеристик ударного инструмента *табл* (с арабского: барабан; мн. ч. *атбал*, *тубул*), предназначенного для военных целей<sup>4</sup>. Они приведены в разделе «'Илм алат ал-хуруб» («Наука об орудиях войн»), состоящем из девяти глав<sup>5</sup>. Здесь дается описание «девяти орудий из [числа]

---

<sup>1</sup> Настоящая работа выполнена в рамках сотрудничества с Университетом Центральной Азии (г. Бишкек).

<sup>2</sup> Впервые перевод раздела о музыке с вводной статьей был выполнен А. А. Семеновым, однако он остался неопубликованным [Семенов 1940: 1–11]. Новый перевод с исследованием и факсимиле раздела о музыке из ташкентской литографии был издан автором этих строк [Рази 2002: 125–140].

<sup>3</sup> Предварительную информацию об этом разделе и описание *табла* см. во вступительной статье к разделу о музыке из «Джами' ал-'улум» [Рази 2002: 130–131].

<sup>4</sup> О термине *табл*, его многочисленных значениях и сочетаниях см., в частности: Фарханги забони тоҷикӣ 1969: 294–295.

<sup>5</sup> Термин *алат*, применяемый при изложении этой отрасли науки, в зависимости от контекста может быть переведен и как «орудие», и как «инструмент». Это позволяет в названии раздела дать слово «орудие» («Наука об орудиях войн»), а рассматриваемый в нем *табл* обозначать как «инструмент».

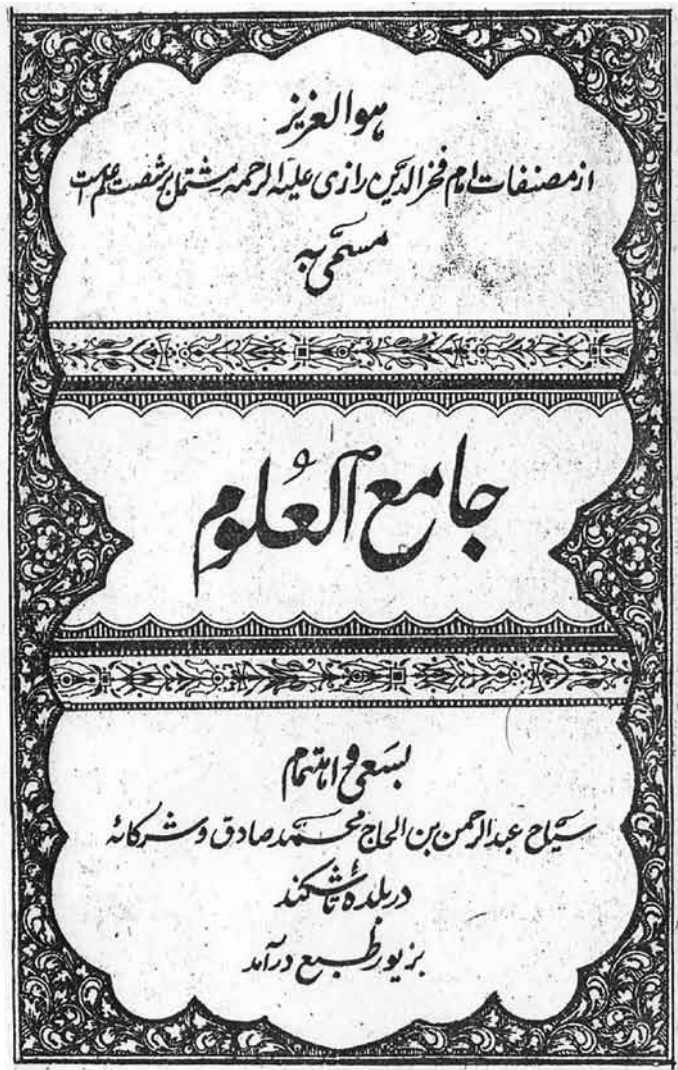


Рис. 1. Титульный лист литографированного издания энциклопедии Фахр ад-Дина Рази «Джами' ал-'улум» (Ташкент, 1913)

необычных орудий, применяемых на войне» [Рази 1913: 332] — различных приспособлений и средств ведения боя, включая использование птиц-переносчиков горячей нефти и т. п. Четыре последних главы — с шестой по девятую — посвящены ударному инструменту *табл* (рис. 2–5).

Коротко о содержании глав. В шестой главе — «Об изготовлении *табла*» — говорится о двух основных слагаемых частях *табла*: чаше (или корпусе — *каса*) и коже (*пуст*); о различных свойствах чаши в связи с характеристиками получаемого звука;

Термин *алат* широко применялся в науке о музыке для обозначения музыкального инструмента как такового и различных групп инструментов — духовых, ударных, струнных. В востоковедной литературе встречаются примеры перевода термина *алат* применительно к деятельности музыканта как «орудие» («Орудия музыканта») [см.: Мелиоранский 1900: 040].

о причинах образования сильного, звонкого, высокого, низкого и других звуков *табла*. Рази называет породы деревьев, наиболее подходящие для изготовления чаши *табла*, — эбеновое дерево, красный сандал, белый тополь, самшит и др. (*абнус, сандал-и сурх, хаданг, шумшиад, уннаб*). В седьмой главе — «Об обстоятельствах изготовления чаши *табла*» — сообщается, в частности, о предпочтительности изготовления чаши инструмента из дерева. Маленький *табл* делается из одного цельного куска дерева, а большой — посредством скрепления деревянных частей друг с другом. В восьмой главе — «О коже, которая натягивается на *табл*» — рассмотрены технология выделки кожи для *табла*, способы ее очистки, использование клея и т. п. В девятой главе — «О месторасположении *табла*» — перечисляются способы размещения *табла* — подвешенным в воздухе, привязанным на животном, помещенным в футляр.

Очевидно, что среди сведений по истории инструмента *табл*, которая заслуживает специального изучения, несомненную важность имеет и рассматриваемый в данной публикации текст Фахр ад-Дина Рази. Его перевод на русский язык сопряжен с некоторыми трудностями, связанными со старой технической терминологией и недостаточной ясностью некоторых этапов и тонкостей самого процесса изготовления *табла*. Тем не менее я все же решил предложить свой перевод текста о *табле*, снабдив его кратким исследованием отдельных эпизодов из истории применения этого инструмента в средневековом военном деле<sup>6</sup>.

Обращение Фахр ад-Дина Рази к описанию *табла* неслучайно. Постоянные смуты, войны, борьба за власть еще задолго до времени жизни Рази сформировали особое отношение к воинской доблести и связанным с ней искусствам — владению оружием, верховой езде, игре на специальных музыкальных инструментах и т. п. Уже в середине X в. различались два вида музыки — для войны и для мира, а *табл* упоминали первым в списке известных музыкальных инструментов [Ихван ас-Сафа 1887: 87, 97; Се рисала-йи фарси 1992: 48]. Едва ли не самое приметное место, судя по сведениям из различных письменных источников, занимал он в ряду слагаемых воинского дела. Владующий искусством игры на *табле* в арабоязычной среде — назывался *туббал*, *таббал* [ал-Кураши 1910: 434; Мелиоранский 1900: 58], в персоязычной — *таблбаз*, *таблзан* [Сам Мирза № 57: 35а–35б], в турецкой — *тавулджи* [Сами 1901: 876]. Древность происхождения *табла* подчеркивалась его связью с мифической личностью — Сала, дочерью Ламака, что отмечено ‘Абд ал-Кадиром Мараги (умер в 1435 г.) в трактатах о музыке «Макасид ал-алхан» и «Джами’ ал-алхан» [Мараги 1966: 137; Мараги 1993: 202]. Звуки *табла*, *бука* и некоторых других инструментов выделялись в классификациях музыкальной науки [Ихван ас-Сафа 1887: 87; Се рисала-йи фарси 1992: 48], а его ритмы (*ика’*) вместе с ритмами дойры относились к разряду «дискретных» (*мунфасал*) [Ихван ас-Сафа 1887: 91–92; Се рисала-йи фарси 1992: 50].

Спрос на *табл* был достаточно высоким, так как практически ни одно воинское формирование, будь оно большим или малым, не могло обойтись без него. По всей видимости, существовали различные технологии и способы изготовления *табла*, и эта практика находилась либо под контролем государственных служб, либо осуществлялась по их прямому заказу. Можно предположить, что одна из задач Рази как раз и заключалась в упорядочении существующих знаний о материалах и правилах

<sup>6</sup> См. краткий обзор применения военной музыки в средневековой Средней Азии [Джумаев 1992: 47–49].

۲۳۱

سبکتی بود و آن جسم ثقیل تر باشد و ما آن ترتیب در بر طرفین که  
 ابو ریحان استخراج کرده است درین خانها بیاید و هم تا معلوم گردد  
 و الله اعلم .

رقع الطلح	جدول آلهای چهارچون وزن هر یک مثال شود		اوزان آیه		وزن	وزن	وزن	وزن
	وزن	وزن	وزن	وزن				
۶۰۶	ستاره شش	وزن	واحد	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن
۶۳۴	ستاره داربند و ششون	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن
۶۷۰	ستاره و سهجون	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن
۸۷۲	ثانیا و ثمان و سهجون	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن
۸۹۲	ثانیا و ثمان و سهجون	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن
۹۲۳	ستاره داربند و ششون	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن
۹۳۹	ستاره و سهجون و ششون	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن
۹۳۹	ستاره و سهجون و ششون	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن
۹۶۰	ستاره و سهجون	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن
۹۶۳	ستاره داربند و سهجون	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن	وزن

علم آلات الحرب

Рис. 2-5. Страницы раздела  
 о военных орудиях  
 из литографированного издания  
 энциклопедии «Джами' ал-'улум»  
 (Ташкент, 1913)

۲۳۲

درین علم نرسازارسانهای غریب که در جنگ بجای آید یا در خیمه کرد  
**اصل اول** در سخن صورتها که در دراز میان ایشان بیرون آید  
 صورتها سازند بر مثال سواران چپا و گان و در دستهای ایشان  
 سپر با و نیزه استوار کرده و میان آن صورتها از برج یا انیس رشته  
 بکشند و آن صورتها بدو نیم ساخته باشند و در یکدیگر ترکیب کرده بانها  
 زواده چنانکه دشوار ترکیب پذیرد و آسان گشاده و میان آن  
 صورتها یکدیگر را که پس بارها تر کرده آب کبریت پرورد و در حفظه  
 و نگاه آتش در وی زند و طبع فرآکنند تا آید نماید نگاه انصورتها  
 بر کردن نهند و در پیش بداند فروری که باد بروی نیزه و بگذراند  
 تا عهد نزدیک آید و آنگاه در جسم این صورتها کند نیزه یا بپوشد  
 چون خرم عدد بروی آید صورت آن یکدیگر را نشود و میان نگاه آتش  
 کرد و در وزیر و تار یک بیرون آید از چنانکه تکلیف را با آن همسر  
 نماید و سبب اینهمه عدد کرد .

**اصل دوم** در صفت آب کبریت بگرداند اگر بکبریت خالص یک جزو  
 آتشینا دو جزو آب یک جزو هر یک را جدا سازند نگاه همه را

۲۳۳

یا یکدیگر بیامیزند و در سبوهایی بر یکدیگر کنند و برنج را بریزند از نقطه  
 سفید و از زنی چند آن را سپوشند و در سبوهایی استوار کنند  
 و در میان سر کین و فن کنند و آن را مایل می کنند و میکردند و یک  
 سعی روز پس سبوهها را بکشند و باید که گوشه بی استوار کرده باشند  
 تا بوی آن بدماغ نرسد و چون سر سبوهها با یکدیگر آن آب گرم شده  
 باشد سیاه گشته آن گاه آن سبوهها را از بول بکشند و سبوهای آن  
 استوار کنند و در یکبار در میان سر کین فن کنند بی روز چهل روز  
 تا خمدل شود پس آنرا بر وزنی صافی کنند چند چهار یک آن سر که  
 بروی نند و سر دیگر بگذارند تا انصورت اول کم کنند و آنگاه سبوهها بکشند  
 اران تا وقت حاجت بکار بر بندد اگر از نایاب بر سنگ خارا برزند  
 سنگ گند شود و اگر بر تپه بریزند هم سنگند .

**اصل سوم** در خارش است این آبی است که همان عمل کند که قاروره  
 نقطه کند لکن عمل آبی تر است زیرا که قاروره جز سوزن نکند اما  
 خارش است هر چه برسد در او آید تا بمانی سوزن نکند و سبوهها  
 سخن او چنان است که از چوب که سازند طولانی و بر وی او خمی



آهنی بزنند و کربس پار باردی چسبده و نو و نقطه بروی بپسند  
و آتش دروی زنند و بسوی دشمن اندازند بر هر کجا که رسد در آویزند  
تا نسوخت جدا بخرد و صورت این است .



**اصل چهارم** در سخن چیزهای سوزنده باید که  
شسته شما سازند که در آتش و در غلافها که نواز  
ند پار با باندا زدن و سردی آن غلاف بیرون بگذارند و آنگاه ظاهر  
آنرا نقطه بکنند و کوز که در روی بکنند و چسبده و این نقطه بکنند  
و قاروره از آن بکنند آنگاه آتش در پهنه دانه زنند و بسوی دشمن  
**اصل پنجم** در تدبیر رخ سوزنده اگر خواهند که رخ سوزنده پنجم  
در پریشانند تدبیر آن است که رخ سوزنده بیاورند در پایهای آن  
رشتهای یافته در بندند و در آن رسن کربس پار و کوزه نقطه کوز  
بیاورده و کوزه بر مثال کوزه بر سوزانند و آتش دروی زنند  
و بسوی دشمن در پریشانند اگر این حالت درست انداخت  
منکر و حایل بود خاصه وقتی که شیخون خواهند کرد .

**اصل ششم** در سخن طبل و چیزهای باطل

موجود شود یکی کاسه دوم پوست که دروی او کشند و مادین  
اصل سید که اسمیم که کاسه او چون باید که بشد چینی برنده شد که بر چند  
جوهر کاسه صلب تر و خشک تر بود آواز او سخت تر باشد و این  
باطل است زیرا که هیچ جسم از آن یکسخت خشک تر نیست و معلوم است که  
اگر دو آلت سازند یکی از آن یکسخت و یکی از نیم دیگر آلتی که از آن یکسخت  
نبرد سخت تر بود از آن یکسخت و حاصل آن است که هر جسم که بر پوست  
پیش غالب برود آواز او با کوزه و کاسه تر باشد و هر جسم که طوبت  
بروی غالب بود آواز او غلیظ تر و کران تر بود چنانکه آن و مکرل و را  
زیر خود اند هر نگاه که سست بود و چون سخت تر کشند و بر غایت تیز  
کشند آواز او تیز بود و کاسه و پایدار نبود و چون میان یکسخت و آواز او  
دی تمام و باندم بود پس معلوم شد که کاسه طبل در غایت صلابت  
نباید بلکه باید که صلابت دی از نرمی دی پیش بود چنانکه آهوی سندان  
سرخ و امان که زشته خوب خندک نشاد و خوب عثمان .

**اصل هشتم** در کیفیت سخن کاسه طبل چوبی باید بر این گفت که  
گفته شد یکبار و میباش هر که در صناعت و بیج آفت بروی

نماند لکن یکبار خوب که چوبهای طبل از قوتان سخن گرفتند  
لکن آنچه از روی برزند اگر سطره نبود بر خود جنس بدین که بر دوش  
آن در طرابس بچیز بود اگر سطره باشد آوازش زود منت شود پس  
معلوم شد که کاسه طبل آن بهتر که از چوب بود اگر طبل کوهک باشد  
از یک پار و خوب کشند و اگر بزرگ بود پارهای خوب بر یکدیگر ترکیب  
کشند و باید که آن پارها برین بود آواز آن در کربس یک باندم بود  
و نسبت نگاه دار میان مقدار بزرگی و سطره او تا هر چند بزرگتر  
بود سطره تر بود و اندرون او میسند بر سطره شمشیر آهسته سووه  
روی و سووه آهسته و باید که یکانی از روی بکشد در میان آن  
کاسه نهند چنانکه در مثل کاسه بود اگر از روی کاسه سکانهای خورد  
بروی ترکیب کشند ترکیب نگاه مضر باشد و آواز در دست باز بزرگتر

**اصل نهم** در پوستی که بر طبل کشند باید که پوست صلب  
و سخت و تنگ و پاک کرده از روی باشد آواز او رسیده بود و هر چند  
پوست نرم پذیر بود آواز او بلند تر بود و صفت هر چه که یاد کرده  
شده است بکیرند و پارهای پوست بر چشود آواز او با آنچه ما ند چون

تخته پار سنگ بود پس تنگ دی برزند و در میان رنگ فنی کشند  
تا هر چه دروی دسوت بود زایل کند آنگاه در آب بچسبند و هر چه  
آهنگ برایش بود از روی برگیرند پس بافتاب خشک کنند و چند  
گرت همین تدبیر بکنند تا دروی هیچ دهنیت مانده نگاهداری بکنند  
و در سیم ماهی بگذارند و هر چه در آرزویش ماهی از آن کوفته و چیزی  
بکشند تا آنچه شود و محکم آنگاه میزند .

**اصل دهم** در موضع طبل او طبل آنگاه درست بود که در هوا آویخته باشد  
و بعد از آن بر جای او نماده بود و بعد از آن چنانچه در آب بچسبند و در سبب  
این تفاوت است هر چه می که چیزی بران زنند چون و هاس لبم دیگر بود  
آواز او درست تر بود و چون در هوا آویخته بود این معنی حاصل بشد اما آنکه  
بر حیوان بندند باید که بر پولوی آن حیوان جوال بود و چیزی که از پرمانته باشد  
برزند زیرا که چون چیزی است قوم ملاصق طبل باشد آواز طبل دروی  
گرفته شود و بدین سبب ظاهر بگردد و الله اعلم بالصواب .

**علم حساب الهندسه**  
**الاصول الطاهره**

изготовления этого инструмента. Возведенные в определенный стандарт, эти сведения могли применяться не только в Средней Азии и Иране, но и шире, наряду с распространением энциклопедии Рази. Примечательно, что некоторые дорогостоящие материалы, рекомендуемые для изготовления *табла* (эбеновое дерево, красный сандал, рубин и др.), происходили из отдаленных от Средней Азии территорий (например, Индии и Магриба).

Из наиболее часто упоминаемых в источниках функций *табла* следует назвать следующие:

- 1) военный инструмент широкого назначения, часть военного снаряжения и воинская награда (атрибут воинской славы и доблести);
- 2) инструмент, используемый во время охоты;
- 3) сольный или (чаще) аккомпанирующий инструмент в составе ансамблей для исполнения музыки с целью развлечения на массовых празднествах или получения эстетического удовольствия в разнообразных формах светского музицирования;

Помимо этого, *табл* также использовался для подачи сигналов в различных ситуациях повседневной жизни городов Средней Азии (в частности, Бухары): «Сольные усули нагоры-табла до недавнего времени использовались служителями религиозного культа в месяце Рамазане, оповещающая о времени начала и продолжительности предутренней трапезы» [Кароматов 1972: 157]<sup>7</sup>. *Табл* мог, например, участвовать в составе ансамбля для музыкального сопровождения ремонтных и строительных работ [Йазди 1972: 303а — здесь *сурнай* и *духул*].

Однако главной функцией *табла* в рассматриваемый период было его военное применение. Не ставя задачу изучения других его функций, обратим внимание на проблему, требующую отдельного исследования, а именно сходство и различие инструментов, обозначаемых термином *табл*, в двух основных сферах его применения — прикладной (военной, охотничьей и др.) и художественной.

О популярности *табла* как военного инструмента свидетельствуют исторические хроники XI — начала XIII в. Они в меньшей степени позволяют судить о конструкции инструмента и способах его изготовления, но дают представление о его функциях, сферах применения, характере звучания, типах подаваемых сигналов,

<sup>7</sup> Приведенный текст подкрепляется свидетельством Ф. М. Кароматова, которому доводилось слышать в старой Бухаре в ночное время в период Рамазана усули на *табле*: «После полуночи, на *табле* (разновидности кош-нагоры) исполнялась цепь усулей, органически связанных друг с другом и весьма разнообразных по своему построению. В ночной тиши эти усули, воспроизводимые на своеобразном и чрезвычайной богатом по тембру инструменте — *табле*, придавали всему ритуалу особую характерность. Звуки *табла* разносились так далеко, что в каждом доме (например, в Бухаре) они были слышны со всеми нюансами тембровых красок инструмента. Однако эти усули также остались незафиксированными, хотя автору этих строк приходилось их слышать еще в 1940-е годы» [Кароматов 1972: 157]. См. также: «Таково, например, было исполнение на *табле* (разновидности кош-нагоры) определенного цикла усулей (причем довольно сложного и продолжительного по протяженности времени) в каждую ночь (обычно с 12 ч. ночи до 4–5 утра) месяца Рамазана» [Кароматов 1972: 45]. Ценная информация об игре в дни Рамазана и в другие праздники в Бухаре на ударных и духовых инструментах, а также на *табле* специальных ритмических пьес и усулей (с приведением записанных образцов) приводится Н. Х. Нурджановым [Нурджанов 2001: 166–167]. По данным О. А. Сухаревой, эту функцию в дни Рамазана выполнял ансамбль *наккара-хана*, расположенный в арке: «Во время поста эта музыка должна была по ночам возвещать близость рассвета, чтобы постящиеся могли проснуться и поесть заблаговременно» [Сухарева 1966: 315].

производимом воздействии на воинов и т. п. Так, согласно «Та'рих-и Систан» (XI в.), многие боевые действия и перипетии борьбы за власть сопровождалась боем барабана (*табл*), и в паре с ним — звуками трубы (*бук*) [Та'рих-и Систан 1935: 289, 309, 311]. Звучание бывало настолько устрашающим, что нередко еще до начала сражения его исход решался в пользу стороны, обладающей такими барабанами, звуки которых наводили панический ужас на врагов [Та'рих-и Систан 1935: 289]. В военной практике сложились две основные взаимосвязанные функции *табла* и других военных инструментов — сигнальная и устрашающая. Последняя, по мнению Т. С. Вызго, сохранялась вплоть до прихода русских в Туркестан: «Карнай и нагора, как 500 или 1000 лет назад, служили средством устрашения врага» [Вызго 1980: 155].

Широкое распространение *табла* в качестве военного инструмента и в первую очередь инструмента бойцов за веру (*газийан*) имело под собой определенное юридическое основание, базирующееся на установлениях *фикха* и мнениях крупных теологов. Так, Мухаммад ал-Газали (умер в 1111 г.) в «Ихйя 'улум ад-Дин» и «Кимийа-йи са'адат» разграничил использование *табла* и других ударных и струнных (*уд*, *сандж*, *рабаб*, *чанг*, *барбат* и др.) инструментов с отдельными духовыми инструментами (*мизмар ал-ираки* или *най-и ираки*). Согласно аргументации теолога, игре на ударных инструментах (*табл*, *шахин* и *даф* с бубенчиками) отдается предпочтение по той причине, что на них невозможно исказить мелодию и звук, что в обычае у пьяных, играющих на струнных или духовых инструментах [ал-Газали 1882: 222; ал-Газали 1898: 214]. Газали признает правомерность применения *табла* в военных целях: «Бить в *табл* паломникам (*хаджийан*) и бойцам за веру (*газийан*) — сам по себе [установленный] обычай (*расм*), однако *табл* гомосексуалистов (*табл-и мухаммасан*) запрещен (*харам*)» [ал-Газали 1882: 222; см. также: ал-Газали 1898: 214]. В сочинении по ханафитскому *фикху* «Салат-и Мас'уди» Шайха Факиха Мас'уда ибн Йусуфа Самарканди (не ранее XIV в.), которое пользовалось большой популярностью среди среднеазиатских правоведов еще в начале XX в., также сообщается о правомерности «бить в барабан (*табл задан*) во время войны» [Самарканди 1896: 129]. Такое отношение к *табл*у и к другим ударным инструментам установилось уже в ранний период исламской истории, когда шли частые «войны за веру»<sup>8</sup>. При этом музыка военного *табла* воспринималась как прямая противоположность музицированию в системе *парда* — *макамата*, олицетворявшему собой изысканно-утонченное светское искусство. Из многочисленных примеров такого символического противопоставления приведу слова Са'ди Ширази [Са'ди 1959: 450]:

*Намиданад ки аханг-и Хиджази*  
*Фуру манад зи банг-и табл-и гази.*

Не знает он (невежда. — А. Дж.), что напев [в ладу] *Хиджази*  
Заглушается воплем бойцовского барабана<sup>9</sup>.

<sup>8</sup> Указания на *табл* встречаются и в народной литературе религиозно-этического содержания, например в рассказе о пророке Мухаммаде, который увидел ангелов, игравших на *таблах*, и расспросил их о причине игры [Андреев, Чехович 1963: 8–9].

<sup>9</sup> В «Гулистане» имеются термины *Хиджаз*, *Уишак* и *Хурасан*, относимые к категории средневековых ладов (*парда*, *макам*) [Са'ди 1959: 109, 154], что учтено мною при переводе данного бейта. Не исключена и предложенная Р. М. Алиевым трактовка *аханг-и Хиджази* как «хиджазского напева»,

В поэзии мусульманского средневековья *таблу* и его звучанию, а равно и другим ударным инструментам отводилась важная образно-символическая роль. С ними ассоциировался ход времени, переход из одного состояния в другое, начало (зачин) действия, уход из жизни. Они символизировали судьбу, рок, звучащую и грохочущую вселенную.

В предисламское и раннеисламское время у тюрков Средней Азии считалось, что в знамя и барабан вселяется дух хранителя рода, который оберегает войско и ведет его к победе (такая интерпретация возможна на основе описаний географами и историками арабских завоеваний Хорасана и Мавераннахра). Сходные представления хорошо известны у монголов [Хара-Даван 1992: 68, 71; Та'рих-и Систан 1974: 376–377]. Арабы — покорители Хорасана и Мавераннахра — обратили внимание на роль военных ударных инструментов у тюрков и поведение их барабанщиков во время боевых действий [ал-Балазури 1987: 15; ат-Табари 1987: 244, 252, 253]<sup>10</sup>. Тюркское наследие (использование ударных инструментов во время боевых действий, награждение ими и дарение их) могло повлиять на сложение общемусульманских взглядов на барабан и знамя как символы власти. Специальная игра на ударных инструментах получила статус официальной звуковой символики власти в различных государствах и объединениях — в Халифате, у Саманидов, у тюркских правящих династий — Караханидов, Газневидов, Сельджукидов и т. д. [см., например: Баласагунский 1983: 105; Агаджанов 1991: 37]. Барабан и знамя (бунчук и другие знаки) стали символами воинской доблести, а награждение ими в XI–XIII вв. — широко распространенным обычаем. Барабан мог быть также предметом дарения в различных ситуациях внутрисоциальной жизни и международных отношений. В «Та'рих-и Систан» сообщается о наличии барабана в составе даров монголов [Та'рих-и Систан 1974: 376–377]<sup>11</sup>. Как писал автор XII в. Фарид ад-Дин 'Уттар Нишапури [Нишапури 2007: 256]:

Раийатра ва лашкарра дирам дад,  
Баси саларра кус ва 'алам дад.

Дирамы подданным и войску он раздал,  
Многим военачальникам литавры и знамена он раздал.

Одновременно с военным использованием *табла* широко развивалась и его охотничья функция. Низами Ганджави, описывая охоту персидского царя Хосрова,

---

а *табл-и гази* как «походного барабана»: «Не знает он, что хиджазский напев заглушается громом походного барабана» [Са'ди 1959: 202]. В этом противопоставлении, по-видимому, скрыт еще один смысл — чуждость воинственного духа смиренню перед Богом в святынях ислама (расположенных в Хиджазе). Са'ди обращается к образу барабана бойцов за веру (*табл-и гази*), громогласного и пустого внутри, для характеристики невежды [Са'ди 1959: 202, 451]. В сочинении «Харистан» Маджд ад-Дин Хавафи, написанном (в 733/1333 г.) в подражание «Гулистану» Са'ди, отмечено, что «звук *табла* не имеет смысла» [Хавафи 1897: 111].

<sup>10</sup> О барабане у кочевников Казахстана см., в частности: Алланиязов 1997: 57. Автор сообщает о барабанном бое как сигнале атаки и о литаврах (*саннаджат*) у тюрков, упомянутых ат-Табари. Там же говорится о том, что военачальник отряда, помимо знака и знамени, имел небольшой барабан, подвешенный к седлу (видимо, *табл*). Разные сведения позволяют предполагать о существовании особенностей и правил использования барабана у оседлых и кочевых народов Средней Азии.

<sup>11</sup> В Бухарском и Хивинском ханствах в XVI–XVIII вв. ударные инструменты (так называемые *тулунбасы* или *тулумбасы* — тип литавр) включались в состав посольских даров, отправляемых русским царям [см.: Вызго 1970: 15].

упоминает охотничий *табл* и игрока на нем (*таблакбаз*) [Низами 1960: 522]. Занятие охотой было одним из любимых видов развлечения правителей и знатных феодалов, жизнь которых в целом протекала в рамках, определяемых понятиями *разм* и *базм*, — война, доблесть и пиры [Бертельс 1988: 393]. Можно сказать, что *табл* непременно сопутствовал этому образу жизни.

Заметные изменения в военные функции *табла* внес Эмир Тимур (1336–1405). Известно, что он широко применял в экипировке своего войска военные музыкальные инструменты, и военная музыка сопровождала все его походы и войны (свидетельства в «Зафар-наме» Шараф ад-Дина ‘Али Йазди и Шами, «Дневнике похода Тимура в Индию» Гийасаддина ‘Али и других сочинениях). Можно полагать, что Тимур провел реформу в области использования известных в его время военных инструментов. Он упорядочил и систематизировал их применение, закрепил эти правила в приписываемом ему сочинении «Уложение», в разделе «Правила раздачи литавр и знамен» (перевод в моей редакции. — А. Дж.): «Я повелел каждому из двенадцати эмиров предоставить знамя и литавры (*наккара*): верховному эмиру — знамя, литавры (*наккара*), *туман-туг* и *чар-туг*; тысячному — *туг* и трубу (*нафир*); сотнику и десятнику — *табл*; эмиру каждого племени — почетный знак; каждому из четырех *бекларбеги* — знамя, литавры (*наккара*), *чар-туг* и почетный знак.

Эмира, рассеявшего вражеское войско или завоевавшего какое-либо государство, если он имел чин первого эмира, следует возвести в ранг второго эмира, второго эмира — в ранг третьего эмира, третьего — в ранг четвертого, и таким образом до одиннадцатого, которого надобно возвести в ранг двенадцатого эмира и предоставить ему знамя, *туг* и литавры (*наккара*). Так, первому эмиру предоставить один *туг*, второму — два, третьему — три, четвертому — четыре *туга* и литавры (*наккара*), дабы они стремились получить *туман-туг* и *чар-туг*» [Уложение Тимура 1999: 202–203].

Инструменты в «Уложении» рассматриваются двояко:

1) как обязательный атрибут определенных воинских подразделений и их командующих;

2) как средство поощрения — символ воинской доблести.

В основе предписаний лежит идея иерархии военных инструментов при их распределении. В реальной военной практике, отраженной в источниках, главными являлись, по-видимому, два родственных ударных инструмента, представлявших тип больших литавр. Один из них — это старые персидские литавры, обозначаемые традиционным словом *кус*; второй — аналог *куса*, пришедший из тюрко-монгольского военного дела и обозначаемый чагатайским термином *курке* (*кюреке*). *Кус* (в переводе обычно «большой царский барабан») [см.: Гийасаддин ‘Али 1958: 141, 148, 158, 164; Гияс-ад-дин Али 1915: 146, 153, 164, 173]<sup>12</sup> и *курке* занимали самое высокое положение. После них следовали *наккара* (*нагара*), затем — *табл* и остальные ударные и духовые инструменты. Таким образом, значение *табла* было понижено, что отразилось на его статусе как награды (знака) за воинскую доблесть, а в соответствии с этим уменьшилось количество ссылок на него в исторических хрониках, освящающих эпоху Тимура (см. ниже). В то же

<sup>12</sup> В средневековых сочинениях встречаются названия «шахский барабан» — *табл-и шахи* (см. у ‘Атаулла Махмуда Хусайни, XV в. [Мусульманкулов 1983: 54]) и «шахские литавры» — *куси шохи*, *куси шах* [Навоий 1991: 107; Навоий 2000: 28].

время штатный ансамбль для военных и официальных церемоний — символ власти Эмира Тимура — был известен под названием *таблхана* [Йазди 1972: 477б, 484а].

*Курке* или *кус* — «большой царский барабан» — был личным инструментом Тимура и имел особый статус. Этот инструмент и знамя (*кус ва ‘алам*) — как символы власти Тимур, как известно, получил из рук своего духовного наставника Сайида Барака в 1370 г. вместе с благословением на покорение Мавераннахра [Йазди 1972: 136а; Бартольд 1915: 26]. Общую картину дополняет обряд посмертного обращения с барабаном Тимура, а еще ранее — с барабаном его умершего внука Мухаммед-Султана. Барабан Тимура у Йазди назван *курке-йи хасс* — «особый (шахский) барабан» [Йазди 1972: 486б–487а]. Этот эпизод хорошо известен в передаче В. В. Бартольда: «После этого был выполнен тот же обряд, как во время поминок по Мухаммед-Султане в Онике: с плачем принесли собственный барабан Тимура; барабан своими звуками принял участие в траурной церемонии, потом кожу его разрезали, чтобы он никому больше не служил» [Бартольд 1964: 445 — ссылка на «Зафар-наме», II, 714; там же: 437 — о такой же участи барабана умершего Мухаммед-Султана].

Сведения о награждении из «Уложения» подкрепляются данными исторических хроник. Так, в различных эпизодах «Зафар-наме» фигурирует следующий набор наград-даров: *туг, табл, ‘алам и наккара* [Йазди 1972: 358б], а общее количество упомянутых военных инструментов достигает десяти наименований: ударные — *курке, кус, наккара, табл*; духовые — *карнай, нафир, бук, сурнай, бургу*. Если расположить их по принципу «индекса цитирования» в хронике Йазди, то картина будет выглядеть следующим образом: на первом месте по количеству упоминаний будет *курке*, затем *кус* и далее *бургу, наккара, карнай, нафир, табл, бук, сурнай*.

В позднесредневековой Средней Азии отношение к *таблу* продолжает меняться. Из письменных источников видно, что в Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах *табл* как военный инструмент постепенно выходит из употребления. По всей видимости, в XVIII–XIX вв. его уже не было в составе ансамбля *наккара-хана* в Бухаре и бекствах Бухарского эмирата<sup>13</sup>. Здесь фигурирует *наккара (нагора)*, старые экземпляры которой и ныне хранятся в Музее Арка (Бухарском государственном архитектурно-художественном музее-заповеднике) — бывшей резиденции бухарских эмиров. С приходом русских (и при участии русских военнопленных) создается новый тип военного оркестра для эмирских войск, в котором появляются барабаны европейского и турецкого образцов, а также другие ранее неизвестные ранее инструменты [Троицкая 1953: 213; Вызго 1970: 54; Вызго 1980: 156; Кароматов 1972: 54–55; Кароматов 1973: 305; Нурджанов 2001: 168–171]. Они в определенном смысле приходят на смену *таблу* либо применяются наравне с ним. Надо полагать, что в позднем средневековье прекращается и традиция награждения ударными инструментами за воинскую доблесть.

<sup>13</sup> Впрочем, в некоторых среднеазиатских источниках XVIII в. встречается термин «военный барабан» (*табл-и джанг*) [см.: Нишотий 1967: 227]. В более позднее время *табл* был известен под разными наименованиями (у узбеков и таджиков чаще как *чиндаул*) и ассоциировался у приезжавших в регион русских и западных европейцев с разновидностью литавр, что зафиксировано в этнографической и исторической литературе [Эйхгорн 1963: 193; Вызго 1980: 152]. *Чиндаул*, так же как и тарелки, вышел из употребления к началу XX в. [Вызго 1980: 152].

Вместе с тем *табл* сохранял свое значение для охоты и в этом качестве был известен в разных модификациях. В эпоху Фахр ад-Дина Рази и позднее, при Тимуридах и последующих династиях в Мавераннахре и Хорасане, существовала должность *таблбаз* (буквально: «играющий на *табле*»), подразумевающая участника охоты. Этим же термином мог обозначаться и сам инструмент [Васифи 1961: 326–329]. К свидетельству Низами о *таблбазе* можно, к примеру, добавить имя Эмира Ханзада Хашима, происходящего из сайидов Термеза и известного как Таблбаз [Сам Мирза № 57: 35а–35б]. Его выступления на маджлисах в качестве певца и танцора говорят о том, что профессия *таблбаза* требовала соответствующих музыкальных способностей.

Подробное описание разновидностей охотничьего *табла* позднего времени дал знаток художественных ценностей исламской культуры А. А. Семенов. Оно позволяет сопоставить данный инструмент с описанием Фахр ад-Дина Рази: «В Средней Азии до самого предреволюционного времени существовали охотничьи барабаны (*табль*), использовавшиеся во время охоты за птицами. У обычных рядовых охотников они бывали в форме небольших глиняных втулок в виде усеченного конуса. На основании барабана вершков пять в диаметре натягивался пузырь, который жилами прикреплялся к противоположному концу; жилы образовывали плотную сетку на глиняной поверхности тела барабана. Петлей из жил на одной из сторон барабан крепился к седельной луке. Пара таких барабанов помещалась перед всадником по обе стороны от седла. Охотник выезжал в прибрежные камыши или степные травянистые заросли и, выбивая на барабанах палочками дробь, выпугивал птиц, на которых тут же спускались ловчие птицы (соколы, ястреба и проч.). Нередко пользовались одним барабаном, но побольше, который прикреплялся справа от седельной луки<sup>14</sup>.

У знатных лиц тело барабана обычно было медное или вороненой стали. Пузырь или чаще темная, очень хорошо выделанная козья кожа натягивалась на барабан и закреплялась у шейки конуса. Металлическая часть барабана покрывалась резным узором. Надписей мне не приходилось видеть, но они, несомненно, были. Тот же придворный поэт Абдулла хана Мушфики написал газель для охотничьего барабана своего повелителя, который приказал воспроизвести ее по краю барабана золотой насечкой» [Семенов 1980: 19–20]<sup>15</sup>.

<sup>14</sup> В Казахстане охотники также традиционно использовали притороченный к коню барабан для испугивания птиц. Т. С. Вызго дает описание подобного барабана (очевидно, *табла*), приводя для него различные наименования в Средней Азии и опираясь на сохранившиеся музейные экземпляры: «Имела распространение и литавра с медным (бронзовым) котлом в форме перевернутого шлема и кожаной мембраной, по которой ударяли рукой или плетью. Прикрепляли ее к седлу впереди всадника, использовали как сигнальный инструмент на войне и во время соколиной охоты. Узбеки и таджики называли такую литавру чиндаул, казахи даулпаз, киргизы — даулбас» [Вызго 1980: 152].

<sup>15</sup> А. А. Семенов приводит персидский текст и перевод на русский язык газели Мушфики. Традиция нанесения текста газели на охотничий барабан была известна и прежде, в частности, она зафиксирована Зайн ад-Дином Васифи у ранних Шейбанидов. Три газели, сочиненные Васифи по такому поводу, содержали строки, восхваляющие достоинства *таблов* (Васифи в отношении этого инструмента применяет термин *таблбаз*; см. также у Алишера Навои) [Васифи 1961: 326–329; Навоий 1997: 154]. А. Н. Болдырев отметил недостаточную ясность этого эпизода у Васифи, так как «размер газелей (7–8 бейтов) как будто бы исключает возможность нанесения столь большого текста на и без того расплывчатые уже бубны» [Болдырев 1940: 242]. Причина, по-видимому, в том, что русское слово «бубен», применяемое при переводе термина *таблбаз*, создает совсем иной органологический образ инструмента, на котором действительно, нет места для нанесения текста газели. В то же время изображения и описания охотничьих и сигнальных барабанов с чеканным узором позднего времени из Бухары

Описание инструмента *табл* в энциклопедии Рази, несмотря на свою лаконичность, содержит важную информацию о предмете нашего рассмотрения. Достаточно подробно перечислены отдельные атрибуты *табла*. Например, большим количеством характеристик наделен его звук: сильный, высокий, низкий, грубый, тонкий, короткий и т. д. В этом вопросе (звук и его определения) Рази опирается на теоретические знания, разработанные в науке о музыке. В то же время в его тексте имеются лакуны относительно некоторых деталей конструкции *табла*. В частности, автор энциклопедии не указывает, какой именно вид кожи используется для инструмента. Однако, судя по характеристикам кожи и технологии ее обработки (твердая, жесткая, наличие волос, жирность и т. п.), это могла быть кожа быка или коровы<sup>16</sup>.

Из описания Рази следует, что не существовало строгих предписаний в отношении размеров *табла*, но по своим общим параметрам выделялись два основных вида — маленький (*кучак*), изготовлявшийся из одного куска дерева, и большой (*бузург*), собранный из нескольких подобранных по размеру и внешнему виду деревянных частей. Рази дает описание только деревянного *табла*, попутно отмечая возможность изготовления инструмента из металла. Это замечание позволяет говорить о возможном различии *таблов* по материалу изготовления на металлические (получаемые путем литья) и деревянные. Изготовление последних было предпочтительней, о чем и свидетельствует текст Рази. Однако недолговечность материала (дерева) и его незащищенность от огня и разного рода разрушительных действий ограничивали возможности его сохранения. Мне неизвестны сохранившиеся экземпляры деревянных *таблов* средневекового времени, которые позволяли бы судить о них более предметно путем сопоставления их параметров с описанием Рази.

Как бы там ни было, в музейных и иных собраниях Узбекистана и России сохранилось несколько старых *таблов*, корпус которых изготовлен из металла. Один из них хранится в коллекции музыкальных инструментов из Центральной Азии, собранных в последней трети XIX в. известным музыкантом, капельмейстером Августом Эйхгорном (ныне в собрании Всероссийского музейного объединения музыкальной культуры имени М. И. Глинки). Он кратко описан в каталоге А. Эйхгорна [Эйхгорн 1963: 193, № 35]. Три других инструмента известны мне по фотографиям и кратким описаниям, приведенным в различных изданиях, посвященных искусству среднеазиатской орнаментальной чеканки по металлу (рис. 6–8; см. также примеч. 15). Из этого числа один *табл* — из собрания Краеведческого музея города Ангрена в Узбекистане — стал объектом специального музыковедческого исследования [Вызго 1980: 152] (рис. 8). Все четыре *табла* датируются поздним временем (XIX — началом XX в.) и имеют несомненное типологическое сходство. Несмотря на позднюю датировку, они могут дать некоторое представление о средневековом *табле*, дополняя описание последнего в нашем источнике его возможным визуальным образом.

и Ангрена уже неоднократно приводились в публикациях [Сергеев 1960: 34, табл. 12, а также с. 17, 52; Абдуллаев 1974: 71–72; Вызго 1980: 152, ил. 93–94] (рис. 6–8).

<sup>16</sup> В источниках встречаются сведения о применении для изготовления ударных инструментов кожи быка. Так, по данным словаря Хафиза Убахи (составлен в первой половине XVI в.), кожа быка (*пуст-и гав*) натягивалась на одну из разновидностей инструмента *кус*, «и такой огромный *табл*, в который воины бьют во время войны, имеет устрашающий звук (*аваз-и сахгин дарад*)» [Убахи 1992: 95].

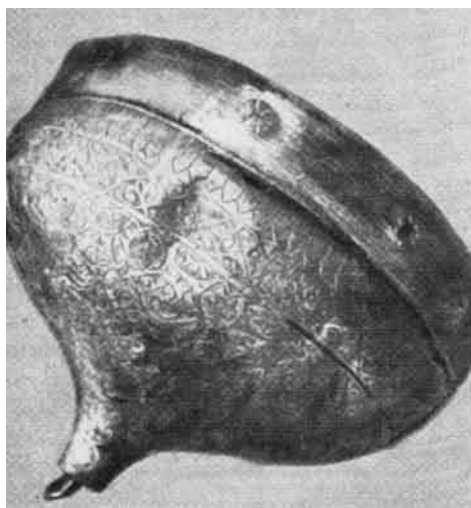




**Рис. 6.** Таул (таул) — охотничий барабан (Бухара, XIX в.) [по: Сергеев 1960: 34, табл. 12] (место хранения не указано)



**Рис. 7.** Таул (довул), изготовленный в начале XX в. бухарским мастером Облоёром Юлдашевым [по: Абдуллаев 1974: 71–72] (место хранения не указано)



**Рис. 8.** Таул (чиндаул) из коллекции Краеведческого музея города Ангрена [по: Вызго 1980: 152, ил. 93, 94]

НАУКА ОБ ОРУДИЯХ ВОЙН.  
ПЕРЕВОД С ПЕРСИДСКОГО И ПРИМЕЧАНИЯ<sup>17</sup>  
[С. 332] В этой науке упомянем о девяти орудиях из [числа]  
необычных орудий, применяемых на войне [...]

Глава шестая  
Об изготовлении *табла* [л. 285а, с. 334]

Необходимы две вещи для того, чтобы осуществился *табл*: [С. 335] первая — чаша (*каса*) и вторая — кожа (*пуст*), которая на нее натягивается. И в этой главе мы покажем, какой должна быть его чаша. Некоторые<sup>18</sup> полагают, что [чем] тверже (*салабтар*) и суше (*хушктар*) свойства чаши, [тем] сильнее<sup>19</sup> будет звук инструмента<sup>20</sup>. И это — ложное [мнение], потому что ни одно вещество (*джисм*)<sup>21</sup> не является более сухим, чем стекло, [но] известно, что если изготовить два инструмента — один из стекла, а другой — из [Л. 285б] другого материала, то звук инструмента, созданного не из стекла, будет сильнее [звука] того, что [изготовлен] из стекла.

И получается так, что во всяком теле, в котором преобладает жесткость<sup>22</sup>, звук будет тоньше (*бариктар*) и короче (*кутахтар*), а во всяком теле, в котором

<sup>17</sup> Для перевода раздела о *табле* и подготовки вводной статьи были использованы:

1) рукопись сочинения Фахр ад-Дина Рази «Хадаик ал-анвар фи хакаи ал-асрар» из собрания ЦВРБ (№ 2671; главы о *табле* — л. 285а–287б). Список датирован 1113/1702 г. [см.: Семенов 1955: 413–414];

2) ташкентское литографированное издание энциклопедии (главы о *табле*) [Рази 1913: 334–337].

Другие списки «Джами<sup>с</sup> ал-‘улум», хранящиеся в ЦВРБ (№ 415/1, №5514, №10287, № 10583/VII), не содержат раздела о военных инструментах. В оглавлении рукописи № 10287 перечислены «Алат ал-харб» и «Ал-мусики» (л. 3б), однако в самом тексте они отсутствуют по причине его неполноты. Не содержит данных разделов и один из старейших списков «Джами<sup>с</sup> ал-‘улум» в собраниях СНГ — рукопись № С 612 в ИВР РАН (датируется 1265 г.).

Отдельные существенные разночтения между текстами рукописи № 2671 и литографией приводятся в примечаниях к переводу. Указания на страницы и листы даются внутри текста в квадратных скобках. Музыкальные термины, слова и выражения на персидском и арабском языках приводятся как внутри текста в круглых скобках, так и — в случае их дополнительного объяснения — в примечаниях. В обоих случаях они даются курсивом в транслитерированном виде, но без применения дополнительных надстрочных и подстрочных элементов.

<sup>18</sup> «Некоторые» — *джамат*. Другие значения: собрание, толпа, общество и т. п. Слово «некоторые» логичнее сочетается с глаголом во множественном числе «полагают» («некоторые полагают»). В рукописи глагол дается в прошедшем времени [Рази № 2671: 285а]. Речь идет, по-видимому, о точке зрения по вопросу изготовления *табла*, отраженной в каких-то сочинениях по музыкальной науке либо бытовавшей в устной форме. См. у Фахр ад-Дина Рази сходные формы (*джам<sup>с</sup> и дигар*, *джамат* *ати арифан*, *джамат* *ати гуфта* и т. п.) при изложении взглядов групп людей в описании других наук [Рази 1913: 20–21, 77, 212, 281].

<sup>19</sup> Мы переводим слово *сахттар* как «сильнее», что соответствует рассматриваемому вопросу и подтверждается дальнейшим текстом. Оно нехарактерно при описании звука инструмента в трактатах о музыке. См. ниже это слово применительно к натяжению струны.

<sup>20</sup> В тексте буквально: «его звук» (*аваз-и у*).

<sup>21</sup> Обычно слово *джисм* переводится как «тело», «физическое тело».

<sup>22</sup> «Жесткость» — *йубуст*. Другое (первое) значение этого слова — «сухость», которое, однако, не подходит здесь по контексту (в сравнении со струной).

преобладает мягкость<sup>23</sup>, звук будет грубее (*гализтар*) и ниже<sup>24</sup>, подобно тому, как у той струны, которую называют *зир*<sup>25</sup>, всякий раз, когда она бывает слабой [по натяжению]. А когда ее натянут сильнее и сделают очень тонкой, [то и] звук ее станет высоким (*миз*) и не будет коротким (*кутах*) и твердым (*паидар*). А когда возьмут среднее<sup>26</sup>, то звук ее будет полным (*тамам*) и стройным (*ба андам*).

Таким образом, очевидно, что чаша *табла* не должна [иметь] чрезмерную твердость, но нужно, чтобы твердость ее была больше ее мягкости (*нарми*), подобно тому, как у эбена и красного сандала<sup>27</sup> и следующих за ними [по качеству] — дерева белого тополя, самшита и дерева *уннаб*<sup>28</sup>.

<sup>23</sup> «Мягкость» — *рутубат*. Первое значение этого слова — «влажность», «сырость», а затем — «мокрый», «свежий», «молодой», «нежный» и т. п. Мы перевели его близким по смыслу словом «мягкость», учитывая два момента: 1) необходимость наличия антонима — смысловой оппозиции к слову «жесткость» (жесткость — мягкость); 2) соответствие приведенному далее примеру со струной, которая не может быть влажной (сырой), но может быть мягкой или жесткой.

<sup>24</sup> «Низкий» (а также — «тяжелый») — *гиран*. Это слово применяется у Фахр ад-Дина Рази в первой и второй главах раздела о музыке, где под ним понимается низость звука. Приведенное здесь объяснение причин низости и высоты звука на струне близко к объяснению в разделе о *табле* [ср.: Рази № 2671: 313а–314а; Рази 1913: 372]: «Основа первая. О сущности звука и его разновидностях. [...] Знай, что звуки бывают то громкие (*баланд*), то тихие (*ахисте*), то высокие (*миз*), то низкие (*гиран*). И причиной различия тонов является низость и высота [*сикл ва хиддат*] [звуков], потому что, когда звуки соотносятся (*мутанасиб*) [как] высокие и низкие, [то также] соотносятся и тоны, а если не будет [этого] соотношения, — то не будут соотносенными и тоны». «Основа вторая. О причинах высоты и низости звука. [...] Знай, что нет лучшего способа, которым можно постигнуть знание о низкости и высоте звуков, чем по длине струны и ее короткости, ее твердости и мягкости, потому что всякий раз, когда длина струны больше и она мягче, звук будет ниже, и всякий раз, [когда она] короче и тверже, звук будет выше. Следовательно, соотношение высоты [звука] какой-либо струны с высотой [звука] другой какой-либо струны подобно соотношению длины и [степени] натяжения той [первой] струны с длиной и [степенью] натяжения второй струны. Следуя этому знанию, будет легко [определить] таким способом градации звуков (*маратиб-и авазха*)». Из контекста очевидно, что твердость струны (о которой пишет Рази) зависит от степени ее натяжения.

<sup>25</sup> *Зир* — персидское слово, принятое в качестве термина в музыкальной науке, начиная с IX в. для обозначения самой тонкой струны на музыкальном инструменте (обычно на *уде*, *барбате*, *танбуре* и др.).

<sup>26</sup> «Возьмут среднее» (*мийана баргиранд*); по-видимому, имеется в виду степень натяжения струны *зир* — среднее между слабым и чрезмерно сильным натяжением. Возможен и другой, менее вероятный, смысл: «взять», т. е. ущипнуть или ударить посередине струны.

<sup>27</sup> В ташкентской литографии «эбен» (эбеновое или черное дерево — *абнус*) и «красный сандал» не разграничены (отсутствует соединительный союз *ва*). Бируни сообщает о трех видах эбена — черном, желтом и красном [Беруни 1973: 155]. В «Науке о толковании снов» («*илм ат-та'бир*») Рази косвенно указывает на индийское происхождение эбенового дерева (*чуб-и абнус*), приводя толкование связанного с ним эпизода («Абнус — доказательство того, что тот раб — [выходец] из Индии») [Рази 1913: 214]. У красного сандала «нет запаха» и он применялся, в частности, «для вырезания различных принадлежностей», среди которых — коробочки для благовоний, шахматные фигурки, кубики нарда и т. п. [Беруни 1973: 600–602]. Согласно «Худуд ал-'Алам» (X в.), красный сандал (*сандал-и сурх*) происходил во множестве из области Салуфин (Салукиин) в Хиндустане, а эбеновое дерево — с острова Джазират-ул-Фазза в Восточном (Индийском) океане и из трех городов в Египте, называемых Ашмунайн (Аш'унайн), Ахмим и Булайна [Худуд ал-'Алам 1983: 71; 18, 177; см. также в таджикском издании: Худуд-ул-олам 1983: 50, 20, 104].

<sup>28</sup> «Дерево белого тополя» — *хаданг* — *Populus alba*. Согласно персидскому толковому словарю «Бурхан-и кати'» (составлен в 1652 г.), «*хаданг* по образцу [слова] «*паланг*» — название очень твердого дерева, из древесины которого изготовляют копьё, стрелы, седло лошади» [Бурхан-и кати' 1888: 362]. Аналогичные сведения в «Гийас ал-лугат» Гийас ад-Дина Рампури: *хаданг* — это «дерево, древесина которого необычайно твердая, чистая и прямая, так что чаще всего из его древесины изготовляют стрелы. Поэтому в переносном смысле, [*хаданг*] — название стрелы. Из [словарей]

## Глава седьмая Об обстоятельствах изготовления чаши *табла*<sup>29</sup>

[Для чаши] необходимо дерево такого качества, как [Л. 286а] было упомянуто [выше], — одним куском и с искусственно (*ба сина'ат*) выделанной у него пустой внутренностью<sup>30</sup>, и [чтобы] не было на нем [С. 336] никакого изъяна. Однако<sup>31</sup> один [цельный] кусок дерева [такого качества из упомянутых] деревьев, из которого можно изготовить *табл*, удастся [найти] с трудом. И потому<sup>32</sup>, некоторые<sup>33</sup> берут [для] изготовления [твердое дерево] или то, из чего он будет отлит<sup>34</sup>. Если [чаша] не будет толстой (*ситабр*), то будет вибрировать сама по себе, и ее края (*хаваш*) придут в волнение<sup>35</sup>, а его [*табла*] звук среди этой вибрации и волнения станет непригодным. А если [чаша] будет толстой, то его [*табла*] легкий звук понизится<sup>36</sup>.

Таким образом, очевидно, что лучше, если чаша того *табла* будет [изготовлена] из дерева. Если *табл* маленький, то [его] изготавливают из одного [цельного] куска дерева, а если большой, то части дерева складывают друг с другом. И необходимо, чтобы те части были [Л. 286б] далеки от изъяна<sup>37</sup>, а их составление было хорошим по виду<sup>38</sup>. И сохранял [бы] соотношение между большим размером и его толщиной с тем, чтобы, насколько [он] будет больше, настолько [должен] быть и толще.

Му'аййид, Кашф, Мадар, Бурхан, Рашиди и Сирадж. И разновидность маленькой стрелы» [Рампури 1905: 185].

«Самшит» — *шумиад*, *шимиад* — *Vixus*. Рампури приводит различные мнения об этом дереве (с написанием *шимиад*), указывая на его особую твердость и принадлежность к разновидности кипариса [Рампури 1905: 297]. А. А. Семенов переводит данный термин как «самшитовое дерево»; из него изготавливались персидские чубуки, ложки и другие предметы [Семенов 1980: 11]. Из древесины самшита изготавливались различные предметы, требующие особой прочности — ткацкие челноки, клише, подшпинники, шахматы, пуговицы и т. п., в том числе и музыкальные инструменты [МСЭ: т. VIII, 173]. Иногда словом *шумиад* (*шимиад*) обозначалось также дерево бук.

Об *уннаб* см. у Бируни, где приведена одна из идентификаций этого дерева — *джида*; у жителей Ферганы — *санджид-и джилан* [Бируни 1973: 651].

<sup>29</sup> *Дар кайфийат-и сахтан-и касат-и табл*. Следующее в конце слово *чуби* может быть отнесено к заголовку главы (в этом случае: *табл-и чуби* — деревянный *табл*) либо к началу фразы. Я следую второму варианту. Слово *кайфийат* можно также понимать как «особенности».

<sup>30</sup> *Мийанаши*, буквально: «внутри него», «его внутренность». *Тухи* или *тихи* — «пустой», «порожний» и т. п.

<sup>31</sup> Весь фрагмент, начиная с «однако» и до «звук станет не легким», имеет иную, сокращенную, редакцию в ташкентской литографии: «Однако возьмут ли один кусок дерева из [упомянутых видов] деревьев, из которого можно изготовить *табл*, или то, из чего он будет отлит, [и] если [он] не будет толстым, то будет вибрировать сам по себе, и его края от волнения будут [ни на что] не годными» [Рази 1913: 336].

<sup>32</sup> «И потому» — в тексте буквально: «И отсюда» (*ва аз инджа*).

<sup>33</sup> «Некоторые» — в рукописи *кавми* [Рази № 2671: 286а]. Это слово в значении «некоторые» как выразители определенной точки зрения (иногда также как «народ», «группа») Рази применяет при изложении и других наук [Рази 1913: 20, 93, 94, 114, 132, 172, 201, 366, 401, 418].

<sup>34</sup> «Или то, из чего он будет отлит», т. е. имеется в виду металл, из которого может быть изготовлен *табл*.

<sup>35</sup> «Будет вибрировать» — *джанбидан гирад*; буквально: «получит шевеление, движение».

<sup>36</sup> «Легкий» — *зуд*; другое значение — «быстрый». В данном контексте, по-видимому, тембровое качество, близкое к «звонкости», так как на звук барабана большое влияние оказывает корпус, обладающий функцией резонатора. В рукописи и литографии этот текст имеет различия. Мы следуем версии рукописи как логически более приемлемой: *Ва агар ситабр башад авазаш зуд наст шавад*.

<sup>37</sup> «Далеки от изъяна» — *аз афат дур*. В ташкентской литографии: «защищенными [буквально: безопасными] от изъяна (*афат*)» [Рази 1913: 336].

<sup>38</sup> Иначе говоря, «хорошо сложенным», т. е. должна быть соблюдена пропорция частей, из которых собирался *табл*.

И его внутренность смазывают рыбьим клеем, смешанным с порошком бронзы и порошком стекла<sup>39</sup>. И необходимо, чтобы на середину той чаши нанесли измельченный рубин<sup>40</sup>, так чтобы [он] был на самой нижней части чаши. А если смешают мелкий рубин с бронзой и [нанесут] по окружности чаши крепким составом (*маркиби мухкам*) с тем, чтобы не вибрировали [края], то звук (*аваз*) станет лучше (*дурусттар*)<sup>41</sup>. А Аллах знает лучше.

## Глава восьмая О коже, которая натягивается на *табл*

Необходимо, чтобы кожа [выбиралась] твердой и жесткой, тонкой<sup>42</sup> и очищенной от волос с тем, чтобы звук ее был ровным<sup>43</sup>. И сколько бы не была ударяемой [такая] кожа, звук ее [от этого] [Л. 287а] будет выше (*баландтар*).

И берут рыбий клей [такого] качества, о котором упоминалось, и куски кожи отмеряют по ее долям и частям<sup>44</sup> до тех пор, пока не останутся части, у которых [С. 337] поверхность будет тонкой. Затем ее обсыпают солью и закапывают в песок с тем, чтобы исчезло все, что в ней было жирного (*дусумат*). После того варят в воде, и [таким способом] извлекают из нее все, что [относится к] пене (*кафак*) и соли<sup>45</sup>. Затем сушат на солнце. И эту процедуру повторяют несколько раз, пока в ней не останется никакой жирности. Затем ее мелко<sup>46</sup> выбивают. И растопляют рыбий клей, и из каждой части рыбьего клея наносят<sup>47</sup> по той отбитой коже две части с тем, чтобы [клей] смешался [и стал] прочным; затем применяют [по назначению]<sup>48</sup>.

## Глава девятая О месторасположении *табла*

Звук *табла* будет хорошим тогда, когда [Л. 287б] он будет подвешенным в воздухе; а после того [важно], то, как он будет расположен на своем месте; и после

<sup>39</sup> «Рыбий клей» — *сиришум*. Этим словом обозначается также клей, получаемый из кожи. В начале Рази не поясняет, какой именно вид клея имеется в виду, и мы следуем первому значению слова *сиришум* — рыбий клей. Однако ниже Рази уточняет вид клея, добавляя к *сиришум* слово *махи* (рыбный). О видах клея во времена Рази см., в частности: Беруни 1973: 664–665. «Бронза» — *руй*; об этом термине и составе бронзы см.: Беруни 1973: 609. «Стекло» — *абгина*.

<sup>40</sup> «Измельченный рубин» — *пайкани аз руи рихта*. В старых словарях словом *пайкани* обозначались также разновидности нашатыря, кусочки (части) яхонта [Рампури 1905: 106].

<sup>41</sup> «Не вибрировали» — в оригинале буквально — «не волновались», от *музтариб шудан* — волноваться, беспокоиться.

<sup>42</sup> В литографии — «тонкий» — *танг*, что согласуется с другими перечисленными качествами кожи (твердая, жесткая, очищенная от волос). Это качество, как необходимое, подчеркивается и далее. В рукописи № 2671 — вместо *танг* — *ник* — «хороший».

<sup>43</sup> «Чтобы звук ее был ровным» — буквально — «текучим» — *раванда*.

<sup>44</sup> «И куски кожи отмеряют по ее долям и частям» — речь идет, по-видимому, о сортировке и отборе тех участков из целой кожи животного, которые наиболее подходят для *табла*. К таковым, как это следует дальше, относятся части кожи, обладающие наибольшей тонкостью.

<sup>45</sup> «Соль» — *джариш*. О слове *джариш* см. в арабо-персидском словаре XVII в. «Мунтахаб ал-лугат» [Мадани 1871: 122].

<sup>46</sup> «Мелко»: в литографии — *хурд*; в рукописи — *хурдаи*.

<sup>47</sup> «Наносят» — *бар миафканд*; буквально: «бросают».

<sup>48</sup> Смысл данной процедуры с рыбьим клеем заключается, по-видимому, в том, что клей наносился на кожу дважды, т. е. после некоторого высыхания первого слоя на него добавлялся второй. Последовательное нанесение двух слоев клея применяется в современных технологиях склеивания кожи и других материалов.

всего этого — как он будет подвешен на животном. И причина этого различия такова: всякое тело, по которому чем-либо бьют, когда оно не соприкасается с другими телами, звук его будет лучше, и [следовательно] когда [*табл*] будет подвешенным в воздухе, образуется это значение.

Что касается того [случая], когда привязывают на животном, то необходимо, чтобы на боку того животного был футляр<sup>49</sup>, и привязывают что-нибудь, сделанное из шерсти, потому что когда имеется что-нибудь вялое для поддержания соединенного [с ним] *табла*, [то] звук *табла* в нем задерживается и по этой причине не проявляется<sup>50</sup>.

А Аллах знает [лучше] по праву.

## Литература

- Абдуллаев 1974: *Абдуллаев Т.* XIX–XX асрларда ўзбек кандакорлиги. Тошкент.
- Агаджанов 1991: *Агаджанов С. Г.* Государство Сельджукидов и Средняя Азия в IX–XII вв. М.
- Алланиязов 1997: *Алланиязов Т. К.* Очерки военного дела кочевников Казахстана. Алматы.
- Андреев, Чехович 1963: *Андреев М. С., Чехович О. Д.* Чанд хикаят-и фарси. Пособие для обучающихся чтению рукописей на таджикском языке. Переписал каллиграф А. Мурадов (на правах рукописи). Ташкент.
- ал-Балазури 1987: *ал-Балазури.* Завоевание Хорасана / Пер. Г. Гоибова. Душанбе.
- Баласагунский 1983: *Юсуф Баласагунский.* Благодатное знание / Изд. подг. С. Н. Иванов. М.
- Бартольд 1964: *Бартольд В. В.* О погребении Тимура // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II. Ч. 2. М.
- Бертельс 1988: *Бертельс Е. Э.* Персидская поэзия в Бухаре X в. // Бертельс Е. Э. Избранные труды. История литературы и культуры Ирана. М.
- Беруни 1973: *Абу Райхан Беруни (973–1048).* Избранные произведения. Т. IV: Фармакогнозия в медицине (Китаб ас-сайдана фи-т-тибб) / Исследование, пер., примеч. и указат. У. И. Каримова. Ташкент.
- Болдырев 1940: *Болдырев А. Н.* Мемуары Зайн-ад-Дина Восифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV–XVI веков // ТОВЭ. Т. II.
- Бурхан 1888: *Мавлави Мухаммад Хусайн б. Халаф Бурхан.* Бурхан-и кати'. Т. I. Лакхнау.
- Васифи 1961: *Зайн ад-Дин Васифи.* Бадаи' ал-вакаи' / Критич. текст А. Н. Болдырева. Т. I. М.
- Вызго 1970: *Вызго Т. С.* Развитие музыкального искусства Узбекистана и его связи с русской музыкой. М.
- Вызго 1980: *Вызго Т. С.* Музыкальные инструменты Средней Азии. Исторические очерки. М.
- ал-Газали 1882: *Мухаммад Абу Ахмад Мухаммад ибн Мухаммад ибн Мухаммад ал-Газали.* Кимийа-йи са'адат. Бомбей.
- ал-Газали 1898: *Мухаммад Абу Ахмад Мухаммад ибн Мухаммад ибн Мухаммад ал-Газали.* Ихйа' 'улум ад-Дин. Каир.
- Гаффаров 1976: *Гаффаров М. А.* Персидско-русский словарь / Под ред. Ф. Е. Корша. Т. I. М.
- Гияс-ад-дин Али 1915: *Гияс-ад-дин Али.* Дневник похода Тимура в Индию. С приложением соответствующих отрывков из «Зафер-намэ» Низам-ад-дина Шами / Издание Л. А. Зимины, под ред. В. В. Бартольда. Петроград.

<sup>49</sup> «Футляр» — *джувал*; другие значения — «мешок», «кулек», «куль» [Гаффаров 1976: 240; также о *джувале*: Рампури 1905: 157]. Имеется в виду, по-видимому, специальный футляр для *табла*, в который он помещается во время транспортировки на животном.

<sup>50</sup> Очевидно, что в данном фрагменте говорится о расположении *табла* в «нерабочем» состоянии, когда он находится на боку животного, притороченным к седлу, во время движения всадника в небоевом режиме. Шерстяная подкладка поглощает случайные звуки, которые могут возникать в процессе движения. См. о барабане, притороченном к седлу: Алланиязов 1997: 57.

- Гийасаддин 'Али 1958: *Гийасаддин 'Али*. Дневник похода Тимура в Индию / Пер. с перс., предисловие и примеч. А. А. Семенова. М.
- Джумаев 1992: *Джумаев А. Б.* Правила и традиции военной музыки в Средней Азии в древности и средневековье // Международная конференция «Средняя Азия и мировая цивилизация»: ТД. Ташкент.
- Йазди 1972: *Шараф ад-Дин Али Йазди*. Зафар-наме / Подготовка к печати, предисловие, примеч, и указат. А. Урунбаева. Ташкент.
- Ихван ас-Сафа 1887: *Ихван ас-Сафа ва Хуллан ал-Вафа*. Ар-Раса'ил. Бомбей.
- Кароматов 1972: *Кароматов Ф. М.* Узбекская инструментальная музыка (наследие). Ташкент.
- Кароматов 1973: *Кароматов Ф.* К истории инструментальных ансамблей в Узбекистане // Проблемы музыкального фольклора народов СССР: Статьи и материалы. М.
- ал-Кураши 1910: *Абу-л-Фазл Мухаммад б. 'Умар Джамал ал-Кураши*. Сурах ма' Изафа-йи бакийат ал-Лугат-и араби ва Фарханг-и мушкилат-и фарси мусамма ба Курах. Ба ихтимам-и Мухаммад Ахмад Али. Канпур.
- Мадани 1871: *'Абд ар-Рашид бин 'Абд ал-Гафур ал-Хусайни ал-Мадани*. Мунтахаб ал-лугат. Лакхнау.
- Мараги 1966: *'Абд ал-Кадир Мараги*. Макасид ал-алхан. Ба ихтимам-и Таки Биниш. Тегеран.
- Мараги 1993: *'Абд ал-Кадир Гайби ал-Хафиз ал-Мараги*. Джамии' ал-алхан. Хатима. Ба ихтимам-и Таки Биниш. Тегеран.
- Мелиоранский 1900: Араб филолог о турецком языке. Арабский текст издал и снабдил переводом и введением П. М. Мелиоранский // Издания Факультета восточных языков Императорского С.-Петербургского Университета. № 3. СПб.
- Мусульманкулов 1983: *Мусульманкулов Р.* 'Атаулла Махмуд-и Хусайни. Душанбе.
- Навой 1991: *Алишер Навоий*. Мукамал асарлар тўплами. Йигирма томлик. Т. VIII. Хамса. Фарход ва Ширин. П. Шамсиев илимий-танқидий матни асосида дostonни изоҳлар билан нашрга тайёрловчи Суйима Ганиева. Тошкент.
- Навой 1997: *Алишер Навоий*. Мукамал асарлар тўплами. Йигирма томлик. Т. XIII. Мажолис ун-нафоис. Матни изоҳ ва таржималар билан нашрга тайёрловчи Суйима Ганиева. Тошкент.
- Навой 2000: *Алишер Навоий*. Мукамал асарлар тўплами. Йигирма томлик. Т. XVI. Муҳокамат ул-лугатайн. Матни П. Шамсиев нашри асосида изоҳ ва таржималар билан нашрга тайёрловчи Суйима Ганиева. Тошкент.
- Низами 1960: *Низами Гянджеви*. Хосров и Ширин / Составитель научно-критич. текста Л. А. Хетагуров. Баку.
- Нишапури 2007: *Шайх Фарид ад-Дин 'Уттар Нишапури*. Илахи-наме. Ба тасхих-и Фуад Рухани. Чап-и нухум. Тегеран.
- Нишотий 1967: *Нишотий*. Хусн ва Дил. Дoston. Шейрлар. Нашрга тайёрловчилар: Ҳ. Расулов, И. Ражабов. Тошкент.
- Нурджанов 2001: *Нурджанов Н. Х.* Театральная и музыкальная жизнь столицы государства Саманидов (XIX–XX вв.). Душанбе.
- Рази № 2671: *Фахр ад-Дин Рази*. Хадаик ал-анвар фи хакаи ал-асрар (рукопись ЦВРБ, № 2671).
- Рази 1913: *Фахр ад-Дин Рази*. Джамии' ал-'улум. Ташкент.
- Рази 2002: «Наука о музыке» в энциклопедическом сочинении Фахр ад-Дин Рази «Джами' ал-'улум» («Собрание наук») / Вводная статья, пер. с перс. и коммент. А. Джумаева // КЦ: 2000–2001.
- Рампури 1905: *Гийас ад-Дин Мухаммад б. Джалал ад-Дин Рампури*. Гийас ал-лугат. Канпур.
- Самарканди 1896: *Шайх Факх Мас'уд ибн Йусуф Самарканди*. Салат-и Мас'уди. Т. 3. Бомбей.
- Сами 1901: *Сами Ш.* Камус-и турки. Иккинчи джилд. Стамбул.

- Сам Мирза № 57: *Сам Мирза ибн Шах Исма'ил*. Тухфа-йи Сами (рукопись ЦВРБ, № 57).  
Са'ди 1959: *Са'ди Ширази*. Гулистан / Критич. текст, пер., предисловие и примеч. Р. М. Алиева. М.
- Семенов 1940: *Семенов А. А.* Имам Фэxr-од-Дин-и Рази и его энциклопедия «Собрание наук» // Фахруддин-Ар-Разий. Учение о начатках музыки / Пер. с перс. А. А. Семенова. Ташкент. С. 1–11 (рукопись в библиотеке Научно-исследовательского института искусствознания Академии Наук Республики Узбекистан, шифр С 30, инв. 61, № 232).
- Семенов 1955: Собрание восточных рукописей Академии Наук Узбекской ССР. Т. III / Под ред. и при участии А. А. Семенова. Ташкент.
- Семенов 1980: *Семенов А. А.* Некоторые материалы по персидско-таджикской эпиграфике бытового характера XVI–XX вв. // Памяти Александра Александровича Семенова. Сборник статей по истории, археологии и искусству Средней Азии. Душанбе.
- Сергеев 1960: *Сергеев Б.* Чеканка по меди. Ташкент.
- Се рисала-йи фарси 1992: *Се рисала-йи фарси дар мусики* (Мусики-йи Данишнама-йи Алайи, Мусики-йи Расаил Ихван ас-Сафа, Канз ат-тухаф). Ба ихтимам-и Таки Биниш. Тегеран.
- Сухарева 1966: *Сухарева О. А.* Бухара. XIX — начало XX в. (Позднефеодальный город и его население). М.
- ат-Табари 1987: «История» ат-Табари. Избранные отрывки / Пер. с араб. В. И. Беляева с доп. О. Г. Большакова и А. Б. Хадидова. Ташкент.
- Та'рих-и Систан 1935: Та'рих-и Систан. Ба тасхих-и Малик аш-шуара Бахар. Тегеран.
- Та'рих-и Систан 1974: Та'рих-и Систан («История Систана») / Пер., введ. и коммент. Л. П. Смирновой. М.
- Троицкая 1953: *Троицкая А. Л.* Военное дело в Бухаре в первой половине XIX века (по материалам Государственной Публичной Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) // Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова. Сталинабад.
- Ўбаҳӣ 1992: *Ҳофизи Ўбаҳӣ*. Тухфат-ул-аҳбоб ё «Фарҳанги Ҳофизи Ўбаҳӣ». Ҳозиркунандаи нашр ва муаллифи муқаддима, тавзеҳот, илова ва феҳристҳо номзади илми филология Ҳафиз Рауфзода. Душанбе.
- Уложение Тимура 1999: Уложение Тимура / Пер. с перс. Х. Кароматова. Ташкент.
- Фарҳанги забони тоҷикӣ 1969: *Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX)*. Иборат аз ду ҷилд. Дар зери таҳрири М. Ш. Шукуров, В. А. Капранов, Р. Ҳошим, Н. А. Масъумӣ. Ҷилди II. М.
- Хавафи 1897: *Маджд ад-Дин Хавафи*. Харистан. Канпур.
- Хара-Даван 1992: *Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV веков. Алма-Ата.
- Худуд ал-‘Алам 1983: *Худуд ал-‘Алам мин ал-Машрик ила ал-Магриб/Ба кушиш-и Дуктур Манучихр Сутуде*. Тегеран.
- Худуд-ул-олам 1983: *Худуд-ул-олам*. Таҳиягари матн Н. Қосимов. Мухаррири масъул ва муаллифи пешгуфтор А. Мухторов. Душанбе.
- Эйхгорн 1963: Музыкальная фольклористика в Узбекистане (первые записи): Август Эйхгорн. Музыкально-этнографические материалы / Под ред. В. М. Беляева. М.



## Раздел IV

# НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

---

### НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ВОСТОЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ В РОССИИ И СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ (2008–2015)

*В. А. Алёшкин* (Санкт-Петербург)

За время, указанное в заголовке, как в России, так и в странах ближнего зарубежья были проведены научные совещания, целиком или частично посвященные археологии и древней истории Востока, о наиболее значимых из которых будет сказано ниже.

**2008 г.** С 1 по 3 октября в Ашхабаде состоялась международная научная конференция «Туркменская земля — колыбель древних культур и цивилизаций», организованная Министерством культуры и телерадиовещания Туркменистана. Работа конференции проходила в трех секциях: глубинные пласты цивилизаций; древний мир и сохранение культурных ценностей; развитие традиций и взаимодействие культур. В ней приняли участие археологи и историки из Туркменистана, Азербайджана, Армении, Бельгии, Великобритании, Германии, Греции, Индии, Ирана, Ирландии, Испании, Италии, Казахстана, Кыргызстана, Пакистана, Перу, Польши, Республики Корея, России, США, Таджикистана, Узбекистана, Франции и Швейцарии. Тезисы докладов конференции изданы в публикации: Туркменская земля — колыбель древних культур и цивилизаций: Материалы Международной научной конференции / Отв. ред В. М. Массон. Ашхабад, 2008.

**2009 г.** С 7 по 8 сентября в Самарканде по инициативе Международного Института центральноазиатских исследований под эгидой ЮНЕСКО (Самарканд), Французского института исследований Центральной Азии и Института истории АН Республики Узбекистан прошла международная научная конференция «Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии». Работа этого научного форума была сосредоточена на четырех направлениях: взаимодействие кочевой и оседлой культур в истории Центральной Азии; древняя и раннесредневековая Центральная Азия: зарождение и развитие культурных взаимодействий; духовная культура и искусство народов Центральной Азии: общее и особенное; этнические и региональные культуры в Центральной Азии в новое и новейшее время: традиции и инновации. На приглашения учредителей встречи откликнулись специалисты по восточной археологии из научных центров Узбекистана, Индии, Ирана, Италии, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана, Туркменистана и Франции. Труды конференции опубликованы в сборнике: Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии: Материалы Международной конференции, Самарканд, 7–8 сентября 2009 / Отв. ред. Ш. Мустафаев. Самарканд; Ташкент, 2010.

**2010 г.** С 13 по 15 декабря Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН провел в Санкт-Петербурге международную научную конференцию «Кочевые культуры Евразии» (грант РГНФ 10–01–14044г), приуроченную к столетию со дня рождения крупнейшего отечественного исследователя центрально-азиатских древностей железного века и раннего средневековья Александра Натановича Бернштама (1910–1956), который сделал весомый вклад в изучение археологических памятников, оставленных саками, усунями и тюрками, а также согдийской колонизации Семиречья, способствовавшей развитию там городской культуры. Внес он свою лепту и в изучение памятников средневекового искусства и архитектуры. Научная деятельность А. Н. Бернштама завершилась 59 лет назад, и с дистанции в шесть десятилетий отчетливо виден масштаб личности этого яркого и неординарного исследователя, одного из первопроходцев археологии Центральной Азии. В конференции участвовали более 70 исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Кемерово, Ельца, научных центров стран СНГ (Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Украины) и дальнего зарубежья (Германии, Польши, США, Турции), которые представили доклады в трех секциях: научное наследие А. Н. Бернштама; актуальные проблемы археологии Евразии эпохи бронзы, железного века и поры средневековья; история археологического изучения Центральной Азии. Доклады конференции опубликованы в книге: Древние культуры Евразии: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама / Ред. коллегия: В. А. Алёшкин и др. СПб., 2010.

**2011 г.** С 7 по 8 апреля в Ашхабаде состоялась международная научная конференция «Древняя материальная культура Туркменистана и ее место в развитии мировой цивилизации», организованная Министерством культуры и телерадиовещания Туркменистана. Работа конференции велась в четырех секциях: древнейшие археологические культуры; памятники парфянской культуры и раннего средневековья; художественная культура и градостроительство средних веков; популяризация и реставрация историко-культурного наследия. Для участия в конференции съехались археологи и историки из Туркменистана, Австрии, Азербайджана, Бельгии, Великобритании, Греции, Грузии, Индии, Ирана, Испании, Италии, Казахстана, Кыргызстана, Пакистана, Республики Беларусь, Польши, Республики Корея, России, США, Таджикистана, Турции, Узбекистана, Украины и Франции. Материалы конференции изданы в книге: Древняя материальная культура Туркменистана и ее место в развитии мировой цивилизации: Материалы Международной научной конференции. Ашхабад, 2011.

23 и 24 июня Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН совместно с Отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа провели в Санкт-Петербурге круглый стол «Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии», на котором три доклада были посвящены проблемам восточных древностей. На секции «Критерии периодизации эпохи бронзы и раннего железного века» был заслушан доклад И. Н. Медведской (Санкт-Петербург, Институт восточных рукописей РАН) «Вопросы хронологии ранне-железного века на Древнем Востоке: письменные источники о железе»; на секции «Заключительный период эпохи бронзы» — доклад В. Н. Пилипко (Москва, Институт археологии РАН) «Некоторые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и раннего железа на территории Ахала (Южный Туркменистан)»; на секции «Начальный этап раннего железного века» — доклад Т. В. Рябковой «Памирская I, курган 10:

обоснование ранней хронологической позиции комплекса». В работе круглого стола участвовали археологи из различных научных центров России, Молдовы, Беларуси и Украины. Тезисы этого совещания опубликованы в книге: Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии / Отв. ред. В. А. Алёшкин, В. С. Бочкарёв. СПб., 2011. Полностью доклады этого научного форума вышли в свет в № 2 «Российского археологического ежегодника» (СПб., 2012).

С 4 по 5 сентября в Самарканде по инициативе Международного Института центральноазиатских исследований под эгидой ЮНЕСКО (Самарканд) и Института истории АН Республики Узбекистан прошла международная научная конференция «Культура народов Азии на Великом шелковом пути». Ее работа велась по трем направлениям: историко-культурные связи народов Азии на Великом шелковом пути (формирование, обмен и торговля, взаимодействие и контакты в древности и средневековье); миропонимание древних и традиционных обществ Азии (верования, обычаи, ритуалы); роль Великого Шелкового пути в интеграции и трансформации культур во времени и пространстве (междисциплинарное изучение региональной специфики). Часть докладов участников конференции была опубликована в издании: Вестник МИЦАИ. Вып. 15. Самарканд, 2012.

С 10 по 11 ноября в Ашхабаде состоялась международная научная конференция «Бронзово-железный век и материально-духовное наследие туркмен», организованная Институтом археологии и этнографии АН Туркменистана. Приглашенные на нее специалисты обсуждали доклады в четырех секциях: материально-духовное наследие Туркменистана эпохи бронзы и железа в системе культурного наследия Евразии; мировое значение памятников Туркменистана эпохи бронзы и железа и вопросы их научного изучения; межрегиональные культурно-экономические взаимоотношения населения Туркменистана в бронзово-железную эпоху; научно-культурное сотрудничество Туркменистана с мировым сообществом в эпоху нового возрождения. В работе конференции приняли участие археологи и историки из Туркменистана, Азербайджана, Армении, Афганистана, Великобритании, Венгрии, Германии, Грузии, Египта, Индии, Ирака, Ирана, Испании, Италии, Казахстана, Канады, Китая, Кыргызстана, Ливана, Молдовы, Нидерландов, Норвегии, Пакистана, Польши, Республики Беларусь, Республики Корея, России, Румынии, Сирии, США, Таджикистана, Турции, Узбекистана, Украины, Чехии и Японии. Материалы этого форума изданы в книге: Бронзово-железный век и материально-духовное наследие туркмен: Материалы Международной научной конференции. Ашхабад, 2011.

**2012 г.** С 13 по 14 декабря в Ашхабаде по инициативе Института истории АН Туркменистана прошла международная научная конференция «Возрождение Великого шелкового пути в счастливую эпоху могучего государства: глубокие истоки и современные возможности», работа которой проходила в четырех секциях: современные возможности возрождения Великого Шелкового пути; основные направления Великого шелкового пути; Великий шелковый путь и развитие материальной культуры туркмен; Великий шелковый путь и развитие духовной культуры туркмен. Для участия в совещании съехались археологи и историки из Туркменистана, Австрии, Азербайджана, Алжира, Армении, Болгарии, Венгрии, Гвинеи, Германии, Греции, Индии, Ирана, Испании, Италии, Китая, Казахстана, Кыргызстана, Марокко, Молдовы, Нигерии, Омана, Польши, Республики Беларусь, Республики Корея, России, Румынии, США, Таджикистана, Турции, Узбекистана, Украины, Финляндии, Франции и Чехии. Тезисы конференции увидели свет в сборнике: Возрождение Великого Шелкового пути в счастливую эпоху могучего государства:

глубокие истоки и современные возможности. Материалы Международной научной конференции. Ашхабад, 2012.

С 22 по 26 декабря Отделом археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН совместно с Отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге была проведена международная научная конференция «Древние культуры степей Евразии и их взаимодействие с цивилизациями» (грант РГНФ 12–01–14000г), посвященная 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова (1902–1984), заслуженного деятеля науки РСФСР, лауреата Государственной премии СССР, члена-корреспондента Германского археологического института, ученого-энциклопедиста, чьи труды по праву вошли в золотой фонд отечественной археологии. Он являлся одним из ключевых специалистов по археологии Сибири и кочевников степного пояса Евразии. В докладах совещания на современном методическом уровне были рассмотрены те научные направления, которые некогда разрабатывал М. П. Грязнов, в том числе проблемы периодизации и хронологии степных культур Евразии бронзового и железного века. Работа на этом представительном научном форуме проходила в пяти секциях: научное наследие М. П. Грязнова; проблемы культурогенеза Евразии; антропология древнего населения евразийских степей; древнее искусство Северной Евразии; современные методы археологических исследований. С докладами выступили 107 исследователей из 32 городов России, 14 городов ближнего зарубежья и 14 городов дальнего зарубежья. На конференции также был представлен блок докладов, посвященных восточной археологии эпохи первобытности и поры средневековья. Труды конференции опубликованы в издании: *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями*. Кн. I–II / Ред. коллегия: В. А. Алёшкин и др. СПб., 2012. Кроме того, к ее началу была издана брошюра: Михаил Петрович Грязнов. Исследователь древних культур Сибири и Центральной Азии. Архивные материалы и список научных работ / Сост. Е. В. Бобровская и др.; отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб., 2012.

**2013 г.** С 12 по 14 сентября в Самарканде по инициативе Международного Института центральноазиатских исследований под эгидой ЮНЕСКО (Самарканд) и консорциума «Labex Transferts Culturels» прошла международная научная конференция «Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого шелкового пути», посвященную проблемам, связанным с переносом в отдельно взятую среду некоторых элементов, характерных для другого культурно-географического ареала, и их последующей трансформации. Ее участники рассмотрели разнообразные культурные трансферы как на материалах из Средней Азии, так и из сопредельных с ней территорий Синьцзяна, Монголии, Афганистана, Ирана, Азербайджана и Турции. Работа совещания протекала по четырем направлениям: трансферы в длительном времени (X тыс. до н. э. — IX в. до н. э.; механизм трансферов (VIII–XV вв.); формирование научного дискурса (XIX–XX вв.); привнесенная модернизация: взгляд извне и изнутри (XIX–XXI вв.). В работе конференции приняли участие специалисты из научных центров Узбекистана, Азербайджана, Италии, Республики Корея, России, США, Таджикистана, Франции и Швейцарии. Доклады совещания вышли свет в сборнике: *Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого Шелкового пути* / Отв. ред. Ш. Мустафаев и др. Париж; Самарканд, 2013.

**2014 г.** 26 марта в Санкт-Петербурге состоялось заседание Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН совместно с Ученым Советом ИИМК

РАН, приуроченное к 110-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (1904–1993) — крупнейшего отечественного исследователя средневековых древностей Центральной Азии. Основным объектом его научных изысканий был древний Пенджикент на территории нынешней Республики Таджикистан. Раскопкам этого городища А. М. Беленицкий отдал более 30 лет. В результате работ возглавляемой им экспедиции Пенджикент стал наиболее изученным домусульманским памятником Центральной Азии. В частности, в ходе его изучения были выявлены мельчайшие изменения материальной и духовной культуры горожан, пережившей в своем развитии несколько этапов, которые датируются для V–VII вв. с точностью до 50 лет, а для VIII в. — с точностью до 25 лет. Благодаря исследованиям А. И. Беленицкого стали известны замечательные памятники изобразительного искусства, архитектуры и материальной культуры согдийского города поры раннего средневековья. Он воспитал целый ряд учеников, ныне работающих в центральноазиатских государствах СНГ, причем самый весомый вклад он внес в подготовку научных кадров Таджикистана. Научные заслуги А. М. Беленицкого были по достоинству оценены: 29 мая 1975 г. он стал заслуженным деятелем науки Таджикской ССР, а в 1984 г. — лауреатом Государственной премии Таджикской ССР имени Абу-Али-ибн Сина. Дело А. М. Беленицкого в стенах Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ныне продолжают ученики и коллеги, которые сделали сообщения на этом заседании — Д. Абдуллоев, В. А. Завьялов, В. П. Никоноров, В. И. Распопова. С докладом об основных вехах исследовательской деятельности ученого выступил заведующий Отделом В. А. Алёшин.

**2015 г.** С 5 по 8 октября Отделом археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН совместно с Отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа и Германским Археологическим Институтом в Санкт-Петербурге была проведена международная научная конференция «Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога» (грант РГНФ 15-01-14008г), посвященная 140-летию со дня рождения выдающегося русского археолога, этнографа и музееведа А. А. Миллера (1875–1935). Работа этого научного форума шла по двум основным направлениям: А. А. Миллер и кавказская археология — традиции и перспективы и археология Кавказа в IV–II тыс. до н. э. (кросс-культурные взаимодействия; культурогенез и хронология; технологии, инновации и современные естественнонаучные подходы; трансфер знаний), причем все указанные проблемы рассматривались с учетом взаимодействия кавказских культур с культурами Северной Месопотамии и Малой Азии. В работе конференции участвовали специалисты из России, Австралии, Азербайджана, Армении, Германии, Грузии, Италии, Молдовы, Польши, Словакии и Франции. В программу встречи был включен доклад Л. Б. Кирчо (Санкт-Петербург) «Культурные трансляции и формирование направлений Великого шелкового пути в Средней Азии во второй половине IV — начале II тысячелетия до н. э.». Тезисы конференции изданы в сборнике: Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию А. А. Миллера) / Ред. коллегия: М. Т. Кашуба и др. СПб., 2015.

Все упомянутые конференции, несомненно, способствовали развитию восточной археологии на обширных пространствах СНГ и обозначили задачи исследований на перспективу с целью постижения культурных процессов, некогда протекавших в Центральной Евразии в различные археологические и исторические эпохи.

## Раздел V

# ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ВОСТОКА В РОССИИ И СТРАНАХ СНГ

---

### **ВАДИМ МИХАЙЛОВИЧ МАССОН И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ПЕРВОБЫТНОЙ АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ**

*В. А. Алёкшин (Санкт-Петербург)*

Крупнейший исследователь древностей Средней Азии Вадим Михайлович Массон появился на свет 3 мая 1929 г. на родине его матери — в Самарканде, который в то время был столицей Узбекской ССР (ныне административный центр Самаркандского вилоята Республики Узбекистан). Отец Вадима Михайловича, Михаил Евгеньевич Массон, происходивший из упраздненного в 1917 г. сословия почетных граждан [НАИИМК (РА), КП 6610: 1, 115], к моменту рождения сына заведовал в Ташкенте археологическим сектором Узбекского Комитета по делам музеев и охраны памятников старины и искусства. В 1936 г. он возглавил кафедру археологии при Среднеазиатском государственном университете (далее — САГУ, с 1960 г. — Ташкентский государственный университет, с 2000 г. — Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека), а в 1940 г. стал профессором САГУ. Его научная карьера увенчалась в 1951 г. избранием в члены Академии наук Туркменской ССР. Мать Вадима Михайловича, Ксения Ивановна Массон (урожденная Копытовская), служила в советских учреждениях [Там же: 115].

Вскоре после своего появления на свет Вадим Массон был перевезен родителями в Ташкент, город в котором прошли его детство и юность. В 1937 г. он начал обучение в ташкентской средней школе № 80, а в 1945 г., сдав экстерном экзамены на аттестат зрелости, поступил на кафедру археологии Средней Азии Исторического факультета САГУ [Там же: 3].

С 1946 г. студент Вадим Массон участвует в полевых исследованиях Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (далее — ЮТАКЭ), которую возглавлял его отец. За годы обучения в университете В. М. Массон провел археологические разведки по маршрутам Ашхабад — Кызыл-Арват и в районе Мерва. Он также был включен в состав коллектива, который проводил раскопки на городище Старая Ниса под Ашхабадом [Там же: 3].

По свидетельству самого В. М. Массона, он начал научно-исследовательскую работу с 1947 г., в 1948–1950 гг., являясь председателем СНАК (Студенческого научного археологического кружка), неоднократно выступал с докладами на заседаниях кафедры археологии Средней Азии и на студенческих научных конференциях [Там же: 3, 6].



Аспирант В. М. Массон. 1950 г. Фотография из личного дела В. М. Массона [НАИИМК РАН, РА, КП 6610, л. 1]

В 1950 г. В. М. Массон успешно завершил университетское образование по специальности «Археология», получив диплом с отличием и рекомендацию в аспирантуру Туркменского филиала АН СССР [Там же: 1, 6, 7]. Однако аспирантские экзамены он сдавал в Ленинграде. 5 октября В. М. Массон выдержал испытания по одному из основных для того времени предметов — «Основы марксизма-ленинизма» — с оценкой «отлично». 9 октября был сдан английский язык (оценка «удовлетворительно»). 13 октября состоялся экзамен по специальности «История и археология Средней Азии». Экзамен принимала авторитетная комиссия (член-корреспондент Академии наук СССР А. Ю. Якубовский, член-корреспондент Академии наук СССР К. В. Тревер, д. и. н. М. М. Дьяконов, к. и. н. Е. В. Скржинская). Ответ В. М. Массона был удостоен отличной оценки. Кроме того, соискатель успешно выдержал испытание по языку специальности (персидский). По этому предмету его экзаменовала комиссия в составе М. М. Дьяконова, к. и. н. А. М. Беленицкого и Е. В. Скржинской [Там же: 11, 13, 15].

По результатам аспирантских экзаменов В. М. Массон был зачислен с 1 ноября 1950 г. в аспирантуру Туркменского филиала АН СССР с полугодовым испытательным сроком по специальности «Археология Средней Азии», причем туркменский академический центр сразу же обратился в Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР (далее — ЛОИИМК) с просьбой о прикомандировании В. М. Массона к этому учреждению на весь срок его аспирантской подготовки [Там же: 10, 17–19]. 1 апреля 1952 г. он был переведен из аспирантуры АН Туркменской ССР в аспирантуру ЛОИИМК, которую окончил 1 апреля 1954 г. [Там же: 36, 39].

Выбор научного центра для подготовки молодого аспиранта был, видимо, обусловлен тем, что авторитет подразделений ЛОИИМК, занимавшихся восточной археологией, был неизменно высок в республиках Средней Азии и Казахстане. Вскоре после завершения Великой Отечественной войны заведующий кафедрой археологии САГУ М. Е. Массон, задумавший создать ЮТАКЭ, обратился за поддержкой именно в ЛОИИМК, в Сектор археологии Средней и Центральной Азии. В конце декабря 1945 г. его сотрудники, заслушав доклад М. Е. Массона, одобрили и все организационные мероприятия Института истории, языка и литературы Туркменского филиала Академии наук СССР, взявшего на себя инициативу организации ЮТАКЭ. Сектор подчеркнул, что основные археологические проблемы, которые взялась решать ЮТАКЭ (изучение археологических памятников эпохи палеолита, энеолита, бронзового века и античного времени на территории Туркменистана), имеют не только всесоюзное, но и мировое значение. В резолюции

Сектора было высказано желание оказать помощь начинаниям ЮТАКЭ в организации полевых и камеральных работ, в том числе кадрами и финансированием [Алёшкин 2007: 47].

Кроме того, как уроженец Санкт-Петербурга М. Е. Массон, вероятно, не мог не избрать Северную Пальмиру, в качестве города, в котором его сын должен был совершенствовать свою профессиональную подготовку в области восточной археологии.

Научным руководителем новоиспеченного аспиранта был утвержден профессор М. М. Дьяконов. Первоначально тема кандидатского исследования В. М. Массона была сформулирована следующим образом: «Древние культуры Мешеди-Мисрианского района (в связи со строительством Главного Туркменского канала)» [НАИИМК (РА), КП 6610: 19, 22]. За годы обучения в аспирантуре В. М. Массон получил квалифицированную научную подготовку, о чем свидетельствуют оценки, полученные им при сдаче кандидатских экзаменов: диалектический и исторический материализм — отлично (31 мая 1951 г.), история Средней Азии — отлично (14 апреля 1952 г.), французский язык — хорошо (14 ноября 1952 г.), археология Средней Азии — отлично (4 марта 1953 г.). Экзамен по истории Средней Азии принимали К. В. Тревер, М. М. Дьяконов, А. М. Беленицкий, Е. В. Скржинская, а экзамен по археологии Средней Азии — А. М. Беленицкий, М. М. Дьяконов и Е. В. Скржинская [Там же: 27, 31 об., 33, 34, 49]. Расширяется и сфера полевых исследований аспиранта. В 1951–1953 гг., кроме руководства X отрядом ЮТАКЭ, В. М. Массон также участвовал в работах Согдийско-Таджикской (с 1952 г. Таджикской) археологической экспедиции ЛОИИМК, которой до 1952 г. руководил А. Ю. Якубовский, а в 1953 г. — М. М. Дьяконов [Алёшкин 2007: 47, 51; Массон В. 1956а: 388; Массон М. 1956: 9; НАИИМК (РА), КП 6610, л. 29, 31 об., 33, 34, 49].

Вадим Михайлович активно занимался также общественной работой, без которой в то время нельзя было выстроить удачную научную карьеру. Именно поэтому в 1951 и 1952 гг. молодой аспирант был секретарем ячейки Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи в ЛОИИМК, профоргом Сектора Средней Азии и Кавказа и вторым секретарем объединенной комсомольской организации ЛОИИМК и сектора рукописей Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР [НАИИМК (РА), КП 6610: 26 об., 40, 61].

После завершения аспирантуры 1 апреля 1954 г. с предоставлением текста кандидатской диссертации В. М. Массон как перспективный исследователь был зачислен в штат ЛОИИМК на должность младшего научного сотрудника без степени в Сектор археологии Средней Азии и Кавказа [Там же: 55, 58]. 21 апреля того же года он защитил кандидатскую диссертацию, название которой теперь было сформулировано следующим образом: «Древняя культура Дахистана (историко-археологический очерк)». Диссертации оппонировали д. и. н. Б. Б. Пиотровский и А. М. Беленицкий [Там же: 57]. Основные итоги этого квалификационного исследования, выполненного на основе полевых изысканий X отряда ЮТАКЭ, были опубликованы в виде статьи в VII томе трудов названной экспедиции [Массон В. 1956а]. В ней в научный оборот были введены результаты раскопок двух поселений, расположенных на Мисрианской равнине в Юго-Западной Туркмении, — Изат-Кули и Мадау-депе. Анализируя керамические комплексы этих памятников, В. М. Массон пришел к выводу о том, что древнеземледельческая культура архаического Дахистана в Прикаспийском Туркменистане имеет генетические связи



с культурой астрабадского бронзового века (поселения Шах-тепе и Тюренг-тепе), хотя и относится к более позднему времени. В целом автор отнес исследованные им прикаспийские памятники ко второй половине II тыс. до н. э. — первой трети I тыс. до н. э., т. е. к эпохе поздней бронзы — раннему железному веку.

В том же томе трудов ЮТАКЭ молодой исследователь опубликовал еще две большие статьи. Одна из них [Массон В. 1956в] была посвящена описанию глиняной посуды анауской культуры, распространенной в подгорной полосе Копетдага в эпоху энеолита и бронзового века. Этот керамический комплекс был получен усилиями профессора Б. А. Куфтина, возглавлявшего в 1952 г. XIV отряд ЮТАКЭ, основной задачей которого являлось обследование и раскопки древнеземледельческих памятников, расположенных к юго-востоку от Ашхабада [Куфтин 1956]. В результате работ только одного полевого сезона исследователь создал, в сущности, новую периодизацию анауской культуры, основанную на изучении стратиграфии Намазга-депе — одного из крупнейшего не только в Туркменской ССР, но и во всей Средней Азии поселения первобытной эпохи. Толща культурных напластований этого памятника была разделена Б. А. Куфтиным на шесть культурно-хронологических периодов (Намазга I — Намазга VI).

Преждевременная смерть Б. А. Куфтина 2 августа 1953 г. не позволила ему издать результаты своих раскопок. Учитывая тот факт, что его работы в подгорной полосе Туркменистана имели принципиальное значение для всей первобытной археологии Средней Азии, было принято решение ввести в научный оборот наиболее массовую категорию находок (керамические коллекции), полученных покойным исследователем. Обработка и подготовка к печати этих артефактов была поручена В. М. Массону. Молодой ученый успешно справился с поставленной задачей. Он не только опубликовал указанные комплексы, но и синхронизировал их с керамическими материалами, добытыми при раскопках ряда древнеземледельческих поселений Север-Восточного (Гиссар и Шах-тепе), Центрального (Сиалк) и Северо-Западного (Гиян) Ирана, а также наметил, исходя из имеющейся к тому времени информации, абсолютную хронологию выделенных Б. А. Куфтиным культурно-хронологических периодов.

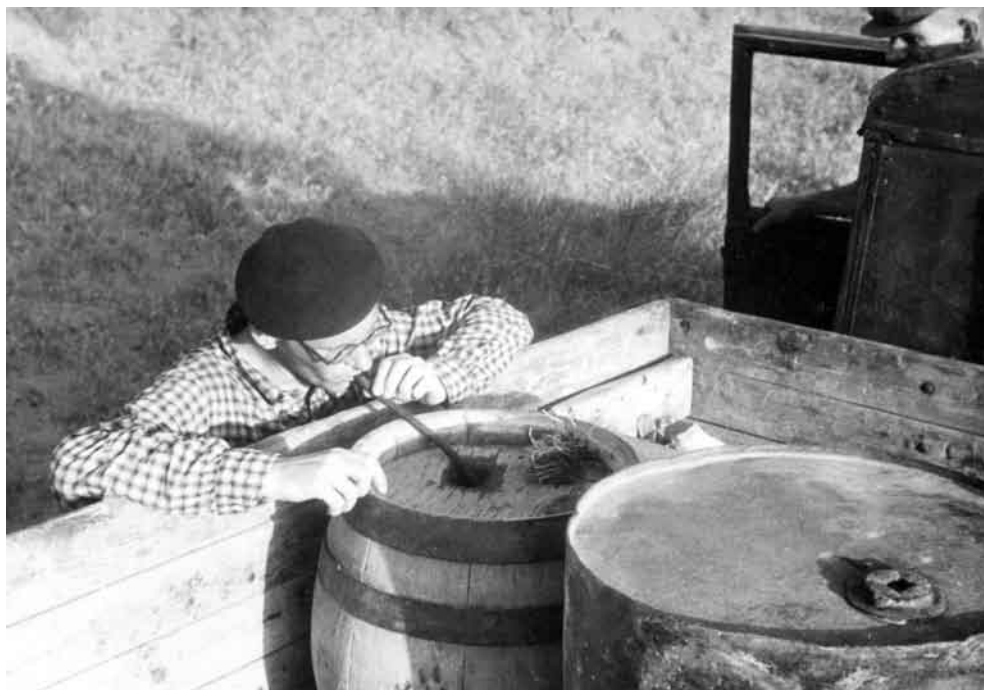
Другая работа В. М. Массона из VII тома трудов ЮТАКЭ [Массон В. 1956б], представляет собой раздел главы «Первобытно-общинный строй», который был написан им для первого тома «Истории Туркменской ССР», изданной АН Туркменской ССР [Массон М. 1956: 10]. Этот раздел целиком основан на археологических материалах, добытых при раскопках памятников древнеземледельческой культуры подгорной полосы Копетдага, которые существовали начиная с эпохи неолита вплоть до раннего железного века.

Работа над всеми вышеупомянутыми темами, во-первых, способствовала окончательному выбору археологической специализации В. М. Массона, получившего кандидатский диплом 4 октября 1954 г. [НАИИМК (РА), КП 6610: 66], а во-вторых, привела к тому, что начиная с 1954 г. в Секторе Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК получило развитие новое направление, связанное с изучением древнеземледельческих памятников Средней Азии [Там же: 60]. Тематически примыкающие к этому направлению раскопки раннеземледельческого поселения Лука Врубелевецкая на Украине (1946–1948, 1951, 1953 гг.), хотя и предшествовали работам Вадима Михайловича, но были проведены С. Н. Бибиковым, сотрудником Сектора палеолита ЛОИИМК, и не получили дальнейшего продолжения в Институте, тогда как В. М. Массон, возглавивший в 1955 г. Каракумский отряд ЛОИИМК по исследо-

ванию древних земледельческих памятников эпохи неолита и энеолита на юге Туркменской ССР, работал по этой проблематике вплоть до начала нынешнего столетия.

Исследования молодого ученого в подгорной полосе Копетдага во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. ознаменовались прежде всего планомерными раскопками неолитического поселения Джейтун (1955–1959, 1962, 1963 гг.), изучение которого впервые поставило на реальную почву вопрос о распространении производящего хозяйства в Средней Азии. Вначале были опубликованы предварительные итоги раскопок этого памятника [Массон В. 1960а], а затем издана обобщающая монография [Массон В. 1971], где джейтунская культура была вписана в контекст раннеземледельческих культур Ближнего и Среднего Востока. Древнейшие культурные отложения Джейтуна свидетельствуют о распространении в подгорной полосе Копетдага на рубеже VII/VI тыс. до н. э., племен, владевших мастерством изготовления глиняной посуды. Изучение этого поселения позволило Вадиму Михаловичу выдвинуть гипотезу о южнотуркменистанском центре раннеземледельческих культур, которая впоследствии получила полное подтверждение благодаря многолетним изысканиям самого В. М. Массона, а также И. Н. Хлопина и В. И. Сарияниди на юге Туркменской ССР.

Параллельно с раскопками Джейтуна В. М. Массон исследовал большое энеолитическое поселение Кара-депе (1955–1957, 1960, 1961, 1963 гг.), изучение которого показало [Массон В. 1960б; 1962], что в эпоху энеолита формируются культурные стандарты, предопределившие расцвет цивилизации бронзового века в подгорной полосе Копетдага.



В. М. Массон в полевом лагере Каракумского отряда ЛОИИМК, 1956 г., раскопки неолитического поселения Джейтун [НАИИМК (ФА), 02634/12]



В. М. Массон (лежит) и В. И. Сариниди  
(1956 г., Южный Туркменистан, раскопки  
энеолитического поселения Геоксюр 1)  
[НАИИМК (ФА), 02634/45]

Следует также отметить пионерские изыскания В. М. Массона в дельте реки Мургаб на юго-востоке Туркменской ССР. В течение трех полевых сезонов (1954–1956 гг.) он производил там раскопки поселений позднего бронзового века (Тахирбай 3 и Аучин-депе) и железного века (Яз-депе). В ходе этих работ он установил, что обнаруженные им памятники позднего бронзового века относятся к мургабскому варианту культурно-хронологического периода Намазга VI, выделенного Б. А. Куфтиным для подгорной полосы Копетдага. На поселении Яз-депе исследователь выделил три культурно-хронологических периода (Яз I–III, первый из которых относится к IX–VII вв. до н. э., а последний — к V–IV вв. до н. э. Артефакты, добытые В. М. Массоном при раскопках мургабских памятников, были введены в научный оборот с привлечением всех возможных аналогий, происходящих из соседних регионов Средней Азии, Сред-



Слева направо: В. М. Массон, В. И. Сариниди, И. Н. Хлопин  
(вторая половина 1950-х гг., Южный Туркменистан) [фотография из архива ЮТАКЭ]

него Востока и степной зоны Евразии [Массон В. 1959].

Обобщением вышеупомянутых полевых проектов В. М. Массона явилась его докторская диссертация «Древнейшее прошлое Средней Азии (от возникновения земледелия до похода Александра Македонского)», защищенная им в марте 1963 г. на заседании Ученого совета Ленинградского государственного университета (далее — ЛГУ). 14 сентября того же года Вадиму Михайловичу был выдан диплом доктора исторических наук [НАИИМК (РА), КП 6610: 106, 118], а 6 марта 1964 г. он избран на должность старшего научного сотрудника Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (далее — ЛОИА) [Там же: 108].

Докторская диссертация В. М. Массона была вскоре опубликована в виде монографии под названием «Средняя Азия и Древний Восток» [Массон В. 1964]. В ней подробная характеристика неолитических и энеолитических памятников Южной Туркмении, расположенных на северо-восточной окраине древнеземледельческой ойкумены, впервые дана в контексте археологии Ближнего и Среднего Востока. Этот труд отличают широта проблематики, новизна выводов и богатство иллюстративного материала, он надолго сделался настольной книгой исследователей, причем не только специалистов в области восточной археологии.

Успешные изыскания В. М. Массона по археологии Средней Азии способствовали росту авторитета трудового коллектива, членом которого он являлся. Поэтому далеко не случайно, что Сектору Средней Азии и Кавказа было доверено проведение V Совещания по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана (весна 1968 г.), организацию которого курировал непосредственно сам Вадим Михайлович.

В 1965 г. он приступил к осуществлению главного проекта своей жизни — раскопкам Алтын-депе, многослойного поселения эпохи энеолита и бронзового века, расположенного на юго-востоке Туркменистана. Работы на этом памятнике продолжались до 2001 г. Изучение стратиграфии поселения и раскопки его верхних культурных слоев, относящихся к концу раннего — среднему бронзовому веку (последняя треть III — начало II тыс. до н. э.), дали исчерпывающую характеристику материальной и духовной культуры населения этого важнейшего центра земледельческой цивилизации, который оказал большое влияние на культурное развитие северной и восточной частей среднеазиатского региона.

В результате полевых исследований на Алтын-депе был обнаружен центральный въезд на поселение. По обеим сторонам от него располагались два узких прохода для пешеходов. Одно из всхолмлений памятника скрывало руины культового сооружения, к которому примыкал хорошо сохранившийся архитектурный комплекс,



В. М. Массон. 1960 г.  
[НАИИМК (ФА), Л. 1942]

состоящий из анфилады комнат. Впоследствии он был использован для совершения захоронений. Уникальные находки, обнаруженные в одном из помещений анфилады (золотые головки волка и быка, инкрустированная каменная плакетка с изображением креста и полумесяца, каменная печать с изображением свастики, каменные колонка и посох, лазуритовые, сердоликовые и золотые бусы), видимо, указывают на то, что в доме были погребены служители культа.

Типы многокомнатных жилых домов и инвентарь коллективных захоронений Алтын-депе свидетельствуют о наличии по меньшей мере трех групп населения, различающихся своим имущественным достатком. Обнаруженные на поселении артефакты указывают на высокий уровень развития местного ремесленного производства. Это подтверждается находками глиняной посуды, изготовленной на гончарном круге быстрого вращения и обожженной в печах при температуре до 1000°, каменных сосудов, металлических изделий (ножи, косметические стержни и печати), а также разнообразной глиняной пластики, прежде всего терракотами, изображающими женщин. Выявлены многочисленные свидетельства контактов населения Алтын-депе с древнеземледельческими общинами Ирана, Афганистана, Пакистана и Индии. Стратиграфические исследования напластований эпохи позднего энеолита — ранней бронзы позволили проследить процесс формирования раннегородской цивилизации Алтын-депе. Раскопки этого памятника продемонстрировали, что территория, на которой он располагается, являлась северной окраиной обширной земледельческой ойкумены, включающей области Среднего Востока и Южной Азии. Цивилизации оседлого населения, сложившиеся в этом обширном регионе в IV — начале II тыс. до н. э., были связаны, видимо, общностью происхождения и имели постоянные культурные контакты. Результаты исследований Алтын-депе изданы в обобщающей монографии [Массон В. 1981], за публикацию которой ее автору в 1989 г. была присуждена Государственная премия Туркменской ССР [НАИИМК (РА), КП 6610: 250].

С 1985 г. В. М. Массон, наряду с продолжением работ на Алтын-депе, начал систематические исследования расположенного неподалеку от него энеолитического поселения Илгынды-депе. Раскопки этого памятника, которые непрерывно продолжались до 1991 г., а также велись в 1993–1995, 1997 и 1999 гг., дали великолепные



В. М. Массон и Л. Б. Кирчо в полевом лагере Каракумской экспедиции ЛОИА (1974 г., раскопки Алтын-депе) [фотография из личного фотоархива Л. Б. Кирчо]



В. М. Массон (сидит во втором ряду, шестой справа) с коллективом сотрудников Каракумской экспедиции ЛОИА (октябрь 1978 г., раскопки Алтын-депе)  
[фотография из личного фотоархива В. А. Алёшкина]

образцы древней архитектуры (жилые помещения, святилища) и искусства (антропоморфная глиняная и каменная скульптура) ранних земледельцев Средней Азии. Таким образом, были обнаружены новые важные материалы, характеризующие духовную культуру земледельцев в меднокаменном веке.

Святилища Илгынлы-депе характеризуются богатым и сложным убранством (крашенные полы, деревянные и глиняные скамьи, покрытые охрой; рельефный и расписной декор на стенах), специфической планировкой и обилием ценных находок, необычных для столь ранней эпохи (металлические орудия, культовые сосуды и антропоморфные статуэтки из камня и глины). Эти парадные помещения могли периодически использоваться и как обрядовые, и как жилые. Во время раскопок были выявлены также вещественные следы ритуалов, которыми сопровождалось оставление парадного помещения. Такие обряды впервые зафиксированы на раннеземледельческих памятниках юга Центральной Азии. Настенная сюжетная роспись Илгынлы-депе, где изображены дерево и стоящий рядом с ним на двух конечностях мифологический персонаж, сочетающий антропо- и зооморфные черты, по своей значимости может быть сравнима лишь с росписями неолитического поселения Чатал-Гуюк в Малой Азии. Впрочем, и само Илгынлы-депе с его системой парадных комнат, предположительно, святилищ, является среднеазиатским аналогом Чатал-Гуюка.

Все перечисленные полевые проекты и научные результаты, достигнутые в результате их осуществления, свидетельствуют о значительном вкладе В. М. Массона в развитие первобытной археологии Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока. Анализируя богатейшие археологические коллекции, добытые во время раскопок древнеземледельческих поселений эпохи неолита — раннего железного века, В. М. Массон исследовал фундаментальные проблемы становления производящего хозяйства и развития комплексных обществ эпохи энеолита и бронзового века в Средней Азии и сопредельных регионах. Его раскопки вписали яркую страницу в развитие восточной археологии, особенно в области изучения социального строя древнеземледельческих племен [Массон В. 1976] и проблем культурогенеза [Массон В. 1989; 2006]. Заслуги Вадима Михайловича были отмечены Академией наук и Правительством Туркменской ССР. В 1978 г. его избирают членом-корреспондентом АН Туркменской ССР, а в мае следующего года ему присуждают

звание заслуженного деятеля науки и техники Туркменской ССР [НАИИМК (РА), КП 6610: 183, 183 об.].

В. М. Массон являлся блестящим организатором науки. С 1 ноября 1968 г. по 31 марта 2003 г. он возглавлял Сектор (с 1986 г. — Отдел) археологии Средней/Центральной Азии ЛОИА/Института истории материальной культуры Российской Академии наук (далее — ИИМК), а с 4 января 1982 г. по 12 мая 1998 г. был директором ЛОИА/ИИМК [Там же: 129, 223, 242]. В 1970–1980-х гг. Вадим Михайлович руководил Межреспубликанским научным советом по археологии Средней Азии и Казахстана, который организовывал региональные совещания по актуальным проблемам археологии среднеазиатского региона. Во многом благодаря усилиям В. М. Массона в 1991 г. ЛОИА был преобразован в самостоятельный институт — ИИМК.

К началу 1980-х гг. масштаб археологического изучения Средней Азии, в которое немалую лепту внес В. М. Массон, был по достоинству оценен во многих зарубежных научных центрах, исследующих древнеземледельческие культуры эпохи неолита — железного века Среднего Востока и Индостана. Усилиями ученых разных стран были выявлены многообразные культурные связи цивилизаций всех этих обширных регионов. Поэтому неудивительно, что именно в те годы назрела необходимость обмена информацией о путях развития комплексных обществ, памятники которых находились в древности на территориях, разделенных ныне государственными границами. По этой причине было проведено несколько двусторонних симпозиумов (советско-французские — 1982, 1985, 1987 гг.; советско-американские — 1981, 1983, 1986 гг.; советско-индийский — 1984 г.), в организации которых большую роль сыграл В. М. Массон [Алёшкин 2007. С. 65–66; 2013: 145–146]. На этих научных форумах обсуждались такие животрепещущие проблемы археологии Средней Азии, Ближнего Востока, Афганистана и Индостана, как культурные изменения, становление ремесел, древняя торговля, культурные связи и социально-экономические процессы в эпоху формирования государства, а также экологические аспекты изменений в культуре.

Не менее масштабной была и научно-педагогическая деятельность В. М. Массона. С 1957 г. он читал курс «Археология Средней Азии» для студентов-археологов Исторического факультета ЛГУ [НАИИМК (РА), КП 6610: 112 об.], а затем курс «Археология Древнего Востока». В конце 1960-х — начале 1970-х гг. он руководил студенческим восточным семинаром на кафедре археологии ЛГУ. За многие годы своей педагогической деятельности Вадим Михайлович выпестовал не одно поколение учеников. Под его руководством в Ленинграде — Санкт-Петербурге обучались аспиранты и стажеры из различных археологических центров СССР (Российской Федерации, Армении, Казахстана, Киргизии, Молдавии, Туркмении, Узбекистана) и зарубежных стран (Вьетнама, Республики Корея, Сирии). Центральноазиатская группа сотрудников Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК в настоящее время почти полностью состоит из учеников В. М. Массона. За успехи в подготовке научных кадров он 7 августа 1973 г. был удостоен звания профессора по специальности «Археология» [Там же: 142]. Вадим Михайлович сумел подготовить 40 кандидатов и 11 докторов наук.

Достижения В. М. Массона на археологическом поприще были отмечены рядом научных званий. Он был избран академиком Российской Академии естественных наук, академиком Туркменистана, академиком Национальной академии Кыргызстана,



В. М. Массон (стоит в третьем ряду четвертый слева) среди участников II Советско-американского симпозиума по проблемам археологии Средней Азии и Ближнего Востока (сентябрь 1983 г., Самарканд) [фотография из личного фотоархива В. А. Алёшкина]

заслуженным деятелем науки Кыргызстана, заслуженным деятелем науки Российской Федерации, почетным и действительным членом ряда иностранных академий и институтов (Великобритании, Германии, Дании, Италии, Румынии) [Биографическая справка 2000: 21, 22].

С 1 апреля 2003 г. вплоть до своей кончины, последовавшей 19 февраля 2010 г., Вадим Михайлович являлся главным научным сотрудником Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК. До самых последних дней он не оставлял активной научной деятельности.

Оценивая научный путь В. М. Массона, следует отдать должное его целеустремленности, с которой он в течение более полувека исследовал древности Средней Азии, его потрясающей работоспособности и остроте аналитического ума, благодаря чему его научное наследие надолго сохранит свою актуальность для нынешнего и последующих поколений археологов.



В. М. Массон (1999 г., Узген, Южная Киргизия) [фотография из личного фотоархива Ю. Г. Кутимова]



Вадим Михайлович Массон оставил выдающийся след в археологии, открыв блестящее соцветие древнеземледельческих культур Средней Азии, ставших основой более поздних цивилизаций этого обширного историко-культурного региона, который испокон веков служил связующим звеном между оседло-земледельческими областями Центральной Азии и миром кочевников, населявших Великую зону степей Евразии.

## Литература

- Алёшкин 2007: *Алёшкин В. А.* Сектор/Отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛО ИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН и его предшественники в ИАК — РАИМК — ГАИМК — ИИМК АН СССР (основные вехи истории) // ЗИИМК. № 2. С. 10–92.
- Алёшкин 2013: *Алёшкин В. А.* Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа // ААБН. С. 100–159.
- Биографическая справка 2000: В. М. Массон. Биографическая справка // Взаимодействие культур и цивилизаций. В честь юбилея В. М. Массона. СПб. (Российско-туркменские культурные связи и взаимодействия. Вып. 1). С. 21–22.
- Куфтин 1956: *Куфтин Б. А.* Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // ТЮТАКЭ. Т. VII. С. 260–290.
- Массон В. 1956а: *Массон В. М.* Памятники культуры архаического Дахистана в юго-западной Туркмении // ТЮТАКЭ. Т. VII. С. 385–458.
- Массон В. 1956б: *Массон В. М.* Первобытно-общинный строй на территории Туркмении (энеолит, бронзовый век и эпоха раннего железа) // ТЮТАКЭ. Т. VII. С. 233–259.
- Массон В. 1956в: *Массон В. М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина // ТЮТАКЭ. Т. VII. С. 291–373.
- Массон В. 1959: *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы М.; Л. (МИА. № 73).
- Массон В. 1960а: *Массон В. М.* Джейтунская культура // ТЮТАКЭ. Т. X. С. 37–109.
- Массон В. 1960б: Массон В. М. Кара-депе у Артыка (в свете раскопок 1953–1957 гг.) // ТЮТАКЭ. Т. X. С. 319–463.
- Массон В. 1962: *Массон В. М.* Энеолит южных областей Средней Азии. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении. М.; Л. (САИ. Вып. Б 3–8. Ч. II).
- Массон В. 1964: *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.
- Массон В. 1971: *Массон В. М.* Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Л. (МИА № 180).
- Массон В. 1976: *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л.
- Массон В. 1981: *Массон В. М.* Алтын-депе. Л. (ТЮТАКЭ. Т. XVIII).
- Массон В. 1989: *Массон В. М.* Первые цивилизации. Л.
- Массон В. 2006: *Массон В. М.* Культурогенез древней Центральной Азии («Азиатика»). СПб.
- Массон М. 1956: *Массон М. Е.* От редакции // ТЮТАКЭ. Т. VII. С. 7–10.

# АБДУЛХАМИД ПУЛОДИ — КРАЕВЕД, СОБИРАТЕЛЬ РУКОПИСЕЙ И РАБОТНИК КУЛЬТУРЫ<sup>1</sup>

*А. Б. Джумаев (Ташкент, Узбекистан)*

Имя Абдулхамид Пулоди (1903–1992)<sup>2</sup> малознакомо современным востоковедам и историкам науки. Оно эпизодически упоминалось в советской востоковедческой литературе, начиная со второй половины 1933 года. И, как правило, в контексте лишь одного эпизода из истории советского востоковедения. Но событие это было исключительно знаменательным, ибо имело отношение к научному открытию мирового значения — обнаружению хорошо известных ныне согдийских (а также и иных) документов в замке (или крепости) на горе Муг (Кал‘а-и Муг, Калаи Муг или Муг-Кал‘а). Их введение в научный оборот и изучение стало на многие десятилетия предметом научных усилий и, выражаясь средневековой мусульманской лексикой, «украшением биографий» группы советских ученых-востоковедов — А. А. Фреймана, его учеников М. Н. Боголюбова, В. А. Лившица, О. И. Смирновой и других. Ученые — современники той эпохи — справедливо полагали, что «найденные согдийские рукописи, равных которым нет ни в одной библиотеке мира, ... раскрывают перед нами совершенно новую страницу прошлого» [Бертельс 1934: 476]. А свершившийся факт — «торжество экспедиции, обогатившей науку невиданными материалами, и торжество самой науки, показательно говорившей о своей мощи, которая на глазах всех как бы поднимала наши знания на высшую ступень» [Крачковский 1946: 128]. Уже вскоре об этом открытии заговорили в научном мире, появились сообщения в иностранных газетах и журналах, в Академию Наук стали поступать письма и запросы ученых из разных стран. А в сентябре 1935 г. во время III Международного Конгресса иранского искусства и археологии в Ленинграде согдийские рукописи и другие находки стали «гвоздем» выставки в одном из залов Эрмитажа [Крачковская 1936: 66].

Человеком, которому принадлежит честь открытия документов на горе Муг, и был Абдулхамид Пулоди, в те годы молодой партийный работник. Осенью 1932 г., знакомясь с активом и жителями подведомственных ему кишлаков, Пулоди обратил внимание на рассказы людей о находках древних предметов и каких-то «странных» рукописей. Проявив энергичные усилия по их обнаружению и сбору, и мобилизовав

<sup>1</sup> Все воспроизведенные в этой статье фотографии — из личного фотоархива А. Б. Джумаева.

<sup>2</sup> Настоящая работа выполнена в рамках сотрудничества с Университетом Центральной Азии (г. Бишкек). В литературе встречаются различные формы написания его имени: Абдухамид Пулоди, Пулоти, Пулатов, Пулодов и др. Свои публикации на таджикском языке он подписывал — Абдулхамид (Абдул-хomid) Пулоди или Абдулхамид Пулодов. В именных штампах на рукописях и старопечатных изданиях, а также в собственноручных подписях имя значится в следующей форме: Абдулхамид Пулоди Самарканди. С целью унификации мы следуем в основном форме Абдулхамид Пулоди. Разнобой наблюдается и применительно к дате рождения Пулоди: в отдельных публикациях встречается 1899 г. [см.: Шарипов 1996: 23]; в записях самого Пулоди — 1900 г.; в официальных документах — 1903 г., что и принято за основу.

для этого местное население, он сразу же поставил в известность и доставил найденный документ в вышестоящие партийные органы в Сталинабаде (Душанбе). Были извещены ученые на местах и в центре (в Ленинграде). Но еще до их прибытия Пулоди организовал самостоятельные раскопки на территории «крепости Муг», а затем содействовал работе экспедиции Таджикистанской базы АН СССР под руководством академика А. А. Фреймана. Таким образом, имя до того времени неизвестного секретаря районного комитета Коммунистической партии Захматабадского района (позднее — Айнинский район) Ленинабадской области Таджикской ССР стало упоминаться почти во всех исследованиях, связанных с документами с горы Муг, начиная с самых ранних и до самых последних<sup>3</sup>.

<sup>3</sup> История открытия документов на горе Муг многократно описана в научной и научно-популярной литературе. Укажу лишь на отдельные публикации, в которых упоминается А. Пулоди. Первые сообщения появились в газетах «Правда Востока» (26 сентября 1933 г.), «Коммунист Таджикистана» и «Комсомолец Востока». Руководитель экспедиции АН СССР на горе Муг А. А. Фрейман, прочитав на февральской сессии АН СССР в 1934 г. доклад «О согдийских рукописях, найденных в Таджикистане», который вместе с докладами И. Ю. Крачковского и В. М. Алексеева осветил основной корпус находок на горе Муг, в «Вестнике Академии наук СССР» публикует статью с подробным описанием произведенных раскопок [Фрейман 1934б: 50–52]. В ней отмечены заслуги «секретаря местного райкома партии тов. Пулоди». В другой статье А. А. Фреймана, вышедшей в «Согдийском сборнике», в частности, говорится о секретаре Захматабадского райкома партии тов. Пулоди, который вел раскопки на горе Муг, нашел рукописи и доставил их в Сталинабад [Фрейман 1934а: 8–10]. Еще одна научная статья с хронологией открытия, именами и упоминанием первых газетных сообщений была опубликована М. Е. Массоном [Массон 1934: 139–144] (выражаю благодарность академику АН Республики Узбекистан Э. В. Ртвеладзе, обратившему мое внимание на эту публикацию и предоставившему ее в мое распоряжение).

Позже история открытия с различными подробностями и отличиями повторялась в публикациях советского времени [см.: Якубовский 1951: 209–270; Лившиц 1962: 7, 108–109; Ставиский 1966: 275–286; Халаминский 1967: 44–55; Чалилов 1988: 432]. Характерным примером может служить ее изложение в книге Б. Г. Гафурова: «Местные жители — таджики селения Хайрабад (совр. Айнинский район) с давних времен знали старинное место, которое они называли Кала-и Муг, т. е. замок Муг, или, как стало общепринятым в научной литературе, “замок на горе Муг”. В начале 1930-х гг. жители часто посещали это место, а весной 1932 г. пастух Джур Али случайно нашел там плетеную корзину и лист шелковистой бумаги с непонятными для него письменами. Не смогли разобрать, что там написано, ни местные, ни уратюбинские грамотеи. Осенью об этом узнал тогдашний секретарь райкома партии Абдулхамид Пулоди, большой ревнитель древней истории и культуры. Он сразу же оценил значение находки и отправил этот документ в г. Душанбе. Как раз в 1932 г. по просьбе ЦК Коммунистической партии Таджикистана и правительства республики постановлением Президиума Академии наук СССР была учреждена Таджикистанская база АН СССР. Ее первым руководителем был всемирно известный востоковед, академик С. Ф. Ольденбург» [Гафуров 1972: 261–262]. Недавние описания событий на горе Муг с участием Пулоди имеются в книгах В. А. Лившица [Лившиц 2008: 11, 13] и М. М. Исхакова [Исхаков 2008: 157–158]. В. А. Лившиц повторяет с новыми подробностями историю обнаружения документов, изложенную им ранее [ср.: СДГМ-2: 7, 108–109]: «Весной 1932 г. жителями селения Хайрабад Захматабадского района Таджикской ССР была найдена на развалинах крепости Кал’а-и Муг (или Муг-Кал’а) плетеная корзина и документ, написанный на шелковистой бумаге непонятными письменами. В течение нескольких месяцев документ переходил из рук в руки в селениях Верхнего Зеравшана, и только благодаря усилиям Абдулхамида Пулоди, бывшего в то время секретарем Захматабадского райкома партии, он был доставлен в столицу республики г. Сталинабад. Здесь было установлено, что документ написан согдийским письмом. Фотографию документа переслали в Ленинград проф. А. А. Фрейману. В мае 1933 г. крепость Кал’а-и Муг раскапывалась А. Пулоди, затем А. И. Васильевым, сначала самостоятельно, а позднее, в ноябре 1933 г., в составе экспедиции АН СССР под руководством А. А. Фреймана. В результате раскопок было обнаружено 75 согдийских документов, один документ на арабском языке, один — тюркский рунический, а также большое количество предметов материальной культуры (около 400 единиц) и несколько монет» [Лившиц 2008: 11].

Хотя Пулоди, в отличие от ученых-востоковедов, не мог заниматься самостоятельным исследованием обнаруженных рукописей, событие это и для него стало очень значимым. Оно многое переменяло в его судьбе, можно даже сказать, изменило направление всей его дальнейшей жизни, наполнив ее новыми заботами и интересами на все отпущенное время. А отпущено было достаточно много, еще почти 60 лет, и всего — почти девяносто. И уже один лишь факт причастности к эпохальному открытию века мог быть достаточным, чтобы обратиться к истории жизни этой личности. Но в процессе знакомства с жизненным опытом Пулоди стали открываться новые неизвестные страницы его биографии, достойные внимания историков науки. Без личности Пулоди немыслима атмосфера культурно-интеллектуальной жизни Самарканда 1960–1980-х гг. Этот город в те годы был центром пересечения и взаимодействия культур двух братских республик — Узбекистана и Таджикистана. Пулоди не только олицетворял это взаимодействие, был активным участником культурной и научной жизни,

но и являлся своеобразной «достопримечательностью» Самарканда, о которой знали далеко за пределами города и республики. Образ «почтенного архивариуса», хранителя древностей, знатока восточных рукописей притягивал к себе многих ученых, журналистов, фотокорреспондентов, любителей старины. Фотографии Пулоди (обычно за столом с фолиантами восточных рукописей), статьи и очерки о нем и возглавляемом им отделе восточных рукописей в Фундаментальной библиотеке Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои (далее — СамГУ) были не редкостью не только в узбекских и таджикских газетах и журналах, но и в центральных изданиях 1970–1980-х гг. Не забывали о нем — прежде всего как об активном участнике борьбы за установление и упрочение советской власти, социалистического строительства в регионе — государство и партийные органы двух республик, а также культурная и научная общественность Самарканда, Душанбе, Ташкента, Москвы и Ленинграда (сохранились письма, почетные грамоты, телеграммы, поздравительные адреса, составленные и подписанные известными учеными — историками, востоковедами, археологами, литераторами, партийными и государственными работниками).

Личность Пулоди интересна для исследователя новейшей истории Средней Азии в ее очеловеченном выражении (что, к сожалению, не может быть освещено в должном объеме в настоящей статье). Жизненная драма этого человека, поднявшегося из трудовых низов, разворачивалась в контексте трагических противоречий становления и утверждения советской власти и социализма в республиках Средней Азии. Он был активным и непосредственным участником строительства новой исторической формации, испытавшим на себе все ее светлые и темные стороны и ставшим в конце



Абдулхамид Пулоди с согдийским документом, обнаруженным в замке на горе Муг (1933 г.)

своей жизни свидетелем охватившего ее кризиса и крушения. Пулоди совместил в себе, казалось бы, противоположные ценности — идеалы социализма (которые он разделял до самого ухода из жизни) и глубокую приверженность к познанию традиционной культуры и, говоря современным языком, мусульманского культурного и духовного наследия. Перед ним не стояла проблема выбора между новой советской социалистической культурой светского направления и богатейшим духовным наследием прошлого. Не страдал он и раздвоением личности. Даже своих четырех детей (двух дочерей и двух сыновей) Пулоди «поделил» между традиционным и новым революционным сознанием, назвав их Анора и Лютфия, Коммунар и Марлен. Забота о разыскании, приобретении и сохранении письменных арабографических (рукописных и старопечатных) источников стала смыслом его существования, в особенности во второй половине жизни — в качестве заведующего государственным хранилищем рукописей и редких книг, и как частного собирателя, и как исследователя отдельных памятников культуры и вопросов истории. Судя по многим свидетельствам, Пулоди получал глубокое духовное и эстетическое удовлетворение от общения с рукописью и книгой, он жил в собственном мире старой книжной духовности, не стесненной утилитарными или прагматическими интересами научной карьеры и запланированных достижений. Очевидно, что между открытием согдийских рукописей, мугской эпосеи и собирательской страстью Пулоди, составившего собственное собрание рукописей, старопечатных изданий, книг советского времени и различных документов, имеется самая непосредственная связь. Наученный собственным горьким опытом, Пулоди выработал тотальное жизненное правило, перешедшее в привычку, — сохранять любой официальный документ в оригинале или копии, будь то заявление об отпуске или многочисленные автобиографии, письма в официальные инстанции, докладные записки, справки, жалобы и т. п. Рукопись стала для него исходным документальным свидетельством.

*Жизненный путь и служебная карьера.* Официальная версия биографии А. Пулоди (с его фотографией) приведена в шестом томе «Таджикской советской энциклопедии» на таджикском языке [Валиев 1986: 144]. Она охватывает лишь часть жизни Пулоди (до выхода на пенсию в 1961 г.), оставляя за рамками последующие более 30 лет активной творческой жизни. К тому же там имеются серьезные лакуны и неточности: к примеру, отмечено, что он участник Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг., а о реальных событиях в его жизни в 1943–1956 гг. вообще ничего не сказано. По счастливой случайности в моем распоряжении оказались различного рода подлинные документы, принадлежавшие Пулоди (служебные удостоверения, мандаты, дипломы, письма, выписки, дневники, собственные стихи, фотографии и т. д.). Часть из них была обнаружена внутри рукописей, литографий и книг советского времени, находившихся ранее в его библиотеке и приобретенных мною на букинистических развалах и базарах Ташкента, Самарканда и Бухары. Неоценимую помощь в получении материалов о жизни и деятельности Пулоди оказал мне ныне здравствующий младший современник и ближайший друг Пулоди — Абдукарим Ганиев, возглавляющий Дом-музей Садриддина Айни в Самарканде<sup>4</sup>. Абдукарим ака передал мне имевшиеся у него фотографии и книги, принад-

<sup>4</sup> Абдукарим Ганиев (родился в 1936) — таджикский поэт и писатель Узбекистана, культурный деятель Самарканда, автор различных статей культурно-просветительского характера и стихотворений на таджикском языке. С января 1966 г. и по настоящее время он является бессменным директором Дома-Музея Садриддина Айни в Самарканде [см. сборник его поэтических сочинений: Ганизода 2003; о нем самом и его творчестве см., в частности: Камарзода 2007: 296–299; Вафайи 2006: 350–351].

лежавшие Пулоди. Во время наших долгих бесед в уютном Доме-музее Садриддина Айни в самом центре старого Самарканда, почти напротив Регистана, он много рассказывал о Пулоди, их многолетней дружбе и общении (Пулоди, часто бывая в Музее Айни, называл Абдукарима Ганиева своим сыном). Эти воспоминания позволили составить более глубокое представление о противоречивой и сложной личности А. Пулоди. Абдукарим ака помог мне установить местожительство и наладить общение с родственниками Пулоди. Своими воспоминаниями поделились младшая дочь последнего Лютфия Саидова (1936–2010) и его внучка, историк по образованию, Сурайё Саидова. Благодаря помощи Сурайё, в мое распоряжение были дополнительно предоставлены фотографии, документы и материалы из разрозненного личного архива ее деда. Они и были использованы, наряду с устными свидетельствами современников Пулоди, при написании данной статьи<sup>5</sup>.

В официальной (вышеупомянутой энциклопедической) версии биография Абдулхамида Пулоди начинается с определения его статуса: он — советский государственный и партийный деятель, заслуженный работник культуры Узбекской ССР (1977 г.), награжденный медалью и грамотой Президиума Верховного Совета Узбекской ССР. Согласно многочисленным автобиографиям и заполненным анкетам, Пулоди родился в 1903 г. в кишлаке Джуи Даштак (встречается и написание — Джуидаштак) Самаркандской области в семье каменщика или мастера-строителя (*гилкор*). Семья была многодетной — десять сестер и братьев, но все дети получили основательное трудовое воспитание<sup>6</sup>. До 1917 г. семья проживала в кишлаке, а после революции переехала в Самарканд и обосновалась в квартале Мехнат. Отец Абдулхамида (умер в 1931 г.) работал каменщиком на различных стройках Самарканда. Этой наследственной профессии он обучил и юного Абдулхамида. Однако судьба распорядилась иначе. За исключением короткого периода совместной работы с отцом, Пулоди не унаследовал профессию каменщика на всю оставшуюся жизнь. Видимо, уже в те годы проявились его лидерские качества и черты характера, на которые обратили внимание — новая власть нуждалась в толковых и преданных делу революции кадрах. С этого времени и до начала Великой Отечественной войны (фактически до 1942 г.) биография Пулоди пестрит частыми переменами мест, должностей и событий. Так начинается его партийная карьера. В 1919 г. Абдулхамид вступает в Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ) и состоит его членом до 1927 г. Но уже в 1920 г. он был принят в члены Российской коммунистической партии (большевиков) [РКП(б)] партийной ячейкой Сузангаранского участка г. Самарканда. В 1920–1921 гг. Пулоди учится в Самаркандской советской партийной школе, где проходит первую партийную чистку. Почти год (с октября 1921 по сентябрь 1922 г.) вместе с отцом работает каменщиком в Бухаре (в Бухарской Народной Советской Республике) на ударных стройках по возведению электростанции и «Дома Советов». Перерыв по болезни

<sup>5</sup> Большую помощь в сборе материалов о А. Пулоди мне оказали также заместитель директора Самаркандского государственного историко-архитектурного музея-заповедника Республики Узбекистан Рахим Каюмов, заведующий Научно-информационным ресурсным центром имени Абдурахмана Джамии СамГУ Шухрат Махмудович Аминов и бывший заместитель начальника по научно-учебной работе Ташкентского высшего военно-технического училища МВД Республики Узбекистан, полковник в отставке Ильхом Рахманович Эгамбердиев, работавший в 1976–1981 гг. библиографом Отдела точных рукописей Научной библиотеки СамГУ под руководством А. Пулоди.

<sup>6</sup> Воспоминания Пулоди о годах своего детства, семье и традициях воспитания приведены, в частности, в интересном очерке А. Рабиева [Рабиев 1983: 63–64]. О детских годах Пулоди и его отца см. также: Рахгузар 1977: 3.

(с конца 1922 и до 1924 г. в Самарканде) приводит к автоматическому выбыванию Пулоди из рядов партии. Много позже он безуспешно пытается найти в архивах сведения о своем раннем вступлении в ряды компартии и о прохождении чистки, но документы того времени не поступали в архивы либо оказались утерянными<sup>7</sup>. В 1924–1925 гг. он возобновляет работу по строительству, а затем становится завхозом в одном из Районов (в системе народного образования) в Самарканде и участвует в различных общественно-политических мероприятиях (состоит в ЧОН — части особого назначения, участвует в организации художественной самодеятельности и открытии вечерней школы ликбеза и т. п.). Вновь поступает в первичную партийную организацию теперь уже кандидатом с двухгодичным стажем. В 1925 г. Пулоди становится студентом Среднеазиатского коммунистического университета имени В. И. Ленина при Центральном Исполнительном Комитете СССР в Ташкенте, который заканчивает в 1930 г. В этом же году он вступает в ряды Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) [ВКП (б)]. Пулоди был допущен для поступления в аспирантуру известного КУТВ (Коммунистического университета трудящихся Востока) в Москве, но, по его собственным словам, «не мог попасть в виду того, что был мобилизован Ср. Аз. Бюро ЦК ВКП(б) в Таджикистан, где проработал 5 лет». В 1931–1932 гг. Пулоди — директор Агро-педагогической академии (института) Таджикской ССР в Душанбе.

«Звездный час» Пулоди — его работа секретарем районного комитета партии Захматабадского района в 1932–1934 гг., когда он открывает согдийские документы-рукописи на горе Муг. Во многом благодаря этому событию, а также кипучей общественной деятельности, Пулоди был замечен партийным руководством Таджикистана. В январе 1934 г. он — делегат Второго съезда КП(б) Таджикистана, где он был избран кандидатом в члены ее Центрального Комитета. По мобилизации Средазбюро ЦК ВКП(б) Пулоди участвовал в посевных компаниях и в борьбе с басмачеством, в работе экспедиции из Москвы по обследованию культурно-бытовых условий жизни населения отдельных районов Южного Таджикистана и Туркмении, выступал с лекциями и беседами по антирелигиозной тематике (в частности, на тему «Ислам и женщина») и т. д. В 1934–1935 гг. Пулоди — директор Педагогического института им. Т. Г. Шевченко в Душанбе, в 1935–1937 гг. — директор Среднеазиатской учебно-методической базы при Узрадиокомитете в Ташкенте, а в 1937–1938 гг. — заведующий Отделом народного образования в Ташкенте. Решением Бюро ЦК КП Узбекистана в октябре 1938 г. Пулоди был назначен директором Государственной публичной библиотеки (с 1948 г. — имени Алишера Навои) в Ташкенте, где проработал до января 1942 г. Здесь он вновь сталкивается с восточными рукописями — принимает «активное участие в организации Института практикантов по изучению восточных рукописей, при непосредственном участии отдела Востоковедения Гос. Библиотеки

<sup>7</sup> Пулоди последовательно обращался с запросами в различные партийные инстанции тех лет — Партийный архив Самаркандского областного комитета КП Узбекистана, Самаркандский государственный областной архив, Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Узбекистана, Партийный архив при ЦК КПСС, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в Москве. Из всех этих учреждений ему сообщили об отсутствии в их фондах документальных материалов за 1918–1921 гг. по парторганизациям Самарканда либо по чистке партии за 1921 г.

<sup>8</sup> Эта тема продолжала занимать А. Пулоди и позже. Сохранилась копия договора с Издательством ЦК КП(б) Узбекистана от 8 октября 1940 г. о написании А. Пулатовым брошюры на тему «Ислам и женщина» объемом два авторских листа на узбекском языке. Очевидно, она так и не была написана, скорее всего, по причине радикально изменившихся жизненных обстоятельств.

УзССР им. А. Навои, преобразованного впоследствии в Институт востоковедения АН УзССР»<sup>9</sup>. Здесь могло состояться знакомство Пулоди с известным ученым-востоковедом А. А. Семеновым, который с 1936 г. работал в должности профессора-ираниста в Отделе рукописей библиотеки. Однако каких-либо сведений об их отношениях мною не обнаружено. Стремясь расширить свои исторические познания и, по его словам (в заявлении на имя Наркома просвещения УзССР тов. У. М. Юлдашева), «крайне интересуясь историей Средней Азии, в частности историей Узбекистана», Пулоди в начале 1941 г. поступает на заочное отделение Исторического факультета Ташкентского государственного педагогического института, который заканчивает в январе 1942 г. с получением диплома и присвоением квалификации «преподаватель истории» по специальности «учитель средней школы».

В декабре 1941 г. Пулоди мобилизуют в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) и после краткосрочной подготовки для младшего офицерского состава направляют в звании старшего лейтенанта на должность заместителя командира роты по политической части в 89 Отдельную стрелковую бригаду. Бригада располагалась в г. Мешхеде на территории Ирана. А. Пулоди ведет активную политико-воспитательную работу, читает лекции бойцам и политработникам, занимается организацией художественной самодеятельности и т. п. Но неожиданно 25 июня 1943 г. он был арестован и заключен под стражу. Военный трибунал 89 бригады 25–26 августа 1943 г. выносит ему приговор: «Пулатова Абдухамида лишить военного звания «старший лейтенант» и на основании ст. 54–10 ч. 2 УК Т[уркменской] ССР с карательной санкцией ст. 54–10 того же УК изолировать в исправит. труд. лагере НКВД сроком на десять лет с поражением в политических правах: сроком на пять лет, с конфискацией лично ему принадлежащего имущества»<sup>10</sup>.

Попытки прояснить историю ареста и осуждения Пулоди на основе устных расспросов (до обнаружения документальных свидетельств) дали противоречивую картину происшедшего. Абдукарим Ганиев знал о случившемся от самого Пулоди. Будучи секретарем партийной организации Самаркандского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, он непосредственно занимался приемом Пулоди в партийную организацию музея после его восстановления в партии. По сведениям А. Ганиева, Пулоди служил в составе советских войск в Иране в качестве переводчика. В конце войны он был арестован советскими контрразведчиками как «иранский шпион» и осужден на 10 лет лагерей. Отсидел приблизительно шесть-семь лет и был освобожден в начале 1950-х гг., когда выяснилось, что произошла ошибка, и что под этим же именем (Абдулхамид Пулоди) действовал другой человек — иранский разведчик. Иную версию поведала Лютфия Саидова: отец был арестован еще до войны, в 1939 или 1940 г. в Самарканде и провел в заключении на Дальнем Востоке порядка 15 лет.

<sup>9</sup> Такая формулировка приводится в справке, составленной работниками Государственной библиотеки имени Алишера Навои об Абдулхамиде Пулоди для Комитета партийного контроля при ЦК КП Узбекистана в 1956 году, в связи с процессом восстановления Пулоди в партии после его политической реабилитации. Об Институте практикантов пишет и сам Пулоди в своих автобиографиях. В официальной летописи Публичной библиотеки имени Алишера Навои за 1939 г. зафиксировано, что «при отделе восточных рукописей в марте открыт институт практикантов для подготовки научных работников», а за 1940 г. — что 31 декабря «закончились занятия в Институте практикантов (аспирантов) отдела восточных рукописей» [Государственная Библиотека: 184].

<sup>10</sup> Данный приговор приводится нами по обнаруженной в бумагах А. Пулоди его заверенной копии (с печатью и подписью секретаря Военного трибунала 89 ОСВ ст. лейтенанта юстиции Сухокурова).



«Устные истории» расходятся с официальными документами и подтверждают старую истину о ненадежности человеческой памяти. В приговоре А. Пулоди инкриминировались следующие преступления: «Пулатов на почве своих националистических убеждений за период с марта месяца 1943 года по день его ареста, организовав вокруг себя группу бойцов 4 ОСВ из нерусской национальности, систематически проводил среди них контрреволюционную работу пораженческого и клеветнического порядка, направленную на дискредитацию международной политики Советского правительства, особенно в войне с фашистской Германией, разжигая при этом национальную рознь среди бойцов узбеков, используя для этого религиозные обычаи с целью срыва боевой и политической подготовки в подразделениях. На основании изложенного ВТ признал Пулатова виновным в совершении им пр. пр. ст. 54–10 ч. 2 УК Т[уркменской] ССР». Заседание Трибунала проходило под председательством майора юстиции Битюкова, членов — капитана Чернявского и лейтенанта Соколова, при секретаре ст. лейтенанте юстиции Сухорукове, «без участия сторон обвинения и защиты, в закрытом судебном заседании». Поданная А. Пулатовым кассационная жалоба была рассмотрена 23 сентября 1943 г. Военным трибуналом Среднеазиатского военного округа, оставившим приговор без изменения. При этом в определении (№ 3641) появились уже новые, более жесткие формулировки: «Виновность Пулатова в проведении среди бойцов нерусской национальности 4-го отд. стр. батальона 89 ОСБ контрреволюционной, профашистской агитации, а также агитации направленной к возбуждению национальной вражды».

Наказание А. Пулоди отбывал в исправительно-трудовом лагере в г. Свободный Амурской области на Дальнем Востоке с 26 июня 1943 г. (начало заключения по приговору трибунала) по 26 июня 1953 г., т. е. полный срок из десяти лет<sup>11</sup>. Находясь в заключении, Пулоди пытался добиться пересмотра своего дела и отмены вынесенного приговора. Он составлял (очевидно, при содействии русских товарищей по заключению) и посылал подробные жалобы, «ходатайства о помиловании», «заявления о прощении» (в целом сходные по содержанию) в самые различные государственные и партийные инстанции и известным деятелям того времени: в Отдел частных амнистий при Президиуме Верховного Совета СССР, депутату Совета Национальностей Н. М. Швернику, в Военную коллегия Верховного Суда СССР, в ЦК ВКП (б), в другие структуры и организации, лично И. В. Сталину. В них он подробным образом излагает историю происшедшего с ним и перечисляет всех причастных к ней людей. Все жалобы, отправленные Пулоди в период нахождения в лагере и сразу после освобождения, были отклонены<sup>12</sup>. Такое отношение, скорее всего, означало одно — никакого повторного изучения дела не проводилось.

Возвратившись после заключения в Самарканд, Пулоди с удвоенной энергией стал добиваться пересмотра своего дела и реабилитации. Он обращается в Главную

---

<sup>11</sup> В моем распоряжении имеются документы, подтверждающие сроки нахождения Пулоди в исправительно-трудовом лагере: 1) заверенная справка с фотографией, выданная А. Пулоди 26 июня 1953 г. Управлением Министерства внутренних дел по Амурской области для проезда к месту жительства в Самаркандскую область после освобождения; 2) копия одного из паспортов Пулоди (XIV–УЩ № 665557), который он получил в 1958 г. в одном из отделений милиции г. Самарканда. В нем указано, что данный паспорт выдан на основании (взамен) документа (П-ТЯ — 607429), выданного в Амурской области 30 июня 1953 г.

<sup>12</sup> Сохранились подлинники отдельных отказных официальных ответов: например, из канцелярии Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1954 г. за подписью зам. начальника канцелярии И. Бабухина.



Первая страница из лагерной записной книжки А. Пулоди с его фотографией и стихами на таджикском и узбекском языках (г. Свободный, 1945 г.)

военную прокуратуру СССР, которая в июле 1954 г. поручает военной прокуратуре Туркестанского военного округа (ТуркВО) заново проверить дело Пулоди. Одновременно Пулоди направляет свои письма в различные партийные инстанции — республиканские (в Узбекистане и Таджикистане) и центральные (в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС), первым секретарям ЦК Компартий Узбекистана и Таджикистана, лично Н. С. Хрущеву — с целью восстановления в партии. Подробное рассмотрение этой истории заняло бы много места в данной статье, хотя совершенно очевидно, что по своему драматизму и невероятности ситуаций она могла бы лечь в основу остросюжетного художественного фильма или повести. Инкриминируемые Пулоди преступления и приговор в отношении его — это результат продуманного и организованного ложного доноса группы лиц, враждебно настроенных по отношению к нему. Или, как пишет сам Пулоди в одной из жалоб, «сплошной вымысел из наглой и грубой лжи и клеветы со стороны людей, спасавших свою шкуру от разоблачения их грязных преступных дел». Следствие проводилось с грубым нарушением процессуальных норм, с запугиванием и давлением на свидетелей и подтасовками. По версии Пулоди, он вступил в конфликт с некоторыми из офицеров, которые вели аморальный образ жизни и дошли до служебно-бытового разложения — допускали пьянство, самовольные отлучки в город, воровство и вымогательство у бойцов ценных вещей, поступавших с родины, продажу военного имущества местным жителям — иранцам, посещение ресторанов и т. п. Об этих фактах Пулоди (ответственный за состояние политико-воспитательной работы среди бойцов в подразделении) сообщал в соответствующие инстанции, включая контрразведку своего батальона. «Масла в огонь» подлил отказ Пулоди дать рекомендацию для вступления в ВКП(б) одному из активных нарушителей. Прозвучали ответные угрозы, а затем последовала организованная месть со стороны группы его недоброжелателей.

Начатая военной прокуратурой ТуркВО проверка по делу Пулоди продолжалась полтора года и действительно выявила все обозначенные им факты. Непосредственно занимавшийся этим делом помощник прокурора ТуркВО подполковник юстиции Грищенко в одном из своих писем Пулоди в апреле 1955 г. сообщает о продолжающейся проверке и просит «срочно сообщить местожительство» одного из свидетелей по делу Пулоди, который проживает в Самарканде, «так как адрес его нам неизвестен». Пулоди смог найти этого свидетеля — бывшего красноармейца и повара, оклеветавшего его в трибунале, и сообщил сведения о нем в военную прокуратуру ТуркВО. Свидетель сознался в своей клевете, сделанной под давлением и угрозами. Невероятный факт открылся после того, как Грищенко ознакомил Пулоди с одним документом из его дела — справкой об исключении из партии. В этой странной «справке», которую Пулоди увидел впервые, сообщалось о том, что Абдухамид Пулоди был исключен из партии еще в 1931 г. в Самарканде, «состоял в каких-то контр-революционных партиях», «являлся чуждым элементом по социальному происхождению». Пулоди понял, что именно на основе этой справки он и был в срочном порядке (в течение «десяти минут») исключен из партии на заседании партийной комиссии перед началом трибунала, где ему было сказано, что он «проходимец», «пролез в партию будучи религиозного происхождения — сын священника и сам священник» и что, якобы, он ранее состоял в партии младобухарцев. Справка эта была в свое время получена из Самарканда. Пулоди занялся самостоятельными поисками и установил, что в Самарканде проживал его полный однофамилец — Абдухамид Пулоди, который и был повинен в отмеченных обвинениях и исключен из партии в 1931 г. Выяснилось, что он умер в феврале 1952 г., а по адресу, где он жил (на улице Кош-хауз тупик Намуна), теперь проживает его семья. По-видимому, этот «двойник» Пулоди превратился в рассказах современников в некоего «иранского шпиона». В письме Грищенко Пулоди с горечью пишет о том, что «за эту ошибочную справку мне пришлось столько страдать», и замечает об ожидаемом, но запоздалом пересмотре его дела: «Я очень благодарен Вам, что Вы всесторонне и глубоко изучаете мое дело, но если бы это изучение было бы, когда было создано расследование и перед судом, то столько мучений не перенес бы я, и Вы не теряли бы много своего времени по этому вопросу»<sup>13</sup>.

Военная коллегия Верховного Суда СССР своим определением от 8 октября 1955 г. отменила приговор Военного трибунала 89 Отдельной стрелковой бригады от 23 августа 1943 г. в отношении А. Пулатова и прекратила уголовное дело из-за отсутствия состава преступления. А 28 апреля 1956 г. ЦК КП Узбекистана восстановил Пулоди в партии с признанием всего его прежнего партстажа<sup>14</sup>. С этого времени начинается новый этап в жизни А. Пулоди — его возвращение к активной работе и деятельности, обретение им широкого общественного признания.

Но и годы заключения не были потеряны зря. Пулоди не терял надежды и старался использовать свободное время, насколько это было возможно в тех условиях,

<sup>13</sup> Текст приводится без изменений и редактирования по рукописной копии письма Пулоди помощнику Военного прокурора ТуркВО подполковнику юстиции Грищенко от 1 апреля 1955 г.

<sup>14</sup> Среди справок-характеристик Пулоди, представленных в Комитет партийного контроля при ЦК КП Узбекистана для восстановления в партии (см. примеч. 7), имеется также справка, составленная известным историком, членом-корреспондентом АН УзССР Р. Н. Набиевым. В ней отмечена активная деятельность А. Пулатова в качестве директора Государственной публичной библиотеки УзССР и «крупное научное открытие первоклассного архива согдийских документов на горе Муг в Таджикистане в 1933 г.».

с пользой для своего духовного и культурного развития. Он много читает на русском языке — русских классиков и советских авторов, делает огромное количество выписок и конспектов. В лагере Пулоди начинает писать стихи на узбекском и таджикском языках. Почти два десятка записных книжек и блокнотов со своими стихами привез Пулоди в Самарканд. Почти все они, так же как и большинство его писем родным и близким в Самарканд, написаны арабской графикой. С тех пор и до конца своей жизни Пулоди не прекращал писать стихи (см. об этом ниже).

Годы, проведенные в заключении, не изменили отношения А. Пулоди к советской власти и идеям социализма. По рассказу Сурайё Саидовой, во время перестройки она читала дедушке газетно-журнальные материалы о времени репрессий, которые хлынули потоком по всему СССР. Обращала его внимание на информацию о роли И. В. Сталина в санкционировании этого процесса и его причастности к репрессиям. А. Пулоди, эмоционально переживая эти неизвестные для него факты, категорически отказывался признать виновным в них Сталина и говорил, что во всех этих делах повинны исполнители на местах и некоторые люди из окружения вождя. Обладая широким государственным взглядом на социальные процессы, он понимал, что, несмотря на все трагические ошибки и перегибы, на «жестокость времени», у социализма в Средней Азии имеются свои весомые достижения: раскрепощение женщин, вовлечение широких масс народа в коллективное строительство новой жизни, приобщение народа к культурным достижениям и ценностям, избавление от многих консервативных традиций в образе жизни и многое другое. До конца своей жизни Пулоди сохранял активную общественную позицию. Он мог открыто обрушиться с резкой критикой на вышестоящее начальство за допущенные нарушения трудовой дисциплины и равнодушие к общему делу, бить тревогу об условиях хранения рукописей, о необходимости возобновления их закупок и т. п. Давая встряску нерадивым чиновникам или зарвавшимся карьеристам, Пулоди при случае напоминал, что он как коммунист с более чем 50-летним стажем не позволит им чинить произвол. Лишь один пример: в апреле 1980 г. Пулоди составляет и направляет в Отдел науки Самаркандского обкома партии справку, в которой привлекает внимание к судьбе и сочинениям современного поэта — Хаитмурада Саттарова (родился в 1899 г., дата смерти неизвестна), который, очень нуждаясь в деньгах, принес в Отдел восточных рукописей тринадцать сборников своих стихов. Поэт, который начал писать стихи еще в 1914 г., оставил большое наследие, выдержанное в традициях классической поэзии Востока, но проникнутое идеями нового времени. Дав краткую характеристику его творчества, Пулоди заключает, что «необходимо приобрести все его произведения, а также возобновить приобретение восточных рукописей. Мы обязаны найти всех неизвестных нам поэтов, писателей и художников нашей области, забытых и затерянных в силу жестокости времени (выделено мною. — А. Дж.)»<sup>15</sup>.

Добившись полной реабилитации, Пулоди до выхода на пенсию, в 1956–1961 гг. работает директором Самаркандской государственной школы строительных мастеров, а затем директором Строительного училища. В эти годы оживает его интерес к истории культуры Средней Азии, к собиранию восточных рукописей и старопечатных книг, различных документов и сведений мемуарного характера по истории и истории культуры Самарканда, революционным событиям в городе. Начинается переписка, возобновляется сотрудничество с научными организациями

<sup>15</sup> Цитируется по машинописной копии, датированной 12 апреля 1980 г.

Таджикистана, Ленинграда, других городов СССР. Союз писателей Таджикистана обращается к нему с просьбой о сборе «воспоминаний о жизни и творческой деятельности Садриддина Айни», Институт языка и литературы имени Рудаки АН Таджикской ССР уполномочивает его собирать материалы «о жизни и творчестве поэта Туграла из архивов Ташкента и Самарканда»<sup>16</sup>. Пулоди, как и в прежние годы, с неутомимой энергией собирает огромный материал и продельывает большую подготовительную работу, в особенности по биографии и творчеству Туграла. Знакомство с новыми публикациями по проблематике согдийских документов с горы Муг побуждает его начать, а, точнее, возобновить затихшую было к середине 1930-х гг. полемику относительно объективного и правдивого освещения истории их открытия.

По-видимому, эта краеведческо-археографическая деятельность Пулоди вызвала у него желание вновь вернуться к активной работе. В 1967 г., судя по сохранившимся ежедневным рабочим записям, он работает в Доме-музее Садриддина Айни в Самарканде, а с сентября 1970 г. становится заведующим Отделом восточных рукописей и редких книг Фундаментальной научной библиотеки Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои (ныне — Научно-информационный ресурсный центр имени Абдурахмана Джами СамГУ)<sup>17</sup>. Здесь он проработал до самого конца жизни, и здесь же, в СамГУ, в 1983 г. было официально отмечено его 80-летие с изданием пригласительного билета с фотографией и программой чествования. Эти годы (с 1970 по 1991) были для Пулоди, пожалуй, наиболее интересными, духовно и интеллектуально насыщенными. Прежде чем рассказать о них более подробно, вернемся к истории открытия документов на горе Муг — ключевому событию в жизни А. Пулоди.

«*Мугская эпопея*». Если бы не открытия на горе Муг, жизненный и служебный путь Пулоди представлял бы собой довольно типичную карьеру партийно-советского работника эпохи первого революционного поколения («первого призыва»). Как и тысячи других «солдат партии», он был мобилизован революцией, выполнял ее разнообразные поручения, по ходу работы переквалифицируясь и повышая свой профессионализм в различных сферах культуры, производства, государственного строительства.

Но в истории с документами не было случайности. Будь на месте Пулоди какой-нибудь другой секретарь райкома или обычный, преданный идее, коммунист того времени, документы, возможно, так и остались бы в земле или у кого-то на руках, а хранивший их при ином повороте событий мог бы еще и пострадать.

<sup>16</sup>Приводится по официальным письмам Союза писателей Таджикистана (№ 192 от 30 июля 1962 г.) и Института языка и литературы имени Рудаки АН Таджикской ССР (№ 23 от 9 января 1963 г.).

<sup>17</sup>Отдельные сведения о деятельности А. Пулатова на посту заведующего Отделом восточных рукописей получены мной от Шухрата Аминова (в августе 2009 г.; см. примеч. 5). В заметке о Пулоди (на таджикском языке, без заглавия, с его фотографией за рабочим столом с рукописями), опубликованной в виде приложения к статье Эхсона Окилова о разновидностях письма в средневековом Мавераннахре и Хорасане, сообщается, в частности, что А. Пулоди, «в настоящее время, несмотря на свой преклонный возраст, выполняет обязанности заведующего Отделом восточных рукописей Самаркандского государственного университета, и по его инициативе здесь собраны девять тысяч редких рукописей и книг таджикских литераторов и историков прошлого. Его называют светилом древней таджикской культуры (*чароғи маданияти қадимаи тоҷик*). Пулоди, который более 50 лет является членом Коммунистической партии, вступил в свое 80-летие» [Рабиев 1983: 3].



А. Пулоди (третий слева в первом ряду) в кругу семьи;  
крайним слева стоит Абдукарим Ганиев (Самарканд, 1967 г.)

Прецедент подобного отношения к обладателям арабграфических рукописей и старопечатных книг уже имел место до появления Пулоди в районной партийной организации<sup>18</sup>. Таково было время: между новым советским государством с его установкой на и атеистическое воспитание, с одной стороны, и религией — с другой, развернулась ожесточенная борьба. Любые предметы религиозного или даже не столь явно религиозного) содержания вызывали повышенную подозрительность и могли быть истолкованы отдельными ретивыми партийными чиновниками как вредные и опасные и, следовательно, подвергнуты изъятию и уничтожению.

Иным человеком был А. Пулоди. Он понимал значение памятников истории и культуры и находил возможность в очень сложное время совмещать активную работу в качестве секретаря партийной организации, непреклонно проводящего большевистскую линию, с реальной заботой о сохранении рукописей и других материальных и культурных ценностей прошлого. Согдаийские рукописи соседствовали с жестокими реалиями классовой борьбы, в которой Пулоди принимал самое непосредственное участие. «За время моего пребывания в районе, — подводит он

<sup>18</sup> В своих воспоминаниях Пулоди свидетельствует о перегибах в отношении людей, хранивших старые книги и рукописи. Такую «большую ошибку», по его словам, допускали прежние руководители района, и потому всякое неосторожное действие могло испугать людей, нашедших древние документы, и «послужить тому, чтобы уничтожить это письмо». Местные партийцы даже предлагали Пулоди принять директиву о необходимости сохранения «уникальных находок старины», с тем, чтобы «избавить народ от испуга» («Слово приобретает силу, если оно основано на фактах и правдивых рассказах»: Рукопись в архиве автора. С. 13 [далее — «Слово приобретает силу...»]). Пулоди сообщает, что в бытность его секретарем районного комитета партии в 1932–1934 г. у населения, наряду с предметами древности, было собрано более 700 рукописных и печатных книг [«Слово приобретает силу...»: 19, 23].

итоги своей работы в одной из автобиографий, — сделано следующее: ликвидирована басмаческая шайка, ликвидированы группировки, партийный аппарат очищен от контрреволюционных элементов. С помощью местного населения было найдено 33 месторождения [33 вида. — *А. Дж.*] полезных ископаемых и исторические согдийские рукописи»<sup>19</sup>. Используя характерную для тех лет лексику, так начинает Пулоди свое письмо первому секретарю ЦК КП(б) Таджикистана Д. Гусейнову с описанием раскопок и находок на горе Муг: «Привет от молодого большевика руководителю стальных рядов большевиков Таджикистана»<sup>20</sup>.

Очень скоро Пулоди получил известность в своем районе и за его пределами, как «большой ревнитель древней истории и культуры» [Гафуров 1972: 261], человек, интересующийся историческим, культурным и художественным наследием, собиратель различных предметов исторического значения. Судя по письмам, запискам и отдельным газетным публикациям начала 1930-х гг., по свидетельству А. Ганиева, за такое отношение к старине в народе и среди друзей к его партийной должности прибавляли различные прозвища, под которыми он и был известен: «котиби археолог» («секретарь-археолог»), «секретарь — археолог — музей», «котиби кадимшинос» («секретарь-знарок древности»), «котиби таърихшинос» («секретарь-историк»), «котиби сангу чӯб» («секретарь камня и дерева») <sup>21</sup>. В одной из статей на таджикском языке сказано, что и «сам товарищ Пулоди подобен малому передвижному музею» («худи рафиқ Пулоди, мисли ин ки як музейи хурди сайори аст») [Kaşfijoti ta'rixî 1933: 3]. Пулоди продемонстрировал изумленной редакции газеты различные предметы, предназначенные для своего музея, доставая их из обычного портфеля: разные камни, золотой песок, документы, миниатюрный рисунок и др. [Kaşfijoti ta'rixî 1933: 3]. На собраниях и встречах с колхозниками и жителями кишлаков своего района Пулоди постоянно обращался с призывом бережно относиться к предметам старины, старым книгам и рукописям, геологическим объектам, собирать и передавать их в районный комитет партии. Жители кишлаков и селений заходили к нему в кабинет и приносили найденные старинные вещи, рукописи, необычные предметы. Чтобы заинтересовать и привлечь к этому делу большее количество жителей, Пулоди поощрял их ценными подарками, дефицитными продуктами, предметами первой необходимости<sup>22</sup>. Собранные у населения предметы старины и другие находки, Пулоди разместил в созданном им музее, расположенном в районном центре. Эта сторона деятельности Пулоди

<sup>19</sup> Автобиография А. Пулоди на русском языке. Машинописная копия хранится в архиве автора статьи. В другой своей автобиографии, на узбекском языке (машинописная копия в архиве автора статьи), Пулоди уточняет, что басмаческая шайка (руководимая неким Джума Бобо) действовала в период, когда велись работы по поиску документов на горе Муг. Он сообщает, что шайка Джума Бобо действовала в кишлаках Ягнобе и Навободе, а ее появление было вызвано неправильными и корыстными действиями бывших партийных руководителей [«Слово приобретает силу...»: 14–15].

<sup>20</sup> Цитируется по рукописной копии письма; дата отсутствует.

<sup>21</sup> В одной из сохранившихся «внутренних записок» (без даты) в партийном аппарате ЦК КП(б) Таджикистана (заверенной позже печатью АН Таджикской ССР), адресованной, по-видимому, тогдашнему первому секретарю ЦК КП(б) Таджикистана Д. Гусейнову (иногда фигурирует как Хусейнов; погиб в 1937 г. [см.: Лившиц 2008: 117]), сообщается следующее: «Мирза Дауд ага! “Секретарь — археолог — музей” Пулати привез такое количество мировой ценности документов, что представить трудно. Все это у него в портфеле. Ваш Т.». Ниже под этой записью ответ секретаря: «Внесем дополнительный вопрос сегодня — сообщение Пулатова и приветственное совещание».

<sup>22</sup> Об этом говорится в ряде мест в воспоминаниях Пулоди [«Слово приобретает силу...»: 18, 19].

непосредственно предшествует событиям на горе Муг. Она получила широкий общественный резонанс в Таджикистане и ставилась многим руководителям в качестве примера активной культурной работы.

События на горе Муг и вокруг этого памятника с самого начала стали развиваться по конфронтационному сценарию. Между сторонами — участниками поисков — не складывалось взаимопонимания, были случаи игнорирования друг друга и даже открытых конфликтов. Участвовали две стороны — Абдулхамид Пулоди и его товарищи из числа районного партийно-государственного аппарата, местной интеллигенции, жителей района и Таджикистанская база АН СССР в лице ее отдельных научных сотрудников и представителей из центра (Ленинграда). Контролирующей и примиряющей стороной выступал ЦК КП(б) Таджикистана и лично первый секретарь. Эпизодически задействовались органы милиции, уголовного розыска, районные уполномоченные и руководство ГПУ Таджикской ССР. Каждая из указанных сторон отстаивала свои интересы, в которые сильно примешивалось естественное честолюбие, стремление во что бы то ни стало добиться приоритета, быть первым в обнаружении находок всемирно-исторического значения. Последнее хорошо осознавалось всеми участниками «мугской эпопеи». Редакционная статья (от 18 октября 1933 г.) таджикской газеты «Барои маорифи коммунисти» («За коммунистическое образование») «Историческое открытие в районе Захматабада» содержала отдельный подзаголовок — «Исторические документы, найденные тов. Пулоди, имеют мировое значение» [Kaşfijoti ta'rixī 1933: 2].

Хронология событий 1932–1934 гг. буквально по дням и месяцам была восстановлена Пулоди в различных его письмах, докладных записках и воспоминаниях. Все подлинные документы, имевшие отношение к событиям того времени (удостоверения, справки от участников событий, выписки из протоколов заседаний, письменные донесения и распоряжения, часть из которых даже имела гриф «совершенно секретно»), были сохранены Пулоди и продублированы в нотариально или административно заверенных копиях. Большой интерес представляют специально написанные им воспоминания о тех событиях (на таджикском и русском языках в разных авторских версиях — кратких и расширенных), которые в полном объеме не публиковались<sup>23</sup>. Пулоди приступает к составлению воспоминаний в конце 1950-х — начале 1960-х гг., когда еще были живы многие из участников тех событий, находясь в тех же кишлаках района. По его просьбе они представили ему в письменном виде свои свидетельства-воспоминания об отдельных эпизодах тех событий. Пулоди продолжал работать над этой темой и в 1970-е гг., а во второй половине 1980-х гг., теперь уже по просьбе одного московского издательства, он написал воспоминания под названием «Слово приобретает силу...»<sup>24</sup>. Сравнение показало необычайную дотошность Пулоди: все изложенные в воспоминаниях события строго следуют фактам из документальных источников. Сочетая сведения из воспоминаний и документов, можно еще раз восстановить хронику событий тех лет в кратком изложении.

<sup>23</sup> Версия воспоминаний Пулоди на таджикском языке вышла в № 4 журнала «Шарқи Сурх» («Красный Восток») за 1962 г. (подробнее см. ниже).

<sup>24</sup> См. выше, примеч. 18. Эти воспоминания состоят из 28 стр. машинописного текста и в более сжатой форме излагают события тех лет. В значительно больших по объему воспоминаниях на таджикском языке (более 100 страниц текста) детализируются многие факты и сведения, приводится подробное описание кишлаков района, их хозяйственной деятельности и т. п.



27 сентября 1932 г. Абдулхамид Пулоди (в то время — Хамид Пулати или Хамид Пулатов) получил назначение Секретариата ЦК КП(б) Таджикистана на должность секретаря Захматабадского райкома КП(б) Таджикистана и в октябре приезжает в Захматабад. В ноябре 1932 г. Пулоди впервые услышал о находках на горе Муг — во время дружеской встречи (после общего собрания) партийных, комсомольских и кишлачных активистов в доме Захира Тахирова (начальника районного отделения почты) в кишлаке Дар-Дар. Тахиров рассказал о том, как весной (в мае) 1932 г. трое пастухов (Бахриддин Сахибзода, Айюб Муллазода и Джура Мирзо Ализода) поднялись на гору Муг пасти скот и стали проводить там раскопки. Они обнаружили корзину, обтянутую красной кожей и большой кувшин (хум). В корзине находились какие-то документы-рукописи в виде рулонов. Пастухи взяли один приглянувшийся им рукопись, корзину и кувшин, а остальные документы закопали в том же месте. Корзина попала к чайханщику и стала использоваться для хранения чайников и пиал. О местонахождении рукописи ничего неизвестно.

В ноябре 1932 г. Пулоди выступает по вопросу выполнения плана хлебозаготовок на собраниях актива в разных кишлаках, при этом непременно рассказывая и о затерявшейся рукописи с горы Муг. Он обращается с просьбой к населению сообщать ему все, что они знают или слышали о ней. В результате этого обращения появляются новые сведения о документе, который, как оказалось, уже побывал в руках многих людей в кишлаках района, а также в Пенджикенте, Самарканде, Ура-теппа и других местах. На одном из собраний начальник районного отделения милиции Мулладжан Пирназаров дает обещание приложить все усилия и разыскать пропавшую рукопись. Ему и поручаются поиски.

28 декабря 1932 г. Пулоди получает донесение от начальника уголовного розыска района Баратова об обстоятельствах обнаружения весной 1932 г. пастухами кишлака Дар-Дар находки на горе Муг и ее дальнейшей судьбе (очевидно, начальник угрозыска расспросил об этом тех самых пастухов). Выяснилось, что пастухи сдали свои находки председателю кишлачного совета. Баратов установил фамилию человека (Одинабай Захидзода), у которого мог находиться документ. 10 января 1933 г. начальник милиции М. Пирназаров доставляет Пулоди найденную им накануне разыскиваемую рукопись. К тому времени он опросил 43 человек и обнаружил ее у одного из образованных людей района Нигматуллозода, проживавшего в кишлаке Урметан. Последний, получив этот документ от О. Захидзода (уехавшего в Узбекистан), спрятал его в щель в стене коровника.

В феврале 1933 г. Пулоди едет в Сталинабад для участия в работе Пленума ЦК КП(б) Таджикистана. Опоздав на пленум, он встречается с первым секретарем ЦК КП(б) Таджикистана Д. Гусейновым и докладывает ему о проделанной работе за пять месяцев. Отдельно рассказывает о находке на горе Муг и передает ему рукопись, произведшую очень сильное впечатление на первого секретаря. Тот приглашает представителя Таджикистанской базы АН СССР, старшего специалиста историко-лингвистического сектора С. И. Климчицкого, который определяет, что документ написан согдийским письмом<sup>25</sup>. По заданию Д. Гусейнова с рукописи изготавливаются несколько фотокопий. Одна отправляется в Ленинград в АН СССР

<sup>25</sup> Факт установления согдийского письма и языка на привезенном Пулоди документе Климчицким подтверждается и в газетной публикации [Kaşfiyoti ta'rixî 1933: 2]. В. А. Лившиц, ссылаясь на данную статью, называет здесь, кроме С. И. Климчицкого, еще и А. М. Беленицкого [Лившиц 2008: 117, примеч. 137], который, однако, в данной газетной публикации не упоминается.

профессору А. А. Фрейману, вторая остается на Таджикистанской базе, третья передается Пулоди; оригинал оставляет себе Д. Гусейнов. ЦК КП(б) Таджикистана и Народный Комиссариат просвещения выдают Пулоди удостоверение, позволяющее ему продолжать поиски и заниматься сбором материалов.

Вернувшись в район, Пулоди проводит совещание с активистами и создает специальную комиссию из 13 человек для производства археологических раскопок на горе Муг. В нее, в частности, вошел известный в прошлом самаркандский учитель, руководитель местного отдела просвещения И. Гадозода. Он обучался в медресе в Самарканде и был в свое время одним из учеников и помощников В. В. Вяткина во время его археологических работ на Афрасиабе. Гадозода был знаком с правилами ведения археологической работы. По решению райкома партии он был назначен руководителем раскопок. В комиссию был включен также один из пастухов, обнаруживших документ весной 1932 г., Б. Сахибзода.

С 1 по 3 мая (в праздничные дни) 1933 г. комиссия проводила раскопки на горе Муг. Пастух Сахибзода определил место закопанных ранее рукописей. Из земли вновь извлекается 31 документ, 29 из которых написаны согдийским письмом, один — на арабском и один — неизвестным письмом. Кроме них, были обнаружены предметы бытового характера и три согдийские монеты. Все находки доставляются в райцентр, и о них сразу же сообщается телеграммой в АН СССР в Ленинград и в ЦК КП(б) Таджикистана. Поступает ответ из Ленинграда от академиков В. П. Волгина и А. Н. Самойловича. Пулоди надеялся, что «после нашего письма к нам приедут из центра ученые и оценят наш труд и напишут о нашей работе по раскопкам и находке согдийских документов. Но, к нашему большому удивлению и огорчению, история находки согдийских документов была искажена» [«Слово приобретает силу...»: 25].

10 сентября 1933 г. бюро ЦК КП(б) Таджикистана заслушало сообщение Пулоди о раскопках на горе Муг и обнаружении 31 документа. Бюро одобрило работу Пулоди и его комиссии и повторно дало ему поручение продолжить изыскания, установить около памятника охрану, так как он имеет важное государственное значение, и не позволять кому-либо без разрешения секретаря райкома вести там раскопки. В удостоверении, выданном А. Пулоди 10 сентября 1933 г. за подписью секретаря ЦК КП(б) Таджикистана Гусейнова, было сказано: «Предъявитель сего т. Пулати-Хамид действительно является секретарем Захмат-Абадского райкома КП(б) Таджикистана и ему поручается организация производства раскопок старинных рукописей в Захмат-Абадском, Пенджикентском и Матчинском районах. Советским и партийным организациям надлежит оказывать т. Пулати всемерное содействие в его работе»<sup>26</sup>. Вместе с этим удостоверением Пулоди получил также соответствующие распоряжения от председателя ГПУ Таджикской ССР Солоницина своим райуполномоченным: «Райуполномоченному ГПУ МАТЧ тов. Звягинцеву. Тов. Пулати — секретарь Захмат-Абадского райкома партии по поручению секретаря ЦК т. Гусейнова командирован в Пенджикентский и Матчинский районы — для изыскания старинных исторических рукописей. Предлагаю оказать тов. Пулати содействие в его работе и, если у Вас имеются рукописи, — выдайте их тов. Пулати. Пред ГПУ Тадж ССР (Солоницин)»<sup>27</sup>. Таджикистанская база АН СССР

<sup>26</sup> Сохранилась заверенная копия удостоверения, полученная Пулоди из Института истории партии при ЦК КП Таджикистана в 1961 г.

<sup>27</sup> Текст приводится по сохранившемуся распоряжению (третий экз.) с подписью Солоницина.

официально обратилась к Пулоди с просьбой дать разрешение «на перефотографирование имеющихся в Вашем распоряжении согдийских документов, необходимых для работ по разбору первого документа профессора Фреймана и дальнейших работ по их расшифровке»<sup>28</sup>. Все эти документы, как и отношение к Пулоди в ЦК показывают, в какой степени изменился и возрос статус А. Пулоди не только как секретаря райкома, но и руководителя поисковых работ, своего рода начальника историко-археологического объекта на территории вверенного ему района.

В середине сентября 1933 г. из Сталинабада в Захматабад, судя по всему, инкогнито приезжает молодой иранист-археолог, ученый секретарь Таджикистанской базы АН СССР А. И. Васильев с целью самостоятельного проведения раскопок на горе Муг и рекогносцировочных работ. Поездка не была согласована Васильевым с районным комитетом и лично с Пулоди. Таджикистанская база в Сталинабаде также не поставила его в известность об этом. О появлении Васильева на горе Муг и его раскопках там Пулоди был оповещен населением кишлака. Он пригласил Васильева в райцентр с предложением дать отчет на бюро райкома о произведенной им работе. Васильев отказался что-либо сообщать. Тогда райком «поручил Зубышеву — начальнику РайГПУ забрать все находки, найденные Васильевым при раскопе им горы Муг и выдворить его с территории района. Васильев, прибыв в Душанбе, объяснил, что он ... приехал не с целью раскопки, а с целью составления планировки горы Муг» [«Слово приоретает силу»: 26]. Это событие, судя по воспоминаниям и различным запискам, сильно задело самолюбие Пулоди, не предполагавшего такого к себе отношения со стороны ученых из Сталинабада. В свою очередь, оно подействовало и на Васильева, который, несомненно, сообщил своим коллегам по Таджикистанской базе о возникшем инциденте с конфискацией находок и выдворением его из района. Так образовалась трещина в дальнейших отношениях между Пулоди и учеными из Таджикистанской базы. Доверие друг к другу было во многом утрачено, зато появились настороженность и соперничество.

В сентябре возникает небольшая переписка между Пулоди и руководством АН СССР в Ленинграде. На письмо с сообщением о новых находках рукописей и предметов материальной культуры Пулоди получает ответное письмо (от 20 сентября 1933 г., № 62-672) за подписью тогдашнего неперменного секретаря АН СССР академика В. П. Волгина и начальника Научно-организационного сектора Печерского: «Всесоюзная Академия наук подтверждает получение Вашего извещения о находке Вами вновь согдийских рукописей и предметов материальной культуры и выражает благодарность Вам и другим представителям таджикской общественности, вместе с Вами заботящимся о них, за сохранение этих памятников. находка согдийских рукописей — впервые в нашем Союзе, в Таджикистане, на территории древней Согдианы — имеет мировое научное значение. Согдийский язык, памятники которого найдены около 25 лет тому назад в согдийских колониях в Китае, лишь недавно стал предметом научного исследования, и новые рукописи позволяют углубить наши знания в области языков. База Академии наук приняла меры к изданию в согласии с таджикской общественностью этих документов»<sup>29</sup>.

Продолжая переписку, Пулоди информирует Волгина о новых находках предметов материальной культуры (керамических изделий — ваз и кувшинов, глиня-

<sup>28</sup> Текст приводится по оригиналу обращения со штампом Таджикистанской базы (от 1 сентября 1933 г. за № 836) с двумя подписями.

<sup>29</sup> Документ приводится по машинописной копии, сохранившейся среди бумаг А. Пулоди.

ного котелка, фрагментов одежды, различных монет и т. п.). И, что весьма примечательно для характеристики личности Пулоди, он просит Волгина помочь ему ознакомиться с историей согдийской культуры, которая в то время была почти неизвестна местной общественности: «Имеем к Вам большую просьбу в связи с Вашим письмом ознакомить меня с историей согдийской культуры. Я надеюсь, что при Вашей помощи мы сможем найти еще целый ряд материалов по изучению истории материальной культуры Средней Азии». В ответном письме (от 31 января 1934 г., № 7–2) от директора Института востоковедения академика А. Н. Самойловича и ученого секретаря Вострикова содержатся рекомендации Пулоди поддерживать связи с Таджикстанской базой АН СССР и лично с ее ученым секретарем (упомянутым выше) А. И. Васильевым для организации хранения и изучения собранных предметов с археологических раскопок, а также сообщается о планируемой присылке в Захматабад из Института востоковедения «специалиста для археологической работы на месте». Авторы письма информируют, что «Вслед за письмом отправляем Вам литературу по истории согдийской культуры»<sup>30</sup>.

В начале октября 1933 г. ЦК КП(б) Таджикистана начинает готовить специальное заседание Секретариата по вопросу о согдийских рукописях. Основанием послужило письмо Таджикстанской базы АН СССР «о работах по отысканию и изучению согдийских рукописей» (к сожалению, данное важное письмо, содержащее, по-видимому, и оценку деятельности Пулоди, осталось мне неизвестным: его копия не обнаружена в бумагах Пулоди). В этой связи Гусейнов шлет Пулоди телеграмму-молнию (13 октября) с просьбой срочно нарочным «прислать в ЦК все вновь найденные документы».

14 октября состоялось заседание Секретариата ЦК КП(б) Таджикистана, рассмотревшее «Письмо Таджикской базы Академии наук СССР о работах по отысканию и изучению согдийских рукописей» и принявшее по нему постановление из семи пунктов<sup>31</sup>:

«Кому: Захматабадскому рк. 16/X — 1933 года. Сов. секретно.

Выписка из протокола № 32 Заседания Секретариата ЦК КП(б) Тадж. от 14/X — 1933 года. Слушали: Письмо Таджикской базы Академии наук СССР о работах по отысканию и изучению согдийских рукописей.

1. Одобрить предложение Базы об организации экспедиции в составе научных сотрудников Базы проф. А. А. Фреймана (начальник экспедиции), В. А. Воробьев (зам. начальника) и А. И. Васильева и представителя Захматабадского райисполкома (по утверждению райкома партии) для производства раскопок на горе Муг — близ кишлака Хайрабад Захматабадского района.

2. Просить начальника ТПЭ т. Н. П. Горбунова оказать Базе Академии наук необходимое содействие в снаряжении и снабжении экспедиции.

3. По окончании экспедиции поставить на Бюро ЦК доклад о результатах раскопок на горе Муг.

4. Предложить Пенджикентскому и Захматабадскому райкомам КП(б) Тадж. т. т. Каримову и Пулати оказать экспедиции полное содействие в проведении работ

<sup>30</sup> Документ приводится по рукописной копии, сохранившейся среди бумаг А. Пулоди.

<sup>31</sup> Сохранившийся экземпляр выписки из протокола № 32 данного заседания, предназначенный Захматабадскому райкому, представляет собой машинописный текст на одной странице тонкой бумаги, помеченный грифом «Сов. секретно» и датированный 16 октября 1933 г. Этот документ заверен подписью секретаря 2-го Сектора ЦК Литвинова и печатью с легендой на таджикском (в латинице) и русском языках «Коммунистическая Партия (большевиков) Таджикистана».

и организации доставки ею найденных материалов в Сталинабад. Прикомандировать к экспедиции для участия в раскопках члена КП(б) Тадж. т. Захира Тахинова, проживающего в кишлаке Хайрабад.

5. Считать неправильным отобрание Захматабадским уполномоченным ГПУ материалов рекогносцированного обследования, произведенного ученым секретарем Базы Академии наук СССР т. А. И. Васильевым, и поручить тов. Солоницину предложить немедленно возвратить эти материалы Базе Академии наук.

6. Поручить Таджикской базе Академии наук организовать хранение всех найденных до настоящего времени и могущих быть обнаруженными в пределах Таджикистана согдийских рукописей и материалов по истории согдийцев.

7. Предложить Таджикской базе Академии наук (под ответственностью т. А. И. Васильева) организовать научную обработку найденных согдийских материалов и издание специального сборника, посвященного сделанным в 1933 г. находкам согдийских рукописей и материалов по истории согдийской культуры. Секретарь ЦК — Гусейнов. Верно: Секретарь 2-го Сектора ЦК — [подпись, печать] (Литвинов). Отп. 9 экз. АВ».

В этом документе обращает на себя внимание негативная оценка действий уполномоченного ГПУ, а, следовательно, и стоявшего за ним секретаря райкома Пулоди. В то же время не выражено отношение к факту несогласованного Васильевым приезда на раскоп. Сразу же после заседания Секретариата ЦК А. А. Фрейман направил Пулоди телеграмму с подтверждением своих полномочий в качестве начальника экспедиции и с просьбой «принятия мер предупреждения раскопок до моего приезда». Следом (17 октября) приходит телеграмма-молния ультимативного характера уже от секретаря ЦК Гусейнова: «Прекратите всякого рода раскопки Хайрабада. Обеспечить охрану развалин до прибытия экспедиции».

Восьмого ноября 1933 г. экспедиция Таджикстанской базы АН СССР, возглавляемая А. А. Фрейманом, прибывает в Захматабад и располагается у подножия горы Муг в палатках. Однако в первые два дня у экспедиции возникли различные затруднения, не предвиденные руководителями Базы. Они во многом были вызваны отсутствием контактов с районной властью и райкомом партии. Хотя решением ЦК Пулоди было дано указание «оказать экспедиции полное содействие в проведении работ», встреча с ним по какой-то причине не состоялась. А. А. Фрейман был вынужден направить ему короткую записку: «Уважаемый тов. Пулоти. Извещаю Вас, что два дня тому назад мы прибыли в Хайрабад, для производства раскопок на горе Муг согласно постановления ЦК партии Таджикистана. К сожалению, несмотря на извещение о нашем приезде, вместо помощи в нашей работе, на которую мы в праве были надеяться, мы встретили затруднения на месте. Очень прошу Вас поэтому не отказать в содействии к приезду сюда представителя Райисполкома, кот. смог бы устранить препятствия в нашей работе. Было бы очень хорошо, если бы Вы и сами смогли приехать для обсуждения всей совокупности вопросов, связанных с открытиями на горе Муг. Уважающий Вас А. Фрейман. 10/XI [1933 г.]. Хайрабад»<sup>32</sup>. Пулоди выехал в Хайрабад на гору Муг, где и состоялась его встреча с А. А. Фрейманом. Как пишет Пулоди, причины возникших сложностей были связаны с тем,

<sup>32</sup> Документ сохранился в виде записки-автографа А. А. Фреймана на блокнотном листе; написан простым карандашом и заверен печатью «Таджикская база Академии наук СССР», с надписью на обороте: «Тов. Пулати Райком КП(б) Тадж.». К автографу приложена машинописная копия, заверенная 25/IV — 61 г. подписью ученого секретаря (фамилия не указана) и печатью на двух языках: «Академия наук Таджикской ССР, Институт истории, археологии и этнографии».

НОМУ: *Захмитабадскому*

16/X-1933 года.

Сов. Секретно.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 32

Заседания Секретариата ЦК КП (б) Тадж. от 14/X-1933 года.

СЛУШАЛИ: Миссию Таджикской Базы Академии Наук СССР о работах по отысканию и научению согдийских рукописей.

1. Одобрить предложение Базы об организации экспедиции в составе научных сотрудников Базы проф. А. А. Греймана (начальник экспедиции), В. А. Зоробьев (Зам. Начальника) и А. Васильева и представителя Захмитабадского Райисполкома (по утверждению Райкома партии) для производства раскопок на горе МТГ - близ кишлака Хабрабад Захмитабадского района.

2. Просить Начальника ТЮ т. Н. Д. Горбунова оказать Базе Академии Наук необходимое содействие в снаряжении и снабжении экспедиции.

3. По окончании экспедиции поставить на Бюро ЦК доклад о результатах раскопок на горе МТГ.

4. Предложить Пенджикентскому и Захмитабадскому Райкомам КП (б) Тадж. т. т. Каримову и Дулати оказать экспедиции полное содействие в проведении работ и организации доставки ею найденных материалов в Сталинабад.

Прикомандировать к экспедиции для участия в раскопках члена КП (б) Тадж. т. Загир Таирова, проживающего в кишлаке Хабрабад.

5. Считать неправильным отобрание Захмитабадского уполномоченным ГИУ материалов рекогносцированного обследования произведенного ученым секретарем Базы Академии Наук СССР т. А. И. Васильевым и поручить тов. Облоничину предложить немедленно возвратить эти материалы Базе Академии наук.

6. Поручить Таджикской Базе Академии Наук организовать хранение всех найденных до настоящего времени и могущих быть обнаруженными в пределах Таджикистана согдийских рукописей и материалов по истории Согдийцев.

7. Предложить Таджикской Базе Академии Наук (под ответственностью т. А. И. Васильева) организовать научную обработку найденных согдийских материалов и издание специального сборника, посвященного сделанным в 1933 г. находкам согдийских рукописей и материалов по истории согдийской культуры.

А. И. Васильев, Секретарь ЦК- ГИУСНИИОБ.

В Э Т О :

Секретарь 3-го Сектора ЦК- *Литвинов*

(Литвинов)

Отп. 9 экз.  
АВ.

что ученые «прибыли в кишлак Хайрабад (у подножия горы Муг), но они так и не известили о своем прибытии, без представителя райкома стали заниматься раскопками на горе Муг». Это утверждение расходится с сообщением А. А. Фреймана об извещении о приезде экспедиции. По-видимому, извещение не было адресовано в райком партии и лично Пулоди. Как пишет последний: «Несмотря на то, что Фрейманом было нарушено Постановление ЦК Таджикистана, я прибыл на гору Муг, побеседовал с Фрейманом о помощи им в их работе. Фреймана я пригласил в райцентр. Он, окончив свои работы, приехал в райцентр (Варзaminaр). Два дня гостил у меня в доме. Я ему показал согдийские письма, найденные нами на горе Муг бумаги. Я также ему показал экспонаты, собранные в районном музее» [«Слово приобретает силу...»: 26]. Сохранилась и ответная реакция А. А. Фреймана — его записка, датированная 18 ноября 1933 г., в которой он сообщает о своих впечатлениях после посещения музея в районном центре — кишлаке Варзaminaре: «Проведенные мною два дня в Варзaminaре оставили неизгладимое чарующее впечатление на мне. Очень счастлив, что мне удалось обозреть предметы материальной культуры согдийцев, собранные с великой любовью тов. Пулати. А. Фрейман. 18 XI 1933 г.»<sup>33</sup>. Перед завершением экспедиции А. А. Фрейман передает Пулати через партийца Захира Тахирова из кишлака Хайрабад, присутствовавшего на раскопе, свою благодарственную записку: «Уважаемый тов. Пулати. Пользуюсь приездом сюда тов. Тагирова, передать Вам привет и благодарность за оказанное мне гостеприимство. Здесь найдены еще палки с согдийскими письменами. Работа уже закончена. Послезавтра надеемся выехать. *Зинда бод илми таърихи Тоҷикистон ва забонҳои вай! Саломат!* А. Фрейман. 21/XI 1933 г.»<sup>34</sup>.

В декабре 1933 г. участник экспедиции В. А. Воробьев публикует серию статей о раскопках согдийского замка на Зеравшане в газете «Коммунист Таджикистана» (за 17, 18, 23 и 24 декабря)<sup>35</sup>. В них излагается история открытия рукописей, начиная с находки пастуха Джур-Али и до завершения работы экспедиции Таджикостанской базы. Деятельности Пулоди в целом дается положительная оценка. Он — «прекрасно образованный большевик, в недавнем прошлом преподаватель

<sup>33</sup> Записка-автограф А. А. Фреймана, написанная карандашом на листе бумаги блокнотного формата в линейку. К автографу приложена машинописная копия, заверенная 25/V — 61 г. подписью ученого секретаря (фамилия не указана) и печатью на двух языках: «Академия наук Таджикской ССР, Институт истории, археологии и этнографии». О составе экспонатов районного музея, о котором Пулоди упоминает в некоторых своих записях, и его дальнейшей судьбе известно немного. Наряду с историческими экспонатами, в нем демонстрировались и 33 вида горных полезных ископаемых [«Слово приобретает силу...»: 19]. Перед завершением деятельности Пулоди на посту секретаря районного комитета КП(б) (в мае 1934 г.) все обнаруженные материалы согдийской культуры были переданы по акту в Государственный республиканский музей в г. Сталинабаде (сохранилось командировочное удостоверение тов. Пулати «для перевозки согдийских материалов» в названный музей через г. Самарканд, а также копия акта (от 8 мая 1934 г.) о сдаче и приеме «материалов согдийской культуры, найденных Пулати на горе Муг Захматабадского района и ряда материалов других эпох, собранных также им в Захматабадском районе». Об экспонатах, которые он передавал, по свидетельству А. Ганиева, в краеведческий музей Пенджикента, ничего не известно.

<sup>34</sup> Записка-автограф А. А. Фреймана на листе из блокнота в клетку, написанная простым карандашом с надписью на обороте листа: «Тов. Пулати». К автографу приложена машинописная копия, заверенная 25/V — 61 г. подписью ученого секретаря (фамилия не указана) и печатью на двух языках: «Академия наук Таджикской ССР, Институт истории, археологии и этнографии». Текст «*Зинда бод илми таърихи Тоҷикистон ва забонҳои вай! Саломат!*» в записке-автографе написан латиницей и означает: «Да здравствует историческая наука Таджикистана и его языки! [Будьте] здоровы!»

<sup>35</sup> Сведения из статей приводятся по машинописным копиям, сохранившимся в бумагах А. Пулоди.

Комвуза», имеет большой интерес к истории, создал в Варза-Миноре музей из предметов старины, найденных в кишлаках и древних развалинах Захматабадского района. Вместе с тем в статьях дается иная картина происшедшего в Захматабаде, нежели та, которая имела место в действительности. Вся работа по поиску рукописей и раскопкам, инициированным Пулоди, была сведена только к личности Пулоди как любителя-одиночки, без изложения той большой работы многих причастных к открытию людей, которые были вовлечены Пулоди в это дело. Отмечалось, что раскопки велись крайне небрежно, что Пулоди искал только рукописи, а «разные мелочи, которые попадались ему среди обломков кирпича, его не интересовали и выбрасывались вместе с мусором». Пулоди был поставлен в один ряд с забредшим на гору неким туристом Пасхиным («После тов. Пулоди на гору Муг явился с кетменем за плечами сталинабадский турист Пасхин. Покопавшись немного в пыли развалин и не найдя ничего, он скоро остыл и оставил развалины в покое»). Воробьев приходит к такому выводу: «К счастью для науки “раскопки” Пулоди и Пасхина, поставленные более чем кустарно и не имевшие ничего общего с научным изучением “месторождения” согдийских рукописей, продолжались недолго. Любители древностей перекопали только краешек развалившейся постройки».

После ознакомления с данной публикацией Пулоди пишет заявление-протест на статьи Воробьева в Совет Народных Комиссаров Таджикской ССР. Комиссия в составе трех человек после изучения всех материалов на своем заседании 21 мая 1934 г. вынесла заключение о допущенных в статьях неточностях и искажениях фактов. В общем выводе было отмечено, что статьи «неправильно информировали общественность Таджикистана об отдельных моментах нахождения согдийских документов». Среди этих моментов — отсутствие информации о том, что документ, найденный пастухом Джур-Али, находился в неизвестности и был обнаружен Пулоди у гражданина Захидова и лично им доставлен в Сталинабад; язык этого документа (согдийский) был определен Климчицким. Сообщение Воробьева о том, что «т. Пулати искал только рукописи, а остальные материальные ценности согдийской культуры его не интересовали, а выбрасывались в мусор, не соответствует действительности, так как тов. Пулати было найдено большое количество других памятников (черепки, монеты и др. предметы) и 23 новых рукописей, включая в это число одну рукопись на арабском и одну на неизвестном языке». В последних двух пунктах протокола было отмечено: «3. Принять к сведению, что тов. Пулати 20-го мая с/г дополнительно сдал 8 согдийских рукописей в Базу Академии наук. 4. Настоящее постановление опубликовать в прессе». Протокол был подписан членами комиссии Любецким, Тарасенко и Климчицким<sup>36</sup>.

Неизвестно, было ли постановление комиссии по статьям Воробьева опубликовано. Скорее всего, нет, так как Пулоди нигде в последующих материалах об этом не упоминает. В мае — июле 1934 г. после передачи остатков материальных ценностей в Сталинабад «мугская эпопея» Пулоди завершается полностью. Новые дела и назначения, а затем война и заключение в лагерь надолго отвлекают его от этой темы. Однако в конце 1950-х — начале 1960-х гг., спустя более двадцати лет после обнаружения рукописей на горе Муг, Пулоди вновь возвращается

<sup>36</sup> Протокол сохранился в копии, выданной Пулоди в 1934 г. и заверенной членом комиссии — секретарем ученого Совета при СНК ТаджССР Тарасенко и печатью СНК, а также в нотариально заверенной копии 1960 г. Здесь зафиксирована фамилия «Климчицкий» вместо ранее фигурировавшей «Климчицкий».



к истории этого события и уже не оставляет ее почти до конца своей жизни. Еще в 1986 г., пересылая С. С. Бычкову (по-видимому, издательскому работнику) машинописную рукопись своих воспоминаний об истории открытия находок на горе Муг [«Слово приобретает силу...»], он пишет: «Я счастлив, что хотя с большим опозданием, но выполняю свое обещание. Я Вам высылаю письмо о забытой правде, о согдийских документах с горы Муг, на поиск которых было мобилизовано столько людей. В моем послании изложен весь ход событий, связанных с историей находки, которые были в свое время искажены и, несмотря на то, что с тех пор прошло 53 года, не дают мне душевного покоя»<sup>37</sup>.

Причиной душевного беспокойства служили для Пулоди те же самые «моменты», связанные с интерпретацией открытия на горе Муг, которые фигурировали и в 1930-е гг. Ознакомившись в конце 1950-х гг. с отдельными публикациями ученых в республиканских (таджикских) и центральных изданиях по вопросу находок мугских документов, Пулоди увидел, что изменений не произошло: нередко повторялась история о том, как пастух Джур-Али Махмад-Али нашел рукопись и принес ее секретарю райкома. В некоторых публикациях исчезло и само имя Пулоди. У него же, только недавно пережившего драму незаконного осуждения, возникает ощущение, что его заслуги как открывателя документов забыты в Таджикистане. Несогласие вызывало и то, что в публикациях не было показано участие в обнаружении мугских документов партийных и советских организаций, а также представителей местной интеллигенции и простых жителей кишлаков. Эти детали, быть может, и не столь важны для науки, но для Пулоди как партийного работника, лично участвовавшего во всех перипетиях данного дела, они представлялись безусловно значимыми. Пулоди готовит подробные письма с описанием ситуации и с критическими замечаниями по поводу отдельных публикаций востоковедов (А. А. Фреймана, М. М. Дьяконова, В. А. Воробьева и др.), историков, журналистов, музейных работников, освещавших историю открытия документов. В самом конце 1950-х — начале 1960-х гг. такие письма он направляет в АН Таджикской ССР (вице-президенту И. Нарзикулову и в Институт истории, археологии и этнографии), первому секретарю ЦК КП Таджикистана (Ульджабаеву), в другие научные и общественные организации, а также отдельным известным личностям республики.

В ответных письмах подтверждаются заслуги Пулоди, и появляется встречное предложение ему самому подготовить воспоминания об открытии согдийских документов. В письме из Института истории, археологии и этнографии (от 12 марта 1959 г.) сказано следующее: «В своем письме Вы привели ряд фактов, которые хорошо известны научной общественности Таджикистана и отражены в многочисленных научных публикациях и газетных статьях. В науку прочно вошли согдийские документы из Калаи Муг. В изучении его и привлечении внимания ученых к этим памятникам Вы сыграли выдающуюся роль. Институт истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР мог бы приобрести у Вас воспоминания об открытии согдийских документов и опубликовать их целиком или частично, а также приобрести документы или иные находки из Калаи Муг, если они сохранились в Вашем личном владении. Кроме того, мы очень просим Вас сообщить, каким образом Вы могли бы передать в Институт истории, археологии и этнографии сохранившийся у Вас обрывок согдийского документа. Разумеется,

<sup>37</sup> Цитата приведена по копии сохранившегося письма С. С. Бычкову, приложенному к рукописи воспоминаний Пулоди.

институт выплатил бы Вам за него соответствующее вознаграждение. И. о. директора Института А. Мухтаров»<sup>38</sup>.

Обстоятельный официальный ответ (на четырех страницах) был направлен Пулоди Институтом истории, археологии и этнографии имени А. Дониша за подписью зам. директора института Б. Антоненко (№ 145 от 6 марта 1961 г.). Воздавая должное заслугам Пулоди, автор письма в подтверждении правильности позиции ученых прослеживает освещение этого вопроса в ряде крупных публикаций — в «Согдийском сборнике» (Л., 1934 г.) и в работах Б. А. Литвинского и М. М. Дьяконова, сопоставляет эти данные с высказываниями Пулоди и полемизирует с его точкой зрения. В заключительной части письма говорится следующее: «Нам представляется, что Ваша позиция, как она сформулирована в присланном письме, не может считаться оправданной. Безусловно, согдийскую рукопись на горе Муг нашел пастух Джурали Махмудали — не будь этой счастливой случайности, эти памятники могли еще много лет оставаться неизвестными науке, не знали бы о них и Вы. Проф. Дьяконов не совершил никакого искажения, он излагал события так, как они описаны с Ваших слов и слов местных жителей еще в 1933 г. чл.-корр. АН СССР проф. Фрейманом, сомневаться в сведениях и объективности которого нет никаких оснований. Все это отнюдь не умаляет (как Вы почему то неправильно думаете) Ваши заслуги. Большие открытия, особенно у нас в СССР, обычно являются делом не одиночек, а коллективов. Так было и с замком на горе Муг. Открытие здесь было сделано Джурали Махмудали, простым пастухом (как правильно подчеркнул М. М. Дьяконов, это характерно для советского времени), доставили рукописи специалистам и начали раскопки Вы, научное исследование провел проф. А. А. Фрейман и его сотрудники. Изучение добытого материала продолжает до настоящего времени целый коллектив специалистов. Каждый участник, в том числе и Вы, товарищ А. Пулатов, внес свой вклад в изучение прошлого таджикского народа и его культуры»<sup>39</sup>.

Идея публикации воспоминаний Пулоди, к тому времени уже написанных на таджикском языке и посланных в Институт истории, археологии и этнографии, неожиданно была поддержана А. М. Беленицким в небольшой записке-обосновании, где он выразил свое мнение об их большой общественной значимости: «Находки документов на горе Муг из архива правителя Пенджикента Деваштича (VII в.) приобрели первостепенное значение в истории археологического изучения Согда преарабского времени. В связи с этим все обстоятельства, связанные с открытием архива, имеют вполне определенный научный, так же как и общественный интерес. Бесспорно, справедливости ради должны быть восстановлены имена всех лиц, причастных к этому незаурядному открытию, и отмечены в литературе их заслуги. С этой точки зрения, материалы, представленные тов. Пулатовым, одним из главных участников этого открытия, представляют большое значение, и их обработка для печати весьма желательна. Публиковать их можно в виде: а) очерка в литературном

<sup>38</sup> Текст приводится по оригиналу сохранившегося письма. «Обрывок согдийского документа», о котором упоминает А. Мухтаров, единственный документ, находившийся в личном распоряжении Пулоди. О его судьбе ничего неизвестно, не обнаружен он и среди бумаг Пулоди.

<sup>39</sup> Текст приводится по оригиналу сохранившегося письма. Несколько позже (28 ноября 1961 г., № 769) письмо Пулоди направляет и директор Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша чл.-корр. АН ТаджССР профессор З. Раджабов: «Многоуважаемый тов. Пулатов! Сообщаю Вам, что в ближайшее время в Душанбе будет напечатана статья научного сотрудника Института истории им. А. Дониша Акрамова Н., посвященная археологическим раскопкам в Пенджикенте. В ней упоминается о Ваших заслугах. Статья будет помещена в одной из центральных газет нашей республики».

журнале, что мог бы сделать опытный журналист; б) в виде научной статьи в одном из изданий АН Тадж. ССР. Подготовить такую статью смог бы один из сотрудников сектора средних веков Института истории. Так или иначе, повторяю, на основе материалов, представленных т. Пулотовым, следует ознакомить историков и общественность с тем, как фактически произошло открытие. Беленицкий. 10. X. 61 г. (подпись)»<sup>40</sup>.

Вскоре воспоминания Пулоди об истории открытия документов на горе Муг появляются в виде отдельной статьи на таджикском языке в четвертом номере журнала «Шарки Сурх» за 1962 г. под названием «История находок на горе Муг» [Пулоди 1962: 153–157]. Автор подробно излагает собственную версию обнаружения документов на горе Муг и критикует неверные ее интерпретации в научной и популярной литературе, когда вся история открытия сводится к находке «одного пастуха» (*як нафар чўпон*). Большинство публикаций по этой теме (см. выше, примеч. 2) расходится с тем, что описал Пулоди, прежде всего своим упрощенным (или сокращенным) подходом к освещению событий, Пулоди же дает полную (даже по дням) хронологию событий с упоминанием всех имен ее участников со стороны гражданского населения (вплоть до фамилий участников собрания в одном из селений, к которым он обратился с просьбой о поиске согдийских документов). После выхода данной публикации Пулоди продолжал следить за новинками литературы по согдийским рукописям и реагировать на искажения истории их открытия, но теперь уже с учетом своей публикации. В середине 1960-х гг., в связи с выдвижением группы ученых, подготовивших три выпуска «Согдийских документов с горы Муг», на соискание Ленинской премии, Пулоди шлет письма по нескольким адресатам в Москву и Ленинград (председателю Комиссии по Ленинским премиям при Совете Министров СССР академику М. В. Келдышу, секретарю партийной организации Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова и др.). В целом высоко оценивая проделанную работу и поддерживая выдвижение ученых на Ленинскую премию, Пулоди все же отмечает сохраняющиеся в их работах искажения отдельных сторон истории открытия документов.

Из всего изложенного выше может создаться впечатление, что Пулоди был против всех ученых, каждый раз подвергая их критике. Однако это не так. В своих письмах он отмечает и примеры правильного изложения событий. Такой подход он находит в работе В. А. Лившица — как в вопросе описания истории находки на горе Муг, так и в указании на то, кто впервые установил, что язык документа — согдийский. В письме академику М. В. Келдышу и в ряде других писем 1960-х гг. Пулоди приводит ссылку на публикацию В. А. Лившица [см.: СДГМ-2], ставя ее в пример и настаивая на ее учете другими исследователями. По словам Пулоди, В. А. Лившиц «правильно описывает [историю] находки согдийских документов с горы Муг, и о том, кто впервые прочитал письмо в кабинете Гусейнова, бывшего секретаря ЦК КП Таджикской ССР, — научный сотрудник Базы АН ТаджССР С. И. Климчицкий». Отмечая расхождение в позициях А. А. Фреймана и В. А. Лившица, и полагая, что первым была «сознательно неправильно информирована общественность о находке», Пулоди заключает, что «соответствует действительности описанное Лившицем», и что это «может подтвердить моя

<sup>40</sup> Записка Беленицкого сохранилась в машинописном варианте с его личной подписью; заголовок от руки — «О находке документов с горы Муг».

статья и сохранившиеся документы, которые у меня находятся». В конце письма Пулоди призывает «окончательно установить правильность изложения по работе Лившица, чтобы в дальнейшем не было разногласий о находке согдийских документов с горы Муг»<sup>41</sup>.

Сравнение показывает, что информация В. А. Лившица в сжатой форме совпадает с точкой зрения Пулоди, изложенной им в ряде рукописных текстов и публикаций. В. А. Лившиц пишет: «Документ 1. I был найден на горе Муг весной 1932 г. В течение почти целого года он находился у жителей ряда селений Захматабадского района, переходя из рук в руки, и лишь в январе 1933 г., благодаря энергии Абдулхамид Пулоди (в то время секретаря Захматабадского райкома партии) документ был обнаружен у одного из жителей селения Урметан и доставлен в г. Сталинабад. Здесь документ был определен как согдийский. Фотография документа была доставлена в апреле 1933 г. в Ленинград проф. А. А. Фрейману. В июне того же года он в Сталинабаде ознакомился с оригиналом» [Лившиц 2008: 117]. И далее: «В “Согдийском сборнике” (С. 10, 33) сообщается, что док. 1 I был найден пастухом Джур-Али Махмад-Али. Согласно версии Пулоди, документ нашли три пастуха, жители селения Хайрабад — Бахриддин Сохибзода, Аюб Муллозода и Джур Мирзо Ализода» [Там же: 117, примеч. 136]. «Пастухи, нашедшие документ, считали, что он написан арабским письмом. Пулоди предполагал, что документ — уйгурский. Впервые документ был определен как согдийский А. М. Беленицким и С. И. Климчицким, научными сотрудниками Таджикстанской базы АН СССР» [Там же: 117, примеч. 137; но ср. выше, примеч. 25].

Таким образом, многолетние усилия А. Пулоди по установлению истины в освещении событий, связанных с находками на горе Муг, не были потрачены зря. Его точка зрения, хотя и не в полном объеме, была все же услышана и получила отражение в исследовательской литературе. Но в научной среде сложилась также иная версия происшедшего, которая нередко повторялась в последующих научных и популярных публикациях, что и вызывало несогласие у беспокойного А. Пулоди, для которого «мугская эпопея» продолжалась до конца его жизни. Но очевидно и другое: проделанная им работа по воссозданию истории находок на горе Муг в виде собранных и сохранных им подлинных документов по этой теме имеет важное самостоятельное значение для истории одного из важнейших открытий советской исторической науки. Эти материалы дают возможность для более углубленных осмыслений происшедшего с разных точек зрения — исторической, культурологической, социально-политической и др.

*Пулоди — собиратель рукописей и библиофил.* Под влиянием событий вокруг находок на горе Муг Пулоди в конце 1950-х — начале 1960-х гг. возобновил свое давнее увлечение — собирание рукописей и старопечатных изданий на персидско-таджикском, арабском и тюркских языках. По сообщению Ильхома Эгамбердиева (см. о нем в примеч. 5), А. Пулоди рассказывал ему о своей библиотеке еще довоенного времени, собранной в 1930-е гг., которая исчезла ко времени его возвращения из заключения. Свою коллекцию он собирал как любитель, во многом спонтанно, не занимаясь специальной подборкой рукописей и не преследуя цели ее изучения. В то же время его собрание (включавшее также современную

---

<sup>41</sup> Цитируется по рукописному черновику письма М. В. Келдышу, сохранившемуся среди бумаг Пулоди. Оригинал письма отправлен Келдышу в Комитет по Ленинским премиям в конце декабря 1964 г.

востоковедную и другую литературу) не было и простым складированием приобретенного. Те экземпляры рукописей и литографий, которые оказались в моем распоряжении, демонстрируют постоянное и внимательное отношение к ним со стороны их владельца. В них содержатся многочисленные пометки, выписки на листочках и индексы (все они сделаны почерком Пулоди), определения дат переписки сочинений, их названий, авторства и т. д. Составлял Пулоди и общий список (каталог) своей библиотеки с краткими сведениями о каждой рукописи. Большинство из собранных текстов было им перечитано. Своим мелким аккуратным почерком он переписывал целые диваны стихов различных поэтов (в частности, Туграла).

Позже его частные интересы собирателя (это определение более подходит в отношении Пулоди, нежели слово «коллекционер») стали совпадать с обязанностями по служебной должности — вначале в качестве работника Краеведческого музея, а затем заведующего Отделом восточных рукописей Фундаментальной научной библиотеки СамГУ. По-видимому, не стоит судить о возникающей в подобных ситуациях этической дилемме, хотя известно немало примеров совмещения такого рода увлечений с близкой по характеру работой (как, например, у востоковеда А. А. Семенова, работавшего в фондах библиотек и оставившего после себя интересную личную коллекцию рукописей). По словам Абдукарима Ганиева, проживая в Самарканде, Пулоди каждую пятницу приходил в местность Чорраха, где расположены и ныне действующая главная самаркандская мечеть Ходжа Зудмурод<sup>42</sup>, и одноименный *гузар* (квартал), возле которой продавали старые рукописи и старопечатные книги (литографии), и приобретал что-нибудь для своей библиотеки либо для Музея. В те годы, как известно, рукописи и старые книги можно было легко получить и без оплаты, в качестве подарка, либо за совсем незначительную символическую сумму. В одной из приобретенных старопечатных книг (Абд ар-Рауф Фитрат. Оила. Баку, 1916) Пулоди сделал запись: «Дар гузари Хоча Зудмурод, Самарканд, ҳар рӯзи чумъа китобҳои гуногун мефурушанд. Аз ҳамон ҷо ҳарида гирифтам. А. Пулатов. 12/IV 67 г.» — «В гузаре Зудмурод в Самарканде каждую пятницу продают различные книги. Там приобрел (эту книгу)».

К концу жизни (к началу 1990-х гг.) у Пулоди сложилась уже внушительная коллекция. В ней были ценные и уникальные рукописи, которые привлекали внимание востоковедов. Известно, что к нему для ознакомления с отдельными рукописями и получения консультаций приезжало немало ученых. Да и сам он не скрывал свои сокровища, сообщая об отдельных рукописях в прессе или в беседах с научными работниками, демонстрируя манускрипты всем, кто ими интересовался. Так, еще в середине 1960-х гг., занимаясь сбором материалов о биографии и творчестве поэта Накибхана Туграла, Пулоди обнаружил неизвестную рукопись с его стихами. Она была привезена в Душанбе и продемонстрирована ученым в АН Таджикской ССР. Вскоре об этой рукописи появилась специальная статья, написанная академиком

<sup>42</sup> В принятом национальном написании обычно две части имени даются слитно — Хожазулмурод. Этим же названием обозначается соответствующий старый самаркандский квартал-гузар-махалла (гузари Хожазулмурод или Ходжа Зул мурод). По сообщению А. Ганиева, в народе эту мечеть называют также «Зудмурод» (т. е. «Быстро исполняемые желания» или «Скорое достижение желания»), за ее содействие быстрому исполнению просьб молящихся. Образование квартала Ходжа Зудмурод или Зулмурод относится к XV в., он расположен на северо-западе Самарканда и входит в Хайрабатскую часть города [см.: Абрамов 1971: 182; 1989: 5, 30–32].

А. Мирзоевым, в которой отмечалось особо важное значение списка и даже проводилась параллель с открытием Пулоди согдийских рукописей на горе Муг [Мирзоев 1965: 3]. Ценная рукопись сочинения Атауллы Махмуда Хусайни (XV в.) «Бадаи‘ ас-санаи‘», посвященная вопросам средневековой литературной теории и принадлежавшая Пулоди, была приобретена Самаркандским музеем истории и культуры. Она также привлекла к себе внимание ученых и получила описание [см.: Мусулмонкулов 1970: 3].

Специального исследования заслуживает рукопись известного трактата-антологии о музыке бухарского музыканта Дарвиша Али Чанги (вторая половина XVI — 20-е гг. XVII в.) «Тухфат ас-сурур». По сообщению А. Ганиева, эта рукопись была приобретена Пулоди в Самарканде возле мечети Ходжа Зулмурад на Чорраха. Покупка состоялась, скорее всего, в 1960 г. либо несколько ранее. Об этом свидетельствует специально сделанная фотография, на которой Пулоди запечатлен неизвестным фотографом с рукописью трактата о музыке Дарвиша Али Чанги на столе. Собственноручная надпись Пулоди на обороте фотографии на таджикском языке в арабской графике адресована Абдукариму Ганиеву (фотография любезно предоставлена мне самим А. Ганиевым): «Моему дорогому сыну Абд ал-Кариму! Эта фотография сделана с «Тухфат ас-сурур» Али Дарвиша, дарю [ее] на память (она сделана в 1960 г.). А. Пулоди. 28 ноября 1969 г., вторник». «Фотография на память» с трактатом Дарвиша Али Чанги означает, что Пулоди сознавал уникальность данной рукописи. По свидетельству тех, кому было дозволено полистать рукопись, Пулоди не позволял работать с ней долго, обычно такое знакомство длилось в пределах получаса. Иную историю появления в библиотеке А. Пулоди рукописи Дарвиша Али сообщила его дочь Лютфия Саидова. По ее словам, рукопись была подарена отцу его зятем (мужем сестры Пулоди) в память о рождении Лютфии в 1936 г.

Первые о самом сочинении Дарвиша Али Чанги, опираясь на собственную рукопись, А. Пулоди написал в соавторстве с А. Ганиевым в небольшой статье в таджикском журнале «Садои Шарк» [Ганиев, Пулоди 1970: 129–132]. Во введении авторы коротко рассказали о Дарвише Али и его труде, отметив, что он принадлежал к числу интеллигентов Самарканда. В приложении были приведены рассказы о музыкантах — уроженцах Самарканда или имевших отношение к этому городу: это Султон Мухаммади Удии Самарканди, Султон Ахмади Девонаи Нойи, Хожа Мухаммад Ибни Абулхасани Кавкаби, Мавлоно Ризои Самарканди, Мавлоно Бокии Жаррох, Хожа Жаъфари Самаркандии Конуни. В публикации ничего не сообщалось о самой рукописи трактата о музыке из собрания Пулоди и о том, из какого именно списка сочинения извлечены тексты о музыкантах. Несколько позже (в 1978 г.) краткие сведения о сочинении Дарвиша Али Чанги и его уникальной рукописи были опубликованы в виде статьи на узбекском языке в самаркандской газете «Ленин йўли» («Ленинский путь»). Эта работа была приурочена к открывавшемуся в Самарканде Первому международному музыковедческому симпозиуму [Пулоди и др. 1978]. К этому же мероприятию под руководством А. Пулоди была подготовлена и открыта на Регистане (в Медресе Улугбека) выставка рукописей из собрания Отдела восточных рукописей СамГУ и его частного собрания.

В разное время к рукописи «Тухфат ас-сурур» из библиотеки Пулоди имели доступ таджикские востоковеды Р. Мусулманкулов, А. Мирзоев, самаркандский востоковед-историк М. М. Абрамов, исследователь биографии Дарвиша Али Чанги

и его трактатов о музыке Д. А. Рашидова и другие ученые<sup>43</sup>. Научное сообщение о рукописи Пулоди появилось также в статье иранского исследователя М. Т. Даниша Пажуха, которому принадлежит серия статей с описанием рукописей о музыке из различных собраний, в том числе и из СССР. Даниш Пажух ознакомился с рукописью Пулоди *de visu*. В своей статье в иранском журнале «Хунар ва мардум» (опубликованной, видимо, в начале 1970-х гг.) он дает описание различных списков трактата Дарвиша Али. Здесь же он пересказывает содержание статьи А. Ганиева и А. Пулоди в журнале «Садои Шарк» и говорит о принадлежавшей лично А. Пулатову рукописи «Тухфат ас-сурур», которая содержит более 200 листов. Пулоди принес Данишу Пажуху рукопись из своего дома в гостиницу, где тот имел возможность посмотреть ее в течение получаса [Даниш Пажух б. г.: 76–80].

Мое пристальное внимание к данной рукописи вызвано ее особым положением среди других списков сочинения Дарвиша Али Чанги. Известно несколько списков, которые представляют сочинение Дарвиша Али Чанги в разных авторских версиях и копиях: в собраниях ЦВРБ (несколько списков), ИЯЛВПН (один список), ИВР РАН, Санкт-Петербург (один список)<sup>44</sup>. Все они (кроме иных отличий и дефектов) имеют один очень существенный общий недостаток — в них отсутствуют завершение последней, двенадцатой главы и окончание трактата. Кроме того, большинство из них позднего происхождения, будучи переписанными не ранее XIX в. Эти моменты повышают значение рукописи А. Пулоди, которая ждет своего специального музыкально-востоковедческого исследования.

Судьба библиотеки Пулоди после смерти ее владельца в 1992 г. разделила невзгоды смутного постсоветского времени, когда нужда заставляла наследников-владельцев продавать собрания по частям в «случайные руки», а разорение архивов и научных библиотек стало частью общего процесса разрушения (нередко сознательного) прежней социально-политической и культурной системы. Разрозненные ее остатки время от времени появлялись в книжных и антикварных лавках и на базарах различных городов Узбекистана — Ташкента, Бухары, Самарканда. Они легко узнаваемы по оттискам личного штампа собирателя: «Китобҳои А. Пулоди Самарқанди» («Книги А. Пулоди из Самарканда»).

*Пулоди — исследователь-востоковед и краевед.* Участие в «мугской эпопее» и собирательская деятельность способствовали пробуждению у Пулоди интереса к исследовательской работе. Не обладая профессиональными навыками научного анализа и достаточным уровнем специальных знаний, он, тем не менее, опубликовал несколько научных и научно-популярных статей (часть из них в соавторстве) на таджикском и узбекском языках в журналах и газетах Таджикистана и Узбекистана. Среди них назовем упомянутую выше статью в журнале «Шарки Сурх» — об истории открытия документов на горе Муг [Пулоди 1962: 153–157] и публикацию архивного документа с краткими воспоминаниями о пребывании Садриддина Айни в годы революции в Самарканде [Пулоди 1964: 83–85]. В 1970–1980-х гг. Пулоди публикует (в соавторстве с А. Ганиевым и другими учеными) несколько

<sup>43</sup> Упоминания и краткие описания рукописи «Тухфат ас-сурур» из собрания Пулоди дают отдельные востоковеды, которые имели возможность ознакомиться с ней лично [см., например: Мусулмонкулов 1969: 3; Абрамов 1988: 15; 1990: 15].

<sup>44</sup> Подробней о Дарвише Али Чанги, его трактате о музыке, истории изучения, списках и т. д. см. в работах Д. А. Рашидовой [Рашидова 1982; 1992: 51–68].

А. Пулоди с рукописью трактата о музыке «Тухфат ас-сурур» Дарвиша Али Чанги (Самарканд, 1960 г.)



статей о трактате «Тухфат ас-сурур» Дарвиша Али Чанги, основываясь на рукописи из собственного собрания. Писал он и о других литературных памятниках средневекового времени на персидско-таджикском языке [Пулоди, Ганиев 1967]. В соавторстве с таджикским ученым Асрором Рахмоновым Пулоди участвовал в подготовке к публикации поэтического наследия таджикского поэта Накибхана Туграла (1865–1919), используя принадлежавшие ему лично различные рукописи и старопечатные издания поэзии Туграла [Туграл 1986]. Пулоди провел огромную подготовительную работу по выявлению документов о жизни и творчестве Туграла в государственных архивах СССР, сделал множество выписок о нем из восточных источников и переписал от руки многочисленные образцы поэзии Туграла. Вышедшее в свет издание вызвало большой резонанс как среди профессионалов-литературоведов, так и среди любителей поэзии Туграла, в печати появились отклики и рецензии на эту важную публикацию [см., например: Диёри 1987: 3].

Активный период деятельности А. Пулоди приходится на годы его работы в качестве заведующего Отделом восточных рукописей и редких книг СамГУ. Эта страница его биографии наполнена интересными событиями общественного характера, участием в различных мероприятиях. Важная часть работы Пулоди заключалась в организации экспедиций по территории Узбекистана для поиска и приобретения рукописей у населения. До прихода Пулоди в Отдел в его фондах насчитывалось 3000 рукописей и редких книг, из них собственно рукописей было 300. За годы работы Пулоди происходит значительное увеличение общего и рукописного фонда. По данным, сообщенным им в Центральный архив Самаркандской области, на начало 1987 г. в Отделе восточных рукописей насчитывалось уже 4217 рукописей и 4926 литографий. И в этом была его немалая личная заслуга. Пулоди постоянно поднимал перед начальниками разного уровня вопросы о необходимости приобретения рукописей и создания условий для их обработки и хранения, а также укрепления Отдела квалифицированными специалистами.

Постоянное общение с рукописями привело Пулоди к источниковедческой и библиографической работе. Как самообытный ученый с огромным опытом чтения восточных рукописей Пулоди оказался авторитетным консультантом, редактором, рецензентом, составителем и соавтором при подготовке описаний рукописей и каталогов. Он составил (в соавторстве с К. Х. Ахраровым) «Список восточных рукописей Фундаментальной библиотеки Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои», в котором перечисляются названия рукописей



(в арабской графике) и их инвентарные номера по трем разделам — тюрко-узбекские, таджикско-персидские и арабские манускрипты [Пулатов, Ахраров 1977]. Это издание, вышедшее тиражом 500 экземпляров, впервые раскрыло для специалистов содержание рукописного хранилища Фундаментальной библиотеки СамГУ (по состоянию на тот период времени). Позже выходит еще один указатель, составленный Пулоди совместно с Ш. А. Аминовым и Х. К. Ахроровым на узбекском, русском и английском языках — «Библиографический указатель рукописей и литографических книг сочинений Алишера Навои» [Аминов и др. 1990]. Пулоди выступает в качестве рецензента трудов по источниковедению, подготовленных в СамГУ [см., например: Абрамов 1985; 1990], консультирует авторов дипломных работ, аспирантов и научных работников. Его особой и постоянной заботой были наставничество и просветительство учащейся молодежи и всех интересующихся историей культуры Средней Азии. Его заслуги в этом направлении неоднократно отмечались учеными и журналистами.

Абдулхамид Пулоди — своеобразная и яркая личность из, по сути, уже ушедшей эпохи. Его участие в культурной жизни Самарканда 1960-х — начала 1990-х гг. было очень заметным. Самаркандская интеллектуальная среда того времени была богата такими вот незаурядными личностями, благодаря которым в городе сформировался своеобразный «локальный» очаг культуры. Большой частью замкнутый в старых таджикоязычных традициях, он пересекался и взаимодействовал с узбекской культурой, принимая подчас формы творческого симбиоза. Пулоди был одним из самых уважаемых и авторитетных людей Самарканда, с чьим мнением считались. Этому способствовали не только его почтенный возраст и богатое различными событиями прошлое, но также его образ жизни и внешний облик: это был высокий и статный мужчина крепкого телосложения, с крупными чертами



А. Пулоди (второй справа) в Отделе восточных рукописей с сотрудниками Научной библиотеки СамГУ; слева стоит библиограф И. Эгамбердиев, справа сидит заведующий отделом учебной литературы Т. Буранов (1976 или 1977 г.)



Прием рукописи в Отделе восточных рукописей СамГУ:  
А. Пулоди (справа) с дарителем Ахмадом Махатовым (1977 г.)

лица, обладавший, властным и независимым характером и сильно развитым честолюбием. Пулоди был желанным участником многих общественно-культурных событий и традиционных встреч и собраний, связанных с творческой и личной жизнью известных самаркандцев (ученых, поэтов, писателей, общественных деятелей и т. п.), где его слово, нередко облеченное в поэтическую форму, запомнилось и даже фиксировалось, что создавало ему в городе дополнительную славу как местного поэта<sup>45</sup>. Среди ценителей книжной культуры он был хорошо известен как книжник-библиофил, обладатель одной из лучших частных библиотек в городе (*китобдор*)<sup>46</sup>.

Судя по многочисленным письмам, поздравительным открыткам, подписям на фотографиях и запискам Абдулхамид Пулоди, адресованным его родственникам, друзьям и коллегам-историкам и востоковедам, на протяжении большей части своей жизни он пользовался (наряду с кириллицей) арабской графикой. Он любил все свои записи делать именно арабицей. И, очевидно, по этой причине Таджикское отделение Всесоюзной ассоциации востоковедов, нарушив неписанные правила советского времени, направило ему в связи с 80-летием поздравительный адрес на двух языках — русском и таджикском в арабской графике, написано прекрасным каллиграфическим почерком. Это отражало прежде всего

<sup>45</sup> Так, три рубаи, сочиненные Пулоди на таджикском языке и посвященные его ученику и другу, самаркандскому историку-востоковеду Михаилу Михайловичу (Монаше Мишаеловичу) Абрамову (1927–1998), приведены последними в юбилейной брошюре с библиографией [Шарипов 1996: 23]. Здесь Пулоди назван «поэтом и востоковедом» (*шоир ва шарқшинос*).

<sup>46</sup> Имя Пулоди упоминается самаркандскими авторами среди других известных библиофилов (*китобдорон*) города, собравших коллекции уникальных книг, многие из которых вошли в собрание рукописей и редких книг библиотеки СамГУ [см.: Гулханий, Орифий 1997: 187].



А. Пулоди с коллегами и друзьями; первый ряд, слева направо:  
И. Эгамбердиев, директор Фундаментальной библиотеки СамГУ А. А. Аббасов,  
Народный артист СССР певец Дж. Муродов, А. Пулоди (Самарканд, 1977 г.)

личное пристрастие Пулоди, которое удачно соотносилось с возникшим в 1980-е гг. в среде среднеазиатской интеллигенции интересом к возрождению арабской графики. Его родным языком был таджикский (хотя национальность в его документах и паспорте менялась: в одних он записан таджиком, а в других — узбеком), но он также свободно говорил и писал по-узбекски, равно как и по-русски. Пулоди, подобно другим представителям интеллигенции того (теперь уже почти ушедшего) поколения, увлекался классической персидско-таджикской и тюрко-узбекской поэзией и литературой, это был его особый мир, в котором (и которым) он жил на протяжении многих лет своей жизни. Об этом говорят его выписки образцов поэзии, многочисленные пометки в диванах различных поэтов и в сборниках стихов (*байъзах*), а также его собственные стихи на таджикском и узбекском языках в арабской графике.

Некоторые свои стихи Пулоди сочинял «по случаю», в связи с какими-то памятными или юбилейными событиями. Первые записи стихов помечены еще 1930-ми годами. В 1943 г. Пулоди написал стихотворение после посещения могилы (*зийарат*) Фирдоуси в Тусе. Его поэтическое творчество усилилось во время пребывания в лагере. Среди стихов этого времени есть поэма под названием «Нина», посвященная русской женщине-врачу, ее доброте и человечности. Сочиняя огромное количество стихотворений, Пулоди не преследовал цели их публикации. Свои стихи он подписывал поэтическим псевдонимом-*тахаллусом* — Сугди («Согдиец»). Этот глубоко символический псевдоним указывал на особое отношение Пулоди к древней культуре Согда и, возможно, даже на связь с согдийскими письменами, так много значившими в его жизни. Много своих стихотворений Пулоди посвятил в разные годы В. И. Ленину. Среди них, например, — «Сугдиё, доим хамеша зинда Ленин дар чахон» — «Сугди, вечно будет Ленин в этом мире жив». Одно из его стихо-

творений, посвященных Ленину (1987 г.), переведено на русский язык (Х. Нигматовым) и начинается так:

Новый образ жизни людской нам оставил,  
Государство рабочих-крестьян нам оставил.  
Покончив со старым строем и гнетом навеки,  
Вперед к прогрессу и жизни воззвал.  
Жемчужину знаний по крупичам кропотливо собирая,  
Титанический труд нам свой в память оставил.

Среди других поэтических произведений Пулоди есть стихотворения (на таджикском языке), посвященные космонавту, дважды Герою Советского Союза Владимиру Джанибекову (1989 г.: «Ас-салом, эй Чанибеги хаҳрамон» — «Привет, эй Джанибек-герой») и известному таджикскому певцу, Народному артисту СССР Джурабеку Муродову (родился в 1942 г.), с которым Пулоди был в теплых дружеских отношениях. Пулоди был хорошо известен в кругу таджикских востоковедов, неоднократно посещал Душанбе и находился с некоторыми из них (с А. Афсахзодом, А. Рахмоновым, А. Джонфидо, Р. Мусульманкуловым и др.) в общении и переписке. В самаркандском научном сообществе он считался одним из старейших представителей городской интеллигенции, и о нем до сих пор вспоминают как о необычайно деликатном, глубоко порядочном и культурном человеке<sup>47</sup>.

Абдулхамиду Пулоди суждено было прожить долгую жизнь. Родившись в самом начале XX в. и немного не дожив до его завершения, он оказался свидетелем и участником многих драматических и знаменательных событий ушедшего столетия, в том числе и его заключительного аккорда — трагического распада государства и системы, которым он так долго служил верой и правдой. Он умер 16 августа 1992 г. в возрасте 89 лет и похоронен в Самарканде на старом мусульманском кладбище в Ходжи Ахраре.



А. Пулоди (слева) и академик АН Узбекистана литературовед Вахид Абдуллаев (Самарканд, Регистан, 1978 г.)

<sup>47</sup> Мне доводилось слышать и иные мнения об А. Пулоди, отличающиеся критичностью в оценке его деятельности и поступков, что может быть объяснено не только противоречивостью и неуступчивостью характера самого Пулоди, но и, по-видимому, многосложностью личностных и деловых отношений между разными типами людей.

## Литература

- Абрамов 1971: *Абрамов М. М.* История Самарканда в его микропонимах // Этнография имен. М.
- Абрамов 1985: *Абрамов М. М.* О письменных источниках по истории народов Узбекистана (VIII–XIII вв.): Методическая разработка. Самарканд.
- Абрамов 1988: *Абрамов М. М.* Культура народов Средней Азии XIII–XV веков. Самарканд.
- Абрамов 1989: *Абрамов М. М.* Гузары Самарканда. Ташкент.
- Абрамов 1990: *Абрамов М. М. (сост.)* Указатель источников и литературы по спецкурсу «Письменные источники по истории народов Средней Азии XIV–XIX вв.». Самарканд.
- Аминов и др. 1990: *Аминов Ш. А., Пулатов А., Ахроров Х. К.* Алишер Навоий асарларининг кўлёмза ва тошбосма нухалари библиографик кўрсаткичи. Самарканд.
- Бертельс 1934: *Бертельс Е. Э.* Лингвистические работы Таджикистанской базы Академии Наук СССР // Таджикско-памирская экспедиция 1933 г. Л.
- Валиев 1986: *Валиев А.* Пулодов Абдухамид (Пулоди) // Энциклопедияи Советии тоҷик. Ҷ. 6. Душанбе.
- Вафайи 2006: *Вафайи А. А.* Данишنامه-йи забан ва адабийат-и фарси-йи Узбекистан (карн-и бистум та кунун). Тегеран.
- Ғаниев, Пулоди 1970: *Дарवेशалии Чанги.* Тухфай сурурангез. Ба чоп хозиркунандагон А. Ғаниев ва А. Пулодӣ // Садои Шарқ. Маҷаллаи адаби ва оммавию сиёсии иттифоқи нависандагони Тоҷикистон. Душанбе. № 9.
- Ғанизода 2003: *Ғанизода А.* Мехнома (Маҷмуаи шеърҳо). Самарканд.
- Гафуров 1972: *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М. Государственная Библиотека 1977: Государственная Библиотека Узбекской ССР имени Алишера Навои. 1870–1970. Ташкент.
- Гулханий, Орифий 1997: *Гулханий О., Орифий О.* Хайр ул-калом. Шеърлар, ёдномалар. Самарканд.
- Даниш Пажух б. г.: *Даниш Пажух М. Т.* Мусики-намеха // Хунар ва мардум. Тегеран. № 145.
- Диёрӣ 1987: *Диёрӣ М.* Мунтахаби тозаи Туграл // Газетаи муаллимон. Органи вазорати маорифи РС Тоҷикистон. Душанбе. № 6.
- Исхаков 2008: *Исхаков М. М.* Центральная Азия в системе мировой письменной культуры (древность и раннее средневековье). Ташкент.
- Камарзода 2007: *Қамарзода А.* Гулистони адаб. 5–6. Маҷмуаи интихобии асарҳои адیبони муосири тоҷикони Ўзбекистон. Тошканд.
- Крачковская 1936: *Крачковская В.* III Международный Конгресс иранского искусства и археологии // ВАН. № 1.
- Крачковский 1946: *Крачковский И. Ю.* Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях. 2-е доп. изд. М.; Л.
- Лившиц 2008: *Лившиц В. А.* Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб.
- Массон 1934: *Массон М. Е.* Находка согдийских рукописей в долине р. Матча в Таджикистане // СНТ. № 3–4.
- Мирзоев 1965: *Мирзоев А.* Дафтари мусаввадаи ашъори Туграл ва аҳамияти он // МвМ. № 78.
- Мусулмонкулов 1969: *Мусулмонкулов Р.* Дар чустучуи дурдонаҳо (Ба пешвози 2500-солагии Самарканд) // МвМ. № 28.
- Мусулмонкулов 1970: *Мусулмонкулов Р.* Бозёфте аз Самарканд // МвМ. № 90.
- Пулатов, Ахроров 1977: *Пулатов А., Ахроров Х. К.* Список восточных рукописей Фундаментальной библиотеки Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои. Самарканд.
- Пулодӣ 1962: *Пулодӣ А.* Таърихи бозёфтҳои қалъаи Муғ // ШС. № 4.

- Пулоди 1964: *Пулоди А.* Як хуччати тоза // ШС. № 4.
- Пулоди, Ганиев 1967: *Пулоди А., Ганиев А.* Бо маслиҳати Навоӣ // Тоҷикистони Советӣ. Душанбе. № 266.
- Пулодий и др. 1978: *Пулодий А., Маъруфов Р., Ганиев А.* Шашмақом тадқиқи Дарвеш Али Чангийннинг «Тухфат-ус-сурур» асари хусусида // Ленин йўли. Самарканд. 7 октябри 1978 г.
- Рабиев 1983а: *Рабиев А.* Земля отцов // Памир. № 5.
- Рабиев 1983б: *Рабиев А.* Оқилов Эҳсон. Навъҳои хат // МТ. № 52.
- Раҳгузар 1977: *Раҳгузар М.* Бе талҳи набошад айш ширин (Ба пешвози 60-солагии иди Октябр) (Очерк) // Ҳақиқати Ўзбекистон. Тошкент. № 61.
- Рашидова 1982: *Рашидова Д. А.* Дервиш Али Чанги и его трактат о музыке (Мавераннахр, XVI–XVII вв.): АКД. М.
- Рашидова 1992: *Рашидова Д. А.* Ученый-музыкант, поэт и историк Дарвиш Али Чанги (Мавераннахр, XVI–XVII вв.) // Культура Среднего Востока: развитие, связи и взаимодействия (с древнейших времен до наших дней). Музыкальное, театральное искусство и фольклор. Ташкент.
- Ставиский 1966: *Ставиский Б. Я.* Между Памиром и Каспием (Средняя Азия в древности). М.
- Туграл 1986: *Туграл Н.* Гиёҳи меҳр: Мунтахаби ашъор. Муаллифони дебоча ва мураттибони матну лугот Абдулхамид Пулодов ва Асрор Раҳмонов. Душанбе.
- Фрейман 1934а: *Фрейман А. А.* Находка согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане (Предварительное сообщение) // Согдийский сборник. Сборник статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР. Л.
- Фрейман 1934б: *Фрейман А. А.* Согдийские рукописи в развалинах замка на Зеравшане. К работам Таджикистанской базы Академии наук // ВАН. № 3.
- Халаминский 1967: *Халаминский Ю. Я.* Дорогами легенд. М.
- Чалилов 1988: *Чалилов А.* Хуччатҳои Қалъаи Муг // Энциклопедияи Советии тоҷик. Ҷ. 8. Душанбе.
- Шарипов 1996: *Шарипов С. И.* Абрамов Манаше Мишоэлович. Самарканд.
- Якубовский 1951: *Якубовский А. Ю.* Древний Пянджикент // По следам древних культур. М.
- Kašfijoti ta'rixi 1933: *Kašfijoti ta'rixi dar rajoni Zahmatobod // Baroiji maorifi kommunisti. Našri atkori komisarijoti maorifi xalq va sojuzi xodimoni maorifi Toçikiston. Stalinobod. № 47.*

## «КАК ЛОПАТОЙ ДЕЛАЕТСЯ ИСТОРИЯ» (О ЮРИИ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ И ТАТЬЯНЕ НИКОЛАЕВНЕ ЗАДНЕПРОВСКИХ)<sup>1</sup>

А. Ю. Заднепровская (Санкт-Петербург)

*Посвящается доброй и светлой  
памяти моих родителей,  
а также их коллег и друзей*

В качестве заглавия для публикации я выбрала слова из рассказа отца о его первой экспедиции и работе на раскопках в Новгороде (ныне — Великий Новгород) в начале июня 1941 года. Сама публикация состоит из трех частей. Первая — вводная — мои воспоминания о Ю. А. Заднепровском (1924–1999) и Т. Н. Вагнер-Заднепровской (1926–2001), которые не претендуют на полный биографический очерк, это скорее попытка обрисовать портреты и характеры в их яркой неповторимости.

Вторая часть — письма к Ю. А. Заднепровскому его старшего друга археолога Б. А. Латынина, присланные из Сызрани, где он жил в начале 1950-х гг. в ссылке после колымских лагерей.

Третья — основная часть — выборка из полувековой переписки родителей. Сопровождается эта публикация фотографиями из архива нашей семьи.

Мне особенно хочется поблагодарить сотрудника Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН В. П. Никонорова (Санкт-Петербург) и заведующего кафедрой Всеобщей истории и культурного наследия Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы В. А. Иванова (Уфа), которые поделились своими воспоминаниями о родителях. Самое для меня ценное — это то, что они сохранили живую память и любовь к ним. Важны и интересны свидетельства друзей следующего поколения — Веры Акимовой, правнучки В. П. Лавровой, школьного учителя и друга отца, и Валерии Агеевой, дочери его одноклассника К. С. Агеева. Я также благодарна С. В. Сиротину, приславшему информацию и фотографии кабинета-библиотеки имени Ю. А. Заднепровского в Стерлитамакском филиале Башкирского государственного университета, куда в 2003 г. нами была передана его научная библиотека.

Моих родителей можно назвать «типичными» представителями поколения интеллигенции своего времени. Когда началась война, им, еще совсем юным, «выпало все»: голод, холод, обстрелы и бомбежки. Тане Вагнер было 15 лет, она жила и работала в блокадном Ленинграде. Юра Заднепровский так же, как и его одноклассники, пошел добровольцем на фронт в ноябре 1941 г., ему только-только исполнилось 17 лет.

---

<sup>1</sup> Все воспроизведенные в этой статье фотографии, за исключением некоторых, специально оговоренных, — из личного фотоархива А. Ю. Заднепровской.



Т. Н. и Ю. А. Заднепровские (1998 г.)

Окончилась для него война в начале марта 1945 г., когда он был тяжело ранен. Чудом и искусством врачей остался жив. То, что родители так рано и так близко столкнулись со страданиями и смертью, не сломило их, скорее наоборот, закалило и укрепило. Они научились преодолевать трудности, много и добросовестно трудиться.

Сразу после войны они поступили на Исторический факультет Ленинградского университета, оба учились на кафедре археологии. Отец всю свою жизнь проработал в секторе Средней Азии и Кавказа ЛОИА, а мама — в библиотеке института, она стала ученым библиографом, признанным специалистом в области археологической литературы. Работа в избранной профессии составляла главное содержание и смысл их жизни. Цельность характера и абсолютная преданность делу — эти черты мне кажутся характерными для лучшей части этого поколения, у которого мы в большом и неоплатном долгу.

По своим корням отец был потомком ингерманландских финнов, он родился в Гатчине. Его мать, Мария Михайловна Заднепровская, была чертежницей. Из ее писем, написанных во время блокады, я узнала, что она не хотела эвакуироваться из Ленинграда, чтобы быть ближе к сыну, воевавшему на Ленинградском фронте. Она умерла от голода в мае 1942 г. Поэтому ничего из довоенной жизни отца не сохранилось, даже фотографии матери у него не осталось. Он очень любил меня, свою дочь, и считал живым ее портретом.

В. Агеева пишет: «Наши отцы дружили с первого класса, но вот о твоём папе я вряд ли знаю больше, чем ты. Знаю, что его растила мама; что он рос любознательным мальчиком. Жили наши папы на Кондратьевском пр. в доме 40. Это был большой жилой комплекс, там было, кажется, 12 корпусов. Мой папа жил в корпусе 9, а твой, если не ошибаюсь, в корпусе напротив девятого, выходящем одной из сторон на улицу. Класс у них был очень дружный. Мой папа часто вспоминал свой 9-Б; десятым этот класс не стал никогда: после окончания 9 класса в 1941 году началась война...»



В ноябре 1941 г. отец окончил курсы военных связистов и ушел на фронт. Из письма В. Акимовой: «...Вот один рассказ, который я запомнила от Вашего отца, — когда его отправили на фронт, ему не дали настоящего оружия, а только муляж деревянный и сказали, чтобы он себе его заимел самостоятельно, видимо, это означало дожидаться, когда погибнет кто-то...»

Сначала он воевал на Ленинградском фронте, в составе 43 стрелковой дивизии оборонял Колпино, участвовал летом 1943 г. в страшных кровопролитных боях на Синявинских высотах, там был контужен, бомба разорвалась на крыше его землянки. Он писал: «Помню, после взрыва все вижу, но ничего не слышу и не понимаю. Потом пришел в себя».

Осенью 1943 г. его, уже «обстрелянного», направили на Стрелково-пулеметные курсы младших лейтенантов. Так в 20 лет он стал командиром пулеметного взвода. Летом 1944 г. участвовал в боях на Карельском перешейке, затем в Эстонии и Польше. Там его отряд попал в окружение, за умелые действия при прорыве его наградили боевым орденом «Красной Звезды». В наградном листе лейтенанта Ю. А. Заднепровского, командира пулеметного взвода 2 отд. батальона 1261 стрелкового полка 381 стрелковой дивизии написано: «При прорыве обороны противника на западном берегу реки Нарев в районе деревни Пшемярово 14. 01. 1945, лично ведя огонь из станкового пулемета, подавил две огневые точки противника и уничтожил их расчеты-прислугу, чем обеспечил продвижение 5 стрелковой роты». Закончилась война для отца в Восточной Пруссии. Он пишет: «В марте 1945 г. я командовал штурмовой группой в боях за город Граудиенц (ныне Грудзенз). На Висле в ночь на 5 марта мы преодолели по доскам широкий канал в центре города и начали очищать от врагов траншеи на другом берегу. Здесь в рукопашной схватке я был тяжело ранен. Чуть светало, и сержант И. Вахурин перевязал меня наскоро, но хорошо. Группа под командой сержанта пошла вперед, я остался один. В возбужденном состоянии, шатаясь от боли, нашел силы под обстрелом пройти 3–4 км до первого полевого медпункта. И только в санитарной машине потерял сознание. Выдержал пять операций, когда вытаскивали металлические осколки и пули (часть их до сих пор ношу в груди). Полгода провел в разных госпиталях. Как и многие другие раненые, сердечно признателен всем врачам и сестрам, которые поставили меня на ноги, спасли жизнь и спасли руки от ампутации»<sup>2</sup>.

Осколки металла, оставшиеся в груди, почему-то двигались и очень мучали его всю жизнь. Последний раз в середине 1990-х гг. у отца воспалилась грудная железа. Врачи, не разобравшись, сообщили маме, что у отца рак. Прооперировали и, к большому удивлению, вынули немецкую монетку и фрагменты часов, которые в момент ранения лежали у него в кармане гимнастерки.

Контузия и ранения особенно тяжело сказались в его поздние годы. Самым печальным для отца самого и для нас было катастрофическое падение слуха. Это отгородило его от общения с людьми, рождало взаимное непонимание и легло мрачной тенью на последний период его жизни.

9 мая отец всегда ходил на встречи ветеранов и даже однажды взял на такую встречу своего внука Кирилла, когда тому было лет пять. К нам в гости приезжали его однополчане. В год 30-летия Победы — приехал фронтовой друг, капитан стрелковой роты С. Я. Фокин. Мужчины сидели, выпивали и вспоминали. Гость

<sup>2</sup> *Заднепровский Ю. А. Незабываемое // Археологи на войне (Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны). М., 1990. С. 24–27.*

рассказывал, как его ранили. Папа тут же открыл свой военный дневник и прочитал запись о том, как Сережку ранило. Это было очень пронзительно, и мы с мамой попеременно бегали в ванную, чтобы смыть слезы.

В школе у отца была замечательная учительница истории, папа ее очень ценил и любил. Ее правнучка Вера Акимова пишет: «Я прекрасно знала Вашего отца, он был очень близким другом нашей семьи и очень часто бывал в гостях у моей бабушки, всегда перед отъездом и после приезда из экспедиции с интереснейшими рассказами. Мы все очень любили его, и мое увлечение искусством во многом родилось благодаря ему! Что касается моей прабабушки, которая была учителем у Юры и Карла, то ее звали Вера Павловна Лаврова, она родилась в 1901 году, училась в Кишеневе в гимназии потом в Московском университете, девушка из дворянской семьи (ее отец был инженером железных дорог) после революции уверовала в коммунистическую идею и посвятила себя воспитанию беспризорников, а после гражданской войны и до самой пенсии проработала учителем истории. Ее не стало в 1986 году».

Юра Заднепровский занимался в кружке юных историков во Дворце пионеров. В июне 1941 года они проходили археологическую практику в Новгороде. И там, на раскопках, он, шестнадцатилетний мальчишка, буквально «заболел» археологией. Вот его слова: «Только неделю нам довелось поработать на раскопе, заполучить первые трудовые мозоли, увидеть в действительности, как извлекаются древние находки из земли и как лопатой делается история».

О том, кто, где и когда узнал о начале войны, вспоминают многие. 22 июня Юра Заднепровский был на экскурсии в Кремле, где им рассказывали о славном прошлом



Группа студентов-археологов с преподавателями.  
Второй справа — Ю. А. Заднепровский, шестая — Э. А. Любимова



Г. Н. Вагнер на верблюде в Киргизии (1949 г.)

Великого Новгорода. «Во время осмотра Софийского собора, около знаменитых “врат Магдебургских”, — пишет он, — узнали мы от прибежавшей жены нашего экскурсовода о нападении фашистов, о начале войны».

Отец всегда выделялся своим ростом — 190 см. У него были ясные голубые глубоко посаженные глаза, крупный нос, пышная шапка курчавых темных волос. Он очень красиво седел: сначала, как говорится, это был «перец с солью», потом — «соль с перцем». Седина ему очень шла, молодила его. При высоком росте и худобе он выглядел всегда подтянутым и даже импозантным.

Другая яркая черта во внешнем облике отца — борода. Коллеги одно время его так и называли — «Борода». Носить ее он стал рано, сразу после войны, задолго до возникновения моды à la Хемингуэй. Сохранилась фотография карикатуры, которую нарисовали на отца студенты: сверху косынка (сейчас сказали бы бандана), а снизу борода.

Родители учились на кафедре археологии, мама была на один курс младше. Их роман начался в 1948 г. в экспедиции на Памире.

Трагически рано они потеряли своих родителей, поэтому к созданию своей семьи оба относились очень серьезно. Планируя будущую жизнь, мама считала необходимым «постоянно расти, развивать духовные интересы, много читать и делиться мыслями друг с другом». Больше всего она не хотела, «чтобы об их жизни можно было бы написать повесть под названием “Скучная история”». А отец в 1949 г. предложил ей настоящий «брачный контракт»: «Таня! Довольно слов. Надо делать, а не “выяснять отношения”. Пойми и учти на будущее. Нам обоим нужно сейчас спокойствие и возможность работать, заниматься. Это главное в нашей будущей совместной жизни. Если это будет — мы проживем несколько лет тихо и мирно, счастливо. Но этого мало — мы должны друг другу помогать в работе и росте, поддерживать и требовать движения вперед, вдохновлять на преодоление трудностей. Вот, если этого не будет, тогда после четырех-пяти лет наши пути разойдутся... Сейчас трудно, но в будущем будет не легче. Поэтому, засучив рукава, за работу!»

Мама была во многом и по внешности, и по характеру противоположностью отцу. Она была маленького роста, нежная блондинка. У нее были волосы редкого пепельного цвета, и в детстве ее называли «грезовской головкой». По характеру — очень живая, эмоциональная, любившая музыку и стихи, интересовавшаяся людьми и разными тонкостями человеческих взаимоотношений.

Мама тоже пережила много тяжелого. Когда ей было двенадцать лет, был арестован и погиб ее отец — Н. П. Вагнер, а ее мать Мария Федоровна отправлена в ссылку. Девочку спасла, не побоявшись взять в свою семью, ее тетья Нина Федоровна, жена инженера-железнодорожника Н. Н. Пехтерева.

Во время блокады мама потеряла четверых своих близких родственников.

Подростком она начала работать на военном заводе. Была награждена медалью «За оборону Ленинграда». После войны окончила десятый класс в вечерней школе и каким-то чудом поступила в Университет.

Пожились родители в 1950 г. и прожили вместе 49 лет. Рассказывали, что мечтали и дали друг другу слово дожить до 2000 г., до своей золотой свадьбы. Это не сбылось, папа умер в 1999 г., а мама — через два года.

До 1972 г. наша семья жила в очень красивом месте на берегу Малой Невы на Васильевском острове. Жили впятером очень тесно в двух узких смежных комнатах в бывшей квартире маминого деда-скрипача Ф. А. Парланда. Спасала высота потолков 4 м, стеллажи с книгами ползли вверх по стенам. У окна стоял стол, где работал отец. Мне тогда казалось, что, когда бы я ни проснулась, он всегда там, сидит и работает. А его кудлатая голова хорошо рисуется на фоне старинной настольной лампы.

Вся трудовая жизнь родителей связана с ЛОИА (ныне — ИИМК РАН), занимающим левую часть замечательного Ново-Михайловского дворца на Дворцовой набережной, д. 18, расположение которого весьма удачно — вместе с ЛОИВ (ныне — ИВР РАН) в одном здании, да и Эрмитаж совсем рядом. У них был общий круг друзей и знакомых — археологи, востоковеды, историки. Люди того поколения меня сейчас поражают своей сплоченностью и взаимопомощью. Вероятно, так казалось на них все пережитое во время страшной войны. Но это, естественно, не исключало проблем и склок разного рода. Гуманитарный мир этим всегда был славен. «Врагов» или противников (невыдуманных, реальных), я думаю, у отца хватало — ведь он был человеком достаточно жестким, бескомпромиссным в научных спорах и, как кажется, дипломатическими талантами не блистал. В некрологе коллеги в мягкой форме отмечали типичные для него «полемический задор и некоторую резкость суждений». Его докторская защита в Москве в 1978 г. длилась чуть ли не шесть часов, так много было вопросов и дискуссий.



Т. Н. Вагнер на Тучковой набережной в Ленинграде



Ю. А. Заднепровский с дочерью Александрой (1956 г.)

Дома у отца был надежный тыл, был друг и союзник в лице мамы. Она много помогала ему в работе, у него был трудный почерк, поэтому она обычно перепечатывала начерно его работы, составляла библиографию.

Каждый год отец по три-четыре месяца проводил «в поле». Мама говорила: «Отца никогда нет дома, когда это особенно нужно» — например, когда переезжали на новую квартиру и перевозили его библиотеку или когда в 1961 г. родился мой младший брат Михаил. Иногда мама сетовала, что «его письма скорее похожи на научные отчеты». Она ждала его писем, ценила их и в конце концов даже призналась: «Чудесное твое письмо, ты к старости научился мне писать письма».

Отец в письмах называл маму — «Пенелопой», «мой единственный и неизменный друг». Подписывался: «Твой обормот и непоседа», «Целую, твой телеграфный столб (не сердись!) Ю.» Телеграмма к 25 января в Татьянин день: «Пью за здоровье Тани, милой Тани моей».

С детства я гордилась, что отец у меня археолог и работает в экспедиции. Он часто находил на тротуаре «подъемный материал» — потерянные монетки (чем меня очень восхищало), а, приехав на дачу в Мерево, на берегу озера сразу нашел кремневое орудие.

Как многие дети, я постоянно ждала и даже требовала от него каких-то «чудес» — и часто их получала — кролика, черепаху, коробочки хлопка. Из Индии он мне привез плод манго. Привозил среднеазиатские фрукты — виноград, дыни, а однажды — потрясающего размера и вкуса яблоки сорта апорт из Алма-Аты. Но самым главным его подарком всегда были книги. Он сам был с детства очень читающим человеком и прививал эту благородную страсть мне. И мама тоже.

Осенью и зимой мы с отцом проводили вместе много времени. Видимо, некуда было девать ребенка, и он брал меня повсюду по делам — в Институт, в Кунсткамеру, в Дом ученых. В Институте археологии было чудесное место — химическая лаборатория, в которой работала И. В. Богданова-Березовская, отзывчивый, добрый человек. Она любила возиться с детьми и показывать простые химические «чудеса».



Т. Н. и Ю. А. Заднепровские (1970-е гг.)



Ю. А. Заднепровский со своей учительницей В. П. Лавровой (начало 1980-х гг.)



Ю. А. Заднепровский и В. А. Ранов  
(слева направо в нижнем ряду)  
в экспедиции на Памире (1948 г.)

Зато знаменитую Маро (Мариам Геденовну Агаронян), институтского фотографа, за ее громкий и хриплый голос я боялась. А она сделала несколько хороших черно-белых портретов нас с отцом.

Мы много ходили пешком по Ленинграду, в выходные ездили гулять в ЦПКиО, в Гатчину, там в парке катались на лодке, навещали финских родственников в деревне Сокколово (они были настоящие финны — дома говорили по-фински). Он их очень любил и как фронтовик, награжденный орденом, смог им помочь выбраться из Ярославской области, где они были в ссылке. Когда я подросла, папа ездил со мной в Псков, Пушкинские Горы, в Москву.

Отец очень любил свою квартиру на улице Ушинского — первую собственную отдельную квартиру в его жизни. Это был кооператив, обычный блочный дом, построенный в начале 1970-х гг. с большим трудом. В кабинете отца было светло и уютно. У окна все пространство занимал громадный старинный письменный стол. В торце и вдоль боковых стен справа и слева — сплошные от пола до потолка — стеллажи с книгами по истории, археологии и искусству. У стола и на столе множество папок с выписками и материалами, ящик с картотекой — библиография. У стола справа — портрет А. Н. Бернштама. На полках восточные игрушки — вазочки, мелкая пластика, кокосовая голова из Индии и др. Над дверью — картина — «Цветущий урюк», подаренная маме к дню рождения тетей Наташей (Н. Г. Горбуновой-Кершнер). Мама поддерживала там идеальную чистоту и эту книжную массу раз или два в год всю пылесосила. Дверь в свой кабинет отец всегда плотно закрывал, а маминих любимцев-котов к себе не пускал.

В дружбе он был очень верным человеком, всю жизнь сохранял близкие отношения с семьей В. П. Лавровой, одноклассниками — Карлом Агеевым (геологом) и Вилем Лукьяновым (врачом-онкологом). Позднее папа подружился с еще двумя замечательными людьми — филологом, специалистом по английскому языку Л. В. Малаховским и известным литературоведом Е. А. Майминым. Все они прошли войну, это их очень сближало.

Конечно, у отца и в Средней Азии были друзья — рано трагически погибший археолог Ю. Д. Баруздин (сотрудник Института истории Академии наук Киргизской ССР) и ровесник отца, легендарный исследователь каменного века Вадим Александрович Ранов (1924–2006); были и другие друзья и ученики.

Мне особенно памятен папин аспирант Бока — Бокижон Матбабаев. Это очень приветливый, хороший и трудолюбивый человек. У родителей с ним были трогательные отношения, они переписывались. Мама называла его своим «азиатским сыном» и была в курсе всех его научных дел и семейных событий.



А. Н. Бернштам (третий слева) с учениками на экскурсии (начало 1950-х гг.). Первая слева — Т. Н. Заднепровская, четвертый слева — Ю. А. Заднепровский, сидит — Г. А. Брыкина

Первый раз отец поехал в экспедицию профессора А. Н. Бернштама студентом в 1946 г., что и определило его дальнейшие научные интересы — изучение древней истории Ферганы. Этой тематике были посвящены его дипломная работа, кандидатская (1954 г.) и докторская (1978 г.) диссертации.

Александр Натанович Бернштам (1910–1956), которого ученики называли «шеф» или «Натаныч», был человек интересный, яркий, но по своему характеру очень нелегкий. Он не воевал, так как с детства страдал костным туберкулезом, хромал и ходил с палкой. Занимался он широким спектром историко-археологических проблем народов Средней Азии, руководил постоянно действующей экспедицией Семиречье — Тянь-Шань — Памир — Фергана. Защитил докторскую диссертацию в 1942 г., а на рубеже 1940-х — 1950-х гг. его жестко травили и выгнали из Университета. Обвинили в пантюркизме, в идеализации киргизского эпоса «Манас», в нежелании покаяться и т. д. и т. п. Он стал сильно пить, болеть и временами утрачивал контакт с реальностью.

Летом 1956 г. Бернштам предпринял свою последнюю экспедицию в высокогорные районы Алая и Памира. Отец пишет маме из Мургаба: «... Такой беспорядок, что приходилось иногда кипеть и вмешиваться, и иногда попадало мне от него [А. Н. Бернштама]<sup>3</sup>. Он метался из одного лагеря в другой в Алае, совершенно зря

<sup>3</sup> Здесь и далее все уточнения в квадратных скобках, в том числе инициалов и фамилий людей, упомянутых в переписке Ю. А. и Т. Н. Заднепровских, принадлежат автору статьи. — А. З. Информацию о многих из них, а именно о коллегах по ЛОИИМК/ЛОИА/ИИМК РАН, см. в кн.: ААБН.



гонял машину. Раскопано там немного. Перевалы взял с трудом — из Маркансу пришлось везти в кузове, представляешь, его — в кузове! На Каракуле вызвал фельдшера для укола, так было плохо. И в результате забывал распорядиться, а затем приходилось спешить и т. д. Когда я пытался что-то сделать, то он сказал, что когда в лагере начальник экспедиции, то он знает, что лучше делать».

В ноябре 1956 г. Бернштам выступал на научной сессии в г. Фрунзе, а 10 декабря он скончался в возрасте 46 лет. Лучшей данью памяти учителю стала пожизненная дружба его учеников, она была важнее и выше частных обстоятельств, ей не мешали ни личные расхождения, ни научные споры. Каждый год они собирались на традиционную встречу у его вдовы Г. Г. Бабанской в старинной квартире на Петроградской стороне. Один раз родители взяли и меня с собой. Были очень интересные разговоры, и было очень вкусно. Присутствовали: дочь Александра Натановича — этнограф Т. А. Бернштам, историк из Эрмитажа Д. А. Мачинский, сотрудник Государственного музея этнографии Б. С. Гамбург, археолог из Эрмитажа Н. Г. Горбунова-Кершнер, тюрколог С. Г. Кляшторный, этнограф из Кунсткамеры Р. Я. Якубова, московские археологи Б. Я. Ставиский и Г. А. Брыкина.

В 1954 г. отец встал во главе Южно-Киргизского отряда Института истории АН Киргизской ССР. В течение 16 сезонов он работал на поселении Дальверзин, которое он очень любил. По оценке специалистов, этот памятник является эталонным для чувской культуры бронзового века. С 1960-х гг. отец возглавлял Ферганский отряд, а позднее Ферганскую экспедицию Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР. Совершенно особенное место в его жизни занимали Ошский оазис и город Ош. На Сулейман-Горе, находящейся в центре Оша и являющейся местом паломничества и культа, было открыто древнее посе-



Экспедиция (начало 1950-х гг.); слева — А. Н. Бернштам



Группа археологов на экскурсии в Самарканде (начало 1950-х гг).

Первый слева — Ю. А. Заднепровский, третья — Т. Н. Вагнер, четвертая — Г. А. Брыкина

ление. В 1978 г. Ю. А. Заднепровский возглавил стационарные исследования, которые он вел совместно с Е. В. Дружининой из Ошского областного музея. В течение семи сезонов раскопки были проведены на 9 разновременных памятниках. Собранный материал и данные радиоуглеродного анализа позволили поставить вопрос о возникновении Оша (бывшего еще в древности важным торговым и культурным центром на Великом шелковом пути) и определить даты возникновения оседло-земледельческого поселения на этой территории.

Сжатую оценку работ отца дал профессор-тюрколог С. Г. Кляшторный: «Все проведенные полевые работы и 300 публикаций, появившихся, начиная с 1946 г. — таков вклад Ю. А. Заднепровского в историю и археологию — вклад, значительно обогативший источниковедческую базу по древней истории Кыргызстана и особенно Южного Кыргызстана и Ферганы, а также Средней Азии в целом».

А. Акаев, первый президент республики Киргизии, высоко ценил работы отца и назвал его «киргизским Шлиманом». В 2000 г. по решению ЮНЕСКО торжественно отметили 3000-летие города Оша. В городском парке был открыт бюст Ю. А. Заднепровского.

Отец, работая сам самозабвенно, с полной отдачей, к тем, кто халтурил и манкировал, был нетерпим. Зато с какой заботой и нежностью он пекся о тех, кто трудился честно, думал об их отдыхе, читал им лекции и праздновал дни рождения. В экспедиции была традиция — праздник окончания сезона, когда предоставлялось почетное право попить чаю или «чего покрепче» из древнего глиняного сосуда.

За десятилетия работы у отца складывались разнообразные связи с местными жителями. Они часто приглашали членов экспедиции на праздники — тои. Отказываться

было нельзя, начальнику нужно было укреплять соседско-дружеские отношения. А сотрудников экспедиции — студентов и школьников приходилось вразумлять и обучать неписаным правилам поведения, принятым в кишлаках. Из письма коллеги, уфимского археолога В. А. Иванова: «... В Оше в 1981 г. он учил меня покупать фрукты на восточном базаре. Мы собрались поужинать у него в пансионате и пошли на базар закупить какой-нибудь “шурум-бурум” к этому делу. Мне он поручил купить виноград и дыню. Ну я что — обилие фруктов и их дешевизна по сравнению с Уфой — что еще надо? и я уже собрался купить первое, что увидел. Выбрал, взвесил и уже собрался платить, но тут подошел Юрий Александрович. “Э, ты все не так делаешь. Смотри, как нужно”. И начал бурно торговаться с продавцом на каком-то русско-узбекском диалекте. В итоге продавец, во-первых, сбросил цену, а во-вторых, был страшно доволен. И потом уже Ю. А. мне популярно объяснил, что на восточном базаре купить что-нибудь просто так, не поторговавшись, это неуважение по отношению к продавцу. Вот такой штрих к портрету».

Я всегда знала, а теперь, благодаря письмам, еще и еще раз убедилась, какой интересной, насыщенной и яркой, хотя и очень нелегкой, была профессиональная жизнь отца. Человеком он был активным, пытливым и любознательным. Как много он ездил, сколько встречал разных людей и как он был неутомим и в работе, и в путешествиях. Любимым изречением отца были слова римского императора Марка Аврелия: «Жизнь — борьба и странствие по чужбине». Древних авторов он ценил, и философия стоицизма была, очевидно, ему близка по духу.

Очень грустно, что родители не дождалась торжественного подведения итогов своей работы — празднования 3000-летия Оша и выхода в свет последней маминой работы — «Русская археологическая литература. Библиографический указатель. 1900–1917» (СПб., 2003).

## ПИСЬМА

### Б. А. ЛАТЫНИНА Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКОМУ



Б. А. Латынин в послевоенные годы

Письма Бориса Александровича Латынина (1899–1967) к Ю. А. Заднепровскому написаны в начале 1950-х гг. из ссылки. Они рисуют облик человека интеллигентного, доброжелательного, не сломленного тяжелой и несправедливой судьбой. Археолог и этнолог Б. А. Латынин с 1929 г. был сотрудником Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) и Эрмитажа, возглавлял экспедицию в Ферганскую долину. В середине 1930-х гг. был репрессирован: в 1936–1944 гг. находился в лагерях на Колыме, потом — ссыльнопоселенцем на Дальнем Востоке. С 1946 г., будучи поднадзорным, работал в Сызранском краеведческом музее. После реабилитации вернулся в Отдел истории первобытной культуры Эрмитажа. Латынина я помню, мне его на каком-то заседании показала мама. Он был сухонький, маленький,

совершенно лысый. Он сидел, приставив ладошку к уху, и внимательно слушал. Мама мне объяснила, что оглох он от зверских побоев во время следствия.

*07.01.1952. Сызрань*

Милый Юрий Александрович! Спасибо за письмо. Рад, если показался Вам не совсем еще устаревшим «вчерашним днем». Это ведь так легко попасть во «вчерашние»! Все думаешь, — завтра, да завтра, ан, глядь, — одно «вчера» от человека осталось. И во мне встреча с Вами оставила самое хорошее впечатление, хотя бы по одному тому, что я впервые за эти годы почувствовал, что кто-то серьезно занялся Ферганой, все еще дорогой моему археологическому сердцу.

*22.01.1952*

За вырезку из «Ферганской правды» благодарю. Хорошо сделали, что прислали, но следует Вам знать, что ни одно хорошее дело не остается без скорого и незаслуженного возмездия. Так и я, в благодарность, поворчу, не сердитесь, на Вас за некоторые неточности. Что делать, к старости ужасной собакой становишься, а я и молодым-то, говорят, не слишком сладок был.

*18.02.1952*

Милый Юрий Александрович! Рукопись получил. Благодарю за хлопоты. Отвечу на все Ваши вопросы, как только прочту статью и увижу, что и как с ней надо и можно сделать.

Копать Шаари-хайберское или Хакулабадское городище, конечно, надо, и хорошо, если будут на это средства на месте. Только уговор: копать, так копать, а не «снимать сливки». Где его найти, если об этом в 52 г. встанет вопрос, укажу Вам точно. Еще детальнее об этом в полевых дневниках. А то друзья ферганцы, — «Эйлатан, Эйлатан!», и даже культура эйлатанская уже появилась, а где сей памятник, посмотреть и не удосужились!

*15.06.1952*

А я-то думал, Юрий Александрович, милый, что Вы давно уже в Фергане и копаете Эйлатан, и даже как-то ругнул было Вас: вот, мол, ленится писать, сидя в чайхане! А Вы, оказывается, все еще в Ленинграде и все еще трудитесь над книгами. Ну, ничего! Если сходите как-нибудь, в мою хоть бы память, в июньскую белую ленинградскую ночь к сфинксам у Академии Художеств или на Неву к Мраморному (дворцу. — А. З.), — мне не очень Вас будет жаль, так как очень уж Ленинград в эти дни хорош. В Фергане желаю успеха. Буду рад, если телеграфируете из Москвы номер поезда и вагона и день выезда (на скором в Сызрани будете через 26 часов, тоже на поезде 24, что-то около 8 часов вечера московского времени). Постараюсь выйти и, встретив Вас, это же пожелать Вам лично.

О зачистке в «Сообщениях» за 1931 год ничего не помню, а мелких заметок я давал в те годы много.

Ваш Б. Латынин

Р. S. А сколько есть денег на Эйлатан? Пишите диссертацию!

*22.08.1954*

Юрий Александрович, дорогой, очень был рад Вашему письму от 6 августа и простите, что не сразу ответил. Здесь хоть и «мертвый» сейчас сезон, но дел и делишек эрмитажных уйма, а главное — и Вы в сем виноваты, — по уши завяз



Б. А. Латынин в Эрмитаже (1932 г.)  
[по: Сташенков Д. А., Кочкина А. Ф.  
Борис Александрович Латынин.  
Самарский период жизни.  
Саратов, 2008. С. 11]

«в старых» (теперь!) ферганских материалах, которые, не знаю в который уже раз, переделываю для Трудов Эрмитажа. Прекрасно зная, что никогда уже к Средней Азии не вернусь (а, впрочем, — Аллах еще ведает!), приписал некое резюме, в которое в объеме 1 п/л и вложил все, что было у меня по истории ирригации.

Ну и вообще, погиб с этой темой настолько, что серьезно подумываю ею еще и еще заняться. Очень бы хотел, чтобы Вы были сейчас здесь и чтобы можно было поговорить и подумать по этим делам вместе. Выходит, что хотя и очень еще только схе-

матически, а нужно представить себе пути и этапы развития ирригации в Фергане. Ну, — поживем-увидим, хотя надо «опасаться», что и Вы, и Т. Г. Оболдуева, которая «где-то в Фергане», привезете новые материалы и придется все опять переделывать и т. д.! Желая в этом вам обоим успеха, а я постараюсь сдать свою писанину в печать до вашего возвращения! Так говорите, неполадки и хлопоты уже позади и Вы копаете? Чудесно это, беда только, что приходится иметь дело (хоть я и не совсем понимаю, почему это и «приходится») со сравнительно поздними памятниками. Ну, да там всякие еще будут. Что все только еще ведь начало. Татьяну Григорьевну просил очень и прошу и Вас, если будете в районе Ханабада, ниже Каптыр-равата, посмотрите тепе и характеризующие их там керамику в Савайской степи.

Много вожусь сейчас с Шариханским и Андижанским, и материала явно не хватает. Много вожусь с тем, что мы называем Фергана III или Ваш Касан. — Ранний, домусульманский феодализм в Фергане, — крайне интересная штука... Словом: — за что ни возьмись, — интересно, но мало материала. Желая успехов и удачи поэтому Вам вдвойне!

На днях встретил Татьяну Николаевну [Заднепровскую]. Она выглядит хорошо, загорела и вообще молодец. Будьте, дорогой, здоровы, без малярий и пр., не лезьте сами в «поливное» средневековье, не старайтесь сразу объять все и вся... все обрывается! Успехов Вам.

Б. Латынин

P. S. Может быть, удастся с 1 сентября удрать в отпуск писать, но если уеду на две-три недели, то не дальше Комарова, и письма из Эрмитажа получать буду вовремя.

Мама, в свою очередь, пишет отцу: «...встретила Латынина, только что получил твое письмо. Поздравил, поцеловал руку, поболтали, передал привет Александре Юрьевне [т. е. нынешнему автору, тогда еще совсем маленькому ребенку]. Шла и думала, нужно ему позвонить, и вдруг вижу его такую милую фигуру, идет из Эрмитажа. После встречи было так хорошо и тепло на душе».

Переписка между родителями началась в 1949 г. и продлилась практически всю жизнь. Сохранилось более трехсот писем, из которых мною сделана выборка. Несмотря на тяжелые условия и свою поглощенность работой, отец писал маме регулярно и обстоятельно. Дело его жизни, его, можно сказать, всепоглощающая благородная страсть — конечно, экспедиции. В своей профессии, он, без сомнения, был романтиком, хотя и несколько суровым романтиком. В 1968 г. он посетил Эйлтан и очень был рад поездке, написав: «Воспоминания молодости, розовые надежды и всякие мечты — открыть сразу две Америки!»

Маме же пришлось расстаться со своей археологической мечтой. В отличие от мужа, неутомимого путешественника, она была большая домоседка, к тому же повязанная детьми и хозяйством. Человеком она была ответственным и несла свои обязанности стойко, хотя это требовало от нее напряжения всех сил. Она реализовала другие свои таланты — способность к четкой кропотливой и систематической работе. В полевых условиях отец всегда работал самоотверженно, с большим перенапряжением сил. Зная отцовский характер, мама призывала его быть более снисходительным к другим, желала ему побольше «сил и терпения», упрекала в «неуемности» и в жадности к работе. Просила не надрываться, побережь себя: «Кончай скорей и приезжай отдыхать. Надо начать учиться отдыхать...» Думаю, что своей увлеченностью и энтузиазмом при тяжелой физической работе под палящим солнцем отец мог заразить далеко не всех участников своего отряда. Судя по письмам, из года в год при организации и проведении экспедиций вставали одни и те же проблемы: деньги, машины, бензин, продукты питания. Денег очень мало, да и те хронически задерживают. Были еще и политико-дипломатические тонкости. Отец работал на смежной узбекско-киргизской территории. Финансировались раскопки не только центром и Академией наук СССР, но и Узбекской и Киргизской Академиями. Из-за смешанного финансирования нужно было писать отчеты (как финансовые, так и научные) в несколько организаций. Кроме того, разные местные музеи давали понемногу денег, а результаты требовали быстро, находки были нужны в возможно большем количестве. Ревновали, следили, спрашивали, не будут ли деньги узбекские потрачены на киргизские работы (или наоборот). Полевая археология, конечно, за исключением памятников первого ряда, и вообще-то наука мало и плохо предсказуемая, а тут ожидалось немедленные и эффектные результаты, несмотря на реальные условия, разные осложнения и короткие сроки. Тут от исследователя требовались и смелость, и интуиция, и напор.

## Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ — Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКОЙ

*Первая половина 1950-х гг., 10.09. Ош*

Дорогая! Только что приехали с Памира, упаковываемся, собираемся дальше втроем в Наманган. Нет времени написать подробно. Результаты хорошие (уникальные находки скифского времени: бронзовый акинак, бронзовые подвески и чаши, оружие и т. д.). Домой вернусь 10–15 октября — может быть, раньше, к 7–10 октября, поэтому отпуск возьми с 10–15 октября — поедем куда-нибудь,

отдохнем, поработаем. Буду читать доклад в ИИМК или на пленуме «Археологические памятники Восточной Ферганы» Настроение — среднее — будем работать. Очень хочу домой, чтобы обнять тебя и о многом поговорить, обсудить и просто помолчать.

*24.08.1952*

Дорогой мой слоник! Доехали 23-го до Намангана без особых приключений — 5 суток. Видел [Н. и А.] Подольских и Г. Г. Бабанскую. В Ташкенте видел [В. И.] Спришевского... Наконец-то добрались. Начинаем деньги добывать, продукты, багаж прибыл. Сегодня получил.

Вчера был разговор крупный в нашей группе о методике копания курганов — осуждали наши методы, но я остался при своем мнении, и они тоже. Наманган все тот же. Фрукты уже в обилии, виноград 3–4 рубля, дыни, арбузы. Понемногу входим в жизнь. Скалим зубы и т. д.

Напишу подробнее, когда сядем на Эйлатане. Видел Латынина, Наташку [Н. Г. Горбунову-Кершнер], Борьку [Б. С. Гамбурга].

Ну пока. Спешу.

#### Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКАЯ — Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКОМУ

*19.07.1952*

Юрик мой!

Новости такие: карту не принимают, мы потратили на это дело три вечера с 6 до 9 и ничего не добились. То защита не так, то размер не тот.

Звонил мне АНБ [А. Н. Бернштам], просил сделать одну справку, ходила для него в БАН. Когда звонил, был бодр. А вчера приходил какой-то сникший. Я спросила, когда он едет, сказал, неизвестно, и возможно, вообще не поедет (но об этом пока что ни слова). Вообще у меня сложилось впечатление, что его мало интересуется экспедиция. Значит, вся тяжесть падет на тебя. Это и хорошо — ты будешь хозяином, но и страшно за тебя. Кроме чисто хозяйственных забот (рабочие, организация и проч.), очень напряженное положение с Исхановым. Он косится на то, что Эйлатан в Наманганской области. Он не будет удовлетворен грудой черепков. Как вы поделите результаты?(это я пишу со слов Наташи [Горбуновой-Кершнер], получила от нее два дня назад письмо). Натка пишет, что под твоей командой работать не будет, так как ее замдиректорская душа не выносит подчинения. Но дело не только в местном гоноре, она не хочет впутываться в историю, которая может начаться, — денег мало, результаты будут невелики, а музеи ждут экспонатов (это мое личное соображение). Боюсь, что ее задело твое назначение на Эйлатан.

Родной мой, следи за собой, старайся давать людям меньше поводов для критики. Попробуй сколотить дружный коллектив, в нем будет твоя сила. Я уверена, что ты можешь увлечь людей работой, вдохнуть романтику. Мне очень тяжело, что в такой ответственный сезон работ я не с тобой, может быть, и твоя «старушка» на что-нибудь и пригодилась.

## Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ — Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКОЙ

29.08.1952

Дорогой мой, пишу, сидя в чайхане в Мургабе — у машины ремонт. Пару дней работали на Ишарте. Утром палатки и все вокруг в снегу. Холодный год. Пустые курганы (жертвенные места). Под конец нам повезло — нашли одного скорченника с бронзовой бусой. Когда и сколько будем на Памире — неизвестно. Вернусь домой в начале октября, не раньше.

Баруздин с нами работает. В Алае (Кызыл-кишлак) — нашли сака с расписной чашей и двумя бронзовыми стрелами. В общем, у нас больше археологический туризм, чем экспедиция.

Хочется домой, к тебе в Ленинград. Напиши, как с квартирой, как с пальто твоим — отдавай его шить. Очень хочу приехать в Ленинград через Красноводск — Баку — Тбилиси — Москву. Не знаю, успею ли, хватит ли сил, — устаешь все-таки. Да и одному трудно проехать эту дорогу.

Дорогой мой слоник, погоди, дорвусь — расцелую тебя. Пиши чаще, мой родной. Привет тебе с Памира и Алая. Вспоминаю 48 год. Будем около Зоркуя — привет от тебя передам.

Твой Юрий

Отец защищал кандидатскую диссертацию в Институте археологии в Москве весной 1954 г. Одним из его оппонентов был известный востоковед профессор М. М. Дьяконов (1907–1954). Мама ездила на эту защиту. А потом, 14 июня — я родилась. А отцу было совершенно некогда, ему срочно нужно было выезжать в «поле». Вот его записочка в роддом маме:

«Не порти мне настроение — выходи скорей и не требуй ничего носить — я забегался и без того. Получил смету и телеграмму из Фрунзе. Жду денег, и тогда уезжать надо. Сегодня был у Бернштама. Болтали о делах и так. От забот голова кругом идет. Надо ехать во Фрунзе, приобретать материал, личное барахло, ребенок и ты, и плановая тема. Все к тетке зайти проститься надо. Караул! Погибаю. Выходи — вместе будем мучиться. Привет тебе от Бернштама. Посылаю печенье — не ругайся, некогда искать».

Но были и другие:

«Дорогой слон! Радуюсь, от всего сердца, поздравляю и горжусь тобой! Очень хорошо, что все закончилось наконец-то. Жду с нетерпением возможности увидеть тебя и ее — другую уменьшенную копию слоника. В институте переполох — поздравляют все — и у нас, и в Руси, и в Причерноморье, и особенно в Библиотеке. Пиши и поправляйся скорей! Целую».

## Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКАЯ — Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКОМУ

28.06.1954

Спасибо за цветы и книги. Ну ты, обормот, и удружил мне с немецкой книгой. Это «тихий ужас» — немецкая дрянь в возвышенном сентиментальном стиле, повествующая о молодом немецком патриоте, который вступил на путь борьбы



за воссоединение Германии. Но читается свободно — я рада. Твен идет с трудом. Основательно забыла английский.

Ну все хорошо, успокоилась, читаю, хожу. Шурке сегодня — в 17 часов 35 м. — две недели. Шурку нужно домой брать — ей уже тяжело переносить здешний режим. Купил ли ты одеяло, как окно в кухне? Ох, уж эти мне ученые мужья. Рада за тебя и волнуюсь очень, мой начальник отряда. Теперь у меня за двух будет сердце болеть — за тебя и за Шурку.

## Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ — Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКОЙ

*17.08.1954*

... Как только закончим Восточное Узгенское, перевезу на древнее Шурабашатское городище. Итак, бегаю по раскопам, еду на другое городище, к тому разведка, финансовые вопросы, питание, а машина — гроб ходячий медленный. Жду [антрополога Г. Ф.] Дебеца для решения ряда вопросов. Рабочих много — 15–20 человек работают, включая и ленинградцев. Курганов нет в Узгенском районе. Изюминки пока не нашел, и это беспокоит.

*24.08.1954*

На душе немного стало легче — городище Шурабашат, о котором я уже писал и куда я привез ребят в субботу, дало интересный материал. 20 августа я решил перебросить группу, но ремонтровалась машина, а затем надо было купить хлеб, дрова, а Баруздину написать ведомость. Шофер отказался ехать на вечер, аккумулятор не годится. Вывез все же — спали недалеко от городища, прямо у обочины дороги. И 21 августа заложили раскоп — своеобразная расписная керамика, какой я еще не видывал. На чашах коленчатых (типично мархаматских) нанесен орнамент красной по светлому фону и черноватой по серому фону. Среди керамики встречаются и обломки эйлатанского типа. Пришлось на радостях поставить две бутылки вина, так как ребята принесли со снесенного бульдозером тепе — пол-ящика. Немного легче стало на душе. Машина окончательно села, и только зарядившись от другой машины, смогли уехать. Поехали на встречу Оболдуевой в Джал. Результаты у нее плачевные, без машины нечего делать, и она предложила воссоединиться, так что она теперь у меня вроде как в подчинении. И вот ее отряд (она и студенты-художники) прибыли со мной в Узген. Здесь пробуду день — приму работу, поеду на другой объект, тоже и на третий, вернусь в Шурабашат. Забот много, имеются уже неоправданные расходы большие — ничего не поделаешь — купили с шофером на половину аккумулятор. Да, чуть не забыл, поздравляю тебя с первой печатной работой — мне показали в Фергане «Советскую археологию», купи эту книгу и все, что есть новое по Средней Азии, и перечисли в письме, чтобы не дублировать. Сижу в ожидании пограничника — появилась возможность попасть в зону, согласно плану работ. Таня — обязательно с работы не уходи — я согласен с тобой, помогу тебе и материал найду. Если Баруздин и Гамбургеры думают о диссертации, то грех тебе забывать об этом.

*25.07.1955*

...Затем выехали на Чурмарон, осмотрелся и в Касане. Раскоп в нем сохранился довольно хорошо, поперечную стену бульдозером подровняли, и стала видна кладка. Нахлынули воспоминания о прошлом. Хорошо было. Остановились

в 5 км от городища на курганной группе. У авто рессора полетела. Взяли два кургана — и без результатов. И потянули дальше на Чаткал. Ехали под вечер, ориентируясь на месяц, светивший в прогалине гор. Поднялись — пошли альпийские луга и цветы. Куда едем, не знаем, но дорога одна. Однако, заблудились, и пришлось в одном месте возвращаться. Затем на берегу Касана в час заночевали. Наутро тронулись дальше. Дорога петляет вокруг Касана или его истоков. Едем среди лесов (береза и арча, как сосна). Дорога тяжелая, но не опасная. Шофер хороший, но пожилой и несколько опасается. Наконец-то перевал и перед нами заветная долина. Бирюзовая река в красных берегах — много зеленой травы. Но леса нет.

Пошел с ребятами в райком и вдруг узнаю, что здесь в Янгибазаре Татишалиев — директор Института истории Киргизской ССР. Познакомился с отрядом, ходили поднимались на высокую террасу, осматривали курганы. С его помощью получили муку, масло и договорились о рабочих. Сегодня второй день работы. Пока ничего нет. Только в одном остатки разрушенного скелета и обломки сосуда. Вообще, хвастать пока нечем.

### Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКАЯ — Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКОМУ

*18.07.1956*

Очень беспокоюсь, как пройдет Памир. Как АНБ [А. Н. Бернштам]? Вообще, имей в виду, он стал очень суматошным и паникером. Это я почувствовала сама, и это же мне сказал Глеб. Береги себя и будь покладистым на Памире, и ни в коем случае не ходи пешком. Побереги себя. Слышишь, и так достаточно, что ты его сопровождаешь и поэтому остался без отдыха. Сашука тебя на фото узнала в двух случаях, на одной фотографии ткнула в чужого дядю и смутилась ужасно. А потом все показывала и говорила: «Вот папа голенький».

### Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ — Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКОЙ

*12.08.1956*

Рад, что немного отдохнула, и очень рад за Сашеньку. Как-то она меня встретит — наверно, не узнает и будет долго дичиться. Хорошо, что Мария [домработница] вернулась. Передай ей наказ, чтобы грибы сушеные были, и побольше. Ужасно хочется чего-нибудь европейского и домашнего. Варенье варите всякое, только больше и вкуснее.

Сижу под грибом, который поставлен на невысоком кургане. Гриб — это большой белый тент, натянутый на столбы. Вокруг полукругом стоят четыре палатки, дымится костер — обед уже готов. Скоро закончится работа, 12 часов, и придут ребята. В трех направлениях на трех курганах идет работа, и мне отсюда от гриба все хорошо видно. Лагерь находится на высоком мысу при слиянии Чаткала и Терса. Со всех сторон окружают нас горы, только на востоке они отступают, и здесь-то и находится сама долина. С утра встаем с солнцем, нас озаряют первые лучи, затем, поднимаясь, солнце печет изрядно и к вечеру заходит за большую гору слева. Если спуститься к реке, то там деревня. Вода очень холодная, и там отдыхаем. Сегодня удачный день. Вчера открыли 8 каменных ящиков, с очень бедным инвентарем. Вечером перед уходом начали девятый и там появился череп. С утра рабочий начал

другой ящик (уже десятый) и там пошло: железный меч, два ножа, железный наколеник стрелы и пряжка, один горшок и м. б., это не все. В другом каменном ящике скелет животного. Вчера встретился с Е. Н. Маховой, начальником этнографического отряда, который приехал в Чаткал, так что 15 августа день археолога будем справлять вместе.

*23.08.1956. Ош*

Завтра собираюсь уехать втроем в Советский район к китайской границе до 31 августа. Поедем на лошадях. Очень заинтересован в этом маршруте. Одновременно вторая группа будет доделывать в Шурабашате. Сегодня отправил нашу повариху, от которой нам не было житья, да и хороших обедов. И остается нас вместе с шофером семь человек. Все уже устали порядком. Последняя неделя прошла почти без денег — натягивали из последнего. Татьяна, у меня богатый материал по тюркам. Надо к моему приезду подобрать литературу по археологии этого периода, так чтобы в октябре часть ее была дома. Работы будет над отчетом много. Поэтому заранее подбери ее.

*лето 1956 г.*

Приехали мы в Мургаб 11 августа, и я с Рановым, Коноплей [Коноплянниковым?] уехал в разведку на Ран-куль. На авто объехали озеро — нашли несколько групп курганов. Ранов — очень хороший парень, одноленок со мной, ищет безуспешно камень на Памире. Озеро чудесное — в зеркальной воде отражаются отдельные вершины наподобие шапки Мономаха. Вдали над синей дымкой белеется чудесная голова Мустаг-Ата, который на днях был взят штурмом альпинистами. Сейчас Ранов с Коноплей ушли в пещеру — высоко в горы и будут там шуровать до вечера, а я сижу у машины и занимаюсь своими делами, и пишу это письмо.

Надеюсь, что числа 20 я убегу от этого табора. Остается ведь еще Шурабашат, который я закончу ко дню своего рождения и, таким образом, буду возвращаться в начале октября — вот еще сколько надо держаться. Поэтому все мысли о Ленинграде, о доме я угоняю подальше. Хотя не так давно мы с шофером (я еду во второй авто в кабине) поделились своими чувствами о встрече с дочками, и я было расчувствовался, представив себе Сашку (да, когда будет фото, наконец-то!). Но это временное явление — стараюсь не вспоминать.

С деньгами плохо — ведь я перерасходовал на Дальверзине и мне могут понадобиться для отъезда. Заканчивай библиографию, а также приведи в порядок наш домашний каталог. Потому что, как только я приеду, то загружу, ибо в конце октября будет, очевидно, конференция по археологии в Сталинабаде, а после ноябрьских праздников — конференция во Фрунзе. И мне надо написать для Фрунзе доклад и кончать плановую тему и начинать камералки.

*09.07.1956*

Дорогой мой!

Очень приятно получить здесь письмо, притом милое, да еще и с самокритикой. Мне же никак не собраться с духом и не написать письма душевного. Кручусь. Работает нас 21 человек, и я один. Ребята помогают, но положиться на них все же нельзя. Надо распределить работу, смотреть за раскопом и рабочими и т. д. В перерыв помогать художнику и при паковке материала и обрабатывать его.

Например, сегодня, в воскресенье, в 5.30 встал, поднимал народ. У меня восемь студентов — здоровых и хороших парней. Чай и в 6 часов — на работе. Нашли

мусорную яму — слежу, как Сергей мой ее чистит. Второй парень расчистку двух кувшинов ведет. Сам я чищу Адама — т. е., костяк с двумя дырками в голове. Древний, но доказать, что бронза, пока трудно. Другие снимают слои. День удачный, более 10 расписных фрагментов, и хороших. Другая группа режет вал, где обнаружили стену, окружавший с востока селище. Вероятно, [селище] более позднее, но за стеной идет тот же материал и даже роспись. Начал еще один шурф для проверки. И вот я по трем точкам и по всему раскопу. Один из студентов работает поваром.

Сегодня работали шесть часов до 12. Затем отдыхаем — я же разбирался с керамикой, с чертежником, затем обошел с парнем, который за фотографа, селище и только сейчас, около 9 часов, освободился. В общем, я очень доволен Дальверзином. Надеюсь, что еще кой-что найдем. Правда, бронзы мало. Но керамики масса — около 10 целых и более <или менее> восстанавливаемых форм. Остается, правда, неделя, как уложусь, пока не знаю. Получил бандероль — фото получились хорошие и мне очень пригодятся. Но когда пришлешь фото дочки — ведь у меня нет ничего. Пиши все равно чаще — это единственная здесь отрада. Сейчас даже не верится, что где-то люди сидят на стульях, едят что-то человеческое и вообще живут. Правда, одичать на время даже приятно. Узнаю людей и радуюсь — разговаривал с одним шофером в машине и с одной женщиной-киргизкой в поезде — очень любопытно — много читает, почти однолетки, но уже 9 детей, второй муж, которого посадили, и очень здравые суждения у этой работницы.

#### *Телеграмма*

Фортуна начинает улыбаться = Юрий

#### *Лето 1957 г.*

... Забот много — ребята устали, болеют животами, рабочих мало — все ишу — то бульдозер надо, то еще что-нибудь, почти каждый день в машине провожу. Еще дневник не начал, но раскопы в крепких руках. Уже материал идет — хорошая средневековая роспись и хорошая древняя роспись. Придется ехать во Фрунзе, ибо говорил по телефону, и мне обещают расширение работ на будущий год.

Заканчивать буду к 25. День рождения проведу или в Андижане, но скорее всего в Фергане. Затем два дня разведок — и доеду до Ташкента и 1 октября во Фрунзе. У меня редкий день, если не проеду 200–300 км, гоняю в разведку, чтобы этим возместить отсутствие материала.

#### *08.09.1957*

... Живем мы в Дальверзине втроем — я, [Г. А.] Брыкина и дева [художница]. Тошно. Одну, первую держу на расчистке и стараюсь не сталкиваться, ибо злости у ней полный короб. Вторую пугаю и держу младенца в страхе божием. Она рисует, но средне, и приходится следить. С рабочими плоховато — 10–12 человек. Начался сезон хлопка. Начали раскоп на валу, вскрыли поверху 600 м. кв. и сейчас начинаем углубляться, на какой площади пойдем вниз, там видно будет. Стена крепостная идет, но контуры ее (не камень!) трудно ловить. Находок в раскопе будет немного — главное — найти стену и то, что вокруг нее. Надо дневники подгонять, отчет для Киргизии предварительный дать. Но рабочих мало, и сам за лопату хватаюсь, и поэтому к концу работы усталость охватывает.

## ИЗ ПИСЕМ КОНЦА 1950-х гг.

Вот наконец и кончился киргизский кошмар — приехали в Дальверзин и начали работать, а там было весьма плохо. Рабочих нет, и копали свои — устали. С устатку — на спирте. Один прогулял несколько дней. У другого рука болит и вкальвал в основном один парень. Отсутствие рабочих заставило перебраться на новое место. Отсюда сбежала единственная женщина наша (без объяснения и не получив расчета). Моя рабочая опора тоже стала сачковать. Так что было нехорошо. Но появилось несколько рабочих. Однажды заканчиваю работу, а мои ребята напились — дело было в воскресенье — я вкальвал с рабочими, а они отдыхали. Один напился и стал угрожать мне — давай больше денег и т. д., да я тебя зарежу и т. д. Другие успокаивали его. Он сцепился с другим парнем, и тот его здорово избил. Представляешь себе обстановку: жара, плохая вода и еда. Надо кончать работу, а тут такие сюрпризы. На Кара-Дарье сделали мало. Зато в другом месте вскрыли большую часть небольшого поселения чувского типа. Это бедное рядовое поселение — первое в Южной Киргизии и в предгорной Фергане. Находок мало — керамика, навершие булавы, серпы и т. д. Очень рад, если бы не трудности. Но все позади, и начинаем нормальную жизнь — и читать газеты, и внимать радио. Напиши, что известно о Востоковедческом конгрессе и какие новости в Институте, кто из сектора здесь. Что слышно о моей книге, вышла или нет. Дочурке большой привет и пожелание отдохнуть. Купил ей китайский набор темно-синего цвета 36 размер, рейтузы, кофта и шапочка. Что ей еще надобно? Хотя я и грозился, что писать не буду, но, как видишь, пишу уже третье.

Правда, дела меня все подталкивают. Прежде всего, еще раз напоминаю о посылке: чай зеленый, кофе и штаны. Второе, обязательно передай ребятам, которые поедут, чтобы они телеграфировали отъезд из Москвы по адресу Аим Андижанский.

Обязательно, постарайся конфет и еще чего-нибудь с ними прислать, бутылку вина — хванчары или что-нибудь. До сих пор ничего не получил от тебя. Сегодня к нам прибыла Оболдуева. Она пробудет недели три. Пока что сумбур внесла. Копаем четвертый день. Начали около 300 м. Намеки на стратиграфию и первые сосуды, каменные ножи и т. д. Перспективы хорошие. Жарко. Встаем в 5.30 работаем до 14. Затем керамика, обед. Перевязка — карбункул начал заживать, но еще далеко до конца. Рабочие есть. С Галей [по всей вероятности, с Г. А. Брыкиной] отношения более или менее нормальные. Спорим запоздно, а затем рано вставать трудно. Устаю, и все ленинградские заботы ушли в сторону.

Жду писем. Напиши о Сашуке и расскажи, что папа вспоминает ее. Редко слушаем по своему приемнику Москву, известия и музыку из Индии. 26-го утром был дождь. Не работали. Доводили керамику. Был праздник Курбан и плов. Ночью снова дождь. Утром приехал в Андижан.

*1.08.1958*

Ты спутала все мои планы. Я рассчитал уже сроки работы и теперь приходится все делать заново. Приедешь в Фергану — в баню и отдыхай. Потому, что когда я приеду, то может быть не до отдыха. Сидим в Карабулаке. Начали работы, но нет рабочих, и я их выколачиваю — пью чай и водку с рисом. Но пока ничего не получается. Памятник хороший, дом хороший и место хорошее, и только с водой неважно и с рабочими. Заканчиваю ликвидацию дел после Дальверзина. Подробности на месте. Отправляй все коллекции и составь только опись отправ-

ленного. Доверенность на имя Эллы [Э. А. Любимовой, сокурсницы, сотрудника библиотеки ЛОИИМК / ЛОИА] послал. Больше не откладывая срока отъезда, ибо потеряешь много. Я собираюсь поехать отсюда в Пенджикент (об этом в ИИМК пока не говори). Захвати тапочки, печатную работу, комплект фотографий у Маши и пожевать.

Привет домашним. Целуй Сашуку и передай ей открытку. Скажи, что я ее не забываю здесь.

*25.07.1959*

Работа продвигается успешно. Углубились до начала хумов, их оказалось четыре, и пошли вниз. Зачищаем снаружи стену. Находок маловато. Трудно. Жарко. Продолжаются конфликты со студентами. Без машины все превращается здесь в проблему — привезти продукты, съездить в больницу и т. д. Ребята болеют. Как назло, в этом году приходят рабочие, и мне приходится отказывать. Работают несколько человек — делаю перерасход. Сегодня провожаем первого человека — киргиза-археолога, который заболел и едет во Фрунзе.

*06.09.1959. Аим*

Вчера была встреча с узбекскими рабочими — выпили и настоящий дастархан. Утром — встали — спать не хочется, хотя и можно бы — воскресенье. Выкупались в холодной воде — чай и виноград. Сходили на базар. Скоро поваренок наш сготовит шурпу. Затем кой-что упаковать надо, а вечером в гости к рабочему приглашены, а затем в кино. Так и отдыхаем немного. А затем снова колесо. Хлопка много, и уже начали собирать. Гора обломков, прозванная домашними остряками «Апофеоз археологии Заднепровского», выросла значительно. Отношения с товарищами наладились — так что вкальваем во славу и слушаем радио.

Получил твое письмо от 19 июля с живым описанием посещения Сашуки. Оно напомнило очень ярко, и я ясно представил, как все это было. Очень скучаю по дочурке. Письмо ее с рисунком получил. Но случилась беда — я ехал на велосипеде, и оно выпало из кармана, так что я адреса ее не знаю (сообщи). Переправь ей посылаемые открытки.

Получил письмо из Фрунзе с сообщением, что книга вышла, — просил выслать авторские экземпляры на Андижанский музей. Но надо будет купить еще для раздачи — напишу в «Книгу-почтой». Кончат буду 10–12 числа, учти, в связи с письмами. На конгресс в Москву еле успею на закрытие — посмотреть и, может быть, с кем-нибудь познакомиться. И после этого через день-два буду дома, если не будет какой-нибудь задержки здесь.

Живем как на сладкой каторге — это в большей степени относится ко мне. На раскопе большом — находок достаточно, несколько любопытнейших и целых литейных форм, много каменных орудий известных форм. Наибольший интерес представляет находка черепков андроновского типа — первый случай. Начали снимать средний горизонт, но пока объектов нема. Керамики много. Смотрю и руковожу работой, чисткой, мытьем керамики и подсчитываю сам черепки, а также проверяю рисунки художника — все одновременно. К этому сам фотограф и снимаю черепа (в одной яме их было целых 5 штук). Это в рабочее время, а затем просмотр керамики, рисунков, контр. дневник, планы, расчет и ведомости, и так до вечера.

## ИЗ ПИСЕМ 1960-х гг.

27.06.

Дорогой мой!

Мы начали работы. Трудностей очень много — мне обещали студентов — но их пока мало и всего двое рабочих. Главное — нет продуктов — Кожемяко не взял на меня — почему я сам не приехал во Фрунзе, и перед носом увел в Узген ящик с макаронами. Сложности с дровами, казаном и т. д. Автомашина есть, но дурацкая, оплата в день не более 100 км, а она из Фрунзе пришла — уже 900 км. Юркевич активно помогает. Жара. Копаю Кзыл-Октябрьское городище на противоположном от Шурабашата берегу.

Еще длится оргпериод — они выслали командировки на Ленинград — я телеграммой просил тебя пойти в Институт и послать мне. Деньги есть, но трудно с рабочими и питанием.

Сейчас в Оше и пытаюсь здесь кой-что сделать. Город меняется сильно — не узнать. У Винника — Брыкина, у него не был и не поеду. Кожемяко уже был у меня на городище. Так, в общем хорошо, но от забот и трудностей голова лопаётся. Адрес постоянный: Узген — лагерь в 10 км от него.

Целую, родной мой, больной.

22.07

В субботу-воскресенье ездил в Дальверзин — опять у бабая плов делали.

Экскурсия для местных студентов. На Эдуарда [художника] Дальверзин произвел большое впечатление. Он нашел в борту раскопа целый сосуд, а я — бронзовый нож. Затем я побывал в Мархамате, и я смотрел и вспоминал, 15 лет тому назад. Как это давно и все же как это близко и до сих пор трогает. Но что делать — время бежит!

...Ты хоть бы пожалела меня — действительно, кручусь, как черт, и кругом заботы, за всем надо самому смотреть, и отдыха нет на раскопе.

27.09

Наконец-то приехал в Ташкент. Хотел раньше, но никак не мог — сама представляешь, как трудно сейчас в период уборки получить машину. В Намангане проехал 600–700 км, в Андижане 500 км, проехал раз уже осмотренное, а также ряд мест посетил впервые. Нашел несколько интересных объектов: в Андижане — городище синхронное Эйлатану и одно кушанского времени — весьма подходящее для раскопок.



Ю. А. Заднепровский в экспедиции  
(конец 1960-х — начало 1970 х гг.)

*без даты*

Таник!

Ситуация сложная. Денег 5 тысяч на рабочих и транспорт, и то в час по чайной ложке. Продуктов не дали, через Оболдуеву о нашей экспедиции не было заявки.

Следовательно, будем выкручиваться. Очень рад, что захватили кой-какой запас (30 кг). Завтра, наверно, выедем на работы. Начнем с богом. Каждое дело с трудом, и все самому. Но ничего — пройдет. С деньгами трудно. Душно.

Москвичи ничего, но один хороший грузино-русский парень. Получила ли из Москвы книги. Что делаешь, напиши, что сделала. Когда огород? Пиши. Жду. Еще не пришел в себя. Вчера был на Эйлатане. Внешне это Мархамат, но меньших размеров. Не знаю, что получится. Когда прииду в себя, напишу.

## Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКАЯ — Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКОМУ

*Июнь 1960 г.*

Мой Ю! Была очень рада твоему письму, просто тяжесть свалилась. Сразу послала телеграмму в Узген. Пришла корректура, буквально через три дня после отъезда. Срочно сообщи, где рукопись, так как я просила прислать вторую корректуру... Сашука уехала 14-го, в день рождения. Очень довольная и веселая, без слезинки. По железной дороге детской нам удалось прокатиться. В день рождения я ей сделала подарок от тебя и от себя. Эти дни закидала меня вопросами: «что такое судьба, вселенная, патруль, печаль» и т. д., всего уже не помню. Тебе просила передать просьбу о черепахе. Ее последнее слово было о черепахе.

Сейчас много читаю, хочется наверстать упущенное за зиму. «Живые и мертвые» Симонова. Это очень сильная вещь и очень страшная. О войне без прикрас. Ревела. Это только первая приоткрытая правда о войне. Я думала, что тема войны уже не может так волновать, как раньше, оказывается, нет... В Эрмитаже выставка Святослава Рериха и английского искусства XVI–XX вв. На Рерихе столпотворение. Его творчество — ухудшенный вариант Н. Рериха. Очень заумно, мне не нравится. Присутствовала на его собеседовании. Эстет, за полтора часа ничего интересного не сказал. Хорошо говорит по-русски, чувствуется высокомерие. Хотя у него есть основания — народ ведет себя как дикари, кидаются к нему, кричат, давятся.

А твое состояние мне понятно. В природе, особенно в той, что на Кара-Дарье в горах, становишься чище, сильнее, мелочи отскакивают. Это чувство я испытала в 1958 году именно там.

*19.07.1960*

Рукопись с машинки получила, ее напечатала Ежикова, и почти всю проверила — ошибок мало. Посылать тебе ее не буду, так как все равно скоро возвращаешься. Конгресс открывается 9 августа и до 16-го. [И. Б.] Брашинский сейчас ученый секретарь, я ему сказала о командировке. Твой каторжник не появлялся. Приехала Натка, усталая, еще с горшками и бусами. Сразу начала работать на выставке. Борсан [Б. А. Латынин] купил меня на два дня у моего начальства. С Наткой [Горбуновой-Кершнер] отбирали твои горшки, возили в Эрмитаж. Просматривали альбомы, искали хороший общий вид Дальверзина и нашли нечто, что не нравится Борсану. Завтра пойду выставлять твой Шурабашат и Дальверзин. О твоей книге ничего не знаю, вестей нет. Хочу поддержать твои вещи в руках.



17-го был родительский день в детском саду. Накануне я весь день провела в Эрмитаже, вечером покупала ягоды, отвезила Жене Романовой в холодильник. И на другой день с восьмичасовым поездом всем составом поехали в Ст. Петергоф.

Больше родительского дня не будет, но воспитательница сказала, что ты можешь, по возвращении, Сашуку навестить в любой день — свидание дадут. Я сказала Сашуке, и она запрыгала: «Папа приедет и сорвет мне лилию в пруду».

Ты спрашиваешь, что серьезное я делаю. А все понемножку, а время уходит. Я решила заниматься не ОАК'ами, а библиографией по археологии, собрать русскую библиографию по археологии и посмотреть на ней, как шло развитие и становление археологии как науки. Привела в порядок куб. Начала описание библиографий.

Сейчас читаю Бёля — «Дом без хозяина». Это послевоенная Германия, тоже потерянное поколение — две семьи, где дети растут без отцов, которых они не знали. Тяжелая вещь.

## Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ — Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКОЙ

*05.08.1961. Аим*

Дорогой мой! Из телеграммы (если она дошла вовремя) ты уже знаешь, что я кончаю в Киргизии. С трудом мы действительно кончили 4 августа. Накануне отъезда впервые пошел дождь на полдня и раскопки намокли. Как всегда, оставалась чистка, и я боялся, что задержусь и что арыки выйдут из берегов и до нас грузо-такси не дойдет.

Но все прошло благополучно, и я нахожусь уже в Дальверзине. После очень нехороших условий — чистая вода и фрукты подействовали освежающе. Встречают как Гагарина, и в первый день попали в гости, затем выпили в столовой и на своем холме смотрели кино о поездке Хрущева в Индонезию. Исключительное впечатление... В субботу сразу же всех на лопату без жалости. Зато завтра свободный день. Очень рад, что разделался с Киргизией, хотя и раньше срока. Много людей. Примуса не горят (имеются такие чудо-приборы). Сборы кизяка и однообразия работы действовали на состав угнетающе. Много людей, слишком, хотя географические девы оказались на высоте и не пищали. Держать в руках всю команду трудно. Главный художник педантичен и поэтому медлителен и задерживает нас. Но, в целом, составом я доволен. Уже одна дева уехала, и теперь нас всего девять человек. Через 10 дней еще одного отправлю, и тогда легче будет.

В Киргизии рабочих не было — сами копали шурфы. Интересных находок нет, но появились новые памятники чувского типа с обычным инвентарем и еще кое-что. В целом, результатами доволен и большего ожидать нельзя. Здесь рабочие будут, хотя денег у меня маловато. Писать мне было трудно. Начал Сашуке открытку и не смог опустить в Узгене. Порадовался за разумного младенца, за взрослый тон (по сравнению с детсадом экспедиционным). Очень рад был за Мишуку [сына Михаила, родившегося 1 июля 1961 г.]. Ты его корми уж, как можешь. Тетке я напишу, но еще должен прийти в себя. Лето жаркое, и забот много. Даже читать не могу.

Пиши чаще — я хоть чуть буду в курсе твоих забот. Как в Институте отнеслись к появлению Михаила Юрьевича? Кто-нибудь заходит, кроме Натальи, и как-то ты крутишься? Учитывая обстановку, надеюсь, что толстеть особо не будешь. Скучаю,

но пока еще умеренно — забот много. Когда налажу работу — будет совсем иное. Хозяева старые, только больше стало винограду. Тепло и фруктов. Душою с тобою и хотел бы пораньше приехать, да там будет видно.

Целую все семейство, и храни младенца.

*13.08.1961*

Родной мой!

Давно от тебя нет известий. Я получил записку от Саши здесь, в Аиме. Волнуюсь, как-то управляешься дома! Пиши хоть немного, но чаще. Копаем уже неделю, и развернул все объекты. Как-то уже пошло. На днях приезжал Конопля — посмотреть на поселение, выяснить отношение и договориться о дальнейших связях. Переговоры прошли успешно, говоря высоким штилем. Выпили чуток за здоровье Михаила Юрьевича [сына]. А сегодня — в воскресенье — новый визит радостный. Заехала на пару часов Галя Брыкина с художницей. Их женская бригада с Т. Г. Оболдуевой, она и художница ковыряются в Эйлатане, и она говорит, что хуже объекта не видела. Очень приятно было встретиться и показать новое — она-то понимает! Уже кончила работы в Карабулаке. В Эйлатане жарко и нет такой воды, и много комаров, так что Дальверзин — это рай!

В группе впервые появились трещины — Азия перестает нравиться, и геодевы начинают сдавать. В отдельности все хороши, но вместе не вытанцовывается.

Понемногу ходим в гости. Быт налажен, и черт с ними — работа идет, и мне нет дела до настроения (когда я не могу исправить его). Галя поздравляет с наследником, а я ее в кумовья приглашаю.

Очень много желающих работать, и тяжело отказывать. Устаю весьма от отсутствия помощника. Забот много, и тяготит отсутствие писем. Еще раз прошу, пиши и держи в курсе. Посылаю открытку дочурке. Напиши, что бы купить надо и привезти отсюда (Саша просит привезти ананасы).

Была ли в Институте — узнай как-нибудь (по телефону), находится ли моя работа у Вадима [В. М. Массона]. Мне не совсем удобно и трудно вато писать ему, но надо это сделать. Будь здорова и береги парня. Пиши, мой хороший, и не забывай о большом младенце. Видел сразу две серии Монте-Кристо — так себе — сказка.

*27.07. Узген*

Родной мой!

Узнаю тебя и даже доволен ехидному твоему замечанию. В оправдание могу сказать лишь одно — как это ни шаблонно — но каждый раз в начале экспедиции я действительно скучаю по дому, тебе и ребятишкам. И это естественно, так как резкая смена происходит. А затем влезает в будни и не остается времени. Вот так понимай мой трафарет! И к концу срока снова мысли о доме возникают. Трудностей много — уже 13 человек. Надо рабочих еще 10 человек. А для этого надо добыть продукты — это сейчас весьма непросто. Денег получил много и добываю остальное. Все идет медленно. Копаю, как писал, Кыл Октябрьское городище. Лагерь в пойме реки. Заложили раскоп 250 кв. м., и появились внешние стены. Скоро начнется зачистка в большом масштабе. Трудности с авто — арендовали такси и ограничен километраж. Так что не побегаешь. Но, в общем, все как-то налаживается постепенно. Уже стоят четыре палатки и навес. Один школьник варит, и — съедобно. Решаем проблему мяса и консервов. Встаем — к 6 утра — уже наверху, затем спускаемся на завтрак и до 12 часов. У нас можно купаться и загорать

на пляже, и затем с 6 до 8 работа. Фрукты появились, но в Узгене мало и дорого, так что мы их мало видим...

## Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКАЯ — Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКОМУ

*29–30.08.1961*

Получила телеграмму. Сашука сама ее прочитала. За это время (от письма до письма) много произошло «событий» и много сделано дел. Мишук хорошо прибавил в весе, уже неделю назад был 4 кг и вырос на 9 см. Он уже превратился в ребенка из существа. Появляется что-то вроде улыбки. Ночи спим. Еще ни одной бессонной не было.

В субботу вернулась Сашука... Я приготовила ей стол, положила школьные принадлежности. В комнату вошла взрослая высокая девочка. Была взбудоражена. Внимание между портфелем, подарком и братишкой. И потом я поняла, что у нас выросла хорошая, умная, чуткая дочка. Это уже друг. Настоящий и самоотверженный.

Если мои письма — репортажи о работе, то твои это — телеграммы, и этот стиль у тебя выработался уже несколько лет назад, да, пожалуй, других и не было. Репортажи обязывают. Итак, истекшая неделя была отмечена новыми трудовыми подвигами. Встав на трудовую вахту в честь семейного уюта бригада выполнила план на 100 процентов, дав своему семейству следующее: купила коляску 9 кг весом, имеет приспособление для спуска и подъема на лестницу — 30 рублей.

Сделана уборка к зиме столовой. Это с Линой. Пропылесосила все книги и постели наши. Смастерила абажур на лампу.

Очень хорошо, что нагрузка нарастает постепенно — Мишук, Сашука, школа и потом уже ты. 1 сентября у нас праздник. Тетка печет пироги, будут цветы. Крепко целую и жду мою последнюю нагрузку. Хочу свести Сашуку в Эрмитаж. Ждем.

*1.09.1961*

Сашука в школе. У нее настроение хорошее. У меня, в связи с международной обстановкой, более чем скверное. Кажется, в такое время иметь детей — безумие. Возвращайся скорее. Т.

*09.09.1961*

Дорогой мой Ю!

Я справляюсь полностью. Мама сидит и гуляет с малышом. Молока у меня почти нет, и поэтому я менее связана с кормлением. Поэтому ты не пори горячку и возвращайся, сделав все намеченные дела без усилий и напряжений. Дома ведь отдыха не будет. Сегодня кончился мой декрет. Взяла за свой счет месяц, там видно будет. Отпуск за 1961 год хочу присоединить к лету 1962 года. До меня дошли слухи, что ты собираешься в Туркмению?? Это верно или запоздалые сведения? Деньги могу выслать, но хотелось не телеграфом — это очень дорого... Наташа [Горбунова-Кершнер] и Элла [Э. А. Любимова] меня не забывают. Боюсь, как будем справляться, когда приедешь.

Ирина Васильевна [Богданова-Березовская] будет в Ташкенте 15 числа. О чем просит тебе сообщить. Если хочется в Туркмению, то поезжай. Обойдемся. Еще раз целую.

Твоя Т.

## Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ — Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКОЙ

*Конец 1950-х — начало 1960-х гг., 7–8. 09, Термез*

*Дорогой мой!*

Письма от тебя в Самарканде не получил и сердит. Закончил работы 1 сентября и 2-го оказался в Самарканде. Гулял по городу и ждал [А. А.] Аскарова. Памятники произвели вновь впечатление. Затем ездил в Пенджикент — смотрел и общался с Марковичем [А. М. Беленицким], Илоноу [И. Б. Бентович] и был на замечательном тое. Сейчас пишу из Термеза, Аму-Дарья, граница, Афганистан. Затем через Самарканд еду в Ашхабад, где узнаю про Массона и постараюсь добраться до его Алтына. Это очень важно, так как в этом году закончил первый этап изучения Дальверзина и перед тем, как наметить дальнейшие шаги, надо посмотреть бронзовые памятники юга.

С удивлением узнал, что в районе Термеза шатается Гамбург — может, увидимся, а, может, и нет.

*18.06.1960*

Родной мой! Наконец-то добрался до Кара-Дарьи, и началась страда. Приехали в ночь и в дождь. Но затем пошли дни жаркие и знойные. Кстати, сейчас изумительно. Все холмы и вал городища залиты морем красных маков, которые особенно ярко выделяются на свежей зелени. Работаем пятый день, но рабочих пока нет, и достается нам всем. Ребятами в основном доволен, и живем нормально и даже больше. Недавно купили молодого кабана, зарезали, и сейчас мясо не сходит со стола. Очень сожалею, что не смог вовремя поздравить Сашуку и мать ее с днем рождения нашего зайца. Выбраться отсюда очень трудно и не было возможности... Расскажи Сашуке, что здесь очень много черепах — буквально десятки можно встретить утром, когда прохладно. Никогда еще не видывал такого количества. Отсюда взять черепаху — она не выживет... Для Саши нашел панцирь маленькой черепахи. Встретили несколько змей. У нас в комнате на стене гнездо ласточки и в нем четыре птенца раскрывают рты. В дверь посмотреть — можно узреть большое стадо свиней и овец. Так что животных вокруг много. Но фаланг и прочей гадости пока что нет...

## Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКАЯ — Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКОМУ

*20.09.1962/63 (?)*

Сегодня получила Мишукин костюм. Это через три года штаны будут впору. Мика еще на даче — мокнет и мерзнет. Привезу, наверно, 30 числа и возьму отпуск. Заходила в издательство. Разговаривала с Салтановым. Чистые листы будут в первых числах октября. Горлит книжку пропустил, задержка из-за рисунков. Так что чистые листы будешь сам смотреть, чему я очень рада. Сашука бегаёт в школу во вторую смену, получает двойки в избытке, что меня очень волнует.

У нас скверно с продуктами — нет никаких круп, макарон и др. мучных изделий. Нет картошки, она погнила. На рынке 25–30 коп., на Сиверской — 20 коп. Исходя из этого, тяни, что найдешь. Плохо с яблоками — очереди, и они плохие. На рынке 1р. — 1р. 50 коп. Вообще не знаю, чем буду тебя кормить. Если поедешь поездом, дорогой обрати внимание на сушеные грибы. Зима предстоит нелегкая.

05.11.1963

Дорогой мой! Не брани меня и не обижайся на меня. Опять жизнь накинула мне петлю на шею. Так что приготовься выслушать новый «репортаж с петлей на шее». После твоего отъезда Мика стал поправляться. Но в следующий понедельник слегла Сашука — грипп с большой температурой и тяжелым самочувствием. А в это время у Мики ночью была рвота и расстроился желудок — типа несварения. Я боялась идти в ясли, боялась сказать врачу и лечила его сама, взяв дни в счет отпуска. Пошел в ясли с истерикой. Три дня его отрывали от меня и вели в группу. Наконец привык. Только вздохнула — звонок из больницы: маму выписывают 2 числа. Я пошла с Надей [Н. А. Дмитриевой, подругой детства] разговаривать к лечащему врачу и зав. отделением. Врач — молодой лопух, говорит: «Больная сама себя может обслужить, пока дочь на работе — и поест, и судно себе подложить». Сплошная ложь.

Написали письмо в горздравотдел — за подписью треугольника. Он [С. С. Черников] отправился в горздравотдел. Написал «депутатский запрос» с просьбой отложить выписку до твоего приезда.

В городе продуктов нет. Исчезло все — манка, геркулес, толокно — ничего. Не было булок, приходилось стоять в очередях. Сейчас есть булки, иногда с очередью — макаронные изделия. Но говорят, что это только к праздникам. Чем кормиться, не знаю. Пока есть старые запасы. Нет ли во Фрунзе хотя бы толокна. Исчез лук. В Москве тоже пусто. Так что учти это. И постарайся что-либо достать во Фрунзе.

## Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ — Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКОЙ

08.07.1964. Узген

Времени свободного нет еще, так как все еще организуемся. Сегодня поедут в Ош за продуктами и дровами, а там надо налаживать рисование, дневник и т. п. В общем круговороте забываешь о внешнем мире, даже газеты не всегда бывают. Но о тебе и детях все же вспоминаю и жду писем от Сашуки и тебя с новостями... Нашли повариху, и при этом отличился Эдуард [экспедиционный художник]. Он же проявил себя и при спасении утонувшего киргизенка — который находился между жизнью и смертью. Утонул — рядом с лагерем, и все наши спасали, а киргизы-студенты издалека смотрели...

15.07.1965

Заканчиваю в Дальверзине. Получилось хорошо. Одолели гости. 16 июля приехали Спришевский и Чуланов, и с ними уехала Оболдуева. На следующий день прибыл [Я. Г.] Гулямов самолетом. По этому поводу волнения. 18 июля ходил с ним и показывал. Он остался внешне доволен.

Надо кончать и готовить киргизскую поездку. Срочно сообщи срок, когда можешь приехать — мне надо знать. Срок — телеграфируй: Андижан, музей. Пишу на ходу — провожаю Гулямова. Только сегодня, 15 июля, прибыл [И. К.] Кожомбердиев, и я получил конфеты.

Почти все в сборе, только не хватает тебя и той девы. Гамбург очень жаждают тебя видеть. Приезжай в первой половине августа — тогда конечная станция для тебя будет Ленинабад или Фергана. В общем, меня очень волнует твой приезд. Жду ответа.

22.08.1965

Пишу, находясь в пути в Ош. Узбекская машина не пришла, и приходится добираться на попутных. Телеграмму твою получил. Значит, 9 числа увидимся. Жду сообщения о печатании монографии, и захвати фотографии, что у Маши делаются. Собрались уже все, кроме вас двоих. 25 заканчиваем, и все самое сложное, как обычно, осталось. Сейчас, кроме завершения, здесь много новых забот появилось в связи с развертыванием в Киргизии.

05.09.1965

Пишу тебе на раскопе. Осталось всего четыре рабочих, и три девы ковыряют. Два художника — один чертежи рисует, другой — план чертит. Целый день кручусь. В субботу прошлую (кажется, писал) я собираюсь ехать к Оболдуевой, и вдруг является Гулямов — очень приятно, что он побывал. Можно было понять, что он остался доволен, хотя прямо ничего не сказал. Дал дополнительную работу — искать стену в западной части поселения. На «Волге» вместе с ним я уехал до Андижана. Прибыл в Эйлатан уже поздно вечером. Было темно, и луна. Встретили радостно — новости, разговоры. На другой день — воскресенье — обошли его — и скорбели — большую часть вала срезали. Внутри все испорчено, так что погиб он почти окончательно. Встретили хорошо. Плов чудный и т. д. В эту субботу Т. Г. Оболдуева и Галя [Г. А. Брыкина] приезжали ко мне. Запоздали, и я боялся, что они не явятся. Осмотрели, и Татьяна Григорьевна сказала, что завидно ездить ко мне, ибо памятник хороший и выжаты все возможности. По дороге обратно поспели заказанные чебуреки, и мы ели в чайхане у дороги. Затем осмотрели раскопки Козенковой и простились. Таковы дела. Есть неприятности. Заплатил за бульдозер наличными, а теперь требуют через Банк оплатить. Как быть, не знаю. До конца раскоп довести не смогу. Найди в верхнем левом отделении стола инструкцию для отчета экспедиционного — брошюру и вышли в Аим.



Ю. А. Заднепровский (справа) и знаменитые чешские путешественники Мирослав Зикмунд (в центре) и Иржи Ганзелка во время путешествия по Средней Азии (1964 г.)

Отец был прирожденным путешественником-исследователем. Ему посчастливилось в жизни, он много сумел повидать, много где побывал. В 1964 г. он сопровождал всемирно известных чешских путешественников и журналистов — Иржи Ганзелку и Мирослава Зикмунда в их поездке на автомобиле «Татра» по Средней Азии. Они оставили ему дарственную надпись на своей книге. Там было написано: «От Хорога до Оша вся дорога хороша (слова известной блатной песни), а от... до... пройдет лань — археолог» [упомянуты географические названия — видимо, среднеазиатское и чешское]. Он ездил в Чехословакию и Италию, видел Помпеи. Также посетил Индию, в 1980-х гг. — Вьетнам. В 1989 г. отец был приглашен участвовать в поездке «По следам Ибн-Фадлана» (его путешествия 921–922 гг.). Даже в свой последний год жизни отец успел слетать на конференцию в Кейптаун (ЮАР), а в начале лета был уже в экспедиции в Киргизии, где у него случился удар.

В 1967 году отец ездил в научную командировку в Индию на четыре месяца. Ему повезло, программа была очень интересная и насыщенная.

## ПИСЬМА ИЗ ИНДИИ

*14.03.1967*

Дорогой мой! Итак, улетел. ТУ-114, без посадки и прямо в Дели. В тот же день встретился с Бэнержи и была потрясающе теплая встреча. Он был очень рад и вспоминал. Затем вторая радостная встреча с [С. П.] Гуптой, — и началась сказка Востока. Наметка программы поездки — и с хода 9 марта выехал с Гуптой поездом на раскопки в Калибанган. Очень любопытно видеть все без прикрас. Утром на станции ждала экспедиционная машина, и я с Чхошем — в кабине — тронулся в путь. Поселение расположено в пустыне, но осваиваемой. Много общего со Средней Азией. Лагерь — такой и во сне не привидится. Отдельная палатка-дворец — для меня с удобствами, которыми трудно было воспользоваться. Большой масштаб работ, рук. Тханар объяснял. Чудо — своими глазами увидеть настоящий памятник харганской культуры. Был здесь три дня — вникал. Работает около 150 рабочих, 20 студентов и т. д. Организация работ и методика образцовая. В первый же день просили лекцию для научного состава и жалели, что нет эндоскопа. Я не успел подготовиться и очень был краток. Ездил в Ранг-Махал — на памятник кушанского периода. Весьма любопытно.

Ел за столом начальства с Гхошем, Кришна Девой, Тханаром, Гуптой настоящую вегетарианскую еду (тошновато, если только это есть долгое время). Любопытно все, и люди, и одежды — верх разнообразия, и памятники, и природа.

13 марта вернулся в Дели. Знакомился с Дели. Встретился с П. И. Борисковским. Программа утрясается, и не могу сообщить точные сроки. Сначала Аллахабад — Бенарес и к 25 марта вернусь в Дели для чтения лекций студентам, у которых скоро каникулы. Затем еду в Джайпур — Барода и Пуна — весь апрель, очевидно. Так что до 1 мая с расчетом 2 недели пиши на Пуну, адрес дальше будет. Постоянно адрес Гупты, куда я буду возвращаться. Не успел, не смог без помощи — все набежало, переслать что-нибудь с Борисковским.

Последние часы с Борисковским. Пишу в его комнате, он беседует с коллегами, собирается. Посетили международный музей детских игрушек — очень интересно.

Саша! Должна слушать маму, и тогда буду тебе рассказывать сказки — правду про жизнь индийскую и будут подарки. Напиши несколько слов мне. Собираюсь через неделю побывать в Бенаресе и обязательно увижу Мадху [дочь индийского ученого А. К. Нарайна, с которой я переписывалась. — А. З.].

Впервые ходил по городу пешком для ориентации. Интересна библиотека.

Правила — не лежать на столах, полу и т. д. Нет каталога и мало русских книг. В кино еще не был и вообще привыкаю.

Целую всех вас.

Миша! Будь умным. Я видел на окраине города на свободе живых обезьян, и много. Забавные, а также заклинателя змей.

*24.03.1967*

...Вот видите, пишу по-английски, хотя с ошибками, но даже не заглядывая в словарь и не задумываясь. Итак, побывал в Аллахабаде. Случилось так, что никто на станции не встретил, а я уже самостоятельный. Но не растерялся и добрался.

Дни наполнены до отказа — коллекции, приемы, встречи — начинаю более свободно говорить. В маршруте увидел слона, тащившего ветки. Конечно — снимать. Мне предложили сесть. Попробовал. Задние ноги подогнул, затем передние и на колени опустился. Я сзади, встал на ногу и, держась за веревочку, влез. Памятное зрелище и, может быть, получится фотография.

В Бенарес профессор Шарма доставил на машине. Встретился с Мадху, высокая девочка с косами, веселая, была рада. Был у них дома на обеде и видел всю семью — всех детей.

Много впечатлений от детского праздника в школе-интернате. Сидят на полу, все — в белом. Ребята представляли сцену. Девчата замечательно танцевали с корзинками (внутри что-то вроде свечки).

Был на открытии выставки тканей в особом музее в присутствии высоких гостей и после этого был сервирован чай. Масса цветов — огромные георгины — не с чем сравнить. Погода эти дни прохладная и даже холодновато, мало чувствуются тропики, пока. Сегодня интересные поездки и отъезд из Бенареса в Дели.

Наступает праздник Холи, и уже ходят люди в одежде, обрызганной краской. Придется купить на этот день самое дешевое и ходить в этом. Побывал в доме у русских преподавателей и немного отдохнул, болтая на своем. Дарят и покупаю немного книги — багаж растет. Появились заметки в газетах — так что работаю. Пишите на Дели. Привет Саше от Мадху.

*31.03.1967*

Вернул я в Дели и здесь проведу две недели. Состоялся доклад в Музее, и было довольно много народу. Мучался над английским долго. Бенержи отредактировал, но оказалось немного ошибок. Очень боялся — но говорил громко (с ужасным произношением), но основное все поняли. Это было одно из серьезнейших испытаний. Смотрю книги, встречаюсь с археологами, рассказываю про успехи среднеазиатской археологии, и часто в ответ напечатывают об этом на английском.

Смотрел выставку современной европейской живописи — есть о чем рассказать.

Знакомлюсь с городом. Сейчас читают лекции для студентов Археологической школы — я был на одной и еще буду на нескольких — для языковой практики и для ознакомления. Не хватает языка, хотя сделал большие успехи. Пробую поне-



многу — сходил к парикмахеру, отдал в стирку и т. д. Никак не могу освоиться с мыслью, что нахожусь здесь. Школьники идут в школу — у некоторых небольшие металлические чемоданчики, а малыши несут доски для тренировки в писании букв. Сувениров и мелочей много, забиты все магазины. Много вещей, но как выбрать неизвестно.

8 апреля выезжаю в Джайпур и Удайпур и Бомбей. Затем на целый месяц до 20 мая в Пуну.

Впервые был на большом приеме в нашем посольстве, провожали посла Бенедиктова. То же, что в Праге, только в большем масштабе и без таких возлияний. Пишите, тревожусь. Пока здоров и работаю с утра до вечера. Нашел книгу, автор которой беседовал с Бернштамом и его упоминает. Целую вас всех, пишите. Ожидаю от Саши письма. Привет коллегам и знакомым из прохладного Дели.

*01.05.1967*

Наконец прибыл в Пуну и получил два письма. Это большая радость — получить здесь письма из дома. После Бомбея я был в Бароде, но здесь не повезло — праздники. Так что видел очень мало и посетить раскопки не удалось. Здесь впервые обратил внимание и задумался, почему так тяжело мне. Оказывается, начиная с 20 апреля температура стоит 40–42° С, да к тому же влажно. Очень тяжело, ежеминутно льет пот, и частые посещения душа не помогают. Единственное развлечение, кроме научного чтения — было купание с профессором Мехта в университетском бассейне. Мой хозяин — большой любитель плавания и пригласил в бассейн. Очень приятно, освежает, но пока дойдешь до отеля — снова в поту. Видел часть процессии Моххарал — как в кино.

Любопытно было в музее усмотреть две картины Рериха и Репина «Запорожцы» (как она попала сюда! — загадка). Много хороших английских и европейских картин. Столько хороших картин английской школы никогда не видел.

Затем посетил Эллору и Аджанту. Особенно большое впечатление от Аджанты — долго бродил с группой, а затем и один в храмах, выдолбленных в твердом камне. Архитектура + замечательная скульптура + живопись по своеобразной штукатурке на стенах и потолке. Колоссальное впечатление. Замечательны раскрашенные колонны. 27 храмов I–VII вв. Сидя в одном из них, в полумраке, по соседству с Буддой в темной келье ел апельсины (не очень вкусные здесь они) и вспоминал Беленицкого — вот кому обязательно надо сюда [речь идет о сходстве с росписями в Пенжикенте]. Передай Марковичу, что искренне желаю осуществлению его поездки и вспоминал его.

В Бомбее за час до поезда в Пуну сделал доклад о связях Средней Азии и Индии. Это было после ленча с вином, и потому говорил довольно связно и вызвал интерес у слушателей.

Случилось несчастье — со столика упали часы и сломался винт, пришлось купить здесь. У часового магазина — часы показывают время в столицах разных стран, в том числе в Петербурге. С 1916 года — без изменений!

*26.05.1967*

... Зарылся в черепках и прорабатываю — просматриваю, как машина. Все это на пользу. Жарко.

Здесь напечатали в газетах интервью и даже про тебя написали, но разобрать невозможно — на языке маратхи.



Семья Заднепровских (1967 г.)

Собираюсь посмотреть на здешнюю свадьбу. Работаю усиленно и сожалею, что придется сократить пребывание здесь — наметились интересные научные вопросы. Поскольку сижу и работаю, то часто забываю, что нахожусь не в Оше или Ташкенте, а в чудной Индии.

Саша и Миша! Что же вы взяли за правило каждую весну болеть? Это нехорошо. Нужно поскорее поправляться. Надеюсь, что у тебя, Саша, лучше с учебой и лучше отметки — напиши мне про это. А зачем Миша тебя укусил — он что, голодный был — выясни и тоже напиши — по какой причине он такой кусачий! Мадху я видел и сфотографировал, и она получилась, так что в Ленинграде ты увидишь ее фото. Напиши ей письмо. Она высокая, веселая и не стесняющаяся девочка. Передавала тебе привет.

Скажи Мише, что на слоне я ездил, а не только сидел и это было в другом городе. На слоне мы поднялись в гору, во дворец, и это было интересно. Постараюсь привезти марки с собой. Понравились ли тебе открытки? А на рикше я не ездил, но видел их. У мистера Гупты небольшой домик и маленький садик, так что слона у него нет — и негде его поместить.

В одном месте индеец при мне влез на пальму и срубил кокосовый орех, величиной в твою голову — топориком срезал верхушку, и я выпил кокосовое молоко — пить можно, а вот понравилось ли, понять не могу. А в Пуне ел фрукт чикко — снаружи похож на картошку — такая же кожица, а мякоть его как груша и чуть напоминает дыню.

Мишкины и твои просьбы постараюсь выполнить, а вот вы выполняйте свои обещания — помогать маме и лучше вести себя и учиться.

Здесь очень жарко, и я хожу в индийской одежде — широкие белые штаны и белая длинная рубаха, и никого не удивляет мой наряд. А девочки носят здесь

украшения — браслеты на руках и ногах. Стараюсь фотографировать, но не всегда есть время.

*01–02.06.1967 Калькутта*

Мои дорогие! Пишу из Калькутты. Ужасно тяжело — пот льет не переставая — душно. Самое тяжелое место в Индии, где довелось побывать. Вчера махнул за пару часов из Бомбея, с западного берега Индии на восточный край. Буду здесь 3 дня — посмотрел только Музей и нашел кой-что для себя интересное. До сих пор не привыкну — у мраморного подъезда ресторана — стоит корова — не укладывается. Летели на большой высоте — и ничего не видно. Можно только понять, что перед нами Большой город. Устроился на территории Музея, так что далеко ходить не надо. Немного жаль — не закончу свою программу: так как сократили срок, то в Мадрас не поехал.

Поздравляю Сашу с Днем рождения. Самые лучшие пожелания. Сегодня была, пожалуй, самая теплая встреча с археологами Бенгалии, мне даже неудобно, что такое внимание оказывают. Ужасно, когда не переставая весь мокрый, и платок не спасает.

*15.07.1967 Джайпур*

Дорогой мой! Последние дни в Дели были насыщены до предела. Посетил Парламент во время заседания. Министр отвечал на вопросы. Помещение напоминает наш Таврический — без помпы встают депутаты и говорят. Бенерджи принял меня в ресторане, и ели мы тандури — цыпленка в красном перце — вкусно. Мои боссы из Совета, который принимает меня, также устроили прием в другом ресторане. В день отъезда я принял трех человек в своей гостинице и пришлось говорить 5–6 часов. В Джайпуре ходил в сопровождении Агравала, который очень помог мне.

В Джайпур ехал на поезде — интересно видеть страну. Пышный прием — большие апартаменты в отеле «Раджастан», на бумаге которого пишу. Ездил во дворец-музей, много сходного с Самаркандом и Альгамброй. Поднимались во дворец на слоне. Слон раскрашен и покрыт цветной попоной. Деревянный помост и 4 пассажира. Водитель сидит на шее и правит. По дороге в музей сопровождали музыканты — приятная мелодия струнных инструментов.

Затем в археологическом музее нашел кой-что интересное. В отеле по двору гуляют павлины. Есть бассейн — вечером я первый раз искупался. На другой день совершили поездку на авто на раскопки, туда-обратно — более 400 км. Очень интересно. Заехали в степь-пустыню и осмотрели храм IX в., открытый только в 1966 г. У храма заяц бежал. Затем осмотрел раскопки. В Джайпуре последний день был очень тяжелым. Музей, корреспонденты, затем отвечал на вопросы на радио — и получилось (как ни странно), и еще два корреспондента, визит в отдел образования и к ассистенту губернатора и т. д.

В Удайпуре еще более лучший прием. Чудное место. Город среди озер. Осмотрел археологическое поселение — интересное для меня. Но более туристских впечатлений. Присутствовал на празднике, который бывает здесь раз в десять лет. Яркая толпа в разноцветных сари несла изображения божеств на лестницу — спуск к воде. Здесь ожидала галера. Гребцы в белом, с зелеными поясами и тюрбанами. Музыканты в форме и с инструментами шотландцев. Солдаты в шляпах, brave как мушкетеры удерживали народ. Была иллюминация и бенгальский огонь, кото-

рого я раньше не видел. Нас катали на лодке. Восточный город с узкими улочками, лавками и мастерскими. Масса впечатлений.

Я на самообслуживании — сам рассчитываюсь по счетам. И имею авиабилеты на 10 поездок. 15 апреля улетаю в Бомбей. Был еще тяжелый день — лекция в общей аудитории о состоянии исторических исследований в СССР и о связях Средней Азии и Индии. Этому предшествовал прием — надели на меня венок, пришлось экспромтом говорить.

Еду в аэропорт. Самолет типа Ил-14, сделал посадку в Ахмедабаде, доставил в Бомбей. Здесь никто не встретил. Город огромный на берегу океана. Нашел выход и нашел представителя. Сiju в номере, кондиционер и терпеть можно, а на улице жарко. Здесь сегодня суббота и потому должен отдыхать.

## Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКАЯ — Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКОМУ

*14.07.1967 (?)*

Дорогой мой, супруг и благодетель! Даже сама почувствовала угрызения совести, что до сих пор ничего не послала тебе. Время летит чертовски быстро, уже прошла половина лета, которого у нас еще не было.

Дома все благополучно. Ребята выглядят хорошо, Сашука похорошела, смуглая, розовая. Много гуляет и читает. Читает уже серьезные вещи — «Оливер Твист», «Принц и нищий» и т. п. Мика неважно ест, очень забавен. Хозяева хорошие, Надежда Михайловна [няня] на уровне. Природа очень хороша. Делаем прогулки по 10–15 км. Дети хорошо их переносят, возвращаются с кипой цветов, у меня дома и в библиотеке целые цветники. Появились грибы, Саша хорошо их собирает. Уже несколько раз ели. Вот приедешь, и тебя побалую ими. Трудны поездки, особенно посадка в автобус на Сиверской. Таскаю продукты из города — выручает «Стрела» (гастроном), где все заказываю заранее. Появились ягоды, яблоки, помидоры, огурцы. Все это хочется детям достать, следовательно, таскаю тяжелый чемодан и полную сумку. Все еще очень дорого. Но это очень хорошо для ребят, и на даче настоящий отдых. А что делается в детсадах, я вижу, благо что мы живем в соседстве с огромным комбинатом «Мальш».

14 июня отмечали чудесно. Были пирожные, торт и печенье — домашнего изготовления — Надежда Михайловна блеснула своими кулинарными способностями. Были гости — Дмитриевы, были подарки. Стол вынесли в садик. На столе стоял огромный букет сирени в большом бидоне. Сашука искусно задрапировала, сделав из бумаги и раскрасив в подобие вазы. Она осталась довольна. Поднимали тосты за ее здоровье и успехи. Надюша произнесла речь о ее «моральных высоких качествах». Так что все остались довольны. Лимонад лился рекой.

## Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ — Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКОЙ

*29.06.1968*

Дорогая моя половина! Спешу сообщить тебе, что пока жив и здоров. Мытарил в самолете. В Куйбышеве нам его сменили. В Актюбинске разрешили выйти на 20 минут, затем загнали снова под самолет и мурыжили больше часа, но зато пролетели мимо Джусалов. На этот раз не оглох, хотя муторно было от спины.

Прибыл в Ташкент вечером и сел в автобус. По дороге оставил чемодан в камере хранения на вокзале и налегке прибыл к [В. И.] Спришевскому. У последнего строительство идет вовсю. Просидел весь вечер. Не мог, да и сил не было выйти. Спал на воздухе, но небольшой дождь загнал под крышу.

На следующее утро мне сообщили неприятную новость — что это не простой фурункул, а какой-то усложненный — карбункул. Но перевязали и советовали дальше так делать, ибо это может затянуться надолго. При перевязке давили на него и на меня, и пришлось вкусить нашатыря.

Долго в Институте ждал Гулямова. На счастье, оказался [Л. И.] Альбаум, который и помог. В общем, деньги были готовы, бумаги быстро выправили, и после этого я нашел почту для телеграммы. Затем ждал Спришевского и, не дождавшись, поехал на вокзал с волнениями, в последние минуты схватил билет и в тот же день уехал. Наконец после бессонной ночи 19 июня я оказался утром в музее, узрев Галю Брыкину. Вхожу в новости и дела. Попытался, но не смог выехать сразу же на Дальверзин. Жарко. Мучает нарыв, и целый день мытарил — только к вечеру смог написать эту реляцию. Итак, завтра, 20 июня, буду в Аиме, и писать мне только на Аим. Потрясающие (немного) находки в Куве — остатки храма с главными фигурами — лицами с черепами в головных уборах, со змеями и т. д. Все это сейчас временно засыпали — до осени, когда будут научными способами закреплять и расчищать его. Очень интересная находка. Гамбурги уезжают в поле 22–23 июня. К ним едет Валя из Андижана. А затем все приедут сюда в Андижан. Итак, еще раз: отправить багаж на адрес Института истории и археологии АН Узбекской ССР. Оплатить счет и багаж. Все это можно сделать к концу июня.

Все-таки нарыв беспокоит. А в остальном, хорошо, жарко и суматошно. Пиши, как дома и на работе.

*18.08.1968*

Дорогие мои!

Пишу редко, что связано с ритмом работы и большой усталостью. 12 августа уехал узбек с автомашиной, и десять дней, пока он был здесь и были рабочие, надо было выжимать. Пока была машина, ездили в Карасу обедать. Питание — сложная проблема. Ребята не хотят варить, а Карамат (хозяйка) варит только вечером и, преимущественно, вегетарианское, так что ищем выхода в походах в гости и в столовую, и на это много времени уходит. К тому же, в столовой какой-нибудь друг угощает, и так идет время. Результаты хорошие — вскрыто около 1000 кв. м — цитадель, бесспорно; наметилась планировка — так что год в целом удачный. Очень трудно разобраться, и сейчас на ленинградские деньги несколько рабочих и мы вкалываем (в том числе и аз грешный). Сегодня основная земляная работа сделана и надо внутри разбираться. Ребята мои — в общем хорошие, хотя им наплевать на археологию и энтузиазма нет. Заезжал Асан Абетеков — киргиз-аспирант — посмотрел раскоп и охал, затем свое золото из курганов Алая показал. На его машине ездили в Узген на раскоп и к [Д. Ф.] Виннику. С трудом разыскали лагерь и Асана, удивил сухой прием Винника. Затем ночь провели в Оше. Разговаривал с Дружининой — она все еще не могла выбраться ко мне и собирается в конце августа. Завтра ожидаю [Н. Г.] Горбунову — получил телеграмму. Написал [М. К.] Каргеру и [В. М.] Массону и ожидаю их ответа. А посетителей уже не мало.

Стоит жара, и это усиливает тяжесть, ходить и думать тяжело.

Надеюсь, что на даче все в порядке. Запихни Мику в английскую школу и не забудь, когда зайти к директору. Очень рад Шашиным письмам — пусть еще пишет. Достал ей учебник по истории для 8 класса.

*29.08.1968*

Дорогие мои! Сегодня кончили земляные работы. Еще несколько дней, и мы покинem Дальверзин. Так что писать мне пока некуда. Еду в Ош, а затем не знаю куда. Кушанское совещание начнется 27 сентября. Сейчас самые тяжелые дни. Стало прохладно, но днем все еще 30°. Утром и вечером уже в пиджаке. Результаты хорошие, и надо все зафиксировать. Устал, похудел, измучен. Ноги потрескались, и больно надевать носки. От земли и ножа руки тоже задубели. Ребята устали. Ничего не варим и ходим в гости или в столовую, а это занимает много времени и сил. Как только выяснятся мои планы — сразу сообщу маршрут и куда писать. Хотел бы узнать, как переехали и как начались занятия. Сегодня-завтра вы уезжаете с дачи, а у меня работа.

Получил, Саша, твое письмо, но про раскопки писать не могу и расскажу дома. Уже хлопок дал вату, начинают опадать листья. Вода в арыке чистая и холодная, и хотя 30 градусов, купаемся не много — на ветру очень холодно.

Вспоминаю вас всех, целую и надеюсь, что вы справитесь с началом учебного года. Приветствую школяров.

## Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКАЯ — Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКОМУ

*1968 г. (?)*

Дорогой мой Ю! С 5 числа иду в отпуск, к керосинкам. Уже август на носу, а за ним страшный сентябрь, и опять лямка и зима. Теперь начинается у меня трудная жизнь. Боюсь, как я сумею и Мику в школу определить и одна управиться с ним до твоего приезда. Мне на работу 2 сентября. А Мике 2 сентября — в школу. Прибегать домой его встречать, кормить и мчаться обратно. Меня это страшит — силы уже не те. У Саши серьезный год. Тут у нас все переболели гриппом. У Мики температура была 40°. Очень хороший врач оказалась в детсаду рядом. Она была у меня пять раз. Я сидела с ним три дня. Он лежал в постели и не рыпался.

Дни были пасмурные, низкие темные тучи, мелкий дождь, холод и больной Мика. Я его взяла наверх, топила и три дня безвылазно просидела с ним. Болеет он хорошо — очень дисциплинированный. Сам просит лекарство, не вскакивает. Саша тоже немного прихворнула, была температура, но недолго. Она быстро справилась с гриппом.

Домашние дела завершаю, пол выкрасила сама, получился неплохо. Посылаю тебе индийскую корреспонденцию. Да, Каргер приехал, пиши ему, он пробудет здесь долго. Вадим [В. М. Массон] уезжает к 1 сентября. На кушанском съезде будет. Приезжал С. Пиггот [английский археолог], он его принимал. Вышел в свет сборник, посвященный С. П. Толстову. Я тебе его купила.

Какие у тебя новости, как переносишь жару? Подтвердились ли твои предположения насчет интересных материалов на Дальверзине, о чем ты писал Саше? В институте все тихо, никого нет.

*06–08.1968*

...Весь июль был очень холодным и дождливым, каждый день лил дождь и по нему носились низкие зловещие тучи, было тоскливо, казалось, что лето кончилось,

но вот опять солнце и хорошее настроение. У нас в Даймише очень хорошо. Надя [Н. А. Дмитриева] тоже в отпуске, нянюку мы отпустили и встали к керосинкам дружными рядами. Дети все чувствуют себя превосходно. Играют коллективно — строят вигвам, ловят рыбу и на костре ее жарят, ловят и варят раков. Вчера их еле в 11 ч. загнали домой. Мика был среди них. Его перевезли с полуострова на лодке, было темно, прохладно. Он, чумазый, сонный и счастливый, был Санькой высажен на берег. В руке он сжимал вареного рака.

Ходили уже за черникой. Будем завтра делать черничный пирог. Решили с Санькой сварить чернику, чтобы тебя порадовать черничным пирогом по приезде. Ягод довольно много. Читаем с Санькой Байрона. Он, конечно, гений, но читать его трудно.

В маминой жизни было много близких друзей. С детства ее связывала нежная и верная дружба с Н. А. Шапировой-Дмитриевой. Другим важным человеком для нее была Н. Г. Горбунова-Кершнер. После войны они вместе окончили 10-й класс вечерней школы и рука об руку пришли на кафедру археологии в Университет. Тетя Наташа стала известным специалистом по археологии Ферганы. Она была человек необыкновенного благородства, бескорыстия и доброты.

## ИЗ ПИСЬМА

### Н. Г. ГОРБУНОВОЙ-КЕРШНЕР — Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКОЙ

21.08.1968

Танька, милая!

Писать совсем нет времени, и, воспользовавшись твоим отъездом на дачу, я морально себя освободила. Но теперь ты возвращаешься. Во-первых, сообщаю тебе, что я видела твоего дражайшего. Возила к нему свою орду на Дальверзин.

Естественно, что крутящиеся колеса его вдохновили, и он потом поехал к нам, ибо мне все равно надо было проехать через оба лагеря. Он носится, как всегда на своих ходулях, не оглядываясь назад, выглядит ничего. С ним два молодца (ударение на первом слоге) — художника. Живут они в доме, что едят, не знаю, но т. к. это райцентр, то не проблема. Раскоп он размахнул большой и, думаю, правильный. На его территории мы были нежнейшими друзьями. На моей, увы, намного хуже, ибо он не согласен с моей организацией работ. Насколько я его знаю, он пытался изложить это мне максимально доброжелательно, но... , видимо, Танька, его беда, что он абсолютно это делать не умеет, и мне в общем-то было неприятно и как-то обидно. Но, видно, судьба такая нам с ним никогда не находить общий язык. Это я не жалею, упаси бог, просто так уж получается.

Я в этом году устала очень. Тяжело работать в июле, как Юрка [Ю. А. Заднепровский] выдерживает — не знаю. Может быть, потому, что он в доме, а не в поле живет. Сейчас, с 15 августа, полегче, ночи прохладные, да и днем меньше жарит. А то бывали дни, когда еле двигаешься. Да и народу много, и я просто много мотаюсь между лагерями и Ферганой. Успехами довольна в общем, хотя, конечно, грызу себя за ряд просчетов, в коих повинна жара, мотание и леность мысли (от жары). Кроме того, на меня всякие напасти: карбункул, конъюнктивит, нарыв и пр. Особенно мучает конъюнктивит, который в полевой обстановке не больно вылечивается, так что жду, когда вернусь в город. Да еще зуба впереди нет, так как

слетела и сломалась коронка и я выдрала остатки. К Душанбе «отремонтируюсь». Вот тебе краткий отчет о моей жизни.

## Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ — Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКОЙ

*1.07.1968*

Здравствуйте все! Долетел благополучно. В Ташкенте на аэродроме встретил геолога — он летел в Ленинград, но не дозвонился до тебя. Меня послали за машиной в Самарканд. Там шофер отказался ехать — сидели, отдыхали в субботу и воскресенье. Затем приехало начальство, и мы поехали. Но в Ташкенте снова непорядок, и улетел в Ош без машины. Она собирается и должна прийти. Дают авто — отказываться нельзя. Дают деньги и узбекского помощника (глаза и уши). В Оше встретил Ранова на колесах, делал дела. Поехал в Андижан, попал на машину, и поехали в район смотреть археологию.

22 начал копать Дальверзин до 29 — вскрыл сверху много, но обстановка тяжелая — мой узбек мешал. Затем приехали в Андижан, и моя машина с узбеком уехала в Ташкент. Вернется ли, будут ли деньги, неизвестно. Вспоминали с Могильниковой старое.

Жду своих студентов — известий нет от них. Жара, и ничем не мог заниматься и не писал. Передай [В. С.] Сорокину или [М. К.] Каргеру, что всякие затруднения мешали написать. Числа 3–4, когда обстановка станет ясной — напишу. Если денег не будет, я подготовил площадь и управлюсь своими руками. И результат хоть уже виден. Сегодня вспомнил о Мишке — день рождения — надеюсь, хоть телеграммы приходили.

Целую Сашу и Мишу.

Лена Дружинина хорошо работает, в Оше останавливался у нее. Контакт есть, в Андижане тоже налаживается. Выступал в районе на пленуме райкома об охране [памятников].

*11.07.1968*

Приветствую из огненного Дальверзина–Аима! Уже прошел месяц, как болтаюсь в Азии. Ситуация глупейшая. Ленинградцы — двое студентов, дева и я — живем у Хайдар-аки на старом месте. После недельного отсутствия вернулся мой помощник с узбеком студентом-археологом и шофером — они живут отдельно. Помощник, слава Богу, не очень сильно мешает, но создает напряженную обстановку. Авто есть, но использовать не могу, ибо шофер без разрешения моего пома, не поедет. Повара нет, и утром-вечером как-то обходимся, а днем на авто ездим в столовую то в Аим, то в Карасу, то в Курган-тепе. Рабочих мало. К тому же деньги узбеки сократили в 2–3 раза. Набирать должен пом. Получил угрожающее письмо-записку Гулямова считаться с помом. Вот такая тяжелая картина.

Ко всему жара — несколько дней было 43–45° и сейчас около этого. Работы идут медленно, большая зачистка и мало рабочих, но получается интересно. Втягиваются художники — все надо смотреть и поправлять. Дева скоро уедет, и будем куковать втроем, не считая гитары. Узбеки уедут в 20-х числах, а я буду долбать до сентября.

Что нового? Как с домрабой? Что в Институте, [В. М.] Массон и пр.? Каргеру написал письмо с опозданием — ибо все было неясно и неопределенно. Отправил 11 августа финансовый отчет, он придет позже.



Как работа? В общем, пиши. Здесь отдыхаю от всего и ваюсь как убитый в постель. Целую ребят. Пусть Саша напишет. Ей надо «Былое и думы» читать — я куплю ей, видел здесь новое издание. Не забудь о Кушанском симпозиуме. Пишу на ходу, как обычно.

*5.08.1968*

Дорогой мой! Получил оба письма. Но затруднения организационные и жара не позволили раньше отвечать. Несмотря на просчет, удалось получить еще гроши на раскопки (в Ташкенте их сократили в три раза). Успех этого года большой и необычный. Открыли на Дальверзине и впервые на памятниках бронзы Узбекистана — цитадель (остатки ее прослежены в виде стены на 120 м и впервые обнаружена планировка — уже сейчас есть около 10 комнат, еще не дочищенных). И все это с минимальным количеством рабочих, в ужасную жару, вопреки противодействию пома-узбека, при отсутствии повара и т. д. Написал [М. К.] Каргеру и [В. М.] Массону, приглашая посетить и посмотреть. У меня тут были представители из Ташкента. Очень тяжело. Жара — устойчиво около 40° и больше. Еще месяц <нужно> выдержать в Дальверзине, постараюсь сделать все возможное, чтобы десятый сезон был лучшим. Загорел, похудел и одичал. Скучать не позволяю — еще много впереди...

*25.08.1968*

Дорогой мой! В прошлое воскресенье налетом была [Н. Г.] Горбунова с младенческой командой. Посмотрели, кой-чему позавидовали. Затем я на ее машине съездил на ее объект... Немного сцепились, как обычно, из-за методов копания, моей дипломатии и пр. Но в общем я доволен, что она побывала, и я посмотрел.

У меня работа идет к концу. 3 сентября, примерно, отправляю вещи в Ош на контейнер и буду закругляться. Как всегда, не хватает денег на рабочих. Я писал Каргеру с просьбой дать 100 рублей, но получил телеграмму, где он любезно согласен на командировку в Душанбе за счет нашей экспедиции, т. е. за мой счет, так как денег по экспедиции, как он хорошо представлял, у меня уже не будет. В тот же день, не зная о его телеграмме, я ему послал с запросом, приедет ли, и снова просьба 60–100 рублей. Таковы дела. Жму на работу — очень удачно, но устаю — много чистки... Как можешь понять, у меня будут денежные затруднения — соответственно напишу. В Душанбе еду в любом случае. Наташка [Горбунова-Кершнер] читала выдержки из Борисова письма — это будет интересно. Она тебе напишет в Питер. Узнал, что [Т. С.] Пассек скончалась. Переживаем чешские события. И так, у меня идет все к концу и потому голова идет кругом — много хвостиков. Похудел — регулярно жевать не удается. Как-то будет у вас — давно не писали. Одно направил на дачу письмо. Детей поздравляю с началом занятий. Миху послал открытку, Саше — не подобрал, но зато учебники послал бандеролью. Должно быть три книжных посылки — две по почте и одну — моя дева отвезла. И так, держитесь этот месяц, и я приеду — помогу. Целую, обнимаю, скучаю.

Ваш отец и муж

*08.09.1968*

Родной мой! Пишу из Ферганы. И так, сезон закончен — контейнер ушел. Ребят рассчитал, и я свободен. Первым делом направлюсь в самый дальний угол, в г. Фергана. Вчера созвонился с Наташей [Горбуновой-Кершнер], сегодня буду иметь возможность и поимел ее — поговорить с нею. В музее смотрел Джангаил, и вы-

яснилось, что часть горшков из раскопок Б. Гамбурга исчезла. Отсюда собираюсь в Наманган — Андижан и Ош. Оттуда в Ташкент. Устал, похудел и отсыпаюсь. С горя отпустил усы (временно)... День рождения собираюсь отметить у Ранова. Мне еще нужно: поищи в папках «Зеркала» и «Орнамент» — и вышли авиа заказное — если успеешь на Ташкент, а нет, то в Душанбе — три фото зеркала сарматского типа из Индии, три-четыре фото керамики индийской с процарапанным орнаментом...

*10.08.1970*

Родной мой! Предполагаешь одно, а получается другое. Влез в раскопки и конца не вижу, а потому и задерживаюсь, а тут еще мои помощники затягивают любую работу, так что буду в Питере накануне 1 сентября и не раньше вас. Как всегда, в конце стало веселее с результатами — есть основания для историко-культурных заключений. Мне обещает гроши Андижанский музей, и поэтому еще держу рабочих. Ломаем уже 23-й ряд кладки стены цитадели — а это моя работа. Руки болят и устал... Рад за Сашуку и надеюсь, что Мишку ты немного вытянешь! Я не стал писать о нашей скромной 20-летней дате, потому что считаю необходимым отметить этот юбилей по приезду домой, а не отделяться словами — телеграммой. Старики в Дальверзине устроили плов, и было все хорошо.

*23.06.1969*

Родной мой!

Сразу по приезду в Дальверзин я написал тебе. От тебя ничего. Дела идут неплохо — результаты будут даже лучше, чем в прошлом году. Но подвела меня хозяйка. Почему ты по телефону сказала, что багаж отправлен. Я несколько раз узнавал в Андижане и затем послал телеграмму и получил ответ 20-го, что багаж еще в Ленинграде. Как тебе нравится — они не знали, куда отправить! Неужели не могли у тебя узнать? Выпросил спальные в Оше, кисточку в Андижане и т. д. Даже смены одежды нет. И ни рулетки, ни компаса — разве можно работать в таких условиях.

Жара здесь более 30°. Как всегда проблема — как пожрать. Дева узбекская медленно входит в понимание археологии. И несмотря на все трудности — результаты очень хорошие. Передай Горбуновой, что консервы есть и положение с продуктами обычное, как всегда. Через Иру Дмитриеву узнай, когда приедет ее подруга, и проси ее 2 бутылки «Столичной» захватить. Это надо. Встретили хозяева и знакомые здесь хорошо. Рабочие появились, и рыбу с ними ловил, и вместе ели и выпивали. Если бы не багаж — все было бы в порядке.

*14.07.1969*

А наши хозяйственники так и не сообщили про багаж. Но наконец-то через месяц после начала работ пришел он. Сейчас у меня еще два археолога — первокурсники из ТашГУ — все-таки помощь. Но последняя неделя была суматошная. Они приехали, дважды дожди были, и спасла нас клеенка от стола. А затем привозили багаж. С понедельника начинаем регулярную жизнь. Чертовски жарко. Несколько точек, и надо всюду побывать — мотаюсь под солнцем 8 часов. А затем то Аим, то проблема поесть. Приходят гости, и сами ходим, и соответственно, возлияния. Был в Андижане, с Мар. Алек. [М. А. Могильниковой] толковал — ночевал у нее — у них штат теперь 36 человек, а работы не видно. Директор обещает подбросить денег —

так как [они] скоро кончаются на рабочих. Лето в разгаре — на базаре появился первый виноград. Огурцами объелись — 30–40 шт. на 1 руб., а помидоры редко видим — тяжело тянуть — 30–40 коп. — 1 кг. Авто ушло, и теперь труднее передвигаться. Должен появиться Ранов, писал, но что-то ни духу, ни слуху больше. От Гулямова тоже нет известий... Результаты хороши, и доволен, хотя находок мало еще. Но все еще впереди.

Получил от Саши письмо и очень рад — передай конверт, чтобы Мишка тоже написал пару слов. И так, вся семейка разбросана на четыре стороны. Устаю очень от напряжения, посетителей и жары. Появилась на днях «Волга» — вышли люди, — показал им все, а затем: «А вы, собственно, кто?» Они говорят: «Секретарь горкома Оша просит приехать». Поехал — давай лекцию. Буду читать, хотя и трудно говорить. Директор совхоза обещает поставить для экспедиции деревянный дом — вот как оценивают местные люди наши работы.

*25.08.1969. Дальверзин–Андижан*

Батарейки сели, и мы давно не слушаем радио и редко видим газеты, так что оторвались от внешнего мира. Мне удалось за этот срок прочесть только одну повесть Айтматова «Гульсары» — очень понравилась. Отношение ко мне местных жителей хорошее, и хозяева все Сашу ждут.

Меня заинтересовали твои мысли про Достоевского, но сейчас нет реально времени.

## Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКАЯ — Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКОМУ

*29.06.1970*

Дорогой и любимый мой пьянчужка! Пропил день рождения дочери и еще грозишься, что не будешь часто писать, если... И так, Санька обиделась.

Завтра у Михаила пересменка, и с утра я еду к нему с ягодами, сандалиями, которые оборвались, и т. д. В прошлое воскресенье ездила в Ладогу, знакомилась с трассой. Думаю, что 4 или 5 буду сдавать трассу. Вот так. Ладогу почти не видела, так как лил дождь. Видела фрески, курганы и церкви. Кончаю просмотр библиографический. Сажусь за систематизацию. Наташа [Горбунова-Кершнер] уезжает 30 июля. Летит в Фергану.

Саша тоже ездила в Ладогу с эрмитажниками, ее взяла Наташа. Произвела хорошее впечатление на всех. Мне говорили комплименты... Мика пока что молодец — никаких нареканий нет. Дружит с Ромой Григорьевым.

## Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ — Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКОЙ ИЗ ПИСЕМ 1970-х гг.

*12.06. Андижан*

Мои [студенты] приезжают 14 июня, и начинаем работу. Загорел и немного даже сгорел. Нашел еще 2 стоянки неолита в песках. В этом году жарче, чем обыкновенно, и с каждым годом становится труднее двигаться здесь. Все же годы — никуда не денешься! ... Пиши мне, дорогой мой! Очень скучаю по тебе и домашнему, хотя здесь все иное и непохожее. В общем, жизнь экспедиционная — полевая! Целую ребят и тебя.



Н. Г. Горбунова-Кершнер (вторая слева) с коллегами по Ферганской археологической экспедиции, 1973 г. (Ферганская долина, Сохский район); крайний справа — О. Я. Неверов, между ними — Е. С. Овсянникова [фотография из личного фотоархива Н. Ф. Саввониди]

21.06.1970

Родной мой!

Вот мы уже обжились в Дальверзине. Устроились на старом месте.

Электро есть, плитка есть, и работа налаживается. В первый день пришел один работяга — племянник Хайдар-аки, а затем уже семь, начали большой раскоп, и приучаю своих лаборантов. Все готово для того, чтобы закрутилась машина рабочая. Сначала мерзли во время дождей, а ныне жаримся под 40 градусов. Забыл про город, газеты, и только начали слушать радио.

Хозяева и жители встречают радушно. Уже ходили на плов. Мои удивляются — все внове. Багаж получили. Голосовал в Аиме, и это обсуждалось. Мучаюсь от жары и забот и вообще, работаю и живу. 13 июня специально поехали в Ош к Лене [Е. В. Дружининой] и в Музей за барахлом. Машины нет, и андижанская не смогла заехать в Ош. Лена вышла замуж, т. е. пока живут и собирается ехать семьей к матери. Передай Богдановой-Березовской, все было сделано — передано...

Передай Саше, хотя и запоздалые, поздравления и пожелания не забывать, что она уже большая и то, о чем с ней договаривались. Многие жалеют, что она не приехала сюда. Целую ее.

Что нового у тебя? Как с экскурсионным бюро: Письма, ежели будут, вышли сюда. Если появятся Археологические открытия — 1 экземпляр — тоже. Этот год фруктовый — масса будет и уже есть — вишня, яблоки, урюк и пр. Жду писем. Если будешь писать редко, так еще реже ответы будут.

22.06.

Дорогой мой!

Очень прошу самым срочным образом прислать посылку на Аим: 2–3 кг зеленого чая любого сорта подешевле, 1 кг кофе в зернах, жареного и тропические штаны. Чая нет, а кофе нужен для дел. Штаны очень нужны. Постарайся отправить. Начали сегодня раскоп. Вчера приехала первая группа ребят. Жарко. Спина болит. Сделали укол из вены в мякоть, чтобы поскорее поправился. Никак еще не могу прийти в себя. Живем у прошлогоднего старика, и поваренок тоже старый. Новостей нет. Пиши. Целую. Как Сашук? Как с теткой? Виль где?

05.07.1970

Дорогой мой! Вот и недели не прошло, мне удалось закончить дела в Ташкенте и сегодня 10-го улетаю в Андижан. Пишу в аэропорту. Дела прошли удачно. Гулямов встретил радушно дома и оказал большое содействие. Мне выделили 500 рублей на рабочих, и бухгалтер больше не давала, а Гулямов написал заявку на 750 и устроил, что мне за счет Самарканда добавили. Сделал отчет на Отделе, и все хвалили и поддерживали, и больше всех сам Гулямов. Были и некоторые уколы от молодых.

Побывал у [Г. А.] Пугаченковой дома с поручением Вадима [В. М. Массона] и др. Остановился у Зязиковой — она переживает и охает, ибо их институт вроде бы переводят в Самарканд.

Здесь жарко, людно и помидорно. Все пока в норме. Автомобиля нет, и как доберусь до Дальверзина из Андижана — проблема. Передай Богдановой-Березовской, что поручения ее выполнил. Пока здоров, хоть тут приглашали и заливали.

Целую. Пиши на Аим. Ю.

05.07.1970

Дорогой мой!

Получил твое первое письмо и пишу третье. Рад был узнать о том, как отметили совершеннолетие, жалею, что закрутился и не смог прислать телеграмму.

На меня свалилось семь скелетов, а помощники очень слабы в смысле рисования, а тут целая куча — это сложная задача, и целую неделю мучаюсь. Появился [К. К.] Шилик — очень приятный в обращении человек. Но гастролер, жуир и потому не к месту. Его аппарат оказался мало (точнее, совсем) бесполезен. Пару часов с утра он мог еще ходить с ним, а затем нагревается и врет, а как использовать человека в остальное время. Это не так просто. Заезжал Уткур Исламов ко мне, и я ездил к нему в Хайдаракан — красиво, интересно, ковыряли костяки, катался. Ожидают приезда Борисковского, и, может, ко мне заедет. Кручусь на раскопе и дома — дрессируя своих сатрапов. Жарко, пьем чай. Ужас, как много возни и др. Шилик вроде едет в Ленинград, и с ним отправляю отрез на платье Саше — вроде дар хозяйки (она купила по моей просьбе, но денег пока не берет).

Первое платье должно быть (таков узбекский закон!) именно такого цвета. Купил себе на осень ботинки на вулканизации, чешские — вам пока не подобрал.

Побывал в Соке и вспоминал старые годы. В Фергане был тогда проездом, когда ожидали Оболдуеву. Какие новости в Институте? Что нового у вас — когда Саша едет и когда ты? Как с твоим туризмом? Вообще пиши — здесь дичаю обыкновенным способом.

06.08.1971

Родной мой!

Наконец-то получил от тебя письмо. Справку я получил и уже в совхоз передал, но вот денег не получил и не знаю, будут ли. Уже два месяца, как из дома, и уже вспоминаю с грустью все родное, а с грустью потому, что еще не скоро приеду. В конце июля была ужасная жара и духота, и женатая пара не выдержала, упросились уехать. А как держать взрослых людей, которые только копают и которым все осточертело? Скоро еще уедет археологиня, тоже действует мне на нервы, а затем и прошлогодняя чертежница, и буду один добывать дневник.

Настроение тяжкое, отношения в группе были натянутые — жара, усталость сказывались, и поехать никуда не удалось. Сейчас договаривался с местными узбеками съездить в Арсланбоб на пару дней для отдыха. Приехал на несколько дней мой андижанский студент-археолог из ТашГУ, так хоть какая-то отдушина появилась. Результаты есть, но по средствам, недурные. Только очень тяжело. К тому же хозяева скандал затеяли и прогоняют узбеков, которые ко мне приходят (в основе экономика — их племянника я на работу не взял — нет денег). И сегодня как раз будет обстоятельный разговор, и, может, уйдем в другой дом. И это после 10-летней дружбы. Когда бабай говорил, что «я — сын, а он — отец, и начальник очень хороший человек, и голова большая». И эту проблему надо решать, чтобы более спокойно кончать работы. Относительно дальнейшего пока неясность — с директором Музея все никак не состоится разговор — будет или нет разведка, не знаю. Во всяком случае, к 1 сентября я заканчиваю здесь и еду в Самарканд–Пенджикент (в гости), а там будет видно. Приезжал Аскарров, но в субботу, а я с парнем в Ош ездил за продуктами и в баню. Судя по записке, он остался доволен — интересный памятник и т. д. Я ему говорил, что в субботу-воскресенье нас не бывает, но как всегда, идя навстречу интересам — не учли. Написал Гулямову о результатах. Не помню, писал ли, что были журналисты и т. п.

Я чуть коснулся твоих забот, но пиши подробно — это приближает дом и дает чувство, что здесь сидишь не вечно. А вообще, я устал и не знаю, выдержу ли еще 2–3 года работ на Дальверзине с такими копейками, когда самому приходится все делать, сидеть на раскопе и ковырять.

Передай привет [И. Г.] Шургая, я ему напишу на днях. Целую всех, а тебя особенно. Держись. Еще немного.

Твой Ю.

Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКАЯ — Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКОМУ

19.08.1971

Юра! Сажу перед чистым листком бумаги и не знаю, с чего начать. И так, был обычный рабочий день 13 августа, пятница. Я собираюсь к Мике на дачу в субботу или воскресенье. Около 5 часов вошла Элла [Э. А. Любимова] с сумкой и объяснила, что она едет на дачу к сестрам в Усть-Нарву. Ее везет на своей машине Нора Русинова [библиотекарь ЛОИВ], где она живет летом.

Без десяти минут 11 раздается звонок, звонит Лина Доманская [Л. С. Доманская]: «Таня, большое несчастье — у Эллы инсульт, состояние крайне тяжелое». В 9 ч. 45 мин. машина была на мосту между Иван-городом и Нарвой, когда Элле

стало плохо. В 10 ч. она была уже в больнице. Врачи сказали Норе, что положение безнадежное, попробуют на уколах до утра. Нора в панике звонит по единственному известному ей телефону Доманской. Та — мне. Поезд в Нарву уходит 14-го утром в 7 часов. Я выезжаю утром в Нарву (без билета, так как их нет в кассе). Около 11 часов утра я в Нарве, расспросы, автобус, вот и больница. От машины отделяется фигура и бросается ко мне — Нора. Подходит ее муж и ведет в приемный покой, а по дороге говорит, что в 3 ч. 30 м. утра Эллы не стало. Я не понимаю, не знаю, что делать... Опускаю подробности моего двухдневного пребывания в Усть-Нарве в семье Норы Русиновой. Самое страшное было объявить о смерти старухам-сестрам — это выпало мне на долю. В понедельник оформили документы и — в Ленинград. Здесь Лина развернулась на всю железку — мобилизовать людей, собрать их, организовать. У меня была постоянная связь с ней эти два дня.

В понедельник 16 приехала со свидетельством о смерти и прямо на кладбище, где уже ждали: Лев [Л. М. Всевиов], Женя [Е. Романова] и Карина [К. Х. Кушнарева]. Затем, домой, звонки, разговоры и т. д. Пришлось утром 17 ехать опять мне уже с гробом за Эллой. Со мной поехали: Лев, Асан Абетеков, Даврон [Абдуллоев]. Только мы и видели ее мертвую. К 16 часам были уже около Института. Море цветов и очень много людей (наши, БАН, Эрмитаж, ИВАН). На кладбище говорили: [В. П.] Шилов, Б. Б. [Пиотровский], Хиля [Р. Ш. Левина] и от БАН'а. Затем — к сестрам на поминки.

## Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ — Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКОЙ

21.08.1971

Родной мой!

Идут последние дни в Дальверзине, и все проблемы и кругом трудности. Надо добыть раскоп, так приходят всего двое работяг — тоже устал и не укладываюсь в сроки. Проблема с контейнером в Оше — Лены [Е. В. Дружининой] нет на месте, и нет печати, и надо выкручиваться. Вопрос, где добыть авто для перевозки вещей и т. д. А потом упаковка, чертежи и главное — Дневник — который запущен. В общем, состояние обычное, весь закручен и погружен в заботы. Основной раскоп доделываю, а вот стену другого раскопа не хватило сил довести, хотя получилось красиво. Посылаю вырезку из газеты — вот так рекламируют и пропагандируют.

Купил урюк и чесноку. На днях привезут знакомые лук. Мишке купил тренировочный костюм — шерсть (похожий на мой), а вот посуды и чего-нибудь основательного — нет, да и денег недостаточно. Книг везу порядком — это Саше передай. И напиши в Самарканд номер перчаток кожаных — поищу для вас обеих.

Очень устал и сейчас больше от забот, чем от работы физической, но все накопилось за это время. К тому же жара — 35–37° в тени, и это во второй половине августа. Так что достается. Может, за историческую справку от совхоза кое-что получу, так что с деньгами обойдусь. Дальнейшее зависит от андижанского музея — или разведка по области, или в начале сентября приеду в Самарканд, затем Термез и [В. М.] Массон, и затем дом. Я напишу после 25-го, когда утрясутся дела. Если какие заказы, то пиши на Самарканд.

Целую всех. Соскучился. Ваш Ю.

Позвони другу Виле, что же он не написал, а обещал.

11.07.1972. Ходжаабад.

Родной мой!

Все никак не мог собраться с духом и написать. Сiju в кишлаке и далеко от Андижана, но близко от Оша, а в городе бываю редко. Кручусь. Нет автомашины, хотя обещали 1 июля и всякие заботы. Прежде всего о раскопках — копали школьники — туристы из Оша под командою Дружининой. Был лагерь палаток, флаг и прочее. Они закончили и уехали. Постепенно приехали девы — художники малоопытные, а чертить уйма. Прислал Гулямов своего аспиранта на выучку — узбек из Аима. Аскарлов прислал второго — будет стажером у меня и, может, приедет в Ленинград. Итак, нас сейчас семь человек — работа идет, три объекта — раскоп со стенами, красноангобная керамика, но битая; хумы, мелочь. Затем начал на цитадели. Там огромный бой посуды. Надо учить, показывать. В общем, обычная тяжелая жизнь. Лагерь свернули и живем во дворе у узбека. Целый месяц каждый вечер дожди, но, к счастью, днем редко. Сейчас ветра. Проблема питания тяготит. У Лены на днях умер муж.

Очень хотел бы побыстрее получить письмо. Один Ранов пишет.

22.07.1972

У меня здесь неважно — машины нет и основная задача отряда по разведке не выполнена. А это связано с последствиями. Вместо поездок, своими силами долбили тепе с площадкой. Все устали, и я тоже. Рисовальные девы только приехали, через пару недель — пришлось расстаться. Свободного времени нет, работа непонятна, и денег мало — вот так меня подвели, и я снова без художника. Одна вроде вернется, спровадив свою подругу. Но когда? Археологини на высоте — копают, варят и черепки моют. Два узбека — стажер и аспирант — тоже на высоте. Своими силами ковыряем и зашились в отвале. Нашли на цитадели — часть башни и стены с амбразурами высотой более 5 метров (в нижнем горизонте). Интересно, но денег на рабочих нет.

25.07.1972

Родной мой!

Наконец прибыл пакет с рукописью — два дня ушло на сверку, и в понедельник еду в совхоз. Спасибо — я очень рад, что все вышло так хорошо. Напечатано хорошо. Порадовала Саша письмом милым и новостями. У меня положение обыкновенное — масса трудностей. Состав очень неудачный — протеже Кляшторного оказался негодным и уехал уже (он собирается жениться). Археологиня не соответствует требованиям, и я предложил ей собраться и уехать. Но затем подумал и высказал свои претензии, и сказал, что если неделю будет работать по-настоящему, то пусть живет до конца. Устаю и не высыпаюсь — встал в 5.30, а днем жара.

Получил от Ранова «Материальную культуру Таджикистана» второй номер и хорошее дружеское письмо. Да, вышли в ИВАН две: Ю. В. Качановский — «Рабовладение, форм. азиатского способа...» и «Проблемы докапиталистических обществ» (со статьей И. М. Дьяконова). Их разберут, и потому купи их обязательно. По просьбе Саши покупаю книги — Шефнера и ЖЗЛ кое-что, но читать не могу — голова забита.

Сейчас пишу в Оше, приехал узнать в Музее и про работягу одного. Ночую у Каца, и он похвалил Историческую справку и советует ее напечатать. О своих дальнейших планах напишу уже в середине августа. Не с кем обговорить про рас-



копочные дела. Езжу раз-два в неделю в гости — обычно плов или что и питье — новые люди, кое-какое разнообразие. Уже два месяца не был в кино.

Целую тебя, мой единственный и неизменный друг. Ю.

*31.07.1972*

Я работаю на Узбекской территории и на узбекские деньги. Копал интересное городище и получил интересные результаты. Но узбеки действительно не дали машины, и поэтому план работ по Андижанскому отряду не выполнен полностью. У меня беда с художниками. Жду парня из Репинского — вся надежда на него. Юные археологи похожи на Сашу — смесь детства и взрослости, и больше таких брать не буду.

## Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКАЯ — Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКОМУ

*15.07.1974*

Только что получила твое письмо из Оша от 7 июля. Письма авиа идут 7 дней. Очень рада, что Мика привык и хорошо себя чувствует. Я понимаю, что тебе очень некогда, но так хочется знать подробности, особенно меня интересуют Микины впечатления о Средней Азии. Ведь он никуда не выезжал, и это его первое большое путешествие.

Очень рада, что в Самарканде дали разрешение на раскопки Чуста. Это главное, и удача на могильнике тоже хорошо для тебя. Вижу, что с отъездом М. все наладилось. Приехал [В. М.] Массон. Он потребовал второй экземпляр твоих статей, которые идут в УСА. Я их достала и в понедельник отнесу.

Саньку вроде берут в небольшую экспедицию в Новгород (там надо принимать коллекцию) и в окрестности немного поездить. Поручена эта работа жене нашего Льва [И. И. Шангиной, супруге Л. М. Всевиова] — и Санька с ней едет. Как мир тесен. Все мы вращаемся вокруг друг дружки.

Я сейчас работаю в ГПБ — то утром, то вечером. Наталья [Н. Г. Горбунова-Кершнер] собирается в начале августа выезжать. Деньги Общество ей дает, но не перечисляет. [В. М.] Массон уезжает в Молдавию. Там все — Массоны [В. М. Массон и Г. Ф. Коробкова], [С. А.] Семенов и др.

У меня была наконец Наташа Качалова [Н. К. Качалова]. Погода стоит жаркая. Лето в этом году — необычное — часты ливни с грозами, причем после гроз погода не меняется, т. е. не холодает.

Пиши подробнее о жизни. Жара у вас необыкновенная, говорят, 43°.

Целую и обнимаю вас обоих, будьте здоровы. Юра, ты Мику береги, помни, что он еще глуп и не все до него доходит. Ему многое нужно повторять по несколько раз. Еще раз целую. Жду писем.

Твоя Т.

*25.07.1974*

Получила грозное письмо и спешу отвечать. У нас все благополучно. Саша работает, устает и удивляется, куда уходит время — очень мало что может сделать вечером. Я занимаюсь в библиотеках — в ГПБ и БАН — очень душно. У нас душное лето — часты грозы.

Новости такие: Каргер не выполнил план. Его вызывал [В. П.] Шилов — и предлагал положить работу, Каргер сказал, что ее нет. Тогда Шилов предложил подать заявление об уходе на пенсию и переходе на консультантство. Каргер просил отсрочки до осени. Он никуда не едет.

Очень рада, что открыли землянки. Очень-очень. То, что тебе не давалось столько лет, — пошло. Дай Бог, тебе сил и еще, Юра — терпения. Требуй от людей, выжимай, но и терпи их взбрыки.

*середина 1970-х гг.*

Луппов организовал мне командировку в Москву. Поеду в конце июля на несколько дней, поболтаюсь в окрестностях Москвы. Есть целые планы у меня. Цель командировки — дальнейшее планирование работ. У меня идея — 2-я пол. XIX в. — археологическая библиография. Как ты на это дело смотришь!? Кажется, утвердили новое штатное расписание. Что-то у меня будет? Почти уверена, что никакой прибавки не получить. Ну вот и все. Начальство в нервах, а я сопротивляюсь!!! Работа идет медленно, и я что-то трушу. Мои кадры не очень-то блестящие.

## Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ — Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКОЙ

*02.08.1974*

Дорогой мой!

Пишу в Арслан-Бобе. 2 августа закончили земляные работы в Дальверзине на трех раскопах. Итак, полторы землянки. Одна — общинное святилище с вечным огнем-очагом. Вторая — худшего качества — жилая. Кое-что стало ясно и о пространстве между ними. Картина в целом интересная, ясная и без сомнений. Землянки стены выложены из кирпича — уникальны в средназиатской археологии (без преувеличения). Чистили полы вручную. Еще все не кончено. Приехал художник Коля — все несколько легче. Затруднение основное — уехал шофер, и на неделю я взял шофера Лены из Оша. Может, он и дальше возьмет отпуск, будет работать. Очень хороший мужик, и водит, и копает с увлечением, и находит в раскопе всякое — везучий.

С разных сторон — все идет к тому, что в Киргизии я смогу работать. Надеюсь во время разведки по Ошской области кое-что сделать (заранее не буду говорить).

Место чудное. С утра был дождь. Все ушли на Большой водопад, а я обдумываю и, заодно, автомобиль охраняю.

*16.08.1974*

Дорогой мой!

Пишу из Чуста. Вчерне кончили «Дальверзин». Остаются доделки и чертежи, которые сделаем после Чуста и отправки Миши в Ленинград. 25 августа примерно вернусь в Ош. Два дня в Чусте небывалые дожди — мерзли. Сегодня снова солнце и тепло. Начали траншею — раскоп 100 м, и уже 1-й день дал пол и находки. Это начало. Встретили хорошо. Получили на самом поселении небольшой дом с айваном — базу Педучилища и устроились отлично. Арбузы и дыни — рядом на базаре. Пока копаем сами — Коля — художник, шофер Хамза, Галя и мы с Мишей [сыном — М. Ю. Заднепровским]. Люба малюет чертежи из Дальверзина, которых много. Ищем рабочих. Поедем в горы, которые все время на горизонте. Михаил хорошо выдержал местные условия и мою требовательность. Чуст даст материал и пока еще не разгадан. Слои есть, а количество их выясняем. Не зря приехал, и оказалось, что опыт и умение, понимание памятников лучше у меня.

*14.06.1976*

Работа очень интересная. Жаль, что остается всего три дня. Копаю 1.5 тепе и около 10 комнат, стены, хум, очаг, проходы и внешняя стена, но нет башен. Теперь все зависит от моего пенсионера [архитектора] — как-то зафиксировать. На один день Володя [В. Кулагин] приезжал, делал план. Но он очень занят.

Итак, в лагере школьники из Пржевальска, Оша, Ташкента, Москвы, Ленинграда, Чимкентской обл. Очень хорошие ребята — и работают, и все остальное. Отметим день рождения Миши и девочки, ей — 16. Были бутылки сока, подарки и полевое пирожное. Ребята приоделись к этому дню. Затем еще один день рождения — казаха — 16 лет — он заказал у соседей плов на свои гроши. Я привез сухое вино, и был пир.

Посмотри в «Известиях» — найди информацию о наших работах. Еще статью о работах в оазисе прочтете уже в Питере. Дела отличные — такая архитектура — пальчики оближешь. Деньги из института не пришли пока.

*19.06.1976. Узген*

Интересные результаты. Но пришлось уволить художника — совсем не годен к работе в полевых условиях. К тому же на учете в психбольнице. 19-го — у нас выходной. Поехали экскурсией в Узген. Ребята хотели. Пишу на базаре. Живем под деревьями. Дожди. Воду привозят. Достал консервы, рис (а это здесь валюта). Молоко Марина тянет.

21-го улетаю в Самарканд, разговаривал по телефону с ним. Пытался 18-го до вас дозвониться — неудачно — барахлит АТС.

*30.06.1976*

3 июля еду в Ташкент по делам и на свадьбу Шакира [Ш. Р. Пидаева]. Дела на раскопе идут хорошо. Бронза — идет планировка на глубине 0,4 м, а на шурабашатской усадьбе стены на 2 м и более до 2,5 м. Но мало ребят, нет авто, и музей не пускает Лену на раскопки. Сенокос. Жарко, но периодически дожди. Ездил в Дальверзин — Хайдар-ака плохо, болен. Надо им помочь со справкой, чтобы племянника из Армии отпустили.

В Самарканде пришлось переводить индусу. Получил в дар для Саши платок — его привезет сотрудник Ошского музея, который едет в командировку в их музей [Государственный музей этнографии народов СССР] числа 10 июля. Мишка [сын М. Ю. Заднепровский] в норме.

*июнь 1976*

Здесь жарко — было более 40°. Кончили работу в Киргизии и 16-го переехали на Билавур в 8 км от Оша, и в первый же день удача — нашли третью стену зала и хорошие находки. Сегодня дошли до угла, и могу считать, что свою роль здесь я уже сыграл. Приезжала сюда Карамат — Хайдару плохо, и он мне сказал: «Похорони меня, начальник». Она приехала, чтобы сказать, что Сардара отпустили, и мне 20-го надо приехать в Дальверзин. Получается так, что Дальверзина в этом году не будет — нет времени. 16 приехали — 1,5 месяца на Билавуре — это и все, трудно и здесь с машинами — на легковых знакомых Акбара ездим. Михаил поправился — у него болела рука — волдырь, и пробыл несколько дней у Володи Кулагина в Оше, на перевязки ходил. Сейчас снова начал работать.

24–25.07.1976

Итак, мы на Билавуре с 16-го. Акбар еще ни разу не ночевал в лагере, еще почти не был на раскопе. Без авто — это трудно. Но за три месяца можно было найти рабочих и повара. И вчера я не выдержал — высказал, что если в середине следующей недели не будет организовано, то я сниму своих ребят и уеду в Дальверзин. Конечно, совпало со свадьбами и пр., но дела надо делать.

В эту субботу второй раз поедем на свадьбу родственника. Беру художника Льва Баранова и Михаила, хотя тот не очень хочет. После первых удач — необходимо отбросить большие отвалы, а ребят мало, и они устали. Мих[аил] совковой [лопатой] махает вполне прилично. И демонстрирует самостоятельность, копает лучше, во всяком случае, Саши Подольского. Собираюсь подстричь его, не дается. Загорел — купаемся в Ак-буре, мелкая река. Набеги на сады и пр. Спим на втором этаже клуба, но, когда идет кино, укладываемся поздно. Организовал газовую плиту на баллонах, и двум девочкам стало легче. Одна — из Пржевальска, только недавно отметили ее 16-летие, вторая ровесница Миха из Оша. Готовят вполне сносно. Есть в этом же клубе столовая, где вкушаем, и еще комната и камералка и чемодано-хранилище. Сегодня приехал Хамза, друг-шофер из Оша и отвез меня в Наукат.

У нас большой перерыв — с 12 до 5, и ребята купаются, отдыхают. Сейчас масса дел. Ругаю, что ходят в центре селения — колхоза босиком и без рубахи (включая и тезку Лермонтова). Группа сложилась очень хорошая, и жаль, что нет авто как-то их развлечь. Поедут есть мороженое в Ош — к ошанам — у нас двое из города, еще один интересующийся археологией парень.

Был у Хайдар-аки — тот говорит: «Родственников нет у меня — похороны, вот — 1500 рублей и три барана». Сардара из армии отпустили. Впервые видел его с книгой художественной (на узбекском языке). Михаилом в целом доволен, но держится ужасно самостоятельно и не терпит советов, потому ходит в грязной рубахе.

Давай поедем в конце сентября по Волге или в этом духе на две недели. Письмо начал в Наукатах, кончаю в Билавуре и когда опущу в ящик, не знаю.

27.07.1976

Акбар уехал в Коканд, нас авто не взяла, а тут приехал [А. А.] Аскарков. Он доволен Акбаром. Я сказал, что тоже. Сегодня вторник, приехал в Ош и получил чертежи — бандероль. Но еще не смотрел, какие. Через пару дней напишу про это. Сегодня под вечер попытаемся поехать на свадьбу к Аскаркову в его кишлаке. Встреча с ним и записка его, оставленная мне в Ошском музее, очень дружественная.

07.08.1976. Ош.

Рабочих Акбара пока нет. Он уехал 30-го — сегодня — 7-го — все нет. И даже надоело говорить — «вот приедет Акбар, и тогда...» Помощи от него пока «ноль», а ведь к 30 августа мы кончаем работы. На Билавуре много времени заняла расчистка раннесредневековых стен, и только два дня, как пошли вниз и 6 августа нашли стену крепостную. Еще жарко. Приходится за продуктами ездить в Ош.

Впереди тяжелая неделя — поминки Хайдара — мне придется играть роль и даже финансово участвовать. Возможно, поедем на свадьбу [А. А.] Анарбаева. Жду вызова на встречу с первым секретарем Обкома Оша. Жду [В. М.] Плоских

и Петрова. Надо еще справки для оформления авансовых документов. Вообще забот сверх головы. Немного плохо чувствовал себя — ведь уже три месяца болтаюсь здесь. Приходится пить, и это сказывается. Попытаюсь арендовать машину — ибо тяжело без нее. Кончатся будем 30-го — к 1 сентября. Затем надо пару дней в Самарканде с отчетами, и собираюсь 5 сентября быть дома. День-два в ту и другую сторону. Затем в 20-х числах — в отпуск — может, поедем на речку. Купил Миху семь учебников новых. Михаил не выделяется из ребят, работает хорошо, не контактен со мной — «слабость» и отказывается от легкой работы. Итак, все, как обычно, и от Акбара помощи нет. Но результаты интересные, а это главное. Вчера был у пионеров — читал — галстук, цветы и книгу получил.

*12.08.1976*

Михаил ужасно самостоятельный. Уже устал, и когда я ставлю его рейку носить художнику, то обижается. Опять что-то вроде фурункула, то на руке, то на брюхе. Принимаем меры. Да, Акбар делает важное дело — по завещанию и закону мне следует купить в память Хайдара барана, чтобы его зарезали и кровь показали аксакалам. 15 августа это будет — поминки его.

По всем этим поводам приходится выпивать и ох, часто. Тем более, что художник известным страдает пристрастием, и мне надо его держать в тонусе. Марина тянет нормально, но уже третий месяц, и начались стычки местного значения. А Акбара нет, и авто нет, и с мясом трудности, а консервы мои кончились. Девы — целых два месяца варили — малы, и что-нибудь забудут — есть ли хлеб, и бегаем — пишем в долг.

## Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКАЯ — Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКОМУ

*04.08.1976*

Дорогой мой! Получила твое длинное послание — по мере того, как ты устаешь и начинаешь скучать по дому — твои письма становятся длиннее и обстоятельнее. Мне очень жаль Дальверзина. Стоит ли Акбар с Билавуром такой жертвы. А вообще нужно и Дальверзин заканчивать, и немного себя поберечь — ты все считаешь себя молодым и здоровым. Рада за Мику, что он вырос и научился махать лопатой. Скажи ему, что в новой школе — мохнатых не держат и меня спросили при зачислении о его внешнем виде и волосах. Я заверила, что все в норме. Вчера ходила в туристическое бюро — есть только Ленинград-Астрахань, а остальное поезда, самолеты — и на более ранние сроки... Саша уезжает в Херсонес 13 августа. У нее все хорошо — впряглась в работу и рада.

Новости в Институте. Вернулся [А. Я.] Щетенко. [В. М.] Массон уехал в Молдавию к [Г. Ф.] Коробковой. Зою [З. А. Абрамову] привезли, и сейчас она в больнице в Сестрорецке. Борис [Черномордик] говорит, что практически до нового года ей не выйти на работу. В секторе один [В. А.] Алёшкин. Здесь [В. П.] Любин и [В. С.] Сорокин. Начала заниматься немецким. Закончила твою библиографию — то, что дал. Тебе прислали отгиски из Италии. Маркович [А. М. Беленицкий] еще в больнице — ему только одну операцию сделали. И никакой речи не может быть об экспедиции. Илона [И. Б. Бентович] только вышла из больницы и в экспедицию не едет. Врачи ее не отпускают. На днях возвращается [Н. Н.] Гурина. Иногда, как тень, блуждает по коридорам [С. С.] Черников страшного вида. В библиотеке пусто. Сидит один [Г. Н.] Курочкин и проворачивает книги.

19.08.1976

Я тоже очень устала и мечтаю о Волге. Судя по письмам, тебе в этом году особенно тяжело. Юра, годы берут свое, а ты все считаешь, что много можешь? Помоему, стоит выкладываться только для Дальверзина. Это мое глубокое убеждение. А тебя повело, ох, уж эта твоя жадность и неумность. Мне даже немного страшно за тебя. Такое напряжение зимой и летом, да еще что предстоит в грядущем году. Юра, побереги себя. Эти беспокойные мысли навеяны грустными событиями. Вечера сообщили из Академической больницы, что Каргера с тяжелым инсультом доставили. Он без сознания, и дело идет к концу... Начала приводить дом в порядок. Пропылесосила все книги, убрала твою комнату, осталось только вымыть окно. Наталья [Горбунова-Кершнер] вернулась из Болгарии — Польши и улетела в Фергану в прошлую пятницу. Очень довольна. В прошлый четверг была у меня. Заходила Илона [И. Б. Бентович] повидаться с ней. И мы хорошо провели вечер. На другой день уехала Санька. Пока вестей о ней нет. Скорей бы уже ты возвращался. Скорее бы пролетели эти две недели, и вы оба были бы уже дома.

Побереги себя. Целую. Т.

Р. S. Хорошо, что ты приедешь раньше, так как нужно кое-что запасти на зиму, ибо зима не обещает быть обильной. С мясом плоховато. Целую. Жду.

## Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ — Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКОЙ

17.08.1976. Андижан

Сегодня поехали на легковой в Андижан и звонил в Самарканд, чтобы заказали билеты нам на Ленинград на 2–4 сентября. Но начальства нет, и секретарь записала. С билетами очень трудно. Для Михаила сделали бронь Кокандского горкома через Ферганский обком. Это к тому, что когда вылетим из Самарканда — это вопрос. Работа идет отлично, но уехали из Пржевальска и мало рабочих. Был на поминках Хайдара — все на высоком уровне.

Михаил [сын М. Ю. Заднепровский] взрослеет на глазах. С нетерпением жду конца работ — устал. Без авто очень трудно. Пишу в Андижане в парке. Буду пробовать позвонить из совхоза. Итак, сезон 1976 г. приходит к концу. Все идет нормально. Если бы авто еще!

Целую. Саше напишу, что купил ряд книг по искусству.

30.06.1977

Это черт знает, что! Такой тяжелый сезон и столько трудностей — и от вас ни слова. Достал ребят — вроде достаточно, и возникла проблема консервов. Жара, воду привозят, но умыться невозможно. Сегодня повезло чуток — купил билет в Самарканд, лечу туда 2 июля. Оставляю все на Льва. Затем добывал консервы — получил разрешение, и надо еще получить. Дали в Ленинграде испорченный теодолит, и надо искать в Оше. Вроде получаю его — теодолит. Результатов пока мало, но кое-что получается. Кончаю каторгу в Карасу к 15 июля, а затем — Билавур на оставшиеся гроши или на узбекские.

02.08.1977

Субботу и воскресенье — последние в июле — провели на некрополе в Темир-Коруте — и в итоге 15 могил (всего 30), около 25 сосудов и новые наблюдения. Комплекс исключительно интересный. Спали на воздухе, и был плов, и все отлично

было. А 1 августа снова препятствия. Поехал за обещанными студентами, и не хватило на меня. Я в расстройстве — осталось 4–5 лопат, и это все. Добываю ребят в Оше, ходил в обком в Андижане — стараюсь, ибо остается менее 2 недель — 15 августа копать. Получилось очень здорово, крестовидный план из 5 комнат и 4 дворики, внутри главный зал образуют стены. Были у меня андижанские музейные археологи и высоко оценили, так все это оконтурено по верху и надо добирать до низу. И деньги есть, а работяг нет.

Зеленые рабочие брюки разорвались на коленях почти до невозможности, и сдали, наконец, индейские — только на днях купил брюки. Сам стираю рубаху и раз даже индейские брюки.

## Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКАЯ — Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКОМУ

*14.07.1977*

Рада, что [А. А.] Аскарров дал деньги. [В. М.] Массона это задело, и он меня пугал, что у них из-за финансовых неурядиц брать деньги опасно. «Я никогда не беру.» Я ответила, что ему хорошо — у него денег много. Он сказал — столько же, сколько у Юры. Я позволила себе с ним не согласиться. Затем говорил, что киргизы денег не дали, и ты отказался работать по карте. Ему на тебя жаловался Исман [Кожомбердиев]. Массон сказал, что он попытается тебя уговорить, а если не удастся, то привлечет Кузьмину! (Повторил это несколько раз).

Береги себя. Как там с селями и землетрясениями?

*29.08.1977*

Когда ты собираешься домой, ведь устал, наверно, изрядно. Нужно и мне отдохнуть. Лето уже прошло, а я его и не видела, были и дожди, и холода. Вот сейчас в конце августа немного потеплело. В начале августа было много гроз, а вечерами и ночами полыхали зарницы. О тебе начинают вспоминать. Звонил Лев Ефимович, узнавал, когда ты возвращаешься, и просил передать, что тебя выбрали в Совет ветеранов. Мы с ним хорошо поговорили, приглашала к нам.

Сегодня звонил Чистовский [Олег Чистовский, писатель, друг семьи Заднепровских]. Ему заказали из «Ленинградской правды» о тебе очерк. Его интересуют твои новые дела. Я обрисовала ему твои дела... Я ему сказала, что дружеское слово тебе сейчас очень важно.

Теперь об Илоне [И. Б. Бентович]. Ей сделали операцию в нашей больнице. Операция прошла удачно. У нее организовано дежурство круглосуточно. Врачи ничего утешительного сказать не могут. Грустно и жаль. Расскажи Натке [Горбуновой-Кершнер] об Илоне...

Очень боюсь зимы — может, потому, что не отдыхала. Дорога замучила и провоз продуктов — мясо, овощи. Сварила 5 кг черники. Появилась слива, и хочу ее сварить. Посмотри, нет ли в Средней Азии кофе или какао. Последнее у нас пропало.

## Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ — Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКОЙ

*14.07.1978. Ош*

Дорогой мой! Вот я поездил в Чуйской долине немного. Наконец вытянул Исмана. Вдвоем с ним на автобусе с экспедиционным барахлом выехали в Токтогул.

Ночевали у реки, дождь, с утра горы до половины в снегу. В Токтогуле было тепло в первый день — сразу два барана надо было есть. Устроились — я помогал на берегу водохранилища Токтогула, начали копать. Исман добывает продукты, бульдозер и др. И вот 13 июля оторвался в Ош, оказалось, что самолеты отменили до 1 августа, и пришлось мне с рейсовым автобусом в жару ехать. А еще на прощание Исман угощал а ля фуршет. В Оше девы приехали и начинается подготовка — ищем ребят и т. д.

Итак, я начальник Ферганской экспедиции, научный консультант Киргизской экспедиции и лаборант отряда Кетмень-Тюбе! Во Фрунзе директор встретил хорошо, а замдиректора Плоских и Макрынин избегают меня, и разговора не состоялось. Денег много у нас (Исман [Кожомбердиев] + я), около 40 000, а автомашина пока одна, и ребят рабочих мало. Могильник на берегу водохранилища — около 1000 курганов и интересный. Купаться можно. Жарко! Вечером немного комары. А ночь там холодная, чуть даже замерзаю.

С Кацем говорить и помочь пока не удастся. Время занято оргделами. У всех это тяжело, а для него вдвойне.

Что делается дома, как с Михаилом, Сашей? Будь здорова и пиши. Отправляю переводом 100 рублей.

Твой Ю. Обязательно буду в Оше где-нибудь около 1 августа. Как с машинкой, как диссертация — «Древняя Фергана»?

*20.07.1978*

Дорогой мой! Неделю нахожусь в Оше. Начали копать Сулейманку, но мало ребят. Появились данные о двух горизонтах, но придется свертывать, ибо Дружинину запрягают на экспозицию Музея, а мне надо к Исману. Ездил с местным товарищем и по его указаниям нашли в р-не Гульчи третью бабу каменную!!! В пятницу 21 собираюсь поехать на некрополь и в выходные с помощью пионеров из лагеря покопать могилы. Авто не достать, и положение неопределенное.

Посылаю рецепт — второе лекарство на обороте — это для Каца. У него был третий инфаркт, и надо помочь. Позвони Виле и др. Найди обязательно! Был в гостях у Кулагина, который уезжает на Иссык-Куль отдыхать. Купил 12 тарелок глубоких чешских. Есть чешские большие, мелкие — надо ли? Жарко и в Оше. Спасаясь минеральной водой. По знакомству достал одну бутылку кефира и 2 литра минеральной — вот как. Пиши на Ош, как дела дома, у Михаила, в Институте? Буду заезжать сюда по делам, но точные сроки не могу назвать. Разговаривал по телефону с Исманом и остаюсь в Оше до 23 июля. Затем с ребятами еду в Токтогул. Все идет нормально, только с раскопками неясность.

*22.06.1979*

Дорогой мой! Уже третий день в Оше. Во Фрунзе встретился в аэропорту с Исманом — отдал куру и отчет и через час улетел. Позвони Массону и сообщи, что президентом стал Иманалиев — математик. Ректор Университета на месте. Звони ему, он просил информировать об этом. Сегодня встретился с начальством, обещают много, и во вторник будут ясны результаты. Начинаю работы в середине той недели. Контейнера еще нет, а у меня все рабочее там. С приездом погода устоялась — жара 34° (в тени). Бегаю и мучаюсь. С Леной [Е. В. Дружининой] все в порядке — дочь ее сейчас в санатории. На субботу-воскресенье еду в Наукаты. Новый директор Музея более приятный. Держите меня в курсе Мишкиных дел. Целую и особо Кира Малого [внука Кирилла Семенова-Тян-Шанского].



Пришли карточку «Историко-археологическая экспансия китайцев». Надо. Жду известий от Альберта [А. Н. Мелентьева].

05.07.1979

Дорогой мой!

Наконец-то получил известия из дома. Правда, меня больше экспедиции Щетенко и Марьяны интересуют судьба Мелентьева, от которого была телеграмма, что он заменил билет! Пока его нет, но появился Петя [П. Г.] Павлов, и то хорошо. Больше двух недель пробиваю всякие дела и устал от этого. Кое-что получается. Но не пришел контейнер — у меня нет рабочей одежды и других вещей. Ленинградских студентов устроил в общежитие ПТУ. Но на Сулейман-Горе им тяжело, и надо выезжать, а Альберта нет. На Петю переложить слишком ответственно. Студенты ехали от Москвы в одном вагоне с Брыком [Г. А. Брыкиной] и как-то разговорились, так что с ними пришла записка от нее. Жарко, тяжело, устаю. Приходилось с ошскими ребятами сидеть до двух, а затем с ленинградскими с 18 до 20 — почти целый день на жаре на Сулеймане. Пытаюсь к воскресенью вывезти ребят на могильник, в окрестностях Оша под начало Пети. Но надо авто, кирки, мясо, и этим занимаюсь.

В общем, на будущий год поеду в Ош, если и когда будут сделаны оргдела, и начхать на юбилей. Не стоит тратить сил и здоровье на беганье за бумажками. Студенты и так себе.

Кулагин уехал совсем из Оша под Москву. Кац — профессор, умер от очередного инфаркта. Таковы дела мои нерадостные.

Пиши про Михаила подробней, крайнем случае — телеграфь. Рад за Кира и молодых.

Добыл визы все на 100 кг мяса, так что теперь только периодически ездить в магазин и при наличии получать. Пробил почти учащихся ПТУ — 20 человек на Сулейманку, и Лену отпускают (тьфу-тьфу!!!) Днем — в столовках, а вечером Лена что-нибудь делает. Так забит день, что не выбраться на базар, и зелень идет мало-мало. Пока результатов мало, но есть.

29.07.1979

Дорогой мой!

Не знаю, дошло ли первое письмо. Десять дней в Оше ушли на орг. дела, и только сегодня начали работы в шурфе на тепе на окраине Оша... Приехали две девы — студентки + три местных парня и начали.

Уже месяц, а контейнера — нет и нет мешков и инструментов. Когда придет, неизвестно. Пробиваю все понемногу. В понедельник дают две комнаты под базу в общежитии ПТУ. У геологов кирки будем получать и т. д.

В понедельник иду на прием, чтобы узнать, как будет с рабочими. Деньги собираются переводить, и поэтому машину не смогу оплатить. От Альберта телеграмма, что сменил авиабилет на 3 июля, а от Пети Павлова нет пока известий.

С бухгалтером-краеведом ездил с пасекой в горы — отдохнуть и помог им. Чудесные места. Затем около Джалалабада в двух пунктах открыл около 6 памятников новых. Пару дней было пасмурных, но тогда температура до 35°. Жарко, мукаюсь. Зелень понемногу потребляем. В общем, встречают хорошо, но Восток есть Восток, и все медленно.

Жду Альберта, чтобы начать работы серьезные. Как Кир, Михаил, Саша и зять [М. А. Семенов-Тян-Шанский]? Жду писем.

Найди на полке у телевизора наверху книгу Антипиной «Материальная культура киргизов» — это второй экземпляр. Проверь на основной полке — «Киргизия» — есть ли еще один экземпляр с надписью «автор». И второй экземпляр, если это так, пришли мне на Ош.

## Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ — А. Ю. ЗАДНЕПРОВСКОЙ

12.08.1979. Ош

Здравствуй, Сашук!

Рад был получить твое милое, бодрое письмецо. Горжусь Киrom [внуком] и часто вспоминаю, и ожидаю дня, когда увижу его в натуре. Переживаю за Михаила — опять нет сообщений! Будем надеяться. Хорошо, что ты так трезво смотришь на жизнь — надо работать — у тебя хорошие перспективы, интересная тема и ясная голова! Надо написать Козловой и поступать в аспирантуру заочную. Постепенно войдет все в норму и будешь урывать время на занятия. Большое впечатление произвели сообщения о хоз. успехах зятя — ему приветы сердечные! Только что закончили земляные работы на объекте и могильнике, который в 10 км от Оша. Теперь голова болит за чертежи И не все там в порядке. Но где в Оше работа идет нормально. Одолевают журналисты и посетители. 21 еду на неделю в Самарканд на конференцию и через месяц буду дома. В этом году очень устал. Жара была несусветная, и много организационных дел. Но в общем, начинаем закруглять.

Целую всех вас и особо Кира Малого.

Все идет у тебя хорошо. Папа

## Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКАЯ — Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКОМУ

24.08.1979

Дорогой мой!

Ну, как и следовало ожидать, Мика [сын Михаил] не прошел на исторический факультет. Итак, впереди армия... Так что поторопись с возвращением домой, ведь можешь его не застать. До 1 сентября их не трогают, а затем, как повезет. Может, тебе похлопотать как инвалиду войны, чтобы он служил не на китайской границе [однокурсник и друг Михаила Виктор Букин служил на Дальнем Востоке и погиб там], а где-нибудь поближе.

И вообще, тебе следовало бы ему помочь всякими советами насчет армейской жизни. Так что сворачивай работы и приезжай поскорее, учитывая, что его можешь уже не застать. Еще есть слух, что срок армии продлят до трех лет. Ну вот и все, что меня занимает сейчас. Устала я безмерно и опустошена до предела. Один Кир да Саша меня еще держат на поверхности.

Вот на зиму и останемся вдвоем в наших четырех комнатах. Одного кота Тимофея будем нянчить, да письма от Мики ждать.

Кир — хорош. Толстый, розово-желтый, как персик. Начал набирать седьмой кг веса. Ест уже целое яблоко (натертое), пьет морковный сок, ест творог (который Санька ему сама делает) и пьет чай с лимоном. Пришло письмо от [В. А.] Ранова, он был у родителей, они очень болели. Стоит вопрос о переезде их в Душанбе.

В Институте тихо. Работаю, как всегда, много, правда, позднее приезжаю в БАН, но зато интенсивно.

## Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ — Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКОЙ

*13.03.1979*

Добрый день! Долетел благополучно. Развез дары. В гостиницу устроился, и пока не выгнали, был съезд сельских работников — выселяли — обошлось. Кое-какие материалы от Исмана получил, но медленно, и надо еще. Работаю. Опять приглашение заведывать (об этом не говори никому). Лечу в Ош, возможно, с самим директором института. Конференция 21–23. [В. М.] Массон ждет 22-го. Посылаю счета. Если готово, оформляй соответственно трудовому соглашению и посылай на имя Плоского. [А. Д.] Грача встречал, он пытался тебе звонить — неудачно. Купил интересные книги и вышел из денежных берегов.

## ИЗ ПИСЬМА КОНЦА 1970-х — НАЧАЛА 1980-х гг.

*23.08*

Дорогой мой,

Пишу из Самарканда, куда приехал 21-го. Устроили в гостинице, и отдыхаю от своих раскопов, хотя мысли все там. В организации совещания неполадки — [В. М.] Массона не будет — он в США (о чем Беленицкий узнал только здесь). Не будет поездок — нет бензина. Всякие встречи — из Таджикистана, Узбекистана и др., казахов — нет, из Туркмении — один [В. Н.] Пилипко. Явился Кызласов, и с ним контактовали и обедали. Появилась Горбунова с Т. Г. Оболдуевой и интересовалась судьбой Михаила. Она 30 едет домой, а мне еще завершать. Сейчас уже прохладнее и можно жить. Сегодня начинаются заседания. По экспедиционной привычке уже встал рано и пишу.

Нужно ли купить урюк, лук? Или еще что. Об этом срочно пиши в Ош. Кончат буду 8–9 сентября и 8–10 лечу во Фрунзе на пару дней. Мой доклад завтра, и обдумываю его. Очень устал и хочу домой, на север.

Целую всех и Кира особо. Юр.

## Т. Н. И Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЕ — К. М. СЕМЕНОВУ-ТЯН-ШАНСКОМУ

*17.10.1997. Санкт-Петербург*

Дорогой Кириуша!

Вспоминаю тебя часто и твое благодеяние из 25 дырок в стене за два часа. Все картины висят на своих местах.

В конце сентября отмечали день рождения деда очень скромно: была мама и ее друг детства. В этом году листья на деревьях держатся до сих пор, хотя уже прошел Покров. Березы — в золоте, а кусты сирени и жасмина еще зеленые, в том числе и твой куст. А это примета — зима будет морозная. Собираемся с дедом в ноябре в Москву. Хочу попасть в ГИМ и Третьяковку. В Питере радостное событие: закончили реставрацию Данаи, и она заняла свое место в экспозиции. Была специальная конференция, об этом писали в газетах и сообщали по TV.

Целую тебя, передай приветы от меня и деда папе. Желаем ему всяческих успехов и здоровья. И тебе также.

Баба Таня



Ю. А. Заднепровский в экспедиции в Башкирии (1996 г.)

Кир! Докладывает дед:

1. Меня выписали с бюллетеня, и я нахожусь дома и месяц работал на даче.
2. Книга про Ош, которую пробивал в Киргизии, уже вышла, но пока до нас не дошла.
3. Краем глаза на днях видел Данаю и картины художника, рисовавшего парады русской гвардии, и ту, знаменитую — где в числе зрителей Пушкин, Крылов и др.
4. Прошелся по Малой Конюшенной — ничего, но слишком много столбов — фонарных.
5. Буду регулярно выводить Тролля на прогулку, а то он поднял такой гвалт, что жители вашего дома потребовали его выселения.

Надеюсь, что ты не забыл Васькин остров и в ближайшее время наведишь Питер.

С приветом и пожеланием держать шапку на 15–18° (по отметкам). Дед

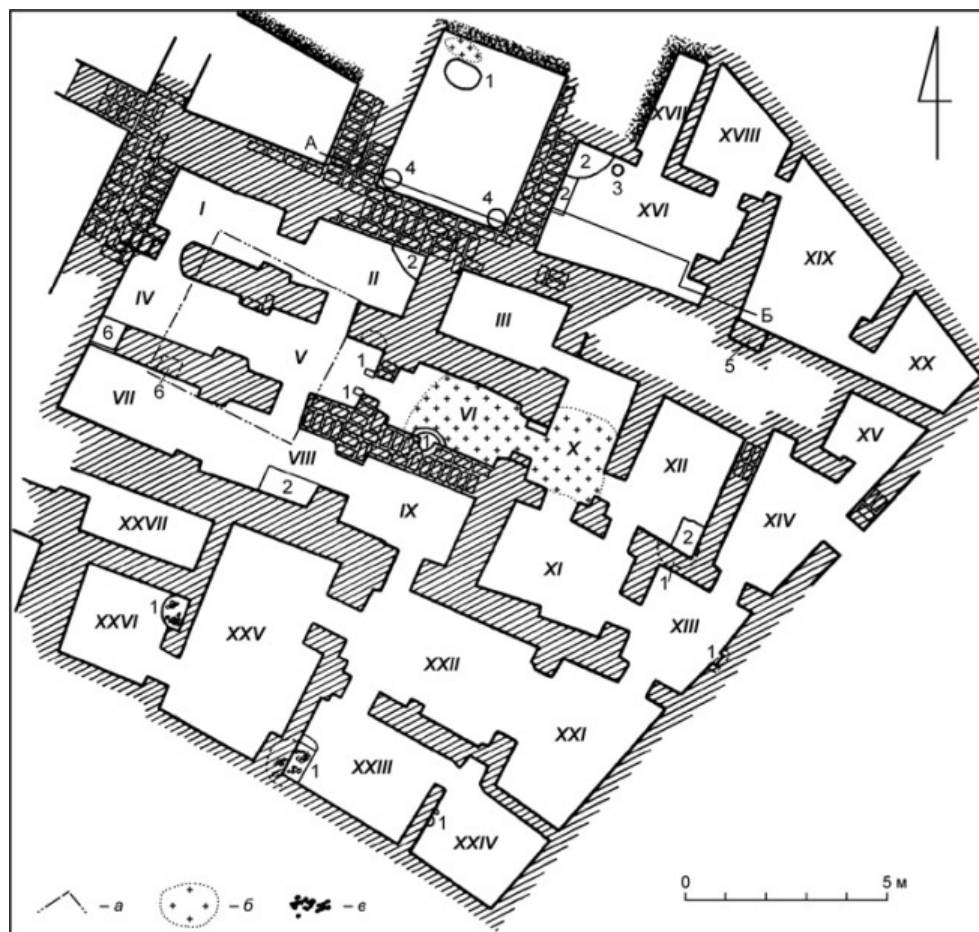
## ВКЛАД БОРИСА АНАТОЛЬЕВИЧА ЛИТВИНСКОГО В АРХЕОЛОГИЮ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

*Л. Б. Курчо (Санкт-Петербург)*

Борис Анатольевич Литвинский известен как выдающийся ученый-энциклопедист, создатель научной школы и автор обобщающих работ по археологии и древней истории Таджикистана, исследователь уникального комплекса буддийского монастыря Аджинатепе и храма Окса. Менее известны его ранние работы, связанные с изучением эпохи бронзы Южного Туркменистана. В настоящей статье речь пойдет о раскопках, проведенных Б. А. Литвинским в 1949–1950 гг. на восточном всхолмлении в южной части Намазга-депе — крупнейшего поселения эпох энеолита и бронзы Средней Азии, где он руководил работами XIV отряда Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Отчет об этих раскопках был опубликован в 1952 г. в журнале «Советская этнография» [Литвинский 1952], и ссылки на эту публикацию имеются во всех основных исследованиях по археологии эпохи бронзы подгорной полосы Копетдага. Однако после защиты кандидатской диссертации в 1951 г. Б. А. Литвинский переехал в Душанбе, и дальнейшие его исследования были связаны с памятниками восточных районов Средней Азии, в первую очередь, расположенных на территории Таджикистана.

В то же время, после того как в 1952 г. Б. А. Куфтин провел широкое обследование памятников неолита — палеометалла Южного Туркменистана и на материалах шурфов Намазга-депе выделил шесть этапов развития оседлоземледельческих культур энеолита — бронзы [Куфтин 1956], служащих основой относительной периодизации региона по сей день, материалы исследований Б. А. Литвинского на Намазга-депе специалисты никогда подробно не рассматривали.

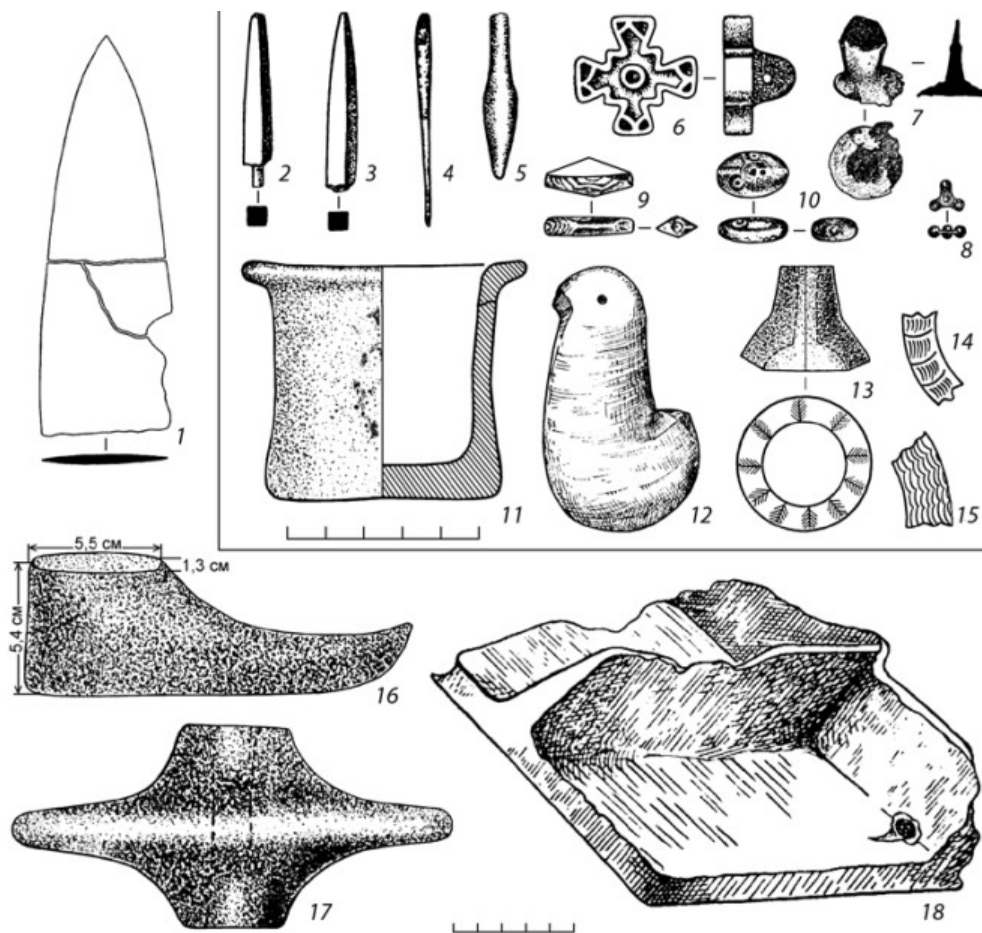
Необходимо отметить высокое качество раскопок и методики фиксации материалов Б. А. Литвинского на Намазга-депе [Литвинский 1952: 32–40, рис. 2–4] — его стратиграфические разрезы, наблюдения над системой кладки стен и деталями внутреннего устройства помещений здания Б периода средней бронзы, четко зафиксированные на чертежах (рис. 1), позволяют и по сей день использовать их как полноценный источник. Это же относится и к прорисовкам орнаментов стратифицированной расписной керамики периода ранней бронзы (к сожалению, без профилей сосудов), полученной им из 6-метрового шурфа [Литвинский 1952: рис. 6–9], причем расписная керамика из нижних слоев шурфа (XII–XI ярусы) была выделена им в отдельный комплекс [Литвинский 1952: 46], который теперь уверенно определяется как комплекс керамики раннего Намазга IV или начала периода ранней бронзы. Впервые Б. А. Литвинским были опубликованы также основные типы столовых сосудов периода средней бронзы [Литвинский 1952: 40–42, рис. 5, 6] и типичный набор артефактов того времени (Намазга V) [Литвинский 1952: 46–50,



**Рис. 1.** Намазга-депе, здания А и Б; раскопки Б. А. Литвинского 1949–1950 гг., план [по: Литвинский 1952: рис. 2]:

1 — очаги; 2 — суфы; 3 — хумчи; 4 — хумы; 5 — заложенный очаг; 6 — ниши; а — границы шурфа; б — мощный зольный отвал; в — выкладка фрагментами керамики; римскими цифрами обозначены номера помещений

рис. 11–14]. Часть предметов из раскопок и, вероятно, сборов с поверхности Намазга-депе опубликованы им в другой работе [Литвинский 1954], малоизвестной даже среди русскоязычных специалистов по древней Средней Азии, не говоря уже о западных археологах. Поэтому в настоящей статье приводятся прорисовки важных в типологическом и хронологическом отношениях категорий предметов комплекса Намазга V с Намазга-депе, изданных Б. А. Литвинским. К их числу относятся металлические изделия: обломок лезвия плоского двулезвийного ножа, пробойники, игла с ушком, обломок косметического стержня с утолщением на нижнем конце, крестовидная печать-штамп (рис. 2, 1–6) и каменные предметы: бусины, включая бусину-пряслице с кружковым орнаментом (рис. 2, 9, 10), косметический сосуд (рис. 2, 11), плоские «гири» с ручкой (рис. 3, 5, 6), орудия труда и подпятник (рис. 3, 1–4, 9). Столь же характерны для периода средней бронзы терракотовые орнаментированные пряслица и колесо с двусторонней ступицей от модели

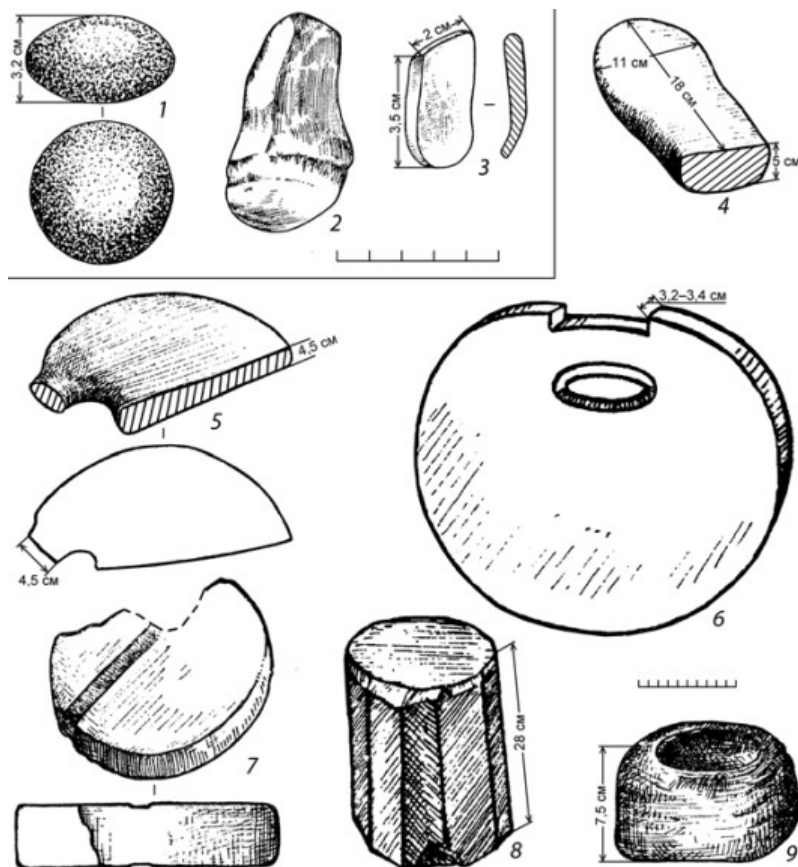


**Рис. 2.** Намазга-депе, изделия периодов средней и поздней бронзы

[по: Литвинский 1954: рис. 14, 16, 21, 22, 24, 26; 1952: рис. 14]:

1 — обломок лезвия ножа; 2, 3 — пробойники; 4 — игла с ушком; 5 — обломок косметического стержня; 6, 7 — печати; 8 — бусина (?); 9, 10 — бусины; 11 — косметический сосуд; 12 — фигурное изделие; 13 — пряслице; 14, 15 — варианты орнамента пряслиц; 16 — модель обуви (?); 17 — колесо от модели повозки; 18 — «модель жилища» (1–8 — бронза; 9–12 — камень; 13–18 — терракота)

повозки (рис. 2, 13–15, 17). Среди редких изделий представлены обломок фигурного каменного предмета (рис. 2, 12), найденный на поверхности поселения фрагмент «модели жилища» (рис. 2, 18) — низкой прямоугольной терракотовой «коробочки» с внутренней перегородкой [Литвинский 1952: 49, рис. 14], аналогии которой имеются на Тепе Гиссар в комплексе Гиссар III [Schmidt 1937: 186, pl. XLIV, H 2940] и на Алтын-депе времени раннего Намазга V [Кирчо 2005: 405, рис. 18], а также поврежденный плоский каменный «диск» с желобком (рис. 3, 7), аналогичный «дискам» из комплекса Гиссар IIIС [Schmidt 1937: 219, pl. LXII, H 3261] и Гонур-депе. К уникальным предметам относятся: миниатюрная печать (?) (рис. 2, 7), найденная в здании Б и изготовленная из свинца (98,13%), обтянутого тонким листком латуни (Cu — 79,71%, Zn — 14,8% [Литвинский 1954:



**Рис. 3.** Намазга-депе, каменные изделия и орудия периодов средней и поздней (?) бронзы [по: Литвинский 1954: рис. 21–23]:

1 — метательный камень (лощило)?; 2 — пест (?); 3 — лощило (?); 4 — зернотерка; 5, 6 — «гири»; 7 — «диск»; 8 — заготовка (?) «колонки»; 9 — подпятник двери

23–24, 26, рис. 14)<sup>1</sup>; металлическая бусина из трех шариков (рис. 2, 8); терракотовая модель обуви (?) с загнутым вверх носком (рис. 2, 16); заготовка (?) каменной «колонки» (рис. 3, 8). К сожалению, местонахождение коллекции находок из раскопок Б. А. Литвинского на Намазга-депе неизвестно. Скорее всего, эти изделия и керамика находятся в Ашхабаде.

Далее остановимся на одном конкретном аспекте материалов раскопок на Намазга-депе в 1949–1950 гг. Речь пойдет об очагах, обнаруженных в жилых помещениях здания Б периода средней бронзы (рис. 1). Б. А. Литвинский выделяет здесь два типа очагов. Первый тип — очаг в виде «углубленной в стену, сильно суживающейся вверх, округлой в плане ниши», прослеженной по всей высоте стены. «Сильно обожженный под очага заглублен по сравнению с полом комнаты на 0,12 м. Очаг был окружен внизу поставленными на ребро по кругу кусками кирпича» (пом. VI) [Литвинский 1952: 35]. Второй тип — крупные внутрестенные

<sup>1</sup> Из латуни (Cu — 69,09 %, Zn — 24,7 %) изготовлена и игла с ушком (рис. 2, 4), также найденная в здании Б [Литвинский 1954: 26].



сводчатые очаги, поды которых находились выше уровня пола и были вымощены обломками керамики или галькой (пом. V, XII, XXIII) [Литвинский 1952: 35]. Такие же однокамерные (и один или два, видимо, двухкамерные) внутростенные очаги были обнаружены на этом памятнике А. Ф. Ганялиным в строениях периода средней бронзы, вскрытых им на так называемом раскопе А1 (рис. 4). Однако сколько-нибудь подробное описание этих строений, кроме плана, опубликованного И. С. Масимовым, отсутствует. Наиболее важным является то, что почти все очаги в жилых и хозяйственных строениях периода средней бронзы на Намазга-депе представляли собой **внутростенные** сооружения, и лишь изредка очаги находились на полу в углу помещений около стен (угловые очаги).

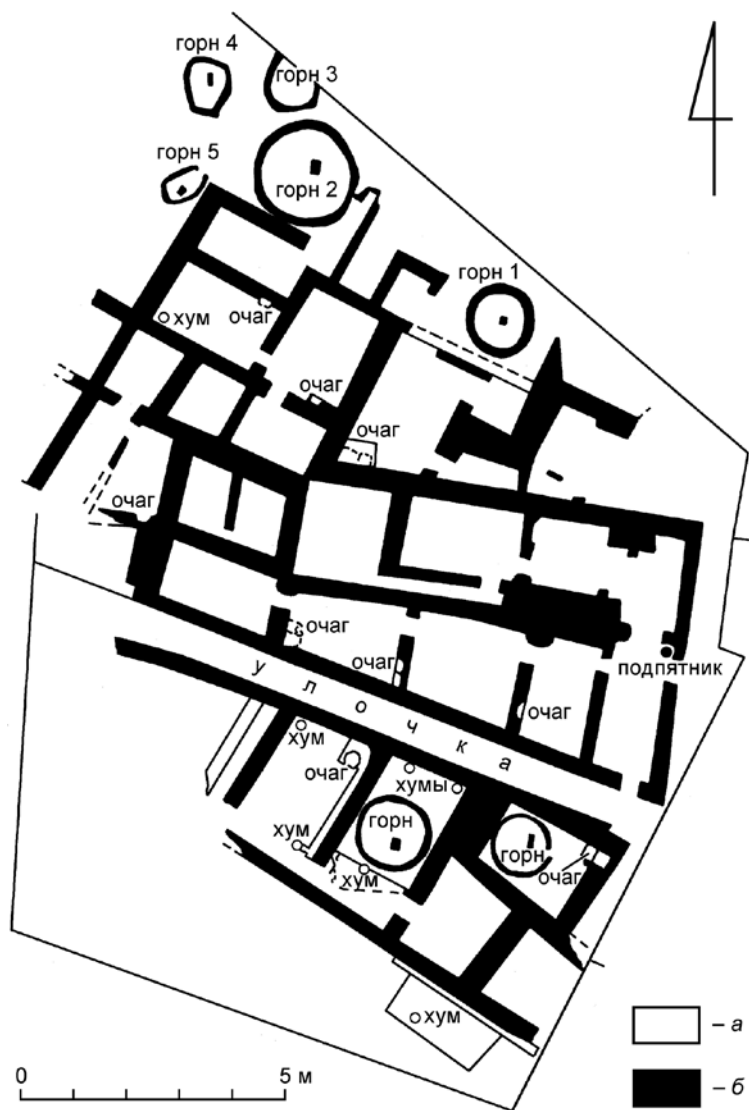


Рис. 4. Намазга-депе, раскоп А1, раскопки А. Ф. Ганялина, план [по: Масимов 1976: рис. 1]:  
*a* — стены на уровне 80–85 см; *b* — стены на уровне 105–110 см

Поскольку конструкция очага является важным культурным и хронологическим признаком, рассмотрим некоторые имеющиеся данные об очагах на древнеземледельческих поселениях юга Средней Азии эпохи неолита — палеометалла.

Сооружения для разведения и использования огня разделяются на две основные категории: очаги открытого типа, не имевшие перекрытия над местом (емкостью), где разводили огонь или куда, возможно, помещали раскаленные угли; и очаги закрытого типа (печи), имевшие перекрытия<sup>2</sup>. По местоположению внутри помещений и дворов такие сооружения разделяются на напольные (или углубленные в пол или поверхность двора), пристенные (в том числе угловые) и внутрисконные; по количеству камер по горизонтали — на однокамерные и двухкамерные; по количеству камер по вертикали — на одноярусные и двухъярусные; а по особенностям конструкции — на сооружения, имевшие специально подготовленное основание, ограждение, дымоход или не имевшие таковых.

Для жилищ джейтунской неолитической культуры (конец VII–VI тыс. до н. э.) известен только один тип — пристенные однокамерные печи с перекрытием и дымоходом [Массон 1971: табл. IX, *внизу*]. Эти *пристенные печи* или *очаги-камины* располагались, как правило, справа от входа, примыкая к стене дома в ее средней части, и сооружались одновременно со строительством здания — задняя стенка очага часто представляла собой часть стены дома [Массон 1971: 18, 20, 22, табл. V, *внизу*; Бердыев 1969: рис. 3]. На поселениях Джейтун, Чагаллы-депе и Песседжик-депе в ряде случаев перед таким очагом прослежено прокаленное пространство, ограниченное двумя выступами — место, куда выгребали угли [Массон 1971: 20, рис. 6; Бердыев 1964: 90; 1970: 16]. Во дворах поселения Джейтун исследованы также два *однокамерных открытых очага в виде оградки* (округлой и подквадратной) из сырцовых «протокирпичей» [Массон 1971: 19, 26].

На раннеэнеолитических поселениях времени Анау 1А (первая треть V тыс. до н. э.) выявлены очаги двух типов: на Чакмаклы-депе изучены *прямоугольные угловые очаги-оградки*, стеночки которых сохранились на высоту до 10 см [Бердыев 1968: 27, 30, рис. 1], а на Монджуклы-депе обнаружены *прямоугольные двухкамерные одноярусные очаги*. Такой крупный очаг в пом. 7 горизонта 2, раскопанный А. А. Марущенко, примыкал к стене помещения в ее средней части [Бердыев 1972: 12–13, рис. 1] и имел три прямые (задняя и боковые) стенки, сложенные из кирпича. Передней стенки очаг не имел и внутри был разделен невысокой продольной перегородкой (низкий валик) на две подпрямоугольные камеры, большая из которых слегка возвышалась над поверхностью пола помещения, а меньшая, судя по фотографии [Сарианиди 1963: 83, рис. 31, 2], была чуть заглублена ниже уровня пола. Внутренняя поверхность очага была сильно обожжена. Точно такие же местоположение (пристроен, но не вплотную, к стене в ее средней части, справа от входа в помещение) и конструкцию имел двухкамерный очаг, исследованный на Монджуклы-депе в здании 10 горизонта 3 в начале 2010-х гг. отрядом немецких специалистов под руководством Р. Бернбека в составе комплексной международной экспедиции<sup>3</sup>, которым, однако, удалось проследить как наклон стенок внутрь, так и часть глиняного купольного (?) перекрытия, т. е. это была *одноярусная двухкамерная печь*.

<sup>2</sup> Прямых данных о характере перекрытия печей на поселениях неолита — бронзы юга Средней Азии довольно мало, что связано как со степенью сохранности таких объектов на многослойных поселениях, так и с методикой раскопок преимущественно поверхностных напластований поселений.

<sup>3</sup> Материалы этих исследований пока не опубликованы. Работы проводились по открытому листу начальника экспедиции Н. Ф. Соловьевой.

Скорее всего, это были бытовые печи, а не печь для обжига керамики, как первоначально осторожно предполагал В. И. Сарияниди [Сарияниди 1963: 83–84].

Эти же два типа очажных сооружений представлены на раннеэнеолитических памятниках времени позднего Намазга I (конец V — первая треть IV тыс. до н. э.). В жилых помещениях Дашлыджи-депе обычно слева от входа находились *угловые подквадратные однокамерные очаги-оградки* из поставленных на ребро кирпичей, обмазанных глиной [Хлопин 1964: 73, рис. 37]. По крайней мере, в одном случае (помещение 1, горизонт 2) под такого очага был поднят на 15 см над уровнем пола [Хлопин 1960: 141]. На Яссы-депе у Каахка *двухкамерный очаг (печь?)* без передней стенки был пристроен к стене (но не в углу) справа от входа в пом. 16 [Хлопин 1963: 13, табл. XI, 1].

Временем позднего Намазга I датируются два однокамерных и по крайней мере три двухкамерных очажных сооружения на других поселениях. На северном холме Анау в жилом помещении (горизонт 6 основного разреза) в квадрате В два небольших подпрямоугольных *однокамерных очага-оградки* были пристроены к южной и западной стенам [Курбансахатов 1987: 31; Hiebert, Kurbansakhatov 2003: fig. 8, 18]. В квадрате ANL (горизонт 9) к стене помещения (или в углу?) был пристроен очаг (печь?), разделенный внутри стеночкой на более высокую подквадратную (обжигательную) и углубленную узкую прямоугольную (топочную) камеры [Hiebert, Kurbansakhatov 2003: 44, fig. 4, 12C; 8, 14]<sup>4</sup>. Такой же прямоугольный двухкамерный очаг (печь?), слабообожженный внутри, был пристроен к стене помещения в квадрате Ж (горизонт 5) [Курбансахатов 1987: 30, рис. 4; Hiebert, Kurbansakhatov 2003: 109, fig. 8, 20]. И наконец, уникальная *двухкамерная печь* для обжига мелкой глиняной пластики была обнаружена в 2014 г. в специализированной мастерской по изготовлению таких изделий в горизонте 7 Илгынлы-депе. Печь находилась в углу помещения 100, слева от входа, и сохранила не только остатки перекрытия, но и внешний рельефный и красочный декор [Соловьева 2014]. Дальнейшие исследования должны уточнить детали ее конструкции.

Для периода среднего энеолита (время Намазга II — около 3700/3600–3200/3100 гг. до н. э.) выявлены открытые очаги по крайней мере пяти типов. На раскопе 1 северного холма Анау в помещении 9 (горизонт 4) к стене был пристроен *прямоугольный однокамерный очаг с открытым устьем* [Курбансахатов 1987: 43, рис. 16]. В жилищах на поселениях Геоксюрского оазиса слева от входа обычно находились *угловые двухчастные очаги*, поднятые над уровнем пола на высоту до 40 см [Хлопин 1964: 24, 74]. Внутри очаги были разделены валиком на две неравные части, в меньшей и более глубокой из которых разводили огонь, а на более высокой плоской части следы горения, как правило, отсутствовали. Двухчастную конструкцию имели и *глинобитные прямоугольные напольные жаровни-подиумы*, окруженные по краю глиняным валиком толщиной до 10 см и высотой до 20 см и разделенные на две промазанные глиной части валиком или небольшой ступенькой. Следы горения прослеживались только в пониженной части, причем в центре имелось глубоко

<sup>4</sup> Непонятно, почему Ф. Хиберт называет этот очаг (печь?) внутрстенным («An oven was built into the wall»), сравнивая при этом с разными по типу (см. выше) очагами Дашлыджи-депе и Яссы-депе, пристроенными к стенам [Hiebert, Kurbansakhatov 2003: 44, 105]. И уж совсем странным выглядит чертеж еще одного двухкамерного очага в квадрате ANL (горизонт 8), где очаг действительно показан внутри стены толщиной примерно 80 см [Hiebert, Kurbansakhatov 2003: fig. 4, 12B], но эта же стена на плане раскопа [Hiebert, Kurbansakhatov 2003: fig. 8, 16] имеет толщину не более 30 см и очаг в ней не показан.

прокаленное пятно, где, вероятно, не разводили огонь, а клали раскаленные угли [Хлопин 1964: 77–78; Сарияниди 1962: 45–46]. Четвертый тип очагов, который появляется в период среднего энеолита и продолжает существовать в начале периода позднего энеолита на поселениях Южного Туркменистана (Айна-депе, Геоксюр 1, Чонг-депе, Геоксюр 7, Илгынлы-депе и Елен-депе) и в Саразме (Северо-Западный Таджикистан) — *круглые напольные очаги-алтари*<sup>5</sup> в виде промазанного глиной диска, обычно окруженного валиком, с обожженной лункой в центре (иногда обожжена вся поверхность очага) [Сарияниди 1962: 49, рис. 3; 4, 3; Хлопин 1964: 87–88; Массон 1982: 44; Раззоков (в печати)]. Наконец, пятый тип очагов в домах периода среднего энеолита, зафиксированный на Муллали-депе (восточный комплекс) и Илгынлы-депе, — обожженный *очаг-ямка* в полу помещения [Хлопин 1964: 35, рис. 12; Березкин, Соловьева 1998: 89–90, 92, 105, 109, 111, 113, табл. 1, рис. 11, 12, 14]<sup>6</sup>.

*Двухкамерные одноярусные печи* периода среднего энеолита исследованы на Акча-депе (Геоксюр 2) и Илгынлы-депе. На Акча-депе печь находилась в углу, слева от входа в помещение [Хлопин 1964: 16, рис. 3; рис. 4, 2], т. е. там же, где обычно размещали двухчастные бытовые очаги. Однако особенности ее конструкции [Сарияниди 1963: 80–81, рис. 1, 2] и следы сильного горения внутри показывают, что, вероятно, это была печь для обжига керамики. Двухкамерная печь на Илгынлы-депе (раскоп 4, горизонт 2) была врезана сверху в стену и угол пом. 52 [Березкин, Соловьева 1998: 113, рис. 14]. Под ее обжигательной камеры был вымощен мелкими камнями для усиления теплоемкости, однако внутри печь была обожжена довольно слабо.

На Илгынлы-депе в парадном помещении 26 (раскоп 3, горизонт 4) обнаружена и единственная *однокамерная печь* — «небольшая прямоугольная печь из сырца и камня с топкой, поддувалом и остатками провалившегося дымохода» [Березкин, Соловьева 1998: 96, табл. 1, рис. 6], пристроенная к тумбе слева от входа в помещение.

Для периода позднего энеолита (времени Намазга III — 3200/3100–2800/2700 гг. до н. э.) также зафиксированы пять типов открытых очагов. Отопительные (по определению В. И. Сарияниди и В. М. Массона) *очаги-ямки* широко представлены в домах верхних горизонтов поселений Геоксюр 1 и Чонг-депе [Сарияниди 1965б: 10–13, рис. 1, 6, 8; 1966: 91, рис. 32], а на Алтын-депе неглубокие очаги-лунки выявлены как в жилых, так и преимущественно в хозяйственных помещениях горизонтов 12–9 раскопа 5 [Массон, Кирчо 2008: 34, 37, 42, 46, рис. 11А, 12Б, 13, 16]). Очаги-ямки полностью преобладали в жилищах Кара-депе времени Кара 1А, где, однако, в ряде случаев прослежен вариант конструкции таких очагов, когда внутрь ямки были вставлены сосуды без дна или верхние части кухонных сосудов [Массон 1982: 36, табл. XX]. *Круглые напольные очаги-алтари* характерны для «святилищ» верхних горизонтов Геоксюр 1 и Чонг-депе геоксюрского и позднего геоксюрского времени [Сарияниди 1965б: 10, рис. 1, 6–9; 1966: 89, 91, рис. 32–33]. Два круглых очага-алтаря на сырцовом основании диаметром около 1 м и высотой 5–10 см с бортиками по краю находились в центре основных

<sup>5</sup> На Илгынлы-депе исследователи именуют такие очаги жертвенниками [Березкин, Соловьева 1998: 89–90, табл. 1].

<sup>6</sup> В помещении 38 (раскоп 3, горизонт 5) на Илгынлы-депе ямка очага была обмазана глиной [Березкин, Соловьева: 1998: 92].

помещений домов на Алтын-депе времени позднего Намазга III (горизонты 11 и 10 раскопа 5 — [Массон, Кирчо 2008: 36, 42, рис. 12Б, 13]. Третий тип очагов периода позднего энеолита — *квадратные очаги-алтари с бортиком по краю и слабо-выраженным сырцовым основанием*<sup>7</sup> — исследован на раскопах 1 и 3 поселения Геоксюр 1 [Сарианиди 1966: 89, рис. 32–33]. Такие же квадратные очаги-алтари широко представлены в Саразме периодов Саразм II–III [Раззоков (в печати)]. *Подквадратный (?) наземный очаг, бортик которого был сделан из поставленных на ребро кирпичей*, обнаружен в центре крупного помещения-«святилища» на Кара-депе [Массон 1982: 39, табл. XX; Хлопин 1971: 222–224, рис. 1, 2]. Наконец, нужно отметить, что на Геоксюр 1 в помещении 54 (раскоп 1), на полу которого находился квадратный очаг-алтарь, в углу слева от входа обнаружен второй очаг — *двухчастный, сооруженный на кирпичной платформе* высотой 50 см и полностью аналогичный таким очагам периода среднего энеолита. Еще один, предположительно, двухчастный очаг выявлен у стены помещения 47 на раскопе 1 [Сарианиди 1966: 93, рис. 33].

*Двухкамерные одноярусные гончарные печи* периода позднего энеолита исследованы на раскопе 1 поселения Геоксюр 1 и на раскопе 5 (горизонт 10) Алтын-депе [Сарианиди 1963: 82–83, рис. 30, 1; 31, 1; 1965б: 11, рис. 4–5; Массон, Кирчо 2008: 38, 42, рис. 14–15]<sup>8</sup>, а также в Саразме периодов Саразм II–III [Раззоков (в печати)].

Судя по данным Алтын-депе, очаги и печи периода ранней бронзы (горизонты 4–8 времени Намазга IV — 2800/2700–2400/2300 гг. до н. э.) продолжают и развивают традиции периода позднего энеолита [Кирчо 2007: 194–197]. На полу основных помещений жилых комплексов в горизонтах 7–4 (раскоп 5) и горизонте 4 (раскоп 9) найдены *очаги на круглом сырцовом основании*, в том числе с бортиком по краю, однако преобладали *очаги на подквадратном сырцовом основании*, наиболее крупные из которых имели по краям бортики, переходящие в возвышения на углах [Кирчо 2001: 38–39, рис. 8–12; Березкин 2001: 42, рис. 1, 3–5, 13]. На памятниках Ирана III тыс. до н. э. такие очаги широко представлены в Шахри Сохте (периоды II–IV) и встречены на Тепе Гиссар в двух зданиях периода III [Dyson, Remsen 1989: fig. 15; Salvatori, Vidali 1997: fig. 23, 48–49, 55; Shmidt 1937: fig. 91, 102; Tosi 1983: fig. 5, 13–15, 19, 67–68]. В жилых помещениях начала периода ранней бронзы Алтын-депе (раскоп 5, горизонты 8–7) обнаружены также *напольные прямоугольные очаги-оградки* из поставленных на ребро кирпичей, причем дно одного из очагов было вымощено галькой [Кирчо 2001: 17, 20, рис. 8–9]. И очаги на сырцовых основаниях, и очаги-оградки обычно располагались в середине комнаты, а в небольших помещениях могли находиться у стены или в углу. На Хапуздепе периода ранней бронзы в помещении 4 (раскоп 1) расчищены два *подквадратных, углубленных в пол очага без сырцового основания, но с глиняными бортиками по краю*, один из которых имел «столбики» на углах бортика [Сарианиди 1966:

<sup>7</sup> Самые ранние очаги на подквадратных или прямоугольных сырцовых основаниях с небольшой очажной лункой типичны для домов в Мундигаке (в Южном Афганистане) периодов I, 4–IV, 1 [Casal 1961: vol. II, fig. 6–20, 23–26, pl. VII–IXA, XIV, XVII] последней трети IV — первой трети III тыс. до н. э., а в трех помещениях периодов III, 4 и III, 6 первых веков III тыс. до н. э. находились также очаги на круглом основании [Casal 1961: vol. II, fig. 16, 18].

<sup>8</sup> В отчете В. И. Сарианиди об изучении крупного здания на раскопе 4 поселения Геоксюр 1 упоминается еще одна печь: «В середине восточной стены (здания. — Л. К.) расчищена прямоугольная двухчастная печь, сильно обожженная внутри» [Сарианиди 1965а: л. 14].

118, рис. 47]. Часть такого же очага с глиняными бортиком и «столбиком» на углу сохранилась и на Алтын-депе в горизонте 8 (раскоп 5), который относится к началу периода ранней бронзы [Кирчо 2001: 31, рис. 13]. Кроме того, в помещении 9 (раскоп 1) на Хапуз-депе под мусорными слоями найден «крупный круглой формы бытовой очаг» [Сарианиди 1969: 118–119, рис. 47] — *очаг-яма*. Такой же округлый очаг в виде неглубокой ямы с плоским дном и плавно расширяющимися стенками обнаружен на Улуг-депе — на полу помещения 4 (раскоп 4, слой Улуг IV) времени позднего Намазга IV [Сарианиди 1968: л. 22, рис. 5]. Отметим, что на Алтын-депе (раскоп 5, горизонт 6) круглый очаг в виде неглубокой ямы диаметром 1 м находился во дворе А [Кирчо 2001: 20, рис. 10].

*Двухкамерные одноярусные печи* периода ранней бронзы изучены на Алтын-депе (раскоп 5) во дворах горизонтов 8 и 5 [Кирчо 2001: 32–33, рис. 14]. Все три печи имели основания в виде платформы или забутовки из кирпича и слой гальки и обломков камня ниже обмазки подов обжигательных камер. Печь горизонта 8 была обожжена слабо и, скорее всего, служила для сушки глиняных изделий. Две печи во дворе Б горизонта 5, судя по следам интенсивного горения внутри, были гончарными. У этих гончарных печей выявлены также специально обмазанные и слабо обожженные углубления перед устьем топочных камер, служившие, вероятно, для выгребания золы.

В 1962 г. на окраине Хапуз-депе В. И. Сарианиди исследовал две небольшие *двухъярусные обжигательные печи*, предположительно датированные периодом Намазга IV и, несомненно, периодом Намазга V [Сарианиди 1964: 61–62, рис. 15, 24].

На Алтын-депе периода средней бронзы (время Намазга V — 2400/2300 — конец III тыс. до н. э.) изучены многочисленные очаги разных типов (рис. 5, 6). Почти в каждом жилом комплексе находился, по крайней мере, один *очаг на сырцовом подквадратном (изредка округлом) основании*, расположенный в середине основного жилого помещения (рис. 5, 6). Такие очаги Ю. Е. Березкин именуется *очагами-подиумами* [Березкин 1994: 17, 20; 25, рис. 3–4], а В. М. Массон из-за большого количества этих конструкций называл их отопительными очагами на квадратной платформе [Массон 1981: 48]<sup>9</sup>. В подсобных помещениях Алтын-депе были широко распространены также *очаги-ямки* и *прямоугольные (изредка округлые) очаги-оградки* (рис. 5, 6) [Массон 1970: рис. 1], причем среди последних представлены как небольшие (часто в виде невысокой глиняной стеночки), так и довольно массивные угловые или пристенные очаги из сырцового кирпича (рис. 5, 6). Гораздо реже встречаются *прямоугольные двухчастные пристенные* очаги с двумя неглубокими обожженными округлыми лунками (рис. 5 — помещение 42, раскоп 9) или подпрямоугольными камерами (помещение 179, раскоп 9; помещение 1, раскоп 5) [Массон 1981: 41, рис. 13].

Единственный на Алтын-депе *внутриворонный однокамерный очаг*, дно которого находилось выше уровня пола, обнаружен в помещении 2 так называемого дома вождя на раскопе 9 (рис. 5; 7, 1, 2) [Массон 1970: 10, рис. 6]. Это сооружение относится к периоду Алтын 1 (конец среднего этапа периода Намазга V — около 2200/2100 гг. до н. э.), причем других очагов в этом здании не выявлено. В комплексах строений периода Алтын 1 (раскоп 9) представлены остатки нескольких

<sup>9</sup> К очагам-подиумам В. М. Массон относил только «крупные прямоугольные очаги, аналогичные сооружениям ... неолитических поселений Геоксюрского оазиса» [Массон 1970: 7].



Рис. 5. Алтын-депе, раскоп 9, северо-восточная часть, план:

а — стены горизонта 0 (финального); б — стены горизонтов 1 и 2 (верхнего и нижнего); в — стены горизонта 2 (нижнего)

двухкамерных одноярусных печей (помещение 56 — рис. 5; помещения 293 и 335А, вероятно дворовые участки — рис. 6), однако лишь в помещении 285 удалось расчислить *двухкамерную*, вероятно, *внутристенную печь*, обе камеры которой были расположены выше пола на одном уровне и имели открытые устья (рис. 6; 7, 3, 4)<sup>10</sup>.

<sup>10</sup> Гончарные печи периода средней бронзы в данной статье не рассматриваются.

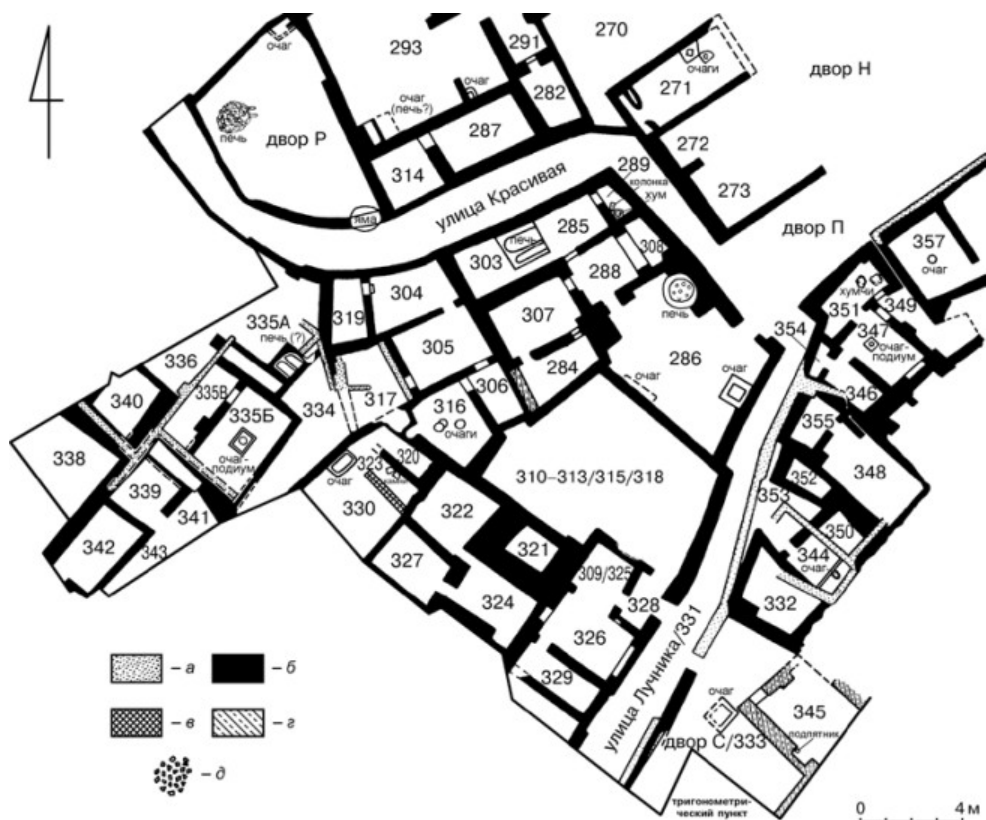


Рис. 6. Алтын-депе, раскоп 9, южная часть, план:

*а* — стены горизонта 0 (финального); *б* — стены горизонта 1 (верхнего); *в* — стены горизонта 2 (нижнего); *г* — стены конца периода 1 (позднего) и начала периода 0 (финального); *д* — вымостка из камней

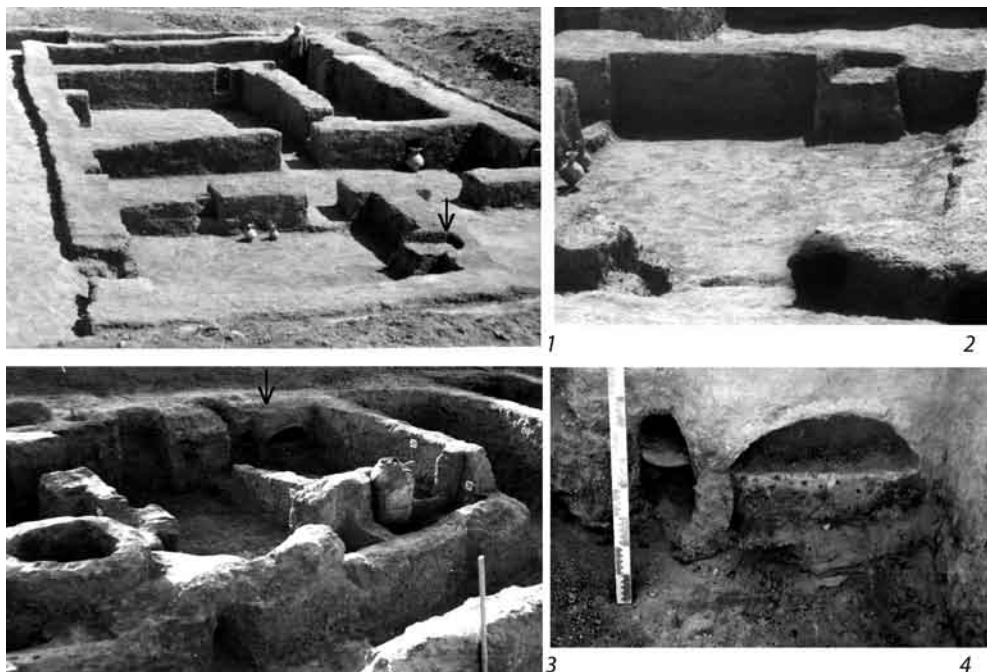
На поселениях древней Маргианы и Бактрии среднего и позднего этапов периода средней бронзы — начала периода поздней бронзы (последние века III — первые века II тыс. до н. э.) были широко распространены три типа **внутристенных** очажных сооружений с открытыми устьями: 1) *однокамерные очаги без дымохода*<sup>11</sup>; 2) *однокамерные очаги-камины с дымоходом внутри стены*; 3) *двухчастные (двухкамерные) печи*, также обычно с дымоходом<sup>12</sup>. Обычно меньшая по размерам и более глубокая камера была сильно обожжена и служила топкой, а большая и выше расположенная камера обожжена слабее. В Келлелинском оазисе (древняя дельта р. Мургаб), который был освоен еще в начале периода средней бронзы, И. С. Масимов исследовал на поселении Келлели 4 внутристенные однокамерные очаги и двухкамерные печи (рис. 8)<sup>13</sup>. На Гонур-депе (Гонурский оазис, расположенный

<sup>11</sup> В. И. Сарияниди, А. А. Аскарлов и А. Оразов называют такие очаги пристенными [Аскарлов 1977: 33; Оразов 2006: 183; Сарияниди 1976: 25; 1977: 33], хотя и на фотографиях, и на чертежах раскопанных строений и самих очагов их топка находится внутри строений.

<sup>12</sup> Двухкамерные печи иногда были построены и вне стен, на специальных платформах (Сарияниди 2006: 161).

<sup>13</sup> К сожалению, данные о характере перекрытия и дымоходов этих очагов и печей не опубликованы.





**Рис. 7.** Алтын-депе, раскоп 9:

1 — «дом вождя», общий вид с С [по: Массон 1981: табл. III, 1/]; 2 — «дом вождя», пом. 2, внутрисстенный очаг, вид с востока; 3 — пом. 285, 286, 288, 289 и улица «Красивая», вид с востока; 4 — пом. 285, двухкамерный внутрисстенный очаг (печь), вид с северо-востока

к юго-востоку от Келлелинского) преобладали двухкамерные внутрисстенные печи с дымоходом, которые имели два варианта конструкции (рис. 9) [Сарианиди 2006: 161, рис. 12; 2008: рис. 21–23, 27, 37, 59]<sup>14</sup>, а однокамерные очаги встречались сравнительно редко [Сарианиди 2008: 127]. Для поселения Аджикуи 9 характерны все три типа внутрисстенных очажных сооружений [Оразов 2006: 183, рис. 20–26], а на Аджикуи 1 представлены только однокамерные внутрисстенные очаги и пристенные *очаги-оградки* [Оразов 2006: рис. 26]. В жилищах Сапаллитепе — наиболее раннего поселения сапаллинской культуры Северной Бактрии — преобладали внутрисстенные однокамерные очаги-камины с верхним дымоходом, а однокамерные очаги без дымохода сравнительно редки [Аскарлов 1977: 33, рис. 8]. В Южной Бактрии на поселении Дашлы 1 представлены оба типа однокамерных внутрисстенных печей [Сарианиди 1976: 25, рис. 15; 1977: 33, рис. 10], а на Дашлы 3 распространены двухкамерные внутрисстенные печи и очаги-оградки, которые В. И. Сарианиди назвал очагами-выкладками [Сарианиди 1977: 33, рис. 11]<sup>15</sup>.

Как было показано выше, на Алтын-депе внутрисстенные очажные сооружения единичны и представлены лишь в поздних строительных комплексах памятника (период Алтын 1), в то время как на Намазга-депе они преобладают. Эти данные и проведенный выше краткий обзор материалов из памятников юга Средней Азии

<sup>14</sup> По крайней мере в одном случае дно большей камеры было вымощено обломками керамики [Сарианиди 2008: рис. 59].

<sup>15</sup> Один пристенный очаг-оградка найден и на Дашлы 1 [Сарианиди 1977: 33].

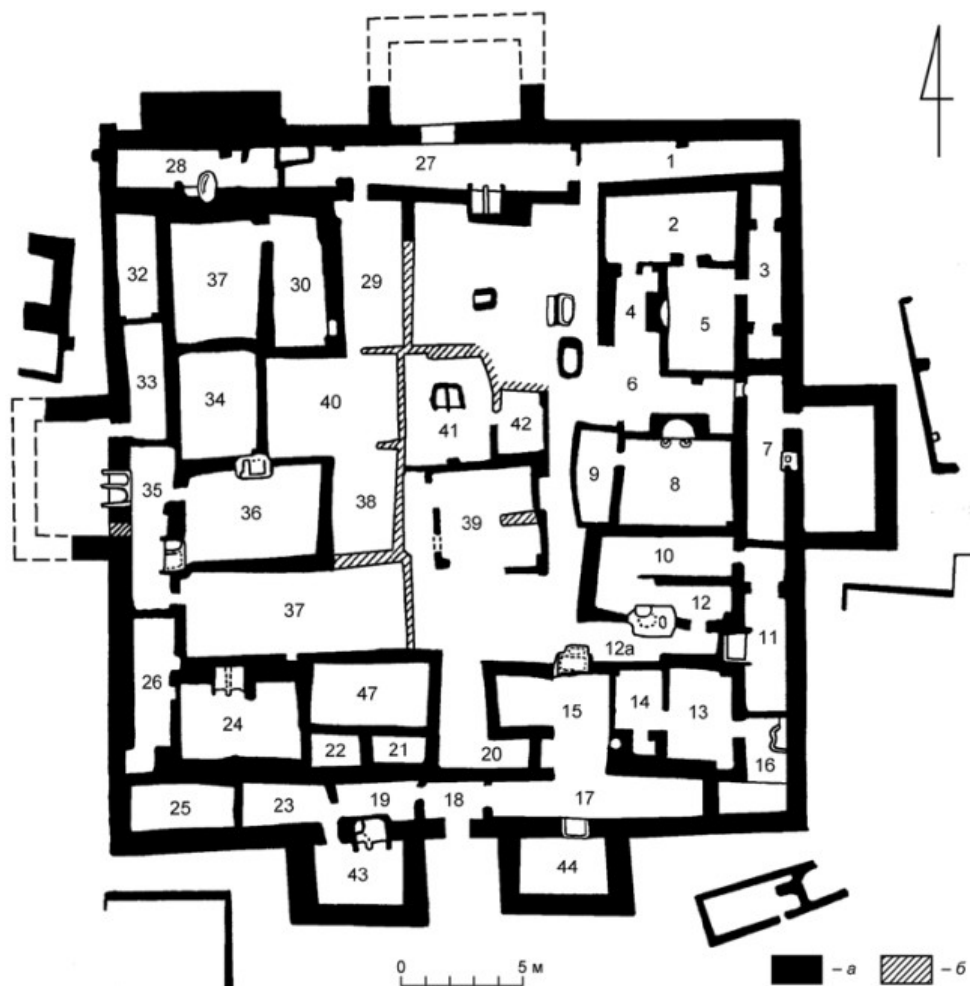


Рис. 8. Келлели 4, план зданий [по: Масимов 1986: рис. 1]

позволяют предполагать, что заселение оазисов древней Маргианы в период средней бронзы шло преимущественно с запада на восток, из центрального района подгорной равнины Копетдага, а роль населения Алтын-депе с его традиционными связями с Юго-Восточным Ираном и Южным Афганистаном была менее значительной.

Отметим также, что пристенные очаги-камины и двухкамерные печи появляются в Южном Туркменистане в уже сложившемся виде еще в эпоху неолита на поселениях джейтунской культуры и культуры Анау IA периода раннего энеолита, т. е. в комплексах, корни которых уходят в более развитые области Переднего Востока и Ирана. Возможно, что появление внутрстенных очагов и печей в период средней бронзы в Южном Туркменистане также было обусловлено новой волной влияния Переднего Востока.

В заключение следует подчеркнуть, что исследования Б. А. Литвинского 65-летней давности не только имеют значительную фактологическую ценность, но и открывают новые направления в современном изучении памятников эпохи бронзы Средней Азии.

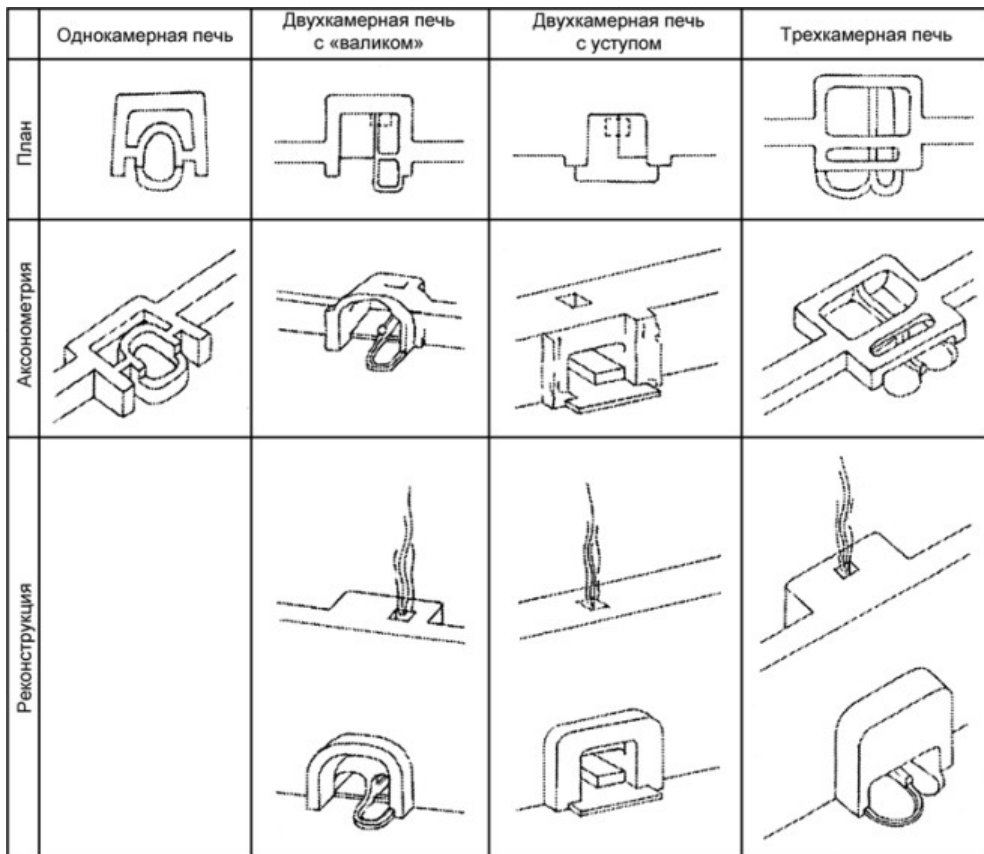


Рис. 9. Гонур-депе, типы внутрисстенных печей  
[по: Сарияниди 2006: 221, ил. 12]

## Литература

- Аскарлов 1977: *Аскарлов А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент.
- Бердыев 1964: *Бердыев О.* Чагаллы-депе // ИАНТуркмССР. № 1. С. 89–95.
- Бердыев 1968: *Бердыев О.* Чакмаклы-депе — новый памятник времени Анау 1А // История, археология и этнография Средней Азии. М. С. 26–34.
- Бердыев 1969: *Бердыев О.* Древнейшие земледельцы Южного Туркменистана. Ашхабад.
- Бердыев 1970: *Бердыев О. К.* Некоторые результаты изучения древнеземледельческих поселений // КД. Вып. III. С. 14–32.
- Бердыев 1972: *Бердыев О. К.* Монджуклы-депе — многослойное поселение неолита и раннего энеолита в Южном Туркменистане // КД. Вып. IV. С. 11–34.
- Березкин 1994: *Березкин Ю. Е.* «Город мастеров» на древневосточной периферии. Планировка поселения и социальная структура Алтын-депе в III тыс. до н. э. // ВДИ. № 3. С. 14–27.
- Березкин 2001: *Березкин Ю. Е.* Квартальный центр эпохи бронзы на Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб. (МЮТАКЭ. Вып. 5). С. 40–59.

- Березкин, Соловьева 1998: *Березкин Ю. Е., Соловьева Н. Ф.* Парадные помещения Илгынлы-депе (предварительная типология) // АВ. № 5. С. 86–123.
- Кирчо 2001: *Кирчо Л. Б.* Основные типы сооружений и технология строительства Алтын-депе в эпоху позднего энеолита и ранней бронзы // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб. (МЮТАКЭ. Вып. 5). С. 5–39.
- Кирчо 2005: *Кирчо Л. Б.* Погребальный инвентарь Алтын-депе // Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). Ч. II. СПб. (ГИИМК. Т. XVI). С. 347–421.
- Кирчо 2007: *Кирчо Л. Б.* Древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана (начало формирования торговых путей в Средней Азии) // ЗИИМК. № 2. С. 193–208.
- Курбансахатов 1987: *Курбансахатов К.* Энеолит Анау. Ашхабад.
- Куфтин Б. А. 1956: *Куфтин Б. А.* Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // ТЮТАКЭ. Т. VII. С. 260–290.
- Литвинский 1952: *Литвинский Б. А.* Намазга-Тепе по данным раскопок 1949–1950 гг. // СЭ. № 4. С. 30–52.
- Литвинский 1954: *Литвинский Б. А.* Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Сталинабад.
- Масимов 1976: *Масимов И. С.* Материальная культура Южной Туркмении в период развитой и поздней бронзы // Первобытный Туркменистан. Ашхабад. С. 123–152.
- Масимов 1986: *Масимов И. С.* Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе // Древние цивилизации Востока. Ташкент. С. 171–181.
- Массон 1970: *Массон В. М.* Раскопки на Алтын-депе в 1969 г. Ашхабад (МЮТАКЭ. Вып. 3).
- Массон 1971: *Массон В. М.* Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Л. (МИА. № 180).
- Массон 1981: *Массон В. М.* Алтын-депе. Л. (ТЮТАКЭ. Т. XVIII).
- Массон 1982: *Массон В. М.* Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. М. С. 9–92.
- Массон, Кирчо 2008: *Массон В. М., Кирчо Л. Б.* Изучение энеолитических комплексов Алтын-депе // *Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Техно-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб. (ГИИМК. Т. XXVIII). С. 13–71.
- Оразов 2006: *Оразов А.* Очаги и печи Аджикуинского оазиса // Древняя Маргиана — новый центр мировой цивилизации: Материалы международной научной конференции 14–16 ноября 2006 г. Мары. С. 183, 231–236.
- Раззоков (в печати): *Раззоков Ф. А.* Строительные комплексы древнеземледельческого поселения Саразм в IV–III тыс. до н. э. СПб.
- Сарианиди 1962: *Сарианиди В. И.* Культовые здания поселений анауской культуры // СА. № 1. С. 44–56.
- Сарианиди 1963: *Сарианиди В. И.* Керамические горны восточноанауских поселений // КСИА. Вып. 93. С. 80–85.
- Сарианиди 1964: *Сарианиди В. И.* Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы // КСИА. Вып. 98. С. 60–65.
- Сарианиди 1965а: *Сарианиди В. И.* Отчет Геокюрского археологического отряда в 1965 г. // НОАИА. Ф. 1. Р-1. Д. 3396.
- Сарианиди 1965б: *Сарианиди В. И.* Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. II: Памятники позднего энеолита Южной Туркмении. М. (САИ. Вып. Б3–8).
- Сарианиди 1966: *Сарианиди В. И.* Раскопки в юго-восточных Каракумах в 1964 г. // КСИА. Вып. 108. С. 89–95.
- Сарианиди 1968: *Сарианиди В. И.* Отчет о работах Геокюрского отряда археологической экспедиции ИА АН СССР на поселении Улуг депе в 1968 г. // НОАИА. Ф. 1. Р-1. Д. 4354.

- Сарианиди 1969: *Сарианиди В. И.* Новые раскопки на Хапуз-депе // КСИА. Вып. 115. С. 116–123.
- Сарианиди 1976: *Сарианиди В. И.* Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия: Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг. М. С. 21–86.
- Сарианиди 1977: *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана: Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг. М.
- Сарианиди 2006: *Сарианиди В. И.* Туркменистан — центральноазиатский очаг древневосточной цивилизации // Древняя Маргиана — новый центр мировой цивилизации: Материалы международной научной конференции 14–16 ноября 2006 г. Мары. С. 151–168, 214–230.
- Сарианиди 2008: *Сарианиди В. И.* Маргуш: Тайна и правда великой культуры. Ашгабат.
- Соловьева 2014: *Соловьева Н. Ф.* Археологическое открытие в Туркменистане [URL: <http://www.archeo.ru/struktura-1/otdel-ohrannoi-arheologii/nauchnye-proekty-otdela-ohrannoi-arheologii/issledovaniya-rannezemledelcheskih-poselenii-turkmenistana> (дата обращения: 01.06.2015)].
- Хлопин 1960: *Хлопин И. Н.* Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана // ТЮТАКЭ. Т. X. С. 134–224.
- Хлопин 1963: *Хлопин И. Н.* Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. I: Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. М.; Л. (САИ. Вып. Б3–8).
- Хлопин 1964: *Хлопин И. Н.* Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита: опыт исторического анализа. М.; Л.
- Хлопин 1971: *Хлопин И. Н.* Теменос на Кара-Тепе // СА. № 3. С. 221–228.
- Casal 1961: *Casal J.-M.* Fouilles de Mundigak. Vol. I–II. Paris (MDAFA. T. XVII).
- Dyson, Remsen 1989: *Dyson R. H., Remsen W. C. S.* Observations on Architecture and Stratigraphy at Tappeh-Hesār // Tappeh-Hesār: Reports of the Restudy Project, 1976. Firenze. P. 69–109.
- Hiebert, Kurbansakhatov 2003: *Hiebert F. T. with Kurbansakhatov K.* A Central Asian Village at the Dawn of Civilization, Excavation at Anau, Turkmenistan. Philadelphia (University Museum Monograph No. 116).
- Salvatori, Vidale 1997: *Salvatori S., Vidale M.* Shahr-i Sokhta 1975–1978: Central Quarters Excavations. Preliminary Report (RM. Series Minor. Vol. I). Roma.
- Schmidt 1937: *Schmidt E. F.* Excavations at Tepe-Hissar Damghan. Philadelphia.
- Tosi 1983: *Tosi M.* Excavations at Shahr-i Sokhta 1969–1970 // Prehistoric Sīstān. Vol. I. Rome (RM. Vol. 19/1). P. 73–125.

## НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПЕТРА КУЗЬМИЧА КОЗЛОВА

*В. В. Митин (Псков)*

Имя Петра Кузьмича Козлова, одного из виднейших российских исследователей Центральной Азии, широко известно не только соответствующему кругу специалистов. Экспедиции П. К. Козлова, поставившие его в один ряд с Н. М. Пржевальским, Г. Н. Потаниным, В. И. Роборовским, М. В. Певцовым и другими знаменитыми русскими путешественниками, имели огромное значение для решения самых различных вопросов, связанных с центральноазиатским регионом, и способствовали тому, чтобы в этом направлении отечественная наука вышла на ведущие позиции в мире.

П. К. Козлов прожил жизнь более чем богатую и интересную, принеся огромную пользу своей стране, независимо от того, была ли в ней власть царская или советская, хотя не все из того, чего он надеялся достичь в своей исследовательской деятельности, было им реализовано. Об этом свидетельствует судьба главной мечты его жизни, унаследованной им от своего учителя — Николая Михайловича Пржевальского — посетить духовное сердце Тибета, столицу ламаизма Лхаса. Петр Кузьмич провел несколько экспедиций, которые почти подводили его к достижению этой цели, однако, несмотря на их грандиозное значение, Лхаса так и осталась несбыточной мечтой путешественника.

Большая часть экспедиционной деятельности П. К. Козлова освещена в работах историков науки. В меньшей степени изучена его последняя попытка попасть в Тибет в конце 1920-х гг. Хотя это путешествие и не состоялось, оно и обстоятельства, с ним связанные, заслуживают интереса при рассмотрении важного этапа в истории востоковедения — времени перехода от широкомасштабных, но поверхностных исследований к глубоким и специализированным.

Материалы об экспедиционной деятельности П. К. Козлова, которые хранятся в российских архивных фондах, дают возможность осветить некоторые моменты, связанные с его несостоявшейся поездкой в Тибет.

Известно, что становление П. К. Козлова как путешественника тесно связано с именем Н. М. Пржевальского. Уже в юности Петр Кузьмич был покорен известиями об экспедициях и открытиях великого исследователя Центральной Азии. Судьба свела его со знаменитым путешественником в 1882 г., когда тот приехал в свою усадьбу в Смоленской губернии, рядом с которой работал 19-летний Козлов. Встреча и определила будущую жизнь любимца Пржевальского, который называл его ласково Кизо или Кизоша. Уже в 1883–1885 гг. Козлов участвует в четвертой экспедиции Пржевальского в качестве младшего помощника. По ее завершении и, видимо, при участии Пржевальского, Козлов поступает в военное училище, которое окончил в 1887 г.

В 1888 г. Н. М. Пржевальский вновь привлекает Петра Кузьмича в экспедицию, которая для великого путешественника оказалась последней, даже не начавшись.

В самом ее начале Пржевальский умирает в Караколе в Киргизии от брюшного тифа на руках Козлова. Экспедицию возглавил М. В. Певцов, и Козлов совершил в ее рамках ряд самостоятельных маршрутов.

В 1893–1895 гг. Петр Кузьмич участвовал в экспедиции В. И. Роборовского, своего спутника по прежним экспедициям, как его старший помощник, а к концу ее — фактически как руководитель.

Наконец, в 1899–1901 гг. Козлов сам встал во главе экспедиции, которую иногда называют Камской, иногда Монголо-Тибетской. Одной из самых знаменитых экспедиций П. К. Козлова является Монголо-Сычуаньская (1907–1909), главным достижением которой стало открытие мертвого города Хара-Хото — важного торгового центра тангутского государства Си Ся (X–XIII вв.), разрушенного в конце XIV в. В городе, в течение многих столетий занесенном песком, удалось обнаружить более 2,5 тыс. книг и много других находок, на которых основывается целое направление в востоковедении — тангутоведение.

Но, несмотря на все эти успехи, П. К. Козлов, продолжая грезить о Тибете, готовит новую экспедицию, которая должна была достичь Лхасы. Она намечалась на 1914 г., однако Первая мировая война нарушила планы исследователя. Петр Кузьмич, к этому времени уже полковник Генштаба, направляется на Юго-Западный фронт, где выполняет обязанности коменданта Тарнова и Ясс. Уже в 1915 г. он вновь прибывает в Монголию, получив назначение на должность начальника «Монгол-экса» — Монгольской экспедиции по закупке скота для нужд русской армии. В 1916 г. Козлов получает чин генерал-майора.

Новым фактором, повлиявшим на планы путешественника, стала революция. Отношение П. К. Козлова к Октябрьской революции нельзя назвать определенным, но можно судить о его политических взглядах по некоторым замечаниям в дневнике Петра Кузьмича: «Личности М. В. Алексеева, Л. Г. Корнилова, с одной стороны, и А. В. Колчака — с другой, навсегда останутся в истории самыми светлыми, выдающимися, лучшими примерами разума, стойкости, патриотизма» [Козлов 2003: 134]. Тем не менее, с новой властью он смирился, поскольку оказался ею востребованным. В ноябре 1917 г. он назначается комиссаром от Российской Академии наук (далее — РАН) в заповедник Аскания-Нова на юге Украины. В декабре 1920 г. Народный комиссариат просвещения (далее — Наркомпрос) и Русское географическое общество (далее — РГО) командировывают его в Сибирь для налаживания связей с местным отделом РГО.

Выполняя эти задания, Петр Кузьмич не забывал о Центральной Азии и о еще не достигнутой им Лхасе. В начале 1920-х гг. для востоковедных исследований складывается благоприятная ситуация. Советское правительство проявляет повышенный интерес к Востоку, особенно к Китаю, где складывается революционная ситуация. Особо тесные отношения налаживаются с Монголией, которая несколько раз была отправной точкой путешествий Козлова. Используя момент, Петр Кузьмич предложил РГО проект экспедиции через Монголию в Тибет. РГО, в свою очередь, обратилось к Советскому правительству с просьбой разрешить экспедицию и способствовать ее проведению, аргументируя ее важность научной и политической значимостью. В данном случае научные интересы совпали с государственными, и Совет народных комиссаров (далее — СНК) не только разрешил экспедицию, но и щедро профинансировал ее. 27 февраля 1923 г. СНК утвердил решение об организации экспедиции с выделением на нее 50 тыс. рублей золотом и 50 тыс. рублей серебряными ланами [Наука и техника 1987: 57]. На этой почве возник конфликт между РГО и РАН. Академия узнала о готовящемся проекте, когда он уже был

утвержден Госпланом. Сумма, отпущенная на него, в 10 раз превосходила стоимость всех академических экспедиций, намеченных на 1923 г., что могло сказаться на финансировании РАН. Кроме того, по мнению Академии, эта экспедиция имела второстепенное значение, к тому же она базировалась на плане, составленном в 1914 г., и организовывалась по образцу путешествий Пржевальского, Потанина, Певцова, ранних экспедиций самого Козлова, носивших общий, экстенсивный, рекогносцировочный характер, в то время как РАН в это время переходит к специализированным исследованиям. Как раз таковой стала Монголо-Урянхайская геологическая экспедиция 1923–1925 гг. Но решение уже было принято, и Академия смирилась. Так в 1923–1926 гг. состоялась знаменитая экспедиция Козлова, получившая позже название Монголо-Тибетской. Петр Кузьмич твердо рассчитывал добраться до Лхасы. При этом он возлагал надежду на свое личное знакомство с Далай-ламой XIII. Еще в 1904 г., когда тот покинул свою столицу из-за английской военной экспедиции в Тибет и прибыл в Монголию, русское правительство поспешило использовать ситуацию для установления более тесных связей с главой ламаистской церкви, и в апреле 1905 г. Козлов был командирован в Ургу, где в июле он встретился с Далай-ламой, с которым у него сложились дружеские отношения, и который пригласил его в Лхасу [Козлов 1963: 49–54]. О Монголо-Тибетской экспедиции немало написано в нашей литературе, хотя в ее истории есть и много темных мест. Нужно сказать только, что в ее ходе возникли различные политические трудности, которые так и не позволили путешественникам достичь Тибета. П. К. Козлов часто говорил, что он чужд политики, но политический фактор всегда оказывал большое влияние на проводимые им экспедиции. Почти всегда, как и до революции, помимо научных, имелись и разведывательные цели, как бы к этому не относился сам Петр Кузьмич. Хотя экспедиции организовывались РГО, но сам Козлов подчинялся Генштабу и даже оставлял свою агентуру в Китае и Монголии.

Так или иначе, но Монголо-Тибетской экспедиции пришлось проводить исследования в основном в Монголии, что, впрочем, оказалось весьма плодотворным, поскольку весной 1924 г. ее сотрудники обнаружили в 100 км севернее Урги в горах Ноин-Ула обширный могильник (более 200 захоронений) с погребениями кочевого народа хунну, относящимися к I в. до н. э. Эти могилы дали богатый материал, характеризующий культуру, быт, и другие стороны жизни хунну. Открытие получило мировую известность, а Козлов стал одним из самых известных в России ученых [см.: Полосьмак и др. 2011: 9–51].

Однако, вернувшись домой на гребне славы, Козлов не оставил своих надежд достигнуть Тибета и Лхасы, что было мечтой не только его самого, но и Н. М. Пржевальского. Петр Кузьмич хотел сделать достижение этой цели венцом своей работы, выполнением завещания своего любимого учителя. Он сразу же, надеясь, что успех в Монголии ему поможет, начинает планировать новую экспедицию, несмотря на то, что ему было уже 64 года.

Цели, которые обозначались в новом проекте, — изучение Тибетского нагорья, почти не исследованного учеными. План путешествия был детально проработан. Непосредственные работы планировали сосредоточить на изучении истоков величайшей реки Китая Янцзы (по-монгольски — Мур-усу). Рассчитана экспедиция была на три года — с 1928 по 1930. Путешественники намеревались поздней весной 1928 г. добраться по железной дороге до Верхнеудинска (Улан-Удэ), далее на автомобиле доехать до Урги. Затем экспедиция должна была отправиться на юго-запад, к Монгольскому Алтаю, чтобы сформировать там караван верблюдов для





П. К. Козлов в Монголии, 1924 г.  
[по: Полосьмак и др. 2011: 8]

пересечения пустыни Гоби, после которой нужно было преодолеть хребет Наньшань и котловину Цайдам, куда планировалось прибыть к весне 1929 г. Здесь рассчитывали организовать базу экспедиции, склад и метеостанцию. Затем к лету предполагалось достичь истоков Янцзы, где в течение года, до конца лета 1930 г., намеревались проводить всесторонние исследования, после чего экспедиция тем же путем должна была вернуться обратно.

В ее состав, кроме П. К. Козлова, должны были войти его жена, орнитолог Елизавета Владимировна, сопровождавшая его и в предыдущей экспедиции, а также еще 20 человек, в том числе 7 конвойных. Смета, которую запрашивал Козлов, составила 175 тыс. рублей [ГАРФ. Ф. 5446, оп. 37, д. 11, л. 10].

Петр Кузьмич уже продумывал установление контактов с Далай-ламой, предполагал проживание экспедиции в Лхасе и действия отдельных отрядов экспедиции [Козлов 1963: 487]. Свой

план он подал в РГО. Проект рассматривался совместной комиссией Академии наук СССР (далее — АН СССР) и РГО 15 ноября 1927 г. В нее входили видные ученые: президент РГО академик Ю. М. Шокальский, непременный секретарь АН СССР С. Ф. Ольденбург, известный путешественник по Центральной Азии Г. Е. Грумм-Гржимайло, академик В. Л. Комаров. Комиссия полностью одобрила проект, были даже дополнительные рекомендации по исследованиям. Решили также добиваться командировки П. К. Козлова за границу для закупки необходимого снаряжения [ГАРФ. Ф. 5446, оп. 37, д. 11, л. 8]. Затем в декабре вопрос об экспедиции был передан в Управление делами СНК. Козлов в это время не сидит без дела: он обращается с письмами к членам правительства — Управделами СНК Н. П. Горбунову, главе Наркомпроса А. В. Луначарскому и другим, аргументируя необходимость своего путешествия и для науки, и для государственной пользы. В этом его поддержал и С. Ф. Ольденбург, который также увязывал важность планируемого проекта с активностью Запада в изучении Центральной Азии [ГАРФ. Ф. 5446, оп. 37, д. 11, л. 45]. В этом была своя правда, но иногда ссылки на западную опасность, вероятно, использовались учеными, чтобы привлечь внимание властей к исследованиям. А. В. Луначарский поддержал проект, но решение зависело не от него.

Проект попал на рассмотрение в Восточный отдел Народного комиссариата иностранных дел (далее — НКИД), который после детального его анализа дал отрицательное заключение, сославшись, впрочем, на неблагоприятную политическую обстановку в регионе. Более откровенный ответ дал заведующий отделом Научных

учреждений при СНК Е. П. Воронов 28 февраля 1928 г., который, также указав на политическую обстановку, заметил, что во многом виноват сам П. К. Козлов, афишировав свою экспедицию в советской и иностранной прессе, что привело к организации в Китае неких специальных мероприятий, вероятно, сделавших экспедицию невозможной, даже если бы она была разрешена Советским правительством [ГАРФ. Ф. 5446, оп. 37, д. 11. л. 16].

Петр Кузьмич всячески открещивался от таких обвинений, утверждая, что в прессу сведения попали помимо него [ГАРФ. Ф. 5446, оп. 37, д. 11, л. 22]. Не теряя надежды и используя все возможности, Козлов предлагал отправить экспедицию по воздуху на самолете или дирижабле. Он был согласен, в конце концов, даже ограничиться Монголией [ГАРФ. Ф. 5446, оп. 37, д. 11, л. 24]. Его письма С. Ф. Ольденбургу и Н. П. Горбунову переполнены эмоциями. Он просил: «Будьте любезны, дайте возможность увидеть Монгольский простор и подышать его воздухом. Вы лучше и глубже понимаете, чем всякий другой, о томлении моего чувства номада» [ГАРФ. Ф. 5446, оп. 37, д. 11, л. 26]. Однако изменить принятое решение уже не было возможности.

Надо сказать, что после Монголо-Тибетской экспедиции Козлов и его спутники оказались без работы. Даже С. Ф. Ольденбург не мог включить его в штат своей Монгольской комиссии. Единственно, что смогло сделать для путешественника Советское правительство, — это принять 26 октября 1928 г. постановление о предоставлении Петру Кузьмичу Козлову персональной пенсии в размере 200 рублей в месяц независимо от доходов из других источников [ГАРФ. Ф. 5446, оп. 37, д. 11, л. 55].

В чем же причина того, что после столь результативной Монголо-Тибетской экспедиции проект П. К. Козлова не нашел поддержки у власти? Можно указать на влияние политического фактора, на который ссылался Е. П. Воронов. Петра Кузьмича даже подозревали в связях с зарубежной прессой, что естественно не способствовало получению государственной поддержки его планам [ГАРФ. Ф. 5446, оп. 37, д. 10, л. 248]. Возможно, что эта экспедиция могла помешать военно-политическим мероприятиям советского руководства в Центральной Азии.

Следует также указать на слишком независимый характер П. К. Козлова, который проявился во время работ Монголо-Тибетской экспедиции, когда он отказался подчиниться приказу о возвращении экспедиции в СССР и проигнорировал указания приставленного к ней уполномоченного НКВД. Впрочем, кроме этого, необходимо обратить внимание и на другие обстоятельства. Экспедиция Козлова планировалась по старой схеме организации исследований. В ее составе не было достаточного количества специалистов для проведения намеченного всестороннего обследования, в то время как в Монголии в это время уже работали специализированные отряды, образованной весной 1925 г. при СНК Монгольской комиссии, дававшие больший научный и практический эффект. При всех достижениях Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. ее деятельность вызывали серьезную критику ученых. Раскопки в Ноин-Ула Петр Кузьмич вел, не имея ни одного квалифицированного археолога в составе экспедиции. АН СССР срочно направила в Монголию двух специалистов — С. А. Теплоухова и Г. И. Боровка. Однако их прибытие запоздало — экспедиция своими силами уже частично раскопала 12 курганов. Теплоухов негативно оценил самочинные археологические изыскания. Он писал: «Раскопки велись грабительским способом, поэтому подробности погребения не удалось установить» [Андреев, Юсупова 2001]. Основываясь на этом, председатель Российской Академии истории материальной культуры Н. Я. Марр указывал, что, проводя

археологические раскопки без специальной подготовки, Козлов только наносит ущерб [ГАРФ. Ф. 5446, оп. 37, д. 9, л. 251]. Подобная ситуация не должна была повториться.

Конечно, можно полагать, что нереальной была и запрашиваемая на экспедицию смета — 175 тыс. рублей. В 1928 г. семь отрядов Монгольской комиссии запрашивали 40 тыс. рублей, которые они так и не получили.

Сыграло свою роль и соперничество РГО и АН СССР, тем более что в руках последней в это время сосредотачиваются основные экспедиционные исследования. В АН СССР хорошо помнили, что прибывшие на помощь экспедиции Козлова представители академии — почвовед Б. Б. Полюнов и минералог В. И. Крыжановский — никаких средств на исследования, а также обычное полевое довольствие от Петра Кузьмича не получили [ГАРФ. Ф. 5446, оп. 37, д. 9, л. 242]. Хотя этот фактор, конечно, не стоит преувеличивать, поскольку РГО и АН СССР действовали в одной связке, и многие ученые (в том числе представители руководящего звена) были одновременно членами обеих организаций, но конкуренция между ними, безусловно, существовала.

Не исключено, что и монгольская сторона не была заинтересована в новой экспедиции П. К. Козлова. Несмотря на уважение к путешественнику, они помнили, что он рассматривал материалы предыдущих экспедиций как собственность России и вывозил их из Монголии, что не могло устраивать как научные, так и политические круги этой страны. Именно в период работы Монголо-Тибетской экспедиции в 1924 г. там был издан закон об охране памятников старины [СПбФА. Ф. 339, оп. 1 (1925), д. 1, л. 85–87].

Таким образом, можно сделать вывод, что начатый М. Н. Пржевальским первоначальный период маршрутно-рекогносцировочного изучения Центральной Азии, который заключался в ведении наблюдений, составлении описаний и сборе коллекций, завершился последней экспедицией П. К. Козлова. По сути, уже она была вынуждена сузить спектр своих работ и заняться стационарными исследованиями в Монголии, хотя и не соответствовала этим задачам из-за отсутствия в ее составе специалистов. Именно поэтому и решено было создать Монгольскую комиссию, деятельность которой ознаменовала собой новый этап в изучении Монголии.

## Литература

- Андреев, Юсупова 2001: *Андреев А. И., Юсупова Т. И.* История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-тибетская экспедиция П. К. Козлова (1923–1926 гг.) / ВИЕТ. № 2. С. 51–74.
- Козлов 1963: *Козлов П. К.* Русский путешественник в Центральной Азии. М.
- Козлов 2003: *Козлов П. К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. 1923–1926. СПб.
- Наука и техника 1987: Наука и техника СССР. 1917–1987. Хроника. М.
- Полосьмак и др. 2011: *Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвэндорж Д.* Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск.

## ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ БОРУХОВИЧ, ДРЕВНИЕ ГРЕКИ И ЕГИПЕТ (ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ)<sup>1</sup>

*В. Н. Парфёнов (Саратов), А. А. Сеницын (Санкт-Петербург)*

22 сентября 2007 г. ушел из жизни Владимир Григорьевич Борухович — крупный отечественный исследователь истории и культуры древнего мира, научные интересы которого находились на стыке занятий античным Западом и Востоком (в первую очередь древним Египтом), профессор, педагог, переводчик и комментатор памятников классической литературы. В 2015 г., когда выходит данная книга, исполняется 95 лет со дня рождения Владимира Григорьевича. Мы посвящаем этот очерк памяти Учителя и вместе с кратким жизнеописанием В. Г. Боруховича расскажем о египтологической тематике его исследований и его вкладе в изучение проблемы греко-египетских культурных связей<sup>2</sup>.

Владимир Григорьевич Борухович был родом из местечка под названием Городок — небольшого села на Украине, в Винницком уезде Подольской губернии (ныне — Ильинецком районе Винницкой области), имеющего 400-летнюю историю. Родился он 16 декабря 1920 г. и был младшим, шестым, ребенком в семье сельского кустика Григория Марковича Боруховича и его супруги Софии Львовны. В конце 1920-х гг. семья Боруховичей переехала из Украины в Ленинград. После окончания школы в 1938 г. Володя Борухович поступил в Ленинградский государственный университет, где параллельно учился на кафедре истории древней Греции и Рима и кафедре классической филологии. В начале четвертого курса его обучение было прервано войной. В октябре 1941 г. студент Борухович был мобилизован в Красную Армию. Он принимал участие в обороне Ленинграда: три года воевал в составе 10-го автополка и 12-го танкового полка Ленинградского фронта, затем — в 152-й отдельной танковой Ленинградской Краснознаменной ордена Суворова

---

<sup>1</sup> Помещенные в статье фотографии взяты из семейного фотоархива Боруховичей. Снимки публикуются с разрешения дочерей Владимира Григорьевича — Инны Владимировны Беляевой и Елены Владимировны Гладыревой (Саратов). За техническую помощь в подготовке фотографий к печати авторы признательны Е. В. Гладыревой. Благодарим нашего коллегу и друга, профессора Е. А. Молева (Нижний Новгород) за помощь литературой и высказанные замечания к тексту.

<sup>2</sup> В 2009 г. в серии мемуаров «О времени и о себе», выпущенной издательством Саратовского государственного университета к 100-летию Императорского Николаевского Саратовского университета, был подготовлен мемориальный том «Владимир Григорьевич Борухович в воспоминаниях и письмах» [Борухович 2009]. Основную часть сборника составили материалы о В. Г. Боруховиче: это воспоминания коллег и учеников о товарище и учителе, статьи о жизни и творчестве В. Г. Боруховича, а также его переписка со своими учителями, коллегами и учениками [Борухович 2009: 137–198; дополнительная литература: Молев, Парфёнов 1991: 230; Молев 1999: 4; Молев, Парфёнов 2000: 2–14; Исторический факультет ННГУ 2004; Садовская 2004: 41–42; Молев 2006; Молев, Парфёнов 2006: 193–194; Парфёнов, Сеницын 2006: XV–XVI; Молев, Махлаюк 2006; Кац, Парфёнов 2007: 13; Фролов 2007: 564–566; Ковалёв 2007; Молев 2008: 603–606; 2009; 2011; Фролов, Молев, Парфёнов 2008: 215–217; Сеницын 2010: 229–230; Борухович (интернет-ресурс)].



Красноармеец В. Г. Борухович (слева)  
с боевым товарищем. Лето 1944 г.

бригаде 1-го Украинского фронта. Пол-Европы стрелок-радист Борухович «пропахал» на легендарной «тридцатьчетверке»; дважды горел в подбитых танках, но выжил и встретил Победу в Австрии, в освобожденной Красной Армией Вене<sup>3</sup>. В мае 1945 г. ему было всего 24 года. За участие в военных действиях он был награжден медалями «За оборону Ленинграда» (1943 г.), «За отвагу» (1944 г.), двумя медалями «За боевые заслуги» (30 января 1945 г. и 18 мая 1945 г.), медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и орденом Отечественной войны II степени (1985 г.)<sup>4</sup>.

После демобилизации в октябре 1945 г. В. Г. Борухович продолжил обучение в ЛГУ. В разные годы учебы там (1938–1941, 1945–1947 гг.) он слушал лекции выдающихся профессоров, историков и филологов: С. И. Ковалёва, С. Я. Лурье, В. В. Мавродина, М. И. Максимовой, В. В. Струве, И. М. Тронского. Из всех преподавателей наибольшее влияние на студента и затем аспиранта В. Г. Бору-

ховича оказал Соломон Яковлевич Лурье. В свои студенческие и аспирантские годы В. Г. Борухович принадлежал к кругу «лурианцев»<sup>5</sup>, связь с учителем и добрую память о нем ученик сохранил на всю жизнь. В 1947 г. Владимир Григорьевич с отличием окончил университет. Руководителем его дипломной работы, посвященной истории эпикуреизма во II в. н. э., был Сергей Иванович Ковалёв, возглавлявший тогда кафедру истории древней Греции и Рима ЛГУ, он же стал и научным

<sup>3</sup> О фронтовых годах В. Г. Боруховича на основе его личных рассказов и воспоминаний современников см.: Молев, Парфёнов 2000: 3–4; Парфёнов 2009: 97–100.

<sup>4</sup> Полный список военных наград и даты награждений приводятся нами по информационному проспекту выставки «В. Г. Борухович: воин и ученый» [Борухович (интернет-ресурс)], которая в декабре 2015 г. открылась в Саратовском государственном музее боевой и трудовой славы в Парке Победы на «Журавлях», и посвящена она 95-летию знаменитого саратовца Владимира Григорьевича Боруховича — фронтовика, педагога и ученого. На выставке представлены экспонаты из семейного архива Боруховичей: фотографии, фронтовые и юбилейные медали и ордена Владимира Григорьевича, его удостоверения, грамоты и дипломы, рукописи лекций, учебники и монографии, личные документы, также представлены античные монеты, фрагменты керамики и прочие археологические артефакты из коллекции В. Г. Боруховича которые были найдены во время раскопок в восточном Крыму или приобретены им в разные годы в антикварных магазинах. Все предметы переданы в дар музею его дочерьми — И. В. Беляевой и Е. В. Гладыревой.

<sup>5</sup> В 1930–1940-е гг. в спецсеминар С. Я. Лурье входили будущие светила советской науки о древностях, образовавшие «целый круг его учеников» (определение Э. Д. Фролова): В. Г. Борухович, М. Н. Ботвинник, И. Д. Амузин, Е. А. Миллиор, Л. М. Глускина, Б. Б. Пиотровский, Э. И. Соломоник и др. О «кружке» Лурье см.: Фролов 1969: 128 (еще без упоминания Боруховича в «славной плеяде «лурианцев»); Фролов 1993: 7; 1999: 457; 2004: 168; 2006: 496; Кашеев 2009: 20–23, 29–30.

Молодые супруги Боруховичи — Владимир Григорьевич и Мира Григорьевна (в девичестве Колотова). Мурманск, 1952 г.



руководителем его кандидатской диссертации. В сентябре 1950 г. В. Г. Борухович защитил первую диссертацию на тему «Исократ и Феопомп как представители промакедонской группировки в Греции IV в. до н. э.» [Борухович 1950а; 1950б].

Оставив Ленинград после защиты диссертации, Владимир Григорьевич оказался на краю советской ойкумены — в популярном городе Мурманске, где с октября 1950 г. до марта 1954 г. преподавал в Мурманском государственном учительском институте (МГУИ, ныне — Мурманский арктический государственный университет). На Севере В. Г. Борухович оставался в научном одиночестве, поскольку был лишен привычного круга ученого общения. О. Ю. Климов и В. В. Кузь, рассказывающие о годах работы В. Г. Боруховича в МГУИ, пишут: «Можно с уверенностью утверждать, что в Мурманском государственном учительском институте Владимир Григорьевич не имел возможности реализовать себя как специалист» [Климов, Кузь 2009: 41].

Следующим этапом биографии Владимира Григорьевича стал Горьковский государственный университет (ГГУ, ныне — Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского), где он трудился с 1954 по 1969 г. Эти годы были порой его акмэ (творческой зрелости) и как педагога, и как ученого. Он оставил добрую память о себе в ГГУ, где читал курсы по античной истории и литературе, преподавал классические языки, занимался с дипломниками по кафедре. В Горьком В. Г. Борухович сблизился со многими коллегами, быстро стал героем студенческих капустников<sup>6</sup>. За полтора десятилетия работы в Горьком он опубликовал несколько десятков работ в нашей стране и за рубежом. В 1957 г. вышел его учебник по древнегреческой литературе [Борухович 1957] — один из лучших отечественных учебников такого характера, который был переиздан в последующие годы в Москве и Саратове [Борухович 1962; 1982].

В горьковский период своей жизни Владимир Григорьевич возил студентов на археологическую практику в Керчь, где раскопками Пантикапея тогда руководила И. Д. Марченко. Он рассказывал, что любил с тросточкой гулять по склонам горы Митридат и часто выковыривал из грунта то монету, то фрагмент терракоты, что Ирину Дмитриевну ужасно раздражало. Ученик В. Г. Боруховича, выпускник ГГУ 1968 г., ныне профессор Нижегородского университета Е. А. Молев, вспоминает: «Владимиру Григорьевичу я обязан и тем, что оказался в составе Боспорской экспедиции профессора В. Ф. Гайдукевича, участвуя в раскопках греческих городов

<sup>6</sup> См. воспоминания выпускников ГГУ 1950–1960-х гг.: Васильев 2004: 166–173; 2009: 68–76 (рассказ студента ГГУ конца 1960-х); Молев, Махлаюк 2006: 36–37; Молев 2008: 603–606; 2009: 60–67.



В. Г. Борухович в Китейской археологической экспедиции.  
Восточный Крым, июль 1972 г.

Мирмекия, а затем и Нимфея. Это определило всю мою последующую жизнь» [Молев 2009: 62; ср.: Молев и др. 2002: 167, 175, 176, 177; Молев 2012: 167–168]. Позднее, уже в 1970-е гг., отдыхая с младшей дочерью Еленой в Керчи, В. Г. Борухович навещал экспедицию, которой руководил Е. А. Молев, исследовавший городище на месте боспорского города Китея, стоявшего в древности на высоком, обрывистом берегу в том месте, где крымский берег на выходе из Керченского пролива поворачивает в сторону Феодосии.

В 1969 г., покинув Горький, Владимир Григорьевич переехал в другой город на Волге — Саратов, ставший его последним жизненным пристанищем<sup>7</sup>. В Саратовском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского (СГУ) профессор В. Г. Борухович возглавил кафедру истории древнего мира, которой руководил свыше 20 лет — до 1991 г. Как верный хранитель традиций петербургской / ленинградской школы антиковедения он сделал обязательным преподавание на кафедре классических языков. Многие годы он сам читал курс по латинской эпиграфике для студентов, специализировавшихся по кафедре истории Древнего мира. Поколения студентов 1970–1990-х гг. слушали его увлекательные курсы по истории древнего мира, античной литературе, классическому искусству. В саратовский период В. Г. Борухович издал несколько монографий, полсотни научных статей, рецензий и переводов античных источников. По его инициативе на кафедре истории древнего мира СГУ стал выходить периодический сборник статей «Античный мир и археология» (АМА), причем он был его ответственным редактором и подготовил первые 9 выпусков (1972–1993 гг.).

<sup>7</sup> О саратовском этапе биографии В. Г. Боруховича см.: Молев, Парфёнов 2000: 10–13; Парфёнов, Сеницын 2006: XV–XVI; Кац, Парфёнов 2007: 13; Фролов, Молев, Парфёнов 2008: 216–217; Кашеев 2009: 11, 13–14; Фролов 2009: 48; Строгоцкий 2009: 78–79; Кац 2009: 80–85; Парфёнов 2009: 86–109; Царёва 2009: 110–112; Луконин 2009; Сеницын 2009б: 121–124; Борухович (интернет-ресурс).

Здесь, на берегах Волги, Владимир Григорьевич создал *свою* кафедру, стал издавать *свой* альманах, здесь он обрел *свое* место<sup>8</sup>. С начала 1980-х гг. он редко участвовал в столичных научных мероприятиях (конференциях, «круглых столах», защитах диссертаций и проч.) и вообще старался не покидать Саратов. До начала 2000-х гг. В. Г. Борухович был на должности профессора кафедры истории древнего мира СГУ. В последние годы жизни, когда он уже с трудом передвигался и мог принимать коллег и учеников только у себя на квартире, он был научным консультантом.

Владимир Григорьевич Борухович скончался сентябрьским утром 2007 г. на 87-м году жизни. Похоронен он на Елшанском кладбище Саратова в одной могиле с супругой, своей земной спутницей, Мирой Григорьевной.

В науке основное внимание В. Г. Боруховича было направлено на исследование проблем античной литературы: эпос и лирика, комедия и трагедия, мифология, историописание и ораторское искусство. Его увлекали в равной степени проблемы древнегреческой и римской истории и литературы. Десятки статей и несколько монографий В. Г. Боруховича посвящены античным авторам и проблемам их творчества: Гомеру, Пифагору, Аристофану, Геродоту, Демосфену, Исократу и др. В 1993 г. в издательстве Саратовского университета была опубликована его монография «Квинт Гораций Флакк. Поэзия и время» [Борухович 1993] — результат многолетней работы с текстами римского лирика.

Владимир Григорьевич выполнил перевод «Мифологической библиотеки» Аполлодора, изданный в академической серии «Литературные памятники» [Аполлодор 1972], который сопроводил научной статьей «Античная мифография и “Библиотека” Аполлодора» [Борухович 1972а: 99–120], статьями о рукописной традиции, изданиях источника и его переводах на русский язык, а также тщательными комментариями о связях и параллелях античной и восточных мифологических сказаний и подробным указателем имен, этносов и географических названий.

Интерес к восточному соседу греков — персидской державе Ахеменидов — подвиг В. Г. Боруховича к переводу сочинений Ксенофонта — «Киропедии» [Ксенофонт 1976: 5–104 (книги I–IV)]<sup>9</sup> и «Агесилая» [там же: 218–239]. Это издание тоже вышло в «Литературных памятниках» в сопровождении великолепной статьи «Место “Киропедии” в истории греческой прозы» [Борухович 1976а: 268–288], а также комментариев к названным произведениям и именного указателя.

Научные свершения профессора В. Г. Боруховича вошли в золотой фонд отечественной науки об античности. Талант исследователя, колоссальная эрудиция и работоспособность позволили ему занять достойное место среди видных представителей русской науки об античности. Ныне в Нижнем Новгороде, Саратове, Москве, Санкт-Петербурге, в Крыму преподают многие его ученики и бывшие студенты, а ученики его учеников работают в институтах и университетах, музеях и школах.

<sup>8</sup> Саратов стал для В. Г. Боруховича второй малой Родиной, в отличие, кстати сказать, от одного из его предшественников на посту заведующего кафедрой истории древнего мира СГУ (1937–1941 гг.), доцента И. И. Вейцковского, который тоже был из «пришлых», да так и пробыл здесь «метеком» [о нем см.: Сеницын 2009а: 95–125; 2010: 192–238 (с указанием литературы); Петречко 2012: 296–304].

<sup>9</sup> Издание было подготовлено совместно с Э. Д. Фроловым, которому принадлежит перевод V–VIII книг источника [Ксенофонт 1976: 105–217]. Интересный рассказ о перипетиях публикации этого перевода см. в его очерке [Фролов 2009: 51, 53–55]. Разъяснения по поводу издания русского перевода «Киропедии» см. в письме С. Л. Утченко В. Г. Боруховичу [Борухович 2009: 172, № 25].



В отечественном антиковедении В. Г. Борухович является одним из немногих специалистов по истории взаимодействия двух древних цивилизаций — эллинской и египетской. Профессиональным египтологом Владимир Григорьевич себя никогда не считал: основной сферой его научных интересов была классическая Греция, ее история и культура. Однако блестящая филологическая подготовка и незаурядный талант позволили ему с успехом заниматься проблемой контактов греческого мира, начиная с эпохи его зарождения, с древними цивилизациями Востока, в первую очередь египетской. В конечном счете, это и стало темой его докторской диссертации. Вот что пишет по данному поводу Е. А. Молев: «С 1961 г. он (В. Г. Борухович. — *В. П., А. С.*) избирает новую тему — “Греки в Египте (с древнейших времен до Александра Македонского)”. По тогдашним негласным правилам, докторская диссертация не могла быть продолжением темы прежней диссертации. Поэтому приходилось начинать фактически с нуля: изучать новые источники, в том числе и древнеегипетские...» [Молев 2009: 63]. Однако проблемой греко-египетских связей В. Г. Борухович начал заниматься уже во второй половине 1950-х гг. Как следует из письма профессора ГГУ, члена-корреспондента АН СССР С. И. Архангельского [Борухович 2009: 145, № 6], с 1956 г. в Горьком В. Г. Борухович выступал с докладами по истории Египта.

Сохранилось письмо академика В. В. Струве доценту В. Г. Боруховичу в Горький (от 21 января 1961 г.), в котором Василий Васильевич сообщает, что «Редколлегия сборника памяти акад[емика] А. И. Тюменева с благодарностью принимает предложенную Вами тему статьи “Папирусные свидетельства об организации производства и продаже харты в Египте времени Птолемеев” и просит прислать статью, как только это будет возможно» [Борухович 2009: 162, № 16] (эта статья была опубликована в сборнике памяти академика Тюменева два года спустя [Борухович 1963б]). В. В. Струве и В. Г. Борухович поддерживали отношения до последних дней жизни Василия Васильевича, Владимир Григорьевич посылал ему в Ленинград свои публикации по истории древнего Египта и греко-египетским связям<sup>10</sup>.

Надо сказать, что в 1930–1960 гг. в советской историографии древнеегипетская тематика разрабатывается особенно широко и активно. В это время появились десятки монографий и сотни статей по истории, культуре, археологии, социально-экономическим проблемам, военному делу, истории языка и религии, авторами которых были выдающиеся советские египтологи: В. В. Струве, В. И. Авдиев, И. М. Лурье, П. В. Ернштедт, М. Э. Матье, О. О. Крюгер, М. А. Коростовцев и др. В 1950-е — начале 1960-х гг. вышла серия статей и монография о египетских заимствованиях в древнегреческом языке филолога-классика и востоковеда, папиролога и лингвиста П. В. Ернштедта [Ернштедт 1953; 1954: 149–152; 1956а: 153–160; 1956б: 12–30; 1958: 29–40; 1961: 105–112; 1962: 513–519]. Анализируя греко-египетские лексические связи, он рассматривает культурное взаимодействие эллинов с народом Египта, обращается и к проблеме производства египетских папирусов [Ернштедт 1948: 252–256] — темы, которые с начала 1960-х гг. стали предметом специальных штудий В. Г. Боруховича. «Египтологическая мания» в те годы затронула и

<sup>10</sup> Это ясно из письма, отправленного В. Г. Боруховичу в Горький 20 марта 1965 г. египтологом О. Д. Берлевым, который был в те годы референтом академика В. В. Струве: «Глубокоуважаемый Владимир Григорьевич! Получил том “Ученых записок” с несколькими Вашими работами. Большое спасибо. Выполняя Вашу просьбу, я рассказал о Вашей работе Василию Васильевичу. Он очень заинтересовался и ожидает теперь Ваш труд, чтобы с ним ознакомиться. Как всю рукопись (готовящейся диссертации “Греки в Египте”. — *В. П., А. С.*), так и напечатанные уже части работы» [Борухович 2009: 170, № 23].

советское антиковедение (упомянем здесь статью 1949 г. К. М. Колобовой «Греки и Египет» [Колобова 1949: 237–279], которой созвучна тема докторской диссертации В. Г. Боруховича<sup>11</sup>).

Почему Владимир Григорьевич остановился именно на этой теме, он сам не уточнял, однако рассказывал, что известный московский египтолог В. И. Авдиев, заведовавший в те времена кафедрой истории древнего мира МГУ, отнесся к такому выбору весьма скептически: «Греков оставьте, Египет уберите». Университетский учитель В. Г. Боруховича С. Я. Лурье, отреагировал на его выбор темы докторской диссертации тоже весьма осторожно: «Дорогой Владимир Григорьевич! Я не совсем понимаю, какое “мое мнение” Вас интересует. Тема “Греки в Египте”, конечно, очень интересная. Все дело, однако, не в названии, а в том, как она будет выполнена — она требует очень разнообразных и всеобъемлющих знаний. С удовольствием прочту Вашу работу» [Борухович 2009: 169, № 22]. Это письмо С. Я. Лурье от 21 ноября 1963 г. указывает, когда В. Г. Борухович окончательно определился с темой докторской диссертации. Если учесть, что в 1966 г. диссертационное исследование было им завершено и уже был определен срок защиты (она состоялась в следующем году), то работать он должен был очень интенсивно. Так оно и было. В данном случае знания диссертантом классических и новых европейских языков было недостаточно, нужен был еще и древнеегипетский, который он изучил с помощью своей ученицы М. М. Елизаровой на уровне, вполне пригодном для его научных целей. За первую половину 1960-х гг. В. Г. Борухович собрал и проанализировал широкий круг источников по избранной теме, в переписке или во время встреч на конференциях он консультировался со своими университетскими учителями — В. В. Струве и С. Я. Лурье<sup>12</sup>. Результатом его активной работы в этот период стала серия статей, отражающих основное содержание диссертационного исследования [Борухович 1961; 1963а; 1963б; 1964; 1965а; 1965б; 1965в; 1965г; 1966а] (последняя из этих статей вышла в журнале «Іноземна філологія» Львовского университета — в том выпуске, который был посвящен памяти С. Я. Лурье).

Весной 1967 г. В. Г. Борухович успешно защитил в диссертационном совете своей *alma mater* докторскую диссертацию на тему «Греки в Египте (От древнейших



Смеющийся историк В. Г. Борухович. Саратов, 1983 г. [фотография В. Скиданова]

<sup>11</sup> См. также монографию К. М. Колобовой 1951 г. о Родосе, где одна глава посвящена исследованию проблемы контактов эллинов с Египтом в архаическую эпоху греческой истории [Колобова 1951: 198–230 и примеч. на с. 316–318].

<sup>12</sup> См. опубликованные письма С. Я. Лурье из Львова в Горький (вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг.), в которых содержатся советы и рекомендации учителя ученику, в том числе относительно египтологических штудий. Особенно интересно одно из писем [Борухович 2009: 166–167, № 20], которое было приклеено к внутренней стороне обложки отпечатка статьи Лурье из польского журнала «Eos» о Демокрите, орфиках и Египте [Luria 1961: 21–38] с дарственной надписью ученику от учителя на отпечатке этой статьи [см. примечание А. А. Сеницына к публикации текста письма: Борухович 2009: 167, примеч. 1 к № 20].



На кафедре истории Древнего мира (16-я аудитория IV корпуса СГУ на Театральной площади) после лекции А. И. Зайцева «Культурный переворот в Древней Греции и его конец». Слева направо: стоят — Е. А. Молев, В. Н. Парфёнов, С. Ю. Монахов, Е. В. Смыков; сидят — В. И. Кашеев, А. И. Зайцев, В. Г. Борухович. Саратов, 1 апреля 1998 г. [фотография А. А. Синицына]

времен до Александра Македонского)» [Борухович 1966б; 1966в]. Как много позже он вспоминал, перед заседанием диссертационного совета его председатель, выдающийся историк В. В. Мавродин, сказал: «Ну что ж, раз мы собрались делать Володю доктором, давайте делать». Оппонентами В. Г. Боруховича были академик Б. Б. Пиотровский и профессора ЛГУ К. М. Колобова и Н. Н. Залесский.

Если задаться вопросом, что же нового внес В. Г. Борухович в изучение греко-египетских отношений, то ответить на него можно следующим образом. Он допускал, что прямые контакты ахейцев с Египтом могут относиться к концу микенской эпохи, но не утверждал этого безапелляционно и подчеркивал, что характер этих отношений остается неясным. До этого, по его мнению, можно говорить о взаимоотношениях минойцев и египтян, даже о влиянии амарнского искусства на так называемый минойский натурализм, и предполагать, что на Крит оказали влияние египетские религиозные церемонии. Что же касается ахейских царств материковой Греции, то их отношения с Египтом до середины XV в. до н. э. развивались, скорее всего, через Крит [Борухович 1966б: 6, 11].

Рассматривая проблему нашествия на Египет «народов моря» в конце XIII — начале XII в. до н. э., В. Г. Борухович обратился к изучению египетских надписей, в которых о них упоминается, и пришел к выводу, что гипотеза, отождествляющая народы Акайваша и Дайниуна [D-in-iw-n] с греками-ахейцами, «представляется

нам недостаточно обоснованной». По мнению исследователя, «то, что рассказывают о “морских народах” египетские источники, не позволяет утвердительно ответить на этот вопрос» [Борухович 1965б: 46; 1966б: 12].

Остановливаясь на времени появления греков в Египте, В. Г. Борухович проанализировал применение древнеегипетского этнического термина «Хау-Небу», которым, как обычно считается, в саисский период (664–525 гг. до н. э.) всегда обозначались эллины, а его использование уже в эпоху Древнего царства (около 2700 — около 2150 гг. до н. э.) как будто бы позволяет утверждать, что греки появились в Египте еще в те далекие времена. Однако Владимир Григорьевич аргументировано показывает, что в текстах Древнего царства этот этноним имеет значение «иностранцы» и, как правило, связан со Средиземным морем, а внешность Хау-Небу на египетских рисунках не имеет ничего общего с эллинами. К тому же греческие племена появились на Балканах лишь в начале II тыс. до н. э., так что вполне правомерно не считать, что они оказались в Египте раньше, чем на юге Европы. Объясняя эту странность, В. Г. Борухович указывает на то обстоятельство, что в египетской письменности саисского и птолемеевского периодов была очень сильна архаизирующая тенденция. Поэтому писцы попросту использовали древний термин и перенесли его на греков, т. к. последние прибывали в Египет тем же морским путем, что и древние Хау-Небу [Борухович 1965а: 15–16, 1966б: 20–21].

Таким образом, по его мнению, вплоть до IX — начала VIII в. до н. э. речь может идти скорее о предыстории греко-египетских связей, тогда как сама история отношений (до времени Александра) делится на четыре периода. Первый датируется концом IX — серединой VIII в. до н. э. и характеризуется набегами греческих пиратов на побережье Египта. С середины VIII по середину VII в. постепенно налаживаются мирные контакты. В течение третьего периода греки начинают селиться в дельте Нила, а греческие наемники становятся главной военной опорой фараонов Саисской династии. Со времени Амасиса, предоставившего грекам Навкратис для поселения, начался последний период их проникновения в Египет. Именно в саисский период были созданы условия для позднейшего возникновения эллинистического государства в долине Нила [Борухович 1966б: 33–31].

Докторская диссертация В. Г. Боруховича — лучшее, что было подготовлено в отечественной историографии по теме греко-египетских связей с III тыс. до конца IV в. до н. э. Контакты средиземноморских цивилизаций бронзового века он пытался обнаружить через мифологию, литературу, искусство, политику, дипломатию. Проблемы отношений древних эллинов со страной папируса и пирамид он штудировал на широком историческом поле: от протоцивилизаций Эгейского мира до периода раннего эллинизма. Диссертация была защищена полвека назад, но в полном виде это масштабное исследование, к сожалению, так и осталось неопубликованным.

После защиты докторской диссертации Владимир Григорьевич занимался в основном историей и культурой античности, но и древнеегипетская цивилизация еще долго, вплоть до конца его научной деятельности, манила ученого к себе. В первых выпусках АМА он опубликовал статьи, посвященные греко-египетской тематике: о египетских мотивах в историческом труде Геродота и в аттической трагедии [Борухович 1972в; 1974]. В статье «Египет в классической греческой трагедии» [Борухович 1974: 23–31] основное внимание уделено египетской тематике в драматургии Эсхила: автор высказывает предположение, что, скорее всего, «Отец трагедии» сам посещал Египет и мог лично видеть те тамошние диковинки, которые



Заведующий кафедрой истории Древнего мира СГУ, профессор В. Г. Борухович на студенческом капустнике (16-я аудитория IV корпуса СГУ на Театральной площади). Саратов, 1980-е гг.

он упоминает в своих пьесах [Борухович: 24–26; см. также: Синицын 2006: 389–393]. Отмечая многие египетские реалии, встречающиеся в «Просительницах» Эсхила, В. Г. Борухович полагал, что их описание «во многом походит на живые впечатления человека, побывавшего в Египте» [Борухович 1974: 25, со ссылкой на: Peretti 1956; ср.: Синицын 2006: 391–392]<sup>13</sup>.

В период с 1971 по 1990 гг. Владимир Григорьевич опубликовал целый ряд статей о культурных и политических аспектах взаимоотношений между Элладой и Египтом в доэллинистическую эпоху [Борухович 1971; 1972г; 1983; 1990а; 1990б; Boruhovič 1976; Boruhovič 1988]. Особо следует отметить его замечательную статью о Геродоте и его труде, написанную в качестве приложения к русскому переводу «Истории» Геродота, который был выполнен Г. А. Стратановским и вышел в серии «Памятники исторической мысли» [Борухович 1972б: 457–499]. Она посвящена научному и литературному значению труда «Отца истории», его историко-этнографическим «логосам», в том числе и «египетскому логосу» во второй книге «Истории».

В. Г. Борухович был прекрасным знатоком Геродота и Аполлодора, мифологические и историко-этнографические рассказы которых являлись главными источниками его востоковедческих штудий. Он интересовался не только античным логосом, но и историей египетского библоса (так античные греки называли папирус). Еще в 1961 г. он опубликовал статью о производстве папируса-бумаги в Египте

<sup>13</sup> Меньше внимания В. Г. Борухович уделяет теме Египта в драматургии Софокла и Еврипида [Борухович 1974: 29–31; ср.: Синицын 2006: 363–405; 2013: 223–226].

те [Борухович 1961], а пятнадцатью годами позже — научно-популярную монографию о книгах древности. Главная тема последней — опять-таки «дар Востока», египетский папирус, которому посвящен ряд глав: «Папирус», «Египет — родина книги», «Античные книги из Египта» [Борухович 1976б: 32–89].

В 2002 г. вышла книга В. Г. Боруховича о древнегреческом искусстве от его истоков до начала эпохи эллинизма [Борухович 2002; к истории этой публикации см.: Парфёнов 2009: 105; Луконин 2009: 113–119; Сеницын 2009б: 120–121]). Она начинается с главы «Искусство древнего Египта» [Борухович 2002: 24–47], в которой автор показывает, как и в чем египетское искусство оказало влияние на становление художественного идеала эллинов, явилось как бы «прелюдией» к искусству древней Греции. Эта монография стала последним большим научным трудом В. Г. Боруховича и была высоко оценена специалистами [см.: Кулишова, Фролов 2003].

Многие годы в Саратовском университете Владимир Григорьевич читал спецкурс по греческому искусству. Оба автора этого очерка хорошо помнят этот спецкурс в разные периоды времени: в начале 1970-х и в начале 1990-х гг. Его первые несколько лекций были посвящены влиянию египетской живописи и пластики на архаическое искусство эллинов. Вспоминается, как в первом цикле «египтологических логосов» профессор Борухович целую лекцию посвятил бюсту Нефертити — не только, по его мнению, высшему образцу искусства, но и идеалу женской красоты, наравне с Моной Лизой («Джокондой») Леонардо да Винчи. Специалист по классической Греции и филэллин, Владимир Григорьевич Борухович был также превосходным знатоком древнеегипетского искусства и египтофилом.

## Литература

- Аполлодор 1972: *Аполлодор*. Мифологическая библиотека / Изд. подгот. В. Г. Борухович. Л.
- Борухович 1950а: *Борухович В. Г.* Исократ и Феопомп как представители промакедонской группировки в Греции IV в. до н. э.: АКД. Л.
- Борухович 1950б: *Борухович В. Г.* Исократ и Феопомп как представители промакедонской группировки в Греции IV в. до н. э.: ДКИН. Л.
- Борухович 1957: *Борухович В. Г.* Очерки по истории древнегреческой литературы классического периода. (Эпос, лирика, драма). Горький.
- Борухович 1961: *Борухович В. Г.* Античные авторы о производстве папируса-бумаги в Египте // УЗГГУ. Серия историко-филологическая. Вып. 52. С. 407–422.
- Борухович 1962: *Борухович В. Г.* История древнегреческой литературы. Классический период. М.
- Борухович 1963а: *Борухович В. Г.* Рец. на кн.: *Roebuck C.* Ionian Trade and Colonization. New York, 1959 // ВДИ. № 1. С. 144–147.
- Борухович 1963б: *Борухович В. Г.* Папирусные свидетельства об организации и продаже харты в Египте времени Птолемеев // Проблемы социально-экономической истории древнего мира: Сборник статей памяти академика А. И. Тюменева. М.; Л. С. 271–287.
- Борухович 1964: *Борухович В. Г.* Ахейцы в Малой Азии // ВДИ. № 3. С. 91–106.
- Борухович 1965а: *Борухович В. Г.* Территория Элады и Египет в древнейший период (III — сер. II тысячелетия до н. э.) // УЗГГУ. Серия историческая. Вып. 67. С. 3–25.
- Борухович 1965б: *Борухович В. Г.* Ахейцы и морские народы, напавшие на Египет в конце XIII – начале XII века до н. э. // Там же. С. 26–51.
- Борухович 1965в: *Борухович В. Г.* Ахейцы в традиции об основании Кирены // Там же. С. 52–73.

- Борухович 1965г: *Борухович В. Г.* Египет и греки в VI–V веках до н. э. // Там же. С. 74–137.
- Борухович 1966а: *Борухович В. Г.* Гомер и Египет (некоторые аспекты проблемы) // *Іноземна філологія. Серія «Питання класичної філології»*. Львів. № 5. Вип. 9. С. 11–17.
- Борухович 1966б: *Борухович В. Г.* Греки в Египте (От древнейших времен до Александра Македонского): АДД. Л.
- Борухович 1966в: *Борухович В. Г.* Греки в Египте. От древнейших времен до македонского завоевания: ДДИН. Горький.
- Борухович 1971: *Борухович В. Г.* Эллада и Египет. Взаимодействие двух культур // *Норция: Проблемы истории древнейших классовых обществ европейского Средиземноморья*. Воронеж. Вып. 1. С. 28–37.
- Борухович 1972а: *Борухович В. Г.* Античная мифография и «Библиотека» Аполлодора // *Аполлодор. Мифологическая библиотека* / Изд. подгот. В. Г. Борухович. Л. С. 99–120.
- Борухович 1972б: *Борухович В. Г.* Научное и литературное значение труда Геродота // *Геродот. История: в 9 книгах* / Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. Л. С. 457–499.
- Борухович 1972в: *Борухович В. Г.* Историческая концепция египетского логоса Геродота // *АМА. Вып. 1*. С. 66–77.
- Борухович 1972г: *Борухович В. Г.* Пифагор в Египте // *Studii classice. București. Vol. 14*. С. 41–48.
- Борухович 1974: *Борухович В. Г.* Египет в классической греческой трагедии // *АМА. Вып. 2*. С. 23–31.
- Борухович 1976а: *Борухович В. Г.* Место «Киропедии» в истории греческой прозы // *Ксенофонт. Киропедия* / Изд. подгот. В. Г. Борухович, Э. Д. Фролов. М. С. 268–288.
- Борухович 1976б: *Борухович В. Г.* В мире античных свитков. Саратов.
- Борухович 1982: *Борухович В. Г.* История древнегреческой литературы. 2-е изд., испр. и доп. Саратов.
- Борухович 1983: *Борухович В. Г.* Ахейская колонизация Кипра // *Проблемы античной государственности*. Л. С. 4–20.
- Борухович 1990а: *Борухович В. Г.* Агесилай в Египте // *АМА. Вып. 7*. С. 24–35.
- Борухович 1990б: *Борухович В. Г.* Афины, Персия и Египет в период от Союзнической войны до завоевания Египта Артаксерксом III в 343 г. до н. э. // *АМА. Вып. 8*. С. 3–11.
- Борухович 1993: *Борухович В. Г.* Квинт Гораций Флакк: Поэзия и время. Саратов.
- Борухович 2002: *Борухович В. Г.* Вечное искусство Эллады. СПб.
- Борухович 2009: Владимир Григорьевич Борухович в воспоминаниях и письмах / Сост. текста, вступ. статья В. Н. Парфёнова. Саратов.
- Борухович (интернет-ресурс): В. Г. Борухович: воин и ученый // Саратовский государственный музей боевой и трудовой славы [URL: <http://sargmbs.ru/index.php/ekspozitsii-i-vystavki/arkhiv-vystavok/v-g-borukhovich-voin-i-uchjonyj> (дата обращения: 15.12. 2015)].
- Васильев 2009: *Васильев С. К.* «Полла метаксю пелей кюликос кай хелеос акру...» (К 60-летию истфила ННГУ. Попытка вспомнить) // *Борухович 2009*. С. 68–76 [= Исторический факультет ННГУ 2004: 166–173].
- Ернштедт 1948: *Ернштедт П. В.* Техника изготовления папируса // *Эллинистическая техника*. М.; Л. С. 252–256.
- Ернштедт 1953: *Ернштедт П. В.* Египетские заимствования в греческом языке. М.; Л.
- Ернштедт 1954: *Ернштедт П. В.* «Обильно орошаемый Египет» у Гомера // *ВДИ. № 2*. С. 149–152.
- Ернштедт 1956а: *Ернштедт П. В.* Греческие египтизмы времен существования греческих факторий в Египте // *ВДИ. № 3*. С. 153–160.
- Ернштедт 1956б: *Ернштедт П. В.* Семантический антропоморфизм в словарных египтизмах греческого языка // *ПС. Вып. 2* (64–65). С. 12–30.
- Ернштедт 1958: *Ернштедт П. В.* Из области древнейших египтизмов греческого языка // *ПС. Вып. 3* (66). С. 29–40.

- Ернштедт 1962: *Ернштедт П. В.* «Море» и «мореплавание» в словарных египтизмах ахейской речи // *Древний мир: Сборник статей. Академику Василию Васильевичу Струве.* М. С. 513–519.
- Исторический факультет ННГУ 2004: Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников. Нижний Новгород.
- Кац 2009: *Кац Т. П.* Профессор Борухович в Саратове: кафедра, факультет, семья... // *Борухович 2009.* С. 80–85.
- Кац, Парфёнов 2007: [*Кац Т. П., Парфёнов В. Н.*] Кафедра истории Древнего мира СГУ // Исторический факультет Саратовского государственного университета: 90 лет. Саратов. С. 12–14.
- Кашеев 2009: *Кашеев В. И.* Владимир Григорьевич Борухович: годы учения, учителя, становление исследователя (1920–1950 годы) // *Борухович 2009.* С. 11–38.
- Климов, Кузь 2009: *Климов О. Ю., Кузь В. В.* В. Г. Борухович в Мурманском учительском институте (1950–1954 годы) // *Борухович 2009.* С. 39–46.
- Ковалёв 2007: *Ковалёв М. В.* Борухович Владимир Григорьевич [URL: <http://istfak-90.narod.ru/prepody/prepody/boruhovich.htm> (дата обращения: 08.11.2015)].
- Колобова 1949: *Колобова К. М.* Греки в Египте (Дафны и Навкратис) // *УЗЛГУ. № 112. СИН.* Вып. 14. С. 237–279.
- Колобова 1951: *Колобова К. М.* Из истории раннегреческого общества (о. Родос IX–VII вв. до н. э.). Л.
- Ксенофонт 1976: *Ксенофонт.* Киропедия / Изд. подгот. В. Г. Борухович, Э. Д. Фролов. М. Кулишова, Фролов 2003: *Кулишова О. В., Фролов Э. Д.* Искусство древней Греции в новом освещении // *Мнемон.* Вып. 2. С. 343–348.
- Луконин 2009: *Луконин Д. Е.* Последняя книга В. Г. Боруховича (Из истории издания «Вечного искусства Эллады») // *Борухович 2009.* С. 113–119.
- Лурье 1993: *Лурье С. Я.* История Греции: Курс лекций. СПб.
- Молев 1999: *Молев Е. А.* Антиковедение и медиэвистика в Нижегородском университете // Проблемы антиковедения и медиэвистики. Нижний Новгород. С. 3–7.
- Молев 2006: *Молев Е. А.* Исторический факультет Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского в прошлом и настоящем // *Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского (1946–2006 гг.).* Нижний Новгород. С. 3–33.
- Молев 2008: *Молев Е. А.* Роль кафедры истории Греции и Рима ЛГУ в становлении антиковедения в Нижегородском государственном университете // *История. Мир прошлого в современном освещении: Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова.* СПб. С. 603–611.
- Молев 2009: *Молев Е. А.* Слово об учителе // *Борухович 2009.* С. 60–67.
- Молев 2011: *Молев Е. А.* Исторический факультет Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. К 65-летию историко-филологического факультета. К 25-летию исторического факультета. Нижний Новгород.
- Молев 2012: *Молев Е. А.* Становление античной археологии в Нижегородском университете // *ПНЖ. № 1.* С. 167–171.
- Молев и др. 2002: *Молев Е. А., Пономарева Т. С., Солнцев Н. И., Толстова Н. Н.* Археология в Горьковском (Нижегородском) университете // *ВНУ. Сер. «История».* Вып. 1. С. 165–178.
- Молев, Махлаюк 2006: *Молев Е. А., Махлаюк А. В.* Антиковедение // *Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского (1946–2006 гг.).* Нижний Новгород. С. 34–69.
- Молев, Парфёнов 1991: [*Молев Е. А., Парфёнов В. Н.*] К 70-летию В. Г. Боруховича // *ВДИ.* № 1. С. 230.
- Молев, Парфёнов 2000: Профессор Владимир Григорьевич Борухович (к 80-летию со дня рождения) / Авт.-сост. Е. А. Молев и В. Н. Парфёнов. Нижний Новгород.
- Парфёнов 2009: *Парфёнов В. Н.* Владимир Григорьевич Борухович в моей жизни // *Борухович 2009.* С. 86–109.



- Парфёнов, Сеницын 2006: [Парфёнов В. Н., Сеницын А. А.] От редколлегии // АМА. Вып. 12. С. XV–XVIII.
- Петречко 2012: *Петречко О.* Профессор Львівського університету Іван Іванович Вейцківський // Археологічні дослідження Львівського університету. Львів. Вип. 14–15. С. 296–304.
- Садовская 2004: Садовская Маргарита Сергеевна // Исторический факультет ННГУ 2004. С. 37–44.
- Сеницын 2006: *Сеницын А. А.* Геродот, Софокл и египетские диковинки (Об одном историографическом мифе) // АМА. Вып. 12. С. 363–405.
- Сеницын 2009а: *Сеницын А. А.* Звено в цепи кафедральной родословной: И. И. Вейцковский и кафедра истории древнего мира Саратовского университета в 1937–1941 гг. // Интеллектуалы. Интеллектуалы. Университет: Теоретический альманах «Res cogitans». М. Вып. 6. С. 92–125.
- Сеницын 2009б: *Сеницын А. А.* «Завещание» профессора Боруховича, или Две встречи по три часа // Борухович 2009. С. 120–135.
- Сеницын 2010: *Сеницын А. А.* Доцент Саратовского университета Иван Иванович Вейцковский // История и историческая память. Вып. 1. Саратов. С. 192–238.
- Сеницын 2013: *Сеницын А. А.* Этногеографическая экзотика в греческой драме: египетские реалии у Софокла // Наука и техника: Вопросы истории и теории. XXXIV Международная годичная конф. Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН, 25–29 ноября 2013 года. СПб. Вып. XXIX. С. 223–226.
- Строгеецкий 2009: *Строгеецкий В. М.* Несколько слов о В. Г. Боруховиче // Борухович 2009. С. 77–79.
- Фролов 1969: *Фролов Э. Д.* Из истории университетской школы антиковедения // ВЛГУ. № 2 (История. Язык. Литература. Вып. 1). С. 121–129.
- Фролов 1993: *Фролов Э. Д.* Тернистый путь ученого: С. Я. Лурье и его «История Греции» // *Лурье С. Я.* История Греции: Курс лекций. СПб. С. 3–24.
- Фролов 1999: *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности. СПб.
- Фролов 2004: *Фролов Э. Д.* Кафедра истории Древней Греции и Рима // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004: Очерк истории. СПб. С. 159–198.
- Фролов 2006: *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности. 2-е изд. СПб.
- Фролов 2007: *Фролов Э. Д.* Памяти ушедших друзей: к кончине А. А. Нейхардт и В. Г. Боруховича // Мнемон. Вып. 6. С. 563–566.
- Фролов 2009: *Фролов Э. Д.* Из жизни ученых-гуманитариев в России второй половины XX — начала XXI века: воспоминания о В. Г. Боруховиче // Борухович 2009. С. 47–59.
- Фролов, Молев, Парфёнов 2008: [Фролов Э. Д., Молев Е. А., Парфёнов В. Н.] Владимир Григорьевич Борухович (1920–2007) // ВДИ. 2008. № 2. С. 215–217.
- Царёва 2009: *Царёва Т. Б.* В спецсеминаре В. Г. Боруховича // Борухович 2009. С. 110–112.
- Boruhovič 1988: *Boruhovič V. G.* Die ägäische Kolonisation // *Klio*. Bd. 70/1. S. 86–144.
- Boruhovič 1976: *Boruhovič V. G.* Zu den orientalischen Bezügen in den Epen Homers // *Klio*. Bd. 58/1–2. S. 517–526.
- Luria 1961: *Luria S.* Demokrit, Orphiker und Ägypten // *Eos*. Vol. 51/1. S. 21–38.
- Peretti 1956: *Peretti A.* Eschilo ed Anassagora sulle piene del Nilo // *Studi italiani di filologia classica*. Firenze. Vol. 27–28. P. 374–410.

## ПРОФЕССОР МИХАИЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ МАССОН (воспоминания ученика)

*Э. В. Ртвеладзе* (Ташкент, Узбекистан)

Михаил Евгеньевич Массон (1897–1986) — одна из самых ярких и примечательных личностей в научной жизни Средней Азии на протяжении почти всего XX в. Академик Академии наук Туркменской ССР с 1949 г., один из немногих в тогдaшнем Советском Союзе удостоенный редкой ученой степени доктора археологии, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии Исторического факультета Среднеазиатского государственного университета (САГУ, затем — ТашГУ), основатель и непреходящий начальник Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), действительный и почетный член многих научных обществ, создатель первой научной школы среднеазиатской археологии, пионер многих новых научных направлений, Михаил Евгеньевич Массон был к тому же необычайно разносторонним ученым: археология, история, нумизматика, эпиграфика, этнография, география, геология, зоология, палеонтология — вот далеко не полный перечень его научных интересов, отраженных в публикациях, а сколько неопубликованных работ осталось в его архиве — дневники, полевые записи, карты и планы, научные отчеты, доклады и сообщения, прочитанные им на заседаниях кафедры археологии и СНАК (Студенческого научного археологического кружка), начиная с 1940 г. до 1967 г., когда Михаил Евгеньевич, в возрасте семидесяти лет ушел на пенсию из-за, назовем это так, не вполне сложившихся отношений с новым деканом Исторического факультета ТашГУ, Гогой Абраровичем Хидоятовым.

Незаурядности ученого соответствовало и своеобразие внешнего облика Михаила Евгеньевича: в повседневной жизни — это неизменная белая «толстовка»; строгий черный костюм на лекциях и заседаниях, черная академическая шапочка, прикрывавшая роскошные густые седые волосы, сохранившиеся до самой его смерти; гладко выбритое лицо со строгой линией усов (только в последние годы Михаил Евгеньевич отпустил густую седую бороду); пронзительные голубые глаза за круглыми окулярами старомодных очков. В экспедициях он носил штормовку из плотной ткани, туфли на толстой подошве, в руке держал красивую палку с изогнутой ручкой или зонт, и, что наиболее примечательно, одевал на голову тропический шлем, что делало его похожим на английского колонизатора.

Несмотря на большое число публикаций, научная и творческая биография Михаила Евгеньевича еще не написана, как не написаны и художественные произведения о нем, хотя подобного рода попытки уже предпринимались. Я имею в виду эссе известного писателя В. И. Амлинского «Султан Санджар», созданное им под впечатлением встречи с М. Е. Массоном на раскопках в Старом Мерве. Но, думаю, все еще впереди.



М. Е. Массон в туркменском костюме на праздновании своего 70-летия (Ташкент, 1967 г.) [фотография из личного фотоархива Э. В. Ртвеладзе]

В заголовок своих воспоминаний о Михаиле Евгеньевиче Массоне я не случайно поставил его ученое звание — профессор, коим он весьма гордился и выделял из всех своих многочисленных званий и степеней, даже при знакомстве со случайными людьми, зачастую слабо разбирающимися в научных регалиях. Надо сказать, что сейчас появилось множество «профессоров», которые не являются такими (или же они величают себя так сами, видимо, от переизбытка «скромности»!), но которых так именуют зарубежные коллеги, то ли согласно со сложившейся у них традиции, то ли

из-за желания польстить. В отличие от них, Михаил Евгеньевич Массон был не просто подлинным (по документам) профессором, а истинным профессором по призванию. Достаточно сказать, что в великой (говорю так без преувеличения) кузнице кадров для среднеазиатской археологии — на кафедре археологии САГУ/ТашГУ, основанной М. Е. Массоном в 1940 г., — воспитано пять академиков различных Академий наук (Ю. Ф. Буряков, Б. А. Литвинский, В. М. Массон, Г. А. Пугаченкова, Э. В. Ртвеладзе). Свои аспирантские годы и соответственно обучение в среднеазиатской школе археологии провел (в составе ЮТАКЭ) член-корреспондент РАН Г. А. Кошеленко. Кафедру археологии закончили многие видные исследователи Средней Азии и Кавказа: доктора исторических наук Г. Е. Афанасьев, Е. А. Давидович, А. Кудрявцев, В. Н. Пилипко, Р. Х. Сулейманов, А. С. Сагдуллаев, В. И. Саррианиди, Т. К. Мкртычев, М. Н. Федоров, а также многочисленный отряд кандидатов исторических наук, среди которых хочу особо выделить С. Б. Лунину и З. И. Усманову, последовательно сменивших М. Е. Массона на посту заведующего кафедрой археологии и многие годы своей жизни посвятивших обучению студентов-археологов, в том числе и автора этих строк. Нельзя не отметить, что на кафедре археологии обучались нынешний директор Института искусствознания Академии наук Республики Узбекистан Ш. Р. Пидаев, заведующая отделом историографии Института истории Академии наук Республики Узбекистан Д. А. Алимова, а также такие широко известные ученые, как В. А. Булатова, М. И. Филанович и Н. Б. Немцова.

Среднеазиатская археологическая школа М. Е. Массона продолжает жить и сейчас, в отличие от других научных школ, но об этом позже. Надо признать, что в науке мне повезло. Моими учителями были выдающиеся ученые, талантливые педагоги, незаурядные личности — Михаил Евгеньевич Массон и Галина Анатольевна Пугаченкова (1915–2007). Михаил Евгеньевич учил меня археологии, нумизматике,

эпиграфике, полевой методике раскопок, строгому и доскональному отношению к факту как основе научных знаний. Под его руководством я участвовал в раскопках Старого Мерва, Кеша и Нахшаба, вместе совершал многодневные маршруты, исследовал древние караванные пути, в процессе которых я познавал специфику маршрута как неотъемлемой и весьма важной части археологического поиска. Перед моим взором, обращенным в уже далекое прошлое, встает заброшенное в песках Каракумов древнее городище Хурмузфарра; оплывший, теряющийся в песках вал селевкидского царя Антиоха I Сотера, окружавший некогда плодородный Мервский оазис; грандиозные развалины Старого Мерва и наш такой уютный экспедиционный лагерь; согдийское селение Устукладиза и маршрут к Амударье, когда в невыносимой июньской жаре мы с Михаилом Евгеньевичем заблудились и еще больше запутали друг друга видениями миража — то зеленеющего кишлака, то струящихся с гор потоков воды.

Будучи студентом я слушал блестящие лекции Галины Анатольевны по истории искусств Востока и истории архитектуры Средней Азии. После окончания университета многие годы проработал с ней в Секторе истории искусств и архитектуры Института искусствознания в Ташкенте, неоднократно под ее руководством участвовал в раскопках бактрийских и согдийских городищ. Учился у нее широкому и глубокому пониманию историко-культурных проблем, столь блистательно пронизывающих научные труды Галины Анатольевны — человека поразительной работоспособности (см. также мою заметку, посвященную ее памяти, ниже, с. 880–881).

Михаил Евгеньевич и Галина Анатольевна сыграли в моей жизни судьбоносную роль, так как если бы не они, то я вряд ли связал бы свою жизнь и научную деятельность со Средней Азией и Узбекистаном, а остался бы на Кавказе.

## 1. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ. ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ С ПРОФЕССОРОМ М. Е. МАССОНОМ

1940–1950-е гг. в моей жизни с перерывом в три года прошли в знаменитом курортном Кисловодске. Здесь я и начал заниматься археологией, вначале самостоятельно, а затем в Кисловодском археологическом кружке, основанном замечательным человеком — Николаем Николаевичем Михайловым.

Как-то раз, в конце пятидесятых годов я пришел к Николаю Николаевичу, чтобы, как всегда, поговорить о кавказской археологии, обсудить новости, а он мне говорит: «Знаешь, Эдик, сейчас в Кисловодске отдыхает профессор Михаил Евгеньевич Массон, пойдем к нему, он живет неподалеку, я тебя с ним и познакомлю».

О профессоре М. Е. Массоне я уже знал, хотя и весьма мало, в основном по рассказам кавказских археологов. Мнения этих ученых сводились к одному: Массон — великий археолог, но очень высокомерный, жесткий и требовательный. Вышли мы из дома Николая Николаевича, поднялись вверх по улице Семашко и практически на ее углу, перед подъемом к красивой кисловодской церкви столкнулись с ним лицом к лицу. «Вот так встреча! — сказал он, — Но кто это с Вами, Николай Николаевич?» «А мы к Вам, хочу Вас познакомить с моим воспитанником, влюбленным в археологию до фанатизма, Эдиком Ртвеладзе», — ответил Николай Николаевич. «А как Ваше полное имя?», — обратился ко мне Михаил Евгеньевич. «Эдвард», — ответил я. «Значит, Вы — Эди, а не Эдик», — промолвил он. С тех пор он звал меня не иначе как Эди. «Однако я тороплюсь, приходите ко мне завтра в 5 часов вечера», — добавил Михаил Евгеньевич. Так состоялось первое мое



Г. А. Пугаченкова и М. Е. Массон с дочерью Лилей (Ташкент, 1959 г.)  
[по: Горшенина С. М. Галина Пугаченкова. Перебирая жизни черепки...  
Ташкент, 2002. С. 100]

знакомство с человеком, ставшим моим наставником и учителем на долгие годы, с которым я прошел многие археологические экспедиции и маршруты в Туркменистане и Узбекистане, который был инициатором моих первых исследований в Маджарах в Ставропольском крае, научным руководителем дипломной работы и кандидатской диссертации, человеком, привившим мне любовь к среднеазиатской археологии.

В летние месяцы своего отдыха в Кисловодске Михаил Евгеньевич жил в бывшем дворце знаменитого князя Феликса Юсупова, превращенном в советское время в жактовский дом. Дворец располагался в очень красивом и живописном месте — на горе, возвышающейся над железнодорожным вокзалом.

Я обычно шел на квартиру к Михаилу Евгеньевичу в назначенные мне часы, вначале по пешеходному мосту, перекинутому через железнодорожный путь, а затем по крутой тропинке, ведущей к дворцу. Квартиру, точнее одну комнату, Михаил Евгеньевич на протяжении многих лет снимал у добрейшей души четы Тарновских.

Историю его переселения во дворец Юсупова рассказала мне Вера Михайловна — хозяйка квартиры. Надо сказать, что Михаил Евгеньевич очень любил Кисловодск еще с дореволюционных лет, куда он не раз приезжал отдыхать вместе со своим отцом.

Сразу же после войны ему выделили путевку в академический санаторий имени Горького, специально созданный в советское время для отдыха и лечения ученых из разных республик СССР. По какому-то поводу Михаил Евгеньевич повздорил с главным врачом санатория и ушел на квартиру к Михаилу Тарновскому, работавшему шеф-поваром в этом санатории. Говорили, что главврач неоднократно ездил к Массону и уговаривал его вернуться, но Михаил Евгеньевич был, как и во многих других случаях жизни, непреклонен. С тех пор и на протяжении тридцати лет в летние месяцы он жил у Тарновских в Кисловодске.

Но вернемся к нашему знакомству. Уже в ту пору я много курил. Во время нашей встречи Михаил Евгеньевич неодобрительно посмотрел на меня и на мою

сигарету, но ничего не сказал. Больше я никогда не курил при нем, более того, когда мне назначалось свидание в его кабинете, я за час до этого прекращал курить. Тем не менее, Михаил Евгеньевич улавливал запах табака, и тогда мне приходилось оправдываться: «Михаил Евгеньевич, — говорил я, — у меня в комнате все курят и мой пиджак пропитался табаком». «Тогда снимите пиджак и повесьте в прихожей, — требовательно говорил он и добавлял, — Вы, Эди, представляете большой интерес для науки, я потратил на Вас немало времени, и будет весьма огорчительно, если Вы сократите свою жизнь из-за табака». Даже в сорокалетнем возрасте, посещая Михаила Евгеньевича, я по-прежнему придерживался этого правила, и не потому, что боялся его, как многие, а в силу огромного уважения к своему учителю, что, к сожалению, почти отсутствует у современных учеников.

В Кисловодске, как в Ташкенте и в экспедициях, Михаил Евгеньевич придерживался строгого распорядка: вставал рано утром, завтракал, а затем уходил на прогулку в парк по одному из терренкуров, вплоть до Храма Воздуха, откуда он спускался в Долину Роз, где садился на одну и ту же скамейку и в течение двух часов работал с рукописью какой-либо статьи (тогда как очередной том трудов ЮТАКЭ он всегда редактировал только дома), затем отдыхал, а в 5 часов вечера принимал посетителей. А их было немало: в доме у Михаила Евгеньевича я встречал многих известных ученых — И. П. Петрушевского, Л. С. Бретаницкого, Е. И. Крупнова и других, а также писателей, художников и даже кинодеятелей, не говоря уже о местных краеведах.

В определенные дни Михаил Евгеньевич совершал экскурсии в окрестностях Кисловодска с целью сбора палеонтологических экспонатов, передаваемых им за несколько дней до отъезда в Ташкент в музей Ессентуков и Кисловодска. У него был специальный набор инструментов разного размера — долота, зубила, молотки, которыми он весьма умело выбивал из скального грунта окаменевшие раковины. Зачастую в его палеонтологических экскурсиях участвовал и я, а главным местом добычи экспонатов был Бургустанский хребет, окаймляющий Кисловодскую котловину с севера, где, помимо раковин, мы собирали так называемые «чертовы пальцы» — белемниты, во множестве встречающиеся на склонах хребта.

Сам Бургустанский хребет был знаменит на весь Советский Союз (да и сейчас, наверное) Кольцом-горой — гигантским отверстием в клиновидной скале, образовавшимся в результате выветривания и воздействия атмосферных осадков. Это было место паломничества туристов и курортников. На вершине хребта в одной из долин расположены две казачьи станицы — Бургустанская и Бекешовская, в годы гражданской войны бывшие оплотом белогвардейцев полковника Фунтикова и знаменитого казачьего атамана генерала Шкуро, который был родом из расположенной неподалеку станицы Суворовской. Рядом с ней располагалось село Белая Сабля, где находилось поместье помещиков Солженицыных, владевших сотнями гектаров земли и отличавшихся, по словам старожилов (в частности, Матвея Ивановича Рыбенко, долгое время проработавшего в музее г. Пятигорска), жестокостью и скупостью. Еще в 1970-е гг. тетя известного писателя А. И. Солженицына, не только по способствованию развалу Советского Союза, но подвигнувшего своими писаниями русский народ к изменению традиционных ценностей и восприятию некоторых чуждых ему элементов духовности западного мира, проживала поблизости в г. Георгиевске.

Но вернемся к главному. В первый мой визит к Михаилу Евгеньевичу он расспрашивал меня о научных увлечениях, проверял мои знания в археологии: где я был, что исследовал, какие книги читал. Я говорил, наверное, более часа, а поскольку

к тому времени уже прочитал довольно много книг и научных статей, то мог достаточно профессионально рассуждать о той или иной проблеме кавказской истории и археологии, в особенности связанной с сарматами и аланами. Видимо, эти мои рассуждения и оценки той или иной научной проблемы произвели впечатление на М. Е. Массона, потому как он назначил мне новую встречу уже через три дня.

В следующий мой визит он сказал: «Знаете, Эди, все это очень интересно — аланы, сарматы, но у вас на Ставрополье имеется замечательное золотоордынское городище Маджары, которым сейчас никто не занимается. Хотя когда-то Татьяна Максимовна Минаева, работающая сейчас в Ставропольском краеведческом музее, обобщила все сведения о Маджарах и опубликовала большую статью в “Ученых записках” этого музея. Я напишу ей, чтобы она прислала оттиск этой статьи. Вы ее внимательно прочитаете и доложите мне о своих впечатлениях».

К тому времени Т. М. Минаева — известный археолог, работавшая еще с П. Д. Рау в 1920-х гг. на раскопках археологических памятников в Республике немцев Поволжья и Саратовской области, достигла весьма пожилого возраста. Тем не менее, она сразу же откликнулась на просьбу М. Е. Массона, прислав ему письмо и оттиск этой статьи. В своем письме она писала, «...хорошо было бы, если бы этот молодой человек, о котором Вы пишете, приехал ко мне в музей и посмотрел археологическую коллекцию, собранную еще В. А. Городцовым и Г. Н. Прозрителевым». Но, к сожалению, познакомиться с Татьяной Максимовной мне удалось лишь через шесть лет, когда она была уже очень больна.

К вопросу о Маджарах мы вернулись только в следующем году. Я пришел к Михаилу Евгеньевичу в середине лета 1960 г., на несколько дней приехав в Кисловодск из Горной Балкарии, где в селении Верхний Чегем работал в археологической экспедиции Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, возглавляемой П. Г. Акритасом и Г. И. Йоне.

Выслушав мой рассказ о раскопках, Михаил Евгеньевич сказал: «Ну что, прочитали статью о Маджарах?» «Да, прочитал, несколько раз», — ответил я. «Вам было интересно, что именно? — настойчиво вопрошал Михаил Евгеньевич, неожиданно заключив, — Готовы ли Вы ехать в Маджары? Посмотреть, собрать подъемный материал?» «Да, готов», — ответил я. — «Тогда вот Вам 10 рублей, езжайте. Приедете, доложите мне».

## 2. МАДЖАРЫ. НАЧАЛО ИССЛЕДОВАНИЙ

В то время от Кисловодска до небольшого городка Прикумска (называвшегося до 1957 г. Будённовском и в 1973 г. вновь переименованного в Будённовск), около которого располагалось городище Маджары, можно было добраться двумя способами: от Пятигорска на автобусе через Георгиевск, или электричкой доехать до железнодорожной станции Минеральные Воды, а там пересесть на поезд, шедший только до Прикумска. Я предпочел второй путь.

Уже утром следующего дня я был на вокзале Прикумска, а оттуда на автобусе добрался до больницы, где прежде до революции находился известный монастырь Святого Креста. Не думал и не гадал, что в 1996 г. это место станет печально известным на весь мир. Именно эту больницу захватили тогда чеченские террористы и удерживали в ней заложников — жителей Будённовска, многие из которых, к величайшему сожалению, погибли. А в то время здесь было тихо и спокойно. Вокруг больницы и вдоль правого берега р. Кумы вплоть до окраин Прикумска еще сохра-

нялись следы былой застройки золотоордынского города Маджара в виде небольших всхолмлений. Левый же берег Кумы, где находилась значительная часть города, давно уже был распахан, и здесь произрастали разнообразные сельскохозяйственные культуры, в том числе виноград, плантации которого простирались вплоть до селения Прасковья — места изготовления знаменитых марок мускатных вин «Янтарь Ставрополя» и «Мускат Прасковейский», которые, по общепризнанному мнению, не уступают по своему вкусу знаменитым массандровским, а по-моему, даже превосходят их.

Перебравшись на этот берег Кумы по узкому мостику, я стал подряд прочесывать все участки распаханного поля, поднимая то разноцветные черепки керамики, то обломки бронзовых и железных изделий, то монеты. В археологии это называется сбором подъемного материала, который крайне важен, особенно при маршрутных обследованиях, когда нет времени на закладку стратиграфических шурфов, так как позволяет составить первичное представление о времени обживания того или иного поселения или городища.

Позднее я неоднократно находил монеты при сборе подъемного материала и раскопках в Узбекистане и Туркменистане, начиная от селевкидских халков до бухарских таньга, но монеты, собранные в Маджарах, были первыми, найденными мною, и именно с них началось мое увлечение научной нумизматикой.

Пользуясь случаем, хочу исправить ряд неточностей, замеченных мною в статье и тезисах о монетах Маджар, опубликованных в последнее время. В них, в частности, утверждается, что сборы монет в Маджарах осуществлял А. П. Рунич, который затем передавал их мне на определение, что как бы представляет меня человеком, никогда не занимавшимся сбором монет непосредственно на самом городище. Но это не так.

Андрей Петрович Рунич (1911–1986), бывший в начале моих археологических изысканий, наряду с Николаем Николаевичем Михайловым, моим наставником, впервые посетил Маджары летом 1965 г. после долгих моих уговоров и только затем стал совершать туда самостоятельные поездки, тогда как я к тому времени уже пять лет занимался сборами монет на этом городище. Когда я приезжал в Кисловодск на летние каникулы или же в отпуск, он передавал найденные им монеты мне на определение. Именно на моих сборах, дополненных А. П. Руничем, мною были написаны статьи о монетах Маджар и составлена картотека монет, переданная недавно через С. Б. Болелова вместе со многими другими материалами в архив Музея Востока в Москве.

С Андреем Петровичем нас связывала большая дружба вплоть до последних лет его жизни. Это был высокий худощавый человек с редкими, зачесанными назад седеющими волосами, выразительными глазами и т. н. «заячьей губой», несколько портившей его благородный, можно сказать, аристократический облик. Да и происхождения он был не последнего. Дальние его предки переселились в Россию в XVIII в. из Сербии, причем один из них — офицер — принимал участие в подавлении восстания Емельяна Пугачева. Дядя А. П. Рунича был управляющим летнего дворца русских царей в Ликани — верхней части г. Боржоми, где родился я, а его дом находился напротив дома, в котором жила наша семья. Дальним родственником Андрея Петровича был знаменитый русский киноактер Степан Рунич — партнер еще более знаменитой Веры Холодной, которая, как утверждали многие люди того поколения, в том числе и моя мама, неоднократно видевшая фильмы с участием Веры Холодной, была самой красивой актрисой в истории



русского и советского кино. Моя мама часто вспоминала строки стихов, популярных в конце 1920-х гг.:

Над кроватью Рунич плачет  
Верочка в бреду...

Отец Андрея Петровича, работавший ассистентом в клинике профессора Герцена — известного хирурга г. Москвы, долгие годы славился как один из лучших специалистов на Кавминводах. Я застал и маму, и папу Андрея Петровича еще в живых, он трогательно и нежно ухаживал за ними. Уже после их смерти я часто приезжал к Андрею Петровичу в Пятигорск на улицу Урицкого, где он проживал в одной из квартир на втором этаже старинного особняка. Я оставался у него ночевать. Он варил гороховый суп с копченой колбасой — необыкновенно вкусный, а затем мы долго говорили об археологии, намечали очередные походы. В общем, это были отношения старшего и младшего друга.

Я был совершенно удивлен, когда в один из дней, поднимаясь на второй этаж дома на улице Урицкого, лицом к лицу столкнулся с девушкой, с которой познакомился на танцах в Кисловодске и которую частенько провожал на электричку. Она была весьма привлекательна, с красивой фигурой, чему, видимо, способствовали ее занятия спортом. В те годы она являлась мастером спорта и чемпионкой Ставропольского края по спортивной гимнастике. Оказалось, что она живет в соседней с А. П. Руничем квартире.

Повторяю, Андрей Петрович был весьма одаренный человек. Благодаря ему я научился топографической съемке, освоил нивелир и, помимо археологии, занялся энтомологией. У него была огромная коллекция жуков, которую он начал собирать еще в двадцатых годах, причем делал это очень профессионально. Все экспонаты были наколоты на булавки и распределены в специальных планшетах, закрытых стеклом, по семействам, видам, родам, промазанных по краям специальным составом. Мы определяли жуков по очень редкому иллюстрированному каталогу Миллера.

Вся среднеазиатская часть коллекции Андрея Петровича была собрана мною в разных уголках Туркменистана, Таджикистана и особенно Узбекистана. Среди них были весьма редкие виды — *Cicindela nox*, *Dorcus sewertzowi*, *Solomonis Buprestidae*, *Anthia mannerheimi* и другие. Особенно мне запомнился *Anthia mannerheimi* — жук из отряда жужелиц с большими белыми пятнами на черной переднеспинке, названный так в честь известного энтомолога Карла Густава Маннергейма — деда маршала и президента Финляндии барона Маннергейма. Эти знания позднее пригодились мне в археологии и в какой-то степени повлияли на мою личную жизнь.

В одно из воскресений октября 1961 г. мы — участники ЮТАКЭ — совершили под руководством М. Е. Массона маршрутную поездку на городище Хурмузфарра, расположенное к северу от Старого Мерва, в Центральных Каракумах. Михаил Евгеньевич часто практиковал такие поездки, приучая студентов к осмыслению полученного за короткий срок материала, причем каждой группе по два-три человека поручался отдельный участок, чтобы получить как можно больше археологической информации. На это отводилась первая часть дня, вторая же по традиции, заложенной Михаилом Евгеньевичем, была посвящена так называемым выездным заседаниям кафедры археологии и СНАК, где читались заранее подготовленные доклады. Заседания мы проводили в заброшенном здании, которое



Коллективная фотография XVIII отряда ЮТАКЭ во дворе экспедиционного лагеря в Старом Мерве (4 ноября 1961 г.). Слева направо: первый ряд (сидят на земле) — К. Абдуллаев, Г. Дадабаев, Д. Исиев; второй ряд (сидят) — Ф. А. Гулямов, З. И. Усманова, М. Е. Массон, С. Б. Лунина, Н. Г. Касимова; третий ряд (стоят) — Э. Масимов, неизвестная, Л. И. Жукова, Б. Абулгазиева, Э. В. Ртвеладзе, Г. А. Кошеленко, Т. Ходжаниязов, неизвестный, Л. Д. Букинич, Г. Я. Дресвянская, В. Д. Горячева, Н. Галочкина, О. Шевцова; четвертый ряд (на машине) — У. Алимов, З. А. Хакимов, неизвестный, О. Оразов, О. Утегенов, Б. Д. Кочнев, П. П. Гаврюшенко, А. Асиллов, В. Смирнов; пятый ряд — Б. Сайпанов и В. Н. Пилипко [фотография из личного фотоархива Э. В. Ртвеладзе]

быстро приводилось в порядок: в углу устанавливалась импровизированная кафедра из поставленных друг на друга ящиков, покрытых зеленым сукном, которое М. Е. Массон ежегодно привозил из Ташкента специально для этой цели. В углу комнаты на походной раскладной скамейке сидел сам Михаил Евгеньевич, а рядом с ним — председатель СНАК, которому поручалось вести заседание. В годы моей учебы, будучи председателем СНАК в течение четырех лет, я неоднократно проводил такие заседания. Это была весьма важная часть научной школы М. Е. Массона, которая приучила нас к пониманию значимости избранной нами науки, умению ясно и четко излагать свои мысли. Особенно важными были оценки докладов, которые непременно давал Михаил Евгеньевич после каждого из них, а они были различными — от хороших до разгромных, но всегда объективными.

В первую мою поездку на Хурмузфарру мне было поручено исследовать участок средневекового некрополя X–XI вв. Во время этих раскопок подходит ко мне обаятельная Лида Букинич и говорит: «А у меня для тебя подарок» и раскрывает ладонь, а на ней сидит красавец жук — *Anthia mannerheimi*. Не представляли мы тогда, что через несколько лет станем мужем и женой, а вспоминая об этом,

я в шутку говорил, что именно хурмузфарринский жук стал началом нашей дружбы, переросшей затем в долгую совместную жизнь.

Вид жука определил Михаил Евгеньевич, рассказавший нам, что в 1920-е гг. в Париже были модными украшения — броши, в которые вставлялась металлическая фигура такого жука. Михаил Евгеньевич обладал большими знаниями о фауне и флоре Средней Азии, которые нередко применял в археологии. Так, по поверхностному слою засоленной почвы («солянке») он мог до раскопок снять план здания. Тот, кто бывал у него дома, видел висевшими на стене гостиной комнаты планшеты с различного вида насекомыми, центральное место среди которых занимал великолепный экземпляр жука-дровосека — *Sartus turkestanicus*.

Мои познания в энтомологии импонировали Михаилу Евгеньевичу, и именно меня он привлек к разрабатываемой им методике определения периодов упадка жизни на том или ином городище, исходя из энтомологических данных. В 1963 г. мне и Б. Сайпанову была поручена закладка стратиграфического шурфа на бековской кале Китаба, существовавшей еще в то время. Позднее стены калы были снесены, и на ее месте было возведено здание горисполкома. В процессе раскопок в слое, датируемом временем между античностью и ранним средневековьем, на достаточно большой глубине я обнаружил остатки круглых шаров, которые более всего походили на «круглые домики», скатанные из органических материалов жуком-скарabeeм (*Scarabaeus sacer*). Но такие «домики» этот жук никогда не делает в том месте, где живут люди, а всегда вдали от жилья, что могло означать только одно — городище древнего Кеша в это время приходит в упадок. Михаил Евгеньевич так гордился этой находкой, подтверждавшей его идею, что опубликовал информацию о ней в одной из своих статей.

Однако вернемся к моей поездке в Маджары. Я, переполненный новыми впечатлениями, с полным рюкзаком находок в назначенное время пришел к Михаилу Евгеньевичу домой. Помимо него самого, в комнате на диване сидела изящная женщина, которая, когда я стал вынимать керамику из рюкзака, стремительно встала, подошла к столу и стала уверенными порывистыми движениями раскладывать керамику по группам: «Это Хорасан, это Хорезм, это золотоордынское Поволжье, а это, может быть, Византия». Я был удивлен и несколько обескуражен. И что эта женщина вмешивается в мои дела с Михаилом Евгеньевичем? Заметив мое замешательство, М. Е. Массон сказал: «А это моя жена, доцент Пугаченкова. Вы, наверное, слышали о ней».

Так состоялось мое знакомство с Галиной Анатольевной Пугаченковой — моим вторым учителем в науке. Позднее мы многие годы проработали вместе в одном институте. Под ее руководством я с 1962 г. участвовал в работах Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. Мы написали много совместных научных работ, в том числе монографию «Северная Бактрия–Тохаристан».

Именно Галина Анатольевна была инициатором моего первого приезда в Узбекистан в апреле 1962 г., чтобы участвовать в моей первой экспедиции на территории древней Согдианы.

В последующее время, вплоть до 1970 г., я иногда по два-три раза в год посещал городище Маджары и проводил здесь научные исследования, написал о нем более десяти статей, которые до сих пор вызывают большой интерес у ученых, а также дипломную работу. Материалы из Маджар и золотоордынских городов Поволжья и Хорезма легли в основу моей кандидатской диссертации, посвященной культурным связям Северного Кавказа с Средней Азией в XIII–XIV вв.

### 3. ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. Е. МАССОНА В КИСЛОВОДСКЕ

Еще одной стороной деятельности Михаила Евгеньевича в Кисловодске являлось активное участие в работе местного краеведческого кружка, в организации музеев в Кисловодске и Ессентуках, в научных заседаниях.

В частности, именно в Кисловодске летом 1961 г. он прочитал свой доклад о зарождении среднеазиатской археологии и раскопках буддийских памятников в Айртаме. Позднее, осенью того же года в экспедиционном лагере в Старом Мерве я слушал один из вариантов этого доклада под названием «Археологическая разведка Айртама на берегу Аму-Дарьи (в 1933 г.)», который составил главу его замечательной книги «Из воспоминаний среднеазиатского археолога», изданной в Ташкенте в 1976 г.

В моем архиве сохранилась любительская фотография афиши, вывешенной перед входом в Нарзанскую галерею, обращенную к главной уличной магистрали Кисловодска — проспекту Мира (бывшему проспекту Сталина). Привожу ее полностью, так как она представляет немаловажный интерес для истории краеведческого движения на Кавминводах, которую когда-нибудь кто-нибудь напишет:

26 августа

Зал заседаний горисполкома

Первое открытое заседание секции археологии  
Кисловодского народного музея

#### **Повестка дня**

1. Раскопки буддийского памятника первых веков н. э. на берегу Аму-Дарьи (Из работ на заре крупных проблем советской археологии).

Докладчик — доктор археологии, профессор М. Е. Массон

#### **Разное**

1. Могильник VII–VIII вв. до н. э. у Султан-горы (район 7-й бригады совхоза «Южный»).

Докладчик — председатель археологической секции Н. Н. Михайлов

2. Разведочная поездка в село Красный Восток и станицу Бургустанскую.

Докладчик — Э. В. Ртвеладзе.

Начало в 17<sup>30</sup> час.

Хорошо помню, что это необычное для Кисловодска научное заседание вызвало большой интерес — в зале присутствовало довольно много слушателей, причем как местных, так и отдыхающих на курорте. Задавалось много вопросов, особенно М. Е. Массону. Да и нам тоже.

Аул Красный Восток, о котором я докладывал, издревле был заселен абазинами — одной из не особо многочисленных кавказских народностей, относящейся к адыго-абхазской ветви иберо-кавказской семьи языков. На некрополе аула я нашел множество надгробных плит с арабскими надписями, датированными в основном XIX в. Тем не менее, уже тогда у меня сложилось мнение, что местность Абаза, куда пришел Тимур со своими войсками во время похода на Северный Кавказ, и которая упоминается Шараф ад-Дином Али Йезди, находилась в верховьях реки Падкумок.



М. Е. Массон.

Фото Д. А. Михайлова (1975 г.)  
[фотография из личного фотоархива  
Э. В. Ртвеладзе]

Кроме упомянутого доклада, М. Е. Массон выступал на заседаниях нашей секции еще с несколькими докладами. Об одном из них, прочитанном 26 августа 1965 г., стоит особо упомянуть. Это заседание было посвящено памяти недавно скончавшегося знаменитого ученого-кавказоведа, профессора Евгения Александровича Пахомова из Баку. Выступавших было четверо: И. Д. Малюженко из Эссентуков сделал доклад о работах Е. А. Пахомова по изучению Северного Кавказа; Н. Н. Михайлов доложил об археологических исследованиях в районе Кисловодска с августа 1964 г. по август 1965 г.; я в своем выступлении охарактеризовал новые находки джучидских монет XIV в. с городища Маджар; Михаил Евгеньевич выступил с докладом «Реставрационные работы на минарете медресе Улугбека (XV в.) в Самарканде 1918–1920 гг.». Этот доклад вошел позднее в изданную им брошюру «Падающий минарет» (Ташкент, 1968).

Приглашение на это заседание было отпечатано типографским способом, причем моя фамилия, как это нередко бывало, была написана с ошибками: Твреладзе вместо Ртвеладзе.

Несколько слов хочу сказать о самом Евгении Александровиче Пахомове и докладчике Игоре Дмитриевиче Малюженко. Они были очень близкими друзьями еще с дореволюционных времен по совместной работе на Закавказской железной дороге, где генерал Е. А. Пахомов был начальником этой дороги, а Игорь Дмитриевич служил драгоманом (переводчиком). Сблизила их общая с детских лет любовь к нумизматике, причем Евгений Александрович после революции полностью перешел на научную стезю — написал множество статей по нумизматике и истории Кавказа, в том числе о знаменитых пехлевийских надписях из Дербента, и в особенности Азербайджана, где он был избран членом-корреспондентом республиканской Академии наук. Игорь Дмитриевич остался коллекционером, и у него была богатейшая и редчайшая коллекция монет, собранных им во время работы в Закавказье и на Переднем Востоке. Такого собрания селевкидских монет, которое было у И. Д. Малюженко, я больше нигде и никогда не видел. Судьба коллекции после его смерти осталась неизвестной. Говорили, что часть ее была продана родственниками Игоря Дмитриевича в Государственный Эрмитаж, а другая — большая — разошлась по коллекционерам.

Игорь Дмитриевич был высоким сухощавым человеком с благородной осанкой. Он знал и говорил на многих языках — персидском, курдском, армянском, но особенно блестяще говорил по-грузински. Даже в русской его речи явственно был заметен грузинский акцент. Однажды, после заседания, в снежный январский вечер 1964 г. я провожал его на электричку, и он всю дорогу от горисполкома, где проходило заседание, и вплоть до вокзала декламировал по-грузински знаменитую поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» — «Вепхвис ткаосанис».

И. Д. Малюженко жил в Эссентуках (куда к нему летом часто приезжал из жаркого Баку на отдых Е. А. Пахомов) с двумя любимыми кошками, которые сидели

у него на коленях даже во время обеда. Михаил Евгеньевич очень уважал Е. А. Пахомова — ведь в ту пору они, как и безвременно умерший в ссылке в Узбекистане Р. Р. Фасмер, были крупнейшими специалистами в Советском Союзе (да и за его пределами тоже) по восточной нумизматике. В то же время, когда речь заходила о Е. А. Пахомове, Михаил Евгеньевич говорил: «Вот Евгений Александрович — блестящий знаток, но свои знания не передал никому, а я воспитал нескольких специалистов». И добавлял: «Надеюсь, Эди, когда Вы станете профессором, то передадите свои знания ученикам и тем самым продолжите нашу школу». И я выполнил завет своего учителя: мои ученики — А. А. Мусакаева (согдийская нумизматика), Л. С. Баратова (раннесредневековая нумизматика) и А. Н. Горин (бактрийская нумизматика) — стали учеными, известными своими работами далеко за пределами Узбекистана.

Помимо М. Е. Массона, на наши заседания, особенно летом, приходило много других ученых. На одном из них присутствовал Давид Георгиевич Капанадзе — автор капитального научного труда о монетах Грузии. После моего выступления он стал уговаривать меня вернуться в Грузию, но я остался верен Ташкенту.

Михаил Евгеньевич принимал деятельное участие и в создании первого в Кисловодске народного музея, ставшего впоследствии государственным учреждением. Для этого он даже ходил к председателю Кисловодского горисполкома и первому секретарю горкома партии. Благодаря его авторитету и неустанной деятельности краеведов Кисловодска, проявившейся в том числе и в виде публикаций (в особенности статей И. Тулинова и Н. Н. Михайлова), под музей была отдана одна из каменных башен-бастионов сохранившейся крепостной стены Кисловодской крепости, сооруженной в начале XIX в. для защиты населения города от набегов горцев, которая располагалась на территории санатория «Крепость».

Этот санаторий возвышался над парком в живописном месте Кисловодска, рядом с Главпочтамтом, также размещенном в старинном особняке и, кстати сказать, рядом с санаторием «Узбекистан». Эти здания полукругом охватывали небольшой уютный сквер, где мы часто назначали наши встречи, а неподалеку, по ту сторону сквера, находился Дом-музей знаменитого русского художника Н. А. Ярошенко. В работе и этого музея Михаил Евгеньевич принимал активное участие, сотрудники музея нередко приглашали его на различные мероприятия, где он выступал со своими воспоминаниями о встречах с известными русскими и узбекистанскими художниками, приводя любопытные подробности, к примеру, о пребывании Н. Н. Каразина и В. В. Верещагина в Туркестане, которые он слышал от старых туркестанцев в юные годы.

Вот, что вспомнилось мне как очевидцу о кисловодском периоде жизни Михаила Евгеньевича Массона. Этот короткий очерк — всего лишь небольшой штрих к богатой событиями и открытиями биографии моего Учителя, выдающегося исследователя далекого прошлого Средней Азии.

# О НАЧАЛЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПУТИ СЕРГЕЯ ГРИГОРЬЕВИЧА КЛЯШТОРНОГО<sup>1</sup>

А. А. Сеницын (Санкт-Петербург)

Сергей Григорьевич Кляшторный был «последним из могикан», из старой плеяды историков и филологов — титанов отечественного востоковедения. Мне сложно судить о его научных заслугах, поскольку от сферы моих антиковедческих интересов до проблематики древнетюркской текстологии, истории и культуры тюркских народов, чем всю жизнь занимался Сергей Григорьевич, пожалуй еще дальше, нежели «до Китая пешком». О достижениях С. Г. Кляшторного в монголоведении и тюркологии многое было сказано и еще скажут специалисты — его соратники и оппоненты, соавторы и ученики, коллеги по Отделу Центральной и Южной Азии, многие годы работавшие под его началом<sup>2</sup>. Задача этого вступительного очерка — выразить, так сказать, взгляд со стороны, поделиться личными впечатлениями о С. Г. Кляшторном как человеке и рассказчике. И вторая задача: представить публикуемый ниже материал — занимательную беседу с ученым, которая состоялась два года тому назад.

---

С. Г. Кляшторный родился 4 февраля 1928 г. в Гомеле (Белорусская ССР), ушел из жизни 21 сентября 2014 г. в Санкт-Петербурге. В юности Сергей Григорьевич связал свою судьбу с Ленинградом: после школы поступил на Восточный факультет ЛГУ, где учился на кафедрах тюркской филологии и истории Ближнего и Среднего Востока; окончив университет (1950 г.), он стал сотрудником Всесоюзного геологического института — знаменитого ВСЕГЕИ<sup>3</sup>, а в 1957 г. был приглашен в Сектор тюркологии и монголистики Ленинградского отделения Института востоковедения

---

<sup>1</sup> Все воспроизведенные в этой статье фотографии, за исключением двух, специально оговоренных, — из личного фотоархива С. Г. Кляшторного, публикуемые впервые с разрешения его вдовы А. В. Копыцкой.

<sup>2</sup> К проблематике научных исследований С. Г. Кляшторного см.: Кульганек и др. 2014; Султанов 2015; Насилов 2015; Савинов 2015. Памяти ученого была посвящена секция «Кочевники Евразии» в рамках XXVIII Международной научной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (СПбГУ, 22–24 апреля 2015 г.) [ААММ: 320–355]. К дискуссии по лингвистическим проблемам алтаистики см. недавнюю работу: Кызласов 2008: 94 сл., 97. В феврале 2015 г. в ИВР РАН прошла международная научная конференция «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем», посвященная памяти С. Г. Кляшторного, на которой воспоминаниями об ученом поделились коллеги А. А. Колесников, Д. М. Насилов, Т. И. Султанов, Д. Г. Савинов и др.; см. опубликованные тезисы [Тюрко-монгольский мир 2015] и краткий отчет об этой конференции [Кульганек 2015]. В настоящем издании опубликована статья Т. И. Султанова «Жил-был тюрколог... Памяти Сергея Григорьевича Кляшторного» — о научном пути ученого и его вкладе в тюркологию.

<sup>3</sup> Ныне это Всероссийский научно-исследовательский геологический институт имени А. П. Карпинского.

Студент ЛГУ С. Г. Кляшторный.  
Ленинград, конец 1940-х гг.



АН СССР на должность младшего научного сотрудника. Через три года он был назначен заведующим библиотекой ЛОИВ. После защиты в 1962 г. кандидатской диссертации на тему «Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии»<sup>4</sup> С. Г. Кляшторный был назначен заведующим Сектором тюркологии и монголистики (в 1963 г.) и прослужил в этой должности ровно полвека (!) — до 2013 г.

К этому краткому жизнеописанию ученого добавлю, что Сергей Григорьевич многие годы был заведующим Сектором Центральной Азии и заведующим Отделом Центральной и Южной Азии ИВР РАН, являлся почетным доктором Института Истории Монгольской Академии наук, почетным академиком Турецкого лингвистического общества, почетным академиком Национальной академии наук Кыргызской Республики, почетным профессором Университета Астаны (Казахстан). За значительные заслуги в изучении тюркской рунической письменности С. Г. Кляшторный был награжден в 2005 г. Золотой медалью Постоянной международной алтаистической конференции (Gold Medal of the Permanent International Altaistic Conference).

Ленинград/Санкт-Петербург стал для С. Г. Кляшторного второй родиной. Но сказать, что вся биография Сергея Григорьевича связана с городом на Неве, было бы не верно. Значительную часть жизни (почитай, более трети!) он провел в путешествиях: экспедиции и конференции, раскопки и доклады, сообщения и отчеты... Восток был его стихией, источником вдохновения и предметом научных исследований. «Спидометр» экспедиционно-полевой жизни Кляшторного насчитывал годы во времени и десятки тысяч верст «пробега»: с конца 1940-х годов и до середины 2000-х он проводил месяцы в археологических и этнографических полевых работах. Для него это был единый путь и поиск длиною в жизнь. И всюду были разведки и открытия, артефакты и надписи, встречи и опросы... Местами полевых исследований С. Г. Кляшторного были просторы Тувы, Алтая, Казахстана, Киргизии, Монголии и др.<sup>5</sup>

В Ленинградский Ордена Ленина государственный университет Сергей Кляшторный поступил в победном 1945 г., так что пора его студенчества пришлось на суровые послевоенные годы: это было время, когда непокоренный Ленинград восставал

<sup>4</sup> Научными руководителями по кандидатской диссертации С. Г. Кляшторного были известные советские ученые: филолог, исследователь древнетюркских текстов и истории тюркских языков, член-корреспондент АН СССР С. Е. Малов (1980–1957) и археолог, историк, исследователь Средней Азии, профессор А. Н. Бернштам (1910–1956) (сведения о нем см. далее, в тексте интервью и в комментариях к нему).

<sup>5</sup> Об экспедиционной деятельности С. Г. Кляшторного с 1947 до 2003 г. (56 полевых сезонов!) см. в его послужном списке, представленном на сайте СПб ИВР РАН [ИВР РАН 2015].



из руин и пожарища. В ЛГУ С. Г. Кляшторный слушал курсы В. В. Струве, М. И. Артамонова, А. Н. Бернштама и других корифеев советской науки о древностях. Языки Востока, история и культура древневосточных обществ вызывали у него особый интерес. Вот в эти годы и состоялись его первые археологические экспедиции в Среднюю Азию.

С. Г. Кляшторный был последним из археологического «племени бернштамцев» — группы учеников известного азиатоведа А. Н. Бернштама, посещавших его семинар в конце 1940-х — начале 1950-х гг.<sup>6</sup>, и потом, после смерти руководителя, постоянно встречавшихся в день рождения Натаныча (как они, любя, называли своего Учителя) на квартире его жены. Об этом и о многом другом рассказывает Сергей Григорьевич в публикуемом здесь «интервью».

---

Весной и летом 2013 г. я собирал материал для статьи об археологе Сергее Сергеевиче Сорокине (1913–1984), который был в середине XX в. сотрудником ИИМК, а потом 30 лет проработал в Государственном Эрмитаже<sup>7</sup>. В июне 2013 г. исполнилось 100 лет со дня рождения С. С. Сорокина, и мне нужны были «штрихи» к его биографии, а их могли помочь «набросать» те люди, которые некогда хорошо его знали. По рассказам коллег мне было известно, что С. Г. Кляшторный когда-то работал вместе с С. С. Сорокиным в археологических экспедициях А. Н. Бернштама, и был одним из тех (чуть ли не последний), кто помнил Сергея Сергеевича еще с конца 40-х годов прошлого столетия (!). Такой шанс нельзя было упустить.

О С. Г. Кляшторном я был много наслышан от старших коллег и от своей тетушки Раисы Николаевны Гусевой (об этом скажу чуть позже); на рубеже нулевых-десятих годов я несколько раз видел Сергея Григорьевича на конференциях в Эрмитаже, ИИМК и ИВР РАН, но до того не был ему представлен — просто не было случая.

2 июля 2013 г. мы отправились навестить С. Г. Кляшторного в Клинической больнице Российской Академии наук на проспекте Мориса Тореза. О нашей встрече и теме разговора мы сговорились заранее по телефону. Договоривался о встрече с Сергеем Григорьевичем мой друг Валерий Павлович Никоноров, сотрудник ИИМК РАН, который давно был знаком и дружен с С. Г. Кляшторным.

Был замечательный летний день, тот памятный день нашей встречи с С. Г. Кляшторным. Мы пришли в условленное время, В. П. Никоноров созвонился с С. Г. Кляшторным по мобильному телефону, и мы остались ждать его в вестибюле больницы. Совсем скоро появился Сергей Григорьевич — в рубашке с короткими рукавами, улыбающийся и бодрый, встретивший нас очень приветливо: было видно, что он ждал гостей. В. П. Никоноров представил меня профессору. Мы перекинулись несколькими фразами приветствия и знакомства, и С. Г. Кляшторный повел нас по коридорам первого этажа больницы, как он сказал, «в одно укромное местечко».

Вот мы входим в небольшой полутемный зал: искусственный свет в помещении выключен, а единственное высоченное окно выходит в больничный парк, и раски-

---

<sup>6</sup> О первых шагах студента С. Г. Кляшторного в археологии и его наставниках на этом пути (на основе воспоминаний самого Сергея Григорьевича) см.: Синецын 2015.

<sup>7</sup> Статья о С. С. Сорокине была опубликована в 2013 г. в очередном выпуске историографического сборника Саратовского университета «История и историческая память» [Синецын 2013: 208–228]. Сведения о С. С. Сорокине см. ниже в тексте беседы и в комментариях.

дистое дерево с той стороны окна дает приятную тень. В разных концах зала стоят два невысоких стола со стеклянными столешницами, и вокруг столов — по три-четыре кресла. Мы рассаживаемся за одним из столиков и продолжаем разговор, начатый еще по пути, в коридорах клиники. Тут я включаю диктофон...

---

Перед нами сидит невысокого роста великий человек с похожим на мальчишеское лицом и открытой, почти детской улыбкой, и с первой же минуты разговора возникает ощущение абсолютной легкости общения с Сергеем Григорьевичем. Первый час сидим втроем, а потом к нам присоединяется молодой коллега из Казани. Он представился как Венья (очевидно, Вениамин), фамилии его я не запомнил, а в диктофонной записи она звучит неразборчиво. Он, как и мы, заранее договорился с С. Г. Кляшторным о встрече в этот день — хотел получить консультацию по теме своих научных занятий.

Беседа продолжается более двух часов. Вернее, В. П. Никоноров и я задаем вопросы Сергею Григорьевичу, а он живо отвечает на них. У меня сразу же возникает впечатление, будто ответы на все мои вопросы С. Г. Кляшторный продумал заранее и как бы связал свое повествование воедино. С. Г. Кляшторный щедро делится воспоминаниями, рассказывает он увлекательно, с юношеским задором, при этом сам загорается той или иной темой. В моей записи сохранился звонкий (тоже будто юношеский) голос Сергея Григорьевича. Он похож на задорного мальчишку, только пожилого, умудренного годами и жизненным опытом.

Хотя в беседе С. Г. Кляшторный и жалуется на то, что «память моя уже меня подводит», но, рассказывая о событиях семидесятилетней давности (!), он демонстрирует великолепную память. К примеру, как он описывает историко-археологический семинар А. Н. Бернштама, в котором сам принимал участие на рубеже 1940–1950-х гг. [см.: Сеницын 2015: 322–323]. Сергей Григорьевич вспоминает своих друзей-археологов: Т. Н. Вагнер-Заднепровскую, Ю. А. Заднепровского, Н. Г. Горбунову-Кершнер, И. П. Засецкую, Е. И. Лубо-Лесниченко, Л. Я. Маловицкую и др. — всех тех, кто были участниками *того* «среднеазиатского кружка»<sup>8</sup>, с легкостью перечисляя годы их вхождения в «бернштамовское братство» в хронологическом порядке: 1945-й, 1946-й, 1947-й и далее. В будущем большинство членов этого кружка стали маститыми учеными, археологами, филологами, историками, востоковедами, искусствоведами — нимковскими и эрмитажными легендами. Ныне почти все из тех семинаристов уже навечно ушли.

И вот, Сергей Григорьевич рассказывает, мы слушаем его истории, задаем вопросы, а из больничного парка в открытое высокое окно врываются звонкие голоса птиц. Лето. Начало июля. 2013-й год.

---

Последние годы (с середины 2000-х гг.) С. Г. Кляшторный жил с женой Алевтиной Владимировной Копыцкой в Угловом переулке, что рядом с Московским проспектом, в доме № 5 на третьем этаже. Случилось так, что на втором этаже,

---

<sup>8</sup> Это была «чисто археологическая компания» (по определению самого С. Г. Кляшторного), в которую входили участники экспедиций в Среднюю Азию (в основном из студентов разных курсов Ленинградского университета), которыми руководил профессор ЛГУ А. Н. Бернштам (рассказ Сергея Григорьевича об этой «компании» и мои комментарии к нему см. далее).

прямо под квартирой Кляшторных, еще с конца 1960-х годов жила (живет там и поныне) моя тетушка, сестра отца — Раиса Николаевна Гусева (в девичестве — Синицына). И познакомилась она с семьей Кляшторных при интересных и весьма неприятных для обеих сторон обстоятельствах. Как это иногда случается между соседями по подъезду, жильцы верхнего этажа затопили квартиру этажом ниже — ту самую, что принадлежит моей тете. К счастью, тогда все обошлось без разбирательств и тяжб. Напротив, общая беда (а тот «потоп» был суровым — трубу прорвало в летнее время, когда жильцы обеих квартир были на даче!) сблизила соседей. После этого случая Раиса Николаевна неоднократно бывала в гостях у Кляшторных и рассказывала мне о большой библиотеке в квартире ее ученого соседа. От нее-то я впервые и узнал, что соседом является тот самый профессор Кляшторный — знаменитый отечественный востоковед. Как говорится, мир тесен.

После июльского «интервью» в больнице я стал тесно общаться с С. Г. Кляшторным. С июля 2013 г. по июль 2014 г. мы много раз перезванивались и переписывались, в основном по делу: иногда я обращался к Сергею Григорьевичу за консультациями пономадам, расспрашивал дополнительно о С. С. Сорокине и А. Н. Бернштаме; в это же время мы в переписке уточняли разного рода детали относительно статьи Сергея Григорьевича, подготовленной им для сборника к 60-летию В. П. Никонорова, который я тогда редактировал [см.: Кляшторный 2014]. Осенью 2013 г. несколько раз мы встречались в библиотеке ИИМК РАН, а в декабре встретились на конференции в ИВР РАН. В мае 2014 года мы условились с С. Г. Кляшторным встретиться у него на квартире, но дважды отменяли встречу из-за болезни Сергея Григорьевича, а в последний раз — это было уже в июне 2014-го — по причине моей занятости в летнюю сессию. В начале июля я позвонил С. Г. Кляшторному, мы долго говорили по телефону и перенесли нашу встречу на конец сентября — после моего возвращения из отпуска и его окончательного выздоровления. Но этого не случилось... И уже никогда не случится.

Мой визит к Кляшторным состоялся через полгода после смерти Сергея Григорьевича — в марте 2015 г. В январе этого года, узнав от коллег, что весной состоится очередная конференция «Азия и Африка в меняющемся мире», в рамках которой запланирована секция «Кочевники Евразии», посвященная памяти С. Г. Кляшторного, я подготовил тезисы по материалам его рассказов про первые шаги ученого в среднеазиатской археологии [Синицын 2015]. Но мне понадобились дополнительные сведения о Сергее Григорьевиче, его фотографии. Тогда я впервые оказался в квартире ученого соседа тетушки в Угловом переулке, в гостях у его вдовы А. В. Копыцкой. Я записал на диктофон беседу с Алевтиной Владимировной, которая охотно отвечала на вопросы, многое рассказала о муже, его характере, занятиях; она познакомила меня с документами С. Г. Кляшторного. Из трех больших картонных коробок с фотографиями разных лет в тот вечер мы смогли перебрать только одну коробку — просмотрели сотни фотокарточек. Увы, на большинстве фоток из кляшторновского архива не указаны ни место, ни время, не названы изображенные на них лица; а восстановить эти данные довольно сложно. Редкие снимки подписаны рукой Сергея Григорьевича на оборотной стороне (чаще — карандашом). С разрешения А. В. Копыцкой я отобрал несколько десятков снимков для презентации своего доклада о С. Г. Кляшторном на апрельской «азиатско-африканской» конференции. Теперь часть из тех фотографий публикуется в приложении к настоящей статье.

К сожалению, С. Г. Кляшторный не оставил письменных воспоминаний, хотя ему, прожившему долгую и насыщенную событиями жизнь, конечно, было что рассказать, было чем поделиться. Насколько мне известно, Сергей Григорьевич не вел и личных дневниковых записей<sup>9</sup>. Поэтому, в отсутствии воспоминаний и дневников С. Г. Кляшторного, публикуемый материал представляется уникальным.

Слово «интервью» в названии публикуемой здесь беседы условно, во-первых, потому что этот текст не имеет отношения к публицистике, а во-вторых, поскольку первоначально беседа не предназначалась для публикации (во всяком случае, в полном объеме). Однако мы решили опубликовать материал в ЗВОРАО, учитывая, что эта историографическая информация может представлять интерес для широкого круга археологов, историков и филологов-востоковедов и этнографов.

Перед нами рассказ ученого о том, с чего начался его «Way Down East». Конечно, в первую очередь это источник сведений о самом С. Г. Кляшторном, но также о его времени, его учителях и коллегах: М. И. Артамонове, А. Н. Бернштаме, Ю. А. Заднепровском, Л. Н. Гумилеве, С. С. Сорокине и других. Возможно, что кому-то из читателей отзывы и оценки С. Г. Кляшторного покажутся сугубо субъективными, спорными. Но я считаю, что как раз субъективностью характеристики и ценен публикуемый материал. Это личный взгляд ученого на людей и события, живое свидетельство человека, который на своем долгом веку знал многих выдающихся личностей, работал с ними.

Надеюсь, что опубликованная беседа окажется важным источником как для тех, кто интересуется судьбой ученого С. Г. Кляшторного, так и для тех, кто занимается историей русской/советской науки и культуры.

Расшифровка диктофонной записи, компьютерный набор и редакция текста были выполнены мною весной-летом 2015 г. Считаю уместным дать некоторые пояснения о принципах оформления, которые были использованы при публикации этого материала. Текст беседы публикуется полностью (с незначительными лакунами в тех местах, где мне не удалось разобрать запись). В ряде случаев, когда фраза требовала пояснений, таковые даны в основном тексте и помещены в квадратные скобки — [ ]. Указания адресатов обращения и разного рода реакции участников беседы, которые сохранены для ощущения атмосферы живого диалога, даются в круглых скобках и выделены курсивом — *(смеется / вспоминает)*. Опущенные фрагменты интервью обозначены фигурными скобками — {...}. Необходимые справки о событиях, реалиях и исторических лицах, которые упоминаются в разговоре, помещены в подстрочных примечаниях. В большинстве случаев справки сопровождаются краткой библиографией.

<sup>9</sup> Как рассказала Алевтина Владимировна Копыцкая, в домашнем архиве ее мужа сохранились только «какие-то старые тетради с отчетами о некоторых археологических экспедициях» (из диктофонной записи нашей беседы в марте 2015 г.). Но познакомиться с этими тетрадями мне пока не удалось. В публикуемом ниже интервью (в самом конце разговора) Сергей Григорьевич признается: «Я уже с [19]48 года вел самостоятельные объекты, писал отчеты, которые, естественно, сдавал тогда Бернштаму. Потом Натаныч их использовал для составления своих расширенных отчетов по исследуемым им археологическим памятникам. Но вряд ли эти рабочие дневники — я имею ввиду мои личные — заслуживают какого-то внимания...»

За оказанную помощь в работе над материалом благодарю В. П. Никонорова. Особенно признателен А. В. Копыцкой за дополнительную информацию о С. Г. Кляшторном и предоставленное право опубликовать фотографии из его личного фотоархива.

## ИНТЕРВЬЮ С СЕРГЕЕМ ГРИГОРЬЕВИЧЕМ КЛЯШТОРНЫМ <sup>10</sup>

(Сначала мы говорим на разные темы: о здоровье, о погоде, о том, что лето 2013 года выдалось жарким, говорим о питании в больнице и скорой выписке С. Г. Кляшторного).

**Валерий Никоноров.** {...} Но ведь Вы здесь ненадолго?

**Сергей Кляшторный.** Да я думал, что пробуду недельку. Но вот, уже вторую. {...} Теперь жду результатов [анализов], а они будут только после восьмого-девятого [июля].

**В. Н.** А на выходные дни Вас отпускают?

**С. К.** Конечно. Ведь я же практически-то здоров и могу вполне сам передвигаться.

**Александр Сеницын.** Но в этом полевом сезоне Вы уже не поедете в археологическую экспедицию?

**С. К.** Не-е-е-ет (*смеется*). Нет, в этом полевом сезоне (*на секунду задумался — напоминает*)... Я уже ... лет десять или восемь, не помню точно [как не езжу в экспедиции]. Моя последняя полевая поездка, не очень трудная, была в Казахстан. Меня пригласили Карл Байпаков<sup>11</sup> и Булат Кумеков<sup>12</sup>, и мы вместе поездили по некоторым районам Восточного Казахстана<sup>13</sup>. Но это была не экспедиция, а так, скорее, экскурсия. Настоящую же археологическую [экспедицию] я окончил в девяностом [году] в Монголии. Тогда же отменили нашу экспедицию, в которой я двадцать два года проработал<sup>14</sup>. Вот (*припоминает*)... Ездил! Ведь я был в конце девяностых годов четыре года начальником экспедиции, которая называлась Этносоциологическая экспедиция Висконсинского университета в Мэдисоне<sup>15</sup>. Это

<sup>10</sup> Запись беседы на диктофон, расшифровка, компьютерный набор и редакция материала, комментарии к тексту выполнены А. А. Сеницыным, подбор фотографий — А. А. Сеницыным и В. П. Никоноровым.

<sup>11</sup> Карл Молдахметович Байпаков (1940 г. рожд.) — археолог, академик Национальной Академии наук Республики Казахстан; директор Института археологии Академии наук Республики Казахстан; специалист в области средневековой археологии Казахстана и Центральной Азии.

<sup>12</sup> Булат Ешмухамбетович Кумеков (1940 г. рожд.) — историк, филолог, исследователь средневековой истории Казахстана и Центральной Азии; академик Национальной Академии наук Республики Казахстан; специалист по кипчаковедению, арабским, персидским и тюркским письменным памятникам.

<sup>13</sup> По-видимому, речь идет об Иртышской экспедиции 2003 г., начальником которой был К. М. Байпаков, о чем сказано в «послужном списке» С. Г. Кляшторного на сайте СПб ИВР РАН [см.: ИВР РАН 2015].

<sup>14</sup> С 1969 по 1990 г. С. Г. Кляшторный работал начальником эпиграфического отряда Советско-монгольской историко-культурной экспедиции АН СССР и АН МНР (экспедицией руководил А. П. Окладников, а с 1982 г. — В. В. Волков) [см.: ИВР РАН 2015].

<sup>15</sup> В 1998–2002 гг. С. Г. Кляшторный был начальником Киргизского отряда Этносоциологической экспедиции Висконсинского университета в Мэдисоне (начальник экспедиции — А. М. Хазанов) [см.: ИВР РАН 2015].

Хазанов<sup>16</sup> там рекомендовал своему начальству меня и Масанова<sup>17</sup>, который тогда работал в Казахстане. А Вы не знали Масанова? (*Вопрос к В. П. Никонорову.*)

**В. Н.** Нет, я его не застал. Но я встречался в 2010 г. на конференции в Алматы с его супругой Лаурой.

**С. К.** Да-да. И еще один отряд из Москвы работал тогда в Казахстане. А я был начальником Киргизской части этой экспедиции. Потом в Казахстане Масанова заменила Ерофеева<sup>18</sup>, и она организовала пункт по изучению Семипалатинска и тех районов. {...} Четыре года я у них отработал. Но это была не археология. Хотя, конечно, там археологи нашли тогда надписи, и я успел их проглядеть. Там было несколько буддийских и монгольских надписей. Мне это было не интересно. Это уже Джунгарская эпоха, а у меня была настоящая Уйгурская (*смеется*). Эти материалы я опубликовал потом в Японии, в Киргизии и у нас [в России]<sup>19</sup>. Вот, что было тогда хорошего (*смеется*). Но это я так, все о себе рассказываю. А у Вас (*обращается к А. А. Сеницыну*), как я знаю, интерес другой.

**А. С.** Да, Сергей Григорьевич, я не археолог, занимаюсь классикой: античная история и историки, древнегреческий театр, драматургия и драматурги. Сейчас же у меня интерес иного рода. Я хочу расспросить Вас о Сергее Сергеевиче Сорокине<sup>20</sup>, который является родственником моей жены, родным братом ее деда Виктора Сорокина — профессора математики из Иваново<sup>21</sup>, и братом Всеволода Сорокина<sup>22</sup> — археолога, сотрудника ИИМК, которого Вы, должно быть, помните.

---

<sup>16</sup> Анатолий Михайлович Хазанов (1937 г. рожд.) — историк, этнолог, крупнейший специалист в исследовании культуры кочевого мира; заслуженный профессор антропологии Департамента антропологии университета Висконсин в Мэдисоне (США); автор многих научных трудов по этнографии, антропологии и истории номадов, из которых укажу: Хазанов 2000; 2008. А. М. Хазанов является членом Британской академии, членом-корреспондентом Международного института по изучению кочевых цивилизаций при ЮНЕСКО, почетным членом Общества по изучению Центральной Евразии.

<sup>17</sup> Нурбулат Эдигеевич Масанов (1954–2006) — историк, этнолог, специалист по изучению кочевых народов Азии; профессор Казахского государственного университета, основатель Казахского научно-исследовательского института по проблемам культурного наследия номадов Министерства образования и науки Республики Казахстан. Он — автор многих работ по истории и культуре Казахстана, в том числе монографии «Кочевая цивилизация казахов» [Масанов 1995; 2011; о нем самом см.: Ерофеева 2007: 45–57; Савоскул 2007: 188–191].

<sup>18</sup> Ирина Викторовна Ерофеева (1953 г. рожд.) — историк, этнограф, автор работ по политической и социально-экономической истории Казахстана и культурному наследию кочевых народов Центральной Азии.

<sup>19</sup> Речь идет о древнеуйгурских рунических памятниках, исследованных С. Г. Кляшторным и опубликованных им в серии статей [Кляшторный 2008; Klyashtornyj 2008; 2012] и монографии [Кляшторный 2010; см. рецензию на эту книгу: Камалов 2012].

<sup>20</sup> Сергей Сергеевич Сорокин (1913–1984) — археолог, сотрудник Государственного Эрмитажа [см. о нем: Археологическая экспедиция 1962: 162, 179; Сорокин 1987; Тишкин, Дашковский 2004: 57–59; Длужневская 2011: 226–227; Сеницын 2013: 208–228 (там же ссылка на публикации о нем — с. 209, примеч. 2)].

<sup>21</sup> Виктор Сергеевич Сорокин (1908–1994) — физик, профессор Ивановского государственного педагогического института (ныне — Ивановский государственный университет) [о нем см.: Сеницын 2013: 210 и примеч. 4]. Сохранились его мемуары, которые опубликованы лишь частично [Сорокин 1995; 1996].

<sup>22</sup> Всеволод Сергеевич Сорокин (1911–1979) — специалист по среднеазиатской археологии, сотрудник ИИМК РАН [см. о нем: Длужневская 2011: 145, 226; Алёшкин 2013в: 139, 140, 157; Сеницын 2013: 211, 231 сл.].

**С. К.** Всеволода Сергеевича Сорокина я хорошо знал, мы часто встречались с ним у нас в Институте<sup>23</sup> и в Эрмитаже.

**А. С.** Так вот, так случилось, что ныне я со своей семьей живу в квартире Сергея Сергеевича Сорокина. В этой квартире осталось много документов и вещей прежнего ее хозяина — историка, археолога, знатока искусства древнего и нового: книги, письма, художественные альбомы, пластинки, хозяйственные инструменты, бытовые мелочи, а в комнате моего сына на дверке шкафа, сделанного самим Сергеем Сергеевичем, даже висит настоящий скифский акинак... А поскольку в этом году, кстати сказать, на прошлой неделе, Сергею Сергеевичу Сорокину исполнилось сто лет...

**С. К.** Подумать только — сто лет!

**А. С.** Да, значительная дата. Сорокину-младшему — 100, а Всеволод на два года старше [Сергея]. Поэтому я подумал, что хорошо было бы почтить братьев Сорокиных и написать о них очерк. Оба брата — историки-археологи, сказавшие слово в науке, но о них почти ничего не известно. Публикаций о них нет, ссылки на их работы встречаются очень редко. Так что я решил собрать сведения об археологах Сорокиных, опросить тех людей, с кем когда-то работали Сергей и Всеволод, и подготовить статью о братьях. Валерий Павлович [Никоноров] посоветовал мне встретиться с Вами и поговорить о Сергее Сорокине, с которым Вы когда-то вместе начинали копать в экспедициях в Средней Азии.

**С. К.** Вы правы, теперь Сергея Сергеевича знает довольно узкий круг специалистов и то только по нескольким публикациям. Первая его публикация, которая привлекла внимание ученых, была про подбойные погребения<sup>24</sup>. Но история эта долгая.

Дело в том, что наш общий учитель Александр Натанович Бернштам<sup>25</sup>, который работал в ИИМК и на кафедре археологии [ЛГУ], копал в 1938–1940 годах в Казахстане и Киргизии, но большей частью в Киргизии. Он тогда исследовал Кенкольский могильник, так называемый<sup>26</sup>. Это район в Южном Казахстане, вблизи гор Каратау, где [находится] Сырдарьинская долина, только немного восточнее. И в этом могильнике он обнаружил погребения, которые практически не были до того отмечены, во всяком случае, в комплексе. Они были катакомбные — дромос и камера. Потом выяснилось, что [там] есть погребения подбойные с тем же инвентарем, без дромоса.

**А. С.** Это было открытие Бернштама?

<sup>23</sup> Т. е. в ЛОИВ.

<sup>24</sup> Имеется ввиду статья С. С. Сорокина, опубликованная в КСИИМК [Сорокин 1956]; о ее содержании, обсуждении и последствиях, приведших к разрыву отношений С. С. Сорокина с его научным руководителем А. Н. Бернштамом, см. ниже.

<sup>25</sup> Александр Натанович Бернштам (1910–1956) — историк, археолог, исследователь древних памятников Памира, Семиречья, Тянь-Шаня, Ферганы и др. регионов; сотрудник ИИМК РАН, профессор ЛГУ; специалист по истории гуннов, истории народов древнего Казахстана и Киргизии [о нем см.: Толстов 1957; Бернштам 1957; Заднепровский 1960: 58; Заднепровский, Подольский 1981: 161–168; Ставский 1995: 176–183; Горбунова 1995: 5–12; Длужневская 1995: 231–239; 2010: 22–27; 2011: 135, 136, 137, 139 сл., 142, 162; Ташбаева, Ведутова 1998: 5–18; Массон 2002: 279–281; Алымов 2009; Алёкшин 2010: 9–22; 2013в; Кузьмина 2010: 27–34; Смирнов 2011: 353–365; Акимченков 2012: 54, 94–101; Жантелиева 2014]. Не так давно в Бишкеке опубликовали собрание избранных работ А. Н. Бернштама [Бернштам 1997; 1998]. См. также сборник материалов конференции, посвященной 100-летию со дня его рождения [ДКЕ].

<sup>26</sup> В 1940 г. на основе своих археологических работ в Киргизской экспедиции 1939–1940 гг. А. Н. Бернштам опубликовал монографию по Кенкольскому могильнику [Бернштам 1940; 1997: 19–62].

С. К. Да, это сделал Натаньч. И в один из этих сезонов у него [в экспедиции] уже работал Сергей Сергеевич Сорокин. Он был тогда, кажется, студентом первого курса и работал только один сезон<sup>27</sup>.

Когда Александр Натанович открыл Кенкольский могильник<sup>28</sup>, он атрибутировал его как гуннский, как следы продвижения гуннов, которых китайцы называли сюнну, на запад. Тогда Александр Натанович датировал [захоронения] довольно поздней датой, II–IV веками — так, условно. Это были относительно богатые погребения, грабленные, правда, но все же относительно богатые, поскольку много вещей в них оставалось, но главное, там был ряд артефактов, анализ которых ясно указывал, что это не просто кочевнические погребения, а кочевнические погребения со следами восточноазиатской культуры. Характерной чертой погребенных была деформация черепа. Найденные деформированные черепа были вытянуты назад. Вот всё это он отметил как следы гуннского присутствия, причем гунны уже изменили свой уровень, потому что эта самая вытянутость черепа, искусственная деформация, не была характерна для восточных сюнну.

Вот, значит, это я вам представил такую маленькую предысторию к моему рассказу о Сергее Сергеевиче Сорокине. Теперь о том, что я знаю и помню о нем. Когда началась война, он попал в немецкий плен, будучи в армии<sup>29</sup>, и [после окончания войны] у него образовалось два очень крупных дефекта: во-первых, их дед был царским генералом<sup>30</sup>. И это был у них [братьев Сорокиных] общий порок в годы

<sup>27</sup> Об этом см. подробнее: Сеницын 2013: 216 сл.

<sup>28</sup> Знаменитый Кенкольский могильник, находящийся в Таласской долине, был раскопан в 1938–1939 гг. Этот памятник с катакомбным и подбойным обрядом погребения на территории Средней Азии стал своего рода сенсацией. Обычно его относят к последним векам первого тысячелетия до н. э. — первой половине первого тысячелетия н. э.; см., например: Кожомбердиев 1963: 42 сл., где могильник датируется I–V вв. н. э. Находки из Кенкола хранятся ныне в ГЭ. До сих пор остается проблемным вопрос об этнической принадлежности усопших из Кенкольских захоронений. По мнению А. Н. Бернштама, это представители культуры хунну/сюнну [Бернштам 1940; 1997: 19–62]. Критические замечания к датировке культурно-исторического комплекса высказал С. С. Сорокин. Он отнес захоронения ко II–IV вв. н. э. и предложил отличное от бернштамовского антропологическое толкование могильника [Сорокин 1956: 3–14]. Сорокин считал, что к истории хуннов Кенкольский могильник «прямого отношения не имеет» [Там же: 14] и далее в категоричной форме утверждал: «Исторические источники, привлекаемые А. Н. Бернштамом для датировки могильника... в соответствии с его “гуннской точкой зрения”, вообще не могут служить этой цели. События хуннской истории... непосредственного отношения к Кенкольскому могильнику не имеют и не могут дать материал, прямо относящийся к его датировке» [Там же: 14, примеч. 3]. О результатах археологических работ А. Н. Бернштама на Кенколе и дискуссии вокруг этого памятника см.: Кожомбердиев 1960; Кожомбердиев, Худяков 1987; Горбунова 1991; Тур 1996; Алёшкин 2013в: 125–126; Худяков и др. 2015.

<sup>29</sup> С. С. Сорокин был мобилизован 22 июля 1941 г., участвовал в боях, но уже в августе 1941 г. полк, в котором он служил, оказался в окружении. Несколько месяцев он с товарищами пытался выйти из окружения, но в декабре попал в плен и провел в немецком плену почти три с половиной года. В апреле 1945 г. С. С. Сорокин был освобожден американскими войсками. Подробнее о военном периоде его жизни см.: Сеницын 2013: 217–219. Сохранились материалы второй жены Сергея Сергеевича, Инны Яковлевны Сорокиной (до замужества — Левит) (1922–1994), написанные по воспоминаниям мужа о выходе из вражеского окружения и о годах немецкого плена; текст этих воспоминаний готовится сейчас к публикации.

<sup>30</sup> *Lapsus memoriae*: здесь подразумевается не дед братьев Сорокиных, а их отец, который в Гражданскую войну был в чине не генерала, а полковника Белой армии. См. краткие сведения об отце Всеволода и Сергея — Сергее Николаевиче Сорокине (1882–1946): Сеницын 2013: 212 сл. «После разгрома белого движения, полковник Сорокин вместе с остатками отступающей армии Деникина ушел на Запад», сначала он оказался в Болгарии, а затем перебрался в Париж и осел во Франции [Сеницын 2013: 213 и примеч. 12]; см. также опубликованные фрагменты мемуаров старшего из сыновей С. Н. Сорокина, Виктора Сергеевича [Сорокин 1995; 1996].



советской власти. {...} А тут еще плен, где он нажил, кстати говоря, туберкулез, от которого всю оставшуюся жизнь лечился. Когда он возвратился [с войны] и ему дали закончить университет<sup>31</sup>, Сергей Сергеевич сразу продолжил работу в экспедициях Александра Натановича [Бернштама].

**В. Н.** То есть его не репрессировали?

**С. К.** Нет. За ним ничего не числилось. Он просто был из военнопленных. Какие-то обследования он, конечно, проходил<sup>32</sup>. Но он ни в чем не был замечен, и его оставили в покое. {...} По моему, на фронте он еще был ранен в ногу, но нога у него потом основательно зажила, а вот туберкулез после плена остался.

В [19]45 году Александр Натанович еще жил в Киргизии, куда он был эвакуирован во время войны. Первая его экспедиция от ИИМК была в 1946 году. Она называлась Памиро-Алайская экспедиция ИИМК АН СССР. Тогда же они начали исследования в Фергане и на Памире<sup>33</sup>. Потому что Натаныч решил, по возможности, работать в отдалении от Чуйской долины, где он до того работал на Большом Чуйском канале, он поехал малыми силами, как он сам считал — в очень перспективный район, который до того археологически не исследовали, не считая случайных упоминаний об этом у разного рода исследователей. Это были Алай и Памир. Бернштам ожидал, что работы в этих районах окажутся интересными, и он был



Памиро-Алайская экспедиция (Киргизская ССР, лето 1947 г.).

На переднем плане стоят студенты Ю. А. Заднепровский (второй слева) и С. Г. Кляшторный (четвертый слева, руки в боки); третий справа, в шляпе и с тростью в руках — начальник экспедиции А. Н. Бернштам

<sup>31</sup> О перипетиях восстановления С. С. Сорокина в ЛГУ и продолжении прерванной на время войны учебы, о его первых археологических экспедициях с А. Н. Бернштом см.: Синецын 2013: 219–222.

<sup>32</sup> После войны С. С. Сорокин более полугода (с мая 1945 г. до середины января 1946 г.) находился в советском сборно-пересылочном пункте, где проходил проверку как бывший немецкий военнопленный. 15 января 1946 г. он был отпущен из лагеря и возвратился домой — в Ленинград [подробнее об этом см.: Синецын 2013: 219].

<sup>33</sup> Про Тянь-Шаньскую и Памиро-Алайскую экспедиции см. в работах самого А. Н. Бернштама [Бернштам 1945; 1951; 1952]; из новых исследований укажу следующие: Длужневская 1995; 2011: 137, 239; Алёшкин 2010; 2013в: 131–132.

прав: это оказалось очень перспективным. Но в 1946 году не удалось начать работы, хотя была группа студентов, куда входили Сергей Сергеевич и его жена Инна [Дворкина]<sup>34</sup>. Ну, и Галя Бабанская, конечно. И в [19]47 году еще ездила тогдашняя жена Бернштама... Родина (*пытается припомнить имя*)... А звали ее... Как же... Нет, я забыл, как ее звали, потом обязательно вспомню<sup>35</sup>. Но они развелись, потому что Александр Натанович женился на Бабанской Галине, которая, кстати сказать, до войны тоже начинала работать у него [в экспедиции]. Тогда [до войны] она была на первом курсе [ЛГУ]<sup>36</sup>.

В 1947 году это была уже основательная экспедиция, большие раскопки. И это была моя первая экспедиция, мой первый сезон<sup>37</sup>. Я тогда был студентом восточного факультета [ЛГУ]. В 1946 я слушал курс Бернштама на археологической кафедре в университете, а в 1947 он меня сгреб (*смеется*). Я был тогда еще совсем юн (*смеется*). В 47-ом мне было девятнадцать лет, я был на втором курсе, представление об археологии имел самое что ни есть книжное, соответственно, ничего [не знал]. Мы копали сначала в Ферганской долине. Там был тогда и Заднепровский<sup>38</sup>, который вернулся с фронта раненным, у него была покалечена рука, но [он вернулся] с орденом. Мы познакомились с Заднепровским на первом курсе. Мы с ним были сокурсники, но [учились] на разных факультетах.

Мы сначала копали в Акмонтепе, в городе Ош, а потом в Алайской долине, где были найдены довольно интересные комплексы скифского времени и подбойные могилы. Пожалуй, больше ничего из крупного [не было]. Потом уже на Памире. На Памире мы работали два года. Вот Сергей Сергеевич в этой экспедиции работал в качестве основного художника. В конце сороковых годов он был у Бернштама единственным чертежником-художником. И надо понимать, насколько тогда это была важная должность. Это чуть ли не самое главное в экспедиции. Тогда фотографии, ну, велись, конечно, и даже в экспедиции 1947–1948 годов у нас был фотограф<sup>39</sup>. Но это было без толку [для археологических съемок], он плохо снимал.

<sup>34</sup> Официально, насколько мне известно через родственников С. С. Сорокина, его союз с Инной (Октябриной) Израилевной Дворкиной (1928 г. рожд.) не был зарегистрирован.

<sup>35</sup> С. Г. Кляшторный неточно называет фамилию жены А. Н. Бернштама; ее фамилия была *Розина*; краткую справку о ней см. ниже, примеч. 75.

<sup>36</sup> Бабанская Галина Григорьевна (1922–2002) — археолог, этнограф; научный сотрудник Этнографического музея; выпускница исторического факультета ЛГУ. Она была студенткой А. Н. Бернштама, принимала участие в его экспедициях, а в конце 1940-х стала женой Александра Натановича. После его смерти вышла замуж за инженера В. А. Авербаха (1916–2009). Сохранился уникальный архив фотографий, сделанных Авербахом и Бабанской в 1960–1980 гг., который был обнаружен в их квартире фотографом М. Шером в 2010 г. Теперь этот фотоархив опубликован [см.: Большой город 2011; Шер 2013; Богомолова 2013; Туминас 2013; Юркова 2014].

<sup>37</sup> О первых шагах С. Г. Кляшторного в археологии и первых его наставниках в постижении этого ремесла см. в тезисной форме: Синицын 2015: 322–323.

<sup>38</sup> Заднепровский Юрий Александрович (1924–1999) — археолог, историк, один из крупнейших русских исследователей Ферганы и Средней Азии, «Киргизский Шлиман» [о нем см.: Ширинов, Матбабаев 1994; Заднепровская 2000: 7–12; Массон 2000: 375–376; Ставиский 2001: 180–182; Длужневская 2011: 183; а также статью А. Ю. Заднепровской «Как лопатой делается история» в настоящем издании].

<sup>39</sup> В фотоархиве С. Г. Кляшторного я нашел несколько фотографий, сделанных в экспедициях 1947 и 1948 гг. В основном это снимки бытовых сцен в лагере, есть и несколько фотографий горных пейзажей крупным планом. В отличие от многих прочих — куда более поздних! — эти фотографии датированы (большая редкость!) и, несмотря на «древность», отличаются довольно хорошим качеством. Сделаны они, вероятно, экспедиционным фотографом. Некоторые фото подписаны на оборотной стороне карандашом самим С. Г. Кляшторным.

У Бернштама был фотоаппарат «Экзакт», такой немецкий аппарат<sup>40</sup>, который тогда только появился в Союзе, дорогой очень, и Бернштам снимал им всегда сам. Но и эти съемки были не достаточны для фиксации, причем при любых условиях они не были достаточными. Поэтому роль Сергея Сергеевича в экспедиции в те годы была огромная. Практически вся графическая работа, выполненная им в эти годы, легла в основу полевого памирского отчета, а затем и в издание материалов этого памятника. Вы можете это найти (*секунду припоминает*), помоему, в 26 томе МИА, кажется, за 1952-й год, это тот том, который посвящен памиро-алайцам<sup>41</sup>. Там [есть] все наши фамилии. На Памире, весьма бедном на открытия, были сделаны тогда потрясающие находки. Первый Памирский могильник в 1948 году раскопали мы. Сейчас он выставлен в Эрмитаже в постоянной экспозиции. Вы можете посмотреть. Это вот наши работы, и Сергей Сергеевич в этом участвовал. Он продолжал работу у Бернштама до 1950 года. Мы с Юрой Заднепровским окончили университет в 1950 году, а он, кажется, раньше окончил. Он сразу же, когда окончил [университет], попал в Эрмитаж. В ИИМК его не взяли по причине дефекта биографии.

**А. С.** Причина была в том, что отец был белым офицером?

**С. К.** Так тогда говорили. Хотя это не значит, что было именно так.

**А. С.** Но ведь его брата Всеволода тогда же взяли на работу в Институт, и он там остался.

**С. К.** Видно, такова судьба. Видите ли, Всеволод не был в плену. Всеволод в войну был офицером, награжден боевыми орденами, дошел до Берлина, храбро сражался, и поэтому вопрос о его социальном происхождении не возникал. А вот Сергей Сергеевич побывал в плену, годы войны провел в Германии и была проблема...

**В. Н.** А вот то, что Сорокины — сыновья белогвардейского офицера или генерала, об этом никто не знал? Это тогда скрывалось?

**С. К.** Они это, разумеется, не афишировали. Но про это знали все, ибо об этом было записано в документах. Скрыть это было невозможно. Я, правда, узнал об этом мельком, когда сам спросил Сергея Сергеевича, почему его не берут на работу в ИИМК. Оказалось, что он сын белогвардейца, да еще и в плену был. Но в Эр-

<sup>40</sup> «Экзакта» (*Exakta*) — имя легендарной династии фотоаппаратов, производившихся с начала 1930-х гг. немецкой компанией «Ihagee» (Дрезден); см., например, историю фирмы «Ihagee Kamerawerk» И. Стинбергера: Бакст (интернет-ресурс). Как указывают специалисты, эту марку фотокамер отличала самая качественная оптика из всей производившейся фототехники 1930–1940-х гг. [см.: Ihagee Exakta (интернет-ресурс)]. После Второй Мировой войны — с 1945 по 1950 гг. — партия «Экзактов» была вывезена из Восточной Германии в Советский Союз согласно репарациям. Эти заграничные фотоаппараты тогда стоили дорого в СССР и обладание такой диковинкой считалось престижным.

<sup>41</sup> В 1947 и 1948 гг. Памиро-Алайская экспедиция под руководством А. Н. Бернштама проводила обследование на территории Таджикской ССР и Узбекской ССР: Памир, Наманганская область, долина Каратегина Гармской области, Алайская долина, Чакмале, Чон-Алайский район. В работе экспедиции вместе с А. Н. Бернштамом принимали участие его ученики С. С. Сорокин, Ю. А. Заднепровский и С. Г. Кляшторный. Позднее экспедиция сменила название на Памиро-Ферганскую комплексную археолого-этнографическую экспедицию (1950–1952 гг.), которая работала в Киргизской ССР, Таджикской ССР и Узбекской ССР: Ошская, Ферганская, Наманганская, Ленинабадская области, Алайская долина, городище Мархамат, могильники Акбеит, Гурмирон, Джангайл. Отчет о ее работе был опубликован А. Н. Бернштамом в 26-м номере МИА [Бернштам 1952]; об итогах археологических исследований тех лет см.: Бернштам 1947а; 1947б; 1951; 1956; Археологические экспедиции 1962: 162 сл., 179; Длужневская 2011: 140, 142; Алёшкин 2013в: 131, 134 сл.



Отдых в раскопе: крайний слева — С. Г. Кляшторный, крайняя справа — Т. Н. Вагнер (Заднепровская). Киргизская ССР. Памиро-Ферганская экспедиция (конец 1940-х гг.)  
[фотография из личного фотоархива А. Ю. Заднепровской]

митаж его взяли. Тогда директором [Эрмитажа] был Артамонов<sup>42</sup>, а Артамонов позволял себе всякое. Вот, например, после отсидки Гумилева<sup>43</sup> в те же годы он взял его на работу в Эрмитаж.

**А. С.** Но ведь Артамонов и пострадал тогда от своей независимости: его сняли с поста директора Эрмитажа.

**С. К.** Ну, как сказать, пострадал... Все же проректор университета<sup>44</sup> — это не самое суровое наказание, и он был не самое пострадавшее лицо, не так ли?

**В. Н.** Но ведь его убрали из Эрмитажа.

**С. К.** Да, из Эрмитажа убрали, но сделали проректором университета и заведующим кафедрой. А из музея его выгнали за резкое противодействие первому секретарю обкома Ленинграда... кто тогда уж был, ... как его? (*пытается вспомнить*)... Теперь я и не помню, а тогда...

<sup>42</sup> Михаил Илларионович Артамонов (1898–1972) — историк, археолог, исследователь культуры скифов, хазар и ранних славян; основатель советской школы хазароведения. В 1939–1949 гг. М. И. Артамонов возглавлял ИИМК; профессор, зав. кафедрой археологии ЛГУ; директор Государственного Эрмитажа (1951–1964). В 1949–1951 гг. руководил Волго-Донской археологической экспедицией [о нем см.: Клейн 1968; 1998; Клейн, Корзухина 1961; Клейн, Шилов 1968; Пиотровский, Смирнова, Доманский 1973; Пиотровский 1998; Столяр 1998а; 1998б; 2000; 2008; Платонова, Столяр 1998; Плетнева 1998а; 1998б; Платонова 1999; 2013: 25–26; Тихонов 1999; 2003: 189–204; Свешникова 2007; Бобровская, Алёшкин 2013: 329–330; Алёшкин 2013в: 123 (и в целом раздел, посвященный «артамоновскому» периоду ИИМК); Шер 2014: 516–517].

<sup>43</sup> Лев Николаевич Гумилев — см. о нем в приведенном ниже рассказе С. Г. Кляшторного. Ниже, в примеч. 52 указана избранная литература о Л. Н. Гумилеве. О трудоустройстве М. И. Артамоновым возвратившегося в 1956 г. из лагеря Л. Н. Гумилева см. воспоминания Н. И. Казакевича [Казакевич 2012: 109 слл., 918 слл., 938 слл.].

<sup>44</sup> Из послужного списка М. И. Артамонова: с 1948 по 1951 г. — проректор ЛГУ, в 1950 г. — исполняющий обязанности ректора университета; почти четверть века (с 1949 по 1972 г.) — заведующим кафедрой археологии исторического факультета ЛГУ.

**А. С.** Вот, надо же, а ведь то был, должно быть, суровый представитель власти в те годы.

**С. К.** Да-да, именно так. Там были всякие происки. Эрмитаж хотели превратить во что-то такое для власти, такие слухи ходили. И были покушения на то, чтобы устроить там какие-то роскошные празднества для партийного руководства. {...} Я лично это слышал от Бориса Борисовича [Пиотровского]<sup>45</sup>. Последний не раз рассказывал, что Эрмитаж планировали передать в Зимний дворец для партийцев, а чиновники из [Ленинградского] обкома предполагали устраивать там роскошные приемы для приезжих партийных боссов. Но Михаил Илларионович [Артамонов] был не из тех людей, которые уступают начальству...

**В. Н.** Он, конечно, был человеком авторитетным, так что партийные чиновники не могли расправиться с ним запросто.

**С. К.** ...Но Артамонов им был неудобен, поэтому его убрали, а назначили Бориса Борисовича [Пиотровского], который считался человеком покладистым и уступчивым...

*(Звучит музыка на телефоне С. Г. Кляшторного. В этот день к нему должен был прийти молодой коллега, с которым они накануне договорились о встрече. С. Г. Кляшторный назначил ему на 16. 00. Было начало пятого, когда раздался звонок — звонил тот самый коллега. С. Г. Кляшторный оставил нас с В. П. Никоноровым за столом в зале и пошел встречать нового гостя. Минут через десять они пришли вместе. Гость оказался из Казани, зовут его Веня. Он рассказал, что специализируется по кочевникам Азии, хорошо знаком с работами С. Г. Кляшторного и приехал за консультацией к известному петербургскому востоковеду. Мы знакомимся, расспрашиваем Веню о казанских коллегах историках и археологах. Потом Сергей Григорьевич продолжает.)*

**С. К.** В 1950 году произошла резкая размолвка между Бернштамом и Сергеем Сергеевичем Сорокиным. В конце 1949 или уже в 1950-ом Сергей Сергеевич неожиданно выступил с докладом на секторе ИИМК, в котором он резко критиковал атрибуцию катакомбно-подбойных могильников, открытых уже к тому времени Бернштамом в Алае, в некоторых местах Ферганской долины. К тому времени мы накопили с Бернштамом их в большом количестве. Сорокин в своем докладе доказывал, что это вовсе не гунны, что гунны здесь вообще ни при чем, а это какое-то местное население какого-то времени. Он сместил дату на более раннюю. Это прозвучало довольно резко.

**А. С.** Тем самым он спорил со своим учителем Александром Натановичем Бернштамом?

**С. К.** Именно так. И после этого все связи были... ну, короче говоря, Сергей Сергеевич больше не участвовал ни в какой работе бернштамовской экспедиции и в наш коллектив он уже не входил, перестал входить, скажем так. Я с ним виделся только на заседаниях в ИИМКе и в Эрмитаже, на которые мы, естественно, все приходили. Он перешел на музейную работу, не прекращая полевую. Иногда он

<sup>45</sup> Борис Борисович Пиотровский (1908–1990) — археолог, исследователь древних цивилизаций Урарту, Кавказа и Египта; доктор исторических наук, профессор, академик АН Армянской ССР, академик АН СССР, почетный доктор ряда зарубежных институтов и университетов. В 1953–1964 гг. Б. Б. Пиотровский был заведующим ЛОИИМК (ЛОИА); с 1964 по 1990 г. — директор ГЭ, с 1966 г. — заведующий кафедрой истории древнего Востока ЛГУ. См. его автобиографию [Пиотровский 1995] и литературу о нем [Горбунова и др. 1991; Алёшкин 2013а: 39–40; Бобровская, Алёшкин 2013: 374–375].

ездил [в экспедиции], имел возможность вести полевые работы и даже получал от Эрмитажа деньги [на эти поездки]. Но бывал уже не в Средней Азии. Он хотя и работал в секторе Средней Азии, в Отделе Востока [Государственного Эрмитажа], но там он занимался чисто музейным делом.

В Эрмитаже он издал вместе с Дьяконовой<sup>46</sup> большой том, где они описали огромную хотанскую коллекцию терракот<sup>47</sup>. Они сделали отличную работу, ничего не скажешь, хорошее издание с качественными иллюстрациями. Но это музейная, каталожная работа. А его успехи собственно в экспедициях были уже ничтожны. Сергей Сергеевич работал в основном на Алтае, но это были маленькие экспедиции. У него были доклады с частными успехами не громкого характера. Потому что на те небольшие деньги, которые давал Эрмитаж, крупных раскопок он вести не мог, а все остальное... Однако я должен отметить, что его работы всегда отличались тщательностью подачи полевого материала, поэтому, казалось бы, даже малозначительные в общем потоке археологической информации, они выделялись тем, что он прекрасно документировал (по тогдашним меркам, конечно) найденный материал. Он все кропотливо фиксировал и тщательно прорабатывал. Сергей Сергеевич был конкретный, обстоятельный исследователь.

**А. С.** Мне представляется, что и в быту он был таким же — скрупулезный человек, педант.

**С. К.** Что ж, были всякие забавные случаи. Для меня он был в поле наставником. Для меня были в 1947 году два учителя. Первый — Петр Никитич Кожемяко<sup>48</sup>, потом он заведовал археологией Киргизии. Он среднеазиатский русский или украинец, как хотите (*смеется*), ученик Массона, но не Вадима<sup>49</sup>, а старшего Массона — Михаила Евгеньевича<sup>50</sup>. Кожемяко не шибко много писал, но тоже очень тщательно собирал материал, он издал прекрасную монографию о городищах Киргизии, о городищах Чуйской долины, собственно говоря. Но это уже было потом. У нас он работал вместе с Сергеем Сергеевичем за старшего, за смотрящего. Петр Никитич Кожемяко был такой классный археолог массоновской школы. Кстати говоря, он был

<sup>46</sup> Дьяконова Наталья Васильевна (1907–1996) — востоковед, специалист по культуре и искусству Древнего Ирана и Центральной Азии; в 1930 г. окончила кафедру иранской филологии восточного факультета ЛГУ, с 1935 г. была сотрудником Отдела Востока ГЭ.

<sup>47</sup> Речь идет о каталоге хотанских древностей, хранящихся в ГЭ [Дьяконова, Сорокин 1960]; см. недавнюю статью Ю. И. Елихиной о хотанской коллекции Эрмитажа с обзором издания Н. В. Дьяконовой и С. С. Сорокина [Елихина 2011: 330–339].

<sup>48</sup> Петр Никитич Кожемяко (1918–1973) — археолог, исследователь раннесредневекового Казахстана, заведующий Сектором археологии и этнографии Института Истории АН КирССР [о нем см.: Археологические экспедиции 1962: 198, 215; Длужневская 2011: 194].

<sup>49</sup> Вадим Михайлович Массон (1929–2010) — археолог, исследователь древностей Центральной Азии и Ирана, академик РАЕН, академик АН Туркменистана, академик НАН Кыргызстана, академик Датской Королевской академии наук и литературы, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный деятель науки и техники Туркменской ССР, лауреат многих премий [см.: Алёкшин 2007: 59 слл., 63, 67 сл., 74; Длужневская 2011: 207–208; Алёкшин 2012: 9–24; Алёкшин 2013б: 46–47; 2013в: 138 слл., 141 сл. 146 слл. (и в целом раздел по «массоновскому» периоду ИИМК); Шер 2014: 530–533; а также статьи о нем, написанные В. А. Алёкшиным, З. И. Усмановой, В. С. Бочкаревым и Л. Б. Кирчо, Л. М. Мосоловой и А. В. Бондаревым в настоящем издании].

<sup>50</sup> Михаил Евгеньевич Массон (1897–1986) — основоположник школы среднеазиатской археологии, академик АН Туркменской ССР; заведующий кафедрой археологии САГУ/ТашГУ [см.: Лунин 1999: 207–210; Длужневская 2011: 208–209; Алёкшин 2013в: 131, 366; а также статью Э. В. Ртвеладзе «Профессор Михаил Евгеньевич Массон (воспоминания ученика)» в настоящем издании].



С. Г. Кляшторный «на лопате»

Я, конечно, интересовался археологией, и он мне объяснял как фиксируется, что фиксируется, как это нужно делать. Вот он делает сам работу и одновременно поучает. Сергей Сергеевич любит поучать. Мне это было важно, конечно, поскольку именно так потихоньку вырабатывается умение полевой работы. А он был здесь мастак и очень тщательно работал. Он был скрупулезен во всех отношениях. И кроме того, он учил меня в быту. Полевой быт был для меня в новинку. Я до того был знаком из инструментов только с молотком и владел огородной тяпкой да лопатой, когда копал картошку (*смеется*). А Сергей Сергеевич дал мне бесценные советы, которые я запомнил на всю жизнь: как палатку натягивать, как костер разводить, как кашеварить (*смеется*). У нас система была такая: все по очереди дежурили и кашеварили. Конечно, лучшей кашеваркой была Октябрина [Дворкина], которая бесподобно готовила. Из ничего, из отрубей, которые нам давали в ИИМКе вместо хлеба, вместо муки, она готовила чудесные такие пампушечки. Но поскольку у нас на костре арчой топили, то все это летело в сковородку, и я до сих пор помню эти поджаренные из отрубей штучки напополам с арчой<sup>51</sup>.

Сергей Сергеевич многое тогда мне рассказывал: как надо жить [в экспедиционных условиях], что надо делать. Он всегда мне указания давал, которые запечатлелись у меня в памяти и которые я использовал на практике потом, когда уже сам стал начальником во всяких археологических экспедициях. Этот опыт очень важен, он складывается постепенно. Археология [постигается] уже потом. И здесь полезным наставником был Сергей Сергеевич, которого я в глубине души считал страшным занудой (*смеется*). Ну, вы знаете, как школьники относятся к своим преподавателям? А ведь я тогда недалеко ушел от школьного возраста. И когда меня поучали, я, в общем-то, слушал, но ждал, когда можно будет удрать от за-

по профессии военный фельдшер, но окончил отделение археологии у Массона в Ташкенте. Сам он безукоризненно владел методикой археологической работы того времени. Так вот, я научился у него искусству владеть шанцевым инструментом. Потому что, как вы понимаете, копать лопатой может каждый, а вот владеть лопатой может далеко не каждый. Меня он научил пользоваться лопатой по-настоящему — зачищать и все такое. И вот я сидел со стеклышком в руках и надраивал рукоять лопаты, обтесывал ее. Потом он проверял, как я это сделал, иногда замечал на черенке неровности, от которых жди кровавые мозоли, так что мне нужно было еще зачищать рукоять, чтобы добиться абсолютной гладкости. Это вот Кожемяко.

А Сергей Сергеевич таких вещей мне не показывал и учил совсем в другом стиле.

<sup>51</sup> Арчой называется древовидный можжевельник, растущий в Средней Азии.

нудного наставника. Вот так же и с Сергеем Сергеевичем, я всегда его слушал, но думал, как бы поскорее от него улизнуть (*смеется*). Но, как я уже сказал, потом мне все его советы действительно пригодились, когда я сам стал начальником.

**А. С.** Интересные истории! Замечательные зарисовки к портрету Сергея Сергеевича Сорокина. А скажите, Сергей Григорьевич, что Вы знаете о его отношениях с Львом Николаевичем Гумилевым<sup>52</sup>? Я встречал воспоминания коллег о том, что Сорокин выступал против идей Гумилева, что они часто спорили друг с другом о гуннских проблемах, на разного рода историко-археологические темы<sup>53</sup>.

**С. К.** Гумилев не ученый, вот запомните это, он никогда не был ученым<sup>54</sup>. Вернее, Лев Николаевич мог стать ученым, если бы его не посадили в студенческие годы и жизнь его не повернулась таким образом. Может быть, потому что тогда исторический факультет [ЛГУ] еще был довольно силен. Да и вообще факультет по преподавательскому составу всегда был силен. Так вот, у Гумилева великолепная память, прекрасное воображение, он читал массу [книг], превосходная эрудиция. Это все так. Но он так и не стал ученым, потому что он не понял... (*С. Г. Кляшторный будто занулся.*) А вот Сергей Сергеевич был дотошный, скрупулезный, серьезнейший исследователь, и ему невыносимо было от того, как работает Гумилев и как по-своему придумывает историю. Сергей Сергеевич не мог спустить Гумилеву его отвлеченных идей.

Вот, например, картинка из археологического быта. Это мне рассказывал участник тех событий. Лев Николаевич Гумилев едет с группой людей копать хазарские памятники. Артамонов [от Эрмитажа] дает ему деньги [на экспедицию]. Гумилев приезжает в Астраханскую область<sup>55</sup>, в то место, где — как он рассчитывал — есть хазарские памятники. Он сажает своих людей, нанимает там еще местных работников и говорит: «Вот этот холм — хазарское погребение, располагаемся здесь и ведем раскопки». На верху того холма было какое-то пастушеское кострище, которое он принял за жертвенник. Так вот, он дал поручение своим людям, а сам уехал в Астрахань со своим завхозом, где жил в более вольготных условиях и попивал водочку. Ребята копают, они видят, что это чистой воды материк. Гумилев приезжает и ругается, что ничего нет. Ему говорит ответственный: «Лев Николаевич,

<sup>52</sup> Лев Николаевич Гумилев (1912–1992) — российский историк, этнограф, историософ, географ, автор теорий о евразийстве и пассионарности. Сын известных поэтов серебряного века — Н. С. Гумилева и А. А. Ахматовой — он был человеком тяжелой судьбы. Свод материалов о Л. Н. Гумилеве, его творчестве и дискуссиях по поводу одного см.: Pro et contra 2012 (здесь собраны десятки отзывов, рецензий, воспоминаний); о нем также см.: Воспоминания 2003; Демин 2008; Прохоров 2008; Воронич 2011.

<sup>53</sup> О научных баталиях Сорокина с Гумилевым см.: Сеницын 2013: 223–224 и примеч. 29, где есть ссылка на воспоминания сотрудницы Эрмитажа Е. С. Щукиной (1929–2012): «У него [Л. Н. Гумилева] был научный антагонист, Сергей Сергеевич Сорокин, с которым они до хрипа и до драки спорили о стременах...» [Пироговская, Острова 2010].

<sup>54</sup> Спор С. Г. Кляшторного с Л. Н. Гумилевым по вопросам тюркологии был непримиримым и давним — с начала 1960-х гг. К их дискуссии по поводу Уланкомской надписи [Кляшторный 1961] см.: Гумилев 1963; 1967: 413–414; Кляшторный 1963; 2003: 282–284; 2010: 320; Pro et contra 2012: 311–314, 929–930. В целом по проблемам востоковедения и номадизма в творчестве Гумилева в оценке его коллег см. собрание мнений: Pro et contra 2012: 221–365.

<sup>55</sup> Это археологическое предание, пересказанное С. Г. Кляшторным, вероятно, относится к периоду работы Астраханской археологической экспедиции (1956–1968), в которой Л. Н. Гумилев был участником в течение нескольких сезонов в период с 1959 по 1963 гг.



материк идет. Никакого погребения здесь нет». «Как нет! — восклицает Гумилев, — Копайте дальше!» Они копают еще, и на каком-то метре он понимает, что это пустота, там уже слои видны, вся стратиграфия на лицо и стратиграфия отнюдь не археологическая. «Ну, да, — говорит Гумилев, — на самом деле это очень важные раскопки, мы показали, что хазарских погребений здесь нет, они находятся где-то левее этих мест». Ах, что отчет [по этим археологическим работам]! (*Мы все за столом смеемся.*) Ну, это был сплошной цирк какой-то! И вот, с таким вот цирком в голове он копал памятники.

А как он обращался с источниками? Ведь это тоже всем известно. Он просто придумывал тексты. Скажем, берет он переводы китайских сочинений Никиты Бичурина<sup>56</sup>, сделанные в тридцатые годы девятнадцатого века<sup>57</sup>. А это был первопроходец русской синологии, так сказать. И эти вот прекрасные первопроходческие переводы Бичурина... Но даже не переводы, поскольку там перевод перемешан с пересказом, причем сам Бичурин этого нигде не объясняет. Он не переводил дотошно строчка за строчкой, а делал так: переведет кусок, дальше ему кажется неинтересным, и он пересказывает [своими словами оригинальный китайский текст]. Вообще, читать это человеку, который специально данной темой не занимается и не интересуется, невозможно — со скуки помрешь. То есть, можно, конечно, почитать, но там слишком подробно, бесконечная транскрипция китайских имен, все это непонятно, кто да что. Этот перевод-пересказ был важен тогда, в первой половине девятнадцатого [века], и русская наука питалась этим вплоть до новейших времен, да и сейчас еще перевод Бичурина ничем не заменен. К сожалению, весь корпус [текстов], который перевел Бичурин — а это громадное количество источников на разные темы! — он не заменен до сих пор. Но это требует перекрестного исследования, кропотливой работы с оригинальными текстами и прочее. Гумилев делал просто: он читал Бичурина и строил свою картину в воображении. Все это он добавлял в [оригинальный] текст, как будто бы он его читал, и выстраивал так, как ему хочется. Так, например: «И вот тогда на этой сигнальной башне сидел такой-то китайский пристав, он курил опиум или что-нибудь там такое, пил чай и посматривал вдаль». Далее все в том же духе. «А в это время подсказали гуннские всадники и сбросили его пиками оттуда». Все это Гумилев как будто бы видел сам. Хотя ничего такого в [оригинальном] тексте вы не найдете. Этого в тексте вообще нет (*тихо смеется*). Потом Гумилев придумывал разные персонажи и выстраивал сам связи между персонажами. Другими словами, его книга — это романтическое построение на данную тему. Можно сказать так: он неплохо изложил переводы Бичурина с некоторым количеством значительных домыслов. Зато Бичурина читать нельзя, а у Гумилева великолепный язык, и его читать можно... Поэтому, конечно, столкновение в науке (а вне науки [между ними] все было хорошо) — столкновение двух столь разных людей было неизбежным, сами понимаете.

**А. С.** Сергей Григорьевич, а Вы бывали свидетелем столкновений между Гумилевым и Сорокиным или Вы их не замечали?

**С. К.** Так я сам был в центре этих столкновений Сергея Сергеевича Сорокина и Льва Николаевича Гумилева, и я считался основным оппонентом Гумилева, хотя

<sup>56</sup> Никита Яковлевич Бичурин (о. Иакинф) (1777–1853) — выдающийся русский ученый-востоковед, один из основоположников отечественного китаеведения; миссионер и путешественник, автор многих статей и книг о Дальнем Востоке и Центральной Азии [см.: Бичурин и его вклад 1977; Попова 2006: 581–585; Андреевская 2006].

<sup>57</sup> Имеется в виду книга Н. Я. Бичурина, публикацией которой занимался Л. Н. Гумилев [Бичурин 1960].

я никогда особенно не лез [в спор], чтобы не повредить ему. Во все ответственные моменты меня коллеги предупреждали, что от этого<sup>58</sup> зависит его положение, его судьба. Но когда речь доходила до простых докладов, я там его всегда довольно основательно пощипывал. Он пытался, насколько возможно, защищаться. Потом задаривал меня оттисками и книгами с надписями. Мы дружили с Гумилевым лично, в разное время очень сближаясь друг с другом. Особенно мы сдружились в 1949 году на раскопках в Волго-Доне, когда копали Саркел<sup>59</sup>.

Это была Саркельская экспедиция Артамонова. Дело было так. Я и Юра [Заднепровский] работали в 1949-ом в Тянь-Шанской [экспедиции] у Бернштама. Но из-за отсутствия денег, работа экспедиции окончилась где-то в начале сентября, хотя обычно мы копали до конца октября или даже до ноябрьских праздников. {...} Мы вернулись в город [Ленинград], явились в университет, но едва мы приступили к занятиям, как нас вызывают к проректору — Михаилу Илларионовичу Артамонову, начальнику Саркельской экспедиции. Нас было трое — Юра Заднепровский, Саша Букаревич<sup>60</sup> и я. Букаревич был славист, тоже студент, кажется, имел опыт работы в [археологических] экспедициях. Куда он делся потом, не помню. Он куда-то исчез.

И вот наша тройка в ходит к проректору. «Приехали, голубчики», — говорит Михаил Илларионович ласково. Мы отвечаем: «Приехали». «Как ваши успехи?» — спрашивает он по-отечески. «Отлично, Михаил Илларионович», — рапортуем мы хором. «Вот и прекрасно!» — похвалил он и продолжил: «Теперь идите в бухгалтерию, получайте деньги, и чтоб завтра же вас в городе не было. Вам надо выехать в Ростов, а оттуда на самолете летите в Саркел. Надо снимать на сентябрь месяц первый курс [студентов-историков], который я не имею права задерживать, вы же посидите там и поработайте». Мы тогда были уже взрослые, все учились на пятом курсе университета. Получили поручение от начальства и тут же поехали в Саркел.

Льва Николаевича [Гумилева] тогда тоже из Эрмитажа вытряхнули, и он снова оказался с нами<sup>61</sup>. Анатолий Леопольдович (мы же звали его Леопардович) Якобсон<sup>62</sup> командовал всем этим делом<sup>63</sup>. К нам приезжал и шеф — Артамонов. Он гулял по раскопу в пальто, с тростью и в шляпе, важно показывал тростью туда-сюда, туда-сюда. (*С. Г. Кляшторный смеется и своим смехом заражает нас, мы смеемся все четверо.*) Артамонов указывал [при осмотре памятника] на те места, которые его интересовали. Когда мы приехали, там Ольга Антоновна, жена Артамонова, копала

<sup>58</sup> Т. е. от критических возражений Л. Н. Гумилеву.

<sup>59</sup> Волго-Донской (Саркельской) археологической экспедицией руководил М. И. Артамонов. Раскопки начались в 1934–1936 гг. в связи с грандиозными советскими новостройками тех лет и развернулись на Левобережном Цимлянском городище — древнем Саркеле. В Саркельской археологической экспедиции Л. Н. Гумилев отработал полевой сезон 1936 г., тогда же он сближился с М. И. Артамоновым.

<sup>60</sup> К сожалению, никаких сведений о Букаревиче отыскать не удалось.

<sup>61</sup> Вскоре после возвращения с раскопок хазарского Саркела в Ленинград Л. Н. Гумилев был арестован (6 ноября 1949 г.) в четвертый раз и этапирован в тюрьму Лефортово (Москва). По обвинению в «антисоветчине» он получил 10 лет лагерей; это было уже второе его заключение, продлившееся с 1949 по 1956 гг.

<sup>62</sup> Анатолий Леопольдович Якобсон (1906–1984) — археолог и историк искусства, доктор исторических наук; специалист по византийскому искусству, армянскому зодчеству, архитектуре и керамике средневекового Крыма [о нем см.: Каковкин 1986: 282–283; Платонова, Кирпичников 2013: 216–217].

<sup>63</sup> По поручению М. И. Артамонова, который был начальником этой экспедиции, непосредственно на месте раскопок крепости вел дела А. Л. Якобсон.

курган, и в этом ее отряде особенно выделялся Лева Клейн, с которым мы, кажется, ровесники<sup>64</sup>. А мы тогда уже копали городище, точнее — стены городища. В основном это были стенные блоки, ворота, башни — все это досталось на нашу долю. Так вот, Лев Николаевич [Гумилев] тоже был вызван из Эрмитажа (или уж сам напросился?) и попал к нам на раскопки. Но ему было бесконечно скучно сидеть и смотреть, как заключенные дамы Харьковского и Ереванского этапов тихо ковыряются в земле. Лагерные «археологи» собирали мелкую керамику, синее славянское стекло и прочее.

**А. С.** И все те женщины, что работали на раскопе под Вашим началом, все они были зэчки?

**С. К.** Ну, да, конечно. Сто пятьдесят их сначала было, а потом поменьше. Мне сказали, мол, принимайте этот участок, потом поручили принять следующий участок, потом третий. На каждом моем участке было по пятьдесят работниц. Начальница участка была Рыбалова, с кафедры археологии, а потом мне и ее участок отдали.

**А. С.** А все заключенные, которые тогда работали на раскопе, были политическими?

**С. К.** Нет, что вы! Из политических только одна врачиха была. {...} А так, все остальные трудяги — это мелкая уголовщина, в основном воришки. Большинство из них — колхозники, [осужденные] по указу от 4 июля [19]47 года, который назывался в народе «о сборе колосков». В голодные годы собирали на колхозных полях оставшиеся после уборки урожая колоски пшеницы, и за это давали шесть лет. Таких [осужденных] там было полно. И они работали [на раскопе] под нашим руководством.

**В. Н.** И тогда-то вы подружились с Гумилевым?

**С. К.** Да, мы подружились. Потому что ему было скучно сидеть там у себя. Вокруг него всегда суетилась небольшая кучка [женщин], которым он рассказывал анекдоты, а дамы хихикали. Потом прибежала Рыбалова или кто-то еще, разгоняла эту компанию, говорила, что они медленно работают. Тогда Лев Николаевич вставал, переходил ко мне на раскоп, где было гораздо больше женщин, чем у него (*смеется*). Он мне рассказывал всякие истории и анекдоты травил. И было у нас все как-то запросто.

**А. С.** В [19]49 Гумилеву уже было тридцать семь [лет]. Вы, выходит, младше его на полпоколения?

**С. К.** Да. Я — тысяча девятьсот двадцать восьмого года [рождения], а он — [тысяча девятьсот] двенадцатого. И я его звал всю жизнь «Лев Николаевич», а он меня всю жизнь — «Сережа».

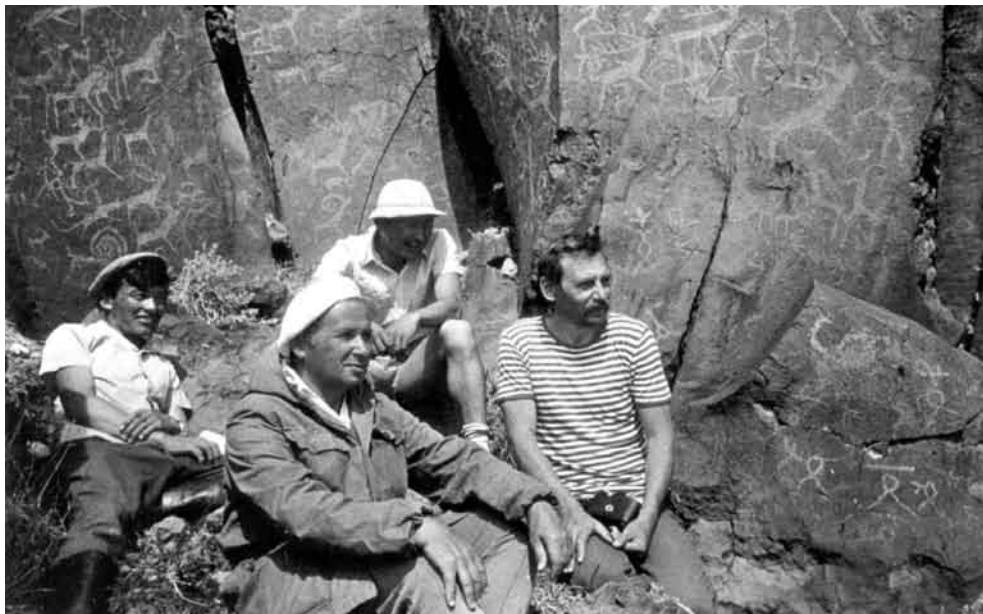
**А. С.** А Сорокин — [тысяча девятьсот] тринадцатого [года рождения]. Вы с ним были на «ты»?

**С. К.** Нет, конечно. Я его всегда звал «Сергей Сергеевич», а он меня, естественно, [звал] «Сережа».

**А. С.** «Сережа», но на «Вы»?

**С. К.** Неет! На «ты», конечно (*весело смеется*). Я был тогда мальчишечка и выглядел..., не буду описывать (*долго смеется*). Обращаться ко мне на «Вы» тогда могли только люди, ну, скажем так, умудренные жизнью, которые обращались

<sup>64</sup> Лев Самуилович Клейн (1927 г. рожд.) — археолог, доктор исторических наук, автор многих научных трудов по археологии и антропологии; в последние годы вышли несколько его монографий по истории науки [Клейн 2005; 2014], его автобиографическая книга [Клейн 2010] и сборник статей в его честь [Археолог: детектив и мыслитель 2004].



Группа исследователей петроглифов: С. Г. Кляшторный на переднем плане, в центре (Монгольский Алтай, Баянхонгор, 1989 г.)

на «Вы» ко всем. Ну, в гимназии даже к первоклассникам тогда обращались на «Вы». Только такие люди могли обращаться ко мне на «Вы». Так что особого почтения не было (*смеется*).

А Лев Николаевич исключительный был рассказчик, человек очень талантливый, с воображением. На Саркеле он читал у костра, когда мы сидели за кружкой Цимлянского почти каждый вечер, а особенно, когда Артамонов у нас был, так фактически каждый вечер, Гумилев тогда читал нам свои блестящие переводы «Шахнаме»<sup>65</sup> (хотя иранисты их высоко не оценили, но с точки зрения русского стиха, они, по-моему, прекрасны), и тогда же Гумилев читал переложение «Сокровенного сказания» монгольского на русский язык. Это сказание не стихотворное, а он переложил его по-русски стихами. Ну, прекрасно! Я всю жизнь восхищался его способностями, его стихами.

Потом, спустя много лет, когда мы с ним уже часто сцеплялись по научным делам, я тогда для смягчения [ситуации] признавался: «Лев Николаевич, все-таки какие у вас замечательные переводы, я ими восхищаюсь до сих пор!» А он в ответ: «Сергея, мне эти твои похвалы как серпом по {...}». (*Мы все смеемся.*) «Вы же историки, — говорил мне Гумилев. — В отличие от вас, я стою на двух ногах — это история и география». Он же сначала занимался климатологией, составлял разные таблицы, но они же там все очень условны, а он все ставил в зависимость от этого. Это только потом он пришел к идее мирового космического воздействия и все такое прочее, когда увидел, что прежние его идеи не работают... И вот я ему отвечал: «Почему же на двух [ногах], Лев Николаевич? На четырех!» Он тогда смеялся и говорил: «Ну, что ты ко мне придираешься: то не так, это не так. История такова, какой я ее вижу,

<sup>65</sup> О поэтических переводах Л. Н. Гумилевым Фирдоуси и других классиков персидской поэзии см., например: Новикова 2011б; Бондарев, Козырева 2014: 5–24.

а все остальное — ерунда!» Вот и все его доводы. Обычно, когда он спорил на кафедре, он тоже фантазировал.

**А. С.** Так, я думаю, что, в этом смысле, не только Сорокин, но и многие другие серьезные исследователи критиковали Гумилева. Не так ли?

**С. К.** Там был один важный фактор. Надо учитывать, что вся настоящая петербургская интеллигенция, в том числе интеллигенция историческая, эта особенно прежде всего Артамонов, который был его главным покровителем, Льву Николаевичу бесконечно сочувствовали. Это был пострадавший гений. Гумилев никаким диссидентом не был, просто когда-то что-то сболтнул и за это пострадал<sup>66</sup>. А потом со всеми последствиями.

**А. С.** Так ведь, и отец его — расстрелянный большевиками поэт Николай Гумилев да и мать — Анна Ахматова<sup>67</sup>...

*(С. Г. Кляшторный прерывает А. А. Сеницына.)*

**С. К.** Нет-нет, матушка его до [19]48 года была в чести, ее не трогали. Не нужно думать, что страдал сын из-за нее. А вот отец его был тогда не в чести. Однако, скажу вам, что Гумилева-старшего издавали и в [19]20-е годы, уже после его расстрела. У меня была вузовская хрестоматия по русской литературе начала тридцатых годов [издания], и там я впервые прочел гумилевских «Капитанов». Вы, быть может, их помните:

Или, бунт на борту обнаружив,...

*(Присоединяется А. А. Сеницын, и мы декламируем вдвоем.)*

Из-за пояса рвет пистолет,  
Так что сыплется золото с кружев,  
С розоватых брабантских манжет.

Пусть безумствует море и хлещет,  
Гребни волн поднялись в небеса, —  
Ни один пред грозой не трепещет,  
Ни один не свернет паруса...<sup>68</sup>

*(Все четверо долго смеемся, довольные почти совместным чтением гумилевского стихотворения.)*

**С. К.** Приятные стихи, не правда ли? *(Мы соглашаемся, поддакиваем.)* И их тогда напечатали. Правда, я помню и всякие уничижительные слова о школе акмеистов: вот, они такие-сякие, декаданс и все такое прочее. Это тоже было. Но стихи [Н. С. Гумилева], тем не менее, печатали.

**А. С.** Спасибо большое, Сергей Григорьевич. И все же, если вернуться к ссоре Сорокина с Бернштамом, я бы хотел разобраться: что же там произошло? Тогда

<sup>66</sup> Формулировка приговора Н. С. Гумилеву была следующая: «За принадлежность к антисоветской группе, террористические намерения и антисоветскую агитацию».

<sup>67</sup> Самая известная супружеская пара поэтов-«серебровековцев»: Николай Степанович Гумилев (1886–1921) и Анна Андреевна Ахматова (1889–1966). См. хронику жизни и творчества Гумилевых и Ахматовой: Новикова 2011а, а также капитальный труд о семье Гумилевых в трех книгах: [Долливо-Добровольский 2005; 2008; 2014 — здесь же указана новая литература о Гумилевых (с. 1023–1042)].

<sup>68</sup> Фрагмент первой части четырехчастного стихотворения Николая Гумилева «Капитаны» (1910).



С. Г. Кляшторный (второй справа) в гостях у монгольской семьи  
(Монголия, начало 1970-х гг.)

Сергей Сергеевич выступил публично, с докладом, а потом еще и опубликовал статью, возражая своему учителю, и это стало причиной их размолвки? Сорокин принципиально, честно критиковал коллегу или тем самым вызов бросал? Или как это понимать? Что бы вы могли еще пояснить?

**С. К.** Нет, сказать, что в том споре Сергей Сергеевич был прав — далеко нет. Бернштам интуитивно чувствовал гораздо глубже, чем Сорокин. И именно потому, что, как мы говорили, Сорокин был педант, и когда мелкие факты не сходились, он идею отменял. А в археологии очень часто не сходятся мелкие факты, потому что между фактами лежат зияющие пустоты (*эмоционально*), можно факты свести, а можно и не свести. Для Сергея Сергеевича, если что-то не сходилось, если он не видел связь, значит, все не так. А для Бернштама главным было ухватить основной узел, часто презрев те мелкие факты, которые не сводятся, и которые, собственно, свести невозможно без длительных кропотливых анализов. Все раскопки Александра Натановича были пионерского характера, они были маршрутные, на ходу, как-то вскорь, все на скорую руку. За методiku его можно было ругать как угодно, ему всегда некогда было. Мы курган копали так: он подводил меня к кургану два на два и говорил: «Вот тебе объект. Надо снять верхний слой полтора на полтора. Кирку, штыковую и совковую лопаты принес? Четыре часа даю на раскопки. Все, копай!» Я начинал, трудился, в лучшем случае, потом подходила какая-то девушка из наших, помогала мне. Я должен был выйти на яму. Ну, как правило, там неглубоко, где-то около метра или метра двадцати [сантиметров]. Дальше важно было нащупать яму, чтобы не разносить ее вокруг. Хотя по методике, у нас все это, конечно, надо было снять. Но, где уж там методика, вот вышел на яму — молодец! Дальше вступал в действие другой конвейер: я копал, девушки отгребали, потом меня выбрасывали на другой

курган, а девицы садились на зачистку. И так у нас шло. В общем, утром мы объект начали, а к вечеру его уже закончили: курган был готов, вычищен, сдан. Поэтому когда я впервые попал в экспедицию Грязнова<sup>69</sup> и увидел, как там ведут работы<sup>70</sup> (*смеется*)... Понимаете, то, что мы делали за один световой день, они тратили на это неделю или полторы! Каждый камень кисточками обмахивался, обчищался тряпочками каждый клочок земли (*смеется*). Для меня все это было странно.

**А. С.** И все же, Сергей Григорьевич, как вы думаете, почему тогда Сорокин так поступил, выступив с антибернштамовским докладом? Он хотел разгромить своего учителя? Ведь, наверняка, Сергей Сергеевич понимал, что тем самым разорвет отношения с Бернштамом.

**С. К.** У Сорокина был свой стиль мышления (*задумался*)...

**А. С.** А как Вы полагаете, он не мог до того объясниться с учителем? Он умышленно сделал это публично?

**С. К.** Объяснялся ли Сергей Сергеевич до того с Бернштамом или нет — для меня это тайна. Думаю, нам всем<sup>71</sup> это было не известно. Доклад прозвучал все же достаточно неожиданно... (*Двухсекундная пауза.*) Для нас, но не для Бернштама, который, по-видимому, уже знал то, что проговорил Сорокин. А потом все это было напечатано. Ряд выводов Сергея Сергеевича был принят, в частности, его утверждение об автохтонном, не гуннском, пласте в этой культуре. Да, собственно, Бернштам это уже и не отрицал. Просто он делал акцент на пришлый элемент, а Сергей Сергеевич сделал акцент на автохтонный элемент. Вот так скажем... Нельзя признать, что он<sup>72</sup> был целиком не прав в этой своей позиции, нет, но все же концептуальное решение было более правильным у Бернштама.

**А. С.** И после этого доклада Сорокина Бернштам больше не захотел поддерживать с ним отношения?

**С. К.** Просто он<sup>73</sup> больше не появлялся в нашей компании.

**А. С.** Именно после этого?

**С. К.** Да. Я помню, что было так.

**А. С.** Значит ли, что и по причине этого?

**С. К.** По-видимому, да.

**А. С.** Для них это стало полным разрывом отношений?

**С. К.** Для них это был именно момент разрыва всяческих отношений.

**А. С.** Ну, а «птенцы Бернштама», то есть все вы, тогда молодые его ученики, после этого случая сторонились Сергея Сергеевича, стали сдержанно общаться с ним после разлада между Сорокиным и вашим общим учителем?

<sup>69</sup> Михаил Петрович Грязнов (1902–1984) — археолог, доктор исторических наук, исследователь древних культур Южной Сибири и Центральной Азии [см.: Археологические экспедиции 1962: 154; Пшеницына, Боковенко 2002; Длужневская и др. 2002; Длужневская 2011: 174–176; Пшеницына, Боковенко 2012: 11–24; Тишкин 25–30; Тихонов 2012: 77–81; Алёшкин 2013: 136–137].

<sup>70</sup> В 1950–1970-е гг. М. П. Грязнов руководил большими археологическими работами в зоне затопления водохранилища Красноярской ГЭС [Длужневская 2011: 145 сл., 294; Алёшкин 2013: 127, 137; Соловьева 2013: 245]. В сезоне 1966 г. С. Г. Кляшторный являлся сотрудником Красноярской археологической экспедиции М. П. Грязнова.

<sup>71</sup> Имеются ввиду ученики А. Н. Бернштама, студенты (или бывшие его студенты), бывавшие с ним в экспедициях и входившие в его окружение.

<sup>72</sup> Речь идет о С. С. Сорокине, который тогда выступил против концепции А. Н. Бернштама.

<sup>73</sup> Т. е. С. С. Сорокин.

**С. К. (улыбается)** Ну, почему сдержанно? Мы общались совершенно спокойно, как и прежде. Просто мы вообще редко встречались. Я не могу сказать, что после первых экспедиций мы часто и подолгу с ним беседовали. Конечно, я слушал его доклады в Эрмитаже. Он присутствовал на моих докладах. Но, понимаете ли, он намного меня старше и всегда чувствовалось, что он взрослее, мудрее. Быть может, поэтому... (*Следует пауза.*) Но все мы продолжали общаться с Сергеем Сергеевичем Сорокиным. Как же иначе?!

**А. С.** Сергей Григорьевич, а вот у меня есть другое объяснение того, что подвигло Сорокина к разрыву с Бернштамом. И объяснение это не мое. Я это слышал от двух племянниц Сергея Сергеевича — Анны и Елены (последняя — моя теща), обе — дочери его старшего брата, Виктора, физика, о котором я рассказывал; то же самое слышал и от Тамары Афанасьевны Сорокиной — жены Всеволода, среднего из братьев Сорокиных, ныне ей уже девяносто третий год, но ум и память у нее удивительно ясные. Тамара Сорокина тоже была знакома с Борисом Борисовичем Пиотровским и со многими людьми из эрмитажного и иимковского круга. Она и вас хорошо помнит. Так вот, все они, родственницы Сергея Сергеевича, опираются на рассказы самого Сергея и на воспоминания его жены, тоже Инны, но не Дворкиной, а Левит<sup>74</sup> (есть письменный текст ее воспоминаний, который хранится у меня и я с ними знаком). Так вот, *все* источники указывают на то, что в экспедиции 1946 года Бернштам был близок с Октябрьиной Дворкиной, которая от него забеременела и хотела покончить с собой. С этой Инной с конца 1946 года стал жить Сергей Сорокин. Брак их был не зарегистрирован, но Сергей усыновил девочку, которую Октябрьина родила в марте 1947 года. Вы что-то знаете об этой истории? Не могло ли это послужить причиной изменения отношений между Сергеем Сергеевичем Сорокиным и Александром Натановичем Бернштамом, как Вы считаете?

**С. К.** Нет. Не могло. В 1946 году на Памире у Бернштама были Галя Бабанская, Надя Куликова и Инна [Дворкина]... Был тогда там и Сергей Сергеевич [Сорокин]. Может кто-то еще?.. Но дело в том, что при Бернштаме всегда находилась Галя Бабанская, по-сто-ян-но! И в сорок шестом году и в сорок седьмом... А в 1947 году была и жена Бернштама Родина (*припоминает*)... Любовь Григорьевна<sup>75</sup>. Вот, вспомнил (*смеется*)! Она решила, что раз Александр Натанович неустойчив, то ей нужно находиться при нем. (*Снова С. Г. Кляшторный смеется, и мы ему вторим.*) Вот. А было именно так — это я про слабость Натаныча. И его жена, Любовь Григорьевна, поехала с ним тогда в археологическую экспедицию. Но это ей не помогло. Вернувшись в 1947 году из экспедиции, они развелись. И дальше его только Галя Бабанская сопровождала, опекала и все такое. Ни с кем Бернштам, кроме Бабанской, в экспедиции не... Короче, он всегда был под ее строгим надзором, прямо скажем. Ускользнуть ему было не-воз-мож-но. Это было сурово! (*С. Г. Кляшторный смеется, и мы все снова заражаемся его смехом.*)

<sup>74</sup> Сведения о двух Иннах в жизни С. С. Сорокина см.: Сеницын 2013: 210, примеч. 5; 220, примеч. 20.

<sup>75</sup> С. Г. Кляшторный вновь называет фамилию Розиной не точно (см. выше, примеч. 35). Имеется ввиду Любовь Григорьевна Розина (1904–?) — научно-технический сотрудник (лаборант) ИИМК АН СССР с 1937 по 1941 гг. [Бобровская, Алёшкин 2013: 379]. Она была второй женой А. Н. Бернштама, в 1930–1940-е гг. участвовала в археологических экспедициях, которыми он руководил (до их развода). С конца 1950-х гг. Л. Г. Розина — сотрудница отдела Австралии и Океании Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР.



**А. С.** Значит дело тут не в личных счетах?

**С. К.** Мне представлялось тогда и сейчас так кажется, что Сергей Сергеевич не выступал против Бернштама, как своего наставника. Он критикует точку зрения на датировку Кенкольской группы курганов и их возможное происхождение. Ведь и Сергей Сергеевич работал в основном по кенкольским материалам, а не по находкам в Средней Азии, которые тогда множились, и потом, несколько позже (*припоминает*), Омельченко копал такие погребения...

**В. Н.** Сергей Григорьевич, наверное, Обельченко Олег Владимирович...

**С. К.** Да, Олег Обельченко, точно...

**В. Н.** Омельченко — наш коллега, он в Эрмитаже работает.

**С. К.** Ну, вот видите, я же вам говорю: старость — не радость. Память моя уже меня подводит (*смеется*).

**А. С.** Сергей Григорьевич, а кто еще мог бы рассказать о Сергее Сергеевиче из ныне здравствующих, тех, кто знал его так же, как и Вы? Кого из коллег можно было бы расспросить, чтобы дополнить портрет Сорокина?

**С. К.** Столетие (*усмехается*)... Вы знаете, честно признаюсь, что я первый раз вот так рассказываю о человеке, которому исполняется сто лет и которого лично я не только знал, но и работал с ним.

**В. Н.** Но ведь Вы же хорошо знали Александра Марковича Беленицкого<sup>76</sup>...

**С. К.** Ну, конечно!

**В. Н.** Так он же постарше [С. С.] Сорокина. А Грязнов, с которым Вы были хорошо знакомы, еще старше...

**С. К.** Все это так. Ведь я же учился у Струве<sup>77</sup>, и у Артамонова и у Якубовского<sup>78</sup>. Однако я говорю не про то, что я их не знал, конечно, я был знаком со многими интересными людьми того времени, но я с ними не работал. А сейчас — столетие Сорокина! Бернштам и Гумилев были чуть старше Сергея Сергеевича Сорокина (*припоминает*)... Так, Бернштам родился 1 октября 1910 года. Его день мы отмечали всегда, все вместе.

**В. Н.** А вы все, ученики Бернштама, вместе отмечали только день его рождения или день его смерти тоже?

**С. К.** Нет. День смерти Натаныча, 10 декабря, мы не отмечали, только первый год, в 1957-ом, когда поминки были. А вот в день рождения мы собирались у Галины [Бабанской] всей экспедицией. И вот постепенно наша группа редела, редела, редела. Вот так.

**В. Н.** Простите, Сергей Григорьевич, а сейчас кто-то еще остался из той группы, кроме Вас?

<sup>76</sup> Александр Маркович Беленицкий (1904–1993) — археолог, историк-востоковед; доктор исторических наук; область его научных интересов — история и культура Центральной Азии и сопредельных стран в древности и средневековье [о нем см.: Беленицкая 2005; Абдуллоев 2005; Абдуллоев, Никоноров 2011; Длужневская 2011: 161–162].

<sup>77</sup> Василий Васильевич Струве (1889–1965) — историк-востоковед, академик АН СССР и почетный член ряда зарубежных академий. В разные годы В. В. Струве был директором Института востоковедения АН СССР, заведующим Египетским отделом ГЭ, заведующим кафедрой истории стран древнего Востока ЛГУ, заведующим Отделом Древнего Востока ЛОИВ [о нем см.: Струве 1966; Милибанд 1975: 534–535; Бобровская, Алёшкин 2013: 387].

<sup>78</sup> Александр Юрьевич Якубовский (1886–1953) — археолог, историк-востоковед, член-корреспондент АН СССР, академик АН Таджикской ССР, заслуженный деятель науки Узбекской и Таджикской ССР; специалист в области истории и культуры народов Центральной Азии и Среднего Востока в эпоху средневековья [о нем см.: Беленицкий, Дьяконов 1953; Бобровская, Алёшкин 2013: 400].



Эх, годы молодые...: С. Г. Кляшторный (в центре) общается с коллегами; крайний слева — Ю. А. Заднепровский

**С. К.** Нет. {...} Я не знаю точно (*припоминает*)... Но, по-моему, в живых уже никого не осталось из тех, кто бывал тогда в наших археологических экспедициях.

**В. Н.** (*обращаясь к А. А. Сеницыну*) Вот видишь, Саша, а ты хочешь, чтобы кто-то еще рассказал тебе о Сергее Сергеевиче Сорокине, кроме Сергея Григорьевича. Уже и некого расспросить. Время...

**С. К.** Ну, почему же некого? Я так думаю, что в Эрмитаже, наверное, кто-то найдется из тех, кто неплохо его знал и мог бы рассказать. Просто я не знаю его эрмитажного круга. Он же выходил за пределы Средней Азии... И потом, все те люди, с которыми он непосредственно работал, то послевоенное поколение, уже ушло. Последней была Тамара Зеймаль.

**В. Н.** Да, вот Тамара Ивановна могла бы, конечно, многое о Сорокине рассказать. Но и ее уже нет.

**А. С.** Я думаю, что Сергей Сергеевич был в тесных отношениях с Галаниной, автором монографии по Курджипскому кургану<sup>79</sup>. В моей библиотеке есть эта книга Людмилы...

**В. Н.** Константиновны.

**А. С.** Да, Людмилы Константиновны. Эту книгу Галаниной о Курджипском памятнике я читал и ссылался на нее. Но у нас дома — в бывшей квартире Сорокина — хранятся несколько буклетов разных выставок в Эрмитаже по истории и искусству, книги Галаниной о скифских древностях, альбомы по искусству, которые были подарены в 60–80 годы Людмилой Галаниной Сергею Сорокину с дружественными надписями и благодарностью за помощь.

<sup>79</sup> Людмила Константиновна Галанина (1929–2010) — археолог, искусствовед, сотрудник Отдела археологии Восточной Европы и Сибири ГЭ, специалист по скифскому искусству. В этом году вышел 40-й выпуск АСГЭ, посвященный ее памяти. Упомянутая монография была посвящена находкам из Курджипского кургана в Прикубанье [Галанина 1980].



Участники конференции в г. Фрунзе, Киргизская ССР (1981 г.).

В первом ряду второй слева — С. Г. Кляшторный; во втором ряду второй слева — А. Н. Мелентьев, третий — Ю. А. Заднепровский

**С. К.** Да, с Галаниной они в одно время работали, но и она тоже ушла из жизни несколько лет назад...

**А. С.** К тому времени, когда я со своей семьей въехал в квартиру Сорокиных, прошло уже двадцать пять лет с момента смерти Сергея Сергеевича<sup>80</sup>. Моя жена со своей матерью жили в этой квартире с 1994 года — со времени смерти его жены Инны Яковлевны. Так вот, тогда, пять лет назад, в квартире Сорокина хранились еще десятки спичечных коробков и круглых жестяных банок из-под зубного порошка, подписанных или с наклеенными на них этикетками, на которых были нарисованы различные гвоздики, болты, шурупы, кнопки, скрепки, булавки, пуговицы и прочая мелочь — все, что в этих банках и коробочках собственно хранилось...

**С. К.** С ума сойти!

**А. С.** И все это было разложено по размерам, а размеры были указаны на этикетках...

**С. К.** (усмехается) С ума сойти!

**А. С.** Все мелочи в одно хранились, они были рассортированы по ящикам, и каждый коробок аккуратно надписан тушью, пером — где какая скрепка, болт, гайка или кнопка...

**С. К.** Но это, кстати говоря, вырабатывается экспедициями. У нас строжайше запрещалось выбрасывать баночки и коробки, даже пачки от сигарет. Все это был

<sup>80</sup> С. С. Сорокин умер в 1984 г. С августа 2010 г. семья Синицыных, переехав из Саратова, живет в его квартире, оставленной Еленой Викторовной Сорокиной своей дочерью Евгении.

упаковочный материал. И когда все это паковалось, то на все это наклеивался ярлык: указывалось, что именно хранится, когда и где найдено. А иначе, вся работа и все находки — псу под хвост. Я думаю, что у Сергея Сергеевича это была привычка, воспитанная экспедициями. В экспедиции мы все собирали любую тару, жесткую, в которую можно было упаковать — от спичечного коробка до ящичка. Иногда мы специально заказывали деревянные ящики, но это редко у нас бывало. Так что всю тару мы всегда хранили.

**А. С.** В квартире Сергея Сергеевича Сорокина все было сделано собственноручно из разных материалов, в обеих комнатах стеллажи были изготовлены из посылок... Все это свидетельствует о супераккуратизме и педантизме хозяина, не правда ли? Еще Сергей любил музыку. У него было замечательное собрание виниловых пластинок: Бетховен, Шуберт, Шопен, Брамс, Шостакович, Чайковский и многие другие авторы в отличном исполнении. Так вот, комплекты пластинок были в картонных коробках, а на корешки коробок были наклеены металлические пластинки, на которых были выгравированы Сорокиным имена композиторов и исполнителей. Очень хорошая музыкальная подборка. {...}

**С. К.** Вот это да! Но этого я совершенно не знал. Не знал... Со всеми остальными я был более тесно знаком. Скажем, Юра Заднепровский, например, приходил ко мне регулярно, мы с ним что-то обсуждали. Я у него бывал часто. Мы дружили всю жизнь. Другой пример — Борис Ставиский<sup>81</sup>, с которым мы были близки. И это всё была одна компания. Мы постоянно общались, бывали друг у друга дома постоянно и часто.

**В. Н.** Так и Ставиский тоже был из группы Бернштама?

**С. К.** Нет, Борис входил в группу [А. Ю.] Якубовского. Но он был волонтер, часто посещал заседания нашего кружка, делал у нас на семинарах доклады. На рубеже [19]40–50-х [годов] у нас была узкая среднеазиатская компания, иимковская и эрмитажная. Сергей Сергеевич, хотя формально принадлежал к нашему экспедиционному кругу, но никогда в эту компанию не входил.

**В. Н.** А Лубо-Лесниченко<sup>82</sup> тоже был с вами?

**С. К.** Лубо помладше, на год или два, не помню точно, но он младше [нас], это точно. Мы-то уже тогда стали взрослыми {...} Кроме того, Лубо был чистый китаист, занимался текстами, языком. Он уже потом вошел в наш круг со своими зеркалами. А у нас была такая чисто археологическая компания. Младшее поколение в этой компании было, но они потом уехали в Азию. Это Гамбург, Наташа Горбунова, Таня Заднепровская, тогда она была Танечка Вагнер<sup>83</sup>, она пришла в экспедицию, кажется, в 1948-ом. Но это было младшее поколение. А я был в серединке

<sup>81</sup> Борис Яковлевич Ставиский (1926–2006) — археолог, доктор исторических наук, исследователь истории, культуры и искусства древней Средней Азии, профессор, академик РАЕН и Российской Национальной Академии наук, вице-президент Российского Археологического Общества, заслуженный деятель искусств РФ [см.: Бурханов 1998; Маслов, Гульчинский 2001; Проблемы 2001].

<sup>82</sup> Евгений Иосифович Лубо-Лесниченко (1929–2001) — востоковед-синолог, специалист по истории и культуре древнего Дальнего Востока. После окончания восточного факультета ЛГУ (в 1953 г., на 3 года позже С. Г. Кляшторного), Е. И. Лубо-Лесниченко был принят на работу в ГЭ, где он почти полвека прослужил в Отделе Дальнего Востока — с 1965 г. до самой своей кончины. Он — автор многих научных исследований и переводов источников, член-корреспондент РАЕН.

<sup>83</sup> Татьяна Николаевна Заднепровская (в девичестве Вагнер) (1926–2001) — библиограф, многолетний сотрудник библиотеки ИИМК/ЛОИА. Была женой и соратницей Ю. А. Заднепровского (о нем см. выше, примеч. 38), с которым она познакомилась в археологической экспедиции в Средней Азии, где они вместе работали у А. Н. Бернштама [о ней см.: Всевиов, Никоноров 2002: 515–520; а также статью А. Ю. Заднепровской «Как лопатой делается история» в настоящем издании].

(*смеется*). Первое поколение было 45-го года, это Маловицкая Лиля<sup>84</sup>, но она уже в 1947-ом была последний раз в экспедиции: ушла в академию художеств и с археологией покончила. Потом — поколение 1946 года. Сорок седьмого года — это вот я был и еще {...}<sup>85</sup>, но он, окончив [университет], потом работал в географическом обществе и археологией уже не занимался. В 1948 году было большое пополнение в экспедиции, и все они студентами были: это Бороздин, Гамбург, Горбунова, Таня Вагнер-Заднепровская, Засецкая<sup>86</sup>...

**В. Н.** Вот, кстати, у Ирины Петровны Засецкой можно было бы расспросить о тех бернштамовских экспедициях, в которых участвовал [Сергей Сергеевич] Сорокин.

**С. К.** Но Ирина Засецкая не работала с Сергеем Сергеевичем. Она пришла в экспедицию в [19]48-ом...<sup>87</sup>

**В. Н.** Но она же его знала?

**С. К.** Знала, конечно. Они общались. Думаю, что они близко общались и в Эрмитаже.

**В. Н.** (*обращаясь к А. А. Синицыну*) Вот, можно обратиться еще к Засецкой. Она работает вместе с Юрой Пиотровским. И, я думаю, эту встречу несложно устроить. Тогда попробуем это сделать через Юру.

**С. К.** (*со вздохом*) Вот ведь как получается, перечисляя всех, я про нее [И. П. Засецкую] случайно вспомнил (*со вздохом*)... А так вся экспедиция вымерла. Больше ни-ко-го.

**А. С.** Сергей Григорьевич, а Вы могли бы оценить достижения Сорокина, его вклад в науку, его место в науке? Что Вы можете сказать об этом?

**С. К.** Я считаю, что он в большей мере был музейный работник, каталогизатор. Вот книжка, которая ими была подготовлена в Эрмитаже, про хотанские терракоты — это отличная музейная, искусствоведческая работа<sup>88</sup>. Ну, насколько глубоко там в искусствоведении, я сейчас судить не берусь, но в музейном плане — это отличная работа, от-лич-ная! И там иллюстрации, как я сказал, хорошие, они черно-белые, но качественные. А археологические статьи, я вам скажу честно, кроме той статьи середины 50-х, из-за которой был сыр-бор и которая потом разладила [отношения между Бернштамом и Сорокиным], я его публикации не читал. Конечно, в свое время проглядывал, но внимательно не читал. Все это было мне не интересно, у меня совершенно другая тематика. Так что не знаю и оценить не могу все его достижения. Но я одно знаю, что крупных работ у него, кроме «Хотанских древностей» — замечательной книжки для того времени, не было. Прочие же работы, почти все эрмитажные, я с ними не знаком. И эрмитажный период Сергея Сергеевича — главный для него — я фактически и не знаю... Я помню, удивился,

<sup>84</sup> См. воспоминания Л. Маловицкой о ее работе в археологических экспедициях А. Н. Бернштама в середине 1940-х годов [Маловицкая 1998: 64–68].

<sup>85</sup> Имя в записи звучит не разборчиво и не удалось уточнить, о ком здесь идет речь.

<sup>86</sup> Ирина Петровна Засецкая (1929 г. рожд.) — археолог, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ГЭ; специалист в области изучения кочевнических и боспорских древностей [о ней см.: Засецкая 2000; Королькова, Алексеев 2009; Фурасев 2009].

<sup>87</sup> В 1948 и 1949 гг. С. С. Сорокин работал в экспедициях А. Н. Бернштама, в которых принимали участие студенты ЛГУ С. Г. Кляшторный, Ю. А. Заднепровский и его будущая жена Т. Н. Заднепровская (в те годы — Татьяна Вагнер).

<sup>88</sup> С. Г. Кляшторный имеет в виду каталог хотанской коллекции терракот из Эрмитажа, изданный Дьяконовой и Сорокиным [1960], о котором упоминалось выше (см. примеч. 47).



Фото с коллегами у входа в Президиум Бурятского научного центра (Улан-Удэ, 2004 г.): слева направо в ближнем ряду стоят Д. Г. Савинов, П. Б. Коновалов, С. Г. Кляшторный; в дальнем — Х. Гокеньян, Ю. В. Кривошеев, Р. Ю. Почекаев, Т. Д. Скрынникова

когда узнал, что он занимается хотанскими терракотами, ведь он был бесконечно далеко, как мне казалось, от всего этого...

**В. Н.** Ведь это Восточный Туркестан. Причем и коллекция сама по себе непростая, не то чтобы случайная, но беспаспортная. Петровский, консул, собирал эти вещи...

**С. К.** Как мне рассказывали — но не он<sup>89</sup>, а другие — вся эта коллекция хранилась в памяти... Была такая Султан-Шах — хранительница восточных коллекций, такая азербайджанская дама<sup>90</sup>. Вот она единственная {...} Это Наталья Васильевна [Дьяконова] мне говорила. Лично я Султан-Шах не знал, она работала [в Эрмитаже] где-то в двадцатые — пятидесятые годы. Так вот она знала там каждую вещь — откуда она, что это за вещь, и в каком углу она лежит. «И когда, — как мне рассказывала Наталья Васильевна, — когда я пришла [работать] в отдел [Востока Государственного Эрмитажа], она<sup>91</sup> могла показать любую вещь из разных коллекций и поведать ее историю. У нас там никогда не было порядка, но хранительница сама все про все знала (*смеется*). Тогда и описывать ничего не надо было. А когда Султан-

<sup>89</sup> Т. е. С. С. Сорокин.

<sup>90</sup> Анна Павловна Султан-Шах (1892–1978) — востоковед, с 1945 г. — главный хранитель Отдела Востока ГЭ; с конца 1940-х гг. она принимала участие в экспедициях на Кармир-Блуре, которыми руководил Б. Б. Пиотровский.

<sup>91</sup> Т. е. А. П. Султан-Шах.



Участники беседы 2 июля 2013 г. в помещении Клинической больницы РАН на проспекте Мориса Тореза, Санкт-Петербург; справа налево: С. Г. Кляшторный, А. А. Сеницын, В. П. Никоноров [фотография из личного фотоархива В. П. Никонорова]

Шах умерла, тогда и возникла необходимость в основательном каталоге»<sup>92</sup>. (С. Г. Кляшторный снова задорно смеется, и мы подхватываем.) Так вот, все эти вещи [из хотанской коллекции] были беспаспортные. Все! Описать их и издать каталог — это была, конечно, грандиозная работа.

**А. С.** Сергей Григорьевич, у меня к Вам последний вопрос. Где и как можно отыскать дополнительные материалы о Сорокине? В каких изданиях? В ИИМК или Эрмитаже?

**С. К.** Во-первых, конечно, обратитесь в архивы ИИМК и Эрмитажа. Там наверняка должны быть его бумаги, документы, материалы о нем<sup>93</sup>. В архиве Эрмитажа должно храниться личное дело Сорокина, как сотрудника Эрмитажа. Во-вторых, я думаю, что в отчетах Памиро-Алайской и Памиро-Ферганской наших экспедиций с 1946 по 1956 год, за десять или одиннадцать лет [работы экспедиций], могут быть интересные материалы, личные отчеты [сотрудников]. Там можно найти и отчеты Сергея Сергеевича. Я уже с [19]48 года вел самостоятельные объекты, писал отчеты, которые, естественно, сдавал тогда Бернштаму. Потом Натаныч их использовал для составления своих расширенных отчетов по исследуемым им археологическим памятникам. Но вряд ли эти рабочие дневники — я имею в виду мои личные — заслуживают какого-то внимания. А вот как это было у Сергея Сергеевича, я не знаю. Думаю, надо искать.

<sup>92</sup> История о героях прошлого из разряда музейного фольклора, но здесь С. Г. Кляшторный или Наталья Васильевна Дяконова, на рассказ которой он ссылается, ошибается, поскольку каталог хотанских терракот, подготовленный Дяконовой и Сорокиным, был уже опубликован в 1960 г., а А. П. Султан-Шах проработала в Отделе Востока Эрмитажа более полувека (!) — с 1922 г. до самой своей кончины в 1978 г.

<sup>93</sup> Со слов Елены Викторовны Сорокиной, племянницы С. С. Сорокина, после смерти Сергея Сергеевича его вдова Инна Яковлевна Сорокина передала научные наработки мужа в архив ИИМК РАН, а большую часть его домашней библиотеки — в библиотеку ГЭ [Сеницын 2013: 211, примеч. 9]. Ныне материалы С. С. Сорокина хранятся в НАИИМК (РА) [ААБН: 316, Ф. 98].

**А. С.** Что ж, буду искать. Спасибо.

**В. Н.** Замечательная история, Сергей Григорьевич. Теперь я предлагаю всем нам сфотографироваться на память.

**А. С.** Еще раз большое спасибо Вам, Сергей Григорьевич, за интереснейший рассказ. Многое он для меня проясняет. И я непременно использую эти сведения о Сорокине в своей статье о нем.

**С. К.** Да, не за что, друзья мои, что вы! Обязательно приходите, и мы еще поговорим. Спасибо вам большое.

*(Далее В. П. Никоноров рассказывает С. Г. Кляшторному о том, что я являюсь племянником Раисы Николаевны Гусевой, которая живет с ним в одном доме и одном подъезде в Угловом переулке, в квартире на втором этаже, той самой квартире, которую Кляшторные жутко затопили несколько лет тому назад. «Да ну!» — восклицает Сергей Георгиевич. «Ну да!» — отвечаю я и говорю, что много слышан от тетушки о нем и его жене. Сергей Григорьевич извиняется за «то великое бедствие», и мы удивляемся: как все-таки тесен мир. Рукопожатия, прощаемся, перебивая друг друга. Все вместе смеемся.)*

*Затем рассказываемся с одной стороны стола и просим казанского коллегу Веню сделать несколько снимков «на троих». Одна из тех памятных фотографий воспроизведена на предыдущей странице.)*

## Литература

- Абдуллоев 2005: *Абдуллоев Д.* Основные вехи жизненного пути А. М. Беленицкого // ЦААТ. С. 11–12.
- Абдуллоев, Никоноров 2011: *Абдуллоев Д., Никоноров В. П.* Александр Маркович Беленицкий: Человек и Ученый // *Абу-р-Раїхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. А. М. Беленицкого. Статьи и примеч. А. М. Беленицкого и Г. Г. Леммлейна. 2-е изд., доп. и испр. СПб. С. 17–21.*
- Акимченков 2012: *Акимченков В. В.* «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923–1939). Киев; Симферополь.
- Алёшкин 2007: *Алёшкин В. А.* Сектор/Отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН и его предшественники в ИАК — РАИМК — ГАИМК — ИИМК АН СССР (основные вехи истории) // ЗИИМК. Вып. 2. С. 10–92.
- Алёшкин 2010: *Алёшкин В. А.* Александр Натанович Бернштам. Биографический очерк // ДКЕ. С. 9–22.
- Алёшкин 2013а: *Алёшкин В. А.* Борис Борисович Пиотровский // ААБН. С. 39–40.
- Алёшкин 2013б: *Алёшкин В. А.* Вадим Михайлович Массон // ААБН. С. 46–47.
- Алёшкин 2013в: *Алёшкин В. А.* Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа // ААБН. С. 100–159.
- Алымов 2009: *Алымов С. С.* Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // НЛЮ. № 97/3. С. 7–36.
- Андреевская 2006: *Андреевская С. И.* Деятельность Н. Я. Бичурина в качестве главы IX Российской духовной миссии в Китае (1801–1821 гг.): ДКИН. СПб.
- Археолог: детектив и мыслитель 2004: Археолог: детектив и мыслитель: Сборник статей, посвященный 77-летию Льва Самойловича Клейна. СПб.
- Археологические экспедиции 1962: Археологические экспедиции Государственной академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР 1919–1956 гг. Указатель. М.



- Бакст (интернет-ресурс): *Бакст Б. П.* Ехакта — фотолегенда. Часть 1 // Статьи о фототехнике. S. a. [URL: <http://kamera.ru/articles.htm?id=64> (дата обращения: 15.10.2015)].
- Беленицкая 2005: *Беленицкая Г. А.* Материалы к биографии А. М. Беленицкого (из семейного архива) // ЦААТ. С. 13–52.
- Беленицкий, Дьяконов 1953: *Беленицкий А. М., Дьяконов М. М.* Памяти Александра Юрьевича Якубовского // КСИИМК. Вып. 51. С. 166–172.
- Беляков 2013: *Беляков С. С.* Гумилев — сын Гумилева: биография Льва Гумилева. М.
- Бернштам 1940: *Бернштам А. Н.* Кенкольский могильник. Л.
- Бернштам 1947а: *Бернштам А. Н.* К истории фергано-тяньшанских культурных отношений // ИКирФАН. Вып. 4–5. С. 111–120.
- Бернштам 1947б: *Бернштам А. Н.* Из истории Восточной Ферганы и Алая // ИКирФАН. Вып. 6. С. 115–119.
- Бернштам 1951: *Бернштам А. Н.* Древний Тянь-Шань // КСИИМК. Вып. 26. С. 140–144.
- Бернштам 1952: *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л., 1952 (МИА. № 26).
- Бернштам 1956: *Бернштам А. Н.* Саки Памира // ВДИ. № 1. С. 189–206.
- Бернштам 1957: [Б. а.] Александр Натанович Бернштам (1910–1956) // СА. № 1. С. 289–290.
- Бернштам 1997: *Бернштам А. Н.* Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т. I. Бишкек.
- Бернштам 1998: *Бернштам А. Н.* Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т. II. Бишкек.
- Бичурин 1960: *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Чебоксары.
- Бичурин и его вклад 1977: Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение (к 200-летию со дня рождения): материалы конференции. Ч. 1–2. М.
- Бобровская, Алёшкин 2013: *Бобровская Е. В., Алёшкин В. А.* Приложение: Сотрудники РАИМК/ГАИМК/ИИМК АН СССР/ЛОИИМК АН СССР/ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН // ААБН. С. 327–400.
- Богомолова 2013(интернет-ресурс): *Богомолова А.* Время танцевать: «Отдаленный, звучащий чуть слышно вечерний вальс» Максима Шера // Блок о фотокнигах. 07 ноября 2013 г. [URL: <http://bookphotobook.blogspot.ru/2013/11/blog-post.html> (дата обращения: 15.10.2015)].
- Большой город 2011(интернет-ресурс): Галина Бабанская и Вениамин Авербах // Большой город. М. 05 августа 2011 [URL: [http://bg.ru/society/galina\\_babanskaya\\_i\\_veniamin\\_averbah-8939/](http://bg.ru/society/galina_babanskaya_i_veniamin_averbah-8939/) (дата обращения: 15.10.2015)].
- Бондарев, Козырева 2014: *Бондарев А., Козырева М.* Связующая сила слова: Поэтические переводы Л. Н. Гумилева классиков персидской поэзии // ИЖРЯЛ. № 2. С. 5–24.
- Бурханов 1998: *Бурханов А. А.* Борису Яковлевичу Ставискому — 70 лет // КЦ: 1996. С. 194–195.
- Воронович 2011: *Воронович А. В.* Материалы личного архива Л. Н. Гумилева как исторический источник: ДКИН. СПб.
- Воспоминания 2003: Воспоминания Л. Н. Гумилева: Воспоминания. Публикации. Исследования. СПб.
- Всевиов, Никоноров 2002: *Всевиов Л. М., Никоноров В. П.* Памяти Татьяны Николаевны Заднепровской (1926–2001) // ЗВОРАО. НС. Т. I (XXVI). С. 515–520.
- Галанина 1980: *Галанина Л. К.* Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV века до н. э. Л.
- Горбунова 1991: *Горбунова Н. Г.* О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии (конец I тысячелетия до н. э. — первая половина I тысячелетия н. э.) // СА. № 3. С. 20–30.
- Горбунова 1995: *Горбунова Н. Г.* А. Н. Бернштам — исследователь древних культур Средней Азии // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек. С. 5–12.

- Горбунова и др. 1991: *Горбунова Н. Г., Каспарова К. В., Кушнарёва К. Х., Смирнова Г. И.* Борис Борисович Пиотровский (1908–1990 гг.) // СА. № 3. С. 108–111.
- Гумилев 1963: *Гумилев Л. Н.* По поводу интерпретации Уланкомской надписи // СА. № 1. С. 295–298.
- Гумилев 1967: *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М.
- Демин 2008: *Демин В. Н.* Лев Гумилев. 2-е изд. М.
- Денисов 1997: *Денисов П. В.* Жизнь монаха Иакинфа Бичурина. Чебоксары.
- Длужневская 1995: *Длужневская Г. В.* Материалы А. Н. Бернштама в собрании фотоархива Ленинградского отделения Института археологии АН СССР // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек, 1995. С. 231–239.
- Длужневская 2010: *Длужневская Г. В.* Научное наследие Александра Натановича Бернштама в фондах Научного архива Института истории материальной культуры РАН // ДЖЕ. С. 22–27.
- Длужневская 2011: *Длужневская Г. В.* Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 годах (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.
- Длужневская и др. 2002: *Длужневская Г. В., Лазаревская Н. А., Медведева М. В.* Научное наследие Михаила Петровича Грязнова в фотоархиве ИИМК РАН // СЕДС. Кн. I. СПб. С. 35–41.
- Доливо-Добровольский 2005: *Доливо-Добровольский А. В.* Семья Гумилевых. Кн. 1: Николай Гумилев: поэт и воин. СПб.
- Доливо-Добровольский 2008: *Доливо-Добровольский А. В.* Семья Гумилевых. Кн. 2: Николай Гумилев: поэт, путешественник, историк. СПб.
- Доливо-Добровольский 2014: *Доливо-Добровольский А. В.* Семья Гумилевых. Кн. 3: Адресаты лирики Николая Гумилева и Анны Ахматовой. СПб.
- Дьяконова, Сорокин 1960: *Дьяконова Н. В., Сорокин С. С.* Хотанские древности: каталог хотанских древностей, хранящихся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа: терракота и штук. Л.
- Елихина 2011: *Елихина Ю. И.* Хотанская коллекция Государственного Эрмитажа // АВ. Вып. 17. С. 330–339.
- Ерофеева 2007: *Ерофеева И. В.* Нурбулат Эдигеевич Масанов: ученый и личность // ВЕ. Вып. 4. С. 45–57.
- Жантелиева 2014: *Жантелиева Н. Г.* Вклад А. Н. Бернштама в работу Республиканской комиссии по истории Киргизии в дни Великой Отечественной войны (1943 г.) // Центральная Азия в исследованиях XIX–XXI вв.: К 175-летию со дня рождения Н. М. Пржевальского: Материалы Международной научно-практической конференции, г. Бишкек, г. Каракол, 10–12 апреля 2014 г. Бишкек. С. 77–80.
- Заднепровская 2000: *Заднепровская Т. Н.* Киргизский Шлиман (Памяти Ю. А. Заднепровского) // История, культура и экономика юга Киргизстана: Материалы Международной научной конференции. Т. I. Ош. С. 7–12.
- Заднепровский 1960: *Заднепровский Ю. А.* Александр Натанович Бернштам // КСИИМК. Вып. 80. С. 58.
- Заднепровский, Подольский 1981: *Заднепровский Ю. А., Подольский А. Г.* Александр Натанович Бернштам: К 70-летию со дня рождения // НАА. № 2. С. 161–168.
- Засецкая 2000: [Б. а.] Ирина Петровна Засецкая // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Азов. Вып. 16. С. 7–10.
- ИВР РАН 2015 (интернет-ресурс): [Б. а.] Сергей Григорьевич Кляшторный // Сайт ИВР РАН [URL: [http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com\\_personalities&Itemid=74&person=44](http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_personalities&Itemid=74&person=44) (дата обращения: 15.10.2015)].
- Казакевич 2012: *Казакевич Н. И.* Фрагмент воспоминаний // Pro et contra 2012. С. 108–121.
- Каковкин 1986: *Каковкин А. Я.* Анатолий Леопольдович Якобсон (1906–1984): Некролог // ВВ. Т. 46. С. 282–283.

- Камалов 2012: *Камалов А. К.* Рецензия на книгу С. Г. Кляшторного «Рунические памятники уйгурского каганата и история евразийских степей», СПб., 2010 // ИНАНРК. № 1. С. 154–156.
- Кирчо 2010: *Кирчо Л. Б.* Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010) // ЗИИМК. № 5. С. 234–236.
- Клейн 1968: *Клейн Л. С.* К семидесятилетию М. И. Артамонова // СА. № 4. С. 151–156.
- Клейн 1998: *Клейн Л. С.* Место М. И. Артамонова в истории российской археологической мысли // СХСДР. С. 18–20.
- Клейн 2010: *Клейн Л. С.* Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб.
- Клейн 2011: *Клейн Л. С.* История археологической мысли. В 2-х т. СПб.
- Клейн 2014: *Клейн Л. С.* История антропологических учений. СПб.
- Клейн, Корзухина 1961: *Клейн Л. С., Корзухина Г. Ф.* Научная деятельность М. И. Артамонова // Исследования по археологии СССР: Сборник статей в честь профессора М. И. Артамонова. Л. С. 5–11.
- Клейн, Шилов 1968: *Клейн Л. С., Шилов В. П.* Выдающийся исследователь скифской культуры (к 70-летию проф. М. И. Артамонова) // ВДИ. № 4. С. 190–191.
- Кляшторный 1961: *Кляшторный С. Г.* К историографической оценке Уланкомской надписи // ЭВ. Вып. XIV. С. 26–28.
- Кляшторный 1963: *Кляшторный С. Г.* По поводу интерпретации Уланкомской надписи // СА. № 4. С. 292–293.
- Кляшторный 2003: *Кляшторный С. Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.
- Кляшторный, Султанов 2004: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы евразийских степей: Древность и средневековье. СПб.
- Кляшторный 2008: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские памятники рунического письма из Восточного Туркестана // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века. СПб. С. 50–64.
- Кляшторный 2014: *Кляшторный С. Г.* О путях в Сериндию и Син: античное предчувствие глобального мира // KOINON ΔΟΡΟΝ. Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова от друзей и коллег. СПб. С. 176–181.
- Кожомбердиев 1960: *Кожомбердиев И. К.* Новые данные о Кенкольском могильнике // КСИИМК. Вып. 80. С. 70–75.
- Кожомбердиев 1963: *Кожомбердиев И. К.* Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе. С. 33–78.
- Кожомбердиев, Худяков 1987: *Кожомбердиев И. К., Худяков Ю. С.* Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск. С. 75–106.
- Королькова, Алексеев 2009: *Королькова Е. Ф., Алексеев А. Ю.* К 80-летию Ирины Петровны Засецкой // МАИЭТ. Вып. 15. С. 682–686.
- Кузьмина 2010: *Кузьмина Е. Е.* А. Н. Бернштам и его место в истории Казахстана и Киргизии // ДКЕ. С. 27–34.
- Кульганек 2015 (интернет-ресурс): *Кульганек И. В.* Конференция «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем» // СПб ИВР РАН. 27.03.2015 [URL: [http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com\\_content&task=view&id=3982&Itemid=48](http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_content&task=view&id=3982&Itemid=48) (дата обращения: 29.09.2015)].
- Кульганек и др. 2014 (интернет-ресурс): *Кульганек И. В., Кормушин И. В., Насилов Д. М.* Памяти С. Г. Кляшторного // Сайт ИВР РАН [URL: [http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com\\_content&task=view&id=3762&Itemid=137](http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_content&task=view&id=3762&Itemid=137) (дата обращения: 06.11.2014)].
- Кызласов 2008: *Кызласов И. Л.* Новые поиски в алтаистике. I. Разработки лингвистов-тюркологов // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск. Вып. 7. С. 88–102.
- Лавров 2003: *Лавров С. Б.* Лев Гумилев: судьба и идеи. М.

- Маловицкая 1998: *Маловицкая Л. Я.* Воспоминания о работе с А. Н. Бернштамом в 1944–1945 гг. // Изучение древнего и средневекового Кыргызстана. Бишкек. С. 64–68.
- Масанов 2011: *Масанов Н. Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества. 2-е изд. Алматы.
- Маслов, Гульчинский 2001: Борис Яковлевич Ставиский. Биобиблиографический указатель. М.
- Массон 2000: *Массон В. М.* Памяти Ю. А. Заднепровского // АВ. № 7. С. 375–376.
- Массон 2002: *Массон В. М.* Александр Натанович Бернштам. Из плеяды первопроходцев среднеазиатской археологии (к 90-летию со дня рождения) // АВ. № 9. С. 279–281.
- Милюбин 1975: *Милюбин С. Д.* Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М.
- Насилов 2015: *Насилов Д. М.* Эпоха Махмуда Кашгарского в трудах С. Г. Кляшторного // ААММ. С. 340.
- Новикова 2011а (интернет-ресурс): *Новикова О. Г.* Хроника жизни и творчества Л. Н. Гумилева, Н. С. Гумилева и А. А. Ахматовой в сопоставлении с событиями истории XX в. // Gumilevica [URL: <http://gumilevica.kulichki.net/NOG/nog07.htm> (дата обращения: 20.05.2015)].
- Новикова 2011б (интернет-ресурс): *Новикова О. Г.* К истории стихотворного перевода Л. Н. Гумилёва поэмы Фирдоуси «Шах-намэ» // Gumilevica [URL: <http://gumilevica.kulichki.net/NOG/nog08.htm> (дата обращения: 20.05.2015)].
- Пиотровский 1995: *Пиотровский Б. Б.* Страницы моей жизни. СПб.
- Пиотровский 1998: *Пиотровский М. Б.* М. И. Артамонов в Эрмитаже // СХСДР. С. 17–18.
- Пиотровский, Смирнова, Доманский 1973: *Пиотровский Б. Б., Смирнова Г. И., Доманский Я. В.* М. И. Артамонов. 1898–1972 // СГЭ. 37. С. 112–113.
- Пироговская, Острова 2010: *Пироговская М., Острова С.* Евгения Щукина // Большой город. М. 27 августа.
- Платонова 1999: *Платонова Н. И.* М. И. Артамонов — директор ИИМК // АВ. № 6. С. 466–478.
- Платонова 2013: *Платонова Н. И.* Михаил Илларионович Артамонов // ААБН. С. 25–26.
- Платонова, Кирпичников 2013: *Платонова Н. И., Кирпичников А. Н.* Отдел славяно-финской археологии: история и ученые // ААБН. С. 191–242.
- Платонова, Столяр 1998: *Платонова Н. И., Столяр А. Д.* М. И. Артамонов во главе ИИМК АН СССР (1938–1943) // СХСДР. С. 9–16.
- Плетнева 1998а: *Плетнева С. А.* Вспоминая М. И. Артамонова // МАИЭТ. Вып. 6. С. 20–33.
- Плетнева 1998б: *Плетнева С. А.* Михаил Илларионович Артамонов: (к столетию со дня рождения) // РА. № 4. С. 202–213.
- Попова 2006: *Попова И. Ф.* Об изучении научного наследия Н. Я. Бичурина (1777–1853) в XX в. // ЗВОРАО. НС. Т. II (XXVII). С. 581–585.
- Проблемы 2001: Проблемы древней и средневековой истории и культуры Центральной Азии: Сборник статей, посвященный Б. Я. Ставискому. Душанбе.
- Прохоров 2008: Лев Николаевич Гумилев. Письма к матери брата, О. Н. Высотской, другу, В. Н. Абросову, и брату, О. Н. Высотскому (1945–1991) / Сост. Г. М. Прохоров. СПб.
- Пшеницына, Боковенко 2002: *Пшеницына М. Н., Боковенко Н. А.* Основные этапы жизни и творчества Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) // СЕДС. Кн. I. СПб. С. 19–23 [= АВ. № 10. 2003. С. 374–379].
- Пшеницына, Боковенко 2012: *Пшеницына М. Н., Боковенко Н. А.* Вклад Михаила Петровича Грязнова в мировую археологическую науку // КСЕ. Кн. 1. С. 11–24.
- Савинов 2015: *Савинов Д. Г.* Традиционная культура раннесредневековых кочевников (по свидетельству древнетюркских надписей-эпитафий) // ААММ. С. 343–344.
- Савоскул 2007: *Савоскул С. С.* Нурбулат Эдигеевич Масанов // ЭО. № 4. С. 188–191.

- Свешникова 2007 (интернет-ресурс): *Свешникова О. С.* Истории, не вошедшие в историю. Коллективные проекты ИИМК, не увидевшие свет // Интеллектуальная культура исторической эпохи. Екатеринбург [URL: <http://hist.igni.uurfu.ru/rsih/text/sveshnikova.htm> (дата обращения: 15.08.2015)].
- Синицын 2013: *Синицын А. А.* Судьба археолога: Штрихи к биографии Сергея Сергеевича Сорокина (по материалам воспоминаний о нем родственников и коллег) // История и историческая память: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов. Вып. 7–8. С. 208–228.
- Синицын 2015: *Синицын А. А.* Путевка в археологию (по материалам воспоминаний С. Г. Кляшторного) // ААММ. С. 322–323.
- Соловьева 2013: Отдел охранной археологии // ААБН. С. 243–260.
- Смирнов 2011: *Смирнов Н. Ю.* Возвращенная рукопись (из публицистического наследия А. Н. Бернштама // АВ. Вып. 17. С. 353–365.
- Сорокин 1954: *Сорокин С. С.* Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы // СА. № 20. С. 131–147.
- Сорокин 1956: *Сорокин С. С.* О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. Вып. 64. С. 3–14.
- Сорокин 1987: [Б. а.] С. С. Сорокин 1913–1984 // СГЭ. 52. С. 96.
- Сорокин 1995: *Сорокин В. С.* Из военных лет // Ивановский государственный университет глазами современников. Вып. 2. Иваново. С. 143–172.
- Сорокин 1996: *Сорокин В. С.* Взаимодействие квантовых систем и вероятности. Два меморандума о русской революции и кризисе XX века. Последние работы. Иваново.
- Ставиский 1995: *Ставиский Б. Я.* А. Н. Бернштам и изучение буддийских памятников Средней Азии // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек. С. 176–183.
- Ставиский 2001: *Ставиский Б. Я.* Памяти Юрия Александровича Заднепровского (1924–1999) // РА. № 1. С. 180–182.
- Столяр 1998а: *Столяр А. Д.* Воспоминания об учителе // МАИЭТ. Вып. 6. С. 34–57.
- Столяр 1998б: *Столяр А. Д.* Триада жизнедеятельности М. И. Артамонова // История и культура древних и средневековых обществ: Сборник статей, посвященных 100-летию со дня рождения М. И. Артамонова. СПб. (Проблемы археологии. Вып. 4). С. 7–32.
- Столяр 2000: *Столяр А. Д.* Потаенная глава истории советской археологии (к столетию со дня рождения М. И. Артамонова) // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Посвящается 70-летию заведующего кафедрой первобытной истории Омского государственного университета, заведующего Сектором археологии ИИФФ СО РАН, профессора, доктора исторических наук Владимира Ивановича Матюшенко. Омск. С. 188–193.
- Столяр 2008: *Столяр А. Д.* Уроки гражданского мужества историков: научное содружество В. В. Мавродина и М. И. Артамонова (1936–1972) // Мавродинские чтения. 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения: Материалы Всероссийской конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина. СПб. С. 15–38.
- Струве 1966: [Б. а.] Василий Васильевич Струве (3.II.1889–15.IX.1965). (Некролог) // ВДИ. № 1. С. 3–8.
- Султанов 2015: *Султанов Т. И.* Вклад С. Г. Кляшторного в изучение истории Центральной Азии // ААММ. С. 320–322.
- Ташбаева, Ведутова 1998: *Ташбаева К. И., Ведутова Л. М.* Археология, история и культура Кыргызстана в исследованиях А. Н. Бернштама // *Бернштам А. Н.* Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т. II. Бишкек. С. 5–18.
- Тихонов 1999: *Тихонов И. Л.* М. И. Артамонов в Ленинградском университете: (к 100-летию со дня рождения) // ВСПбГУ. Вып. 1. № 2. С. 25–33.
- Тихонов 2003: *Тихонов И. Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете: Историко-графический очерк. СПб.

- Тихонов 2012: *Тихонов С. С.* Недописанная рукопись о Михаиле Петровиче Грязнове (воспоминания о нем В. И. Матюшенко) // КСЕ. Кн. 1. С. 77–81.
- Тишкин 2012: *Тишкин А. А.* Автобиографии М. П. Грязнова как отражение жизни и деятельности выдающегося исследователя // КСЕ. Кн. 1. С. 25–30.
- Тишкин, Дашковский 2004: *Тишкин А. А., Дашковский П. К.* Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая: Учебное пособие. Барнаул.
- Толстов 1957: *Толстов С. П.* А. Н. Бернштам // СЭ. № 1. С. 178–183.
- Туминас 2013 (интернет-ресурс): *Туминас Д.* Вальс случайностей в коммунальной квартире // Colta Specials. 24 октября 2013 [URL: <http://www.colta.ru/galleries/specials/911#ad-image-0> (дата обращения: 12.08.2015)].
- Тур 1996: *Тур С. С.* Антропологические материалы из Кенкольского могильника и некоторые дискуссионные вопросы этнической истории населения Кыргызстана в I половине I тыс. н. э. // Кыргыз: Этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. Бишкек. С. 7–21.
- Тюрко-монгольский мир 2015 (интернет-ресурс): Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем: Научная конференция памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014) (16–17 февраля 2015 г.; Санкт-Петербург): Программа. Тезисы. ИВР РАН. СПб. [URL: <http://h.120-bal.ru/istoriya/22297/index.html?page=1-8> (дата обращения: 15.10.2015)].
- Фурасьев 2009: *Фурасьев А. Г.* Предисловие // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб. С. 3–4.
- Хазанов 2008: *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир. 4-е изд. СПб.
- Худяков и др. 2015: *Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш., Борисенко А. Ю.* Оружие, украшения и принадлежность костюма с памятника «Красный строитель» в Чуйской долине Кыргызстана // АЭАЕ. № 1. С. 61–72.
- Шер 2013: *Шер М.* Отдаленный, звучащий чуть слышно вечерний вальс. М.
- Шер 2009: *Шер Я. А.* Археология изнутри. Научно-популярные очерки. Кемерово.
- Шер 2014: *Шер Я. А.* История ИИМК глазами бывшего иимковца // РАЕ. № 4. С. 515–554.
- Ширинов, Матбабаев 1994: *Ширинов Т. Ш., Матбабаев Б. Х.* Юрий Александрович Заднепровский (К 70-летию со дня рождения) // Фергана в древности и средневековье: Сборник статей, подготовленных в честь 70-летия со дня рождения академика Российской Народной Академии наук Ю. А. Заднепровского. Самарканд. С. 3–6.
- Юркова 2014 (интернет-ресурс): *Юркова К.* Заброшенная, почти забытая, кем-то найденная фотография: Как старый советский архив стал объектом современного фотографического искусства // Photographer.ru. События. 3 февраля 2014. Интервью [URL: <http://www.photographer.ru/events/review/6269.htm> (дата обращения: 15.10.2015)].
- Alëkshin 2012: *Alëkshin V. A.* Vadim Mikhailovich Masson and his Contribution to the Development of the Archaeology of Central Asia // Anabasis. Vol. 3. P. 9–24.
- Pro et contra 2012: Л. Н. Гумилев. Pro et contra: Личность и творчество Л. Н. Гумилева в оценках российских мыслителей и исследователей. Антология. СПб.
- Ihagee Exakta (интернет-ресурс): *Ihagee Exakta* (зарубежная фототехника) [URL: [http://old-camera.ru/article\\_exacta.html](http://old-camera.ru/article_exacta.html) (дата обращения: 15.10.2015)].
- Klyashtornyj 2008: *Klyashtornyj S. G.* Old Turkic Runic Texts and History of the Eurasian Steppe. București; Brăila (Florilegium magistrorum historiae archaeologiaeque Antiquitatis et Medii Aevi. 4).
- Klyashtornyj 2012: *Klyashtornyj S.* 謝爾蓋·克里昂什多爾內. Manichaean Motives in the Turkic Runic Texts from Dunhuang and Tuva / 敦煌及圖瓦突厥古文本中的摩尼教主 // Dunhuang Studies: Prospects and Problems for the Coming Second Century of Research / 敦煌學: 第二個百年的研究視角與問題. St. Petersburg. P. 112–114.

## Раздел VI

### IN MEMORIAM (2007–2015)

---



#### **ГАЛИНА АНАТОЛЬЕВНА ПУГАЧЕНКОВА** **(07.02.1915 — 18.02.2007)**

*Э. В. Ртвеладзе* (Ташкент, Узбекистан)

18 февраля 2007 г. в Ташкенте в возрасте 92 лет ушла из жизни выдающаяся исследовательница искусства и культуры Центральной Азии и Ирана, академик Академии наук Узбекистана, доктор искусствоведения, профессор Галина Анатольевна Пугаченкова.

Г. А. Пугаченкова родилась 7 февраля 1915 г. в семье архитектора. В 1937 г. она окончила архитектурное отделение Ташкентского политехнического института и аспирантуру на кафедре истории архитектуры Средней Азии. 20 ноября 1941 г. в Ташкенте защитила кандидатскую диссертацию на тему «Архитектура эпохи Навои». С 1941 по 1960 гг. работала в качестве доцента кафедры археологии исторического факультета Среднеазиатского государственного университета (ныне Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека).

В 1936 г. Г. А. Пугаченкова впервые приняла участие в работах Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ), руководимой М. Е. Массоном, впоследствии ее мужем и ближайшим соратником. В 1959 г. в Москве она защитила докторскую диссертацию на тему «Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма». С 1960 г. была заведующим сектором истории архитектуры и искусства Института искусствознания. Тогда же ею была создана Узбекская искусствоведческая экспедиция (УзИскЭ), сочетавшая археологические раскопки с методом искусствоведческого анализа. В 1965 г. Г. А. Пугаченкова избирается членом-корреспондентом, а в 1984 г. — действительным членом Академии наук Узбекистана. С 1986 по 1989 гг. она работала на посту академика-секретаря отделения общественных наук Академии. До последних дней Галина Анатольевна

продолжала работать ведущим научным сотрудником Института археологии АН Узбекистана. Весь ее жизненный путь был посвящен бескорыстному служению науке, которой она отдала весь свой незаурядный талант. Разносторонние интересы, глубокие знания и фундаментальные исследования снискали ей признание в нашей стране и за рубежом. Она является автором более 750 научных трудов, многие из которых переведены на разные языки мира. Ею подготовлено около 20 докторов и кандидатов наук.

Галине Анатольевне принадлежит главная заслуга в открытии выдающихся образцов художественной культуры на Хаячаяне и Дальверзин-тепа. Она разработала и глубоко обосновала обобщающие концепции историко-культурных процессов в Средней Азии в древности и средневековье.

Г. А. Пугаченкова вела активную общественную деятельность, была членом редколлегий ряда отечественных и зарубежных научных журналов, достойно представляла науку Узбекистана на многих международных симпозиумах и конференциях, являлась членом международной организации по реставрации и сохранению памятников — ICOMOS. В 1985 г. она была удостоена почетного звания доктора Страсбургского университета, а в 1995 г. стала кавалером государственного ордена Франции «Академическая пальма».

Заслуги ученого в развитии науки достойно оценены правительством Республики Узбекистан. Она награждена орденами «Буюк хизматлари учун», «Дустлик» и медалью «Шухрат», почетным званием «Заслуженный деятель науки Узбекистана», удостоена государственных премий.

Выдающийся ученый, крупный организатор и популяризатор науки, общественный деятель и талантливый педагог, Галина Анатольевна Пугаченкова навсегда останется в нашей памяти.

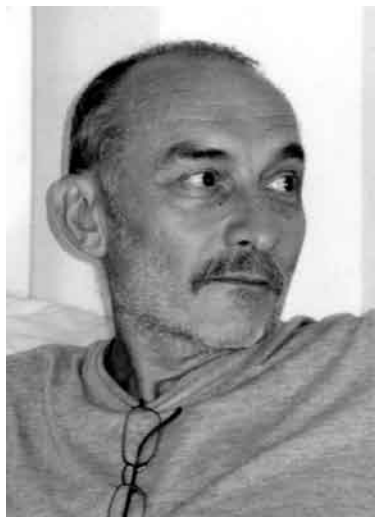


Г. А. Пугаченкова в 1947 г.  
[по: Мамедов М. Архитектурный комплекс Сейит-Джамал ад-Дин. Изд. 2-е, доп. Ашхабад, 2011. С. 18]

Г. А. Пугаченкова (крайняя справа) и ее ученики (слева направо: Т. А. Беляева, Б. А. Тургунов и Э. В. Ртвеладзе) рассматривают «счастливый» кувшин из Дальверзинтепа, в котором был обнаружен клад золотых вещей (Ташкент, 1973 г.) [по: Горшенина С. М. Галина Пугаченкова. Перебирая жизни черепки... Ташкент, 2002. С. 179]







**ПАМЯТИ ГРИГОРИЯ ЛЬВОВИЧА СЕМЕНОВА**  
**(20.10.1950 — 24.04.2007)<sup>1</sup>**

**В. Г. Шкода** (Санкт-Петербург), *Д. К. Мирзаахмедов* (Самарканд),  
*А. И. Торгоев, П. Б. Лурье, Л. Ю. Кулакова, А. В. Омельченко*  
(Санкт-Петербург)

Григорий Львович Семенов родился и вырос в Ленинграде. После окончания школы поступил на Химический факультет Ленинградского государственного университета, но затем перевелся на кафедру археологии Исторического факультета. Его становление как специалиста-археолога неразрывно связано с работами в знаменитой Согдийско-Таджикской экспедиции на городище древнего Пенджикента. Впервые Г. Л. Семенов участвовал в его раскопках в 1969 г., после первого курса. Памятник, благодаря своей уникальной для поры раннего средневековья сохранности, каждый полевой сезон приносил исследователям интереснейшие находки, касалось ли дело жилой или культовой архитектуры, ремесленного производства или монументального искусства, бытовых вещей или предметов роскоши. Перед археологами открывалась жизнь средневекового города во всем своем многообразии. Возглавлял тогда экспедицию известный востоковед А. М. Беленицкий, вокруг которого собрался молодой и работоспособный коллектив археологов, архитекторов, реставраторов, искусствоведов. Экспедиция (с 1974 г. получившая название Пенджикентской) стала кузницей кадров, в которой вырастали специалисты, успешно трудившиеся и продолжающие трудиться в России, Таджикистане, Узбекистане и других республиках бывшего СССР. Она была одной из самых больших в Советском Союзе: жизнь кипела не только на ее многочисленных раскопках, но и на базе, на которой царил веселая, жизнерадостная и свобододолюбивая атмосфера, писались стихи, ставились пьесы, неизменно каждый вечер играла

---

<sup>1</sup> Все воспроизведенные в этой статье фотографии — из фотоархива Отдела Востока Государственного Эрмитажа.

гитара. В такой обстановке легче было переносить физически тяжелый труд, справляться с трудностями полевого быта и головоломностью сырцово-архитектуры.

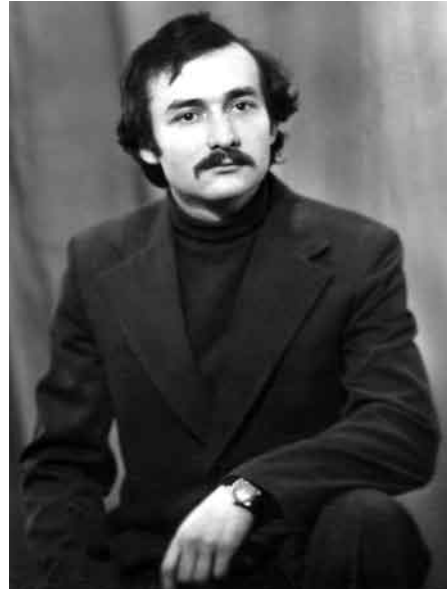
Пенджикент, где прошли годы его молодости, Григорий Львович вспоминал всегда с особой теплотой. Он гордился своими учителями Александр Марковичем Беленицким и Борисом Ильичом Маршаком и навсегда сохранил к ним глубокое почтение. Под руководством последнего он изучал фортификацию города, ставшую темой его кандидатского исследования.

В 1978 г. Г. Л. Семенов был принят в штат Государственного Эрмитажа на должность референта директора музея Б. Б. Пиотровского. По прошествии нескольких лет Борис Борисович предложил Григорию Львовичу перейти на работу в Отдел Востока.

Для дальнейшей разработки темы фортификации Согда ему был необходим сравнительный материал, и в 1981 г. по предложению друга и коллеги из Узбекистана Джамалиддина Камаловича Мирзаахмедова Григорий Львович впервые приезжает на раскопки Пайкенда — известного по средневековым письменным источникам древнего города на юго-западе Бухарской области, в низовьях Зеравшана. С этого времени начинается отсчет исследованиям другой большой археологической экспедиции Государственного Эрмитажа — Бухарской, организованной совместно с Институтом Археологии АН Республики Узбекистан и продолжающей работы по сей день.

Первые годы экспедиции были нелегкими: не хватало финансирования, не было постоянной базы, возникали трудности с водой, сильно досаждали частые пыльные бури. Но молодость, энергия и увлеченность любимым делом помогали преодолевать проблемы, планомерно вести археологические исследования, каждый сезон приносящие новые интересные результаты. Была изучена фортификация цитадели и шахристанов города, что позволило вместе с тем выделить на археологическом материале основные этапы его развития.

В 1985 г. Г. Л. Семенов защитил кандидатскую диссертацию «Городские стены ранне-средневекового Согда как исторический



Г. Л. Семенов в начале 1980-х гг.



Г. Л. Семенов на месте айвана храма огня в Пайкенде (вторая половина 1990-х гг.)



У городских ворот во втором шахристане Пайкенда (начало 2000-х гг.)  
(третий слева — Г. Л. Семенов)

источник». Постепенно открывались и другие стороны жизни средневекового Пайкенда: например, в раскопанном здании аптеки конца VIII в. был найден черепок с арабской надписью тушью, содержащей точную дату — 30 июня 790 г. Итогом первых сезонов стала совместная монография «Городище Пайкенд» (А. Р. Мухамеджанов, Ш. Т. Адылов, Д. К. Мирзаахмедов, Г. Л. Семенов), изданная в 1988 г.

В 1994 г. Григорий Львович стал стипендиатом фонда Александра фон Гумбольдта. Эта престижная стипендия дала ему возможность более глубоко осмыслить прежние исследования, а также открыла перспективы для более широких археологических работ на средневековых городищах Средней Азии. Свои взгляды на историю культуры Согда он изложил в книге «*Studien zur sogdischen Kultur an der Seidenstraße*» (Wiesbaden, 1996). В этом же году в издательстве Государственного Эрмитажа выходит другая его монография «Согдийская фортификация V–VIII вв.».

С 1996 по 1998 г. Григорий Львович возглавлял экспедицию на городище Ак-Бешим в Кыргызстане, который отождествляется с Суябом — столицей Западно-тюркского каганата, основанной переселенцами из Согда. В ходе интенсивных раскопок было изучено дворцовое здание на цитадели и практически полностью открыт чрезвычайно интересный объект — христианский монастырский комплекс. По материалам работ был издан сборник «Ак-Бешим — Суяб», ставший важным источником современного понимания истории средневековых городов Средней Азии.

В 1990-е гг., особенно во второй их половине, вырастают объемы раскопок в Пайкенде. Вместе со своим другом и младшим коллегой И. К. Малкиелем и другими участниками экспедиции Г. Л. Семенов разворачивает широкомасштабные работы на двух шахристанах города, где исследуются жилые кварталы и производственные комплексы. Тогда же на цитадели были открыты храм огня с прилегающим кварталом, а также большой дворец. Целенаправленно изучаются уличная сеть и система

Г. Л. Семенов  
на защите своей  
докторской диссертации  
в ИИМК РАН (2002 г.)



водоснабжения города, которые в Пайкенде известны сейчас едва ли не лучше, чем в остальных средневековых городах Средней Азии. Начиная с 1999 г. ежегодно стал издаваться отчет о раскопках в Пайкенде, что явилось важным шагом в своевременной полной публикации материалов экспедицией.

В 2000 г., благодаря поддержке Бухарского музея-заповедника, был открыт музей истории городища Пайкенд, и экспедиция получила археологическую базу. Григорий Львович много и увлеченно работал с дизайнерами над созданием музейной экспозиции и очень гордился полученным результатом. Сейчас филиал музея Пайкенда выполняет функции важного локального культурного центра, посещаемого как жителями Узбекистана, так и зарубежными гостями.

В 2001 г. Г. Л. Семенов становится заведующим Отделом Востока Государственного Эрмитажа. Будучи лидером по натуре, он интенсивно берется за работу по реэкспозиции постоянных выставок Отдела. Во многом благодаря его настойчивости и своевременным действиям была практически полностью восстановлена постоянная экспозиция «Культура и искусство Средней Азии», а также открылась экспозиция «Искусство Индии». Эта программа активно продолжается и сейчас, свидетельством чему служат многочисленные постоянные и временные выставки, которые Отдел Востока делает каждый год.

Очень требовательно Григорий Львович относился к исследовательской работе. Во время его руководства обязательным правилом стали выступления с докладами молодых сотрудников, недавно пришедших в Отдел. Он всегда живо откликался на все то, что происходило в Эрмитаже, его интересовали все мелочи, связанные с работой Отдела Востока; активно участвовал он и в научной жизни всего музея, особенно археологической.

В 2002 г. Г. Л. Семенов защитил докторскую диссертацию в виде научного доклада на тему «Согдийский город V–XI вв. Формирование плана (по материалам Пайкенда в Бухарском оазисе и Ак-Бешима в Семиречье)».

Несмотря на загруженность, Григорий Львович продолжал выезжать в поле, старался держать заданный темп раскопок Пайкенда. Он был фанатично предан археологии, проявлял большой интерес к деталям, столь важным для адекватных историко-культурных реконструкций. На раскопе, увлекшись работой, он мог забыть про обед и отдых. Он получал истинное удовольствие, открыв хорошо сохранившуюся оштукатуренную стену, и ему не надоело проводить экскурсии по городищу как для археологов, так и для туристов, особенно, если они проявляли неподдельный интерес к памятнику.

Постепенно сформировался постоянный состав Бухарской экспедиции, «команда», как называл ее Григорий Львович, где каждый выполнял не только свою непосредственную работу, но и другую, к которой имелись тяга и способности: зарисовка находок, чистка монет, фотофиксация, помощь в реставрации. Выработывались определенные навыки полевой и камеральной работы, при этом многое из методики раскопок, архитектурных обмеров и т. д. было воспринято из богатого опыта Пенджикента.

В Пайкенде ярко проявились качества Григория Львовича как руководителя, его организаторские способности. Никогда не приказывая, с уважением относясь к людям, независимо от их возраста, он первый подавал пример как и что нужно делать. Будучи общительным по натуре, он одинаково легко мог общаться с рабочими на раскопках, местными чиновниками, водителем случайной попутки. Его интерес к собеседнику был всегда искренним. С ним всегда было интересно и в будни, и в праздники.

Со временем экспедиция оказалась включенной в жизнь близлежащего кишлака. Ее сотрудники стали почетными гостями на традиционных местных торжествах, а Григорий Львович часто, произнося поздравительную речь в честь молодоженов, желал, чтобы их дети участвовали в раскопках. Это поначалу воспринималось как шутка, но через какое-то время обнаружилось, что среди рабочих, занятых на раскопе, уже есть дети тех, кто начинал работать с ним.

В 2005 г., зная, что он серьезно болен, едва оправившись от операции, Г. Л. Семенов все же поехал в Пайкенд. Он очень тяжело воспринял неожиданную кончину Бориса Ильича Маршака в Пенджикенте летом 2006 г. Возвращаясь из Пайкенда осенью того же года, он счел своим долгом приехать в Пенджикент на могилу учителя. Это был его последний полевой сезон...

Григорий Львович был веселым и светлым человеком. Сотрудники экспедиции всегда поражались его мужеству и умению стойко переносить нелегкие полевые условия. Он хорошо играл на гитаре, пел, танцевал, интересовался и знал музыку. Удачно совмещая интенсивную полевую работу с активной деятельностью в Эрмитаже, он никогда не терял чувства юмора, умел не раздражаться, но в то же время был строг и к себе, и к окружающим. Нам всегда будет не хватать его дружеского участия.

Продолжение исследований Пайкенда, сохранение традиций работы и быта Бухарской экспедиции, активная научная и выставочная деятельность Отдела Востока Государственного Эрмитажа — одним словом, продолжение всего того, что было заложено Григорием Львовичем Семеновым, — это и есть лучшая память об этом замечательном Человеке.



## ПАМЯТИ ГАЛИНЫ ФЕДОРОВНЫ КОРОБКОВОЙ (09.03.1933 — 27.08.2007)<sup>1</sup>

*Н. Н. Скакун (Санкт-Петербург)*

Галина Федоровна Коробкова была первой ученицей гениального отечественного ученого Сергея Аристарховича Семенова, первооткрывателя трасологического метода исследования древних орудий труда. Она не только освоила и применяла эту пионерскую методику, но и сделала очень многое для ее дальнейшего развития и популяризации в России и за рубежом.

Воплощенная в работах Галины Федоровны идея о необходимости функционального исследования массовых материалов имеет первостепенное значение для получения объективных данных о путях развития древней техники. Исследовательнице принадлежит также заслуга разработки функциональной классификации производственного инвентаря. Еще большее значение имеет широкое внедрение Г. Ф. Коробковой метода комплексного изучения древних индустрий, включающего технико-морфологические исследования, экспериментально-трасологический анализ с привлечением данных об археологическом контексте, а также сведений в области палеозоологии, палеоботаники и почвоведения. Научные интересы Галины Федоровны отличались широтой охвата материалов разновременных памятников (от палеолита до средневековья), расположенных в разных районах России, Украины, Молдовы, Закавказья, Ближнего Востока, Центральной и Юго-Восточной Азии. До сих пор среди практикующих трасологов нет равных ей по количеству и разнообразию изученных коллекций. Тщательная проработка археологических источников и культурно-хронологической ситуации исследуемых материалов позволили Галине Федоровне стать не только высококвалифицированным трасологом, но и одним из выдающихся специалистов по археологии каменного века и эпохи палеометалла.

---

<sup>1</sup> Все воспроизведенные в этом очерке фотографии — из личного фотоархива Н. Н. Скакун.

Первыми монографическими трудами, в которых она обосновала идеи комплексного анализа древних индустрий, были исследования, основанные на материалах Центральной Азии. Кандидатская диссертация Галины Федоровны, опубликованная в 1969 г. (Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Л.), является хрестоматийным примером наиболее полного применения вышеупомянутого анализа производственного инвентаря памятников каменного века. В этой книге рассмотрены материалы всех известные к тому времени неолитических культур Центральной Азии, прослежено их происхождение и эволюция, а также изучены орудийные комплексы синхронных памятников Ближнего Востока. Именно в этой работе впервые высказано мнение о полифункциональности геометрических микролитов и проведен планиграфический анализ производственного инвентаря поселения Джейтун (Туркменистан), позволивший не только выделить специализированную костеобрабатывающую мастерскую, но и дать характеристику хозяйства этого всемирно известного раннеземледельческого памятника. Высказанные автором основные положения о экономических особенностях различных регионов, сохранили, несмотря на новые археологические находки, свое значение до настоящего времени. Исключительно интересны результаты исследований Галиной Федоровной орудий Самаркандской палеолитической стоянки, а также галечных неолитических индустрий Таджикистана. Аналогичная методика была использована ею при изучении коллекций артефактов, происходящих из памятников Центральной Азии эпохи палеометалла, античного и средневекового времени.

Докторская диссертация Г. Ф. Коробковой «Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР» была посвящена проблемам



Г. Ф. Коробкова (слева) и Н. Н. Скакун  
в экспериментально-трасологической экспедиции в Литве (1979 г.)



Г. Ф. Коробкова делает доклад в Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР (Ашхабад, 1980-е гг.)

возникновения и развития производящего хозяйства. В этой беспрецедентной по объему использованных источников работе, защищенной в 1981 г. и опубликованной шесть лет спустя в виде монографии (Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. М., 1987), обобщены результаты изучения многочисленных памятников Украины, Молдовы, Закавказья и Центральной Азии. Там впервые не только даны исчерпывающие характеристики разнообразных орудий, но и прослежены хозяйственные особенности разных природно-географических регионов, а также высказано мнение о времени зарождения производящей экономики. Этот труд до сих пор остается основополагающим для исследователей, занимающихся вопросами палеоэкономических реконструкций.

Одной из важных сторон научной деятельности Галины Федоровны являлось многолетнее участие в экспериментально-трасологических экспедициях и летних школах, вначале в качестве деятельной помощницы С. А. Семенова, а затем как руководительницы. Экспериментальные работы никогда не носили показного характера, а были хорошо продуманными, спланированными исследованиями с четкими целями и задачами. Они являлись своеобразным полигоном, где с помощью научно поставленных опытов верифицировали трасологические определения, создавались эталоны для анализа технологии изготовления и функционального назначения орудий труда. Большое значение имели уникальные, первые в мире опыты по жатве и обработке древних культурных и диких злаков. Результаты этих исследований нашли отражение в трех монографиях и множестве статей, в которых выявлены основы первобытного хозяйства разных археологических культур, и которые стали учебным руководством для нового поколения трасологов.

Характеризуя деятельность Г. Ф. Коробковой, необходимо подчеркнуть, что она была великолепным организатором науки и преподавателем. После С. А. Семенова



она в течение нескольких десятилетий руководила экспериментально-трасологической лабораторией и благодаря своей неутомимой энергии сумела направить усилия ее коллектива на выполнение общих задач. Именно в это время лаборатория получила всемирную известность. На обучение в ней приезжали специалисты из многих научных центров СССР/России, Франции, Англии, Голландии, Испании, Кубы, Болгарии, Мали, Эфиопии, Марокко и других стран. Под руководством Галины Федоровны были защищены двадцать три кандидатские и три докторские диссертации. Она выступала на многочисленных конференциях и конгрессах, читала лекции в археологических центрах Восточной и Западной Европы, консультировала коллег, делала функциональные определения многих уникальных инструментов.

Триумфом международного признания научных заслуг Галины Федоровны можно считать организацию в честь ее семидесятилетия конференции, состоявшейся в Санкт-Петербурге в рамках конгресса Европейской ассоциации археологов (2003 г.). Ее многочисленные ученики продемонстрировали в своих докладах высокий научный уровень, что явилось лучшим доказательством педагогического таланта их учителя.

Галина Федоровна с большим уважением, теплотой и чуткостью относилась к своему учителю С. А. Семенову, обсуждая с ним тематику работ своих учеников, научные планы лаборатории и перспективы развития экспериментально-трасологического метода. Она с энтузиазмом поддерживала высказанную настоящим автором идею об организации международного конгресса, посвященного памяти Сергея Аристарховича. Конгресс состоялся в Санкт-Петербурге в 2000 г., собрав участников из 25 стран, которые отзывались о нем как о самом представительном трасологическом форуме.



Г. Ф. Коробкова проводит занятие с молодыми археологами в экспериментально-трасологической школе в Молдове (1990-е гг.)

Г. Ф. Коробкова была прирожденным лидером, яркой личностью с твердым характером. Она обладала удивительной трудоспособностью и, несмотря на житейские трудности, настойчиво стремилась к реализации намеченных целей. Вокруг нее всегда было множество людей, которых она притягивала своим оптимизмом и готовностью помочь в трудную минуту. Галина Федоровна обладала абсолютным слухом, прекрасно пела, любила танцевать, была душой экспедиционных компаний. Ее многолетний союз с В. М. Массоном отличался удивительной гармоничностью, оба супруга в большом и малом прекрасно понимали и поддерживали друг друга.

Член-корреспондент Российской Академии естественных наук, доктор исторических наук, профессор, многолетний сотрудник ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН Галина Федоровна Коробкова была ярким представителем ленинградско-петербургской археологической школы. Поколение археологов, к которому она принадлежала, отличали бескорыстная любовь и преданность науке, глубокие знания, основанные на тщательных исследованиях источников, и добросовестность, сочетающаяся с творческим поиском.



**ПАМЯТИ  
ГРИГОРИЯ МАКСИМОВИЧА БОНГАРД-ЛЕВИНА  
(26.08.1933 — 30.09.2008)**

*А. И. Иванчик (Москва)*

30 сентября 2008 г. в американском госпитале в Нейи под Парижем после тяжелой и продолжительной болезни скончался Григорий Максимович Бонгард-Левин — выдающийся российский исследователь древней Индии и блестящий организатор науки, член российской и двух иностранных Академий, в течение длительного времени с неизменным успехом исполнявший множество важных обязанностей, в том числе президента Российской ассоциации антиковедов, научного руководителя Центра сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН и Центра индологических и буддологических исследований МГУ, главного научного сотрудника Института востоковедения РАН, главного редактора журналов «Вестник древней истории» и «Ancient Civilizations from Scythia to Siberia».

Григорий Максимович родился 26 августа 1933 г. в Москве. Его отец, Максим Григорьевич Левин, был видным российским этнологом и антропологом. Уже с детских лет его сын был окружен как крупными учеными, так и подающими большие надежды молодыми исследователями — учениками отца, с некоторыми из которых он сохранил дружеские и научные связи до конца жизни. Несомненно, эта среда оказала решающее влияние на формирование его личности и жизненных интересов.

В 1951–1956 гг. Г. М. Бонгард-Левин учился на Восточном отделении Исторического факультета МГУ, избрав в качестве будущей профессии индологию. Окончив университет, он поступил на работу в Институт востоковедения АН СССР, сотрудником которого оставался до своих последних дней. С 1979 по 1987 г. он возглавлял Сектор истории Древнего Востока, а с 1987 г. был бессменным председателем диссертационного совета Института. В 1989 г. Григорий Максимович

стал главным редактором журнала «Вестник древней истории», во главе которого оставался двадцать лет. Благодаря этому он оказался тесно связанным с другим академическим учреждением — Институтом всеобщей истории, издававшим этот журнал. Здесь он создал Центр сравнительного изучения древних цивилизаций, который очень быстро превратился в один из самых динамичных гуманитарных исследовательских центров России. Это было очень непростое время, когда российским ученым, особенно молодым, приходилось элементарно выживать в новых экономических условиях. И именно Г. М. Бонгард-Левин помог многим молодым исследователям, работавшим в возглавляемом им Центре, не только сохранить профессию, но и достигнуть в ней высокого — в соответствии с самыми строгими международными критериями — уровня. Тем самым он внес значительный вклад в дело сохранения традиций и преемственности поколений в российской исторической науке.

Конец 1980-х — 1990-е гг. были периодом установления научных и личных связей российских ученых, до этого пребывавших в искусственной изоляции, с иностранными коллегами. Григорий Максимович сделал очень многое в этом направлении. Он стоял у истоков многочисленных международных проектов, программ научного обмена и совместных исследований. В 1992 г. он с помощью Ю. Г. Виноградова, С. В. Шкунаева и других коллег создал международный англоязычный журнал «Ancient Civilizations from Scythia to Siberia», издающийся в старейшем научном издательстве Европы «Brill» в Лейдене. Этот журнал, в котором наряду со статьями западных коллег постоянно публикуются работы ученых из России и других постсоветских стран, до сих пор является для западных читателей, особенно для тех, кто не читает по-русски, одним из главных источников информации об исследованиях в области древней истории и археологии, ведущихся в этих странах. В 2001 г. после вступления РАН в Международный союз академий Г. М. Бонгард-Левин стал ее первым представителем в этой организации, призванной координировать исследования академий разных стран в области гуманитарных наук. В 2005–2008 гг. он был членом бюро Международного союза академий.

Научное наследие Григория Максимовича составляют около 250 научных статей и более 20 книг, многие из которых неоднократно переиздавались и переводились на иностранные языки. Большая часть этих публикаций, разумеется, связана с основной темой его исследований — историей и культурой древней Индии, причем сам он из своих работ больше всего ценил трехтомный труд «Памятники индийской



Москва, конец 1980-х гг. Г. М. Бонгард-Левин у входа в здание, где в то время размещались Институт всеобщей истории АН СССР и редколлегия «Вестника древней истории» (ул. Дмитрия Ульянова, д. 19) [фотография из личного фотоархива Г. М. Бонгард-Левина]



Париж, 2000 г. Г. М. Бонгард-Левин после церемонии своего избрания в иностранные члены Французской академии надписей и изящной словесности [фотография из личного фотоархива Г. М. Бонгард-Левина]

письменности из Центральной Азии» (подготовленный совместно с М. И. Воробьевой-Десятковской и Э. Н. Темкиным), который был опубликован в серии «Памятники письменности Востока» в 1985–2004 гг. Именно издание новых источников Г. М. Бонгард-Левин считал вершиной научного творчества историка, не раз говоря о том, что любое историческое сочинение рано или поздно устаревает, и только публикации древних текстов, если они сделаны на должном научном уровне, будут востребованы спустя многие и многие годы.

Заслуги Григория Максимовича были высоко оценены как в России, так и за ее пределами. В 1981 г. он стал членом-корреспондентом, а в 1990 г. — академиком

АН СССР; в 1988 г. был награжден Государственной премией СССР, в 2000 г. — Государственной премией России, в 2003 г. — премией «Триумф». Но, пожалуй, еще большим было признание его научных заслуг за рубежом. Г. М. Бонгард-Левин был избран иностранным членом французской Академии надписей и изящной словесности (2000) и Королевской шведской Академии словесности, истории и древностей (2004), почетным членом Археологического Общества Индии (1975) и Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии (1997), членом-корреспондентом Итальянского Института Востока и Африки (1985) и Германского Археологического Института (1993). Кроме того, он был удостоен золотой медали Азиатского общества Бенгалии (1975), премии Неру (1979) и международной премии Святого Марка (1990), являлся кавалером двух престижнейших французских орденов — Ордена искусств и словесности (2004) и Ордена Почетного легиона (2004), а также одного из высших орденов Республики Индия «Падмабхушан» (2006). Знаком международного признания было и его избрание на пост вице-президента Международной Ассоциации санскритологических исследований, который он занимал в 1979–1990 гг.

Впрочем, сам Григорий Максимович главным считал не эти почести и награды, а научное творчество. При этом его никогда не останавливали формальные границы между разными научными дисциплинами, которые он с легкостью переступал. Этим и объясняется удивительное разнообразие тех сюжетов, к которым он обращался: помимо истории Индии эпохи Маурьев и издания буддийских текстов, это и чисто искусствоведческие работы, и исследования по творчеству А. А. Блока и К. Д. Бальмонта, и история русской эмиграции. В конце 1980-х гг. Г. М. Бонгард-Левин открыл для себя новую область научных занятий — русскую культуру первой половины XX в., включая и ее зарубежную часть. Первоначально его интерес к этой тематике был связан с индологией: первые работы были посвящены роли, которую сыграла Индия в творчестве русских поэтов-символистов А. А. Блока и К. Д. Бальмонта. И хотя эта тема продолжала занимать Григория Максимовича и позже, очень скоро его внимание привлекла другая крупная фигура той же эпохи — выдающийся антиковед, академик М. И. Ростовцев. Во второй половине 1980-х гг. молодой ленинградский исследователь В. Ю. Зуев обнаружил в одном из архивов рукопись М. И. Ростовцева, содержащую неизвестные главы второго тома его книги «Скифия и Боспор». Первые попытки их издания не увенчались успехом, но как только об этой замечательной находке узнал Г. М. Бонгард-Левин, он сразу же предложил В. Ю. Зуеву опубликовать эти главы в «Вестнике древней истории», что и было сделано в самые краткие сроки (см.: Зуев В. Ю. М. И. Ростовцев и неизвестные главы книги «Скифия и Боспор» // ВДИ. 1989. № 1. С. 208–210). Личность М. И. Ростовцева оказалась настолько привлекательной для самого Григория Максимовича, что он с большим энтузиазмом занялся изучением его творческого наследия, а также связей петербургского академика с другими деятелями русской культуры начала XX в. Ему удалось получить доступ к связанным с М. И. Ростовцевым материалам в архивах не только России, но и многих других стран, в том числе США, Великобритании, Германии, Франции, Италии, Швеции, Норвегии и др. Он и группа сотрудничавших с ним коллег сумели собрать множество неизвестных материалов, проливающих новый свет на историю русской науки и культуры начала XX в. как в России, так и в эмиграции. Основные результаты проделанной работы были изданы в двух книгах о М. И. Ростовцеве, в которых Г. М. Бонгард-Левин был одним из соавторов и главным редактором — «Скифский роман» (М., 1997) и «Парфянский выстрел» (М., 2003), а также в его собственной монографии: «Изгнание в вечность. Великий русский историк М. И. Ростовцев в США» (Нью-Йорк, 1999).

Работая в архивах, Григорий Максимович изучал и материалы, связанные с другими деятелями русской культуры, в основном оказавшимися в «первой волне» русской эмиграции, среди которых ученые Г. В. Вернадский, А. А. Васильев, И. М. Гревс и М. М. Карпович, поэты и писатели Вяч. И. Иванов, К. Д. Бальмонт, И. А. Бунин, В. Д. Набоков, И. С. Шмелев и Б. К. Зайцев, художник К. А. Сомов и др. Многие из его публикаций того времени пронизаны идеей единства мировой культуры и отсутствия непреодолимых границ между литературой и наукой. Именно поэтому его особенно привлекали сюжеты, связанные, с одной стороны, с отношениями между учеными и литераторами, а с другой — с отношениями между русскими и зарубежными учеными. Мысль о необходимости восстановления единства гуманитарных наук все больше занимала Григория Максимовича в последние годы жизни. Он считал чрезвычайно важным создание серьезного академического журнала, который сделал бы эту идею основой своей редакционной политики, и в 2005 г. этот план был реализован: он начал издавать журнал «Вестник истории, литературы, искусства», поставивший своей целью «преодоление “цеховых” барьеров между гуманитарными науками и комплексный подход к их изучению». Последние четыре года жизни он отдавал львиную долю сил этому своему детищу, и результатом его усилий стало издание шести томов, каждый из которых наглядно продемонстрировал осуществимость идеи синтеза разных гуманитарных наук. К сожалению, вскоре после смерти Григория Максимовича издание журнала прекратилось: заменить его оказалось некому.

Григорий Максимович уделял большое внимание преподаванию и подготовке новых поколений ученых. У него всегда было много учеников и аспирантов из московских научных и учебных заведений, а в последние годы жизни он многое делал для воспитания молодых специалистов по древней истории за пределами Москвы, в первую очередь в Краснодарском крае, с которым был тесно связан как



Институт передовых исследований (Institute for Advanced Study) в Принстоне, штат Нью-Джерси, 2001 г. Г. М. Бонгард-Левин и американский антиковед Г. Бауэрсок (справа) [фотография из личного фотоархива Г. Бауэрсока]



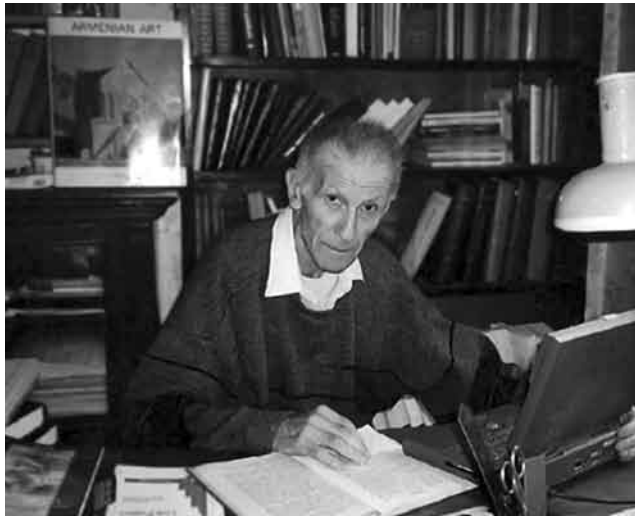
Институт передовых исследований в Принстоне, 2001 г.

Прием по случаю избрания Г. Бауэрсока иностранным членом Российской Академии наук.  
Слева направо: А. И. Иванчик, Г. М. Бонгард-Левин, Л. В. Семенченко, О. Грабар, Д. Гуревич  
[фотография из личного фотоархива А. И. Иванчика]

активный участник организации археологических исследований в древней Фанатрии на Таманском полуострове.

В лице Григория Максимовича Бонгард-Левина мы потеряли не только крупнейшего ученого и неутомимого организатора науки, но и обаятельного, жизнерадостного и чрезвычайно легкого и простого в общении человека. Покинув нас, он оставил не только светлую память о себе, но и пустоту в наших сердцах, которую невозможно заполнить.





## СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ КАРЕН НИКИТИЧА ЮЗБАШЯНА (06.01.1927 — 05.03.2009)

*Дж. Р. Расселл* (Кембридж, Массачусетс, США)

Золотой армянской осенью 1982 г., когда воздух чист и прохладен, когда солнце все окрашивает в розовый цвет, а в долине Арарат идет сбор урожая и пахнет зрелыми фруктами, обаятельный ученый, который говорил по-русски как классик XIX в., а по-армянски — как Аветик Исаакян и Ованес Туманян, с улыбкой золотой осени читал лекцию в зале Матенадарана (Մատենադարան), хранилища древних рукописей, окна которого выходят на заснеженный Арарат, возвышающийся на Ереваном. А после его лекции о тайном языке посвященных, называемом *Рштуни лезу*, мы говорили так, как будто знали друг друга всю жизнь. Армянские научные книги печатались в прекрасных изданиях, были еда и кофе, можно было спокойно утром позавтракать и пешком дойти до Матенадарана, чтобы провести день за разговором с друзьями. Помню, что я тогда накупил целую кучу книжек, и тут по радио сообщили об очередном нелепом указе: запрете на вывоз книг (но мне их все-таки удалось вывезти). Карен Никитич Юзбашян, маститый ученый, известный исследователь истории и культуры древней Армении и армяно-византийских отношений и крупнейший знаток армянских средневековых рукописей и текстологии, и я, молодой гость из Соединенных Штатов, стояли перед Матенадараном, и я сказал: «Мне этого просто не понять» (это — про указ о книгах), на что он, сделав широкий жест в сторону страны Советов, ответил: «А остальное Вы понимаете?»

Так началась наша дружба. Позднее этот замечательный кавказец, родившийся в Тифлисе в семье карабахских армян в легендарные 1920-е гг., стал членом Карабахского Комитета, а затем был избран в только что созданный парламент Армении. В те грандиозные времена, когда сумасшедшие ветры свободы, полнейшего беспорядка, возрожденной истории охватили всю страну, снесли статуи и разрушили пропагандистские мифы, Карен приехал в Нью-Йорк, и Нина Георгиевна

Гарсоян, выдающийся авторитет в области древнеармянской истории и культуры, определила меня ему в гиды. И пока она сама колдовала над рыбным пирогом в сорок слоев и жареной бараниной, пока она расставляла на стол сорок бутылок красного вина для гостей в пасхальную ночь, мы с Кареном спокойно гуляли по Манхэттену. Вернулись мы, немного запоздав, за что хозяйка нас и отчитала как непослушных мальчишек, а мы с ним только обменялись улыбками. До глубокой ночи, уже после того, как все высокие официальные гости разошлись, а самые близкие из нашей братии, «les artistes chez eux» («художники у себя дома»), как называла нас Нина, собрались в маленьком кабинете, битком набитом книгами, старинными вещами и массивной деревянной мебелью, и наслаждались общением, попивая холодную водку из стопок.

Случилось так, что я был, скажем так, не очень красиво уволен из Колумбийского университета. Все петиции от многих российских ученых были напрасны. Моя жизнь в Нью-Йорке — городе, где я родился и вырос, закончилась. Тогда я перебрался на работу в более холодное и менее гостеприимное место. Начались годы изгнания в ледяных и неуютных для меня штатах Новой Англии, интеллектуальное безразличие и провинциализм, ужасная погода и дневная тьма, а пагубная изоляция неуклонно добивала то, что было моей жизнью, и именно тогда поездки в Санкт-Петербург стали моим единственным связующим звеном с подлинной культурой и человеческим теплом. Я часто останавливался на квартире Карена на улице Орбели, и он, откинувшись в кресле, вел со мной долгие ученые разговоры о русской и армянской литературе и политике. Около полуночи Карен обычно отрывал меня от чтения: «James jan, k'entres?» («Дорогой Джеймс, как насчет ужина?»), и тогда мы садились в крошечной кухне выпить водки и закусить. Карен был худой как щепка. Пишу эти строки, лежа в кровати в Иерусалиме, где я медленно прихожу в себя после ужасной аварии на мотоцикле. Мускулы на моей разбитой ноге постепенно крепнут, но когда сняли гипс, и я увидел свою тонкую



На квартире О. Ф. Никольской на Долгоозерной улице в Санкт-Петербурге (лето 2005 г.): К. Н. Юзбашян (крайний слева) и Дж. Расселл (в центре)  
[фотография из личного фотоархива Дж. Р. Расселла]

как спичка ногу, то вспомнил скелетообразные конечности Карена. Он обычно поднимал глаза от еды и говорил, что у него запасной аппетит ленинградского блокадника.

Карен был не только добрым другом, не только прекрасным ученым, не только потрясающим армянским интеллектуалом из России, он был еще и стержнем большого круга друзей, расхившегося от Санкт-Петербурга во все концы нашей планеты. Его теплота согревала и тех, кого он не знал лично. Карен всегда верил во внутреннюю близость евреев и армян, ведь он родился в Советском Союзе, а не на Ближнем Востоке. Ему совершенно не был свойственен антисемитизм, он бывал в Израиле и любил эту страну. Впрочем, несмотря на его непререкаемый авторитет и впечатляющие научные достижения, желтая пресса в Ереване не оставляла его в покое, да и его дружба с иностранцами способствовала этому. «Джеймс, — говорил он мне, — на стороне наших врагов есть все, кроме правды».

Дорогой Карен, пусть, как говорят русские, земля тебе будет пухом. А всем нам, убитым горем, тем, кто остался, Господь дарует силы прожить наши жизни в свете твоей светлой памяти и даст нам утешение пребывать в единстве с твоей душой, освободившейся в царстве правды, для которой нет ни времени, ни пространства.

*Barukh Dayan ha'Emet. Благословен есть единый праведный Судия.*



## ПАМЯТИ ТАМАРЫ ИВАНОВНЫ ЗЕЙМАЛЬ (30.12.1929 — 18.03.2009)

*В. С. Соловьев (Елец)*

С Тамарой Ивановной Зеймаль я познакомился в далеком 1960 г., когда она вместе с Борисом Анатольевичем Литвинским начинала раскопки открытого ею годом раньше буддийского монастыря Аджинатепа в Вахшской долине на юге Таджикистана. Раскопки памятника продолжались до 1975 года, он был вскрыт полностью, детально стратифицирован, датирован и опубликован — достаточно редкий случай в среднеазиатской археологии. Благодаря этому, а также находкам великолепных образцов архитектуры, настенной живописи и скульптуры, Аджинатепа приобрел мировую известность. Вторым буддийским памятником, который Тамара Ивановна изучала в Таджикистане, был монастырь Уштурмулло, расположенный в Кобадiane.

Важное научное значение имеют работы Тамары Ивановны, связанные с изучением древних и средневековых каналов Вахшской долины и связанных с ними археологических памятников. Материалы этих раскопок явились темой ее кандидатской диссертации, защищенной в 1969 г. В ней исследовательница подробно разработала стратиграфическую колонку памятников северо-восточной части Бактрии-Тохаристана, определила русла и датировку каналов. Несмотря на то, что после защиты диссертации прошло более полувека, эта работа не устарела и востребована специалистами в наши дни.



Т. И. Зеймаль на заседании Отдела Востока Государственного Эрмитажа; справа во втором ряду Ю. И. Елихина, слева — Д. О. Васильева (между 2005 и 2009 гг.) [фотография из фотоархива Отдела Востока Государственного Эрмитажа]

Было много археологических экспедиций, в которых я работал с Тамарой Ивановной. Она прекрасно владела методикой раскопок, отличалась тщательностью исследования памятников и умением реконструировать на основе полученных данных жизненные реалии давно минувших эпох. Чувствовалась во всем хорошая профессиональная подготовка, которую она получила на Историческом факультете Ленинградского университета, который окончила в 1953 г. По опыту знаю, что женщине-археологу труднее переносить, нежели мужчине, нелегкий экспедиционный быт, но я не помню ни одного случая, когда бы Тамара Ивановна жаловалась на неудобства полевой жизни.

Все, кто работал с Т. И. Зеймаль, знают о ее прекрасных человеческих качествах: честности, доброте, стремлении помочь окружающим ее людям. Как и Борис Анатольевич Литвинский, Тамара Ивановна была для меня не только старшим коллегой, но и добрым наставником с того самого дня, когда я, будучи школьником, впервые оказался на раскопках Аджинатепа.



**ВАДИМ МИХАЙЛОВИЧ МАССОН**  
**(03.05.1929 — 19.02.2010)**

*В. С. Бочкарёв, Л. Б. Кирчо (Санкт-Петербург)*

19 февраля 2010 г. умер выдающийся советский и российский археолог, востоковед и культуролог, доктор исторических наук, профессор, академик РАН и Республики Туркменистан Вадим Михайлович Массон. За его спиной стоит большая, насыщенная событиями жизнь. В ней было все: радость побед и горечь неудач, долгожданные приобретения и безвременные потери, признательность посторонних людей и предательство, казалось бы, близких учеников... И была работа, неустанный труд.

Несомненно, что призвание В. М. Массона — это история и археология. Ими он занимался много и с подлинным энтузиазмом. На протяжении полувека Вадим Михайлович проводил интенсивные полевые работы во многих уголках Средней Азии. Особенно крупные исследования им были развернуты на территории Туркмении. Здесь целенаправленно изучались древности различных эпох — от неолита до средневековья. Были обнаружены сотни новых памятников, и сделан ряд крупных открытий. В этой связи достаточно назвать Алтын-депе, Джейтун и Яз-депе. Материалы, полученные в ходе раскопок этих памятников, позволили совершенно по-новому взглянуть на древнейшее прошлое Туркмении и всей Средней Азии. В своей знаменитой книге «Средняя Азия и Древний Восток» (М.; Л., 1964) В. М. Массон убедительно показал значительную роль среднеазиатских культур в становлении и развитии древнейшей цивилизации Старого Света. Образно говоря, он открыл миру одну из забытых страниц его истории.

Эта книга принесла В. М. Массону широкую известность и сыграла очень важную роль в его научной биографии. В ходе работы над ней круг его интересов значительно расширился. Кроме традиционной историко-археологической проблематики, его чрезвычайно заинтересовали социологические вопросы археологии. Во второй половине 1960-х гг. он занялся изучением процесса возникновения и становления производящего хозяйства. Развивая идеи Г. Чайлда и опираясь на новые материалы

и методики, Вадим Михайлович достаточно легко продвинулся в решении указанной проблемы. Особенно ценные результаты им были получены для территории Туркмении. Свою концепцию так называемой неолитической революции он изложил в монографии «Поселение Джейтун» (Л., 1971).

В 1970-е гг. В. М. Массон продолжал развивать социологическое направление в археологии, одним из лидеров которого он вскоре стал. В центре его интересов теперь оказались древние ремесла и обмен, торговля и палеодемография, погребальный обряд, религия и т. д. Итогом своим исследования в этой области он подвел в книге «Экономика и социальный строй древних обществ» (Л., 1976), которая носит методический характер. В ней дан систематический обзор всех основных приемов и методов изучения древних хозяйственных и социальных систем, известных по данным археологии. В тематическом отношении по ширине и глубине охвата материалов она до сих пор не имеет аналогов как в нашей, так и в зарубежной литературе. Неудивительно, что спустя 30 лет после своего издания, эта книга остается востребованной.

Начиная со второй половины 1980-х гг. в работах В. М. Массона постепенно начала преобладать культурологическая тематика. Конечно, это не означает, что он прервал свои конкретные археологические исследования. По-прежнему выходят его публикации, посвященные отдельным археологическим памятникам. В этой связи нужно назвать его монографию «Алтын-депе» (Л., 1981). Он также продолжает заниматься нумизматикой и древней историей Средней Азии. Но основная сфера его интересов все же перемещается в культурологию. В 1989 г. выходит его книга «Первые цивилизации», которая вызвала большой интерес не только у историков и археологов, но и культурологов и философов культуры. Она стала основным учебным пособием для студентов вузов, изучающих древнейшую культуру человечества. Особо следует отметить, что Вадим Михайлович одним из первых в нашей науке обратился к исследованию культурологических аспектов археологии. Феномен культуры он отнес к числу важнейших, фундаментальных понятий археологии. По мнению В. М. Массона, археологический материал является неиссякаемым источником культурологической информации. Он позволяет изучать культуру от самых ее истоков, что является огромным преимуществом археологии. Поэтому исследование культурогенеза является естественной прерогативой археологии и одной из ее основных задач. Культурогенетическими исследованиями В. М. Массон начал заниматься в 1980-х годах. Выходят его работы, посвященные анализу механизмов культурогенеза (традиции и инновации), его стадиям, импульсам и ритмам. Для отечественной археологии это была совершенно новая тематика. Позднее, в связи с обретением независимости республиками Средней Азии Вадим Михайлович актуализирует культурогенетическую проблематику. Он поднимает вопрос о важности культурного наследия для становления и развития молодых государств и пишет несколько книг по этой теме: «Вопросы культурного наследия» (Ашгабад, 2002), «Древний Кыргызстан: процессы культурогенеза и культурное наследие» (Бишкек, 2003), «Культурогенез древней Центральной Азии» (СПб., 2006). Особо следует выделить последнюю из названных работ. Она носит итоговый характер. На конкретном археологическом материале автор проследил процесс культурогенеза в среднеазиатском регионе на протяжении очень длительного времени — от палеолита до позднего средневековья. Он выделил основные этапы этого процесса и характерные культурологические особенности той или иной эпохи. По мнению В. М. Массона, существовало несколько типов культурного развития (эпохальный, региональный и локальный). Есть также несколько разновидностей культурных трансформаций

и несколько ритмов культурогенеза. В книге в очередной раз подчеркивается важное значение культурного наследия в изучении истории любого народа.

С научными исследованиями В. М. Массона теснейшим образом связаны его научно-организационная и педагогическая деятельность. В сущности, это были части одного и того же процесса. С юных лет Вадим Михайлович участвовал в работах археологических экспедиций. Впоследствии он сам организовал и возглавил не одну такую экспедицию. В. М. Массон всегда придавал большое значение полевым исследованиям. Для него было ясно, что успехи молодой среднеазиатской археологии в значительной мере зависят от поступления новых материалов и их своевременного ввода в научный оборот. В молодые и зрелые годы он не только много копал, но и много писал. Регулярно появлялись его статьи, заметки и книги, в которых публиковались вновь открытые материалы. Для оперативного освещения полевых и кабинетных исследований в Средней Азии В. М. Массон начал издавать такие периодические сборники, как «Каракумские древности» и «Успехи среднеазиатской археологии». По его инициативе и под его руководством проводились многочисленные конференции, симпозиумы, семинары и «круглые столы». На их основе издавались тезисы и сборники трудов.

В 1968 г. В. М. Массон был избран заведующим Отделом археологии Средней Азии и Кавказа Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и возглавлял это крупнейшее подразделение института в течение 35 лет. При нем Отдел превратился в крупнейший центр по изучению археологии древней истории Средней Азии. Его сотрудники проводили полевые исследования во всех основных среднеазиатских регионах и разрабатывали ряд ключевых проблем региональной археологии. Отдел также стал школой, в которой готовились высококвалифицированные кадры для среднеазиатской археологии. Со всех республик Средней Азии и Казахстана к В. М. Массону, М. П. Грязнову, А. М. Беленицкому, А. М. Мандельштаму ехали аспиранты и стажеры. Через несколько лет они, как правило, защищали кандидатские диссертации и возвращались на родину. Со временем эти люди составили ядро специалистов по среднеазиатской археологии.

В 1982 г. В. М. Массон возглавил ЛОИА АН СССР (с 1991 г. переименованный по его инициативе в Институт истории материальной культуры РАН). Он взял курс на расширение исследований института и укрепление его внешних связей. Было заключено множество соглашений о сотрудничестве Института с другими археологическими учреждениями Союза и ряда зарубежных стран. Примером может служить сотрудничество с Молдавией. В пору директорства В. М. Массона около 30 молдавских археологов смогли пройти стажировку или аспирантуру в ЛОИА/ИИМК. Многие из них подготовили и защитили диссертации в его стенах. С другой стороны, сотрудники Института получили доступ к новым археологическим материалам из Молдавии и возможность проводить полевые исследования на Днестре и Пруте. Такого рода сотрудничество было выгодно обеим сторонам.

С распадом Советского Союза положение в институте, как и во всей стране, сильно изменилось. Ухудшилось почти все, и особенно материальное положение сотрудников. Между тем, в эти тяжелые годы В. М. Массон стремился всячески сохранить и укрепить Институт. Он добился его самостоятельности и вернул ему исконное имя ИИМК. Было также основано новое независимое издание «Археологические вести». Первый номер этого журнала вышел уже в 1992 г. В этот период также значительно расширились международные связи Института. Многие его сотрудники смогли тогда побывать в западных странах и из первых рук познаться с достижениями европейской и мировой археологии.



В 1998 и 2003 гг. соответственно В. М. Массон в результате перевыборов лишился постов директора ИИМК РАН и заведующего Отделом археологии Центральной Азии и Кавказа. Он тяжело переживал эти изменения в своей служебной карьере. Стали давать о себе знать возраст и здоровье. Невзирая на все это, Вадим Михайлович продолжает заниматься наукой. Выходят его книги и статьи, он встречается с коллегами и учениками, бывает на заседаниях ученого совета.

Вклад Вадима Михайловича Массона в развитие нашей науки и его заслуги перед ней получили всеобщее признание. Он был избран почетным членом многих научных обществ и учреждений, его книги переведены на ряд иностранных языков. Имя В. М. Массона широко известно как в нашей стране, так и за рубежом. У многих оно ассоциируется с самой среднеазиатской археологией, для которой он сделал так много.

В 1999 г. по инициативе и при самом деятельном участии Вадима Михайловича, после почти 80-летнего перерыва на базе ИИМК РАН, Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН и Отдела Востока Государственного Эрмитажа было воссоздано Восточное отделение Российского археологического общества (БОРАО). Его председателем стал В. М. Массон. В 2002 и 2006 гг. вышли в свет два тома новой серии «Записок БОРАО».

Смерть Вадима Михайловича Массона — это огромная утрата не только для археологов России и стран бывшего Советского Союза, но и всего мира. Однако его дело будет жить в трудах его многочисленных учеников, а память о нем навсегда останется в наших сердцах.

## В ПАМЯТЬ О ВАДИМЕ МИХАЙЛОВИЧЕ МАССОНЕ

*З. И. Усманова (Ташкент, Узбекистан)*

Ушел из жизни выдающийся российский востоковед Вадим Михайлович Массон, крупнейший исследователь археологии и истории Центральной и Средней Азии. Ему принадлежит ряд важнейших открытий на юге Туркмении (Джейтун, протогородская цивилизация Алтын-депе, ранний железный век в Мервском регионе). Он является автором более пятисот публикаций, включая 29 монографий, среди его учеников более 50 кандидатов и докторов наук.

Вадим Михайлович нам дорог и близок не только как коллега, но и как единомышленник своего отца, основателя среднеазиатской археологической школы Михаила Евгеньевича Массона. Будучи воспитанником кафедры археологии Средней Азии САГУ (ТашГУ, ныне — Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека), Вадим Михайлович до конца своей жизни не порывал связей с ней и волею судьбы постоянно соприкасался с ней по работе в Южно-Туркменстанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), которую также возглавлял его отец.

В студенческие годы Вадим Михайлович выделялся среди сверстников своей эрудицией и широтой знаний (еще школьником проштудировал библиотеку отца под наблюдением матери, Ксении Ивановны Массон) Уже тогда он вел самостоятельное изучение памятников близ Ташкента и печатался в студенческих научных сборниках, был председателем студенческого научного общества Исторического факультета и входил в университетское правление СНО. А когда Михаил Евгеньевич в 1946 г. возглавил ЮТАКЭ, сотрудники кафедры и студенты принимали активное участие

в ее работах. На старших курсах студент Вадим Массон работал на Старой Нисе в качестве коллектора.

25 сентября 1948 г. на раскопе Е. А. Давидович в XI помещении Большого Квадратного дома на Старой Нисе были обнаружены полуразрушенные ритоны из слоновой кости, для извлечения которых потребовалось два полевых сезона, и около трех лет ушло на их реставрацию. Это была настоящая сенсация. М. Е. Массон телеграфировал об открытии в Москву (ИИМК АН СССР) и Ленинград (Эрмитаж) с просьбой срочно командировать в Ашхабад опытных консерваторов-реставраторов В. Н. Кононова и А. В. Кирьянова. До их приезда археологи самостоятельно начали закреплять уже открытые предметы смолой, растворенной в спирте и целлулоидом на ацетоне. Активное участие в этом процессе принял и студент Вадим Массон. Но работы этого полевого сезона были прерваны трагическим Ашхабадским землетрясением в ночь с 5 на 6 октября. Члены экспедиции ЮТАКЭ, жившие в багирском археологическом лагере, к счастью, остались живы и проявили в эти дни силу воли, организованность, выдержку, дисциплину и чувство долга. Начальник отряда археолог М. С. Мерциев и коллектор Вадим Массон добровольно остались в лагере для охраны объекта с ритонами и в дальнейшем принимали участие в работах по закреплению и извлечению этих уникальных находок.

Вадим Михайлович окончил кафедру археологии САГУ в 1950 г. и уехал в Ленинград для продолжения образования, а я в том же году поступила на первый курс истфака САГУ. Знакомство наше было заочным, о его работах мы знали из сообщений М. Е. Массона на заседаниях кафедры, поскольку исследования Вадима Михайловича на юге Туркмении (памятники неолита, энеолита и бронзового века) проводились по линии ЮТАКЭ. Мое личное знакомство с Вадимом Михайловичем произошло в 1955 г., когда я начала работы на Эрк-кале в Старом Мерве. Дело в том, что в 1954 г., в связи с работами по сооружению Большого Каракумского канала, в зону строительства попали археологические памятники (Джин-депе, Яз-депе и др.), которые следовало срочно спасать, проведя на них археологические раскопки. У Михаила Евгеньевича Массона был уже опыт археологического надзора при строительстве Большого Ферганского канала (БФК), и эту задачу он возложил на молодого специалиста Вадима Михайловича Массона. Теперь по пути на свои объекты Вадим Михайлович часто заезжал к нам в Мерв и посещал мои раскопы на Эрк-кале. До меня там в 1937 г. раскопочные работы вели А. А. Марущенко и Б. Б. Пиотровский, который опубликовал в «Материалах ЮТАКЭ» результаты своих исследований. В этих материалах В. М. Массон увидел много общего с находками из Яз-депе (строительный материал, биконические ядра, бронзовые наконечники стрел, керамика). Со временем у нас с Вадимом Михайловичем появились общие научные интересы в решении проблемных вопросов — таких, как становление государственности в Мервском регионе и градостроительство. В эти годы в раскопках Вадима Михайловича принимали участие студенты кафедры археологии САГУ/ТашГУ Ю. Ф. Буряков, М. Аминджанова и др., которые затем писали курсовые работы и делали студенческие научные доклады, основанные на изучении полученных ими данных.

Успешные работы Вадима Михайловича на Джин-депе и Яз-депе дали материалы, которые позволили установить, что группа памятников, оставшаяся за пределами обводной стены селевкидского царя Антиоха I вокруг древнего Мерва, относится к началу раннего железного века. Составленная им в 1950-х гг. стратиграфическая колонка по результатам раскопок Яз-депе (Яз I, Яз II, Яз III) носила

относительный характер, но для того времени она была единственной для Мервского региона, и в основном на нее в течение многих лет ссылались ученые, в том числе и я, при определении возраста Мерва.

В одно из своих посещений Мерва Вадим Михайлович предложил мне поехать с ним в Ашхабад на встречу с известным археологом Александром Александровичем Марущенко. Так я через посредство В. М. Массона познакомилась А. А. Марущенко, и от этой встречи у меня остались самые теплые воспоминания, которые трудно забыть. Нам любезно был показан музейный архивный материал из раскопок 1936/37 гг. в Мерве — это коллекция целых цилиндрико-конических кубков, медные наконечники стрел и другие находки с подробными объяснениями. Жаль, что до сих пор эти материалы не опубликованы, и на них нет возможности сослаться. В последующие годы А. А. Марущенко знакомил меня с материалами Елькендепе, давал дружеские советы по Старому Мерву, которые я с благодарностью принимала.

После смерти М. Е. Массона (1986) работу ЮТАКЭ возглавил В. М. Массон, который сохранил за нашей кафедрой право продолжать работы в Мерве по линии ЮТАКЭ до 1992 г. Он следил за моими многолетними исследованиями на Эрк-кале и, когда я, наконец, определила возраст города, то по инициативе Вадима Михайловича в г. Мары был в 2000 г. отмечен юбилей Мерва.

В. М. Массон заслуживал особого уважения за свою постоянную связь с *alma mater*, он ее не забывал и по мере возможности постоянно поддерживал кафедру и ее выпускников. Особенно это ощущалось после смерти его отца, многолетнего заведующего кафедрой археологии САГУ/ТашГУ. Вадим Михайлович использовал любую форму общения с нами, в своих коротеньких письмах в несколько строк, умудрялся давать советы, ставить в известность о предстоящих всесоюзных и международных конференциях, приглашал на юбилейные мероприятия и таким образом участвовал в жизни кафедры. Особенно тесный контакт с ней был по линии ЮТАКЭ. Уже без Михаила Евгеньевича, при поддержке Вадима Михайловича, в апреле 1990 г., в период моего заведования кафедрой (1981–1992), был отмечен ее 50-летний юбилей с приглашением всех выпускников, а также гостей из Москвы и Ленинграда. К этому событию был приурочен выпуск сборника статей, и проведена научная конференция, на которой с докладом выступил В. М. Массон.

Говоря о необыкновенной личности Вадима Михайловича, можно констатировать, что имея мощные корни, он пошел дальше своего отца. У него была неиссякаемая энергия, благодаря которой он работал с широким размахом, успевал делать много и быстро, всегда был в движении, многие вопросы решал попутно «на ходу», его трудно было застать в рабочем кресле в ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН — он постоянно был в разъездах, разных экспедициях и командировках, и никогда не жаловался на усталость и здоровье.

Одной из главных заслуг В. М. Массона было то, что он продолжил дело своего отца в Туркменистане — взял на себя руководство ЮТАКЭ и подготовку национальных кадров. Он являлся консультантом по вопросам науки и культуры Сапармурата Атаевича Ниязова, первого президента Туркменистана (1991–2006), а также был избран почетным гражданином и отмечен государственными наградами Республики. Вадим Михайлович организовал ряд международных симпозиумов в г. Ашхабаде, пригласив участвовать в них специалистов как из стран СНГ, так и дальнего зарубежья.

Я абсолютно уверена, что память о Вадиме Михайловиче Массоне будет жить долго в сердцах тех, кто знал его и общался с ним.

## СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ВАДИМА МИХАЙЛОВИЧА МАССОНА

Л. М. Мосолова, А. В. Бондарев (Санкт-Петербург)

19 февраля 2010 г. ушел из жизни Вадим Михайлович Массон, один из выдающихся российских археологов и историков культуры. Эта потеря — невосполнимая утрата для всего Российского культурологического общества, почетным членом которого являлся ученый.

В. М. Массон стал известен миру благодаря своему открытию древних цивилизаций на юге Центральной Азии, их комплексному исследованию, глубоким теоретическим работам по археологии, истории и культурологии, а также фундаментальным трудам о древней и средневековой культуре степных обществ, диалоге земледельческих и скотоводческих цивилизаций. Особый интерес к «происхождению вещей», исследованию человеческого творчества и особенностей культурогенеза разных народов Вадим Михайлович проявил очень рано и сохранял его на протяжении всей своей жизни. Не случайно, видимо, среднеазиатские ученики и коллеги исследователя считают, что с момента рождения его покровительницей стала сама «Мать-Генетика».

В. М. Массон родился 3 мая 1929 г. в Самарканде, в семье известного ученого Михаила Евгеньевича Массона — одного из основателей среднеазиатской археологии советского времени. Сохранилось семейное предание о том, что предки Массонов происходили из знатного французского аристократического рода. В годы яacobинского террора они были вынуждены бежать в Россию и остались здесь навсегда. Многие жизненные и исследовательские уроки сын получил от отца, который знал ряд древних и современных европейских языков, читал по-арабски и на фарси, вообще был человеком очень ярким и многосторонним. Соответственно В. М. Массон с детства изучал исторически родной ему французский, осваивал персидский и узбекский языки. Пойдя по стопам отца, он не просто продолжил его дело, но и сумел открыть новую, почти неизвестную в то время эпоху в истории региона — мир земледельческих культур эпох неолита и палеометалла.

В 1950 г. после окончания Среднеазиатского государственного университета молодой исследователь поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР (далее — ЛОИИМК), по завершении которой он в 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию «Древняя культура Дахистана» (научный руководитель — М. М. Дьяконов). В те годы юго-западная часть Туркменистана была «белым пятном» на археологической карте, и В. М. Массон самостоятельно и продуктивно исследовал этот регион, не боясь работать в безводной пустыне, далеко от каких-либо селений. Им впервые была открыта неизвестная ранее культура, существовавшая здесь в конце бронзового — начале раннего железного веков.

К числу учителей В. М. Массона можно отнести его отца, М. М. Дьяконова, А. П. Окладникова, М. И. Артамонова и И. М. Дьяконова, которые оказали существенное воздействие на становление его научных взглядов. На его формирование, как исследователя, повлияли также работы классиков эволюционизма Л. Г. Морган, Э. Тэйлора и Дж. Фрэнзера, учение о социально-экономических формациях К. Маркса и Ф. Энгельса, труды Г. Чайлда, концепция очагов земледелия и происхождения культурных растений Н. И. Вавилова, идеи неозволюционистов и представителей «новой археологии».

После аспирантуры В. М. Массон стал сотрудником Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК и вел экспедиционную работу в долине р. Мургаб на юго-востоке Туркмении в качестве руководителя Каракумского археологического отряда. Результатом этой сложнейшей деятельности явилось открытие культур позднего бронзового и раннего железного веков, свидетельствующих о сложении на юге Средней Азии еще до империи Ахеменидов древнеземледельческой культуры Маргианы.

Далее последовал целый ряд выдающихся открытий. Ученый обнаружил вариант культуры, типологически соответствующий переднеазиатскому земледельческому неолиту, — поселение Джейтун. Затем Вадим Михайлович изучал энеолитические поселения в предгорьях Копетдага и в Геокюрском оазисе. Совершенно новой в науке была плодотворная линия сравнительного анализа явлений культуры месопотамского и древнеиранского круга с феноменом самобытной культуры Средней Азии как доказательство прямых контактов между носителями этих культур. В 1963 г. В. М. Массон защитил докторскую диссертацию «Древнейшее прошлое Средней Азии: от возникновения земледелия до похода Александра Македонского», а в 1964 г. она была издана под названием «Средняя Азия и Древний Восток». Эта монография стала настольной книгой для специалистов, изучающих названные регионы. К концу 1960-х гг. авторитет В. М. Массона в области среднеазиатской археологии вырос настолько, что в 1968 г. он был назначен руководителем Сектора Средней Азии и Кавказа (позднее — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа) Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (далее — ЛОИА).

Среди открытий В. М. Массона мировую известность получили раскопки конца 1970-х гг. на Алтын-депе, где в культурных слоях бронзового века обнаружены монументальное многоступенчатое башнеобразное сооружение, «гробница жрецов» и множество высокохудожественных ремесленных изделий. Последующие археологические изыскания в Южном Туркменистане на соседнем с Алтын-депе поселении Илгынлы-депе (эпоха энеолита) принесли новые и важные результаты — открытие центра по изготовлению каменной скульптуры и терракотовых антропоморфных статуэток, отличающихся особым изяществом.

Исследования южнотуркменистанских памятников позволили проследить развитие культуры от поры архаических земледельцев к сложному обществу и раскрыть содержание, а также характер взаимодействия разных народов, выявить процессы культурной интеграции и культурогенеза в целом. Были обнаружены общие закономерности социокультурного развития среднеазиатского региона в процессе становления первых цивилизаций человечества. Определились характерные черты культурогенеза — культурный синтез, взаимодействие спонтанной и стимулированной трансформаций. Труды В. М. Массона, связанные с этими открытиями, ныне считаются классикой археологической и культурологической науки.

В 1960–1980-х гг. по инициативе В. М. Массона в Ленинграде был проведен ряд совещаний по изучению памятников поры мезолита и неолита, на которых особое внимание было уделено вопросам возникновения и развития искусства, происхождению земледелия, развитию рыболовства, проблемам урбанизации в древнюю и средневековую эпохи. Осуществлялись разработки по совершенствованию археологической типологии, формализации исследовательских процедур, социологической интерпретации археологических источников.

По научному значению полученных результатов исследования, по капитальности исполнения полевых изысканий, по их теоретической интерпретации работы

В. М. Массона представляют собой исключительное явление в современной исторической и культурологической науках. Широко известна и его масштабная организационная деятельность в области сохранения великого культурного наследия народов Евразии. Огромное значение в этом отношении имел большой международный проект «Великий шелковый путь и взаимодействие культур, народов и государств», в разработке и реализации которого В. М. Массон принимал активное участие. Научные конференции, книги и статьи в специальных журналах, связанные с этим проектом, раскрыли значимость зоны степей Евразии как самостоятельного центра мировой истории.

С 1982 В. М. Массон возглавлял ЛОИА, а в 1991 г. инициировал восстановление самостоятельности родного института. Так, учреждение, являвшееся первоначальным средоточием культурогенетических исследований в нашей стране, вновь обрело свое название — Институт истории материальной культуры РАН (далее — ИИМК). Его же усилиями научной деятельности ИИМК, которым он руководил до 1998 г., были возвращены прежняя масштабность и стратегическая перспектива. Он основал научные издания: «Каракумские древности» (1968–1979), «Успехи среднеазиатской археологии» (1972–1979), «Археологические Вести» (выходят с 1992 г.) и др. По инициативе и под руководством В. М. Массона в Туркменистане издается журнал «Мирас» («Наследие»), а в Кыргызстане — журнал «Диалог цивилизаций».

В последние двадцать — тридцать лет жизни Вадим Михайлович сосредоточил свои основные усилия на изучении морфологии и динамики культурогенетических процессов, на исследовании многообразия траекторий политогенеза ранних комплексных обществ, особенностей историко-культурного развития различных локальных цивилизаций, роли культурного наследия в культурогенезе и этногенезе евразийских народов. Опираясь на свой предшествующий научный опыт, В. М. Массон пришел к глубокому убеждению, что сам археологический материал, получаемый во все больших количествах, прямо наталкивает археологов на культурогенетическую тематику, которая без должной методологической ориентированности зачастую разрабатывается преимущественно на интуитивном уровне с использованием упрощенных механических концепций миграционного характера, а порой и просто кустарно. Именно поэтому Вадим Михайлович с такой готовностью воспринял культурогенетические разработки академика А. П. Окладникова, прежде всего его идею о диалектической подоснове процессов культурогенеза, сделав ее одним из центральных положений своей собственной концепции. При этом В. М. Массон в полной мере оценил потенциал фундаментальных работ Э. С. Маркаряна, основываясь на которых, он связал диалектический характер культурогенеза со сложным взаимодействием традиций и инноваций, взаимно преодолевающих друг друга именно по законам диалектики.

Большое внимание уделял В. М. Массон также культурогенетическим аспектам культурного наследия. Он считал, что культурное наследие, наряду с языком и антропологическим типом, играет основную роль при исследовании истории отдельных народов, их традиций и преемственности. Изучение этого явления в совокупности позволяет исследователю рассматривать культурное наследие как суммарный итог развития культурогенеза в фиксированный момент времени, а пласты культурного наследия — как своего рода отложения макроритмов процессов культурогенеза. В качестве примера чередования таких пластов культурного наследия приводится их смена в Туркменистане, когда на достижения раннеземледельческой эпохи и урбанистических цивилизаций древневосточ-

ного типа наслаиваются парфянский, а затем сельджукский пласты культурного наследия.

Эти фундаментальные исследования заложили основу для открытия феномена пульсирующих ритмов культурогенеза — одной из самых излюбленных и перспективных идей В. М. Массона. К сожалению, он не успел довести до окончательной завершенности выдвинутую им концепцию, оставив в наследство своим последователям и ученикам богатейшую россыпь плодотворных идей и начинаний в данной области. В этом смысле совершенно особое значение имеет сборник его избранных статей «Первые цивилизации и всемирная история» (Кишинев, 2005), в котором представлены культурогенетические исследования ученого. Одной из его последних книг стала монография «Культурогенез древней Центральной Азии» (СПб., 2006).

Большую роль в упорядочивании и систематизации исследований по проблемам культурогенеза и культурного наследия имела организация в 1980-х — 1990-х гг. Вадимом Михайловичем ряда конференций и методологических семинаров, неоднократно собиравшихся по его инициативе в России (в первую очередь в Петербурге), Украине, Казахстане, Кыргызстане и Туркменистане.

Стремясь к культурологическому уровню интерпретации и анализа исследуемых им археологических материалов, В. М. Массон пришел к выводу о том, что преемственность и инновации представляют собой не изолированные феномены, а единый диалектический процесс самообновления культуры, в котором проявляется функционирование общества. По сути, его работы, сочетающие в себе обширный фактический материал и теоретическую рефлексию, являются связующим звеном между миром археологии и миром культурологии — пока еще друг от друга очень отдаленными и, к сожалению, слабо общающимися между собой.

В. М. Массон проявил себя человеком яркого таланта, неукротимой энергии, богатейшей эрудиции и поразительной интуиции. Диапазон его научных интересов был необычайно широк — от проблем палеолита, мезолита, неолита, степной бронзы, земледельческих цивилизаций древности до средневековых культурных систем Старого и Нового Света, от Средней Азии и Кавказа до Скандинавии и Мезоамерики. В сферу его непосредственных научных интересов также входили общие закономерности культурогенеза, проблемы культурного наследия, историческая культурология, теоретические основы археологии, методология истории, генезис ранних цивилизаций, тюрко-согдийский синтез, археология Центральной Азии, история Древнего Востока и т. д.

Вадим Михайлович являлся бесспорным лидером в области археологии и изучения древних культур Центральной Азии в нашей стране, он создал обширную научную школу, имеющую международное значение. Ее представители работают в России, Туркменистане, Узбекистане, Таджикистане, Кыргызстане, Молдове, Армении, Казахстане, Вьетнаме, Корее и т. д. Он подготовил более сорока кандидатов наук и десять докторов наук. Многие его ученики стали широко известными учеными (Ю. Е. Березкин, Л. Б. Кирчо, А. В. Кияшко, Н. В. Полосьмак и др.).

За свою богатую и насыщенную жизнь В. М. Массон опубликовал более семисот научных работ, в том числе более сорока монографий, изданных в СНГ, Англии, Венгрии, Германии, США, Франции, Японии и посвященных теоретическим проблемам изучения культурогенеза и культурного наследия, историко-культурному развитию ранних цивилизаций Центральной Азии, их взаимодействию с раннеземледельческими культурами Ближнего Востока, а также изучению экономической базы древних культур и цивилизаций, проблемам урбанизации, разработке теоретических основ археологии и т. д.

Вполне закономерно, что научная и организаторская деятельность В. М. Массона получила широкое международное признание. Он стал действительным членом Российской академии естественных наук, Датской королевской академии наук и литературы, членом-корреспондентом Германского археологического института и Института Среднего и Дальнего Востока (Италия), действительным членом Национальных академий наук Туркменистана и Кыргызстана. Правительствами государств Центральной Азии он удостоен высоких наград за выдающийся вклад в изучение истории обществ и культур народов, некогда населявших эти страны: государственный орден Республики Таджикистан «Шараф» («Честь»), 1999 г.; медаль президента Кыргызской Республики «Данк» («Слава»), 2002 г.

В заключение подчеркнем, что фундаментальные исследования Вадима Михайловича Массона о культурогенезе и культурном наследии древних народов Евразии представляют собой яркую страницу в истории отечественной гуманитарной науки. Его труды будут неизменно востребованы не только в академической и вузовской среде, но и всеми, кто интересуется историей мировой культуры.





**ВЛАДИСЛАВ ГРИГОРЬЕВИЧ АРДЗИНБА**  
**(14.05.1945 — 04.03.2010)<sup>1</sup>**

*В. Ю. Шелестин (Москва)*

Владислав Григорьевич Ардзинба родился 14 мая 1945 г. в нижней части села Эшера Сухумского района Абхазской АССР. Его отец, Григорий Киаминович, преподавал в местной средней школе историю, там же делопроизводителем трудилась и его мама, Надежда Шаабановна. Верхняя часть села была богата очень древними каменными сооружениями — кромлехами, с детских лет привлекавшими внимание будущего историка. После окончания школы в 1962 г. Владислав Ардзинба собирался поступать в Тбилисский государственный университет, чтобы получить специальность экономиста, но в последний момент под влиянием отца подал документы на Историко-филологический факультет Сухумского педагогического института имени А. М. Горького, окончить который самому Григорию Киаминовичу в свое время помешали служба в Красной армии и участие в Великой Отечественной войне.

В годы учебы в институте большое влияние на становление студента Ардзинба как ученого оказали преподававшие там абхазоведы — исследователь истории Абхазии XIX — начала XX в. Георгий Алексеевич Дзидзария (1914–1989) и историк, этнограф и литературовед Шалва Денисович Инал-ипа (1916–1995). Каждый из них хотел направить Владислава по своим стопам, но именно Шалва Денисович сумел наиболее заинтересовать будущего востоковеда. По воспоминаниям В. Г. Ардзинба, Шалва Денисович показал ему в своем кабинете карту Закавказья и Передней Азии и, указав на центр Малой Азии, сказал: «Вот регион, здесь, возможно, с древнейших времен жили родственные абхазам племена. Мы, к сожалению, достоверно не знаем, но есть такая теория, что абхазский вместе с другими западно-кавказскими языками родственен хаттскому языку. Об этом много говорят и пишут, и перед нами стоит задача ответить на этот вопрос — либо это так, либо нет — это тоже результат. Вы должны ответить на этот вопрос. И было бы хорошо, чтобы Вы занялись проблемой изучения хаттского языка» [Ардзинба 2011 (интернет-ресурс)]. Проработав по окончании института два года преподавателем истории, в 1968 г. Владислав Гри-

---

<sup>1</sup> Все фотографии в этом очерке воспроизведены по изданию: Владислав Ардзинба 2008.

горьевич поступил в аспирантуру Института востоковедения АН СССР с намерением решить проблему родства хаттов и абхазо-адыгских народов.

В столице СССР сложилась на редкость благоприятная обстановка для ликвидации пробелов в образовании В. Г. Ардзинба. В Институте востоковедения в те годы не было хеттологов, и первоначально научным руководителем аспиранта из Абхазии стал крупнейший советский египтолог Михаил Александрович Коростовцев (1900–1980), тепло относившийся к коллегам из этой республики, который, впрочем, уговорил взять шефство над Владиславом своего друга и лучшего на тот момент московского хеттолога Вячеслава Всеволодовича Иванова (родился в 1929 г.). Под руководством последнего В. Г. Ардзинба в сжатые сроки овладел клинописью и грамматикой хеттского языка и уже довольно скоро мог обсуждать научные проблемы чуть ли не на равных со своим учителем [Иванов 2015: 12]. Параллельно молодой аспирант практически с нуля осваивал аккадский язык у Дмитрия Григорьевича Редера (1905–1988), древнегреческий у Виктории Викторовны Вертоградской (родилась в 1933 г.), а также английский и другие современные языки, необходимые для чтения научной литературы. Лишь по хаттскому языку специалистов в Москве не было, и для его изучения Владислав Григорьевич был командирован на несколько месяцев в Ленинград к Ирине Михайловне Дунаевской (1919–2014) — известному специалисту в области изучения хаттского и лувийского языков. В 1969 г. в составе группы историков и археологов он впервые попал в Турцию — страну изучаемых им древностей.



Пятилетний Владислав Ардзинба с родителями — матерью Надеждой Шаабановой и отцом Григорием Киаминовичем. Эшера, 1950 г.



В. Г. Ардзинба — студент  
Сухумского педагогического  
института, 1964 г.

В 1971 г. В. Г. Ардзинба успешно защитил кандидатскую диссертацию «Хаттские истоки социальной организации древнехеттского общества (Функции должностных лиц с титулами хаттского происхождения)» и получил работу в Институте востоковедения АН СССР. В этом своем первом большом труде, вобравшем в себя материалы двух статей, опубликованных им до защиты диссертации, Владислав Григорьевич проявил себя как достойный продолжатель традиций московско-тартуской семиотической школы, рассматривая хеттскую социальную структуру как систему «бинарных оппозиций» и подкрепляя свой анализ обширного корпуса хеттских текстов многочисленными этнографическими параллелями со всего света — от Древней Греции до Самоа. С другой стороны, диссертант не просто перенес на близкий ему материал новые тогда методы гуманитарных наук, но и новаторски подошел к определению связанного с проблемой круга источников, сделав акцент в изучении социальной истории хеттов не на довольно хорошо к тому времени изученные документы историко-политического содержания,

а на многочисленные тексты ритуального характера, и этот подход раскрыл в молодом ученом подлинный талант исследователя.

Начав понимать историю и культуру хаттов именно как историк, В. Г. Ардзинба для выполнения завета Ш. Д. Инал-ипа должен был переквалифицироваться в лингвиста. Именно в этом качестве, используя наработки Э. Лароша, А. Камменхубер и И. М. Дунаевской 1950-х — 1970-х гг., которые существенно улучшили понимание хаттского языка, он предъявил научному сообществу свою первую работу в этом направлении [Ardzinba 1974]. Выявленные в ней черты сходства хаттского и северо-западных кавказских языков, как признавал автор, носят типологический характер, что само по себе не является доказательством языкового родства. Хотя эти наблюдения, по мнению современных исследователей, зачастую ошибочны, для своего времени они, тем не менее, сыграли вполне положительную роль [см.: Simon 2012: 227–228]. Удачным развитием лингвистического направления в работе Владислава Григорьевича стало послесловие к переводу научно-популярной книги Дж. Маккуина о хеттах и их соседях [Ардзинба 1983]<sup>2</sup>, где он дополнил предложенный Вяч. Вс. Ивановым список хаттских и северо-западных кавказских лексических соответствий собственными наблюдениями. В силу своего жанра эта публикация остается неизвестной зарубежным хаттологам, хотя отде-

<sup>2</sup> Особо следует отметить оценку этой работы В. Г. Ардзинба, данную известным российским археологом и антропологом Л. С. Клейном (родился в 1927 г.) в его рецензии на русское издание книги Дж. Маккуина: «Самостоятельный интерес представляет послесловие редактора перевода В. Г. Ардзинба, ценное не только критическим отношением к тексту, но и авторитетным изложением оставленных автором книги втуне фактов и увлекательных проблем. Собственно, вопреки названию своей книги Дж. Маккуин рассказал в основном о самих хеттах, об их соседях же (“современниках”) читатель больше узнает из послесловия. Кстати, ряд этих современников — ближайшие родственники народов Кавказа, что хорошо показано в послесловии» [Клейн 1985: 198].

льные наблюдения в ней имеют большое значение не только для вопроса о хаттском языковом родстве, но и для хурритской и аккадской лексикологии [см.: Kassian 2010: 369–370].

Если на стадии написания кандидатской диссертации В. Г. Ардзинба подбирал материал в соответствии с изначальным направлением своего научного поиска, то впоследствии уже накопленный им материал определил тематику его докторской диссертации — она сместилась с поиска хаттско-абхазских связей и следов хаттской культуры в хеттской традиции на определение ключевых элементов хеттских ритуалов и общественной структуры, важных для понимания и других составляющих хеттской культуры. В 1985 г. в Тбилисском государственном университете имени И. А. Джавахишвили — главном хеттологическом центре СССР — Владислав Григорьевич успешно защитил в качестве докторской диссертации изданную



В. Г. Ардзинба в аспирантском общежитии в Москве, 1968 г.

три года ранее монографию «Мифы и ритуалы древней Анатолии» [Ардзинба 1982]. Вопреки названию, эта работа не покрывает весь корпус хеттской мифоритуальной традиции, а сосредотачивается на изучении «царских» праздников как отражающих ключевые для Хеттского государства религиозные и социальные явления. В методологическом плане эта книга представляет собой серьезное достижение в деле развития традиций московско-тартуской семиотической школы, к которой В. Г. Ардзинба был причастен благодаря тесным контактам не только с Вяч. Вс. Ивановым, но и с Владимиром Николаевичем Топоровым (1928–2005) — выдающимся исследователем праиндоевропейской поэтики и культуры. Книгу «Мифы и ритуалы древней Анатолии» можно считать вершиной научного пути Владислава Григорьевича [см. ее обсуждение: Ардзинба 2015: т. I, 367–405], причем она и по сей день оказывает большое влияние на развитие отечественных исследований в области ритуаловедения. К сожалению, зарубежному читателю этот труд известен лишь фрагментарно — по публикациям его отдельных разделов в качестве самостоятельных статей на английском языке в научных изданиях, выходящих в ГДР и Венгрии (если не считать появления в 2010 г. перевода этой монографии на турецкий язык [Ardzinba 2010], которым, впрочем, по вполне понятным причинам активно пользуются только турецкие хеттологи). Важно подчеркнуть, что одна из них, посвященная празднику хассумас [Ardzinba 1986], нашла благодарного читателя в лице известной французской исследовательницы хеттских ритуалов А. Мутон, которая разделяет аргументацию В. Г. Ардзинба против понимания данного праздника как ритуала инициации, но в то же время не согласна видеть в нем новогодний праздник, предпочитая его сезонную трактовку [Mouton 2011].

Став доктором исторических наук, В. Г. Ардзинба почувствовал себя лишь вступившим в возраст творческой зрелости: ведь только теперь, по его собственному признанию, он был готов сказать новое и веское слово в науке. Вероятно,



В. Г. Ардзинба с дочерью Мадриной и супругой Светланой Ирадионой в Сухуми, 1988 г.

в качестве такового он задумал посвященную в большей степени политической истории монографию «Хеттские цари и их соседи». К сожалению, при жизни автора была опубликована лишь ее часть [Ардзинба 1987], поэтому до посмертного издания фрагментов этой рукописи [Ардзинба 2015: т. II, 355–578] Владислав Григорьевич был почти неизвестен в качестве исследователя хеттской политической истории. К тому же наиболее сохранившаяся четвертая глава («Дипломатия хеттской державы») на данный момент сильно устарела из-за всплеска исследований и находок новых источников по данной тематике, начиная с середины 1980-х гг.

В 1987 г. В. Г. Ардзинба возглавил Сектор идеологии и культуры Древнего Востока в Институте востоковедения АН СССР, но уже в следующем году переехал в город Сухуми, став директором Абхазского института языка, литературы и истории. С 1989 г. он занялся активной политической деятельностью в качестве народного депутата Верховного Совета СССР, а в 1990 г. возглавил Верховный Совет Абхазской ССР и, по сути, распрощался с серьезными научными занятиями.

В. Г. Ардзинба как политику — прежде всего в связи с его пребыванием на постах Председателя Верховного Совета Абхазской ССР / Республики Абхазия в 1990–1994 гг. и Президента Республики Абхазия в 1994–2005 гг. — уделено в средствах массовой информации и книжных публикациях весьма значительное внимание [см., например: Владислав Ардзинба 2008; Ардзинба 2011 (интернет-ресурс)], тогда как о его научной деятельности вспоминают в основном его учителя и коллеги [Иванов 2015; Чирикба 2015]. Несмотря, казалось бы, на появление свободного времени после вынужденного ухода в отставку, объявленного в 2004 г., Владислав Григорьевич не смог закончить начатые им научные труды из-за тяжелой болезни. Тем не менее его идеи продолжают жить в отечественной науке о Древнем Востоке, а книга «Мифы и ритуалы древней Анатолии» на наших глазах обретает вторую жизнь спустя более тридцати лет после своего опубликования. В наметившемся в последние годы подъеме хеттологии в России, несомненно, есть и большая заслуга В. Г. Ардзинба.

## Литература

- Ардзинба 1982: *Ардзинба В. Г.* Мифы и ритуалы древней Анатолии. М.
- Ардзинба 1983: *Ардзинба В. Г.* О некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры древней Анатолии. Послесловие // Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии / Пер. с англ. Ф. Л. Мендельсона; отв. ред. и автор послесловия В. Г. Ардзинба. М. С. 152–180.
- Ардзинба 1987: *Ардзинба В. Г.* Хеттское царство // Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке. М. С. 90–130.
- Ардзинба 2011 (интернет-ресурс): Официальный сайт первого Президента Республики Абхазия В. Г. Ардзинба. Воспоминания и комментарии [URL: [http://ardzinba.com/memories.php?ELEMENT\\_ID=294](http://ardzinba.com/memories.php?ELEMENT_ID=294) (дата обращения: 09.11.2015)].
- Ардзинба 2015: *Ардзинба В. Г.* Собрание трудов в трех томах. М.; Сухум.
- Владислав Ардзинба 2008: Владислав Ардзинба: Фотоальбом. Сухум.
- Иванов 2015: *Иванов Вяч. Вс.* В. Г. Ардзинба как ученый // Ардзинба В. Г. Собрание трудов в трех томах. Т. I. М.; Сухум. С. 11–24.
- Клейн 1985: *Клейн Л. С.* Рец. на кн.: Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии // НАА. № 1. С. 194–198.
- Чирикба 2015: *Чирикба В. А.* Научное наследие Владислава Григорьевича Ардзинба // Ардзинба В. Г. Собрание трудов в трех томах. Т. III. М.; Сухум. С. 275–294.
- Ardzinba 1974: *Ardzinba V.* Some Notes on the Typological Affinity between Hattian and North-West Caucasian (Abkhazo-Adygian) Languages // International Tagung der Keilschriftforscher der sozialistischen Länder, Budapest, 23–25. April 1974. Zusammenfassung der Vorträge. Budapest. P. 10–15.
- Ardzinba 1986: *Ardzinba V.* The Birth of the Hittite King and the New Year (Note on the Ḫaššumas Festival) // Oikumene: Studia ad historiam antiquam classicam et orientalem spectantia. Budapest. Vol. 5. P. 91–101.
- Ardzinba 2010: *Ardzinba V.* Eskiçağ'da Anadolu ayinleri ve mitleri / Rusçadan çeviren: O. Uravelli; redaksiyon: D. Yılmaz. Ankara.
- Kassian 2010: *Kassian A.* Hattic as a Sino-Caucasian Language // Ugarit-Forschungen: Internationales Jahrbuch für die Altertumskunde Syrien-Palästinas. Münster. Bd. 41 [2009]. P. 309–447.
- Mouton 2011: *Mouton A.* Réflexions autour de la notion de rituel initiatique en Anatolie hittite. Au sujet de la fête Ḫaššumaš (CTH 633) // Journal of Ancient Near Eastern Religions. Leiden; Boston. Vol. 11/1. P. 1–38.
- Simon 2012: *Simon Z.* Untersuchungen zur hattischen Grammatik. Phonologie, Morphologie und Syntax: Doktori disszertáció. Budapest.



## **ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ АБРАМОВИЧА ЛЯПИНА (27.03.1933 — 20.05.2010)**

*В. А. Алёшкин* (Санкт-Петербург)

Анатолий Абрамович Ляпин не был профессиональным археологом и даже не имел гуманитарного образования, но его преданности науке о древностях мог бы позавидовать любой специалист по изучению памятников былых времен.

Уроженец станицы Вознесенской Армавирского района Краснодарского края, он провел детство и юность в Подмосковье. В 1955 г. после окончания Московского инженерно-строительного института начинающий инженер-гидротехник был распределен в Ашхабад, где работал в таких учреждениях, как проектный институт «Гипроводхоз», трест «Туркменремводстрой» и Научно-исследовательский геолого-разведочный институт госкорпорации «Туркменгеология».

Со временем внимание Анатолия Абрамовича, часто бывавшего в разъездах по делам службы, привлекли характерные для ландшафтов Туркменистана искусственные холмы — «депе», которые являлись руинами древних поселений. Постепенно в нем проснулся интерес к далекому прошлому края, с которым его связали служебные обязанности. Познакомившись с археологами Туркменистана, а также с учеными из Москвы и Ленинграда, Анатолий Абрамович стал ездить в свободное от работы время в экспедиции, гдегодились его навыки как специалиста-топографа. В общей сложности он снял планы более сотни археологических поселенческих памятников, включая такие широко известные городища бронзового века, как Алтын-депе и Улуг-депе в Туркменистане, Джаркутан в Узбекистане. Анатолий

Абрамович занимался также топографической съемкой крупных древних ирригационных систем Туркменистана.

Пристрастившись к археологии, он преуспел и в самостоятельном изучении истории, палеогеографии и четвертичной геологии. Вооруженный познаниями в этих областях, он многое сделал для изучения гидрологии реки Мургаб (Юго-Восточный Туркменистан) и выявления следов ирригационного освоения древним человеком ее долины. Основываясь на своих наблюдениях, Анатолий Абрамович пришел к выводу, не подкрепленному, к сожалению, археологическими фактами, об освоении дельты Мургаба еще в эпоху энеолита. По его мнению, следы деятельности первых насельников Мургабского оазиса перекрыты более поздними мощными аллювиальными отложениями. Эта гипотеза еще ждет своего подтверждения.

Анатолий Абрамович самостоятельно изучал древнее поселение Ак-депе в окрестностях Ашхабада, которое со временем оказалось в черте города. Памятник этот, выпавший из поля зрения специалистов, стал разрушаться. Во время своих визитов на Ак-депе Ляпин описывал структуру культурного слоя поселения на его разрушающихся участках, собирал артефакты, выпавшие из обрывов напластований. Эти находки он соотносил со строительными горизонтами памятника, который в основном существовал в эпохи энеолита и бронзового века. Собранные здесь материалы позволили ему написать статью об этом поселении, а также послужили основой для публикаций других специалистов.

Многолетняя деятельность Анатолия Абрамовича в области изучения древностей Туркменистана и истории его ирригационного освоения, безусловно, внесла свой вклад в археологию Центральной Азии. На исходе жизни исследователь вернулся в Россию и жил сначала в городе Ярославле, а затем в городе Королёв (Московская область).

Все полевые изыскания Анатолия Абрамовича Ляпина и сделанные на их основе заключения нашли отражения в его архиве, который передан на постоянное хранение в Государственный музей Востока (Москва). Список печатных работ этого большого энтузиаста археологии недавно опубликован<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Пилипко 2014: *Пилипко В. Н.* Анатолий Абрамович Ляпин // ТМАЭ. Т. 5. С. 58–59.





## ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ЯКОВЛЕВИЧА ЩЕТЕНКО (01.08.1937 — 30.06.2010)

*В. А. Алёкин* (Санкт-Петербург)

Анатолий Яковлевич Щетенко стал научно-техническим сотрудником Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне — Институт истории материальной культуры РАН) в 1960 г. Это было время оттепели, когда в нашей стране происходили важные изменения, и она освобождалась от мрачных порядков недавнего прошлого. Перемены не обошли стороной и мир науки. На волне новых веяний реализовывались такие научно-организационные решения, о которых недавно нельзя было и мечтать. Одной из таких новаций явилось учреждение аспирантуры, предназначенной для подготовки отечественных исследователей по зарубежной археологии. В такую вот «иностранную» аспирантуру и поступил в 1962 г. лаборант А. Я. Щетенко, избрав неожиданную для специалиста по каменному веку тематику, связанную с изучением древних земледельческих культур далекого полуострова Индостан. Поскольку о поездках в Южную Азию нельзя было мечтать даже в период оттепели, Анатолий Яковлевич освоил весь пласт литературы по этой тематике, имеющейся в библиотеке ЛОИА и других отечественных книгохранилищах. Научным руководителем аспиранта был назначен В. М. Массон, ставший к тому времени широко известным специалистом по древнеземледельческим культурам Центральной Азии и Среднего Востока. В конце 1965 г. А. Я. Щетенко окончил аспирантуру с предоставлением текста кандидатской диссертации, которую он защитил 26 февраля 1966 г. К этому моменту начинающий исследователь уже состоял в штате ЛОИА в качестве младшего научного сотрудника Сектора Средней Азии и Кавказа. В 1968 г. была опубликована его кандидатская диссертация «Древнейшие земледельцы Декана».

Поскольку научные связи между Академией наук СССР и научными центрами Индостана в те годы отсутствовали, А. Я. Щетенко сосредоточился на раскопках первобытных памятников Средней Азии, которые типологически и хронологически были близки поселениям Южной Азии. В. М. Массон сориентировал молодого ученого на изучение памятников ранних земледельцев в подгорной полосе Копетдага (на юге Туркменистана), где сам вел исследования на протяжении уже более десяти лет. Анатолий Яковлевич вначале руководил Артыковским отрядом Каракумской экспедиции ЛОИА, который изучал в 1970–1974 гг. небольшие сельские поселения эпох энеолита (Елен-депе) и развитого бронзового века (Тайчинак-депе и Шор-депе). Позднее он приступил к исследованию малоизученной в Южном Туркменистане эпохи позднего бронзового века (период Намазга VI) на таких памятниках, как Вышка Намазга-депе и Теккем-депе. В течение многих полевых сезонов (1975–1988) А. Я. Щетенко возглавлял Каахкинскую экспедицию ЛОИА, в ходе работ которой была выявлена стратиграфия поселений указанного времени, являвшаяся прежде белым пятном на археологической карте Южного Туркменистана. Благодаря этим раскопкам, в кроющих слоях исследованных экспедицией Анатолия Яковлевича памятников были обнаружены фрагменты глиняной посуды, которую употребляли в быту кочевые племена, обитавшие в степной зоне Евразии. Таким образом, удалось выяснить, что в то время, когда на юг Туркменистана проникли пришельцы с севера, земледельческие оазисы подгорной полосы Копетдага уже были покинуты прежним оседлым населением.

Свой опыт исследования памятников сырцово-глиняной архитектуры А. Я. Щетенко с успехом применил, работая в Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА, куда он был приглашен для проведения раскопок средневековых памятников эпохи Уйгурского каганата. Не прекращал он заниматься и археологией Индийского субконтинента. В 1979 г. вышла в свет еще одна книга Анатолия Яковлевича по данной проблематике под названием «Первобытный Индостан», а в 1984 г. он принял активное участие в работе советско-индийского симпозиума в Ашхабаде, посвященного проблемам археологии раннего железного века Индии и Центральной Азии.

С 1972 по 1992 гг. А. Я. Щетенко руководил коллективом Лаборатории камеральной обработки ЛОИА. Это подразделение сыграло важную роль в обеспечении научно-исследовательских планов Института. После перестройки структуры Института, когда Лаборатория была упразднена, Анатолий Яковлевич вернулся на должность старшего научного сотрудника в Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, где и проработал вплоть до своего ухода на пенсию в 2006 г.

Следует подчеркнуть, что материалы, полученные Анатолием Яковлевичем Щетенко при изучении археологических памятников первобытной эпохи Южного Туркменистана остаются востребованными и в наше время, поскольку они дают импульс к переосмыслению сложных процессов культурогенеза, происходивших в первой половине II тыс. до н. э. в пределах подгорной полосы Копетдага.



## **ПОСЛЕДНИЙ ЭНЦИКЛОПЕДИСТ ПАМЯТИ БОРИСА АНАТОЛЬЕВИЧА ЛИТВИНСКОГО (17.04.1923 — 20.08.2010)**

*Т. К. Мкртычев (Москва)*

«Последний энциклопедист» — так называется сборник научных статей, подготовленный к девяностолетию со дня рождения Бориса Анатольевича Литвинского и увидевший свет в 2013 г. Это очень точное определение, которое в полной мере соответствует тому положению, который он занимал в отечественном востоковедении и археологии.

К сожалению, мне не так часто доводилось общаться с Борисом Анатольевичем, но он оказал очень большое влияние на мое становление в науке. Все началось еще во время моей учебы на кафедре археологии Средней Азии Ташкентского государственного университета (выпускником которой был и сам Б. А. Литвинский), когда одной из моих самых любимых книг по среднеазиатской археологии стала монография Б. А. Литвинского и Т. И. Зеймаль «Аджина-тепе» (М., 1971). После окончания университета и защиты кандидатской я пытался устроиться на работу в Москве, и Б. А. Литвинский, знавший меня только по одному выступлению на научной конференции, предложил место лаборанта у себя в Отделе. Но я тогда выбрал Государственный музей Востока, где работаю уже свыше тридцати лет. Впрочем, мой отказ не сказался на отношении Б. А. Литвинского к моей скромной персоне. Перечисление всех добрых дел, которые он сделал для меня, заняло бы не одну страницу. Есть в моей научной биографии и знаковые истории, связанные с Б. А. Литвинским. Подготовив докторскую диссертацию по буддийскому искусству Средней Азии, я предполагал защищаться в Институте востоковедения РАН — конечно же, у Литвинского. Однако в связи с тематикой своей работы я, в конце концов, вынужден был обратиться в Государственный институт искусствознания, где мою

работу приняли к защите. Подыскивая оппонентов, я в первую очередь обратился к Б. А. Литвинскому. Он согласился. Единственным вопросом, который он мне задал: а почему защиту назначили на 17 апреля? Честно говоря, я не знал, чем был определен выбор этой даты. Только в день защиты я все понял (а таких случайностей не бывает): 17 апреля — это день рождения Бориса Анатольевича. Свое выступление я начал со слов благодарности своим учителям и предшественникам, и, конечно же, добавил, что сегодня день рождения у одного из моих оппонентов. Позднее, когда у Бориса Анатольевича и Тамары Ивановны готовилось к публикации на русском языке полное издание материалов раскопок на Аджина-тепа, Борис Анатольевич попросил меня быть научным редактором книги. Так, через много лет я стал редактором и автором предисловия третьего (второго на русском языке) издания моей самой любимой книги по археологии Средней Азии<sup>1</sup>.

Борис Анатольевич Литвинский родился 17 апреля 1923 г. в Ташкенте. Накануне войны он познакомился с Еленой Абрамовной Давидович, которая, так же как и он, только что окончила среднюю школу и собиралась поступать в вуз. В 1941 г. они вместе поступили на кафедру археологии Средней Азии Среднеазиатского государственного университета, которую возглавлял один из основателей среднеазиатской археологии Михаил Евгеньевич Массон. С началом войны Борис Анатольевич подал заявление в военкомат, и в ожидании его скорого ухода на фронт молодые люди расписались. Так они соединили свои судьбы на всю жизнь. Однако только в 1943 г. Б. А. Литвинского взяли на учебу в Первое туркестанское пулеметное училище. После его окончания лейтенант Литвинский получил назначение командира взвода пулеметчиков и был откомандирован на Первый Белорусский фронт. Тяжелое ранение в ногу на подступах к Берлину послужило причиной демобилизации. Борис Анатольевич вернулся в Ташкент и продолжил учебу. Сдав экстерном за два курса, он окончил университет с красным дипломом и был оставлен М. Е. Массоном на кафедре. Послевоенное время было временем необыкновенного расцвета среднеазиатской археологии. М. Е. Массон организовал крупную археологическую экспедицию в Туркменистане (Южно-Туркменистанскую археологическую комплексную экспедицию), в работе которой приняла участие и чета Литвинский — Давидович. Однако работать в Ташкенте Борису Анатольевичу долго не довелось. Уникальное открытие комплекса ритонов из слоновой кости, которое сделала Е. А. Давидович во время раскопок на Старой Нисе осенью 1948 г., в конечном итоге привело к конфликту с М. Е. Массоном. Литвинский и Давидович ушли из университета. Некоторое время Борис Анатольевич занимал место заместителя директора Института искусствоведения в Ташкенте, а потом супруги переехали в Душанбе, куда пригласил их знаменитый востоковед А. А. Семенов.

Здесь в 1951 г. был создан Институт истории, археологии и этнографии, в котором Б. А. Литвинский занял место руководителя Сектора археологии. В это время в республике разворачивались большие ирригационные работы, и они сопровождались широкомасштабными археологическими исследованиями. По существу, Борис Анатольевич стал тем человеком, который создал археологическую школу Таджикистана. Именно благодаря возглавляемым им экспедициям на территории республики были открыты многие археологические памятники, ставшие достоянием мировой археологической науки. Имя Литвинского стало широко известно

<sup>1</sup> *Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И.* Буддийский монастырь Аджина-тепа (Таджикистан): Раскопки. Архитектура. Искусство / Под ред. Т. К. Мкртычева. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2010.



Выдающиеся российские востоковеды-археологи (слева направо): Б. И. Маршак (1933–2006), Б. А. Литвинский и И. Р. Пичикян (1940–1997) в Женеве (Швейцария); конец 1980-х гг. [фотография из личного фотоархива В. И. Распоповой]

в республике еще и потому, что он был автором школьного учебника истории Таджикистана для старших классов.

В 1970 г. Б. А. Литвинский защитил докторскую диссертацию по материалам своих исследований погребальных памятников Ферганы и Памира эпохи древности и раннего средневековья. В 1971 г. он по приглашению Б. Г. Гафурова — директора Института востоковедения АН СССР — переезжает в Москву, где возглавил сначала Сектор Советского Востока, а затем Отдел Древнего Востока. В Москве Литвинский проявил себя в полной мере как талантливый и исключительно плодотворный ученый, автор сотен различных публикаций — от монографий до небольших заметок. По выполненному объему научного плана в Институте востоковедения он до конца жизни не имел себе равных. Кроме того, в Москве он зарекомендовал себя и как прекрасный организатор науки. На протяжении многих лет он проводил научный семинар, который высоко поднял уровень научных исследований по археологии Средней Азии и востоковедению.

Борис Анатольевич был известен своей широчайшей эрудицией, великолепным знанием литературы и феноменальной памятью. Его способность прекрасно ориентироваться во множестве научных проблем всегда поражала собеседников и вызывала глубочайшее уважение. В 1978 г. его избрали действительным членом Академии наук Таджикистана. Он также являлся иностранным членом итальянской Национальной Академии деи Линчеи, иностранным членом-корреспондентом Германского Археологического Института и Итальянского Института Африки и Востока. В 2002 г. французская Академия надписей и изящной словесности присудила ему премию Романа Гиршмана, а в 2006 г. Президиум РАН — премию имени С. Ф. Ольденбурга.

Борис Анатольевич Литвинский работал до последних дней своей жизни. С его уходом закончилась целая эпоха в отечественной восточной археологии.



## ПАМЯТИ ОЛЕГА ФЕДОРОВИЧА АКИМУШКИНА (17.02.1929 — 31.10.2010)

*Ю. А. Иоаннесян (Санкт-Петербург)*

Выдающийся иранист Олег Федорович Акимушкин родился в г. Пензе. В 1953 г. он окончил обучение на кафедре Иранской филологии ЛГУ и с декабря того же года поступил на работу в качестве сотрудника Ленинградского отделения Института Востоковедения АН СССР (ныне — Институт восточных рукописей РАН). В 1970 г. ему была присуждена ученая степень кандидата филологических наук, а в 1971 г. он был назначен заведующим Сектором Среднего Востока. С 1976 г. он подготовил девять кандидатов исторических и филологических наук. Одновременно с работой в ЛОИВАН Олег Федорович с 1966 г. осуществлял активную педагогическую деятельность в качестве преподавателя-доцента Восточного факультета ЛГУ/СПбГУ, с 1980 г. читал курсы лекций на Восточном факультете СПбГУ — «Введение в мусульманский мистицизм», «Мусульманская рукопись. Текстология и кодикология» и ряд спецкурсов. С 1992 г. он был также профессором Киргизского госуниверситета.

Олегом Федоровичем опубликовано более 240 работ по различным вопросам истории, истории культуры и филологии Ирана. Специалист высочайшего класса, обладавший энциклопедическими знаниями обо всем регионе Ближнего и Среднего Востока, а также мусульманской Индии, он выступал экспертом по самым разным аспектам иранистики, исламоведения, культурологии, истории, философии и прочих дисциплин. Однако приоритетными направлениями его исследований были кодикология и текстология мусульманской рукописной книги, историография и источниковедение Ирана X–XVIII вв., персидская миниатюра XIV–XIX вв., мусульманский мистицизм (тасаввуф/суфизм), история Ирана, Средней Азии и Восточного Туркестана (XIV–XVIII вв.). Отдельного упоминания заслуживает редакторская деятельность Олега Федоровича.



О. Ф. Акимушкин в коридоре Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, конец 1990-х гг. [фотография из личного фотоархива И. Ф. Поповой]

Из опубликованных работ столь разностороннего ученого трудно выделить отдельные составляющие. Поэтому укажу лишь на некоторые из них. Важнейшими направлениями научной деятельности Института восточных рукописей, которым Олег Федорович придавал особое значение, неизменно являлись работа с источниками и публикация текстов на восточных языках. В 2010 г. издательством «Петербургское лингвистическое общество» было выпущено в свет второе издание книги Олега Федоровича: «Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника». В основу книги, пережившей два издания, положена кандидатская диссертация Олега Федоровича: «“Хроника” Шах-Махмуда б. мирзы Фазил Чураса», за которую официальный оппонент диссертанта, известный советский иранист И. П. Петрушевский предлагал ученому совету присвоить автору степень доктора наук. Книга представляет собой публикацию критического текста оригинальной части сочинения по-персидски, перевода и комментариев. Перевод сопровождается исчерпывающим введением в изучение «Хроники». Особой и самостоятельной ценностью обладают обстоятельные комментарии, представляющие собой глубокое исследование затрагиваемых вопросов. Это же направление научной деятельности отражено и в издании такого памятника, как «Тарих-и Кашгар» (Тарих-и Кашгар / Факсимиле рукописи; издание текста, введение и указатели О. Ф. Акимушкина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001) (Памятники культуры Востока: Санкт-Петербургская научная серия. VIII). Огромный вклад Олега Федоровича в изучение и описание руко-

писного фонда нашел свое выражение, в частности, в двухтомном каталоге, составленном в соавторстве с коллегами: «Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР (Краткий алфавитный каталог). Ч. 1–2. New York: N. Ross Publishers, 1998. Богатое научное наследие Олега Федоровича, представленное в его многочисленных публикациях, доступно сегодняшнему читателю и в виде сборника статей: «Средневековый Иран: Культура, история, филология. СПб.: Наука, 2004. Последние годы жизни Олег Федорович работал над составлением расширенного комментария к подготовленному ранее к изданию критическому тексту с переводом «Трактата о каллиграфиях и художниках» Кази Ахмада ибн Хусайна ал-Хусайни Куми. Этот комментарий отражает огромный профессиональный опыт маститого ученого, его всеобъемлющие знания и глубокое проникновение в «плоть и ткань» культуры региона. К сожалению, этот труд не был опубликован при жизни Олега Федоровича. Можно лишь выразить надежду, что он в будущем увидит свет.

Олег Федорович был человеком демократичным и открытым для общения. Ему было присуще чуткое отношение к молодым сотрудникам Сектора, все из которых могут по праву называться его учениками. Пытаясь предоставлять максимальную свободу молодым сотрудникам, он никогда не давил на них своим авторитетом в выборе направления исследований. Без такого бережного и уважительного отношения многим из них не удалось бы найти своего места в науке. Забота о молодых кадрах и о преемственности в иранистике всегда оставались в центре внимания этого выдающегося ученого.

Завершающая стадия научной деятельности Олега Федоровича Акимушкина пришлась на период серьезной болезни, что потребовало от него мобилизации всех его сил и несокрушимой воли. Но, невзирая на это, все проекты были доведены им до конца. В это тяжелое время жизни Олег Федорович не был забыт ни друзьями, ни учениками и коллегами. Память о нем навсегда сохранится в наших сердцах.





## БЕСПОКОЙНЫЙ ДУХ ГЕНИЯ ПАМЯТИ ОЛЕГА ГРАБАРА (03.11.1929 — 08.01.2011)

Ф. И. Мелвилл (Кембридж, Англия)

О милых спутниках, которые наш свет  
Своим сопутствием для нас животворили,  
Не говори с тоской: *их нет*  
Но с благодарностью: *были*.

*Жуковский В. А. Воспоминание  
(16 февраля 1821 г.)*

В субботу 8 января 2011 г. в своем доме под Принстоном умер Олег Андреевич Грабар, замечательный человек и гениальный ученый. По свидетельству врачей, у него остановилось сердце. 3 ноября 2010 г. он отмечал в Париже свой последний, 81-й день рождения.

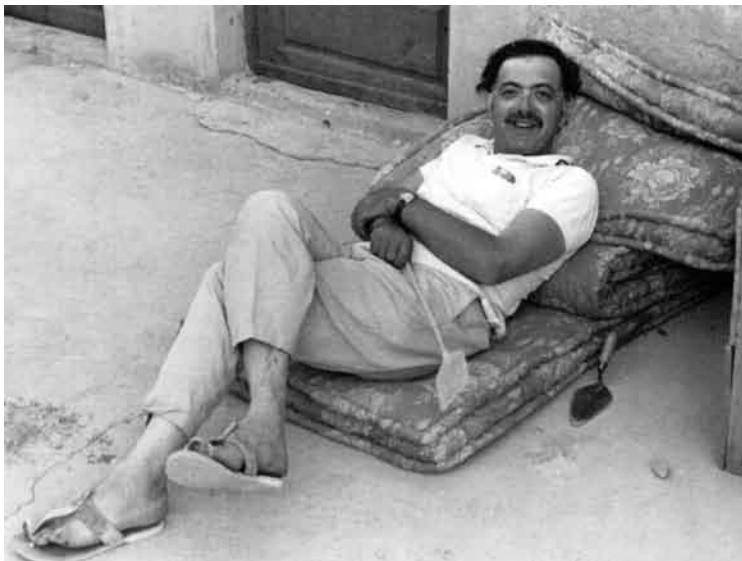
Как было сказано в некрологе, опубликованном в «New York Times», благодаря Грабару, его невероятно широкому кругозору и потрясающему аналитическому уму Запад обязан совершенно новому подходу к изучению культуры ислама<sup>1</sup>. Круг его научных интересов был исключительно широк, он охватывал сюжеты от раннемусульманской архитектуры, персидской и арабской книжной иллюстративной традиции до влияния классического мусульманского искусства на современную культуру.

---

<sup>1</sup> *Grimes W.* Oleg Grabar, Historian who studied Islamic Culture, Dies at 81 // The New York Times. New York. 13 January 2011. A23.

Вклад Грабара в искусствоведение невозможно переоценить. Он сочетал в себе трудно сочетаемое: плодовитый ученый, удобно чувствовавший себя в кабинете, среди коллег, руководя колледжем в Гарварде, в многочисленных студенческих аудиториях, обсуждая глобальные культурологические процессы в политике и частные случаи датировки отдельных персидских книжных миниатюр или прочтения надписи на монетах тулунидской династии, и «в поле», копая сам и руководя исключительно успешными и революционными археологическими экспедициями в Сирии, Израиле и Иордании, материалы которых он досконально документировал и даже снимал о них фильмы, организовывая выставки по персидскому искусству домонгольского времени, проходившие с колоссальным успехом. В течение десятилетий он был членом комиссии по награждению премией Ага-хана за лучшее исследование в области мусульманской архитектуры и искусства. Именно эта почетная обязанность заставила его войти в другой мир современной архитектуры, который позволил ему выработать более глобальный взгляд на историю и эстетику мусульманской архитектуры от Европы до Средней Азии и стран Персидского залива, органично связав их с темой своих основных занятий. Общение не только с коллегами, но и с практикующими архитекторами, банкирами и заказчиками выработало в нем способности общения с людьми самого разного мировоззрения и происхождения.

Олег обладал способностью видеть в людях их научный и человеческий потенциал, умел общаться с ними так, что лучшие их качества раскрывались в том направлении, которое было важно и для науки, и для них самих. Несколько лет назад, когда было объявлено место преподавателя мусульманского искусствоведения в Центре Халили при Восточном факультете в Оксфордском университете, в одном из своих писем ко мне он горячо рекомендовал одну мою давнюю хорошую знакомую Валери Гонсалес, написавшую блестящую книгу об эстетике красоты в исламе. К сожалению, рекомендаций Олега было недостаточно для того, чтобы Валери смогла стать моей коллегой по Оксфорду в то время. Впрочем, ей повезло: не попав в Оксфорд, она получила гораздо более интересную и высокооплачиваемую



Олег Грабар на раскопках в Каср ал-Хайр (Сирия) в 1970 г. [по: *Grabar O. Early Islamic Art, 650–1100 (Constructing the Study of Islamic Art. Vol. I). Aldershot; Burlington, 2005*]

работу в Стэнфорде, причем по рекомендации Олега. Он тогда сказал: «Господь спас ее!» — разумеется, он был, как всегда, прав.

Благодаря природным качествам администратора и дипломата Олег пользовался непререкаемым авторитетом среди тех, кто доверял его мудрости и чутью ученого. В этом и был залог его успеха как основоположника профессиональных организаций, руководителя научных подразделений и учреждений.

Известие о его смерти произвело почти шоковый эффект на искусствоведов всего мира, в первую очередь на американских и особенно тех, кто занимался историей мусульманского искусства и архитектуры. Самые крупные газеты мира опубликовали пространные и прочувствованные некрологи. В интернете появились эмоциональные блоги его памяти. Один из них, созданный Ренатой Холод, в то время президентом Всемирной ассоциации историков мусульманского искусства и его многолетней соратницей из Пенсильвании, существует до сих пор.

Подобная реакция была несколько странной: не очень хорошее состояние здоровья Олега на протяжении последних нескольких лет не было секретом ни для близких, ни даже не очень близких его друзей и коллег. И это при том, что он был уже немолод и к тому же уходил на пенсию дважды: из Гарварда в 1990 г. и Принстона в 1998 г. Он сам заблаговременно и с пользой для себя и общества позаботился о достойном пристанище для своей потрясающе подобранной библиотеки: теперь она, по свидетельству многих, лучшая в мире по мусульманскому искусству из частных собраний, принадлежит Институту Гетти в Лос-Анджелесе. Почитание коллег и восхищение учеников было выражено ему сполна в двух фestsрифтах, опубликованных в 1993 и 2008 гг.

И тем не менее сообщение о тяжелой и уже невозможной потере было непеносимо горьким оттого, что до самого последнего дня никто не хотел верить в то, что Олега однажды больше не будет...

Все называли его Олегом, хотя такое обращение поначалу резало ухо, не поворачивался язык: вроде бы имя русское, человек солидный, как же называть его, такого великого, просто Олег, без отчества... Но Олег, родившийся в Страсбурге, в немецкой Франции, в семье русского ученого-византиниста, получивший блестящее образование на нескольких основных европейских языках, никогда не принадлежал только одной стране. Место и время его рождения обусловили его судьбу, как теперь говорят, Человека мира, чьей основной чертой характера стала универсальность европейского менталитета в сочетании с абсолютной естественностью. Он очень охотно переходил на русский, который завораживал воркующе-мягким акцентом. Этот акцент происходил, скорее всего, не от влияния на него французского или английского, а оттого, что его первым языком, т. е. языком матери, был болгарский: его отец Андрей Николаевич Грабар (1896–1990) познакомился с молодым болгарским врачом Юлией Ивановой во время своего пребывания в Болгарии, где он работал в Археологическом музее в Софии и писал диссертацию о религиозной живописи в Болгарии, которую защитил уже в Страсбурге в 1928 г., женившись к тому времени на Юлии. Очевидно, открытость миру передалась Олегу от отца, которого потрясения Первой мировой войны и русских революций приучили к стоическому отношению к жизни. Возможно, первоначальный интерес к византийскому искусству проявился у него уже в киевской гимназии и позже, когда в 1914 г. он ушел добровольцем на фронт и служил в Галиции. После войны он учился в университетах Киева, Петрограда и Одессы. Из Одессы в 1920 г., не дожидаясь большевистских репрессий (оба деда и прадед по материнской линии были генералами), он с матерью уехал в Варну, оттуда в Софию, а с 1924 г. начал преподавать русский язык в Страсбурге по приглашению профессора-слависта А. Мазона.



В принстонском доме Олега Грабара (слева направо): Акрам Хабибуллаев, Фируза Мелвилл, Аскольд Иванчик, Олег Грабар (февраль 2002 г.) [фотография Терри Грабар]

Посетителям у себя дома во время традиционного чая Олег любил показывать записную книжку своей бабушки баронессы Притвиц, в которой имена ее знакомых были вписаны на самых разных языках. Ссылаясь на свои ошибки в русском, он говорил: «Это потому, что когда я был маленьким, русских дней в неделе было меньше, чем остальных: мы ведь уже были русские!» Имелось в виду то, что для каждого дня недели выбирался один из европейских языков, на котором детям дозволялось разговаривать за столом.

При первом же знакомстве Олег производил неизгладимое впечатление, но не только глубиной своих профессиональных знаний, широтой эрудиции, а даже больше — необычно свежим восприятием жизни, ко всем проявлениям которой он относился до последних дней с любопытством человека, только начинающего жить. Всеобщая любовь и восхищение им объединяли тех, кто ненавидел друг друга. Этот удивительный дар — возбуждать к себе искреннюю любовь очень разных по мировоззрению и происхождению людей — был еще одной его чертой.

Я познакомилась с Олегом зимой 2002 г., приехав в заснеженный принстонский Институт передовых исследований (Institute for Advanced Study), который в народе называют «санаторием для гениев». Там действительно было несколько настоящих гениев, не только гуманитариев, но и математиков, микробиологов и прочих «физиков». В Принстон я переехала из не менее заснеженного Энн-Арбора, где оказалась по фулбрайтовской преподавательской стипендии, в основном благодаря Александру Кнышу, который в те годы руководил Ближневосточным отделением Мичиганского университета. Кныш же рекомендовал мне познакомиться с Олегом, у которого они с женой скрывались какое-то время, чтобы не возвращаться в Россию.

Надо сказать, что Олег предполагал подобные намерения и у меня и был несколько поражен и даже отчасти разочарован тем, что оставаться в Америке не входило в мои планы. Мне кажется, он совершенно не поверил моему рассказу о том, как за десять лет до этого, несмотря на уговоры моего бывшего мужа, я во что бы то ни стало хотела вернуться в холодный и голодный Петербург 1991 г. (по крайней мере, тогда он казался именно таким) из теплой и беззаботной Аризоны, где я, он и наш

полугодовой сын жили в уютном доме с озонированным бассейном, окруженном пестрыми олеандрами. Полагаю, в Советский Союз Олега не тянуло даже, чтобы посмотреть на Петербург, где учился его отец, или хотя бы проверить, насколько далеки от правды были фильмы о Джеймсе Бонде, очень английский юмор которых он ценил невероятно. Его собственное, часто не лишённое сарказма, чувство юмора было еще одной его отличительной чертой. Достаточно вспомнить хотя бы эпизод нашего знакомства, чтобы его образ приобрел не только должный объем, но и присущую ему мягко-элегантную яркость, в которой его экстравагантная богемность всегда сдерживалась неизменным вкусом. Кабинет Олега в Принстонском Институте находился в правом крыле фасадной части главного здания, прямо над моим. По утрам, сидя за компьютером, я могла лицезреть его эффектное прибытие на рабочее место: развевающийся по ветру лимонный шарф, алый платок в нагрудном кармане, изумрудный жилет под твидовым пиджаком. Кто еще мог позволить себе подобную роскошь совершенно независимого, почти эпатажного стиля!

Итак, январь 2002 г., званый вечер в столовой Института, которая в торжественные дни превращалась в огромный зал для солидных приемов с речами и иногда даже с оркестром<sup>2</sup>. Тот вечер был устроен в нашу честь, другими словами, по поводу «нового заезда», что случилось каждые полгода: кто-то приезжал на один семестр, а кто-то — на весь академический год. Срок моего пребывания начинался со второго семестра, т. е. меня скорее представляли старожилам и «туземцам» — постоянным членам института — таким, как Олег. Вычислив меня по фотографии и по табличке у меня на груди, ко мне подошла Патришиа Кроун (1945–2015), заведующая гуманитарным отделением, — датчанка, учившаяся в Лондоне, преподававшая в Оксфорде, потом в Кембридже, прославившаяся как своими публикациями по исламоведению, так и своим соавторством с такими знаменитостями, как Мартин Хайндс и Майкл Кук.

Представившись, она сразу объявила: «А! Вы та самая, которая занимается средневековой персидской литературой и живописью? Хочу вас предупредить: я голосовала против вашей кандидатуры». Такой своеобразный способ знакомства меня слегка озадачил. Не дождавшись реакции, она продолжила: «Вы поняли? Вы здесь не благодаря мне, а вопреки моему мнению». Кажется, я тогда сказала: «Неужели вы читаете по-русски: вы, должно быть, прочли что-то из того, что я написала, и вам это очень не понравилось?» «Я не знаю русского и не читала никаких ваших публикаций, даже ту, что по-английски про Шахнаме, которую вы прислали на конкурс. Но ее прочел мой коллега, которому она понравилась. Кстати, вот и он — это благодаря ему вы здесь». И она подвела меня к большому вальяжному человеку с барской осанкой. А сама сразу исчезла. «Меня зовут Олег», — сказал он и продолжил: «Вам повезло, иначе бы нам пришлось знакомиться в другой раз: мы с ней редко бываем одновременно в одном помещении. К тому же, знаете ли, мы, пенсионеры, должны быть постоянно видны, но никогда не слышны. Но я рад, что именно Вам удалось приехать в Принстон». Эта речь тогда показалась мне полной загадок, которые постепенно разрешились по мере моего пребывания в Институте, за что я и по сей день бесконечно благодарна Олегу. Те несколько месяцев в Принстоне стали началом нашей десятилетней дружбы. Это значило, что я могла задать ему любой вопрос в очень неформальном email'e и получить почти мгновенный ответ, который очень часто он подписывал по-русски: «Сердечно», но еще чаще очень красиво-старомодным английским «Affectionately Yours». Мгновенный и подробный ответ — это невообразимая роскошь, которую вряд ли можно было бы ожидать от такого действительно великого человека. Но его великодушие было равно его величию.

<sup>2</sup> Однажды в новогоднюю ночь в такой оркестр пробрался ныне тоже покойный Григорий Максимович Бонгард-Левин и, согнав ударника, барабанил соло довольно сложной партии.

В течение нескольких месяцев, что я провела в Принстоне, мы постоянно встречались с Олегом то на семинарах, то за ежедневным чаем в фойе института, который был чем-то вроде обязательного ритуала, подтверждающего присутствие на рабочем месте. Но только когда он приглашал в гости, то по-домашнему рассказывал о себе, о своей семье, о своем детстве, показывал бассейн на первом этаже дома, где купались приезжавшие погостить внуки.

После французско-русско-немецкого детства, проведенного в уютном европейском Страсбурге, где его отец Андрей Николаевич преподавал в университете историю византийского искусства, отрочество и юность Олег провел в Париже, сначала в лицее, а потом изучая древнюю историю в университете. В 1948 г. отец, который к тому времени был уже в должности университетского профессора, получил предложение поехать на работу в Дамбартон Оукс (Dumbarton Oaks), который был центром византистики при Гарвардском университете. И Олег вместе с родителями уехал в Америку, уже будучи студентом. Так начался американский период его жизни: степень бакалавра по специальности «История средних веков» он получил в 1950 г. в Гарварде. Потом вернулся во Францию и магистратуру уже окончил в Париже в 1953 г. как специалист в области средневековой и современной истории.

После этого Грабар преподавал в Мичигане, потом в Гарварде, где ему в 1980 г. было присвоено первое в истории звание профессора исламского искусства имени Ага-хана. А в 1990 г. он переехал в Принстон, где ему было предложено место профессора в Институте передовых исследований по гуманитарному (историческому) направлению.

Несмотря на все эти должности, Олега совершенно нельзя назвать кабинетным ученым. С тех пор, как он в начале 1960-х гг. начал писать свою диссертацию об архитектуре Омейядского периода (VII–VIII вв.), он отправился в Сирию руководить раскопками раннемусульманского дворцового сооружения в Каср ал-Хайр (1964–1971) — в то самое место, которое долгое время считалось абсолютно бесперспективным с археологической точки зрения. Диссертацию на звание доктора востоковедения (восточные языки и литература) он защитил в рекордный, особенно по американским обычаям, срок — уже через два года (!) в Принстоне. Выбор темы работы, которая, по существу, была посвящена зарождению мусульманского искусства на Ближнем Востоке, возможно, был сделан под влиянием отца-византиста, и, как это ни странно, так и осталась неопубликованной.

В результате раскопок в Каср ал-Хайр экспедиции, которую финансировали два университета — Мичиганский и Гарвардский, удалось обнаружить значительный дворцовый комплекс в пустыне к северо-востоку от Пальмиры: длина его внешних стен составила почти 5 километров с находящимися внутри фортификационными укреплениями, домами, дворовыми постройками и мечетью. «Город в пустыне: Каср ал-Хайр, Восточный сектор» (Grabar O. et al. *City in the Desert: Qasr al-Hayr East. An Account of the Excavations carried out at Qasr al-Hayr East on behalf of the Kelsey Museum of Archaeology at the University of Michigan, with the help of Harvard University and the Oriental Institute, the University of Chicago. Cambridge [Mass.], 1978*) — отчет об экспедиции за 1978 г. положил начало триумфальному появлению Грабара-археолога. За Сирией последовали раскопки в Израиле и Иордании.

Живость и свежесть восприятия, его знаменитое неутомимое любопытство, очевидно, тренировались годами во время этих экспедиций, когда формулировались и распределялись задачи целой группе сотрудников с разными интересами в разных областях. Талант руководить коллегами с нестандартным мышлением и яркими индивидуальностями сказался в способностях Грабара учитывать не только все нюансы конкретной ситуации, но и формулировать общую задачу исследования.



Олег Грабар и Джерри Клинтон с дочерью на приеме в Принстонском университете по поводу проводов профессора Клинтон на пенсию (апрель 2002 г.)  
[фотография Ф. Мелвилл]

В итоге основными направлениями его штудий стали взаимоотношения между эволюцией религиозных движений и общественно-историческим окружением, определяющим их изменения. Олег активно изучал значения форм и объемов, специфических для объектов мусульманского искусства и в особенности для архитектуры, а в последние годы он увлекся сравнительным анализом традиционного и современного искусства исламских стран. Книги Грабара сделали его живым классиком, наследие которого вечно: «Становление мусульманского искусства» (The Formation of Islamic Art. New Haven, 1973), «Альгамбра» (The Alhambra. London, 1978), «Исламское искусство и архитектура с 650 по 1250 г.» (The Art and Architecture of Islam, 650–1250. Harmondsworth; New York, 1987; совместно с Р. Эттинггаузеном), «Иллюстрации к Макамату» (The Illustrations of the Maqamat. Chicago, 1984), «Великая мечеть в Исфагане» (The Great Mosque of Isfahan. London, 1990), «Орнамент как посредник» (The Mediation of Ornament. Princeton, 1992), «Образ Святого: раннемусульманский Иерусалим» (The Shape of the Holy: Early Islamic Jerusalem. Princeton, 1996), «Скальный Купол» (The Dome of the Rock. New York, 1996), «Размышления об исламском искусстве» (Penser l'art islamique: une esthétique de l'ornement. Paris, 1996), «В основном миниатюры: Введение в персидскую живопись» (Mostly Miniatures: An introduction to Persian Painting. Princeton, 2000), «Шедевры исламского искусства: украшение рукописного листа (VIII–XVII вв.)» (Masterpieces of Islamic Art: The Decorated Page from the 8th to the 17th century. Munich; New York, 2009). В 2005 и 2006 гг. был опубликован четырехтомник под названием «Формирование мусульманского искусствоведения» (Constructing the Study of Islamic Art. Aldershot; Burlington [Variorum Collected Studies Series]), содержащий 83 его статьи.

По мнению Р. Хилленбрандта, «Становление мусульманского искусства» — истинный шедевр, написанный насыщенно и глубоко, хоть и непригодный для неопытного студента, но истинное сокровище для исследователя более зрелого, который в состоянии насладиться богатыми аллюзиями и сложным сравнительным анализом. Это скорее работа по культурологии, а не искусствоведению. Эта книга, впрочем, как и все последующие, выдают в Олеге человека с глобальным мышлением, который был способен постоянно генерировать блестящие и даже революционные идеи в разнообразных контекстах, а не только изучать их по отдельным частным случаям и феноменам. Обмен идеями, развитие их в самых неожиданных направлениях во время непринужденной дискуссии, особенно в свободной студенческой аудитории, был его излюбленным методом проверки их правильности или опровержения.



Эмир Катара, Его Высочество шейх Хамад б. Халифа, вручает Олегу Грабару награду Ага-хана за 2010 г. за выдающийся вклад в изучение мусульманской архитектуры в присутствии Ага-хана и шейхи Музы б. Насир в Катарском музее мусульманского искусства в Дохе (24 ноября 2010 г.) [фотография с официального сайта Aga Khan Development Network]

Именно поэтому он часто выбирал для аспирантского семинара такую тему, которая отшлифованная острым умом и языком его молодых и талантливых участников, заслуживала достойной публикации. Среди таких тем — широких и узких — были орнамент, Соборная мечеть в Исфагане, сасанидское серебро, Альгамбра, макаमत и великое монгольское Шахнаме.

В ходе долгой преподавательской деятельности Грабар руководил более 60 аспирантами, и среди его учеников были не только искусствоведы, но и директора музеев и заведующие отделами мусульманского искусства во всем мире. Свою задачу он всегда видел в том, чтобы расширить диапазон преподаваемых предметов, связанных с историей исламского искусства в высших учебных заведениях разных стран. И ему это поистине удалось: обучение по этой специальности теперь ведется во многих университетах мира на высоком уровне в основном благодаря его усилиям.

Последние годы Олег был вынужден стать еще более избирательным в своих поездках, хотя очень любил приезжать в Лондон, особенно когда там находился его старинный друг Ага-хан. Но на конференцию по Персидскому Возрождению в Оксфорд он уже приехать не смог, хотя сам помог мне с выбором ее темы и названия — намеренно провоцирующее, «чтобы разбудить мозги для всплеска умственной активности». Свой приезд он отменил в последний момент: вместо того чтобы ехать в аэропорт, ему пришлось ехать в больницу на операцию...

Договариваясь об условиях приема, я по неосторожности предложила ему забронировать комнату в Колледже Водэм, где и проходила конференция. И, как обычно, получила мгновенный ответ: «Премного благодарен. Некоторым образом я уже вышел из студенческого возраста. Пожалуйста, не беспокойтесь о моем



проживании: я уже забронировал себе номер в гостинице». Разумеется, это был его любимый отель «Рандольф», где в 5 часов вечера подают «high tea» в зале, стены которого украшены картинами, иллюстрирующими самый оксфордский роман, написанный в 1911 г. Максом Беербомом, про Зулейку Добсон.

Доклад под названием «Зачем иллюстрировали Шахнаме», который Олег прислал мне для прочтения в Оксфорд, мы (Чарльз Мелвилл и я) как приглашенные научные редакторы опубликовали в юбилейном выпуске журнала «Iranian Studies», посвященном тысячелетию создания Шахнаме,<sup>3</sup> — настолько идеально он подходил на роль определяющего всей концепции современного изучения этого памятника, который часто называют энциклопедией иранской культуры.

Надо ли говорить, что моя жизнь приобрела новое измерение благодаря работе над поэмой Шахнаме и ее миром. Вернее, Шахнаме изменила мой мир. А история изучения Шахнаме многим обязана Олегу. Его роль в этом замечательном деле неопределима, именно его можно по праву считать «крестным отцом» Кембриджского проекта. Именно его совет и «практическое пособие», «Индекс иллюстрируемых сюжетов в Шахнаме», составленный по заданию Олега его студентами (*Norgren J., Davis E. Preliminary Index of Shahnameh Illustrations. Ann Arbor, 1969*), и вдохновили сначала Джерри Клинтона, а потом и Чарльза Мелвилла на создание проекта.

В 1999 г. принстонский проект «переплыл» через океан и стал уже кембриджско-эдинбургским под руководством Чарльза и Роберта Хилленбрандта. Олег же познакомил меня с Джерри, родоначальником американской шахнамистики, к которому мы стали приходить на занятия по Шахнаме. Мы — это я, Йохан-Кристоф Бюргель из Бернского университета, который, как и я, жил в Институте, и Фирузе Хазраи, талантливая пианистка, музыковед и русист, в то время преподававшая персидский на той же кафедре. Наши чтения Шахнаме носили весьма ритуальный характер: мы просто читали вслух, без перевода, иногда обсуждали какой-нибудь необычный оборот, но, в общем, старались не нарушать ритма, постепенно почти входя в транс профессионального шахнамехана. Впечатление было необыкновенное, особенно по сравнению с тем опытом, когда я студенткой читала Шахнаме с Михаилом Николаевичем Боголюбовым, или сама читала его со своими студентами в Петербурге и Оксфорде. Разница состояла в том, что Джерри и Фирузе читали Шахнаме, как если бы это делали иранцы у себя дома — для собственного удовольствия. Зачем? Затем, чтобы придать живой вид почти мертвому персидскому отделению Принстонского университета: за неимением студентов два преподавателя читали Шахнаме от начала до конца друг с другом. Напомню, что Шахнаме — это самое длинное в истории человечества произведение, написанное одним автором. К тому времени, как мы с Кристофом присоединились к ним, они читали Шахнаме несколько лет, уже по четвертому кругу, и как раз начинали рассказ о Бижане и Маниже. Мне тогда показалось это обстоятельство весьма символичным: несмотря на то, что Фирдоуси поместил этот рассказ почти в середину поэмы, он, по мнению многих, начал ее писать именно с этого «чужого» (парфянского) рассказа. Та абсурдно-сюрреалистическая история имела реалистически-трагический финал; и Джерри, и Фирузе вскоре умерли от рака один за другим: Джерри было 66, Фирузе 46... А вместе с ними умерла тогда (сейчас она понемногу возрождается) и принстонская иранистика.

Однако идея Олега и Джерри по-прежнему жива. Я до сих пор надеюсь, что однажды осуществится главная мечта Олега о том, чтобы проект Шахнаме перерос в Институт исламского искусства со службами наподобие принстонского «Индекса

<sup>3</sup> Grabar O. Why was the *Shahname* illustrated? // IranSt. Vol. 43/1. 2010. P. 91–96.

христианского искусства», куда он меня привел в самом начале моего пребывания в Принстоне, чтобы я вдохновилась тем восхитительным планом. Впрочем, ему не надо было особенно убеждать (или «заражать», как он выражался) меня этим: я уже была серьезно больна этим проектом с тех пор, как мне рассказал о нем Чарльз в Париже в 1999 г. на конференции европейских иранистов.

Мне особенно жаль, что Олег не смог приехать на шахнамианские собрания не только в Оксфорде, но и в Кембридже, хотя его место, как говорят иранцы, так и осталось пустовать. Его приезд в английский Кембридж (в американском он провел чуть ли не половину своей жизни) уже превратился в нашу дежурную шутку к тому моменту, когда мы готовили наш последний «слет шахнамистов»: он все говорил о том, что обещает, что не умрет, пока не побывает в «настоящем», английском, Кембридже, по сравнению с американским, гарвардским, который был для него родным. Я уже стала волноваться о том, как бы он не умер, стараясь «сдерживать обещание».

Но судьба распорядилась иначе. Олег так никогда и не повидал места, «откуда есть пошло» британское востоковедение: Николсон, Браун, Арберри, Фицджеральд...

Вот его короткое извинительное письмо, написанное 10 октября 2010 г.:

Дорогие друзья, Фирюза и Чарльз,

Мне очень неприятно писать о том, что я не смогу приехать в декабре в Кембридж. Мне необходимо быть в конце ноября в Дохе для получения награды (какой, пока секрет), а потом на Рождество мой сын везет всю семью на десять дней плавать по Нилу. Мне не избежать собственного тщеславия и семейных обязательств. Этих путешествий будет довольно моему сердцу, которому сейчас уже хоть и лучше, но которое все равно вело себя не очень хорошо последние несколько месяцев. Я позавидовал, слушая о вашем иранском путешествии, думая о том, что мне, наверное, уже никогда не побывать ни там, ни в Самарканде.

С самой нежной любовью, Олег

То, что он назвал проявлением тщеславия, было его последним триумфальным выходом под аплодисменты многотысячного зала в Музее мусульманского искусства в Дохе (Катар) 23 ноября 2010 г., куда он прибыл для вручения ему награды Ага-хана за исключительный вклад в изучение мусульманской архитектуры. Его яркая, насыщенная необычными образами и идеями речь «О знании и образовании», произнесенная по случаю получения премии, касалась самых разнообразных тем — от проблем средневековой архитектуры до вопросов современной эстетики и политического экстремизма — и была встречена долгими овациями коллег и единомышленников, съехавшихся со всего мира.

Оглушительное общественное признание в Катаре должно было смениться уютным египетским путешествием по вечной реке в окружении чад и домочадцев, разбросанных по всему миру, которые тремя поколениями намеревались собраться вокруг патриарха в Рождественскую неделю: английской жены (и профессора английской литературы) Терри, с которой они были в браке на протяжении 59 лет, французского брата Николая из Парижа, американского сына Николая из Нью-Йорка и его троих детей<sup>4</sup>. Но и этому не суждено было случиться. Сердце Олега получило сполна любви и почитания и, усталое и удовлетворенное, оно перестало биться на следующий день после русского православного Рождества.

Его беспокойный дух (*restless spirit*)<sup>5</sup> успокоился, посеяв семена новых идей в любопытных душах его многочисленных учеников. И вечна будет память о нем, доколь в подлунном мире жив будет хоть один исламовед.

<sup>4</sup> Трагическую потерю дочери Грабарам пришлось пережить в 1988 г.

<sup>5</sup> *Hillenbrand R.* // *The Times*. London. 17 February 2011.

## ВСПОМИНАЯ ОЛЕГА АНДРЕЕВИЧА ГРАБАРА

*В. П. Никоноров (Санкт-Петербург)*

Мне по-настоящему посчастливилось быть знакомым с Олегом Андреевичем Грабаром<sup>1</sup> — выдающимся американским востоковедом славянского (русско-болгарского) происхождения. Поскольку мне особо нечего добавить к превосходному очерку Ф. И. Мелвилл (см. выше, с. 930–939) об этом великом человеке, в котором он охарактеризован более чем всесторонне, то я просто поделюсь своими воспоминаниями о встречах с ним.

Первый раз я увидел (именно увидел, ибо наше знакомство тогда, по сути, и не состоялось) Олега Андреевича в январе 1992 г., во время традиционных чтений памяти В. Г. Луконина в Отделе Востока Государственного Эрмитажа. Но уже тогда он произвел на меня очень сильное впечатление, причем не столько как ученый (мои научные интересы не распространяются на область мусульманской средневековой культуры, за исключением разве что военного дела на Ближнем Востоке в эпоху раннего ислама), сколько как неординарная и исключительно обаятельная личность. Он общался с окружающими его российскими коллегами только на русском языке (хотя многие из них могли бы вполне сносно говорить с ним по-английски или по-французски), и было очевидно, что он делает это намеренно и с удовольствием. Особый шарм речи Олега Андреевича придавал приятный, грассирующий на французский манер, тембр его голоса.

Прошло много лет, и в сентябре 2005 г. я оказался в Институте передовых исследований (Institute for Advanced Study) в Принстоне, штат Нью-Джерси, — заветной мечте и подлинном райском месте для ученых со всего мира — в качестве стипендиата (current member) Школы исторических исследований (School of Historical Studies). Там, наконец, и произошло мое настоящее знакомство с О. А. Грабаром, работавшим в Школе постоянным сотрудником (current faculty). Предваряя мой последующий рассказ, следует отметить, что он всегда, хотя и в очень ненавязчивой манере, оказывал внимание всем стипендиатам, приезжавшим из стран бывшего Советского Союза (несмотря на то, что по понятным причинам он никогда не был, скажем так, его большим поклонником). Более того, с достаточной долей уверенности можно предполагать, что их визит в Принстон в немалой степени стал возможным благодаря авторитетному и благоприятному (но, вне всякого сомнения, объективному) заключению Олега Андреевича как члена избирательной комиссии Школы исторических исследований.

Вскоре после моего прибытия в Принстон О. А. Грабар предложил мне помощь в ознакомлении с Библиотекой по искусству и археологии имени Маркванда

---

<sup>1</sup> Сразу оговорюсь, что я называю О. А. Грабара по имени и отчеству, следуя традициям советского и российского воспитания и образования, но ни в коем случае «не в пику» моей коллеге и землячке Фирузе Ибодуллаевне Мелвилл (Абдуллаевой), которая в своем эссе об О. А. Грабаре называет его только по имени, т. е. так, как это принято, по крайней мере, в англоязычных странах. Но даже приняв такую западную форму обращения, она как человек, получивший воспитание и образование в СССР, специально подчеркивает, что это далось ей нелегко: приехав в Институт передовых исследований в Принстоне зимой 2002 г., она сразу же обратила внимание на тот факт, что все вокруг, обращаясь к Грабару, «называли его Олегом, хотя такое обращение поначалу резало ухо, не поворачивался язык: вроде бы имя русское, человек солидный, как же называть его, такого великого, просто Олег, без отчества...» (см. выше, с. 932). По указанной причине я и мой российский коллега по работе в этом же принстонском учреждении в 2005 г., Е. А. Зайцев, обращались к О. А. Грабару исключительно по имени и отчеству, при этом сам он, возможно, и испытывал некоторую неловкость, но в любом случае тактично не подавал виду.

(Marquand Library of Art and Archaeology) Принстонского университета, в которой имеются многие книги и журналы, отсутствующие не только в Библиотеке исторической и социологической литературы (Historical Studies — Social Science Library) Института передовых исследований, но и в российских научных библиотеках. Он любезно отвез меня туда на своей машине, предупредив по дороге: «Имейте в виду, что заведующая этой библиотекой — женщина очень строгая и требовательная, я и сам ее побаиваюсь». Впрочем, все обошлось как нельзя лучше: заведующая оказала нам обоим вполне радушный прием, и мы неплохо в тот день потрудились, каждый читая литературу по своим научным интересам.

Кроме автора этих строк, в 2005 г. в Школу исторических исследований приехал еще один россиянин — москвич Евгений Алексеевич Зайцев из Института истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН. И вот однажды, в конце сентября, Олег Андреевич предложил отвезти

нас обоих на могилу известного белогвардейского генерала Антона Ивановича Деникина (1872–1947) на православном казачьем Свято-Владимирском кладбище в местности Джексон, штат Нью-Джерси. Мы, естественно, согласились, причем не раздумывая (независимо от отношения к Белому движению в целом, фигура Деникина при всей своей неоднозначности не может не вызывать определенного уважения, особенно за позицию генерала во Второй мировой войне), однако из-за большой занятости самого Грабара, а ему пришлось в срочном порядке — по настоянию издательства «Ashgate Publishing» — завершать подготовку к публикации четырехтомника своих избранных статей, эта поездка состоялась только через три недели. Но за время такой вынужденной отсрочки произошло важное событие: 3 октября 2005 г. останки генерала Деникина и его супруги Ксении Васильевны Деникиной (1892–1973) были перевезены в Россию и затем перезахоронены в Донском монастыре в Москве. Узнав об этом из Интернета, Евгений незамедлительно поставил меня в известность, и, посоветовавшись, мы решили скрыть эту информацию от Олега Андреевича, чтобы заранее не разочаровывать его столь неожиданной новостью. Одним словом, когда он объявил нам (кажется, это было 17 октября), что сегодня можно ехать, мы промолчали и с готовностью сели в его машину. Прибыв на Свято-Владимирское кладбище, мы обнаружили на месте могилы А. И. Деникина пустую яму, что для Грабара действительно явилось сюрпризом. Тут к нам подъехал на своем небольшом служебном автомобильчике работник кладбища и рассказал некоторые подробности эксгумации останков генерала, свидетелем которой он был двумя неделями ранее. Мы с Евгением с большим интересом походили по этому кладбищу, на котором похоронены



О. А. Грабар в своем рабочем кабинете в Институте передовых исследований [фотография Т. К. Бёрча; © The Shelby White and Leon Levy Archives Center, Institute for Advanced Study]



О. А. Грабар (в центре) принимает в своем доме в Принстоне автора этого очерка и его жену Юлию (декабрь 2005 г.) [фотография Т. Грабар (из личного фотоархива В. П. Никонорова)]

многие русские казаки, волею судеб покинувшие Родину и нашедшие себе пристанище так далеко от ее пределов. Поездка эта и в самом деле оказалась для нас обеих очень познавательной и памятной, за что мы чрезвычайно благодарны Олегу Андреевичу.

Три незабываемых месяца пребывания в Принстоне пролетели очень быстро, и незадолго до отъезда домой я и моя жена Юлия были приглашены супругами Грабарями в гости на ужин. Их дом находится совсем рядом с Институтом передовых исследований, однако, поскольку по вечерам на прилегающей к нему территории обычно почти полностью отключается уличное освещение, преодолеть это небольшое расстояние было не так просто. Впрочем, передвигались мы с Юлей в условиях крошечной темноты недолго: внезапно перед нами вспыхнул свет — это Олег Андреевич подъехал за нами на своей машине. Вечер у Грабарей получился великолепным. Хозяин устроил нам экскурсию по дому и показал свою замечательную библиотеку, а затем, за ужином, мы долго разговаривали на самые разные темы. Особенно охотно Олег Андреевич вспоминал своих друзей и коллег из России, которых очень ценил и уважал. Перед нашим уходом его жена Терри сфотографировала нас троих на память, и, по моему субъективному мнению, эта фотография удалась на славу.

Моя следующая встреча с О. А. Грабаром состоялась снова в Принстоне двумя годами позже, осенью 2007 г. Я был тогда стипендиатом Программы Фулбрайта и работал над своим исследовательским проектом в Центре европейских исследований (Center for European Studies) Ратгерского университета (Rutgers, The State University of New Jersey), на его кампусе в Нью-Брунсвике — городе, расположенном неподалеку от Принстона. Как и все другие бывшие стипендиаты Института передовых исследований, я имею, по сути, пожизненное право при появлении по той или иной причине в Принстоне пользоваться его библиотеками (но только в регулярные часы их работы), и этим правом я, конечно же, воспользовался, частенько за время своего полугодового пребывания в Ратгерском университете приезжая из Нью-Брунсвика поработать в Библиотеку исторической и социологической

литературы Института. Там отведенный мне рабочий стол оказался рядом с рабочим местом Олега Андреевича. Мы встретились как старые приятели. Он пригласил меня в свой офис и рассказал о своем новом увлечении — поисках в Интернете следов рода Грабарей на территории Украины и России. В первую очередь его интересовали Погар (ныне — административный центр Погарского района Брянской области Российской Федерации) — родина его деда по отцовской линии, известного юриста и сенатора Николая Степановича Грабара (1852–1924), а также Киев — место рождения его отца, выдающегося историка византийского и средневекового искусства Андрея Николаевича Грабара (1896–1990). По поводу первого, помнится, Олег Андреевич сказал мне с немного саркастической улыбкой: «А Вы знаете, какая надпись появляется первой, когда заходишь на сайт Погара в Интернете? Представьте себе, “Путаны Погара”!» С чувством большого удовлетворения он показал на своем компьютере фотографию дома в Киеве, найденную им в ходе интернетных изысканий, в котором, по всем известным ему признакам, скорее всего, и проживала семья Николая Степановича Грабара.

Узнав от меня, что в Москве несколько лет назад вышел русский перевод знаменитой монографии его отца об образе императора в искусстве Византии<sup>2</sup>, Олег Андреевич попросил достать ему экземпляр. Также он высказал большое желание ознакомиться с неизвестной ему до того книгой воспоминаний Галины Анатольевны Пугаченковой (1915–2007)<sup>3</sup> — крупнейшего исследователя древней и средневековой культуры Среднего Востока и Центральной Азии, с которой он лично познакомился в Ташкенте в конце 1960-х гг. «И знаете, — спросил он меня, — на чем мы с Пугаченковой, помимо всего прочего, сошлись? На любви к “Трем мушкетерам” Александра Дюма!» Само собой разумеется, я сделал все, чтобы исполнить эти его пожелания, и по прошествии не столь уж длительного времени он получил обе книги от меня в подарок.

Срок моей работы в рамках Программы Фулбрайта завершился в конце марта 2008 г., и я вернулся из США домой. С тех пор мы больше никогда не встречались и лишь изредка обменивались письмами по электронной почте. Когда 31 октября 2010 г. в Санкт-Петербурге скончался Олег Федорович Акимушкин — виднейший знаток средневекового персидского мистицизма и иранист-кодинолог, с которым О. А. Грабар был хорошо знаком (и, к слову сказать, не только являлся его тезкой, но и родился с ним в один год), то я сразу же известил его об этом печальном событии. В ответ Олег Андреевич прислал очень простые, но проникновенные и искренние слова соболезнования всем близким, друзьям и коллегам Олега Федоровича. А ведь ему самому, как оказалось, оставалось жить чуть больше двух месяцев...

Когда вспоминаешь Олега Андреевича Грабара и других людей его масштаба, которых тебе посчастливилось встретить на своем жизненном пути, — достигших всех мыслимых и немыслимых высот в избранной сфере профессиональной деятельности и одновременно наделенных множеством положительных, в том числе харизматических, личностных качеств, то лишний раз понимаешь, что под воздействием общения с ними твое собственное бытие стало духовно богаче и намного интереснее и содержательнее, и — что не менее, если не более, важно — благодаря им ты уже точно знаешь, на какие жизненные ценности надо ориентироваться и к чему в своей жизни следует стремиться.

<sup>2</sup> *Грабар А.* Император в византийском искусстве / Пер. с франц. Ю. Л. Грейдинга. М., 2000 [оригинальное издание: *Grabar A.* L'empereur dans l'art byzantin: recherches sur l'art officiel de l'empire d'Orient. Paris, 1936 (Publications de la Faculté des lettres de l'Université de Strasbourg. Fasc. 75)].

<sup>3</sup> *Горишенина С. М.* Галина Пугаченкова. Перебирая жизни черепки... Ташкент, 2002.



## ПАМЯТИ НУМАНА НЕГМАТОВИЧА НЕГМАТОВА (05.03.1927 — 15.02.2011)

*В. А. Алёкин* (Санкт-Петербург)

Крупнейший таджикский археолог Нуман Негматович Негматов вошел в историю науки как исследователь древностей Северного Таджикистана от раннего железного века до эпохи средневековья. Выпускник исторического факультета Ленинградского государственного педагогического института и воспитанник Ленинградского отделения Института истории материальной культуры Академии наук СССР (ныне — ИИМК РАН), в котором он обучался в аспирантуре под руководством члена-корреспондента Академии наук СССР и академика Академии наук Таджикской ССР, доктора исторических наук А. Ю. Якубовского, Нуман Негматович, возглавляя Северотаджикстанскую экспедицию Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша Академии наук Таджикской ССР, в течение многих лет изучал древности Уструшаны, которым он посвятил вначале кандидатскую диссертацию по теме «Уструшана в VII–X веках (по материалам письменных и археологических источников)», защищенную в 1953 г., а затем и докторскую — «Ходжент и Уструшана в древности и средневековье (середина I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.)», защищенную в 1969 г. Широко известны раскопки Нумана Негматовича в Шахристане, на городище Калаи Каххаха I, где в древности располагался Бунджикат — столичный город Уструшаны. На этом памятнике ученый изучал руины дворца правителей-афшинов с уникальной настенной монументальной живописью VIII — начала IX в.

Другое направление его работ было связано с многолетними исследованиями одного из древнейших городов Центральной Азии Ходжента (в советское время — Ленинабад, ныне — Худжанд), где Нуман Негматович начал раскопки в 1954 г. Планомерные исследования привели ученого к выводу о том, что этот город,



Приготовление плова на археологической базе Пенджикентской экспедиции (1952 г.): крайний слева — Н. Н. Негматов [фотография из личного фотоархива В. И. Распоповой]



Посещение высокогорного катка «Медео» участниками Советско-Французского симпозиума «Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций» (справа налево): Н. Н. Негматов, М. Исакова, В. И. Распопова, Б. И. Маршак, А. И. Исаков, Л. Т. Пьянкова (21 октября 1987 г.) [фотография из личного фотоархива В. И. Распоповой]





Участники конференции «50 лет раскопок древнего Пенджикента» (справа налево): Н. Н. Негматов, Ю. Ф. Буряков, И. М. Стеблин-Каменский, В. А. Лившиц (Пенджикент, август 1997 г.) [фотография из личного фотоархива В. И. Распоповой]

основанный еще в ахеменидское время, позднее был перестроен греками, пришедшими сюда с войсками Александра Македонского. Древний Худжанд, полагал исследователь, следует отождествить с упоминаемой в античных источниках Александрией Эсхатой. Благодаря стараниям Нумана Негматовича Ленинабад отметил в 1986 г. свой 2500-летний юбилей.

Третьим направлением его научного творчества было изучение истории государства Саманидов. Исследуя эту проблему, он добился больших успехов: от актуальных проблем древней и средневековой истории народов Таджикистана Нуман Негматович перекинул мостик к осмыслению сложнейших вопросов этногенеза таджиков, рассматривая этот процесс с точки зрения философии истории и культурной антропологии.

Н. Н. Негматов проявил также большие научно-организаторские способности. Возглавляя Отдел истории культуры (впоследствии Отдел истории, культуры и искусства) Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша, он руководил многими студентами и аспирантами, сделав тем самым большой вклад в воспитание археологических кадров Таджикистана. В 1978 г. Нуман Негматович был избран членом-корреспондентом Академии наук Таджикской ССР, а в 1994 г. — академиком Академии наук Республики Таджикистан. Его богатое и разностороннее научное наследие всегда будет востребовано специалистами по археологии и древней истории Центральной Азии.



## ПАМЯТИ ГАЛИНЫ АНАТОЛЬЕВНЫ БРЫКИНОЙ (16.01.1929 — 09.04.2011)

*В. И. Распопова* (Санкт-Петербург)

Галина Анатольевна Брыкина родилась 16 января 1929 г. в г. Ельце Липецкой обл., скончалась 9 апреля 2011 г. в г. Москве. В 1953 г. она окончила кафедру археологии Исторического факультета Московского государственного университета. В студенческие годы участвовала в работах Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Эта экспедиция была важной вехой — здесь она стала профессиональным полевым археологом, здесь ее судьба свела с людьми, с которыми ее связала дружба на многие годы, а С. П. Толстова — начальника этой знаменитой экспедиции — она почитала всю свою жизнь.

Ее служебная карьера складывалась удачно. Сразу же после окончания обучения в МГУ она была принята в штат Института истории материальной культуры Академии наук СССР (теперь Институт археологии РАН), где проработала по 2009 г. В 1953 и 1954 гг. Галина Анатольевна приняла участие в работах Киргизской экспедиции, которая под руководством Л. Р. Кызласова исследовала городище Ак-Бешим в Киргизии. И в дальнейшем полевые работы Г. А. Брыкиной были связаны с Киргизией (Ляйлякским и Баткенским районами Ошской области). Много лет она работала вместе Ю. Д. Баруздиным и в соавторстве с ним в 1962 г. опубликовала книгу «Археологические памятники Баткена и Ляйляка». В 1969 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Юго-западные предгорья Ферганы в V–XII вв.», основой которой послужили материалы из проведенных ею раскопок. В работе был дан типологический анализ материала, определены его хронологические рамки, прослежены культурные и экономические связи населения. Многие положения диссертации послужили отправными моментами дальнейших исследований.

В 1969–1987 гг. Галина Анатольевна руководила работами Ляйлякской экспедиции Института археологии АН СССР/РАН. В конце 1980-х гг. наступили неспокойные времена, причем Ошский район Киргизии был особенно опасен. В 1988 г. она вняла совету директора Института археологии В. П. Алексеева переждать и пока не ездить в экспедицию. К сожалению, на этом прекратилась ее столь успешная карьера полевого археолога.

Г. А. Брыкина была высокопрофессиональным специалистом в области археологии средневековой Средней Азии. Для полевых работ, проведенных ею, характерны раскопки большими площадями с тщательной фиксацией и детальным изучением материала. В стратиграфии памятников сырцово-кирпичной архитектуры разобраться бывает непросто — ведь ранние постройки, как правило, скрыты под более поздними. Однако Галина Анатольевна виртуозно справлялась с этой очень непростой задачей. Ею исследован ряд оседло-земледельческих поселений I–XII вв. в Южной Киргизии, среди которых городища Ак-тепе, Майда-тепе (IV–V вв.) и Карабулак (XI–XII вв.), укрепленная раннесредневековая усадьба Кайрагач и др., а также ряд могильников. Карабулак до сих пор остается ключевым



Всесоюзное совещание «Проблемы исследования средневековой археологии Средней Азии и Казахстана (XIII–XVIII вв.)». 13–15 мая 1981 г. В первом ряду справа налево — Т. В. Савельева, Б. И. Маршак, В. И. Распопова, Г. А. Брыкина, Р. М. Джанполадян, К. А. Акишев; крайние слева — Н. Н. Негматов и И. К. Кожомбердиев. Крайние справа во втором ряду — К. М. Байпаков и М. А. Бубнова [фотография из личного фотоархива В. И. Распоповой]

Г. А. Брыкина  
в гостях у Б. И. Маршака  
и В. И. Распоповой (1984 г.)  
[фотография из личного  
фотоархива В. И. Распоповой]



памятником, характеризующим городскую культуру XI–XII вв. горного района Ферганы. Следует отметить, что во всех публикациях Г. А. Брыкиной, основанных на материалах собственных раскопок, удачно сочетаются широта охвата материалов с их исторической интерпретацией и выявляется специфика хозяйственно-производственной деятельности юго-западных районов Ферганы на протяжении тысячелетия — от середины I тыс. до н. э. до середины I тыс. н. э. Материалы, полученные во время раскопок могильника в Ташраватской впадине в южных предгорьях Ферганы и усадьбы Кайрагач по-новому заставили взглянуть на вопросы верований древних ферганцев. Усадьбе Кайрагач вообще принадлежит особое место среди культовых памятников Ферганы — здесь открыто святилище с антропоморфными статуями богов, прослежены особенности совершения обряда, рассматривается вопрос об этнической принадлежности оставившего ее населения.

В 1980–1990-е гг. Галина Анатольевна взвалила на себя тяжелый труд ответственного редактора одного из томов задуманной и начавшейся еще в советское время монументальной серии «Археология с древнейших времен до средневековья в 20 томах» — «Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья: Средняя Азия в раннем средневековье». Что греха таить, не все его авторы были дисциплинированы, поэтому многое ей приходилось делать самой — составлять таблицы, делать к ним аннотации, выправлять тексты, составлять библиографию и т. д. Все это занимало много сил и времени. В 1999 г. том вышел в свет. Г. А. Брыкина также собирала материалы для тома «Средняя Азия в средневековье».

Мои первые шаги в профессии связаны с Галиной Анатольевной. В 1954 г. я, студентка кафедры археологии МГУ, проходила студенческую практику на раскопках Ак-Бешима, где она показала мне, как в бесформенной лессовой глыбе найти скрытую там стену здания. Опыт полевой археологии, как и в любом ремесле, передается от мастера к ученику. Г. А. Брыкина была превосходным мастером-

наставником. Мое ученичество продолжилось в Москве, в камеральной мастерской на Большом Черкасском переулке, куда были привезены ящики с керамикой из Ак-Бешима. В 1955–1956 гг. я писала курсовую и дипломную работу на тему «Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины» и часто тогда приходила на Черкасский, чтобы в многочисленных ящиках найти нужные черепки для моей работы. Без помощи Галины Анатольевны это было невозможно, тем более что она в это время готовила основную публикацию керамики из раскопок Ак-Бешима 1953–1954 гг. Думаю, что я не единственный человек, с которым она так щедро делилась своим и опытом и знаниями.

Г. А. Брыкина никогда не стремилась к чинам и званиям, добросовестно делала свое дело и оставалась сама собой. Была жизнелюбивым, веселым, темпераментным, небезразличным, доброжелательным, заботливым человеком. Любила людей. У нее был по-московски хлебосольный открытый дом. Последний раз я была у нее незадолго до ее кончины. С ней дружили почти все археологи, занимавшиеся исследованиями в Средней Азии. Говорили о семейных делах, кто, что раскопал и т. д. Для нашей семьи она была замечательным другом. Мне ее очень не хватает. Для меня она «была всегда».



## ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНА GERMANOVICHА ШКОДЫ (27.06.1951 — 14.04.2012)<sup>1</sup>

*А. И. Торгоев, П. Б. Лурье (Санкт-Петербург)*

Валентин Шкода вырос в интеллигентной семье. Его отец, Герман Иванович, происходит из обрусевших чехов, мать, Галина Николаевна, работала в Областном комитете по культуре Ленинграда и Государственном музее городской скульптуры. Детство Валентина Германовича, покрытое ореолом дворовой романтики, прошло в центре города, в переулке Антоненко. Тогда он впервые услышал песни Владимира Высоцкого, которые сам позже блестяще исполнял.

В середине 1960-х гг. старшеклассник Валентин Шкода занимался в эрмитажном кружке, который вел Борис Ильич Маршак (1933–2006), известный специалист по культуре Согдианы. Знакомство с ним, с историей и археологией Средней Азии предопределили интерес молодого человека к загадочному Востоку, к раскопкам его древностей. В 1966 г. Валентин впервые поехал в Пенджикент — основной объект исследований знаменитой Согдийско-Таджикской экспедиции. Первый сезон чуть не закончился для него трагически. Ухаживая за девушкой, он затеял дуэль на рапирах с еще одним ее поклонником. Сломавшаяся рапира нанесла юному Шкоде серьезное ранение лица, так что начальнику экспедиции Александру Марковичу Беленицкому пришлось взять дуэлянта на операцию в Самарканд. Впечатления от первой экспедиции и знакомство с культурой региона были настолько сильны, что Валентин Германович задержался в Пенджикенте и Средней Азии на сорок лет, другими словами, на всю свою жизнь.

---

<sup>1</sup> Все воспроизведенные в этой статье фотографии — из фотоархива Отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Поступив на вечернее отделение кафедры археологии Исторического факультета Ленинградского государственного университета в 1968 г., он сразу выбрал тему по Пенджикенту, руководителем работы над которой стал заместитель начальника Пенджикентской экспедиции Б. И. Маршак. На том курсе кафедры было воспитано много видных археологов Советского Союза, четверо из них впоследствии связали свои научные интересы со Средней Азией: Г. П. Иванов, В. А. Завьялов, В. Г. Шкода и Г. Л. Семенов (1950–2007). С последним у Валентина Германовича были самые близкие дружеские (хотя и не всегда безоблачные) отношения. Он привел своего друга детства в археологию, они вместе учились у Маршака и вместе ездили в Пенджикент, вместе работали в Секторе Средней Азии Отдела Востока Эрмитажа. Отслужив в танковых войсках и продолжая обучение на кафедре археологии, В. Г. Шкода стал работать в Эрмитаже: сначала был такелажником (некоторое время — в бригаде с известным художником Михаилом Шемякиным), а потом перешел в Отдел Востока, где со временем занял должность старшего научного сотрудника.

Верность избранной теме, экспедиции и учителям была, пожалуй, одним из отличительных качеств Валентина Германовича как ученого. Еще со студенческих лет он начал работать на пенджикентских храмах. Это два крупных комплекса сооружений площадью 1,3 га перестраивались с самых ранних этапов развития города до 722 г., когда Пенджикент был захвачен и частично сожжен арабами. Раскопки храмов начались вместе с исследованием городища вообще, и в первые годы их вели сначала А. И. Тереножкин (1906–1986), который, по сути, и разработал методику раскопок сырцовых сооружений, применяющуюся в Пенджикенте до сих пор, а затем А. М. Беленицкий. В. Г. Шкода всегда указывал на огромную роль в исследовании храмов Алексея Ивановича и особенно Александра Марковича, к которому как учителю он очень тепло относился. Можно вспомнить многих археологов, работа которых сосредоточена на одном памятнике, гораздо меньше тех, чьи основные раскопки касались связанных объектов. Центральное место в научной биографии В. Г. Шкоды занимало исследование I, II и X объектов (под последним понимается



День археолога на базе Пенджикента; справа с гитарой — В. Г. Шкода (15 августа 1983 г.)



В. Г. Шкода на ступенях Метрополитен-музея  
в Нью-Йорке (1995 г.)

двор первого храма). Изучение храмов он возглавил в 1974 г. и продолжал его вплоть до своего последнего сезона в Пенджикенте в 2007 г.

Именно Валентин Германович представил строительную историю объектов, насчитывающую шесть этапов перестроек, восстановил возможные ритуалы, совершавшиеся в храмах. Им были исследованы разновременные храмовые бронзолитейные мастерские, дворы и их обводы, открыты помещения для возжигания священного огня и для хранения топлива. Раскопки участка также продолжали приносить замечательные памятники монументального искусства согдийцев.

Исследование храмов подтолкнуло Валентина Германовича к изучению верований согдийцев в контексте зороастризма — религии, общей для всех иранских народов, но известной несравненно лучше в западноиранской традиции. Восточный, в том числе согдийский, зороастризм, как показали раскопки храмов и изучение живописи Пенджикента, во многом отличен от нее. В. Г. Шкода специально изучал особенности планировки иранских культовых сооружений и детали проходивших





Над квадратом раскопа; на заднем плане видны храмы Пенджикента (2000-е гг.)

в них обрядов, чтобы найти точки соприкосновения, глубже понять религию согдийцев, представленную в археологических находках.

В 1979 г., после отхода А. М. Беленицкого от экспедиционных дел Валентин Германович становится заместителем начальника экспедиции Б. И. Маршака. В 1986 г. он защитил кандидатскую диссертацию. Им публикуется серия статей по своим раскопкам храмов (в том числе в зарубежных изданиях), выступал он и как соавтор отчетов (с Б. И. Маршаком и В. И. Распоповой), опубликованных в ежегодниках «Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа» и «Археологические работы в Таджикистане».

В. Г. Шкода трудился не только в Пенджикенте. Он участвовал в раскопках Советско-Йеменской экспедиции, работал с отрядом Т. И. Зеймаль в Тохаристане, был в Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, внес свой вклад в составление

археологического свода Таджикистана. Он много путешествовал: по Средней Азии, бывал в Иране и Европе, стажировался в Нью-Йорке. Прекрасно владел английским и немецким языками, знал персидский и таджикский, штудировал древне- и среднеиранские языки. Он читал курс по истории материальной культуры Ирана и Средней Азии для студентов Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, был звездой лектория Государственного Эрмитажа.

Научную работу В. Г. Шкода понимал как обмен мнениями, особенно неформальный, между учеными — как непосредственными коллегами-археологами, так и занимающимися близкими, соприкасающимися темами, но использующими иную методологию. Поэтому он много писал в соавторстве: с Б. И. Маршаком, В. И. Распоповой, В. А. Лившицем, А. Б. Никитиным, в последние годы — с В. Ю. Крюковой.

После смерти Б. И. Маршака в 2006 г. В. Г. Шкода один сезон был начальником экспедиции, но с 2008 г. в Пенджикент уже не ездил. Усиливавшиеся проблемы со здоровьем препятствовали экспедиционному образу жизни. В 2009 г. издательство Государственного Эрмитажа выпустило большую монографию В. Г. Шкоды «Храмы Пенджикента и проблемы религии Согда (V–VIII вв.)», ставшую итогом его многолетних археологических исследований. Книга оказалась очень востребованной научной общественностью и получила престижную премию Романа Гиршмана Французской Академии надписей и изящной словесности.

Основным результатом работы В. Г. Шкоды стало то, что он впервые, привлекая богатый свод археологических и письменных источников, на большом фактическом материале, имеющемся в распоряжении археологов, строго аргументируя каждое свое положение, показал целостную картину религии согдийцев. Блестяще зная



В. Г. Шкода и Ш. Курбанов (слева) на городище Пенджикент (2000-е гг.)

зороастрийскую религию, ритуалы и культы, он пытался найти в археологическом материале такие соответствия, которые имели бы высокую доказательную базу, или хотя бы концепция о назначении тех или иных объектов была стройной и имела обоснования. В последние годы он готовил выставку о зороастризме в Эрмитаже, нередко публиковался и выступал с интервью, в частности, в журнале зороастрийской общины Санкт-Петербурга «Митра».

Валентин Германович был очень ярким, светлым, увлекающимся человеком. Он искренне любил поэзию, дружил с поэтами и художниками, сам писал стихи и песни (особенно популярны были его едкие эпиграммы), пел, играл на гитаре, был душой компании. Имея большую склонность к сочинительству, часто придумывал всяческие небылицы из своей жизни, окутывая их неизменным романтическим флером; они составили золотой фонд эрмитажных баек.

Последние годы, когда болезни не позволяли ему часто бывать на работе в Отделе Востока, каждое его появление становилось для нас событием, о котором еще долго говорили. Кто-то назвал Валентина Германовича «самым харизматичным сотрудником Эрмитажа», и он с гордостью носил этот титул и непременно старался ему соответствовать.

Многое осталось неоконченным. Это популярная книга о зороастрийском искусстве (совместно с В. Ю. Крюковой), статьи о поздних слоях Тахти-Сангина (совместно с А. П. Керзумом), об эллинистической статуэтке из коллекции собирателя среднеазиатских древностей Пуцилло.

Свои короткие, но емкие воспоминания об А. М. Беленицком В. Г. Шкода закончил так: «Если бы люди больше занимались археологией, они бы меньше думали об атомной бомбе». Эта вроде бы простая фраза оказалась его посланием. Валентин Германович покинул этот мир, а мы продолжаем по мере сил заниматься археологией, тем самым внося посильный вклад в дело мира, которому он служил.

## ВСПОМИНАЯ ГРИГОРИЯ ЛЬВОВИЧА СЕМЕНОВА И ВАЛЕНТИНА GERMANOVICHА ШКОДУ

*Н. Ф. Саввониди (Санкт-Петербург)*

В начале лета 1980 г. после окончания первого курса кафедры археологии Исторического факультета Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова я отправился на раскопки в Таджикистан. Мой первый сезон раскопок в Пенджикетской археологической экспедиции совпал с последним появлением там Александра Марковича Беленицкого, который уже формально возглавлял работы на городище. Фактически же всем процессом научной деятельности в это время руководили Борис Ильич Маршак, представлявший Государственный Эрмитаж, и Валентина Ивановна Распопова — со стороны Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

Среди других постоянных сотрудников экспедиции были тогда еще аспиранты Отдела Востока Государственного Эрмитажа Григорий Львович Семенов и Валентин Германович Шкода. Каждый из них был поставлен на отдельный объект пенджикетского городища и работал там с оравой местных таджикских мальчишек. В. Г. Шкода раскапывал храмовые сооружения, а Г. Л. Семенов изучал городские укрепления. На одном из фортификационных объектов (IX) в подчинении у Г. Л. Семенова оказался и я.

Б. И. Маршак постоянно переходил от одного подопечного к другому, давая ценные указания и разбирая особенно сложные раскопочные головоломки. Семенов, наставляя меня, в этой связи шутил так: «Когда Борис Ильич придет, ты отойди чуть-чуть подальше от него. Он, когда говорит: “Видишь, эту прослойку?”, то размахивает тешой и может закатать тебе в лоб!» Борис Ильич действительно очень любил копать и, если что-то было непонятно в стратиграфии, не уходил с раскопа до тех пор, пока все не становилось более или менее ясным.

Итак, поставленный на объект IX, где были расположены одни из ворот города, я попал под начало Григория Семенова, которого все называли просто Гриша. Кроме чисто профессиональных моментов относительно раскопок сырцово-архитектуры, Гриша рассказывал мне разного рода байки из жизни экспедиции, которая существовала к тому времени уже более тридцати лет. Экспедиционный фольклор был очень разнообразным: анекдоты, песни, стихи.

Семенов и Шкода были совершенно разными людьми, но имели и некоторые общие черты. В чем же заключалось это сходство? Отслужив в армии примерно в одно время, каждый из них взял с собой в экспедицию солдатскую шинель, полученную при выходе на «дембель». Каждое утро, после подъема и завтрака можно было наблюдать такую картину: Григорий и Валентин, мрачные и молчаливые, вскакивали со своих раскладушек в полном обмундировании, как будто они и не раздевались на ночь, и, схватив что-нибудь со стола, взбирались на грузовик с открытым верхом, отвозивший нас на раскоп. В этом, по-видимому, они видели какой-то шарм. У них появились даже подражатели. Они оба любили покрасоваться перед публикой, им нравилось поражать воображение юных дам. Оба играли на гитаре и пели веселые песни, оба пользовались успехом у женщин и обладали очень хорошим чувством юмора.

Вместе с тем различий и в характере, и в поведении у них было гораздо больше, чем сходства. Валентин раскапывал храмовый комплекс, находившийся в центре городища, он был небольшого роста, довольно субтильным молодым человеком



Г. Л. Семенов на городище Пенджикент (1969 г.)  
[фотография из фотоархива Отдела Востока Государственного Эрмитажа]

и, как многие невысокие люди, пытался компенсировать этот недостаток разными доступными ему способами. Он был очень сдержан, но когда взрывался, слышно было всем. Иногда из его раскопа раздавался разъяренный крик, разрезавший раскаленный до 45 градусов воздух над городищем — это Валентин отчитывал нерадивого работника. Он всегда очень тщательно готовился к ежегодным отчетам по результатам раскопок. Его доклады были безупречными. Он производил впечатление очень утонченного и образованного человека. В то же время он был человеком замкнутым и не очень общительным. Характер у него был очень непростой. Погруженный в себя бородач, в бандане, которую заменял хлопчатобумажный зеленый платок местного производства, с дымящейся в зубах трубкой, Шкода походил на капитана пиратского судна перед абордажем. Только во время различных посиделок с возлияниями местного напитка под названием «Сафеди» у него иногда срывало стоп-кран, и он полностью раскрепощался. Он имел музыкальное образование, обладал сильным голосом, играл на гитаре и мог петь песни часами напролет, оглашая ночной сад археологической базы, например, вот таким словами:

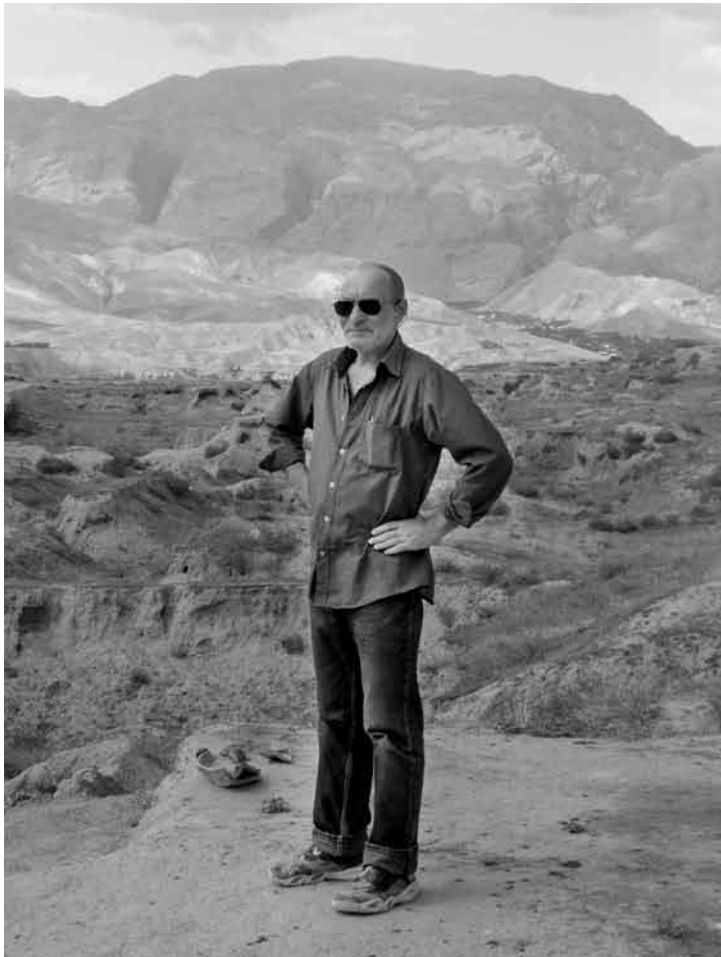
Пускай работает машина,  
У ней полным-полно бензина,  
Пускай работает Гуревич,  
Пускай работает Маршак.  
А я работать не хочу,  
И не могу, и не хочу...

Б. И. Маршак не оставался в долгу. Ему приписывали такие вот строки:

Солнышко сверкает,  
Реченька журчит,  
Вот и Шкода шкандыбает,  
И Семенов семенит...

Обязательным атрибутом каждого археологического сезона была постановка пьесы в День археолога, 15 августа, вместе с выпуском стенной газеты и последующим купанием в пруду, находившемся в центре базы. Валентин был основным автором, режиссером, композитором и музыкантом этого действа. На просмотр приглашали всех работников, трудившихся на городище. Местные мальчишки были очень благодарными зрителями, они бурно реагировали на то, что представлялось на импровизированной сцене, и на следующий день распевали песенки из увиденной ими пьесы и цитировали диалоги.

Когда я только приехал в Пенджикент, Григорий Львович провел для меня первую экскурсию по городищу. Увидев мальчика-таджика, он сказал ему по-



В. Г. Шкода на городище Пенджикент (2000-е гг.)  
[фотография из фотоархива Отдела Востока Государственного Эрмитажа]

таджикски: «Ин джо биё!» Мальчик подошел. Затем Гриша, пытаясь поразить мое воображение, начал объяснять мне значение этой фразы. «Ин» — значит «в», как во всех европейских языках, «джо» — это «место», «биё» — «приходи». Таким образом, вся фраза звучит так: «Приходи в место!», т. е.: «Иди сюда!» Я был впечатлен. Можно было подумать, что Семенов к тому времени уже овладел всеми европейскими языками.

По настоянию Б. И. Маршака, который говорил: «У нас в экспедиции все говорят по-таджикски, и Вам тоже надо изучить его», я начал изучать фарси на Восточном факультете ЛГУ, и тут выяснилось, что «ин», в отличие от «всех европейских языков», означает вовсе не предлог «в», как говорил Григорий, а указательное местоимение «это». Как мне кажется, этот небольшой эпизод очень характеризует Семенова: уверенность в себе, граничащая с некоторой самоуверенностью<sup>2</sup>. Впрочем, Григорию его излишняя уверенность не мешала быть открытым, обаятельным и простым в обращении с любым человеком. Он располагал к себе собеседника буквально с первой фразы. Эти качества очень помогали ему не только в подборе команды. Он одновременно вел несколько раскопов в разных местах городища, и везде были надежные и трудолюбивые товарищи, которые «пахали» на него не за страх, а за совесть. Вся эта команда перемещалась вместе с ним туда, где он работал.

В отличие от Шкоды, Семенов был более строптивым и самостоятельным человеком. Он не в полной мере совпадал с шутливым определением «Маршакиды», которым Валентин наделил всех учеников Бориса Ильича. Несмотря на то, что он не был лишен дипломатических способностей в отношениях с начальством, Григорий не боялся спорить с шефом и даже идти на прямую конфронтацию с ним. Как только у Семенова появилась возможность организовать свою экспедицию в Бухарском оазисе, он тут же ушел из Пенджикента, уведя с собой и свою команду раскопщиков.

Между Григорием и Валентином ощущалось скрытое соперничество, которое иногда принимало форму незлобивой пикировки. Каждый не упускал возможности чем-то уколоть другого. Например, когда Шкода жаловался Б. И. Маршаку на одного из своих работников: «Ну, Борис Ильич, если у него нет масла в голове, своего-то не нальешь!», Семенов, не раздумывая, встревал в разговор: «Тем более, когда и своего-то маловато». Шкода только и мог, что обиженно прокричать в ответ: «Семенов?!»

Конечно, в мою задачу не входило дать полную характеристику В. Г. Шкоды и Г. Л. Семенова. Это всего лишь мои субъективные и очень краткие воспоминания и впечатления о людях, с которыми я общался и работал на протяжении 12 лет. Могу сказать со всей определенностью, что они оба были целиком преданы археологии и внесли свой весомый вклад в изучение истории и культуры народов ранне-средневековой Средней Азии.

<sup>2</sup> Знание таджикского языка всеми членами экспедиции было сильным преувеличением. Ни Шкода, ни Семенов не владели им даже на разговорном уровне. Это объяснялось, видимо, тем, что в первые, послевоенные годы раскопок на городище таджикский язык был жизненно необходим приезжим археологам, поскольку русским языком местное население владело тогда постольку-поскольку. К 1980-м гг. ситуация изменилась, и почти все местные мальчишки бегло лопотали по-русски, так что языкового барьера не ощущалось. Поэтому изучать таджикский язык как бы было и не обязательно. Владение таджикским языком, между тем, давало огромные преимущества, в чем я убедился и на собственном опыте. А. М. Беленицкий, которого таджики уважительно называли «Муаллим» («Учитель»), был большим знатоком таджикского языка и литературы и общался с таджиками только на их родном языке. Б. И. Маршак блестяще владел персидским и даже переводил стихи некоторых средневековых классиков для собственного, так сказать, удовольствия, показывая мне вечерами эти тексты, но предпочитал общаться с местным населением только по-русски.



## ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ ИВАНОВИЧА КЫЧАНОВА (22.06.1932 — 24.05.2013)<sup>1</sup>

*И. Ф. Попова* (Санкт-Петербург)

Выдающийся историк-востоковед, тангутовед, историк государственности, права, этногенеза и письменного наследия народов Китая и Центральной Азии Евгений Иванович Кычанов ушел из жизни 24 мая 2013 г.

Е. И. Кычанов родился 22 июня 1932 г. в небольшом городе Сарапуле в Удмуртии, в семье Кычанова Ивана Кузьмича, инженера-землеустроителя, и Кычановой (Зылёвой) Галины Павловны, воспитателя детского сада. В 1950 г., окончив мужскую среднюю школу № 16 родного города, Е. И. Кычанов поступил на Восточный факультет Ленинградского государственного университета, избрав своей специальностью историю Китая. Учился он легко и с удовольствием, был одним из самых блестящих студентов не только Факультета, но и всего Университета, и весной 1955 г. был рекомендован в аспирантуру Сектора восточных рукописей Института востоковедения АН СССР. Сдав успешно конкурсные вступительные экзамены по специальности «Тангутоведение», он 1 ноября 1955 г. стал аспирантом ИВАН СССР.

В истории Института востоковедения 1950-е гг. были периодом активной реорганизации. На аспирантские годы Е. И. Кычанова приходится важный этап преобразования Сектора восточных рукописей переведенного в Москву Института востоковедения в Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук СССР. Для ЛОИВАН был разработан план мероприятий, направленных на улучшение хранения, реставрации, технической и научной обработки рукописного собрания, но Евгений Иванович работал в то время только с опубликованными

---

<sup>1</sup> Все воспроизведенные в этой статье фотографии — из личного фотоархива И. Ф. Поповой.

источниками на китайском языке. Как он вспоминал позже, после реабилитации Н. А. Невского в 1957 г. ходили слухи, что он жив и скоро вернется, а затем в связи с подготовкой к изданию его трудов З. И. Горбачевой (научным руководителем Е. И. Кычанова) тангутский рукописный фонд и архив Н. А. Невского, возвращенный из ГПУ в 1938 г., были закрыты для пользователей.

К осени 1958 г. Е. И. Кычанов подготовил текст кандидатской диссертации «Государство Си-Ся (982–1227)». Эту работу он блестяще защитил 30 июня 1960 г. на Восточном факультете ЛГУ. Диссертация стала первой в мировой науке специальной работой, посвященной истории тангутского государства — все более ранние публикации по тангутоведению были посвящены исследованию языка и письменности.

1 декабря 1958 г. Евгений Иванович был зачислен в ЛОИВАН на должность младшего научного сотрудника. Тогда же по заданию дирекции он стал выполнять научно-техническую работу в рукописном фонде Института. Первым данным ему поручением был разбор тибетского фонда, которое он выполнял вместе с М. И. Воробьевой-Десятовской.

К разбору тангутского фонда Е. И. Кычанов приступил осенью 1959 г. Эта работа была нацелена на завершение начатой А. И. Ивановым и Н. А. Невским полной инвентаризации коллекции из Хара-Хото. Усилиями предшественников Евгений Иванович в инвентарные книги было внесено около половины фонда. Через год с небольшим, аттестуя Е. И. Кычанова в должности младшего научного сотрудника, заведующий Дальневосточным кабинетом В. М. Штейн (1890–1964) написал: «Кычанов ведет большую, можно сказать, «черную работу», на какую не всякий из молодых людей согласится, разбирает и шифрует тангутский фонд, продолжая тем самым линию, начатую в свое время Н. А. Невским». Результатом работы по первичной инвентаризации фонда стала публикация составленного совместно с З. И. Горбачевой краткого аннотированного каталога «Тангутские рукописи и ксилографы» (М., 1963). Этот каталог подытожил результаты 50-летней работы с фондом, при этом Е. И. Кычанов внес в него описание 4242 единиц хранения — более половины всех оцифрованных сочинений.

Во время Всемирного конгресса востоковедов, проходившего в Москве летом 1960 г., Евгений Иванович находился в Ленинграде и в числе группы молодых сотрудников давал пояснения гостям по выставке рукописей, временно развернутой в Зеленом зале Института. Среди востоковедов, посетивших ЛОИВАН, был сэр Жерар Клосон, который подробно осмотрел тангутские рукописи и заинтересованно побеседовал с Е. И. Кычановым о перспективах его работы. Спустя несколько лет в 1964 г. Клосон опубликовал статью «Будущее тангутоведения», в которой как представитель «более раннего и менее научного этапа» развития этой отрасли суммировал собственный опыт работы, чтобы передать его в распоряжение «нового и энергичного поколения молодых исследователей»<sup>2</sup>.

В 1962 г. вместе с М. В. Софроновым Евгений Иванович приступил к дешифровке тангутских фонетических таблиц; итоги их работы были опубликованы в совместном «Исследовании по фонетике тангутского языка (предварительные результаты)» (М., 1963). Монография наметила методику, с помощью которой стало возможным определять чтение знаков в фонетических словарях тангутского языка. В 1963 г. Е. И. Кычанов подготовил еще одну работу «Звучат лишь письмена» (М., 1965), предназначенную для широкого круга читателей. В этой небольшой книге, представляющей серию очерков по истории тангутоведения, раскрылся его прекрасный литературно-повествовательный дар.

<sup>2</sup> *Clauson G. The Future of Tangut (Hsi Hsia) Studies // AMj. NS. Vol. XI/1. P. 77.*





С. Г. Кляшторный (слева) и Е. И. Кычанов (начало 1980-х гг.)

Организаторские способности Е. И. Кычанова также были сразу отмечены и использованы руководством Института: после зачисления на работу он в течение двух лет выполнял обязанности ученого секретаря Дальневосточного кабинета ЛОИВАН, а в 1964 г. был избран председателем профсоюзного или, как тогда говорили, местного комитета. В январе 1963 г. в составе Дальневосточного кабинета под руководством Е. И. Кычанова была организована тангутская группа. Работа вошедших в ее состав сотрудников распределялась следующим образом: В. С. Колоколову поручалась работа с переведенными с китайского языка памятниками китайской классики, К. Б. Кепинг — работа с неканоническими переводными сочинениями, а также изучение грамматики тангутского языка, А. П. Терентьев-Катанский должен был изучать книжную культуру тангутов. Евгений Иванович приступил к исследованию оригинальных тангутских сочинений, в частности, к переводу сборника пословиц XII в. «Вновь собранные драгоценные парные изречения». Факсимиле, перевод и исследование этого памятника были опубликованы им в 1974 г.<sup>3</sup>

С марта по июль 1964 г. Е. И. Кычанов находился в Пекине в Высшей подготовительной школе для иностранных студентов, оказавшись одним из последних стажеров, отправленных из Советского Союза в Китай по обмену накануне длительного периода охлаждения отношений между нашими государствами. По его собственному признанию, тема, связанная с изучением народа, обитавшего в древности на территории КНР, не встретила энтузиазма руководителей стажировки с китайской стороны, поэтому формально ему не был предоставлен научный руководитель, и его пребывание в Китае имело целью лишь усовершенствование в языке.

С мая 1965 г. Евгений Иванович работал в ЛОИВАН в должности старшего научного сотрудника, а в июне 1965 г. заведующий ЛОИВАН Ю. А. Петросян пригласил его на должность своего заместителя по науке. На этом посту Е. И. Кычанов оставался до 1 января 1997 г.

<sup>3</sup> Вновь собранные драгоценные парные изречения. Факсимиле ксилографа / Изд. текста, пер. с тангутского, вступ. статья и коммент. Е. И. Кычанова. М., 1974 (Памятники письменности Востока. XL).



Е. И. Кычанов и М. И. Воробьева-Десятковская на конференции по дунхуановедению в Институте восточных рукописей РАН (сентябрь 2009 г.)

В 1966 г. совместно с В. С. Колоколовым Евгений Иванович публикует факсимиле тангутских переводов китайских классических произведений «Лунь юй», «Мэн-цзы» и «Сяо цзин» из коллекции ИВАН<sup>4</sup>. Важной частью этой работы стал тангутско-китайский словарь на 1350 знаков, встречающихся в публикуемых текстах. Многие из этих знаков не вошли в словарь Н. А. Невского и были отождествлены впервые.

В 1968 г. выходит в свет одна из основных работ Е. И. Кычанова, «Очерк истории тангутского государства», которую он в 1970 г. защитил в качестве докторской диссертации. Этот труд впервые в мировой науке представил историю народа тангутов с момента зарождения до трагической гибели в 1227 г. Подробное освещение получили вопросы этногенеза, становления и упрочения государства Западное Ся, его политической, экономической и военной истории, а также особенностей самобытной культуры, религии и письменности тангутов. В книге было показано, что Западное Ся играло важную политическую роль в Центральной Азии и на протяжении двух с половиной веков было одним из трех наиболее могущественных государств Дальнего Востока наряду с Сунским Китаем и киданьским Ляо.

В том же 1969 г. Евгений Иванович приступил к работе над темой «Памятники тангутского законодательства», поставив целью перевести «Измененный и заново утвержденный свод законов девиза царствования Небесное процветание (1149–1168)». Работа над этим уникальным и объемным (20 глав, 1460 статей)

<sup>4</sup> Китайская классика в тангутском переводе (Лунь юй, Мэн цзы, Сяо цзин). Факсимиле текстов / Предисл., словарь и указат. В. С. Колоколова и Е. И. Кычанова. М., 1966 (Памятники письменности Востока. IV).

памятником дальневосточного права продолжалась почти 20 лет и завершилась фундаментальной 4-томной публикацией в 1987–1989 гг. в серии «Памятники письменности Востока»<sup>5</sup>. Этот труд сразу же привлек внимание специалистов, был частично опубликован в Китае в 1987 г.<sup>6</sup>, а в 1997 г. удостоен Премии РАН имени С. Ф. Ольденбурга.

Исследование тангутского кодекса привело Е. И. Кычанова к занятию средневековым китайским правом. В России, если не считать публикаций Алексея Леонтьева конца XVIII в., традиционным китайским правом почти не занимались. Итогом работы Евгения Ивановича по изучению законодательства династий Тан и Сун стала монография «Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.)» (М., 1986), которая впервые в систематическом и полном виде представила основные положения традиционного права Китая. Эта справочное издание не имеет пока аналогов в мировом китаеведении.

Занимаясь историей этногенеза тангутов и их судьбой после монгольского завоевания, Е. И. Кычанов стал интересоваться этнической и политической историей сопредельных с ними народов — киданей, чжурчжэней, ойратов, монголов. Наиболее ярким результатом его исследований в этом направлении в 1970-е — 1980-е гг. стала серия научно-популярных работ, представивших исторические портреты правителей кочевого мира: «Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир» (М., 1973), «Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане» (Новосибирск, 1980), «Абахай» (Новосибирск, 1986) и др. Позже биография Чингисхана вышла в переводе на монгольский язык (2000 г.), а биография Галдана на русском языке была переиздана в столице Калмыкии Элисте (1999).

Непосредственные личные контакты Евгения Ивановича с китайскими тангутоведами установились лишь зимой 1987 г., когда в Ленинград прибыли занимающие сейчас лидирующее положение в китайском тангутоведении профессор Ли Фаньвэнь и профессор Ши Цзинь-бо. Им было известно о его работах, часть которых была даже переведена в 1978 г. на китайский язык. А в 1989 г. Е. И. Кычанов впервые после долгого перерыва посетил Китай.

Именно в этот период Академия общественных наук КНР обратилась к руководству АН СССР с предложением полностью издать факсимиле рукописные материалы из Дуньхуана и Хара-Хото, хранящиеся в ЛОИВАН. Предложение было встречено согласием, что положило начало многолетнему сотрудничеству. Результатом стало издание 14 томов памятников тангутской письменности. Публикация коллекции из Хара-Хото сразу же дала мощный импульс развитию тангутоведения во всем мире, в первую очередь в Китае.

В 1990-е — 2000-е гг. выходят крупные обобщающие работы Е. И. Кычанова, над которыми он трудился многие годы. В 1997 г. была издана монография «Кочевые государства от гуннов до маньчжуров» (М.), содержащая анализ процессов становления государственности у кочевых народов Центральной Азии<sup>7</sup>. В 1999 г. в издании Университета Киото выходит «Каталог тангутских буддийских памятников

<sup>5</sup> Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169). В 4-х кн. М., 1987–1989 (Памятники письменности Востока. LXXXI/1–4).

<sup>6</sup> Си Ся фа дянь — Тянь-шэнь чжэнь гай цзю дин синь люйлин (ди 1–7 чжан) [Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (главы 1–7)] 西夏法典 — 天盛爭改舊定新律令 / Пер. на русск. яз. Е. И. Кычанова 克恰諾夫俄譯. Пер. на кит. яз. Ли Чжун-сяня 李仲三漢譯, ред. перевода Ло Мао-кунь 羅矛昆校訂. Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ 銀川: 寧夏人民出版社, 1988.

<sup>7</sup> Переиздана в 2010 г. как: История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2010.



Е. И. Кычанов в библиотеке родного ему Института восточных рукописей РАН (2011 г.)

Института востоковедения Российской Академии наук»<sup>8</sup>. На выявление и отождествление буддийских сочинений из Хара-Хото Евгению Ивановичу понадобилось более 30 лет. В 2006 г. была опубликована выдающаяся работа, которая стала итогом более чем 40-летнего труда Е. И. Кычанова, — «Тангутско-китайско-русско-английский словарь». Словарь стал итогом, обобщившим достижения мировой науки по дешифровке тангутской письменности за всю историю ее развития, и не имеет аналогов<sup>9</sup>. В 2008 г. в издательстве Факультета филологии и искусств СПбГУ вышел сборник статей Евгения Ивановича «История тангутского государства», объединивший более 50 статей по истории, праву, военному делу и культуре Си Ся.

Помимо трудов общего характера, Е. И. Кычанов продолжил публикацию исследований и переводов памятников тангутской письменности, имеющих непреходящее значение для изучения истории и культуры дальневосточного региона. В 2000 г. выходит исследование апокрифического сочинения «Запись у алтаря о примирении Конфуция», представляющего собой редкий сохранившийся пример дискуссии даосов с конфуцианцами в период «ста школ» или сразу после него<sup>10</sup>.

Евгений Иванович писал все свои работы, выполняя большую научно-организационную работу в Институте. Находясь в должности заместителя директора

<sup>8</sup> Каталог тангутских буддийских памятников Института востоковедения Российской Академии наук / Сост. Е. И. Кычанов; вступ. статья Т. Нисида; изд. подгот. С. Аракава. Киото, 1999.

<sup>9</sup> Словарь тангутского (Си Ся) языка. Тангутско-русско-англо-китайский словарь / Сост. Е. И. Кычанов; со-составитель С. Аракава. Киото, 2006.

<sup>10</sup> Запись у алтаря о примирении Конфуция. Факсимиле рукописи / Изд. текста, пер. с тангутского, вступ. статья, коммент. и словарь Е. И. Кычанова. М., 2000.

по науке ЛОИВАН, он с 1978 г. заведовал также Сектором Дальнего Востока, а после его реорганизации в 1983 г. — Сектором историографии и источниковедения Китая и Центральной Азии. В непростое время с 1997 по 2003 гг. он был директором Санкт-Петербургского филиала ИВРАН. Он состоял членом многих редколлегий, ученых и диссертационных советов, был удостоен звания почетного профессора целого ряда зарубежных университетов. При этом Е. И. Кычанов подготовил десятки учеников — аспирантов ЛО (СПбФ) ИВАН и студентов Восточного факультета СПбГУ. В 1986 г. ему было присуждено ученое звание профессора.

До последних дней своей жизни, пока болезнь не ослабила его, Евгений Иванович неустанно трудился на благо науки. Он готовил к изданию документы из Хара-Хото, вместе с К. М. Богдановым занимался инвентаризацией тангутского фонда, которая была направлена на то, чтобы учесть всю совокупность достижений по определению и соединению памятников тангутского письма.

Евгений Иванович Кычанов был выдающимся человеком, обладавшим редким врожденным талантом к исследовательскому труду. Связав свою научную судьбу с тангутоведением, он вписал одну из самых ярких страниц в историю этой сложнейшей дисциплины, составляющей гордость отечественного востоковедения.

## ПАМЯТИ ЕЛЕНА ЕФИМОВНЫ КУЗЬМИНОЙ (13.04.1931 — 17.10.2013)

*В. А. Алёкин (Санкт-Петербург)*

Елена Ефимовна Кузьмина вошла в историю отечественной науки как специалист по древним культурам степной зоны Евразии бронзового и железного веков. Впервые я увидел ее в 1974 г. во время моей командировки в Москву для работы в архиве Института археологии АН СССР. Знакомство же наше произошло спустя восемь лет, в конце октября 1982 г. на советско-французском симпозиуме «Древнейшие культуры Бактрии (среда, развитие, связи)», который проходил в Душанбе. Должен сказать, что Елена Ефимовна всегда приветливо относилась к молодым коллегам из северной столицы. На мой взгляд, она была самым ленинградско-петербургским археологом из всех московских исследователей, что объясняется ее давними связями с учеными из ЛОИИМК/ЛОИА АН СССР (ныне — ИИМК РАН).

В начале 1950-х гг. Е. Е. Кузьмина проходила археологическую практику в составе Кафирниганского отряда Таджикской экспедиции ЛОИИМК АН СССР, которым руководил д. и. н. М. М. Дьяконов. В конце 1953 г. он был избран по конкурсу профессором МГУ и стал научным руководителем аспирантки Елены Ефимовны, которая получила этот статус в 1954 г. после окончания МГУ. Работа на юге Центральной Азии предопределила ее интерес к прошлому этого региона и она начала специализироваться в области первобытной археологии. После безвременной кончины М. М. Дьяконова в 1954 г. руководителем молодой аспирантки назначили заведующего Сектором Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР (ныне — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН), д. и. н. М. П. Грязнова, специалиста в области археологии евразийских степей. Под его влиянием и, видимо, с учетом корректировки своих научных интересов Е. Е. Кузьмина, переехав в Ленинград, стала углубленно изучать археологические памятники степных племен Евразии и культурные контакты последних с населением древнеземледельческих оазисов Средней Азии.



Е. Е. Кузьмина в экспедиции в Таджикистане (1952 г.)

[URL: <http://polit.ru/article/2013/11/09/kuzmina/> (дата обращения: 25.10.2015)]

Елену Ефимовну хорошо приняли в Секторе, и она на три года вошла в круг ленинградской археологии, подготавливая кандидатскую диссертацию в постоянном общении с такими известными учеными, как А. Н. Бернштам, Б. Б. Пиотровский, А. М. Мандельштам, В. М. Массон, И. Н. Хлопин и Ю. А. Заднепровский. В эти же годы у нее пробудился интерес и к древним индоиранским языкам (авестийскому и санскриту), которые она начала изучать у С. Н. Соколова, преподавателя Восточного факультета ЛГУ.

После завершения аспирантуры Е. Е. Кузьмина вернулась в Москву и стала работать в Институте археологии АН СССР, но связи с ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН никогда не прерывала. Многократно приезжая в Ленинград/Санкт-Петербург для работы в богатейшей библиотеке Института или для участия в конференциях, она всегда приходила в Отдел на правах его старого члена и встречала здесь радужный прием.

О Елене Ефимовне без ложного пафоса можно сказать, что она была беззаветно предана идеалам археологии. Свои научные способности она реализовала в четырех тематических направлениях, что под силу только талантливому человеку. Ее творческое наследие обширно и глубоко, и последующие поколения археологов будут не раз обращаться к фундаментальным работам исследовательницы.

Е. Е. Кузьмина вступила на археологическое поприще в начале 1950-х гг., с которых начинается отсчет блестящей сорокалетней эпохи полевых изысканий в Центральной Азии и Казахстане, проводившихся здесь многочисленными экспедициями из Москвы, Ленинграда и Академий союзных республик и сопровождавшихся открытиями ученых из различных научных школ новых археологических культур и памятников. Этот оборвавшийся в 1991 г. период, составивший славу отечественной науке о древностях Центральной Азии и Казахстана, вместил в себя

и пору первоначального накопления археологических источников, и работу по их интерпретации. Елена Ефимовна полностью использовала потенциал той славной эпохи, работая в археологических экспедициях в Киргизии, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане и Казахстане.

Ее первый сводный труд, посвященный металлообработке Центральной Азии (Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. М., 1966), до сих пор сохраняет свое значение и как сводка материала, и как аналитическое исследование одной из ремесленных отраслей эпохи первобытности в рассматриваемом регионе. Интерес к металлическим изделиям как средству датирования замкнутых комплексов и археологических культур сохранился у Е. Е. Кузьминой на протяжении всей ее творческой жизни. Отсюда пролегает мостик к следующему тематическому направлению, разрабатывая который она сделала важный вклад в науку. Речь идет об исследовании памятников андроновской культурной общности.

Елена Ефимовна создала оригинальную периодизацию древностей этой общности, основываясь на изучении погребально-обрядового и керамического производства входивших в ее состав пастушеских племен. Итоги своих изысканий она опубликовала в монографии «Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности» (Актобе, 2008). Эта книга имела трудную судьбу. Рекомендованная к печати еще в 1982 г. она, в силу ряда обстоятельств, изложенных в предисловии к монографии, увидела свет спустя 26 лет после своего написания. История выхода этой книги в свет высвечивает еще одну существенную черту характера Е. Е. Кузьминой — целеустремленность, способность преодолевать удары судьбы и, в конце концов, решать поставленные задачи.

Исследовательница стремилась придать «этническую» окраску столь любезной ее сердцу андроновской общности. Этот подход Елены Ефимовны характерен для двух других ее обобщающих монографий — «Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев» (М., 1994) и «Арии — путь на юг» (М., 2008). Однако, помещая андроновские памятники в контекст этногенеза конкретных древних народов, она оставалась прежде всего археологом, для которого на первом месте стоит анализ вещевых находок.

Высокую оценку специалистов получили и два других цикла работ Е. Е. Кузьминой. Один из них посвящен происхождению и развитию колесного транспорта, а другой — изучению семантики искусства древних иранских народов (скифов и бактрийцев). Публикации по тематике второго направления были обобщены в книге «Мифология и искусство скифов и бактрийцев (культурологические очерки)» (М., 2002), вышедшей вторым, дополненным, изданием (Искусство и мифы бактрийцев и скифов: в стране Кавата и Афрасиаба М., 2010).



Е. Е. Кузьмина в Санкт-Петербурге в 2010 г. (фотография Н. В. Назаровой) [URL: <http://polit.ru/article/2013/11/09/kuzmina/> (дата обращения: 25.10.2015)]



Высокую работоспособность Елена Ефимовна сохраняла в течение многих лет. Моя последняя с ней встреча произошла на III Всероссийском археологическом съезде в конце октября 2011 г. в Старой Руссе, где на секции «Эпоха бронзы Евразии» она сделала доклад о происхождении индоевропейцев.

В своих книгах и многочисленных статьях Е. Е. Кузьмина высказала много идей, основанных на изучении широкого круга древностей, которые были найдены на обширных пространствах Евразии от Китая до Рима и от Урала до Индии. Результаты ее работ, несомненно, будут стимулировать творческие поиски новых поколений исследователей.

Научные заслуги Елены Ефимовны были по достоинству оценены на Родине и за рубежом. Она являлась членом-корреспондентом Германского археологического института (1982), была удостоена звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (2002), стала лауреатом Международной премии Исламской Республики Иран «Книга года» (2009) и была награждена российским орденом Дружбы (2012).

Конечно, не все ее выводы можно принять безоговорочно. Некоторые археологические новации (такие, как, например, слишком ранние, по ее мнению, радиоуглеродные даты для синташтинской и петровской культур андроновской общности) она не смогла принять. Но это нисколько не умаляет достоинств Е. Е. Кузьминой, которая осталась в моей памяти многогранным человеком, интеллектуалом самого высокого уровня, интересным собеседником, блестящим оппонентом, добрым и отзывчивым человеком.

Некоторые скажут, что она бывала и другой. Иные не согласятся с предложенными ею концепциями. Те и другие вольны иметь свою точку зрения. Однако при всех перипетиях нашей научной жизни нужно понимать, что все мы играем на одной шахматной доске, которая называется археология, где все мы — члены одной команды, и в этой команде, следует признать, Елена Ефимовна Кузьмина являлась одним из ключевых игроков. Какую же лучшую судьбу можно пожелать исследователю?



## ПАМЯТИ ЕЛЕНА АБРАМОВНЫ ДАВИДОВИЧ (24.12.1922 — 05.12.2013)

*В. Н. Настич (Москва)*

5 декабря 2013 г. не стало Елены Абрамовны Давидович — крупнейшего специалиста по истории, археологии, источниковедению и нумизматике Средней Азии эпохи средневековья и нового времени, доктора исторических наук, профессора, главного научного сотрудника Отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН.

Елена Абрамовна родилась 24 декабря 1922 г. в Красноярске. В 1945 г. она окончила Исторический факультет Среднеазиатского государственного университета (САГУ) в Ташкенте по кафедре археологии Средней Азии. Свою трудовую деятельность Е. А. Давидович начала с преподавания на Историческом факультете САГУ (1946–1952), защитив в 1950 г. кандидатскую диссертацию на тему «К денежному обращению в государстве Шейбанидов (XVI в.)». В Ташкенте она познакомилась с другим будущим выдающимся археологом — Борисом Анатольевичем Литвинским — и вышла за него замуж. Их совместная счастливая супружеская жизнь продолжалась без малого семь (!) десятилетий.

Так уж получилось, что Елене Абрамовне и Борису Анатольевичу пришлось уехать из Ташкента в Душанбе, где они с 1951 по 1972 г. работали в Институте истории АН Таджикской ССР, принимая самое активное участие в организации научных направлений работы Сектора археологии и нумизматики. Е. А. Давидович возглавляла археологические отряды, которые сделали важные открытия в области древней истории и культуры таджикского народа. Под ее руководством была собрана одна из ценнейших в Средней Азии коллекций кладов восточных монет, что позволило впоследствии организовать нумизматический кабинет в упомянутом выше Институте. В 1965 г. Елена Абрамовна становится доктором исторических наук, защитив диссертацию на тему «Нумизматические данные



Е. А. Давидович в молодости  
[фотография из личного фотоархива  
П. Н. Петрова]

по социально-экономической и политической истории Средней Азии X–XVIII вв.». В 1966–1971 гг., наряду с исследовательской работой, она преподавала на Историческом факультете Таджикского государственного университета. Ее плодотворная педагогическая деятельность была по достоинству оценена в 1969 г., когда ей было присвоено звание профессора.

С 1972 по 1988 г. Елена Абрамовна работала в Институте востоковедения АН СССР в Москве в должности заведующего организованным ею же Сектором исторических источников Отдела памятников письменности народов Востока, а с 1988 г. — в должности главного научного сотрудника.

Благодаря ее непрерываемому авторитету и организаторскому и педагогическому таланту в Секторе сложился и поныне активно действует высокопрофессиональный и сплоченный творческий коллектив — подлинная историко-педагогическая школа самого высокого научного уровня. Под ее руководством выросли многочисленные кандидаты и доктора наук, специалисты в самых разных областях исторического источниковедения. Десятки ее учеников успешно работают в различных научных учреждениях России, ближнего и дальнего зарубежья, представляя цвет научной интеллигенции своих стран.

В 1973 г. Е. А. Давидович организовала и на протяжении 20 лет руководила «Бартольдскими чтениями» — всесоюзным и всероссийским форумом историков мусульманского Востока. Она также была инициатором и бессменным ответственным редактором серии «Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины» (с 1989 по 2004 г. вышли 6 выпусков), заместителем ответственного редактора журнала «Эпиграфика Востока», ответственным и научным редактором более 30 сборников и монографий, иностранным членом-корреспондентом Американского Нумизматического Общества (с 1989 г.), членом редколлегий ежегодника «Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования» и одного из ведущих международных востоковедческих журналов «Central Asiatic Journal» (Висбаден, Германия), участником международного проекта «История цивилизаций Центральной Азии» под патронажем ЮНЕСКО (Париж, Франция).

Елена Абрамовна написала и опубликовала 9 монографий, в том числе такие фундаментальные, как «История монетного дела Средней Азии XVII–XVIII вв. (Золотые и серебряные монеты Джанидидов)» (Душанбе, 1964), «Денежное хозяйство Средней Азии в XIII веке» (М., 1972), «История денежного обращения средневековой Средней Азии (Медные монеты XV — первой четверти XVI в. в Мавераннахре)» (М., 1983), «Корпус золотых и серебряных монет Шейбанидидов XVI в.» (М., 1992) и др. Ее перу также принадлежат более 200 статей на пяти языках по различным вопросам истории Центральной Азии VIII–XVIII вв. Работы Е. А. Да-



Супруги Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович в молодые годы [по: Центральная Азия: источники, история, культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию доктора исторических наук Е. А. Давидович и действительного члена Академии наук Таджикистана, академика РАЕН, доктора исторических наук Б. А. Литвинского (Москва, 3–5 апреля 2003 г.). М., 2005. Фронтиспис]

видович охватывают исключительно большой круг проблем источниковедения и текстологии, экономической и социальной истории, археологии, нумизматики, эпиграфики, дипломатики, метрологии, истории материальной культуры Средней Азии. Главным направлением ее научной деятельности была нумизматика, причем хронологический диапазон ее исследований по данной тематике необыкновенно широк: от классификации монет кушанца Герая II–I вв. до н. э. до детального исследования монетного дела «мусульманской» Средней Азии (IX–XIX вв.), включая эпохи Саманидов, Караханидов, Ануштегинидов, Чингизидов, Чагатаидов, Тимуридов, Шейбанидов, Джанидов и Мангытов. Впрочем, помимо нумизматики, внимание Елены Абрамовны всегда привлекали и восточные (арабские, персидские и тюркские) рукописные источники и акты документы. В ходе скрупулезного анализа текстов ею было обнаружено много ошибок средневековых авторов и переписчиков, не замеченных авторами публикаций и исследователями, внесены и убедительно аргументированы многочисленные конъектуры, оригинальные и интересные своей неожиданной трактовкой.

Публикации Е. А. Давидович насыщены не только новыми материалами, но и новаторскими концепциями и идеями, их отличает блестящий, тонкий и глубокий анализ, смелость в постановке проблем, глубина и комплексность научного исследования, точность и емкость формулировок, фундаментальность выводов, сделанных на основе проработки огромного по объему и беспримерного по сложности фактического материала. Ею разработан и введен в научный оборот целый ряд принципиально новых методов изучения памятников нумизматики и нарративных источников. Все это принесло Елене Абрамовне широкую известность как среди коллег из республик бывшего Советского Союза, так и среди востоковедов всего мира. Известны случаи, когда зарубежные нумизматы специально изучали русский язык, чтобы прочесть в подлиннике ее публикации.



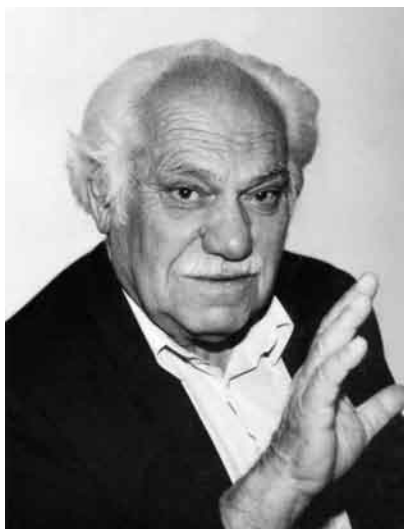
Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский во время приема гостей в домашней обстановке (2009 г.) [фотография из личного фотоархива Т. К. Мкртычева]

Научная и организаторская деятельность Елены Абрамовны была по достоинству отмечена государственными и общественными организациями: в апреле 1998 г. указом Президента Республики Таджикистан ей присвоено звание «Почетный деятель науки и техники Таджикистана», а 1 октября 2005 г. она была избрана действительным членом Народной Академии науки, культуры и искусства Центральной Азии.

Елена Абрамовна щедро делилась своими знаниями и оказывала помощь в написании диссертаций, книг и просто научных статей очень и очень многим коллегам. Она была терпеливым, но одновременно строгим наставником, не принимая работ, которые «не требуют добросовестного и кропотливого изучения источников и литературы и предполагают дозволенность произвольных и фантастических построений». Ее научное наследие велико и еще до конца по достоинству не оценено. До последних дней она работала над рукописью трехтомной обзорной монографии «Нумизматика для истории» (к огромному сожалению, так и оставшейся незавершенной) и ретроспективным сборником своих избранных статей, переведенных на английский язык и включающих основные результаты ее многолетнего исследовательского труда.

Елена Абрамовна прожила очень долгую, непростую, но в целом очень счастливую жизнь. Всегда — и в горе, и в радости — она была рядом с любимым и любящим мужем, близким другом и коллегой — Борисом Анатольевичем Литвинским. Все, кто бывали в их квартире на Вешняковской улице в Москве, никогда не забудут тепло и душевную щедрость их гостеприимства, огромную радость общения с этими замечательными людьми. И как безмерно жаль, что такие встречи больше уже не повторятся...

Коллеги, друзья, ученики навсегда сохраняют о Елене Абрамовне Давидович почтительную, добрую и благодарную память.



## **БЛИСТАТЕЛЬНАЯ МАРГИАНА ПАМЯТИ ВИКТОРА ИВАНОВИЧА САРИАНИДИ (23.09.1929 — 22.12.2013)**

*Н. А. Дубова (Москва)*

Заголовок этой статьи выбрано не случайно. «Блистательная Маргиана» — это то название, которое Виктор Иванович дал своей книге. Увы, он так и не успел дописать ее. Сделав в своей жизни два всемирно известных археологических открытия — высокохудожественного кушанского золота из Тиллятепе в Южной Бактрии (Северном Афганистане) и нового центра древневосточной цивилизации в Юго-Западном Туркменистане, — он до самых последних дней трудился, пытаясь оставить потомкам как можно больше своих наблюдений, осмыслений находок, результатов сопоставления материалов разных наук, дабы они не тратили времени на повторение уже известного, а шли вперед. И именно эта книга мыслилась им как подведение общих итогов исследований с изложением логики его поисков и презентацией важнейших достижений.

Биография Виктора Ивановича опубликована неоднократно [Литвинский 2004; Дубова 2014а; 2014б; Voroffka 2014; Dubova 2014]. Повторю здесь лишь то, что он был старшим ребенком, единственным сыном в семье (и поныне здравствуют две его сестры — Инна и Марианна), родившимся 29 сентября 1929 г. в семье греков-понтийцев, которые приехали в конце 1920-х гг. в Ташкент в поисках стабильной жизни и работы.

Поиски Виктором Ивановичем страны Моуру-Маргуш-Маргианы уходят, видимо, в начало 1950-х гг., когда юный исследователь, окончивший в 1949 г. Среднеазиатский государственный университет и уже не раз побывавший на раскопках — как обсерватории Улугбека в Самарканде, так и других археологических памятников в составе различных отрядах ЮТАКЭ, работая в библиотеках, начал сопоставлять между собой артефакты, происходящие из разных областей Туркменистана

и удаленных друг от друга областей и стран — Малой Азии, дорогой его сердцу Греции, а также Ирана, Афганистана, Пакистана и Индии. Его особо интересовали результаты раскопок в древней дельте р. Мургаб — на Яз-депе и Тахирбае. Но тогда ни он, ни его сподвижник В. М. Массон еще не подозревали, что эти памятники — лишь самые поздние в череде нескольких сотен поселений эпохи бронзы и частично раннего железного века, возникших на протоках в то далекое время полноводной реки. Не имея в 1950-х гг. постоянной работы, и поэтому вынужденный работать во всех доступных ему экспедициях, в том числе на парфянской Нисе, Мешед-Мисриане, в Древнем Мерве и на других памятниках, Виктор Иванович лишь в 1956–1959 гг. получает возможность самостоятельно руководить раскопками неолитического поселения Геоксюр. Выполнив с честью эту работу в содружестве с молодыми тогда антропологом В. П. Алексеевым и археологом П. М. Кожиным [Сарианиди 1960]<sup>1</sup>, он, однако (как, добавим попутно, и В. П. Алексеев в отношении палеоантропологического материала), не получил возможности опубликовать монографию о работах на этом памятнике, хотя и защитил по его материалам кандидатскую диссертацию [Сарианиди 1963]. Подготовленная им тогда рукопись книги о Геоксуре, включающая схемы, иллюстрации и карты, хранится сейчас в его домашнем архиве.

В 1960-е гг. В. И. Сарианиди в составе разных отрядов ЮТАКЭ продолжает исследования таких памятников, как Намазга-депе, Хапуз-депе, Кара-депе, Алтын-депе, Улуг-депе, Монжуклы-депе и ряд других, лишь на время обратив свое внимание на бамутские курганы в Чечне, которые, однако, не вызвали у него живого интереса, так как археология Южного Туркменистана и близлежащих территорий занимала все его внимание.

Богатейшую информацию для понимания культурных процессов, протекавших на территории Южной Евразии, он почерпнул при работе Советско-Афганской экспедиции (1969–1979 гг.), главной задачей которой было составление археологической карты Северного Афганистана [Сарианиди 1976б; Кругликова, Сарианиди 1971; 1976]. Многие выдающиеся научные достижения этой экспедиции затмила находка в 1978–1979 гг. шести кушанских аристократических погребений, потрясших своей роскошью не только археологов [Сарианиди 1979; 1989; Sarianidi 1985]. Кроме собственно богатства, эти элитные погребения впервые дали возможность судить о культуре оставившего их народа, показали ее синкретичность, дали материал для реконструкции одежды и погребального обряда, продемонстрировали высокий уровень развития ювелирного и прикладного искусства. К сожалению, их подробное научное изучение еще не проведено.

Возглавляя вместе с И. Т. Кругликовой Советско-Афганскую экспедицию, в том числе отряды, занимавшиеся разведкой и раскопками памятников эпохи бронзы, работая затем в музеях и библиотеках, Виктор Иванович обратил внимание на сходство монументальной архитектуры, форм керамических и бронзовых изделий, каменных артефактов, «повествовательных» сюжетов на печатях и амулетах, а также выявленных особенностей религиозных верований и обрядов на археологических памятниках, разбросанных на обширнейшей территории от Месопотамии и даже Греции на западе до Памира на востоке, от иранского Кермана на юге до Заравшана на севере. Поэтому уже в 1974 г. он формулирует идею о существовании Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК), фундаментально

---

<sup>1</sup> Полные списки публикаций В. И. Сарианиди можно найти на сайте Маргианской экспедиции ([www.margiana.su](http://www.margiana.su)), а также в следующих работах: У истоков цивилизации 2004; Дубова 2014б; Bibliography 2014.

обосновывая ее в своей докторской диссертации [Сарияниди 1974; 1975], впоследствии опубликованной в виде монографии [Сарияниди 1977].

Вынужденное в связи с началом боевых действий в Афганистане прекращение работ Советско-Афганской экспедиции дало возможность расширить масштабы полевых изысканий в Южном Туркменистане. Именно тогда накопленный ранее научный багаж помог В. И. Сарияниди сделать еще одно, по словам Б. А. Литвинского, намного более значимое, чем бактрийское золото, археологическое открытие — обнаружить новый центр ближневосточной цивилизации в Каракумах. Ключевым памятником, который дал материал, колоссальный по своему объему и вкладу в археологическую науку, оказался Гонур-депе (в переводе с туркменского «Серый холм»). Множество раз Виктора Ивановича спрашивали, как ему удалось определить, что именно здесь, в дельте некогда полноводной реки Мургаб, находился столичный город страны Маргуш, основанный около четырех тысяч лет назад. Предположение о том, что в древней дельте этого водного потока надо искать следы затерявшейся области, упомянутой в Авесте как Моуру, в Бехистунской надписи персидского царя Дария I как Маргуш и носящей во время завоеваний Александра Македонского имя Маргиана, высказал еще академик В. В. Струве. В течение 1970-х — 1980-х гг. систематические разведки В. И. Сарияниди совместно с И. Масимовым и другими коллегами выявили вдоль древних протоков, уходящих на север от Мервского оазиса, систему оазисных поселений [Сарияниди 1976а; 1990]. Их обследование показало, что и в Келелилийском (самом раннем по времени), и в Таипском, и в Аджикуинском, и в Тоголокском, и в Тахирбайском оазисах на поселениях представлена монументальная, в том числе храмовая, архитектура, а культурные слои содержат артефакты, свидетельствующие о высоко развитой материальной и духовной культуре проживавшего там в бронзовом веке населения. Заканчивая осенью 1972 г. работы на одном из таких поселений, Тахирбай III, Виктор Иванович, как обычно, решил проверить, а что же там, дальше, в глубине Каракумов? Через час-полтора езды в северо-западном направлении судьба вывела сидящих в видавшем виде уазике руководителя экспедиции В. И. Сарияниди и антрополога О. Бабакова к огромному холму высотой более 3 м и диаметром не менее полукилометра, который на первый взгляд из-за своей величины показался поздним, скорее всего, ахеменидским памятником. Но сборы фрагментов керамики с его поверхности позволили установить, что поселение относится к эпохе бронзы. Проведенные в 1974 г. в его юго-западном углу раскопки убедили, что здесь находился крупный городской центр, о чем свидетельствовали мощные крепостные стены и остатки помещений, имеющих четкую, правильную планировку, а также находки, аналогичные артефактам из других, уже известных памятников. Именно здесь, а также в Тоголокском оазисе В. И. Сарияниди разворачивает свои работы после завершения раскопок в Афганистане.

Наступившие «лихие 1990-е» гг. лишили Маргианскую экспедицию даже того небольшого финансирования, которое могла обеспечивать Академия наук СССР вместе с Академией наук Туркменской ССР. На помощь пришли коллеги из Исследовательского Центра Дж. Лигабуэ (Венеция, Италия), греческие друзья, Правительство Греции, а затем и руководство ставшего независимым Туркменистана. Интереснейшие данные о древних жителях этого центра цивилизации принесли раскопки как центральной части Северного Гонура (кремль и дворец), так и «священного участка» или «теменоса» (Южный Гонур) и Большого некрополя. Облик местной культуры, архитектурные и культурные параллели с ближневосточными цивилизациями, многообразие погребальных сооружений и обрядов, свидетельства о существовании культов «чистых стихий» (огня и земли, а позднее также воды),





В. И. Сарианиди (в белой рубашке и темных очках в центре) рассказывает рабочим экспедиции о великом древнем городе, который они раскапывают — Гонур-Депе [по: *Сарианиди В. И., Дубова Н. А. Сокровища древней Маргианы. Ашхабад, 2013. С. 19, фото сверху*]

и Сомы-Хаомы, а также сложных ритуалов, наличие развитого ремесла — все это позволило утверждать, что пески одной из величайшей пустынь мира долгие тысячелетия скрывали центр цивилизации, которая может быть отождествлена со страной Моуру-Маргуш [Сарианиди 2002; Sarianidi 1998].

После завершения раскопок Большого некрополя Гонура в 2001 г. Виктор Иванович вновь стал исследовать центральную часть городища, где в последующие 12 лет на площади около 25–30 га были открыты строительные комплексы, которые он идентифицировал с храмами; огромное разнообразие печей и очагов, изучение которых еще ждет своих исследователей; интереснейшие инженерные сооружения, в том числе дренажные и очистительные; сложные ритуальные комплексы, часть которых связана с впервые открытыми на данной территории погребениями животных (баранов, собак, ослов, быков), элитарные могильные сооружения, откуда происходят сенсационные находки сюжетных мозаичных композиций, уникальных как по технике исполнения, так и по тематике; исчисляемые сотнями великолепные образцы ювелирного, декоративно-прикладного искусства, глиптики и сфрагистики.

Немногим археологам выпадает счастье сделать такое выдающееся открытие. Человек, его свершивший, казалось бы, должен «купаться в лучах славы» и получить все возможности для продолжения своих исследований. И Туркменистан в лице высшего руководства страны по достоинству оценил сделанное Виктором Ивановичем Сарианиди. Кроме высоких государственных наград и бесценной технической помощи по организацию раскопок, в соответствии с решением Академии наук Туркменистана Президент Гурбангулы Бердымухамедов лично вручил ему мантию и диплом Почетного академика. Российская же Академия наук не нашла возможности не только хоть каким-то образом помочь раскопкам Маргианской экспедиции в Каракумах, но даже просто, по-человечески, поздравить ученого и с его

80-летним юбилеем, и с туркменскими наградами. Получается, что деятельность В. И. Сарияниди получила высокую оценку только за рубежом, где он являлся членом Антропологического общества Греции, иностранным членом Национальной Академии деи Линчеи (Италия), был награжден орденом Греческой Республики «Гражданская Доблесть» (2002) и объявлен лауреатом Международной Премии имени Махтумкули в Туркменистане (2000).

Существует мнение, что открытия Виктора Ивановича — это лишь везение и удача. Спорить тут бессмысленно. Да, удача, бесспорно, имела место. Но она не обращает свои взоры на человека «просто так». Виктор Иванович, будучи человеком увлеченным, работал неутомимо, всегда хотел «дойти до самой сути», понять, почему это так, а не иначе, почему здесь, а не там... Он жил в экспедиции в тех же условиях, что и все, и постоянно трудился, вне зависимости от того, где: в поле или в тиши библиотек. Ему доставляло удовольствие ответить на вопрос таксиста по дороге в аэропорт о роде его занятий и при этом подробно рассказать, какие талантливые люди жили в далекой древности на туркменской земле, какие удивительные здания и предметы они создали. И делал он это вовсе не для того, чтобы все знали, что все это нашел именно он, а с той целью, чтобы об этих открытиях знало как можно больше людей. По той же причине Виктор Иванович старался опубликовать, донести до специалистов как можно быстрее все то новое, что только что было им открыто. Конечно, он не был полным альтруистом, и его больно ранило то, что и его ученики, получившие собранный его стараниями материал как основу для своих работ, и его коллеги, считавшиеся друзьями, пытаются из зависти видеть в его исследованиях только огрехи, делая вид, что не понимают, что «за деревьями можно и леса не увидеть»... Дорогу осилит идущий. И более 300 статей В. И. Сарияниди, и 30 его книг навсегда останутся в золотом фонде археологической науки. Не всегда соблюдая то, что обычно называется «нормой», он сумел сделать так много, что для полного научного осмысления всего того, что долгие тысячелетия хранилось в земле и было открыто им, потребуется значительное время. Его мысли о происхождении зороастризма [Сарияниди 2010; Sarianidi 1998] и языковой принадлежности насельников древней дельты реки Мургаб [Сарияниди 2001] до сих пор находят не так много сторонников, но это не означает, что он ошибался. Виктор Иванович привлекал для сопоставления с находками в Маргиане обширные данные и анализировал самые разные источники, поэтому тот, кто не будет просто отмахиваться от его идей, которые поначалу могут показаться неубедительными, но внимательно проанализирует хотя бы небольшую часть реальных артефактов, оставшихся от «Блистательной Маргианы» (а не их изображения в книгах), наверняка увидит в размышлениях В. И. Сарияниди рациональное зерно. Многие существенные вопросы древнейшей истории региона нельзя сейчас обсуждать без учета добытых им материалов.

Одно научное поколение сменяется другим — это закон жизни. Виктор Иванович Сарияниди вместе со своими друзьями и сподвижниками принадлежал к выдающемуся поколению, открывшему ту историю древней Средней Азии, которую мы теперь знаем. Наша задача как их преемников не только сохранить память об этих выдающихся ученых, но и не дать угаснуть огню познания, горевшему в их душах, и пытаться двигаться дальше, постигая то, что они сами не успели понять до конца.

## Литература

Дубова 2014а: Дубова Н. А. Золотое наследие Сарияниди. Не только великие находки, но и сама жизнь выдающегося ученого стали бесценным сокровищем // Туркменистан. № 1–2. С. 60–66.

- Дубова 2014б: *Дубова Н. А.* Виктор Иванович Сарианиди / Viktor Ivanovich Sarianidi // Bulletin of Miho Museum. Shigaraki. Vol. 15. P. 1–17 [на русск., англ. и яп. яз.].
- Кругликова, Сарианиди 1971: *Кругликова И. Т., Сарианиди В. И.* Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий // СА. № 4. С. 154–177.
- Кругликова, Сарианиди 1976: *Кругликова И. Т., Сарианиди В. И.* Пять лет работы Советско-Афганской археологической экспедиции // Древняя Бактрия. М. С. 3–20.
- Литвинский 2004: *Литвинский Б. А.* Виктор Иванович Сарианиди — легенда археологии Средней Азии // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию В. И. Сарианиди. М. С. 5–22.
- Сарианиди 1960: *Сарианиди В. И.* Энеолитическое поселение Геоксюр // ТЮТАКЭ. Т. X. С. 225–318.
- Сарианиди 1963: *Сарианиди В. И.* Земледельческие племена юго-восточной Туркмении в эпоху энеолита и бронзы: АКД. М.
- Сарианиди 1974: *Сарианиди В. И.* Бактрия в эпоху бронзы // СА. № 4. С. 49–71.
- Сарианиди 1975: *Сарианиди В. И.* Афганистан в эпоху бронзы и раннего железа: АДД. М.
- Сарианиди 1976а: *Сарианиди В. И.* В поисках страны Маргуш // Природа. № 9. С. 92–103.
- Сарианиди 1976б: *Сарианиди В. И.* Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. М. С. 21–86.
- Сарианиди 1977: *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М.
- Сарианиди 1979: *Сарианиди В. И.* Царский некрополь в Северном Афганистане // ВАН. № 7. С. 76–88.
- Сарианиди 1989: *Сарианиди В. И.* Храм и некрополь Тиллятепе. М.
- Сарианиди 1990: *Сарианиди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад.
- Сарианиди 2001: *Сарианиди В. И.* Некрополь Гонур-депе и иранское язычество [на русск. и англ. яз.]. М.
- Сарианиди 2002: *Сарианиди В. И.* Маргуш. Древневосточное царстве в древней дельте р. Мургаб. Ашхабад [на русск., англ. и туркм. яз.].
- Сарианиди 2010: *Сарианиди В. И.* Задолго до Заратуштры. М. [на русск. и англ. яз.].
- У истоков цивилизации 2004: У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию В. И. Сарианиди. М.
- Bibliography 2014: Bibliography of the publications of Victor Sarianidi // JIES. Vol. 42/3–4. P. 535–552.
- Boroffka 2014: *Boroffka N.* Viktor Ivanovich Sarianidi // ACSS. Vol. 20. P. 267–270.
- Dubova 2014: *Dubova N.* In memoriam. Viktor Ivanovich Sarianidi // JIES. Vol. 42/3–4. P. 525–535.
- Sarianidi 1985: *Sarianidi V. I.* Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya-tepe Necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad.
- Sarianidi 1998: *Sarianidi V.* Margiana and Protozoroastrizm. Athens.



## ПАМЯТИ РИЧАРДА НЕЛЬСОНА ФРАЯ (10.01.1920 — 27.03.2014)

*М. А. Дандамаев (Санкт-Петербург)*

Ричард Нельсон Фрай был одним из самых ярких иранистов XX столетия. Американец шведского происхождения, преподававший почти всю жизнь в Гарвардском университете, он отнюдь не был кабинетным ученым. Немногие западные востоковеды его поколения так много работали в ираноязычных странах. Он проникал в отдаленные области Ирана, Афганистана, Средней Азии и Восточного Туркестана, изучал памятники, местные языки и их диалекты, знакомился с людьми. Известный иранский филолог и общественный деятель Али Акбар Деххода в 1953 г. назвал Р. Фрая другом Ирана, и это звание сопровождало его всю жизнь. Область его исследований была необыкновенно широка: он занимался историей, археологией, искусством, религией, лингвистикой и нумизматикой древних народов Ирана и Центральной Азии. Р. Фрай был одним из первых западных исследователей, для которого в понятие иранистики входило и изучение истории Средней Азии (западной части Центральной Азии), куда он часто приезжал и где подолгу преподавал. Скорее всего, поэтому он и выучил русский язык, так как именно по-русски была написана основная литература по среднеазиатской археологии и древней истории.

Ричард Фрай опубликовал много замечательных работ. Его книга «The Heritage of Persia», впервые увидевшая свет в Лондоне в 1962 г. и переведенная затем на несколько иностранных языков, в том числе и на русский («Наследие Ирана». М., 1972 [изд. 2-е, испр. и доп.: М., 2002]), стала классическим трудом по истории и культуре древнего Ирана и сопредельных территорий. С характерной для его творчества широтой охвата самых различных источников Фрай рассказывает в ней об истории и культуре иранских народов, начиная с возникновения Мидийского государства в VIII в. до н. э. и до X в. н. э., когда после принятия персами ислама

и перехода литературы на арабскую графику и закончился, с точки зрения автора, древний период иранской истории. Фрай показал преемственность иранской культуры на протяжении всей истории Ирана и полагал, что роль иранской цивилизации для развития мусульманской культуры можно сравнить с ролью греческой цивилизации для развития культуры христианской. Он с грустью отмечал, что в арабской культуре значение ее иранской основы недооценивается. По сути, продолжением этой книги стала монография «The Golden Age of Persia» (London, 1975), в которой рассматриваются история и культура Ирана уже после арабского завоевания. Фрай был одним из немногих иранистов, который занимался как доисламским, так и исламским периодами, однако все же именно первый привлекал его больше всего, и древним ираноязычным народам, населявшим Иранское плато и Центральную Азию, он посвятил еще две книги — «The History of Ancient Iran» (München, 1983) и «The Heritage of Central Asia: From Antiquity to the Turkish Expansion» (Princeton, 1996).

Ричард был очень общительным и исключительно обаятельным человеком. Вероятно, по причине своей общительности и интереса к людям он выучил множество языков. Его полиглотство вошло в легенду. Кроме иранских языков различных периодов, он знал еще несколько современных восточных и европейских языков, на которых не только читал, но и говорил. У него были друзья во многих странах. Весьма характерно, что своей книге «Наследие Ирана» Р. Фрай предпослал следующее посвящение: «Моим друзьям — афганцам, белуджам, иранцам, курдам, осетинам, таджикам», причём этот список на самом деле можно было бы продолжить. Он подолгу преподавал в Иране, Таджикистане и Афганистане, только благодаря ему было создано несколько кафедр изучения Ирана и Ближнего Востока в университетах США.

Среди его друзей были многие советские иранисты. Я познакомился с Ричардом — Диком, как мы все его называли, — в конце 1960-х гг. в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР (ЛОИВАН), куда он пришел познакомиться с советскими коллегами, и мне поручили как-то развлечь его, например, отвести к себе домой. Такое поручение меня озадачило. Привести домой иностранца, да еще и американца, было тогда практически невыполнимым, да и вообще непонятно было, как себя с ним вести, чем кормить. Дик, по-видимому, увидел мою растерянность и, когда мы подошли к дому, посоветовал: «А Вы скажите, что я приехал из Дагестана, там тоже все такие же высокие ростом, как и я». На самом деле, как оказалось, можно было и не беспокоиться о том, как его принимать. Он сам вел беседу, говорил по-русски, пел русские романсы, одним словом, чувствовал себя как дома. С тех пор мы встречались с ним много раз — и в ЛОИВАН, и в Эрмитаже, в кабинете Владимира Григорьевича Луконина, где он мог сидеть часами, а также — неоднократно — за границей. Общительный и жизнерадостный, любивший не только научные дискуссии, но и застолья, Дик прекрасно и легко вписался в интеллектуально-ироничную среду советских иранистов.

Ричард Фрай прожил долгую, очень деятельную и плодотворную жизнь. Он завещал похоронить себя в Исфахане и при жизни получил разрешение на это от президента Ирана, однако из-за обострения отношений между Ираном и США желание его так и не было исполнено. Это кажется очень несправедливым, так как Ричард был преданным и искренним другом персов и других иранских народов, посвятив всю свою жизнь не только изучению их истории и культуры, но и пробуждению интереса к ним в странах Востока и Запада. Достойным памятником ему являются как его замечательные труды, так и его многочисленные друзья и ученики, которые хранят и всегда будут хранить о нем самую светлую память.



## ПАМЯТИ ГАЛИНЫ ВАЦЛАВНЫ ДЛУЖНЕВСКОЙ (10.03.1946 — 01.07.2014)

*Е. В. Бобровская, М. В. Медведева (Санкт-Петербург)*

В первый день июля 2014 г. ушла из жизни заведующая Научным архивом Института истории материальной культуры РАН, доктор исторических наук Галина Вацлавна Длужневская, внесшая большой вклад в изучение археологических памятников Центральной Азии. Ее архивные исследования и многочисленные публикации способствовали раскрытию и введению в научный оборот материалов уникального фонда архивных документов по истории науки из собрания ИИМК РАН. Безвременная кончина замечательной исследовательницы стала невосполнимой утратой для Института, в стенах которого прошла вся ее научная жизнь.

Галина Вацлавна родилась 10 марта 1946 г. в Ленинграде, в семье военнослужащего. После окончания школы в 1964 г. она поступила на кафедру археологии вечернего отделения Исторического факультета Ленинградского государственного университета, по завершении учебы на котором в 1970 г. получила диплом по специальности историк-археолог. Уже в студенческие годы Г. В. Длужневская начала работать в Саяно-Тувинской экспедиции (СТЭ) Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. В 1966 г. ее зачислили в штат СТЭ, с начала 1970-х гг. Галина Вацлавна руководила различными отрядами в составе СТЭ и проводила самостоятельные раскопки. Большое влияние на формирование ее научных интересов и сложение как специалиста по археологии Сибири оказал основатель экспедиции А. Д. Грач, которого Г. В. Длужневская всегда вспоминала с особым уважением и теплотой. Она приобрела бесценный жизненный и полевой опыт, работая в крупнейшей новоостроевской экспедиции того времени и занимаясь исследованиями археологических памятников в Центральной Туве и Саянском ущелье Енисея. В тот



На берегу Тувинского моря тридцать лет спустя... Участники раскопок Саяно-Тувинской экспедиции 1965 г. на месте боевой «археологической славы» в день 23 сентября 1995 г. (справа налево): С. Н. Астахов, Г. В. Длужневская, И. У. Самбу, Д. Г. Савинов, В. Т. Монгуш, К. В. Чугунов [по: Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача. Декабрь 1998 года. СПб., 1998. С. 106, фото 35]

период ее научные интересы были сконцентрированы в области средневековой археологии Южной Сибири. В 1986 г. Галина Вацлавна успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Памятники енисейских кыргызов в Туве (IX–XII вв.)». Помимо работ в Туве, она также приняла участие и в археологических изысканиях в Таджикистане (в 1982–1983 гг.), где исследовала могильник Дашти-Урдакон, расположенный в окрестностях городища древнего Пенджикента.

В 1980 г. Г. В. Длужневская стала штатным сотрудником ЛОИА и в течение нескольких лет работала помощником ученого секретаря Института. В 1984 г. она возглавила институтский фотоархив, где продолжала работать до самых последних дней своей жизни. С тех пор ее научная деятельность на протяжении 30 лет оказалась связанной, главным образом, с архивными исследованиями. Галина Вацлавна быстро осознала актуальность и важность изучения фотографических материалов как самостоятельного вида документального источника в археологической, этнографической, востоковедческой и других сферах исторического знания. Во многом благодаря ее исследованиям, фотоархив ЛОИА/ИИМК приобрел широкую известность как среди российских, так и зарубежных ученых и окончательно утвердил свое высокое положение среди учреждений, деятельность которых связана с исторической фотографией. Г. В. Длужневская великолепно знала содержание фотографических фондов Института, блестяще владела методикой работы с архивными документами, точно и четко выявляла и систематизировала материалы по любой теме, кропотливо собирала сведения о фотографах. За годы архивной работы она подготовила множество интереснейших фотовыставок по самой различной тематике как в России, так и за рубежом.

В начале 2000-х гг., после слияния фото и рукописного архивов ИИМК Галина Вацлавна стала руководителем объединенного Научного архива Института. Одной из первоочередных задач она поставила популяризацию архивных коллекций ИИМК, многие из которых именно ее стараниями стали доступны широкому кругу научной общественности. Благодаря публикациям Г. В. Длужневской и ее докладам на российских и международных конференциях, в научный оборот были введены значительные массивы архивных документов по истории науки. Наряду с этим, она активно передавала накопленный опыт студентам профильных вузов — читала

Г. В. Длужневская в полевом лагере. Тувинская экспедиция Государственного Эрмитажа, 2001 г. [фотография из личного фотоархива С. В. Панковой]



лекции по археологии и истории фотографии, руководила архивной практикой студентов.

Особое место в ее работах занимало изучение культурно-исторического наследия Азиатской части России. Многие заметки и статьи Галины Вацлавны, а также ряд ее монографий посвящены памятникам архитектуры, археологии и этнографии Узбекистана, Монголии, Китая, Киргизии, Русского Туркестана, Османской империи. Все эти труды основаны на изучении фотодокументов из Научного архива ИИМК — материалов научных путешествий и экспедиций российских ученых и общественных деятелей на Восток во второй половине XIX — XX в. В числе ее важнейших публикаций назовем: «Материалы востоковедческих экспедиций в фотоархиве ИИМК РАН» (2002), «Фотодокументы по Кыргызстану в фотоархиве ИИМК РАН» (2003), «Древности восточной части Евразии в материалах НА ИИМК РАН» (2005), «Китай и его соседи в фотографиях русских исследователей и путешественников» (2006), «Великий шелковый путь в фотографиях русских путешественников и исследователей второй половины XIX — первой половины XX века» (2006), «Взгляд современника. Фотографы в Русском Туркестане» (2007),



Г. В. Длужневская на раскопках кургана. Тувинская экспедиция Государственного Эрмитажа, 2001 г. [фотография из личного фотоархива С. В. Панковой]





Г. В. Длужневская у каменного изваяния. Тувинская экспедиция Государственного Эрмитажа, 2001 г. [фотография из личного фотоархива С. В. Панковой]

«Архитектурные памятники Османской империи в фотографиях XIX–XX вв. из Научного архива ИИМК РАН» (2007), «Императорская Археологическая Комиссия и изучение древностей Средней Азии» (2009), «Русская учено-торговая экспедиция в Китай 1874–1875 гг. в фотодокументах Научного архива ИИМК РАН» (2009) и др. Составленные Г. В. Длужневской фотоальбомы прекрасно проиллюстрированы тщательно подобранными старыми фотографиями: это «Панорама Константинополя». 1878» (2005), «Мусульманский мир Российской империи в старых фотографиях» (2006), «Иерусалим и его окрестности в старых фотографиях» (2007), «Египет 100 лет назад» (2015) и др.

В 2008 г. Галина Вацлавна защитила докторскую диссертацию на тему «Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX — первой половины XX в. (по фондам Научного архива ИИМК РАН)», где обобщила результаты своей научной деятельности. Материалы диссертации частично были опубликованы в двух ее монографиях — «Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН)» (2011) и «Археологические исследования в Европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН)» (2014), причем последняя вышла уже после смерти исследовательницы.

Память о Галине Вацлавне Длужневской как о добром, отзывчивом, открытом человеке и мудром наставнике навсегда сохранится в наших сердцах, а ее выдающееся научное наследие достойно представлено в ее многочисленных книгах, статьях и архивных публикациях.



**ЖИЛ-БЫЛ ТЮРКОЛОГ...  
ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ГРИГОРЬЕВИЧА КЛЯШТОРНОГО  
(04.02.1928 — 21.09.2014)<sup>1</sup>**

*Т. И. Султанов (Санкт-Петербург)*

21 сентября 2014 г. в Петербурге день выдался ясный: светило солнце, на голубом небе белели редкие кучевые облака, ничто не предвещало беды. Но она случилась. Утром этого чистого воскресного дня ушел из жизни Сергей Григорьевич Кляшторный, один из ярких представителей советского и российского востоковедения. Где жизнь, там и смерть, но в горле застревает комок, а глаза наполняют слезы от сознания невозвратимости потери. Сергей Григорьевич — легендарная фигура мировой тюркологии, человек удивительной эрудиции, ученый самой высокой научной пробы, еще и потрясающий рассказчик. Не просто умный и высокообразованный человек с цепкой памятью, каких немало в сообществе российских востоковедов. В отечественной тюркологии Сергей Григорьевич — фигура, сопоставимая с Сергеем Ефимовичем Маловым: каждый из них представлял в своей области знания вершину. Мир его праху! Да пребудет с ним милость Создателя!

Публикацию, посвященную разысканиям Сергея Григорьевича в области древней и раннесредневековой истории Центральной Азии, древнетюркской текстологии и источниковедения, следует ожидать, конечно, от специалистов. В настоящем очерке сделана лишь скромная попытка несмелым пером начертать на белизне бумаги образ Сергея Григорьевича таким, каким он сохранился в памяти.

---

<sup>1</sup> Все воспроизведенные в этой статье фотографии, за исключением одной, специально оговоренной, — из личного фотоархива С. Г. Кляшторного. Публикуются впервые с разрешения его вдовы А. В. Копыцкой.

Выдающийся среднеазиатский историк XVI в. Мирза Хайдар Дуглат в своем знаменитом сочинении «Тарих-и Рашиди» приводит такой персидский стих:

Мужу разума и дарования  
 Две жизни потребны для тела:  
 Одна — набираться знания,  
 Другая — пускать его в дело.

Две жизни для тела, о которых грезил средневековый писатель, в биографии ленинградца Сергея Григорьевича Кляшторного счастливо сложились в одно богатое долголетие — он прожил 86 лет, 7 месяцев и 17 дней.

Жизнь — это не только форма индивидуального бытия, но и взаимоотношение с исторической эпохой, на которую она пришлась. Отношения со своим временем у каждого складываются по-разному. У одних — это полная несовместимость, конфликт с ним, и такая судьба трагична. У других, напротив, — красивое сочетание, удачная гармония. С. Г. Кляшторный принадлежал ко второй из названных групп. Судите сами.

Родился он в 1928 г., чуть позже того рубежного для молодежи страны Советов года, который давал право безусых неопытных юнцов отправлять на поле брани. Те, кому посчастливилось выйти живым из горнила войны, по ее окончании пришлось на 3–4 года задержаться в армии и проводить свои дни и ночи в казарме с ее суровыми буднями. Сергей Григорьевич совсем не служил. Успешно окончив среднюю школу, он сходу поступил на Восточный факультет Ленинградского государственного университета в победном 1945 г.

На Восточном факультете он специализировался в области древнетюркского источниковедения и текстологии, истории тюркских народов Евразии, истории Центральной Азии под руководством профессоров С. Е. Малова, А. Н. Кононова и А. Н. Бернштама. Интерес к древнетюркским руническим памятникам возник у него под влиянием С. Е. Малова, в 1947–1949 гг. заведовавшего кафедрой тюркской филологии. Сергей Ефимович Малов (1880–1957) вошел в историю тюркологии как отличный знаток древнетюркских рунических памятников и как плодовитый педагог-тюрколог, из школы которого вышли почти все современные тюркологи старшего поколения. Его исследования представляют собой не только оригинальный вклад в науку, но и являются прекрасным учебным пособием. Большое влияние на С. Г. Кляшторного оказал крупнейший советский историк и археолог Александр Натанович Бернштам (1910–1956). В 1947–1953 гг. Сергей Григорьевич, будучи еще студентом, а затем сотрудником Всесоюзного Института геологии (1950–1957), в качестве лаборанта под руководством А. Н. Бернштама работал в Памиро-Ферганской экспедиции ИИМК АН СССР, а позже в археологических экспедициях М. И. Артамонова, Н. М. Чернышева и др. Экспедиционную деятельность С. Г. Кляшторный охотно продолжал и в пожилые годы, например, в 2003 г. в Иртышской экспедиции под руководством К. М. Байпакова. Благодаря его увлеченности искателя и собирателя тюркских древностей было открыто немало новых эпиграфических памятников древнетюркской эпохи.

Сергей Григорьевич гордился своими учителями и наставниками, относился к ним с великим почтением и вспоминал о них с душевной теплотой. Вот один из его рассказов о С. Е. Малове. Однажды от руководства факультета всем заведующим кафедрами поступило распоряжение составить характеристики на сотрудников. Скупые отзывы С. Е. Малова были все такого примерно содержания: «Хабибуллин Галий Камалович. По национальности татарин. Болен сердцем. Занимается лингвистикой. Что получится, не знаю. Сергей Малов». Краткость и информативность Сергей Григорьевич унаследовал от своего учителя. По его словам, одним из часто повторяемых лозунгов С. Е. Малова был: «Думать тяжело, но думать надо».



С. Г. Кляшторный (в центре) вместе с коллегами-востоковедами:  
Л. Н. Меньшиковым (слева) и В. Н. Гореглядом (1970-е гг.)

Один наблюдательный муж науки верно заметил, что есть люди счастливой природы — те, кто рано созрел. Они скоро минуют пору ползания, когда низок горизонт и всякий бугорок кажется горой. Природа одаряет их зрелостью до срока. Они аккумулируют не только собственный опыт, но и быстро впитывают унаследованный их поколением коллективный опыт. В дни молодости это уже зрелые люди. Таким и был С. Г. Кляшторный. Еще в юные годы, определив свои цели и задачи, он прямо шел к ним, не тратя времени зря. Но пути Господни неисповедимы, и случилось так, что после окончания Университета он попал в цех Машиностроительного завода Морского флота СССР, а затем во Всесоюзный институт геологии в Ленинграде. На заводе Сергей Григорьевич освоил специальность токаря-универсала четвертого разряда, а в Институте геологии приобрел навыки библиографа, все это время, без лишней спешки продолжая работу над темой «Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии». Со временем он защитил ее как кандидатскую диссертацию. Преодолев таким образом испытания времени и превратности судьбы и освоив разные ремесла, твердыми стопами вошел С. Г. Кляшторный в вожделенное научное учреждение — Институт востоковедения АН СССР, где был принят на работу и прослужил на разных должностях с 1957 по 2014 г.

На службе не было у него ни стремительного карьерного взлета, ни отвесных падений: назначенный в 1963 г. заведующим Сектором тюркологии и монголистики Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР, он без малого полвека успешно исполнял возложенные на него обязанности. С властью особо не дружил, но и не конфликтовал, ни в какой партии не состоял. Правительственными наградами СССР и Российской Федерации не отмечен. Ему было открыто ремесло человеческого бытия — с благодарностью принимать жизнь, какой бы она ни была, каждый день открывая свой источник вдохновения. Он любил свою работу, и она заряжала его положительными эмоциями. Потому она же была и отдыхом для него, особенно в условиях общения с друзьями и коллегами, в том числе и за накрытым столом. Ел, причмокивая губами. Не был тщеславным и завистливым человеком, умел искренне восхищаться коллегами, гордиться высокими степенями



Во время полевых исследований  
в Монголии в 1978 г.

своих учеников. Простой в общении, неизменно приветливый и жизнерадостный эрудит, он пользовался заслуженным авторитетом в коллективе. Обладая редким чутьем ситуации и строгой дисциплиной ума, налегке прошел он свой жизненный путь в здешнем мире, не поступаясь ни нравственными принципами, ни научными убеждениями.

За долгие годы своей востоковедной жизни и вдохновенного труда С. Г. Кляшторный добился убедительных и ярких результатов, обогатил науку прекрасными достижениями. Он опубликовал более трехсот научных работ. Особенно плодотворными были 1990-е гг. прошлого столетия и первое десятилетие начавшегося тысячелетия, когда он выпустил в свет серию основополагающих трудов по истории тюркских народов Евразии, древнетюркской текстологии и источниковедению. Многие из них используются как основные учебные пособия по истории и культуре Центральной Азии на Восточном факультете СПбГУ, в университетах Казахстана, Кыргызстана, на исторических факультетах Барнаульского, Омского, Оренбургского и других университетов России. Некоторые из этих трудов переведены и изданы в республиках СНГ и в странах зарубежного Востока и Запада (Китай, Япония, Турция, Германия и др.).

Не будучи специалистом в области древней истории тюрков Центральной Азии, я не решаюсь высказываться об исторических изысканиях Сергея Григорьевича и отмечу здесь лишь некоторые из его научных достижений. Ему удалось подобрать ключ к информации, содержащийся в зашифрованной форме уже в известных источниках, и доказать тождественность этнонимов *сир* (первые сведения в источниках относятся к 337–370 гг.) и *кипчак* (самый ранний случай фиксации в источниках — 742 г.). Кипчак (в языке древнетюркских памятников значит «неудачный», «злосчастный») представляет собой новое прозвище-оберег древних сирских племен, принятое ими после массового истребления их уйгурами и китайцами, гибели их государства и правящего рода в 646–647 гг. Объяснение принятия сирами нового имени-оберега кроется в одной из самых универсальных особенностей религиозно-магического мышления древних тюрков — представлении о неразрывной связи между существом (предметом) и его именем (названием). Новое охранительное имя должно было ввести в заблуждение преследующие племя (род, семью, отдельного человека) сверхъестественные силы, вызвавшие несчастье.

С. Г. Кляшторный открыл и ввел в научный оборот немало рунических памятников, снабдив их обстоятельными историко-филологическими комментариями; он — автор лучшей и наиболее полной на сегодня интерпретации исторических и географических известий Авесты, относящихся к территории Средней Азии; отец-основатель в России современного военного востоковедения. Это направление востоковедческой науки получило свое успешное развитие в трудах его ученика



За изучением наскальных изображений в Монголии (1981 г.)

А. А. Колесникова, профессионального военного с востоковедным образованием, опубликовавшего лично и в соавторстве с Сергеем Григорьевичем ряд ценных во многих отношениях книг о вкладе русских военных в изучение Центральной Азии.

Напомню, что за более чем полувековое служение отечественному востоковедению С. Г. Кляшторным было опубликовано свыше трехсот научных работ. Они продемонстрировали не только высочайшую квалификацию автора, но и стали поистине золотым фондом советского и российского востоковедения. По моему убеждению, разыскания Сергея Григорьевича в области этнокультурной истории тюркских каганатов и древней и средневековой истории Центральной Азии еще долгое время будут не только приоритетными, но и незаменимыми для всех исследователей Центральной Евразии.

Теперь несколько слов о редакционно-издательской работе С. Г. Кляшторного. Он был ответственным редактором целой серии монографий, членом редколлегии ряда отечественных и зарубежных периодических изданий. Из них следует особо выделить здесь «Тюркологический сборник» (ТС) — детище ленинградской востоковедной школы. ТС родился в 1966 г. в Ленинграде, в ЛОИВ; его создателями были А. Н. Кононов, Ю. А. Петросян и С. Г. Кляшторный. Первоначально ТС составлялся и издавался по материалам Всесоюзной тюркологической конференции, ежегодно проводившейся в Ленинграде в июне, в самую пору белых ночей, и очень скоро завоевал большую популярность в научном мире. После 1989 г. по известным причинам публикация ТС была приостановлена и возобновлена лишь в 2001 г.; с 2007 г. ежегодник стал выходить один раз в два года. Инициатором возрождения ТС, председателем редколлегии и его составителем был Сергей Григорьевич. ТС — один из самых значимых периодических изданий в российском востоковедении — включен в т. н. ВАКовский список и РИНЦ благодаря своему высокому научному уровню. Пишущий эти строки полностью солидарен с В. В. Трепавловым, членом редколлегии ТС, что после ухода из жизни С. Г. Кляшторного необходимо стараться продолжать это издание.



В кругу коллег в Самарканде осенью 1990 г., во время советско-французского коллоквиума «Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда»: сидят С. Г. Кляшторный (слева) и М. Х. Хасанов, стоят (слева направо) Б. И. Маршак, В. И. Распопова, Н. Ляпьер, В. А. Лившиц и В. Г. Шкода [фотография из личного фотоархива В. И. Распоповой]

Сергей Григорьевич обладал таким гибким, быстрым и высокоорганизованным разумом, что даже импровизации его казались тщательно подготовленными. Он уносился мыслью далеко вперед, и его методический ум мгновенно просеивал множество фактов, опуская несущественное и выделяя важное и перспективное. Так рождались его изысканные и отшлифованные импровизации, которые по своей неожиданности и легкости могли показаться детской шалостью. Природу их появления затруднялся определить и сам Сергей Григорьевич, признаваясь, что ему проще продиктовать текст кому-нибудь, чем написать пером самому. Свою редкостную способность экспромтом диктовать малые и большие, простые и сложные тексты он сохранил до последних дней жизни.

Здесь будет к месту и ко времени сказать несколько слов о С. Г. Кляшторном как рассказчике. Многим памятен его знаменитый рассказ о том, как производят забой скота в аймаках (административных образованиях) Монголии, где он провел немало времени в качестве начальника эпиграфического отряда Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции АН СССР и АН МНР. Вот бледный пересказ оригинала.

У монголов в обычае убивать животных без пролития крови, путем вырывания сердца из груди. В аймаках немало мастеров этого древнего ремесла. Мастер-убойщик заученным приемом ловко укладывает барашка на землю и одним взмахом руки, в которой находится особый нож, мгновенно протыкает межреберные мышцы и разом вырывает трепещущее сердце. Степной барашек еще продолжает повосточному обыкновению вежливо улыбаться собравшимся гостям, не сознавая того, что секунду тому назад он уже завершил свое физическое существование в монгольских степях. Воистину, ни один умерший не знает, что он покойник!

Легко допустить, что талантливый рассказчик является и хорошим лектором. Но действительность превзошла все ожидания, когда С. Г. Кляшторный стал на постоянной основе преподавателем кафедры Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета СПбГУ. Преподавал он блистательно, знал свой предмет глубоко и детально, излагал увлеченно и красочно, так что слушатели целиком погружались в мир

Старые друзья-соратники:  
С. Г. Кляшторный (слева)  
и Д. Г. Савинов

далекой и навсегда ушедшей жизни. Своим ученым красно-речием он покорял аудиторию; не единожды по окончании семестра студенты подносили ему как артисту роскошные букеты цветов со словами благодарности и признанием, что любят и ценят Сергея Григорьевича — преподавателя.

Сам я тоже впервые увидел Сергея Григорьевича в университетской аудитории и полюбил его на первой же лекции. Тогда еще не было известно, что мне предстоит быть его коллегой и соавтором нескольких книг, но именно он так распорядился моей судьбой. Помнится, стоял я в грустной задумчивости, опершись на гранитный парапет Университетской набережной у дома Академии наук, и тут ко мне подходит С. Г. Кляшторный и, выведя меня из этого состояния, спрашивает о его причине. Я ответил, что только что получил диплом Восточного факультета ЛГУ и не могу решить, куда податься: то ли в Турцию переводчиком на стройку завода в Измире, то ли на родину, в Алма-Ату, где обещают какую-то работу. Но Сергей Григорьевич не одобрил ни той, ни другой альтернативы и твердо предложил поступать в аспирантуру ЛОИВ. Так, можно сказать, случайно я оказался в сообществе востоковедов и благодарен судьбе за встречу с Сергеем Григорьевичем — мудрым и всегдашним моим советчиком. Благодарен судьбе за то, что время жизни востоковеда С. Г. Кляшторного совпало с моим.

Сергей Григорьевич прошел большой жизненный путь. Он начался в Гомеле в 1928 г., пролегал через эпоху репрессий 1930-х гг., тягот и лишений 1940-х гг., «застой» 1970-х гг. и «лихие» 1990-е гг., когда рушились старые порядки и традиции, и в муках рождалась новая эпоха российской истории. Не вдаваясь в частности обширной биографии, отмечу здесь лишь несколько разрозненных черт жизни Сергея Григорьевича.

Он был небольшого роста, и не все знают, что обстоятельство это доставляло гиганту советско-российской тюркологии большие неудобства. К примеру, купленный в магазине костюм неизменно приходилось отдавать в ателье на перешивку. С обувью дело обстояло еще сложнее, поскольку мужская обувь малого размера редко поступала в продажу. Но Сергей Григорьевич нашел выход из этого положения: каждый раз, как попадалась в магазине обувь подходящего размера, покупал про запас, и дома у него был своего рода обувной склад. Если бы не долгая дружба с ним, я знать бы не знал, что у некрупных людей есть свои немалые житейские проблемы.

С другой стороны, были в его жизни события, которые выходили за рамки обыденности. Приятно отметить то широкое признание, которое С. Г. Кляшторный встретил в последние десятилетия жизни. Новые власти центральноазиатских и поволжских республик искренне стремились отметить его научные заслуги. Вот перечень лишь некоторых из его наград последних лет:





- 1) орден Манаса III степени республики Кыргызстан, 2002 г.;
- 2) медаль «1000-летие Казани», 2005 г.;
- 3) золотая медаль Индианского университета США, присуждаемая за успехи в области алтаистических исследований Постоянной международной алтаистической конференцией (PIAC), 2005 г.;
- 4) юбилейная медаль Евразийского университета имени Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан) — за успехи в области изучения истории Казахстана, 2006 г.

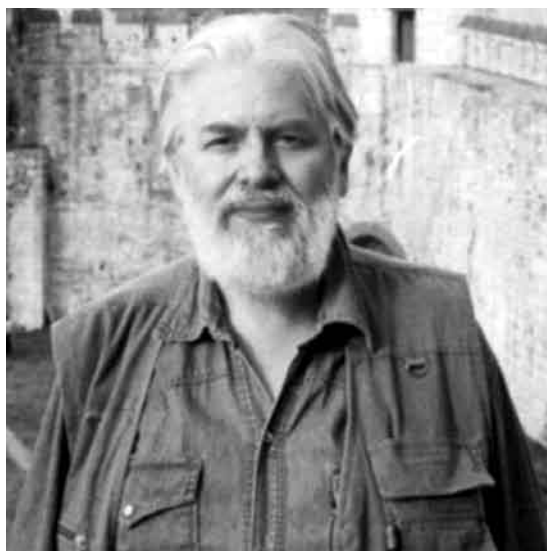
Авторитет Сергея Григорьевича достиг заоблачных высот не только на Восточном факультете СПбГУ, но и в научных учреждениях и учебных заведениях всех суверенных республик Центральной Азии. Его ценили и за выдающиеся достижения в изучении истории и культуры тюркских народов Центральной Азии, и за громадный вклад в подготовку квалифицированных научных кадров. Многие из его аспирантов и стажеров получили высокие научные степени и занимают ответственные посты как в научных учреждениях и учебных заведениях, так и в государственных структурах.

В станах бывшего российско-советского Туркестана у Сергея Григорьевича осталась армия учеников и почитателей его таланта. И это дорогого стоит! И хотя церемоний массового поклонения ему мне наблюдать не приходилось, я бывал свидетелем того, как его встречали в разных городах Средней Азии. Здесь надобно заметить, что у местного населения в организации банкета, свадьбы и т. д. самое главное — это правильный прием и усаживание гостей. Древнее «местничество», известное и в русской истории, сохранило здесь свои традиции. Строгий этикет требует, чтобы каждый приглашенный занимал только подобающее ему место. От этого обстоятельства во многом зависят как сама атмосфера на мероприятии, так и последующее его освещение в СМИ. Так вот, на банкетах, будь то по поводу презентации новой книги или же окончания конференции, известные в стране люди почтительно встречали Сергея Григорьевича у входа, приветствовали его, мягко пожимая его правую руку обеими своими, осторожно и, бережно взяв под локоть, подводили и усаживали на почетное место за столом — *төр*. Во время перерывов в научных сессиях незнакомые еще с ним местные знаменитости из числа молодых стихотворцев, прозаиков, живописцев, да и начинающие исследователи гурьбой спешили, чтобы лично представиться мэтру. Его молодость нередко вводила в заблуждение, и они спрашивали, не будет ли этот «джигит агасы», т. е. человек нестарый, сыном того знаменитого ленинградского Кляшторного? Сергей Григорьевич быстро-быстро кивал головой и отвечал: «Да, да, я сын Кляшторного!» При этом он и не лукавил вовсе: его отцом был известный ленинградский врач Григорий Кляшторный. Достойный сын достойного отца!

Наконец, трудно удержаться, чтобы не сказать, что первое за послевоенные годы новоселье состоялось у Сергея Григорьевича лишь в нулевые годы, когда из коммуналки близ Сенной площади он въехал в отдельную квартиру у Обводного канала. Там он впервые — уже седовласый — смог, наконец, расставить в нужном ему порядке книги своей большой и очень ценной библиотеки и, обведя неспешным взором длинный ряд своих публикаций, сказать удовлетворенно: «Мои года — мое богатство». Других материальных богатств у него не было. Там же, в квартире № 17 дома 5 на Угловом переулке, и случилось предначертанное судьбой: стрелка его часов остановилась, и Сергей Григорьевич Кляшторный ушел от нас в мир иной, загадочный.

Прощайте, дорогой мой учитель и друг!

Вас всегда помнящий,  
Турсун Султанов



**МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ ГОРЕЛИК**  
**(02.10.1946 — 12.01.2015)**  
**ПАМЯТИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ**  
**ВОЕННОГО ДЕЛА ДРЕВНОСТИ**

*В. П. Никоноров (Санкт-Петербург), Ю. С. Худяков (Новосибирск)*

В самом начале 2015 г. ушел из жизни Михаил Викторович Горелик — известный российский ученый-востоковед и военный историк, превосходный популяризатор истории оружия, разработчик и создатель многих научно-художественных и натуральных реконструкций комплексов наступательного и защитного вооружения и традиционных костюмов многих древних и средневековых народов Евразии, замечательный художник, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, академик Академии художеств Республики Казахстан, автор более 100 научных и научно-популярных публикаций. Вдобавок это был неординарный, яркий, разносторонне одаренный и исключительно талантливый человек. Отечественное оружиеведение потеряло в его лице одного из ведущих своих специалистов.

М. В. Горелик родился 2 октября 1946 г. в Нарве (Эстонская ССР). В 1947 г. он переехал в Москву, где и прожил до конца своей жизни. Еще будучи школьником, он всерьез заинтересовался археологией и историей древнего вооружения и в 1960 г. пришел в археологический кружок при Государственном Историческом музее. Его первым учителем была Эмма Григорьевна Аствацатурян — специалист по оружию Кавказа. С 1961 г. Михаил Викторович начал ездить на раскопки древних городов и курганов. В течение многих полевых сезонов он работал в экспедициях в Подмосковье, Крыму, Нижнем Поднепровье, Таджикистане и Хакасии.

С детских лет он имел страсть к рисованию, которая очень сильно помогла ему в будущей научной и реконструкторской деятельности. В 1964 г. М. В. Горелик



На международной конференции «Оружие и доспехи как индикаторы передачи культурных достижений: Степи и Древний мир от эллинистического времени до раннего средневековья» в Виттенберге (Германия) (ноябрь 2003 г.): слева направо — Б. И. Маршак, В. И. Распопова, М. В. Горелик [фотография из личного фотоархива В. И. Распоповой]

окончил художественную школу по специальности «художник-оформитель» и в том же году поступил на Отделение истории и теории искусства Исторического факультета Московского государственного университета, которое окончил в 1969 г. Свою дипломную работу он посвятил творчеству Кемаледдина Бехзада (около 1455–1535/1536) — крупнейшего персидского художника, представителя знаменитой Гератской школы миниатюрной живописи. Затем Михаил Викторович был принят в аспирантуру и по ее завершении в 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Месопотамские школы миниатюры второй половины XII — первой половины XIII в.». Тогда же он начал работать в Отделе Древнего Востока Института востоковедения Академии наук СССР, научным сотрудником которого оставался до последних лет своей жизни.

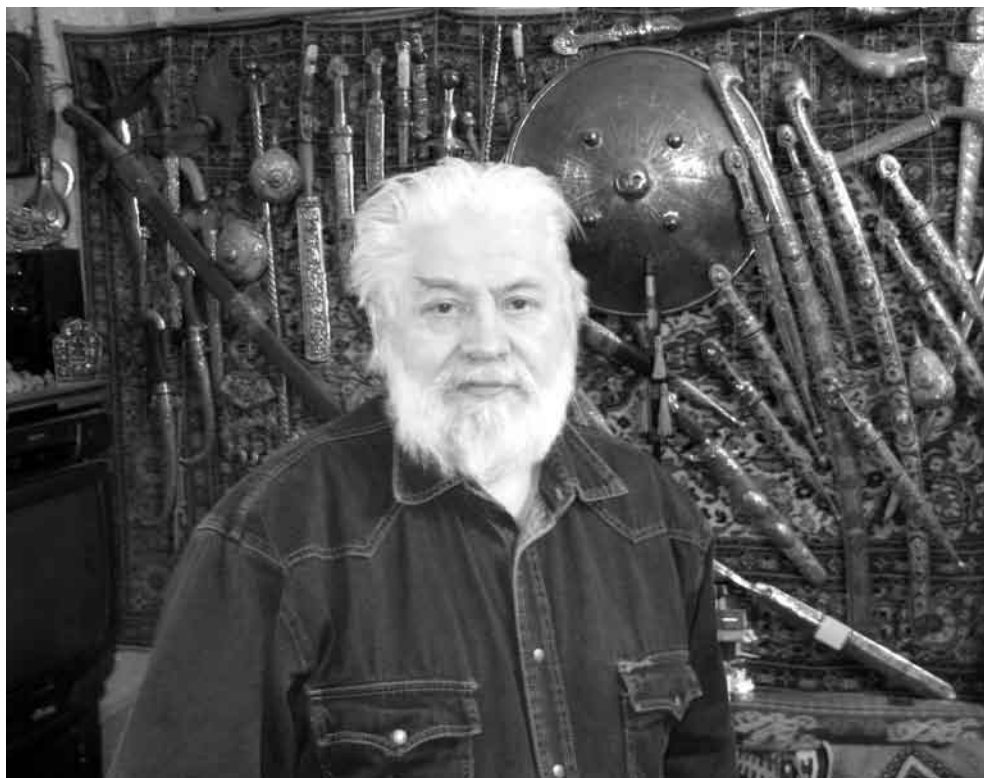
Впрочем, став сотрудником столь уважаемого академического учреждения и войдя таким образом в мир серьезных научных изысканий, М. В. Горелик активно занимался также популяризацией научных знаний. Так, в 1975–1977 гг. он опубликовал в журнале «Вокруг света» целый ряд великолепно проиллюстрированных им самим научно-популярных статей по истории оружия, которые сделали его имя хорошо известным среди самой широкой читательской аудитории Советского Союза.

Еще одной гранью таланта Михаила Викторовича была успешная работа в качестве научного консультанта-реконструктора на съемках исторических фильмов. Его дебют на этом поприще состоялся в 1964 г., когда он был приглашен консультантом к самому Андрею Арсеньевичу Тарковскому, снимавшему тогда кинокартину «Страсти по Андрею» (теперь всем известную как «Андрей Рублев»). Затем М. В. Горелик был консультантом на более чем двадцати фильмах, среди которых «Низами» (1982), «Рыцарский замок» (1990), «Ричард Львиное Сердце» (1992), «Королева Марго» (1996), «Ермак» (1996) — за последний он в 1996 г. был удостоен высшей российской кинопремии «Ника».

В 1979–1980 гг. во время подготовки к 800-летию Куликовской битвы Михаил Викторович вместе со своими помощниками-единомышленниками работал над созданием реконструкций русского и золотоордынского комплексов вооружения, и изготовленные ими экспонаты были выставлены в Музее Куликовской битвы, вызвав у посетителей огромный интерес. После этого к М. В. Горелику стали поступать аналогичные заказы из советских, российских и зарубежных музеев — Государственного Исторического музея, Музея истории донского казачества (станция Старочеркасская), Владимиро-Суздальского музея-заповедника, Музея «Слова о полку Игореве» (Ярославль), лондонского Тауэра и др.

Исследовательские интересы Михаила Викторовича охватывали вооружение и военное дело Древнего мира и средневековых народов степной Евразии. Говоря об особенностях его научного творчества, следует выделить его новаторский подход как к выбору тематики своих изысканий, так и к методике ее изучения. Во многом он был первопроходцем, занимаясь сюжетами, которые зачастую до него вообще никем не разрабатывались. Ему было присуще тонкое понимание особенностей устройства и покроя панцирей, шлемов и других деталей защитного снаряжения далекого прошлого, и это понимание зиждилось на глубоком, по сути, энциклопедическом знании дошедших до нас древних вещественных, иконографических и письменных свидетельств.

Среди работ М. В. Горелика, посвященных эпохе античности, можно выделить несколько важных тем. Прежде всего это его реконструкции доспехов скифского



М. В. Горелик на фоне предметов вооружения из своей домашней коллекции (Москва, 2011 г.)  
[фотография из личного фотоархива В. П. Никонорова]



М. В. Горелик на выставке-конкурсе военно-исторической миниатюры «Армия на ладони 2014» (Москва, сентябрь 2014 г.) [фотография из личного фотоархива Я. М. Боброва]

воинства Северного Причерноморья по данным памятников изобразительного искусства и археологических находок [Горелик 1971; 1977; 1984]. И вовсе не случайно, что став авторитетом в этой проблематике, он был приглашен крупнейшим украинским специалистом по скифскому военному делу Е. В. Черненко для выполнения реконструкций к книге, которую тот готовил для известной серии «Osprey Military Men-at-Arms Series», на основе которых А. Макбрайдом были сделаны впечатляющие цветные иллюстрации [Cernenko 1983].

Помимо этого, Михаил Викторович был автором серьезных академических статей по защитному вооружению, применявшемуся в ахеменидском Иране [Горелик 1982а], Кушанской империи [Горелик 1982б] и у кочевников-саков Центральной Азии [Горелик 1987б]. Его перу также принадлежат интересные исследования о происхождении псевдофракийских шлемов, один из которых был найден во втором Мاستюгинском кургане в Воронежской области [Горелик 1983б], о древнейших боевых колесницах Переднего Востока [Горелик 1985] и наступательном и защитном вооружении народов Восточного Туркестана от эпохи раннего железа до X в. н. э. [Горелик 1995]. Своего рода итогом многолетнего изучения древневосточного воинского снаряжения стала его фундаментальная монография «Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н. э.)», выдержавшая два издания, в которой проанализированы материалы с огромнейшей территории — от Египта до Китая [Горелик 1993; 2003].

Одной из ведущих, даже, можно сказать, магистральных тем в академическом и художественном творчестве М. В. Горелика было изучение защитного вооружения средневековых монголов. По его собственным рассказам, он увлекся монголь-

ским оружием и доспехами еще в детстве, когда имел возможность посещать запасники Государственного Исторического музея и Оружейную палату Московского Кремля. Одна из первых значительных научных работ Михаила Викторовича по данной проблематике увидела свет в 1979 г. в трудах III Международного конгресса монголоведов, проходившего в столице Монголии Улан-Баторе. В этой статье им были приведены графические рисунки внешнего облика монгольских воинов периодов развитого и позднего средневековья. Наряду с использованием сведений из письменных источников, автор привлек для своего анализа изображения монгольских воинов на персидских и китайских миниатюрах, а также отдельные находки предметов средневекового защитного вооружения, обнаруженные на обширной территории Евразии. Его главный вывод заключался в том, что средневековые монгольские воины обладали разнообразными и эффективными средствами защиты от вражеского оружия [Горелик 1979].

В том же году в Англии вышла первая зарубежная значительная работа Михаила Викторовича, в которой он рассмотрел защитное вооружение Ближнего и Среднего Востока в VIII–XV вв. в свете памятников изобразительного искусства той эпохи [Gorelik 1979]. Продолжая же монгольскую тему, он в сборнике, посвященном юбилею Куликовской битвы, опубликовал большую статью о золотоордынском оборонительном снаряжении второй половины XIV — начала XV в. [Горелик 1983a]. Позднее, в другой своей статье он выделил ранний монгольский доспех, бытовавший с IX по первую половину XIV в. [Горелик 1987a]. Результаты своей многолетней исследовательской и научно-художественной реконструкторской деятельности М. В. Горелик обобщил в научно-популярной книге о военном деле средневековых степных народов — киданей, чжурчжэней, монголов и др. Особое место в этом издании отведено цветным реконструкциям обликов воинов [Горелик 2002]. Еще раньше, в 1995 г., он опубликовал в английском издательстве «Montvert Publications» научно-популярную книгу с большой серией красочных реконструкций воинов Евразии, покрывающих широкий хронологический диапазон — с VIII в. до н. э. по XVII в. н. э. [Gorelik 1995].

Направление научно-художественной реконструкции было продолжено Михаилом Викторовичем и в созданном по его инициативе научно-популярном журнале «Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии», уже в первом номере которого он предложил новые реконструкции обликов половецких и монгольских воинов эпохи Золотой Орды на основе материалов из кочевнических погребений Восточного Приазовья [Горелик 2010].

Научная и реконструкторская деятельность М. В. Горелика получила высокую оценку и заслуженное признание не только среди его коллег — востоковедов, военных историков и оружейников, но и многочисленных любителей воинской старины в России и странах СНГ. На основе его разработок в области оружейведения получило значительное распространение движение реконструкторов и ролевиков (игровиков), создающих современные копии исторического вооружения и воинских костюмов и моделирующих их практическое использование.

Оглядываясь на пройденный М. В. Гореликом в целом плодотворный и успешный жизненный путь, можно с полной уверенностью утверждать, что он внес свой яркий и неповторимый вклад в отечественное оружейведение и военно-историческую науку. Конечно же, мы могли бы высказать определенные критические замечания к его трудам, в том числе и методологического порядка, к примеру, относительно его чрезмерного, как нам кажется, доверия к такому важному, но и в то же время весьма специфическому виду источников, как иконография, анализ данных которой порой требует более критического подхода. Также трудно согласиться

и с довольно прямолинейными суждениями, которые иногда позволял себе Михаил Викторович по поводу этнических атрибуций изучавшихся им комплексов вооружения древних и средневековых народов. Вместо понятий «сакский (кушанский, монгольский и др.) доспех», фигурирующих в его работах с акцентом на исключительно этнический характер этих наборов защитного снаряжения, гораздо уместнее (а в научном плане и объективнее), на наш взгляд, выглядели бы более нейтральные выражения: «доспех сакского (кушанского, монгольского и др.) времени». Впрочем, не так уж это все и важно, поскольку главным в научном наследии М. В. Горелика является то, что его работы (во многом, повторимся, новаторские), несмотря на небеспорность как некоторых высказанных в них положений, так и примененных методологических подходов, заставляют думать других коллег и стимулируют их на новые поиски в уже заданном им направлении.

Михаил Викторович Горелик, независимо от того, где бы он ни находился — на научных ли конференциях, в кругу ли друзей и единомышленников или в домашней обстановке, всегда был очень дружелюбным и обаятельным человеком, умевшим не только внимательно слушать других, но и самому быть интереснейшим рассказчиком. Можно было только по-хорошему завидовать его безграничной эрудиции, искренней любви к своему делу и искрометной жизнерадостности, которая, в частности, проявлялась и в том, что после каждой своей зарубежной поездки он был готов чуть ли не часами напролет и в стиле, свойственном скорее восторженному юноше, рассказывать о своих новых впечатлениях, и это его восторженное состояние передавалось всем тем, кому посчастливилось в тот момент быть его собеседниками. Именно таким Человеком — добрым, отзывчивым, принципиальным, гостеприимным и харизматичным — мы его и запоним.



В гостях у М. В. Горелика; справа — Б. В. Ерохин,  
директор издательства Филологического факультета СПбГУ (Москва, 2011 г.)  
[фотография из личного фотоархива В. П. Никонорова]

## Литература

- Горелик 1971: *Горелик М. В.* Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику скифского изобразительного искусства — золотой пластине из Геремесова кургана // СА. № 3. С. 236–245.
- Горелик 1977: *Горелик М. В.* Реконструкция доспехов скифского воина из кургана у г. Орджоникидзе // Скифы и сарматы. Киев. С. 146–151.
- Горелик 1979: *Горелик М. В.* Средневековый монгольский доспех // Олон Улсын монголч Эрдэмтний III Их Хурал. Бот III. Улаанбаатар. С. 76–97.
- Горелик 1982а: *Горелик М. В.* Защитное оружие персов и мидян ахеменидского времени // ВДИ. № 3. С. 90–106.
- Горелик 1982б: *Горелик М. В.* Кушанский доспех // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М. С. 82–112.
- Горелик 1983а: *Горелик М. В.* Монголо-татарское оборонительное оружие второй половины XIV — начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М. С. 244–269.
- Горелик 1983б: *Горелик М. В.* Про «фракійські» шоломи // Археологія. № 44. С. 14–29.
- Горелик 1984: *Горелик М. В.* Панцирное снаряжение из кургана у с. Красный Подол // Вооружение скифов и сарматов. Киев. С. 119–121.
- Горелик 1985: *Горелик М. В.* Боевые колесницы Переднего Востока III–II тысячелетий до н. э. // Древняя Анатолия. М. С. 183–202.
- Горелик 1987а: *Горелик М. В.* Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск. С. 163–208.
- Горелик 1987б: *Горелик М. В.* Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М. С. 110–133, 367–373.
- Горелик 1993: *Горелик М. В.* Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н. э.). М.
- Горелик 1995: *Горелик М. В.* Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Хозяйство, материальная культура. М. С. 359–430, 477–478.
- Горелик 2002: *Горелик М. В.* Армии монголо-татар X–XIV веков. Военское искусство, снаряжение, оружие. М.
- Горелик 2003: *Горелик М. В.* Оружие древнего Востока. IV тысячелетие — IV век до н. э.. Изд. 2-е, доп. СПб.
- Горелик 2010: *Горелик М. В.* Золотоордынские латники Восточного Приазовья (по материалам В. Н. Чхаидзе и И. А. Дружининой) // Батыр. № 1. С. 137–145.
- Cernenko 1983: *Cernenko E. V.* The Scythians, 700–300 BC. London (Osprey Military Men-at-Arms Series. 137).
- Gorelik 1979: *Gorelik M. V.* Oriental Armour of the Near and Middle East from the Eighth to the Fifteenth Centuries as shown in Works of Art // Islamic Arms and Armour. London. P. 30–63.
- Gorelik 1995: *Gorelik M. V.* Warriors of Eurasia from the VIII century BC to the XVII century AD. Stockport.





**ВЛАДИМИР АРОНОВИЧ ЯКОБСОН**  
**(26.10.1930 — 05.03.2015)**

*Н. О. Чехович* (Санкт-Петербург)

5 марта 2015 года в Санкт-Петербурге на восемьдесят пятом году жизни после долгой тяжелой болезни скончался известный российский историк и правовед, доктор исторических наук Владимир Аронович Якобсон. Окончив в 1953 г. с отличием юридический факультет Ленинградского государственного университета, он связал свою научную судьбу с исследованиями в области истории права на Древнем Востоке. Изучив клинопись и древневосточные языки (аккадский, шумерский и хеттский) под руководством И. М. Дьяконова (его первой наставницей в клинописи была Н. Б. Янковская), он стал выдающимся специалистом по клинописному праву, а также экспертом по социально-экономической истории древней Передней Азии.

В. А. Якобсон родился 26 октября 1930 года в семье рабочего в городе Луганске (Украина). Он очень рано начал читать и блестяще учился в школе. Когда началась Великая Отечественная война, части его семьи, в том числе и самому Владимиру Ароновичу, удалось эвакуироваться в Заволжье. Другая часть семьи погибла в оккупации. В 1944 г. В. А. Якобсон вернулся из эвакуации домой. Благодаря прекрасным школьным учителям Владимир Аронович, помимо прочего, хорошо знал не только русскую, но и украинскую литературу и любил украинскую поэзию. До последних лет жизни он старался навещать свой родной город, читал лекции в местном педагогическом институте.

Еще студентом Владимир Аронович увлекся историей права. В 1952 г. «Вестник древней истории» опубликовал в приложении к № 3 и 4 «Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства», изданные в переводе на русский язык И. М. Дьяконовым при участии профессора юридического факультета ЛГУ Я. М. Магазинера,

учителя В. А. Якобсона. Тогда и созрело решение студента-правоведа углубиться в историю древневосточных государств. Но, прежде чем поступить в аспирантуру к И. М. Дьяконову, он некоторое время работал в судебных органах Луганска. С конца 1950-х гг. судьба связала Владимира Ароновича с Ленинградским отделением Института востоковедения АН СССР (ныне — Институт восточных рукописей РАН). Но он не ограничивал себя только кабинетной работой и всегда был рад передавать свои знания молодежи. В разные годы он вел в ЛГУ/СПбГУ специальный курс по проблемам месопотамского права, преподавал историю Древнего Востока в Петербургском институте иудаики и в Театральной академии на Моховой. Владимир Аронович был замечательным лектором. Он любил работать с молодежью и умел это делать живо и интересно. В. А. Якобсон постоянно участвовал в научных конференциях в России и за рубежом, в частности в ЛГУ/СПбГУ, Московском государственном университете, Российском государственном гуманитарном университете, Гейдельбергском университете и др., а также читал лекции в университетах Мюнхена и Мюнстера (Германия). Интересный и обаятельный собеседник и великолепный популяризатор науки о Древнем Востоке, он приглашался и на телевидение, где запомнился в ночных беседах Александра Гордона.

В 1967 г. В. А. Якобсон защитил кандидатскую диссертацию («Новоассирийское право и общество»), а в 1989 г. — докторскую («Законы Хаммурапи как источник по истории древней Месопотамии»)¹. Он был автором многочисленных статей и отдельных глав в коллективных трудах, редактором нескольких изданий «Истории Древнего Востока», безотказным и высококвалифицированным научным редактором монографий своих коллег.

Совместно с И. М. Дьяконовым Владимир Аронович разрабатывал и отстаивал новую концепцию социально-экономического развития общества в древней Передней Азии. Помимо исследования раннегосударственных объединений в древней Месопотамии, их генезиса, Владимир Аронович работал также над социальными проблемами древневосточного города, исследовал историю первых империй, делая важные теоретические выводы. Эти работы вызвали большой интерес в мировой науке.

В. А. Якобсон любил вспоминать о своем участии в раскопках урартских крепостей под руководством Б. Б. Пиотровского, а позже — античных поселений в Восточном Крыму, в районе Керчи.

Обладая тонким литературным вкусом, Владимир Аронович занимался переводом на русский язык памятников аккадской литературы, опубликовав среди прочих своих переводов такие тексты, как «Разговор господина с рабом», «Эпос об Эрре», «Поэму о невинном страдальце» и дополненное новыми материалами начало «Эпоса о Гильгамеше» (эту работу ему, увы, не удалось завершить). В начале XXI в. он напечатал несколько публицистических статей, откликаясь на события и идейные веяния нашего времени. Последняя его статья, «Кое-что о патриотизме», опубликованная в журнале «Звезда» (№ 9 за 2013 г.), полна важных и чрезвычайно актуальных мыслей по поводу состояния умов в современной России.

Владимир Аронович Якобсон был мудрым советчиком, верным другом, исключительно добрым и духовно очень сильным человеком. К сожалению, на его долю выпало много физических страданий: серьезные болезни и в молодости, и в пожилом возрасте надолго выводили его из строя. Но он стойко и мужественно переносил все невзгоды, и его голова оставалась ясной до последнего дня. Память о нем всегда будет жить в сердцах его друзей и учеников.

¹ Впоследствии он опубликовал новый комментированный перевод законов Хаммурапи [см.: История Древнего Востока. Тексты и документы. М., 2002. С. 167–191].



**СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ НОВИКОВ**  
**(31.07.1950 — 19.03.2015)**

*А. С. Анохин (Москва)*

Сергей Викторович Новиков родился 31 июля 1950 г. в семье военнослужащего и воспитательницы детского сада на станция Лихая в городе Каменск-Шахтинск Ростовской области. Как и многие семьи военных, Новиковы ездили по стране. На постоянное место жительства переехали в Москву, где Сергей и окончил школу. Прежде чем идти в вуз, он отслужил в рядах вооруженных сил СССР и лишь затем, в 1972 г., поступил на вечернее отделение Исторического факультета Московского государственного университета. Параллельно с учебой он работал редактором в отделе истории издательства Московского университета, и через его редактуру прошло большое количество книг по самым разным областям исторического знания.

Специализацию Сергей Викторович выбрал на кафедре истории Древнего мира у профессора Геннадия Андреевича Кошеленко, научную преданность и пиетет по отношению к которому он сохранил до конца своей жизни (и который, к слову сказать, очень высоко оценивал научные способности своего ученика). Крупнейший и авторитетнейший специалист по восточному эллинизму, Г. А. Кошеленко посвятил его в проблематику, которую активно разрабатывал тогда сам, — становление и развитие полисного устройства на Востоке после походов Александра Македонского. Дипломную работу С. В. Новиков защитил по теме «Социально-экономические отношения в греческих полисах эллинистического Востока (на материалах Суз и Дура-Европос)».

Получив в 1978 г. диплом о высшем образовании, Сергей Викторович сразу же был принят в качестве сотрудника на кафедру истории Древнего мира Исторического факультета МГУ. Разработку своей темы он продолжил уже в качестве

соискателя, сосредоточившись на вопросах социально-экономического развития Сузианы (Юго-Западный Иран) с конца IV в. до н. э. до III в. н. э. В 1983 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Сузиана при Селевкидах и парфянах», а позднее на ее основе опубликовал монографию «Юго-Западный Иран в античное время (от Александра Македонского до Ардашира I)» (М., 1989). В этой работе он собрал, систематизировал, детально проанализировал, интерпретировал и концептуально представил все доступные данные письменной традиции, эпиграфики, археологии, нумизматики и аэрофотосъемки о древней Сузиане. Эту область на юго-западе Ирана С. В. Новиков с известными оговорками рассматривал как миниатюрную копию государств Селевкидов и Аршакидов. Интересовали его и отдельные аспекты истории и культуры рассматриваемого региона. Так, в одной из последних своих статей он исследовал сведения о присутствии там культа Сараписа (2014). Привлекал его внимание и образ таинственной и авантюрной царицы парфян Музы, младшей современницы Октавиана Августа, которой он посвятил две публикации (1990, в соавторстве с А. Г. Лапшиным; 2000).

Другой сферой научных интересов Сергея Викторовича была археология Средней Азии. В конце 1970-х — 1980-х гг. он участвовал в раскопках в Туркменистане и Узбекистане. В частности, в течение целого ряда лет он принимал участие в совместной экспедиции, организованной Институтом археологии АН СССР и Московским и Туркменским государственными университетами. Основной задачей этой экспедиции, возглавляемой Г. А. Кошеленко, было составление археологической карты Мервского оазиса. Неоднократно С. В. Новиков возил туда на археологическую практику студентов Исторического факультета МГУ. Целый ряд его публикаций, подготовленных им самостоятельно или в соавторстве с коллегами (Г. А. Кошеленко, В. А. Гаيبовым, А. Г. Губаевым, А. Г. Лапшиным), были посвящены результатам раскопок на городищах Чильбурдж (2003), Гебеклы-депе (1988; 1989; 1992; 1994), Мансур-депе (1989; 1990; 2000) и Зар-тепе (1996), а также в Мервском оазисе (1982; 1986) и Туркменистане в целом (1991).

В 1989 г. Сергей Викторович получил должность, а в 1991 г. — звание доцента. Он был блестящим педагогом и ярким лектором. Студенты неизменно отмечали стройность и четкость построения его лекций, простоту подачи материалов и легкость их запоминания. Первокурсникам-историкам он читал историю Древней Греции и Рима, студентам, специализирующимся на кафедре истории Древнего мира, — курсы по историографии и культуре Древней Греции и эллинизма, введение в папирологию, а также вел спецсеминар, в ходе которого разбирал с будущими специалистами проблему становления культов эллинистических правителей. Кроме того, он читал курс по истории международных отношений в древности, а студентам географического факультета — большой цикл лекций по всемирной истории.

С. В. Новиков был руководителем четырех кандидатских диссертаций: «Культы эллинистической Бактрии: на материалах “храма с уступчатыми нишами” в Ай-Ханум и храма Окса в Тахти-Сангине» И. Н. Коровчинского (защищена в 2007 г.), «Царский культ в государстве Селевкидов: от Селевка I до Антиоха III» Н. В. Журавлевой (2009), «Регион Персидского залива в селевкидо-парфянское время» Н. А. Маккавеева (2011) и «Внешняя и внутренняя политика Антиоха IV Эпифана» А. С. Анохина (2013), а также большого числа дипломных работ. В качестве наставника Сергей Викторович сочетал в себе, с одной стороны, готовность дать своим дипломникам и аспирантам много профессиональной свободы, а с другой — принципиальное и требовательное отношение к результатам



С. В. Новиков в аудитории  
Исторического факультета МГУ  
(середина 1990-х гг.)

их работ, за качество которых он чувствовал личную ответственность. Защищенные под его руководством диссертации неизменно демонстрировали комплексность подходов к решению поставленных научных задач, полемичность и открытость для дискуссии.

С. В. Новиков был автором учебной литературы для школьников и студентов. Его перу принадлежат разделы по крито-микенской и классической Греции в учебном пособии «Древняя Греция» (соавторы: Л. Л. Селиванова и А. В. Стрелков,

2003; в издании 2006 г. он написал также главу по эллинизму). Он — автор разделов по истории Греции в учебном пособии «История древнего мира. Восток, Греция, Рим» (соавторы: И. А. Ладынин, А. А. Немировский, В. О. Никишин, 2010) и разделов по античности в учебном пособии по всеобщей истории (в соавторстве с О. В. Дмитриевой и А. С. Манькиным, 2010). Сергей Викторович был научным редактором Большой исторической энциклопедии (2010) и соавтором учебника для 10 класса школы по всеобщей истории (в соавторстве с О. И. Поскопиной и О. В. Дмитриевой, 2011). Еще один учебник — по отечественной истории для детей младшего возраста («Родная история», 2008) — он написал вместе со своей супругой Е. П. Новиковой.

При необходимости Сергей Викторович с готовностью брал на себя всегда довольно обременительные для ученого и преподавателя организационные и административные обязанности. В 1980-е гг. он состоял членом факультетского парткома (убежденным сторонником коммунистических идей, кстати, он оставался и после 1991 г.). В середине 1990-х гг. был заместителем проректора МГУ по учебной работе, а в 1998–2001 гг. являлся заместителем декана исторического факультета по международным связям.

Коллеги по кафедре высоко ценили С. В. Новикова не только как первоклассного, преданного своему делу специалиста и надежного коллегу, но и за его человеческие качества: отзывчивость, деликатность, скромность и вместе с тем прямодушные и сильный мужской характер, умение быть другом, беспрекословное уважение к своим наставникам и старшим товарищам.

В последние годы Сергей Викторович испытывал серьезные проблемы со здоровьем (потребовалась даже операция на сердце). Помимо этого, он тяжело переживал утрату близких людей — мамы и сестры, а также не был удовлетворен многими негативными явлениями в нынешнем отечественном образовании, которые считал бесповоротным отступлением от высоких образцов советского образования. Он ушел из жизни 19 марта 2015 г. в возрасте 64 лет, из которых более 40 отдал изучению истории античности и Московскому государственному университету.



**ВАДИМ НИКОЛАЕВИЧ ЯГОДИН**  
**(05.02.1932 — 31.05.2015)**

*В. А. Алёкшин, В. П. Никоноров (Санкт-Петербург)*

31 мая 2015 г. центральноазиатская археология понесла серьезную утрату: не стало Вадима Николаевича Ягодина — одного из крупнейших археологов Узбекистана второй половины XX — начала XXI в.

В. Н. Ягодин родился в семье, которая в 1935 г. переехала на постоянное местожительство в Каракалпакию (г. Турткуль), входившую в то время в состав РСФСР на правах автономной республики, а спустя четыре года включенную с сохранением того же статуса в Узбекскую ССР. За вычетом первых трех лет после рождения и периода обучения в Ивановском педагогическом институте, который он окончил в 1955 г., вся жизнь Вадима Николаевича была связана с этим жарким среднеазиатским краем на северо-западе Узбекистана. Сюда он вернулся из Иванова и стал научным сотрудником Республиканского историко-краеведческого музея в г. Нукусе, административном центре автономии. Вскоре ученый перешел на работу в Институт истории языка и литературы Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР. Здесь он прошел путь от младшего научного сотрудника до заведующего Отделом археологии (1969). Проводя целенаправленные археологические изыскания в Каракалпакистане, В. Н. Ягодин со временем защитил кандидатскую (1963) и докторскую (1992) диссертации. Вершиной его административно-научной карьеры становится назначение на должность директора Института истории, археологии и этнографии Каракалпакского отделения АН Республики Узбекистан в 1992 г. На этом посту он находился до 2011 г. В последние годы жизни Вадим

Николаевич являлся главным научным сотрудником Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского регионального отделения АН Республики Узбекистан.

Его многолетние полевые изыскания составили целую эпоху в археологии Каракалпакстана. Научные интересы В. Н. Ягодина были всегда разнообразны. Начав полевые работы в составе возглавляемой С. П. Толстовым Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, он со временем стал проводить самостоятельные исследования, изучая памятники древних культур Приаральской дельты Амударьи, куда еще почти не ступала нога исследователя. В частности, он раскапывал такой яркий памятник, как могильник раннесредневекового города Миздахкана, где обнаружил погребения в оссуариях.

Вадим Николаевич углубленно обследовал памятники древней культуры, локализованные на территории владения Кердер, возникшего в эпоху раннего средневековья в дельте Амударьи. Эти археологические объекты имеют большое значение для исследования процессов этногенеза ряда обитавших в тех краях тюркоязычных народов.

В. Н. Ягодин известен и изучением памятников, которые были оставлены охотниками и скотоводами, обитавшими в эпоху средневековья между Каспийским и Аральским морями. Он уделял большое внимание вопросам взаимодействия оседлого населения оазисов и кочевников, кочевавших на периферии земледельческой ойкумены, попутно занимаясь вопросами палеогеографии и палеоэкологии.

Проводя интенсивные археологические изыскания на плато Устюрт, Вадим Николаевич открыл и впервые изучил так называемые стреловидные планировки, представлявшие собой загоны, которые соорудили древние охотники на сайгаков, куланов и джейранов. На Устюрте он также раскопал несколько могильников, относящихся к эпохе ранних кочевников. Мы хорошо помним, как в конце 1980-х гг. В. Н. Ягодин приезжал в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР с целью оформления докторантуры при Отделе Средней Азии и Кавказа и сделал на заседании Отдела исключительно интересный доклад о своих открытиях на Устюрте, который был заслушан присутствующими с огромным вниманием. По вполне понятным причинам с докторантурой в ЛОИА у него тогда не сложилось, и в 1992 г. Вадим Николаевич защитил докторскую диссертацию «Скотоводы-охотники Арало-Каспийского междуморья в средние века» (в форме научного доклада) на Историческом факультете Московского государственного университета.

Среди других достижений В. Н. Ягодина — проведение археологических исследований в Хиве, в результате которых удалось установить, что город возник примерно 2500 лет тому назад. Свой многовековой юбилей Хива отпраздновала в 1997 г.

Важной вехой в профессиональной деятельности Вадима Николаевича стали работы возглавляемой им и А. Беттс Международной Каракалпакско-Австралийской археологической экспедиции на древних памятниках Ташкырманского оазиса Каракалпакстана. Особенно важными оказались раскопки дворцово-храмового комплекса на городище Казаклы-яткан (Акшахан-кала), где были обнаружены уникальная настенная живопись и надписи на древнехорезмийском языке конца II — начала I в. до н. э., проливающие значительный свет на историю Хорезма в эллинистическую эпоху<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Об этих раскопках см.: *Ягодин В. Н.* Портретная галерея древнейшей династии хорезмийских царей? // *Commentationes Iranicae: Сборник статей к 90-летию Владимира Ароновича Лившица.* СПб., 2013. С. 272–285.



В. Н. Ягодин рассказывает о сенсационных открытиях на городище Казаклы-яткан (январь 2015 г.) [URL: <http://www.12news.uz/news/2015/01/в-узбекистане-обнаружена-уникальная/> (дата обращения: 25.10.2015)]

Перу Вадима Николаевича принадлежат более 200 научных и научно-популярных работ, включая семь монографий и одно учебное пособие. Он основал в 1982 г. серию научных книг «Археология Приаралья». Вел он и большую научно-педагогическую работу, воспитав целое поколение археологов Каракалпакстана. В 2006 г. В. Н. Ягодин получил звание профессора.

Заслуги исследователя были отмечены правительством Республики Узбекистан. Он получил почетные звания «Заслуженный работник культуры Каракалпакстана» и «Заслуженный деятель науки Каракалпакстана», а также был награжден орденом «Мехнат шухрати» («Трудовая слава»).

Вадим Николаевич Ягодин, вне всякого сомнения, внес очень весомый вклад в изучение истории и культуры народов, населявших в древности Южное Приаралье и прилегающие к нему территории. Проявив достойные самого глубокого уважения устремленность и трудолюбие, он с честью выполнил свое жизненное предназначение и покинул этот мир, оставив нынешнему и будущим поколениям специалистов по археологии Средней Азии свои замечательные открытия и чрезвычайно важное творческое наследие.





## **ДОРОГАМИ ОТКРЫТИЙ ДРЕВНИХ МИРОВ ПАМЯТИ ЮРИЯ ФЕДОРОВИЧА БУРЯКОВА (15.03.1934 — 27.06.2015)<sup>1</sup>**

*Л. Г. Левтеева* (Ташкент, Узбекистан)

Имя видного ученого-археолога, специалиста по древней и средневековой истории Узбекистана, доктора исторических наук, профессора, академика Академии наук Республики Узбекистан Юрия Федоровича Бурякова широко известно отечественной и мировой археологической науке. Результаты его исследований представлены в более чем 10 монографиях и примерно в 600 публикациях. Он являлся одним из ведущих популяризаторов достижений археологии в Узбекистане.

По семье Буряковых можно изучать довольно существенный период истории Российской империи. Родители отца Юрия — крестьяне, переселившиеся в Среднюю Азию из Полтавы в конце XIX в. По материнской линии его род также крестьянский и также из семьи переселенцев, но только из Сибири. Юрий родился в Учкургане (Киргизия), учился там до восьмого класса, а заканчивал учебу в 1951 г. уже в Ташкенте, став первым золотым медалистом школы. Тем же летом поступил на Исторический факультет Среднеазиатского государственного университета (далее — САГУ, ныне — Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека). Учился у известных ученых и замечательных педагогов — М. Е. Массона, Г. А. Пугаченковой, Е. А. Давидович, с которыми оставался дружен всю свою жизнь. Принимал самое активное участие в работе знаменитого Студенческого научного археологического кружка (СНАК). Большую роль в формировании исследовательских навыков будущего ученого сыграло его участие в работе Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) под руководством М. Е. Массона. Он работал с В. М. Массоном в Мервском оазисе, в составе группы Г. А. Пугачен-

---

<sup>1</sup> Все воспроизведенные в этой статье фотографии — из личного фотоархива Л. Г. Левтеевой.

ковой участвовал в разведочных исследованиях в долине Мургаба. Одним словом, прошел серьезную научную и организационную школу.

В 1953–1954 гг. студент Буряков в составе экспедиции М. Е. Массона раскапывал городище Мингурюк в Ташкенте — резиденцию тюркских правителей Чача периода борьбы с арабами. Результаты раскопок Мингурюка легли в основу его первой научной статьи, опубликованной в сборнике научных трудов кафедры археологии САГУ, вышедшем в 1956 г.

По окончании университета Ю. Ф. Буряков по рекомендации М. Е. Массона был направлен на работу в Музей истории Академии наук Узбекской ССР. Увлеченный историей и археологией, наделенный живым, любознательным умом, добросовестный, неутомимый и старательный, он быстро поднялся по служебной лестнице от младшего научного сотрудника до заместителя директора по науке (в 1960 г.). В музее Юрий Федорович активно включился в административную и научную работу, с увлечением и упорством осваивал музейное дело. Плодотворная связь с музеем продолжалась и в последующие годы. В 1965 г. Ю. Ф. Бурякова перевели в Министерство культуры Узбекской ССР. В должности главного инспектора Отдела культпросветучреждений Ю. Ф. Буряков проработал около трех лет. В результате многое было сделано для улучшения работы музеев республики. Его смело можно назвать практиком музейного дела в Узбекистане. На протяжении всего своего творческого пути он активно участвовал в формировании археологического и нумизматического фондов музеев, консультировал музейных работников, участвовал в создании музейных экспозиций и выставок.

Вместе с тем, Юрий Федорович не оставлял экспедиционную деятельность. Он изучал памятники различных исторических эпох — от неолита до средневековья (Джейтун, Чуст, Намазга, Яз-депе, Кызылкыр, Самарканд, Бухара и др.). Трудно переоценить значение исследований, проводившихся ученым на территории Ташкента и Ташкентской области в 1950-х — 1960-х гг. Особенно плодотворной была



Ю. Ф. Буряков (второй слева) знакомит юных краеведов с материалами городища Киндыктепа на Туябугузском водохранилище. 1968 г.



Ю. Ф. Буряков (справа) на Международной конференции ЮНЕСКО «Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций» (Париж, 24 ноября 1988 г.)

его работа в составе особого отряда Узбекской археологической экспедиции Института истории и археологии и Музея истории, выделенного для историко-топографического обследования Ахангарана и памятников горнорудного дела Чаткало-Кураминского промышленного района. Сам Юрий Федорович проводил исследования в Чаткало-Кураминском регионе, на крупнейших городских центрах Сырдарьи, таких как Канка, Тункет, Бенакет, Наукет, Шахрухия, а также вдоль трасс Великого шелкового пути. Его раскопки всегда отличались высоким профессиональным уровнем, позволявшим извлечь максимум информации из полученных материалов. Результаты этих работ были обобщены в монографии «Горное дело и металлургия средневекового Илака. V — начало XIII в.» (Ташкент, 1974) — одного из крупнейших горнорудных районов средневекового Востока, славившегося добычей золота, серебра и самоцветов, а также более чем в 60 научных статьях. Итогом стала кандидатская диссертация на тему «Из прошлого Чаткало-Кураминского горнопромышленного района», защищенная в 1966 г.

С 1967 г. Ю. Ф. Буряков открыл новую страницу своей жизни, перейдя на работу в Институт истории и археологии Академии наук Узбекской ССР. После создания в 1970 г. в Самарканде Института археологии Академии наук Узбекской ССР он стал его сотрудником. Добросовестный и ответственный работник, он занимал должности сначала ученого секретаря, с 1973 г. — заведующего работами на новостройках, с декабря 1979 г. — заместителя директора по науке и заведующего отделом археологии Северного Узбекистана на общественных началах, с 1993 г. — заведующего Отделом средневековой археологии. Организационная работа требовала от Юрия Федоровича предельного напряжения сил. И все же он находил время заниматься научной деятельностью, писать научные труды и неизменно участвовать в археологических раскопках. В качестве заместителя Я. Я. Гулямова, руководившего Афрасиабской экспедицией с 1966 г., Ю. Ф. Буряков вел раскопки на Афрасиабе — городище древнего Самарканда. Накопленный опыт, великолепные знания, острая

природная наблюдательность и коммуникабельный, непринужденный характер Юрия Федоровича сыграли большую роль в научном росте участников Афрасиабской экспедиции и взаимопонимании между ними. Живой и общительный, он неизменно располагал к себе людей, был очень к ним внимателен, излучал человеческое тепло и доброту. Его дружеская поддержка и готовность в любую минуту прийти на помощь облегчали трудности и поднимали настроение. Он мог найти выход из любой ситуации. В условиях полевой жизни Юрий Федорович был неприхотлив в быту.

В ходе раскопок на Афрасиабе были вскрыты жилые и ремесленные кварталы, древние уличные магистрали и ворота. Во время работ на месте главной соборной мечети в 1977 г. был найден получивший всемирную известность шахматный набор. В самом Самарканде, на площади Регистан под многометровой толщей земли обнаружили мастерскую самаркандского торефта эпохи Тимура. Подарком археологической фортуны для Ю. Ф. Бурякова и его коллег стала находка более 60 разнообразных изделий из семисплавной золотистой бронзы, инкрустированных золотом и серебром.

Наряду с участием в Афрасиабской экспедиции, Ю. Ф. Буряков продолжал научные изыскания, связанные как с разработкой проблем истории северных регионов Средней Азии и Узбекистана в эпохи древности и средневековья, так и с изучением контактных зон земледельческих и скотоводческих народов в рамках программы «Закономерности урбанизации Средней Азии» и исторической топографии Ташкентского оазиса. С 1973 г. он был назначен руководителем Шашилакской, затем — Чач-Уструшанской комплексной экспедиции. Именно Ташкентский оазис Юрий Федорович считал наиболее урбанизированным регионом и основным металлургическим центром Мавераннахра, который стоял на одной из ведущих трасс Великого шелкового пути и втягивал в орбиту своих торговых связей кочевые племена, земледельцев, ремесленников и торговцев Великой Туранской степи. Вплоть до 1972 г. Ю. Ф. Буряков возглавлял работы по изучению зоны Чарвакского водохранилища, где были зафиксированы около 150 памятников различного характера, от древнего города Бричмулла, серии крепостей и погребальных курганов до наскальных рисунков — памятников первобытного искусства. В 1970-х гг. археологическим отрядом под руководством Ю. Ф. Бурякова были открыты стоянки каменного века Кутурбулак и Зирабулак. Благодаря его усилиям в научный оборот были введены памятники бургулюкского типа (IX–III вв. до н. э.) и каунчинской культуры (II в. до н. э. — VIII в. н. э.). Не менее важными для этнической и социально-экономической истории Ташкентской области явились исследования погребальных сооружений в долине Чирчика и Ахангарана. Итогом многолетних исследований Юрия Федоровича в этом регионе стал системный анализ Ташкентского региона, в котором зафиксировано 531 городище и поселение, 120 могильников и 90 пунктов сырьевых



Ю. Ф. Буряков на городище Канка в 1989 г.

ресурсов. Детальное археологическое обследование в сочетании с анализом исторических сведений позволило Ю. Ф. Бурякову локализовать значительную часть городских пунктов Ташкентского оазиса, перечень которых насчитывает 34 города. Была составлена историческая топография городов. Данные, полученные в результате локализации и изучения памятников, помогли выявить основные градообразующие факторы. В 1973 г. по материалам исследований была издана карта «Археологические памятники Ташкентской области», до сих пор представляющая собой единственную в Узбекистане археологическую карту. Она охватывает более 750 памятников. Наряду с картой, была опубликована и коллективная монография под тем же названием. По материалам многолетних работ в зонах затопления Чарвакского и Туябугузского водохранилищ вышли две коллективные монографии «Древности Чарвака» (Ташкент, 1976) и «Древности Туябугуза» (Ташкент, 1978). Итоги исследований торговых путей и населенных пунктов на них подведены в Ю. Ф. Буряковым в книге «Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса (историко-археологический очерк Чача и Илака)» (Ташкент, 1975). В монографии «Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса» (Ташкент, 1982) им обобщены материалы исследований пунктов расселения, сырьевых ресурсов и других объектов древней культуры региона, выявлены закономерности процесса урбанизации. Еще один период его необыкновенно насыщенной жизни как ученого и организатора получил завершение защитой в 1984 г. диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса (в древности и средневековье)».

Применение Ю. Ф. Буряковым системного подхода позволило дать объективную оценку, выявить и охарактеризовать главные этапы урбанизации, проследить связи между городской культурой и развитием производительных сил. Впервые именно им были проанализированы роль сырьевых ресурсов в формировании городов, отождествлены по письменным источникам более 30 городских пунктов, предпринята систематизация разнородных и разновременных памятников древней культуры бассейна Сырдарьи, показаны причины эволюции караванных путей и их роль в урбанизации контактных зон. Свои знания и опыт по истории урбанизации Юрий Федорович успешно использовал в определении возраста крупнейших городских центров Узбекистана.

Ю. Ф. Буряков также руководил систематическим изучением Уструшаны — одной из малоизученных областей Мавераннахра, в ходе которого методом сплошного обследования были взяты на учет и систематизированы памятники Сырдарьинской области, а также изучались древние торговые трассы и населенные пункты. Аналогичные работы проводились и в Джизакской области Узбекистана. Результатом стала монография «Мавераннахр на Великом шелковом пути» (Самарканд; Бишкек, 2006), в которой были подведены итоги изучения древних и средневековых торговых трасс Среднеазиатского междуречья.

В начале 2000-х гг., в связи с разработкой научной темы, связанной с исследованием сырьевых ресурсов Мавераннахра, Ю. Ф. Буряков изучал металлургическую базу государств Согда и Хорезма, древние рудные разработки Восточного Мавераннахра, историю горного дела и металлургии в Северной Фергане, состояние металлургического производства в период возникновения Авесты, сырьевые ресурсы древнего Насафа и многие другие аспекты данной проблемы.

2003 г. стал одним из многих поворотных моментов в жизни Юрия Федоровича: он возвратился из Самарканда в Ташкент, в Институт истории Академии наук Республики Узбекистан на должность заведующего Отделом истории материальной



Чествование 80-летнего юбилея Ю. Ф. Бурякова (второй справа)  
в Институте истории Академии наук Республики Узбекистан в 2014 г.

культуры, затем главного научного сотрудника, где продолжил свои исследования по топографии городов Ташкентского оазиса в основном, основанные на изучении самых крупных и наиболее значимых памятников — первой столицы древнего государства Чач, руины которой известны под названием Канка (средневековый Харашкет), и крупного города-крепости, охранявшего переправу магистральной трассы Великого шелкового пути через Сырдарью, — Шахрухия. Долгая и кропотливая работа велась и по изучению караванных путей. Итоги этих исследований были подведены в книге «Канка и Шахрухия. Древние города Чача и Илака на Великом шелковом пути» (Ташкент, 2011).

В июне 1995 г. за выдающиеся научные достижения Ю. Ф. Бурякову было присвоено почетное звание академика Академии наук Республики Узбекистан по специальности «Археология». Его научные разработки признаны всем мировым сообществом. Он неоднократно представлял археологическую науку Узбекистана на международных форумах и симпозиумах, коллоквиумах ЮНЕСКО, участвовал в крупных международных экспедициях ученых в рамках программы, ЮНЕСКО «Великий шелковый путь — путь диалога народов и культур», исполняя обязанности руководителя делегации из Узбекистана, а также в мероприятиях, проводимых в Узбекистане под эгидой международных организаций. Юрий Федорович был избран иностранным членом-корреспондентом Германского археологического института. Он — один из инициаторов создания Международного института центрально-азиатских исследований (МИЦАИ) в Самарканде.

Своим ученикам Ю. Ф. Буряков щедро отдавал накопленные знания. Он участвовал в разработке программы «Формы и методы работы музея со школой» и стоял у истоков создания Малой академии наук (МАН) при Самаркандском отделении Академии наук Узбекистана. С 1989 г. вел педагогическую деятельность в Самаркандском государственном университете имени Алишера Навои. В 1991 г. ему было присвоено звание профессора. С 2003 г. он преподавал на кафедре археологии Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека. Всегда деятельный, открытый новому, он посвящал студентов в тонкости археологии так же увлеченно и так же учил их быть преданными науке, как когда-то его учили этому его учителя. Под его руководством были защищены более 20 кандидатских диссертаций. Юрий Федорович являлся одним из инициаторов и активных участников Массоновских и Гулямовских чтений, был членом Ассоциации востоковедов, Специализированного совета по защите диссертаций Института истории, Экспертного совета по защите диссертаций Академии наук Республики Узбекистан, принимал деятельное участие в краеведческом движении, был членом правления Общества охраны памятников истории и культуры Узбекистана.

В 1985 г. за разработку проблем урбанизации Ю. Ф. Буряков был удостоен звания лауреата Государственной премии Узбекской ССР по науке и технике имени Бируни. В декабре 2003 г. он был награжден орденом «Дустлик».

Талантливый во всем, Юрий Федорович и в домашней обстановке излучал доброту, внимательность, благожелательный юмор. Это был душевный, коммуникабельный человек; его всегда отличали человеколюбие и чуткость, он обладал удивительным даром — умением слушать и сопереживать. Двери его дома всегда были открыты для друзей и коллег. А еще он был заботливым и внимательным мужем и отцом. Со своей супругой, Эльвирой Юрьевной, с которой познакомился в студенческие годы, Юрий Федорович прожил в браке более 50 лет.

В последние годы жизни основное внимание Юрий Федорович уделял исторической реконструкции археологических находок и изучению цивилизационных процессов и государственности, принимал участие в исследованиях Самарканда, Бухары, Карши и других городов. Но главным объектом его научных интересов оставалась Ташкентская область — Чач. Он непосредственно участвовал в разработке государственной программы развития сферы туризма в Ташкентской области на 2013–2015 гг. К сожалению, планы Ю. Ф. Бурякова по обобщению материалов по этапам древней истории Ташкентского региона и продолжению изучения главных городских и исторических центров Ташкентской области — Канки и Шахрухии — прервала его смерть, наступившая 27 июня 2015 г. Неожиданная кончина Юрия Федоровича Бурякова стала огромной утратой для всех, кто его знал.



**ГЕННАДИЙ АНДРЕЕВИЧ КОШЕЛЕНКО**  
**(21.01.1935 — 05.08.2015)**

*С. В. Смирнов (Москва)*

5 августа 2015 г. ушел из жизни выдающийся ученый, крупнейший отечественный специалист в области изучения восточного эллинизма и классической археологии, профессор, член-корреспондент Российской Академии наук Геннадий Андреевич Кошеленко. В памяти коллег, учеников, друзей и просто знакомых он навсегда останется не только как образец высочайшей научной эрудиции, профессионализма и трудолюбия, но и как замечательный человек — доброжелательный, внимательный и отзывчивый.

Геннадий Андреевич Кошеленко родился в 1935 г. в Омске. В 1952–1957 гг. он учился на историческом факультете Московского государственного университета, где специализировался по кафедре истории Древнего мира. Уже в то время он проявил особый интерес к античной археологии и истории и продемонстрировал незаурядные способности к самостоятельной научной работе. После окончания учебы Геннадий Андреевич по распределению уехал в Хабаровский край, где на протяжении года работал учителем в средней школе. После возвращения в Москву он работал в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина (ГБЛ) в должности библиотекаря, а в 1959 г. поступил в аспирантуру Института истории материальной культуры АН СССР. Его научным руководителем был один из ведущих советских археологов и историков античности В. Д. Блаватский, который обратил внимание молодого исследователя на перспективность изучения феномена эллинистического Востока. Этой тематике и была посвящена кандидатская диссертация Г. А. Кошеленко «Культура городов Парфии», которую он защитил в 1963 г. и которая легла в основу его монографии «Культура Парфии», опубликованной в 1966 г.

В разные годы Геннадий Андреевич принимал участие в раскопках античных памятников на Таманском полуострове и в Крыму, был одним из зачинателей отечественной подводной археологии. Однако его главная археологическая деятельность



была неразрывно связана со Средней Азией. В 1962 г. он становится постоянным участником работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, руководимой М. Е. Массоном. На протяжении более чем сорока лет Геннадий Андреевич проводил раскопки на таких памятниках Южного Туркменистана, как Гяур-кала в Старом Мерве, Старая Ниса, Мансур-депе, Гебеклы-депе, Чильбурдж и др. Результаты этих исследований стали настоящей сенсацией, открыв малоизвестные до того страницы истории и культуры эллинистической Средней Азии.

Важным событием научной биографии Г. А. Кошеленко стала защита им в 1979 г. докторской диссертации «Греческий полис на эллинистическом Востоке», опубликованной в том же году в виде монографии. В этой работе автор обращается к дискуссионным проблемам греко-македонской колонизации Ближнего и Среднего Востока, особенностям полисных институтов этого региона, а также взаимоотношениям полиса и царской власти. Эта книга явилась результатом долгих и кропотливых научных изысканий. Широта постановки научной задачи и комплексный метод исследования, сочетающий археологический, исторический и филологический подходы, сделали ее актуальной и востребованной даже спустя несколько десятилетий после выхода в свет. К данной проблематике Геннадий Андреевич многократно возвращался на протяжении всей своей жизни.

Активную научную работу Г. А. Кошеленко успешно совмещал с преподаванием в ведущих вузах страны. Ему удалось создать свою научную школу, представители которой работают в различных научных и образовательных учреждениях по всему миру. Под его руководством было подготовлено и защищено большое число кандидатских и докторских диссертаций. Как научный руководитель Геннадий Андреевич обладал ярким талантом наставника и учителя. Всегда сохраняя

научную принципиальность, он никогда не ограничивал своих учеников в выборе тем или методов исследования, был корректен в дискуссиях и внимателен к работам начинающих исследователей. Его блестящие достижения как ученого и педагога были по достоинству отмечены присвоением ему в 1999 г. звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» и избранием его в 2006 г. членом-корреспондентом РАН.



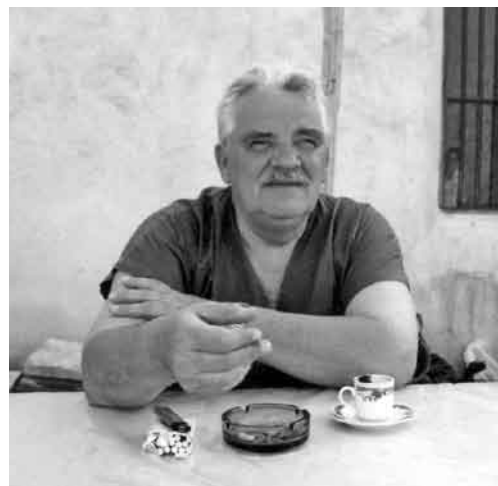
Сотрудники подводного отряда Пантикапейской экспедиции во время исследований у берегов Крыма и Тамани (фотография периода 1957–1960 гг.); слева направо: Г. А. Кошеленко, В. Д. Блаватский (начальник отряда и экспедиции) и Б. Г. Петерс [по: «Открытие затонувшего мира»: 50-летний юбилей редкой книги // Нептун. 2012. № 6. С. 101]



Г. А. Кошеленко в полевом лагере на Гёбеклы-депе в Южном Туркменистане (2001 г.)  
[фотография из личного фотоархива В. А. Гаибова]

Геннадий Андреевич неоднократно являлся участником международных археологических экспедиций в Афганистане, Индии, Йемене и Сирии. Его работы очень хорошо известны за рубежом, а сам он регулярно приглашался ведущими научными центрами Англии, Франции и ряда других стран для чтения лекций по археологии и истории античной Средней Азии. Выдающиеся достижения Геннадия Андреевича были высоко оценены мировым научным сообществом: он был избран членом-корреспондентом Германского археологического института (Берлин), Итальянского Института Среднего и Дальнего Востока (Рим) и Французской Академии надписей и изящной словесности. Он являлся членом редколлегии целого ряда ведущих журналов по древней истории и археологии, как отечественных («Вестник древней истории», «Российская археология», «Проблемы истории, филологии, культуры»), так и европейских («Dialogues d'histoire ancienne», «Revue archéologique», «Parthica»).

Научное наследие Г. А. Кошеленко обширно и разнообразно<sup>1</sup>. Он опубликовал более 500 работ, посвященных не только истории и археологии эллинистического Востока, но и различным проблемам истории классической Греции и Северного Причерноморья, а также



Г. А. Кошеленко на археологической базе  
М. И. Ростовцева в Дура-Европос  
в Восточной Сирии (2005 г.) [фотография  
из личного фотоархива В. А. Гаибова]

<sup>1</sup> См.: Гаилов В. А., Полякова Н. Б. Геннадий Андреевич Кошеленко. М., 2015 (Серия «Материалы к библиографии ученых» Российской Академии наук).



В гостях у Г. А. Кошеленко в Москве в 2011 г.: слева от хозяина — Н. Д. Двуреченская, справа — В. П. Никоноров [фотография из личного фотоархива В. П. Никонорова]

распространения христианства на Востоке. В последние годы жизни Геннадий Андреевич много внимания уделял вопросам парфянской нумизматики. По этой тематике им была опубликована серия статей, сделан ряд важнейших открытий, а также намечены пути решения сложных и запутанных проблем, связанных с атрибуцией отдельных монетных серий, царской титулатурой и некоторыми аспектами политической истории Парфянского государства. Среди наиболее значимых трудов Г. А. Кошеленко, получивших в том числе и мировое признание, семь монографий, список которых включает в себя, помимо вышеназванных двух, «Открытие затонувшего мира» (М., 1963; в соавторстве с В. Д. Блаватским), «За барханами — прошлое» (М., 1966; в соавторстве с В. И. Сарияниди), «Родина парфян» (М., 1977), «Судьба Парфенона» (М., 2000; в соавторстве с Л. П. Маринович) и «Археология Афганистана в дни мира и войны» (М., 2014; в соавторстве с Р. М. Мунчаевым и В. А. Гаибовым), а также вышедшие под его редакцией два тома серии «Археология СССР с древнейших времен до средневековья» — «Античные государства Северного Причерноморья» (М., 1984; в соавторстве с И. Т. Кругликовой и В. С. Долгоруквым) и «Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии» (М., 1985).

Геннадий Андреевич был необычайно открытым, добрым и отзывчивым человеком. Являясь большим научным авторитетом, чьи заслуги признаны во всем мире, он никогда ни на кого не смотрел «свысока» и всегда был готов оказать помощь любому коллеге, который в ней нуждался. Он обладал редкой скромностью и самокритичностью, был внимателен к чужим идеям и не стеснялся корректировать и опровергать свои собственные. Его неизменными принципами в жизни и науке были объективность, честность и трудолюбие. Его оригинальное чувство юмора, незаурядные личные качества и большое человеческое обаяние оказывали самое положительное воздействие на окружающих его коллег и друзей. Смерть остановила Геннадия Андреевича Кошеленко на творческом подъеме: многие задуманные им проекты, увы, остались незаконченными. Уйдя от нас, он оставил ничем невозполнимую пустоту, но добрая и светлая память о нем навсегда сохранится в наших сердцах.



## **МАРИЯ НИКОЛАЕВНА ПОГРЕБОВА** **(24.04.1931 — 12.11.2015)**

12 ноября 2015 г. скончалась Мария Николаевна Погребова — известный российский археолог и историк древности, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. Она родилась 24 апреля 1931 г. в Москве. Ее мать, Надежда Николаевна, была известным археологом-скифологом, и не удивительно, что дочь, еще школьницей ездившая с мамой в экспедиции, пошла по ее стопам. Окончив в 1954 г. кафедру археологии Исторического факультета Московского государственного университета, М. Н. Погребова пришла на работу в Государственный Исторический музей, где занялась исследованием бронзового и железного века Кавказа. В ходе раскопок и разведок она изъездила верхом вдоль и поперек весь Дагестан и спускалась по перевалам в Грузию путями древних кочевников.

В 1962 г. Мария Николаевна поступила в аспирантуру при МГУ, где под руководством Б. Н. Гракова в 1965 г. защитила кандидатскую диссертацию «Вооружение и войско народов Центрального и Восточного Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа» (к сожалению, оставшуюся неопубликованной). В 1966–1968 гг. она работала в Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР (ныне — Институт научной информации по общественным наукам РАН), а в 1968–1970 гг. была заместителем директора по научной работе Государственного музея искусства народов Востока. С 1971 г. и до конца своей жизни Мария Николаевна трудилась в Институте востоковедения АН СССР/РАН, где смогла полностью посвятить себя научному творчеству. В 1985 г. она защитила докторскую диссертацию «Закавказье и его этнические и культурные связи с Ираном (XIII–VI вв. до н. э.)».

Сфера научных интересов М. Н. Погребовой включала археологию позднебронзового и раннежелезного века Кавказа, Закавказья и Ирана. На материале этих регионов и часто в сотрудничестве с закавказскими коллегами (Р. М. Абрамишвили, И. Г. Алиевым, С. А. Есаяном и др.) она изучала эволюцию местных культур,



Мария Николаевна Погребова на своем рабочем месте в Государственном Историческом музее (1959 г.) [по: Текст. Контекст. Подтекст: Сборник статей в честь М. Н. Погребовой. М., 2013]

межкультурные связи, миграции и другие проблемы. Ей удалось проследить на археологическом материале продвижение иранцев на территорию современного Ирана, распространение памятников скифской культуры в Закавказье и т. д. Исследования

М. Н. Погребовой были опубликованы в виде книг: «Иран и Закавказье в раннем железном веке» (М., 1977), «Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время» (М., 1984), «Скифские памятники Закавказья» (М., 1985; в соавторстве с С. А. Есяном), «Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями» (М., 1997; в соавторстве с Д. С. Раевским).

Чрезвычайно плодотворной оказалась ее совместная работа с замечательным исследователем скифских древностей Д. С. Раевским (1941–2004) над проблемами генезиса архаической скифской культуры и закономерностями формирования скифского звериного стиля, результатом которой стали книги «Ранние скифы и древний Восток. К истории становления скифской культуры» (М., 1992) и «Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля» (М., 2013; в написании последнего труда принял участие С. В. Кулланда — сын Марии Николаевны). Не оставляла она и занятия Кавказом. В 2011 г. вышла ее монография «История Восточного Закавказья: вторая половина II — начало I тыс. до н. э. (по археологическим данным)» (М.).

М. Н. Погребова была членом экспертных советов Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), членом Диссертационного совета по историческим наукам Института востоковедения РАН. В течение ряда лет она сотрудничала с учеными из Лаборатории генетики человека Института общей генетики имени Вавилова, и сотрудники института с благодарностью вспоминают эту совместную работу и творческое общение.

Мария Николаевна до последних дней сохраняла светлую голову, интерес к жизни и людям, продолжала активную работу над монографией о закавказских колесницах, которая практически закончена и, несомненно, должна быть завершена и опубликована стараниями ее коллег. Она была прекрасным, глубоко порядочным и благородным человеком, верным другом, замечательной, любящей и любимой мамой, бабушкой и прабабушкой, центром большой и дружной семьи, до старости красивой и элегантной женщиной. Друзья, коллеги в России и за рубежом, семья, все, кого когда-либо сводила жизнь с Марией Николаевной, будут хранить благодарную память о ней.

*Сотрудники Отдела истории и культуры Древнего Востока  
Института востоковедения РАН*



## ПАМЯТИ ПОЛЯ БЕРНАРА (13.06.1929 — 01.12.2015)

*Э. В. Ртвеладзе (Ташкент, Узбекистан)*

Историческая наука понесла тяжелую утрату. На 87 году жизни завершился земной путь выдающегося исследователя истории и культуры Центральной Азии и Ближнего Востока, блестящего знатока восточного эллинизма, человека прекрасной души, профессора Поля Бернара.

Он родился 13 июня 1929 г. в общине Сен-Максим департамента Вар, что на юге Франции, где всегда жило много выходцев из Северной Африки и Леванта. Как рассказывал мне сам Поль, он с детства ощутил неповторимый аромат Востока, о котором как нельзя лучше сказал великий английский поэт и писатель Редьярд Киплинг:

Кто услышит зов Востока,  
Тянет всех туда назад.  
Тянет всех туда назад  
В пряный, пьяный аромат.

П. Бернар блестяще окончил знаменитую Высшую нормальную школу (École Normale Supérieure), получив фундаментальные знания по древнегреческой истории, языку и эпиграфике. Полученные здесь знания он совершенствовал при работе (с 1958 по 1961 г.) во Французской школе в Афинах (École Française d'Athènes) в Греции и затем (с 1961 по 1965 г.) во Французском институте археологии Ближнего Востока (Institut Français d'Archéologie de Proche-Orient) в Бейруте (Ливан).

В 1965 г. П. Бернар сменил на посту директора Французской археологической делегации в Афганистане (Délégation Archéologique Française en Afghanistan, сокр.



Вид на греко-бактрийское городище городище Ай-Ханум (Северный Афганистан)  
[по: Holt F. L. *Thundering Zeus: The Making of Hellenistic Bactria*. Berkeley; Los Angeles; London, 1999. Pl. 1]

DAFA) великого французского ученого Д. Шлюмберже, руководившего ею с послевоенных времен. На этом посту П. Бернар оставался вплоть до 1980 г., хотя полевые исследования DAFA были прерваны уже в 1978 г. в связи с «апрельской революцией» и последовавшей затем гражданской войной в Афганистане.

Выдающимся достижением DAFA и самого П. Бернара были многолетние регулярные и широкомасштабные раскопки эллинистического городища Ай-Ханум (1964–1978), расположенного при слиянии рек Кокча и Пяндж на севере Афганистана. В этих работах, наряду с французскими исследователями, принимали участие и зарубежные коллеги, в том числе советские ученые — Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, Б. А. Литвинский, Р. М. Мунчаев. Раскопки в Ай-Ханум, во время которых были открыты разнообразные архитектурные сооружения (дворец, храмы, жилые дома, арсенал, театр, гимнасий, героон) и найдены великолепные образцы скульптуры, живописи, мозаики, эпиграфические документы и множество других замечательных артефактов, кардинально изменили прежние представления об эллинистическом периоде в истории Бактрии в частности и западной части Центральной Азии в целом. Итоги этих исследований регулярно публиковались и до сих пор публикуются в Париже, в том числе в виде фундаментальных томов в серии «Fouilles d' Aï Khanoum», богато иллюстрированных чертежами и фотографиями. И в этом, несомненно, огромная заслуга П. Бернара.

В 1981 г. в структуре Национального центра научных исследований (CNRS) Франции Поль Бернар создал исследовательскую группу «Эллинизм и восточные цивилизации», ставшую основным французским центром по изучению эллинистического Востока. Руководил он также и другими научными организациями по изучению восточного эллинизма, в течение ряда лет являлся главным редактором журнала «Revue Archéologique», а также был членом редакционных коллегий других авторитетных

Гимнасий в Ай-Ханум,  
середина II в. до н. э.  
[<http://books.openedition.org/cdf/3594>  
(дата обращения: 06.12.2015)]

международных периодических изданий, таких как «*Studia Iranica*», «*Ars Asiaticque*» и «Вестник древней истории».

П. Бернар опубликовал около 300 научных публикаций по истории, археологии, нумизматике, эпиграфике, искусству и архитектуре античного мира, которые, благодаря строгой логике, тщательному подбору фактов и аналогий, блестящему анализу артефактов и их синтезу, заслужили самую высокую оценку среди мирового научного сообщества. В последние годы жизни он принял активное участие в качестве автора комментариев в подготовке чрезвычайно важного тома «Корпуса иранских надписей» (*Corpus Inscriptionum Iranicarum*), посвященного надписям из Ирана и Центральной Азии на неиранских древних языках, который издал Ж. Ружемон.

В 1987 г. П. Бернар был избран членом-корреспондентом, а в 1992 г. действительным членом Академии надписей и изящной словесности (*Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*) в Париже. Он также являлся членом-корреспондентом Германского археологического института (*Deutsches Archäologisches Institut*) в Берлине, итальянского Института Среднего и Дальнего Востока (*Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente*) в Риме, Археологического института Америки (*Archaeological Institute of America*) в Бостоне и Нью-Йорке, иностранным членом Национальной Академии деи Линчеи (*Accademia Nazionale dei Lincei*) в Риме. В 2003 г. он стал иностранным членом Российской Академии наук. За свои научные заслуги П. Бернар был удостоен высшей правительственной награды Франции — Ордена Почетного Легиона, а также награжден Национальным орденом «За заслуги» и многими другими наградами. В 1989 г., после вынужденного перерыва в более чем 10 лет он вновь вернулся к полевой археологической деятельности — на этот раз в Узбекистане, на знаменитом городище Афрасиаб в Самарканде. Он был учредителем и содиректором сначала Советско-Французской, а с 1991 г. Французско-Узбекской согдийской археологической экспедиции (*La Mission Archéologique Franco-Ouzbèke de Sogdiane*, сокр. *MAFOUZS*). Однако раскопки на Афрасиабе оказались более сложными и трудоемкими, чем на Ай-Ханум. Для изучения огромного многослойного городища требовались иной подход и иная методика работ по сравнению с теми, которые применялись французскими археологами в Афганистане. Тем не менее







П. Бернар (слева) и Э.В. Ртвеладзе в Институте искусствознания в Ташкенте (конец 1990-х гг.) [фотография из личного фотоархива Э. В. Ртвеладзе]

экспедиции под руководством П. Бернара, а затем Ф. Грене удалось добиться замечательных результатов в изучении Афрасиаба и его ранних слоев, в том числе эллинистического времени.

Имя Поля Бернара я впервые услышал в далекие студенческие годы из уст моих учителей — М. Е. Массона и Г. А. Пугаченковой. Примечательно, что Галина Анатольевна при упоминании этого имени всегда добавляла к нему восторженные эпитеты. Впоследствии П. Бернар внимательно следил за моими публикациями, в особенности теми,

что касались моих раскопок на городище Кампыртепа, впервые упомянутом им — со ссылкой на мои работы — в совместной с А.-П. Франкфором книге по исторической географии равнины Ай-Ханум (1978). Он опубликовал несколько критических, но весьма доброжелательных рецензий на ряд моих работ, в частности по поводу локализации ряда населенных пунктов и областей Согда времени походов Александра Македонского (в журнале «Abstracta Iranica»). По рекомендации П. Бернара в итальянской «Энциклопедии античного и восточного искусства» (Enciclopedia dell'Arte Antica Classica e Orientale) была опубликована моя обобщающая статья об искусстве Бактрии (1994). Летом 1991 г. по приглашению Музея Человека (Musée de l'Homme), чему немало способствовал сам Бернар, я провел целый месяц в Париже, работая во многих научных учреждениях и музеях. Тогда же вместе с женой я посетил Поля в его уютном доме в пригороде Парижа Вернье. Он также не раз бывал в нашем старом ташкентском доме (который мой учитель М. Е. Массон почему-то называл «кушанской усадьбой»).

Я очень благодарен П. Бернару за ту высокую оценку, которую он давал моим научным и полевым исследованиям, в особенности по крепости Кампыртепа: ее он рассматривал как ключевой памятник эпохи похода Александра Македонского в Трансоксиану, что блестяще подтверждается результатами раскопок последних лет. В последний раз в Узбекистане мы виделись с ним в конце 1990-х гг., когда в невероятно снежный день Поль приехал в Институт искусствознания из Самарканда обсудить со мной множество археологических вопросов. В память об этом дне мы сфотографировались. В Париже мы в последний раз встречались в декабре 2004 г., когда я читал лекции по приглашению профессора В. Фурньё. Больше мы не виделись, но продолжали обмениваться статьями и книгами.

Совсем незадолго до смерти Поля Бернара, в начале августа 2015 г. в Москве скончался его большой друг, выдающийся российский знаток восточного эллинизма Геннадий Андреевич Кошеленко. Уход из жизни этих крупных ученых — огромная, невосполнимая потеря для мировой исторической науки. Светлые воспоминания о них навсегда останутся в нашей памяти.

## Раздел VII CONGRATULATIONES

---



### **AD LXV DIEM NATALIS IURII VINOGRADOV ALEXII F.: К ЮБИЛЕЮ ЮРИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ВИНОГРАДОВА**

*В. А. Горнчаровский, А. А. Сеницын (Санкт-Петербург)*

12 сентября 2015 года исполнилось 65 лет выдающемуся историку-антиковеду и археологу-классику, доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику Отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры Российской Академии наук Юрию Алексеевичу Виноградову.

Юрий Алексеевич родился в 1950 г. в деревне Илюхино Рыбинского района Ярославской области в семье Алексея Александровича Виноградова и его супруги Нины Павловны Виноградовой (в девичестве Табаковой). Его отец, ветеран Великой Отечественной войны, прошел боевой путь от Курской дуги до Берлина, а после демобилизации трудился в районном леспромхозе. В 1961 г. из-под Ярославля семья Виноградовых переехала под Ленинград, в курортный городок Зеленогорск, где Юра продолжил учебу в школе. В связи с этим периодом жизни вспоминается не раз цитируемая им фраза из характеристики периода обучения в младших классах: «Скромн, застенчив, предпочитает общество девочек». В 1968 г. Юрий Виноградов окончил в Зеленогорске среднюю школу с серебряной медалью. В школьные годы он увлекался точными науками, но поступить в Ленинградский политехнический институт, куда Юрий Алексеевич нацелился после окончания школы, не удалось. Надо было приступать к трудовой деятельности, которая началась для него с работы на стройке, рядом с отцом.

В 1969–1971 гг. Юрий Виноградов проходил службу в рядах вооруженных сил СССР. После демобилизации перед ним вновь остро встала проблема выбора

жизненного пути, и теперь молодого человека потянуло совсем в другую сторону: его увлекла археологическая романтика. Летом 1971 г. он поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета и был зачислен на кафедру археологии, пройдя собеседование с такими маститыми археологами, как М. И. Артамонов и А. Д. Столяр. Выбор конкретной специализации во многом определили занятия в семинаре Д. А. Мачинского и М. Б. Щукина по скифо-сарматской археологии, а также первая в жизни полевая экспедиция. Один из авторов этого очерка прекрасно помнит, как преподаватель кафедры А. В. Давыдова, в прошлом аспирантка В. Д. Блаватского, спросила на занятии, обращая ко всей студенческой аудитории: «Есть ли желающие поехать в античную экспедицию?» В ответ поднялись две руки. Так студенты-практиканты Владимир Горончаровский и Юрий Виноградов попали в Илуратский отряд Боспорской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, под начало своего будущего Учителя — Игоря Георгиевича Шургая, настоящего ученого и непревзойденного эрудита.

Как говорится, жребий был брошен: отныне судьба Юрия Алексеевича Виноградова оказалась связанной с Боспорской экспедицией. Впереди были годы раскопок, как в Илурате, так и в других концах нашей, тогда «единой и неделимой», страны. Но то, первое «поле», как первая любовь, навсегда запечатлелось в его памяти со всеми подробностями почти фольклорного характера. Именно тогда среди рядовых участников раскопок вошел в моду желтый цвет и на знамени экспедиции зашагал с лопатой на плече симпатичный грызун, что объясняется шуточным переводом древнегреческого названия крепости (Ἰλουράτων) с английского языка (*yellow rat* — «желтая крыса»).



Раскопки боспорского города-крепости Илурат (лето 1972 г.).

С кирками на первом плане — В. А. Горончаровский, на втором — Ю. А. Виноградов; на заднем плане в белом костюме — начальник экспедиции И. Г. Шургая [фотография из личного фотоархива В. А. Горончаровского]

Таким был первый реальный шаг Юрия Алексеевича в сияющий храм классической археологии. Вторым стало его участие под руководством Е. Г. Кастанаян в раскопках Порфмия (1973 г.), небольшого укрепленного городка VI–I вв. до н. э. у переправы через Керченский пролив. А потом были и многие другие экспедиции к берегам Понта. Но даже в студенческие годы научный кругозор Ю. А. Виноградова не ограничивался исключительно рамками античных памятников Северного Причерноморья. После занявших все лето 1974 г. военных сборов в Карелии он впервые оказался в Туркменистане на раскопках поселения Алтын-депе, где у него проснулся интерес к восточной археологии. Это был полезный опыт: после изобилия античных каменных построек в Илурате и Порфмии оказаться в «царстве» сырцово-архитектуры эпохи бронзы Средней Азии.

В 1976 г. обучение на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ завершилось для Ю. А. Виноградова получением красного диплома. Столь успешное окончание университета дало ему возможность работать в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР (с 1991 г. — Институт истории материальной культуры РАН), где он прошел путь от стажера-исследователя до заведующего Отделом истории античной культуры (в 2006–2012 гг.). Первые годы в ЛОИА Юрий Алексеевич продолжал набираться опыта в отношении античной археологии Северного Причерноморья. С этим связано его участие в Тарханкутской, Нижнебугской, Нижнедонской и Ольвийской экспедициях, возглавлявшихся такими известными исследователями, как А. Н. Щеглов, К. К. Марченко, И. Б. Брашинский, Е. И. Леви. Самостоятельный этап в профессиональной карьере начался в 1982 г. с получения первого в жизни Открытого листа, давшего Ю. А. Виноградову возможность после перерыва в восемнадцать лет воссоздать Мирмекийский отряд Боспорской экспедиции. В этот период он отметил свой сорокалетний юбилей защитой кандидатской диссертации на тему «Особенности греко-варварских взаимодействий на Боспоре в VI–III вв. до н. э.». А двенадцать лет спустя состоялась успешная защита уже докторской диссертации «Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в доримскую эпоху».

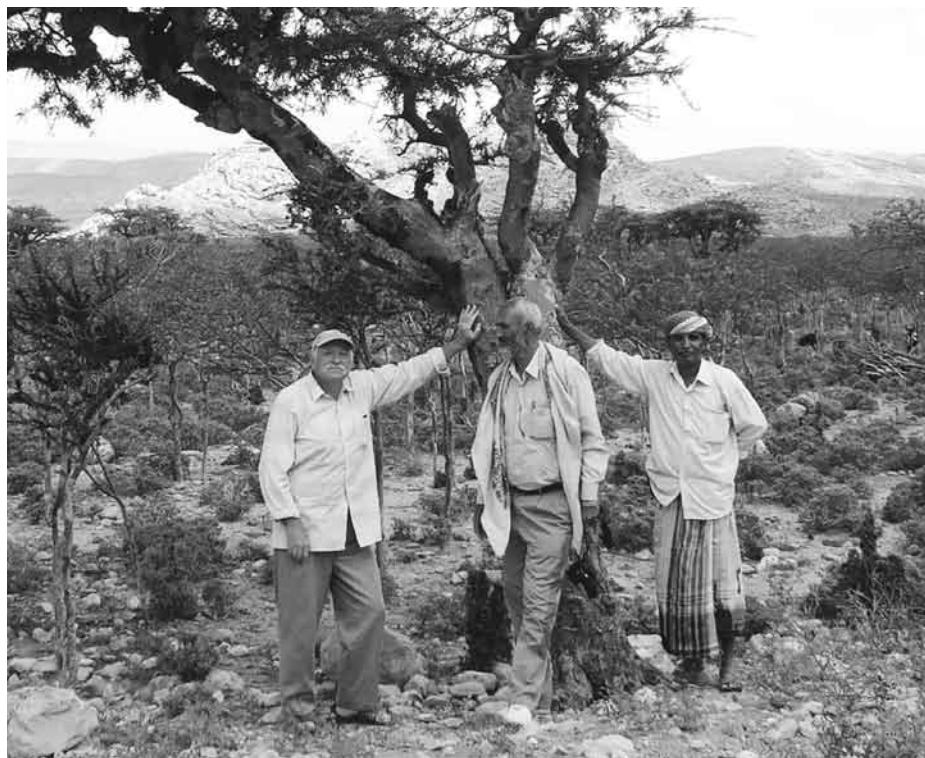
С конца 1990-х гг., в силу разного рода обстоятельств деятельность Ю. А. Виноградова окончательно переместилась на другую сторону Керченского пролива, где уже зрелый ученый возглавил Бугазский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН, ведущий раскопки главным образом античного



Ю. А. Виноградов на раскопках боспорского города Мирмекий в образе Вакха с лопатой (лето 1999 г.) [фотография из личного фотоархива Е. М. Виноградовой]

поселения Артющенко-1 на Таманском полуострове, в Темрюкском районе Краснодарского края.

Научные интересы Юрия Алексеевича Виноградова всегда были на стыке исследований древней истории Запада и Востока (и это отнюдь не только скифский мир). Как он пишет в очерке об одном из своих коллег-друзей, «Сложный клубок чувств, переживаний и образов вселяется в сознание человека, если тот заинтересованно и доброжелательно смотрит на Восток — его многовековую историю, своеобразную культуру, повседневную жизнь простого народа. Если Восток войдет в сердце человека, то уже не выйдет из него никогда!» Это можно сказать и про самого Юрия Алексеевича. Его любовь к Ближнему Востоку и Средней Азии воспитана многолетней работой в направлявшихся туда экспедициях. Сначала это происходило в пределах бывшего Советского Союза: он принимал участие в раскопках в Узбекистане в составе Бактрийской экспедиции (1977), а также в Туркменистане в составе Каахкинской экспедиции (1979) и экспедиции на Старой Нисе (1984). Ровно тридцать лет назад география научного поиска Ю. А. Виноградова расширилась, когда он вошел в состав Советско-Йеменской (впоследствии Российско-Йеменской) комплексной экспедиции на юге Аравийского полуострова и острове Сокотра. Надо признать, что древности этого региона стали известны широкому кругу русских читателей во многом благодаря публикациям Ю. А. Виноградова. Его заслуги в области археологии получили высокую оценку не только в нашей стране: 9 декабря



Ю. А. Виноградов (крайний слева) на острове Сокотра;  
рядом с ним инспекторы из Национального музея в столице Йемена Сане (апрель 2005 г.)  
[фотография из личного фотоархива Е. М. Виноградовой]



На фоне старого города в Сане (ноябрь 2012 г.); слева направо: А. В. Сарабьев (руководитель Научно-издательского отдела Института востоковедения РАН), Ю. А. Виноградов, В. А. Жуков (Российское информационное агентство ИТАР-ТАСС) [фотография из личного фотоархива Е. М. Виноградовой]

1999 г., в очередную годовщину со дня рождения И. И. Винкельмана, Юрий Алексеевич был избран членом-корреспондентом одного из крупнейших и авторитетнейших археологических учреждений в мире — знаменитого Германского археологического института (Deutsches Archäologisches Institut) в Берлине.

Отметим, что Ю. А. Виноградов является постоянным автором новой серии «Записок Восточного Отделения Российского Археологического Общества». В двух предыдущих томах этого издания были опубликованы его статьи по результатам исследований салтово-маяцких комплексов поселения Артющенко-1 на Таманском полуострове и керамических находок с акрополя южноаравийского порта Кана (Йемен), а в настоящем томе выходит еще одна его востоковедческая работа, посвященная древней истории двух великих проливов Индийского океана — Баб-эль-Мандеба и Ормуза.

В историко-археологической науке имя Юрия Алексеевича Виноградова — это гарантированный знак качества, но, надо добавить, и количества! Десятки экспедиций, конференций, публикаций (почти три с половиной сотни опубликованных им книг, научных статей и очерков). Для всех его работ характерны широта и масштаб, кругозор и фундаментальность. Именно разносторонний научный и экспедиционный опыт дал Юрию Алексеевичу богатый материал, который лег в основу целого ряда исследований. Среди них следует особо выделить монографии по военному делу Северного Причерноморья: «“Там закололся Митридат...”: Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху (VI–I вв. до н. э.)» (СПб.; М., 2004),



Ю. А. Виноградов — начальник Бугазского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН. Раскопки поселения Артющенко-I на Таманском полуострове, Темрюкский район Краснодарского края (лето 2010 г.) [фотография из личного фотоархива С. В. Яблочкина]

«Счастливым город в войне. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н. э. — IV в. н. э.)» (СПб., 2006) и «Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — III в. н. э.)» (СПб., 2009; в соавторстве с В. А. Горончаровским). В последние годы вышли три его большие книги, посвященные исследованию памятников Боспора. Это прежде всего «Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859–1917)» (Симферополь; Керчь, 2012). Совместно с В. Н. Зинько

и Т. Н. Смекаловой написана работа «Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I. История изучения и топография» (Симферополь; Керчь, 2012). Вторым томом этого издания был подготовлен Юрием Алексеевичем в соавторстве со своим учеником, сотрудником Эрмитажа А. М. Бутягиным (Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. II. Курганы на мысе Ак-Бурун. Симферополь; Керчь, 2014). Ранее результатом их совместного творчества стала небольшая книга «Мирмекий в свете новых археологических исследований» (СПб., 2006), опубликованная издательством Эрмитажа. Там же вышло всестороннее исследование одного из уникальных античных памятников в собрании Государственного Эрмитажа — большого лекифа Ксенофанта; эту работу Юрий Алексеевич посвятил памяти своей матери. Подготовленная им к переизданию книга Ю. В. Андреева «Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи» (СПб., 2003), снабженная предисловием «Ю. В. Андреев и его концепция раннегреческого полиса», стала данью памяти крупнейшего российского антиковеда и бывшего заведующего Отделом истории античной культуры ИИМК РАН. Через десять лет Ю. А. Виноградов, совместно с другими коллегами, еще раз почтил его память, подготовив сборник статей «Фидития» (СПб., 2013).

Юрий Алексеевич Виноградов является автором трудов по истории русской классической науки: это заметки и статьи, посвященные учителям (И. Г. Шургая, Е. Г. Кастанаян, Ю. В. Андрееву, А. Н. Щеглову, К. К. Марченко и др.) и друзьям-соратникам (Е. Я. Рогову, М. Ю. Вахтиной, Б. И. Бабичу и многим другим), работы об археологических открытиях в Ольвии, Херсонесе, на Боспоре и др. Он автор большой главы и серии очерков об ученых-антиковедах в новом издании «Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.)» (СПб., 2013) и большой статьи в журнале «Hyperboreus» (Vol. 19/1–2. 2014) «Die

Kaiserliche Archäologische Kommission und die Erforschung der klassischen Altertümer im nördlichen Schwarzmeergebiet (1859–1917)».

На протяжении многих лет Юрий Алексеевич занимается подготовкой аспирантов и соискателей по истории и археологии. Под его руководством защитили диссертации несколько кандидатов наук. Он входит в редколлегии и редакционные советы многих альманахов, журналов и серийных изданий по античной и древневосточной истории, археологии и культуре, в числе которых «Записки Восточного Отделения Российского Археологического Общества» и «Боспорский феномен». Да и сам Юрий Алексеевич давно уже стал «боспорологическим феноменом», явлением в мировой науке об античности, легендой ИИМК РАН и тех археологических экспедиций, в работе которых он принимал самое активное участие. Он эмоциональный и страстный человек, если это касается дела, но всегда спокоен, тактичен и строг в своих суждениях по любому вопросу. Это искренний Друг и надежный Коллега, особенно для тех, с кем он учился в Ленинградском университете. На сохранившейся фотографии группы молодых археологов, выпускников кафедры археологии 1976 г., выделяется фигура молодого человека с волосами до плеч. Тем, кто не видел Виноградова в те годы, такое трудно себе представить, поскольку позднее Юрий Алексеевич перешел в этом смысле в категорию так называемых «блестящих» ученых. Ныне он уже с совершенно седыми усами и остатками некогда роскошной шевелюры, тихим певучим голосом с баритональной окраской и доброй, располагающей улыбкой, неизменно излучает любовь к окружающим его людям и к жизни вообще. На радость окружающим его друзьям и коллегам он нередко демонстрирует мастерство превосходного рассказчика, однако умеет быть терпеливым и внимательным слушателем. Добившись больших успехов в изучении древних культур Запада и Востока, Юрий Алексеевич ни в коей мере не являет собой пример «ученого сухаря», который занят только лишь поиском и изучением археологических и архивных материалов. В свободное от работы время это большой любитель побродить по лесу и пособирать грибы или посидеть в теплой дружеской компании.

Завершая наш эскиз к портрету Юрия Алексеевича Виноградова, мы не можем не упомянуть и его удивительную жену Катю — верную подругу и помощницу юбиляра на протяжении почти сорока лет. Екатерина Михайловна Виноградова, сама будучи ученым человеком — профессором, доктором физико-математических наук, является не только образцовой супругой, но и неременной спутницей мужа в его экспедиционных поездках. Все, кто бывали в гостях у этой в высшей степени гостеприимной семьи, прежде в коммунальной квартире на улице Жуковского, а ныне в отдельной квартире на Лиговском проспекте, знают, как всегда радушно, тепло и хлебосольно принимают там друзей. Основное место в жилище Виноградовых занимают книги, но есть еще и привезенные Юрием Алексеевичем из экспедиций разного рода сувениры: морские звезды, кораллы и раковины. С восточной щедростью хозяин квартиры всегда готов поделиться этими экзотическими дарами. Как спрашивает маленькая дочка одного из авторов этого очерка: «Когда же мы снова пойдем к доброму дяденьке, который всегда дарит мне ракушки и всякие другие диковинки?»

От имени многочисленных друзей и коллег и от себя лично сердечно поздравляем дорогого Юбиляра и желаем ему успехов во всех делах, новых археологических экспедиций и находок, плодотворных научных поисков и крупных открытий, еще больше интересных и важных для всех нас книг и статей, а главное — крепкого здоровья и долгих лет жизни!





**AD LXXX DIEM NATALIS ALII KOLESNIKOV IOANNIS F.  
АЛИЮ ИВАНОВИЧУ КОЛЕСНИКОВУ — 80 ЛЕТ!<sup>1</sup>**

*В. П. Никоноров, А. А. Сеницын (Санкт-Петербург)*

*«Один есть путь — путь истины, все остальное — не пути»  
Древнеиранский афоризм (из Авесты)*

Восемьдесят лет — это преклонный возраст? Такой вопрос можно адресовать кому угодно, но только не Алию Ивановичу Колесникову — всемирно известному ученому-востоковеду, авторитетнейшему специалисту по истории и культуре сасанидского и раннеисламского Ирана, доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику Института восточных рукописей РАН. А ведь 5 декабря 2015 г. он «разменял» свой девятый десяток лет. Возраст не старит, не отнимает силы: именно так думаешь, когда смотришь на Алию Ивановича. И в высшей степени знаменательно, что свой 80-й день рождения он встретил в компании коллег из разных стран (Ирана, России, Польши, Германии, Румынии) в качестве участника международной конференции «Colloquia Baltica Iranica 2015», прошедшей во Дворце Яна III Собеского в деревне Жуцево на севере Польши, выступив там с замечательным докладом «Неизвестный индо-персидский альбом из коллекции Карла Фаберже (хранящийся ныне в Институте восточных рукописей Российской Академии наук)». Вечером того же дня оба автора данного поздравительного очерка, также бывшие среди участников этого научного форума, вместе с другими коллегами подняли тост за глубокоуважаемого Юбиляра. Отметим, что Алий Иванович пользовался на конференции большим почетом у всех ее участников, в том числе — что для него было особенно важным — со стороны членов иранской де-

<sup>1</sup> Все воспроизведенные в этом очерке фотографии, за исключением некоторых, специально оговоренных в подписях, — из личного фотоархива А. И. Колесникова.

легации (кстати, самой многочисленной), хорошо знавших его до этого только по публикациям, переведенным на персидский и западные языки.

В рамках «Colloquia Baltica Iranica 2015» была интереснейшая прогулка по пред рождественскому Гданьску, затем состоялась незабываемая трехдневная поездка в Лодзь, организованная нашим большим другом М. Мельчарком, откуда мы двинулись в неблизкий обратный путь в Санкт-Петербург (а с нами постоянно находились еще трое наших коллег-друзей — А. В. Сильнов и С. В. Никоненко из Санкт-Петербурга и О. Л. Габелко из Москвы) — с прогулками и ночевками в Гданьске, Калининграде и Риге. И весь этот непростой с физиологической точки зрения научно-культурный вояж немолодой, казалось бы, Юбиляр выдержал великолепно, а для некоторых из нас (не будем называть, кого) послужил наглядным примером стойкости и выносливости.

Итак, пять с половиной часов мы едем на поезде из Гданьска в Лодзь. Сидим в купе, едим арахис и слушаем воспоминания Алия Ивановича о военном детстве, службе в советском военно-морском флоте на севере, университетских годах, командировках в Афганистан, учителях и коллегах-востоковедах. Поезд-экспресс мчит нас с Балтийского берега в центр Польши. За окном мелькают города и поселки, золотистые луга с косулями и зайцами. Временами моросит дождь. И все это — беседа в дороге, стук колес и дробь дождя, косули и зайцы, рассказы нашего уважаемого аксакала — создает самые что ни на есть прекрасные впечатления от путешествия...

Но начнем, наконец, повествование о жизненном пути Юбиляра. Алий Иванович Колесников родился 5 декабря 1935 г. в городе Ворошиловграде Украинской ССР (ныне — Луганск). Родители назвали сына Алим, и с этим именем он жил до своего совершеннолетия. Но при оформлении паспорта юноша поставил в метрике над последней буквой своего имени галочку, и дама, ответственная в паспортном столе за прием документов, посчитала ее за букву «й». А документ — вещь серьезная!



А. И. Колесников делает доклад на международной научной конференции «Colloquia Baltica Iranica 2015» в день своего 80-летия, 5 декабря 2015 г. (справа — глава Оргкомитета Н. В. Секунда)  
[фотография из личного фотоархива А. А. Сеницына]



А. И. Колесников (пятый слева) с коллегами из Ирана, России, Румынии и Польши во время конференции «Colloquia Baltica Iranica 2015» (7 декабря 2015 г.) [фотография из личного фотоархива А. В. Сильнова]

И, как говорится, что написано пером, того не вырубишь топором. Так Алим Колесников получил новое имя — Алий. Хотя члены семьи и все, кто знал его мальчишкой, всегда звали его Алим или же, по-свойски, Алик.

Колесниковы жили в пригороде Ворошиловграда, поселке Малая Вергунка, где их род занимал целую улицу. А на соседней улице жили двоюродные родственники. На кладбище под Луганском и ныне сохранился участок Колесниковых, где похоронены родители, деды и прадеды Алия Ивановича. Его отец, Иван Семенович (1912–1986), был разнорабочим, но имел склонность к рисованию. После войны он работал ретушером в художественной артели Луганска, где по заказам клиентов перерисовывал старые фотографии в портреты, а к праздникам рисовал портреты вождей и полководцев Великой Отечественной войны (особенно он любил изображать маршала Г. К. Жукова). В свободное от работы время (которого у него было не так много) Иван Семенович копировал, что говорится, для души, картины знаменитых художников-классиков и рисовал природные пейзажи с натуры. Некоторые из своих картин Иван Семенович дарил родственникам и знакомым, посылал он свои творения и на конкурсы в Киев. Мать, Домна Даниловна (1914–1991), в разное время работала в совхозе весовщицом, учетчицей, а после войны занималась домашним хозяйством. В семье было двое детей — Алий и его младший брат Олег (1937–2010).

В 1942 г., перед фашистской оккупацией Ворошиловграда, мать отправила старшего сына к своей сестре в Ростовскую область, а младшего оставила при себе (так было проще прокормиться в то неимоверно тяжелое время). Около года Алий прожил на хуторе Моховатка у тетки Фёклы. Он вспоминает, как видел бой, который проходил километрах в двух от станции Митякинской: красноармейцы наступали, а немцы вели по ним шквальный огонь.

А. И. Колесников (слева) с братом, мамой и псом по кличке Белок (Малая Вергунка, 1948 г.)

Весной 1943 г., после освобождения Ворошиловграда частями Красной Армии, Алий Иванович вернулся к родителям. Окончив в 1954 г. в родном городе Горный техникум по специальности горный техник-электромеханик, он сам выбрал распределение на север Советского Союза — в Коми Автономную Советскую Социалистическую Республику. По его словам, ему так там понравилось, что он был готов остаться в тех краях на всю жизнь. Однако он проработал в Коми АССР только 2 месяца, так как осенью 1954 г. был призван для прохождения срочной военной службы.

После прохождения курса молодого матроса А. И. Колесников был направлен в город Молотовск (ныне —



А. И. Колесников (сидит в первом ряду справа) с друзьями-сокурсниками из Ворошиловградского горного техникума после возвращения с преддипломной практики (Ворошиловград, конец апреля 1954 г.)



Старший матрос А. И. Колесников с мамой на вокзале Ворошиловграда перед отбытием из краткосрочного отпуска к месту прохождения службы (8 июля 1956 г.)

Северодвинск) Архангельской области. Четыре года он прослужил в штабе Беломорской флотилии Северного флота. Суровый климат севера, крупномасштабные флотские учения и матросские патриотические песни — все это на всю жизнь врезалось в память Алия Ивановича. Особенно ему запомнилась одна из беломорских песен времен Гражданской войны:

Пустынный остров, стужа Заполярья,  
Холодных волн полуночный прибой.  
Сосна да мох, покрыто небо хмарью,  
Полгода тьма простерта над землей...

«Вот поет команда матросов, — рассказывает Юбиляр, — а старушки в том поселке слушают нас и плачут». В этой песне говорится про остров Мудьюгский (Мудьюг), расположенный в Белом море, где в период интервенции в Гражданскую войну (1918–1919) англичанами был создан концентрационный лагерь для тех, кто сражался на стороне красных. Матрос Колесников был однажды со своими сослуживцами на экскурсии на Мудьюге. В последнем куплете упомянутой песни рассказывается про спасительный маяк на этом «острове смерти»:

Когда эскадра наша в шторм и вьюгу  
Идет к архангельским туманным берегам,  
Маяк высокий с острова Мудьюга  
Дорогу освещает кораблям.

Имея до призыва во флот среднее техническое образование, А. И. Колесников во время службы в течение года успешно окончил Архангельскую заочную среднюю школу и получил аттестат зрелости (в 1957 г.), дающий право на поступление в гуманитарный вуз. В 1958 г., после демобилизации, он подал заявление в Ленинградский государственный университет, успешно сдал вступительные экзамены и поступил на Восточный факультет. На выбор специализации повлиял давний интерес к культуре Востока, рожденный кинофильмами и художественной литературой. В юности Алий Иванович прочитал много книг, а книги он читал разные, но преимущественно приключенческие и исторические романы. Особенно ему запомнилась детективная повесть советского писателя Хаджи-Мурата Мугуева «Кукла госпожи Барк» о приключениях полковника Дигорского и деятельности советских разведчиков во время Великой Отечественной войны на территории Ирана.

Итак, в 1958–1964 гг. А. И. Колесников учился на Кафедре иранской филологии Восточного факультета ЛГУ. Здесь его наставниками были известные совет-



Старшина 2-й статьи А. И. Колесников (сидит крайним слева в первом ряду) со своими сослуживцами из штаба Беломорской флотилии Северного флота (Северодвинск, 1957 г.)

ские иранисты — филологи и историки. Среднеперсидскому и древнеперсидскому языкам его обучал М. Н. Боголюбов, классическому персидскому и авестийскому — С. Н. Соколов, истории иранской материальной культуры и работе



А. И. Колесников (стоит крайним слева) на выпускном вечере с преподавателями кафедры иранской филологии Восточного факультета ЛГУ (сидят слева направо): Рашадом, Ч. Г.-А. Байбурди, С. Н. Соколовым, В. И. Завьяловой (июль 1964 г.)



А. И. Колесников —  
младший научный сотрудник  
Ленинградского отделения  
Института народов Азии  
АН СССР (1969 г.)

с классическими персидскими текстами — Л. Т. Гюзальян, таджикскому языку и диалектологии — А. З. Розенфельд (заодно привившая ему интерес к мусульманской эпиграфике), современному персидскому языку — Ч. Г.-А. Байбурди, фонетике персидского языка — В. И. Завьялова, арабскому языку — А. Т. Тагирджанов, языку пушту — Рашад (профессор из Афганистана). Курс «Введение в иранскую филологию» ему читал А. Н. Болдырев, историю Ирана — И. П. Петрушевский. Алий Иванович сохранил самые теплые воспоминания обо всех своих университетских учителях, но особенно ему запомнились занятия с С. Н. Соколовым, учившим студентов читать персидскую вязь, в том числе и авестийские тексты; другим его любимым наставником был А. Т. Тагирджанов, по происхождению казанский татарин, который, что особенно интересно, свое начальное образование получил в медресе.

На первом курсе университета Алий Иванович казался уже, по его собственным словам, «великовозрастным студентом», «стариком», ведь большинство его сокурсников — это вчерашние 18-летние школьники, тогда как ему к моменту поступления в ЛГУ было почти 23 года. В группу филологов-иранистов набрали пять человек, из которых к концу обучения осталось четверо — трое молодых людей и девушка. В 1962 г., в начале пятого курса, на военной кафедре всем трем мужчинам предложили поехать военными переводчиками в Афганистан, и они согласились. Это была первая поездка Алия Ивановича на Восток, которая длилась чуть более года.

Вернувшись из Афганистана, Алий Иванович завершил обучение в Университете по специальности «иранская филология». В конце пятого курса, когда перед молодым специалистом уже стоял вопрос о распределении, его пригласила на свой спецсеминар Н. В. Пигулевская (1894–1970) — известный сириолог, иранист и византист, член-корреспондент АН СССР, которая работала в Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР и одновременно преподавала в ЛГУ. Она предложила ему тему, большинство источников по которой были на арабском языке. Молодому специалисту пришлось много и активно работать с письменными памятниками на древних языках, включая сирийский. После окончания Университета он продолжил обучение в аспирантуре (1964–1967 гг.) при кафедре истории стран Ближнего Востока Восточного факультета ЛГУ. В сентябре 1967 г. А. И. Колесников был принят в качестве младшего научного сотрудника в Сектор Среднего Востока Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР (ныне — Институт восточных рукописей РАН), где и прослужил без малого полвека, работая в настоящее время в должности ведущего научного сотрудника. В 1969 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Иран накануне арабского завоевания

(источники, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления)», вскоре опубликованную в виде монографии в одном из выпусков (№ 22/85) «Палестинского сборника» (Иран в начале VII века. Л., 1970; перс. пер.: Тегеран, 1976).

В декабре 1970 г. Алий Иванович вновь поехал в служебную командировку в Афганистан, на этот раз на три с половиной года. Помимо практической работы переводчиком на одном из предприятий Кабула, он неоднократно выполнял поручения из аппарата экономического советника при Посольстве СССР в Афганистане. А в этой стране было очень много интересного, все восточное казалось экзотическим, чудесным, почти волшебным. В Кабуле он установил контакты с дирекцией Музея древностей Афганистана, получив таким образом возможность ознакомиться с хранящимися там артефактами сасанидской эпохи. В выходные дни Алий Иванович как заядлый рыбак вместе с другими советскими специалистами частенько выбирался на природу половить рыбу на афганских горных речках. Во второй командировке он это делал уже в сопровождении жены Нины Алексеевны и сына Володи; его товарищи также брали с собой свои семьи. Во время таких уикендов каждый занимался своим делом: мужчины рыбачили и разводили костер, женщины готовили еду, дети играли. Иногда все вместе ездили на обзорные экскурсии и за покупками в Кабул и Джелалабад. Особенно памятными остались поездки на искусственное озеро Саруби между Кабулом и Джелалабадом. Все было тихо и спокойно, тогда невозможно было и представить, что пройдет всего лишь несколько лет, и в Афганистане начнется жестокая и кровопролитная война...



А. И. Колесников (стоит вторым слева) — переводчик советской делегации на подписании соглашения об экономическом сотрудничестве между СССР и Афганистаном (Кабул, август 1973 г.)





Участники международного научного семинара «Материалы по экономической истории Иранского мира» в Страсбурге (Франция), сентябрь 1997 г. (слева направо): М. Шуппе (Франция), А. Панаино (Италия), Р. Гизелен (Франция), Б. Д. Кочнев (Узбекистан), А. И. Колесников, Н. Н. Туманович (Россия), Ф. Жинью (Франция), Ш. Хайдеманн (Германия)

С афганскими периодами связаны два радостных события в жизни Алия Ивановича: сразу же после первой командировки у него родился сын Владимир (в 1963 г.), а 10 лет спустя, во время второй поездки, на свет появилась дочь Ирина (правда, на период вторых родов его супруга уехала из Кабула к родственникам в Луганск). Его сын, кстати, во время второй отцовской командировки был определен в школу при советском посольстве в Кабуле, где проучился первые два класса. Прошли годы, и Владимир, получив полное среднее образование в городе Отрадное Ленинградской области, пошел по стопам отца — поступил (причем втайне от родителей!) и окончил Восточный факультет ЛГУ по специальности «История Ирана». В 1985–1986 гг., т. е. в самый разгар боевых действий в Афганистане, он находился в служебной командировке в Кабуле. Работал переводчиком, был контужен, после чего лечился в госпитале. За проявленное мужество и высокий профессионализм Владимир Алиевич Колесников был награжден двумя медалями СССР.

После возвращения из Афганистана летом 1974 г. Алий Иванович купил дом в небольшом городке Отрадное, что в 40 км от Ленинграда (теперь — Санкт-Петербурга), на Мурманском направлении. Здесь он живет и поныне, и до недавнего времени, пока не провели газ, каждое утро в холодное время года он исправно исполнял обязанности кочегара: топил углем котел — главный элемент в системе теплоснабжения дома. Глядя на это в качестве очевидца, один из авторов данного очерка спрашивал себя: а много ли найдется столь же высокого уровня специалистов по сасанидскому и раннемусульманскому Ирану, которые по утрам вот так же бросают уголек в топку, перед тем как сесть за рабочий стол? И почему-то кажется, что никого такого во всем мире больше нет.

Но это все «лирические отступления». Вернувшись же домой после второй поездки в Афганистан, А. И. Колесников полностью сконцентрировался на научной работе, избрав в качестве основного направления своих исследований историю,

В Музее Древнего Ирана  
(Музе-йе Иран-е Бастан) в Тегеране,  
май 2000 г. (слева направо): В. Г. Шкода  
(Россия), М. М. Сахокия (Грузия),  
А. И. Колесников



экономику и культуру Ирана с III по X в. н. э., которые он изучает на основе скрупулезного анализа как нарративных и эпиграфических источников, так и данных нумизматики и других памятников материальной культуры. Главную свою задачу он видит не столько в знакомстве с новыми научными публикациями по названным темам (а их количество ежегодно прирастает чуть ли не в геометрической прогрессии), сколько в максимальном использовании и введении в научный оборот текстов на арабском, сирийском, средне- и новоперсидском языках, которые он свободно читает в оригинале. Его перу принадлежат более 200 публикаций, представляющих собой значительный вклад в познание цивилизаций позднеантичного и раннесредневекового Ирана, — книг, статей, рецензий, переводов письменных источников. Здесь же назовем только его книги: кроме уже упомянутой выше монографии по теме кандидатской диссертации, это «Завоевание Ирана арабами (Иран при «праведных» халифах)» (М., 1982), «Денежное хозяйство в Иране в VII веке» (М., 1998), «Сасанидский Иран: история и культура» (СПб., 2012). В 2000 г. Алий Иванович защитил докторскую диссертацию на тему «Денежное хозяйство Ирана при последних Сасанидах и первых Омейядах (конец VI — начало VIII в. н. э.): монеты как исторический источник». Особо выделим и тот факт, что он является автором целого ряда статей, вышедших в таких авторитетных академических изданиях справочного характера, как «Православная энциклопедия» (М., 2000–), «Ислам: Энциклопедический словарь» (М., 1991) и «Encyclopædia Iranica» (London; etc., 1985–). В настоящее время он подготовил к изданию первый комментированный перевод на русский язык пятой книги «Денкарда» («Деяний Веры») — памятника зороастрийской литературы IX–X вв., а также занимается научным редактированием русского перевода классического труда датского исследователя А. Христенсена «Иран при Сасанидах» (*Christensen A. L' Iran sous les Sassanides. 2e éd., rev. et augm. Copenhagen, 1944*), и это не считая многих других задуманных и реализуемых им публикационных проектов.

Алий Иванович, кабинетный ученый-востоковед до мозга костей, оказался не чужд и археологии, благо его Институт и Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (ныне — Институт истории материальной культуры РАН)



А. И. Колесников (второй слева) и его коллега по Институту А. Г. Сазыкин (второй справа) в Музее Древнего Востока в Токио, Япония (9 декабря 2002 г.)



У «Памятника Трем Фабрикантам» на улице Пётрковской во время прогулки по польскому городу Лодзь 9 декабря 2015 г. (слева направо между скульптурами Фабрикантов): А. И. Колесников, А. В. Сильнов, В. П. Никоноров [фотография из личного фотоархива А. А. Синицына]



В лектории Археологического и этнографического музея в Лодзи, 9 декабря 2015 г. (слева направо): А. А. Сеницын, Т. Грабарчик, В. П. Никоноров, О. Л. Габелко, А. И. Колесников, С. В. Никоненко [фотография из личного фотоархива А. В. Сильнова]

расположены в одном здании на Дворцовой набережной. Во второй половине 1970-х гг. он дважды с маленькой дочкой Ирой участвовал в раскопках античного поселения Порфмий в Восточном Крыму, которыми тогда руководила замечательный ленинградский археолог Е. Г. Кастанаян из Отдела истории античной культуры ЛОИА АН СССР («Баба Лиза», как ее любовно называли коллеги по Институту и сотрудники экспедиции). Пока папа «творил историю» киркой и лопатой, Ирочку заботливо опекали в археологическом лагере девушки-студентки и «тетушки»-ветераны Порфмийской экспедиции.

Свой поздравительный очерк мы начали эпитафией, взятым из Авесты, а завершаем его цитированием еще одной сентенции из этого древнейшего памятника иранской литературы: «Знание зависит от ученья, почет — от дел, благополучие — от усердия, награда — от судьбы». Эта седая мудрость более чем подходит к А. И. Колесникову — блестящему Ученому и замечательному Человеку с исключительно щедрой и доброй душой, дружбой с которым мы очень гордимся.

От своего имени и от имени всех коллег, знающих и любящих Алия Ивановича Колесникова, мы сердечно поздравляем глубокоуважаемого Юбилера со знаменательной датой, желаем ему новых творческих свершений, бодрости духа, крепкого здоровья и сохранения энергии на многие годы вперед, да так, чтобы он смог еще отметить свои девяносто- и столетний юбилеи, причем обязательно за широким дружеским столом и — не будем этого исключать — опять-таки на научных конференциях, как и в этот раз!

## Раздел VIII

### НОВЫЕ КНИГИ (РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ)

---

#### НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО АРХЕОЛОГИИ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

*В. А. Алёшкин* (Санкт-Петербург)

За время, прошедшее с момента выхода свет второго тома новой серии ЗВОРАО (2006 г.), в России и в странах СНГ опубликованы многие труды по восточной археологии. В своем кратком обзоре я коснусь лишь четырех из них, которые, на мой взгляд, весьма важны для развития науки о древнейшем прошлом западной части Центральной Азии.

Две монографии изданы в 2008 г. Институтом истории материальной культуры РАН в серии его трудов. В них исследуются проблемы археологии энеолита Юго-Восточного Туркменистана.

***Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М. Техничко-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации.*** — СПб.: Европейский Дом, 2008. — 370 с., ил. — (ТИИМК. Т. XXVIII).

Данный коллективный труд посвящен анализу керамических изделий и каменных орудий труда, обнаруженных при раскопках одного из крупнейших поселений Центральной Азии эпохи энеолита и бронзового века. Введение к этой монографии, в котором рассмотрены вопросы изменения природной среды и локализации древнеземледельческих поселений в подгорной полосе Копетдага в V–III тыс. до н. э., написано всеми соавторами. Глава 1 («Изучение энеолитических комплексов») подготовлена В. М. Массоном и Л. Б. Кирчо. В ней с учетом новых археологических материалов характеризуются культурные комплексы Алтын-депе эпохи энеолита, а также уделено внимание вопросу формирования этого древнеземледельческого центра на основе стратиграфических наблюдений, полученных при раскопках различных участков памятника.

Главы 2 («Технология производства и типология изделий из глины на Алтын-депе в эпоху энеолита»), 4 («Динамика развития и локализация производств на Алтын-депе в эпоху энеолита»), а также заключение («Основные этапы развития технико-технологического потенциала энеолитического населения Алтын-депе») принадлежат перу Л. Б. Кирчо, а глава 3 («Орудия труда и технология основных видов производств на Алтын-депе в эпоху энеолита») написана Г. Ф. Коробковой. В главе 2 рассматриваются разнообразные глиняные изделия, обнаруженные на Алтын-депе, — посуда, антропоморфные и зооморфные изображения, крбочки-реликварии, модели колес и повозок, печати-амулеты и их оттиски, пряслица, «навершия», «ядра

для пращи», скребки, скребла, шпатели и бусины. Основной вывод автора касается прогресса в области производства глиняной посуды, которое в пору энеолита можно разделить на два этапа. На первом из них (ранний и средний энеолит) сосуды изготавливали ленточным способом из глиняного теста с большим количеством органического или крупного минерального отощителя. Изделия покрывали плотным слоем ангоба и расписывали краской до обжига, который осуществляли преимущественно в однокамерных гончарных печах. На втором этапе (поздний энеолит) посуду изготавливали на шаблоне или путем соединения из нескольких частей, причем глиняная масса отличалась очень мелкими примесями. Для продукции характерен не только расписной, но и рельефный декор. Равномерный и длительный обжиг посуды осуществляли в двухкамерных гончарных печах. В конце позднего энеолита формируется технологическая основа гончарства, присущая эпохе бронзы.

В главах 3 и 4 показано, что к концу периода позднего энеолита на Алтын-депе выделяются три вида ремесленного производства, связанных с профессиональной деятельностью мастеров: изготовление алебастровых сосудов и престижных и культовых предметов из камня и терракоты (печати, статуэтки, коробочки-реликварии); кузнечное дело и металлургия; производство украшений из металла. Таким образом, в эпоху позднего энеолита здесь сложилась производственная система, ставшая основой для зарождения специализированных ремесел бронзового века.

В заключении суммированы итоги исследования, которые позволяют выделить два технико-технологических этапа в развитии производства на Алтын-депе. Первый этап (ранний и средний энеолит) характеризуется домашним характером ремесел, ориентированных на удовлетворение потребностей обитателей небольшого поселения. Второй этап (поздний энеолит) отличается принципиальными изменениями в технологии и организации основных видов производства, а также в системе расселения, размерах и внутренней структуре самого поселения, которое формируется как крупный древнеземледельческий центр. Возникает специализация мастеров-профессионалов, усиливаются межрегиональные контакты. Все эти факторы способствуют становлению культурной и технико-технологической основы ранней городской цивилизации эпохи бронзы на Алтын-депе.

Рассматриваемое исследование снабжено 170 таблицами, а также тремя приложениями. Два из них («Фаунистические остатки из слоев периода позднего энеолита на раскопе 5 Алтын-депе» и «Зооморфные статуэтки поселения Алтын-депе») написаны А. К. Каспаровым, а третья («Экспериментально-трасологическое изучение пряслиц и «наверший» из энеолитических слоев поселения Алтын-депе») — Т. А. Шаровской. Все они являются важными дополнениями к основному тексту монографии.

**Соловьева Н. Ф. Антропоморфные изображения Туркменистана поры среднего энеолита (по материалам поселения Илгынлы-депе). — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. — 328 с., ил. — (ТИИМК. Т. XXIX).**

Вторая книга, изданная ИИМК РАН, представляет собой публикацию коллекции антропоморфных терракотовых и каменных фигурок, обнаруженных в течение 14 полевых сезонов раскопок на уникальном поселении поры среднего энеолита на юго-западе Центральной Азии. Это собрание насчитывает 573 единицы хранения, относящиеся ко второй половине IV тыс. до н. э., которые, несомненно, интересуют исследователей искусства малых форм и мировоззрения ранних земледельческих обществ. Разнообразные статуэтки из Илгынлы-депе свидетельствуют

о почитании обитателями этого поселения женских существ, обладавших сверхъестественной силой и оказывавших земледельцам покровительство в различных аспектах их повседневной жизни. Эти статуэтки использовали в обрядах, которые в древности сопровождали все производственные и календарные циклы. Существовали, видимо, и ритуалы, маркирующие жизненный путь человека и регулирующие его отношения с коллективом. Автор справедливо полагает, что антропоморфные изображения Илгынлы-депе подтверждают существование в обрядовой жизни его обитателей религиозных церемоний, находящихся полное соответствие в ритуальной практике большинства архаических обществ. Данное издание, снабженное 92 таблицами и детальным каталогом, в котором воспроизведены все найденные на памятнике антропоморфные изображения, является важнейшим корпусом источников для изучения искусства и религии древнеземледельческих обществ.

***Аванесова Н. А. Бустон VI — некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. — Самарканд: [б. и.], 2013. — 640 с., ил.***

Выход в свет этого научного труда, написанного профессором кафедры археологии Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои, стал долгожданным событием для многих специалистов по археологии бронзового века Центральной Азии. В нем опубликованы погребальные комплексы и культовые объекты одного из немногих полностью раскопанных могильников сапаллинской культуры, которая в позднем бронзовом веке была распространена на юго-западе современного Узбекистана. С возникновением этой культуры в междуречье Амударьи и Сырдарьи начинается процесс урбанизации, приведший впоследствии к формированию здесь Бактрии, одного из древнейших государственных образований на территории Центральной Азии. Именно поэтому раскопки сапаллинских памятников имеют принципиальное значение для изучения процессов, которые привели к появлению в центральноазиатском междуречье древнеземледельческих центров с присущей им городской культурой.

Благодаря тому обстоятельству, что Н. А. Аванесова раскопала могильник Бустон VI, расположенный в Шерабадском тумане Сурхандарьинского вилоята, сплошной площадью, удалось получить уникальные вещественные свидетельства о погребальной практике оставившего этот некрополь населения, обитавшего в поселке, который находился в окрестностях Бустонся, древнего протока Шерабаддарьи (притока Амударьи), и систематизировать сведения, обычно ускользающие из поля зрения археологов, исследующих, как правило, лишь погребальные сооружения и их содержимое. В результате полевых изысканий Н. А. Аванесовой удалось выявить материальные свидетельства загадочных верований и ритуалов финального этапа сапаллинской культуры, которые еще ждут своего истолкования.

О разнообразии похоронных обрядов, которые практиковали древние обитатели долины Шерабаддарьи, свидетельствуют различные способы погребения: ингумация, включая захоронения людей, разрубленных перед похоронами, и отдельных частей тел; кремация; символические погребения с антропоморфными или зооморфными статуэтками, вотивными предметами и жертвенными животными, но без останков людей; фиктивные захоронения с заурядным вещевым материалом, но также без останков людей. Помимо самих погребений, были выявлены поминальные комплексы, алтари, кострища и каменные ящики для кремации. Все раскопанные объекты документированы рисунками и чертежами.

Находки из могильника Бустон VI дают богатую пищу для размышлений о судьбах древнейших жителей междуречья Амударьи и Сырдарьи, их связях с цивилизациями Афганистана, Пакистана и Ирана, а также с миром северных племен, населявших степи Евразии. Вопрос о влиянии кочевников, которые во II тыс. до н. э. периодически проникали на юг Центральной Азии из степей нынешнего Казахстана, рассмотрен в монографии наиболее обстоятельно. Все иные культурологические и идеологические аспекты, которые можно исследовать, основываясь на результатах раскопок некрополя, автор предполагает рассмотреть в следующей публикации.

Вопрос о датировке как этого могильника, так и всей сапаллинской культуры до сих пор дискутируется в археологической литературе. Н. А. Аванесова полагает, что Бустон VI относится ко второй половине II тыс. до н. э. Однако найденные в нескольких могилах биконические бусины-пряслица датируются, судя по аналогиям, обнаруженным на ряде памятников Южного Туркменистана, Северо-Восточного Ирана, Северного и Южного Афганистана, а также Северо-Западного Пакистана, первой половиной II тыс. до н. э. Наметившаяся в последние годы тенденция к удревнению культур, составляющих андроновскую культурно-историческую общность, носители которых неоднократно проникали из Казахстана на юг современного Узбекистана, является еще одним аргументом в пользу отнесения всех памятников сапаллинской культуры к первой половине II тыс. до н. э. В этом временном отрезке, на мой взгляд, и происходило становление ранней городской культуры на юге Узбекистана, связанной разнообразными контактами с древними цивилизациями Центральной Азии и Среднего Востока.

В целом следует поздравить профессора Н. А. Аванесову с выходом в свет научного труда, представляющего собой очень важный вклад в дело изучения спорных проблем центральноазиатской археологии бронзового века.

**Рузанов В. Д. Металлообработка на юге Средней Азии в эпоху бронзы.** — Самарканд: Институт археологии им. Я. Гулямова АН Республики Узбекистан, 2013. — 348 с., ил.

Настоящая книга представляет собой обобщающее исследование, посвященное развитию металлообрабатывающих производств в древней Центральной Азии. Выводы автора базируются на сведениях, полученных в результате проведения 1346 спектральных анализов древнего металла. Хронологические рамки работы охватывают, согласно его мнению, III–I тыс. до н. э.

В монографии дана химико-металлургическая характеристика металла из южных областей Центральной Азии, оценены месторождения горнорудных районов этого обширного ареала и расположенных к югу от него территорий. Кроме того, в книге рассмотрены вопросы типологической классификации металлического инвентаря и проведено его картографирование, выполнен анализ принципа соотношения химико-металлургических и типологических показателей металла и взаимосвязей между культурами, изучены проблемы хронологии металлургических, химических групп и металлических комплексов, а также, самое главное, выявлены очаги металлургии, функционировавшие в пору бронзового века, и прослежена роль каждого из них в процессе развития древней металлургии в этом регионе.

Автор выделил восемь типов сплавов, характерных для металлургического производства эпохи бронзы в Центральной Азии. Изделия из металла, в зависимости от выявленных к нему примесей, подразделены им на 11 химических групп.



Металлические артефакты рассматриваются в соответствии с хронологическим (поздний энеолит и ранняя бронза, средняя бронза, поздняя бронза) и культурным (культуры древневосточного типа, степные культуры, культуры лепной расписной керамики и архаического Дахистана) членением этого географического ареала. Основываясь на результатах многочисленных анализов металла, В. Д. Рузанов показывает, что в культурах древневосточного типа (юго-запад и юго-восток Центральной Азии) на протяжении всей поры бронзового века доминируют изделия из «чистой» бронзы при постепенном нарастании, начиная с периода среднего бронзового века, предметов из оловянных бронз, доля которых в позднем бронзовом веке составляют почти 39 % от остальных сплавов. Металл степных культур характеризуются либо сочетанием элементов металлообработки, присущих земледельческим племенам (бишкентская и вахшская культуры), где главными типами сплавов являются «чистая» медь и оловянные бронзы, либо технологическими канонами, свойственными исключительно степным племенам (Аруктауский и Кумсайский могильники), где доминируют оловянные бронзы. В культуре лепной расписной керамики и в памятниках культуры архаического Дахистана также преобладают оловянные бронзы.

Автор выявил горнорудные районы, откуда в эпоху первобытности металл поступал на юг Центральной Азии. В Южном Туркменистане в пору позднего энеолита и раннего бронзового века мастера преимущественно использовали металл из иранских рудников, хотя в последний из названных периодов руду стали ввозить и из Афганистана. Эта же ситуация продолжается в среднем бронзовом веке. Поступление металла из северных среднеазиатских источников играет в это время второстепенную роль. В позднем бронзовом веке, когда выходит из употребления металл из иранских рудников, доминирует сырье из афганских источников и возрастает роль северного среднеазиатского сырья.

Металл сапаллинской культуры в основном также имеет афганское происхождение, хотя небольшая его часть доставлена из северных среднеазиатских рудных районов. Значение последнего источника существенно возрастает в период существования культуры расписной лепной керамики (комплексы типа Яз I — Кучук I). В Юго-Западном Таджикистане в позднем бронзовом веке одни племена предпочитали пользоваться металлом из афганских рудников (бишкентская культура), тогда как другие (могильники Кангуртут и Тандыр-йул) получали металл из северных среднеазиатских месторождений.

Отдельная глава монографии посвящена типологии металлических изделий Центральной Азии рассматриваемой эпохи. В ее основу положена схема, разработанная Е. Н. Черных для металлических изделий археологических культур Евразии. В. Д. Рузанов подразделяет анализируемую им металлическую продукцию (1346 предметов из 87 памятников) на пять видов: орудия труда и оружие, украшения, предметы быта, предметы туалета, культовые предметы.

Распределяя металлические изделия Центральной Азии по хронологическим периодам, автор использует традиционную систему абсолютных дат, принятую для бронзового века этого региона, которая, как продемонстрировало развитие и совершенствование радиоуглеродного метода датирования, оказалась несостоятельной. В рамках настоящего обзора, разумеется, нет места для подробной аргументации этого положения. Следует лишь подчеркнуть, что период Намазга VI в Центральной Азии охватывает первую половину II тыс. до н. э. и завершается в XV в. до н. э. Следовательно культура расписной лепной керамики, как ее именует автор, при-

ходится на вторую половину упомянутого тысячелетия. Таким образом, комплексы типа Яз I — Кучук I полностью относятся к финальному этапу позднего бронзового века. Памятники позднего энеолита — эпохи среднего бронзового века датируются концом IV—III тыс. до н. э., поэтому рассматриваемые автором артефакты Центральной Азии были изготовлены в конце IV — конце II тыс. до н. э.

В заключительной главе своей работы В. Д. Рузанов выделяет нескольких металлургических очагов, которые функционировали на юге нынешней Центральной Азии в эпоху позднего энеолита — бронзового века, что является его существенным вкладом в разработку актуальных проблем археологии рассматриваемого региона. Увязывая развитие здесь металлопроизводства с динамикой аналогичного процесса в Иране, где начало металлообработки восходит к VII тыс. до н. э., автор выделяет четыре очага металлургии на юге Центральной Азии: пархай-сумбарский в Юго-Западном Туркменистане, копетдаг-тедженский и мургаб-копетдагский в Юго-Восточном Туркменистане, а также северобактрийский в Юго-Западном Узбекистане. Все они характеризуются специфическими формами выпускаемой продукции и обнаруживают черты самостоятельного развития. С момента своего возникновения и примерно до середины II тыс. до н. э. каждый из них находился под технологическим воздействием Ирана и входил, таким образом, в состав Ирано-Афганской металлургической провинции, а позднее все они попали под влияние металлургии степных племен Центральной Азии.

Монография В. Д. Рузанова, в которой детально исследовано развитие центральноазиатской металлообработки в бронзовом веке, венчает собой важный этап в изучении этого производства и, несомненно, станет настольной книгой каждого специалиста, занимающегося проблемами первобытной археологии Центральной Азии<sup>1</sup>.

Заканчивая свой краткий обзор, подчеркну, что все названные монографии представляют собой крупные достижения в деле познания древнейшего прошлого Центральной Азии.

---

<sup>1</sup> См. также рецензию на эту монографию: *Кирчо Л. Б.* Новая сводка по металлообработке древней Средней Азии (*Рузанов В. Д.* Металлообработка на юге Средней Азии в эпоху бронзы. Самарканд, 2013) // РАЕ. № 4. 2014. С. 576–581.

## О НОВЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ ПО ИСТОРИИ ИРАНА ДОЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

*И. В. Пьянков* (Великий Новгород)

Иран — страна очень древних культур и цивилизаций, земля, на которой появилась религия загадочного Зороастра и которая первой в истории стала настоящей «мировой» империей. История Ирана в древности всегда привлекала внимание любознательных людей. В последнее время он вновь стал играть активную роль в международных делах, и в связи с этим, естественно, возрос интерес ученых к его далекому прошлому, его историческим истокам. Ниже будут кратко проаннотированы некоторые важнейшие книги по древнеиранской тематике, появившиеся в последние годы в России и за ее пределами.

***Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э.*** Изд. 2-е, доп. / Под ред. С. Р. Тохтасьева и В. А. Якобсона. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. — 572 с., ил. — (Исторические исследования).

Монография выдающегося востоковеда Игоря Михайловича Дьяконова о Мидии вышла вторым (посмертным) изданием (первое издание вышло в 1956 г.). Она является классикой отечественного востоковедения, несмотря на, казалось бы, локальную ограниченность своей темы (древняя история Северо-Западного Ирана), сделала эпоху в своей области науки. Этот труд — эталон и образец для исследователей по универсальности подхода к предмету исследования, по полноте охвата самых разнородных источников, по строгости научного метода. Читатель найдет здесь ответы на вопросы, далеко выходящие за рамки генеральной темы. Однако за годы, прошедшие со времени первого издания книги, вышло много новых исследований и публикаций источников. Учет и критическое рассмотрение всего этого материала содержится в предисловии, написанном известными учеными С. Р. Тохтасьевым и В. А. Якобсоном. Оно очень удачно дополняет труд И. М. Дьяконова.

***Дандамаев М. А. Месопотамия и Иран в VII–IV вв. до н. э.: Социальные институты и идеология.*** — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. — 512 с., ил. — (Исторические исследования).

Мухаммед Абдулкадырович Дандамаев — известный востоковед с мировым именем, специалист по истории древних цивилизаций Ирана и Месопотамии, автор многих книг и статей, опубликованных в России и многих других странах. Данная книга является сборником уже изданных ранее статей автора, посвященных самым разным областям жизни древних Ирана и Месопотамии: административной системе, экономическим отношениям, этническим контактам и религии. Часть этих статей, вышедших в различных зарубежных периодических изданиях на иностранных языках, ранее была практически малодоступна русскоязычному читателю.

**Дандамаев М. А. Вавилония в 626–330 годы до н. э.: Социальная структура и этнические отношения.** — СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. — 222 с., ил. — (Исторические исследования).

В этой своей книге М. А. Дандамаева рассматривает отдельно Вавилонию. В первой ее части говорится об административном устройстве и храмовом управлении, судах и законах, семье, воинской повинности Вавилонии в VII–IV вв. до н. э. Во второй части речь идет о положении иранцев в ахеменидской Вавилонии. На эту тему автор в свое время прочитал ряд лекций в американских университетах, и эти лекции были изданы в США на английском языке в 1992 г. в виде монографии<sup>1</sup>. Она и легла в основу настоящей книги.

**Дандамаев М. А. Ахеменидская империя: Социально-административное устройство и культурные достижения.** — СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. — 392 с., ил. — (Историческая библиотека).

В этой монографии М. А. Дандамаев как бы подводит итог своим многолетним исследованиям в области истории Ближнего Востока в ахеменидскую эпоху. По сути, это серьезно переработанная и дополненная версия части автора из совместно написанной им с В. Г. Лукониным книги, увидевшей свет много лет назад на русском и английском языках<sup>2</sup>. В представляемой публикации подробно проанализированы социальные и административные институты народов огромной Ахеменидской империи, их этнические отношения, культура и религиозные верования, право, экономика и денежное обращение.

**Медведская И. Н. Древний Иран накануне империй (IX–VI вв. до н. э.): История Мидийского царства.** — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. — 264 с., ил.

В книге Инны Николаевны Медведской рассматривается очень интересная эпоха — время вызревания на Ближнем и Среднем Востоке условий для создания первых в истории «мировых империй». Понятно, что главное внимание здесь уделено истории Мидийского царства, сама природа которого вызывает не утихающие до сих пор дискуссии. Автор предлагает здесь свое решение спорных проблем истории не только Мидии, но и Урарту, Лидии, киммерийцев и скифов во время их пребывания на Ближнем Востоке, а также уделяет внимание исторической географии в связи с походами новоассирийских царей в Северо-Западный Иран.

**The World of Achaemenid Persia: History, Art and Society in Iran and the ancient Near East. Proceedings of a conference at the British Museum, 29th September — 1st October 2005 / Ed. by J. Curtis and St. J. Simpson.** — London; New York: I. B. Tauris, 2010. — XVII, 626 p., ill.

Представляемая книга — это большой сборник статей, написанный несколькими десятками авторов — участниками международной конференции, прошедшей в Лондоне в 2005 г. В совокупности получился действительно универсальный обзор всех сторон жизни Ахеменидского государства, содержащий важные исследования

<sup>1</sup> *Dandamayev M. A. Iranians in Achaemenid Babylonia. Costa Mesa, 1992 (Columbia Lectures on Iranian Studies. No. 6).*

<sup>2</sup> *Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980; Dandamayev M. A., Lukonin V. G. The culture and social institutions of ancient Iran / English edition by Ph. L. Kohl with the assistance of D. J. Dadson. Cambridge; New York, 1989.*

по истории и историографии, религии, искусству и архитектуре, археологии, сфрагистике и нумизматике, а также очень модным сейчас гендерным отношениям.

**Elam and Persia** / Ed. by J. Álvarez-Mon and M. B. Garrison. — Winona Lake: Eisenbrauns, 2011. — XVIII, 493 p., ill.

Это большой сборник статей, посвященный всестороннему изучению древнейшей на территории Ирана цивилизации — эламской. Много внимания уделяется вопросам истории государства Элама, особенно в связи с историей персов, пришедших на смену эламитах. Понятно поэтому, что не обойден стороной и Аншан — страна эламитов, позже известная как Персида, бывшая основной областью расселения древних персов. Освещаются вопросы археологии, искусства, роли эламского языка среди персов, эламского права и т. д., попутно затронуты искусство маннеев.

**Llewellyn-Jones L., Robson J. Ctesias' History of Persia: Tales of the Orient.** — London; New York: Routledge, 2010. — 253 p., ill. — (Routledge Classical Translations).

Аннотируемая книга включает в себя перевод сохранившихся фрагментов «Истории Персии» древнегреческого историка Ктесия (вторая половина V — начало IV в. до н. э.), дополненный обстоятельным предисловием и свидетельствами (testimonia) из письменных источников о жизни и сочинениях Ктесия. Уместно добавить для русскоязычных читателей, что совсем недавно автор этих строк издал обновленную версию своего исследования о Ктесии и его историческом труде<sup>3</sup>.

**Llewellyn-Jones L. King and Court in Ancient Persia, 559 to 331 BCE.** — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013. — XVIII, 258 p., ill. — (Debates and Documents in Ancient History).

Перед нами интересная монография об ахеменидской великом царе и его дворе. Она делится на две части. В первой речь идет о самом монархе и людях из его окружения, дается развернутая картина придворной жизни, полной не только удовольствий, но и с опасностей, таящихся в ней. Говорится, в том числе, и о царском гареме. Вторая часть содержит документальный материал. Автор книги поставил себе целью дать новое видение персидской монархии, основанное на источниках, отражающих представления самих древних иранцев. В его понимании великие цари из династии Ахеменидов — это не деспотичные тираны, какими они предстают в свете данных античных письменных источников, а терпимые правители, миротворцы, храбрые воины, справедливые богобоязненные судьи и законодатели.

В целом перечисленные выше монографии и сборники статей представляют собой серьезный вклад в изучение древнейшего имперского прошлого Ирана и исторически связанных с ним территорий. Эти публикации адресованы прежде всего профессиональным историкам, однако могут служить также в качестве очень полезных справочных пособий для студентов и вообще всех интересующихся историей и культурой Ближнего и Среднего Востока в эпоху древности.

<sup>3</sup> Пьянков И. В. Средняя Азия и Евразийская степь в древности. СПб., 2013. С. 8–95.

## НОВЫЕ КНИГИ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ДРЕВНИХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ИРАНА

*Е. О. Стоянов (Уфа)*

В предлагаемом обзоре рассмотрены в хронологическом порядке некоторые из книг, увидевших свет в России и за рубежом на протяжении последнего десятилетия, начиная с 2006 г. Все они так или иначе посвящены истории и археологии Ирана и Центральной Азии (в широком понимании обоих географических терминов) в доисламскую эпоху. Выборка, не являясь исчерпывающей, все же отражает, как кажется, тематическое, жанровое и методологическое разнообразие публикаций последних лет.

Перед автором стояла задача не столько оценить рассматриваемые работы, сколько дать читателю представление об их содержании (учитывая, в частности, малую доступность некоторых изданий). Поэтому обзор построен как серия развернутых аннотаций, лишь в случае необходимости сопровождаемых кратким комментарием или полемическими репликами.

**Массон В. М. Культурогенез Древней Центральной Азии.** — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Изд-во СПбГУ, 2006. — 384 с., ил. — (Asiatica).

Это одна из последних работ выдающегося археолога В. М. Массона, которая в известном смысле подводит итог его многолетних исследований древней истории и культуры Центральной Азии. Книгу открывает введение «Петербургская школа центральноазиатской археологии» (с. 3–18). Основную часть монографии составляют 14 глав (с. 19–291), последовательно рассматривающих ключевые проблемы истории и археологии Центральной Азии. Автор удачно комбинирует хронологический (по эпохам: от палеолита до раннего средневековья), территориальный (главы по основным историко-культурным областям, включая государственным образования ранней и развитой древности: Парфия, Бактрия, Согдиана и др.) и проблемный подходы (разделы по проблемам изучения нумизмата и городской жизни, глава по доисламской нумизматике). Иллюстративный материал к главам вынесен в многочисленные таблицы в конце книги (с. 305–342).

Заключение «Процессы культурогенеза и культурное наследие» (с. 292–302) суммирует теоретические воззрения автора на типологию и механизмы культурного развития, которые проиллюстрированы на примере культур и цивилизаций древней и раннесредневековой Центральной Азии.

Приложение (с. 360–379), написанное сотрудниками Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН, содержит краткие биографические очерки петербургских востоковедов и археологов, внесших огромный вклад в изучение цивилизаций Кавказа и Центральной Азии — В. В. Бартольда, А. М. Беленицкого, А. Н. Бернштама, М. П. Грязнова, Н. Я. Марра, И. А. Орбели, Б. Б. Пиотровского, С. И. Руденко и др.

**Яценко С. А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы).** — М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2006. — 664 с., ил. — (Культура народов Востока).

Монография ставит задачу осуществить комплексный анализ костюма ираноязычных народов по единой программе. Выбор именно иранцев объясняется сочетанием ряда факторов, делающих их одежду эталонным материалом для изучения костюма ранних доиндустриальных обществ: обширность занимаемой территории, большое число этнических групп, значительное политическое и культурное влияние, большое разнообразие форм одежды, сложность и роскошь ее декора, обилие сохранившихся изображений и письменных источников.

Во введении (с. 5–27) автором изложена история изучения костюма древних иранцев, охарактеризованы источники исследования, а также оговорены методологические и методические аспекты работы с ними.

Работа включает четыре главы. Первые три рассматривают в хронологическом порядке костюмные комплексы отдельных народов — как оседлых, так и кочевых. Первая глава (с. 28–111) посвящена костюму иранцев ахеменидо-скифского времени (VII/VI — IV/III вв. до н. э.): персов, европейских скифов, хорезмийцев и пазырыкцев. Вторая глава (с. 112–211) исследует одежду народов парфяно-сарматского периода (III в. до н. э. — III/IV вв. н. э.): населения Парфянской державы, сарматов и аланов, юэчжей (кушан), хорезмийцев, согдийцев и т. д. Третья глава (с. 212–278) рассматривает костюмы этносов сасанидского времени и доисламского средневековья (III/IV–VII/VIII вв. н. э.): жителей Сасанидской империи, хорезмийцев, согдийцев, тохаристанцев, хотано-саков. В результате исследования автором выделены три важнейших этнических костюмных комплекса.

Четвертая глава «Механизмы костюмных контактов и характер эволюции костюма древних иранцев. Символика костюма» (с. 279–363) касается общетеоретических аспектов исследования. Около трети объема книги занимают сводные таблицы (с. 435–657).

**Захаров А. О.** Очерки истории традиционного Востока. — М.: Восточный университет, 2007. — 222 с.

Издание включает три самостоятельных очерка. В нашем случае интерес представляет первый из них: «Некоторые проблемы истории Бактрии во II в. до н. э. — I в. н. э.» (с. 6–126). Он состоит из двух глав («Греко-Бактрия при Евкратиде I», с. 21–41; «Основные вопросы истории Бактрии в конце II в. до н. э. — начале I в. н. э.», с. 42–89) и дополнен несколькими приложениями, частично уже опубликованными прежде в виде отдельных статей: «Проблема происхождения юэчжей» (с. 92–100), «Современное состояние проблемы кушанской хронологии» (с. 101–116), «Некоторые проблемы истории Греко-Бактрии первой трети II в. до н. э.» (с. 117–126).

Рассматриваемый очерк представляет собой историографический обзор проблем, связанных с падением Греко-Бактрии и возникновением Кушанского царства. Автор дает хорошо систематизированную сводку мнений, существующих в отечественной и зарубежной науке по каждому из ключевых вопросов: это политическая история времен Евкратиды I и его преемников, обстоятельства падения Греко-Бактрийского царства, этнический состав кочевников-завоевателей (в частности, принципиально важный вопрос о соотношении юэчжей и тохаров), локализация пяти владений и государства Больших Юэчжи, проблема Герая, спорные вопросы раннекушанской хронологии, особенности экономики и социального

стройка Средней Азии в ту эпоху. При этом автор, разбирая приведенные аргументы, нередко дает им свою оценку, принимая сторону того или иного участника дискуссии.

Не претендуя на оригинальность выводов, эта работа может быть полезна, особенно для тех, кто впервые обратился к данной теме, как добротный историографический компендиум.

***Benjamin C. The Yuezhi: Origin, Migration and the Conquest of Northern Bactria.*** — Turnhout: Brepols, 2007. — XVII, 245 p. — (Silk Road Studies. XIV).

Книга К. Бенджамина «Юэчжи: происхождение, миграция и завоевание Северной Бактрии» — попытка синтеза письменных источников (прежде всего античных и китайских) и археологических данных с целью реконструкции истории юэчжийского племенного союза. Монография состоит из пяти глав. Глава первая («Происхождение юэчжей», с. 1–44) посвящена поиску возможных предков юэчжей среди скотоводческих культур бронзового века Евразии. Автор отождествляет юэчжей как с историческими тохарами, так и с носителями тохарских языков. Во второй главе («Юэчжи в Ганьсу: 220–162 до н. э.», с. 45–85) автор характеризует юэчжей, населявших Ганьсуский коридор как конфедерацию племен, ведущую полуоседлый, земледельческо-пастушеский, образ жизни и процветавшую на торговле нефритом и лошадьми. Третья (с. 86–126) и четвертая (с. 127–166) главы рассматривают первый (162–132 гг. до н. э.) и второй (132–130 гг. до н. э.) этапы миграции юэчжей на запад под давлением усилившихся сюнну (азиатских гуннов). На первом этапе юэчжи переселяются в долину реки Или, вытеснив на юг племена сэ (саков), на втором — сами вынуждены продолжить движение через Фергану и долину Зеравшана после поражения от усуней. Автор отмечает «эффект домино», вызванный юэчжийской миграцией. Пятая глава («Завоевание Северной Бактрии», с. 167–215) посвящена последним годам Греко-Бактрии, павшей под натиском двух волн кочевников: сначала саков (145–130 гг. до н. э.), а затем (после 130 г. до н. э.) юэчжей, которые около 125 г. до н. э. обосновались к северу от Амударьи. Дальнейшая их история, завершившаяся созданием Кушанской державы, вынесена автором за пределы книги.

Книгу можно упрекнуть в некоторой компилятивности и поверхностности (так, например, письменные источники знакомы автору лишь в переводе, что сужает его исследовательский потенциал). Тем не менее, перед нами качественная обобщающая работа, учитывающая практически все, что было написано прежде по юэчжийской проблеме (см. библиографию, включающую и русскоязычные публикации, на с. 217–245).

***Дибвойз Н. К. Политическая история Парфии*** / Пер. с англ., науч. ред. и библиографич. приложение В. П. Никонорова. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. — 816 с., ил. — (Историческая библиотека).

Монография Н. К. Дибвойза, опубликованная более семи десятилетий назад<sup>1</sup>, до сих пор сохраняет ценность как полный и при этом достаточно компактный очерк истории одной из великих держав античной древности. Теперь же, с появлением русского перевода, эта книга, хорошо знакомая специалистам, стала

<sup>1</sup> Debevoise N. C. A Political History of Parthia. Chicago, 1938.



доступной и более широкому кругу читателей. Стоит особо отметить качество перевода и научной редакции русского издания<sup>2</sup>.

Предваряет перевод статья В. П. Никонорова и М. Я. Ольбрыхта «Вклад Н. К. Дибвойза в изучение истории и культуры Ирана в эпоху Аршакидов» (с. 5–11), а также список работ Дибвойза (с. 11–12). Наконец, самостоятельное значение имеет библиографическое приложение, составленное В. П. Никоноровым. Оно занимает две трети объема книги (с. 257–773) и содержит практически исчерпывающую библиографию работ по истории, культуре и социально-экономической жизни Парфянского государства и сопредельных с ним территорий, опубликованных в 1938–2008 гг. — всего 10 443 наименования. Библиография включает шесть разделов: собственно Парфянская империя (с. 257–393), регионы, образующие ее западное (с. 394–488), восточное (с. 489–688), северное (с. 689–751) и южное (с. 752–770) пограничья, а также некоторые библиографические материалы (с. 771–773).

**Завьялов В. А. Кушаншахр при Сасанидах (по материалам раскопок городища Зартепа).** — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. — 296 с., ил.; 16 л. ил. — (Archaeologica Varia).

Эта монография посвящена результатам исследования городища Зартепа в южном Узбекистане (26 км к северо-западу от Термеза), проливающим новый свет на историю Кушаншахра — автономного образования, возникшего после завоевания кушанской Бактрии Сасанидами. Во введении (с. 7–15) дана канва событий III–IV вв. в Иране и Средней Азии, а также оценено состояние изученности кушанских и кушано-сасанидских памятников. В первой главе («История изучения городища Зартепа и его характеристика», с. 17–28) приведена краткая летопись археологических работ на городище. Сам памятник охарактеризован как квадратное в плане городское поселение площадью около 16,9 га с укрепленной цитаделью в северо-восточном углу, возникшее как центр ирригационного района. Вторая глава «Раскопки городища Зартепа в 1975–1986 гг.» (с. 29–78) содержит детальное описание раскопанных архитектурных комплексов. В третьей главе («Архитектура и артефакты», с. 79–153) исследованы находки, характеризующие городскую культуру финального периода существования Зартепа (архитектурные сооружения, строительные материалы и приемы, антропоморфная и зооморфная терракота, гипсовая скульптура, изделия из рога, кости и раковин, металлические изделия, надписи на керамике и монеты). Четвертая глава, «Керамические комплексы Зартепа» (с. 154–232), посвящена систематизации и типологизации керамических находок. В ней прослежена эволюция гончарной технологии, типов и форм керамики, выявлены тенденции ее развития (с привлечением синхронного материала других памятников).

В заключении (с. 233–234) автор обосновывает датировку существования Кушаншахра второй половиной III — концом IV в. н. э. и характеризует его как автономно, ориентированную на сасанидскую культурную доминанту. Кушанские культурные стереотипы претерпевали постепенную трансформацию, что заметно прежде всего в керамическом комплексе. В двух приложениях каталогизированы надписи на керамике (с. 242–243) и монеты из Зартепа (с. 244–273).

<sup>2</sup> В этом отношении книга выгодно отличается, например, от переводной версии другой классической работы: *Колледж М. Парфяне. Последователи пророка Заратустры*. М., 2004, где бросаются в глаза небрежность переводчика и отсутствие квалифицированного редактора.

**Coloru O. Da Alessandro a Menandro: Il regno greco di Battriana.** — Pisa; Roma: Fabrizio Serra Editore, 2009. — 383 p., ill. — (Studi Ellenistici. XXI).

Книга О. Колору «От Александра до Менандра: греческое царство в Бактриане» представляет собой переработанный текст диссертации, защищенной автором в Сорбонне в 2006 г. Фактически это первая за полвека обобщающая работа по истории греков в Бактрии и Индии<sup>3</sup>. Классические труды В. В. Тарна<sup>4</sup> и А. К. Нарайна<sup>5</sup> не утратили своего значения, однако накопленный за последние десятилетия материал — археологический, нумизматический и эпиграфический — существенно скорректировал их выводы, в результате чего потребность в новом синтезе на уровне современной науки ощущалась довольно остро.

Основная часть этой монографии включает два раздела. Первый — «Греко-Бактрийское царство в историографии» (с. 23–120) — состоит из трех глав. Первая глава, собственно историографическая (с. 25–63), подробнейшим образом излагает историю изучения проблемы. Вторая посвящена обзору античной традиции (с. 65–102), третья (с. 103–120) касается рецепции греко-бактрийских сюжетов в позднейшей западной литературе — от европейского средневековья до современности. Все главы раздела по тщательности исполнения не имеют, пожалуй, аналогов в предшествующей научной литературе.

Вторую часть монографии — «Бактрийское царство греков в истории» (с. 121–282) — составляют 9 глав, каждая из которых посвящена определенному этапу истории Бактрии: греческому присутствию в регионе до и после Александра (с. 123–138), Бактрии как селевкидской сатрапии (с. 139–155), образованию независимого Греко-Бактрийского царства (с. 157–173), времени правления Евтидема I и Деметрия I (с. 175–193), экспансии бактрийских греков в Индию и разделению царства на греко-бактрийскую и греко-индийскую части (с. 195–208), эпохе Евкратида I и Менандра (с. 209–230), падению греческой власти в Бактриане (с. 231–239), упадку греческих владений в северо-западной Индии (с. 241–263), а также проблемам государственно-го устройства, экономики и общественного строя греческой Бактрии (с. 265–284).

Приложение (с. 287–294) содержит избранные эпиграфические документы в оригинале и в переводе автора. Обширная библиография (с. 299–328) включает, в частности, и русскоязычные публикации. В ряду последних заметны упущения, но отступление автора от прочно утвердившегося в западной научной литературе постулата «*Rossica non leguntur!*» («На русском языке не читаем!») — факт, безусловно, отрадный. Завершают издание указатели (с. 329–359) и иллюстрации (с. 365–383).

Впервые история Бактрии и Северо-Западной Индии в эллинистическую эпоху рассмотрена полностью — от македонского завоевания до крушения под ударами кочевников. Перед нами добротный труд, отражающий современное состояние изученности проблематики и намечающий дальнейшие пути ее исследования.

**Дмитриев В. А. «Персидский» экскурс Аммиана Марцеллина: Опыт источниковедческого анализа.** — Псков: ПГПУ им. С. М. Кирова, 2010. — 124 с., ил.

<sup>3</sup> Вышедшую ранее работу Х. Сидки (*Sidky H. The Greek Kingdom of Bactria. Lanham; New York; Oxford, 2000*) следует признать неудачной.

<sup>4</sup> *Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. 2nd ed. Cambridge, 1951.*

<sup>5</sup> *Narain A. K. The Indo-Greeks. Oxford, 1957.*

Монография В. А. Дмитриева посвящена источниковедческому анализу т. н. персидского экскурса — пространного географического описания Персидской империи и сопредельных территорий в историческом сочинении «Res Gestae» («Деяния») римского автора второй половины IV в. н. э. Аммиана Марцеллина (Am. Marc. XXIII, 6, 1–84).

Во введении (с. 4–12) сформулированы задачи и методика работы, а также приведен обзор историографии вопроса. В первой главе («Аммиан Марцеллин и его произведение», с. 13–29) рассмотрены биография Аммиана и его военная карьера и дана характеристика «Деяний» (состояние рукописной традиции, история изданий, особенности стиля и языка, источники сочинения). Во второй главе («Общая характеристика территории Персии Аммианом Марцеллином: источники, районирование, границы», с. 30–40) автор разделяет устоявшееся представление о VI книге «Географического руководства» Клавдия Птолемея как основном источнике экскурса, подвергая при этом сомнению прямое использование ее текста Аммианом. Третья глава, «*Regiones maximae* Персии в описании Аммиана Марцеллина» (с. 41–72), поочередно рассматривает основные районы, включенные в «Персию» Аммиана, разделяя их на западные (Ассирия, Сузиана, Мидия, Персида, Парфия, Счастливая Аравия, Большая Кармания, Гиркания), среднеазиатские (Маргиана, Бактриана, Согдиана, Страна Саков, Скифия) и восточные (Серика, Ария, Паропанисады, Дрангиана, Арахосия, Гедросия) области. Происхождение и содержание этих свидетельств подвергнуты детальному разбору в контексте античной географической традиции.

Заключение (с. 73–77) суммирует итоги исследования. По мнению автора, «персидский» экскурс представляет собой описание всего неримского Востока, не отражающее положения дел второй половины IV в. н. э. и составленное с опорой на два основных источника: некую карту и латиноязычное географическое сочинение, созданные на основе «Географического руководства» Птолемея с привлечением отрывочных сведений из других источников. Личный опыт Аммиана, побывавшего в ряде описанных регионов, в тексте отражен не был. Несмотря на невысокий научный уровень, «персидский» экскурс ценен как источник по истории позднеантичной географической мысли, а также для реконструкции образа Востока в сознании римлян.

В приложениях даны образцы рукописей «Деяний» (с. 89–92), стемма рукописной традиции (и первых изданий) сочинения Аммиана (с. 93), а также латинский текст экскурса с параллельным переводом автора (с. 94–115). Воспроизведены карты, составленные на основе данных Птолемея (с. 116–120).

Монография В. А. Дмитриева — как подчеркивает сам автор — носит сугубо источниковедческий характер и не ставит целью комментирование и интерпретацию упомянутых реалий. Это задача будущих исследований, фундамент которых заложен в том числе и рассматриваемой работой.

**Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты.** — М.: Восточная литература, 2010. — 664 с., ил.

Археологические работы на городище Тахти-Сангин у слияния Вахша и Пянджа, проводившиеся под руководством Б. А. Литвинского и И. Р. Пичикяна в 1976–1991 гг., были сконцентрированы на раскопках т. н. храма Окса — одного из эталонных памятников эллинистической культуры Бактрии. Первые два тома результатов его исследования<sup>6</sup> получили высочайшую оценку в России и за рубежом:

<sup>6</sup> Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1: Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000; Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии

Б. А. Литвинский был удостоен премии имени Р. Гиршмана Французской Академии (2002 г.) и премии имени С. Ф. Ольденбурга Российской Академии наук (2006 г.).

В третьем томе опубликованы произведения искусства, обнаруженные в храме Окса. «Вводная часть» (с. 9–57) содержит историю раскопок этого памятника, характеристику его архитектуры, а также аргументацию храмового происхождения Амударьинского клада, связанного, по мнению автора, с храмом Окса. Часть первая «Искусство в храме Окса» (с. 60–356) рассматривает произведения искусства ахеменидского, эллинистического и кушанского времени — как привозные, так и местного происхождения. Автор, в частности, приходит к выводу, что глиняная скульптура была привнесена в эллинистическую Бактрию в готовом виде.

Во второй части, «Изделия художественного ремесла в храме Окса» (с. 358–422), анализируются изделия из слоновой кости, детали мебели, ювелирные украшения. Часть третья, «Музыкальная культура Бактрии» (с. 424–453), содержит каталог греческих флейт, обнаруженных на Тахти-Сангине, их характеристику и историко-культурную интерпретацию.

В заключении (с. 454–468) автор, подводя итоги изучения памятника в целом, приходит к выводу, что эллинистическое влияние на культуру и общество Центральной Азии было многофакторным и глубоким. Книгу сопровождают приложения (с. 469–544), исчерпывающая — как всегда у Б. А. Литвинского — библиография (с. 545–631), указатели (с. 635–653) и многочисленные таблицы иллюстраций.

Настоящий том результатов раскопок храма Окса, как и предыдущие два, отличается энциклопедическим охватом материала, далеко выходящим по содержанию за рамки обозначенной в его заглавии темы.

**Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Буддийский монастырь Аджина-тепа (Таджикистан): Раскопки. Архитектура. Искусство.** 3-е изд., испр. и доп. / Под ред. Т. К. Мкртычева. — СПб.: Нестор-История, 2010. — 320 с., ил. — (Archaeologica Varia).

Аджина-тепа — буддийский монастырь VII–начала VIII в. н. э. на территории Вахшской долины, в 12,5 км от Курган-тюбе — является одним из ярчайших памятников среднеазиатского буддизма. Посвященная его исследованию монография представляет собой уже третье издание (и второе на русском языке) материалов раскопок, дополненное результатами работ 1967–1975 гг., не учтенными в первом издании, вышедшем в 1971 г.

Во введении (с. 20–32) дана общая характеристика самого памятника, а также других археологических памятников раннесредневекового Тохаристана. Глава первая («Аджина-тепа: хронология раскопок», с. 33–70), помимо летописи исследований, содержит детальное описание самого комплекса, состоявшего из двух частей — монастырской и храмовой. Во второй главе («Архитектурная композиция. Конструкция. Строительные приемы», с. 71–123) авторы приходят к выводу, что архитектура Аджина-тепа не имеет практически ничего общего с индийскими образцами. Сооружение было построено в соответствии с местными традициями, что позволяет говорить о своеобразии тохаристанской архитектурной школы. Планировка обеих частей Аджина-тепа осуществлена по классической четырехайванно-дворовой схеме, воплотившейся впоследствии в архитектурных ансамблях исламского мира (мавзолеях, медресе, караван-сараях). В третьей главе («Живопись и скульптура», с. 124–227)

(Южный Таджикистан). Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001.

проанализированы образцы изобразительного искусства из Аджина-тепа, в том числе 12-метровая статуя Будды, лежащего в нирване. Авторы выделяют особую, тохаристанско-буддийскую, школу искусства, синтезирующую индийские и собственно бактрийские художественные традиции и оказавшую большое воздействие на искусство других областей Средней Азии и сопредельных стран. Глава четвертая («Аджина-тепа и история буддизма в Средней Азии», с. 228–299) — представляет собой очерк истории среднеазиатского буддизма на основании данных письменных источников, а также лингвистических и археологических материалов. Подчеркнута историческая и культурная роль Средней Азии как гигантского ретранслятора буддизма из Индии далее на восток. Завершают работу заключение авторов (с. 300–303) и приложение (с. 304–313), написанное В. А. Фоминых, посвященное реконструкции глиняной скульптуры Будды из Аджина-тепа.

Монография Б. А. Литвинского и Т. И. Зеймаль — это не просто образцовое исследование отдельного памятника, но и (по справедливому замечанию научного редактора издания Т. К. Мкртычева), «краткая энциклопедия по истории буддизма в Средней Азии».

***Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия).*** 2-е изд., доп. и испр. / Пер. с араб. А. М. Беленицкого; статьи и примечания А. М. Беленицкого и Г. Г. Леммлейна; под ред. И. М. Стеблин-Каменского и В. П. Никонорова; вступ. статьи И. М. Стеблин-Каменского, Д. Абдуллоева, В. П. Никонорова и Н. П. Юшкина. — СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2011. — 600 с. — (Fontes Scripti Antiqui).

Выход в 1963 г. русского перевода «Минералогии» великого ученого-энциклопедиста Бируни стал выдающимся достижением отечественного востоковедения: достаточно сказать, что это был первый полный перевод трактата на какой-либо из иностранных языков. Не утратив своей ценности, книга успела стать библиографической редкостью, что и обусловило необходимость ее переиздания.

Структура книги по большей части повторяет первое издание: текст трактата (с. 31–299), «Краткий очерк жизни и трудов Бируни» А. М. Беленицкого (с. 323–345) и «Минералогические сведения, сообщаемые в трактате Бируни» Г. Г. Леммлейна и А. М. Беленицкого (с. 348–488), комментариев к переводу (с. 489–565) и указатели (с. 572–594). Новое издание дополнено очерками И. М. Стеблин-Каменского «Слово об Александре Марковиче Беленицком» (с. 5–16), Д. Абдуллоева и В. П. Никонорова «Александр Маркович Беленицкий: Человек и Ученый» (с. 17–21) и Н. П. Юшкина «Георгий Глебович Леммлейн (1901–1962)» (с. 22–28), представляющими собой дань памяти авторам этого капитального труда.

***Ртвеладзе Э. В. Великий индийский путь: Из истории важнейших торговых дорог Евразии.*** — СПб.: Нестор-История, 2012. — 296 с., ил. — (Исторические исследования).

Концептуальная новизна книги Э. В. Ртвеладзе отражена уже в ее заглавии: автор отвергает расширительное применение термина «Великий шелковый путь» ко всем маршрутам, связывавшим восток и запад в древности и средневековье, сохраняя это название лишь за одним из направлений. Предметом же исследования монографии становится другая трансконтинентальная трасса, соединявшая Индию со странами Средиземноморья, которую автор обозначает как «Великий индийский

путь». Из нескольких его ответвлений преимущественное внимание уделено северному, проходившему через Среднюю Азию, Южный Кавказ и Черное море.

Первая глава — «Историко-археологическая литература и письменные источники» (с. 14–28) — содержит обзор античных источников и историографии вопроса. В остальных пяти главах последовательно раскрываются этапы функционирования индийского пути: «Предыстория Великого индийского пути (эпоха энеолита — раннего железа)» (с. 29–50), «Дороги Александра Македонского как часть Великого индийского пути» (с. 51–74), «Великий индийский путь в эпоху эллинизма (конец IV — начало второй половины II в. до н. э.)» (с. 75–131), «Великий индийский путь во второй половине II в. до н. э. — начале I в. н. э.» (с. 132–156), «Великий индийский путь в эпоху кушан» (с. 157–255). Завершает монографию очерк «Дорога из Южного Китая в Гандхару. Бактрийские купцы на юге Китая» (с. 256–262).

По заключению автора, индийский путь — самый ранний из маршрутов, связавших восток и запад Евразии. Его зарождение прослеживается с появлением харалпских факторий в долине Окса. Отдельные участки пути были освоены еще до Александра Македонского, но окончательное формирование единой трассы связано именно с установлением греко-македонского господства на Ближнем и Среднем Востоке. При этом крах эллинистической государственности в Средней Азии под ударами кочевников не привел к коллапсу индийского пути, расцвет которого продолжался до конца кушанской эпохи. В первых веках н. э. его история совпадает с историей Великого шелкового пути, который дополнил его, но не изменил его специфики. Для индийского пути (в отличие от собственно шелкового) на протяжении всей его истории было характерно движение с востока на запад — это относится к ценностям как материальным (индийские товары, прежде всего слоновая кость), так и духовным (проникновение буддизма в Среднюю Азию).

Все выводы монографии подкреплены солидной фактологической базой, включающей результаты многолетних археологических исследований автора в Средней Азии (на Кампыртепа и других памятниках).

**Сверчков Л. М. Тохары. Древние индоевропейцы в Центральной Азии. —**

Ташкент: SMI-ASIA, 2012 — 240 с.

Тохарская проблема, несмотря на ее исключительную значимость для истории древней Центральной Азии, до сих пор не становилась объектом монографического исследования на русском языке<sup>7</sup>. Книга Л. М. Сверчкова претендует на то, чтобы заполнить эту лауну. При этом из трех основных аспектов тохарской проблемы (история этноса, известного по письменным источникам как «тохары»; история носителей т. н. тохарских языков; и, наконец, проблема соотношения тех и других) автора занимает, главным образом, второй. Первая глава («Тохарские языки и “тохарская проблема”», с. 11–46) содержит экскурс в историю дискуссий лингвистов и археологов вокруг тохарских языков, а также обзор археологии Синьцзяна от палеолита до раннего железного века. Во второй главе («Культурно-исторические области Средней Азии по данным археологии: происхождение и взаимодействие», с. 47–158) развернута широкая панорама археологических культур региона от мезолита до раннего средневековья. В третьей главе («Протоохары и индоевропей-

<sup>7</sup> Небольшая книжка Н. А. Бронникова (К исторической географии тохаров. М., 1913) — факт скорее библиографии, чем историографии. Работы чисто лингвистические (см., например: Бурлак С. А. Историческая фонетика тохарских языков. М., 2000) в данном случае не рассматриваются.

ская проблема», с. 159–188) изложена авторская концепция происхождения и миграций индоевропейцев (в частности, тохаров). Отвергая господствующие гипотезы, автор локализует прародину индоевропейцев в Средней Азии. Первичное членение языковой общности на две диалектные группы он относит к эпохе мезолита. Дальнейшее распространение индоевропейских языков автор связывает с целым рядом археологических культур, лингвистическая атрибуция которых порой весьма оригинальна<sup>8</sup>. Носители джейтунской культуры объявлены прототохарами. Последние, по авторской схеме, мигрируют в Синьцзян, откуда затем частично возвращаются, принимая участие в формировании культур Яз I–III, туров иранской традиции, массагетов, эфталитов и т. д. Завершают книгу заключение (с. 189–192) и обширная библиография (с. 193–239).

К сожалению, предложенная Сверчковым концепция скорее эффектна, нежели убедительна. Она уязвима как в конкретных деталях, так и в методологическом плане. Сложнейшая проблема корреляции археологической культуры и языка (этнуса), кажется, совсем не отражена автором, который с обескураживающей прямолинейностью ищет в материальной культуре зеркальное отражение лингвистических процессов<sup>9</sup>. Наконец, для работы, оперирующей таким количеством археологического материала, полное отсутствие карт, схем и таблиц — это непростительное упущение. Увы, новая монография никак не приближает нас к решению тохарской проблемы, а читателя-неспециалиста способна и вовсе дезориентировать.

**Пьянков И. В. Средняя Азия и Евразийская степь в древности.** — СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. — 736 с., ил. — (Исторические исследования).

В настоящем издании, по сути Орега Мiнога крупнейшего специалиста по истории древней Центральной Азии И. В. Пьянкова, собрано около трех десятков его работ, увидевших свет за последние полвека. Три из них выходили отдельными монографиями<sup>10</sup>, одна ранее не издавалась («Великий шелковый путь: итинерарий Мая Тициана»), остальные же публиковались в виде отдельных статей, нередко в малодоступных на сегодняшний день сборниках. Добавим, что некоторые статьи («Саки» и «К этнической истории саков Припамирья») выходят на русском языке впервые.

Включенные в сборник работы сгруппированы в четыре раздела, тематика которых отражает основной спектр научных интересов автора: «Средняя Азия в древнем мире. Разное» (с. 7–176), «Ариана: страны и народы. Зороастр — древний пророк Арианы» (с. 177–398), «Древние кочевники Евразийской степи. Передвижения племен в степном поясе» (с. 399–538) и «Рецензии» (с. 539–618). При всем тематическом разнообразии их объединяет ряд общих черт, первая из которых — детальный источниковедческий анализ письменной традиции как отправная точка любого исследования.

<sup>8</sup> Так в кельтеминарцах автор видит «германо-балто-славянскую общность», носители халафской культуры оказываются протоанатолийцами, майкопской — индоиранцами, а Бактрийско-Маргианскому археологическому комплексу (БМАК) присвоен греко-фригийский язык «восточноевропейской диалектной общности».

<sup>9</sup> Самый, пожалуй, курьезный пример: выделение в культуре Анау-Намазга двух разных керамических стилей отражает, по мнению Сверчкова, обособление двух тохарских языков (с. 174).

<sup>10</sup> Пьянков И. В. Древний Самарканд (Мараканды) в известиях античных авторов. Душанбе, 1972; *он же*. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе, 1975; *он же*. Бактрия в античной традиции (общие данные о стране: название и территория). Душанбе, 1982.

Завершают книгу очерк биографии автора, составленный Т. И. Пьянковой (с. 686–698), а также исчерпывающая библиография работ И. В. Пьянкова (с. 699–712) и список публикаций о нем (с. 713–714).

**Кошеленко Г. А., Мунчаев Р. М., Гаибов В. А. Археология Афганистана в дни мира и дни войны.** — М.: Институт археологии РАН, 2014. — 164 с., ил.

Задача этой книги — не просто дать очерк истории археологического изучения Афганистана, но и привлечь внимание к катастрофической ситуации, сложившейся вокруг древностей этой страны за последние десятилетия непрерывных войн. Книга делится на три части. Часть 1 — «Открытия» (с. 11–92) — посвящена основным вехам развития археологии Афганистана — от авантюрных приключений Ч. Массона (1830-е гг.) до работ современных исследователей, возобновившихся в последние годы. Основное внимание уделено деятельности Французской археологической делегации в Афганистане (Délégation Archéologique Française en Afghanistan, далее — DAFA), внесшей, по справедливому заключению авторов, наиболее весомый вклад в археологическое изучение Афганистана. За 60 лет работ (1922–1982) DAFA, которой руководили такие крупнейшие ученые-востоковеды, как А. Фуше, Д. Шлюмберже и П. Бернар, исследовала эталонные памятники эпохи раннего металла (Мундигак), эллинистического (Ай-Ханум) и кушанского (Беграм и Сурх Котал) периодов и т. д. Уделено внимание и работам археологов других стран, включая Советско-Афганскую археологическую экспедицию, организованную в 1969 г. Подробно и взвешенно рассказано о достижениях и просчетах советских археологов.

Часть 2 — «Трагедия» (с. 93–116) — повествует о событиях совсем недавнего прошлого, когда археологические работы в охваченном войной Афганистане оказались свернуты, многие памятники фактически уничтожены (Ай-Ханум, Сурх Котал, Бамиан), а древние артефакты начали массово «всплывать» на мировом «черном рынке» древностей. В качестве примера авторы приводят драматичную (но сравнительно благополучную) историю богатейшего клада, обнаруженного в 1992 г. в Мир Закахе.

Часть 3 — «Проблемы» — включает три этюда, тематически связанных с проблематикой исследований Советско-Афганской экспедиции («Бактрийский город кушанского времени», с. 119–135; «Некрополь Тилля-тепе: индийская уникальная монета», с. 136–150; «Бактрийский царь в кочевнической трактовке», с. 151–162).

Все очерки удачно сочетают научность стиля с увлекательностью изложения. Книга прекрасно иллюстрирована и, несомненно, рассчитана не только на специалистов, но и — по определению ее авторов — на «рядового интеллигентного читателя». Препятствием на пути к последнему может стать разве что тираж книги — довольно мизерный (500 экз.), но, увы, привычный для изданий подобного рода.



## ВАЖНЕЙШИЕ ТРУДЫ ПО СРЕДНЕИРАНСКИМ ЯЗЫКАМ

А. А. Амбарцумян (Санкт-Петербург)

*Лившиц В. А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья.* — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. — 414 с., ил. — (Азиатика).

В представляемой монографии опубликованы согдийские документы конца VII — первой четверти VIII в., найденные в крепости на горе Муг (Кал'а-и Муг) в Северном Таджикистане, раннесредневековые согдийские надписи на глиняных и серебряных сосудах и монетах, документы из замка Чильхуджра (Уструшана) и Самарканда, а также согдийские наскальные надписи X–XI вв. из Семиречья (включающего юго-восточную часть Казахстана и северную часть Киргизстана).

Первая часть книги (с. 11–263) представляет собой серьезно переработанное переиздание первой публикации мугских документов<sup>1</sup>, с учетом новых работ по согдологии, вышедших в течение последних пятидесяти лет. Она включает публикацию важнейшей части архива согдийского правителя Деваштича — договоры, донесения и дипломатическую переписку, содержащие чрезвычайно ценные новые данные по политической и военной обстановке в Средней Азии в период арабского завоевания (первая половина VIII в.). Первый документ был обнаружен в 1932 г. С 1933 г. на горе Муг проводила раскопки экспедиция Академии наук СССР под руководством А. А. Фреймана, в результате работ которой было обнаружено еще 74 согдийских документа на коже, китайской бумаге и деревянных палках, которые хранятся ныне в рукописном фонде Института восточных рукописей РАН. Фотографии мугских документов из этого собрания были опубликованы в 1963 г. в престижной международной серии «Corpus Inscriptionum Iranicarum»<sup>2</sup>.

Во второй части монографии приводятся в основном недавние и новые статьи В. А. Лившица о памятниках согдийской эпиграфики Средней Азии. В первой статье «Кеш (Шахрисябз) в согдийских текстах и монетных легендах» (с. 267–278) речь идет об южносогдийском городе Кеш (совр. Шахрисябз в Кашкадарьинской области Узбекистана), жители которого упоминаются в мугском документе, использованном для обклейки ножен кинжала, а также в согдийско-манихейском «Списке народов» и китайско-согдийской эпитафии. Имя выходца из Кеша встречается и в согдийской надписи из горной долины Верхнего Инда «Хутавнамак, кешикендский» от названия города — Кешикенд. В статье также рассматриваются монеты кешского правителя Ахурпата, найденные на городище Пенджикент.

<sup>1</sup> Согдийские документы с горы Муг. Вып. II: Юридические документы и письма / Чтение, пер. и коммент В. А. Лившица. М., 1962.

<sup>2</sup> Dokumenti s gori Mug. Documents from Mt. Mugh / Ed. by M. N. Bogolyubov, V. A. Livshits, and O. I. Smirnova, under the direction of I. A. Orbeli. Moscow, 1963 (CIR-2/3).

В другой статье — «“Созданный Огнем и Благой Мыслью” в согдийской надписи из Пенджикента» (с. 279–282) — анализируется имя владельца сосуда, начертанное на фрагменте венчика хума, найденного в ходе раскопок на объекте XXVI. Надпись состоит из одного слова — имени «Атархуман», которое, как показано автором статьи, образовано сложением двух теонимов и переводится как «(Созданный) божествами Огня и Благой мысли» или «посвященный» этим божествам.

Статья «Соغدийские документы из замка Чильхуджра» (с. 283–297) посвящена интерпретации трех согдийских документов, начертанных чернилами на арчовых дощечках, из раннесредневекового замка Чильхуджра («Сорок келий», неподалеку от поселка Шахристан (древняя Уструшана, ныне — Уратюбинский район Сугдской области Таджикистана). Пересматривается чтение документа № 1, в котором упоминается имя уструшанского государя Чавиуса (Кавуса арабских источников). В комментарии на с. 286 содержится попутное замечание В. А. Лившица о нередко встречающемся неправильном толковании топонима Согд.

В статье «Соغدийская азбука из Пенджикента» (с. 298–305), впервые опубликованной на английском языке еще в далеком 1970 г., исследуется согдийская азбука (23 буквы), которая была обнаружена на фрагменте хума из цитадели древнего Пенджикента. Азбука составляла только часть текста на черепке, в остальной части надписи говорилось о том, что она была написана писцом Друваспом по приказу Кавифарна. Важно отметить, что пенджикентская азбука отличается от согдийской азбуки из собрания Отани (Киото).

В статье «Предводитель чачского народа в согдийских надписях и монетных легендах» (с. 306–311) В. А. Лившиц внес поправки в ранее прочитанные им согдийские надписи на серебряных сосудах. Речь идет о надписи на серебряном блюде с изображением кушаншаха в рогатой короне, охотящегося на кабанов, в которой упоминается князь Шав, предводитель чачского народа.

Статья «Соغدийские и бактрийские настенные надписи на городище Афрасиаб» (с. 312–325) посвящена прочтению согдийских и бактрийских надписей, открытых на городище древнего Самарканда в 1965 г. Часть из них — это согдийские пояснительные надписи, начертанные одним писцом, к сценам настенной живописи. Вторая часть включает в себя согдийские и бактрийские надписи, начертанные посетителями, когда здание (объект 23) уже было покинуто обитателями. Две бактрийские надписи отмечены на четвертой птице и на южной стене, около изображения мужчины, сидящего на большом желтом коне; последняя из них предположительно начертана посетителями, прибывшими из Северного Тохаристана.

В статье «Соגיע Сāнак, манихейский епископ V — начала VI в.» (с. 326–332) приводится интерпретация согдийских надписей на отпечатках трех гемм (булл), найденных на городище Канка в Чачском (Ташкентском) оазисе. На одной из них изображен портрет мужчины, надпись вокруг головы которого состоит из трех слов: «Епископ Санак, сын Кавата». Обнаруженные геммы и буллы свидетельствуют о распространении манихейства в Чачском оазисе в V–VI вв.

Статья «Соغدийско-буддийский фрагмент Kt IV/879 № 4263 из рукописного собрания Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН» (с. 333–340) посвящена исследованию ранее не переведившегося согдийско-буддийского фрагмента из Сериндийского фонда рукописного собрания Института восточных рукописей РАН. Этот документ происходит из коллекции Н. Н. Кроткова, российского консула в Урумчи, и представляет собой часть свитка на китайской

бумаге, содержащего фрагмент перевода буддийского сочинения «*Gūkasūtra*» на согдийский язык.

В статье «Согдийский документ из древнего Самарканда» (с. 341–349) предлагается дешифровка согдийской курсивной надписи на палке, обнаруженной во время раскопок объекта 8-д на городище Афрасиаб, которая являлась хозяйственным документом, напоминающим расписку. Здесь же дается прочтение фрагментов согдийских хозяйственных надписей на обеих сторонах остракона, найденного в шурфе восточной части Афрасиаба.

Раздел «Согдийская эпиграфика Семиречья» (с. 350–388) посвящен исследованию согдийских надписей на керамике и на скалах, обнаруженных в различных уголках Семиречья — важного ареала согдийско-тюркского симбиоза. В главе I — «Согдийские надписи на керамических сосудах, найденных на археологических памятниках Семиречья» (с. 353–368) — рассмотрены шесть согдийских надписей: 1) на венчике хума из городища Красная речка (долина реки Чу, Кыргызстан), долгое время считавшаяся единственной согдийской надписью в Семиречье; 2) на венчике хума из городища у с. Покровка; 3) на венчике хума из городища Якалыг (Чуйская долина, Казахстан); 4) на стенке хума из городища Тараз (Казахстан); 5) на шиферной пластинке из Тараза; 6) на венчике хума из городища Красная речка. В подразделе «Согдийская надпись на венчике из Ак-Бешима» (с. 358–363) рассматривается согдийская курсивная надпись на венчике хума, обнаруженного при раскопках помещения № 8 церковного комплекса А на городище Ак-Бешим (Кыргызстан). В следующем подразделе — «160 счастливых лет желают согдийцы 'Алимхāну 'Аббāсу» (с. 363–368) — исследуется согдийская курсивная надпись, сохранившаяся на пяти фрагментах венчика хума, найденного близ с. Георгиевка в казахстанской части Чуйской долины.

В главе II — «Согдийские наскальные надписи в ущельях Кулан-сай и Терек-сай» (с. 368–388) — речь идет о четырех согдийских вертикальных курсивных надписях, обнаруженных на скалах и камнях в ущельях Кулан-сай и Терек-сай (южный склон кыргызского Алатоо, к северу от г. Таласа). Ранее эти надписи считались древнеуйгурскими и датировались VI–VIII вв., однако на самом деле они согдийские и были начертаны в X–XI вв.

В июне 2010 г. за монографию «Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья» на Международной конференции иранистов в Лос-Анджелесе (США) научный комитет ведущей научной организации иранистов The International Society for Iranian Studies (ISIS) присудил В. А. Лившицу почетную премию имени Эхсана Яршагера (The Ehsan Yarshater Book Award). Пять лет спустя стараниями профессора Н. Симса-Вильямса (Emeritus Professor of Iranian and Central Asian Studies, Department of Religions and Philosophies, School of Oriental and African Studies) монография В. А. Лившица была опубликована в Лондоне в «Corpus Inscriptionum Iranicarum» в переводе на английский язык<sup>3</sup>.

**Лившиц В. А. Парфянская ономастика.** — СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. — 400 с., ил. — (Азиатика).

В этой монографии В. А. Лившиц исследует личные имена, топонимы и теонимы, засвидетельствованные в парфянских эпиграфических памятниках II в. до н. э. — V в.

<sup>3</sup> *Livshits V. A. Sogdian epigraphy of Central Asia and Semirech'e / Transl. from the Russian by T. Stableford; ed. by N. Sims-Williams. London, 2015 (CIr-2/3).*

н. э. и в парфянских манихейских текстах, а также в парфянских передачах среднеперсидских, семитских и других иноязычных личных имен и топонимов.

Первая часть книги представляет собой новейшие разработки автора. Она начинается с введения, краткого обзора манихейской религии и литературы и включает в себя основную часть монографии — содержательный словарь парфянских имен собственных. Во «Введении» (с. 5–26) приводится краткий обзор парфянских литературных (в том числе и парфянского происхождения) и эпиграфических памятников, надписей и документов аршакидского периода (на остраках из Старой и Новой Нисы, сосудах и остраках из Старого Мерва и т. д.), дается краткий экскурс в историю парфянского языка и письменности с анализом особенностей грамматики и орфографии и рассказывается история обнаружения парфянских документов и их последующей дешифровки. В очерке «Манихейство» (с. 27–33) приводится краткий обзор этой синкретической религии, основанной пророком Мани, рассматривается история обнаружения манихейских парфянских текстов VI–XI вв. в ходе археологических исследований в Восточном Туркестане (Турфанском оазисе) и анализируются орфографические особенности манихейского парфянского письма. Обзор манихейских религиозных сочинений представлен в очерке «Манихейская литература» (с. 34–43). Все эти разделы и очерки являются вводными к словарю парфянских имен, в который вошли разновременные данные из источников аршакидского и сасанидского периодов, а также из манихейских сочинений. Этот фундаментальный словарь (с. 47–201) включает 888 словарных статей и состоит из четырех частей. Первая — «Структура» (с. 47–52), в ней автор классифицирует парфянские личные имена по семантике и морфологии на четыре основные группы (в книге нумерация нарушена, здесь она исправлена): 1) односоставные полные имена; 2) двусоставные полные имена, в числе которых (а) посессивные композиты, (б) детерминативные композиты, (в) композиты с глагольным управлением второго компонента сложения; 3) усеченные имена; 4) гипокористики — ласкательные и уменьшительные имена.

Затем следуют раздел I — «Парфянские личные имена, парфянские передачи среднеперсидских, семитских и других иноязычных имен, греческие и латинские передачи парфянских имен» (с. 53–168, словарные статьи 1–710), раздел II — «Парфянские топонимы, парфянские передачи среднеперсидских и других иноязычных топонимов, греческие передачи парфянских топонимов» (с. 169–199, словарные статьи 711–877) и раздел III — «Парфянские теонимы» (с. 199–201, словарные статьи 878–888).

Вторая часть книги включает избранные статьи В. А. Лившица, как новые, так и написанные им в разные годы, в том числе в соавторстве. В некоторые из них автором внесены исправления и дополнения. В статье «Парфянские шутники» (с. 202–207) интерпретируется серия парфянских наскальных надписей, обнаруженных в 1992 г. в урочище Лах Мазар (в 20 км от селения Куч) по дороге, ведущей из Хорасана в Керман. Усомнившийся в правильном прочтении этих надписей своими коллегами крупный иранский ученый А. Тафаззули (к сожалению, ныне покойный) прислал их публикацию В. А. Лившицу для ознакомления. Согласно предложенному последним их новому прочтению, речь там вовсе не идет о зороастрийских церемониях и ритуалах, а также не содержится никаких намеков на связь с маздакитской сектой *дрист-дэнан*. Авторами надписей были шесть парфянских парней, работавших проводниками на горной дороге, которые начертали на скалах шутливые надписи и рисунки (изображения осла, льва, медведя).

Статья в соавторстве с И. М. Дьяконовым «Новые находки документов в Старой Нисе» (с. 208–228) посвящена дешифровке парфянских хозяйственных документов, найденных при раскопках винных складов в крепости Михрдаткирт (Старая Ниса). Как правило, это были учетные документы, этикетки-справки и итоговые ведомости, сопровождавшие хранившиеся сосуды с вином. Часть документов дала возможность восстановить значительную часть парфянских календарных терминов. Названия месяцев и дней в них представляют зороастрийский «младоавестийский» календарь, созданный по образцу египетского солнечного календаря во второй половине V в. до н. э.

Статья «Геммы и буллы с парфянскими надписями» (с. 229–250) представляет собой обзор известных автору гемм и булл с парфянскими надписями. В частности, даются сводные сведения по интерпретации надписей на 10 геммах и основные данные по буллам, найденным в 1950–1951 гг. в одном из винохранилищ Старой Нисы и датируемым второй половиной I в. до н. э. — I в. н. э. (по публикации А. Б. Никитина).

Небольшая статья «Парфянский теоним Sāsān» (с. 251–254) анализирует имя Сасан, часто встречающегося в парфянских документах. Это имя, популярное у ранних Сасанидов, являлось одним из наиболее распространенных парфянских имен. Сопоставление его с такими именами в документах из Нисы, как Сасандат и Сасанбухт, позволило автору предположить, что Сасан — это имя парфянского божества. Входит оно также в состав имен, образованных сложением двух теонимов (ср., например: Михрсасанак «посвященный Митре и Сасану»). Наличие теонимов Сасан и Нана отличает парфянский пантеон от авестийского. Автор анализирует этимологии этого имени, предложенные Э. Херцфельдом, О. Семереньи, Д. Н. Макензи, А. Г. Периханян, и признает их неудовлетворительными, так как они не учитывают теофорное происхождение его парфянской формы.

Статья «Парфянский документ Авроман III» (с. 255–265) посвящена парфянскому документу на пергаменте, найденному в 1909 г. в пещере у горного хребта Кух-и Салан в Иранском Курдистане и содержащему договор о продаже половины виноградника. Он датируется 52–53 гг. н. э. Текст документа ранее изучали многие ученые: А. Каули, Дж. Унвала, Г. Ньюберг, Э. Херцфельд, Дж. Эдмондс, В. Хеннинг, А. Г. Периханян и С. Харута. В. А. Лившиц предложил свою интерпретацию этого текста, особенно его противоречивой четвертой строки.

В статье «Парфянские остраки из Коша-депе» (с. 266–277) рассматриваются два острака, обнаруженные при раскопках поселения Коша-депе в Южном Туркменистане, которые представляют собой хозяйственные документы с упоминанием характерных парфянских имен.

Статья «Три серебряные чаши из Исаковского могильника № 1» (с. 278–293) посвящена расшифровке надписей на серебряных чашах, обнаруженных во время раскопок в Первом Исаковском могильнике близ Омска. Надписи на двух чашах — хорезмийские, на третьей — парфянская. Прочтения этих надписей снабжены подробными и ценными комментариями.

В совместной статье с В. А. Зуевым «О датировке парфянских надписей на фиалах из кургана 1 у деревни Прохоровка» (с. 294–302) В. А. Лившиц исследует парфянские надписи на двух серебряных сосудах из кургана раннесарматской (прохоровской) культуры, раскопанного у деревни Прохоровка Оренбургской губернии в 1911 г. В свете новых данных возникла необходимость пересмотреть первоначальные прочтения этих эпиграфических памятников П. К. Коковцовым в при-

ложении к монографии М. И. Ростовцева «Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма» (= МАР. № 37. 1918. С. 82–83). Исходя из палеографических особенностей надписи на сосуде № 1, В. А. Лившиц считает возможным датировать ее в интервале от рубежа II–I вв. до н. э. до I в. н. э., хотя сами фиалы были значительно старше надписей, и в погребение они попали уже в качестве конских фаларов, причем не ранее I в. до н. э.

Статья «Парфянские надписи из Гёбеклы-депе» (с. 303–314), написанная В. А. Лившицем в соавторстве с А. Б. Никитиным, анализирует десять парфянских надписей на фрагментах сосудов и на целом сосуде, которые были найдены в ходе раскопок в позднепарфянской крепости Гёбеклы-депе в Мервском оазисе (в 32 км от Старого Мерва).

Статья «Парфянская надпись на сосуде из Ак-депе» (с. 315–318) посвящена исследованию надписи на глиняном сосуде, обнаруженном в ходе раскопок здания 2 на холме Ак-депе у Артыка в Южном Туркменистане.

Совместная статья В. А. Лившица и З. И. Усмановой «Новые парфянские надписи из Старого Мерва» (с. 319–324) анализирует фрагментарные надписи на керамике из Эрк-калы — цитадели Старого Мерва.

Другие памятники парфянской письменности исследуются в статье «Новые парфянские надписи из Туркмении и Ирака» (с. 325–347): это шесть коротких надписей из Старого Мерва, по одной надписи из Куны-калы на окраине Ашхабада и крепости Игды-кала на Узбое, три надписи и 18 остраконов из Ниппура (Ирак).

В последней статье — «“Глава податей” в парфянском и сасанидском Иране» (с. 348–358) — приводятся сводные данные по проблеме интерпретации парфянского и сасанидского титула «глава податей», засвидетельствованного в среднеперсидской (*hargubed*, *harguft*) и парфянской (*hargbed*, *argbed*) версиях надписи сасанидского царя Нарсе в Пайкули (Иракский Курдистан), а также в других источниках.

Обе монографии В. А. Лившица, вне всякого сомнения, являются крупнейшими достижениями в области изучения древних языков Центральной Азии и Ирана и всегда будут служить надежными справочниками по письменной культуре этих важнейших историко-культурных регионов.

## ДВА ОБОБЩАЮЩИХ ТРУДА ПО ИСТОРИИ САСАНИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ

А. И. Колесников (Санкт-Петербург)

Профессор Калифорнийского университета (США) Турадждарьяни — известный специалист по истории сасанидского Ирана, автор большого числа статей, нескольких монографий и комментированного перевода пехлевийского трактата «Города Ирана». Ниже будут рассмотрены две его книги по истории государства Сасанидов, увидевшие свет в 2008 и 2009 гг.

***Daryae T. Sasanian Iran (224–651 CE): Portrait of a Late Antique Empire.*** — Costa Mesa: Mazda Publishers, 2008. — XXIII, 140 p., ill. — (Sasanika Series. No. 1).

Рецензируемая монография — своего рода попытка автора представить обновленный очерк истории Сасанидского государства, «основанный на новейших исследованиях». Большинство работ, на которые ссылается Т. Дарьяни, опубликованы в последние двадцать — тридцать лет.

Основной текст сочинения предваряет вводная часть («Prolegomena») под заголовком «Древний Иран в контексте мировой истории» (с. XIII–XXIII). В ней автор сетует на недостаточное внимание исследователей к истории древнего Ирана, несмотря на большой вклад Ирана и его цивилизации в мировую историю. Корень зла он видит в живучести пресловутой идеи европоцентризма («эллиномании»), отказывавшей народам за пределами греко-римского мира в праве на древнюю историю и считавшей соседей «людьми без истории». Далее Дарьяни останавливается на трудностях изучения истории древнего Ирана, вызванных тремя причинами: разрозненность и разноязычность источников в ситуации, когда древнеперсидский не стал языком межэтнического общения в многонациональном государстве; отсутствие поддержки со стороны профильных научных учреждений и правительственных институтов; отсутствие исторического подхода и методологии исследования при одновременном увлечении филологией и археологией.

С утверждением автора книги относительно отсутствия исторического подхода у исследователей вряд ли можно согласиться. Дефицит методологии, может быть, характерен для американских историков древнего Ирана. У их коллег, ведущих советских и российских иранистов (И. М. Дьяконов, М. А. Дандамаев, Н. В. Пигулевская, В. Г. Луконин), с методологией и подходами все в порядке. Их исследования и выводы, построенные на всестороннем анализе синхронных источников на разных языках, наиболее полно отражают выдающуюся роль Ирана в мировой истории в разные эпохи его существования. Часть трудов российских ученых (у М. А. Дандамаева — это более одной трети) доступна для зарубежного читателя в переводах на европейские и некоторые восточные (персидский и арабский) языки. Но в библиографии цитированных публикаций, прилагаемой к книге Т. Дарьяни,

ни одна из работ И. М. Дьяконова и М. А. Дандамаева не упомянута, а значит и не была принята в расчет.

Во вводной части (со ссылками на новейшие исследования) автором постулируется весьма спорный тезис о положительной роли завоеваний Александра Македонского и правления Селевкидов в Иране в укреплении древнеиранской государственности. Собственно сасанидская часть «Очерка» состоит из восьми глав или разделов, освещающих в хронологической последовательности ключевые моменты предыстории и истории Сасанидской державы. В первой главе («Иран до Сасанидов», с. 1–6) кратко рассматриваются этапы предыстории событий на Иранском нагорье с IV тыс. до н. э. (возникновение государства Элам) по первую четверть III в. н. э. включительно (крушение Аршакидской династии и образование Сасанидского государства). В этой главе очерка настойчиво проводится мысль о живучести древнеиранских традиций в области Парс, колыбели ахеменидской государственности, основанная на результатах изучения нумизматики и эпиграфики «темных столетий» Персиды и ставящая точку в споре современных историков о том, знали ли Сасаниды о древнейшем прошлом своей родины.

Глава вторая («Ардашир I и основание Сасанидской империи», с. 7–21) начинается с библиографии основных работ, посвященных истории Сасанидов. В примеч. 1 на с. 7 перечислены полтора десятка публикаций, из которых первые две («История» ат-Табари и перевод К. Э. Босворта сасанидской части хроники) относятся фактически к категории источников, а остальные — к исследовательской литературе. За ними автор почему-то закрепил название второстепенных или вторичных источников. Этой же позиции Дарьяи придерживается и в «Библиографии» ко всей книге, отделяя основные источники — оригинальные тексты («Primary Textual Sources») от исследовательской литературы разных лет, которую он объединил под рубрикой «Вторичные источники» («Secondary Sources»). Отнесение публикаций исследовательского характера к источникам не совсем корректно, поскольку не делает различия между собственно источником (в нашем случае — оригинальным текстом) и результатами осмысления информации, почерпнутой из первоисточника, которые представлены в научных исследованиях. Впрочем, справедливости ради стоит отметить, такое разделение библиографического списка не является изобретением самого Дарьяи, а вполне типично для западной научной литературы.

Рассказ о царствовании первого представителя династии Сасанидов предваряется отрывком из «Книги деяний Ардашира сына Папака», иллюстрирующим официальную сасанидскую точку зрения на феодальную раздробленность Ирана после смерти Александра Македонского, с которой Ардашир Папакан должен был покончить. Реализация этой грандиозной задачи нуждалась в исполнителе с достойной генеалогией. В официальной версии «Карнамага» эта генеалогия выглядит особенно претенциозной. В ней Ардашир, сын Папака назван потомком мифической царской династии Кеянидов, происходящим «из рода Сасана, из семьи царя Дария». Пышные титулы Ардашира I и его державных преемников в III в., присутствующие на ранних сасанидских драмах и скальных рельефах с сопроводительным текстом («Мазда-яснийский владыка ... , царь царей Ирана, богоподобный / происходящий от богов») оправдывали себя в связи с расширением территории государства в результате побед персидских войск над главным соперником Ирана, Римом, и менее могущественными соседями. Касаясь трактовки скальных рельефов, нельзя согласиться с утверждением Т. Дарьяи, будто одинаковые пропорции фигур Ормазда и Ардашира и схожесть их изображений в сцене инвеституры на рельефе в Накш-е Раджабе предполагают равный статус верховного бога и царя. Царь здесь не равновелик богу,



а исполняет роль божественного наместника на земле, которому Ормазд доверяет. Формула *kē čīhr az yazdān* для титула царя в данном конкретном случае указывает не на его божественное происхождение, а на его подобие богу (не «происходящий от богов», но «боголикий», «подобный богу»).

В третьей главе очерка, посвященной времени Шапура I («Шапур I: сильнейшая мировая империя в III в.», с. 22–30), в сжатом виде излагаются итоги военных походов шаханшаха как они представлены в его победной надписи на «Каабе Зороастра» (ŠKZ) и на триумфальных рельефах в Накш-е Рустаме и Бишапуре. Далее автор характеризует религиозную политику Шапура I и отмечает возросшую роль административного аппарата (по перечням придворных должностей, приводимым в надписях).

События последней трети III в. излагаются в четвертой главе, в которой главной темой становится борьба между претендентами на царский трон («Соперничество за власть: Варахран и Нарсе», с. 31–42). В сасанидской надписи из Пайкули в Северной Месопотамии шаханшах Нарсе (293–302) оправдывает свое восшествие на престол тем, что знать и придворные сами попросили его занять трон. Т. Дарьяи справедливо не разделяет скептическое отношение отдельных исследователей, усомнившихся в исторической ценности памятника на том основании, что композиционно надпись из Пайкули выполнена в стиле ахеменидской надписи Дария I и потому относится к эпическому жанру, столь распространенному на древнем Ближнем Востоке. Изложение политических событий даже в такой форме не обязательно лишает повествование его исторической значимости, считает автор. На скальном рельефе в Накш-е Рустаме Нарсе получает символ высшей власти из рук богини Анахиты. Этот рельеф, по мнению автора, символизирует возрождение религиозных предпочтений отца и деда Нарсе (т. е. Шапура I и Ардашира I), которые начинали свои военные походы при покровительстве этой богини. Эта глава завершается емким обобщением событий, происходивших в Иране в течение III в. н. э. Отдав должное заслугам Ардашира I и Шапура I в создании могущественной державы с развитым аппаратом управления, автор книги вновь возвращается к религиозной ситуации в стране. Он пытается связать лояльность Шапура I к манихейству со стремлением этого шаханшаха создать универсальную религию, которая бы позволила обеспечить послушание и неиранских подданных «царя царей». Впрочем, согласно IV книге «Денкарда», Шапур I отличился собиранием именно нерелигиозных трактатов (по медицине, астрологии, механике, логике и другим наукам, распространенным в Индии и Риме) и сопоставлением их с Авестой [DkM, 412], а вовсе не поисками универсальной религии. Основателя манихейства, Мани, он воспринимал как интересного собеседника и поэтому приблизил ко двору. Опасность этого шага осознавал главный идеолог зороастризма, верховный жрец Картир, и после смерти Шапура, при Варахране I (271–274), Мани как возмутитель спокойствия и еретик был заточен в тюрьму и вскоре казнен.

Центральная, пятая глава («Шапур II и сасанидские правители в IV в.», с. 43–57) представляет анализ главных внутри- и внешнеполитических событий IV в. с короткими экскурсами в эволюцию идеологической картины общества сасанидского Ирана и статуса его верховного правителя. Но если военно-политическая составляющая характеристики сформулирована Т. Дарьяи достаточно внятно и полно, то идеологическая страдает односторонностью, недомолвками, а то и просто ошибками. О христианстве речь идет только в связи с Арменией, принявшей его в качестве государственной религии в начале IV в. Полностью игнорируется тот факт, что значительная часть населения Месопотамии исповедовала христианство уже в III в. Совсем опущены факты массовых гонений на христиан при Шапуре II, а также

причины преследований иноверцев. Эти вопросы достаточно подробно рассматривались в книге Ж. Лабура<sup>1</sup>, упомянутой в библиографии использованных работ, но почему-то автор рассматриваемой книги на них не отреагировал. И для второй половины царствования Шапура II (309–379), отмеченной массовыми преследованиями иноверцев, рано говорить о создании в Иране позднеантичного общества, основанного «зороастрийскими жрецами, иудейскими раввинами и христианским духовенством», на чем настаивает Т. Дарьяи со ссылкой на очерк Р. Фрая в «Кембриджской истории Ирана». На самом деле это стало возможным только в следующем столетии при более благоприятных внутри- и внешнеполитических условиях.

Событиям V в. посвящена шестая глава («Йездигерд, князь мира, и легендарные цари в V в.», с. 58–67). Она начинается с характеристики правления «миролюбивого царя» Йездигерда I (399–420), получившего у своих единоверцев прозвище «грешник» за попытки усмирения слишком влиятельного зороастрийского жречества и реабилитацию христианства в государстве по письменной просьбе византийского императора Аркадия (383–408). Особо автор останавливается на анализе титула царя на монетах (*rāmšahr* — «тот, кто поддерживает мир в стране»). Он видит в царском титуле не только акцент на его миролюбии, но и допускает влияние кеянидской идеологии, стремление сасанидского правителя связать свою родословную с династией легендарных царей Ирана. Свою гипотезу Дарьяи подтверждает ссылкой на среднеперсидское сочинение «Завещание Зарера» (*Ayādgār ī Zarērān*), в котором тот же титул носит последний кеянидский правитель Кай Виштасп. Он же встречается и в «Денкарде».

В седьмой главе («Кавад I и Хосров I: революция и обновление в VI в.», с. 68–82) анализируются реформы, начатые Кавадом I (488–497, 499–531) и продолженные Хосровом I Ануширваном (531–579). Автор вполне обоснованно считает, что побудительным мотивом к их проведению стало социально-религиозное движение Маздака, подвигнувшее шаханшаха Кавада на ограничение в государственных делах вселия родовой аристократии и официального зороастрийского жречества. В результате дворцового переворота Кавад I был свергнут, ему удалось бежать из страны и в течение двух лет скрываться у эфталитов. С их помощью в 499 г. он смог вернуть трон, и еще в течение 32 лет находиться у власти. Трудно сказать, насколько этот шаханшах был успешен в реализации своих преобразований. Во всяком случае военно-административную реформу следует скорее связывать с деятельностью его сына, Хосрова I Ануширвана. Непримируемый противник ереси в зороастризме, он сумел расправиться с руководителями маздакитского движения и вплотную заняться реформами. В главе рассмотрены все направления реформаторской деятельности Хосрова Ануширвана, проведена аналогия его реформ с реформами византийского императора Юстиниана (527–565). Может быть, автором несколько опрометчиво подхвачена мысль некоторых историков, закрепивших за иранским правителем прозвище царя-философа. Источники действительно сообщают о его увлечении философией, но названия философских трудов Ануширвана неизвестны.

Завершающая, восьмая глава («От Хосрова II до Йездигерда III: кульминация и падение Сасанидской империи», с. 83–104) представляет собой, по сути, популярный очерк бурной политической истории Сасанидского государства от крупных побед и катастрофического поражения иранских армий в длительной войне с Византией при Хосрове II Парвизе (590–628) через четырехлетие губительных междоусобиц (628–632), приведших к фактическому развалу страны, до полного крушения

<sup>1</sup> Labourt J. Le Christianisme dans l'Empire Perse sous la dynastie Sassanide (224–632). Paris, 1904.

сасанидской государственности в результате арабских завоеваний при Йездигерде III (632–651). Последним аккордом этого увлекательного повествования является перевод пехлевийской поэмы, в которой звучит тема скорби по утраченному славному прошлому и упование на скорое пришествие царя-избавителя из рода Кеянидов, Вахрама Варджаванда, грядущее наказание завоевателей-арабов, восстановление зороастрийских храмов и поправленной справедливости.

В заключение следует отметить, что попытка Т. Дарьяи подготовить обновленный очерк истории сасанидского Ирана оказалась вполне удачной. Книга является полезной не только для тех студентов, которые имеют весьма смутное представление о раннесредневеком (иначе — позднеантичном) Иране, но и для сложившихся историков поздней античности и раннего средневековья.

***Daryae T. Sasanian Persia: The Rise and Fall of an Empire.*** — London; New York: I. B. Tauris; in association with the Iran Heritage Foundation, 2009. — XXII, 225 p., ill. — (International Library of Iranian Studies. 8).

Вторая книга Т. Дарьяи очень похожа на его предыдущую монографию. Как и та, она посвящена истории Сасанидского государства в традиционных хронологических рамках от первой четверти III в. до второй половины VII в. (а точнее — историческим событиям 224–651 гг.). И задача в ней сформулирована аналогичная — предложить основные контуры истории сасанидской цивилизации с учетом новейшей научной литературы.

Тем не менее в композиционном отношении рецензируемый труд Т. Дарьяи выгодно отличается от его книги 2008 г. Там все восемь глав исследования выстроены по хронологическому принципу, каждая из которых рассматривает очередной этап эволюции политической истории государства, примечательный тем, что в рутине его внутренней и внешней политики созревали военно-административные реформы и другие события, важные для характеристики хозяйственной и экономической жизни страны, религиозных, сословных и национальных отношений в поликонфессиональном обществе сасанидского Ирана. Таким образом, все эти «попутные» темы терялись в нескончаемом потоке бурной военно-политической истории. В данной же монографии все повествование организовано по тематическому (иначе — проблемному) принципу. Пять глав посвящены пяти конкретным проблемам: 1) политической истории Ирана и соседних стран; 2) обществу Ираншахра; 3) приверженцам господствующей религии (зороастрийцам) и религиозным меньшинствам (манихеям, иудеям и христианам); 4) языкам и письменностям населения сасанидского Ирана; 5) экономике и административному управлению Сасанидского государства.

Перечисленные пять проблем названы в такой последовательности в содержании книги (с. VII), которое соответствует основному тексту. Но уже во введении (с. XV–XXII), написанном, очевидно, раньше остального текста и представляющем своего рода план-проспект изучения заданной темы, все проблемы, кроме первой (политической истории), расставлены в ином порядке. Этот небольшой курьез — издержки форсирования событий, неизбежные на этапе от макетирования до издания тиража книги.

Впрочем, нужно отдать должное скромности автора книги. Не только вводную главу, но и всю монографию о сасанидской истории и цивилизации он считает введениями к более углубленному исследованию затронутых в книге ключевых проблем, к которым он обещает вернуться в недалеком будущем. Т. Дарьяи почему-то убежден в том, что отношение к изучению Сасанидской империи находится в столь запущенном состоянии, что любая работа по какому-либо из аспектов этой цивили-

лизации окажется полезной. Будем надеяться, что тирада о запущенности сасанидских штудий была произнесена ради красного словца. Обилие добротных научных публикаций по разным аспектам сасанидской цивилизации опровергает это, скажем так, не вполне серьезное заявление.

Однако перейдем к характеристике отдельных глав рецензируемого издания. Первая глава («Политическая история Ирана и не-Ирана», с. 1–38) представляет собой переработку его очерка сасанидской истории 2008 г. путем сокращения подробностей внутренней и внешней политики шаханшахов и фиксации внимания читателя на главных событиях эпохи. В сферу политической истории государства Дарьяя теперь включает и такие «попутные» сюжеты, как: отношения Шапура I с Мани, категории придворной администрации, отношения Йездигерда I с христианами, гонения на иноверцев и проч. Ценным новшеством, на мой взгляд, являются промежуточные краткие обзоры и оценки событий по каждому веку сасанидской истории. В обзоре событий III в. автор пытается объяснить симпатии Шапура I к Мани и его учению тайными упованиями шаханшаха на поддержку со стороны манихейского пророка провозглашаемой им универсальной религии в стремлении к господству на всем Ближнем Востоке. Мысль достаточно оригинальная, если вовсе не принимать во внимание тот факт, что духовным наставником Шапура I и его коронованных преемников был верховный зороастрийский жрец Картир, злейший враг соперничавших религий, в том числе и манихейства. О расправе над иудеями, христианами, буддистами, индуистами, манихеями и разрушении их храмов Картир сообщает в своих наскальных надписях, высеченных в нескольких городах Ирана<sup>2</sup>.

Убедительно изложены насыщенные важными событиями этапы позднесасанидской истории VI–VII вв.: военно-административные реформы Кавада I и Хосрова I Ануширвана, непрекращающиеся войны Ирана с Византией на западе и эфталитами и тюрками на востоке, губительные для целостности страны внутренние междоусобицы, ослабившие страну и сделавшие ее добычей арабо-мусульманских завоевателей.

Во второй главе («Общество Ираншахра», с. 39–67) рассмотрены все возможные варианты деления традиционного иранского общества в эпоху поздней античности (или проще — раннего средневековья):

— на оседлое городское и кочевое население окраин, а также прослойку средних землевладельцев, дехкан, заявивших о себе, начиная с VI в.;

— сословное деление по роду занятий;

— на граждан и не-граждан;

— на свободных и рабов;

— на мужчин и женщин.

Специальные главки посвящены многочисленному сословию писцов; категориям «бедных, нуждающихся и мятежных подстрекателей»; роли шаханшаха как проводника божьей воли на земле и гаранта поддержания порядка в мире; жизни сасанидского двора с его вельможами, пирами, музыкантами, увеселениями и охотой; системе наказаний как инструменту для контроля над обществом.

Третья глава («Религии империи: зороастрийцы, манихеи, иудеи и христиане», с. 69–97), несмотря на ее всеобъемлющее (универсальное) название, представляет

<sup>2</sup> См.: *Back M.* Die sassanidischen Staatsinschriften: Studien zur Orthographie und Phonologie des Mittelpersischen der Inschriften zusammen mit einem etymologischen Index des mittelpersischen Wortgutes und einem Textcorpus der behandelten Inschriften. Tehéran; Leiden, 1978 (Afr. 18). S. 414–417.

собой, главным образом, обзор четырех веков истории зороастризма от первой четверти III до середины VII вв., в том числе эволюции маздеизма, начиная с отбора надежных текстов и традиций в III в.; канонизации Авесты в IV в.; борьбы с маздакитской ересью в V–VI вв. Разным формам народной религии посвящены семь сюжетов из девяти. В своем рассказе о Мани автор объясняет причину успеха его проповеди в Иране тем, что тот манипулировал именами божеств маздеистского пантеона и соответствующей терминологией в самом начале сложения религиозной доктрины Сасанидов и вербовал сторонников среди разных течений зороастризма. Краткий экскурс в историю христианства и иудаизма в сасанидском Иране в этой главе лишен подробностей и ограничивается анализом причин преследования религиозных меньшинств, их сосуществования и признания со стороны верховной власти.

В четвертой главе («Языки и остатки гражданских текстов», с. 99–122) предлагается обзор среднеиранских языков и памятников письменности, сохранившихся от эпохи правления Сасанидов и первых веков ислама. Главное внимание автор уделяет характеристике среднеперсидских надписей III–X вв. (на скалах, печатях, монетах, надгробиях и др.) и среднеперсидских текстов как наиболее массовому письменному материалу. В работе не обойдено вниманием разнообразие их жанров и направлений, которые включают:

- комментарии к Авесте;
- философские и полемические трактаты;
- апокалиптические и пророческие тексты;
- дидактические сочинения;
- географические и эпические тексты;
- правовые тексты;
- руководства, правила этикета и обычаи;
- толковые словари.

Каждый из перечисленных жанров сопровождается отдельным экскурсом с обзором соответствующих сочинений на пехлеви.

Отдельная глава посвящена переводам христианской и манихейской литературы на среднеперсидский язык. Чаще всего это переводы из Ветхого Завета, Нового Завета и христианской апокрифической литературы. Оригинальным манихейским текстом, составленным на среднеперсидском, является «Шапуракан», который Мани написал для своего покровителя, шаханшаха Шапура I.

Обзор литературы на среднеиранских языках Центральной Азии (парфянском, согдийском, бактрийском, хотанском) представлен суммарно небольшим очерком.

Пятая глава («Экономика и администрация Ираншахра», с. 123–149) полностью посвящена характеристике экономического развития и административного устройства Сасанидского государства, которые всесторонне рассмотрены на основании синхронных и близких по времени первоисточников и современной научной литературы.

Достоинством настоящего издания является наличие в нем внушительного научного аппарата, занимающего почти пятую часть объема книги («Примечания», с. 150–190), а также обширной библиографии источников и литературы на разных языках — западных и восточных (с. 191–215) и указателей, облегчающих читателю работу с текстом книги. Монография Т. Дарьяи являет собой масштабный и аргументированный обзор проблематики, отражающей главные черты Сасанидской цивилизации, которые проанализированы автором с учетом последних научных достижений современной иранистики.

## НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ САСАНИДСКОГО ИРАНА

*В. А. Дмитриев (Псков)*

На протяжении ряда последних лет в исторической науке наблюдается устойчивый рост интереса к сасанидскому Ирану. Это видно по увеличению количества научных мероприятий, защит кандидатских и докторских диссертаций, научно-исследовательских проектов, посвященных истории царства Сасанидов. Представляется, что причины усиления внимания ученых к сасанидской истории связаны, главным образом, с тремя обстоятельствами. Во-первых, сюда следует отнести пришедшую на рубеж XX–XXI вв. интенсификацию исследований по проблемам так называемых «переходных обществ» (англ. *transitional societies*), одним из которых являлась и сасанидская Персия, с точки зрения истории Ближнего и Среднего Востока занимавшая промежуточное положение между эпохами древности и средневековья. Во-вторых, с конца XX в. обострился интерес исследователей к эпохе поздней античности, хронологически занимавшей период примерно с III по VI вв., а в своем пространственном измерении охватывавшей, по мнению ряда ученых, не только собственно античный (другими словами, греко-римский средиземноморский) мир, но и ареал распространения эллинистических традиций, в том числе и территорию Ирана. Наконец, в-третьих, наверное, можно говорить о накопившейся к концу XX в. некоторой «усталости» среди историков-иранистов от исследований, посвященных «классической» иранской древности, т. е. эпохам Ахеменидов, эллинистических правителей и Аршакидов, история которых к тому времени была уже достаточно глубоко и всесторонне (насколько это позволяла источниковая база) изучена. Сасанидский же Иран во многом оставался если не белым, то, по крайней мере, серым пятном на общем фоне иранской истории, а исследователи, специально занимавшиеся его изучением, были буквально наперечет. Соответственно и публикации по истории сасанидского Ирана носили сравнительно эпизодический характер.

Естественным результатом наблюдающейся в последние годы активизации исследований в области сасанидской истории стало обилие научных публикаций самого разного жанра (статьи, монографии, обобщающие труды, сборники и т. д.), рассматривающих различные аспекты жизни Сасанидского государства и общества. В обозримой ретроспективе в определенном смысле переломным стал 2008 г., ознаменовавшийся выходом в свет, помимо многочисленных научных статей, целого ряда книг, специально посвященных эпохе Сасанидов. Ниже представлен реферативный обзор некоторых из наиболее заметных изданий по истории и культуре Сасанидской державы, опубликованных с 2008 г. по настоящее время<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> См. также рецензию А. И. Колесникова на две монографии Т. Дарьяи в этом же разделе данного издания.

**Current Research in Sasanian Archaeology, Art and History: Proceedings of a Conference held at Durham University, November 3rd and 4th, 2001. Organized by the Centre for Iranian Studies, IMEIS and the Department of Archaeology of Durham University. Sponsored by the Iran Heritage Foundation with additional support from the British Academy and the British Council (Tehran) / Ed. by D. Kennet, P. Luft. — Oxford: Archaeopress, 2008. — X, 161 p., ill. — (BAR International Series. 1810).**

В данном издании представлены материалы международной научной конференции «Новые открытия в области археологии и истории сасанидского Ирана», состоявшейся 3–4 ноября 2001 г. в Даремском университете (Великобритания). Сборник состоит из введения и основной части, содержание которой разбито на три раздела: «Археология», «История» и «История искусства».

В раздел «Археология» вошли пять публикаций. Две из них посвящены сасанидским «храмам огня» — статьи Д. Хуффа «Функциональная планировка “храма огня” в Тахт-и Сулеймане» (*Huff D. The Functional Layout of the Fire Sanctuary at Takht-i Sulaimān. P. 1–14*) и М. Рахбара «Открытие “храма огня” сасанидской эпохи в Бандияне близ Деррегеза» (*Rahbar M. The Discovery of a Sasanian Period Fire Temple at Bandyān, Dargaz. P. 15–40*); в двух других рассматриваются находки сасанидского времени из Восточной Аравии — совместная работа В. Кёртис и С. Андерсена «Поселение сасанидского времени в Барбаре (Бахрейн)» (*Curtis V. S., Andersen S. F. A Sasanian Site at Bārbār, Bahrain. P. 41–54*) и статья Д. Кеннета «Сасанидские монеты из Омана и Бахрейна» (*Kennet D. Sasanian Coins from ‘Umān and Bahrayn. P. 55–64*); еще одна публикация посвящена археологическому изучению Мерва — статья С.-Дж. Симпсона «Пригород или трущобы? Раскопки в Мерве (Туркменистан) и наблюдения по поводу стратиграфии, бытовых отходов и материальной культуры сасанидского города» (*Simpson St.-J. Suburb or slum? Excavations at Merv (Turkmenistan) and Observations on Stratigraphy, Refuse and Material Culture in a Sasanian City. P. 65–78*).

Раздел «История» открывается работой Дж. Ховард-Джонстона «Уничтожение позднеантичного миропорядка» (*Howard J. The Destruction of the Late Antique World Order. P. 79–86*), в которой автор анализирует римско-персидские отношения с точки зрения их воздействия на судьбы позднеантичной цивилизации. Далее следуют статьи: «Епископы или бюрократы? Христианское духовенство и государство в среднесасанидский период» С. Макдонаха (*McDonough S. Bishops or Bureaucrats?: Christian Clergy and the State in the Middle Sasanian Period. P. 87–92*) — о роли иерархов христианской церкви в деятельности сасанидского государственного аппарата; В. Ф. Пьячентини «История и историография: придворный жанр в арабской литературе и “Фатх-наме-и Синд”» (*Piacentini V. F. History and Historiography: the Court Genre in Arabic and the Fathnāmah-i Sind. P. 93–98*), посвященная отражению истории сасанидского Ирана в арабской «Повести о завоевании Синда»; Х. Каримьяна «Иранское общество сасанидской эпохи» (*Karimian H. Iranian Society in the Sasanian Period. P. 99–106*), в которой исследуется социальная структура сасанидского Ирана. Завершает раздел статья Р. Гизелен «Благородные семейства в Сасанидской империи: некоторые сигиллографические данные» (*Gyselen R. The Great Families in the Sasanian Empire: some Sigillographic Evidence. P. 107–114*), рассматривающая роль некоторых знатных родов (Суренов, Каренов, Михранов и Варазов) в сасанидском Иране по данным сфрагистики.

Первые две публикации раздела, посвященного проблемам истории искусства, — «Дионисийские» иконографические темы в контексте сасанидской культовой

архитектуры» П. Кальери (*Callieri P.* «Dionysiac» Iconographic Themes in the Context of Sasanian Religious Architecture. P. 115–126) и «Метаморфоза в сасанидской торевтике: триумф Диониса?» М. Кухпара и Т. Тэйлора (*Kouhpar M. M., Taylor T.* A Metamorphosis in Sasanian Silverwork: the Triumph of Dionysos? P. 127–136) — касаются «дионисийских» сюжетов в декоре сасанидских храмов и художественных изделиях из серебра соответственно. В статье В. Кёртис «Царские и религиозные символы на раннесасанидских монетах» (*Curtis V. S.* Royal and Religious Symbols on Early Sasanian Coins. P. 137–148) анализируется монетная иконография ранних Сасанидов (от Арташира I до Ормизда II) в контексте эволюции института царской власти. Завершается раздел статьей Х. фон Галла «Новые перспективы исследования сасанидских наскальных рельефов» (*Gall H. von.* New Perspectives on Sasanian Rock Reliefs. P. 149–161), в которой автор предлагает новые подходы к изучению и интерпретации сасанидских наскальных рельефов.

Данный сборник представляет несомненный интерес для специалистов по археологии, искусству и социально-политической истории государства Сасанидов.

**The Sasanian Era** / Ed. by V. S. Curtis and S. Stewart. London; New York: I. B. Tauris, 2008. — 175 p., ill. — (The Idea of Iran. Vol. 3).

В третий том серии «Идея Ирана» вошли научные статьи, подготовленные ведущими зарубежными специалистами по истории и культуре сасанидского Ирана на основе публичных лекций, с которыми они выступали в предшествующие годы. По проблемному принципу эти публикации можно объединить в пять разделов:

1. Социально-политическая история царства Сасанидов: статьи Д. Хуффа «Возникновение и идеология Сасанидского государства в контексте археологических данных» (*Huff D.* Formation and ideology of the Sasanian state in the context of archaeological evidence. P. 31–59), Т. Дарьяи «Царская власть в раннесасанидскую эпоху» (*Daryaei T.* Kingship in early Sasanian Iran. P. 60–70), Н. Симс-Вильямса «Сасаниды на Востоке. Бактрийский архив из Северного Афганистана» (*Sims-Williams N.* The Sasanians in the East. A Bactrian archive from northern Afghanistan. P. 88–102) и Дж. Ховарда-Джонстона «Государство и общество в позднеантичном Иране» (*Howard-Johnston J.* State and society in late Antique Iran. P. 118–131).

2. История религии и церкви в сасанидском Иране: статьи Ф. Крейенброека «Насколько благочестив был Шапур I? Религия, церковь и пропаганда при ранних Сасанидах» (*Kreyenbroek Ph. G.* How Pious Was Shapur I? Religion, Church and Propaganda under the early Sasanians. P. 7–16) и Ш. Шакеда «Религия в позднесасанидский период: “Эран”, “Анэран” и другие религиозные наименования» (*Shaked Sh.* Religion in the late Sasanian period: Eran, Aneran, and other religious designations. P. 103–117).

3. Искусство и литература сасанидского Ирана: статьи П. Харпер «Образ и идентичность: искусство раннесасанидской эпохи» (*Harper P. O.* Image and identity: art of the early Sasanian dynasty. P. 71–87) и Ф. Гюиза «Позднесасанидское общество между устной традицией и литературой» (*Huyse Ph.* Late Sasanian society between orality and literacy. P. 140–153).

4. Нумизматика: статья М. Алрама «Раннесасанидские монеты» (*Afram M.* Early Sasanian coinage. P. 17–30).

5. Экономика Ирана в эпоху поздних Сасанидов: статья Ф. Жинью «Цены и драхмы в позднесасанидский период» (*Gignoux Ph.* Prices and drachms in the late Sasanian period. P. 132–139).



Настоящий сборник рассчитан на специалистов, занимающихся различными проблемами сасанидской истории и культуры. Небезыntenерсной для его читателей может быть рецензия, написанная известным исследователем истории древнего Ближнего и Среднего Востока Д. Поттсом<sup>2</sup>.

***Pourshariati P. Decline and Fall of the Sasanian Empire: The Sasanian-Parthian Confederacy and the Arab Conquest of Iran.*** — London; New York: I. B. Tauris, 2008. — XIV, 537 p.

Книга американской исследовательницы иранского происхождения П. Пуршариати посвящена, главным образом, рассмотрению проблемы характера административно-политической структуры Сасанидского государства (с акцентом на V — начале VII в.) в ее связи с завоеванием Ирана арабами. Автор приходит к выводу, что, в отличие от общепринятого мнения, сасанидский Иран не являлся централизованной империей, а представлял собой достаточно рыхлую конфедерацию, в основном (помимо территорий, непосредственно подчинившихся Сасанидам) состоявшую из наследственных владений знати парфянского происхождения. В такой ситуации политическое положение в стране и в целом ее будущее определялись способностью персидских царей к достижению компромисса с местными династиями. В период правления Хосрова II (591–628) этот компромисс был нарушен, что и предопределило относительно легкое и быстрое завоевание Ирана арабами.

Значительное внимание П. Пуршариати уделяет религиозной ситуации в сасанидском Иране. По мысли автора, чрезмерное давление на общество со стороны поддерживаемой Сасанидами официальной зороастрийской церкви вызывало широкие протестные настроения, что, в свою очередь, также послужило одной из причин стремительного развала Сасанидской державы под ударами арабов.

Кроме того, исследовательница предлагает свою версию датировки начала арабского завоевания сасанидского Ирана. По ее мнению, нижней хронологической границей здесь следует считать не 632 г., как это было принято ранее, а 628 г.

Таким образом, монография П. Пуршариати представляет собой исследование, содержащее пересмотр целого ряда сложившихся в науке подходов к изучению сасанидской истории. Поэтому вовсе не случайно, что за выходом в свет «Упадка и падения Сасанидской империи» последовала целая серия рецензий, в которых эта книга была подвергнута критике (подчас — весьма резкой)<sup>3</sup>.

***Дашков С. Б. Цари царей — Сасаниды. Иран III–VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях.*** — М.: СМИА-АЗИЯ, 2008. — 352 с., ил.

Книга представляет собой богато иллюстрированное научно-популярное издание, освещающее историю Сасанидского государства с момента его возникновения в первой половине III в. н. э. до завоевания арабами в середине VII в.

Основной части работы предпослано введение, в котором автор в самых общих чертах излагает событийную историю Ирана при Сасанидах, дает характеристику религиозной системе, семейным отношениям, институту царской власти, хозяйственному и общественному строю и описывает военное дело персов той эпохи.

<sup>2</sup> Potts D. T. // AWE. Vol. 12. 2013. P. 367–368.

<sup>3</sup> См., например: Daryaei T. // JPersSt. Vol. 3. 2010. P. 239–254; Greatrex G. // Speculum. Vol. 85/4. 2010. P. 1009–1010; Mosig-Walburg K. // Klio. Bd. 92/1. 2010. S. 257–258; Rezakhani Kh. // IranSt. Vol. 44/3. 2011. P. 415–419.

Авторское повествование в основной части книги базируется на биографическом принципе: история державы Сасанидов раскрывается через описание жизни и деятельности сасанидских шаханшахов — от Арташира I до Йездигерда III — в их хронологической последовательности. Кроме того, в книгу включены биографии двух исторических деятелей III в. н. э., не являвшихся царям, — верховного зороастрийского жреца Картира и манихейского пророка Мани. Завершает основную часть описание путешествий автора книги по современному Ирану.

Издание снабжено приложениями, включающими в себя обзор сасанидской нумизматики и изображения монет, краткий словарь терминов, выдержки из письменных источников, библиографический список, указатель географических и этнических названий, указатель личных имен и терминов.

Эта книга должна быть интересна самому широкому кругу читателей, интересующихся историей Востока в целом и сасанидского Ирана в частности.

**Canepa M. P. The Two Eyes of the Earth: Art and Ritual of Kingship between Rome and Sasanian Iran.** — Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2009. — XX, 425 p., ill. — (Transformation of the Classical Heritage. XLV).

Монографическое исследование американского ученого М. Канепы, являющееся его переработанной докторской диссертацией, посвящено рассмотрению контактов Римской империи и сасанидского Ирана в не совсем обычном ракурсе: автор, в отличие от большинства исследователей, сосредоточил свое внимание не на противоречиях и конфликтах между этими двумя великими державами поздней античности, а на их взаимном влиянии в сфере позиционирования института царской власти посредством межкультурной коммуникации в трех основных измерениях: визуальном, ритуальном и дискурсивном. По мысли М. Канепы, этот своеобразный римско-сасанидский синтез во многом определял способы презентации феномена монархической власти на огромной территории от Средиземноморья до Китая вплоть до начала Нового времени.

Книга неплохо проиллюстрирована и снабжена солидным библиографическим списком и предметным указателем. Она будет полезна как специалистам-историкам, так и исследователям, занимающимся проблемами социокультурных трансформаций и межкультурной коммуникации.

Обстоятельный анализ книги М. Канепы можно найти в рецензии Д. Поттса<sup>4</sup>.

**Колесников А. И. Сасанидский Иран: История и культура.** — СПб.: Нестор-История, 2012. — 520 с., ил. — (Исторические исследования).

Данная книга состоит из двух частей, первая из которых представляет собой выполненную на основе учета новейшей историографии и привлечения более широкого круга источников авторскую переработку двух ранее опубликованных монографий А. И. Колесникова, получивших высокую оценку специалистов и не утративших своего научного значения, — «Иран в начале VII века (Источники, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления)» (Л., 1970; перс. пер.: Тегеран, 1977) и «Завоевание Ирана арабами (Иран при “праведных” халифах)» (М., 1982).

Во вторую часть этого труда вошел целый ряд статей, касающихся различных аспектов жизни сасанидского Ирана (социальная структура, административная система, денежное обращение, межконфессиональные отношения, последствия арабских завоеваний и др.).

<sup>4</sup> Potts D. T. // AWE. Vol. 12. 2013. P. 358–360.

Книга ориентирована на специалистов по истории сасанидского Ирана, историков-арабистов, студентов и аспирантов, а также всех, интересующихся различными аспектами древней истории Ближнего и Среднего Востока.

**Хуршудян Э. Ш. Государственные институты парфянского и сасанидского Ирана.** — Алматы: Институт азиатских исследований, 2015. — 400 с., ил.

В основу монографического исследования Э. Ш. Хуршудяна легли кандидатская диссертация автора, защищенная им в 1990 г., и подготовленная на ее основе книга на немецком языке (*Khurshudian E. Die Parthischen und Sasanidischen Verwaltungsinstitutionen nach den literarischen und epigraphischen Quellen. 3. Jh. v. Chr. — 7. Jh. n. Chr.* Jerevan, 1998). Опираясь на богатейшую источниковую базу (документы, надписи, литературные произведения, геммы, буллы и др.), автор последовательно излагает материал о наместниках провинций (глава 1), высших чиновниках центральной царской администрации (глава 2) и двора (глава 3), руководителях финансового ведомства (глава 4), правителях городов (глава 5), высших офицерах (глава 6) и канцелярских служащих («писцах») (глава 7).

Значительную часть (более четверти) объема книги занимают приложения, куда входят оформленный в виде таблицы перечень встречающихся в источниках упоминаний о титулах и административных должностях, сопровождаемый списком литературы и комментариями (приложение 1); статья о должностном лице очень высокого ранга, обозначаемом в источниках как «второй после царя» (приложение 2); статья о сасанидских «экзекуторах» (приложение 3); изображения 43 сасанидских печатей с переводами содержащихся в них надписей и комментариями (приложение 4); список парфянских и сасанидских царей (приложение 5).

Книга предназначена для специалистов, изучающих историю и источниковедение Ирана в парфянскую и сасанидскую эпохи.

**Maksymiuk K. Geography of Roman-Iranian wars: Military operations of Rome and Sasanian Iran.** — Siedlce: Instytut Historii i Stosunków Międzynarodowych Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 2015. — 143 p., ill.

Книга польской исследовательницы К. Максимиук является справочно-картографическим изданием, ориентированным прежде всего на студентов, изучающих историю римско-персидских войн. Работа состоит из введения, основной части, указателя географических названий, библиографического списка, перечня сасанидских царей и римских императоров и небольшой подборки иллюстраций.

Основная часть книги представляет собой атлас из 37 исторических карт в черно-белом исполнении, отражающих ход боевых действий между римской и персидской армиями (карты I.1–I.17a), территориальные изменения, происходившие в результате римско-персидских войн (карты II.1–II.4), и изменения границ между Римской империей и сасанидским Ираном (карты III.1–III.10). Каждая карта сопровождается историческим комментарием, перечнем помещенных на карту топонимов с указанием мест в письменных источниках, где эти топонимы упоминаются, и списком соответствующей научной литературы, включая новейшие исследования.

Вне всякого сомнения, эта книга будет полезна не только студентам и аспирантам, занимающимся изучением взаимоотношений Рима и сасанидского Ирана, но и ученым-историкам, специализирующимся по данной проблематике.

## ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ О СТЕПНОЙ РЕЗИДЕНЦИИ КАРАХАНИДОВ

Р. Г. Мурадов (Ашхабад, Туркменистан)

**Немцева Н. Б. Рабат-и Малик, XI — начало XVIII в. (археологические исследования).** — Ташкент: Французский институт исследований Центральной Азии, 2009. — 134 с., ил. — (Document de travail del'IFEAC. N° 33).

Среди выдающихся памятников средневековой архитектуры Центральной Азии особое место занимает дворцовый комплекс караханидской эпохи, известный как Рабат-и Малик, на позднем этапе функционирования превращенный в караван-сарай. Его необычайно монументальный южный фасад нельзя было спутать ни с чем: слева и справа от классического портала (*пеуитака*) монолитная стена высотой около 12 метров членилась цилиндрическими полуколоннами, плотно прижатыми друг к другу, над которыми были переброшены перспективные арки стрельчатого типа. Величественные руины, еще не так давно одиноко возвышавшиеся в голой степи близ старого Кермине в Бухарском оазисе, ныне оказались в плотном окружении сельскохозяйственных угодий и прочих форм антропогенного воздействия на природный ландшафт. Вся земля вокруг распахана, древняя караванная дорога, на которой почти тысячу лет назад вырос этот дворец, стала скоростной автомагистралью, а в непосредственной близости от памятника ведется интенсивное строительство — ведь всего в 10 км к востоку находится молодой город Навои. Неумолимый натиск современной цивилизации оставляет все меньше поля деятельности для археологов. Рабат-и Малик как раз и являет собой наглядный пример того, сколь опасно для древних сооружений тесное соседство с современной жилой застройкой и агропромышленной зоной. Если пустыня веками хранила бесценные для нас следы прошлой жизни в состоянии естественной консервации, то человек, поселившись рядом с ними, в буквальном смысле сметает их с лица земли за считанные годы. Самое парадоксальное, что никакого злого умысла в этом нет: в глазах большинства местных жителей древние руины, если только это не места поклонения, связанное с культом святых, не представляют никакой самостоятельной ценности и рассматриваются разве что как своего рода каменоломня, откуда можно свободно извлекать жженный кирпич для своих нужд. Советский опыт показывает, что никакие охранные мероприятия, никакие законы не были препятствием для массового разбора архитектурных памятников, а также для распашки под хлопковые поля слабо выраженных в рельефе археологических объектов. Мало что меняется в этом смысле и в постсоветское время. Вот почему так важно вовремя выявить, изучить и опубликовать объекты недвижимого культурного наследия: надо успеть сделать это, прежде чем они навсегда утратят идентичность в результате грубой реставрации или будут попросту снесены, как это нередко случалось в XX в.

Но Рабат-и Малику повезло: один из немногих в регионе, он стал предметом систематических стационарных раскопок, начавшихся еще в 1973 г. под руководством Нины Борисовны Немцевой и завершившихся (правда, с вынужденным перерывом более чем на 20 лет) в 2001 г. Конечно, археологи пришли сюда поздно: 40 лет назад от некогда роскошного здания сохранился на поверхности один лишь монументальный *пейштак*. Необычайно эффектная гофрированная стена южного фасада с круглыми угловыми башнями-гульдаста исчезла еще в первой половине минувшего столетия, но запечатлена на старых фотографиях. Сначала обрушилась правая сторона, а затем некий предприимчивый хозяйственник из соседнего колхоза организовал разборку облицовочного слоя из жженого кирпича с левой стороны, после чего сырцовая кладка самой стены долго не простояла. В довершение погрома, учиненного на памятнике, в 1950-е гг., когда началось строительство города Навои, Рабат-и Малик был разрезан проложенным поперек асфальтовым шоссе, и остатки стен по обе стороны дороги сравнял бульдозер. Вот какую безрадостную картину увидели специалисты из Института искусствоведения имени Хамзы Министерства культуры Узбекской ССР, когда приступили к раскопкам этого объекта вместе со студентами архитектурного факультета Ташкентского политехнического института. Тем веселее результаты этих работ, позволившие спасти то, что еще оставалось под землей, выявить внутреннюю планировку здания и архитектурный декор интерьеров, установить периоды его строительной истории, прояснить функциональную атрибуцию и добыть массу артефактов (керамику, художественный металл, резную кость, богатый нумизматический материал), характеризующих материальную культуру средневекового Мавераннахра.

Все это давно стало достоянием науки благодаря многочисленным статьям и сообщениям Н. Б. Немцевой, которая ранее публиковала результаты своих раскопок на разных этапах их проведения, а теперь выпустила во многом итоговую монографию об этом замечательном памятнике. Уже в первой крупной публикации она, в отличие от своих предшественников и коллег, ставит под сомнение назначение Рабат-и Малика<sup>1</sup>, осторожно называя его караван-сараяем с чертами более раннего замка и справедливо усматривая в его генезисе, с одной стороны, так называемый «иракский» тип арабского касра, представленный построенными в пустыне дворцами в Куфе, Ухайдире, Мшатте и т. п., а с другой стороны — территориально более близкий «иранский» тип дворца времен Сасанидов, уходящий корнями в ахеменидскую эпоху [Немцева 1983: 141–142]. В дальнейшем Н. Б. Немцева стала более уверенно и аргументировано говорить о Рабат-и Малике прежде всего как о дворцовой постройке, а вовсе не караван-сараяе, в который объект был превращен лишь на поздних этапах существования (Немцева 2000а; 2000б; 2002; 2004; 2010).

---

<sup>1</sup> Н. Б. Немцева отмечает, что общий план памятника не имеет прямых аналогов в синхронной или более ранней архитектуре Средней Азии, где можно было бы усмотреть истоки такой композиции. До раскопок все специалисты, конечно же, понимали, что караван-сараяем Рабат-и Малик можно считать весьма условно. Его называли «царским рабатом», т. е. караван-сараяем, приспособленным к тому, чтобы в нем мог останавливаться хан [Засыпкин 1928: 9] или караван-сараяем, в котором «гостиница для купцов вступила в спор с былыми замками и дворцами» [Пугаченкова, Ремпель 1965: 193], но еще не знали наверняка, что его план не имеет ничего общего с сельджукскими памятниками Даяхатын и Рабат-и Шараф. Уже после начала раскопок его включили в типологическую группу «многодворный рабат с Т-образным внутренним членением» [Маньковская 1980: 67].

Самым развернутым доказательством этой атрибуции стала рецензируемая монография, где в заключении автор утверждает: «Это единственное, полностью археологически исследованное гражданское сооружение дворцового типа в Центральном Мавераннахре XI–XII вв., которое впервые представило реальные данные для суждений о характере архитектуры, объемно-планировочном решении, конструкциях и художественном образе загородной резиденции эпохи Караханидов» (с. 83). Действительно, «дворцы средневековых мусульманских владык большей частью бесследно исчезли. Немногие из них, подобно Альгамбре, сохранились настолько, чтобы археологи могли восстановить их облик и составить представление о вкусах их обитателей» [Стародуб-Еникеева 2004: 371]. Благодаря многолетнему труду Н. Б. Немцевой Рабат-и Малик входит теперь в число этих немногих.

Несмотря на то, что объемно-планировочная и функциональная типология дворцовых построек Центральной Азии, начиная с эпохи бронзы и до XIX в., до сих пор не выявлена, попытки систематизировать немалый археологический и архитектурный материал все-таки предпринимались (Пугаченкова 1982; Хмельницкий 2004; Мкртычев, Мурадов 2006). И хотя такой крупный специалист, как С. Г. Хмельницкий, в своем фундаментальном исследовании «Между арабами и тюрками: Архитектура Средней Азии IX–X веков» по традиции поместил Рабат-и Малик в раздел «Караван-сарай», а не «Дворцы», но он же выстроил убедительный типологический ряд дворцовых построек, в который укладывается и этот объект. Не столько по планировочной структуре, сколько по расположению достаточно далеко от административного центра он относится к категории дворцов, которую можно обозначить как «сезонная правительственная резиденция». Из территориально близких примеров этого типа назовем давно известный по раскопкам В. А. Шишкина летний дворец бухархудатов в Варахше (VII в.), недостроенный летний дворец Акыртас близ Тараза в Семиречье (середина VIII в.), возводившийся, вероятнее всего, для карлукского кагана [Байпаков 2005: 129–136] и, наконец, здание Кырк-Кыз в 3 км от Старого Термеза, которое считалось загородным дворцом Саманидов, но, согласно последним археологическим данным, датировано XIV–XV вв. [Некрасова 2001: 121].

Несомненно, генезис этой категории дворцов уходит в доисламские времена. Из китайских источников мы знаем, что в Иране эпохи Сасанидов была традиция возводить несколько царских резиденций. Об этом прямо сказано в одной их хроник при ранней Танской династии (VII в.): «Владетель, кроме главного дворца, имеет еще около десятка небольших дворцов в других местах, подобно загородным дворцам в Среднем государстве. Ежегодно в четвертой луне он предпринимает путешествие по внешним дворцам, а в конце десятой луны возвращается» (Бэйши, гл. 97, 167–168) [Бичурин 1998: 270]. Определенный порядок посещений своих степных ставок был, судя по всему, и у Караханидов, чьи столицы — Кашгар, Баласагун, Узген — находились довольно далеко от Мавераннахра. Впрочем, владельцами Рабат-и Малика могли быть и не верховные правители Караханидского государства — богра-ханы, а их наместники в уделах — илек-ханы, почти независимые от центральной власти.

Казалось бы, дворец и караван-сарай, если рассматривать их в историко-географическом плане, это два разных архитектурных типа, мало похожих по объемно-планировочной структуре и уровню декоративно-художественной отделки. Более того, это объекты разных онтологических категорий, обладавшие изначально

противоположным общественным статусом. Дворец — это изолированное, почти сакральное пространство обитания власти, куда имеют доступ лишь избранные, символ элиты, богатства и мощи государства. А караван-сарай, напротив, открыт и доступен для всех, это символ гостеприимства и равенства, где рядом могли оказаться богатый купец и нищий аскет, рабовладелец и невольник, разбойник и святой — все одинаково уставшие в пути. Наконец, в силу своей утилитарности караван-сарай несравнимо более массовый тип сооружения, чем дворец. Но дворцовая архитектура не просто многообразна во всех отношениях, она имеет свою достаточно сложную типологию — от столичных имперских комплексов до загородных летних ставок. Нет, конечно, ничего удивительного в том, что после ухода с исторической арены той или иной правящей династии происходит ниспровержение их святынь, а бывшие апартаменты «земных богов» перепрофилируются либо сразу, либо после длительного запустения. Одни становятся музеями, как Альгамбра, Версаль или Эрмитаж, другие — караван-сараями, как Рабат-и Малик. Иначе говоря, происходит профанация дворца как символа власти, но само сооружение продолжает функционировать в новом качестве и в иной социокультурной среде.

В отличие от большинства архитектурных памятников центральноазиатского региона попавших в поле зрения исследователей, как правило, не раньше, чем Туркестан был присоединен к России, Рабат-и Малику повезло и в этом: еще в 1841 г. его увидел 27-летний немецкий натуралист Александр Адольф Леман, оказавшийся здесь в составе русской дипломатической миссии, отправленной ко двору бухарского эмира. Именно натуралист, а не востоковед и топограф, ехавшие вместе с ним из Бухары в Самарканд, оставил потомкам вполне грамотную зарисовку главного фасада, хотя и с некоторым искажением пропорций, но вполне узнаваемо запечатлев облик сооружения и его антураж, в том числе ворота внешней крепостной стены, от которых в XX в. не осталось и следа. Более того, Леман довольно подробно описал интерьеры Рабат-и Малика и выяснил у местных жителей, что по преданиям 700–800 лет назад его построил некий Малик-хан. Иначе говоря, с первого упоминания этого памятника в европейском источнике [Lehmann 1852] была дано то его определение и та дата строительства, которые теперь, после раскопок, убедительно отстаивает Н. Б. Немцева. Два разных перевода с немецкого текста Лемана почти одновременно опубликовали первые профессиональные исследователи этого памятника И. И. Умняков и Б. Н. Засыпкин (для последнего наиболее полный фрагмент, касающийся Рабат-и Малика, перевел Б. П. Денике). Учитывая давность и труднодоступность этих публикаций, возможно, имело бы смысл воспроизвести их в монографии и вообще расширить историографическую часть, сполна представленную в работе Умнякова, но с тех пор, конечно же, значительно пополнившуюся. И хотя специальных статей, посвященных Рабат-и Малику, кроме одной [Семенов 1951], до Н. Б. Немцевой больше не было, этому объекту уделено немало внимания в общих трудах по истории искусства и архитектуры [Денике 1939: 16–18; Веймарн 1940: 36–39; Засыпкин 1948: 42–44; Нильсен 1956: 44–55; Ремпель 1961: 153–155; Пугаченкова, Ремпель 1965: 193–195; Прибыткова 1973: 113–118; Хмельницкий 1992: 187–194; 1996: 289–291; Hillenbrand 1994: 341–344]. Каждый из этих авторов внес свою лепту в научную интерпретацию памятника, хотя с высоты сегодняшних знаний о нем, полученных прежде всего благодаря раскопкам, некоторые их гипотезы и выводы или устарели, или заслуживают критического разбора.

К сожалению, вводная часть монографии Н. Б. Немцевой слишком лаконична и дает скудную информацию об этапах исследования Рабат-и Малика. Между тем, в ней заключены важные для истории архитектуры штрихи, особенно когда речь идет о таком уникальном и почти уже утраченном памятнике. Начало его изучения связано с деятельностью Средазкомстариса (Среднеазиатского комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы). Этой организацией осенью 1925 г. на развалины были командированы гражданский инженер В. А. Красильников и археолог В. Р. Чейлытко, собравшие сведения о состоянии руин. Вслед за ними туда отправились члены Бухарской комиссии Средазком-стариса М. Ю. Саиджанов и В. К. Костко «для производства фотографической съемки», а летом 1926 г. инженер-архитектор М. М. Логинов произвел подробные обмеры [Умняков 1927: 7–8]. Н. Б. Немцева упоминает о первых укрепительных работах стен главного фасада в 1928 г., но дальше — лакуна. Сохранились ли архивные документы об этом? Почему объект, вызвавший столь серьезный интерес во второй половине 1920-х гг., потом оказался забыт на несколько десятилетий, брошен на произвол судьбы и в результате стал жертвой вандализма, в то время как о нем продолжали писать упомянутые выше авторы? Поиски ответа на этот вопрос сопряжены с анализом общих тенденций советской политики 30–60-х гг. XX в. в отношении культурного наследия и уводят несколько в сторону от темы рецензируемой работы, поэтому ограничусь лишь указанием на Рабат-и Малик как на очень характерный пример отношения государства к памятникам прошлого после 1931 г., когда страна пережила «великий перелом».

Основное содержание монографии Н. Б. Немцевой составляют тщательно выполненные описания как наземной части, включая утраченное в XX в., так и раскопанного самим автором основного массива сооружения, а также публикация комплекса керамики, ювелирных и бронзовых изделий, фрагментов архитектурного декора. Все это дает достаточно полное представление о Рабат-и Малике и позволяет сделать вполне обоснованные выводы относительно его возраста, стиля и значения как незаурядного историко-художественного явления. Прежде всего рассматривается главный фасад, чья фронтальная композиция и облицовка наиболее хорошо известны. Он запечатлен на упомянутой литографии Лемана и на фотоснимках, сделанных, начиная с 1906 г., в бесчисленном количестве и опубликованных едва ли не во всех книгах по искусству и архитектуре Центральной Азии и ислама, изданных в разных странах мира. Выдвигались варианты графической реконструкции этого фасада [Прибыткова 1973: 117; Асанов 1983: 142–146], воссоздан рисунок фриза, венчающего стену слева и справа от портала, сделан геометрический анализ его входной ниши и пропорций гофрированной стены [Хмельницкий 1992: 190, 193, 197], с помощью профессора А. Э. Шмидта прочитана эпитафия — как арабская (Коран: 3, 16–17) под карнизом юго-западной башни, так и персидская на архивольте арки портала [Умняков 1927: 11–12].

Все важнейшие композиционные элементы этого фасада — гофры, угловые башни, развитый *пейштак*, а также строительная техника и характер декора говорят о сочетании в рассматриваемом памятнике архаичных традиций с новыми элементами. Если конструкции стен здесь в основном сырцовые, и лишь фасадная облицовка из жженого кирпича, то стволы *гульдаста* сложены из него примерно наполовину, а *пейштак* целиком! Давно известно, что переход к жженому кирпичу способствовал развитию порталов. Рабат-и Малик, чей *пейштак* считался самым ранним из сохранившихся в регионе до открытия мавзолея Араб-ата (X в.), показателен



и по своему декоративному убранству. Как отмечает Н. Б. Немцева (с. 14), в нем примерно в равных пропорциях представлены резная неполированная терракота и резной ганч. Такое сочетание — еще один существенный признак переходной эпохи в архитектуре Центральной Азии и Ирана.

В следующих главах, отражающих результаты археологических работ, автор останавливается на внутреннем устройстве здания, описывает выявленный план, в котором выделяется северный перистильный двор первого строительного периода (XI в.) с однорядной колоннадой по внутреннему периметру. На его месте в XII в. появилась крытая галерея с октагональной купольной ротондой в центре. Купол диаметром 18 м опирался на парные колонны, установленные на углах октагона. Для XII в. он на 1 м превосходит купол мавзолея султана Санджара и на 3 м — главный купол Соборной мечети Исфохана (с. 22). С полным на то основанием его можно назвать «техническим чудом [...] этого и более позднего времени» [Хмельницкий 1996: 289]. В отдельных главках представлен декор северной половины Рабат-и Малика. Это резной ганч ротонды с несколькими видами геометрического и растительного орнамента и очень эффектной эпиграфической лентой с архивольта одной из арок, выполненной почерком *наш* и, к сожалению, так и не прочитанной из-за отдельных лакун. Это и гравированный ганч галереи, имитирующий парную кладку кирпича, и другие виды декора: ганчевые плитки со штампованным орнаментом, а также редкие фрагменты глазурованной резной терракоты. В южной половине сооружения автор выделяет два хозяйственных двора, разделенных центрально-осевым проходом, помещение с михрабом, выполнявшее функцию мечети — слева перед входом в северную галерею, а также баню в левом южном дворе с отопительной системой, типичной для данного региона. Этой бане, построенной во втором строительном периоде (XII в.) как отдельно стоящее сооружение, была посвящена отдельная публикация [Немцева, Сапаров 2002]. В рецензируемой книге приведено ее достаточно детальное описание и дан краткий исторический обзор этого типа сооружений, совершенно неизвестных в Средней Азии доарабской поры, но распространившихся с приходом арабов в результате возникших при их посредничестве культурных контактов с западными областями Халифата, где сохранялись традиции эллинизма.

Отдельная глава книги Н. Б. Немцовой отведена стратиграфии Рабат-и Малика. Автор сразу оговаривает, что стратиграфии в классическом понимании здесь нет: «Интенсивная жизнь на замкнутой территории, различного рода благоустройства, ремонты и переделки привели к смешанности слоев еще при жизни памятника» (с. 40). Толщина культурного слоя в северной половине, наиболее пострадавшей в XX в., не превышает 50–70 см, а в южной, у портала — максимум 1,5 м. Но и отсюда удалось извлечь разнообразный вещественный материал, позволивший автору, опираясь на данные из других изученных памятников Бухарского оазиса, впервые для этого региона наметить шкалу развития средневековой керамики и считать ее эталонной (конечно, с учетом дальнейшей корректировки). Никаких следов керамики, хорошо известной по саманидской и раннекараханидской глазурованной посуде X в., а также монет того же столетия здесь не оказалось, что лишает оснований гипотезу о том, что Рабат-и Малик мог быть построен в столь раннее время [Хмельницкий 1992: 187–194]. Среди керамических комплексов Н. Б. Немцева выделяет глазурованную керамику XI в., XII — начала XIII в., включая люстровую; неполированную керамику XI–XII вв.: кувшины, тагора, сковороды, хумы, котлы, крышки, симаб-кузача (сфероконусы); дорогую штампованную посуду XII — начала XIII в.: фляги, кувшины, чайники, узкогорлые графины,

а также большое число калыбов для производства штампованного орнамента, что наводит на мысль о существовании мастерской керамистов, изготавливавших элитную посуду в пределах внешней ограды дворца. Следующие керамические комплексы автор датирует XIII–XIV, XIV–XV, XVI–XVII и XVII–XVIII вв. и делает вывод, что на протяжении этих столетий посуда Бухарского оазиса в общем своем развитии, по характерным для каждого периода признакам, принципиально не отличалась от известных средневековых комплексов Согда, Чача, Ферганы, Семиречья, Хорезма, Хорасана, хотя и выявляется определенная местная специфика.

Раскопки Рабат-и Малика дали в руки исследователей небольшую коллекцию ювелирных изделий: это в основном бусы из полудрагоценных камней, кашина, стекла и стеклянной пасты. Найдено немало бытовых изделий из бронзы, среди которых выделяются детали от деревянных резных дверей: крепежные пояса и две художественно обработанные накладки под *хальку* (дверную колотушку). Кроме того, автор публикует таблицы железных и костяных предметов, описывает найденные фрагменты ганчевых дастарханов, тамдыры для выпечки лепешек, каменные жернова и нумизматический материал — к сожалению, без приложения таблиц. 78 иллюстраций, конечно, дают достаточное представление об архитектуре и материальной культуре Рабат-и Малика, но их, все-таки, могло быть и больше, особенно архивных фотографий исчезнувших частей здания и его нынешнего состояния, после недавней консервации руин. Нельзя удержаться от реплики по поводу ил. 71, на которой запечатлен момент укрепления фундаментов западного крыла фасада. Этот снимок 1928 г., как и в нескольких предыдущих публикациях, неправильно скадрирован, что создает ложное впечатление гораздо более сильного уклона башни, чем это было на самом деле. Достаточно обратить внимание на линию горизонта, и станет видно, что и башня, и фасадная стена имели уклон в разные стороны.

Хотя монография Н. Б. Немцевой и содержит, кроме всего сказанного, краткие сведения об историческом антураже и архитектурных параллелях, позволяющих вынести суждения о месте этого объекта в типологическом ряду средневековой архитектуры исламского мира, назвать ее междисциплинарной все-таки нельзя. Впрочем, она и не претендует на это, ограничиваясь археологическим материалом, что ясно обозначено в самом названии. И именно в этом ее непреходящая ценность: интерпретировать опубликованные факты может всякий эрудированный специалист, а вот добыть их в буквальном смысле из-под земли и сделать достоянием науки — только многоопытный археолог. Бывают случаи, когда историки архитектуры не соглашались с мнением археологов — авторов раскопок, несколько высокомерно полагая, что последние «за деревьями не видят леса». Но в связи с Рабат-и Маликом можно лишь констатировать абсолютное согласие с выводами его главного исследователя, представившего коллегам очень емкий и научно обоснованный труд, без вольных домыслов и шатких гипотез. Такое добротное исследование одного памятника вполне может служить эталоном для археологов новых поколений, если им также повезет раскопать и предъявить научному сообществу еще неизвестные объекты неисчерпаемого культурного наследия обширного центральноазиатского региона.

Но если по содержанию рецензируемая книга заслуживает всяческих комплиментов, то по форме ее никак нельзя назвать образцовой. Разумеется, это упрек не автору, а, скорее, издателю, который не смог обеспечить адекватный такому

бесценному материалу уровень публикации. Понятно, что издававшаяся на протяжении восьми лет серия «Document de travail del'IFEAC» — малобюджетная и по этой причине не предполагала высококачественную печатную продукцию, но тем обиднее за автора, чей труд достоин и большего тиража, и совсем иного оформления. Остается выразить надежду, что переиздание монографии Н. Б. Немцевой в профессиональном исполнении не заставит себя ждать и сделает ее доступной для всех заинтересованных специалистов в Центральной Азии, России и других странах.

## Литература

- Асанов 1983: *Асанов А. А.* Предварительная реконструкция сооружения // *Художественная культура Средней Азии. IX–XIII века.* Ташкент.
- Байпаков 2005: *Байпаков К. М.* Древние города Казахстана. Алматы.
- Бичурин 1998: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. Алматы.
- Веймарн 1940: *Веймарн Б. В.* Искусство Средней Азии. М.; Л.
- Воронина 1996: *Воронина В. Л.* Черты дворцовой архитектуры Средней Азии VIII в. // *АрхНасл.* № 40.
- Денике 1939: *Денике Б. П.* Архитектурный орнамент Средней Азии. М.; Л.
- Засыпкин 1928: *Засыпкин Б. Н.* Архитектурные памятники Средней Азии. Проблемы исследования и реставрации // *Вопросы реставрации.* М.
- Засыпкин 1948: *Засыпкин Б. Н.* Архитектура Средней Азии. М.
- Маньковская 1980: *Маньковская Л. Ю.* Типологические основы зодчества Средней Азии (IX — начало XX в.). Ташкент.
- Мкртычев, Мурадов 2006: *Мкртычев Т. К., Мурадов Р. Г.* Предисловие // *Хмельницкий С.* Дворцы Хутгали. Berlin.
- Некрасова 2001: *Некрасова Е. Г.* Археологическое исследование Кырк-Кыз // *Древняя и средневековая культура Сурхандарьи.* Ташкент.
- Немцева 1983: *Немцева Н. Б.* Рабат-и Малик: Археологические исследования 1973–1975, 1977 гг. // *Художественная культура Средней Азии. IX–XIII века.* Ташкент.
- Немцева 2000а: *Немцева Н. Б.* Новое о бухарском памятнике XII в. Рабат-и Малике: караван-сарай или резиденция? // *Узбекистон тарихи.* Ташкент. №1–2.
- Немцева 2000б: *Немцева Н. Б.* Степная резиденция Караханидов // *Средняя Азия: Археология. История. Культура. Материалы Международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной.* М.
- Немцева 2002: *Немцева Н. Б.* Царская крепость в Бухарской степи // *ИМКУ.* Вып. 33.
- Немцева 2004: *Немцева Н. Б.* Штампованная керамика из Рабат-и Малика // *Transoxiana.*
- Немцева 2010: *Немцева Н. Б.* Рабат-и Малик: материалы раскопок // *Отзвуки великого Хорезма: К 100-летию со дня рождения С. П. Толстова.* М.
- Немцева, Сапаров 2002: *Немцева Н. Б., Сапаров Н. Ж.* Банный комплекс Рабат-и Малика // *ИМКУ.* Вып. 33.
- Нильсен 1956: *Нильсен В. А.* Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI–XII вв. Ташкент.
- Прибыткова 1973: *Прибыткова А. М.* Строительная культура Средней Азии IX–XII вв. М.
- Пугаченкова 1982: *Пугаченкова Г. А.* К типологии монументального зодчества древних стран среднеазиатского региона // *IA.* Vol. XVII.
- Пугаченкова, Ремпель 1965: *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* История искусств Узбекистана. М.

- Ремпель 1961: *Ремпель Л. И.* Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент.
- Семенов 1951: *Семенов А. А.* К вопросу о датировке Рабат-и Малика в Бухаре // ТСАГУ. НС. Вып. XVIII. Гуманитарные науки. Кн. 4.
- Стародуб-Еникеева 2004: *Стародуб-Еникеева Т. Х.* Сокровища исламской архитектуры. М.
- Умняков 1927: *Умняков И. И.* Рабат-и Малик // Сборник в честь В. В. Бартольда. Ташкент.
- Хмельницкий 1992: *Хмельницкий С. Г.* Между арабами и тюрками: Архитектура Средней Азии IX–X вв. Берлин; Рига.
- Хмельницкий 1996: *Хмельницкий С. Г.* Между Саманидами и монголами: Архитектура Средней Азии XI — начала XIII вв. Ч. I. Берлин; Рига.
- Хмельницкий 2004: *Хмельницкий С. Г.* Архитектура средневековых дворцов Центральной Азии // Transoxiana.
- Lehmann 1852: Alexander Lehmann's Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. St-Petersburg.
- Hillenbrand 1994: *Hillenbrand R.* Islamic Architecture: Form, Function and Meaning. Edinburgh.

## ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ «ХРОНИКИ» ШАХ-МАХМУДА ЧУРАСА

Ю. А. Иоаннесян (Санкт-Петербург)

*Шāх-Махмūd ибн Мйрзā Фāзил Чурās. Хроника* / Критич. текст, пер., коммент., исслед. и указат. О. Ф. Акимушкина. 2-е изд. — СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. — 496 с. — (Fontes Scripti Antiqui).

В конце 2010 г. при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда вышло в свет второе издание «Хроники» Шах-Махмуда Чураса, подготовленное Олегом Федоровичем Акимушкиным. Книга представляет собой публикацию критического текста оригинальной части сочинения на персидском языке, перевода и комментариев.

«Хроника» была написана около 1676–1677 г. и посвящена истории правителей Могольского государства. Она является ценным первоисточником по истории Восточного Туркестана второй половины XVI — 70-х гг. XVII в. и дает обширный материал, позволяющий заполнить лакуны в изучении довольно сложной внешне- и внутривосточной ситуации, сложившейся в данном регионе в указанный период. В основе настоящего издания лежит перевод наиболее интересной и самостоятельной части «Хроники» Шах-Махмуда Чураса. Ее можно рассматривать как логическое продолжение широко известного труда мирзы Мухаммада-Хайдара Дуглата Тарих-и Рашиди, завершеного в 1546 г. и посвященного истории Моголистана и Восточного Туркестана, а также правивших там Чагатаидов. «Хроника» также содержит сведения по истории соседних регионов, равно как и неизвестные до сего времени данные о черногорских ходжах, явившихся основателями особой ветви суфийского братства *накибандийе*. В ней приводятся немало интересных и ценных для исследователей подробностей и деталей, связанных с историей народов Центральной Азии — узбеков, казахов, киргизов и др.

Перевод сопровождается исчерпывающим введением в изучение «Хроники». Особой и самостоятельной ценностью обладают обстоятельные комментарии, представляющие собой всестороннее исследование затрагиваемых вопросов. Они отражают громадный профессиональный опыт О. Ф. Акимушкина, его энциклопедические знания и глубокое проникновение в «плоть и ткань» культуры региона. Завершающая стадия его научной деятельности пришлась на период серьезной болезни и потребовала от него мобилизации всех его сил и несокрушимой воли, но при этом все задуманные им проекты были доведены до конца. Когда подготовка настоящего издания к печати шла уже полным ходом, пришла печальная весть о кончине Олега Федоровича.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также всех интересующихся историей и культурой Центральной Азии в эпоху позднего средневековья.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААБН — Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013.
- ААММ — Азия и Африка 2015: Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 22–24 апреля 2015 г.: ТД. СПб., 2015.
- АВ — Археологические вести. СПб.
- АДД — Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора ... наук.
- АДСВ — Античная древность и средние века. Екатеринбург.
- АИУз — Археологические исследования в Узбекистане. Самарканд; Ташкент.
- АКД — Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ... наук.
- АМА — Античный мир и археология. Саратов.
- АН — Академия наук.
- АО — Археологические открытия. М.
- Аристей — Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. М.
- АРТ — Археологические работы в Таджикистане. Душанбе.
- Археология — Археология: Научный журнал. Київ.
- АрхНасл — Архитектурное наследство. М.
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л./СПб.
- АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
- Батыр — Батыр: Традиционная военная культура народов Евразии. М.
- БАЭ — Бухарская археологическая экспедиция ИААНРУз и ГЭ. Самарканд; СПб.
- БД — Бактрийские древности (Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана). Л., 1976.
- БИ — Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
- БЭ — Большая энциклопедия: в 62 томах. М., 2006.
- ВАН — Вестник АН СССР. М.; Л.
- ВВ — Византийский временник. М.
- ВВДССМ — Война и военное дело в скифо-сарматском мире: Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти А. И. Мелюковой (Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.). Ростов-на-Дону, 2015.
- ВВУ — Вестник Военного университета. М.
- ВДВОРАН — Вестник Дальневосточного отделения РАН. Владивосток.
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- ВЕ — Вестник Евразии. М.
- ВИЕТ — Вопросы истории естествознания и техники. М.
- ВЛГУ — Вестник Ленинградского государственного университета. Л.
- ВМГУ — Вестник Московского государственного университета. М.
- ВНГУ — Вестник Новгородского государственного университета. Серия гуманитарных наук. Новгород.
- ВНУ — Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород.
- Восток — Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. М.
- ВРГГУ — Вестник Российского государственного гуманитарного университета. М.

- ВС — Восток Свыше. Ташкент.  
ВСПбГУ — Вестник СПбГУ: История, языковедение и литература. СПб.  
ВЯ — Вопросы языковедения. М.  
ВЯР — Вопросы языкового родства. М.  
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. М.  
ГЭ — Государственный Эрмитаж. Л./СПб.  
ДА — Донская археология. Ростов-на-Дону.  
ДБ — Древности Боспора. М.  
ДБК — Древности Босфора Киммерийского. СПб., 1854.  
ДБПС — Древняя Бактрия (Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана). Л., 1974.  
ДДИН — Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук.  
ДКЕ — Древние культуры Евразии: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб., 2010.  
ДКИН — Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук.  
ДтКГ — Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.  
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.  
ЗВОРАО — Записки Восточного Отделения Российского Археологического Общества. СПб.  
ЗИВ — Записки Института востоковедения АН СССР. Л.  
ЗИИМК — Записки ИИМК РАН. СПб.  
ЗООИД — Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса.  
ИААНРУз — Институт археологии имени Я. Гулямова АН Республики Узбекистан. Самарканд.  
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии. СПб./Петроград.  
ИАНКазССР — Известия АН Казахской ССР. Серия общественная. Алма-Ата.  
ИАНСССР — Известия АН СССР. Серия истории и философии. М.  
ИАНТаджССР — Известия АН Таджикской ССР. Сталинабад.  
ИАНТуркмССР — Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук. Ашхабад.  
ИБМАЙКЦА — Информационный бюллетень Международной Ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М.  
ИВР РАН — Институт восточных рукописей РАН. СПб.  
ИЖРЯЛ — Исследовательский журнал русского языка и литературы: Вестник Иранской ассоциации русского языка и литературы. Тегеран.  
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН. СПб.  
ИКиРФАН — Известия Киргизского филиала АН СССР. Фрунзе.  
ИЛАИ — Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово.  
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.  
ИНАНРК — Известия Национальной АН Республики Казахстан. Алматы.  
ИООНАНТаджССР — Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР. Сталинабад/Душанбе.  
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры. Петербург.  
ИТУАК — Известия Таврической Ученой архивной комиссии. Симферополь.  
ИЯЛВПН — Институт языка, литературы, востоковедения и письменного наследия имени Рудаки АН Республики Таджикистан. Душанбе.  
КБН — Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.  
КГ-2 — Вайнберг Б. И. и др. Калалы-гыр 2: Культурный центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н. э. М., 2004.  
КД — Каракумские древности. Ашхабад.

- КСЕ — Культуры степной Евразии 2012: Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы Международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 1–2. СПб., 2012.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН. М.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
- КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. М.
- КЦ — Культурные ценности: Международный ежегодник. СПб.
- Л. — Ленинград.
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет. Л.
- ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Л.
- ЛОИВ — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. Л.
- ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР. Л.
- М. — Москва.
- МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
- МАР — Материалы по археологии России, издаваемые Государственной Археологической Комиссией. Петроград.
- МвМ — Маориф ва маданият. Органи вазоратҳои маорифи халқ ва маданияти РСС Тоҷикистон. Душанбе.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
- МИАР — Материалы и исследования по археологии России. М.
- МКВ — Материальная культура Востока. М.
- МКТ — Материальная культура Таджикистана. Душанбе.
- Мнемон — Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб.
- МПАЭ — Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. СПб.
- МСЭ — Малая советская энциклопедия. 3-е изд. М.
- МТ — Маданияти Тоҷикистон. Органи вазорати маданият ва Правлениаи Иттифоки нависандагони Тоҷикистони Шӯравӣ. Душанбе.
- МТЭ — Материалы Тохаристанской экспедиции. Ташкент; Елец.
- МЮТАКЭ — Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. СПб.
- НАА — Народы Азии и Африки. М.
- НАВ — Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
- НАИИМК (РА) — Научный архив ИИМК РАН. Рукописный архив. СПб.
- НАИИМК (ФА) — Научный архив ИИМК РАН. Фотоархив. СПб.
- НВАГИМ — Научно-ведомственный архив Государственного исторического музея. М.
- НГ — Новый Гермес: Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Свято-Алексиевская Пустынь; СПб.
- НЛО — Новое литературное обозрение. М.
- НОАИА — Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. М.
- НПР — Наука из первых рук. Новосибирск.
- НС — Новая серия.
- НСф — Нумизматика и сфрагистика. Киев.
- НУУз — Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека. Ташкент.
- НЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.
- ОАК — Отчет Императорской Археологической комиссии. СПб./Петроград.
- ОНУ — Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.
- Памир — Памир: Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. Орган Союза писателей Таджикистана. Душанбе.



- ПВ — Петербургское востоковедение. СПб.
- ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск.
- ПНЖ — Приволжский научный журнал. Нижний Новгород.
- ПОРКЕ — Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: Материалы VII Международной научной конференции (11–15 мая 2011 г., Ростов-на-Дону, Кагальник). Ростов-на-Дону, 2011.
- ПОС — Проблемы освоения пустынь. Ашхабад.
- Природа — Природа: Ежемесячный популярный естественнонаучный журнал АН СССР. М.
- ПС — Палестинский сборник. Л.
- ПТ — Памятники Туркменистана. Ашхабад.
- ПЭ — Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.
- РА — Российская археология. М.
- РАЕ — Российский археологический ежегодник. СПб.
- РАЕН — Российская Академия естественных наук.
- РАН — Российская Академия наук.
- СА — Советская археология. М.
- САГУ — Среднеазиатский государственный университет. Ташкент.
- САИ — Археология СССР. Свод археологических источников. М.
- СамГУ — Самаркандский государственный университет имени Алишера Навои. Самарканд.
- СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л./СПб.
- СДГМ-2 — Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. Юридические документы и письма / Чтение, пер. и коммент. В. А. Лившица. М., 1962.
- СДГМ-3 — Согдийские документы с горы Муг. Вып. III. Хозяйственные документы / Чтение, пер. и коммент. М. Н. Боголюбова и О. И. Смирновой. М., 1963.
- СЕДС — Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. Кн. I–II. СПб., 2002.
- СИН — Серия исторических наук.
- СНВ — Страны и народы Востока. М.
- СНТ — Социалистическая наука и техника: Журнал Комитета наук Узбекской ССР. Ташкент.
- СПб. — Санкт-Петербург.
- СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет. СПб.
- СПбФА — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. СПб.
- СРИКМ — Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР. Сталинабад.
- СТАНК — Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991–2011): Сборник научных статей, посвященных 20-летию независимости Казахстана. Алматы, 2011.
- СХСДР — Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь: Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора Михаила Илларионовича Артамонова. Санкт-Петербург, 9–12 декабря 1998 г.: ТД. СПб., 1998.
- СЭ — Советская этнография. М.; Л.
- ТАНТаджССР — Труды АН Таджикской ССР. Сталинабад/Душанбе.
- ТашГУ — Ташкентский государственный университет имени В. И. Ленина. Ташкент.
- ТБНЭ — Труды Байсунской научной экспедиции. Ташкент.
- ТВЗ — Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Сборник статей в честь Поля Бернара. Ташкент, 2010.
- ТГИМ — Труды Государственного Исторического музея. М.

- ТГЭ — Труды государственного Эрмитажа. Л.  
ТД — Тезисы докладов.  
ТИИАНТаджССР — Труды Института истории имени А. Дониша АН Таджикской ССР. Душанбе.  
ТИИАЭАНТССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Ашхабад.  
ТИИМК — Труды ИИМК РАН. СПб.  
ТМАЭ — Труды Маргианской археологической экспедиции. М.; СПб.  
ТОВЭ — Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа. Л.  
ТСАГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета. Ташкент.  
ТСАИПИ — Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. М.; Кемерово.  
ТСОЙКЭ — Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. М.  
Туркменистан — Международный иллюстрированный журнал «Туркменистан». М.  
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.  
ТЦГМ — Труды Центрального государственного музея Республики Казахстан. Алматы.  
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад; Л./СПб.  
УЗГГУ — Ученые записки Горьковского государственного университета имени Н. И. Лобачевского. Горький.  
УЗЛГУ — Ученые записки ЛГУ. Л.  
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.  
ХВ — Христианский Восток. М.  
ЦААТ — Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года). СПб., 2005.  
ЦВРБ — Центр восточных рукописей имени Абу Райхана Беруни при Ташкентском государственном институте востоковедения. Ташкент.  
ШС — Шарки Сурх: Журнали ҳармоҳаи адаби-бадеи ва оммави-сиёсии Иттифоқи нависандагони Тоҷикистон. Душанбе.  
ЭВ — Эпиграфика Востока. М.; Л.  
ЭО — Этнографическое обозрение. М.  
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция. Ашхабад.
- AAntASH — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.  
AbhKM — Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. Leipzig.  
ACSS — Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden; Boston.  
Adumatu — Adumatu: A Semi-Annual Archaeological Refereed Journal on the Arab World. al-Riyād.  
AEth — Annales d'Éthiopie. Paris.  
AfO — Archiv für Orientforschung. Graz.  
AIPHOS — Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves. Bruxelles.  
AIr — Acta Iranica. Téhéran; Liège; etc.  
AIT — Archäologie in Iran und Turan. Mainz; etc.  
AJA — American Journal of Archaeology. New York; etc.  
Altertum — Das Altertum. Berlin.  
Altshlesien — Altshlesien: Mitteilungen des Schlesischen Altertumsvereins. Breslau.

- AMI — Archäologische Mitteilungen aus Iran. Berlin.
- AMIT — Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin.
- AMj — Asia Major. London.
- Anabasis — Anabasis: Studia Classica et Orientalia. Rzeszów.
- AncInd — Ancient India. New Delhi.
- Antiquity — Antiquity: A Quarterly Review of Archaeology. Gloucester.
- AntW — Antike Welt: Zeitschrift für Archäologie und Kulturgeschichte. Feldmeilen; etc.
- AOMIM — Arabie orientale, Mésopotamie et Iran méridional de l'Âge du fer au début de la période islamique (Réunion de travail, Lyon, 1982, Maison de l'Orient). Paris, 1984 (Editions Recherche sur les Civilisations. «Mémoire» 37).
- AOr — Acta Orientalia. Copenhagen.
- APArch — Acta Praehistorica et Archaeologica. Berlin.
- ArabAnt — Arabia Antica. Pisa.
- ArabArchE — Arabian archaeology and epigraphy. Copenhagen; Oxford.
- Arabia — Arabia (Institut de recherches et d'études sur le monde arabe et musulman; Istituto italiano per l'Africa e l'Oriente). Paris.
- ArabMB — L'Arabie et ses mers bordières. Lyon (Travaux de la Maison de l'Orient. No 16).
- ArabVit — Arabia Vitalis. Арабский Восток, ислам, древняя Аравия. Сборник статей, посвященный 60-летию В. В. Наумкина. М., 2005.
- ARAM — ARAM Periodical. Oxford.
- Archaeology — Archaeology: A Magazine dealing with the Antiquity of the World. New York.
- Archéologia — Archéologia. Paris.
- ArchIslam — Archéologie Islamique. Paris.
- ArchK — Archäologisches Korrespondenzblatt. Mainz am Rhein.
- ArchOr — Archiv Orientální. Praha.
- ArchUAE — Archaeology in the United Arab Emirates. Al-Ain.
- ArhVE — Arheoloogilised Välitööd Eestis/Archaeological field works in Estonia. Tallinn.
- ArtAs — Artibus Asiae. Ascona.
- AS — Ancient Society. Leuven.
- AthAdAr — Athens, Aden, Arikamedu: Essays on the Interrelations between India, Arabia and the Eastern Mediterranean. New Delhi.
- AthAg — Athenian Agora: Results of Excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Princeton.
- Atlal — Atlal: The Journal of Saudi Arabian Archaeology. Riyadh.
- AUAE — Archaeology of the United Arab Emirates: Proceedings of the First International Conference on the Archaeology of the U. A. E. London, 2003.
- AWE — Ancient West and East. Leiden; Boston.
- BabExp — The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania. Ser. A: Cuneiform Texts. Philadelphia. Vol. VIII (1908); IX (1898); X (1904).
- BahAA — Bahrain through the ages: the Archaeology. London; New York; Sydney; Henley, 1986.
- BAI — Bulletin of the Asia Institute. Bloomfield Hills.
- BARIS — British Archaeological Reports: International Series. Oxford.
- BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research. Ann Arbor; etc.
- BiOr — Bibliotheca Orientalis. Leiden.
- BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London.
- BullCH — Bulletin de Correspondance Hellénique. Athènes; Paris.
- BullMihoM — Bulletin of Miho Museum. Shigaraki.
- BZ — Byzantinische Zeitschrift. München.
- CahAC — Cahiers d'Asie Centrale. Paris.

- CahB — Cahiers de Byrsa. Paris.  
CahStIr — Cahiers de Studia Iranica. Paris; etc.  
Chiron — Chiron: Mitteilungen der Kommission für alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts. München.  
CIr-2/3 — Corpus Inscriptionum Iranicarum. Pt. II: Inscriptions of the Seleucid and Parthian Periods and of Eastern Iran and Central Asia. Vol. III: Sogdian. London; New York.  
CQ — The Classical Quarterly. Oxford; etc.  
CRAI — Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris.  
CurrAn — Current Anthropology: A World Journal of the Sciences of Man. Chicago.  
Dar. — Strassmaier J. N. Inschriften von Darius, König von Babylon. Leipzig, 1897.  
DGRG — Dictionary of Greek and Roman Geography / Ed. by W. Smith. Vol. I–II. Boston; London.  
DHA — Dialogues d'Histoire Ancienne. Paris.  
Dilmun — Dilmun: Journal of the Bahrain Historical and Archaeological Society. Manama.  
DilNS — Dilmun: New Studies in the Archaeology and Early History of Bahrain. Berlin, 1983.  
DKP — Der Kleine Pauly: Lexikon der Antike / Auf der Grundlage von Pauly's Realencyclopädie der classischen Alterumswissenschaft unter Mitwirkung zahlreicher Fachgelehrter bearb. und hrsg. von K. Ziegler und W. Sontheimer. Stuttgart.  
DOP — Dumbarton Oaks Papers. Cambridge (Mass.); Washington.  
EAfr — Egypt and Africa: Nubia from Prehistory to Islam. London, 1991.  
EastArab — Eastern Arabia in the First Millennium BC. Roma, 2010 (ArabAnt. 6).  
Elr — Encyclopædia Iranica / Ed. by E. Yarshater. London; etc.  
EIs — The Encyclopaedia of Islam. New Ed., prepared by a Number of Leading Orientalists; ed. by an Editorial Committee consisting of H. A. R. Gibb et al. Leiden.  
Eos — Eos: Commentarii Societatis Philologiae Polonorum. Wratislaviae; Lublini; Varsoviae.  
EW — East and West. Rome.  
Expedition — Expedition: The University of Pennsylvania Museum Magazine of Archaeology/ Anthropology. Philadelphia.  
FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum / Collegit, disposuit, notis et prolegomenis illustravit C. Mullerus. Vol. 1–5. Parisiis, 1841–1873.  
FO — Folia Orientalia. Wrocław; etc.  
Genava — Genava: La revue des Musées d'art et d'histoire de Genève. Genève.  
GHA-2 — General History of Africa. Vol. II: Ancient Civilizations of Africa. London; Berkeley, 1990.  
GRBS — Greek, Roman, and Byzantine Studies. Durham.  
Gymnasium — Gymnasium: Zeitschrift für Kultur der antike humanistische Bildung. Heidelberg.  
HCS — Hellenistic Culture and Society. Berkeley; Los Angeles.  
HistCCA-2 — History of civilizations of Central Asia. Vol. II: The development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B.C. to A.D. 250. Paris, 1994.  
HistCCA-3 — History of civilizations of Central Asia. Vol. III: The crossroads of civilizations: A.D. 250 to 750. Paris, 1996.  
Historia — Historia: Zeitschrift für alte Geschichte. Wiesbaden.  
HJAS — Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge (Mass.).  
Hyperboreus — Hyperboreus: Studia Classica. Petropoli.  
IA — Iranica Antiqua. Leiden; Gent.  
IBIASCCA — Information Bulletin of the International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Moscow.  
IOS — Israel Oriental Studies. Tel-Aviv.  
Iran — Iran: Journal of the British Institute of Persian Studies. London.

- IranSt — Iranian Studies. New Haven.
- Iraq — Iraq: Journal of the British School of Archaeology in Iraq. London.
- ISAC — International Symposium on Ancient Ceramics. Shanghai.
- JA — Journal Asiatique. Paris.
- JAfr — Journal des africanistes. Paris.
- JCH — Journal of Cultural Heritage. Paris.
- JHS — The Journal of Hellenic Studies. London.
- JIES — The Journal of Indo-European Studies. Washington.
- JKA — Jemen: Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba'. Eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums Wien. Wien, 1998.
- JLA — Journal of Late Antiquity. Baltimore.
- JNES — Journal of Near Eastern Studies. Chicago.
- JOmSt — The Journal of Oman Studies. Muscat.
- JPersSt — Journal of Persianate Studies. Leiden; Boston.
- JRA — Journal of Roman Archaeology. Ann Arbor.
- JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London.
- JWP — Journal of World Prehistory. New York.
- KhRR 1 — Khor Rori Report 1. Pisa, 2002 (ArabAnt. 1).
- Klio — Klio: Beiträge zur alten Geschichte. Berlin.
- Kuml — Kuml: Årbog for Jysk Arkæologisk Selskab. Aarhus.
- LKS — Im Land der Königin von Saba: Kunstschätze aus dem antiken Jemen. München, 1999.
- MAVA — Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Bonn.
- MDAFA — Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. Paris.
- Mesopotamia — Mesopotamia: Rivista di archeologia, epigrafia e storia orientale antica. Firenze.
- MGH (AA) — Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi. Berolini.
- Miras — Miras: Ylmy-populyar žurnal / Научно-популярный журнал / Popular scientific journal. Ashgabat.
- MMABull — The Metropolitan Museum of Art Bulletin. New York.
- MMAFAC — Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. Paris.
- MMJ — Metropolitan Museum Journal. New York.
- NCPP — Nubian Culture: Past and Present. Main Papers presented at the Sixth International Conference for Nubian Studies in Uppsala, 11–16 August, 1986. Uppsala, 1987.
- NS — New Series/Nouvelle Série.
- ODB — The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 1–3. New York; Oxford.
- OJA — Oxford Journal of Archaeology. Oxford.
- OrAnt — Oriens Antiquus. Roma.
- Paléorient — Paléorient: Revue pluridisciplinaire de préhistoire et proto-histoire de l'Asie du Sud-Ouest. Paris.
- Parab — Profumi d'Arabia: Atti del Convegno. Roma, 1997 (Saggi di Storia Antica. 11).
- PIA — Papers on Inner Asia. Bloomington.
- PLRE I — The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 1: A.D. 260–395. Cambridge. 1971.
- PLRE II — The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2: A.D. 395–527. Cambridge; London; New York; etc. 1980.
- PSAS — Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. London.
- RA — Revue Archéologique. Paris.
- RANL — Rendiconti dell'Accademia Nazionale dei Lincei. Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. Roma.
- Raydān — Raydān: ḥawliyat al-āthār wa-al-nuqūsh al-Yamanīyah al-qadīmah. 'Adan.

- RE — Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, fortgeführt von W. Kroll und K. Mittelhaus, unter Mitwirkung zahlreicher Fachgenossen hrsg. von K. Ziegler. Stuttgart.
- REG — Revue des Études Grecques. Paris.
- ResO — Res Orientales. Bures-sur-Yvette.
- RM — Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente/Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente. Centro studi e scavi archeologici in Asia/Centro scavi e ricerche archeologiche in Asia. Reports and Memoirs. Roma.
- RMPH — Rheinisches Museum für Philologie. Frankfurt am Main.
- SAA — South Asian Archaeology.
- SAOC — The Oriental institute of the University of Chicago. Studies in Ancient Oriental Civilization. Chicago.
- Science — Science. American Association for the Advancement of Science. Washington.
- SELVO — Studi epigrafici e linguistici sul Vicino Oriente antico. Verona.
- Semitica — Semitica: Cahiers publiés par l'Institut d'Études Sémitiques de l'Université de Paris. Paris.
- Shygys — Shygys: Научный журнал. Алматы.
- SIAnt — Slavia Antiqua. Poznań.
- SOR — Serie Orientale Roma. Roma.
- SP — Stratum plus. St. Petersburg; Kishinev; Odessa; Bucharest.
- SPA-14 — A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present. Vol. XIV: New Studies 1938–1960. Proceedings, the IVth International Congress of Iranian Art and Archaeology, Pt. A. April 24 — May 3, 1960. Tehran; London; New York; Tokyo, 1967.
- Speculum — Speculum: A Journal of Medieval Studies. Cambridge (Mass.).
- SRAA — Silk Road Art and Archaeology. Kamakura.
- StIr — Studia Iranica. Paris.
- StIs — Studia Islamica. Paris.
- Sudeta — Sudeta: Deutsche Gesellschaft für Vor- und Frühgeschichte in der Tschechoslowakei. Bodenbach.
- SymbOsl — Symbolae Osloenses. Osloae.
- Syria — Syria: Révue d'Art Oriental et d'Archéologie. Paris; Beyrouth.
- Topoi — Topoi. Orient — Occident. Lyon.
- Transoxiana — Transoxiana. История и культура. Академику Эдварду Ртвеладзе в честь 60-летия — коллеги и ученики. Ташкент, 2004.
- Tribus — Tribus: Jahrbuch des Linden-Museums. Stuttgart.
- Tyragetia — Tyragetia: Arheologie. Istorie Antică. Serie Nouă. Chişinău.
- UCP — Lutz H. F. Neo-Babylonian Administrative Documents from Erech. Berkeley, 1927 (University of California Publications in Semitic Philology. Vol. 9/II).
- VS — Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Staatlichen Museum zu Berlin. Bd. XX. Leipzig, 1978.
- WA — World Archaeology. London.
- WK — Waffen- und Kostümkunde: Zeitschrift der Gesellschaft für Historische Waffen- und Kostümkunde. München; Berlin.
- WS — Weihrauch und Seide. Alte Kulturen an der Seidenstraße: Kunsthistorisches Museum Wien, 21. Jänner bis 14. April 1996. Milano; Wien, 1996.
- Yemen — Yemen: 3000 Years of Art and Civilization in Arabia Felix. Innsbruck; Frankfurt/Main, 1987.
- YPRS — Yémen au pays de la reine de Saba'. Exposition présentée à l'Institut du monde arabe du 25 octobre au 28 février 1998. Paris, 1997.
- ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Wiesbaden.

## АДРЕСА АВТОРОВ

Даврон АБДУЛЛОЕВ  
Институт истории материальной культуры РАН  
Дворцовая наб., д. 18  
191186, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: okc.65@mail.ru

Вадим Андреевич АЛЁКШИН  
Институт истории материальной культуры РАН  
Дворцовая наб., д. 18  
191186, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: valyokshin1@yandex.ru

Артур Андроникович АМБАРЦУМЯН  
Ленинский пр., д. 55/3, кв. 36,  
198328, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: arthur12@narod.ru

Артём Сергеевич АНОХИН  
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова  
Исторический факультет  
Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4  
119991, г. Москва, ГСП-1, Россия  
E-mail: forgo@ya.ru

Арчил Савелич БАЛАХВАНЦЕВ  
Институт востоковедения РАН  
ул. Рождественка, д. 12  
107031, г. Москва, Россия  
E-mail: balakhvantsev@gmail.com

Евгения Владимировна БОБРОВСКАЯ  
Институт истории материальной культуры РАН  
Дворцовая наб., д. 18  
191186, г. Санкт-Петербург, Россия

Алексей Владимирович БОНДАРЕВ  
Российский государственный педагогический университет  
имени А. И. Герцена, Факультет философии человека  
ул. Малая Посадская, д. 26  
197046, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: avbondarev@mail.ru

Алиса Юльевна БОРИСЕНКО  
Гуманитарный факультет  
Новосибирского государственного университета  
ул. Пирогова, д. 2  
630090, г. Новосибирск, Россия

Николаус БОРОФФКА (Nikolaus BOROFFKA)  
Deutsches Archäologisches Institut  
Eurasien-Abteilung  
Im Dol 2-6  
14195, Berlin, Deutschland  
E-mail: Nikolaus.Boroffka@dainst.de

Вадим Сергеевич БОЧКАРЕВ  
Институт истории материальной культуры РАН  
Дворцовая наб., д. 18  
191186, г. Санкт-Петербург, Россия

Юрий Алексеевич ВИНОГРАДОВ  
Институт истории материальной культуры РАН  
Дворцовая наб., д. 18  
191186, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: vincat2008@yandex.ru

Юрий Евгеньевич ВОСТРЕЦОВ  
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока  
Дальневосточного отделения РАН  
ул. Пушкинская, д. 89  
690950, г. Владивосток, ГСП, Россия  
E-mail: vost54@mail.ru

Евгения Ивановна ГЕЛЬМАН  
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока  
Дальневосточного отделения РАН  
ул. Пушкинская, д. 89  
690950, г. Владивосток, ГСП, Россия  
E-mail: gelman59@mail.ru

Владимир Анатольевич ГОРОНЧАРОВСКИЙ  
Институт истории материальной культуры РАН  
Дворцовая наб., д. 18  
191186, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: goronvladimir@yandex.ru

Мухаммед Абдулкадырович ДАНДАМАЕВ  
Институт восточных рукописей РАН  
Дворцовая наб., д. 18  
191186, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: mush\_hush@mail.ru

Нигора Давлятовна ДВУРЕЧЕНСКАЯ  
Институт археологии РАН  
ул. Дм. Ульянова, д. 19  
117036, г. Москва, Россия  
E-mail: nigoradvur@mail.ru

Александр Бабаниязович ДЖУМАЕВ  
ул. Мавлоно Риёзий, д. 1, кв. 75  
100007, г. Ташкент, Узбекистан  
E-mail: adjumaev@yahoo.com



Владимир Алексеевич ДМИТРИЕВ  
Псковский государственный университет  
Исторический факультет  
ул. Л. Поземского, д. 6  
180760, г. Псков, Россия  
E-mail: dva\_psk@mail.ru

Надежда Анатольевна ДУБОВА  
Институт этнологии и антропологии РАН  
Ленинский проспект, д. 32 а  
119991, г. Москва, Россия  
E-mail: dubova\_n@mail.ru, dubova\_n@rambler.ru

Александра Юрьевна ЗАДНЕПРОВСКАЯ  
ВО, 8-я линия, д. 39, кв. 6  
199004, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: semenov@pdmi.ras.ru, semenov@u-bourgogne.fr

Аскольд Игоревич ИВАНЧИК  
Институт всеобщей истории РАН  
Ленинский проспект, д. 32 а  
119334, г. Москва, Россия  
E-mail: Askold.Ivantchik@u-bordeaux-montaigne.fr

Джангар Явдатович ИЛЬЯСОВ  
Институт искусствознания Академии наук Республики Узбекистан  
Площадь Мустакиллик, д. 2  
100029, г. Ташкент, Узбекистан  
E-mail: jangaril@hotmail.com

Саида Равильевна ИЛЬЯСОВА  
Ташкентский отряд Институт археологии Академии наук Республики Узбекистан  
Президиум Академии наук Республики Узбекистан  
ул. Я. Гулямова, д. 70  
100047, г. Ташкент, Узбекистан  
E-mail: akchuras@mail.ru

Юлий Аркадьевич ИОАННЕСЯН  
Институт восточных рукописей РАН  
Дворцовая наб., д. 18  
191186, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: youli19@gmail.com

Любовь Борисовна КИРЧО  
Институт истории материальной культуры РАН  
Дворцовая наб., д. 18  
191186, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: L\_Kirtcho@mail.ru

Алий Иванович КОЛЕСНИКОВ  
Институт восточных рукописей РАН  
Дворцовая наб., д. 18  
191186, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: ali.koles@mail.ru

Лариса Юрьевна КУЛАКОВА  
Государственный Эрмитаж

Отдел Востока  
Дворцовая площадь, д. 2  
190000, г. Санкт-Петербург, Россия

Юрий Геннадьевич КУТИМОВ  
Институт истории материальной культуры РАН  
Дворцовая наб., д. 18  
191186, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: yuriuz@land.ru

Лариса Георгиевна ЛЕВТЕЕВА  
Государственный музей истории Узбекистана  
ул. Ш. Рашидова, д. 3  
100029, г. Ташкент, Узбекистан  
E-mail: levteeva.lara@mail.ru

Владимир Аронович ЛИВШИЦ  
Институт восточных рукописей РАН  
Дворцовая наб., д. 18  
191186, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: nataliaptitsyna@ya.ru

Павел Борисович ЛУРЬЕ  
Государственный Эрмитаж  
Отдел Востока  
Дворцовая площадь, д. 2  
190000, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: pavlvslvria@gmail.com

Мария Владимировна МЕДВЕДЕВА  
Институт истории материальной культуры РАН  
Дворцовая наб., д. 18  
191186, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: marriyam@mail.ru

Фируза Ибодуллаевна МЕЛВИЛЛ (Firuza I. MELVILLE)  
University of Cambridge  
Faculty of Asian and Middle Eastern Studies  
Sidgwick Avenue, Cambridge,  
Cambridgeshire CB3 9DA, England  
E-mail: fia21@cam.ac.uk

Сергей Степанович МИНЯЕВ  
Институт истории материальной культуры РАН  
Дворцовая наб., д. 18  
191186, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: ssmin@yandex.ru

Джамолиддин Камалович МИРЗААХМЕДОВ  
Институт археологии имени Я. Гулямова  
Академии наук Республики Узбекистан  
ул. академика В. Абдуллаева, д. 3  
140151, г. Самарканд, Узбекистан

Валерий Владимирович МИТИН  
Псковский государственный университет  
Исторический факультет

ул. Л. Поземского, д. 6  
180760, г. Псков, Россия  
E-mail: rumata68@mail.ru

Тигран Константинович МКРТЫЧЕВ  
Государственный музей Востока  
Никитский бульвар, д. 12 а  
119019, г. Москва, Россия  
E-mail: mkrtiga@gmail.com

Любовь Михайловна МОСОЛОВА  
Российский государственный педагогический университет  
имени А. И. Герцена, Факультет философии человека  
ул. Малая Посадская, д. 26  
197046, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: kultus@mail.ru

Руслан Гельдыевич МУРАДОВ  
пр. Туркменбаши, д. 29, кв. 1  
744005, г. Ашхабад, Туркменистан  
E-mail: cultural\_values@rambler.ru, turkmenica@yandex.com

Владимир Нилович НАСТИЧ  
Институт востоковедения РАН  
ул. Рождественка, д. 12  
107031, г. Москва, Россия  
E-mail: vladimir@nastich.net

Валерий Павлович НИКОНОРОВ  
Институт истории материальной культуры РАН  
Дворцовая наб., д. 18  
191186, г. Санкт-Петербург, Россия  
vpnikonorov@mail.ru, Arsaces1@gmail.com

Марек Ян ОЛЬБРЫХТ (Marek Jan OLBRYCHT)  
Uniwersytet Rzeszowski  
Instytut Historii  
al. Rejtana, 16C  
35-310, Rzeszów, Polska  
E-mail: marekolbrycht@wp.pl

Андрей Владимирович ОМЕЛЬЧЕНКО  
Государственный Эрмитаж  
Отдел Востока  
Дворцовая площадь, д. 2  
190000, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: andrey27\_2000@mail.ru

Светлана Владимировна ПАНКОВА  
Государственный Эрмитаж  
Отдел археологии Восточной Европы и Сибири  
Дворцовая площадь, д. 2  
190000, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: svpankova@gmail.com

Виктор Николаевич ПАРФЁНОВ  
Саратовский государственный технический университет

имени Ю. А. Гагарина, Социально-гуманитарный факультет  
ул. Политехническая 77, корп. 11  
410054, г. Саратов, Россия  
E-mail: vparfenov@list.ru

Виктор Николаевич ПИЛИПКО  
Институт археологии РАН  
ул. Дм. Ульянова, д. 19  
117036, г. Москва, Россия  
E-mail: pilipko2002@mail.ru

Александр Николаевич ПОДУШКИН  
Южно-Казахстанский государственный педагогический институт  
ул. Байтурсынова, д. 13  
160017 г. Шымкент, Казахстан  
E-mail: p\_a\_n\_alex@mail.ru

Наталья Викторовна ПОЛОСЬМАК  
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН  
пр. Академика Лаврентьева, д. 17  
630090, г. Новосибирск, Россия  
E-mail: polosmaknatalia@gmail.com

Ирина Фёдоровна ПОПОВА  
Институт восточных рукописей РАН  
Дворцовая наб., д. 18  
191186, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: irina\_f\_porova@mail.ru

Елена Владимировна ПОТОРОЧИНА  
Институт искусствознания Академии наук Республики Узбекистан  
Площадь Мустакиллик, д. 2  
100029, г. Ташкент, Узбекистан  
E-mail: ele-pot@inbox.ru

Игорь Васильевич ПЬЯНКОВ  
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого  
Гуманитарный институт, Исторический факультет  
173014, г. Великий Новгород, Антоново, Россия  
E-mail: ryankov\_iv@mail.ru, igor.pyankov@novsu.ru

Валентина Ивановна РАСПОПОВА  
Институт истории материальной культуры РАН  
Дворцовая наб., д. 18  
191186, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: bmarshak@ya.ru

Джеймс РАССЕЛЛ (James Robert RUSSELL)  
Harvard University  
Department of Near Eastern Languages and Civilizations  
6 Divinity Ave, Room 106  
Cambridge, MA 02138, United States of America  
E-mail: russelldeep@gmail.com

Эдвард Васильевич РТВЕЛАДЗЕ  
Институт искусствознания Академии наук Республики Узбекистан

Площадь Мустакиллик, д. 2  
100029, г. Ташкент, Узбекистан  
E-mail: archcircle@gmail.com

Николай Фёдорович САВВОНИДИ  
ул. Съезжинская, д. 25, кв. 6  
198199, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: savvanidy@mail.ru

Зайнолла САМАШЕВ  
Филиал Института археологии имени А. Х. Маргулана  
Комитета науки Министерства образования и науки в г. Астана  
пр. Республики, д. 24  
010000, г. Астана, Казахстан  
E-mail: archaeology\_kz@mail.ru

Витольд СВЕНТОСЛАВСКИЙ (Witold ŚWIĘTOSŁAWSKI)  
Uniwersytet Gdański  
Instytut Archeologii i Etnologii  
ul. Bielańska 5  
80-851, Gdańsk, Polska  
E-mail: swietoslawski@op.pl

Леонид Михайлович СВЕРЧКОВ  
Институт искусствознания Академии наук Республики Узбекистан  
Площадь Мустакиллик, д. 2  
100029, г. Ташкент, Узбекистан  
E-mail: lsverchkov@mail.ru

Александр Александрович СИНИЦЫН  
Русская христианская гуманитарная академия  
наб. реки Фонтанки, д. 15  
191023, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: aa.sinizin@mail.ru

Наталья Николаевна СКАКУН  
Институт истории материальной культуры РАН  
Дворцовая наб., д. 18  
191186, г. Санкт-Петербург, Россия

Святослав Викторович СМИРНОВ  
Институт всеобщей истории РАН  
Ленинский проспект, д. 32 а  
119334, г. Москва, Россия  
E-mail: smirnovsv3@ya.ru

Виктор Степанович СОЛОВЬЕВ  
Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина  
ул. Коммунаров, д. 28  
399770, Липецкая область, г. Елец, Россия  
E-mail: tohar.arh@mail.ru

Евгений Олегович СТОЯНОВ  
Санкт-Петербургский государственный университет  
Институт истории  
Менделеевская линия, д. 5  
199034, Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: eostoyanov@mail.ru

Турсун Икрамович СУЛТАНОВ  
Санкт-Петербургский государственный университет  
Восточный факультет  
Университетская наб., д. 11  
199034, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: [cas@orient.pu.ru](mailto:cas@orient.pu.ru)

Роман Владимирович ТИХОНОВ  
Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина  
ул. Коммунаров, д. 28  
399770, Липецкая область, г. Елец, Россия  
E-mail: [478042316789@mail.ru](mailto:478042316789@mail.ru)

Асан Исакбекович ТОРГОЕВ  
Государственный Эрмитаж  
Отдел Востока  
Дворцовая площадь, д. 2  
190000, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: [torgoevasan@mail.ru](mailto:torgoevasan@mail.ru)

Замира Исмаиловна УСМАНОВА  
ул. Усмана Юсупова, д. 85, кв. 10  
100128, г. Ташкент, Узбекистан

Сергей Алексеевич ФРАНЦУЗОВ  
Институт восточных рукописей РАН  
Дворцовая наб., д. 18  
191186, г. Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: [frants@spios.nw.ru](mailto:frants@spios.nw.ru),  
[frants@orientalstudies.ru](mailto:frants@orientalstudies.ru)

Юлий Сергеевич ХУДЯКОВ  
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН  
пр. Академика Лаврентьева, д. 17  
630090, г. Новосибирск, Россия  
E-mail: [khudjakov@mail.ru](mailto:khudjakov@mail.ru)

Надежда Олеговна ЧЕХОВИЧ  
Институт восточных рукописей РАН  
Дворцовая наб., д. 18  
191186, г. Санкт-Петербург, Россия

Константин Александрович ШЕЙКО  
Международный Караван-Сарай культуры Икуо Хираямы  
ул. Юсуфа Хос-Ходжиба, д. 37а  
100031, г. Ташкент, Узбекистан  
E-mail: [konst56@yandex.com](mailto:konst56@yandex.com)

Владимир Юрьевич ШЕЛЕСТИН  
Школа юного филолога при Филологическом факультете  
МГУ имени М. В. Ломоносова  
ГСП-1, Ленинские горы  
119991, г. Москва, Россия  
Email: [vladimir-shelestin@yandex.ru](mailto:vladimir-shelestin@yandex.ru)

Научное издание

АКАДЕМИЧЕСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ  
В РОССИИ И СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ (2007–2015)  
АРХЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА

ЗАПИСКИ ВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ  
РОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА  
(ЗВОРАО)

НОВАЯ СЕРИЯ  
Т. III (XXVIII)

Выпускающий редактор *Е. П. Чебучева*  
Технический редактор *Е. М. Денисова*  
Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Подписано в печать 11.11.2015. Формат 70 × 100<sup>1/16</sup>.  
Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 90,35. Заказ № 936.

Отпечатано в ООО «Контраст»  
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 38, лит. А.